АРХЕОЛОГИЯ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

Средние века
(вторая треть XIII – первая половина XV вв.)
Эпоха Золотой Орды (Улус Джучи)

Том
VI

КАЗАНЬ
2022

АРХЕОЛОГИЯ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

УДК 902
ББК 63.444(235)

Утверждено к печати Ученым советом
Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ

Рецензенты
д.и.н., академик НАН РК Б.А. Байтанаев
(Институт археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК, Алматы, Казахстан),
к.и.н., В.Ю. Коваль (Институт археологии РАН, Москва)

А87 **Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 6. Средние века (вторая треть XIII первая половина XV вв.). Эпоха Золотой Орды (Улуса Джучи) / Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ; под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. В.С. Баранов. – Казань: Изд-во АН РТ, 2022. – 936 с.: ил.**

ISBN: 978-5-9690-0951-6,978-5-9690-1114-6 (т. 6)

Шестой том издания «Археология Волго-Уралья» представляет собой обобщение археологических сведений о прошлом Волго-Уралья второй половины XIII – начала XV в., т.е. периода становления и расцвета на данной территории Улуса Джучи (Золотой Орды). Это первое академическое издание, объединяющее материалы развитого средневековья, полученные за более чем 200 лет полевых и аналитических изысканий на всех видах археологических памятников исследуемой эпохи от дельты Волги до таежной зоны Предуралья. Коллективный научный труд представляет интерес не только для археологов, но и для специалистов иных исторических дисциплин, а также для всех интересующихся средневековой историей Поволжья и Предуралья.

The sixth volume on the “Archaeology of the Volga-Urals” is a generalization of archaeological data on the Past of the Volga-Ural region of the second half of the XIII – early XV centuries, i.e. the period of formation and prosperity of the Ulus of Jochi (Golden Horde) on this territory.This is the first academic publication combining the High Middle Ages materials, received for more than 200 years of field and analytic research on all types of archaeological sites of the studied period from the Volga river delta to the taiga zone of the Cis-Urals. This collective scientific work is of interest not only for archaeologists, but also for specialists of other historical disciplines, as well as for anyone interested in the medieval history of the Volga region and the Cis-Urals.

ISBN: 978-5-9690-0951-6, 978-5-9690-1114-6 (т. 6)
DOI: https://doi.org/10.24852/978-5-9690-0951-6.2022.6
Многотомное издание «Археология Волго-Уралья» подготовлено и издано за счет средств Государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2020–2024 годы)»

© Институт археологии АН РТ, 2022
© Изд-во АН РТ, 2022

АРХЕОЛОГИЯ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
ЧЛЕН-КОРР. АКАДЕМИИ НАУК РТ
А.Г. СИТДИКОВА

РЕДКОЛЛЕГИЯ

к.и.н. В.С. БАРАНОВ (ответственный редактор)

к.и.н. С.Г. БОЧАРОВ

д.и.н. И.Л. ИЗМАЙЛОВ

АРХЕОЛОГИЯ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

Археология Волго-Уралья
в 7 томах

ТОМ I КАМЕННЫЙ ВЕК

ТОМ II ЭНЕОЛИТ БРОНЗОВЫЙ ВЕК

ТОМ III РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

ТОМ IV ЭПОХА ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

ТОМ V СРЕДНИЕ ВЕКА (VIII – НАЧАЛО XIII ВВ.)

ТОМ VI СРЕДНИЕ ВЕКА (ВТОРАЯ ТРЕТЬ XIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XV ВВ.)

ТОМ VII ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ. (СЕРЕДИНА XV–XVII ВВ.)

Авторы тома VI:

БАРАНОВ В.С.
БЕЛАВИН А.М.
БЕЛОРЫБКИН Г.Н.
БЛОХИН В.Г.
БУГАРЧЕВ А.И.
ВАЛИЕВ Р.Р.
ВАЛИУЛИНА С.И.
ВАСИЛЬЕВ Д.В.
ГАЗИМЗЯНОВ И.Р.
ГРИБОВ Н.Н.
ГУБАЙДУЛЛИН А.М.
ЗЕЛЕНЕЕВ Ю.А.
ЗИЛИВИНСКАЯ Э.Д.
ИВАНОВ В.А.
ИЗМАЙЛОВ И.Л.
КАЙСИН А.О.
КАЗАКОВ Е.П.
КОЛЬЦОВ П.М.
КОЧКИНА А.Ф.
КРЫЛАСОВА Н.Б.
КУБАНКИН Д.А.
МАКЛАСОВА Л.Э.
МАСЛОВСКИЙ А.Н.
МУХАМЕТШИН Д.Г.
МЫСЬКОВ Е.П.
НАБИУЛЛИН Н.Г.
НЕДАШКОВСКИЙ Л.Ф.
НИГАМАЕВ А.З.
НИКИТИНА Т.Б.
ПАЛЬЦЕВА Д.У.
ПИГАРЕВ Е.М.
РУДЕНКО К.А.
САВЕЛЬЕВА Э.А.
САГИДУЛЛАЕВ Д.З.
СЕМЫКИН Ю.А.
СИТДИКОВ А.Г.
СТАШЕНКОВ Д.А.
ХАКИМЗЯНОВ Ф.С.
ХАМЗИН Р.Н.
ХУЗИН Ф.Ш.
ШАКИРОВ З.Г.
ЯВОРСКАЯ Л.В.

ВВЕДЕНИЕ

Важными и, несомненно, эпохальными событиями, внесшими значительные изменения в протекание социально-исторических, экономических, культурных, политических и иных процессов, проходивших на территории Урало-Поволжского региона в XIII–XV вв., стали разрушительное монгольское завоевание и последовавшее за ним создание Улуса Джучи, образованного сначала в рамках Монгольской империи, а затем существовавшего в качестве самостоятельного государственного формирования.

Возникший при этом культурно-исторический феномен дуалистического сосуществования, с одной стороны, оседло-земледельческого и городского, а с другой – кочевого компонента, неоднократно отмечался в работах А.П. Смирнова, Г.А. Федорова-Давыдова, Р.Г. Фахрутдинова, В.Л. Егорова, А.Г. Мухамадиева и других исследователей. В рамках жесткой административной системы, в условиях разных природных ландшафтов появились многочисленные города и поселки, развитая сеть коммуникаций, оформилась экономическая модель, основанная на симбиозе ремесла, сельского хозяйства и торговли и ориентированная прежде всего на реализацию потребностей кочевой знати, чиновничества и городской торгово-ремесленной верхушки. Оригинальная материальная и духовная культура Улуса Джучи, сформировавшаяся на почве взаимодействия оседлого и кочевого миров, вобравшая в себя технологические, производственные и культурные традиции завоеванного и (или) вошедшего в образовавшуюся зону контактов, культурных и экономических взаимовлияний населения, несомненно, стала ярким явлением жизни средневековой Евразии, отразилась на ее дальнейшей истории.

Изучению, осмыслению и обобщению золотоордынского проекта и анализу различных аспектов бытования народов, населявших Улус Джучи и сопредельные территории, посвящена многочисленная и разнообразная литература. Последовательно и разнопланово, с опорой на различные группы источников, прежде всего письменных, данная тема раскрыта в одном из томов многотомной «Истории татар» (Т. 3 «Улус Джучи (Золотая Орда) XIII–XV вв.»), что позволило в значительной степени приблизиться к пониманию процессов, происходивших на территории евразийского континента в эту сложную и, без сомнения, неординарную эпоху беспрецедентных социальных и культурно-исторических метаморфоз.

Затронута этими исследованиями оказалась и территория Урало-Поволжья как одна из существенных региональных составляющих золотоордынского государства, где располагались основные доменные области Золотой Орды или находились зоны распространения деятельности ордынской администрации, подверженные воздействию определенных социально-экономических, военно-политических и культурных импульсов. Важным фактором влияния на северные и северо-восточные территории региона стали колонизационные процессы со стороны древнерусских земель, определявшие характер исторического и культурного развития Северного Приуралья.

Волго-Уралье, значительной своей частью интегрированное в государствообразующие процессы Улуса Джучи в силу своего географического и геополитического положения, стало широчайшей ареной для происходящих изменений, что не могло не отразиться на облике связанных с данным периодом археологических объектов, на особенностях материальной и духовной культуры, вещевом материале, на реконструируемых по результатам археологических исследований обрядовых, бытовых и производственных практиках. Вместе с тем характер и степень влияния этих процессов были различны. Условия ландшафтного и климатического разнообразия Урало-Поволжья, определившие образ жизни и хозяйствования проживающего здесь, в разных природных зонах, населения, исторические, этнокультурные и социально-экономические особенности этих сообществ, а порой и простая географическая удаленность от основных центров ордынского государства способствовали различию протекавших здесь процессов.

Целью шестого тома семитомного издания «Археология Волго-Уралья» стало прежде всего объединение и обобщение сведений, полученных в результате комплексных археологических исследований последних лет, создание непротиворечивой и достоверной картины бытования региона в

золотоордынскую эпоху на основании археологических, нумизматических, антропологических, археозоологических и иных материалов.

Структура работы, выбранная для реализации данной цели, имеет смешанный характер. Она определилась следующим образом. В связи с обширностью и ландшафтно-географическим разнообразием изучаемой территории изложение представленных материалов происходит прежде всего согласно территориально-географическому и ландшафтному принципу. В отдельные главы выделены обзоры, посвященные археологическим памятникам Нижней Волги и Волго-Уральского междуречья, Западного Предволжья (территория современной Пензенской области, включая районы Самарской области), степных пространств Поволжья и Южного Урала, а также лесной зоны Волго-Уралья (территории Нижегородского Поволжья, Марий Эл, Волго-Вятского междуречья, Пермского края, Коми). Вместе с тем по территориально-историческому принципу в отдельную главу собраны материалы, связанные с археологическими объектами, определяющими территорию Болгарского улуса (области, вилайата) Золотой Орды, что позволяет проследить динамику изменений, произошедших на территории бывшей Волжской Болгарии в золотоордынскую эпоху.

По тематическому принципу в отдельные главы выделены группы археологического материала и объектов, которые характеризуют различные сферы хозяйственно-экономической деятельности, излагаются особенности материальной культуры, ремесел и градостроительства, торговли и монетного дела, костюма. Они построены с учетом анализа опубликованных ранее коллекций, а также новых материалов и исследований. Несколько особняком стоят главы, посвященные письменной культуре населения Волго-Уралья в эпоху Золотой Орды и его антропологической характеристике.

Письменная культура рассмотрена прежде всего на основе анализа текстов, оставленных на различных предметах бытового и ритуального назначения, включая надписи на могильных камнях. Анализ содержания и интерпретация этих письменных памятников имеет огромное значение для понимания особенностей духовной и языковой культуры населения региона.

Исследования городских и сельских некрополей, грунтовых и курганных могильников Урало-Поволжья позволили получить антропологический материал, позволяющий судить о внешнем виде, физическом облике, болезнях жителей региона.

Том открывается краткой характеристикой **природно-географической среды Урало-Поволжья,** описанием ее влияния на систему расселения и хозяйствования населения.

Глава 1 **«Нижнее Поволжье и территория Северного Прикаспия в составе Улуса Джучи (вторая половина XIII – начало XV в.)»** посвящена подробному описанию археологической ситуации, складывающейся в период Золотой Орды в Нижнем Поволжье и в междуречье рек Урала и Волги, на территории современных Астраханской, Волгоградской, Саратовской областей и Юго-Западного Казахстана.

Глава открывается очерком Д.В. Васильева и Е.М. Пигарева, посвященным селитебной ситуации в **дельте Волги** в предмонгольский период, после завоевания данного региона и складывания золотоордынского государства. Эти территории уверенно позиционированы как относящиеся области Саксин, которая возникла во второй половине X – конце XI вв. «в границах дельты Волги (в основном) и в Волго-Ахтубинской пойме» после падения Хазарии. Основные археологические объекты, документирующие данную ситуацию, – городища Самосделка, Мошаик – соотносятся в данной работе с городами Саксин и Суммеркент. Анализируя совокупность природных, экономических и социально-политических факторов, повлиявших на характер изменений в структуре заселения данного микрорегиона, автор делает вывод о перераспределении населения дельты Волги в XIII в. По его мнению, подтвержденному анализом археологических материалов и объектов, в этот период значительные массы жителей «покидают среднюю дельту и переселяются в верхнюю дельту». В XIV в. имело место катастрофическое затопление дельты Волги, побудившее население переселяться на север, «покидая дельтово-пойменные угодья области Саксин, и вливаться в население недавно основанных золотоордынских городов». Очерк сопровождается сводкой археологических памятников, расположенных в низовьях Волги, которая содержит сведения о местонахождении 145 археологических объектов, среди которых городища, поселения, грунтовые и курганные могильники, комплексы усадеб. Наиболее известные из них и определившие культурно-археологический облик региона: городище «Самосдельское», возникшее в VIII–IX вв. и существовавшее в XIII – начале XIV в. (Васильев, Зиливинская, 2011, с. 159–166); городище «Мошаик», где обнаружены золотоордынские жилые постройки, керамика, медные монеты XIV в. (Пигарев, 2017, с. 283–290), и ряд других памятников.

Ряд очерков посвящен изучению основных археологических остатков городских памятников Нижнего Поволжья, появившихся в результате масштабной градостроительной политики золото-

ордынских ханов в середине XIII – первой трети XIV в.: Селитренного, Царевского, Водянского, Увекского городищ. Исследованиям **Селитренного городища** посвящена статья Э.Д. Зиливинской, Ю.А. Зеленеева и Е.М. Пигарева, в которой авторы последовательно раскрывают историю изучения городища, топографию памятника, особенности усадебной застройки, анализируют занятия жителей: ремесло, торговлю. Этнический и конфессиональный состав населения, погребальные памятники, вопросы хронологии и дискуссия, связанная с названием города, а также судьба городища в эпоху Нового времени тоже стали предметом научного рассмотрения.

История изучения, хронология, проблемы локализации, специфика застройки, некрополи, описание антропологии населения **Царевского городища**, включая проблему округи памятника, отражены в статье Л.В. Яворской и В.Г. Блохина[1], сделавших вывод о том, что с потерей городом административно-политических функций в результате междоусобной борьбы в 50–60-х гг. XIV в. происходит постепенное затухание жизни в городе и его округе. Город был основан в 30-х гг. XIV в. и разрушен Тамерланом в 1395 г.

Изучению и историческому развитию **Водянского городища**, которое характеризуется как один из наиболее интересных золотоордынских памятников Нижнего Поволжья, посвящен очерк, подготовленный Е.П. Мыськовым. Своеобразие этого памятника определено тем, что его основание связано с русским населением, перемещенным на данную территорию во времена хана Узбека в начале 20-х гг. XIV в., и его первоначальное развитие в течение 25–30 лет было связано с функционированием т. н. «русского квартала», запустевшего окончательно не позднее середины 60-х гг. XIV в. Дальнейшее развитие этого населенного пункта происходило после обширных планировочных работ 30-х гг. XIV в., когда началось строительство золотоордынского города с жилой усадебной застройкой, мечетью, банями, мавзолеями.

В очерке Л.Ф. Недашковского и Д.А. Кубанкина рассмотрены вопросы исследований **Увекского городища** и его округи, представляющих собой археологические остатки золотоордынского города Укека – одного из наиболее ранних городов Золотой Орды, чье основание «можно относить к концу 40-х – 50-х гг. XIII в.». Анализируя монетные и вещевые находки, авторы убедительно выделяют период наиболее активной экономической жизни, который пришелся на 1270–1360-е гг., и период упадка в последней трети XIV в., причиной которого стали десятилетия междоусобных войн и ослабевание ханской власти. Гибель города в результате разгрома его Тамерланом подтверждается письменными, археологическими и нумизматическими источниками. Большое внимание авторы уделяют описанию исследований «русского и мордовского этнического субстратов в городской среде Укека».

Изучению **памятников междуречья Волги и Урала**, включая городища Сарайчик, Актобе-Лаэти, Жайык, Жалпактал, посвящена работа Д.З. Сагидуллаева, в которой подведены итоги археологических исследований данных памятников, обобщены наблюдения за их топографией, способом застройки, конструктивными особенностями объектов.

Рассмотрению спектра **погребальных обрядов**, распространенных в XIII–XIV вв. в Нижнем Поволжье, которое являлось центральным, столичным регионом Улуса Джучи, посвящена статья Д.В. Васильева. В ней сделан обзор основных некрополей региона, дана их характеристика и проанализированы методы их изучения и интерпретационные модели. Обозначены особенности мусульманского, христианского, языческого и буддийского типов погребальных обрядов.

Глава 2 **«Западное Предволжье во второй половине XIII – начале XV в.»** объединяет материалы исследований западной и юго-западной части региона, включая археологические объекты в составе золотоордынского государства, расположенные в Пензенской, Ульяновской и Самарской областях.

Глава открывается очерком Г.Н. Белорыбкина, рассказывающим о материальной культуре археологических памятников **Наровчатского городища и Улуса Мохши**, включая особенности ремесленной деятельности, архитектуры, конструкции сооружений, вещевого комплекса и монетного чекана.

Анализируя результаты более чем столетней истории изучения памятника, автор делает вывод о том, что планировочная структура Наровчатского городища сходна со структурой большинства нижневолжских столичных центров Золотой Орды. Описывая топографию памятника, автор обращает внимание на наличие усадебной

[1]Участие В.Г. Блохина (1973–2016) и Е.П. Мыськова (1955–2018), к сожалению преждевременно ушедших от нас, определяется их значительным вкладом в изучение археологических памятников, представляемых в данном издании, и деятельным участием в формировании связанного с этими объектами научного концепта. Несомненен вклад В.Г. Блохина в формировании наших современных представлений о Царевском городище. В основе очерков Е.П. Мыськова в данном издании лежит ряд его статей, написанных по результатам работ на территории Водянского городища в 1992–2005 гг. и обобщение исследований кочевнических древностей Нижнего Поволжья. Тексты подготовлены к печати Л.В. Яворской и редакцией 6 тома АВУР.

застройки, монументальных каменных зданий, среди которых известны мечеть, общественные и усадебные бани, караван-сарай и др., а также отмечает наличие некрополя и ремесленной зоны с доминированием керамических мастерских. На основании вещевых находок и анализа археологических объектов автором сделана характеристика материальной культуры памятника, занятий населения, включающих ремесла, сельское хозяйство, торговлю, военное дело. Характеризуя торговые связи, автор выделяет два основных направления, которые имели большое значение для местной экономики: восточное и западное, т. е. русское.

Описанию археологических **объектов золотоордынского периода в в Самарском регионе, определяющих археологическую обстановку второй половины XIII - начала XV вв. на границе Нижнего и Среднего Поволжья (район Самарской Луки и северной части нижневолжской территории),** посвящена статья Д.А. Сташенкова и А.Ф. Кочкиной. Анализ топографии памятников в контексте природно-географических характеристик рассматриваемого района позволил им определить его территориальную структуру. На основе особенностей размещения поселений предложена модель зонального районирования для правобережного и левобережного участков Самарского Поволжья. Выделены «несколько территориальных групп памятников, свидетельствующих о разной специализации микрорайонов и формировании региональной иерархии в рамках золотоордынского государства». Предложенный анализ позволяет авторам рассматривать Самарское Поволжье, особенно в его левобережной части, как своеобразную буферную зону между основными городскими центрами Золотой Орды и их «округой». Особенности некоторых памятников позволяют выделить их в качестве локальных центров с определенными административно-хозяйственными функциями. Активное освоение региона начинается в третьей четверти XIV столетия, а после событий 1360-х гг. рассматриваемая территория приходит в запустение.

Ряд существенных наблюдений и выводов о системе заселения территории **юга Среднего Поволжья (совр. Ульяновская обл. РФ)** в золотоордынскую эпоху сделан в очерке И.Л. Измайлова, А.Г. Ситдикова, Ю.А. Семыкина. Хотя в результате исследований было зафиксировано существенное сокращение количества памятников по сравнению с предыдущим временем, ареал их размещения остался неизменным. Авторами отмечено отсутствие или заметное снижение роли городской инфраструктуры, в том числе отказ от возведения фортификационных сооружений, проанализированы основные занятия населения (зерновое земледелие, металлургия и кузнечное дело) и характер его расселения, не менявшегося, по мнению авторов, до начала – первой четверти XV в., вплоть до оттока мусульманского оседлого населения в более северные районы, вызванного изменением военно-политической и торгово-экономической ситуации в регионе.

Глубокий анализ а**рхеологических памятников XIII–XV вв. в Посурье и Примокшанье** (включая объекты, выходящие за пределы данной территории), объединенных принадлежностью к мордовскому населению, дан в очерке Ю.А. Зеленеева. В историографической части автор проследил процесс изучения мордовских памятников золотоордынского времени в этом регионе с XIX в. до конца XX в., обозначив основные ключевые подходы к данной проблематике в работах А.П. Смирнова, П.Д. Степанова, А.Е. Алиховой, Т.Б. Никитиной и самого автора. Отмечая особенности, связанные с материальной культурой поселенческих комплексов, включая город Мохши, который Ю.А. Зеленеев интерпретирует как «как городское поселение в районе компактного расселения мордвы», опираясь на вещевые материалы некрополей, автор обращает внимание прежде всего на этнокультурную интерпретацию итогов археологических исследований, предлагая непротиворечивую археологическим и письменным источникам картину развития мордовского этноса, взаимодействия его с иными этническими группами населения региона в ордынскую эпоху. При этом фиксируется значительное увеличение мордовской этнической территории, причиной чего стала политическая стабильность в Золотой Орде в первой половине XIV в.

Глава 3 «**Археологические памятники Болгарского улуса второй половины XIII – начала XV в.»** включает разделы, посвященные изучению памятников золотоордынского времени, расположенных на территории бывшей Волжской Болгарии, ставшей в этот период одной из завоеванных областей Золотой Орды. Изменения, которые произошли на этих землях в связи с данными событиями, для одних территорий имели решающий и судьбоносный характер, в значительной степени интегрировав их в экономико-политическую и социально-административную систему Улуса Джучи, для других, более отдаленных участков, оформились менее заметным образом. В этой связи структура изложения учитывает микрорегиональную специфику отдельных археологических объектов и связанных с ними локальных территорий. Глава открывается обобщающим очерком К.А. Руденко, посвященным вопросам исторической географии Болгарского улуса и дающим представление об изменениях,

произошедших на археологической карте Волжской Болгарии с наступлением золотоордынской эпохи. Детально рассмотрев историю изучения, топографию, вещевой материал различных категорий памятников этого периода, автор приходит к выводу о формировании в Болгарской области золотоордынского государства новой поселенческой структуры, «по сравнению с домонгольским временем, что было следствием многокомпонентности состава населения этой территории, сложившейся в послемонгольское время, а также новой системы хозяйствования и землепользования». В ее появлении существенную роль сыграло складывание нового политического и экономического баланса между земледельческим и кочевым компонентами населения региона, что можно приписать влиянию специфики «экономики Золотой Орды, где присутствовали как земледельческая, так и кочевая составляющие, и Болгарская область не была здесь исключением». В формировании специфических локальных элементов системы расселения отмечается роль внутренних миграций.

В целом ряде очерков данной главы рассматриваются вопросы существования и развития в золотоордынскую эпоху отдельных населенных пунктов (городов, сельских поселений) и территорий.

Подробная характеристика **Центрального Закамья**, включающая совокупную характеристику и круг проблем, связанных с археологическими памятниками данной округи, анализ поселенческой структуры округи **Биляра**, содержится в очерке Ф.Ш. Хузина и З.Г. Шакирова. С перемещением в золотоордынское время центра в город Болгар эта поселенческая структура продолжает существовать в рамках сложившейся в предыдущий период дорожной системы и сокращения плотности населения. Изменение поселенческой структуры, материальной культуры населения Билярской округи и прочих завоеванных территорий рассматривается авторами как отражение процесса провинциализации домонгольских центров в золотоордынскую эпоху.

Особенности исторической топографии, материальной культуры, экономики золотоордынского города Болгара рассмотрены А.Г. Ситдиковым и В.С. Барановым по материалам многолетних исследований **Болгарского городища** и его ближней округи. Авторами сделан вывод о планомерном развитии города, что было определено целеполаганием его строительства как доменного центра Джучидов на территории Среднего Поволжья и умело использованным административным фактором. Облик Болгара золотоордынской эпохи как города восточного типа формировали многочисленные каменные и кирпичные здания в сочетании с жилыми строениями, улицы, площади, ремесленные комплексы, некрополи.

Вопросам изучения золотоордынского Биляра, появившегося рядом с разрушенным **Билярским городищем** как неукрепленное поселение городского типа площадью до 70 га и ставшего административным центром округи, посвящен очерк С.И. Валиулиной. Анализируя археологические материалы, включающие предметы быта, ремесла, торговли, вооружения, монетные находки, автор приходит к выводу о продолжении жизни в данном микрорегионе после гибели домонгольской столицы государства. Экономический и культурный потенциал округи был востребован и активно использовался населением в XIII–XV вв.

Особенности изучения города **Джукетау** и его округи рассмотрены в очерке Н.Г. Набиуллина. Подробно исследуя археологические аспекты формирования золотоордынских отложений, специфику топографии и стратиграфии, вещевых находок и объектов памятника, автор приходит к выводу что Джукетау данного времени представлял собой город «открытого типа» с обширной округой, которая включала поселения и некрополи с намогильными камнями, выделяемыми в отдельную региональную группу памятников («кирменско-джукетауский» тип). Как один из крупных во всех отношениях городских, в том числе ремесленных и торговых, центров Джукетау оказывал влияние на определенные, в первую очередь близлежащие к нему, территории.

Вопросы археологии золотоордынской **Казани** как важного городского центра XIII–XV вв. освещены в статье А.Г. Ситдикова и Ф.Ш. Хузина. В данной работе сделан анализ культурных отложений золотоордынского времени, объектов жилого строительства и хозяйственных сооружений, некрополей, уличной структуры, фортификации. Археологические и другие данные свидетельствуют о смешанном характере населения ханского времени, вместе с тем авторами отмечается факт доминирования мусульманской культуры в культуре Казани золотоордынского периода и последующей эпохи Казанского ханства.

Отдельно рассмотрены вопросы некоторых территорий Болгарского улуса, куда в золотоордынское время происходит перемещение определенного количества населения из массово освоенных в домонгольскую эпоху территорий Западного и Центрального Закамья и чье значение в этой связи возрастает в значительной мере. Одной из таких территорий стало **Предкамье**, где количество археологических памятников, по сравнению с предыдущей эпохой, существенно возрастает. Изучению **Арска и Арской земли** посвящен очерк А.Г. Ситдикова, Ф.Ш. Хузина, З.Г. Шакиро-

ва, рассматривающий историю археологических исследований на этой территории, отдельно останавливающийся на проблемах выявления напластований и археологических материалов Арского городища и его округи золотоордынской эпохи. Результаты данных исследований позволяют авторам говорить о преемственном характере населения Казанского ханства от болгарского населения региона предшествующего времени.

Обзор археологических памятников, расположенных **в бассейне р. Меши**, сделанный К.А. Руденко, включает одно городище, 18 селищ и могильники, некоторые из которых отмечены находками намогильных камней XIV–XV вв. Останавливаясь на истории их исследования, анализируя особенности размещения и вещевые материалы, автор приходит к выводу о слабой заселенности этой территории в золотоордынское время, кроме приустьевой части реки (Рождественский микрорегион и памятники у с. Ташкирмень), где в материальной культуре заметны инокультурные включения, например, позднекочевнические, характерные для второй половины XIV в. средневолжского региона. С XIV в. в нижнем течении Меши появляется мордовское население, которое проживало здесь до XVI–XVII вв.

Археологические исследования таких городов Западного Предкамья как **Керменчук** и **Чаллы** и их округи проанализированы в очерке А.Г. Нигамаева. Возникнув в домонгольское время, эти населенные пункты продолжают существовать и в ордынский период. Предметы быта и женские украшения свидетельствуют о присутствии в составе населения этих городов, кроме болгар, представителей поволжских и приуральских финнов. На основании археологических работ последних лет автор делает вывод о том, что своеобразием болгарских поселений предкамских земель являются относительно их небольшие размеры и небольшая мощность культурного слоя. В отличие от предшествующих исследователей он считает, что Керменчук представлял собой укрепленное поселение, в котором вряд ли можно видеть большой город с плотной застройкой. Изучение Чаллынского комплекса позволило получить на территории посада городища значительное количество датирующих вещей, указывающих на время его функционирования в XI – первой половине XVI в. Достаточно полно в материалах посада представлено ордынское время. Здесь были зафиксированы три мусульманских кладбища и следы ремесленного производства, в частности объекты, связанные с металлургией железа.

Вопросы освоения территории **Предволжья** в золотоордынскую эпоху обозначены в статье Р.Н. Хамзина, отмечающего, что в золотоордынское время регион получает новый импульс в своем развитии. Здесь появляются новые поселения, в основном в центральной и северной частях Предволжья.

Е.П. Казаков в совем очерке касается проблем заселения **Икско-Бельского междуречья** в золотоордынское время. Несмотря на ослабление болгарского военного присутствия в Восточном Закамье, фиксируемого в этот период, автор отмечает возрастание числа поселений, содержащих остатки материальной культуры болгаро-золотоордынского типа (Семиостровское I, Баскульское VI, Бикбуловское, Меллятамакское I, Новохуторское I и др. селища; кладбища с мусульманскими надгробиями у сел Утяшкино, Средние Челны, Клятли), памятники золотоордынских кочевников (Байрака-Тамакский могильник XIV в.) и чияликской культуры XIII–XIV вв. (Такталачукский, Изметьевский I, Дербешкинский и др. могильники, более 20 чияликских селищ).

Автор делает вывод, что к XIV–XV вв., несмотря на достаточно пестрый этнический состав, население края было практически полностью исламизировано, в значительной мере культурно ассимилировано и в конечном итоге вошло в состав средневекового татарского этноса.

Глава 4 «**Степи Поволжья и Южного Урала в составе Улуса Джучи (вторая половина XIII – начало XV в.)**» посвящена изучению богатейшего наследия кочевого мира Урало-Поволжья, включающего прежде всего памятники степей Южного Урала и Заволжья, Нижнего Поволжья и Северо-Западного Прикаспия. Наиболее распространенными археологическими объектами, оставленными кочевыми племенами в золотоордынский период на исследуемой территории, являются курганные могильники, жертвенно-поминальные комплексы, святилища и каменные изваяния. В этой связи весьма актуальными становятся вопросы изучения топографии памятников, конструктивных особенностей захоронений, погребального обряда и вещевых комплексов.

История изучения и основные особенности позднесредневековых кочевнических памятников **Южного Урала и Заволжья** охарактеризованы в очерке В.А. Иванова. Отталкиваясь от богатейшей источниковой базы, сформированной по археологии кочевников XIII–XIV вв. на данной территории, автор обобщает и систематизирует сведения о погребальных памятниках кочевников Золотой Орды, давая суммарную характеристику погребального обряда и вещевых материалов погребений. Типологические и хронологические исследования, основанные на результатах статистической корреляции вещей, входящих в состав погребальных комплексов золотоордынской эпохи, позво-

лили выделить две хронологические группы погребений и два периода бытования оставившего их населения: языческий – вторая половина XIII – первая половина XIV в.; мусульманский – середина XIV – начало XV в. Оперируя этими данными, автор реконструирует социальный и этнополитический контекст представленных памятников, делая выводы об исторических судьбах кочевого населения региона и влиянии этих процессов на историю Золотой Орды в целом.

Кочевнические древности Нижнего Поволжья в золотоордынское время отражены в очерке Е.П. Мыськова, где автор исследует типы погребальных памятников, выделяя среди них земляные курганы, ограды из сырцовых кирпичей на глиняном растворе, мавзолеи. Всего автор отмечает 70 средневековых могильников с 920 кочевническими захоронениями второй половины XIII – XIV в. Исследуя особенности конструкции, погребального обряда и вещевого материала захоронений, автор делает вывод об отсутствии глубоких прочных связей автохтонного кочевого населения с оседлым городским населением Нижнего Поволжья. Отсутствием местных корней городской культуры он объясняет стремительный ее упадок «в период ожесточенных феодальных распрей и практически полный крах после нашествия Тимура».

Проблемы изучения памятников золотоордынского времени на территории Северо-Западного Прикаспия освещены в работе П.М. Кольцова. На основании анализа письменных источников и археологического материала XIII–XIV вв., исследованных на территории Северо-Западного Прикаспия, автор делает ряд выводов, основным из которых стал вывод о формировании на Нижней Волге после монгольского нашествия и образования Золотой Орды «локального варианта кочевнической культуры с явной примесью монгольского элемента на древнетюркской основе». Автор выделяет признаки данного образования в погребальном обряде и вещевом материале, характеризующиеся смешением «древних черт с новыми монгольскими элементами».

Глава 5 «**Лесная зона Волго-Уралья во второй половине XIII – начале XV в.**» открывает и актуализирует мир синхронных золотоордынским древностям археологических объектов лесной зоны Урало-Поволжья, включая Окско-Сурское междуречье (Н.Н. Грибов), Ветлужско-Вятское междуречье Среднего Поволжья (Т.Б. Никитина), бассейн р. Вятки (А.О. Кайсин), Верхнее Прикамье (А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова), Северное Предуралье (Э.А. Савельева).

В очерке Н.Н. Грибова, посвященном исследованиям **в Окско-Сурском междуречье**, идет речь о памятниках, оставленных русским населением XI–XV вв. Автор отмечает, что главной природной особенностью региона оказалось его положение «на стыке лесной и лесостепной зон». Этот факт стал основанием для значительного природного разнообразия, способствующего бытованию здесь во все времена полиэтничного населения «с разным хозяйственным укладом и разными культурными традициями». Глубоко и детально проанализировав историю изучения региона, он останавливается на критериях культурного своеобразия и типах местных памятников русского Средневековья, выделяя два основных района их распространения. Третий район, охватывающий большую часть территории Окско-Сурского междуречья – удалённые от долин крупных рек водораздельные пространства, автор сознательно выводит из своего обзора ввиду принадлежности расположенных там памятников к археологическому наследию других народов Поволжья. Анализ археологических материалов позволяет автору сделать ряд выводов, касающихся времени появления русского населения на территории Нижегородского Поволжья, обозначить места этих поселений в общей селитебной структуре региона в разное время, включая XIII–XV вв. Финальный период функционирования «русских сельских поселений в Нижегородской округе он определяет началом – первой половиной XV в.».

Процессам, протекавшим во второй половине XIII – начале XV в. на территории **Ветлужско-Вятского междуречья Среднего Поволжья** (совр. Марий Эл), посвящена статья Т.Б. Никитиной. Ее работа обобщает сведения о памятниках этого периода, расположенных «на правобережье Волги и прилегающих участках левобережья» (3 городища, 19 селищ, 3 могильника). Анализируются история изучения, конструктивные особенности укреплений городищ, выявленных на территории селищ объектов жилой застройки, керамический материал поселений. Отмечается выделение по материалам памятников Ветлужско-Вятского междуречья и Нижнего Посурья Среднего Поволжья (совр. Марий Эл и Чувашия) XIII–XV вв. так называемой «славяноидной» керамики, приводится подробный обзор ее находок и анализируются основные мнения о ее происхождении и развитии. В тексте уделено внимание складыванию в золотоордынское время системы расселения и социального устройства населения Марийско-Чувашского Поволжья. Автор отмечает резкое сокращение в крае числа городищ и изменение их функционального назначения, превращение городищ-убежищ в военные и административные региональные центры с развитой системой поселений вокруг, включающей селища,

места производственной деятельности, совершения погребений и молений. В работе анализируются виды хозяйственной деятельности, включая сельское хозяйство, промыслы, торговлю и ремесла, определяется роль контактов местных жителей с русским населением и населением золотоордынских городов Среднего Поволжья.

Анализу изучения археологических памятников золотоордынского времени, расположенных **в бассейне р. Вятки,** посвящен очерк А.О. Кайсина. Кратко характеризуя письменную источниковую базу, автор более подробно останавливается на этапах археологического изучения региона, начало которого относится к концу XVIII – началу XX в. К настоящему времени известно 45 археологических объектов разных категорий, относящихся к XII–XV вв., оставленных древнерусским населением. Среди них автор упоминает неукрепленные поселения и городища, могильники, погребальный обряд и вещевые материалы которых отражает период перехода обрядности от язычества к православию.

Уделяя большое внимание анализу находок, А.О. Кайсин описывает различные категории вещей, включая производственный, хозяйственный и промысловый инвентарь, предметы вооружения, снаряжения всадника и коня, украшения, атрибуты культа, керамику и другие. Вещевые материалы позволяют говорить о начале освоения русским населением бассейна Средней Вятки в конце XII – начале XIII в. Автор констатирует наличие заметной группы импортных предметов, местом изготовления которых являлись Волжская Болгария и Нижнее Поволжье, как в домонгольское, так и золотоордынское время: монеты, бытовые вещи, керамика.

О памятниках второй половины XIII – начала XV вв. **в Верхнем Прикамье** повествует очерк А.В Белавина и Н.Б. Крыласовой. Исходя из данных картографического анализа распространения памятников археологии, авторы делают вывод о значительном сокращении населения в XIII, а затем и в XIV в. Ярко выраженная отрицательная динамика привела к уменьшению числа памятников со 101 до 19 в XV в.

Оставляя проблему открытой, авторы вместе с тем предлагают в качестве причин этого события ряд факторов, которые могли повлиять на протекание демографических процессов в регионе, упоминая в том числе климатические, эпидемиологические и социально-политические явления. В статье дана сводная характеристика основных археологических объектов, имеющих материалы второй половины XIII – начала XV вв.: городищ (Кудымкарское, Редикорское, Харинское, Чердынское-Троицкое, Рождественское, Шудьякар, Анюшкар, Ором), селища Телячий Брод, могильников (Аверинский I, Плотниковский, Телячий Брод). Отмечается сложность изучения городищ данного периода ввиду значительной переработки верхнего горизонта культурного слоя в результате поздней вспашки и возрастание в связи с этим значения материалов могильников.

Для погребальных комплексов XIII–XIV вв., отмечаются «явные признаки ордынского и древнерусского влияния при одновременном стирании традиционных черт местной финно-угорской культуры». На основе монетных материалов, вещевых находок сделан вывод о возобновлении обширной торговой деятельности волжских болгар в Предуралье и Зауралье в золотоордынский период.

В работе сделан глубокий анализ вещевого материала XIII–XIV вв., выявлены характерные черты и стилевые особенности изделий данного времени. Появление ряда предметов (светцов, некоторых форм кресал и топоров и т. п.) расценивается как инновации, связанные с влиянием древнерусской культуры. Среди особенностей периода XIII–XIV вв. отмечается сокращение предметов из кости и рога. Сделан вывод о постепенном стирании элементов культуры, «характерных для коренного финно-угорского населения, и распространение предметов ордынского и древнерусского облика».

Памятники Северного Предуралья проанализированы в очерке Э.А. Савельевой. Обзор археологических объектов, предложенный автором, свидетельствует о колонизационных процессах в бассейне р. Вычегды, связанных с приходом туда древнерусского населения. Материальная культура поселений и некрополей, известных со второй половины XII в. и функционирующих в XIII–XIV вв., позволяет говорить о значительном древнерусском культурном воздействии, которое «прослеживается в материалах всех вымсковычегодских памятников вымской культуры, но особенно выразительно – расположенных рядом с древнерусскими памятниками». По мнению автора, «древнерусская колонизация явилась одним из определяющих факторов в формировании вымского территориально-племенного объединения перми вычегодской».

Глава 6 «**Материальная культура населения Волго-Уралья во второй половине XIII – начале XV в.»** рассматривает прежде всего темы хозяйственной и экономической жизни населения региона: ремесла, особенности градостроительной культуры, вопросы снабжения городов продуктами питания, костюм как выразительное средство социальной и этнокультурной идентификации.

Глава открывается очерками, посвященными ремесленной деятельности, в сфере которой можно увидеть яркие черты новаций, привнесенных в золотоордынское время.

Сведения о **металлургии железа и чугуна** и производстве изделий из черных металлов, необходимых для создания большинства основных категорий предметов, обобщены и проанализированы Ю.А. Семыкиным. Отмечая рост производства железных изделий в связи с потребностями золотоордынской экономики и хозяйства, в том числе земледелия, автор делает вывод, что эти производственные процессы происходили прежде всего на основе местной средневолжской сырьевой базы. Основываясь на анализе археологических остатков металлургических горнов золотоордынского времени на Болгарском городище, автор определяет некоторые черты их преемственности от металлургических сооружений домонгольского периода и тенденции дальнейшего развития конструкции этих объектов (увеличение рабочего объема, изменение лещади для выпуска шлаков самотеком). Отдельное место в работе уделено чугунолитейному делу, появление которого в Золотой Орде стало новой страницей в развитии технологий и производстенных процессов в Восточной Европе.

Другой важной темой очерка стал обзор технологических кузнечных приемов, применяемых золотоордынскими мастерами. В основу выводов Ю.А. Семыкина легли данные металлографических анализов кузнечных изделий с целого ряда памятников золотоордынского периода Среднего Поволжья. Исходя из этих сведений, он выдвигает тезис о большей архаичности технологического кузнечного арсенала Среднего Поволжья золотоордынского периода «по сравнению с составом технологических кузнечных приемов древнерусских городов».

Изучению изделий золотоордынского времени **из цветных металлов** посвящен очерк К.А. Руденко. Автором сделан всесторонний анализ сырья, технических устройств и приспособлений для выплавки изделий, другого необходимого инструментария. По материалам археологических исследований памятников Среднего Поволжья (прежде всего Болгарского городища) подробно проанализирован ассортимент изделий из цветных металлов: посуда, украшения, предметы туалета, культовые вещи, бытовые изделия, детали конской сбруи и т. д.

На основании данного обзора сделан вывод о существенных изменениях в производстве изделий из цветных металлов в XIII – начале XV в. в Болгарской области Золотой Орды, как в ассортиментном плане, который, по мнению автора, «существенно разнообразился и преобразился», так и в технологическом и стилевом. Влияние имперской культуры и масштабного импорта, определявших облик моды в этот период, привело к тому, что «собственный стиль украшений и бытовых предметов из цветного металла периферийной Болгарской области не сложился, а ремесленники чаще всего воспроизводили доступные и популярные образцы, а также статусные изделия». Прослеживая дальнейшую судьбу производства изделий из цветных металлов в регионе, автор связывает изменение ситуации в данной деятельности с угасанием Болгара в конце XIV – начале XV в. и формированием новых центров в Заказанье, что достаточно ярко проявилось в эпоху Казанского ханства.

Обзор **гончарного производства и керамических изделий** Золотой Орды, сделанный А.Н. Масловским, основан на большом количестве материалов и объектов. Автор определяет керамическое производство как одно из «наиболее изученных ремесел Золотой Орды», настолько значителен круг литературы по данному вопросу, широк ее тематический и географический охват. Тем не менее, ему удалось выделить ряд «болевых точек», нерешенных вопросов, связанных, прежде всего, с отсутствием общей методологии исследований, единообразной терминологии, единой системы морфологической классификации сосудов.

Основываясь на предложенном И.В. Волковым методическом основании, исходящем из единовременного длительного сосуществования «в пределах одних и тех же поселений» нескольких керамических мастерских, которые имели различное происхождение и работали на разном технологическом уровне, автор сначала определяет ряд общих черт золотоордынского керамического производства, а затем переходит к характеристике регионального своеобразия гончарного дела. В данном очерке определена специфика гончарного производства Болгарского улуса, улуса Мохши, региона Укека, Нижнего Поволжья, Сарайчика, что позволило автору сделать целый ряд интересных обобщений и выводов, относящихся к керамическому производству всего Волго-Уралья.

Стеклоделие стало предметом внимательного рассмотрения в очерке С.И. Валиулиной. В основу этой работы легла коллекция стеклянных изделий, полученная при изучении Болгарского городища, которая, по мнению автора, наиболее полно отображает стекло золотоордынского времени памятников Волжской Болгарии. Материалы Болгара как торгового и культурного агента и посредника в распространении восточного стеклянного импорта и в тоже время производственного центра украшений из стекла рассмотрены в широком контексте материалов

памятников Восточной Европы. Автором сделан вывод о полном изменении с середины XIII в. номенклатуры, количества и географии находок ближневосточного стекла на памятниках Восточной Европы, что, по мнению С.И. Валиулиной, является следствием монгольского разорения и отражением общих тенденций в истории исламского стеклоделия.

Изучению **кожевенного дела** Золотой Орды посвящен очерк Р.Р. Валиева. Он отмечает мощную сырьевую базу этого производства, которая была основана на использовании шкур домашних животных – продукции кочевого скотоводства. На основании анализа реконструируемых по археологическим материалам (изделиям, инструментарию) технологических приемов и практик автор делает вывод о роли взаимовлияния различных, объединенных золотоордынским государством народов в появлении новых инструментов, приемов выделки изделий из кожи, а также распространении этих изделий в самых разных этнических и социальных средах.

Еще одна отрасль, непосредственно связаная со скотоводством и охотой, **косторезное дело**, была освещена Д.У. Пальцевой и З.Г. Шакировым. Авторы справедливо считают эту сферу деятельности дополнительным источником изучения и реконструкции организации ремесла, а также социальной стратификации населения, распространяя на золотоордынское время предположение, высказанное В.Е. Флеровой для домонгольского периода, о том, что специалистов-косторезов было немного, а резьба по кости была одним из дополнительных источников дохода, чем, наряду с деревообработкой или токарным делом, занимались резчики, пуговщики, гребенщики и ремесленники многих других специальностей. Авторы очерчивают круг предметов из кости, которые появляются в золотоордынское время: перстни, орнаментированные обоймы для ремней, поясные накладки, печати. К предметам вооружения, типичным именно для золотоордынского периода, относятся также кольца лучников, концевые вкладыши на лук и орнаментированные накладки на колчан.

Особенности градостроительной деятельности в Улусе Джучи охарактеризованы в очерках, посвященных **архитектуре** монументального строительства золотоордынских городов (Э.Д. Зиливинская) и **военному зодчеству** (И.Л. Измайлов, А.М. Губайдуллин).

Э.Д. Зиливинской подготовлен исчерпывающий обзор **архитектуры** монументальных зданий, во многом определявших внешний облик золотоордынских городов, которые справедливо обозначены как выразительное воплощение городской культуры Золотой Орды. Восточный характер этого облика был обусловлен доминированием ислама среди городского населения.

Анализ конструктивных и архитектурных особенностей объектов произведен на основании разделения последних на три основные категории: культовые и мемориальные постройки (мечети, минареты, мавзолеи), гражданские общественные постройки (рынки, бани), жилая архитектура (жилые дома). Автор очерка приводит широкий спектр аналогий, раскрывает истоки строительных и архитектурных традиций, имеющих привязку в различных регионах Средней и Малой Азии, Кавказа. Э.Д. Зиливинской предложена типология мавзолеев, исследованных в Волго-Уралье.

Очерк И.Л. Измайлова и А.М. Губайдуллина посвящен **военному зодчеству золотоордынского времени**, которое анализируется на основе рассмотрения немногочисленных укрепленных поселений Болгарского улуса Золотой Орды. Большое внимание уделено анализу фортификации Болгарского городища, предложена и аргументирована дата ее возведения – 40-е гг. XIV в.

Исходя из сведений, полученных во время изучения этих памятников, авторы констатируют «факт возведения крепостных сооружений» и в золотоордынское время, что определяет непрерывное развитие фортификации на территории Болгарского улуса, включая эволюцию укреплений и сохранение всего комплекса традиций строительства конструкций и технологических приемов.

Очерк Л.Э. Макласовой и И.Л. Измайлова – о **костюме населения Поволжья в период Улуса Джучи**. Авторы анализируют и реконструируют костюм как социально-знаковую систему, тем не менее обращая внимание на интерпретацию отдельных элементов одежды, их становление и развитие в конкретном регионе. Постулируется высокая степень единообразия костюма, «вызванная как единой имперской нормой, так и единообразным изменением моды уже в среде золотоордынского общества». Костюм определяется в качестве важнейшего элемента «упорядочения имперского социума».

Глава, посвященная материальной культуре, завершается очерком Л.В. Яворской, об **обеспечении городских жителей Улуса Джучи продуктами питания**. Тема рассмотрена с точки зрения региональных особенностей отдельных археологических памятников Среднего и Нижнего Поволжья. Комплексный анализ археозоологических останков и археоботанических материалов позволил выявить системный характер подхода к снабжению золотоордынских городов продуктами питания, выявить связь города и его округи, про-

являющуюся через продукцию животноводства, земледелия и промыслов. Повсеместно, с некоторыми исключениями (Мошаик), отмечена лидирующая роль говядины в городском мясном потреблении. Автор делает вывод, что «уже в 40-х годах XIV века вокруг крупных городов окончательно сложилась сельская оседлая округа, которая поставляла такой важный мясной ресурс, как говядина. Из степи были отлажены стабильные поставки баранины и конины». На основе изучения археоботанических спектров, полученных на ряде памятников округи Укека, определены основные зерновые культуры: просо, мягкая голозерная пшеница и рожь. Учитывая, что население нижневолжских мегаполисов достигало 50–75 тыс. человек, то для снабжения их зерном требовалось не менее 50–70 тыс. тонн зерна.

Определение объема и динамики поставок продуктов питания в поволжские города, как в целом, так и в динамике, определено автором как одна из важнейших задач современной археологии и всего комплекса естественно-научных методов, изучающих древности, включая палеоклиматологию, палинологию, археоботанику, археозоологию и др.

Глава 7 **«Торговля и денежное обращение в Волго-Уралье (вторая половина XIII – начало XV в.)»** объединяет материалы, посвященные различным формам торговли, денежному делу, монетному чекану на территории региона. Отдельно рассмотрены темы региональной торговли, международных торговых путей и импорта (Л.Ф. Недашковский, А.Н. Масловский), монетных кладов и единичных находок джучидских монет в Болгарском регионе (Д.Г. Мухаметшин, А.И. Бугарчев).

Очерк, посвященный вопросам **региональной торговли**, написанный, Л.Ф. Недашковским и А.Н. Масловский, рассматривает вопросы формирования внутрирегиональных связей. Авторы определяют эти контакты по следующим направлениям: связи крупных городов с малыми городами и сельскими поселениями их округи; торговые связи с другими регионами Золотой Орды, включая сюда также контакты оседлого и кочевого населения, на почве обмена продукцией ремесла и земледелия с одной стороны и скотоводства – с другой. В основе внутренней торговли лежало развитое денежное обращение, которое должно было отвечать, с одной стороны, потребностям крупной торговли, с другой – обеспечивать нужды мелкого розничного торга. Определены основные товары, являвшиеся предметом региональной торговли: продукты питания, металлы и предметы из них, лес, поливная и неполивная керамика, стеклянные изделия, чугун, изделия из цветных металлов.

Обзор **международных торговых путей и импорта,** сделанный теми же исследователями, позволяет оценить место и значение международной торговли в экономической жизни Волго-Уралья и золотоордынского государства в целом. Авторы констатируют прохождение через территорию региона ряда важных торговых магистралей Средневековья, наиболее известными из которых был «Великий шелковый путь», т. н. «дорога мехов» – целая система торговых путей с Севера Восточной Европы на юг, до Персии и Византии. На основе различных групп источников реконструирована номенклатура импортов, поступавших в золотоордынские города из Руси, Западной и Центральной Европы, Причерноморья, Средиземноморья, Ближнего и Среднего Востока, Средней и Центральной Азии, Индии, Китая, Кореи.

Анализ **кладов и единичных находок джучидских монет на территории Болгарского региона в XIII – первой половине XV вв.** подготовлен в очерке Д.Г. Мухаметшина и А.И. Бугарчева. Опираясь на обширную источниковую базу, опубликованную в целом ряде исследований, и на периодизацию, разработанную на основе работ А.Г. Мухамадиева, Г.А. Фёдорова-Давыдова и А.З. Сингатуллиной, дополненную П.Н. Петровым, авторы предлагают поэтапный перечень местонахождений кладов и единичных находок монет и характеризуют денежное обращение в Болгарском регионе на каждом из предложенных этапов, с начала XIII до 40-х гг. XV в.

Глава 8 **«Письменная культура: эпиграфические памятники и надписи»** (Д.Г. Мухаметшин, Ф.С. Хакимзянов) посвящена рассмотрению и анализу памятников письменной культуры, размещенных на вещественных археологических материалах и объектах и также связанных с ними непосредственным временем бытования. Особое внимание уделено эпиграфическим памятникам как уникальным археологическим объектам, несущим «разностороннюю информацию исторического, социально-политического, этнического и культурного характера». Авторы анализируют возникновение традиции их установки, орнаментацию, терминологию и языковые особенности эпитафических текстов, топографию самих памятников, выделяя несколько округов их размещения.

Кроме эпиграфических камней, подготовлен анализ надписей на археологических предметах: зеркалах, браслетах, чашах, крышке от кувшина и др.

Глава 9 **«Антропологическая характеристика населения Волго-Уралья во второй половине XIII – начале XV в.»** (И.Р. Газимзянов) ставит своей целью представить обзор палеоантропологических материалов, характеризующих

физический облик населения Волго-Уралья в золотоордынский период. На основе данных внутри и межгруппового краниологического анализа и привлечения исторических источников,сделана попытка реконструировать этногенетические процессы, которые протекали в данном регионе.

Группировка антропологических материалов проведена автором согласно ландшафтному принципу (лесная зона, лесостепь, степь). Внутри лесостепной и степной зон выделены группы городского населения и населения сельской округи. Отдельно рассмотрена антропология групп кочевого населения Нижнего Поволжья и монголов в составе Золотой Орды. Подобная дробность в определении исследуемых групп населения Улуса Джучи позволила рассмотреть связанные с ними палеоантропологические материалы во всей полноте и сложности этногенетических процессов, затрагивающих практически все этнические и социальные группы золотоордынского населения. Характеризуя результаты этих процессов, автор констатирует, что «если на первоначальном этапе становления ордынской империи они (группы населения – *ред.*) представляли собой конгломерат разнородных этнических и морфологических компонентов, то в дальнейшем, с установлением политической и экономической стабильности в Орде и широкого распространения ислама в качестве государственной религии, запускаются закономерные этногенетические процессы, ведущие к культурной интеграции и биологической метисации». В итоге, автор присоединяется к тем исследователям, которые отмечают общие для народов Волго-Уралья морфологические черты (и не обязательно только монголоидные), которые, по их мнению, можно увязать с историческим и генетическим наследием Золотой Орды.

Ряд проблем, касающихся различных аспектов золотоордынской истории и археологии, остался за рамками данного издания. Это прежде всего вопросы, связанные с изучением военного дела, вооружения и военного снаряжения на территории региона. Причиной тому стало достаточно полное освещение данной темы в третьем томе «Истории татар», где эти вопросы раскрыты подробно, с привлечением различных групп источников (История татар. Т. III, 2009). Вышедшие вслед за этим изданием работы, включая публикацию материалов круглого стола, посвященного военной тематике в рамках Международного золотоордынского форума в Казани 30 марта 2011 г., являются весомым вкладом в формирование современного взгляда на теорию и практику военной археологии Улуса Джучи (Военное дело…, 2011; Горелик, 2010, 2011, 2012; Измайлов, 2011, 2011а, 2012, 2013, 2017, 2017а, 2017б, 2020; Иванов, 2020). Отмечая, несомненно, высокий уровень данных публикаций, необходимо отметить, что монографическое осмысление и обобщение военной темы с учетом всего спектра археологических материалов, накопленных в настоящее время, нас еще ожидает.

Заявленный спектр тем, несомненно, позволяет объективно взглянуть на археологическую ситуацию в регионе и создает представление об основных проблемных «узлах» урало-поволжской археологии, а также в ряде случаев предлагает пути их решения.

Источниковую базу представленных в шестом томе «Археология Волго-Уралья» исследований составляют результаты многолетних археологических работ, ведущихся в различных регионах Волго-Уралья достаточно длительное время. Некоторые из памятников, вошедших в данное исследование, имеют более чем столетнюю историю экспедиционных и аналитических работ. Часть из них стали основой для создания научных школ и разработки новых научных и методических направлений. Колоссален объем полученных за это время археологических, нумизматических, антропологических, археозоологических и иных материалов. Принятая в последние годы практика проведения комплексных исследований, предполагающая разносторонние подходы к изучению археологических объектов, в том числе с применением методов естественно-научной аналитики, в значительной мере не только обогатила исследовательский инструментарий, но и подготовила основу для новых подходов, создала возможность постановки новых вопросов к археологическому объекту.

ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВОЛГО-УРАЛЬЯ В XIII–XV ВВ.

Природно-географическая среда является необходимым условием существования человеческого общества. Она формирует пространственную основу бытования человеческих коллективов, обуславливает специфику их экономической и социальной жизни, во многом влияет на формы материальной и духовной культуры. Особенности геологии, ландшафта, климата, рельефа, гидрографических объектов, животные и растительность создают окружающий человека мир и являются

необходимым ресурсом для его хозяйственной деятельности.

Волго-Уралье представляет собой сочетание целого ряда разнородных в природно-географическом отношении территорий, имеющих существенные природные различия. Вместе с тем связь этих пространств, определяемая прежде всего непосредственными или опосредованными социально-историческими и этнокультурными контактами населения, проживавшего в XIII–XV вв. на этих землях, позволяет говорить об определенном единстве и общности их исторической судьбы, обусловленной тем или иным откликом на общие события и процессы, протекавшие в этот период во всем евразийском регионе в целом (рис. 1).

Волго-Уралье характеризуется как «макрорегион» или «суперрайон» (Преображенский, 2019, с. 99), занимающий ключевое место между восточными и западными территориями России и подпадающий под понятие «историческая область».

В географическом плане данное пространство представляется исследователям как чередование меридиональных геоморфологических структур: 1) невысокий гребень Приволжской возвышенности; 2) ложбина, маркированная р. Вяткой – нижним течением Камы – средним течением Волги; 3) невысокий гребень, состоящий из Верхнекамской и Бугульминско-Белебеевской возвышенности и восточной части Общего Сырта; 4) ложбина вдоль среднего течения р. Камы, среднего и нижнего течения р. Белой, нижнего течения р. Самары; 5) система Уральских хребтов (преимущественно Средний и Южный Урал); 6) зауральская окраина Западно-Сибирской равнины (переходящая на юге в Тургайскую ложбину) (Голубченко, 2008, с. 50).

Производимые в настоящее в попытки определить место Волго-Уралья в системе районирования страны позволили обозначить его нынешние границы «в узком и широком смысле». Установленная специалистами расширенная территория макрорегиона включает Уральский, Поволжский и Волго-Вятский экономические районы, а также области западной части Казахстана. В более «узком смысле» территория Волго-Уралья охватывает Уральский экономический район и северную часть Поволжского. Северная граница, исходя из климатического фактора, близка к северному пределу распространения земледельческих площадей, а также к южным границам подзолистых почв и средней тайги. Восточная граница трактуется как западный рубеж области континентального климата умеренного пояса (рис. 2). В литературе, анализирующей экономико-географическое районирование России, сложилось мнение об относительной молодости этого макрорегиона как вошедшего в состав Российского государства лишь во второй половине XVI в. и сформированного не ранее XVIII в. (Голубченко, 2008, с. 48–49).

Ю.В. Преображенский, отмечая отсутствие общепризнанных рубежей этого образования, в качестве объединяющих признаков называет общность климатических условий и частичное расположение почти всех регионов из узкого состава на склоне Уральских гор и в предуральском прогибе (Преображенский, 2019, с. 99).

Еще в XIX в. Д.И. Менделеев, предлагая один из вариантов районирования Российского государства, выделял Восточный край Европейской России, «граничащий с Уралом и Волгой». Туда он включил Вятскую, Казанскую, Уфимскую, Оренбургскую, Пермскую и Самарскую губернии, отмечая важную коммуникативную роль речных систем Волги и Камы, связывающих между собой не только регионы Поволжья, но и обеспечивающих взаимодействие с территорией Урала (Менделеев, 1893, с. 23–24; Неизвестные…, 2006, с. 255).

Ряд исследователей склонен рассматривать эту территорию в качестве «историко-этнологической (этнографической) области», делая упор на анализе «основных особенностей этнических процессов в различные периоды истории» на территории Волго-Уралья (Пименов В.В., 1979, с. 40; Кузеев Р.Г., 1992, с. 6; Антонов, 2008). При этом отмечается важность изучения именно золотоордынской эпохи, характеризующейся «тесным взаимодействием всех трех основных компонентов современного населения области – финно-угорского, тюркского и славянского» (Антонов, 2008, с. 5). Под понятием «Волго-Уралье» подразумевается территория «не только Среднего Поволжья и Южного Урала, что обычно имеют в виду, но также Нижнего Поволжья и современного Северо-Западного Казахстана» (Антонов, 2000).

Остановимся на освещении природно-географических особенностей региональных территорий, причисляемых к Волго-Уралью.

Среди них следует выделить основные: **Среднее и Нижнее Поволжье**, **Волго-Вятский регион**, **Предуралье** – «природный регион, прилегающий к западному склону Урала, в России, в Пермском крае, Республике Коми и Башкирии», и связанное с Северо-Восточным Прикаспием **Волго-Уральское междуречье**, включающее территорию между реками Волгой и Урал, которая представляет собой полупустынные и степные пространства (Егоров, 2010, с. 123).

Волго-Вятский регион, примыкающий с северо-востока к Поволжью, расположен в центральной части европейской территории России, в бассейнах рек Волги и Вятки на стыке двух боль-

ших ландшафтно-географических зон – лесной и лесостепной, границей между которыми служит р. Волга (Хорев, 1964, с. 10). В южной части преобладает лесостепной ландшафт. Здесь проходит Приволжская возвышенность с платообразной, хорошо дренированной поверхностью, сильным эрозионным расчленением, серыми лесными (лесостепными и местами черноземными) почвами. В эпоху Средневековья здесь господствовали широколиственные и смешанные леса. Анализы пыльцы из памятников XII–XIV вв. свидетельствуют о лесостепном характере ландшафта. Заволжье Волго-Вятского края представляет собой типичную лесную полосу, где открытые и распаханные пространства, называемые здесь опольями, полянами или ширью (Вятские и Заветлужские ополья), носят островной характер. В отличие от всхолмленного правобережья Заволжье – это в основном плоская, местами волнистая, слабо расчлененная равнина, не имеющая резких высотных переходов. По левому берегу р. Волги тянутся Марийская низина и Волжско-Керженское полесье, чей природный ландшафт определяется сочетаниями светлых сосновых боров на песчаных буграх и дюнах и болотистых западин. Долины крупных рек, широкие, с хорошими дерново-подзолистыми почвами, создавали возможность использования этих территорий в качестве пастбищ и пахотных угодий (Никитина, 2002, с. 132–134). Далее этот регион получает свое продолжение на северо-востоке Русской равнины, на территории Кировской области, где отличается пластовым холмистым рельефом и общим наклоном поверхности с северо-востока на юго-запад с разницей абсолютных высот 281 м. Наиболее высоко поднята Вятско-Камская возвышенность. Главный водораздел между Волжским и Северодвинским бассейнами проходит на невысокой гряде Северных Увалов. Общий характер местности равнинный со значительной рассеченностью. Встречаются тектонические, ледниковые, эрозионные, карстовые формы рельефа. Территория южнее широты г. Кирова менее заболочена и в значительной степени обезлесена, что обусловливает быстрое стекание выпадающих осадков. Реки отличает мелководность в летнюю межень. На возвышенностях с высокой степенью распаханности развита овражная эрозия. Климат региона относится к континентальному климату умеренного пояса, где преобладающим является континентальный воздух умеренных широт. Близость к Северному Ледовитому океану и отсутствие с этой стороны барьеров для проникновения полярных воздушных масс обусловливает возможность вторжений холодного воздуха. Основные типы почв принадлежат к семействам подзолистых, серых лесных, дерновых, болотных и пойменных почв, сформировавшихся в современном виде около двух-трёх тыс. лет назад, когда на территории края сложился современный комплекс природных условий. Усиление промывания почв, наблюдаемое в последние тысячелетия, привело к обеднению их питательными элементами и смене флористического состава – выпадению из состава лесов теплолюбивых пород, под которыми формировались довольно гумусированные темноцветные почвы, и доминированию хвойных пород деревьев, под которыми образовывались малогумусные, кислые неплодородные почвы. На севере региона лесами покрыто более 50–60% поверхности водоразделов.

Весьма значимой составляющей частью Волго-Уралья является **Поволжье** – природный регион, занимающий пространство Русской равнины в бассейне р. Волги на всём её протяжении – от истоков до устья. К Волго-Уралью относятся два крупных субрегиона Поволжья – Среднее и Нижнее, куда в настоящее время причислены в Среднем Поволжье Ульяновская, Пензенская, Самарская области, Марий Эл и Татарстан, а в Нижнем – Саратовская, Волгоградская, Астраханская области и Калмыкия. Вместе с тем, при определении географических границ Поволжья, следует учитывать также особенности районирования **Волжского бассейна**, внутренние границы которого не совсем совпадают с границами региона Поволжья. Бассейн р. Волги занимает около одной трети европейской территории России от Валдайской и Среднерусской возвышенностей на западе, до Урала – на востоке. Волжский бассейн в современном представлении принято подразделять на **верхнюю Волгу,** занимающую территорию от истока до устья р. Оки, **среднюю** – от впадения Камы до впадения в Каспийское море (Россия..., 2007, с. 107). При подобном делении большая часть Нижегородской области и Чувашия, относимые к Верхнему Поволжью (а также Волго-Вятскому экономическому району), попадают на территорию средней Волги. После сооружения Куйбышевского водохранилища границей между средней и нижней Волгой считают Жигулёвскую ГЭС выше г. Самары. В других источниках этой границей считается Саратовская ГЭС (в г. Балаково). Таким образом, как и при делении Поволжья, в районировании Волжского бассейна к нижней Волге относятся Саратовская область (кроме крайних северных районов), Волгоградская область, Республика Калмыкия и Астраханская область.

Со **Средним Поволжьем** связаны разнородные в ландшафтном и природном отношении территории, объединенные принадлежностью к бассейну средней Волги и составляющие часть

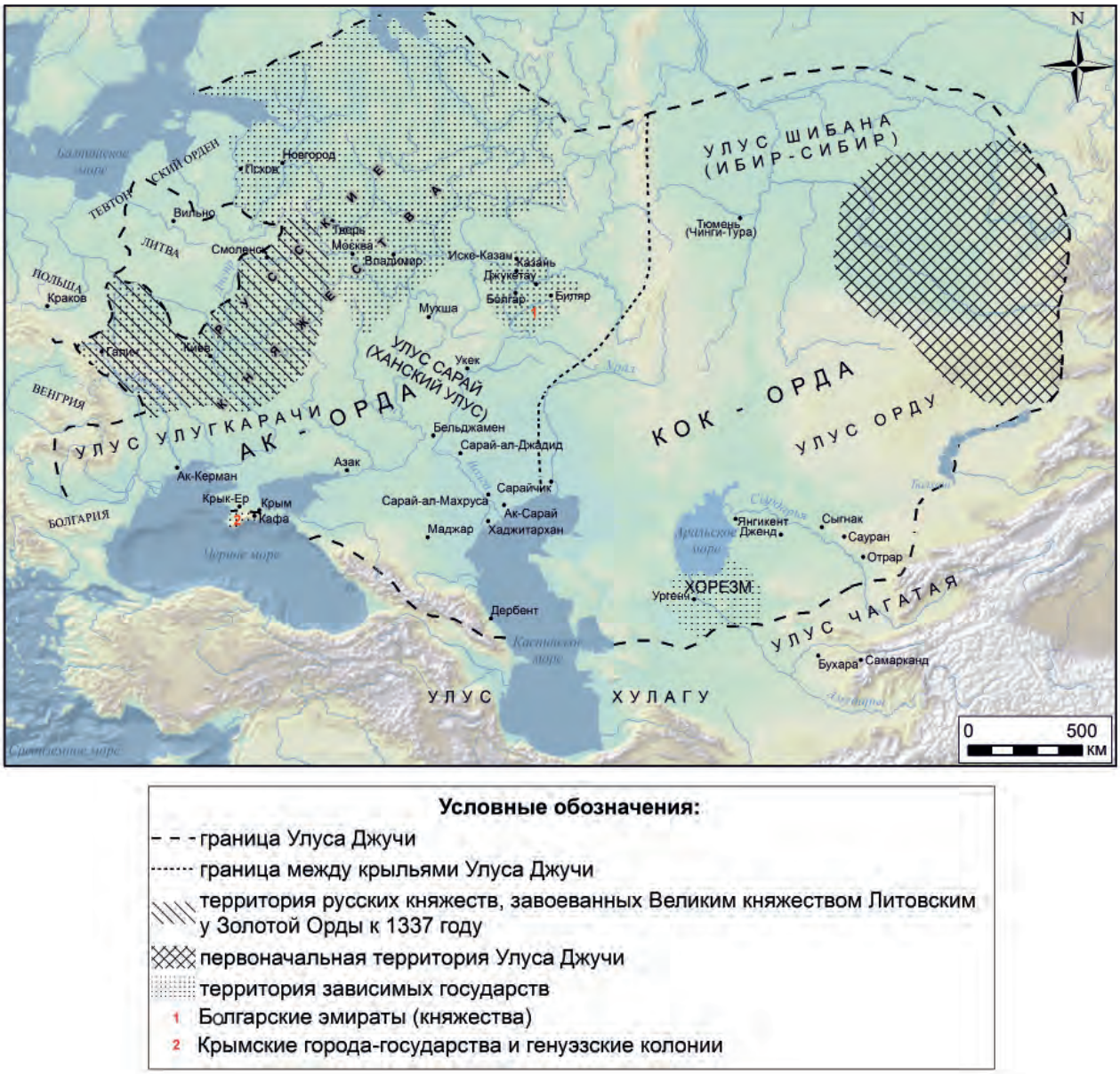


Рис 1. Улус Джучи (Золотая Орда) 1208–1420 гг. (по: Измайлов, 2009, с. 18)

Русской равнины. Общими чертами рельефа, сформировавшегося в результате длительного геологического развития территории, является отсутствие высоких гор и чередование широких плоских водоразделов с неглубокими разработанными долинами рек. При наличии общей равнинности наблюдаются возвышенности с отметками более 200 м, сменяемые низменностями. Такие контрасты в рельефе в ряде случаев определяются как значительные и необычные для равнинного характера местности (Мильков, 1953, с. 7).Согласно сведениям, представленным Ф.Н. Мильковым, на территории Среднего Поволжья расположены следующие возвышенности: Северные Увалы и Галичско-Чухломская возвышенность на севере и северо-западе, Вятский увал и Верхневятская возвышенность на востоке, Приволжская возвышенность на западе, Бугульминско-Белебеевская возвышенность и западные склоны Общего Сырта на юго-востоке[1]. Возвышенности тяготеют к окраинам района, в его центре, по левобережью Волги, напротив, широко развиты низменности. Долина Волги пересекает район Среднего Поволжья с северо-запада на юго-восток, пролегая по широкой и глубокой древней ложбине, которая имеет самые низкие абсолютные отметки во всем районе. Климат – умеренно-континентальный, сезоны года выражены отчетливо. Зима (декабрь, январь, февраль) характеризуется отрицательными температурами воздуха, что связано с резким снижением в этом сезоне величины

[1] Часть этих территорий в настоящее время отнесена к сопредельным со Средним Поволжьем регионам Верхнего Поволжья, Волго-Вятского региона, Предуралья.

солнечной радиации и наличием снежного покрова. Поверхность покрыта снегом на протяжении всех трех зимних месяцев. Преобладающим типом погоды в этот период является умеренно морозная и значительно морозная. Средняя температура воздуха в январе на западе составляет 11,5–12,0 градусов, на востоке – 14,5–15,0 градусов (Мильков, 1953, с. 59–79).

Почвенный покров в Среднем Поволжье изменяется в связи с изменением с севера на юг важнейших почвообразователей: климата, растительности, материнских пород. Таким образом, различаются три почвенные полосы: дерново-подзолистые и подзолистые почвы под хвойными лесами, серые лесные почвы под широколиственными лесами, черноземы под степной растительностью.

Среднее Поволжье расположено в трех ландшафтных зонах: таежной, лесостепной и степной, общие очертания границ которых обусловлены климатом, а ландшафтные рубежи, которые отделяют зоны друг от друга, «являются зонально-климатическими рубежами». Оно относится к восточной – Тимано-Волжской – области Русской равнины, принадлежность к которой выражается «в повышенной континентальности климата, отсутствии свежих ледниковых форм рельефа, слабом развитии лессовых пород, наличии во флоре и фауне многих типичных сибирских видов и др.» (Мильков, 1953, с. 184).

Геолого-морфологические различия внутри ландшафтных зон Среднего Поволжья выразились через сложное устройство поверхности района, характеризующееся большим колебанием высот, что привело к резко выраженной вертикальной дифференциации ландшафтов. Смена плоских низменностей высоко приподнятыми, расчлененными возвышенностями, каждая из которых отличается от рядом расположенной низменности в самом различном отношении (рельеф, климат, почвы, растительность, животный мир, история развития ландшафта), стала причиной обособления ландшафтных провинций, которые приняли следующий вид. Зона тайги представлена водораздельной провинцией тайги Северных Увалов, провинцией южной тайги Низменного Заволжья, провинцией южной тайги Вятско-Камской возвышенности. Лесостепная зона разделена на лесостепную провинцию Приволжской возвышенности, провинцию типичной лесостепи Низменного Заволжья и лесостепную провинцию Высокого Заволжья. Степная зона представлена южно-лесостепной и степной провинцией куйбышевского (самарского) Низменного Заволжья (Мильков, 1953, с. 244).

Дробную картину регионального геоморфологического районирования мы можем наблюдать в районе слияния рек Волги и Камы, на территории современного Татарстана (Казаков и др., 1987, с. 7–10). В этой части Среднего Поволжья выделены следующие районы: Закамье, Предволжье и Предкамье. Кроме того, земли, расположенные по правому берегу р. Волги, от впадения в нее р. Оки до Самарской Луки, исследователями выделяются как Западное Поволжье (Белорыбкин, 2003).

Территория, расположенная непосредственно к востоку от Волги и к югу от Камы, называется Закамьем. Долиной р. Шешмы она делится на Западное и Восточное. Западное Закамье представляет собой относительно низменную ровную местность, медленно поднимающуюся к востоку и разделенную долинами рек, впадающих в Каму, Волгу и в р. Большой Черемшан, правый приток Волги. Климат сухой и теплый, преобладают степные черноземные почвы, но есть и леса, преимущественно лиственных пород.

Палинологические исследования, проведенные на территории Болгарского городища, касающиеся культурных слоев, вскрытых в раскопе CLXXIX, засвидетельствовали, что «на протяжении всего золотоордынского периода характер растительности мало менялся, что вполне объяснимо, учитывая, что изученный интервал укладывается в достаточно короткий промежуток времени, примерно в 100 лет. В это время в окрестностях городища господствовали открытые пространства со злаково-разнотравными сообществами, а также антропогенные ландшафты, занятые пашнями и различной рудеральной растительностью, соотношение которых несколько менялось. Незначительные изменения касались главным образом состава лесов. В позднезолотоордынское время прослеживается этап, когда отмечается появление вторичных березовых лесов, вероятно на месте вырубок или пожарищ. В позднезолотоордынское время происходит некоторое увеличение роли широколиственных пород (липы и дуба)» (Алешкинская и др., 2018, с. 78). Результаты палинологического анализа оборонительного вала городища (раскоп CCV) показали неоднократную смену природных условий в окрестностях изученной территории. Изменения ландшафтов определялись не только локальными особенностями, в частности деятельностью человека, но были связаны и с зональными условиями, которые были обусловлены климатическими изменениями от средневековой аномалии до малого ледникового периода (Алешкинская и др., 2018а, с. 97). Здесь же (раскопы CCV, CCVI) зафиксировано длительное антропогенное воздействие на почвенные слои, оказавшиеся под

валом, которое выразилось в нарушении или искусственном скальпировании почвенного покрова для решения хозяйственных задач. На раскопе CCV локально зафиксированы следы распашки в течение длительного периода (Гольева, 2018, с. 85). Свидетельства изменения ландшафта, связанные с зональными условиями и определяемые климатическими изменениями, могут быть приложимы, вероятно, ко всему региону Западного Закамья.

Восточное Закамье отличается выраженной асимметричностью: с более спокойным рельефом в прикамской части и возвышенным к югу и западу, определяемым Бугульминским и Шугуровским плато, перерезанным глубокими и неширокими речными долинами. Это наиболее возвышенная, в прошлом сильно облесенная область.

Предкамье занимает левобережье Волги и правобережье Камы к северу от нее. Долина р. Вятки разделяет его на Западное Предкамье (Заказанье) и Восточное Предкамье (Елабужскую сторону). В целом рельеф Предкамья характеризуется как умеренно холмистый с мягкими очертаниями и невысокими холмами и увалами, местами сильно изрезанными речной и овражной сетью. Основными видами почв являются подзолы с небольшими участками в основном деградированных черноземов, а в северной и западной частях – занятые преимущественно сосновыми лесами песчаные почвы. Характер почв с преобладанием подзола объясняется длительным нахождением данной территории под лесным массивом, истребленным лишь в связи с интенсивным заселением края в период раннего и развитого Средневековья.

Предволжье, разделенное широтой устья Камы на Южное и Северное, в широтном направлении делится реками Волгой и Свиягой на три части (Свияжское левобережье, Свияжское правобережье, Волжское правобережье). Оно занимает Привожскую возвышенность, вокруг которой Волга меняет общее направление с восточного на южное. Волжское прибрежье довольно высокое, состоит из ряда высоких пологосклонных массивов, перемежающихся широкими логами. Бассейн Свияги отличается приподнятостью со сложным и высоким по рельефу участком между Свиягой и Волгой и пологим и спокойным левобережьем, переходящим в почти ровную низменность, где преобладают черноземные почвы. В северных районах (низовья Свияги) господствуют коричнево-серые суглинистые почвы. Предволжье – слабо облесенный район. Территории с лиственными преимущественно лесами, преобладанием дуба наблюдаются лишь в юго-восточной и северо-западной частях региона.

Пространство западного правобережья р. Волги, ограниченное с запада течениями рек Оки и Цны, от устья р. Оки до Самарской Луки в ряде исследований отнесено к **Западному Поволжью** (Белорыбкин, 2003). Оно расположено в центре европейской части России, занимает северо-западный склон Приволжской возвышенности и восточную окраину Окско-Донской низменности. В конце XIX в. данная территория была впервые выделена Д.И. Рихтером в качестве самостоятельного Волжско-Сурского района (Неизвестные…, 2006, с. 275–284). Климат ее характеризуется как умеренно-континентальный, с повышением температур в теплую часть года с севера на юг, усилением морозности зимы с запада на восток. Почвенный покров в северной части региона определяют серые лесные почвы широколиственных континентальных лесов, в южной – черноземные (оподзоленные и выщелочные) почвы лесостепей (Атлас СССР, 1986), повсеместно встречаются лугово-черноземные почвы. Данная территория относится в основном в лесной зоне с широколиственными и хвойными лесами на севере, куда с юга клиньями врезаются участки степи. Наибольшую часть лесной площади занимают лиственные леса с преобладанием дубрав, на востоке и северо-востоке смешанных с березой, осиной и липой. В лесах Посурья и Примокшанья имеются сосновые боры, смешанные с широколиственными деревьями и луговой растительностью. Имеются достаточно крупные реки Ока, Сура, Мокша, Хопер, позволяющие использовать их в качестве водных транспортных артерий.

Территория, расположенная в геоморфологических областях, – Среднерусская возвышенность, Доно-Донецкая равнина, Приволжская возвышенность и Прикаспийская низменность, долины рек Дона и Волги – относится к **Нижнему Поволжью** (современные Саратовская, Волгоградская, Астраханская области и Калмыкия).

На территории нынешней Саратовской области правобережную часть долины р. Волги занимают Приволжская возвышенность, которая сильно расчленена овражно-балочной сетью, и Окско-Донская равнина. Левобережье (Заволжье) представляет собой сыртовую равнину с мягкими формами рельефа и незначительным овражным расчленением, переходящую в отроги возвышенности Общий Сырт с плоско-выпуклыми водораздельными поверхностями и крутыми склонами. Юго-восточная часть занята Прикаспийской низменностью, на которой часто встречаются суффозионные понижения. Далее к югу, проходя по территории Волгоградской области, р. Волга продолжает разделять регион на возвышенную правобережную и низменную левобережную части. В

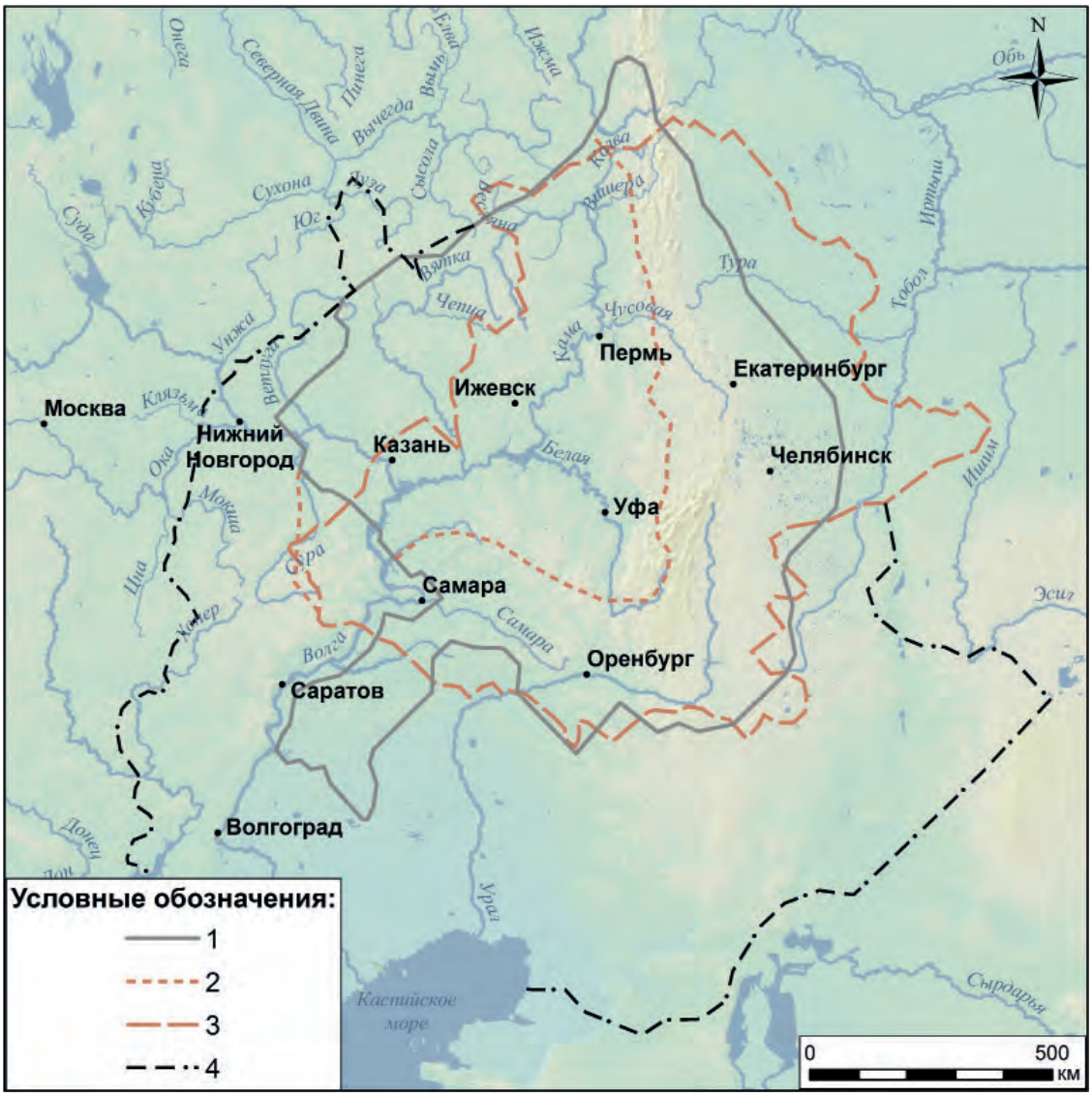


Рис. 2. Карта Волго-Уралья в конце XIX – начале XXI в.
1 – границы территорий Восточного края (по Д.И. Менделееву); 2 – Северо-Восточный район (по П.И. Лященко); 3 – современное ядро Волго-Уралья; 4 – современное Волго-Уралье в широком смысле (по: Голубченко, 2008, рис. 1. Авторское название региона: Урало-Поволжье – *ред.*)

рельефе правого берега преобладают возвышенные эрозионные равнины, густо расчленённые овражно-балочной сетью. Приволжская возвышенность и её западные отроги – Доно-Медведицкая гряда, Медведицкие Яры – пологими западными склонами опускаются к моренно-эрозионной Хопёрско-Бузулукской равнине (юго-вост. часть Окско-Донской равнины), ограниченной с запада Калачской возвышенностью, с юга – Донской грядой. На юге – возвышенность Ергени, крутым восточным склоном обрывающаяся к Сарпинской низменности.

Между руслом Волги и её левым рукавом р. Ахтубой расположена Волго-Ахтубинская пойма. Северная часть левобережья Ахтубы относится к природному району «северной лугово-лесной поймы». Растительные ассоциации этого района соответствуют злаково-разнотравным и злаково-разнотравно-полынным или комплексным пастбищам, что в наибольшей мере подходит для зимнего выпаса (Доскач, 1979, с. 70–72). В низинах расположены пойменные леса из вяза, тополя, дуба и ветлы, которые могут служить естественным укрытием для скота и источником топлива для людей. Район хорошо снабжен пресной водой, поскольку кроме Ахтубинских вод здесь имеется целая система лиманов и ериков. Южная часть левобережья Ахтубы до вершины дельты Волги – Ахтубы – это преимущественно луговая пойма. Здесь существенно меньше проток, но множество пойменных озер и стариц рек. Тектонически прослеживается три уровня надпойменных террас. Уровень минерализации грунтовых вод значительно выше. На ровных участках прирусловой зоны

богатые ассоциации злаково-разнотравной растительности, но, приближаясь к югу района, эти ассоциации исчезают, а на приподнятых участках появляются слабозасоленные солончаковые почвы. Вдоль русел имеются небольшие пойменные леса из тополя и ветлы. К западу и востоку дельта граничит с южной прикаспийской полупустыней и с окраиной Волго-Уральских перевеянных песков. Это районы соответственно западных и восточных подстепных ильменей. В западном районе очень развиты бэровские бугры, понижения между которыми и заняты подстепными ильменями (Блохин, Яворская, 2006, с. 28–31).

Земли Нижнего Поволжья в наибольшей степени были пригодны для животноводческого освоения. Здесь имеются зимние, летние, а также осенне-весенние виды пастбищ, имеются запасы пресной воды, есть естественные укрытия для скота. Все это в совокупности позволяло древним народам использовать эту территорию для круглогодичного выпаса скота на подножном корму, несмотря на изменяющиеся условия выпаса, связанные с уровнем увлажненности. Природные условия северной части левобережья Ахтубы соответствуют всем параметрам, необходимым для организации здесь постоянной кочевнической зимовки. Кроме того, тектоническое строение и почвы этой территории предоставляют возможности к занятию земледелием с использованием искусственного орошения, к выращиванию бахчевых, огородных и плодовых культур (Доскач, 1979, с. 71).

В середине XIII – конце XIV в. уровень увлажненности на Нижней Волге был необыкновенно высок, по палеопочвенным данным, на 30 мм/год выше современного (Иванов, Васильев, 1995, с. 170). Данные о температуре воздуха, рассчитанные по споропыльцевам спектрам, говорят об общем похолодании, то есть о снижении среднегодовых июльских и январских температур в среднем на 2,5°. По сравнению с предшествующим аридным периодом в это время существенно увеличивается пыльца полыней и злаков, среди древесных пород господствует пыльца ивы, возрастает количество пыльцы дуба. Облесенность территории Волго-Уральского междуречья, по подсчетам Т.А. Абрамовой и В.И. Турманиной, достигала приблизительно 27% (Иванов, Васильев, 1995, с. 170). Этому соответствовала самая высокая трансгрессия уровня Каспийского моря за исторический период – дербентская, то есть выше был уровень опресненности почв и грунтовых вод. Таким образом, видно, что природные условия золотоордынской эпохи несколько отличались от современных в сторону большей продуктивности для кочевого скотоводства и даже земледелия. Здесь были сочные травы, множество пресных озер, лиманов и ериков для водопоя, широкая сеть пойменных лесов для зимовок скота. Возможно, это стало причиной выбора Нижней Волги в качестве центра улуса, территории ханских кочевий, способствовало быстрому росту городов и их сельскохозяйственной округи. Анализ палеоботаников показал, что оседлое население Золотой Орды и Нижнего Поволжья, в частности, занималось орошаемым и сухим земледелием, выращивая пшеницу, ячмень, овес и просо, а также садоводством, огородничеством, бахчеводством (Иванов, Васильев, 1995, с. 174). Таким образом, на данной территории можно было сочетать кочевой и оседло-земледельческий типы хозяйства (Греков, Якубовский, 1950, с. 68).

На левобережье Волги находится северная часть Прикаспийской низменности, для рельефа которой характерны плоские и волнистые низины, осложнённые многочисленными западинами, шорами, лиманами.

Правый берег в юго-восточной части Восточно-Европейской равнины, расположенный на территории Калмыкии, с равнинным рельефом имеет общий подъем территории с востока на запад с отметки –27 м на Прикаспийской низменности до 222 м на Ергенской возвышенности. Для Сарпинской низменности типичны соляные купола, суффозионные западины, ложбины и лиманные понижения. Для Чёрных Земель характерен бугристый и бугристо-грядовый рельеф с массивами развеваемых песков, котловинами выдувания, бэровскими буграми. Восточный крутой склон возвышенности Ергени расчленён глубокими балками и долинами небольших рек, западный склон пологий. На юге возвышенность граничит с субширотной Сальско-Манычской грядой. Вдоль юго-западной границы протягивается Кумо-Манычская впадина, представляющая собой озёрно-морскую равнину с цепочками соляных озер.

Для данной части Нижнего Поволжья характерен умеренно континентальный климат с возрастанием степени континентальности с запада на восток. Зима малоснежная, иногда с сильными морозами, лето жаркое и очень сухое. Калмыкия – самый засушливый регион России. Осадки здесь выпадают неравномерно по сезонам и по годам, их количество уменьшается с запада на восток, юго-восток. Зимой часты оттепели, сопровождаемые гололедом, летом типичны засухи и суховеи, а также пыльные бури.

На востоке региона речная сеть практически не развита, в западной части она представлена короткими пересыхающими водотоками, стекающими с возвышенности Ергени. В северо-восточной части протекает река Волга, на юге – низовья

реки Кумы. Питание рек преимущественно снеговое; характерны малый объем среднегодового стока и непродолжительное половодье. Многие реки после весеннего половодья пересыхают, некоторые – имеют подземное питание. Имеются соленые и горько-соленые пересыхающие озёра, преимущественно остаточные, лиманные, родники.

Территория региона находится в зонах степей, полупустынь и пустынь. Степи занимают небольшие площади на юго-западе и представлены типчаково-ковыльно-разнотравной растительностью на карбонатных черноземах разной степени выщелоченности и мощности. По склонам балок встречаются заросли кустарников. Почвенно-растительный покров полупустынь отличается комплексностью, связанной с микрорельефом и составом почвообразующих пород. Характерны типчаково-ковыльные, типчаково-ромашниковые, полынно-прутняковые сообщества на светлокаштановых почвах, по понижениям – типчаково-ковыльно-разнотравные на лугово-каштановых почвах, прутняково-камфоросмово-чернополынные, чернополынные сообщества на солонцах. В пределах возвышенности Ергени полупустынные ассоциации (белая и таврическая полыни, ковыли Лессинга и сарептский, типчак, житняк) на светло-каштановых солонцеватых почвах сочетаются с пустынными полукустарничками (черная полынь, прутняк, ромашник) на солонцах. По балкам встречаются вяз, клен татарский, боярышник и др. На крайнем востоке развиты пустыни, часто вторичные. Преобладают злаково-полынно-прутняковые сообщества на бурых почвах в комплексе с солончаками и песчаными массивами. Солончаки и такыры часто лишены растительности; на песчаных почвах формируются псаммофиты (полынь песчаная, колосняк гигантский, песчанка тимьянолистная). Интразональная растительность представлена болотными, луговыми, солончаковыми комплексами. Лесистость составляет 0,2% (преимущественно защитные лесополосы) (Петрушина и др., 2008/2018/2020).

Исследования палеопочв степей Нижнего Поволжья, проведенные в начале 2000-х гг. в рамках нового научного направления – археологического почвоведения, которые предполагали изучение палеопочв более 300 курганов эпох энеолита, бронзы, раннего железа и Средневековья (IV тыс. до н. э. – XIV в. н. э.), позволили впервые разработать периодизацию и хронологию истории развития почв региона за последние 6000 лет. Было установлено, что в течение этого времени происходили обратимые циклические изменения параметров гумусового, карбонатного, солевого профилей, состояния микробных сообществ, обуславливавшие эволюционные преобразования палеопочв на уровне типовых, подтиповых или родовых признаков. Периодическая смена аридных и гумидных климатических эпох вызывала неоднократные сдвиги границ почвенно-географических зон (подзон) (Демкин и др., 2004, с. 271–283; Демкин и др., 2004, с. 1486–1497; Борисов и др., 2005, с. 140–148; Борисов и др., 2006, 210 с.).

Изучение в степях Нижнего Поволжья подкурганных почв золотоордынского времени (XIII–XIV вв. н. э.) позволило установить, что по сравнению с предшествующей и современной эпохами они характеризовались повышенной гумусированностью, меньшим содержанием легкорастворимых солей и гипса, большей величиной магнитной восприимчивости. Сравнительный анализ морфологических, химических и магнитных свойств погребенных и современных почв дал исследователям основания считать, что в эпоху развитого Средневековья произошла смена засушливых условий почвообразования более гумидными, причем пик увеличения атмосферной увлажненности пришелся на XIII–XIV вв. Изменение климата обусловило эволюцию почв на уровне родовых признаков, а в пограничных областях природных зон – на уровне подтипа. На основе измерений величины магнитной восприимчивости подкурганных палеопочв была проведена количественная оценка среднегодовой нормы атмосферных осадков в золотоордынское время. Установлено, что в различных природных районах Нижнего Поволжья она превышала современные показатели на 30–80 мм. Почвенно-ландшафтная и климатическая обстановка, сложившаяся в нижневолжских степях в этот исторический период, была охарактеризована как благоприятная и способствующая существенному изменению этнополитической ситуации в регионе (Демкин и др., 2004, с. 271–283; Демкин и др., 2006, с. 133–144). Примыкающая с юго-востока к Нижнему Поволжью территория Северо-Восточного Прикаспия, включающая бассейн р. Урал и **Волго-Уральское междуречье**, расположена в пространстве Прикаспийской низменности, поверхность которой в северной части близка к нулевой отметке, южная, тяготеющая к Каспийскому побережью, опускается до 26–29 м ниже уровня моря.

Волго-Уральское междуречье занимает центральное положение в евразийском поясе степей. Оно представляет собой невысокие плато и низменности – систему равнин разной высоты, ступенчато понижающихся в южном и чередующихся по высоте в восточном направлениях. Равнинность является основной особенностью ре-

льефа этого региона (Доскач и др., 1948, с. 17–32; Буяновский и др., 1956, с. 15–39).

По зональной характеристике почв Прикаспийская низменность относится к зоне каштановых и бурых почв. Первая из них в настоящее время представляет собой сухую типчаковую степь, вторая – пустынную степь. На этих территориях распространены также интразональные: солончаки, солонцы, солоди и луговые почвы (Дурасов, 1981, с. 12–14).

Зона каштановых почв занимает северную часть Прикаспийской низменности, сыртовую часть междуречья Волги и Урала, Подуральское плато. Климат здесь теплый и сухой, но имеет переменчивый характер. Среднегодовая температура около +5°, количество осадков около 300 мм.

Северная половина этой зоны представляет типчаково-ковыльную степь, южная – покрыта злаково-полынной растительностью. Древесная растительность здесь нетипична, однако некоторое распространение имеют сосновые боры, произрастающие по наиболее возвышенным и расчлененным местам, мелкосопочника на продуктах выветривания плотных коренных пород или имеют островной характер, приурочиваясь к пескам. В подзоне светло-каштановых почв этого региона ввиду недостатка источников орошения развивается прежде всего животноводство (Дурасов, 1981, с. 26–30).

Средняя часть Прикаспийской низменности и территория до Каспия занята зоной бурых почв, представляющая собой пустынную степь или полупустыню. Среднегодовая температура здесь колеблется в пределах 5–7°, среднегодовое количество осадков составляет около 150 мм при весенне-летнем максимуме. Для северных регионов характерна сухость климата.

Большинство рек Прикаспийской низменности имеют развитые долины, у малой их части, например, у рек Большой и Малый Узень, долины не видны. В долинах рек преобладает луговой тип почв (Дурасов, 1981, с. 53–57).

Результаты спорово-пыльцевого анализа из образцов памятников Актобе-Лаэти и Сарайчик, собранных Л.Л. Галкиным в 1977 г., свидетельствуют о колебаниях климата, произошедших на побережье Северо-Восточного Каспия в золотоордынский период, сопровождавшихся изменением растительности. Речь может идти о периоде охлаждения и увлажнения природной среды, который наступил в начале XIII в. Это означает, что при понижении среднегодовой температуры и выпадании умеренных дождей в тех регионах, где сейчас невозможно земледелие, т. е. в Сарайчике и Актобе-Лаэти, в период становления Золотой Орды существовали естественные условия для получения зерновой продукции (Галкин, 1977, с. 24–42).

Предуралье – это еще одна обширная часть Волго-Уралья, ставшая предметом рассмотрения в данном томе. Это природный регион, прилегающий к западному склону Урала в России, в Пермском крае, Республике Коми и Башкирии. К Предуралью относятся восточные окраины Восточно-Европейской равнины в бассейнах рек Печоры и Камы, в том числе Печорская низменность, Верхнекамская возвышенность, Бугульминско-Белебеевская возвышенность. Климат континентальный, с холодной зимой и относительно тёплым летом. Преобладают хвойные леса, южнее – лиственные; на крайнем севере – тундра, на юге – степи, чередующиеся с островками берёзовых и дубовых лесов (Предуралье, 2015, с. 420).

Наиболее северной территорией Предуралья можно считать край Коми, размещенный на крайнем северо-востоке европейской части России. Эти земли расположены главным образом на северо-востоке Восточно-Европейской равнины; крайний восток – в пределах Урала. На западе выделяется Мезенско-Вычегодская равнина, рельеф которой представлен волнистыми, увалистыми, часто выположенными и заболоченными междуречьями; на крайнем юге протягиваются Северные Увалы. С северо-запада на юго-восток территорию Коми пересекает Тиманский кряж, выровненная пологоувалистая поверхность которого осложнена расчленёнными возвышенностями с карстовыми формами рельефа. К востоку от Тиманского кряжа простирается обширная Печорская низменность, в северной части которой преобладают моренные равнины с невысокими грядами-мусюрами (пологие увалистые гряды, сложенные рыхлыми отложениями; например, гряда Чернышёва), для южной части характерны выровненные сильно заболоченные водно-ледниковые и озёрные равнины. На севере Коми распространены многолетнемёрзлые породы. Западные предгорья Урала образуют грядово-увалистую полосу из субмеридионально вытянутых гряд-парм (гряды с густым еловым лесом) высотой до 500–700 м (Высокая Парма, Ыджыдпарма), чередующихся с широкими, часто заболоченными понижениями. Рельеф парм нередко осложнён карстовыми формами. Горный рельеф в пределах Коми представлен западными склонами и хребтами Полярного, Приполярного и Северного Урала. На большей части территории климат умеренно континентальный. Зима продолжительная, суровая, лето короткое и сравнительно тёплое. Территория расположена в зоне избыточного увлажнения. Преобладание количества выпавших

осадков над их испарением, характер рельефа и геологического строения, наличие многолетней мерзлоты определяют повышенную заболоченность и хорошо развитую речную и озерную сеть. Наиболее крупные реки Печера с основными притоками Илыч, Щугер, Кожвой, Усой, Ижмой, Цильмой, Вычегда с притоками Сысолой, Вымью и Мезень с притоком Вашкой. В равнинной части с юга на север последовательно сменяют друг друга южная, средняя, северная подзоны тайги, лесотундра и субарктическая тундра. Большая часть территории расположена в пределах таёжной зоны. В составе таёжных лесов преобладают хвойные породы, в современном растительном покрове значительные площади занимают вторичные хвойно-мелколиственные леса. В почвенном покрове тайги доминируют подзолистые почвы: глееподзолистые в северной тайге, типичные подзолистые в средней тайге, дерново-подзолистые в южной тайге. К северу тайга сменяется лесотундрой, где елово-берёзовые редколесья чередуются с обширными болотами и участками кустарниковых тундр. Для почвенного покрова характерно сочетание тундровых и глееподзолистых потёчно-гумусовых почв, а также широкое распространение реликтовых крупнобугристых мерзлотных торфяников. На крайнем северо-востоке Коми распространены южные тундры, представленные кустарниковыми зарослями из карликовой берёзы и разных видов ив. Под пологом кустарников произрастают кустарнички, мхи и лишайники; из трав доминируют осоки. В зоне тундры развиты мерзлотные тундровые почвы (глеезёмы и криозёмы). В растительном покрове болот также отмечается определённая широтная зональность. В полосе южных тундр распространены преимущественно плоскобугристые болота, в лесотундре – крупнобугристые. Для северной тайги характерны аапа-болота. В средней тайге широко развиты олиготрофные сфагновые грядово-мочажинные болота (в т. ч. крупнейшие болотные массивы Океан и Усванюр). К поймам рек приурочены эвтрофные болота, разнообразные по растительности и строению торфяной толщи. На западных склонах Урала выражена высотная поясность: горные леса (еловые, пихтовые, берёзовые и лиственничные), чередующиеся с луговинами, с высотой сменяются горными кустарниковыми и кустарничковыми тундрами. Выше всего располагается гольцовый пояс, в пределах которого растительный покров представлен главным образом накипными лишайниками (Тентюков и др., 2009/2018/2020).

Основными занятиями населения являлись охота, рыболовство и промыслы, сохранявшие важное значение и в начале XX в. По данным археологии и лингвистики, у коми имелась система земледелия и животноводства, которые совершенствуются под влиянием древнерусской культуры и появления железных орудий (Савельева, 2013, с. 17).

Приграничную восточную часть Восточно-Европейской равнины и западные склоны Среднего и Северного Урала занимает Пермский край. Часть его территории представлена приподнятой холмисто-увалистой равниной с относительно крупными возвышенностями (Северные Увалы, Верхнекамская и Тулвинская возвышенности, окраина Уфимского плато) и низменностями (Камско-Кельтминская, Веслянская, Косинская и др.). Переход от равнинной части Предуралья к горной выражен в резком усилении контрастности рельефа. Территорию отличает умеренно континентальный климат. Зима продолжительная, холодная и многоснежная, лето короткое, умеренно теплое. Основной водной артерией региона является р. Кама (крупнейший приток Волги) со своими притоками. Питание рек смешанное (снеговое, подземное, дождевое). Имеются озера, наиболее крупные из которых расположены на севере края. Довольно много болот, особенно на северо-западе. Интенсивно заболачиваются плоские водораздельные пространства, а также старичные озера. Почвенный покров равнинной части региона представлен на севере бедными гумусом подзолистыми почвами, которые к югу от широтного отрезка верхнего течения Камы сменяются дерново-подзолистыми. В средней части края развиты серые лесные почвы, в южной имеются оподзоленные черноземы. В местах выходов известняков формируются дерново-карбонатные почвы, в условиях повышенного увлажнения и слабого дренажа – дерново-глееватые, в долинах рек – аллювиально-дерновые. Почвы гор в основных чертах повторяют зональные типы: в нижнем поясе на пологих склонах развиты горные подзолистые, горные дерново-подзолистые почвы, сменяющиеся с высотой горно-лесными бурыми, горно-луговыми и слаборазвитыми горно-тундровыми почвами. Большую часть территории края занимают леса. Наиболее залесены север и восток региона, менее – юг и запад, где лесистость местами не превышает 15–20%. Распространены средне- и южнотаёжные темнохвойные леса (сибирская и европейская ель, сибирская пихта, редко кедровая сосна, лиственница). На юге представлены елово-широколиственные и широколиственные леса с липой, клёном, ильмом и дубом. На песчаных речных террасах произрастают коренные сосновые леса (12% площади лесов). На юго-востоке, в Кунгурской лесостепи, встречаются островные берёзовые леса. В равнинной части довольно мно-

го вторичных лугов, среди которых преобладают материковые. Естественные горные (субальпийские) луга приурочены к горным массивам и распространены на высоте 600–900 м (бассейн р. Вишеры) (Калуцкова и др., 2014, с. 712–723).

Поверхность южной части Предуралья, расположенной на юго-восточной окраине Восточно-Европейской равнины, представляет собой всхолмлённую равнину, нарушенную отдельными поднятиями и прорезанную долинами крупных рек – Белой и Уфы и их многочисленными притоками. На юге указанную равнину пересекает р. Сакмара со своими притоками. На западе данной площади находится Бугульминско-Белебеевская возвышенность, ориентированная в меридиональном направлении. На юге эта возвышенность примыкает к другому поднятию, вытянутому в широтном направлении, – Общему Сырту. На северо-востоке обособленно поднимается Уфимское плоскогорье, ограниченное с запада Камско-Бельской равниной, а на востоке – Юрюзано-Айским понижением. В территорию Южного Предуралья вдается Каратауский выступ гор Урала. Он сокращает простирание равнины в восточном направлении и отделяет Юрюзано-Айское понижение от остальной части предгорного района. Южная окраина исследуемого района представлена возвышенностью Общий Сырт, которая является водоразделом рек Волжского и Уральского бассейнов. К Волжскому бассейну относятся реки Белая и Уфа с притоками, а к Уральскому – реки Сакмара и Большой Ик с притоками. Возвышенность Общий Сырт начинается около Уральских гор и простирается на запад за пределы изучаемой площади. В центральной части Южного Предуралья располагается Камско-Бельское понижение или Прибельская холмисто-увалистая равнина, которая занимает большую часть исследуемого района, простираясь в широтном направлении. По наиболее низкой части названной равнины проходит долина р. Белой. Южное Предуралье расположено в степной и лесостепной зонах, но отдельные участки относятся и к лесным районам. Климат умеренно континентальный. Речная сеть довольно густая (Турикешев и др., 2016, с. 13).

Климатические условия Волго-Уралья в XIII–XV вв. в определенной степени отличались от современных, что не могло не повлиять на особенности проживания и хозяйствования населения, состояние природной среды. Эти факторы были обусловлены переходом от сравнительно теплого периода малого климатического оптимума, зафиксированного для VIII–XIII вв., к очередному похолоданию, которое «с некоторыми флюктуациями продолжалось до середины XIX в. и задержало процесс таяния льдов. В течение малого ледникового периода почти повсеместно резко ухудшились климатические условия. Климат стал холоднее, неустойчивее, сократился вегетационный период» (Борисенков, Пасецкий, 1988, с. 62). По свидетельству ряда исследователей, «малый ледниковый период также можно охарактеризовать как эпоху с нестабильным климатом. Холодные зимы часто соседствовали с жаркими летними сезонами (что хорошо прослеживается, например, в период конца XIV – первой половины XV вв.) и наоборот. Тем не менее особенностью этих и ряда последующих является неизменный тренд к похолоданию и стабильные средние температурные аномалии, лежащие в отрицательной области, что, собственно говоря, и дает основания квалифицировать всю эту продолжительную фазу холодного климата как малый ледниковый период» (Слепцов, Клименко, 2005, с. 131). Вместе с тем, несмотря на эти изменения, в основной части территорий Волго-Уралья в XIII–XV вв., по всей видимости, сохранялись устойчивые и благоприятные ландшафтно-климатические условия для традиционных хозяйственных занятий населения, хотя локально, например, для территории Верхнего Прикамья, отмечаются существенные признаки уменьшения заселенности, что увязывается исследователями в том числе с изменениями климатического характера (Вострокнутов, 2011).

ГЛАВА 1

НИЖНЕЕ ПОВОЛЖЬЕ И ТЕРРИТОРИЯ СЕВЕРНОГО ПРИКАСПИЯ В СОСТАВЕ УЛУСА ДЖУЧИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIII – НАЧАЛО XV ВВ.)

§ 1
Памятники Дельты Волги

§ 2
Селитренное городище

§ 3
Царевское городище

§ 4
Водянское городище

§ 5
Увекское городище

§ 6
Памятники междуречья Волги и Урала. Сарайчик

§ 7
Погребальные памятники Нижнего Поволжья

ГЛАВА 1
НИЖНЕЕ ПОВОЛЖЬЕ И ТЕРРИТОРИЯ СЕВЕРНОГО ПРИКАСПИЯ В СОСТАВЕ УЛУСА ДЖУЧИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIII – НАЧАЛО XV ВВ.)

ПАМЯТНИКИ ДЕЛЬТЫ ВОЛГИ

Дельта Волги является своеобразным в природном отношении регионом. Это страна рек и лугов, окруженная обширными степными пространствами. До недавних пор считалось, что оседлая культура и города появляются в дельте Волги только с приходом монголов. Однако начатые на рубеже XX и XXI вв. (рис. 1) исследования в дельте позволили выдвинуть предположение о том, что оседлость и традиции городской культуры возникли здесь ещё в хазарское время – примерно в VIII–IX вв., и существовали они непрерывно в течение всего периода Средневековья (рис. 2). Именно сухие безводные степи и широкие реки стали тем естественным природным щитом, укрывшись за которым на протяжении нескольких веков в дельте Волги существовала городская жизнь в симбиозе с полукочевой культурой населения дельтовых островов (Васильев, 2015, с. 189–267).

XII–XIII вв. связаны в Нижнем Поволжье с расцветом города и области Саксин. Эта область, которая локализуется достаточно уверенно в границах дельты Волги (в основном) и в Волго-Ахтубинской пойме, сформировалась постепенно в течение второй половины X – конца XI вв. после падения политического господства Хазарии в Нижнем Поволжье. Связана она с возникновением города под названием Саксин (Саджсин), который, возможно, появился на развалинах последней хазарской столицы – города Итиля (Заходер, 1962; Артамонов, 2001, с. 445).

Г.А. Федоров-Давыдов в своё время доказал, что город Саксин, известный по трудам средневековых арабских географов и историков, а также русским летописям, располагался именно в Нижнем, а не в Среднем Поволжье, опроверг возможность соотнесения города Саксина с Суваром, а также особо указал, что в XIII–XIV вв. название города Саксин распространилось на всю область Нижнего Поволжья. Причем разные источники придают ему разный смысл (племенное имя, группировка кочевников, название района и города) (Фёдоров-Давыдов, 1969, с. 256). Автор пришел к выводу о том, что персидские авторы XIII–XIV вв. не знали народа под названием «саксин». Они писали об области, населенной, по их мнению, кыпчаками (Фёдоров-Давыдов, 1969, с. 258–259). Сведения же русских и восточноевропейских авторов о народе «саксин» Г.А. Федоров-Давыдов трактует таким образом, что в Нижнем Поволжье в предмонгольский период сложился локальный вариант половецкой кочевнической культуры. «Название нижневолжского района, унаследованное от имени гузского города XII в., перешло в записях некоторых хронистов XIII в. в имя именно этой поволжской группы половцев» (Фёдоров-Давыдов, 1969, с. 260).

Исследования более позднего времени показали, что предположение об отождествлении нижневолжских половцев и «саксинов» оказалось неверным. Уже в 1980-х гг. Г.А. Фёдоров-Давыдов писал о загадочном и необъяснимом отсутствии кыпчакских и половецких захоронений в Нижнем Поволжье (Фёдоров-Давыдов, 1983, с. 50–76).

Если же обратить внимание на то, что в своём нижнем течении Волга протекает в условиях засушливых степей и пустыни, где невозможен выпас скота летом, а зимой степи подвергаются частым оттепелям и заморозкам, что приводит к образованию ледяной корки, из-под которой скот не может добыть траву тебенёвкой, то становится ясно, что Нижнее Поволжье представляет собой зону рискованного скотоводства. Становится также понятным отсутствие постоянного кочевого населения в степях астраханской части Нижнего Поволжья в предмонгольский период.

Единственной экологической нишей, в которой стабильно могло существовать земледельческое и скотоводческое население, являлись острова волжской дельты и Волго-Ахтубинской поймы (Васильев, 2015, с. 238–241). Это требует от нас пересмотра ставшей традиционной точки зрения, которая сложилась под влиянием мнения Г.А. Федорова-Давыдова о том, что область Саксин является регионом, населенным одним из подразделений половецкого народа и включающим в широких пределах почти все Нижнее Поволжье

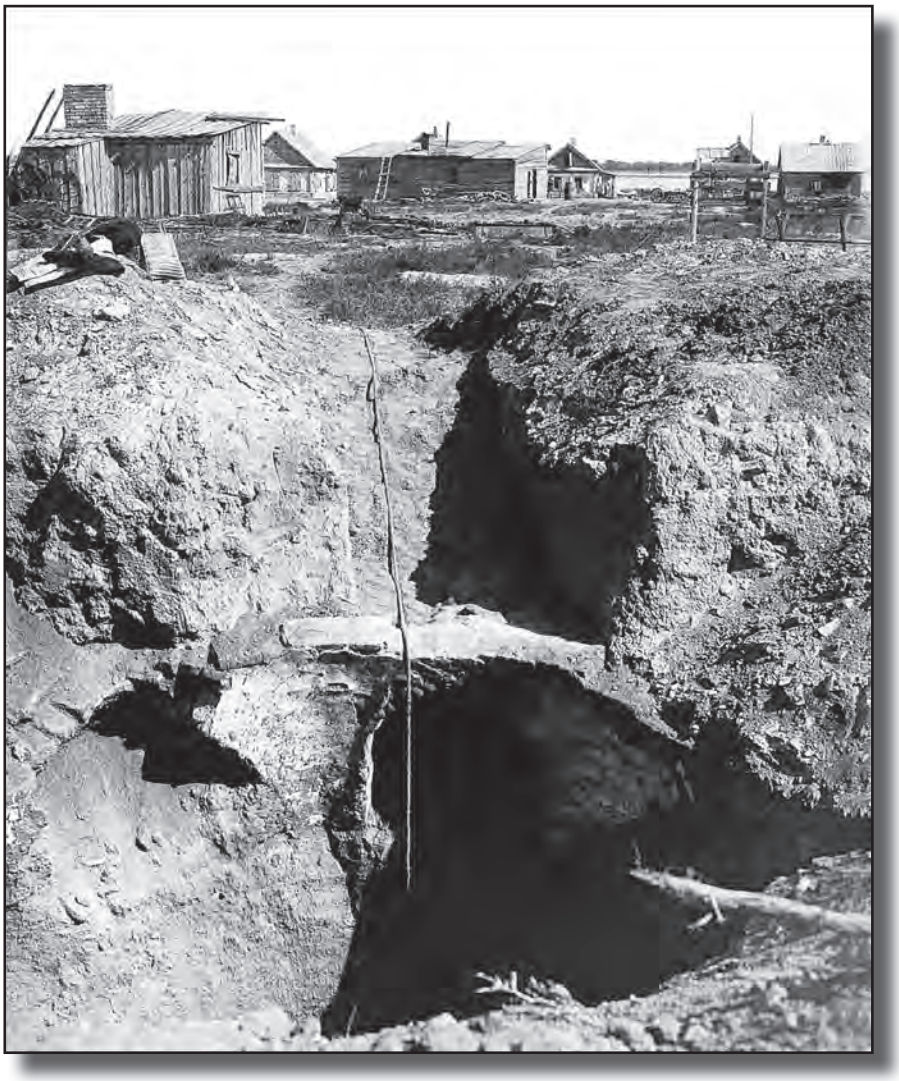


Рис. 1. Раскопки на городище «Шареный бугор». Фото. 1924 г.

(Фёдоров-Давыдов, 1966, с. 149–150, 160–161, 208).

Разумеется, область Саксин была довольно полиэтнична. Здесь оседло проживали остатки хазар (целый ряд племен), болгары, сувары (возможно, только в крупных населенных пунктах), большое количество этнических подразделений полукочевых огузов. В качестве временного населения города Саксина можно назвать разноязыкую массу купцов изо всех населенных регионов мусульманского мира (Васильев, 2015, с. 210–228).

Г.А. Фёдоров-Давыдов указывает, что в чуть более позднее время, в XIV и даже в XV в., бытовала традиция наименования центральных областей Улуса Джучи областью Саксин. Саксином в трудах арабских хронистов именовался даже Сарай – столица Золотой Орды. Эта традиция привела к тому, что даже в трудах европейских исследователей XIX–XX вв. содержались выводы о том, что Сарай был основан на месте города Саксина или рядом с ним. Родилось также предположение о соответствии города Саксина и города Суммеркента, упоминавшегося Гильомом де Рубруком. Все это привело к появлению мнения о преемственности «хазарского Итиля – гузского Саксина – золотоордынского Сарая». Г.А. Федоров-Давыдов отрицает возможность возникновения Сарая на месте Саксина, так как за долгие годы археологических исследований на Селитренном городище, которое соотносилось исследователем с развалинами Сарая Бату, в его окрестностях не было найдено убедительных доказательств существования здесь крупного города предшествующего исторического периода (Фёдоров-Давыдов, 1969, с. 260–261).

Период, непосредственно предшествующий монгольскому нашествию, и ранний золотоордынский период применительно к дельте Волги в настоящий момент изучаются главным образом на материалах Самосдельского городища, которое соотносится исследователями с остатками города Саксина. Располагается оно в дельте Волги, в 43 км ниже Астрахани, по двум берегам р. Старой Волги, в окрестностях и на территории

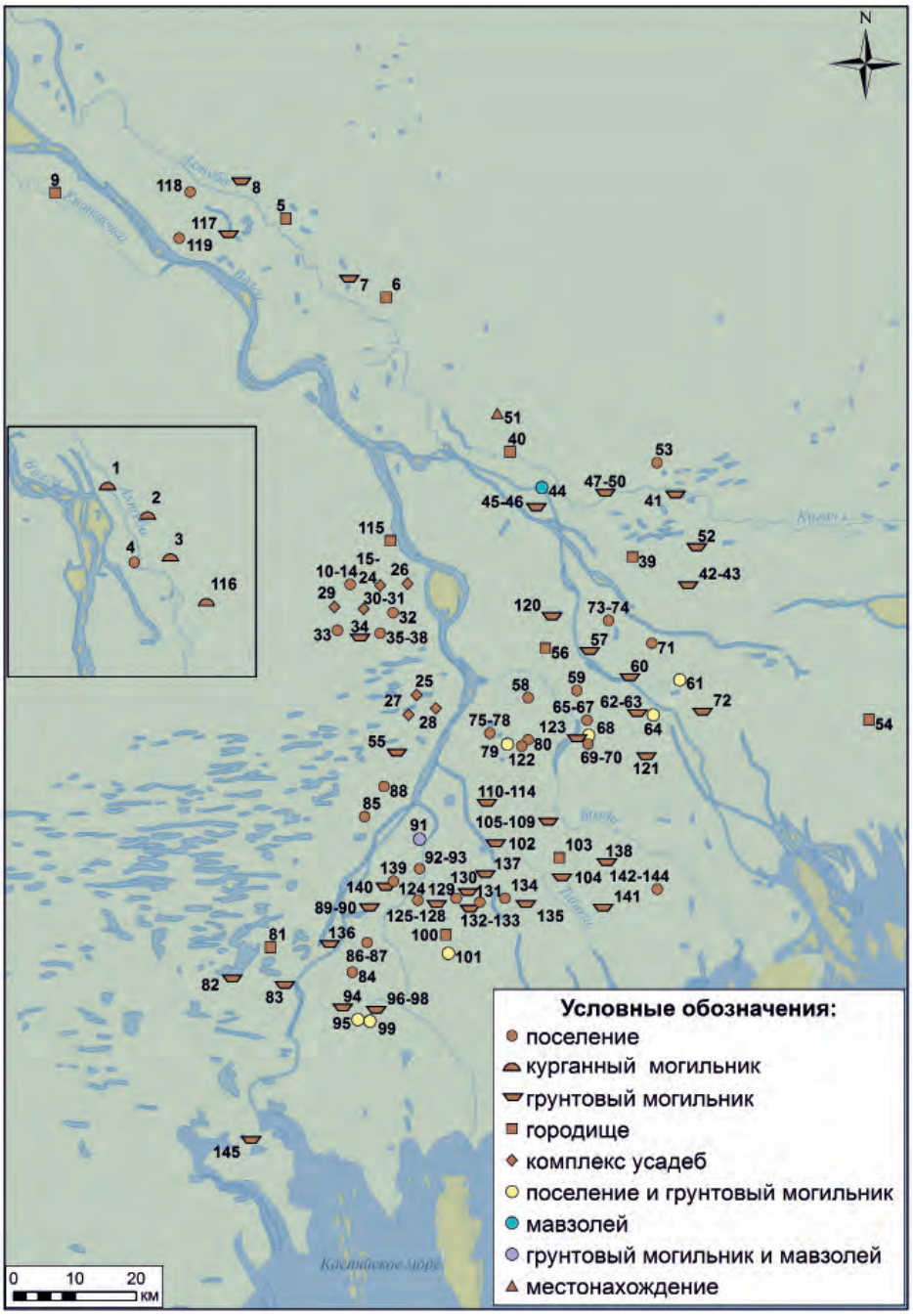


Рис. 2. Карта археологических памятников золотоордынской эпохи в дельте Волги. На врезке в левой части карты показана группа памятников, расположенных к северо-западу, в отрыве от основной группы объектов, в пределах Волго-Ахтубинской поймы (Ахтубинский р-н Астраханской обл.) (по: Пигарев, 2015, с. 182, рис. 1)
1 – «Бутырки»; 2 – «Успенка»; 3 – «301 км»; 4 – «Бутырки»; 5 – Селитренное городище; 6 – «Ак-Сарай (Лапас)»; 7 – «Хошеутовский»; 8 – «Баста»; 9 – «Енотаевское»; 10 – «Тинаки-1»; 11 –«Становский»; 12 – «Большой Джулер»; 13 – «Бердин»; 14 – «Камынкуль»; 15 – «Городок»; 16 – «Кизелькуль»; 17 – «Саргуль»; 18 – «Водяной»; 19 – «Турганши»; 20 – «Долгий»; 21 – «Джанак-Куль»; 22 – «Усадебный»; 23 – «Малый»; 24 – «Куга»; 25 – «Средний»; 26 – «Майле-Куль»; 27 – «Бактюбе»; 28 – комплекс усадеб «Ильку-Тюбе»; 29 – «Карантинный»; 30 – «Тинаки»; 31 – «Кара-Тобе»; 32 – «Приволжский»; 33 –«Петропавловка»; 34 – «Петропавловка»; 35 – «Рассвет»; 36 – «Ильмень»; 37 – «Николаевка»; 38 – «34-й км»; 39 – «Красноярское (Монгольское)»; 40 –«Ахтубинское»; 41 – «Калмыцкий»; 42 – «Мечетный-I»; 43 – «Мечетный-II»; 44 – «Мавзолей»; 45 – грунтовый могильник (без названия); 46 – грунтовый могильник у пос. Комсомольский; 47 – «Маячный-I»; 48 – «Маячный-II»; 49 – «Вакуровский-I»; 50 – «Вакуровский-II»; 51 – местонахождение у станции Досанг (стоянка II); 52 – «Лебединый»; 53 – «Мыльников»; 54 – «Новорычанское»; 55 – «Кан-тюбе»; 56 – «Мошаик»; 57 – «Татарский»; 58 – «Алаучук»; 59 – «Барский»; 60 – «Касыпак-Тобе»; 61 – «Началовский-I»; 62 - «Началовский-II»; 63 – «Бараний»; 64 – «Артельный»; 65 – «Малый Чека»; 66 – «Большой Чека»; 67 – «Красный»; 68 – «Песчаный»; 69 – «Камышин»; 70 – «Болдинский»; 71 – «Черный»; 72 – «Садовый»; 73 – «Хлебный»; 74 – «Седой»; 75 – «Татарская Башмаковка-I»; 76 – «Татарская Башмаковка-II»; 77 – «Кирпичный-II»; 78 – «Золотой»; 79 – «Казлар-Тобе»; 80 –«Тимошкин»; 81 – «Чертово»; 82 – «Большой Черный»; 83 – «Малый Черный»; 84 – «Красный»;

85 – «Ильинка»; 86 – «Большой Толчин»; 87 – «Малый Хаджи»; 88 – «Шантемир»; 89 – «Большой Хаджи»; 90 – «Петухов»; 91 – «Габбас тюбе»; 92 – «Долгий»; 93 – «Исмаил тюбе»; 94 – «Большой Морской»; 95 – «Попок»; 96 – «Федоровский»; 97 – «Хмелевинский-I»; 98 – «Хмелевинский-II»; 99 – «Чулпанский»; 100 – «Самосдельское»; 101 – «Кочкаринский»; 102 – «Большой Долгий»; 103 – «Тумак-тюбе»; 104 – «Касыпак-Тобе»; 105 – «Кара-Тобе»; 106 – «Ялан-Тобе»; 107 – «Жулан-Тобе»; 108 – «Ажанай»; 109 – «Кюзене»; 110 – «Промысловый»; 111 – «Бос-Тобе»; 112 – «Коц-Тобе»; 113 – «Джидале»; 114 – «Троицкий»; 115 – Хаджитархан (Хаджи-Тархан, городище «Шареный бугор»); 116 – курганный могильник (без названия); 117 – «Кузнецовский»; 118 – «Кузнецовский»; 119 – «Пойменная 1»; 120 – «Посольский»; 121 – «Кызыл-Тобе»; 122 – «Южный»; 123 – «Асусь-тобе»; 124 – «Цацинский»; 125 – «Постовой»; 126 – «Чилимный»; 127 – «Петровский»; 128 – «Кисинский»; 129 – «Малый Толчин»; 130 – «Малый Маячный»; 131 – «Большое Маячное»; 132 – «Караколь»; 133 – «Похоронный»; 134 – «Стекольный»; 135 – «Карачук»; 136 – «Пороховой»; 137 – «Хуторской»; 138 – «Большой Таболинский»; 139 – «Фролкин»; 140 – «Малый Фролкин»; 141 – «Малый Долгий»; 142 – «Семибугры-1»; 143 – «Семибугры-2»; 144 – «Тузуклей-1»; 145 – «Манчинский»

с. Самосделка Камызякского района Астраханской области. В культурных слоях Самосдельского городища содержатся остатки сразу трёх городов, последовательно сменявших друг друга: хазарского (IX–X вв.), предмонгольского времени (XI–XII вв.) и золотоордынского (XIII–XIV вв.) (Зиливинская и др., 2006, с. 24–36).

Городище стало известно как предположительное место расположения последней столицы Хазарского каганата – города Итиль (Атиль, Атель) (Зиливинская, Васильев, 2008, с. 224–226). Средние слои (датирующиеся XI–XII вв.) соотносятся с существовавшим в дельте Волги торговым городом Саксин (Саджсин), который известен по описаниям арабского купца и путешественника Абу Хамида ал-Гарнати. Верхние слои соотносятся с продолжавшим существовать в XIII–XIV вв. городом Саксином (Зиливинская, Васильев, 2011, с. 156–164).

Именно в слоях конца XII – начала XIII вв. прослеживаются признаки наибольшего расцвета городской культуры Саксина. В этот период продолжается расширение городской территории. Рост города обеспечивается за счет расширения масштабов, а возможно – и географии транзитной торговли. Особенно процветает речная и морская торговля. Центральная часть Саксина приобретает облик восточного мусульманского города, представляющего собой ряд кварталов-махалля с квартальными и соборными мечетями. Тем не менее часть полукочевого огузского населения области Саксин продолжает придерживаться доисламских религиозных традиций.

Дельта в этот период покрывается сетью сельских поселений, которые располагаются по берегам рек и производят необходимую городу сельскохозяйственную продукцию. Выращивается просо, виноград, некоторые виды фруктов.

Щитом городу на этом этапе служат многочисленные племена огузов, которые ведут полукочевое хозяйство, выпасая скот на островах волжской дельты. Скорее всего, дельта Волги в те времена могла быть разделена на отдельные экономически замкнутые микрорегионы – острова, контролируемые различными огузскими племенами, связь между которыми осуществлялась через торговлю на рынках крупного города Саксина.

Такое положение сохраняется в дельте Волги до сих пор: экономические интересы жителей дельтовых поселений порой оказываются более зависимы от далеко расположенных рынков, чем от торговли в близлежащих населенных пунктах, виной тому сложившиеся маршруты удобных переправ через многочисленные дельтовые протоки. Соседнее село, расположенное на противоположном берегу большой реки, оказывается менее достижимым, чем село или город на другом конце большого дельтового междуречья, поскольку до него надо переправляться на лодке, а не добираться посуху.

Как в золотоордынскую, так и в более раннюю эпоху эти средневековые поселения были связаны между собой экономически, они представляли собой элементы хозяйственно-рыночного единства, будучи нанизаны на вертикальную транспортную ось (или множество осей), образованную речными руслами (водные торговые пути) и сухопутными дорогами по вытянутым с севера на юг островам волжской дельты. Переправы на левый и правый берег дельты, ограниченной широкими и многочисленными водными артериями, были затруднены. Дельта и пойма представляли собой замкнутую хозяйственную систему, вне которой находились лишь торговые караваны, которые могли приходить с левого берега и переправляться на правый. В XII–XIII вв. осваивается под пастбища Волго-Ахтубинская пойма. Налаживается взаимовыгодный натуральный обмен между городом и животноводческой и земледельческой округой. Саксин становится главным рынком сбыта продукции сельского хозяйства и источником посуды и прочих ремесленных изделий.

Видимо, экономической основой для существования города являлась торговля. Расположение Саксина в дельте Волги определяло его роль в качестве юго-восточных торговых ворот Европы. Здесь был узловой пункт на Волго-Каспийском торговом пути, связывавшем Северный Иран, Ширван, Закавказье, Хорезм и Волжскую Болгарию. Ещё с хазарских времён просле-

живается тесная связь дельты Волги с юго-западным и юго-восточным Прикаспием – это становится понятно по результатам анализа импортных изделий, в частности посуды, поступавшей из этих регионов.

Часть товара, перегружавшегося в Саксине в ходе транзитной торговли, поступала на внутренний рынок (возможно, в связи с его выбраковкой). В городе мирно уживались и взаимодействовали различные этнические и конфессиональные общины. Каждая из них обладала самоуправлением и судебным суверенитетом (ал-Гарнати, 2010, с. 31).

Развитие торговли продолжалось путем увеличения объемов транзитных товаров. Отсутствие платежеспособного населения собственно в области Саксин и господство здесь натурального хозяйства тормозило складывание внутреннего рынка, развитие внутреннего потребления импортных товаров, а также налаживание экспорта своей уникальной продукции. Ал-Гарнати говорит об интенсивном рыболовстве в дельте Волги. Вероятно, рыба в этот период составляла основную статью экспорта из Саксина. Помимо рыбодобычи, он сообщает о добыче соли разных сортов и разных цветов в придельтовых соляных озерах и об экспорте ее в Болгар (ал-Гарнати, 2010, с. 33). Соль и рыба представляют собой единственные известные нам предметы экспорта из Саксина.

Основными торговыми партнерами Саксина в этот период являются Ширван, Хорезм, Волжская Болгария. При посредстве многочисленных купцов со всего мусульманского мира сюда проникают товары с огромной территории – от Китая до Византии и Северной Африки.

Однако существовала ли сухопутная транзитная караванная торговля в предмонгольскую эпоху в Нижнем Поволжье, и в каких масштабах? Об этом у нас нет никаких сведений. Вполне вероятно, что поселения дельты Волги в XI–XII вв. обслуживали в основном транзитную торговлю по Каспию и Великому Волжскому пути. Об этом косвенно свидетельствует, например, значительная доля закавказского (ширванского, иранского) импорта в находках на Самосдельском городище.

Для Закавказья домонгольский период X–XIII вв. был поистине «золотым веком». На территории нынешнего Азербайджана после освобождения от власти арабского халифата появились независимые государства: Ширван, Гянджинский эмират, Дербентский эмират, которые принимали активное участие в торговле по Великому Шёлковому пути (Мурадалиева, 2010, с. 217–230). Естественно, что высокий уровень развития ремесла повлёк за собой экономическую экспансию Ширвана на прилегающие территории, в том числе и в Северный Прикаспий.

Кавказ обладал значимыми природными ресурсами. По свидетельству арабского путешественника Абу Дулафа, в горах вокруг города Шиз (на юге Азербайджана) имеются рудники, где добывают золото, ртуть, свинец, серебро. В Шизе находили и золото в самородках. Ценным сырьём для изготовления ювелирных изделий считался добываемый в Шизе мышьяк. В окрестностях города Арап, который находился в четырех фарсахах от Шиза, также добывали золото белого, серебристого и красного цветов. Здесь находились и свинцовые рудники. Путешественник провёл здесь химические опыты. Он приготовил «свинцовую кислоту» и с её помощью получил из добываемой здесь руды серебро (Казвини, 1990, с. 132–133).

В связи с этим свидетельством следует сказать, что на Самосдельском городище исключительно частыми находками являются сфероконические сосуды, которые в Средние века служили для перевозки ртути, амальгамированного золота и прочих драгоценных химических веществ. В 2001–2003 гг. здесь была исследована мастерская, названная «Землянкой алхимика», действовавшая в течение XII – начала XIII в. (Зиливинская, 2011, с. 13–35). Возможно, что сырьё для мастерской поставлялось именно с территории нынешнего Азербайджана.

Кроме того, необходимо отметить находки большого количества свинца, как в кладах, так и в виде отдельных слитков, на территории Самосдельского городища. За годы исследования Самосдельского городища здесь было найдено множество свинцовых изделий – как в культурных отложениях на раскопах, так и в виде подъёмного материала. Крупные клады свинца неоднократно были обнаружены на территории городища. Общий вес свинцовых изделий, обнаруженных на городище, уже перевалил за 500 кг. Культурный слой насыщен мелкими свинцовыми слитками. В связи с этим приходят на ум слова ал-Гарнати об использовании «чёрного олова» вместо денег в городе Саксине. «Серебряный кризис» на Востоке не позволял в этот период развиться денежной системе. Интенсивность свинцового обмена выросла к рубежу XII–XIII вв. На это время приходится наибольшее количество находок свинцовых слитков на Самосдельском городище, которые позволяют констатировать активное развитие внутреннего рынка с использованием свинцового обменного эквивалента (Васильев, Сьянова, 2012, с. 36–42). Вполне вероятно, что именно рудники Южного Азербайджана служили для города и области Саксин источником этого ценного цветного металла.

Особенно ярко наличие торговых связей между Нижним Поволжьем и Азербайджаном в эпоху Средневековья иллюстрирует глазурованная посуда. Эта посуда изготовлялась во многих городах, входивших в сферу влияния так называемого «иранского мира», в том числе и в Ширване. В частности, гянджинские ремесленники владели сложными приёмами отделки фаянса. Они расписывали его кистью, прорезывали стенки сосудов и заполняли отверстия прозрачной глазурью. Мастера покрывали посуду тончайшим слоем белой глины, а затем наносили на её гладкую поверхность прозрачную цветную глазурь. Для получения глазури и красок применяли местный материал: железную руду, кобальт, марганец, свинец, медь. Каолин и глина для гончарного производства имелись во многих пунктах запада Азербайджана. Изготавливались также изделия из цветного стекла (Мурадалиева, 2010, с. 224). Морским путём, на кораблях, эти изделия поставлялись в Восточную Европу из Баку и Дербента через Нижнее Поволжье и город Саксин. Подтверждением тому являются данные подводной археологии по западному побережью Каспия. Обнаруженные в большом количестве остатки посуды на дне – свидетельство того, что торговля хрупким товаром была именно морской. Мелкие суда часто бывали застигнутыми сильными штормами, столь характерными для Каспия, особенно для его западного побережья (от Дербента до Баку). Здесь гибель судов была обычным явлением. Обнаруженный на дне моря разнообразный материал – это образцы высокого художественного ремесла, высокого искусства (Мурадалиева, 2010, с. 220).

Исследователями средневекового Азербайджана выделяются несколько локальных керамических школ того времени: Агкендская, Арранская, Нахичеванская и Ширванская. Данные школы начали формироваться в керамических центрах Азербайджана начиная с XI–XII вв. и существовали несколько столетий (Достиев, 2011, с. 228). Производившаяся там глазурованная посуда являлась предметом импорта в соседние регионы. В зону прямого влияния ширванского керамического импорта входит и Нижнее Поволжье как в домонгольское, так и в раннезолотоордынское время. На керамических материалах Самосдельского городища удалось проследить прямые параллели между азербайджанской и нижневолжской поливной керамикой. В силу того, что существование производств глазурованной керамики на Самосделке пока не обнаружено, ряд типов посуды может считаться импортом с территории Закавказья, и в частности из Азербайджана.

В XI–XII вв. особенно большой поток импортов попадает в Нижнее Поволжье, вероятнее всего, через Дербент (Болдырева, 2012, с. 75–77). В керамике городища Самосделка и Дербента обнаруживается большое число прямых аналогий. Посуда этих двух памятников совпадает не только в декоре, но и в деталях морфологии и технологии ее изготовления. Наиболее распространенной глазурованной керамикой в Самосделке являются чаши полусферической формы с зеленой поливой и росписью гравировкой по ангобной подгрунтовке и кувшины, орнаментированные в аналогичном стиле. Изображаются спирали с разным числом оборотов, полуовалы, заполненные стилизованными чешуйками, листья и др. Такая рядовая керамика с монохромным декором стоит в ряду одной из самых ординарных среди глазурованной посуды, но она устойчиво и в больших количествах поступала в Нижнее Поволжье и за его пределы с XI–XII вв. (Болдырева, 2016).

Вторым наиболее распространённым типом посуды, привозившимся с территории Ширвана, являются чаши и в меньшем количестве кувшины и кружки с росписью в технике «сграффито» и полихромной подцветкой зелёным и коричневым красителем под бесцветной или желтоватой поливой. Такая посуда привозилась в город Саксин в XII–XIII вв., а возможно, и раньше, там как прямые аналогии данной посуде обнаруживаются на городище Шамкир в центральном Азербайджане (Dostiyev, 2010, с. 140, 157), где археологи датируют такую посуду XI–XII вв.

Ещё одним доказательством импорта из Дербента являются особенности обжига, заметные на поверхности посуды. Это особенная расстановка сосудов при обжиге в печи, когда не использовались треножники-сепаи, а сосуды складывались в печи «горками»: к более крупным прислонялись более мелкие, оставляя на стенках соседних сосудов концентрические отпечатки. Такая особенность обжига зафиксирована на части дербентской и самосдельской керамики, что ещё более сближает два указанных пункта (Болдырева, 2012, с. 75–77).

В ряду полихромной посуды, привозившейся в Нижнее Поволжье, особо выделяется группа чаш с рядом устойчивых морфологических и декоративных признаков. По морфологическим особенностям это крупные глубокие чаши на массивном дисковидном поддоне с вырезанной снаружи полостью. Данные чаши всегда декорированы в технике «сграффито» в сочетании с подцветкой оливковыми, зелёными и коричневыми красителями. Их рисунок выгравирован тонкой отрывистой линией и состоит из разных вариантов плетёнок, спиралек и завитков, пространство внутри которых заполнено зелёной и оливковой красками и дополнительно подцвечено коричневыми

точками и иногда хаотичными потёками. Таким образом, основу композиции узора составляют так называемые «зелёные ленты», переплетение которых создает своеобразный ковровый узор, а пространство между лентами заполнено мелкими деталями. Горизонтальная поверхность венчиков таких чаш оформлена выгравированными треугольниками, которые поочерёдно заполнены зелёным, оливковым цветом и точками коричневого красителя. Такой способ декорирования находит аналогии в материалах Старой Гянджи и других городов Азербайджана (Левиатов, 1940, рис. 24), причём для Старой Гянджи он характерен для слоев XII – начала XIII в. Находки таких чаш есть на территории исторической части Баку, однако самые многочисленные находки чаш данного типа происходят из городища Орен-Кала в Азербайджане. Там, по мнению А.Л. Якобсона, период их бытования определяется в пределах XII – первой половины XIII в. (Якобсон, 1959, с. 219–302, рис. 3а). О местном производстве поливной керамики в Орен-Кале указывают еще и штампы-клейма на внешней стороне днищ поливных сосудов, оттиснутые по сырой глине. На Самосдельском городище были обнаружены два сосуда с донными клеймами в виде сетки, подобных орен-калинским (Левиатов, 1940, с. 38). Они входят в группу клейм № 3 по классификации А.Л. Якобсона (Якобсон, 1959, с. 289, рис. 9). Клеймение сосудов является неотъемлемым доказательством связи между этими типами керамики.

Другим важным доказательством, свидетельствующим о прямой связи орен-калинских и самосдельских чаш, является надпись на одной из них. Согласно опубликованному переводу И.В. Волкова, на чаше написано: «Сделал Махмуд, сын Юсуфа гончар» (Волков, 2000, с. 46). Это довольно стандартная подпись мастера – изготовителя посуды. В материалах же Орен-Калы есть обломок похожей по форме и декору чаши, которая подписана мастером Юсуфом (Гюзальян, 1965, с. 56–89). Безусловно, «самосдельский» Махмуд мог быть сыном совершенно другого Юсуфа, однако сходства во времени и характеристиках керамики позволяют выдвинуть гипотезу о родстве этих двух мастеров.

В целом рассматриваемая форма чаш характерна для многих городов Закавказья и без серьёзных изменений существовала в XII – первой половине XIII в. почти повсеместно (Якобсон, 1959, с. 256). Такие же чаши есть в единичных экземплярах в Болгаре (Полубояринова, 2008, с. 58, 60, вклейка илл. V) и на городище Сарайчик в Казахстане (Самашев и др., 2008, с. 174). Поэтому можно предположить, что импорт этой группы посуды с территории Азербайджана осуществлялся поэтапно. Сначала он частично оседал в Саксине (на Самосдельском городище), а потом переправлялся вверх по Волге и к востоку от Каспия, так как в указанных местах такие чаши появляются только в ордынский период.

Тесными также являлись на рубеже XII–XIII вв. связи Нижнего Поволжья с Ираном – об этом свидетельствует большое число находок фрагментов кашинных поливных сосудов, выполненных в технике «рисового зерна», кашинных поливных чаш с росписью кобальтовыми полосами, с «силуэтным рисунком», с бирюзовой прозрачной поливой и подглазурным декором, чаш и кувшинов с росписью в технике «минаи» и «люстр». Значительная доля кашинных сосудов, расписанных «люстром», из материалов Самосдельского городища имеют сирийское происхождение (Болдырева, 2016, рис. 31–37). Из Ирана начинает привозиться редкая статусная керамика. К примеру, в материалах городища есть несколько обломков кувшина, аналогичного иранскому кувшину XII в. из г. Гарруса (современный г. Биджар) на западе Ирана. Зооморфный носик кувшина, оформленный в виде головы быка, находит аналогии в иранской поливной керамике XII в. (Болдырева, 2016, с. 161).

В XII в. на Самосдельском городище наблюдается подъём строительной активности и, следовательно, экономического роста. Этим временем датируется наибольшее количество объектов на раскопах. Это период настоящего расцвета города Саксина, причем расцвет этот к началу XIII в. только усиливается. Город окончательно приобретает своё архитектурное лицо – с правильной планировкой кварталов, ориентированных по сторонам света (видимо, ориентировка задана была квартальными мечетями). Дома возводились из сырцового кирпича и облицовывались обожжённым кирпичом вторичного использования. Часто встречаются кирпичные цоколи для глинобитных или пахсовых стен на деревянном каркасе. Дома часто многокомнатные, отапливавшиеся большими тандырами, встроенными в суфу-тумбу без отопительной системы в виде дымоходов-канов, проложенных внутри лежанки. Каны появляются на Самосдельском городище лишь в золотоордынское время. Помимо этого, продолжают возводиться дома с турлучными стенами. Такие дома могли быть как однокомнатными, так и многокомнатными. Кровли домов были, скорее всего, плоскими – горизонтальными или односкатными. Об этом можно судить по тому, что в раскопе 2 поверх перекрытия одного из сгоревших помещений были обнаружены фрагменты стоявшего на нем большого керамического сосуда. В больших домах перекрытия были деревянными дощатыми, а в до-

мах небольших размеров – камышовыми. Остатки камышовых перекрытий, иногда обмазанных глиной, встречаются в слоях заполнения жилищ (Васильев, 2011, с. 36–47). Сооружения разделялись узкими – до 80–90 см шириной – немощёными улицами, скорее напоминавшими проходы между домами. Интересно, что на пересечениях таких улиц дважды зафиксированы остатки небольших квадратных площадей с колодцами.

На рубеже XII–XIII вв. город и область Саксин достигают пика своего благополучия. В северной части дельты в поздний саксинский период возникает еще один город, остатки которого соответствуют городищу Мошаик на восточной окраине современной Астрахани (Васильев, 2001, с. 48–54). Керамический комплекс городища практически полностью соответствует керамике Самосдельского городища. Здесь встречаются даже аналогичные типы импортной иранской и ширванской посуды (Попов, 2008, с. 206–226). Местоположение городища Мошаик в самой узкой части волжской дельты при переходе ее к пойме позволяет предположить, что оно обслуживало переправу через дельту караванов, следовавших с Востока на Запад. Видимо, потребность в обслуживании караванной торговли появилась лишь в этот исторический период, что связано с увеличением масштабов торговли и разнообразия ее форм. Именно в конце саксинского – начале золотоордынского периодов в материалах городища возрастает доля костей вьючных животных – осла и верблюда (Яворская, 2011, с. 151–154).

Вероятнее всего, именно городище Мошаик можно связать с городом Суммеркентом, который посетил Вильгельм де Рубрук в 1254 году (Васильев, 2011, с. 64–67).

В сорок девятой главе «Путешествия в восточные страны Вильгельма де Рубрука в лето Благости 1253» содержится единственное и очень ценное для нас упоминание города Суммеркента: «…Затем я пустился в путь к Сараю ровно за две недели до праздника Всех Святых, направляясь прямо на юг и спускаясь по берегу Этилии, которая там ниже разделяется на три больших рукава; каждый из них почти вдвое больше реки (Нила) у Дамиетты. Кроме того, Этилия образует еще четыре меньших рукава, так что мы переправлялись через эту реку на суднах в 7 местах. При среднем рукаве находится город, по имени Суммеркент, не имеющий стен; но когда река разливается, город окружается водой. Раньше чем взять его, татары стояли под ним 8 лет. А жили в нем Аланы и Саррацины. Там мы нашли одного немца с женой, человека очень хорошего, у которого останавливался Госсет. Именно Сартах посылал его туда, чтобы облегчить таким образом свой двор. Вблизи этих мест пребывают, около Рождества Христова, Бату с одной стороны реки, а Сартах с другой, и далее не спускаются. Бывает, что река замерзает совершенно, и тогда они переправляются через нее. Здесь имеется огромное изобилие трав, и татары прячутся там между тростников, пока лед не начнет таять» (де Рубрук, 1957, с. 181).

На настоящий момент из всех поселений в дельте Волги, которые относятся к домонгольскому времени, лишь Мошаик и Самосделку можно назвать остатками городов. Поэтому именно более изученное Самосдельское городище первоначально ассоциировалось как с Саксином, так и с Суммеркентом. Надо сказать, что возможность отождествления Саксина и Суммеркента – довольно распространенное мнение в науке. В частности, его придерживаются авторы-составители сборника документов «Образование Золотой Орды» (Гатин и др., 2008, с. 368). Предположительно идентифицирует Саксин с Суммеркентом и Ю.А. Зеленеев (Зеленеев, 2010, с. 113–122).

Однако углублённый анализ вопроса позволяет заключить, что Рубрук не мог переправляться через дельту в районе Самосделки – она (дельта – *ред.*) здесь слишком широка, кроме того, от Самосделки он не попал бы на караванную дорогу в сторону Кавказа, да и в верхних слоях Самосделки, соответствующих XIII в., прослеживается упадок городской жизни, связанный с последствиями монгольского нашествия, чего не должно наблюдаться в том случае, если город находился в сфере активного влияния ханской власти и обеспечивал переправу через Волгу (Васильев, 2011, с. 64–67).

Таким образом, наиболее вероятным претендентом на то, чтобы локализовать на нем город Суммеркент, упоминаемый Рубруком, является городище Мошаик. Описание города Суммеркента, приведенное выше, вполне справедливо и применительно к городищу Мошаик (Шнайдштейн, 1992, с. 3). Городище, вероятно, также окружалось водой во время половодий, так как располагается на бугре в прибрежной части. Многонациональность и многокомпонентность населения городища, судя по характеру находок, также является одной из характеристик данного памятника. Расположение городища, а также наличие на нем значительных слоев золотоордынского времени, изученных Е.В. Шнайдштейн и экспедицией Института истории Академии наук Республики Татарстан под руководством А.Г. Ситдикова, позволяют сделать предположение о соотнесении именно городища Мошаик с Суммеркентом, о котором говорит Рубрук.

В целом к моменту монгольского нашествия в дельте Волги сложилась целая сеть поселений ма-

лого и среднего размеров, население которых вело комплексное животноводческо-рыболовецко-земледельческое хозяйство. Поселения эти, некоторое число которых обнаружено в начале XXI в. в ходе археологических разведок, располагаются главным образом на речных островах в средней и верхней дельте Волги. Видимо, полукочевые племена и роды огузов, которые поделили между собой дельту Волги в предмонгольский период (Абу Хамид ал-Гарнати упоминает в своём сочинении «40 племён гузов» в Саксине), базировались на этих островах и пользовались их пастбищными угодьями и заливными лугами, постепенно всё более переходя к оседлости и вовлекаясь в рыночные отношения. На настоящий момент в дельте и зоне подстепных ильменей насчитывается 33 поселения, относящихся к периоду XII–XIII вв. (Васильев, 2015, с. 201–214).

По мнению Е.Ю. Гончарова, уже в 20 гг. XIII в. в низовьях Волги появились эмигранты из Хорезма, бежавшие от ужасов монгольского вторжения (Гончаров, 2011, с. 149). Об этом говорят четыре хорезмийские монеты, найденные на Самосдельском городище. Небольшое их количество и явно случайное, не связанное с торговлей, появление в культурном слое, позволяют предположить, что монеты попали сюда с переселенцами из Хорезма.

Г.А. Федоров-Давыдов пишет, что к 1229 г относится сообщение Лаврентьевской летописи: «Саксини и половци взбегоша из низу к болгарам, и сторожеве болгарьскыи прибегоша бьени от татар близь рекы еиже имя Яик» (Фёдоров-Давыдов, 1966, с. 231). Это свидетельство массовой эмиграции населения из Нижневолжского региона перед лицом надвигающейся монгольской угрозы. Скорее всего, в первую очередь частично эмигрировало болгарское и суварское население области Саксин, стремясь оказаться под защитой соплеменников. Масштабы этого бегства мы оценить не можем даже приблизительно.

Слой раннезолотоордынского времени на Самосдельском городище отделяется от «саксинского» мощной прослойкой пожара, который связывается с монгольским вторжением. В сооружениях предмонгольского времени обнаружены прокаленные изнутри сырцовые стены, мощные прослойки сгоревших и рухнувших перекрытий, состоящие из обуглившихся досок и прокаленной глины. Археозоологические материалы позволяют говорить о том, что через некоторое время после пожара началась разборка завалов, санитарная уборка улиц от тел погибших животных и людей. Тела людей были собраны и захоронены (остались случайно неубранными лишь отдельные разрозненные части человеческих скелетов). Тела животных были заброшены в руины сооружений и завалены остатками стен. Среди костей животных, обнаруженных в слоях этого периода, встречается большое количество обгоревших в пожаре костей, встречаются полные скелеты животных – лошадей, осла, собак, кошек (Яворская, 2011, с. 152, 153). Таким образом, вырисовывается картина, характерная для внезапного пожара, охватившего большую часть города. В огне этого пожара гибли как люди, так и домашние животные, содержавшиеся в домах и во дворах.

Здесь уместно вновь вспомнить слова Рубрука о городе Суммерканте, что «…раньше чем взять его, татары стояли под ним 8 лет» (де Рубрук, 1957, с. 181). Общие обстоятельства падения Саксина и Суммеркента наверняка были схожими. Монголы «стояли под ним 8 лет» не потому, что не имели практической возможности его взять. Скорее всего, они ожидали сильных морозов, которые позволили бы переправиться коннице по льду замерзших рек.

Тем не менее население возвращается в город, и он частично возрождается. В течение всего XIII в. происходит обживание руин зданий предмонгольского периода, они перестраиваются, приспосабливаются под нужды обедневшего населения. Во всем заметны следы хозяйственного упадка: руины не восстанавливаются, некоторые здания продолжают оставаться заброшенными, большие дома делятся перегородками на маленькие помещения и становятся жилищами сразу для нескольких семей.

Видимо, этот упадок был связан сразу с несколькими причинами. Во-первых, это ужасное разорение, последствия которого было тяжело преодолеть. Во-вторых, неожиданно изменились природные условия существования города. Как отмечает Л.В. Яворская, в золотоордынское время в мясном потреблении населения городища вырастает доля говядины, уменьшается доля баранины и растет доля верблюжатины (Яворская, 2011, с. 154). Таким образом, уменьшается доля скота, нуждающегося в пастбищном разведении, и возрастает доля скота, который может содержаться в стойлах.

Из исследований почвоведов видно, что произошли изменения в режиме обводнения местности: город оказался подтопленным с нескольких сторон. В XIV в. произошло резкое и быстрое повышение уровня Каспийского моря, носившее характер катастрофы. Район городища Самосделка оказался в прибрежной затопляемой зоне дельты. Природные катастрофы могли послужить причиной упадка и даже гибели поселения (Бронникова и др., 2001, с. 43–47).

По материалам раскопа № 2 видно, что часть городских кварталов, разрушенных монголами,

была затоплена водой уже во второй половине XIII в. Здесь совершенно не встречаются монеты и керамика золотоордынского периода. Вполне вероятно, что подъем уровня воды начался еще в XIII в.

Территория пастбищных угодий в дельте Волги значительно сократилась и, по-видимому, изменился режим содержания животных в округе, которая поставляла мясо горожанам (Яворская, 2011, с. 154). Частичное затопление дельты Волги к XIV в. действительно носило катастрофический характер. Население дельты Волги было вынуждено под влиянием быстро наступающей воды уходить на север, покидать дельтово-пойменные угодья области Саксин и вливаться в население недавно основанных золотоордынских городов.

Именно к этому периоду относится бурный расцвет городища Мошаик, а также возникает целая сеть небольших недавно открытых поселений в самой северной части дельты, на правом берегу р. Бузан. Лучше других на данный момент исследованы поселения «Алайское», «Орлиное гнездо», «Новоурусовка» и «Бузан». Памятники располагаются на невысоких возвышенностях вдоль русел рек и содержат строительные остатки золотоордынского периода. Здесь же обнаружен ряд монет, перечеканенных из пулов с именем Насир-лид-Дина. Такие монеты чеканились в Болгаре во времена правления Берке. Кроме того, тут выявлены анонимные пулы типа «Кутлуг булсун» вместе с серебром Менгу-Тимура и Токты (Скисов, 2014, с. 69–75).

Таким образом, в XIII в. в силу природных и экономических факторов в дельте Волги происходит перераспределение населения – значительные массы его покидают среднюю дельту и переселяются в верхнюю дельту, в районы, непосредственно прилегающие к предполагаемой первой столице Золотой Орды – Красноярскому городищу, образуя его сельскую округу.

В золотоордынское время дельта р. Волги, расположенная на территории современной Астраханской области, являлась столичным регионом Улуса Джучи, именно здесь находились зимние ставки ханских дворов и столицы государства – города Сарай (Сарай ал-Махруса) и Сарай ал-Джедид. К настоящему времени здесь обнаружено свыше 140 археологических памятников эпохи Золотой Орды: городища, поселения и могильники (Пигарёв, 2015, с. 183–193) (рис. 2).

1. Курганный могильник «Бутырки». Расположен на окраине с. Бутырки. Обнаружен АЭ АГПИ в 1983–1984 гг. Было раскопано 12 курганов, в 10 из них находились выкладки из сырцового кирпича. В основном погребении кургана № 6 был расчищен костяк коня, в инвентарь погребения входила серебряная монета начала XIV в. В одном из курганов оказался мавзолей, выложенный из обожженного кирпича и украшенный поливными кашинными изразцами.

2. Курганный могильник «Успенка». Расположен в 0,6 км к В от с. Успенка. Исследовано 18 курганов, содержащих 18 позднекочевнических погребений.

3. Курганный могильник «301 км». Расположен в 4 км к В от с. Бутырки на левом берегу р. Ахтуба. Исследовано 10 средневековых курганов с погребениями, вокруг некоторых могил были сооружены ограды из сырцовых кирпичей, прямоугольной и кольцевидной формы.

4. Поселение «Бутырки». Расположено на окраине с. Бутырки. Обнаружены остатки жилых с суфами и канами, две гончарные печи для изготовления кирпича. Вещевой материал представлен золотоордынской гончарной красноглиняной керамикой.

5. Селитренное городище – город Сарай ал-Джедид, столица Золотой Орды (Улуса Джучи). Расположен на левом берегу Ахтубы, у села Селитренное. Занимает площадь 2061,5 га, исследовано около 30000 м^2. Исследуется с 1965 г. (Пигарёв, 2019).

6. Городище «Ак-Сарай (Лапас)» и комплекс мавзолеев. Расположено в 40 км ниже Сарая у села Лапас, на левом берегу р. Большой Ашулук. Обнаружены остатки поселения строителей мавзолеев, определено месторасположение горнов для обжига кирпича. На некрополе зафиксированы руины 16 архитектурных объектов (мавзолеев). Отмечено на карте братьев Пицигани 1367 г. как место, где находятся «гробницы императоров, умерших в районе Сарайской реки» (Пигарёв, 2019а, с. 212–219).

7. Грунтовый могильник «Хошеутовский». Расположен на северной окраине с. Хошеутово, на левом берегу реки Ашулук. Исследования могильника проводились ПАЭ ИА РАН.

8. Грунтовый могильник «Баста». Расположен в 8 км к СЗ от с. Селитренное в месте слияния рек Ахтубы и Ашулук. Обнаружены руины мавзолея.

9. Городище «Енотаевское». По данным В.Л. Егорова, городище находилось на правом берегу Волги напротив Сарая. В настоящее время в результате разрушения правого берега полностью уничтожено Волгой (Пигарёв, 2017а, с. 44–49).

10. Поселение «Тинаки-1». Расположено на правом берегу р. Волги в 2,5 км к З от пос. Карантинное. Входит в округу города Хаджи-Тархан. Обнаружены: керамика (поливная и красная), обломки чигирей, кирпич, медная монета «чекан

Сарая ал-Джедид, 1386 г.», мощность культурного слоя до 80 см.

11. Поселение «Становский». Расположено в 800 м к С от с. Николаевка. Обнаружены: керамика, кирпич.

12. Поселение «Большой Джулер». Расположено в 800 м к Ю от с. Николаевка. В 1989 г. обнаружен клад серебряных монет (ханы: Токта, Узбек, Джанибек), кирпич, керамика (глина, кашин).

13. Поселение «Бердин». Расположено в 50 м к С от ильменя Бердин на правом берегу р. Волги. Поселение входит в округу города Хаджи-Тархан. Обнаружены: керамика, кирпич.

14. Поселение «Камынкуль». Расположено в 100 м к С от ильменя Камынкуль, на правом берегу р. Волги. Поселение входит в округу города Хаджи-Тархан. Обнаружено: кирпич, керамика.

15. Комплекс усадеб «Городок». Расположен в 375 м к Ю от Военного городка, на правом берегу р. Волги. Поселение входит в округу города Хаджи-Тархан. Обнаружено: кирпич, керамика.

16. Комплекс усадеб «Кизелькуль». Расположен в 80 м к З от пос. Солянка, на правом берегу р. Волги. Поселение входит в округу города Хаджи-Тархан. Обнаружено: кирпич, керамика.

17. Комплекс усадеб «Саргуль». Расположен в 350 м к СВ от центральной усадьбы колхоза им. Ленина, на правом берегу р. Волги. Поселение входит в округу города Хаджи-Тархан. Обнаружено: кирпич, керамика.

18. Комплекс усадеб «Водяной». Расположен в 400 м к В от центральной усадьбы колхоза им. Ленина, на правом берегу р. Волги. Поселение входит в округу города Хаджи-Тархан. Обнаружено: кирпич, керамика.

19. Комплекс усадеб «Турганши». Расположен в 370 м к ЮВ от центральной усадьбы колхоза им. Ленина, на правом берегу р. Волги. Поселение входит в округу города Хаджи-Тархан. Обнаружено: керамика.

20. Комплекс усадеб «Долгий». Расположен в 480 м к ЮВ от пос. Мирный, на правом берегу р. Волги. Поселение входит в округу города Хаджи-Тархан. Обнаружено: керамика.

21. Комплекс усадеб «Джанак-Куль». Расположен в 850 м к З от пос. Солянка, на правом берегу р. Волги. Поселение входит в округу города Хаджи-Тархан. Обнаружено: керамика.

22. Комплекс усадеб «Усадебный». Расположен в 470 м к Ю от Военного городка, на правом берегу р. Волги. Поселение входит в округу города Хаджи-Тархан. Обнаружено: кирпич, керамика.

23. Комплекс усадеб «Малый». Расположен в 850 м к СЗ от ст. Трусово, на правом берегу р. Волги. Поселение входит в округу города Хаджи-Тархан. Обнаружено: керамика.

24. Комплекс усадеб «Куга». Расположен в 450 м к Ю от центральной усадьбы колхоза им. Ленина, на правом берегу р. Волги. Поселение входит в округу города Хаджи-Тархан. Обнаружено: керамика (красная штампованная сероглиняная).

25. Комплекс усадеб «Средний». Расположен в 600 м к С от ст. Трусово, на правом берегу р. Волги. Поселение входит в округу города Хаджи-Тархан. Обнаружено: керамика.

26. Комплекс усадеб «Майле-Куль». Расположен в 800 м к ЮВ от центральной усадьбы колхоза им. Ленина, на правом берегу р. Волги. Поселение входит в округу города Хаджи-Тархан. Обнаружено: керамика.

27. Комплекс усадеб «Бактюбе». Расположен в 500 м к СВ от ст. Трусово, на правом берегу р. Волги. Поселение входит в округу города Хаджи-Тархан. Обнаружено: керамика.

28. Комплекс усадеб «Ильку-Тюбе». Расположен на западной окраине ст. Трусово, на правом берегу р. Волги. Поселение входит в округу города Хаджи-Тархан. Обнаружено: керамика.

29. Комплекс усадеб «Карантинный». Расположен 350 м к С от курорта Тинаки, на правом берегу р. Волги. Поселение входит в округу города Хаджи-Тархан. Обнаружено: керамика, кирпич.

30. Комплекс усадеб «Тинаки». Расположен в 50 м к Ю от озера Тинаки, на правом берегу р. Волги. Поселение входит в округу города Хаджи-Тархан. Обнаружено: керамика, кирпич.

31. Комплекс усадеб «Кара-Тобе». Расположен в 575 м к В от Военного городка, на правом берегу р. Волги. Поселение входит в округу города Хаджи-Тархан. Обнаружено: керамика, кирпич.

32. Грунтовый могильник и поселение «Приволжский». Расположены в 120 м к Ю от курорта Тинаки, на правом берегу р. Волги. Могильник и поселение входят в округу города Хаджи-Тархан. Обнаружено: кирпич, керамика, кости человека.

33. Поселение «Петропавловка». Расположено в 0,5 км к В от с. Петропавловка. Обнаружено: керамика, керамический шлак, кирпич.

34. Грунтовый могильник «Петропавловка». Расположен в 2 км к В от с. Петропавловка. Входит в округу города Хаджи-Тархан.

35. Поселение «Рассвет». Расположено на берегу ерика Дурной, между селами Стрелецкое и Дурной. Поселение входит в округу города Хаджи-Тархан. Обнаружено: кирпич, керамика.

36. Поселение «Ильмень». Расположено на берегу ильменя за заводом силикатных изделий. Поселение входит в округу города Хаджи-Тархан. Обнаружено: керамика.

37. Поселение «Николаевка». Расположено в 600 м к С от с. Николаевка. Поселение входит в

округу города Хаджи-Тархан. Обнаружено: керамика.

38. Поселение «34-й км». Расположено в 34 км к западу от с. Джакуевка в барханных песках. Обнаружено: керамика.

39. Городище «Красноярское (Монгольское)». Расположено в с. Красный Яр, на слиянии рек Бузан и Маячной. Исследовалось в 1989–1991 гг. АЭ АГПИ. Возможное золотоордынское название населенного пункта – Кизиль. Обнаружено: остатки жилых домов, гончарная мастерская по изготовлению поливной посуды, городские некрополи (Пигарёв, 2016, с. 88–99).

40. Городище «Ахтубинское». Расположено на территории пос. Комсомольский и его окрестностях, на левом берегу р. Ахтубы. Возможное золотоордынское название населенного пункта Ак-Сарай. Обнаружены: крупные архитектурные жилые (дворец) и культовые (мавзолеи) объекты из обожженного кирпича, жилища рядовых жителей города (землянки и полуземлянки), грунтовые могильники на городской окраине.

41. Грунтовый могильник «Калмыцкий». Расположен в 3,5 км к С от пос. Барановка, на правом берегу р. Альчи. Обнаружено 11 погребений, относящихся к позднему Средневековью.

42. Грунтовый могильник «Мечетный-I». Расположен в 1,5 км к В от с. Красный Яр, на левом берегу ерика Огородный. Обнаружены погребения золотоордынского времени.

43. Грунтовый могильник «Мечетный-II». Расположен в 1,68 км к В от с. Красный Яр, на правом берегу ерика Огородный. Обнаружены погребения золотоордынского времени.

44. «Мавзолей». Расположен в 3 км к ЮВ от пос. Комсомольский, на левом берегу реки Ахтубы. Исследовался АЭ АМЗ. Мавзолей относится к городищу у пос. Комсомольский.

45. Грунтовый могильник (без названия). Расположен в 3 км к ЮВ от пос. Комсомольский, на левом берегу реки Ахтубы. Обнаружено: кости человека и животных, обломки обожженного кирпича, медная монета середины XIV века.

46. Грунтовый могильник у пос. Комсомольский. Расположен на северной окраине поселка и является некрополем расположенного рядом городища Ак-Сарай. Исследования проводились АЭ АМЗ. Обнаружено: 13 погребальных комплексов, три из которых являлись остатками склепов, сложенных из обожженного кирпича.

47. Могильник грунтовый «Маячный-I». Расположен в 0,3 км к В от пос. Маячный, на левом берегу реки Маячной. Обнаружено свыше 600 погребений, относящихся ко второй половине XIII–XIV в. Могильник является городским некрополем Красноярского городища. Наибольший интерес вызывают погребения, совершенные в доисламский и раннемусульманский периоды Золотой Орды. Данная группа погребений уверенно датируется монетным материалом, входящим в погребальный инвентарь, второй половиной XIII – началом XIV в.

48. Могильник грунтовый «Маячный-II». Расположен в 0,3 км к СВ от пос. Маячный, на левом берегу реки Маячной. Могильник считается городским некрополем Красноярского городища и является продолжением могильника «Маячный Бугор-I». Обнаружены погребения, относящиеся ко второй половине XIII–XIV в.

49. Грунтовый могильник «Вакуровский-I». Расположен в 1,15 км к С от пос. Маячный, на левом берегу реки Маячной. Обнаружены погребения, относящиеся к XIV в.

50. Грунтовый могильник «Вакуровский-II». Расположен в 1,2 км к С от пос. Маячный, на левом берегу р. Ахтубы. Обнаружены погребения золотоордынского времени.

51. Местонахождение у ст. Досанг (стоянка II). Обнаружены: керамика, кашин, медная монета конца XIV в.

52. Грунтовый могильник «Лебединый». Расположен в 1 км к С от с. Кошелевка на левом берегу р. Кигач. Обнаружено три разрушенных погребения.

53. Поселение «Мыльников». Расположено в 0,9 км к Ю от с. Алча на правом берегу р. Ахтубы. Обнаружено: кирпич, керамика.

54. Городище «Новорычанское». Расположено у пос. Новый Рычан. Изменений в информации, данной В.Л. Егоровым, нет (Егоров, 1985, с. 118).

55. Грунтовый могильник «Кан-тюбе». Расположен в 5 км к ЮВ от с. Татарская Башмаковка, на левом берегу р. Волги. Обнаружено 145 погребений, относящихся к золотоордынскому периоду.

56. Городище «Мошаик». Расположено у пос. Мошаик на восточной окраине г. Астрахани, на правом берегу р. Болды. Обнаружено: золотоордынские жилые постройки, керамика, медные монеты XIV в. (Пигарёв, 2017, с. 283–290).

57. Грунтовый могильник «Татарский». Расположен у пос. Мошаик на восточной окраине г. Астрахани, на правом берегу р. Болды. Обнаружены погребения золотоордынского времени.

58. Поселение «Алаучук». Расположено на территории аэропорта г. Астрахани. Обнаружено: кирпич, керамика.

59. Поселение «Барский». Расположено в 1,46 км к ЮВ от пос. Мошаик на правом берегу р. Болды. Обнаружено: кирпич, керамика.

60. Грунтовый могильник «Касыпак-Тобе». Расположен в 0,65 км к Ю от пос. Стекольный завод, на правом берегу р. Кизани. Обнаружено: керамика.

61. Поселение и грунтовый могильник «Началовский-I». Расположены в 1 км к Ю от с. Началово. Обнаружено: кирпич, керамика, архитектурный декор, кости человека.

62. Грунтовый могильник «Началовский-II». Расположен в 1,6 км к Ю от с. Началово. Обнаружено: керамика, кости человека.

63. Грунтовый могильник «Бараний». Расположен в 2,4 км к Ю от с. Началово. Обнаружено: керамика, кости человека.

64. Поселение и грунтовый могильник «Артельный». Расположены в 3,5 км к Ю от с. Началово. Обнаружено: керамика, кости человека.

65. Поселение «Малый Чека». Расположено в 3,55 км к Ю от с. Началово. Обнаружено: керамика.

66. Поселение «Большой Чека». Расположено в 3,88 км к Ю от с. Началово. Обнаружено: керамика.

67. Поселение «Красный». Расположено в 650 м к ЮЗ от бэровского бугра Большой Чека. Обнаружено: керамика.

68. Поселение и грунтовый могильник «Песчаный». Расположены в 1,66 км к ЮЗ от бэровского бугра Большой Чека. Обнаружено: керамика, кости человека.

69. Поселение «Камышин». Расположено в 2,1 км к Ю от бэровского бугра Большой Чека. Обнаружено: керамика, архитектурный декор.

70. Поселение «Болдинский». Расположено в 2,45 км к Ю от бэровского бугра Большой Чека. Обнаружено: керамика.

71. Поселение «Черный». Расположено в 2,9 км к Ю от бэровского бугра Большой Чека. Обнаружено: керамика.

72. Грунтовый могильник «Садовый». Расположен в 0,5 км к Ю от с. Началово. Обнаружены кости человека.

73. Поселение «Хлебный». Расположено в 7,5 км к ЮЗ от пос. с/з Начало, на правом берегу р. Болды. Обнаружено: кирпич, керамика.

74. Поселение «Седой». Расположен в 3 км к С от ПМК № 35. Обнаружено: керамика.

75. Поселение «Татарская Башмаковка-I». Расположено в 1,5 км к Ю от с. Татарская Башмаковка. Обнаружено: кирпич, керамика.

76. Поселение «Татарская Башмаковка-II». Расположено в 2 км к Ю от с. Татарская Башмаковка. Обнаружено: кирпич, керамика.

77. Поселение «Кирпичный-II». Расположено в 5 км к Ю от с. Татарская Башмаковка. Обнаружено: кирпич, керамика.

78. Поселение «Золотой». Расположено в 0,45 км к С от с. Фунтово-I. Обнаружено: керамика.

79. Поселение и грунтовый могильник «Казлар-Тобе». Расположены на восточной окраине с. Яксатово. Обнаружено: керамика, обработанная кость, погребение.

80. Поселение «Тимошкин». Расположен в 1,9 км к ЮЗ от с. Евпраксино. Обнаружено: керамика.

81. Городище «Чертово». Расположено в 9 км к ЮЗ от с. Икряное на правом берегу р. Бахтемир. Анализ случайных находок позволяет предположить существование здесь грунтового могильника X–XIII вв. и поселения золотоордынского времени. Обнаружено: кирпич, изразцы на кашине, керамика, изделия из цветных и черных металлов, рыболовные крючки, монеты XIV в.

82. Грунтовый могильник «Большой Черный». Расположен на правом берегу реки Бахтемир к югу от пос. А. Зверева. Обнаружено: кости человека, керамика.

83. Грунтовый могильник «Малый Черный». Расположен на правом берегу реки Бахтемир к югу от пос. А. Зверева. Обнаружено: кости человека, керамика.

84. Поселение «Красный». Расположено на левом берегу реки Бахтемир, южнее с. Маячное. Обнаружено: керамика, кирпич, медная монета Узбек-хана.

85. Поселение «Ильинка». Расположено на правом берегу р. Волги на СЗ окраине пос. Ильинка. Обнаружено: кирпич, керамика, поливная посуда, архитектурный декор на кашине, костяные гладилки, керамический шлак, обломок бронзового зеркала, рыболовные грузила, кости животных и рыб.

86. Поселение «Большой Толчин». Расположено в 1,7 км к ЮВ от с. Маячное в междуречье рек Бахтемир и Сухой Сомовки. Обнаружено: кирпич, керамика (глина, кашин).

87. Поселение «Малый Хаджи». Расположено на левом берегу реки Бахтемир в 6 км к СВ от с. Маячное. Обнаружено: керамика.

88. Поселение «Шантемир». Расположено на окраине пос. Ильинка. Обнаружено: кирпич, керамика.

89. Грунтовый могильник «Большой Хаджи». Расположен в 5 км к СВ от с. Маячное. Обнаружено: кости человека.

90. Грунтовый могильник «Петухов». Расположен в 1,5 км к СВ от с. Ямное на правом берегу р. Старой Волги между ериками Петухов и Сухая Сомовка. Обнаружено: остатки строений из сырцового кирпича, керамика, кости человека.

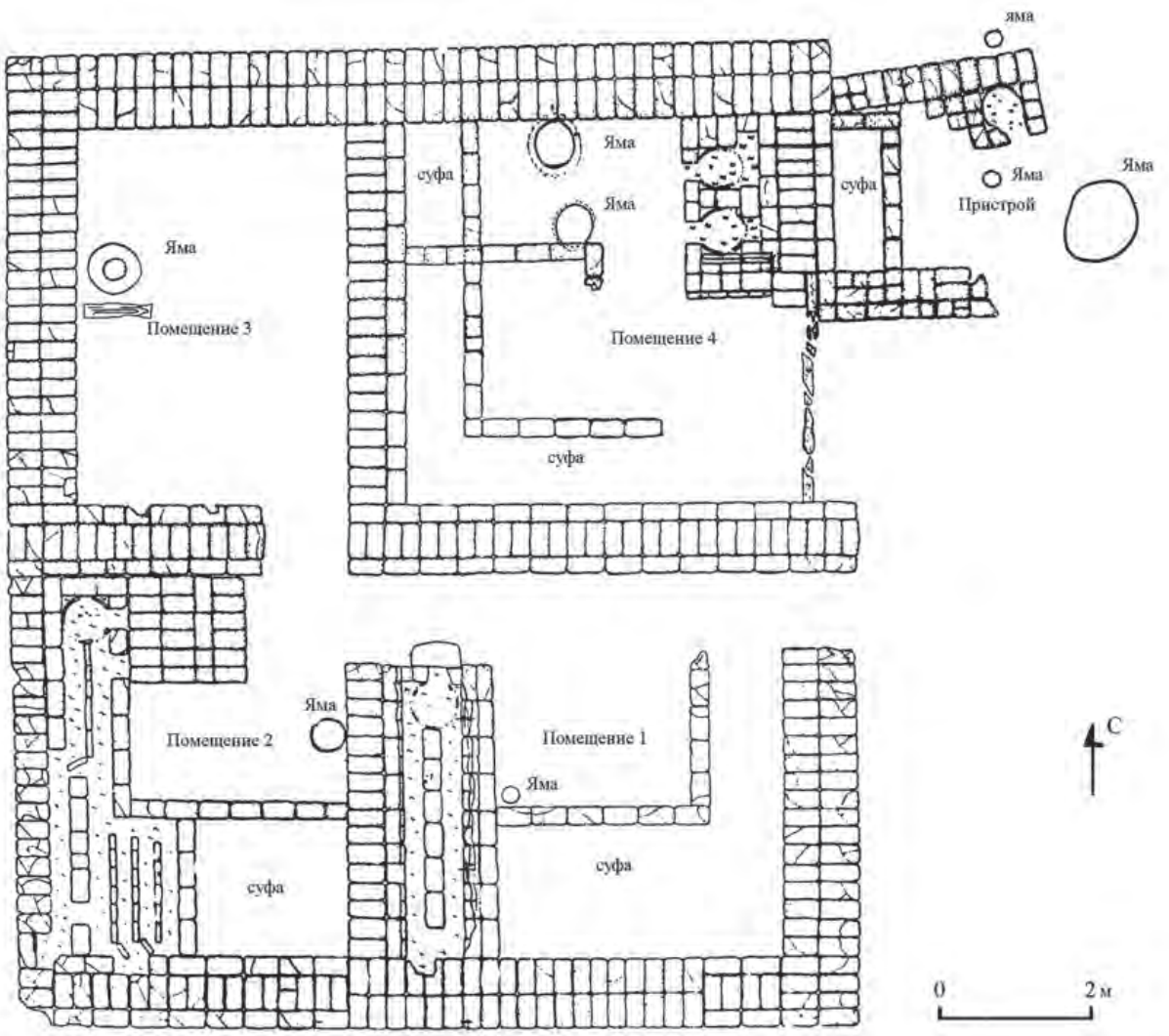


Рис. 3. Дом III периода (1340 – 1390-ые годы). Раскопки золотоордынской усадьбы на западной окраине Хаджи-Тархана под руководством В.В. Плахова. 1984 г.

91. Грунтовый могильник и мавзолей «Габбас тюбе». Расположены на левом берегу реки Бахтемир в 1,36 км к ЮВ от с. Новые Булгары. Обнаружено: кирпич, кости человека.

92. Поселение «Долгий». Расположено на левом берегу реки Бахтемир в 0,95 км к ЮВ от с. Новые Булгары. Обнаружены остатки горнов для обжига кирпича.

93. Поселение «Исмаил тюбе». Расположено на левом берегу реки Бахтемир в 0,84 км к С от с. Новые Булгары. Обнаружено: кирпич, керамика.

94. Грунтовый могильник «Большой Морской». Расположен в 2,4 км к СВ от с. Житное. Обнаружено: кости человека, керамика.

95. Грунтовый могильник и поселение «Попок». Расположены в 0,65 км к СВ от с. Маячное. Обнаружено: керамика, обмазка тандыра.

96. Грунтовый могильник «Федоровский». Расположен в 1,1 км к ЮЗ от с. Федоровка. Обнаружено: керамика, кости человека.

97. Грунтовый могильник «Хмелевинский-I». Расположен на восточной окраине с. Хмелевое. Обнаружено: керамика, кости человека.

98. Грунтовый могильник «Хмелевинский-II». Расположен на восточной окраине с. Хмелевое. Обнаружено: керамика, кости человека.

99. Грунтовый могильник и поселение «Чулпанский». Расположены в 11 км к С от с. Чулпан и в 2 км к ЮВ от с. Ямное. Обнаружено: керамика, кости человека.

100. Городище «Самосдельское». Расположено в 1,2 км к З от с. Самосделка, на правом берегу р. Волги. Возникновение городища относится исследователями к VIII–IX вв. и связывается ими с хазарской культурой. После падения каганата в X–XII вв. на поселении возникает город Саксин. С XIII в. начинается золотоордынский период памятника, который в островной части прекращается в самом начале XIV в. (Васильев, Зиливинская, 2011, с. 159–166).

101. Поселение и грунтовый могильник «Кочкаринский». Расположены в 11,7 км к В от с. Самосделка, в междуречье Старой Волги и Старого Иванчуга. Обнаружено: керамика X–XIV вв.

102. Грунтовый могильник «Большой Долгий». Расположен в 4,5 км к ЮВ от с. Семибугры. Обнаружено: керамика, кости человека.

103. Городище «Тумак-тюбе». Расположено в 4,7 км к ЮЗ от пос. Присельский, на левом берегу р. Волги. Обнаружено: погребения, хозяйственные ямы, полуземлянка с суфой, тандыром и канами.

104. Грунтовый могильник «Касыпак-Тобе». Расположен в 525 м к Ю от пос. Стекольный завод, на правом берегу р. Кизани. Обнаружено: керамика.

105. Грунтовый могильник «Кара-Тобе». Расположен в 1,2 км к ЮВ от с. Татарская Башмаковка, на правом берегу р. Кизаниь. Обнаружено: керамика.

106. Грунтовый могильник «Ялан-Тобе». Расположен в 1,1 км к Ю от пос. Стекольный завод, на правом берегу р. Кизани. Обнаружено: керамика, поясной набор.

107. Грунтовый могильник «Жулан-Тобе». Расположен в 350 м к Ю от пос. Кизанский Рыбзавод, на правом берегу р. Кизани. Обнаружено: керамика.

108. Грунтовый могильник «Ажанай». Расположен на ЮЗ окраине пос. Присельский, на правом берегу р. Кизани. Обнаружено: керамика, кости человека.

109. Грунтовый могильник «Кюзене». Расположен в 1 км к ЮЗ от пос. Присельский, на правом берегу ерика Широкий. Обнаружено: керамика, кости человека.

110. Грунтовый могильник «Промысловый». Расположен в 2,7 км к Ю от с. Татарская Башмаковка, на левом берегу р. Волги. Обнаружено: керамика.

111. Грунтовый могильник «Бос-Тобе». Расположен в 400 м к ЮВ от пос. Ассадулаево, на левом берегу р. Волги. Обнаружено: керамика.

112. Грунтовый могильник «Коц-Тобе». Расположен в 260 м к ЮЗ от с. Татарская Башмаковка, на левом берегу р. Волги. Обнаружено: керамика.

113. Грунтовый могильник «Джидале». Расположен в 2 км к ЮВ от с. Татарская Башмаковка, на правом берегу р. Кизани. Обнаружено: керамика.

114. Грунтовый могильник «Троицкий». Расположен в 1,75 км к СВ от с. Иванчуг, на правом берегу р. Камычи. Обнаружено: керамика, кости человека.

115. Хаджитархан (Хаджи-Тархан, городище «Шареный бугор»). Расположено на правом берегу Волги, на 11 км выше современной Астрахани. В настоящее время городище полностью смыто Волгой и застроено современными сооружениями, сохранилась лишь небольшая его часть, представляющая собой загородные усадьбы, входящие в его округу (Пигарёв, 2018, с. 134–149) (рис. 2–4).

116. Курганный могильник (без названия). Расположен в 5 км к Ю от с. Пологое Займище Ахтубинского района (Пигарёв, 2010, с. 350).

117. Грунтовый могильник «Кузнецовский». Расположен в Волго-Ахтубинской пойме на левом берегу р. Кирпичной в 15 км к ЮВ от с. Селитренное. Обнаружено: разрушенные погребения (Кутуков, 2006).

118. Поселение «Кузнецовский». Расположено в Волго-Ахтубинской пойме на левом берегу р. Кирпичной в 15 км к ЮВ от с. Селитренное. Обнаружено: керамика, дигири (Кутуков, 2006).

119. Поселение «Пойменная 1». Расположено в Волго-Ахтубинской пойме, на левом берегу ер. Кривой в 14 км к СВ от с. Петропавловка. Обнаружено: глиняная конструкция, полуземлянка, хозяйственные ямы, керамика (глина, кашин), кашинные изразцы; кости рыб, животных, птицы (Рябичкин, 2002).

120. Грунтовый могильник «Посольский». Расположен на правом берегу р. Болды в 1800 м к СЗ от с. Веселая Грива (Кутуков, 2003). Обнаружено: керамика, кости человека.

121. Грунтовый могильник «Кызыл-Тобе». Расположен в 1 км к ССЗ от пос. Кирпичный завод № 1 (Кутуков, 2005). Обнаружено: керамика.

122. Поселение «Южный». Расположено в 3,5 км к ЮЮВ от с. Три Протока. Обнаружено: керамика (Кутуков, 2005).

123. Грунтовый могильник «Асусь-тобе». Расположен на левом берегу р. Болды в 5,75 км к Ю от с. Килинчи. Обнаружено: разрушенные погребения (Попов, 2006).

124. Поселение «Цацинский». Расположено на левом берегу р. Бахтемир в 3,4 км к ЮВ от с. Бекетовка. Обнаружено: пятно кирпичного сооружения, керамика (глина, кашин), кирпич, керамический шлак, стеклянная пуговица, костяная гладилка, кости человека и животных (Кутуков, 2003).

125. Грунтовый могильник «Постовой». Расположен на левом берегу р. Бахтемир в 7,5 км к СВ от с. Маячное. Обнаружено: керамика, кости человека (Кутуков, 2003).

126. Грунтовый могильник «Чилимный». Расположен в 1,2 км к ЮЮВ от с. Новые Булгары. Обнаружено: керамика. РЖВ – XIV в. (Кутуков, 2003).

127. Грунтовый могильник «Петровский». Расположен на левом берегу р. Старой Волги в 70 м

Рис. 4. Находки разного времени, сделанные на городище «Шареный бугор»:
1 – Монета сельджукского эмира Мардина Насир ад-Дина Артук – Арслана. 1214 г.; 2. – Хазарский дирхем. VIII–IX вв.; 3. – Фелс. IX–X вв.; 4. – Ручка кресала. XIV в.; 5. – Голова идола. XI – XII вв.; 6. – Височные подвески. XII в.; 7. – Фрагмент литейной формы. 1320 – 1340-ые гг.; 8. – Фрагмент надгробия. XIV в.; 9 - Диск таза рукомойника. XIII в.; 10. – Сосуд для розовой воды. XIV в. 1, 5 – медь; 2 – серебро; 3 – желтый металл; 4, 9 – бронза; 6 – серебро, лазурит; 7 – камень; 8 – алебастр; 10 – кашин.

на З от пос. Петровский. Обнаружено: керамика, кости человека (Кутуков, 2006).

128. Грунтовый могильник «Кисинский». Расположен на правом берегу ерика Кисин в 0,7 км к З от с. Восточное. Обнаружено: керамика, кости человека (Пантелеев, 1995).

129. Поселение «Малый Толчин». Расположено в 1,23 км к ЮВ от с. Маячное на левом берегу р. Бахтемир. Обнаружено: скопления кирпича, керамика (глина, кашин), чигири, обработанная кость (Амбарнова, 2007).

130. Грунтовый могильник «Малый Маячный». Расположен на левом берегу р. Бахтемир в 1,1 км к В от с. Маячное. Обнаружено: погребение, керамика (Амбарнова, 2007).

131. Поселение «Большое Маячное». Расположено на левом берегу р. Бахтемир на СВ окраине с. Маячное. Обнаружено: керамика, керамический шлак, кости животных (Амбарнова, 2007).

132. Грунтовый могильник «Караколь». Расположен на левом берегу р. Волги в 0,5 км востоку от с. Самосделка. Обнаружено: керамика, кирпич, погребение (Васильев, 2002).

133. Грунтовый могильник «Похоронный». Расположен на правом берегу р. Камычи в 375 м к В от с. Иванчуг. Обнаруже-

но: керамика, кости человека (Васильев, 1991).

134. Поселение «Стекольный». Расположено на правом берегу р. Кизани на западной окраине пос. Стекольный завод. Обнаружено: керамика (Васильев, 1991).

135. Грунтовый могильник «Карачук». Расположен на правом берегу р. Кизани, в 2,4 км к ЮВ от с. Татарская Башмаковка. Обнаружено: керамика (Васильев, 1992).

136. Грунтовый могильник «Пороховой». Расположен в 2,5 км к ЮЮВ от с. Новые Булгары на левом берегу р. Бахтемир. Обнаружено: керамика, кость человека (Кутуков, 2003).

137. Грунтовый могильник «Хуторской». Расположен в 1,1 км к Ю от с. Семибугры. Обнаружено: керамика, кости человека (Пигарев, 2004).

138. Грунтовый могильник «Большой Таболинский». Расположен в 3,4 км на ЮЗ от с. Раздор на правом берегу р. Таболы. Обнаружено: кирпич, керамика, кости человека (Кутуков, 2005).

139. Поселение «Фролкин». Расположено в 7,8 км к ЮВ от с. Никольское на берегу ерика Табола. Мощность культурного слоя до 60 см. Обнаружено: скопления кирпича и керамики, металлический шлак, бронзовые заклепки и обломки зеркал, серебряные и медные монеты 1330–1360-х гг. (Кутуков, 2005).

140. Грунтовый могильник «Малый Фролкин». Расположен в 8,3 км к ЮЗ от с. Никольское. Обнаружено: керамика (Кутуков, 2005).

141. Грунтовый могильник «Малый Долгий». Расположен в 4 км к ЮВ от окраины г. Камызяк. Обнаружено: три разрушенных погребения (Загайнова, 2007).

142. Поселение «Семибугры-1». Расположено в 4 км к В от с. Семибугры. Обнаружено: керамика, кирпич, керамический шлак (Пальцев, 2006).

143. Поселение «Семибугры-2». Расположено в 4,1 км к ВЮВ от с. Семибугры. Обнаружено: керамика (Пальцев, 2006).

144. Поселение «Тузуклей-1». Расположено в 4,8 км к ВЮВ от с. Семибугры. Обнаружено: керамика (Пальцев, 2006).

145. Грунтовый могильник «Манчинский». Расположен в 10 км к ЮЗ от с. Оля на северном берегу ильменя Кобел. Обнаружено: 3 погребения, керамика (Кутуков, 2003).

СЕЛИТРЕННОЕ ГОРОДИЩЕ

Селитренное городище, расположенное на надпойменной террасе левого берега Ахтубы у с. Селитренное Харабалинского района Астраханской области, является одним из крупнейших и значимых памятников золотоордынской археологии. Городище вытянуто вдоль реки более чем на 7 км, вглубь степи уходит на расстояние до 2 км, занимая площадь в 2061,5 га. Мощность культурного слоя памятника местами достигает 2 м. Эти данные основываются на площади распространения культурного слоя. При этом далеко в степь тянутся развалины мавзолеев и мазаров некрополей, окружавших город (Рудаков, 2004, с. 294; 2007, с. 10). Для уточнения границ городской застройки проводились разведки в округе Селитренного городища, в ходе которых в урочище Баста были обнаружены мавзолей и грунтовый могильник золотоордынского времени, усадьба с гончарной мастерской, зафиксировано продолжение сплошной городской застройки к востоку от села и остатки крупной усадьбы конца XIV – начала XV вв., расположенной на «Каменном бугре» (Пигарев, 2003; Курочкина, 2011; Пигарев, 2015).

История изучения. После распада Золотой Орды монументальные сооружения Селитренного городища еще долгое время возвышались в степи. Но в 1578 г. царь Федор Иоаннович повелел ломать «мизгити и полаты в Золотой Орде и тем делати город» Астрахань (Егоров, 1985, с. 117). С этого момента началось разрушение построек Селитренного городища, которое продолжалось вплоть до XX в. Примерно в 1710 г. на месте развалин был построен казенный завод для добычи селитры. Для защиты завода и поселка при нем из золотоордынского кирпича была построена небольшая крепость с четырьмя башнями и стеной, окруженная валом и рвом. Во второй половине XVIII в. завод пришел в упадок, но у стен крепости возникло крупное село. Жители с. Селитренного продолжали активно разбирать древние постройки, причем кирпич использовался не только для возведения сельских домов, но и сплавлялся по реке для продажи в Астрахань (Рудаков, 2000а, с. 180).

В археологической литературе, посвященной проблемам истории Улуса Джучи, обычно указываются две столицы – Сарай и Новый Сарай. Со Старым Сараем всегда отождествлялось Селитренное городище Астраханской области, с Новым Сараем – Царевское городище Волгоградской области. Обсуждение этой темы продолжается до сих пор. К настоящему времени большая часть ис-

следователей склоняется к тому, что на месте Царевского городища находился город Гюлистан, а на месте Селитренного городища – город Сарай ал-Джедид.

В XVIII–XIX вв. в период изучения территории Российской империи Селитренное городище неоднократно посещалось учеными и путешественниками, оставившими первые его описания. Научные исследования селитренских развалин начались в том же XVIII в. Первым исследователем, описавшим памятник, был выдающийся государственный деятель и исследователь В.Н. Татищев. В 1741 г. в качестве начальника Калмыцкой комиссии он больше месяца пробыл в Селитренном городке. В двух письмах он упоминает вал и ров, керамические водопроводные трубы, майоликовые плитки, мозаики, монеты, цветные стекла. Размеры городища он оценивал от пяти до трех верст вглубь степи (Егоров, Юхт, 1986, с. 235, 238).

Первым в 1770 г. осмотрел развалины академик И.П. Фальк. Он отметил остатки большого здания, украшенного мозаикой, которые считал руинами мечети, и многочисленные «каменные фундаменты» малой площади – вероятно, остатки мавзолеев и подземных склепов, столь характерных для Селитренного городища (Полное…, 1824, с. 139–140). Вторым в 1772 г. посетил урочище Джигит-Хаджи П.С. Паллас. Он подробно описал руины большого богато убранного здания со склепами (видимо мавзолея), единственного более или менее сохранившегося к тому времени золотоордынского сооружения (Паллас, 1788, с. 143–145). Краткое описание городища оставил побывавший здесь летом 1797 г. граф И. Потоцкий (Потоцкий, 1828, с. 252–254). В 1836 г. М.С. Рыбушкин близ с. Селитренного раскопал на месте крепости XVIII в. более двадцати возвышенностей, где были обнаружены остатки стен и полов из жженого кирпича, архитектурный декор, керамика и монеты. На основании этих находок М.С. Рыбушкин предположил существование здесь в прошлом «обширного города» (Зиливинская, Смирнов, 2014, с. 203–211). Результаты этих первых на Селитренном городище раскопок до недавнего времени были известны в краткой передаче А.Ф. Леопольдова (Леопольдов, 1837, с. 131–132). В 1851 г. здесь побывал членкор Ученого комитета Министерства государственных имуществ И. Шеньян. Он нашел здесь «обломок стены, с частью карниза, украшенный разноцветными арабесками» и написал небольшое исследование о нем (Шеньян, 1852, с. 119–120). В 1875 г. здесь проездом оказался историк Н.П. Загоскин, который описал виденные им руины, в частности развалины башни Селитренного городка, которую принял за последний остаток «древнего города»; им была собрана коллекция архитектурного декора, керамики, монет и пр. Особо он отметил процесс быстрого разрушения памятника от рук крестьян, добывающих кирпич и небезуспешно занимающихся кладоискательством. Зачитывая свой доклад на IV Археологическом съезде, проходившем в Казани в 1884 г., он выразил «надежды на то, что важные в научном отношении остатки Селитренного городка… будут, наконец, спасены от систематического варварского уничтожения и расхищения сокрытых под ним археологических сокровищ и войдут в увеличивающийся с каждым годом круг исследований молодой науки русской археологии» (Загоскин, 1884, с. 187–190).

Научное изучение городища началось в конце XIX в. с работ К.Н. Малиновского и А.А. Спицына. Летом 1893 г. А.А. Спицыным были произведены археологические разведки во многих районах городища, он провел раскопки нескольких сооружений с их описаниями и схематическими планами (Спицын, 1895, с. 84).

В 20–30-х гг. XX в. исследование было продолжено Ф.В. Баллодом и П.С. Рыковым. Летом 1922 г. Ф.В. Баллод организует экспедицию в село Селитренное на деньги, выделенные правительством Татарской республики. Об итогах исследований он написал подробный отчёт в своей книге «Старый и Новый Сарай, столицы Золотой Орды». Это были первые действительно научные раскопки городища, и впервые был снят его план. Ф.В. Баллод условно разбил город на семь районов, дав им социальную характеристику. Наладил с помощью пастухов и детей порайонное собирание монет; произвёл классификацию находок: керамики, нумизматики, архитектурного декора и т. п., сделал чертежи планов и разрезов всех девяти исследованных им объектов. Он изучил несколько жилых сооружений, подземный склеп и колодец золотоордынского времени в селе, мавзолей, горны и захоронения (Баллод, 1923, с. 30–61).

В 1928 г. экспедиция саратовского археолога П.С. Рыкова совершила обследование Селитренного городища. За один день посещения памятника его экспедиция собрала 820 монет, которые впоследствии были обработаны А.А. Кротковым. В 1931 г. П.С. Рыков продолжил исследования городища. Он раскопал несколько мавзолеев и жилое здание. Но наибольший интерес представляют остатки двух примыкающих друг к другу сооружений, которые были раскопаны лишь частично. Первое здание с гробницами, вероятно, являлось остатками большого мавзолея, а другое – с базами колонн – руинами соборной мечети (Рыков, 1932, с. 107–108).

В 1959 г. А.П. Смирновым и Г.А. Фёдоровым-Давыдовым была создана программа археологи-

ческого изучения золотоордынских памятников Нижнего Поволжья. Для её реализации в составе Нижне-Донской археологической экспедиции Института археологии АН СССР был образован Золотоордынский отряд под руководством Г.А. Фёдорова-Давыдова. В 1965 г. для изучения крупнейшего в Нижнем Поволжье золотоордынского городища, находящегося близ с. Селитренное Астраханской области, в Поволжской археологической экспедиции был создан Селитренский отряд. С середины 1970-х гг. Селитренное городище стало основным объектом исследований Поволжской археологической экспедиции Института археологии АН СССР/РФ. В течение многих лет у руководства ПАЭ стояли Г.А. Федоров-Давыдов, В.Л. Егоров, Н.М. Булатов, В.В. Дворниченко. За годы исследований ПАЭ было вскрыто более 20000 кв. м площади городища в различных его районах. К настоящему времени Селитренное городище является наиболее исследованным. С 1960-х гг. здесь проводились широкомасштабные раскопки Поволжской археологической экспедицией ИА АН СССР. В 1994–2000 гг. оно исследовалось экспедицией Отдела охранных раскопок ИА РАН под руководством Э.Д. Зиливинской. С 1990-х гг. до наших дней полевые работы продолжаются ПАЭ Марийского государственного университета (Ю.А. Зеленеев, Е.М. Пигарев, П.С. Данилов). Кроме того, на городище работали экспедиции ГИМа (В.Г. Рудаков), А.А. Бурханова, ГНПУ «Наследие» (Т.Ю. Гречкина, Д.В. Кутуков, С.Ю. Акимовский, Л.Ю. Амбарнова), КГУ (А.Г. Мухамадиев, А.Г. Ситдиков, Р.Р. Валиев).

Топография городища. Городище находится в степи, которая пересечена бэровскими буграми, образующими цепочки из нескольких всхолмлений и ложбин между ними (рис. 1–2). Цепи бугров ориентированы по линии ЮЗ–СВ. Эти бугры являются естественными ориентирами для выделения различных зон или «районов» города. В низинах между буграми расположены три соленых озера, которые, вероятно, существовали и в золотоордынское время. С юго-запада городище ограничено обрывистым берегом старого русла Ахтубы. Как показали разведки 2002–2003 гг., северо-западной окраиной города является низина между Змеиным бугром и следующей к северо-западу грядой бугров, юго-восточная граница находится в районе современной дамбы. Юго-восточная часть памятника застроена селом. В разных частях с. Селитренное было заложено 29 раскопов и шурфов общей площадью более 700 м^2, которые показали отсутствие мощного слоя под большей частью современного поселения. Более того, культурный слой здесь располагается отдельными пятнами и хронологически совпадает с датировкой культурного слоя городища за пределами села, в районах, традиционно исследовавшихся ПАЭ ИА РАН. Эти работы показали, что под селом не было центральной части городища со слоями XIII в. На территории берегового обрыва Больничного бугра кроме золотоордынских древностей были обнаружены остатки деревянных жилых и технических сооружений Селитренного городка, элементы рыбоперерабатывающего и селитроваренного производства, относящиеся к XVII–XVIII вв. (Зеленеев, 2005; Пигарев, 2003; 2004; 2005).

По линии ЮЗ–СВ вглубь степи городище простирается на расстояние около 2 км. Подъемный материал и мощность культурного слоя в разных районах городища существенно отличается. Центральным и наиболее заселенным районом города, скорее всего, являлась территория между буграми Кучугуры и Красный. Богатые находки и мощный культурный слой прослеживается в зоне между Больничным бугром и Кучугурами. На северо-западе и юго-востоке, судя по распространению подъемного материала и результатам раскопок, находились различные ремесленные производства (Рудаков, 2004, с. 289–295; 2007, с. 10).

Городская структура памятника изучена археологическими методами на площади свыше 30000 м^2. Кроме того, здесь были опробованы новые методики исследований археологических памятников без археологического вмешательства – геомагнитометрические исследования и дистанционное зондирование Земли (ДЗЗ). Геофизическими методами обследована территория городища площадью более 50 га, в результате чего были обнаружены новые погребенные археологические объекты различного назначения (Бездудный, Пигарев, 2010, с. 100–105).

Для Селитренного городища характерна уличная застройка с улицами и арыками; в центральной части города господствовала богатая усадебная застройка, там за глинобитными стенами располагались дома владельцев усадеб, жилища ремесленников и слуг, хозяйственные постройки, водоемы. На Селитренном городище исследовано несколько крупных усадьб, общественный центр с большой мечетью, общественной баней и гостиницей для паломников, гончарные и стеклоделательные мастерские, многочисленные дома рядовых горожан, городские некрополи с погребениями простонародья и архитектурными сооружениями (мавзолеями) аристократической части общества.

Археологические исследования показывают город чрезвычайно благоустроенным населенным пунктом, располагавшим водопроводной и канализационно-сточной системами. Строительство

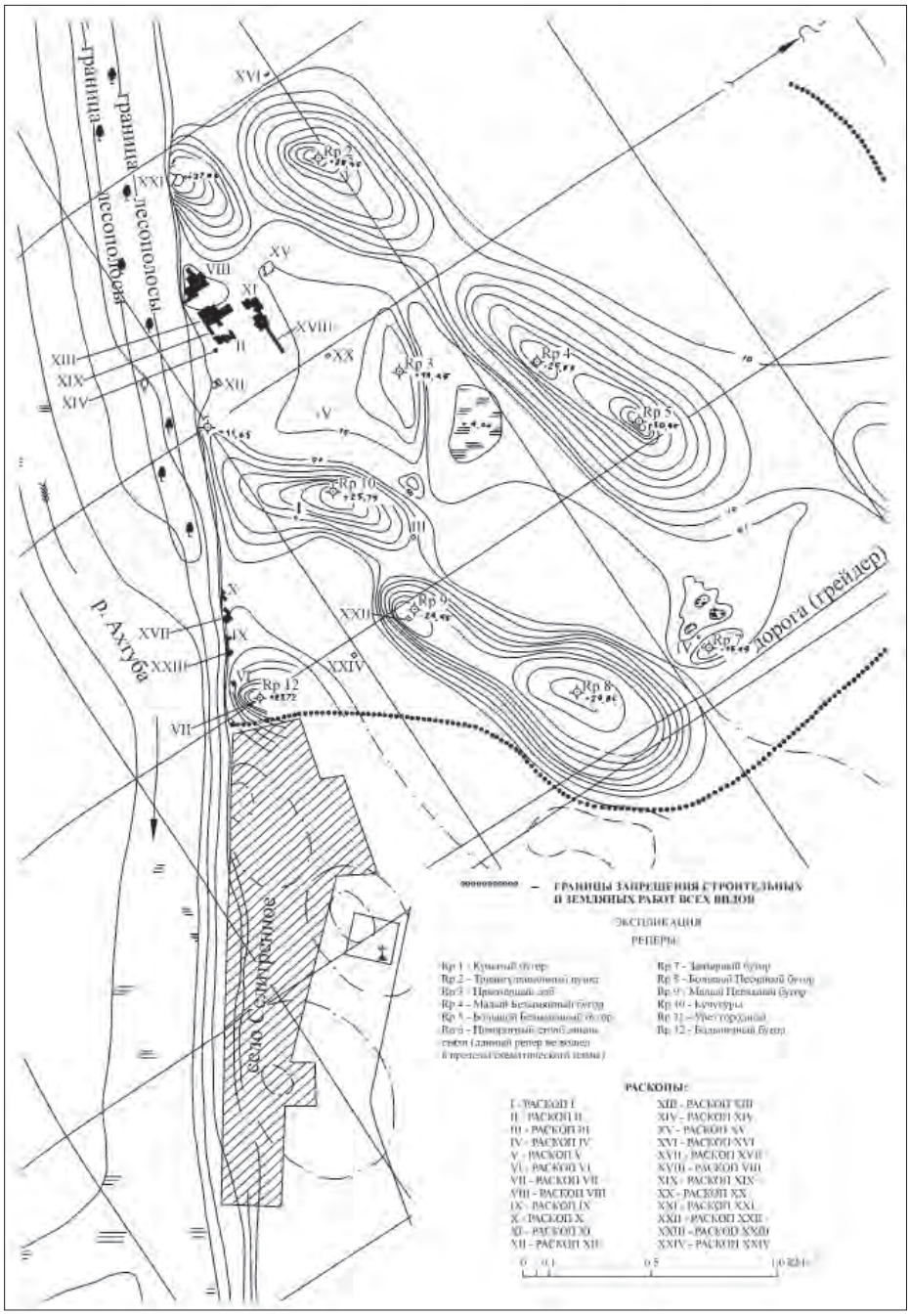


Рис. 1. План-схема центральной части городища с раскопами I-XXIV.

дворцов и общественных зданий велось из обожженного кирпича на известковом растворе. Дома рядовых горожан возводились из сырца и дерева. Основным элементом внутреннего интерьера жилых помещений являлось наличие отопительной системы типа канов и П-образных лежанок-суф (Егоров, 1985, с. 116). Дома и мавзолеи аристократии отличались роскошью отделки.

Монументальная архитектура. Монументальные здания богато украшались разнообразными глиняными и кашинными глазурованными изразцами, глазурованными изразцами на глиняной и кашинной основе, резным ганчем, резной и штампованной терракотой.

Для Селитренного городища, как и для других золотоордынских городов, характерна усадебно-уличная застройка. В ходе раскопок аристократического района Сарая, расположенного между буграми Кучугуры и Красный и возникшего в 30-е гг. XIV в., был исследован общественный центр, состоящий из Джума мечети, здания медресе или ханака, а также общественной бани-хаммам. Общественные постройки окружали дома рядового населения. Также в этом районе были исследованы четыре большие

Рис. 2. План распространения культурного слоя Селитренного городища (по: Зеленеев, Пигарев, 2018, рис. 1)

аристократические усадьбы.

Общественные здания. Самым значительным зданием в этом комплексе была большая мечеть, состоявшая из двух помещений – молитвенного зала и пристройки в северо-западной части здания (Зиливинская, 2022, рис. 6; 7). Стены мечети были сложены из обожженного кирпича и впоследствии почти полностью выбраны: планировку здания удалось проследить по заглубленному в материк ложу стен и отпечаткам кирпичей. Молитвенный зал мечети квадратный в плане, вход в него в северной стене был оформлен массивным порталом. Такой же портал, но значительно меньших размеров, сделан посредине восточной стены. Внутреннее пространство молитвенного зала было разделено на девять нефов восемью рядами колонн. В каждом ряду, кроме двух средних, было восемь колонн. В центре зала, ближе к центральному входу, располагался открытый внутренний дворик, поверхность которого была выложена обожженным кирпичом на известковом растворе. В центре двора сделан водоем в виде большой круглой цистерны, облицованной кирпичом. Пространство к западу от мечети занимали жилые дома. С южной стороны мечети находился некрополь, состоявший из нескольких мавзолеев, склепов и могил с кирпичными надгробиями (мастаба). К востоку от мечети располагалось большое многокомнатное здание, которое по ряду признаков также можно считать общественной постройкой, связанной с мусульманской религией – медресе или ханака (рис. 9 в главе «Архитектура»). Было исследовано два крыла здания, которые были направлены перпендикулярно друг к другу, но скорее всего, оно представляло собой прямоугольную постройку с внутренним двором, по периметру которого располагались помещения. Интерьер жилых помещений составляли очаги с горизонтальными дымоходами (канами) и глинобитные лежанки (суфы). В полу были сделаны умывальники (тошнау). По

всей видимости, это здание является учреждением, связанным с мусульманской религией, скорее всего, медресе (Зиливинская, 2011а, с. 147–148; 2013, с. 82–98; 2014, с. 67–68). В одном крыле его находились стандартные комнаты для студентов, а в другом – домовая мечеть и жилище духовного наставника.

К югу от большой мечети располагалась общественная баня-хаммам (Зиливинская, 2022, рис. 36: 7), предназначенная для зажиточных слоев населения. Внутреннее пространство было разделено на девять помещений. Вход в здание находился с западной стороны. Через входной тамбур и коридор посетитель попадал в предбанник с теплыми суфами вдоль трех стен. Пол предбанника был узорно выложен обожженными кирпичами, а в центре его находился фонтан, к которому вел водопровод из керамических труб (кубуров). В окна предбанника были вставлены ганчевые решетки (панджара) с цветными стеклами. За предбанником находились две раздевальни, в которые можно было попасть и непосредственно из входного тамбура. Стены раздевален были украшены поливными изразцами, а пол узорно выложен шестиугольными кирпичными плитками и изразцами бирюзового цвета. Полы раздевален были теплыми. Отделение для мытья состояло из крестообразного зала и четырех небольших комнат по его углам. Баню и мечеть разделяла площадь или улица шириной 11 м. К северу от бани находились жилые кварталы. Здесь раскопано несколько домов с деревянными и сырцовыми стенами. Рядом с одним из домов обнаружены основания трех юрт. Наличие их свидетельствует о присутствии в городах кочевников или о сохранении кочевых традиций в среде городского населения.

Усадьбы. В этом же районе исследованы четыре крупные аристократические усадьбы (Федоров-Давыдов, 1994, с. 52–59; Зиливинская, 2008, с. 8–90; 2008а; 2010, с. 102–108; Зиливинская, Алексейчук, 2003). Все усадьбы построены в 30–40-е гг. XIV в., а в 60–70-е гг. приходят в упадок.

Усадьба (№ 1) на VIII раскопе находилась в 60 м к ЮЗ от общественного центра. Двор усадьбы окружала сырцовая стена. Центральный дом был почти квадратным в плане (рис. 44: 1 в главе «Архитектура»). Стены его сложены из большеформатного сырца в два ряда кирпича. Здание разделено двумя меридиональными стенами на три ряда помещений. В центре среднего ряда находился большой прямоугольный зал. В него можно было попасть со двора через тамбурные помещения, расположенные с северной и южной его сторон. В тамбурах вдоль стен были сложены Г-образные суфы. На северной платформе пола зала был сооружен подиум, мощенный обожженным кирпичом, в котором сохранились остатки деревянных столбиков, поддерживающих балдахин. Пол средней части зала также был выложен кирпичом, и в центре его сделан квадратный бассейн. Вода в бассейн поступала по каналу, идущему со двора через южный тамбур под вымосткой пола, и выводилась по такому же каналу, протянутому на север. С запада и востока центральный зал был окружен комнатами различного назначения. Дом подвергался многочисленным перестройкам. В 60–70-е гг. XIV в. усадьба пришла в упадок, зал был заброшен, а бассейн засыпан мусором. В 80–90-е гг. XIV в. наступает полная гибель усадьбы, и на ее месте возникает обширный некрополь.

Примерно в 200 м к северу от общественного центра, на XV раскопе, была изучена еще одна усадьба (№ 2), сырцовый дом которой имеет сходную планировку и построен в такой же строительной технике (Зилвинская, 2022, рис. 44: 2). Здание было квадратным, но несколько меньшего размера. Комнаты располагались в три ряда. Вход по центру южной стены вел в тамбур, вымощенный обожженным кирпичом, с суфами вдоль меридиональных стен. К северу от тамбура находился большой приемный зал, пол которого был фигурно выложен кирпичом. У северной стены находился подиум в виде плотно утрамбованного массива земли. Во дворе было обнаружено пять открытых очагов, бадрап, погреб, хозяйственные и мусорные ямы и арык. Дувал усадьбы, сложенный из сырца, имел высоту не менее 1,5 м. К востоку от стены усадьбы находился общественный хауз. После запустения усадьбы на ее месте также возникает некрополь.

В 50 м к северу от Джума мечети находилась усадьба (№ 3), принадлежавшая знатному феодалу. Ее центральное здание является самой крупной усадебной постройкой в пределах Золотой Орды (рис. 3). Оно представляло собой многокомнатный дом, внешние стены которого были сложены из обожженного кирпича и имели толщину 90 см. Внутренние стены были фахверковыми из дерева и сырца. Центральное положение занимала анфилада парадных помещений, которая начиналась обширным подъездом со ступенями и пандусом с южной стороны. Дверной проем вел в помещение вестибюля суфами и далее – в распределительный тамбур, в который вели двери нескольких помещений. Два скользящих вдоль меридиональных стен прохода соединяли его с центральным залом.

Помещение зала было прямоугольным в плане, в южной части его находилось возвышение, выложенное кирпичом на известковом растворе. В средней части зала вдоль стен находились узкие суфы. На севере было сделано еще одно возвышение большей площади, чем южное, также облицо-

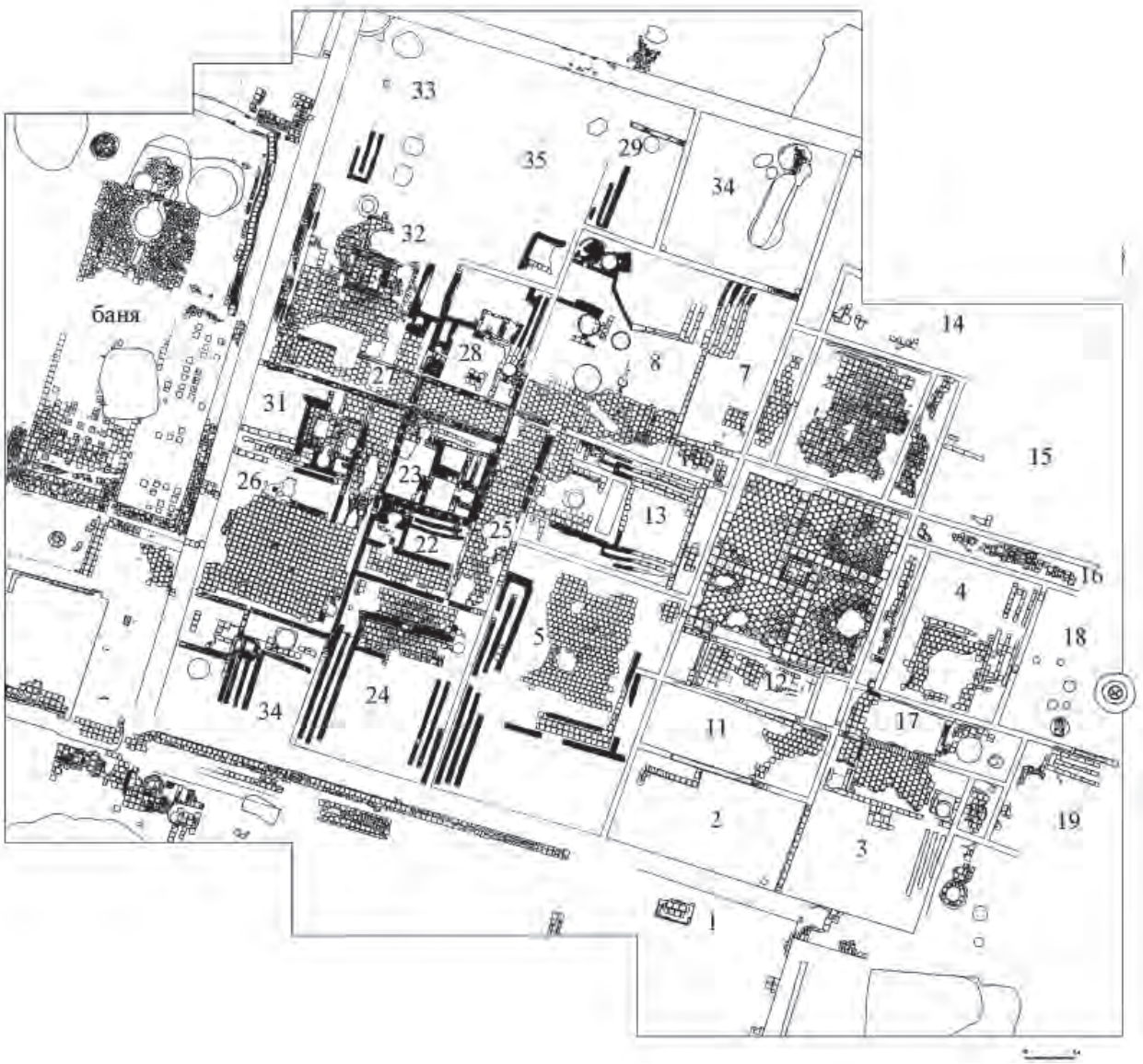


Рис. 3. План дворцового здания на XI раскопе (по: Зиливинская, 2019, рис. 132)

ванное кирпичом. С востока и запада от него находились проходы, ведущие в северные помещения. Суфы с четырех сторон окружали пол с большим тошнау в центре. Пол вымощен плитами двух видов: из крупногабаритных квадратных плит выложен бордюр по краю пола, квадрат, окаймляющий тошнау в центре, и дорожки, идущие от углов квадрата и образующие крестовидную фигуру. Пространство между дорожками заполнено шестиугольной кирпичной плиткой. Стены зала украшали большие мозаичные панно, состоящие из фигурных полихромных элементов с позолотой.

Всего было исследовано около 35 помещений, имевших жилое и хозяйственное назначение. Кроме обычных комнат с суфой и каном здесь была домашняя пекарня с несколькими тандырами, кладовая с жерновами для перемалывания зерна, ванная комната и детская с нацарапанными на стенах детскими рисунками. Комнаты соединялись между собой при помощи коридоров и распределительных тамбуров. Таким образом, дворцовое здание на XI раскопе имело сложную планировку.

Здание, которое можно считать настоящим дворцом, окружали различные постройки. Возле его западной стены находилась усадебная баня, состоявшая из неотапливаемого предбанника и мыльного помещения (рис. 38: 9–10 в главе «Архитектура») (Зиливинская, 1989, с. 256–264; 2001, с. 192–195). Перед парадным входом во дворец стояла двухкомнатная постройка с восьмиугольным дастарханом. Вероятно, она являлась садовым павильоном. К западу от бани раскопаны жилые дома со стенами из сырца или обломков

обожженных кирпичей. Интерьеры комнат там вполне обычны и состоят из суф, тандыров с канами и тошнау. Возможно, в этих домах жили привилегированные слуги. Жилищем для прислуги, вероятно, являлась и большая двухкамерная землянка, в каждом из помещений которой были обогреваемые суфы. Двор усадьбы окружала стена с основанием из обломков кирпичей. Внутри двора также обнаружены различные хозяйственные ямы, бадрапы, усадебный хауз.

Четвертая усадьба находилась в 150 м от общественного центра, на самой вершине Красного бугра (раскоп XXI). Здание ее было сильно разрушено, поэтому можно лишь оценить его планировку в целом (рис. 4). Здание состоит из нескольких блоков с кирпичными, сырцовыми и деревянными стенами. Большая часть помещений в нем предназначена для жилья, но есть парадная жилая комната, хозяйственный дворик, коридоры и распределительный тамбур. Парадная часть здания представлена парадным тамбуром и большим залом для приемов. Здание усадьбы представляет собой конгломерат из нескольких механически соединенных частей, каждая из них имеет довольно продуманную и логичную планировку. Но соединенные вместе они образуют здание, планировку которого нельзя считать упорядоченной.

Наличие в домах больших парадных залов, предназначенных для приемов, говорит о том, что хозяевами этих усадеб являлись именно верхи золотоордынского общества. Крупные усадьбы, окруженные дувалом, составляли целые кварталы города. Они состояли из центрального дома, жилищ прислуги, хозяйственных построек, различных мастерских, других построек, таких как садовые павильоны и усадебные бани. Тем не менее они также были вписаны в городскую планировку. Свидетельством этого является тот факт, что стены их имеют такое же направление, как стены мечети и окружающих ее построек. Это доказывает, что в XIV в. город строился по единому плану (Зиливинская, Васильев, 2016, с. 656–658).

Благоустройство. Большое значение для любого города имеет система водоснабжения. Селитренное городище вытянуто вдоль левого берега Ахтубы. Вода из реки черпалась при помощи чигирных устройств. Вода поступала в систему арыков, которые плотной сетью покрывали все пространство города. Для накопления воды служили водоемы-хаузы. Хаузы находились как на улицах, так и внутри крупных усадеб. В общественные здания, такие как бани, а также в уличные водоемы вода поступала по водопроводу, сложенному из керамических труб-кубуров. Для отвода сточных вод в городе была сделана канализация. Участок канализационной системы был вскрыт под площадью между мечетью и общественной баней. В нее по сливному лотку поступала вода из моечных помещений бани. Для сооружения канализации была выкопана траншея, в которую уложены деревянные трубы, сделанные из выдолбленных в средней части бревен. Вода по этим трубам поступала в квадратный в плане колодец-отстойник, стенки которого обложены обожженным кирпичом. Излишки воды стекали дальше по другой ветке канализационного канала. На улице, за общественной баней, был раскопан туалет, представлявший собой небольшое здание со стенами фахверковой конструкции, разделенный на два отдельных помещения, что указывает на его общественный характер.

Ремесло. Селитренное городище является также крупнейшим в государстве центром ремесленного производства. За время археологического изучения на его территории были зафиксированы и исследованы остатки двенадцати гончарных мастерских, разных по размеру, объему производства и техническому оснащению, связанных с производством посуды, кирпича и иных керамических изделий (Пигарев, 2015а, с. 100–101). Локализация раскопанных объектов, связанных с гончарным производством, позволила выделить на территории города как отдельные мастерские, так и целые гончарные районы (кварталы). Работы на раскопе II (1966–1971, 1975–1977, 1982, 1983 гг.) и раскопе XXXIX (2005, 2007, 2009 гг.) раскрыли большие керамические производства, крупные керамические мастерские, ранее не встречавшиеся на других золотоордынских городищах. Они представляли собой большие фабрики – «кархана» с принудительным трудом специалистов разных профилей под единым началом. Такие «кархана» были в собственности ханов и представителей высших слоев общества (Федоров-Давыдов, Булатов, 1989, с. 133–239; Пигарев, 2015а, с. 87–98). Раскопанные мастерские производили все виды керамики: красноглиняную неполивную, штампованную, различные виды красноглиняной и кашинной поливной керамики, вплоть до полихромной керамики с надглазурной росписью (минаи) и псевдоселадона; в них изготовлялись архитектурный декор в виде кашинной мозаики, майолики на кашине и красной глине, поливные кирпичи, резные и штампованные терракотовые плитки, резной и штампованный ганч (Федоров-Давыдов, Булатов, 1989).

Кроме керамического производства на Селитренном городище отмечены следы металлургического, ювелирного, косторезного и стеклоделательного ремесла (Егоров, 1985, с. 116; Галкин, 1984, с. 213–221; Пигарев, 2018).

Торговля. Огромное значение для расцвета

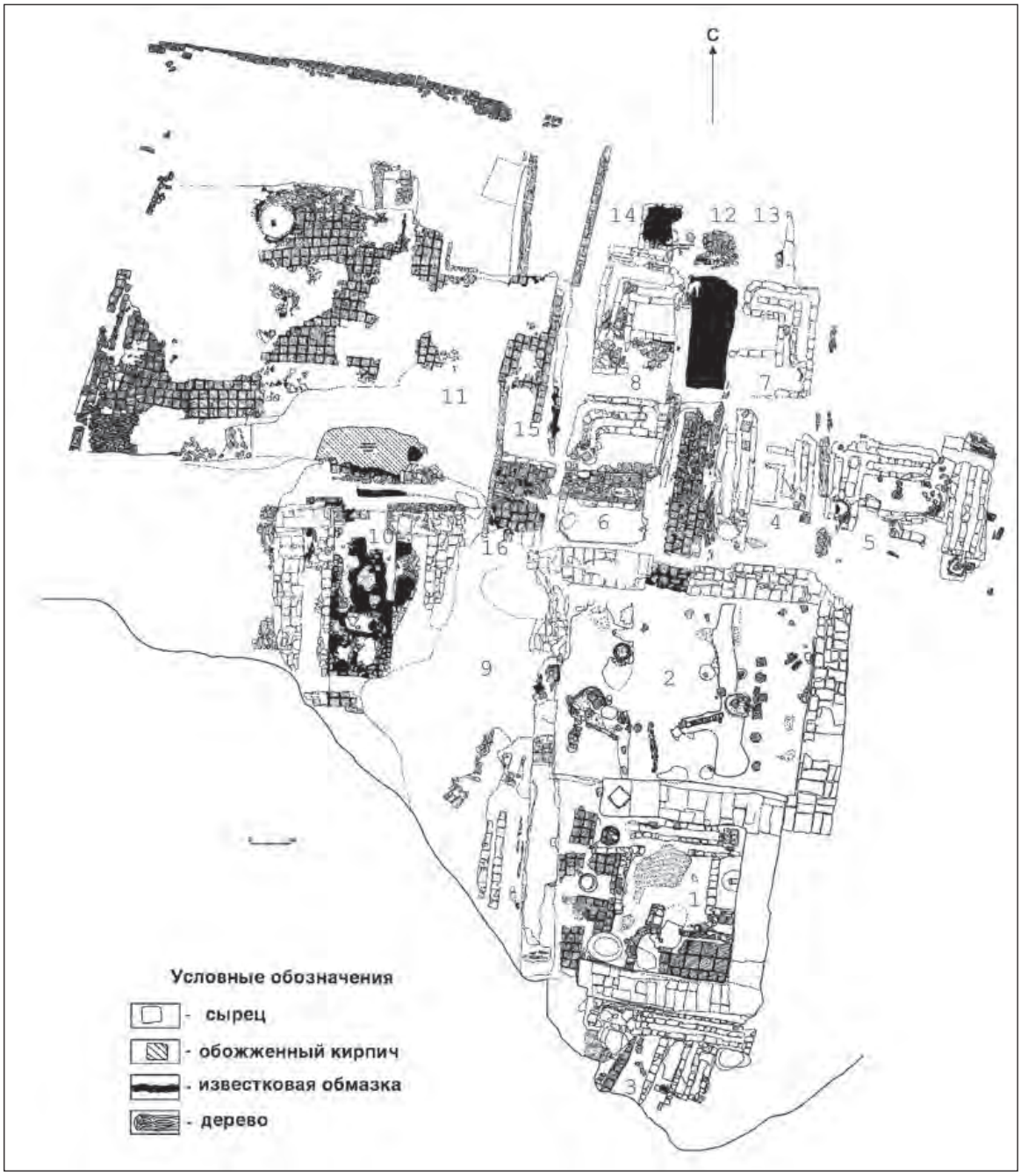


Рис. 4. План усадебного здания на XXI раскопе (по: Зиливинская, 2019, рис. 141)

золотоордынской столицы имела мировая транзитная торговля. Через Сарай проходили торговые пути, по которым в Европу поступали шелк, восточные пряности, предметы роскоши. Ибн Баттута пишет, что в городе жили византийцы и выходцы с Ближнего Востока, он сообщает: «Каждый народ живет в своем участке отдельно; там и базары их. Купцы же и чужеземцы из обоих Ираков, из Египта, Сирии и других мест живут в (особом) участке, где стена ограждает имущество купцов». На городище известны многочисленные находки разнообразной керамики, изделий из стекла и металла, произведенных в Европе, Китае, Сирии, Египте, Иране, Средней Азии, Закавказье. Все это говорит о наличии в Сарае настоящих торговых колоний, функционирование которых показывает высокий уровень развития внешнеторговых связей золотоордынской столицы. Даже в середине XV в. торговля в столице приносила немалые доходы иноземным купцам (Недашковский, 2009, с. 277–287).

Этнический состав и конфессии. Сарай как столица огромной империи был полиэтничным и многоконфессиональным городом. Несмотря на то, что город имел восточный культурный облик, он был заселен и монголами, и половцами, и болгарами, и русскими, и выходцами из Средней Азии, Кавказа, Крыма, и другими народами (Фёдоров-Давыдов, 1994, с. 208). Среди огромного

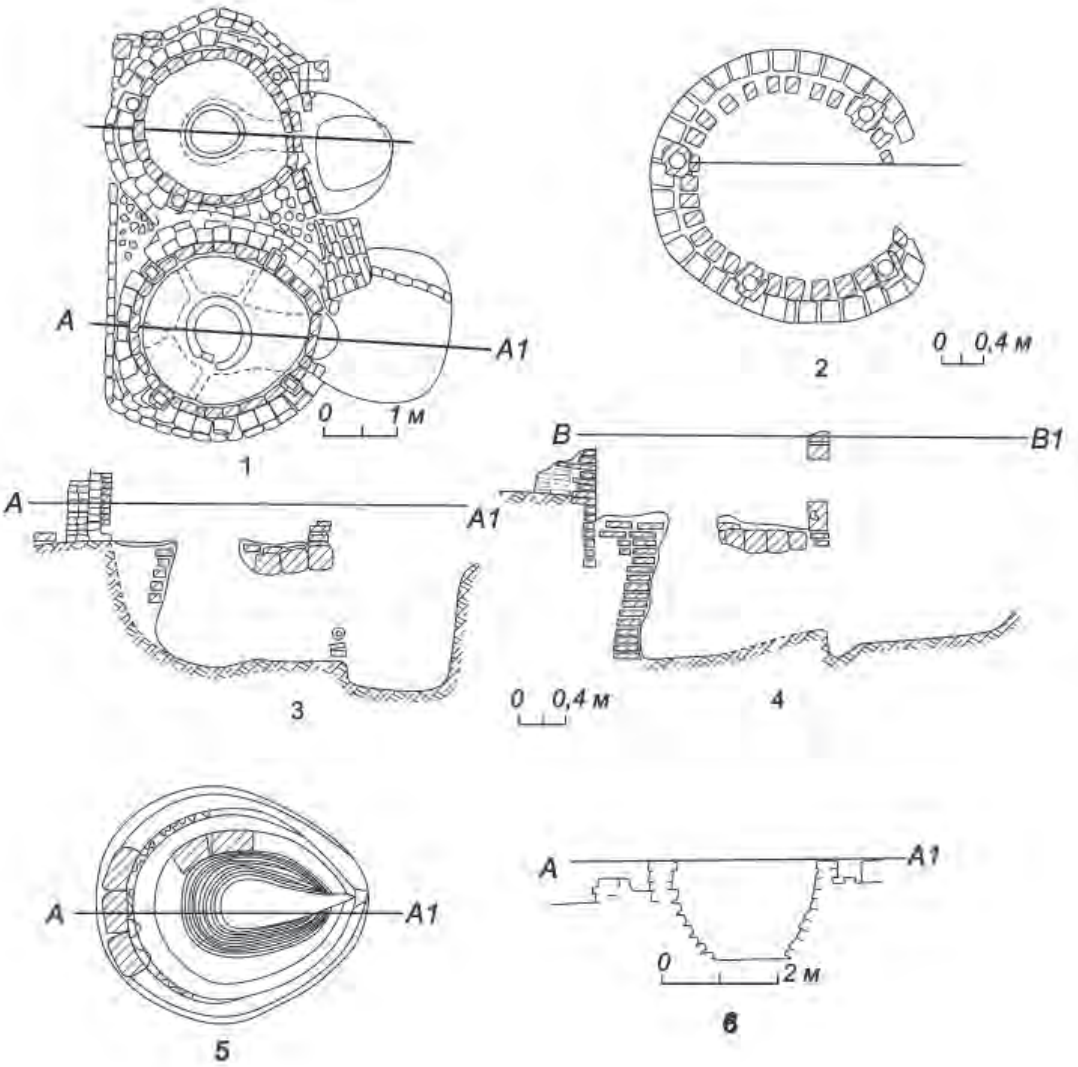


Рис. 5. Гончарные горны со II раскопа Селитренного городища: 1 – план горнов 20 и 23; 2 – горизонтальный разрез горна 23 на уровне штырей; 3 – разрез горна 20 по линии А-А'; 4 – разрез горна 23 по линии В-В'; 5 – план горна 1; 6 – разрез горна 1.

количества находок, в полной широте раскрывающих культуру ислама, на городище встречены предметы, принадлежащие шаманским культам (онгоны-ильтаханы). Кроме того, в небольшом количестве известны образцы русской керамики и предметы православной христианской церкви (кресты-энколпионы, иконки).

Погребальные памятники. В период расцвета города (30–60-е гг. XIV в.) некрополи, вероятно, находились за его пределами. Но после смуты 60–70-х гг. город постепенно приходит в упадок, и кладбища наступают на жилые кварталы. Это хорошо было прослежено на VIII раскопе, где прямо на территории аристократической усадьбы в последний период возникает обширный некрополь (исследовано более 400 погребений). На других раскопах наблюдается сходная ситуация.

Наиболее знатных людей хоронили в мавзолеях различного плана (Зиливинская, 2014а, с. 303–305, рис. 24–26). Самую простую планировку имели мавзолеи № 1 и № 2 (рис. 6: 1–2). Оба они были квадратными в плане и не имели портала. Стены сложены из обожженных кирпичей и их обломков на глиняном растворе. В обеих постройках полы вымощены обожженными кирпичами, а в мавзолее № 2 прослеживалась белая штукатурка на стенах. В обоих зданиях могильные ямы располагались у северной стены и имели по два погребения. Мавзолей № 3 также был квадратным в плане, но несколько больших размеров. Стены его сложены из большеформатного сырца (рис. 6: 3). Вход в мавзолей сделан с южной стороны. Он был обрамлен двумя выступающими пилонами, уложенными в перевязку с южной стеной. Пол в мавзолее глинобитный, в нём находились три погребения с надгробиями типа мастаба. Мавзолеи № 4 и 5 относятся к иному типу планировки (рис. 6: 4–5). Обе постройки имели прямоугольную в

плане форму. Они состояли из квадратного в плане помещения усыпальницы и мощного портала с айваном. Стены их сложены из обожженного кирпича на глиняном растворе. В мавзолее № 4 с южной стороны находился айван, ширина которого была равна ширине здания. В стенах его были сделаны широкие и очень неглубокие ниши, то есть зал имел неразвитую крестообразную планировку. Пол был выложен обломками обожженных кирпичей, в нём находились две могильные ямы, в одной из которых лежали четыре костяка, а в другой – один. В мавзолее № 5 вход в здание находился с южной стороны и был ограничен двумя массивными пилонами. Усыпальница мавзолея была квадратной формы, стены ее были изнутри оштукатурены ганчевым раствором. В центре пола гурханы было сделано возвышение, в середине которого находился двухкамерный склеп со стенками из обожженных кирпичей. Сходную планировку имел мавзолей № 6 на XI раскопе (рис. 6: 6). Мавзолеи, вскрытые при раскопках к югу от мечети, были в значительной степени разрушены. Большой портальный мавзолей в течение рядя лет копался на XX раскопе между буграми Кучугуры и Красный. В последние годы был найден и исследован портальный мавзолей на Змеином бугре (Гречкина, 2011).

Менее знатные жители были похоронены в грунтовых могилах, в конструкции которых наблюдается значительное многообразие. Это простые прямоугольные ямы, ямы с заплечиками и подбоем. Они могли быть просто засыпаны землей, а могли быть перекрыты сырцовыми кирпичами, уложенными плашмя, косо на ребре или в виде свода (Яблонский, 1977; 1980а). Антропологический состав населения Селитренного городища был неоднородным, с преобладанием европеоидной и монголоидной составляющих. Монголоидные признаки преобладают у захороненных на некрополе Селитренного городища аристократов, у рядового населения доминирует комплекс европеоидных признаков (Герасимова и др., 1987, с. 186–212).

На Селитренном городище был изучен такой интересный тип погребальных сооружений, как склепы-мавзолеи. Эти склепы представляют собой постройки, сложенные из обожженного кирпича вторичного использования. Нижняя их часть, обычно квадратная или прямоугольная в плане, находилась в специально вырытом котловане. Стены постепенно переходили в полусферический купол, который полностью или частично возвышался над землей. В прошлые времена эти купола жители называли «каменными кибитками» или «выходами». Обследование местности показало, что Больничный бугор и северная окраина с. Селитренного представляют собой некрополь, на котором было выявлено более десяти склепов, выходящих на дневную поверхность.

Несколько склепов-мавзолеев было изучено при археологических раскопках Селитренного городища. ПАЭ были исследованы склепы на Больничном бугре (№ 1) и к югу от мечети (№ 2) (Зиливинская и др., 2012, с. 16–18). В 2004–2005 гг. были раскопаны два склепа (№ 4–5) в западной части села (рис. 7) и на юго-восточном склоне Больничного бугра (Пигарев, 2008, с. 503–504). Один из склепов (№ 3), сохранившийся почти полностью, находится в настоящее время под жилым домом в с. Селитренном, в северо-западной его части. Эта постройка была исследована еще Ф.В. Баллодом, который составил схематический ее план. В 2002 г. было проведено обследование сохранившегося объекта, сделано его подробное описание, выполнены архитектурные обмеры, на основании которых вычерчен план и разрезы здания (Рудаков, Мазур, 2011). Большинство склепов разрушены и ограблены. В склепах зафиксированы коллективные захоронения, иногда с остатками гробов. В двух склепах найдены скелеты собак. Все исследователи связывают этот погребальный обряд с ногайцами. Этот вывод подтверждается находкой в одном из них клада из 23 серебряных джучидских монет чеканки первой половины XV в. Самая поздняя монета датируется 1457/1458 г.

Хронология. На Селитренном городище в единичных экземплярах встречаются монеты, выпущенные в 10–20-е гг. XIV в., а монеты XIII в. практически отсутствуют. Начало экономической жизни города, скорее всего, относится к 30 гг. XIV в., так как начиная с 737 г. х. (1336–1337 гг.) количество монет резко возрастает. Но больше всего (80%) монет относится ко времени правления Узбека, Джанибека и ханов начального периода междоусобиц (1359–1367 гг.). Во втором периоде «замятни» (1368–80 гг.) в Орде наступает кризис монетного дела, и нумизматических находок этого времени на Селитренном городище немного. После объединения страны Тохтамышем и проведения денежной реформы чеканка монет оживляется. На Селитренном городище доля монет 80–90-х гг. довольно значительна: 12,06% пулов и 15,9% дирхемов от количества монет с определимым временем чеканки. В первой половине XV в. в Сарае достаточно интенсивно чеканятся серебряные и медные монеты. В 1438 г. Сарай посетил ширазский купец Шамс ад-Дин Мухаммад. В столицу Улуса он прибыл из Хорезма с караваном, состоявшим из 20 верблюдов. Товары были проданы со средней прибылью в 50%. В Сарае Шамс ад-Дин приобрел на соммы и динары китайские

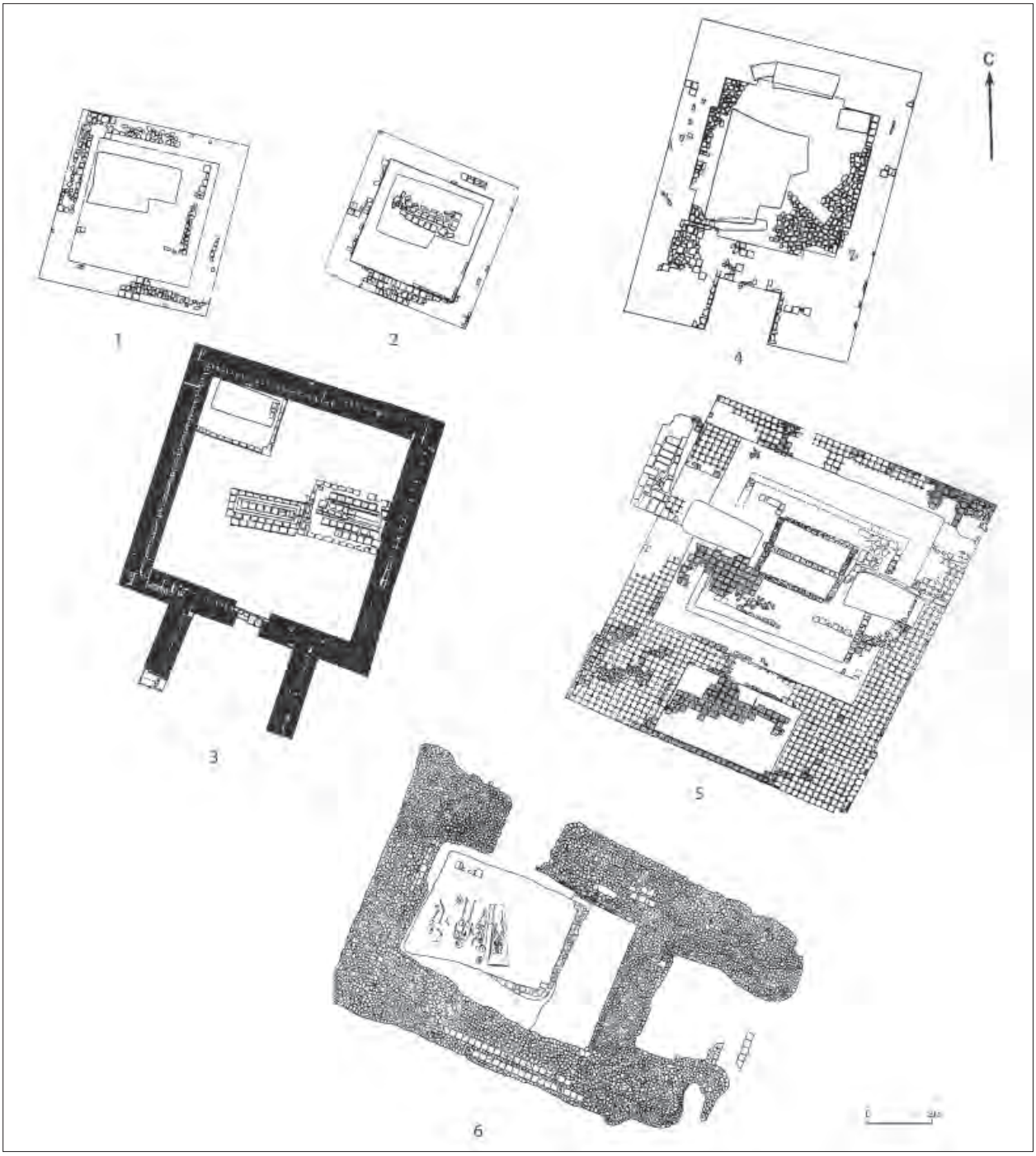


Рис. 6. Мавзолеи Селитренного городища: 1 – № 1; 2 – № 2; 3 – № 3; 4 – № 4; 5 – № 5; 6 – № 6 (по: Зиливинская, 2014, рис. 132: 1 - 3; 133: 1 - 2; 134: 1)

шелк-сырец, шелковую камку и атлас; русское полотно; европейское сукно общей суммой на 45900 динаров (Заходер, 1967, с. 166–172). В XV в. началась интенсивная чеканка на монетном дворе Иль Уй Муаззама («Дом страны высочайшей») поселения Каменный бугор, расположенном на юго-восточной окраине Селитренного городища, возможно, являющемся ставкой золотоордынских ханов.

С распадом Золотой Орды Сарай ал-Джедид теряет свой столичный статус, но не исчезает. В различных письменных источниках неоднократно встречаются упоминания о Сарае этого периода: 1554 г – поход московских войск на Астрахань (Пигарев, 2009, с. 206); 1640–1641 гг. – путешествие Эвлия Челеби (Эвлия Челеби, 1979, с. 140–142). Русские письменные источники сообщают, что многочисленные монументальные постройки Сарая сохранились до второй половины XVI века,

Рис. 7. Полуподземный склеп-мавзолей в селе Селитренном (фото Е.М. Пигарева).

когда царь Федор Иоаннович в 1578 г. велел ломать «мизгити и полаты в Золотой Орде и тем делати город» Астрахань (ПСРЛ, 1978, с. 196). Маловероятно, что разрушение Сарая производилось только силами пришедшего на Нижнюю Волгу русского населения, в силу его не многочисленности. Видимо, в этом процессе немалую роль играло местное население, проживавшее здесь после распада Улуса Джучи. В это время были разрушены почти все наземные сооружения золотоордынских городищ, расположенных в нижнем течении Ахтубы и в дельте Волги, в том числе и остатки города, получившего позднее в научной литературе наименование «Селитренное городище».

Около 1710 г. на месте развалин был устроен казенный завод для добывания селитры, из которой изготовляли порох. Завод с поселком рабочих стал известен под названием «Селитренного городка». Для защиты поселка от калмыцких набегов была построена небольшая крепость, внутри которой находилась церковь и селитренный завод. Эту крепость в еще действующем состоянии, с командой солдат и десятью пушками, видел и кратко описал академик И.П. Фальк в 1770 г. во время его ученых путешествий (Полное..., 1824, с. 139–140). Развалины башен Селитренного городка, построенных из битого золотоордынского кирпича, виднелись на поверхности земли вплоть до конца XIX столетия. Рядом с заводом возникло одноименное селение из беглых крестьян с центральной России и Украины, которое к концу XIX столетия насчитывало уже более трех тысяч жителей (Полное..., 1824, с. 140–141). Жители села в поисках кладов и с целью добычи кирпича для постройки своих домов и хозяйственных сооружений продолжали разрушать городище.

Название города. Вопрос о названии города, остатками которого является Селитренное городище, рассматривался с конца XVIII в. В письменных источниках при упоминании столицы встречаются названия Сарай и Новый Сарай. На роль столичного города претендовали два самых крупных в Поволжье памятника – Селитренное городище и Царевское городище в Волгоградской области. Большинство исследователей XVIII–XIX вв. (П.И. Рычков, С.Г. Гмелин, А.Ф. Леопольдов, В.В. Григорьев, Ф.Ф. Чекалин, В.К. Трутовский) считали Сараем Царевское городище, где лучше сохранился микрорельеф и были найдены богатые находки во время раскопок А.В. Терещенко в 1843–1851 гг. При этом некоторые из них считали, что Сарай был один, а Новым Сараем назывался дворец или пригород. Но уже в начале XIX в. Н.М. Карамзин высказал предположение, что первой столицей Золотой Орды, Сараем, являлось Селитренное городище. Эту точку зрения поддержал И. Осмоловский, Ф.К. Брун доказывал, что было два Сарая: один на месте Селитренного городища, а другой – Сарай аль-Джедид – на Царевском городище.

В начале XX в. Ф.В. Баллод, А.А. Кротков, П.С. Рыков, А.Ю. Якубовский придерживались гипотезы о существовании двух Сараев, причем первоначальной столицей (Сараем) считалось Се-

литренное, а Новым Сараем – Царевское городище (Рудаков, 2000, с. 305–310). Масштабные работы Поволжской экспедиции под руководством Г.А. Федорова-Давыдова, как было принято считать, окончательно разрешили этот вопрос. В науке утвердилась концепция о том, что первая столица Золотой Орды, Сарай, был построен ханом Бату около 1250 г. на месте Селитренного городища. В конце правления хана Узбека была возведена новая столица на месте Царевского городища, и при Джанибеке туда перенесли ханскую резиденцию, где началась чеканка монет с легендой «Сарай ал-Джедид» (Новый Сарай) (Федоров-Давыдов, 1964, с. 270–271; Егоров, 1985, с. 112–116).

Однако в конце 90-х гг. XX в. И.В. Евстратов и Ю.Е. Варваровский на основе нумизматического исследования пришли к выводу, что Царевское городище является остатками Гюлистана, а Сарай и Сарай ал-Джедид являются одним и тем же городом и находятся на Селитренном городище. Позже эта гипотеза была поддержана В.Г. Рудаковым (Рудаков, 2000, с. 320; 2007, с. 19–24) и Е.Ю. Гончаровым (Гончаров, 2000). Рассмотрев письменные источники, средневековые карты, проведя анализ нумизматических находок, В.Г. Рудаков пришел к выводу, что столичный Сарай на месте Селитренного городища возник только во времена Узбека. Эта новая теория вызвала оживленную дискуссию. И.В. Волков подверг выводы исследователей критике, в ряде работ ему удалось убедительно доказать, что Сарай и Новый Сарай – это два разных города (Волков, 2000; 2010). Отсутствие культурных слоев и нумизматических находок до 30-х гг. XIV в. не позволяет считать Селитренное городище первоначальной столицей Золотой Орды (Пигарев, 2015б, с. 100).

ЦАРЕВСКОЕ ГОРОДИЩЕ

Царевское городище располагается на левом берегу старого русла Ахтубы, у с. Царев Ленинского района Волгоградской области (рис. 1).

История изучения. Городище являлось крупнейшим населенным пунктом Золотой Орды. Оно издавна привлекало к себе внимание. В конце XVI – XVII вв. по царским указам на Царевском городище была организована добыча кирпича и извести, которые вывозили для строительства Астраханского кремля и построек Царицына. «Кирпишной ломкой» занимались стрельцы, специально отряжаемые для этого царицынским воеводой.

В бытности начальником «Калмыцкой комиссии», созданной для выборов нового наместника Калмыцкого ханства, Царевское городище посетил известный русский историк В.Н. Татищев[1] (1686–1750). В период своих ученых путешествий по южным провинциям России в 1769 г. на памятнике побывал С.Г. Гмелин, осмотрев «остатки старинного города, который был столицей царя великой Татарии Ахмета» и составив краткое его описание (Гмелин, 1777, с. 12). В 1773 и в 1793 гг. во время своих поездок по югу России на Царевское городище заезжал П.С. Паллас (Паллас, 1788; 2008, с. 107–109) Размеры Царевского городища впервые опубликовал П.И. Рычков, пользуясь информацией В.Н. Татищева (Рычков, 1767, с. 23). В 1838 г. Царев посетили братья Чернецовы, в течение одного дня осмотревшие объекты городища и отметившие их плохую сохранность (Чернецовы, 1970, с. 191).

В 1842 г. под руководством начальника межевания казенных земель в Саратовской губернии Н.К. Тетерникова был снят первый инструментальный план Царевского городища (Савельев, 2013, с. 35–48).

Саратовский краевед А.Ф. Леопольдов, исследовавший Царевское городище в первой половине XIX в., был поражен величиной его развалин и богатыми находками. Он писал: «Здания его были обширны, высоки, широки. В руинах находили отличной доброты кирпич, иногда позолоченные колонны мраморные, карнизы алебастровые, мозаику; Сарай украшали каменные фонтаны, водопроводы со свинцовыми трубами, бассейны, сады тутовые. В нем открывали склепы в коих находили… разные драгоценности» (Леопольдов, 1837, с. 123–132). В этот же период среди Царевских развалин местными жителями была найдена золотая корона в полфунта весом и продана ими за 25 рублей. В 1840 г. она была приобретена сарептским старшиной-пастором Цвиком и вывезена в Германию. Там она получила название «корона Джанибека» и долгое время хранилась в музее города Иена. В 1906 г. А.А. Спицыным была сделана прорисовка и описание этого изделия (Савельев, 2013) (рис. 2). Находка и вывоз драгоценной вещи за границу привлекли внимание саратовского губернатора, который обратился к министру

[1] По мнению А.А. Глухова, опирающегося на одно из писем к советнику канцелярии Академии наук И.Д. Шумахеру, В.Н. Татищев, являясь с 1741 г. начальником Калмыцкой комиссии и губернатором Астраханского края, оставил достаточно подробные описания Селитренного городища, но на Царевском городище лично не бывал. Первым из ученых-путешественников, кто лично посетил Царевские развалины, был академик Самуил Готлиб Гмелин в 1769 г. (Глухов, 2014, с. 92–93).

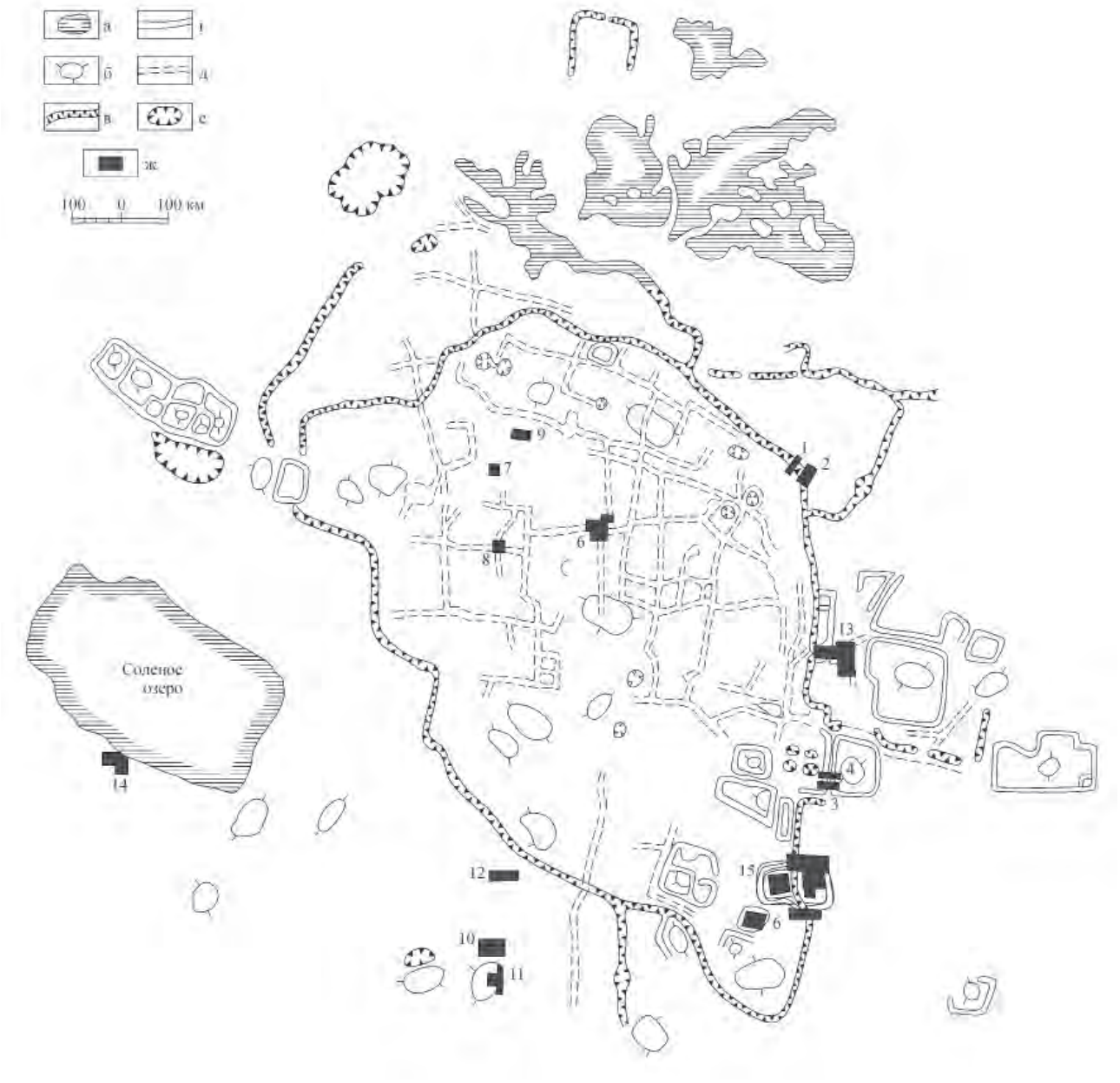


Рис. 1. План Царевского городища с раскопами ПАЭ (по Г.А. Федорову-Давыдову).

Условные обозначения: а – озера; б – всхолмления; в – рвы и арыки; г – стены усадеб; д – улицы; е – ямы, водоемы; ж – раскопы ПАЭ: 1 – раскоп VIII 1961 года; 2 – раскоп IX 1962 года; 3 – раскоп IV 1963 года; 4 – раскоп V 1963 года; 5 – раскопы IV и V 1961 года; 6 – раскопы I , III, VI 1963 года; 7 – раскоп I 1959 года; 8 – раскоп I 1964 года; 9 – раскоп III 1962 года; 10 – раскоп «дом с юртами»; 11 – раскоп «дом на дюне»; 12 – раскопы: II 1959 года, II 1961 года, II 1962 года, III и V 1964 года, III 1965 года; 13 – раскоп «три усадьбы»; 14 – могильник (раскопы II 1960 года, VI и VII 1961 года, VIII 1962 года); 15 – раскопы: V 1965 года, I 1966 года, I 1967 года, I и III 1968 года

внутренних дел с предложением начать раскопки Царевских развалин для добычи ценных предметов старины. Для этих целей в 1843 г. в уездный город Царев был откомандирован титулярный советник МВД Александр Власьевич Терещенко. Университетское образование, длительная работа в Румянцевском музее, научные поездки во Францию, Германию, Италию, широкая эрудиция позволили А.В. Терещенко подойти к исследованию памятника с научных позиций (Терещенко, 1909, с. 14–44). Был снят новый план царевских развалин, велось описание раскапываемых объектов, которые отмечались на плане местности, составлялись их чертежи, подвергался предварительной обработке и определению нумизматический материал (Григорьев, 1847, с. 27). Но после нескольких лет работы на городище А.В. Терещенко переориентировался исключительно на добычу

ценных предметов, и раскопки приняли кладоискательский характер. Так или иначе, девятилетние труды царского чиновника дали богатейший научный материал. На значительной площади памятника были исследованы монументальные постройки, ремесленные комплексы, дома, базарная площадь, мусульманский некрополь, получены значительная нумизматическая коллекция и обширный бытовой инвентарь, среди которого выделяются серебряная чаша черниговского князя Владимира Давидовыча, золотая чаша, украшенная дельфинами, весом 850 г, серебряное блюдо с надписью на кыпчакском языке, клад серебряных полуфунтовых слитков (Блохин, Яворская, 2006, с. 76). В то же время ни местные, ни центральные власти не сумели организовать должного хранения и обработку этого бесценного материала. Сдаваемые А.В. Терещенко царевской полиции предметы сваливались в огромные, смешанные в беспорядке кучи. Не лучше обстояло дело и с вещами, отправленными в МВД. Оттуда они поступили в Императорскую Археологическую комиссию, где был устроен так называемый «научный разбор» царевских древностей. После него в Эрмитаж и Оружейную палату поступили только наиболее ценные красивые предметы. Остальные вещи уничтожались. Нумизматический материал без какой-либо основательной обработки передавался в провинциальные музеи и университеты. Впоследствии из архивов исчезли дневники, рисунки и чертежи А.В. Терещенко. В результате огромная работа во многом была обесценена для науки (Блохин, Яворская, 2006, с. 76–77).

В 20-е гг. XX в. казанскому профессору Ф.В. Баллоду, несмотря на сложную обстановку гражданской войны, голод, нехватку средств, удалось организовать экспедицию, направленную на исследование Поволжских населенных пунктов Золотой Орды. Проведя несколько недель на Царевском городище, исследователь попытался разобраться в его исторической топографии и провел раскопки нескольких усадеб и домов (Баллод, 1923, с. 14–29) (рис. 3). К заслугам исследователя относят изучение им системы водоснабжения города и подробную характеристику устройства искусственного каскадного водохранилища в северной части городища (Баллод, 1923, с. 21–22, табл. 3–5; Глухов, 2015, с. 32) (рис. 4).

Систематические раскопки Царевского городища были начаты в 1959 г. Поволжской археологической экспедицией под руководством Г.А. Федорова-Давыдова (Федоров-Давыдов,1964, с. 248–271). Работы были организованы и финансированы МГУ, Казанским гос. университетом, Институтом археологии АН СССР, Волгоградским управлением культуры и регулярно прово-

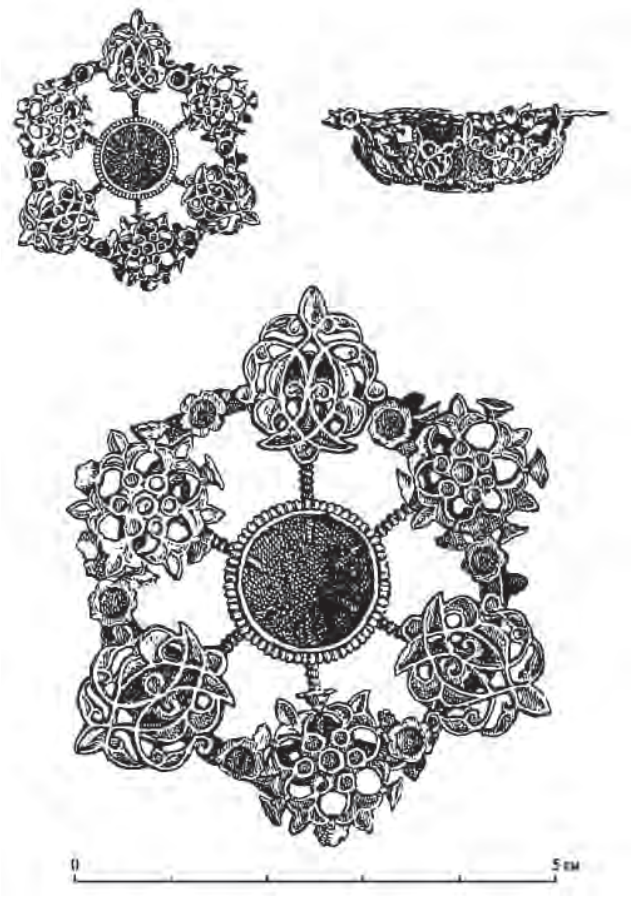


Рис. 2. Прорисовка «короны Джанибека», выполненная А.А. Спицыным в 1906 г. (по: Савельев, 2013)

дились до 1973 г. (Федоров-Давыдов и др., 1970, с. 68). При этом раскопками затрагивались широкие площади и различные участки памятника, что открывало большие возможности для реконструкции городской жизни средневекового города. В течение 8 лет (1963–1968, 1971 гг.) работы велись на территории т. н. «восточного пригорода», где на площади около 3000 кв. м было вскрыто три городских усадьбы и следы различных ремесленных производств (Федоров-Давыдов и др., 1974, с. 89, 90, 120–123) (рис. 5, 8, 9). В юго-восточной части города внутри обводного канала была исследована богатая усадьба дворцового типа с 12 комнатами. В южной части была частично вскрыта одна из наиболее масштабных и богато оформленных усадеб городища, которая, по мнению исследователей, могла принадлежать крупному аристократу. В северной и южной части изучалась многочисленная рядовая квартальная застройка, состоящая из землянок и наземных жилых зданий, была прослежена концентрация промышленных объектов (Федоров-Давыдов, 1964, с. 248–271). В северо-восточной и восточной частях городища изучался «вал и ров». Было определено фортификационное назначение этого объекта и возведение его в пе-

Рис. 3. Фрагмент облицовки косяка здания (по: Баллод, 1923)

риод «Замятни» (Федоров-Давыдов и др., 1974, с. 71–79). Позднее объект был интерпретирован как обводной канал (Глухов, 2015, с. 34).

После 1973 г., когда основное внимание ПАЭ было перенаправлено на изучение золотоордынских памятников, расположенных в Астраханской области, целью исследователей стало обобщение и публикация накопленных материалов. В 1994–2000 гг. работы на городище были возобновлены под руководством Ю.А. Зеленеева. Исследования производились в центральной части, в районе «Большого кургана» (Зеленеев, Курочкина, 2009).

В 1999 и 2001 гг. на Царевском городище велись разведки и небольшие раскопки Волго-Ахтубинской археологической экспедицией ВГПИ под руководством Е.П. Мыськова. Исследовательские работы сопровождались снятием инструментальных планов «северо-западного» и «северо-восточного» пригородов (Мыськов, 2002).

В 2005–2014 гг. почти на 10 лет были возобновлены планомерные систематические работы на территории Царевского городища. Они проводились силами археологического отряда «Гюлистан» под руководством А.А. Глухова. В 2005–2006 гг. работы носили разведывательный характер. В северо-западной части был снят инструментальный план, на периферийных участках уточнены границы памятника. Дальнейшие работы производились с охранно-исследовательской целью на территории с. Царев и в южной части городища. При этом был исследован ряд городских зданий и производственных сооружений, собрана значительная коллекция археологических и нумизматических находок, позволяющая датировать ряд исследованных объектов 40-ми – первой половиной 60-х гг. XIV в. (Глухов, 2014; 2011; 2013; 2015, с. 35).

В 2020 году археологическое изучение Царевского городища было возобновлено в рамках государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2020–2024 годы)». Работы проводились Нижневолжской археологической экспедицией Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. В октябре 2020 г. было сделано комплексное геофизическое изучение территории на восточном участке городища (Археологические исследования Царевского городища … Дата обращения: 31.07.2022). На следующий год исследования проводились в северной части памятника, где располагалась производственная зона (район «рабочего поля»). В раскопе I-21 был открыт горн для производства поливных изразцов (рис. 6). Горн имел округлую форму диаметром 2,3 м. Конструкция горна достаточно редкая: обжигательная камера располагалась вокруг топочной камеры. Горячий воздух поступал в обжигательную камеру через специальные продухи. Вокруг горна вплотную к нему располагалась площадка, выложенная из сырцовых кирпичей. Установлено, что горн прекратил свое функционирование вследствие нарушения температурного режима. Стенки в топочной камере оплавлены вместе с упавшей сверху продукцией. По немногочисленным нумизматическим находкам участок раскопа I-21 датируется 40–50-ми гг. XIV в. (Археологические исследования Царевского городища в 2021 г. Дата обращения: 31.07.2022)

Хронология памятника и проблемы локализации. В течение XX в. исследователями Золотой Орды (А.Ю. Якубовский, Г.А. Федоров-Давыдов, В.Л. Егоров, С.А. Янина, А.Г. Мухамадиев) сформировалось устоявшееся мнение о том, что Сараев было два и локализовать их следует: Сарай – на Селитренном городище, Сарай ал-Джедид (Новый Сарай) – на Царевском (Якубовский, 1931, с. 59; Федоров-Давыдов, 1994, с. 20–24; Егоров, 1985, с. 112–117; Янина, 1974, с. 194–197; Мухамадиев, 1983, с. 13–17). Для подтверждения данного те-

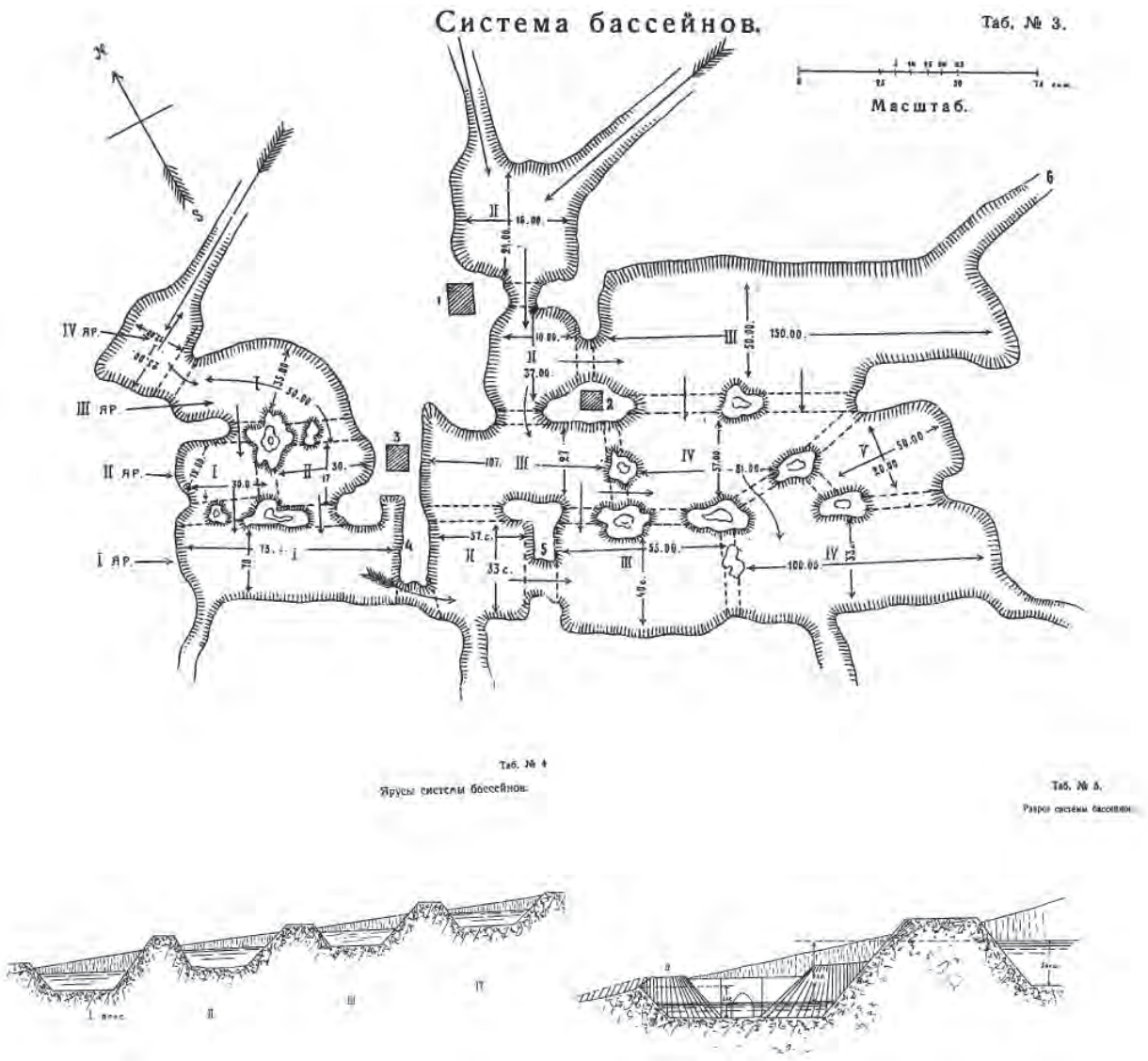


Рис. 4. Система водохранилищ в северной части городища (по: Баллод, 1923)

зиса использовалась следующая группа аргументов. В источниках арабского круга у двух авторов (в биографии египетского султана Эльмелик-Эннасыра Мухаммеда и у Эласади) упоминается тот факт, что Узбек умер в Новом Сарае (Тизенгаузен, 1884, с. 263, 447). Ибн Арабшах указывал на то, что между построением и разрушением Сарая в 1395 г. прошло 63 года, что не согласовывалось с периодом жизни первой столицы Золотой Орды, основанной при Батые в XIII в., но соответствовало хронологии Царевского городища, основанного в 30-х гг. XIV в. и разрушенного в 1395 г. (Тизенгаузен, 1884, с. 463). На карте Фра Мауро помещены два крупных населенных пункта, рядом с одним из которых нанесена легенда Saray, с другим – SARAY GRANDO, соответствующие Селитренному и Царевскому городищам. Сравнительный анализ монетных комплексов Царевского и Селитренного городищ показывал преобладание на Селитренном городище монет сарайского чекана, а на Царевском – монет Гюлистана, считавшегося пригородом Нового Сарая (Янина, 1970, с. 194–197).

Однако в конце XX века были предприняты попытки пересмотреть тезис о существовании двух Сараев. Сарай и Сарай ал-Джедид было предложено локализовать на месте Селитренного городища, а Царевское городище являлось Гюлистаном (Евстратов, 1997; Варваровский, Евстратов, 1998; Варваровский, 2000; Гончаров, 2001). Дело в том, что свидетельства письменных источников, представленные в доказательство существования двух Сараев, не поддаются однозначной интерпретации. Картографический материал также весьма противоречив. По мнению И.В. Евстратова и Е.Ю. Гончарова шрифтовые особенности передачи легенды «SARAY GRANDO» на карте Фра Мауро, отождествляемой обычно с Новым Сараем, не позволяют относить ее к названию населенного пункта, а соответствуют названию крупной терри-

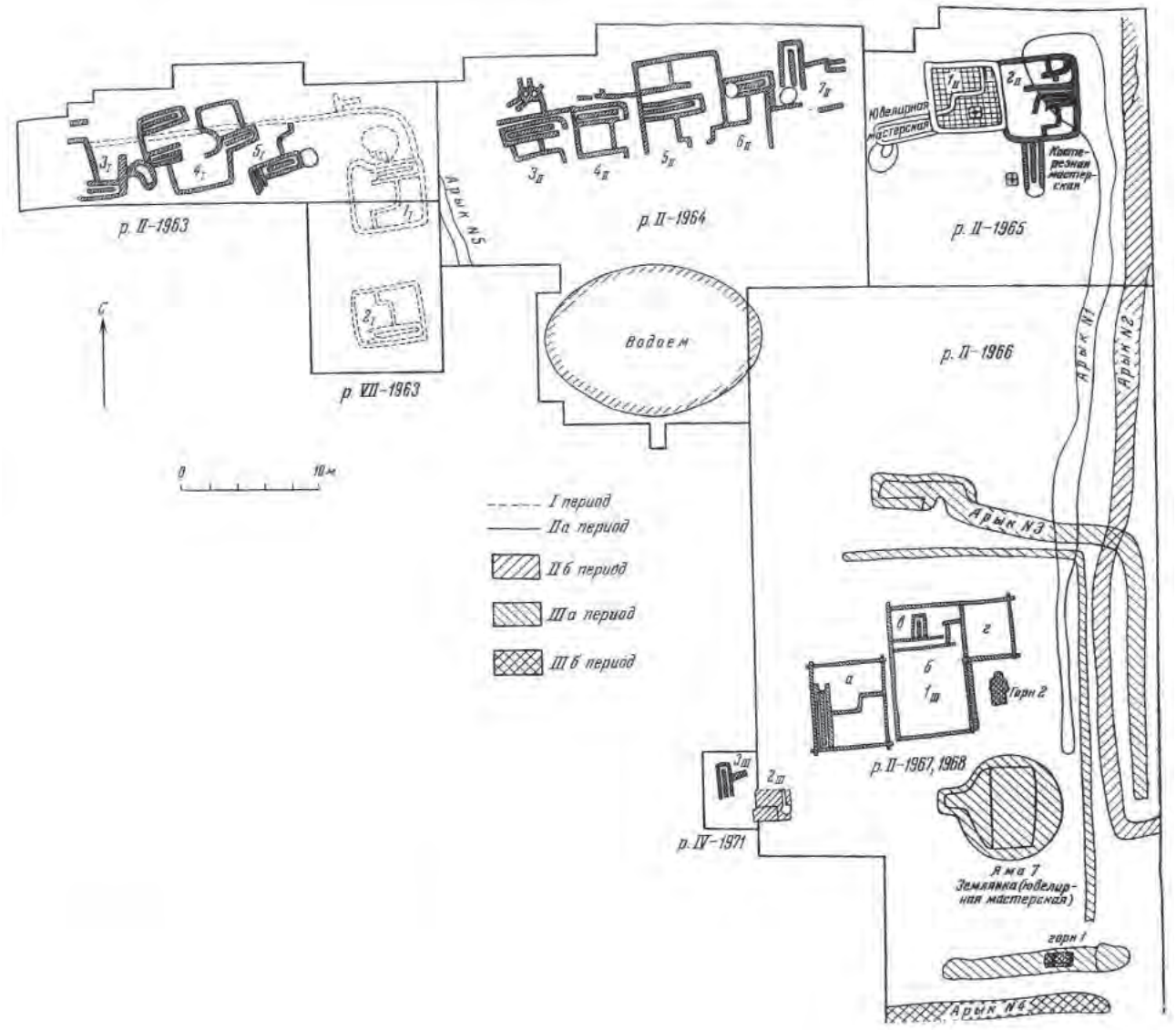


Рис. 5. Схема расположения раскопов и основных построек на раскопах «Три усадьбы» (по: Федоров-Давыдов и др., 1974)

ториально-административной единицы (Блохин, Яворская, 2006, с. 78).

Паспортизированный монетный материал, полученный с того или иного археологического объекта, является ведущим при локализации золотоордынских городов. Однако здесь возникают определенные методологические трудности – монеты чеканки Сарай ал-Джедида составляют подавляющее большинство на всех золотоордынских городищах. Данную проблему С.А. Янина попыталась снять, предложив не учитывать монеты Сарай ал-Джедида, а использовать для его отождествления монеты чеканки Гюлистана, полагая, что он являлся пригородом Сарай ал-Джедида (Янина, 1970, с. 195). Но здесь в свою очередь возникает новый вопрос: насколько корректно считать Гюлистан пригородом столицы Золотой Орды?

Его считали городом, расположенным вблизи Сарая или где-то в Нижнем Поволжье (Френ, 1832, с. 43; Федоров-Давыдов, 1960, с. 188; Егоров, 1985, с. 114), и городом, локализуемым на Селитренном городище (Трутовский, 1889), и дворцом в пригороде Сарая (Григорьев, 1845, с. 31; Веселовский, 1907), и собственно пригородом Сарая (Янина, 1970, с. 195). А.Г. Мухамадиев, основываясь на монетном материале, локализовал Гюлистан на Болгарском городище (Мухамадиев, 1983, с. 21–23). Тот факт, что Гюлистан находился на территории Нижнего Поволжья, подтверждается эпитетом «Присарайский» или «Сарайский», помещаемый на некоторых монетных типах. Семантика данного эпитета указывает скорее на принадлежность не к городу Сараю, а к области Сарай. Еще Н. Веселовский считал, что смысл эпитета заключался в том, чтобы отличать Гюлистан Нижнего Поволжья от других Гюлистанов (Шемаханского, Туркестанского) (Веселовский, 1907, с. 4). Он предлагал локализовать Гюлистан

Рис. 6. Горн для производства поливных изразцов в раскопе 2021 г. (по: http://archtat.ru/arheologicheskie-issledovaniya-tsarevskogo-gorodishha-v-2021-g-volgogradskaya-oblast/)

у дер. Колобовка в 8 км от Царевского городища, ничем не подкрепляя свой тезис (Веселовский, 1907; 1912). Опираясь на анализ монетного материала, ряд исследователей считают возможным локализовать Гюлистан на Царевском городище в качестве отдельного города (Варваровский, 2000; Евстратов, 1997, с. 99–101). Об этом свидетельствует преобладание гюлистанских пулов в нумизматическом комплексе Царевского городища по сравнению с другими памятниками. Слово «белед», встречавшееся в содержании монетных легенд на некоторых типах гюлистанских дирхемов, переводится обычно как «город», и это определение употреблялось в прямом значении. Сарай ал-Джедид и Гюлистан находились на значительном друг от друга расстоянии, так как монетный материал Сарай ал-Джедида дает одни имена ханов, чеканивших дирхемы за 762–765 гг. х. (1360/1361–1363/1364 гг.) (Тимур-Ходжа, Орду-Мелик, Кильдибек, Хайр-Пулад), а гюлистанские монеты этого же периода представлены дирхемами хана Мюрида (Блохин, Яворская, 2006, с. 79–80). Город на месте Царевского городища начал формироваться не ранее 40-х гг. XIV в. На это указывает интенсивность денежного обращения медных монет. Из общего количества пулов Царевского городища монеты 30-х гг. составляют всего около 1%, причем все эти монеты найдены либо при сборах, либо вместе с монетами более позднего времени и не образуют самостоятельного стратиграфического слоя. Формирование и развитие Царевского городища носило взрывной характер. Объем денежного оборота медных монет здесь в 30-х гг. составлял 1%, в 40-х –24,5%, в 50-х – 53% (Блохин, Яворская, 2006, с. 80). Увеличение площади городища проследить сложно, однако, несомненно, что территория его застройки за два десятилетия выросла в своей нуклеарной части до 160 га (а с учетом пригородов составила более 400 га). Данные факты свидетельствуют о том, что подобный характер динамики памятника являлся следствием крупного миграционного процесса, возможно, вызванного эпидемией чумы 747 г. х. (1346/1347 г.) Начало междоусоб-

ной борьбы внутри Золотой Орды весьма негативно сказалось на развитии города. В 60-х гг. объем денежного оборота (19%) сокращается более чем в два раза (Блохин, Яворская, 2006, с. 80). Втянутый в борьбу различных группировок, город подвергся сильнейшему разрушению в конце 60-х гг. XIV в. И.В. Евстратов совершенно справедливо отнес следы погрома Царевского городища к 768 г. х. (1366/1367 г.) на том основании, что в раскопах, на которых зафиксированы эти следы, отсутствовал монетный материал позднее 767 г. х. (1365/1366 г.) (Евстратов, 1997, с. 92, 104–107). Период тезаврации большинства царевских кладов серебряных и медных монет (6 из 11, в которых определим период обращения частично или полностью) выпадает на время с 761 по 767 гг. х. (1359/1360–1366/1367 гг.) Пик тезаврации кладов также свидетельствует о крупной катастрофе. В отличие от Водянского и Селитренного городищ, где при Тохтамыше начинает восстанавливаться их экономический и политический потенциал, городская инфраструктура Царевского городища после погрома в конце 60-х гг. полностью деградирует в течение 70–90-х гг. XIV в. Из всего комплекса монетных находок в культурном слое Царевского городища, с учетом анонимных недатированных пулов, относимых обычно к периоду правления Тохтамыша, и монет с надчеканками, количество медных денег, обращавшихся в течение 70–90-х гг. составляет лишь 2,5% (Блохин, Яворская, 2006, с. 81). Очевидно, что в указанный период Царевское городище продолжало функционировать в качестве небольшого поселка, а после завоевательного похода Тимура в 797–798 гг. х. Царевское городище было окончательно уничтожено. Ни монетных находок XV в., ни кладов, тезаврированных в XV в., на Царевском городище пока не обнаружено (Блохин, Яворская, 2006, с. 81).

Специфика застройки. Царевское городище ограничивает вытянутый с северо-запада на юго-восток подовальный в плане вал и ров, которые к настоящему времени почти полностью нивелированы.

Нуклеарную часть Царевского городища в пределах вала и рва прорезала сеть основных улиц, идущих в широтном и меридиональном направлениях (Федоров-Давыдов и др., 1974, рис. 1). Центральная и северо-западная части городища организованы в квартально-дворовую застройку сетью улиц, вдоль которых пролегали глубокие арыки. Этот район был заселен рядовым городским населением, представленным мелкими торговцами и ремесленниками – гончарами, бронзолитейщиками, косторезами, кузнецами, мастерами по изготовлению архитектурного декора. Жилищами для этих людей служили полуземлянки и наземные однокомнатные деревянные дома, стоящие на кирпичном цоколе. В центральной части памятника (раскопы I, III, VI-63) раскопан перекресток улиц. Были вскрыты остатки двух перпендикулярно расположенных друг к другу арыков, шириной до 3 м и глубиной 0,8–1,0 м. Один из арыков заканчивался круглым колодцем, который его и питал. В месте пересечения двух арыков обнаружены остатки бревен и досок – остатки деревянного мостика. Арыки проходили вдоль стен рядовой усадьбы. Выкид из арыков велся на проезжую часть. После рытья арыка выкид замостили фрагментами обожженного кирпича, сделав пешеходную дорожку проезжей части (Федоров-Давыдов и др., 1970, с. 90–91, рис. 6).

Восточный и юго-восточный районы городища имеют правильную усадебную застройку. Здесь проживала золотоордынская аристократия и зажиточная часть населения. Их усадьбы представляли собой участок, огороженный глинобитным дувалом, внутри которого располагались многокомнатное здание хозяев, построенное из сырцового или обожженного кирпича, собственные водоемы, дома прислуги, обедневших родственников, зависимых от владельца усадьбы ремесленников, подсобные помещения, мастерские. Во дворе одной из усадеб на южной окраине городища археологами были обнаружены остатки трех юрт в виде кольцеобразных оснований из обломков кирпича. Это свидетельствует о том, что в среде золотоордынской верхушки еще долгое время сохранялись черты кочевнической ментальности (рис. 7) (Блохин, Яворская, 2006, с. 82).

Исследование участка усадеб в восточном пригороде на раскопах II-63–68, IV-71 (Федоров-Давыдов и др., 1974) показали, что формирование улиц здесь протекало постепенно. Здесь исследован комплекс рядовых усадеб, организованных уличной сетью. На данном участке локализуются три усадьбы (Федоров-Давыдов и др., 1974). В первый период «усадьба I» представляла собой участок, огороженный с северной стороны глинобитной стеной шириной 0,35–0,4 м. На ее территории стояли два однокомнатных деревянных дома, стоящих на сырцовом цоколе. К одному из домов примыкала яма с отходами и продуктами косторезного производства. Во второй период усадьба была расширена. Ограда была снесена и на ее месте построен многокомнатный дом с деревянными стенами анфиладной композиции. Обычно он интерпретируется как дом зависимого от владельца усадьбы населения (Федоров-Давыдов и др., 1974, с. 90–98, 120). «Усадьба II» (ее размеры порядка 40×48 м) состояла из двух однокомнатных пристроенных друг к другу домов с деревян-

ными стенами, стоящими на сырцовом цоколе, и пятикомнатного дома анфиладной композиции с деревянными стенами. Стены центрального помещения стояли на сырцовом цоколе. К спаренным домам были пристроены ювелирная и косторезная мастерские. Группы домов были организованы в одну линию в северном секторе усадьбы. К югу от усадьбы размещался большой водоем (Федоров-Давыдов и др., 1974, с. 98–107). «Усадьба III» представляла собой участок 30×30 м, огороженный с северной и восточной сторон стеной из квадратного сырцового кирпича шириной 0,4 м. В комплекс усадьбы входили четырехкомнатный деревянный дом, землянка-мастерская по производству ювелирных изделий к югу от центрального дома, небольшой дом с деревянными стенами к юго-западу от центрального дома и два горна для обжига керамических изделий (Федоров-Давыдов и др., 1974, с. 107–120). Усадьба размером 30×40 м, выявленная в юго-восточном пригороде на раскопах IV, V-61. Основной дом представлял собой симметрично расположенные два однокомнатных здания, соединенных центральным айваном. Рядом стояло однокомнатное жилище с деревянными стенами на сырцовом цоколе. В нескольких метрах к востоку от центрального дома располагался небольшой водоем. Усадьба была огорожена глинобитной оградой, ширина которой в расплывшемся виде составляла от 1,6 до 2,5 м (Федоров-Давыдов и др., 1970, с. 80–85). Подобные усадьбы могли принадлежать лично свободным ремесленникам, людям среднего достатка.

Следующая группа объектов представлена усадьбами, владельцы которых имели более высокий социальный статус. Одна из усадеб в юго-восточном пригороде Царевского городища представляла собой участок трапециевидной формы 70×55–75 м, огороженный сырцовой стеной шириной 0,7–0,75 м. Прослеженный участок стены ограды сложен с внутренней стороны из прямоугольного (42×22×5 см), с внешней – из квадратного (22×22×4,5 см) кирпича. Главный дом располагался в центральной части усадьбы. Он представлен постройкой, где помещения были сгруппированы вокруг внутреннего открытого дворика. В юго-восточном углу усадьбы, примыкая к ее ограде, располагался трехкомнатный дом анфиладной композиции. Причем его стены, в отличие от деревянных стен, стоящих на цоколе из одного ряда сырцовых кирпичей центрального дома, были сложены из трех рядов сырцового кирпича до самого перекрытия (Мухамадиев, Федоров-Давыдов, 1978). Несоответствие строительной техники и социальной интерпретации построек (центральный дом – владелец усадьбы; многокомнатный анфиладный дом – зависимые усадебные люди) объясняется обычно «неразвитостью градостроительства у монголов» (Мухамадиев, Федоров-Давыдов, 1978). Однако подобное несоответствие снимается, если предположить, что население центрального дома и постройки в юго-восточном углу усадьбы было связано кровнородственными связями. Очевидно, в главном доме (в силу своих крупных размеров, центрального положения, сложной планировки) проживала большая семья, находившаяся на определенном этапе своего распада, так как здесь мы имеем дело с группой жилых ячеек с отдельными входами, объединенных в единый комплекс вокруг общего двора. Многокомнатный дом анфиладной композиции мог принадлежать группе кровных родственников, находившихся в более дальнем отношении родства к семьям, проживавшим в главном доме. В южной части усадьбы располагалась яма от водоема, а по периметру усадьбы – небольшие жилые постройки (Мухамадиев, Федоров-Давыдов, 1970, с. 159; Мухамадиев, Федоров-Давыдов, 1978, с. 79).

С восточной стороны к этой усадьбе примыкала вторая крупная усадьба, так, что ограда между ними была общей. План усадьбы также трапециевидный. Ее размеры 100×50–70 м. Здесь также в центральной части располагался главный дом. Вначале он представлял собой двухкомнатное здание из сырцового кирпича, которое позднее было разрушено, и на его месте построен новый дом из обожженного кирпича более сложной планировки центрической композиции с парадным коридорообразным залом. К востоку от дома прослеживалась дорожка из битого кирпича, сразу за которой находился усадебный водоем. Было выявлено, что центральный дом располагался на линии двух въездов в усадьбу, фиксируемых по разрыву в ее оградах, находившихся с северной и южной сторон. По сторонам северного въезда располагались два дома анфиладной композиции с отдельными входами и сырцовыми стенами из квадратного кирпича, дом анфиладной композиции с деревянными стенами и углубленным полом (Мухамадиев, Федоров-Давыдов, 1970; Федоров-Давыдов, 1994, с. 62).

На Царевском городище за пределами линии вала и рва к северо-западу располагался большой пригород, представлявший собой бессистемно расположенные объекты – курганообразные всхолмления, ямы и ограды-дувалы (от 25×30 до 90×90 м). Ряд всхолмлений образуют обособленные комплексы. Раскопки одного из всхолмлений дали остатки крупного дома (10,2×8,6 м), внутреннее пространство которого было разделено на разномодульные помещения взаимно перпендикулярными стенами. Стены дома были сложены из длинномерного сырцового кирпича. Судя по

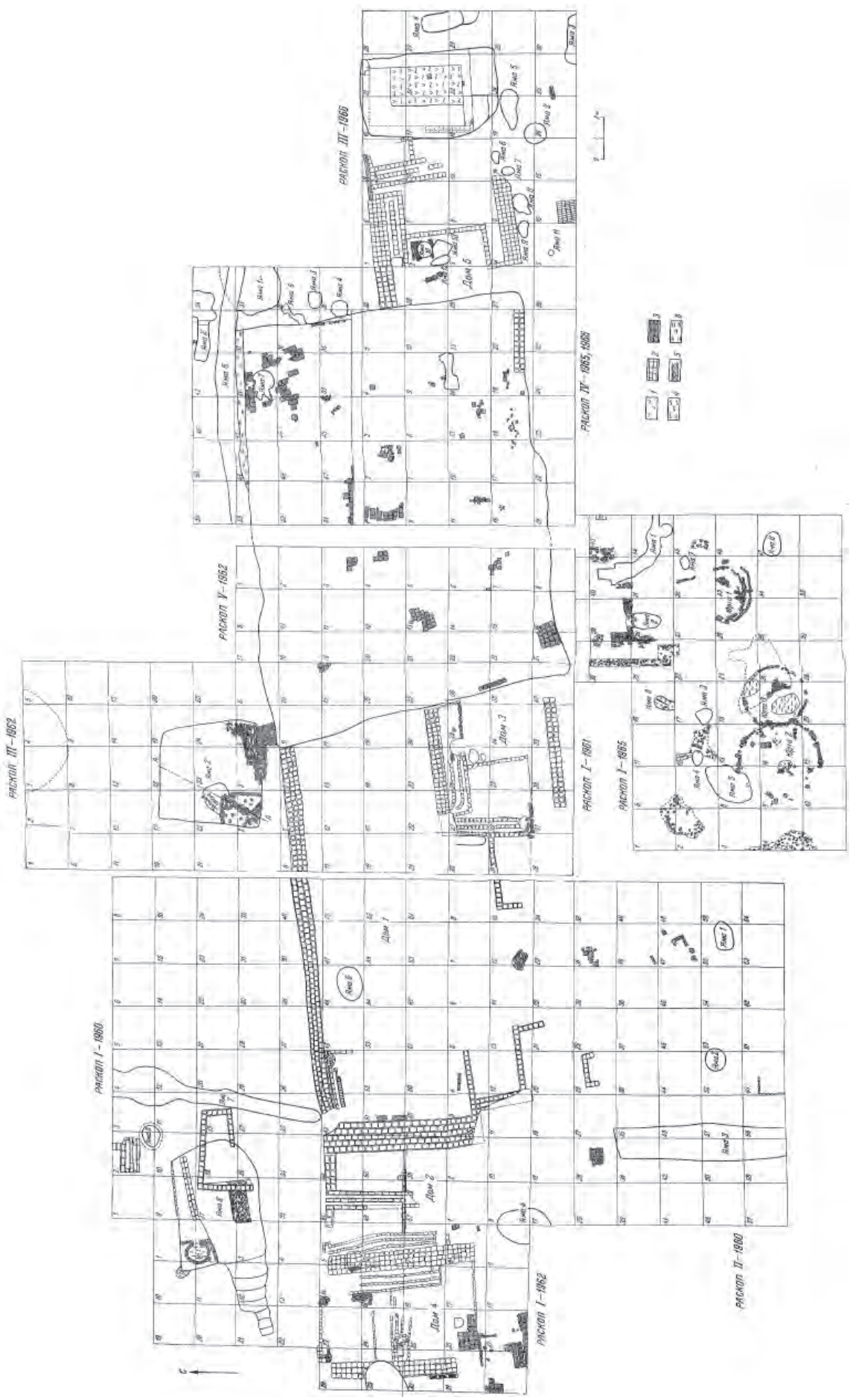


Рис. 7. План раскопок комплекса «Дом с юртой» (по: Федоров-Давыдов и др., 1970)

всему, данный пригород представлял собой жилой массив, населенный людьми, имевшими довольно высокий социальный статус. Пригород возник в пределах 40-х гг. XIV в., т. е. на раннем этапе существования города, и функционировал, судя по некоторым данным, не более полутора-двух десятилетий, после чего был покинут его жителями (Мыськов, 2002). Такой же пригород, несколько меньших размеров, располагался и к северо-востоку от памятника. Отдельные усадебные комплексы и участки жилой застройки существовали также к западу и югу от городища.

Исследование вала и рва на Царевском городище показало следующее. Остатки рва представляли собой канаву глубиной 1,5–2 м, вырытую с поверхности культурного слоя, подстилающего вал. Ширина рва – до 4 м. Каких-либо укрепляющих конструкций стенок рва или вала не прослеживалось. Насыпь вала сильно снивелирована, и на исследованных участках его мощность достигает 15–40 см. Структура насыпи – комковатая глина с включениями песка, чернозема, культурных остатков – представляла собой выкид из рва. На гребне насыпи вала не обнаружено каких-либо остатков стеновых конструкций. Без них линия вала и рва, при незначительной высоте и глубине, имела весьма слабое фортификационное значение. Этот факт свидетельствует о том, что либо вал и ров являлись недостроенной линией обороны, либо они использовались в ином качестве (Блохин, Яворская, 2006, с. 86). Более вероятным представляется использование рва в качестве обводного канала, питающего арыки города. Ров посредством специальных каналов был соединен с системой бассейнов на северной окраине города; от окружного рва прослеживаются отдельные ответвления на юг и восток, которые, очевидно, отводили воду в Ахтубу и протоку Солодовку; система арыков соединялась со рвом – все это свидетельствует о его включенности в общую сеть водоснабжения Царевского городища. Линия вала и рва охватывала не всю территорию города, а прорезала жилую застройку в восточном и северо-западном секторе, причем достаточно точно установлено, что постройки за внешней линией вала и рва существовали до ее возведения. Это также свидетельствует об ином ее назначении, нежели фортификационное (Блохин, Яворская, 2006, с. 81). К подобному выводу пришел еще Ф.В. Баллод, который видел систему вала и рва в более сохранившемся виде. Причем он отмечал в структуре рва наличие системы шлюзов, позволяющей регулировать подачу воды (Баллод, 1923, с. 21). Судя по нумизматическим материалам из культурного слоя, залегающего под выкидом рва, он был вырыт в первой половине 60-х гг. XIV в. (Федоров-Давыдов и др., 1970, с. 79).

Мнение Г.А. Федорова-Давыдова о том, что вал и ров являлись фортификационной линией, разделяющей районы проживания сторонников двух противоборствующих группировок ханов Ак Орды и Кок Орды, достаточно условно. За линию рва вынесен не только район с ярко выраженной усадебной застройкой, в которой, по мнению Г.А. Федорова-Давыдова, могли проживать представители побежденной группировки, но и, судя по топографии, северо-западный район с рядовой застройкой. Трудно представить, что в среде рядового населения присутствовало деление на сторонников ханов Ак Орды и Кок Орды. Вероятнее предположить, что при победе той или иной группировки представители другой уничтожались или выселялись, а их усадьбы заселялись сторонниками победившего хана или рядовым населением, что наблюдается на примере усадеб Селитренного городища (Блохин, Яворская, 2006, с. 87).

Некрополи Царевского городища не представляют собой целостного массива. Часть погребений исследована непосредственно на территории города, еще часть в округе, непосредственно прилегающей к нему. В отличие от других нижневолжских городов некрополи Царевского городища не принадлежат исключительно мусульманскому населению. Поселения на месте Царевского городища, возможно, зимние ставки кочевников, возникли задолго до того, как на этой территории сформировался город. Могильники также формировались сначала кочевым населением. В некоторых встречаются погребения эпохи бронзы и раннего железного века, средневековые кочевнические и даже золотоордынского времени догородские. Таким образом, в могильниках соседствуют языческие кочевнические захоронения и погребения, принадлежащие мусульманскому населению с прочными оседлыми традициями (Блохин, Яворская, 2006, с. 87).

При первых археологических раскопках Царевского городища А.В. Терещенко отмечал встречающиеся непосредственно на городище захоронения в кирпичных склепах с треугольным сводом. Из его опубликованных дневников известны мавзолеи, где кроме мусульманских безынвентарных погребений встречаются и языческие с предметами материальной культуры, обычными для кочевнических захоронений – стременами, обломками оружия (Терещенко, 1844, с. 311–312).

Поволжская археологическая экспедиция выявила на самом городище несколько некрополей (Федоров-Давыдов, 1960, л. 21–22; 1961, л. 33–35; 1962, с. 70–76). 18 погребений исследовано на юго-западной окраине городища на прибрежных дюнах Соленого озера. Среди мусульманских безынвентарных захоронений следует отметить

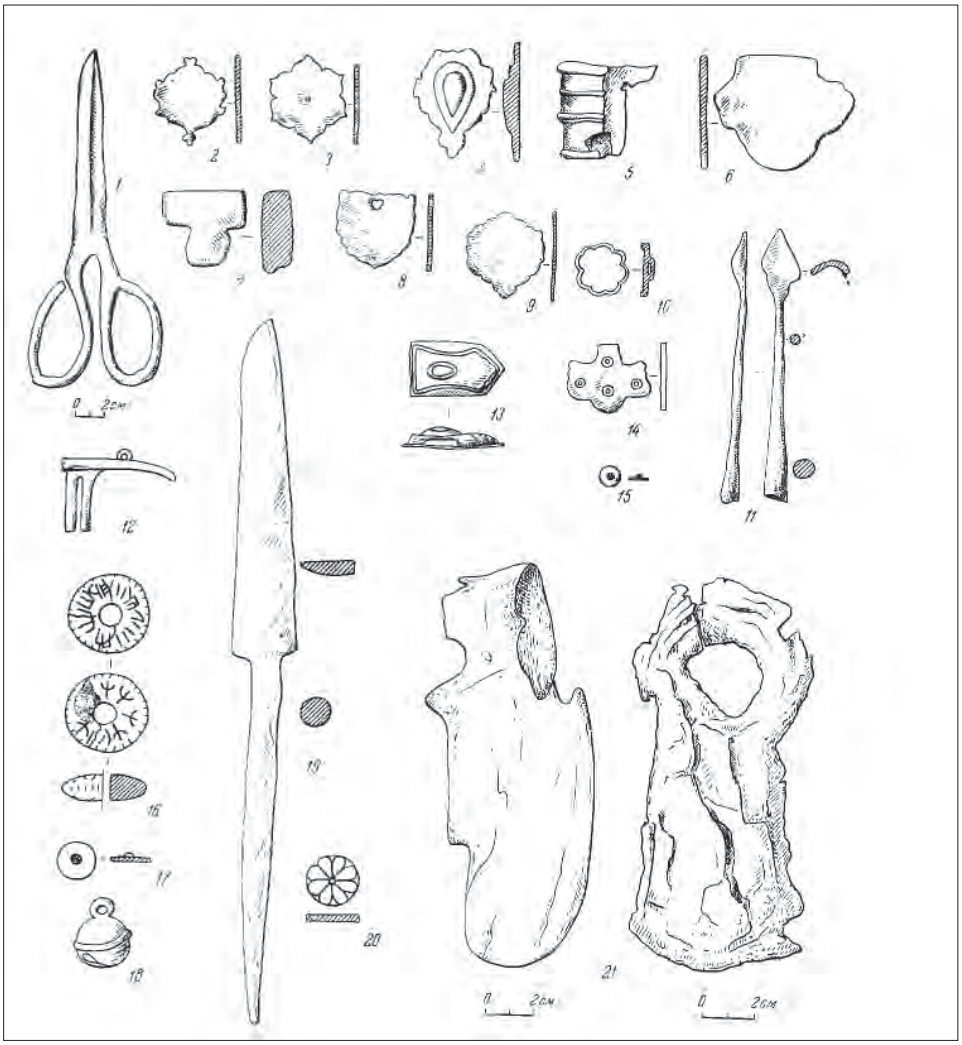


Рис. 8. Вещи из железа, бронзы, свинца и золота из раскопок ПАЭ на разных участках Царевского городища (по: Федоров-Давыдов и др., 1974)
1 – железные ножницы (VI – 1961, погребенис 6); 2, 3 – бронзовые бляхи-медальоны (2 – II - 1964, 2/32, 3 – II – 1964, 2/32); 4 – свинцовая бляха (II - 1964, 2/32); 5 – железный замок (II – 1964, 1/68); 6 –- железная накладка от сумки (II - 1964, 1/68); 7 - железная пластина (II –1964, 2/252); 8, 9 – броизовые бляхи-медальоны (II – 1967/1968, яма 7, штык 2); 10 – бронзовая пуговица (II – 1967/1968, 5/363); 11 – железный инструмент (II – 1964, водоем); 12 – бронзовая пружина от замка (II – 1964, участок 248 водоем); 13 – золотая пакладка (II – 1967/1968, яма 7); 14 – бронзовая пластина с циркулярным орнаментом (II – 1967/1968, арык 2); 15 – броизовая бляшка (II – 1965, 2,38); 16 – пряслице из мягкого белого камня со знаками (II – 1967) /1968, яма 7); 17 – бронзовая бляшка (II – 1967/1968, яма 7, штык 6); 18 - литой бронзовый бубенчик (I – 1966, арык 2); 19 – железный нож (II – 1964, 2/29); 20 – железная бляха (II – 1967/1968, яма 7, штык 5); 21 – железное тесло (II – 1967,1968, горн на участке 367)

женское погребение № 6, где найдено зеркало и головной убор, расшитый бляхами, бусы, серьги, другие бытовые предметы (Федоров-Давыдов, 1961, с. 34). Другой городской некрополь был расположен на восточной окраине городища к северу от с. Царев в районе современного Сарай-поселка. Там исследовано три мусульманских погребения и одно мужское языческое, в котором обнаружены колчан со стрелами, седло, стремена и удила, бытовые предметы и три монеты середины XIV в.

Большой некрополь, получивший название Царевского курганного могильника, расположен в 0,3 км к северу от охранного знака городища. По-видимому, именно его как «северный некрополь» отмечал А.В. Терещенко в дневниках раскопок и именно на нем раскопал кочевническое погребение Ф.В. Баллод. Могильник состоял из 88 насыпей, которые располагались неширокой полосой вдоль второй надпойменной террасы, и семь мавзолеев. Курганы исследовались в 1975 г. В.И. Мамонтовым (Мамонтов, Ситников, 1993, с.183–208) и на рубеже 1980–1990-х гг. Е.П. Мыськовым (Мыськов, 2015, с. 295–324). Всего раскопано 111 погребений золотоордынского времени.

В округе городища исследована еще серия могильников, которые сложно интерпретировать.

Пока не определены точные размеры городища, неясно, принадлежат ли эти могильники оседлому населению города, пригородов или кочевому населению, чьи зимние стоянки располагались недалеко от города. Особые сложности в интерпретации вызывают могильники Солодовского массива, расположенные к востоку от городища, а также Маляевка I и Маляевка VI, находящиеся на его далекой западной окраине, исследуемые разными экспедициями начиная с конца 80-х гг. (Блохин, Яворская, 2006, с. 89).

Все перечисленные могильники в различных соотношениях включают в себя разнообразные типы погребений. Часть их представляют собой языческие всаднические захоронения, ориентированные на запад, содержащие шкуру или целый остов коня, содержащие предметы материальной культуры: стремена, удила, колчан со стрелами, кресало, ножи, иногда клинковое оружие, монеты. Такие погребальные традиции в наибольшей мере свойственны разноэтничному домонгольскому населению западной части евразийских степей, были распространены на территориях, занимаемых кыпчакскими этнополитическими объединениями. Другая часть мужских, также воинских захоронений тяготеет к традициям восточной части евразийской степи, занятой народами монгольского круга. Эти захоронения, как правило, имеют ориентировку погребенных, близкую к северной. Чаще всего встречается северо-восточная, но иногда и строго противоположная – юго-западная, иногда западная. Такие захоронения не содержат костей коня, только предметы, связанные с всадничеством – конскую сбрую, колчан, часто с резными орнаментированными обкладками, седло, ножи, кресала, монеты. Часто встречаются небольшие металлические плошки-светильники, редко – дорогая металлическая посуда. Особое место в ритуале таких погребений отведено мясу, за головой или у ног погребенных обнаруживаются остатки костей мелкого рогатого скота (Блохин, Яворская, 2006, с. 89). Некоторая часть женских погребений с подобными ориентировками также может быть отнесена к монгольской традиции. Повсеместно в женских кочевнических захоронениях кроме зеркал, ножей, ножниц и разнообразных украшений характерными элементами обряда могут считаться остатки монгольских женских головных уборов (богтаг или бокка), небольшие цилиндрические трубочки-амулеты (в позднейшей традиции Средней Азии – тумары), а также баранье «стегно» за головами погребенных (Блохин, Яворская, 2006, с. 89).

Несомненный интерес представляют погребения, совершенные в «оградках» из сырцового кирпича. Оградки круглой, квадратной и прямоугольной формы могли служить своеобразным фундаментом для каких-то несохранившихся деревянных сооружений, аналогии которым можно найти на кладбищах кочевников XVIII–XIX вв. в Казахстане (Фиельструп, 2002, с. 111, 121). Погребения могли быть одиночными, но часто встречаются и семейные усыпальницы. Среди захороненных в таких оградках – кочевники-язычники, погребения которых напоминают описанные выше. Однако решительно преобладают в оградках ближайших окрестностей Царевского городища погребения оседлого мусульманского населения. Внутри оградок часто встречаются надгробия типа «мастаба» или их остатки, внутри погребальных камер – склепы со ступенчатым сводом хорезмийского облика. Погребенные уложены, как правило, с соблюдением основных предписаний ислама – в простых или «щелевидных» ямах, без вещей, ориентированы к западу, с поворотом лица к югу (на «кыблу», к Каабе) (Блохин, Яворская, 2006, с. 90). Однако в этих захоронениях традиции часто соблюдены не тщательно – лицо повернуто вверх, встречаются мелкие вещи – серьги, обломки перстней, однажды – серп, монеты. При раскопках в верхних слоях встречаются развалы керамических сосудов (Мыськов, 2003, с. 216). Дополняет пеструю картину захоронений в районе Царевского городища небольшое кладбище в южной части Царевского могильника, принадлежащее переселенцам из Хорезма. Могилы были устроены двумя ровными рядами таким образом, что над ними образовалось естественное, вытянутое по линии С–Ю всхолмление, содержавшее 23 захоронения (курган № 84). Одна яма оказалась заготовленной для кого-то, но пустой, что доказывает постоянное функционирование этого участка кладбища. Погребенные – мужчины, женщины и дети – были похоронены с соблюдением всех предписаний ислама в ямах с ляхдами (подбоями) или в «щелевидных», головой к западу, лицом к югу. Никаких вещей при погребенных не было.

Население. Антропологический облик жителей Царевского городища и его ближайшей округи был достаточно многокомпонентным. Исследование населения Царевского городища Н.Г. Залкинд основывалось на антропологических материалах, собранных при раскопках 1959–72 гг. (Залкинд, 1972). Частично это был материал из некрополей, другая часть – собранные на городище останки людей, погибших под завалами. Таким образом, не исключено, что в выборку попали не только жители города, но, возможно, и люди, оказывавшие помощь в обороне, или нападавшие. На основе типологического анализа Н.Г. Залкинд выделяет три расовых комплекса: европеоидный

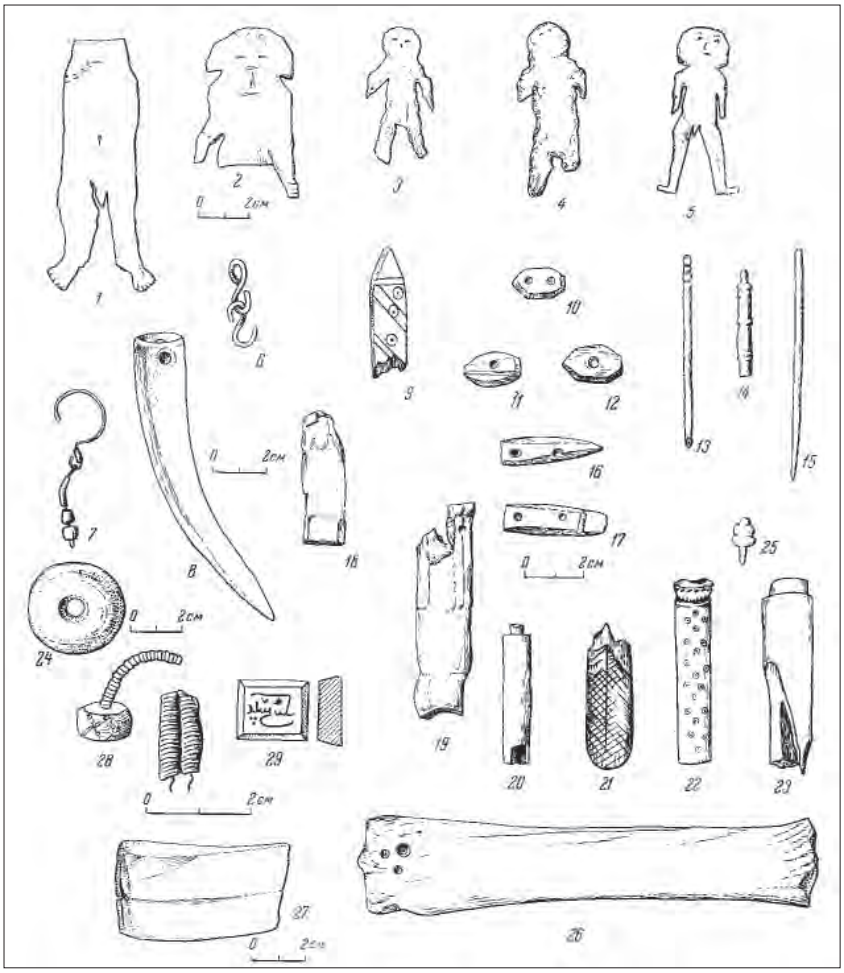


Рис. 9. Вещи из железа, бронзы и кости из раскопок ПАЭ
на разных участках Царевского городища (по: Федоров-Давыдов и др., 1974)
1-3, 5 – бронзовые фигурки человека (1 – II – 1964, 1,73, – II – 1964, 2/1, 3 – II – 1963, яма 2, 5 – VII – 1963, 2/24); 4 – железная фигурка человека (подъемный материал на месте раскопа VII – 1963); 6 – бронзовая цепочка (II – 1963, отвал); 7 – бронзовая серьга с жемчужиной (II – 1964, участок 238, водоем); 8 – рог с отверстием (II – 1964, участок 233, водоем); 9 – костяная ручка ножа (II –1964, отвал); 10-12 – костяные муфточки ножей (10 – II – 1963, яма 2, 11 – II – 1963, 2/15, 12 – II – 1963, 1/48 яма 2); 13-15 – костяные проколки (13 – II – 1963, яма 2, 14 – II –1963, яма 2, 15 – II – 1963, яма 2); 16 – костяное изделие (11 – 1963, яма 2); 17 – костяное изделие (II – 1963, яма 2); 18, 19 – костяные ручки от ножей, полуфабрикаты (15 – II – 1963, 2/48, 19 – II – 1963, 2/48); 20-23 – костяные ручки от ножей (20 – II – 1963, яма 2, 21 – II – 1963, яма 2; 22 – II – 1963, яма 2, 23 – VII – 1963, 3/20); 24 – керамическое пряслице (II – 1964, участок 234 водоем); 25 – костяной гвоздик (II – 1963, 2/16); 26 – кость с отверстием (VII – 1963, 3/20); 27 – оселок (II – 1964, отвал); 28 – нитяная привеска (II – 1967, 1968, 3/282); 29 – каменная печать (II – 1967/1968, 2/209)

с преобладанием брахикранного (широкоголового) европеоидного типа, свойственного жителям Средней Азии, монголоидного с преобладанием южносибирского варианта и один череп в исследованной совокупности носил «экваториальные» черты (Балабанова, 1999, с. 203).

Исследование М.А. Балабановой произведено на материалах Царевского могильника. Как и для других золотоордынских городов, отмечается довольно высокая для средневековья продолжительность жизни – без учета детей средняя продолжительность 46,7 года. Дети умирали в возрасте до 7 лет, видимо, от детских инфекций (Балабанова, 1999, с. 206).

В целом по выборке исследование расовых комплексов согласуется с выводами Н.Г. Залкинд: те же три расовых типа. В качестве особенности исследовательница отмечает комплекс признаков, свидетельствующих о расовой дисгармонии, то есть усредненный тип золотоордынцев из Царевского могильника – смешанный, европеоидно-монголоидный, с преобладанием европеоидного брахикранного комплекса. Кроме того, в серии черепов из Царевского могильника был обнаружен второй для этого городища череп с «экваториальными» чертами. «Черные» люди вполне могли попасть в города Золотой Орды через невольничьи рынки или в качестве «подарков» золотоордынским ханам правителей Египта (Балабанова, 1999, с. 224).

Проведенная М.А. Балабановой коннексия антропологического материала с погребальным обрядом, несмотря на неоднородность серии, дала интересные результаты. Серия женских погребений, характеризуемых «монгольскими» чертами погребального обряда, оказалась и наиболее монголоидной. Мужчины из всаднических погребений обеих выделенных нами групп характеризуются все теми же смешанными европеоидно-монголоидными признаками, но образуют единый кластер со всеми сериями городского населения Золотой Орды. Группа мусульманских погребений, выполненных в строгом соответствии с предписаниями ислама («курган № 84»), по всем признакам образует устойчивую совокупность с синхронными антропологическими материалами с территории Хорезма (Ток-Кала). Таким образом, и антропологические данные, и данные погребального обряда в совокупности определяют эти погребения как принадлежащие группе переселенцев из Хорезма (Балабанова, 1999, с. 219–221).

Можно сказать, что население, оставившее могильники Царевского городища, многокомпонентно. Часть его можно связать с переселенцами из Средней Азии. Довольно большую группу жителей составляли люди смешанного европеоидно-монголоидного облика, вызванного, видимо, активными процессами этнической консолидации населения в городах. Часть погребенных и антропологически, и по обряду близка к населению, пришедшему из Центральной Азии и Южной Сибири вместе с монголами (Блохин, Яворская, 2006, с. 92).

Округа города вызывает много споров среди ученых. Некоторые считают всю совокупность так называемых Царевских (Ахтубинских) развалин городом. Первый исследователь этих мест саратовский краевед Андрей Леопольдов указывал на почти сплошную застройку золотоордынского времени от села Верхнеахтубинского (город Волжский) вниз по Ахтубе до поселка Колобовка (Леопольдов, 1837, с. 123).

Опираясь на эту информацию и на исследования ПАЭ в округе городища, В.Л. Егоров считал, что город, находившийся на месте Царевского городища, не стоял одиноко в степи, а был окружен возделанной в сельскохозяйственном отношении территорией, заселенной оседлыми жителями: «Район этот не углублялся в безводную степь, а тянулся узкой полосой вдоль Ахтубы, что было связано в первую очередь с нуждами поливного земледелия» (Егоров, 1985, с. 112).

Курганные могильники, оставленные населением округи, располагаются неширокой полосой вдоль левого берега на первой и второй надпойменных террасах р. Ахтубы. Здесь же были расположены и небольшие поселения золотоордынского времени, часть из которых представляли собой зимники, а часть – ремесленные поселки, а возможно, и крепости на подступах к городу. Нижневолжские золотоордынские города строились без стен, их окружавших. Валы и рвы вокруг городов были возведены лишь в 60-е гг. XIV в., в эпоху «Великой замятни» и охватывали далеко не всю площадь города. С этим и связана проблема определения его границ. Исследователи не всегда могут точно сказать, где заканчивался город и начиналась совокупность внегородской застройки, экономически тесно связанной с городом. Т.В. Гусева отмечала, что сельская округа исследуемого города была слабой, кочевая степь почти вплотную подходила к нему. Связь с ней была непрочной и не обеспечила городу сильной экономической базы (Гусева, 1975, с. 20). Таким образом, имеется две точки зрения на состав и занятия населения окрестностей Царевского городища – либо это кочевники (Т.В. Гусева), либо оседлое население, занимающееся поливным земледелием (В.Л. Егоров).

Самая северная точка «Ахтубинских развалин», по А.Ф. Леопольдову, начинается у г. Волжского, где русло Ахтубы ответвляется от русла Волги.

Здесь расположено городище Безродное. Некоторые историографические штудии и небольшие археологические исследования провел здесь А.А. Глухов в 2013–2014 гг., результаты которых позволяют утверждать наличие здесь в XIV веке некрупного золотоордынского населенного пункта на месте переправы через Волгу, связанным на противоположном берегу с Мечетным городищем (Глухов, 2014,с. 161, 170).

Ниже по течению р. Ахтубы недалеко от села Средняя Ахтуба возле пос. Заяр, расположенного также на второй надпойменной террасе, в конце 20-х гг. XX в. были видны около ста курганов, остатки золотоордынских зданий и кирпичного завода, а также искусственный водоем. Раскопки тех лет, а также сообщения местных жителей подтверждают наличие здесь некрополя, соединявшего в себе разновременные погребения, в том числе и XIV в. (Ильина, Шишкин, 1929, с. 10). При раскопках 1958 г. среди захоронений более ранних эпох здесь были выявлены золотоордынские погребения (Яворская, 1999, с. 124). По-видимому, это был поселок, переросший из кочевнического зимника в специализированное ремесленное поселение.

Похожая ситуация сложилась и у с. Заплавное, расположенного ниже по течению р. Ахтубы, где среди разнообразного материала более ранних эпох встречаются золотоордынские погребения

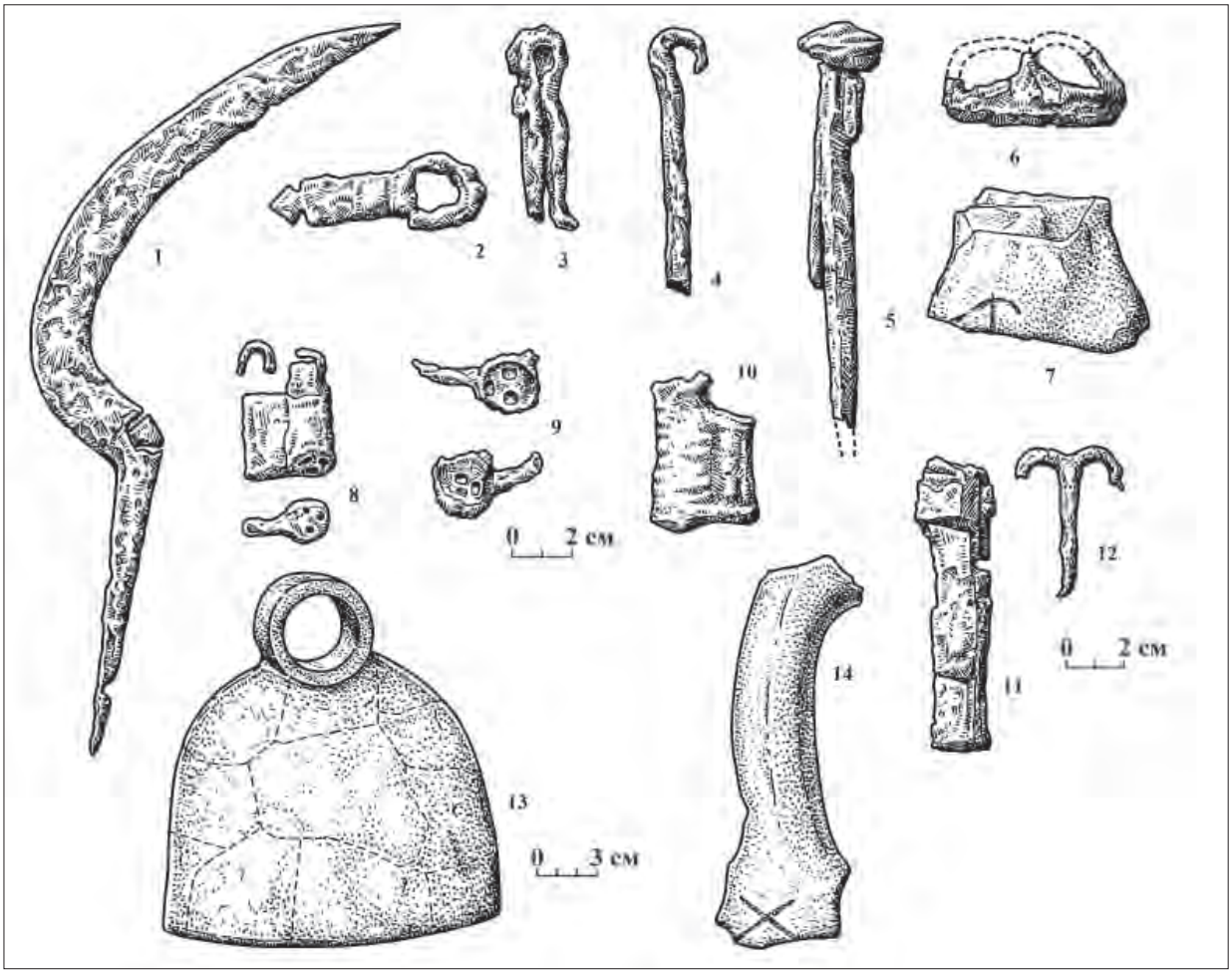


Рис. 10. Предметы из железа и керамики (по: Федоров-Давыдов и др., 1974):
1 – серп (II – 1963, яма 2); 2 – пряжка (II – 1963); 3 – скоба (II – 1963, 3/5); 4 – крюк (II – 1963, зачистка 1 штыка); 5 – гвоздь (II – 1963, яма 2); 6 – кресало (II – 1963, яма 2); 7 – ручка сосуда со знаком (VII – 1963, 3/2); 8-11 – замки (II – 1963, яма 2, 9 – II – 1963, яма 2, 10 – II – 1963, 1/48, 11 – II – 1963, яма 2); 12 – накладка (II – 1963, яма 2); 13 – орудие типа кетменя (VII – 1963, 3/36); 14 – ручка кувшина со знаком (II – 1963, яма 2)

(Яворская, 1999, с. 124–125). Здесь же функционировало поселение золотоордынского времени (Баллод, 1923, с. 18). Далее от с. Заплавное, вниз по течению р. Ахтубы в сторону Царевского городища, по первой и второй надпойменным террасам расположены обширные некрополи и поселения.

В 16 км к северо-западу от Царевского городища возле поселка Бахтияровка на второй надпойменной террасе р. Ахтубы расположен огромный кочевнический некрополь Бахтияровка, разделенный глубокими оврагами на три большие группы и содержавший не менее 150 насыпей и остатки пяти мавзолеев. Работами И.П. Лисицына в 1967 г. и экспедиции Волгоградского госуниверситета под руководством В.А. Кригера в 1982–1987 гг. раскопано 138 курганов и два мавзолея, со 139 погребениями золотоордынского времени (Лисицин, 1967, с. 135–137; Кригер, 1984, с. 154–155). Небольшую долю в могильнике занимали погребения предшествующих эпох. Могильник, видимо, развивался с востока на запад, так как в наиболее восточной его части погребения более ранние, возможно, догородские и все языческие кочевнические. Чем дальше к западу, тем больше появляется погребений с вещами, аналогии которым можно встретить на городище, то есть синхронных городу, а также появляются погребения с применением сырцового и обожженного кирпича, мавзолеи. Типы погребального обряда в могильниках те же, что и на городских и пригородных некрополях, но здесь значительно меньше погребений в оградках и мусульманских (Блохин, Яворская, 2006, с. 94). На второй надпойменной террасе на расстоянии в несколько сот метров от некрополей Бахтияровка II и Бахтияровка III разведками ПАЭ было выявлено золотоордынское поселение. Археологические исследования на нем не проводились. В 20-е гг. XX в. на поверхности поселения просматривались фундаменты двух крупных кирпичных зданий и нескольких мелких (Ильина, Шишкин, 1929, с. 3), культурный слой, по имеющимся данным, был очень небольшим, подъ-

емный материал беден. Такие признаки характерны для зимовок-поселений кочевников, которые у казахов носят название «кыстак». Они возникают на местах зимовок, и там оседает беднейшее население, уже не могущее кочевать (Яворская, 1999, с. 130).

Далее вниз вдоль берега Ахтубы недалеко от г. Ленинска вдоль первой надпойменной террасы расположены некрополи Ленинского массива, состоящие не менее чем из 120 насыпей, из которых исследовано около 50, золотоордынских – 31 погребение. Количество мусульманских и языческих погребений здесь почти равное (Яворская, 1999, с. 133–135).

Далее вниз по Ахтубе расположены погребения некрополей Маляевка, Царев и Солодовка, принадлежащих преимущественно городскому населению, о которых писалось выше. Но все эти могильники содержат погребения более ранних эпох, то есть образовались как кочевнические. Позднее, располагаясь в непосредственной близости от города, они стали городскими кладбищами (Яворская, 1999, с. 139, 143, 146).

В 7 км юго-восточнее Царевского городища располагается золотоордынское поселение Колобовское. Поселение это существенно меньше Царевского городища, но, по нумизматическим данным, синхронно ему. Раскопками А.В. Терещенко середины XIX в. на этом городище выявлен «укрепленный дворец». Внутри главного здания этого комплекса обнаружены мусульманские захоронения в подземных склепах, которые принадлежали выходцам из богатых слоев общества, поскольку погребенные, одетые в шелк и бархат, были уложены в гробы, обитые парчой при помощи серебряных скоб. Можно предположить существование здесь особо почитаемого мусульманского погребального комплекса с дорогостоящими сооружениями вокруг него типа «аулие» (Блохин, Яворская, 2006, с. 95).

Более поздние обследования этой местности в 20-х гг. XX в. выявили остатки горнов в урочище «Ерик» неподалеку от Колобовки, а в устье реки Царевочки зафиксированы остатки древней плотины (Ильина, Шишкин, 1929, с. 12). Таким образом, не исключено, что население поселка занималось ремеслом, а возможно, и поливным земледелием. В ходе исследований 1998 и 2000 гг. были выявлены отходы производства мастерской по изготовлению кашинных изделий (в частности архитектурно-декоративных элементов). На северной окраине памятника зафиксирован крупный производственный комплекс (скопления шлаков и ошлакованного кирпича, карьеры, образовавшиеся в процессе добычи глины). По-видимому, Колобовское селище было крупным ремесленным пунктом в череде поселений золотоордынского времени по Волге – Ахтубе (Блохин, 1999, с. 171–174; Глухов, 2011, с. 245–249).

К северу и югу от поселения цепочкой располагается серия небольших курганных могильников. Все они содержат кочевнические погребения дозолотоордынского времени, а также синхронные городу и поселению. Одно погребение датируется монетой конца XIII в. Погребения здесь сильно разграблены, но в целом они тех же типов, которые отмечены нами раньше. Могильники здесь демонстрируют тот же способ формирования, как и в остальной округе Царевского городища: кочевнические некрополи постепенно начинают использоваться местным оседлым населением. Судя по раскопкам А.В. Терещенко и В.Г. Блохина, расцвет жизни на этой территории пришелся на середину XIV в., так же как и соседнего Зубовского массива, расположенного в 8 км юго-восточнее Колобовки (Блохин, Яворская, 2006, с. 95).

А.Ф. Леопольдов в 30-е гг. XIX в. видел возле деревни Зубовка развалины укрепления с валами и бастионами (Леопольдов, 1837, с. 126). В первой трети XX в. здесь зафиксировано 29 курганных насыпей и 13 остатков золотоордынских зданий, а также горны для обжига глиняной посуды, видимо, какая-то часть населения поселка практиковала ремесло. Современные местные жители, используя кирпич из ордынских строений, часто находили обломки изразцов и однажды даже с изречениями из Корана. Что касается погребений, то местные жители рассказывали о погребении под крестообразным надгробием в колоде, внутри которой находилась золотая чаша (Ильина, Шишкин, 1929, с. 11). Разведками ПАЭ в 60-е гг. XX в. также было выявлено Зубовское городище, примерно в 17 км на ЮВВ от Царевского (Федоров-Давыдов и др., 1967, с. 12). Топографическая съемка И.А. Воронцова на этом поселении выявила остатки крупного четырехугольного, по-видимому, фортификационного сооружения, фланкированного по углам башнями (Воронцов, 2010), что согласуется с указанием А. Леопольдова.

На окраине поселения могильник, большая часть захоронений которого совершена в оградках. Почти все безынвентарные, но нормы ислама не соблюдены полностью, а в двух захоронениях, расположенных отдельно от остального массива, в большом количестве обнаружены вещи. Одно из погребений содержит монеты 40-х гг. XIV в.

Начальный этап образования курганных могильников в окрестностях Царевского городища ничем не отличается от обычных степных некрополей – они функционируют там, где есть более древние памятники. Таким образом, некоторая часть некрополей начала функционировать в золо-

тоордынское время еще до образования крупного города на месте Царевского городища. Основным занятием населения на этой территории до возникновения города было, по-видимому, кочевое скотоводство. С возникновением и развитием города совпадает трансформация хозяйства кочевников ближе к полукочевому. В окрестностях города функционировал целый ряд поселений, население которых в качестве вспомогательного занятия использовало земледелие (Блохин, Яворская, 2006, с. 97).

Политические события, связанные с феодальной междоусобицей в Улусе Джучи в конце 50-х – 60-е гг. XIV в., разгром города в конце 60-х гг. XIV в. способствовали потере им ряда своих важнейших функций, особенно административно-политических. Это влечет за собой затухание жизни в его окрестностях, где поселки забрасываются, а некрополи, соответственно, прекращают функционировать. Самые поздние монеты, обнаруженные в некрополях, датируются 1361 г. (Блохин, Яворская, 2006, с. 97).

ВОДЯНСКОЕ ГОРОДИЩЕ

Одним из самых интересных золотоордынских памятников Нижнего Поволжья является Водянское городище, расположенное на правом берегу Волги у г. Дубовка Волгоградской области. Площадь городища около 45 га, с севера, запада и юго-востока оно ограничено глубокими оврагами с крутыми, почти отвесными склонами, а с востока – берегом Волги. Территория городища рассечена несколькими небольшими оврагами. В настоящее время ширина Волгоградского водохранилища у Водянского городища составляет почти 5 км. На левом берегу Волги раньше располагался большой полуостров Пиковый Новый, в настоящее время полностью затопленный. Южная оконечность этого полуострова находилась прямо напротив Водянского городища, и ширина Волги здесь составляла 700 м, что существенно упрощало переправу с правого берега на левый и наоборот. С напольной стороны Водянское городище ограничено искусственными оборонительными сооружениями в виде земляного вала высотой до 1,5 м и примыкающего к нему с южной стороны заплывшего рва. Общая протяженность этой оборонительной линии 480 м, концы ее упираются в глубокие отроги оврагов и балок. К югу от вала расположен пригородный могильник, состоящий из десятка небольших земляных курганов и развалин 20 кирпичных мавзолеев. Название средневекового города, располагавшегося на месте Водянского городища, до настоящего времени не установлено. Попытки его сопоставления с летописными Бельджаменом или Бездежем не очень убедительны (Полубояринова, 1978, с. 72). Судя по наличию в культурном слое городища своеобразных медных монет с номенклатурой «Адиль», город мог носить такое название, хотя полной уверенности в этом нет.

Водянское городище уже более 100 лет привлекает к себе внимание специалистов, здесь работали экспедиции из Саратова (1888–1914 гг., 1921 г.), Москвы (1967–1974 гг.), Казани (1988–1990 гг.), Волгограда (1992–2017 гг.). Особый вклад в дело его изучения внесли члены Саратовской ученой архивной комиссии (Н.С. Соколов, Б.В. Зайковский, А.А. Кротков, С.А. Щеглов), а также археологические экспедиции под руководством Ф.В. Баллода, Г.А. Федорова-Давыдова, В.Л. Егорова, А.Г. Мухамадиева, Е.П. Мыськова и А.С. Лапшина. К настоящему времени на Водянском городище вскрыто более 8500 м^2, причем большинство раскопов было разбито в прибрежной части памятника, в зоне интенсивного разрушения культурных напластований из-за систематических обвалов берега Волгоградского водохранилища (рис. 1, 2).

В результате многолетних исследований был получен богатый и разнообразный материал, характеризующий культуру мусульманского населения этого золотоордынского города, а также выявлены остатки раннего русского поселка и более позднего русского квартала. Кроме того, раскопаны большие участки христианского кладбища, на котором исследовано 65 средневековых захоронений без инвентаря в узких прямоугольных ямах. Все они располагались плотными параллельными рядами с узкими проходами, ориентированными с севера на юг. Умерших хоронили в дощатых гробах в вытянутом положении, на спине, головой на запад. Все средневековые русские комплексы, как бытовые, так и погребальные, сконцентрированы в восточной части городища на берегу Волгоградского водохранилища.

В.Л. Егоров и М.Д. Полубояринова, проанализировав материалы раскопок 1967–1969 гг., пришли к заключению, что русские люди были пригнаны на Водянское городище для того, чтобы строить здесь новый золотоордынский город. По их мнению, в этом городе русское население состояло из пленных, которые были совершенно бесправны, находились на положении рабов, жили в неимоверно тяжелых условиях и были крайне неустроенны в бытовом отношении (Его-

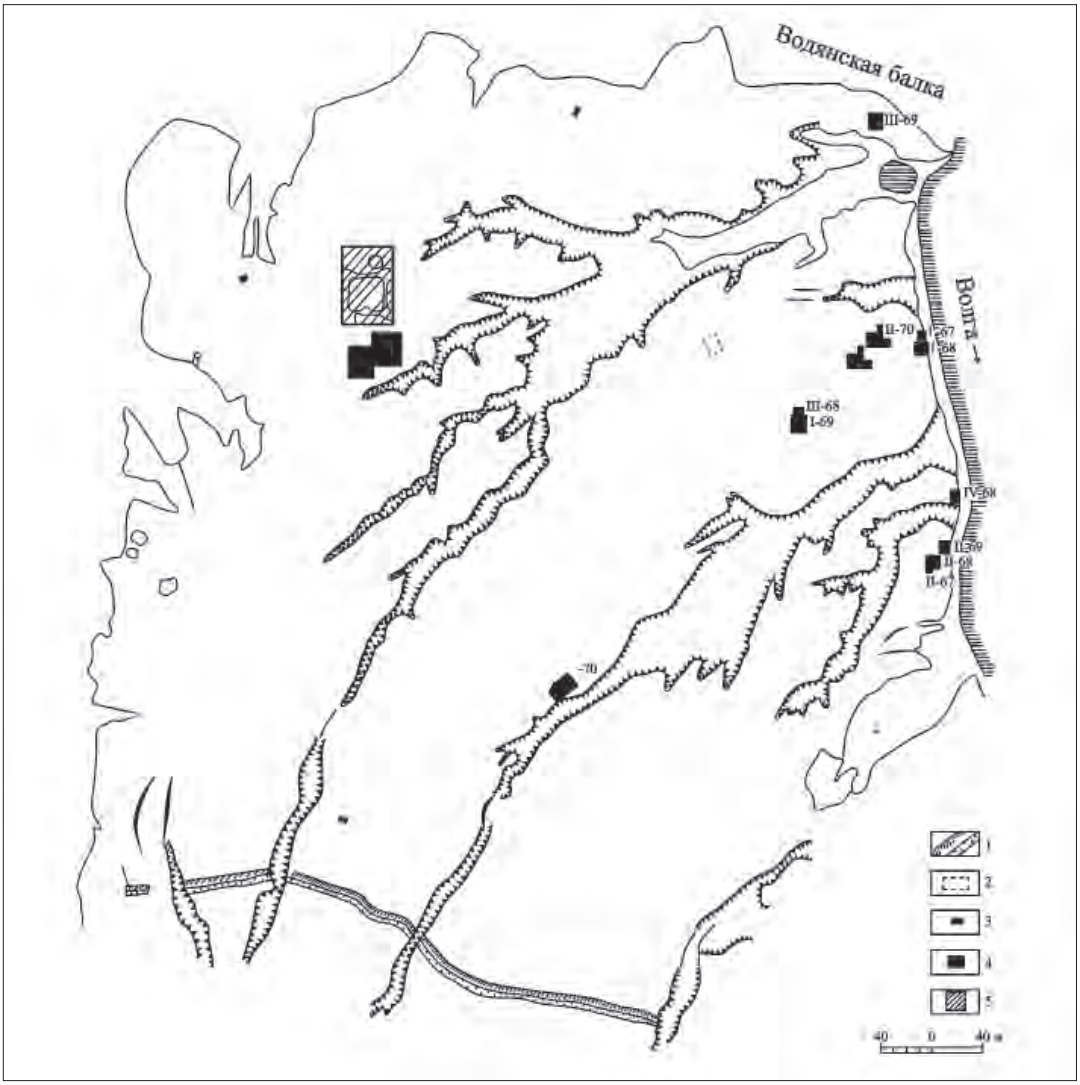


Рис. 1. План Водянского городища (город Бельджамен) с раскопами ПАЭ 1967–1973 гг.
(по В.Л. Егорову, М.Д. Полубояриновой и Г.А. Федорову-Давыдову)
1 – ров и вал; 2 – старые раскопы; 3 – охранный знаки; 4 – раскопы ПАЭ;
5 – комплекс мечети – раскоп II 1971–1973 гг.

ров, 1977, с. 115; Полубояринова, 1978, с. 80, 130, 131).

В настоящее время можно считать установленным, что первыми поселенцами на Водянском городище были русские, по-видимому, пригнанные сюда по распоряжению администрации хана Узбека в начале 20-х гг. XIV в. На всей исследованной площади городища русский культурный слой залегает на материке и представлен более или менее крупными обособленными пятнами. Именно поэтому можем утверждать, что ранний русский поселок был основан на месте, где до этого никто и никогда не жил. Он занимал всю прибрежную часть Водянского городища и представлял собой совокупность отдельно стоящих жилых и хозяйственных комплексов с сильно разреженной застройкой.

В хозяйственных и жилых комплексах раннего русского поселка (50 ям и прямоугольная в плане землянка с узким коридором-тамбуром) найдено более 40 000 фрагментов русской и красноглиняной керамики, а также: железный наконечник стрелы, два железных рыболовных крючка, шесть железных ножей, костяное кольцо для натягивания тетивы, лепное глиняное пряслице, стеклянные бусы, каменный оселок, деревянный поплавок от сети или невода, шесть каменных грузил для рыболовных сетей и два обломка каменных жерновов от ручных мельниц. Кроме того, в культурном слое раннего русского поселка найден массивный литой бронзовый наконечник ножен меча, а также типичные русские украшения – серебряная позолоченная трехбусинная височная подвеска с ажурной конструкцией бусин (рис. 3: 4) и медная штампованная бляшка, орнаментированная в технике перегородчатой эмали. Безусловный интерес представляют предметы христианского культа: восемь литых бронзовых крестов-тельников,

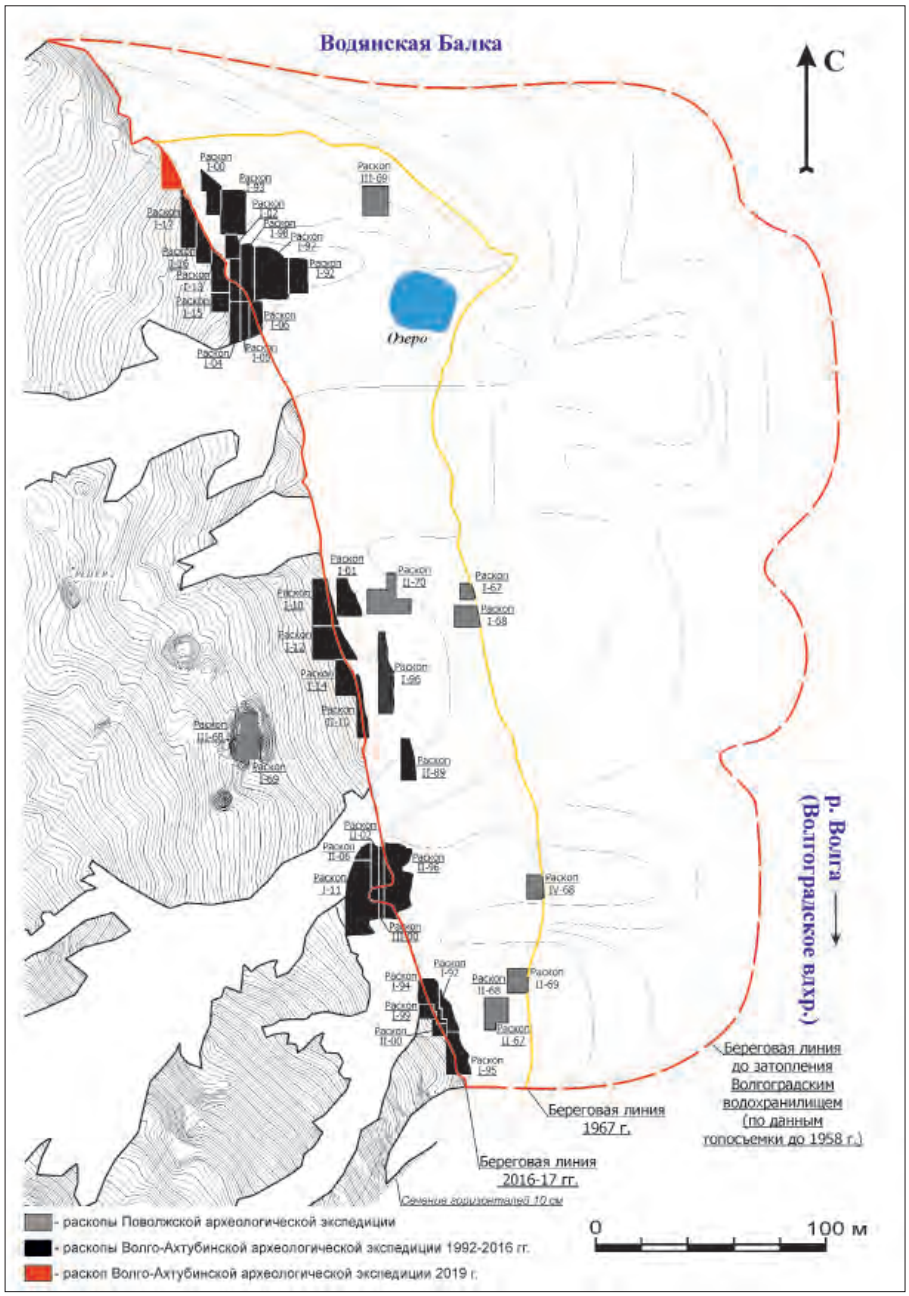


Рис. 2. План прибрежной части Водянского городища с раскопами, составленный сотрудниками отряда ВААЭ по результатам топографической съемки 2009 г.

янтарный крест-тельник, два литых бронзовых креста-энколпиона, две близких по исполнению литых бронзовых нагрудных иконки с изображениями распятия (рис. 3: 3) и один фрагмент стеклянной нагрудной иконки с изображением святого Николая. В ямах раннего русского поселка найдено 12 пулов первой половины 20-х гг. XIV в. (Полубояринова, 1978, с. 80–84; Мыськов, 2001а, с. 254; Лапшин, Мыськов, 2011, с. 16, 41; Лапшин, Мыськов, 2013. с. 75, 84). Ни одной медной монеты, отчеканенной ранее 1321 г., на Водянском городище до сих пор не обнаружено, а это значит, что наиболее вероятная дата основания русского поселка – начало 20-х гг. XIV в. Полное отсутствие в ранних русских ямах монет 30–60-х гг. XIV в. свидетельствует о том, что русский поселок прекратил свое существование в середине 30-х гг. XIV в., т. е. функционировал всего около 15 лет. Именно к середине 30-х гг. XIV в. относятся самые ранние золотоордынские комплексы Водянского городища, некоторые из которых перекрывали ямы русского поселка (Лапшин, Мыськов, 2011, с. 57–58, 61–62; Лапшин, Мыськов, 2013, с. 40–48). Эти стратиграфические связки весьма показательны, т. к. документально и очень точно маркируют самый ранний этап строительства собственно золотоордынского города на месте Водянского городища, который надежно датируется

Рис. 3. Находки разных лет с территории Водянского городища. 1 – часть клада монет XIV в.; 2 – амулет; 3 – нагрудная иконка с изображениями распятия; 4 – височная подвеска с ажурной конструкцией из трех бусин начала XIV в.; 5, 7 – фрагменты штукатурки с надписями и рисунками; 6 – бусина. 1 – серебро; 2 – сплав медный; 3 – бронза; 4 – серебро, позолота; 5, 7 – известково-алебастровый раствор; 6 – стекло. 4 – 2010 г.; 5, 7 – 2001 г.; 6 – 2013 г.

анонимными сарайскими пулами 30-х гг. XIV в. Все жилые и хозяйственные постройки раннего русского поселка были разобраны, а многочисленные ямы и погреба засыпаны, только после этих широкомасштабных нивелировочных работ было начато строительство золотоордынских кварталов.

После полной ликвидации раннего русского поселка его население в принудительном порядке было переселено на юго-восточную окраину города, где был образован обособленный русский квартал. Многолетние раскопки на территории русского квартала не выявили никаких следов золотоордынских кирпичных или каменных по-

строек, даже обломки жженых кирпичей, которыми усеяна вся площадь городища, здесь почти не встречаются. Ни перекрывающих, ни подстилающих слоев здесь не выявлено, поэтому можно с полной уверенностью рассматривать русский квартал Водянского городища как однослойный бытовой археологический памятник, а это значит, что практически все обнаруженные здесь сооружения и находки связаны с деятельностью русского населения.

При раскопках русского квартала на площади 480 м^2 найдено 15 000 фрагментов керамики (из них русских 35%) и исследовано 19 хозяйственных ям, найдены десятки тысяч обломков костей животных, птиц и рыб, а также: три цилиндрических пружинных замка, три железных ключа, железные шарнирные ножницы, многочисленные фрагменты железных ножей, железные гвозди и скобы, 9 железных рыболовных крючков, небольшая железная мотыга, фрагменты двух бронзовых зеркал с рельефной орнаментацией, 12 пряслиц из фрагментов стенок красноглиняных гончарных сосудов, 12 каменных оселков, перстень из синего стекла, бусы из цветного стекла и камня. Следует отметить многочисленные находки грузил для рыболовных сетей из больших окатанных камней с выдолбленными отверстиями. Кроме того, здесь найдено 10 медных монет 40-х – начала 60-х гг. XIV в. Обратим особое внимание на то, что на территории русского квартала не найдено ни одной медной монеты 20-х гг. XIV в., а это значит, что он был основан после того, как ранний русский поселок прекратил свое существование. Судя по находкам медных пулов, русский квартал Водянского городища функционировал всего около 25–30 лет.

Русский квартал окончательно запустел не позднее середины 60-х гг. XIV в. Здесь не найдено ни одной монеты Токтамыша, которые часто встречаются при раскопках жилых и хозяйственных построек Водянского городища, погибших в результате разгрома города войсками Тимура в 1395 г. На территории русского квартала не зафиксировано никаких следов большого пожара, здесь не обнаружено ни вещевых, ни монетных кладов, спрятанных или брошенных в спешке вещей. Все это не оставляет сомнений в том, что русский квартал был покинут жителями в относительно спокойной обстановке. В настоящее время можно считать установленным, что полное запустение русского квартала было связано с глубоким кризисом, разразившимся в Золотой Орде в середине 60-х гг. XIV в., если при этом учесть, что верхний уровень культурного слоя здесь совпадает с уровнем современной поверхности и при его многолетних исследованиях не выявлено никаких следов золотоордынских сооружений, то станет ясно, что в последней трети XIV в. вся площадь русского квартала представляла собой большой пустырь.

Огромный объем археологических, нумизматических и антропологических материалов, полученных в процессе многолетних планомерных раскопок, позволяет достаточно подробно охарактеризовать хозяйство и быт русского населения Водянского городища. Большое количество костей домашних животных свидетельствует о занятии скотоводством, особенно показательны в этом отношении находки костей свиней, мясо которых мусульманское население города в пищу не употребляло и, следовательно, не разводило. Многочисленные находки орудий рыболовного промысла и огромное количество рыбьих костей не оставляют сомнений в том, что рыба занимала одно из ведущих мест в пищевом рационе русского населения. Обильные сбросы чешуи толщиной до 15 см свидетельствуют о единовременной обработке больших партий выловленной рыбы и заготовке ее впрок путем соления, вяленья или копчения. Достаточно многочисленные находки замков и ключей свидетельствуют о том, что русские люди владели личным имуществом и жили в собственных домах. Некоторые из них владели оружием, о чем говорят находки наконечников стрел, кольца для натягивания тетивы и бронзового наконечника ножен меча. Поскольку на русском кладбище было похоронено много людей старческого возраста, можно с уверенностью говорить об относительно нормальных условиях жизни русских поселенцев. Основной повинностью русского населения было создание и бесперебойное обслуживание переправы через Волгу, это подтверждается данными письменных источников (Путешествия…, 1957, с. 109, 110, 118), а также достаточно многочисленными находками фрагментов амфорной тары причерноморского (синопского?) производства, которая могла попасть сюда только по донскому судоходному пути и только при условии функционирования Волго-Донской переволоки. Ни о каком серьезном влиянии мусульманских традиций на христианское население Водянского городища говорить не приходится. Русским людям удалось сохранить все основные элементы своей материальной и духовной культуры (Мыськов, 2001а, с. 252–260).

В середине 30-х гг. XIV в. после ликвидации раннего русского поселка и проведения масштабных нивелировочных работ на Водянском городище началось интенсивное строительство нового золотоордынского города. По-видимому, в это время основное внимание уделялось жилищному строительству, а возведение большинства круп-

ных общественных сооружений (бань, мечетей) и производственных комплексов (керамических мастерских) относится к более позднему периоду – 40–50-м гг. XIV в. Жилые сооружения 30–40 гг. XIV в. представлены квадратными в плане домами, большинство из них представляют собой относительно небольшие наземные однокомнатные квадратные в плане постройки размером от 4×4 м до 7×7 м. Стены таких домов были сложены из сырцовых кирпичей на глиняном растворе, они обычно возводились прямо на выровненной поверхности почвы. Внутренняя планировка таких домов достаточно стандартна. Напротив входа вдоль трех стен обычно располагалась П-образная лежанка-суфа высотой около полуметра. Внешний контур ее обычно сооружался из жженых или сырцовых кирпичей, а внутреннее пространство до стен заполнялось плотно утрамбованным грунтом. Внутрь суфы встраивались кирпичные горизонтальные дымоходы-каны и питавшие их кирпичные печи или глиняные тандыры. Полы в таких домах обычно были глинобитными.

Особый интерес представляет мечеть, развалины который располагались в западной части городища, это прямоугольное здание размером 35×26 м, вытянутое с севера на юг. Его каменные стены были покрыты снаружи и изнутри белой известковой штукатуркой. У северо-восточного угла здания сохранились остатки прямоугольного каменного цоколя разрушенного минарета. Ствол минарета был круглым, поверхность его украшали плитки с бирюзовой поливой и ганчевые вставки с оттиснутыми на них геометрическими узорами и куфическими надписями «Аллах, Мухаммед». Внутреннее пространство мечети разделялось деревянными колоннами на шесть нефов, пол был выстлан досками. Вход в мечеть находился в северной стене, снаружи он был оформлен двумя пилонами, сложенными из больших тесаных каменных плит. Напротив входа в южной стене здания был устроен михраб в виде арочной ниши, оштукатуренный внутри. Напротив михраба в пол была вкопана ранневизантийская мраморная колонна с канелюрами, над михрабной нишей на стене была закреплена ганчевая плита с рельефной куфической надписью: «Царство единому Богу, всемогущему» (Егоров, Федоров-Давыдов, 1976, с. 108–139).

Рядом с мечетью располагалось большое мусульманское кладбище, на котором было исследовано 50 захоронений без инвентаря. Большинство из них располагалось ровными рядами вдоль стен мечети. Над погребениями сохранились надгробия различных типов, сложенные из камней и жженых кирпичей. Две могилы с кирпичными склепами вместо останков людей содержали скелеты жертвенных животных – баранов. Кроме грунтовых погребений под надгробиями на этом кладбище раскопаны развалины двух небольших мавзолеев. Один из них представлял собой квадратную в плане однокамерную постройку размером 6×6 м, ориентированную почти точно по сторонам света, пол был вымощен жжеными кирпичами, в центре располагалось ступенчатое надгробие, под которым находилась могила с кирпичным склепом. Второй мавзолей прямоугольной формы размером 10,4×9 м с глинобитным полом. Стены его были сложены из небольших бутовых камней и слегка углублены в материк. В мавзолее обнаружено 6 могил (три детских и три взрослых), которые располагались в ряд по оси здания и находились настолько близко друг к другу, что их кирпичные надгробия слились в один массив. При раскопках мечети и прилегающего к ней кладбища найдено 6 серебряных и 130 медных монет. Кроме того, обнаружены железные ножи, ключ, молоток, бронзовые пуговицы, бубенчики, перстни, наперсток, цепочка, костяные рукояти ножей, биллонная чаша и несколько каменных форм для отливки мелких бронзовых украшений. Судя по найденным монетам, мечеть была сооружена в 40–50-х гг. XIV в., разрушение ее относится к первой половине 60-х годов XIV в. (Егоров, Федоров-Давыдов, 1976, с. 139–158).

На пригородном могильнике Водянского городища раскопаны остатки мавзолея, который был сооружен в 50-х гг. XIV в. Он представлял собой прямоугольную кирпичную постройку на мощном каменном цоколе размером 16,6×10,5 м. Мавзолей состоял из двух помещений – квадратной усыпальницы (гур-ханы) с купольной конструкцией потолка, а также из узкой прямоугольной комнаты для поминовений (зийарат-ханы) с двумя широкими кирпичными скамьями-суфами вдоль стен и остатками кирпичного пола. Стены внутренних помещений были покрыты белой известковой штукатуркой. С юга стены мавзолея ограничивались мощными пилонами, которые соединялись между собой двумя каменными порогами. Вход в мавзолей перекрывался арочным сводом, который вместе с пилонами образовывал высокий портал, украшенный мозаичным панно с растительными и эпиграфическими орнаментами из кашинных плиток белого, желтого, голубого, темно-красного, ультрамаринового и черного цветов. Всего в мавзолее исследовано девять погребений (шесть взрослых и три детских) Над некоторыми погребениями сохранились остатки кирпичных надгробий, одно из которых было облицовано синими майоликовыми кашинными плитками с изящными растительными и эпиграфическими орнаментам белого цвета. В большинстве погребений не

найдено никаких вещей, только в двух захоронениях сохранились остатки дорогой одежды из парчи и сердоликовая бусина. В одном из погребений обнаружены фрагменты резной крышки гроба с позолоченным и раскрашенным растительно-эпиграфическим орнаментом (Егоров, 1980, с. 80–88).

Кроме того, раскопано большое общественное здание размером 13×10 м, ориентированное с севера на юг. Это была прямоугольная постройка, углубленная в грунт почти на метр. Основания мощных стен, сложенных из квадратных жженых кирпичей, опирались на грунтовое дно котлована. Помещение не отапливалось. Входной проем находился в северной стене, пол перед входом был аккуратно вымощен квадратными жжеными кирпичами на известковом растворе. Здесь же, у входа, располагались узкие суфы. В южной части постройки пол был выстлан досками, которые были уложены на бревенчатые лаги длиной до 8 м. Судя по многочисленным нумизматическим находкам, здание функционировало с конца 40-х до начала 60-х гг. XIV в. Особенно интересны многочисленные рисунки и арабские надписи, которые были нанесены тушью на поверхность белой штукатурки, покрывавшей внутреннюю поверхность западной стены (рис. 3: 5, 7). Среди рисунков имеются сложные виньетки, медальоны, «узлы счастья», а также реалистичное изображение соборной мечети с кирпичными минаретами, высоким порталом и куполами. В большинстве своем это кораническое тексты, посвятительные сообщения и благопожелательные изречения. Среди обнаруженных надписей выделяются фрагменты штукатурки со стихами известного средневекового поэта Пахлавана Махмуда Бохадура Хорезми, умершего в 1326 г. в Хорезме. Большинство обнаруженных надписей представляют собой интересные образцы средневековой арабской каллиграфии (Мыськов, 2001б, с. 260–261).

Среди общественных сооружений, исследованных на Водянском городище, следует отметить большую баню с подпольным отоплением, которая функционировала в 50-х – начале 60-х гг. XIV в. Это было здание с углубленным в грунт фундаментом из бутовых камней. Всего раскопано 9 помещений: предбанник, неотапливаемая «комната отдыха» с глинобитным полом и теплые отапливаемые комнаты-мыльни. Топкой являлась округлая кирпичная печь диаметром 2 м, которая соединялась с подпольной системой отопления, состоящей из правильных рядов кирпичных столбов высотой до 45 см, установленных на грунтовое дно котлована. На эти столбы были положены тонкие каменные плиты пола. Пространство между подпольными кирпичными столбами было сплошь забито слоем сажи толщиной до 5 см. Вода подавалась в баню по водопроводу, составленному из керамических труб. Отвод использованной воды за пределы бани осуществлялся при помощи подземного сточного канала в виде узкой траншеи, облицованной каменными плитами, поставленными на ребро и перекрытыми сверху такими же плитами.

Кроме общественных построек, культовых зданий и мемориальных сооружений на Водянском городище исследованы многочисленные хозяйственные комплексы. Раскопаны сотни хозяйственных ям различных форм и размеров, в которых найдены десятки тысяч фрагментов красноглиняной и поливной посуды, а также сотни тысяч обломков костей животных – мелкого рогатого скота (около 50%), крупного рогатого скота (около 30%), лошадей (около 10%), верблюдов (около 5%) и птиц (около 5%). Обнаружено большое количество изделий из железа, бронзы, свинца, кости, стекла, среди которых можно выделить амулеты (рис. 3: 2), пряслица, наперстки, серьги, бусы (рис. 3: 6), резные рукояти ножей и шильев, наконечники стрел.

В начале 60-х гг. XIV в. период бурного развития города заканчивается. Вряд ли можно сомневаться в том, что в период «великой замятни» над ним неоднократно нависала угроза разорения. Скорее всего, именно в это время было осуществлено строительство оборонительной линии в виде валов и рвов у южной окраины Водянского городища. В период непрекращающихся феодальных смут город приходит в упадок. Археологические материалы дают многочисленные свидетельства почти полного запустения городской территории во второй половине 60-х гг. XIV в. Все крупные общественные сооружения и жилые кварталы забрасываются и постепенно разрушаются. В общем объеме многочисленных нумизматических материалов монеты второй половины 60-х – 70-х гг. XIV в. представлены в очень ограниченном количестве и составляют лишь доли процента от общего количества находок.

Город стоял в развалинах более 15 лет. К его восстановлению приступили только в период временной политической и экономической стабилизации при хане Токтамыше. Благодаря сплошному исследованию больших площадей на северо-восточной окраине Водянского городища удалось установить, что город эпохи Токтамыша был построен в исторически короткие сроки по единому плану, причем перед началом строительства были проведены широкомасштабные планировочные работы. В результате этих работ все более ранние постройки и хозяйственные сооружения были полностью срезаны или засыпаны. Иными словами, на Водянском городище в это время было

осуществлено не восстановление остатков старой городской структуры, а фактически осуществлено строительство нового города с очень плотной застройкой и строгой уличной планировкой. Судя по нумизматическим находкам, город эпохи Токтамыша просуществовал не более 15 лет – с начала 80-х годов XIV в. до 1395 г. В этом году он подвергся жестокому погрому и был полностью сожжен. Во всех исследованных домах отчетливо фиксируются следы катастрофического пожара. Однако при раскопках этих построек не обнаружено никаких следов уличных боев. Скорее всего, город был сдан на милость победителей и сожжен. Большую часть городского населения угнали в плен, именно поэтому в толще золы внутри печей и других укромных уголках так и остались лежать спрятанные вещи – поливная посуда, комплекты замков и даже большой клад из 440 серебряных монет (рис. 3: 1). Самая поздняя монета этого клада была отчеканена в 1395 г., что абсолютно точно совпадает с датой похода Тамерлана против Золотой Орды (Федоров-Давыдов, 2003, с. 95).

Однако на этом история средневекового города не закончилась. На Водянском городище раскопаны остатки большого жилого дома, который на основании данных прямой стратиграфии можно уверенно датировать временем после 1395 г. В связи с этим становятся вполне понятными довольно частые находки на Водянском городище медных монет 1396–1397 гг. и к тому же снабженных надчеканками в виде треугольника. Следовательно, самые поздние сооружения Водянского городища следует датировать рубежом XIV–XV вв.

УВЕКСКОЕ ГОРОДИЩЕ

Регион города Укека, располагавшийся в центральной части современной Саратовской области, занимал в золотоордынском Поволжье важное стратегическое положение между болгарскими городами на севере и нижневолжской агломерацией на юге.

Памятники рассматриваемого региона находятся в плодородной северной части степной зоны, на Правобережье Волги в этих местностях обильны дубовые леса.

Остатки золотоордынского города Укека (Увекское городище) располагаются на правом берегу Волги на южной окраине Заводского района современного Саратова у поселков Новый Увек, Береговой Увек и Нефтяной. Сейчас городище почти полностью застроено. Под застройкой частным сектором и производственными объектами находится практически вся площадь памятника, за исключением отдельных окраинных территорий. Это существенно затрудняет современные археологические исследования (рис. 1).

Укек с востока был ограничен рекой Волгой, с запада – горой Каланча (высота 135 м), а с севера – речкой Увековкой (Увешей). Увекское городище имело укрепления в виде рва и земляного вала, протянувшиеся от Каланчи к Волге; в XVIII в. длина сохранившихся укреплений достигала 400 саженей. С юга к городу примыкали обширные кладбища с мавзолеями и каменными надгробиями.

Размеры Увекского городища составляют более 3,3 км с севера на юг и почти 1,4 км с запада на восток. Площадь городища в настоящее время превышает 205 га, но городище веками размывалось Волгой, следовательно, площадь Укека в период существования Золотой Орды была гораздо больше. Судя по территории, можно предполагать, что население города в период его расцвета было около 9–10 тысяч человек, что было достаточно большой величиной для средневекового города. На Увекском городище еще в начале XX в. отчетливо выявлялись следы каменных и кирпичных построек золотоордынской эпохи.

Укек являлся одним из ранних городов Золотой Орды (его основание можно относить к концу 40-х – 50-м гг. XIII в.), причем городов крупных – это крупнейшее золотоордынское поселение северной части Нижнего Поволжья. В Укеке, как и в других значительных городах Улуса Джучи, чеканились монеты (в последней трети XIII – начале XIV в.); это говорит о большой политической роли города. Период наиболее активной экономической жизни города, судя по монетным находкам, пришелся на 1270–1360-е гг.; в последней трети XIV в. город, как и многие другие центры Золотой Орды, приходит в упадок, вызванный десятилетиями междоусобных войн и ослабеванием ханской власти (Кубанкин, 2016, с. 170–172; Недашковский, 2000а, с. 17–19). Связь гибели города с разгромом его Тамерланом подтверждается письменными, археологическими и нумизматическими источниками, которые говорят о том, что Укек как город прекратил свое существование в самом конце XIV в.

Денежное обращение в Укеке сложилось еще в XIII в., в отличие от многих других золотоордынских городов. Были найдены еще монеты с именем каракорумского каана Менгу (Мунке), правившего в 1251–1259 гг. По данным на конец XX в. (Недашковский, 2000а, с. 17–18), доля дир-

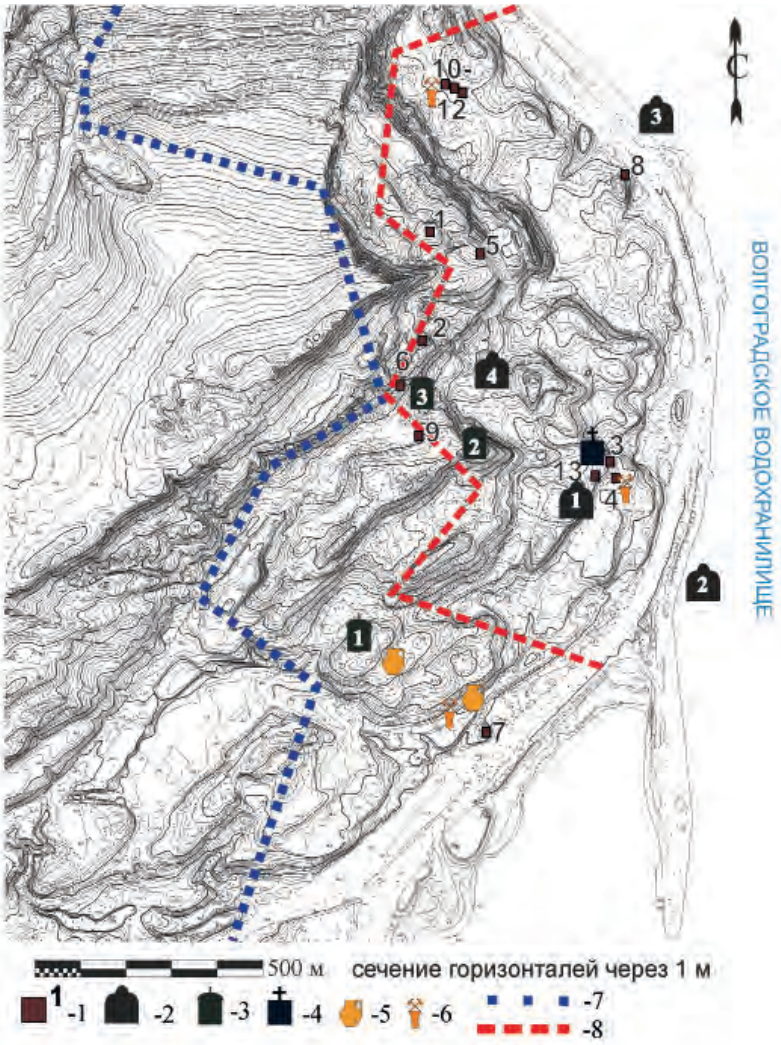


Рис. 1. План-схема Увекского городища (по Д.А. Кубанкину).
1 – местоположения и номера раскопов; 2 – бани; 3 – мавзолеи; 4 – христианские храмы; 5 – горны гончарные; 6 – горны металлургические; 7 – граница зоны локальных выходов культурного слоя; 8 – граница зоны сплошного распространения культурного слоя

хемов 1266–1291 гг. для Увекского городища составляет 10,6%, что в несколько раз превышает соответствующие показатели для других городов Улуса Джучи; доля серебряных монет Токты также сильно завышена – 19,2% (от всех найденных дирхемов). Доля дирхемов Узбека на городище составляет 25,2%. Серебряных монет Джанибека в Укеке меньше, чем в других крупных городах Улуса Джучи – 25,8%. Дирхемы периода междоусобицы конца 50-х – начала 80-х гг. XIV в. представлены 25 экземплярами (16,6%). Почти все они отчеканены от имени ханов, правивших в узкий хронологический промежуток между 1357 и 1367 годами. Дирхемы конца 60-х – 70-х гг. XIV в. на Увекском городище представлены единственным экземпляром (Каганбек, 777 г. х.), что, очевидно, указывает на упадок обращения серебряных монет в Укеке в этот период. Имеются указания лишь на три датированных серебряных монеты Токтамыша 785–788 гг. х. Это позволяет говорить об окончательном угасании обращения дирхемов в Укеке в конце 80-х – 90-х гг. XIV в.

Активное обращение пулов в Укеке начинается лишь в правление Узбека (17,3%). Пик находок медных монет, так же как и серебряных, падает на правление Джанибека (54,7%). Доля медных монет 1357–1368 гг. в Укеке составляет 27,4%.

На Увекском городище обнаружена продукция монетных дворов Сарай, Сарай ал-Махруса, Сарай ал-Джедид, Гюлистан, Укек (рис. 2), Мохша, Болгар, Барджин, Маджар, Крым, Азак, Хорезм, Исакчи (рис. 3), Тебриз; помимо джучидских монет были найдены византийская монета императоров Андроника II и Михаила IX Палеологов (1295–1320 гг.) чеканки Константинополя (рис. 4), медная монета ильхана Абу-Саида (1316–1335 гг.), неопределенная хулагуидская (?) и пять древнерусских монет (Кубанкин, Петров, 2013, с. 56–58; Недашковский, 2000а, с. 16–19; Петров, Кубанкин, 2015, с. 63–64).

Рис. 2. Дирхемы серебряные, чекан Укека

Большой вклад в изучение данного золотоордынского города внесли Х.М. Френ, Г.С. Саблуков, П.А. Пономарев, А.А. Кротков, Б.В. Зайковский и Ф.В. Баллод. Археологические раскопки Увекского городища – археологических остатков Укека (сейчас почти полностью застроенных) – многократно проводились в 90-е гг. XIX – первой четверти XX в. Наиболее известны и подробно опубликованы материалы раскопок 1913 и 1919 гг. Работами П.Н. Шишкина 1913 г. были вскрыты остатки кирпичного мавзолея с девятью аристократическими захоронениями в нем. В 1919 г. Ф.В. Баллодом исследовались два горна для обжига изразцов, использовавшихся при строительстве мавзолея, а также прилегающие сооружения и склепы.

Большинство из ранних поступлений в музейные собрания с Увекского городища представлены материалами разведочных исследований. Так, в книге записей вещей музея Саратовской ученой архивной комиссии содержится 611 записей находок с Увекского городища, поступивших в фонды за период с 1890 по 1924 г. Из этого числа лишь 37 записей относятся к находкам из раскопок, а остальные 574 – это сборы с поверхности и закупка у местных жителей (Кубанкин, 2006а, с. 288).

Саратовский археолог В.Г. Миронов обращал внимание общественности на продолжающееся разрушение культурного слоя Увекского городища и необходимость проведения здесь раскопок. С 1993 г. Укек (разведками) и особенно его округа (раскопками и разведками) активно изучаются отрядом археологической экспедиции Казанского университета под руководством Л.Ф. Недашковского. С 2002 г. по 2005 гг. разведочные работы и шурфовка на городище проводились саратовским исследователем Р.А. Сингатулиным.

С 2005 г. археологической экспедицией Саратовского областного музея краеведения, а затем Исторического парка под руководством Д.А. Кубанкина проводятся ежегодные интенсивные археологические раскопки на Увекском городище. С 2014 г. работы поддерживаются Институтом археологии АН РТ им. А.Х. Халикова в рамках государственной программы «Сохранение национальной идентичности татарского народа». За период с 2005 по 2017 г. было исследовано 1230 кв. м площади. Мощность залегания культурного слоя в отдельных случаях достигала 4 м. Вместе с тем следует признать, что за все время археологических исследований раскопками изучено намного менее 1% от площади городища.

В окрестностях Укека располагался целый ряд поселений и могильников как оседлого, так и кочевого населения. Округа золотоордынского Укека сложилась еще в последней четверти XIII – начале XIV в. и просуществовала вплоть до гибели города в конце XIV в. В окрестностях золотоордынского Укека оседлое население заметно преобладало над кочевым. Кочевой мир преобладал на Левобережье Волги, где располагался домен золотоордынских ханов и, судя по данным письменных источников, кочевали их ставки. На Правобережье же, по нашим данным, сильнее были традиции оседлости. Кочевнические могильники располагались часто невдалеке от поселений, что говорит о взаимопроникновении, симбиозе кочевого и оседлого укладов жизни в округе Укека. Однако инвентарь кочевнических захоронений рассматриваемой территории в большинстве своем значительно отличается от инвентаря с Увекского городища и других поселений, что, очевидно, обусловлено разными системами хозяйства – кочевым скотоводством, с одной стороны, и оседлыми земледелием и ремеслом – с другой.

Значительная часть (вероятно, большинство) населения к середине XIV в. исповедовала ислам: в Укеке и его округе более половины из всех известных науке захоронений совершено по мусуль-

Рис. 3. Пулы медные монетного двора Исакчи. Конец XIII в. – начало XIV в. 1 – Тохта, совмещенные тамги Токты и Ногая; 2 – анонимный пул, год не указан, тамга одного из сыновей Ногая, возможно Чаки (по: Петров, Кубанкин, 2015; Кубанкин, Петров, 2013)

Рис. 4. Византийская монета (трахея) времени правления Андроника II и Михаила IX Палеологов. Медь. 1295–1320 гг. (по: Петров, Кубанкин, 2015)

манской обрядности. Судя по найденным остаткам двух православных храмов (подтверждающих присутствие крупной общины), многочисленным находкам крестиков, каменных и бронзовых иконок, деталей хоросов (паникадил), было распространено и православное христианство, пришедшее с территории Руси вместе со славянским населением (о его наличии, помимо вышеперечисленных вещей, говорят находки специфичных украшений и характерной керамики горшковидных форм (рис. 20)). Из Западной Европы в Укек проникает католичество. Монгольская верхушка Укека, продержавшаяся у власти по крайней мере до третьего десятилетия XIV в., судя по находкам металлических фигурок человека («ильтаханов», символизирующих душу человека и прикреплявшихся к онгонам – изображениям монгольских божеств) и по другим особенностям материальной культуры, сохраняла свои шаманистские верования.

По материалам погребальной обрядности прослеживается присутствие в Укеке и его округе, помимо кипчаков, населения центральноазиатского (монгольского) происхождения, доминировавшего среди городской аристократии, и «черных клобуков». Примечательно, что среди погребений в мавзолеях и склепах наибольшая в Нижнем Поволжье доля комплексов с характерными для монголов северной и северо-восточной ориентировкой зафиксирована именно на могильниках Увекского городища (Недашковский, 2010, с. 234), памятники округи которого доминируют на наиболее раннем хронологическом этапе, когда золотоордынская аристократия, преимущественно центральноазиатская по происхождению, еще была слабо подвержена влиянию ислама.

В округе Укека, так же как и в самом городе, прослежено наличие значительного количества инокультурных (незолотоордынских) материалов: это предметы, которые преимущественно можно связать с древнерусским (Недашковский, 1997) и древнемордовским кругом памятников.

В городской среде Укека отчетливо прослеживается присутствие русского и мордовского этнического субстратов. Помимо того, что древнерусская керамика найдена на различных прибрежных участках городища, она локализуется в крупные скопления. В нижних горизонтах христианского квартала, на раскопах III и IV, доля русской керамики достигает 26%, уменьшаясь в слоях XIV в. На раскопе VII, прилегающем к христианскому кварталу, она составляет 23%. Подобный процент следует признать высоким для золотоордынских городов.

Лепная мордовская керамика менее многочисленна в Укеке по сравнению с русской, но встречается она стабильно (рис. 21). В христианском квартале (раскоп III и раскоп IV) ее количество составляет примерно в пределах 1% от общего числа фрагментов керамики; на остальной территории – 0,5–0,1%.

Древнерусские материалы зафиксированы на 17 (32,1%) из 53 поселений; количественно, по имеющимся данным, древнерусская керамика составляет на данных поселениях от 1,1% до 50% всех керамических материалов. Отмечены древнерусские материалы и на одном из местонахождений, а также в комплексе одного из курганов. При-

Рис. 5. Набор парадной посуды (бутыль, миски, блюда). Вторая половина XIII в. Кашин, полива, подглазурная полихромная роспись (Раскопки Д.А. Кубанкина)

Рис. 6. Амфора группы клейма SSS, маломерная. Вторая половина XIII в. Глина с примесью (раскопки Д.А. Кубанкина)

Рис. 7. Амфора основного размерного стандарта. Трапезунд. Вторая половина XIII в. Глина с примесью (раскопки Д. А. Кубанкина)

Рис. 8. Тарелка красноглиняная поливная с изображением птицы. Византийская империя. Вторая половина XIII в. Глина, полива (раскопки Д. А. Кубанкина)

Рис. 9. Зеркало с широким бортиком и полусферической петлей по центру. Украшено сложным сюжетным орнаментом. Китай, рубеж XIII–XIV вв. Бронза, литье (по: Кубанкин, Масловский, 2013)

Рис. 10. Чехол для зеркала с изображением Лунного зайца. Увекское городище. Раскопки Ф.В. Баллода, 1919 год. Саратовский областной музей краеведения (доработано в графическом редакторе)

Рис. 11. Кошелек. Шелк. Начало XIV в. (раскопки П.Н. Шишкина 1913 г.)

веденные данные убедительно свидетельствуют о присутствии заметной доли древнерусского населения не только в Укеке, но и на части окружающих его золотоордынских поселений.

Следует отметить и присутствие мордовских материалов на семи (13,2%) поселениях. Однако они не столь многочисленны, как древнерусские, и встречены лишь на Правобережье Волги (причем лишь в северной и центральной части рассматриваемого нами района – ближе к собственно мордовским памятникам XIII–XIV вв., например, Аткарскому могильнику). Две находки сюльгам отмечены в курганной группе у с. Зауморье, на левом берегу Волги, а одна – в кургане у с. Большая Дмитриевка на р. Карамыш.

Если в округе городищ Царевское, Селитренное и Шареный Бугор древнерусские и мордовские материалы присутствуют только на крупных памятниках городского характера, то в округе Увекского городища наблюдается иная картина (Недашковский, 2014, с. 58). В округе Укека древнерусские материалы отмечены также на девяти средних (56,3% всех таких селищ в данном микрорегионе) и четырех мелких (16,7% селищ этого типа) поселениях, мордовские – на трех средних (18,8% таких селищ) и на двух мелких (8,3% поселений этого типа).

Представляется, что в северной части Нижнего Поволжья, в окрестностях Увекского городища, где количество памятников с древнерусскими материалами максимально, русское население могло активно практиковать пашенное земледелие, используя плодородные черноземные почвы.

На золотоордынских поселениях Нижнего Поволжья наблюдается положительная корреляция между находками земледельческих орудий и рыболовных принадлежностей с древнерусскими и мордовскими материалами (Недашковский, 2010, с. 242).

Кости свиньи, очевидно, связанные с питанием русского и мордовского населения, известны из

Рис. 12. Бокка. Из раскопок П.Н. Шишкина в 1913 г. Собрание Саратовского областного музея краеведения. Рубеж XIII–XIV вв.

материалов Увекского городища, селищ Багаевское и Широкий Буерак.

Перечисленные данные свидетельствуют, что присутствие древнерусского и мордовского населения в Укеке и его округе должно было оказать влияние на хозяйство жителей региона, интенсифицируя развитие земледелия, скотоводства, рыбной ловли и бортничества.

На Увекском городище были раскопаны или отмечены в архивных документах и публикациях следующие монументальные сооружения: мавзолеи, бани, храмы, дома знати.

Нам известно не менее трех мавзолеев. Наиболее хорошо изучен мавзолей с южной окраины городища по материалам раскопок 1913 г. Это был двухкамерный мавзолей из кирпича, украшенный поливными изразцами. Он содержал девять элитарных захоронений с северо-восточной ориентировкой и богатым сопроводительным инвентарем (Кротков, 1915; Кубанкин, 2006б, с. 190–201, 211–212, рис. 1–3; Недашковский, 2000, с. 135–136).

Рис. 13. Шпилька для волос. Стекло. Китай. Третья четверть XIII в. Раскопки Д.А. Кубанкина

На западной окраине городища известно еще два мавзолея. Однокамерный мавзолей из сырцового кирпича был раскопан в 1919 и 1923 гг. и содержал два или три захоронения с северо-восточной ориентировкой, в которых найдены шелковая одежда и украшения (Кубанкин, 2006б, с. 204–206; Недашковский, 2000, с. 136). Еще один мавзолей располагался на западной окраине городища и был раскопан в 1891 г., но сохранились лишь отрывочные сведения об этих исследованиях. Здание было сложено из камня, возможно, с использованием кирпича и имело подземный склеп с семью погребениями (Кубанкин, 2007, с. 208–209; Недашковский, 2000, с. 134).

По архивным данным и материалам раскопок условно удалось выделить четыре общественные бани Укека с подпольным отоплением. Практически полностью раскопана в конце XIX в. баня в центральной части городища площадью не менее 228 кв. м (Кубанкин, 2007, с. 202–205; Недашковский, 2000, с. 135) (рис. 26–28). На южной окраине городища в прибрежной части в конце XIX в. были заметны следы монументальной постройки длиной не менее 40 м из жженого кирпича с водопроводными трубами и, предположительно, подпольным отоплением (Архив ИИМК, 1893, л. 108–109), которую можно считать второй баней. В центральной части городища, в районе станции Увек, на берегу Волги в начале XX в. было известно монументальное сооружение из кирпича с глиняными трубами (Кубанкин, 2005, с. 201), которое также можно рассматривать как баню, возле которой была обнаружена чаша фонтана (Саратовский областной музей краеведения, № СМК 75954), аналогичная найденным в Болгаре. Следы предположительно еще одной бани обнаружены в шурфе Р.А. Сингатулина, заложенном в центральной части Увекского городища в 2005 г.; здание датировано найденной в фундаменте монетой Хызра временем не ранее 1360 г. (Сингатулин, 2008, с. 145–147).

В 2010–2013 гг. были частично раскопаны мощные фундаменты двух разновременных христианских храмов, один из которых, наиболее ранний, существовавший в 80-х гг. XIII – начале XIV в., имел пристройку с подвальным помещением. Ранний храм был украшен фресковой росписью, черепицей и резными каменными блоками (найден каменный блок с изображением креста). Фундамент раннего храма из песчаника был сооружен на «грязевом» растворе, он достигал высоты 140–160 см и толщины 60–70 см; более поздний кирпичный храм датируется 1330–1350 гг. При раскопках и в подъемном материале в районе храмов были найдены предметы христианского благочестия (Кубанкин, 2014) (рис. 24; 25).

Из числа жилых построек следует назвать саманное здание на южной окраине Укека, раскопанное Ф.В. Баллодом в 1919 г.; внутри здания были обнаружены очаг и лежанка-суфа (Баллод, 1923, с. 74–75).

В 1895 г. в центральной части городища была раскопана усадьба, огражденная предположительно кирпичным забором. Внутри была обнаружена жилая постройка из жженого кирпича размерами 10,7×11,7 м, с купольным перекрытием и лестницей, ведущей в подвал. Стены были украшены поливной мозаикой и майоликой, внутри здания обнаружены печи (Кубанкин, 2007, с. 205–208).

Еще одна жилая постройка была зафиксирована при раскопках 2008 г. на северо-западной окраине городища; она сильно разрушена. Установлено, что сооружение было частично заглублено в землю, имело земляную суфу и очаг. Сохранился фрагмент фахверковой деревянной стены толщиной не менее 40 см. Она была обмазана с обеих сторон глиной, а внутри заполнена культурным слоем (Кубанкин, 2013, с. 180–181).

При раскопах христианского квартала и прилегающей к нему южной окраины Увекского городища неоднократно фиксировались ямы, которые могли служить подпольями и прочими сооружениями наземных зданий, возможно, срубной конструкции.

Известны и гидротехнические сооружения Укека. Одно из них было раскопано на северо-западной окраине городища. Оно использовалось для аккумуляции и последующей подачи с горы вниз, на территорию города, технической воды. Это сооружение напоминало арык, спускающийся по склону; его дно представляло череду понижающихся чашевидных углублений (Кубанкин, 2013, с. 182–184). На городище неоднократно были найдены керамические водопроводные трубы, некоторые из них с патрубком или коленом (рис. 19). Жители современного поселка указывали на жилу из глиняных водопроводных труб, которая территориально располагается возле одной из бань Укека.

Известно, что городище имело вал и ров, которые были срыты и засыпаны крестьянами во второй половине XIX в. Не совсем ясно, были ли эти укрепления закончены, поскольку доподлинно известно лишь о фортификационной линии вдоль западной и южной окраины. В XVIII – первой половине XIX в. вал имел высоту 2–3 м при ширине основания 2 м; размеры рва неизвестны, судя по размерам вала, надо полагать, что он был глубиной не менее 1–1,5 м при ширине 1,5–2 м (Кубанкин, 2017).

Укек дал богатые собрания предметов материальной культуры (рис. 22, 23), некоторые из которых являются подлинными произведениями искусства (см. Недашковский, 2000а; 2010; Nedashkovsky, 2004). Материалы из Укека хранятся ныне в собраниях Саратовского областного музея краеведения, Национального музея Республики Татарстан (г. Казань), Государственного Эрмитажа (г. Санкт-Петербург), Государственного исторического музея (г. Москва), Энгельсского краеведческого музея, Британского Музея (г. Лондон) и т. д.

Золотоордынские города Нижнего Поволжья и Укек в частности не могли обойтись без притока скота и молочных продуктов из кочевой степи, а главное без своих собственных, городских, земледелия, скотоводства и промыслов (Недашковский, 2014, с. 54–55, 60–61). На Увекском городище найдены орудия обработки почвы и уборки урожая, предметы, связанные со скотоводством и охотой. Рыболовство доказывается костными остатками рыб, крючками, многочисленными и разнообразными грузилами от сетей (Недашковский, 2002), которые попадаются практически на всех раскопах.

Археологически подтверждено присутствие в Укеке различных ремесел. Черная металлургия отмечена находками металлургических горнов, многочисленных криц и железных шлаков. Горн в христианском квартале датируется 1270-ми гг. (Кубанкин, 2014, с. 388), есть информация о наличии металлургических горнов на южной окраине городища. Здесь же был раскопан двухъярусный горн для обжига поливной керамики, найдены сепаи. Еще два горна, предположительно для обжига кашинных изделий, были раскопаны на той же южной окраине городища Ф.В. Баллодом в 1919 г. (Баллод, 1919). В целом на городище известны горны для обжига неполивной и поливной керамики, причем последние имеют самую раннюю в Золотой Орде датировку – начало XIV в. По определению А.Н. Масловского, местные гончары изготавливали преимущественно неполивную по-

суду: корчаги разного размера, кувшины также разного размера и афтобы (рис. 14, 15). Отмечены также кубуры, кружки, горшки, туваки, кубышки, копилки, чаши и амфоры. В городе работали кирпичники; возможно, были мастера, изготавливавшие черепицу – в христианском квартале встречено ее многочисленное скопление (рис. 17). На Увекском городище обнаружены и полуфабрикаты стеклянных изделий (Валиулина, Недашковский, 2005, с. 262, 269, рис. 2, 1–3; Недашковский, 2010, с. 176, 184, рис. 13, 1–3). Цветная металлургия подтверждается находками литейных форм, возможно, и обоймы для крепления их створок (Недашковский, 2000, с. 91, 94, рис. 23, 13), бронзовых граненых наковаленок, железных ювелирных молоточков, зубила, заполнения литникового канала и бракованной продукции литейщиков, в том числе энколпионов, иконок и цепочек от паникадил (Афоньков, Кубанкина, 2013; Недашковский, 2000а, с. 106–107, 109, 111, рис. 30, 18–20, 25; 2001, с. 354–356, 362–364, рис. 3, 9–13, 4–5; Полубояринова, 1972, с. 186; Nedashkovsky, 2004, p. 47–49, 60–62, 226–229, 245, fig. 60,9–14, 61–64, 82,8–20,25) (рис. 24). Наличие ювелирного дела подтверждено находками керамических тиглей со следами плавленого серебра не ниже 950-й пробы (Кубанкин, 2013, с. 181) и капель золота. Следы косторезного производства прослежены в виде заготовок из рога и лопаток. Возможно, в Укеке работали каменотесы и резчики по камню. Встречаются каменные блоки из сливного песчаника, есть каменный блок из местного алевролита с рельефным изображением сцены терзания льва грифоном (рис. 18), известны каменные надгробные плиты, одна из которых хранится в Саратовском областном музее краеведения. Совершенно очевидно, что это неполный список ремесел Укека.

На Увекском городище найден ряд весовых гирек и деталей весов. О размахе торговли в Укеке свидетельствуют 11 найденных на его территории монетных кладов (в окрестностях города найдено еще 10 кладов), более четырех с половиной тысяч зарегистрированных на городище находок единичных монет (Кубанкин, Петров, 2013; Недашковский, 1999; 2000а, с. 16–19, 209–210; 2000в; 2017; Петров, Кубанкин, 2015; Nedashkovsky, 2004, p. 11–13, 141–142), а также изделия явно не местного производства (рис. 9; 13). Из Укека и его округи известны находки монет Хулагуидов, Византийской империи, а также древнерусских княжеств, фрагменты амфор трапезундского, трилийского происхождения и группы клейма SSS (рис. 6; 7), поливная керамика Причерноморья (в технике «сграффито») (рис. 8), Ближнего и Среднего Востока (с люстровой росписью и в технике «минаи»), другие изделия ближне- и дальневосточного, среднеазиатского и западноевропейского ремесла (рис. 5; 16). В элитарных погребениях обнаружены шелковые одежды и детали костюма, изготовленные из привозных тканей (рис. 10–12).

В структуре керамического импорта Увекского городища последней трети XIII – первой половине XIV в. абсолютно преобладают группы керамики, которые объединяет то, что они поступали сюда с юго-запада, из причерноморских центров или при их посредничестве. Это преимущественно тарная или столовая посуда из Трапезунда, Юго-Восточного Крыма, Византии, Хиоса (Кубанкин, Масловский, 2016). По определению А.Н. Масловского, на материалах раскопок и сборов на Увекском городище можно выделить следующие центры поступления керамики: Юго-Восточный Крым, Юго-Западный Крым, Трапезунд, Византия, Трилия, Хиос, Крит, Италия, Малая Азия, Сирия, Ширван, Иран, Средняя Азия, Китай, Маджар, Нижнее и Среднее Поволжье (Кубанкин, Масловский, 2013, с. 131, 133–142, 144, 147; 2016).

Среди обнаруженных в подвальном помещении христианского храма археоботанических находок присутствуют редкие растения – рис, нут, инжир, виноград, персик, барбарис, кориандр, грецкий орех – большинство из них, без сомнения, были импортными (Лебедева, Кубанкин, 2014; Лебедева, Сергеев, 2017, с. 298–299). О наличии караванной торговли, очевидно, свидетельствуют также редкие находки костей транспортных животных, таких как верблюд и осел, в культурном слое города (Яворская, 2016, с. 141–142).

В отношении истории города особенно интересны сведения дошедших до нас письменных источников (Недашковский, 2000а, с. 12–16; Nedashkovsky, 2004, p. 9–11).

По письменным сведениям эпохи Золотой Орды, Укек предстает перед нами как один из старейших собственно золотоордынских городов. Вероятно, именно он упоминается как «новый поселок» у Вильгельма Рубрука, монаха-минорита, проезжавшего через земли Поволжья в 1253–1254 гг. Во всяком случае, бесспорное упоминание Укека содержится уже в книге знаменитого венецианского путешественника Марко Поло, отец и дядя которого побывали в этом городе в 1262 г.

В западноевропейских документах (три из которых датированы 1320-ми, 1330-ми и 1370–1380-ми гг.) сообщается, что в Укеке в XIV в. существовала одна из опорных баз католических монахов-францисканцев (Nedashkovsky, 2004, p. 10). Название «Укек» в итальянской транскрипции обозначено и на западноевропейских географи-

Рис. 14. Корчага (хумча). Глина.
Вторая половина XIII в. (по: Кубанкин, 2014)

Рис. 15. Кувшин красноглиняный. Глина. Последняя четверть XIII в. (раскопки Д.А. Кубанкина)

Рис. 16. Скопление сфероконусов, зафиксированное при изучении христианского квартала Увека (раскопки Д.А. Кубанкина)

ческих картах: Франциска и Доминика Пицигани (1367 г.) и Фра Мауро (1459 г.).

Об Укеке сообщают и сочинения восточных авторов первой трети XIV в.: «Таквим ал-булдан» («Упорядочение стран») Абу-л-Фиды и «История Вассафа».

Упоминается Укек и в географическом сочинении ал-Омари, секретаря египетского султана, в первой половине XIV в.

В ходе странствий по Золотой Орде в 734 г. х. (1333–1334 гг.) город посетил знаменитый арабский путешественник Ибн Баттута: «Мы направились к городу Укаку... – городу средней величины, но красивой постройки, с обильными благами и сильной стужей» (Тизенгаузен, 1884, с. 302–303).

В персидских сочинениях первой четверти XV в. – «Книге побед» («Зафар-намэ») официального историографа Тамерлана Низам-ад-дина Шами и книге с таким же названием Шереф-ад-дина Йезди - рассказывается и о походах Тимура против золотоордынского хана Токтамыша. В числе городов, разрушенных Тамерланом в 1395 г., персидские историки упоминают и Укек. Низам-

Рис. 17. Фрагменты черепицы (керамиды и калиптера). Глина. Вторая половина XIII в. (Раскопки Д.А. Кубанкина 2012, 2013 гг.)

Рис. 18. Каменный блок со сценой терзания льва грифоном. Камень, вытесывание, резьба. Вторая половина XIII–XIV в. (Раскопки Д.А. Кубанкина, 2010 г.)

Рис. 19. Труба водопроводная с патрубком. Глина. Вторая половина XIII–XIV в.

Рис. 21. Горшок лепной мордовский. Глина, ручная лепка. Вторая половина XIII–XIV в. (Раскопки Д.А. Кубанкина 2017 г.)

Рис. 20. Горшок древнерусский. Глина, формовка на гончарном круге. Последняя четверть XIII в. (Раскопки Д.А. Кубанкина, 2013 г.)

ад-дин, в частности, писал, что Тимур «вслед за врагами дошел до области Укек. ... Разграбив всю ту область, (войска) взяли много добычи» (Тизенгаузен, 1941, с. 121); Шереф-ад-дин также упоминает «(земли) Укека... со всем к ним принадлежащим и относящимся» (Тизенгаузен, 1941, с. 185) – это единственные упоминания в источниках округи Укека.

Ал-Калкашанди (1355–1418), египетский автор, характеризуя административное деление Золотой Орды, упоминает Укек в составе крымской провинции со столицей в Солхате, а также указывает, что египетский султан регулярно переписывался с правителями золотоордынских городов, в том числе и Укека; его сведения, очевидно, относятся к XIV в.

Упоминания об Укеке содержатся и в других источниках XV–XVI вв. («Аноним Искендера», Гаффари, Аали-эфенди).

В округе Увекского городища (рис. 29) известны 159 памятников золотоордынской эпохи, в числе которых 53 поселения, 23 местонахождения, 18

Рис. 22. Глиняный амулет с арабской надписью «Царство Аллаха», «Величие Аллаха». Сборы П.Н. Шишкина, 1909 г. Перевод В.Н. Настича, Е.Ю. Гончарова, И.В. Волкова (по: Кубанкин, https://ukekfest.ru/wp-content/uploads/2015/12/Uroki-istorii.pdf)

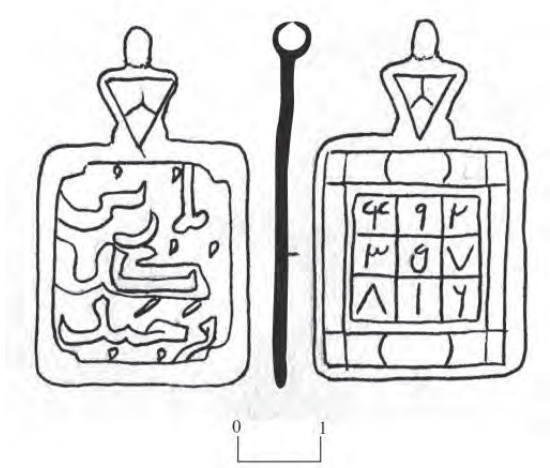


Рис. 23. Подвеска-амулет «магический квадрат». Прорисовка (по: Кубанкин, 2019)

Рис. 24. Створка креста-мощевика квадрифольной формы. Сплав медный, литье. Вторая половина XIII–XIV в. (по: Кубанкин, 2011)

Рис. 25. Крест нательный каменный. Вторая половина XIII–XIV в. ,(по: Кубанкин, 2018)

грунтовых могильников, 31 курганная группа, 21 клад монет и 13 мест отдельных монетных находок (Недашковский, 2000б).

Судя по площади, занимаемой поселенческими памятниками, можно предполагать, что в золотоордынское время преобладали мелкие (их 24, они составляют 45,3% всех выявленных поселений), с площадью менее 1 га, и средние (их зафиксировано 16, или 30,2% всех поселений), площадью 1–7 га, селища. Крупных по площади памятников (более 7 га) всего четыре (7,6%), причем один из них, Увекское городище (площадь более 205 га), бесспорно являлся крупным городом. Площадь трех других селищ – Хмелевка I, Шумейка и Советское – приблизительно 65 га, 25 га и 60 га соответственно; эти поселения, на которых зафиксированы остатки различных ремесленных производств, мы вполне можем рассматривать как малые города.

Примечательно преобладание в округе Увекского городища мелких и средних поселений (в других районах Нижнего Поволжья преобладают крупные памятники): это свидетельствует об аграрном характере округи Укека.

Земледельческое хозяйство в округе Увекского городища, поселения центральной части которой тесно территориально связаны, было наиболее развитым во всем Нижнем Поволжье; именно в районе Укека на наибольшем количестве памятников известны находки земледельческих орудий, а также древнерусских и мордовских материалов. Рыболовные принадлеж-

Рис. 26 – 28 . Раскопки общественной бани золотоордынского времени 1891 г., проведены Л.Л. Голицыным и С.С. Краснодубровским (Саратовская ученая архивная комиссия - СУАК) (по: Nedashkovsky, 2004)

ности обнаружены на девяти поселениях округи Укека.

Важным вопросом является выяснение хронологии золотоордынских памятников центральной части Саратовской области, рассмотрение этапов становления и развития округи золотоордынского Укека (Недашковский, 2016, с. 153–154, 157–161, рис. 1, 8–18; Nedashkovsky, 2004, p. 96–98).

Лучшим датирующим материалом, имеющимся в нашем распоряжении, бесспорно являются джучидские монеты (они присутствуют в материалах 65 из 159 зафиксированных памятников). Монет не так много – почти в четыре раза меньше, чем с Увекского городища (если не учитывать клады, являющиеся совершенно особым типом нумизматических источников): это объясняется гораздо большей активностью денежного обращения в крупном городе, чем на периферии. Тем не менее нумизматический материал позволяет, опираясь на периоды денежного обращения в Золотой Орде, уверенно выделить четыре основных этапа развития округи Укека. Первый этап – с 1266 по 1310 г. (с начала правления Менгу-Тимура до реформы Токты), второй – с 1310 примерно по 1365 г. (с реформы Токты до начала массового обрезывания старых дирхемов и снижения веса новых монет), третий – с 1365 по 1380 г. (период разгара междоусобицы в Улусе Джучи), и четвертый – с 1380 по 1395 г. (правление Токтамыша).

Монеты, чеканенные в первый период (1266–1310 гг.), найдены на 14 памятниках. Во второй половине XIII – начале XIV в. среди основных групп памятников Нижнего Поволжья абсолютно доминируют памятники именно округи Увекского городища, видимо, бывшей наиболее значимым для ранних Джучидов регионом ханского домена (Недашковский, 2010, с. 228, 232, рис. 39). Наиболее ранние точно датирующиеся монеты в округе Укека относятся к 1273–1287 гг., к концу правления Менгу-Тимура и к правлению Туда-Менгу. Еще в девяти случаях отмечены находки монет эпохи Токты (1291–1312 гг.). На основании этого материала можно утверждать, что округа золотоордынского Укека сложилась еще в последней четверти XIII – начале XIV в. Однако как в 1260-х–1280-х годах, так и в правление Токты и Узбека обращение джучидского дирхема в Укеке было гораздо более развитым, чем в его округе, в которой тем не менее обращались и монеты местной чеканки.

Находки монет и кладов второго этапа (1310–1365 гг.) охватывают 41 объект, причем на 24 из них отмечены находки монет начального периода междоусобицы – 1359–1365 гг. Отсюда следует, что период расцвета округи Укека, как и период наивысшего расцвета Золотой Орды в целом, относится ко времени правления Узбека (1312–1342 гг.) и Джанибека (1342–1357 гг.), а на начальной стадии междоусобицы наметившийся упадок еще не приобрел таких катастрофических масштабов, как на следующем, третьем этапе. Дирхемы 1342–1365 гг. (всего одна монета периода междоусобицы датируется более поздним временем – 774 г. х.) составляют 56,6% всех серебряных монет из округи Укека, тогда как для самого города эта цифра составляет всего 42,4%. Развитие обращения пулов в округе Укека также заметно отличается от картины, зафиксированной выше для Увекского городища: доля монет Узбека на памятниках округи заметно больше, а доля медных монет, чеканенных при Джанибеке и в период междоусобицы, – намного меньше. Представляет несомненный интерес нумизматический комплекс одного из кочевнических захоронений (Вишневое), содержавший 11 серебряных монет только азакского чекана, причем шесть из них относятся к чеканке Абдуллаха 765 г. х. (1363–1364 гг.); очевидно, что данное погребение с таким несвойственным денежному обращению Поволжья набором монет (в Укеке преобладают монеты «сарайских» ханов) можно связать с событиями политической истории – с попытками Мамая захватить поволжские города, предпринятыми в первой половине 1360-х годов.

Монеты третьего периода (1365–1380 гг.) найдены всего на трех памятниках, не считая Увекского городища, – по одной на каждом. Монетных кладов третьего, как и первого, этапа не зафиксировано. Следовательно, есть все основания полагать, что это было время, характеризующееся значительным запустением рассматриваемой территории, экономическим кризисом, вызванным десятилетиями междоусобицы.

И наконец, монеты и клады четвертого этапа (1380–1395 гг.) встречены в девяти случаях, три из которых – клады, а два – единичные находки. Помимо Увекского городища монеты этого времени встречены лишь на трех поселениях. Мы можем заключить, что экономический подъем эпохи Токтамыша был не столь значительным, хотя и в округе Укека он имел место: доля пулов этого времени в окрестностях Укека выше, чем на городище, хотя дирхемов не найдено вне кладов вообще. Примечательно, что самая поздняя джучидская монета, обнаруженная в рассмотренном районе, датируется 797 г. х. (1395 г.) – годом разорения Тамерланом поволжских городов, с которым мы можем связывать окончательный упадок и гибель не только Укека, но и окружавших его поселений.

Несомненный интерес вызывает и географическое размещение памятников округи Укека на

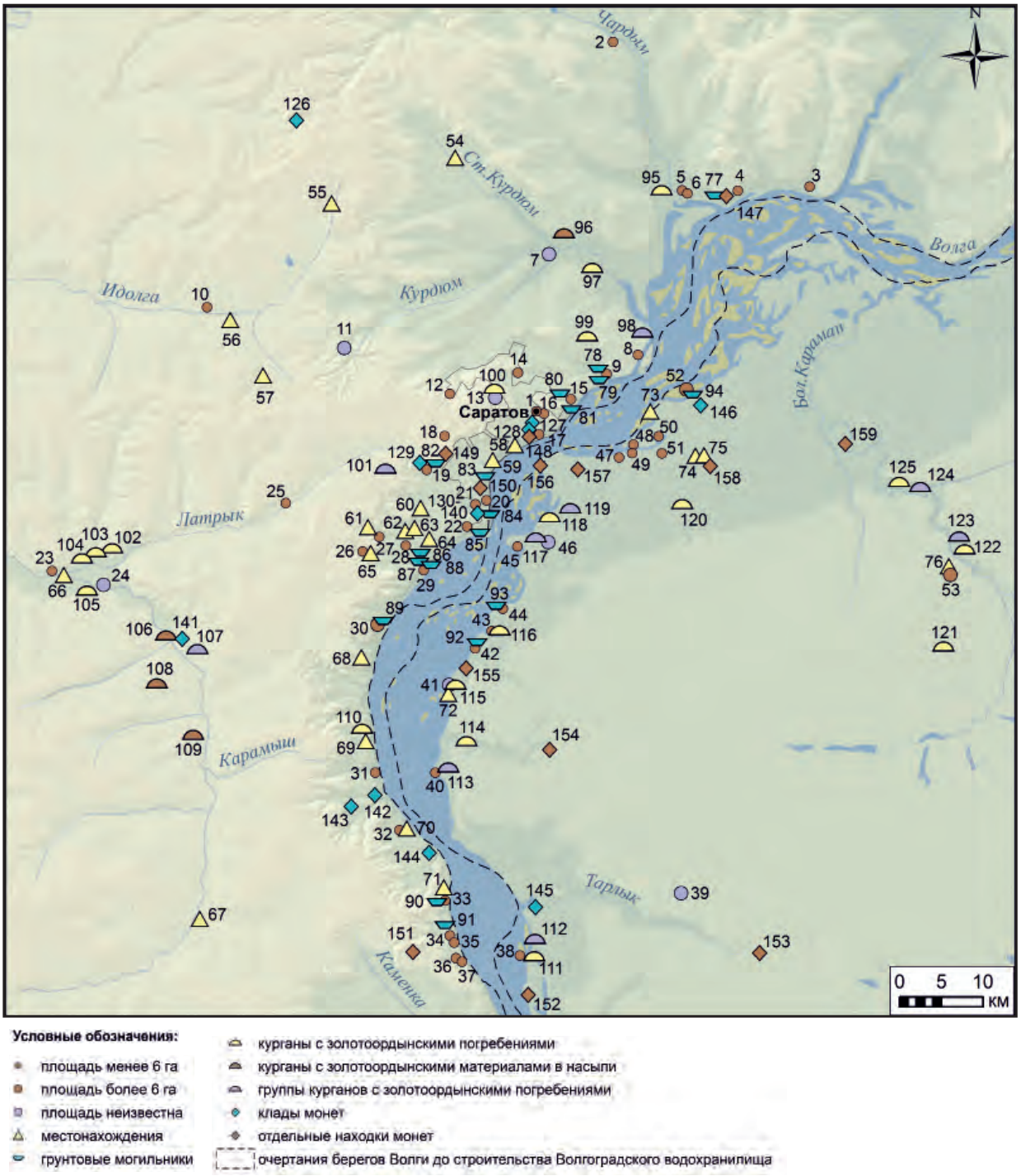


Рис. 29. Карта археологических памятников округи Укека (по: Недашковский, 2000):
Поселения: 1 – Увекское городище; 2 – Чернышевка-1; 3 – Усовка; 4 – Чардымское II городище; 5 – Чардымское I городище; 6 – Чардымское IV городище; 7 – Хутор Моховой у с. Клещевка Саратовского района; 8 – Усть-Курдюмское городище; 9 – Селище в 2,7 км к западо-юго-западу от с. Пристанное в устье р. Гуселки; 10 – поселок Октябрьский городок Татищевского района; 11 – поселение у с. Курдюм Татищевского района; 12 – селище в черте г. Саратова у бывшего с. Поливановка; 13 – Дача Королькoвой; 14 – поселок Северный в Ленинском районе г. Саратова; 15 – Алексеевское городище; 16 – Соколовая гора в Волжском районе г. Саратова; 17 – ул. Лермонтова в Волжском районе г. Саратова; 18 – в 700 м к западу от бывшей д. Рокотовка (ныне в черте Саратова); 19 – Болдыревское селище; 20 – Увекское I селище; 21 – Увекское II селище; 22 – Увекское III селище; 23 – Висловка II; 24 – село Большая Дмитриевка Лысогорского района; 25 – Константиновское селище; 26 – Колотов Буерак; 27 – Багаевское селище; 28 – Хмелевское II селище; 29 – Хмелевское I селище; 30 – Поселение у с. Широкий Буерак; 31 – селище «Еланский ручей»; 32 – Ахматское городище; 33 – селище в урочище «Мартышкино»; 34 – Кондаково I; 35 – Кондаково II; 36 – Кондаково IV; 37 – Кондаково III; 38 – Скатовка; 39 – Чапаево (Фрейзенгейм); 40 – Зауморье, село Энгельсского района; 41 – Узморье, село Энгельсского района; 42 – Терновское I селище; 43 – Терновское II селище; 44 – селище у с. Подгорное Энгельсского района;

45 – Квасниковка, село Энгельсского района; 46 – Анисовка, село Энгельсского района; 47 – поселение в устье р. Саратовки; 48 – селище «Иван»; 49 – Учхоз I; 50 – поселение у хутора Шалово на дюне «Прапорский бугор»; 51 – Поселение «Плотина» на левом берегу р. Саратовки; 52 – селище в урочище «Подстепное»; 53 – Советское («Зимник», «Лисья Балка»); **Местонахождения**: 54 – Хлебновка Татищевского района; 55 – на селище эпохи бронзы «Белая Вода»; 56 – село Кувыка Татищевского района; 57 – село Эстонцы Татищевского района; 58 – ул.Чернышевского, в Октябрьском районе г. Саратова; 59 – поселок Улеши в черте Заводского района г. Саратова; 60 – Александровское местонахождение; 61 – Буркин Буерак; 62 – Сельхозтехника I; 63 – Сельхозтехника II; 64 – Сельхозтехника IV; 65 – Колотов Буерак; 66 – Петропавловка; 67 – Станция Карамыш; 68 – местонахождение Пудовкино; 69 – на городецком селище Сосновка 3 в 100 м вниз по Волге от с. Сосновка; 70 – Ахматское I; 71 – Ахматское II; 72 – Узморье, село Энгельсского района; 73 – Шумейка, село Энгельсского района; 74 – Прибрежный I; 75 – Прибрежный II; 76 – «Мыс»; **Грунтовые могильники**: 77 – Чардымский могильник; 78 – Погребение на Танаевском городище; 79 – в западной части у с. Пристанное (№9); 80 – в 600 м к востоку-юго-востоку от совхоза «Комбайн»; 81 – На оконечности мыса Алексеевского городища (№15); 82 – В 70 м к северо-востоку от Болдыревского селища; 83 – Улеши; 84 – Увекский II; 85 – Увекский I; 86 – Хмелевский II; 87 – Хмелевский III; 88 – Хмелевский I; 89 – в восточной части поселения Широкий Буерак (№30); 90 – недалеко от поселения в урочище «Мартышкино»; 91 – Нижняя Студенка-I; 92 – в 400 м к югу от с. Терновка; 93 – рядом с селищем у с. Подгорное (№44); 94 – на поселении в урочище «Подстепное» (№ 52); **Курганы:** 95 – Расловка; 96 – Новая Липовка Саратовского района; 97 – Усть-Курдюм II; 98 – Усть-Курдюм I; 99 – Долгий Буерак, село Саратовского района; 100 – Вишневое; 101 – Астраханский тракт; 102 – Двоенка II; 103 – Двоенка I; 104 – Большая Дмитриевка I; 105 – Большая Дмитриевка II; 106 – Рыбушка II; 107 – Рыбушка I; 108 – Рыбушка III; 109 – Паницкое, село Красноармейского района; 110 – Сосновка; 111 – Скатовка II; 112 – Скатовка I; 113 – Зауморье; 114 – Березовка, село Энгельсского района; 115 – Узморье; 116 – Подгорное; 117 – Квасниковка; 118 – Курган к югу от г. Энгельса; 119 – Покровск; 120 – Сухая Саратовка, река в Энгесском районе; 121 – Советское (Мариенталь) I I; 122 – Советское III; 123 – Советское (Мариенталь) I; 124 – Суслы, село Марксовского района; 125 – Крутояровка, село Советского района; **Клады монет**: 126 – Полчаниновка, село Татищевского района; 127 – Саратов, 1900 г.; 128 – Саратов, 1847 г.; 129 – Болдыревка; 130 – Увек I; 131 – Увек II; 132 – Увек III; 133 – Увек IV; 134 – Увек V; 135 – Увек VI; 136 – Увек VII;137 – Увек VIII; 138 – Увек IX; 139 – Увек X; 140 – Увек XI; 141 – Рыбушка; 142 – Мордово I; 143 – Мордово II; 144 – Ахмат; 145 – Тарлыковка, село Ровенского района; 146 – на поселении около поселка Шумейка (№ 52); **Отдельные находки монет**: 147 – Чардым; 148 – Набережная Космонавтов в Волжском районе г. Саратова; 149 – Есиповка; 150 – Князевка; 151 – Хутор Студенский; 152 – Привольное, село Ровенского района; 153 – Воскресенка, село Энгельсского района; 154 – Березовка; 155 – Узморье; 156 – Покровская бухта; 157 – Покровская слобода; 158 – Саратовка, река в Энгельсском районе; 159 – Осиновка, село Энгельсского района

различных этапах ее развития. На первом этапе шесть (42,9%) из 14 памятников, датированных монетами, размещались на Левобережье Волги. Во второй период памятники Левобережья даже количественно преобладают над памятниками Правобережья, где располагалось всего 19 (46,3%) из 41 объекта этого времени. Ситуация кардинально меняется на третьем и четвертом этапах (их целесообразно рассмотреть здесь вместе ввиду малочисленности известных памятников – их всего 10): на Левобережье Волги зафиксировано лишь два (20%) объекта, а на Правобережье – восемь (80%).

Нам представляется возможным связывать количественное преобладание памятников Левобережья Волги над памятниками Правобережья (где располагался и сам город Укек) на втором этапе (1310–1365 гг.) с градостроительной политикой золотоордынских ханов: пока была сильна ханская власть, функционировали поселения на Левобережье, находившиеся на маршруте кочевания ханской ставки второй половины XIII – середины XIV в. Когда же ханская власть ослабела, и ставка стала кочевать лишь в низовьях Волги – на третьем и четвертом этапах, в 1365–1395 гг., жизнь в округе Укека теплилась почти только на Правобережье Волги, преимущественно лишь в ближайших окрестностях золотоордынского Укека, тесно связанных с ним экономически.

ПАМЯТНИКИ МЕЖДУРЕЧЬЯ ВОЛГИ И УРАЛА. САРАЙЧИК

Степи Северо-Восточного Прикаспия в эпоху Средневековья характеризовались доминированием населения со скотоводческим укладом хозяйствования, которое находилось в тесном взаимодействии с урбанизированными центрами Центральной Азии и Восточной Европы. Образование в середине XIII в. Улуса Джучи объединило регион в одном государстве и создало условия формирования крупных городских центров. Градостроительная политика золотоордынской эпохи изменила и поселенческий облик бассейна р. Урал. Приток большого количества городского торгово-ремесленного населения, обживавшего открытые пространства равнин Северо-Восточного Прикаспия, привел к интенсивной урбанизации региона. Города стали играть важную роль в формировании новых торговых путей, становясь важными экономическими и административными

центрами, обеспечивая устойчивое и безопасное функционирование региональных и трансконтинентальных магистралей.

Основными урбанистическими центрами Северо-Восточного Прикаспия золотоордынского времени, известными в настоящее время, являются Сарайчик, Актобе-Лаэти, Жайык и Жалпактал. Все эти памятники, исключая городище Жалпактал, расположены в русле реки Урал (рис. 1). На территории этих поселений и на прилегающих к ним памятниках исследованы монументальные архитектурные сооружения, жилые и хозяйственные постройки, элементы городского и дворового благоустройства, некрополи и мавзолеи.

Отличительной особенностью поселений Северо-Восточного Прикаспия является их значительная географическая удаленность (не менее 400 км) от городских центров Нижнего Поволжья и большое расстояние между самими этими объектами. Так, между городищами Сарайчик, Жайык, Жалпактал – 300–400 км. В то же время следует отметить, что расстояние между городищами Актобе-Лаэти и Сарайчик сравнительно невелико – 40 км. Это может предполагать существование данных поселений в рамках единой поселенческой агломерации, обеспечивавшей стабильную сухопутную водную и морскую торговлю. Городища Северо-Восточного Прикаспия, соединенные между собой караванными путями, являлись важными экономическими и административными центрами, создавшими общее политическое и торговое пространство.

Интерес к археологическим памятникам региона возник уже в конце 80-х гг. XIX в., когда в Оренбурге была основана Ученая архивная комиссия, которая до 1917 г. возглавляла всю краеведческую работу на территории современного Западного Казахстана. В 1889 г. этнограф А.Н. Харузин организовал и провел раскопки 22 средневековых курганов, а чиновник особых поручений И.А. Кастанье в конце XIX в. стал собирать сведения по истории региона и к 1910 г. подготовил реестр памятников «Древности Киргизской степи и Оренбургского края» (Харузин, 1891; Древности..., 1910).

В первые десятилетия советской власти археологическое изучение Приуралья носило эпизодический характер. Так, в 1925–1927 гг. «Общество изучения Казахстана» совместно с краеведческим институтом Южно-Волжской области при Саратовском университете и Саратовским областным музеем организовало археологическую экспедицию под руководством профессора П.С. Рыкова. Одним из главных выводов этих исследований стало положение о том, что междуречье Волги и Урала – район расположения памятников бронзового века, а также савромато-сарматской культуры (VII в. до н. э. – IV в. н. э.). Самые поздние памятники, по выводам П.С. Рыкова, относились к поздним кочевникам X–XV вв. н. э. (Рыков, 1926).

Большое значение для изучения древней истории Западного Казахстана имели работы комплексной экспедиции Академии наук СССР и в частности антропологического отряда Казахстанской экспедиции, организованной особым комитетом по обследованию союзных и автономных республик под руководством М.П. Грязнова и М.В. Комаровой (Байпаков, Смагулов, Ахатов, 2005).

В конце 40-х – начале 50-х гг. XX в. были организованы разведки и раскопки курганов бронзового, железного веков и Средневековья археологической экспедицией Саратовского государственного университета и Областного краеведческого музея под руководством профессора И.В. Синицына. За три сезона (1948–1950 гг.) экспедиция изучила 28 курганов с 55 погребениями (Синицын, 1956).

Раскопки в восточной части Западного Казахстана были начаты в 1966 г. экспедицией Уральского педагогического института под руководством Г.И. Багрикова. При этом удалось получить уникальные материалы об эпохе сарматов и средневековых кочевников при изучении курганного могильника Лебедевка (Багриков, Сенигова, 1968).

Качественно новый этап археологических исследований на территории Западного Казахстана начался в 1968 г. с организации археологических экспедиций Уральского педагогического института, которые возглавил Г.А. Кушаев. Работы продолжались до начала 90-х гг. прошлого века и дали многочисленные материалы по древней и средневековой археологии и истории региона, которые были обобщены в опубликованной в 1993 г. монографии «Этюды древней истории степного Приуралья» (Кушаев, 1993).

С 1976 г. в составе экспедиции начал работать археологический отряд под руководством М.Г. Мошковой, Б.Ф. Железчикова и В.А. Кригера. Наряду с традиционными исследованиями памятников древности Б.Ф. Железчиков и В.А. Кригер впервые в Западном Казахстане обратились к широкому изучению могильников эпохи Средневековья, когда в Евразии складывались государства печенегов, огузов, кыпчаков. Исследования Б.Ф. Железчикова, В.А. Кригера и других нашли свое отражение в книге «Курганы кыпчакского времени на Южном Урале» (Иванов, Кригер, 1988). В ней анализировались погребальные памятники XII–XIV вв., систематизировался инвентарь, рассматривался похоронный обряд, велась хронология развития «кыпчакской культуры» по трем

Рис. 1. Расположение памятников северо-восточного Прикаспия (по: Сагидуллаев, 2022)

периодам – домонгольскому, монгольскому и мусульманскому.

Начиная с середины 90-х гг. XX в. эта тематика получила развитие в работах А.А. Бисембаева. Его статьи и кандидатская диссертация были посвящены публикации и систематизации погребальных памятников всего средневекового периода в хронологическом диапазоне VIII–XVIII вв. (Бисембаев, 2010). Можно констатировать, что данная работа стала первой в археологии Казахстана, охватившей развитие материальной и духовной культуры кочевников на протяжении более чем тысячелетия.

Внимание исследователей к золотоордынским памятникам Северо-Восточного Прикаспия впервые было обращено в середине XIX в. В 1861 г. на территории городища Сарайчик произвел небольшие раскопки и визуальную съемку развалин заведующий Уральского войскового чертежного корпуса, топограф, штабс-капитан А.Е. Алексеев (Алексеев, 1867, с. 2–7). В начале XX в. священник сарайчиковской церкви Лоскутов в своем письме в Оренбургскую ученую архивную комиссию предоставил сведения о топографии Сарайчика того времени (Артюзов, 1937).

Исследования Сарайчика были продолжены в 1937 г. Н.К. Артюзовым. В результате на памятнике было заложено 13 траншей, небольшие раскопы, удалось выявить планировку жилых сооружений. К сожалению, все иллюстрации этих работ были утрачены (Артюзов, 1937).

Инициатором следующего этапа археологического изучения региона стал А.Х. Маргулан. Под его руководством были организованы полевые разведочные работы в Северо-Восточном Прикаспии в 1950–1952 гг., в том числе на памятниках золотоордынской эпохи. Главной целью этих исследований также стал Сарайчик, выяснение его исторической топографии и стратиграфии (Маргулан, 1951). В этой связи в 1950 г. на территории Сарайчика были проведены раскопки во главе с Е.И. Агеевой, Т.Н. Сениговой и Г.И. Пацевичем (пять раскопов, три из них – на береговой линии). В итоге работ были зафиксированы жилые объекты, некрополи, печь для обжига кирпича (Агеева и др., 1953). Кирпичеобжигательная печь, вскрытая у юго-западной границы развалин Сарайчика, Г.И. Пацевичем и Т.Н. Сениговой датирована XIII–XIV вв. (Пацевич, 1950).

В 1958–1976 гг. археологические наблюдения на территории Сарайчика, включающие сбор подъемного археологического материала и изучение связанных с историей памятника литера-

турных материалов, производились краеведом В.К. Афанасьевым (Афанасьев, 1977).

С 1996 г. начался новейший этап изучения Уральской долины и городища Сарайчик силами Западно-Казахстанской археологической экспедиции Института археологии им. А.Х. Маргулана МН – АН РК. В 1996–2009 гг. на Сарайчике проводились обширные археологические раскопки во главе с З.С. Самашевым. В результате этих работ была вскрыта большая часть городища, которая находилась под угрозой уничтожения из-за эрозивных процессов, вызванных течением р. Урал. Были раскопаны некрополи, восточные бани, ханака, жилые дома, обжигательные печи, получена крупная коллекция керамической сосуды, металлических изделий, исследованы топография и стратиграфия памятника (Самашев, 1997; 1998; 1999; 2001; 2004; 2005; 2006; 2007; 2008; 2009; 2010).

Накопленные в процессе археологических исследований материалы были учтены и осмыслены в целом ряде обобщающих работ, посвященных городам Золотой Орды, а также использованы при создании тематических изысканий, затрагивающих отдельные стороны культуры памятников региона. Г.А. Федоров-Давыдов в своей работе, посвященной золотоордынским городам, упоминает о памятниках Северо-Восточного Прикаспия, отмечая исследование некрополя, керамической мастерской и жилой застройки города Сарайчика, работы на городище Ак-Тобе и других объектов, в том числе раскопки двух мавзолеев в среднем течении р. Бузулук и находку двух золотоордынских поселений у с. Тендык (Федоров-Давыдов, 1994, с. 37). Обзор городов, расположенных между реками Волгой и Уралом, сделан В.Л. Егоровым (Егоров, 1985, с. 124). Проблемы возникновения, архитектурно-строительные традиции, этнокультурные характеристики, ремесло и торговля золотоордынских городов Поволжья отражены в исследованиях Ю.А. Зеленеева (Зеленеев, 2011. С. 44-52), учебном пособии В.Г. Блохина и Л.В. Яворской (Блохин, Яворская, 2006). Э.Д. Зиливинская в своей монографии дает описание культовых и гражданских построек Золотой Орды и выделяет их категории по планиграфии сооружений (Зиливинская, 2011). В работах Л.Ф. Недашковского исследованы система градостроения и агломерационные процессы золотоордынских центров (Недашковский, 2011).

Городище Сарайчик. Расположено на правом берегу р. Урал в 50 км севернее от современного г. Атырау на острове между основным руслом Урала и его протокой Сорочинкой. Сохранилась только треть его территории. Городище сильно повреждено в результате разрушения береговой линии р. Урал (рис. 2). Площадь остатков Сарайчика, не считая прилегающего района с некрополем, составляет около 36 га (Тасмагамбетов, Самашев, 2001, с. 58–59).

Первые описания руин памятника составлены П.И. Рычковым, изучавшего регион в период основания Оренбурга. Он описывал городище таким образом: «…Там еще поныне в земле находят многие палатки, видно, что бывали они кладбища знатных людей; ибо во многих находят гробы и кости. Сказывают, что строение Гурьева городка кирпича много взято из сих развалин. Да и ныне Яицкие казаки, около сего места на форпостах находящиеся, на дело печей и на другие потребности, кирпич из оных развалин и из тех палаток выбирают» (Рычков, 1762, с. 261).

Для понимания сохранившейся к XVIII в. застройки большое значение имеют сведения, оставленные о нем П.С. Палласом. Он пишет о развалинах городища так: «Вал со рвом еще виден, и в окружности имеет до пяти вёрст. Он начинается при угле, который тихо текущая из степи речка Сарайчик делает с Яиком, около полторы версты ниже нынешнего форпоста, потом продолжается вверх оной речки и напоследок, обойдя форпост кривизнами, оканчивается при Яике. Посреди сего места проведен сухой ров, может быть для отвода прибылой воды. Внутри вала находятся основания и своды каменного строения, и по ныне можно заключить, что в городе были знатные дома» (Паллас, 1773, с. 610–611).

Материалы заведующего Уральским войсковым чертежным корпусом топографов штабс-капитана А.Е. Алексеева в 1861 г. дают более детальное описание сохранившихся останков города: «…Длина города 1 верста 100 сажень (1280 м), а ширина 1 верста 50 сажень (1175 м), все это пространство было обнесено земляным валом, который и теперь хорошо виден; вся окружность этого вала 3 версты 350 сажень (3943 м). В западной части развалин города есть цитадель, стены которой гораздо выше описанного вала; фигуру цитадели имеет неправильную, длина ее 200 сажень, а ширина 100 сажень… Вне развалин города 200 сажень от юго-западного угла вала, на берегу р. Сорочинки, было большое кладбище, современное этому городу, со множеством склепов, которые кроме одного все, по словам Сарайчиковских жителей, обвалились в р. Сорочинку вместе с яром, во время весеннего разлития Урала» (Алексеев, 1867, с. 5–6). А.Е. Алексеев отмечает, что в окружении Сарайчика на расстояния от 20 до 50 км находятся следы нескольких поселений золотоордынского времени (Алексеев, 1867, с. 6).

В Трудах Оренбургской ученой архивной комиссии за 1906 г. помещено письмо священни-

ка сарайчиковской церкви Лоскутова. Он писал, что «площадь, занимаемая древним Сарайчиком, представляет вид почти правильного четырехугольника (если не считать зигзагов, образуемых рекою Сорочинкою), каждая стена которого будет равна одной версте, приблизительно» (Артюзов, 1937, с. 126).

Большую интенсивность утрат территории городища к 1930-м гг. из-за изменений русла р. Урала и ее притоков отмечал и Н.К. Артюзов: «В том месте, где речка Сорочинка впадает в Урал, берег реки на северо-восток, север и запад также беспрерывно разрушает. Это разрушение берегов с двух сторон привело к тому, что так называемая «Жилая лука» разделяется перешейком в 211 м, тогда как 70 с лишним лет назад это расстояние составляло около 1230 м. Пройдут 3–5 лет и «Жилая лука» превратится в остров. Лука «Медведица» у основания прорвана новым руслом Урала, а старое, огибавшее луку, теперь сухое. Таким образом, за 70 лет утеряна площадь длиной около 1100 м и шириной около 300 м. В целом погибла площадь около 320 гектаров. На этом пространстве находилась немалая часть построек золотоордынского Сарайчика (рис. 3, 4). Из года в год становится все труднее ориентироваться в топографии интересующего нас памятника» (Артюзов, 1937, с. 126–127).

Экспедиция, организованная А.Х. Маргуланом в 1950 г., зафиксировала уже небольшой фрагмент сохранившегося городища. Изменившееся русло р. Урал ускорило обрушение береговой линии и разрушение остатков памятника. Г.И. Пацевич пишет, что, «по словам местных жителей, только в последние годы передвижкой русла реки вправо, т. е. к северу, снесена водой примерно третья часть современного поселка и значительная часть, если не большая, территория древнего Сарайчика» (Пацевич, 1950, с. 4). По наблюдению Г.И. Пацевича, от западного края современного поселка и на расстоянии 1,5 км к западу вверх по течению реки фиксировался до трех и более метров культурный слой (Пацевич, 1950, с. 5).

На протяжении нескольких лет наблюдения по береговой линии Сарайчика вел Л.Л. Галкин. В 1981 г. он фиксировал то, что «береговые обнажения культурного слоя городища были прослежены на протяжении 700 м. Мощность культурного слоя на всем этом протяжении неоднородна. Он достигает здесь 5 м. …Ежегодно береговая линия вместе с культурным слоем разрушается и отступает к западу не менее чем на 1,5–2 м. По словам местных жителей, за последние 80–100 лет Урал отнял у села Сарайчика и у одноименного городища не менее 200 м береговой линии» (Галкин, 1981, с. 35–36).

В ходе охранных работ, начатых в 1990 г. З.С. Самашевым в размыве обрывистого правого берега, на протяжении около 800 м были выявлены в разрезах культурного слоя многочисленные остатки жилых строений (Самашев, 1990, с. 34). В ходе исследований Западно-Казахстанской экспедиции под руководством З.С. Самашева в 1996–2000 гг. была вскрыта значительная площадь городища свыше 16 000 кв. м (рис. 5).

В результате его работ удалось изучить топографию города и выделить периоды его развития в разных частях памятника.

По мнению исследователей, городище имеет три этапа формирования. Ранний приходится на первое десятилетие XIV в. Остатки городища этого периода сохранились только вдоль берега реки на ширину около 300 м. Площадь города в это время была намного больше, но эта его часть разрушена р. Урал. В центре располагались здания, возведенные в основном из сырцового кирпича. К югу на окраинах выявлены остатки конструкций юрт и легких каркасных строений. Жилые постройки из сырцового кирпича имели по две – четыре комнаты 4×5 м. В комнатах были суфы шириной от 1,5 до 2 м, обогреваемые дымоходными горизонтальными каналами (канами), очаги, печи-тандыры. Стены помещений обмазывались слоем глиняной штукатурки и белились, полы утрамбовывались глиной. На полах зафиксированы остатки циновок из тростника. Над суфами в стенах были устроены сводчатые ниши. Кроме жилых помещений во дворах выявлены хозяйственные постройки. Они отгораживались от жилых помещений стенами, сделанными из деревянного каркаса и сырцового кирпича. Кирпичи укладывались в каркасную деревянную конструкцию в виде «елочки» (Тасмагамбетов, Самашев, 2001, с. 58, 60).

Во второй период, с 1330-х гг. до конца XIV в., поселение сохранялось только в центральной части, т. к. на 1330-е гг. приходится подъем уровня р. Урал (Самашев, 2001, с. 62). Окраины Сарайчика в низинах были подтоплены и пришли в запустение. Городские постройки концентрируются на возвышениях, на острове между руслами р. Урал возводятся кирпичные сооружения. Площадь поселения уменьшается, застройка уплотняется, на незатапливаемых участках увеличивается количество дворов. На возвышенностях сохраняются основные направления улиц и деление на кварталы. Новая застройка в значительной степени повторяет предшествующее расположение дворов. Прежние здания разрушались и засыпались, а новые дома возводились в традиционной технике. Зафиксированы также изменения в планировке зданий. Появляются новации в виде многокомнатных линейно спланированных домов с хозяй-

Рис. 2. Городище Сарайчик. Фото Ю. Черкашина и З. Самашева (по: Тасмагамбетов, Самашев, 2001)

ственными сооружениями, расположенными под одной крышей с домом.

Как и в предшествующий период, значительную часть жилой площади помещений занимала П- или Г-образная суфа с топкой и канами. Внутреннее пространство в некоторых случаях разделялось щитовыми или каркасными стенами. Стены и суфы штукатурились, белились, украшались кошмой и коврами. В ряде домов полы выкладывались красным жженым кирпичом с белоснежной алебастровой расшивкой. Рядом с топкой обычно фиксировалась ташнау, представлявшая собой большой сосуд без дна, полностью врытый в землю, над которым в полу делалась выкладка из обожженных кирпичей с отверстиями (Тасмагамбетов, Самашев, 2001, с. 62).

На третьем этапе в XV–XVI вв. центральная часть уменьшается и смещается к юго-востоку, ближе к ответвлению от р. Урал протоки Сорочинка. Жилая застройка в городе становиться очень плотной (Самашев, 2001, с. 72).

Размеры многокомнатных домов составляют 20×12 м с жилыми помещениями 4×5 м. В них традиционно имеются суфы и ташнау. Некоторые суфы имели топки, характерные для домостроительства бассейна р. Сырдарьи без топочного пода с закладочным отверстием сверху. В жилых помещениях пол был сложен из обожженного кирпича. В архитектуре и внутренних интерьерах сплетаются традиции Нижнего Поволжья, Хорезма и бассейна р. Сырдарьи (Тасмагамбетов, Самашев, 2001, с. 63–72).

Водоснабжение Сарайчика, вероятно, обеспечивалось из глубоких колодцев во дворах усадеб. Колодцы имели стены из кирпича, опиравшиеся на венцы из лиственницы,

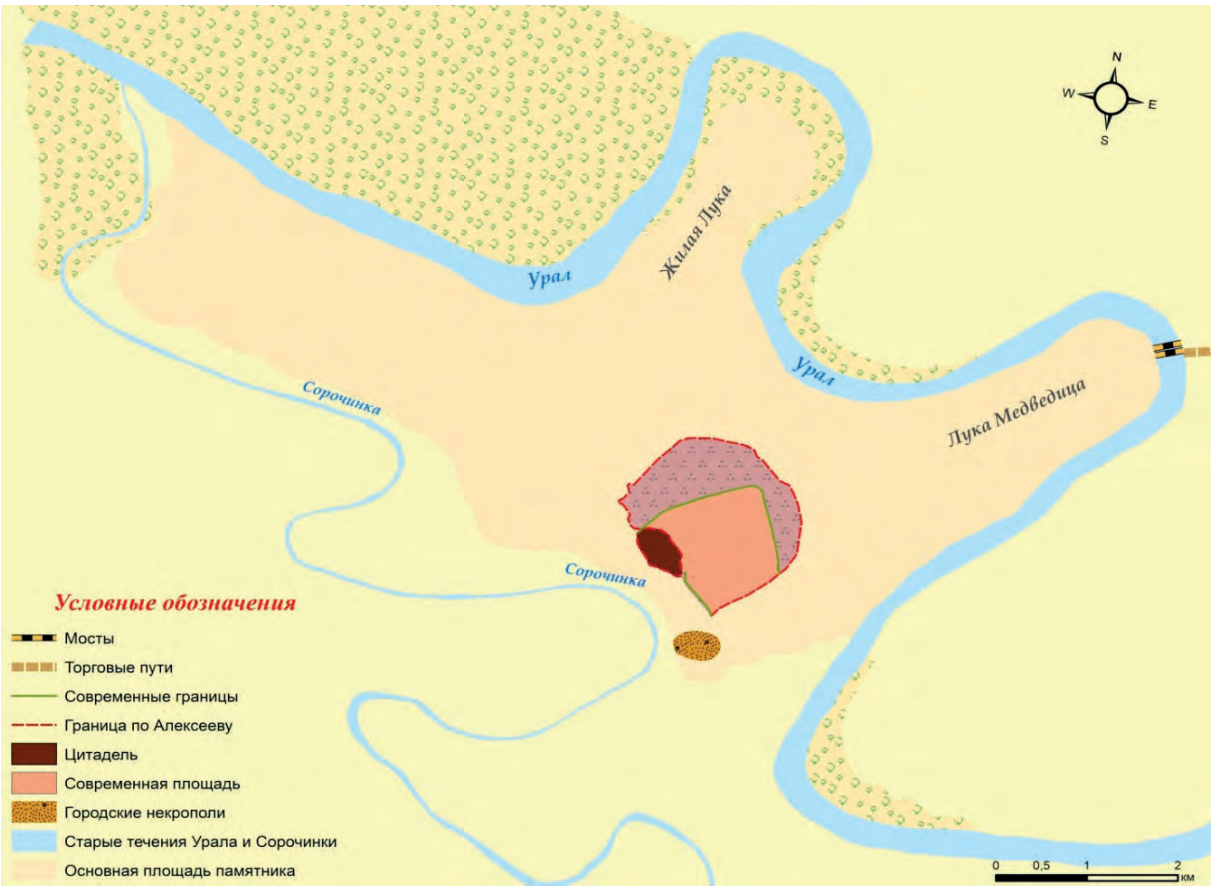


Рис. 3. Реконструкция исторической топографии Сарайчика

обеспечивающие прочность конструкций (Самашев, 2001, с. 63).

Городские улицы, от 4 м до 8 м шириной, были вытянуты прямыми линиями (Самашев, 2001, с. 62). Следов арыков и водопроводов на улицах и других элементов благоустройства не обнаружено, хотя среди находок имеются керамические дренажные трубы.

Некрополи Сарайчика, как и в других памятниках Золотой Орды, находились поблизости от городской застройки. Кроме того, в результате археологических исследований удалось зафиксировать и внутригородские некрополи в виде сооружений с комплексными захоронениями.

Таким образом, топография Сарайчика за два с лишним века претерпела сильные деформации в связи с быстрым течением р. Урал. Имевший около пяти верст окружности, начиная от места, где Сорочинка брала свое течение, Сарайчик уже к началу 40-х годов XX века потерял огромную часть своей территории. Площадь центральной части города впервые была отмечена в наблюдениях А.Е. Алексеева, где он указал, что размеры вала памятника по окружности составляют около 4 км. Вероятно, эти размеры приблизительно могут соответствовать размерам центральной части Сарайчика золотоордынского времени. Вместе с тем процессы разрушения площади городища течением реки к этому времени уже смогли уничтожить некоторые части центра. Судя по описаниям Лоскутова, к началу XX в. сокращение площади, указанной А.Е. Алексеевым, было уже заметным.

Стремительное разрушение береговой линии р. Урал ко времени наблюдений Н.К. Артюзова было связано с изменением направления движения реки. К началу работ отряда Г.И. Пацевича в 1950 г. река успела изменить свое направление, год за годом уничтожая огромные участки культурного слоя памятника. В 1981 г. зона отступления береговых линий составляла около 200 м. Масштабные исследования З.С. Самашева, проводившиеся на протяжения несколько лет, зафиксировали размеры Сарайчика около 36 га.

Городище Актобе-Лаэти. Расположено на окраине г. Атырау в урочище Актобе к востоку от поселка Томарлы (бывший центр совхоза «Тендык») на старой дельтовой протоке, на одном из рукавов р. Урал (рис. 6, 7). Впервые городище обнаружено в начале 1960-х гг. местным краеведом В.К. Афанасьевым и геологом-нефтяником С. Карымсаковым. Оно не было повреждено поздними перекопами, так как находилось под водами Каспия (Сдыков, 2014, с. 165–182). Время суще-

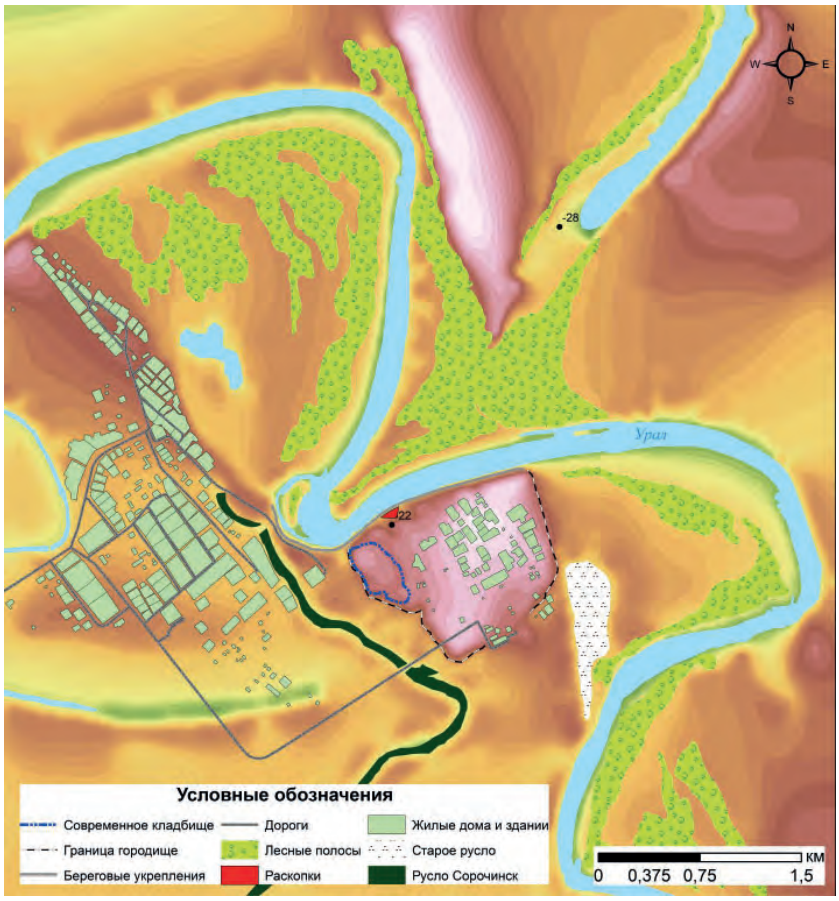


Рис. 4. Топография Сарайчика

ствования городища относится к XIII–XIV вв. Оно представляет собой остатки торгово-ремесленного поселения и имеет уникальную сохранность культурного слоя. Связанный с ним некрополь пока не найден. Рядом выявлены только более поздние захоронения, не связанные с временем существования городища.

Начиная с 60-х гг. XX века на городище Актобе-Лаэти проводили исследования М.С. Мерщиев, Л.Л. Галкин и В.К. Афанасьев. В период с 1975 по 1991 гг. археологические раскопки городища были произведены Волго-Уральской археологической экспедицией АН СССР под руководством Л.Л. Галкина (Афанасьев и др., 1976, с. 75) и Западно-Казахстанской археологической экспедицией под руководством З.С. Самашева (исполнитель В.К. Афанасьев) (Самашев, 1991, с. 96). В 2012 году было предпринято расширение раскопов предыдущих лет (Касенов, 2012, с. 108). В 2017 г. исследования проводились на северном участке городища. Площадь изучаемого участка составила 300 кв. м. По всей площади раскопа были зафиксированы контуры стен построек. Во всех вскрытых помещениях имелась отопительная система – кан, обнаружены следы металлообработки в виде металлических шлаков с зеленой патиной (Калменов, Бижанова, 2019, с. 249).

Памятник расположен на возвышенности 1–1,5 м, вытянут в меридиональном направлении на 200–250 м. Ширина освоенной территории около 80 м.

В планировке поселения выделяется главная улица длиной около 200 м и шириной от 1,8 м до 2,5 м, вдоль которой расположены не менее 42 усадеб размером 8–10×15–20 м. После гибели поселения на его месте возникает мусульманское кладбище (Галкин, 1974, с. 4).

Археологические раскопки памятника были начаты в 1974 г. Л.Л. Галкиным. Начиная с 1974 по 1983 г. изучено около 3000 кв. м Актобе-Лаэти (Галкин, 1974; 1977; 1978; 1979; 1981; 1983).

К моменту начала исследований культурный слой поселения активно разрушался проходящими через него проселочными дорогами и находился под угрозой ввиду планируемых строительных работ. Раскопки в южной части памятника позволили исследовать городскую усадьбу № 1 (Галкин, 1974). Исследования последующих лет производились в разных частях памятника. Раскоп 1977 г. был заложен на его юго-восточной окраине. Здесь исследовалась усадьба № 3. В этом же году на территории усадьбы № 1 были взяты пробы пыльцы (Галкин, 1977). В 1978 г. в северной части поселения была раскопана медеплавильная

Рис. 5. Планиграфия Сарайчика по результатам археологических исследований

мастерская (Галкин, 1978), в 1979 – вскрыта значительная площадь (1320 кв. м) в юго-восточной части памятника, где исследована усадьба квартала «А» (Галкин, 1979). Работы 1981 года проводились площадью 326 кв. м в южной части памятника на усадьбе № 1 квартала «Б». Продолжением исследования квартала «Б» стал сезон 1983 года, где изучалась усадьба № 2 данного квартала (Галкин, 1983).

Дальнейшие археологические работы на поселении Актобе-Лаэти были продолжены В.К. Афанасьевым. В 1991 г. под его руководством производились раскопки в юго-восточной части поселения. Их площадь составила 350 кв. м. С западной, северной и юго-восточной сторон она примыкала раскопам Л.Л. Галкина (Афанасьев, 1991). Работы 1993 г. проводились в центральной части, где так же с севера и с востока примыкали к участкам, исследованным Л.Л. Галкиным (Афанасьев, 1993).

Раскопанные усадебные дома Актобе-Лаэти в отличие от других памятников региона объединяли множество помещений в одно сооружение. В нескольких ямах зафиксированы обожжённые фрагменты плотной камышовой кровли. Судя по этим находкам, крыши домов были сложены из камыша, уложенного на балки диаметром 8–10 см, и обмазаны сверху глиной (Галкин, 1974, с. 4; 1983).

Из всех изученных объектов выделяется усадьба, выявленная 1979 г. Она была самой крупной среди всех изученных в ходе раскопок. В усадьбе насчитывалась 38 помещений, соединённых коридорами и сквозными проходами. В большинстве комнат обнаружены суфы, отопительные очаги, каны. Суфы были традиционные П- и Г-образные, но встречались и длинные каны с несколькими каналами, сложенные вдоль одной стены. Размеры суф зависели от площади помещений. В комнатах имелись хозяйственные ямы и ташнау. В некоторых случаях эти сооружения находились в отдельных помещениях и могли располагаться в хозяйственных комнатах. Полы помещений были вымощены плотной глиной коричнево-серого цвета (Галкин, 1979).

Жилые постройки Актобе-Лаэти формируют отдельные усадебные кварталы, которые связаны со спецификой ремесленной деятельности (рис. 8). Застройка города сложилась под влиянием традиций пришлого степного центрально-ази-

Рис. 6. Городище Актобе-Лаэти.XIII–XIV вв.
Фото (по: https://atyrau-heritage.kz/ru/qr/114-29. Дата обращения 18.08. 2022)

атского и местного домонгольского населения, а также оседлых городских групп переселенцев Средней Азии. Доминирующими в градостроительной культуре являлись традиции мусульманских истоков, распространение которых, вероятно, шло из Средней Азии и Волжской Болгарии. Возникновение поселения в этой степной зоне оказало сильное влияние на развитие экономических связей ремесленного, земледельческого и кочевого населения региона (Сдыков, 2014, с. 165–182).

Городище Жайык. В начале XXI в. произошло новое открытие в бассейне р. Урал, где археологами в 2001 г. были обнаружены остатки поселения золотоордынского времени, находившиеся в 10 км к югу от современного г. Уральска (рис. 9). Раскопки этого памятника велись в течение 2001–2005 гг. во главе с К.М. Байпаковым. В разные годы на памятнике исследовательские работы проводили также Е.А. Смагулов, Г.А. Ахатов, Д.В. Марыксин, М.Д. Калменов.

Памятнику дали название Жайык в 2005 г. Он состоял из собственно поселения площадью около 10 га и некрополя, расположенного в 2 км от жилой застройки на возвышении Свистун-гора. В ходе археологических работ на поселении были изучены кирпичеобжигательная печь, «малая усадьба», «большая усадьба», общественная баня. На территории некрополя был исследован ряд мавзолеев (Байпаков, 2001; 2003; 2004; 2005; 2006).

В 2012–2014 гг. археологическое изучение памятника продолжилось Центром истории и археологии ЗКО под руководством М.Д. Калменова (рис. 10). Целью работ стало получение материалов, связанных с изучением городской застройки, а также документирующих особенности планиграфии городища. В этой связи раскопки проводились в центральной части поселения. В результате были исследованы общественная баня, обнаружены еще одна кирпичеобжигательная печь, печь для обжига извести и здание мавзолея на территории городского некрополя (Калменов, 2013; 2015).

Городище Жайык расположено на морской аккумулятивной равнине нижнехвалынского возраста, на поверхности коренного берега, образованного крупным пойменным протоком р. Чаган, который формирует притеррасную пойму. Терра-

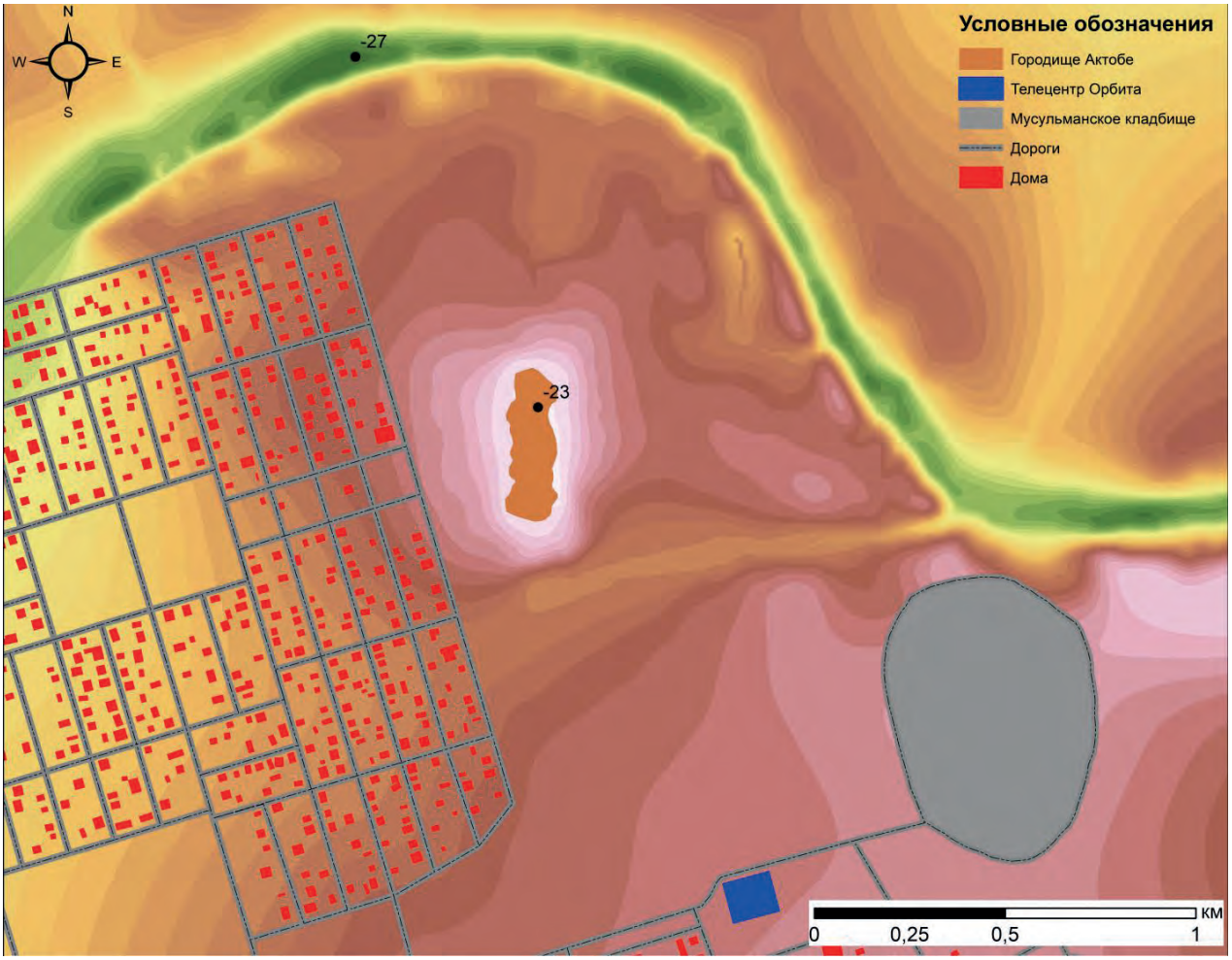


Рис. 7. Топография Актобе-Лаэти

сы здесь полностью размыты и прослеживаются на склоне долины по течению р. Урал. По руслу реки последовательно располагаются центральная, а затем прирусловая поймы. С юга и юга-востока территорию городища ограничивает склон террасы р. Урал, а с других сторон – естественные овраги. Площадь поселения составляет около 7 га на бугре высотой от 0,3 до 0,6 м. В 2 км к западу на вершине возвышения Свистун располагается некрополь с остатками мазаров в виде задернованных всхолмленний высотой до 2–3 м с обломками жженого кирпича, поливных изразцов (Байпаков, 2005, с. 72).

Предположение о наличии нескольких средневековых городищ на территории города Уральска впервые высказал Г.А. Кушаев (Кушаев, 1993, с. 122). Поселения располагались на холмисто-увалистой возвышенности слияния рек Чаган, Деркула, Урал, Барбастау. Притоки в пойме р. Урал в этом районе образуют долину шириной до 12 км, что повлияло на формирование поселенческой агломерации. По мнению Г.А. Кушаева, от с. Дарьинского на севере по течению р. Урал на юг до Меловых горок в устье реки Барбастау в IX–XVII вв. существовали шесть поселений: 1) городище у с. Круглоозерное; 2) у г. Уральска, в 8 км на юг; 3) развалины сооружений в пойме р. Чаган; 4) курени Яицкого городка, на юге г. Уральска; 5) городище «Сундук», у впадения р. Барбастау в р. Урал; 6) городище Дарьинское 1,5 км от поселка. Он считал, что поселения и городища образовывали здесь «городской оазис», что подтвердилось в ходе работ 1988–1990 гг. (Кушаев, 1993, с. 121–122).

Исследования, начатые под руководством К.М. Байпакова в районе поселка Круглоозерное в 2001 г., выявили постройки из кирпича, что подтвердило предположения Г.А. Кушаева о наличии городища в 2,5 км от пос. Круглоозерное, в 10 км на северо-восток от южной окраины г. Уральска (Курени) у южной подошвы склона Свистун-горы.

Следы валов и рвов не были обнаружены (Байпаков, 2001, с. 138–139). На городище был раскопан ряд объектов: «малая усадьба», «большая усадьба», «усадьба раскопа 4», «восточная баня-хаммам», «кирпичеобжигательная печь», «малый и большой мавзолеи» (Байпаков, 2001, с. 139). В 2012–2014 годах М.Д. Калменов продолжал из-

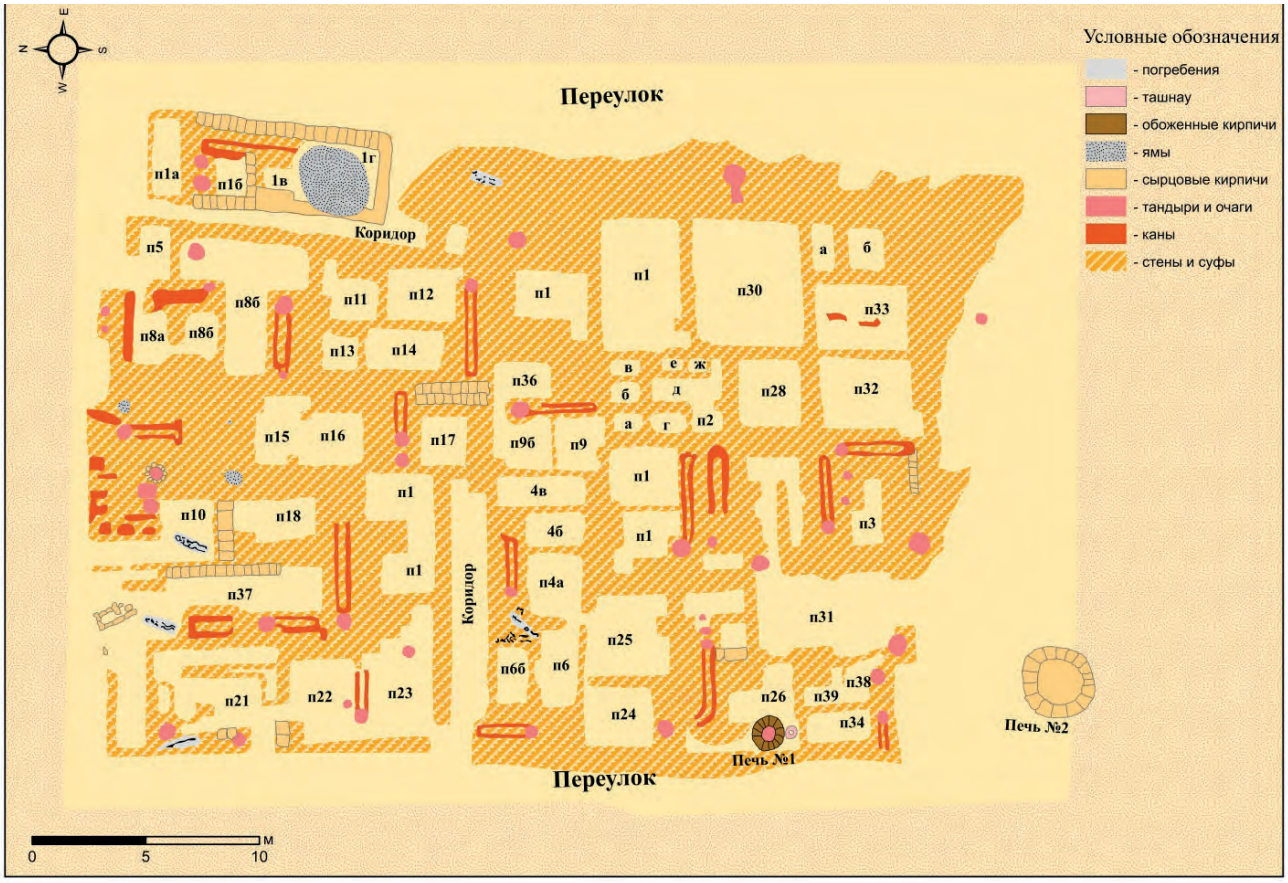


Рис. 8. План квартала А. Актобе-Лаэти

учение «восточной бани», также были раскопаны новые объекты: кирпичеобжигательная печь, печь по выжиганию извести и круглое погребальное сооружение (Калменов, 2013; 2015). В общей сложности на городище было раскопано более 6000 кв. м.

В ходе исследований были выявлены жилые постройки, размеры помещений которых варьировались от 2,0×4,5 м до 9,47×4,75 м. Постройки были сложены из сырцового кирпича со стенами толщиной около 70 см. Их поверхность была покрыта глиняной штукатуркой внутри и снаружи. Внутренние перегородки выложены также из сырцового кирпича. Полы покрыты глиняной обмазкой. В помещениях фиксировались остатки традиционных П- и Г-образные суф из сырцового кирпича в жилых комнатах с двухканальными канами и боковой топочной камерой.

Типологически выделяются два типа усадеб. Один из них представлен планировкой «малой усадьбы» в виде отдельно расположенного строения из двух симметричных по планировке жилых секций, разделенных стеной (рис. 11). Отдельные входы в жилище были со двора, с северной стороны. В усадьбах данного типа при входе находился «тамбур», имевший хозяйственное назначение (помещения № 3 и № 6). В жилых помещениях располагалась суфа с канами. Замыкали анфиладу жилых помещений небольшие комнаты-кладовые. Ташнау в «малых усадьбах» расположены в отдельных хозяйственных помещениях и сложены из жженого кирпича в виде четырёхугольника (Байпаков, 2005, с. 72–83, 84–85).

Иную планировку имеет тип «большие усадьбы». К их числу относятся усадьбы № 3, 4 раскопа IV 2002 г. (рис. 12). Особенностью этого типа планировки является симметричное относительно основной оси расположение двух аналогичных по внутренней планировке жилых комплексов, объединенных в одну постройку с обширным айваном и подсобно-хозяйственными отсеками (Байпаков, 2005, с. 83–84).

Из производственных объектов в 2012 г. были исследованы две кирпичеобжигательных печи. Одна из них, изученная в 2012 г., прямоугольная в плане, ориентирована по оси северо-восток – юго-запад (рис. 13). Сохранилась нижняя, топочная камера. Ее размеры: длина 476 см, ширина 360 см, высота 120–150 см (Калменов, Бижанова, 2019, с. 252–253).

В 50 м к западу от этого объекта, на глубине 60–65 см была обнаружена печь для обжига извести в виде круглой в плане кладки из красного кирпича (Калменов, 2013, 37–45). Печь имела

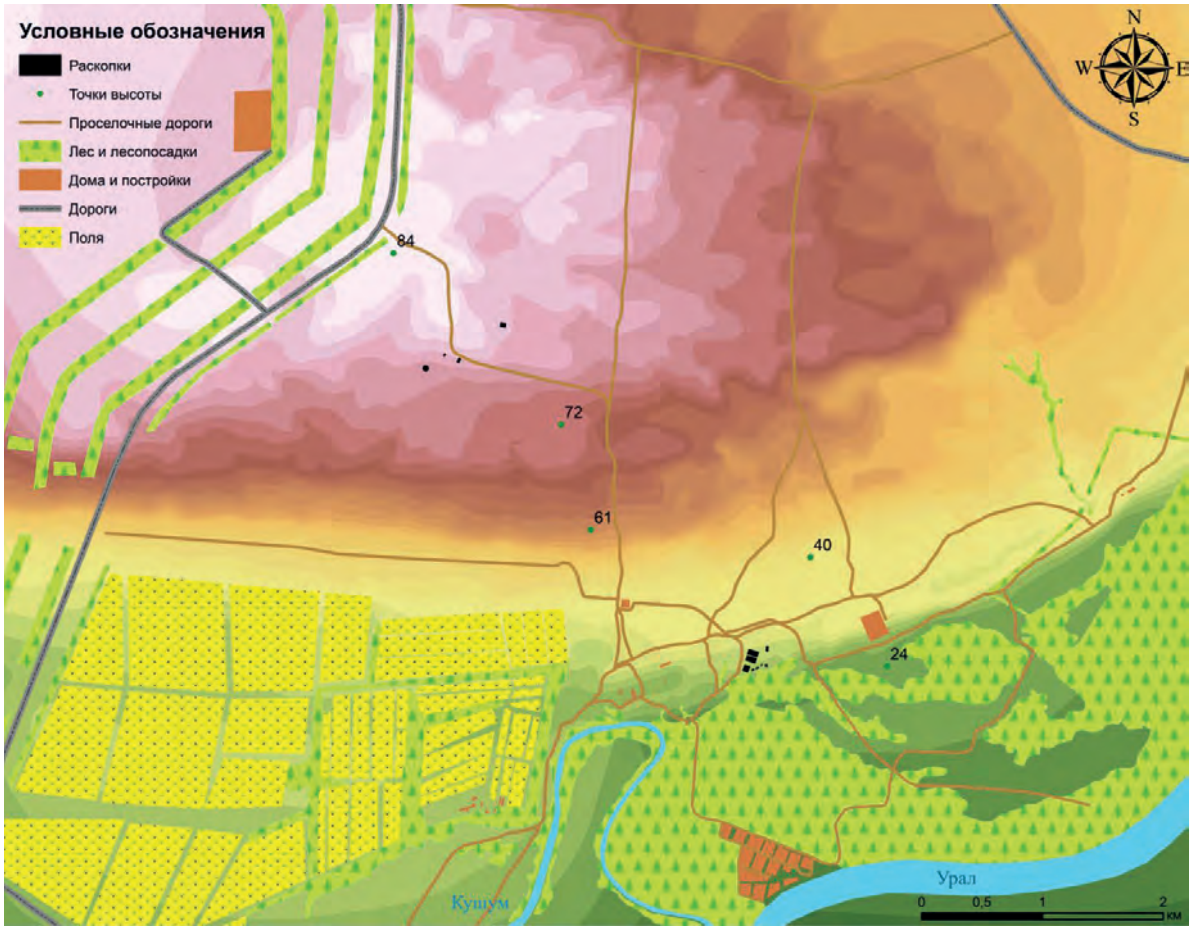


Рис. 9. Топография городища Жайык. Общий план-схема

форму цилиндрической шахты с внутренним диаметром 220–230 см. Стенки сложены из глиняных кирпичей, толщиной в один кирпич. Сохранились на высоту 13 рядов кладки. Размер кирпичей 30×30×6 см. Изнутри стенки ошлакованы под действием огня. С южной стороны в нижней части печи размещалось устье – проем стрельчатой формы, шириной 90 см, немного расширявшийся наружу (рис. 14). Под устьем находится проем-продух размером 20×15 см. Дно печи глиняное, прожженное на глубину 5 см. Аналогичные известково-обжигательные печи конца XIII – начала XIV в., только сложенные из камня, известны по раскопкам в средневековых русских городах (Калменов, Бижанова, 2019, с. 254–256).

Большой интерес представляет находка большой общественной бани-хаммама с подпольным отоплением (рис. 15). Баня имела крестообразную планировку, что свидетельствует о том, что она предназначена для зажиточных слоев населения. По мнению Э.Д. Зиливинской, такие бани являются непременным элементом развитых урбанистических центров (Зиливинская, 2019, с. 265).

На некрополе были изучены два крупных мавзолея из обожженного кирпича, декорированных поливными изразцами, получившие названия Малый и Большой мавзолеи (Байпаков и др., 2005, с. 92–111). Малый являлся прямоугольным в плане, двухкамерным мавзолеем размерами 9,0×12,0 м. Помещение № 1 снизу было выложено квадратным обожженным кирпичом на известковом растворе и отапливалось при помощи суф, расположенных вдоль меридиональных стен. В помещении № 2 размещалась усыпальница квадратной формы 5,5×5,5 м с одним погребением в кирпичном склепе (Зиливинская, 2019, с. 265).

Большой мавзолей определяется авторами раскопок как фамильная усыпальница представителей знатного рода. В ней было обнаружено 11 погребений, причем с правой (восточной) стороны находились взрослые погребения, а с левой (западной) – детские (Байпаков и др., 2005, с. 103–104).

Таким образом, объекты, исследованные у подошвы склона Свистун- горы, были жилыми кварталами, где люди занимались производством: обжигом кирпичей и извести для обеспечения постройки мавзолеев некрополей, расположенных в 2 км к западу, на ее вершине. Находка остатков бани-хаммам позволяет предположить, что в этой зоне также была мечеть, но недостаточное изучение территории памятника не дает возможности точно определить ее местонахождение.

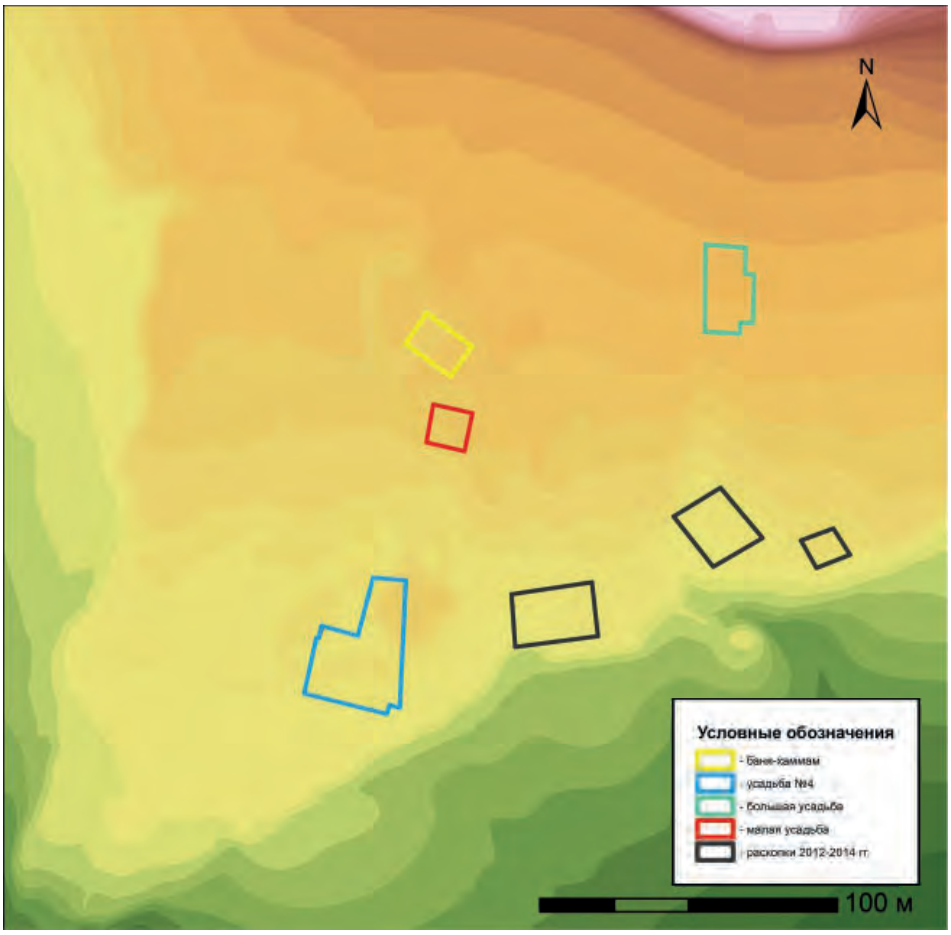


Рис. 10. Топография городища Жайык. Вид на поселение.

Городище Жалпактал. Было обнаружено в 2010 г. экспедицией Западно-Казахстанского центра истории и археологии под руководством Д.В. Марыксина на границе Казталовского и Жангалинского районов Западно-Казахстанской области, в 5 км к северо-западу от села Жанажол (быв. Мокринское) у зимовки Акташ (Марыксин, 2012). Памятник имеет площадь 68 га (рис. 16). Исследовательские работы на нем были начаты в 2010 г. с разведочных раскопок в центральной части и в дальнейшем проводились с 2011 по 2015 гг. В результате были раскопаны три жилых объекта, представляющих собой усадебные комплексы с несколькими помещениями, а также общественное здание мечети с минаретом.

Полученные данные дали обширную информацию для понимания облика поселенческой традиции этого региона, а результаты исследования некрополей дополнили представления о жизни и культуре населения (Марыксин, 2012; 2013; 2016).

Городище расположено у максимального сближения рек Малый и Большой Узени, где их протоки впадают в озера Камыш-Самар, Кошкар, Канбак, Айдын и Сор-Айдын, а также весной заполняют множество высохших водоемов. Площадь памятника составляет 68 га. Поселенческая часть памятника занимает несколько крупных холмов высотой до 2 м и диаметром до 50 м в центральной части. Поселенческий культурный слой фиксируется и на расположенных рядом десятках более мелких всхолмлений. В окружности Жалпактала в радиусе меньше десяти километров находятся несколько некрополей: Мокринский I, III, Кошкар, Жалпактал I. Самыми ближайшими некрополями к поселению являются Мокринский III и Жалпактал I. Если Мокринский III находится восточнее в 0,5 км от самого поселения на надпойменной террасе правого берега старицы р. Большой Узень, то Жалпактал I расположен в 1,3 км юго-западнее от поселения. Дальше западнее от Жалпактал I находятся некрополи Кошкар на берегу одноименного озера на расстоянии 4 км от поселения. Самым масштабным из некрополей, обнаруженных в окружности городища Жалпактал, является Мокринский I, который включает себе 75 курганов, где изучены кочевнические и мусульманские захоронения. Сам комплекс находится на левом берегу реки Большой Узень, на второй надпойменной террасе её старицы, и в 1 км восточнее поселка Жанажол, в 7 км южнее самого городища Жалпактал (Марыксин, 2009).

Рис. 11. План малой усадьбы. Жайык.

Рис. 12. План усадьбы № 4. Жайык

Рис. 13. Кирпичеобжигательная печь. Городище Жайык. Фото 2012 г. (по: Калменов, Бижанова, 2019)

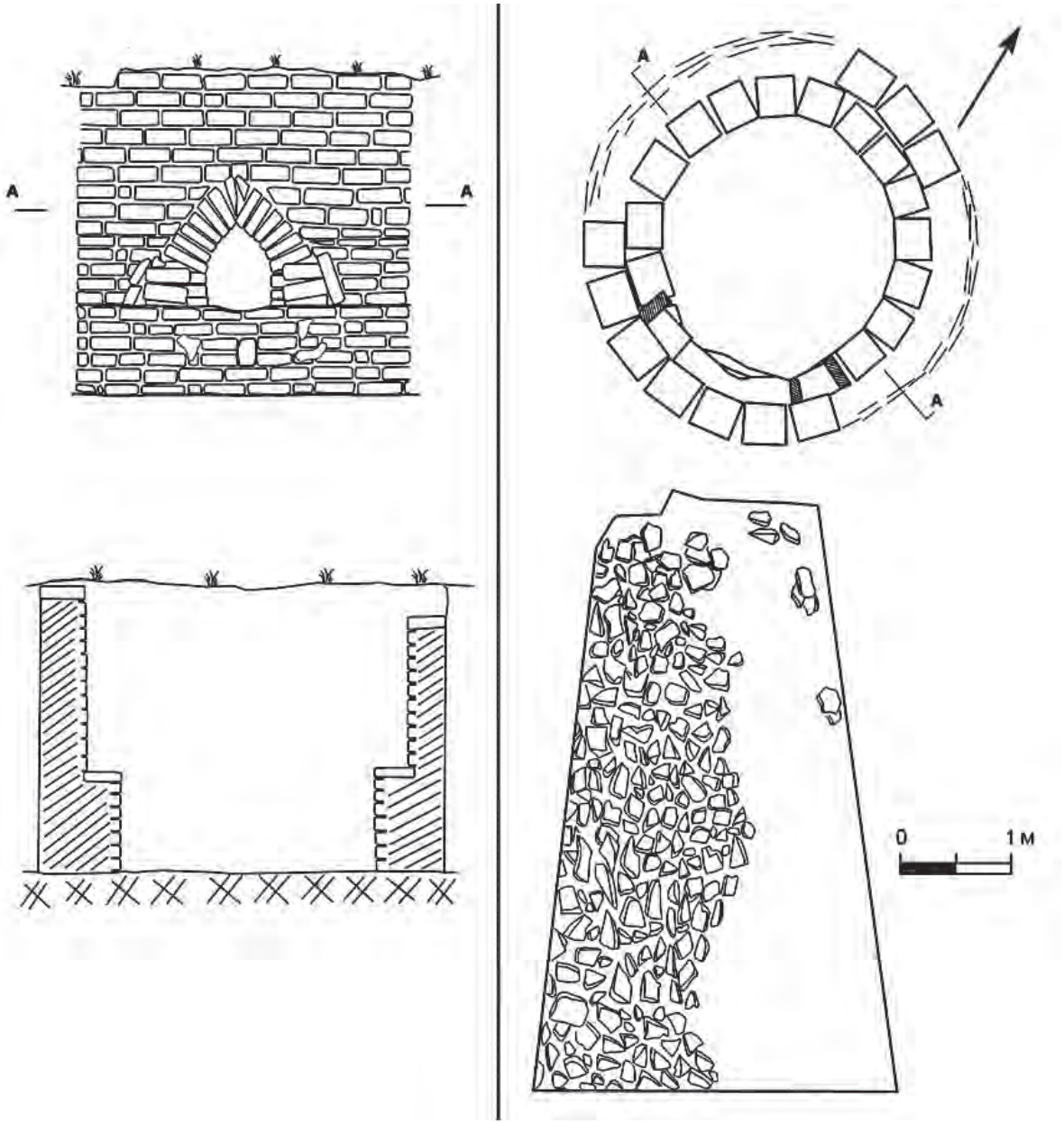


Рис. 14. План и разрезы печи для сжигания извести. Городище Жайык (по: Калменов, Бижанова, 2019)

В ходе раскопок городища Жалпактал в 2010–2014 гг. на площади около 500 кв. м было обнаружено около десятка построек, формирующих усадьбы с жилыми и хозяйственными сооружениями (Марыксин, 2012; Марыксин, 2013; Сдыков, 2014, с. 104–109; Марыксин, 2015). Так, в 2011–2013 гг. проводились раскопки небольшой усадьбы, в которой исследовано восемь помещений жилого и хозяйственного назначения. Стены построек сложены из большеформатного (40×20×10 см) сырцового кирпича в 2–3 ряда. Большую часть помещения занимает П-образная суфа, внутри которой вдоль одной из стен проложены каналы кана, по которым от тандыра проходит горячий воздух, обогревающий помещение. Хозяйственные помещения пустые или с погребками и отдельно стоящими тандырами (Марыксин, 2014, с. 95–107) (рис. 17).

В ходе археологических исследований в 2014 г. была изучена мечеть с минаретом (рис. 18). Здание мечети было почти квадратным в плане, размерами 12×11 м. Стены сложены из большеформатных (40–45×20–25×6–9 см) сырцов в 2–3 ряда, сохранились на высоту 1–1,2 м. Внутри на стенах сохранились следы глиняной обмазки. Пол был земляным, в нем прослеживались ямы от вкопанных в землю столбов, поддерживавших крышу. Деревянные столбы имели различный диаметр и были расположены в 4 ряда. Рядность опор соблюдалась весьма приблизительно. Крыша, вероятнее всего, была плоской, покрытой камышом и, вероятно, обмазанной глиной. Вход в здание шириной

Рис. 15. Баня, подпольное отопление. Городище Жайык (по: Зиливинская, 2019)

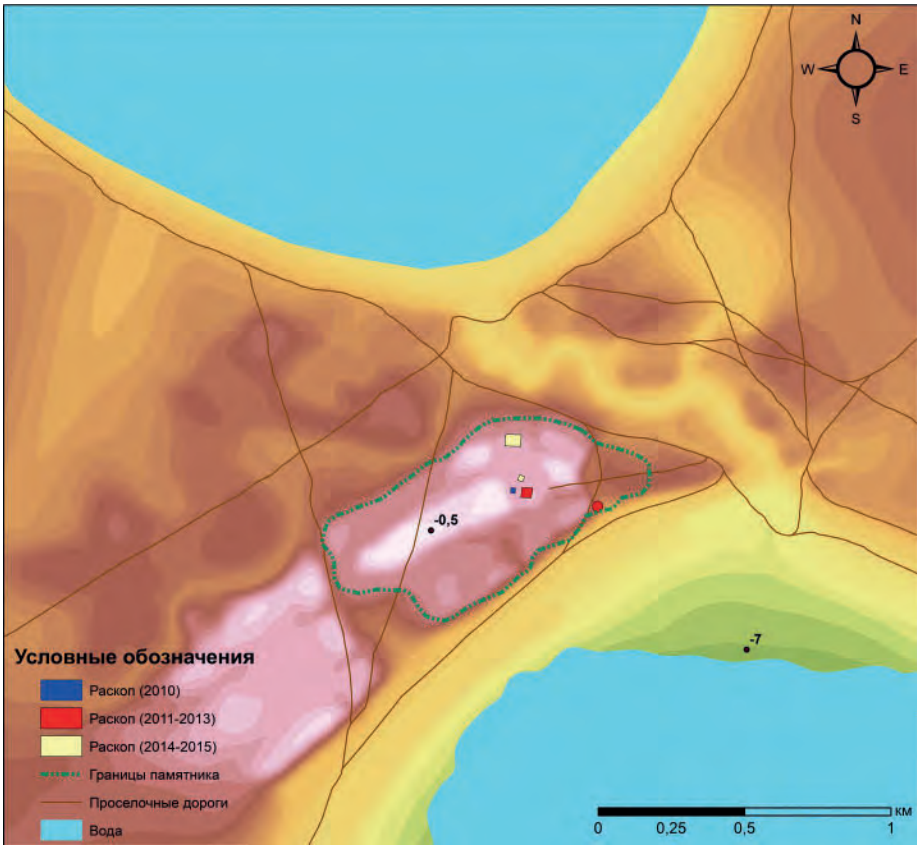


Рис. 16. Городище Жалпактал. Топография памятника

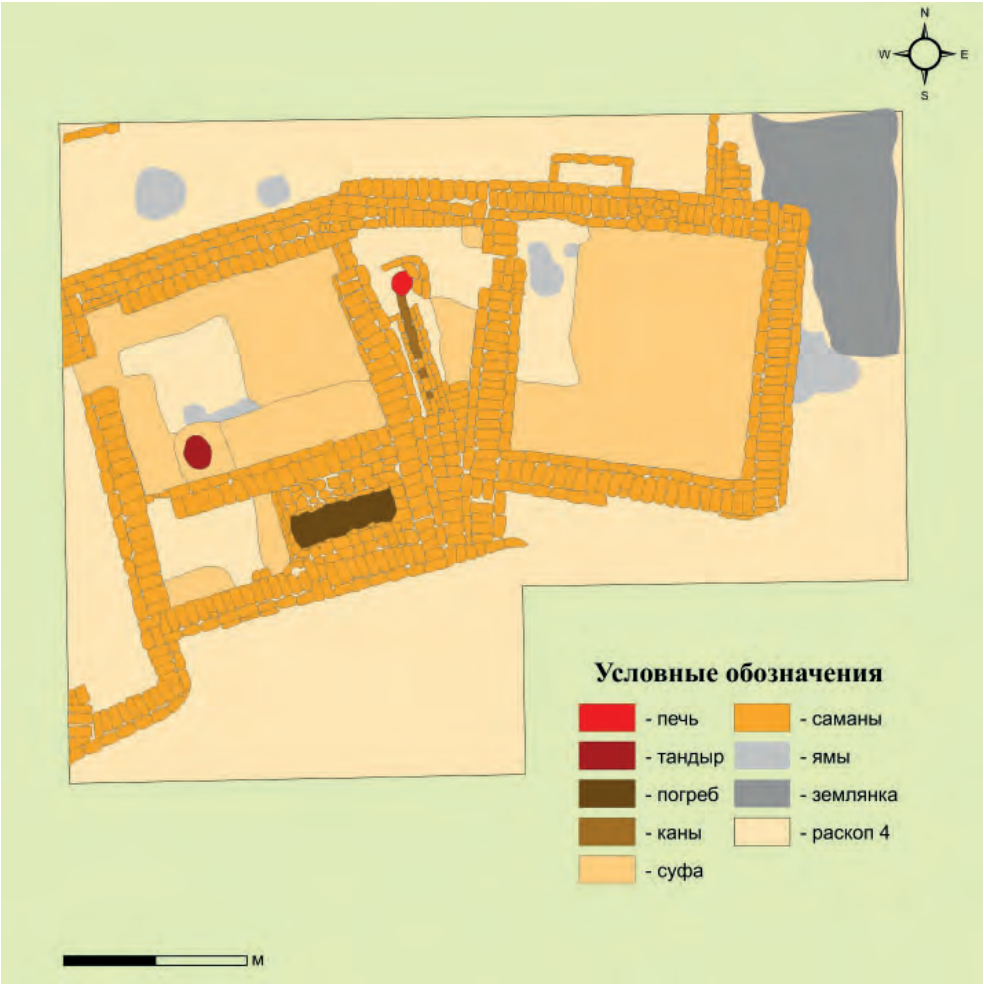


Рис. 17. Городище Жалпактал. Усадебное здание позднего периода на плане раскопа 4

90 см был сделан в северной стене, вдоль восточной стены. По центру южной стены находилась невысокая ниша михраба с полукруглым завершением. Отличительной особенностью мечети Жалпактала является наличие в углах помещения очагов-каминов в виде ниш, слегка заглубленных в стены. В них были найдены остатки углей, а стенки печей были закопчены. К северо-восточному углу здания сделана квадратная пристройка размерами 2,84×4,3 м с толстыми (1,2 м) стенами, которая, вероятнее всего, является основанием минарета. Здание в Жалпактале является пока единственной мечетью золотоордынского времени в Западном Казахстане, представлявшей собой «редкий пример небольшой сельской мечети» (Зиливинская, 2019, с. 280–281).

Таким образом, характеризуя топографию золотоордынских памятников Северо-Восточного Прикаспия, известных нам по результатам археологических исследований, следует отметить, что они были размещены в районах с многочисленными реками и озерами. Особенностью региона является то, что он расположен на территории, где существовала караванная торговля и имелись благоприятные условия для кочевого и оседлого хозяйства. Вместе с тем данный регион находится в Каспийской неизменности, где климат является резко континентальным, что могло повлиять на конструктивные особенности и топографию объектов. В северных частях региона снег выпадает больше, чем в южной части, где находятся Сарайчик и Актобе-Лаэти. Планиграфия застройки поселений привязана к рельефу, селитебная часть локализуется на возвышенностях, не подтапливаемых во время половодий.

Домостроительная культура имеет прямые аналогии с городами Поволжья, Хорезма и Средней Азии. Она в основном представлена многокомнатными усадьбами, объединёнными в квартальную застройку с ремесленными мастерскими, торговыми рядами, зданиями мечетей и бань. Городская застройка формировала комфортную среду обитания для жителей поселений. К числу особенностей, сближающих поселения региона с поволжскими городами эпохи Улуса Джучи, бесспорно относится и отсутствие следов фортификационных сооружений на данных памятниках, за исключением, возможно, Сарайчика.

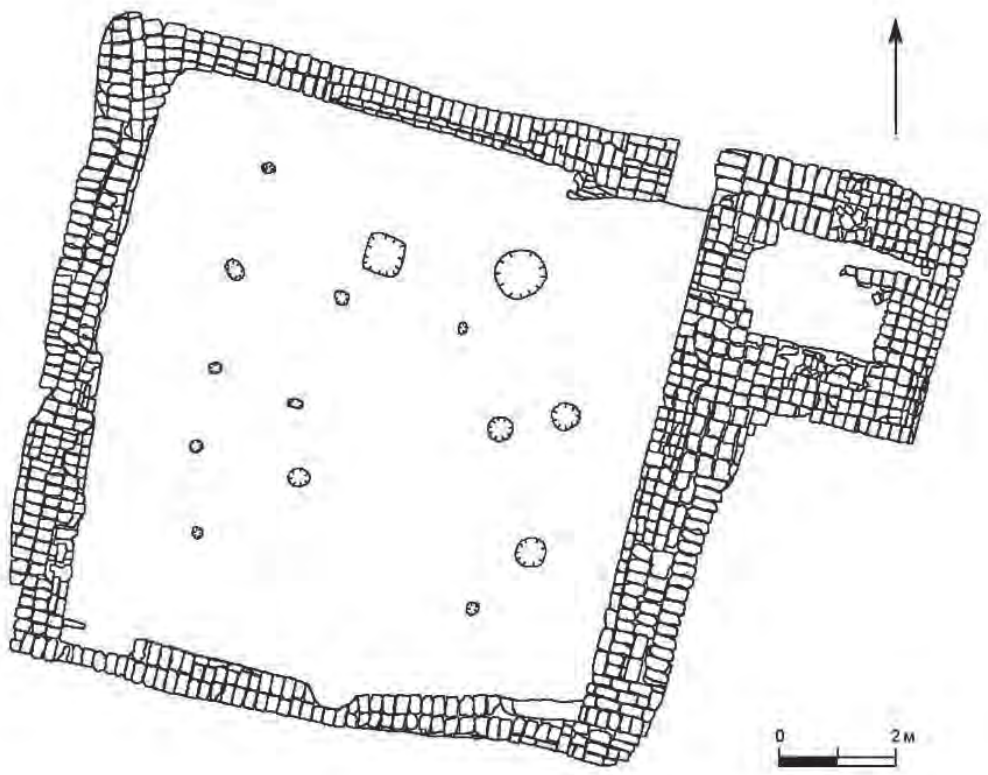


Рис. 18. План мечети на городище Жалпактал (по: Зиливинская, 2019)

Жилые постройки на всех поселениях формировали различные по размеру усадьбы, которые имели несколько комнат, суфы с канами, очаги и ташнау, хозяйственные помещения, схожие с домами золотоордынских городов Поволжья. Планировка жилых усадеб Нижнего Поволжья и Северо-Восточного Прикаспия имеют схожие традиции (Байпаков и др., 2005, с. 84). В деталях домостроительства между поселениями Северо-Восточного Прикаспия прослеживаются некоторые различия, истоки которых связаны с топографией местности и особенностями генезиса традиций городского населения. В целом во всех этих поселениях сложилась культура градостроительства.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Рассмотрение всего спектра погребальных обрядов в Нижнем Поволжье, которое в XIII–XIV вв. являлось центральным, столичным регионом Улуса Джучи, следует начать с краткого экскурса в религиозную ситуацию в этом государстве. Именно центральные улусы Золотой Орды будут в данном случае очень показательны для рассмотрения, поскольку в столичных центрах огромной империи представлены все основные верования и погребальные обряды, существовавшие как в Улусе Джучи, так и в Монгольской империи в целом. Кроме того, именно здесь проявились наиболее ярко те тенденции, которые были стержнями культурной системы государства в XIII и XIV вв.

Религиозная ситуация в Нижнем Поволжье в XIII–XIV вв. Нижнее Поволжье благодаря своему уникальному расположению на перекрёстке торговых путей и на стыке цивилизаций представляет собой пёструю палитру в плане многообразия погребальных обрядов. Особенно справедливо это утверждение будет по отношению к золотоордынскому периоду, когда низовья Волги превратились в столичный регион огромной космополитичной империи. В XIII в. это был один из наиболее значительных улусов Монгольской империи, в котором смешивались культурные традиции представителей множества культур и народов, боролись за влияние на престол правителей улуса влиятельные «партии» представителей основных мировых религий. В конце XIII–XIV вв. улус Монгольской империи превратился в самостоятельное государство, в котором постепенно выкристаллизовывались собственные внешнеполитические устремления, уникальные внутриполитические приоритеты, сформировалась наиболее приспособленная к местным условиям и никак не связанная с Каракорумом экономическая модель. В этот пе-

риод уже можно смело говорить о политической победе ислама (с приходом к власти хана Узбека в 1312 г.) и о длительном, но неотвратимом процессе проникновения мусульманства во все сферы жизни общества, а также о трансформации погребальных обрядов под влиянием традиций шариата.

В целом религиозную историю Золотой Орды можно разделить на два больших периода, которые совпадают с историческими периодами становления государства. XIII в., то есть период, когда Улус Джучи был составной частью Монгольской империи, можно назвать периодом индифферентного отношения власти к религии. В этот период в государстве присутствовали и конкурировали ислам, христианство, буддизм на фоне общего язычества широких масс кочевого населения. Роль мировых религий постепенно повышалась с ростом урбанизации столичного региона во второй половине – конце XIII в. В этот период различные мировые религии были ярко политизированы и являлись «знаменем» той или иной придворной партии. XIV в. – век становления и расцвета собственно золотоордынской государственности – связан именно с победой ислама и глубокой мусульманизацией общества (что не исключало наличия доисламских пережитков в погребальном обряде и бытовой практике повседневности). В этот период меняется социальная роль ислама, резко падает уровень религиозного фактора в борьбе за власть, поскольку общая исламизация стала «фоновым» культурным явлением (Васильев, 2001б, с. 4–5).

В начале эпохи становления Улуса Джучи в его центральных регионах были представлены практически все основные мировые религии, которые исповедовались главным образом оседлым населением. В Нижнем Поволжье в целом и в городе и области Саксин в частности лидирующие позиции занимал ислам. Но при этом здесь периодически бывали и христиане – скорее всего, купцы (Васильев, 2015, с. 189–267; Васильев, 2016, с. 666–672).

Как и во всех государствах Монгольской империи, на службе у ханов Улуса Джучи состояло большое количество уйгурских чиновников и священников (христиан и буддистов), от которых монголы переняли алфавит и сделали его официальным. Это показывает, что буддизм пользовался определённым влиянием в Золотой Орде. Словами *бахши* (от санскритского *бхикшу* – буддистский монах, отшельник) и *лама* в монгольских государствах называли буддистских священников, а также государственных писцов и мелких чиновников (де Рубрук, 1957, с. 127–130). Однако буддизм был распространён в основном среди знати, являясь этнополитической идеологией лишь небольшой части аристократии. При хане Тохте (1299/1300–1312) бахши и ламы пользовались большим влиянием (Тизенгаузен, 1884, с. 174, 197, 277, 514). Когда Узбек-хан в 1312/13 году ввёл ислам в качестве государственной религии, то подверг казням и преследовал их в числе прочих противников мусульманства (Тизенгаузен, 1884, с. 163, 197, 385, 510).

Христианство в форме несторианства было достаточно широко распространено среди народов, составивших Монгольское государство. В Улусе Джучи также было много несториан, в том числе на службе у ханов (де Рубрук, 1957, с. 102–106).

Помимо несторианства, в Орде было представлено католичество – ряд францисканских монастырей был открыт в городах Крыма и Приазовья, в Сарае, и даже существовали передвижные обители в кочевых ставках (Малов и др., 1998, с. 86). Русская и византийская православные церкви имели свою паству, в основном в золотоордынских городах (Малов и др., 1998, с. 87). Русская православная Сарайская (Сарская) епархия была учреждена в 1261 г., чтобы обслуживать религиозные интересы русских пленных, угнанных в Орду. Кроме того, много усилий русской церковью было направлено на обращение в православие несториан, чтобы влиять на политику в Золотой Орде. Во всех золотоордынских городах после учреждения епархии появились церкви или часовни (Васильев, 2007а, с. 12–13).

Ислам и христианство (возможно, в несторианской форме) были распространены и в кочевой среде. Необходимо оговориться, что вопрос о христианстве и исламе у кочевников домонгольского времени в Нижнем Поволжье на материалах погребальных памятников пока в археологии не проработан. Однако следует признать, что здесь доминирующее положение занимала система верований, которая имеет общее условное наименование «тюрко-монгольский шаманизм». Ещё Абу Хамид ал-Гарнати писал о «караванах неверных», которые пригоняют скот на продажу к городу Саксину (ал-Гарнати, 2010, с. 32).

Тюркско-монгольский шаманизм – это особая система верований, характеризующаяся делением Вселенной на три мира – Верхний, Средний и Нижний. Средний мир населяют люди, животные и птицы. Обитатели верхнего и нижнего миров – духи, с которыми могут общаться шаманы. Шаманы – это не священники, а посредники в общении людей с духами (Токарев, 1990, с. 266–291). Шаманам, обладающим наследственным или приобретённым даром, приписывается способность предсказывать будущее, узнавать, что делается в отдалённых странах, лечить болезни, вызывать изменения в погоде, провожать умерших в за-

гробный мир. Шаманы как бы вступают в непосредственное общение с духами, приводя себя в состояние исступления, называемое камланием (Васильев, 2007, с. 9–10).

Основные языческие верования кочевников Золотой Орды позволяют вполне определённо отнести их к разряду религий, характерных для обществ, находящихся на стадии отмирания родового или складывания раннефеодального строя. Язычество было основной формой вероисповедания в степи в первой половине XIII в. и продолжало оставаться влиятельной силой в течение долгого времени.

В общем и целом именно такая картина может быть нарисована исходя из анализа погребальных памятников низовьев Волги золотоордынского периода.

Общий обзор памятников (рис. 1). В Нижнем Поволжье, как уже говорилось выше, представлен весьма широкий спектр погребальных обрядов. Это обусловлено богатством и разнообразием самих археологических памятников, которые представляют собой материальные остатки различных пластов культуры – как городские некрополи оседлого населения, так и курганные могильники кочевников, как простые захоронения рядового населения, так и богатые и сложно устроенные погребения представителей знати, над которыми возведены мавзолеи разнообразных конструкций.

Из некрополей, соотносимых с поселенческими памятниками, следует назвать, прежде всего, многочисленные могильники на территории Селитренного городища в Астраханской области, представляющего собой остатки столицы Золотой Орды XIV в. – города Сарая. Правда, следует оговориться, что практически все исследованные здесь погребения относятся к довольно позднему периоду – концу XIV–XVI в., поскольку они совершены на развалинах городских усадеб, мастерских и прочих городских объектов. Захоронения, синхронные существованию живого золотоордынского города XIV в., здесь не изучены, поскольку располагаются на окружавших город кладбищах, маркированных развалинами мавзолеев (Рудаков, Гончаров, 2004, с. 285–289). Тем не менее захоронения поздних некрополей Селитренного городища могут служить источником по погребальной обрядности населения золотоордынского города позднего периода.

К числу наиболее значимых памятников относятся некрополи округи Царёвского городища в Волгоградской области. Это курганные могильники, расположенные не более 20 километров от Царевского городища вниз и вверх по реке Ахтубе. Всего на этой территории разведками зафиксировано около тридцати курганных групп, из которых исследовано шестнадцать. Это некрополи Заплавное-I, Заплавное-II, Заяр-I, Бахтияровка-I, Бахтияровка-II, Бахтияровка-III, Ленинск-I, Ленинск-II, Маляевка-I, Царев-I, Солодовка-I, Солодовка-II, Солодовка-III, Колобовка-I, Колобовка-II, Зубовка. Существенная часть погребений в этих некрополях датируется золотоордынским временем и, соответственно, может быть соотнесена с историей Царевского городища. Л.В. Яворская пишет о 360 погребальных комплексах золотоордынского времени в этих могильниках (Яворская, 1999а, с. 5–6). Интересно, что эти некрополи позволяют составить большее представление о кочевой округе Царёвского городища, нежели о его оседлом населении, поскольку захоронения на самом Царёвском городище также относятся главным образом к периоду его запустения.

Особо важны в качестве источников для понимания процесса складывания погребальной обрядности в Золотой Орде некрополи окрестностей Красноярского городища в Астраханской области. Это могильники Маячный бугор, Вакуровский бугор-I, Вакуровский бугор-II, Мечетный бугор-I, Мечетный бугор-II, Калмыцкий бугор. Эти могильники оставлены именно населением золотоордынского Красноярского городища и синхронны существованию города на его месте. Из них выделяется самый крупный и сложно организованный могильник Маячный бугор, на котором выявлены захоронения не только XIV, но и XIII в. Эти некрополи отличаются поразительным разнообразием погребальных обрядов. Интересно отметить, что ряд исследователей придерживаются версии о возможном местоположении первой столицы Золотой Орды где-то в окрестностях Красного Яра (Пачкалов, 2002, с. 177; Рудаков, 2007, с. 24; Васильев, 2009б, с. 436–445).

Большое число захоронений, синхронных существованию золотоордынского города, а также XV в. было исследовано на территории и в окрестностях городища у пос. Комсомольский в Астраханской области (Недашковский, 2010, с. 105–109). Из наиболее крупных и хорошо изученных некрополей также следует назвать комплекс мавзолеев около поселения «301-й километр» в северной части Астраханской области (Шнайдштейн, 1990). Вышеперечисленные памятники располагаются на левобережье Ахтубы, в непосредственной близости от золотоордынских столиц.

В дельте Волги одним из наиболее крупных погребальных памятников золотоордынского периода является комплекс могильников на буграх Хан-Тюбе и Тумак-Тюбе, которые представляют собой некрополи небольшого, возможно даже сельского,

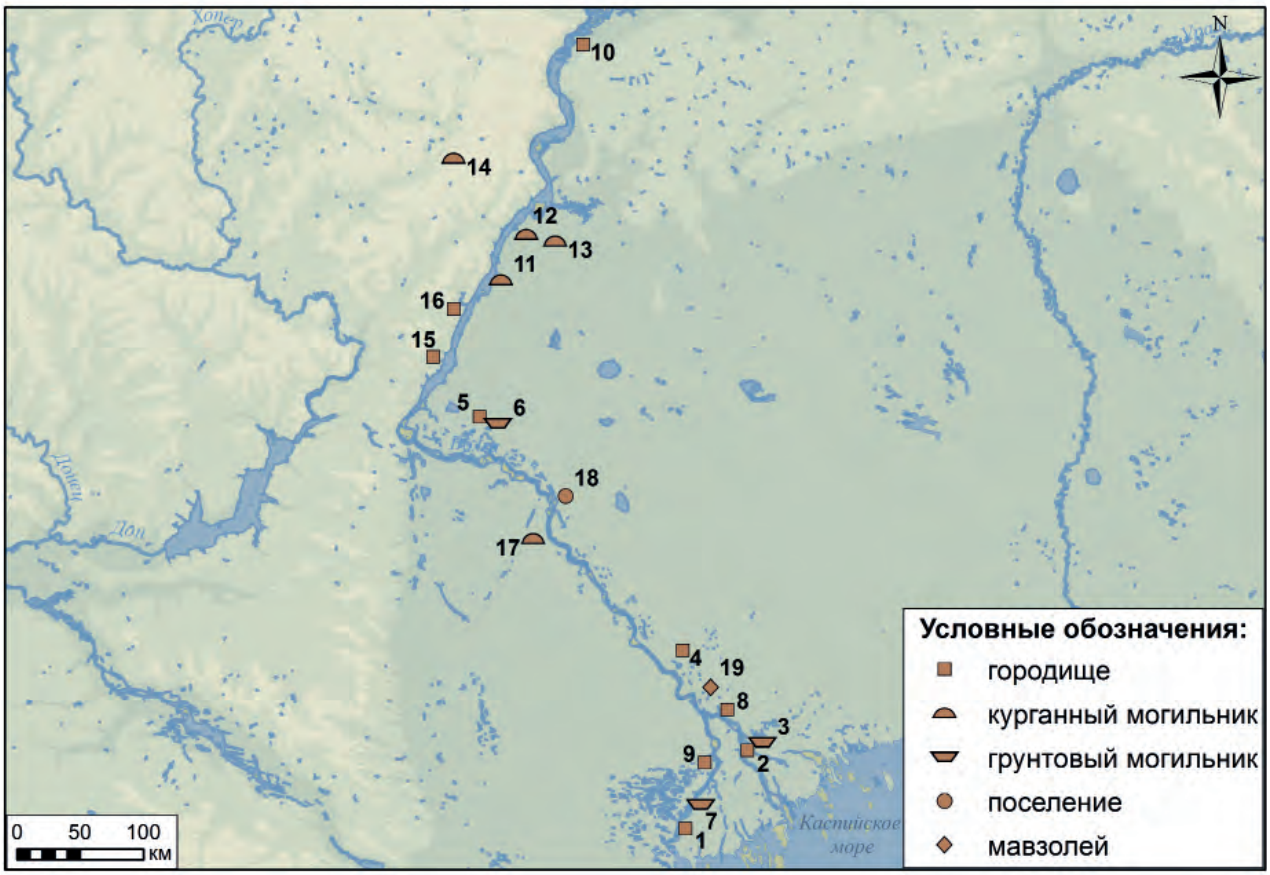


Рис. 1 Карта памятников Нижнего Поволжья, упоминающихся в статье. 1 – Самосдельское городище (Саксин); 2 – Красноярское городище (Старый Сарай); 3 – могильники окрестностей Красноярского городища (Маячный бугор, Вакуровский бугор-I, Вакуровский бугор-II, Мечетный бугор-I, Мечетный бугор-II, Калмыцкий бугор); 4 – Селитренное городище (Новый Сарай); 5 – Царёвское городище (Гюлистан); 6 – могильники окрестностей Царёвского городища (Заплавное-I, Заплавное-II, Заяр-I, Бахтияровка-I, Бахтияровка-II, Бахтияровка-III, Ленинск-I, Ленинск-II, Маляевка-I, Царев-I, Солодовка-I, Солодовка-II, Солодовка-III, Колобовка-I, Колобовка-II, Зубовка); 7 – Хан-Тюбе и Тумак-Тюбе; 8 – городище у пос. Комсомольский (Ак-Сарай); 9 – городище Шареный бугор (Хаджи-Тархан); 10 – Увекское городище (Укек); 11 – курганные могильники Быково-I-III; 12 – курганные могильники Молчановка I-III, Новая Молчановка; 13 – курганный могильник Бережновка; 14 – курганный могильник Калиновка; 15 – Мечетное городище; 16 – Водянское городище (Бельджамен); 17 – курганные могильники на Кривой Луке; 18 – поселение «301-й километр»; 19 – Лапас

золотоордынского поселения (Шевченко, 1980, с. 139–168; Васильев, 2009в, с. 85–89).

На правом берегу Волги в Астраханском Поволжье располагается лишь одно золотоордынское городище – Шареный бугор. Исследованиями 1966 года под руководством А.М. Мандельштама здесь было исследовано большое число захоронений, однако все они относятся, скорее всего, к периоду Астраханского ханства. Поэтому нам известно лишь несколько синхронных памятнику захоронений с могильника в окрестностях городища (Недашковский, 2010, с. 123).

В Волгоградском Поволжье одним из наиболее изученных и показательных является Водянское городище, где были изучены десятки синхронных памятнику захоронений, причём в интересных контекстах – вблизи мечети, в мавзолеях. Здесь же известен и единственный в Нижнем Поволжье некрополь русского населения (Недашковский, 2010, с. 34–35). Помимо этого, ряд мусульманских и языческих захоронений был исследован на Мечетном городище в черте современного г. Волгограда (Недашковский, 2010, с. 42–43).

На территории современного Саратова располагается одно из крупнейших золотоордынских городищ – остатки города Укек, возникшего в XIII в. На самом городище и в его окрестностях было обнаружено и исследовано 209 грунтовых захоронений, причём здесь выделяются могильники Укек I и Укек II – городские некрополи, синхронные памятнику и содержавшие захоронения представителей разных социальных слоёв. Кроме того, в окрестностях Укека на правом берегу Волги выявлено и исследовано 12 подкурганных захоронений, а на левобережье – 84 подкурганных захоронения (Недашковский, 2000, с. 133–159). Здесь городская и кочевая культурные составляющие Золотой Орды, как и в окрестностях Царёвского

городища, соседствовали и тесно взаимодействовали.

Подкурганные захоронения. Г.А. Фёдоров-Давыдов, описывая погребальные обряды кочевников золотоордынского времени (IV периода по его периодизации), выделяет в особую группу захоронения Поволжья и Заволжья (области Саксин). Прежде всего он выделяет черты погребального обряда, сложившиеся под влиянием пришедших с востока монголов, особо отмечая, что если в общей массе кочевнических захоронения эти черты немногочисленны, то в Поволжье они составляют существенную долю, так как концентрируются практически исключительно в этой области (Фёдоров-Давыдов, 1966, с. 160). Это явление объясняется тем, что Нижнее Поволжье являлось столичным регионом, где влияние имперской культуры было достаточно велико. Среди черт обряда, в которых Г.А. Фёдоров-Давыдов видит монгольское влияние, можно назвать подбойные захоронения (15% всех погребений этого периода), ритуальные подсыпки мелом дна могильных ям, сопровождение захоронения загробной пищей и следами огненного ритуала (75% всех захоронений этого периода). Кроме того, подавляющее большинство захоронений с боккой – головным убором, являвшимся характерной чертой «имперского стиля» в женском костюме – сконцентрировано в Нижнем Поволжье. При этом Г.А. Фёдоров-Давыдов отмечает, что захоронения с бокками нельзя напрямую связывать с этническими монголами. Бокка встречается в захоронениях, обычных для половецкого населения Поволжья и Заволжья (Фёдоров-Давыдов, 1966, с. 157). Видимо, наличие бокки в захоронениях кочевников следует объяснять процессом взаимопроникновения культурных традиций монголов и других кочевников Евразии, находившихся в орбите их политического влияния. В Нижнем Поволжье локализуются находки онгонов (ильтаханов) – фигурок человечков из бронзы – олицетворений индивидуальных духов-хранителей человека. Кроме того, как пишет Г.А. Фёдоров-Давыдов, «в Поволжье и только в Поволжье» появляется ещё одна характерная черта погребальных обрядов – подкурганные сырцовые оградки и вымостки, покрывающие или огораживающие одно или несколько погребений, обычно без вещей (Фёдоров-Давыдов, 1966, с. 161). О том, что собой представляли оградки и чем они на самом деле являлись, речь пойдёт несколько ниже.

В.А. Кригер, характеризуя погребальные обряды курганных могильников Заволжья, констатирует, что наиболее яркими из них, отражающими все основные черты погребального обряда, являются могильники Быково III и Царёв I (Кригер, 2012, с. 76). К таковым чертам относятся простые земляные насыпи курганов (в могильнике Царёв I под ними фиксируются квадратные подкурганные оградки, которые В.А. Кригер связывает с погребениями оседавших на землю кочевников, однако это утверждение нуждается в пересмотре), подбойные могилы (на могильнике Быково III) и простые прямоугольные могильные ямы (на могильнике Царёв I), могилы без деревянных конструкций (Быково III) и с деревянными перекрытиями (Царёв I), подавляющее большинство погребений сопровождается захоронением коня в одной яме вместе с человеком – на ступеньке или на дне входной ямы (Быково III); захоронения с конём редки: либо на древнем горизонте рядом с ямой, либо в отдельной яме (Царёв I). Погребённые ориентированы на запад и юго-запад с сезонными отклонениями, в редких случаях – на восток. Среди погребального инвентаря больше всего предметов конской сбруи. Интересной этнографической деталью обряда быковских захоронений является погребение только одного стремени с костями коня. Предметы вооружения немногочисленны и характеризуют легковооруженного лучника (колчаны, железные наконечники стрел). Из предметов быта больше всего железных ножей на поясе погребенного и бронзовых зеркал с целыми дисками в разных местах могилы.

Характеристика основных погребальных традиций могильника Быково III свидетельствует, по мнению В.А. Кригера, о длительном сохранении их в относительной «чистоте», с явно выраженным кочевническим комплексом даже в период интенсивной имущественной дифференциации, оседания кочевников и принятия ислама в XIV в. Характеристика обряда могильника Царев I недвусмысленно показывает, что население теряет кочевнический облик культуры и предрасположено к оседанию на землю (Кригер, 2012, с. 76–82). Следует в данном случае возразить В.А Кригеру, поскольку выраженных следов оседания кочевников на землю в золотоордынских городах до сих пор не зафиксировано. Имеются лишь редкие следы присутствия кочевников в среде городского населения (например, следы установки юрт в отдельных усадьбах знати).

Обряд быковских курганов присутствует в целом ряде могильников и курганных групп Заволжья. На этом основании В.А. Кригер объединяет их в группу памятников типа Быково: могильники Быково I, III; могильник Бережновка II, южная и северо-восточная группа у пос. Бережновка, могильники Молчановка III, Новая Молчановка и другие. Картографирование курганов с признаками быковского обряда показало, что они разбросаны в небольшом количестве по всему Заволжью,

но более всего концентрируются в северной части Волгоградского левобережья и Саратовского Заволжья (Кригер. 2012, с. 78).

Могильники с чертами обряда, аналогичными царёвскому (Бережновка I, Молчановка I, II, Калиновка и другие), расположены в непосредственной близости от быковских памятников и перемежаются с ними на территории Заволжья. Однако могильники и курганы типа Царев концентрируются в южных районах Волгоградского и в Астраханском Заволжье (Кригер, 2012, с. 80). В.А. Кригер указывает, что в XIV в. это условное территориальное разделение между быковскими и царёвскими памятниками ещё более нивелируется в связи с концентрацией кочевников вокруг золотоордынских городов и поселений по р. Ахтубе в результате усиления феодализации кочевого населения Золотой Орды.

Происхождение населения, оставившего данные группы памятников, В.А. Кригер связывает с восточными (быковская группа) и западными (царёвская группа) степными районами Улуса Джучи (Кригер, 2012, с. 92).

Сходной точки зрения придерживается и В.А. Иванов. Указывая аналогии таким памятникам в Сибири и Средней Азии, как синхронные, так и более ранние, В.А. Иванов считает возможным отделить царевские памятники от быковских, считая царевские курганы и курганы Южного Приуралья принадлежавшими этническим группам, вышедшим из состава кимако-кыпчакского этнополитического объединения, а быковские памятники – оставленными нижневолжскими половцами-саксинами, в этногенезе которых доминировали потомки европейских и заволжских печенегов (Иванов, 1990, с. 41). Правомерность этих гипотез может определить лишь накопление сравнительного материала в ходе дальнейших археологических исследований и время.

В ходе статистического анализа территориальных групп захоронений кочевников Золотой Орды В.А. Иванов выделил группу подкурганных захоронений Нижнего Поволжья, для которых характерны следующие черты (в процентном отношении к другим территориальным группам): одиночное захоронение в простой яме под земляной насыпью кургана, с ровиком у основания насыпи, наличие костей животных в насыпи, наличие оградок из сырцового кирпича под насыпями, большое число бескурганных кочевнических захоронений. Встречаются ямы с расширяющимися ко дну стенками, а также со ступеньками вдоль длинных стенок ямы, ямы с подбоями. Ориентировка погребённых преимущественно западная или юго-западная. Покойный уложен вытянуто на спину, руки вытянуты вдоль тела. Захоронение совершено в дощатом гробу или в колоде. Всего для Нижнего Поволжья В.А. Иванов оперировал материалами 207 погребений (Иванов, 2015, с. 49–52). При этом группа захоронений из Нижнего Поволжья показала наивысшую степень близости с погребениями Южного Урала, из чего В.А. Иванов делает логичный вывод о культурной и этнической близости кочевников этих регионов в золотоордынскую эпоху. Более того, автором были получены высокие коэффициенты сходства групп кочевнических захоронений на всём пространстве Золотой Орды. В связи с этим В.А. Иванов пишет: «Как полученные показатели могут быть интерпретированы? С точки зрения археологической номинации – как локальные группы (варианты) одной археологической культуры… Показатели сходства не менее 0,65 (т. е. 65%) свидетельствуют о принадлежности сравниваемых объектов к одной археологической культуре» (Иванов, 2015, с. 52–53).

Л.В. Яворская подробно рассматривает некрополи окрестностей Царёвского городища, статистически выделяя в них захоронения четырёх основных моделей. Эти модели, полученные в результате факторного анализа по методу главных компонент, характеризуют наиболее вероятные сочетания признаков, описывающих погребальный обряд, но это не значит, что все эти признаки совпадут в реальности. Чаще всего реальные захоронения описываются комплексом различных признаков, относящихся к разным моделям, но при этом анализ позволяет определить в общем массиве данных основные культурные и этнические тенденции.

Первая статистическая модель характеризует безынвентарные погребения, совершенные с применением особых надмогильных и внутримогильных сооружений, неизвестных на этой территории до золотоордынского времени. В этой группе встречаются надгробия из сырцового, а иногда и жженого кирпича на уровне погребенной почвы, комплексы с многочисленными (более трех) захоронениями под одной насыпью, захоронения в узких подбоях-«ляхдах», а также в щелевых погребальных камерах. Дополнительными характеризующими признаками являются наличие мавзолея в качестве надмогильного сооружения, кирпичного перекрытия могилы, склепа. Поза погребенного часто фиксирует доворот на правый бок, лицо погребенного обращено на юг (Яворская, 1999а, с. 86). Как видно, эта группа захоронений объединена признаками, характеризующими мусульманский погребальный обряд.

Вторая статистическая модель включает в себя захоронения женщин. Определяющими в этой группе стали признаки, характеризующие

инвентарь женских погребений: наличие зеркала, украшений, парчовой ткани, ножниц, амулета-тумара, стеклянных бус. Представительны для этой группы также бляхи, нашитые на головной убор, серьги, ножницы, расположенные у пояса и у ног, изделия из серебра, бусы из цветных камней, пряслица. Наиболее характерными признаками для погребального обряда в этой группе стали: одиночные захоронения в небольших по величине курганах, в простых или подбойных ямах, где дно подбоя и входа находятся на одном уровне, подбой при этом заложен деревом. Особенностью этой группы являются две ведущие ориентировки, прямо противоположные друг другу: юго-западная и северо-восточная. Признаки, связанные с позой погребенных и характеристикой внутримогильных конструкций, не являются определяющими в данной группе (Яворская, 1999, с. 87).

Третья статистическая модель включает погребения, содержащие захоронения коня. Облик их определяют признаки, характеризующие погребения всаднические: захоронение шкуры коня на ступеньке с севера, преимущественно на деревянном перекрытии, удила во рту лошади, два однотипных стремени, стремена возле коня. Признаки, характеризующие конструктивные особенности погребений, близки предыдущей группе: курганы средней величины с одиночным погребением под насыпью, ведущая форма могильной ямы – яма со ступенькой с севера, а также простая прямоугольная яма. В целом эта группа захоронений характеризуется как мужская, поскольку здесь доминируют следующие признаки: колчан возле человека, преимущественно справа, колчанные обоймы, колчанные крюки, стрелы (как в колчане, так и вне его), в захоронениях встречаются сёдла. Погребенные уложены вытянуто, головой на запад, лицом вверх, чаще в колоде или на подстилке, в могилу могла быть положена ритуальная пища, чаще всего часть туши овцы. В качестве ритуальных веществ в могилах встречается мел. Из бытовых вещей в данных захоронениях могут встречаться кресала (Яворская. 1999, с. 89).

Четвертая статистическая модель включает мужские захоронения, отличительной чертой которых является наличие в погребениях сбруи, без сопровождающего захоронения коня. Это грунтовые погребения с наличием костей овцы в виде загробной пищи. В основном это стегно (бедро) овцы, расположенное за головой или у ног погребенного человека. Встречаются и позвонки жертвенных животных, но не хвостовые. Определяющее значение в этой группе имеют признаки, характеризующие положение конской сбруи. Удила расположены в ногах погребенного, изредка за головой, стремена чаще всего не парные. Стремена и удила могут оказаться вместе на деревянном перекрытии или на одной из ступенек в заплечиковой яме. Колчан мог быть расположен рядом с человеком, но чаще располагался над погребенным на перекрытии. Встречаются костяные орнаментированные накладки на колчан и металлическая посуда, которые выступают как определяющие признаки. Другим определяющим признаком является северная ориентировка. По остальным показателям погребения этой компоненты близки захоронениям третьей группы. Ведущая конструкция могильной ямы – яма с заплечиками, для внутримогильных сооружений характерно деревянное перекрытие, характерны кости в засыпи могил (Яворская, 1999а, с. 90).

Как видно, вторая и третья модели, по сути, являются одной, только описывают они разные гендерные группы захоронений. Четвёртая резко отличается обрядом (отсутствие костей коня, северная ориентировка). Погребения перовой модели Л.В. Яворская совершенно справедливо соотносит с мусульманской погребальной обрядностью (Яворская. 1999, с. 90–108). Существование в окрестностях Царёвского городища захоронений второй и третьей моделей она предлагает соотнести с так называемыми «саксинами» – кочевым населением Нижнего Поволжья, которое выделил в своих работах ещё Г.А. Фёдоров-Давыдов (Фёдоров-Давыдов, 1966, 149–150, 160), и в составе которого смешались кыпчаки, огузы и печенеги предмонгольского времени (Яворская. 1999, с. 108–113).

Относительно захоронений, описываемых четвёртой моделью, нет сомнения, что они появляются в европейских частях страны именно в золотоордынское время и в большом количестве они сосредоточиваются в Нижнем Поволжье. Однако с этническими интерпретациями этих погребений возникают некоторые затруднения. Традиционно подобные погребения считались кыпчакскими, при этом всегда отмечалось, что оставившие их племена пришли из восточных областей Дешт-и-Кыпчака. Для погребений четвертой модели подобрать абсолютно точные аналогии невозможно, для них, как правило, характерна какая-то часть признаков монгольских и кыпчакских захоронений. Таким образом, их нельзя в этническом смысле интерпретировать однозначно, но ведущая западная ориентировка, а также близость обряда и материальной культуры с погребениями третьей модели позволяют все же настаивать на кыпчакской принадлежности большинства памятников этого типа (Яворская. 1999, с. 116–117).

Если оценить данные, приводимые Л.В. Яворской, с несколько иной стороны, мы можем выделить два больших обрядовых массива захороне-

ний – мусульманский и немусульманский. По этому признаку наиболее мусульманизированными могильниками окрестностей Царёвского городища являются Маляевский курганный массив (88,3% мусульманских захоронений), Царёвский курганный массив (64% мусульманских захоронений), Ленинский курганный массив (48,3% мусульманских захоронений). Для сравнения скажем, что на самом Царёвском городище выявлено 77% мусульманских захоронений (Яворская, 1999а, с. 120–151). Таким образом, можно констатировать, что мусульманизация некрополей нарастает по мере приближения к городскому центру.

Огромную работу по исследованию кочевнических захоронений золотоордынского времени на территории Нижнего Поволжья проделал Е.П. Мыськов (Мыськов, 2015). Им были статистически обработаны материалы 1033 погребений с территории Волго-Донского междуречья (Астраханская, Волгоградская, Саратовская, Ростовская области и Республика Калмыкия) по 69 описательным признакам и 74 категориям сопровождающего инвентаря (Мыськов, 2015, с. 3–5). Системный подход и широкий охват материала позволили автору уточнить или даже пересмотреть некоторые устоявшиеся взгляды на интерпретацию памятников. Так, например, Е.П. Мыськов выделил целый ряд пригородных могильников на окраинах больших и малых золотоордынских городов, отличающихся своеобразием обряда. Во-первых, они значительно больше самых крупных кочевнических могильников. Во-вторых, на пригородных некрополях встречаются семейные погребальные усыпальницы – мавзолеи, ограды, вымостки, содержащие по нескольку погребений. В-третьих, на пригородных могильниках весьма велико разнообразие форм надмогильных сооружений и характерных черт погребального обряда, отличие от кочевнических могильников. Немаловажно и то, что здесь встречаются захоронения как мусульман, так и язычников. На пригородных могильниках также значительно ниже по сравнению с кочевническими число захоронений с костями коня и предметами вооружения. Зато подавляющее число захоронений с монетными находками совершено именно на пригородных некрополях. Е.П. Мыськов приходит к выводу, что подавляющее большинство захоронений на этих памятниках оставлено не кочевым, а оседлым городским населением, указывая на незначительное число курганных захоронений (Мыськов, 2015, с. 15–16). С этим положением следует согласиться в свете того, что многие курганные «насыпи» на поверку оказываются расплывшимися развалинами разрушенных сырцовых мавзолеев. Таким образом, фактическое число курганов на пригородных некрополях становится ещё меньше (Зиливинская, 2014, с. 180–188).

Одной из главных проблем в археологии кочевников Золотой Орды является отсутствие чётких критериев для построения дробной хронологии, отсутствие устойчивых хронологических маркеров. На настоящий день захоронения золотоордынского периода принято условно датировать периодом XIII–XIV вв., то есть общей эпохой становления и активного существования Улуса Джучи.

Существует традиция деления захоронений по признакам обряда на два периода: «языческий» и «мусульманский». Условно языческие захоронения содержат инвентарь, они совершены под курганами и в позе погребённого не соблюдается ориентировка на кыблу (обращение лица к Мекке). Условно мусульманские же, напротив, совершены либо под курганами, либо под надмогильными сооружениями мусульманского облика, как правило, они безынвентарны, погребённые лежат в могилах с доворотом на правый бок и лицом обращены к Мекке. Казалось бы, всё это логично, но в каждом отдельном случае эти принципы не срабатывают. Во-первых, разные исследователи по-разному оценивают протяжённость домусульманского и наступление исламского периода в истории Золотой Орды. В этом отношении имеются различные мнения: рубеж XIII и XIV вв., 1312/1313 г., вторая половина XIV в. Во-вторых, мусульманизация Улуса Джучи началась ещё в XIII в., и мы, таким образом, не имеем оснований для точного датирования каждого конкретного памятника. В-третьих, курганный обряд погребения и традиция помещения в могилу бытовых предметов, оружия, монет сохранялись по меньшей мере до второго десятилетия XV в. Всё это позволяет нам говорить об исламизации кочевников как о статистически наблюдаемой тенденции, но не даёт возможности датировать каждое отдельное захоронение (Мыськов, 2015, с. 252).

Ряд исследователей пытаются уточнить датировку погребальных комплексов, опираясь на такой признак, как наличие или отсутствие сопровождающего инвентаря. Если в захоронении встречены кости коня, упряжь, оружие и бытовые предметы, то комплекс датируется второй половиной XIII – началом XIV вв., если костей коня нет, а инвентарь скуден, то погребение относят к первой половине XIV в. Безынвентарные захоронения причисляются к мусульманским и относят к «мусульманскому периоду», то есть ко второй половине XIV в. (Мыськов, 2015, с. 253). Разумеется, такой подход к датированию не является конструктивным.

Пытаясь найти основания для более точного датирования комплексов, Е.П. Мыськов предла-

гает отказаться от критерия исламизированности захоронений и условно привязывать их датировки к конкретному и очень важному культурообразующему событию – «организации широкомасштабного городского строительства в Нижнем Поволжье, которое началось в 30-е гг. XIV в., которое знаменовало начало второго или позднего этапа в истории Золотой Орды» (Мыськов, 2015, с. 255). Он приводит список вещей, которые получают распространение в погребальном обряде не ранее начала второй трети XIV в. и, таким образом, могут выступать в качестве датирующих реперов. Это прежде всего бронзовые напёрстки, свинцовые пряслица грибовидной формы с усечённо-конической или цилиндрической втулкой и дисковидным основанием и орнаментом в виде тонких радиальных лучей, серьги в виде знака вопроса трёх типов – с сильно удлинёнными петлевидными ножками частично или полностью покрытыми обмоткой, с сильно удлинёнными двусоставными петлевидными ножками сплошь покрытыми обмоткой, а также такие же серьги, но с декоративными выступами на кольце. Кроме того, к позднему периоду относятся массивные бочковидные и цилиндрические бусы из непрозрачного чёрного стекла с накладным полихромным волнистым орнаментом и каннелюрами, а также овально-уплощённые бусы с валиками вокруг отверстий из непрозрачного чёрного стекла с накладным полихромным орнаментом в виде глазков с ресничками, костяные затыльники ножей и целые формы красноглиняной посуды, изготовленные в гончарных мастерских Селитренного, Царёвского и Водянского городищ. Кроме того, хронологическим маркерами являются зеркала ряда разновидностей: дисковидные, с высоким бортиком по краю диска и с широким бордюром по краю диска. Не исключено, по мнению Е.П. Мыськова, что в поздний золотоордынский период имеют хождение кольцевидные серьги в виде змееподобного дракона с раскрытой пастью, а также появляется обычай помещать в могилу шесть и более серебряных монет (Мыськов, 2015, с. 255).

Интересные результаты получены Е.П. Мыськовым относительно этнической интерпретации погребений. Он пытается опровергнуть расхожее мнение о невозможности этнических определений по особенностям погребального обряда, для чего исследует обрядовые группы захоронений. В качестве основного признака он принимает ориентировку погребённых.

Погребений с восточной ориентировкой довольно мало – всего 10% от общего числа подкурганных захоронений. Эти погребения совершены в простых прямоугольных ямах, под простыми земляными насыпями, и в них очень редко встречаются кости коней. Процент безынвентарных погребений очень низок, хотя и вещевой инвентарь тоже не отличается разнообразием и богатством. Почти половина подобных захоронений сопровождалась только железными удилами без стремян и остатков сёдел. Здесь не найдено ни одного амулета, ни одного серебряного сосуда, ни одного браслета и прочих статусных предметов.

Захоронения с западной ориентировкой составляют 70% от общего числа погребений в курганах, при этом основная масса их локализуется в Заволжье. В этой группе необычайно высока доля захоронений без инвентаря (44%). Почти треть захоронений содержат кости коня – полные костяки или чучела коней. Зато погребений без костей коня, но с предметами конской сбруи всего 14%. Для этой группы захоронений характерны двусоставные удила с различными вариантами стержневидных псалиев, пряслица, монеты. В качестве заупокойной пищи использовалась часть хребта МРС.

Захоронений с северной ориентировкой 20% от общего числа, и они не образуют крупных могильников, локализуясь по одному-двум захоронениям в курганах под индивидуальными насыпями среди инообрядовых могил. Однако концентрируются эти захоронения в Волго-Донском междуречье. В этой группе погребений очень мала доля безынвентарных, а также всего 3,2% захоронений содержат кости коня. Зато погребений с предметами конской сбруи без костей коня – в пять раз больше (48%). Половина захоронений совершена в простых грунтовых ямах, четверть – в ямах с подбоями, остальные – в ямах с заплечиками. При этом абсолютно все захоронения в ямах с подбоями сопровождались предметами конской сбруи без костей коня (Мыськов, 2015, с. 254–279). Для этой группы характерны находки женских головных уборов (бокки и шапки с наушниками), сёдла с костяными окантовками лук, наконечники копий и пик, берестяные колчаны, раскрашенные продольными или волнистыми полосами, железные конуса (втоки от копий), серебряные кубки и чаши, золотые украшения. В качестве заупокойной пищи использовалась передняя нога МРС с лопаткой.

Таким образом, группы захоронений с западной, северной и восточной ориентировками существенно отличаются друг от друга.

Далее Е.П. Мыськов выделил 6 групп захоронений на основании различий в форме могильных ям и наличия или отсутствия костяка или чучела коня. Из этих групп четыре имеют западную ориентировку погребённых, одна – с восточной ориентировкой и одна – с северной ориентировкой. Различаются они несколько и по составу инвентаря. Четыре группы погребений с западной

ориентировкой покойных и одна – с восточной ориентировкой, по мнению Е.П. Мыськова, связаны с пятью различными этническими группами тюркоязычных кочевников. Причём группа захоронений с восточной ориентировкой – именно с автохтохтонным половецким населением, хотя и сильно трансформировавшимся. Шестую группу, с северной ориентировкой погребённых, Е.П. Мыськов предлагает связать с представителями монгольского кочевого населения. Таким образом, он предлагает отказаться от сложившегося в историографии мнения о невозможности выделения этнических групп в составе кочевников эпохи Золотой Орды на основании анализа погребальных памятников (Мыськов, 2015, с. 279). Помимо этого, вопреки общепринятому мнению, исследователь также сомневается в абсолютном доминировании кыпчаков среди кочевого населения Золотой Орды.

Таким образом, мы видим, что ряд исследователей на протяжении полувека пытались работать с массивом данных, описывающим погребальные обряды кочевников Нижнего Поволжья в русле традиции, заложенной Г.А. Фёдоровым-Давыдовым, – статистическая обработка базы данных, составленной на основании описания захоронений по заранее составленной номенклатуре признаков с последующим выделением групп захоронений на основании разнообразных коэффициентов сходства. Это направление было проработано глубоко и досконально, настолько, что результаты исследований практически повторяли друг друга, различаясь в деталях. Следует признать, что подход Е.П. Мыськова к анализу погребального обряда, основанный на дозированном использовании статистических методов и количественной характеристике обрядовых, а не территориальных групп захоронений, дал наиболее эффектный результат.

Пригородные и городские бескурганные некрополи являются бесценным источником информации по всему культурному и религиозному многообразию жизни золотоордынских городов Нижнего Поволжья, при этом значительная часть этой информации ещё не осмыслена до конца. Они представляют собой кладбища оседлого населения, при этом можно выделить среди них ряд обрядовых групп.

Мусульманские захоронения. Эта группа погребения является самой многочисленной на золотоордынских некрополях. Все исследователи, изучавшие погребальные обряды золотоордынского времени, описывали подобные захоронения, при этом критерии мусульманских погребений примерно одинаковы. Наиболее полно они изложены в работе Е.А Халиковой (Халикова, 1986, с. 43–49). Она обработала труды средневековых мусульманских законоведов: «Аль-Хидая фильфуру», комментарий мусульманского права по ханифитскому толку, наиболее распространенному в Золотой Орде, составленный в XII в., и более поздний суперкомментарий к «Хидае», написанный в XIV в. Обе книги составлены в Средней Азии, откуда ислам проникал на Волгу, начиная с IX в. Анализируя эти руководства, Е.А. Халикова приходит к следующим выводам: мусульманская могила должна быть вырыта с ляхдом – подбоем в продольной стенке, обращенной в сторону кыблы, то есть к Мекке. Покойник, обернутый в саван, укладывается в ляхде лицом к кыбле, после чего подбой закладывается кирпичом (рекомендуется сырец), деревом или камышом, могила засыпается и насыпается холмик земли. Отмечать могилы какими-либо сооружениями над ними не рекомендуется. Если грунт оказывался рыхлым, то ляхд не делали, рекомендуется использовать гроб или обкладывать могилу кирпичом, то есть сооружать склеп. Допускаются также ямы со щелью, на уступы которой укладывается перекрытие. Ляхд, надгробие и гроб, по Е.А. Халиковой, не являются обязательными атрибутами мусульманских захоронений. В качестве важнейших требований мусульманского погребального обряда она указывает: во-первых, на положение покойника лицом к кыбле, с доворотом туловища на правый бок; во-вторых, на запрещение класть с покойником какие-либо сопровождающие вещи, кроме савана (Халикова, 1986, с. 45–46). В редких случаях погибших на «войне за веру» укладывали в могилу в одежде (то есть без ритуальных омовений, так как «меч освобождает от омовений»), но тем не менее предписывается снять с них украшения, головные уборы, оружие, огниво и трут, так как они не являются частями савана (Халикова, 1986, с. 49). Кыбла на Нижней Волге устанавливается практически строго на юг, отклонения возможны на ЮЮЗ (Яворская, 1999, с. 91).

Типология моделей погребального обряда, а также внутримогильных и надмогильных сооружений с городских и пригородных некрополей Нижнего Поволжья XIII–XV вв. была разработана Д.В. Васильевым (Васильев, 2007а, с. 71–80) (рис. 2–6; диаграммы 1–7). Статистический анализ, проведённый Д.В. Васильевым, позволил выделить основные признаки мусульманского погребального обряда, которые в целом совпадают с вышеописанными. Поза погребённого описывается признаками «западная ориентировка покойного», «череп покойного обращён лицом к Мекке» и «лицо покойного обращено вправо», «доворот тела покойного на правый бок», «положение тела на правом боку», «правая рука покойного вытяну-

та воль тела, кисть левой руки находится в области таза», «ноги покойного согнуты вправо». Эти признаки описывают «каноническое» положение покойного в мусульманском захоронении. С ними тесно связаны признаки, описывающие наличие следов савана и пеленания тела.

Наиболее устойчивое сочетание типа ямы, типа опорной конструкции и типа перекрытия выглядит следующим образом: «яма с подбоем в южном борту, дно погребальной камеры в подбое ниже уровня дна входной ямы», «перекрытие подбоя кирпичами, установленными с наклоном в сторону свода подбоя постелями вплотную друг к другу», «опорная стена по краю погребальной камеры в подбое». В качестве возможного, но менее вероятного варианта перекрытия выступает признак «ступенчатое перекрытие подбоя плосколежащими кирпичами» (Васильев, 2007а, с. 155–157; Васильев, 2009а, с. 79–92).

Разумеется, это всего лишь статистически достоверная модель мусульманского захоронения. Их вариативность на практике гораздо выше. Здесь встречаются и захоронения в простых ямах, и в ямах со ступеньками вдоль длинных бортов, и захоронения в склепах, и в мавзолеях, и под надгробиями, и в так называемых подкурганных оградках.

Большая часть захоронений располагается на пригородных некрополях, и более 99% из них – это индивидуальные захоронения. Коллективные погребения встречены лишь на могильнике Маячный бугор, в склепах на Селитренном городище, а также в Успенском и Маляевском могильниках. 4,5% погребённых захоронены в мавзолеях. Единичные случаи захоронения в мечети (скорее всего – на её развалинах) зафиксированы на Водянском городище. Надгробиями сопровождалось около 12% от числа погребений в группе. Это главным образом захоронения с могильников Селитренного и Водянского городищ. Также довольно много погребений с надгробиями в могильниках округи Царёвского городища. В ряде случаев надгробия сочетаются с так называемыми «подкурганными оградками». Захоронения с надгробиями чаще всего можно встретить на городских некрополях.

«Подкурганные оградки» сопровождают 3,2% погребений в данной группе.

Остатки тризны зафиксированы рядом в 4,1% случаев, причём чаще всего это захоронения в «подкурганных оградках». Интересно, что все оставшиеся случаи обнаружения тризн рядом с мусульманскими погребениями концентрируются также на курганных могильниках Маляевка и 301-й километр, в которых были зафиксированы «подкурганные оградки».

70,1% захоронений совершены в ямах без подбоев. Наиболее распространённым типом ямы в данной группе (51,1% захоронений) является простая яма с отвесными стенками. 26% погребений в группе выполнены в ямах с подбоем в южном борту, дно погребальной камеры в подбое ниже уровня дна входной ямы. 3,3% совершено в ямах с подбоем в южной стенке, но дно погребальной камеры и дно входной ямы в них находятся на одном уровне. 0,6% выполнены в ямах с подбоем в северном борту. Тем не менее в остальном эти захоронения ничем не отличаются от большинства, в которых подбой устраивался в южном борту ямы. Скорее всего, сооружение подбоя в северном борту могильной ямы является частной, неустойчивой и незначительной девиацией.

9,7% захоронений совершены в ямах со ступеньками вдоль длинных бортов. 2,6% приходится на ямы с сужающимися стенками. 1,8% совершены в ямах со ступеньками вдоль всех стенок, 1,6% – в ямах со ступеньками вдоль всех стенок, кроме изножной. Ямы этих типов, как правило, сочетаются с кирпичными перекрытиями сложных конструкций, которым нужна солидная опора. В 1,8% захоронений обнаружены ямы типа с грунтовой ступенькой вдоль северного борта. Случаи наблюдения других типов ям в данной группе единичны.

53% погребений группы не имеют перекрытий вообще. В группе мусульманских погребений первое место по частоте встречаемости занимает наклонное перекрытие подбоя сырцами, установленными на ребро, – 15,1%. Деревянное горизонтальное перекрытие находится на втором месте по частоте встречаемости – 12,5%. Также достаточно распространёнными типами перекрытий в данной группе являются ступенчатое перекрытие подбоя (4,6%), наклонное деревянное перекрытие подбоя (3%), сырцовый двускатный ложносводчатый склеп (4,8%), перекрытие поперечно установленными на ребро сырцами (2,8%). Остальные типы перекрытий единичны. Можно сразу отметить, что чаще перекрытия встречаются в подбойных захоронениях, чем в бесподбойных (более чем две трети подбойных захоронений имеют перекрытия).

Наряду с обычными трупоположениями (99,4% погребений) в группе встречаются перезахоронения (0,5%). Четыре из них обнаружены на могильнике Маячный бугор в окрестностях Красноярского городища и одно – на Селитренном городище. Три захоронения на Маячном бугре были детскими, а одно к тому же коллективным – в одну погребальную камеру были без соблюдения анатомического порядка засыпаны кости двух младенцев. Вещи в погребениях отсутствовали,

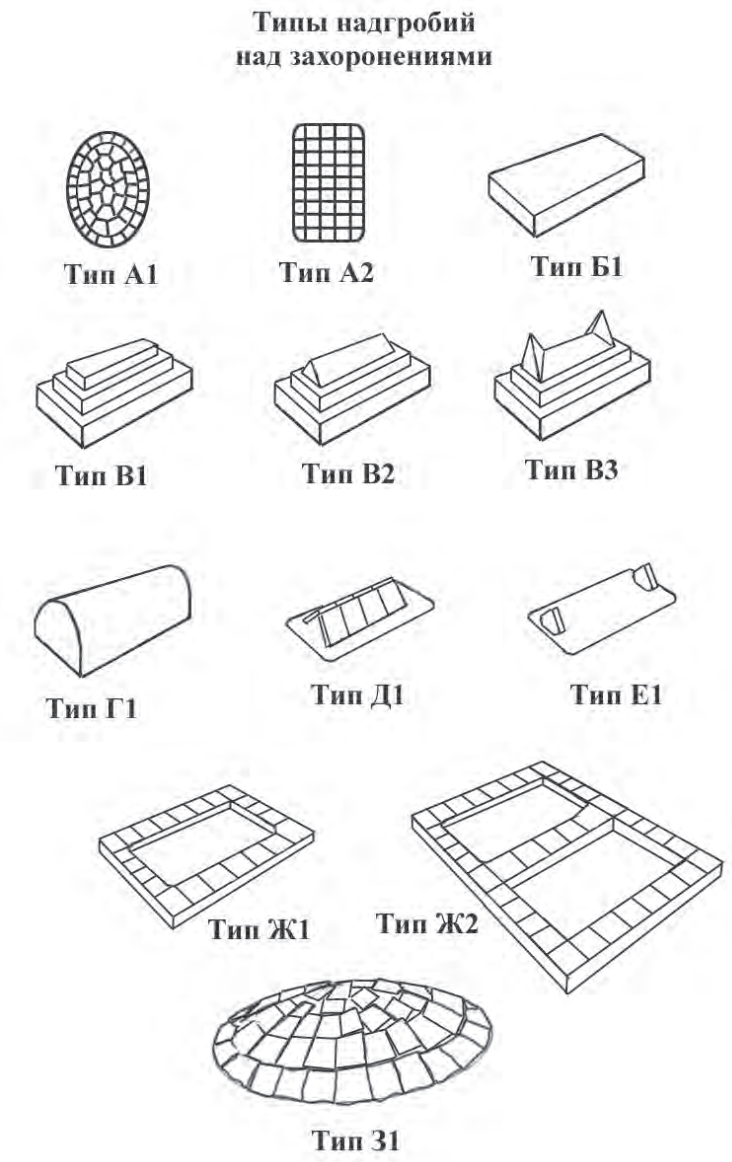


Рис. 2. Типы надгробий над могилами

черепа ориентированы лицевым отделом на юг. Захоронения взрослых были «упакованы»: кости скелета, очищенные от плоти, были либо завёрнуты в ткань (саван?), либо уложены в мешок, который, в свою очередь, был опущен в небольшую ямку, по размерам «пакета» с перезахоронением. Длинные кости скелета были уложены вплотную друг к другу, черепа погребённых были обращены лицами на юг. На Маячном бугре перезахоронение взрослого человека было обнаружено в границах ямы обычного мусульманского погребения в двускатном склепе, на кирпичах перекрытия.

Кроме того, среди не вполне обычных захоронений необходимо отметить одно погребение женщины-роженицы со скелетом младенца, обнаруженное на Маячном бугре.

Наличие таких особенностей обряда в группе мусульманизированных погребений говорит о том, что ни перезахоронения, ни захоронения матерей с детьми-младенцами не являются серьёзным отклонением от традиций ислама.

Большинство захоронений в данной группе ориентированы в западном направлении. В 825 из них погребённые лежат головами на запад, в 50 – на юго-запад, в 136 – на северо-запад. В 61% погребений покойные были уложены на спину с выраженным доворотом на правый бок. В группе мусульманских погребений положение погребённого вытянуто на спине находится на втором месте по встречаемости (28,6% погребённых). В 8,1% захоронений зафиксировано положение покойного на правом боку.

В 11,9% захоронений были обнаружены остатки деревянных гробов, в 53 из них выявлены остатки железных гвоздей. Встречаются погребения в гробах на рядовых некрополях, в мавзолеях,

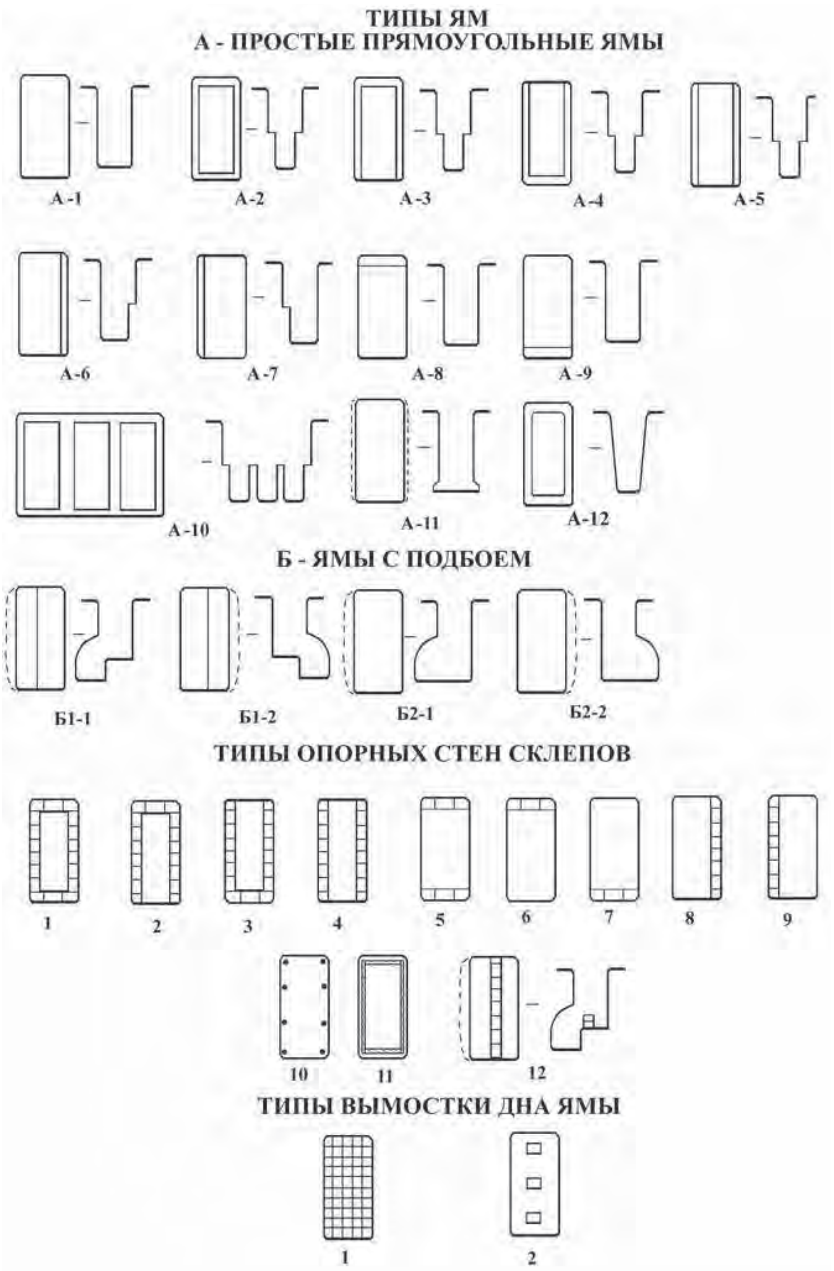


Рис. 3. Типы могильных ям, опорных стен и вымосток дна

в захоронениях с «подкурганными оградками», в мавзолеях и в мечети. Таким образом, нельзя считать наличие гроба «немусульманской» чертой обряда. Гроб как широко распространённый элемент погребального обряда прочно вошёл в практику ислама и, скорее всего, не является конфессионально-маркирующим признаком.

В 4,2% погребений зафиксированы остатки саванов. Однако следы явного пеленания (неестественная сжатость костяка погребённого) присутствуют в 51,5% погребений. Таким образом, пеленание тела покойного в саван следует признать одной из распространённейших черт мусульманского погребального обряда. Иногда – очень редко – пеленание в саван совмещалось с помещением тела покойного в гроб. В ряде случаев (также довольно редко) у покойных наблюдается связывание ног, но и оно сочетается с признаками пеленания.

Все захоронения в данной группе – безынвентарные.

Два захоронения в данной группе не вполне обычны. Это погребения, которые не содержат костей человека. Речь идёт о захоронениях полных костяков барана в ямах с внутримогильными конструкциями (Васильев, 2007б, с. 103–107). Оба захоронения выполнены в прямоугольных ямах (одна – со ступеньками вдоль всех стенок, другая – сложного профиля), ориентированных по линии запад – восток, с опорными стенами вдоль длинных бортов ямы. В одном захоронении даже зафиксирована сплошная вымостка дна по-

гребальной камеры кирпичом. Оба погребения перекрыты простым деревянным поперечным перекрытием. Костяки баранов, обнаруженные погребальных камерах, ориентированы головами на запад. Интересно отметить, что оба захоронения выявлены в некрополе вдоль южной стены мечети Водянского городища. Более того, одно из захоронений сопровождалось надгробием, что наводит на предположение о каких-либо поминальных действиях на могиле.

Одно подобное захоронение барана было обнаружено на могильнике Маячный бугор – некрополе Красноярского городища. В данном случае в могиле со следами деревянного горизонтального перекрытия, которая находилась в окружении мусульманских захоронений, были обнаружены голова и ноги барана (возможно, чучело), сама туша отсутствовала. Таким образом, мы можем говорить о распространении обряда ритуального захоронения барана по всему Нижнему Поволжью.

Одним из объяснений существования данного обряда может являться замещение тела покойного, захороненного либо на чужбине, либо где-то в другом месте, тушей барана, то есть данные ритуальные захоронения животных могут являться разновидностью кенотафов.

Однако есть ещё один вариант возможного толкования данного обряда, и он, на наш взгляд, является наиболее вероятным. По этнографическим сведениям, известны многочисленные случаи вызывания дождя при помощи специальных обрядов. Тарские татары, например, в процессе обряда вызывания дождя рядом с кладбищем закалывали барана, устраивали совместную трапезу. Шкуру и голову барана при этом часто закапывали вместе с костями. Продавать шкуру жертвенного животного считалось грехом. Необходимо было также похоронить все кости барана, чтобы не они не достались собакам (Абрамова, 2001, с. 189–194).

Из письменных источников известен рассказ Бурханэддина Ибрахима о вызывании дождя жителями Сарая, который проходил по схожей схеме (Тизенгаузен, 1884, с. 550).

Как мы видим, обряд, бытующий в наши дни у тарских татар, практически во всех деталях повторяется в рассказе средневекового автора, что является прямым свидетельством доживания данного обряда ещё с эпохи Средневековья.

Также действия с костями жертвенного животного говорят о связи обряда вызывания дождя с погребальной церемонией. Для всех мусульман баран – священное животное. Трансформированная в исламе библейская легенда о пророке Аврааме гласит, что Ибрагим хотел принести в жертву Богу своего сына Исмаила. Милосердный Бог послал к Ибрагиму ангела с барашком и наказал принести его в жертву вместо сына (Мавлютов, 1974, с. 111–112). В память об этом все мусульмане каждый год проводят праздник Курбан-Байрам – массовое жертвоприношение баранов в честь Бога. Согласно мусульманской традиции, каждый человек, который верен Аллаху, хоть раз в жизни должен был принести в жертву барана или другое парнокопытное домашнее животное. Считалось, что тот, кто не принесет кровавую жертву, не сможет попасть в рай, так как преодолеть «тонкий как волос» мост Сират, перекинутый через ад, верующий сможет лишь на спине принесенного в жертву животного (Мавлютов, 1974, с. 112).

Однако баран мог выступать в качестве жертвенного животного еще до введения ислама. В.Н. Басилов, описывая поклонение тюркоязычного населения мусульманским святыням, говорит о том, что очень часто почитание принимало примитивные формы: например, святые места иногда украшали рогами баранов и козлов. По его мнению, в этом прослеживаются черты тотемизма (Басилов, 1970, с. 119–121).

Таким образом, принесение в жертву и захоронение барана может свидетельствовать о сохранении в культурных традициях татар Золотой Орды тотемических верований, возможно, связанных с обрядами вызывания дождя и хтоническими культами плодородия (Васильев, 2009а, с. 79–92).

Довольно представительна группа погребений с рядом черт, которые можно определить как отклонения от мусульманского обряда. В данную группу входят захоронения, в которых не соблюдается одно из двух основных требований мусульманского погребального обряда. Это захоронения с западной ориентировкой, но в них либо встречаются погребальный инвентарь, напутственная пища или ритуальные вещества, либо покойный не обращён лицом к Мекке. Большая их часть не имеет надмогильных сооружений, но есть среди них и погребения в мавзолеях – 6,6% от числа погребений в группе. Это захоронения из мавзолеев в Бахтияровке, на Болгарском, Водянском, Селитренном городищах, на городище у пос. Комсомольский.

Уникальную группу представляют захоронения в мечетях. Таких погребений всего семь, что составляет 1,3% погребений в группе. Коран запрещает совершение религиозных церемоний в помещении, где находится могила человека. Мавзолей не может служить мечетью, если только в нём нет отдельного помещения для поминовения. Но заброшенная, переставшая функционировать мечеть может использоваться как место погребения (Зиливинская, Чеченов, 2004, с. 138–159). Вообще захоронения в мечетях не являются харак-

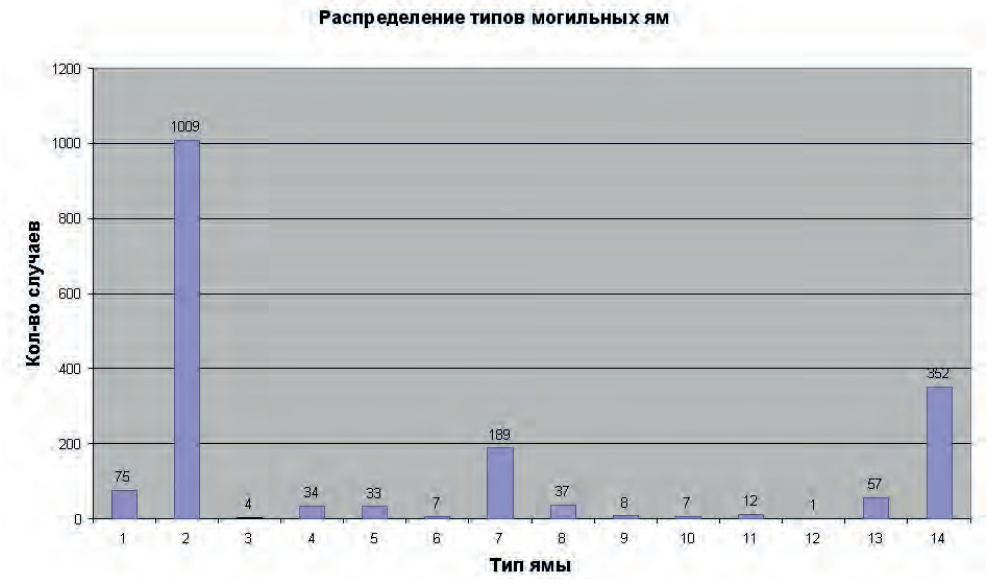


Диаграмма 1. Распределение типов могильных ям

1 – яма типа А-12; яма типа А-1; 3 – яма типа А-11; 4 – яма типа А-2; 5 – яма типа А-3; 6 – яма типа А-4; 7 – яма типа А-5; 8 – яма типа А-6; 9 – яма типа А-7; 10 – яма типа А-10; 11 – яма типа Б1-2; 12 – яма типа Б2-2; 13 – яма типа Б2-1; 14 – яма типа Б1-2

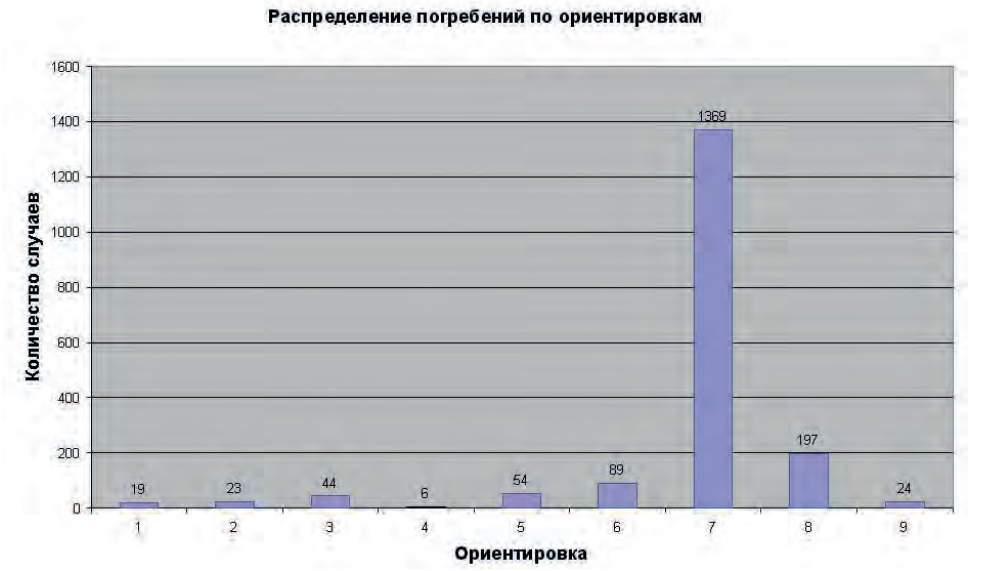


Диаграмма 2. Распределение погребений по ориентировкам

1 – Север; 2 – СВ; 3 – Восток; 4 – ЮВ; 5 – Юг; 6 – ЮЗ; 7 – Запад; 8 – СЗ; 9 – невозможно определить

терными для исламских погребальных традиций, и тот факт, что они оказались в группе захоронений с отклонениями от ислама, подтверждает их аномальный характер. Известно два захоронения из мечети на Водянском городище, которые были совершены слева и справа от михрабной ниши, в южной части здания. Возможно, что погребения возникли уже после того, как мечеть была заброшена, но ещё сохранялась как сооружение. Ко времени функционирования мечети относится некрополь к югу от неё. Пышные кирпичные надгробия над захоронениями в мечети говорят о том, что эти погребения принадлежали знатным или уважаемым людям. В одном из этих захоронений погребённый был укутан в саван и обращён лицом влево, на север, в сторону, противоположную Мекке. Во втором, совершенном под сырцовым перекрытием и в деревянном гробу, присутствовал погребальный инвентарь. Исследователями данные захоронения датируются концом XIV в.

Погребений под надгробиями в данной группе 14,7%. Надгробия встречаются повсеместно: и на грунтовых поселенческих могильниках, и в «подкурганных оградках», и в мавзолеях.

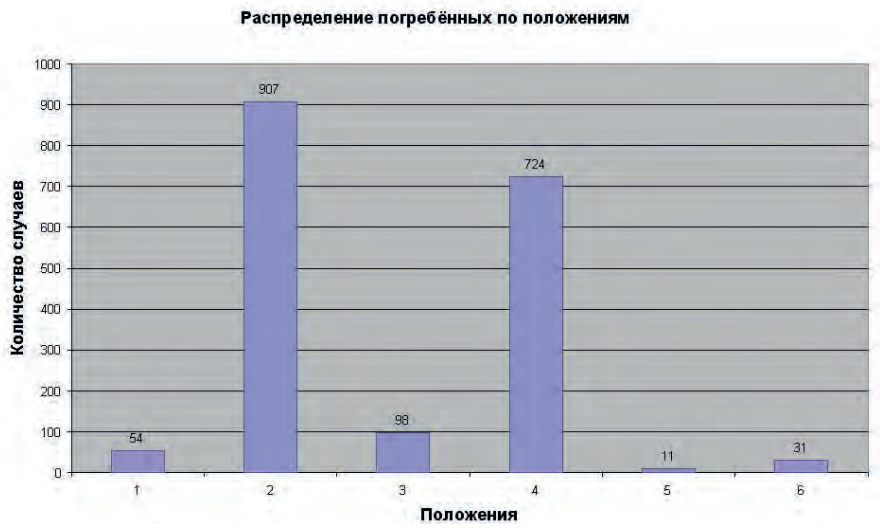


Диаграмма 3. Распределение погребенных по положениям
1 – невозможно определить; 2 – на спине; 3 – на правом боку; 4 – с доворотом на правый бок; 5 – на левом боку; 6 – с доворотом на левый бок

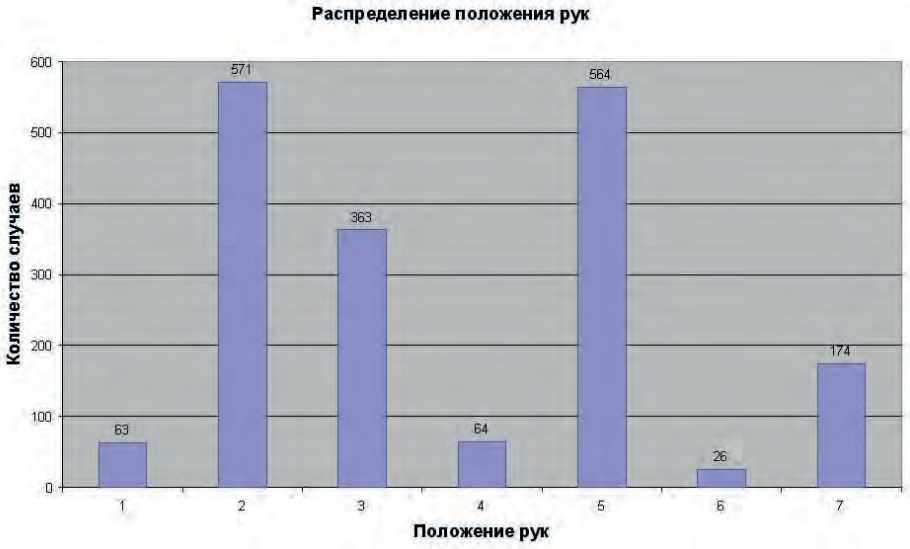


Диаграмма 4. Распределение положения рук
1 – не определено; 2 – вытянуты вдоль тела; 3 – кисти в области живота; 4 – кисти в области груди; 5 – правая рука вытянута вдоль тела, кисть левой - в области живота; 6 – правая рука вытянута вдоль тела, кисть левой – в области груди; другое положение

В данную группу вошло 47 погребений в «подкурганных оградках» (это составляет 8,7% от числа погребений в описываемой группе, и, между прочим, 52% от числа всех погребений в «подкурганных оградках» – яркое свидетельство тому, что погребения в «подкурганных оградках» не являются эталонной мусульманской группой погребений).

1,1% захоронений в этой группе совершены в наземных склепах-оградках – *хазира* – неясной конструкции. По три подобных захоронения обнаружено на могильнике Маячный бугор и на некрополе рядом с мечетью Водянского городища. Захоронения Водянского городища были отмечены к тому же надгробиями.

9,4% погребений сопровождались остатками тризны; более половины из них – это погребения в «подкурганных оградках». Эти два элемента обряда, как мы предполагаем, взаимосвязаны. В целом же тризнами сопровождались 47 захоронений в оградках, одно погребение в мавзолее и два погребения с надгробиями на грунтовых могильниках. Подобное распределение признака даёт основание утверждать, что наличие тризны всегда связано с наличием надмогильного сооружения и поминальными обрядами, проводившимися вну-

Диаграмма 5. Распределение положения черепа погребенного
1 – не определено; 2 – лицом вверх; 3 – лицом вправо; 4 – лицом влево; 5 – отчленен, лицом к востоку; 6 – отчленен, лицом к западу

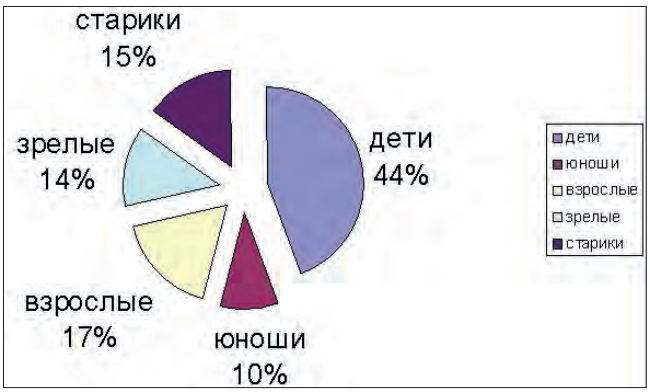


Диаграмма 6. Распределение погребенных по возрастным группам

три или рядом с ним. Возможно, что количество погребений с остатками тризны было бы больше, если бы захоронения на грунтовых могильниках доходили до нас в лучшем состоянии сохранности: при разрушении могильника в первую очередь гибнет его надземная часть – надмогильные сооружения (надгробия) и возможные остатки тризн.

Большая часть захоронений совершена в простых ямах с отвесными стенками – 59,1% погребений в группе. 11% захоронений совершены в ямах со ступеньками вдоль длинных бортов ямы. В 2% погребений обнаружены захоронения в ямах с грунтовыми ступеньками вдоль всех бортов ямы, кроме изножного. 2,4% погребений совершены в ямах с грунтовой ступенькой с севера. 16,7% погребений совершены в ямах с подбоями. 13,2% – совершены в ямах с подбоем в южном борту, дно погребальной камеры в подбое ниже уровня дна входной ямы, – ямах, в которых наиболее вероятно обнаружить типично мусульманское захоронение. 3,1% захоронений совершены в ямах с подбоем в южном борту, дно погребальной камеры в подбое и дно входной ямы на одном уровне, и 2 погребения – в ямах с подбоем в северном борту ямы, дно погребальной камеры в подбое ниже уровня дна входной ямы. Трижды встречены захоронения в обширных ямах с несколькими погребальными камерами. Два подобных погребения обнаружены на Селитренном городище в мавзолеях, одно – на могильнике Маячный бугор.

58,7% не имели перекрытий и внутримогильных конструкций. Из перекрытий в погребениях наиболее часто встречаются деревянные горизонтальные перекрытия – 16,3% от числа погребений в группе, а также двускатные своды – их отмечено 6,6%. В 5,3% отмечено наклонное перекрытие подбоя сырцами, в 2,9% – наклонное деревянное перекрытие подбоя, в 2,6% – ступенчатое перекрытие. В 1,8% случаев в данной группе зафик-

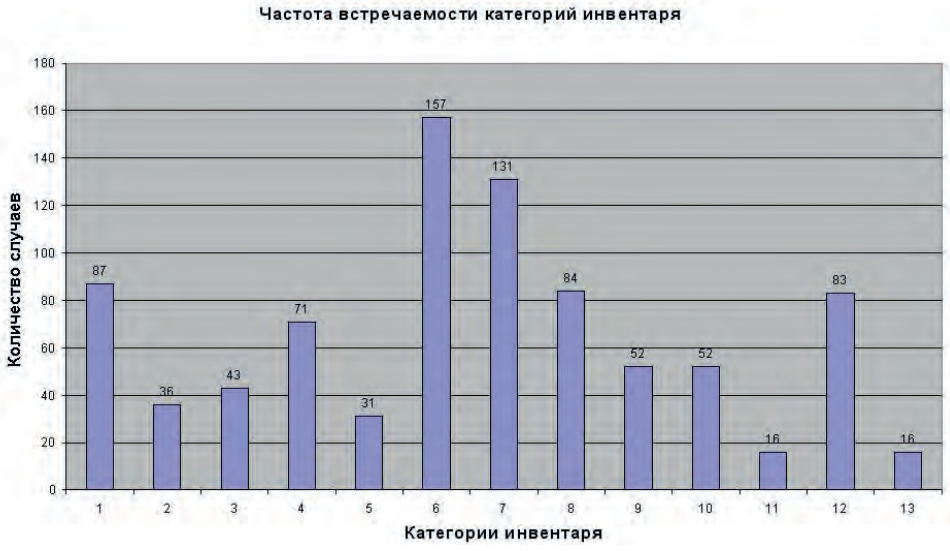


Диаграмма 7. Частота встречаемости категорий инвентаря

1 – напутственная пища; 2 – предметы сбруи; 3 – предметы вооружения; 4 – монета (монеты); 5 – культовые или гадательные принадлежности; 6 – одежда; 7 – украшения; 8 – столовые принадлежности; 9 – туалетные принадлежности; 10 – предметы быта (орудия труда); 11 – золотые предметы; 12 – серебряные предметы; 15 – семена культурных растений

сированы перекрытия щелевой камеры поперечно установленными на ребро сырцами. 1,7% погребений в данной группе совершены под кирпичными полуцилиндрическими сводчатыми перекрытиями со стяжкой связующим раствором по поверхности. Остальные типы перекрытий единичны.

Подавляющее большинство погребений в группе – обычные трупоположения (99,3%). Кроме этого, в группе отмечено 4 случая (0,7%) перезахоронений: три захоронения выявлено на могильнике Маячный бугор, одно – на могильнике Селитренного городища. Интересно отметить, что во всех случаях при перезахоронении была нарушена ориентировка лица погребённого. В захоронениях с Маячного бугра черепа уложены лицами к западу, в погребении с Селитренного городища – лицом на восток.

84,2% погребений с отклонениями от мусульманской обрядности ориентированы на запад, 6,1% – на юго-запад, 9,7% – на северо-запад.

На спине без доворота располагаются 77,1% погребённых в данной группе. С доворотом на правый бок располагаются 13,8% погребённых, на правом боку – 1,5%. В 3,7% захоронений отмечен выраженный доворот тела покойного на левый бок, в 0,9% погребений покойные лежали на левом боку.

Наиболее распространёнными в данной группе являются следующие положения рук погребённых: руки вытянуты – 33,9%, кисти рук на животе – 27,7%, правая рука вытянута, кисть левой руки на животе – 16,7%, кисти рук в области груди – 4,2%, правая рука вытянута, левая рука в области груди – 0,9%. Захоронения, в которых кисти обеих рук располагаются в области груди, не характерны для ислама. Некоторые исследователи (в частности, Е.П. Мыськов, обнаруживший подобное погребение в 1986 г. на Мечетном городище) допускают, что эти захоронения могут принадлежать русским-христианам, жившим на территории Золотой Орды. Однако подобная интерпретация даже этих комплексов кажется сомнительной, так как в них не обнаружено никаких предметов христианского культа. Единственным погребением, достоверно имеющим отношение к христианству, является погребение, обнаруженное на грунтовом могильнике Маячный бугор. Подобные захоронения следует рассматривать скорее как мусульманские, ибо такое положение рук фиксируется также в погребениях, туго запеленатых в саваны, но не следует отметать до конца возможность их христианской принадлежности.

В 81,7% захоронений ноги погребённых вытянуты. В 4,4% ноги погребённых согнуты вправо. Лишь в 2,4% погребений ноги покойных согнуты влево. В трёх захоронениях ноги погребённых согнуты коленями вверх. Ещё в 5,1% захоронений правая нога погребённого слегка согнута вправо, а левая вытянута, что соответствует традиционной мусульманской позе с доворотом на правый бок.

В 47,7% лицо погребённого обращено вверх. В 20,9% лицо покойного обращено вправо, а в 23,3% – влево.

В 24,6% случаев наблюдения в погребениях обнаружены гробы и железные гвозди. Признаки пеленания выявлены в 36,9% погребений в группе.

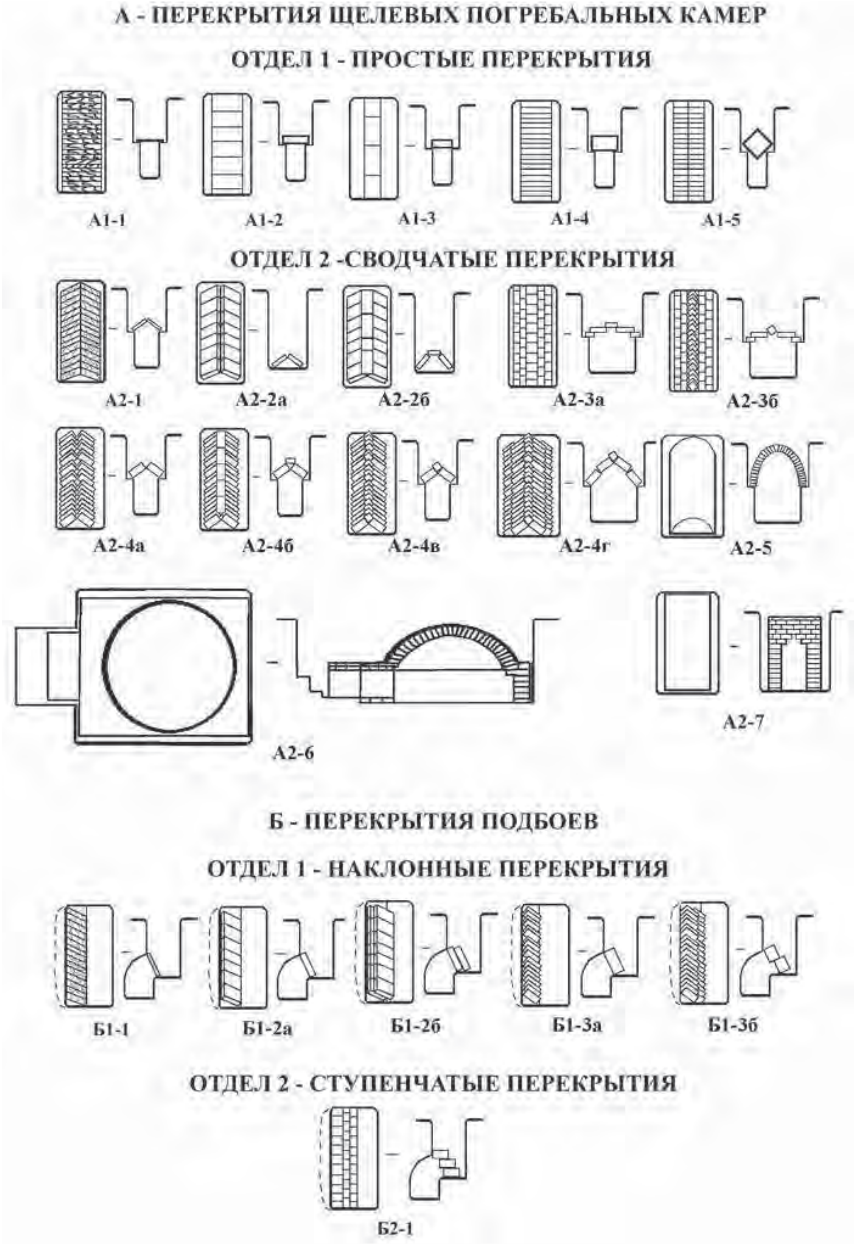


Рис. 4. Типы внутримогильных конструкций

Ритуальные вещества в погребениях данной группы представлены следующим образом: краска обнаружена в 1 погребении, мел – в 2 случаях, угли – в 15 случаях.

8,3% захоронений сопровождались напутственной пищей, а 15,4% сопровождались погребальным инвентарём, главным образом небольшим его количеством. В одном захоронении (погребение в мавзолее № 1 у пос. Комсомольский в Астраханской области) среди погребального инвентаря были обнаружены золотые предметы (монеты). Захоронения с серебряными предметами более многочисленны – их в данной группе 13 (на могильниках крупных городищ – Селитренного, Царёвского, Красноярского, а также на могильнике у пос. Комсомольский, на поселении Хан-Тюбе. Семена культурных растений обнаружены в шести погребениях данной группы (на могильнике Маячный бугор, на Селитренном городище, на городище Тумак-Тюбе) (Васильев. 2009а, с. 69–78).

Несмотря на многочисленные и устойчивые отклонения от исламской погребальной обрядности, вопрос о принадлежности данных захоронений носителям ислама следует решать в каждом случае индивидуально. На раннем этапе исламизации Золотой Орды, в XIII–XIV вв., вполне могла сложиться ситуация, при которой прозелиты, недавно перешедшие в ислам, ещё нетвёрдо знали требования шариата, предъявляемые к погребальному обряду, ещё сильны были традиции предков. Кроме того, вполне могли существовать группы населения, среди которых были распространены

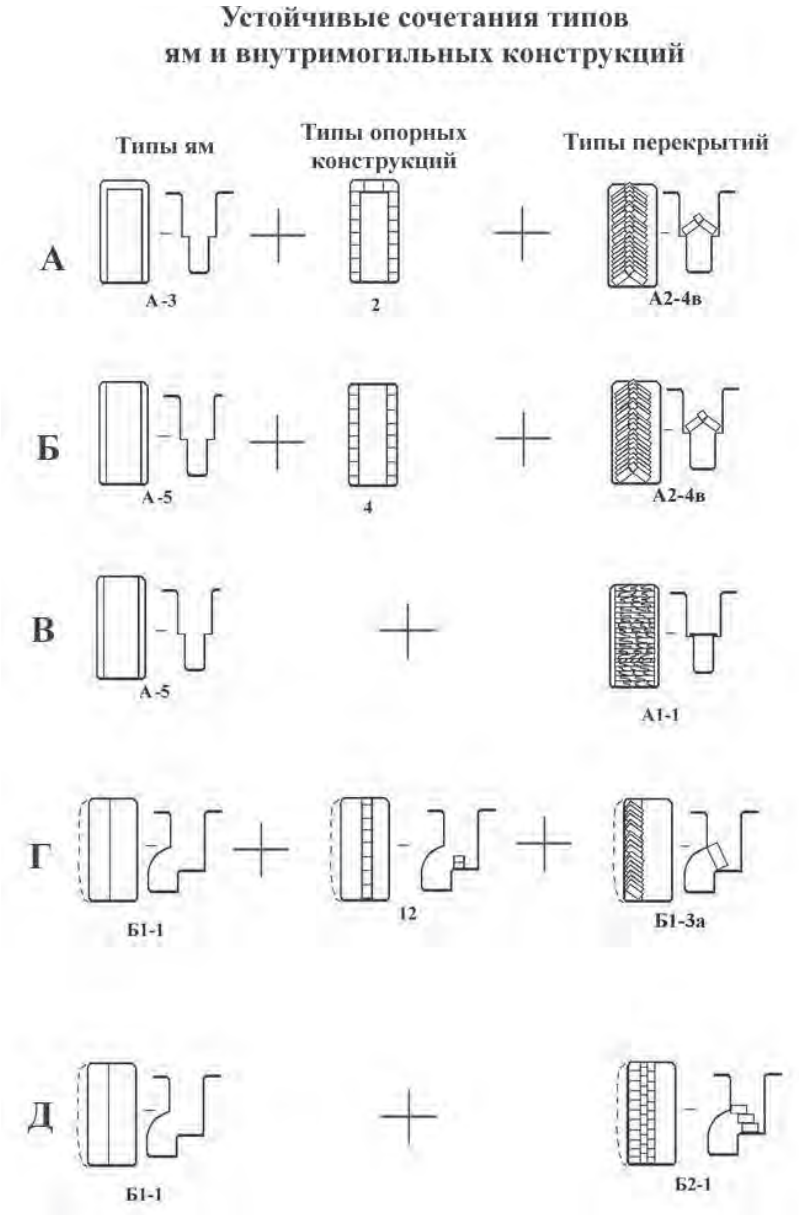


Рис. 5. Устойчивые сочетания могильных ям и внутримогильных конструкций

те или иные устойчивые отклонения от обрядности, которые следует считать местными особенностями. И лишь небольшая часть этих захоронений действительно может оказаться немусульманскими.

Датировка захоронений мусульманской группы и группы с отклонениями от мусульманской погребальной обрядности затруднена. Этот вопрос также должен решаться индивидуально в каждом конкретном случае. Абсолютных принципов датирования здесь пока не выработано. Возможна лишь относительная датировка (например, по стратиграфии или по исторической планиграфии участка некрополя, по наличию специфического строительного материала: например, кирпичей вторичного использования из разобранных сооружений).

Захоронения в мавзолеях и «подкурганных оградках». Одними из наиболее ярких погребальных памятников эпохи Золотой Орды в Нижнем Поволжье являются мусульманские мавзолеи (*дюрбэ*, *кэшэнэ*, *мазар*, *гумбез*). Мусульманские погребальные обряды строго регламентированы правилами шариата. Если досконально следовать их установлениям, то возведение мавзолеев либо других надмогильных сооружений окажется порицаемой практикой. В одном из хадисов говорится, что на месте захоронения мусульманина не дóлжно оставлять никаких памятных знаков, могила должна быть сровнена с землёй таким образом, что, сделав семь шагов в сторону, её нельзя было бы отличить от окружающей почвы (Керимов, 1978, с. 51). Однако вопреки этому исламом была узаконена традиция создания специальных

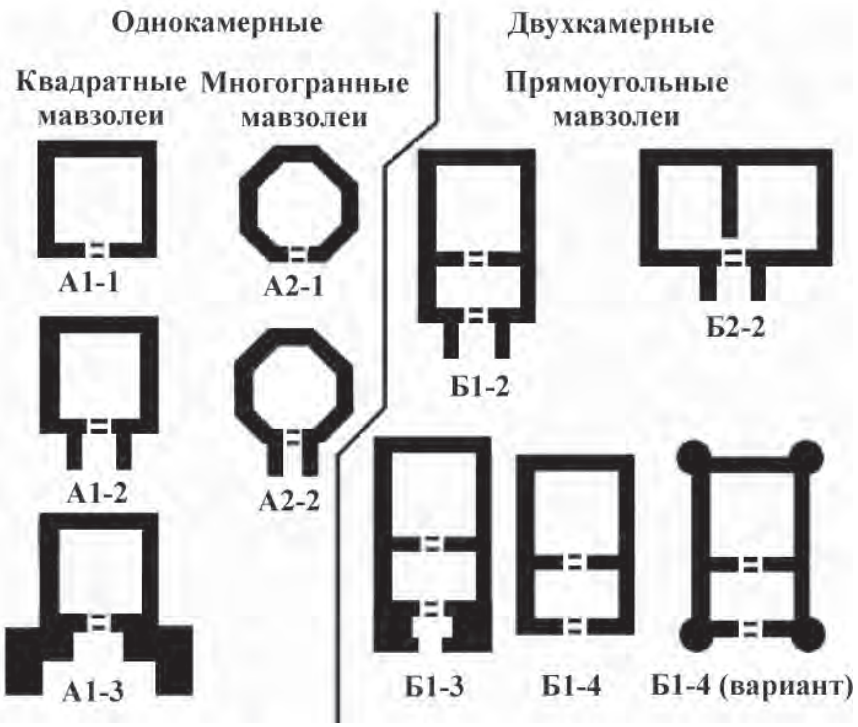


Рис. 6. Типы мавзолеев

мест захоронения – кладбищ. Существует прямое указание шариата на запрет возведения мавзолеев над могилами, ибо это может вызвать зависть более бедных мусульман (Керимов, 1978, с. 57), известно неодобрительное отношение шариата и официального ислама к молитве на могиле. Отсюда происходит требование, чтобы надгробные памятники не были похожи на мечети (Керимов, 1978, с. 55–56). Однако мавзолеи и надгробные памятники возводятся именно в традициях мусульманской мечетной архитектуры. Кроме того, так называемые «святые могилы» (*аулья, астана, зийарат* и пр.) активно используются в качестве молитвенных мест во внемечетном мусульманском культе (Сызранов, 2001, с. 110–113). Зачастую возведение мавзолея обусловливалось стремлением подчеркнуть святость покойного либо его заслуги перед уммой – мусульманской общиной. Как отмечает В.В. Бартольд, нередко «монгольские ханы после принятия ислама уничтожали тайну, окружавшую могилы их языческих предшественников, и строили над этими могилами мавзолеи мусульманского типа» (Бартольд, 1964, с. 424); исследователь приводит в пример самого Тимура, который возвёл мавзолей над могилой своего отца-язычника. Отсюда видно, что, если исламу не удавалось искоренить какие-либо обычаи и законы, делалась попытка придать им исламскую окраску, освятить их законами ислама. Так произошло и с погребальными обрядами.

Наиболее подробный обзор мавзолеев Нижнего Поволжья был сделан Э.Д. Зиливинской (Зиливинская, 2014, с. 111–120) (рис. 7). Имеет смысл привести его здесь с некоторыми сокращениями.

В 1913 г. на городище Укек был раскопан мавзолей с богатыми захоронениями (Кубанкин, 2006, с. 190–211). Здание мавзолея было прямоугольным в плане, размерами 21,3×12,5 м, ориентированным по линии СЗ – ЮВ. Стены были сложены из обожженных. Интересно, что кирпич, который использовался для кладки стен, был не квадратным, а прямоугольным, большемерным, размерами 27,7×22,2×6,7 см. Кирпичные стены были поставлены на невысокий, слегка заглубленный относительно дневной поверхности цоколь. Снаружи стены были украшены мозаичными кашинными плитками бирюзового и синего цветов, майоликами с подглазурной росписью в виде пересекающихся белых полос и растительным орнаментом, поливными кирпичами с бирюзовой и зеленой поливой. Внутри стены были оштукатурены, пол был земляным. Мавзолей имел два погребальных помещения, в которые вели два входа с противоположных торцевых сторон. Вход с юго-восточной стороны имел массивный портал, между устоями которого находилась ниша айвана. Проем вел в прямоугольное юго-восточное помещение, в котором вдоль северо-восточной и юго-западной стен были сделаны кирпичные вымостки (суфы?) и находились два погребения. Далее следовало северо-западное помещение больших размеров, в котором находились пять захоронений. С северо-западной стороны в помещение 2 вел еще один проход с примыкавшим снаружи к нему порталом.

Все захоронения в мавзолее совершены не по мусульманскому обряду. Погребенные лежали в деревянных гробах, которые поставлены в кирпичные сводчатые склепы. Ориентированы погребенные головой на северо-восток, в одном случае зафиксирован костяк в полусидячем положении. В могилах находились остатки шелковой и парчовой одежды, обуви, головных уборов, а также золотые и серебряные украшения, богатый сопроводительный инвентарь. Монеты, которые также были найдены в погребениях и в помещениях, позволяют датировать мемориальную постройку. Мавзолей был построен в начале XIV века и существовал до 1360-х гг. Д.А. Кубанкин, опубликовавший результаты раскопок 1913 г., совершенно верно отмечает, что здание в Укеке, возведенное, вероятно, мастерами из Средней Азии по образцам мусульманских погребальных сооружений, являлось не мусульманским мавзолеем, а усыпальницей золотоордынской знати, еще не отказавшейся от языческих верований (Кубанкин, 2006, с. 200) (рис. 7: 1).

Еще один мавзолей раскопан Ф.В. Баллодом на Мечетном городище в Волгоградской области (Баллод, 1923, с. 23–27). Прямоугольное в плане здание имело внешние размеры 9,4×8,9 м и было вытянуто вдоль оси СВ–ЮЗ. Стены его сложены из обожженных кирпичей. Здание содержало одно помещение с глинобитным полом и входом по центру северной стены. Следов портала снаружи не найдено. Внутри мавзолея находились семь погребений. Два из них, расположенные рядом в южной части помещения, принадлежали мужчине и женщине. Погребенные были опущены в большие ямы в деревянных гробах. Ориентированы они были по мусульманскому обряду, но в ограбленных могилах были найдены обрывки шелковой парчи, остатки кожаной обуви, мелкие вещи. Остальные могилы в восточной части принадлежали детям и были безынвентарными. В развалах стен найдены фрагменты изразцов и фигурные кирпичи. Значительная толщина его стен свидетельствует о том, что он был перекрыт куполом.

Три мавзолея исследованы на Водянском городище в Волгоградской области Поволжской экспедицией (Егоров, 1980, с. 74–90). Мавзолей № 1 был сильно разрушен: стены его, а также большая часть цоколя разобраны. Постройка была квадратной в плане, размерами 6,0×5,9 м. Она ориентирована по сторонам света. Цоколь стен сложен из необработанных камней на глиняном растворе. Сами стены были сложены из обожженного кирпича и оштукатурены алебастровой обмазкой. Внутри здания находилось квадратное помещение, пол которого выложен кирпичом на глиняном растворе. В мавзолее обнаружено одно погребение, которое смещено от центра к северной стене. Сверху оно было перекрыто кирпичным надгробием – *мастабой*. Вход, вероятнее всего, располагался с южной стороны мавзолея (рис. 7: 11).

Мавзолей № 2 прямоугольный в плане. Размеры его составляли 10,4×9,0 м. Здание ориентировано по линии ЮВ – СЗ. Стены цоколя мавзолея сложены из небольших необработанных камней на глиняном растворе. Вход, вероятнее всего, был в южной стене. В мавзолее найдено шесть погребений: три детских и три взрослых. Они были перекрыты кирпичными надгробиями. Мавзолей № 2 так же, как и мавзолей № 1, был беспортальной постройкой (рис. 7: 12).

Мавзолей № 3 имел более сложную планировку. Прямоугольное здание было сильно вытянутым и ориентированным по линии С–Ю. Размеры его составляли 16,6 м на 10,5 м. Стены сложены из необработанных камней на глиняном растворе. Вход в мавзолей находился с южной стороны. Он был оформлен в виде большого портала, пилоны которого являлись продолжением восточной и западной стен. С южной и северной сторон пилоны были соединены стенками, причем южная стенка заканчивалась на уровне пола. Северная стенка, вероятно, была сложена в полную высоту, и в ней находилась дверь. К северу от айвана находилось тамбурное помещение с кирпичным полом. Вдоль восточной и западной стен находились скамьи-суфы. В каждой суфе было сделано по одному погребению. Еще севернее располагалось квадратное в плане помещение, в котором находилась основная усыпальница (гур-хана). Вдоль всех стен его, на расстоянии 35 см от них, шли деревянные брусья, обозначавшие конструкцию суф. Внутри помещения 2 находилось семь могил. Над одной могилой была сделана майоликовая мастаба.

Мавзолей № 3 был постройкой с хорошо развитым порталом. Массивные пилоны его свидетельствуют о том, что портальная арка имела значительную высоту. Северное помещение усыпальницы было купольным, а южное тамбурное помещение могло быть перекрыто коробовым сводом.

В Ленинском районе Волгоградской области, возле деревни Бахтияровка, раскопан мавзолей золотоордынского времени (Ким, 1993, с. 172–173). Основная часть мавзолея в плане имела форму квадрата, ориентированного по сторонам света. Внешние его размеры 9,6–10,3×9,3 м, внутренние – 6,5×6,3 м. С южной стороны находился сильно выраженный портал, который был несколько уже здания, с массивными пилонами. Углы пилонов, обращенные внутрь айвана, оформлены полуколоннами диаметром 30 см. Пол помещения усыпальницы был покрыт слоем известкового рас-

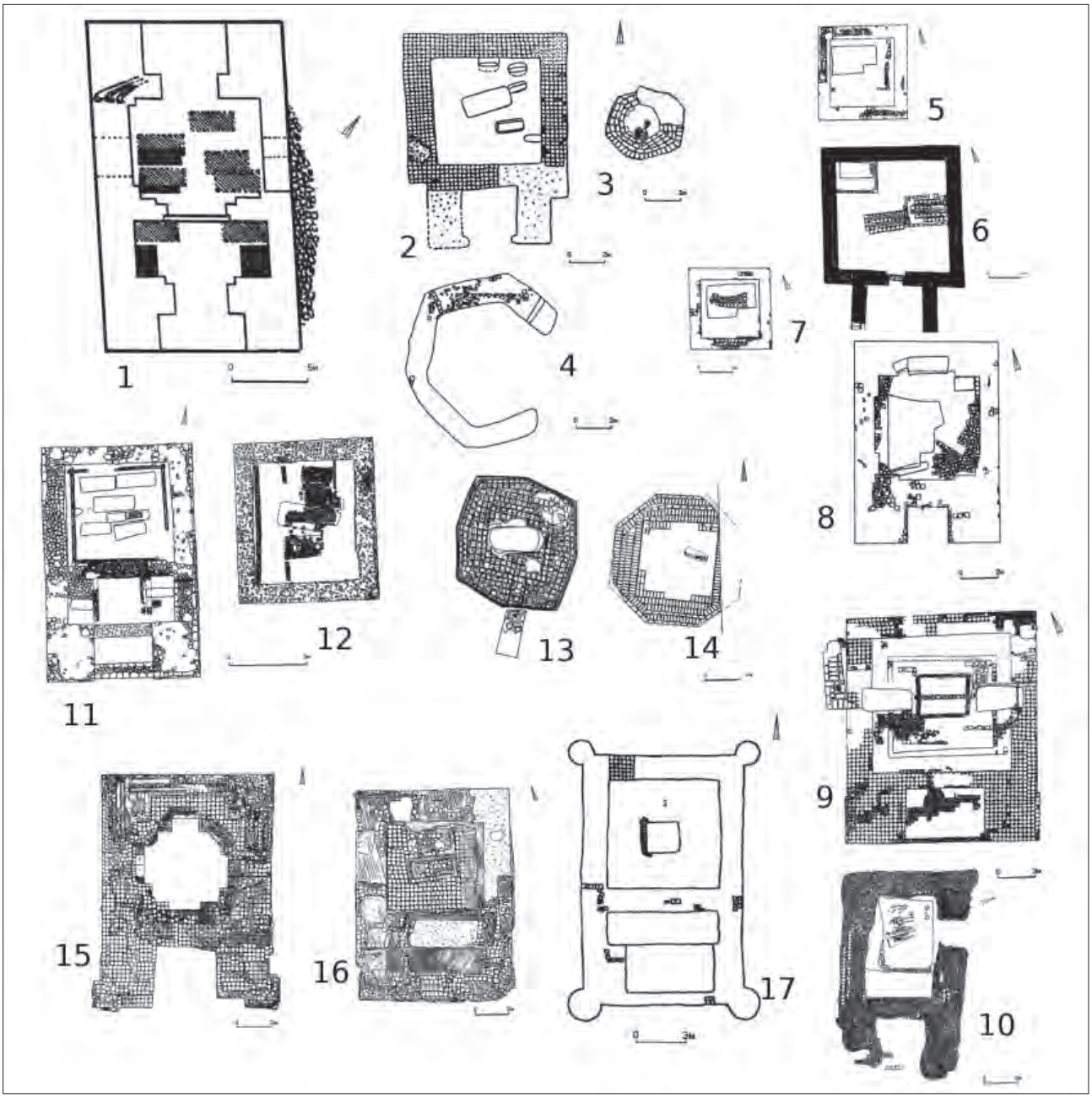


Рис. 7. Мавзолеи Нижнего Поволжья (по Э.Д. Зиливинской). 1 – Укек; 2–4 – Царёвское городище; 5–10 – Селитренное городище; 11–12 – Водянское городище; 13–14 – Кривая Лука; 15–16 – Городище у пос. Комсомольский; 17 – поселение «301-й километр»

твора. В мавзолее находились шесть погребений. В завалах вокруг него найдено большое количество обломков известковой обмазки и кашинных изразцов, украшавших некогда внешнюю поверхность стен. Особенностью мавзолея 1 в Бахтияровке является то, что он был окружен оградой со стенами шириной 0,5 м, сложенной из обожженных кирпичей, целых и обломков, вперемешку с сырцовыми кирпичами на глиняном растворе, которая располагалась в 4 м от стен сооружения.

В Волгоградской области при раскопках юго-западной окраины Царевского городища исследованы остатки многогранного в плане мавзолея из обожжённого кирпича (Блохин, 2008, с. 227–238). Здание было шестигранным в плане. Входной проем находился с восточной стороны. Толщина стен составляла около 1,3 м. Размеры внутреннего помещения, шестиугольного в плане, составляли 6,6 м между противоположными углами и 5,8–6,0 м – от стены до стены. Пол помещения был земляным, следов погребения внутри не обнаружено. Кирпичные стены постройки снаружи имели облицовку, состоявшую из кирпичей с отшлифованной лицевой поверхностью, чередующихся

с бирюзовыми изразцами. Кладка облицовки была сделана на известковом растворе (рис. 7: 4).

Восьмигранный мавзолей найден при изучении могильника Солодовка 1 в окрестностях Царевского городища (Глухов, 2005). Сложен он был из квадратного сырцового кирпича. Сооружение имело форму восьмиугольника с равными сторонами длиной 2,9 м. Расстояние между противоположными углами здания составляло 7,6 м. Внутреннее помещение было круглым в плане, диаметром 4,2 м. Внутри мавзолея находилось одно погребение. При расчистке помещения были найдены две мозаичные плиты от надгробия типа «*сагана*». Само надгробие не сохранилось. Вероятнее всего, оно было глиняным, побеленным сверху, а торцы его украшали мозаичные плиты (рис. 7: 3).

На том же памятнике был исследован небольшой сырцовый мавзолей (Глухов, 2005). Квадратное в плане (6,65×6,65 м) сооружение ориентировано стенами по сторонам света. Стены его были сложены из сырцового кирпича. По центру южной стены устроен вход с порогом. Внутри помещения стены были оштукатурены алебастровой обмазкой, пол земляной. В мавзолее было три погребения – одно взрослое и два детских.

Два многогранных мавзолея, построенных из сырцового кирпича, найдены при раскопках курганных групп Кривая Лука XVII и Кривая Лука XXIV в Черноярском районе Астраханской области (Дворниченко, Зиливинская, 2005, с. 282–303). Мавзолей № 1 представлял собой в плане восьмигранную постройку с мощными стенами, слегка наклонными кверху снаружи, и четырехугольным внутренним помещением. Вход в него был сделан с южной стороны, порог был приподнят до уровня четвертого кирпича в стене. Вся постройка сложена целиком из сырцового кирпича, пол внутреннего помещения выстлан одним слоем кирпичей, так же как и верхняя часть площадки пандуса, ведущей к входу (рис. 7: 13).

Внутреннее помещение ориентировано по сторонам света. Расстояние между противоположными углами различно – от 6,9 м до 8,32 м. Длина стороны внешней линии стены составляет 2,7–3,1 м. Внутреннее помещение имело размеры 2,3×2,3 м. Вход со ступенями находился в южной стене. Снаружи к нему вел наклонный пандус. Пол внутреннего помещения выложен по всей площади кирпичами в один слой. Внутренняя поверхность стен носила следы глиняной обмазки. В помещении находилось одно погребение.

Мавзолей № 2 также был восьмигранным. Длина стен по фасаду от 2,75 до 3,40 м. Внутреннее помещение мавзолея представляло собой неправильный ромб со сторонами от 4,0 до 4,5 м длиной. В углах были поставлены маленькие суфы из сырцового кирпича. В северо-восточном и юго-восточном углах они были прямоугольными и примыкали длинными сторонами к северной и южной стенам. В северо-западном и юго-западном углах суфы имели Г-образную форму. Пол сооружения был глинобитным. В помещении находилось одно погребение.

Все многогранные в плане постройки являются либо башенными, либо пирамидальными мавзолеями. Мавзолей Царевского городища, возможно, был башенным, так как там найдены лекальные кирпичи, из которых мог быть сложен купол. Кроме того, его внутренний контур повторяет внешний. Мавзолей в Солодовке имел круглое внутреннее помещение и, вероятно, также был башенным. Мавзолеи на Кривой Луке, скорее всего, были пирамидальными, так как стены мавзолея № 1 имели отчетливый наклон.

На Селитренном городище среди множества вскрытых монументальных построек также было некоторое количество мавзолеев. В 1975–1977 гг. на VIII раскопе был исследован обширный некрополь, часть погребений которого находилась в мавзолеях (Зиливинская, 2014, с. 116–117). Здания имели различную конструкцию, но все были ориентированы одинаково (по оси ССВ – ЮЮЗ), что свидетельствует о том, что какое-то время они сосуществовали (рис. 7: 5–10).

Самую простую планировку имели мавзолеи № 1 и 2. Оба они были квадратными в плане и не имели портала. Стены сложены из обожженных кирпичей и их обломков на глиняном растворе. В обеих постройках полы вымощены обожженными кирпичами, а в мавзолее № 2 прослеживалась белая штукатурка на стенах. В обоих зданиях могильные ямы располагались у северной стены, имели по 2 погребения. Входы в здания, очевидно, были с южной стороны.

Мавзолей № 3 также был квадратным в плане. Стены сложены из большеформатного сырца. Вход в мавзолей сделан с южной стороны. Он был обрамлен двумя выступающими пилонами, уложенными в перевязку с южной стеной. Пилоны, толщина которых равна толщине стен, образовывали входной айван. Посредине южной стены находился входной проём. Пол в мавзолее глинобитный. Снаружи и внутри стены покрыты глиняной обмазкой. В полу находились три погребения с надгробиями типа «мастаба».

Мавзолей № 4 и мавзолей № 5 относятся к иному типу планировки. Обе постройки имели прямоугольную в плане форму и были вытянуты по оси ССВ – ЮЮЗ. Они состояли из квадратного в плане помещения усыпальницы и мощного портала с айваном. Стены их сложены из обожженного кирпича на глиняном растворе. Толщина стен

колебалась от 0,9 м до 1,4 м. С южной стороны мавзолея № 4 находился айван, ширина которого была равна ширине здания. Его мощные пилоны по внешнему контуру являлись продолжением меридиональных стен, но толщина их была значительно больше. В глубине айвана находился вход, который вел в помещение усыпальницы. Размеры погребального зала 5,2×5,2 м. Зал усыпальницы за счёт стен в нишах имел неразвитую крестообразную планировку. Пол был выложен обломками обожженных кирпичей. В полу находились две могильные ямы, в одной из которых лежали четыре костяка, а в другой – один.

Мавзолей № 5 имел размеры 11,0–11,15×9,8 м. Вход в здание находился с южной стороны и был ограничен двумя массивными пилонами с айваном между ними. Пол портала вымощен обожженным кирпичом на известковом растворе. Айван соединялся с основным помещением мавзолея проемом шириной 1,2 м. Вдоль всех трех стен айвана были сооружены узкие суфы. Усыпальница мавзолея была квадратной формы. Стены ее были изнутри оштукатурены ганчевым раствором. Пол гур-ханы был вымощен кирпичом на известковом растворе. В центре пола было сделано возвышение, которое имело такую же вымостку. В середине возвышения находился двухкамерный склеп со стенками из обожженных кирпичей.

Сходную планировку имел мавзолей № 6 на XI раскопе (Зиливинская, 2014, с. 117). Прямоугольная постройка была вытянута по оси ССВ – ЮЮЗ и имела размеры 13,6×8,0 м. С южной стороны здания находился массивный портал, пилоны которого являлись продолжением стен. Пилоны были шире стен и образовывали нишу айвана. Усыпальница мавзолея была прямоугольной в плане, большая часть ее была занята могильной ямой. В яме находились остатки склепа со сводчатым перекрытием, в котором было найдено пять погребений. Не совсем понятно, каким было перекрытие прямоугольного в плане здания.

Мавзолеи, вскрытые при раскопках к югу от мечети, на XIII раскопе, были в значительной степени разрушены (Зиливинская, 2014, с. 117–118). Мавзолей № 7, сложенный из обломков обожженных кирпичей на глиняном растворе, был, скорее всего, квадратным в плане, без портала. Мавзолей № 8 имел стены из большеформатного сырца. Размеры его 5,9×6,0 м. Был ли у него портал, неизвестно, так как южная стена его не сохранилась.

Большой и хорошо сохранившийся мавзолей № 1 XIV в. был исследован В.В. Плаховым у поселка Комсомольский в Красноярском районе Астраханской области (Плахов, 1987). Постройка была прослежена в двух уровнях: в верхнем находилось основное помещение (зиарат-хана), а в нижнем – погребальная камера (гур-хана). Постройка была прямоугольной в плане, вытянутой по оси С–Ю, и имела размеры 14,0×10,0 м. Стены сложены из обожженного кирпича на известковом растворе с применением в качестве арматуры бревен из лиственницы. В южной части здания находился вход с массивными пилонами портала. Внешние углы пилонов с наружной стороны фланкированы трехчетвертными пилястрами (рис. 7: 16).

Основное помещение мавзолея имело крестообразную форму, образованную четырьмя нишами в стенах помещения. Пол был вымощен обожженным кирпичом на известковом растворе.

Помещение крипты (гур-ханы) было крестообразным в плане, так как во всех стенах находились глубокие ниши со стрельчатыми арками. Стены крипты были оштукатурены, в углах сохранились тромпы в виде трех рядов кубических сталактитов. Декор мавзолея состоял из красноглиняных изразцов с бирюзовой поливой, мозаичных панно с вставками бирюзового, синего, белого, желтого и красного цветов. Захоронение в мавзолее не сохранилось – вероятно, было уничтожено в ходе его разрушения и разборки.

В том же пос. Комсомольский исследован еще один мавзолей (№ 2), который являлся центром культового комплекса (Павленко, 2001, с. 74–77). Он датируется XIII в. Мавзолей представлял собой прямоугольное в плане здание, ориентированное длинной осью по линии север – юг. Внешние размеры его 12,6×9,38 м. Стены сложены из обожженных кирпичей на известковом растворе. Внутреннее пространство здания разделено на два помещения. Прямоугольное в плане южное помещение имело входной проем в южной стене. Пол помещения покрыт слоем известкового раствора, стены – алебастровой штукатуркой. Вдоль западной стены сделана суфа. Основное помещение мавзолея было квадратным. Пол его выложен обожженными кирпичами на известковом растворе. При расчистке мавзолея найдены элементы архитектурного декора, представленные фасонными нарезными пятиугольными кирпичами и терракотовыми плитками с геометрическим нарезным орнаментом и бирюзовой поливой (рис. 7: 16).

В усыпальнице находились два погребения с надгробиями типа «мастаба». Первое погребение было совершено в сырцовом сводчатом двускатном склепе, внутрь которого был установлен деревянный трапециевидный гроб с железными накладками-скобами. Внутри гроба обнаружен скелет мужчины. При погребённом находился железный нож с бронзовым перекрестием, фрагменты кожаных сапог, куски ткани, железный шишак, две золотые серьги, 11 золотых пластин и золотой

динар египетского султана Бейбарса (1260–1277). Второе погребение также устроено в сводчатом склепе, в деревянном трапециевидном гробу. Погребённой оказалась женщина 17–18 лет. При ней обнаружены маленький железный нож с бронзовым пластинчатым перекрестием и серебряный дирхем, а в области черепа лежали шесть золотых кружков и фрагменты берестяной бокки.

Ю.А. Павленко делает вывод о том, что данный комплекс является суфийской обителью – *завийа*, возведённой рядом со святой могилой шейха либо подвижника (Павленко, 2001, с. 76). Однако богатство погребённых, наличие вещей в захоронениях говорят о том, что эти люди никак не могли являть собой образец мусульманской святости и, скорее всего, являлись мусульманами в первом поколении. Несомненно, это были знатные люди, стремившиеся прослыть приверженцами ислама (или которых хотели видеть таковыми их близкие) – об этом говорит само возведение мусульманской усыпальницы над могилами. Кто же в Золотой Орде XIII в. мог стремиться приобрести репутацию приверженца ислама – религии, которую исповедовали тогда лишь немногие? Скорее всего, эти люди (или лишь один из них, а именно мужчина) являлись приближёнными хана Берке – первого хана-мусульманина на золотоордынском престоле, который, как известно, благоволил мусульманам и покровительствовал переходу в ислам части своего окружения (Тизегаузен, 1884, с. 204). На эту же мысль наводят нас и динар Бейбарса, обнаруженный в могиле мужчины. Он мог попасть в Золотую Орду, при отсутствии активной торговли с Египтом, лишь в виде денежного подарка хану, переданного с египетским посольством: именно в годы правления Берке в Золотой Орде и Бейбарса в Египте между этими государствами был заключён союз (Греков, Якубовский, 1998, с. 67). Хан, в свою очередь, что вполне логично, не пускал золото в торговый оборот – на это хватало и серебра, а одаривал им своих верных вельмож. Итак, получается, что погребения в мавзолее № 2 у пос. Комсомольский действительно интересны, но как захоронения не суфийских шейхов, а представителей высшей золотоордынской знати. Скорее всего, данный мавзолей не имеет никакого отношения к распространению суфизма в Нижнем Поволжье, а лишь иллюстрируют начальный этап мусульманизации верхушки общества Золотой Орды (Васильев, 2009а, с. 17–18).

При раскопках курганной группы «301-й км» в Ахтубинском районе Астраханской области Е.В. Шнайдштейн был исследован мавзолей XIV в. (Шнайдштейн. 1990, с. 14–16). Прямоугольное в плане здание мавзолея было вытянуто по оси С–Ю и имело размеры 15,8×10,0 м. По всем четырем углам оно было фланкировано круглыми башнями. Стены здания были сложены из обожженного кирпича на известковом растворе. Внутреннее пространство мавзолея было разделено на два помещения. Южная часть здания была прямоугольной в плане. Восточная и западная стены в южной части имели утолщение. Такая толщина стен позволяет предположить, что здесь находился портал с высокой аркой. За айваном с аркой находилось небольшое тамбурное помещение, через которое можно было попасть в усыпальницу. Уровень пола его был несколько ниже уровня пола айвана. Помещение усыпальницы было квадратным. В центре находилась обширная могильная яма с остатками склепа из жженого кирпича на известковом растворе. В склепе было два захоронения. При раскопках мавзолея найдено множество обломков изразцов бирюзового, синего, белого, желтого, зеленого и красного цветов, то есть мавзолей был богато декорирован (рис. 7: 17).

Среди других известных на территории Нижнего Поволжья мавзолеев следует назвать до сих пор неисследованные развалины золотоордынских мавзолеев на городище у пос. Лапас в Астраханской области. Здесь хорошо прослеживаются развалины четырех крупных кирпичных мавзолеев с оградами, ещё четырех крупных сырцовых мавзолеев, а также множество небольших по размеру построек (Васильев, 2017, с. 67–78).

Нужно сказать несколько слов об интерпретации памятника. Особый интерес представляет отмеченное на карте братьев Пицигани 1367 г. место, где находятся «гробницы императоров, умерших в районе Сарайской реки» (Рудаков, 1999, с. 103, 106, карты). Это пояснительная надпись к условному знаку в виде мусульманского мавзолея. На карте Фра Мауро, созданной в 1459 г., также обозначено место, названное им «Sepultura imperial» («императорские захоронения»). Плано Карпини пишет о том, что в земле «татар» существует кладбище, «на котором хоронят императоров, князей и всех вельмож, и, где бы они ни умерли, их переносят туда, если это можно удобно сделать…». Кладбище знатных особ и кладбище «тех, кто был убит в Венгрии» являются запретными территориями и охраняются стражей, не пропускающей никого под страхом наказания или смерти (де Рубрук, 1957, с. 29).

В.Л. Егоров с уверенностью утверждает, что «именно здесь воздвигались фамильные усыпальницы Джучидов, принявших ислам», а именно Берке, Узбека, Джанибека и Бердибека, не исключая существования в этом же месте захоронения самого Бату и других ханов-язычников (Егоров, 1985, с. 117–118). Он связывает это с описанным В.В. Бартольдом давним обычаем монголов отво-

дить запретные территории («курук») для захоронения особ правящей династии (Бартольд, 1966, с. 383–384). В 1990-х гг. отрядом Поволжской археологической экспедиции ИА РАН под руководством В.В. Дворниченко, помимо четырех крупных мавзолеев, обнаружено ещё несколько меньших по размерам (Васильев, 2001а, с. 69).

Монетный материал памятника датируется периодом 1342–1380-х гг., причём наибольшее число монет приходится на 1340-е гг. Это позволило Е.Ю. Гончарову сделать предположение о принадлежности большого мавзолея именно хану Узбеку, который умер в 1342 г. (Васильев, 2001а, с. 71).

Таким образом, в Среднем и Нижнем Поволжье строились мемориальные здания различного плана. Это квадратные в плане постройки без портала, с небольшим выступающим порталом или порталом на массивных пилонах типа среднеазиатского пештака. Существовали и прямоугольные в плане двухкамерные мавзолеи с пештаком или без него. Многогранные усыпальницы могли иметь форму пирамиды или являться башенными постройками.

В курганных могильниках золотоордынского времени довольно часто встречаются «подкурганные сырцовые оградки». На территории Нижнего Поволжья золотоордынские погребальные сооружения с сырцовыми прямоугольными оградками впервые были изучены саратовскими археологами в 20–30-х гг. прошлого века (Мыськов, 2003, с. 222). Практически все исследователи, так или иначе обращавшиеся к рассмотрению материалов погребальных сооружений с кирпичными оградками, связывали их появление на территории Нижнего Поволжья с процессом постепенного оседания на землю кочевого населения Золотой Орды. Хотя такие памятники распространены достаточно широко – от степей Западного Казахстана до нижнего течения Дона, – подавляющее большинство их расположено вдоль левого берега реки Ахтубы и сконцентрировано у крупных золотоордынских городов или небольших посёлков. При этом следует отметить, что ряд памятников такого рода расположены и на достаточно большом расстоянии от развалин золотоордынских населённых пунктов.

Внятного объяснения происхождению этих сооружений долгое время не было. П.С. Рыков считал, что появление подобных кирпичных конструкций на средневековых кладбищах относится к XV в., то есть к заключительному периоду истории Золотой Орды. Он связывал это явление с проникновением ислама в среду кочевников и горожан; при этом ученый специально отмечал, что мусульманские погребальные традиции получили повсеместное распространение лишь с XVI в. (Мыськов, 2003, с. 222). Л.П. Зяблин был склонен видеть в подобных сооружениях отражения жилищ оседающих кочевников (Зяблин, 1955, с. 93–94). У Г.А. Фёдорова-Давыдова комплексы с округлыми и прямоугольными сырцовыми погребальными оградками выделены в особую группу погребальных сооружений золотоордынского времени (насыпи типа VII). Он называет подкурганные сырцовые оградки, появляющиеся в золотоордынское время, однозначно мусульманским признаком погребального обряда и склонен рассматривать их как результат влияния мусульманских золотоордынских погребальных обрядов, принятых в городах. Такой вывод исследователь сделал на основании отсутствия вещей в известных в то время захоронениях в оградках. Датирует Г.А. Фёдоров-Давыдов эти комплексы суммарно: второй половиной XIII – XIV в. (Фёдоров-Давыдов, 1966, с. 131, 161, 201) Сторонниками подобной трактовки являются В.А. Иванов и В.А. Кригер, которые пишут, что во второй половине XIV в. и на Южном Урале в связи с мусульманизацией появляются новые для местного населения элементы погребального обряда: могилы с подбоями в южной стенке и надмогильные сооружения в виде каменных или кирпичных оградок вокруг могилы (Иванов, Кригер, 1988, с. 39–54).

Нередко встречаются «оградки», которые как бы копируют планиграфическое строение двухкамерного или портально-купольного мавзолея: круглая или квадратная в плане основная оградка получает дополнительный пристрой с юга, сильно напоминающий портал-пештак. Захоронения в таких оградках характеризуются уменьшением количества или отсутствием погребального инвентаря, наличием надгробий, склепов, распространяется положение покойника на боку (Ракушин, 1993, с. 171–173).

Обращая внимание на явную мусульманизированность данных захоронений, Л.В. Яворская даже предположила, что эти оградки могли служить лишь фундаментом каких-то купольных сооружений, не дошедших до настоящего времени (типа «дюрбе» или «гумбез») (Яворская, 1999б, с. 251).

Е.П. Мыськов присоединяется к мнению вышеупомянутых исследователей о том, что захоронения данной группы следует связать именно с исламизированным населением (Мыськов, 2003, с. 222). Классические памятники такого рода представляют собой подквадратные или круглые сырцовые ограды, ориентированные по сторонам света, внутри которых расположено одно или два безынвентарных погребения (обычно мужское или женское) в простых ямах или ямах со ступеньками вдоль длинных сторон, с деревянными или сырцо-

выми перекрытиями. Довольно часто встречаются гробы в могилах, над могилами нередко отмечаются надгробия, погребённые ориентированы головой на запад, лицом на юг. Е.П. Мыськов, основываясь на нумизматическом материале, относит появление наиболее ранних оградок такого типа на Ахтубе к 20-м гг. XIV в. Кроме того, Е.П. Мыськов высказывает очень важное и интересное мнение о возможности интерпретации захоронений в оградках либо как бескурганных вообще, либо как комплексов, которые в течение долгого времени стояли открытыми и не перекрывались курганными насыпями. Захоронения в сырцовых оградках, над которыми возведены надгробия, могли быть рассчитаны на посещение родственниками (для того они и маркировались) и на совершение цикла поминальных обрядов, который нам неизвестен. О поминовениях, совершавшихся в оградках, свидетельствуют фрагменты керамических сосудов, расщеплённые кости животных, следы кострищ внутри оградок. Эти поминальные трапезы могли совершаться по какому-либо календарному циклу, о котором мы можем лишь догадываться. Лишь после завершения погребально-поминального цикла над оградкой могла возводиться насыпь. Не исключено, что «насыпь» могла возникнуть и сама собой с течением времени – за счёт разрушения и размывания сырцовой оградки и заметания её пылью.

Э.Д. Зиливинская уделила особое внимание этим сооружениям. Прежде всего, она обоснованно отвергла сам термин «подкурганные оградки», на множестве примеров доказав, что холмы, которые исследователи принимают в полевых условиях за насыпи, на самом деле являются расплывшимися руинами сырцовых стен. Сами же сооружения по планиграфии совпадают с мавзолеями, на что неоднократно обращали внимание разные исследователи. Точно такие же сооружения, раскопанные на городских некрополях, трактуются как мавзолеи. Таким образом, и так называемые «подкурганные оградки» следует считать остатками разрушенных и совершенно расплывшихся под воздействием природных факторов сырцовыми мавзолеями с купольным или шатровым перекрытием. В качестве дополнительного аргумента в пользу этого предположения можно привести наличие большого числа сохранившихся в степях Казахстана небольших сырцовых мавзолеев (Зиливинская, 2014, с. 185–188). Кроме того, абсолютно совпадают между собой признаки погребального обряда в мавзолеях и в так называемых «подкурганных оградках» (Васильев, 2009а, с. 7–42).

Погребальный обряд захоронений в мавзолеях характеризуется следующими чертами. Все погребения являются простыми трупоположениями. 93,9% погребений – одиночные захоронения. Исключения составляют захоронения из мавзолея № 6 Селитренного городища, где в одной погребальной камере были похоронены шесть человек. Погребения в мавзолеях явно тяготеют к городской округе – 83,7% захоронений этой группы обнаружены в окрестностях поселений или на их территории. 30,6% погребений в группе являются вторичными – они совершены в уже существовавших мавзолеях. Над 29,6% погребений отмечены надгробия.

Большинство погребений совершены в бесподбойных ямах (исключение составляют четыре захоронения на Селитренном городище и три захоронения в мавзолее в Бахтияровке. 76,5% погребений совершены в простых ямах с отвесными стенками. Большая часть захоронений ориентирована на запад, юго-запад и северо-запад (84,7%). Однако в группе погребений в мавзолеях 5,1% захоронений с ориентировкой погребённых на восток и северо-восток – в мавзолеях Кривой Луки и Укека. 48% погребённых лежат вытянуто на спине, 42,9% – на спине с доворотом на правый бок. Руки 44,9% погребённых лежат в «мусульманской позе»: правая вытянута вдоль туловища, кисть левой находится в области живота. Руки вдоль тела вытянуты в 24,5% погребений. 57,1% погребённых в мавзолеях обращены лицом к Мекке. 26,5% погребённых обращены лицом вверх. У 32% погребённых стопы сведены, лежат вплотную друг к другу. Ноги погребённых вытянуты в 75,5% погребений.

В 34,7% погребений в группе отмечены гвозди как свидетельство наличия гроба. В 29,6% погребений заметны признаки пеленания. 84,7% погребений в мавзолеях безынвентарные, что в целом характеризует данную группу погребений как довольно исламизированную.

Мусульманский мавзолей как надмогильное сооружение должен маркировать захоронение приверженца ислама. Есть примеры возведения мавзолеев над могилами духовных лидеров и над могилами состоятельных людей, исповедовавших ислам. Значит, захоронения в мавзолеях должны отвечать канонам мусульманского погребального обряда в наибольшей степени. Насколько же сильны пережитки доисламского погребального обряда в данной группе?

Всего к «канонически правильным» в данной группе относятся 51% захоронений. Вся группа захоронений в мавзолеях включает в себя довольно широкий спектр захоронений: от языческих и захоронений с языческими пережитками до чисто мусульманских. Обратим внимание на одну особенность: во многих случаях захоронения в

мусульманских мавзолеях были либо совершены с отклонениями от мусульманской позы (что часто объясняется помещением покойного в гроб), либо сопровождались разнообразным погребальным инвентарём. И такая тенденция наблюдается не только на некрополях, удалённых от городских центров ислама, но и в городах.

Можно сделать предположение, что захоронения в мавзолеях Золотой Орды главным образом принадлежали представителям высших сословий общества, которые по своему происхождению и социальному положению были связаны с кочевой степью и в силу дуализма социально-политического устройства государства были вынуждены принять ислам и часть времени проводить в перекочёвках, а часть – в городах. Оседанием кочевой знати объясняет находки языческих и «полуязыческих» захоронений в мусульманских мавзолеях и Л.Т. Яблонский (Герасимова, Рудь, Яблонский, 1987, с. 157). Особенно хорошо этот тезис иллюстрирует рассмотренный выше пример с захоронениями в мавзолее на городище у пос. Комсомольский в Астраханской области.

Христианские захоронения. Археологические свидетельства присутствия христианства в Улусе Джучи до сих пор скудны и даже не систематизированы. В вопросе идентификации христианских захоронений на территории Золотой Орды мы сталкиваемся с несколькими основными проблемами. Во-первых, можно сказать, что вследствие унифицированности и безынвентарности средневекового христианского погребального обряда многие христианские захоронения остаются невыявленными среди массы мусульманских погребений золотоордынского периода. Во-вторых, на исследованных археологами городских некрополях Золотой Орды, относящихся к периоду XIV века, то есть к тому времени, когда ислам укоренился в качестве основной религии в Улусе Джучи, христианских захоронений вообще чрезвычайно мало (если они вообще там есть), поскольку шариат запрещает хоронить «зиммиев», то есть иноверцев, на одном кладбище с мусульманами (Гаджиев, 2009, с. 302). В-третьих, на территории Золотой Орды известно лишь одно достоверно определённое христианское кладбище – это некрополь русского посёлка на Водянском городище в Волгоградской области.

По мнению М.Д. Полубояриновой, наличие русского кладбища на Водянском городище эпохи Золотой Орды является свидетельством наличия здесь русского посёлка, о котором упоминает Гильом де Рубрук: «Новый посёлок, который татары устроили вперемежку из Русских и Саррацинов, перевозящих послов, как направляющихся ко двору Бату, так и возвращающихся оттуда, потому что Бату находится на другом берегу в восточном направлении» (де Рубрук, 1957, с. 118). М.Д. Полубояринова считает, что под «сарацинами» здесь подразумеваются болгары и что правомерность отождествления Водянского городища с этим «новым посёлком» доказывается русскими и болгарскими чертами этого в целом золотоордынского памятника, которые выявились при раскопках (Полубояринова, 1978, с. 72–73). Она описывает многочисленные русские вещи, обнаруженные в слоях Водянского городища: керамику, крестики, иконки. Помимо этого, она описывает полуземляночные жилища русского населения, аналогичные тем, что были раскопаны на территории средневековой Руси, а также захоронения участка русского некрополя, исследованные в 1968 и в 1969 гг. Поволжской археологической экспедицией (Полубояринова, 1978, с. 76–78).

Русский некрополь располагался в береговой части городища и исследовался в связи с угрозой разрушения в результате осыпания обрыва в водохранилище. Во всех из 17 погребений, выявленных в 1968–1969 гг., погребённые были обращены головами к ЮЗ и З. Отклонение от западной ориентировки составляет от 10 до 35 градусов. Покойные лежали на спине в вытянутой позе, руки в большинстве случаев сложены в области таза. В двух случаях руки скрещены на груди, а кисти приподняты к горлу. В 10 захоронениях покойные были обращены лицами вверх, а в трёх случаях – к северу (то есть влево). В ряде захоронений были обнаружены следы деревянных конструкций дощатых гробов, сколоченных, видимо, деревянными шпильками (остатки гвоздей не были зафиксированы). В одном захоронении были отмечены следы коры, которой был покрыт покойный. Наблюдается правильная рядность некрополя – видимо, могилы чем-то отмечались на поверхности. Антропологический анализ ряда черепов из данного некрополя позволяет выявить резкое отличие данной серии от остальных захоронений на некрополях Водянского городища и определить её как европеоидную, принадлежащую славянам (Полубояринова, 1978, с. 76–77).

В заполнении ряда могильных ям была обнаружена русская керамика. Кстати, именно стерильность заполнения или наличие в нём находок позволили датировать данные погребения и определить, что славянские захоронения возникли в наиболее ранний период существования поселения.

Е.П. Мыськов сообщает ещё о 40 захоронениях, раскопанных в 1989, 1996 и 2000 гг. на территории русского кладбища. В своей работе он приводит сводные данные обо всех 57 захоронениях, выявленных на некрополе Водянского городища

(Мыськов, 2001, с. 129–130). Более того, планиграфический анализ территории некрополя позволил автору установить его площадь и оценить общее количество захоронений на русском кладбище в 800–1000 объектов (Мыськов, 2001, с. 123–124).

Все захоронения были совершены в неглубоких, в среднем до 0,7 м глубиной, ямах. Практически во всех захоронениях умершие были похоронены в положении вытянуто на спине, лишь в одном случае скелет ребёнка был обнаружен в положении скорченно на правом боку. Подтверждается наблюдавшаяся ранее общая ориентированность покойных головами на ЗЮЗ и устойчивая рядность в расположении самих могил.

Весьма неустойчиво положение рук покойных. Наиболее часто (21 случай наблюдения) фиксируется положение рук в сложенном виде на груди и на поясе. Остальные варианты единичны: на груди и поясе, на поясе и на тазу, на груди и у бедра (как в классических мусульманских погребениях – здесь не исключено культурное влияние окружающей мусульманской среды). В четырех случаях руки покойных были вытянуты вдоль тела.

В 11 захоронениях на христианском некрополе Водянского городища прослежены остатки деревянных дощатых гробов. При этом Е.П. Мыськов не отмечает наличия металлических крепёжных элементов – скоб, гвоздей и прочего. Наличие гроба отмечается в качестве одной из распространённых черт христианского погребального обряда, при этом выделяется несколько типов саркофагов, долблёных колод и гробов, в том числе и самый простой тип – дощатый гроб (Панова, 2004, с. 73).

Группа христианских захоронений на Водянском городище является практически безынвентарной – лишь в четырех могилах были найдены отдельные предметы, причём их связь с данными захоронениями не является безусловной – мелкие предметы могли быть занесены в заполнение грызунами. Безусловно, относятся к захоронениям только мелкие украшения – округло-уплощённая бусина из непрозрачного чёрного стекла и проволочная бронзовая серьга в виде колечка с заходящими концами (Мыськов, 2001, с. 124–125).

Интересные наблюдения приводит Е.П. Мыськов относительно различий между христианскими и мусульманскими захоронениями. Так, он отмечает наличие надгробий над значительным количеством мусульманских могил, в то время как не удалось проследить никаких долговременных сооружений над погребениями христиан. Он уверен, что эти могилы отмечались лишь небольшими холмиками на поверхности земли, которые со временем стирались, что привело к редким случаям вторжения более поздних могил в более ранние.

Кроме того, доминирующим положением рук у мусульман является вытягивание их вдоль туловища или складывание на тазовых костях. Могильные ямы в мусульманских захоронениях представлены двумя типами – с заплечиками и с подбоем в южном борту (Мыськов, 2001, с. 125).

Однако Водянское городище не является единственным памятником на территории Улуса Джучи, где были обнаружены христианские погребения. Интересное захоронение было обнаружено в 1992 г. в ходе раскопок на грунтовом могильнике Маячный бугор около села Красный Яр в Астраханской области (Пакалина, 1994, с. 50–52).

Могильная яма, ориентированная по линии ЗСЗ – ВЮВ, имела трапециевидную форму и сужалась к востоку. Над ямой было обнаружено прямоугольное надгробие, выложенное из прямоугольных сырцовых кирпичей поверх невысокого могильного холма.

На дне могильной ямы были обнаружены остатки деревянного гроба. На слое древесного тлена находился костяк подростка, лежащий в положении вытянуто на спине и ориентированный головой на ЗСЗ, лицом вверх. Руки покойного вытянуты вдоль туловища и присогнуты в локтях. Кисти рук покоились на животе, ноги вытянуты. На костях ног были обнаружены фрагменты кожи – остатки сапог. На дне ямы вокруг черепа было расчищено множество дынных семечек, лежащих в беспорядке. У левого и правого плеча покойного обнаружены кашинные плоские пуговицы с бирюзовой глазурью. Третья пуговица была обнаружена под шеей. В районе шеи покойного был обнаружен лежащий на дне ямы крест из белого металла.

Серебряный нательный крест, который был обнаружен в данном захоронении, относится к так называемым крестам с округлым средокрестием и трёхлепестковыми криновидными концами. Подобные кресты часто встречаются среди русских древностей XII–XV вв., известны по киевским коллекциям, среди материалов владимирских курганов. Один подобный крест был обнаружен на уже упоминавшемся Водянском городище (Беленькая, 1993, с. 17; Ханенко, Ханенко, 1900, табл. XVII, № 201).

Кашинные бусы-пуговицы, аналогичные обнаруженным в данном погребении, известны среди материалов XII–XIII веков на Самосдельском городище в дельте Волги, а также на Сухореченском городище, где они датированы XIII–XIV веками (Васильев, 2015, с. 264–274).

Т.Д. Панова отмечает, что исследователи культуры и быта средневековой Руси до сих пор не задавались вопросом, насколько широко была распространена такая деталь обряда, как захо-

ронение с символом христианской религии – нательным крестом. В городских захоронениях XI–XV вв. их зафиксировано крайне мало. Между тем представление об обязательности погребения человека с крестом на груди получило широкое распространение даже в научной литературе. Однако в письменных источниках нет прямых указаний на то, что крест был обязательной деталью обряда погребения (Панова, 2004, с. 158–159). В некрополях XII–XIII вв. случаев обнаружения погребений с крестами несколько больше. Все эти находки концентрируются в районе Киева и Новгорода, то есть двух центров, первыми подвергшихся христианизации.

Интересна и другая особенность этих захоронений: практически половину из них составляют монашеские, где присутствие креста было, видимо, обязательным, а остальные принадлежали представителям феодальной аристократии (Панова, 2004, с. 158–159).

Расположение захоронения с крестом на некрополе подобного рода рождает предположение, что захороненный в нём молодой человек является представителем знатного рода – возможно, младший представитель знатного, по всей видимости, княжеского рода, умерший в Орде и похороненный здесь, поскольку русские князья были включены в чиновничью и служилую систему Монгольской империи (Васильев, 2015, с. 264–274).

Буддистские захоронения. Из письменных источников нам известно, что в XIII и в начале XIV вв. чиновничья элита Золотой Орды во многом состояла из буддистов. Буддистская община, представителей которой средневековые источники называют главным образом «уйгурами», должна была быть многочисленной и влиятельной, и она не могла не оставить археологических следов своего присутствия в столичном регионе Улуса Джучи. Однако проблема археологической идентификации буддистских захоронений долгое время оставалась совершенно неразработанной в трудах археологов и историков. В 2009 г. вышла в свет обширная статья В.П. Костюкова, в которой исследователь предлагает своё решение этой проблемы. Он предлагает посмотреть на некоторые хорошо известные памятники под несколько новым углом зрения и допускает интерпретацию их в качестве буддистских. Результаты его исследований по данной теме были оформлены им в большую программную статью «Буддизм в культуре Золотой Орды» (Костюков, 2009, с. 189–236). В своей работе автор очень удачно соединил сообщения письменных и данные археологических источников.

Обзор источников, проведённый В.П. Костюковым, свидетельствует о принадлежности значительной части монгольской и золотоордынской аристократии к последователям буддистской религии. Далее автор, анализируя особенности погребального обряда буддистских общностей Сибири и Дальнего Востока, отмечает ряд аналогичных характеристик, встречающихся в захоронениях, расположенных на территории Золотой Орды, что, по его мнению, свидетельствует о принадлежности погребённых к буддистской общине. В качестве идентифицирующих черт он выделяет следующее: полное или частичное трупосожжение, южную ориентировку погребённых, наличие монет или драгоценностей в районе головы, во рту, в руках покойного, неестественное положение рук, когда одна их них как бы прикрывает рот умершего, обёртывание или покрытие тела и в особенности головы тканью, а также мумифицирование умерших. Эти признаки могут встречаться в захоронении в различных комбинациях или по одному. Такой подход к интерпретации некоторых до сих пор не вполне понятных черт погребального обряда позволяет ответить на вопрос об их происхождении и семантике.

В качестве примера можно привести давно дискутируемый вопрос о происхождении обычая помещения монет в захоронениях кочевников. Е.М. Пигарёв, специально изучавший погребения с монетами на территории Золотой Орды, считает, что все монеты, обнаруженные в погребениях, можно разделить на две большие группы: монеты-украшения (с ушком или отверстиями для пришивания или подвешивания) и монеты – «оболы мертвых» (Пигарёв, 1998, с. 283–301). Однако сам термин «обол мёртвых» не вполне корректен. Древние греки хоронили покойников с оболом (мелкой монетой) во рту. Она не позволяла, будто бы, войти через рот злым духам. Известно также помещение монеты в могилу для того, чтобы покойный мог ею заплатить перевозчику – Харону – для пересечения реки Стикс или Ахеронт, отделяющих мир живых от мира мёртвых. Какие тюркские или монгольские верования предполагают наделение покойного монетой для того, чтобы он использовал её в качестве платы за пересечение «реки мёртвых», за вход в потусторонний мир в той или иной форме? Таковые науке не известны.

Однако один из вариантов буддистского погребального обряда предусматривает вкладывание монеты в рот покойного (Лестер, 1996, с. 350). В.П. Костюков особо обращает внимание, что тезис об «оболе Харона» не выдерживает критики, поскольку зачастую в золотоордынских погребениях встречаются монеты, разрубленные на части, которые по частичке вложены в рот и в руки покойного. Буддисты снабжают покойного не просто деньгами. В могиле должна содержаться какая-то

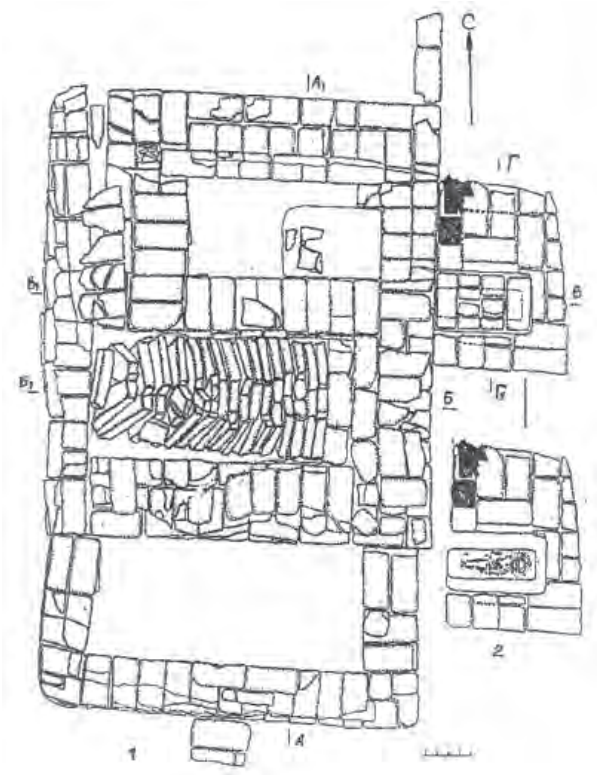


Рис. 8. Мавзолей на могильнике «Маячный бугор»: 1 – план сооружения (мавзолея); 2 – план погребения в восточной камере (по: Васильев, 1998)

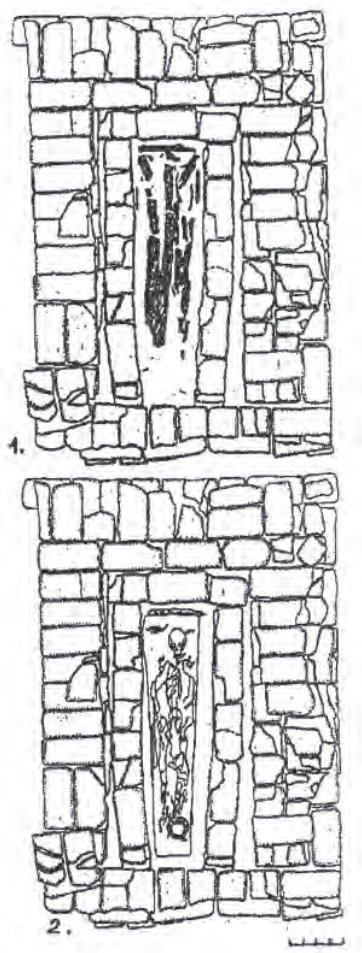


Рис. 9. Мавзолей на могильнике «Маячный бугор»: 1 – центральная камера склепа; 2 – план захоронения в центральной камере (по: Васильев, 1998)

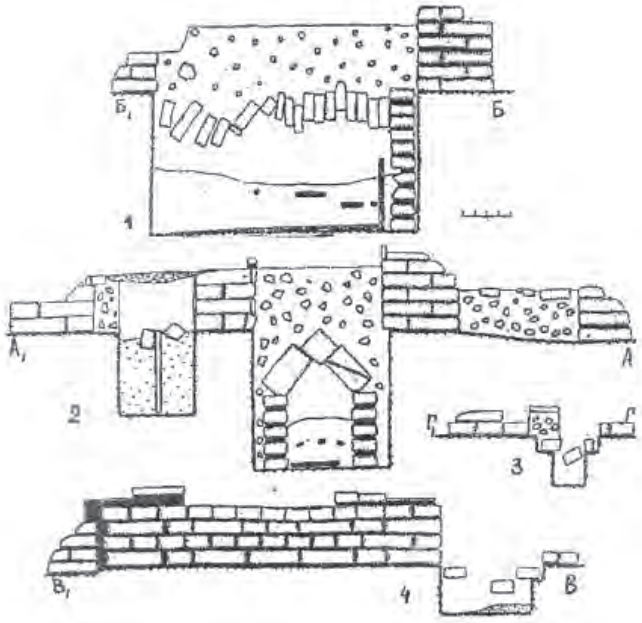


Рис. 10. Мавзолей на могильнике «Маячный бугор»:1 – профиль центральной камеры; 2 – поперечный разрез; 3 – профиль восточной камеры; 4 – разрез восточной камеры и стены мавзолея (по: Васильев, 1998)

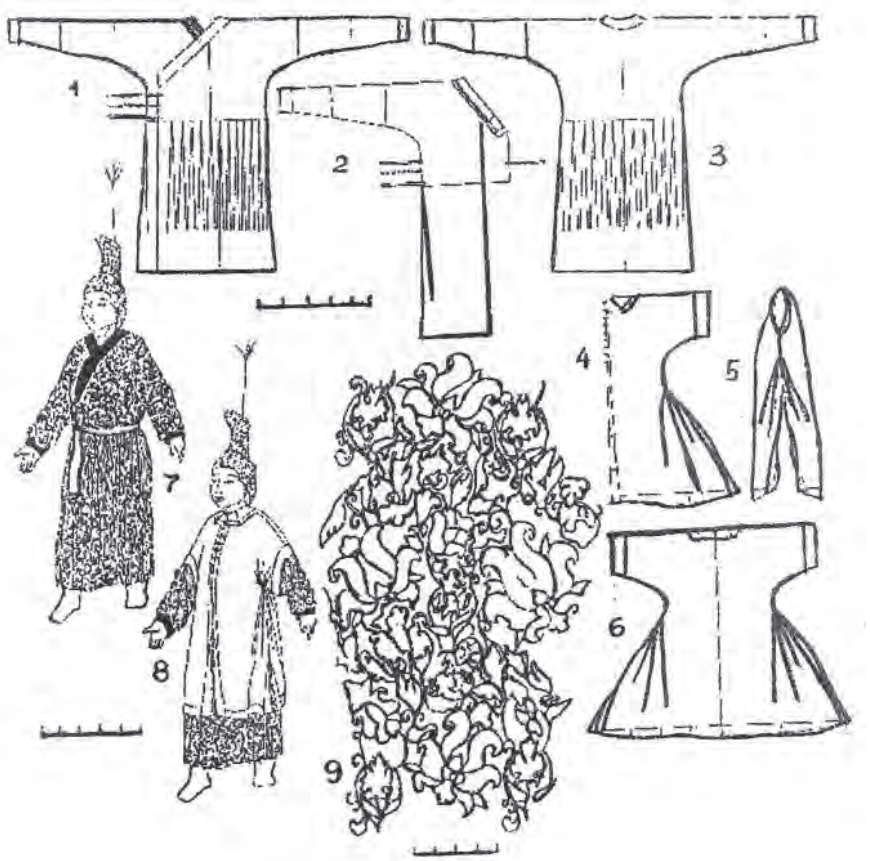


Рис. 11. Мавзолей на могильнике «Маячный бугор». Одежда погребенной:1 – нижний халат (вид спереди); 2 – нижний халат, правая передняя полка; 3 – нижний халат (вид сзади); 4 – верхний халат, левая передняя полка; 5 – верхний халат (вид слева) (реконструкция); 6 – верхний халат (вид сзади); 7 – реконструкция наряда женщины в нижнем халате; 8 – реконструкция наряда женщины в верхнем халате; 9 – деталь орнамента нижнего халата (по: Васильев, 1998)

драгоценность, это может быть золотой или серебряный предмет, парча или шёлк, деньги же представляют собой драгоценность в концентрированном виде (Костюков, 2009, с. 211–220).

В.П. Костюков описывает несколько различных обрядов захоронения буддистов-кочевников, которые сохранились в этнографических источниках – оставление на поверхности земли; «воздушное погребение» на деревьях; погребение в воде; трупоположение в земле; захоронение в каменном ящике с окружением могилы кольями со священными значками, трупосожжение (для знати и духовенства) (Костюков, 2009, с. 208). В качестве примеров он приводит характерные захоронения, соответствующие буддистским критериям, из разных частей Монгольской империи, особо обращая внимание на Нижнее Поволжье, а именно на могильник Маячный бугор, где захоронения с буддистскими признаками имеют наибольшую концентрацию (Костюков, 2009, с. 228–230).

Речь идет прежде всего о впечатляющей серии из более чем тридцати погребений с южной ориентировкой. В 20 погребениях обнаружены монеты (восемь располагались во рту погребенных, восемь – в руках, четыре – под головой), причем большая часть находок с монетами, в том числе с монетами во рту, сосредоточена в погребениях с южной ориентировкой. На Маячном бугре также открыты три погребения, совершенные по обряду трупосожжения. В двух случаях остатки кремации находились в золотоордынских красноглиняных корчагах, в одном были рассыпаны в гробу вдоль левой ноги человека, захороненного головой на юг (среди пережженных костей найдены фрагменты золотых серьги и пластинки). В последнем погребении можно подозревать проявление обрядности чжурчжэней, которые в ходе жертвоприношений на похоронах знатных лиц помещали в могилу останки сожженных слуг и лошадей (Ларичев, 1998, с. 118). В одной могиле гроб стоял на трех сырцовых кирпичах. Такие элементы вещевого инвентаря, как костяные палочки для еды, орнаменты в виде драконов, черепах, цветков лотоса, золотые и серебряные серьги в виде русской прописной буквы «б», имеют явное дальневосточное происхождение (Шавкунов, 1990, с. 269).

Особенно красноречивым фактом следует признать зарегистрированную в части погребений по-

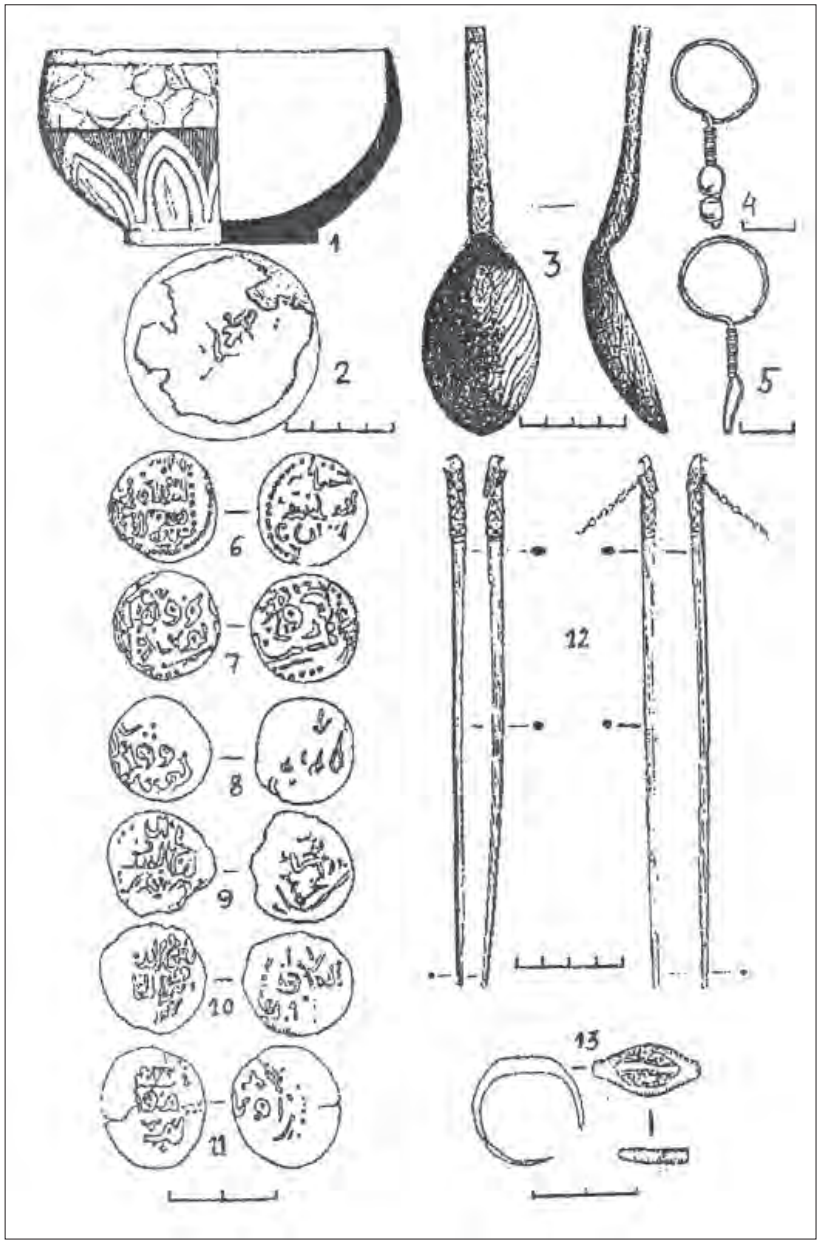


Рис. 12. Мавзолей на могильнике «Маячный бугор». Инвентарь из захоронения в центральной камере: 1 – деревянная миска; 2 – фрагмент орнамента на дне миски; 3 – деревянная ложка; 4, 5 – золотые серьги с речными жемчужинами; 6-11 – серебряные золотоордынские монеты; 12 – костяные спицы с резными навершиями; 13 – серебряный перстень (по: Васильев, 1998)

зицию кисти правой руки умершего около лица, что является характерной чертой канонической позы покойного в буддистском погребальном обряде: «рука прикрывает отверстия на лице и голове». В могилах этой группы на дне иногда встречаются следы огня (в одном случае гроб был поставлен на толстый слой углей), а также скопления семян проса, винограда, дыни. Засыпание мертвеца зернами проса, ячменя или пшеницы считается древнейшей деталью похоронного ритуала, возникшей и развившейся у оседлых народов. В Туве она сохранилась до современности в буддистском погребальном обряде. В связи с этим интерес представляют те золотоордынские кочевнические погребения, в которых засвидетельствованы находки семян культурных и дикорастущих растений. Заслуживают внимания также надмогильные сооружения, в конструкции которых есть признаки отражения буддистских правил системы мандала с входами по четырем сторонам света. На могильнике Маячный бугор было обнаружено три подобных сооружения из сырцового кирпича квадратной или близкой к квадратной форме – в одном из них были обнаружены остатки трупосожжения, обильно пересыпанные семенами культурных растений – проса, чечевицы, винограда, косточками персика и пр. Одно из квадратных сооружений содержало серебряную монету (Васильев, 2013,

с. 10–21), а в третьем – самом сложном по архитектуре – было выявлено полноценное женское захоронение в склепе, помещённое в деревянный гроб (рис. 8–12). Погребённая была ориентирована головой на восток, в качестве инвентаря в захоронении содержались два парчовых халата, кожаные сапоги с матерчатой аппликацией, берестяная бокка, обтянутая парчой, в ногах располагались деревянная миска с нарисованными на стенках лепестками лотоса, костяные палочки для еды с серебряной цепочкой, а также шесть серебряных монет (Васильев, 1998, с. 101–112).

П.В. Попов обнаруживает черты буддистского погребального обряда в захоронениях ещё целого ряда кочевнических памятников Нижнего Поволжья (Маляевка-V, к. 1; Барановка, к. 25, п. 1; Новоникольский-II, дюна 1, п. 5; Молчановка, 3-я юго-восточная впадина, к. 3; Новая Молчановка, к. 6; Элистинский курганный могильник, к. 24; Купцын Толга, к. 39, п. 1; Купцын Толга, к. 46, п. 2; Купцын Толга, к. 51, п. 1; Алебастрово, к. 5; Новый Буравль; Высокая гора, к. 2; Высокая гора, к. 3, п. 2), а также из мавзолеев (Кривая Лука XVI, к. 5; Комсомольский, мавзолей № 2; Мавзолей у с. Бахтияровка, п. 3; Водянское городище, мавзолей № 3) (Попов, 2011, с. 130–144).

Из всего изложенного выше резонно сделать вывод о целесообразности продолжения поиска признаков буддизма в погребальных памятниках как городского, так и кочевого населения Золотой Орды. Помимо обрядовых черт маркерами буддизма с известными ограничениями могут быть предметы инвентаря с буддистской символикой («ваджра», «спаренные рыбы», «пылающая жемчужина» и др.), подобные тем, что найдены в уйгурских, кимакских и кыргызских погребениях (Алёхин, 1998, с. 12–21), материалы из числа буддистских «поминальных драгоценностей» и др.

ГЛАВА 2

ЗАПАДНОЕ ПРЕДВОЛЖЬЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII – НАЧАЛЕ XV ВВ.

§ 1
Наровчатское городище и Улус Мухши

§ 2
Археологические памятники севера Нижнего Поволжья и Самарской Луки

§ 3
Юг Среднего Поволжья в золотоордынскую эпоху

§ 4
Посурье, Примокшанье и сопредельные юго-восточные территории

ГЛАВА 2
ЗАПАДНОЕ ПРЕДВОЛЖЬЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII – НАЧАЛЕ XV В.

НАРОВЧАТСКОЕ ГОРОДИЩЕ И УЛУС МУХШИ

Наровчатское городище XII–XIV вв. (Мохши) расположено на территории современного села Наровчат Наровчатского района Пензенской области на правом низинном берегу р. Мокши между притоками речек Шелдаис и Большой Лапыжовки на площади около 250 га. Впервые упоминается В.М. Терехиным в 1893 г. (Терехин, 1893; 1901). Название города «Мохши» впервые выявлено Х.М. Френом в 1832 г. на золотоордынских монетах (Френ, 1832). В 1916 г. А.А. Кротков пришел к выводу, что Наровчатское городище является золотоордынским городом Мохши (Лебедев, 1958). В 1925 и 1927 гг. на территории Наровчатского городища А.А. Кротковым была проведена комплексная экспедиция с участием Б.Н. Гвоздева, А.А. Гераклитова, Б.С. Жукова, Н.И. Спрыгиной (Иконников, 2006). В ходе раскопочных работ этих двух лет были выявлены не менее трех кирпичных зданий на территории Соборной площади и в местечке Мизгить, собрана крупная коллекция фрагментов гончарной керамики и лепной посуды XII–XIV вв., фрагменты керамических водопроводных труб, медные украшения и железные изделия. Изучение собранных на городище монет позволило установить, что большинство из них имело чекан Мохши (Кротков, 1923; 1928; 1929; 1939). Все это позволило окончательно отождествить Наровчатское городище с золотоордынским городом Мохши.

В дальнейшем раскопки на Наровчатском городище проводились А.Е. Алиховой (Алихова, 1948), исследовавшей Старосотенский могильник, гончарные горны, мавзолеи Наровчатского могильника, бани (Алихова, 1973; 1976). В 1989–1997 гг. раскопки проводились под руководством Ю.А. Зеленеева (Зеленеев, 1994), в 2000-х гг. под руководством Г.Н. Белорыбкина и Т.В. Осиповой.

В результате проведенных исследований было установлено, что планировочная структура Наровчатского городища сходна со структурой большинства нижневолжских столичных центров Золотой Орды. Усадьбы знати и административных верхов располагались в городе без видимого порядка, часто за его пределами, не создавая определённого городского центра (Бочкарева, 2010) (рис. 1).

Архитектура города Мохши во многом носила монументальный характер. Многие здания были построены из кирпича. Большое число сооружений было снабжено подпольным отоплением. В центральной части города была построена белокаменная мечеть, камни от которой дошли до нашего времени.

Известняковые белые камни представлены как крупными блоками, так и небольшими деталями (рис. 10). Высота больших блоков в среднем 40–60 см, длина – более 80 см, ширина – более 40 см. Большинство камней ровно обтесаны и не имеют узоров. В то же время встречаются и орнаментированные блоки, украшенные рядами простых геометрических узоров в виде полос, дуг и ромбиков, тупоугольных треугольников. Внутри каждого такого треугольника помещалось изображение восьмиконечной звезды, украшенной изображениями ромбиков. Кроме того, декор треугольников, особенно в верхней их части был усложнен растительным орнаментом. Аналогии этому орнаменту без труда можно найти на территории золотоордынских памятников. К примеру, прототипы мотивов обоих декоративных поясов можно встретить в орнаменте Малого минарета в Болгаре золотоордынского времени. Так, декоративный пояс в виде дуг и ромбов имеет явное сходство с верхним декоративным поясом Малого минарета. Разница состоит только в том, что наровчатский узор несколько проще по исполнению. Мотив орнамента в виде восьмиконечной розетки также присутствует на Малом минарете. «Орнаментация Малого минарета напоминает собою орнаментальные пояса ряда памятников IX–XI вв. в Средней Азии и Иране, но наиболее близки ей украшения на глиняных и металлических предметах из Болгара, в частности круг с включенными восемью пересекающимися стрельчатыми арками, что являлось излюбленным мотивом болгарских ремесленников XII–XIV вв.» (Смирнов, 1951).

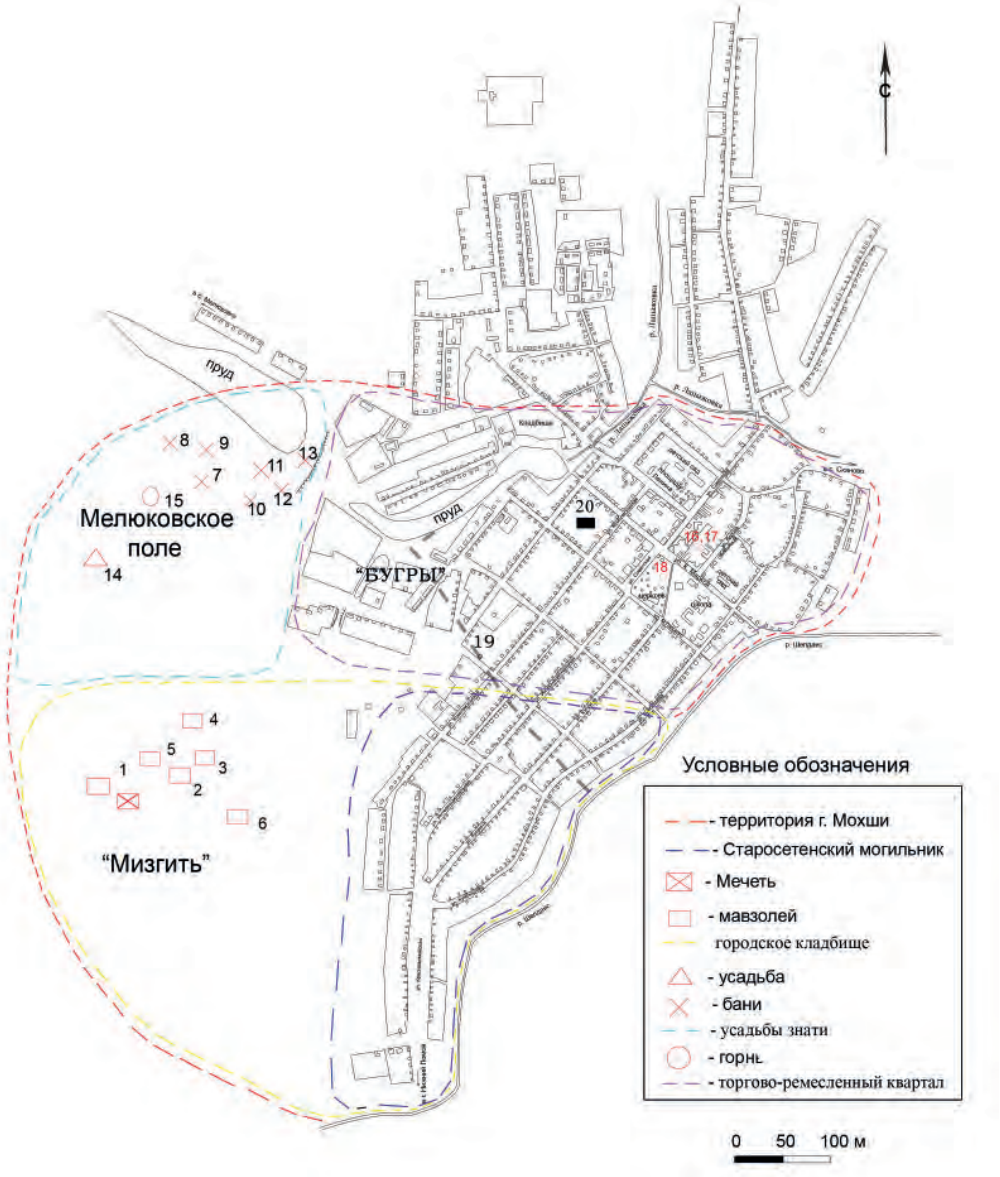


Рис. 1. План Наровчатского городища (Мохши) (составлен Е.Е. Бочкаревой)

1-5 – мавзолеи (раскопки А.Е. Алиховой, 1959–1960 гг.); 6 – мавзолей (раскопки А.А. Кроткова, 1925 г.); 7 – баня (раскопки А.А. Кроткова, 1925 г); 8-13 – бани (раскопки А.Е. Алиховой, 1959–1963 гг.); 14 – усадьба (раскопки Г.Г. Румянцева, 1997 г); 15 – горн для обжига кирпича (раскопки А.А. Кроткова, 1925 г.); 16, 17 – горны (раскопки А.Е. Алиховой, 1957–1959 гг); 18 – керамическая мастерская (раскопки Ю.А. Зеленеева, 1989–1990 гг); 19 – вал; 20 – Караван-Сарай

На камнях, как правило, имеются выемки в виде прямоугольной трапеции в нижней части и углубления округлой формы, Т-образное углубление в боковой части, служившие, судя по всему, для фиксации строительных деталей и скрепления блоков между собой.

Есть основания полагать, что обработка известняка осуществлялась тут же, на территории городища. Об этом свидетельствуют находки камней со следами незаконченной обработки камнерезным инструментом с зубчатой рабочей поверхностью. Большое количество осколков каменной облицовки было встречено и в ходе раскопочных работ в местечке Мизгить, где в золотоордынское время располагалось кладбище и, возможно, кирпичная мечеть. Эти фрагменты весьма разнообразны по форме. Но большую часть этой категории предметов объединяет то, что они сильно фрагментированы, и потому орнамент, которым они были покрыты, не подается восстановлению.

Рядом с мечетью существовал мусульманский могильник. Вокруг находилась ремесленная зона и торговые ряды. Среди мастерских преобладали гончарные, о чем свидетельствуют многочисленные гончарные горны. Здесь же располагались дома рядового населения города. Рядом располагался караван-сарай.

Рис. 2. Карта распространения монет с чеканом Мохши

На западной окраине города были обнаружены также следы чайханы. В городе имелся водопровод из керамических труб, что говорит о весьма развитой инфраструктуре. Примечательно также было и то, что на окраине города была развернута сеть бань (рис. 11), в том числе и одна общественная баня. Возле них сохранились остатки земляных оборонительных сооружений «Бугры», которые, вероятнее всего, относятся к домонгольскому периоду существования Наровчатского городища.

Основное городское кладбище располагалось на южной окраине города и, как в остальных золотоордынских городах, было вынесено за его пределы. Отличительной особенностью кладбища является соединение мусульманского могильника «Мизгить» с мавзолеями и грунтовыми захоронениями «Наровчатского могильника» и языческого грунтового мордовского могильника «Старосотенский».

Отличительной чертой города была неравномерность застройки, которая характеризуется плотно застроенным центром, вокруг которого располагались усадьбы на значительном удалении друг от друга.

Сооружения. Караван-сарай имел более 20 м в длину, а толщина стен достигала 90 см. Они были сложены из кирпича. Внутри находились небольшие комнаты для отдыха и хранения товаров. Имелось подпольное отопление.

Исследованные мавзолеи (рис. 12) можно разделить на три группы: а) мавзолеи крупных размеров с крестообразной планировкой, общая длина этих сооружений составляла 18,5 м; б) мавзолеи квадратной или прямоугольной в плане формы с выступами за пределами постройки, их размеры составляли 12,2×7,1 м; в) мавзолеи, представлявшие собой крупные вытянутые здания размером примерно 13×10,8 м, разделенные перегородкой на две половины, первая из которых была преддверием с открытым входом длиной 2,7 м с юго-юго-восточной стороны.

Все мавзолеи сделаны из кирпича и снаружи иногда декорированы либо керамической плиткой, покрытой поливой, либо штукатуркой.

Общественная баня представляет собой кирпичное сооружение с несколькими мыльнями. Здание состояло из основной части, имевшей прямоугольную в плане форму и размер 11×10,5 м, служившей непосредственно для мытья, и печи, примыкавшей в северной стене основного сооружения длиной 3,2 и шириной 5,7 м. Общая длина этой бани составляла 14 м.

Фундамент этого здания был сложен из бутового камня, накрытого сверху тремя рядами ква-

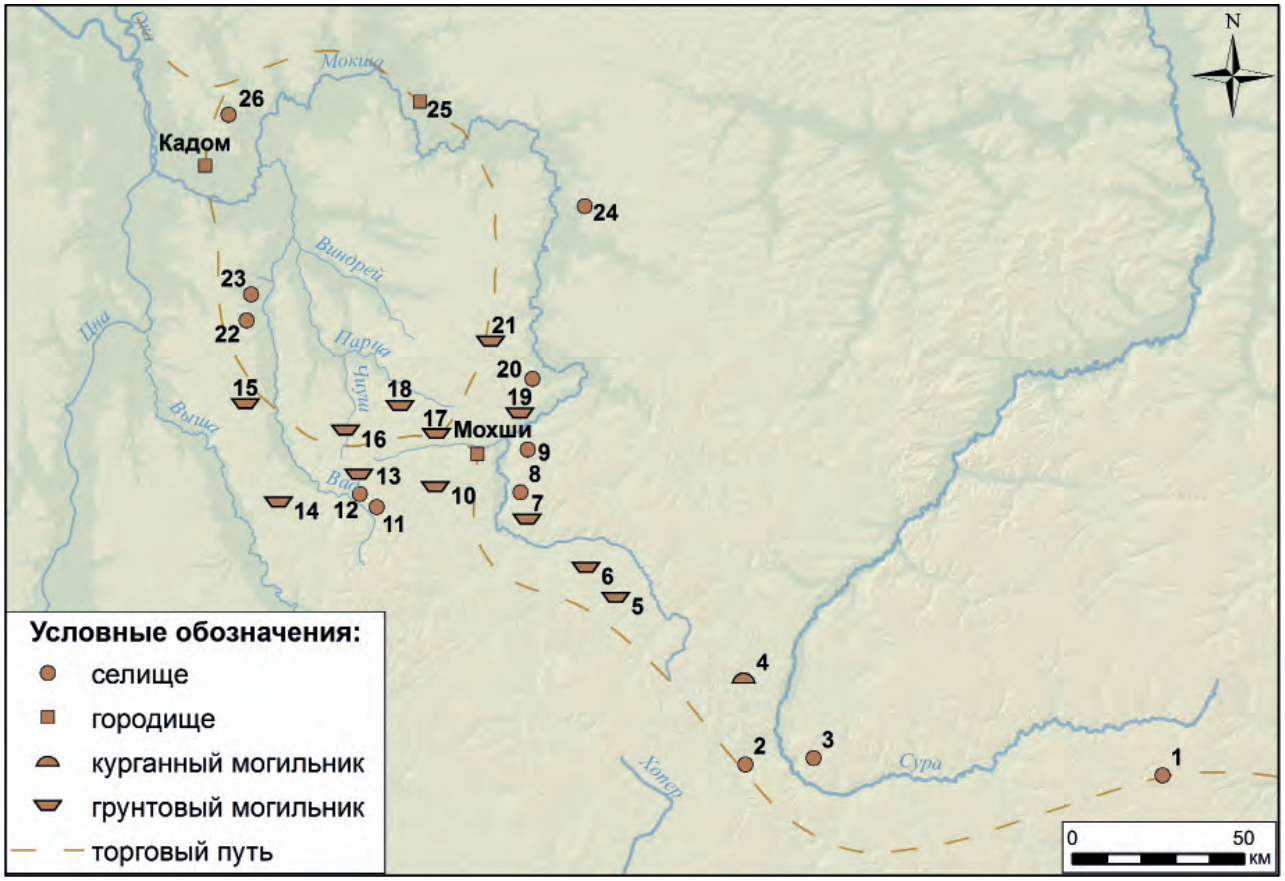


Рис. 3. Карта памятников Наручадской Страны. 1 – селище Никольское; 2 – селище Александровское; 3 – селище «Калашный Затон»; 4 – курганы Рамзайские; 5 – могильник Чернозерский; 6 – могильник Долгоруковский; 7 – могильник «Казбек»; 8 – селище «Красный Восток»; 9 – селище Скановское; 10 – могильник Старосотенский; 11 – селище Кармалейское; 12 – селище «Попова поляна»; 13 – могильник Кармалейский, 14 – могильник Сядемский; 15 – могильник Старобадиковский; 16 – могильник Пичпандинский, 17 – могильник Наровчатский; 18 – могильник Беднодемьяновский; 19 – могильник Паньжинский; 20 – селище Полянки; 21 – могильник Ефаевский; 22 – селище Дубитель II; 23 – селище Дубитель I; 24 – селище Клюквенское; 25 – городище Итяковское; 26 – селище Кокуй

дратных кирпичей. Отопление здания было подпольным. Пол был поднят над землей при помощи кирпичных столбиков по 10 кирпичей (каждый кирпич был высотой около 6 см), поверх которых было настелено еще два ряда керамических плит. В образовавшийся зазор между землей, на которой покоились кирпичные столбики, и нижней частью пола впускался горячий дым из печи, который, циркулируя в подполье, обогревал пол снизу

Толщина основных стен колебалась от 85 до 90 см. Планировка здания была крестообразной. В четырех углах сооружения, имевшего в плане форму прямоугольника, располагались четыре небольшие угловые комнаты. Предположительно, это были мыльни. По-видимому, они закрывались деревянными дверями, располагавшимися не в одной из стенок, а в угловой части помещения. Размеры каждой такой мыльни составляли примерно 3,2×3,2 м. Они были отделены от основного центрального помещения стенами-перегородками толщиной 60 см.

Между двумя мыльнями, располагавшимися у южной стены имелось и еще одно помещение прямоугольной формы, ограниченное с юго-восточной и северо-западной стороны стенами мылен длиной около двух метров каждая, с юго-запада массивной стеной бани и с северо-востока легкой перегородкой толщиной в один кирпич. Примечательно, что это помещение покоилось не на полу, а на самом дне постройки. Сохранились остатки кирпичного пола этого сооружения, обнаруженные на одном уровне залегания с основаниями кирпичных столбиков (Алихова, 1976, с. 169–170). Следов входа в это помещение не прослеживается, из чего А.Е. Алихова делает вывод, что, вероятней всего, помещение было замкнутым со всех сторон и служило либо бассейном для хранения воды, либо купальней. В центральной части помещения располагался водоем размером 2,6×2,4 м. Он был сработан из кирпича на алебастровом и известняковом растворах и представлял собой прочное, почти квадратное в плане соору-

Рис. 4. Типы серебряных монет с чеканом Мохши

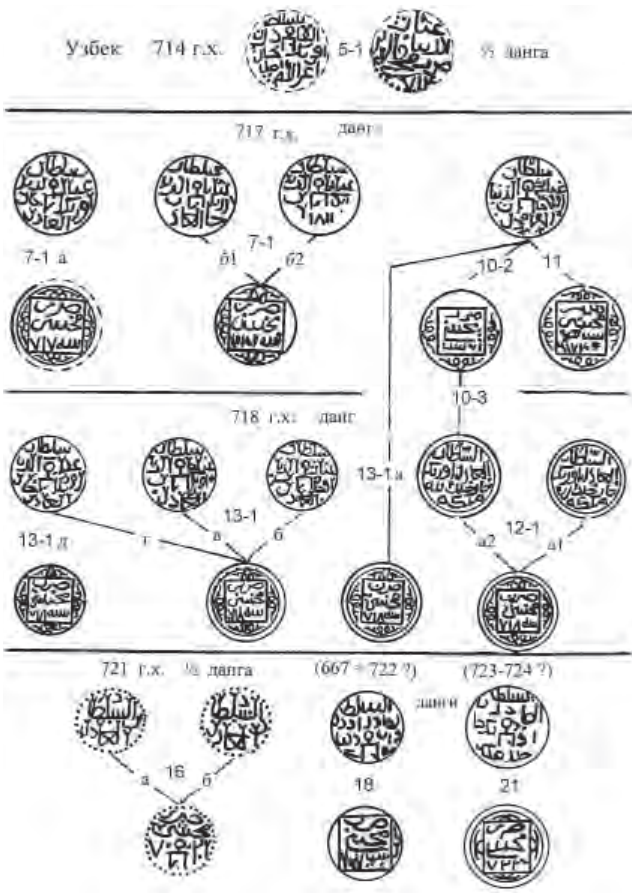


Рис. 5. Типы серебряных монет с чеканом Мохши

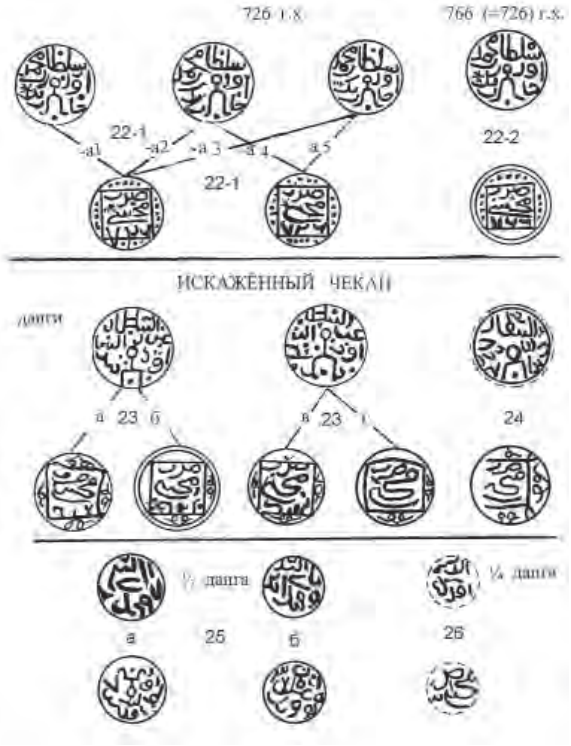


Рис. 6. Типы серебряных монет с чеканом Мохши

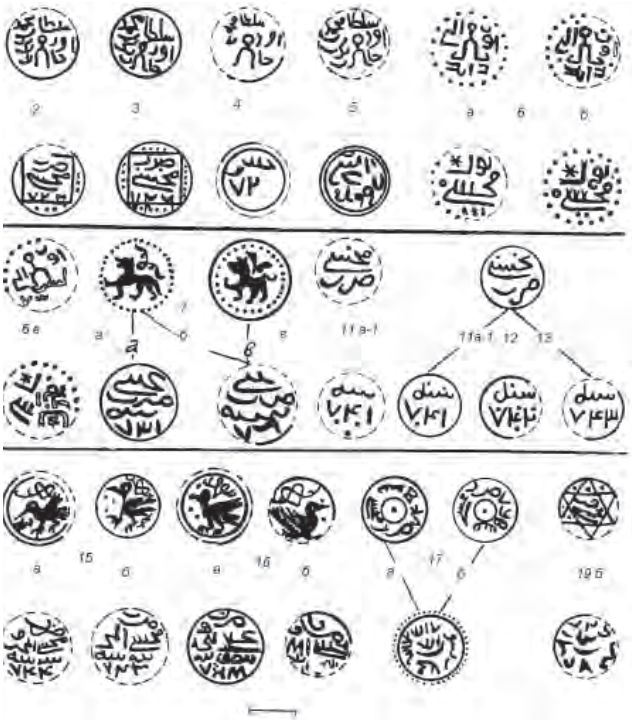


Рис. 7. Типы медных монет с чеканом Мохши

Рис. 8. Типы медных монет с чеканом Мохши

Рис. 9. Типы медных монет с чеканом Мохши

жение, в центре которого имелось округлое углубление диаметром 1,2 м с плоским дном, которое было выложено кирпичами. Интересно, что в центральной части водоема был найден фрагмент водопроводной трубы с характерным раструбом, на основании находки которого А.Е. Алихова заключает, что здесь располагался фонтан.

Частные бани, сделанные из сырцового и обожженного кирпича, были в основном квадратные и имели в среднем размер 4×4 м. Везде имелось подпольное отопление, и в углу располагалась топка с околопечной ямой. Были и прямоугольные бани размером 13,3×5,6 м.

Согласно типологии Э.Д. Зиливинской, все частные бани города Мохши относятся к варианту А типа I. К этому типу относятся бани «…с прямоугольными в плане помещениями, расположенными в один ряд» (Зиливинская, 2001, с. 203). Вариант А этого типа объединял бани с одним капитальным помещением, имевшие, предположительно, каркасный предбанник. Общественную баню города Мохши Э.Д. Зиливинская относит к наиболее распространенному в золотоордынское время типу III. Бани этого типа отличаются крестообразной в плане формой центрального зала. Аналогии мохшинской общественной бане можно найти в Болгаре (Красная и Белая палаты), на Селитренном и на Кучугурском городищах. Бани I типа продолжают античные строительные традиции, а тип III относится к восточной традиции (Зиливинская, 2001, с. 190).

Чайхана (постройка 3 по А.Е. Алиховой) – здание размерами 7,8×6 м, «…располагалось в центре поля на самом высоком месте. Оно имело фундамент толщиной 70 см, сложенный из обожженного кирпича. Он залегал в слое чернозема, на глубине 40 см от материка, фактически у самой поверхности того времени. Вход в чайхану располагался с северной стороны. С боков он был огражден кирпичными стенами длиной 2,2 м и шириной 60 см. Внутри сооружения, вдоль восточной стены был сооружен канн, под которым проходили два дымохода, сделанных из поставленных на ребро половинок кирпича. Главной отличительной особенностью, позволяющей судить о назначении этой постройки, является расположенный в центре погреб» (Алихова, 1976, с. 176–178).

В постройках города Мохши отчетливо прослеживаются четыре архитектурных традиции. Болгарская традиция проявилась в строительстве Соборной мечети и мавзолеев. Среднеазиатская традиция нашла свое отражение также в строительстве мавзолеев и бань. Античная и особенно азербайджанская традиции проявились в банной архитектуре города Мохши. Смешение стилей говорит о разноэтничности господствующего в городе социального слоя и подтверждает факт вывоза монголами ремесленников из других регионов.

Материальная культура Наровчатского городища представлена многочисленными орудиями труда, изделиями и нумизматическим материалом.

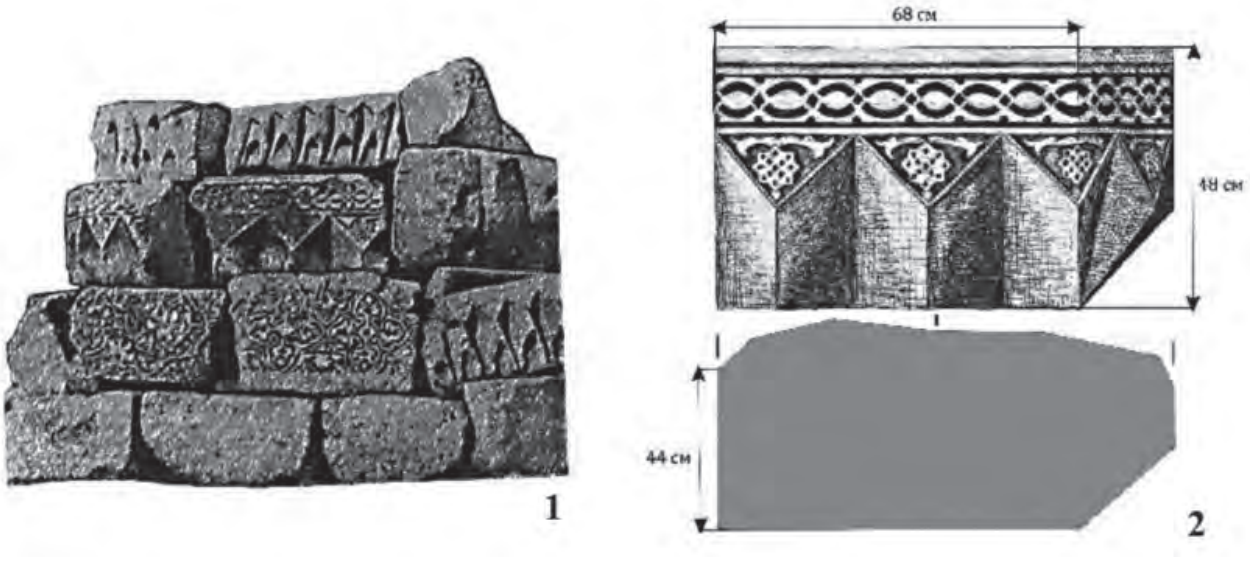


Рис. 10. Камни мечети: 1 – фотография камней, встреченных в ходе строительных работ на Соборной (Советской) площади в 1870 г.; 2 – внешний вид и сечение каменной плиты с Наровчатского городища. Соборная (Советская площадь)

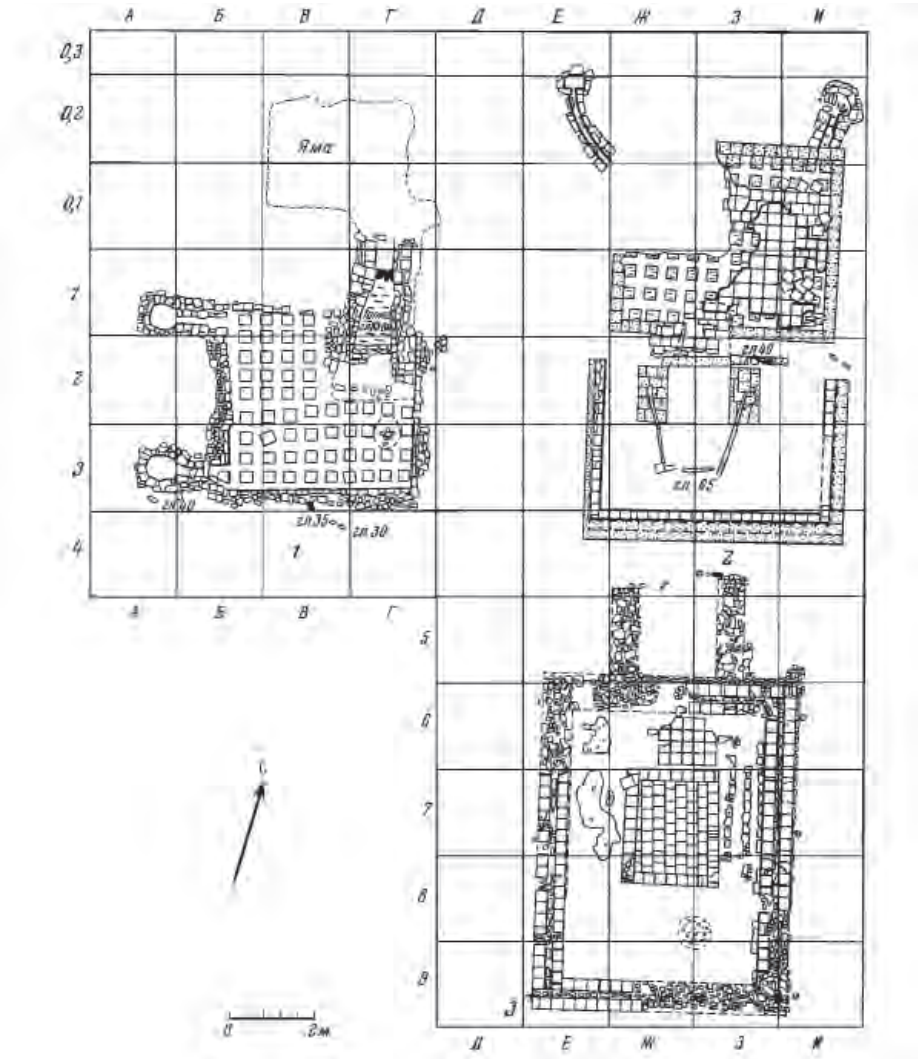


Рис. 11. План раскопа I в урочище Красный Ключ с остатками построек 1, 2 (частные бани) и чайханы (по: Алихова, 1976)

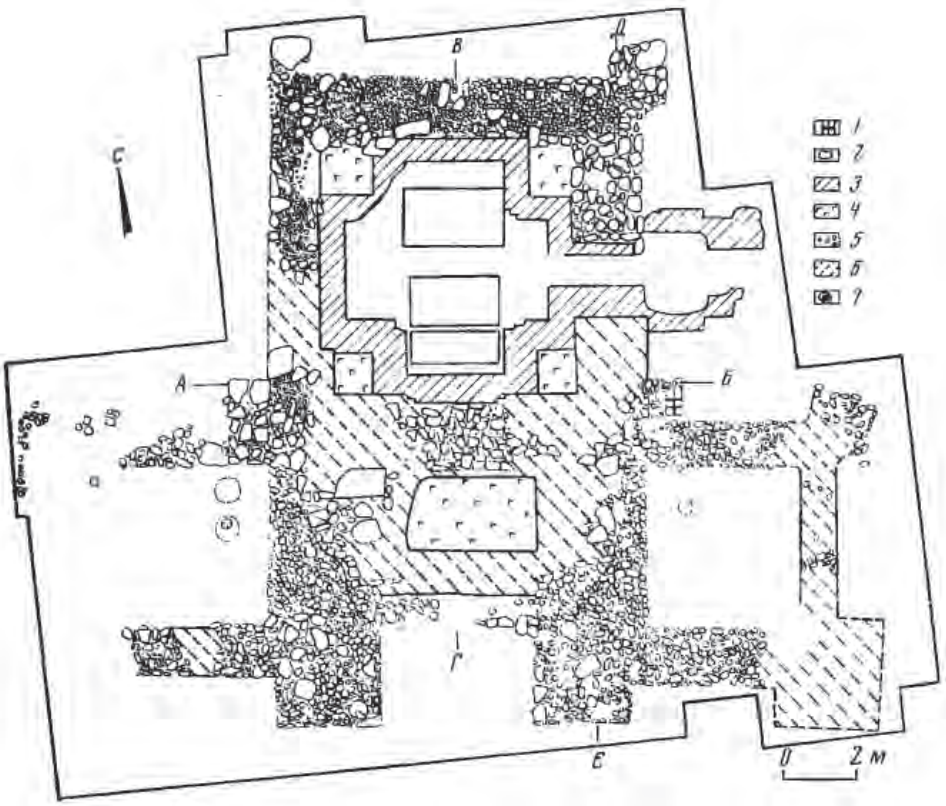


Рис. 3. Мавзолей № 1 (по: Алихова, 1973) 1 – кирпичная кладка; 2 - бутовый камень; 3 – кладка склепа; 4 – чернозем; 5 – кирпичная щебенка; 6 – перекоп-следы стен; 7 – столбовые ямы

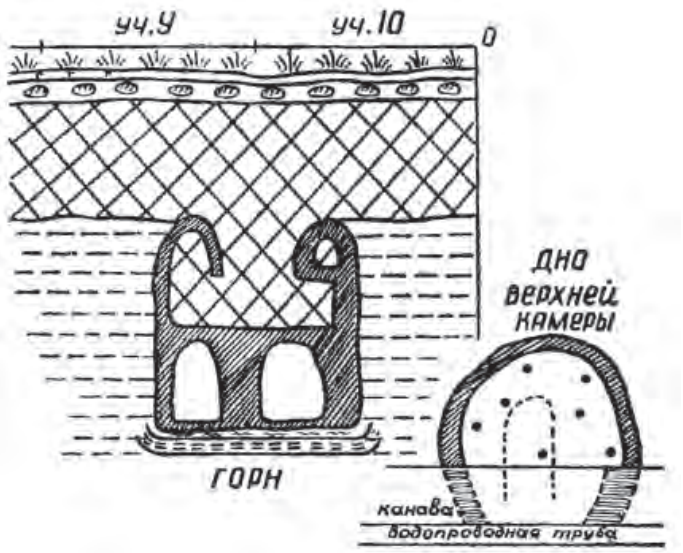


Рис. 13. Гончарный горн (по: Алихова, 1969)

Занятия сельским хозяйством характеризуют находки земледельческих орудий труда (лемехи с правосторонней асимметрией, жернова и серпы) и многочисленные зерновые ямы как на самом городище, так и в его окрестностях. Железные лемехи XIV в. найдены у с. Дмитриево-Поливаново и на селище Полянки (Паньжа) XIII–XIV вв.

Животноводство представлено костями трех видов домашних животных – крупного рогатого скота, мелкого рогатого скота и лошадей. Детали конского снаряжения (стремена, подкова и т. д.) позволяют сделать вывод о развитом коневодстве и использовании лошади в качестве транспортного средства.

Ремесло характеризуется такими видами, как железоделательное, медеплавильное, ювелирное, деревообрабатывающее, косторезное, прядильное. В металлургии обрабатывались железо, медь,

бронза, олово и серебро, употреблялся такой прием металлообработки, как литье в тиглях.

О развитии гончарного дела свидетельствуют наличие разнообразной по форме и назначению посуды, а также горны для ее обжига (рис. 13). Все горны, обнаруженные в центральной части Наровчатского городища, относятся к типу двухкамерных и очень близки друг другу по форме.

Керамический комплекс состоит из трех групп: красноглиняная золотоордынская керамика, местное подражание болгарской и золотоордынской керамике, мордовская лепная керамика (Курочкина, 2010). Ордынская керамика представлена такими формами, как хумчи, тарные кувшины, крупные кувшины, амфоровидные кувшины, афтоба, котлы, горшки, гульабданы, тагора (ямы), трубы-кубуры, чаши на кольцевом поддоне, крышки, светильники (рис. 14: 1–10).

Местные формы гончарной керамики уходят корнями в домонгольский период и обнаружены практически во всех памятниках вдоль р. Мокши. Для местной гончарной посуды характерна повышенная запесоченность теста, наличие коричневой и темно-красной обмазки, поверх которой часто наносили декоративное лощение. Сред форм встречаются невысокие горшки с максимальным диаметром тулова выше середины, чаши, остроребeрные миски (рис. 14: 11–15).

Распространена была и лепная посуда в виде горшков с цилиндрическим горлом, переходящим в профилированное тулово, которое могло иметь выпуклые бока или ребро на середине своей высоты, и миски с остроребeрным туловом (рис. 14: 16–19).

Кроме керамики местного производства на городище были найдены привозные изделия из других центров: болгарские кувшины, русские горшки, кувшины с зеленой поливой из Крыма, сероглиняные штампованные узкогорлые кувшины из Хорезма. Также при раскопках были найдены красноглиняные сфероконусы, шарики (рис. 15: 5–8; 16), кубики, пряслица, грузила.

Имеется небольшое количество привозной поливной керамики. Это красноглиняные чаши на кольцевом поддоне, покрытые зеленой и желтой поливой с гравировкой и резервом по ангобной подгрунтовке. Также встречены кашинные чаши с подглазурной росписью ангобом и сине-зеленой росписью под прозрачной поливой, с темно-синей росписью под бирюзовой поливой.

На Наровчатском городище и в его окрестностях было встречено большое количество предметов, свидетельствующих о развитом деревообрабатывающем ремесле. К ним можно отнести топоры, тесла, пробойники, пилы, скобелки, стамески, скобы и декоративные накладки для деревянных изделий. Эти находки говорят о применении ряда технических приемов работы с деревом: рубка, для которой служили топоры, распиловка деревянных плах, выдалбливание пазов и деревянных полостей, о чем говорят находки крупных тесел. Внутренние полости деревянных изделий обрабатывались специальными инструментами – скобелками. Не исключено также, что было развито бондарное ремесло. Детали деревянных изделий скреплялись между собой гвоздями и скобами различных форм.

Косторезное ремесло представлено ручками, навершиями и перекрестьями ножей, шахматными фигурками (рис. 15: 3, 4), музыкальными инструментами (рис. 15: 2), элементами декора для бытовой утвари и т. д. Стоит отметить, что местные мастера-косторезы достигли известных высот в своем творчестве. Ими применялись различные приемы обработки кости и различные типы орнаментов: линейный, черточный, геометрический, растительный, точечно-циркульный. Особо стоит отметить, что есть основания считать, что местные мастера пользовались при работе токарным станком.

Наличие текстильного домашнего ремесла подтверждается большим количеством глиняных пряслиц.

В золотоордынское время мы можем наблюдать сложную картину смены различных ремесленных традиций изготовления разнообразных предметов быта. Производство некоторых не претерпело серьезных изменений по сравнению с домонгольским временем (ножницы, пряжки, булавка и бронзовая посуда).

Большие изменения следует отметить в морфологии ножей и замков. На домонгольских памятниках болгарского типа Верхнего Посурья и Примокшанья наибольшее распространение получил тип ножей с прямой спинкой, в Мохши большая часть ножей имела изогнутую спинку, что говорит об изменениях ремесленных традиций. Стоит отметить и изменение пропорций замков, и их орнаментации. Все это говорит о серьезных сдвигах в области ремесла на памятниках золотоордынского времени. Стоит отметить, что изменения в традиции изготовления замков близки эволюционным изменениям данных изделий, характерных для золотоордынского Поволжья в целом.

С другой стороны, на Наровчатском городище появляются предметы, которые не были свойственны домонгольским памятникам болгарского типа Верхнего Посурья и Примокшанья, например, бронзовые зеркала восточного типа. Новым для этого региона стало употребление чугунной посуды.

Рис. 14. Керамика золотоордынского Мохши (составлено С.А. Курочкиной).

Золотоордынская керамика: 1 – одноручный кувшин со сливом; 2 – амфоровидный кувшин; 3 – гульабдан; 4 – чаша на кольцевом поддоне; 5 – труба-кубур; 6 – чаша на кольцевом поддоне ангобированная; крышка ангобированная; 8 – светильник-чайничек; 9 – афтоба с лощением и ангобом; 10 – горшок двуручный с лощением и ангобом.

Местное подражание болгарской и золотоордынской керамике: 11 – горшок с лощением и ангобом; 12-13 – миски с лощением и ангобом; 14-15 – миски красноглиняные.

Местная лепная керамика: 16 – 18 – горшки лепные; 19 – миска лепная

Большое значение для местной экономики имела торговля. Выявляются два наиболее значимых направления торговли – западное, то есть русское, и восточное. Под восточным направлением торговых связей следует понимать торговлю с центральными районами Волжской Болгарии. На Старосотенском и Ефаевском могильниках встречены предметы, говорящие о торговле местной мордвы с Волжской Болгарией и русскими княжествами. В то же время есть многочисленные свидетельства торговых связей с Востоком, в частности со Средней Азией.

На городище нередко встречается оборонительное вооружение (щиты и кольчуги). Стоит отметить также большое количество наконечников стрел, в том числе и бронебойных, что говорит о том, что мохшинский гарнизон широко использовал для военных целей стрелковое оружие – луки и, возможно, арбалеты. Судя по всему, для ближнего боя употреблялись сабли, кинжалы и тесаки.

В Верхнем Примокшанье мы имеем дело со сложным комплексом украшений, который включает как изделия мордовской ремесленной традиции: сюльгамы, браслеты, подвески, так и типично золотоордынские украшения: нашивки, подвески, браслеты, бусы (рис. 15: 9–12). Наряду с массовыми украшениями на городище встречаются и культовые предметы, как языческие, так и христианские (рис. 15: 1). Особый интерес вызывают предметы, на которых нашли отражение мусульманские традиции: ложка с минаретом, амулет с лунным календарем (рис. 17, 18). Все это свидетельствует о широком представительстве населения Наровчатского городища.

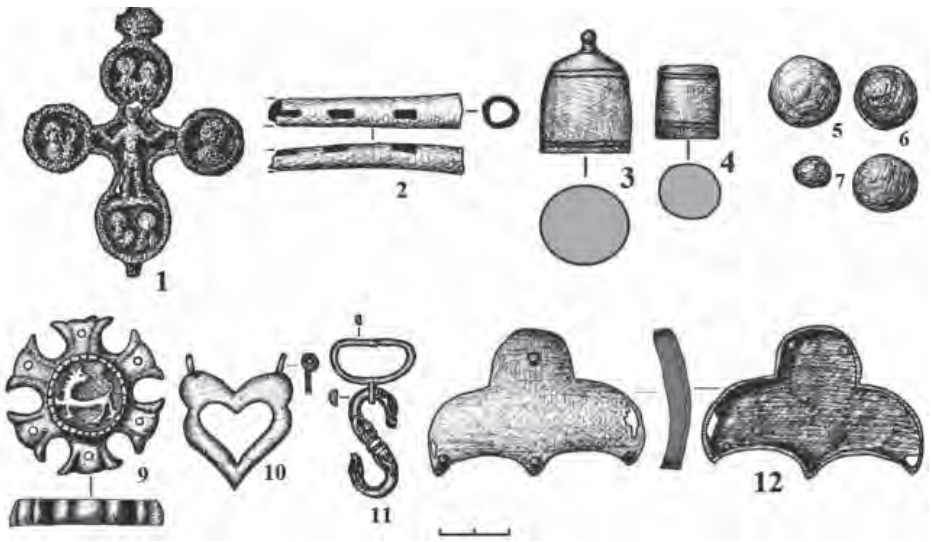


Рис. 15. Находки с территории Наровчатского городища. 1 – крест-энколпион, найденный в районе строительства Нефтебазы; 2 – флейта; 3–4 – шахматные фигурки; 5–8 – шарики; 9–12 – накладки и подвеска. 1, 9–11 – медный сплав; 2–4 – кость и рог; 5–8 – глина; 12 – железо

Серебряный чекан г. Мохши начался при Токте выпуском его именных дирхемов 709 г. х. (1309 г.) впервые с указанием названия этого города (рис. 2; 4: 1). Предполагается, что в Мохши были направлены специалисты-чеканщики из Укека, монетный двор которого был закрыт. С воцарением Узбека мохшинский монетный двор регулярно выпускал данги с его именем с 713 по 726 гг. х. В первый год чеканилось три номинала: ~1,5-граммовый данг и фракции в ½ и ¼ его части (рис. 4: 2). В последующие годы чеканились преимущественно данги, а из фракций выявлены только ½ данга 714, 721 гг. х. и не датированные ½ и ¼ данга с очень искаженными легендами (рис. 4: 3, 4; 5–6). Серебряные монеты Мохши последующих ханов достоверно не известны (Лебедев, 2010).

Медный чекан Мохши в типологическом отношении более разнообразен и продолжался на три десятилетия дольше, чем серебряный (рис. 7–9). Самой ранней его монетой считается анонимный и недатированный пул с тамгой дома Бату и неоднозначно читаемой легендой. Отнесение этого пула к чекану Мохши мотивируется тем, что он часто встречается на территории Наровчата и один из возможных переводов его легенды: «чекан Нуриджана» (Янина, 1970).

Мохшинский именной медный чекан Токты неизвестен, а самые ранние пулы Узбека, на которых помещено его имя, датированы 717 г. х. С начала 1330-х гг. они стали анонимными, как и при последующих ханах вплоть до Кильдибека. Часть его пулов 762–763 гг. х. также анонимна, но большинство пулов 763 г. х. именные. В середине 60-х гг. XIV в. г. Мохши был захвачен Тагай-беком, который не стал помещать на мохшинских монетах имя верховного хана, а указал только свое. На части его монет имеется надпись: «чекан Мохши», а на других вновь появилось название «Нуриджан» или «Нуричат», но теперь в другом варианте исполнения. В 768 г. х. Пулад-Тимур, по-видимому, на монетном дворе Мохши выпустил свои пулы без указания места чекана. Медные монеты Мохши более позднего времени достоверно не известны.

Улус Мохши. В составе Золотой Орды на границе с Русью на рубеже XIII–XIV вв. возник улус Мохши. На Руси эти земли получили название «Наручадской Страны» (ПСРЛ, т. 11, с. 5). Она располагалась в среднем течении р. Мокши на границе современной Пензенской области и Республики Мордовия. Столица улуса – город Мохши – находилась на территории современного с. Наровчат, где сохранились следы Наровчатского городища. В результате изучения городища и окрестных памятников XII–XIV вв. (А.А. Кротков, А.Е. Алихова, В.И. Лебедев, М.Р. Полесских, Э.Д. Зиливинская, Ю.А. Зеленеев, Г.Н. Белорыбкин, С.В. Белоусов и др.) удалось раскрыть основные вехи в истории как города, так и улуса Мохши.

Город, вероятно, возник в XI–XII вв. и был частично разрушен в ходе нашествия войск Батыя на Русь в 30–40 гг. XIII в. Об этом свидетельствуют многочисленные легенды о княгине Нарчатке (Белорыбкин и др., 1999). Затем его окрестности, как и все Примокшанье, несколько раз подвергалось опустошительным набегам монголо-татар: в 1252, 1281, 1288, 1293 гг. Часть населения была уничтожена, часть переселилась, а часть вошла в состав монгольского войска (ПСРЛ, т. X, с. 211). Земли по бассейну реки Мокши и Суры играли важную роль в хозяйстве Золотой Орды, являясь основным поставщиком хлеба, меда, воска и продуктов охо-

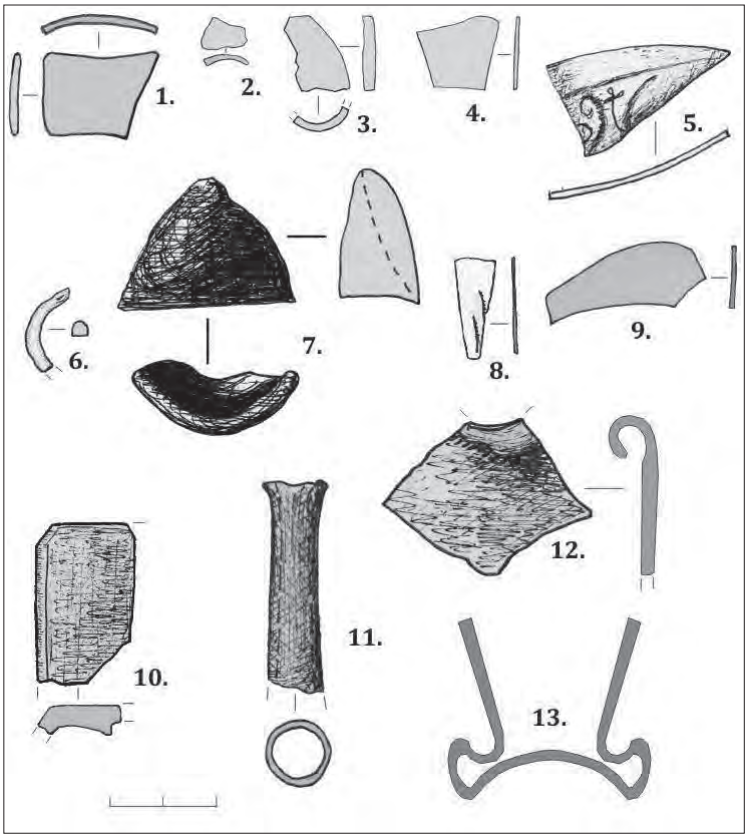


Рис. 16. Стеклянные изделия (составлено Д.С. Иконниковым): 1–12 – осколки стеклянных изделий (1–3 – Мизгное поле; 4–5 – Нефтебаза; 10 – Советская площадь; 11 – Красный Ключ; 12 – местонахождение не известно); 13 – разрез поддона стакана (12) (тип 2б по: Валиулина, 2001)

Рис. 17. Подвеска с лунным календарем

Рис. 18. Ложка с гравировкой

ты (Кротков, 1928, с. 77). В результате город возродился и к концу XIII в. превратился в крупный экономический и торговый центр Примокшанья.

В 1312 г. умер хан Токта и власть в Орде захватил Узбек. Желая ослабить позиции столичной знати, он уезжает со своими приближенными из Укека на север в Нуриджан. После переноса сюда столицы в город стали стекаться богатства, что привело, с одной стороны, к развитию ремесла и торговли в городе, а с другой – к обнищанию местного населения в ближайшей округе. Об этом свидетельствуют материалы поселений (селища Полянки, Дубитель 1, Кокуй) и инвентарь в погребениях городской мордвы на Старосотенском

могильнике на юго-западной окраине города и в других могильниках Примокшанья (Акимовщина, Беднодемьяновский, Казбек) (Белорыбкин, 2003). В то же время в городе начинается строительство жилых домов, мечетей, караван-сараев, личных и общественных бань и других строений из кирпича и камня (Кротков, 1938; Алихова, 1976; Зиливинская, 1990). На западной окраине города в районе под названием Мизгить появляется мусульманское кладбище с мечетью и мавзолеями из кирпича (Алихова, 1973).

К 30–50 гг. XIV в. территория улуса распространяется на востоке до р. Суры, на западе до р. Цны, на севере до бассейна р. Теши, на юге до р. Хопер (рис. 3). Об этом свидетельствуют как изделия г. Мохши, так и монетные клады по всей территории улуса (Полесских, 1970). С началом в Золотой Орде феодальных войн или, как писали русские летописи, «замятни великой» Мохши оказался яблоком раздора. В 1361 г. город захватил хан Тагай. В 1365 г. он предпринял удачный поход на Рязанское княжество, но на обратном пути у Шишовского леса был разбит русской дружиной и вынужден был бежать. Пришлось покинуть ему и город Мохши (Тизенгаузен, 1941).

В 1367 году город попал под власть Пулад-Тимура, но ненадолго, так как правящая верхушка Мохши решила заключить союз с Рязанью. Ориентации на русские земли способствовала и потеря традиционных связей с южными и восточными городами и государствами, чьи монеты перестали поступать в город из-за военных столкновений внутри Золотой Орды. Но остаться в стороне Мохши не удалось. В 1378 г. он подвергся разорению отрядами Арабшаха, а спустя четыре года – и воинами Тохтамыша. Нет сомнений, что в эти годы город переживал тяжелые времена. Приходило в упадок ремесло и строительство, люди покидали насиженные места и уходили на более безопасные земли, как правило, на север.

Последний удар по существованию города Мохши нанес хан Тамерлан, который в 1395 г. во время погони за Тохтамышем уничтожил город «Машкав» (Сафаргалиев, 1960). Пришел в упадок и весь улус. Крупные феодалы постепенно уходили из Наручадской Орды и поступали на службу к московским князьям. Это были родоначальники таких известных впоследствии в России фамилий, как Апраксины, Хитровы, Голицыны, Татищевы и другие (Халиков, 1992).

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ СЕВЕРА НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И САМАРСКОЙ ЛУКИ

Самарское Поволжье в составе золотоордынского государства представляло собой регион, где сложилась особая система расселения, обусловленная не только геополитическими, но и природно-географическими факторами.

Границы данного региона на севере проходят по бассейну р. Большой Черемшан, на юге по бассейну р. Большой Иргиз, на востоке – по истокам рек Большой Кинель, Самары, на западе – по Волжско-Свияжскому водоразделу, включая истоки рр. Усы и Сызранки, правых притоков р. Волги. Определение западных границ по упомянутым рекам объясняется тем, что они текут в широтном направлении и впадают в р. Волгу в том месте, где очерчивается волжская излучина – Самарская Лука.

Самарское Поволжье располагается на границе Среднего и Нижнего Поволжья. В физико-географическом отношении участок правобережья является частью Приволжской возвышенности, в левобережье выделяются Низменное Заволжье, Высокое Заволжье и Общий Сырт. Территория Низменного Заволжья ограничена узким участком на левом берегу р. Волги между рр. Большой Черемшан и Сок. Высокое Заволжье и Общий Сырт занимают обширную область на левобережье р. Волги с долинами рр. Самары, Чапаевки, Большой Иргиз, Чагры. В северной части эта территория района охватывает зону лесостепи, с широты Сызрани и Самары начинаются обширные степные пространства, это разнотравно-ковыльные, типчаково-ковыльные и луговые степи. Палеопочвенные исследования показывают, что период XIII–XIV вв. представлял собой климатический оптимум для степной зоны Поволжья (Рысков, Демкин, 1997, с. 140–141), что, естественно, не могло не влиять на формирование системы расселения в регионе.

Изучение региональных аспектов археологии Золотой Орды способствует более глубокому пониманию особенностей и роли конкретной территории в истории государства. Основу такого исследования составляют археологические материалы, поскольку в письменных источниках отсутствуют прямые данные о поселениях Самарского Поволжья, а сведения на средневековых портуланах неоднозначны.

Источники и история изучения археологических памятников Самарского Поволжья золотоордынского времени наиболее полно были при-

ведены И.Н. Васильевой в работе, подводившей итоги на период конца XX в. (Васильева, 2000, с. 293–346, 390–401).

Началом изучения археологических памятников золотоордынской эпохи можно считать сбор в 1875 г. П.В. Алабиным материалов разрушенного кочевнического могильника при строительстве железнодорожной станции Кинель (Алабин, 1895, с. 9–10; Васильева, 2000, с. 3–10; Орфинская и др., 2001). Более широкую известность приобрели раскопки В.Н. Поливановым мордовского Муранского могильника XIV в. на р. Усе (Поливанов, 1896). В 1900 г. В.Н. Поливанов опубликовал археологическую карту Симбирской губернии (Поливанов, 1900), в которой поместил не менее 10 памятников, содержащих материалы золотоордынской эпохи, в том числе клады джучидских монет. В 1907–1908 гг. в окрестностях г. Самары В.Н. Глазовым и В.А. Миллером были проведены первые исследования мордовского Барбашинского могильника XIV в. (Археологические исследования…, 2011), продолженные в 1916–1918 гг. членами Самарского археологического общества. В 1921 г. масштабные раскопки на Барбашинском могильнике провел А.С. Башкиров.

Следующий период связан с работами 1920-х гг. под руководством В.В. Гольмстен. В этот период были проведены разведки как в правобережье, ограниченные так называемой малой Самарской Лукой, так и в левобережье, благодаря чему количество выявленных памятников золотоордынского периода увеличилось.

Для 1930-х гг. прежде всего необходимо отметить раскопки Б.А. Латыниным в 1935 г. Барбашинского могильника (Сташенков, Кочкина, 2008). В 1939–1940 гг. сотрудники Куйбышевского музея краеведения в ходе разведок по р. Усе открыли ряд памятников, в 1950-е гг. исследованных КАЭ при охранно-спасательных работах в зоне строительства Куйбышевской ГЭС. Целый ряд выявленных тогда памятников к настоящему времени утрачен либо в процессе затопления Куйбышевским водохранилищем, либо в ходе хозяйственного освоения территорий.

В 1950-е гг. крупномасштабные работы были проведены и на памятниках эпохи Золотой Орды – на Муранском могильнике и селище, Березовском селище, селище Печерские Выселки и др. (Алихова, 1954; 1960; Васильева, 2000, с. 298).

Целенаправленные и масштабные работы по археологическому изучению Самарского Поволжья начались с 1969–1970 гг. под руководством Г.И. Матвеевой и И.Б. Васильева. Благодаря этим работам было обнаружено и исследовано большинство из известных золотоордынских памятников региона (Васильева, 2000, с. 298–300).

Памятники Самарского Поволжья середины XIII–XIV в. И.Н. Васильева сгруппировала в три основных района их компактного расположения (Васильева, 2000, с. 300): 1) район Самарской Луки и побережья Волги; 2) район бассейна рр. Кондурчи, Сок, Большой и Малый Кинель (лесостепные территории); 3) бассейн р. Самары и степные земли междуречья Волги и Самары. Выделенные ею районы различаются в физико-географическом отношении, причем первый район – район Самарской Луки и побережья Волги – охватывает две зоны: правобережье и левобережье, приуроченные к берегам р. Волги и ее правого притока р. Усы.

Выявление и изучение золотоордынских памятников Самарского Поволжья в XXI веке в основном связаны с охранно-спасательными и разведочными работами в зонах хозяйственного освоения. Обусловленные научными задачами, исследования составляют небольшую часть археологических работ в регионе: раскопки на Малорязанском II селище (Кочкина, 2012), Барбашинском могильнике (Сташенков, 2012, 2014), селище Брусяны III (Лифанов, 2020).

Несмотря на это, за последние два десятилетия корпус археологических источников увеличился, в том числе за счет проведенных раскопок. Кроме того, были уточнены датировки ряда музейных коллекций, памятники, с которых они происходят, также были отнесены к рассматриваемой эпохе. Новые данные позволили уточнить представления о заселении территории Самарского Поволжья в эпоху Золотой Орды. Всего на настоящее время учтены сведения о 126 памятниках (рис. 1).

Для картографирования памятников (рис. 1) использованы материалы Р.Г. Фахрутдинова (Фахрутдинов, 1975, карта), И.Н. Васильевой (Васильева, 2000, с. 322), В.Л. Егорова (Егоров, 1985, с. 107–108), В.Ю. Морозова (Морозов, 1995, с. 319–326), Г.М. Бурова (Буров, 1977), которые дополнены архивными данными, результатами полевых работ последних лет и изучения музейных коллекций. Анализ взаиморасположения и статуса памятников позволяет наметить структуру системы расселения в рассматриваемом регионе как в целом, так и для каждой зоны.

Немногим больше половины выявленных памятников Самарского Поволжья золотоордынской эпохи расположены в Правобережье, что, несомненно, является показателем особой значимости этого участка в пространственно-территориальной организации средневолжского региона Золотой Орды. Всего в Правобережье на настоящее время известно 66 памятников и местонахождений, в том числе 9 грунтовых могильников и 2 курганных могильника, 9 кладов монет и вещей, 8

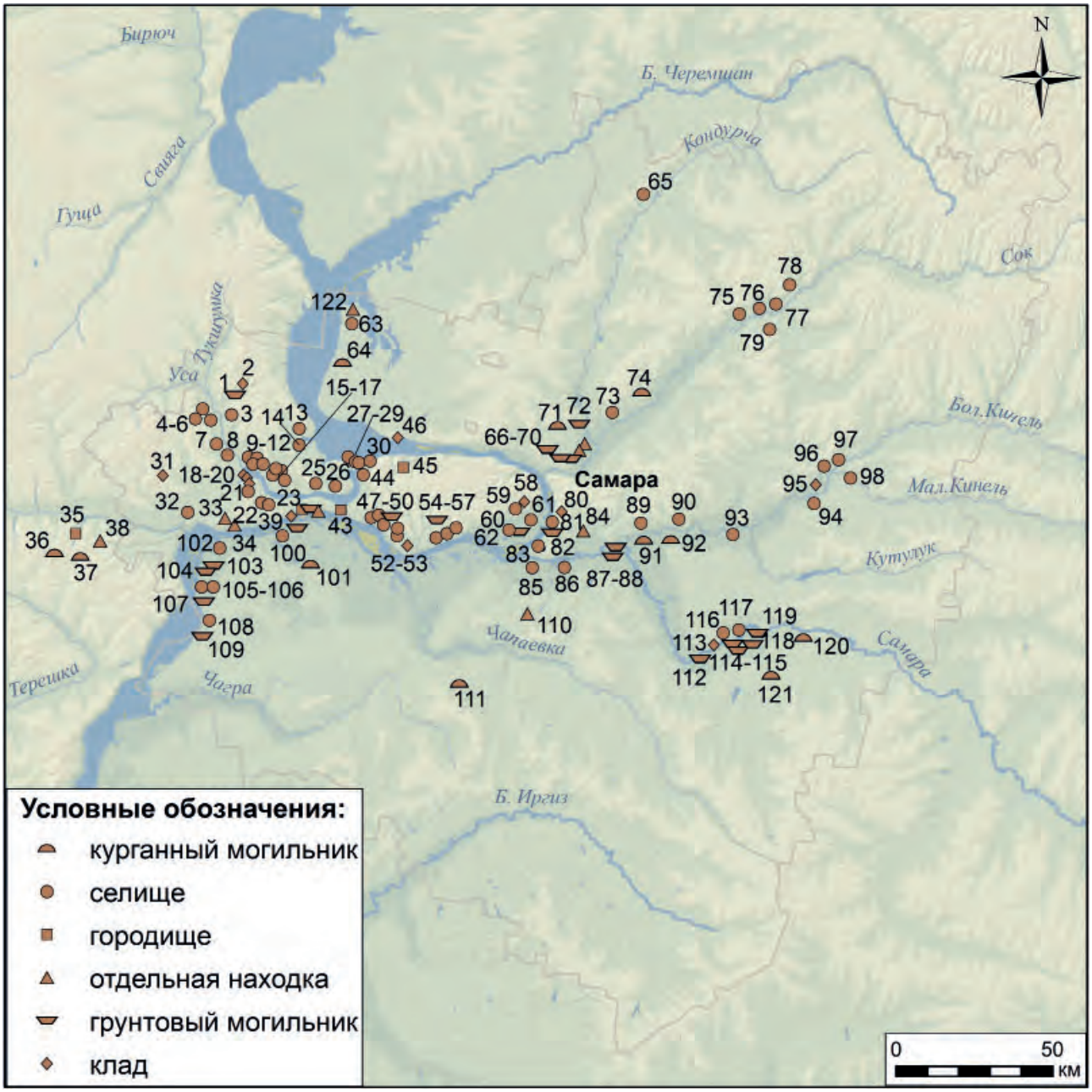


Рис. 1. Карта археологических памятников эпохи Золотой Орды в Самарском Поволжье.
1 – Кузькинский грунтовой могильник; 2 – Кузькинский клад; 3 – Белоключинское м/н; 4 – Шигонское I селище; 5 - Шигонское II селище; 6 - Шигонское III селище; 7 - Усинское I селище;8 – Усинское II селище; 9 – Муранское I селище; 10 – Муранское селище; 11 – Муранский (мордовский) грунтовый могильник; 12 – Муранский (мусульманский) грунтовый могильник; 13 – Усольское IV (Данилово оз.) селище; 14 - Усольское II селище; 15 – селище Печерские Выселки; 16 – Печерский грунтовый могильник; 17 – Печерское, случайная находка железных предметов; 18 – Губино, клад монет и вещей; 19 – Губинский I клад; 20 - Губинский II клад; 21 – селище Губино I; 22 - Воскресенское I селище; 23 - Воскресенское II селище; 24 – Анновское селище; 25 - Комаровские I-II селища; 26 – селище Рубленое озеро; 27 – Березовское I селище; 28 – Березовский могильник грунтовый; 29 – Березовское II селище; 30 – селище гора Лепешка; 31 – Жемковский клад серебряных ювелирных изделий; 32 – селище Сызрань III; 33 – Берсеневская случайная находка монет; 34 – Правая Волга, случайная находка надгробия из камня с арабской надписью; 35 – городище Канадей; 36 – курганный могильник Канаде I; 37 – курган Клин I; 38 – Голодяевка, случайная находка зеркала; 39 – Старокостычевский клад; 40 – городище Костычи; 41 – Услада, м/н; 42 – Переволоки, случайная находка железных предметов; 43 – Междуреченское городище; 44 – селище Уркина гора; 45 – Александровское городище; 46 – Яблоневый овраг, клад; 47– Малорязанское селище; 48 – селище Малая Рязань I; 49 – селище Малая Рязань II; 50 – грунтовый могильник Малая Рязань; 51 – селище Брусяны II; 52 – селище Брусяны III; 53– Винновский клад; 54 – селище Лбище I; 55 – селище Лбище II; 56 – селище Лбище III; 57 – могильник грунтовый Лбище (Ман-Тепе); 58 – Подгорский клад монет; 59 – селище Подгоры IV (Гора Пещерка); 60 – могильник грунтовый Усинский II; 61 – селище Учхоз; 62 – Рождественское; 63 – Верхнехрящевское селище; 64 – погребение в саду с-за им. Луначарского; 65 – селище Алмазовка; 66 – селище Семейкино; 67 – селище Кочкари VI; 68 – м/н Трухмянка II; 69 – м/н Трухмянка;

70 – м/н Висловка; 71 – одиночный курган Светлое Поле III; 72 – погребение Городцовка; 73 – селище Студеновское; 74 – Гундоровский одиночный курган; 75 – Чесноковское селище; 76 – Чекалинское II селище; 77 – Сергиевское селище; 78 – Серноводское II селище; 79 – селище Нижняя Орлянка II; 80 – Студеный Овраг, клады сельскохозяйствнных орудий и снаряжения коня; 81 – Барбашинский могильник; 82 – Барбашинское селище; 83 – селище Постников Овраг; 84 – Зубчаниновка, случайная находка зеркала (разрушенное погребение); 85 – селище Кряж I; 86 – Черновка (Куйбышевское) селище; 87 – погребение на селище Белозерки; 88 – грунтовый могильник на селище Белозерки IV; 89 – Кинельское (Коммуна) селище; 90 – селище Веретяевка; 91 – разрушенное погребение могильника у ст. Кинель; 92 – курганный могильник Бобровка I; 93 – Федоровское селище; 94 – селище Толкай; 95 – урочище «Королев Угол» (Ерзовка), случайная находка зеркала; 96 – Сухореченское селище; 97 – селище Красные Пески; 98 – селище Матьян; 99 – Кануевский грунтовый могильник; 100 – Кануевское селище; 101 – Александровский курганный могильник; 102 – селище Сачково Озеро; 103 – грунтовый могильник Заволжье III; 104 – грунтовый могильник Заволжье II; 105 – селище Заволжье; 106 – селище Приволжье (городище «Вишневый сад»); 107 – грунтовый могильник Приволжье I; 108 – селище Приволжье I; 109 – Екатериновский IV грунтовый могильник; 110 – Привольненская случайная находка монет; 111 – Новопавловский (курган 7) курганный могильник; 112 – могильник на дюне «Человечья голова»; 113 – Максимовский клад; 114 – Максимовский могильник на дюне; 115 – Максимовский грунтовый могильник; 116 – Максимовское селище; 117 – селище «Большой Шихан»; 118 – могильник на дюне «Большой Шихан»; 119 – Виловатовский могильник на дюне; 120 – Гвардейский курганный могильник; 121 – Покровский (курганы 14, 15) курганный могильник; 122 – Черемшанская случайная находка монет; 123 - грунтовый могильник Жигули I; 124 – курганный могильник «Фокин курган»; 125 – селище Малячкино III; 126 – селище Малячкино IV.

местонахождений отдельных монет, вещей, керамики, 38 поселений, из них 4 городища.

Исторически сложилось так, что освоение западной части правобережья отличалось от освоения восточной. Такая ситуация не в последнюю очередь была обусловлена природно-географическим фактором. Самарская Лука с ее благоприятными условиями привлекала человека с ранних эпох, и здесь наблюдается сравнительно большая плотность сети археологических памятников начиная с эпохи раннего Средневековья. Необходимо отметить определенную приближенность памятников к берегу р. Волги, особенно это касается периода вхождения Самарской Луки в состав Волжской Болгарии домоногольского периода (Кочкина, 1999, с. 168–170). Западная часть Луки (нижнее течение рр. Усы и Сызранки) в то время была мало освоена и болгарских памятников здесь известно немного. Ситуация изменилась в золотоордынскую эпоху, когда из приграничных земель территория Самарского Поволжья переходит в положение внутренней территории Улуса Джучи. Самарская Лука являлась важным стратегическим регионом нового государства, она располагалась в том месте, где сходились водные и сухопутные пути, соединяющие Восток и Запад, метрополию и завоеванные земли. Самарская Лука находилась на пути из Руси в столичные центры Улуса Джучи. В связи с этим функциональное назначение поселений, располагавшихся на волжских берегах, в первую очередь было связано с обслуживанием Волжского пути, переправой судов и караванов, транзитной торговлей. Об участии населения Самарского Поволжья в системе государственно-дипломатических отношений Золотой Орды и Руси свидетельствует редкая и, к сожалению, случайная находка на Самарской Луке фрагмента вислой свинцовой печати, принадлежавшей князю Дмитрию Александровичу (1276–1281, 1283–1294 гг.), сыну Александра Невского. Ее диаметр составляет 27 мм, в средней части имеется разлом. На лицевой стороне изображение святого – всадника с мечом у плеча, повернутым вправо, голова коня частично срезана, но четко читается грива, на оборотной стороне – изображение Вседержителя на престоле, правая рука срезана (рис. 8: 1). Эта находка близка печати Дмитрия Александровича из Новгорода (Янин, Гайдуков, 2000, рис. 38, № 385б).

Для правобережья выделяются три зоны размещения памятников, или три микрорайона: 1) Усинский микрорайон; 2) микрорайон внутренней части излучины Самарской Луки; 3) Сызранский микрорайон (Кочкина, 2016).

В первом микрорайоне памятники локализуются по обоим берегам р. Усы практически от ее среднего течения до устья – места впадения в р. Волгу. Во второй зоне (микрорайоне) памятники расположены вдоль береговой линии р. Волги. Оценивая памятники каждого микрорайона, прежде всего по размерам, определенным в основном по разведочным исследованиям (по отдельным памятникам имеются обобщенные данные в: Фахрутдинов, 1975, с. 186–189), следует подчеркнуть, что в первой зоне преобладают поселения небольших размеров, за исключением Муранского селища; во второй зоне памятники имеют размеры преимущественно 20–50 га (например, Малорязанское II селище, селище Лбище – Новый Путь).

Для первого микрорайона выделяется поселение с доминирующим положением – Муранское селище, которое может рассматриваться как региональный центр, имевший связи со всеми или с большинством поселений правобережья.

Комплекс археологических памятников, расположенных у с. Муранка, включает в себя селище и грунтовый могильник, находящиеся на противоположных берегах р. Усы. Могильник был обнару-

жен в 1889 г., в 1890-е и в начале 1900-х гг. раскопки на памятнике проводились В.Н. Поливановым, вскрывшим более 500 мордовских захоронений XIV в. (Поливанов, 1893; 1896). В 1950 г. во время работы КАЭ в зоне затопления Куйбышевской ГЭС А.Е. Алиховой было установлено, что в южной части памятника находился мусульманский некрополь. После пуска ГЭС территория памятника большей частью была затоплена Куйбышевским водохранилищем.

Площадь Муранского селища определялась в 2 кв. км, Муранского могильника – в 1,7 га (рис. 2: 1, 2). В материалах раскопок, произведенных А.Е. Алиховой, представлена круговая красноглиняная керамика с вертикальным лощением и преимущественно линейным орнаментом, в мордовских погребениях встречены лепные горшковидные и баночные сосуды, в материалах селища присутствует русская керамика (рис. 2: 9–13). Кроме того, были найдены четыре золотоордынские монеты XIV в., железный браслет, ножи, поясная накладка с кольцом, типичная для мордовских могильников XIV в., медный перстень, бусины и т. д. (Алихова, 1954). Муранское селище по значимости А.Е. Алихова и М.Ф. Жиганов ставили в один ряд с г. Наровчатом (Голубева, 1987, с. 106). Новые материалы с памятника были получены в 2009–2010 гг. (рис.2: 14–25), когда стало возможным проведение археологического обследования большей части его территории (Сташенков, Кочкина, 2013). На основе анализа нумизматического материала, который в 2009–2010 гг. массово был собран грабителями на территории Муранского селища из-за спада уровня водохранилища, А.В. Пачкалов предположил, что поселение можно рассматривать как золотоордынский город (Пачкалов, 2018), однако его интерпретации требуют критического отношения.

На другом берегу р. Усы и ее притоке р. Тишерек примерно в 5 км к западу от Муранского селища и в 4 км от Муранского могильника расположено селище Губино I. В 2007–2008 гг. на селище Губино I были проведены раскопки (Ломейко, Скарбовенко, 2013). Материалы представлены типичным для этой эпохи инвентарем, однако особенностью керамического комплекса является значительный процент сосудов из беложгущейся глины – до 50% в ряде сооружений (рис. 3: 1–5), имеющих аналогии в древнерусской посуде. Из окрестностей с. Губино происходят находки трех кладов золотоордынского времени: в 1883 г. был найден клад серебряных и бронзовых изделий с джучидскими монетами; в 1891 г. найден клад из 442 серебряных джучидских монет 1310–1364 гг.; в 1900 г. обнаружен клад, включавший украшения, 100 серебряных и 24 медные монеты ханов Узбека, Джанибека, Бердибека, Кульны, Хызра и Мюрида (Фахрутдинов, 1975, с. 187; Федоров-Давыдов, 1960, с. 137).

Наиболее поздние монеты из кладов относятся к третьей четверти XIV в., на исходе которого, по-видимому, поселение Губино I прекратило свое существование.

К СЗ вверх по течению р. Усы примерно в 9 км от Муранского селища расположены Шигонские I и II селища. Они находятся в 1,5–2,0 км к югу и юго-западу от с. Шигоны, на левом берегу р. Усы, на дюнной возвышенности. Основной слой памятников относится к эпохе бронзы, материалы золотоордынского времени локализуются, по предварительным данным, на небольшой площади. Находки представлены железными наконечниками стрел, ножами, гвоздями, фигурными бронзовыми накладками, фрагментом мордовской лопастной сюльгамы, пряслицами (рис. 4: 2–7, 12–14, 18–19). Керамической комплекс состоит из круговой ремесленной посуды, среди которой крупные корчаги, лепная посуда представлена горшковидными сосудами, характерными для русского и мордовского населения (рис. 4: 1, 8–11, 15–17).

В 10 км вверх по р. Усе, на обоих берегах в последние годы были обнаружены и частично исследованы селища Малячкино III и Малячкино IV (Турецкий и др., 2021; Турецкий и др., 2022). Комплекс материалов селища Малячкино III эпохи Золотой Орды представлен круговой ремесленной керамикой, железными ножами, пряжками, монетами XIV в., бронзовыми лопастными сюльгамами. На селище Малячкино IV обнаружен грунтовый могильник, погребения которого были преимущественно безынвентарными, с западной ориентировкой и скрещенными руками, что соответствует христианскому обряду, ряд захоронений имел иные традиции погребального обряда и мог относиться к мордовскому населению селища.

Таким образом, небольшой участок р. Усы в ее среднем течении был сравнительно густо заселен в эпоху Золотой Орды, в этнокультурном отношении в районе преобладало русское и мордовское население, причем оно сосуществовало на одних поселениях. Пока не обнаружено поселение в окрестностях мордовского Кузькинского могильника (Сташенков, 2019), обнаруженного в 20 км к северу от Муранского селища.

Вторая достаточно компактная зона расположения золотоордынских памятников на р. Усе находится ближе к устью, в месте впадения в р. Волгу. Видимо, узловым пунктом здесь можно рассматривать Березовское селище. Оно находится в 1,3 км к ВЮВ от с. Березовка Шигонского

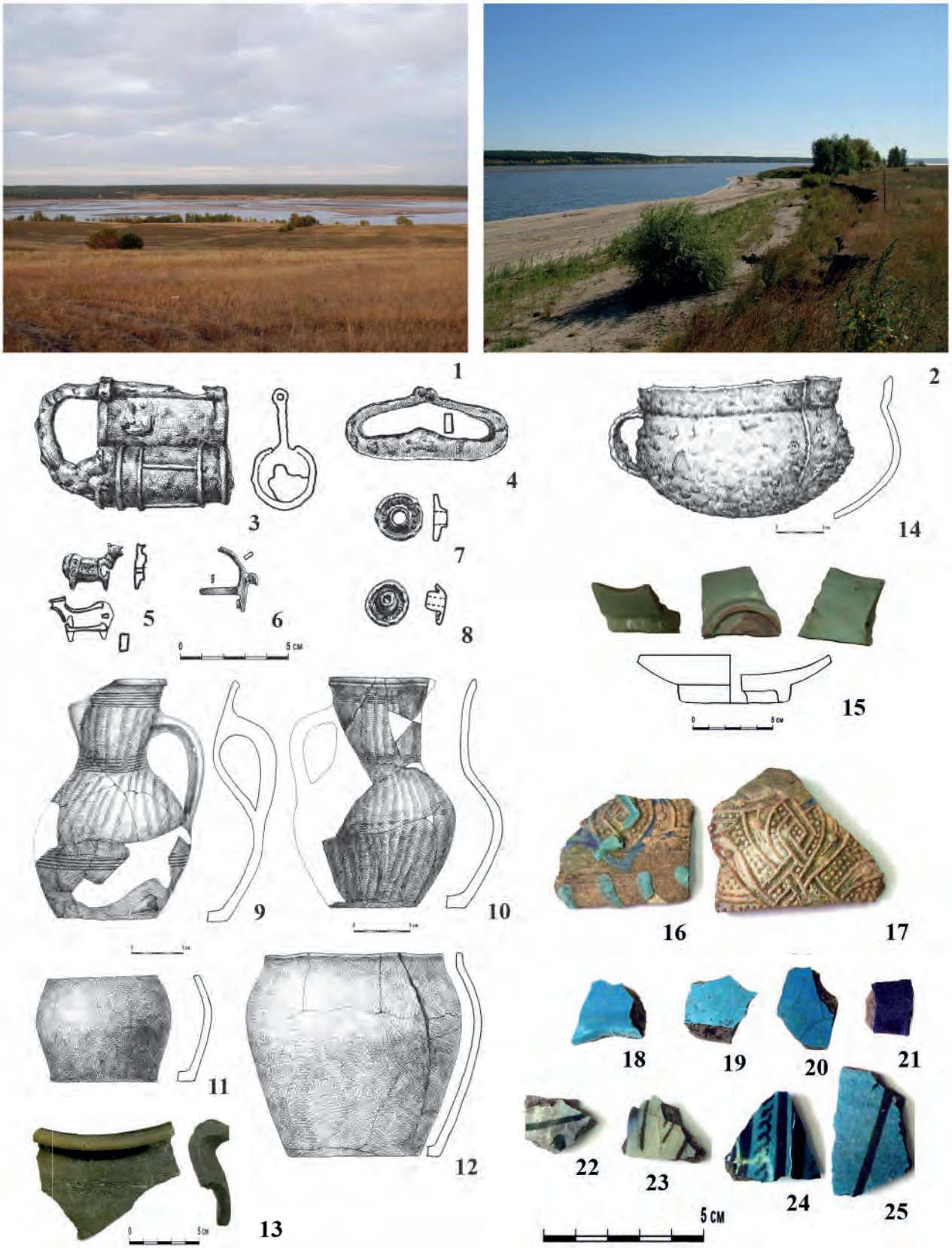


Рис. 2. Муранское селище: 1–2 – территория Муранского селища и могильника. Сентябрь 2010 г. ; 3 – замок; 4 – кресало; 5, 6 – половинка корпуса и часть дужки с пластинчатой пружиной замка зооморфного; 7, 8 – грузики-пломбы; 9, 10 – кринки; 11, 12 – лепные горшки; 13 – венчик кругового сосуда с волнистым орнаментом; 14 – котел; 15 – стенка и днище селадоновой чаши; 16, 17 – штампованная керамика; 18–25 – фрагменты поливной посуды. 3, 4 – железо; 5, 6 – сплав медный; 7, 8 – свинец; 9–13 – керамика; 14 – чугун; 16, 17 – керамика, глазурь; 18–25 – кашин

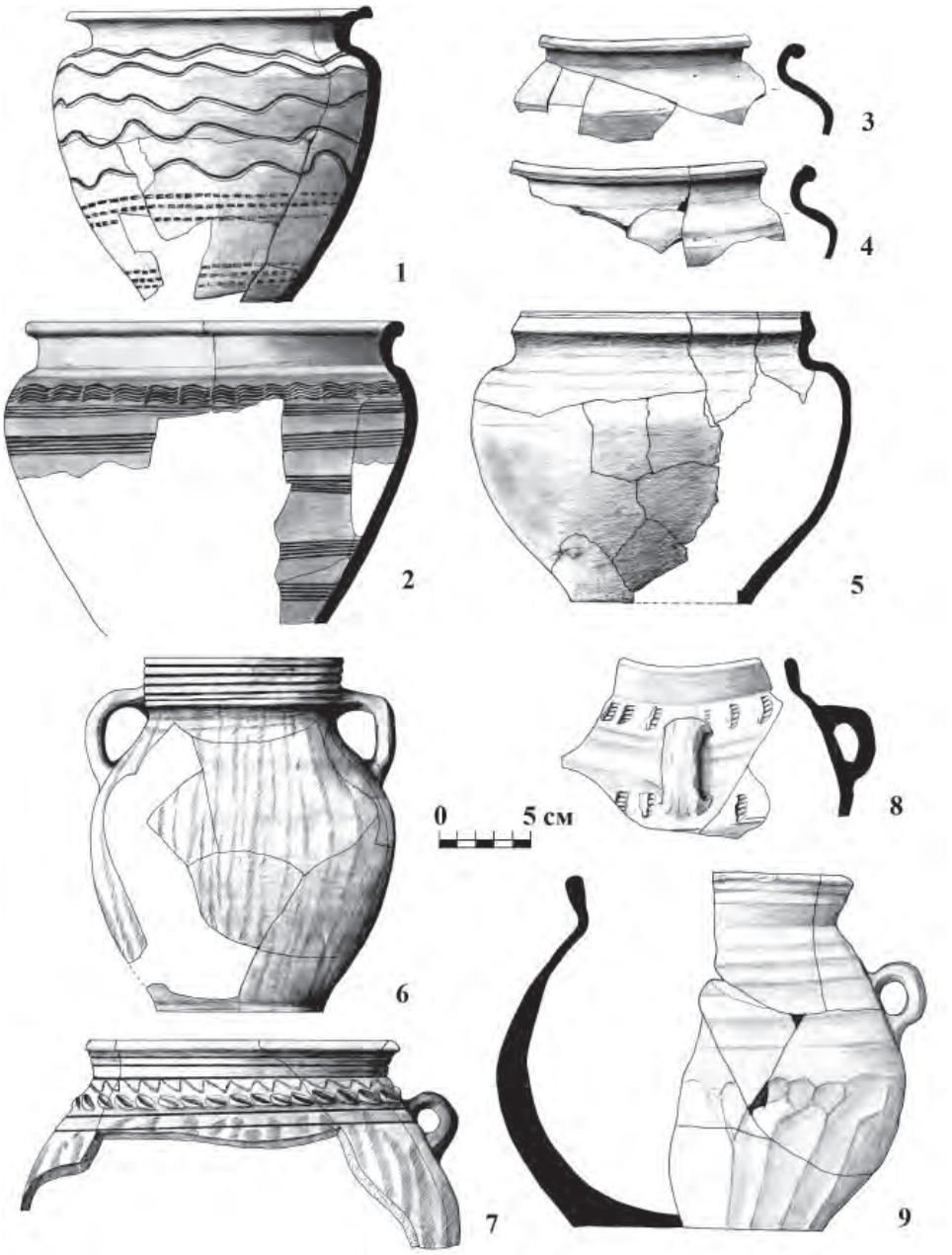


Рис. 3. Поселение Губино I: 1–5 – фрагменты древнерусской керамики из беложгущейся глины; 6–7 – круговая ремесленная керамика; 8–9 – подправленная на круге керамика. 1–9 – по: Ломейко, Скарбовенко, Гасилин, 2013

района, на левом берегу р. Усы, на мысу, образованном при впадении р. Усы в Волгу (ныне здесь Усинское водохранилище), на пологом, заросшем лесом склоне первой надпойменной террасы. Поселение было обнаружено сотрудниками КМК в 1940 г. (рис. 5: 7–11), затем обследовалось в 1950, 1952–1954 гг. А.Е. Алиховой. Наибольшее количество находок связано со временем заселения поселка русскими в XIV в. Керамика представлена горшковидными формами, типичными для древнерусских памятников. Следует отметить также находки бронзовой привески в виде водоплавающей птицы, имеющей аналогии в погребениях костромских курганов XIII в., двух энколпионов, каменного и костяного крестиков, распространенных в домонгольской Руси (Полубояринова, 1978, с. 110–112), монеты, чеканенной в Болгаре в 734 г. хиджры (1333–1334 гг.). К золотоордынскому времени существования поселка относятся жилища, глинобитные печи, связанные с железоделательным производством и гончарством (Алихова, 1960, с. 195–209). В северо-западной части поселка расположен могильник.

На расстоянии 11–12 км от Березовского селища на левом берегу р. Усы расположено Комаровское I селище. Сборы на селище в 1940 г. сделаны экспедицией КМК (рис. 5: 1–6), раскопки в 1952 г. проведены А.Е. Алиховой. Материалы представлены круговой керамикой, найдены также фрагменты русских сосудов XIV в. (Алихова, 1954).

Рис. 4. Шигонское I селище (раскопки О.В. Кузьминой, 1980-1982 гг.): 1 – круговая керамика; 2–3 – ножи; 4, 6 – пряслица; 5, 7 – накладки; 8–9 – мордовская керамика. Шигонское II селище (раскопки А.П. Семеновой, 1982 г.): 10–11 – русская керамика; 12 – накладка; 13 – бусина; 14 – фрагмент сюльгамы; 15–17 – круговая керамика; 18–19 – наконечники стрел. 1, 4, 6, 8–11, 15–17 – глина; 2, 3, 18, 19 – железо; 5, 7, 12, 14 – бронза; 13 – стекло

Известные поселения располагались преимущественно на левом берегу р. Усы, на правом выявлены поселение и могильник Печерские Выселки (рис. 5: 13–14), Воскресенское селище (рис. 5: 15–18), по материалам близкие вышеописанным.

Для второго микрорайона характерно наличие нескольких узловых пунктов с линейной системой взаимосвязи (Междуреченское городище, Малорязанское II селище, Брусянское селище, селище Лбище III (Новый Путь) и др.). Датировка многих поселений в последние годы была уточнена по нумизматическим материалам и укладывается в рамки второй половины XIII в. – 1360-х годов.

Этот микрорайон включает территорию Самарской Луки и волжское побережье до широты современной Сызрани. Здесь зафиксировано три городища. Известное по запискам путешественников XVIII в. городище Костычи, размещаемое на территории г. Октябрьска, в настоящее время не локализовано. Александровское городище, расположенное недалеко от г. Жигулевска, не имеет выраженного культурного слоя и только предположительно может быть отнесено к данной эпохе.

Единственным сохранившим укрепления памятником с материалами золотоордынского времени является Междуреченское городище

Рис. 5. Поселение Комаровка: 1 – кувшин; 2–6 – фрагменты круговой керамики; Березовское селище: 7 – фрагмент русской керамики; 8–10 – фрагменты круговой керамики; 11 – фрагмент стеклянного перстня; 12 – фрагмент поливной керамики; поселение Печерские выселки: 13–14 – фрагменты русской керамики; Воскресенское селище: 15–18 – круговая керамика

(Переволоки по И.И. Лепехину). Появившись в домонгольский период, поселение просуществовало до XIV в., что, вероятно, связано с его нахождением на стратегически важном участке в месте наибольшего сближения р. Усы и р. Волги, на правом высоком обрывистом берегу р. Волги. Раскопки на городище проводились в 1989–1990 гг. экспедицией СамГУ под руководством Г.И. Матвеевой, С.Э. Зубова, С.И. Приказчикова, И.Н. Васильевой. В настоящее время территория памятника застроена дачами. Городище занимает четырехугольную площадку размером 600×400 м, с З и В ограниченную глубокими оврагами. С напольной стороны оно было защищено валом и рвом, концы которых замыкаются в овраги. Современные размеры вала: ширина до 10 м, высота около 2 м. В юго-западной части городища фиксировались остатки прямоугольного сооружения размером 75×75 м, окруженного валом высотой 0,7 м. В ходе раскопок были исследованы хозяйственные постройки, часть грунтового могильника, получен значительный вещевой и керамический материал, в том числе круговая посуда золотоордынских ремесленников, а также лепные горшковидные сосуды русского (рис. 6: 1–5) и мордовского населения (Васильева, 1995; Зубов и др., 1995).

Вдоль всей южной оконечности Самарской Луки к востоку от Междуреченского городища располагаются поселения эпохи Золотой Орды, из них частично раскопаны Малорязанское II селище, селища Брусяны III, Лбище II (рис. 9: 1–6).

Малорязанское II селище находится в южной части Самарской Луки, к западу от с. Малая Рязань. Селище занимает площадку на высоком правом берегу р. Волги. По распространению подъ-

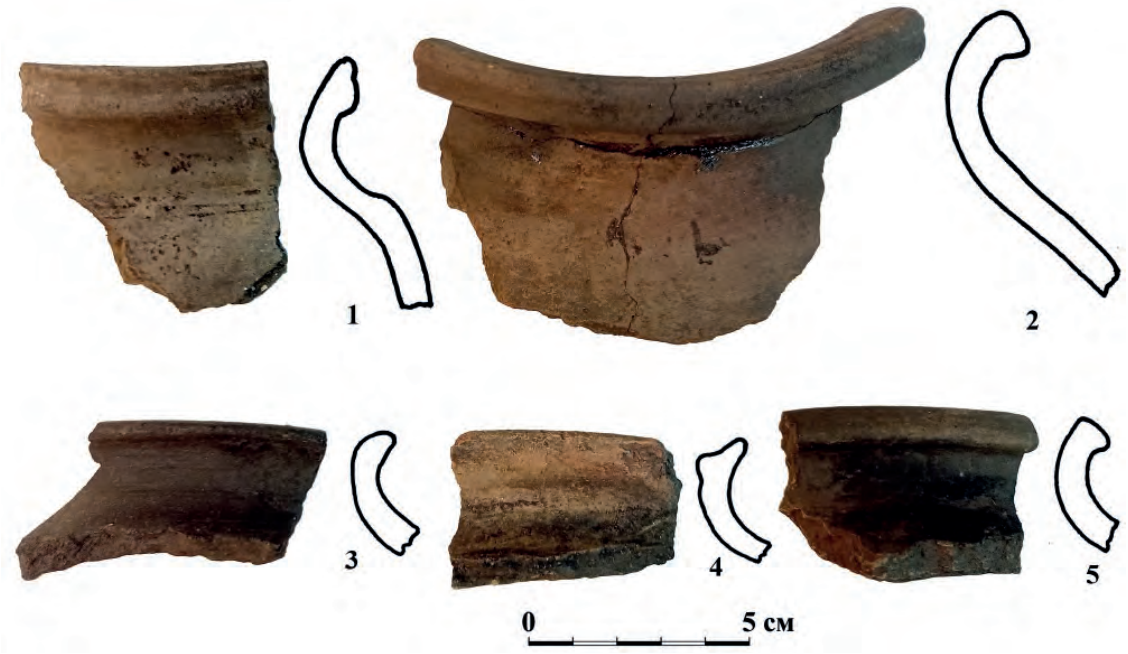


Рис. 6. Междуреченское городище I: 1–5 – фрагменты древнерусской керамики

емного материала площадь поселения составляет не менее 20 га.

Западная и центральная части памятника представляют собой поселенческую территорию. В этой части памятника выявлены остатки производственно-бытовых комплексов. Вещевой материал, полученный при раскопках, содержит преимущественно бытовые предметы и ремесленный инструментарий, типичные для поселений золотоордынского времени. Керамический материал включает две большие группы: красноглиняную круговую ремесленную золотоордынскую керамику и древнерусскую керамику, причем последняя составляет не менее 60%, немногочисленные фрагменты можно соотнести с посудой, характерной для мордвы. Из раскопок происходит один серебряный дирхем. По определению А.В. Пачкалова, это анонимный серебряный дирхем чекана Сарая 686 г. х. (1287–1288 гг.), что позволяет датировать появление Малорязанского II селища последней четвертью XIII в. Прекращение существования этого русского поселка на южном берегу Волги на Самарской Луке, скорее всего, следует связать с периодом «Великой замятни» 1360-х гг. в Золотой Орде.

В восточной части памятника на возвышении расположен грунтовый могильник, на котором было исследовано 131 погребение. Захоронения безынвентарные, погребенные ориентированы головой на запад, среди находок, позволяющих интерпретировать захоронения как христианские, следует отметить створки двух энколпионов, бронзовые крестики (Кочкина, 2012, с. 108, рис. 5: 1–3).

Время функционирования могильника соотносится со временем существования поселения, на костяках ряда погребенных имеются следы травм, в том числе от рубящего и ударного оружия.

Материалы, полученные при раскопках Малорязанского II селища, позволяют охарактеризовать его как торгово-ремесленный поселок с преимущественно русским населением, перемещенным монгольской администрацией на Самарскую Луку для обеспечения нужд золотоордынского государства, включая обслуживание торгового Волжского пути и осуществления рыбного промысла.

Малорязанское II селище – не единственное поселение такого рода на Самарской Луке, материалы разведочных исследований свидетельствуют о наличии здесь нескольких крупных населенных пунктов по южному берегу Волги (селища Брусяны III, Лбище II, Лбище III). На последнем обнаружен так называемый клад сельскохозяйственных орудий. Состав «клада» является характерным для подобных комплексов золотоордынского времени: плужной лемех, плужной нож-резак (чересло), две косы-горбуши, пешня. Сходный комплекс железных орудий обнаружен на местонахождении Переволоки (рис. 7: 1–4), на местонахождении Печерское обнаружены предметы снаряжения коня – стремена (рис. 7: 5–6).

В восточной части Самарской Луки на обрывистом берегу надпойменной террасы волжской протоки Воложки расположен Усинский грунтовый могильник конца XIII–XIV в. Его раскопки производились в 1988 г. И.Н. Васильевой (Васильева, 1993). На площади 512 кв. м были исследованы 18 погребений, большое количество

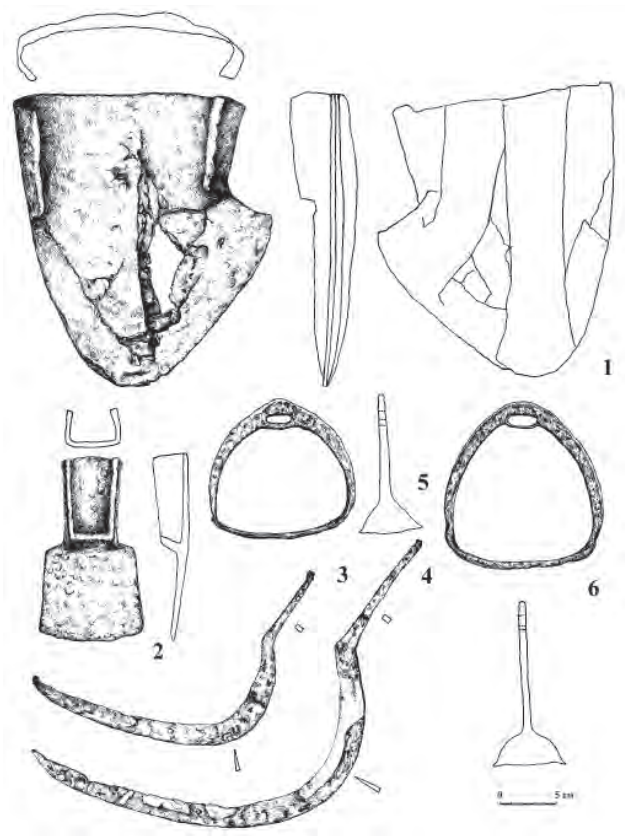


Рис. 7. Железные предметы из кладов сельскохозяйственных орудий и снаряжения коня (случайные находки): местонахождение Переволоки: 1 – лемех; 2 – мотыга; 3–4 – серпы; местонахождение Печерское: 5–6 – стремена

ям ритуального назначения, жертвенники. По особенностям погребального обряда захоронения Усинского могильника выделяются погребения раннемусульманские, языческие кочевнические, языческие мордовские, причем и с южной, и северной ориентировкой погребенных. Самой многочисленной была последняя группа. Мужчины были захоронены в вытянутом на спине положении, женщины – скорченно на правом или левом боку. В состав женского погребального инвентаря входили накосники, сюльгамы, височные колечки, кольцевые застежки, браслеты, перстни, амулеты, бусы, керамика. Для мужских погребений характерно наличие железных топоров, ножей, пряжек, удил, наконечников стрел. Из могильника происходит дирхем Кульнахана 760–761 гг. х. (1359–1360 гг.). Материалы могильника, по мнению И.Н. Васильевой, отражают полиэтничность населения Самарского Поволжья.

Характеризуя систему расселения Самарской Луки, следует отметить, что в северной и западной части Луки вдоль волжского берега известно значительно меньше памятников золотоордынского времени. Эта территория, где расположены Жигулевские горы, покрыта лесом и сравнительно труднодоступная, а также недостаточно исследована. В 2020 г. на берегу залива Куйбышевского водохранилища были проведены раскопки грунтового могильника Жигули I (Цибин и др., 2022). Погребения, предположительно мусульманские, были безынвентарные, прослежены остатки гробовищ, погребенные ориентированы головой на З или СЗ, лицом повернуты на Ю, в нескольких погребениях встречены стеклянные бусы, серьга в виде знака вопроса (Цибин и др., 2022, с. 33, рис. 6 – 1, 6), судя по которым захоронения можно датировать золотоордынским временем. Краниологические материалы свидетельствуют о смешении в облике погребенных преобладающих европеоидных черт с поволжско-приуральскими, причем для мужских черепов монголоидная примесь более заметна, чем для женских (Газимзянов, Хохлов, 2022, с. 192–193). Ближайшим к этому могильнику поселением является селище на горе Лепешка, расположенное на высоком правом берегу в устье р. Усы, фактически напротив Березовского селища.

Таким образом, практически все поселения приближены непосредственно к берегу Волги, они были заселены разнородным в этническом плане населением.

В третьем микрорайоне известные памятники не столь многочисленны, они располагаются в бассейне р. Сызранки и тяготеют к Канадейскому городищу (Егоров, 1985, с. 108), остатки которого были зафиксированы в конце XIX – начале XX в., в настоящее время оно не локализовано. Однако именно в его окрестностях выявлены статусные погребальные комплексы с подкурганными кочевническими захоронениями. В Николаевском районе Ульяновской области раскопан курган 1 курганного могильника Канадей I (Скарбовенко, Ломейко, 2017) и курган 1 курганного могильника Клин I (Тихонов и др., 2019). Стоит отметить, что полностью исследованный курганный могильник Канадей I, состоявший из пяти курганов, – единственный в регионе курганный могильник, специально возведенный в эпоху Золотой Орды. Можно предположить, что в этом микрорайоне располагались кочевья представителей ордынской администрации, контролировавших правобережную территорию Самарского Поволжья.

На всех поселениях выявлены материалы, характеризующие хозяйственную деятельность населения, прежде всего железоделательное и кузнечное производство. С Муранского селища происходят находки двух целых котлов (рис. 2: 14) и большое скопление фрагментов чугунного лома. На Междуреченском городище найдены много-

Рис. 8. Малорязанское II селище: 1– фрагмент вислой печати Дмитрия Александровича (1276–1281, 1283–1294 гг.); 2 – «пломба-печать» (весовая гирька); 3–8 – русская керамика; 9–11 – клейма на днищах; 12 – фрагмент трапезундской амфоры; 13 – фрагмент круговой корчаги; 14 – фрагмент сосуда из беложгущейся глины. 1 – свинец; 2 – бронза, свинец

численные железные шлаки. Само расположение поселений на берегах рек предполагает занятие населением рыбным промыслом не только для собственного потребления. Доля рыбы в питании населения, например, Малорязанского II селища, ощутима (костные остатки рыб в археозоологической коллекции составляют 10–13% от общего количества найденных костей). Находки денежных кладов, монет на памятниках и других предметов свидетельствуют об участии населения в торговых операциях. С Малорязанского II селища происходит так называемая «пломба-печать» цилиндрической формы из двух соединенных частей, в центре было отверстие, которое заполнено свинцом, а в середине боковой стороны имеется также круглое отверстие. На обеих сторонах цилиндра имеются рельефные изображения: с одной стороны льва, с другой стороны – геральдическое изображение двух птиц (рис. 8: 2). Аналогичные изделия из г. Болгара были подробно описаны Г.Ф. Поляковой (Полякова, 1996, с. 253–255, рис. 78–12). Размеры малорязанской находки: диаметр 4,0 см, общая высота 1,9 см, вес 201 г. Боковое отверстие в месте соединения половинок цилиндра позволяет предположить, что предмет мог использоваться в качестве пломбы на особо значимых товарах. В связи с находками на центральном рынке г. Болгара нескольких экземпляров подобных предметов В.Ю. Ковалем была высказана гипотеза о том, что эти изделия являлись весовыми гирьками (Коваль, 2013, с. 23–30).

Таким образом, плотность населения правобережной части Самарского Поволжья оказывается выше, чем это представлялось ранее. Датировка

Рис. 9. Селище Лбище II (раскопки Г.И. Матвеевой, 1992 г.): 1–6 – фрагменты русской керамики

многих поселений, уточненная по нумизматическим материалам, укладывается в рамки второй половины XIII в. – 1360-х годов. Судя по монетному обращению, правобережье Самарского Поволжья в третьей четверти XIII в. находилось под экономическим влиянием Болгара, а затем произошла переориентация на взаимодействие с Укеком (Петров, Бугарчев, 2012, с. 158).

Левобережный район Самарского Поволжья, как уже отмечалось, имеет иные природно-географические условия, которые, естественно, влияли на систему расселения в эпоху Золотой Орды.

Если в правобережье поселенческие памятники существовали и в предшествующую эпоху Волжской Болгарии, то в левобережье в домонгольское время они были весьма редки и располагались преимущественно по правому берегу р. Большой Черемшан и в узкой зоне между р. Волгой и р. Кондурчой. Ситуация изменилась в золотоордынский период. Вдоль рек – притоков Волги, текущих в широтном направлении, появились поселения.

Всего в Левобережье на настоящее время известно 60 памятников, в том числе 14 грунтовых могильников и два грунтовых захоронения на селищах, 10 курганных могильников, два клада сельскохозяйственных орудий и снаряжения коня, три случайных находки отдельных монет, вещей, 28 поселений и три местонахождения.

Принимая в целом схему районирования, предложенную И.Н. Васильевой, считаем возможным на данном этапе состояния источниковой базы выделить шесть микрорайонов в Левобережье. 1) Северный Заволжский микрорайон – расположен в северной зоне близко к берегу р. Волги; 2) Самаро-Волжский микрорайон, включающий памятники устья р. Самары, Сок, берег р. Волги; 3) Сокский микрорайон, памятники расположены вдоль русла рек Сок и Кондурчи; 4) Кинельский микрорайон, памятники расположены вдоль р. Б. Кинель до места впадения в р. Самару; 5) Самарский степной микрорайон в восточной зоне рассматриваемого региона; 6) Южный Заволжский микрорайон.

Памятники расположены прежде всего по берегам рек, образуя сравнительно равномерную сеть, но имеются места большей концентрации поселений с примыкающими к ним грунтовыми могильниками.

Рис.10. Верхнехрящевское селище: 1–6 – фрагменты круговой керамики; 7 – фрагмент ручки амфоры с прочерченным знаком; Алмазовское селище: 8–9 – фрагменты круговой керамики; Чесноковское селище: 10 – фрагмент горловины кувшина

В левобережье золотоордынские погребения чаще всего были впускными в курганных могильниках других эпох. Можно назвать только немногочисленные одиночные курганы золотоордынского времени – Гундоровский и Светлое Поле III, а также отдельные грунтовые захоронения (Белозерки, Максимовка, «Человечья голова»). Крупные раскопки проведены на одном памятнике – Сухореченском поселении (Матвеева, 1977; Васильева, 2013), небольшие исследования проводились на поселении «Большой Шихан» (Васильева, 1977) и Кануевском селище (Кочкина, 2003).

1) Северный Заволжский микрорайон включает всего несколько памятников, тяготеющих к устью р. Б. Черемшан. В этой зоне пока зафиксировано три пункта: Верхнехрящевское селище; погребение у пос. Луначарский (быв. совхоз им. Луначарского); Черемшанская случайная находка монет. С Верхнехрящевского селища происходит представительная коллекция золотоордынской керамики, встречен фрагмент ручки привозной амфоры с прочерченным крестовидным знаком (рис. 10: 1–6).

Из общего ряда выделяется разрушенное погребение кочевника в саду совхоза им. Луначарского, которое было совершено в прямоугольной яме размерами 2,4×1,2 м и ориентировано в восточном секторе. Погребенного сопровождал полный скелет лошади, железные предметы: стремя, наконечник стрелы и калачевидное кресало (Васильева, 1979, с. 225). Возможно, малое число зафиксированных пунктов в этом регионе объясняется тем, что памятники вдоль Волги были затоплены Куйбышевским водохранилищем или разрушены при строительстве г. Тольятти. Восточная часть микрорайона мало исследована.

2) Самаро-Волжский микрорайон, включающий памятники устья р. Самары, Сок, берег р. Волги. В этом микрорайоне наблюдается концентрация памятников в районе современной Самары и приустьевых участков рр. Сок и Самары. Из 16 известных в настоящее время памятников золотоордынской эпохи в этом микрорайоне выявлено 6 селищ и 3 местонахождения, один грунтовый могильник и 3 грунтовых захоронения, один одиночный курган и одно разрушенное захороне-

Рис. 11. Поселение Постников овраг: 1–3 – русская керамика; 4 – мордовская керамика; Черновка (Куйбышевское) селище: 5–8 – круговая керамика; 9 – русская керамика; разрушенное погребение в пос. Зубчаниновка, г. Самара: 10 – бронзовое зеркало

ние, предположительно в кургане, один пункт с жертвенными скоплениями так называемых кладов сельскохозяйственных орудий и снаряжений коня.

Здесь расположен один из крупнейших грунтовых мордовских могильников XIV в. – Барбашинский, а также гипотетически локализуется место битвы между Тимуром и Тохтамышем на р. Кондурче в 1391 г. В перспективе исследования могут привести к интересным результатам по выявлению новых памятников золотоордынского периода. На поселениях преобладает керамика, связанная с русским и мордовским населением (Постников овраг, Барбашинский овраг). На берегу Волги выявлена серия кладовых комплексов железных орудий труда и снаряжения коня (Сташенков, 2012).

Самым известным памятником этого микрорайона является Барбашинский грунтовый могильник XIV в., расположенный на территории современного города Самары, на левом берегу р. Волги. В настоящее время территория могильника в основном застроена. Изучено более 200 погребений, которые совершены по языческому погребальному обряду. Мужчин хоронили вытянуто на спине, женщин – в скорченном на боку положении, с согнутыми руками и ногами, детей – в зависимости от половой принадлежности (Сташенков, Кочкина, 2008; Археологические исследования…, 2011; Сташенков, 2014). Большинство погребенных ориентированы головой на север, меньшая часть – на юг. Захоронения сопровождались погребальным инвентарем, иногда в большом количестве. В мужских захоронениях найдены железные ножи, топоры, шилья, копья, кресала с кремнем, ремни с бронзовыми и железными пряжками и накладками, встречались редкие украшения. В женских погребениях – бронзовые и серебряные сюльгамы (застежки), стеклянные бусы, раковины «каури», бронзовые цепочки, перстни, браслеты, глиняные пряслица, глиняные сосуды. Встречены захоронения с полным костяком лошади. Отме-

тим, что северная ориентировка была характерна в то время для мордвы-эрзи, южная – для мордвы-мокши.

Зафиксированное в 1920-е годы синхронное поселение на отрогах Барбашинского оврага, вероятно, было небольшим по площади, а в настоящее время практически утрачено.

К югу от упомянутых выше памятников находилось другое поселение этого же периода (Кузнецова, Скупова, 1987, с. 15–17). На берегу Волги на отрогах Постникова оврага обнаружены фрагменты русской и мордовской керамики (рис. 11: 1–4). К сожалению, установить площадь поселения невозможно, так как оно практически утрачено.

Особое место в ряду памятников Самаро-Волжского микрорайона занимает одиночный курган Светлое Поле III, расположенный у пос. Светлое Поле Красноярского района Самарской области, на первой надпойменной террасе правого берега р. Сок, левого притока р. Волги (Турецкий и др., 2021, с. 21–22; Сташенков и др., 2021). Под курганной насыпью диаметром 36 м и высотой 0,7 м было выявлено одно разрушенное в древности погребение, расположенное в центре. По периметру кургана обнаружены остатки деревянного сооружения, представлявшего собой конструкцию концентрической формы из дубовых плах со следами горения (рис. 12: 3). В восточном секторе плахи были расположены в пять рядов на расстоянии 0,2–0,8 м друг от друга. В северном секторе кургана конструкция фиксировалась в виде отдельных фрагментов. Диаметр внешнего концентрического ряда составлял 15 м. Часть плах была обмазана глиной. Обнаруженная конструкция не имеет полных аналогий ни в Поволжье, ни на других территориях Золотой Орды. Наиболее близким является сооружение в к. 5 курганного могильника Кривая Лука XVI в Астраханской области (Дворниченко, Зиливинская, 2005).

В ЮВ секторе кургана был обнаружен жертвенный комплекс, состоявший из 14 полных и двух фрагментарных черепов лошадей. У всех черепов отсутствовали нижние челюсти. Большинство черепов располагались парами, ориентированными рострумами в одном направлении. Черепа принадлежали особям обоего пола в возрасте от 1–2 до 20 лет (определения В.В. Гасилина).

Единственное погребение было совершено в могильной яме овальной формы, ориентированной по линии С-Ю с незначительным отклонением к В. Размеры ямы в верхней части 2,3×1,6 м, размеры по дну 2,05×1,05 м, глубина от уровня фиксации 2,0 м. Погребенный первоначально был ориентирован головой на С. Кости скелета человека и предметы погребального инвентаря находились в потревоженном состоянии (рис. 12: 2).

Погребение принадлежало мужчине 50–60 лет монголоидного антропологического типа (определение А.А. Хохлова, И.Р. Газимзянова). По состоянию посткраниального скелета можно предположить, что у этого человека при жизни были серьезные поражения опорно-двигательной системы.

Из засыпи могильной ямы происходит более 200 предметов погребального инвентаря. Кроме золотой серьги в виде знака вопроса были найдены три золотые накладки, две из них в виде цветка лотоса, одна округлой формы (рис. 13: 2, 7–9). В погребении обнаружено три монеты (рис. 13: 4–6): дирхемы Узбек-хана, чекан Сарай аль-Махруса, одна – 722 г. х., две – 727 г. х. (определения П.Н. Петрова), судя по которым захоронение было совершено в конце 1320-х гг.

Из 10 черешковых железных наконечников стрел два имеют костяные упоры. На одном бронебойном наконечнике с массивной четырехгранной боевой головкой сохранились следы позолоты. Железные предметы представлены колчанными крючками, накладками, пряжками, крепежными деталями, вероятно, от седла и колчана. Многочисленные аналогии этим предметам имеются в памятниках аскизской культуры Южной Сибири (Кызласов, 1983). Дополняют погребальный инвентарь фрагменты темно-красной шелковой ткани с золотыми нитями, а также узкие полоски кожаных изделий с тиснением.

Особо следует отметить находки уникальных предметов. Один из них – массивная позолоченная ременная бляха (скользящая обоймица) размерами 3,9×3,5×1,8 см с прямоугольными прорезями на боковых сторонах для ремня (рис. 13: 3). На лицевой стороне изображен трехпалый дракон на задних лапах, его туловище свернуто в одновитковую спираль. Тыльная сторона декорирована гравированным растительным узором. Торцовые стороны украшены полукруглыми насечками, имитирующими чешую. Наиболее близкая аналогия описываемой накладке имеется в погребении к. 6 могильника у с. Ново-Подкряж Днепропетровской области (Шалобудов, Кудрявцева, 1980, рис. 1, 6).

Второй предмет – изготовленное из рога навершие плети или жезла (рис. 13: 1). Оно оформлено в виде фигуры хищной птицы, терзающей крупную птицу с длинной шеей (лебедя или дрофу). Размеры 6,5×3,2 см, снизу имеется втулка глубиной 2,9 см и диаметром 0,9 см.

Погребальный инвентарь, несомненно, свидетельствует о высоком статусе погребенного, принадлежавшего к элите золотоордынского государства.

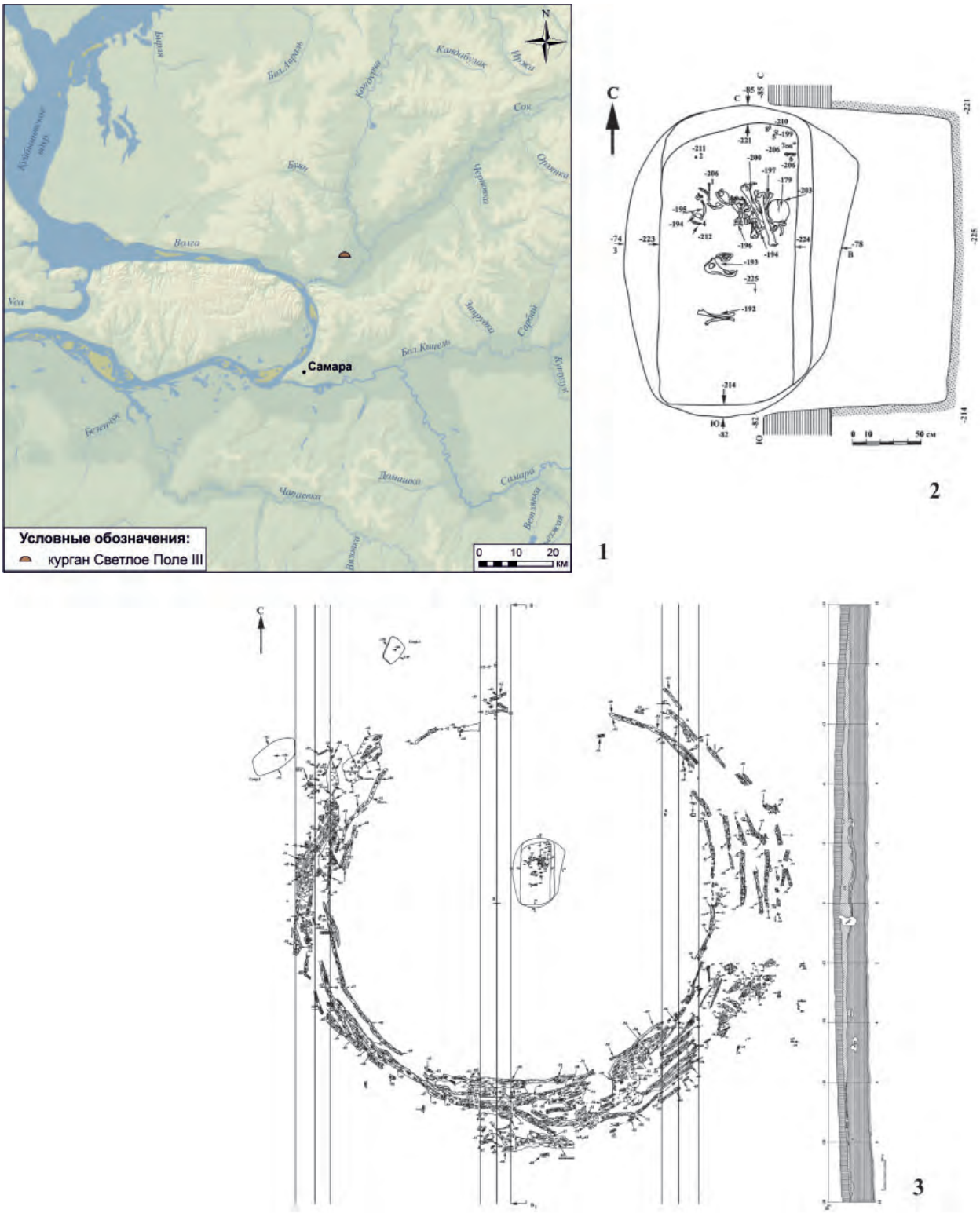


Рис. 12. Одиночный курган Светлое Поле III:
1 – ситуационный план; 2 – план погребения; 3 – план и профиль кургана

В районе нижнего течения р. Самары выявлены материалы, происходящие предположительно из разрушенных курганов у ст. Зубчаниновка (рис. 11: 10), кроме того, здесь исследованы кочевнические захоронения на селищах Белозерки и Белозерки IV (Сташенков, 1999; Сергеева, 2020). Выявленные разведками поселения, как правило, имеют слабо насыщенный культурный слой – Черновка (рис. 11: 5–9).

3) Сокский микрорайон: 8 памятников расположены вдоль русла рек Сок и Кондурчи. Пока на р. Кондурче можно достоверно локализовать лишь

Рис. 13. Одиночный курган Светлое Поле III. Погребение 1: 1 – зооморфное навершие; 2 – серьга; 3 – ременная бляха; 4–6 – дирхемы.; 7–9 – накладки. 1 –кость; 2, 7–9 – золото; 3 – бронза, серебро, позолота; 4–6 – серебро

одно поселение – Алмазовское, из которого происходит небольшая коллекция круговой керамики (рис. 10: 8–9). В бассейне р. Сок, где проводились раскопки памятников неолита – бронзового века, на шести памятниках выявлены материалы золотоордынской эпохи (рис. 10: 10). Однако выделить какие-либо центральные поселения в данном микрорайоне без проведения широких исследований не представляется возможным. Этот участок Самарского Поволжья характеризуется сравнительно пересеченным рельефом. Вероятно, полученные материалы свидетельствуют о кратковременных стоянках вдоль рек.

Кроме того, именно в этом микрорайоне в 1986 г. был исследован Гундоровский одиночный курган с кочевническим захоронением. Курган, находившийся в Красноярском районе, на вершине одного из возвышенных участков коренного склона р. Сок, имел небольшие размеры. Центральная погребальная площадка была ограничена кольцевым ровиком, заполненным супесью с углями. В центре находилось сооружение из обожженных деревянных плашек и досок, представлявшее собой, по мнению И.Н. Васильевой, «домик мертвых» в виде юрты. В кургане исследовано погребение взрослого человека в гробовище в вытянутом на спине положении. Погребенный был ориентирован головой на ЮЗЗ, череп повернут лицом к В. У правого плеча находилась стеклянная голубая бусина, на ногах – остатки кожаной обуви. По предположению И.Н. Васильевой, погребение относится к золотоордынской эпохе, к кругу переходных от языческого к мусульманскому обряду погребений (Васильева, 2000, с. 315–316).

4) Кинельский микрорайон: памятники расположены вдоль р. Б. Кинель до места впадения в р. Самару. В этом микрорайоне известно 10 памятников золотоордынского времени: семь селищ, два курганных могильника, одна случайная находка зеркала. Для данного микрорайона можно отметить некоторые отличия. С одной стороны, расположение памятников аналогично ситуации в предыдущем микрорайоне. Но на востоке микрорайона расположено Сухореченское поселение, выполнявшее функции торгово-ремесленного центра для большой округи (Матвеева, 1977; Детинкина, 2012; Васильева, 2013). Остальные поселения имели значительно меньшие размеры и слабо насыщенный культурный слой. Они не раскапывались, часть была зафиксирована разведками 1920-х гг. Так, на Федоровском селище был обнаружен обрезанный медный пул, на селище у п. Коммуна были собраны фрагменты круговой керамики (рис. 14: 1–6).

Сухореченское селище расположено на правом высоком берегу р. Б. Кинель у б. с. Сухая Речка Похвистневского района. Археологические раскопки памятника производились экспедицией СамГУ под руководством Г.И. Матвеевой в 1971–1976 гг. и И.Н. Васильевой в 1979 г. и 1981 г. Общая площадь раскопов составляет более 2000 кв. м. Находки медной монеты (анонимная конца XIII в. – рис. 15: 14), а также вещей, характерных для золотоордынской культуры (поливной

керамики с подглазурной росписью, сероглиняных сосудов со штампованным орнаментом; обломков чугунных котлов, бронзовых зеркал, стеклянных бус – рис. 15: 1–13), дают возможность датировать селище концом XIII–XIV в. В небольшой коллекции поливной керамики из раскопок И.Н. Васильевой 1981 г. (Кочкина, 2013, с. 240–241, рис. 6) представлены в основном кашинные чаши-пиалы на кольцевом поддоне, относящиеся к группе полихромных чаш без рельефа, расписанных растительно-геометрическим узором сине-зелеными красками и покрытых бесцветной глазурью (рис. 15: 15–21), на одном фрагменте прослеживается псевдоэпиграфический узор (рис. 15: 4). Из стенки поливного сосуда с росписью синей, черной, бирюзовой красками было изготовлено пряслице (рис. 5: 7). Один фрагмент принадлежит кашинному сосуду, покрыт прозрачной глазурью цвета слоновой кости, с внутренней стороны по поливе нанесен цветок матовой белой краской, а сверху синей краской намечены лепестки, сердцевина цветка – черная, сбоку нанесен белый листочек (рис. 15: 9).

Сухореченское селище являлось производственным центром, ремесленники которого снабжали своей продукцией сельскую округу и кочевников. Здесь обнаружены остатки железоплавильного горна и глиняные сопла, железные ножи, рыболовные крючки, мотыжки, кресала, гвозди, наконечники стрел. Находки костей животных со следами обработки, а также различных костяных поделок говорят о наличии косторезного ремесла. Важной отраслью ремесленной деятельности было гончарство. Было исследовано четыре гончарных обжигательных горна. Они имели двухъярусную вертикальную конструкцию, были вырыты в глине и обмазаны глиняным раствором. Продукцией гончаров была неполивная бытовая посуда. Подобные производственные центры раскопаны в Нижнем Поволжье, в Молдавии, Казахстане.

5) Самарский степной микрорайон находится в юго-восточной зоне рассматриваемого региона. Из 10 известных памятников – пять грунтовых могильников, два курганных могильника, два селища и один «клад» сельскохозяйственных орудий. В этом районе выявлены грунтовые захоронения на песчаных дюнах у сс. Максимовка, Виловатое, на дюне «Большой Шихан» и подкурганные захоронения в Гвардейском и Покровском курганных могильниках. Среди грунтовых выделяется обнаруженное в 1981 г. на дюне «Человечья голова» у с. Утевка погребение кочевника. Погребенный лежал в вытянутом на спине положении, головой на СВ. Погребальный инвентарь включал бронзовое зеркало, деревянный гребень, брошь-нашивку, бусы и бисер (Васильева, 1985, с. 174). Из последних находок стоит отметить погребение № 12 грунтового могильника у с. Максимовка, в котором обнаружены набор бус и бронзовое зеркало (Андреева и др., 2021, с. 13).

Необходимо отметить, что количество выявленных здесь погребений (26 погр.) свидетельствует об особой значимости этого микрорегиона для кочевого населения. С погребениями могут быть связаны обнаруженные в непосредственной близости от них поселения с тонким культурным слоем, например, Максимовское селище. Несмотря на то, что в основном в этом районе находились владения кочевых групп, мы можем предполагать формирование на берегах р. Самары и ее стариц относительно постоянных поселений. В частности, обнаружение гончарного двухкамерного горна на дюне «Большой Шихан» (Васильева, 1977) и Максимовского клада сельскохозяйственных орудий (Юнусова-Ключникова, 1977) могут свидетельствовать о появлении в этом районе немногочисленного оседлого населения, занимавшегося ремеслом и сельским хозяйством.

6) Южный Заволжский микрорайон. Всего в настоящее время в этом микрорегионе выявлено 14 памятников золотоордынского времени, из них 9 памятников приурочены к берегу р. Волги или ее небольшим притокам, в настоящее время поглощенным Саратовским водохранилищем, среди них 5 селищ, 5 грунтовых могильников, 3 курганных могильника.

Небольшие раскопки проведены на Кануевском селище в Низменном Заволжье, на площадке террасы левого берега Саратовского водохранилища. Первоначально поселок находился на берегу небольшой реки, впадающей в Волгу. Площадь распространения культурного слоя: длина вдоль берега около 800 м, ширина 100–120 м. В раскопе площадью 20 кв. м были исследованы остатки железоделательной мастерской (Кочкина, 2003). Керамический комплекс селища составляет круговая ремесленная керамика типичных для золотоордынского гончарства форм (рис. 16: 11–14), а также лепная древнерусская и мордовская посуда (рис. 16: 15–18, 19–23). Находки свидетельствуют о разнообразной хозяйственной деятельности и развитой бытовой культуре населения селища (рис. 16: 1–3, 5–10). На восточной окраине селища было обнаружено разрушенное грунтовое погребение, ориентированное головой на В, от погребального инвентаря сохранилась железная пряжка арочной формы (рис. 16: 4), широко распространенная в золотоордынских древностях (Кочкина, 2003). В 2007 г. при осмотре обнажения берега было исследовано еще одно погребение в гробовище в вытянутом на спине положении, головой

Рис. 14. Федоровское селище:1 – медный пул; селище у п. Коммуна: 2–6 – фрагменты круговой керамики

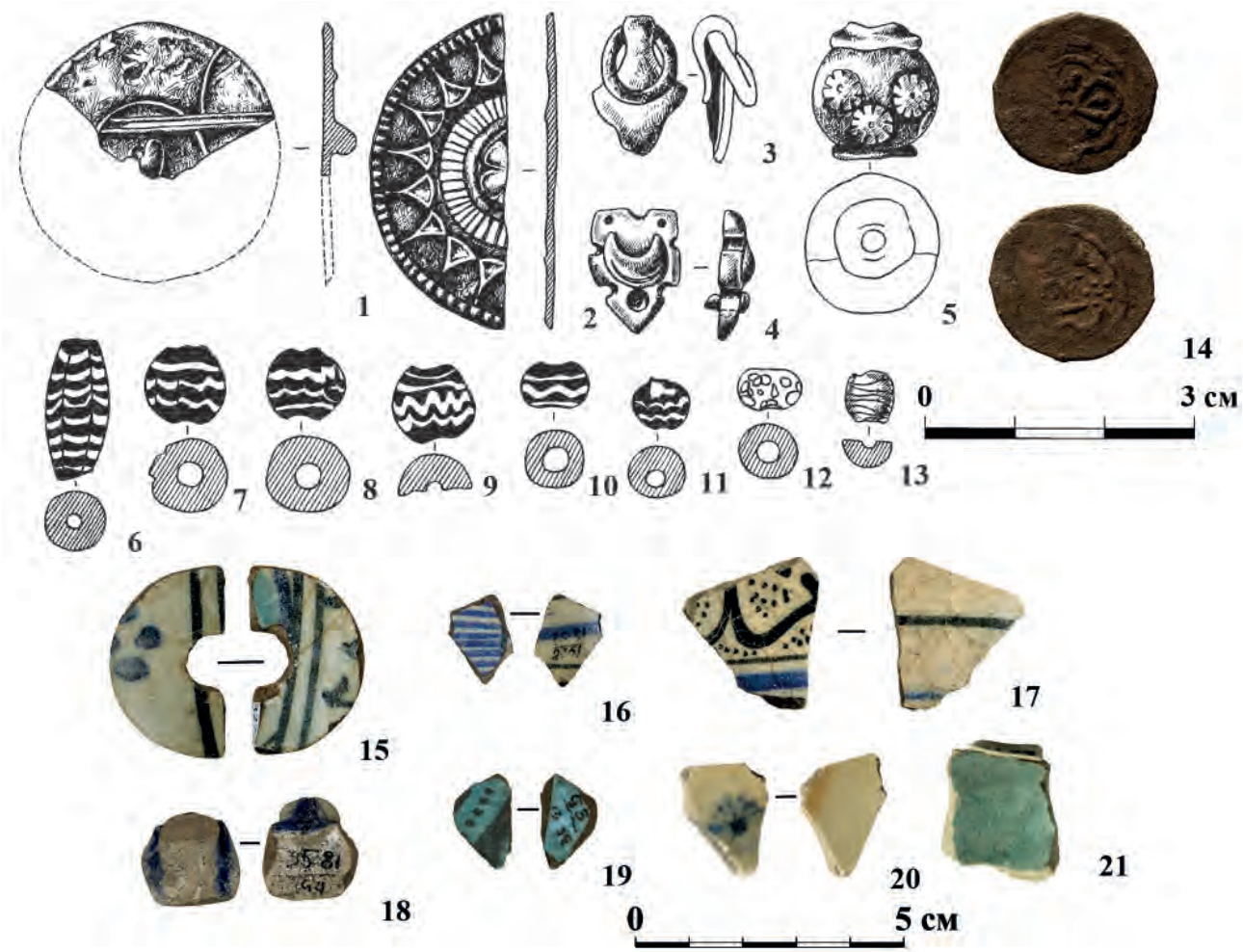


Рис. 15. Сухореченское селище: 1–2 – фрагменты бронзовых зеркал; 3 – железная накладка; 4 – костяная накладка; 5–13 – стеклянные бусы; 14 – медный пул; 15 – фрагмент пряслица из стенки поливного сосуда; 16–21 – фрагменты поливной керамики. 1–13 – по: Васильева, 2013, с. 231, рис. 14

Рис. 16. Кануевское селище: 1–2 – костяные предметы; 3 – рыболовные крючок; 4 – пряжка из погребения; 5 – пряслице из стенки сосуда; 6 – жетон из стенки сосуда; 7 – сверло; 8 – фрагмент чугуна; 9 – подвеска из раковины каури; 10 – косточка сливы; 11 – фрагмент корчажки; 12–14 – круговая керамика; 15–18 – фрагменты русской керамики; 19–23 – фрагменты мордовской керамики. 3, 4, 7 – железо

на 3. Погребальный инвентарь представлен одной стеклянной бусиной. Памятник может быть датирован второй половиной XIII–XIV в.

Исследования на Кануевском селище позволили выявить производственный комплекс, связанный с железоделательным производством, которым занималось, скорее всего, мордовское население. Материалы раскопок, а также обнаруженные погребения, скорее всего, грунтового могильника, свидетельствуют о том, что на поселении совместно проживали представители различных этнических групп: мордва, русские, возможно, тюркоязычные кочевники.

Расположение Кануевского селища на р. Волге позволяет предположить его связь с функционированием Волжского торгового пути в XIII–XIV вв. Оно расположено практически напротив Междуреченского городища на правом берегу р. Волги.

В настоящее время левобережье Волги от Самары до границы с Саратовской областью мало исследовано. К ЮЗ от Кануевского селища немногочисленная золотоордынская круговая керамика встречена на селище эпохи бронзы Сачково озеро (раскопки И.Н. Васильевой 1999 г.). Южнее вдоль Волги выявлено еще несколько золотоордынских памятников, в том числе поселения Приволжье I и Приволжье («Вишневый сад»), поселение Заволжье II у с. Заволжье. Рядом с ними выявлены грунтовые могильники (Крамарев, 1993). Несколько погребений этого времени обнаружены в могильниках эпохи бронзы у сс. Новое Заволжье и Екатериновка (также Приволжский р-н) (Васильева, 2000, с. 322, табл. 1; 10).

Отметим, что в долинах рек Чапаевки, Чагры и Большого Иргиза до настоящего времени не выявлено поселений золотоордынской эпохи.

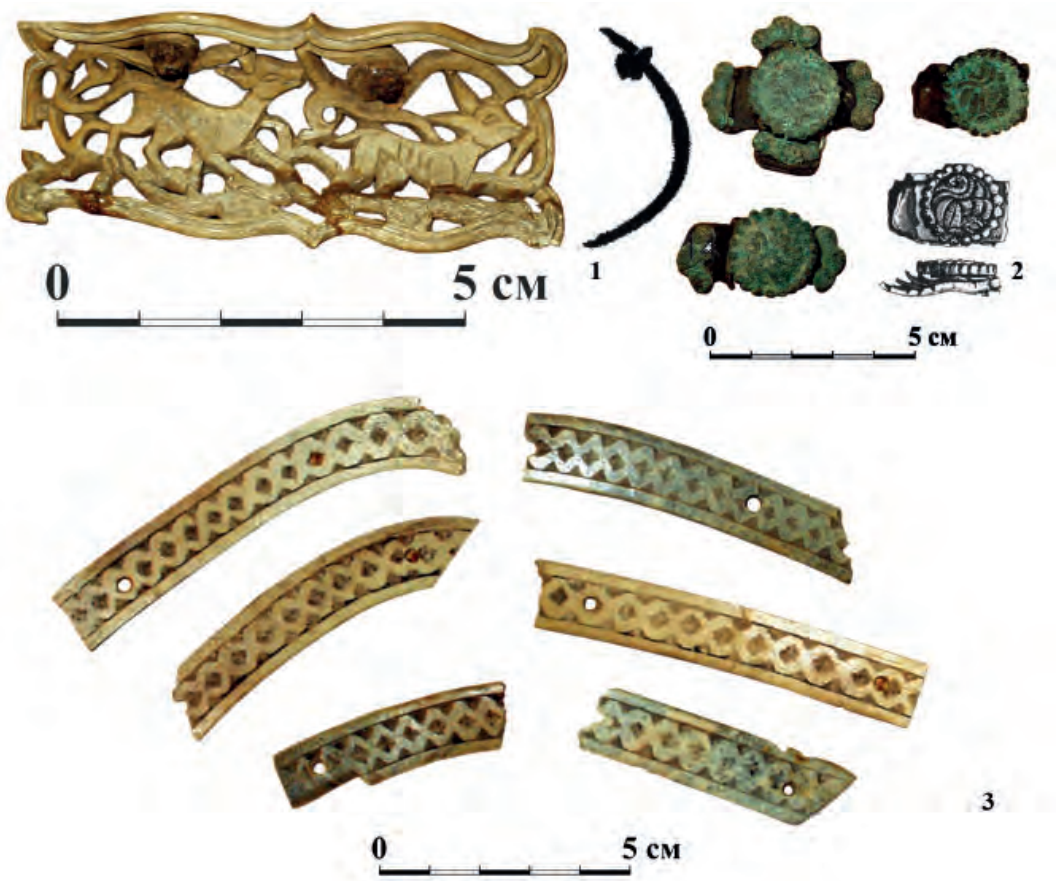


Рис. 17. Курганный могильник «Фокин курган» (с. Большая Глушица): 1 – ажурная костяная пластина; 2 – бронзовые ременные накладки; 3 – костяные резные седельные накладки

Однако здесь известны единичные погребальные комплексы: Александровский курганный могильник, погребения Новопавловского могильника и одиночного кургана «Фокин курган», что может свидетельствовать об особом статусе этой территории в структуре золотоордынского государства. Можно предположить, что этот микрорайон использовался в качестве пастбищных угодий золотоордынских кочевников, причем в летнее время, когда поймы рек были наиболее эффективны для выпаса.

Выразительный материал зафиксирован в захоронении кочевника в раскопанном М.А. Турецким в 1984 г. одиночном кургане у с. Большая Глушица «Фокин курган» (Турецкий, 2004). Курган диаметром 25 м и высотой 1,2 м был сооружен над единственным погребением, к сожалению, ограбленным. В могильной яме обнаружены беспорядочно находившиеся кости человеческого скелета и разрозненные предметы погребального инвентаря, среди которого были зафиксированы фрагменты сабли и двусоставных удил, железная пряжка четырехугольной формы без язычка, а также железные гвозди, черешок железного ножа, бронзовые розетки с растительным орнаментом и фигурные накладки на кожаном ремне (рис. 17: 2). Особо следует отметить костяные обкладки колчана с резным геометрическим орнаментом, костяные обкладки луки седла (рис. 17: 3), уникальной представляется ажурная костяная пластина с резным изображением фигурок двух ланей в обрамлении растительного орнамента (рис. 17: 1).

Особенности погребальных традиций в захоронениях на территории Самарского Заволжья позволяют, по мнению В.А. Иванова и В.А. Кригера, включать памятники этого региона в локально-территориальную группу кочевников урало-волжских степей с доминирующей ролью кыпчакских племен (Иванов, Кригер, 1988, с. 62–64).

Представленные материалы наглядно демонстрируют, что даже на сравнительно небольшой территории Самарского Поволжья выделяются несколько территориальных групп памятников, свидетельствующих о разной специализации микрорайонов и формировании региональной иерархии в рамках государства. В целом Самарское Поволжье, особенно в его левобережной части, можно рассматривать как своеобразную буферную зону между основными городскими центрами Золотой Орды и их «округой». В то же время ряд памятников могут быть выделены как локальные центры с

определенными административно-хозяйственными функциями.

Отметим выделение по археологическим материалам региона специализированных поселков – ремесленных центров, окруженных сезонными кочевыми стоянками. По-видимому, подобные центры появлялись повсеместно в степной зоне Золотой Орды в конце XIII–XIV вв. в результате общего экономического подъема и роста спроса на продукцию ремесленного производства.

Пока недостаточно материалов для хронологического разделения известных памятников, однако уже на этом этапе исследования можно утверждать, что активное освоение региона начинается в третьей четверти XIII столетия, а после событий 1360-х гг. рассматриваемая территория приходит в запустение. Возможно, какая-то часть оседлого населения, пока не фиксируемая археологически, могла сохраниться в регионе, но после битвы на Кондурче 1391 г. Самарское Поволжье окончательно становится местом сезонных перекочевок потомков позднеордынского и постордынского населения. А территория правобережья Самарского Поволжья, включая Самарскую Луку, окончательно приходит в запустение.

ЮГ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В ЗОЛОТООРДЫНСКУЮ ЭПОХУ

Новый период истории Симбирского Поволжья, который охватывает первую половину XIII – вторую половину XV в. и именуется «золотоордынским», характеризуется резкими социально-политическими, торгово-ремесленными и энтокультурными изменениями. Динамику всем этим процессам придавали два важнейших геополитических события этого времени – завоевания монгольских ханов и расцвет нового государства Улуса Джучи (Золотой Орды).

Это государство, возникшее после завоевательных походов Чингизхана и его преемников, по-разному называли современники: арабы и персы – «царством северных татар», «государством Дашт-и Кипчак» или Улусом Джучи, европейцы «Татарией» или «страной Команов» (кыпчаков), русские – «Ордой» или «царством татар», а сами татары свое государство именовали Улуг Улус, т. е. «Большая (или Великая) Орда». Последнее название страны явно осмысливалось самими ее жителями как «золотая» (в Средние века «золотое» означало «царственное», «великое»). Позднее, в XVI в., это название было перенято русскими источниками и стало общепризнанным для обозначения государства татар XIII–XIV вв. в отечественной традиции, хотя в татарской и востоковедческой литературе употребляется термин «Улус Джучи», подчеркивающий истоки и верховенство династии Джучидов в этой державе.

Начало государству Джучидов в Восточной Европе и Сибири было положено еще при жизни победоносного «Потрясателя вселенной». По обоснованному мнению В.В. Бартольда, улус старшему сыну Джучи Чингизхан выделил в 1207–1208 гг., после покорения сибирских народов. По сообщению арабского историка ан-Нувайри (начало XIV в.), в улус хану Джучи были определены «летовья и зимовья от границ Каялык и земель Хорезмских до окраин Саксинских и Болгарских, крайних пределов, – куда доходили кони их полчищ при набегах». Однако большую часть этих земель только еще предстояло покорить.

После смерти Джучи на престол был посажен его сын Бату и его права на территорию, включающую Сибирь, Волжскую Болгарию, Дашт-и Кыпчак, Башкирию, Русь и Черкесию до Дербенда, были подтверждены на курултаях 1227–1229 гг. Тогда же было решено продолжить завоевание западных земель, и великий каан Угедей «во исполнение указа, данного Чингизханом на имя Джучи, поручил завоевание северных стран членам его дома». Но выполнить это повеление Джучиды не смогли, а два их наступления в 1229 и 1232 гг. были остановлены ожесточенным сопротивлением кыпчаков и волжских болгар и большого успеха не имели. На новом курултае в 1235 г. «состоялось решение завладеть странами Болгара, асов и Руси, которые находились по соседству станов хана Бату, не были еще окончательно покорены и гордились своей многочисленностью». В помощь Бату-хану Угедеем были назначены еще 13 царевичей с их войсками.

Весной 1236 г. огромная армия монголов, которая, по оценкам исследователей, могла насчитывать до 50–60 тысяч воинов, вторглась в Волжскую Болгарию. Начались великие завоевательные походы 1236–1242 гг., когда, по замечанию историка XV в. ал-Айни, монголы «захватили то, что могли захватить, и уничтожили тех, которых были в состоянии уничтожить», из-за чего «опустели земли и обезлюдели страны». В результате этих походов практически все государства и народы Восточной Европы вошли в состав империи Чингизидов.

Симбирское Поволжье было включено в состав Улуса Джучи после завоевательного похода 1236 г., когда практически все крупные городские центры Волжской Болгарии были уничтожены или захвачены монгольскими войсками. В после-

дующие годы, последний поход можно отнести к 1239–1240 гг., на этой территории были подавлены последние очаги сопротивления, а вся территория бывшей Волжской Болгарии вошла в состав Улуса Джучи. На некоторых болгарских памятниках (например, Кокрятьском городище) в верхних горизонтах домонгольского слоя фиксируются следы пожара и разрушения и разрозненные человеческие кости.

После возвращения из западного похода в Поволжье в 1243 г. Бату принялся за организацию и укрепление своего улуса. Он ввел в Золотой Орде традиционное тюрко-монгольское военно-политическое деление кочевого государства на правое и левое крылья, а также выделил значительные по размерам улусы себе и своим братьям. Территория бывшей Волжской Болгарии стала, очевидно, частью коллективной собственности Джучидов. Болгарский улус и его главный город Болгар стал первой столицей Улуса Джучи, местом ставки Бату и центром чеканки собственной монеты, тем самым обозначая, что данный улус входит в число именно его собственных владений, т. е. Ханский улус. Одновременно в начале 1260-х гг. такой же главной ставкой был вновь возникший город Укек (близ совр. Саратова). Хан передвигался в зависимости от времени года и каких-то других обстоятельств между этими центрами, сюда приезжали иностранные послы и торговцы. Следовательно, между этими пунктами функционировали дороги с необходимой инфраструктурой, обеспечивавшей караваны, шедшие по Волге или по ее берегу, всем необходимым.

Сложнее состоит дело с размежеванием территории Поволжья, включая бывшую территорию Волжской Болгарии, определением внутренних границ, поскольку владения, подчинявшиеся Укеку, явно находились под управлением собственной администрации, не подчиняющейся Болгару. В этой связи возникает вопрос определения южных границ Болгарского улуса, поскольку письменные источники не позволяют определить их ясно и точно. Фактически молчание письменных источников делало средневековую историю Симбирского Поволжья в целом и золотоордынского периода в частности гипотетической и слабо детализированной.

Историко-археологическое изучение золотоордынского периода. Прорыв в понимании процессов, которые происходили на этой территории, произошел благодаря целенаправленной и неустанной работе археологов. Начальный этап изучения золотоордынской археологии совпал со становлением в конце XVIII – начале XIX в. академической науки в России, с возникновением в регионах высших учебных заведений и краеведения. Первыми археологами выступали краеведы, изучавшие древности своего родного края, пытаясь восстановить прошлое, о котором весьма туманно сообщали письменные источники и местные предания. Как правило, в Среднем Поволжье внимание краеведов привлекали реальные исторические объекты, которыми часто были надгробные памятники. Так, журналист Смирнов опубликовал статью о Татарскокалмаюрском кладбище с надгробиями (Смирнов, 1833), а историк К.И. Невоструев (Невоструев, 1871, с. 542) отметил существование мусульманского надгробия у с. Архангельское. В силу того, что наука только начала изучение средневековых памятников, все они изучались как единое целое, без деления на исторические периоды и страны. Историки пытались создать и совершенствовать эту периодизацию, но ограниченность круга памятников и отрывочные представления о культуре Золотой Орды не позволяли детализовать их, выявить и изучить. Ряд памятников по берегам Волги был изучен Куйбышевской археологической экспедицией (КАЭ) под руководством А.П. Смирнова (Смирнов, Тихомирова, 1948; Смирнов, 1955).

В плане исторического осмысления прошлого Среднего Поволжья в 30–50-ее гг. XX в. был определенный теоретический застой, вызванный тем, что считалось, что Болгарское государство в том или ином виде (княжеств или других государственно-политических образований) существовало здесь с X по XV в. Улус Джучи в этот период не изучался и рассматривался в качестве внешнеполитического и сугубо отрицательного фактора, влиявшего на исторические процессы в регионе. Вызван подобный взгляд был целым рядом вненаучных оснований, но тормозил и искажал понимание прошлого Среднего Поволжья.

Фактически до 60-х гг. XX в. археологические памятники золотоордынского периода представляли собой белое пятно в истории региона и всего Поволжья. Только с развернувшимися работами по обследованию берегов Волги в связи с затоплением прибрежных территорий Куйбышевским водохранилищем, а также активизацией исследований средневековых памятников изучение памятников Улуса Джучи было поставлено на научную основу (Смирнов, Федоров-Давыдов, 1959, с. 128–134). В этот период КАЭ был обследован целый ряд памятников на левобережье Волги в бассейне р. Майны, часть которых имела золотоордынские слои (Смирнов, 1960). Одновременно происходила систематизация археологических памятников, открытых в Симбирском Поволжье (Буров, 1972), а также отдельных кладов, в том числе золотоордынских монет (Федоров-Давыдов, 1963, с. 217, № 188а). Важным шагом к обобщению всех

этих материалов стали труды Р.Г. Фахрутдинова, включавшие как полевые обследования, так и изучение всей накопленной к середине 1970-х гг. информации об археологических объектах (Фахрутдинов, 1975). Позднее часть этих городищ не всегда достаточно обосновано была включена в список золотоордынских городов (Егоров, 1985). В результате всех этих исследований средневековые археологические памятники в регионе были выявлены как самостоятельные объекты исследования, а на части их выявлены слои золотоордынского времени. К существенным недостаткам следует отнести то, что лишь некоторые из выявленных памятников XIII–XV вв. были изучены раскопками, что в ряде случаев делало атрибуцию этих памятников гипотетической.

Историческое осмысление истории Среднего Поволжья в целом и Симбирского края в частности практически оставалось прежним. Но стали появляться труды, пытавшиеся вписать этот регион в контекст исторических процессов, протекавших в средневековом Волго-Уралье (Егоров, 1985; Халиков 1994).

Новым этапом изучения золотоордынских памятников стали полевые археологические исследования 1990–2019 гг., проводимые ульяновскими и казанскими археологами под руководством Ю.А. Семыкина. Эти исследования, проведенные практически на всех памятниках, открытых до сих пор, изменили наши представления о числе и характере золотоордынских памятников, увеличили их общее число и дали надежный археологический материал для уверенной датировки памятников и выявления особенностей их материальной культуры.

В этот же период коренным образом изменились научные представления об Улусе Джучи, характере этого государства и его взаимоотношениях с народами Среднего Поволжья. Установилось четкое представление об характерных особенностях археологической культуры данной средневековой империи и ее памятниках, а также об исторических, социально-политических и торгово-экономических процессах, протекавших в пределах этого государства в Волго-Уралье (История татар, 2009).

Группировка археологических памятников Симбирского Поволжья XIII-XV вв. и их и исторический контекст. В условиях, когда письменные источники сообщают об этом регионе лишь отрывочные сведения, резко возрастает роль и значение археологических материалов. Именно их полное и скрупулезное изучение позволит решить многие проблемы и закрыть белые пятна истории, дав материал для реконструкции прошлого.

Все имеющиеся в нашем распоряжении археологические материалы заставляют считать, что в распределении памятников в регионе Симбирско-Самарского Поволжья произошли серьезные изменения. Главным показателем этих перемен является резкое сокращение по сравнению с болгарским периодом количества археологических памятников, как количественно, так и качественно. Если в болгарское время в этом регионе существовали такие крупные городища, как Кокрятьское, Красносундюковское, Староалейкинское, Сенгилейское, Криушское I и II и т. д., то в золотоордынский период они прекратили существование, а новых городищ не возникло. Можно предполагать, что часть городищ в районе с. Белый Яр и Крестово Городище на левобережье, а также Поливноовражное городище на правом берегу р. Волги относятся частично к золотоордынскому периоду. Но и в этом случае заметно сокращение этой категории памятников, что доказывает серьезные хозяйственные и социально-политические сдвиги в обществе.

Археологические памятники, относящиеся к XIII–XV вв. можно разделить на три группы: 1 – поселения: городища и селища, 2 – могильники, включая древние кладбища с надгробиями, 3 – клады.

Картографирование этих памятников позволяет выделить несколько крупных зон их сосредоточения, что имеет, несомненно, важное историческое значение.

1. Регион левобережья Волги в бассейне рек Урени, Майны и Утки. Это регион, который и в болгарский период был довольно плотно заселен и имел довольно ранние традиции оседлости и градостроительства.

Северная часть этого ареала памятников замыкается на Кокрятьском городище, которое, судя по последним археологическим исследованиям, очевидно, не прекратило свое существование. Во всяком случае, из его окрестностей с берега «Вшивого озера», расположенного рядом с городищем, происходят находки вещей и монет XIII–XV вв.

Важным центром этого региона еще с X в. являлось Старомайнское городище и его округа. В XIII–XV вв. здесь существовало поселение на территории современного с. Старая Майна. Отсюда известны материалы золотоордынского времени – три медные монеты Хызра (1360–1361 гг.), фрагменты поливной керамики. Важной категорией находок золотоордынского времени являются находки зеркал. Найдено целое зеркало из белой бронзы с декором из четырёхлепестковой розетки. Зеркало имеет полную аналогию в материалах погребения 5 могильника «Песчаный

Рис. 1. План селища «Кремѐнки-1» XIII–XV вв.
1 – территория памятника; 2 – здание школы села Кременки

остров», где оно датируется концом XIV в. Кроме этого, найдены фрагменты ещё двух зеркал. С северной окраины р. п. Старая Майна известны золотоордынские монеты XIII–XV вв. В археологической карте Ульяновской области Г.М. Буров (1972) упоминает о находке у северо-западной окраины р. п. Старая Майна четырёх обрезанных серебряных джучидских монет – хана Токты (Сарай ал-Махрус, 1310–1311 гг.), Джанибека (Сарай ал-Джедид, 1348–1349 гг.), Бердибека (Сарай ал-Джедид, 1358–1359 гг.), Навруза (Гюлистан, 1359–1360 гг.). По мнению Бурова, монеты составляли кладовый комплекс, но не исключено, что монеты могли быть индивидуальными находками. Это свидетельствует о том, что поселение не только продолжало существовать, но и участвовать в поволжской торговле.

Вокруг него сложилась целая округа из нескольких памятников, часть из которых изучена археологическими раскопками. Так, в 1987 г. И.Н. Васильевой изучено селище Кременки XIII–XV вв. (рис. 1–6).

В 1989 г. экспедицией Ульяновского государственного педагогического института под руководством Ю.А. Семыкина археологическими раскопками было изучено селище «Красная Поляна I», расположенное в 150 м к северу от д. Красная Поляна Старомайнского района Ульяновской области. Памятник «Красная Поляна многослойный. Ранний слой – именьковский, материалы и сооружения именьковской культуры – многочисленные фрагменты лепной керамики, индивидуальные предметы и др. Из сооружений к именьковской культуре отнесены хозяйственные ямы, а также одна небольшая сгоревшая деревянная постройка наземной конструкции.

К золотоордынскому периоду предположительно можно отнести три погребения, совершенные по исламскому обряду. Погребения, выявленные на территории поселения, на наш взгляд, могут свидетельствовать о том, что по мере разрастания селища на его заброшенной (очевидно, домонгольской) части был устроено кладбище. Об активной жизнедеятельности в окрестностях поселения в золотоордынский период могут свидетельствовать многочисленные нумизматические материалы – золотоордынские монеты, собираемые местными жителями.

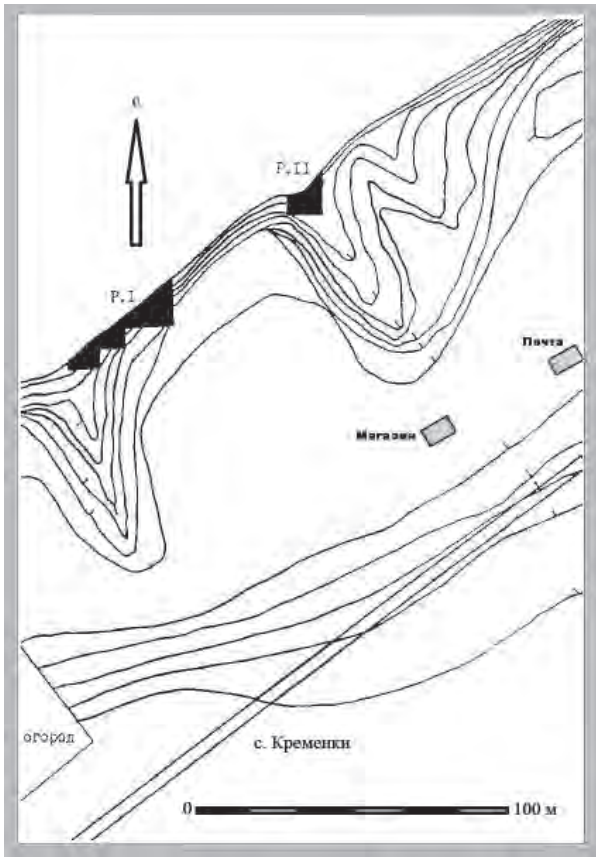


Рис. 2. Расположение раскопов на селище «Кременки-1»

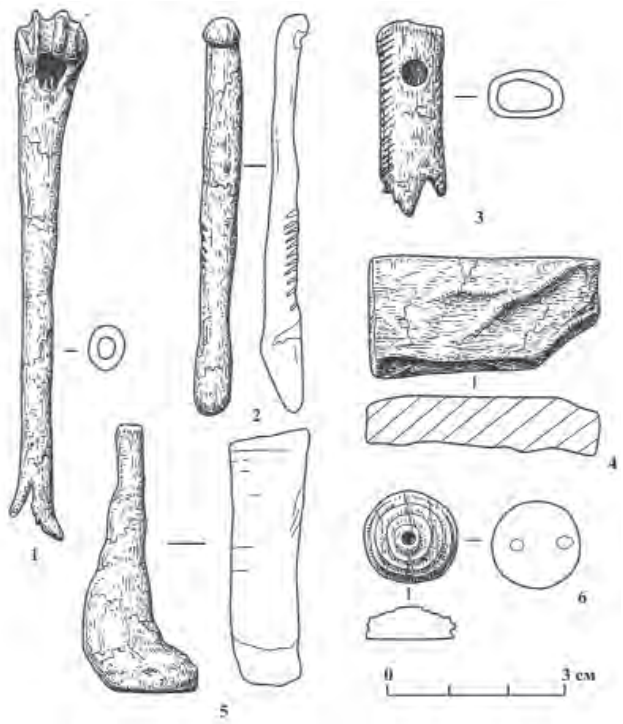


Рис. 3. Изделия из кости из средневекового слоя селища «Кременки-1»

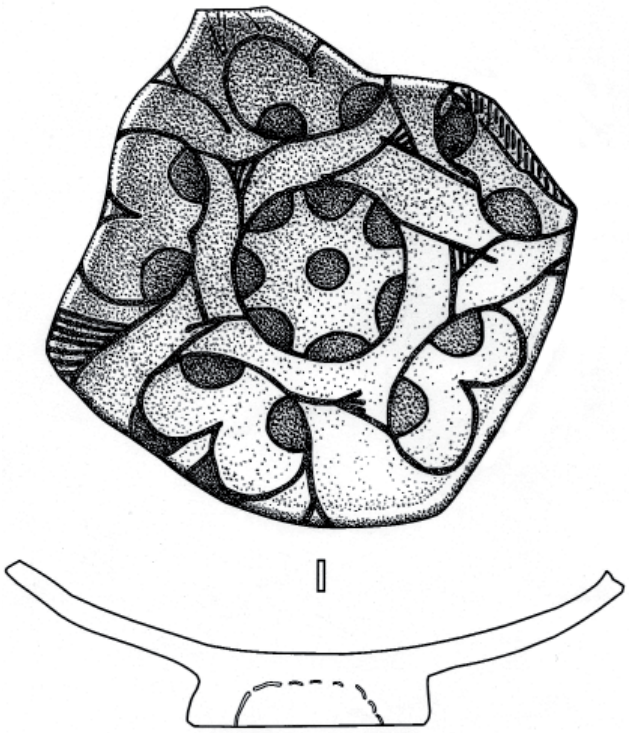


Рис. 4. Обломок поливной чаши золотоордынского периода из слоя селища «Кременки-1»

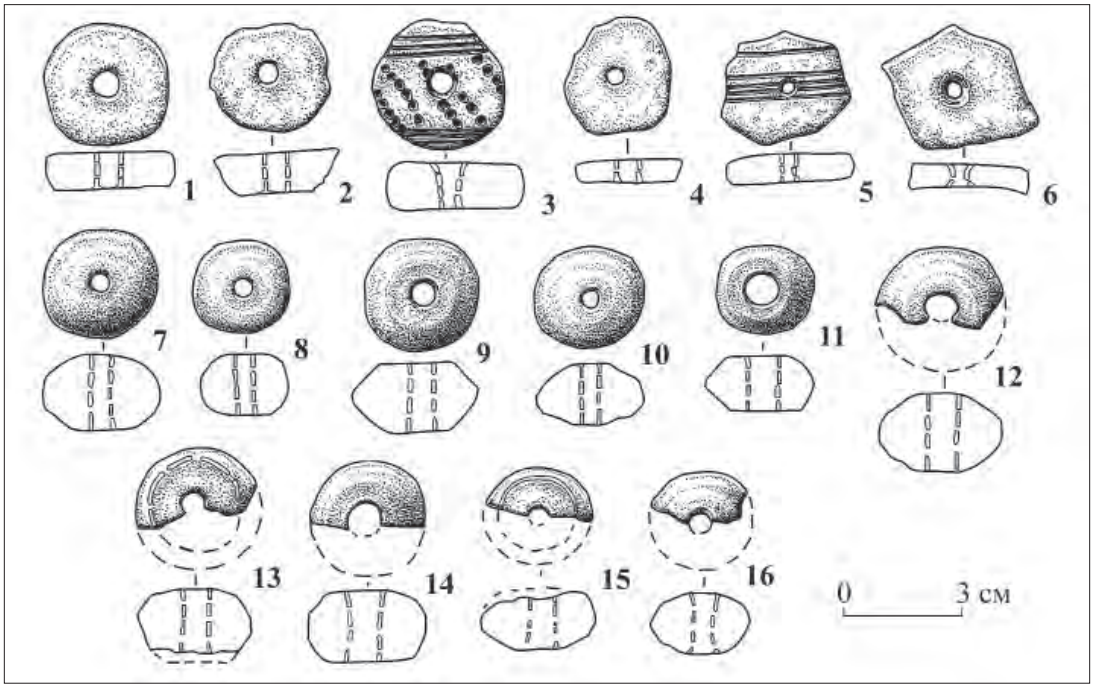


Рис. 5. Керамические напряла из средневекового слоя селища «Кременки-1»

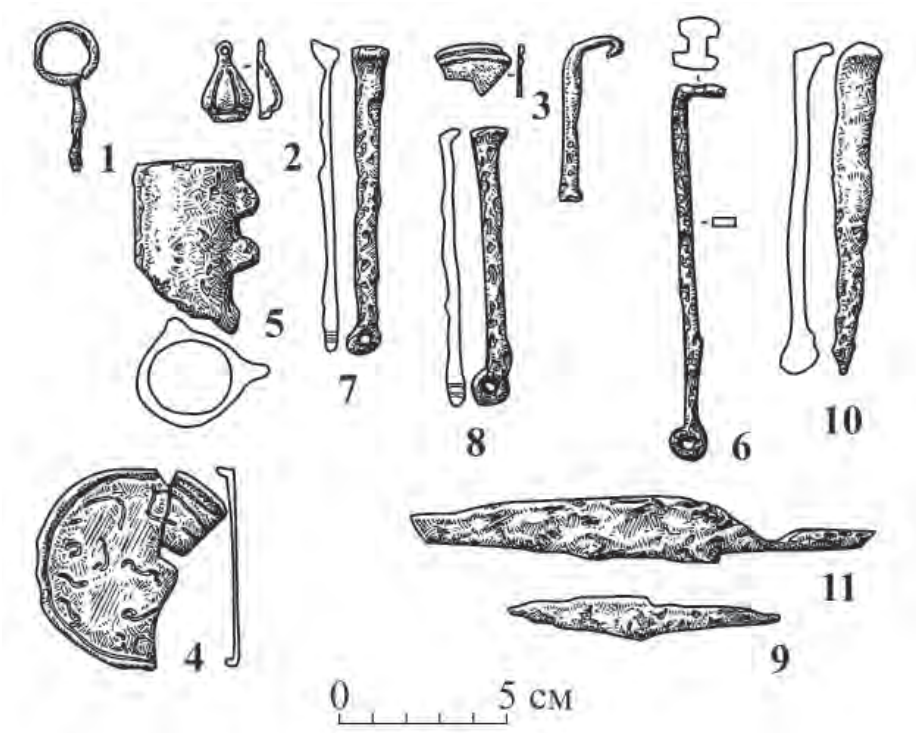


Рис. 6. Бытовые изделия из железа и цветных металлов из средневекового слоя селища «Кременки-1»

Здесь же, в Старомайнском районе, на восточной окраине городища «Чертов городок» в 1990 г. было выявлено и обследовано Ю.А. Семыкиным селище «Жидова гора», отнесенное автором к золотоордынскому времени. Раскопками селище не исследовалось, а только производились сборы подъемного материала. Встречались многочисленные фрагменты круговой керамики, характерной для памятников Среднего Поволжья золотоордынского периода, собраны изделия из черного металла, сельскохозяйственные орудия – серп (фрагмент), ножи, кочедык, пружина от цилиндрического замка, миниатюрный цилиндрический замочек типа В. Черным копателям встречались медные золотоордынские монеты (пулы). Найдены также многочисленные металлургиче-

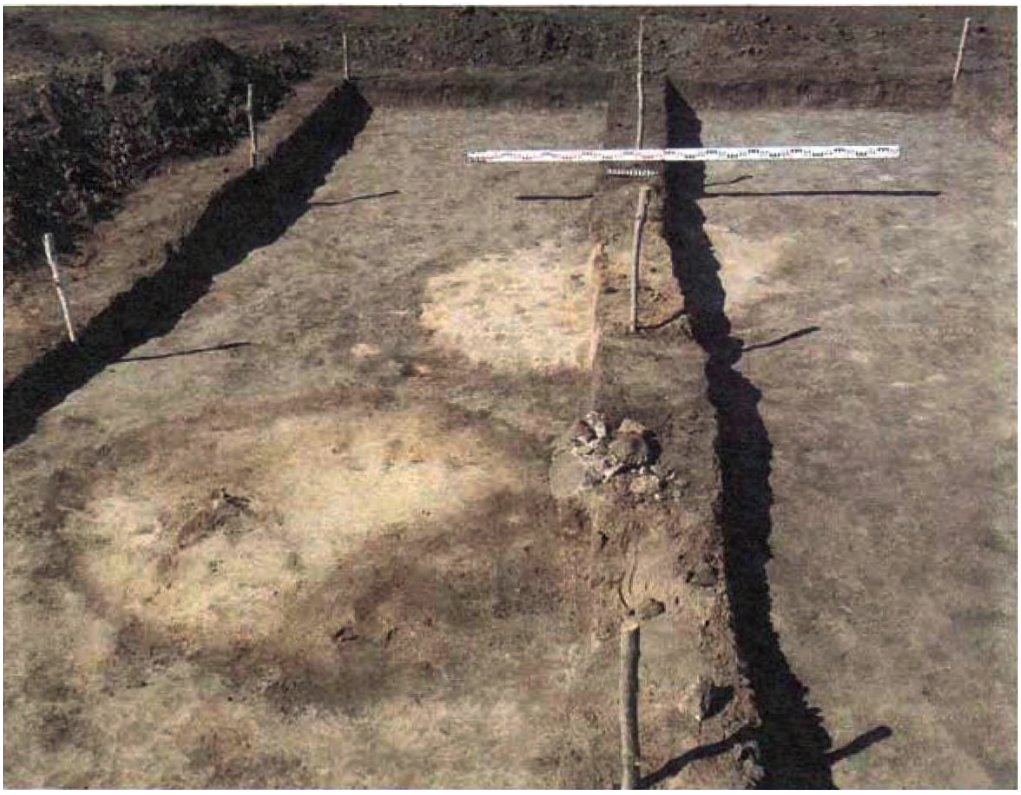


Рис. 7. Поселение «Баратаевка-2а».
Контуры ям 1 и 2 на уровне выявления

Рис. 8. Поселение «Баратаевка-2а». Яма 2

Рис. 9. Поселение «Баратаевка-2а». Находки из ямы 2. Серебряный дирхем

Рис. 10. Поселение «Баратаевка-2а». Керамическое напрясло

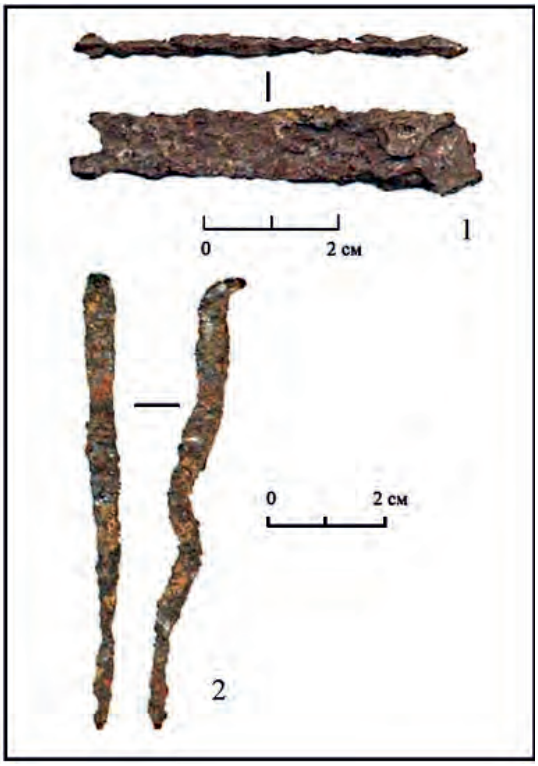


Рис. 11. Поселение «Баратаевка-2а». Находки из ямы 2. 1 – железный нож; 2 – железное шило

ские железные шлаки – следы металлургического производства. К сожалению, памятник был использован в 2012–2015 гг. под строительство турбазы «Славянское подворье» без проведения предварительной археологической экспертизы и в настоящее время практически уничтожен.

Тем не менее есть основания полагать, что в бассейне р. Урени продолжали существовать процветающие сельские поселения, о чем свидетельствует большая группа памятников, включая Ивановское городище. На них собран подъемный материал, который можно отнести к золотоордынскому времени. Также следует отметить наличие в этом регионе группы кладбищ с надгробиями XIII–XIV вв. – Матвеевское (2 надгробия), Архангельское (1 надгробие) и Староуреньское (2 надгробия) кладбища.

2. Регион левобережья Волги в бассейне р. Калмаюр. В этом же регионе известны поселения золотоордынского времени в бассейне р. Калмаюр, где известно Татарскокалмаюрское кладбище, хорошо известное историкам и лингвистам еще с начала XIX в. На территории этого некрополя до настоящего времени сохранились несколько мусульманских надгробий XIV в. Эти памятники (всего семь) были обследованы и опубликованы в свое время Г.В. Юсуповым (Юсупов, 1960, с. 21) и Д.Г. Мухаметшиным (Мухаметшин, 2008, с. 79, 95).

3. Регион близ Симбирска (Ульяновска) в бассейне рек Сельди и Свияги. На территории современного города Ульяновска археологических памятников золотоордынского времени не выявлено. Вместе с тем существование здесь городища или какого-либо поселения не исключено. Можно предположить, что его следы могли быть уничтожены в результате строительства Симбирской крепости в 1648 г. или позднее в результате перепланировки города. Во всяком случае, некоторые предания, сохранявшиеся еще в XVII в., связывают русскую крепость с более ранним поселением, о чем, в частности, писал А. Олеарий, который в 30-х гг. XVII в. проплывал мимо «прекрасного на вид места» на правом берегу Волги, где «некогда стояли города, наиболее дальний из них называется «Симбирская Гора». Говорят, их разрушил Тамерлан» (Олеарий, 1906, с. 378). Не исключено, что этот же город был отмечен и на карте братьев Пицигани под названием Ле-Касар-де-Сан-Кога. Прямых археологических свидетельств тому, что на Симбирской горе существовало золотоордынское поселение, у нас нет, хотя некоторые находки средневекового периода заставляют считать, что

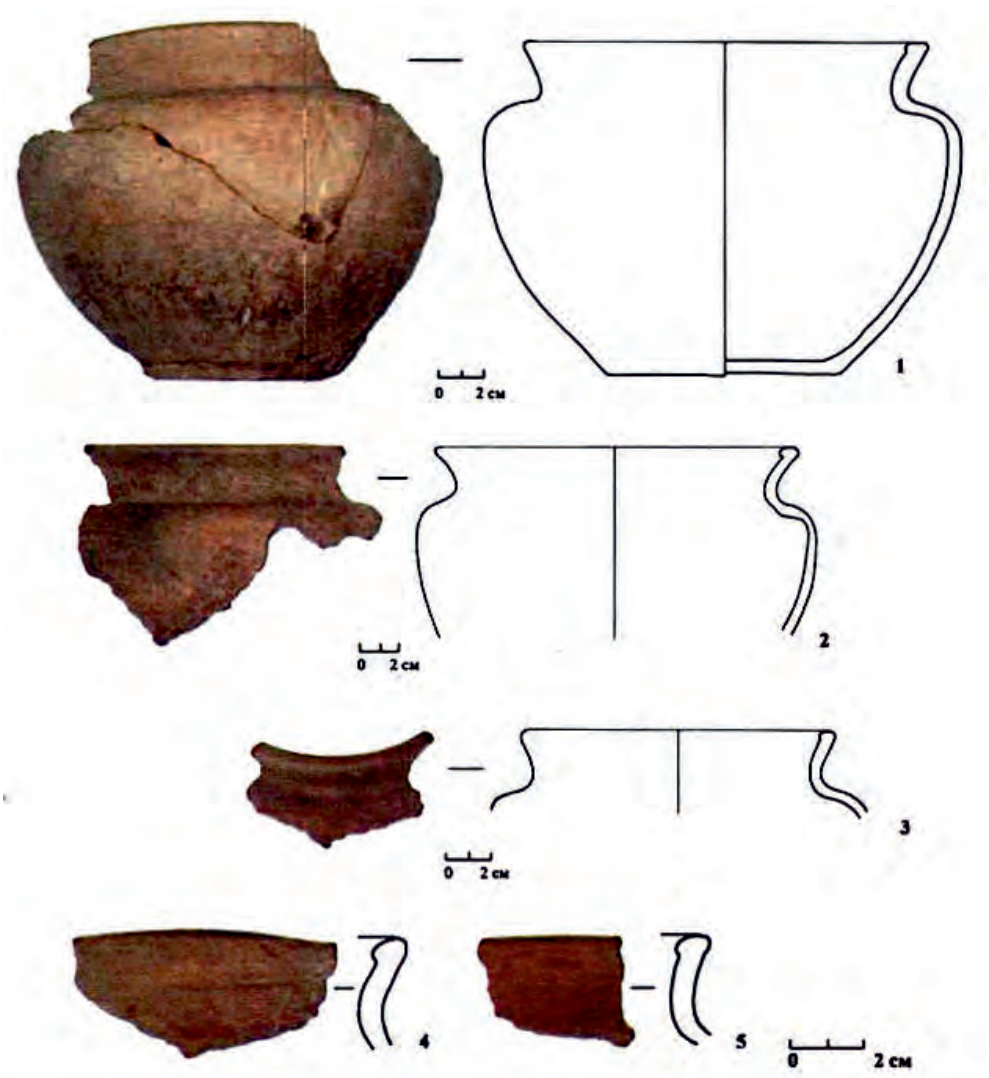


Рис. 12. Поселение «Баратаевка-2а». Керамика русской гончарной традиции из ямы 2

поселение на Симбирской горе могло существовать.

Косвенным свидетельством этому служат недавние находки из окрестностей г. Ульяновска. В 2010 г. в окрестностях с. Баратаевка (г. Ульяновск) на левом берегу р. Сельди (левый приток р. Свияги) было открыто и изучено селище площадью более 120 кв. м (Зеленеев и др., 2012). В ходе археологических исследований на селище был выявлен культурный слой мощностью до 35 см, а также изучено несколько объектов (жилища, хозяйственные ямы и др.) (рис. 7–14). Среди находок несколько десятков фрагментов керамической круговой и лепной посуды разных производственных традиций (болгарская и «славяноидная») (рис. 12, 13). Вся посуда лощеная и неорнаментированная, относится к характерной продукции гончаров золотоордынского периода XIII–XV вв. Среди других находок следует выделить круглый жернов из крупнозернистого песчаника (диаметр 33 см) (рис. 14: 1), глиняное напрясло (рис. 10), фрагмент железной накладки (рис. 14: 2) и железный нож (рис. 11: 1), а также фрагмент бронзовой привески-пуговицы (рис. 14: 3), характерной для средневековых памятников Поволжья. Для датировки всего поселения ключевой стала находка в засыпи одной из ям серебряного анэпиграфного и анонимного дирхема с изображением тамги рода Джучидов, который, судя по аналогиям, был отчеканен в правление хана Токты (1290–1313 гг.) в Болгаре (рис. 9). Судя по всему комплексу материалов, данное поселение возникло в середине XIII в. и существовало по крайней мере до середины XIV в.

Эти материалы свидетельствуют о том, что в районе современного Ульяновска определенно существовал целый куст золотоордынских поселений, часть из которых вполне могла сохраняться вплоть до середины XV в.

4. Группа памятников в Сенгилеевском районе Ульяновской области. В последние не-

сколько лет у с. Каранино и в его окрестностях в Сенгилеевском районе Ульяновской области стали выявляться памятники с материалами золотоордынского периода. К сожалению, это материалы извлечены из культурных слоев черными копателями, но, к счастью, переданы в Сенгилеевский музей и оказались доступны для металлографического исследования. Это главным образом кузнечные изделия, имеющие аналогии в коллекции с Торецкого селища XIV–XV вв. в среднем течении р. Малый Черемшан. Очевидно, что в золотоордынский период в Сенгилеевском районе сформировались одно или несколько поселений, которые занимались традиционным для этого региона металлургическим и кузнечным ремеслом на базе местных запасов сидеритовых железных руд, выявленных в последние годы ульяновскими археологами во главе с Ю.А. Семыкиным в междуречье Волги и Свияги.

Определенно об этом же свидетельствует и находка клада монет золотоордынской чеканки, найденного в 1956 г. на территории Сенгилеевского леспромхоза (Сенгилеевский клад). Судя по описаниям, монеты (всего 171 серебряная монета) находились в глиняном кувшине болгарского типа хорошего обжига. Г.А. Федоров-Давыдов определил 73 из них, чеканенные в 1361, 1380–1395, 1397–1412 и 1415–1417 гг. Одиночными монетами представлены 1361, 1397–1398 и 1417 гг., 1415–1416 гг. – монетой Хаджи-Тархана. К 1380–1395 гг. относятся шесть монет Крыма, к 1399–1407 гг. – 20 из Кафы, Сарая и Азака, к 1407–1413 – 35, чеканенных в Хаджи-Тархане, Сарае и Хорезме, к 1411–1412 – три монеты Хаджи-Тархана. Пять монет датированы 1411 г. Клад зарыт, очевидно, в конце первой четверти XV в. (Федоров-Давыдов, 1963, с. 217, № 188а).

Очевидно, что где-то в этом районе располагался золотоордынский и татарский город или крепость Арбухим. Сведения о нем сохранились в исторических преданиях, которые записал, в частности, А. Олеарий, отметивший в своем описании путешествия по Волге, что на следующий день после Симбирской горы они доплыли до места, называемого «Арбухим». Он писал: «22-го мы прошли через 3 сухих места или мели, из которых одна лежит впереди, а другие две позади горы Арбухим, стоящей по правую сторону реки. Эта гора получила свое название от города, находившегося здесь» (Олеарий, 1906, с. 378).

Учитывая поздний состав Сенгилеевского клада, вполне можно предположить, что здесь было золотоордынское поселение, которое сохранялось вплоть до первой четверти XV в.

Таким образом, можно отметить, что в период Улуса Джучи Симбирский регион явно был пограничным между Болгарским улусом и другими поволжскими улусами – Укекским, Мохшинским. Очевидно, это предопределяло относительную дисперсность его населения в некоторых районах. Практически сразу за памятниками Симбирского региона вплоть до Самарской Луки нет оседлых поселений, а на ее территории нет мусульманских погребений, что позволяет предполагать, что оседлое мусульманское население там практически отсутствовало. Таким образом, можно считать, что Арбухим (очевидно, район с. Сенгилей) был крайним южным рубежом Болгарского улуса. В пользу этого наблюдения говорит и тот факт, что на территории Симбирского Поволжья отсутствуют курганные могильники, характерные для кочевого населения Золотой Орды, тогда как южнее и восточнее Самарской Луки они известны. Это свидетельствует о прохождении маршрута перекочевок скотоводов южнее или восточнее этого региона и его определенном административно-политическом иммунитете.

Хотя количество археологических памятников в Симбирском Поволжье в золотоордынскую эпоху по сравнению с более ранним временем заметно сократилось, их ареал сосредоточен примерно в тех же регионах, что и в болгарский период.

Некоторые топографические изменения, характерные для этого времени, были вызваны прежде всего определенными военно-политическими обстоятельствами и выразились в форме отсутствия или заметного снижения роли городской инфраструктуры, в том числе в отказе от возведения фортификационных сооружений. Происходит определенная «рурализация» поселений, сосредоточение жизни в открытых населенных пунктах.

Вместе с тем эпиграфические материалы некрополей с каменными надгробиями позволяют считать, что жители этих поселений были довольно зажиточными и могли иметь высокое социальное положение. Это позволяет говорить о вероятной связи между отсутствием укреплений в поселении и статусом его жителей и предполагать, что в формировании населенных пунктов открытого типа в данном регионе могли принимать участие группы лиц определенного социального статуса. Следует также подчеркнуть, что наличие кладов монет и находки монет на некоторых поселениях также свидетельствуют об определенном достатке местных жителей и их активном участии в хозяйственной жизни Улуса Джучи.

Основным занятием населения региона было сельское хозяйство, особенно на левобережье Волги, а главной его спецификой – выращивание зерновых культур, в которых нуждались

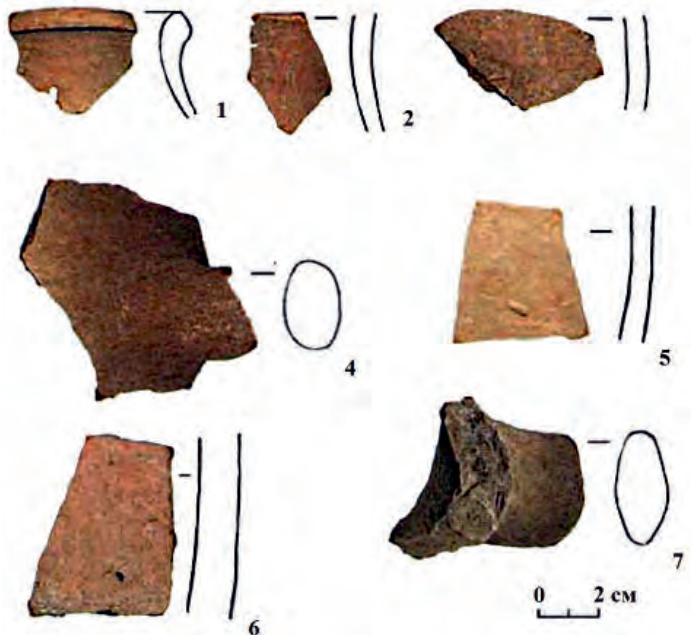


Рис. 13. Поселение «Баратаевка-2а». Красноглиняная гончарная керамика.
1–2 – венчики; 3, 5, 6 – стенки; 4, 7 – ручки

Рис. 14. Поселение «Баратаевка-2а».
1 – каменный жернов; 2 – железная накладка; 3 – бронзовая пуговица-привеска

нижневолжские города. Этим обстоятельством, вероятно, определялся и заметный уровень благосостояния сельских жителей. На правобережье кроме сельского хозяйства население традиционно занималось металлургией и кузнечным делом, разрабатывая местные источники сырья.

Состав населения по имеющимся данным определить трудно. Очевидно, что левобережье, как и прежде, занимало оседлое мусульманское население, а на правобережье, возможно, в него включались группы выходцев из более северных или северо-западных регионов, которые, вероятно, принесли новые традиции гончарства.

Скорее всего, подобная система расселения продолжала существовать в регионе вплоть до начала – первой четверти XV в., когда в связи с изменением военно-политической и торгово-экономической ситуации произошел отток мусульманского оседлого населения в более северные районы. Здесь же остались лишь отдельные и часто, видимо, временные поселения.

ПОСУРЬЕ, ПРИМОКШАНЬЕ И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ ЮГО-ВОСТОЧНЫЕ ТЕРРИТОРИИ

Изучение мордовских памятников XIII–XV вв. началось в XIX в. Первоначально шло накопление материала.

Более или менее регулярные археологические раскопки объектов этого времени на данной территории начинаются в последней четверти XIX в. и продолжаются до настоящего времени.

В 1877 г. П.Д. Дружкин раскопал два кургана XIV в. у д. Селищи на левом берегу р. Пьяны, относящиеся, скорее всего, к кочевническим древностям, несмотря на то, что в них обнаружены и мордовские вещи (Археологическая карта России: Нижегородская область, 2004, ч. 1, с. 167).

А.А. Спицыным в 1892 г. был исследован ряд археологических памятников золотоордынского периода. У с. Пичпанда на мордовском могильнике им было исследовано 39 погребений, в которых были обнаружены золотоордынские монеты. На этом основании он отнёс этот могильник к XIV в. На синхронном могильнике близ Наровчата в имении «Казбек» было вскрыто 15 погребений (ОАК за 1892 год, 1894, с. 45–51).

Члены Саратовской учёной архивной комиссии в 1913 г. вскрыли 37 погребений на Черемшанском мордовском могильнике XIII–XIV вв., расположенном на севере Саратовской губернии рядом с Хвалынском (Радищев, 1914, с. 145–146).

В 1928 г. Н.И. Спрыгина раскопала 14 погребений на мордовском могильнике на правом берегу р. Мокши в Мокшанском районе Пензенской области и датировала его XIV–XV вв. (Первушкин, 1992).

К концу 30-х гг. XX в. А.П. Смирнов по археологическим материалам выделял северную и южную группы мордвы. Буртас он отождествлял с мокшей, арту восточных авторов и мордву «Слова о погибели русской земли» – с эрзей (Смирнов, 1940, с. 145). Определение этноса буртас до настоящего времени не выходит за рамки гипотезы. При этом никто пока окончательно не опроверг предположение А.П. Смирнова (Зеленеев, 2000, с. 28), хотя противоположные мнения начали высказываться довольно рано (Воронина, 2003, с. 167).

А.П. Смирнов пришел к выводу о том, что к концу XIV века северо-западная часть мордвы была сильно русифицирована, а юго-восточная часть испытала сильное влияние татар. При этом процесс отатаривания мокши, по его мнению, начался в XIV в. и хорошо прослеживается по материалам Аткарского могильника (западная ориентировка, конские захоронения, серьги в виде знака вопроса, синие, прозрачные и мозаичные бусы). Возникновение подкурганных захоронений у мордвы (Сарлейский могильник) он объяснял русским влиянием (Смирнов, 1940, с. 145–156). По А.П. Смирнову, уже к XIII в. все мордовские земли в той или иной мере были славянизированы, и процесс славянизации не остановило даже вхождение мордвы в состав Улуса Джучи (Смирнов, 1952, с. 155).

П.Д. Степанов в работах второй половины 40-х – первой половины 50-х гг. XX в. часто повторяет широко распространенный среди историков того времени тезис о противостоянии в XIII–XV вв. мордовского и тюркского этносов. Им была выдвинута не нашедшая впоследствии подтверждения гипотеза об особой этносоциальной группе «каратаи» и отнесении к ней Аткарского, Куликовского, Черемшанского могильников (Зеленеев, 1998).

Интересны наблюдения А.Е. Алиховой о том, что мордва в золотоордынский период начинает заселять юг лесостепного и север степного Поволжья. При этом на новых землях налицо смешение культуры субэтносов эрзи и мокши (Алихова, 1954, с. 271–272; 1958, с. 67; 1965а, с. 143). Так, в погребениях с кольцевыми застежками Муранского могильника она видит единичные захоронения мордвы-эрзи среди могил мокшанского населения (Алихова, 1954, с. 273).

В XIV веке племенные черты эрзи, по ее мнению, проявляются достаточно четко. В материальной культуре это выражается распространением кольцевых застежек, браслетов из толстой круглой проволоки с расплющенными концами, украшенными бугорками, иногда с крестообразной насечкой. Для эрзянских памятников этого времени также характерны двускатные браслеты и витые браслеты (Алихова, 1958, с. 76).

В конце 50-х – первой половине 60-х гг. XX в. П.Д. Степанов публикует материалы ряда памятников, относящихся к XIII–XV вв. Этнокультурная интерпретация их принадлежности, сделанная ученым в те годы, не претерпела изменения до настоящего времени. Например, не вызывает сомнения отнесение населения, оставившего Паньжинский могильник, к мордве-мокше. Отнесение же им верхнего слоя Итяковского городища к татарам-мишарям являлось мало обоснованным, так как его исследования дают материалы так называемого общезолотоордынского комплекса материальной культуры, который несёт сильное ре-

гиональное, т. е. мордовское влияние (Зеленеев, 1998, с. 124).

У А.Е. Алиховой уже в 60-х гг. XX в. наблюдается взвешенный подход к оценке влияния на мордву ее включения в состав золотоордынского государства (Алихова, 1965б, с. 66). Данный подход получил более полное обоснование к концу XX в. (Зеленеев, 2000).

Материалы исследованного А.Е. Алиховой Старосотенского могильника показывают, что мордва была частью населения золотоордынского города Мохши. В настоящее время не вызывает сомнения, что Старосотенский могильник являлся языческой частью городского кладбища. Причем во время раскопок А.Е. Алиховой был выявлен участок, где происходило соприкосновение языческой и мусульманской частей некрополя. Она считала, что мордовский могильник возник здесь в XIII в., еще до основания города Мохши. Затем, по мере его удаления от реки, здесь начинают совершать захоронения по мусульманскому обряду погребения, при этом последний сосуществует с языческим обрядом (Алихова, 1973, с. 227).

А.Е. Алихова очень осторожно отмечает наличие в мордовских могильниках погребений, совершенных по мусульманскому погребальному обряду (Алихова, 1948, с. 225–226). Возможно, что излишняя осторожность в этом вопросе связана с политическими установками того времени. Она пишет, что мордовский Муранский могильник находился рядом с мусульманским болгарским и татарским кладбищем (Алихова, 1954, с. 271–272). Но по тексту непонятно, имеем ли мы отдельный могильник немордовского населения, или в данном случае, как в Старосотенском и Аткарском могильниках, мордовский могильник состоит из двух частей – языческой части и мусульманской. Этноним «татары» в данном контексте не имеет никакого объяснения, и непонятно, с каким культурным комплексом он связан.

Мнение А.Е. Алиховой о том, что город Мохши возник на месте мордовского поселения (Алихова, 1976, с. 166) подтверждается исследованиями конца XX в., когда были получены дополнительные материалы по округе города, представляющейся в основном мордовской. Да и в составе городского населения мордва занимала значительное место (Зеленеев, 2003а).

Из исследований А.Е. Алиховой складывается впечатление о полиэтничности населения города Мохши. Рассматривая погребальный обряд мавзолея № 1, она отмечает, что наземный обряд погребения сохранился в виде пережитка у населения Хорезма (Алихова, 1973, с. 233). Возможно, что этот мавзолей был сооружен выходцами из этой области Золотой Орды. В то же время она отмечает, что в мавзолеях встречены некоторые черты погребального обряда, характерные для мордвы-мокши (Алихова, 1973, с. 237).

В 90-х гг. XX в. начинает утверждаться мнение, что мордовские могильники, возникшие в XI в., продолжают существовать и в XIV в. (Зеленеев, Никитина, 2000, с. 175).

Единственным городом, расположенным в мордовских землях, был Мохши, находящийся на месте современного с. Наровчат в Пензенской области. Конечно, считать его мордовским городом нельзя, но нахождение его в мордовских землях, мордовская сельская округа города и значительное число мордвы в составе его жителей позволяют рассматривать его как городское поселение в районе компактного расселения мордвы.

Место для основания города выбрано не случайно. Он находился в черноземной лесостепи, удобной как для занятий земледелием, так и для содержания больших стад на пойменных пастбищах (Зеленеев, 2000б, с. 70).

Из данных археологических раскопок, которые вели на Наровчатском городище (г. Мохши) А.А. Кротков в 20-е гг., А.Е. Алихова в 50–60-е гг., Ю.А. Зеленеев в 80–90-е гг. XX в., явствует, что город Мохши формировался по тем же принципам, что и золотоордынские города Нижнего Поволжья. Он так же, как и они, не имел оборонительных сооружений. Укрепления, остатки которых когда-то фиксировались в местности под названием «валы» и которые некоторые исследователи приписывают к ордынскому времени, к городу Мохши не относятся и являются частью русской крепости XVII–XVIII вв.

В момент начала здесь чеканки монеты, т. е., вероятно, в 1309 г., здесь находилось мордовское поселение, что подтверждается наличием мордовской керамики в нижних слоях городища (Зеленеев, 1990). Возможно, что уже в это время здесь были какие-то постройки ордынской знати, но следы их пока не обнаружены. Основное же строительство города начинается со времени правления хана Узбека. Возможно, что толчок к этому связан с кратковременным нахождением здесь ставки самого хана. Этот процесс должен быть связан с перемещением сюда населения, принесшего навыки восточного градостроительства и мусульманской культуры. Большинство золотоордынских городов Поволжья строилось по этим принципам с начала XIV в. Уже первый поход Узбека в Закавказье (1318–1320 гг.) дал тот контингент, часть которого оказалась и в Мохши. Впоследствии восточный элемент продолжал поступать в золотоордынские города.

Город Мохши состоял из двух ярко выраженных частей: торгово-ремесленного района и усадеб знати, которые располагались свободно рядом с ним. Такое скопление усадеб фиксируется на так называемом «Мелюковском поле», где Г.Г. Румянцевым в 1997 г. была раскопана часть дома с полом из сырцового кирпича. Эти исследования подтвердили данные А.Е. Алиховой о нахождении в этом районе усадеб зажиточного населения города Мохши (Зеленеев, 2001, с. 106). Усадьбы свободно расположены на данном поле и находятся довольно далеко от торгово-ремесленной части Мохши.

Разбросанность усадеб породила у исследователей уверенность в его очень больших размерах. На самом деле он несопоставим даже с нестоличными золотоордынскими городами Нижнего Поволжья, его торгово-ремесленная часть не «превосходит современное село Наровчат» (Алихова, 1976, с. 166), а занимает лишь небольшую часть под центральными улицами села.

В центре торгово-ремесленной части города, возможно, находилась мечеть, от которой сохранились архитектурные детали. В настоящее время на этом месте находится православный храм. Выявить планировку и строения XIV в. в этом районе очень трудно, так как он застроен зданиями современного села, а культурный слой сильно разрушен. Тем не менее можно с уверенностью говорить о том, что дворцово-административного комплекса, о котором пишут некоторые исследователи (Блохин, 1999, с. 291), в «центре» города Мохши нет.

Особенности строительства города Мохши во многом сходны со структурой нижневолжских столичных центров Золотой Орды, особенно – Царевского городища. Мохши, как и другие золотоордынские города, строился без какого-либо предварительного планирования. Здесь так же, как и на Нижней Волге, усадьбы зажиточного населения находятся за пределами торгово-ремесленной части города. В Мохши они разбросаны на довольно большом расстоянии друг от друга на Мелюковском поле. Центральная часть города представляет собой мастерские и дома рядового населения города, что аналогично планировке других золотоордынских городов (Зеленеев, 2001а, с. 158).

Раскопками в центре торгово-ремесленной части установлено наличие гончарных горнов, принадлежавших мастерским, выпускавшим красноглиняную керамику. Такие горны характерны для небольших населенных пунктов, иногда сельского типа. Горн, раскопанный в 1989–1991 гг., был округлой в плане формы и состоял из двух камер: нижней топочной с двумя устьями и верхней – для обжига гончарной продукции. Верхняя камера отделялась от нижней камеры глиняной перегородкой. В ней имелись округлые отверстия, пропускавшие горячие газы. Горн был вырезан в материковой глине и свод его не сохранился.

Рядом с горном обнаружено большое количество обломков керамики, а также целые формы. Среди них имеются фрагменты амфорообразных кувшинов, кувшинов афтоба, крышек, пиал и других сосудов. Среди посуды много бракованных экземпляров (Зеленеев, 2001, с. 106). Такие мастерские, выпускающие массовую красноглиняную посуду, были ориентированы как на местное городское население, так и на прилегающую сельскую округу (Алихова, 1969; Зеленеев, 1990).

Гончарная красноглиняная керамика найдена у с. Большая Кавендра к югу от Наровчата, у поселка Сканово к востоку от Наровчата. В данном случае перед нами остатки пригородных сел заселенных мордвой. Доказательством этому служат находки здесь грубой керамики серого цвета, изготовленной без помощи ножного гончарного круга, и широколопастной сюльгамы XIV в. (Румянцев, 1991).

Полиэтничным было и население самого города, возникшего на месте мордовского поселения. Это подтверждается фольклорными преданиями о царице Нарчатке, которая фигурирует в них как царица буртасов или мордвы (Кротков, 1939, с. 32–33). К мордовскому предгородскому или раннегородскому поселению примыкает мордовский языческий Старосотенский могильник (Алихова, 1948).

В настоящее время ясно, что этот могильник и мусульманские захоронения в урочище Мизгить (мечеть) представляют собой единое городское кладбище с языческой и мусульманской частью, в котором отсутствуют разделительные границы.

Поблизости от Наровчата при рытье котлована для пруда разрушены мордовские погребения XIII–XV вв. А.А. Кротков отмечает ещё один могильник мордвы на соборной площади Наровчата. Он датирует его XVII–XVIII вв., но при раскопках 1989–1991 гг. здесь были найдены вещи XIII–XV вв. Это говорит о том, что на территории городища или в его непосредственной близости находилось не менее двух мордовских кладбищ этого времени. Могильник в центре Наровчата мог быть частью Старосотенского могильника.

Это в свою очередь подтверждает то, что мордва была значительной частью населения города и его непосредственной округи (Зеленеев, 2000б, с. 70).

В нижних слоях и сооружениях Наровчатского городища встречается сероглиняная лепная посу-

да с примесью шамота, представленная горшковидными и баночными сосудами (Зеленеев, 1989, с. 37–38, рис. 15, 7, 16, 6). Кроме мордовской лепной керамики в золотоордынском слое Наровчатского городища найдена мордовская лопастная сюльгама XIV в. с подтреугольным сечением лопастей (Зеленеев, 1990. Архив УНАЭЦ? рис. 78; 7, 85; 5).

С середины XIII в. в районе расселения мордвы фактически перестают использоваться укреплённые городища. Итяковское городище являлось ставкой темника, перенесённой сюда из Мохши в конце XIV в. (рис. 2). Хотя и здесь находилось мордовское население, что подтверждается археологическими находками на нём (рис. 3).

Раскопанных мордовских неукреплённых поселений XIII–XV вв. немного. Они известны в основном по результатам археологических разведок. Некоторые поселения данного времени трудно выявить, так как на их месте функционируют населенные пункты, например, поселение Арга 1 в Атюрьевском районе Мордовии (Святкин, 1997, с. 4–5).

Памятники, находящиеся на пойменных останцах и исследованные археологической экспедицией Мордовского государственного университета в 1980-х гг., не всегда можно соотнести с постоянным местом поселения. Возможно, что они являлись сезонными селищами, связанными с какими-то хозяйственными занятиями. Скорее всего, одним из них является Шаверское I поселение в бассейне реки Мокши, которое по керамическому комплексу и находкам серебряных золотоордынских монет датируется концом XIV–XV вв. (Зеленеев, 1983, с. 17).

Лучше изучены мордовские могильники этого периода. По их материалам можно проследить материальную, духовную культуры и расселение мордвы в XIII–XV вв. (рис. 1).

Для погребального сооружения мордвы XIII–XV вв. характерны подпрямоугольные или овальные в плане могильные ямы (рис. 4). При этом последние могильные ямы чаще встречаются при захоронении женщин. Стенки могильных ям отвесные, дно ровное. Длина мужских могил колеблется от 220 до 290 см, ширина от 70 до 110 см. Размеры женских могил меньше: длина от 200 до 240 см, ширина от 65 до 100 см. Некоторые ямы отличаются неровными стенками независимо от пола погребенных в них людей (Ефаевский могильник, погребение 290 Кельгининского могильника). В XIII–XV вв. распространен обряд трупоположения. Мужчин хоронили на спине с вытянутыми конечностями. Иногда руки были положены на тазовые кости или поперек туловища (Вихляев, 2001, с. 53).

В вытянутом положении захоронены и некоторые женщины (например, погребения 5, 7 из раскопок 1982 г. Ефаевского могильника). Но чаще для этого времени преобладало положение покойниц на левом боку с ногами, согнутыми в коленях под прямым углом. Руки были согнуты в локтях и положены кистями к черепу, который лежал на левом виске. Иногда встречаются захоронения женщин на правом боку. Известны «модификации» данного обряда. Например, в погребении 290 Кельгининского могильника женщина лежала на левом боку с одной рукой, положенной перед животом, а другой – у колен (Вихляев, 1999, с. 26).

Захоронения чаще всего производились без гробов. Встречаются только следы луба, который использовался в качестве подстилки, а иногда и для обкладки стенок могилы (Вихляев, 1999, с. 26, 45). С середины XIV в. отмечаются случаи появления прямоугольных лубяных гробовищ размерами 232×56×20 см (Вихляев, 2001, с. 53).

В мокшанских могильниках этого времени распространена ориентировка покойного головой на юг или на юго-запад. Реже встречается юго-восточная ориентировка. В эрзянских могильниках погребённые были ориентированы головой в северном (с отклонениями) направлении.

Вторичные захоронения этого времени чаще всего связаны с перезахоронением останков из более ранних погребений, нарушенных при рытье поздней могилы.

Погребальный обряд такого типа хорошо прослежен при раскопках Ефаевского могильника. Здесь наблюдается любопытная закономерность – при наличии пулокеря (накосника) глиняная посуда ставилась в ногах у погребенной женщины (таким же образом помещен сосуд в погребении 290 Кельгининского могильника, в котором пулокерь присутствовал), в захоронениях без пулокеря глиняная посуда располагалась у головы. Видимо, есть какие-то различия в погребальном обряде незамужней женщины (с пулокерем) и замужней женщины (без накосника) (Зеленеев, 1987, с. 148–149).

Украшения в женских погребениях располагаются в порядке ношения и, исходя из того, что их достаточно много в могилах, есть все основания думать, что умерших хоронили, как правило, в праздничной одежде.

Топоры в мужских захоронениях располагались чаще всего у пояса, причем иногда они были воткнуты лезвием в дно могилы (Зеленеев, 1982, с. 17).

В XIV в. в мордовских могильниках начинают встречаться захоронения, совершенные по мусульманскому обряду. Они есть в Старосотенском могильнике, который является частью единого

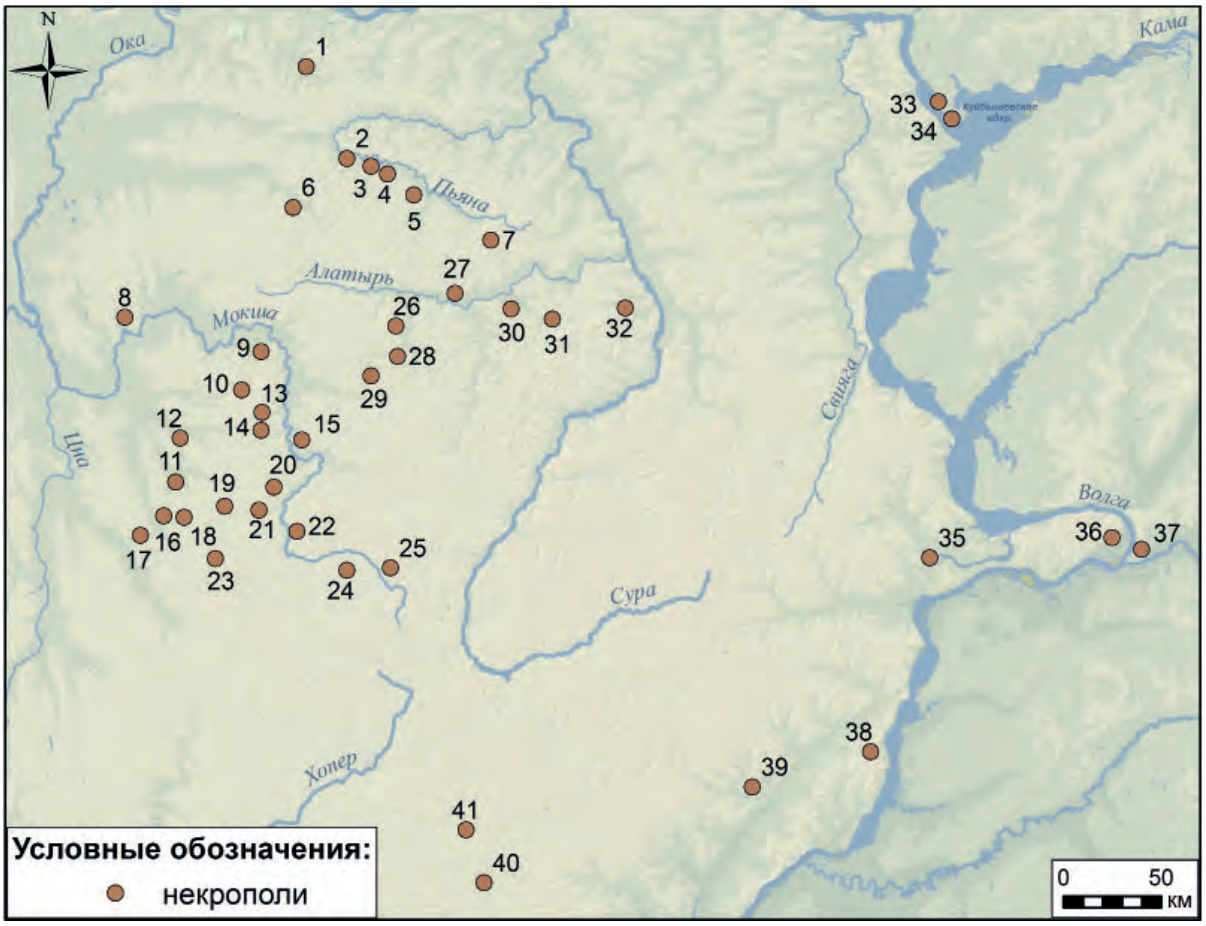


Рис. 1. Археологические памятники мордвы XIII – XIV вв. Некрополи (по В.Н. Шитову)
1 – Сарлейский; 2 – Ичалковский; 3 – Младший Кужендеевский; 4 – Борнуковские; 5 – Гагинский; 6 – Коринский; 7 – Большеигнатовский; 8 – Нароватовский; 9 – Стародевиченский; 10 – Мордовско-Паркинский; 11 – Кельгининский; 12 – Куликовский; 13 – Ефаевский; 14 – Черемисский; 15 – Волгапинский; 16 – Калиновский; 17 – Старобадиковский 1; 18 – Пичпандинский; 19 – Беднодемьяновский; 20 – Паньжинский; 21 – Старосотенский; 22 – «Казбек»; 23 – Кармалейский; 24 – Долгоруковский; 25 – Чернозерский; 26 – Дубровский; 27 – Кендянский; 28 – Василевский; 29 – Вертелимский; 30 – Папулевский; 31 – Киржеманский; 32 – Манадышский; 33 – Карташихинский 1; 34 – Карташихинский 2; 35 – Муранский; 36 – Усинский 2; 37 – Барбашинский; 38 – Черемшанский; 39 – Покровский; 40 – Аткарский; 41 – Комаровский

городского мусульманско-языческого кладбища. Но наибольшее число подобных погребений встречено в Аткарском могильнике, который находится в Саратовской области и состоит из двух частей – языческой и мусульманской. При этом в мусульманской части могильника встречаются погребения с пережитками языческой мордовской обрядности (Зеленеев, 2000б, с. 71).

В XIII–XV вв. происходит изменение керамического комплекса мордовских поселений и могильников.

Лепная керамика традиционных форм продолжает изготавливаться и применяться в качестве погребальной посуды. Но уже с первой половины XIV в. в мордовских, особенно в мокшанских могильниках, появляется посуда, имеющая в качестве прототипов золотоордынскую массовую красноглиняную керамику. Возможно, что некоторая часть ее изготовлена с помощью гончарного круга. К такой керамике относятся красноглиняные мискообразные сосуды с ребром по тулову и приоткрытым горлом из Ефаевского могильника (Зеленеев, 1987, с. 150–153). Иногда заметно, что их поверхность промазана глиной с целью придать сосуду красный цвет. Несмотря на высокое качество их изготовления, можно предположить, что посуда изготовлялась не ножным, а ручным кругом.

Такая посуда явно изготавливалась мордовскими мастерами по золотоордынским образцам. Поэтому у нее присутствуют синкретические черты. С одной стороны, типично мордовская традиция изготовления с наличием в качестве примесей дресвы и шамота, а также с перенесением даже в форму чаш элементов формы мордовских горшковидных сосудов. С другой стороны, появление острореберных чашевидных форм, стремление придать красный цвет черепку и более высокое качество изготовления сосуда говорит о стремлении подражать ремесленникам золотоордынских горо-

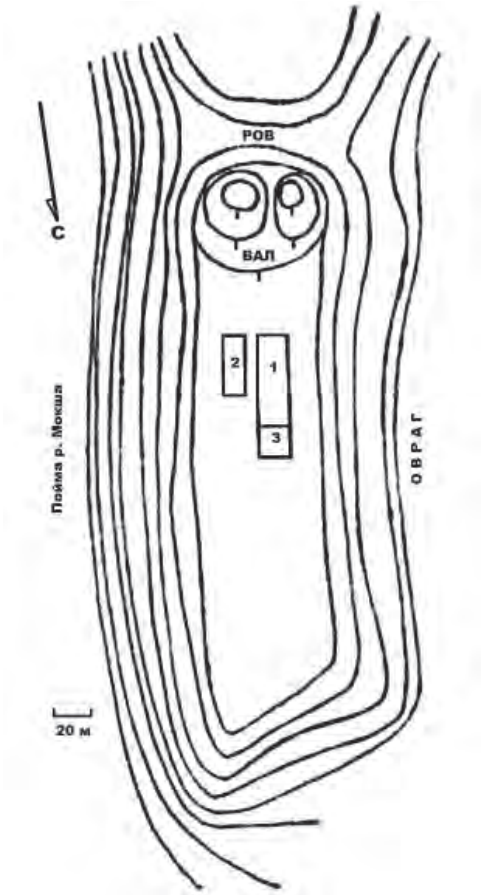


Рис. 2. План Итяковского городища
(по: Степанов, 1963, с. 123, рис. 2)

дов. При этом мордовские мастера, не имея возможности создать высокий температурный режим обжига, который приводит к красному цвету черепка, делали красный ангоб для наибольшей схожести с исходными образцами (Зеленеев, 2000б, с. 70).

Иногда внешняя часть сосудов покрывалась красной краской, как, например, в погребении 290 Кельгининского могильника. В то же время данный сосуд не выпадает из общей типологии мордовской керамики. Он горшковидный, с неровным печным обжигом, с песком в качестве примеси. Лепные сосуды желтовато-коричневого обжига с примесью песка встречены и в других погребениях этого могильника (Вихляев, 1999, с. 26, 34).

На мордовских поселениях продолжает преобладать лепная керамика. Выделяются тонкостенные (до 0,5 см) и толстостенные (более 0,5 см) сосуды. По цвету поверхности можно отличить черноглиняные, красноглиняные и сероглиняные сосуды. В качестве примеси применялись песок, шамот и растительные примеси. У некоторых сосудов сохраняется традиция украшать венчик защипами и насечками, которая характерна для мордовской керамики в предшествующий период (Зеленеев, 1983, с. 16).

На Порецком поселении найдена бурая керамика с примесью толченой раковины. Она изготовлена на ручном круге или от руки. Возможно, что данная керамика производилась мордовским населением. В четвертом штыке она составляет 25% всей керамики и датируется концом XIII – XIV вв. В верхних слоях она тоже присутствует, но постепенно количественно уступает русской посуде XIV–XV вв. (Зеленеев, 2003, с. 15).

Сосуды, схожие с русской посудой Порецкого поселения, обнаружены на Шаверском 4 поселении в Примокшанье. Большая часть керамики этого поселения изготовлена на ручном гончарном круге и имеет в 60% случаев в качестве примеси дресву (Аксенова и др., 1990, с. 150–151, 158, 161; табл. 3, 5). Керамика грубая, темно-серая снаружи и черная в изломе. Отделка поверхности небрежная. Наиболее распространены отогнутые наружу округлые венчики. Верхняя часть иногда орнаментировалась насечками по венчику, горизонтальными и волнистыми глубокими резными линиями по шейке и верхней части тулова (Зеленеев, 1982, с. 12). Данную посуду можно соотнести с русской керамикой XIV–XV вв.

На Шаверском 4 поселении встречена и лепная мордовская керамика. Это сильно- или слабопрофилированные горшковидные сосуды, имеющие в качестве примеси дресву (66%) и шамот (25%). Иногда сохраняется традиция предыдущего времени нанесения по краю венчика насечек (Аксенова и др., 1987, с. 154, табл. 3, *4*).

Нужно отметить, что поселения Шаверки 4 и Шаверки 1 находятся в 1,5 км друг от друга и датируются второй половиной XIV – первой половиной XV в., но имеют различия в керамическом комплексе. На поселении Шаверки 1 преобладает лепная мордовская керамика, но встречаются и фрагменты от сосудов, изготовленных на ручном круге. На Шаверском 4 поселении, наоборот, больше встречается керамики последнего типа.

Кроме посуды керамическими были биконические пряслица. Иногда они покрывались красной краской (Вихляев, 1999, с. 26).

На поселениях и в могильниках мордвы этого периода встречаются железные топоры с немного загнутым лезвием, цилиндрическим обухом, имеющим внизу щековицы (рис. 4: 20). В XIV–XV вв. все больше распространяются топоры с широким лезвием и цилиндрическим обухом, известные из погребений 315, 420 Кельгининского могильника (Вихляев, 1999, с. 47; 2001, с. 54).

Встречаются также железные долота с четырехгранной втулкой, железные тесла (Кельгининский могильник, погребение 313) (Вихляев, 1999, с. 45), железные ножи разной длины, которые имеют сравнительно небольшую ширину лезвия

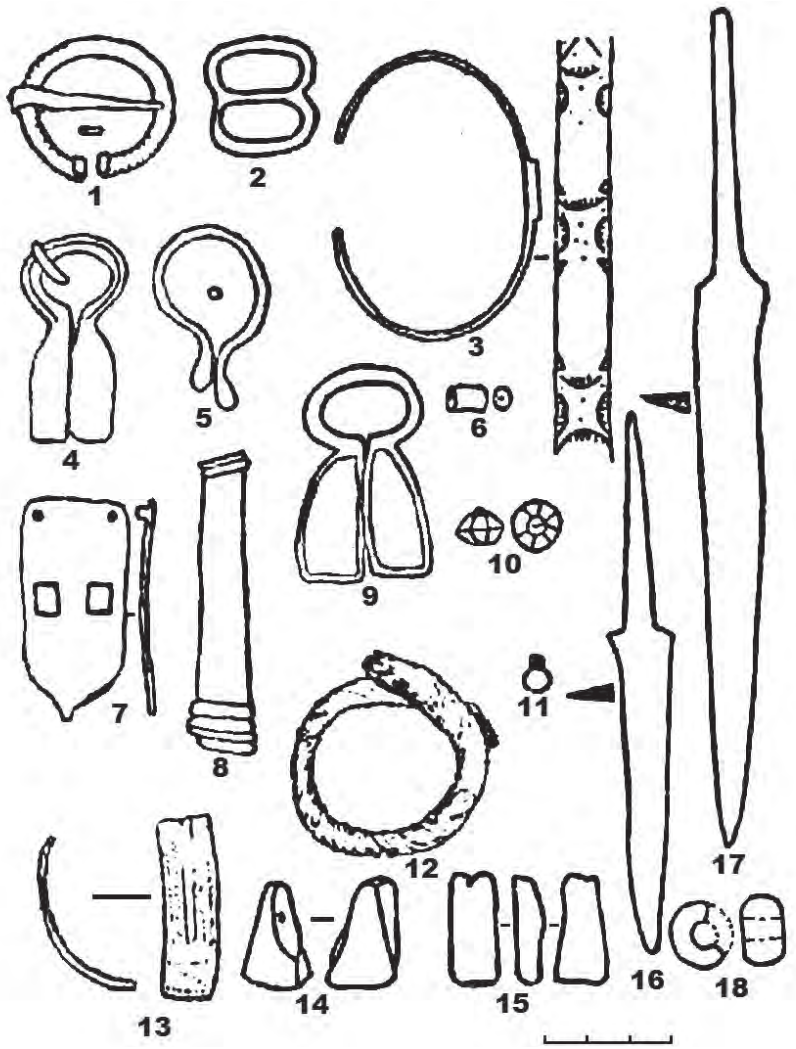


Рис. 3. Вещевой материал из культурного слоя Итяковского городища.
1, 4, 5, 9 – сюльгамы; 2 – медная пряжка; 3, 12, 13 – браслеты; 7 – накладка от шкатулки; 8 – медная трубочка; 6, 10, 11, 14, 15, 18 – бусы и подвески; 16, 17 – ножи (по: Степанов, 1963, с. 129, табл. IV)

и узкий черешок, на который насаживалась деревянная рукоять (Вихляев, 2001, с. 49).

В XIV в. распространяются железные наконечники стрел типа срезней (Вихляев, 2001, с. 54).

К другим изделиям из железа относятся портупейные пряжки, колчанные крючки, круглые пряжки, поясные кольца, овальные кресала с фигурной прорезью.

Изредка встречаются железные пластинчатые браслеты (Вихляев, 1999, с. 260).

Украшения чаще всего встречаются в погребальных памятниках мордвы, но есть находки и с поселений.

С XIII в. в женских мордовских захоронениях исчезают височные привески с грузиком, которые на протяжении более чем тысячи лет являлись этническим маркером для захоронений мордвы. На смену им приходят несомкнутые височные кольца диаметром около 1,5 см, имеющие завиток на одном из концов. В погребениях такие кольца встречаются в одном экземпляре, т. е. они непарные. Очень часто такие височные кольца изготавливались из серебра (Вихляев, 1999, рис. 107, 7).

Пулокери представляли собой проволоку, которую навивали на лубяной или кожаный футляр, в котором находилась коса. Иногда он обматывался кожаным ремешком, который был обмотан тонкой бронзовой проволокой (рис. 4: 4) (Вихляев, 1999, с. 26).

Нагрудные застежки-сюльгамы встречаются двух типов: круглопроволочные и лопастные. Наиболее распространены кольцевые застёжки с завернутыми в виде колец концами (рис. 4: 8) (Аксенова и др., 1987, с. 152, табл. 8, 5). Лопастные сюльгамы различных размеров имеют пластинчатые треугольные лопасти со скругленными концами.

Для XIV в. характерны изделия с трехгранными лопастями и ребром посередине лопасти, иногда у перехода от кольца к лопасти нанесена крестовидная нарезка. Они встречаются практически на всех мордовских памятниках этого времени и в памятниках, оставленных смешанным, например,

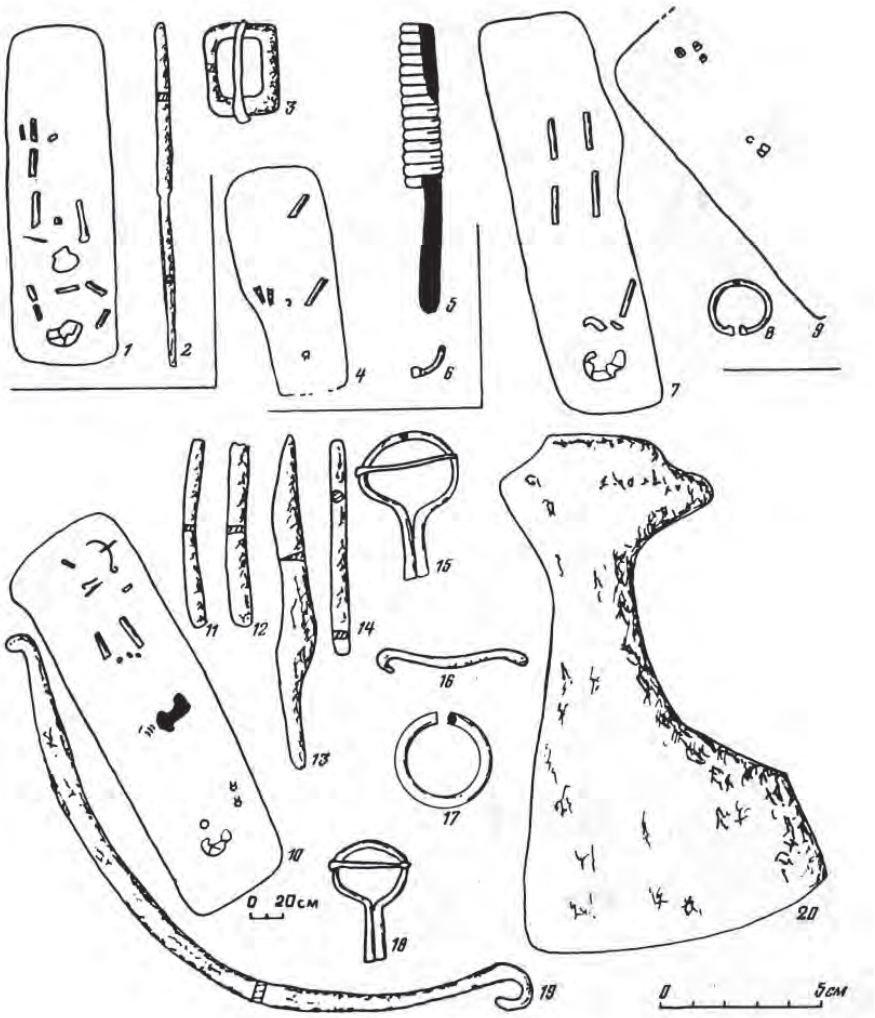


Рис. 4. Стародевиченский могильник. 1–3 – погребение 68; 4–6 – погребение 69; 7 – погребение 70; 8–9 – погребение 71; 10–20 – погребение 72 (по: Петербургский и др., 1990, с. 98, табл. XVII)

русско-мордовским населением (рис. 5: 1–2, 5–7) (Аксенова и др., 1987, с. 152, табл. 9, 2; Вихляев, 1999, с. 34). У некоторых сюльгам «усы» только немного расплющены и не превратились в лопасти (рис. 4: 18) (Ефаевский могильник, 1982). С конца XIV и в XV в. распространение получают сюльгамы с подтреугольной широкой и тонкой лопастью. Иногда на лопастях нанесена тонкая гравировка, чернь, мелкая зернь, скань (рис. 5: 3–4) (Вихляев, 1999, с. 26, 34).

В Ефаевском могильнике (погребение 17, 1982 г.) встречена круглая сюльгама без лопастей, но с расплющенным кольцом и слегка завернутыми, не выступающими за диаметр кольца усами (Зеленеев, 1987, с. 151–153). Такая же застежка с треугольным в сечении кольцом найдена в мужском погребении 313 Кельгининского могильника (Вихляев, 1999, рис. 150, *2*).

Чаще всего сюльгамы изготавливались из бронзы, но имеются и серебряные, а из Александровского клада на Украине происходят золотые широколопастные экземпляры.

Встречаются браслеты, витые из нескольких, часто из трех проволок (рис. 6), перстни с бронзовым кольцом, обернутым тонкой серебряной пластиной с серебряными прямоугольными или квадратными щитками, украшенными узором с чернью (Вихляев, 1999, с. 26). Среди находок перстней такого типа имеются предметы, изготовленные из серебра (погребение 414 Кельгининского могильника) (Вихляев, 2001, с. 49).

Общая датировка мордовских памятников этого периода претерпела в последнее время некоторые изменения, хотя их и нельзя назвать кардинальными. Все больше оснований появляется говорить о том, что большинство погребений Ефаевского могильника относится к XIII–XIV вв., хотя какое-то количество захоронений было совершено в дозолотоордынское время. По другим погребальным памятникам также появились осно-

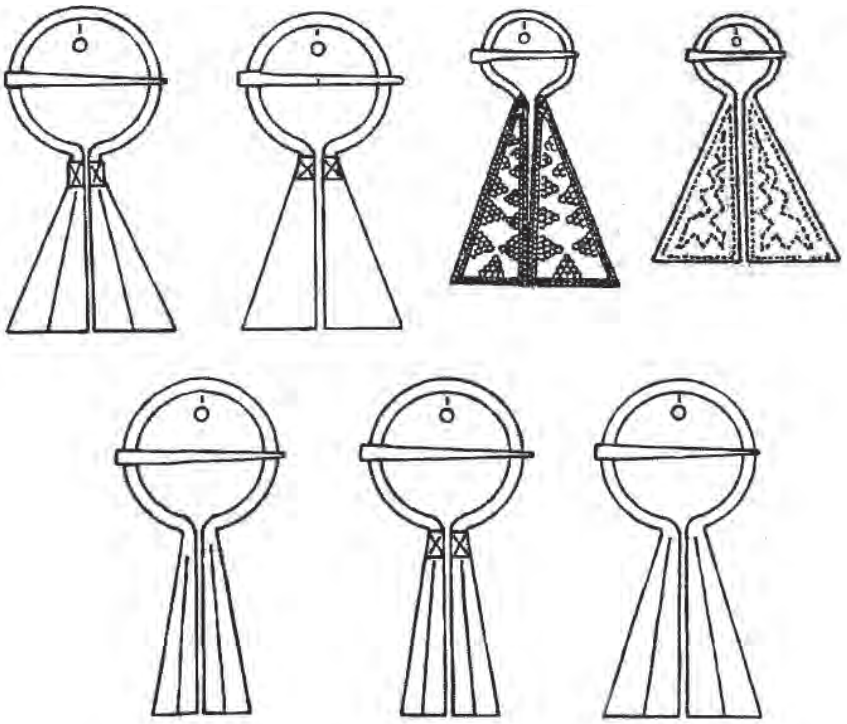


Рис. 5. Сюльгамы (по: Вихляев и др., 2008, рис. 80: 10–12; 81: 1–4)

вания датировать их более широкими периодами и отмечать отсутствие прекращения их функционирования после монгольского нашествия. Именно к таким выводам приходят исследователи Стародевиченского могильника (Петербургский, Первушкин, 1992).

Основой хозяйства мордвы в XIII–XV вв. было земледелие. Поэтому мордовский этнос этого времени можно называть крестьянским этносом. Ремесло мордвы нельзя квалифицировать как обособленный вид хозяйства. Оно более определяется как крестьянский промысел. Ремесленное же производство города Мохши называть мордовским нет достаточных оснований.

Обращает на себя факт существования у мордвы в XIII–XV вв. временных поселений в поймах рек. Здесь проживали жители из соседних деревень, которые занимались сезонным возделыванием пойменных земель, выпасом скота, рыболовством. Возможно, что в пойму были вынесены такие промыслы, как выплавка железа из болотной руды. Находки железных шлаков – весьма распространенное явление на пойменных поселениях Примокшанья золотоордынского времени (Зеленеев, 1983, с. 17).

XIII–XV вв. – это период, когда укрепляются торговые связи и денежное обращение. Мордовское слово «ярмак» – деньги происходит от тюркского названия дирхема. Имеются медные золотоордынские монеты чеканки Крыма с легендой «Сорок восемь (этих монет) – один ярмак» (Федоров-Давыдов, 2003, с. 34).

В мордовских землях в некоторых кладах этого времени около 59% составляли дирхемы Мохши (клад Вяземки). В 1360-х годах на рынках Мордовии начали преобладать столичные дирхемы (Федоров-Давыдов, 2003, с. 47).

В монетных кладах 1360–1370-х гг. из мордовских земель встречаются подражания джучидским монетам, что в общем-то характерно и для других районов Среднего и Нижнего Поволжья (Федоров-Давыдов, 2003, с. 52–53).

С 1380–1381 гг. в мордовских землях старые серебряные монеты исчезают из обращения и заменяются монетами Токтамыша. В этот период происходит проникновение сюда монет азакской чеканки (Федоров-Давыдов, 2003, с. 48).

Особенностью обращения джучидских монет в мордовских землях в XV в. является значительная доля старых монет и большой процент монет азакского и крымского чекана. На формирование особенностей денежного обращения в мордовских землях в XV в., так же как и в конце XIV в., продолжает воздействовать фактор существования торговых связей с Азаком и Крымом. Сосуществование старых и новых монет в кладах мордовской земли показывает, что воздействие ханского законодательства на них резко сократилось и результаты денежной реформы 1399–1400 гг. здесь не прослеживаются (Федоров-Давыдов, 2003, с. 57).

В состав денежного обращения мордовских земель, особенно попавших в сферу влияния Московского и Нижегородского княжества, влива-

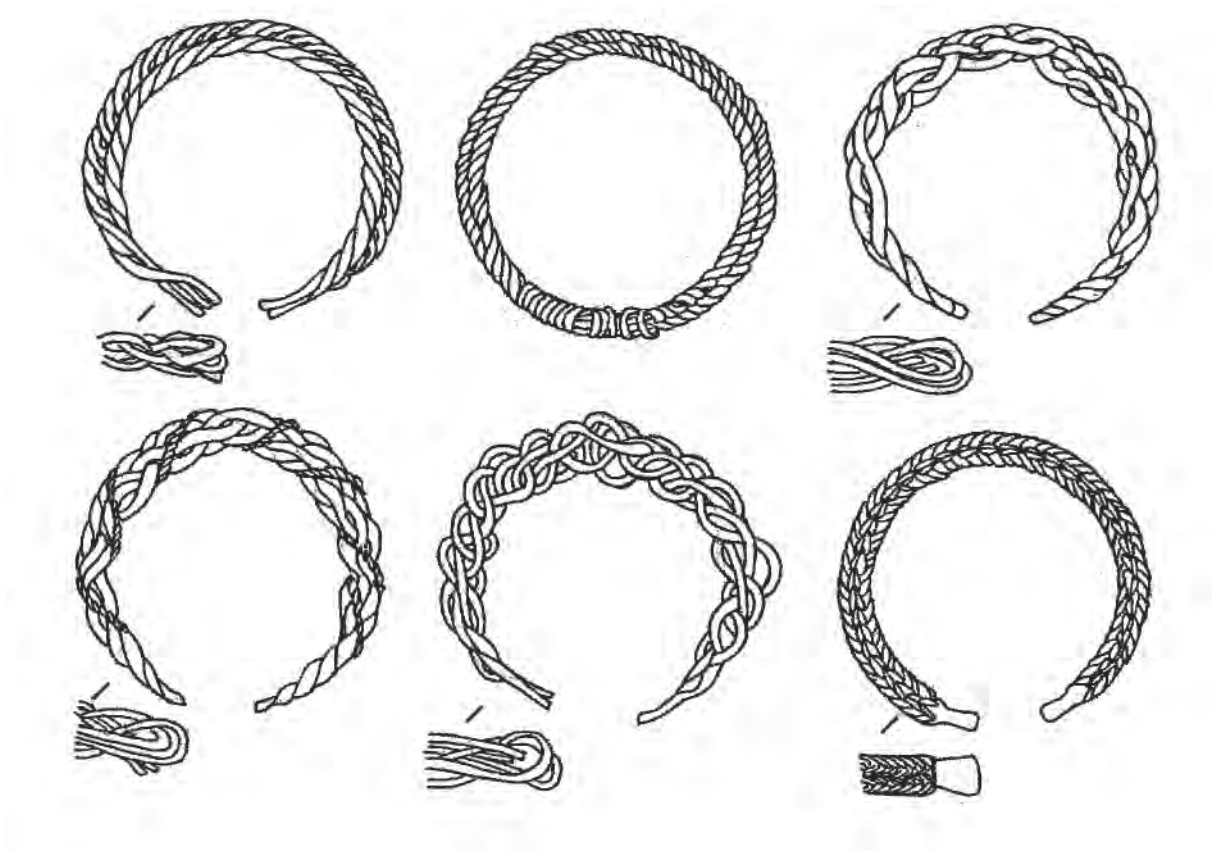


Рис. 6. Браслеты (по: Вихляев и др., 2008, рис. 69: 1–6)

ются монеты указанных княжеств, но они еще не вытесняют дирхемы Токтамыша и ханов начала XV в. в основном чеканки Азака и Крыма (Паракинский клад) (Федоров-Давыдов, 2003, с. 56–57).

Мордва к XIII в., видимо, находилась на одной из завершающих стадий формирования народности. В то же время все четче проявляется то, что мордовский этнос состоит из двух субэтносов.

Для одного из них – мордвы-эрзи – первая треть XIII в. явилась периодом практически непрерывной войны с северо-восточными русскими княжествами (Зеленеев, 2000а, с. 20). Но данная война способствовала политическому объединению мордвы-эрзи и складыванию у нее раннеклассовых отношений.

Исследования Н.Н. Грибова говорят о том, что одно из крупнейших мордовских городищ XII–XIII вв. – Саровское городище – находилось на р. Сатис, правом притоке р. Мокши (Грибов, 1999, с. 84–85). Археологические исследования В.Н. Мартьянова показывают, что в бассейне р. Теши выделяется район расселения мордвы с селищами, имеющими мощный культурный слой, многочисленными могильниками с большим количеством погребений. Возможно, что именно здесь, в междуречье Мокши и Теши, и находился центр летописной Пургасовой волости, которая в свете письменных и археологических данных представляется как общность со сформировавшейся территорией, экономикой и политической организацией.

Мордва-мокша все больше попадает в зону взаимодействия со степными народами различной этнической принадлежности, что даже приводит к появлению этнических гибридов в южной зоне расселения мокшанского субэтноса.

Исходя из вышеприведенных фактов, предположение о складывании государственности и существовании в начале XIII в. князей у эрзи и мокши не лишено оснований (Сородичи по языку, 2000, с. 96).

Заселение русскими Среднего Поволжья пошло более быстрыми темпами после основания в 1221 г. Нижнего Новгорода, который имел исключительно важное стратегическое и, говоря современным языком, геополитическое значение. Первоначальными русскими переселенцами в Поволжье были крестьяне, которые мирно проживали рядом с местным населением. Правда, есть мнение, что русское проникновение изменяло экологическую картину Поволжья и наносило ущерб хозяйственной деятельности лесному угрофинскому населению (Сородичи по языку, 2000, с. 41). Но оно не подтверждается источниками, которые говорят об определённой нивелировке хозяйственных типов в Поволжье уже в предмон-

гольский период. Совершенно иные последствия имело княжеское вторжение в Поволжье (Зеленеев, 2000а).

Сложение классов и государства у мордвы было прервано монгольским нашествием, но классообразование продолжилось впоследствии в рамках золотоордынского феодального государства. И хотя существовала мордовская социальная верхушка, но все-таки определяющим было наличие этносоциальных различий, когда большую часть социальных верхов составляли представители немордовского (тюркского) этноса.

Нужно отметить, что в источниках прямых сведений о таком устройстве золотоордынского государства нет, тем не менее М.Г. Сафаргалиев считал, что формирование ордынской администрации в мордовских землях началось с воцарения хана Берке, а до него здесь имелся представитель местной мордовской власти (Сафаргалиев, 1960, с. 51, 94–95). Основание города Мохши завершило формирование системы золотоордынского управления мордовским краем.

Таким образом, перед монгольским нашествием, т. е. в начале XIII в. у мордвы завершилось формирование двух субэтносов – эрзи и мокши. Одновременно завершается и этнополитическое их объединение. Ядром эрзянского (Пургасовского) объединения стал бассейн средней Теши. Ядро мокшанского (Пурешевского) объединения располагалось в бассейнах средней Мокши и верхнего Вада (Шитов, 2000, с. 55).

Фактически же район, заселенный субэтносами мордвы, был несколько большим. Так, мордовское поселение появляется на среднем Алатыре, где известно Крутогорское поселение «Гладкое», датируемое предзолотоордынским временем (Зеленеев, 1994, с. 44–451), а не XIII–XV вв., как предполагал П.Д. Степанов (Степанов, 1946, с. 67). Мордва довольно плотно продолжает заселять территории Верхнего Посурья. Правда, нужно отметить, что в предмонгольский период в мордовские земли идет активное проникновение немордовских культурных и этнических элементов. Так, в южные земли, заселенные мордвой, проникает болгарское население. При этом в XI–XIII вв. оно привносит сюда элементы культуры, которые можно связать с городской культурой мусульманского востока. Но коренной смены населения в Присурье в этот период не произошло, и мордва продолжает проживать на этих землях совместно с болгарами, возможно, даже имея политическую самостоятельность (земля Пуреша) (Загайнова и др., 2006, с. 165–171).

Осенью 1236 г. войска Бату-хана вторглись в Волжскую Болгарию и до осени 1237 г. вели боевые действия в ее пределах, в том числе и против финно-угорских народов, входивших в ее состав. Венгерский монах Юлиан сообщил, что «кроме того, они (монголы – *Ю. З.*) напали на Ведин, Меровию, Пойдовию, царство Морданов» (Аннинский, 1940, с. 85). Из всех перечисленных территорий идентификация царства Морданов с мордвой не вызывает сомнений, при этом подчеркивается не племенной, а государственный статус мордовских земель. В 1239 г. монголы совершили новый поход на мордву (Черепнин, 1970, с. 184). Реконструировать пути вторжения в мордовские земли монголов, как это делают некоторые исследователи (Гришаков, 2004, с. 56–57), мы не можем, так как для этого нет достаточного количества источников, да и походов в это время могло быть больше, чем те два, о которых известно достоверно (Зеленеев, 2000а, с. 20).

Мордовский народ не имел возможности покинуть обжитые места, спасаясь от разгрома и уничтожения, что связано и с устоявшимся к XIII в. хозяйственным укладом, и с отсутствием каких-то свободных земель по соседству. Поэтому к 1240 г. мордва была покорена и даже участвовала в походе монголов на Европу (Документы..., 1940, с. 182).

Монгольский разгром мордовских земель так же, как и в других местностях, сыграл негативную роль и привел к сокращению населения и упадку производительных сил общества. Археологически это подтверждается тем, что в ряде регионов, заселенных мордвой в середине XIII в., прекращают функционировать поселения (Мартьянов, 1995, с. 51).

В отличие от русских княжеств мордовские земли оказались не в вассальной зависимости от Золотой Орды, а непосредственно в составе этого государства. Граница между Улусом Джучи и русскими землями в районах расселения мордвы проходила в 1241–1380 гг. по нижнему течению Цны и Мокши. От устья Мокши она шла по правому берегу Оки вниз по течению до впадения в нее Теши. Далее – по рекам Теше и Сереже, а затем по нижнему течению р. Пьяны до ее впадения в р. Суру. Отсюда она вновь отклоняется к северу и идет по Суре до впадения последней в Волгу (Егоров, 1985, с. 44).

Намеченная граница весьма условна и существовала зона, в которой отсутствовала постоянная власть русских княжеств или Золотой Орды. Так, например, Елатьма, находящаяся на левом берегу р. Оки, упоминается еще под 1381 г. как мордовский городок, в русские земли не входящий (Археологическая..., 1993, с. 87). Тем не менее предложенный вариант разграничения русских и ордынских земель в районе расселения мордвы подтверждается и данными археологии, и пись-

менными источниками. Так, земли севернее Тёши, Сережи и Пьяны в XII – первой половине XIII в. были ареной упорной борьбы мордвы с русской княжеской экспансией и уже к середине XIII в. были частью покинуты мордвой, а частью мордовское население было подчинено здесь владимирским и муромским князьям. Мордовские земли, располагавшиеся южнее этой линии, вплоть до 1380 г. и даже позднее находились в составе Золотой Орды, что подтверждается, например, сообщением о сражении 1377 г., когда суздальско-московское войско, действовавшее в Межпьянье, оказалось на территории, скорее всего, подчиненной Золотой Орде (Сафаргалиев, 1960, с. 132).

Политическая ситуация, существовавшая в XIII–XV вв. в Восточной Европе, способствует дальнейшему формированию в составе мордовского этноса двух субэтносов – эрзи и мокши. Северные мордовские земли, населенные эрзей, оказались частично на золотоордынском пограничье, где власть ханской администрации была слабее, а частью вообще остались в составе Северо-Восточной Руси, в которую они вошли еще до середины 30-х гг. XIII в. Мокшанские же земли оказались практически полностью в составе Золотой Орды. Об этом говорит и привлечение именно мокшанских воинов во главе со своим князем к походу Бату-хана в Центральную Европу в 1240–1241 гг., что отражено в записках Рубрука (Документы..., 1940, с. 181).

Среди подвластного Золотой Орде мордовского населения численно преобладала мокша, поэтому в восточных источниках, авторы которых получали сведения в Золотой Орде, название мокша (мухша, мохша) распространялось на всю мордву. В русских летописях закрепляется домонгольская традиция объединённого названия народа – мордва. При этом легко заметить, что в большей степени русские источники этот этноним соотносят с эрзей.

Несмотря на военный разгром конца 30-х гг. XIII в., по-видимому, уже к концу его происходит восстановление производительных сил и численности мордовского народа. Хотя некоторые территории, особенно в междуречье Теши и Мокши, так и не восстановились до доордынского уровня, но на многих мордовских территориях население не было уничтожено, и не переселилось в другие места. Так, Гильом Рубрук, посетивший Золотую Орду в начале 50-х годов XIII в., отмечает, что земли в междуречье Дона и Волги заняты команами, которых он называет «капчат», а севернее их находится территория мордвы, которую он называет «моксель и мердас» (Карпини, 1997, с. 108–109). В это же время этноним «мордвины» попадает в русские и в венгерские документы (Сородичи..., 2000, с. 95–96). Даже после событий похода Бату мордва продолжала занимать те же земли, на которых она находилась и до монгольского нашествия, и проживала там, где традиционно считалось невозможно жить народам ввиду опасности ордынских набегов.

Монгольское завоевание не вызвало длительного и катастрофического перерыва этнокультурного процесса у мордвы. Как показывают археологические исследования даже там, где были заброшены в XIII в. поселения и прекращают функционировать могильники, в XIV в. появляются новые поселения и могильники. Ряд памятников продолжает существовать непрерывно длительный период. Например, Кельгининский могильник возник в X в. и функционировал по начало XVIII в. На нем раскопаны погребения XIV–XV вв. Есть здесь и погребения XIII–XIV вв. В.И. Вихляев относит погребения 136–138 к периоду XII–XIII в. (Вихляев, 1995, с. 37). Но в этом же отчете он датирует, видимо, не без основания, погребение 138 XIII–XIV вв. (Вихляев, 1995, с. 26). Погребение 138 перекрывается погребением 137, которое, следовательно, позднее его, а в погребении 136 обнаружен только нож, который не может дать даже приблизительной даты этого захоронения (Вихляев, 1995, рис. 40, 45, 7). Поэтому говорить о дате этих захоронений более ранней, чем XIII–XIV вв. нельзя. Погребения XIII–XIV вв. есть на расположенном недалеко от рассматриваемого Кельгининского на могильнике у поселка Заря.

В период наибольшего могущества Золотой Орды (первая половина – середина XIV в.) мордва переживает демографический взрыв, в результате которого она не только продолжает заселять территории, которые традиционно занимала в дозолотоордынский период, но и осваивает новые для себя земли в Нижнем Поволжье. Так, в XIV в. происходит переселение части мордвы на территорию бывшей Волжской Болгарии (Казаков, 1995, с. 36), где в это время известны надгробия с тахаллусами – фамилиями, включающими этноним мухши (мокша) (Мухаметшин, 1994, с. 106). Этот факт подтверждается распространением керамики, которую Н.А. Кокорина выделяет как тип 22 и соотносит с волжскими финнами (Кокорина, 1994, с. 197–198). Скорее всего, именно эти переселенцы и положили начало той части мордвы, которая впоследствии получила название каратаев (Зеленеев, 1999, с. 24).

Мордовские могильники в XIV в. появляются в Самарском Поволжье: эрзянский могильник Барбашина Поляна; мокшанский – Муранский; эрзянско-мокшанский – Усинский 2. В Саратовском Поволжье известен мокшанский Аткарский

могильник (Газимзянов, 1995, с. 21–22). Мордовские сюльгамы были найдены в ходе раскопок Селитренного городища (город Сарай) (Зеленеев, 1993). Причем эти находки говорят о нахождении людей мордовской национальности среди жителей города, а не о появлении их здесь в результате торговли.

Интересен культурный комплекс золотоордынских поселений, выявленных южнее Саратова в районе Укека. Одним из них является Хмелевское 1 поселение (Недашковский, 2000). Здесь также преобладает культурный комплекс, который можно характеризовать как золотоордынский, сложившийся в XIV в. Его основу составляет золотоордынская красноглиняная керамика различных типов. Но среди этой керамики присутствуют и русские гончарные горшковидные сосуды с примесью дресвы и песка, которые можно датировать XIV–XV вв., и мордовская посуда с примесью шамота, которая, видимо, относится к этому же времени (Недашковский, 2000, с. 3). При этом русская и мордовская керамика иногда концентрируются в закрытых комплексах, например, в яме 4 раскопа 1 1999 г. Хмелевского селища, хотя подавляющее количество керамики из этой ямы – золотоордынская красноглиняная (Недашковский, 1999, с. 10).

Русская и мордовская керамика имеется в материалах из раскопок селищ Широкий Буерак, Багаевское, Колотов Буерак при абсолютном преобладании красноглиняной золотоордынской керамики (Недашковский, 2002, с. 2).

Золотоордынские поселения, прилегающие к Укеку, были заселены оседлым земледельческим населением, основным занятием которого было растениеводство с преимущественным выращиванием проса. Животноводство, видимо, носило вспомогательный характер. Основу стада составлял крупный и мелкий рогатый скот. Кости свиньи встречены в небольшом количестве только на селище Широкий Буерак, что соотносится с наличием русского и мордовского населения, проживающего на этих селищах (Недашковский, 2002, с. 194–198).

Причиной значительного увеличения мордовской этнической территории была политическая стабильность в Золотой Орде в первой половине XIV в. Безопасность жизни подданных государства независимо от этнической принадлежности позволяла осуществлять освоение мордвой удобных для занятия пашенным земледелием степных и лесостепных районов Нижнего Поволжья.

Крупный последний поход после Бату хана на мордву относится к 1288 г. (Документы..., 1940, с. 123). После этого мордва почти 100 лет не участвовала в больших войнах, что, несомненно, также способствовало экономическому и этническому развитию народа.

В то же время в собственно мордовские земли в золотоордынский период усиливается проникновение иноэтничного населения. В частности, о переселении тюрок говорит наличие в мордовских могильниках мужских захоронений с останками коня, полным набором вооружения и снаряжения всадника кочевнического облика. К таким памятникам относится могильник Красное 1, раскопанный В.Н. Мартьяновым в бассейне р. Теши в районе современного города Арзамаса (Зеленеев, 2002, с. 210).

В XIV в., если не ранее, возобновляется расселение русских в мордовские земли. Несомненно, к русским поселениям относится Шаверское 3 в Примокшанье и Порецкое в Посурье. В то же время здесь найдена керамика, которую можно отождествлять с мордовской, а на Шаверском поселении к тому же есть и мордовские сюльгамы. Данный факт говорит о возможном совместном проживании мордвы и русских в сельских населенных пунктах в XIV–XV вв.

В начале XV в. мордва продолжала оставаться в составе Улуса Джучи. Это отмечается в русской летописи под 1408 г. при описании специальной операции московского князя Василия Дмитриевича по поимке жены нижегородского князя Семена: *«И идоша на мордву, наехаша же в Татарской земле* (выделено – Ю. З.), на месте, называемом *Цибирца...»* (Документы..., 1940, с. 129). Цибирца – это р. Чеберчинка или поселок Чеберчино в современном Дубенском районе Мордовии (Полубояринова, 1978, с. 14).

В последующие 40 лет XV в. идет постепенное вытеснение Орды из мордовских земель Московским княжеством и переход их части под московскую юрисдикцию. В связи с этим изменяется и военно-политическая ориентация мордвы. Теперь она участвует в войнах не на стороне Орды и постордынских государств, а на стороне Москвы. Так, в 1444 г. мордва в составе московских войск участвует в походе против войск царевича Мустафы под Рязань. В ответ на это в следующем году «воеваша татарове мордву...» (Документы..., 1940, с. 129–130).

С рубежа 30–40-х гг. XV в. в мордовских землях сталкиваются интересы двух государств, борющихся за золотоордынское наследство: Казанского ханства и Московского княжества. Мордва до 1552 г. находилась в составе как одного, так и другого из этих государств. Возможно, что ее южная часть входила до 1502 г. в состав Большой орды, а часть вообще была независимой.

ГЛАВА 3

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ БОЛГАРСКОГО УЛУСА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIII – НАЧАЛА XV ВВ.

§ 1

Историческая география Болгарского улуса

§ 2

Памятники Центрального Закамья в золотоордынское время

§ 3

Золотоордынский Болгар

§ 4

Биляр и его округа

§ 5

Джукетау и прилегающие территории

§ 6

Казань в XIII–XV вв.

§ 7

Предкамье в золотоордынскую эпоху

Арск и Арская земля
Археологические памятники
золотоордынского времени бассейна р. Меша
Керменчук и Чаллы – города Западного Предкамья

§ 8

Археологические памятники
эпохи Улуса Джучи (Золотой Орды) в Предволжье

§ 9

Памятники Икско-Бельского междуречья

ГЛАВА 3

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ БОЛГАРСКОГО УЛУСА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIII – НАЧАЛА XV ВВ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ БОЛГАРСКОГО УЛУСА

История изучения. Памятники золотоордынского времени, в первую очередь Болгарское городище с его архитектурными и эпиграфическими объектами средневекового периода и некрополями, привлекали к себе внимание ученых начиная с XVIII в. (Хлебникова, 1987, с. 32, 33; Руденко, 2014, с. 32–39, 61–66). Однако профессиональные исследования золотоордынских поселений начались только в конце 1920-х – начале 1930-х гг. (Руденко, 2014. с. 77 ,78; Кочкина, Сташенков, 2021, с. 186). С 1938 г. начали проводиться стационарные раскопки Болгарского городища (Смирнов, 1951, с. 212), продолжающиеся и по сей день. Значительный вклад в изучение этого памятника, как и ряда других поселений ордынского времени, внесла Поволжская археологическая экспедиция под руководством А.П. Смирнова (с 1949 г.) (Смирнов, 1951, с. 168–229). В 1950-х гг. начались раскопки еще одного крупного золотоордынского центра в Заказанье – Русско-Урматского селища и Камаевского городища, которые проводила экспедиция ИЯЛИ КФАН СССР под руководством Н.Ф. Калинина. В 1970–1980-х гг. они были возобновлены Р.Г. Фахрутдиновым и Н.А. Кокориной и продолжены в 1990-х гг. археологами НЦАИ ИИ АН РТ (Фахрутдинов, 1984, с. 136,137; Губайдуллин, 2019, с. 128).

В Заказанье в 1950–1990-х гг. исследовалось Чаллынское городище (Нигамаев, 2005, с. 57–77). В конце 1960-х гг. были выявлены памятники золотоордынского времени близ Билярска, однако основные работы совместной экспедиции ИЯЛИ КФАН и КГУ под руководством А.Х. Халикова здесь были развернуты на домонгольском Билярском городище (Халиков, 1976, с. 26–33; Руденко, 2014, с. 121). В начале 1980-х гг. исследования Балынгузского городища и золотоордынского Билярского III селища проводила Н.А. Кокорина (Кузьминых, 2017, с. 353). В 1994–1995 гг. небольшие охранно-спасательные работы на последнем провел Е.А. Беговатов при участии С.И. Валиулиной. В конце XX – начале XXI в. начались работы на Балынгузском IV селище золотоордынского времени: в 1995 г. под руководством А.Ф. Кочкиной и Е.А. Беговатова, в 2001 г. – З.Г. Шакирова (Беговатов и др., 1997, с. 14–16; Руденко, 2015, с. 263, 264; Шакиров, 2002, с. 110, 111). В Предволжье в 1980-х гг. М.Ш. Галимова при раскопках стоянки «Сюкеевский взвоз» исследовала также слой одноименного средневекового городища, которое в XIII – начале XV в. занимало территорию древнего селения (Галимова, Губайдуллин, 2003, с. 192–205).

Бóльшая часть селищ эпохи Золотой Орды в Казанском Поволжье была выявлена в результате разведочных работ, проведенных в 1945–1956 и 1960–1970-х гг. археологами КФАН СССР. В 1960-х гг. Средневолжской и Чувашской экспедициями изучались памятники средневековой эпохи на территории Чувашии (Фахрутдинов, 1971, с. 175–201). В это же время М.Р. Полесских были проведены археологические обследования территории Пензенской области, в результате которых были зафиксированы памятники средневекового периода (Полесских, 197, с. 202–216). В 1970–1980-х гг. в Восточном Закамье исследования средневековых памятников осуществлялись Е.П. Казаковым (Казаков, 1978).

По итогам разведывательных изысканий 1940–1970-х гг. Р.Г. Фахрутдиновым был составлен Свод средневековых археологических памятников Волго-Камья, что позволило определить границы их распространения в домонгольское и золотоордынское время, а также в эпоху Казанского ханства (Фахрутдинов, 1975. с. 50–78).

В 1970–1980-х гг. раскопки селищ золотоордынского времени в Казанском Поволжье велись Е.П. Казаковым, в 1990-х гг. – К.А. Руденко, а в Самарском Поволжье – Г.И. Матвеевой (Казаков, 1988, с. 71–82; 1993, с. 117–129; Матвеева, 1977, с. 98–121; Руденко, 1994, с. 121–139; 1998, с. 60–71).

Памятники золотоордынского периоды изучены неравномерно. Бóльшая часть внимания уде-

лялась исследованию городищ, в первую очередь Болгарского. Селища изучены в меньшей степени, а полностью раскопано только одно (Песчаный остров). На пойменных селищах, подтопленных Куйбышевским водохранилищем, с 1960-х гг. собирался подъемный материал, позволивший получить представление об их материальной культуре (Руденко, 2015, с. 268–279, 332–334).

Могильники ордынской эпохи на Средней Волге во второй половине XX в. исследовались Е.А. Халиковой, И.Н. Васильевой, А.Е. Алиховой, Е.П. Казаковым, К.А. Руденко и др. Свод некрополей и одиночных захоронений кочевников золотоордынского времени Самарского Поволжья до начала 1980-х гг. сделала И.Н. Васильева (Алихова, 1954, с. 260–294; Васильева, 1979, с. 216–232; Казаков, 1978; Руденко, 2009, с. 282–294; 2013, с. 189–211; 2018, с. 130, 131). Эти данные в последнее время пополнились новыми памятниками (Сташенков и др., 2021, с. 309–333).

***

Монгольское нашествие для Волжской Болгарии имело катастрофические последствия: страна была разорена, значительная часть поселений погибла (Руденко, 2016, с. 109–112, рис. 1). После завершения походов монгольских войск образовалось огромное государство, в которое была включена и территория бывшей Волжской Болгарии, сначала как часть Батыева юрта, а затем как Болгарская область Улуса Джучи, или Золотой Орды. Границы этой области, как показали исследования Р.Г. Фахрутдинова, менялись на протяжении второй половины XIII–XIV вв., превысив пределы домонгольской Волжской Болгарии. Согласно его данным, в середине XIV в. с севера ее земли ограничивалась бассейном р. Казанки, с востока – Белой; с запада – Свиягой и Булой, с юга – Майной и Сульчей, хотя, скорее всего, здесь границ как таковых не было и в область входила Самарская Лука и земли в бассейне рек Б. Кинели и Самары. Это подтверждают выявленные здесь поселения золотоордынской эпохи (Фахрутдинов, 1975, с. 78; Васильева, 1993, с. 230–253; Ломейко и др., 2013, с. 277–298; Васильева, 2013, с. 187, рис. 1; Кочкина, Сташенков, 2021, с. 180, рис. 1). Правда, освоение южных территорий происходило в разное время, так, например, по данным А.Ф. Кочкиной и Д.А. Сташенкова, бассейны рек Б. Кинели и Самары стали осваиваться в основном в третьей четверти XIV в. (Кочкина, Сташенков, 2021, с. 189).

Система домонгольских агломераций, составлявших поселенческую структуру Волжской Болгарии, в монгольское время прекратила существование и ее заменила новая. Она имела свои особенности, связанные, с одной стороны, с природно-климатическими и ландшафтными характеристиками территории, с другой стороны – с экономической структурой самой Золотой Орды, сочетавшей в себе кочевое хозяйство и земледельческие анклавы. Археологические памятники Среднего Поволжья и Предуралья отразили специфику новой эпохи (Руденко, 2016, с. 124, 125). По местам расположения археологических памятников можно выделить три территориальных зоны: 1) северную, лесную (Предкамье); 2) центральную, лесную и лесостепную (Закамье и Предволжье); 3) южную, лесостепную и степную (Самарское Поволжье). Наиболее стабильными после монгольских завоеваний оказались поселенческие комплексы в Предкамье, где в домонгольское время имелось пять домонгольских мегаагломераций и в Предволжье с тремя домонгольскими мегаагломерациями. Здесь они, в большинстве случаев, сохранились и в ордынский период (Руденко, 2014, с. 187, схема). Интересна динамика развития системы селений в среднем течении Казанки, где продолжило функционировать не затронутое монгольским нашествием Русско-Урматское селище (рис. 1) и в ордынское время возникло Камаевское городище (рис. 2). В округе этого комплекса функционировали многочисленные селища и кладбища (рис. 3).

Центральные земли Волжской Болгарии, находившиеся в Западном Закамье, где до нашествия было наибольшее число агломераций, в том числе и самых крупных, пострадали больше всего: значительная их часть прекратила существование (Руденко, 2014, с. 186–193). В золотоордынский период на этих землях произошла полная трансформация поселенческой структуры. Во-первых, выделилась группа пойменных селищ, тесно контактировавшая с кочевыми анклавами, освоившими волжскую и камскую поймы. Во-вторых, в районах Болгара и Джукетау в первой половине XIV в. сложились крупные поселенческие центры с развитым ремеслом и торговлей, с которыми были связаны мелкие и средние по площади селища в бассейне рек Актай, Большая Сульча и на левобережье р. Шешмы. В-третьих, выделилась Билярская котловина со степным ландшафтом, где со второй половины XIII в. функционировало несколько крупных поселений.

Крупные селища ордынского времени располагались в юго-восточной части Западного Закамья, но сведений о них, к сожалению, немного (Руденко, 2019, с. 355). Поселенческая структура Восточного Закамья, характерная для обществ с непостоянной оседлостью, сохранилась после монгольских завоеваний, практически без изменений, причем количество небольших селищ здесь в ордынское время даже выросло хотя и не очень сильно (Казаков, 1978).

Иная ситуация сложилась в южной зоне, где в домонгольский период располагалось крупное городище – Муромский городок и имелась сеть поселений, включавшая городища и селища. Бóльшая их часть была разорена монголами. В ордынское время поселения в Самарском Поволжье располагались шестью кустами, связанными с природно-географическими особенностями местности (Кочкина, Сташенков, 2021, с. 187).

Городищ, существовавших в золотоордынское время в Болгарской области, известно 27, из них только 22% возникли в эпоху Золотой Орды (Фахрутдинов, 1975, с. 45, табл.). Все они сосредоточены в первой и второй зонах. Селищ в Казанском и Самарском Поволжье зафиксировано около 100. В первой и второй зоне выявлено 14 кладбищ с надгробиями XIV в., причем 43% этих некрополей продолжили функционирование в XV в. Во второй зоне зафиксировано 10 могильников без надгробий, а в третьей – 26 подкурганных и грунтовых могильников (Фахрутдинов, 1975, с. 45; Руденко, 2015, с. 255–353; Кочкина, Сташенков, 2021, с. 180, 181, рис. 1).

По сравнению с домонгольским временем количество укрепленных поселений сократилось почти в 10 раз, а селищ стало меньше примерно в 3–4 раза. Особенно это заметно в среднем течении Малого Черемшана в Центральном Закамье. Новые городища, возникшие во второй половине XIII–XIV вв., были небольшого размера, как правило мысовые с незначительным культурным слоем. Показательны в этом отношении Камаевское (рис. 2) или Арское (рис. 4) городища в Предкамье (Фахрутдинов, 1984, с. 137, 138, рис. 20). Вместе с тем в Закамье активно развивался Болгар – столица улуса, что отразилось в его археологических показателях: площади и стратиграфии (рис. 5) (Хлебникова, 1987, с. 34; Руденко, 2016, с. 117–121).

Селища, как правило, располагались на надпойменной террасе или склоне коренной террасы (55%), на коренном берегу (30%) и в пойме рек на расстоянии не менее 60–100 м от коренной террасы (15%); на водоразделе – ни одного. В этот период 60% селищ снабжались водой из реки, 38% – из ручьев и сезонных водоемов, остальные 3% питались из родников, озер или из колодцев. Селищ, расположенных в излучине реки, стало меньше в пять раз (с 15% до 3%), как и мысовых – на краю речной террасы (с 10% до 1%). Селищ в излучине реки (3%) и на пойменных дюнах (1%) немного. Показательно, что селища-посады, бывшие самыми распространенными до монгольского нашествия (40%), в ордынское время крайне малочисленны (3%) (Руденко, 2009а, с. 95–99).

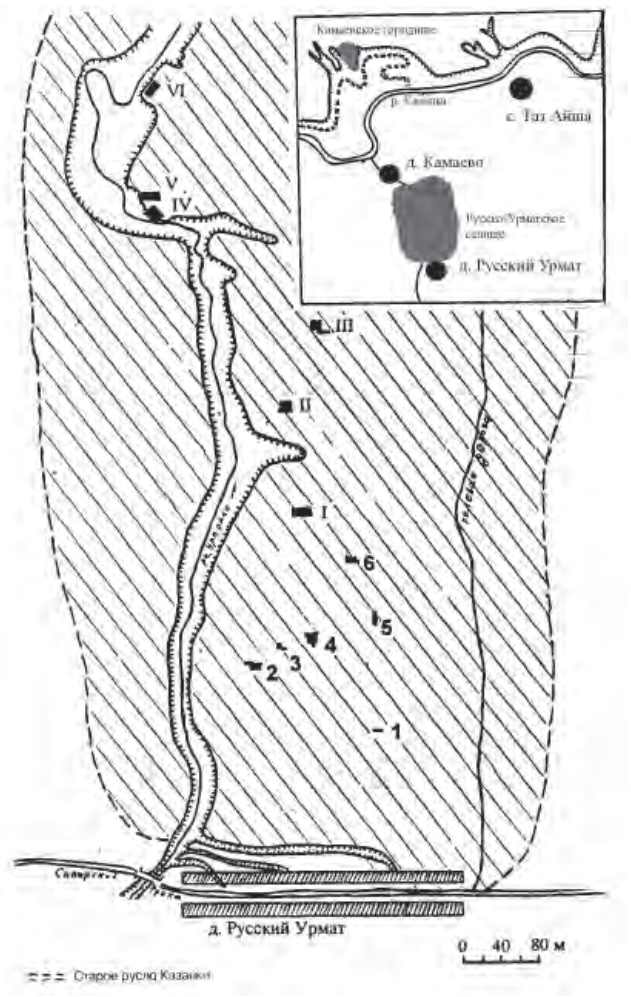


Рис. 1. Русско-Урматское селище. План с обозначением раскопов (по: Кокорина, Фахрутдинов, 1999, рис. 1)

Эта картина резко отличается от домонгольского времени. Разрушение системы болгарских домонгольских агломераций (Руденко, 2016, с. 114) привело к угасанию специализированных поселений, например, Лаишевского селища – крупного торгово-ремесленного центра сельского типа домонгольского времени, площадь которого сократилась почти в три раза (рис. 6) (Руденко, 2011, с. 101, 121, рис. 3). Существенно отличался от домонгольского времени облик материальной культуры этого селища (рис. 7).

В Казанском Поволжье выделяется группа пойменных поселений, располагавшихся на останцах надлуговых террас в нижнем течении Камы. Часть из них, сформировавшаяся во второй половине XIII в., относится к песчаноостровному типу (по материалам селища Песчаный остров в Алексеевском районе РТ) (рис. 8) и характеризуется наличием в материальной культуре этих памятников родановского компонента, диагностируемого по керамическому материалу (Руденко, 1994, с. 121–139; 1998, с. 60–71). Во второй половине XIV в.,

с увеличением в пойме Волги и Камы числа кочевников, появляются, вероятно связанные с ним, небольшие ремесленно-торговые поселения типа Дамба I или «Разбойничий остров» (рис. 8: А) (Руденко, 2011, с. 107, 149, рис. 30).

Застройка селищ песчаноостровного типа была усадебной (рис. 8: Б). Жилые постройки здесь небольшого размера, каркасно-столбовой конструкции с земляным полом и очагом, чаще всего располагавшимся посередине помещения. Хозяйственные постройки, как правило, в виде ям-кладовок, имели деревянное перекрытие. В начале XIV в. на поселениях песчаноостровного типа появляются срубные дома с подпольем и печью, сложенной из обожженных кирпичей. На последнем этапе функционирования селищ этого типа жители этих селений широко использовали чугунные котлы, металлические зеркала (рис. 9: 6, 7, 18), круговую и подправленную на круге кухонную и столовую посуду, которая постепенной вытесняет родановскую керамику и производные от нее формы (Руденко, 1998, с. 62, 63, рис. 9: 6, 7, 18, 19; 11: 25; 13; 2016, с. 129, рис. 5).

Во второй четверти XIV в. часть поселений песчаноостровного типа исчезает, часть продолжает функционировать. Это селища Семеновское V, Коминтерновское II (рис. 10). На последних увеличивается количество редких и дорогих изделий: поливной керамики и привозной круговой столовой посуды. Также в это время на пойменных поселениях распространяются керамические котлы с трехпалыми ручками, чугунные котлы, предметы конского снаряжения, изделия из цветного металла и монеты (Казаков, 1993, с. 118–121, рис. 2; 5: 19, 24, 25; 6). С середины XIV в. на них начинает встречаться т. н. славяноидная керамика (рис. 7: 1, 6, 10, 11) (Руденко, 2019а, с. 96–113). В это же время на вышеуказанных селищах появляются полуземляночные постройки с печами-каменками, как, например, на Коминтерновском III селище.

Другой вид селищ – средние и крупные по площади поселения, в том числе с развитым ремесленным производством (гончарное, кузнечное) прибрежного типа. Они функционировали в основном в первой – третьей четверти XIV в., хотя часть их просуществовала до начала XV в. К таким относится Сухореченское, Русско-Урматское, Донауровские II–III, Кременкинское селища (Фахрутдинов, 1984, с. 146–153; Кокорина, 1999, с. 77–102; Васильева, 1993, с. 230–253; 2013, с. 187–235; Набиуллин, 2011, с. 38–50). Некоторые из них, например, Русско-Урматское селище (рис. 1), как и Донауровское II, вели свое существование с домонгольского времени.

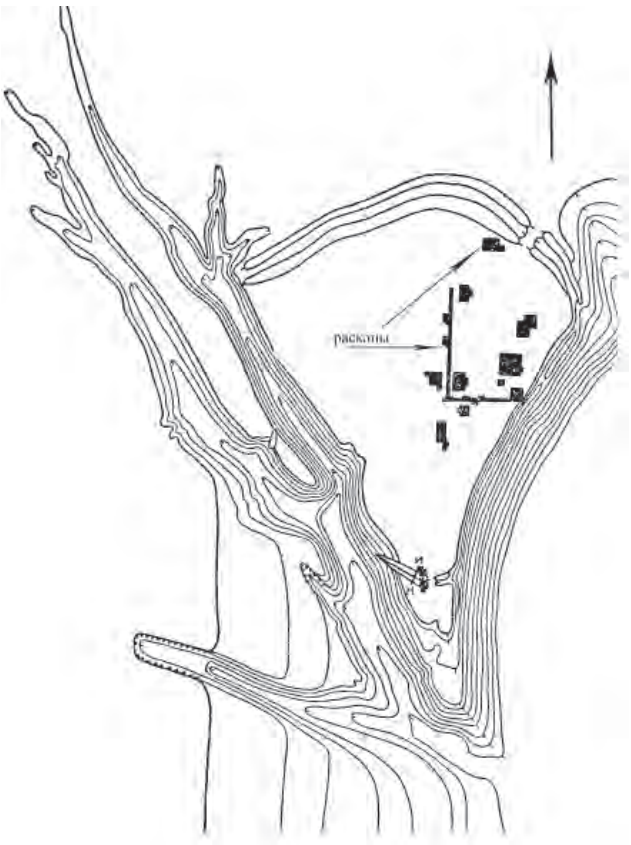


Рис. 2. Камаевское городище. План с обозначением раскопов (по: Фахрутдинов, 1984, рис. 20)

Топография селищ данного вида достаточно разнообразна: это прибрежные участки коренных террас либо пологие склоны первых надпойменных террас. В ряде случаев поселения этого вида располагались на площадках заброшенных городищ, как, например, на Междуреченском городище на Самарской Луке. Вещевой материал ордынского времени на последних скуден, но среди находок нередко встречаются фрагменты чугунных котлов (Зубов и др., 1995, с. 215). Также на поселениях этого вида встречается глазурованная золотоордынская керамика, изделия из цветных металлов, металлические зеркала, разнообразная бытовая круговая керамика. Впрочем, какой-либо единый комплекс находок здесь не представлен, например, чугунная посуда и поливная керамика встречаются не повсеместно. Отметим, что нумизматический материал представлен на поселениях Болгарской области довольно избирательно, но чаще всего на тех из них, которые функционировали в конце XIII – третьей четверти XIV в. поблизости от торговых путей (Бугарчев, Руденко, 2013, с. 72; Кочкина, Пачкалов, 2005, с. 99–106).

Планировка селищ северной части Болгарской области чаще всего линейная – усадебная или уличная: в этом случае постройки были поставле-

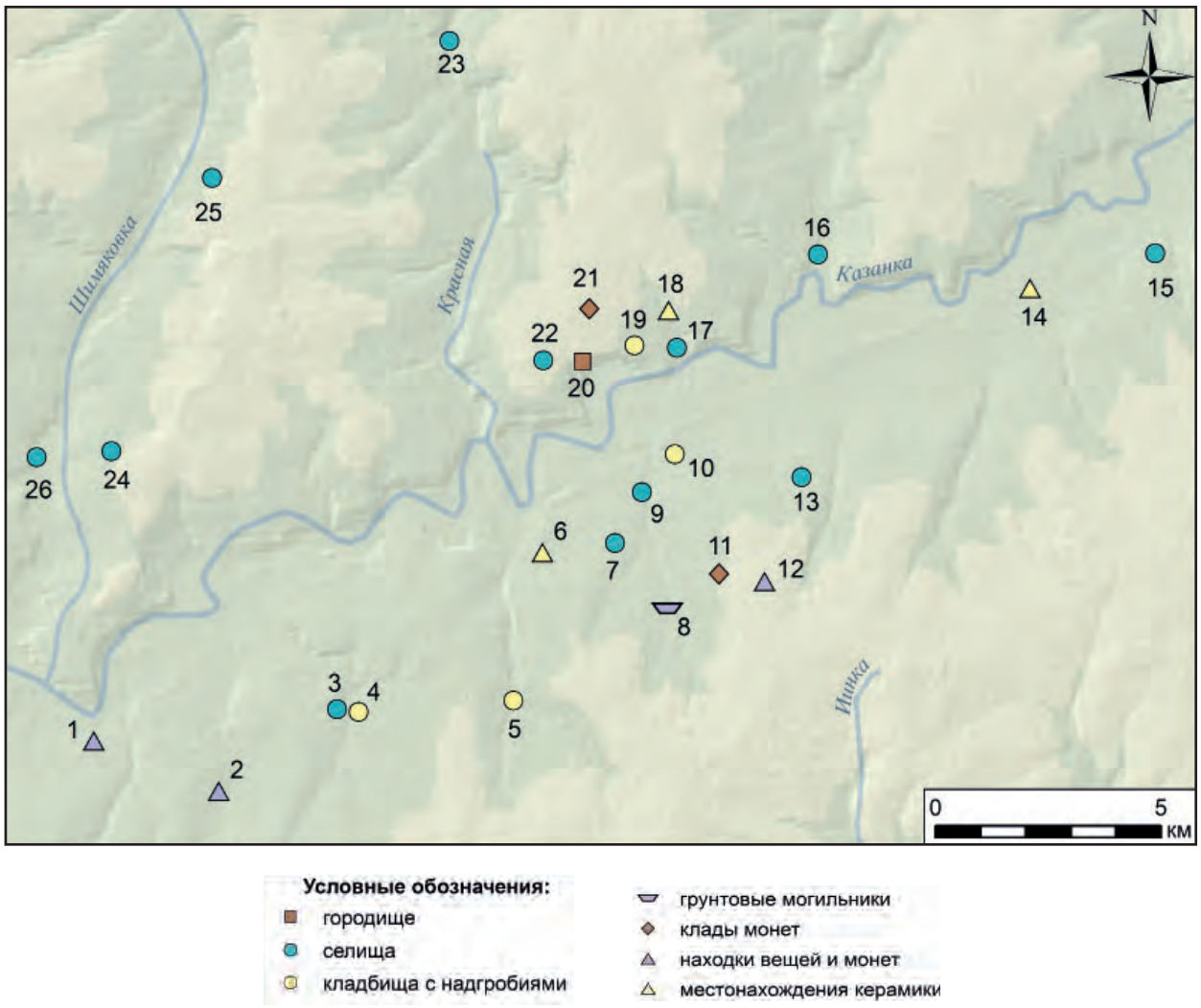


Рис. 3. Схема расположения археологических памятников XII–XVI вв. в окрестностях Иски-Казани (по: Фахрутдинов, 1984, рис. 19)
1 – бирюлинские находки вещей; 2 – шапшинская находка монеты; 3 – Сидорово-Пустошное селище; 4 – Сидорово-Пустошное кладбище с надгробиями; 5 – Ямашурминское кладбище с надгробиями; 6 – Куркачинское местонахождение; 7 – Русско-Урматское II селище; 8 – Татарско-Урматское кладбище; 9 – Русско-Урматское (1) селище; 10 – Русско-Урматское кладбище с надгробиями; 11 – Чекмасинский клад монет; 12 – Чекмасинские находки вещей и монет; 13 – Чурилинское селище; 14 – Качелинское местонахождение; 15 – Бужинское селище; 16 – Чемерцынское селище; 17 – Татарско-Айшинское селище; 18 – Камаевское местонахождение; 19 – Иски-Казанское кладбище с надгробиями; 20 – Камаевское (Иски-Казанское) городище; 21 – Иски-Казанский клад монет, 22 – Камаевское селище; 23 – Среднесердинское селище; 24 – Сосновкинское селище; 25 – Уньбинское селище; 26 – Кирилловское селище

ны вдоль берега реки или оврага (50%), или усадебно-кустовая, которая практиковалась на ограниченной естественными преградами территории, например, на мысу надлуговой или коренной террасы (42%). Преобладала усадебная застройка (Руденко 2011, с. 101, 108–111).

В Болгарской области известны поселения мордвы XIV–XV вв., которые зафиксированы в низовьях Меши и на обоих берегах Волги во всех трех зонах. В Казанском Поволжье они располагались на низких надпойменных террасах у стариц рек или старичных озер, например, Богишевское селище (Археологическая…, 1981, с. 76, № 293). Раскопки, проведенные на одном из них, выявили остатки жилища, предметы быта: фрагменты лепной и круговой посуды, железные ножи, глиняное грузило, железный гарпун, железный шлак (Археологическая…, 1981, с. 76, № 293). Материальная культура населения этих селищ в целом мало отличалась от болгарской или русской. Более крупные мордовские поселения были на Самарской Луке (Алихова, 1954, с. 294, 295).

Русское население в Западном Закамье жило чересполосно с болгарами. Это подтверждает исследованный Т.А. Хлебниковой русский поселок в подгорной части Болгара, а также жилые постройки русских горожан на верхней площадке городища (Хлебникова, 1956, с. 141–147; Полу-

Рис. 4. План Арского городища с раскопами 1980-х гг. (по: Шутова, 2010, рис. 1)

бояринова, 1993, с. 58–66). На Самарской Луке известны небольшие русские поселения, типа Березовского и Малорязанского II селищ. Последнее функционировало с последней четверти XIII в. до 1360-х гг.; Березовское селище по находкам и монетам датировано XIII–XIV вв. (Алихова, 1960, с. 195, 200; Кочкина, 2012, с. 107–128). Чаще всего русские поселения занимали пологие склоны надлуговых террас.

Марийские поселения ордынского времени в Болгарском улусе были сконцентрированы вокруг Мало-Сундырского (Важнангерского) городища, образуя довольно обширную округу из 10 селищ и еще одного городища – Юльяльского, а также нескольких культовых мест и могильников (Никитина, Михеева, 2006, с. 142–163).

Определенные особенности имели поселения чияликской культуры в северо-восточной части Болгарского улуса. Они занимали пологие склоны речных террас, либо песчаные останцы в пойме Ика и Белой (рис. 11). Это Чияликское, Игимское, Меллятамакское VI селища (Казаков, 1978, с. 42–48). Материал на этих поселениях немногочислен и представлен в основном фрагментами керамики. В отличие от кочевников-кипчаков в пойме Камы и Волги, появившихся здесь в ордынское время, население чияликской культуры ордынского времени сохранило ареал своего обитания к востоку от центральных болгарских земель – в междуречье Ика и Белой, занятый ими в IX–X вв., как и достаточную территориальную обособленность от западных областей.

***

Могильники Болгарской области Золотой Орды достаточно разнообразны. Самыми многочисленными являются грунтовые могильники без выраженных внешних признаков. Они фиксируются в непосредственной близости от поселений, реже на месте домонгольских памятников, как, например, на Барско-Енарускинском городище.

К сожалению, сельские могильники ордынского времени исследованы очень слабо. Достаточно большая площадь была вскрыта на Рождественском IV и V могильниках (рис. 12) (Археологическая…, 1981, с. 91, 92, № 376, 378). Активно изучались болгарские некрополи золотоордынского времени в Предволжье, в частности в бассейне Свияги, на территории Чувашии (Каховский, Смирнов, 1972, с. 115–166; Алексеев, Каховский, 1972, с. 218–239). Как правило, захоронения западной ориентировки, безынвентарные.

Могильники находятся в отдалении от синхронных поселений, при этом нередко между ними имелись естественные преграды: овраги, суходолы и т. п. Причем расстояние от поселения до кладбища могло быть достаточно большим (рис. 13). Территория некрополя иногда окружалась невысоким валом и ровиком, а кладбищенское пространство было организовано по определенному плану. Это было зафиксировано на Большеатрясском кладбище в Тетюшском районе Татарстана (Руденко, Бугарчев, 2015, с. 156, рис. 1: 3).

Городские некрополи золотоордынского времени наиболее хорошо изучены на Болгарском городище (рис. 14). Со второй половины XIX в. и до 2010 г. с той или иной степенью полноты было исследовано около 30 могильников (Бадеев, 2020, с. 19). Из них выделяются: Бабий бугор (218 погребений), могильники у Ханской усыпальницы (более 50 погребений), у Малого минарета, у Четырехугольника (25 погребений), кладбища у Греческой (свыше 100 погребений) и у Черной палат (Яблонский, 1987, с. 125–127, рис. 15). На некоторых из этих городских кладбищ имеется ранняя часть, сформировавшаяся в домонгольский период, например, как у могильника у Четырехугольника. В 1970-х – начале 2000-х гг. активно изучались захоронения в мавзолеях (Хлебникова, 1970, с. 57–67).

Некрополи Болгара можно разделить на три группы: грунтовые без внешних признаков, грунтовые с внешними признаками (надгробиями) и захоронения в мавзолеях. Чаще всего эти группы совмещались.

Могильники первой группы (рис. 14). Одним из сложных по датировке и погребальному обряду является могильник Бабий бугор. А.М. Ефимова

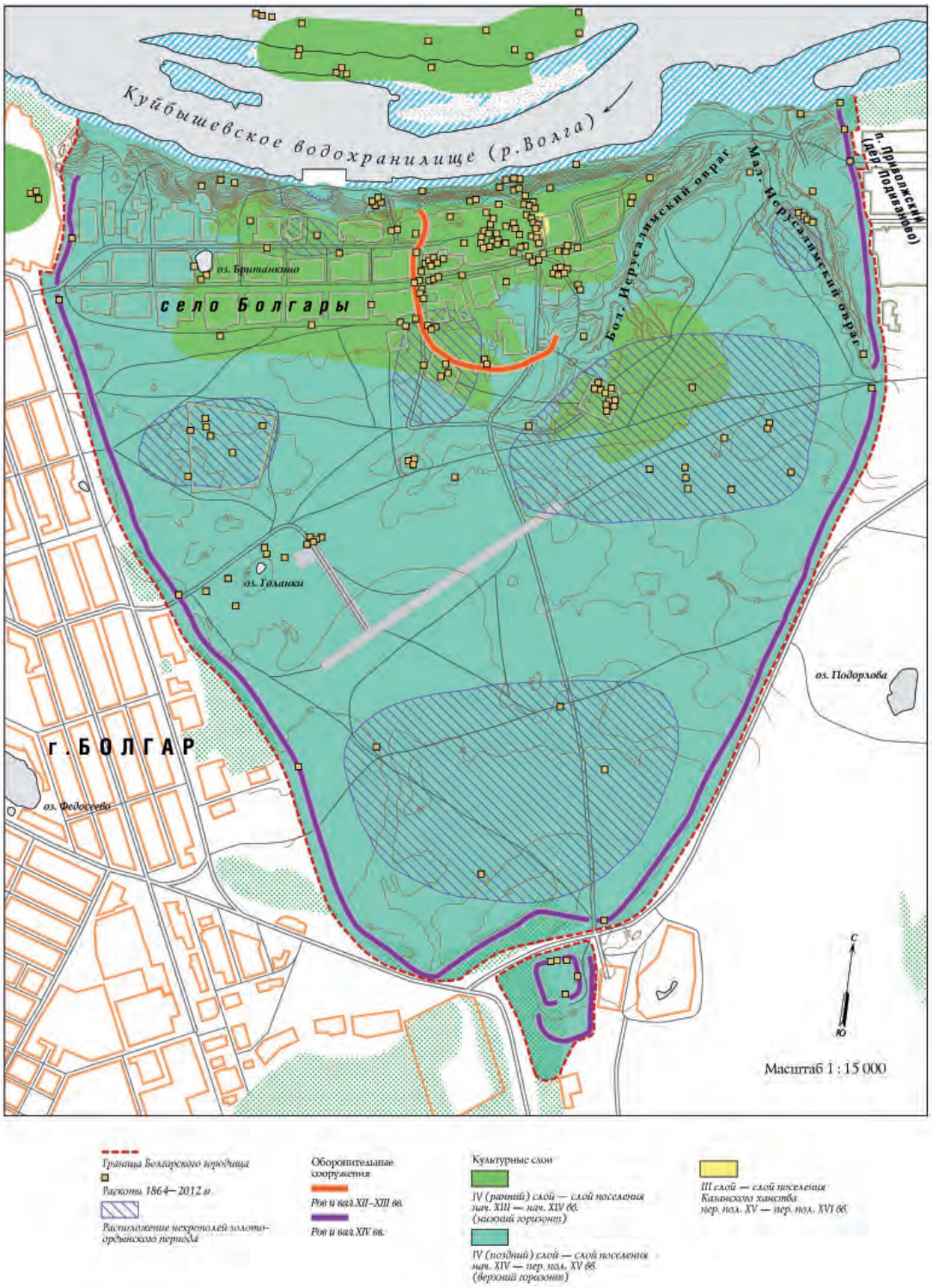


Рис. 5. Болгарское городище. Расположение культурных слоев и некрополей золотоордынского периода (по: Великий Болгар, 2013, с. 77)

считала, что он функционировал в домонгольский период и в ранний ордынский – во второй половине XIII в. (Ефимова, 1960, с. 190). Обряд погребений этого некрополя отличался разнообразием: умерших клали в гробы-колоды, дощатые гробы; обкладывали могильные ямы досками или каменными плитами. Здесь также встречены вторичные и коллективные погребения (Ефимова, 1960, с. 188–193). Часть захоронений сопровождалась предметами. Датировка некоторых погребений была дискуссионной. Разночтения касались погребений 40 и 41. А.М. Ефимова, как и А.П. Смирнов, считали, что погребение 40 относится к домонгольскому времени (Смирнов, 1951,

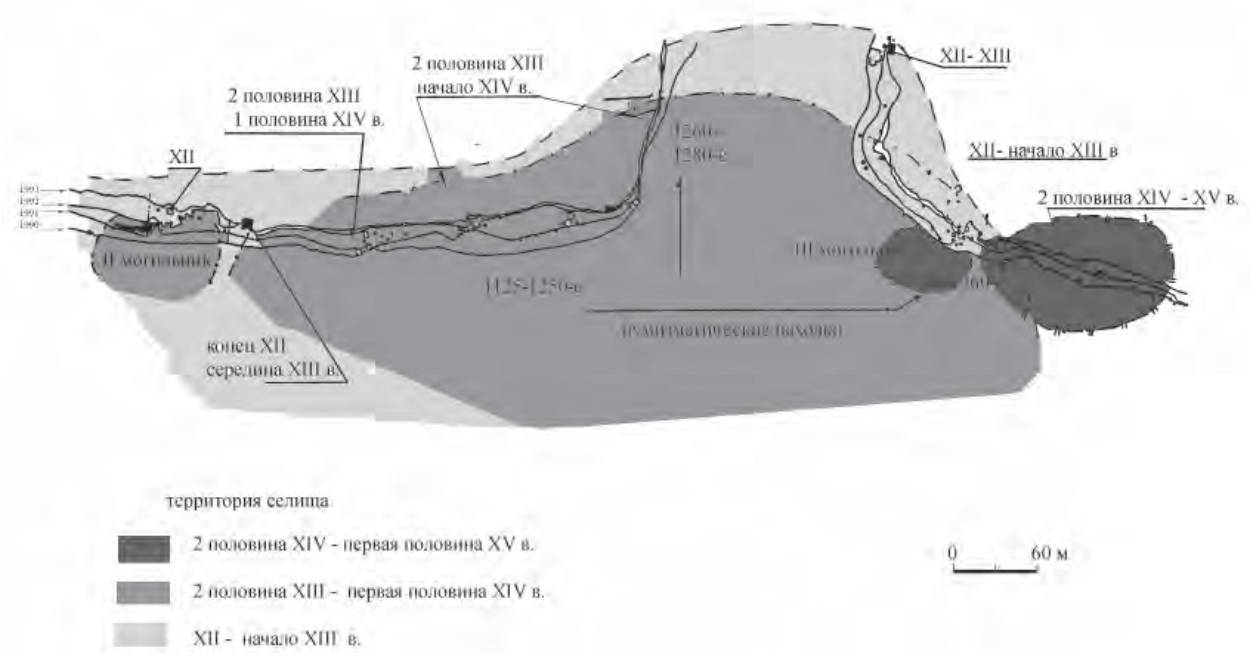


Рис. 6. Лаишевское селище. Территория поселения в XII – первой половины XV в. Составлено К.А. Руденко

с. 184, 185; Ефимова, 1974, с. 28), однако Г.Ф. Полякова убедительно доказала его датировку золотоордынским периодом (Полякова, 2000, с. 233–235).

Продолжение исследований могильника Бабий бугор и прилегающей территории в 2010–2013 гг. позволило уточнить ряд существенных моментов, прежде всего касавшихся времени существования этого некрополя. Рядом с могильником были выявлены остатки каменного мавзолея, датированного серединой XIV – началом XV в. (Макарова и др., 2016, с. 247), причем он был построен фактически уже после завершения функционирования этого некрополя.

Еще один крупный городской некрополь ордынского времени был выявлен у Черной палаты в 1966 г. В начале XXI в. удалось установить его границы: раскопами CXLVI, CLIV, CLV, CLXIII в 2010–2011 гг. была зафиксирована восточная часть этого кладбища, функционировавшая в середине – второй половине XIV в. Располагалась она на возвышенности к югу от Большого Иерусалимского оврага (Баранов и др., 2014, с. 449). Захоронения были совершены в основном по мусульманскому погребальному обряду (Баранов и др., 2016, с. 11–15). С северо-западной стороны за пределами кладбища находился каменный мавзолей и небольшая мечеть. Мавзолей был построен в 30–40-х гг. XIV в., а мечеть – в начале 1360-х гг. (Баранов, Кавеев, 2001, с. 195–197). Вероятно, с этим кладбищем была связана баня – Белая палата, построенная в 30–40-х гг. XIV в. и функционировавшая до 1360-х гг. Причем уже во время ее строительства каменщики использовали разбитые кладбищенские надгробные плиты, возможно, с этого некрополя (Шарифуллин, 2001, с. 235–249; Мухаметшин, Хакимзянов, 1987, с. 33).

Во время функционирования этого кладбища, вероятно в 1330-х – 1340-х гг., была построена, собственно, и сама Черная палата (Акчурина и др., 1970, с. 12). О назначении этого здания нет единого мнения (Воскресенский и др., 1967, с. 274, 281), но в последнее время получила распространение, высказанная В.В. Егеревым еще в конце 1950-х гг. точка зрения, что это сооружение являлось мавзолеем особо значимого лица, а рядом располагались захоронения представителей городской элиты с каменными надгробиями над могилами, фрагменты которых были найдены при раскопках (Мухаметшин, Хакимзянов, 1987, с. 29; Зиливинская, 2013, с. 66–69).

Причем на месте Черной палаты изначально находилось мусульманское кладбище, функционировавшее в конце домонгольского периода или в самом начале ордынского времени (Смирнов, 1974, с. 11). Но к 1260-м гг. оно было заброшено, а в последней трети XIII в. эта территория была застроена жилыми домами и хозяйственными сооружениями. В начале XIV в. все эти постройки были снесены и здесь началось строительство нового архитектурного комплекса – Черной палаты, которая функционировала до середины XV в. (Воскресенский и др., 1967, с. 283, 285) и, скорее всего, непосредственно была связана с большим городским кладбищем.

В 2010 г. небольшой некрополь XIV в. обнаружен в северной части городища (раскоп CXLIX), где было изучено необычное христианское за-

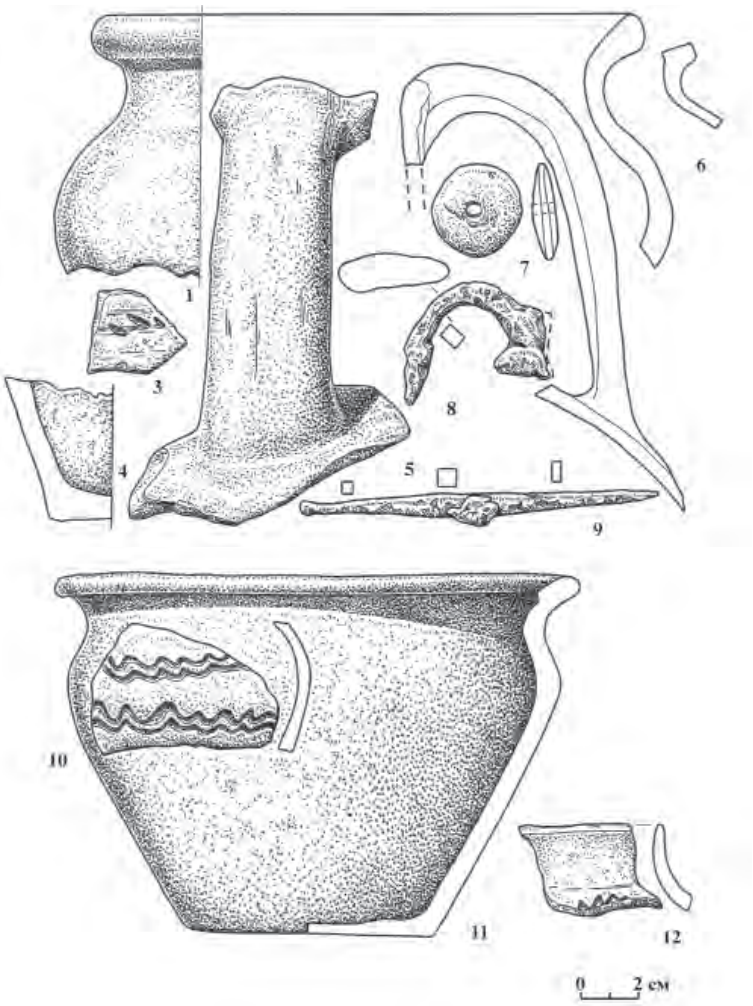


Рис. 7. Лаишевское селище (восточная часть). 1-9: комплекс жилища №1;
10-12: комплекс ямы №17 (по: Руденко, 2007, рис. 1)

хоронение с процессионным крестом (рис. 15: 1). Умерших хоронили без вещей; могилы были ориентированы на запад (Баранов, и др., 2019, с. 240–245).

При исследовании вала в южной части городища (раскоп CCVI) под его насыпью было выявлено кладбище, находившееся до сооружения укреплений, у дороги на выезде из города. Оно функционировало в первой половине – середине XIV в. (Русаков, Коваль, 2016, с. 20; Коваль, Русаков, 2018, с. 63).

Связь грунтовых могильников и каменных мавзолеев или культовых зданий, как в случае с Восточным мавзолеем (описание см.: «Могильники третьей группы в мавзолеях»), не всегда имела место. Тем не менее стоит отметить небольшие группы захоронений у некоторых из них. Так, в юго-западной части городища в 2014–2015 гг. были выявлены остатки двух мавзолеев и расположенные рядом с ними грунтовые мусульманские захоронения (раскопы CCII и CCIII) (Ситдиков и др., 2015, с. 23, 24; Волков и др., 2016, с. 16). В 2012 и 2015 гг. в южной части городища (раскопы CLXXIV и CCXIV) было обнаружено кладбище XIV в., видимо, сформировавшееся вокруг каменного мавзолея. Отметим, что на этом кладбище в засыпи погребения № 52/2012 г. был обнаружен комплекс ювелирных серебряных украшений (клад), сложенный в шелковый мешочек (Руденко, Ёлкина, 2017, с. 258–274).

Захоронения на всех вышеперечисленных могильниках (за исключением Бабьего бугра) были ориентированы на запад, иногда с небольшими отклонениями к северу; в большинстве случаев лицевая часть черепа скелетов обращена вверх или же повернута к югу, а костяк развернут на бок в соответствии с мусульманской погребальной обрядностью.

Особняком среди некрополей Болгара стоит кладбище у Греческой палаты (свыше 100 погребений) на территории Армянской колонии Болгара, располагавшейся за границами укреплений в северо-западной части городища. Оно датируется концом XIII – началом XV в. Практически все захоронения на нем выполнены в соответствии с христианским ритуалом погребения (Смирнов,

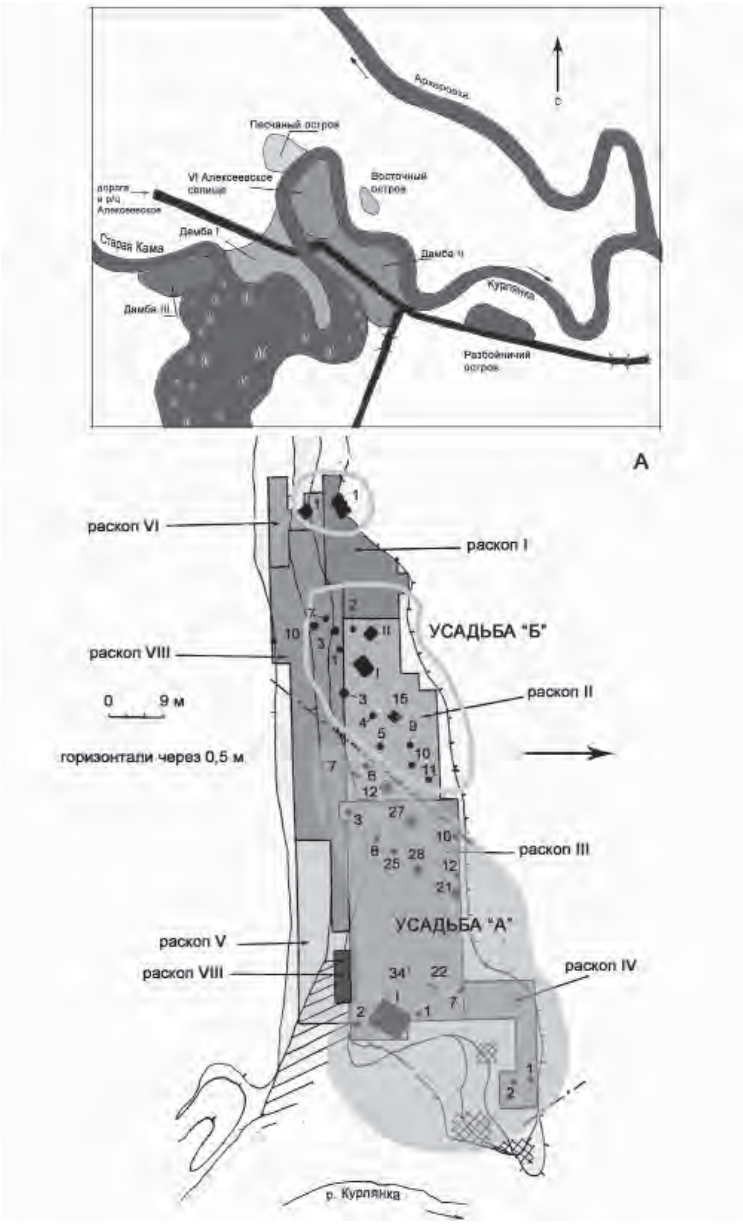


Рис. 8. Курналинский археологический микрорегион. *А* – расположение памятников; *Б* – Селище Песчаный остров: хозяйственные и жилые постройки (по: Руденко, 1998, рис. 16: 4; 18)

1958, с. 344, 350). Над некоторыми захоронениями были поставлены каменные надгробия с эпитафиями на армянском языке (см. ниже).

На северо-восточной окраине Болгарского городища на стрелке Большого и Малого Иерусалимских оврагов располагался городской могильник второй половины XIV в., получивший название Усть-Иерусалимский (Газимзянов и др., 2002, с. 73, 74). Захоронения здесь совершались как по мусульманскому, так и по языческому обряду. Среди последних имеются погребения, судя по характерным чертам ритуала и сопутствующим предметам (широколопастные сюльгамы) – мордовские (Газимзянов, 1998, с. 31; 2003, с. 45–47).

В 1998 г. И.Р. Газимзяновым был частично исследован могильник «У Восточного проезда», основная часть захоронений которого была совершена по мусульманскому обряду, но среди них оказалось и языческое, кочевническое женское захоронение (Газимзянов, Дрёмов, 2020, с. 170–184).

Могильник второй группы – к северу от Ханской усыпальницы – отличался от других некрополей Болгара наличием у части захоронений небольших склепов из отесанных плит известняка и кирпичных надгробий. Умерших хоронили в гробах, которые были сделаны из толстых деревянных плах, скрепленных железными скобами и гвоздями (Аксенова, 2001, с. 205). Судя по всему, это было кладбище городской знати.

Помимо этого, в Болгаре на кладбищах выделялся участок, где погребались знатные лица и на

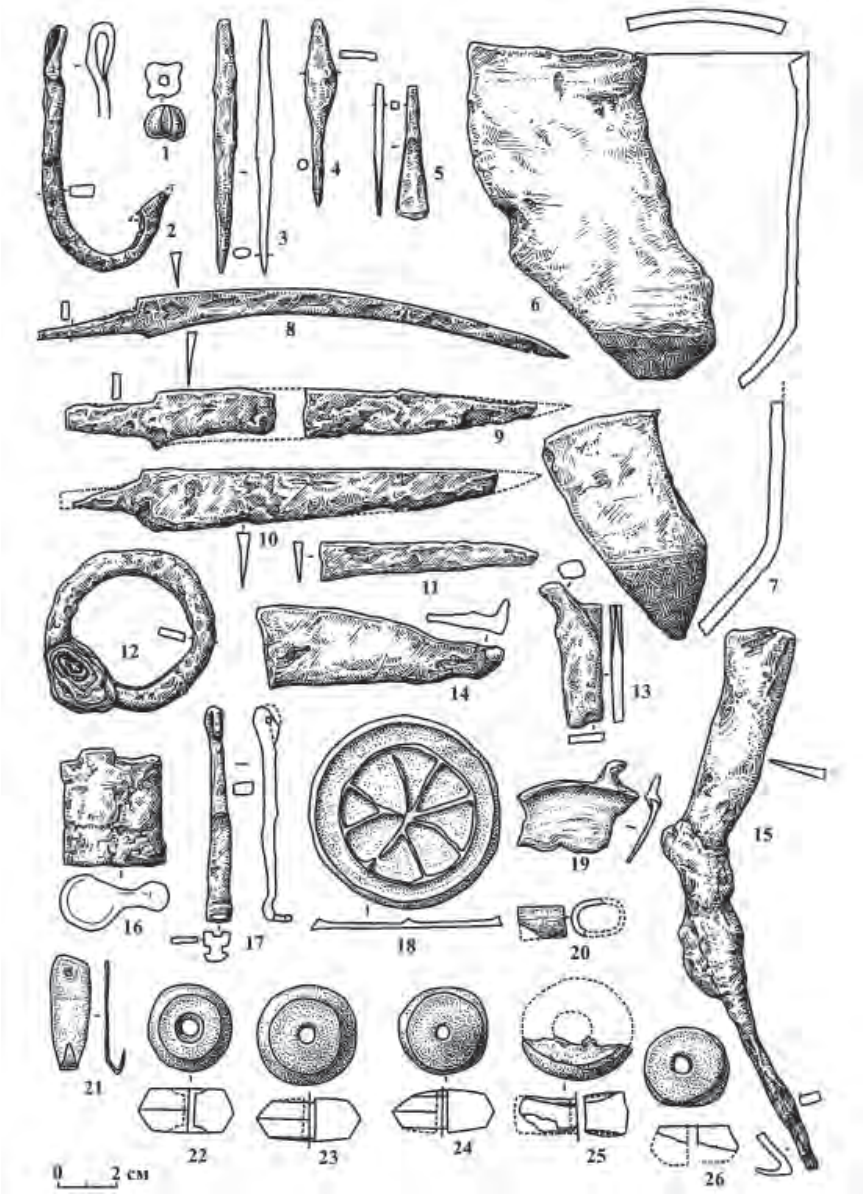


Рис. 9. Находки из построек и культурного слоя селища Песчаный остров (по: Руденко, 1998, рис. 9)

чьих могилах устанавливались надгробные плиты с эпитафиями. Эта традиция появилась в начале 70-х гг. XIII в. и существовала до середины 50-х гг. XIV в., поскольку самое раннее надгробие в Болгаре датируется 1271 г., а самое позднее – 1356 г. В настоящее время известно 150 эпиграфических памятников с Болгарского городища (Мухаметшин, Хакимзянов, 1987, с. 36, 37, 121). Д.Г. Мухаметшин утверждает, что достоверно можно говорить об использовании надгробных памятников на кладбищах у Восточного мавзолея и в южной части городища (Мухаметшин, 2008, с. 21).

У Греческой палаты у некоторых могил имелись надгробные плиты с эпитафиями на армянском языке (Смирнов, 1974, с. 12). Судя по датам, указанным в эпитафиях, они устанавливались с 1218 г. и по 1337 г. (Мухаметшин, Хакимзянов, 1987, с. 60, 61).

Могильники третьей группы в мавзолеях (рис. 16). Все они сосредоточены на верхнем плато Болгарского городища. Н.Д. Аксенова делит их на две группы: первая – в центральной части городища и вторая – в его юго-восточной и южной частях (Аксенова, 2001, с. 200). В северной части памятника в 2010-х гг. был выявлен мавзолей на Бабьем бугре, где один из умерших был погребен в саркофаге из известняковых плит (Макарова, Ситдиков, Бочаров, 2016, с. 247). В центральной части городища, поблизости от Соборной мечети, находятся несколько каменных мавзолеев: Северный (Монастырский погреб) и Восточный (Церковь Св. Николая). Около последнего было небольшое кладбище, а внутри него находилось семь склепов, два из которых были сложены из бутового камня. Над захоронениями в мавзолеях были установлены надгробия. Строительство этих

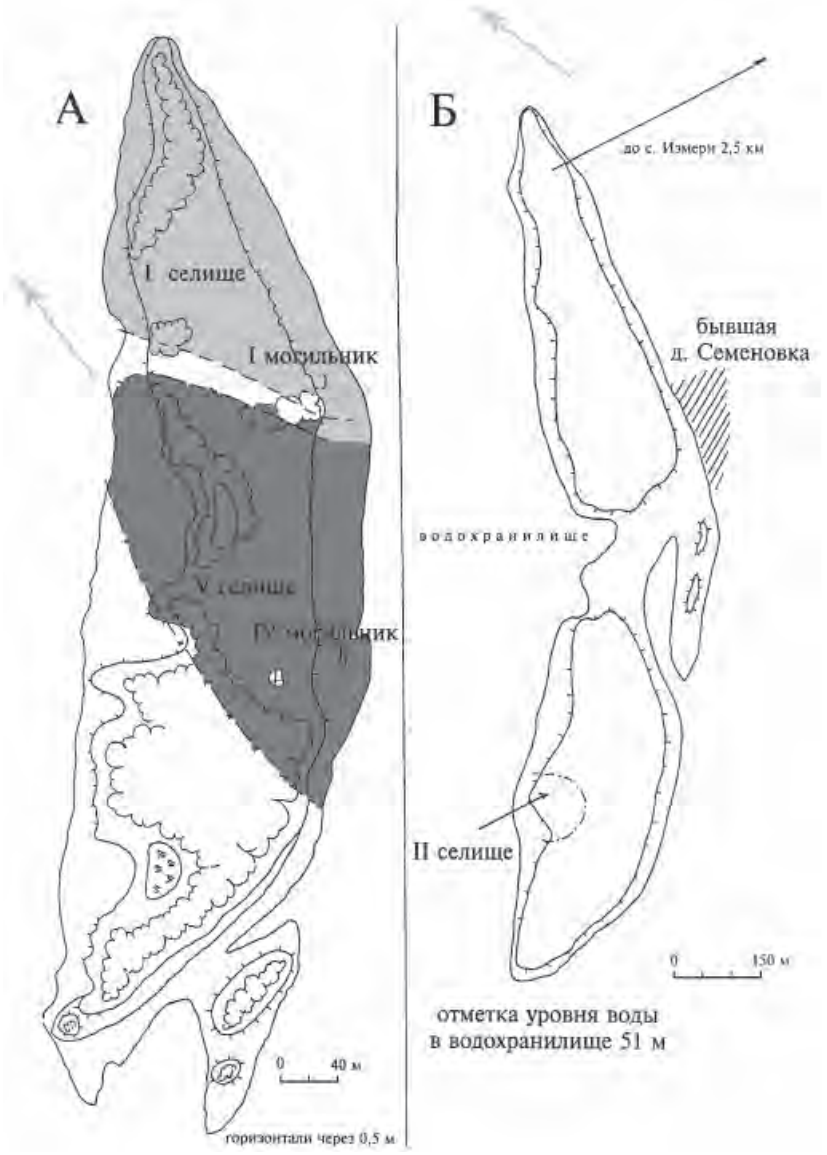


Рис. 10. Селища на Семеновском острове (по: Казаков, 1991, рис. 6)

мавзолеев относится к первой половине XIV в. (Баранов, Кавеев, 2001, с. 180, 183, 189–191).

Также к этой группе можно отнести комплекс мавзолеев, получивших название «Ханской усыпальницы». Он расположен у Малого минарета. Здесь кроме него имеются два грунтовых кладбища. «Ханская усыпальница» состояла из пяти разновременных зданий. Они были изучены раскопами XXVI и XXIX (Ефимова, 1969, с. 66, 67; Аксенова, 2001, с. 200, рис. 101, 102). Внутри некоторых помещений находились монументальные склепы, украшенные майоликовыми плитками (Носкова, 2001, с. 308). В западном мавзолее было изучено два захоронения в деревянных гробах, скрепленных скобами и гвоздями, над которыми из кирпичей были выложены надгробия в виде двух горизонтальных полос (Аксенова, 2001, с. 204). Одно захоронение в этом мавзолее, видимо, было мордовским: умерший был положен в гроб в скорченном положении. Возводился этот архитектурный ансамбль не позднее первой половины XIV в. Финальная достройка его осуществлялась в середине – второй половине XIV в. (Большой Западный мавзолей) (Аксенова, 2001, с. 205). Чуть в отдалении, на окраине кладбища у Черной палаты, располагалась небольшая мечеть и одиночный мавзолей, исследованные на раскопе LVI (Баранов, Кавеев, 2001, с. 195, 196).

К югу, юго-востоку и северо-востоку от Малого минарета в середине – второй половине XIV в. были построены мавзолеи разного размера (рис. 16), в которых находились от одного до двенадцати разновременных погребений (рис. 17). Большая часть их совершена по мусульманскому обряду, и только в мавзолее № 4 было одно детское захоронение в скорченном положении. Практически все умершие были похоронены в деревянных гробах. В одном случае котлован моги-

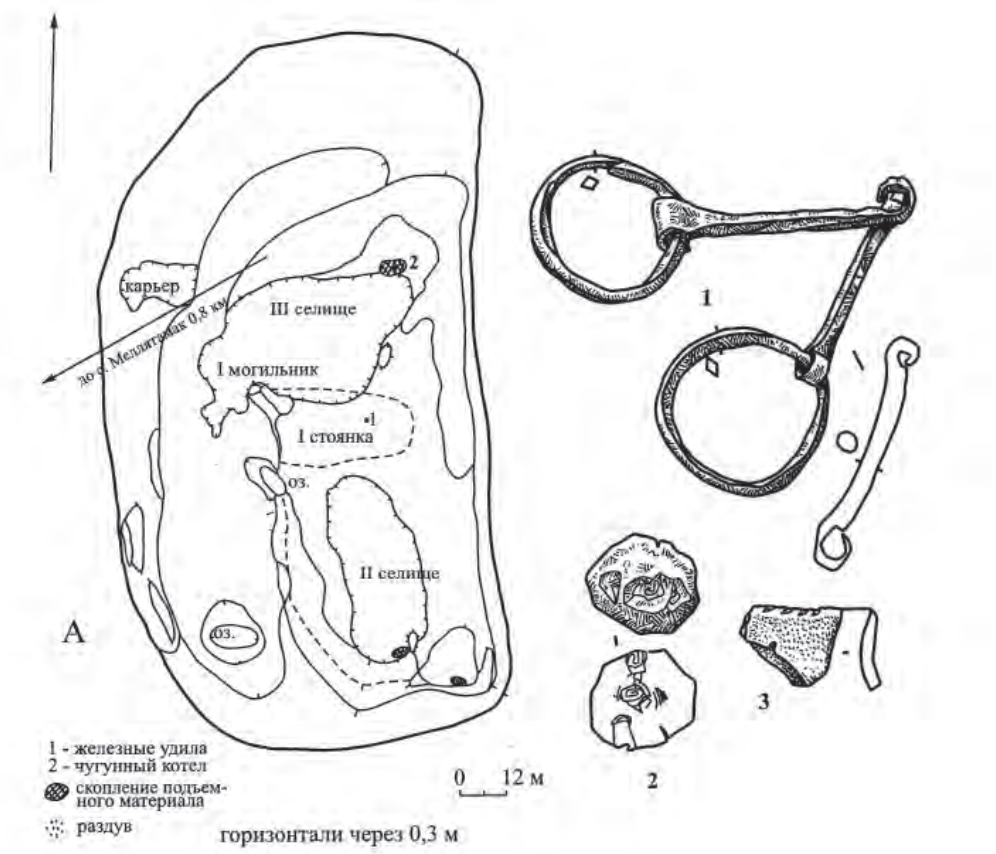


Рис. 11. Меллятамакский-I комплекс памятников (II, III селища; I стоянка, II могильник).
А – топосъемка К.А. Руденко 1995 г. 1–3: подъемный материал с III селища (по: Руденко, 2015, рис. 110)

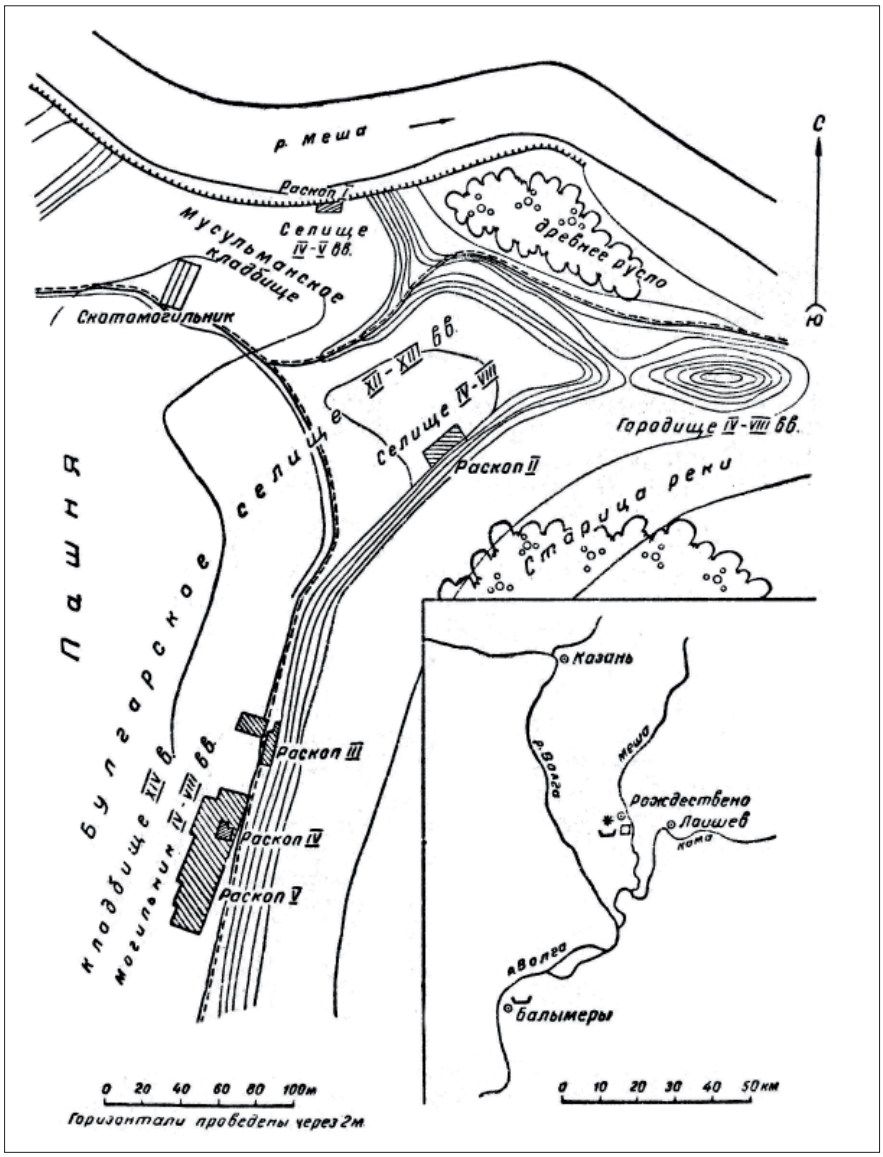
лы был обложен кирпичом (№ 10 мавзолея № 5) (рис. 17: 9) (Аксенова, 2001, с. 210–214, рис. 114, 115). В мавзолее № 5 (рис. 17: 6) умершие, судя по находкам, были похоронены в дорогой одежде и с украшениями (Аксенова, 2001, с. 214, 215). Н.Д. Аксенова предположила, что часть этих мавзолеев были местом захоронения членов одной семьи или родственников.

В 2014 г. остатки двух мавзолеев были обнаружены в раскопах ССII и ССIII в юго-западной части городища. В одном из них было 17 захоронений, а (рис. 18: 1) во втором – три. Последний, судя по всему, был одним из ранних на городище: по монетному кладу, обнаруженному под его фундаментом, мавзолей был датирован концом XIII или самым началом XIV в. (Ситдиков и др., 2015, с. 23, 24; Волков и др., 2016, с. 17, 18). Очевидно, что топография некрополей Болгара напрямую зависела от роста городской территории, а размеры их – от интенсивности её освоения (Бадеев, 2020, с. 20).

Это же можно сказать и о некрополях, расположенных за пределами укреплений Болгарского городища в южной части памятника. Речь идет об еще одном мавзолее, входившим в архитектурный ансамбль Малого городка. Он располагался между внутренней и внешней линиями периметра этого объекта. Внутри него было исследовано (раскоп CXCVII) пять грунтовых захоронений и кенотаф (?) (рис. 18: 2; 19) (Беляев и др., 2018, с. 46–49). Отметим, что строительство мавзолеев в Болгарской области Золотой Орды практиковалось только в городе Болгаре.

В восточной части Болгарской области в землях башкир известны каменные мавзолеи, например, на р. Дёме мавзолей Хусейн-бека с сохранившимся внутри надгробием 1341 г. и ряд других (Смирнов, 1957, с. 89–96).

В заключение можно сказать, что приведенные выше данные со временем будут дополняться, поскольку стационарные археологические исследования проводились только на 26% городищ, 4% селищ, 20% могильников без надгробий и ни на одном кладбище с надгробиями. Городские некрополи изучены лучше, особенно на Болгарском городище, но только несколько из них раскопаны полностью. Уточняется датировка поселений, выявляются, помимо монет, хроноиндикаторы, например, находки изделий из чугуна, а также определенных видов керамики и т. п. (Руденко, 2019а, с. 96–113; 2020, с. 198–213). Расширяется банк данных по кочевническим могильникам на территории Болгарской области (Руденко, 2018а, с. 172–175).



1

2

Рис. 12. Рождественский комплекс памятников эпохи средневековья. 1 – топографический план-схема с указанием местоположения раскопов (по: Генинг и др., 1962, рис. 1); 2 – вид на селище XII–XIII вв. с юга. Фото К.А. Руденко 1996 г.

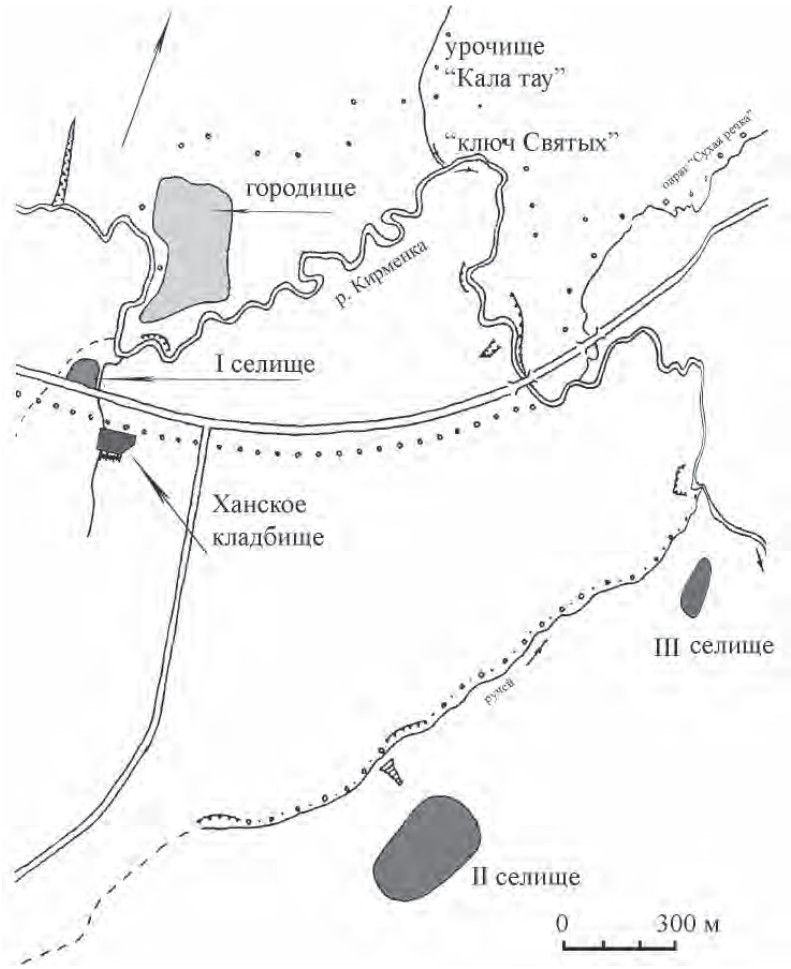


Рис. 13. Расположение памятников у с. Кирмени (по: Нигамаев, 2005, рис. 76).

С начала золотоордынской эпохи на Средней Волге появляются погребения поздних кочевников. На территории Казанского Поволжья большая их часть датируется второй половиной XIV в. (Руденко, 2013, с. 189–211). К настоящему времени на территории Татарстана известно 12 могильников и отдельных захоронений поздних тюркских кочевников (табл. 1). Это Балымерские, Зеленовские, Курналинские курганы; могильник Песчаный остров; Лебединское погребение; захоронения: на мусульманском Рождественском IV могильнике с монетой 1357 г.; на могильниках «У Восточного проезда» (раскоп № CXXXIV) (Газимзянов, Дремов, 2020, с. 170–171) и «Бабий бугор» на Болгарском городище, и здесь же находки онгонов на кладбище у «Ханской усыпальницы» (погр. 16), где они датированы второй половиной XIV – началом XV в. (Акчурина и др., 1970, с. 20; Ефимова, 1969, с. 73). Онгоны также найдены в подъемном материале у с. Малая Рязань в Самарской области.

К этому списку следует добавить Байряки-Тамакский могильник и Ново-Серёжкинское захоронение на востоке и юго-востоке Татарстана. Вероятно, погребение кочевника было на Нижне-Марьянском могильнике близ Нижне-Марьянского II селища в Спасском районе РТ (в затопленной пойме Камы), датированного по подъемному материалу XIV – началом XV в. (Коллекция музея археологии ИА АНТ, полевой шифр: НМ 75/21 и НМ II-64/13). В 1964 г. Е.П. Казаковым здесь было зафиксировано несколько захоронений западной ориентировки с костяками, лежавшими вытянуто на спине.

Детальный анализ погребального обряда и инвентаря можно сделать по могильникам Балымерскому и Песчаный остров (рис. 20), а также захоронению на могильнике «У Восточного проезда» в Болгаре (рис. 21), поскольку опубликованы дневники их раскопок и планы захоронений (Руденко, 1999, с. 61–65; 2009, с. 288–291; Газимзянов, Дремов, 2020, с. 170–184). Дополняют эту информацию имеющиеся в литературе описания кочевнических захоронений на некрополях в Болгарах и на Рождественском IV могильнике. В остальных случаях опубликованы чаще всего предметы из захоронений (Казаков, 1978, с. 94, рис. 47). Отметим также погребения кочевников XIV в. на Муранском и Барбашинском могильниках на Самарской Луке (Сташенков, Кочкина, 2012, с. 111–114). В

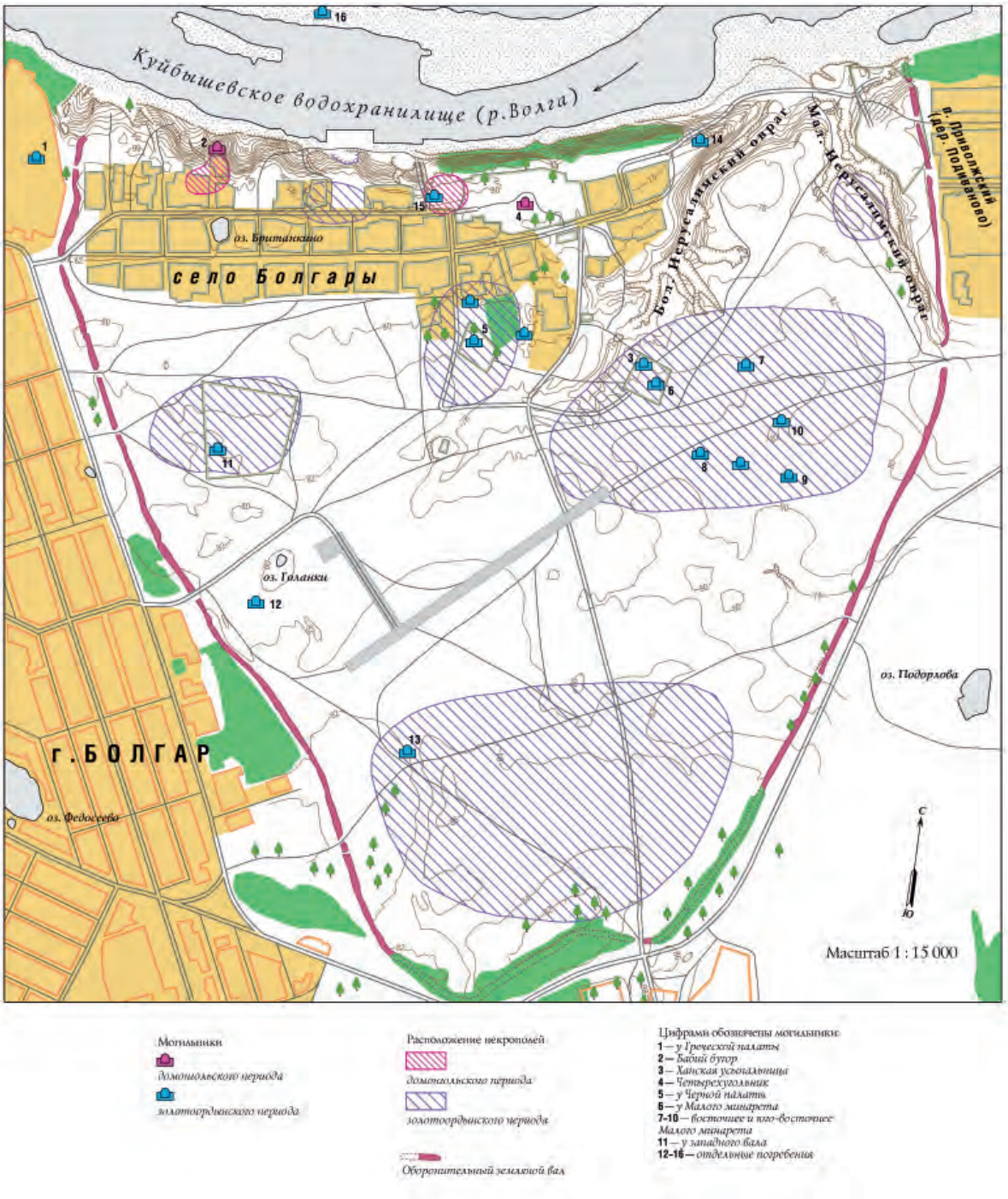


Рис. 14. Болгарское городище. Расположение могильников (по: Великий Болгар, 2013, с. 295)

2020 г. был исследован одиночный курган Светлое Поле III на правобережье р. Сок, в котором по языческому обряду был захоронен знатный кочевник. По инвентарю и монетам погребение датируется не ранее конца 1320-х гг. (Сташенков и др., 2021, с. 309–333).

Кроме этого, Е.П. Казаковым на востоке Татарстана были выявлены и исследованы могильники и поселения, оставленные населением чияликской археологической культуры (Казаков, 1978, с. 49–82).

Все вышеотмеченные памятники можно объединить в несколько территориально-хронологических районов. Первый район включает в себя позднекочевнические некрополи и отдельные захоронения, расположенные в пойме нижнего течения Камы (курналинская группа) и Тетюшского течения Волги (балымерско-болгарская группа), оставленные преимущественно кочевым тюркоязычным населением в XIV в. Второй район – могильники населения с непостоянной оседлостью в восточной части Болгарской обла-

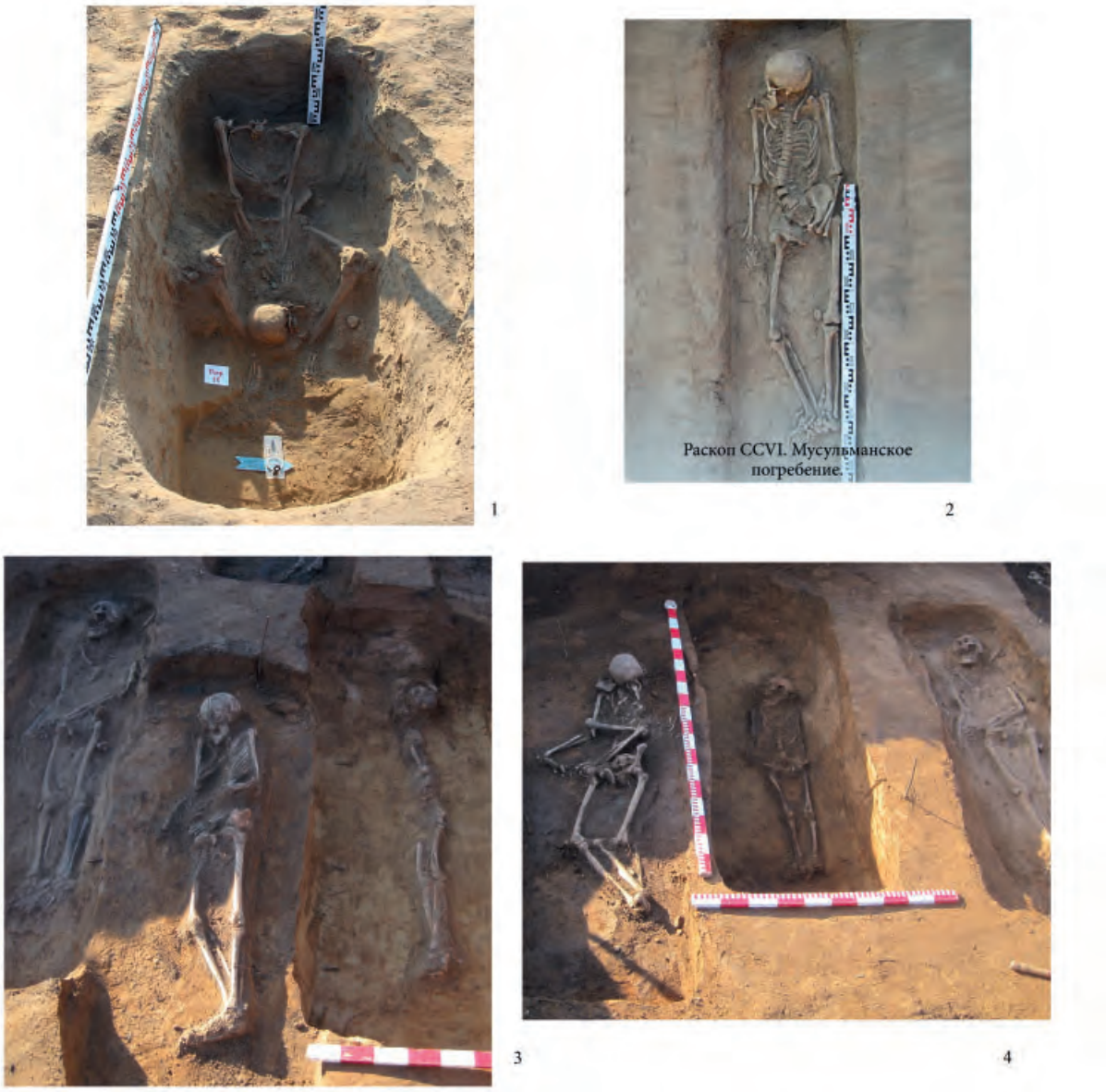


Рис. 15. 1 – погребение христианина, раскоп CXLIX (рук. В.С. Баранов); 2 – мусульманское погребение, раскоп CCVI; 3, 4 – захоронения в южной части городища, раскопы CLIV, CLV (рук. А.В. Беляев) (по: Археологические.., 2011, с. 16; Русаков, Коваль, 2016, с. 20; Великий Болгар, 2013, с. 300)

сти, отнесенные к чияликской культуре: Такталачукский, Азметьевский, которые Е.П. Казаков датирует XIII–XIV в., причем первый из могильников существовал, по его мнению, в XIV в., и исследователь склоняется к более узкой датировке – второй половине XIV в. (Казаков, 1978, с. 70, 81).

Топография могильников первого района различна. Могильники курналинской группы занимают останцы надлуговых террас среднего течения р. Курналинки. Это были небольшие курганные группы или одиночные курганы с одним или несколькими захоронениями (рис. 20: 1). Балымерский курганный могильник из балымеро-болгарской группы занимал ровную площадку на склоне коренной террасы левого берега Волги (рис. 20: 2). Поблизости от могильников курналинского центра находились небольшbe селения или, как в случае с Песчаным островом, даже несколько (рис. 8: А) (Руденко, 2015, с. 336–339, рис. 107).

Погребальный обряд. Всего нами было проанализировано 25 захоронений из 6 могильников и одиночных захоронений первого района (табл. 2). Из них 10 захоронений женские; 10 – мужские; 5 – дети и подростки. В женских и нескольких мужских погребениях имеется погребальный инвентарь. В засыпи подростковых захоронений встречаются отдельные предметы. Женские захоронения имеют западную (3 погребения: 30%) и северную (70%) ориентировки; среди последних без отклонений – 2 погребения (28,5%), с отклонениями к востоку – 3 погребения (42,9%), и к

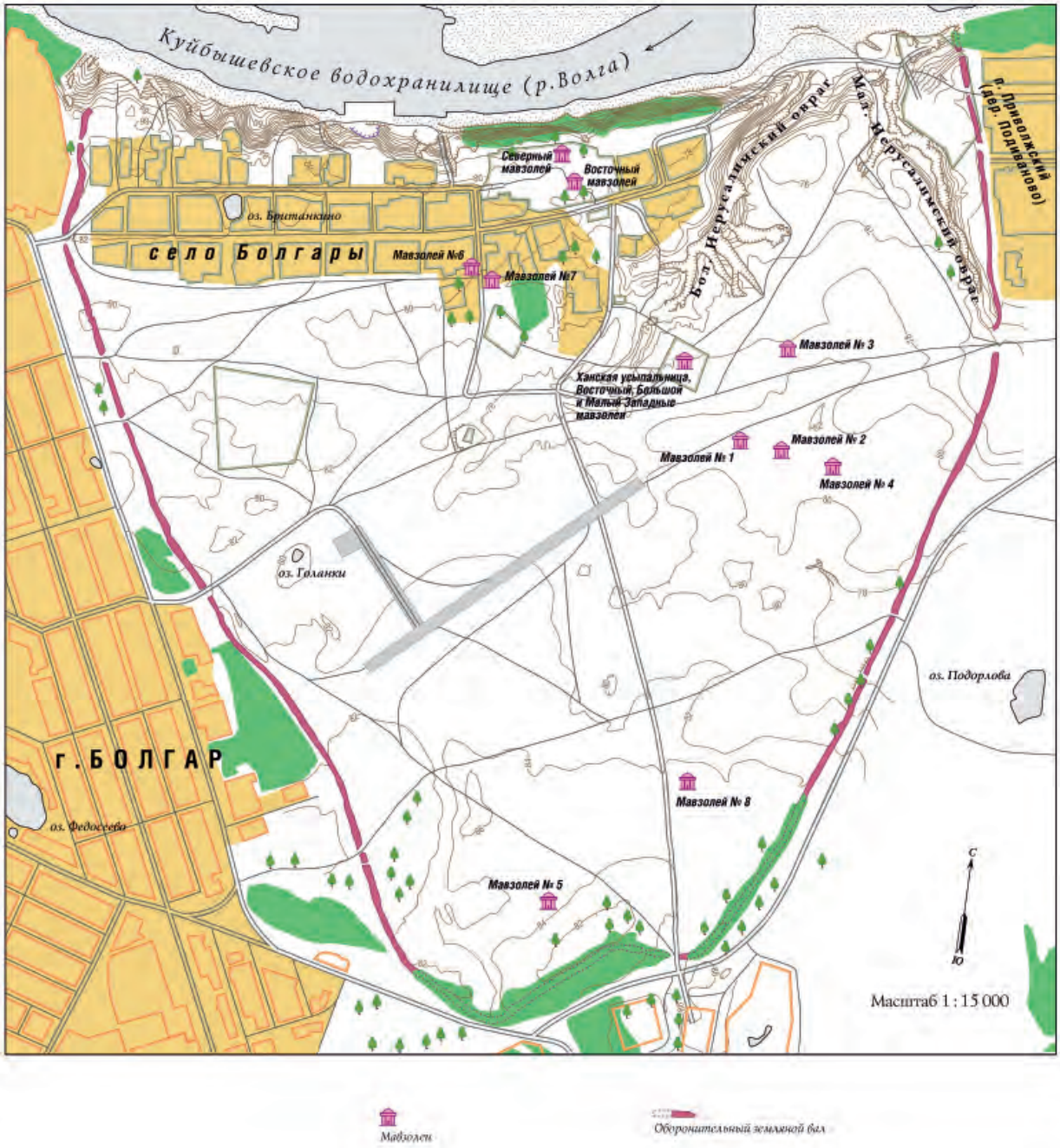


Рис. 16. Болгарское городище. Расположение мавзолеев (по: Великий Болгар, 2013, с. 253)

западу– 2 погребения (28,5%). При этом отклонения эти незначительны. С западной ориентировкой захоронения из могильника Бабий бугор в Болгарах и одно из могильника Песчаный остров. Ориентированы на север с отклонением на запад два захоронения из могильника Песчаный остров; с отклонением на восток – все из балымерских курганов; а на север без отклонений – из Алексеевских курганов, как и погребения в могильнике «У Восточного проезда» в Болгарах. Захоронения разной ориентировки встречаются на могильнике Песчаный остров – северная, восточная, западная и южная (табл. 2). На болгарских могильниках ордынского времени при преобладании западной ориентировки встречаются захоронения и с восточной ориентировкой, например, на Лаишевском II могильнике XIV в. (погребение 18).

Глубина могильных ям в среднем составляет 60–70 см; длина – от 180 до 240 см (средняя длина 180–220 см); ширина – 80–100 см. Конструкция могильной ямы, как правило, простая; с заплечиками зафиксировано два погребения из Балымер

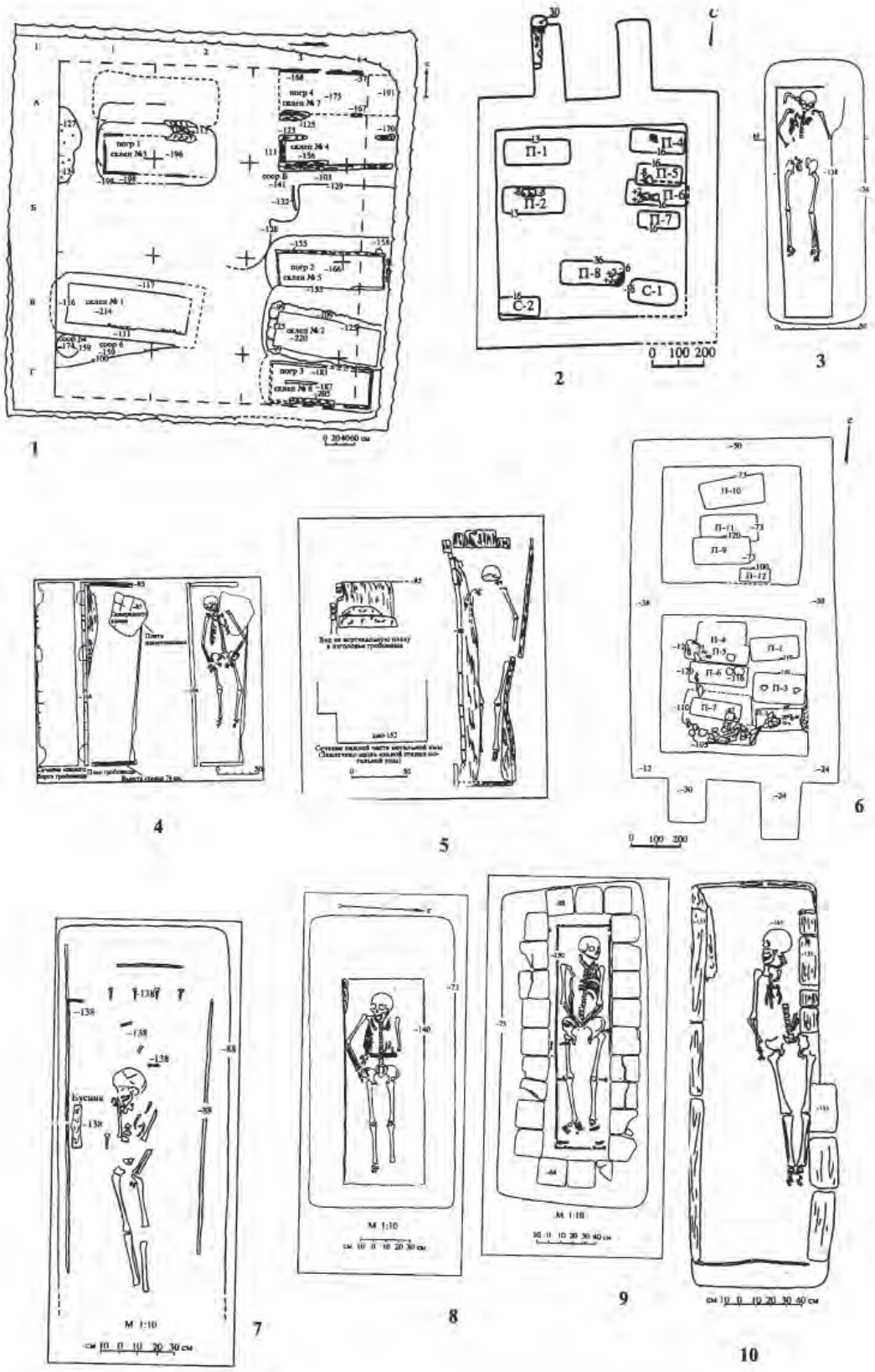


Рис. 17. Болгарское городище. Захоронения в мавзолеях. 1 – Восточный мавзолей: план размещения склепов; 2 – мавзолей №2: план; 3 – план погр. №8 в мавзолее №2; 4 – план погр. 2 в мавзолее №2; 5 – план погр. 6 в мавзолее №2; 6 – мавзолей №5: план; 7 – план погр. 2 в мавзолее №5; 8 – план погр. 9 в мавзолее №5; 9 – план погр. 10 в мавзолее №5; 10 – план погр. 5 в мавзолее №5 (по: Аксенова, 2001, рис. 106 – 114.; Баранов, Кавеев, 2001, рис. 97)

(Руденко, 2009, с. 290); в колоде – одно (№ 41) из могильника Бабий бугор (Ефимова, 1960, с. 184). Костяк, как правило, располагался вытянуто на спине; лицевая часть черепа чаще всего обращена вверх (60%). Такое положение умерших встречается и на болгарских сельских могильниках этого времени: на Рождественском, Лаишевском II (Генинг и др., 1962, с. 79–81, табл. Т; Руденко, 1999а, с. 80).

Мужские захоронения были ориентированы головой на запад (3 погребения: 30%), на север и северо-восток (4 погребения: 40%), на юг (2 погребения: 20%). Инвентарь имеется в пяти захоронениях. Положение костяка – вытянуто на спине, лицевой частью черепа вверх. Руки, как правило, вытянуты вдоль туловища, в двух случаях одна из рук положена на пояс. Могильные ямы глубиной от 50 до 200 см, но чаще до 100 см. Ширина 40–90 см; длина 160–230 см. Ориентировка погребенных достаточно разнообразна, хотя захоронения с подобными признаками встречаются в болгарских материалах. Например, женское погребение с северо-восточной ориентировкой (лицом вверх, с руками – одна на животе, вторая у подбородка), в котором еще находились скелеты двух младенцев головами также на северо-восток, изучено у Восточного мавзолея («Церковь Св. Николая») в Болгаре, построенного к 30-м гг. XIV в. (Баранов, Кавеев, 2001, с. 183, 198). Здесь же зафиксированы захоронения с северной и южной ориентировкой, а также скорченные (мордовские?) погребения (Смирнов, 1972, с. 305–306).

Детские погребения, там, где можно определить направление могильной ямы и костяка, ориентированы головой на запад или север (одно погребение). Здесь в засыпи могильной ямы или в самом погребении встречались отдельные предметы, например, часть металлического пластинчатого браслета. Половозрастные характеристики погребенных по могильнику Песчаный остров (определение И.Р. Газимзянова и А.П. Бужиловой) отражены в табл. 3. Исходя из этих данных, средний возраст смерти у этого населения составляет 30–35 лет. Высока была смертность у детей в детском и подростковом возрасте, а также у женщин. Кочевое население Болгарской области имело особенности внешнего облика (Руденко, 2019, с. 353, 357).

Жертвенные комплексы животных. Из сопровождающих умершего животных в насыпи курганов курналинской группы вне погребений встречаются черепа и зубы лошадей. В балымеро-болгарской группе зафиксировано захоронение головы лошади (рис. 22: 2, 3). Здесь черепа находились в насыпи кургана на уровне погребенной почвы и сопровождали женские захоронения (Руденко, 2009, с. 288).

Из **обрядовых действий** интерес представляет помещение на грудь умершему черепа собаки без нижней челюсти (могильник Песчаный остров). Помещение в захоронение собак встречается у кочевников золотоордынского времени Волго-Донья, а также в Крыму и Приднестровье (Фёдоров-Давыдов, 1966, с. 123, 130, 192; Мыськов, 2015, с. 97). Другой элемент погребальной обрядности – следы огненного ритуала. Они фиксируются в нескольких разновидностях: 1) обожжённые стенки, иногда и дно могильной ямы, а также угольки в засыпи (Песчаноостровной, Лаишевский II могильники) (Руденко, 1999а, с. 80–84, рис. 4); 2) обжигание гробовища (Кожаевский могильник); 3) разведение костра над могилой на уровне древнего дневного уровня после засыпки котлована могильной ямы, но до сооружения курганной насыпи (Балымерские курганы и Лаишевский II могильник) (Руденко, 1999а, с. 80; 2009, с. 288–289).

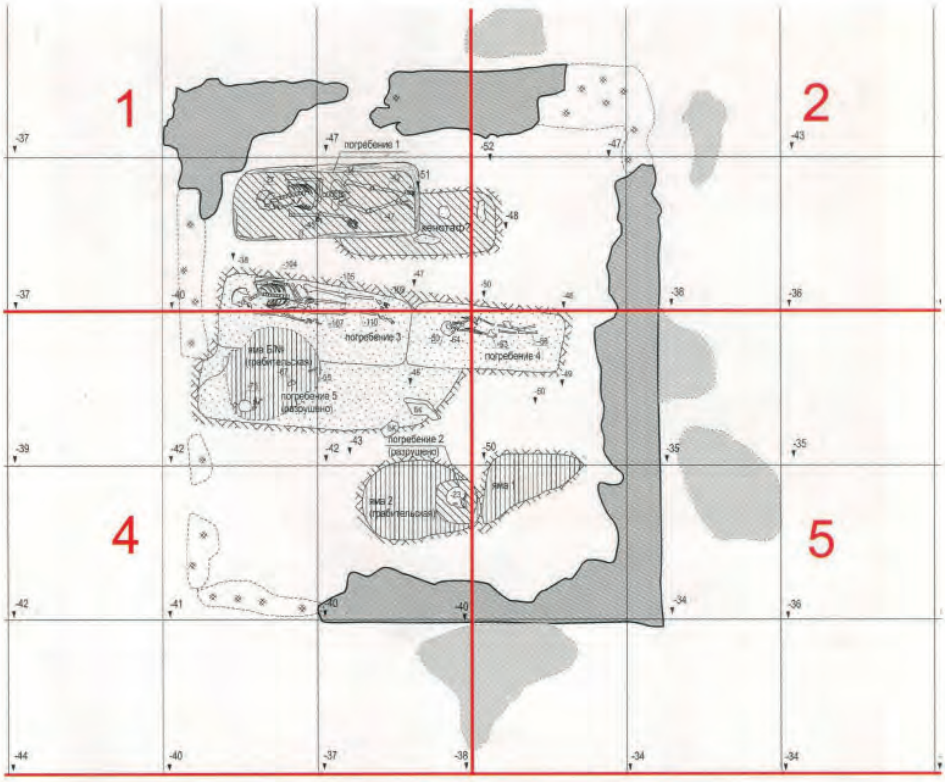
Сопровождающая пища была зафиксирована в двух случаях: нижняя челюсть овцы в Алексеевском захоронении и ребро лошади в изголовье погребенного в могильнике «У Восточного проезда» на Болгарском городище (рис. 21: 1, № 5) (Газимзянов, Дремов, 2020, с. 173, рис. 3: 1).

Следы ритуальных действий при погребении (кроме костров над могилой) зафиксированы только в кургане 2 Балымерского могильника – здесь в насыпи был обнаружен разбитый круговой кувшин (Руденко, 2009, с. 289). Фрагменты круговых сосудов обнаружены в насыпях курганов ордынского времени на Самарской луке (Васильева, 1979, с. 229).

Датировка могильника Песчаный остров и погребения 4 (раскоп CXXIV) на могильнике «У Восточного проезда» в Болгаре, помимо инвентаря, определяется на основании стратиграфии памятников (Руденко, 1999, с. 65; Газимзянов, Дремов, 2020, с. 170, 180). Они функционировали во второй половине XIV в. Также второй половиной XIV в., по серебряной монете 1357 г., датировано Рождественское захоронение № 18 (Генинг и др., 1962, с. 82, 83, табл. XXXIII: 2). Остальные погребения этого круга по инвентарю относятся к золотоордынскому периоду, преимущественно XIV в. Байряки-Тамакский могильник, по аналогиям вещам из погребений, Е.П. Казаков датировал XIV в. (Казаков, 1978, с. 96).

Погребальный инвентарь (Руденко, 2015, с. 349, рис. 117; 2019, с. 172–175) представлен украшениями, бытовыми изделиями, предметами вооружения и конского снаряжения. Из предметов туалета отметим бронзовые зеркала, костяные

1



2

Рис. 18. Мавзолей на юго-западной окраине городища (1) и у Малого городка в Болгаре (2).
1 – раскоп CCII, ортофото на уровне материка (2014 – 2015 гг.); 2 – план мавзолея, раскоп CXCVII (по: Волков и др., 2016, с. 16; Беляев и др., 2018, рис. 69).

Рис. 19. Мавзолей у Малого городка в Болгаре.
1 – погр. 3; 2 – погр. 1; 3 – погр. 4 (по: Беляев и др., 2018, рис. 71–73).

игольницы, железные ножницы и шильца с деревянной рукоятью. К предметам вооружения следует отнести железные наконечники стрел из погребений на Балымерском могильнике (курган 4, погребение 1), погребении 18 Рождественского IV могильника, в последнем найдено и халцедоновое навершие рукояти сабли (?) (Генинг и др., 1962, с. 82, табл. XXXIII: 8; Руденко, 2013, с. 193, 207, рис. 2: 6, 8; 13: 1–7). В целом эта категория изделий очень немногочисленна. Датируются железные наконечники стрел (типы А2а, Б43в по К.А. Руденко) XIV в. (Руденко, 2003, с. 282, 400, 405, 412, кат. № 21, 636, 673, 734).

Из *конского снаряжения* встречены стремена и удила, которые в одном случае, судя по их расположению в могиле, были положены вместе с седлом (рис. 24: 1, 2) (Руденко, 1999, с. 72, рис. 2: 8; 3: 1, 2, 3; 2013, с. 193, 206, рис. 2: 7; 12: Б, 9). Стремена (2 экз.) представлены экземплярами арочной формы с расплющенной верхней частью и закругленной подножкой (рис. 25: 1, 2). Относится к типу ДII по типологии Г.А. Фёдорова-Давыдова (Федоров-Давыдов, 1966, с. 13, рис. 1). Наиболее часто они встречаются в курганах середины – второй половины XIV в.

Удила (3 экз.) все кольчатые (рис. 25: 3, 30), хотя и отличаются разной длиной грызл и величиной колец (Генинг и др., 1962, с. 82, табл. XXXIII: 7). Встречены подпружные и уздечные пряжки (рис. 25: 28).

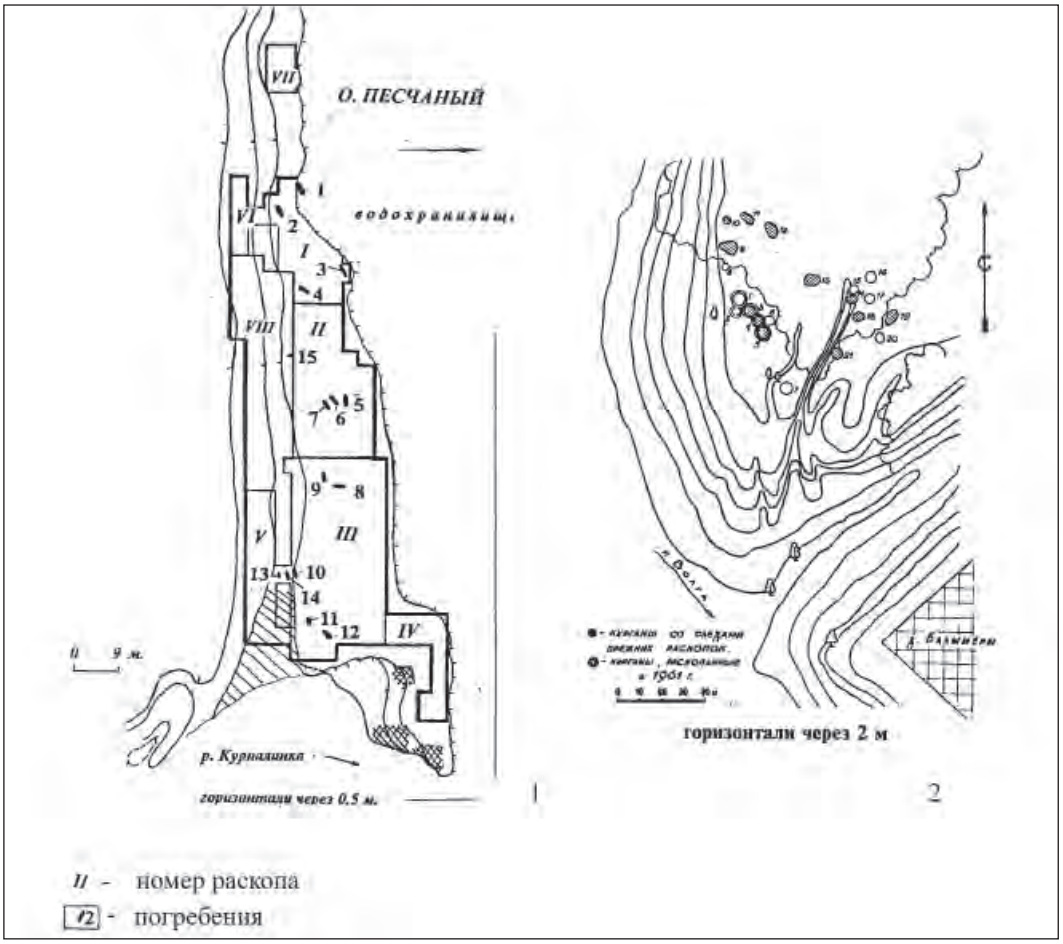


Рис. 20. Кочевнические могильники Казанского Поволжья: могильник Песчаный остров (1); Балымерские курганы (2) (по: Руденко, 2015, рис. 118: III, IV)

Культовые поделки – железные конусы, известные в нашем материале в захоронении второй половины XIV в. на могильнике «У Восточного проезда» на Болгарском городище (рис. 21: 3–10) (Газимзянов, Дремов, 2020, с. 173, рис. 3: 3–10) и из разрушенного Ново-Серёжкинского погребения. Такие артефакты известны в кочевнических золотоордынских захоронениях Волго-Донья с западной и северной ориентировками (Мыськов, 2015, с. 279). Е.В. Круглов и И.И. Дрёмов считают это признаком монокультурным и связывают его с монгольскими традициями, которые, по их мнению, сохранялись до самого конца XIV в. (Дрёмов, Круглов, 2021, с. 158). К этой категории можно отнести и пластинчатые онгоны.

Из *бытовых предметов* в захоронениях найдены: железные ножи с деревянными рукоятями (рис. 23: 5; 25: 5–7, 14, 29), калачевидные железные кресала (средние размеры: длина 7,2 см, высота 3,5 см, толщина 0,4 см) (рис. 25: 26, 27), пряжки от поясных и портупейных ремней (Генинг и др., 1962, с. 82, табл. XXXIII: 5, 6); в Байряки-Тамакском могильнике – два глиняных прясла (Казаков, 1978, с. 94, рис. 47: 1, 2; Руденко, 2013, с. 193, рис. 2: 3, 4, 9, 10); одно из них усеченно-биконической, другое – овальной формы; оно же украшено концентрическими окружностями. Из погребения 5 могильника Песчаный остров происходит шило с деревянной рукоятью и костяной игольник (рис. 23: 2, 3). В балымерских и байряки-тамакских курганах найдены железные ножницы (3 экз.) (рис. 25: 16) (Казаков, 1978, с. 94, 95, рис. 47: 7).

Украшения костюма и одежды. Стеклянные бусы представлены бисером бирюзового и белого цвета в погребении 2 кургана 3 Балымерского могильника и погребения 5 могильника Песчаный остров (Руденко, 1994, с. 133; 2009, с. 290). Также встречаются бронзовые браслеты, серьги, медные нашивки, а также металлические зеркала (рис. 23: 4, 6; 25: 9, 11, 12, 13, 15) (Руденко, 2018а, с. 173; 2019, с. 347–352).

Для вышерассмотренных кочевнических могильников характерно и антропологическое разнообразие (рис. 23: 8; 24: 3, 4; 26).

Второй район концентрации некрополей, связанных с чияликским населением, располагается в бассейне р. Белой, в нижнем ее течении, где локализуются Татталачукский и Азметьевский могильники (Казаков, 1978, с. 49–81). Для них харак-

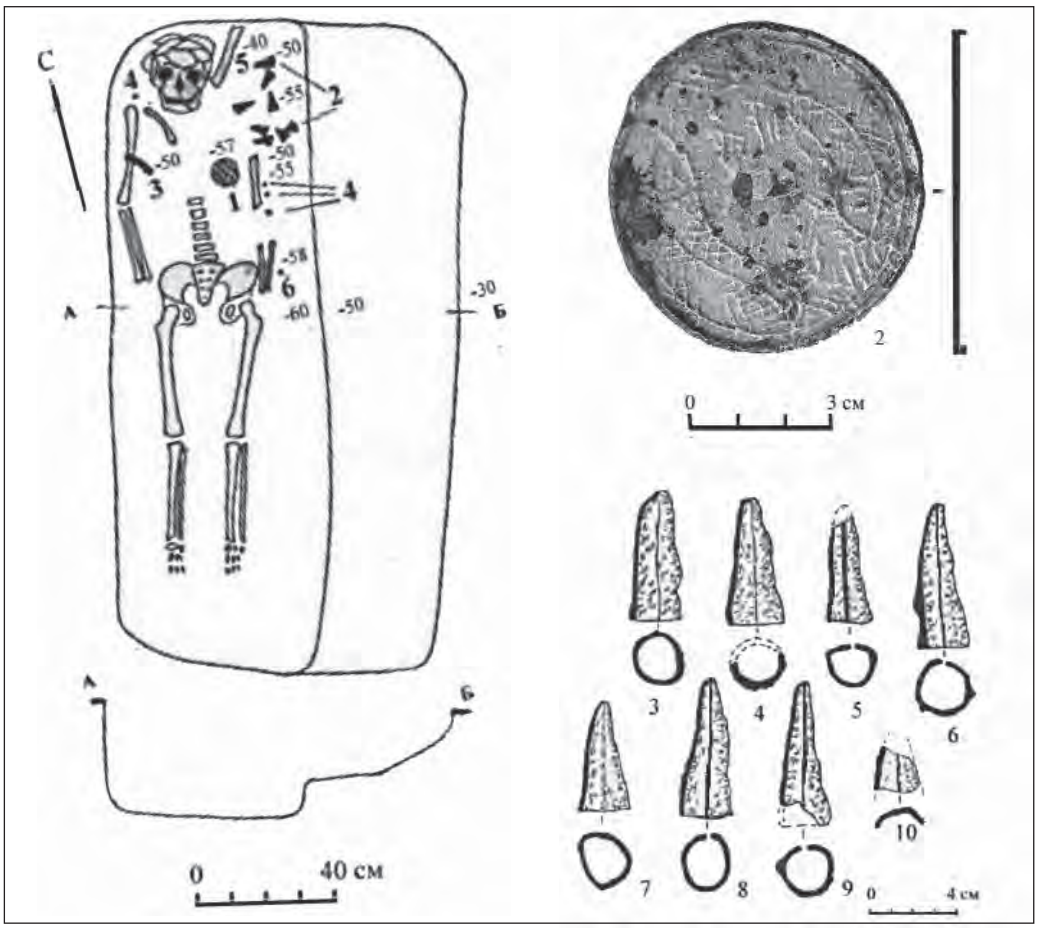


Рис. 21. Кочевническое погребение на могильнике у Восточного проезда в Болгаре, раскопки И.Р. Газимзянова: 1 – план, 2 - бронзовое зеркало; 3 – 10 – железные конусы (по: Газимзянов, Дремов, 2020, рис. 1)

терна безынвентарность захоронений или малое количество сопровождающих умершего предметов. Помимо этого, в них прослеживается вариабельность в ориентировке погребенных при преобладании западного (юго- или северо-западного) направления. Здесь зафиксированы сопровождающие погребальное действие обряды, в частности огненный ритуал; а также использование при похоронах деревянных обкладок могильной ямы, колоды (в 1 случае), перекрытия досками могильной ямы (Казаков, 1978, с. 59, рис. 29).

Расположение костяков в чияликских захоронениях чаще всего вытянутое на спине, руки находятся вдоль скелета (74% захоронений Азметьевского могильника), либо одна рука вытянута, вторая согнута, а кисть последней находится на тазовых костях. Разворот костяка на правый бок, как в мусульманских захоронениях, также зафиксирован в материалах Азметьевского и Такталачукского некрополей. В первом – 8 погребенных, что составляет 8,2% от общего числа исследованных погребений; и во втором – 11 погребений – 14,5% (Казаков 1978, с. 53, 77). Обращают на себя внимание и такие случаи, когда у умершего (костяк при этом находился в вытянутом положении на спине) руки были сложены на тазовых костях (шесть погребений Такталачукского могильника) и на груди (погр. 161 Такталачукского могильника) (Казаков, 1978, с. 53), что характерно для христианской традиции (Панова, 2004, с. 57). Вышеописанные признаки чияликского погребального обряда достаточно устойчивы и присущи также другим могильникам этого круга.

К характерным чертам чияликских погребений нужно отнести и своеобразный набор сопровождавших умершего предметов, прежде всего лепной округлодонной керамики с примесью толченой раковины в тесте, украшенной веревочным орнаментом или оттисками гребенчатого штампа. Достаточно часто встречаются крупные металлические (чаще серебряные) круглые пластинки с ушком, зафиксированные у черепа костяков (Казаков, 1978, с. 67, рис. 33: 27).

Еще одну группу населения Болгарской области Золотой Орды представляла мордва, которая в домонгольский период занимала земли к западу от Волжской Болгарии, но частично проживала и на болгарской территории. В ордынское время мордва расселилась на восток, выйдя на правый, а затем и на левый берег Волги. Их поселения и

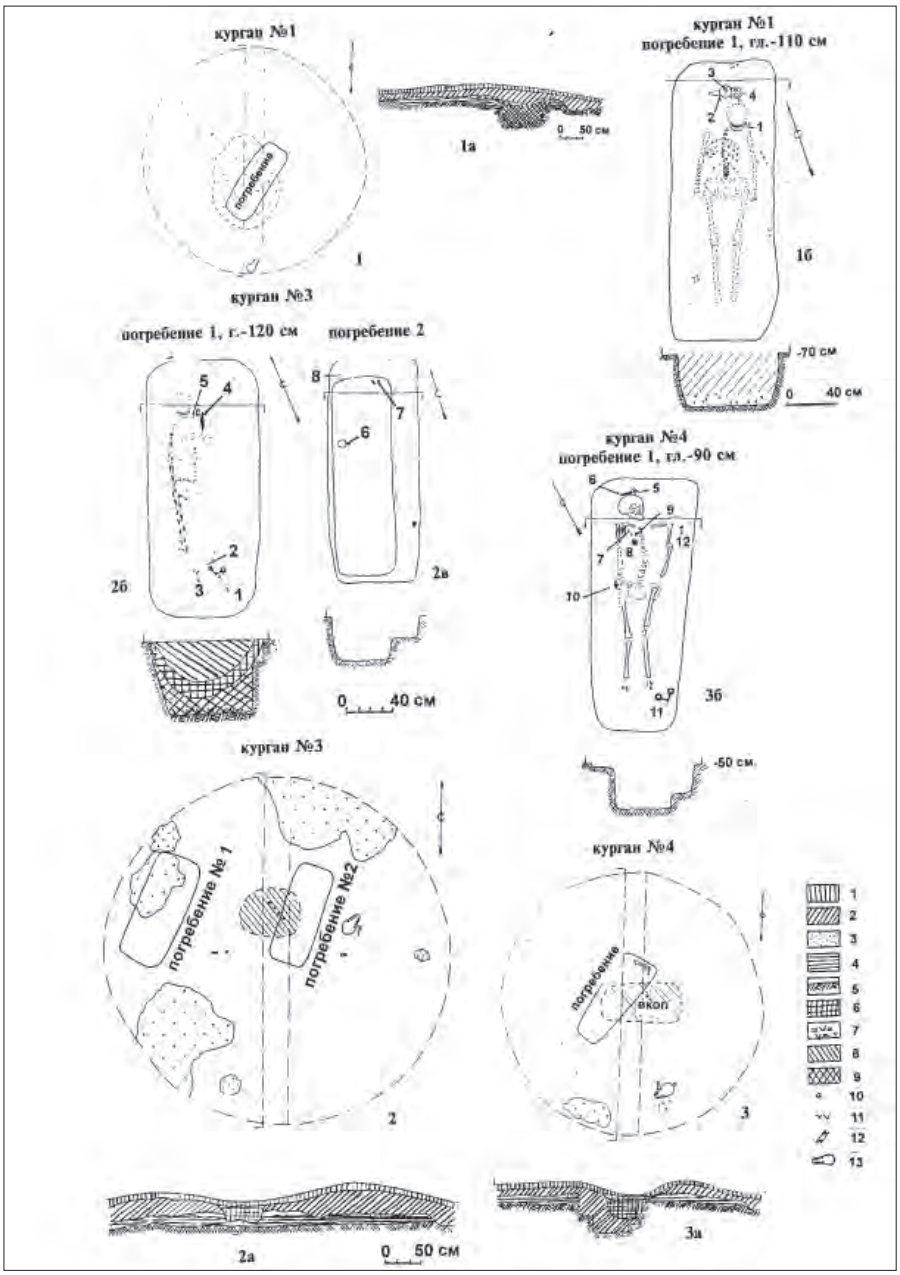


Рис. 22. Захоронения Балымерского курганного могильника, раскопки Е.А. Халиковой (по: Руденко, 2013, рис. 145)

могильники известны от Нижнего Новгорода до Самарской Луки. Судя по нумизматическому материалу в захоронениях, часть мордовских могильников начала функционировать не позднее первой трети XIV в. (Сташенков, 2019, с. 420, рис. 9: 2).

На болгарских землях мордовские некрополи золотоордынского времени с соответствующим погребальным обрядом встречены в сельской местности. Это Карташихинские I–III и Рождественский VI могильники: последний на месте городища именьковского времени (Археологическая, 1981, с. 73, 74, 75, № 281, 287, 290). Известны мордовские захоронения и на городищах, например, на Усть-Иерусалимском могильнике в Болгаре (Газимзянов, 2003, с. 46). Также на этом памятнике зафиксированы мордовские погребения в мавзолеях, как, например, в «Ханской усыпальнице» (см. ниже). Мордовское погребение было зафиксировано в Болгарах на могильнике Бабий бугор при раскопках в 1920 г. Умершая лежала в скорченном положении на правом боку с подогнутыми ногами и руками, при этом правая ладонь была положена под висок (Смирнов, 1951, с. 65).

Погребальный обряд мордовского населения на территории Болгарского улуса достаточно выдержан и традиционен. На протяжении XIV–XVI вв. женские мордовские (мокшанские) захоронения, как правило, совершались в скорчен-

Рис. 23. Могильник Песчаный остров. Погребение 5. 1 – план; 2–7 – инвентарь: 2 – костяной игольник; 3 – железное шило с деревянной рукоятью; 4 – медная нашивка; 5 – железный нож; 6 – бронзовое зеркало; 7 – матерчатый чехол от зеркала; 8 – графическая реконструкция по черепу облика погребенной; автор реконструкции Т.С. Балуева, 1999 г. Раскопки К.А. Руденко

ном положении, на правом боку, головой на запад, с отклонением к северу; руки согнуты в локтях, кисть правой руки у лица, вторая – на животе. В мужских захоронениях костяк обычно располагался в вытянутом положении, головой на запад или юго-запад; руки согнуты в локтях. Умершие сопровождались погребальным инвентарем, чаще всего глиняной посудой; сохранились элементы костюма: металлические пряжки, застежки-сюльгамы, бронзовые браслеты, иногда встречались монеты (Археологическая, 1981, с. 73–76, № 281, 292). Встречаются также мордовские захоронения, совершенные в валах городищ именьковской археологической культуры середины – второй половины I тыс. н. э, например, Ташкирменьского и Рождественского в Лаишевском районе РТ (Археологическая, 1981, с. 84, 92, № 338, 377–383).

Могильники русского населения исследованы на Самарской Луке. К ним относится Малорязанский могильник, относящийся к Малорязанскому II селищу. Для погребений этого некрополя характерна западная ориентировка; они безынвентарные. Умершие были похоронены в гробах. Встречаются предметы личного благочестия (Кочкина, Левыкина, 2015, с. 311).

***

В золотоордынский период произошли кардинальные изменения в системе расселения Болгарской области Золотой Орды. Поселенческие агломерации, составлявшие структурные элементы

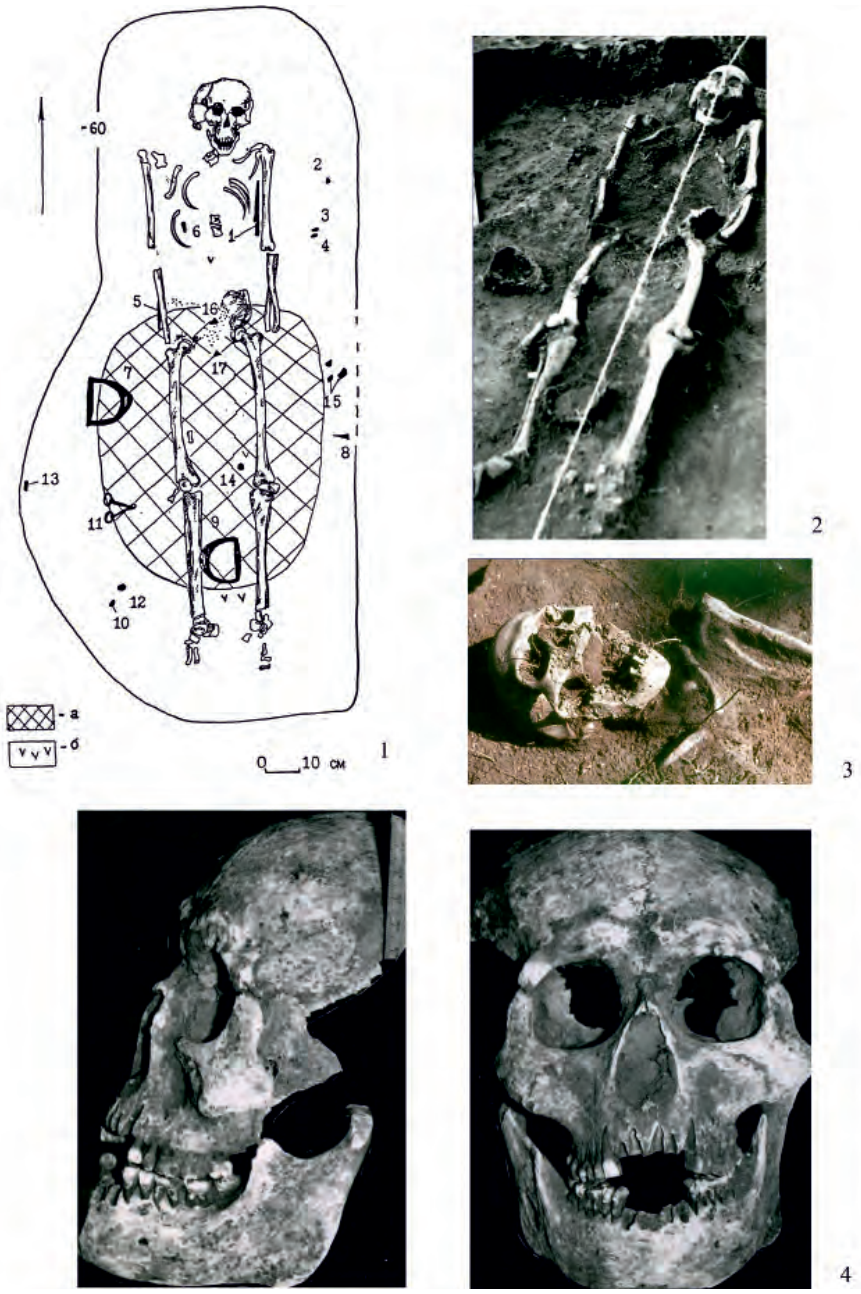


Рис. 24. Могильник Песчаный остров. Погребение 8. 1 – план; 2 – общий вид с юго-востока; 3 – верхняя часть костяка, вид с юго-запада; 4 – череп погребенного. а – прокал; б – угли. Раскопки К.А. Руденко.

этой системы в домонгольское время, за исключением отдельных территорий, прекратили свое существование, а вместо них появились дисперсные поселенческие единицы (селище-могильник), практически каждая из которых имела свои индивидуальные характеристики, определяемые рядом факторов, в числе важнейших – ландшафтные и ресурсные; существенное значение имела и история селительной практики на этой территории. Как правило, поселения не образовывали устойчивых связей, таких как «городище-селище», за малым количеством первых. Взаимодействие населения селищ с жителями городищ, очевидно, имело место, но масштабы и характер этого явления из-за малой изученности золотоордынских поселений в настоящее время по археологическим данным определить затруднительно.

По имеющимся материалам можно отметить только находки артефактов на пойменных селищах и некоторых селищах в нижнем течении Актая, таких как Коминтерновские, Семеновское, Кожаевское, поступавших через Болгарское городище, в силу территориальной близости к последнему. Это редкие типы традиционной глиняной посуды, а также находки фрагментов поливной керамики.

Урбанизационные процессы в XIII–XIV вв. в Болгарской области были локальны и отличались

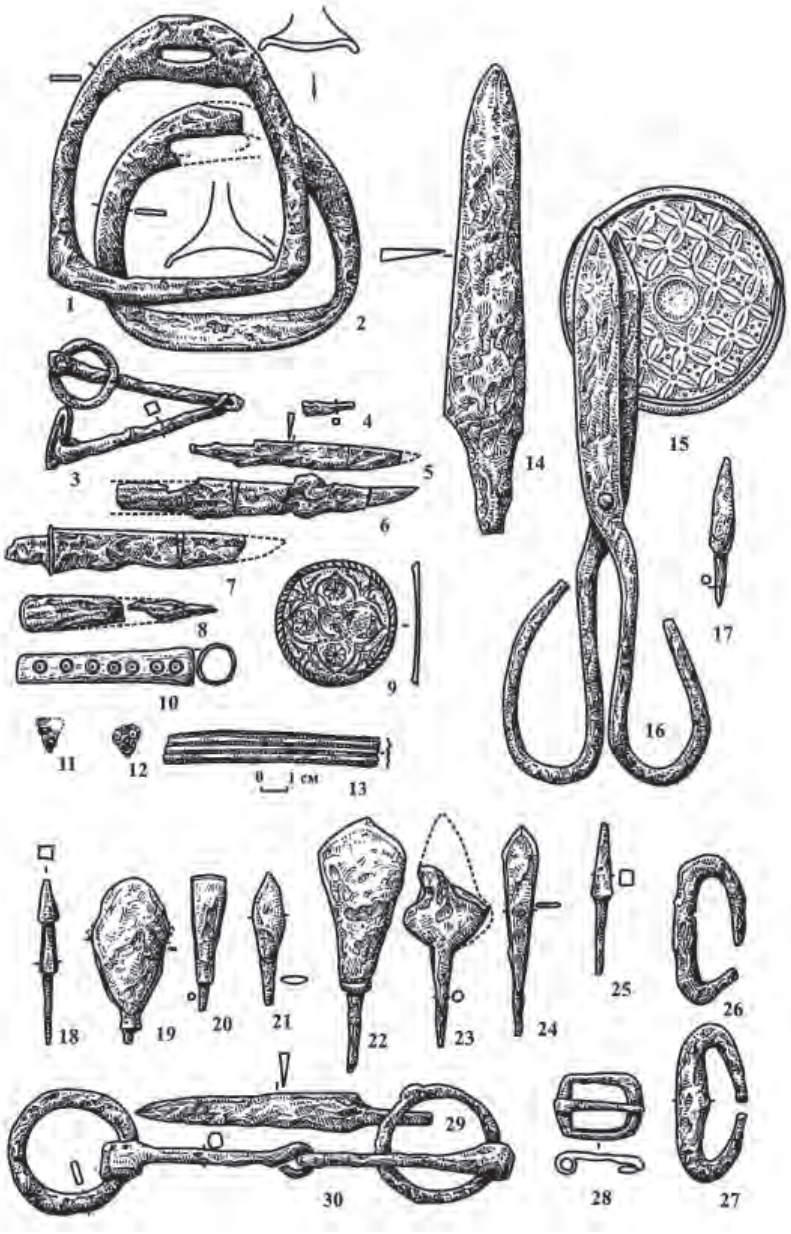


Рис. 25. Вещевой инвентарь из Песчаноостровного (1–13) и Балымерского (14–27) могильников.
9, 15 – бронза, 11–13 – медь, 8 – дерево и железо, 10 – кость, остальное – железо (по: Руденко, 2015, рис. 117)

значительным своеобразием, во многом связанным с той ролью, которую поселения играли в политико-экономических и торговых связях Золотой Орды. Единственным крупным укрепленным поселением на этой территории являлось городище Великие Болгары, другие, как, например, Казанский кремль или Камаевское, были существенно меньшими по размеру, мощности культурного слоя и его насыщенности находками. Кроме того, Болгарское городище отличалось значительным количеством каменных архитектурных сооружений.

Селища золотоордынского времени имели разные размеры, что во многом отражало длительность их существования, количество жителей и прочие факторы, которые были весьма изменчивыми и особенными в каждом конкретном случае. Вполне вероятно, что здесь сказывался и административно-социальный статус поселения, но обосновать этот тезис по состоянию источниковой базы в настоящее время затруднительно.

Выделяется группа пойменных селищ в нижнем течении Камы, которые были тесно связаны с тюркским кочевым компонентом населения Болгарской области. Отметим, что мало изменились поселенческая структура и материальная культура чияликского населения в восточной части Болгарской области. Известны

поселения русского и мордовского населения, преимущественно в Казанском и Самарском Поволжье, появившиеся в основном в ордынское время.

Как уже отмечалось, по археологическим данным прослеживается связь селищ и могильников с определенной топографической ситуацией: могильник обязательно обособлен от жилой застройки – рекой, ручьем, оврагом или ложбиной, иногда на достаточно большое расстояние. Могильники – грунтовые без выраженных внешних признаков, хотя иногда на них имелись единичные каменные надгробные памятники с эпитафиями. Функционировали и кладбища, где хоронили умерших жители нескольких селищ, чаще всего по каким-либо особенным причинам, как, например, на Старо-Ромашкинском кладбище с каменными надгробиями в Чистопольском районе РТ.

На Болгарском городище и в Казанском кремле были исследованы некрополи, топография которых во многом отличается от тех, которые зафиксированы у селищ, хотя ряд моментов, таких, например, как наличие естественной преграды между кладбищем и жилым пространством, совпадает. С расширением территории городища кладбища входили в пространство жилой застройки, а структура некрополей дополнялась каменными мавзолеями, участками, где имелись захоронения с каменными надгробными плитами. В Болгаре имелись и обособленные мавзолеи, например, в центральной части городища (Северный мавзолей).

Могильники кочевого населения располагались в Казанском Поволжье в пойменной части нижнего течения Камы (например, могильник Песчаный остров), а также на склоне коренной террасы левого берега Волги (Балымерские курганы). Они отличались схожими чертами погребального обряда (табл. 2) и близким составом сопровождающего инвентаря. Кочевые или полукочевые группы в составе населения Болгарского улуса постоянно находились здесь в XIV в., о чем свидетельствуют и материалы связанных с ними стационарных поселений в местах расположения их могильников (селища Дамба I–III; Первомайское и др.) (Руденко, 1994, с. 127, 128). Во второй половине XIV в. идет процесс интеграции кочевников в сельскую и городскую среду, о чем свидетельствуют языческие кочевнические захоронения на могильнике «У Восточного проезда» в Болгаре и на Рождественском IV могильнике.

Несколько отличалось расположение кочевнических некрополей Самарского Поволжья, что

Рис. 26. Могильник Песчаный остров. Скульптурная реконструкция по черепу облика погребенного из разрушенного захоронения. Автор реконструкции – Т.С. Балуева, 1999 г.

было обусловлено ландшафтными условиями, а также тем, что южная часть региона, по сути, была пограничной зоной с кочевой степью и погребальные традиции этого мира здесь проявлялись в большей степени.

Таким образом, можно констатировать, что археологические памятники Среднего Поволжья и Предуралья эпохи Золотой Орды представляли собой новую поселенческую структуру по сравнению с домонгольским временем, что было следствием многокомпонентности состава населения этой территории, сложившейся в послемонгольское время, а также новой системы хозяйствования и землепользования. Об этом свидетельствуют погребальные памятники и поселения. Безусловно, сказалась и специфика экономики Золотой Орды, где присутствовали как земледельческая, так и кочевая составляющие, и Болгарская область не была здесь исключением. Специфические локальные составляющие элементы системы расселения формировались в результате внутренних миграций, как, например, селища песчаноостровного типа.

Таблица 1. Кочевнические могильники и отдельные захоронения кочевников Болгарской области Золотой Орды

№ п/п	Наименование	Район РТ	Дата	Исследователи
1	Балымерские курганы	Спасский	2 пол. XIV в	Раскопки Е.А. Халиковой
2	Зеленовские курганы (?)	Спасский	XIV	Находки XIX в., описание Ф. Эрдмана
2	Могильник Песчаный остров	Алексеевский	2 пол. XIV в	Раскопки К.А. Руденко
4	Курналинские курганы (?)	Алексеевский	XIV в.	Разведки Т.А. Хлебниковой, Е.П. Казакова.
5	Алексеевский курган у моста	Алексеевский	2 пол. XIV в	Случайная находка 2010 г. Зеркало из захоронения находится в Музее Родного края Алексеевского района РТ
6	Алексеевское захоронение	Алексеевский	2 пол. XIV в.	раскопки А. С. Губина
7	Лебединское погребение	Алексеевский	XII – XIV вв	Раскопки А. Х. Халикова
8	Захоронение на мусульманском Рождественском кладбище с монетой 1362 г.	Лаишевский	XIV в	Раскопки под руководством В.Ф. Генинга
9	Захоронение на могильнике «У Восточного проезда» на Болгарском городище	Спасский	XIVв	Раскопки И.Р. Газимзянова
10	Захоронение на могильнике «Бабий бугор» на Болгарском городище и находки онгонов на кладбище у «Ханской усыпальницы»	Спасский	XIV в.	Раскопки А.М. Ефимовой
11	Байряки-Тамакский могильник	Муслюмовский	XIII – XIV вв	Разрушен; материал опубликован Е.П.Казаковым
12	Ново-Серёжкинское захоронение	Лениногорский	XIV в.	Разрушен; материал в музее Новосерёжкинской школы

Таблица 2. Характеристика кочевнических погребений Болгарской области Золотой Орды

0	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
I	**Могильник Песчаный остров**																	
1	1	-	-	-	ЮЗ							+				+		
2	2	75	190	75	ССЗ	?					+			+		+		+
3	3	55	165	65	З	+		+					+			+		
4	4	80	190	75	СВ		+		+						+		+	
5	5	60	190	35	З	+			+				+			+		+
6	6	50	160	75	З	+			?				+			+		+
7	7	45	140	65	З	+			+				+			+		
8	8	75	210	60	С	+		+					+			+		+
9	9	40 -45	166	95	З	+		?					+			?		
10	10	40	155	85	З	+			+				+			+		
11	11	-	-	50	З							+						+
12	12	55	200	90	ЮЮЗ	+				+			+			+		+
13	13	30	80	68	З	?		+					+				+	
14	14	100	160	78	З (СЗ)	+		+					+			+		
15	15	100	50	35	С													-
II	**Алексеевское погребение**																	
16	1	-	-	60	С	+		+					+			+		+

III	**Балымерские курганы**																	
17	к1	80	220	70	ССВ	+		+					+			+		+
18	к2	80-100*	240	70	ССВ													+
19	к3п.1	95*	230	52	ССВ	+		+										+
20	к3 п.2	80*	200	60	ССВ	+												+
21	к4	60-90	220	60	ССВ	+		+									+	+
IV	**Могильник Бабий бугор в Болгаре**																	
22	40	58	180	184	З	+		+					+				+	+
23	41	58**	200	210	З	+				+			+				+	+
V	**Могильник «У Восточного проезда» в Болгаре**																	
24	154	100*	180	60	С	+		+					+			+		+
VI	**Рождественский могильник**																	
25	18	70	200	100	СВ	+				+						+		+
	Обозначения заголовков: 0 – № п/п; 1 – № погребения; 2 – ширина могильной ямы (см.); 3 – длина могильной ямы (см.); 4 – глубина могильной ямы (см.); 5 – ориентировка погребенного; 6 – положение погребенного – на спине; 7 – положение погребенного – на боку; 8 – руки вытянуты вдоль туловища; 9 – руки скрещены на поясе; 10 – правая рука вытянута вдоль туловища, левая на тазовых костях; 11 - левая вытянута вдоль туловища, правая на тазовых костях; 12 – положение рук не установлено; 13 – ноги вытянуты; 14 – ноги скрещены; 15 – ноги согнуты в коленях; 16 – череп обращен лицевой частью вверх; 17 – череп повернут лицевой частью на правый/левый бок; 18 – инвентарь.																	
	Примечание: * – яма с заплечиками, костяк не сохранился или остались следы; ** – погребенный был похоронен в колоде; *** – захоронение с чучелом коня																	

Таблица 3. Пол и возраст индивидуумов из могильника Песчаный остров

№ погребения	Пол	Возраст	Примечание
1	муж.	35–45 лет	
2	жен.	20–25 лет	
3	муж.	30–40 лет	
4	муж.	35–45 лет	
5	жен.	20–29 лет	
6	подросток, жен.?	16–18 лет	
7	подросток, жен.?	16–18 лет	
8	муж.	35–45 лет	
9	жен.	45–55 лет	
10	муж.?	45–55 лет	
11	ребенок	7–8 лет	
12	муж.	35–45 лет	
13	ребенок	около 0,5 года	
14	жен.	45+лет	
15	ребенок	от 1 до 3 лет	
16	муж.	35–55 лет	разрушенное погребение
17	муж.	до 35 лет	фрагмент черепа из разрушенного погребения
Примечание: определение пола и возраста А. П. Бужиловой и И. Р. Газимзянова			

ПАМЯТНИКИ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЗАКАМЬЯ В ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ВРЕМЯ

Регион Центрального Закамья Республики Татарстан включает бассейн р. Малый Черемшан, в верхнем течении которого располагаются остатки одного из крупнейших средневековых городов Восточной Европы – Билярского городища (X в. – 1236 г.).

После гибели в 1236 гг. столичного центра Волжской Болгарии – Биляра монголам еще в течение нескольких лет пришлось вести военные действия на территории государства для подавления очагов сопротивления болгар.

В 1242–1243 гг. монголы обосновываются в причерноморских и прикаспийских степях. Волжская Болгария становится составной частью Золотой Орды. Столичный город Великий Болгар использовался монголами в качестве временной резиденции вплоть до появления новой столицы в Нижнем Поволжье.

Государство волжских болгар, как и другие образования, очень сильно пострадало во время нашествия. Об этом свидетельствуют раскопки Билярского городища, Сувара, Муромского городка и др. Многие населенные пункты не восстановились либо не возродились в прежних масштабах. Оставшееся в живых население из бывших центральных районов переместилось в район Болгара, Джукетау и в более труднодоступные районы Предкамья. Южная граница земель проходила где-то на уровне р. Майны – нижнего течения рек М. Черемшан и Сульчи. Небольшие островки памятников имеются и в более южных районах (Фахрутдинов, 1975, с. 54–55).

Необходимость контроля, создания надежной и разветвленной системы взимания налогов и сбора дани с покоренных народов, организация внутреннего рынка приводит к формированию новой поселенческой структуры. В регион переселяются тюркские кочевники с юга и юго-востока.

Большая часть селищ эпохи Золотой Орды была выявлена в результате разведочных работ, проведенных в 1945–1970-х гг. археологами КФАН СССР при составлении археологической карты Татарстана. Благодаря археологическим исследованиям выявлено не менее 330 поселений, археологических следов городов, сел и крепостей (Фахрутдинов 1975, с. 29, с. 36, табл. 1).

Почти за два с половиной века археологических исследований Биляра и его 249 окрестных памятников накоплен значительный материал, свидетельствующий о богатой истории данного региона. В X–XV вв. округа Билярского городища являлась центром, вокруг которого группируется значительная часть памятников, характеризующих культуру столичного региона Волжской Болгарии, а затем периферию Золотой Орды (Хузин, 2004; Шакиров, 2012, с. 276–283).

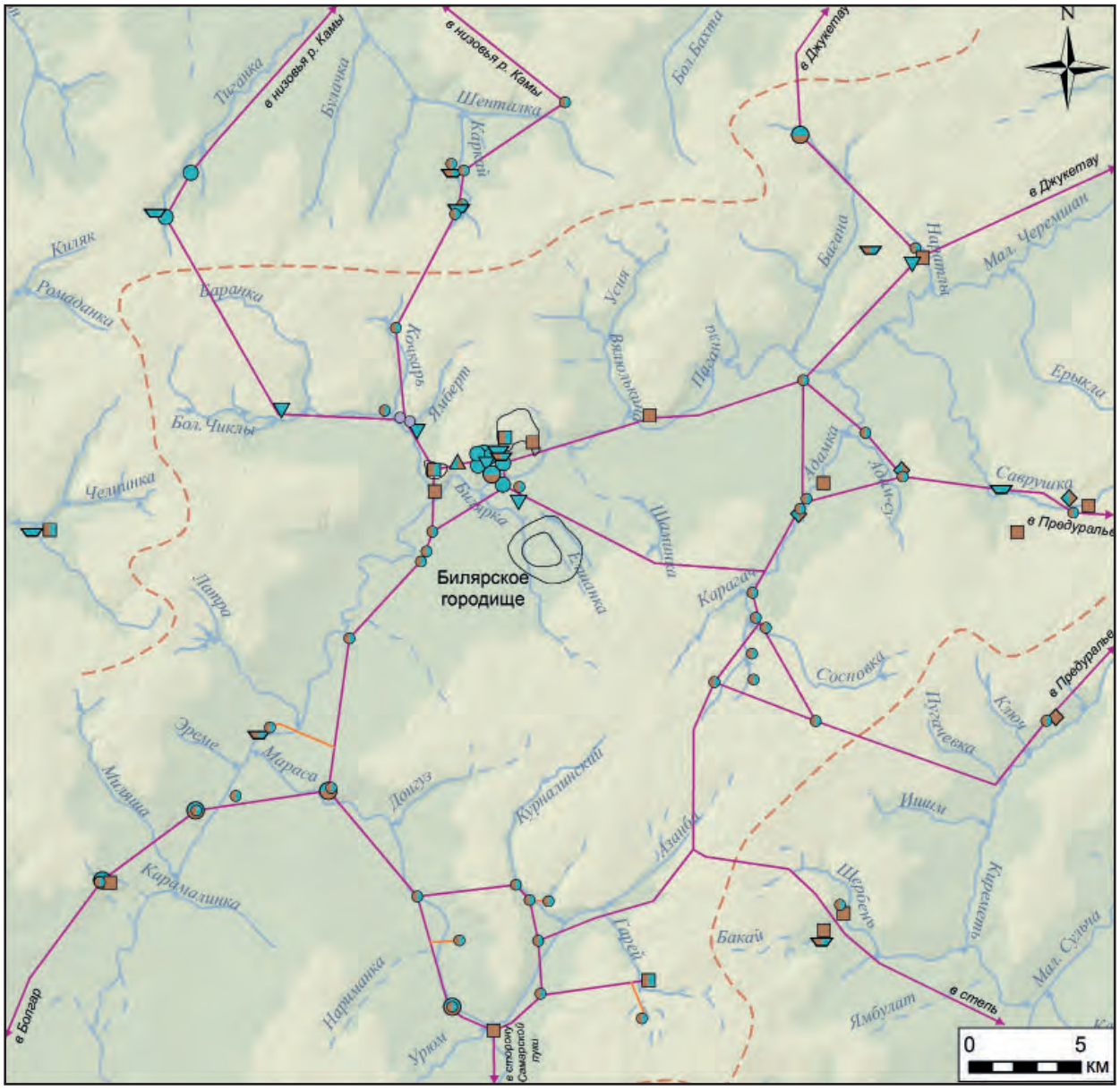
При изучении археологических памятников ордынского времени на территории Билярского городища и в его округе выделяется ряд проблем, решение которых позволит раскрыть особенности развития Центрально-Закамского региона в эпоху Средневековья.

Принципиально важным является вопрос о времени гибели домонгольского Биляра – Великого города русских летописей. Материалы археологических исследований, в том числе раскопок 2015 г., полностью согласующиеся с данными письменных источников (ПСРЛ, 1972, стб. 460), с достаточной долей уверенности свидетельствуют о прекращении жизни города в статусе столичного центра Волжской Болгарии в 1236 г. (Халиков, 1984, с. 82–98; Хузин, 1988, с. 43–58; 2004, с. 119–127; Худяков, Шакиров, Шорохов, 2021, с. 345–347). Данный факт, а также полное отсутствие джучидских монет на Билярском городище, кроме двух спорных монет с именем ан-Насир лид-Дин Аллаха, находка которых вызывает много вопросов, позволяет поддержать предположение ученых о чеканке этих монет в 1240-е гг. (Федоров-Давыдов, 2003, с. 10; Сингатуллина, 2009, с. 295).

После жестокого разгрома монголо-татарами Биляр возрождается не на прежнем месте, а в 3 км к северо-западу от погибшего города, как так называемый «Биляр золотоордынский», представленный сегодня обширными Билярскими II и III селищами на левом берегу Малого Черемшана и Торецким поселением у горы Балынгуз (Валиулина, 2001; Руденко, 2011, с. 335–336). Наличие статусных вещей и монет второй половины XIII в., чеканенных с надписью «монета Биляра» (Сингатуллина, 2009, с. 297–298), может говорить о золотоордынском Биляре как о некоем периферийном административном центре.

Население Волжской Болгарии, как и других оседлых регионов, войдя в состав нового государства, начало восстанавливать экономику и структуру поселений в новых исторических условиях.

На археологической карте округи Биляра зафиксировано 79 памятников археологии золотоордынского времени, из которых 59 продолжают функционировать с домонгольского времени (не-



Условные обозначения:

- селища
- городища
- могильники
- надгробия
- святилище
- клады
- памятники X-XV вв.
- памятники X - начала XIII вв. с неизвестной площадью
- памятники второй половины XIII-XV вв.
- селения известные по письменным источникам
- предполагаемые основные дороги
- дороги тяготеющие к основным путям
- границы водораздела р. М. Черемшан

Рис. 1. Карта-схема археологических памятников округи Биляра (вторая половина XIII–XV вв.) (по: Шакиров, 2012б).

укрепленные поселения – 44, городища – 4, погребальные памятники – 10, святилище – 1). Памятников, возникших и функционировавших только в ордынское время, 20 (погребальные – 5, неукрепленные поселения – 11, клады – 4) (рис. 1) (Свод, 2007; Шакиров, 2011). К сожалению, существующие разработки по хронологии керамики – основного материала поселенческих памятников – не всегда позволяют узко датировать поселения, где не производились стационарные раскопки. Поэтому приходится принять в качестве допущения, что все анализируемые поселения Билярской округи функционировали одновременно, на отрезке времени, датируемом второй третью XIII–XV вв. Для

Рис. 2. Монеты XIII в. чекана Биляра (по Сингатуллина, 2003а, № 216–221)

ряда поселений это можно утверждать с достаточной уверенностью, поскольку расположенные здесь кладбища с надгробиями функционировали в XIV–XV вв., может быть, захватывая XVI в.

Основным исследователем, изучающим в последние годы археологические памятники к северо-западу от Билярского городища, является С.И. Валиулина. По ее достаточно аргументированному мнению, Билярское III селище и Торецкое «городское» поселение имеют довольно четкие хронологические рамки существования – вторая половина XIII – первая половина XIV в. и XV в. соответственно (Валиулина, 2011, с. 119). Мы считаем уместным рассматривать их в единой системе ордынских памятников. Этому не противоречат и выводы Д.Г. Мухаметшина, который на основании нумизматического материала начало освоения территории Торецкого поселения датирует 30-ми гг. XIV в., а расцвет его – 20–30-ми гг. XV в. (Мухаметшин, 2011).

При анализе поселенческой структуры округи Биляра ряд памятников с учетом расстояний и построения «полигонов Тиссена» был объединен в единые поселения (Шакиров, 2014, с. 40–41). Это позволило по топографическим признакам выделить всего три типа поселений (приречный, мысовой и прибрежно-овражный) в отличие от пяти в домонгольское время. В золотоордынское время со смещением центра в город Болгар поселенческая структура продолжает существовать в рамках сложившейся в предыдущий период дорожной системы (рис. 1). Однако хорошо видно, что при предположительно установленной численности населения почти в 3 раза – до 8 человек на 1 кв. км – сокращается плотность населения в первой половине XIV в. (Шакиров, 2012б). Изменение поселенческой структуры и материальной культуры населения Билярской округи, как и для прочих завоеванных территорий, является отражением процесса провинциализации бывших домонгольских центров.

При расчете общей площади хозяйственных зон с известными оговорками можно предположить, что в округе Биляра золотоордынского времени в период его расцвета в XIV в. проживало около 2–2,5 тыс. средних семей (6–7 человек), вовлеченных в сельскохозяйственную деятельность (Шакиров, 2012а).

Вследствие преобладания в Волжской Болгарии ислама, который характеризуется канонической обрядностью, могильники домонгольского времени X – первой половины XIII вв. практически не фиксируются на современной поверхности из-за отсутствия визуальных признаков (подъемный материал, надгробия и т. п.). Чуть лучше обстоит дело с могильниками второй половины XIII–XV вв., которые маркируются частично сохранившимися надгробными камнями. Картографирование могильников перспективно при рассмотрении вопросов степени освоения территории в среднем течении р. М. Черемшан. Важными, дополняющими сведения о могильниках являются работы Г.В. Юсупова (Юсупов, 1960) и Д.Г. Мухаметшина (Мухаметшин, 2008), посвященные надгробным эпиграфическим памятникам. Так, по типологии и региональным особенностям болгарских эпитафий XIII–XIV вв., предложенным Д.Г. Мухаметшиным, рассматриваемая нами округа Биляра находится на стыке Болгарского и Кирменско-Джукетауского региональных округов (Мухаметшин, 2008, с. 24–36).

Монгольское нашествие, приведшее к разорению Великого города и многочисленных поселений его ближайшей округи, не могло не отразиться на дальнейшем их развитии. Имевшийся до разгрома огромный экономический потенциал и административно-политическое значение Биляра привели к появлению Биляра золотоордынского – неукрепленного поселения городского типа. Материалы археологических исследований последних лет, прежде всего Билярских II и III, Балынгузского IV селищ, не исключают вероятности того, что

здесь могла располагаться даже временная ставка представителей новой монгольской власти, наладивших на короткое время выпуск джучидских монет. Чеканка серебряных монет с указанием места чеканки «Биляр» прекращается в 1292/3 г. (рис. 2) (Сингатуллина, 2003а, с. 46–48).

По нашему мнению, золотоордынский Биляр XIV в. являлся административно-территориальным центром сети стационарных сельских поселений в среднем течении р. Малый Черемшан. Во второй половине XV в. он постепенно превращается в небольшое поселение, обслуживающее сакральные объекты в районе горы Балынгуз (Шакиров, Шорохов, 2020, с. 260–276).

О денежном обращении в округе Биляра золотоордынского времени свидетельствуют клады. А.З. Сингатуллиной они делятся на группу по времени сокрытия в 1310–1380 гг. у сел Арбузов Баран, Крещеный Елтан и зарытых в XV в. у сел Крещеный Баран, Билярск (Сингатуллина, 2003б, с. 139–160). Ко второй группе можно отнести монеты с Торецкого поселения (Мухаметшин, 2011).

К XV в. в результате событий, происходивших в Улусе Джучи, вызвавших миграционные процессы в Предкамье, произошло окончательное смещение экономических центров. После распада Золотой Орды оседлое население сдвигается к северу. Земли Центрального Закамья в это время могли стать летовьями татарских родов кочевой знати, а с конца XV в. – ногайских орд. Об этом косвенно свидетельствуют писцовые книги о поселениях Казанского ханства (Чернышев, 1971).

ЗОЛОТООРДЫНСКИЙ БОЛГАР

Болгар – один из наиболее крупных и известных городов золотоордынской эпохи на территории Поволжья и Приуралья. Этот средневековый населенный пункт, археологические остатки которого, Болгарское городище, и прилегающие к нему территории, включающие торговую пристань Ага-Базар и поселения в пойменной части, находился на левом берегу Волги, в районе слияния ее с р. Камой. По современному административно-территориальному делению это место расположено в Спасском районе Республики Татарстан (рис. 1).

Интерес к Болгарскому городищу и средневековым архитектурным руинам, расположенным на его территории, как устойчивое направление философско-религиозной, краеведческой, а затем и научной-исследовательской деятельности стал складываться, по всей видимости, начиная с XVI в., прежде всего, в связи с поиском и осмыслением тюрко-татарским населением Поволжья и Приуралья истоков своей религиозно-культурной и исторической идентичности. В хикметах татарского поэта-суфия Мавли Колыя, проживавшего в окрестностях Болгара в 1670-х гг., говорится, что его наставник и учитель мулла Мамай отстроил или отремонтировал здесь два мавзолея (Мәүлә Колый, 2001, с. 15–17). Это упоминание можно считать первым свидетельством проведения в Болгаре работ по восстановлению болгарских памятников. При царе Федоре Алексеевиче (1661–1682 гг.) было дано указание «описать древние каменные здания и другие развалины, оставшиеся от древнего города» (Абдуллин и др., 2016, с. 7). Просвещенный XVIII век, пробудивший интерес к изучению памятников старины как в Европе, так и в России, инициировал внимание к Болгару сначала у монарших лиц, а затем и у многих представителей научного сообщества. В 1719 г. Болгарское городище посетила и составила краткое описание научная экспедиция под руководством Д.Г. Мессершмидта. Посещение Болгара Петром I в 1722 г. способствовало проведению практических работ по сохранению памятников древнего городища (Нестеренко, Ситдиков, 2021, с. 36–37). Накоплению знаний о Болгаре содействовало появление в этот период планов и описаний городища различной степени подробности и глубины, замеров архитектурных руин и даже переводов некоторых намогильных плит, найденных здесь же. Эти работы, хотя часто и не ставили основной целью изучение памятника, а скорее производились в рамках исполнения начальственных предписаний и директив, внесли неоценимый вклад в накопление сведений о Болгаре. В этой связи следует упомянуть работы Н. Савенкова, И. Крапивина, В.Н. Татищева, Г.Р. Державина, А.М. Свечина (Шпилевский, 1877; Татищев, 1768, с. 350–351; Державин, 1985, с. 365–366; Абдуллин и др., 2016, с. 9). В XIX в. Болгар и его памятники изучаются в трудах Ф.Х. Эрдмана, П.П. Свиньина, Н.Н. Кафтанникова, Н.И. Второва, И.Н. Березина, К.И. Невоструева, А.Ф. Риттиха, С.М. Шпилевского и др. (Erdmann, 1820; Свиньин, 1839; Кафтанников, 1832; Второв, 1840; Березин, 1853; Невоструев, 1871; Казанская губерния..., 1870; Шпилевский, 1877).

Первые по-настоящему научные археологические раскопки на городище начались с 1864 г. Они носили разведывательный характер и были проведены в урочище Бабий бугор под руководством известного востоковеда и археолога В.Г. Тизенгаузена (Хлебникова, 1987, с. 32; Шарифуллин, 2014, с. 56).

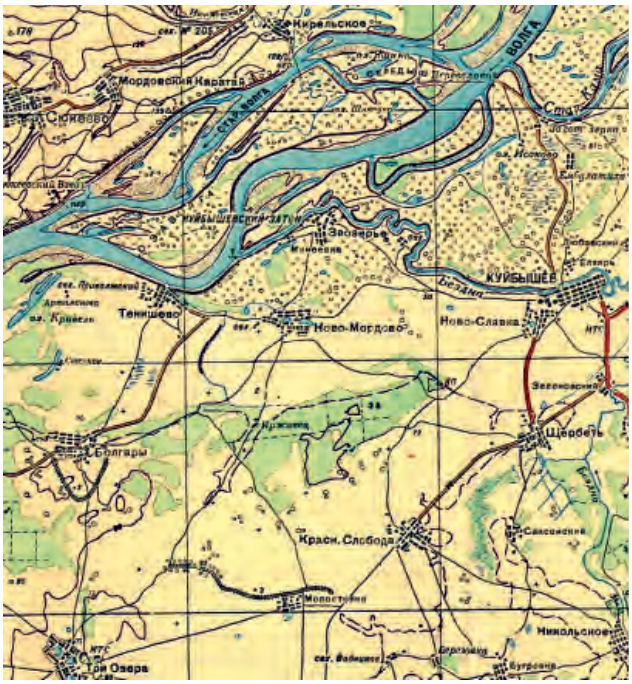


Рис. 1. Болгарское городище на карте «Казань -1». Главное управление геодезии и картографии при СНК СССР, 1944 г. (по: Великий Болгар, 2013, с. 45)

Дальнейшие археологические работы второй половины XIX и начала XX в. производились сначала в порядке подготовки к IV Археологическому съезду в Казани (1877), а затем были организованы под эгидой Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете (1887, 1892, 1893, 1913–1916). После событий 1917 г. небольшие раскопки городища производились экспедициями Самарского университета (1919) и Восточного историко-археологического института Казани (1920) (Хлебникова, 1987, с. 32–33).

С именами В.А. Казаринова, А.А. Штукенберга, П.А. Пономарёва, С.И. Покровского, Б.Е. Крелленберга, П.И. Кротова, М.М. Хомякова, В.Ф. Смолина, М.Г. Худякова, А.С. Башкирова, Б.Ф. Адлера и других связаны исследования отдельных памятников архитектуры, древних кладбищ, фортификации, остатков производств и т. п. Характер этих работ в силу их объема и применяемых методических оснований был охарактеризован в дальнейшем как разведочный и рекогносцировочный, вместе с тем всегда отмечалось несомненное значение этих работ для накопления сведений об археологических объектах городища (Хлебникова, 1987, с. 33).

Отдельно следует отметить большое внимание, которое уделялось планиграфическому описанию Болгара. На протяжении XVIII–XIX вв. был составлен целый ряд карт и планов городища с нанесением на нем архитектурных памятников, руин, линий укреплений (А. Шмит, А.Ф. Риттих и др.) (Шмит, 1832; Казанская губерния..., 1870; Абдуллин, 2013) (рис. 2: 1, 2). Значительной полнотой и подробностью отличается план городища и прилегающих территорий, составленный Н.Ф. Калининым в 1934–1938 гг., который сконцентрировал не только все основные известные к тому времени сведения об археологических объектах Болгара, но и зафиксировал признаки, которые могли бы послужить основанием для обнаружения еще не найденных объектов. Анализируя деятельность Н.Ф. Калинина по изучению Болгарского городища, следует, несомненно, отметить составление им первого плана систематических исследований памятника (Абдуллин и др., 2016; Зоря, Ситдиков, 2021, с. 346–360).

Систематическое и планомерное изучение памятника началось в 1938 г. археологической экспедицией под руководством А.П. Смирнова (до 1973 г.) при участии Н.Ф. Калинина (до 1946 г.), а затем продолжилось во главе с Т.А. Хлебниковой и Р.Ф. Шарифуллиным, до 2010 г. – Р.Ф. Шарифуллиным в рамках работы академических экспедиций Института языка, литературы и истории КФАН (с 1939 по 1996 гг.) и Института истории им. Ш.М. Марджани (с 1996 по 2014 гг.), с 1969 г. при участии Болгарского заповедника. В разные годы в работе экспедиции участвовали А.М. Ефимова, О.С. Хованская, З.А. Акчурина, Н.Д. Аксенова, Б.Б. Жиромский, Т.А. Хлебникова, М.Д. Полубояринова, Г.Ф. Полякова, Н.А. Кокорина, Л.А. Беляев, Ю.А. Краснов, М.Г. Крамаровский, Л.Л. Савченкова, П.Н. Старостин, А.Г. Петренко, Р.Ф. Шарифуллин, М.М. Кавеев, И.Р. Газимзянов, А.М. Губайдуллин, В.С. Баранов, Г.Ш. Асылгараева и другие исследователи (рис. 3–6).

Вскрытая площадь памятника к 2009 г. составила более 23 тыс. кв. м. (Шарифуллин, 2016, с. 247) (рис. 5; 6). Результаты археологических работ были обобщены в целом ряде научных статей и монографий (Смирнов, 1951, с. 105–152, 168–228; Город Болгар, 1987; Город Болгар, 1988; Город Болгар, 1996; Город Болгар, 2001; Город Болгар, 2008; Город Болгар, 2016; Город Болгар, 2021; Мухаметшин, Хакимзянов, 1987; Кавеев и др., 1988; Фёдоров-Давыдов, 1994; Кавеев, 1995, с. 93–103; Полубояринова, 2003). Кроме того, был сделан целый ряд важных обобщений, касающихся вопросов развития Болгарского городища как археологического объекта и археологизированного исторического населенного пункта, включая вопросы его местонахождения, стратиграфии, исторической и социальной топографии (Смирнов, 1954, с. 303–324; Смирнов, 1974, с. 4–13; Хлебникова, 1987, с. 32–88).

В рамках архитектурно-археологических исследований, целью которых была подготовка

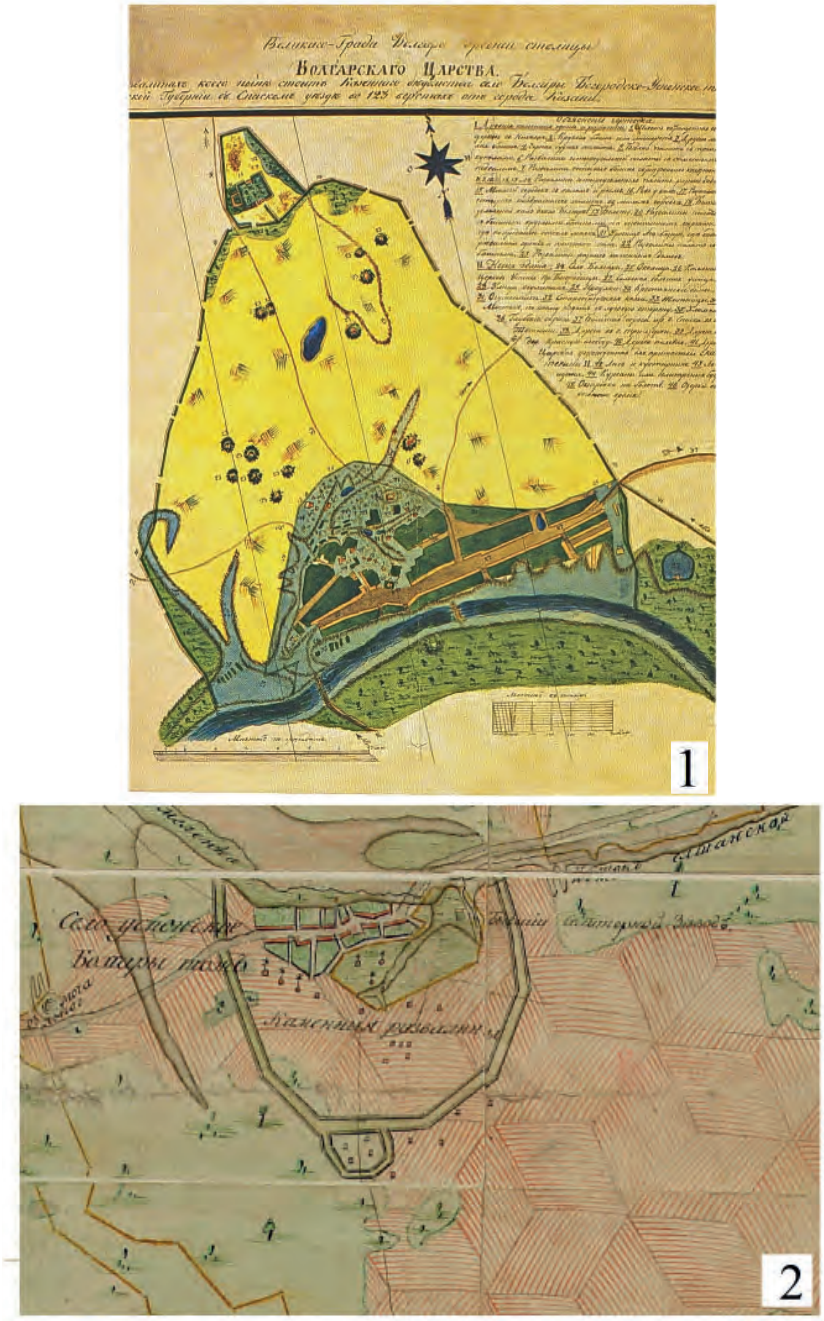


Рис. 2. Болгарское городище на планах XVIII–XIX вв. 1 – план Болгарского городища А. Шмита. 1827 г. (по: Поволжские Помпеи, 2010, с. 42); 2 – фрагмент Генерального уездного плана Спасского уезда. Конец XVIII в. Масштаб: 1 верста. РГАДА (по: Great Bolgar, 2016, p. 77)

реставрационно-консервационных работ, был произведен архитектурно-планировочный анализ монументальных зданий Болгара (Айдаров, 2001), сделана попытка интерпретации градостроительной ситуации, составления графической реконструкции пространственно-планировочной структуры города (Надырова, Троепольская, 2013, с. 32–45; Бадеев, 2020).

В 2010–2018 гг. археологические работы на территории Болгарского городища и в его округе производились Национальным центром археологических исследований института истории им. Ш.М. Марджани (по 2014 гг.), а с 2014 г. по настоящее время образованным на его основе Институтом археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (А.Г. Ситдиков) в рамках программы «Возрождение» при участии Болгарского заповедника, Казанского (Приволжского) федерального университета и целого ряда других научно-исследовательских учреждений РФ. С 2011 г. на территории Болгарского городища работает совместная Болгарская археологическая экспедиция ИА АН РТ и ИА РАН (Л.А. Беляев, В.Ю. Коваль, А.Г. Ситдиков). В комплексных исследованиях принимали уча-

стие Р.Ф. Шарифуллин, Д.Ю. Бадеев, А.В. Беляев, С.Г. Бочаров, Р.Р. Валиев, И.В. Волков, А.А. Гольева, Т.Р. Губайдуллин, И.И. Елкина, А.В. Лазутин ,О.В. Лопан, Д.Г. Мухаметшин, А.Г. Ситдиков, М.В. Сивицкий, Д.С. Толовин, А.И. Хазиев, А.В. Худяков, Л.В. Яворская и другие специалисты. Результаты этих работ изложены в целом ряде периодических научных изданий и серии коллективных монографий (Археологические исследования…, 2011; 2012; 2013; 2014; 2015; 2016; Материалы и исследования по археологии Великого Болгара, 2018; Город Болгар, 2021; Материалы и исследования по археологии Болгарского историко-архитектурного комплекса, 2022; и др.)

Исследовательские работы, проведенные в этой связи, затронули значительную часть территории памятника, став основой для изучения самых разных периодов его истории. Они позволили существенно расширить круг известных до настоящего времени археологических и архитектурных объектов, увеличить количество вещевых коллекций и тем самым существенно расширить источниковую базу изучения памятника. Анализ этих материалов утвердил сегодняшний взгляд на Болгар как на памятник, уходящий своим основанием в домонгольскую эпоху (включая завершающий этап раннеболгарского периода), и определил наши современные представления о золотоордынском городе Болгаре, подтверждая целостность и динамичность его материальной и духовной культуры во всей их сложности и своеобразии (рис. 8).

Разработанная за годы стратиграфическая шкала Болгарского городища стала важным методическим основанием и инструментом для его дальнейшего археологического изучения. Она позволила связывать любой участок городища с определенным периодом истории памятника, способствуя «углубленному исследованию исторической топографии и разрешению других вопросов истории и культуры города» (Хлебникова, 1987, с. 45–46). Актуальность шкалы сохраняется и сегодня, что подтверждается деятельными попытками ее модернизации и уточнения, как в центральной части (Коваль и др., 2022, с. 16–19), так и на периферийных участках памятника (рис. 7).

Являясь одним из старейших городов Волжской Болгарии, археологические свидетельства о существовании которого соотносятся с первой третью X в. (Старостин, 2007, с. 140–144), Болгар стал важным транзитным пунктом на Волжском торговом пути, местом сосредоточения ремесленной и торговой деятельности, политическим, административным и духовным центром. Его развитие способствовало накоплению прибавочного продукта в регионе, укреплению урбанистических тенденций в Среднем Поволжье, а в конечном итоге сопутствовало становлению государства у волжских болгар и его международному признанию.

Утрата Болгаром ведущего политического и экономического значения к началу XI в. при одновременном возрастании роли города Биляра, несомненно, замедлили динамику развития города. Тем не менее в первые десятилетия XIII в. площадь Болгара в пределах городских укреплений составляла 25 га, еще 10–15 га занимали западные и юго-западные посады (Хлебникова, 1987, с. 55), что позволяет говорить о Болгаре к завершению домонгольского периода как о достаточно крупном населенном пункте.

Последующая история Болгара в стратиграфическом отношении документирована IV (золотоордынским) слоем стратиграфической шкалы городища, который отложился, как считается в настоящее время, в период между 1236–1431 гг. Внутри этот слой структурирован в два основных горизонта. Ранний (IVр) – включает отложения, накопленные с середины по первые десятилетия XIV в. Поздний (IVп) – фиксирует напластования середины XIV – начала XV в. Попытки дальнейшей детализации IV слоя отмечались на склоне коренной террасы, где он был разделен на три горизонта (Хлебникова, 1987, с. 45) и прежде всего в центральной части городища, при изучении городского рынка – базара и окружающей его территории, где авторам раскопок удалось выделить в составе позднеордынского горизонта «3 субгоризонта, каждый из которых связан с определенным хронологическим этапом в застройке исследуемой части городища» (Коваль, Бадеев, 2015, с. 193). Дальнейшие исследования городского центра в районе базара позволили сделать наблюдения по стратификации раннего ордынского горизонта: «На раскопе CLXXIX (2015, 2016 гг.) раннезолотоордынский горизонт IV слоя был разделен на два «субгоризонта»: «нижний» и «верхний» (Коваль, Бадеев, 2018, с. 273; Бадеев, 2019, с. 63–64).

Вместе с тем следует отметить, что попытки углубленной стратификации позднеордынского и раннеордынского горизонтов в настоящее время носят скорее локальный характер и, вероятно, могут быть применимы пока лишь на участках территории городского центра. Хронологическое определение этих отложений на других городских территориях, несомненно, требует индивидуального подхода и синхронизации со стратиграфической шкалой центральной части Болгарского городища.

Характеризуя ранний и поздний горизонты золотоордынского слоя, Т.А. Хлебникова фиксирует следующее: «Слой IVр городища на верхней террасе и на его склоне супесчаный, поскольку он

включил серую супесь слоя V (слой домонгольского времени XI – начала XIII в. – *авт.*) или почвенный подзолистый грунт третьей террасы. В заречной части городища, на правобережье р. Меленки он образовался за счет переработки материкового суглинка и лугового почвенного слоя. Почти повсеместно слой характеризуется суглинистыми, песчаными и древесными включениями и прослойками, окрашивающими его в желтоватый и буроватый цвет». Причем для центральной части в этой страте она отмечает большое содержание суглинка и сгнившей древесины, видя в этом маркер интенсивных земляных работ и деревянного строительства. Кроме того, на участках, прилегающих к домонгольским рвам, «наблюдаются непереработанные массивы суглинка от срытого вала или жилищного строительства на краю рвов. Возле Соборной мечети в слое прослежено включение известняковой крошки, связанное с началом строительных работ по созданию каменного фундамента здания». Анализируя содержание IVр горизонта можно с уверенностью говорить об интенсивной хозяйственной и строительной деятельности в период отложения данных напластований, о чем наглядно свидетельствует насыщенность их строительными горизонтами, хозяйственными и жилыми объектами (Хлебникова, 1987, с. 64–65).

Поздний горизонт (IVп) – почти повсеместно представляет собой серую рыхлую супесь с мелкими углистыми и суглинистыми включениями, строительными остатками в виде кирпичной, известковой и гипсовой крошки, обожженной и необожженной глины, сырца, обугленной и сгнившей древесины. Больше строительных остатков на центральных участках городища, на склоне третьей террасы и на местах каменного и кирпичного строительства в юго-восточном районе, а также в заречье. Мощность слоя IVп от 20 до 120 см (вне ям) (Хлебникова, 1987, с. 69).

Рис. 3. А.П. Смирнов на раскопках Болгарского городища в 1949 г. Фото из собрания БГИАМЗ. Инв. № 8–27

Рис. 4. На раскопках в Болгаре. Участники Куйбышевской археологической экспедиции во время воскресного обхода. Фото 1946 г. Болгарский музей-заповедник БГИАМЗ НВФ 58/5 Слева направо: З.А. Акчурина, А.П. Смирнов (с блокнотом в руках), Н.Ф. Калинин, О.С. Хованская (по: Абдуллин и др., 2016, с. 114, № 26.2.10)

Рис. 5. Т.А. Хлебникова во время работы с болгарской керамикой. Фото 1980-х гг. (по: Great Bolgar, 2013).

Формирование золотоордынских отложений начинается на горизонте, как правило, относимом ко времени монгольского нашествия 1236 г. Рубежный характер этого события не оспаривается исследователями. Вместе с тем вопрос разрушения города в результате монгольского завоевания в свете исследований последних лет становится дискуссионным.

Традиционной является точка зрения на тотальный разгром и сожжение городской территории, следы которых прослежены более чем на 40 раскопах центральной части Болгарского городища. Весьма красноречиво описание этого события сделано в одной из работ М.Д. Полубояриновой: «Для определения верхней хронологической грани слоя V, кроме вещевых находок, свидетельствующих о XIII столетии, большое значение имеет факт повсеместного завершения слоя прослойкой пожарища, достигающей вне ям мощности 20 см, а в западинах ям – 30 см. Жизнь города в период отложения слоя V прервалась грандиозным пожаром, уничтожившим всю его застройку. В течение какого-то времени жизнь замерла. Сгоревшее дерево и весь другой строительный материал построек превратились в сплошной гаристый слой очень мелкой структуры, образовавшийся из угля и печины под воздействием ветра и дождей. Такая катастрофа в истории города произошла впервые за весь период его существования. Предыдущие пожары ограничивались отдельными участками или районами города. Пожарище в завершении слоя V свидетельствует о полном уничтожении Болгара. Исходя из вещевого содержания слоя, пожар приходится на XIII в. и, вероятно, связан с разгромом Болгара полчищами хана Батыя в 1236 г.» (Полубояринова, 2003, с. 103, 105).

Горизонт, являющийся границей между домонгольскими и золотоордынскими отложениями городища, часто оказывается нарушенным перекопами более позднего времени. Он сопровождается фрагментами керамики, единичными бытовыми находками, отходами ремесленной деятельности. Комплекс вещей сгоревшего в пожаре 1236 г. дома, исследованного на раскопе XCV в 1987 г., включил кости животных, фрагменты керамики, железный нож, глиняное пряслице, фрагмент голубого поливного среднеазиатского сосуда из белого кашина XII – начала XIII в., половинку грушевидного бубенчика. Предметы были найдены на обгоревшем деревянном полу и в подпольной яме (Кавеев и др., 1988, с. 67–68).

Исследования данного горизонта, предпринятые в последнее время с помощью физико-химических и микробиоморфного методов в центральной части городища, показали, что во всех случаях этот слой резко выделяется среди остальных по содержанию валового фосфора, аморфного и биогенного кремнезема, а генезис этого слоя имеет не минеральную, а преимущественно биогенную природу. На этом основании были высказаны гипотезы о происхождении данных отложений – как скопления навоза травоядных животных либо остатков саманных построек, преобразованных естественными процессами (Гольева, Коваль, 2021, с. 122–132). Эти исследования, хотя и не ставят окончательную точку в решении вопроса о новой интерпретации данного горизонта, все же подвергают сомнению трактовку событий 1236 г. как пожара, уничтожившего городскую застройку домонгольского Болгара.

Отмечается отсутствие в этом слое человеческих останков. Толкование этому факту некоторые исследователи видят в том, что «…население, предвидя разорение города, покинуло его, или завоеватели просто выгнали людей перед тем, как поджечь город. Объяснить это можно тем, что город, видимо, не оказал ожесточенного сопротивления, как, например, Биляр» (Измайлов, Кавеев, 2009, с. 195). Предварительный характер этих заключений позволяет, таким образом, констатировать, что вопрос остается открытым и требует дальнейшего изучения. Возможно, его разрешение следует искать в последующей истории города, связанной с новым городским строительством в золотоордынское время, масштабы которого, несомненно, должны были предполагать предварительную подготовку территории, которая, осо-

Рис. 6. Болгарское городище. Раскопки в районе Ханской усыпальницы и Малого минарета в 1973 г. (по: Great Bolgar, 2013)

Рис. 7. Фиксация отложений исторического культурного слоя Болгарского городища на раскопе в центральной части памятника. Фото Р.Ф. Шарифуллина (по: Великий Болгар, 2013, с. 68)

Рис. 8. План Болгарского городища с раскопами 1938–2019 гг. (по: Хлебникова, 1987, с. 37, рис.1; Шарифуллин, 2016, с. 249, вкл.; Валиев, Ситдиков, 2021, рис. 81)

бенно в центральной части, единовременно превратилась в строительную площадку.

Монгольское завоевание и последующие затем годы созидания в обширных евразийских просторах и на руинах Волжской Болгарии нового государства, известного в историографии как Улус Джучи, Золотая Орда, стали для города Болгара важной исторической вехой. Эти события вместили военную трагедию, слом старых традиций и устоев, разрушение многого из того, что было создано в предыдущую эпоху. Вместе с тем новое время предоставило Болгару исторический шанс не только для дальнейшего существования, но и последующего роста и планомерного, созидательного развития. Причиной этому послужило его традиционно выгодное географическое и стратегическое положение, способствующее контролю над торговыми маршрутами, передвижением людей и грузов в слиянии рек Волги и Камы, размещение в центре богатой земледельческой округи, дающее возможность устойчивого продуктового снабжения и податного обложения значительного числа населения. Возможно, город был взят без боя. Монголы не подвергали уничтожению города, которые принимали их условия о сдаче, что также могло повлиять на принятие решения о выборе Болгара центром ханского домена после покорения Волжской Болгарии.

Удачное местоположение города позволило планомерно расширять территорию застройки, концентрируя в одних местах специализированные ремесленные комплексы, а в других – создавать условия для строительства крупных архитектурных объектов различного назначения. Достаточное количество источников воды, наличие топлива и близость строительного сырья, эффективно приложенный административный ресурс дали возможность в короткий срок раскрутить механизм развития городской территории.

По мнению В.В. Трепавлова, когда Бату, вернувшись из европейского похода, сделал Поволжье местом своего проживания, Болгар стал стационарным центром Джучиева улуса. «Следовательно (как он пишет – *авт.*), область старой городской культуры фактически превратилась в ханский домен» (Трепавлов, 2006, с. 172). Столичный статус Болгара подтверждает свидетельство Марко Поло: «Берке владел татарами и жил в Болгаре и Сарае» (Поло, 1955, с. 45). Немногим раньше времени правления Берке-хана (1257–1266), во второй половине 40-х – начале 50-х годах XIII в. (Сингатуллина, 2003, с. 24) в Болгаре начинается чеканка монет, подтверждающая значение Болгара как экономического и политического центра государства Джучидов в середине XIII в. Первые монеты были чеканены с именем багдадского халифа ан-Насир лид-Дина (1180–1225). В 1250-х гг. выпускались монеты с именами монгольских каанов Менгу и Ариг-Буги. По мнению исследователей, выпуск монет с именем Менгу был осуществлен в связи с поддержкой ханом Бату этого правителя в борьбе за монгольский престол, появление монет с именем Ариг-Буги связано с оппозицией Берке каану Хубилаю (Сингатуллина, 1987, с. 147; ее же, 1998, с. 57 и сл.; Федоров-Давыдов, 1991, с. 187; его же, 2003, с. 10). В публикациях последних лет время чекана в Болгаре первых монет отнесено ко второй половине 1230-х гг. (Бугарчев, Петров, 2018, с. 14). Монеты анонимные и с именами золотоордынских ханов продолжали чеканиться в Болгаре с 1260-х до 30-х гг. XIV в. (Федоров-Давыдов, 1987, с. 160, 163).

Раннеордынское время считается периодом восстановления Болгара (Хлебникова, 1987, с. 68–69). Вместе с тем строительные работы явно вышли за рамки простого восстановления разрушенного. Если Болгар был выбран в качестве места пребывания хана и его администрации, то именно этот посыл должен был определить целеполагание строительной деятельности начального этапа золотоордынского времени и обозначить основные критерии облика будущего города. Согласно сообщению Рашид-ад-Дина о строительстве Каракорума Угедеем, таковым критерием мог быть представительский принцип: «Так как он [Угедей] еще раньше привез с собой из Китая разных ремесленников и мастеров всяких ремесел и искусств, то приказал построить в [своем] юрте Каракоруме, где он по большей части в благополучии пребывал, дворец с очень высоким основанием и колоннами, как и приличествует высоким помыслам такого государя» (Рашид ад-Дин, 1960, с. 40).

Строительные работы, вероятно, должны были обеспечить не только восстановление города в прежних масштабах, но и обеспечить статусный характер возводимых сооружений, сопоставимых, вероятно, с образом доменного центра, что не могло не определить масштабы и характер дальнейших строительных работ. Об этом свидетельствует переход к каменному строительству (в домонгольское время камень в Болгаре для строительства не использовался) при возведении объектов и размеры самых первых архитектурных сооружений в городе: Соборной мечети и Большого минарета, «Ханского дворца», Восточной палаты. Строительство подобного масштаба было невозможно без градостроительного планирования, осуществления подготовительных мероприятий, решения вопросов снабжения строительными материалами, обеспечения рабочей силой и инженерными кадрами, решения органи-

зационных и административных вопросов (только одна лишь заготовка и доставка камня для нужд стройки была сложным организационным проектом).

Вместо населенного пункта, хотя и обремененного памятью о своем прежнем величии, но давно уже имевшего статус регионального города, должна была появиться столица нового государства. Это само по себе стало актом властного решения и обозначило выбор необходимых для реализации этого плана инструментов. Прежде всего выбор места строительства. На роль столичного града был выбран небольшой городской центр, имеющий не только устойчивую традицию городской жизни, но и вполне легитимный статус прежней столицы, с устоявшимися торгово-экономическими связями и глубокой идеологической подоплекой, связанной с укоренением ислама в регионе. Весьма удачное географическое и природно-ландшафтное расположение города, соединение в этом месте сухопутных и речных путей способствовало как удобному его снабжению (в том числе и необходимыми для строительства материалами), так и облегчало функцию административного и военного контроля над округой, что отвечало интересам управления. Кроме того, использование в качестве столицы города и территории, имеющей статус определенного религиозного символа, должно было способствовать лояльности местного населения.

Применение для этих целей территории разрушенного Биляра, вероятно, было отвергнуто ввиду масштабности предстоявших в этом случае восстановительных работ, требовавших значительного отвлечения людских и материальных ресурсов, отдаленного положения от основных водных артерий. Кроме того, слишком велика была связь (в том числе и символическая) этого города с прежней местной династией, а монголам, несомненно, нужен был свой город, который бы стал выражением их власти в регионе. Болгар с этой точки зрения представлялся более удачным выбором, сочетавшим выгодное местоположение, ресурсную базу, торгово-экономический и ремесленный потенциал в сочетании с репутацией идеологического центра.

Возникает вопрос, был ли город построен по заранее подготовленному плану, который последовательно реализовывался, или его строительство имело стихийный характер. Факты, накопленные за время изучения Болгара, позволяют говорить по крайней мере о наличии общих элементов планирования территории. Оформление городского центра с дальнейшим созданием ансамбля из монументальных сооружений Соборной мечети, Большого минарета, общественных зданий и мавзолеев, выстраивание композиционных доминант архитектурных зданий (Бадеев, 2019), ориентировка которых влияла на размещение рядовых строений, расчет основных направлений развития застройки и проведение целого ряда подготовительных мероприятий перед строительством позволяют видеть в этом реализацию продуманных и последовательно выполненных административных, организационных, инженерных и технических решений.

Учитывая масштабность проекта, предварительно были проведены мероприятия по подготовке строительной площадки: расчистка места от остатков старых строений, выравнивание территории, предполагающее засыпку рвов и частичное срытие валов. Неровности рельефа и котлованы строений и хозяйственных ям были засыпаны субстанцией биогенного происхождения, песком и суглинком, фиксируемыми в культурных отложениях городища в основании раннеордынского горизонта. Вероятно, в этот момент были убраны основные следы событий 1236 г., что может объяснить отсутствие человеческих останков в данном горизонте. Не исключено, что в некоторых местах могла быть произведена срезка верхнего горизонта домонгольского слоя, имеющая планировочный характер. По неизвестной пока причине часть оборонительных сооружений, очевидно относящихся к линии т. н. «замошного вала», осталась не тронутой. Остатки этих объектов мы можем увидеть на фотографиях конца XIX в. (Абдуллин и др., 2016, с. 75, № 22.1.34).

После подготовки строительной площадки (или параллельно) необходимо было организовать заготовку и подвоз строительных материалов — каменных блоков и бутового камня, древесины, изготовление необходимого металлического крепежа и инструментов. Так как ближайшее месторождение находилось на другом берегу Волги, добыча и перемещение камня к месту строительства должны были стать сложной организационной и технической задачей, для решения которой, вероятно, было основано городище Сюкеевский взвоз. Масштабность и сложность задач строительства, вероятно, предопределили в какой-то мере длительный характер работ, отодвинувший завершение с подновлениями и перестройками строительства Соборной мечети, начатого в завершении 1230-х гг., к концу XIII в.

Строительство золотоордынского Болгара, таким образом, можно рассматривать как один из первых столичных градостроительных опытов ордынской администрации в Поволжье. При этом использовался урбанистический опыт завоеванных территорий, традиции местного населения и близкие для него стилистические, строительные и

культурные тенденции, ставшие определяющими для градостроительной культуры Волго-Уралья.

Градостроительная деятельность на территории Болгарского городища в золотоордынское время прослеживается на основании распространения отложений культурного слоя этого периода, вещевых находок, остатков объектов различного назначения, в том числе монументальных каменных и кирпичных зданий, некрополей, фортификационных сооружений.

Наиболее показательными признаками, характеризующими Болгар золотоордынского времени, являются:

– значительный рост городской территории;

– появление каменного и кирпичного строительства;

– расширение и территориальное распространение ремесленных комплексов;

– инженерное обустройство территории города объектами благоустройства;

– наличие планировочных мероприятий, выражающихся в оформлении уличной сети, структурности и дифференциации застройки;

– появление и распространение новых приемов и конструктивных схем жилого домостроительства, внедрение новых форм отопительных устройств и принципов отопления помещений.

Д.Ю. Бадеевым, предпринявшим исследование планировки города Болгара, выделены четыре этапа монументального строительства на территории Болгарского городища, сделана попытка охарактеризовать номенклатуру зданий, их основные особенности с точки зрения назначения. Монументальные сооружения различной степени сохранности, известные в настоящий момент в Болгаре (33 объекта), он разделяет на три типа по их назначению: постройки религиозного назначения, гражданские (общественные) постройки и постройки, связанные с погребальной обрядностью (Бадеев, 2020, с. 17). По его мнению, на первом этапе (вторая половина XIII в.) возведенные монументальные сооружения тяготеют к центру домонгольского города. Помимо времени возведения, 40–80 гг. XIII в., постройки отличаются различной ориентировкой. На втором этапе (первая половина XIV в.) территория каменной застройки расширяется за счет освоения подгорной, заречной и южной частей города. Третий этап отнесен к середине XIV в. (40–50 гг.). На четвертом этапе (конец XIV–XV в.), по мнению автора, появляется большинство мавзолеев в южной и юго-восточной периферии, а также начинается строительство комплекса Малого городка (Бадеев, 2020, с. 17–18). К монументальным зданиям Болгара, несомненно, приемлемо традиционное деление на культовые и гражданские постройки, которое было использовано Э.Д. Зиливинской в ее обобщающей двухтомной работе о золотоордынском зодчестве (Зиливинская, 2014; Зиливинская, 2019).

Раннеордынское время отмечено бурным ростом городского строительства. В середине XIII в. активно застраивается центральная часть города, получившая свое оформление на месте городского посада домонгольского периода. Среди изученных в настоящий момент зданий этого времени, несомненно, главную роль, играет Соборная мечеть с Большим минаретом, которая была призвана стать не только главной архитектурной доминантой Болгара, но и превратиться со временем в идеологический и политический символ возрождающегося города как центра нового государства и власти (рис. 9: 1). Здание имеет форму четырехугольника, по углам которого расположены массивные башни. Длина северной стороны внутри здания 28 м, южной – 28,8 м, западной и восточной – 31,6 м. Толщина стен 1,2–1,3 м.

Археологическое изучение объекта началось в 1892 г. (А.А. Штукенберг, Н.А. Фирсов, И.А. Износков, Ф.Г. Мищенко, И.Н. Смирнов) и было продолжено в 1915 г. (Б.Е. Крелленберг, В.Ф. Смолин, М.Г. Худяков под общим руководством С.И. Покровского). Наиболее значительные исследования были сделаны в 1964–1966 гг. (А.П. Смирнов, А.С. Воскресенский, С.В. Морозова, Т.А. Хлебникова, В.Л. Егоров, Н.Д. Аксенова, Н.В. Трубникова, при участии архитектора С.С. Айдарова). За годы исследований изучена конструкция здания и детально разработана его периодизация. Строительство мечети было начато в 30-е гг. XIII в. (после 1236 г.), но после закладки фундамента и возведения цоколя работы были прекращены. В 60-е гг. XIII в. здание достраивают и возводят минарет (рис. 9: 3). В это же время производятся внутренние работы по укладке пола и установке колонн по схеме 4×5 (рис. 9: 2). На рубеже XIII–XIV вв. после пожара здание было реконструировано в первый раз: заново, на более прочном растворе, от уровня пола уложены стены; поднят и уложен второй пол, у западной стены сооружены антресоли. В 30-е годы XIV в. здание претерпело еще одну реконструкцию, в результате которой в западной и восточной стенах появились дверные и оконные проемы, внутри было сделан еще один (третий) пол и по-новому выставлены колонны (по схеме 6×6), а снаружи построены угловые башни-контрфорсы. В это же время было закончено строительство с севера и востока двух мавзолеев, пространство рядом со зданием было расчищено и оформлено в виде площади, которая стала главной площадью города. Здание просуществовало до 1431 г. Следы угля и сгоревших бревен на

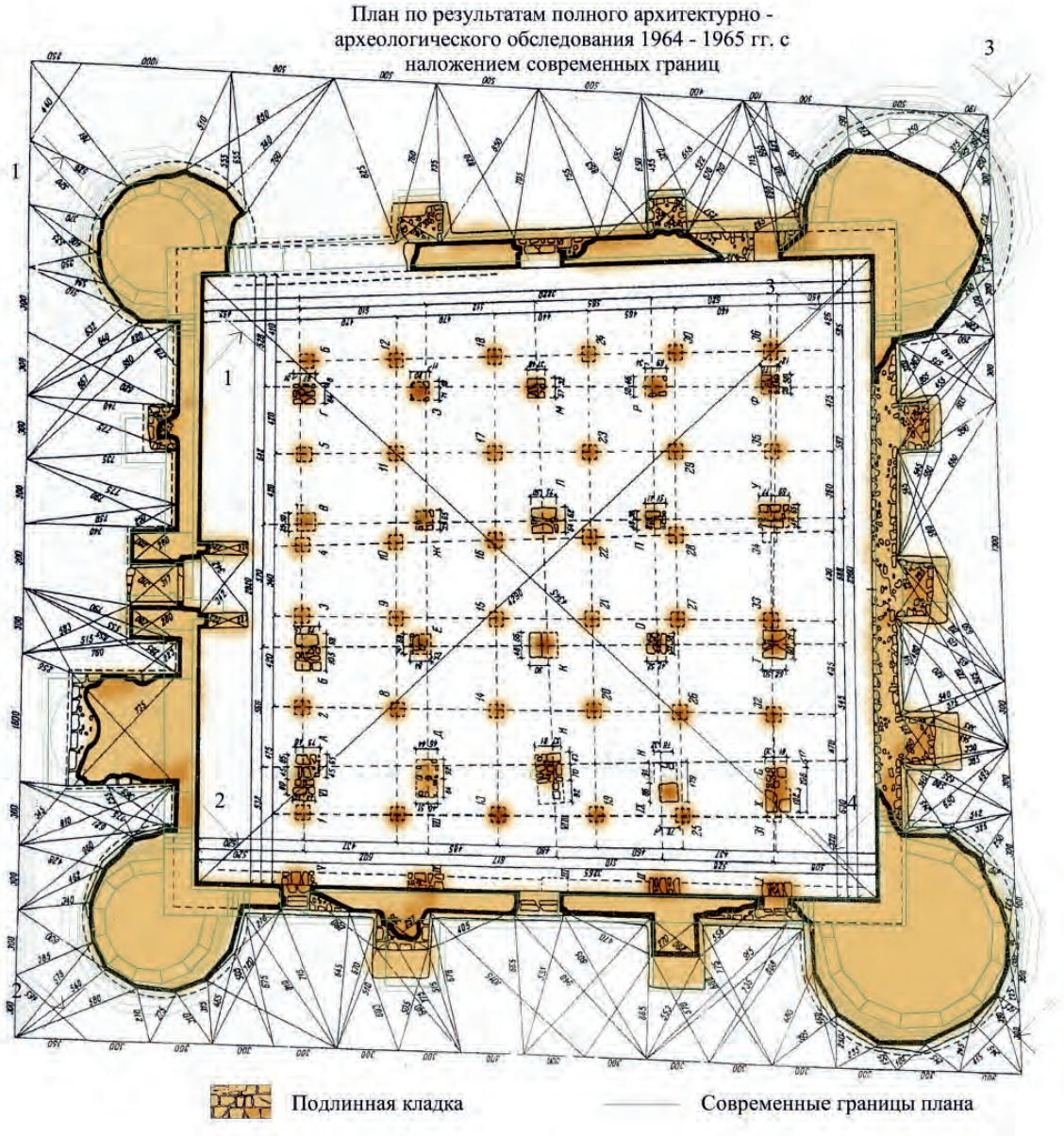


Рис. 9. Соборная мечеть в Болгаре. План по результатам полного архитектурно-археологического обследования 1964–1965 гг. с наложением современных границ (по: Айдаров, 1970, рис. 2)

поверхности третьего пола увязаны исследователями с пожаром этого времени (Полякова, 2001, с. 167, 174).

Кроме Соборной мечети в центральной части известны и другие здания, строительство и функционирование которых относится к середине – второй половине XIII в.

Практически одновременно с Соборной мечетью, к востоку от нее, в этот период возводится и функционирует монументальное каменно-кирпичное здание, остатки которого исследовались с 1994 по 2010–2011 гг. Р.Ф. Шарифуллиным (раскоп CXXIII) (рис. 10; 11: 1–3). Руины сооружения располагаются в северной части городища на краю верхней коренной террасы, над общественной баней «Красная палата», в 90 м от центрального архитектурного ансамбля Болгара. Несмотря на то что здание сильно пострадало в результате разбора местными жителями в XVIII–XIX вв. с целью добычи камня для выжигания извести, удалось выявить основной план постройки и отдельные конструктивные особенности. Размеры здания по внутреннему периметру 27×29 м. Высота сохранившейся кладки местами составляет более 2 метров от подошвы. Фундамент постройки, толщиной до 1,5 м, сложен из бутового камня, а стены возведены из квадратного кирпича с обкладкой фасадов тесаными известняковыми

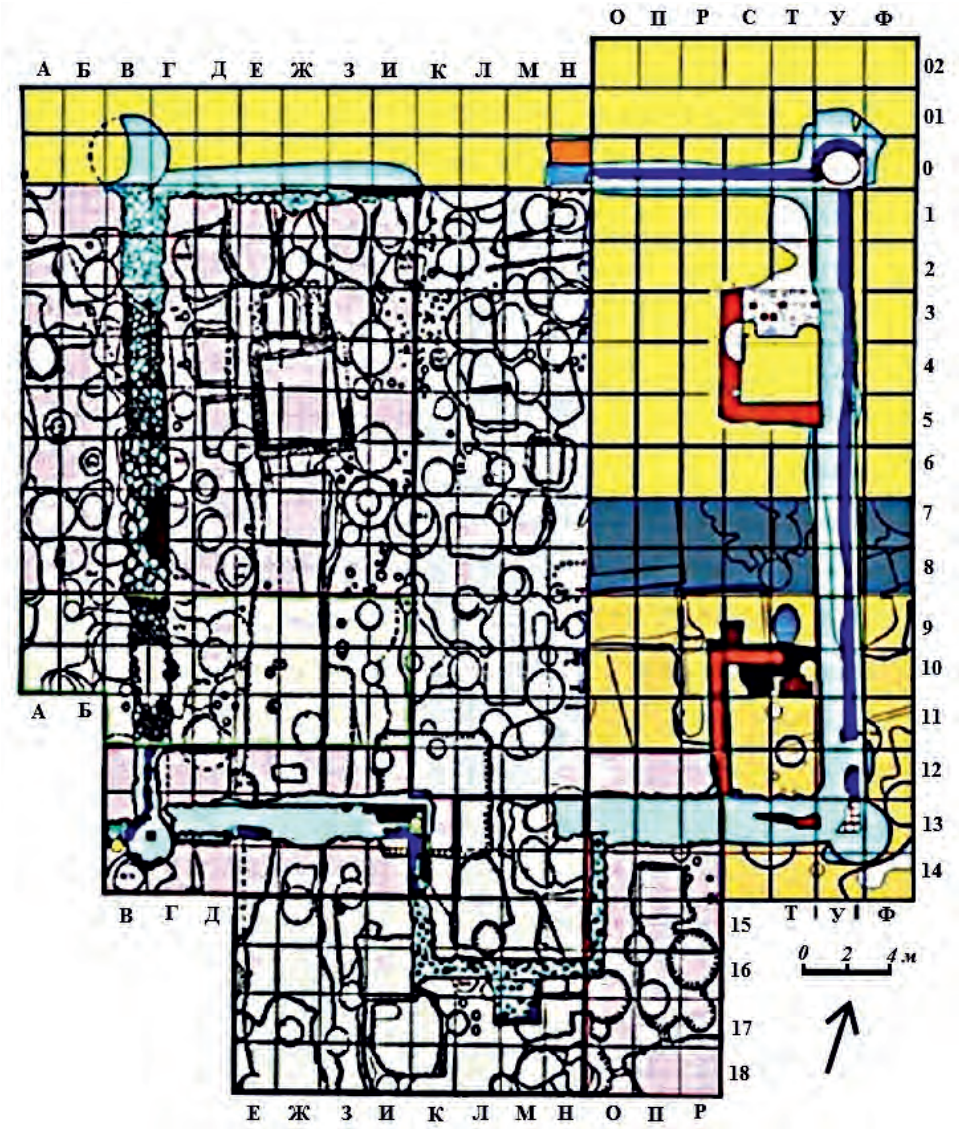


Рис. 10. Общий план здания «Дома с башнями» в сетке раскопа CXXIII 1994-2011 гг.
Рисунок Р.Ф. Шарифуллина. Синим и голубым цветами показаны стены здания и угловые пилоны, красным обозначены внутренние помещения (по: Абдуллин и др., 2016, с. 143, № 26.2.99)

блоками. Круглые в плане угловые башни также сооружены из специальных блоков соответствующей формы. По мнению Р.Ф. Шарифуллина, строительство здания было начато в середине XIII в. и проводилось поэтапно с севера на юг. Южный входной тамбур без фундамента был построен «уже в процессе функционирования постройки в начале XIV в.», хотя кирпичная кладка тамбура выложена в перевязи с кирпичной кладкой здания и не имеет следов примыкания, характерного для конструкций стен, имеющих последующие пристройки к ранее существовавшим сооружениям. С целью строительства тамбура, по мнению исследователя, часть южной стены в центре была разобрана и к ней была пристроена кирпичная кладка входной камеры. Одновременно с обустройством южного входа, внутри здания, вдоль восточной стены, были устроены и два небольших помещения с кирпичными бесфундаментными стенами и автономным отоплением, которые имели примыкание к кладке стен самого здания (рис. 11: 1, 2). Первоначально этот объект, как считает автор, являлся мечетью, которая после возведения поблизости Соборной мечети утратила свое значение. Важно отметить, что начало строительства обоих зданий синхронно, и возведение этих монументальных объектов изначально, вероятно, определялось единым планом с выделением функциональных зон и доминат. В качестве аргументов о функционировании второй мечети рядом с воз-

1

2

3

Рис. 11. «Дом с башнями». 1 – пилон северо-западного угла здания. Вид с севера (по: Great Bolgar, 2013, p. 72); 2 – юго-восточное помещение с кирпичными безфундаментными стенами. Вид с северо-запада (по: Шарифуллин, 2009, рис. 67); 3 – панорама раскопа CXXIII в 2009 г. Вид с восточной стороны (по: Шарифулллин, 2010, рис. 20)

водимой в это же время другой мечетью Р.Ф. Шарифуллин предложил следующие: наличие входа в северной стене и, возможно, михраба на месте позднего пролома в южной, следов которого археологически не зафиксировано; полное отсутствие следов центрального отопления и водопровода, что было бы свойственно для жилого или утилитарного сооружения. Вместе с тем исследователь признает существенное расхождение ориентировки здания (азимут 167°) с нормами размещения михраба в Среднем Поволжье (современные нормы – азимут 189–191°; средневековая мечеть Биляра – 205°), объясняя это отклонение на восток особенностью градостроительных традиций и норм строителей-камнерезов из Закавказья и Армении, навыки которых могли использоваться во время этого строительства (Шарифуллин, 2012, с. 184–185). Действительно, использование приемов закавказских мастеров фиксируется при изучении стен Соборной мечети, кладка которых сочетает использование рваного камня с облицовкой тесаными блоками (Егерев, 1958; Зиливинская, 2014, с. 20). Однако, учитывая ориентировку михрабов известных нам золотоордынских мечетей Северного Кавказа (Нижний Джулат, Верхний Джулат), не отличающуюся кардинально от ориентировки Соборной мечети Болгара (Зиливинская, 2016, рис. 1: 4–6), и строгое соблюдение одинакового направления на Мекку региональных групп известных мечетей этого времени[1], ссылка на закавказскую «специфику» в качестве довода о назначении здания представляется спорной. Что касается отсутствия следов центрального отопления и водопровода, в работе Э.Д. Зиливинской приведены примеры общественных зданий без центрального отопления в связи со строениями, выполнявшими административные или утилитарные функции, например: дворы крупных усадеб и дворцовых комплексов дворово-айванной композиции (Зиливинская, 2014, рис. 167: 1; 168: 1, и т. п.) Принимая во внимание материалы полевых исследований и сравнительного анализа объекта с синхронными постройками религиозного и общественного назначения в Болгаре, предложенную аргументацию о первоначально культовой принадлежности

[1] В.Л. Воронина, отмечая факт того, что случаи правильной ориентации мечетей «крайне редки» и отклонение от кыблы является обычным явлением, вместе с тем делает интересное наблюдение о согласовании ориентации «отдельных локальных групп» этих зданий, т. е. наличии одинаковой или близкой их ориентировки в переделах региона (Воронина, 1991, с. 59, рис. 1).

изученного здания и последующей перестройке, вероятно, следует считать недостаточной.

Дальнейшее использование здания автор связывает с выполнением функций административного объекта (Шарифуллин, 2012, с. 184–185). Учитывая находки, полученные в результате исследований, включающие фрагменты импортной поливной и стеклянной посуды, костяные детали от мушараби и ряд других вещей, а также принимая во внимание многочисленный монетный материал с уровня пола периода начала функционирования объекта, ранние из которых датируются 1230–1240 гг., можно говорить о формировании предметного комплекса элитарного облика. Не исключено, таким образом, первоначальное использование постройки, как дворцового комплекса правителей Болгара второй половины XIII – начала XIV в. (Ситдиков, Валиев, 2021, с. 75), строительство которого соответствовало единому замыслу развития центральной части городища в раннеордынский период. Допуская подобное территориальное планирование, предполагавшее, вероятно, сооружение в центральной части города зданий различного назначения, не только культовых, но и гражданских объектов, трудно представить единовременное возведение двух монументальных построек значительного масштаба, служивших одной цели и выполнявших одну функцию.

Еще одно здание, которое можно отнести к постройкам раннеордынского времени в центральной части городища – Восточная палата (рис. 12: 1–4). Это общественная баня-хаммам, наиболее ранняя в Болгаре, была построена в 200 м к юго-востоку от Соборной мечети в начале второй половины XIII в., интенсивно функционировала в 90-х годы XIII в. и просуществовала до 30–40-х годов XIV в. Вытянутое с юго-запада на северо-восток сооружение занимало в длину 39 м, из которых 10 м – протяженность юго-западной пристройки, 24,5 м – центральная часть, 4,5 м – северо-восточная пристройка. Ширина постройки в юго-западной части 14 м, в центре – 19 м и в северо-восточном конце – 11 м. Изучение этого сооружения, вероятное место которого было намечено еще в конце XIX в. (Казаринов, 1888, с. 32), осуществлено в 1983–1993 гг. под руководством Р.Ф. Шарифуллина (Шарифуллин, 2001, с. 256).

К концу XIII – началу XIV в. к востоку от Соборной мечети начинается строительство монументального мавзолея, получившего позднее известность как Восточный мавзолей (рис. 13: 1, 2). Исследование объекта производилось в 1965–1966, 1993–1995 гг. (Хлебникова, 1970, с. 62–67; Баранов, Кавеев, 2001, с. 180–194). Здание было поставлено на восточной окраине городского некрополя, расположенного рядом Соборной мечетью, и фактически фиксировало границу общественно значимого пространства рядом с мечетью, позднее, к 30-м гг. XIV в., оформленного в виде площади.

Большое значение для осуществления планов масштабного строительства городского центра имели мероприятия по инженерной подготовке склона коренной террасы в районе возведения зданий. Отвод излишков грунтовых вод, защита склона при помощи дренажно-ряжевой системы, построенной в конце XIII – начале XIV в. (Ефимова, 1954, с. 64–67), смогли воспрепятствовать эрозивным процессам в местах интенсивных строительных работ, что предопределило дальнейшие мероприятия в основании склона (возведение бани «Красная палата») и, вероятно, в конечном итоге послужило сохранению объектов, расположенных на коренной террасе.

Синхронно строительству Восточного мавзолея, судя по местонахождению выявленных объектов городского строительства, каменная застройка шагнула за пределы городского центра. В подгорной части «не ранее начала XIV в.» была возведена еще одна общественная баня (баня № 1), функционировавшая до 30-х гг. XIV в. (Хованская, 1954, с. 392–398; Шарифуллин, 2001, с. 221–222). В 2014–2015 гг. к юго-западу от центральной части города был исследован каменный мавзолей, время строительства которого, благодаря находке под стеной здания клада серебряных монет и слитков, датированного последним десятилетием XIII в. или самым началом XIV в., может быть отнесено к рубежу XIII–XIV вв. (Волков и др., 2016, с. 18; Волков, Лопан, 2018, с. 198) Мавзолей имел основание квадратной формы размером 8×8 м, что несколько меньше, но сопоставимо с размерами основания Восточного мавзолея: 10,5×10,5 по С.С. Айдарову (Айдаров, 2001, с. 33). Толщина стен составляла 100–115 см. Ненарушенные участки фундамента сложены из щебня и мелких камней, залитых раствором из извести и глины с песком. Дно траншеи фундамента уплотнено деревянными сваями, которые прослежены в виде ямок диаметром около 10 см, расположенных рядами. В юго-западной стене располагались пилоны. Ширина портала 3,3 м. Внутри мавзолея выявлены три разрушенных погребения (рис. 14). Снаружи располагалось небольшое городское кладбище (Валеев, Ситдиков, 2021).

Судя по распространению отложений IV раннего горизонта, городская территория, а вернее территория основной городской застройки Болгара в раннеордынское время, в значительной степени увеличилась по сравнению с домонгольским

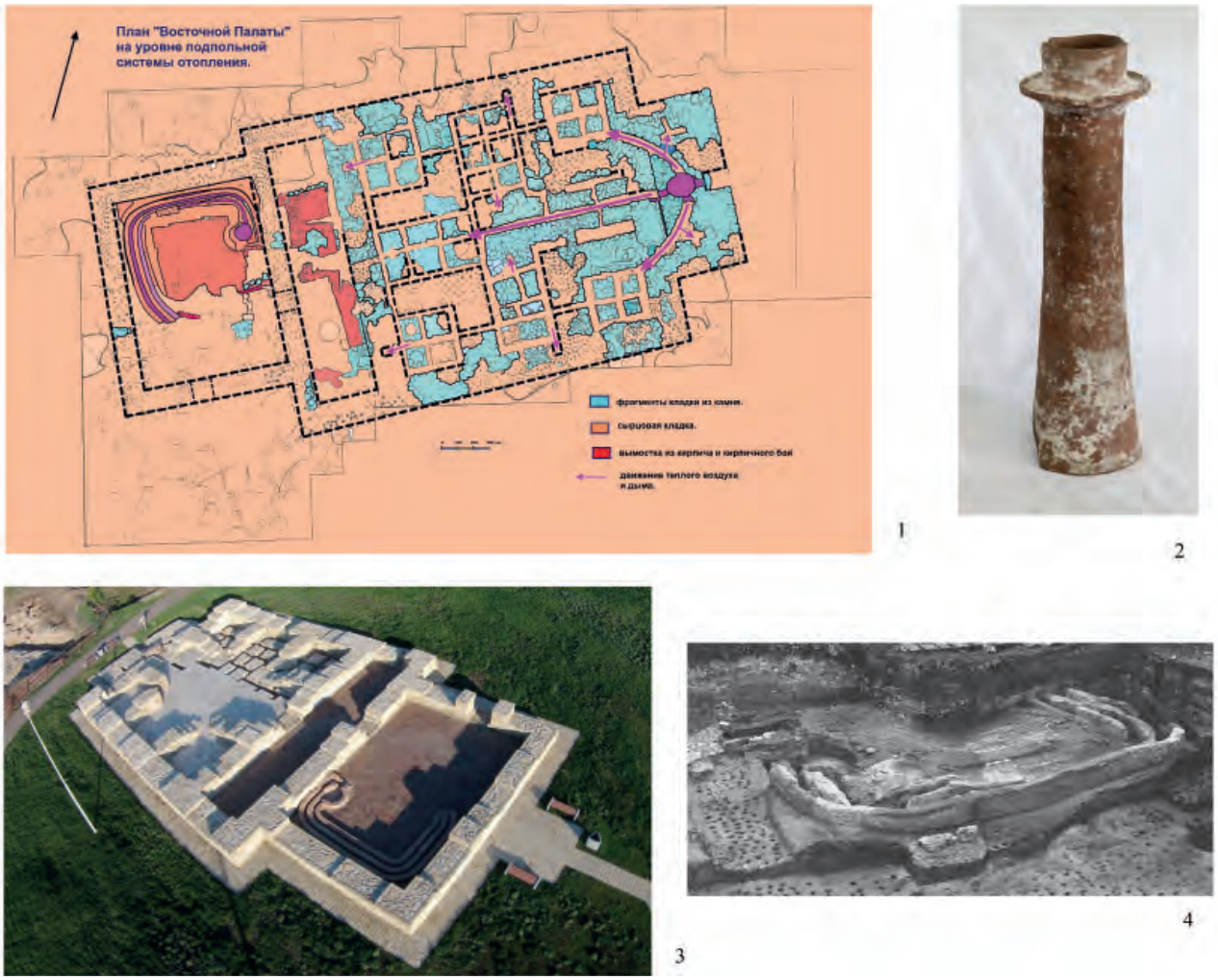


Рис. 12. Общественная баня “Восточная палата”. 1 – Р.Ф. Шарифуллин. План общественной бани Восточная палата на уровне подпольной системы отопления (по: Абдуллин и др., 2016, с. 140, № 26.2.94); 2 – труба водопроводная, найденная во время исследований Восточной палаты. Конец XIII–XIV вв. Раскопки Р.Ф. Шарифуллина. (по: Great Bolgar, 2016, p. 238); 3 – Восточная палата. Вид сверху после реставрационных работ; 4 – Восточная палата. Западная часть здания (предбанник). Вид с севера (по: Шарифуллин, 2001, с. 251, рис. 137)

городом (рис. 15). Согласно наблюдениям Т.А. Хлебниковой, в конце раннеордынского периода эта территория составила около 90 га. Кроме городского центра активно осваиваются западное, южное и юго-восточное направления. Застраиваются и заселяются оба берега р. Меленки и подгорная часть города. В заречной части слой раннеордынского периода прослежен в виде полосы шириной 150–200 м и длиной в 1 км, тянущейся вдоль русла р. Меленки (Хлебникова, 1987, с. 64). На северо-восточной периферии Болгара исследовано поселение, позиционированное Т.А. Хлебниковой как «древнерусский поселок». Об этом свидетельствуют, по мнению исследователя, особенности домостроительной практики, находка нательного крестика, трехбусинного височного кольца, керамического материала древнерусского облика, костей свиньи. Здесь же зафиксированы следы ремесленной деятельности. Время бытования поселения укладывается в период второй половины XIII – первой половины XIV в. (Хлебникова, 1956, с. 144–146).

На правом берегу Большого Иерусалимского оврага, к юго-востоку от центра, исследованы два горизонта жилого строительства. Восходящие к основанию IV р горизонта землянки и хозяйственные объекты сменяются затем застройкой с домами т. н. «монгольского» типа[2], отапливаемыми

[2] Применяемый авторами термин «дома «монгольского» типа» для характеристики построек Болгара с системой отопления в виде канов использован в работах Н.Д. Аксеновой и М.Д. Полубояриновой (Аксенова, 1973; Полубояринова, 2016). Строения подобного рода в Золотой Орде были подробно рассмотрены Г.А. Федоровым-Давыдовым и В.Л. Егоровым (Егоров, 1970, с. 180–188; Федоров-Давыдов, 1994). Близкий к этому термин «монгольский» дом» употреблен Э.Д. Зиливинской, анализирующей конструктивные особенности золотоордынских зданий усадебной застройки, отмечающей при этом различия между разновидностями этих объектов, связанные с их генезисом (Зиливинская, 2019, с. 139–167). Связь происхождения этих объектов

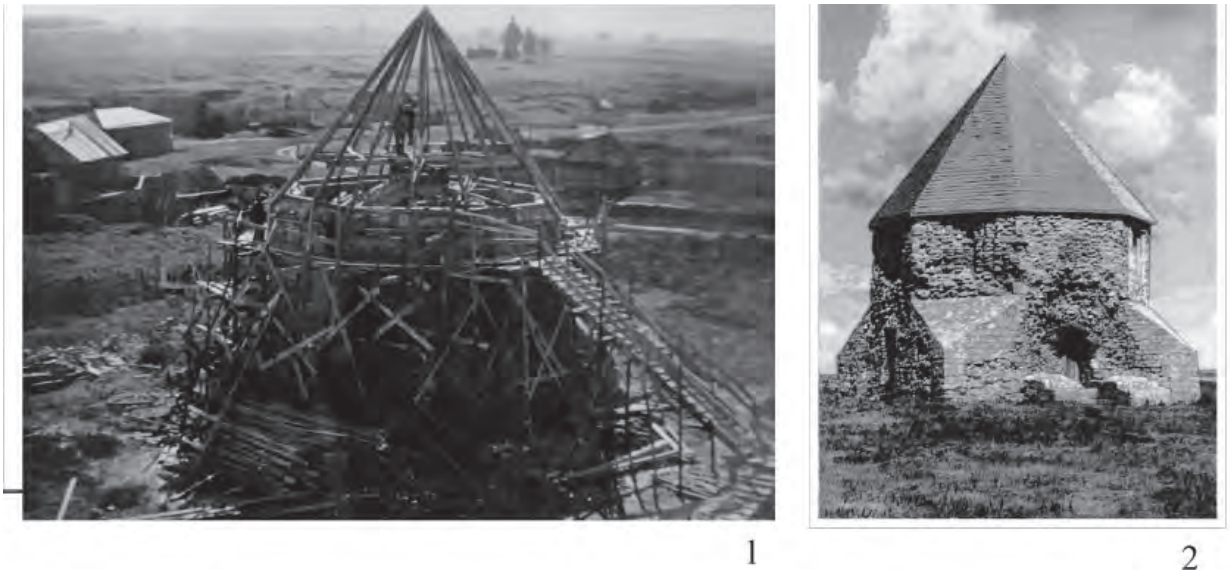


Рис. 13. Восточный мавзолей. 1 – в процессе консервации и фрагментарной реставрации. Фото начала 1970-х гг. (по: Great Bolgar, 2016, p. 205); 2 – после консервации и фрагмент реставрации. Общий вид с юго-западной стороны в начале 1970-х гг. (Айдаров, 2001, рис. 33)

при помощи канов (Аксенова, 1973; Хлебникова, 1987; Полубояринова, 2016). В южной и юго-восточной части в раннеордынское время застраивается восточный берег природного водоема (Баранов, 2016) и территория к юго-западу от него, где в этот период к концу второй половины XIII в. появляется деревянное здание с выраженными административными признаками (Волков и др., 2016). Одним из косвенных, но достаточно ярких доводов в пользу такой атрибуции данной постройки является находка здесь двух золотых монет (рис. 16: 1, 2).

Свидетельством строительной активности в первой трети XIV в. является здание Северного мавзолея (рис. 17), возведение которого, закончившееся в 30-х гг. XIV в., перед оформлением пространства рядом с Соборной мечетью площадью по сути превратило монументальные здания городского центра в единый архитектурный комплекс. Здание исследовалось в 1964, 1966 гг. (Хлебникова, 1970, с. 67).

В этот период в подгорной части, к западу от центра, появляется еще одна общественная баня (баня № 2), первоначально исследованная в 1951 г. (Хованская, 1954, с. 398; Шарифуллин, 2001, с. 223–226), а затем расчищенная в 2012 г. для музеефикации (Археологические исследования.., 2013, с. 13) (рис. 18). Целый ряд признаков, отмеченных исследователями (сложный план со всеми помещениями и оборудованием, тщательность подбора и обработки строительных деталей, богатство оформления интерьера, наличие площади перед входом, оснащенной фонтанами и выложенной каменными плитами, богатые вещевой и нумизматический комплексы), свидетельствует о том, что эта баня предназначалась для зажиточного населения города (Шарифуллин, 2001, с. 226).

Концом 30-х гг. XIV в., судя по монетным находкам, может быть отмечена постройка еще одной бани (баня № 3) на правом берегу р. Меленки, предназначенной, по всей видимости, для рядового населения города (Хованская, 1954, с. 415–421; Шарифуллин, 2001, с. 226–230).

Формирующееся в раннеордынское время городское пространство включало не только каменные здания, но в первую очередь состояло из сооружений рядовой жилой застройки, следы которой выявлены в виде котлованов подполий, хозяйственных ям и хранилищ. Характеризуя их пространственное расположение, исследователи отмечают вероятность уличного или улично-усадебного способа застройки, основываясь прежде всего на близкой ориентировке выявленных котлованов строений (углами или сторонами по частям света) (Хлебникова, 1987, с. 69; Бадеев, 2020).

с монгольской строительной традицией отмечается В.Л. Егоровым (Егоров, 1970, с. 180–182; Егоров, Жуковская, 1979, с. 198–216), в отличие от Л.Р. Кызласова, предполагающего их генезис от бревенчатых жилищ пратюркских народов Саяно-Алтайского нагорья (Кызласов, 2005; 2008, с. 243–245). Выявленная в этих постройках Болгара система отопления в виде канов, как и в других золотоордынских городах, также традиционно связывается с монгольским домостроительством, определяя их как заимствование от джурдженей и киданей (Федоров-Давыдов, 1994, с. 75; Егоров, 1970, с. 185–187). Иная точка зрения предполагает центральноазиатское происхождение этих отопительных устройств и появление их в нижневолжских городах от кимако-кипчакского населения Южного Казахстана и Приаралья (Ахинджанов, Ерзакович, 1972, с. 69).

Рис. 14. Мавзолей на юго-западной окраине Болгарского городища. Конец XIII – начало XIV в. Раскоп ССIII, 2014–2015 гг. Авторы раскопок: Волков И.В, Лопан О.В., Ситдиков А.Г. (по: Волков и др., 2016, с. 17–18).

Наиболее полное в настоящее время исследование рядовых жилищ Болгара, учитывающее их конструктивные особенности, сделано М.Д. Полубояриновой, которая собрала и обобщила сведения о 282 жилых объектах, из которых 86% – жилища, построенные в золотоордынское время. Среди них – наземные деревянные дома, которые составляют большинство строений; полуземлянки, дома «монгольского» типа и дома смешанной строительной традиции. Для раннеордынского периода отмечена находка 84 жилищ (наземные дома – 73, полуземлянки – 6, дома «монгольского» типа – 6) (Полубояринова, 2016, с. 184–185). Т.А. Хлебникова упоминает о двухстах с лишним жилых и хозяйственных сооружениях, восходящих раннему горизонту IV слоя (Хлебникова, 1987, с. 65). Системные и комплексные исследования городского центра и периферии Болгарского городища в 2011–2018 гг. существенно дополнили данную картину, выявив значительное число новых объектов золотоордынского времени.

Говоря о раннеордынском Болгаре, мы с уверенностью можем говорить о структурированности и иерархичности городского пространства уже в это время. В этот период оформляются городской центр и периферия, для осуществления внутренней коммуникации намечаются улицы. Внешние связи осуществляются при помощи дорог, проходящих в западном, восточном и южном направлениях. Археологические следы одной из них были прослежены во время изучения южной части линии городских укреплений XIV в. «Дорога была обнаружена под валом в виде неглубокой (до 20 см) пологой (сегментовидной в сечении канавы), прорезавшей темно-серую супесь (дернину) и заполненную светло-серой супесью. Ширина прорезки дернины составляла 2 м, но общая ширина понижения, маркировавшего трассу дороги, была несколько больше и достигала 2,4–2,8 м. Полотно дороги было прослежено на протяжении 12 м – оно проходило по линии ССВ – ЮЮЗ по гребню пологого водораздела, имевшего такую же

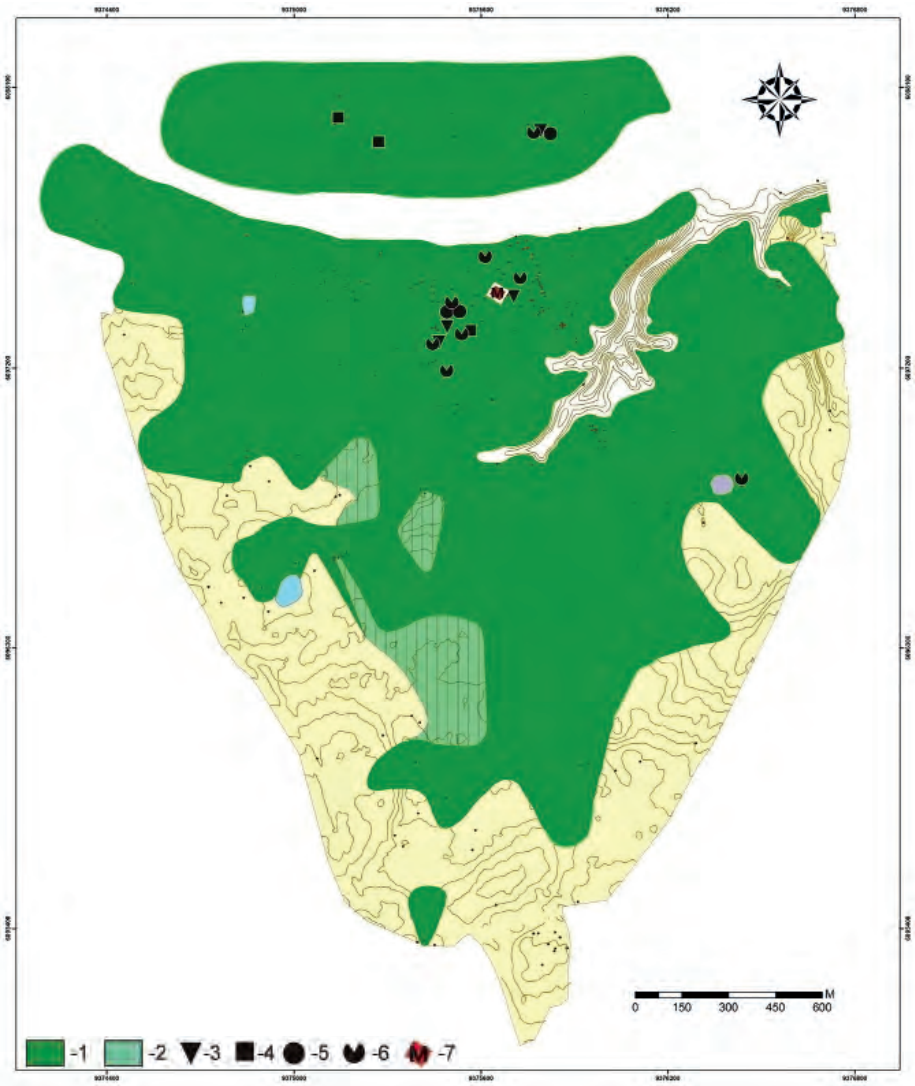


Рис. 15. Золотоордынский Болгар второй пол. XIII – н. XIV в. Расположение производственных комплексов. 1 – зафиксированные участки с наличиемкультурного слоя, объектов или находок хроноиндикаторов; 2 – участки с предполагаемым наличием культурного слоя, объектов или находок хроноиндикаторов; 3 – металлургические и кузнечные мастерские; 4 – керамические мастерские; 5 – меднолитейные и ювелирные мастерские; 6 – косторезные мастерские; 7 – Соборная мечеть (вторая половина XIII–XV вв.) (по: Бадеев, 2019, рис. 80)

пространственную ориентацию» (Коваль, Русаков, 2018, с. 52–53).

Изучение городской планировки позволило выделить основные структурные элементы городской среды: улицы, усадебные комплексы, некрополи, крупные архитектурные здания (Хлебникова, 1987, Бадеев, 2019), топографическая совокупность которых в конечном счете определяла облик Болгара на разных этапах его существования. Сюда следует, вероятно, добавить объекты городского хозяйства, способствующее решению вопросов водоснабжения, санитарии, берегозащиты и т. п. В городском хозяйстве Болгара использовались гидротехнические сооружения, которые в силу своего функционального назначения отличались большим разнообразием: колодцы (рис. 19: 1, 2), водоемы-накопители, сети трубопроводов, фонтаны и водоразборные сооружения, плотины, противоэрозийные объекты (дренажно-ряжевая система, линии берегозащиты) (Баранов, 2001; Баранов, 2008, с. 116). В 2015 г. раскопки в южной части Болгарского городища к западу от мавзолея XIV в., руины которого были раскрыты и исследованы раскопом CLXXIV в 2012 г., выявили колодец, связанный, по мнению исследователей, с поселением XIII – нач. XIV вв. (Елкина, Лазукин, 2016, с. 26–27).

Вопросы расположения и облика уличной сети Болгара в золотоордынское время в той или иной степени затронуты в ряде исследований, начиная с рекогносцировочных (Березин, 1853, с. 91), оценивающих данные объекты в общих чертах, как совокупность внутренних коммуникаций, обеспечивающих передвижение внутри городской застройки (Баранов, 2008), заканчивая работами, рассматривающими улицы с точки зрения археo-

логической конкретики, при этом пытающимися реконструировать их направление и трассировку (Хлебникова, 1987; Баранов, 2001; Бадеев, 2017; 2019; 2020). Уличная система Болгара, сложившаяся к началу XIV в., в это время концентрируется вокруг нового городского центра – Соборной мечети, исключая участки, на которых происходит изменение под городские нужды окружающего ландшафта. Магистральные улицы, по мнению исследователя, связывали не только центр города с его окраинами, но и соединяли отдельные его районы между собой. Ширина уличного полотна колебалась от 2 до 4,6 м, при этом на разных участках использовались различные приемы и средства мощения улиц (Бадеев, 2017, с. 31–32).

Некрополи являются неотъемлемой частью городской территории Болгара (Яблонский, 1987; Газимзянов, 2015; Бадеев, 2020). В начальный период раннердынского времени наблюдается тенденция использования городских кладбищ, известных с предыдущего периода («Четырехугольник», «Бабий бугор»). Новое кладбище появляется на южной окраине сплошной городской застройки в районе «замошного вала». Впервые оно было зафиксировано во время изучения Черной палаты в самом основании ордынских отложений (Воскресенский и др., 1967, с. 282). Исследования последних лет позволили наметить границы этого некрополя с восточной и южной сторон. Высказываемое в ряде исследований (Бадеев, 2020, с. 87) предположение о его соотнесении с домонгольским периодом (на начальном этапе бытования) в настоящее время пока не находит фактического подтверждения. Расширение кладбища происходило с севера на юг, к Большому Иерусалимскому оврагу, т. е. в сторону, противоположную городской застройке. Исчерпав территорию на левом берегу, некрополь продолжает развиваться дальше на возвышенной гряде, расположенной на правом (южном) берегу оврага (Баранов и др., 2014; Баранов и др., 2016). Еще один некрополь, по всей видимости, появляется в юго-западной части рядом с мавзолеем рубежа XIII–XIV вв. В процессе раскопок в 2014–2015 гг. за пределами мавзолея было зафиксировано 14 погребений (Волков и др., 2016, с. 18). В завершении слоя IVр в юго-восточном районе Болгара наблюдается возникновение еще одного городского некрополя (Хлебникова, 1987, с. 67).

Экономика Болгара периода формирования раннезолотоордынского горизонта была ориентирована, вероятно, не только на вопросы восстановления городской жизни, но и становления города как крупного административного и политического центра. Свидетельство тому – значительные масштабы и объемы каменного строительства, предполагавшие подъем и развитие строительного дела, включая применение известных к тому времени методов и приемов обработки камня, инструментов, строительных растворов (рис. 20: 1–3). Интересы строительства стимулировали развитие обработки камня и изготовления кирпича, деревообработки, металлургии и приемов обработки железа. Часть производств были размещены в тех местах, где они располагались в домонгольское время. Следы металлургического производства раннеордынского времени зафиксированы на западных участках городского центра (раскоп 17), в восточной части подгорья (раскоп 22), на восточной окраине заречья (раскоп 42). К юго-востоку от Соборной мечети, в непосредственной близости и внутри от Восточного мавзолея (раскопы XIII, XIX) найдены остатки не менее трех металлургических горнов. При засыпке одного из них (раскоп XIII, сооружение 7) найдена монета середины XIII в. (Хлебникова, 1970, с. 60), что свидетельствует о функционировании объектов ранее времени возведения мавзолея. Непосредственная близость этих горнов от участка строительства Соборной мечети и хронологическое их совпадение с начальным периодом этого строительства позволяет предположить связь этих производств. Запустение горнов в середине XIII в. при расширении кладбища «Четырехугольник» могло быть связано также и с завершением первого этапа строительных работ Соборной мечети и затянувшимся до 60-х гг. XIII в. началом следующего этапа строительства.

Рис. 16. Золотые динары из раскопок административного здания на юго-восточной окраине Болгарского городища. Раскоп CXCIV. Авторы раскопок: Волков И.В, Лопан О.В., Ситдиков А.Г. 1 – египетский (1193–1194 г.); 2 – Конийского султаната (1245–1246 г.) (по: Волков и др., 2014, с. 21).

Рис. 17. Северный мавзолей после консервации 2011 г. Вид с юго-востока (по: Great Bolgar, 2016, p. 212)

Рис. 18. Остатки бани № 2 внутри павильона в ходе музеефикации (по: Абдуллин, 2016, с. 238–239)

Исследования, проведенные к западу, юго-западу и югу от Соборной мечети в 2011–2018 гг., позволяют говорить о формировании здесь в конце XIII – начале XIV в. обширного ремесленного района, «основу которого составляли ремесленники, занимавшиеся обработкой меди и цветных металлов» (Бадеев, Коваль, 2018, с. 277). Здесь же зафиксирована косторезная мастерская (Яворская, Бадеев, 2019).

Верхняя грань раннеордынского горизонта определяется первыми десятилетиями XIV в., что мотивировано отчасти находками джучидских монет, стратиграфические особенности обнаружения которых определены Т.А. Хлебниковой следующим образом: «В верхней части слоя оказались монеты 1280–1300 гг., а на грани слоев IVр и IVп и в основании IVп, в напластованиях засыпи и разрушения самых поздних сооружений слоя IVр залегают монеты 1310–1334 гг.» (Хлебникова, 1987, с. 68). Конец раннеордынского периода был отмечен завершением строительства Соборной мечети и оформлением городского центра с торговой площадью, мавзолеями знати, распланированными улицами (Хлебникова, 1987, с. 69; Бадеев, 2019). Сплошная рядовая застройка с разной степенью плотности в это время распространяется от город-

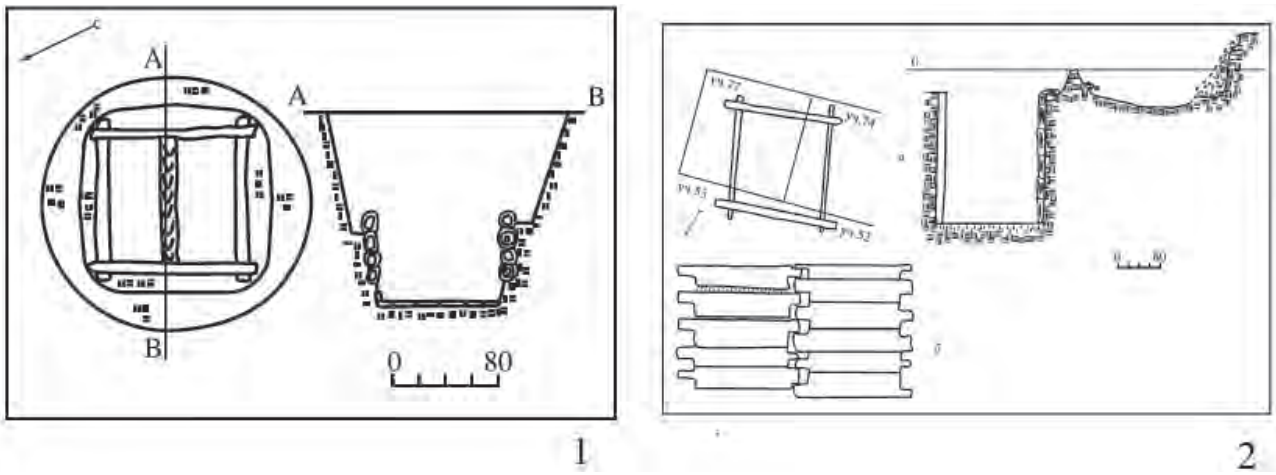


Рис. 19. Колодцы Болгарского городища на склоне коренной волжской террасы. Раскоп 22 1950 г. Автор исследований О.С. Хованская. 1 – колодец 1, а – план; б – плахи сруба; 2 – колодец 2, а – план и профиль; б – плахи сруба (по: Баранов, 2001, с. 324–325, рис. 182, 183)

ского центра в западном направлении доходя до Британкина озера, в юго-восточном перешагивает через Большой Иерусалимский овраг, формируя усадебные комплексы с домами, характерными для нижневолжских золотоордынских городов. В подгорной части Болгара широко осваивается территория вдоль правого берега р. Меленки. Отдельные застроенные участки, тяготеющие к сплошной застройке, зафиксированы к юго-восточной части, а также к западу – северо-западу и северо-востоку (Хлебникова, 1987, рис. 3). На карте распространения культурного слоя раннеордынского времени, сформированной на основе ГИС-исследований, проведенных Институтом археологии АН РТ в 2011–2018 гг., и учитывающей размещение некрополей и производственных сооружений (Бадеев, 2019, рис. 80), видно, что в раннеордынский период городская территория, освоенная различными формами землепользования, становится близка, а в некоторых случаях вплотную подступает к линии построенных уже в позднеордынское время укреплений. К концу раннеордынского периода исследователями отмечается восстановление экономики города, где, кроме металлургии железа, кузнечного и керамического производств, наблюдается развитие косторезных (Закирова, 1988, с. 237; Яворская, Бадеев, 2022, с. 77, 83) и кожевенных (Хлебникова, 1988, с. 250) мастерских, обработка цветных металлов и ювелирный промысел (Бадеев, Коваль, 2015). Население города пополняется за счет выходцев из других областей Волжской Болгарии, регионов Золотой Орды и сопредельных земель. Об этом свидетельствует появление новых групп керамической посуды, ранее в Болгаре неизвестных. Например, выделенная Т.А. Хлебниковой XIX группа посуды, формы которой были привнесены переселенцами из районов Средней Азии (Хлебникова, 1988, с. 47). Упрочение торговых связей Болгара фиксируется за счет находок в раннеордынском горизонте предметов импорта, монетным материалом. Таким образом, к концу раннеордынского времени город, практически переживший второе рождение, вступает в период своего расцвета. Верхняя граница IVр определяется большинством исследователей первыми десятилетиями XIV в. (Хлебникова, 1987, с. 68).

Характеризуя позднеордынский горизонт культурного слоя Болгарского городища, Т.А. Хлебникова очень точно определила основные исторические вехи времени его формирования: «пышный расцвет Болгара, сильные потрясения 60-х гг. XIV в., …последующее частичное восстановление, и, наконец, упадок города» (Хлебникова, 1987, с. 69) – которые позволяют разделить этот период как минимум на четыре хронологических этапа. Попытаемся их кратко охарактеризовать.

Одной из возможных вех, определяющих переход экономики Болгара от восстановления к дальнейшему развитию, можно считать завершение строительства Соборной мечети и оформление городского центра (30-е гг. XIV в.). Хотя эта событийная веха в некоторой степени является условной, завершение такого масштабного строительства, которое должно было на длительный срок определять вектор приложения сил, средств и организационных усилий, должно было высвободить определенные ресурсы для дальнейшей строительной деятельности и развития городского хозяйства. Действительно, в этот период, за время до начала «Великой Замятни» 60–80-х гг. XIV в., в Болгаре появляется целый ряд архитектурных объектов, известных в настоящее время. Завершение создания архитектурного облика, ремонтов и реконструкций Соборной мечети в период с начала до 30-х гг. XIV в. открывает целую череду стро-

Рис. 20. Строительные блоки оформления Соборной мечети. Известняк. Вторая половина XIII–XIV вв. 1 – фрагмент блока, оформленного геометрической плетенкой; 2 – деталь фриза с мотивом “узла счастья”; 3 – фасадный блок, обработанный при помощи тройчатки (по: Great Bolgar, 2016, p. 206–207)

ительных проектов, среди которых бани № 2 и № 3, Белая палата и др. На южной границе сплошной застройки раннеордынского времени была построена Черная палата, строительство фундамента которой относится к началу XIV в.(Воскресенский и др., 1967, с. 283), а основное время возведения по результатам историко-архитектурных исследований – ко времени между завершением комплекса Соборной мечети и 1361 г. (Айдаров, 2001, с. 62). В подгорной части в середине XIV в. появилась Красная палата – общественная баня для рядового населения города (рис. 21). Еще одна баня, Белая палата, была построена к юго-западу от городского центра, у истоков Большого Иерусалимского оврага в 30–40-ее гг. XIV в. (Шарифуллин, 2001, с. 235, 236) (рис. 22).

В юго-восточной части в середине XIV в. начинается строительство комплекса мавзолеев «Ханская усыпальница», представляющего собой линейно выстроенную группу зданий, состоящую из четырех построек (Большой восточный мавзолей, Ханская усыпальница, Малый западный мавзолей, Большой западный мавзолей) (рис. 23). Изучение этих сооружений проводилось в 1914–1915, а затем было возобновлено Болгарским отрядом ПАЭ в 1968–1969 гг.(Покровский и др., 1915; Аксенова и др., 1970, с. 171–173; Краснов, 1968; Аксенова, 1969; Аксенова, 2001). На основе археологических работ был сделан подробный архитектурно-строительный анализ объектов (Егерев, 1958; Айдаров, 2001; Зиливинская, 2014). Наряду с выявлением конструктивных и декоративных особенностей зданий была определена последовательность их строительства. Первоначально были построены Ханская усыпальница и Малый западный мавзолей, фундамент которых представляет собой единое целое. Несколько позже были возведены здания Большого восточного и Большого западного мавзолеев. Различное толкование исследователями первоначального назначения Большого западного мавзолея вызвала находка внутри его заглубленного в грунт развала отопительного устройства в виде печи с полусферическим перекрытием, круглым основанием-подом, челом в виде стрельчатой арки и рабочим местом истопника. Система каналов отопления оказалась утраченной, вероятно в результате последующего использования здания как усыпальницы. Н.Д. Аксенова предположила, что «изначально здание строилось как поминальная мечеть или странноприимный дом для паломников-мусульман, приходивших для поклонения святым могилам» (Аксенова, 2001, с. 204). С.С. Айдаров констатировал, что «первоначально западная усыпальница являлась отапливаемым помещением» (Айдаров, 2001, с. 50). Критически рассматривая эти предположения, Э.Д. Зиливинская приводит ряд конструктивных доводов (отсутствие фактов размещения отопительных систем в зданиях для погребения и мечетях, ориентировка постройки по сторонам света, а не на кыблу, отсутствие следов михраба в южной стене), позволяющих искать иную интерпретацию данного объекта. По ее мнению, подкрепленному фактом наличия подпольного отопления, типичного прежде всего для банных построек, наличия следов толстого слоя водостойкого раствора, характерного для бань, «отапливаемая постройка могла быть тахорат-ханой, зданием для ритуальных омовений перед посещением мемориального комплекса» (Зиливинская, 2014, с. 105). Вероятно, в это же время возводится Малый минарет, строительство которого В.Ф. Смолиным тоже отнесено ко второй половине XIV в.(Айдаров, 2001, с. 51). С.С. Айдаров, анализируя систему и тща-

Рис. 21. Красная палата. Вид из угловой комнаты на водоем в централном помещении бани (по: Смирнов, 1951, рис. 144)

тельность кладки и соединительный раствор памятника, находит их идентичными Ханской усыпальнице, другим мавзолеям комплекса, а также угловым башням Соборной мечети, возведенным в начале XIV в. (Айдаров, 2001, с. 52). Учитывая при этом тщательность и уникальный характер декоративного оформления Малого минарета (рис. 24), можно предполагать время его постройки не позднее 1361 г. Комплекс мавзолеев появляется на территории городского некрополя, по соседству с домами, снабженными отопительной системой с канами, которая пришла на смену раннеордынской застройке полуземляночного типа (Аксенова, 1973; Аксенова, 1978).

В юго-восточной, свободной от застройки части городища в 2013–2014 гг. исследованы остатки каменной постройки с квадратным пристроем, вероятно являвшимся остатками башни. Внутри постройки была сделана отопительная система, которая представляла собой печь с топочной камерой и отходящим от нее каном, протянутым по периметру здания. По мнению исследователей, сооружение было общественным, предназначалось для приемов или для размещения сборщика пошлин и существовало в 1340–1360-х гг. (рис. 25) Сооружение, вероятно, представляло собой реконструкцию после пожара находящегося здесь ранее деревянного здания с подобными же функциями, построенного к концу второй половины XIII в. (Волков и др., 2016, с. 16–18). К востоку от этого строения на восточном берегу сезонного водоема продолжается бытование ремесленного поселка с признаками косторезного производства и металлоообработки (Баранов, 2016).

Появление компактной застройки в юго-западной части (Аксенова, Полубояринова, 2005) и функционирование специализированных ремесленных (бронзолитейных, керамических и пр.) мастерских в районе Галанского озера (рис. 26) (Хованская, 1954; Сидиков, 2017) свидетельствует об устойчивой тенденции роста городской территории в данном направлении, дифференциации и специализации застройки в оппозиции: жилая – производственная, возможно, при использовании дорожной коммуникации, намеченной еще в раннеордынский период.

Рядовая застройка в центре Болгара в начале формирования позднеордынского слоя характеризуется в основном срубными домами с подпольями, глинобитно-кирпичными печами и придомными хозяйственными постройками. Отмечается наличие землянок и полуземлянок, которые были связаны с ремесленной деятельностью, а также появление, пока еще единичных, домов монгольского типа (Хлебникова, 1987, с. 70). Согласно сведениям о жилой застройке в Болгаре, опубликованным М.Д. Полубояриновой, к данному периоду формирования слоя относятся не менее 55 наземных домов, 13 полуземлянок и 8 домов «монгольского» типа (Полубояринова, 2016, с. 184–185). Об интенсивном строительстве в центральной части вплоть до 1361 г. свидетельствует наличие трех-четырех строительных горизонтов в слое IVп. На площади исследований, вскрытой до 1987 г., Т.А. Хлебникова отмечает признаки более 100 жилых и хозяйственных сооружений (Хлебникова, 1987, с. 70).

Изучение западной периферии городища, предпринятое после 2010 г., позволило выявить в этой части целый ряд объектов, связанных с рядовой жилой застройкой усадебного типа (Археологические..., 2011, с. 14–17). Среди них представляют интерес остатки жилой усадьбы, функционировавшей в позднезолотоордынское время, где была зачищена хорошо сохранившаяся глиняная печь-лежанка (суфа) с топочной камерой и системой продухов (рис. 27) (Ситдиков, Бочаров, 2014, с. 15–16). Кроме того, в районе строительства Речного вокзала г. Болгара зафиксировано значительное число объектов золотоордынского времени без разделения на горизонты ордынского слоя. В том числе были исследованы

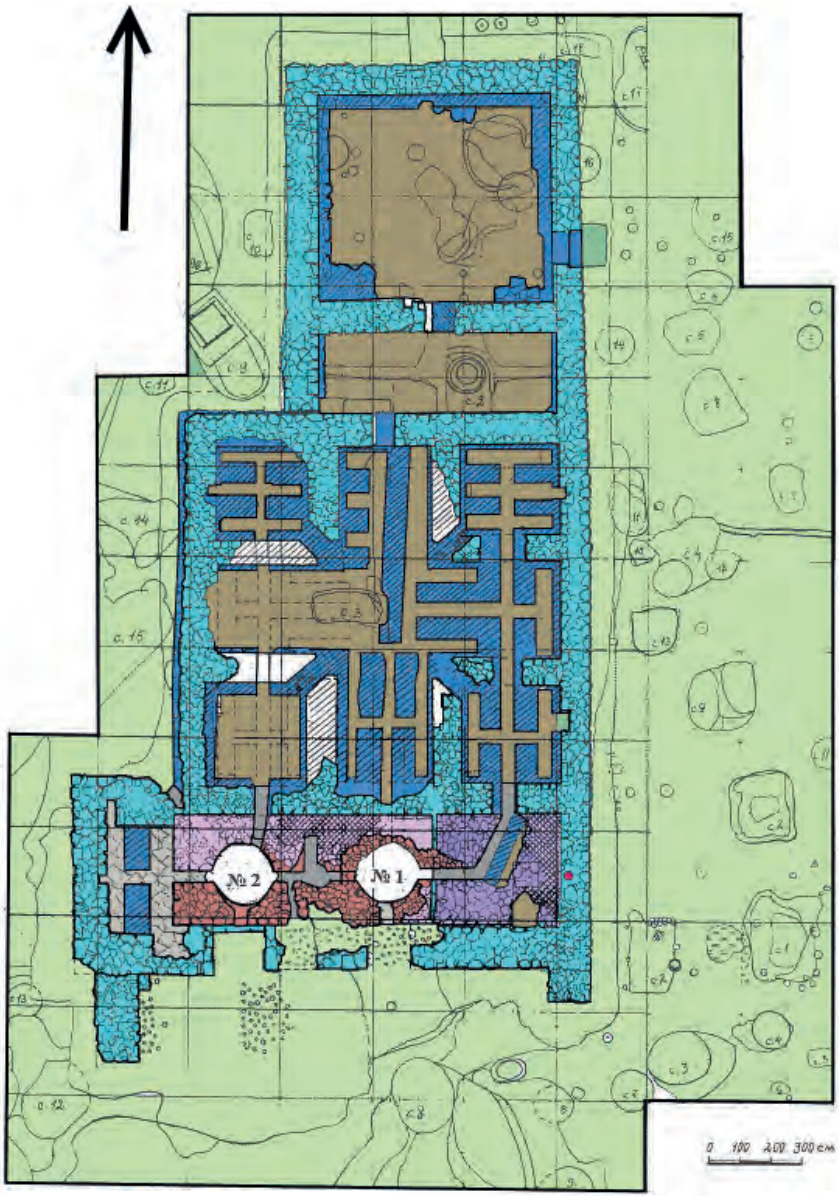


Рис. 22. Общий план общественной бани “Белая палата”. Автор: Р.Ф. Шарифуллин (по: Абдуллин и др., 2016, с. 132, № 26.2.68.)

остатки горнов для обжига керамической посуды и связанные с ними ямы производственного назначения, остатки наземных жилищ с подполом, различные хозяйственные ямы. Один из горнов (лучшей сохранности) сложен из обожженных кирпичей, скрепленных глиняным раствором (рис. 28). Обвалившаяся камера для обжига посуды была заполнена битой керамикой хорошего качества, в перекрытии между камерами по периметру и в центре оставлены отверстия-продухи для поступления горячего воздуха. У второго горна сохранились лишь предгорновая яма, предтопок и топочная камера, заполненная битой керамической посудой. Все объекты датированы второй половиной XIII–XV вв. по причине значительной переработки золотоордынского слоя объектами XVIII–XIX вв. (Археологические..., 2013, с. 15).

В 30–60-е гг. XIV в. (вероятно, до 1361 г.) продолжается интенсивное хозяйственное освоение правобережья р. Меленки и подгорной части. Т. н. «заречный район» характеризуется как ремесленный посад Болгара. За время планомерных исследований здесь зафиксировано в позднем горизонте золотоордынского слоя восточной части заречья продолжение железоделательного производства (Ефимова, 1951; Хлебникова, 1987, с. 76), гончарного – в западной, датированного серединой XIV в. (Хованская, 1954, с. 354–356). Отмечены объекты рядовой застройки, представленные в районе металлургических мастерских наземными домами с подпольями и слегка углубленными в грунт жилищами со стенами из кольев, обмазанных глиной (Хлебникова, 1987, с. 76). В заречье ведется использование бани № 3, построенной не

Рис. 23. Ханская усыпальница и Малый минарет после консервации 2011 г. Вид с северо-запада. На первом плане руины Большого западного мавзолея. Ниже дневного уровня – арочный проем входа к рабочему месту истопника и отопительной печи

Рис. 24. Ниша с резным узором в западной части фасада Малого минарета

Рис. 25. Каменная постройка 40–60 гг. XIV в. Авторы раскопок: И.В. Волков, О.В. Лопан, А.Г. Ситдиков (по: Археологические исследования..., 2014, с. 20–21)

Рис. 26. Общий вид горнов 1–4 у Галанского озера и связанных с ними производственных сооружений, вид с запада. Раскоп CCXVI 2016 г. (сооружения 2, 3, 6 и 7). Авторы раскопок: А.Г. Ситдиков и С.Г. Бочаров (по: Бочаров, 2018, рис. 10: 3)

позднее конца 30-х гг. или середины XIV в. (Хованская, 1954, с. 415; Шарифуллин, 2001, с. 227; Археологические..., 2013, с. 13), которая являлась архитектурной и градостроительной доминантой района.

Руины еще трех построек, расположенные к северу от села Болгары, зафиксированы в описаниях И.И. Лепехина, А. Шмита, Березина, К.И. Невоструева, С.М. Шпилевского. Там же обозначено место, где «по преданию» находилось здание, названное «маяком» (Шпилевский, 1877, с. 228–229). Сведений об этом объекте крайне мало. В изложении С.М. Шпилевского А. Шмит указывает место его размещения следующим образом: «Развалины палат с бывшими круглыми башнями, на возвышенном кургане, за болотом, где по преданию стоял маяк» (Шпилевский, 1877, с. 228). Можно предположить, что строительство этих объектов, включая т. н. «маяк» было осуществлено в период наибольшего расширения городской территории, в том числе и территории правобережья р. Меленки в первой половине – середине XIV в., вероятно до событий 1361 г.

В подгорной части, к востоку от центра, к 30-м гг. XIV в. прекращается использование бани № 1 (Хованская, 1954, с. 398) и, вероятно, с этого времени или несколько раньше начинается функционирование бани № 2 в западной части подгорья (Хованская, 1954, с. 406–407; Шарифуллин, 2001, с. 224–226).

Градостроительные изменения в центральной части на данном этапе позднеордынского периода можно связать с проведением масштабной реконструкции территории центра, начавшейся после завершения работ по строительству и благоустройству Соборной мечети, Большого минарета и мавзолеев центрального комплекса. В 30–40 гг. XIV в. завершается использование бани «Восточная палата» (Шарифуллин, 2001, с. 249). В 1350-х гг., судя по массовому монетному материалу, был построен и начал функционировать Центральный городской базар, просуществовавший до 1360-х или 1370-х гг. (Коваль, 2022, с. 40) (рис. 29). Исследование памятника производилось с некоторыми перерывами в 1989–1993 и 2000 гг. (М.Д. Полубояринова, Г.Ф. Полякова, Н.А. Кокорина) и в 2011–2018 гг. (В.Ю. Коваль, Д.Ю. Бадеев). Его строительство существенно изменило облик застройки городского центра. При этом ввиду конструктивных особенностей здания, которые заключались в вероятном наличии входных проемов со всех четырех сторон базара, не исключено его расположение на перекрестке двух улиц, что подтверждается зафиксированными следами

улицы первой половины XIV в., залегавшими непосредственно под базаром. Полотно этой улицы, ориентированной с ВЮВ на ЗСЗ было зафиксировано в одном из профилей раскопа 2019 г., к юго-востоку от базара, где отчетливо прослеживались четыре яруса уличного полотна. Однозначным указанием на наличие входа в базар с северо-востока являются следы единовременной с ним улицы шириной 12 м в виде примыкавших к его стене двух параллельно расположенных оград, сложенных непосредственно на грунте, без фундаментов из обожженного кирпича (Бадеев, 2015; Коваль, 2022, с. 41).

В период 30–60-х гг. XIV в. городская территория достигает наибольших границ своего расширения, в пределах большого городского вала определяемая порядком около 400 га. За пределами вала и рва она включает в себя территорию Армянской колонии, фланкирующую укрепления городового вала с запада – северо-запада, т. н. «окоп Савенкова» с востока – северо-востока и Малый городок с юга.

Армянская слобода, появившаяся к западу от Болгарского городища, вероятно еще в домонгольское время, к XIII–XIV вв., по мнению исследователей, переживает период своего расцвета. Здесь строится «Греческая палата», храм, относящийся к типу армянских поминальных храмов, где нижний ярус служил усыпальницей, а верхний – церковью. К юго-западу от нее располагалась часовня, к востоку – христианское кладбище. Территория Армянской слободы исследовалась В.Ф. Смолиным (1916), А.П. Смирновым и А.М. Ефимовой (1945, 1946). В процессе изучения были получены сведения о стратиграфии участка, архитектурных особенностях здания палаты, на территории могильника вскрыто 113 погребений. В материалах захоронений зафиксированы фрагменты одеяний и погровов из парчевых тканей, вышитых золотой и серебряной нитями, украшенных растительным орнаментом, изображениями людей и животных, золотые и серебряные серьги, височные кольца, подвески с жемчугом. Над могилами устанавливались надгробные камни с эпитафиями (Смирнов, 1958). В 2019 г. территория памятника обследовалась экспедицией Института археологии АН РТ под руководством Р.Р. Валиева. Целью разведочных работ стало обследование современного состояния памятника и определение его границ путем археологической шурфовки (Валиев, 2021, с. 36–42).

Немаловажное значение имел Ага-базар – пригород Болгара, расположенный у впадения р. Меленки в Волгу (Жиромский, 1954). Следы застройки ордынского времени зафиксированы также с внешней стороны вала, в районе юго-восточной его оконечности. Работами последних лет установлена достаточно разряженная застройка в южной части городища. По мнению, высказанному в статье И.В. Волкова и О.В. Лопан, «нумизматический материал красноречиво иллюстрирует тот факт, что южная часть городища в хозяйственном отношении интенсивно осваивалась только в течение очень короткого периода – в первой половине XIV в., преимущественно в 1330–1340-х гг.» “Наиболее вероятной причиной запустения этой части города” названа эпидемия чумы второй половины 40-х гг. XIV в. (Волков, Лопан, 2018). Как показали данные исторических источников, первая вспышка легочной формы чумы продолжалась на территории Золотой Орды с 1346 по 1349 г. (Хайдаров, Долбин, 2014, с. 96) По летописным данным, в 1346 г. черной смертью оказались охвачены нижневолжские и причерноморские степи, города Сарай, Хаджитархан, Бельджамен и Орнач в устье Дона, а также народы Закавказья (Хайдаров, 2018, с. 49). Вместе с тем, хотя наличие заболевания чумой в Болгаре 40-х гг. вполне вероятно, прямые письменные свидетельства прихода болезни на территорию Болгарского улуса в этот период отсутствуют. Факт же расширения в позднеордынское время характерной для нижневолжского региона Золотой Орды кирпичной усадебной застройки позволяет предположить, что в это время, напротив, был возможен приток населения с Нижней Волги, бежавшего от распространяющейся болезни. К этому времени относится период активной строительной и ремесленной и хозяйственной деятельности на территории городища. Вне сомнения, вопрос заселения и запустения южной части Болгарского городища следует решать имея в виду градостроительную ситуацию на всем памятнике в целом. Что касается второй вспышки чумы (1360–1380 гг.), то ее следы, действительно зафиксированные в материалах городского Усть-Иерусалимского могильника, относятся к более позднему времени, 1362–1400 гг., чему в целом не противоречит абсолютная дата, полученная методом радиоуглеродного датирования по фрагментам костей для этого памятника – 1298–1388 cal AD (Spyrou и др., 2016). Ко второй половине XIV в. относятся находки следов этой болезни в материалах других памятников, расположенных на территории Западного Предкамья, – Лаишевского II могильника и селища Чекма (Руденко, 2018, с. 130–132; Spyrou и др., 2016).

Изучением городской фортификации золотоордынского времени занимались в разное время О.С. Хованская, Н.Д. Аксенова, Ю.А. Краснов, А.М. Губайдуллин, В.Ю. Коваль, П.Е. Русаков (Хованская, 1956; Аксенова, 1970; Краснов, 1987; Коваль, Русаков, 2018; Губайдуллин, 2019). По

Рис. 27.Раскоп CLXXXIX. Печь-лежанка(суфа) жилой усадьбы XIV в. (по: Ситдиков, Бочаров, 2014, с. 15)

результатам работ высота вала в южной и юго-восточной частях достигает 4 м, ширина до 12 м. Глубина рва – около 2 м, ширина около 10 м (рис. 30). Размеры укреплений в западной и восточной частях несколько меньше. Здесь высота оборонительных насыпей около 2 м при ширине до 12 м. Глубина рва до 2 м, а ширина 8–10 м (Губайдуллин, 2019, с. 100). Характер надвальных сооружений дискутируется. Согласно традиционной точке зрения, валы городища были укреплены линией деревянных стен типа «тарас» столбовой конструкции, надолбов и башнями, число которых могло достигать 17 (Хованская, 1956; Хованская, 1958; Краснов, 1987, с. 116–117; Губайдуллин, 2019). Исследования в южной части линии укреплений Болгара, проведенные в 2014–2015 гг., поставили под сомнение правомерность выводов предыдущих лет изучения памятника, т. к. не выявили следов, которые можно было бы достоверно связать с деревянными оборонительными сооружениями: стенами и т. п. Авторы работ сделали вывод, что «фортификация Болгара XIV в. демонстрирует яркое и резкое отличие от древнерусской», исходила из совсем иного порядка организации обороны и была рассчитана прежде всего на отражение нападений конных отрядов. При всей дискуссионности этих суждений исследователям, несомненно, удалось актуализировать тему «особого пути» болгарской фортификации (Коваль, Русаков, 2018, с. 71–74).

При этом важно отметить, что аналогичным образом происходит организация оборонительных систем, не связанных исключительно с задачей отражения конных отрядов, и на других золотоордынских городищах с элементами застройки позднего периода (Царевское, Селитренное городища), созданных во второй половине XIV в. (Федоров-Давыдов, 1994, с. 43). Существенным моментом является отмечаемая исследователями недостроенность фортификационных сооружений на этих памятниках. Подобная же картина наблюдается и на территории Солхата, где за линией длинных валов зафиксирована еще и линия недостроенных каменных стен (Бочаров, Масловский, 2015). Представляется, что мы наблюдаем в этом случае общую тенденцию начала строительства укреплений в золотоордынских городах, но не имевших завершения строительства. В Болгаре к числу подобных объектов может относиться незавершенный каменным строительством комплекс

на территории Малого городка.

Также дискуссионным является вопрос о датировке золотоордынских укреплений Болгара. В качестве времени их возведения предлагались разные даты, которые, по мнению исследователей, связаны с возможностью и необходимостью их возведения, не противоречат логике исторического развития города и увязываются с событиями, произошедшими на территории Золотой Орды: не позднее первой трети XIV в. (Хованская, 1958, с. 320, 321; Краснов, 1987, с. 109); в интервале 1359–1367 гг. (1359–1361) (Коваль, Русаков, 2018, с. 75); не позже 1340-х гг. (между 1342 и 1346 гг.) (Волков, Лопан, 2018, с. 201; Губайдуллин, 2019, с. 107). Пожалуй, предложенные исследователями датировки согласны в том, что строительство столь масштабного объекта должно было произойти до разгара чумной эпидемии на территории Болгара. Исходя из того, что подобный проект мог быть реализован лишь при значительной концентрации сил и ресурсов, можно предположить, что время его осуществления не должно было совпадать с другими масштабными городскими стройками и проектами по благоустройству и инженерной подготовке территории. К 1376 г., по всей видимости, линия городских укреплений Болгара уже была построена, о чем свидетельствует сообщение летописи о том, что защитники Болгара от войск князей Дмитрия Ивановича Московского и Дмитрия Суздальского «гром пущаще с града», т. е. использовали некую разновидность крепостной артиллерии (Фахрутдинов, 1987, с. 22).

Одним из таких проектов, оставшимся, к сожалению, так до конца и не реализованным, стал т. н. «Малый городок», который характеризуется исследователями как недостроенный памятник как утилитарного (торгового, военного) назначения, так и, возможно, культового характера, который мог включать как караван-сарай, так и какие-то культовые здания – мечеть и ханака (странноприимный дом). Объект расположен в южной оконечности «треугольника», образованного линией городского вала и рва, что наводит на мысль о их планировочной связи.

Из-за того что строительство комплекса Малого городка до конца доведено не было, его окончательный облик и назначение остается трудно определимым. Объект был исследован в И.Н. Смирновым и А.И. Александровым (1893), Л.А. Беляевым (1981–1984), Л.А. Беляевым, И.И. Елкиной и А.В. Лазукиным (2011–2015), В.Ю. Ковалем, И.И. Елкиной (2013). В результате раскопками были изучены три монументальных сооружения: двухбашенные проездные ворота, здание для омовений, Южное (трехкамерное) здание. Траншеями были прорезаны оборонительные сооружения: внешний и внутренний рвы, частично – внешний вал; изучена стратиграфия. В 2013 г. были исследованы остатки погребального сооружения – мавзолея и некрополя. Совокупность полученных материалов позволила исследователям датировать комплекс серединой – третьей четвертью XIV в. Зафиксирован ансамблевый характер всей совокупности исследованных объектов, а также их представительское назначение (Беляев, 2001; Беляев и др., 2018) (рис. 31).

Рис. 28. Раскоп CLXXXII. Камера обжига горна XIV в. Авторы раскопок: Т.Р. Губайдуллин , Р.Р. Валиев (по: Археологические исследования..., 2013. с.15)

Экономические процессы, происходившие в 30–60-х гг. XIV в. характеризуются значительным расширением и дифференциацией ремесленной деятельности, зафиксированной на многих участках городища (рис. 32). В центральной части, к юго-западу и востоку от Соборной мечети, функционирует ремесленный район с меднолитейным, ювелирным и косторезным производством, стеклоделием, а также черной металлургией и производством чугуна. Керамические мастерские действуют в районе Галанского озера. Металлообработка зафиксирована в юго-восточной части и в районе Британкина озера. Широкие торговые связи Болгара с различными странами Старого Света характеризуют находки кашинной керамики из Нижнего Поволжья, сирийские, византийские и русские стеклянные изделия, иранская металлическая посуда, китайский фарфор, прибалтийский янтарь, русские и восточные ювелирные украшения и т. д.

В начале 60-х гг. XIV в. Болгар входит в период значительных потрясений, связанных с глубоким династическим кризисом в Золотой Орде, усложненным центробежными явлениями, военными конфликтами, природными и эпидемиологическими катаклизмами, экологическими катастрофа-

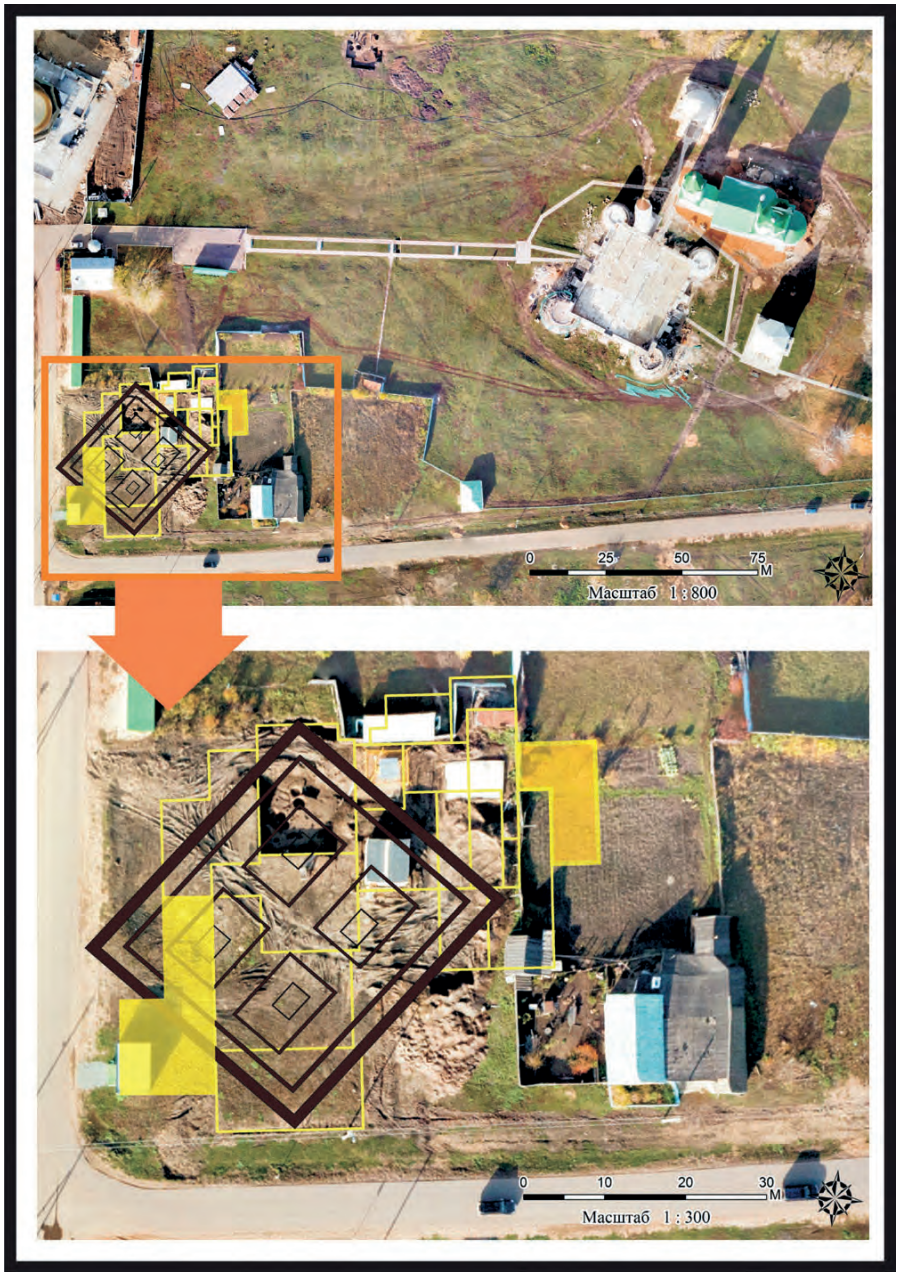


Рис. 29. Схема расположения раскопов CLXXIX и CXCII, совмещенная с планом монументального сооружения «Городской базар» середины XIV в. Авторы раскопок: Коваль В.Ю., Бадеев Д.Ю. (по: Археологические исследования ..., 2016, с. 7)

ми. Болгар не оставили в стороне междоусобные и внешнеполитические конфликты конца 1350 – начала 1370-х гг. «Город оказывает поддержку одним претендентам на сарайский престол против других (например, хана Науруза летописи именуют «болгарским ханом», «царем Волжским»), затем город захватывает и на несколько лет фактически отторгает от Орды Булак-Тимур (1361–1367). При этом с конца 1350-х гг. Болгар попадает в сферу прямых интересов русских князей, а с середины 1360-х становится одним из основных объектов приложения военных усилий ушкуйников-новгородцев» (Беляев и др., 2018, с. 65).

Захват Болгара Булак-Тимуром, по летописным источникам относящийся к 1361 г. (ПСРЛ. Т. 18, с. 101; Приселков, 1950, с. 378; ПСРЛ. Т. 15, с. 70), в культурном слое Болгарского городища традиционно связывается с углистой прослойкой в нижней части позднего горизонта золотоордынского слоя, которая устойчиво фиксировалась на разных раскопах. В центре, на склоне третьей террасы и в юго-восточном районе выше ее залегают монеты второй половины XIV и начала XV в., в заречной и юго-западной частях городища эта прослойка датируется монетами середины XIV в., самыми поздними из которых являются монеты 1361 г. По характеру данной прослойки в центральной и

Рис. 30. Разрез вала и рва XIV в. на южном отрезке городских укреплений. Раскопки 2014 г. Авторы раскопок: В.Ю. Коваль, П.Е. Русаков, А.Н. Смирнов Вид со стороны городища (по: Great Bolgar, 2016, p. 229)

в юго-восточной части городища, где часто прослеживаются куски угля, обугленных плах и бревен, были сделаны выводы о том, что жизнь в этих районах после разгрома 1361 г. не прекращалась (Хлебникова, 1987, с. 69). Следствием этих событий стало запустение некоторых городских территорий (район заречья), прекращение деятельности ряда ремесленных производств, появление большого количества санитарных погребений внутри ремесленных объектов, хозяйственных ям и т. п. Вероятно, именно подобного рода объекты, представляющие собой коллективные захоронения, зафиксированы при изучении горнов Галанского озера (Сидиков, 2017; Бочаров, 2018, с. 253–269), в западной части городища (Сивицкий и др., 2015, с. 20; Кавеев, Баранов, 1991, с. 6), в ряде других городских районов. Было заброшено большинство известных сейчас городских бань, кроме Красной палаты, которая просуществовала до последних лет бытования города, будучи самой крупной баней Болгара и пережив за это время не менее трех ремонтов (Смирнов, 1951, с. 217).

Вместе с тем восстановление города, пережившего целый ряд военных вторжений, включая завоевание Болгара Булат-Тимуром в 1361 г., пережившее затем в краткое правление (1361–1367), осаду войсками московского князя Дмитрия Ивановича (1370, 1376), набеги новгородских ушкуйников (1366, 1374), вторую волну «черной смерти», все-таки происходит. По сообщению летописных источников, в 1370 г. город в лице его правителей смог откупиться дарами, а в 1376 г. выплатить выкуп в 5000 рублей (Фахрутдинов, 1987, с. 22), что, несомненно, было бы невозможно без определенных ресурсных возможностей городской экономики и управления.

По мере политической стабилизации в Улусе Джучи, связанной с правлением Тохтамыша, Болгар возвращается к стабильному развитию, хотя и с некоторым снижением его темпов и проявлением элементов стагнации.

Вторая половина XIV в. характеризуется определенным сокращением городской застройки. Против исследованных для предыдущего периода 55 срубных зданий, в верхней части позднего золотоордынского горизонта определено 32 (Полубояринова, 2016, с. 184). Происходит распространение зданий «монгольского» типа с канами с городской периферии на территорию городского центра, Коптелого бугра.

Рис. 31. План Малого городка с объектами исследований 2013 и 2015 гг. (по: Беляев и др., 2016, рис. 1)

Во второй половине XIV – начале XV в. на исследованной к 1987 г. площади городского центра остается не более 40 объектов жилищного и хозяйственного назначения вместо стоявших на этом месте 100 сооружений (Хлебникова, 1987, с. 70). В юго-восточной части городской территории происходит реконструкция комплекса Ханской усыпальницы. При этом оказывается заброшенной отопительная система Большого западного мавзолея (срыты каналы отопления, обрушен свод печи, засыпаны рабочее место истопника и арка подступа к печи, находившаяся в толще стены фундамента постройки), который превращается в усыпальницу, где были исследованы восемь погребений, одно из которых детское (Аксенова, 2001, с. 204). «Следы реконструкции обнаружены в виде грубо выполненных фундаментов неглубокого заложения между Ханской усыпальницей и постройкой к западу от нее. Оба здания были объединены созданием между ними двух соединительных стен и образованием тем самым дополнительного помещения с портальным входом с северной стороны» (Айдаров, 2001, с. 50).

В этот период в строительстве монументальных зданий происходят существенные изменения, связанные прежде всего с определенным изменением масштабов, топографии и целевой направленности строительства. После Малого городка, где была произведена попытка архитектурного освоения значительного пространства, которая силу ряда причин не была до конца реализована, из крупных проектов, которые мы можем проследить, следует назвать лишь реконструкцию комплекса Ханской усыпальницы. Уже при строительстве Центрального городского базара наблюдается отказ в силу каких-то причин от некоторых традиционных строительных методов (например, уплотнение основания ленты фундамента часто врытыми в материковый грунт деревянными кольями – т. н. сваями-коротышами, что хорошо прослеживается на примере ряда зданий второй половины XIII – начала XIV вв.), вторичное ис-

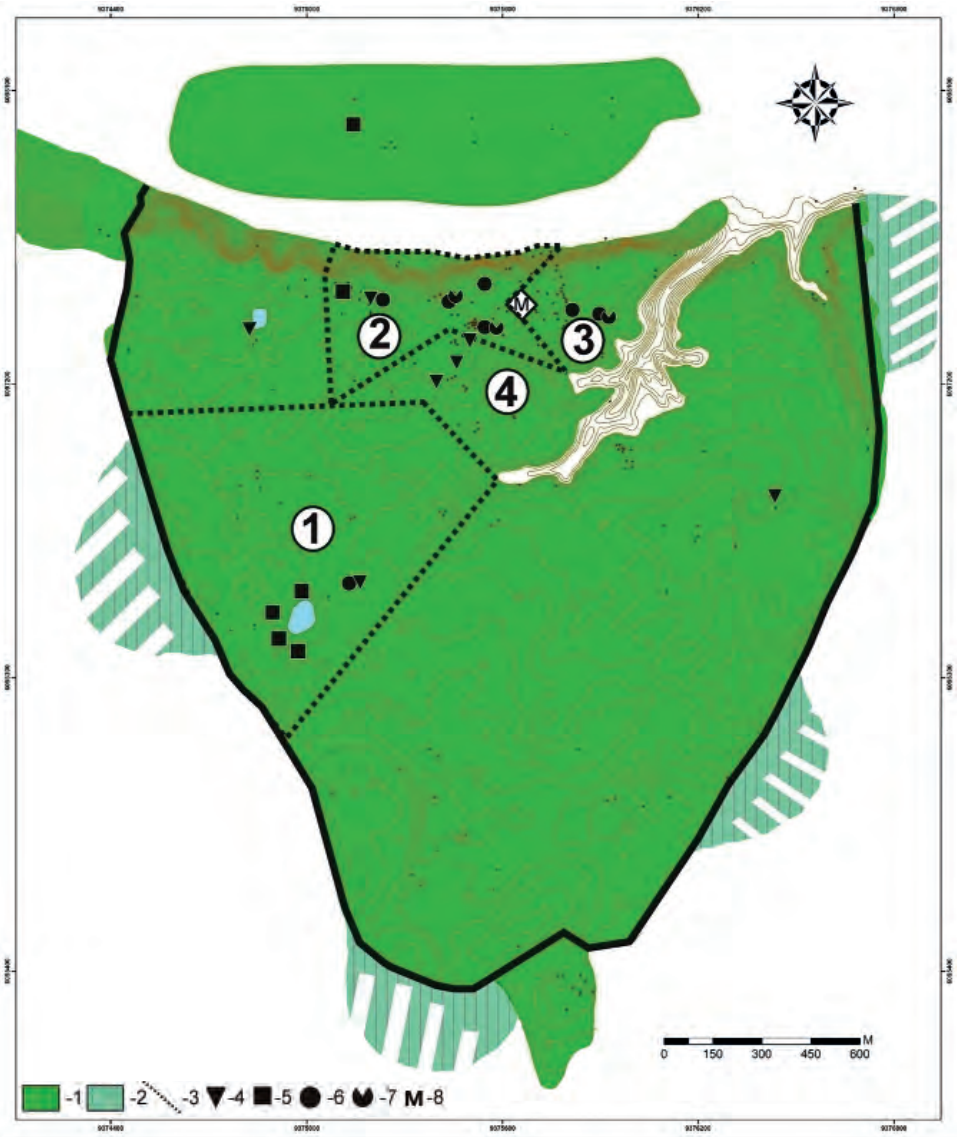


Рис. 32. Золотоордынский Болгар XIV в. Расположение производственныхкомплексов и ремесленных районов. 1 – зафиксированные участки сналичием культурного слоя, объектов или находок хроноиндикаторов; 2 – участки, которые были нарушены линией укреплений середины XIV в.; 3 – условные границы ремесленных районов XIV в.; 4 – металлургические икузнечные мастерские; 5 – керамические мастерские; 6 – меднолитейные ювелирные мастерские; 7 – косторезные мастерские; 8 – Соборная мечеть (вторая половина XIII–XV вв.) (по: Бадеев, 2019, рис. 81)

пользование материалов из разрушенных ранее зданий (Малый городок). Причиной сокращения числа городских бань, вероятно, могли стать износ и выход из строя прежде всего их инженерной «начинки», представляющей собой сложную систему коммуникаций, связанных с водоснабжением, канализацией, отоплением.

Во второй половине XIV – первой трети XV в. основные усилия строителей переносятся на городскую периферию. Объектами строительства становятся прежде всего семейные мавзолеи-усыпальницы, что может свидетельствовать о развитии частного строительства и утрате возможностей для реализации проектов общегородского значения. Прослеживается тенденция возведения культовых построек, связанных с захоронением и мусульманской поминальной обрядностью. Ряд мавзолеев, относящихся к данному времени, был исследован в юго-восточной, юго-западной, западной и южной частях городища (Аксенова, 2001, с. 205–216; Елкина, 2014, с. 139; Ситдиков, Бочаров, 2014, с. 18–19) (рис. 33). Несколько более раннее время строительства мог иметь мавзолей, исследованный в юго-западной части городища на раскопе ССII в 2015 г., в одном из погребений некрополя, рядом с которым была найдена медная монета 1330-х гг. (Волков и др., 2016, с. 17). Болгар становится местом сосредоточения подобного рода сооружений в Поволжье, постепенно приобретая статус важного центра религиозной жизни (Измайлов, Кавеев, 2006, с. 200).

Рис. 33. Остатки каменного мавзолея и прилегающего к нему некрополя XIV – первой половины XV вв., исследованного в южной части городища. Раскоп CLXXIV, 2012 г. Авторы раскопок: Елкина И.И., Лазуткин А.В. Вид с северо-запада, со стороны входа (по: Елкина, 2014, с.131–144).

В западной части городской застройки данного времени большой интерес представляют остатки заглубленного в землю на 1 м строения 10×12 м, углами ориентированного по сторонам света. От входа в здание, расположенного с западной стороны, сохранилась кирпичная лестница, кладка которой была сложена из обломков и целых форм обожженного квадратного битого кирпича, скрепленного глиняным раствором. Лестница спускалась в котлован полуподвала, разделенного на шесть равных комнат 3×3 м, с коридором между ними, в конце которого были расчищены остатки печи. Под печи сложен из квадратных обожженных кирпичей, скрепленных глиняным раствором, и глиняной массы (или сырца), прокалившейся изнутри во время функционирования на 10 см. По немногочисленным находкам, в том числе нумизматическим данным, сооружение было датировано 60–80 гг. XIV в. Здание, по всей видимости, было разрушено в позднезолотоордынское время, а в XVIII в. разобраны его остатки (Ситдиков, Сивицкий, 2014, с. 14–25).

Ремесленное производство этого периода определяется металлообработкой, косторезным производством. Производственная деятельность сохраняется на различных участках городского центра (резьба по кости, кузнечное производство, медницкое дело). Здесь же возобновляется меднолитейное производство, прерванное событиями 1361 г. К западу от него – производство черного металла: кричного железа и чугуна, которое теряет свое значение в конце XIV – начале XV в., и это место застраивается глинобитными и кирпичными жилыми домами, в том числе сырцовыми с подпольной системой отопления в виде канов. Признаки обработки черного и цветных металлов (остатки мастерских, скопления необработанного железа), относящиеся ко второй половине XIV в., найдены в районе размещения Черной палаты (Хлебникова, 1987).

В этот период значительно увеличивается площадь городских некрополей, которые не только расширяются за счет свободных от застройки территорий в южной части городища, но и сдвигаются на вымороченные площадки городских усадеб, ремесленных комплексов. В северо-восточной части, между Большим и Малым оврагами, появляется Усть-Иерусалимский могильник, в восточной – могильник у Восточного проезда. Вероятно, в это время возникают или продолжают функционировать небольшие некрополи на мысовых выступах в центральной части городища.

Во второй половине XIV – начале XV в. продолжает развиваться ремесленно-торговый пригород Болгара Ага-Базар. Судя по наличию монет 1380–1390-х гг. в культурном слое этого поселе-

ния, интенсивность жизни этого населенного пункта превосходит интенсивность жизни Болгара, где находки этих монет редки (Федоров-Давыдов, 1987, с. 184). Вместе с тем масштабные раскопки последних лет в центральной части к юго-востоку от Соборной мечети (раскоп CXCIX) позволили получить достаточно крупную подборку медных монет времен Тохтамыша, монет начала XV в. с надписью «Али Дервиш» и монет с надчеканками (Ситдиков и др., 2015, с. 16–18; Ситдиков и др., 2016, с. 13–15; Мухаметшин, 2021, с. 307, табл. 3). Можно предположить, что на этой части городской территории жизнь сохраняла определенную степень оживления в поздний период существования Болгара.

В завершении позднеордынского слоя на территории Болгарского городища был выделен горизонт, стратиграфически трактуемый как слой пожарища, который в большинстве случаев подстилает слой русской деревни (исключая те участки, где был зафиксирован слой Казанского ханства). «Эта прослойка имеет характер сильно разложившегося угля, измельченного в пыль, пропитавшую и окрасившую до синевы супесь в завершении слоя IVп. Такова она на всей центральной части городища, на Коптеловом бугре, склоне третьей террасы, в восточном и юго-восточном районах и на участке всхолмления, где располагается Белая палата. Она подстилает лежащие выше напластования периода Казанского ханства, или почвенный слой того времени, также окрашивая их» (Хлебникова, 1987, с. 69–70). По мнению исследователей, он может быть истолкован как результат разгрома города московским войском под командованием князя Федора Палецкого Пестрого в 1431 г. (Смирнов, 1954, с. 323; Хлебникова, 1987, с. 69–70). Эти события были зафиксированы в летописных источниках и ознаменовали окончание городской истории Болгара в золотоордынское время, сохранившего тем не менее значение регионального религиозного центра в эпоху Казанского ханства и в последующие периоды.

БИЛЯР И ЕГО ОКРУГА

В течение 35 лет Билярская экспедиция Казанского университета осуществляет микрорегиональное исследование в центральной части Западного Закамья, изучая памятники Билярской агломерации в широком хронологическом диапазоне от домонгольского времени до периода Казанского ханства: Билярское городище (Валиулина, 2005; Valiulina, 2014; Valiulina, 2016a), Горкинское VIII селище (Валиулина и др., 2011), золотоордынский Биляр – Билярское III селище и Торецкое городское поселение (по двум последним памятникам существует довольно значительная библиография). Общая исследованная площадь составляет более 7000 м^2.

Комплексное исследование памятников узкого микрорегиона северо-западнее Билярского городища, последовательно сменяющих друг друга на протяжении нескольких столетий, дает уникальную возможность представить реконструкцию исторического ландшафта от домонгольского времени до конца XV в., обнаружить трансформации в типе расселения, своеобразие формирования и динамику развития городской культуры в каждый исторический период. Все эти факторы развития билярского микрорегиона в большей степени обусловлены широким спектром процессов межкультурного взаимодействия на протяжении XIII–XV столетий (Валиулина, 2009).

Ареалообразующий центр региона, Билярское городище, обеспечивший высокую концентрацию поселений и высокую плотность населения в своей округе в домонгольское время, не пережил монгольского разорения. Итоги полевых исследований на всех 47 раскопах городища на площади около 20 000 м^2 – материалы и данные стратиграфии – однозначно определяют время гибели города в 1236 г. и показывают полное отсутствие свидетельств его возрождения в золотоордынское время (Халиков, 1976, с. 45; Халиков, Валиулина, 1984, с. 176; Хузин, 1988; Хузин, 1991; Хузин, 1995; Халиков, 1994; Валиулина, 2000, с. 273; Валиулина, 2019).

Значительная часть болгарских городов во второй половине XIII в. не была восстановлена и разделила судьбу Биляра. По данным Р.Г. Фахрутдинова, из 93 домонгольских городских центров в золотоордынский период продолжили жить только 17 (Фахрутдинов, 1990), из этого числа должны быть исключены Билярское городище и Сувар, таким образом, возродившиеся города составляют всего 16,1%. Новых городов, возникших на болгарских землях в период Золотой Орды, отмечено всего 14. Этот состав дополняет золотоордынский Биляр – Билярское III селище (Валиулина, 1997; Валиулина 2000; 2019).

Билярское III селище было открыто Р.Г. Фахрутдиновым разведками в 1964 году (Фахрутдинов, 1975, с. 101, № 273, 274), в «Археологическую карту Татарстана» вошло объединенно с Билярским II селищем под одним номером с

обозначением общей территории (Археологические памятники…, 1990, № 433). А.Х. Халиков отождествлял золотоордынский Биляр со II–III Билярскими селищами, руководствуясь прежде всего обширной общей площадью (по его мнению, около 2,5 млн м^2), и определял время его существования до середины XIV в. (Халиков, 1994, с. 84–85). В полной мере такой статус памятника и его хронология были доказаны в результате проведения широкомасштабных полевых исследований (Валиулина, 2019).

Памятник расположен в Алексеевском районе Татарстана – на северо-западной окраине современного села Билярск и в 1,5 км севернее укреплений внешнего города Билярского городища между правым берегом речки Билярки и левым берегом реки Малый Черемшан. Площадь памятника распахивается (рис. 1).

В 1971 году на северо-восточной окраине селища жителем с. Билярск был найден клад из 38 серебряных монет первой половины XIV в. (Федоров-Давыдов, 2003, с. 156), позднее были обнаружены еще три монеты XIV в. (Халиков, 1976, с. 33). Определение монет клада выполнено Д.Г. Мухаметшиным (Валиулина, 2002, приложение 1).

В 1981–1982 годах Н.А. Кокорина рекогносцировочными раскопами площадью 36 м^2 исследовала северо-восточную окраину селища по левому берегу р. М. Черемшан (Кокорина, 1982; Кокорина,1984).

В 1994 году при строительстве дороги из села Билярск в урочище «Святой ключ» оказалась уничтоженной значительная часть территории памятника – на площади 107 600 м^2 культурный слой был срезан бульдозерами до материка (рис. 2).

Строительные работы удалось остановить, как показали последующие раскопки, на самой северо-западной границе золотоордынского города. Охранно-спасательные исследования в течение 1994–1999 гг. осуществлялись экспедицией Казанского университета, общая исследованная площадь составила 978 м^2.

В первый год полевых работ четырьмя раскопами общей площадью 396 м^2 были обнаружены многочисленные и яркие материалы, получены сведения о топографии памятника, его сопряженности с рельефом, установлены западная и северо-западная границы, определена мощность культурного слоя, особенности стратиграфии и осознаны колоссальные масштабы утрат (Валиулина, 2000).

Кроме раскопок, были проведены разведочные работы – шурфовка по маршруту продолжения строительства дороги в западном направлении до опушки леса, площадь шурфов составила 168 м^2. На всем маршруте было найдено всего несколько мелких фрагментов гончарной и лепной средневековой керамики. Результаты разведочной работы позволили определить северную границу памятника и рассматривать пойменную часть левого берега р. М. Черемшан как ресурсную зону города. На самой опушке леса, у южного откоса дороги, по концентрации керамического материала выявлено местонахождение срубной культуры.

В 1995–1996 гг. у северо-восточного края полотна дороги работы велись экспедицией Казанского университета при участии сотрудников Самарского музея им. П.А. Алабина А.Ф. Кочкиной и Д.А. Сташенкова. На раскопах V и VI общей площадью 148 м^2 исследованы хозяйственные сооружения и получена интересная коллекция предметов материальной культуры (Валиулина и др., 2003, с. 199–203).

В 1998 году раскопами VII, VIII в северо-западной пойменной части Билярского III селища, 100 м^2 и 80 м^2, установлено полное отсутствие сооружений при наличии аморфного культурного слоя – слабо переработанной погребенной почвы с минимальным количеством материала: мелких осколков костей животных и керамики (Валиулина, 2000). Таким образом, были установлены западная и подтверждена ранее определенная северная границы Билярского III селища, которые определялись рельефом – оврагами и низинной пойменной местностью правого берега речки Билярки на западе и левого берега реки Малый Черемшан на севере. Пойменные луга, очевидно, использовались в хозяйственной деятельности населения города.

Южная граница золотоордынского Биляра не выходит за пределы дороги на маслозавод, вдоль северной околицы села Билярск. В 1998 г. южнее – от дороги до села и на его северной окраине проведены наблюдения с зачисткой профилей траншей под трубы газификации села, в результате установлено отсутствие культурных отложений ранее XVIII–XIX вв.

Неопределенной остается восточная граница памятника и, соответственно, не может быть названа его общая площадь, тем более численность населения. Значительный участок в этом районе занят летним полем. В восточной и юго-восточной части золотоордынский Биляр «накладывается» – перекрывает раннее Билярское II селище первой половины XI века (рис. 1). В 1999 г. в восточной части селища на площади 86 м^2 исследованы производственные объекты (руководитель Беговатов Е.А. при участии автора). Билярское II селище получило надежную датировку в пределах рубежа X–XI и не позднее середины XI вв. благодаря уникальным материалам. На памятнике найден клад серебряных дирхемов рубежа X–XI в.

Рис. 1. Памятники северо-западной округи Билярского городища.
1 – Билярское городище; 2 – Биляр золотоордынский (Билярское III селище); 3 – Билярское II селище; 4 – Торецкое городское поселение.

(Беговатов 2001, с. 111–112), две ближневосточные стеклянные лампы (Беговатов, Полубояринова, 2014), стеклянные и каменные бусы, иранская и среднеазиатская поливная керамика конца X–XI века (Валиулина, 2017а; Valiulina, 2022).

Раскоп 1 1994 г. площадью 20 м^2 был заложен на расстоянии 1100 м от северо-западной окраины современного села на непотревоженной строительством дороги площади и примыкал к полотну дороги с северо-запада. Раскоп был ориентирован с севера на юг. Стратиграфия: дерн 5–8 см, под ним слой темно-серого рыхлого грунта – до 40 см, примерно 25 см из них переработано пашней, затем идет погребенная почва – темно-коричневый плотный суглинок. Материк – глина желтого цвета. Никаких сооружений, конструкций на раскопе не обнаружено. Находки раскопа № 1 – мелкие немногочисленные фрагменты керамики, осколки костей животных, несколько обломков железных предметов и железный ключ (рис. 3: 17; рис. 5: 13). Отсутствие объектов на раскопе, скудость находок указывает на то, что данный участок являлся окраиной поселения. Памятник в этом районе ограничивается пологим склоном оврага.

Раскоп № 2 был разбит на расстоянии 31 м в юго-восточном направлении от первого раскопа на северном краю строительного котлована. Площадь раскопа составила 316 м^2. Работы были начаты общей зачисткой на уровне третьего штыка (верхние слои культурного слоя оказались срезаны бульдозером). На глубине 45–50 см от современной поверхности на фоне погребенной почвы выявились пятна сооружений: жилой постройки № 1, хозяйственных ям № 2–7, столбовых ямок.

Рис. 2. Золотоордынский Биляр – Билярское III селище, центральная часть, июль 1994 г. Строительный котлован дороги. Вид с севера с горы Балынгуз.

Постройка площадью 18 м² имела столбовую конструкцию – сохранились следы столбовых ям с обугленным древесным тленом вдоль западной стены. Внутри жилища, ближе к юго-восточному углу, зафиксированы остатки очага – обломки обожженного кирпича и пятно прокала на земляном полу, диаметром около 1 м, рядом лежали крупные камни розового песчаника, кирпичи, куски глиняной обмазки, осколки керамических труб. В северной части постройки на глубине 165 см от современной поверхности располагался погреб. Близко подходящие грунтовые воды обеспечили хорошую сохранность органических материалов, находившихся в подвале: соломенную подстилку на дне, пучки толстых ниток, обрывки плетеной веревки (рис. 4: 11), скопление обугленных зерен пшеницы. В засыпи обнаружено обилие костей животных (1216), керамики, угля, обломки битого кирпича, щебень, куски глиняной обмазки. Вещевой комплекс землянки содержит следующие индивидуальные находки: шарнирные ножницы (рис. 3: 20), шесть глиняных пряслиц, пять из которых биконической и один овальной в сечении формы с ямочными вдавлениями по всей поверхности (рис. 3: 1), три обломка сланцевых точильных брусков, осколок венчика стеклянного бесцветного сосуда высокого качества, сильно коррозированные обломки железных предметов, три железные крицы, ключ от навесного замка типа В1 по новгородской типологии, идентичный ключу с раскопа 1 (рис. 3: 18; 5: 14). Обращает на себя внимание железный нож с двумя бронзовыми пластинками – упорами подтреугольной формы, ограничивающими муфту у основания рукояти (рис. 3: 8; 5: 8). Интересен состав поливной керамики, относящейся к комплексу жилища. В засыпи обнаружено два фрагмента архитектурной мозаичной плитки на кашинной основе с ультрамариновой глазурью, десять осколков поливной кашинной посуды: три фрагмента сосуда закрытой формы (типа альбарелло) с двусторонней бирюзовой прозрачной поливой и темно-зеленым подглазурной росписью; край чаши с отогнутым венчиком с черным линейным орнаментом под бледной бирюзовой поливой, с крупными синими точками по венчику; один осколок чаши на поддоне с мелким синим орнаментом на белом фоне и фрагмент закрытого сосуда с полихромным рисунком под прозрачной поливой. Редкой находкой является осколок селадона с подглазурным рельефом.

Хозяйственные ямы округлой и овальной формы, расположенные в основном в западной части раскопа, удалось исследовать на сохранившуюся глубину в 3–20 см. Исключение составляла яма № 4, достигавшая глубины 80 см от уровня выявления. В заполнении ямы найдены обломки камней, кирпичей, более 30 осколков костей животных, единичные фрагменты керамики, глиняное биконическое пряслице, фрагмент цилиндри-

ческого замка (рис. 3: 14; 5: 3), обломки других железных предметов. Вещевой материал, происходящий со дна ям № 2, 3, 5–7, весьма незначительный, потому определить характер и назначение этих сооружений сложно.

Яма № 3, неправильной формы, со следами прокала, является, возможно, остатком открытой печи. Она оказалась плотно заполненной кирпичным щебнем, кусками камня, обмазки; здесь же обнаружены единичные фрагменты керамики, раковины речных моллюсков. Индивидуальные находки из других хозяйственных ям немногочисленны: два глиняных биконических пряслица (рис. 4: 10), астрагал-лощило (рис. 4: 6) и железный черешковый массивный наконечник стрелы ромбовидной формы без упора (рис. 3: 4). Стрелы подобной формы были широко распространены на средневековых памятниках Восточной Европы в древнерусских, болгарских и кочевнических древностях (Медведев, 1966, с. 67, табл. 30,41; Кравченко, 1986, с. 93, рис. 33,4; Казаков, 1993, с. 121, рис. 5,1,2; Иванов, Кригер, 1988, с. 9, рис. 1). Четыре столбовые ямки диаметром 30–40 см (одна из них прорезает яму 7) не обнаруживают конструктивной взаимосвязи.

Раскоп № 3 заложен в 60 м юго-восточнее раскопа № 2. Исследуемая площадь составила 60 м^2. В этом районе, как и на большей площади строительства, культурный слой был уничтожен полностью, погребенная почва также была срезана вся до материковой глины. Зачистка выявила пятна от трех оставшихся ям.

Яма № 1 имела подпрямоугольно-округлую форму (3,60×2,30 м), вытянутую с востока на запад. Темно-коричневый рыхлый грунт заполнения насыщен костями животных, осколками керамики, камня, углем. Кроме массового материала найдены следующие предметы: железные – обломок черешкового наконечника стрелы с упором для древка и плоским линзовидным в сечении, пером (рис. 3: 3), гвозди (рис. 5: 5, 6), пробой (рис. 3: 19; 5: 11), накладка со штырьками, крючок (рис. 3: 9; 5: 10); костяные – астрагал с отверстием (рис. 3: 12; 4: 7), костяная полированная трубочка (рис. 3: 7; 4: 8); глиняные – лощило из стенки кругового сосуда (рис. 3: 5), верхняя часть сероглиняного сфероконуса (рис. 4: 9), полная аналогия известна в Двине (Kalantaryan et al., 2009, p. 130, fig. 42, 3).

Из ямы № 1 происходят великолепные образцы средневековой парадной посуды. Раньше других был обнаружен развал кашинной вазы «гульабдан» с бирюзовой и ультрамариновой глазурью. Находку удалось почти полностью реставрировать (рис. 6). По форме это крупный сосуд на кольцевом поддоне с широким выпуклым туловом и невысокой шейкой чуть раструбом. Диаметр венчика

Рис. 3. Индивидуальные находки 1–4 раскопов Билярского III селища: 1 – пряслице; 2–4 – наконечники стрел; 5–7, 9, 15, 19 – предметы; 8, 10 – ножи; 11 – псалий; 12 – альчик – игральная кость; 13 – амулет, 14 – фрагмент замка; 15 – долото; 17, 18 – ключи; 20 – ножницы; 21 – стремя.
1, 5, 6 – глина, 7, 12, 13, 15 – кость, 2–4, 8–11, 14, 16–21 – железо

19 см, высота венчика 1,8 см, наибольший диаметр тулова 26 см, высота сосуда 15,5 см, диаметр поддона 11 см, высота поддона 2 см, толщина черепка 0,6–0,7 см. Сосуд, как и его ближайшие аналоги, был изготовлен в алебастровой форме. Характерной деталью «сосудов для розовой воды» являются конусовидные налепы с вертикальным рифлением – сохранилось три. Внешняя поверхность гульабдана, кроме того, украшена рельефными горизонтальными линиями: одной – низ шейки и двумя – ребро тулова. На плечики нанесен штампованный эпиграфический орнамент – арабская надпись из повторяющихся слов «икбаль» – успех, дополненная декоративными точками. Нижнюю часть сосуда оформляют 36 рельефных удлиненных фестонов. Вазы с широким выпуклым туловом и рельефными конусовидными выступами на верхней внешней поверхности известны на средневековых памятниках Ирана, Средней Азии, Золотой Орды, Руси (Пугаченкова, 1960, с. 197; Абызова, 1981, с. 296; Гражданкина, Ртвеладзе,

Рис. 4. Индивидуальные находки Билярского III селища: 1 – фрагмент зеркала; 2 – фрагмент сосуда; 3–8 – костяные предметы; 9 – сфероконус; 10 – пряслице; 11 – веревочка. 1 – бронза, 3–8 – кость, 9,10 – глина, 11 – пенька

1971, с. 129; Масловский, 2006, с. 427, рис. 46, 5, 6; Коваль, 2010, с. 69, ил. 10,1; ил. 32,1,2; ил. 37,3).

Состав соответствует химии глазури иранских сосудов из гончарной мастерской предмонгольского времени в центре Билярского городища (Valiulina, 2016b; Valiulina, 2022), а также иранского сосуда типа альбарелло с XXXVIII раскопа домонгольского Билярского городища (Valiulina, 2021).

Истоки сосудов подобной формы, видимо, следует искать в Иране. Гёза Фехервари опубликовал небольшой открытый сосуд на поддоне с тремя рельефными налепами-ручками и коротким носиком, покрытый прозрачной светло-зеленой глазурью снаружи и желто-зеленой внутри. Автор сообщает о находках таких сосудов, в том числе подписного, в Иране (Нишапур), Сирии, Афганистане, Средней Азии XII–XIII вв. и предполагает короткий период их производства после монгольского нашествия (Fehervari, 2000, с. 84–85, No 86). Ранними образцами сосудов с налепами-шишечками в Среднем Поволжье являются находки в Болгаре: фрагмент кашинной стенки с налепом и люстровой росписью (Полубояринова, 2008, с. 74) и фрагмент тоже стенки сосуда, но из светло-красной глины с ребристым налепом и с желто-зеленой двусторонней глазурью (БГИАЗ1009-779/270).

Следующий кашинный сосуд из ямы № 1 имеет плохую сохранность, которая, однако, позволила собрать почти половину чаши-пиалы и в полной мере представить ее декор (рис. 7). Чаша диаметром 19 см, высотой 8,8 см, на поддоне диаметром 7 см и высотой 1,5 см, черепок кремового цвета, песчанистый, 0,5 см толщиной. Чаша относится к самой распространенной и многочисленной группе золотоордынской кашинной керамики с бесцветной прозрачной поливой, подглазурной полихромной росписью и подглазурным рельефом (Булатов, 1968, с. 99). Рельеф декора выполнен белым ангобом. На внутренней стороне чаш-пиал этой группы не прослежено ни одной устойчивой орнаментальной схемы. Орнамент билярской чаши также является примером «системы бесконечного разнообразия ограниченного числа элементов». Анализ кашинной основы пиалы селища (Валиулина, 2000, табл. 1, А, № 1) показывает, что в сравнении с кашином с бирюзовой и ультрамариновой поливой здесь мы имеем пониженное содержание кремнезема, большее количество глины, извести. По результатам анализа можно предположить как золотоордынское, так и среднеазиатское – самаркандское происхождение чаши с Билярского III селища. Кроме развала рассмотренной чаши в яме № 1 найдено еще 13 фрагментов от других сосудов с бесцветной прозрачной поливой, подглазурной росписью ангобом и полихромными красителями, один фрагмент с монохромной двусторонней бирюзовой глазурью и девять мелких фрагментов ильханского люстра (рис. 9: 5).

Завершает обзор парадной посуды из ямы № 1 сероглиняный кувшин со штампованным орнаментом (рис. 8). Изящной формы сосуд имел следующие основные размеры: высота примерно 30 см, диаметр тулова 19 см, диаметр подставки 7,5 см. Поверхность украшена мелким штампованным рисунком в виде частых рядов ромбиков и трилистников. Основной орнаментальный пояс располагался на плечиках – эпиграфический орнамент с растительными мотивами чередовался с фигурными медальонами. К сожалению, верхняя часть тулова утрачена. Подобные кувшины известны в коллекциях Нового Сарая (Федоров-Давыдов, 1976, с. 160–161, илл. 123–124), Сарайчика (Агапов, Кадырбаев, 1979, 190; Самашев и др., 2008, с. 50, 162–163).

В отвале грунта, сдвинутого строительством, в непосредственной близости от ямы № 1 вместе

Рис. 5. Металлические изделия Билярского III селища: 1 – медь; 2–14 – железо

с отдельными фрагментами сосуда с ультрамариновой и бирюзовой поливой была сделана редкая находка, которую с определенной долей вероятности можно связать с комплексом ямы № 1. Костяная обойма являлась деталью наборного пояса и представляет собой плоскую коробочку прямоугольной формы (30×33×5 мм) с овальной боковой прорезью для ремня и овальной петлей-дужкой внизу, которая у основания оформлена фигурной скобочкой (рис. 9: 1). Оборотная сторона обоймы – гладкая без орнамента. На лицевой стороне в технике пропильной резьбы выполнена сложная композиция: оставлена узкая рамка по периметру и в заданное поле искусно вписано профильное изображение дракона. Дракон имеет удлиненную морду с достаточно выразительным глазом, развевающуюся гриву, плавник, змееподобное туловище, покрытое чешуей, показанной рядами мелких резных треугольников и кружков, два отростка – лапы (?), один из них обломан – правая часть изображения утрачена. Вся фигура опирается на раздвоенный хвост – типа рыбьего – или задние лапы. Композицию дополняют расположенные по углам декоративные детали в виде округлых и полукруглых сквозных фигурных прорезей.

Остатки поясов с прямоугольными обоймами с петелькой внизу из твердых материалов – бронзы, серебра, железа, агальматолита, рога – являются довольно частыми находками в средневековых памятниках евразийских степей (Степи..., 1981, с. 198, рис. 73, 31). Исследователи рассматривают эти пояса, как пример сохранения глубокой традиции, сложившейся в древности, видимо, в районе равнинных степей, в том числе в таштыкских памятниках. В монгольское время эта традиция стала господствующей на всей территории степей. Бляхи-обоймы такого облика известны в памятниках Башкортостана, Алтая (Гаврилова, 1965, с. 73), Южной Сибири (Медведев, 1982, с. 65), в Болгаре (Полякова, 1996, с. 215, 221–222). Два экземпляра бронзовых обойм с фигурными петельками поступили в фонды ГОМРТ в составе коллекции А.Ф. Лихачева. Место находки обоих – Биляр или его окрестности (ГОМРТ, № 5427–41, 5427–100).

Являясь деталью богатой одежды, бляхи-обоймы часто украшались геометрическими или зооморфными изображениями, в том числе и фантастических животных – драконов (Кызласов, 1983, с. 200). Обойма с Билярского III селища близка по материалу, форме и размерам костяным обоймам наборных поясов ундугунской культуры Восточного Забайкалья X–XV вв. (Кириллов, 1983, с. 133, рис. 8). Но эти изделия украшал геометрический орнамент. По материалу, сюжету, композиции и технике исполнения билярская находка обнаруживает типологическую связь с костяными обоймами из Смоленска (Асташова, 1993, с. 73).

М.Г. Крамаровский отмечает, что воинские («гвардейские») пояса с изображением драконов известны только по археологическим материалам из европейской зоны степей, куда они попадают вместе с первым поколением Джучидов уже в период 20–40-х гг. XIII в. и окончательно исчезают в самом начале XIV в. География находок ограничивается районами Поднепровья, Среднего Подонья и степного Предкавказья, Среднего и Нижнего Поволжья (Крамаровский, 2000, с. 157; Крамаровский, 2001, с. 47).

Билярская обойма, безусловно, представляет собой не только социально значимую престижную вещь, но и высокохудожественное произведение, которое может быть датировано не позднее начала XIV в.

На расстоянии 80 см севернее ямы № 1 располагалась яма № 2 почти правильной округлой формы диаметром до 2 м. После второй выборки яма чуть сократила свои размеры, завершилась ровным материковым дном на глубине 1,5 м от уровня выявления. Заполнение ямы – рыхлая темно-серая супесь. Кроме массового материала – керамики, костей животных, угольков – обнаружены

	Na	Mg	Al	Si	P	S	Cl	K	Ca	Ti	Cr	Mn	Fe	Co	Ni	Cu	Zn	Sn	Sb	Ba	Pb
Max	8.69	1.49	4.34	65.26	0.31	0.26	0.00	5.68	9.13	0.19	0.00	0.14	7.12	0.56	0.07	0.67	0.30	1.04	0.79	0.19	0.22
Min	7.28	1.41	3.98	60.65	0.24	0.21	0.00	4.94	7.71	0.13	0.00	0.00	4.96	0.27	0.00	0.64	0.04	0.23	0.37	0.10	0.00
Усреднение	8.11	1.45	4.12	62.95	0.27	0.24	0.00	5.20	8.48	0.17	0.00	0.08	5.77	0.44	0.02	0.65	0.17	0.61	0.55	0.13	0.11
Стандартное отклонение	0.74	0.04	0.20	2.30	0.04	0.02	0.00	0.42	0.72	0.03	0.00	0.07	1.18	0.15	0.04	0.01	0.13	0.41	0.21	0.05	0.11

Рис. 6. Сосуд для розовой воды – гульабдан
и состав глазури (СЭМ).

Рис. 7. Чаша с полихромной подглазурной росписью
и рельефом

Рис. 8. Кувшин со штампованным орнаментом

немногочисленные железные предметы: обломок черешкового наконечника стрелы с упором для древка (рис. 3: 3), деталь цилиндрического замка (рис. 3: 14; 5: 3), долото цельнометаллическое в виде граненого восьмиугольного стержня с лезвием на одном конце и обухом на другом (рис. 3: 16; 5: 12).

Яма № 3 (280×140 см) находилась в 80 см северо-восточнее ямы № 2, имела неправильную форму и располагалась вытянуто с запада на восток. После первой выборки яма в два раза сократилась, заполнение – темно-серая рыхлая супесь, по краям и ближе ко дну – пестроцвет – смесь материковой глины с супесью – результат неоднократного оплыва глиняных стенок ямы. Индивидуальных находок немного: шесть фрагментов кашинной керамики (два с ультрамариновой двусторонней глазурью, один с двусторонней бирюзовой и три с бесцветной поливой полихромной подглазурной росписью и рельефом); пряслице из стенки лепного с примесью толченой раковины сероглиняного сосуда (рис. 3: 6); амулет из клыка медведя (рис. 3: 13). Выразительной находкой

Рис. 9. Индивидуальные находки Билярского III селища: 1 – поясная обойма; 2 – фрагмент сосуда с люстровой росписью; 3 – монета; 4 – фрагмент сосуда; 5 – фрагменты сосуда с люстровой росписью. 1 – кость, 2, 5 – кашин, 3 – серебро, 4 – «белая бронза».

является псалий от удил типа II в виде кольца, соединенного со стержнем из круглого дрота с шишечками на концах (рис. 3: 11). А.Н. Кирпичников такие удила датирует X–XIII вв., отмечая, что наибольшего распространения они достигают в XII–XIII вв. (Кирпичников, 1973, с. 16–17, табл. VI). Стержневые псалии известны в Новогрудке, в постройке рубежа XII–XIII вв. (Гуревич, 1981, с. 74, рис. 60, 10), в Ярополче Залесском, в слое начала XIII в. (Седова, 1978, с. 108. табл. 16,6), два экземпляра происходят из Биляра, оба – случайные находки на городище (Хузин, 1985, табл. LXV 4,8). В яме № 3 был найден также бронебойный пирамидальный наконечник стрелы с короткой массивной головкой квадратного сечения (рис. 3: 2). Такие стрелы были широко распространены с X по XIV вв. (Медведев, 1991, с. 83, табл. 25, 7, 18).

Из этого же объекта происходит обломок зеркала диаметром 7,4 см с вертикальным узким подтреугольной формы бортиком высотой 3 мм по краю и петелькой-ручкой в центре. Вокруг ручки расположена окружность с зубчиками и растительным узором с цветами лотоса (рис. 4: 1). По классификации Г.Ф. Поляковой, зеркало относится к типу В-II-3 (Полякова, 1996, с. 230, рис. 73, 2). Из Болгара происходят два экземпляра подобных изделий. Одно из них, идентичное билярскому (тоже обломок), хранится в фондах ГОМРТ (5363; АА 7–43). Билярское зеркало отличает низкий рельеф, нечеткость, «размытость» орнамента. Этот тип зеркал не имеет аналогов на других памятниках, кроме Болгара (Полякова, 1996, с. 238). По результатам сканирующей электронной микроскопии билярское зеркало выполнено из оловянно-свинцовой бронзы: Cu – 64,27%, Sn – 17,92%, Pb – 14,36%. Концентрация основных элементов и их соотношения показывают, что химический состав отличается от состава зеркал Болгара (Хлебникова, 1996, с. 272–273, табл. 1) и Торецкого городского поселения XV века (Валиулина, 2004, с. 35; Valiulina, 2017, p. 94).

В строительном отвале вблизи раскопа № 3 был найден пул Узбека 30-х годов XIV в. чеканки Сарая (определение А.Г. Мухамадиева).

В 1999 г. в восточной части селища на площади 86 м^2 исследованы производственные объекты (руководитель Беговатов Е.А. при участии автора). Южную часть площадки раскопа занимал комплекс гончарной мастерской: два горна, общая для обоих горнов предгорновая яма и яма сырьевая. У западной стенки раскопа, частично уходя за его пределы, обнаружена яма 4, в заполнении которой присутствуют заготовки костяных накладок на лук.

Горн № 1 (рис. 10), кирпично-глинобитный двухъярусный с выступающей топкой, относится к горнам ямного типа, внешний диаметр составлял 160 см, углублен в материк на глубину 144 см от условного «0». Нижняя камера имела диаметр 110 см при высоте 55 см с опорным столбом овального сечения в центре. Под печи диаметром 120 см был выполнен из сырцовых блоков и обмазан глиной, имел толщину 15 см и округлые продухи диаметром 6 см, расположенные двумя концентрическими кругами. Удалось зафиксировать пять продухов внутреннего круга и шесть внешнего, внешний круг вплотную примыкал к стенке обжигательной камеры. Наземная часть горна – свод обжигательной камеры – был, вероятно, глинобитным на жердевом каркасе, на что указывают следы выгоревших жердей по периметру основания обжигательной камеры и большое количество обмазки в развале горна. От каркаса сохранились по меньшей мере восемь столбовых ямок, аналогичных продухам пода. С западной стороны к нижней камере примыкал выносной топочный канал шириной 50 см, о его длине (45 см) можно судить по расположению плоских плит песчаника и известняка, закрывавших устье. И топочный канал, и предгорновая яма горна № 1 после завершения функционирования были перекрыты предгорновой ямой горна № 2 (рис. 11).

Горны, как и другие объекты гончарной мастерской, относятся к одному стратиграфическому горизонту. При этом очевидно несколько более позднее функционирование горна № 2. Судя по характеру боя и брака посуды из забутовки горна № 1, керамики в развале горна №2 и стратиграфии заполнения предгорновой ямы, в горнах обжигалась разная продукция: в горне 1 более грубая кухонная и тарная посуда, возможно – трубы (рис. 12: 5), а в горне 2 тонкостенная, в основном малых форм с тонким резным орнаментом всей поверхности и горизонтально срезанным краем венчика (рис. 13).

В 2000 году на расширенной площадке раскопа, исследующего ремесленный комплекс, выявлен еще один гончарный горн № 3, аналогичный горну 1, но лучшей сохранности. Горны мастерской золотоордынского Биляра обнаруживают параллели с гончарными печами болгарских памятников, но особенно близки и конструктивно, и территориально теплотехническим сооружениям гончарной мастерской середины – второй половины XIII в. Горкинского VIII селища, находящегося в трех км севернее Билярского III селища (Валиулина, Галкина, Нуретдинова, 2012, с. 122–138). Как и Горкинский комплекс, билярская мастерская не содержит бытовых предметов, что позволяет предположить ее периферийное расположение на

Рис. 10. Горн № 1 гончарной мастерской в восточной части Билярского III селища

восточной окраине памятника, дистанцируясь от жилой застройки. Впрочем, говорить о восточной границе золотоордынского Биляра, как и о его общей площади, в настоящее время можно только предположительно, точные определения делать преждевременно – необходимы дополнительные полевые исследования.

При осмотре полностью уничтоженного культурного слоя в результате строительства в 2005 г. ипподрома вдоль трассы дороги в западной части памятника был поднят пул Менгу каана 50-х годов XIII века, чекан Болгара (определение А.З. Сингатуллиной) (рис. 9: 3). Здесь же был обнаружен фрагмент изделия из белого сплава (рис. 4: 2; 9: 4). Предмет, очевидно, является частью поддона кубка или другого сосуда из высокооловянной латуни: Cu – 54,58%, Sn – 30,85%, Pb – 1, 38%, Zn – 2,12%, As – 1,96%. Литой поддон конической формы диаметром 5,2 см по краю украшал «бегунок» – вьющаяся ветвь с цветами из трех лепестков округлой формы. Самые ранние образцы подобного орнамента известны в материалах иранских (Fehervari, 2000, с. 56, No 53) и среднеазиатских памятников IX–X вв., IX веком датируется керамическая чаша из Самарканда, зооморфный сюжет в её композиции обрамляет точная копия орнамента билярского поддона (Ильясова и др., 2016, с. 73, рис. 7; с. 365, рис. 65; с. 580, рис. 106а), еще более близкой аналогией является бордюр подставки бронзового светильника XI–XII века из Тараза (Средневековые города..., 2006, с. 61).

Исследование всей утраченной в результате строительства дороги площади селища в основном сводилось к сбору подъемного материала. Кроме того, производилась зачистка и фиксация уничтоженных объектов там, где от них сохранились хоть какие-то следы. Но даже по этим крупицам можно констатировать, что сооружения – жилища и хозяйственные постройки – располагались уже в 200–250 м от северной окраины современного села Билярск, далее в северном направлении плот-

ность застройки, очевидно, увеличивалась. Здесь угадываются остатки производственных сооружений, горнов. Отвалы по обе стороны от строящегося полотна дороги были насыщены керамикой, костями животных, обломками железных предметов, шлака, крицы. Подъемный материал с южной и юго-восточной окраины селища содержал керамику как золотоордынского времени, так и иранскую и среднеазиатскую XI вв. (Валиулина, 2017а).

Среди находок в подъемном материале оказались крупные осколки чугунного котла, стремя (рис. 3: 21) типа EIII по классификации Г.А. Федорова-Давыдова. Такие стремена бытовали в XII–XIV вв. (Федоров-Давыдов, 1965, рис. 1). Редкой находкой является костяное изделие (рис. 3: 15; 4: 4), которое по аналогии с предметом с городища Баба-ата (Южный Казахстан) VIII–IX вв. можно атрибутировать как деталь инструмента для сучения веревок (Агапов, Кадырбаев, 1979, с. 166–167, рис. 2).

За все время исследований на памятнике обнаружено всего три мелких фрагмента и одно скопление довольно крупных осколков, принадлежащих одному чугунному котлу (рис. 14).

На памятнике найдено несколько мелких осколков стеклянных сосудов лилового, горчичного цвета и бесцветных с золотой и эмалевой росписью на 3, 5 раскопах и случайные находки в нарушенном культурном слое. Самая представительная на Средней Волге коллекция стеклянных изделий с золотой и эмалевой росписью – стаканы, вазы, флаконы, лампы египетского и сирийского производства – принадлежит Болгару. Кроме него, отдельные фрагменты обнаружены на Старо-Куйбышевском городище и в золотоордынском Биляре. Ближневосточное художественное стекло с росписью датируется серединой XIII–XIV вв., билярские находки относятся к начальному этапу поступления этих изделий в Восточную Европу (Валиулина, 2015, с. 248). Показательно, что на Билярском III селище за все время исследований найдено менее 10 стеклянных бусин, в основном на 5 раскопе.

Особенно выразительны полихромные бусы с пятнистым орнаментом, они выполнены по той же технологии, что и домонгольские с желто-зелеными пятнами на темной основе из свинцово-кремнеземного стекла, но имеют иной состав Na_2O-K_2O-CaO-MgO-Al_2O_3-SiO_2, и палитра их декора более яркая, включает красный и бирюзовый цвета (Валиулина, 2005, табл. VI, ан. 30). Такие бусы присутствуют в собраниях Селитренного, Царевского городищ, Куня Ургенча (Пугаченкова,1960), Укека (Валиулина, Недашковский, 2005, с. 258–259, рис. 1, 21), Тындыкского городища

Рис. 11. Горн № 2 гончарной мастерской в восточной части Билярского III селища

(Галкин, 2003, с. 52) и многих других. В Болгаре только в районе центрального базара их найдено 210 экземпляров (Центраальный базар, 2022; Валиулина, 2022, с. 99).

Принципиальное значение для датировки и статуса города имеют находки иранской керамики с люстровой росписью кашанского типа (Valiulina, 2022), фрагмент кашинного сосуда – чаши, оформленной люстровой росписью, в которой особенно примечательны вертикальные люстровые цепочки из пар встречных скобочек в нижней части сосуда и характерный профиль стенок (рис. 15). Чаша имеет широкий круг аналогий: сосуд в экспозиции Музея исламского искусства в Берлине, подписная чаша, выполненная в Кашане в 1215 году, и кувшин первой трети XIII в. в Лувре (Miroudot, 2012, p. 196–199), чаша 1200–1220 гг. в Национальном музее Кувейта (Watson, 2004, p. 359, Cat. 0.17), сосуды начала XIII века в собрании Тарег Раджаб музея (Fehervari, 2000, p. 121, No 148; p. 123, No 150). Оливер Ватсон все их объединяет в одну группу и датирует временем 1200–1220 гг. (Watson, 2004, p. 359–360, cat. 0.17, 0.18).

Более широкие рамки бытования – 1170–1220 гг. у сосудов типа альбарелло с декором широкими вертикальными люстровыми полосами (Watson, 2004, p. 361, cat. 020; Curatola, 2006, p. 106), фрагменты такого сосуда обнаружены на V раскопе золотоордынского Биляра (рис. 16). Находки образцов иранского люстра производства Кашана позволяют предположить основание ордынского Биляра сразу после завоевания, т. е., возможно, уже в 40-е годы XIII века.

Важно отметить отсутствие сосудов с подобными типами росписи и в домонгольском Биляре, и в Болгаре. Золотоордынский Биляр – единственный в Поволжье город, обладавший уникальными художественными произведениями иранского Кашана первой четверти XIII века. В собрании Болгара большинство фрагментов люстровых со-

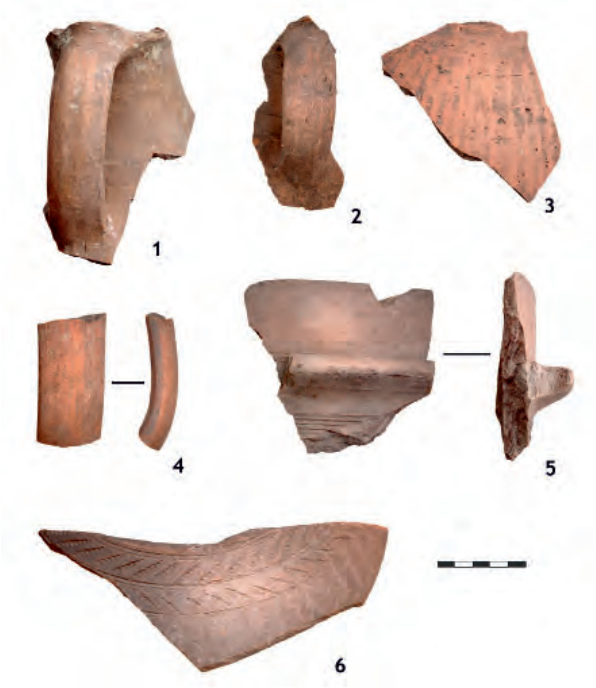


Рис. 12. Первый вариант круговой красноглиняной керамики

Рис. 13. Второй вариант круговой красноглиняной керамики

судов относятся к поздним вариантам иранских люстров ильханского периода второй половины XIII – первой половины XIV в. (Полубояринова, 2008, с. 75). В золотоордынском Биляре мелкие фрагменты ильханского люстра происходят из ямы 1 раскопа III (рис. 9: 5).

Показательным является фрагмент фаянсового сосуда типа раннего ладжвардина. Классический ладжвардин датируется концом XIII–XIV вв. (Watson, 2004, p. 87; Curatola, 2006, p. 121–122; Khalili, 2008, p. 96). Билярская находка являет собой редкий переходный тип от техники минаи к собственно ладжвардину и датируется по аналогиям серединой XIII в. (Fecherwari, 2000, p. 229, No 295). Суммарно поливная керамика на кашинной основе почти в 10 раз превосходит количество

Рис. 13а. Второй вариант круговой красноглиняной керамики

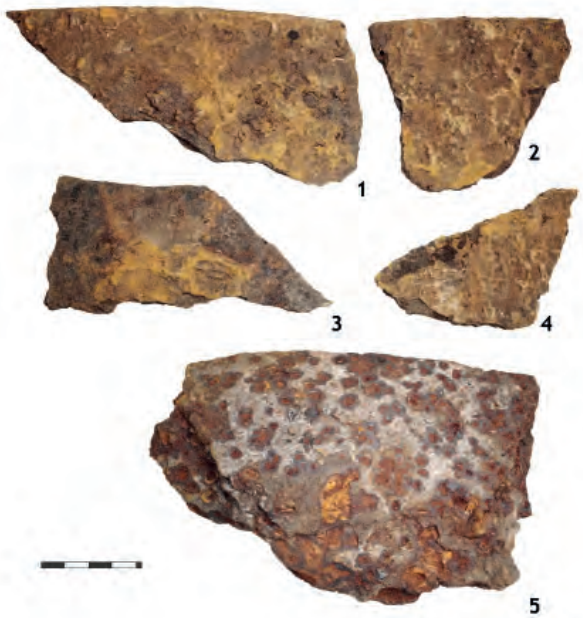


Рис. 14. Фрагменты чугунного котла

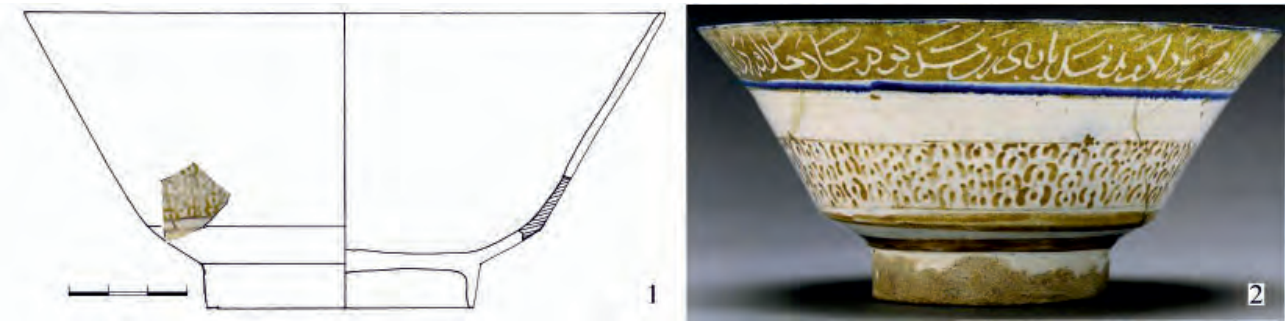


Рис. 15. Реконструкция чаши с люстровой росписью с Билярского III селища (1) и ее аналогия (2) из Национального музея Кувейта (по Watson 2004: 359, Cat. 0.17).

глиняной поливной посуды.

Неполивная керамика отражает основные этнические составляющие населения и процесс их взаимодействия. Соотношение гончарной и лепной керамики золотоордынского Биляра варьирует на разных участках памятника, на площадке гончарной мастерской лепной керамики почти нет, в центральной части памятника (раскопы 1–4) соотношение составляет 45,6%:54,4% (Валиулина, 2009, с. 58). Что кардинально отличается от материалов Билярского городища, где лепная керамика составляет от 0,5 до 5% от общего количества (Хузин, 1986, с. 4).

Круговая ремесленная красная и красно-коричневая керамика составляет в коллекции большинство, представлена фрагментами кувшинов, хумов, горшков, кринок, мисок. Часто поверхность сосудов оформлялась лощением, украшалась линейным и волнистым орнаментом, иногда в сочетании с оттисками гребенчатого штампа. В целом гончарная посуда может быть определена как общеболгарская золотоордынского времени (Хлебникова, 1988). В то же время внутри этой группы обнаруживается разнообразие вариантов по морфологическим и технологическим признакам, не имеющее аналогий ни на одном болгарском памятнике. Эти варианты особенно очевидны в материалах гончарной мастерской в восточной части города. Первый вариант наиболее сопоставим собственно с I группой золотоордынской керамики Болгара, это в основном кувшины, хумы, миски, один светильник, трубы. Все изделия ровного обжига, выполнены из тонко отмученной глины с естественной примесью мелкого песка и минеральной добавкой более крупных фракций округлой формы после обжига, размерностью до 0,5–0,6 мм (рис. 12).

Самый яркий образец в этом сообществе (уже потому, что сохранился целым) – кувшин из сырьевой ямы (сооружение 1) рядом с горном № 1 (рис. 17). Кувшин не был в использовании, т. к. в процессе изготовления получил изъян – сквозное отверстие в стенке и оказался отбракован. По форме, пропорциям, декору сосуд представляет пример сочетания собственно болгарских и болгаро-золотоордынских традиций. Так, декор по горлу и плечикам составляет чередование зон резного линейного и резного фестончатого орнамента, выполненного многозубчатым инструментом, основание горла подчеркнуто рельефным валиком и, видимо как дань домонгольской традиции, поверх тонкого орнамента и нарушая его выполнено лощение разреженными вертикальными полосами. Нужно отметить, что такой способ лощения присутствует на всей керамике первого варианта, кроме труб (рис. 12: 5).

Рис. 16. Фрагмент сосуда с люстровой росписью с Билярского III селища (1, 2) и его аналогия (3) из Национального музея Кувейта (по Watson 2004: 361, cat. 020; Curatola 2006: 106).

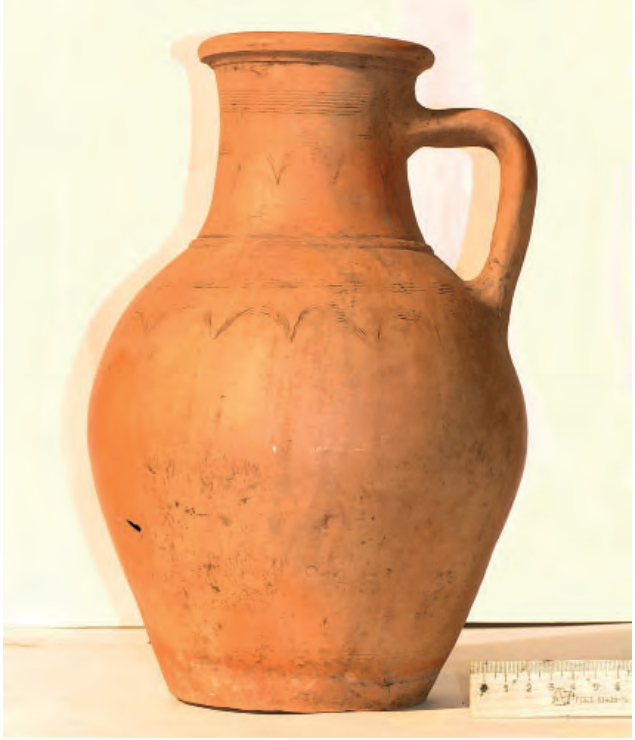


Рис. 17. Гончарный кувшин из сырьевой ямы № 2 гончарной мастерской в восточной части Билярского III селища

Рис. 18. Керамические поддоны – подставки конусы (?) из гончарной мастерской в восточной части Билярского III селища

Особое место занимают три предмета в форме усеченного конуса из красной и коричневой глины мелкой структуры с примесью песка, известняка и органики, с лощением всей поверхности двух из них (АКУ 310/755; АКУ 310/166; рис. 18: 1, 2), не исключая основания дна у самого крупного, и один – без лощения (рис. 18: 3). Предметы напоминают массивные поддоны диаметром 9,2 см, 9,0 см, 6,5 см. С внутренней стороны «воронки» поддонов вырезаны ножом, оставлены стенки 1–1,5 см толщиной. Все три предмета получены из развалов горнов. Изделиям не найдены аналогии, что затрудняет атрибуцию. Исходя из места находок, предметы могли быть связаны с процессом обжига, возможно, являлись подставками, но в таком случае вряд ли оправдано тщательное лощение поверхности.

Второй вариант гончарной керамики имеет узкую локальную концентрацию – в развале горна 2 и в предпечной яме (41 экз.). Сосуды из тонко отмученной глины с редкими видимыми включениями известняка отличаются прежде всего особенностями декора, тонкими стенками (3–5 мм), изящными формами. Некоторые образцы позволяют определить форму сосудов: три фрагмента представляют два широкогорлых кувшина коричневого и красного цвета – диаметр горла обоих 10 см. Коричневый кувшин (АКУ 310/772,778, рис. 13: 3) имел чашевидное завершение горла и горизонтальный срез края венчика (диаметр венчика 13 см), площадка среза украшена тройной частой резной волной. Такой же, но многорядной волной в обрамлении серии резных горизонтальных линий оформлено горло, ниже расположен рельефный валик с глубокими косыми насечками (рис. 13: 1). По такой же схеме выполнен декор второго кувшина (АКУ 310/780; рис. 13: 2). Особый интерес представляет миниатюрный кувшинчик (АКУ 310/756) благодаря лучшей сохранности и богатой орнаментации практически всей поверхности (рис. 13а: 5). Сосуд имел высокое узкое цилиндрическое горло (диаметр 3см) и шаровидное тулово (диаметр 18 см). Использованы приемы орнаментации как у кувшинов, рассмотренных выше, но с добавлением геометрического пояса по центру тулова и фестонов внизу. Внутренняя поверхность покрыта известковым ангобом, с внешней стороны серой пленкой «прикипевшей» золы – она присутствует на всех сосудах и осколках из развала горна 2. Кувшины подобной формы, глиняные и стеклянные, были широко распространены на Востоке, в XII–XIII вв. они известны в Иране и в Закавказье, в частности в Двине (Kalantaryan et al., 2009, p. 130, pl. XLIX, 4, 7). Кроме кувшинов присутствует фрагмент венчика и стенки неглубокого блюда (АКУ 310/762), очевидно полусферической формы (рис. 13а: 4). Горизонтальный край венчика украшен, как и у первого кувшина, также

декорирована и верхняя часть стенок. На горизонтальном крае еще одного сосуда выгравирована арабская надпись. На нескольких сосудах на дне и в одном случае на стенке имеется клеймо самого распространенного в домонгольском Биляре типа в виде буквы «А» с опущенной углом перекладиной. Тем не менее по всему комплексу признаков в болгарских и золотоордынских памятниках аналогии керамике второго варианта не известны. Общей чертой посуды первого и второго вариантов является лощение поверхности уже после нанесения резного орнамента.

Третий вариант гончарной красно-коричневой керамики отличается более грубым исполнением, толстыми стенками, гребенчатым и резным декором, отсутствием лощения. Глиняное тесто плотное с примесью мелкого песка. Ручки кувшинов этого варианта (АКУ 335/52, 176) часто имеют мягкое ребро-налеп вдоль по центру (рис. 19: 6), а горловины – поперечные валики (АКУ 336/64, рис. 19: 7,8). Поперечное рифление – известный прием в золотоордынском гончарстве (Федоров-Давыдов, 2001, с. 99, рис. 49, 1, 2; с. 111, рис. 58, 2).

Особняком в этом ряду стоит стенка сосуда, вероятно, закрытой формы с высоко поднятыми крутыми плечиками, поверхность украшена оттисками гребенчатого штампа и геометрическим резным орнаментом (АКУ 335/48, рис. 19: 5).

Если группа красноглиняной гончарной керамики демонстрирует своеобразие, вариативность и большая ее часть не имеет аналогий, то две другие группы гончарной посуды узнаваемы и могут быть надежно атрибутированы. Речь идет о небольшом числе находок керамики XIV и XVI группы древнерусской (АКУ 335/111, АКУ 336/6) и славяноидной марийско-чувашского происхождения (рис. 20: 5, 6). XIV группа древнерусской керамики представлена 28 фрагментами горшков серого цвета с примесью в тесте песка и слюды или дресвы и слюды. Венчики обладают характерным перегибом с завернутым внутрь черновым краем, образующим валик округлого сечения (рис. 20: 1–4). Такая посуда присутствует на Билярском городище, концентрируясь в районе русских усадеб XXIII раскопа, в Болгаре (Хлебникова, 1988, с. 33; Полубояринова, 1993) и полностью идентична материалам древнерусских памятников, в частности Суздаля и Городца XIII века. Славяноидная керамика XVI группы (марийско-чувашского происхождения) русская по форме, но с примесью толченой раковины в тесте, обнаружена единичными фрагментами (рис. 20: 5, 6). На присутствие христианского, в том числе русского населения, в городе могут указывать и данные археозоологии – в коллекции отмечено наличие костей свиньи (Асылгараева, 2001, с. 81).

Рис. 19. Третий вариант круговой красноглиняной керамики

В керамической коллекции Билярского III селища довольно представительны образцы лепной посуды IX этнокультурной группы (рис. 21). Т.А. Хлебникова связывает возникновение этой керамики во второй половине I тыс. н. э. с территорией Казахстана и Киргизии и отмечает раннее ее присутствие в болгарских памятниках. Это не входит, однако, в противоречие с общей датировкой золотоордынского Биляра. «Материалы Болгара, позволяют, в какой-то мере, говорить о бытовании подобной керамики и в золотоордынский период, что, очевидно, объясняется продолжавшимся притоком тюркского населения юго-восточного происхождения из пограничных регионов между оседлым и кочевым населением Средней Азии» (Хлебникова, 1988, с. 29). Заметное присутствие посуды IX группы на Билярском III селище можно расценить как свидетельство нового импульса носителей традиции этой керамики в период монгольского завоевания.

Возможно, некоторые образцы керамики отражают генезис новых групп и представляют гибридные формы (рис. 21: 6) между IX группой и появившейся на ее основе XIII группой «джукетау» (Хлебникова, 1988, с. 31). При инструментальном осмотре образца АКУ335/115 обнаружен прием оформления венчика: его сначала вытянули

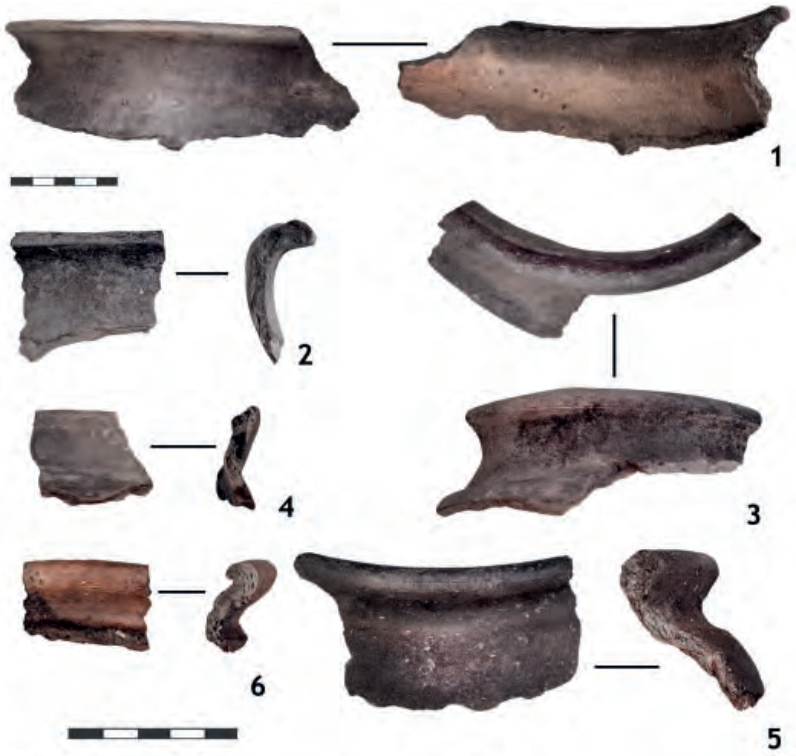


Рис. 20. Образцы XIV древнерусской и XVI славяноидной групп гончарной керамики.

на высоту примерно 3 см, а затем сложили пополам, отогнув наружу, и получившийся цилиндрический венчик – горло высотой 1,5 см – украсили по краю косым гребенчатым штампом. Двумя рядами такого штампа и между ними широкой размашистой одинарной бегущей волной оформлены плечики горшка шаровидной формы.

Спецификой керамического комплекса Билярского III селища является «размытость» признаков разных групп, что объясняется взаимодействием, смешением их носителей. В качестве примера этой особенности выступает самая многочисленная группа традиционной керамики, в целом соответствующая XVIII этнокультурной группе Болгара (Хлебникова, 1988, с. 35): лепные горшковидные сосуды (на стенках с внутренней стороны четко фиксируются отпечатки пальцев) с подправкой верхней части на круге. Тесто сосудов содержит примесь толченой раковины, иногда в очень большом количестве, а также органику и песок, цвет темно-серый, буро-серый, иногда желто-серый. Горшки могли иметь вертикальные петлеобразные ручки округлого или подтреугольного сечения с уплощенной площадкой сверху. Плечики сосуда и площадка ручки украшались гребенчатым штампом (рис. 22: 5). Археологически целый сосуд из заполнения ямы 1 раскопа II (АКУ 335/171) обладает всеми характерными признаками, но не имеет орнаментации, диаметр венчика 14,5 см, наибольший диаметр тулова 18,5 см, высота сосуда 10,5 см (рис. 22: 7). Т.А. Хлебникова считала керамику XVIII группы наиболее близкой посуде родановской культуры Пермского Прикамья, отмечала появление в Болгаре не ранее второй половины XIII в. и бытование до начала XV в., рассматривая ее присутствие как свидетельство контактов Болгара с финно-угорским населением Верхнего Прикамья (Хлебникова, 1988, с. 38). Видимо, широким контактам в середине XIII в. способствовали этнокультурные трансформации этого времени. В середине – второй половине XIII века на средней Вятке возникло государственное образование – Вятская земля, объединившее как пришлое, так местное удмуртское население (Макаров, 1993, с. 32; Голдина, 1999, с. 339). Следствием этого процесса могло быть переселение отдельных групп соседнего с Вятской землей пермского населения родановской культуры на юг к Камскому устью и далее в лесостепные области Западного Закамья (Валиулина, 2009, с. 59). Анализ сосудов XVIII группы методом массбауэровской спектроскопии показал иную характеристику исходного сырья, чем у прикамско-приуральских сосудов Билярского городища и Торецкого городского поселения, т. е. посуда XVIII группы Билярского III селища выполнена из «чужой» глины. В Болгаре эта керамика не особенно заметна (Хлебникова, 1988, с. 36).

Единичными фрагментами представлена XIX группа лепной, часто подправленной на круге керамики. Наиболее крупные образцы в коллекции позволяют говорить о более узкой, чем в Болга-

Рис. 21. Образцы лепной керамики IX этнокультурной группы

ре, номенклатуре форм. На Билярском III селище это котлы и котелки, примером последней формы служит сохранивший полный профиль небольшой (диаметр венчика 10,5 см, диаметр тулова 15 см, высота 11 см) слабопрофилированный сосуд со слегка округлым дном и четко выраженным ребром при переходе стенок ко дну (АКУ335/58, рис. 22: 6). При толщине стенок до 7–8 мм минимальная толщина дна составляла 2,5 мм. Сосуды обладают характерным для группы составом теста: тонкой структурой с примесью песка (Хлебникова, 1988, с. 38), в ряде случаев, в отличие от материалов Болгара, отмечены следы присутствия органики. Технологической особенностью XIX группы золотоордынского Биляра является выравнивание снаружи нижней части сосудов срезанием глины ножом в горизонтальном направлении (рис. 22: 6). Некоторые образцы украшает орнамент гребенчатым штампом (АКУ335/175, рис. 22: 5). Появление XIX группы в Болгаре в начале золотоордынского периода Т.А. Хлебникова связывала с перемещением ремесленников из Средней Азии в результате монгольского нашествия (Хлебникова, 1988, с. 47).

Таким образом, керамический комплекс достаточно выразительно отражает основные этнические составляющие населения и начальный этап процесса их взаимодействия в раннем золотоордынском городе.

На основной территории памятник предстает однослойным золотоордынским. Никаких свидетельств существования подстилающего домонгольского слоя раскопками не обнаружено. Анализ подъемного материала в юго-восточной части и раскопки гончарной мастерской на восточной периферии памятника показывают, что здесь имеет место «наложение» слоя раннезолотоордынского города на поселение, судя по характеру материальной культуры, явно городского типа рубежа X–XI – первой половины XI века. Этот памятник никак не может рассматриваться в качестве посада домонгольского Биляра. Можно предположить гончарную мастерскую крайним восточным объектом памятника. Окончательное решение топографии золотоордынского Биляра в этом районе остается актуальной задачей.

Автодорога на «Святой ключ» проходит по центру золотоордынского Биляра, пересекая его с севера на юг. С учетом рельефа местности, вероятно, здесь с домонгольского времени действовал наиболее оптимальный путь на Каму, который и определил место основания нового города. На этой территории отмечена самая высокая плотность сооружений. Однако их сохранность (в основном следы) не позволяет делать заключение о планировочной структуре города. Приходится констатировать, что наиболее богатая объектами и материалами часть памятника уничтожена строительством.

Золотоордынский Биляр задает новое топографическое направление формирования поселенческой структуры микрорегиона на перспективу

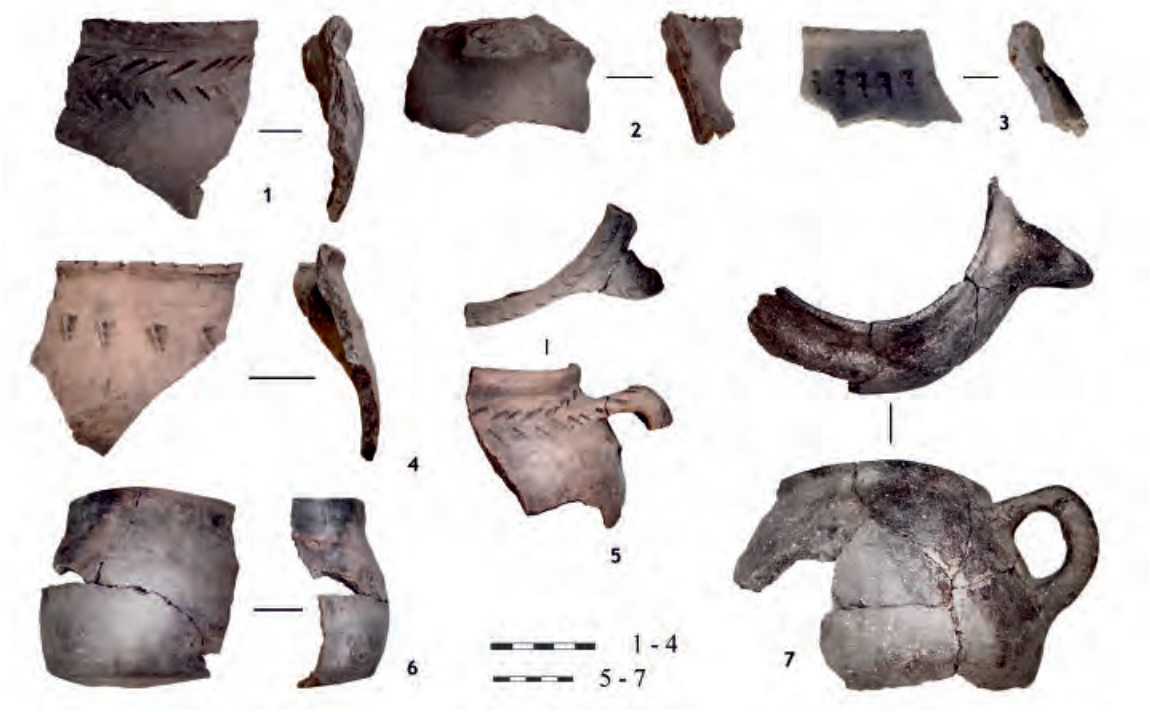


Рис. 22. Образцы лепной керамики XVIII и XIX этнокультурных групп

XIII–XV вв., определяющим стержнем этой структуры явилась дорога на Каму. С этого времени на смену домонгольскому концентрическому расположению памятников билярской моноцентрической агломерации вокруг ареалообразующего Билярского городища, приходит векторная северо-западная, относительно руин Биляра.

Билярское III селище – золотоордынский Биляр – особенно выразительно демонстрирует и новый вектор развития культуры на территории Волжской Болгарии с середины XIII века.

С самого начала изучения был очевиден городской характер памятника (Валиулина, 1997). Золотоордынский Биляр пополнил список тех немногих городских центров, которые возникли на территории Волжской Болгарии в золотоордынское время. Новый город относится к числу самых ранних монгольских городов.

Богатая материальная культура памятника, еще не синкретичная золотоордынская, а скорее «мозаичная», четко отражает отдельные формирующие ее компоненты. Причем, как было очевидно с первого года работ на памятнике, собственно болгарская составляющая менее всего выражена в этой «мозаике» (Валиулина, 2000, с. 284). Этот факт следует рассматривать как еще одно подтверждение грандиозных масштабов катастрофы Билярского городища и особой политики завоевателей по отношению к населению погибшего города и его округи.

Золотоордынский Биляр возник на незаселенной свободной территории. В предмонгольское время здесь не было ни посада Биляра, ни поселения. В этой особенности проявилась закономерность, отмеченная В.Е. Егоровым: «Первые золотоордынские города были основаны буквально на пустом месте вне связи с какой-либо культурной традицией. Это были города с одной ярко-выраженной функцией – административно-политической… Естественно, что это была только первая стадия существования будущего города, в дальнейшем он обрастал ремесленниками» (Егоров, 2000, с. 267). Обнаруженная в восточной части золотоордынского Биляра гончарная мастерская как будто бы иллюстрирует этот процесс, в то же время продукция мастерской показывает отсутствие преемственности с домонгольским гончарством Волжской Болгарии.

Результаты раскопок и прежде всего вещевые материалы памятника демонстрируют четко разграниченные разные этнокультурные составляющие будущей синкретичной культуры Болгарского улуса Золотой Орды. Памятник представляет собой начальный этап процесса формирования культуры нового государства, в которой, по крайней мере на начальном этапе, практически не нашлось места культурной традиции местного болгарского населения. Последний тезис особенно красноречиво иллюстрирует керамический материал. Для болгар это был чужой город, демонстрирующий, практически полное отсутствие континуитета его культуры с домонгольским Билярским городищем.

При определении статуса и хронологии Биляра золотоордынского особого внимания заслуживает

Рис. 23. Изделия из цветного металла Торецкого городского поселения:
1 – крышка; 2, 3 – зеркала; 4 – курильница

выпуск «Монеты Биляра». А.З. Сингатуллина, отмечая тесную связь монетных дворов Болгара и Биляра, предполагает функционирование билярского денежного двора на положении филиала, работавшего периодически по мере необходимости, что позволяло привлекать билярских мастеров для работы на болгарском монетном дворе (Сингатуллина, 2009, с. 46–47). В то же время автор обращает внимание на своеобразие в оформлении ранних билярских монет 1270-х – начала 1280-х гг. и большое сходство монет 1292/1293 гг. с одновременными болгарскими монетами. После 1292/1293 года монетный двор Биляра был закрыт (Сингатуллина, 2009, с. 48, 121). Такая динамика отражает меняющийся в течение второй половины XIII века статус города и объясняет его верхнюю хронологическую грань – начало или первая половина XIV века. На памятнике найдено всего пять монет – все подъемный материал и клад 1971 г. (38 монет 30-х гг. XIV в.), точное место находки которого не установлено. Монеты середины – второй половины XIV отсутствуют.

Вместе с данными нумизматики богатые и выразительные материалы, обеспеченные многочисленными и надежными аналогиями по всему маршруту завоевателей до Средней Волги, несформированность единой культуры, отсутствие сельской инфраструктуры, на что указывает отсутствие синхронных памятников в его округе, дают основания датировать золотоордынский Биляр 40-ми годами XIII – началом, возможно, первой половиной XIV в.

Рис. 24. Индивидуальные находки Торецкого городского поселения: 1 – иконка; 2 – сюльгама; 3, 4 – нательные крестики; 5 – перстень; 6 – крест-энколпион; 7 – амулет; 8 – заколка (?); 9–14 – детали поясного гарнитура; 15 – матрица. 1 – сланец, 2, 4–6, 8 – сплав на основе меди, 3, 9 – железо, 7 – серебро, кость (зуб)

Рис. 25. Круговая керамика в традициях I общеболгарской группы Торецкого городского поселения

Торецкое городское поселение.

Экспедицией Казанского университета в Центральном Закамье, в Алексеевском районе Республики Татарстан, открыт и активно исследуется с 1998 г. неизвестный ранее город XV в., практически не сохранившийся в исторической памяти и не запечатленный письменными источниками.

Торецкое городское поселение не имеет укреплений, занимает мысовую часть пологого склона второй надпойменной террасы правого берега р. М. Черемшан, правого притока р. Б. Черемшан (левый приток Волги) и правого берега Торецкого ручья (частично переходя на левый берег) (рис. 1). На левом берегу Торецкого ручья и на южном склоне горы Балынгуз расположено Балынгузское кладбище, предположительно датированное XIII–XVI вв. (Археологические памятники…, 1991, с. 78), которое следует рассматривать как городской некрополь. В 2009 г. на площадке Балынгузских мавзолеев были проведены археологические раскопки «для изучения стратиграфии культурного слоя и древних объектов» (Шакиров, Матвеев 2016, с. 145–149).

Площадь Торецкого городского поселения составляет более 30 га, мощность культурного слоя достигает 40 см в центральной части, сходя на нет на южном склоне. Раскопами I–XXI исследовано около 5000 м^2, выявлены жилые постройки, хозяйственные сооружения, производственные комплексы, погребения, денежные и вещевые клады (Валиулина, 2017б).

Город отличается своеобразием и богатством материальной культуры (рис. 23–27), размахом международной торговли (Валиулина, 2010):

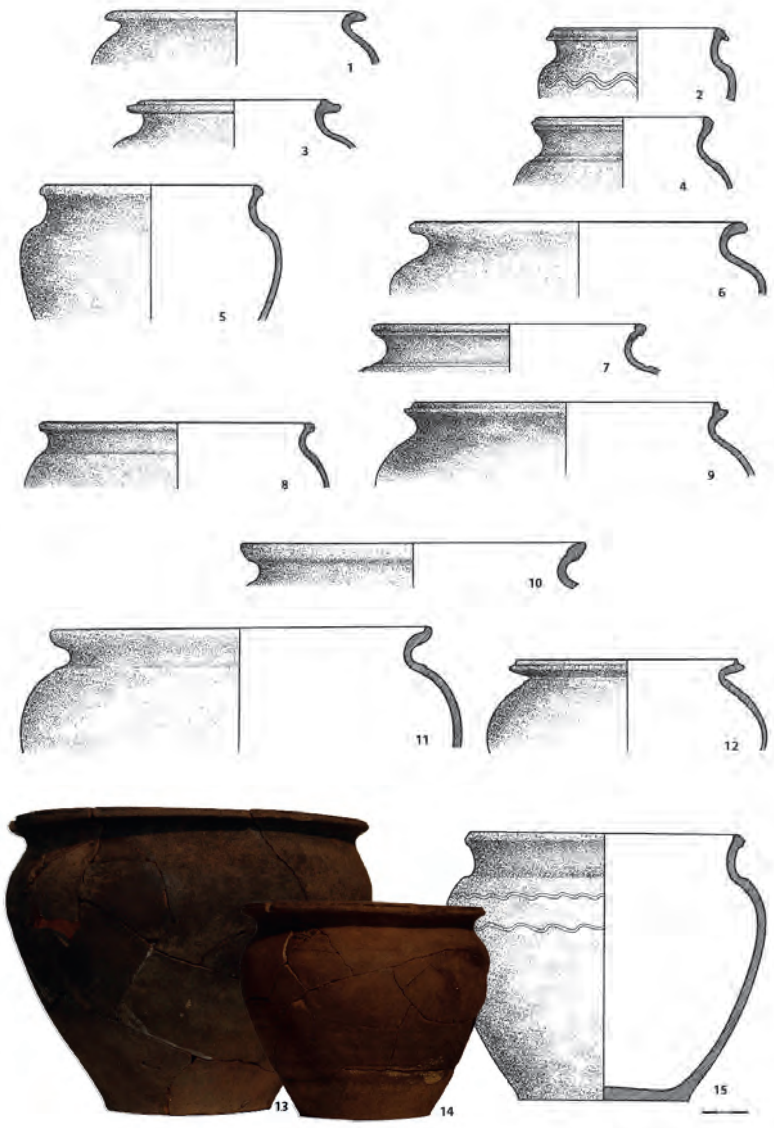


Рис. 26. Круговая керамика XIV и XVI групп Торецкого городского поселения

здесь найдены китайский фарфор, сирийское стекло, янтарь, керамика: крымская посуда, хорезмская посуда и мозаичные плитки; ганзейские оловянно-свинцовые пломбы (рис. 27); высокоразвитым многопрофильным ремеслом (Valiulina, 2017б, с. 94), полиэтничным и поликонфессиональным составом населения (Валиулина, 2017в). О присутствии в городе не только мусульман, но и населения, исповедующего христианство, свидетельствуют находки культовых предметов (каменная иконка; нательные кресты, крест-энколпион) (рис. 24: 1, 3, 4, 6), русская керамика (в отдельных объектах до 50%) (рис. 26) и кости свиньи в составе остеологических материалов. Характер и объем нумизматического материала показывает, что Торецкое городское поселение могло быть центром чеканки монет в XV в. Основными ремесленными производствами являлись черная (Семыкин, 2012) и цветная металлообработка: на памятнике открыты три медницкие, ювелирная и чугунолитейная мастерские (Валиулина, Зайцева 2011; Valiulina, 2021).

Памятник однослойный, существовал, очевидно, в XV или в самом конце XIV–XV вв., погиб в результате военного нападения в конце XV в. Вероятно, нападавшими были ногайцы, в это время ногайские отряды поднимались до устья Камы, о чем свидетельствует, кроме сообщений письменных источников, практически полное отсутствие поселенческих памятников времени Казанского ханства в области Центрального Закамья.

Выразительной иллюстрацией последней страницы истории города служат клады (Валиулина, 2017а) и так называемые братские могилы – кол-

Рис. 27. Торговый инвентарь Торецкого городского поселения:
1-3 – торговые пломбы; 4–18 – гирьки; 20–21 – чашечки весов.
1–3 оловянно-свинцовый сплав; 4–7, 11, 16, 18 – свинец; 8–10, 17 – железо;
14–18 – бронза; 19-21 – медь.

лективные погребения, совершенные наспех, без соблюдения обрядности.

Таким образом, раскопки представили уникальный памятник раннего Казанского ханства (Валиулина, 2016, с. 148–149) – центр высокоразвитого ремесла и международной торговли XV в.

Горкинское VIII селище.

Селище было открыто разведками Билярской археологической экспедиции в 1974 г., в последующем неоднократно осматривалось (Шакиров, 2007; 2008; Нуретдинова, 2009). Памятник располагается на пологом склоне оврага с родником, вдоль северо-восточного вала Балынгузского городища. Площадка селища постоянно распахивается, вследствие чего культурный слой полностью нарушен и сохранился лишь вдоль берега оврага. В 2007 г. земля, на которой расположено селище, перешла в частную собственность, новый хозяин расширил овраг и возвел плотину. Этими действиями была уничтожена значительная (вся прибрежная) часть площади селища. В процессе земляных работ был обнаружен полый объект

глинобитно-кирпичной кладки. Участок был присыпан грунтом и сохранен до археологов. На этом искусственном останце склона оврага был заложен раскоп площадью 60 кв. м, ориентированный в направлении СЗ – ЮВ. Площадь и ориентировка раскопа диктовались характером и размерами оставшейся площадки. Культурный слой сохранился частично и неравномерно. Максимальная мощность достигала 25–30 см в северо-восточной части раскопа, в южной части слой оказался утрачен почти до материка. В процессе работ была обнаружена часть гончарной мастерской: три горна и две предгорновые ямы.

С раскопа происходят всего четыре индивидуальные находки: обломок ножа, точильный брусок, фрагмент удил и сопло. Массовым материалом является гончарная красноглиняная керамика (1912 фрагментов), которую отличает хороший обжиг и большая запесоченность теста. Ассортимент продукции мастерской составляют кувшины (более 48%), хумы, горшки, миски, блюда, плошки.

Практически полное отсутствие бытового инвентаря и кухонных отходов – костей животных свидетельствует о том, что мастерская была выведена за пределы жилой застройки поселения и, очевидно, располагалась в производственной зоне внизу у ручья.

По основным конструктивным особенностям горны относятся к типично болгарским двухъярусным горнам периодического действия с восходящим движением газов (Васильева, 1988, с. 135). Горкинский комплекс, в который вошли три горна круглой формы, в том числе один с опорным столбом, построенный с использованием сырцовых блоков, обнаруживает аналогии с мастерскими у Голландского озера в Болгаре и Мохше (Васильева, 1988, с. 143). По использованию жердевого каркаса и опорных колышков по периметру основания стенок горны Горкинского VIII селища имеют прямые параллели с горнами первого типа гончарной слободы Билярского городища, которые Н.А. Кокорина считает наиболее распространенным типом у болгар (Кокорина, 1983, с. 55, 60, 62, 64). В то же время они близки гончарным комплексам древнерусских памятников, расположенных в верховьях Дона: это три горна первой половины XIII в. и один середины – второй половины XIII в. на поселении Монастырщина 5, горны второй половины XIII в. на поселении Яблоново (Гоняный и др., 1993, с. 149–150) и на поселении у с. Каменное в Липецкой области (Матвеева, 1982, с. 99–103).

Опираясь на выявленные аналогии горнам и исходя из характера керамического материала, мастерская Горкинского VIII селища, как и сам памятник, может быть датирована серединой – второй половиной XIII в.

Памятники северо-западной округи Билярского городища представляют уникальную возможность увидеть историческую картину микрорегиона в динамике развития городской культуры. На протяжении пяти веков три городских центра: домонгольское Билярское городище, золотоордынский Биляр и Торецкое городское поселение, последовательно сменяя друг друга, отражают три исторические эпохи. В формировании золотоордынского Биляра и Торецкого городского поселения определяющее значение имели процессы межкультурного взаимодействия – массовая миграция, создание империй и торговля на дальние расстояния, которые имеют «важные последствия поверх границ обществ и культурных регионов» (Bently, 1996, с. 749). Безусловно, историческая картина региона не может быть полной без представления сельских памятников. Полевые исследования поселений в округе Билярского городища по всему периметру города в настоящее время являются насущной задачей.

ДЖУКЕТАУ И ПРИЛЕГАЮЩИЕ ТЕРРИТОРИИ

Монгольское завоевание. По сообщению В.Н. Татищева, первое упоминание города «Жукотин» в русских летописях относится к 1236 г., когда он был завоеван войсками Батыя: «Пришли татары на великих болгар, всю землю их поплени-ли, град Великий и Жукотин при жестоких боях взяв, всех жен и мужей порубили, а младых поплени-ли и всей землей их обладали» (Татищев, 1768, с. 405). Ни в одном из сохранившихся списков летописей такого упоминания нет, что требует критического подхода к данному сообщению; при этом ему не противоречат имеющиеся археологические данные.

На городище Джукетау и бывшем «западном посаде» (Донауровское II селище) домонгольский слой завершается относительно мощной прослойкой пожарища. На Донауровском II селище и могильнике исследованы захоронения с существенными отклонениями в ориентировке, положении погребенных. На городище встречаются отдельные фрагменты человеческих останков, хотя здесь некрополи неизвестны. Стратиграфическое расположение пожарищ и их распространение на значительной площади археологического комплекса, присутствие достаточно выразительных вещевых и других материалов дают основание предпо-

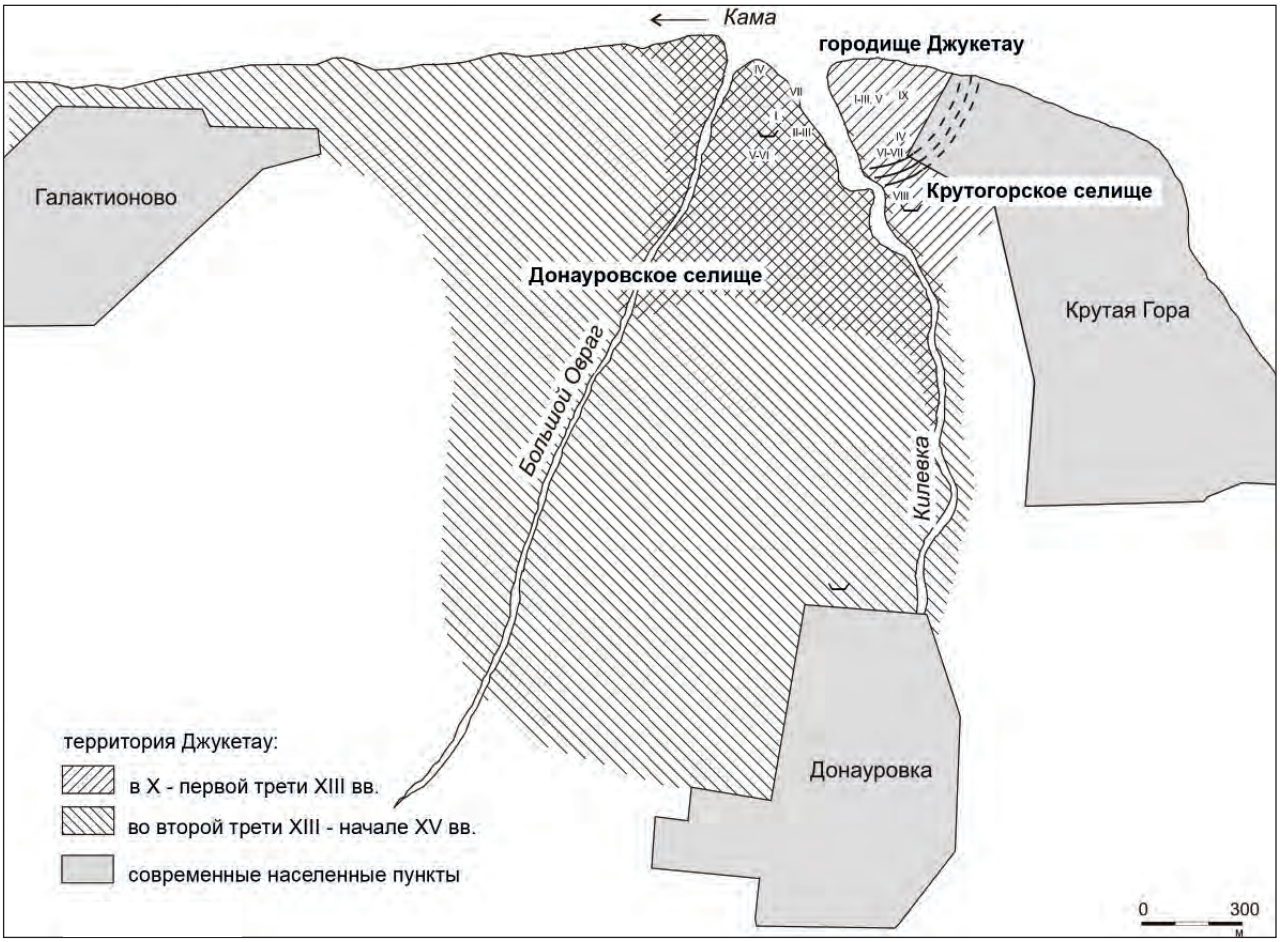


Рис. 1. План-схема археологического комплекса Джукетау

лагать связь археологических данных с историческими событиями 1236 г. (Хлебникова, 1975, с. 234–251).

Вслед за непосредственно военными актами не удалось избежать их негативных последствий: начался уход населения в более безопасные районы, была нарушена система взаимодействия города с округой. Тем не менее Джукетау стал одним из немногих городов Закамья, который не только восстановился и продолжил свое существование в золотоордынское время, но и пережил эпоху расцвета.

Городище и прилегающие к нему территории (рис. 1). Городище Джукетау традиционно датировалось домонгольским и золотоордынским периодами. В то же время исследователи отмечали слабую мощность культурного слоя и невыразительность находок золотоордынского времени (Хлебникова, 1975, с. 234–251). Новые исследования городища и прилегающего к нему Крутогорского (Донауровского I) селища не выявили здесь культурных отложений золотоордынского времени и вещевого материала, характерного только для второй половины XIII – XIV вв. (Набиуллин, 2003, с. 44–61). Практически единственными с территории городища находками, характерными для этого времени, являются несколько железных наконечников стрел соответствующих типов (Медведев, 1966; Хлебникова, 1975, рис. 3: 2, 3; Набиуллин, 2000, рис. 3: 11). Но, исходя из функционального назначения этой категории находок и на фоне отсутствия других археологических материалов золотоордынского времени, эти наконечники скорее не датируют золотоордынский слой, а завершают домонгольский.

Принципиальное значение имеет датировка оборонительных сооружений городища, строительство и функционирование которых относится к домонгольскому времени; впоследствии они перекрываются отложениями естественного характера («слои запустения»). Таким образом, городище с оборонительными сооружениями и прилегающее к нему Крутогорское селище датируются временем со второй половины X – начала XI в. по первую треть XIII в. (Набиуллин, 1998, с. 219–223; 2003, с. 88–91; 2022, с. 293–304).

Отсутствие золотоордынского слоя на городище интересно в связи с существующей точкой зрения о запрете монголами восстанавливать оборонительные сооружения после их разрушения

Рис. 2. Джукетау. Донауровское II селище – археологические остатки золотоордынского города «открытого типа». Вид с площадки городища (по: Набиуллин, 2011)

и использовать удобную в военном отношении местность. При этом участки на высоком правобережье рч. Килевки, где располагались городище и Крутогорское селище, изначально были не очень благоприятными для хозяйственной деятельности (высокая, далекая от воды площадка, насыщенность грунта каменистой крошкой и др.). Поэтому с потерей функционального значения оборонительных сооружений в золотоордынское время эти территории перестают использоваться практически по естественным причинам. Исключением могли быть береговые линии рек, возможно традиционное использование кладбища.

Донауровское II селище – город «открытого типа». Стратиграфия и хронология. Территория. Формирование культурных напластований в золотоордынское время продолжилось на Донауровском II селище – гораздо более удобной для жизнедеятельности человека территории на низком левобережье рч. Килевки (рис. 2). Исторически она рассматривается как торгово-ремесленный «западный посад» домонгольского периода и непосредственная, основная территория города «открытого типа» – золотоордынского Джукетау. В отличие от городища и прилегавшего к нему «восточного посада» позднедомонгольские напластования «западного посада» перекрываются раннезолотоордынскими, причем отсутствие стерильных прослоек между ними указывает на относительную непрерывность их формирования на изученных участках.

Золотоордынский слой (слой II в стратиграфической шкале Джукетау) в разных частях Донауровского II селища имеет свои особенности и обобщенно может быть охарактеризован как светло-серая рыхлая супесь. На раскопе I он прослежен на его северных участках и имеет мощность до 30 см; на раскопе II сохранился на всей площади и имеет мощность до 30 см, над западами ям – до 50 см; на раскопах III–V – до 40 см; на раскопе VI – до 25 см. На ряде участков делится на горизонты, примерно соответствующие горизонтам IVп и IVр г. Болгара (Набиуллин, 2001, с. 51, 59).

Комплекс неполивной керамики из слоя носит облик, типичный для золотоордынского времени. Прекращается бытование отдельных групп, характерных для предшествующей эпохи (группы II, VII, VIII, IX по Т.А. Хлебниковой), появляются новые (группа XVIII) (Хлебникова, 1984; 1988, с. 8–102; Кокорина, 2002; Васильева, 1993). В группах посуды широкого хронологического диапазона происходят количественные и качественные изменения, увеличивается количество посуды со смешанными традициями изготовления, в том числе групп I и XIII (Бахматова, Набиуллин, 2013, с. 232, 233; Бахматова, 2021).

Золотоордынским временем датируются чугунная посуда, бронзовые пластинчатые браслеты, зеркала, железные наконечники стрел типов 66, 67, 69, 72, 97:4 (по А.Ф. Медведеву) (Медведев, 1966; Набиуллин, 2000, рис. 3); в основном золотоордынским временем – поливная кашин-

ная посуда и бусы, пуговицы, пряслица, штампованная керамика. Некоторые предметы относительно широкого диапазона бытования (в основном XII–XIV вв.) по условиям нахождения и некоторым признакам предпочтительней отнести к XIII–XIV вв. Среди них некоторые экземпляры ключей и замков типов Б, В, ВI, ВII, Г (по Б.А. Колчину) (Древняя Русь, 1997, с. 14, 15), ключи больших размеров, замки с гребневидным завершением дужки и усиленные дополнительными полосками и др. (Набиуллин, 2001, с. 47–63). То же можно сказать и о стеклянных бусинах, большинство из которых, хотя и бытует в основном в XII–XIV вв., видимо, следует относить к золотоордынскому времени (Набиуллин, Храмченкова, 2013, с. 240–244).

Датировку в пределах времени с 1240-х по 1380-е гг. (единично 1419–1421 гг.) дают нумизматические материалы, в том числе клады монет: клады 1908–1909 гг. (более шестисот монет, младшая монета 1361/1362 г.) (Федоров-Давыдов, 1960, № 57, 58; 1963, № 58а), клад 1966 г. (около шестисот монет, младшая монета 1362/1363 г.)[1] и др. Указанные даты близки к 1360 г., когда, по сообщению русских летописей, ушкуйники совершили набег на «Жукотин» (ПСРЛ, 1885, с. 232).

Верхняя граница слоя предварительно датируется началом XV в. и определяется пока косвенно на фоне известных исторических процессов этого времени, последним упоминаниям города в русских летописях (1410-е гг.), нумизматическим материалам (1420-е гг.) и др.

Золотоордынский Джукетау территориально развивался путем расширения к югу и юго-западу бывшего «западного посада». Город фактически теряет уловимые границы своей территории, «растекаясь» вглубь террасы и по берегу р. Камы; в конце XIV в. его площадь достигала 150 га (Хузин, 1994, с. 139–142). Границы города в определенной степени маркируются Донауровским могильником, который с территориальным ростом города продолжает отступать к югу (Хлебникова, 1975, с. 234–251). Исследователи XIX в. отмечали надмогильные камни уже у д. Донауровка; как сообщали местные жители, здесь они неоднократно встречали человеческие черепа. В то же время не совсем понятными остаются сообщения о надмогильных камнях у городища, «на склоне горы в сторону к Килевке» (Калинин, 1932, л. 7). Западнее Джукетау отмечались надмогильные камни, известные как «Кубасское надгробие», «Березовские надгробные камни», «Жукотинское надгробие» (Археологические памятники Центрального Закамья, 1988, № 381, 386, 388); видимо, некоторые из них были привезены местными жителями для хозяйственных нужд.

Расположенные в 5 км к востоку от Джукетау эпиграфические памятники с датами с 1290/1291 по 1330/1331 гг.[2] на современном татарском кладбище г. Чистополя связаны с золотоордынским поселением (поселениями) на территории города (некоторые из них могли быть привезены татарами в новое время в целях сохранения). Интересно, что, судя по некоторым эпитафиям, на кладбище были захоронены и представители достаточно высокой прослойки общества (Хакимзянов, 1985, с. 76–87; он же, 1987, с. 94, 95, 156, 157, 176, 177) (рис. 10).

Объекты. С золотоордынским слоем соотносится ряд объектов на территории Донауровского II селища. В его северной оконечности наблюдается концентрация железного шлака, обломков ошлакованных кирпичей. По данным Ф.Ш. Хузина, культурный слой на раскопе IV насыщен сажей, мелким древесным углем, обожженной и сырой глиной, железным шлаком. Основной объект раскопа – остатки металлургической наземной печи с вертикальными стенками и округлым в плане дном. Диаметр в плане 100–105 см, сохранившаяся высота 75 см; сохранилось десять рядов на глинистом растворе, в том числе два нижних ряда, сложенных из известнякового камня, и восемь рядов – из обломков кирпичей (один целый кирпич имел размеры 25×25×2,5 см) и известняковых камней. Заполнение сооружения – рыхлая серая супесь с большим содержанием древесного угля, золы, мелкого шлака (Хузин, 1994, с. 139–142).

Обнажения культурного слоя прослеживаются широкой полосой вдоль берега р. Камы практически вплоть до с. Галактионово. Здесь слой менее насыщен, подъемный материал носит в целом золотоордынский облик. Восточнее с. Галактионово в обрыве берега были зафиксированы полуразрушенные остатки гончарного горна двухъярусного типа (Хузин, 1994, с. 139–142). Общая глубина ямы не менее 2 м. Верхняя часть – обжигательная камера полусферической формы – выявилась на глубине 60 см от современной поверхности; ее сохранившаяся высота 90–100 см, диаметр в верхней части 180 см. Нижняя часть – топочный блок полусферической формы – имел высоту 65–70 см, диаметр у пода 140–150 см. Теплопроводно-разделительный блок горна разрушен, и судить о нем невозможно. Стенки горновой ямы, обмазанные слоем глины толщиной 5–15 см, сильно прокалились под воздействием высокой температуры. Обжигательная камера была заполнена рыхлой серой супесью с вкраплениями древесного угля и

[1] Здесь и далее определения А.Г. Мухамадиева, Д.Г. Мухаметшина.

[2] По М.И. Ахметзянову, Р.М. Амирханову, Ф.С. Хакимзянову, Н.Ф. Исмагилову, Д.Г. Мухаметшину.

Рис. 3. Джукетау. Посуда «джукетау» (по: Набиуллин, 2011)

обожженной глины; заполнение топочного блока близкое, но с более обильными включениями угля и золы. Близкие типы горнов имеются в золотоордынских городах Среднего и Нижнего Поволжья (Васильева, 1993, с. 152).

В центральной части селища культурный слой насыщен обломками железного шлака, ошлакованных кирпичей, часть культурных остатков явно связана с разнесенными распашкой объектами. В пахотном слое преобладают вещи золотоордынского времени, среди которых неполивная керамика и поливная кашинная посуда, фрагмент штампованной керамики, осколок бронзового зеркала, медные монеты 1360/1361 г. и времени Токтамыша. Непосредственно в золотоордынском слое найдены железный наконечник стрелы XIII–XIV вв., железный замок, медные монеты 1250-х гг. В заполнении котлована основного сооружения раскопа V (Ф.Ш. Хузин) найдены серебряная монета 1351/1352 г., обломки чугунных котлов, железный ключ, характерный для XII – середины XIV вв.

Основным объектом раскопа V является сооружение, которое занимало подпрямоугольную площадь (4,6×5,2 м), было ограничено столбовыми ямками диаметром и глубиной 30–40 см. Разнесенная распашкой верхняя часть сооружения выявилась в виде пестроцветного пятна с включениями глины, древесного угля и железного шлака, окаймленного полосой древесного тлена и угля шириной 10–15 см. Глиняный массив мощностью до 30 см подстилался тонкой прослойкой древесного угля. В пределах сооружения выделилось овальное пятно прокала из обожженной глины, шлака, угля, под ним – яма диаметром 140–160 см в устье и 80 см на дне со скошенными к центру ровными стенками и дном на глубине 60 см. По периметру объекта обнаружены железные скобы, гвозди, которые могли быть связаны с деревянной конструкцией. Интерпретировать в целом сооружение можно как

Рис. 4. Джукетау. Предметы, связанные с металлообработкой (по: Набиуллин, 2011):
1 – обрезки листовой меди; 2 – заклепки и их заготовки; 3 – фрагмент медной посуды с соединительным швом «взубец»; 4, 5 – «золотопробники»; 6 – молоток; 7 – напильник; 8–10 – пробойник, бородки; 11 – зубило; 12 – крица. 1–3 – медный сплав; 4, 5 – галька; 6–12 – железо

остатки жилой или производственной постройки типа кузнечной мастерской (возможно, с каркасно-столбовой конструкцией стен) с очагом на глиняной платформе. Деревянная стена или ее часть была, видимо, обмазана глиной (Набиуллин, 1999, с. 101–126).

На раскопе VI культурный слой насыщен медными клепками, обрывками и обрезками листовой меди, шлаком, обломками кирпичей, кусками глиняной обмазки; часть находок является заготовками для ремонта изделий, отходами производства. Многочисленны куски железных аморфных «лепешек» разных размеров, имеющие среднюю плотность и значительную пористость структуры. Есть крупные экземпляры, например, одна из «лепешек» весила 2,3 кг. Среди готовых железных криц есть обрезок (около половинки) цилиндрической формы диаметром 15–17 см, толщиной 4–5 см, весом 1,13 кг.

В раскопе зафиксированы объекты предположительно жилого, хозяйственно-производственного или многофункционального назначения. Некоторые из них, скорее всего, были связаны с производством, ремонтом изделий из меди. Многие ямы насыщены выразительным вещевым материалом (Shaykhutdinova, etc., 2017, p. 89, fig. 2). Среди многочисленных ям типа хозяйственных, имеющих самые разные размеры, формы и сечения, выделяются погреба, зернохранилища. Яма глубиной 2,6 м с отвесными стенками и ровным дном, возможно, являлась колодцем. Некоторые ямы могут являться объектами санитарно-гигиенического назначения. Как признаки городского благоустройства могут рассматриваться обломки гончарных труб.

Хозяйственно-производственная деятельность, ремесла. Вещевой материал. В вещевых материалах Джукетау выделяются две хроноло-

Рис. 5. Джукетау. Орудия труда и предметы, характеризующие производственно-хозяйственную деятельность (по: Набиуллин, 2011): 1–5 – крючки рыболовные; 6 – блесна; 7, 8 – грузила рыболовные; 9, 10 – косы-горбуши; 11 – плужный нож-резак «чересло»; 12 – топор-«кельт»; 13, 14 – «тесла-мотыжки»; 15–17 – скобы; 18–23 – гвозди; 24 – гвоздодер; 25–28 – сверла. 6 – медный сплав; 7, 8 – известняк; остальное – железо.

гические группы – домонгольского и преобладающего золотоордынского периодов. Археологические остатки материальной культуры Джукетау отражают практически все области жизнедеятельности его населения – ремесло, сельское хозяйство, торговлю, промыслы, военное дело, быт, духовную культуру. Имеющиеся данные позволяют говорить о значительной преемственности в характере хозяйственно-производственной деятельности, быта, культуры города в домонгольский и золотоордынский периоды его существования. Более того, не всегда удается разделить объекты и находки этих эпох.

Среди керамического материала помимо общеболгарской посуды (группа I по Т.А. Хлебниковой) количественно значимой продолжает оставаться керамика «джукетау» (группа XIII) (рис. 3). Во всех слоях она составляет от половины до двух третей от общего количества посуды и придает керамическому комплексу Джукетау своеобразие. Это посуда преимущественно горшковидных и чашевидных форм, изготовленная вручную или с использованием гончарного круга, с обильными включениями крупного песка в тесте, с подцилиндрической или раструбообразной горловиной, орнаментированная по плечику многорядной крутой волной. Возникнув в первой половине домонгольского времени, в отличие от других традиционных групп керамики, которые выходят из употребления, посуда «джукетау» остается единственно количественно значимой в течение длительного периода.

В золотоордынское время исчезает лепная посуда, сосуды становятся более плоскодонными, ручка крепится путем увеличения верхней части и уплощения ее, увеличивается число посуды с гребенчатым штампом. Становится особенно заметным влияние традиций изготовления керамики «джукетау» на другие группы; например, увеличивается общеболгарская посуда с традиционными элементами керамики «джукетау». В то же время у значительной части керамики «джукетау» отмечаются характерные признаки общеболгарской посуды. Дальнейшее развитие керамики «джукетау» происходило под сильным влиянием «общеболгарского» гончарства и привело к почти полной утрате ее традиционных черт (Хлебникова, 1984, с. 167–170; 1988, с. 30, 31; Кокорина, 2002, с. 196; Бахматова, Набиуллин, 2013, с. 232, 233; Бахматова, 2021).

В общем комплексе культурных остатков достаточно весомо и разносторонне представлены инструментарий и предметы труда кузнецов, ювелиров и др. – бородки, пробойники, зубила, напильник, глиняная льячка, литейные формы, золотопробники и др. (рис. 4); на местное про-

Рис. 6. Джукетау. Предметы быта (по: Набиуллин, 2011).
1–4 – шилья; 5 – наперсток; 6, 7 – пряслица; 8–11 – ножи; 12, 13 – точильные камни; 14, 15 – кресала; 16, 18–21, 24 – дужка и ручки металлической посуды; 17 – крюк; 22, 23 – пробои; 27–28 – фрагменты котлов. 6, 7 – глина; 12, 13 – сланец; 17–19, 24 – сплав медный; 25–28 – чугун; остальное – железо

изводство указывают и немногочисленные заготовки изделий. Интересными представляются результаты металлографического анализа пока еще небольшой серии изделий, которые свидетельствуют о достаточно высоком уровне мастерства кузнецов. Вопрос о местном чугунолитейном производстве пока остается открытым. Хотя в Джукетау и найдены единичные стеклянные бусины, напоминающие бракованные изделия, в целом местное стеклоделие, скорее всего, не было развито; не найдено здесь пока осколков оконного или посудного стекла (Семыкин, Набиуллин, 2007, с. 100–109; Набиуллин и др., 2017, с. 42–58; Shaykhutdinova, etc., 2017, pp. 42–58; Набиуллин, Храмченкова, 2021, с. 168–172; Nabiullin, Khramchenkova, 2022, pp. 3–9).

Непосредственное отношение к строительному, деревообрабатывающему делу имеет сохранившийся разнообразный инструментарий и предметы труда строителей – топоры, тесла, долота, гвоздодер, скобели, сверла, специальные ножи, гвозди, скобы и др. (рис. 5).

Заметное место занимают орудия труда и предметы, связанные с земледелием и скотоводством. Пахотные орудия представлены резаками-чересламы (плужными ножами), орудия уборки – серпами, косами. Многочисленны обломки каменных жерновов (жернов-основа, бегунок) от ротационных мельниц, с помощью которых мололи зерно на муку, рушили в крупу.

Среди находок, имеющих отношение к животноводству, – скребницы, путы и др. О занятиях

Рис. 7. Джукетау. Клад 1924 г. (по: Смолин, 1925)

рыболовством свидетельствуют находки железных рыболовных крючков, наконечника-гарпуна, медной блесны, каменных грузил для сетей (обнаружены и скопления таких грузил). По данным археозоологов, в золотоордынское время видовые характеристики скота, его породные признаки удивительно близки к материалам Сарая, Хорезма и др., что еще раз говорит об активных связях с ними; об этом свидетельствуют и кости верблюда (Петренко и др., 2012, с. 274–281).

Предметы быта (рис. 6) представлены глиняной и металлической посудой, замками и ключами, петлями для замков, ручками дверей, сундуков, шкатулок, дверными накладками, различными цепными системами, крюками, светцами. Сюда же отнесены ножи, ножницы, точила, кресала, шилья, проколки, иглы, кочедыки, пряслица, юрок и другие предметы. Среди обломков чугунных котлов реконструируются изделия объемом 6–7 л. В коллекции имеются железные дужки, ручки посуды, в том числе сохранившиеся на медной посуде. Реконструируется медный котелок объемом 5–6 л, цилиндрической формы с практически плоским дном и скошенными вовнутрь стенками. Одними из сложных в изготовлении предметов являлись пружинные замки и ключи к ним. Абсолютное большинство этих механизмов изготовлены из железа и являются навесными (съемными, висячими) двухцилиндровыми замками.

Оружие дальнего боя Джукетау включает детали колчана для хранения стрел и железные наконечники стрел, оружие ближнего боя представлено боевым ножом, железным копьем, предмет защитного вооружения – обрывок железной кольчуги (Набиуллин, Измайлов, 2021, с. 80–89).

Рис. 8. Джукетау. Предметы, связанные с торговлей (по: Набиуллин, 2011):
1 – коромысло от весов; 2–4 –гирьки для взвешивания; 5 – «грузик-пломба»; 6 – клад монет второй половины XIV в. (из фондов Музея уездного города (г. Чистополь). 1–4 – железо; 5 – свинец; 6 – серебро, глина

В коллекции Джукетау – предметы снаряжения верхового коня и всадника – удила, стремена, подковы, ледоходные шипы, обувные подковки, детали поясных, сбруйных и прочих ремней и ременных систем – наконечники ремней, пряжки, обоймы, распределители (соединители) ремней, накладки и пр.

Среди предметов одежды, украшений и туалета – пуговицы, застежки, бусины из стекла, стеклянные и железные перстни, медные браслеты, бронзовые зеркала и «копоушки», костяные гребни и др. Широко известен «Джукетауский клад» ювелирных изделий с золотыми монетами 1340/1341 г. (Смолин, 1925, с. 16–28; Сокровища…, 2000, с. 242; Набиуллин, 2006, с. 31–36) (рис. 7).

Торговля. Торговые отношения Джукетау археологически фиксируются в находках торгового инструментария, нумизматического материала, предметах импорта (рис. 8). Торговый инструментарий представлен деталями весов, гирьками-разновесами, «грузиками-пломбами», деталями ве-

Рис. 9. Джукетау. Обломок поливной кашинной чаши (по: Набиуллин, 2011)

сов. Среди нумизматического материала, помимо многочисленных джучидских монет, встречены также монеты с территории современных Афганистана, Индии, Ирана. Среди предметов импорта – поливная кашинная посуда (рис. 9), пряслице, бусина, штампованная посуда, стеклянные бусы, перстни и др.

Вне основной территории Джукетау, вдоль камского берега от рч. Второй Килевки (Большой Овраг) до с. Галактионово прослеживается локализация «славяноидной» керамики, что на фоне ее небольшого содержания на других участках памятника косвенно еще раз подчеркивает инокультурность этой посуды. Инокультурным элементом являются и единичные находки нательных крестиков.

Судя по некоторой концентрации культурных остатков еще ближе к с. Галактионово, здесь, на одном из прибрежных участков Джукетау, намечается локализация торгового места, сходного с Ага-Базаром г. Болгара. Джукетау как один из центров Камского торгового пути, вероятно, контролировал близлежащие переправы через р. Каму.

Чистопольское Закамье в золотоордынское время. В золотоордынский период происходит трансформация системы организации пространства городских центров, которая выразилась, в частности, в окончании функционирования городищ и формировании городов «открытого типа».

Как и городище Джукетау, в золотоордынское время, видимо, перестает использоваться Змеевское I городище, но рядом с ним известны эпиграфические памятники. По аналогии с Джукетау можно было бы предположить, что и эпиграфические памятники XIII–XIV вв. на современном Татарском кладбище г. Чистополя маркируют рост территории поселения вдоль рч. М. Берняжки в южном направлении (Набиуллин, 2019, с. 194–207) (рис. 10). Однако здесь может быть и несколько золотоордынских селищ, как, например, на участке между домонгольским Старо-Ромашкинским городищем и расположенным выше по течению рч. Ташбилге Старо-Ромашкинским некрополем («Ханнар зираты») с эпиграфическими памятниками 1318/1319–1333 гг. (Набиуллин, 2013, с. 144–148) (рис. 11)[3]. Исляйкинское («Ташбилге»), Тукмаклинское («Изге урын») кладбища также отражают картину расселения в близлежащих окрестностях Старо-Ромашкинского городища после окончания его функционирования в золотоордынское время. При этом несколько поселений могли иметь общий некрополь.

Кроме упомянутых, относительно недалеко от Джукетау расположены Вотяковское, Нарат-Елгинское, Русскосарсазское, Яңауральское («Изгеләр Өсте»), Татарскотолкишские I («Ташбилге») и II (с памятником 1348 г.) и другие кладбища с эпиграфическими памятниками. Не все их удается соотнести с конкретными селищами, а датировка практически всех селищ и кладбищ без надмогильных камней требует уточнения. Однозначно лишь, что площади, мощность и насыщенность культурного слоя селищ несопоставимы с Джукетау, который остается одним из доминирующих городских центров на значительных территориях.

Как один из крупных во всех отношениях городских, в том числе ремесленных и торговых центров, Джукетау оказывал влияние на определенные, в первую очередь близлежащие к нему территории. В золотоордынское время происходит вхождение локальных групп памятников в общее экономическое и, возможно, территориально-административное пространство с центром в Джукетау (Набиуллин, 2019, с. 194–207). С началом децентрализации в Улусе Джучи внутренние связи таких территорий усиливались вплоть

[3] По Г.В. Юсупову, Ф.С. Хакимзянову, Д.Г. Мухаметшину.

Рис. 10. Средневековые эпиграфические памятники на Старотатарском кладбище г. Чистополь (по: Набиуллин, 2011): 1 – 711 г.х. (1311/1312 г.); 2 – 731 г.х. (1330/1331 г.); 3 – XIV в.; 4 – 720 г.х. (1320/1321 г.); 5 – 716 г.х. (1316/1317 г.); 6 – 709 г.х. (1309/1310 г.); 7 – XIV в.; 8 – 690 г.х. (1290/1291 г.)

до появления политических образований со «столичными» центрами, одним из которых, видимо, являлся и Джукетау. В русских летописях «Жукотин» и «жукотинские» «князья» («князь») упоминаются практически в одном ряду с Болгаром (ПСРЛ, 1863, с. 485).

К вопросу об «округе Джукетау». В исторической и археологической литературе используется понятие «округа» («округ»), однако его научное содержание пока не раскрыто (Хузин, 1993, с. 23; Набиуллин, 2007а, с. 138–155; он же, 2007б, с. 103–114). В одних случаях это, как правило, город и близлежащие к нему поселения, кладбища и другие объекты исторической действительности или их археологические проекции («сельская округа», «сельскохозяйственная округа» и др.); в других – более значительные территории вплоть до упомянутых политических образований («княжества» и т. п.).

Последний подход традиционно преобладает в отношении так называемого «Жукотинского округа». П.А. Пономарев включал в него бассейны

Рис. 11. Средневековые эпиграфические памятники на Старо-Ромашкинском кладбище («Ханнар зираты») (по: Набиуллин, 2013): 1 – 733 г.х. (1333 г.); 2–6 – без даты; 7 – 723 г.х. (1323 г.); 8 – 720 г.х. (1320/1321 г.); 9 – 718 г.х. (1318/1319 г.)

рр. Ерыклы, Грязнухи, Бахты (Пономарев, 1892, с. 416–423), С.М. Шпилевский – еще и рр. Кирмень, Шумбут на правом берегу р. Камы (Шпилевский, 1877). А.П. Смирнов считал, что в золотоордынское время Волжская Болгария распалась на два «княжества» – Болгарское и «Жукотинское», причем последнее занимало всю восточную часть болгарской территории (Смирнов, 1951, с. 112). Т.А. Хлебникова отмечает, что некоторые предпосылки обособления и выделения «княжества» были заложены еще в домонгольское время (Хлебникова, 1975, с. 248, 249).

По мнению А.Х. Халикова, локализация отдельного «княжества» Джукетау наметилась еще при монгольском завоевании, а в последней трети XIV в. оно становится центром всего северо-востока Болгарии, выделяясь в особую не только в политическом, но и в этнокультурном отношении «округу» (Халиков, 1994, с. 66, 97, 98). Кроме некоторых указанных выше некрополей, а также Верхненикитинского («Изгеләр»; с памятником

1349/1350 г.) и Елховского кладбищ в левобережье р. Шешмы, в нее включены Среднечелнинское (с памятником 1315 г.) и Клятлинское (первая половина XIV в.) кладбища (Казаков и др., 1987, с. 36, 131). Однако критерии, по которым те или иные памятники отнесены в конкретную «округу», не определены. Следует отметить, что болгаро-татарское присутствие по меркам периферии достаточно представительно и восточнее, что иллюстрируется материалами с территории г. Набережные Челны и других памятников (Казаков, Набиуллин, 2010; Ермаков и др., 2017; Набиуллин и др., 2018; Казаков и др., 2021; Набиуллин, Салахатдинова, 2022, с. 217–226).

Поскольку особенности материальной культуры крупных городских центров отражаются в экономически связанных с ним территориях, подмечается возможность выделить эти территории археологически (Хузин, 1993, с. 24). Влияние Джукетау проявляется прежде всего в распространенности керамики «джукетау» и общеболгарской посуды с элементами керамики «джукетау». Кроме этого, исследователи выделяют «кирменско-джукетауский» локальный вариант болгаро-татарских эпиграфических памятников XIII–XIV вв., отражающий существование региональных школ резьбы по камню (Мухаметшин, 2008, с. 33–36). Интересны и некоторые результаты изучения диалектов языка эпиграфических памятников (Хакимзянов, 1978, с. 20, 21, рис. 15, 17, 19, 21).

Изложенные материалы дают основание рассматривать Джукетау не только как один из крупных во всех отношениях городских центров, известный в международном масштабе, но и первый объект городской цивилизации Средневековья в чистопольском микрорегионе, в определенной степени задавший этой территории вектор развития в последующие исторические периоды (Набиуллин, 2019).

КАЗАНЬ В XIII–XV ВВ.

В Восточной Европе в эпоху многочисленных средневековых войн широкое распространение получает строительство укрепленных поселений на хорошо защищенных природой верхних площадках крутых мысов (Губайдуллин, 1999, с. 74). Некоторые из них в дальнейшем стали большими городами, игравшими важную роль в исторических судьбах региона. Во все времена города отображают в себе в концентрированной форме специфику и уровень развития социально-экономических отношений. Историческая топография средневековых городов является важным объектом специальных исследований, позволяющих выделить особенности и этапы развития поселений, а также проследить изменения их социальной структуры.

Средневековая Казань с ее укрепленным центром, размещенным на Кремлевском холме (рис. 1), представляет собой многослойный археологический памятник, ранние культурные отложения которого начали формироваться в болгарскую эпоху. Средняя мощность культурного слоя на его территории составляет 2–3 м, но местами, особенно у склонов холма, достигает 6–8 и более метров (рис. 2). Культурные напластования на непотревоженных участках покоятся на погребенной почве, переходящей в серый подзол и желто-красный материковый суглинок.

Основой стратиграфической шкалы любого археологического памятника, в том числе и Казанского кремля, является определение времени накопления выделенных слоев. Кремль представляет собой открытый археологический комплекс непрерывного накопления с сильно разрушенными в результате строительных работ культурными напластованиями. В ходе исследований, проведенных А.Х. Халиковым в 1970-е годы, была создана пятислойная стратиграфическая шкала:

I слой – XIX–XX вв.;

II слой – вторая половина XVI–XVIII вв.;

III слой – вторая половина XV – первая половина XVI в.;

IV слой – со второй трети XIII – первая половина XV в.;

V слой – XII – первая треть XIII в.

Современные исследования уточнили нижнюю дату домонгольского слоя Казани, определив, что он начал формироваться не позднее рубежа X–XI вв. (История Казани, 1988, с. 15; Ситдиков, 2000, с. 23).

Культурный слой. В период Золотой Орды сформировался IV слой стратиграфической шкалы Казанского кремля. Как и древнейший слой, он также в значительной степени переработан более поздними сооружениями и сохранился фрагментарно, но достаточно четко выделялся на участках со спокойным залеганием культурных отложений.

Характеризуя слой в целом, надо отметить, что в его отложениях не фиксируются значительные выбросы, связанные с активным строительством, нет и следов обширных пожаров. Это позволяет утверждать, что город в этот период развивался в

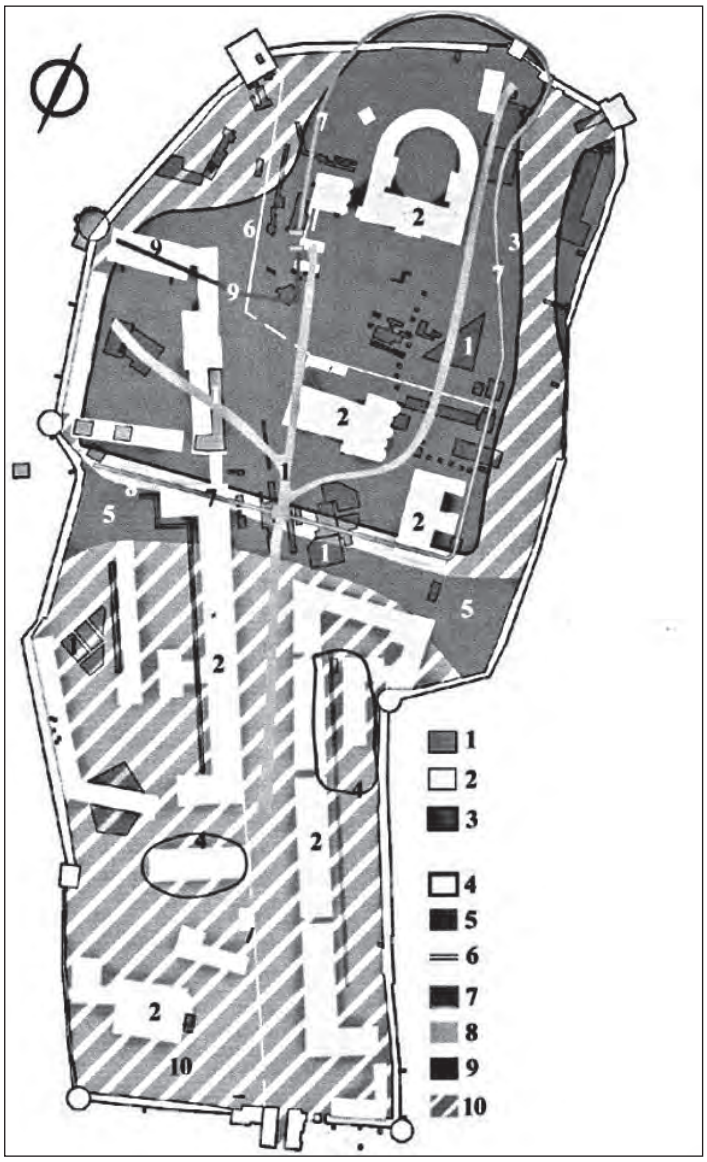


Рис. 1. План Казани. Распространение культурных слоев средневекового города
(по: Ситдиков, Хузин, 2006, с. 206)
1 – раскопы, шурфы; 2 – современные постройки; 3 – территория распространения напластований конца X–XV в.; 4 – некрополи конца X–XV в.; 5 – ров конца X – XV в.; 6 – улица XII–XV вв.; 7 – каменная стена XII–XV вв.; 8 – вал конца X–XV в.; 9 – деревянная стена конца XII–XV вв.; 10 – территория распространения находок конца X–XV в.

пределах территории домонгольского города без значительных потрясений. Рост Казани проходил в прилегающих к Кремлевскому холму районах, на более удобных для ремесленного производства и торговли участках, что видно по раскопам, расположенным южнее Кремля и вокруг него (рис. 3).

Слабый по мощности IV слой в значительной мере был потревожен в период Казанского ханства, когда происходили большие перемещения грунта в связи с интенсивным развитием города. На некоторых участках Кремлевского холма слои ханской Казани перерабатывают культурные напластования до материка, что лишает возможности целостно понять процесс формирования отложений золотоордынского времени.

Обобщая материалы IV слоя, надо отметить, что они очень близки к материалам многих золотоордынских поселений Среднего и Нижнего Поволжья. Хронологические рамки его формирования определяются второй половиной XIII – первой половиной XV в. В Казани IV слой имеет свою специфику, обусловленную особенностями отложения грунта, размещением объектов и находками. Это позволяет, несмотря на его большую руинированность, отделить IV слой от напластований домонгольского и ханского времени.

По своему составу слой IV представляет собой бурую или желто-серую плотную супесь с включениями подзола и желтого материкового суглинка. В нем присутствуют куски известняко-

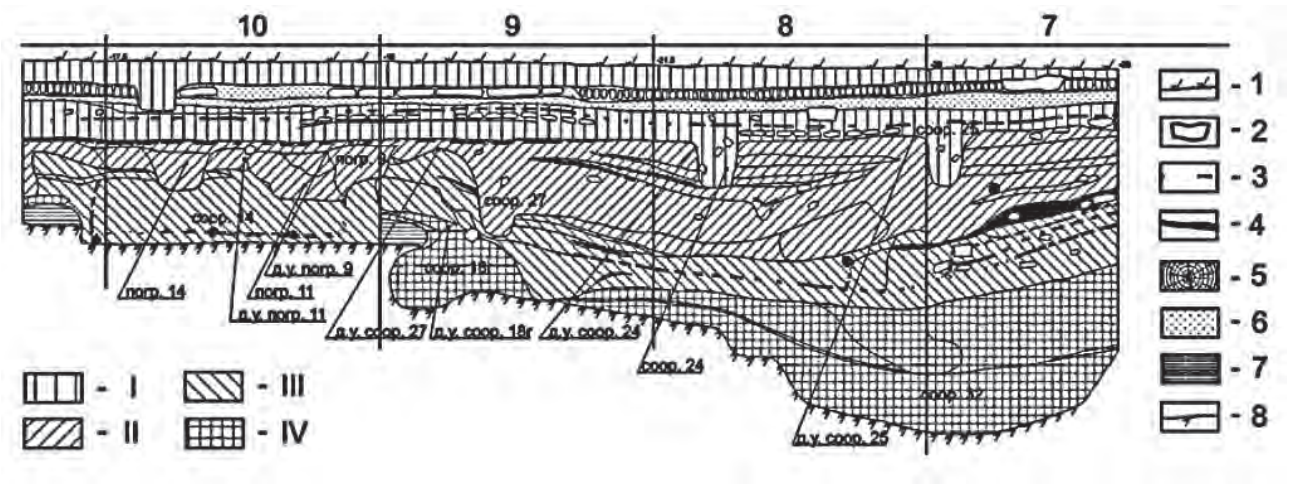


Рис. 2. Профиль западной стенки раскопа VI в Казанском кремле (по: Ситдиков, 2015, рис.2).
Условные обозначения: 1 – дерн; 2 — камень; 3 – древесный тлен; 4 – углистая прослойка; 5 – дерево; 6 – песок; 7 – серый подзол; 8 – материковый желтый суглинок.
Слои: I – XVIII–XX вв.; II – вторая половина XVI–XVII вв.; III – слой ханской Казани второй половины XV – первой половины XVI вв.; IV – слой княжеской Казани второй половины XIII – первой половины XV вв.

вого камня средних размеров, мелкая известковая крошка и довольно значительные скопления обожженной глины, иногда с фрагментами глиняной обмазки. Мощность его небольшая, колеблется в пределах 20–40, 20–60 см. На ряде участков можно наблюдать разделение слоя на два горизонта: нижний (IV ранний) и верхний (IV поздний).

Важным моментом является преемственность золотоордынского слоя с отложениями более раннего поселения и отсутствие в нем следов перерыва в накоплении напластований. Это наглядно демонстрируется на примере каменной мостовой, восходящей к домонгольскому периоду, исследованной на раскопе XX с южной стороны Благовещенского собора. Она вытянута вдоль всей восточной стенки раскопа по линии ЮЮЗ – ССВ и примыкает к восточному торцу западного каменного пилона каменных ворот XII–XVII вв. Ширина мостовой в проезде ворот составляет около 5 м (с учетом расположения восточного пилона, найденного в раскопе 1978 г.) (Халиков, 1985, с. 92–95). За пределами проезда мостовая расширяется еще на 1,5 м. Грунт в проезжей части отличен от напластований слоя, накопленного вне мостовой. Он состоит из прослоек серой рыхлой супеси с включениями плоских обтертых сверху известняковых камней, костей животных, древесного тлена и ила. Лишь один горизонт (ярус) каменной мостовой мощностью 18 см увязывается с IV слоем на основании комплекса выявленного материала и соотношения стратиграфии слоев с дневными уровнями сооружений. К IV слою относится также, возможно, и верхняя часть прослойки, отложившейся на каменной мостовой V слоя. Материалы из слоя представлены десятком фрагментов гончарной керамики, фрагментом поливной чаши, обломком железного ножа, штырем, крюком и другими железными предметами и костями животных.

Фортификация. В ходе исследований на раскопе XX были получены интересные наблюдения по использованию в золотоордынское время фортификационных сооружений, возведенных еще в домонгольскую эпоху (Ситдиков, 1999в). Изменений или перестроек данных объектов на этом участке зафиксировать не удалось. Таким образом, использование укреплений с каменными проездными воротами, построенных в домонгольское время, продолжалось и в ордынский период, что нашло отражение в спокойном характере отложений слоев на участках мостовой, в заполнении рва, а также в планомерном ремонте с внутренней стороны вала подпорных клетей, зафиксированных на небольшом участке с внутренней стороны вала. Стратиграфически удалось проследить два ремонтных горизонта углублений канавок, связанных с IV слоем. Это говорит о длительном использовании вала в качестве фортификационного сооружения. Аналогичные данные были получены и в результате наблюдений в разрезе котлована манежа бывшего Юнкерского училища и в раскопе XLII у бывшего Архиерейского дворца. Данные выводы по наблюдениям совпадают с теми, которые сделал в свое время А.Х. Халиков, определивший хронологические рамки их существования с момента основания города до первой половины XV в. (Халиков, 1985, с. 95–97).

Обратимся к материалам X раскопа, заложенного в 1997–1998 гг. с восточной стороны Благовещенского собора (Ситдиков, 1988). IV слой представлен здесь бурой плотной супесью с вклю-

Рис. 3. Распространение культурных напластований Казани золотоордынского времени (по: Ситдиков, 2015, рис. 1).
1 – границы распространения слоя Казани второй половины XIII – первой половины XV вв.;
2 – территория крепости; 3 – линии улиц; 4 – зелёные зоны

чениями материкового суглинка и подзола мощностью 20–30 см в западной части раскопа и 60 см в восточной. Он был в значительной степени переработан в период Казанского ханства, а на некоторых участках и вовсе уничтожен вместе с домонгольским слоем. Из него и связанных с ним объектов происходит более 1000 фрагментов гончарной, несколько фрагментов поливной керамики, селадон, рыболовный крючок, наконечник стрелы и кости животных.

Основным объектом исследований данного раскопа являлась каменная стена, существовавшая с домонгольского времени. На менее потревоженных участках стратиграфически удалось зафиксировать следы перестройки каменной стены в завершении отложений IV слоя в виде прослойки известняковых камней и известкового щебня. Кладка, связанная с этой прослойкой, разрушает нижележащую, более древнюю, на некоторых участках до основания и отличается от нее приемами кладки. Если более ранняя кладка выложена «всухую», то более поздняя, IV слоя, скреплена известковым раствором[1]. Стена с небольшими подновлениями продолжала функционировать и в более поздние периоды. Окончательно она пре-

[1] На эти признаки обратили внимание проф. А.Н. Кирпичников (С.-Петербург) и доктор архитектуры С.С. Айдаров (Казань), которым авторы весьма признательны.

кратила свое существование только в середине XVIII в.

Некоторые важные наблюдения, касающиеся истории фортификации золотоордынской Казани, были сделаны при исследовании руин каменной стены в северо-восточной части Кремля (раскоп XVIII, XIX) (Ситдиков, Хузин, 2001, с. 12–18). Строительство этой стены Ф.Ш. Хузин относит ко второй половине домонгольского периода. В указанных раскопах удалось впервые проследить следы ее разрушения в раннезолотоордынское время в виде скопления камней в завершении V и в основании IV слоев. Кроме того, среди камней, лежащих на склоне холма рядом со стеной, найдены фрагменты болгарской керамики, характерной, по определению Т.А. Хлебниковой, для позднедомонгольского и, может быть, раннезолотоордынского времени. От стены сохранилось только ее основание, и поэтому по технике кладки четко выделить отдельные строительные периоды затруднительно. Можно лишь отметить различный состав связующего раствора (глинистый, глинисто-известковый и известковый) на отдельных участках кладки. Это говорит о том, что укрепления, построенные в домонгольское время, продолжали использоваться и в золотоордынское время. Южная линия укреплений сохранилась и продолжала функционировать с небольшими подновлениями. Каменная стена вдоль восточного склона, как отмечают исследователи раскопов XVIII, XIX, XXXIII, была, возможно, разрушена и позднее перестроена заново, что видно по строительному горизонту в завершении напластований IV слоя. (Ситдиков, Хузин, 2001, с. 12–18). Таким образом, укрепления поселения на Кремлевском холме сохранялись весь золотоордынский период в тех же размерах, что и в домонгольское время.

Улицы. В исследованиях средневековой Казани ключевое значение имеет воссоздание исторической топографии памятника и его архитектурного облика в динамике их развития. Это включает в себя изучение внутренней социально-экономической структуры, размещения производственных районов, локализации улиц, культовых и общественных зданий, некрополей на различных этапах их развития. Решение данных вопросов позволяет понять социально-экономическую и историко-культурную основу возникновения и дальнейшего функционирования города.

К числу устойчивых планировочных элементов городов относятся улицы, создающие структуру поселения и обеспечивающие возможность удобного передвижения. Хорошо известно, что уличная планиграфия консервативна и остается неизменной в течение длительного времени. Это обусловлено преемственностью устоявшейся структуры застройки, обремененной традициями и имущественными отношениями. Изучение улиц позволяет выявить утраченные исторические градостроительные элементы, а также решать вопросы социальной топографии города.

Наиболее ранний этап формирования городских улиц в культурных напластованиях Кремля прослеживается с начала XI в. В этот период город занимал небольшую площадь около 5–6 га (Ситдиков, 2006, с. 106–112). Застройка была неплотной и не имела определенной системы. В раскопах фиксируются значительно удаленные друг от друга немногочисленные жилые и хозяйственные сооружения.

В золотоордынский период Казань из окраинного города Волжской Болгарии, небольшой, но достаточно сильно укрепленной крепости на Волжском торговом пути, стала одним из заметных региональных экономических и политических центров Поволжья. В XIV в. она появляется под своим именем на страницах русских летописей и указывается на западноевропейских картах. Численность городского населения быстро увеличивается, осваиваются новые территории, растет количество жилых и общественных построек, появляется укрепленный посад. Внутри укрепленной части города, соответствовавшей размерам крепости XII–XIII вв., застройка становится более плотной в связи с увеличением числа построек, закрепляются ранее сформировавшиеся принципы внутренней уличной планировки. К концу золотоордынского периода в укрепленной части формируется развитая уличная планировка поселения, просуществовавшая с небольшими изменениями до конца XVII в. С поздними горизонтами слоя ордынского времени связано сложение двух новых улиц. Одна из них начиналась от южных городских ворот и уходила за Благовещенский собор в направлении к спуску в северо-восточной оконечности крепости. Другая улица располагалась напротив Благовещенского собора в центральной части крепости и была поперечной к продольному главному проезду. Новые улицы, подобно более ранним, были вымощены деревом. В разрезах слоев выделяется горизонты ремонтных работ. В этот период продолжают функционировать центральная улица, выложенная камнем, и уходящие от нее два переулка с деревянным мощением.

За период 1994–2005 гг. на территории Казанского кремля было археологически изучено более 50 жилищ и 500 хозяйственных сооружений, относящихся золотоордынскому времени. Сохранность большинства сооружений, особенно из нижних слоев, неудовлетворительная, так как они разрушены и перекрыты более поздними объектами, что, впрочем, вполне объяснимо в условиях

постоянно развивающего и меняющего свой облик города с тысячелетней историей. В подавляющем большинстве случаев мы вынуждены фиксировать лишь нижние части сооружений – подпольные ямы, врезанные в материковый суглинок. Тем не менее по ряду признаков среди изученных сооружений удалось выделить постройки жилого характера.

Жилища. По справедливому мнению А.Х. Халикова и Л.С. Шавохина, в Кремле («Вышграде») уже во второй половине XIII–XIV вв. имелись и каменные, и кирпичные здания, о чем свидетельствуют находки обломков кирпича и белого камня, но «крепость и посад города были застроены преимущественно деревянными домами» (Халиков, Шавохин, 1996, с. 330).

Еще в раскопе 3 1971 г. Л.С. Шавохиным была изучена «землянка глубиной 130–150 см с остатками деревянной конструкции, вскрытая в северной части Кремлевского холма» (Халиков, Шавохин, 1996, с. 328). Прямоугольное в плане сооружение, лишь частично попавшее в раскоп, имело размеры около 320×360 см. В засыпи обнаружено небольшое количество находок, состоящих из фрагментов керамики и костей животных. Подобные жилища известны повсеместно, в том числе и в столичных городах Золотой Орды (Федоров-Давыдов, 1994, с. 45–47).

В раскопках исследовано значительное количество сооружений в виде прямоугольных в плане ям размерами от 150×240 см до 280×400 см с углублением от выявленного уровня от 90 до 180 см. Стенки ям в большинстве случаев обложены деревянными досками, четко фиксируемыми в виде узкой полосы древесной трухи по всему внутреннему периметру ямы. Предположительно, это остатки срубных домов наземного типа площадью до 20–30 кв. м, от которых сохранились лишь подпольные ямы-хранилища. Следы наземной части этих объектов выявляются, как правило, в виде пестроцветных пятен с обильными включениями древесного тлена или угля; среди находок встречаются кусочки глиняной обмазки, обломки кирпичей, железные гвозди, скобы. Находки из заполнения ям более разнообразны по составу: кухонная и столовая посуда, в том числе и привозная, бытовые предметы (ножи, шилья и проколки, оселки), женские украшения и предметы туалета (стеклянные и каменные бусы, браслеты, серьги, костяные гребни), детские игрушки и т. д.

В качестве примера можно привести сооружение 7 раскопа XVI 1998 г. В верхней, в значительной степени разрушенной части, перекрытой сильно гумусированным пятном аморфных очертаний, оно имело прямоугольную форму размерами 250×200 см, в процессе выборки сократилось до размеров 220×190 см. В эту яму глубиной 80 см был опущен сруб из горбылей, а верхнее пространство между срубом и земляными стенками ямы было заполнено желтой материковой глиной. В засыпи найдены фрагменты красноглиняной керамики, обломок сосуда кашинного теста с двухсторонней поливой бирюзового цвета, несколько костей животных. Данное сооружение предположительно было определено нами как хозяйственная постройка, более усовершенствованная, чем простые ямы (Ситдиков, 2006, с. 66). Однако несомненно, что она имела и верхние, наземные конструкции из дерева, являясь частью более сложного сооружения, возможно, жилого характера. Очень близко к описанному сооружение 5 раскопа I 1994 г. Оно прямоугольной формы (340×195 см), имело отвесные стенки и ровное дно на глубине 140 см, по всему внутреннему периметру отмечена полоса древесного тлена от конструкций типа сруба из горбылей. На уровне выявления сооружения в слое рыхлой гумусированной супеси были зафиксированы полосы древесного тлена, пятна обожженной глины и вкрапления древесного угля – следы наземных конструкций.

Выявленные постройки следует реконструировать, по всей вероятности, в виде наземных срубных домов с двускатной крышей и с подпольной частью в виде ямы, стенки которой обкладывались деревянными досками.

Хозяйственные постройки по своим конструктивным особенностям практически ничем не отличаются от более ранних, домонгольских сооружений. Среди них встречаются: 1) ямы цилиндрические – округлые в плане, диаметром от 120 до 280 см, с отвесными или чуть скошенными стенками, плоским дном, углубленным от дневного уровня на 80–180 см; 2) прямоугольные или квадратные в плане – ямы размерами от 120×140 см до 280×400 см, обычно с плоским дном, углубленным на 80–180 см; 3) чашевидные – круглые в плане ямы диаметром от 100–120 см, со скошенными стенками и округлым дном на глубине от 60–80 до 100–120 см. Наиболее многочисленную группу – более половины от общего количества хозяйственных построек – составляют сооружения первой группы, т. е. цилиндрические ямы (Ситдиков, 2006, с. 64–67). Часто встречаются также прямоугольные в плане сооружения – более крупные по своим размерам и более сложные по устройству. Так, при зачистке сооружения 15 Ж (раскоп I 1995 г.) удалось проследить четкие отпечатки плетневой конструкции на стенах ямы, прижатой с внешней стороны вертикальными столбиками по углам и посередине каждой стены. Ямы, стенки которых обложены досками или горбылями, также не редкость. Не исключено, что более

Рис. 4. Текст на надгробном памятнике Алтын-Бертек (в прочтении Н.Ф. Калининым – Алтын-Берте). 1297 г. (по: Калинин 1955, рис. 1).

глубокие из них служили в качестве погребов-холодильников для хранения скоропортящихся продуктов питания.

Хозяйственные сооружения, особенно простые ямы, недостаточно защищенные от ветра, дождя и снега, довольно быстро выходили из строя, засыпались или же продолжали использоваться в качестве бросовых ям.

Некрополи. До начала систематических археологических исследований в Казани было известно всего три или четыре места с объектами, указывающими на существование некрополей XIII–XVI вв.

В конце XIX в. на территории Архиерейской дачи (Кабанское городище) были обнаружены два мусульманских надгробных камня, стоявших на могиле болгарской принцессы Алтын-Бертек (ум. 27 сентября 1297 г.) (рис. 4) и эмира болгарского Хасан-бека (конец XIII в.? XIV в.?) (Шпилевский, 1877, с. 475–477).

В Казанской крепости и за пределами ранних городских укреплений мусульманские кладбища XIII–XIV вв. располагались: 1) у юго-восточной стороны Преображенской башни, 2) севернее Ивановского монастыря, 3) в районе Манежа. Судя по стратиграфическим данным, все они возникают в домонгольское время и, вероятно, функционируют в более поздние периоды, до расширения города за пределы древних укреплений в XV в. Топография некрополей и их хронология показывает динамику территориального развития города в эпоху Средневековья.

Особенности городской культуры. Культура Казани золотоордынского времени являлась в определенной степени развитием традиций, выработанных в период Волжской Болгарии, обогащенных новыми культурными веяниями со стороны регионов Нижней Волги, Крыма, Северного Кавказа, а также Средней Азии, Ближнего Востока, Египта и Руси, развиваясь в русле основных тенденций золотоордынского имперского проекта.

Определяющими в изучении этнических и иных процессов в археологии являются вещественные памятники материальной и духовной

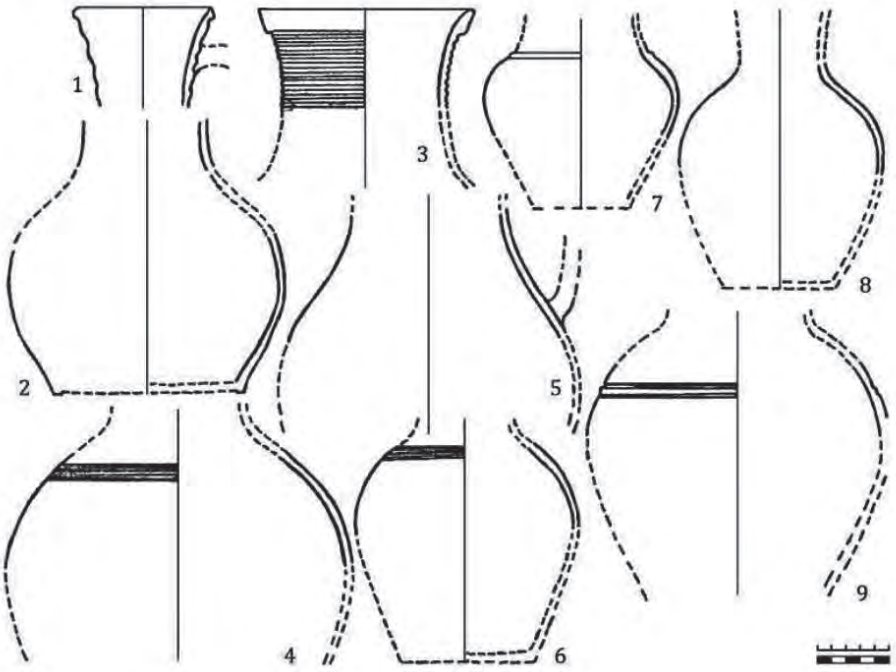


Рис. 5. Керамика в «болгарских» традициях из раскопа I Казанского кремля (по: Ситдиков, 2006)

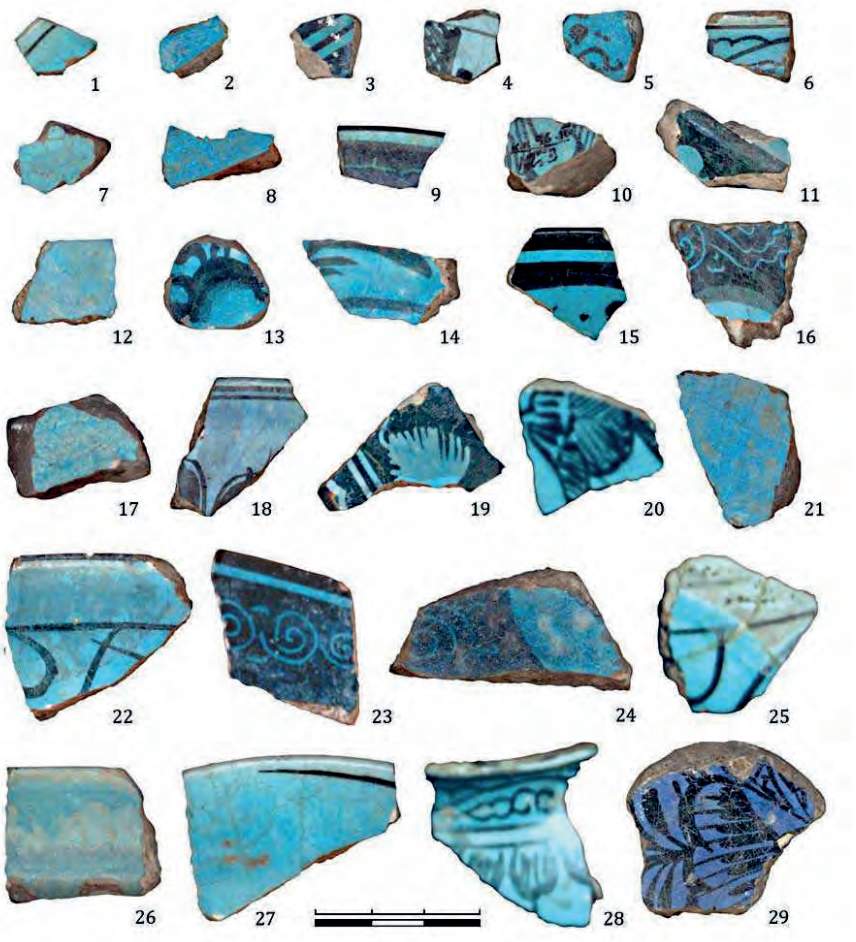


Рис. 6. Фрагменты поливной кашинной керамики из раскопок Казанского кремля (по: Ситдиков, 2006)

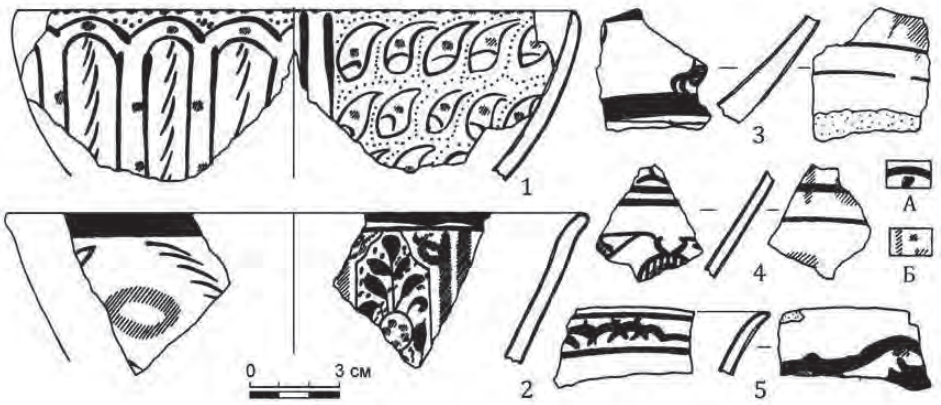


Рис. 7. Поливная керамика золотоордынского времени из Казанского кремля (по: Коваль 2006: рис. 2). Золотоордынско-поволжские (1, 2, 5) и иранско-среднеазиатские (3, 4) полуфаянсы с полихромной подглазурной росписью: А – черная и зеленая (1) краски; Б – синяя краска.

культуры. Материалы, связанные с золотоордынским временем, обнаружены в относительно небольшом количестве, причем часть из них оказалась в слое Казанского ханства и даже в более поздних отложениях.

Массовый материал из IV слоя отличается от находок из других слоев. Керамическая посуда представлена фрагментами гончарных сосудов, находящих ближайшие аналогии в материалах нижне- и средневолжских городов эпохи Золотой Орды. Среди данного керамического материала отмечается сохранение болгарских традиций домонгольского времени (рис. 5).

Еще одной характерной особенностью, отличающей отложения золотоордынской эпохи, является присутствие в них и связанных с ними объектах

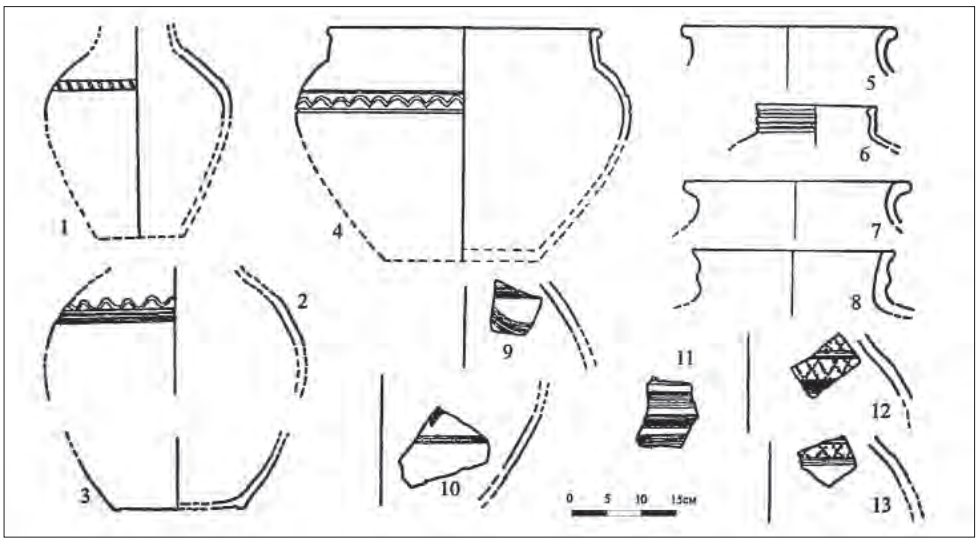


Рис. 8. Болгарская керамика из раскопок Казанского кремля. Раскоп II. 1995 г. (по: Ситдиков, 2006, рис. 38)

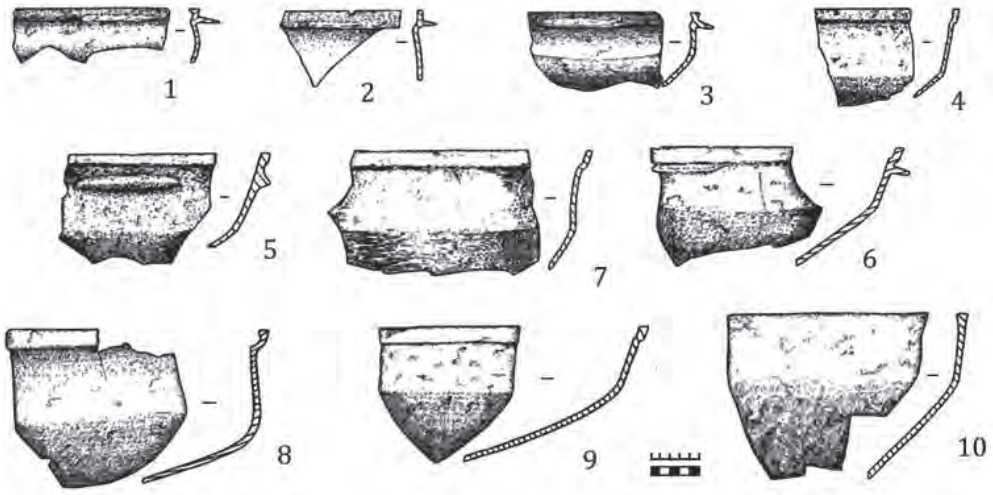


Рис. 9. Обломки чугунных котлов из раскопок Казанского кремля (по: Ситдиков, 2006)

золотоордынской поливной керамики из кашинного теста с полихромной росписью (рис. 6, 7) и поливных плиток голубого, бирюзового и ультрамаринового цвета, использование которых связано с внешней облицовкой каменных зданий (рис. 8). Необходимо отметить находки джучидских монет XIII–XIV вв. (определение Д.Г. Мухамедшина), наиболее ранние из которых представлены медными пулами Менгу-Каана, чеканенными в г. Болгаре в 1250 г. Из напластований золотоордынского времени происходит также большое число обломков чугунных котлов (рис. 9), появление которых по материалам Болгарского городища отмечено в XIV в. (Ситдиков, 2015, с. 370–374).

Первая половина XIV в. характеризуется подъемом экономики на территории Золотой Орды. Этот процесс напрямую затрагивает и лесостепь Поволжья как региона, где происходит количественный рост поселений, а также переселение части населения в степную зону. Об этом свидетельствуют материалы археологических исследований этих территорий. Ситуация начинает меняться во второй половине XIV – начале XV в. Частыми становятся военные столкновения, стимулирующие отток населения на север в лесную зону.

Являясь с древнейших времен зоной контактов между тюркскими, славянскими и финно-угорскими народами, территория Казани в золотоордынский период стала местом протекания процессов, способствующих взаимодействию финно-угорских, тюркско-татарских, славяно-русских групп населения. Хотя в это время в городе сохранялась господствующая роль населения с болгарскими традициями, в составе горожан присутствовали поволжские финны и жители русских княжеств. Археологические и другие данные свидетельствуют о смешанном характере населения ханского времени, что до-

кументировано находками христианских предметов личного благочестия XIV в., керамическими и археозоологическими материалами. Наличие костей свиньи и верблюда является свидетельством присутствия в городе населения, отличного от мусульманского, и усиления контактов с другими регионами, в частности с южными районами, русскими княжествами (Петренко, Асылгараева, 1998). Помимо болгаро-татарских памятников на территории Казани встречаются также археологические материалы, связанные с древнемарийскими, мордовскими, удмуртскими этнокультурными компонентами.

Вместе с тем культура Казани золотоордынского периода и последующей эпохи Казанского ханства была основана на доминировании мусульманской культуры, многовековых мусульманских традициях, закрепившихся в сознании многих народов Урало-Поволжья еще с эпохи Волжской Болгарии.

ПРЕДКАМЬЕ В ЗОЛОТООРДЫНСКУЮ ЭПОХУ

Предкамье занимает значительную территорию, расположенную на левом берегу Волги севернее р. Камы, традиционно делится на Западное и Восточное.

Физико-географический район Татарстана, известный как Западное Предкамье (Заказанье), расположен к северу от нижнего течения р. Камы между р. Волгой на юго-западе и р. Вяткой на востоке. Его площадь 17,9 тыс. кв. км, в ландшафтном отношении представляющая равнину, расчлененную речными долинами, балками и оврагами (Татарика…), практически совпадает с исторической областью Арская сторона, известной по письменным источникам и оформившейся с эпохи Казанского ханства.

Восточное Предкамье размещается к северу от р. Камы и к востоку от р. Вятки. Площадь его 3,9 тыс. кв. км. Рельеф Восточного Предкамья – слабо приподнятая возвышенная равнина, разделенная долиной реки Иж на две части. Регион относится к лесной зоне, подзоне южной тайги (Татарика…).

Предкамье в целом во вторую половину домонгольского периода было периферией болгарского государства, центр которого размещался в Закамье. В золотоордынское время селитебная ситуация в этом регионе определенным образом изменилась. Памятников золотоордынского периода второй половины XIII – начала XV в. на рассматриваемой территории стало гораздо больше. К настоящему времени золотоордынским периодом датируются 11 городищ, 37 селищ, 23 могильника, 3 отдельных надгробия, 13 местонахождений, 13 находок вещей и монет и 4 клада. Кроме того, из 49 памятников, определенных в целом болгарским временем, значительная часть также связана, вероятно, с золотоордынским временем. Эти памятники распространены на гораздо более широкой площади, чем памятники XII – начала XIII в. Занимая Волго-Вятское междуречье, они на севере доходят до границ с Марийской республикой (кладбища, 9 сел Старый Кишит и Старый Ашит, с надгробиями XIV в. Староашитское, Дюсюмское местонахождения, Светинский клад монет и др.). Городища этого времени по-прежнему занимают естественно укрепленные мысы, а селища расположены на равнинных пространствах, по малым рекам, как и в предыдущий период. Плотно в это время заселяется территория по течению р. Меши выше Пестрецов. Освоены земли по ее верховью, а также р. Казанки, верховьям р. Ошняк, Шумбутки и Кирменки. Это, бесспорно, свидетельствует о более глубоком освоении болгарами в золотоордынский период территории Предкамья и о переселении значительной части населения из Закамья в связи с монголо-татарским нашествием.

Арск и Арская земля

История Арского края, имеющая глубокие корни, начиная с первобытной эпохи неразрывно связана с событиями, протекавшими на протяжении многих столетий в Предкамском регионе в частности и Волго-Камском регионе вообще.

Яркими свидетелями истории Западного Предкамья являются памятники археологии, которые стали изучаться членами Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете уже со второй половины XIX в. Уже известные с того времени эпиграфические памятники начинают обследоваться с 1920-х гг. (Али-Рахим, 1930, с. 145–172).

После 1945 г. изучение археологических и эпиграфических объектов на территории Арского района производилось силами экспедиции под руководством Н.Ф. Калинина (Калинин, 1960). В 1970-х гг. обследование памятников археологии проводил Р.Г. Фахрутдинов (Фахрутдинов, 1975). В 1950-х – начале 1960-х гг. памятники эпиграфики изучались Г.В. Юсуповым (Юсупов, 1960).

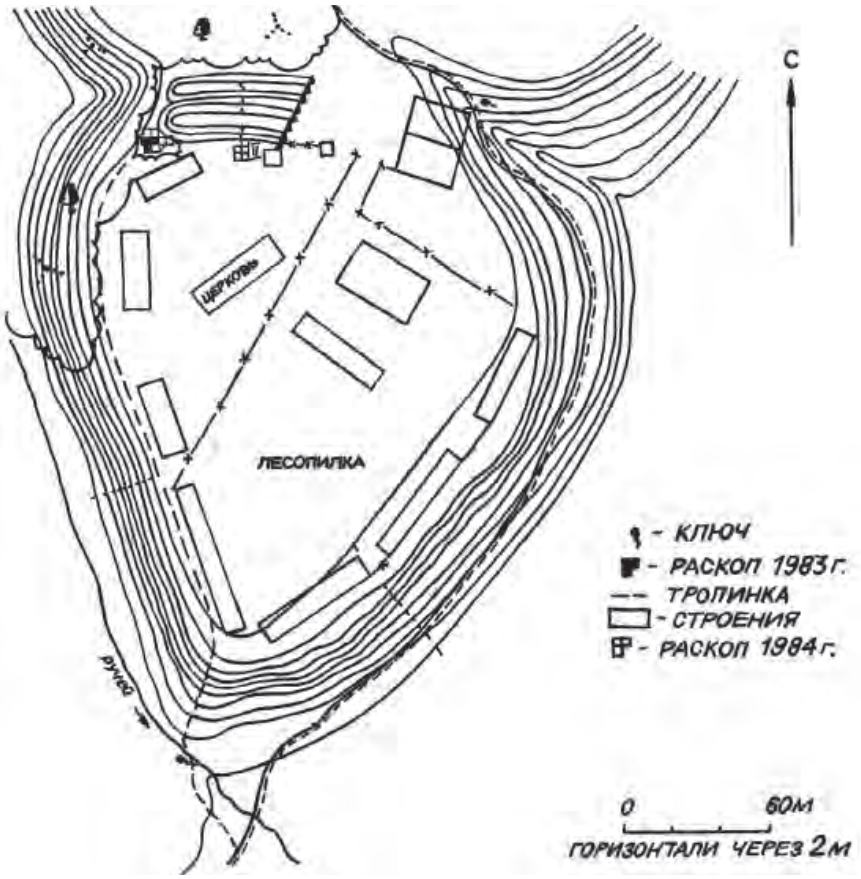


Рис. 1. Арское городище. Топографический план. Съемка. 1983 (по: Руденко, Шутова, 2013)

В 1968–1977 гг. проводились отдельные археологические маршруты в бассейне рек Казанки, Меши, Шешмы, Вятки, Тоймыа, Иж под руководством Р.Г. Фахрутдинова, В.А. Семенова, Р.С. Габяшева, П.Н. Старостина, М.Г. Косменко, Е.П. Казакова, С.В. Кузьминых и др. В результате вышеотмеченных работ были изучены восточные группы древнего финноязычного населения, сыгравшие ведущую роль в формировании предков как волжских (мари), так и пермских (удмурты, коми) финноязычных народов.

В 1982–1985 гг. археологические исследования в Арском районе проводились удмуртскими археологами Л.А. Наговициным и Н.И. Шутовой. Эти работы включали осмотр и раскопки Арского городища (Шутова, 1982, 1983, 1984, 2010, с. 16–23), Нижне-Атынского и Арняшского могильников (Шутова, 1985, 1992, с. 135, табл. I, № 106, 107), средневекового поселения у д. Кутюк Арского района (Шутова, 1983, л. 9–10, 51–52).

Большую работу по изучению и выяснению современного состояния археологических памятников от приустьевой части Казанки до нижнего течения Вятки в 1996–1997 гг. провел К.А. Руденко (Руденко, 1996, № 6–18; 2004, с. 100–136). Им было проведено изучение системы поселений эпохи Средневековья, закономерности их размещения и характерных черт (Руденко, 2003, с. 100 – 136).

На рубеже 1990-х и 2000-х гг. археологические изыскания и раскопки были продолжены на территории Арского городища (2006–2008 гг.) (Шакиров, Хузин, Ситдиков, 2010, с. 24–30) и разведочные работы в регионе в целом (1999–2002 и 2006–2009 гг.) (Дроздова, 2010, с. 93–96; Шакиров и др., Мирсияпов, Шигапов, Фахрутдинов, 2010, с. 33).

Город Арск занимает особое место в средневековой истории Волго-Камского региона. Расположенный в зоне активных культурных контактов финно-угров и тюркских племен, он играл важную роль в этногенезе народов Поволжья. Изучение Арска позволяет понять сложные социально-экономические и политические процессы, протекавшие в регионе в эпоху Средневековья.

Арское городище, расположенное на территории современного города, в 60 км от Казани, на правом берегу р. Казанки, известно с XV в. В 1947 г. во время работ археологической экспедиции ИЯЛИ КФАН СССР под руководством Н.Ф. Калинина была уточнена площадь памятника, составлявшая 24 000 кв. м, и собрана коллекция керамики и железных предметов (Археологическая… Предкамье, с. 60, № 207; Свод, 2007,

Рис. 2. Вид на Арское городище с моста через р. Казанку.
Фото Н.И. Шутовой. 1983 (по: Руденко, Шутова, 2013)

с. 149). Более подробное его описание было сделано в 80-е гг. XX в. в процессе работы на памятнике одного из отрядов Удмуртской археологической экспедиции.

Городище возвышается на подтреугольном мысу правого коренного берега р. Казанки, имеющего высоту около 20 м. К моменту проведения работ 1980-х гг. зафиксированная площадь памятника составляла уже приблизительно 20000 кв. м. По свидетельству исследователей, площадка поселения «с юго-западной и юго-восточной сторон имеет крутые склоны, а с севера – оно защищено валом и рвом. Восточная часть укреплений была снесена, хотя у самого восточного края следы насыпи были еще видны. Сохранившаяся западная половина вала имела длину 50 м, ширину 16 м, высоту 4 м. Остатки заплывшего рва длиной 50 м и шириной 10 м имели глубину 2 м» (Руденко, Шутова, 2013, с. 69) (рис. 1).

В 1983–1984 гг. были прослежены следы въезда на городище шириной 3 м, расположенного с западной стороны. Подъем к нему начинался на южной оконечности площадки городища, огибал его вдоль юго-восточной и восточной части склона, далее дорога шла вдоль рва, по его внешнему краю в направлении восток – запад. Поверхность памятника уже тогда была плотно застроена, а культурный слой сильно разрушен при проведении земляных работ (рис. 2). В 1996 г. осмотр городища показал, что вся его площадка активно используется для хозяйственных нужд, причем она была огорожена сплошным забором, что делало доступ на нее невозможным. Остатки вала в этот период прослеживались уже с большим трудом. В ходе обследования памятника в 2002 г. выявлено, что остатки оборонительных укреплений снесены полностью, а площадка памятника заасфальтирована. Сохранились лишь слабые очертания западной оконечности вала и рва (Руденко, 2002–2003, с. 120). Вместе с тем сохранность культурных напластований на отдельных участках позволила проследить процесс его формирования и установить хронологию напластований.

В 1983–1984 гг. были заложены два раскопа общей площадью 124,3 кв. м: I – в северо-западном углу городища, у западного конца вала; II – тоже возле вала, но на расстоянии 24 м восточнее первого раскопа.

В результате этих работ была получена представительная коллекция керамических находок, выявлены предметы бытового и хозяйственного назначения из железа, цветных металлов, глины, камня и других материалов (Руденко, Шутова, 2013; Руденко, Шутова, 2014). Несмотря на то, что многие из найденных вещей имеют широкий диапазон бытования, среди них можно обозначить группу предметов, хронологически совпадающих с золотоордынской эпохой. Прежде всего это вещи, бытование которых соотносимо со второй половиной XIII–XIV в.

Рис. 3. Арское городище. Хозяйственные и бытовые предметы из раскопок 1983 г.(по: Руденко, Шутова, 2013): 1 – нож, раскоп I, уч. Г/6, гл. 60–70 см; 2 – нож, раскоп II, уч. Д/15, гл. 60–80 см; 3 – нож, раскоп II, уч. Д/15, гл. 80 см; 4 – нож, раскоп II, уч. Г/4, гл. 60–70 см; 5 – рукоять ножа, раскоп I, уч. Г/7, гл. 30–40 см; 6 – замок навесной, раскоп I, уч. Г/6, гл. 60–70 см; 7 – наконечник стрелы, раскоп II, уч. Е/15, гл. 180 см; 8 – наконечник стрелы, раскоп I, бровка; 9 – пряжка подпружная, раскоп II, уч. Г/16, гл. 40–60 см; 10 – пряжка подпружная, раскоп I, уч. Г/7 гл. 60–70 см; 11 – пряжка от пояса, раскоп I, уч. Г/5, гл. 25–40 см; 12 – удила, раскоп I, уч. Г/6, гл. 60–70 см; 13 – пробой дверной, раскоп I, уч. Г/5, гл. 25–40 см; 14 – пробой дверной, раскоп I, уч. Г/6, гл. 60–70 см; 15 – звено очажной (?) цепи, раскоп I, уч. Г/5, гл. 25–40 см; 16 – коромысло от безмена, раскоп II, уч. Д/15, гл. 80–90 см; 17 – шило, раскоп II, уч. Д/15, гл. 100 см. Материал: железо – 1–4, 6–17; цветные металлы – 5

С этим диапазоном могут быть связаны некоторые формы ножей, датируемых XIV–XVII вв., шило с широкой датой бытования – с XI до XX в., наконечник стрелы XIII–XVI вв., звено очажной (?) цепи XII–XIV вв., пробой дверной XII–XVI вв. (Руденко, Шутова, 2013) (рис. 3).

Среди фрагментов керамической посуды выделяется немногочисленная группа (I) красноглиняных сосудов (10 экз., или 1,4% от числа фрагментов круговой керамики. Они изготовлены из хорошо отмученного теста, часть посуды лощеная. Стенки тонкие, черепок хорошего обжига. По форме фрагментов можно определить глубокие чашевидные сосуды – миски, горшковидные и кувшиновидные. На части фрагментов (помимо лощения) встречается линейный орнамент. Аналогии красноглиняным сосудам в форме миски имеются среди керамики Волжской Болгарии XII – начала XIII в. К ним же относятся и фрагменты лощеных стенок яркого красно-оранжевого цвета. Кувшиновидные изделия сохранились в небольших по размеру обломках, поэтому отнести их к какому-то конкретному типу сложно. Однако по характерному валику на шейке сосуда на одном фрагменте и по внешнему наплыву на венчике второго фрагмента они могут быть датированы XIII–XIV вв. (Руденко, Шутова, 2014, с. 125) (рис.4: 4, 8).

Фрагменты горшковидных сосудов относятся к периоду не ранее XV–XVI вв. Об этом косвенно может свидетельствовать и отсутствие в рассматриваемой коллекции характерных для золотоордынского времени форм венчиков типичных для Среднего Поволжья сосудов (Руденко, Шутова, 2014, с. 125).

Анализируя керамический комплекс городища, исследователи констатируют, что на изученном в 1983–1984 гг. участке культурного слоя Арского городища первый, ранний керамический комплекс представлен в основном гончарной столовой посудой. Он сложился в XII–XIV вв. на основе характерных для этого времени лепных сосудов, с одной стороны, и распространенных типов общеболгарской круговой керамики – с другой. Немногочисленность выявленных на раскопанной части поселения фрагментов традиционной керамики домашнего производства, принадлежавшей местному населению, позволяет предполагать проживание здесь довольно зажиточного населения, которое предпочитало приобретать и пользоваться посудой ремесленной выделки, причем большая ее часть являлась привозной. Среди характерных черт керамического комплекса Арского городища всех хронологических периодов отмечается «почти полное отсутствие тарных сосудов, небольшое количество столовой посуды и преобладание кухонной» (Руденко, Шутова, 2014, с. 130–131).

Коллекция предметов, происходящая из раскопок, позволила представить материальную культуру населения древнего Арска на протяжении нескольких столетий его существования, в том числе в золотоордынское время. Обнаруженный при раскопках разнообразный инвентарь свидетельствует о том, что Арское городище на значительном отрезке своей истории являлось не столько военной крепостью (если судить по находкам железных наконечников стрел), сколько укрепленным острогом небольшого города, жители которого занимались торговлей, ремеслами, охотой. Это можно предполагать на основе описанных в статье бытовых изделий, в числе которых ножи, прясла, игрушки из глины, торговый инвентарь и т. п. (Руденко, Шутова, 2013, с. 72).

На основании стратиграфических наблюдений и анализа вещевого материала исследователям удалось выделить три разновременных слоя культурных напластований памятника: средневековый конца I – начала II тыс. н. э., позднесредневековый – XV–XVIII вв., современный (Шутова, 2010, с. 18).

Дальнейшее изучение Арского городища было продолжено в 2006–2008 гг. в рамках программы «Историко-археологические исследования булгаро-татарского города Арска» при участии сотрудников НЦАИ Института истории им. Ш. Марджани АН РТ. Целью работ стало уточнение времени освоения территории поселения, попытка зафиксировать остатки оборонительных сооружений, осуществление охранно-спасательных работ, изучение культурного слоя памятника.

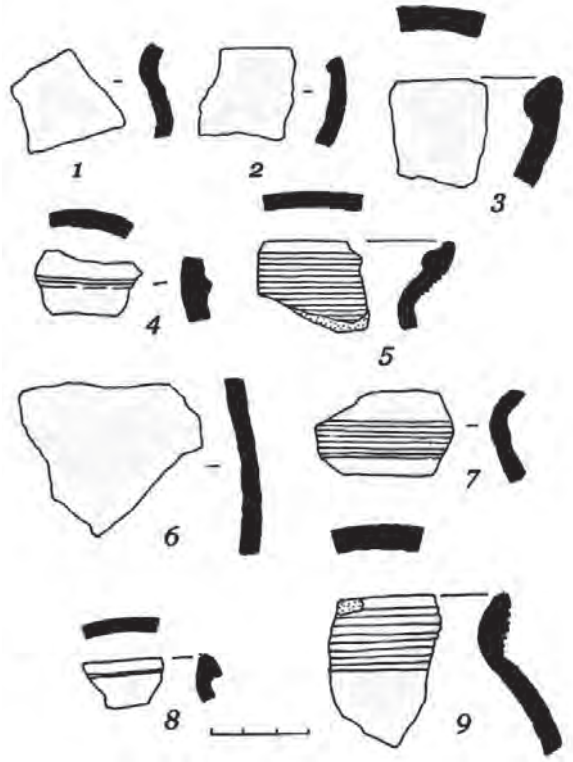


Рис. 4. Фрагменты круговых красноглиняных сосудов с Арского городища из раскопок 1983 г. (по: Руденко, Шутова, 2014)

Отложения, связанные с золотоордынским временем бытования поселения, были зафиксированы в составе слоя XIII – первой половины XVI в., представленного прослойкой темно-серой рыхлой супеси с включениями угля мощностью вне сооружений от 5 до 12 см. С этим слоем связано 9 объектов, предположительно хозяйственного назначения. Среди находок, соответствующих данному времени, следует отметить прежде всего фрагменты золотоордынской керамики, найденные в заполнении объектов, связанных с периодом Казанского ханства (Шакиров и др., 2010, с. 28–29, рис. 16, 3–12).

Наряду с изучением самого Арска середины 1950-х гг. происходило исследование памятников его округи. По результатам разведочных работ на территории Арского района было зафиксировано 12 археологических памятников, связанных с развитым средневековьем болгаро-татарского времени. В их числе объекты (селища, местонахождение, некрополь с намогильными камнями),

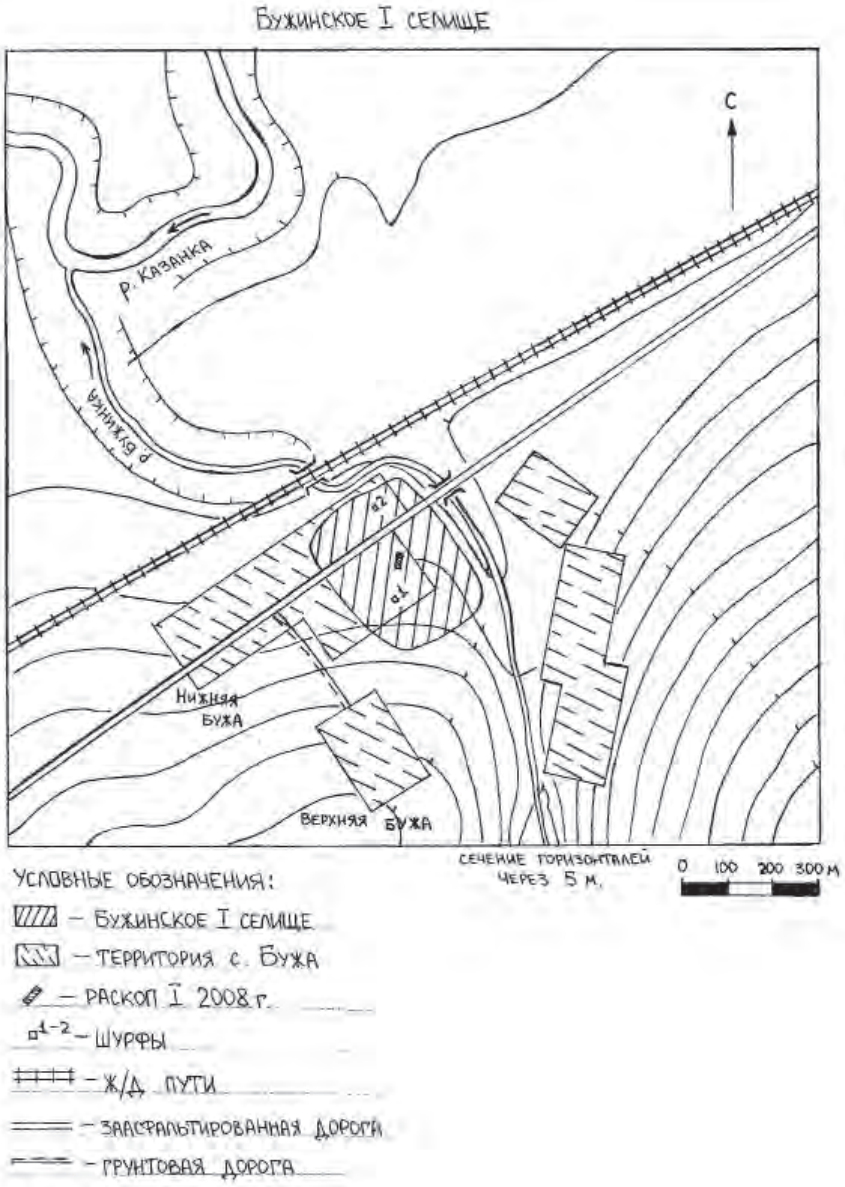


Рис. 5. План-схема Бужинского I селища. Шурфы и раскоп 2008 г. (по: Шакиров и др., 2010)

часть времени бытования которых, судя по облику археологических материалов, следует отнести к золотоордынскому периоду.

Бужинское I селище на левом берегу реч. Бужинки, левого притока р. Казанки. Было выявлено и обследовано Р.Г. Фахрутдиновым (Фахрутдинов, 1973, с. 120; 1975, с. 164, № 1432; Свод, 2007, с. 149, № 1239) и неоднократно осмотрено в 1996, 2006–2008 гг. Поселение расположено между деревнями Никольская (Нижняя) и Верхняя Бужа. Площадь 350×300 м (рис. 5).

В 2008 г. на территории селища был собран подъемный материал и заложены два шурфа размером 2×2 м. Шурф № 1 разбит в северной низинной части селища на огородах местных жителей, находок не обнаружено. Шурф № 2 заложен на южной оконечности селища, на приусадебном участке местного жителя. Культурный слой вне объектов достигает мощности 40 см. Выявлено два сооружения предположительно болгаро-татарского времени. В этом же году на территории селища был заложен раскоп площадью 40 кв. м. Мощность культурного слоя, как и в шурфах, составила 40 см. Прокопка 1–2 пластов производилась вручную с отбором материала по участкам. При этом часть материала оказалась переотложена из более ранних напластований. Из слоя происходит значительное количество фрагментов неполивной болгарской керамики домонгольского и золотоордынского времени. На разных уровнях культурных отложений было выявлено шесть сооружений и две столбовых ямы. В результате анализа топографической ситуации удалось установить направление средневековой улицы и двора с хозяйственными объектами (рис. 6). Период их бытования определен начиная со времени освое-

Рис. 6. Бужинское I селище. Планировка улицы болгаро-татарского времени (по: Шакиров и др., 2010)

Рис. 7. Бужинское II селище. Керамика болгаро-татарского времени (по: Шакиров и др., 2010)

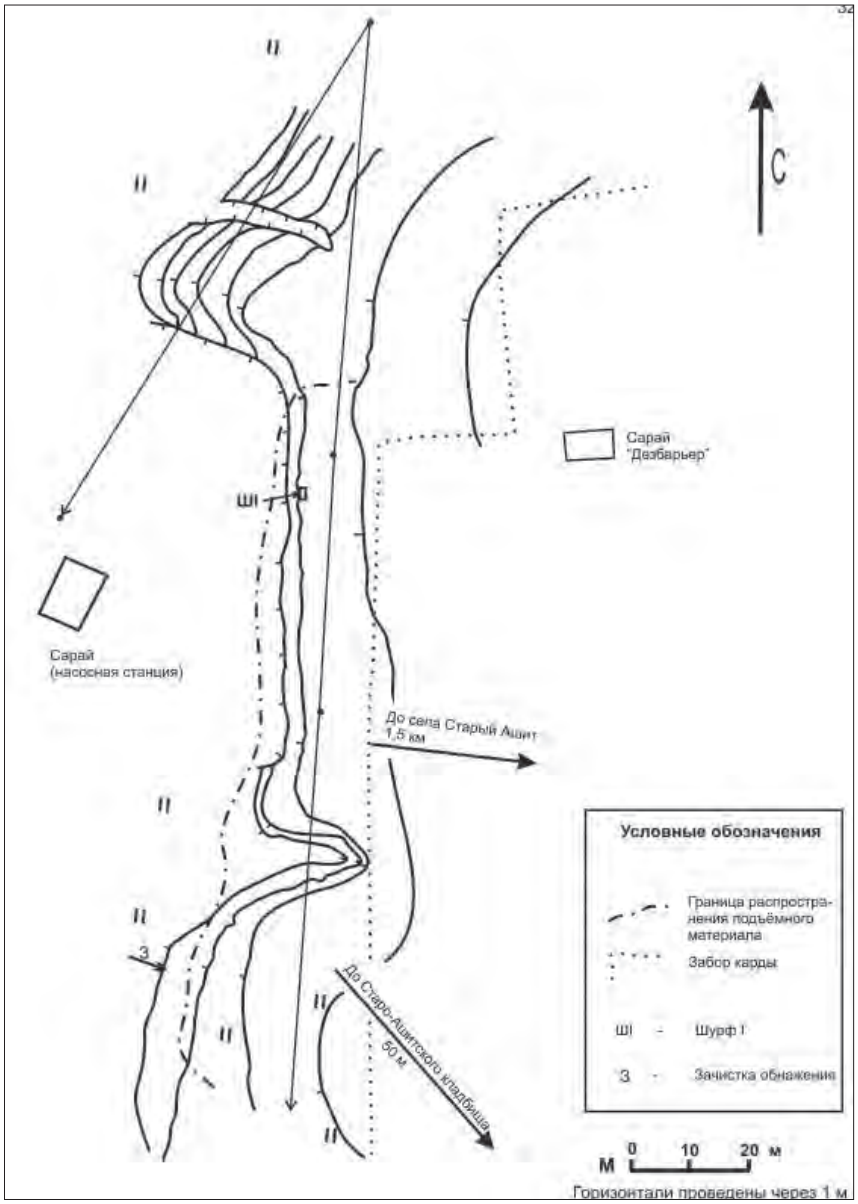


Рис. 8. План-схема Староашитского II селища (по: Шакиров и др., 2010)

ния данной территории в XII в. (Шакиров и др., 2010, с. 34).

Бужинское II селище было открыто и обследовано З.Г. Шакировым. В 2007 г к юго-западу от г. Арска и востоку от д. Васильева Бужа, на левом берегу р. Бужинки, левого притока р. Казанки, где ранее располагался фруктовый сад, на площади 250×200 м было зафиксировано распространение круговой красноглиняной керамики, датируемой XII–XV вв. (рис. 7).

Керамический комплекс поселения включает фрагменты круговой лощеной посуды коричневого, желто-красного и желтого цветов из мелкого теста с линейным, линейно-волнистым орнаментом, круговой серого и темно-серого цветов из глины с примесью мелкого песка, толченой раковины и растительности. Шурфовка показала, что культурный слой поселения сильно нарушен в процессе хозяйственной деятельности (Шакиров и др., 2010, с. 34–35).

Платоновское селище расположено на левом берегу реч. Нурмы, к югу от деревни на склоне надлуговой террасы. Размеры селища были определены по распространению подъемного материала на площади 100×80 м. Культурный слой незначительный. Культурные остатки – болгарская темно-красная и желто-красная керамика (Шакиров и др., 2010, с. 34–35).

Среднесердинское селище располагалось на левом берегу реч. Красны напротив западной части с. Средняя Серда к северо-западу от кладбища. Было обследовано Р.Г. Фахрутдиновым (Фахрутдинов, 1973, с. 120; 1975, с. 165, № 1441; Свод, 2007, с. 151, № 1259). Площадь памятника 250×200 м. На этой территории были собраны фрагменты гончарной керамики желто-красного,

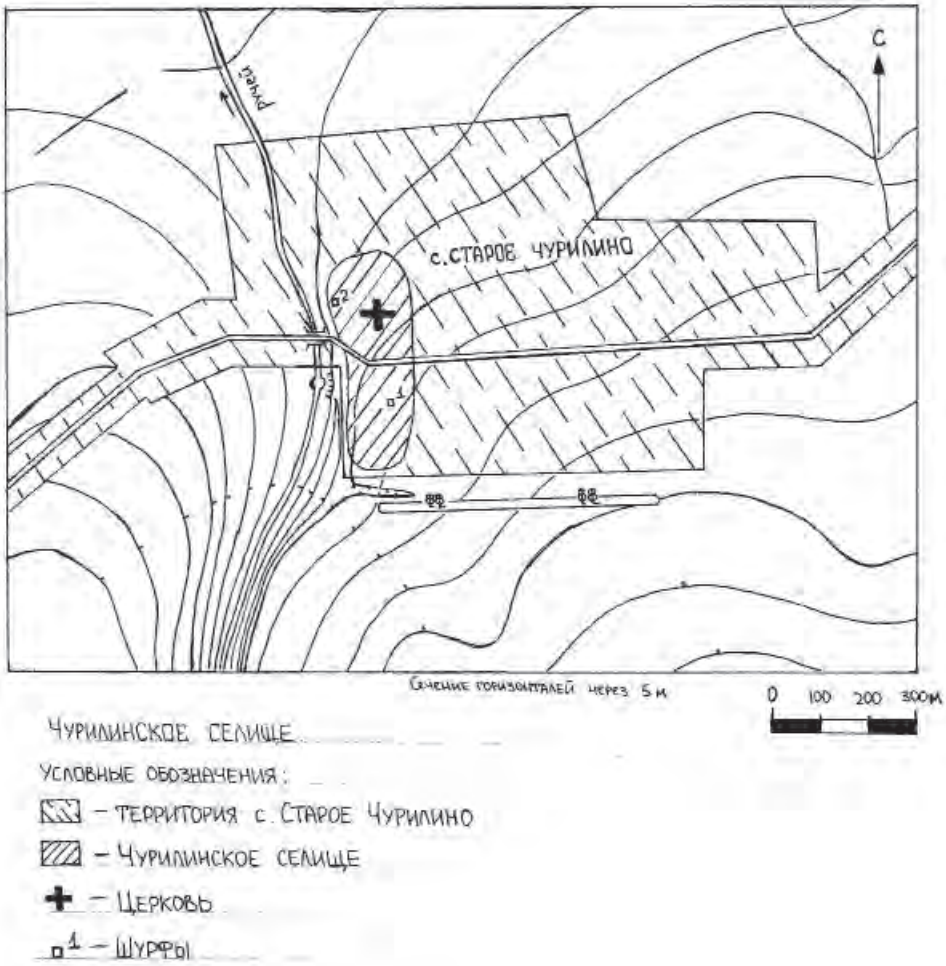


Рис. 9. План-схема Чурилинского селища (по: Шакиров и др., 2010)

коричневого, серого и желтого цвета с лощением, несущей элементы оформления, относящиеся к домонгольскому и золотоордынскому времени. Во время разведочных работ 2008 г. памятник обнаружить не удалось. По предположению исследователей, селище могло быть уничтожено карьером по добыче камня (Шакиров и др., 2010, с. 34–35).

Староашитское селище II было открыто в 2006 г. отрядом Института истории АН РТ. Селище расположено на краю надпойменной террасы (рис. 8). Центральную и восточную часть селища занимает летний выгон для скота (карда) и коровник, построенные в конце прошлого века. Слой памятника был разрушен в ходе строительства этого сельскохозяйственного объекта. С запада селище ограничено обрывистым склоном террасы. В северо-западной части селища на краю обрыва террасы был заложен шурф. Керамика из подъёмного материала и шурфа датируется широко в пределах болгаро-татарского времени (Шакиров и др., 2010, с. 35).

Чурилинское селище выявлено у с. Чурилино на левом берегу р. Казанки. Расположено на огородах в юго-западной части села на правом берегу небольшого притока р. Казанки (рис. 9). Площадь 150×100–420 м. Подъемный материал памятника вместе с современной керамикой представлен болгарской гончарной, лощеной, желто-красного, коричневого, желтого цветов, мелкого теста. Для выяснения мощности и насыщенности культурного слоя было заложено 2 шурфа размерами 2×2 м. Шурф 1 был заложен в южной, более высокой части селища. Культурный слой с содержанием болгарской и более поздней керамики второй половины XVI – XVII вв. имеет мощность до 50 см. В шурфе также была выявлена столбовая яма. Шурф 2 был разбит на северо-западной оконечности селища поблизости от ручья. После второго штыка прокопка оказалась невозможна из-за грунтовых вод. Находок обнаружено не было (Шакиров и др., 2010, с. 35; Свод, 2007, с. 152, № 1269).

С рассматриваемым временем связаны ряд местонахождений: Качелинское – к юго-западу от с. Качелино; Кшкарское – у с. Кшкары; Тюбяк-Чекурчинское местонахождение в верхней части с. Тюбяк-Чекурча; Староашитское – на левом берегу р. Ашит, к западу от села, напротив д. Песментау, где в 1956 г. были найдены фрагменты

болгарской гончарной бурой и красной лощеной керамики, отнесенной к золотоордынскому времени (Фахрутдинов, 1975, с. 166, № 1460; Свод, 2007, с. 151, № 1262).

Представляют несомненный интерес остатки средневековых кладбищ и отдельно стоящих надгробий, несущих в себе информацию, которая рассмотрена в фундаментальных работах Г.В. Юсупова и Д.Г. Мухаметшина. Большинство из этих памятников (Арняшское кладбище; Верхнеатынские, Казылинские надгробные камни, Кишметьевское надгробие, Кадряковское кладбище и др.) относятся к эпохе Казанского ханства, вместе с тем некоторые из некрополей возникают уже в золотоордынское время, о чем свидетельствуют находки намогильных камней, относящихся к данному периоду. К таковым относится Староашитское кладбище «йорт Осте». Памятник расположен на левом берегу реки Ашит, на краю высокой коренной террасы, в 1 км от д. Старый Ашит. Из фиксируемых в Своде 2007 г. пяти надгробий два надгробия сохранились целиком, одно из них расколото на три части. Еще два сохранились в виде фрагментов. Два надгробия имеют врезанные каллиграфические надписи на древнеболгарском языке. Датируются первой половиной XIV в. (Али Рахим, 1930; Юсупов, 1960, с. 21, 25, табл. 30, 31; Свод, 2007, с. 151, № 1264).

Результаты исследований Арского городища и его округи позволяют говорить о преемственности населения Казанского ханства от болгарского населения региона предшествующего времени.

Археологические памятники бассейна р. Меша

Археологические памятники эпохи Средневековья на р. Меше были выявлены во второй половине XIX в. (Археологическая…, 1981, с. 92, № 384). Научное их изучение началось в конце 1940-х – начале 1950-х гг. разведочными работами Н.Ф. Калинина (Калинин, 1948, л. 91, фото 131, 132). Стационарное исследование тех из них, которые находились в нижнем ее течении у с. Рождествено (рис. 1), началось в 1956 г. экспедицией КГУ и ИЯЛИ под руководством В.Ф. Генинга (Генинг и др., 1962, с. 7; Руденко, 2001, с. 19). В 1960–1970-х гг. после создания Куйбышевского водохранилища на средневековых памятниках у с. Рождествено сборы подъемного материала и небольшие охранно-спасательные работы наиболее активно велись сотрудниками ИЯЛИ КФАН СССР П.Н. Старостиным и Е.П. Казаковым. В 1970–1976 гг. П.Н. Старостиным были проведены раскопки Рождественского V могильника (Старостин, 2009, с. 4), а в 1970 г. – А.Х. Халиковым Рождественского I селища (Старостин, 2009, с. 73). В 1990–2000-х гг. сборы подъемного материала и небольшие раскопки на Рождественском VI селище (рис. 2) и III–IV могильниках осуществлялись К.А. Руденко (Руденко, 2003, с. 125, 274, табл. 53; 54; карта 2). В 2000-х гг. периодические осмотры памятников здесь делали сотрудники НЦАИ АН РТ.

Бассейн Меши в пределах Атнинского, Сабинского, Тюлячинского, Пестречинского районов Татарстана были обследованы археологическими экспедициями ИЯЛИ КФАН СССР в середине 1950-х и 1970-х гг. Сведения о них вошли в Свод средневековых памятников Волго-Камья Р.Г. Фахрутдинова и первый том Археологической карты ТАССР (Фахрутдинов, 1975, с. 159–181, № 1359–1384; Археологическая…, 1981, с. 82–110). Дополнительное изучение этой территории было проведено К.А. Руденко в 1996–1997 гг. в ходе мониторинга археологических объектов для включения их в земельный кадастр РТ (Руденко, 1996а, б, в, г; 1998). Были открыты несколько новых селищ: Читинское II (Пестречинский район РТ), Большенырсинское III (Тюлячинский район РТ) (рис. 3) домонгольского времени, Мингерское II (Сабинский район РТ) (рис. 4), датированное XI–XIV вв., а также уточнено местонахождение известных памятников и в ряде случаев – их датировка (Руденко, 1996б, л. 41, рис. 12, № 8; он же, 1996г, л. 33, 34, рис. 7, 8, № 7). Исследования К.А. Руденко продолжили разведочные работы 1945–1952 гг. под руководством Н.Ф. Калинина (Калинин, Халиков, 1954, с. 3, 4).

***

В домонгольский период бассейн р. Меши, правого притока Камы, был довольно плотно заселен, несмотря на то что тогда эти земли были покрыты лесами, что подтверждают и гидронимы, в первую очередь название самой реки – «Меша», что обозначает «лесная река» (Гарипова, 1991, с. 164). Пригодная для хозяйственной деятельности и посевов долина реки не очень широкая, что ограничивало возможности освоения бассейна Меши. Стоит добавить, что в эту долину впадает большое число небольших стариц и суходолов, которые удобны для выпаса скота или небольшой запашки, что, скорее всего, использовалось населением, проживавшим здесь в древности. Левый берег Меши, как правило, пологий, а правый – крутой и обрывистый, при этом долины притоков Меши менее выражены и пойменных участков здесь немного. Все это и определяло расположение поселений в средневековую эпоху.

Рис. 1. План археологических памятников у с. Рождествено (по: Руденко К.А.)

Наиболее ранние памятники – рубежа X–XI в. – располагались в низовьях Меши. Это рождественский микрорегион (Археологическая, 1981, с. 19, № 372, 375, 379, 383, 384; Руденко, 2001, с. 27–29, рис. 6), где в конце X в. возникло Рождественское VI селище (рис. 2), пришедшее в упадок в середине XII в. из-за половецких набегов (Руденко, 2022, с. 176). Рождественское I селище, возникшее не позднее первой трети XI в., функционировало до начала XIII в., как и Рождественское V селище (рис. 1). Рядом с ними находилось мусульманское кладбище XII – начала XIII в. (Рождественское III), исследованное в 1956–1958 гг. В.Ф. Генингом и в 1970 г. Е.А. Халиковой (Халикова, 1986, с. 114–115).

После монгольского нашествия все они прекратили свое существование, хотя небольшое поселение второй половины XIII – XIV вв. поблизости от I селища, на месте бывшего с. Рождествено, было определено по керамическому материалу и монетам этого времени в подъемном материале (Руденко, 2015, с. 330). Отметим, что эти места были обитаемы до середины XV в., о чем свидетельствуют нумизматические находки (Бугарчев, Шайхутдинова, 2022, с. 169–174) и предметы из разрушенных мордовских захоронений XIV–XVI вв. В писцовых книгах XVI в. здесь упоминается пустошь Укречь-Култук «у большого кургана» (Чернышев, 1971, с. 276). Очевидно, здесь речь идет о заметном земляном вале Рождественского городища именьковской культуры, который был полностью размыт Мешей к середине XX в.

В среднем и верхнем течении Меши отдельные небольшие селения стали возникать также в X в., как например, Большенырсинское II селище (Тюлячинский район РТ) (рис. 3), где был найден литой граненый дротовый браслет с кружковым орнаментом (Руденко, 2003, с. 234, табл. 56: 1), характерный для древностей X в. Однако более активное перемещение сюда населения стало происходить в конце XI – первой половине XII в. в

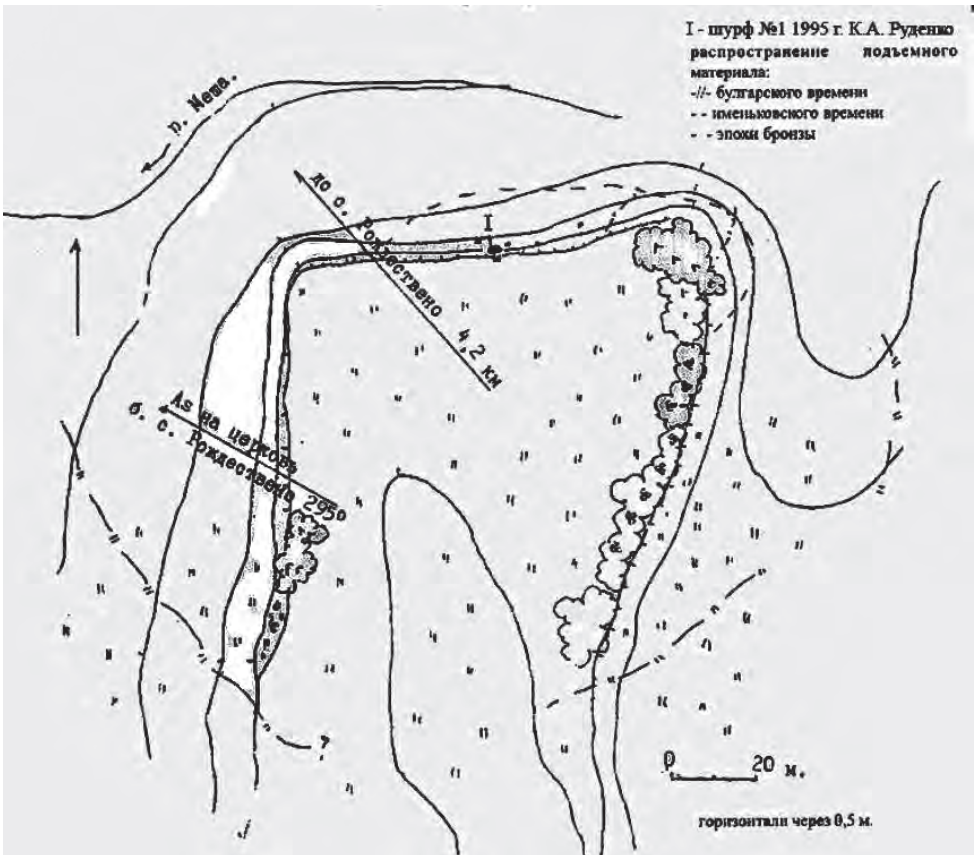


Рис. 2. Рождественское VI селище. План. Съемка К.А. Руденко 1995 г.

результате его оттока из Закамья, особенно из приустьевой части Камы, вероятно, из-за половецких набегов, происходивших в этот период. Там, где уже имелись небольшие селения, рост территории их происходил весьма интенсивно, как это случилось на Большенырсинском комплексе. В XII в. в него входили Большенырсинское I селище, площадь которого составляла 56000 кв.м (200×280 м), II селище – 80000 кв. м (400×200 м); площадь III селища – не менее 35000 кв. м (50×700 м) (Руденко, 2004, рис. 25–26). Факт наличия второй волны переселенцев подтверждают железные изделия аскизского круга, обнаруженные на Большенырсинском II селище (Руденко, 2003, с. 234, табл. 56: 2), а также выразительный керамический комплекс XI–XII вв., представленный фрагментами лепной посуды с примесью толченой раковины, орнаментированной веревочными оттисками, гребенчатым штампом (Руденко, 2004, с. 136, рис. 32: 17, 18); а также фрагментами с примесью шамота в керамическом тесте. Следы правки на круге носят сосуды с примесью крупнозернистого песка (тип «джукетау») с характерным орнаментом в виде многорядной волны и «высокими» ручками (Руденко, 2004, рис. 32: 13–16). Фрагменты круговых сосудов достаточно разнообразны и представлены обломками корчаг, горшковидных сосудов, кувшинов. Часть посуды хорошего обжига залощена, часть орнаментирована (Руденко, 2003, с. 234, табл. 56: 2; 2004, с. 136, рис. 32: 11–22).

Аналогичный керамический комплекс представлен на Тямтинском селище (рис. 5). Это фрагменты круговых сосудов с вертикальным узким лощением, три фрагмента стенок лепных сосудов с примесью толченой раковины и стенки подправленных на круге сосудов с примесью крупнозернистого песка светло-коричневого, охристого цвета (тип «джукетау») (Руденко, 2004, с. 131, 135, рис. 27, 31: 10, 11).

Там, где селений X в. не было, вновь основанные селища нередко длительное время сохраняли первоначальные границы, как например, Читинское II (Пестречинский район РТ) селище (рис. 6), находящееся в 0,7 км к юго-западу от села (в 1990-е гг. селище было засажено сосновыми саженцами). Эти селища чаще всего занимали стрелки мысов надлуговых террас либо участки территории между отрогами оврагов, впадавших в пойменную долину, и обязательно – при наличии здесь ручьев и родников. Большая часть этих селений, вероятно, функционировала достаточно автономно, и только самые крупные поддерживали экономические связи с центральными районами Волжской Болгарии по притокам Меши (Археологическая…, 1981, с. 20). О существовании таких контактов свидетельствуют находки шиферных

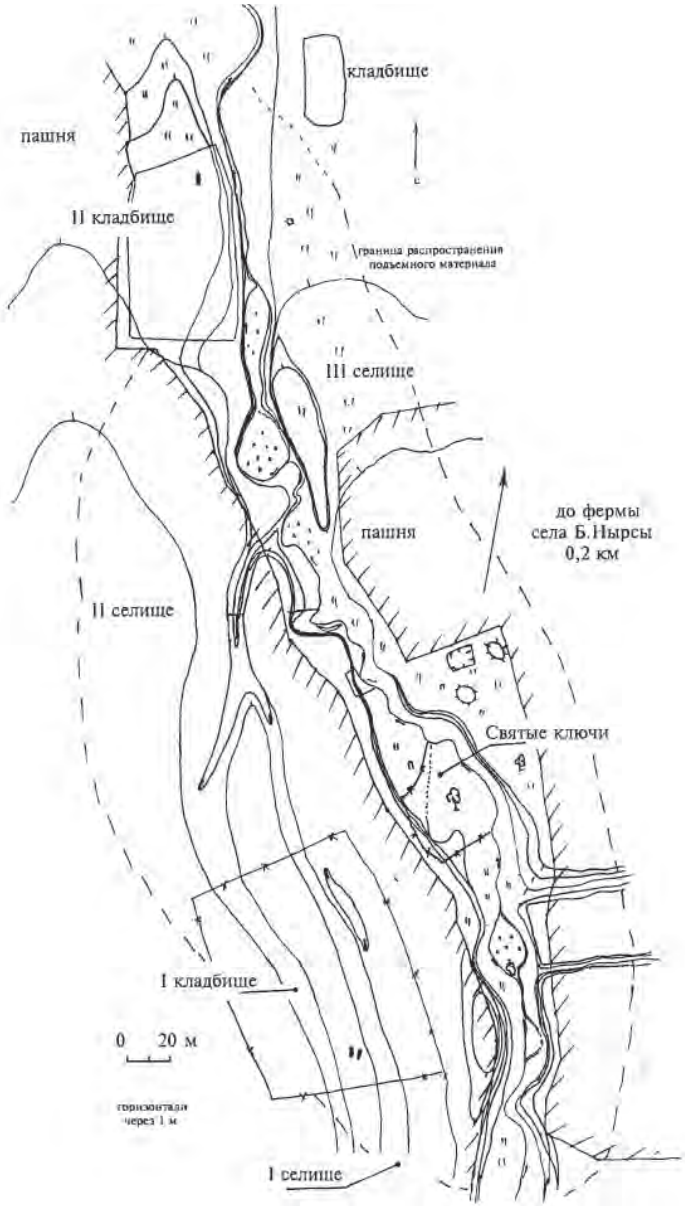


Рис. 3. Комплекс археологических памятников у с. Большие Нырсы. Съемка К.А. Руденко, 1996 г.
I , II, II Большенарсинские селища; I, II кладбища. Общий план

прясел на ряде памятников (Руденко, 2003, с. 234, табл. 56: 6).

Монгольское нашествие вряд ли непосредственно затронуло мешинские поселения. Но разрушение инфраструктуры и экономических связей Волжской Болгарии, несомненно, отразилось и на них. Часть поселений исчезает, но появляются новые, тоже небольшие по размерам, нередко поблизости от пустошей, оставшихся от селений домонгольского времени. Вместе с тем мнение о массовом заселении бассейна Меши именно после монгольских завоеваний, как это отмечалось в литературе (Калинин, Халиков, 1952, с. 106, 107; Археологическая…, 1981, с. 21), ошибочно. Выявить связь между селениями домонгольского и ордынского времени не представляется возможным ввиду малочисленности и невыразительности материала и отсутствия раскопочного материала.

***

Археологических памятников эпохи Средневековья на Меше немного. Они представлены городищем, селищами и могильниками. Причем домонгольских из них по атрибуции в Археологической карте, за исключением Рождественского микрорегиона, практически нет. К Золотой Орде был отнесен 31 памятник. Из них 22 селища, одно городище, 2 грунтовых могильника, 2 отдельных погребения и 9 грунтовых некрополей с каменными надгробными памятниками, где указана дата погребения.

Рассмотрим сначала укрепленное поселение. Это Утернясьское городище (Археологическая…, 1981, с. 107, № 493). Расположено оно в овраж-

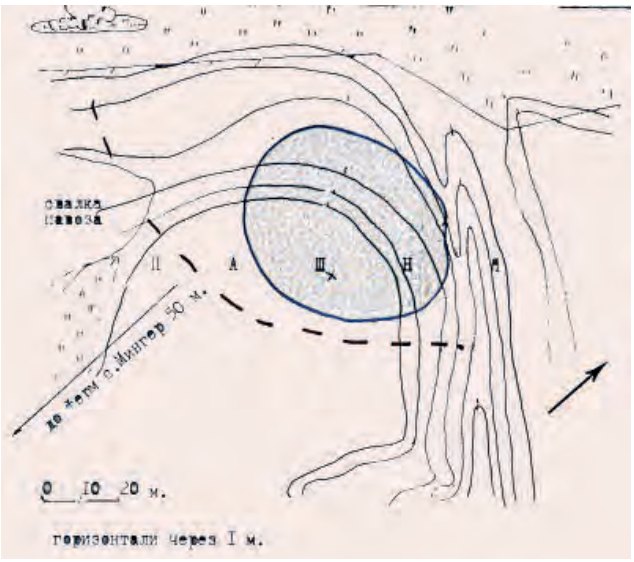


Рис. 4. Мингерское II селище. План.
Съемка К.А. Руденко, 1996 г.

ной системе на мысу, образованном правым притоком Малой Меши – Кала Елгой – и оврагом, в 1,5–2 км к северо-северо-востоку от с. Утернясь. Площадка мыса имеет площадь около 3300 кв. м (110×20–40 м). С напольной стороны имелись два небольших рва и невысокий вал между ними (рис. 7).

По данным обследования 1996 г., укрепления в настоящее время практически полностью уничтожены, вследствие глубокой распашки мыса под лесопосадки. Правда, саженцы сосны прижились только в южной части мыса, на остальной сохранились глубокие борозды, поросшие травой. У обрывов в северной части мыса сохранились: часть вала шириной 1,7 и высотой 0,5 м; а также рвы шириной 1,5 и глубиной 0,3 м (Руденко, 1996г, л. 42, 43, рис. 13, № 10; он же, 2004, с. 134, рис. 30). Культурный слой отсутствует. Подъемный материал в пахотном слое на площадке и за ее пределами не выявлен, кроме щебня природного происхождения. Первое обследование этого объекта в 1925 г. также не дало никаких находок. Материк представляет собой суглинистую почву, напоминающую мергель, при высыхании образующую плитчатую поверхность.

В 250 м к северу от городища находятся следы небольшого хутора начала XX в. – выселок из д. Утернясь (сообщение старожилов села), которые ошибочно были приняты при обследованиях начала 1970-х гг. за поселение эпохи Средневековья. В 1996 г. здесь на площади 60×30 м собрана небольшая коллекция фрагментов керамики конца XIX – начала XX в., обломок лезвия топора и часть стенки чугунка XIX–XX вв. (Руденко, 1996г, л. 45, рис. 13, № 11; он же, 2004, с. 135, рис. 31: А; Б: 1–4). Судя по описанию в археологической карте, керамика аналогична той, что выявлена ранее М.Г. Косменко. В 50 м к северу от следов этого селения находится место старого кладбища, засаженное ельником, видимо, связанное с вышеупомянутым выселком (Археологическая…, 1981, с. 107, 108, № 494, 495; Руденко, 2004, с. 135, рис. 31: А).

Исходя из этого факта, скорее всего, т. н. «городище» было местом выпаса скота населения этого выселка, окруженное с напольной стороны небольшим валом, что практиковалось довольно часто.

Селища. К началу 1950-х гг. на Меше было известно два средневековых селища (Калинин, Халиков, 1954, с. 108). Археологические изыскания, проводившиеся в последующие годы, позволили увеличить количество выявленных селищ этого периода, и в настоящее время их число составило 22. Практически все эти памятники были датированы эпохой Средневековья в 1950–1970-х гг. по весьма скудному подъемному материалу, в основном фрагментам керамики (Археологическая…, 1981). Новые исследования, проведенные во второй половине 1990-х гг. К.А. Руденко на памятниках мешинского бассейна, позволили установить состояние данных объектов, а также скорректировать их датировку. Нумизматические находки с поселений в приустьевой части Меши, обнаруженные в 1980–2000-х гг. (Бугарчев, Шайхутдинова, 2022, с. 169–174), дали основание для уточнения рамок существования тех из них, которые расположены в этом микрорегионе.

По имеющимся материалам, четыре селища относятся к XI–XIV вв. Это Байчугинское I, Казакларское, Шинарское (рис. 8), Измянское, Чабки-Сабинское (рис. 9) (Археологическая…, 1981, с. 88, 105–108, № 352, 480, 485, 492, 499; Руденко, 2004, с. 110). По уточненным данным, в домонгольское время существовало Казакларское селище (разрушено карьером), а Измянское селище функционировало уже в Новое время (Руденко, 2004, с. 108, 110, рис. 29).

Золотоордынским временем было датировано 18 селищ, но по новым данным три из них существовали в домонгольское время. Это Большенырсинские I и II и Тямтинское селища (рис. 3, 5) (Археологическая…, 1981, с. 99, 103, 104, № 433; 463,464, 471; Руденко, 2003, с. 124, 125, табл. 55; 56; он же, 2004, с. 108, 110, рис. 31 – Б: 11). Показательно, что на территории Тямтинского селища располагался надгробный камень XIV в. (Руденко, 2004, с. 131, рис. 27), установить который было бы невозможно во время существования этого поселения. Аналогичная ситуация и с Большенырсинскими селищами и расположенными на них кладбищами.

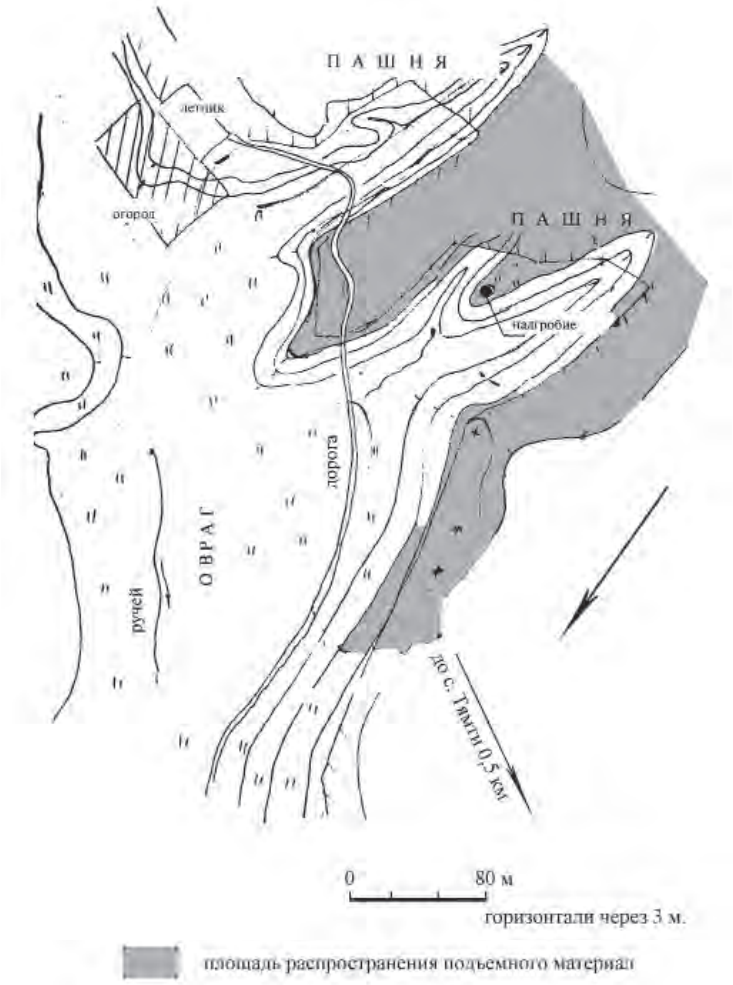


Рис. 5. Тямтинское селище и надгробие. План. Съемка К.А. Руденко. 1996 г.

Кроме того, Черемышевское и Верхнеказылинское селища (Археологическая…, 1981, с. 96, 102, № 412, 453), судя по материалам, полученным в 1990-х гг., датируются XVIII–XX вв. (Руденко, 1996б, л. 25, 26, рис. 4, № 2; он же 2004, с. 107, 108). Таким образом, к XIII–XIV вв. относится 12 селищ.

Золотоордынские селища – это, как правило, небольшие по размерам памятники со слабым культурным слоем, с небольшим количеством находок, преимущественно единичных находок фрагментов керамики. Это Тат-Агайбашское I, Карадулинское I, Большееланьское, Татходяшевское, Платоновское, Читинское I, Казылинское (Красноярское), Верхнеказылинское, Мартыновское, Большетюлязинское, Мамалаевское, Елышевское I и II (Археологическая…, 1981, с. 89, 93, 94, 96, 97, 101, 102, 108, 109, № 362, 389, 414, 415, 421, 450, 453, 500, 502, 504, 507, 508). Из вышеперечисленных Тат-Айгайбашское селище размыто водами Куйбышевского водохранилища, Татходяшевское полностью застроено, Читинское I засажено сосновыми деревьями, Елышевские селища задернованы (Руденко, 1996г, л. 55–60, рис. 20–23), и проверить датировку невозможно. На Мартыновском селище культурный слой не выявлен, и его отнесение к данному периоду условно (Руденко, 1996г, л. 51, рис.1; 17, № 14). Показательно Мамалаевское селище, расположенное в 1,2 км к востоку от с. Мамалаево у старицы р. Меши. Подъемный материал, зафиксированный на площади 900 кв. м (20×45 м), представлен фрагментами круговой керамики и подправленной на круге типа «джукетау» (Руденко, 1996г, л. 53, 54, рис. 1; 18, № 15).

Датировка практически всех памятников, выявленных в конце 1940-х – 1970-х гг., основана на немногочисленных фрагментах керамических сосудов, что не всегда было достаточным, чтобы установить хронологические рамки функционирования поселений. К сожалению, проверить эти сведения в настоящее время весьма затруднительно по причине исчезновения многих из этих селений в результате застройки, регулярной распашки или же природных воздействий, например, размыва берега реки, где располагалось селище, рекой. К поселениям с условной датировкой относятся Большееланьское, Платоновское, Казылинское и

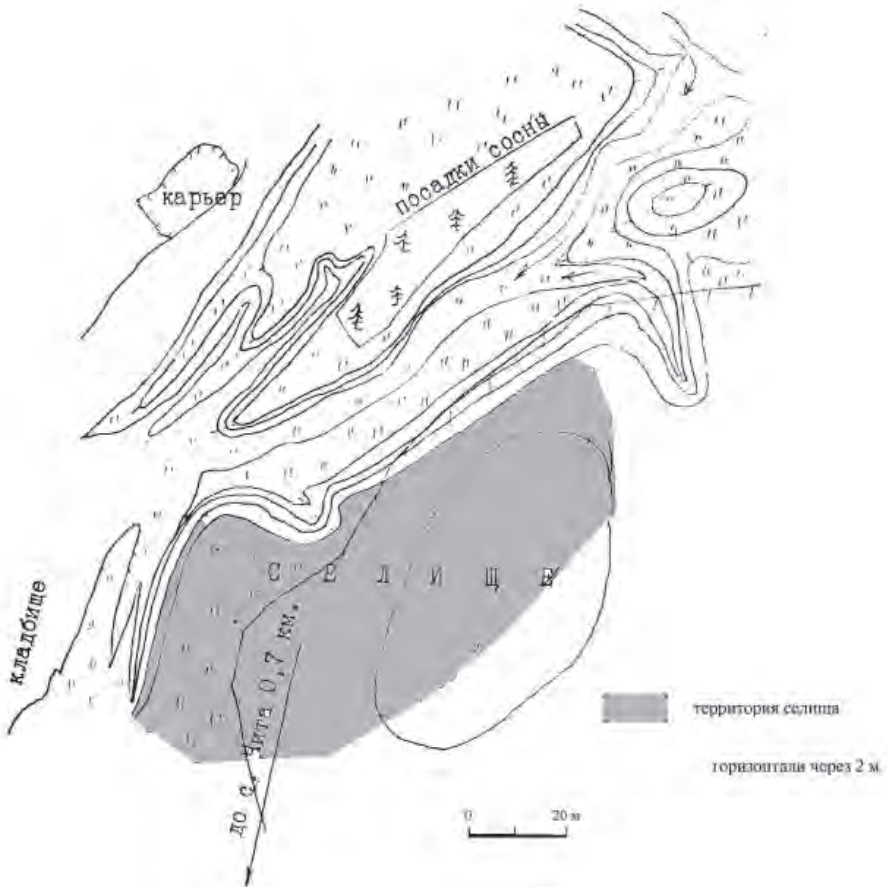


Рис. 6. Читинское II селище и надгробие. План. Съемка К.А. Руденко. 1996 г.

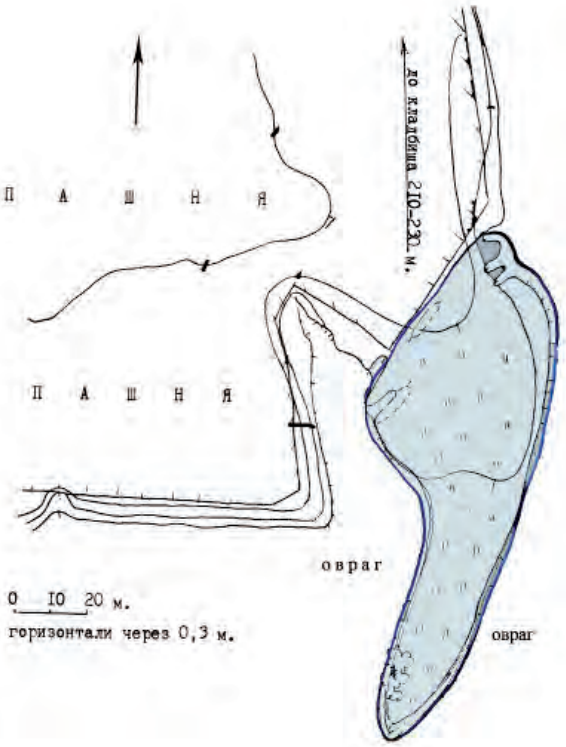


Рис. 7. Утернясьское городище. План. Съемка К.А. Руденко. 1996 г.

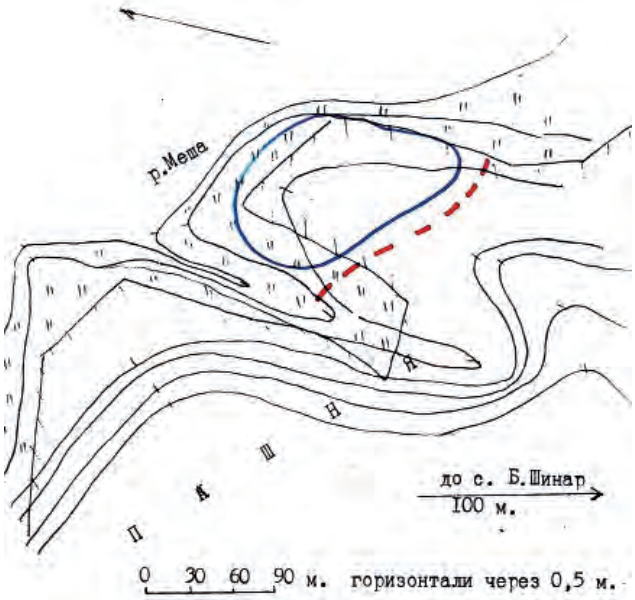


Рис. 8. Болшешинарское селище. План. Съемка К.А. Руденко. 1996 г.

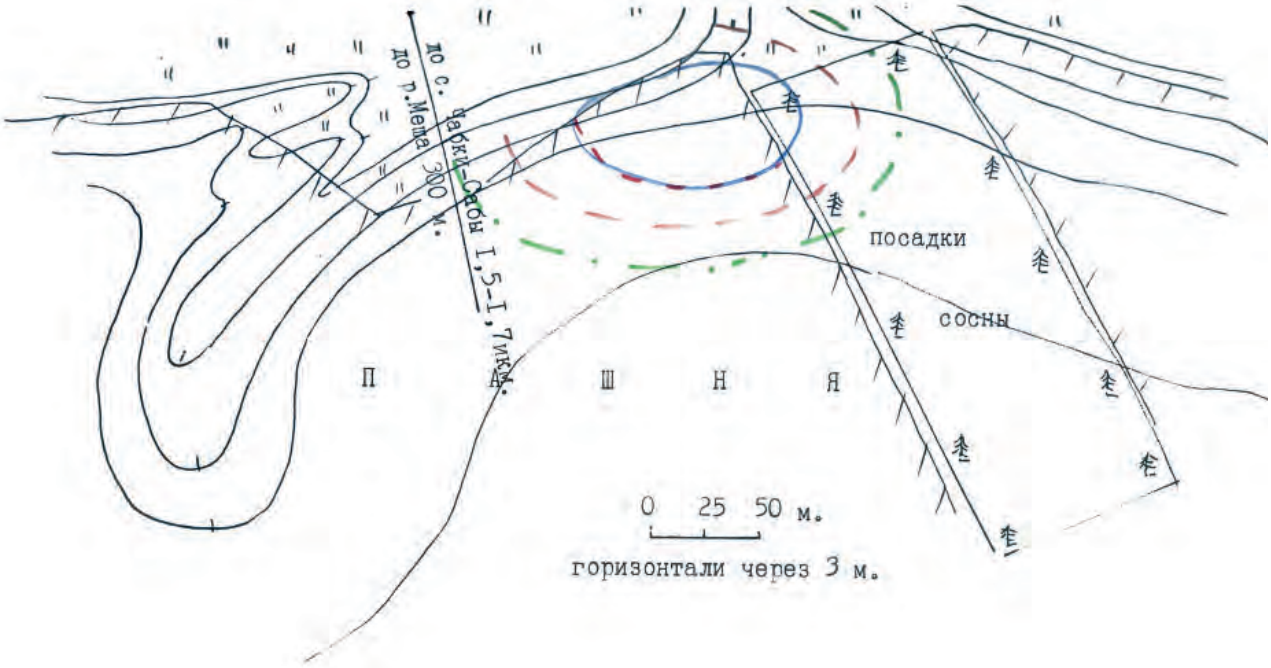


Рис. 9. Чабки-Сабинское селище. План. Съемка К.А. Руденко. 1996 г.

Верхнеказылинское селища. Дальнейшие обследования в бассейне Меши позволят уточнить эти данные.

Подводя итог, можно констатировать, что характерной особенностью поселений бассейна Меши с домонгольского времени является приуроченность их к ее мелким притокам – небольшим речкам. Это Черемышевское, Читинское, Мингерское, Тямтинское селища; Большенырсинский комплекс. Располагались поселения, как правило, на приречных террасах высотой не более 5 м. Преобладает приречно-овражный тип поселений (тип БVа или БVIа) (Руденко, 2014, с. 176–178). В сущности, это наблюдается и в приустьевой части Меши (Рождественский археологический комплекс). К мысовому типу поселений относится Казакларское селище (тип БIVа).

Расположение селищ разного времени имеет свои особенности. Для домонгольского времени характерно размещение селищ у ручьев или родников, питающих небольшие речки при впадении последних в притоки Меши. Высота над уровнем воды невелика – не более 3 м. Это поселения, как правило, вытянуты вдоль берега. Такой тип селищ в целом характерен для данного региона, но особенно часто встречается в центральных районах Закамья.

В XII в. небольшие селища чаще всего формируются на небольших мысах берегов небольших рек и даже суходолов, нередко прорезанных небольшими овражками и ложками, ограничивающими площадь поселения. Реже встречаются мысовые поселения, находящиеся на краю коренной террасы у истоков родника или ручья в овраге (Казакларское, Чемерцинское селища). В подъемном материале на этих поселениях часто встречаются фрагменты круговой посуды с сильно запесоченным тестом, напоминающие керамику типа «джукетау» (по Т.А. Хлебниковой). Немногочисленные селища такого типа известны в южной части Волжской Болгарии (например, селище у с. Караульная Гора в Нурлатском районе РТ) (Руденко, 2004, с. 110).

С XIII в. селища, как правило, располагались на низких пойменных террасах, вытянутых вдоль притоков Меши, как правило, в долине реки при наличии естественных рубежей (оврагов, ложков, суходолов).

Могильники. Грунтовые без каменных надгробий (4 некрополя). К востоку от Ташкирменьского I городища на краю низкой надлуговой террасы зафиксированы следы небольшого кладбища, располагавшегося на месте поселения именьковской культуры (Калинин, 1948, л. 29, 30, фото 53, 54; Археологическая…, 1981, с. 85, № 338, 340). По данным, приведенным Н.Ф. Калининым, девять изученных здесь безынвентарных захоронений были ориентированы головой на северо-восток. Умершие располагались вытянуто на спине, череп на правом или левом виске. Руки, согнутые в локтях, были скрещены на поясе или вытянуты вдоль туловища. Могильные ямы глубиной более 1 метра, имели деревянное перекрытие (Калинин, 1948, л. 29, 30). Дата не определена.

Еще одно кладбище выявлено на Ташкирменьском IV селище. Захоронения здесь совершались

по мусульманскому (?) обряду, но одно из них имело северо-западную ориентировку, а лицевая часть черепа была повернута к югу. Вещей в погребениях не было (Археологическая…, 1981, с. 85, № 339).

Рождественский IV могильник занимал территорию некрополя именьковской культуры и болгарского селища XII–XIII вв. Часть золотоордынских захоронений прорезали именьковские погребения, как и котлованы построек домонгольского времени (Генинг и др., 1962, с. 79, табл. XII; Археологическая…, 1981, с. 92, № 378). На Рождественском IV могильнике было изучено 40 захоронений. Они располагались несколькими короткими рядами, вытянутыми в направлении север – юг. Часть могил были расположены очень близко друг от друга, составляя небольшие группы. Захоронения безынвентарные, ориентированные на запад с отклонением к югу. Умершие были захоронены в деревянных гробах, без металлических крепежных деталей. Костяки в 50% случаев лежали вытянуто на спине, а с поворотом на правый бок зафиксировано 30% скелетов. В этом случае лицевая часть черепа развернута на юг, хотя в погребениях 6 и 36 был встречен разворот на север (Генинг и др., 1962, с. 82). Детские и подростковые захоронения составляли 27% от общего их числа (Генинг и др., 1962, с. 80, 81, табл. Т). Особенностью этого могильника является наличие среди захоронений языческого погребения кочевника с монетой 1357 г., что дало основание весь этот некрополь датировать XIV в. Кроме того, в погребении 23 в изголовье находились два бараньих ребра (Генинг и др., 1962, с. 82, 83). Интересно парное захоронение № 4, в котором два костяка лежали головами на запад: один вытянуто на спине (руки вытянуты вдоль туловища), второй на левом боку, лицевой частью черепа обращен к первому (Генинг и др., 1962, с. 82, 122, табл. XXXII: 2).

Рождественский V могильник (мусульманская часть) (Археологическая…, 1981, с. 91, № 376). Это наиболее полно исследованный средневековый некрополь Рождественского микрорегиона, где изучено 171 захоронение (рис. 10). Расположенный на мысу между рекой Мешей и правым ее притоком, он располагался на месте могильника азелинской культуры III–V вв. н. э. (Старостин, 2009, с. 57). 86,2% погребенных на Рождественским V могильнике были ориентированы в направлении запад – северо-запад (рис. 11). На запад было ориентировано 6,8%, а на северо-запад – 3,5%. Зафиксирована также ориентация на северо-восток (2,4%) и запад – юго-запад (1,1%). Практически у всех погребенных лицевая часть черепа развернута к югу, а костяк повернут на правый бок (Старостин, 2009, с. 71, 72, 82, табл. 15–16). Зафиксированы и особые случаи: погребение взрослого с младенцем (погр. 110), парное захоронение (погр. 116 а,б) (Старостин, 2009, с. 137, рис. 50: В, Г); в пяти захоронениях имелись вещи (погр. 29, 64, 68, 153, 251) – железная пряжка, серьга и железные наконечники стрел. Судя по нахождению в захоронении (Старостин, 2009, с. 139, рис. 52: А), серьга, датирующаяся Новым временем, скорее всего, случайно попала в него. Наконечники стрел из погребения 251, видимо, были причиной смерти покойного, застряв в костях скелета (Старостин, 2009, с. 140, рис. 53).

Исследователь этого памятника, П.Н. Старостин, выделил две группы захоронений. В первой умершие погребались в деревянных гробах, скрепленных железными гвоздями (29,2%), с Г-образной головкой, округлой шляпкой и в виде кованого стержня со слабо выделенной расплющенной верхней площадкой. П.Н. Старостин описывал их как гвозди-штыри (Старостин, 2009, с. 73, 138, 142, рис. 51; 55). Во вторую группу им были объединены захоронения без гробов (70,8%) в обычных ямах прямоугольной формы с вертикальными стенками, глубиной в среднем 1–1,2 м (Старостин, 2009, с. 73, 81, табл. 14). Погребения без гробов ученый датировал золотоордынским временем, считая, что они связаны с населением, проживавшим на Рождественском VI селище, отнесенном им, вслед за А.Х. Халиковым, к золотоордынскому времени (Старостин, 2009, с. 73, 74). Однако это поселение относится к домонгольскому времени и материалов XIII–XIV вв. на нем нет. Соотнести этот могильник с каким-либо из других средневековых поселений в настоящее время затруднительно.

Захоронения в гробах П.Н. Старостиным не датированы, кроме погребения, в котором находилась серьга, правда, исследователь отнес это украшение к эпохе Казанского ханства, что неверно. Судя по планиграфии этого некрополя (Старостин, 2009, с. 84, рис. 2), на его мусульманской части имеются несколько групп захоронений, вероятно, относящихся либо к разным селениям, либо к разновременным в промежутке XIII–XIV в.

Грунтовые с каменными надгробиями (шесть некрополей). В 0,7–0,8 км к юго-западу от с. Чита (Пестречинский район РТ) находится надгробие XV (?) в. (рис. 12), которое было перенесено в это место, чтобы не мешало распашке. Первоначальное местоположение камня установить не удалось.

Читинское кладбище с камнем XV в. находится к востоку от Читинского II селища (рис. 6). Надгробие разбито на три части, обломки лежат на земле, лицевой частью наверх (рис. 12). Расположение этого надгробия вторично: по словам

Рис. 10. План Рождественского V могильника (по: Старостин, 2009, рис. 2)

местных жителей, его перенесли с другого места, поскольку он мешал распашке. Первоначальное место забыто (Руденко, 1996б, л. 38, № 7). Во второй половине XIX в. на месте первоначального места некрополя были проведены раскопки. Было вскрыто несколько захоронений, погребенные в которых были ориентированы головой на С–З; череп повернут на правый (в одном случае – на левый) бок. Умершие были одеты в рубахи из красной ткани, с вышивкой на рукавах. В одном захоронении у виска находилась сердоликовая бусина. Датированы XIV–XV в. (Археологическая…, 1981, с. 98, № 429). Впрочем, точных оснований для датирования у нас нет.

В 0,1–0,7 км к югу от с. Таутермень (Пестречинский район РТ) известно надгробие первой половины XIV в. В 1 км к западу от с. Большие Кибя-Кози (Тюлячинский район РТ) и в 0,66 км к северо-востоку от с. Верхние Кибя-Кози находятся три надгробных плиты. Одна из них с изображением многолепестковой розетки, датирована первой половиной XIV в. (Юсупов, 1960, табл. 33), остальные два практически разрушены, надписи утрачены (Руденко, 1996в, л. 48, рис. 15, 16, № 14). Раскопки здесь не проводились.

Надгробия вне современной застройки на месте более раннего поселения. На территории Большенырсинских селищ находятся два кладбища с надгробиями 1399 и 1443 г. (I кладбище), 1472 г. с изображением шестиконечной звезды (II кладбище); один надгробный камень 1357 г. в отдельной ограде находится рядом с I кладбищем (рис. 3) (Юсупов, 1960, табл. 45, 51, 52; Археологическая…, 1981, с. 103, № 465–467; Руденко, 2004, с. 107, рис. 25). Рядом с некрополями, точнее в 100 м к северу – северо-востоку от I кладбища, на пашне, на территории II Большенырсинского селища была найдена пробитая монета XIV в. (Руденко, 2003, с. 124, 125, илл. 22), свидетельствующая о функционировании этого погребального комплекса с XIV в.

В с. Таутермень известен надгробный камень первой половины XIV в., как и у с. Кибя-Кози, рядом с которым сохранилось два надгробия первой

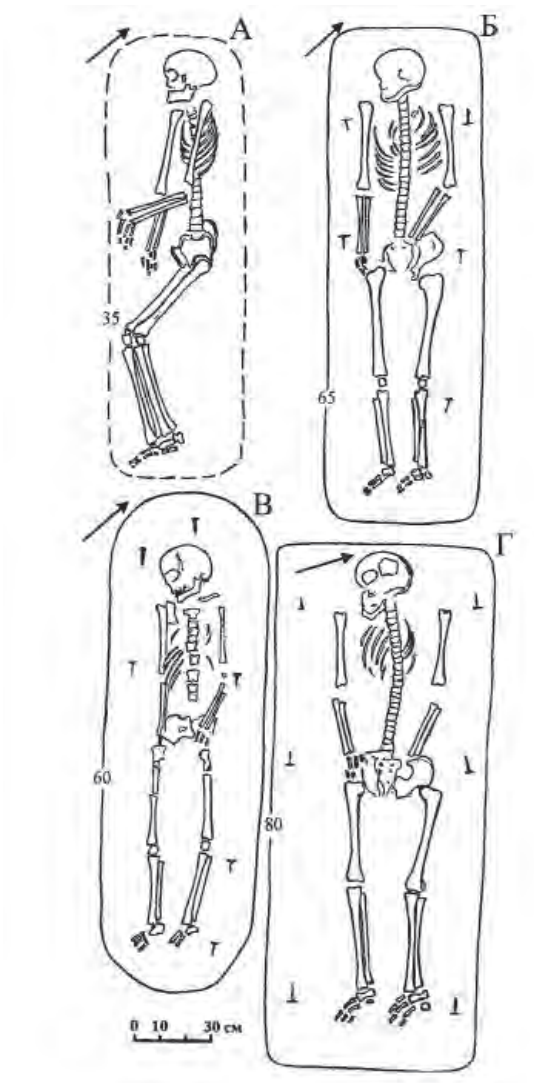


Рис. 11. Рождественский V могильник. Мусульманские захоронения: А – погр. 52; Б- погр. 55; В – погр. 259; Г – погр. 230 (по: Старостин, 2009, с. 138, рис. 51)

Рис. 12. Надгробный камень у с. Чита (Пестречинский район). Фото К.А. Руденко. 1996 г.

половины XIV в. (одно из них в настоящее время полностью разрушено).

Также отметим кладбище с надгробиями первой половины XIV в. вместе с надгробиями первой половины XVI в. у с. Измя (Сабинский район РТ) (Археологическая…, 1981, с. 102, 103, 106, 107, № 460, 481, 491; Руденко, 2004, с. 107). Правда, в последнем случае современное местоположение вторично, поскольку они были убраны с территории древнего кладбища, которое было распахано. Место это уже забылось. Из четырех камней сохранилось два. Третий был вывезен в с. Богатые Сабы и передан в музей, четвертый – утрачен (Руденко, 1996г, л. 39, рис. 11, 12, № 9).

Отличительной особенностью кладбищ золотоордынского времени бассейна Меши является их расположение по отношению к населенным пунктам (синхронно существовавших или заброшенных), – через ручей или овраг на противоположных берегах (Юсупов, 1960, с. 30–31). Нередко таким «разделителем» могут быть суходолы или овраги. Тем не менее многие старые кладбища (в некоторых татарских деревнях их может быть несколько) сегодня входят в черту застройки, а иногда полностью застраиваются, что связано с процессами роста населенного пункта. Каких-либо закономерностей в выборе места для кладбища, кроме вышеуказанного, не отмечено.

Мордовские кладбища и отдельные захоронения второй половины XIII–XIV вв. встречаются в нижнем течении Меши. Известны и более поздние захоронения. Так, одиночное погребение начала XVII в. с сюльгамами и серебряной копейкой царя Михаила Федоровича Романова у левого виска было исследовано в 1948 г. на валу Ташкирменьского II городища (Калинин, 1948, л. 30–34, чертеж 7, фото 57, 58; Археологическая…, 1981, с. 85, № 338). Погребенный был положен в деревянный гроб, сделанный без использования железных гвоздей. Костяк, располагавшийся вытянуто на спине, был ориентирован головой на запад, руки скрещены на поясе. Атрибуция этого захоронения имеет разные толкования: Н.Ф. Кали-

нин считал его татарским, раннекряшенским, ссылаясь при этом на местные предания и почитание этого места местным кряшенским населением; А.Х. Халиков, при составлении археологической карты, атрибутировал его как мордовское (Калинин, 1948, л. 34). Мордовские захоронения XIV–XV вв. известны с территории размытого именьковского Рождественского городища (Руденко, 2001, с. 29, рис. 39: 9–13; Старостин, 2009, с. 74).

Таким образом, в золотоордынское время бассейн Меши был заселен слабо. Поселения домонгольского времени пришли в упадок, большая их часть прекратила существование, причем к середине XIV в. некоторые пустоши стали использоваться как место погребения, например, Большенырсинские кладбища. Поселения этого времени небольшие, чаще всего приуроченные к небольшим притокам Меши или оврагам, впадавшим в нее. Они занимали мысовые выступы надлуговой террасы. Более интенсивной была жизнь в приустьевой части реки (Рождественский микрорегион и памятники у с. Ташкирмень). В материальной культуре населения ордынского времени здесь много инокультурных включений, например, позднекочевнических, характерных для второй половины XIV в. средневолжского региона. В основном с XIV в. в нижнем течении Меши появляется мордовское население, которое проживало здесь до XVI–XVII вв.

Керменчук и Чаллы – города Западного Предкамья

Предкамские памятники имеют более продолжительный период существования по сравнению с закамскими и предволжскими. Крупнейшие города Волжской Болгарии (Биляр, Сувар, Ошель, Муромский городок и многие другие) перестали существовать после 1236 г. Предкамские города Керменчук и Кашан упоминаются еще в письменных источниках конца XIV в. Город Чаллы перестал существовать лишь после событий 1556 г. Казань, Алабуга, пережив все перипетии истории, стали крупными городами и дожили до наших дней. Причиной этому было то, что после монгольских завоеваний 1236 г. Предкамье постепенно превращается в одну из густонаселенных территории Болгарского улуса Золотой Орды вследствие переселения сюда жителей из закамских земель. Позднее, в конце XIV в., в Предкамье перемещается и административно-политический центр болгарских земель: город Болгар ал-Джадид, по мнению ученых, становится эпитетом или даже официальным названием Казани. Здесь сформируются этнокультурные основы казанско-татарского народа.

Керменчук. В отечественной исторической науке Кирменский археологический комплекс принято отождествлять с летописным городом Керменчуком. В основе такого отождествления лежат данные топонимики: недалеко от городища, на берегу р. Кирменки, находятся деревни Русские, Средние (Татарские) и Малые Кирмени.

Кирменский археологический комплекс включает одноименные городище, три селища и некрополь с эпиграфическими памятниками, датируемые в пределах XI–XIV вв. Городище расположено в 0,8 км к ЮВ от с. Ср. Кирмени Мамадышского района РТ, в 18 км от р. Камы. Оно занимает высокий мыс, образованный с запада глубоким (до 30 м) оврагом, с ЮЗ, Ю и ЮВ – р. Кирменкой. Площадь около 86000 кв. м (Свод, 2007, с. 245, № 2022). Кирменское I селище находилось (в настоящее время полностью разрушено) в 300 м к югу от городища на правом берегу р. Кирменки. Площадь памятника 7500 кв. м (Свод, 2007, с. 245, № 2021). Кирменское II селище открыто Елабужской археологической экспедицией в 1997 г. Оно расположено в 2 км к ЮВ от городища, занимает правый берег безымянного ручейка, правого притока р. Кирменки в 1 км выше его устья. Площадь около 45 500 кв. м. Кирменское III селище открыто в 1997 г. Занимает правый берег безымянного ручейка при слиянии его с р. Кирменкой. Расположено в 0,9 км к СВ от II селища и 2,2 км к В от городища. Площадь 18000 кв. м.

Некрополь («Ханнар зираты» – «Кладбище ханов») расположен в 1,5 км к ЮЮВ от с. Ср. Кирмени, на правом берегу р. Кирменки. С запада и востока площадка некрополя была ограничена рвами (местами до 3 м глубиной), а с юга — невысоким земляным валом. В пределах некрополя сохранилось более 20 намогильных камней и их обломков (Свод, 2007, с. 245, № 2023).

В русских летописях город Керменчук упоминается среди четырех болгарских городов, взятых войсками московского князя Юрия Дмитриевича в 1395 (1399) г. (Летопись..., 1859, с. 72), а также в историко-публицистическом сочинении второй половины XVI в. «Казанская история» (Казанская история, 1954, с. 49)

Одним из первых в русской историографии об этом болгарском городе писал С.М. Шпилевский. Ссылаясь на сообщение А.И. Артемьева о наличии остатков древних укреплений вблизи трех сел с названием «Кирмени», С.М. Шпилевский нашел возможным принимать «эти укрепления за упоминаемый в русских летописях под 1398 г. гор. Кременчук (Кирменчук-крепостца)». Одновременно

он склонялся к мысли об идентификации Керменчука с Жукотином. По мнению исследователя, «Керменчук» («Кирмень») выражает, скорее всего, общее понятие укрепленного города, крепости, и в данном случае под ним можно разуметь город Жукотин (Шпилевский, 1877, с. 421–422)

На заседаниях IV Всероссийского археологического съезда, прошедшего в Казани в 1877 г., известный краевед Е.Т. Соловьев сделал два доклада, посвященных могильным памятникам близ с. Кирмени и топографии древнего городища. По его мнению, городище есть основание рассматривать как археологические следы болгарской крепости Керменчук. При этом Е.Т. Соловьев считал, что Керменчук был небольшой военной крепостью, а не городом, хотя у местных жителей сохранилось немало преданий именно о большом городе (Соловьев, 1891, с. 248–251).

Точка зрения Е.Т. Соловьева нашла поддержку со стороны Н.И. Золотницкого, В.В. Радлова, Н.И. Ильминского и др. В то же время И.А. Износков считал недостаточно убедительной привязку Керменчука к бассейну р. Кирменки, ибо «в Казанской губернии есть много селений, в названиях которых встречается слово Кирмень или Карман» (Износков, 1895). После работ Е.Т. Соловьева Кирмень надолго выпал из поля зрения исследователей.

В 1925 г. во время поездки с этнографической целью в Мамадышский кантон ТССР на памятники у с. Средние Кирмени обратил внимание Н.И. Воробьев. На кладбище им было зафиксировано более 20 камней с некаллиграфическими надписями на арабской графике, что «при осмотре их чувствуется как бы глубокая провинция, далекая от основных центров распространения данной (болгарской – А.Н.) культуры» (Воробьев, 1926; 1929, с. 11–14)

В 1949 г. Г.В. Юсуповым на некрополе было тщательно осмотрено 14 эпиграфических памятников. По его мнению, большое скопление надгробий на этом кладбище позволяет видеть в Керменчуке значительный феодальный центр (Юсупов, 1960)

Краткие сведения о городище содержатся в монографии А.П. Смирнова. По его мнению, основанному на работах Е.Т. Соловьева, Керменчук принадлежал к числу городов, существовавших как в домонгольское, так и в золотоордынское время. А.П. Смирнов полагал, что Керменчук упоминается в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина под названием «Кернек» и этот город, находившийся на крайнем северо-востоке Болгарского государства, был разрушен монголами в 1236 г. одновременно со столицей страны Великим городом. Исходя из этого, ученый заключил, что еще

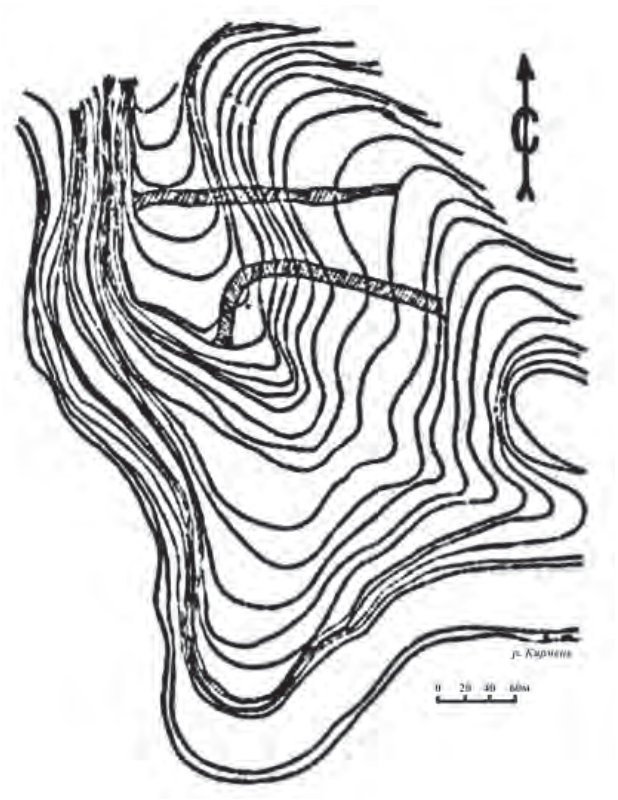


Рис. 1. План-схема Кирменского городища (по: Калинин, 1957)

в домонгольское время Керменчук представлял собою довольно крупное поселение. После трагических событий 1236 г. город «был восстановлен в XIII в. и к XIV в. достиг расцвета, о чем свидетельствует наличие кладбища с могильными плитами XIV–XV вв.» (Смирнов, 1951, с. 268).

В 1955 г. памятник был обследован археологической экспедицией КФАН СССР под руководством Н.Ф. Калинина. Была произведена инструментальная топографическая съемка городища (рис. 1). В северной части городища удалось зафиксировать два рва, сильно размытые, шириной 14–16 м. Шурфовкой был выявлен культурный слой мощностью 40–60 см. Находки были представлены фрагментами болгарской гончарной керамики (Калинин, 1957, с. 201–204).

Р.Г. Фахрутдинов считал Кирменское городище, остатки летописного Керменчука, одним из крупных позднеболгарских центров на территории Западного Предкамья. Этот памятник он относил к числу открытых городов, у которых «только кремль имел крепостные сооружения, а вся основная часть города, его посады были без стен» (Фахрутдинов, 1990, с. 79–80).

А.З. Сингатуллина на основе изучения монет из Альменевского клада предложила свою локализацию летописного Керменчука. По ее мнению, он мог располагаться на месте обширного (34 га) Альменевского городища, рядом с которым най-

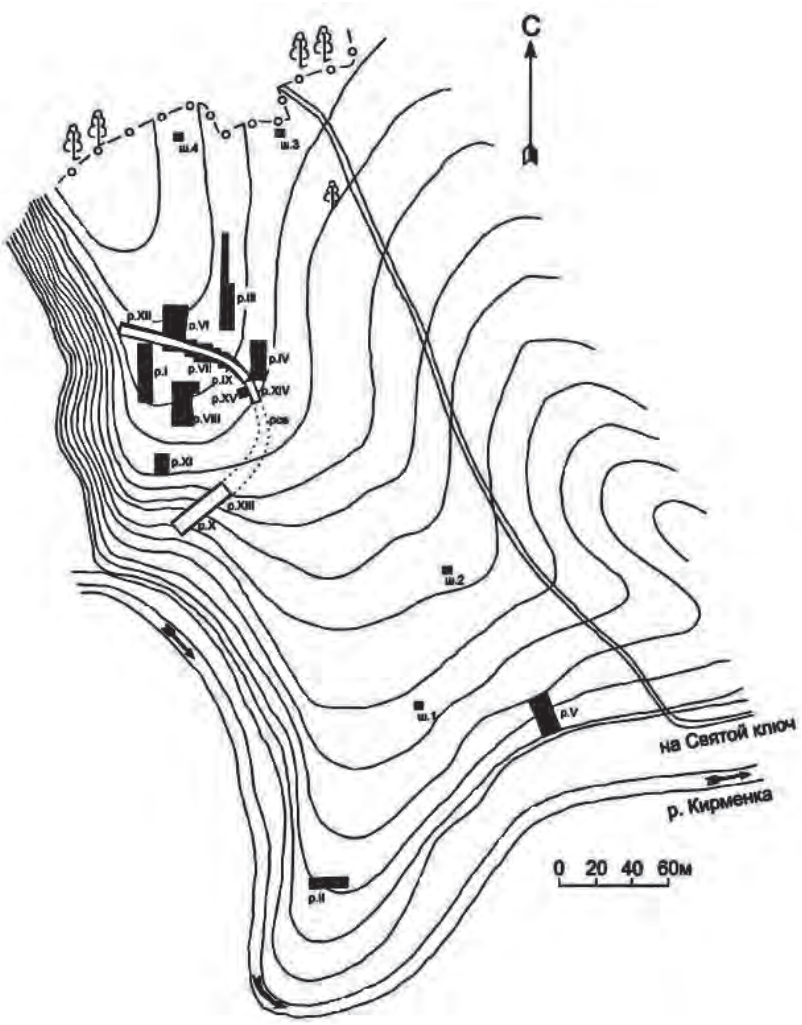


Рис. 2. План Кирменского городища с указанием раскопов и шурфов (по: Нигамаев, 2018)

ден был упомянутый клад (Сингатуллина, 2003, с. 48–50). К сожалению, на данном памятнике раскопки не производились, поэтому подтвердить эту гипотезу археологически невозможно.

Планомерные археологические раскопки Кирменского городища и памятников его ближайшей округи начались в 1995 г. Елабужской археологической экспедицией под руководством А.Г. Нигамаева. В 1995–2003 гг. на этой территории было заложено 8 раскопов общей площадью 1716 кв. м (Нигамаев, 1997, с. 67–70) (рис. 2).

Работы были начаты с уточнения площади распространения культурного слоя городища, сведения о которой у разных авторов колебались в пределах 46 250–100 800 кв. м. По данным исследований 1995–2003 гг. было установлено, что она равняется 86 000 кв. м.

Мощность культурного слоя 25–30 см, на отдельных участках доходит до 40–45 см вне объектов. Частично переработанный слой под дерном содержит материал золотоордынского и домонгольского времени.

Массовый керамический материал из верхних горизонтов слоя представлен гончарной красноглиняной посудой, часть которой имеет все признаки болгарского гончарства золотоордынского периода. Индивидуальные находки имеют широкую дату: железные замки и ключи, пряжки, ножи, глиняные пряслица и пр. Основываясь на этих находках, время накопления отложений верхнего слоя памятника можно отнести ко второй половине XIII–XIV вв. Фактических данных, свидетельствующих о существовании городища в XV в., не имеется.

Укрепления городища в виде следов двух линий оборонительных рвов длиной 190–200 м и шириной 14–16 м впервые были зафиксированы экспедицией Н.Ф. Калинина в 1955 г. Никаких внешних признаков этих рвов не сохранилось. Целенаправленные поиски их в 1995–1997 гг. путем заложения раскопов I, III, IV оказались также безрезультатными. Лишь в ходе исследований 2001 г. на раскопе VI удалось обнаружить часть рва шириной 5 м и глубиной 2–2,2 м, но не на том месте,

где был обозначен на плане 1955 г., а несколько южнее.

Раскопом VII 2002 г. была вскрыта часть рва длиной около 40 м. Стратиграфические данные и находки из его заполнения позволили отнести функционирование объекта к домонгольскому периоду. Он был вырыт в начальном периоде существования памятника, не позднее второй половины XI в. Во второй половине XIII в. ров был засыпан. Поселение XIV в. уже не имело укреплений.

В заполнении рва обнаружен 14 391 фрагмент глиняной посуды, 68,75% из них составляет керамика I общеболгарской группы. Почти 30% керамики составляют различные группы традиционной посуды (VII группа – 20%, XIII группа – 9,71%). В нижних выборках заполнения доля традиционной керамики достигает до 50%.

Жилые и хозяйственные сооружения изучены в относительно небольшом количестве. В укрепленной части поселения располагались три комплекса сооружений, которые определены нами как бревенчатые постройки наземного типа – жилые дома с печью и подпольными ямами-хранилищами. Изучено также около десятка хозяйственных ям округлой и подпрямоугольной в плане формы. За пределами укреплений (линии рва) исследовано еще три жилищных комплекса и хозяйственные сооружения вокруг них.

За все годы раскопок на территории Кирменского городища обнаружено 56 459 фрагментов керамики: I общеболгарская группа – 75,5%, VII группа – 9,95%, XIII группа – 9,88%, XVIII группа – 0,32%.

В культурном слое и сооружениях городища обнаружено значительное количество находок, на основе которых можно создать общее представление об особенностях материальной культуры населения. Это орудия труда (железные косы, каменные жернова, детали весов, гирьки, пломбы-грузики и пр.), женские украшения (стеклянные и каменные бусы, бронзовая подвеска, костяной гребень, серебряные колечки и височные кольца и пр.), предметы вооружения и конского снаряжения (железные наконечники стрел, копье, детали удил, пряжки различных типов и пр.), предметы быта и домашнего обихода (железные замки и ключи, ножи, шила и проколки, шиферные и глиняные пряслица, железные дужки от ведер и ручки от котлов).

Пригородные поселения. В 2 км к ЮВ от городища располагается Кирменское II селище. Раскопки производились на площади 280 кв. м. Мощность культурного слоя не превышает 40–50 см. На раскопе I был обнаружен лишь один объект – остатки двухъярусного гончарного горна для обжига неполивной глиняной посуды. Раскоп II тоже дал небольшое количество сооружений – всего две ямы хозяйственного назначения.

На Кирменском III селище, располагающемся в 0,9 км к СВ от вышеописанного, на площади 18 000 кв. м было обнаружено небольшое количество красноглиняной керамики золотоордынского облика.

Характеристика материальной культуры населения пригородных селищ базируется практически на изучении керамики. Она происходит в основном из раскопок II селища – 6283 фрагмента (еще 111 фр. из III селища). Из них 91% относится к группе I общеболгарской. Традиционная посуда представлена VII (3,8%) и XIII (5,3%) группами. Посуда VII группы в основном происходит из сооружений (7%), а посуда XIII группы – из верхнего горизонта культурного слоя (в частности из пашни – 7,8%).

Индивидуальные находки с селища обнаружены в небольшом количестве: железные ножи, деталь цилиндрического замка, кольцо, глиняные пряслица, зооморфные фигурки и плитка с ямочными вдавлениями.

Вопреки традиционному мнению историков, считавших его одним из значительных золотоордынских городов Предкамья, новые материалы позволяют относить период расцвета Керменчука к домонгольскому времени. Возникновение его, на наш взгляд, мало связано с торговой деятельностью болгар – его следует рассматривать не как торговую факторию, а как опорный пункт колонизации северных территорий.

Анализ материальной культуры памятника с точки зрения этнического состава населения показывает значительный процент финно-угров в ранней истории города. В дальнейшем, со второй половины домонгольского периода, в материальной культуре региона усиливается влияние Джукетау, превратившегося в золотоордынское время в один из основных городских центров Нижнего Прикамья. В период Улуса Джучи Керменчук продолжал существовать, но не был таким значительным городом, как нам представлялось до сих пор.

Чаллы. Чаллынский (Чалымский) городок, судя по историческим документам XVI в., располагался на Ногайской дороге недалеко от р. Камы. Археологические остатки его были обнаружены в XIX в. у с. Тябердины Челны Лаишевского уезда (совр. Рыбно-Слободский р-н РТ).

В русских летописях при описании похода владимиро-суздальских князей на болгарский Великий город в 1183 (1184) г. упоминаются жители камского правобережья – челмата, которые организовали нападение на вражеские ладьи и тем самым оказали населению столицы большую помощь (ПСРЛ, II, с. 626). Некоторые исследователи

отождествляют их с чаллынцами, полагая, что эти прикамские племена еще в домонгольское время имели свой городской центр: в ряде древнерусских летописей говорится о болгарах из города Челмата (ПСРЛ, I, с. 390; IX, с. 10; XV, с. 269). Однако никаких подробных сведений об этом городе в источниках XIII–XV вв. не сохранилось.

Сведения о городе Чаллы имеются в татарских преданиях, повествующих о событиях периода Казанского ханства. О последних годах жизни Чаллынского городка идет речь в источниках, освещающих национально-освободительную войну местного населения, начавшуюся после покорения Казани в 1552 г. (Худяков, 1990, с. 155). В последний раз Чалымский (Чаллынский) городок упоминается в источниках под 1556 г., когда правительственные войска боярина-воеводы П.В. Морозова полностью его уничтожили (ПСРЛ, XIII, с. 269).

Археологические остатки Чаллынского городища были обнаружены и обследованы в XIX в. Городище было впервые обследовано в 1850 г. Н.А. Толмачевым (Заитов, 1884; Невоструев, 1871; Толмачев, 1884; Износков, 1880; Шпилевский, 1877). Первые раскопки городища производились лишь в 1955 г. археологической экспедицией ИЯЛИ КФАН СССР под руководством Н.Ф. Калинина. На территории городища была вскрыта площадь 320 кв. м, исследован ряд объектов (зернохранилища, котлован полуземляночного жилища и пр.) и собрана интересная коллекция вещевых находок. Исследователь определил время существования городища XIV – первой половиной XVI вв. и справедливо считал его одним из значительных памятников времен Казанского ханства – центром феодального Чаллынского княжества (Калинин, 1957, с. 202),

В 1983 г. памятник исследовался экспедицией Государственного музея ТАССР под руководством Н.А. Кокориной. Раскопки производились в восточной части городища, где были выявлены следы наземного жилища, а разрез третьей линии вала выявил три строительных периода XIII–XVI вв. В 1989 г. раскопки Чаллынского городища и одного из его посадов-пригородов проводила археологическая экспедиция Удмуртского республиканского краеведческого музея под руководством Т.И. Останиной. Основываясь на новых материалах раскопок, удалось удревнить время возникновения городища до конца XII – начала XIII в. (Кокорина, Кузьминых, 1985; Останина, 1991; Кокорина, Останина, 2000).

Новые исследования памятника начались в 1993 г. археологической экспедицией ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АНТ под руководством Ф.Ш. Хузина (Хузин и др., 1997, с. 82). С 1995 г. на территории

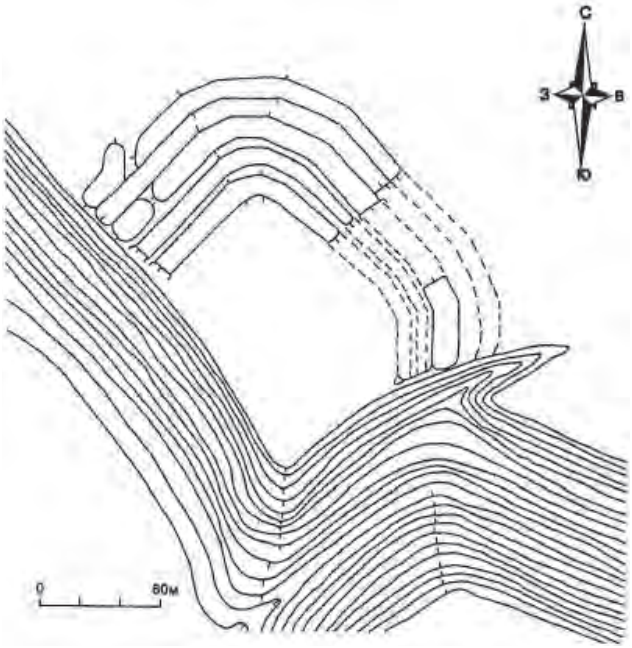


Рис. 3. План-схема Чаллынского городища (по: Губайдуллин, 2019)

городища и пригородных селищ работает экспедиция ЕГПУ под руководством А.З. Нигамаева. В 1994–2003 гг. было заложено 17 раскопов общей площадью около 850 кв. м (Хузин, Нигамаев, 2000, с. 175–202).

Еще первые исследователи отмечали выгодное в стратегическом отношении расположение городища на высоком возвышении левого коренного берега р. Шумбут, правого притока Камы. Площадка городища с двух сторон защищена сложной системой искусственных земляных укреплений из четырех или даже пяти, как считает А.М. Губайдуллин, дугообразных валов и рвов с одним проездом шириной в 10 м с северо-западной стороны. Форма площадки подквадратная с закругленными углами. Размеры ее 100×115 м (1,3 га). Раскопки оборонительной системы городища проводились С.В. Кузьминых в 1983 г., Ф.Ш. Хузиным и А.М. Губайдуллиным в 1995–1997 гг. (Кокорина, Кузьминых, 2000; Губайдуллин, 2000).

А.М. Губайдуллиным были основательно исследованы четыре оборонительные линии Чаллынского городка. Вполне можно согласиться с заключением исследователя о возникновении Чаллынской крепости в домонгольское время и об укреплениях ее, состоящих из трех линий валов с двумя рвами между ними. Эти же укрепления продолжали использоваться, скорее всего, с небольшими реконструкциями, в золотоордынский период (рис. 3). В период Казанского ханства появляются два наружных ряда укреплений, разрушенные в 1556 г. (Губайдуллин, 2019, с. 97).

Средняя мощность культурного слоя городища составляет 40 см вне объектов. К настоящему времени вскрытая площадь составляет около 780 кв. м (раскопки Н.Ф. Калинина, Н.А. Кокориной, Т.И. Останиной и А.З. Нигамаева), где было изучено более 50 сооружений. Попытку стратиграфического членения слоя предприняли Н.А. Кокорина и Т.И. Останина. Из числа изученных ими объектов к слою ханского времени отнесено 20, золотоордынского времени – 7 и домонгольского времени – 2 объекта. В основном это ямы округлой (овальной) и подпрямоугольной в плане формы глубиной от 50 до 90–120 см. Среди изученных объектов значится несколько жилищ наземного типа и одно производственное сооружение (определение последнего как производственного вызывает некоторые сомнения). При исследовании культурного слоя и объектов городища обнаружены, помимо массовой керамики, железные ножи, шилья, пряжка прямоугольной формы, обломок цилиндрического замка, бронзовый пинцет, свинцовая бусина-пронизка, подвеска из джучидской монеты XIV в., глиняные пряслица, каменные жернова и пр. В составе подъемного материала имеются биллоновая подвеска-птица, имеющая аналогии в древностях Новгорода XIV в., стеклянная глазчатая бусина XI в., костяное навершие рукояти плети, обломки стеклянной посуды. Все это свидетельствует о постоянном проживании на территории крепости определенного количества населения, в этническом отношении заметно смешанного (Кокорина, Останина, 2000).

К укреплениям городища с юга и востока примыкают открытые поселения (Чаллынское I, II селища) – посады, занимающие площадь около 60 га и некрополи. Они изучены раскопками Н.А. Кокориной, Ф.Ш. Хузина, И.Р. Газимзянова, А.З. Нигамаева (общая площадь раскопов 722 кв. м). Мощность культурного слоя на разных участках посадской территории колеблется в пределах 20–70 см (Хузин и др., 1997).

На территории южного посада (Чаллынское I селище) Н.А. Кокориной вскрыты 19 столбовых ям от наземного сооружения и очаг в виде прокаленной глины. Ф.Ш. Хузин изучал остатки кузницы с горном в виде скопления ошлакованных кирпичей, большого количества железного шлака и крицы вокруг этого горна. На территории северного посада (Чаллынское II селище) исследованы более трех десятков сооружений различного функционального назначения и ряд мелких столбовых ямок. Среди них представляют интерес остатки наземного типа жилища с подпольной частью (соор. 7) и косторезной мастерской (соор. 5) домонгольского времени (Хузин и др., 1997, с. 83).

По сравнению с городищем культурный слой посада более насыщен остатками материальной культуры. Обнаружено значительное количество датирующих вещей, указывающих на время функционирования посада в XI – первой половине XVI в. (стеклянные и каменные бусы, медная грушевидная подвеска, железные наконечники стрел, калачевидное и овальное кресала, лировидная пряжка, шиферные пряслица, обломки кашинной посуды, джучидская монета 1359–1360 гг. и пр.).

На территории северного посада открыто три мусульманских кладбища. Чаллынский I некрополь, расположенный на мысовидном выступе между оврагами примерно в 300 м к востоку от городища, изучался И.Р. Газимзяновым. Было вскрыто 45 погребений (одно из них парное).

По заключению И.Р. Газимзянова, детали погребального обряда сближают Чаллынский I некрополь с мусульманскими могильниками Волжской Болгарии XIII–XIV вв. В то же время исследователем отмечены некоторые отклонения от ортодоксального обряда (скопление костей животных в погр. 40, большое количество угольков и золы в погр. 35 и пр.), что «может свидетельствовать о сохранении каких-то реликтовых форм домонотеистических воззрений в погребальной обрядности средневекового чаллынского населения» (Газимзянов, 2000, с. 219). Не исключено, что прослеженные исследователем элементы языческих традиций и верований указывают на этническую неоднородность жителей Чаллынского городка. Наряду с основным болгаро-татарским населением, принявшим ислам еще в X в., в городе проживало значительное число местных поволжско-приуральских финнов, также мусульманизированных, но еще весьма устойчиво сохраняющих свои старые обычаи и обряды.

Весьма показательны результаты изучения керамического материала, содержащего немалую информацию об этнокультурном составе населения Чаллынского городка. Материал этот основательно проанализирован Н.А. Кокориной, выделившей, кроме I общеболгарской, VI, VII, VIII, IX, XIII, XVI, XXI, XXII этнокультурные группы. Материалы исследований посада (как и городища) показывают, что наиболее активный период функционирования памятника приходится на вторую половину домонгольского времени (XII – начало XIII вв.). Золотоордынское время также достаточно полно представлено в материалах посада. В период Казанского ханства основное население проживало, скорее всего, на пригородном поселении, занятом ныне современным с. Тябердины Чаллы.

Вопрос о необходимости изучения своеобразия материальной культуры болгар на разных

территориях их проживания был поставлен еще в 1970-х годах Т.А. Хлебниковой. Но, за исключением бассейна р. Казанки, территория Предкамья Волжской Болгарии еще долгое время оставалась за пределами внимания археологов.

В 90-х гг. прошлого века ситуация изменилась, объектом исследования стали такие исторически известные болгаро-татарские памятники, как Елабужское, Кашанское, Чаллынское, Кирменское, Урматское городища. Крупномасштабные раскопки начались на территории Казанского кремля.

На обширной территории Предкамья отмечается относительное небольшое количество болгарских археологических памятников, особенно в восточной его части. Это свидетельствует о слабой заселенности этих земель как в домонгольское, так и в золотоордынское время, когда, согласно традиционному мнению, происходило массовое переселение болгарского населения из закамских земель в предкамские.

В историографии существует мнение о более позднем (по сравнению с Западным Закамьем) времени заселения волжскими болгарами основных районов Предкамья. Предположение о возможности заселения правобережной части Камы еще в X–XI вв. высказывал Р.Г. Фахрутдинов, однако появление постоянного населения во внутренних районах он относил ко времени не раньше XII столетия.

В последние годы получены новые археологические материалы, уточняющие наши представления о времени возникновения некоторых болгарских укрепленных поселений Предкамья. Так, в одном из пригородов Чаллынского городища были выявлены ранние находки, датирующиеся временем не позднее XI в., само городище существовало уже в XII в. Выразительные находки первой половины домонгольского периода обнаружены при раскопках Кирменского городища, считавшегося, согласно письменным источникам, памятником только золотоордынского времени. Определено время возникновения города Казани на рубеже X–XI вв. Ровесником древней Казани являлась Алабуга на Каме.

Своеобразием болгарских поселений предкамских земель являются относительно небольшие их размеры и небольшая мощность культурного слоя.

Как «крупный болгарский город, ремесленный и торговый центр области» охарактеризован у А.П. Смирнова летописный город Керменчук (Смирнов, 1952, с. 248, 249). Исследования А.З. Нигамаева не подтверждают такое определение социального облика памятника. По его мнению, это было укрепленное поселение с небольшим количеством постоянных жителей, занимавшихся и ремеслом, и торговлей, и военным делом, но вряд ли можно видеть в нем большой город с плотной застройкой. Материал из культурного слоя довольно бедный, застройка слабая, нет никаких следов каменных и кирпичных построек, о которых писал в свое время А.П. Смирнов.

Город Чаллы возник в XI–XII вв. как центр болгарских племен (летописные челмата) Камского правобережья. Не исключено, что он на первых порах выполнял роль убежища, военной крепости. Одновременно у стен крепости начинает формироваться посад-пригород, население которого занималось как земледелием и скотоводством, так и ремеслом.

На этих археологических комплексах открыты жилые и хозяйственные постройки, которые по своей конструкции отличаются от построек закамских болгар. Выявлено преобладание наземных построек с незначительным углублением в материк, что объясняется подстиланием культурного слоя известняковой породой или плотной мергелистой почвой.

Как правило, в периферийных или пограничных районах любого государственного объединения проживают наряду с основным, «титульным» народом представители соседних, иноэтничных народов. В силу отсутствия письменных источников для изучения данной проблемы привлекаются археологические материалы, прежде всего керамика, содержащая достаточно полную информацию об этнокультурном составе населения интересующего нас региона.

Массовый керамический материал из культурного слоя средневековой включает I, II, VI, VII, XI, XIII, XIV, XVI, XVIII этнокультурные группы (по Т.А. Хлебниковой). Процентное соотношение вышеперечисленных групп керамики, отражающих достаточно сложный этнический состав предкамского населения, не одинаково на разных поселениях.

Явное доминирование в керамическом комплексе посуды населения Верхнего Прикамья или Западного Приуралья в целом является спецификой материальной культуры населения ранней Алабуги и, может быть, всего Восточного Предкамья.

Несколько иная картина наблюдается на правобережье Камы западнее Вятки. На Кирменском городище общеболгарская керамика составляет уже более 75% от общего количества, что приближает его к показателям памятников Закамья. В то же время наблюдается уменьшение VII группы посуды (около 10%) при одновременном увеличении посуды типа «джукетау» (до 10%).

На Чаллынском комплексе памятников общеболгарская посуда I группы доходит уже до 80%.

В значительном количестве представлена XIII группа керамики (до 15–17%), что, по-видимому, объясняется близостью города Джукетау и, может быть, вхождением данной территории в Джукетаускую округу. Традиционная посуда финно-угорских истоков здесь относительно немногочисленна (VII группа – 4%, XVIII группа – 2%, VI группа – менее 1%).

О присутствии в составе населения городов представителей поволжских и приуральских финнов свидетельствуют также предметы быта и женские украшения.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ УЛУСА ДЖУЧИ (ЗОЛОТОЙ ОРДЫ) В ПРЕДВОЛЖЬЕ

Правобережно-волжские районы Республики Татарстан и примыкающие соседние регионы Среднего Поволжья – это географический и историко-культурный регион, который в научной литературе встречается под названием Предволжье или Горная сторона (Тау ягы). В золотоордынский период вследствие перемещения (миграции) с юга и увеличения населения центральные и северные районы Предволжья начинают активно осваиваться. Наряду со старыми приволжскими землями заселяются бассейны правых притоков Свияги – Улемы и Сухой Улемы, низовья Свияги и правобережье Волги. На данной территории в научной литературе фиксируются более 75 памятников, относящихся к золотоордынскому времени (рис. 1). В Предволжье можно выделить три группы памятников, сосредоточенных вокруг крупных поселений. Так, вероятно, к Деушевскому городищу с обширным селищем тяготеют Мало-Кайбицкое, Шам-Булыхчинское, Кулганское кладбища с мусульманскими надгробиями XIII–XIV вв. и ряд городищ – Чуру-Барышевское, Шонгутское, Танай-Тураевское и др. С Больше-Кляринским городищем, скорее всего, были связаны поселения со средневековыми кладбищами: Больше-Кляринское, Сюкеевское, Салтыгановское, Старо-Казеевское – и городища Уразлинское, Девичья гора (Сюкеевский взвоз). С легендарным городом Тысячедомный Шунгат, отождествляемым со Большеатрясским II селищем с его огромными кладами монет, связано одно из крупных и хорошо сохранившихся кладбищ – Большеатрясское. Скорее всего, они, как и кладбища с надгробиями: Урюмское, Больше-Шемякинское, Большетарханское, как и Льяшевское городище, тяготели к легендарному городу Тятешу (Бурханов, 2005, с. 44–45).

Впервые интерес со стороны исследователей к археологическим памятникам Предволжья проявился в начале XIX в. Первые упоминания об археологических памятниках Предволжья относятся к 20-м годам XIX в., когда Ф. Эрдманом было отмечено Кирельское городище как остатки летописного Ошеля (Эрдман, 1821, с. 292) Далее, в 1856 г., у с. Малые Атрясы был найден крупный клад монет XIII–XIV вв., опубликованный П.С. Савельевым (Савельев, 1858, с. 186–188). В 1867 г. профессор Казанского университета Н.А. Головкинский отметил несколько местонахождений каменных орудий и фрагментов глиняной посуды в окрестностях с. Буртасы (Головкинский, 1868, с. 31–41). В первых сводах археологических памятников К.И. Невоструева (Невоструев, 1871, с. 26–35) и С.М. Шпилевского уже было отмечено около двух десятков древних городищ и отдельных находок в Предволжье (Шпилевский, 1877, с. 310–324). Образование в 1878 г. при Казанском университете Общества археологии, истории и этнографии усилило деятельность казанских и симбирских археологов по непосредственному изучению памятников региона. Так, например, инспектор народных училищ И.А. Износков в 1878–1881 гг. открывает и осматривает в районе г. Тетюши несколько интересных городищ (Танай-Тураевское городище, Чуру-Барышевское городище и селище) (Износков, 1878, с. 111). Ряд городищ (Льяшевское городище, Зеленовское городище, Колунецкое городище, Сюкеевское городище и др.) между Волгой и Свиягой были открыты и изучены в 1881–1882 гг. Е.Т. Соловьёвым (Соловьёв, 1884, с. 13–16; 1892, с. 449–451). В 1890 г. известный казанский учёный П.А. Пономарёв предпринял попытку археологического поиска летописного города Ошеля и с этой целью осмотрел несколько городищ в районе с. Кирельское (Янтиковское (Кирельское) городище, Кирельское городище II («Сокол»), Кирельское городище I («Сокол»)) (Пономарёв, 1892, с. 273–288).

К рубежу XIX–XX вв. относится активная деятельность татарского археолога Г. Ахмарова по выявлению и изучению археологических памятников в низовьях Свияги. Им были исследованы и описаны несколько городищ: Тавлинское, Городищенское, Луковское (Япанчинское), а также Побединская курганная группа (Ахмаров, 1910, с. 398–408).

В советское время в Предволжье начинаются целенаправленные археологические разведочные исследования и раскопки. Так, например, в 1927–1928 гг. краеведы А.М. Тамбовцев и Н.Ф. Калинин

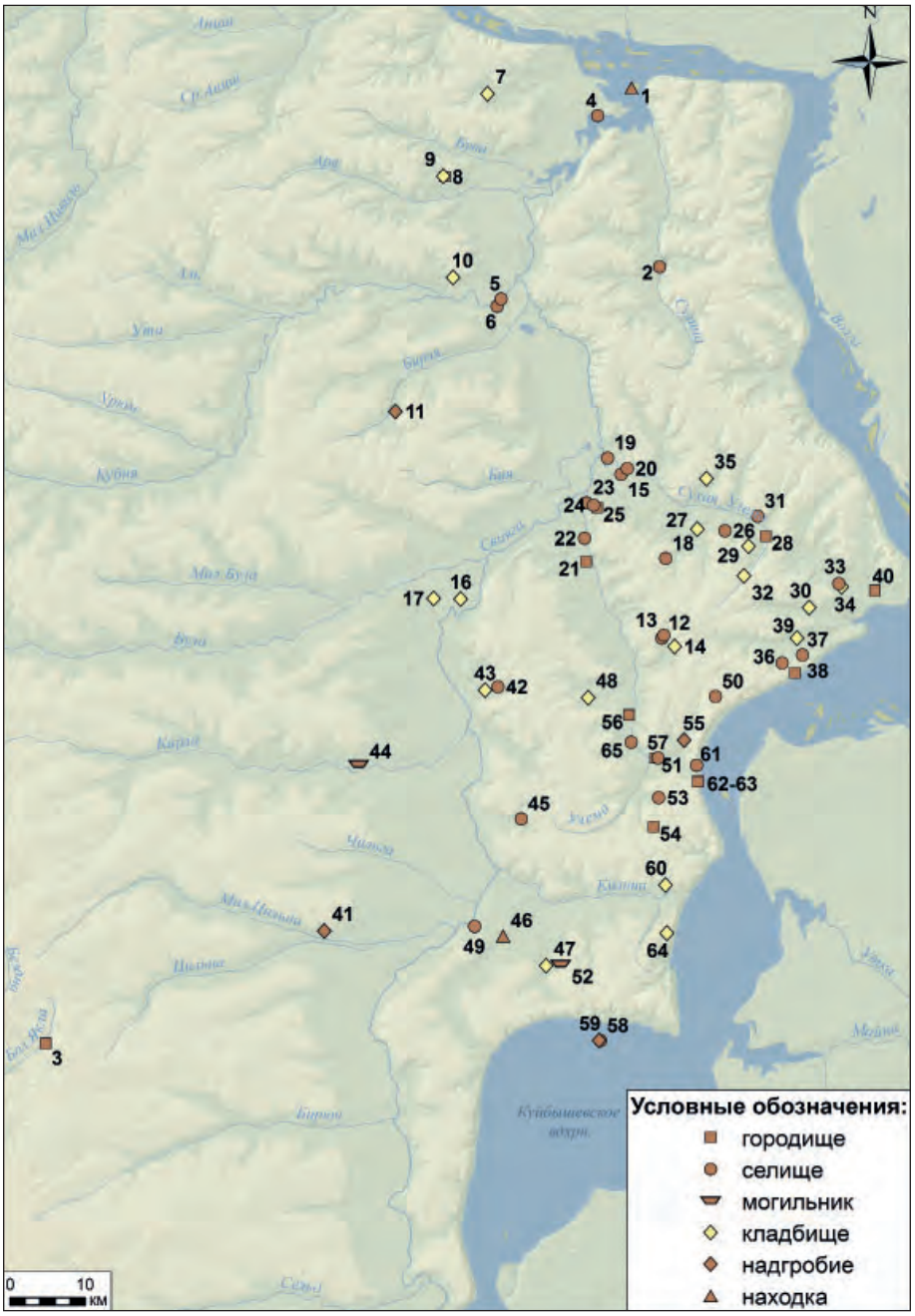


Рис. 1. Карта археологических памятников Предволжья
1 – Свияжские находки; 2 – Улановское селище; 3 – Городищенское (Кала-Елгинское); 4 – Исаковское селище; 5 – Луковское селище; 6 – Япанчинское (Луковское) селище; 7 – Малоширданское кладбище; 8 – Тавлинское городище; 9. – Тавлинское кладбище; 10. – Татарско-Азелейское кладбище; 11. – Малокайбицкое надгробие; 12 – Большеатрясское I селище; 13 – Большеатрясское II селище; 14 – Большеатрясское кладбище; 15 – Большекокузинское I селище; 16 – Кулганское кладбище; 17 – Куштовское кладбище; 18 – Малоболгоярское селище; 19 – Малококузинское селище; 20 – Нижнебарышевское I селище; 21 – Танай-Тураевское городище; 22 – Чуру-Барышевское городище; 23 – Шонгутское I селище; 24. – Шонгутское II селище; 25. – Шонгутское городище; 26 – Бикеевское I – II селище; 27 – Бикеевское кладбище; 28 – Большеклярининское городище; 29 – Большеклярининское кладбище; 30. – Ишимовское кладбище; 31 – Малобуртасское селище; 32 – Малокляринское кладбище; 33 – Салтыгановское кладбище; 34. – Салтыгановское селище; 35. – Староказеевское кладбище; 36 – Сюкеевское I селище; 37 – Сюкеевское II селище; 38 – Сюкеевское городище; 39 – Сюкеевское кладбище; 40 – Уразлинское городище; 41 – Старошаймурзинское надгробие; 42 – Большефроловское селище; 43 – Большефроловское кладбище; 44 – Рунгинский II могильник; 45 – Яшевское селище; 46 – Бакрчинские II находки; 47 – Большетарханское кладбище; 48 – Большешемякинское кладбище; 49 – Бурцевское селище; 50 – Долгополянское III селище; 51 – Зеленовское городище; 52. – Кадышевский могильник; 53. – Колунецкое селище; 54 – Колунецкое городище; 55 – Красно-Полянское надгробие; 56. – Льяшевское городище; 57 – Любимовское I селище; 58 – Мантовское селище; 59. – Мантовское надгробие; 60 – Пролей-Кашинское кладбище; 61 – Тетюшское I селище; 62 – Тетюшское I городище; 63 – Тетюшское II городище; 64 – Урюмское кладбище; 65 – Чинчуринское селище

Рис. 2. Разрез укреплений Больше-Кляринского городища

проводят разведки по Волге и от Волги к Свияге, при этом они осматривают Льяшевское и Зеленовское городища (Калинин, Тамбовцев, 1928). В 1949 г. под руководством Н.Ф. Калинина в правобережье Волги была проведена археологическая экспедиция, которая открыла и исследовала более 100 различных археологических памятников (Калинин, 1952).

В 1957 г. экспедиция ИЯЛИ КФАН СССР несколькими отрядами провела археологические разведки в бассейне р. Свияги в пределах Тетюшского, Буинского, Дрожжановского и Апастовского районов. В результате этих работ было выявлено около 130 археологических памятников, а на Козловском и Большетарханском I могильниках были проведены раскопки (Халиков, 1960, с. 4–8).

В 60-е гг. XX в. начинаются активные работы казанских археологов по изучению археологических памятников Предволжья, разрушающихся в зоне Куйбышевского водохранилища. В 1961 г. Р.Г. Фахрутдиновым проводились разведочные исследования от с. Камское Устье до с. Ундоры, целью работ был осмотр состояния уже выявленных памятников археологии и поиск новых. Было обследовано 58 археологических памятников, 31 из которых – впервые (Фахрутдинов, 1961, с. 1–27). В 1963 г. были осмотрены памятники на Волге между Сюкеевым и Тетюшами, в 1968 г. – от Камского Устья до южных границ РТ, в 1967–1969 гг. – низовья р. Свияги. В 1967 году было обследовано Чувашско-Безднинское городище экспедицией ТАЭ под руководством Р.Г. Фахрутдинова (Фахрутдинов, 1975, с. 47–50) и датировалось им X–XIII вв. (Фахрутдинов, 1975, № 1603, с. 174); также им в низовьях р. Свияги проведены разведки, в результате обнаружено 20 новых археологических памятников (Фахрутдинов, 1975).

В результате всех этих работ к 1976 г. в Предволжье Татарстана было осмотрено около 120 археологических памятников, многие из которых были открыты впервые. В эти же годы проводились стационарные археологические исследования некоторых памятников. Так, например, в 1963–1967 гг. Чувашский отряд Поволжской археологической экспедиции провёл раскопки городища «Хулаш» (Каховский, Смирнов, 1966). В 1970 г. Е.А. Халиковой и А.Х. Халиковым были проведены небольшие раскопки на Атрясском кладбище и Большетарханском I могильнике (Халикова, Халиков, 1971). Также во второй половине 1970-х гг. – начале 1980-х гг. масштабным археологическим исследованиям были подвергнуты Пусто-Морквашинский I могильник, комплекс «Сюкеевский взвоз» (Свод памятников…, 2007, с. 11–12). В конце 1980-х – 1990-е гг. разведочные исследования в бассейне р. Свияги проводились

Рис. 3. Археологический комплекс «Сюкеевский взвоз» (стоянка, селище, городище). Топоплан с указанием границ объекта археологического наследия

Р.С. Габяшевым, М.Ш. Галимовой, К.Э. Истоминым, А.А. Чижевским, М.Г. Косменко, В.Н. Марковым и т. д. (Галимова, 1993, с. 1–15).

В 1990 г. археологические разведки под руководством А.М. Губайдуллина проводились в Зеленодольском районе РТ. Обследованию подверглись пять болгарских памятников: это Исаковское городище (произведена зачистка обнажения); Исаковское селище (сбор подъемного материала); Тавлинское городище (заложено два раскопа в южной и северной частях общей площадью 12 м²); Тавлинское II селище (сбор подъёмного материала); городище «Ежевичная стрелка» (произведена зачистка обнажения) (Губайдуллин, 1991). Также в 1990 г. И.Л. Измайловым и А.М. Губайдуллиным проводились археологические исследования на Богдашкинском городище. Ими были изучены линии укреплений «внутреннего» и «внешнего» города. По мнению исследователей, укрепления городища создавались одновременно, их строительство относится к началу XI в. (Измайлов, 1991). В 1991–1992 гг. А.М. Губайдуллиным исследовалась центральная часть Сюкеевского городища. Исследователем были обнаружены многочисленные остатки керамической посуды, изделия из черного и цветного металла, нумизматический

Рис. 4. Городище Сюкеевский взвоз. Вид с запада

Рис. 5. Городище Сюкеевский взвоз. Общий вид на площадку городища. Вид с востока

материал, весь комплекс находок датировался им XIV в. (Губайдуллин, 1993).

В 2002–2003 гг. экспедицией под руководством А.А. Бурханова проводились археологические раскопки на территории Луковского (Япанчинского), Чуру-Барышевского, Тавлинского, Богдашкинского городищ, а также на городище Тетюши-1, общая площадь раскопок составила более 500 кв. м. В процессе работ на Чуру-Барышевском городище обнаружены остатки металлургического производства, на городище Тетюши-1 – мусульманского могильника конца XIII в., а также многочисленные фрагменты посуды, изделия из железа, кости, камня и нумизматический материал. Весь комплекс находок датировался исследователем XIII–XIV вв. Также А.А. Бурхановым обследовался Большеатрясский комплекс памятников, включающий в себя два селища и кладбище, и клады серебряных и золотых монет. В ходе работ на кладбище было снято 5 эстампажей и зафикси-

Рис. 6. Большеатрясское кладбище

Рис. 7. Укрепления Луковского (Япанчинского) городища. Вид с востока

ровано 14 надгробий различной степени сохранности, на селище собран керамический материал (Бурханов, 2003, с. 16–31).

В 2006 г. разведочные исследования под руководством Р.Н. Хамзина проводились в Верне-услонском и Камско-Устьинском районах (Хамзин, 2007, с. 3–6). В 2008 г. под руководством Р.Н. Хамзина разведки проводились в Апастовском и Кайбицком районах (Хамзин, 2009, с. 3–10), а под руководством М.В. Сивицкого разведочные исследования проводились в Дрожжановском и Буинском районах РТ (Сивицкий, 2009, с. 4–5). В результате данных разведочных работ было обследовано 208 памятников археологии различного периода, а также открыто 10 ранее неизвестных объектов археологии. Исследователями было уточнено местонахождение археологических памятников, сделана привязка с помощью приборов

глобального позиционирования, дана оценка их современного состояния.

В 2007–2009 гг. К.А. Руденко на Тетюшском II городище проведены стационарные раскопки на площади 228 кв. м. В общей сложности было заложено семь раскопов, уточнена датировка и стратиграфия памятника, а также на основе раскопок была установлена последовательность возведения укреплений городища (Руденко, 2009). На основании проделанной работы исследователь утверждает, что поселение на месте Тетюшского II городища возникло в период раннего железного века и бытовало ориентировочно в VIII–VII вв. до н. э. Вторичное заселение произошло в промежуток между III в. до н. э. и IV в. н. э. В период VI–VII вв. это был поселок городского типа, с развитым ремеслом и активным торговым обменом. В той или иной степени городище было обитаемо с VIII–X вв. и до XVII–XVIII в.

В 2007–2008 гг. Д.Г. Мухаметшиным проводилось обследование восточных районов Чувашии и Предволжья на предмет обнаружения эпиграфических памятников (Мухаметшин, 2012).

В 2009 г. Р.Р. Валиевым проводились археологические раскопки на площади 300 кв. м на Сюкеевском I селище «Мазарки». В результате проведённых работ были уточнены границы и хронологические рамки памятника, мощность культурного слоя. Были обнаружены фрагменты керамической посуды, которая датировалась исследователем V–VI, XI–XV, XVIII–XX вв. (Валиев, 2010, с. 4–6).

А.В. Лыгановым в 2017 г. проводились раскопки на территории Исаковского селища. Цель раскопов – исследование стратиграфии культурного слоя, остатков сооружений и ям, материальных остатков. Общая площадь раскопок составила 100 кв. м (раскоп № 1 – 60 кв. м и раскоп № 2 – 40 кв. м). В результате проведенных исследований были выявлены культурные напластования и зафиксированы остатки сооружений XIV в. Было выяснено, что большая часть площадки селища разрушается водами Куйбышевского водохранилища, культурные напластования маломощные и не насыщены массовым керамическим материалом, как это характерно для других археологических памятников золотоордынского времени (Лыганов, 2019).

Также в 2018 г. сотрудниками ООО «Центр прикладных археологических исследований» под руководством А.И. Фахретдинова проводились археологические раскопки на территории Кульчигинского селища на площади 210 кв. м. Были изучены остатки металлоплавильных тиглей, связанных с металлургическим производством, а также культурные напластования и материальные остатки XIII–XIV вв. (Фахретдинов, 2018).

В 2020 г. Э.И. Оруджовым и Н.С. Яранцевой проводилось археологическое обследование Тетюшского и Камско-Устьинского районов Республики Татарстан. Обследованию подверглись Долгополянское селище I (V–VII вв.), Долгополянское селище II (XIII–XV вв.), Долгополянское селище III (XIII–XV вв.), Елховское (Сюкеевское) городище (IX–VI вв. до н. э., V–VII вв.) (Яранцева, 2021). Также в 2020 г. Э.И. Оруджовым проводились археологические исследования в Спасском, Тетюшском, Камско-Устьинском районах Республики Татарстан. В результате проведенных работ была обследована площадь более 10 кв. км вдоль правобережья р. Волги, на островах и прибрежных участках левого берега Куйбышевского водохранилища. На 11 памятниках было проведено определение границ. В результате произведенных работ, вскрыто 232 кв. м. (Оруджов, 2022, с. 3–5).

В целом стоить отметить, что в золотоордынское время регион Предволжья получает новый импульс в своем развитии, появляются новые поселения, в основном в центральной и северной частях Предволжья, что подтверждается многочисленными памятниками археологии.

Стоит также сказать, что данная территория продолжает заселяться и в эпоху Казанского ханства. Вместе с этим проявляется тенденция дальнейшего освоения новых районов Предволжья далее к северу. В это время заканчивается заселение левобережной части низовий Свияги, о чём свидетельствует появление новых эпиграфических памятников первой половины XVI в., выявленных в этом районе. Исследования А.А. Бурханова 2002 г., в Зеленодольском районе выявили наличие 5–10 эпиграфических памятников на каждом кладбище рассматриваемого времени, например, в таких деревнях, как Татарское Танаево, Татарское Азелеево, Большие Ширданы, Молвино и др. (Бурханов, 2003, с. 15–16). Сельских поселений периода Казанского ханства значительно меньше в Предволжье по сравнению с таковыми золотоордынского времени. По мнению А.А. Бурханова, это объясняется, прежде всего тем, что основная масса селений Казанского ханства продолжает свое существование и в настоящее время. Об этом свидетельствует тождественность названий поселений Казанского ханства по данным писцовых книг середины XVI–XVII вв. и современных татарских сел северной части татарстанского Предволжья (Бурханов, 2003, с. 16).

Все рассмотренные памятники показывают, что регион Предволжья имел одно из ключевых значений в развитии средневековой истории Поволжья в целом.

ПАМЯТНИКИ ИКСКО-БЕЛЬСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

На всех этапах истории тюркоязычные мусульмане находились в тесных политических, экономических, культурных и др. контактах с огромным миром финно-угорских соседей (Казаков, 2006, с. 629–630). Письменные источники, которые в последние десятилетия подтверждены массовым археологическим материалом, свидетельствуют о проживании угров в Восточном Закамье.

О стране Баскарт и жителях ее – паскатирах ценные сведения сообщают различные западноевропейские источники. Например, Г. Рубрук отмечал, что они имеют один и тот же язык с венграми, которые вышли из их страны, а также, что живут здесь пастухи, не имеющие никакого города, что свидетельствует о кочевнических традициях населения. Далее Г. Рубрук сообщает также: «То, что я сказал о земле паскатир, я знаю через братьев проповедников, которые ходили туда до прибытия татар и с того времени жители ее были покорены соседями болгарами и сарацинами, и многие из них стали Сарацинами» (Путешествия, 1957, с. 74).

Открытие памятников чияликской культуры XIII–XIV вв. (Казаков, 2007, с. 59–65) позволило подтвердить археологическими материалами указанные письменные сообщения. На широкой территории от Урала до Восточного Закамья выявлено более 20 чияликских селищ и свыше 30 могильников (Казаков, 1978; Гарустович, 1998) (рис. 1; 2).

Свое название культура получила по поселению, изученному в 1969 г. у д. Чиялик (Чиялек) Актанышского района Татарстана (Казаков, 1978, с. 42–43). В обнажениях берега р. Сюнь, левого притока р. Камы были выявлены кости животных, фрагменты лепной темно-коричневой и бурой посуды с веревочным и гребенчатым орнаментом. Раскоп показал следующую стратиграфию: до глубины 40 см – намытый песок, под которым до глубины 90 см пролегает жирный чернозем, подстилаемый материковым суглинком. Наиболее насыщенный остатками культурный слой, содержащий угольки, кости животных, куски обожженной глины и фрагменты керамики, расположен на глубине 40–60 см. В нем же на глубине 50 см найден железный нож с пологим переходом от черешка к клинку (рис. 3: 12). Керамический материал Чияликского селища представлен фрагментами небольших лепных круглодонных сосудов темно-коричневого и светло-коричневого или бурого цвета с примесью песка в тесте (рис. 3: 1–11). Черепок имеет хороший, хотя и неровный обжиг, на изломе с темной полосой. Края венчиков округлые, шейки часто имеют орнаментацию из оттисков веревочки. Верхняя часть тулова некоторых экземпляров орнаментирована оттисками гребенки с мелкими широко расставленными зубцами. Один сосуд имеет по верхней части тулова отпечатки веревочки в виде высокой арки. Аналогии посуде Чияликского селища встречаются во многих памятниках низовий р. Белой, в мусульманских погребениях Такталачукского и Азметьевского I могильников, в памятниках сылвенской культуры.

Чияликские селища характеризуются небольшим культурным слоем. Выявлены зимники и летники полукочевников, стационарные и переносные постройки (юрты, чумы, шалаши), подсобные (погреба, ямы) и культовые с каменной вымосткой сооружения. Летники отапливались кострищами, иногда обложенными камнями, зимники – чувалами.

На этих поселениях встречены орудия труда, предметы одежды, фрагменты керамики, в том числе от лепных круглодонных сосудов, украшенных гребенчато-веревочным орнаментом, большое количество костей животных. Судя по последним, в составе стада преобладал крупный рогатый скот и лошади.

Культурные истоки чияликских древностей обнаруживаются в макушинских памятниках, оставленных скотоводами Зауралья. Очевидно, они переселились в Урало-Поволжье, заняв в золотоордынский период ту же территорию, где в домонгольское время проживали угры, оставившие памятники постпетрогромской культуры.

Большинство чияликских захоронений изучены в Актанышском районе Татарстана. Здесь

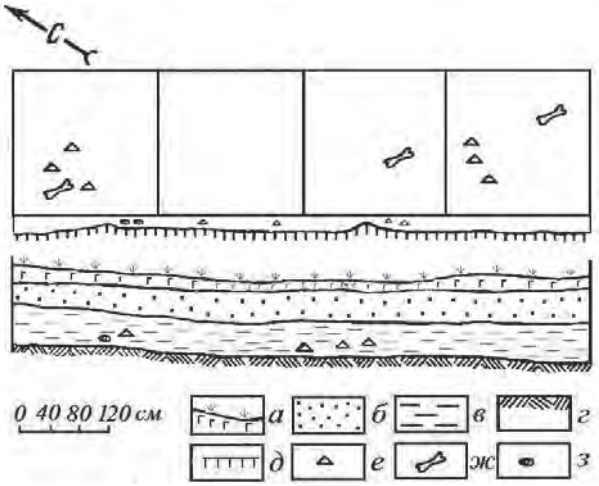


Рис. 1. План раскопа Чияликского селища (по: Казаков, 1978, рис. 16): а – дерн; б – супесь; в – чернозем; г – суглинок; д – обрыв; е – керамика; ж – кости животных; з – песчаник

Рис. 2. Памятники Икско-Бельского междуречья (по: Казаков, 1978; Свод, 2006)

1 – Местонахождение на Дубовогривской II стоянке; 2 – Усаевское I селище; 3 – Усаевское II селище; 4 – Новохуторское I селище; 5 – Новохуторское II селище; 6 – Бикбуловское I селище; 7 – Бикбуловское II селище; 8 – Белопахотное селище; 9 – Белоозерское селище; 10 – Меллятамакское III селище; 11 – Местонахождение у д. Русский Шуган; 12 – Местонахождение на Суюндюковской I стоянке; 13 – Байряки-Тамакский могильник; 14 – Староваряжский II могильник; 15 – Староваряжский I могильник; 16 – Меллятамакское I селище; 17 – Мелькенский клад; 18 – Местонахождение на Биксентаевской VI стоянке; 19 – Игимское I селище; 20 – Бискульское VI селище; 21 – Симостровское (Старосемиостровское) I селище; 22 – Татарско-Ямалинское селище; 23 – Азметьевский I могильник; 24 – Такталачукский могильник; 25 – Ильчибаевское городище; 26 – Миняровское I поселение; 27 – Миняровское II поселение; 28 - Чиялекское селище; 29 – Альметьевское селище; 30 – Меллятамакское VI селище; 31 – Бикбуловский могильник

широко раскопаны Такталачукский (рис. 4–8), Изметьевский I, Дербешкинский могильники, на которых выявлено около 500 погребений, совершаемых, как правило, по мусульманскому обряду. Умершие в неглубоких ямах (в большинстве глубиной 35–40 см) в соответствии с кыблой лежали вытянуто, головой на запад, слегка повернутыми на правый бок с тем, чтобы лицо было повернуто на юг, в сторону Мекки.

Особенностью погребального обряда является небольшая глубина могил, наличие гробовищ и кострищ, а также наличие в ряде захоронений инвентаря в виде серебряных височных подвесок болгарского происхождения, бус, перстней, монет ханов Узбека и Джанибека, металлических деталей погребальных масок. Дети первых лет жизни, видимо, еще не прошедшие обряда посвящения в монотеистическую религию, сопровождались лепными круглодонными сосудами с веревочно-гребенчатой орнаментацией (рис. 6).

Такталачукский могильник, открытый в 1956 г. при разведках А.П. Шокурова (Шокуров, 1956), был исследован в 1969–1972, 1976 гг. Татарским отрядом Нижнекамской археологической экспедиции. Ранее, в 1958 г., В.Ф. Генингом здесь были вскрыты два захоронения, датированные им XVI в. (Отчет, 1958). В одном из них найдены две бронзовые кольцевидные серьги.

Памятник находился в 800 м к юго-западу от д. Уразаево Актанышского района ТАССР на площадке высокого мыса коренной террасы, разделявшего поймы р. Белой и рч. Шабыз, левого притока р. Белой (рис. 4). С южной стороны мыс ограничен небольшим ручьем, правым притоком рч. Шабыз. Наиболее высокая часть мыса представляет собой шишкообразное возвышение из гравийно-галечных отложений. Могильник расположен между отмеченным возвышением и юго-западным склоном мыса, на ровной площадке. До глубины 20–25 см – пашня, ниже которой до

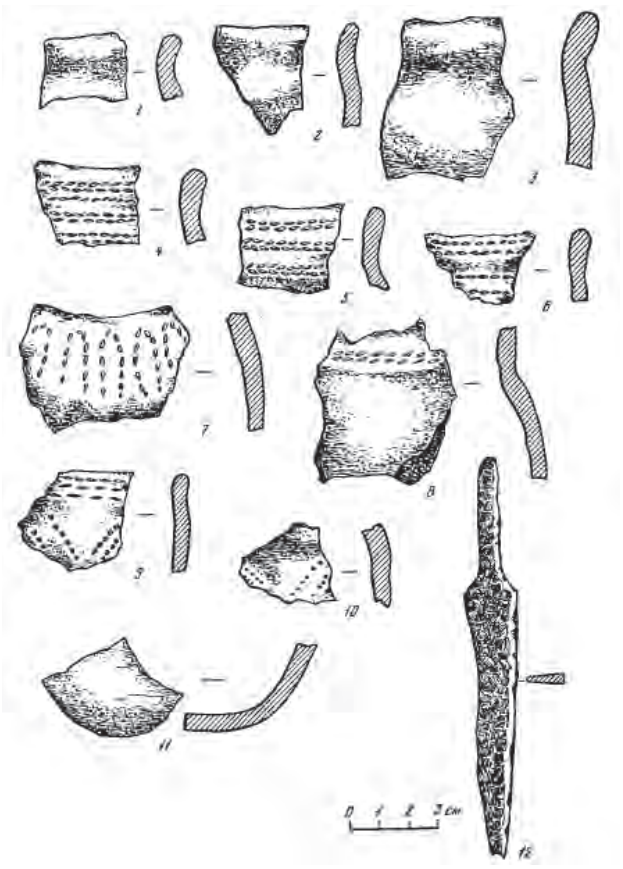


Рис. 3. Инвентарь Чияликского селища
(по: Казаков, 1978). 1 – 11 – керамика; 12 – железо

глубины 40–60 см наблюдался слой ореховатого чернозема, который подстилается материковым суглинком и глиной. Захоронения на могильнике относятся к разным хронологическим периодам: эпохе бронзы, раннему Средневековью, однако большая часть из них совершена по мусульманскому обряду. Всего на могильнике вскрыто 274 мусульманских захоронения. Очертания могил фиксировались с глубины 20–40 см. Заполнение ям по плотности не уступало окружающему грунту. В ряде погребений зафиксированы угольки или куски пережженной глины, чаще всего располагавшиеся в верхней части насыпи. В большинстве случаев, вероятно, из-за небольшой глубины очертания могил не прослеживались. Размеры ям удалось зафиксировать у 70 погребений (рис. 5: II, VIII, IX). В плане они прямоугольные, с закругленными углами. В ряде случаев в изголовьях ямы расширялись на 10–15 см. Яма погребения 30 имела расширение в ногах и у изголовья костяка, яма погребения 104 – по центру. Зафиксированная длина могил: 155–185 см, 186–299 см, 200–220 см, 225–250 см; ширина 50–70 см. Два захоронения имели ширину могил 75 и 80 см, два – 45 см. Глубина могильных ям от 25–35см до 90–95 см. Стенки ям отвесные, дно – плоское. Положение умерших производилось в соответствии с мусульманским обрядом. В ряде случаев зафиксированы отдельные его нарушения. В 70 (26%) захоронениях погребенные ориентированы головой на запад, в 111 (42%) – на запад – юго-запад, в 78 (29%) – на юго-запад. В одном погребении (погребение 82) костяк ориентирован головой на северо-запад и в трех (погребения 275, 284, 289) – на запад – северо-запад. Таким образом, за единичными исключениями умерших клали головой на запад, обычно с отклонениями к югу (рис. 5: I, II, VI–IX).

Большая площадь исследований позволила проследить топографию могильника. Наибольшая концентрация погребений наблюдается в центральной части некрополя. Погребения расположены неровными рядами, вытянутыми обычно по линии северо-северо-запад – юго-юго-восток. Однако отдельные ряды (в западной и восточной части) вытянуты по линии восток – запад. Детские погребения часто обособлены от взрослых и образуют отдельные группы. В некоторых случаях группы детских погребений отличаются от взрослых четко выдержанной западной ориентировкой костяков (рис. 5: III–V).

В целом ряде захоронений встречены гробовища и вещевой материал. Одно из гробовищ имело в плане прямоугольную форму размером 190×60 см (рис. 5: II, 4). Погребения с вещами преимущественно детские и женские. Они равномерно распределены на площади кладбища, хотя в центральной части заметно их количественное преобладание.

Вещевой материал Такталачукского могильника представлен керамикой (рис. 6: 1–11), украшениями (височные подвески, бусы), монетами и другими вещами (рис. 7, 8). Сосуды, зафиксированные в детских погребениях, располагались в большинстве случаев в изголовье (рис. 5: III–V), в одном случае – в ногах погребенных.

Наиболее многочисленными находками являются височные подвески, в том числе с нанизанной на кольцо желудеобразной бусиной (рис. 7: 1, 5, 17, 22; 8: 9–11), или серьги (рис. 7: 13, 20; 8: 1, 28). Среди других предметов, сопровождающих погребенных, пластинчатая бляха с ушком, обломки серебряной пластины, обломок подвески из цветного металла, фрагменты железных изделий, бусы (рис. 7: 9, 10, 25; 8: 3), золотоордынские серебряные монеты, бронзовая цепочка с желудевидной подвеской (рис. 8: 23), железный штырь, бронзовый пластинчатый перстень. В отдельных случаях на бронзовых украшениях сохранились фрагменты ткани и кожи от одежды.

Погребальный обряд могильника фиксируется довольно четко. Умерших клали в неглубокие пря-

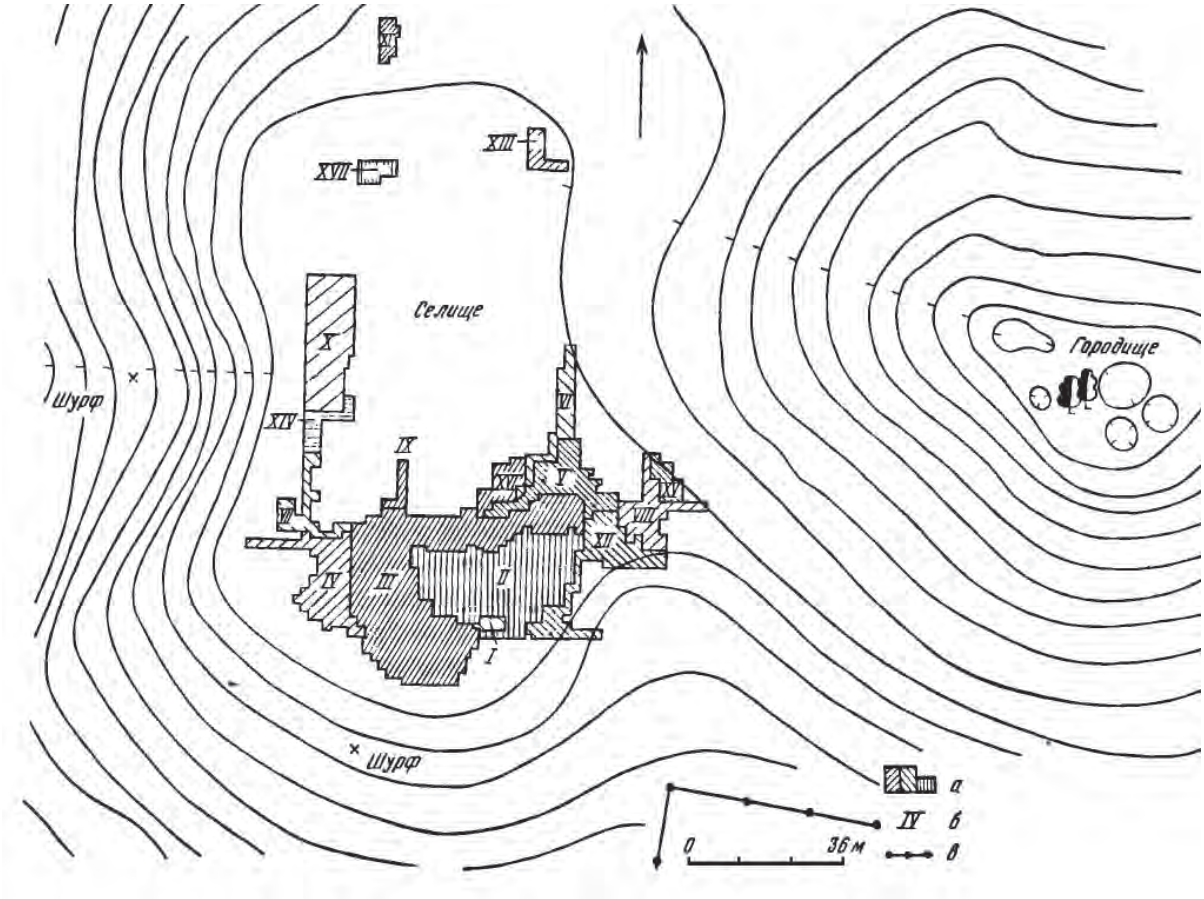


Рис. 4. Общий план Такталачукского могильника (по: Казаков, 1978)
а – раскопы; б – номера раскопов; в – забор

моугольные в плане ямы с отвесными стенками. Размеры ям лишь немногим превышали длину костяков. Погребенные, ориентированные на запад с отклонением к югу в соответствии с мусульманским обрядом, были повернуты на правый бок или лежали вытянуто на спине. Череп был повернут лицевой частью к югу. Судя по некоторым погребениям, умерших хоронили в гробах. Чуждой для мусульманства чертой обряда является сопровождение ряда захоронений вещами и заметные следы культа огня в виде угольков и кусочков пережженной глины в засыпи.

Керамика могильника вся лепная, толстостенная с серо-черным или бурым, а в одном случае желто-красным цветом поверхности. Плотный по фактуре, хорошо обожженный черепок содержит большую примесь песка. Аналогии сосудам имеются в Кушулевском могильнике, расположенном близ с. Кушулево Дюртюлинского района РБ, на левом берегу р. Камы, в нижнем ее течении.

Датировка могильника определяется по аналогиям и нумизматическому материалу. Одна из найденных в погребении монет относится ко времени правления хана Узбека (1312–1342), другая – Джанибека (1342–1356).Одна серебряная с пробитыми отверстиями монета хана Джанибека, имевшая хождение в 70-х гг. XIV в., найдена в верхнем слое памятника на раскопе III. Монеты позволяют датировать могильник XIV в., скорее даже его второй половиной, чему не противоречит и вещевой материал.

В целом по погребальному обряду Такталачукский могильник можно отнести к мусульманским некрополям, но с заметными реликтами язычества. В некоторых отношениях он близок к раннемусульманским кладбищам Волжской Болгарии раннеболгарского и домонгольского периодов.

Золотоордынский период характеризуется ослаблением болгарского военного присутствия в Восточном Закамье. Однако именно в это время здесь появляется значительное число болгарских поселений, возрастает количество селищ, слои которых содержат остатки материальной культуры болгаро-золотоордынского типа (круговая посуда, ювелирные изделия, оружие и т. д.). Эти памятники расположены как на левобережье Камы, так и вдоль рек Ик и Белой (Семиостровское I, Баскульское VI, Бикбуловское, Меллятамакское I, Новохуторское I и др. селища).

Наиболее ранними являются Семиостровское I, Татарско-Ямалинское и Баскульское VI, ко-

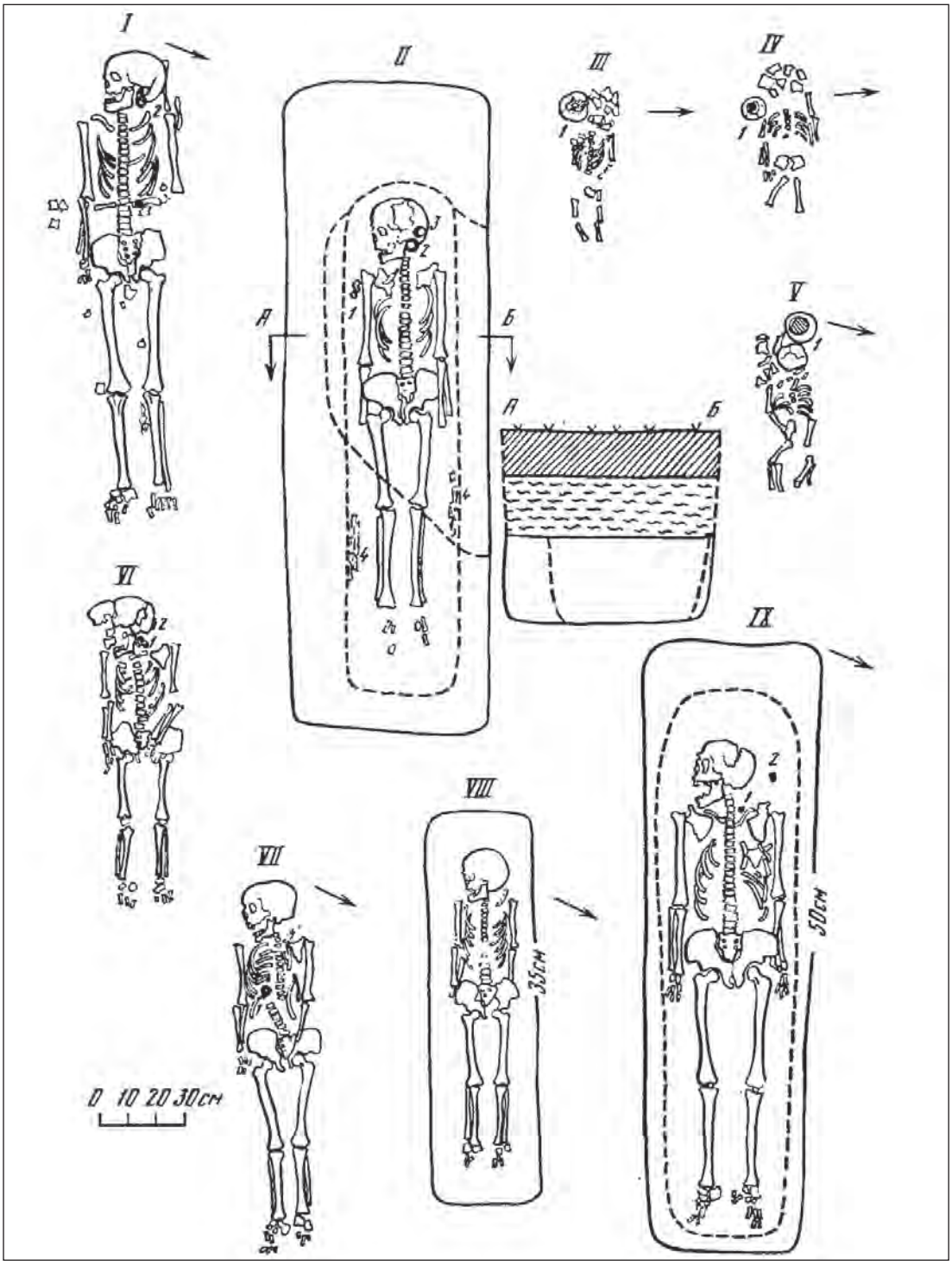


Рис. 5. Планы погребений Такталачукского могильника (по: Казаков, 1978)
I – погр. 42, 1, 2 – височные кольца; II – погр. 45, 1 – обломки керамики, 2, 3 – височные подвески, 4 – гробовище; а – пашня, б – глина, в – рыхлый грунт; III – погр. 46, 1 – сосуд; IV – погр. 50, 1 – сосуд; V – погр. 66, 1 – сосуд; VI – погр. 51, 1 – височная подвеска, 2 – фрагменты одежды; VII – погр. 75, 1 – подвеска; VIII – погр. 58; IX – погр. 60, 1, 2 – фрагменты серебряной пластины

торые датируются началом золотоордынского периода, хотя в их материале прослеживаются элементы культуры болгар домонгольского времени. К более позднему времени, вероятно, относятся болгарские полселения к югу от р. Камы по р. Ик и его притокам. Большое селище было изучено в 1971 г. к югу от д. Бикбулово Мензелинского района ТАССР. На площади 300×150 м зафиксированы многочисленные фрагменты круговой желто-красного цвета керамики с многорядным волнистым и гребенчатым орнаментом (рис. 9: 4–10). Среди подъемного материала имеются костяная поделка (рис. 9: 2), железный нож с деревянной рукоятью (рис. 9: 3), перстень с тамгой на щитке (рис. 9: 1).

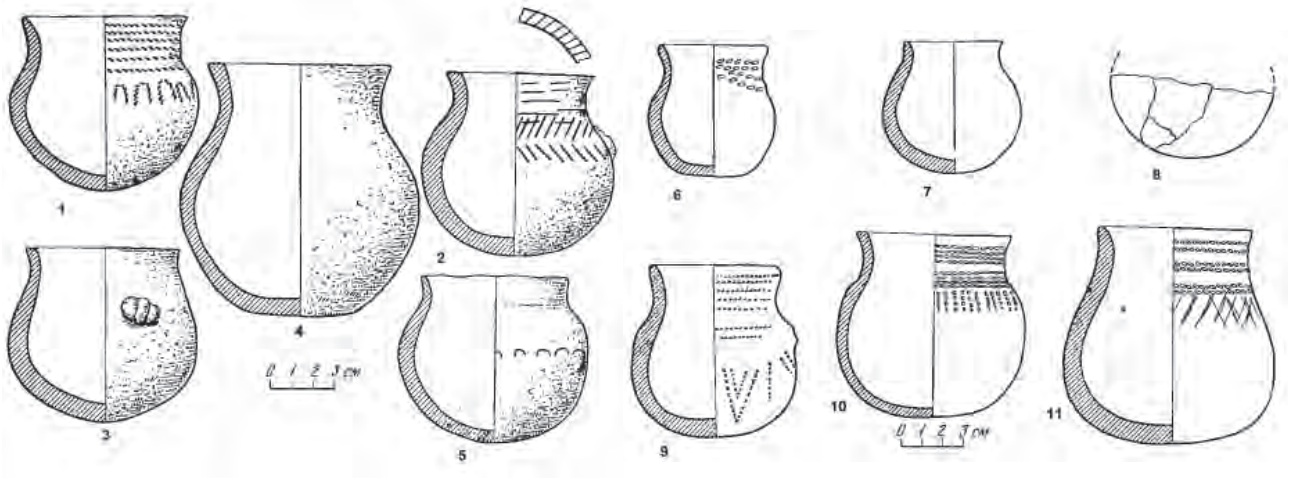


Рис. 6. Сосуды из погребений Такталачукского могильника (по: Казаков, 1978)
1 – погр. 50; 2 – погр. 44; 3 – погр. 66; 4 – погр. 15; 5 – погр. 46; 6 – погр. 286; 7 – погр. 132; 8 – погр. 156; 9 – погр. 192; 10 – погр. 280; 11 – погр. 128

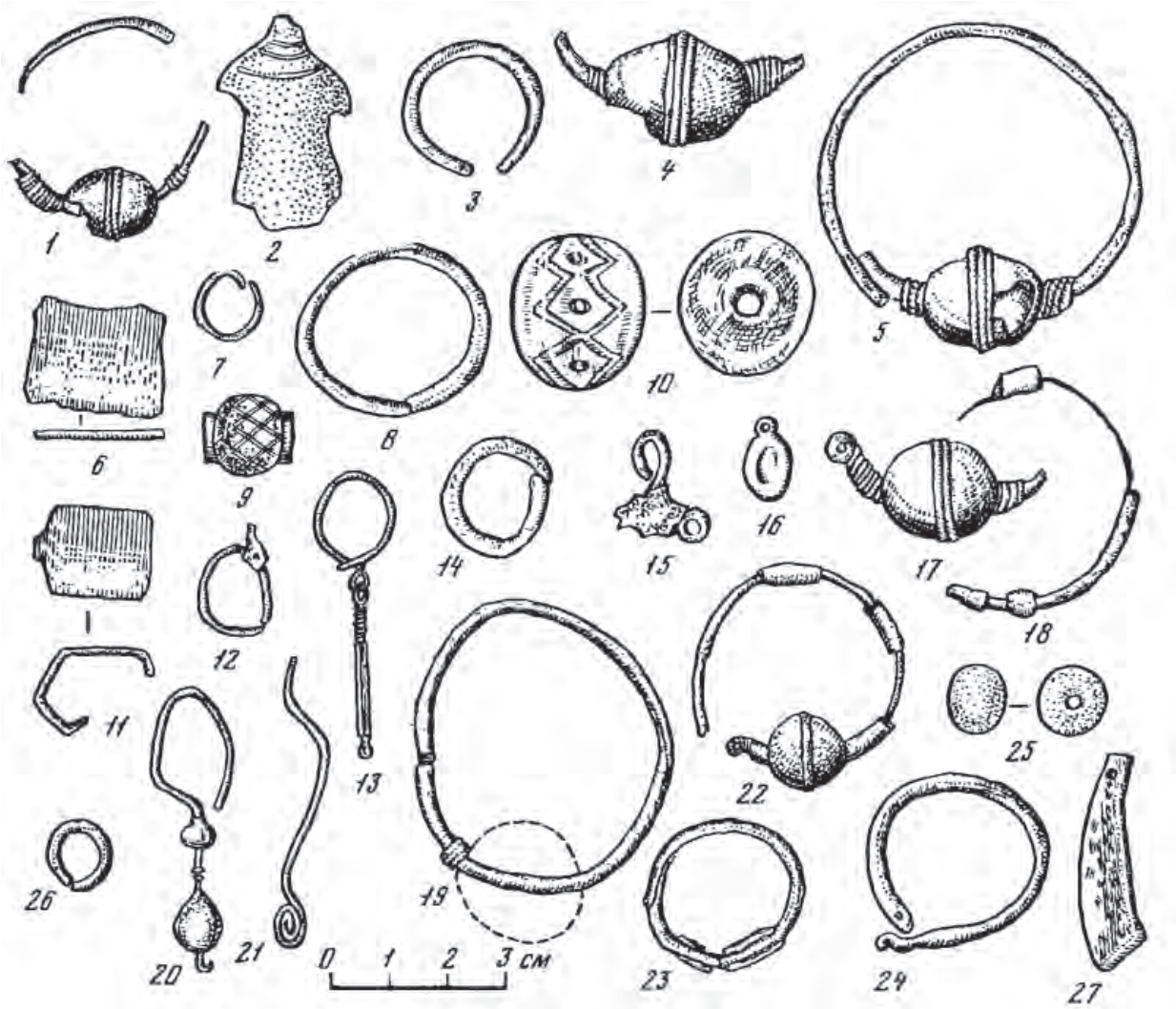


Рис. 7. Вещевой инвентарь из погребений Такталачукского могильника (по: Казаков, 1978)
1 – погр. 140; 2 – погр. 142; 3 – погр. 144; 4 – погр. 152; 5 – погр. 153; 6 – погр.158; 7 – погр. 166; 8 – погр. 186; 9 – 11 – погр. 198; 12 – погр. 205; 13 – погр. 209; 14 – погр. 210; 15, 16 – погр. 212; 17 – погр. 214; 18, 19 – погр. 230; 20 – погр. 276; 21, 22 – погр. 308; 23 – погр. 314; 24 – погр. 339; 25 – погр. 340; 26 – погр. 341; 27 – погр. 343; 2, 9, 25 – керамика, 10 – стекло, 16 – мрамор и бронза, 1, 3 – 8, 11 – 15, 17 – 24, 26, 27 – цветной металл

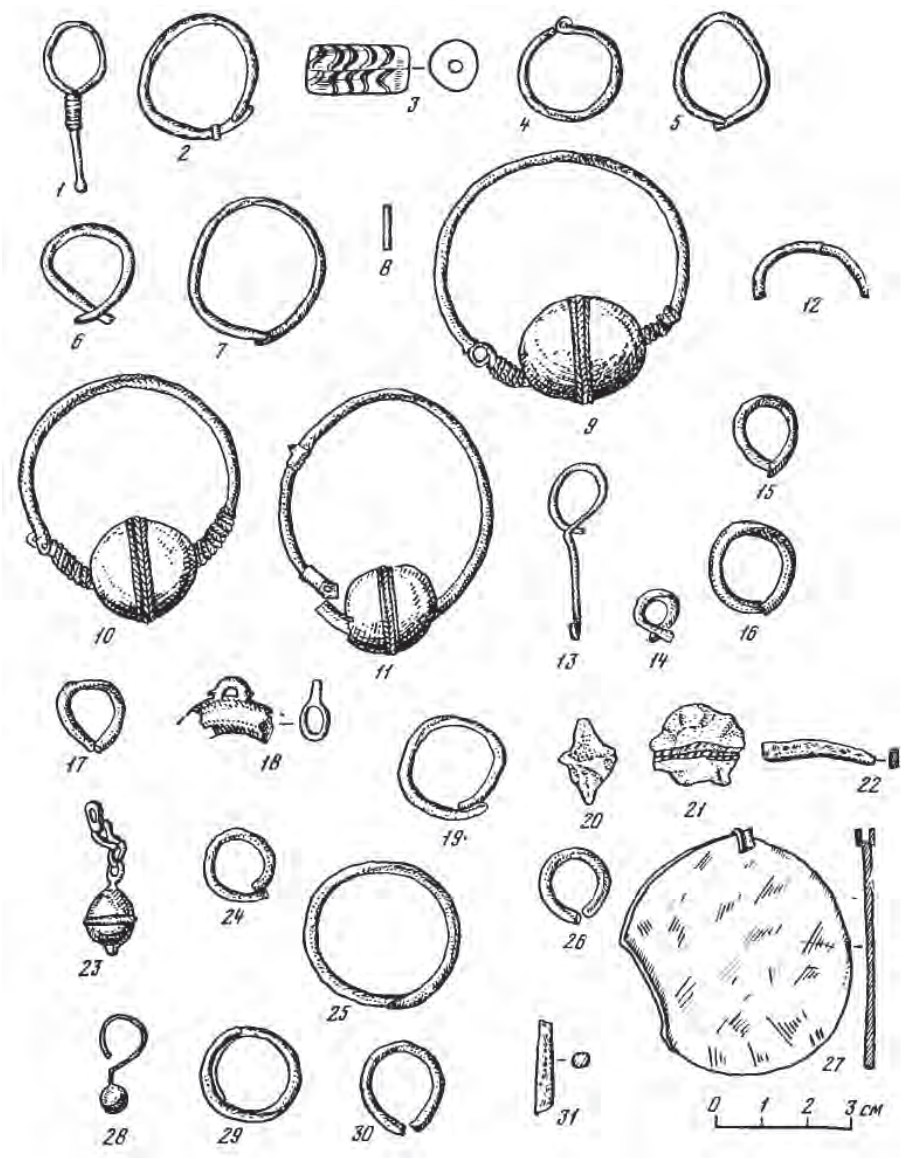


Рис. 8. Вещевой инвентарь из погребений Такталачукского могильника (по: Казаков, 1978)
1 – погр. 8; 2, 3 – погр. 10; 4 – погр. 35; 5, 6 – погр. 42; 7, 8 – погр. 48; 9, 10 – погр. 45; 11 – погр. 52; 12, 13 – погр. 51; 14 – погр. 59; 15, 16 – погр. 53; 17 – погр. 62; 18, 24 – погр. 79; 19 – погр. 69; 20 – 22 – погр. 88; 23 – погр. 75; 25 – погр. 95; 26 – погр. 99; 27 – погр. 87; 28 – погр. 109; 29 – погр. 111; 30, 31 – погр. 139
3 – стекло, 22, 31 – железо, 1, 2, 4 – 21, 23 – 30 – цветной металл

Время существования Бикбуловского селища, исходя из керамических материалов, отнесено к золотоордынскому периоду.

Следы еще одного поселения золотоордынского времени были исследованы в 1971 и 1975 гг. к северо-востоку от д. Меллятамак Муслюмовского района ТАССР, на правом берегу р. Ик. В обрыве берега и на площади селища размером 100×40 м были собраны: монетообразная свинцовая поделка (рис. 10: 1), сероглиняное лепное напрясло с примесью песка в тесте (рис. 10: 7), костяная поделка (рис. 10: 2), ряд железных предметов – обломок топора, наконечник стрелы, накладка, пряжка (рис. 10: 3–6). Керамический материал включает фрагменты лепной с большой примесью песка посуды, иногда украшенной ребровочными оттисками, черно-серой с примесью раковины в тесте керамики с отогнутой шейкой, фигурным венчиком и сильно раздутым туловом, подправленной на круге (рис. 10: 8, 9). Круговая посуда окислительного обжига по цвету желто-красная, светло-коричневая или реже серая с примесью песка в тесте (рис. 10: 10–18). По форме и орнаментации выделяются две основные, видимо, хронологические группы данной керамики. Одна из них представлена обломками желто-красных и серых сосудов с округлым утолщенным венчиком, украшенных оттисками крупнозубчатой гребенки и резной орнаментацией в виде многорядных горизонтальных линий и волны. Данная группа керамики находит аналогии в поздних памятниках Волжской Болгарии. Так, параллели горшковид-

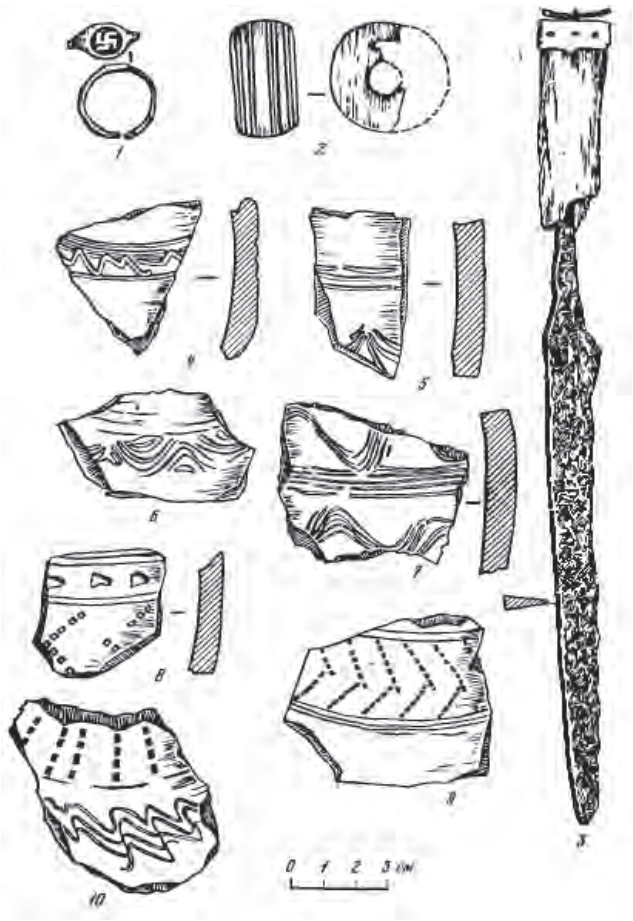


Рис. 9. Вещевой инвентарь Бикбуловского селища (по: Казаков, 1978)
1 – цветной металл, 2 – кость, 3 – железо, кость и кожа, 4–10 – керамика

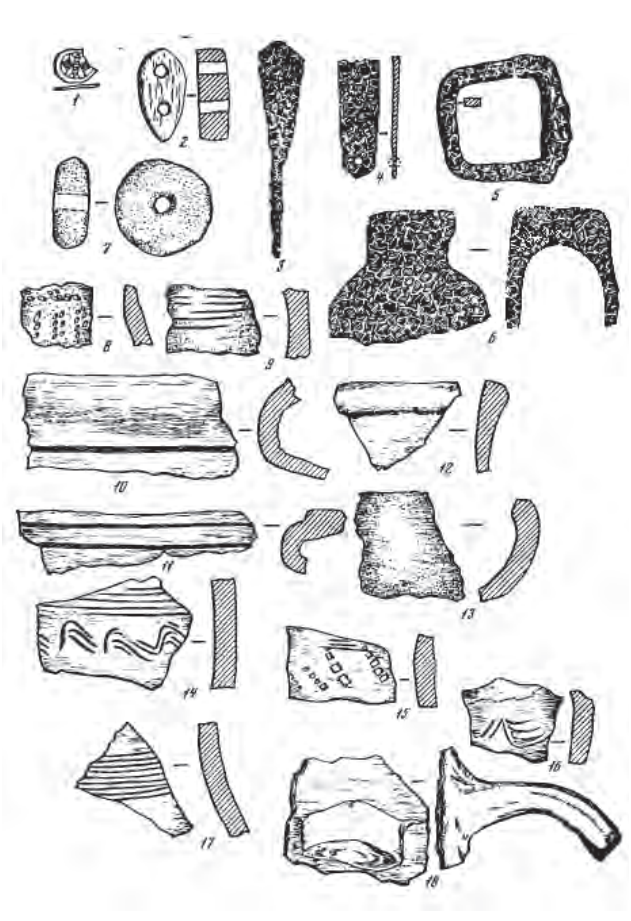


Рис. 10. Вещевой инвентарь Меллятамакского I селища (по: Казаков, 1978)
1 – свинец; 2 – кость; 3–6 – железо; 7–18 – керамика

ной посуде с сильно отогнутой шейкой имеются на Лаишевском и Багишевском селищах золотоордынского времени. Основной материал этих памятников относится к XIV в. К этому же времени относится срезень в виде лопаточки с угловым завершением передних ударных граней. Наибольшее распространение такие наконечники стрел получили в XIII–XIV вв. (Федоров-Давыдов, 1966, с. 28; Кадырбаев, Бурнашева, 1970, с. 45, рис. 2, 2; Алихова, 1959, с. 181, рис. 72, 9). Не противоречат этому обломок топора, пряжка и другие вещи.

Вторая группа керамики, по цвету желто-красная, отличается по скошенному наружу напускному венчику. Среди этой группы представлены кувшины с уплощенной, имеющей ребро на внешней поверхности ручкой. На поверхности сосудов во многих случаях прослеживаются срезы теста острым предметом при формовке. Точных аналогий в болгарских памятниках эта посуда не обнаруживает. Близкая керамика найдена на Меллятамакском III (с небольшими органическими примесями в тесте) и Альметьевском селищах.

Появление данных памятников на исследуемой территории, возможно, объясняется переходом на восток части населения из центральных районов Волжской Болгарии, пострадавших в результате татаро-монгольского разорения. Переселение значительных масс болгарского населения в бассейн р. Казанки, в область среднего течения р. Суры и в другие районы зафиксировано археологически (Фахрутдинов, 1968). Очевидно, такой же отток болгарских групп шел и на восточную территорию.

Здесь же обнаружены кладбища с мусульманскими надгробиями (Утяшкино, Средние Челны, Клятли). Среднечелнинское кладбище с двумя надгробиями расположено на правом берегу рч. Челны, левого притока р. Зай, к северо-западу от дер. Средние Челны Нижнекамского района РТ. Одно из надгробий имеет арабско-болгарскую надпись с датой 1315 г. (Археологические памятники, 1989, с. 25, № 119). Клятлинское надгробие было исследовано в 1965 г. Г.В. Юсуповым, датировано первой половиной

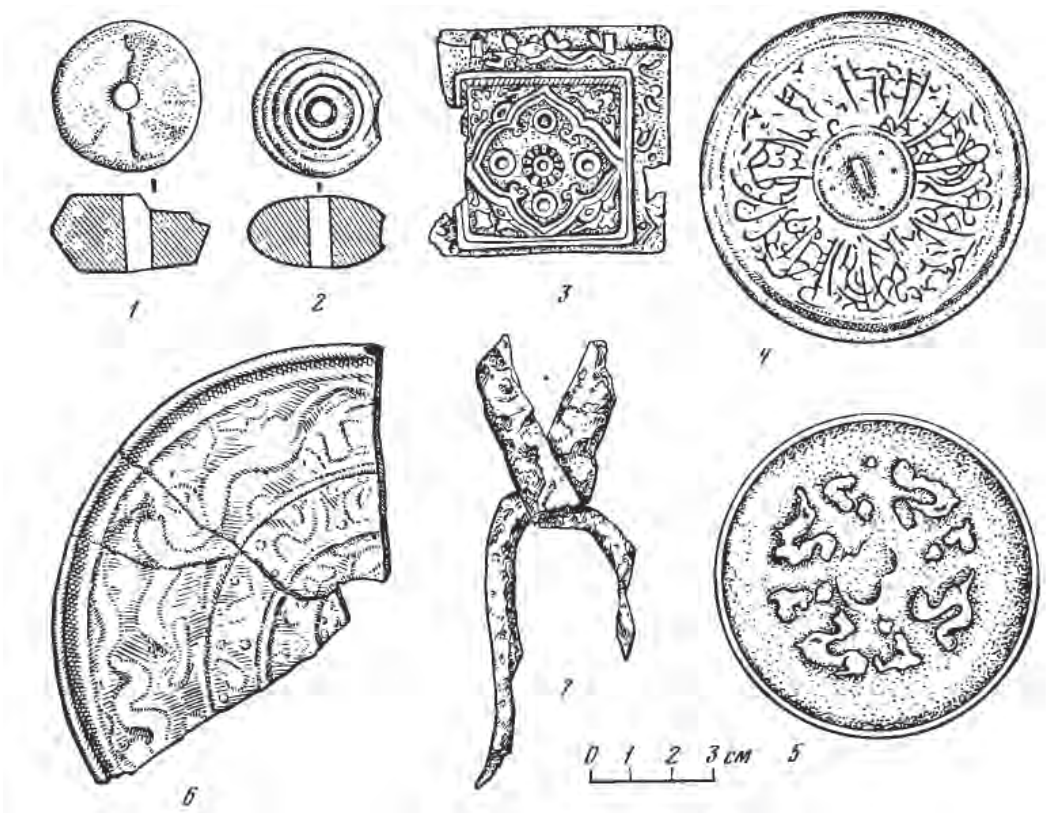


Рис. 11. Вещевой инвентарь Байряки-Тамакского могильника (по: Казаков, 1978)
1, 2 – керамика; 3 – 6 – цветной металл; 7 – железо

XIV в. (Археологические памятники, 1989, с. 30, № 189).

Данные материалы, как и письменные источники, четко характеризуют процессы исламизации и тюркизации поздних угров.

Одновременно здесь отмечены памятники золотоордынских кочевников. В Бавлинском районе РТ у с. Байрака-Тамак выявлен могильник XIV в., совершенный по языческому обряду (Казаков, 1978, с. 93–95). О памятнике было сообщено в 1972 г. Ф.Ш. Гимадеевым, которым была передана пластинчатая серебряная накладка (рис. 11: 3). При обследовании объекта в 1974 г. Е.П. Казаковым был собран комплекс вещей: три орнаментированных бронзовых зеркала (рис. 11: 4–6), железные ножницы (рис. 11: 7), два круговых напрясла (рис. 11: 1, 2). Одно из зеркал диаметром 7,6 см имеет по краю с внутренней стороны высокий с отвесной стенкой бортик. По окружности нечеткое рельефное изображение драконов (?) и симметрично расположенных между ними фигур четырех сидящих людей. В центре следы ушка (?). Аналогичное зеркало происходит из коллекции Национального музея РТ, опубликованной в атласе А.Ф. Лихачева (Атлас, 1923), и из материалов Нового сарая (Федоров-Давыдов, 1966, с. 80).

Вероятнее всего, Байряки-Тамакский могильник относится к золотоордынскому периоду, когда усиливается проникновение кипчакских групп в Прикамье. Видимо, с поздними тюркоязычными кочевниками следует связывать каменные бабы, которые, судя по сообщениям местных жителей, встречаются на юго-востоке Татарии (у д. старое Урсаево Азнакаевского района, д. Малое Уруссу Бавлинского района и в других местах). В указанных районах степняки находили благоприятные возможности для ведения кочевого хозяйства.

Однако уже в конце XIV в. языческие курганные могильники исчезают в Южном Приуралье, сменяясь мусульманским обрядом захоронения, свидетельством чего являются кирпичные или саманные мавзолеи (кэшэнэ) XIV–XV вв. Все это свидетельствует о том, что население края к этому времени было практически полностью исламизировано, в значительной мере культурно ассимилировано и в конечном итоге вошло в состав средневекового татарского этноса. При этом в культуре пермских татар и населения северо-восточных районов Башкортостана, по этнографическим данным, сохранились некоторые элементы культуры угров: пластинчатые варганы, хараусы и т. д.

ГЛАВА 4

СТЕПИ ПОВОЛЖЬЯ И ЮЖНОГО УРАЛА В СОСТАВЕ УЛУСА ДЖУЧИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIII – НАЧАЛО XV В.)

§ 1
Памятники Южного Урала и Заволжья

§ 2
Памятники кочевников Нижнего Поволжья

§ 3
Памятники золотоордынского времени на территории Северо-Западного Прикаспия

ГЛАВА 4

СТЕПИ ПОВОЛЖЬЯ И ЮЖНОГО УРАЛА В СОСТАВЕ УЛУСА ДЖУЧИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIII – начало XV в.).

ПАМЯТНИКИ ЮЖНОГО УРАЛА И ЗАВОЛЖЬЯ

История изучения археологических памятников периода Золотой Орды (Улуса Джучи) в степях Урало-Поволжья длится уже более двух столетий. Хотя, если подходить строго хронологически, их выделение из общего массива кочевнических памятников (курганов и курганных могильников) региона было осуществлено только в середине 1960-х гг. (Федоров-Давыдов, 1966). Фактически первые сведения о памятниках средневековых кочевников (в т. ч. золотоордынских) присутствуют уже в отчетах «Оренбургских» экспедиций середины – второй половины XVIII в. (П.С. Паллас, И.П. Фальк, И.И. Лепехин и др.). Однако, поскольку авторы этих отчетов не были ни археологами, ни историками вообще, данные ими описания зафиксированных памятников и полученных из раскопанных курганов древностей не имеют никакой хронологической привязки и интерпретации (Гарустович и др., 2014, с. 32–53).

Первый заметный «вброс» кочевнического археологического материала эпохи Золотой Орды приходится на последние десятилетия XIX в. благодаря масштабным раскопкам Ф.Д. Нефедовым курганов на территории современного Оренбуржья (земли Оренбургского казачьего войска). За три года работ (1884, 1887 и 1888) Ф.Д. Нефедовым и его помощником фотографом К.А. Фишером в 14 могильниках были исследованы 116 курганов эпохи Средневековья (IX–XV вв.), из которых 98 датируются золотоордынским временем (могильники Пчельник, Мертвецовский, Алебастровая гора, Ханская могила и др.) (Гарустович, Иванов, 2014, с. 47–85).

В конце 80-х годов XIX в., в связи с подготовкой к VIII Археологическому съезду в Москве (1890 г.), в степях Казахстана раскопки проводились сразу в нескольких местах. В 1888–1889 гг. в Уральской области (территория Букеевской орды) работала экспедиция под руководством А.Н. Харузина и П.С. Назарова. Были исследованы около 30 курганов, половина из которых содержали погребения XIII–XIV вв.

В конце XIX – первые два десятилетия XX в. накопление интересующего нас материала с территории Урало-Поволжья осуществлялось в основном вследствие активной работы местных краеведческих обществ. Основной их задачей было составление археологических карт Оренбургской, Саратовской, Астраханской губерний и сбор материала для местных краеведческих музеев. Поэтому краеведы – члены Оренбургской ученой архивной комиссии (ОУАК) А.В. Попов, И.А. Кастанье и Саратовской ученой архивной комиссии (СУАК) В.А. Шахматов, Ф.П. Коновалов, Б.В. Зайковский, С.А. Щеглов, А.А. Кротков и др., а также приезжавшие периодически исследователи из Москвы (А.А. Спицын) и Казани (Ф.В. Баллод) проводили сплошное археологическое обследование территорий, в ходе которого были открыты и изучены памятники кочевников Золотой Орды. Среди них наиболее крупные – могильник на оз. Ащикулак в Западном Казахстане (А.Н. Харузин, 1890 г.), Машевский (А.А. Спицын, 1895 г.), Аткарский (В.Н. Глазов, 1909 г.), Мечетное городище (Ф.В. Баллод, 1920 г.) (Гарустович, Иванов, 2014, с. 90–105; Гарустович и др., 1998, с. 77–101).

Особенностью изучения кочевнических древностей периода Золотой Орды в конце XIX – начале XX в. являлось то, что они открывались, некоторые из них публиковались (например, две объемные монографии И.А. Кастанье о древностях степей Оренбуржья и Казахстана, изданные ОУАК в 1910 и 1911 гг. (Древности..., 1910; Надгробные..., 1911)), но практически не интерпретировались.

Ситуация мало в чем изменилась и после революции 1917 г., и победы Советской власти. Конечно, открытие университетов в Самаре (1919 г.) и Общества истории, археологии и этнографии при Саратовском университете (1919 г.) придало новый импульс археологическим исследованиям в регионе. В это время расширяется география полевых изысканий: П.С. Рыков, П.Д. Рау, Н.К. Арзютов и их ученик И.В. Синицын в 1921–1938 гг. проводят широкие исследования на территории немецких колоний Заволжья (с 1923 г. Автономная республика немцев Поволжья), Уральской области Казахстана и Калмыкии

(Гарустович и др., 1998, с. 101–206). В общей сложности за эти годы ими были выявлены и исследованы более 100 кочевнических погребений XIII–XIV вв.

В это же время (1926–1927 гг.) Б.Н. Граков, научный сотрудник археологического отдела ГИМ, проводит археологические исследования в Южном Предуралье. В могильниках Бай-Джигит, Худай-Берген, Башкирское стойло им было исследовано около 10 погребений интересующего нас периода.

Подводя итоги развития археологии в степной полосе Волго-Уралья в первые десятилетия XX в., отметим некоторые особенности, присущие региональной науке того времени. Прежде всего, познавательная традиция тех лет имела ярко выраженную краеведческую окраску, со всеми достоинствами и недостатками этого движения. Задачи исторических обществ объективно сводились к четырем важным проблемам: 1) накопление и обработка информации о памятниках древности и случайных находках; 2) формирование и пополнение музейных фондов и других коллекций раритетов; 3) посильная популяризация исторических знаний и охрана памятников; 4) публикация археологических материалов и содействие работе экспедиций центральных научных учреждений. Во второй половине XIX – первой половине XX в. делаются первые попытки культурно-хронологических и этнических обобщений археологического материала. Создаются варианты древней истории края разной степени полноты.

После окончания Великой Отечественной войны в 1948 г. ГИМ возобновляет раскопки на территории Кустанайской области Казахстана (рук. О.А. Кривцова-Гракова), а Саратовский государственный университет и Саратовский областной музей начинают систематические исследования курганов в западном Казахстане (рук. И.В. Синицын). В течение 1948–1953 гг. им было вскрыто более 10 средневековых кочевнических погребений, среди которых половина – золотоордынские (Джангала, Сарайдин).

В середине 1950-х гг. начинает свою деятельность совместная Оренбургская экспедиция Института Археологии АН СССР, ГИМ и Оренбургского музея краеведения под общим руководством К.Ф. Смирнова при участии Э.А. Федоровой-Давыдовой, М.Г. Мошковой, С.А. Попова. Поскольку научные интересы руководителей экспедиции были связаны с памятниками эпохи бронзы – раннего железного века, погребения эпохи Средневековья, попадавшиеся в ходе раскопок, интереса у исследователей не вызывали. В течение 1956–1962 гг. на территории Оренбургской области исследователями было выявлено свыше 15 захоронений средневековых кочевников, среди которых треть составляли погребения XIII–XIV вв. (могильник Новый Кумак под г. Орском). Некоторые из найденных средневековых захоронений были опубликованы авторами раскопок (Федорова-Давыдова, 1969, с. 262–266; Мошкова, 1962, с. 204–216).

Материал интересующего нас периода с территории Нижнего Поволжья в первой половине 1950-х гг. поступал в основном благодаря работам Сталинградской археологической экспедиции ИИМК 1951–1955 гг. В составе экспедиции работали четыре отряда: палеолитический (рук. С.Н. Замятин), Заволжский (рук. И.В. Синицын), Нижневолжский (рук. К.Ф. Смирнов), Калиновский (рук. В.П. Шилов). Усилиями этих отрядов на территории Нижнего Поволжья (от Саратова до Сталинграда) было исследовано около 20 древних поселений и 420 курганов, в которых вскрыто более 1500 разновременных погребений от эпохи неолита до позднего Средневековья (Древности Нижнего Поволжья..., 1959, с. 6). Среди погребений средневековых кочевников 44 относятся к периоду Золотой Орды (Бережновский, Калиновский, Скатовка и др.).

Таким образом, к началу 1960-х гг. в Урало-Поволжском регионе была накоплена определенная источниковая база по археологии кочевников XIII–XIV вв., которая и была впервые проанализирована и интерпретирована в контексте хронологии и этнической принадлежности этих памятников Г.А. Федоровым-Давыдовым. Правда, следует отметить, что исследователь использовал не весь объем известных к тому времени археологических материалов (Федоров-Давыдов, 1966, с. 251), к тому же он посчитал возможным включить в свой перечень комплексы лесостепной зоны Приуралья (Шах-Тау, г. Уфа, Старое Мусино), не имеющие отношения к степным племенам. Г.А. Федоров-Давыдов обосновывает принадлежность древностей X–XI вв. огузам и печенегам (Федоров-Давыдов, 1966, с. 134–135), что подтверждалось сообщениями нарративных источников (Константин Багрянородный, Ибн Фадлан, Мас´уди и т.д.). Памятники II–IV периодов (XII–XIV вв.) соотнесены им с древностями половцев домонгольского времени (II–III периоды) и кыпчаков золотоордынской эпохи (IV период). Автор среди кыпчакских комплексов с западной ориентировкой выделяет в Улусе Джучи погребения с северными ориентировками, которые, по его мнению, были связаны с приходом в регион монголов (Федоров-Давыдов, 1966, с. 159–160).

С конца 60-х гг. плановые, систематические археологические исследования развернулись на территории Уральской области Казахстана. Эти работы осуществлялись в рамках экспеди-

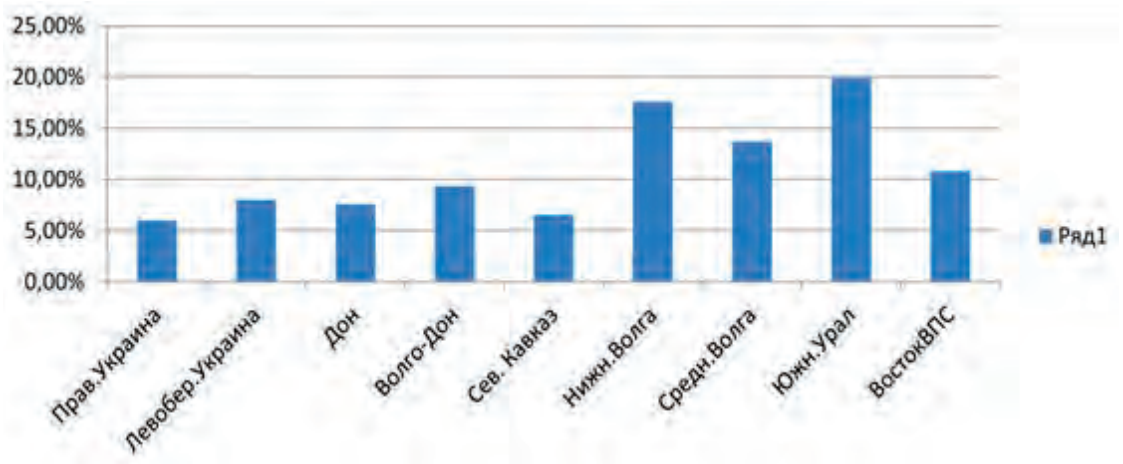


Рис. 1. Гистограмма распространения погребений кочевников Золотой Орды по условно-локальным вариантам

ции Уральского пединститута, которая работала в 1968–1992 гг. под руководством Г.А. Кушаева.

Широкомасштабные полевые исследования Г.А. Кушаева и сотрудников археологической лаборатории УГПИ Б.Ф. Железчикова и В.А. Кригера позволили обнаружить и частично раскопать значительное число курганных могильников в разных частях Уральской области. Памятники средневековых тюркоязычных кочевников, которые регулярно попадались в ходе стационарных исследований, становятся предметом научного анализа В.А. Кригера (Кригер, 2012).

1970-е гг. были временем начала систематических поисков и изучения средневековых памятников в степном Предуралье. Наиболее масштабные изыскания в этом направлении были проведены в 1973–1974 гг. Н.А. Мажитовым, открывшим и исследовавшим серию курганов XIII–XIV вв. в среднем течении р. Урал на территории Оренбургской области (Алабайтал, Жанаталап I и II, Карагач, Россыпино и др.).

Значительным событием в деле выявления и изучения памятников позднесредневековых кочевников явились работы экспедиции Института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР (ныне – ИИЯЛ Уфимского научного центра Российской АН) под руководством В.А. Иванова (г. Уфа) на территории Оренбургской, Самарской областей РСФСР и Актюбинской области (совместно с С.Ю. Гуцаловым и В.А. Кригером) Казахстана. С 1980 по 1990 гг. происходили целенаправленный поиск и раскопки курганов IX–XIV вв. Маршруты разведок пролегали по рекам Таналык, Урал, Илек, Урта-Буртя (Оренбуржье), Орь, Эмбе, Уил (Актюбинская обл.), Большой Иргиз, Большой Глушице, Чапаевке, Волге (Самарская обл.) и в других местах. Было обнаружено большое число новых памятников, в том числе крупные средневековые могильники (Линевский, Родники, Покровский и т. д.). Всего за эти годы было вскрыто 123 погребения поздних кочевников, и источниковая база средневековой археологии значительно пополнилась. Особенно плодотворным оказался 1985 г., когда на территории Оренбуржья и Казахстана было расчищено 42 захоронения XIII–XIV (начала XV) вв. Значительная часть этих материалов сразу же была введена в научный оборот (Иванов, Кригер, 1988).

Десятилетие 1980-х гг. было временем интенсивной работы на территории Оренбуржья археологических экспедиций, целью которых хотя и не являлись целенаправленные раскопки средневековых памятников, но в ходе их работ были изучены многочисленные средневековые кочевнические погребения, среди которых преобладают комплексы XIII–XIV вв. (Матюшко, 2015).

В это же время на территории Нижнего Поволжья начинает свою работу Археологическая экспедиция Волгоградского государственного университета, один из отрядов которой под руководством В.А. Кригера в 1982–1986 гг. проводил раскопки Бахтияровского курганного могильника в Волгоградской области. Всего в могильнике раскопано 117 курганов, давших 131 погребение и два мавзолея золотоордынского времени (Ситников, Яворская, 2009, с. 29). Значительным вкладом в расширение источниковой базы по археологии кочевников Нижнего Поволжья периода Золотой Орды явились памятники, исследованные экспедицией Волгоградского государственного социально-педагогического университета под руководством Е.П. Мыськова в последнее десятилетие прошлого века (курганные могильники Киляковка, Царев, Маляевка, Солодовка) (Мыськов, 2015).

Таким образом, в течение многих лет на территории урало-поволжских степей была сформирована весьма представительная источниковая база по археологии кочевников XIII–XIV вв. – самая в

настоящее время представительная в масштабах степной Евразии указанного периода. В настоящее время она содержит данные по 1179 погребениям XIII– XIV вв. на территории от Алтая до Дуная, из которых 51,25 % известны на территории Урало-Поволжья (рис. 1).

Погребальные памятники кочевников Золотой Орды. В кочевнической археологии мы обычно оперируем такими понятиями, как «курган», «группа курганов» или «курганный могильник». Содержание последнего понятия очень расплывчато. Курганный могильник – это сколько курганов? Подразумевается, что могильник – это место, где захоронения совершались в течение определенного (длительного) времени, что в сознании коллективов, совершавших свои погребения именно здесь, делало это место сакральным. По крайней мере, именно такое восприятие могильника – некрополя – кладбища свойственно оседлым племенам и народам. Хотя, по данным исторической географии, у тюрко-монгольских кочевников оно было аналогичным. Правда, у них сакральный характер мест захоронения усиливался ещё и социальным контекстом – стремлением сородичей быть похороненными рядом с родоначальником или правителем (аймака, хошуна) (Георги, 1799, с. 139; Викторова, 1980, с. 63–64).

Что касается кочевников Золотой Орды, то у них такие сакральные места захоронений также прослеживаются. Сейчас на территории Урало-Поволжья известны более 180 погребальных памятников кочевников XIII–XIV вв. – одиночные курганы, курганные группы, курганные могильники. Из них 90% – курганы и курганные группы, содержащие не более десяти захоронений (большинство – 1–2 погребения), 7% – не более 20 захоронений. Остальное – могильники, состоящие из более 40 захоронений (Маляевка – 40 погр., Царев – 82 погр., Бахтияровский – 131 погр.). **Топография** рассматриваемых памятников проста и однообразна: 61% из них располагаются на краях надпойменных террас основных рек региона – Волги и Ахтубы, Урала, Илека, Большого и Малого Узеней, Ори, Эмбы или в низовьях их более мелких степных притоков. Ни о каких «курганах на водоразделах», как это считалось в 50–60-е годы прошлого столетия, здесь и речи не идет. Следует также отметить, что все рассматриваемые погребения располагаются за пределами Прикаспийской низменности – плоской полупустынной равнины с минимальным количеством дождей, с глинистой почвой, покрытой сильно разреженной пустынно-степной солончаково-полынной растительностью (рис. 2).

Суммарная характеристика **погребального обряда** кочевников XIII–XIV вв. Урало-Поволжья, выраженная в 89 альтернативных признаках, представлена в табл. 1.

Сейчас уже установленным и общепризнанным является тот факт, что по типу надмогильных сооружений кочевнические погребения эпохи Золотой Орды в Урало-Поволжье четко делятся на две группы – совершенные под *земляными курганами* (496 погребений) (рис. 3) и совершенные под *курганами, сооруженными с применением камня* (105 погребений) (рис. 4). Морфологические признаки погребального обряда земляных и «каменных» курганов в их числовом выражении представлены в таблице 1 (см. Приложение 1), поэтому пересказывать их не имеет смысла. Следует только пояснить, что сумма значений признаков в категории «надмогильное сооружение» для «каменных» курганов, превышающая 100%, объясняется тем, что некоторые погребения имеют над собой комбинированные надмогильные сооружения. Например: насыпь, сооруженную из каменных обломков, и каменную выкладку непосредственно над могилой (Новый Кумак, к. 3); каменно-земляную насыпь и каменную выкладку над могилой (Алебастрово II, Новочеркасский VII, к. 1 и 2; Тлявгуловский, к. 1, 2, 4); каменно-земляную насыпь и каменное кольцо вокруг могилы (Ново-Кумакский, к. 35); каменно-земляную насыпь, каменное кольцо и выкладку над могилой (Тлявгуловский, к. 4, у пос. Урал, к. 5); каменный «панцирь» и каменную выкладку над могилой (у пос. Большевик II, к. 2); каменную оградку прямоугольной формы вокруг могилы и каменную выкладку непосредственно над ней (Урта-Буртя, к. 2).

Погребения, совершенные под земляными и «каменными» курганами, различаются между собой не только по типам надмогильных сооружений, но и ещё по ряду признаков. Во-первых, географически: курганы с каменными конструкциями локализуются в восточных районах Урало-Поволжья – в степях Южного Приуралья и Зауралья, тогда как основной район концентрации земляных курганов – степи Волго-Уральского междуречья (рис. 2). Во-вторых, именно под земляными курганами чаще встречаются по нескольку погребений под насыпью и впускные погребения. В-третьих, под земляными курганами встречаются могилы усложненной конструкции – со ступеньками, подбоем, перекрытиями. В-четвертых, под земляными курганами преобладают захоронения конской шкуры, а под «каменными» – целой туши коня. В-пятых, если под земляными курганами преобладает ориентировка погребенных в западном секторе, то под «каменными» курганами – в северном.

С погребальной обрядностью кочевников Урало-Поволжья периода Золотой Орды связаны

Рис. 2. Карта курганов кочевников Золотой Орды в Волго-Уралье
1 – Балымерские; 2 – о. Песчаный; 3 – Удрякбаш; 4 – Августовка; 5 – Большой Шихан; 6 – Гвардейцы; 7 – Кеппенталь; 8 – Марьевка; 9 – Новопавловка; 10 – Александровский; 11 – Максимовка; 12 – Абашевский; 13 – Виловатовский; 14 – совхоз Луначарского; 15 – Кировский III; 16 – Екатериновский; 17 – Белозерский; 18 – Аткарский; 19 – Давыдовка II и III; 20 – Петровск; 21 – Покровск; 22 – Пугачев; 23 – Ровное; 24 – Скатовка; 25 – Блюменфельд; 26 – Саратов; 27 – Зауморье; 28 – Суслы; 29 – Боаро; 30 – Усть-Курдюм; 31 – Царевщина; 32 – Родионовка; 33 – Мордово; 34 – Ново-Липовка; 35 – Фриденберг; 36 – Алексеевка; 37 – Абганерово; 38 – Бережновка I; 39 – Верхне-Погромное; 40 – Заяры; 41 – Камышин; 42 – Курнаевка; 43 – Ленинское; 44 – Потемкинский; 45 – Солодовка; 46 – Царевский; 47 – Бахтияровский; 48 – Бережновка II; 49 – Калиновский; 50 – Колобовка; 51 – Харьковка; 52 – Дмитриевка; 53 – Новоникольский; 54 – Сайхин; 55 – Гусевка; 56 – Маячный; 57 – Барановка; 58 – Никольское; 59 – Салтак; 60 – Жаксы-Каргала; 61 – Жаман-Каргала; 62 – Жарсуат; 63 – Новая База; 64 – Каратугайская волость; 65 – Шпаки II; 66 – Целинный; 67 – Базар-Тобе; 68 – Мамбеталы; 69 – Мамбетбай; 70 – Челкар IV и V; 71 – Джангала (Нов. Казанка); 72 – Лебедевка IV и VIII; 73 – Шипово; 74 – Джангала (Сарайдин); 75 – Раим; 76 – Джангала (Кара-Оба); 77 – Мокринский; 78 – Алебастрово; 79 – Буранчи; 80 – Пчельник; 81 – Алабайтал; 82 – Андреевский; 83 – Ветлянка; 84 – Линевский; 85 – Тлявгуловский; 86 – Новочеркасский VII; 87 – у пос. Урал; 88 – Хабарный; 89 – Мустаево V; 90 – Мертвецовский; 91 – Новоорский; 92 – Ново-Кумакский; 93 – у пос. Большевик; 94 – Березовский V; 95 – Худай-Берген; 96 – Россыпное; 97 – 2-я верста от Илецкой Защиты; 98 – Казенная мельница; 99 – Каменноозерный; 100 – Тамар-Уткуль; 101 – Бугурусланский; 102 – Жанаталап; 103 – г.Орск (у Обелиска Славы); 104 – Имангулово; 105 – Озерновский III; 106 – Покровский IV; 107 – Колпакский; 108 – Федоровский; 109 – Агаповский; 110 – Агаповские горы; 111 – Ишкуловский II; 112 – Ивановский IV; 113 – Тавлыкаевский; 114 – Комсомольск VI.

каменные изваяния и жертвенно-поминальные комплексы (ЖПК), известные на территории региона (рис. 5). Их изучением специально занимался Г.Н. Гарустович, подготовивший монографию, в которой приводятся география, типология и хронология этого типа памятников (Гарустович, рукопись). В сводке, составленной исследователем, содержатся данные о 107 ЖПК и 144 каменных изваяниях, большинство из которых Г.Н. Гарустович относил к периоду Золотой Орды, хотя по данным С.Г. Боталова к золотоордынскому времени относятся только 11 скульптур, отнесенных им ко второй группе (Боталов, 2000, с. 406).

Относительно географии распространения ЖПК и каменных изваяний в рассматриваемом регионе (рис. 6) исследователь пишет: «Распространение интересующих нас памятников в названных выше областях было, по меньшей мере, различным. Больше всего материалов, которые можно отнести к кластеру «культовые меморатив-

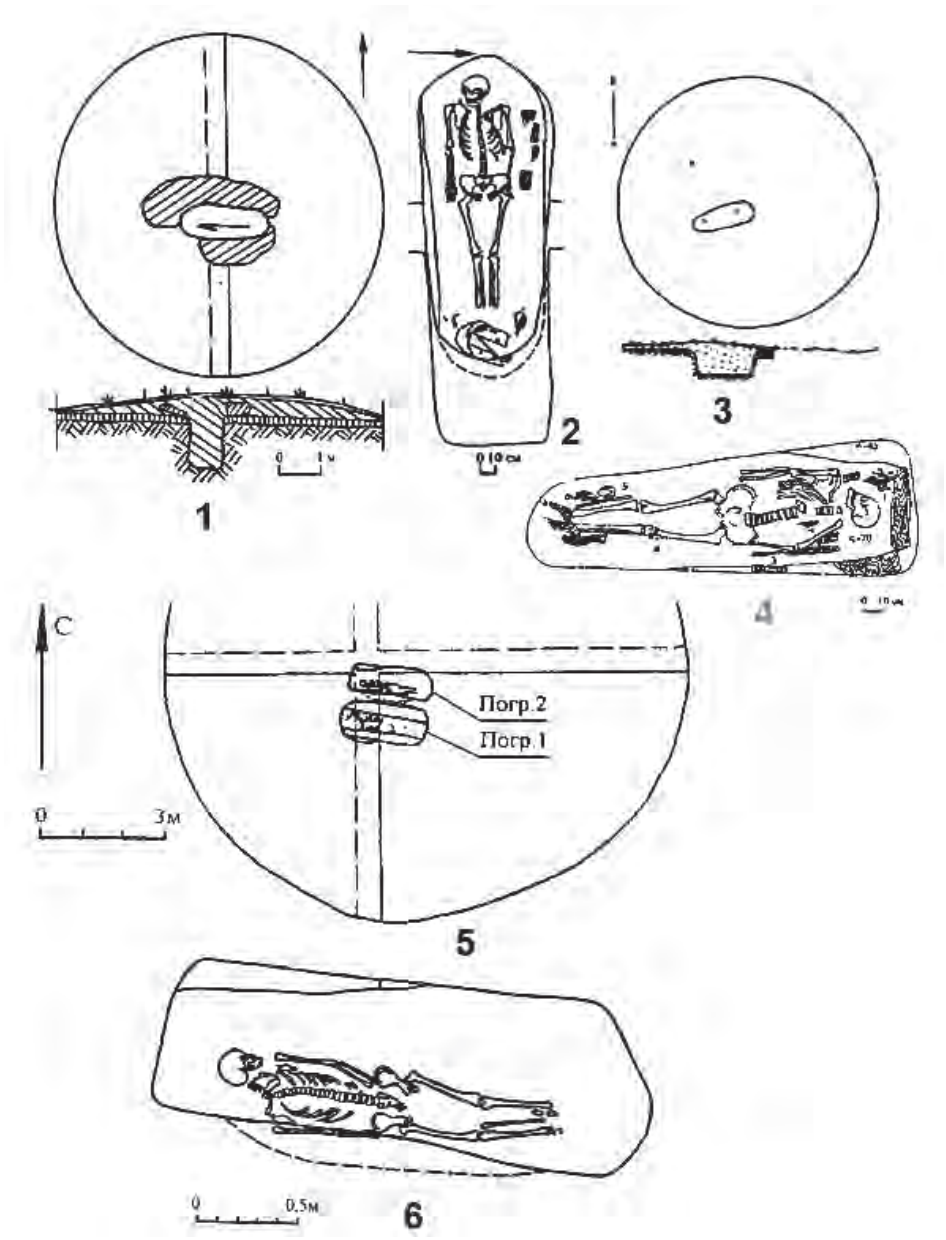


Рис. 3. Погребения кочевников Золотой Орды под земляными курганами
1, 2 – Линевский III одиночный курган; 3, 4 – Шалкар V; 5, 6 – Солодовка I, к. 51.

ные объекты», выявлены в башкирском Зауралье и в степных пределах Челябинской, Оренбургской областей и на западе Казахстана. В лесостепных областях рассматриваемые нами памятники практически не встречаются… севернее степной зоны, в пределах лесостепи, памятники интересующего нас типа вовсе не встречаются. На севере Башкортостана жертвенно-поминальные комплексы эпохи Средневековья известны (например, Кадыровские ЖПК в Дуванском районе РБ), но это поминальники особого вида. А каменные изваяния здесь совсем не выявлены. Это была особая хозяйственная и этнокультурная зона…» (Гарустович, рукопись).

По своим морфологическим признакам ЖПК Урало-Поволжского региона (те из них, которые подвергались раскопкам) представляют собой каменные выкладки на древней поверхности диаметром 5–13 м прямоугольной или овальной формы (рис. 5: 1–4). Никаких следов захоронений в них не обнаружено, но среди камней или под ними встречаются следы кострища, расколотые кости животных и отдельные вещи, по которым можно установить время сооружения данного ЖПК. Так, в кургане (ЖПК) Бутак-3 была найдена сабля, в могильнике Александровский (к. 4) – фрагменты чугунного котла и стремя, в кургане Симбирский – удила и стремена. В ряде «курганов» найдены фрагменты гончарной керамики, в т. ч. глазурованной.

Многие ЖПК в своих сооружениях содержат каменные изваяния или их фрагменты (рис. 5:

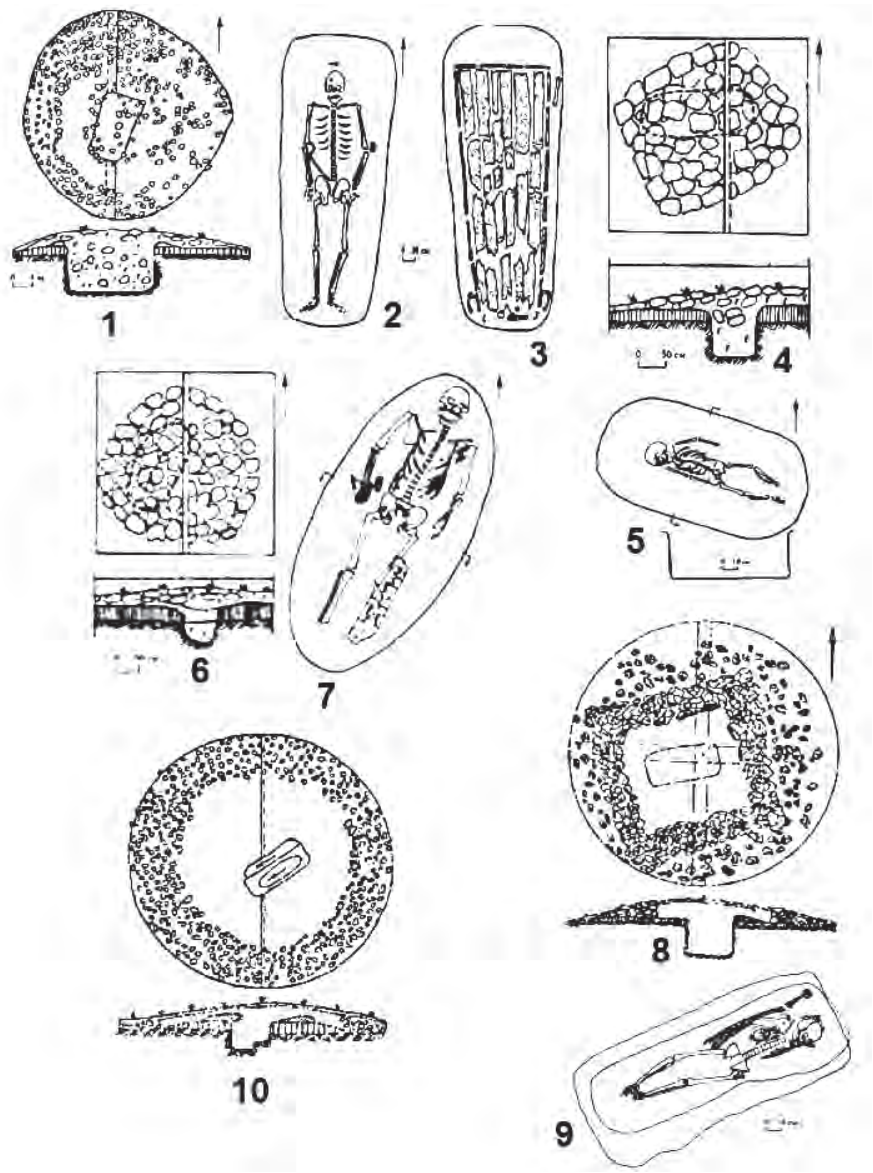


Рис. 4. Погребения кочевников Золотой Орды под «каменными» курганами
1–3 – Андреевский; 4, 5 – Ишкуловский II, к.8; 6, 7 – Хабарный, к.10; 8, 9 – Лебедевка VI, к.11.

5–10). В отличие от половецких «каменных баб» южнорусских степей, это довольно примитивно выполненные антропоморфные стелы, на которых весьма схематично обозначены черты лица или половые признаки (женская грудь) (Урбах, Николаевский уезд, Сим-Тас, Бузулукский уезд, Аулие-Тас, Большая Глушица и др.).

По результатам морфологического и семантического анализа каменных изваяний Г.Н. Гарустович пришел к выводу о том, что, во-первых, «каменные изваяния эпохи Средневековья не были изображениями лиц божественного пантеона. Скорее всего, их можно трактовать как персонифицированные отображения духов предков…», во-вторых, «анализ археологических материалов показывает непосредственную связь каменных изваяний не с погребальной, а с поминальной практикой древних племен. Во всяком случае, это справедливо для эпохи Средневековья» (Гарустович, рукопись). Думается, что для настоящего времени это наиболее адекватное понимание данного вида археологических памятников.

Комплекс предметов материальной культуры кочевников Золотой Орды подробно был рассмотрен в соответствующей работе (Иванов, 2015, с. 77–127). Поскольку ассортимент сопровождающего инвентаря в погребениях рассматриваемого региона не обнаруживает какой-то региональной специфики, ниже ограничимся общим его обзором.

Из имеющейся в распоряжении источниковой базы по кочевническим погребениям Золотой Орды в Урало-Поволжье (601 погребение) следует, что сопровождающие погребенного вещи, представленные в том или ином количестве, ас-

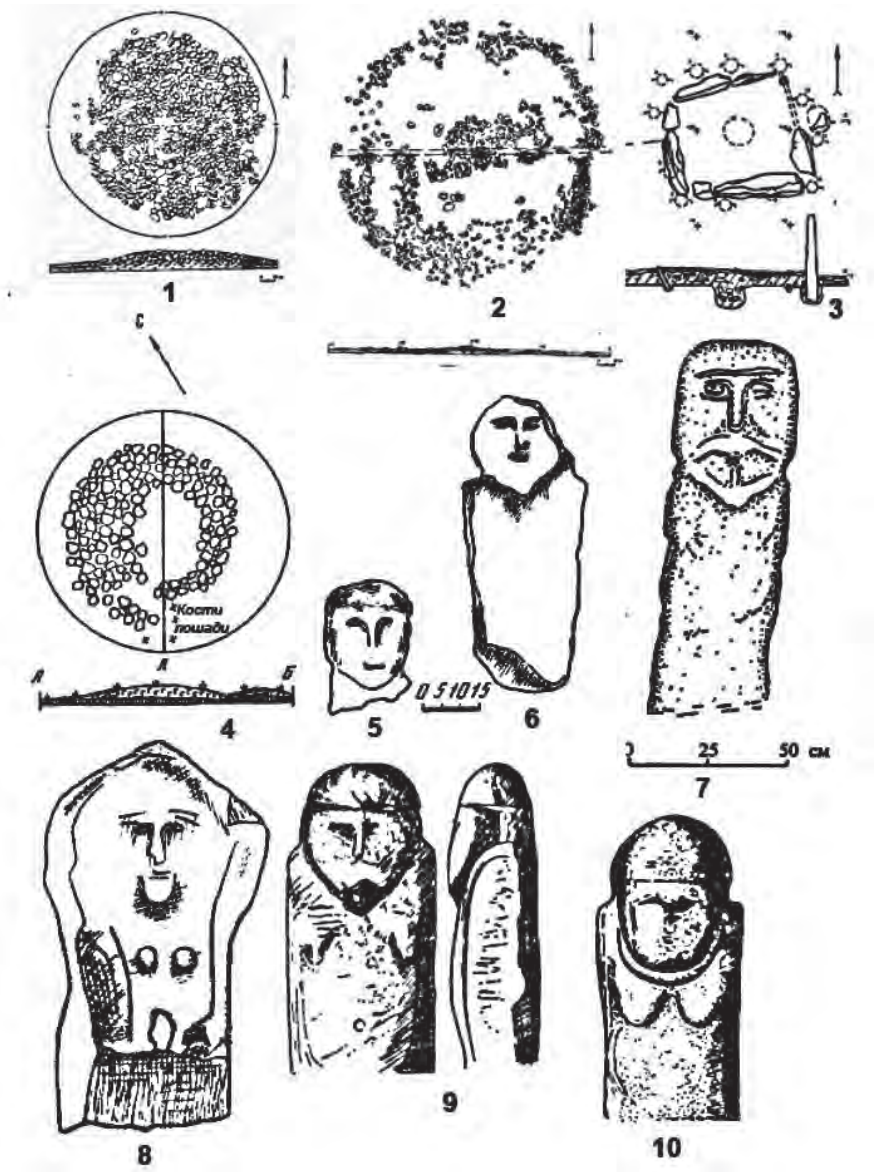


Рис. 5. Жертвенно-поминальные комплексы и каменные изваяния кочевников Золотой Орды
1 – Симбирский I, к. 1; 2 – Селенташ, к. 1; 3 – Каменный Амбар-2, к.3; 3 – 6 – Акимбетовский; 7 – Ульке; 8 – Петропавловка; 9, 10 – Покровская слобода

сортименте и сочетаниях, найдены в 91,2% захоронений. Они разделяются на следующие категории (табл. 1):

Принадлежности конской сбруи (стремена, удила, детали седла, украшения узды);

Оружие (наконечники стрел, обкладки лука, колчан и его детали, сабля, наконечник копья, доспех (шлем, кольчуга или панцирь));

Украшения и детали костюма (пояс, серьги-подвески, перстни, браслеты, бусы, головной убор – бокка, зеркало);

Бытовые предметы (нож, кресало, оселок, ножницы, пряслице, гребень, шило, поясная сумка (рис. 19), амулет, металлический сосуд (рис. 17), монеты).

В общем это унифицированный, традиционный для кочевых сообществ набор вещей, в котором преобладают удила и стремена, наконечники стрел и берестяные колчаны, нож, кресало, ножницы, металлический сосуд, из украшений – зеркало, бусы, поясные пряжки, серьги-подвески в виде знака вопроса и кольца, детали головного убора – бокка («богтаг»).

Как следует из данных табл. 1, наиболее частой находкой из предметов вооружения в кочевнических погребениях Урало-Поволжья являются *железные наконечники стрел*. Практически все они укладываются в типологию, разработанную в свое время Г.А. Федоровым-Давыдовым (Федоров-Давыдов, 1966). Количество их, от 1 до 10, конечно, было чисто символическим и никак не соответствовало уставу армии Чингисхана, предписывавшему каждому воину иметь два лука и два колчана с тридцатью стрелами в каждом (Вернадский,

Рис. 6. Карта святилищ и каменных изваяний кочевников Золотой Орды
1 – Подольское» 2 – Целинный; 3 – Пчельник; 4 – Орл-Оба; 5 – Джасай; 6 – Кутр-Тас; 7 – Чиили; 8 – Рис-Биике-Сай; 9 – могила Булата; 10 – Александровский; 11 – Утекское; 12 – Кучукбай; 13 – Акбулак; 14 – Кусеевский; 15 – Уразаевский; 16 – Акъярский; 17 – Чингизовский; 18 – Акимбетовский; 19 – Ямаши-Тау; 20 – Мамбетовские; 21 – Бурибай; 22 – Каменный Амбар; 23 – Каинсай; 24 – Система; 25 – Симбирский; 26 – «Аксак»; 27 – Александровский; 28 – Анненское; 29 – Березовский; 30 – Монгол; 31 – Бала-Четырман; 32 – Солончанка; 33 – Макан; 34 – Сукраково; 35 – Бутак-3; 36 – Олотау; 37 – Новосергиевский; 38 – Дедуровка; 39 – Воскресенское; 40 – Бердинское; 41 – Нижнеувельское; 42 – Домбаровское; 43 – Александровское; 44 – Крутодол; 45 – Урбах; 46 – Николаевский уезд; 47 – Маянга; 48 – Еланка; 49 – Сим-Тас; 50 – Бектурган-Сай; 51 – Каин-Сай; 52 – Эмбо-Темирская волость; 53 – пос. Нагорный; 54 – Бузулукский уезд; 55 – Мурадымово; 56 – Ишмухаметово; 57 – Ново-Петровка; 58 – Ксе-Тасты-Аша; 59 – Столяровское; 60 – Аверьяновское; 61 – Сулла-Кулаз; 62 – Старица; 63 – Большая Глушица; 64 – Ульке-2; 65 – Актюбинск; 66 – Петропавловское; 67 – Илекская; 68 – Карагайлы-12; 69 – г.Царицын; 70 – Сарепта; 71 – г.Камышин; 72 – Золотое; 73 – г.Балашов; 74 – Чиганак; 75 – Елшанка; 76 – Таптулино; 77 – Вольский уезд; 78 – Ст. Яблонка; 79 – Воскресенское; 80 – Ершовка

2001, с. 118; Храпачевский, 2004, с. 188). Всего В.А. Ивановым в кочевнических погребениях региона зафиксировано 148 наконечников стрел. Добавим к ним данные, приведенные С.А. Руденко (Руденко, 2003, приложения и каталог), и получим следующую картину частоты встречаемости этого вида оружия (по убыванию):

BIX – в виде вытянутой лопаточки с закругленной верхней ударной гранью (рис. 7: 19, 20) – 34,8%;

BXI – вытянутая лопаточка, заканчивающаяся двумя короткими ударными гранями, сходящимися под тупым углом (рис. 7: 12–14, 21) – 17,4%;

BIII – плоские листовидной формы (рис. 7: 5) – 9,2%;

BIV – плоские ромбической формы (рис. 7: 6–8) – 8,1%;

BXVII – треугольной формы с вогнутыми боковыми гранями, слегка расширяющимся основанием и уступом при переходе пера в черешок (рис. 7: 22–26) – 7,0%;

BXIII – фигурные, с небольшим пером, ударная грань имеет треугольный выступ (рис. 7: 15–18) – 4,9%;

BV – плоские треугольной формы, максимальная ширина приходится на основание пера – 4,5%;

BVI – двурогие стрелы (рис. 7: 9) – 3,2%;

BVII – треугольной формы, но в виде перевернутого основанием вверх треугольника, максимальная ширина приходится на режущую грань (рис. 7: 27) – 3,2%;

BII – трехгранное в сечении перо (рис. 7: 2) – 2,7%;

BVIII – прямоугольной формы, чуть суживаю-

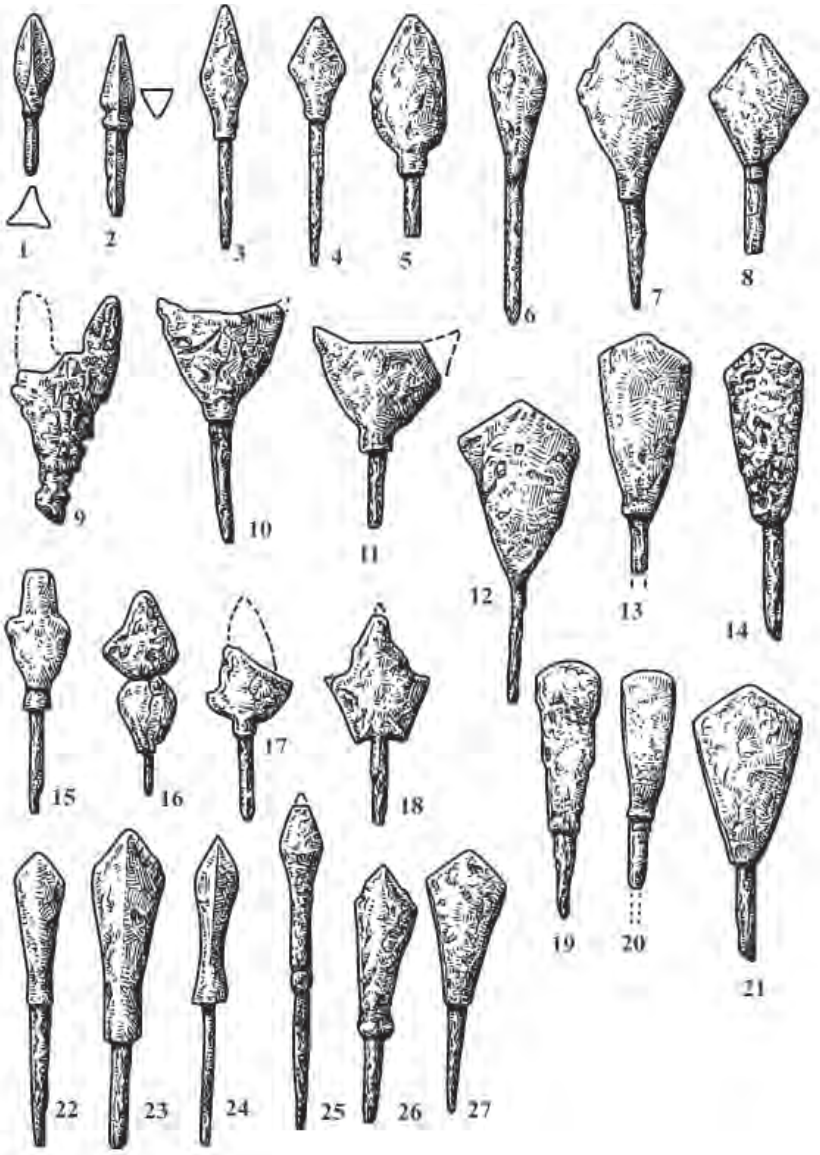


Рис. 7. Железные наконечники стрел кочевников Золотой Орды

щиеся к основанию – 2,1%;

BX – аналогичный, но ударная грань слегка вогнута – 0,5%;

BXVI – полукруглой формы, с небольшим пером, прямой или вогнутой ударной гранью (рис. 7: 10, 11) – 1,6%.

Стрелы помещались в *берестяные колчаны*, которые по частоте встречаемости в комплексах кочевников Золотой Орды в Урало-Поволжье следуют сразу же за наконечниками стрел. Колчаны представляют собой берестяной футляр трапециевидной формы с расширяющимся дном, длиной 70–80 см. Судя по нахождению наконечников стрел in situ, они в колчан помещались оперением вниз (рис. 8: 1–4).

Иногда (очень редко на фоне всего оружейного комплекса кочевников региона – табл. 1) колчаны украшались *костяными орнаментированными накладками* с резным зооморфным, растительным или геометрическим орнаментом (Бахтияровка, Бережновский, Царевский, Тамар-Уткуль, Покровский IV, Худай-Берген и др.) (рис. 8: 5–8; 18).

Естественно, что в могилы колчан со стрелами помещали вместе с луком, но в регионе *костяные обкладки лука* встречаются крайне редко (Бахтияровка, Лебедевка VIII, Комсомольский IV и др.).

Доспех – предмет дорогой, поэтому в погребениях региона полный комплект доспехов, то есть шлем и панцирь (кольчуга) найден только в двух погребениях могильников Лебедевка II и Озерновский III (рис. 9).

Сабля и копье – тоже редкие находки в кочевнических погребениях XIII–XIV вв. Урало-Поволжья (2,7% и 1,1% погребений под земляными курганами, в «каменных курганах» они не обнаружены).

Предметы конской сбруи – удила и стремена, обнаруженные в золотоордынских кочевнических

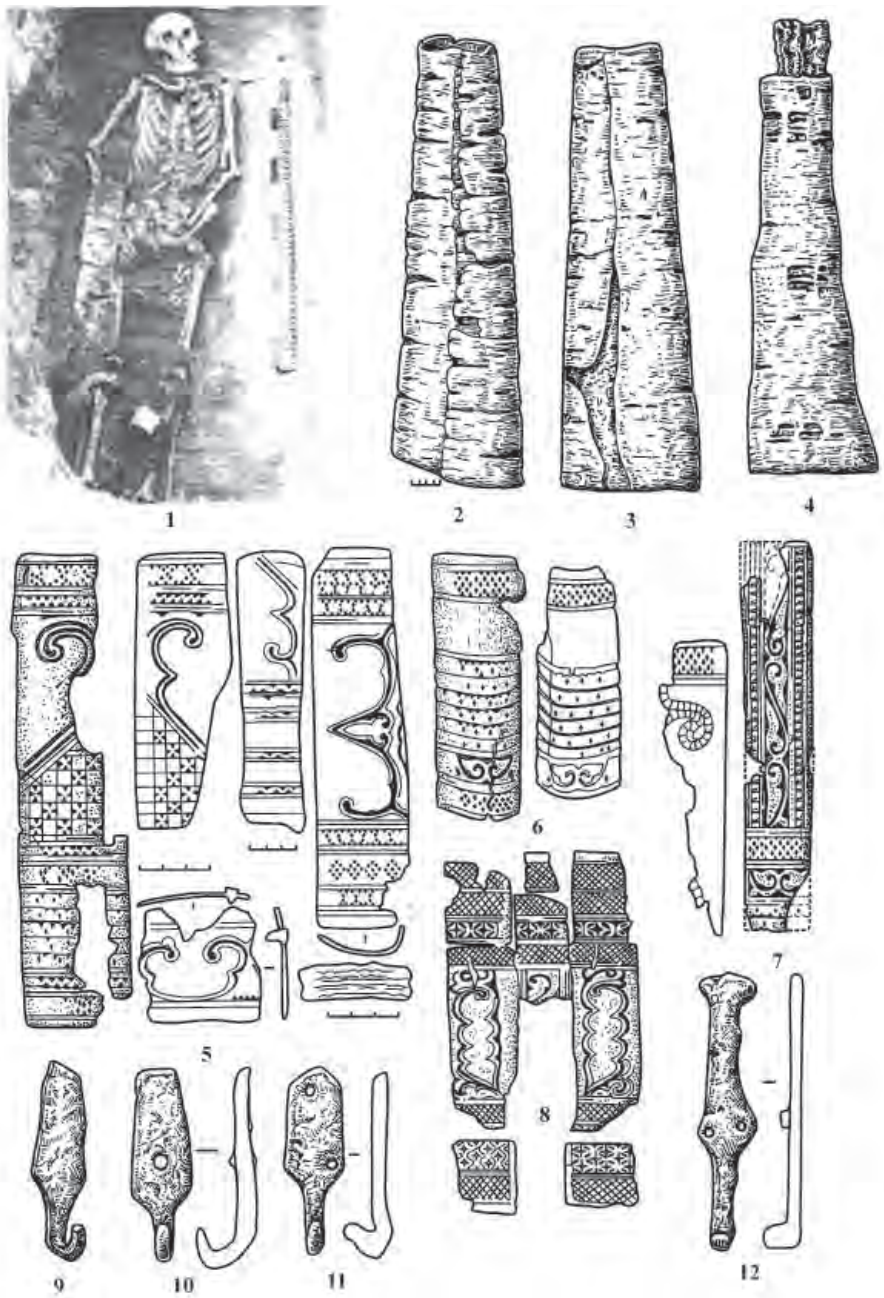


Рис. 8. Колчаны, колчанные накладки и крючки кочевников Золотой Орды
1 – Покровский IV, к. 18; 2 – Хабарный I, к. 10; 3, 12 – Новокумакский; 4 – Тасмола IV; 5 – Пчельник; 6, 7 – Тамар-Уткуль, к. 9; 10 – Августовка, к. 1; 11 – Тлявгуловский, к. 1.

погребениях Заволжья и Южного Предуралья, достаточно однотипны и не очень выразительны. Удила – двусоставные кольчатые, различающиеся между собой только по диаметру трензельных колец. Именно по этому признаку они и соответствуют типологии, разработанной в свое время Г.А. Федоровым-Давыдовым и частично дополненной В.А. Кригером и автором этих строк (Федоров-Давыдов, 1966, с. 93–95; Иванов, Кригер, 1988, с. 10). Наиболее часто в рассматриваемых погребениях встречаются удила типа ГII (по Г.А. Федорову-Давыдову), т. е. с трензельными кольцами диаметром не менее 5 см (рис. 10: 2, 3). Иногда на трензельные кольца нанизаны кольца меньшего диаметра для дополнительного скользящего повода, позволяющего удерживать голову лошади на определенном уровне (рис. 10: 1).

Стремена, по типологии Г.А. Федорова-Давыдова, представлены следующими типами: BI – арочной формы с длинным плоским выступом прямоугольной формы в верхней части дужки и широкой подножкой (рис. 10: 4, 5, 7, 8); ДIII – арочной формы с расплющенной и слегка приостренной дужкой и широкой плоской подножкой (рис.10: 6) и ДIV – с высокой дужкой треугольной формы и широкой плоской подножкой

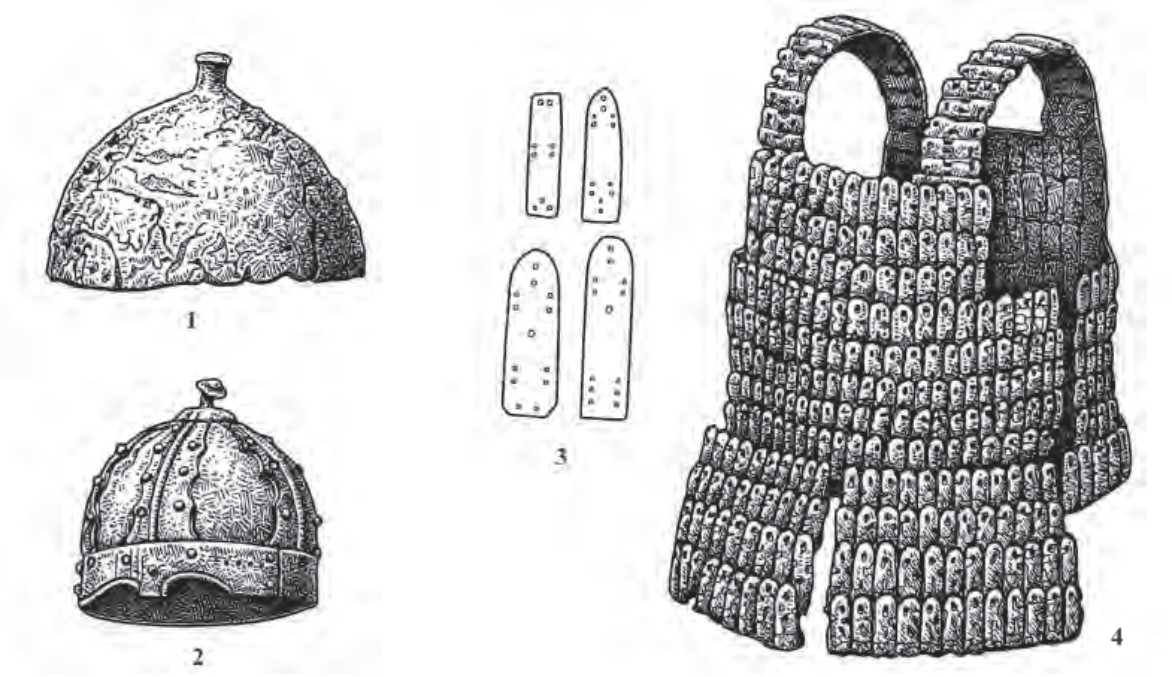


Рис. 9. Доспехи кочевников Золотой Орды: 1 – Лебедевка II, отдельный курган; 2–4 – Озерновский III, к.3 (реконструкция доспеха М.В. Горелика)

(рис. 10: 9, 10). То есть это стремена так называемых монгольских типов, предназначенные для упора ногой, обутой в сапог с толстой, но мягкой подошвой, типа монгольских войлочных сапог-гутулов.

Остатки седел в виде их деталей и украшений обнаружены в погребениях могильников Бахтияровка, Тлявгуловский, к. 1; Большевик II, к. 1; Лебедевка II; Лебедевка VIII, к. 6; Пчельник, к. 20; Новый Кумак, к. 11; Линевский одиночный, Каменно-Озерный; 2-я верста от Илецкой защиты; Башкир-Беркутово и др. Из материалов Ново-Кумакского и Башкир-Беркутовского могильников известно, что это были седла монгольского типа – с высокими деревянными луками и деревянными же полками, обтянутые кожей (рис. 10: 11).

Из других принадлежностей сбруи известны подпружные пряжки полуовальной формы (рис. 10: 12), медная ворворка для закрепления волосяного султана, прикрепленная к железной основе (у пос. Урал, к.9) (рис. 10: 13) и костяная петля для пут (у пос. Урал, к. 5) (рис. 10: 14).

Детальный и на данный момент исчерпывающий анализ *украшений и элементов костюмного убранства* кочевников Золотой Орды сделала Р.Р. Каримова. Используя методы статистического анализа, автор выделяет три категории украшений, характерных для женщин (перстни, браслеты, ожерелья, цилиндрические подвески, серьги в виде знака вопроса, зеркала, футляры, бусы), мужчин (детали поясных наборов, кожаные сумки, золотые кольцевидные серьги) и «надполовые» (пуговицы-бубенчики, кольцевидные серьги не из золота) (Каримова, 2013, с. 80). Из них наиболее часто встречаемыми в погребениях кочевников региона являются: бронзовая, серебряная, редко – золотая серьга в виде знака вопроса; бусы (правда, не в виде ожерелий, а в основном 1–5 бусин); бронзовое зеркало и деталь головного убора «бокка/боктаг» (табл. 1).

Исследователи кочевнических древностей Золотой Орды неоднократно обращались к типологии предметов украшения и костюмного декора кочевников Золотой Орды, особенно к типологии категорий вещей, перечисленных выше. Первая типология золотоордынских зеркал и подвесок была разработана Г.А. Федоровым-Давыдовым. Для интересующего нас периода им были выделены два типа серег: в виде несомкнутого кольца (тип I) и в виде «знака вопроса» с семью вариантами (тип VI) (Федоров-Давыдов, 1966, с. 39). В основу типологии зеркал исследователем были положены орнаментальные мотивы (отделы) и форма (диаметр, ручка) – типы (Федоров-Давыдов, 1966, с. 79). К XIII–XIV вв. Г.А. Федоров-Давыдов отнес зеркала отделов ЖI (с крестовидно-арочным орнаментом), ИI (с крестовидно-арочным орнаментом и полусферической выпуклостью в центре), КI (с изображением четырех животных, бегущих по кругу), НI (с изображением двух рыб), ОI (с изображением бегущих собак и зайцев и высокой закраиной), ПI (с изображением четырех оленей или козлов), РI (с куфической надписью по краю), СI (с арабской надписью почерком «насх» по краю), ТI (с крестообразным орнаментом и высоким краем), ФI (с орнаментом в виде много-

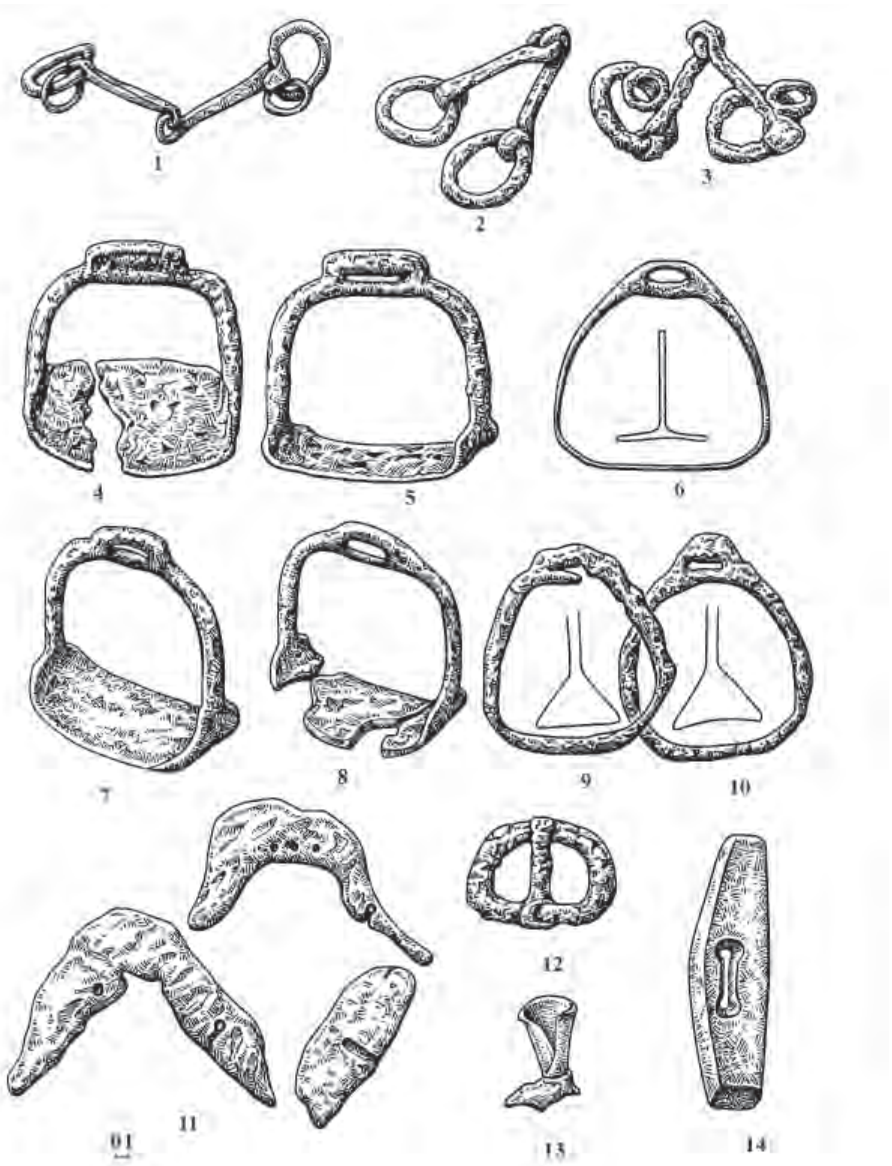


Рис. 10. Принадлежности конской сбруи кочевников Золотой Орды

лепестковой розетки) (Федоров-Давыдов, 1966, с. 116).

Эта типология зеркал, дополненная типами, обнаруженными после 1960-х годов, затем была использована В.А. Кригером и автором этих строк при типологии и хронологизации кочевнических памятников XIII–XIV вв., исследованных в Урало-Поволжье в 1970–1980-е гг. (Иванов, Кригер, 1988, с. 19).

Г.Ф. Полякова в основу разработанной ею типологии зеркал Волжской Болгарии положила форму бортика: I группа – с тонким валикообразным бортиком; II группа – с вертикальным бортиком; III группа – с бортиком в виде широкой каймы. К периоду Золотой Орды исследователь относит зеркала III группы, появившиеся, по ее мнению, на территории Волжской Болгарии после монгольского нашествия (Полякова, 1977, с. 78–82).

Комбинированную типологию зеркал с городища Увек и кочевнических погребений Нижнего Поволжья предлагают Л.Ф. Недашковский и А.И. Ракушин: отделы – по форме бортика, типы – по изображению. По приводимым авторами статистическим данным, в кочевнических погребениях преобладают зеркала отдела А (с узким высоким бортиком) и отдела Г (с низким валикообразным бортиком). Что касается типов, то их очень много, поскольку каждый тип фактически представлен 1–2 экз. Однако большинство типов отдела Г исследователи датируют XIII–XIV вв. (Недашковский, Ракушин, 1998; 1998а).

К типологии золотоордынских зеркал, разработанной Г.А. Федоровым-Давыдовым, возвращается К.А. Руденко. Поскольку исследователь оперирует в основном коллекцией Болгарского городища, нет ничего удивительного в том, что в ней высок удельный вес зеркал, орнаментированных

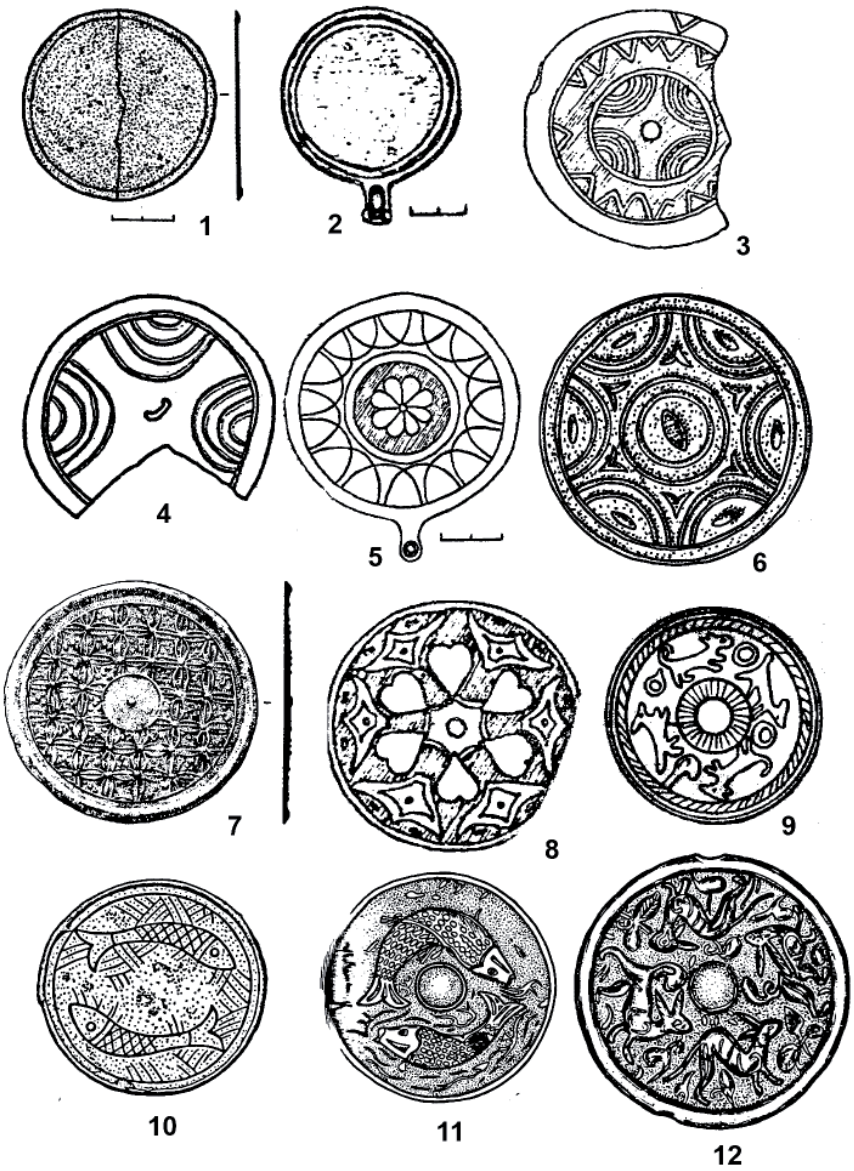


Рис. 11. Бронзовые зеркала из погребений кочевников Золотой Орды

сложными зооморфными и растительными композициями[1] (типы К-II, Н-I, Т-I, Ц-I, Ч-I, Ш-I, Я-I – в общей сложности более 25%) (Руденко, 2004).

По данным Р.Р. Каримовой, которая в своем исследовании также придерживалась типологии Г.А. Федорова-Давыдова, у кочевников Урало-Поволжья зеркала, украшенные сложной орнаментацией, также редки. Если что и обращает на себя внимание, это зеркала с изображением рыб (Новая Казанка, Пчельник, Аткарск и др.). В основном же преобладают зеркала с простой геометрической орнаментацией (Каримова, 2013, с. 167–169).

Аналогичная картина наблюдается и с типологией зеркал из курганов Волго-Донского междуречья, разработанной Е.П. Мыськовым. В основу своей типологии исследователь кладет наличие или отсутствие ручки (отделы) и оформление валика-бортика по краю (типы). Орнамент, как элемент второстепенный, является признаком для выделения подтипов (Мыськов, 2015, с. 84). В итоге картина получается та же, что и в памятниках Урало-Поволжья: сколько экземпляров зеркал – столько и подтипов. Хотя при самом беглом обзоре зеркала с геометрической орнаментацией заметно превалируют (Мыськов, 2015, с. 86–95).

Одним словом, все существующие типологии золотоордынских зеркал имеют формальный характер и в плане семантики или эволюции материальной культуры кочевников Золотой Орды пока ничего конструктивного не дают. Поэтому в дальнейшем есть смысл придерживаться их группировки по орнаментальным сюжетам, как это было сделано нами в свое время: *первая*, наиболее распространенная группа – зеркала в виде диска без

[1] Более сложными в изготовлении.

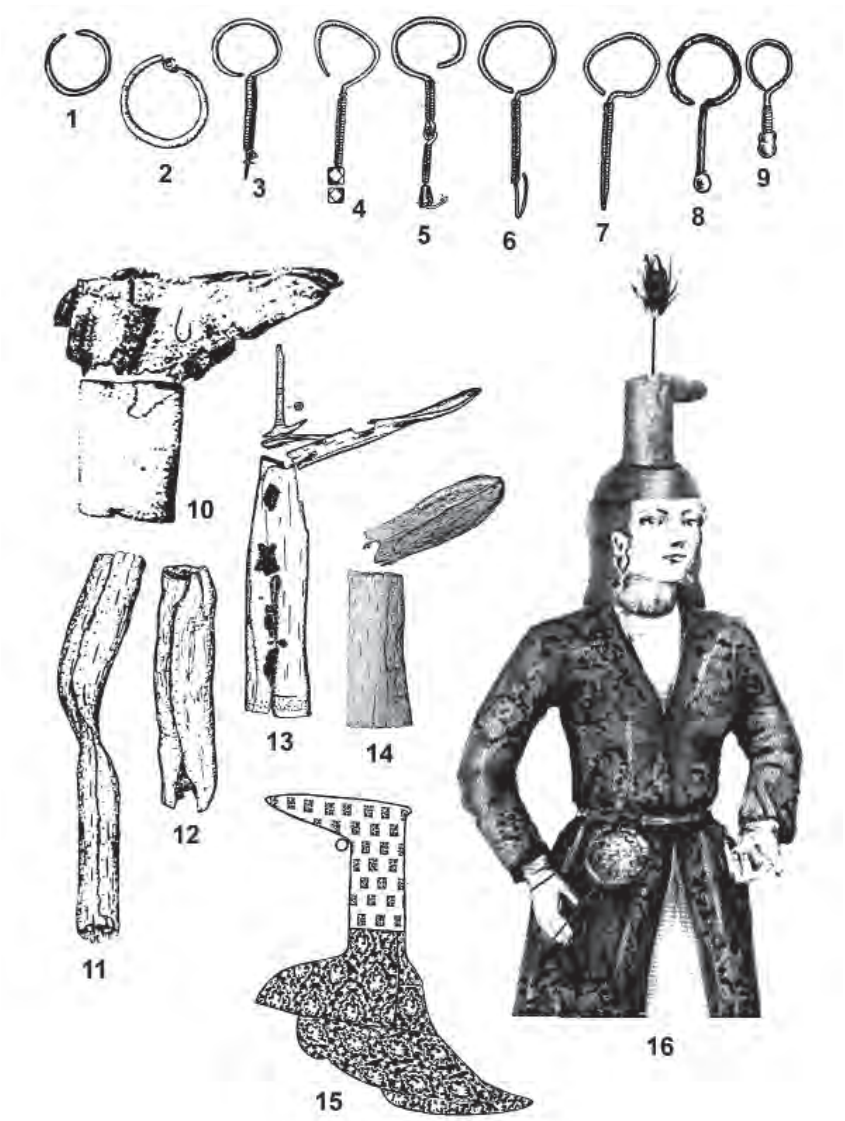


Рис. 12. Женские украшения из погребений кочевников Золотой Орды
1–9 – серьги (бронза, серебро, золото); 10 – Линевский одиночный; 11 – Хабарный, к. 7;
12 – Джангала (Кара-Оба), к.1; 13 – Солодовка, к. 8; 14, 16 – Солодовка II, к. 7 (реконструкция Р.Р. Каримовой);
15 – Царевский, к.61 (по Е.П. Мыськову).

орнамента, но с 1–2 полукруглыми валиками по краю (рис. 11: 1, 2); *вторая* – зеркала, украшенные разнообразным геометрическим орнаментом: чередование Т-образных значков и окружностей (рис. 11: 6; 16: 2), арочным из 2–3 линий, иногда перемежающимся с рельефными угольничками (рис. 11: 3, 4), арочным с многолепестковой розеткой в центре (рис. 11: 5), циркульным, сеткой-плетенкой (рис. 11: 7; 16: 1), семиконечной звездой с крестом в центре (рис. 11: 8); *третья* – зеркала с растительным орнаментом, представляющим собой сложное переплетение стеблей, листьев и бутонов, виньетка из усиков-завитушек и восьмилучевой звезды в центре, бутоны; *четвертая группа* – зеркала, украшенные зооморфными или комбинированными зооморфно-растительными изображениями, среди них наиболее распространены изображения двух рыб, плывущих друг за другом (рис. 11: 10, 11), редко встречаются изображения ал-Бораков (крылатых мифологических существ с головой человека и туловищем льва), собак, преследующих зайцев (т. н. «гон зверей») (рис. 11: 9, 12), птиц, сложного переплетения стеблей, среди которых просматриваются головы зайца, косули и драконы (Иванов, Крыласова, 2006, с. 32–33).

Другой массовой категорией золотоордынских украшений являются серьги-подвески. По типологии Г.А. Федорова-Давыдова среди них абсолютно преобладают серьги типа I (простое несомкнутое кольцо) и серьги типа VI (в виде «знака вопроса»). Последние, как указывалось выше, по оформлению стержня делятся на семь вариантов. Когда исследователь разрабатывал свою типологию золотоордынских серег, ему было известно 72 экз. серег типа VI (Федоров-Давыдов, 1966,

с. 39). И хотя сейчас их количество значительно увеличилось (только в комплексах Урало-Поволжья с тонкой проволокой и с бусиной на конце известно 80 экз. серег в виде «знака вопроса»), но в плане динамики типологической номенклатуры принципиально ничего не изменилось. Кроме, пожалуй, того, что, по данным Р.Р. Каримовой, по частоте встречаемости в вещевых комплексах кочевников Золотой Орды на первом месте стоят серьги типа VIб (односоставной стержень, перевитый тонкой проволокой и с бусиной на конце, на тонкой проволочной петле (у Г.А. Федорова-Давыдова количество серег этого типа не указано). 30% серег этого типа изготовлены из серебра, 22,6% – из золота, 20% – бронзовые (Каримова, 2013, с. 29–30). По мнению исследователя, золотые серьги типов I и VI являлись маркёрами социального статуса погребенного и его места в социальной иерархии (Каримова, 2013, с. 81) (рис. 12: 1–9).

Столь же распространенным предметом костюмного убранства кочевников Золотой Орды являются детали головного убора «бокка/бок-таг» (табл. 1). В своем археологическом выражении «бокка» – это фрагменты головных уборов в виде цилиндра, усеченного конуса или «сапожка», свернутые из нескольких слоев бересты и прошитые по краю. Отличаются в основном размерами. В некоторых погребениях на берестяной трубочке сохранились остатки покрывавшей её ткани и дополнительные нашивные украшения: металлические бляхи, бусы, раковины «каури», подвески различных форм (Тлявгуловский, Линевский, Ново-Кумакский, Колпакский, Хабарный-I, Уральский могильники) (рис. 12: 10–16; 15). По результатам статистико-комбинаторного анализа вещевых комплексов кочевников Золотой Орды «бокка» обнаруживает устойчивую взаимовстречаемость с серьгой в виде «знака вопроса», бронзовыми зеркалами и ожерельем из бус, составляя, таким образом, типичный комплекс женского костюма (Иванов, Крыласова, 2006, с. 20, рис. 2; Матюшко, 2015, рис. 4; Иванов, 2015, рис. 13).

Хронология вещевых комплексов кочевников Золотой Орды в Восточной Европе впервые была разработана Г.А. Федоровым-Давыдовым. Она была построена на результатах статистической корреляции вещей – удил, стремян, наконечников стрел, серёг, зеркал, костяных обкладок колчана, «бокка», обнаруживающих устойчивую взаимовстречаемость[2] в кочевнических погребениях. Датированные аналогии перечисленным вещам позволили исследователю отнести их к т. н. IV хронологическому периоду или ко второй половине XIII – XIV в. (Федоров-Давыдов, 1966, с. 116).

Позже, по мере накопления археологических данных В.А. Кригером и автором этих строк на материалах кочевнических памятников Урало-Поволжья была проведена такая же статистическая корреляция взаимовстречаемости типов вещей. В нее были уже включены и находки монет (против шести монетных находок XIII–XIV вв., которыми располагал Г.А. Федоров-Давыдов, к этому времени в регионе уже были известны 78 находок монет в кочевнических погребениях Урало-Поволжья). В итоге были выделены две хронологические группы погребений: второй половины XIII – первой половины XIV в. («*золотоордынский языческий период*»)[3] и середины XIV – начала XV в. («*золотоордынский мусульманский период*») (Кригер, 2012, с. 199, рис. 43; Иванов, Кригер, 1988, с. 27–40).

Данная периодизация не вызвала возражения у коллег, за исключением Е.П. Мыськова (Мыськов, 2015, с. 251–252), чью критику конструктивной принять нельзя (Иванов, 2015, с. 113–115).

Комплексы *золотоордынского языческого периода* выделяются по устойчивой встречаемости в погребениях арочных стремян типов ДI–ДIII (по номенклатуре Г.А. Федорова-Давыдова), двусоставных удил типа ГII, наконечников стрел типов BIX–BXIV, костяных орнаментированных накладок на колчан, серьги в виде «знака вопроса» с витым стержнем и бусиной (тип VI), зеркал, украшенных валиком по краю, валиком и ручкой-петлей сбоку, многолепестковой розеткой, арочным орнаментом (AI, BII, ДIII, ЖI), «бокка», кресала овальной формы с несомкнутыми концами (рис. 13).

По материалам кочевнических могильников Нижнего Поволжья Е.М. Пигарев показывает, что абсолютное большинство погребений с монетами содержат монеты 1300–1360-х гг. – Тохта, Узбек, Джанибек (74,4%) (Пигарев, 2000, с. 284). Именно с ними и коррелируются перечисленные выше типы вещей.

Комплексы ***золотоордынского мусульманского периода*** – устойчивая взаимовстречаемость серег типа VIб и типа VIд, металлический амулет-«коранница», монеты (рис. 13).

Эту хронологию И.В. Матюшко использует для датировки выделенных ею типологических групп кочевнических погребений Степного Приуралья. К золотоордынскому периоду, по номенклатуре исследователя, относятся погребения, содержащие череп и кости ног коня, лежащие на ступеньке слева от человека, и совершенные под камен-

[2] Данный факт свидетельствует об одновременности их бытования.

[3] Наиболее многочисленная группа.

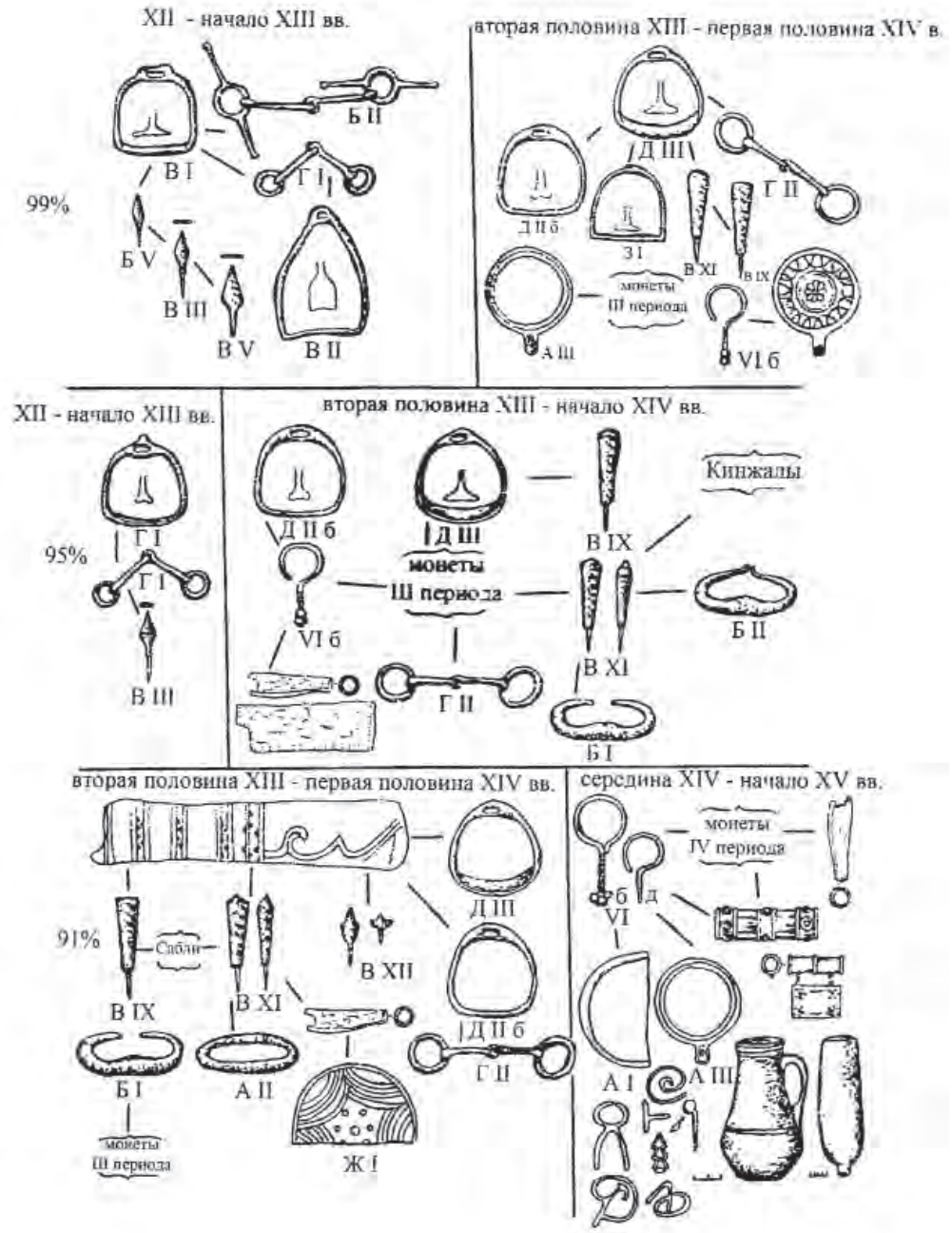


Рис. 13. Хронологические комплексы XIII–XIV вв. из погребений кочевников (по В.А. Кригеру).

ными выкладками (тип Б/III); погребения под земляными курганами в сопровождении целого остова коня, расположенного на ступеньке слева (тип Д/I); аналогичные погребения, но перекрытые каменной выкладкой (тип Д/2); погребения без костей коня, перекрытые каменно-земляными насыпями (тип Е/III); погребения под кирпичными выкладками и в мавзолеях (типы Е/V и Е/VI) (Матюшко, 2015, с. 34–55).

Картографирование хронологических групп кочевнических погребений Золотой Орды показывает, что какой-то смены географии их распространений не наблюдается. То есть со временем, в силу действия определенных социально-политических факторов, происходила постепенная смена языческой погребальной обрядности мусульманской. И в частности, амулеты-коранницы были «первой ласточкой» грядущих изменений.

Историко-археологическая интерпретация (социальное устройство, исторические судьбы). Приведенные данные вполне очевидно свидетельствуют о том, что курганы Среднего и Нижнего Поволжья и земляные курганы Южного Приуралья представляют собой единый этнокультурный массив, оставленный близкородственными кочевниками в XIII–XIV вв., составлявшими улус хана Бату. К востоку от них начиналась территория улуса Шибана, маркированная «каменными кур-

ганами», этническая пестрота которого и восточные – азиатско-сибирские – корни составлявшего его населения убедительно показаны В.П. Костюковым (Костюков, 2010, с. 133).

Что же касается этнического состава кочевников Улуса Джучи (Золотой Орды) в его восточноевропейской части, то, с одной стороны, этот вопрос настолько традиционен в историографии, что в принципе как бы подразумевает свою решенность. И действительно, если мы обратимся к выводам исследователей, в разное время обращавшихся к вопросу о том, кто населял степи Улуса Джучи в XIII–XIV вв., то увидим, что их точки зрения существуют как бы в параллельном пространстве, не противореча и, главное – не исключая друг друга.

Историки конца XIX – начала XX в. в своих трактовках этнической истории средневековых кочевников Восточной Европы опирались исключительно на сведения средневековых нарративов. Соответственно, и этническую принадлежность кочевников южнорусских степей XI–XIII вв. они видели глазами их авторов. Так, П.В. Голубовский в своей книге «Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История Южнорусских степей IX–XIII вв.» (вышла в 1884 г.) совершенно определенно называл половцев безраздельными хозяевами южнорусских степей в домонгольское время (Голубовский, 2011, с. 65).

Аналогично академик М.К. Любавский в учебнике «Историческая география России в связи с колонизацией», вышедшем в 1909 г., описывая историческую географию Восточной Европы XI–XIV вв., однозначно указывал на то, что, начиная с 80-х гг. XI в. и до конца 30-х гг. XIII в., в степях между нижним Днепром, Карпатами и Дунаем кочевали половцы. И хотя с монгольским нашествием этнический состав кочевников усложнился, но занявшая половецкие или кыпчакские степи монгольская орда «стала называться Кыпчакской Ордой» (Любавский, 2000, с. 41, 110, 113).

Как бы в дополнение М.К. Любавскому, В.В. Бартольд, также опираясь на сведения средневековых (персидских) авторов, указывал, что уже в начале 30-х гг. XI в. степи по Сырдарье и к северу от Аральского и Каспийского морей, покинутые огузами, были заняты кыпчаками. Затем кыпчаки продвинулись в южнорусские степи (вследствие чего те тоже стали называться Дешт-и-Кыпчак), а после завоевания их монголами передали это название и монгольскому государству в Восточной Европе (Бартольд, 1968, с. 525, 550–551).

Огромные пространства так называемых «южнорусских степей» от Днепра и далеко за Волгу на Восток, начиная с XI в. и вплоть до XV в., опять-таки со ссылкой на арабские и персидские источники, «заселяли» кыпчаками-половцами Б.Д. Греков и А.Ю. Якубовский (Греков, Якубовский, 1950, с. 18).

В середине XX в. ареал расселения кыпчаков/половцев в степях Евразии начинает наполняться археологическим содержанием (Маргулан, 1951, с. 34; Плетнева, 1958, с. 179; 1974, с. 23; Федоров-Давыдов, 1966, с. 150). Опираясь на данные средневековых нарративов и исторической этнографии, в конце 1970-х гг. о расселении кыпчаков/половцев в степях Заволжья и Южного Предуралья вполне определенно пишут и историки (Кузеев, 1974, с. 171, 172, 184; Ахинжанов, 1980, с. 51).

В результате целенаправленных археологических изысканий 1980-х гг. археологическая культура кыпчаков/половцев Заволжья и Предуралья XIII–XIV вв. приобретает вполне конкретный облик: очерчена территория их обитания в регионе (ареал земляных курганов – рис. 2), выявлен комплекс морфологических признаков погребального обряда (табл. 1). С их помощью установлена генетическая связь оставившего их населения с кыпчаками/половцами южнорусских степей домонгольского периода (Иванов, 2013, с. 93).

На востоке, в степях Южного Предуралья и Зауралья, с ними соседствовали кочевники, оставившие захоронения под «каменными курганами», пришедшие сюда в составе монголо-татарского нашествия и, следовательно, не входившие в кыпчакско-половецкие орды Восточной Европы. Это подтверждается и данными антропологии: как было установлено Р.М. Юсуповым, погребенные под «каменными курганами» Южного Приуралья относятся к южносибирской расе с преобладанием монголоидных признаков. В свою очередь, южносибирская раса является одной из «молодых» на Южном Урале (Юсупов, 2002, с. 44). Их этническая принадлежность – тема специального исследования. Не исключено, что создатели «каменных курганов» могут быть и монголами. Следовательно, при определении этнического состава кочевников Золотой Орды Заволжья и Предуралья необходимо присоединиться к точке зрения В.П. Костюкова и в дальнейшем исключить курганы, сооруженные с применением камня, из круга кыпчакско-половецких памятников. Этнокультурные корни кочевников, оставивших эти курганы, следует искать на востоке евразийских степей. В определенной степени данное предположение подтверждается совпадением ареалов распространения «каменных курганов» и ЖПК. Тогда как ареал большинства известных в Заволжье каменных изваяний, традиционных для кыпчакско-половецкой поминальной обрядности, совпадает с ареалом земляных курганов (рис. 2, 6). Среди «каменных курганов» встречаются и такие,

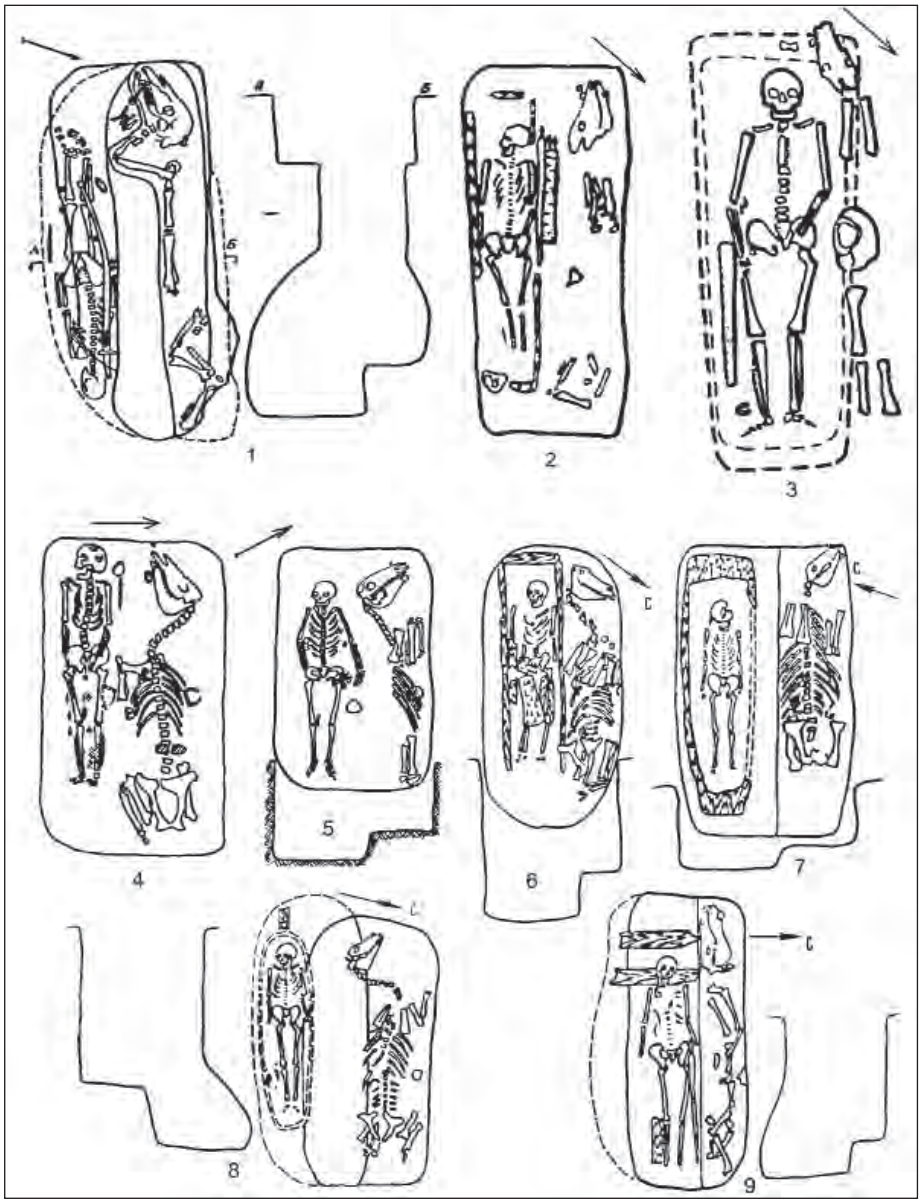


Рис. 14. Всаднические погребения кочевников Золотой Орды
1 – Лебедевка VIII, к. 6; 2 – Ивановка IV, к.1; 3 – Аткарск, к.21; 4 – Тлявгуловский, к.1; 5 – у пос. Урал, к.5; 6 – Новый Кумак, к.8; 7 – Новый Кумак, к.14; 8 – Новый Кумак, к.28; 9 – Новый Кумак, к. 2

которые по своим морфологическим признакам – куча камней – ассоциируются и с монгольскими поминальными сооружениями «обо» (по данным Г.Н. Гарустовича: Чийли, кург. 1; Таш-Уба; Мамбетовские 5 и 6; Каменный Амбар – 5 и др.).

Социальную организацию кочевников Заволжья и Южного Предуралья XIII–XIV вв. бессмысленно рассматривать вне контекста социальной истории Золотой Орды (Улуса Джучи). Опираясь на схему, разработанную Г.А. Федоровым-Давыдовым, Д.М. Исхаковым и И.Л. Измайловым, автор этих строк в свое время попытался структурировать в социальном плане имеющийся археологический материал, взяв за основу типологию погребений, содержащих конские захоронения или конскую сбрую («всаднические погребения»). Были выделены три типа «всаднических погребений»: с целой тушей взнузданного и оседланного коня (целый остов в могиле), с конской шкурой (череп и кости ног) или только с набором конской сбруи (Иванов, 2009) (рис. 14). Естественно, что в первую очередь типы конских захоронений отражают этнический состав кочевников Золотой Орды: захоронения конской шкуры (череп и кости ног) – кипчакско-половецкая традиция – характерны для погребений под земляными курганами, захоронения целой туши коня – традиция, привнесенная из Центральной Азии – для погребений под «каменными курганами» (табл. 1). Однако и в первой, и во второй группе погребений среди «всаднических» захоронений преобладают захоронения без коня, но с конской сбруей. Из них

Рис. 15. Деталь головного убора «бокка». Береста. Мог. Хабарный I. Южное Предуралье

Рис. 16. Бронзовые зеркала. Мог. Тлявгуловский и у пос. Урал. Южное Предуралье

полный комплект сбруи (условно) – стремена и удила – встречается довольно редко – Пчельник, к. 21; Андреевский, к. 1; Жаксы-Каргала, к. 4; Новочеркасский VII, к. 1; Джангала (Новая Казанка), к. 3; 2-я верста от Илецкой защиты, к. 21; Абганерово II, к. 10; Бережновский, к. 40; Заяры, к. 1; Курнаевка, к. 1; Новоникольское II, к. 7; Харьковка I, к. 9 и 13, и др. В основном же это либо только удила, либо стремена (одно стремя). То есть с достаточной долей вероятности можно предполагать, что семьи, хоронившие своих сородичей с чучелом или тушей коня, были богаче тех, кто могли себе позволить положить с покойным только уздечку и седло[4]. В чем заключается сакральный символизм этих предметов и есть ли он вообще – на имеющемся археологическом материале и данных эпоса понять невозможно. С.П. Нестеров, например, считает, что «конская сбруя, положенная в могилу, не была «аналогична конскому захоронению», а предназначалась коню, умерщвленному у могилы в день похорон или поминок или даже умершему раньше и т. д.» (Нестеров, 1990, с. 63).

Вместе с тем установлено и на примере археологических культур более ранних эпох доказано, что критерием для определения социального статуса погребенного является количество труда, затраченное на совершение погребальной обрядности. Материальным выражением этого труда являются «…затраты живого труда, вложенные при совершении обряда, в том числе в погребальное сооружение, и, с другой стороны – **овеществленный труд, вложенный в различные предметы, сопровождающие индивида (одежда, украшения, оружие, сосуды и др.)** (*выделено мной – В.И.*), а также связанный с материальным выражением некоторых обрядовых идей, например, жертвоприношение животных, людей и т. д.» (Генинг и др., 1990, с. 191).

То есть мы видим и уверенно считаем, что набор вещей, сопровождающих индивида в «потусторонний мир», является одним из наиболее выразительных критериев его принадлежности к той или иной ступени в социальной иерархии. В принципе подобный подход (при всей его условности) нельзя не признать логичным хотя бы потому, что на всем протяжении человеческой истории именно внешние аксессуары обозначали и обозначают социальный статус своего владельца: так было в древности – роскошные одежды, драгоценное оружие и украшения. Если к проблеме аутентичности погребального инвентаря и социального статуса его владельца подходить с позиций обыденного сознания, то инвентарь должен удовлетворять двум основным требованиям: его должно быть много или он должен быть высокого качества, как

[4] Причем самое простое, поскольку детали седел в погребениях встречаются очень редко.

в плане материала, так и в плане технологии изготовления. Следовательно, применительно к погребальным памятникам Золотой Орды, сложная социальная структура которой хорошо известна и не вызывает сомнений, мы в праве ожидать выявления группы погребений, содержащих или многочисленный, или очень качественный инвентарь, или и то и другое вместе. Обратимся к археологическому материалу.

Описательная статистика распространения различных категорий вещей в погребениях кочевников Золотой Орды Заволжья и Южного Предуралья приведена в табл. 1. Здесь сразу следует отметить, что по набору вещей мужские погребения вполне однородны и выделение среди них каких-то социальных маркеров не представляется возможным. В этом плане более перспективными представляются женские захоронения XIII–XIV вв., в которых встречаются золотые серьги, перстни, браслеты, цилиндрические подвески-амулеты, одежда из дорогих тканей и детали головного убора «бокка – боктаг». По мнению исследователей, эти категории украшений, возможно, содержат информацию о социальном и имущественном положении индивидов в кочевом золотоордынском обществе (Каримова, 2013, с. 81).

То есть на имеющемся археологическом материале мы можем определенно говорить об имущественном расслоении кочевого общества Золотой Орды, но выделять какие-то социальные страты, безусловно, в Орде существовавшие, на археологическом материале мы если и можем, то только условно.

В письменных источниках фактически не отражено участие и роль обитателей золотоордынской степи ***в социально-политической истории*** этого государства. И это вполне объяснимо: средневековые нарративисты – в большинстве своем чиновники различного ранга – все свое внимание уделяли основным «vip-персонам» политической истории Золотой Орды, а многочисленная, но «безликая» масса кочевников, чьими саблями и стрелами эта история творилась, их не интересовала.

Если исходить из известных нарративов, то вплоть до переворота Бердибека, в 1357 г. вырезавшего всех потомков хана Бату, степные нойоны мало вникали в перипетии высокой политики золотоордынских ханов. К этому времени аристократическая верхушка государства уже расслоилась на знать городскую, проводившую политику исламизации и покровительства торговле городов, и знать степную, продолжавшую чтить билики Великой Ясы и жить по ним (Федоров-Давыдов, 1973, с. 103–104). Поэтому династийные распри между джучидами – батуидами воспринимались ими как дела семейные, в которые степняки предпочитали не соваться. Бердибек сломал ситуацию – он вырезал представителей «золотого рода» чингизидов, т. е. совершил святотатство. С этого момента Золотая Орда погружается в «Великую замятню», в конце концов приведшую ее к гибели.

Рис. 17. Медный кувшин, украшенный арабской вязью. Мог. Комсомольский VI. Южное Предуралье

В борьбу за сарайский трон активно включаются шейбаниды – правители самого пестрого в этническом отношении и самого традиционалистского в конфессиональном отношении (т. е. языческого) улуса. Для кочевников Улуса Шибана – язычников-тенгрианцев – убить сарайского мусульманина следовало уже хотя бы за то, что он резал барана не по билику Великой Ясы.

С этого времени (1361 г.) до 1377 г. начинается «игра в ханы» (Почекаев, 2012, с. 140) на сарайском престоле, среди участников которой выделяются как самозванцы (Ордумелик, Кильдибек, Бюлек, Хаджи-Черкес), так и общепризнанные Шейбаниды (Тимур-Ходжа, Мюрид, Азиз-шейх, Ильбек, Каганбек, Арабшах) (Почекаев, 2012, с. 151, 158, 162; Сорогин, эл. ресурс). В контексте нашей темы последнее означает (с наибольшей долей вероятности), что ханы-шейбаниды приходили в Улус Бату со «своими войсками», состоявшими из кочевников – найманов, карлуков, кушчи, буйрак (по В.П. Костюкову) – хотя и тюркоязычных, но этнически кыпчакам-половцам восточноевропейских степей не тождественных. А главное – с явным преобладанием языческой ментальности. Для них золотоордынский город являл собой ис-

Рис. 18. Костяные обкладки колчана. Мог. Тамар-Уткуль. Южное Предуралье

точник всяческого зла, ибо, во-первых, по Великой Ясе «запрещено под страхом смерти провозглашать кого-либо императором, если он не был предварительно избран князьями, ханами, вельможами и другими монгольскими знатными людьми на общем совете». Во-вторых (и это главное), любое забвение Ясы влечет за собой упадок Великого Государства, оставленного Великим Чингисханом своим потомкам: «Если вельможи, богатыри и военачальники, находящиеся на службе у детей Ханов, которые наследуют мне, не будут крепко соблюдать Ясу, то дело государства испытает потрясение и прервется. Опять будут охотно искать Чингисхана и не найдут» (Чингисиана, 2009, с. 475, 479).

Поэтому и утверждение в правом (западном) крыле Золотой Орды беклярибека Мамая с его игрушечными «ханами» – Абдуллахом и Мухаммедом (Кучкин, 2010) – по-видимому, не произвело ожидаемого впечатления ни на эмиров правого и уж тем более левого крыла. Первые почему-то (?) не успели собраться в назначенное время для похода на Русь в 1380 г. Поэтому Мамаю, узнавшему о подходе русских буквально за несколько дней до сражения, пришлось спешным порядком собирать наемников – дружины армянских и северокавказских князей, генуэзцев и прочих степных авантюристов. Однако в отличие от собственных войск, которые – странное дело – так и не успели к битве, «наспех собранные наемники представляли собой многочисленную, но совершенно неорганизованную массу людей, которых бекляри-бек так и не успел превратить в полноценную армию» (Почекаев, 2012, с. 170–171).

Эмиры левого крыла в это же самое время получили себе нового сильного сюзерена – Урус-хана, которого современные исследователи воспринимают едва ли ни как русского по матери (Мухаметов, 2000, с. 260; Злыгостев, 2012, с. 42). То есть в 1380 г. Золотая Орда уже не представляла собой политически монолитного государства и ею правили сразу два правителя – Мамай к западу от Волги, Урус-хан – к востоку. Будучи выходцем то ли из Белой, то ли из Синей Орды (в любом случае – из «Орды Заяицкой»), Урус-хан мог опираться только на кочевую знать и нукеров Восточного Дешт-и-Кыпчака. А это были язычники-тенгрианцы, равно индифферентные и к исламу, и к городской культуре. Тем более что с территорией «Заяицкой Орды» были связаны только города Сыгнак и Сауран в низовьях Сырдарьи, которые до монгольского завоевания принадлежали кыпчакам-язычникам (Бартольд, 1968, с. 252), они быстро сумели оправиться после монгольского погрома, но в конце XIII – XIV вв. оставались едва ли не единственными островками городской жизни в кочевой степи «Восточного Дашта». Поэтому говорить о каком-то духовном и культурном влиянии золотоордынского города на ментальность кочевников «Заяицкой Орды» просто не приходится, она оставалась «антигородской» и «антимусульманской». Едва ли способствовала укреплению авторитета и соответственно власти Урус-хана в глазах степных эмиров и нойонов расправа, которую он учинил над огланом Туйходжой (Тукатимуридом) за отказ того идти походом на Сарай. С точки зрения Уруса, такой демарш вполне мог рассматриваться как отказ признать власть ново-

го хана, с точки зрения эмиров Кок-Орды (Синей Орды), это могло быть обусловлено отсутствием веской мотивации для их участия в «семейных разборках» джучидских династов (Варваровский, 2008, с. 119–120; Злыгостев, 2012, с. 44). Как бы то ни было, очевидно одно – сепаратизм улусбегов Улуса Джучи набирал силу. «Уставшие от многолетнего хаоса беки и народ» (Трепавлов, 2010, с. 62) вначале поддержали Тохтамыша («Нового Чингисхана») в его идеалистически авантюрной попытке возродить единовластие и порядок в Улусе Джучи (Миргалеев, 2003; Злыгостев, 2012; Почекаев, 2012, с. 189–211). Однако и в этом случае они не выступали единым фронтом. Наглядное тому подтверждение – история борьбы Едигея/Идику, еще одного выходца из Синей Орды, с Токтамышем.

Утверждение Токтамыша на джучидском троне и его государственная деятельность явились, по мнению исследователей, «ренессансом» ордынского великодержавия (Миргалеев, 2009, с. 706–712; Злыгостев, 2012, с. 175–184). Действительно, если следовать историческим дискурсам о жизни и деятельности Токтамыша, созданным современными исследователями, то в его время «ремесленное производство и внутренняя торговля, благодаря возобновлению правопорядка в стране, получили возможность восстановиться… во время правления Токтамыша экономика (в т. ч. торговля золотоордынских городов переживает подъем» (Миргалеев, 2009, с. 707). «Токтамышем были предприняты попытки по возрождению былого имперского блеска городов Нижнего Поволжья, выражавшегося не только в виде возвращения им статуса крупнейших ремесленных и торговых центров – он хотел вновь сделать главные золотоордынские города центрами духовности, культуры и просвещения, коими они являлись тридцать лет назад» (Злыгостев, 2012, с. 182).

Очевидно, в городах так оно и было, и городская знать не только поддерживала Токтамыша, но и оказала решающее влияние на формирование его внутренней и внешней политики (Измайлов, 2009а). Прямых свидетельств описанных явлений мы не имеем, поэтому дискурсный подход к их освещению может быть принят. Но когда мы обращаемся к нарративам, то получаем не меньше свидетельств того, что степная знать к токтамышевскому «ренессансу» оставалась если не враждебной, то индифферентной. Как относились кочевые эмиры к походам Токтамыша на Москву, Кавказ и в Мавераннахр (1382, 1386–1387 гг.) и участвовали ли они в них со своими войсками, мы точно не знаем. Наверное, участвовали, поскольку потенциальная добыча – мотив серьезный. Но как только ситуация изменилась и войска Тимура

Рис. 19. Кожаная сумка. Мог. Покровский IV. Южное Предуралье

вторглись в Дешт-и-Кыпчак (1391 г.), среди степных эмиров обнаружились не только откровенные «коллаборационисты» типа Едигея/Идику и его приспешников, но и «пятая колонна», объективно способствовавшая поражению Токтамыша. Это и огланы, и эмиры Бекбулат, Коджа-медин, Бекиш, Турдучак-берди, Давуд – ближайшее окружение Тохтамыша («головни мои были слуги»), тайно сотрудничавшие с Тимуром, а затем и открыто предавшие своего хана (Миргалеев, 2007, с. 35; Злыгостев, 2012, с. 447–448). В сражении на Кондурче – это знаменосец хана, подкупленный Тимуром и своими действиями (уронил ханское знамя) усиливший панику в ордынском войске. В битве на Тереке (1395 г.) это эмир Актау, перед сражением затеявший кровную месть с другим эмиром и в итоге со всеми своими нукерами покинувший войско Токтамыша. Его примеру последовали еще несколько эмиров (Миргалеев, 2003, с. 62–63; 2007, с. 64; Злыгостев, 2012, с. 333–334).

Городская цивилизация Золотой Орды закончилась погромом значительной части золотоордынских городов на Северном Кавказе и Нижнем Поволжье, учиненным Тимуром в 1395–1396 гг., которые утратили свое экономическое и политическое влияние. Поэтому последующие метания Токтамыша по степи в поисках верных эмиров и сбора нового войска для войны с все новыми противниками были обречены на провал. Социально-политическая опора Токтамыша в лице городской знати фактически была разгромлена, а эмирам и нойонам Кок-Орды и Мангытского юрта психологически ближе и понятнее был Идегей (Едигей/Идику). Итогом почти десятилетней (1398–1405 гг.) гражданской войны в Улусе Джучи явился окончательный распад Золотой Орды. И вот здесь как раз образование на развалинах Золотой Орды Большой Орды (Тахт эли), «отцом-основателем» которой фактически стал Идегей, являет-

ся весьма красноречивым историческим фактом, опираясь на который можно резюмировать все сказанное выше: «В правом крыле государства (Золотой Орды – *В.И.*) в XIV в. существовала развитая городская цивилизация, действовали оживленные межрегиональные связи, функционировали мощные очаги старой оседлой культуры (Волжская Болгария, Крым, Молдавия). Поэтому там происходило постепенное отмирание патриархальных племенных норм жизни. Явно наблюдалась этническая консолидация, формирование золотоордынской татарской народности. Однако сначала эпидемия чумы в середине столетия, а затем **войны и миграции кочевников с востока** (выделено мной – *В.И.*) прервали этот процесс. Эти пришлые носители архаичных социальных и культурных норм, ордынцы левого крыла, свято соблюдали племенной строй в своей среде, и социальные порядки в степях к востоку от Яика были гораздо более консервативными» (Трепавлов, 2010а, с. 20). В этнополитическом контексте победа исконного, времен Чингисхана, жизненного уклада и мировоззрения обусловила формирование Большой (Ногайской) Орды (Тахт эли) как типично кочевнического государства.

Таблица 1. Представительные признаки погребального обряда кочевников Золотой Орды в Урало-Поволжье (в %%)

№	Содержание признака	Локально-типологическая группа	
		Земляные курганы	«Каменные курганы»
	I. Надмогильные сооружения		
1	Земляная насыпь	100	20,9
2	Каменная насыпь над могилой	-	6,6
3	Земля вперемешку с камнем	-	14,3
4	Каменная выкладка над могилой	-	57,1
5	Каменное кольцо вокруг могилы	-	10,5
6	Каменный «панцирь»	-	13,3
7	Каменная прямоугольная оградка вокруг могилы	-	3,8
8	Оградка из сырцового кирпича	2,9	-
9	Кирпичное сооружение-«мазар»	1,5	-
10	Могильник бескурганный	4,8	-
11	Конструкция не установлена	4,0	-
12	Кострище в насыпи кургана	4,2	-
13	Отдельные угольки в насыпи	3,8	-
14	Кости животных в насыпи	14,7	9,3
15	Керамика в насыпи кургана	3,0	-
16	Деревянная конструкция в насыпи	2,1	-
17	Ровик у основания насыпи	8,9	-
	II. Планиграфия кургана		
18	Одно погребение	89,2	95,0
19	Два и более погребений	10,8	5,0
20	Погребение впускное	7,6	-
	III. Конструкция могильной ямы		
21	Могила простая	69	90,9
22	Стенки сужаются ко дну	1,7	-
23	Ступенька слева	7,9	6,6
24	Ступенька справа	1,9	-
25	Ступеньки вдоль длинных стенок	10,0	-
26	Ступеньки вдоль всех стенок	0,77	-
27	Подбой без уступа у входа	3,8	-
28	Подбой с уступом у входа	5,0	3,8
29	Перекрытие на засыпи могилы	20,3	18,0
30	Перекрытие на ступеньках	7,1	-
31	Перекрытие на одной ступеньке	4,0	-
32	Перекрыт подбой	3,3	-
33	Кирпичный склеп или заклад	2,9	-
34	Конструкция могилы не установлена	7,7	4,7
	IV. Тип конского захоронения		
35	Конская шкура слева от человека	6,5	-
36	Конская шкура справа от человека	1,1	-

37	Конская шкура над человеком (в засыпи или на перекрытии)	3,4	-
38	Остов коня слева от человека на ступеньке	2,4	5,7
39	Остов коня в отдельной яме	1,9	-
40	Сбруя без коня	21,2	14,3
V. Ориентировка погребенного и детали ритуала			
41	Ориентировка запад	55,0	26,6
42	восток	6,0	-
43	север	5,6	11,4
44	юг	4,0	4,7
45	юго-запад	13,0	10,4
46	юго-восток	0,90	-
47	северо-запад	6,5	8,5
48	северо-восток	9,0	14,3
49	Не определена	-	38,0
50	Следы гроба/колоды	40,4	14,3
51	Деревянная рама	1,7	-
52	Остатки органической подстилки	10,4	3,8
53	Кости овцы в могиле	12,9	8,5
54	Кости КРС	0,96	-
55	Кости лошади	1,9	-
56	Кости животного не определены	3,5	5,7
57	Керамика в могиле	2,3	-
VI. Состав погребального инвентаря			
58	Удила	20,0	18,0
59	Стремена	27,0	19,0
60	Накладки луки седла	1,3	-
61	Железные наконечники стрел	24,3	26,6
62	Костяные наконечники стрел	1,1	4,7
63	Костяные обкладки лука	1,1	-
64	Берестяной колчан	17,6	19,2
65	Костяные накладки на колчан	5,2	-
66	Сабля	2,7	-
67	Копье/пика	1,1	-
68	Доспех (шлем, кольчуга, пластины)	1,1	-
69	Поясной набор целиком	0,96	-
70	Пряжка поясная	11,6	11,4
71	Накладки поясные	2,9	-
72	Серьга-кольцо	8,7	-
73	Серьга в виде ?	13,0	11,4
74	Подвеска-бубенчик (пуговица)	3,5	-
75	Бусы		11,4
76	Перстень		-
77	Браслет		-
78	Головной убор «бокка»		7,6
79	Бронзовое зеркало		16,2
80	Амулет-коранница		-
81	Нож		40,0
82	Ножницы	18,0	8,5
83	Пряслице	2,3	-
83	Гребень	4,2	4,7
84	Кресало и кремень	21,0	16,2
85	Шило	3,3	-
86	Кожаная сумка-«калта»	6,2	-
87	Медный сосуд	8,3	5,7
88	Монеты	15,3	-
90	Без вещей	7,9	13,3
Всего погребений:		496	105

ПАМЯТНИКИ КОЧЕВНИКОВ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

На территории Нижнего Поволжья во второй половине XIII–XIV в. большую часть населения составляли кочевники, которые постоянно перемещались по степям с огромными табунами своего скота. По данным средневековых авторов, перекочевки всех, даже самых небольших групп степняков, осуществлялись по строго регламентированным маршрутам и, как правило, по меридиональным направлениям: с февраля до июля – с юга на север, а с августа до января – с севера на юг (Путешествия…, 1957, с. 91). В составе стад преобладал мелкий рогатый скот, много было быков, верблюдов и лошадей. Особая роль всегда отводилась лошади, она являлась основным транспортным средством и была единственным домашним животным, способным самостоятельно добывать себе корм из-под снега.

Хозяйство кочевников было натуральным, почти все необходимое они производили сами, пользуясь нехитрым набором инструментов, только отдельные товары приобретались на городских рынках (стеклянные бусы, бронзовые зеркала). Занятия мужчин и женщин были четко разграничены. Женщины управляли повозками, изготовляли нитки из сухожилий, шили одежду, кожаную обувь, бытовые вещи из бересты и готовили пищу. Мужчины делали луки и стрелы, стремена, седла, уздечки, строили юрты и повозки, обрабатывали шкуры, приготовляли кумыс. По свидетельствам современников, все монгольские девушки одевались как мужчины, носили штаны и отлично стреляли из лука (Путешествия…, 1957, с. 37, 100–101).

Большая часть кочевого населения Золотой Орды придерживалась языческих воззрений и сохраняла самобытные формы религиозных верований, которые обычно называют шаманством или шаманизмом. Основу шаманских представлений о мире составляет вера в существование множества добрых и злых духов, а также вера в то, что особые люди, шаманы, обладают сверхъестественной способностью вступать с этими духами в прямое общение. Духи могли иметь облик людей или животных, их надо было постоянно одаривать, добрых – для того чтобы попросить о чем-то, а злых – для того чтобы не рассердить. В среде золотоордынских кочевников мусульманство не получило широкого распространения, активная исламизация кочевого населения Нижнего Поволжья происходила в XV–XVI вв., то есть после окончательного распада Золотой Орды.

Поскольку средневековые кочевники вели подвижный образ жизни, они не оставили после себя никаких бытовых памятников вроде поселений или стоянок, поэтому археологическое изучение их истории и культуры основывается главным образом на материалах погребальных комплексов. К настоящему времени на территории Нижнего Поволжья исследовано более 70 средневековых могильников, в которых раскопано 920 кочевнических захоронений второй половины XIII–XIV в. (рис. 1). Большой вклад в их изучение внесли саратовские, ленинградские и волгоградские археологи Н.К. Арзютов, П.С. Рыков, И.В. Синицын, В.П. Шилов, В.И. Мамонтов, Е.П. Мыськов, А.С. Скрипкин, И.П. Лисицын, В.А. Кригер и другие.

В научной литературе существуют довольно противоречивые мнения о семантике погребального обряда и сути мифологических представлений, связанных с загробной жизнью. По данным этнографии, для большинства первобытных обществ характерны представления о переходном характере похоронного ритуала. Совершавшие погребальный обряд больше заботились о том, чтобы умерший не вернулся и был обеспечен всем необходимым на пути в загробный мир, чем о его посмертной жизни там. По традиционным представлениям некоторых кочевых и полукочевых народов, после смерти человек становится духом и жить он будет на месте погребения, поэтому и само это место должно быть красивое и вид с него должен открываться тоже красивый, иначе умерший может обидеться.

В кочевнических могильниках Нижнего Поволжья наибольшее распространение получили надмогильные сооружения в виде земляных курганов диаметром 10–15 м с одиночным погребением под центральной частью насыпи. Большинство золотоордынских курганов расположено на надпойменных террасах больших и малых рек или на берегах крупных степных озер-лиманов. Здесь встречаются и небольшие группы из 3–7 насыпей, и достаточно крупные компактные могильники из 25–30 курганов. Обширные кладбища, иногда насчитывающие более сотни погребальных сооружений, возникали на окраинах золотоордынских городов. Следует отметить, что на пригородных могильниках преобладают погребения городских жителей – мусульман, а доля кочевнических курганов не превышает 15%.

Кроме земляных курганов на территории Нижнего Поволжья известны и другие типы надмо-

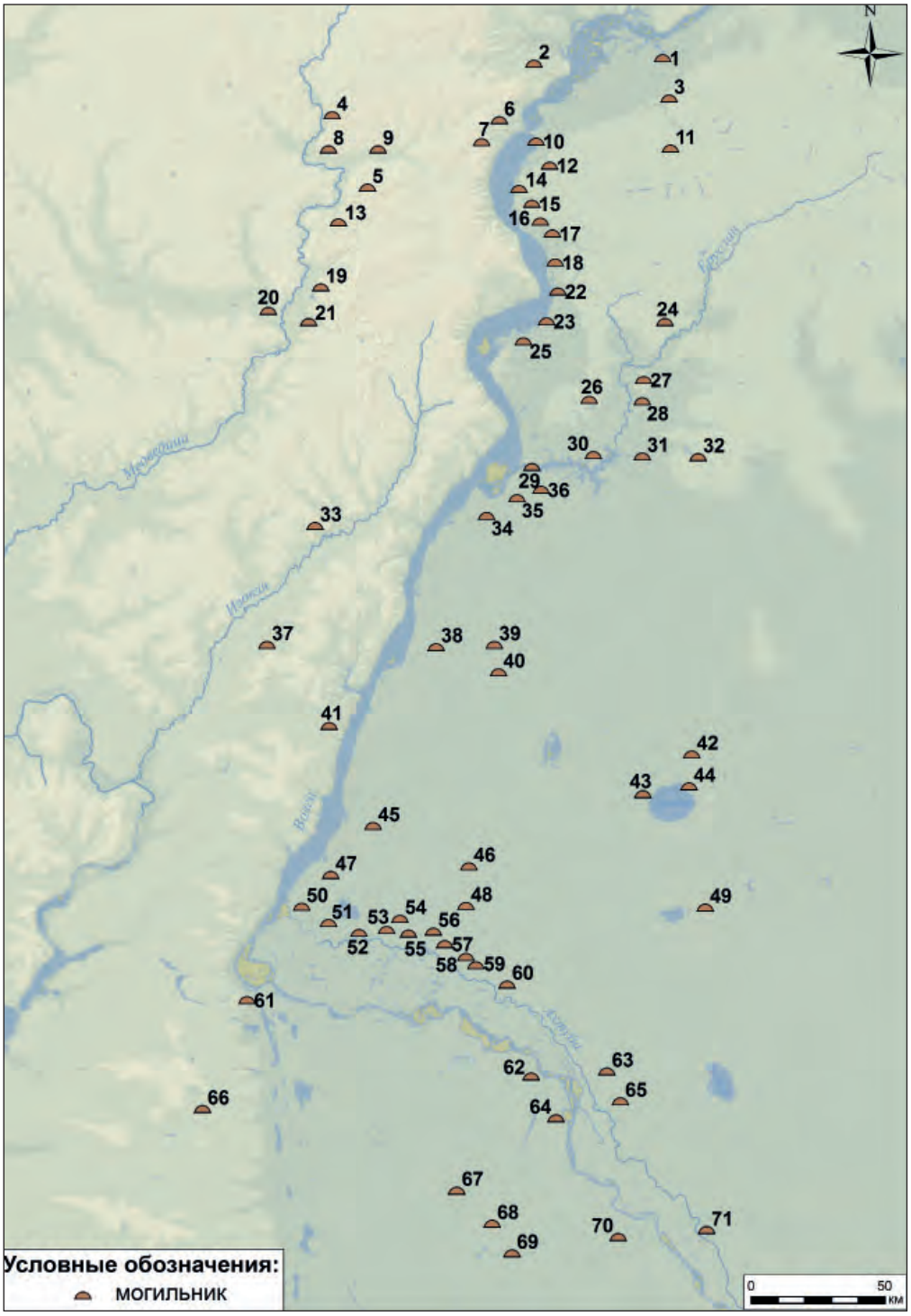


Рис. 1. Карта-схема расположения основных золотоордынских могильников на территории Нижнего Поволжья

1 – Боаро; 2 – Усть-Курдюм; 3 – Суслы; 4 – Лысые Горы; 5 – Свинуха; 6 – Саратов; 7 – Укек; 8 – Большая Дмитровка; 9 – Липовка; 10 – Покровск; 11 – Мариенталь; 12 – Березовка; 13 – Песковка II; 14 – Подгорное; 15 – Козицкое; 16 – Зауморье; 17 – Новопривольное, пункт 36; 18 – Скатовка; 19 – Линево; 20 – Рудня; 21 – Нижняя Добринка; 22 – Кочетное; 23 – Ровное; 24 – Мирный, Фриденберг II; 25 – Зеельман; 26 – Визенмиллер I, III; 27 – Блюменфельд А, Б; 28 – Валуевская; 29 – Потемкино; 30 – Штрассбург; 31 – Курнаевка; 32 – Харьковка Б, I; 33 – Рыбинка; 34 – Политотдельское; 35 – Бережновский I, II; 36 – Молчановка I, II; 37 – Красная Котлубань; 38 – Быково III; 39 – Быково IV; 40 – Могута; 41 – Горно-Пролейский 2; 42 – Венгеловка; 43 – Красная Деревня; 44 – Эльтон; 45 – Калиновский; 46 – Степной I; 47 – Верхне-Погромное; 48 – Солодовка II; 49 – Сайхин; 50 – Киляковка; 51 – Заяры; 52 – Бахтияровка; 53 – Ленинск, Ленинск II; 54 – Маляевка V; 55 – Маляевка, Маляевка VI; 56 – Царев; 57 – Солодовка; 58 – Колобовка II, III, VI; 59 – Зубовка; 60 – Белокаменка; 61 – Сарепта; 62 – Старица; 63 – Ахтубинский; 64 – Кривая Лука III; 65 – Батаевка Южная; 66 – Абганерово I, II, III, IV; 67 – Гува 1, 3; 68 – Купцын Толга; 69 – Джангар; 70 – Никольское I; 71 – Золотушинская Северная

гильных сооружений. На пригородных кладбищах исследовано 85 своеобразных комплексов виде прямоугольных (65%), округлых (29%) или многогранных (6%) в плане оград из сырцовых кирпичей на глиняном растворе. Внутри таких оград обычно обнаруживают одно или несколько погребений, большинство из которых было перекрыто оштукатуренными ступенчатыми кирпичными надгробиями из жженых или сырцовых кирпичей (Дворниченко, Зиливинская, 2005, с. 288–289). Средние размеры таких построек 5×5 м. Почти все они были сооружены над могилами оседлого мусульманского городского населения, только 8% из них можно с большей или меньшей долей вероятности связывать с кочевниками.

Своеобразную группу золотоордынских погребальных памятников представляют монументальные здания кирпичных мавзолеев, это прямоугольные однокамерные, двухкамерные или трехкамерные постройки. Существует обоснованное мнение о том, что в мавзолеях погребены представители высших сословий золотоордынского общества (Васильев, 2009, с. 31). Об этом убедительно свидетельствует драгоценный инвентарь целого ряда захоронений, да и само сооружение большого кирпичного здания требовало огромных материальных затрат. Все исследованные к настоящему времени мавзолеи представляли собой семейные усыпальницы, в которых находились мужские, женские и детские захоронения, нередко совершенные с серьезными отклонениями от норм мусульманской похоронной обрядности. Поэтому можно утверждать, что многие мавзолеи были сооружены над могилами служилой родовой аристократии и их семей, а не над могилами «святых» или выдающихся религиозных деятелей.

Формы могильных ям в погребальных памятниках Нижнего Поволжья не отличаются особым разнообразием. Наибольшее распространение здесь получили простые прямоугольные ямы длиной 2–2,5 м и глубиной 1,2–1,5 м (60%), а также прямоугольные ямы с уступами вдоль длинных стенок (18%) и подбойные могилы (16%). Обычно людей хоронили в дощатых гробах или в массивных колодах, выдолбленных из толстых бревен. Колоды встречаются гораздо реже гробов, они тесно связаны со всеми основными признаками кочевнического похоронного ритуала и являются преимущественно женскими гробами. В подавляющем большинстве проанализированных кочевнических захоронений Нижнего Поволжья умершие были похоронены в вытянутом положении на спине (97%). Анализ антропологических материалов, полученных при раскопках могильников, свидетельствует о незначительном преобладании в кочевой среде мужского населения над женским, а также выявляет неестественную малочисленность детских захоронений. Очевидно, детей хоронили по какому-то особому ритуалу и не на родовых кладбищах.

В системе погребальной обрядности кочевого населения Нижнего Поволжья особая роль отводилась ориентировке умерших. Ориентация по сторонам света у многих народов лежит в основе всей картины мира. Кочевники Золотой Орды, безусловно, имели очень четкое представление о сторонах света, причем основными всегда считались четыре направления – север (тьма), юг (полдень), восток (рассвет) и запад (предвечерние сумерки), с которыми обычно сопоставлялись четыре основные стихии – земля, огонь, воздух, вода, и четыре соответствующие им цвета – черный, красный, белый, синий (зеленый). Анализ материалов кочевнических могильников Нижнего Поволжья выявил следующие соотношения основных ориентировок погребенных: ориентировки западного направления составляют около 65%, северного – около 25%, восточного – около 10%, южное направление практически не представлено и составляет десятые доли процента от общего числа проанализированных комплексов.

В средневековых кочевнических могильниках довольно часто встречаются погребения с костями коней – целыми скелетами или остатками конских чучел в виде костей четырех ног и черепа (всего 109 погребений). Абсолютно преобладают захоронения с остатками конских чучел (67%), погребений с целыми костяками коней в два раза меньше (33%). Вряд ли нужно специально доказывать, что конь (или его чучело) – это транспортное средство, которое было призвано обеспечить успешное путешествие души умершего в потусторонний мир. Именно поэтому почти во всех погребальных комплексах золотоордынского времени находят не просто скелеты, а останки взнузданных и оседланных коней с удилами, стременами, подпружными пряжками, седлами. Не случайно в подавляющем большинстве захоронений останки коня располагаются слева от погребенного, т. к. именно слева обычно осуществлялась посадка. Чучела и костяки коней в могилах никогда не лежат спиной к своему хозяину, а покоятся либо на брюхе (81%), либо на боку (19%) ногами к скелету человека.

В группе кочевнических захоронений с остатками конских чучел преобладают погребения, в которых чучела были уложены на ступени могильной ямы (42%), гораздо меньше погребений, в которых чучела лежали на перекрытии могил (25%), были уложены на дне ямы (21%) или покоились на погребенной почве рядом с могильной ямой основного захоронения (11%). Только в одном погребении (1%) отмечено захоронение чучела коня

в отдельной яме. В группе погребений с целыми костяками коней треть составляют комплексы, в которых скелеты лежали на погребенной почве рядом с могильной ямой основного захоронения (34%). Столько же выявлено комплексов с захоронениями коней в отдельных ямах (34%). Нередки случаи, когда скелеты коней лежали на ступенях подбойных или прямоугольных могил (32%).

Захоронения с костяками или чучелами коней и западной ориентировкой погребенных составляют 91% от общего числа исследованных. Это тюркская погребальная традиция. Гораздо меньше захоронений с костями коней, в которых умершие были ориентированы на север (5%) или на восток (4%). Поэтому можно не сомневаться в том, что обычай помещения в могилу коня или его чучела тесно связан с традицией ориентировки умерших в западном направлении и не характерен для групп погребений с ориентировками северного и восточного секторов.

Отметим, что погребения с костяками коней и погребения с остатками конских чучел существенно отличаются друг от друга. В нашем распоряжении имеется всего одно погребение с чучелом, помещенным в отдельную могильную яму, в то время как среди погребений с целыми костяками способ размещения конского скелета в отдельной яме является одним из самых распространенных (34%). Кроме того, зафиксирован только один случай размещения конского скелета на дне прямоугольной могилы, в то время как в группе захоронений с конскими чучелами в 15 погребениях зафиксировано положение чучела на дне прямоугольных могил.

Не менее важно и то, что погребения с костяками коней и погребения с конскими чучелами всегда формируют обособленные группы. Выделяется большая серия золотоордынских могильников, в которых представлены либо только погребения с остатками конских чучел (Бахтияровка, Быково III), либо только погребения с костяками коней (Царев). Все это свидетельствует о том, что погребения с конскими чучелами и погребения с костяками коней представляют различные погребальные традиции, обусловленные причинами этнического характера.

Большинство захоронений кочевнических могильников Нижнего Поволжья сопровождалось различными предметами инвентаря, погребения без вещей относительно немногочисленны и обычно не превышают 15% от общего числа исследованных. Обращаясь к рассмотрению основных категорий сопровождающего инвентаря, следует учитывать, что многие предметы традиционной материальной культуры имеют выраженное мифологическое содержание. Это положение особенно важно для выяснения семантического значения различных вещей, ставших частью комплекса погребального инвентаря. Очень часто предметы, помещенные в могилу, полностью утрачивали свое первоначальное функциональное предназначение и превращались в обереги, волшебные вещи, социальные или половозрастные индикаторы. Именно поэтому ассортимент предметов в погребениях, как правило, жестко регламентирован и достаточно ограничен. Становится понятно, что в могилу помещали не первые подвернувшиеся под руку предметы и не те вещи, которые будут нужны умершему в потустороннем мире, а те, которые способны обеспечить его безопасное путешествие в страну мертвых, могут надежно отделить покойного от мира живых, а также материально обозначить его пол, возраст и социальное положение. Многие вещи, постоянно используемые кочевниками в повседневной жизни, в погребальной практике почти никогда не использовались. В могилах очень редко находят производственные и промысловые орудия, красноглиняную посуду, ключи, замки, пружинные ножницы.

Деление различных категорий сопровождающего инвентаря по половому признаку в кочевнических погребениях прослеживается достаточно отчетливо. К женским предметам сопровождающего инвентаря относятся: игольницы и иглы, наперстки, пряслица, шилья, пинцеты, ножницы, зеркала, браслеты, перстни, головные уборы-бокки, ожерелья и браслеты из бус, раковины каури, амулеты. К мужским предметам сопровождающего инвентаря относятся: колчаны, наконечники стрел, наконечники копий и пик, сабли, панцири и кольчуги, оселки, колчанные крючки, пояса, большие поясные сумки и кресала. Удалось также выявить категории сопровождающего инвентаря, которые встречаются преимущественно в мужских или преимущественно женских захоронениях. Преимущественно в женских захоронениях находят гребни, серьги и золотые украшения; преимущественно в мужских – удила, стремена, седла, пряжки, ножи и серебряные монеты (Мыськов, 2015, с. 249–250). Довольно часто в целях экономии в могилы помещали изрядно поношенные или испорченные вещи – сильно сточенные или поломанные оселки, изодранные поясные сумки, истрепанные кожаные налучья и берестяные колчаны.

Наиболее распространенными категориями сопровождающего инвентаря в кочевнических могильниках Нижнего Поволжья являются предметы конской упряжи – двусоставные удила с большими подвижными кольцами, стремена с арочными дужками и широкими подножками, а

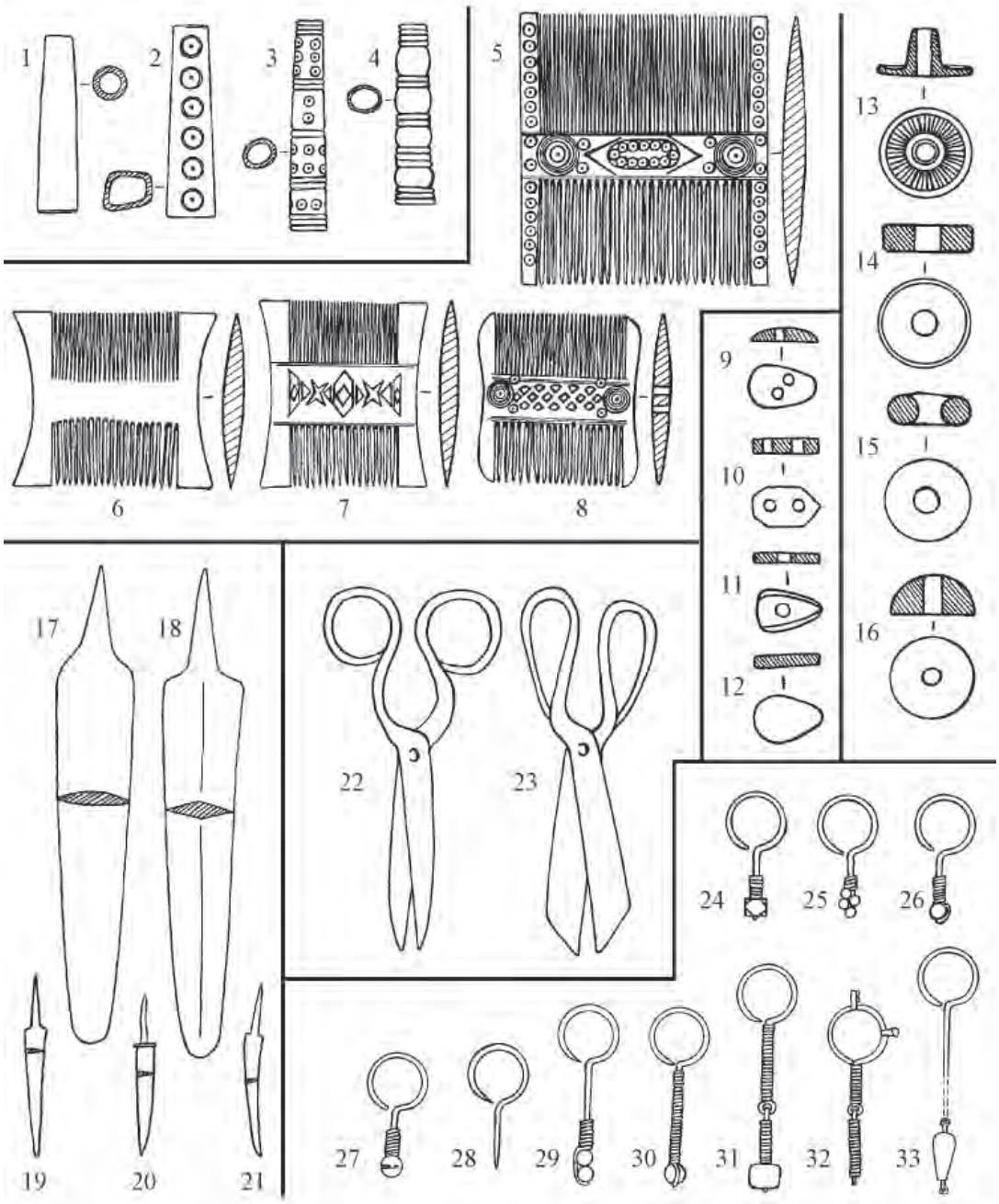


Рис. 2. Костяные игольницы (1–4), деревянные гребни (5–8), костяные затыльники (9–12), свинцовые пряслица (13–16), железные ножи (17–21), железные ножницы (22–23), медные, серебряные и золотые серьги (24–33)

также остатки седел с деревянными полками и луками, обтянутыми кожей. Общее количество комплексов со стременами, но без удил равно 60, а погребений, в которых представлены удила, но отсутствуют стремена всего 30. Это значит, что стремена представляли собой более важную и «востребованную» категорию инвентаря всадническихзахоронений. В степных кочевнических могильниках захоронения с предметами конской упряжи обычно составляют 65–70% (иногда даже 80–90%) от общего числа исследованных, а вот на пригородных могильниках таких погребений очень мало (от 6% до 11%).

В 60% кочевнических захоронений найдены железные пряжки с подвижными язычками и прямоугольными, округлыми, овальными, полукруглыми, треугольными или трапециевидными рамками. Гораздо реже в погребениях находят каменные оселки, конуса, свернутые из тонких железных листов, шилья с деревянными рукоятями, пинцеты, наперстки, керамическую посуду, браслеты из бронзы, серебра или золота, литые свинцовые пряслица.

Интересны игольницы в виде небольших расширяющихся костяных трубочек с резным циркульным орнаментом. Они подвешивались к по-

ясу на кожаном ремешке с узелком на конце. Иглы втыкались в ремешок рядом с узелком, после чего их прижимали к ремешку и втягивали внутрь костяной игольницы, предохраняя тем самым иглы от рассыпания (рис. 2: 1–4).

Одной из самых распространенных категорий сопровождающего инвентаря женских кочевнических захоронений Нижнего Поволжья являются железные ножницы с заостренными или косо обрубленными лезвиями и овальными или округлыми кольцами. Ножницы найдены в 112 захоронениях. Наиболее вероятно, что в погребальной практике они рассматривались как своеобразные символы женского начала и, как и все колющие предметы, являлись надежными оберегами от злых духов (рис. 2: 22–23).

Довольно часто в могилы помещали деревянные гребешки, изготовленные из самшита. На одной стороне гребешков расположены мелкие зубцы, на другой – крупные, а пространство между ними нередко украшено резными геометрическими орнаментами (рис. 2: 5–8). По представлениям многих народов, гребень являлся волшебным предметом и был способен оградить человека от преследования различных вредоносных сил. Гребешок, брошенный через плечо, превращается в непроходимый лес, заросли колючего кустарника, частокол и спасает преследуемого от погони (Пропп, 1986, с. 342–345). По-видимому, основная функция гребня в погребении – обеспечить безопасное путешествие души умершего в потусторонний мир, оградить ее от преследования злых сил и одновременно отделить от мира живых. Именно поэтому гребни находят как в женских, так и в мужских захоронениях, а также в погребениях детей и подростков.

В 310 нижневолжских кочевнических погребениях найдены железные ножи с остатками деревянных рукоятей на заостренных черешках, 40% захоронений с ножами – женские. Только в мужских погребениях встречаются ножи с пластинчатыми рукоятями и длинные ножи-кинжалы с массивными железными перекрестьями. Только в женских погребениях встречаются миниатюрные ножички длиной 6–8 см и массивные двулезвийные ножи с черешками, расположенными по оси лезвия, окончание которого закруглено (рис. 2: 17–21).

Довольно часто в женских погребениях находят магические амулеты из меди, дерева, камня, стекла, серебра или золота, которые нашивались на одежду или головные уборы. Амулеты имеют вид полых цилиндров, плоских квадратных пластин с различными гравированными орнаментами, деревянных или каменных призм с бронзовыми обоймами. Все они снабжены мелкими ушками-петельками для пришивания.

Обычной находкой в кочевнических захоронениях являются проволочные серьги из меди или серебра. В мужских погребениях находят серьги в виде простых колечек с разомкнутыми концами, а в женских – сережки в виде знака вопроса с короткими петлевидными ножками, покрытыми обмоткой (рис. 2: 24–28). Известны и другие типы серег, например, в виде змееподобного дракона с раскрытой пастью или в виде фигурных плакеток с цветными стеклянными вставками. Особый интерес представляют серьги в виде знака вопроса с сильно удлиненными петлевидными ножками, частично или полностью покрытыми обмоткой, серьги в виде знака вопроса с сильно удлиненными двусоставными петлевидными ножками, полностью покрытыми обмоткой, а также серьги в виде знака вопроса с сильно удлиненными двусоставными петлевидными ножками, сплошь покрытыми обмоткой и декоративными выступами на кольце. Подобные украшения не встречаются в комплексах второй половины XIII – начала XIV в., но устойчиво сочетаются с монетами 40-х – начала 60-х гг. XIV в. (рис. 2: 29–33). В 13 погребениях найдены серьги в виде знака вопроса с подвязными петельчатыми ножками и простые кольцевидные серьги, изготовленные из золота. Судя по соотношению цен на драгоценные металлы, которое существовало в Золотой Орде в первой половине XIV в., золотая сережка весом 1,5–2 г должна была стоить не более 15 дирхемов. Наверняка, это были не очень большие деньги и поэтому многие люди среднего достатка вполне могли позволить себе приобрести подобное украшение. Однако золотые серьги в кочевнических захоронениях встречаются очень редко (3% от общего количества проанализированных комплексов с инвентарем). По-видимому, это объясняется тем, что в Золотой Орде украшения из золота не могли носить люди незнатного происхождения, очевидно, таким правом обладали только представители высших, благородных сословий.

Особый интерес представляют костяные затыльники деревянных рукоятей ножей, которые найдены в 10 мужских погребениях. Это изделия в виде толстых фигурных пластин со сквозными отверстиями для крепления или без них (рис. 2: 9–12). Почти во всех погребениях вместе с затыльниками найдены серебряные монеты, всего найдено 37 дирхемов Узбека, Джанибека, Бердибека, Науруза и Мюрида, которые надежно датируют эти комплексы временем не ранее начала 40-х гг. XIV в.

Литые бронзовые зеркала в среднем встречаются в каждом третьем женском захоронении. Это дисковидные изделия, одна сторона которых по-

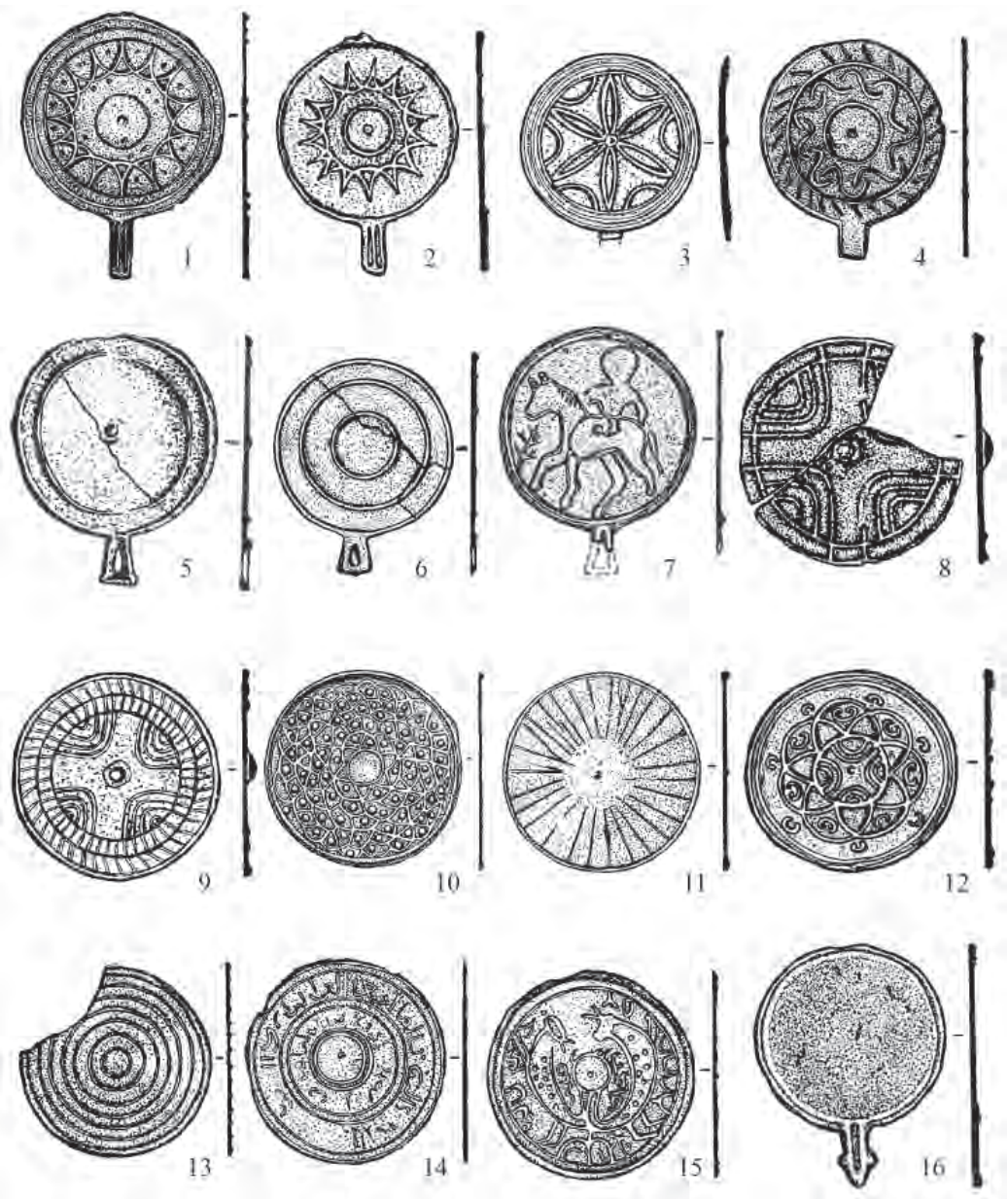


Рис. 3. Бронзовые зеркала из женских кочевнических погребений Нижнего Поволжья (первая группа)

лировалась и покрывалась ртутной амальгамой, а вторая обычно украшалась различными орнаментами. Все зеркала четко делятся на две группы. Первая из них (условно названная аланской) представлена большой серией изделий в виде небольших тонких дисков с неровными краями и следами обломанных литников (рис. 3: 1–16). Некоторые из них снабжены небольшими ручками-петельками для подвешивания. Все орнаменты выполнены тонкими контурными линиями и точками. Самыми распространенными элементами орнаментальных композиций являются различные символы солнечного культа – круги с точками в центре, радиальные лучи, концентрические окружности, не менее популярными были изображения крестообразных фигур с точкой в центре, а также орнаменты из сопряженных арок или дуг. Вторая группа зеркал (условно названная восточной) представлена более массивными дисками без боковых ручек с широкими валиками или высокими бортиками по краю. Орнаменты их в корне отличаются от зеркал первой группы, они выполнены в низком рельефе и восходят к китайским, среднеазиатским или иранским прототипам. Среди них изображения летящих птиц, плывущих друг за другом рыб, драконов, бегущих животных, сложных растительных плетенок, арабских благопожелательных надписей (рис. 4: 1–12). Эти большие группы бронзовых зеркал не имеют между собой ничего общего, хотя некоторые мастера аланской школы пытались подражать наиболее распространенным орнаментам «восточных» зеркал. Однако все они представляют собой неумелые, примитивные подражания и напоминают детские рисунки (рис. 3:

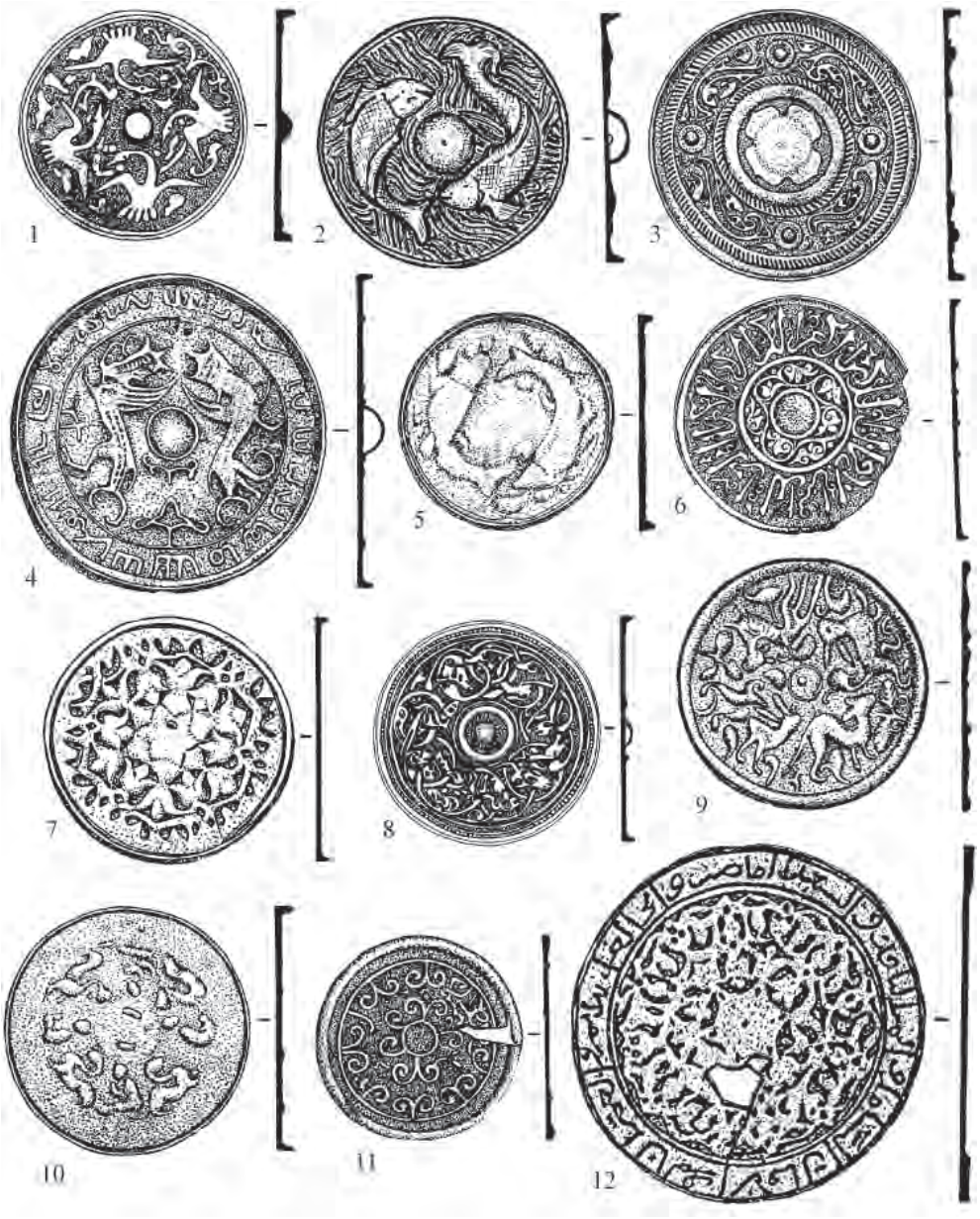


Рис. 4. Бронзовые зеркала из женских кочевнических погребений Нижнего Поволжья (вторая группа)

7, 15). Мастера, изготовившие их, не знали арабского языка, поэтому вместо благопожелательных надписей на них представлены бессмысленные закорючки (рис. 3: 14, 15).

Зеркала аланской школы выпускались с домонгольского времени до начала XV в. Самые ранние монеты, найденные вместе с такими зеркалами, датируются 1278–1279 гг., а самые поздние – 1357–1358 гг. Иная картина наблюдается в группе зеркал с высокими бортиками по краю диска. В погребениях они устойчиво сочетаются с монетами, датируемыми от 1322 г. до 1364 г. (Недашковский, Ракушин, 1998, с. 87). Вероятно, многие типы зеркал восточной школы в среде кочевого населения Золотой Орды получили широкое распространение только во второй трети XIV в. Эта мысль не нова, о возможности датировки некоторых типов зеркал временем не ранее начала XIV в. уже писали исследователи (Виноградов, 1987, с. 267–269; Пьянков, Раев, 2004, с. 222). Такому предположению не противоречат и нумизматические материалы, поскольку ни одного случая сочетания зеркал восточной школы и монет XIII – начала XIV в. пока не выявлено.

Особую категорию сопровождающего инвентаря кочевнических погребений представляют женские и девичьи головные уборы – бокки и шапки с наушниками (рис. 5: 1–5). Они достаточно подробно описаны в сочинениях средневековых авторов (Путешествия…, 1957, с. 27, 100). На территории Нижнего Поволжья к настоящему времени исследовано 35 захоронений с головными уборами.

Шапки с наушниками изготовлены из золототканой парчи с растительными, растительно-

Рис. 5. Головные уборы и их детали из женских кочевнических погребений Нижнего Поволжья

геометрическими или растительно-зооморфными орнаментами и снабжены подкладками из тонкой шелковой ткани. Все шапки сшиты из двух симметричных половин, их верхняя часть, прикрывавшая лоб, темя и затылок, увенчивалась невысоким выступом в виде хохолка. Боковины оформлялись в виде длинных наушников, прикрывающих щеки и ниспадающих на грудь, а задняя часть – в виде косынки, закрывающей шею и верхнюю часть спины. Наушники могли стягиваться под подбородком при помощи специальных завязок из тесьмы или подворачиваться назад и фиксироваться этими же завязками, причем они подворачивались так, что ложились лицевой стороной не внутрь, а наружу (рис. 5: 1, 3–5).

Бокки являются усложненным вариантом шапок с наушниками и представляют собой своеобразную конструкцию из дерева, ткани и бересты. Основу бокки составляет полый каркас из бересты в виде перевернутого остроносого сапожка, сшитого толстыми нитками. Берестяная часть бокк всегда обшивалась тонкими шелковыми тканями со штампованными геометрическими или растительными орнаментами. Бокки могли украшаться бусами, нашивными бляшками, нитками мелкого жемчуга, металлическими, каменными или деревянными амулетами. Для соединения берестяной бокки с шапкой достаточно было распороть верхнюю часть выступа-хохолка, вставить в образовавшиеся отверстие берестяную трубку и пришить ее к матерчатой основе (рис. 5: 1).

Судя по сообщениям средневековых авторов и материалам кочевнических погребений, обязательной деталью бокк являлись деревянные навершия в виде полых трубочек с основаниями в форме многолепестковых цветов. В отверстия трубочек вставлялись перья или веточки. Известны случаи, когда такие навершия оформлялись в виде стилизованных деревьев с веточками, листьями, цветами, «плодами» из мелкого жемчуга (рис. 5: 2).

С.А. Котеньков считает, что отдельные детали бокк следует рассматривать как сложные космогонические символы: навершия в виде деревьев и

растительные орнаменты матерчатых шапок символизируют «мировое дерево», а форма берестяной основы и перья – священную птицу, которая в традиционной культуре многих народов связывалась с представлениями о сотворении суши из песчинки, добытой морского дна (Котеньков, 2011, с. 202). По-видимому, это действительно так, некоторые навершия бокк, несомненно, изображают цветущие или плодоносящие деревья (рис. 5: 2), а верхняя часть берестяного каркаса в виде остроносого сапожка напоминает голову птицы на длинной шее. Подвернутые наушники очень похожи на сложенные крылья, а задняя часть матерчатой шапки – на слегка приподнятый хвост водоплавающей птицы (рис. 5: 1).

Г.А. Федоров-Давыдов, проанализировав серию кочевнических погребений с бокками, пришел к заключению, что такие головные уборы появились на территории Нижнего Поволжья не ранее середины XIII в. и были принесены сюда монголами (Федоров-Давыдов, 1966, с. 156–157). Против этой точки зрения выступили В.А. Иванов и В.А. Кригер, которые заявили, что бокки были известны кыпчакам задолго до монгольского нашествия и что такие головные уборы никак не связаны с материальной культурой монголов (Иванов, Кригер, 1988, с. 8, 18). С этими выводами полностью согласился С.А. Котеньков и от себя добавил, что бокки были распространены только в половецко-кыпчакской среде, и что именно монголы могли перенять моду на ношение таких головных уборов у половцев-кыпчаков, составлявших основную массу населения Золотой Орды (Котеньков, 2011, с. 204).

Общеизвестно, что бокки не имеют ничего общего с женскими головными уборами домонгольского периода. Судя по многочисленным каменным изваяниям XI–XIII вв., в половецкой среде были распространены головные уборы совершенно других форм – шляпы с высокой тульей и загнутыми полями, низкие плоские шляпы и круглые шапочки (Плетнева, 1958, с. 210–211; Федоров-Давыдов, 1966, с. 168–175). Традиция ношения бокк и шапок с наушниками была распространена от Монголии и Китая до восточного средиземноморья, и уже только поэтому они никоим образом не могут рассматриваться как традиционные кыпчакские головные уборы. Если ознакомиться с материалами письменных источников, то станет ясно, что буквально все средневековые авторы, как восточные, так и европейские, оставившие сведения о бокках, писали только о монголах, а не о половцах или кыпчаках (Мыськов, 2015, с. 196–197, 204).

В некоторых мужских захоронениях встречены предметы защитного вооружения. Целые панцири или кольчуги в средние века ценились очень высоко, поэтому в могилы их клали редко. Обычно в целях экономии в погребения помещали лишь небольшие обрывки кольчуг или несколько стальных прямоугольных панцирных пластин с заклепками по краям, следуя принципу «часть вместо целого».

В 95 мужских погребениях, исследованных на территории Нижнего Поволжья, найдены наконечники стрел, которые отличаются большим разнообразием форм. Преобладают плоские железные черешковые наконечники с расширяющимися перьями в виде узких лопаточек с треугольными, скругленными или прямыми ударными гранями (58%). Гораздо меньше железных черешковых наконечников с уплощенными листовидными или ланцетовидными головками (13%). Еще реже в погребениях находят бронебойные черешковые наконечники с многогранными или пулевидными головками (11%). Иногда встречаются вильчатые черешковые наконечники и массивные ромбовидные формы (9%). Известна небольшая серия костяных наконечников с уплощенными черешками и многогранными головками, а также втульчатые пулевидные. Обычно в погребениях находят от 1 до 5 наконечников (92%), гораздо реже – 6 или 7 экземпляров (7%) и только в одном захоронении найдено 8 наконечников (1%).

Стрелы носили в берестяных колчанах, которые сшивались сухожильными нитками. Колчаны представляли собой большие прямоугольные пеналы со слегка расширяющимся основанием. Они крепились к поясу при помощи специальных железных крючков и довольно сложной портупеи из тонких ремней и пряжек. Внешние поверхности некоторых берестяных колчанов украшены широкими продольными полосами черного или коричневого цвета. Средняя длина колчанов 50–80 см.

Особый интерес представляют колчаны с накладками из тонких прямоугольных костяных пластин, которые крепились к поверхности при помощи клея, железных заклепок или пришивались к берестяной основе сухожильными нитками. Такие колчаны найдены в 35 захоронениях Нижнего Поволжья. Все колчанные накладки украшались сложными орнаментами, причем углубления гравированного орнамента всегда заполнялись красками зеленого, черного и красного цветов. На одних колчанах накладки украшены только геометрическими и растительными композициями, которые нередко сочетаются с криволинейными орнаментами в виде «амурских спиралей» (рис. 6: 1–3, 5, 6). На других колчанах кроме растительных и геометрических мотивов представлены изображения ланей, драконов, бегущих оленей с ветвистыми рогами (рис. 6: 4). Своеобразные орнаментальные композиции, представленные на

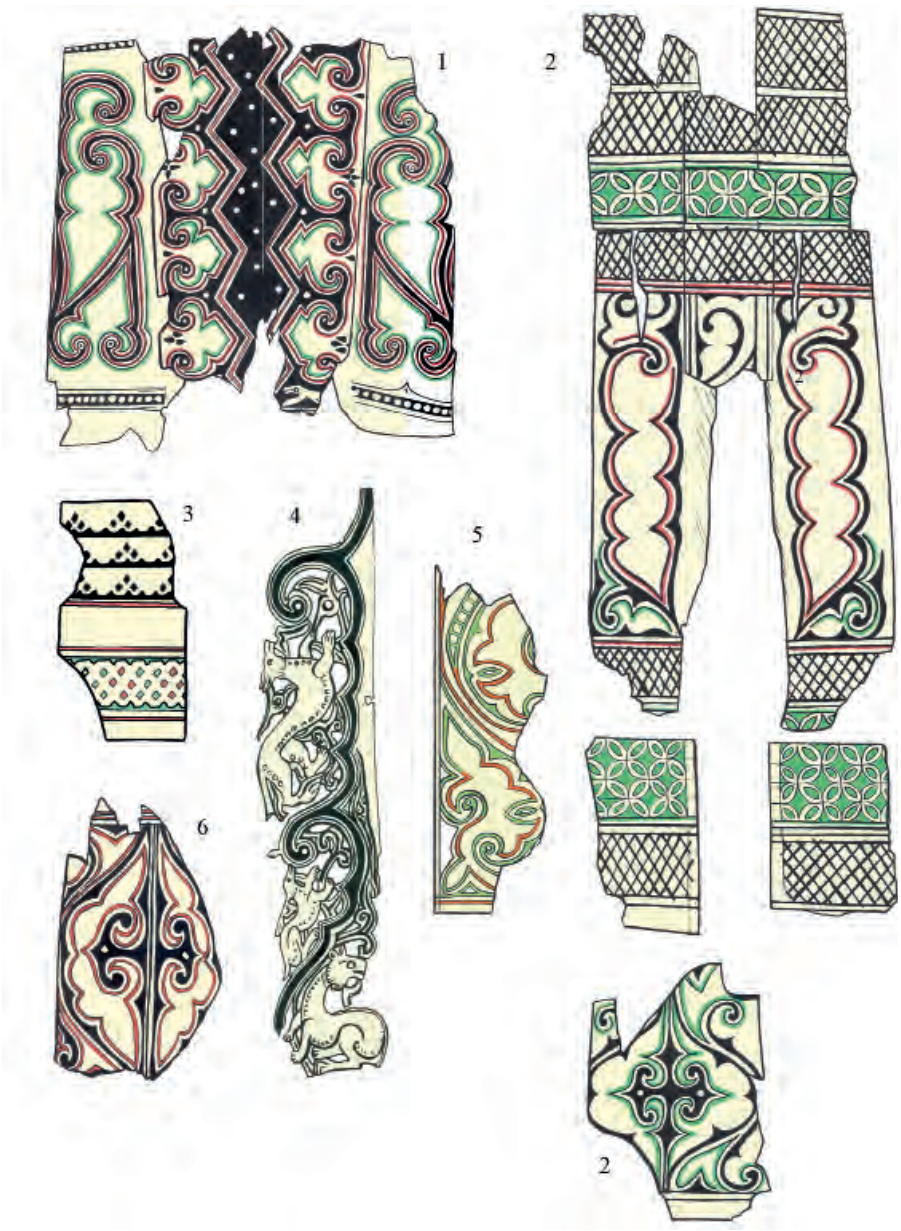


Рис. 6. Костяные накладки на колчаны из кочевнических погребений Нижнего Поволжья

колчанах с резными костяными накладками, безусловно, являлись не простыми декоративными украшениями, и наносились они на колчаны не только потому, что воинам хотелось как можно лучше украсить свое оружие. Совершенно очевидно, что сложная система декорирования костяных колчанных накладок имела прежде всего глубокое семантическое значение и буквально каждый элемент орнамента наделялся особым магическим смыслом. Эти накладки не имеют никаких, даже отдаленных местных прототипов, но находят очень близкие аналогии с традиционными орнаментами целого ряда народов Дальнего Востока, Алтая, Сибири. Поэтому мы можем утверждать, что в середине XIII в. традиция изготовления таких колчанов была принесена в степи Восточной Европы пришлым тюркоязычным населением, входивших в состав армий Бату (Мыськов, 2015, с. 134, 136).

В 45 мужских погребениях Нижнего Поволжья найдены остатки квадратных кожаных сумок и кисетов виде небольших мешочков с прорезями в верхней части, которые стягивались кожаными ремешками. Иногда ремешки украшались одной или несколькими стеклянными бусинами. Кожаные сумки мужчины носили на поясе, они имеют вид небольших портфелей с двумя внутренними отделениями, каждое из которых закрывалось фигурным клапаном. Обычно клапаны по краям украшались аппликацией из узких красных лент (рис. 7: 1, 3, 4) или кожаных ремешков (рис. 7: 2). Наружные клапаны сумок нередко снабжались

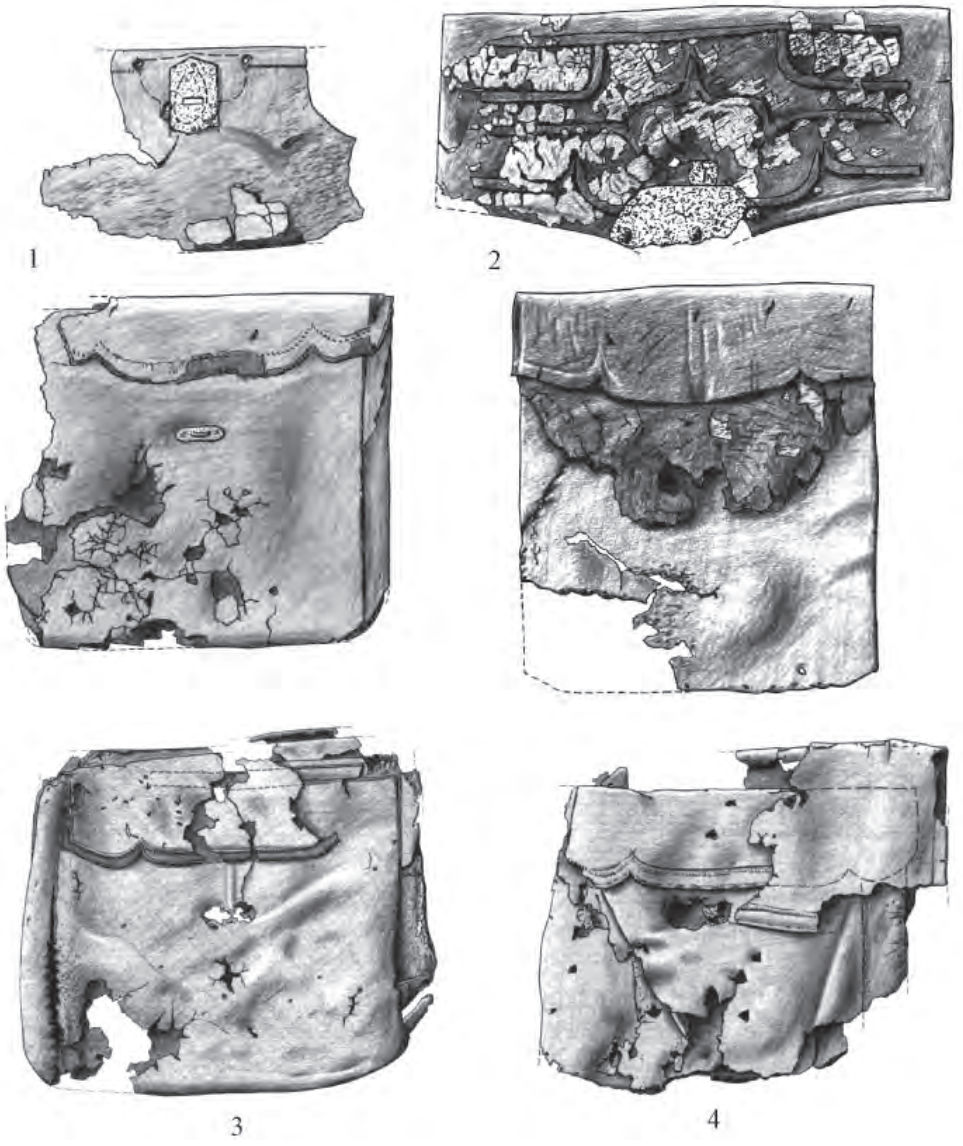


Рис. 7. Поясные кожаные сумки из мужских кочевнических погребений Нижнего Поволжья

железными или бронзовыми замочками (рис. 7: 1). В сумки и кисеты обычно помещали различные предметы – монеты, кресала, гребни, ножи.

Широкое распространение получили различные типы мелких бус из синего, зеленого, коричневого и черного стекла, а также более крупные формы с многоцветными линейно-волнистыми, глазчатыми или мозаичными орнаментами (рис. 8). Иногда встречаются многогранные бусы из горного хрусталя (рис. 8: 9, 26), сердолика (рис. 8: 12, 22), янтаря. Интересны бусы-амулеты в виде гребешков (рис. 8: 23), кукишей (рис. 8: 26), топориков (рис. 8: 24), птичек (рис. 8: 32), которые носили в качестве оберегов.

В кочевнических и пригородных могильниках Нижнего Поволжья исследовано 102 погребения с золотоордынскими монетами, причем только в 78 из них найдены определяемые монеты. Почти все монеты, обнаруженные в погребениях, серебряные, а медные монеты в захоронениях встречаются крайне редко. Мужских погребений – 50, женских – 28 (в остальных случаях пол погребенных установить не удалось), детских погребений вообще нет. Абсолютно преобладают дирхемы, отчеканенные в первой половине XIV в. на монетных дворах нижневолжских золотоордынских городов – Сарая, Сарая ал-Махруса, Сарая ал-Джедид и Гюлистана (91%). Монеты Болгара, Укека, Тебриза, Мохши, Азака и Хорезма единичны. Если датировать погребения по младшим монетам комплекса, то получится, что комплексов с монетами Менгу-Тимура и Токты последней четверти XIII в. – 2, погребений с монетами Токты и Узбека – 28, с монетами Джанибека Бердибека – 34, с монетами Науруза, Хызра, Мюрида, Абдуллаха – 9 (Мыськов, 2015, с. 234–239). На территории Нижнего Поволжья исследовано только одно погребение начала XV в., в котором были найде-

Рис. 8. Стеклянные и каменные бусы из кочевнических погребений Нижнего Поволжья

ны медные серьги и монеты хана Пулада (Шилов, 1959, с. 378). Количество монет в погребениях различно, от 1 до 46, нередко их зажимали в кулак умершего или помещали в рот.

Выделяется серия кочевнических захоронений (около 25%), которые можно уверенно сопоставлять с этническими монголами. Это погребения в подбойных, реже прямоугольных могилах с северной ориентировкой погребенных, без костей коня, но с предметами конской упряжи и с костями передней ноги барана в качестве напутственной пищи. Вторая группа погребений (около 65%), очевидно, оставлена тюркоязычными кочевниками, как пришедшими на территорию Нижнего Поволжья вместе с монголами, так и представителями автохтонного, местного кочевого населения. Это погребения в прямоугольных, реже подбойных могилах с западной ориентировкой погребенных и остатками взнузданных конских чучел. В этой группе захоронений в качестве напутственной пищи обычно использовались части бараньих хребтов. Наконец, третья группа (около 10%) представлена захоронениями в прямоугольных могилах с восточной ориентировкой погребенных в сопровождении целых скелетов взнузданных и оседланных коней. Такие погребения обычно связывают с половецким населением.

В эпоху Золотой Орды кочевники Нижнего Поволжья постоянно контактировали с оседлым городским населением, поскольку всегда, в большей или меньшей степени, были заинтересованы в сохранении экономических связей с городскими производственными центрами. Однако эти связи никогда не были глубокими и всесторонними, массового оседания кочевников на землю так и не произошло. Яркая и самобытная культура золотоордынских городов Нижнего Поволжья в целом всегда оставалась чуждой для подавляющего большинства кочевого населения степей. Городская культура здесь не имела глубоких местных корней и не была генетически связана с автохтонным кочевым населением, именно этим объясняется ее стремительный упадок в период ожесточенных феодальных распрей и практически полный крах после нашествия Тимура.

ПАМЯТНИКИ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ВРЕМЕНИ НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИКАСПИЯ

Период позднего Средневековья запомнился историкам прежде всего завоевательными походами монголов в Малую и Среднюю Азию, Кавказ и в Европу, а также созданием ими огромного Золотоордынского государства с хорошо налаженной инфраструктурой, в том числе и городской.

Этнический состав золотоордынского общества был сложным, причем монгольский компонент присутствовал не в значительном количестве. Объясняется данный факт тем, что после завоевательных походов в западные страны основная масса монголов ушла на родину. Рашид ад-Дин сообщает, что ханы Гуюк и Менгу осенью в год мыши (1240 г.) согласно повелению каана Угедея возвратились из Дешт-и-Кипчака и расположились в своих ордах. О возвращении в Монголию части экспедиционных войск сообщает также китайская история «Юань-ши». Оставшиеся в юго-восточной Европе монголы создали свое государственное образование, именуемое Золотой Ордой.

Вместе с военной и политической структурой монголы привнесли в разноликую кочевническую среду южнорусских степей свои специфические черты погребального обряда. Об этом прежде всего сообщают нарративные источники. Так, например, Плано Карпини красочно описывает погребение знатного монгола, которому в могилу клали умерщвленных лошадей со снаряжением, золотые, серебряные предметы и другой разнообразный инвентарь. Захоронение проводили в тайном месте из-за опасений ограбления и осквернения могилы покойного (Путешествия…, 1957, с. 32). О тайных захоронениях монголов сообщал также Палладий Кафаров в «Старинных монгольских сказаниях о Чингиз-хане». Он писал: когда «гроб с покойником глубоко зарывали в землю; потом прогоняли по могильной насыпи несколько тысяч лошадей или уносили лишнюю землю в другое место. Когда всходила трава, все было кончено, могила представляла собой ровное место, где нельзя было ничего распознать» (Палладий Кафаров, 1866, с. 251). Конечно, мы привели примеры тайного захоронения представителей родовой монгольской знати, которым было что терять и после смерти. Рядовых монголов хоронили скромнее, об этом свидетельствует археологический материал, который стал поступать в распоряжение исследователей с 30-гг. XX в.

Для монгольских погребений характерны небольшие, почти исчезнувшие к нашему времени надмогильные насыпи. В.В. Бартольд утверждал, что «курганное погребение..., судя по монгольским преданиям, не было безусловно чуждо монголам...» (Федоров-Давыдов, 1973, с. 222). Для них характерны могилы с подбоем и северная ориентировка костяка человека. Г.А. Федоров-Да-

выдов пишет, «что у монголов был распространен культ Юга, в отличие от культа Востока у тюрок. Очевидно, этим объясняется погребение покойника головой на север так, чтобы он смотрел на юг...» (Федоров-Давыдов, 1966, с. 159).

В период с XIII по XIV в. на всей территории Золотоордынского государства, в том числе и в Северо-Западном Прикаспии, происходит смешение и взаимовлияние нескольких культур. Возникает неповторимая, уникальная золотоордынская культура, вмещающая в себя обычаи, предметы ремесла и произведения искусства монголов, русских, волжских болгар, половцев и др.

К настоящему времени на территории Северо-Западного Прикаспия исследовано около трех сотен позднекочевнических погребений. Из них к золотоордынскому времени исследователи относят более сотни информативных погребальных комплексов, которые широко использовались при написании средневековой истории края и других исторических реконструкциях. Между тем большой фактический материал требует системного анализа, разработки типологии и периодизации погребений.

Первые попытки создать типологию позднекочевнических погребений были предприняты в 30-е гг. XX в. Н.К. Арзютовым (Арзютов, 1936) и П.С. Рыковым (Рыков, 1936).

Н.К. Арзютов, изучивший материалы пяти позднекочевнических погребений, раскопанных П.С. Рыковым в Калмыкии в 1929 г., разделил их на три группы «по типу и времени захоронения». За основу свой схемы он взял следующие признаки: захоронения под небольшими курганами, форма могильных ям (простые подпрямоугольные) и положение погребенных вытянуто на спине. Как показало время, данный подход не оправдал себя.

П.С. Рыков попытался выделить среди материалов Нижнего Поволжья четыре типа погребений, характерных для XIII–XIV вв. Однако за основу своей типологии он взял разные признаки. Так, первые два типа выделены им на основе наличия или отсутствия в могилах расчлененных костей или целого остова лошади, к третьему типу отнесены безынвентарные погребения, заложенные иногда сверху кирпичом, к четвертому типу отнесено одно безынвентарное погребение в мавзолее из саманного кирпича. Погребения первого и второго типов датированы по монетам XIV в. К погребениям второго типа П.С. Рыков отнес захоронения из Калмыкии: курганы у станций № 5 и 9; курган № 12 первой группы и № 11 второй группы могильника «Три брата». Однако эти погребения не могут быть отнесены к одному типу, так как отличаются друг от друга важнейшим признаком погребального обряда – ориентировкой костяков погребенных. Так, в погребениях курганов у станций № 5 и 9 костяки людей имели соответственно юго-западную и западную ориентировку, а погребенные в курганах в урочище «Три брата» – северо-восточную. В последних захоронениях, кроме общей ориентировки погребенных, были найдены монгольские головные уборы «бокка». Кроме этого, в кургане № 11 обнаружены две серьги в виде знака вопроса, а в кургане № 12 – фрагмент бронзового бурханчика. Сказанное выше позволяет считать погребения однотипными и этнически соотнести с монголами или прибывшими с ними восточными племенами. Погребения у станций № 5 и 9 с западной и юго-западной ориентировкой костяков людей принадлежат, видимо, представителям домонгольского населения.

К третьему типу погребений П.С. Рыков отнес подкурганные захоронения без вещей, но с фрагментами керамики в засыпи могильной ямы и сверху заложенные сырцовым кирпичом. Исследователь датирует эти погребения концом XIV–XV в.

Четвертый тип погребений П.С. Рыков считает близким с третьим, так как их объединяет западная ориентировка костяка людей, безынвентарность, закладка могил сырцовым кирпичом. Четвертый тип отличается от третьего лишь наличием вокруг могилы мавзолея прямоугольной формы из сырцового кирпича. По-видимому, погребения третьего и четвертого типов отражают процесс исламизации населения Северо-Западного Прикаспия в золотоордынский период. Относительно датировки П.С. Рыковым третьего и четвертого типов погребений концом XIV–XV в. можно сказать следующее: во-первых, распространение ислама среди рядовых кочевников могло начаться с конца XIII в. (первым среди джучидов ислам принял хан Берке, правивший с 1256 по 1266 гг.); во-вторых, в начале XV в. подкурганный обряд захоронения в степях Восточной Европы более не фиксируется. По-видимому, приведенные выше П.С. Рыковым погребения датируются XIII–XIV вв.

Таким образом, первые попытки Н.К. Арзютова и П.С. Рыкова создать типологию позднекочевнических древностей оказались не совсем удачными из-за отсутствия в них единых критериев и методических разработок по данной проблеме.

В начале 70-х гг. XX в. И.В. Синицын и У.Э. Эрдниев при публикации материалов из раскопок могильников Лола I и II, а также могильника Архара II разделили позднекочевнические погребения на две хронологические группы (Синицын, Эрдниев, 1963; 1966, с. 28). В своей работе исследователи ориентировались на такие признаки погребального обряда, как ориентировка костяка человека и наличие или отсутствие костей лоша-

ди. В первую группу (XI–XII вв.) они включили: погребение 3 кургана 23 могильника Лола I; погребение 3 кургана 8, погребение основное кургана 9, погребение основное кургана 10, погребение 1 кургана 11, погребение 1 кургана 16, погребение 1 кургана 17 могильника Лола II; погребение 1 кургана 8, погребение 1 кургана 21, погребение 2 кургана 21, основное погребение кургана 24, основное погребение кургана 25, основное погребение кургана 34, основное погребение кургана 35 могильника Архара II. Во вторую группу (XIII–XIV вв.) вошли: основное погребение кургана 2, основное погребение кургана 3 могильника Лола II; основное погребение кургана 14, основное погребение кургана 15, основное погребение кургана 16, впускное погребение кургана 23 могильника Архара II.

По мнению И.В. Синицына и У.Э. Эрдниева, выделенные ими две группы памятников отличаются между собой по обряду захоронения. Однако при характеристике погребальной конструкции исследователи отметили характерную для обеих групп простую прямоугольную яму (лишь в двух случаях имелись дополнительные детали в виде ступеней вдоль длинных стен, по одной в каждой группе) и общность положения человеческих костяков: вытянуто на спине, головой ориентированы преимущественно на запад (Синицын, Эрдниев, 1966, с. 29). В цифровом варианте это выглядит так: в первой группе из 14 погребенных 10 костяков были ориентированы на запад; во второй группе из 6 захоронений западную ориентировку имеют три погребенных. В обеих группах имеются погребения с ориентировкой костяка на восток (в первом одно, во втором две) и на юго-запад (по одному в каждой группе). Следовательно, однотипные погребения имеются в обеих группах.

Отличие между двумя хронологическими группами наблюдалось в следующем: в погребении кургана 14 могильника Архара II второй группы обнаружен целый скелет лошади у восточного края могилы; в первой группе черепа и отчлененные кости ног коня найдены в четырех случаях. Из сказанного выше следует, что И.В. Синицын и У.Э. Эрдниев из общей массы позднекочевнического материала попытались выделить лишь две хронологические группы погребений, но не распределяя их по типам.

Имеющиеся в работах И.В. Синицына и У.Э. Эрдниева недостатки методического характера свойственны большинству обобщающих работ того времени, посвященных позднекочевническим древностям Восточной Европы. Это, прежде всего, отсутствие хронологической классификации погребального инвентаря, стремление связать определенный обряд погребения с каким-нибудь народом на всех этапах его истории, использование широко распространенных вещей для этнических определений и обрядов погребений для датировок.

В 1966 г. выходит монография Г.А. Федорова-Давыдова, где были учтены материалы 66 позднекочевнических погребений, раскопанных на территории Северо-Западного Прикаспия в 20–30-е гг. XX в. и в 1960–1963 гг. В работе дана типологическая классификация погребального инвентаря, установлена взаимовстречаемость типов вещей и выделены их датирующие формы (Федоров-Давыдов, 1966).

Предложенная исследователем типология погребений основана на следующих признаках погребального обряда: ориентировка костяка человека, наличие или отсутствие в могиле костей лошади, форма могильной ямы. Опираясь на типологию погребений и датирующие формы изделий Г.А. Федоров-Давыдов выделил четыре хронологических периода в истории поздних кочевников Восточной Европы: 1) конец IX–XI в. (господство печенегов и краткий период торческого нашествия); 2) последняя четверть XI–XII в. (начальный период господства половцев); 3) конец XII – начало XIII в. (предмонгольский период половцев); 4) вторая половина XIII–XIV в. (золотоордынский период половцев).

Погребения с территории Северо-Западного Прикаспия были распределены в работе Г.А. Федорова-Давыдова следующим образом: к I периоду отнесены 9 погребений; во II и III периоды – погребения отсутствуют; IV период – 48 погребений, 9 погребений датированы в пределах конца IX–XIV в.

Приведенные выше данные показали интересную картину расселения кочевников на территории Северо-Западного Прикаспия как во времени, так и в пространстве. Почти две трети погребений от общего числа были совершены в период с XIII по XIV в. и только чуть более 1/7 погребений приходится на конец IX–XI в. 1/7 погребений распределены по всем четырем периодам. Погребений II и III периодов (конец XI – начало XIII в.) не выделено вообще. В 70-е гг. XX в. на данную статистику распределения позднекочевнических погребений с территории Северо-Западного Прикаспия никто из местных исследователей не обратил внимание. Более того, И.В. Синицын и У.Э. Эрдниев в своих работах второй половины 60–80-х гг. по-прежнему выделяли среди позднекочевнических погребений только две хронологические группы – XI–XII и XIII–XIV вв., игнорируя при этом возможности типологической классификации (Синицын, Эрдниев, 1971; Синицын, 1978; Синицын, Эрдниев, 1981). Отчетный материал

исследователи публиковали без подробных описаний обряда захоронений и рисунков многих находок, что затрудняет оценить правоту их датировки. Сказанное выше позволяет сделать вывод о том, что И.В. Синицын и У.Э. Эрдниев, скорее всего, не занимались специально вопросами периодизации и типологии позднекочевнических материалов с территории Калмыкии. Основной их целью были охранные раскопки и ввод в научный оборот археологического материала. К сожалению, полиграфия их изданий весьма низкого качества.

Первая попытка систематизировать позднекочевнический материал с территории Нижнего Поволжья (сюда же были включены памятники Калмыкии) была предпринята в 1973 г. Е.В. Шнайдштейн. В своей работе, посвященной позднекочевническим памятникам Калмыкии, она проанализировала 40 погребений и разделила их на три хронологические группы: 1) конец IX–XI вв. – 7 погребений; 2) последняя четверть XI – начало XIII в. – 3 погребения; 3) вторая половина XIII–XV в. – 30 погребений (Шнайдштейн, 1973). В представленной Е.В. Шнайдштейн хронологической схеме дана лишь общая характеристика погребений (по группам) без выделения их типов. Часть погребений, из-за отсутствия в инвентаре датирующих форм, распределены по хронологическим группам без должной аргументации. Также в статье есть неточности в описании погребений, а в некоторых случаях перепутаны названия могильников (Шнайдштейн, 1973).

Типология погребений была представлена Е.В. Шнайдштейн в 1975 г. в кандидатской диссертации, посвященной памятникам поздних кочевников Нижнего Поволжья (Шнайдштейн, 1975). Она разделила весь имеющийся к тому моменту материал на три хронологических периода: 1) конец IX – XI в. – печенежско-торческий период; 2) последняя четверть XI – начало XIII в. – половецкий предмонгольский период; 3) вторая половина XIII – начало XV в. – золотоордынский период. Там же была дана типология погребений с учетом следующих признаков: 1) конструкция надмогильных сооружений и могильной ямы; 2) ориентировка погребенного; 3) наличие или отсутствие коня; 4) погребальный инвентарь.

Среди указанных выше признаков особняком стоят надмогильные сооружения, которые не имеют устойчивых связей с погребениями и в данном построении они неуместны. Для них должна быть своя особая типология надмогильных сооружений. В дальнейшем Е.В. Шнайдштейн опирается на общепринятые признаки (ориентировка костяка человека и др.) и выделяет семь типов погребений – А, Б, В, Г, Д, Е, Ж с 48 вариантами. Эта типология почти полностью повторяет типологию Г.А. Федорова-Давыдова, разработанную для позднекочевнических погребений Восточной Европы. Разница между ними формальная. Так, у Г.А. Федорова-Давыдова выделены отделы по двум признакам – ориентировка костей человека и наличие или отсутствие костей коня, и внутри них типы в зависимости от конструкции могил, а Шнайдштейн Е.В. по тем же признакам выделяет типы и варианты.

Здесь, по-видимому, следует согласиться с мнением В.А. Иванова, который писал: «разработанная Г.А. Федоровым-Давыдовым типология и хронология погребального обряда и вещевого комплекса до сих пор являются основополагающими для современных археологов, занимающихся исследованием золотоордынских древностей. Все последующие, преимущественно локальные исследования памятников средневековых кочевников если и развивают типолого-хронологическую схему Г.А. Федорова-Давыдова, то главным образом в плане расширения источниковой базы» (Иванов, 2015, с. 4).

С территории Калмыкии Е.В. Шнайдштейн учла 64 погребения, которые распределила в соответствии с периодизацией кочевнических древностей, предложенной Г.А. Федоровым-Давыдовым. Статистика выглядит следующим образом: к первому периоду отнесены 7 погребений; ко второму периоду 3 погребения; к третьему – 39 погребений. Остальные погребения не обладали датирующими признаками.

Анализ работ Е.В. Шнайдштейн показал, что ее периодизация позднекочевнических погребений Нижнего Поволжья основывается преимущественно на разработках Г.А. Федорова-Давыдова по данной тематике. В основу типологии погребений она взяла те же признаки, что и Федоров-Давыдов Г.А., выделив 7 типов с 48 вариантами. Однако ограниченность источниковой базы (учтены не все погребения поздних кочевников Калмыкии) не позволила ей выделить среди средневековых древностей региона погребения конца XI – XIII в. Те три погребения, которые Шнайдштейн Е.В. отнесла к указанному выше времени, сомнительны и требуют более аргументированных доводов. Необходимо также уточнить даты погребений конца IX–XI и XIII–XIV вв.

Типологией и периодизацией средневековых кочевников калмыцко-астраханских степей занимался также Е.В. Круглов, который из общей массы захоронений выделил памятники салтово-маяцкой культуры и связал их с хазарами (Круглов,1990, с. 159–171).

А.Г. Атавин в своей работе «Некоторые захоронения чучел коней в кочевнических погребениях X–XIV вв.» за основу датирующего признака

выделяет способы расчленения коня (Атавин, 1984). В частности, он считает, что для печенежско-торческого населения характерным признаком является отчленение ноги коня по первые суставы, а иногда в могилу клали только голову животного.

По мнению А.Г. Атавина, для половцев характерно захоронение целого остова коня, но с отчлененными по колено или выше ногами (Атавин, 1996, с. 208–264).

Проблемами типологии и периодизации средневековых погребений Калмыкии занимался С.М. Васюткин. С конца 90-х гг. XX в. им была издана серия статей, посвященных критическому анализу опубликованной литературы по этнической истории, типологии и периодизации средневековых погребений Калмыкии (Васюткин, 1988, с. 35–49; 1995, с. 53–73; 1995, с. 82–89). Исследователь работал над типологией и периодизацией средневековых погребений Калмыкии, но, к сожалению, завершить столь нужную для специалистов средневековой истории Восточной Европы работу не успел.

Изложив мнения исследователей по вопросам типологии и периодизации поздних кочевников Нижнего Поволжья, перейдем к анализу погребений XIII–XIV вв., исследованных на территории Северо-Западного Прикаспия.

Из 100 погребений золотоордынского времени, выделенных исследователями в регионе, 49 погребений имеют западную, 10 восточную, 34 северо-восточную и 7 погребений северную ориентировку.

Из 49 погребений с западной ориентировкой к печенежско-торческому населению можно, видимо, отнести следующие четыре погребения с костями коня, в которых ноги последних отчленены по первые суставы (впускное погребение кургана № 11 Три Брата, основное погребение кургана № 13, погребение 4 кургана № 27 Дюкер (Научный архив КИГИ РАН..., дело 29), погребение 9 кургана № 25 Джангар (Архив ИА РАН. Р-1 10968.13). В перечисленных погребениях кости коня лежали в анатомическом порядке на ступеньке входной ямы, черепом ориентированы на запад. Но погребения с западной ориентировкой костяка человека были и у половцев, только в них встречаются захоронения целого остова коня. Половецкими следует считать такие погребения, как: основное погребение кургана № 14 могильника Лола II, погребение I кургана № 8 II группы могильника Восточный Маныч, основное погребение кургана № 17 могильника Элистинский, погребение I кургана № 32 могильника Дюкер. Ориентировка остова коня соответствует ориентировке человека – на запад.

Основное погребение кургана № 1 могильника Балкин хутор имело восточную ориентировку костяка в яме с подбоем в южной стене. Инвентарь состоял из удил, стремени, берестяного колчана, орнаментированных накладок, четырех наконечников стрел, четырех железных пряжек, железного кинжала с бронзовым перекрестием, кресала, трех золотоордынских серебряных монет и костей барана (Шилов, 1982, с. 25–27).

Погребение 2 кургана 1 могильника Шаред и погребение 2 кургана 2 могильника Улан-Эрге также имели восточную ориентировку костяка человека, с северной стороны от него находились кости лошади. Эти признаки погребального обряда характерны для половцев, но более позднего времени (Васюткин и др., 1995, с. 90–92). Об этом свидетельствуют костяное навершие рукояти плети из улан-эргинского погребения, датируемое XII–XIII вв. (Федоров-Давыдов, 1966, с. 22), а также обряд погребений, который в Южном Приуралье датируется второй половиной XIII–XIV в. (Иванов, Кригер, 1988, с. 52). К этому времени относится и погребения из могильника Шаред, о чем свидетельствует наконечник стрелы типа BXI по классификации Г.А. Федорова-Давыдова (Федоров-Давыдов, 1966, рис. 3, 4), который присутствует в памятниках XIII–XIV вв. (Федоров-Давыдов, 1966, с. 28). Учитывая наличие в погребениях костей лошади, которых во второй половине XIV – первой половине XV в. (мусульманский период в Золотой Орде) не помещали в могилу, дату захоронений можно ограничить второй половиной XIII–XIV в.

Другие 29 погребений с западной ориентировкой не удалось связать с каким-либо конкретным этносом. Трудность заключается в том, что в инвентаре отсутствуют предметы, характерные для определенной этнической группы. Вещевой материал этих захоронений практически не отличается от инвентаря погребений с восточной или северо-западной ориентировкой.

Приведенные выше данные свидетельствуют о том, что основным населением Золотой Орды и главным образом ее степной части оставались прежние кипчакские (половецкие) племена. Исследованные в степях курганы в большинстве случаев датируются XIII – началом XIV в. Для них характерны могилы со ступеньками и без них, восточная или западная ориентировка погребенных, целые скелеты коней. Установлено также, что обряды и набор вещей, характерные для половцев XII – начала XIII в., существовали и в золотоордынский период.

С монголами и пришлыми с ними племенами восточного происхождения исследователи связывают простые ямы (иногда с подбоем), северную

ориентировку покойных, головные уборы «бокка», височные подвески в виде знака вопроса, берестяные трубочки для волос, части деревянных колес. В этот же период появляются могилы гибридного типа (северо-восточная ориентировка).

Со временем монгольский головной убор «бокка», по мнению Г.А. Федорова-Давыдова, утрачивает свои специфические качества. В золотоордынский период «бокку» носили как монгольские, так и половецкие женщины. Опираясь на выводы Г.А. Федорова-Давыдова, с половцами мы связываем следующие три погребения с западной ориентировкой костяка человека, в которых найдены «бокка»: основное погребение кургана № 14 могильника Три Брата, основное погребение кургана 8 II группы могильника Три Брата, основное погребение кургана 16 могильника Лола II, погребение женщины могильника Малые Дербеты II.

К монгольским захоронениям можно отнести погребение кургана 24 могильника Элистинский (Синицын, Эрдниев, 1971, с. 86–100). Костяк человека с северной ориентировкой лежал в яме с уступами вдоль длинных стен, с ножницами, серебряной серьгой, стеклянными бусами, тремя подвесками из раковин каури, бронзовым зеркалом, деревянным гребнем, стременем, шелковой тканью.

Погребенные курганов 1 и 2 на участке 3 могильника Иджил лежали головами на северо-восток, рядом находились деревянные колеса, что характерно для монголов (Васюткин, Кольцов, 1995, с. 113). Покойных не сопровождало чучело коня.

На участке 4 в кургане 5 могильника Иджил обнаружено погребение человека, головой ориентированного на север (Васюткин, Кольцов, 1995, с. 116–117). С учетом северной ориентировки покойного и отсутствия в могиле костей лошади погребение можно отнести к монголам. На том же участке, в кургане 7, обнаружено погребение человека с северо-восточной ориентировкой, в инвентаре присутствовали костяные палочки для еды и серьги в виде знака вопроса, характерные для монголов.

На участке 5 могильника Иджил встречено еще одно монгольское захоронение – северная ориентировка костяка человека, шапочка бокка, отсутствие костей лошади.

С приходом монголов в позднекочевнических погребениях заметно изменился состав инвентаря. Основным вооружением монголов были луки и стрелы, которые имел каждый воин. Поэтому неудивительно, что в погребениях Северо-Западного Прикаспия второй половины XIII–XIV в. находят железные черешковые наконечники стрел – срезни в виде вытянутой лопаточки с короткими,

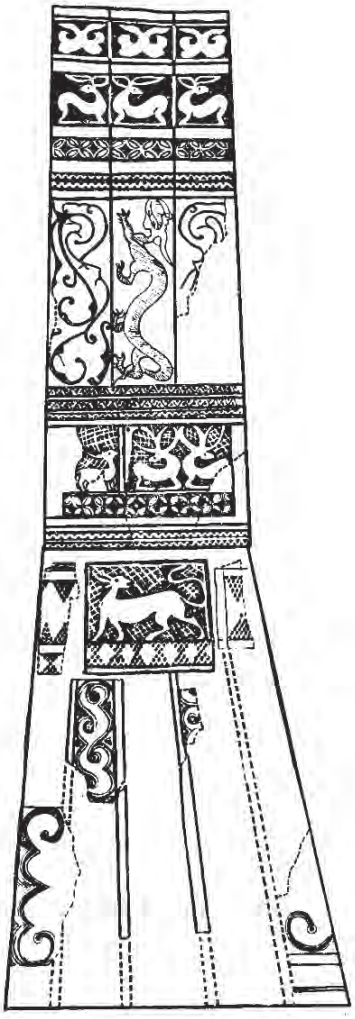


Рис. 1 . Колчан с орнаментированными костяными обкладками. Могильник Гува. Курган 3 (по: Гаврилина, 1981, рис. 1)

сходящимися под тупым углом верхними ударными гранями, черешковые полулунные срезни, черешковые плоские фигурные наконечники, иногда треугольные, с жаловидными отростками внизу или с широкой лопастью, срезанной под острым углом сверху, и округлым краем внизу.

Следующий атрибут воина – колчаны, они были кожаными (сагадак, сайдак, хаадак) или берестяными (туло). Сагадак, найденный в погребении 1 кургана 3 могильника Малые Дербеты I Малодербетовского района Республики Калмыкия, представлял собой кожаный чехол трапециевидной формы. Конструктивно он состоит из двух кусков кожи, скрепленных между собой с помощью кожаной узкой полоски, к которой они были пришиты. Широкая верхняя часть сагадака служила карманом для вкладывания лука. Нижняя часть закруглена. Внешняя сторона налучья была украшена глубоким тиснением острым мелкозубчатым штампом. В колчане были обнаружены отдельные деревянные фрагменты лука и пять железных

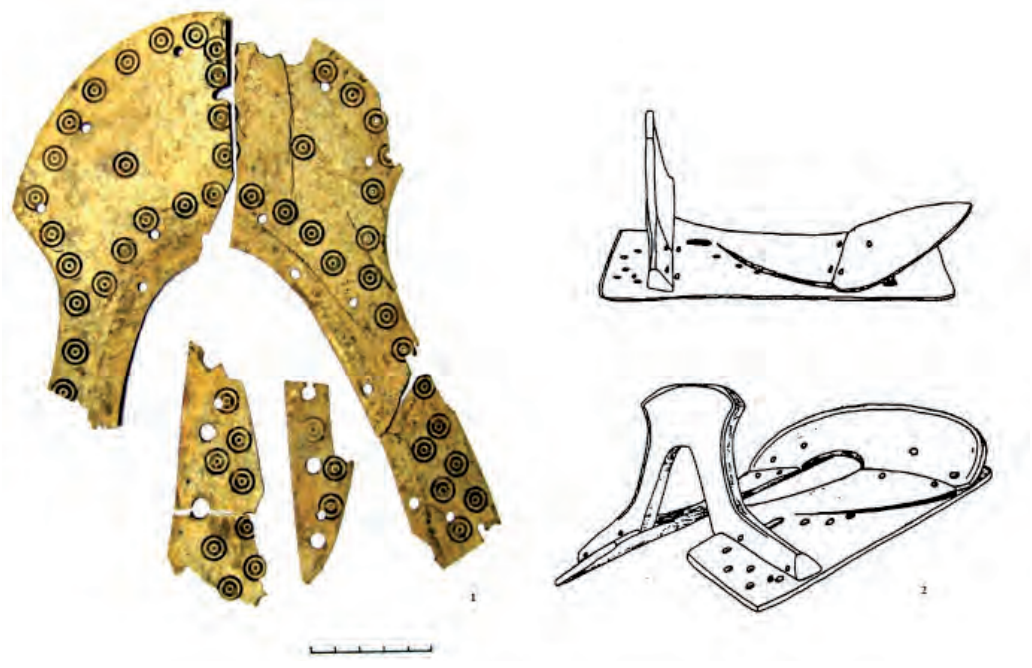


Рис. 2. Костяная накладка на седло и реконструкция седла. Могильник Алцынхута 1. Курган 2, погребение 1 (основное) (по: Кольцов, Дремов, 2012, рис. 89)

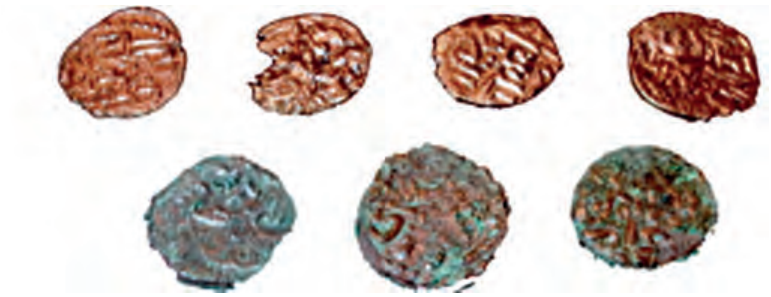


Рис. 3. Медные монеты Джанибека. Чекан 1340-х гг. Могильник Яшкуль IX. Курган 1, погребение 22 (по: Археологическая карта Республики Калмыкия, 2016)

черешковых наконечников стрел (Кольцов и др., 2018, с. 76).

Для изготовления берестяного колчана использовался деревянный каркас, на который наматывалась береста. Часто берестяные колчаны украшались инкрустированными костяными обкладками. В золотоордынских погребениях Северо-Западного Прикаспия было встречено несколько подобных колчанов, но наиболее яркая и оригинальная находка была сделана в кургане 3 могильника Гува на территории Октябрьского района Республики Калмыкия (Шнайдштейн, 1979, с. 55–68).

Обкладка колчана была украшена профильным изображением оленей с поджатыми ногами и большими миндалевидной формы рогами. Ниже изображен бегущий четырехпалый дракон с раскрытой пастью и хвостом, обвитым вокруг задней ноги, по сторонам от дракона растительный орнамент. За ним располагается фриз с изображением двух оленей, составляющих геральдическую группу, и оленя с ветвистыми рогами. Нижнюю часть костяной обкладки украшает изображение идущего животного с повернутой назад рогатой головой, вытянутым туловом, лапами на мягких подушках и длинным хвостом (рис. 1).

Описанная выше инкрустированная обкладка колчана с фантастическими животными представляет собой прекрасный образец золотоордынского декоративно-прикладного искусства. Причем дракон занимает центральную часть композиции, что, вероятно, указывает на обожествление данного животного в средневековой Монголии.

К привнесенным монголами обрядам следует отнести захоронения, содержащие отдельные части повозок. На территории Калмыкии в могильниках Адрык, Иджил и КВЧ обнаружено 11 погребений, содержащих остатки частей повозок. Так, например, в погребении кургана 1 могильника Иджил (участок 3) были обнаружены остатки ступиц, сделанных из цельного куска дерева. В па-

зах сохранились плоские концы деревянных спиц. Датируется погребение второй половиной XIV – началом XV в. Судя по обряду погребения, инвентарю и монголоидным чертам черепа, погребенный мог быть этническим монголом (Васюткин, Кольцов, 1995, с. 110–113).

Во второй половине XIII–XIV в. широкое распространение получают предметы туалета и украшения, среди которых следует отметить бронзовые зеркала с широким ободком, подвески в виде знака вопроса и деревянные гребни. Из украшений этого времени характерны проволочные серьги в виде «знака вопроса» с несомкнутым кольцом в верхней части и отходящим вниз стержнем. Стержень может быть односоставным, перевитым тонкой проволокой, с бусиной на конце на тонкой проволочной петле или без обмотки, с бусиной на конце. Одновременно попадаются простые несомкнутые проволочные серьги, с одним концом, загнутым спиралью (Археологическая карта Калмыкии…, 2016, с. 103).

Бронзовые зеркала с высоким ободком имели крестовидно-арочный орнамент, крестовидный усложненный орнамент с изображением четырех животных, бегущих по кругу, двух драконов, рыб, с орнаментом в виде многолепестковой розетки (Археологическая карта Калмыкии…, 2016).

Из бытовых предметов встречаются железные ножницы, щипцы и оселки. Часто в мужских и женских могилах золотоордынского времени встречаются полные скелеты или чучела коней с деталями конской сбруи – седла, узда и стремена. Особое внимание кочевники уделяли седлам, за ними тщательно ухаживали и украшали. Об этом свидетельствует седло, найденное в кочевническом погребении кургана 2 могильника Алцынхута I Кетченеровского района Республики Калмыкия (Кольцов, Дремов, 2012, с. 37–39) (рис. 2: 1, 2).

Деревянные конструкции не сохранились, но выразительные костяные накладки позволяют реконструировать седло из Алцынхуты (рис. 2: 2). Оно имело высокую, но узкую переднюю луку с расширением сверху. Лицевая часть передней луки была украшена костяной накладкой, орнаментированной вписанными кругами, выжженными специальным штампом (рис. 2: 1). Накладка состояла из двух частей, сделанных из разных пластин, что диктовал исходный материал. О том, что они были соединены вместе из разных частей, свидетельствует орнамент в виде кругов, так как часть кружочков попала на одну половину, часть на другую (Кольцов, Дремов, 2012, с. 154).

Вероятно, такие седла были не только удобными, но и богато украшенными, что указывало на высокий социальный статус их хозяев.

Большинство погребений второй половины XIII–XIV вв. с территории Северо-Западного Прикаспия содержат арочные стремена с овальной или прямоугольной в плане плоской дужкой, расплющенной сверху и с небольшим выступом внизу под прорезью, причем верхний край дужки образует правильную дугу.

К редким находкам относятся монеты, которые имеют абсолютную датировку, т. е. год их чеканки. К их числу можно отнести четыре монеты, обнаруженные в средневековом погребении 22 кургана 1 могильника Яшкуль IX Яшкульского района Республики Калмыкия. Все монеты относятся к одному типу – самому распространенному при Джанибеке в 1340-х гг. (рис. 3).

Л. с. Внешний ободок точечный круглый. Внутри расположена надпись в четыре строки:

Чекан	ضرب
Сарая	سراي
ал-Джедид десять	الجديد اون
шесть – даник	التي دنك

О. с. Внешний ободок точечный. Стилизованный двуглавый орел.

Монеты этого типа имеют множество штемпельных вариантов. В данном случае все штемпеля разные, все монеты сделаны в проволочной технике, нет ни одной ленточной, со следами обрезания краев ножницами (Археологическая карта Республики Калмыкия, 2016, с. 108).

Все указанные вещи могут быть датирующими для памятников второй половины XIII–XIV в. На территории Северо-Западного Прикаспия они широко встречаются в погребальном инвентаре позднекочевнических курганов, разбросанных в основном по разным могильникам. Дело в том, что поздние кочевники вначале использовали для захоронения своих умерших сородичей курганы разных эпох. Лишь со временем вокруг последних стали отсыпать новые курганы, что приводило иногда к формированию родовых кладбищ.

К настоящему времени на территории Северо-Западного Прикаспия исследовано три кочевнических могильника, которые возникли в течение второй половины XIII–XIV в. Учитывая, что крупные могильники кочевников золотоордынского времени в степях Восточной Европы довольно редки (Иванов, Кригер 1988, с. 44; Кригер 1985, с. 21), остановимся на характеристике наиболее информативных погребений. Примерами таких погребений могут служить первый и второй могильники, расположенные на орошаемых участках совхоза «Иджил» Октябрьского района Республики Калмыкии под номерами 3 и 4 соответственно. Первый могильник состоит из двух курганов, которые содержали по одному средневековому погребению (Васюткин, Кольцов, 1995, с. 110–114).

Курган 1 округлой формы диаметром около 11 м имел уплощенную вершину и околокурганный ровик. Могильная яма прямоугольной формы с закругленными углами ориентирована с юга-запада на северо-восток. В засыпи могилы встречались отдельные фрагменты деревянных плашек от перекрытий, бараний альчик и остатки ступицы деревянного колеса (Васюткин, Кольцов, 1995, с. 110–113). Вторая ступица находилась в северо-западном углу могилы, справа от черепа погребенного. Последний лежал вытянуто на спине, головой на северо-восток. Правая рука слегка согнута в локте и положена в сторону так, что кисть ее находилась в 15 см от левой тазовой кости. В районе голеней до самых колен лежали большие куски кожи, вероятно, остатки обуви.

Погребальный инвентарь: обломок железного ножа (часть клинка с прямой спинкой и плоским широким черешком) (пл. 2); кожаные ножны, сшитые из нескольких слоев кожи (пл. 2); бронзовые накладки от ножа (пл. 2); три серебряные монеты (пл. 8); круглая железная пряжка без щитка, с коротким прямым язычком (пл. 5); обломки двух железных стремян разных типов (пл. 7, 11), первый экземпляр имеет выгнутую подножку с отогнутыми вниз краями, второе стремя также с выгнутой подножкой, но с ровными краями; берестяной колчан лежал рядом с правой рукой у стенки могильной ямы (пл. 9); железные удила очень плохой сохранности, возможно, они были двусоставные (пл. 14); бронзовая коробочка изготовлена из одного куска бронзового листа, сложенного в виде чаши с округлым неровным дном (пл. 13); железный крючок найден в могильной засыпи; ступицы деревянных колес.

Первая ступица, как уже отмечалась выше, была обнаружена в засыпи. Сделана она из цельного куска дерева. Длина хорошо сохранившейся части ступицы от конца до пазов для спиц равна 0,2 м. Ширина пазов около 5 см. В пазах сохранились плоские концы деревянных спиц шириной 4–5 см и толщиной 1,1 см. Толщина ступицы в средней части, где имеются пазы для спиц, равна 7,7 см. Втулка ступицы сильно сработана – почти до конца спиц. Это свидетельствует о том, что в могилу была положена старая, вышедшая из употребления ступица.

Размеры второй ступицы, найденной около черепа погребенного (пл. 12), совпадают с размерами первой. Втулка ступицы также сильно сработалась, диаметр втулки составлял 12 см.

Учитывая северо-восточную ориентировку погребенного, находки частей деревянных колес, отсутствие костей лошади, захоронение может быть датировано золотоордынским временем (вторая половина XIII – начало XV в.), а по монголоидному черепу связано с монгольскими или пришлыми с ними восточными племенами.

Курган 2 округлой формы, диаметром около 10 м, имел уплощенную вершину и кольцевой ровик шириной 2 м и глубиной 0, 25 м.

Могильная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами была ориентирована длинными сторонами по линии юго-запад – северо-восток.

В засыпи могильной ямы обнаружена часть деревянного колеса. На дне могилы лежал костяк человека вытянуто на спине, головой на северо-восток. Справа от черепа лежала деревянная плашка (пл. 1). Слева от предплечья лежали кости ноги и альчик барана (пл. 2). Между бедренными костями, около таза, прослежена полоса из коры дерева (пл. 5). Вторая полоса из коры дерева прослежена между берцовыми костями, ниже уровня колена (пл. 6). Рядом с правой бедренной костью, с внешней стороны, лежали куски кожи, вероятно, остатки от сумки (пл. 4). Справа от грудной клетки, чуть ниже уровня локтя, лежала железная плошка с тремя серебряными монетами (пл. 3). В юго-восточном углу могилы в 0,2 м от ступни левой ноги лежало железное стремя (пл. 8). При разборке погребения с левой стороны, ниже уровня тазовых костей, у стенки могилы, обнаружен берестяной колчан (пл. 7).

Характеристика инвентаря:

1 – ступица от деревянного колеса диаметром 17–18 см. Длина от обрубленного под прямым углом одного конца до пазов для спиц 30 см. Ширина сохранившихся в пазах спиц 5,5–7 см, толщина 7–10 см. Диаметр втулки 3,5 см;

2 – железная плошка вытянутой формы с неровными краями с ручкой;

3 – серебряные монеты – 3 шт. По определению Г.А. Федорова-Давыдова, они принадлежат ханам Золотой Орды Джанибеку и Узбеку. Две монеты чеканены при Джанибеке в г. Сарай-Джедид, одна из них датируется 1342–1343 гг. Монета Узбека чеканена в г. Сарае, год чеканки неопределим;

4 – фрагменты кожаной сумки. Форма не восстанавливается;

5 – железное стремя. Судя по обломкам, у стремени была выгнутая подножка с загнутыми вниз краями, круглая в сечении дужка с расплющенным верхним концом, в котором было отверстие для ремня. Стремя было старое, о чем свидетельствует один свисающий вниз край подножки, который частично оторвался от основной части подножки;

6 – колчан, сложенный из двух слоев бересты.

По монетам погребение датируется второй половиной XIV в. Северо-восточная ориентировка погребенного, наличие деревянного колеса, отсутствие лошади сближает данное погребение с захо-

Рис. 4. Могильник Малые Дербеты I. Курган 1, погребение 1 (по: Кольцов, 2018, рис. 1)

ронением кургана 1, где была погребена женщина с монголоидными признаками. Учитывая сказанное выше, погребение кургана 2 можно связывать с монголами или пришлыми с ними восточными племенами (Васюткин, Кольцов, 1995, 113–114).

Во втором могильнике исследовано десять курганов, в восьми из них были обнаружены погребения золотоордынского времени, причем лишь одно было впускным в сарматский курган. Материалы указанных выше памятников уже опубликованы (Васюткин, Кольцов, 1995, с. 114–121), поэтому ограничимся общими данными.

Хоронили покойников в ямах, вытянуто на спине, преимущественно головами на северо-восток, лишь в двух случаях на север и по одному на запад и восток. Погребальные конструкции представляли собой ямы подпрямоугольной формы с закругленными углами и с заплечиками, кроме кургана 11 погребения 2, где покойники лежали головой на З (лишь в одном случае на В). В погребении кургана 4 на ступеньке лежали кости четырех ног лошади, отрубленные по тазобедренным суставам. Рядом с задними ногами найдено стремя. Появление в степной зоне захоронений целого коня или его чучела с ногами, отчлененными по колено и выше, исследователи связывают с половцами (Атавин, 1984, с. 139), которые продолжают жить в регионе и в золотоордынское время.

Погребения могильника «Иджил» хорошо датируются также по наличию в инвентаре костяных палочек, серебряных подвесок в виде знака вопроса, кресал (типа Б1 по классификации Г.А. Федорова-Давыдова), стремян (типа Г1 классификации Г.А. Федорова-Давыдова) и других находок. По мнению Г.А. Федорова-Давыдова, подвески в виде знака вопроса и костяные палочки появились в степях Восточной Европы в золотоордынское время (Федоров-Давыдов, 1966, с. 116; 1994, с. 178).

Третий могильник – Малые Дербеты I из 10 земляных насыпей, расположен в Малодербетовском районе Республики Калмыкия (Верещагин, 2007). Самые ранние погребения в могильнике относятся к периоду поздней бронзы (срубная культура) – курган 2 погребение 1 и курган 9 погребение 1. В раннем железном веке отсыпают курган 5, который содержал одиночное сарматское погребение.

В период позднего Средневековья здесь отсыпают курганы № 1, 3, 4, 7, 8, 10, 11, которые образуют уже целое кладбище. Все средневековые погребения совершались, вероятно, в течение непродолжительного времени и принадлежали к одной родовой группе. Половозрастной состав курганного могильника был представлен: двумя взрослыми мужчинами (курган 3 погребение 1; курган 5 погребение 1), тремя взрослыми женщинами (курган 1 погребение 1; курган 8 погребение 2; курган 11 погребение 2), четырьмя подростками (курган 4 погребение 1, 2; курган 7 погребение 1; курган 10 погребение 1) и двумя детьми до года (курган 8 погребение 1; курган 11 погребение 1). Все погребения объединяет единство ритуала с незначительными различиями. Погребальные кон-

струкции представляли собой ямы с заплечиками (кроме кургана 11 погребение 2), где покойники лежали головой на З (лишь в одном случае на В). Ровики сопровождали только женские погребения (курганы 10, 11). Полные скелеты лошадей или их чучела были найдены как в женских, так и в мужских погребениях.

Большой интерес для исследователей представляют материалы следующих памятников: погребение 1 кургана 1; погребение 1 кургана 3 и погребение 2 кургана 4, которые содержали не только богатый инвентарь, но и отдельные элементы погребального обряда, которые возможно увязать с буддийскими верованиями (Кольцов и др., 2018, с. 73–88).

Курган 1 небольших размеров, был сооружен над индивидуальным погребением (погребение 1). Могильная яма прямоугольной формы, с сильно закругленными углами, была ориентирована длинной осью по линии СВ – ЮЗ. Стенки могильной ямы в основном вертикальные, со следами затесов, оставленных орудием со скругленным зазубренным краем, шириной 3,5 см. На глубине 1,76–1,80 м по периметру ямы устроен заплечик шириной не более 10 см. Ниже уровня заплечика стенки ямы тщательно выглажены, создалось впечатление, что для этой процедуры их смачивали водой. Начиная с уровня заплечиков, на стенках и в заполнении ямы встречались следы органических тленов, представляющих собой остатки конструкции перекрытия, устроенного на заплечиках и просевшего под давлением грунта. Перекрытие просело практически на костяк и лишь у стен его края задираются кверху.

Конструкция перекрытия достаточно сложная: основу его составляет рама, изготовленная из тонких деревянных реек, скрепленных железными гвоздиками с жалом не длиннее 3 см и широкой шляпкой. На раму натянута плетеная циновка из тонких веток (ива?) и камыша. Верхняя поверхность перекрытия носит явные следы окрашивания минеральными красками: зеленого и фиолетового цветов. В центре заполнения ямы, в 10 см выше уровня просевшего перекрытия, были встречены фрагменты бересты. Вероятно, это был небольшой рулончик, который закопали вместе с грунтом заполнения. Такая ситуация встречена в этом могильнике еще раз в кургане 8 погребение 1. В СВ углу ямы на глубине 2,18 м был найден фрагмент медного пула.

На дне погребения лежал скелет женщины, вытянуто на спине, головой ориентированный на ЮЗ (рис. 4). Руки были немного разведены в стороны, кости предплечья лежали параллельно позвоночнику, ноги вытянуты. Под скелетом прослеживался черный тлен, вероятно, остатки войлочной одежды. На правой ноге сохранился небольшой фрагмент кожи коричневого цвета от сапог. Под ЮЗ стенкой лежали в анатомическом порядке кости от хвоста жеребенка.

Погребальный инвентарь. Железные гвоздики в количестве 16 штук (рис. 5: 1–16) скрепляли каркас деревянного перекрытия. Для прочности углы каркаса были укреплены четырьмя железными штырями, согнутыми под прямым углом (рис. 5: 17–20). Фрагмент медного пула (монеты) обнаружен в заполнении норы грызуна (рис. 5: 21). Надпись на пуле не читается из-за сильной коррозии металла. Под черепом, в районе височных костей, были найдены две серьги из желтого металла в полтора оборота (рис. 5: 22, 23). Изготовлены они из проволоки диаметром 2 мм, концы обрублены. Диаметр серег 17 мм. В районе тазовых костей обнаружено бронзовое зеркало (рис. 5: 24). Вероятно, оно лежало в кожаном футляре, от которого остался коричневый тлен. Зеркало относится к типу AI по Г.А. Федорову-Давыдову (Федоров-Давыдов, 1966, с. 78), без орнамента, по краю небольшой округлый бортик. В центре – след от отломанной петельки. Размеры зеркала: диаметр 6 см, толщина 1 мм.

К югу от правой бедренной кости был обнаружен железный нож. Металл подвергся сильной коррозии, оставшаяся длина лезвия составляла 55 мм, черешка – 30 мм. Виден уступ при переходе от лезвия к рукоятке. Под черепом лежала матерчатая шапка из темно-коричневого шелка. В погребении также был зафиксирован фрагмент кожаной обуви.

Ситуация 1. В 1 м к ССВ от ЦР на глубине 0,10 м обнаружены остатки скелета лошади. Судя по расположению костей, туша лошади была расположена в яме в сидячем положении на согнутых ногах. К северу от костей лошади, на глубине 0,11 м, были найдены фрагменты железного стремени, сломанного в древности.

Погребальный инвентарь. Среди костей лошади были обнаружены фрагменты железного стремени – часть площадки ромбической формы с продольным ребром жесткости и мелкие части арки. Размер и форма не восстанавливаются.

Курган 3 был отсыпан для индивидуального погребения (погребение 1). В плане он округлый, без видимых повреждений, задернованный. Могильная яма прямоугольной формы со скругленными углами и выпуклыми длинными стенками, длинной осью ориентирована по линии В–З. Стенки могильной ямы ко дну сужались. На глубине 60–75 см был устроен кольцевой заплечик шириной не более 20 см, местами он просел и обвалился, т. к. материковая глина довольно рыхлая и сильно крошится. Ниже уровня заплечика торцевые стен-

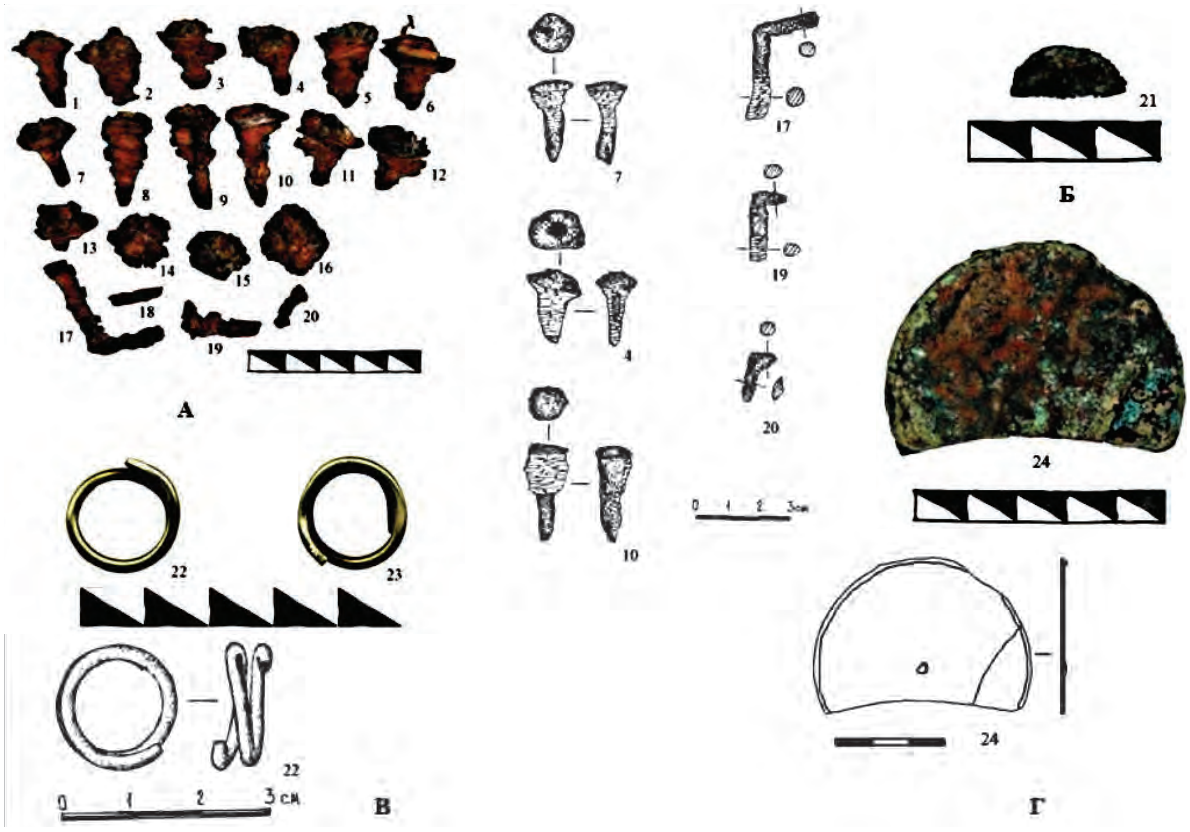


Рис. 5. Инвентарь. Могильник Малые Дербеты I. Курган 1, погребение 1 (по:: Кольцов, 2018, рис. 2): 1–16 – гвоздики; 17–20 – штыри; 21 – фрагмент медного пула; 22, 23 – серьги; 24 – зеркало. 1 – 20 – железо, 21 – медь; 22, 23 – желтый металл; 24 – бронза

ки продолжали сужаться, а длинные – сделались вертикальными.

На глубине 1,38 м, у северной стенки ямы, прямо на деревянном перекрытии могилы было обнаружено чучело коня. От него сохранились лежащие в анатомическом порядке череп (ориентирован на запад), кости ног, отрубленных по четвертый сустав, хвост и черный тлен от шкуры. Лошадь была взнуздана, в пасти зажаты железные удила, в центре чучела обнаружены два стремени, там же зафиксированы остатки седла в виде деревянных плах.

Перекрытие могильной ямы было сделано из деревянных плах шириной 6–10 см, которые лежали на уступах под длинными стенками. Просевшие центральные части плах перекрытия лежали на костях скелета. Причем практически все плахи (около девяти) были уложены в западной части (над головой и грудью погребенного) могильной ямы. Еще одна плаха прослежена у восточной стенки. Остальную площадь, вероятно, закрывали полотном, плетенным из растений, так как между черным тленом от чучела коня и деревянным перекрытием был прослежен довольно мощный (2–3 мм) слой зеленого органического тлена. Восточная плаха лежала на дне могилы, на ней стоял красноглиняный кувшин (рис. 6: 6; 7: 1).

На дне погребения лежал скелет взрослого мужчины вытянуто на спине, головой на З. Руки лежали вытянуто вдоль туловища, ноги сведены вместе. Кости скелета оказались довольно хорошей сохранности, кроме черепа, который раздавило рухнувшее перекрытие.

Вдоль скелета с С и Ю лежали две длинные дощечки (более 1,60 м), прямоугольные в сечении (высота примерно 5–6 см). Вероятно, это оставшиеся детали от гробовища. Торцевые доски не сохранились. Под скелетом была прослежена двухслойная подстилка: белый тлен от камыша был перекрыт черным тленом от кожи.

Погребальный инвентарь. В пасти коня были зажаты железные двусоставные удила без псалиев (рис. 6: 1, 2). Металл очень плохой сохранности, центральная часть практически полностью сгнила. Сохранились только стержни с неподвижными кольцами, а также вставленные в них подвижные кольца. По классификации Федорова-Давыдова удила могут быть отнесены к типу ГI (Федоров-Давыдов, 1966, с. 17–18).

Два железных стремени (рис. 6: 3, 3а, 4, 5) плохой сохранности обнаружены у чучела лошади. Вероятно, они однотипны, поэтому остановимся на описании более крупного фрагмента стремени. Он представлен обломком подножки с дужкой,

Рис. 6. Инвентарь. Могильник Малые Дербеты I. Курган 3, погребение 1 (по: Верещагин, 2007)
1, 2 – удила; 3, 3а, 4 – стремя Б; 5 – стемя А; 6 – кувшин. 1 – 5 – железо; 6 – керамика

верхняя часть которой расплющена и образует треугольный выступ под прорезью. Узкая закругленная подножка состояла из трех прутьев. По форме она близка к типу ДII, но с треугольной вершиной, как у отдела Г по Федорову-Давыдову (Федоров-Давыдов, 1966, с. 13) и второго типа по В.Ф. Немерову (Немеров, 1987, с. 222).

Кувшин (рис. 6: 6; 7: 1) был найден в ЮВ углу погребения, лежащим на боку. Вероятно, он стоял на перекрытии и упал вместе с ним. Тулово округлое, горло невысокое, прямое, напротив ручки немного расширяется к устью. Дно плоское, без поддона. Ручка в сечении овальная, нижняя часть крепится на плечике, верхняя на венчике. Сосуд орнаментирован девятью прочерченными концентрическими кругами по тулову и тремя при переходе к горлу. Поверхность ярко красная, заизвесткована. Часть венчика отбита в древности. В тесте примесь песка. Размеры сосуда: высота 260 мм, высота горла 75 мм, диаметр дна 122 мм, диаметр тулова 210 мм, диаметр основания горла 85 мм, диаметр устья 98 мм, толщина стенок 6 мм.

Железный нож (рис. 7: 2) обнаружен у правой бедренной кости, вероятно, он был подвешен к поясу. Лезвие в нижней части имеет небольшой изгиб к спинке. Длина лезвия 182 мм, ширина от 26 до 13 мм, толщина – от 11 до 6 мм; рукоятка у основания имеет размеры 11×22 мм.

Шелковая ткань серого цвета была прослежена под черепом и к С от него. Несколько фрагментов ткани были найдены в заполнении норок грызунов. Ткань могла покрывать голову покойного (так часто поступали при буддийском обряде погребения).

На ступнях ног сохранились фрагменты кожи от сапог, голенища полностью истлели (рис. 7: 3). По конструкции сапоги походили на обувь монголов – гутал. Они имели прямое голенище с жесткими, наглухо пришитыми к нему союзками, но с более мягкими подошвами (Немеров, 1987, с. 214).

Кожаный колчан для лука (сагадак, сайдак, хаадак) был обнаружен прислоненным к северной стенке, напротив берцовых костей. Вероятно, он крепился к поясу с помощью сыромятных ремешков (Немеров, 1987, с. 216). Сагадак представлял собой кожаный чехол трапециевидной формы. Конструктивно состоит из двух кусков кожи, скрепленных между собой с помощью кожаной узкой полоски, к которой они были пришиты. Широкая верхняя часть и треть верха одной из сторон были не сшиты и служили карманом для вкладывания лука. Нижняя узкая часть закруглена. Внешняя сторона налучья была украшена глубоким тиснением острым мелкозубчатым штампом, длиной около 1 см. Им была покрыта вся поверхность

Рис. 7. Инвентарь. Могильник Малые Дербеты I. Курган 3, погребение 1 (по: Верещагин, 2007)
1 – кувшин (прорисовка); 2 – нож; 3 – фрагмент сапог; 4 –колчан. 2 – железо; 3 – кожа; 4 – береста

внешней стороны в виде елочки. Общая длина налучья была около 55 см, ширина в нижней части около 7 см, верха – более 15 см. В колчан был вложен деревянный лук. От него практически ничего не сохранилось, лишь несколько фрагментов дерева, обмотанных берестой.

Берестяной колчан для стрел (туло) найден у северной стенки могильной ямы за сагадаком (рис. 7: 4). Для изготовления колчана использовался деревянный каркас, на который была намотана береста. Книзу футляр расширялся, дно, вероятно, было изготовлено из органического материала (кожа или войлок). По всей поверхности колчана заметны парные отверстия – следы от прошивки нитками. По ребрам, с обоих концов колчана черной краской нанесены полосы, не доходящие до середины. У устья колчана с внешней стороны нарисована еще одна полоса. Рядом с устьем был найден фрагмент коричневой кожи, вероятно, от ремешка или портупеи, к которой крепился колчан.

Железная фигурная заклепка от берестяного колчана представляла собой овальную пластину с прямоугольной петлей, отделенной перехватом (рис. 8: 1). Длина 5,2 см, ширина 1,6 см. В колчан было вложено пять стрел. По положению наконечников видно, что две стрелы были вложены наконечниками внутрь, а три – наружу. Четыре наконечника представляли собой срезни в виде вытянутой лопаточки с короткими, сходящимися под тупым углом верхними ударными гранями (рис. 8: 3–6). Они могут быть отнесены к типу BXI по Федорову-Давыдову (Федоров-Давыдов, 1966, с. 27). Пятый наконечник – черешковый полулунный срезень (рис. 8: 2). Остатки от четырех древков стрел (рис. 8: 7–10) были найдены в колчане из бересты. Два древка представлены фрагментами нижних концов с составными деревянными ушками. Ушки конической формы, полые внутри, округлые в сечении с глубоким овальным вырезом для фиксации тетивы. Способ насада на древко – втулка, похожая на тип II по В.Г. Кищенко (Кищенко, 2003, с. 139). Выше ушка на древке сохранились черные кожаные пояски – дополнительный крепеж оперения.

Серебряная пластинка треугольной формы со следами чеканки была найдена во рту, вероятно, это часть какого-то изделия типа обкладки чаши или ножен (рис. 8: 11).

Курган 4. Насыпь небольшая, оплывшая, в плане округлая, линзовидные ровики прослежены с южной и северной полы, 10 м.

В кургане было совершено два захоронения. Погребение 2 было основным. Оно обнаружено на глубине 0,80 м, в 2 м к Ю от центра кургана. Могильная яма в плане прямоугольная со скругленными углами, длиной 2,20 м, шири-

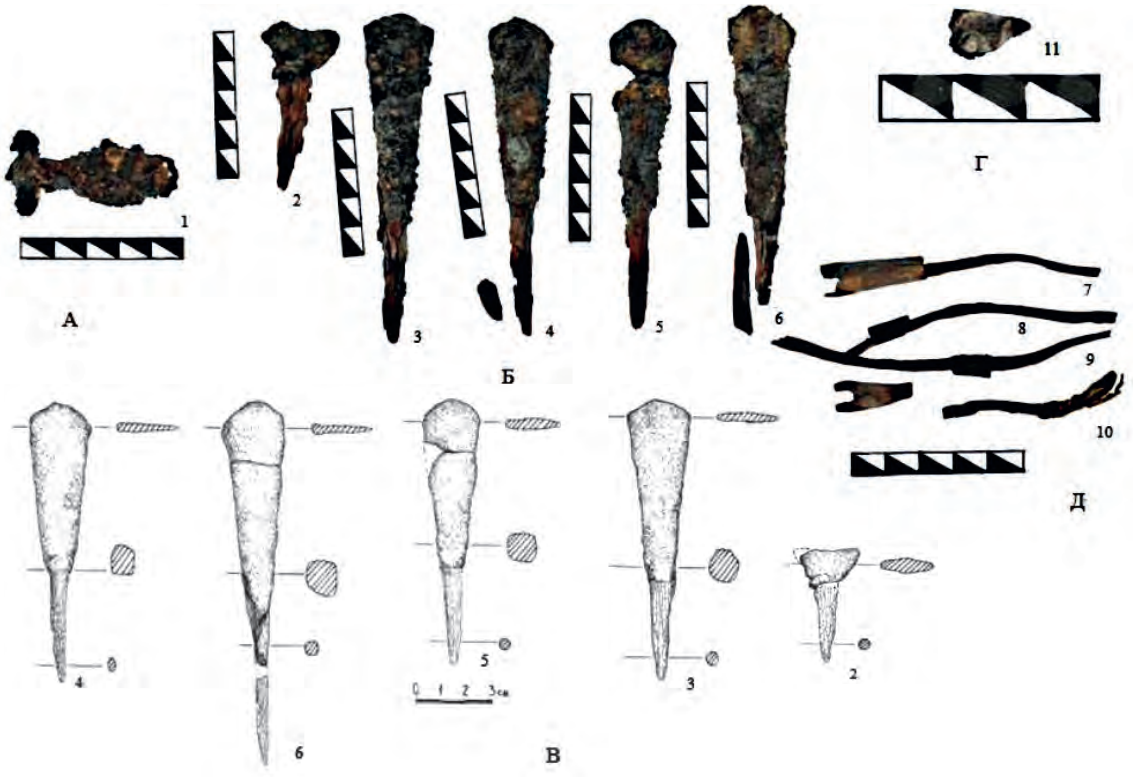


Рис. 8. Инвентарь. Могильник Малые Дербеты I. Курган 3, погребение 1 (по: Верещагин, 2007)
1 – деталь от колчана; 2 – 6 – наконечники стрел;7 – 10 – древки стрел; 11 – фрагмент изделия.
1–6 – железо; 7–10 – дерево; 11 – серебро

ной 0,80 м, длинной осью ориентирована по линии З–В, с небольшим отклонением к ЮЗ. На глубине 1,80 м был устроен заплечик шириной 10–20 см по всему периметру погребения. На заплечики были положены деревянные плахи перекрытия, от которых сохранилось девять фрагментов, со следами темного тлена, вероятно, от шкур лошадей. Заклад в центральной части могилы просел до глубины 2,17 м, почти до костяка человека.

На дне погребения, в гробовище, лежал скелет молодой девушки вытянуто на спине, головой на З. Череп был слегка наклонен влево, руки вытянуты вдоль туловища, ноги лежали вместе. На ногах сохранились фрагменты кожаных сапог, которые прослеживались до самых колен. На остальных костях повсюду встречался серый тлен от верхней одежды.

Гробовище имело следующую конструкцию: несколько длинных досок шириной 9–10 см были положены вдоль длинной оси погребения на перпендикулярные доски шириной 6–7 см. Эти перпендикулярные доски лежали друг от друга на расстоянии не менее 26 см. В итоге получился своеобразный щит, покрытый кожей (или шкурой), от которого остался слой черного тлена. Поверх деревянного щита лежал скелет молодой женщины, справа от нее, у самой стенки, находились кости барана. Вероятно, гробовище было окрашено в разные цвета, поскольку на некоторых досках осталась розовая и зеленая краска.

Как были скреплены доски, не совсем понятно, так как не было найдено гвоздей или деревянных втулок. Возможно, они вообще не крепились, а лежали поверх друг друга.

Погребальный инвентарь: у западной стенки погребения, почти у самого черепа, стоял кружальный сосуд. Дно сосуда плоское, тулово округлое, наибольший диаметр в верхней трети сосуда, невысокое горло расширяется к устью. Венчик плоский, чуть отогнут. В верхней части тулова, выше наибольшего диаметра была прикреплена петельчатая ручка, от которой остались два прилепа. Орнаментирован сосуд прочерченными концентрическими кругами, расположенными тремя группами по три круга между дном и наибольшим диаметром. Поверхность сосуда была обожжена неравномерно, поэтому на ней читались серые, розовые и красные цвета. На изломе черепок имел розовый цвет, в тесте прослежена примесь песка и толченой раковины. На дне сосуда обнаружен толстый слой сажи. На левом бедре лежал железный нож с бронзовой обоймой на рукояти. Лезвие треугольное в сечении, спинка прямая, острие выгнутое. Имеются уступы при переходе острия к черешку. Черешок отломан в древности. Дли-

на лезвия 120 мм, ширина 22 мм. На кисть левой руки был положен набор альчиков – 11 штук, еще 14 были разнесены землеройными животными по погребению. Среди них выделяются два экземпляра (биты), украшенные насечками, образующими сетку из ромбов. Один из них имел три просверленных сквозных отверстия. Во рту погребенной был обнаружен фрагмент серебряного изделия в виде треугольной пластины толщиной 2–3 мм с выштампованными овалами, один край которой имеет бортик. Вероятно, это часть накладки на какой-то предмет (чаша, ножны и т. д.). Размеры пластинки 29×33 мм. Подобный фрагмент встречен в погребении 1 кургана 3.

Ситуация 1. Целый скелет молодой лошади (стригунка) лежал в специально вырытой яме, на глубине 0,39 м, в 1,5 м к СЗ от центра кургана. Лошадь была взнуздана, поскольку в ее пасти найдены железные двусоставные удила. В районе позвоночника обнаружены остатки от седла – фрагменты дерева, кожи, железная деталь, а также органический тлен, окрашенный в розовый и зеленый цвета.

Описанные выше средневековые погребения содержат целый ряд датирующих предметов: стремена типа ДII (курган 3 погребение 1); удила типа ГI (курган 3 погребение 1; курган 4 ситуация 1; курган 7 ситуация 1); наконечники стрел ВXI (курган 3 погребение 1); шапочки бокка (курган 11 погребение 2); зеркало типа АI (курган 8 погребение 2); серьги типа VI (курган 4 погребение 2; курган 7 погребение 1; курган 8 погребение 2; курган 10 погребение 1).

Согласно периодизации Г.А. Федоров-Давыдова, перечисленные типы вещей относятся к IV периоду истории поздних кочевников и соответствуют золотоордынскому периоду – вторая половина XIII–XIV в. (Федоров-Давыдов, 1966, с. 116).

Относительно религиозного аспекта в погребальном обряде перечисленных выше захоронений следует сказать, что в Улусе Джучи, наряду с культом Тенгри, видное место занимали представители буддизма, ислама и христианства. Причем популярность той или иной мировой религии зависела от динамично меняющихся исторических условий.

В исламе и христианстве более строго соблюдали правильное положение умершего относительно сторон света и запрещали класть в могилу оружие, орудия труда, украшения и др. вещи. Буддизм, напротив, отличался разнообразием способов обращения с телами покойных и отсутствием твердо установленных норм погребального ритуала.

В качестве примера широкой вариативности проявления буддийской погребальной традиции исследователи указывают на практику закрывания естественных отверстий в теле усопшего, не известную в христианстве и исламе, положения монет или драгоценности в рот покойного, укрывание лица шелковой тканью, иногда прикрывающей рот (Позднеев, 1993, с. 463).

Практика закрывания естественных отверстий в теле усопшего в буддизме сохраняется и поныне. По мнению буддийских лам, она помогает душе покойного покинуть тело через темя, а не через другие (нечистые) отверстия.

Высказанные нами соображения относительно буддийской обрядности описанных выше погребений требуют дополнительных проработок и аргументаций, но эта тема другого исследования.

Таким образом, анализ письменных источников и археологического материала XIII–XIV вв., исследованных на территории Северо-Западного Прикаспия, позволяет сделать следующие выводы:

1. Несмотря на большие изменения, происшедшие в степях после монгольского нашествия, в археологическом материале позднекочевнических памятников Северо-Западного Прикаспия прослеживаются явные следы старого населения степей. Это прежде всего курганный погребальный обряд, который сохраняется вплоть до XV в. К этому времени сформировался локальный вариант кочевнической культуры, в котором смешались древние черты с новыми монгольскими элементами.

2. Элементы локального варианта кочевнической культуры в Нижнем Поволжье и Северо-Западном Прикаспии начали появляться еще в домонгольский период, когда происходила ассимиляция печенежско-торческих племен с половцами. На Нижней Волге, в зоне контакта торков и печенегов, шел быстрый процесс смешения этих племен в единый народ. Когда в X в. в Заволжье появились кипчаки-половцы, печенежско-торческие племена влились в их состав или бежали на запад, но половцы в домонгольский период не стали хозяевами степей Северного Прикаспия и не закрепились в своей массе в Нижнем Поволжье.

3. После монгольского нашествия и образования Золотой Орды на Нижней Волге начинает формироваться локальный вариант кочевнической культуры с явной примесью монгольского элемента на древнетюркской основе. В золотоордынский период половцы были переселены в Нижнее Поволжье и составили основную массу населения городов и степи. Монголы постепенно смешались с половцами, о чем свидетельствуют не только археологические материалы, но и данные письменных источников.

4. Характерной особенностью локального варианта кочевнической культуры в Нижнем По-

волжье, сформировавшемся в XIV в., являлось смешение различных типов погребений и вещей, что обусловливалось этнической пестротой населения Золотой Орды, которое представляло собой сильно метисированную группу, состоявшую как из европеоидных, так и монголоидных элементов.

5. В золотоордынское время в Поволжье вновь появляются характерные для печенежско-торческого мира ранние типы погребений с костяком человека, обращенного головой на запад, и расположенных к северу от него, иногда на ступеньке, черепом и четырьмя ногами коня.

6. В формировании локального варианта кочевнической культуры в Нижнем Поволжье монголы сыграли заметную роль, в кочевнической среде с их приходом широко распространились фигурки человечков из бронзы и женский головной убор – «бокка».

7. В печенежско-торческий и половецкий периоды человечки из бронзы и «бокка» в степях Юго-Восточной Европы не встречались, лишь с приходом монголов эти вещи появляются в Европе и концентрируются в основном в Нижнем Поволжье и степях Северо-Западного Прикаспия. Большинство этих вещей (27 экз.) найдено в простых могильных ямах с западной ориентировкой костяка, без костей коня и в простых ямах с восточной ориентировкой костяка, также без костей коня. Эти типичные монгольские вещи быстро распространились по степи и стали характерными признаками локального варианта кочевнической культуры степного Поволжья.

8. По сравнению с предмонгольским половецким периодом в погребениях второй половины XIII–XIV в. на территории Северо-Западного Прикаспия, а также в Поволжье и Заволжье в целом, заметно дополняется погребальный инвентарь. Можно выделить некоторые типы вещей, которые связаны с пришедшими с Востока племенами, в том числе и с монголами: появляются плоские наконечники стрел в виде узкой вытянутой лопаточки с закругленными, вогнутыми или сходящимися под тупым углом верхними ударными гранями; головной убор монголов (бокка); золотоордынские джучидские монеты. Однако эти вещи встречаются и в обычных половецких погребениях. Кроме этих вещей, непосредственно связанных с приходом монгольских племен, большое распространение в погребениях второй половины XIII–XIV в. получают круглые металлические зеркала с крестовидно-арочным орнаментом, с изображением животных, рыб, а также проволочные серьги в виде «знака вопроса» с несомкнутым кольцом и отходящим вниз стержнем, перевитым тонкой проволокой. Иногда встречаются серьги со стержнем без обмотки. Все перечисленные вещи, согласно классификации Г.А. Федорова-Давыдова (Федоров-Давыдов, 1966, с. 118), датируются XIII–XIV вв. и довольно часто встречаются в погребениях позднекочевнических курганов на всей территории Северо-Западного Прикаспия.

9. В позднекочевнических памятниках на территории Северо-Западного Прикаспия встречено минимальное количество погребений с северной ориентировкой человека, вовсе отсутствуют каменные обкладки над погребениями (характерно для монголов), что позволяет сделать вывод о том, что территория Северо-Западного Прикаспия во второй половине XIII–XIV в. была заселена половецкими племенами, входившими на правах унаган-богола (родоплеменная зависимость) в состав Золотой Орды, с незначительной долей монголов и иных кочевников.

ГЛАВА 5

ЛЕСНАЯ ЗОНА ВОЛГО-УРАЛЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII – НАЧАЛЕ XV ВВ.

§ 1
Окско-Сурское междуречье

§ 2
Ветлужско-Вятское междуречье Среднего Поволжья

§ 3
Бассейн Вятки

§ 4
Верхнее Прикамье

§ 5
Северное Предуралье

ГЛАВА 5
ЛЕСНАЯ ЗОНА ВОЛГО-УРАЛЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII – НАЧАЛЕ XV В.

ОКСКО-СУРСКОЕ МЕЖДУРЕЧЬЕ

Обширная область Окско-Сурского междуречья занимает северо-западную часть Приволжской возвышенности. Её поверхность волнисто-холмистая, овражистая, пересечена многочисленными речными долинами малых рек. Русла наиболее значительных притоков Оки и Суры широтно ориентированы. Междуречья образуют водораздельные плато, круто поднимающиеся над поймами. Абсолютная высота поверхности достигает 180–250 м над уровнем моря. Примечательной особенностью являются овражно-балочные формы рельефа. В местах распространения карбонатных или загипсованных горных пород часто встречаются карстовые провалы, а на участках с четвертичными лессовидными суглинками – просадочные суффозионные воронки.

Долины главных рек (Волги и Оки) образованы широкими лугово-озёрными поймами, незначительно приподнятыми над уровнем воды (на 6–9 м). Их левые берега, как правило, низкие, с отчётливо выраженными двумя надпойменными террасами. Правые, напротив, – высокие, почти на всём своём протяжении образуют крутые уступы, высотой до 100 м над уровнем поверхности воды.

Крайне разнообразен и плюризонален почвенный покров, сочетающий районы с чернозёмами, дерново-подзолистыми, серыми и светло-серыми лесными почвами (Романов, 1974, с. 77). Компактные участки с наиболее плодородными чернозёмными почвами встречаются только в южных и юго-восточных районах на значительном удалении от долин Оки и Волги. Большая часть территории перекрыта светло-серыми лесными и подзолистыми почвами с низким естественным плодородием.

Главной природной особенностью Окско-Сурского междуречья является его нахождение на стыке лесной и лесостепной зон. В настоящее время доля залесённой территории в различных районах колеблется от 4 до 20% (Куприянов и др., 1995, с. 18). Однако площади, занимаемые лесами, их видовой состав в различные исторические эпохи не оставались неизменными. По данным письменных источников, в конце XVIII в. леса покрывали около 44% территории Волго-Окского Правобережья (Харитонычев, 1978, с. 89). Зона лесостепи представлена небольшими лесными островками в Посурье и среднем течении р. Тёши. Остепнённые участки сохранились по крутым береговым склонам малых рек, тогда как водоразделы в настоящее время повсеместно распаханы.

Равнинные пространства северной части Приволжской возвышенности в междуречье рек Волги, Оки и Суры располагались за пределами староосвоенных территорий древнерусских земель-княжений. Первое, известное по письменным источникам поселение здесь – город Новый, через сто лет после основания сменивший наименование на Нижний Новгород, был заложен на устье р. Оки только в 1221 г. С начальным этапом истории этого городского центра связано освоение большей части окрестных земель русским населением в XIII–XV вв. (рис. 1).

История исследований. Первые археологические раскопки в Нижнем Новгороде состоялись ещё в 1877 г., когда известный этнограф и антрополог В.Н. Майнов на периферии средневекового города исследовал мордовские погребения XVII–XVIII вв. (Грибов, 2018а, с. 15). Однако обнаружить городской культурный слой XIII – начала XV вв. удалось только в 1960 г. при исследованиях Н.Н. Воронина в храме Михаила Архангела на территории Нижегородского кремля. Раскопки на территории этой позднейшей (начала XVI в.) нижегородской крепости в 60–70-е гг. XX в. были продолжены В.Ф. Черниковым, в 1988 г. Т.В. Гусевой, в 2001–2002 гг. В.А. Лапшиным, в 2006–2008 гг. – И.О. Ерёминым и Е.М. Пигаревым, А.М. Губайдулиным, З.Г. Шакировым, в 2010 г. – Е.В. Четвертаковым, в 2012 г. – И.С. Аникиным (2012 г.), в 2018 г. – Н.Н. Грибовым и Н.А. Письмаркиной. Отдельные участки нижегородского посада в разные годы исследованы раскопами Т.В. Гусевой (1989, 1991, 1997, 1998, 1999, 2002 гг.), И.О. Ерёмина (1996, 1997 гг.), С.М. Дмитриевского (1999 г.), Н.Н. Грибова (1999 г.), И.В. Ануфриевой (1998, 2005, 2007), Е.Э. Лебедевой (2007–2009 гг.), Л.Д. Шакуловой (2003 г.), П.С. Данилова (в 2008 г.), С.В. Очеретиной (2014, 2015 гг.),

Рис. 1. План г. Нижнего Новгорода. 1 – граница территории средневекового города (по области распространения культурных напластований с материалами XIII – начала XV вв.); 2 – городище Городок середины XV – начала XVI вв.; 3 – Нижегородский кремль начала XVI в.

Т.В. Сергиной (2013 г.). Л.М. Носковой (2000 г.), В.А. Батюкова (2011 г.), Е.И. Бакулина (2015, 2018 гг.), А.Н. Кикеева (2004, 2005 гг.), Е.В. Четвертакова (2008, 2013 гг.) (Грибов, 2018а, с. 15–20).

В 1994–1996 гг. проводились незначительные по объёму исследования на территории древнейших Нижегородских монастырей – Благовещенского (раскопки И.О. Ерёмина 1994–1995 гг.) и Печерского (работы Д.С. Дмитриевского 1995–1996 гг.). В обоих случаях напластования XIII–XIV вв. были обнаружены лишь в переотложенном состоянии.

С начала 1990-х гг. в г. Нижнем Новгороде систематически проводятся археологические наблюдения на строительных площадках. К 2014 г. этим видом археологических изысканий охвачено 296 объектов. Во многих зонах строительно-монтажных работ проведена разведочная шурфовка.

По состоянию на 2018 г. общая площадь нижегородских раскопов немного превышает 10800 кв. м.

Первые русские памятники сельского круга эпохи развитого Средневековья в пределах Окско-Сурского междуречья были открыты основателем краеведческого музея г. Дзержинска (Нижегородской области) Б.А. Сафоновым в годы Великой Отечественной войны и сразу после её завершения, в 1941–1943 и 1946–1951 гг. (Анучин, Черников, 1991). Тогда, при обследовании берегов р. Оки и её правобережных притоков – рек Кишмы и Кудьмы, впервые на правобережье Нижней Оки были обнаружены русские средневековые селища.

Период конца 40-х – начала 50-х гг. XX в. ознаменовался началом изучения укреплённых средневековых русских поселений: в 1948 г. И.А. Кирьяновым проведено разведочное обследование городища Курмыш, а в 1955 г. – крепости Оленья Гора под Лысковом (Кирьянов, 1961). Если на первом памятнике работы были ограничены визуальным осмотром и обмером остатков земляных укреплений, то на Оленьей Горе было заложено 10 шурфов и один разведочный раскоп (80 кв. м). В последующие годы рекогносцировочные раскопки на Оленьей горе были продолжены В.Ф. Черниковым (1963 г.; всего раскопано около 200 кв. м, см.: Черников, 1967), а разведочное обследование г. Курмыш (с заложением шурфов) – И.А. Очеретиным (1991 г.; 20 кв. м; Очеретин, 1994).

На правобережье Нижней Суры первые памятники с русской средневековой керамикой были обнаружены А.Х. Халиковым в 1958 г. (селища Отарские Выселки и Петровское) (Халиков, 1958). В последующем 1959 г. под руководством этого исследователя в рамках работ Горьковской экспедиции было организовано сплошное обследование побережий рек Оки, Волги и прилегающих к ним районов Нижегородской области, результатом чего стало выявление значительного количества памятников русского Средневековья (Грибов, 2018а, с. 241, 242) В составе экспедиции работало пять разведотрядов, возглавляемых отдельными исследователями. Отрядом под руководством Е.А. Безуховой обследовалось Окское Правобережье, включая малые притоки, от устья р. Тёши до г. Павлова (Безухова, 1959). Отрядом В.Ф. Черникова обследовано побережье р. Оки от г. Павлова до г. Нижнего Новгорода и берега р. Кудьмы (Черников, 1959). Правобережье р. Волги на участке между устьями рек Ватомы и Керженец были изучены отрядом под руководством П.Н. Старостина (Старостин, 1959).

Первые раскопки русских сельских поселений эпохи Золотой Орды в Окско-Сурском междуречье проведены В.Ф. Черниковым. В 1961 г. он исследовал селище и курганный могильник Большая Тарка на правобережье р. Оки (вскрыто 168 кв. м на селище и 4 кургана на могильнике) (Черников, 1995), в 1969 г. – селище Шава-1Б на берегу р. Кудьмы (раскопано 60 кв. м) (Черников, 1969). Большой интерес представляют результаты изучения этим исследователем сельского грунтового могильника на восточной окраине современного Нижнего Новгорода (у больницы им. Семашко) в 1970 г. (Черников, 1991). Черты архаики, присущие погребальному обряду (углисто-золистые подсыпки на дне могильных ям), погребальный инвентарь (бронзовые височные «кудрявые» кольца, бронзовый пластинчатый браслет, шумящие подвески) позволяют датировать могильник первой половиной XIII в.

В период конца 70-х – начала 90-х гг. XX в. около десятка ранее неизвестных русских селищ были обнаружены отрядами экспедиций Горьковского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (ГГУ) и Нижегородской археологической службы на Волго-Окском правобережье (Блинова М.В., 1979 г.; А.А. Миронос, 1989 г.; В.А. Флягин, 1992 г.), на берегах р. Кудьмы (Н.Н. Грибов, 1992 г.), в удалённом от окского устья Правобережном Посурье (А.И. Лопатин, 1979 г.; М.Г. Жилин, 1984 г.) (Грибов, 2018а, с. 242). Особенностью этого этапа исследований стало обнаружение первых сельских памятников на водоразделах.

В конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. многие поокские селища, открытые в 1959 г., были вторично обследованы разведотрядом экспедиции Института археологии РАН под руководством М.Г. Жилина. По ходу этих работ несколько памятников были зафиксированы и обследованы впервые. На поселении Павлово-2 в 1992 г. М.Г. Жилиным был заложен большой шурф (20 кв. м), а в 1993 г. Ерёминым И.О. – раскоп (80 кв. м) (Николаенко, 2008, с. 325).

С 1994 по 2011 гг. изучением русских средневековых памятников Нижегородского Поволжья активно занималась экспедиция Нижегородского историко-археологического центра «Регион» (НИАЦ «Регион») под руководством автора настоящей статьи. В рамках работ этой экспедиции Н.Н. Грибовым, И.С. Аникиным, Н.В. Ивановой проведено археологическое обследование ближайшей округи г. Нижнего Новгорода, долины реки Кудьмы, Окско-Кудьминского водораздела, расширения волжской поймы восточнее г. Нижнего Новгорода, берегов р. Сундовик. После завершения цикла исследований количество известных памятников русского Средневековья в районах Волго-Окского Правобережья увеличилось более чем в 2,5 раза. На шести селищах проведены раскопки (Ближнее Константиново – 1 (1577 кв. м), Бешенцево-3 (611 кв. м), Копнино-1 (152 кв. м), Копнино-2 (140 кв. м), Копнино-3 (152 кв. м), Доскино-10 (120 кв. м)), на многих других – шурфовочные работы. Изучение сельских поселений городской округи выявило ряд селищ, заметно выделяющихся значительными размерами (1,5–6 га) и большим количеством социально престижного инвентаря. Материалы раскопок на двух таких памятниках (Ближнее Константиново – 1, Бешенцево-3) позволяют отнести их к крупным владельческим сёлам, определяющим каркас местной структуры расселения. В 2003, 2004 г. небольшой участок (192 кв. м) был вскрыт на городище Городок, расположенном в предместье средневекового Нижнего Новгорода. Материалы этого памятника заполнили пробел в хронологическом ряду комплексов г. Нижнего Новгорода, соответствующем промежутку середины XV – начала XVI вв. (Грибов, 2018а).

При сотрудничестве экспедиции НИАЦ «Регион» с Институтом истории им. Ш. Марджани при Академии наук Татарстана был исследован участок правобережья р. Суры в её нижнем течении, обнаружены два крупных поселения эпохи Золотой Орды – Мурзицы-1 и Курмыш-4 (Грибов, Ахметгалин, 2013). В 2008, 2009 гг. на поселении Курмыш-4 проведены первые рекогносцировочные раскопки (102 кв. м).

Следует отметить, что в 1960–2000-х гг. много-

численные археологические разведки проводились в районах, отдалённых от долин крупнейших рек – Оки, Волги и Суры, на обширных водораздельных пространствах Окско-Сурского междуречья (Николаенко, 2004, с. 19–23). Наиболее результативными в плане обнаружения археологических памятников были работы Верхне-Волжской экспедиции ИА РАН под руководством Л.В. Кольцова и М.Г. Жилина в бассейнах рек Тёши и Серёжи. Ландшафтный район Арзамасской лесостепи в археологическом плане был обстоятельно изучен экспедицией Арзамасского исторического музея под руководством В.Н. Мартьянова. Тем не менее исследования этих и ряда других коллективов не привели к открытию здесь, на значительном удалении от окского устья, русских средневековых памятников. Этот факт уже сам по себе отражает специфику русского средневекового расселения на территории Окско-Сурского междуречья.

Первое обобщение по распределению русских памятников развитого Средневековья на интересующей территории сделано в диссертационном сочинении автора (см.: Грибов, 2000в). Хронология нижегородских древностей в настоящее время находится на стадии разработки. Первые результаты, полученные на этом поприще, связаны с выяснением основных тенденций в изменении местной керамической посуды (Грибов, 2006б).

Критерии культурного своеобразия и типы местных памятников русского Средневековья. Обширная территория Окско-Сурского междуречья, обладающая весьма разнообразными природными условиями, во все времена была заселена полиэтничным населением с разным хозяйственным укладом и разными культурными традициями. Поэтому прежде чем перейти к характеристике памятников, оставленной здесь представителями какой-либо одной культурной или этнической группы, необходимо хотя бы кратко обсудить их археологические признаки, позволяющие выделять эти объекты среди других – инокультурных.

Главным критерием принадлежности наиболее распространённых – поселенческих – памятников к традициям русской средневековой культуры является доминирование на них специфической посудной керамики. Гончарную традицию Северо-Восточной Руси отличает превалирование посредственно обожжённых круговых сосудов горшечных форм, изготовленных кольцевым или спиральным жгутовым налепом из теста с минеральными примесями в виде песка или дресвы магматических горных пород моренного происхождения (преимущественно гранитов), недекорированных либо украшенных по тулову, шейке или плечику прямыми параллельными или волнистыми линиями, волнистой, прокаткой зубчатого колёсика или сочетанием указанных видов орнаментации. Второй характерной чертой русских памятников являются находки предметов мелкой христианской пластики – нательных и наперсных крестов, крестов-складней, иконок-привесок, изготовленных из различных материалов. Остальные признаки (наличие специфических женских украшений, орудий труда, традиций домостроительства и проч.) для атрибуции русских памятников эпохи Золотой Орды, как правило, имеют второстепенный характер.

При выяснении культурной специфики археологических памятников эпохи развитого Средневековья приходится учитывать влияние государственных институтов на традиционный уклад жизни местного населения. В русских княжествах, как и в областях, находящихся под прямым управлением ханов Золотой Орды, границы между этническими массивами были размыты. «Административное вмешательство» в традиционный порядок расселения выражалось в виде массовых и скоротечных перемещений зависимого населения, заселения отдельных населённых пунктов представителями разных культур и вероисповеданий. Эти процессы существенно осложнили и без того пёструю этнокультурную палитру жителей Поволжья, издавна связанных воедино Великим Волжским путём. В материальной культуре эти явления наиболее отчётливо проявились на пограничных землях государственных образований – как широкое распространение «гибридных» форм и «поликультурный» облик инвентаря целого ряда местных поселенческих памятников.

Для наиболее полного охвата областей, подверженных влиянию русских традиций, представляется необходимым включить в настоящий обзор и памятники периферийных районов, находившихся под юрисдикцией нижегородских князей. Здесь влияние русских традиций на облик материальной культуры хоть и было довольно сильным, но не являлось доминирующим.

Территория Окско-Сурского междуречья в плане распространения русской культурной традиции, степени её воздействия на повседневный быт проживавшего здесь населения, разделяется на три основных района.

Первый район определяют памятники с доминированием русской материальной культуры. Географически он охватывает участок Волго-Окского Правобережья, примыкающий к линии абриса правых берегов рек Оки и Волги на участке от устья р. Велетьмы на юго-западе до устья р. Сундовик на северо-востоке, шириной до 25–30 км. Исторически его заселение связано с формированием сельских округ двух русских городов – Мурома и Нижнего Новгорода.

Второй район, охватывающий памятники с сильным, но не доминирующим влиянием русской традиции, намечен преимущественно по трём поселенческим центрам на правобережье р. Суры. Каждый из них может быть отождествлён с одним из поселений, упоминаемым в русском летописании в связи с деятельностью нижегородских князей. Это агломерация средневековых поселений в районе посёлка Курмыш Пильнинского района Нижегородской области, поселение Мурзицы-1 Сеченовского района Нижегородской области и селище Сара-5 Сурского района Ульяновской области. Для этих памятников характерен «поликультурный» облик археологического инвентаря, присутствие гибридных форм в посудной керамике. Вероятно, к памятникам этого района могут быть причислены и редкие селища, известные на берегах правобережных притоков р. Суры.

Третий район охватывает большую часть территории Окско-Сурского междуречья – удалённые от долин крупных рек водораздельные пространства. Предметы, которые можно связать с культурой русского Средневековья, происходящие из местных памятников, весьма малочисленны и на фоне преобладающего инвентаря могут рассматриваться в качестве редких «импортов». К таким находкам можно отнести редкие образцы древнерусской керамики и шиферные пряслица из раскопок мордовского Саровского городища (Николаенко, 2013, с. 314), иконку-привеску с изображением Богородицы, происходящую из погребального инвентаря мордовского могильника Заречное-2 (Мартьянов, 2004, с. 152, табл. 74, *1*). Рассмотрение памятников этого, третьего, условно выделенного района, принадлежащих к археологическому наследию других народов Поволжья, выходит за рамки тематики настоящего обзора.

Русские средневековые памятники Окско-Сурского междуречья представлены преимущественно селищами. На конец второго десятилетия XXI в. известно 197 объектов такого типа. Их размеры варьируют от 200 кв. м до 18,5 га. Площади более 65% известных селищ не превышают 7000 кв. м. Располагаются на берегах как крупных, так и малых рек, ручьёв и оврагов. На водораздельных участках, как правило, располагаются на приводораздельных склонах по берегам балок или оврагов, на плакорах водоразделов не известны.

Выявленные курганные и грунтовые могильники пока единичны. К первым уверенно можно отнести только могильник Большая Тарка – 3 (Черников, 1995). Ко вторым – сельские могильники у больницы им. Семашко на окраине г. Нижнего Новгорода (Черников, 1991) и у д. Копнино на р. Кудьме (Аникин, 2005). Поселения с сохранившимися следами земляных укреплений представлены тремя объектами. Это город Нижний Новгород и две относительно небольшие крепости – Оленья Гора на устье р. Сундовик (размеры которой на XIV–XV вв. пока не установлены) и Курмыш на р. Суре. К категории мысовых городищ, очевидно, можно отнести ещё один объект – «городище Городок», остатки укреплений которого были спланированы в XX в., но остались зафиксированными на топосъёмке середины XIX в. Нельзя исключать того, что на некоторых памятниках, атрибутированных как селища, при более подробном исследовании будут обнаружены следы дерево-земляных укреплений (на таких, как поселение Мурзицы-1, селище Сара-5, селище Городищи-1 на р. Сундовик и на некоторых других).

Памятники Муромской округи на Правобережье р. Оки. Заложенный во второй половине X в. вблизи сосредоточения известных болгарским купцам нескольких посёлков летописной муромы, древнерусский г. Муром стал центром «окняжения» окружающей территории. Развитие города сопровождалось сложением сельской округи, в том числе и на правобережье р. Оки (Грибов, 2003). Погребальный обряд известных здесь могильников конца VII – начала XI вв. (Корниловского, Чулковского, Нижневерейского, Пермиловского) позволяет рассматривать эту территорию до возникновения древнерусского г. Мурома как входящую в ареал обитания муромы. Материалы раскопок муромских могильников содержат предметы древнерусского ремесла, однако их количество в наиболее изученных Нижневерейском и Чулковском могильниках невелико и вполне сопоставимо с числом импортов из Волго-Камского региона. Очевидно, этот материал свидетельствует о культурно-торговых связях местной муромы с древнерусским населением ещё до начала активной фазы колонизации. Знаковым явлением, определяющим начало славяно-русского освоения правобережья Оки, можно считать появление здесь первых стационарных поселений, основанных выходцами из коренных областей древнерусского государства. В настоящее время на правобережье Оки известно только одно селище (Коробковское), основание которого по раннегончарной керамике можно предварительно датировать X–XI вв. (Безухова, 1959).

В последующий период происходит постепенное разрушение племенного уклада муромских общин, сопровождаемое утратой коренным населением своих этнографических особенностей. Данный процесс сопровождался возникновением новой поселенческой структуры, о чём могут свидетельствовать двухслойные памятники. Один из них – селище Липовецкое-2. Нижний горизонт его культурного слоя соответствует поселению муро-

мы X в., верхний – древнерусскому селищу. Система древнерусских поселений на правобережье р. Оки, очевидно, заменила собой местную поселенческую структуру: маркирующие последнюю муромские могильники располагаются на одной и той же территории, что и древнерусские селища последующего периода.

Ареал распространения русских средневековых памятников на правобережье р. Оки вблизи г. Мурома охватывает протяжённую заселённую область, вытянутую вдоль окской долины от устья р. Велетьмы до устья р. Кишмы почти на 60 км. В документах писцового делопроизводства XVII в. она соответствует Дубровскому и Стародубскому станам Муромского уезда (Готье, 1937, с. 393). Она включает в себя 25 памятников. Последние располагаются в виде небольших скоплений, состоящих из трёх – пяти поселений. Характерный размер территории, занимаемой одним скоплением, – около 20 кв. км.

С территорией окского правобережья традиционно связываются известия о русском средневековом городе Стародубе Вочском. Первое и единственное упоминание о нём в письменных источниках имеется в «Списке русских городов дальних и ближних» рубежа XIV–XV вв. (НПЛ, с. 477). В более поздних письменных памятниках (XV–XVII вв.) название данного городского центра присутствует только в наименовании соответствующей административно-территориальной единицы (Готье, 1937, с. 393). Надёжно соотнести какой-либо известный археологический памятник со средневековым Стародубом Вочским пока не представляется возможным.

Селище и могильник у п. Большая Тарка Лучше других в описываемом районе исследованы селище Большая Тарка – 1 и расположенный рядом с ним курганный могильник Большая Тарка – 3.

Исследования селища на площади 168 кв. м показали, что культурный слой памятника мощностью 40 см нестратифицирован (Черников, 1995). Собранный археологический материал разделяется на два основных хронологических периода. К первому периоду (XII – первая половина XIII в.) можно отнести железный ключ от замка типа Б по Новгородской классификации, железный бронебойный наконечник стрелы в виде кинжальчика ромбического сечения с перехватом, бронзовое височное перстнеобразное кольцо, стеклянную рыбовидную бусину, восемь шиферных пряслиц. Находки второго периода (середины XIII–XV в.) представлены бронзовым наперстным двухсторонним крестом с округлыми лопастями, железной пластиной от чешуйчатого доспеха, костяным гребнем. Среди венчиков керамических сосудов имеется приблизительно равное количество хроноиндицирующих форм обоих выделенных временных промежутков. Углублённые в материк сооружения также могут быть разделены на две соответствующие хронологические группы. С начальным этапом существования поселения, очевидно, связан и обнаруженный неподалеку от него курганный могильник. Он состоял из двух курганных групп, разделённых дистанцией в 150 м. В первой группе насчитывалось 14 насыпей, во второй – три. Пять погребений из первой группы было раскопано. Захоронения в виде безынвентарных трупоположений под земляными насыпями совершены здесь в материковых ямах глубиной 22–53 см. Ориентация погребённых – головой на запад. Отмеченные особенности позволяют рассматривать эти погребения как совершённые по христианскому обряду и отнести их к третьему периоду существования курганных могильников бассейна р. Оки, датированному Т.В. Равдиной в пределах XIII столетия (Равдина, 1965, с. 128).

К числу населённых пунктов, возникших в период XII – первой половины XIII вв., относится и поселение Павлово-2. Комплекс археологического инвентаря, обнаруженного на памятнике, включает железный ключ от замка типа Б, шиферное пряслице с надписью, шарообразную бусину из горного хрусталя, фрагменты стеклянных браслетов (Николаенко, 2008, с. 325).

Нижний Новгород и памятники его сельской округи. Освоение района, тяготеющего к устью р. Оки, выходцами из староосвоенных древнерусских земель началось, скорее всего, не ранее появления Нижнего Новгорода. Нижняя граница датировки известных памятников, удалённых от города не более чем на 40 км, не выходит за пределы XIII в.

Город Нижний Новгород. Летописная история городского центра на устье р. Оки начинается в 1221 г., когда по инициативе великого владимирского князя Юрия Всеволодовича на мысу при впадении в Волгу небольшой р. Почайны были заложены первые дерево-земляные укрепления (ПСРЛ, т. 1, стб. 445). Территория этой первой крепости маркируется остатками оборонительной линии в виде археологически зафиксированных следов земляного вала и рва, отмеченных картографами на планах Нижегородского кремля ещё конце XVIII в. (Ануфриева, Четвертаков, 2012).

Первая нижегородская крепость занимала верхнюю площадку мыса при устье р. Почайны высотой около 70–80 м над уровнем волжской воды (рис. 1: 1). Её расположение позволяло широко обозревать окружающую местность сразу по трём направлениям – вверх по Оке, вверх и вниз

по Волге. Общую протяжённость укреплений с напольной стороны можно оценить в пределах 900 м. Ограниченная валом и рвом территория крепости оврагом Ивановского съезда разделена на две неравные части – западную, большую (5,5 га) и восточную, меньшую (2 га) (Грибов, 2018а, с. 24). Общая очерченная укреплениями территория на площадке коренного волжского берега имела размеры около 7,5 га. По её величине первая нижегородская крепость близка к размерам укрепленной части Старой Рязани середины XII в. (7,5 га). В связи с тем, что город был заложен в слабо заселённой местности (Грибов, 2007а, с. 115), очевидно, он строился на «вырост», из расчёта прихода сюда большого количества переселенцев, то есть не как сторожевая крепость, а сразу как крупный военно-административный княжеский центр. Четыре года спустя после возведения первых укреплений в нём появляется белокаменная церковь Святого Спаса. Ещё через три года, в 1229 г., Лаврентьевская летопись фиксирует существование загородного Благовещенского монастыря (ПСРЛ, т. 1, стб. 451).

За стенами детинца городская селитебная территория стала заметно прирастать уже в середине – второй половине XIII в. Места обнаружения отдельных комплексов, сложившихся до середины XIV в., отдельных типов инвентаря, вышедшего из употребления к этому временному рубежу, показывают, что все основные освоенные в средневековье районы за чертой первоначальной линии укреплений начали формироваться ещё до появления в городе князей суздальской династии (до 1341 г.).

К наиболее ранним нижегородским находкам относятся фрагменты амфорной тары, стеклянные браслеты, железные ключи и замки типа Б, железные удлинённые овальные кресала с округлыми отверстиями по краям внутреннего выреза, каменная двухсторонняя иконка со следами позолоты, шиферные пряслица, бронзовые перстнеобразные височные кольца, бронзовые зооморфные подвески, единичные образцы керамической посуды Волжской Болгарии с нарезным орнаментом.

В середине XIV в. Нижний Новгород становится столичным городом крупнейшего политического образования Северо-Восточной Руси – Суздальско-Нижегородского княжества. В летописных сообщениях этого времени появляется упоминание о строительстве в Нижнем Новгороде каменного кремля (ПСРЛ, т. 15, стб. 100), двух каменных храмов – Архангела Михаила и Святого Николы-Чудотворца. В городском предместье возникает ещё один монастырь (Печёрский Вознесенский). В 1374–1375 гг. в город на устье Оки переносится епископия, а епископом Суздаля, Нижнего Новгорода и Городца становится игумен нижегородского Печёрского монастыря Дионисий (ПСРЛ, т. 15, стб. 105). При описании событий 1377 г. летописец упоминает о сожжении более 30 нижегородских церквей (ПСРЛ, т. 15, стб. 119), их количество уже само по себе может служить мерой величины города и его многолюдности в это время. Площадь города в середине XIV в. – около 90 га (Грибов, 2018а, с. 27).

Материалы раскопок и косвенные данные летописных сообщений свидетельствуют о работе в городе ремесленников широкого круга специальностей. Находки фрагментов тиглей с каплями золота указывают на присутствие среди них ювелиров высокой квалификации, умеющих отливать украшения из драгоценных металлов.

Благосостояние города в значительной степени обеспечивалось участием горожан в трансконтинентальной торговле. На это, кроме положения Нижнего Новгорода на восточной периферии «русского» участка Волжского торгового пути и его запустения после смещения основного торгового маршрута на Кавказ – после разорения поволжских городов-факторий Золотой Орды Тимуром, указывают летописные сообщения и многочисленные археологические находки. Так, Рогожский летописец сообщает о пребывании в Нижнем Новгороде восточных купцов (ПСРЛ, т. 15, стб. 81). Большое количество импортов восточного происхождения является одной из характерных особенностей его «археологического» облика, выделяющей его среди других русских городов. Среди привозных изделий необходимо отметить большое количество фрагментов поливной парадной посуды из кашина, обломки хорезмийских и болгарских сфероконусов, обломки редких ценимых сосудов из китайского фарфора-селадона, образцы иранского люстра и ладжвардина, византийской полумайолики. Известны находки фрагментов чугунных котлов, каменных сосудов, обломков бронзовых зеркал, деталей бронзовых зооморфных замков, бронзовых поясных накладок со стилизованным изображением дракона, биконических бус и перстней, изготовленных из глушеного бирюзового стекла в мастерских поволжских городов Золотой Орды. В заполнениях котлованов погребов и подпольных ям середины XIV – начала XV вв. систематически встречаются обломки краснолощёных болгарских кувшинов и объемных хумообразных сосудов (усреднённая доля привозной краснолощёной «поволжской» посуды в нижегородской средневековой керамике – до 2,3%, см.: Грибов, 2006б, с. 81, табл. 5). Известны редкие находки обломков красноглиняных дымоходных труб, которые часто встречаются среди массового материала поволжских городов

Золотой Орды. При раскопках Нижнего Новгорода обнаружены медные и серебряные монеты чеканки поволжских городов Золотой Орды (Грибов, 2018а, с. 385, 386, табл. 33, 34). Появление собственной монеты в Нижнем Новгороде происходит единовременно с Москвой в 60–70-х гг. XIV в. (Орешников, 1896, с. 203, 204).

Передовое восточное положение Нижнего Новгорода за пределами староосвоенных древнерусских областей вместе с преимуществом в сборах торговых пошлин и ведении торговых операций приносило и все угрозы, свойственные существованию пограничных поселений. Обеспечение безопасности города и его окрестных земель сказывалось на политике нижегородских князей, что наиболее явственно проявилось после разорения города конницей Мамая в 1377 г. после памятного Пьянского побоища, в котором погибла большая часть профессионального нижегородского войска. Правители Нижнего Новгорода и их наследники вынужденно долго пребывали в ставке золотоордынского хана, иногда даже сопровождали их в военных походах. В Нижний Новгород направлялись большие, «в тысячу сабель», золотоордынские посольства (ПСРЛ, т. 15, стб. 106). Большое количество золотоордынского инвентаря, найденного при раскопках города, возможно, отражает как своеобразное «привыкание» части нижегородской элиты к отдельным образцам материальной культуры городов Золотой Орды, так и свидетельствует о частом пребывании в городе представителей ханской администрации.

Положение владений нижегородских князей по соседству с Мордовской землёй отражается в редких находках бронзовых застёжек-сюльгам и лепной мордовской керамической посуды с примесью шамота в тесте. Эти находки немногочисленны – средняя доля мордовской посуды в средневековой керамике Нижнего Новгорода колеблется от 0,7 до 2% (Грибов, 2006б, с. 81, табл. 5). Однако систематичность её нахождения при раскопках, скорее всего, указывает на присутствие небольшого числа представителей мордвы среди жителей города и его округи.

В середине – второй половине XV в. Нижний Новгород, как и многие другие городские центры Поволжья, благосостояние которых основывалось на транзитной торговле, испытывает кризис. Результаты многолетних археологических исследований в его историческом центре выявили запустение города в течение большей части XV столетия. Вскрытые полевыми изысканиями масштабы опустошения освоенной в XIII – начале XV вв. городской территории столь значительны, что предположение о переносе административного центра за пределы городской черты представляется наиболее очевидным объяснением иллюзии «утраченного» археологами города, известного тем не менее по летописным и иным упоминаниям середины – второй половины XV в. Временной резиденцией великокняжеской (московской) администрации в Нижнем Новгороде до строительства в нём на рубеже первых двух десятилетий XVI в кирпично-каменной крепости – Нижегородского кремля, вероятно, являлось предместное мысовое городище Городок (Грибов, 2018а) (рис. 1: 2). Раскопки на этом памятнике вскрыли следы усадебной застройки середины XV в. – начала XVI в., отсутствующей в историческом центре Нижнего Новгорода.

Нижегородская сельская округа складывалась по мере развития средневекового города. Наиболее освоенной территорией в районе устья Оки в середине XIII – начале XV вв. было летописное Берёзово Поле (ПСРЛ, т. 15, стб. 134). Это урочище географически замыкается естественными рубежами одного природно-территориального комплекса, включающего в себя и территорию самого Нижнего Новгорода (Харитонычев, 1978, с. 158–163). С северо-западного направления этот ландшафтный район ограничен руслом р. Оки, с северо-восточного – руслом р. Волги. Юго-западным рубежом для него служит правобережный окский приток р. Кишма, южным – правобережный волжский приток р. Кудьма. Вдоль долин Оки и Волги (с запада на восток) он вытянут почти на 90 км. В противоположном направлении его протяжённость варьируется от 5 до 25 км. Очерченная таким образом территория занимает площадь около 1200 кв. км. Связанный с Нижним Новгородом природно-территориальный комплекс охватывает возвышенный водораздельный участок полого-волнистой равнины, рассечённый врезками малых рек и отвершками многочисленных овражных систем на платообразные останцы. Почвенный покров представлен преимущественно светло-серыми лесными почвами, развитыми на бурых четвертичных лёссовидных суглинках. Залесённость района, по картам Генерального межевания, уже во второй половине XVIII в. не превышала 35%, так как на протяжении последних 300–400 лет здесь регулярно и почти повсеместно, за исключением овражных склонов и заболоченных пойм, проводилась ежегодная распашка (Харитонычев, 1978, с. 159).

Географическая замкнутость этого участка волго-окского правобережья в XVI – первой половине XVII вв., очевидно, стала предпосылкой соотнесения его с одной административно-территориальной единицей, известной как Березопольский стан Нижегородского уезда (Чеченков, 2004, с. 23, 24).

В настоящее время междуречье Оки, Волги, Кудьмы и Кишмы можно отнести к наиболее археологически изученным и разведанным участкам Нижегородского Поволжья. Кроме двух грунтовых могильников здесь известно 170 русских селищ XIII – начала XV вв. Они достаточно равномерно распределены по территории Березополья, занимая участки в поймах больших и малых рек, разноуровневые прибрежные террасы, площадки на возвышенных приводораздельных склонах. В структуре расселения проявляется иерархичность: основная масса небольших селищ концентрируется вблизи крупных (Грибов, 2000а, с. 48, рис. 2). Основа местной поселенческой структуры состояла из трёх десятков крупных поселений площадью свыше 1 га. Около половины из них (17 поселений) запустели и были оставлены в конце XIV – первой половине XV в., на подавляющем большинстве остальных жизнь возобновилась только в XVI–XVII вв.

Результаты раскопок на двух памятниках, служивших центрами сосредоточения малодворных поселений, позволяют рассматривать их крупные владельческие сёла (Грибов, 2007б, 2008). По находкам предметов восточного импорта, монет, элементов снаряжения всадника и верхового коня, костей рыб ценных промысловых пород, следов частокольных оград, по своему археологическому облику эти объекты весьма близки богатым городским усадьбам. Наиболее изученным памятником такого типа является **селище Ближнее Константиново – 1** (рис. 2).

Памятник обнаружен Н.Н. Грибовым в 1994 г. В 1995–1998, 2000–2003 гг. стационарными раскопками раскопана центральная часть поселения площадью 1577 кв. м. Селище располагается в 11 км к югу от нижегородского детинца, в верховьях малой р. Рахмы – правобережного притока р. Волги (Грибов, 2008). Памятник занимает наклонную площадку приводораздельного склона на правом берегу балки, устье которой на удалении 150–200 м от памятника выходит в узкую пойму ручья – одного из истоков малого правобережного волжского притока р. Рахмы. Высота площадки над уровнем поймы от 12 до 23 м, площадь 1,8 га.

Культурный слой памятника мощностью около 30 см почти повсеместно переотложен распашкой. В непотревоженном виде культурные напластования сохранились на локальном, связанном с делеобразным понижением участке и в качестве грунта заполнения материковых ям. Время существования поселения определено в пределах периода конца XIII – начала XV вв.

Об особом социальном статусе селища Ближнее Константиново-1, свидетельствуют особенности планировки, характер построек, специфический набор инвентаря, результаты палеоландшафтных, комплексных палеозоологических и палеоботанических исследований.

Ядром планировочной структуры поселения служила большая усадьба, состоящая из совокупности жилых, хозяйственных и производственных сооружений. Вместе с тем жилая застройка была распространена и за её границами. По смене частокольных оград выделено несколько этапов развития усадебного комплекса.

Заметное укрупнение усадьбы (до размера в 2500 кв. м) произошло в период начала 80-х гг. XIV в. – конце первого десятилетия XV в. В это время появляются производственные сооружения, связанные с получением и обработкой железа, застраивается периферия. Обнаружение крупных фрагментов колокольной бронзы в верхних слоях заполнения подпольной ямы одного наземного жилища, заброшенного вблизи рубежа XIV–XV вв., может служить косвенным указанием на существование в этот период на поселении и церковного строения.

Для характеристики планировки усадьбы представляют большой интерес следы въездных ворот, зафиксированные на двух (сменивших одна другую) линиях восточных частокольных оград в виде широких (диаметром 0,5–1 м) и глубоких (до 74 см) столбовых ям, отрытых для установки верейных столбов.

На памятнике исследованы остатки более чем двух десятков различных сооружений. Специфику местных домостроительных традиций определяют наземные жилые срубы с подпольными или подпечными ямами, которые отапливались глинобитными печами. В плане выявления социальной иерархии местных насельников наиболее показательны остатки двух жилых строений, размеры которых надёжно устанавливаются благодаря сохранившимся следам фундаментных конструкций. Одно из них (дом на «подкладках»), очевидно, являлось главным жилым сооружением усадьбы. Его можно охарактеризовать как большой наземный дом хоромного типа площадью порядка 150 кв. м. Два его почти равновеликих (56 и 79 кв. м) отапливаемых глинобитными печами помещения разделялись капитальной стеной. К меньшему из них примыкали небольшие (около 18 кв. м) холодные сени, вероятно, соединённые с крыльцом – галереей. Находки, связанные с данным сооружением, помимо общераспространённых бытовых предметов представлены фрагментами парадной поливной керамики, как русского производства, так и привозной восточной (на кашинной основе), осколками стеклянного сосуда, серебряной монетой (подражанием дирхему Золотой Орды), бронзовой поясной накладкой,

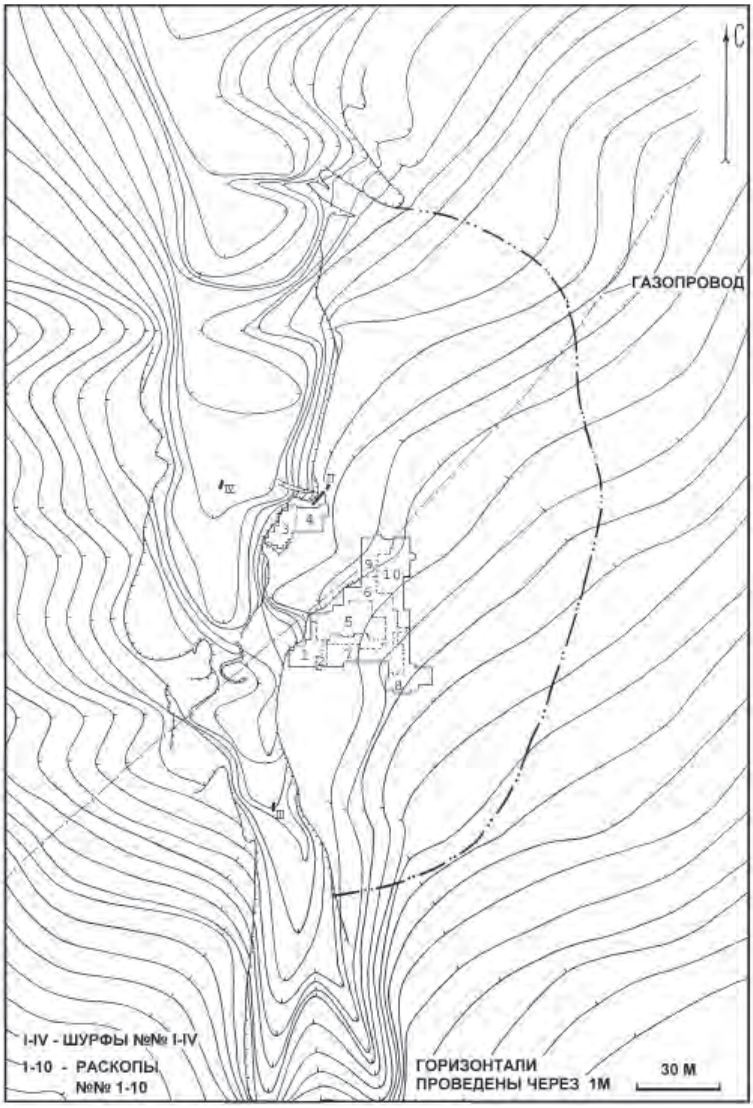


Рис. 2. Селище Ближнее Константиново-1. Топографический план.

фрагментами стеклянных браслетов. Данное строение предположительно можно интерпретировать как дом владельца усадьбы или его наместника. В планировочной схеме поселения оно занимало особое положение. Постройка стояла на берегу пруда, устроенном в расширении балки, которая ограничивала территорию поселения с западной стороны. С трёх других направлений прилегающую к ней территорию очерчивала частокольная ограда, которая по мере укрупнения усадьбы постепенно переносилась всё дальше и дальше от её стен.

Другое строение с определимыми размерами представляло собой небольшой жилой сруб, поставленный на пологом склоне небольшой ложбины. Углы жилой клети покоились на торцах массивных брёвен, вертикально врытых в грунт. Расположение связанных с ними столбовых ям позволяет определить размеры постройки в пределах 4×4 м. Это жилище отапливалось одной глинобитной печью, сооружённой над небольшой подпечной ямой, откопанной в юго-восточном углу сруба. Находки, обнаруженные в её заполнении, представлены только железным ножом, ключом от цилиндрического замка и керамикой.

Представляется, что это, как и многие другие раскопанные сооружения, принадлежали, в той или иной мере, зависимому населению. Их отличают меньшие размеры подпольных (или подпечных) ям, как правило, скудный ассортимент инвентаря и отсутствие следов фундаментных конструкций.

Среди сооружений такого рода выделяется подпольная яма, которую по находкам фрагментов железного пластинчатого доспеха (рис. 3: 1, 2), боевому ножу, бронзовой с посеребрением ременной бляхе, монетам можно связать с жилищем «военного слуги». Воинское присутствие на поселении достаточно отчётливо проявляется в составе вещевой коллекции. Кроме наконечников стрел,

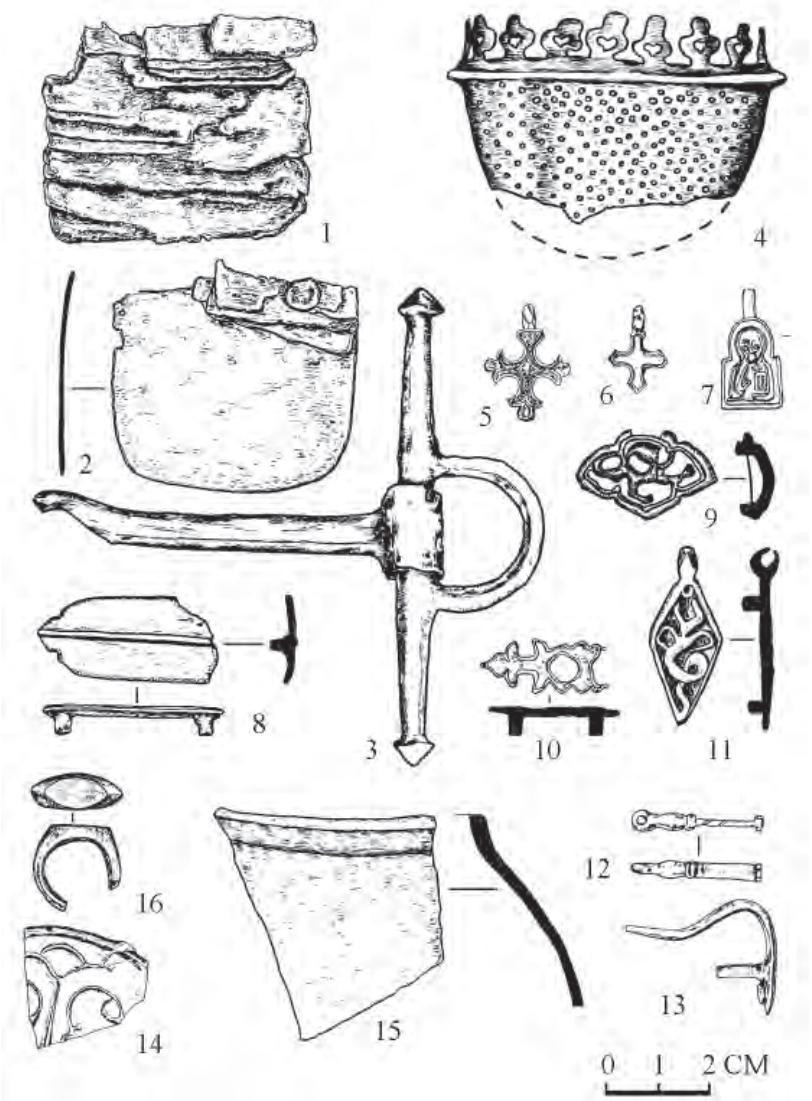


Рис. 3. Селище Ближнее Константиново-1. Археологический инвентарь: 1 – фрагмент пластинчатого доспеха; 2 – доспешная пластина; 3 – фрагмент конских удил с псалием; 4 – бронзовая лампада; 5, 6 – нательные кресты; 7 – иконка-привеска; 8–11 – поясные накладки; 12 – ключ от зооморфного замка; 13 – дужка от зооморфного замка; 14 – фрагмент зеркала; 15 – венчик чугунного котла; 16 – перстень.
1–3, 15 – железо; 4–14 – бронза; 16 – стекло

фрагментов доспешных пластин она включает в себя петлю от колчана, стремя арочной формы, кольчатые и со стержневидными псалиями удила (рис. 3: 3), фрагмент колёсиковой шпоры, разнообразные элементы бронзовой и железной поясной гарнитуры (рис. 3: 8–11).

С другой жилой постройкой связаны находки инструментов (зубил, пробойников), железных заготовок, фрагментов криц. Местный кузнец, которому, вероятно, она принадлежала, материал для своих изделий (кричное железо) получал из болотной руды в небольшой печи-домнице. Остатки последней были раскопаны недалеко от его жилища на берегу балки в 30 м от главного усадебного строения. Инструменты железообработки представлены пробойниками, зубилами, молотком, бронзовыми и железным пинцетами.

Отличительной чертой памятника является большое количество импортов восточного происхождения. Парадная художественная керамика представлена 67 фрагментами минимум от 13 различных сосудов. Среди них – осколки кашинной чаши, расписанной кобальтом и люстром в традициях гончарных мастерских Ирана ильханской эпохи, многочисленные фрагменты кашинных сосудов с полихромной подглазурной росписью, близких к изделиям гончарных мастерских Ирана и Хорезма, фрагменты штампованной керамики, изготовленной путём тиснения в формах с углублённым рельефом (в «калыпах»), осколки красноглиняной поливной посуды, среди которой встречен фрагмент ручки кувшина из Дунайской Болгарии. Неполивная красноглиняная импортная посуда представлена 15 фрагментами причерно-

морской амфорной тары (группы «трапезунд», минимум от трёх сосудов), многочисленными фрагментами лощёной керамики (1,2% в составе керамического комплекса), обычной для памятников Средней Волги эпохи Золотой Орды. Кроме керамики коллекция привозных изделий включает в себя стеклянные пастовые бирюзовые и чёрные перстни (рис. 3: 16), чёрные пастовые с реснитчатыми глазками и биконические бирюзовые пастовые бусы, фрагмент стеклянного сосуда, инкрустированного накладными стеклянными нитями, бронзовый ключ и фрагменты металлических зооморфных замков болгарского производства (рис. 3: 12, 13) , единичные осколки чугунных котлов (рис. 3: 15) и бронзовых зеркал (рис. 3: 14), пальметтовидную и ромбовидную поясные бляхи с петлёй с изображениями драконов (рис. 3: 9, 11), то есть находки, хорошо известные по раскопкам г. Болгара и нижневолжских городов Золотой Орды.

Предметы, связанные с торговлей, представлены свинцовой товарной пломбой, фрагментом бронзовой чашечки (предположительно от весов), семью монетами. Так как памятник находился в стороне от больших дорог и вблизи от крупнейшего городского центра, следует полагать, что большая часть импортов попала к его жителям не в результате каких-либо прямых торговых операций, совершаемых непосредственно на его территории, а опосредованно – через Нижний Новгород.

О господствующем положении христианского мировоззрения, о приверженности ему по крайней мере значительной части местных жителей, свидетельствуют находки многочисленных нательных крестов, бронзовые иконки-подвески (рис. 3: 5–7). Находки крупных фрагментов колокольной бронзы, деталей бронзовой кадильницы (рис. 3: 4) позволяют высказать предположение о существовании на поселении церковного строения.

Исключительная роль земледелия в местном хозяйстве стала очевидной в результате комплексного изучения массового статистического материала – палеоботанических и палеозоологических остатков (Антипина, Лебедева, 2005, с. 75, 76). Главными аргументами в пользу такого заключения стали необычайно высокая насыщенность заполнений материковых ям зернами ржи (86,1% от 469 зёрен и семян культурных растений, выявленных в 9 пробах), отходами от её обмолота (колосовыми фрагментами) и явно подсобный, второстепенный характер местного скотоводства. Реконструкция модели местной экономики, построенная на изучении экофактов, указывает скорее на товарный характер производства зерна, чем на его преимущественно местное потребление.

Неожиданное указание на связь изучаемого поселения с представителями социальной верхушки было получено при изучении коллекции костных остатков рыб (Грибов, Цепкин, 2004, с. 83, 84). Оказалось, что среди 14 определённых видов имеются и ценные породы (такие как осетр, севрюга, белуга, судак, жерех), которые могли быть только специально доставлены на поселение либо с нижегородского торга, либо непосредственно с поволжских или поокских рыболовных угодий. Доля костей рыб таких пород составляет более 35% от общего числа 388 атрибутированных костей.

Кроме, очевидно, преобладающих на поселении русских насельников в число местных жителей входили представители местной мордвы. На это указывают единичные находки бронзовых кольцевидных застёжек и лепная керамика с примесью шамота. Доля последней в керамическом комплексе памятника – менее 1%.

По совокупности признаков селище Ближнее Константиново – 1 можно атрибутировать как одно из нижегородских владельческих сёл эпохи Золотой Орды.

В отечественной историографии довольно распространённым является мнение об основании Нижнего Новгорода на землях мордвы (Тихомиров, 1956, с. 417, 418). Источником такой точки зрения является Нижегородский летописец – компилятивное в части средневековых известий сочинение, составленное в среде нижегородского духовенства в конце 50-х гг. XVII в. (Шайдакова, 2006, с. 121, 136). Исследователи памятника отсутствующее в русских летописных памятниках XIV–XVI вв. известие о принадлежности земель в устье Оки некрещёной мордве связывают со своеобразной идейной установкой автора-составителя. Она предполагала возвышение роли церкви и княжеской власти в деле распространения православия. Многие представители коренных поволжских народов, возмущённые захватом земель, пребывавших до казанского похода в их безраздельном владении, активно участвовали в событиях Смутного времени, выступая на стороне противников московских самодержцев (Любомиров, 1917, с. 26–28, 31, 32). Очевидно, эти памятные в середине XVII в. события привели к появлению соответствующей тенденциозности последнего памятника нижегородского летописания (Шайдакова, 2006, с. 101).

Результаты археологических изысканий свидетельствуют о том, что область, освоенная русским населением в ближайших окрестностях г. Нижнего Новгорода в XIII–XIV вв., была удалена от основного района сосредоточения мордовских памятников предмонгольского периода на 150–200 км к северу (Грибов, 2006а). Финский этап освоения междуречья рек Оки, Волги, Кудьмы и Кишмы, начавшийся ещё в конце раннего

железного века, был завершён уходом отсюда населения, оставившего могильники безводнинско-ахмыловского круга, что произошло около рубежа VII–VIII вв. Таким образом, приходу русского населения в район Берёзова Поля предшествовал период его запустения, очерченный промежутком второй половины VIII – XII вв. (Грибов, 2017).

Заселённые русскими в Окско-Сурском междуречье территории тяготели к долинам крупнейших рек, тогда как области мордовского расселения XI–XIII вв. были удалены от них и связаны с водоразделами на пограничье лесостепи и смешанных лесов. Светло-серые почвы «житницы» Нижнего Новгорода – Берёзова Поля – по плодородию заметно уступали тёмно-серым лесным и чернозёмистым почвам большей части летописной Мордовской земли. Наиболее привлекательными для русских были берега Оки и Волги. Наверное, именно преимущества жизни на больших водных транспортно-торговых путях определяли главную стратегию славяно-русского расселения. Таким образом, русские и мордва до определённого времени осваивали разные экологические ниши, оставаясь исторически «разведёнными» по разным ландшафтным районам.

Первые письменные свидетельства о стремлении нижегородцев прирастить освоенную территорию за чертой летописного Берёзова Поля в сторону владений мордвы датируются 50–60-ми гг. XIV в. По сообщению Особой редакции Типографской летописи, в это время наиболее знатный и богатый нижегородский купец Тарасий Петров выкупил у какого-то местного, вероятно, мордовского, князя земли на берегах р. Сундовик в 70 км к юго-востоку от Нижнего Новгорода и основал там шесть сёл (Насонов, 1958, с. 247). Эти сёла, благодаря приведённым в источнике названиям, могут быть соотнесены с существующими населёнными пунктами. Три из них (Мунарь, Городище и Салово) удалось локализовать археологически (Николаенко, 2015, с. 257, 258, 351).

Всего на р. Сундовик известно семь русских памятников, которые остаются пока очень плохо исследованными. Их размеры, как правило, незначительны (до 1 га). Среди собранных образцов посудной керамики отмечены обломки гончарных изделий с примесью дроблёной раковины и шамота – характерных для памятников окрестностей г. Курмыша на р. Суре.

Памятники на левобережье р. Суры. Районы на левом берегу р. Суры, удалённые на 200–250 км к востоку и юго-востоку от Нижнего Новгорода, можно охарактеризовать как область внешней колонизации. Здесь русские поселения располагались, скорее всего, чересполосно с мордовскими.

В левобережной части Посурья во второй половине XIV – начале XV вв. письменные источники указывают на три населённых пункта, входивших во владения нижегородских князей. Это Сара Великая, Кишь и г. Курмыш. В настоящее время их местоположение намечено археологическими изысканиями.

Районы Сара и Кишь, расположенные, вероятно, по сурским притокам – малым рекам Большая Сарка и Кишь, обозначены в летописной статье 1364 г. о море, который «…силенъ великъ на люди въ Новегороде въ Нижнем[ъ] и на уезде, и на Сару, и на Киши, и по странамъ, и по волостемъ» (ПСРЛ, т. 15, стб. 76). Вторично заселённая область Кишь упомянута в сообщении 1375 г. о нападении на неё «…татарове изъ Мамаевы Орды…», когда они «…взяша Кишь и огнемъ пожгоша и боярина убиша Парфениа Феодорович[а]» (ПСРЛ, т. 15, стб. 109), а Сара Великая – в статье о разорении Посурья отрядом войска Идигея в 1408–1409 гг. (ПСРЛ, т. 15, стб. 484).

С остатками летописной Сары Великой предположительно можно связать селище Сара-5 второй половины XIV – первой половины XV в., обнаруженное в 2018 г. в центральной части села Сара Ульяновской области (Вязов и др., 2018, с. 51). Инвентарь представлен монетами Золотой Орды, образцами русской средневековой, краснолощёной золотоордынской и лепной мордовской керамики.

В устье р. Кишь, в центральной части современного села Мурзицы Сеченовского района Нижегородской области, в 2008 г. впервые обследовано крупное поселение Мурзицы-1, которое по материалам XIV в. можно предположительно соотнести с разорённой в 1375 г. резиденцией нижегородских князей (Грибов, Ахметгалин, 2013). Поселение занимает возвышенный участок береговой террасы левого коренного берега р. Суры между устьями р. Кишь и ещё одной безымянной реки. В 3,5 км к западу от поселения ручьи-притоки этих двух малых рек почти замыкают в кольцо прибрежный участок нагорного плато, разделяясь узким локальным водоразделом, шириной около 300 м. Высота площадки памятника над уровнем воды в р. Суре 8–22 м. Она имеет уклон к юго-востоку и вытянута с северо-запада на юго-восток вдоль русла реки на 830 м. Площадь памятника по размеру области распространения подъёмного материала – около 16,5 га.

Заложенный шурф (4 кв. м) вскрыл два разновременных горизонта. Верхний, лежащий сразу под дёрном, представлен рыхлым рассыпчатым чёрным суглинком мощностью 55 см. По многочисленным включениям позднейшей керамики, хорошо известной по раскопкам русских

городов, – чернолощёной, морёной, кирпично-красной с белым ангобом, а также по осколкам бутылочного и оконного стекла его формирование датируется промежутком XVII–XX вв. От нижнего горизонта верхний отделяет прерывистая прослойка обожжённого розоватого суглинка с включением углей и золы, мощностью до 6 см. Перекрывающий стерильную погребённую почву нижний горизонт сложен плотным тёмно-серым суглинистым грунтом. Его мощность 24–28 см. Связанный с ним керамический комплекс состоит преимущественно из осколков русской гончарной средневековой керамики посредственного обжига с примесью песка или дресвы, лепной мордовской с примесью шамота и краснолощёной высокого обжига посуды, изготовленной в гончарных мастерских Золотой Орды, вместе образующих 75% всей керамики нижнего горизонта. Здесь же обнаружены крупные фрагменты белоглиняных горшков «коломенского типа» конца XV – середины XVI в., а также редкие осколки ранних (XVI в.) аспидно-чёрных чернолощёных сосудов. По керамическому материалу время формирования нижнего горизонта может быть датировано XIV–XVI вв.

В керамической коллекции памятника присутствует незначительное количество фрагментов гончарных сосудов с примесью шамота и дроблёной раковины. Их доли в керамическом комплексе, в отличие от поселения Курмыш-4, весьма невелики – 7,2% и 2,5% соответственно. Керамика золотоордынского производства представлена малочисленными осколками лощёных сосудов. Известны случаи обнаружения местными жителями на памятнике медных монет с изображением животных (вероятно, пулов Золотой Орды).

Агломерация поселений в районе посёлка Курмыш. Окрестности средневекового г. Курмыша в настоящее время археологически обследованы лучше двух обозначенных выше заселённых районов левобережного Посурья. Известие о появлении на берегу р. Суры города Курмыша, основанного городецким князем Борисом Константиновичем, в наиболее аутентичном летописном источнике – Рогожском летописце, датируется 1372 г. (ПСРЛ, т. 15, стб. 100). Первая попытка локализации этой крепости в черте одноимённого посёлка Пильнинского района Горьковской (сейчас – Нижегородской) области была предпринята И.А. Кирьяновым в 1948 г. (Кирьянов, 1961, с. 71–77). В 1991 г. нижегородский археолог И.А. Очеретин заложил на памятнике первые шурфы, позволившие локализовать границы памятника по области распространения средневекового инвентаря (Очеретин, 1994). Вывод И.А. Очеретина о расположении «города» Бориса Константиновича на ограниченной по размерам (не более 1 га) площадке мыса левого коренного берега р. Суры в северной части современного посёлка Курмыш, невдалеке от устья протекающей по сурской пойме р. Курмышки, был подтверждён результатами шурфовочных работ на посаде г. Курмыша XVI–XVIII вв., примыкающем к предполагаемой линии средневековых укреплений с их внешней стороны (Бейлекчи, 2007).

В 1984 г. М.Г. Жилин в 2,5–3,5 км к северо-западу от современного посёлка Курмыш обнаружил компактное скопление небольших средневековых поселений (рис. 4). Входящие в него памятники первоначально были охарактеризованы как небольшие русские (или русско-мордовские) селища XIV–XV вв. с размерами от 600 кв. м до 3000 кв. м (Николаенко, 2004, с. 298, 299). При обследовании района их расположения в 2007 г. выяснилось, что площадки четырёх из них представляют собой локальные участки одного большого памятника, который был обозначен как поселение Курмыш-4 (Грибов, 2018б). Селище Курмыш-2, открытое М.Г. Жилиным, отделено от поселения Курмыш-4 небольшой протокой и, судя по сходному материалу, представляет собой северо-западную периферию связанного с ним большого средневекового поселения.

По размерам (18,6 га) и ряду других признаков поселение, представленное памятниками Курмыш-2, -4, существенно отличается от известных средневековых селищ Нижегородского Поволжья: самые крупные русские селища в окрестностях Нижнего Новгорода имеют площади порядка 4–6 га, а максимальные размеры мордовских неукреплённых поселений начала II тыс. н. э. в южных районах Нижегородской области не превосходят 10–11 га.

Площадка поселения Курмыш-4 вытянута вдоль кромки первой надпойменной террасы левого берега р. Суры на 1200 м. Вглубь террасы она простирается на 80–250 м. Её высота над уровнем заболоченной поймы реки колеблется от 5 до 7 м. Северо-западная периферия поселения выходит на берег протяжённой старицы, которая, по воспоминаниям старожилов, до 1941 г. была участком русла р. Суры. В первом шурфе, заложенном на памятнике вблизи бровки уступа террасы в 2007 г., культурные отложения состояли из двух разновременных горизонтов: под верхним тёмным средневековым слоем мощностью 34–40 см на супесчаном материке лежал светлый слоистый песок с лепной керамикой финала бронзы. В 2008 и 2009 гг. заложены два небольших раскопа общей площадью 107 кв. м. Раскопы вскрыли только средневековые напластования мощностью до 40 см, почти повсеместно переотложенные на всю

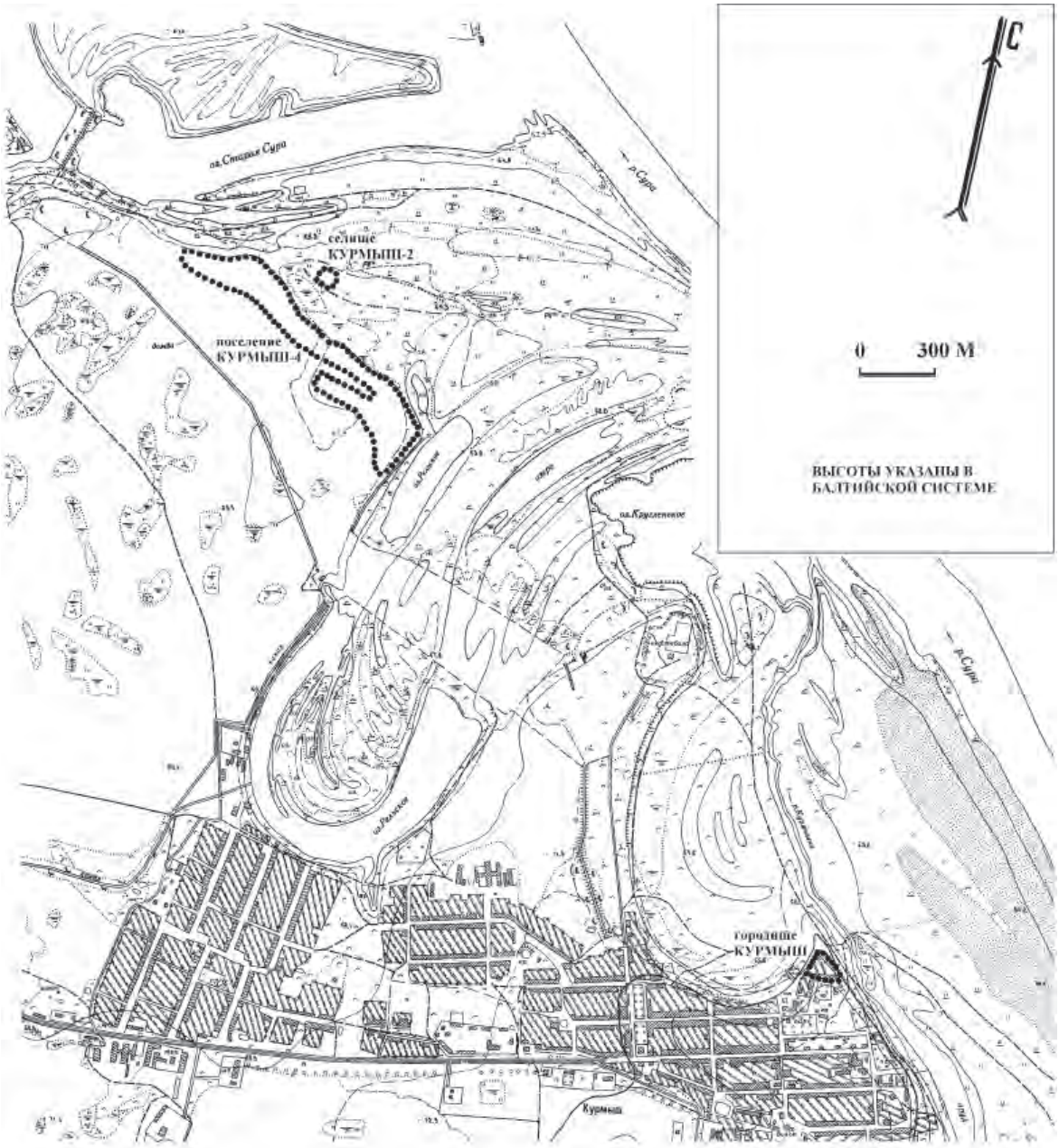


Рис. 4. Городище Курмыш, поселение Курмыш-4 и селище Курмыш-2. Ситуационный план

глубину до материка в результате старой распашки.

От единовременных нижегородских селищ, кроме исключительно больших размеров, поселение Курмыш-4 отличается необычным составом керамического комплекса (Грибов, 2011, с. 89, табл. 1). По сочетанию способа формовки, характера обжига и типу основного отощителя теста керамическая посуда разделяется на несколько групп. Доминируют (50,5%) обломки гончарной керамики с примесью дроблённой раковины, изготовленной, за исключением рецептуры теста, в полном соответствии с традициями русского средневекового гончарства эпохи Золотой Орды. Второй по численности является обычная для нижегородских памятников русская средневековая посуда с примесью песка или дресвы (29,7%). Набор венчиков характерен для комплексов Нижегородского Поволжья середины XIV – начала XV вв. (группа II, см.: Грибов, 2006б, с. 70).

Влияние русских традиций в формообразовании сосудов прослеживается и в профилировке круговых изделий с примесью шамота в тесте (9,2%). К более редким разновидностям относятся фрагменты лепных сосудов с примесью шамота (7,7%) и продукция ремесленных центров Золотой Орды, представленная хорошо обожжёнными краснолощёными изделиями (2,2%).

Культурное разнообразие предметного мира местных насельников проявляется и в индиви-

дуальных находках. К вещам, указывающим на православное вероисповедание по крайней мере части местных насельников, относятся предметы личного благочестия. Это четыре бронзовых нательных креста (рис. 5: 1–4) и двухсторонняя свинцово-оловянистая иконка-привеска с изображением Святого Николая Чудотворца (рис. 5: 5).

Значительную часть коллекции образуют предметы, традиционно относимые к «восточному» импорту. Преобладают фрагменты чугунных котлов (81 находка), среди которых встречено 19 венчиков и четыре фрагмента стенок со следами ремонта (рис. 6: 1–3). По количеству обломков чугунных сосудов поселение Курмыш-4 в настоящее время лидирует среди поселений русских земель, обгоняя по этому показателю даже периферийные памятники юго-восточных окраин, где в контактной зоне с кочевым миром отлитые из чугуна ёмкости имели заметное распространение (Гоняный, 2005, с. 157, рис. 43).

Круг предметов, характерных для поволжских центров Золотой Орды, кроме обломков чугунных котлов включает в себя бронзовые накладки (рис. 5: 8, 10–12, 16, 17), дужку от зооморфного болгарского замка (рис. 5: 14), венчик сосуда из цветного стекла (рис. 5: 15), три фрагмента поливной кашинной посуды (рис. 5: 19, 20). К привозным изделиям восточного происхождения относится полукруглая бронзовая муфта (от футляра ножа?) с клеймом из двух арабских букв («ба» и «каф»), образующих слово «бек» (рис. 5: 13).

Нумизматические находки представлены девятью золотоордынскими монетами: тремя медными пулами и шестью серебряными дангами (Грибов, 2011, с. 90, табл. 2). Время археологизации монет датируется промежутком от начала «Великой Замятни» (конец 50-х гг. XIV) до денежной реформы рубежа первых двух десятилетий XV вв.

К типично финским элементам материальной культуры относится бронзовая кольцевая застёжка со спирально подвёрнутыми невыступающими окончаниями (рис. 5: 7).

Среди находок выделяются предметы, связанные с различными производствами. С получением железа связаны массовые находки фрагментов криц и крицеобразных шлаков, происходящие из разных участков памятника (Грибов, Ахметгалин, 2010, с. 33, рис. 9). О занятии железообработкой свидетельствует массивный железный пробойник. С функционированием местной бронзолитейной мастерской связаны осколки керамических тиглей, обломки литейных форм (для отливки перстней), литников, слитков бронзы, бронзовой проволоки (Грибов, Ахметгалин, 2010, с. 33, рис. 10). О работе профессионального костореза указывает железное лучевое сверло (рис. 6: 4).

Одно из направлений местной хозяйственной деятельности связано с земледелием, на что указывают находки двух железных сошников (рис. 6: 5, 6) и серпа.

Получить представление о месте поселения в системе расселения помогают сведения из письменных источников. Согласно тексту жалованной грамоты 1393 г., участок левобережья р. Суры от устья реки до места впадения в неё р. Курмышки входил во владения нижегородского князя Бориса Константиновича (АСЭИ, т. 3, с. 321). Поселения Курмыш-2, -4 располагаются в 2 км к западу от устья р. Курмышки и входят в указанный участок княжеского домена, располагаясь в непосредственной близости (в 2,8 км к северо-западу) от летописной крепости Курмыш.

Размеры последней более присущи укреплённым феодальным усадьбам, нежели городам. Обследование ближайших окрестностей укреплённой резиденции Бориса Константиновича показало, что поселение, связанное с памятниками Курмыш-2, -4, являлось единственным единовременным населённым пунктом в его ближайшей округе, что позволяет рассматривать эти неукреплённые поселения и городище Курмыш в рамках единой поселенческой агломерации.

Поселенческая агломерация с городищем Курмыш во времена Бориса Константиновича, возможно, являлась одним из передовых населённых мест на восточном рубеже поволжских земель, входивших в юрисдикцию нижегородских князей. Её появление за сравнительно короткий срок в слабо обжитом районе было бы невозможно без «административного вмешательства» в процесс освоения посурских земель. Нехватка рабочих рук, дефицит квалифицированных мастеров-ремесленников на малолюдном восточном пограничье городецкий князь, очевидно, восполнил выходцами из Золотой Орды, которые составили костяк местного населения.

Агломерация единовременных средневековых поселений, состоящая из городища Курмыш, поселения Курмыш-4 и селища Курмыш-2 обнаруживает ряд городских признаков. К ним относятся: наличие укреплённой части – автономной и удалённой от основной селитебной территории, большие размеры, следы разнообразной производственной деятельности, полиэтничный состав жителей, расположение на берегу большой реки, одного из наиболее значимых волжских притоков. В полиэтничный состав местных жителей входили, скорее всего, преимущественно выходцы из золотоордынских улусов, возможно, выкупленные в Орде пленные, и местное поволжско-финское население. О практике заселения окраинных земель Нижегородского княжества в 60-х гг.

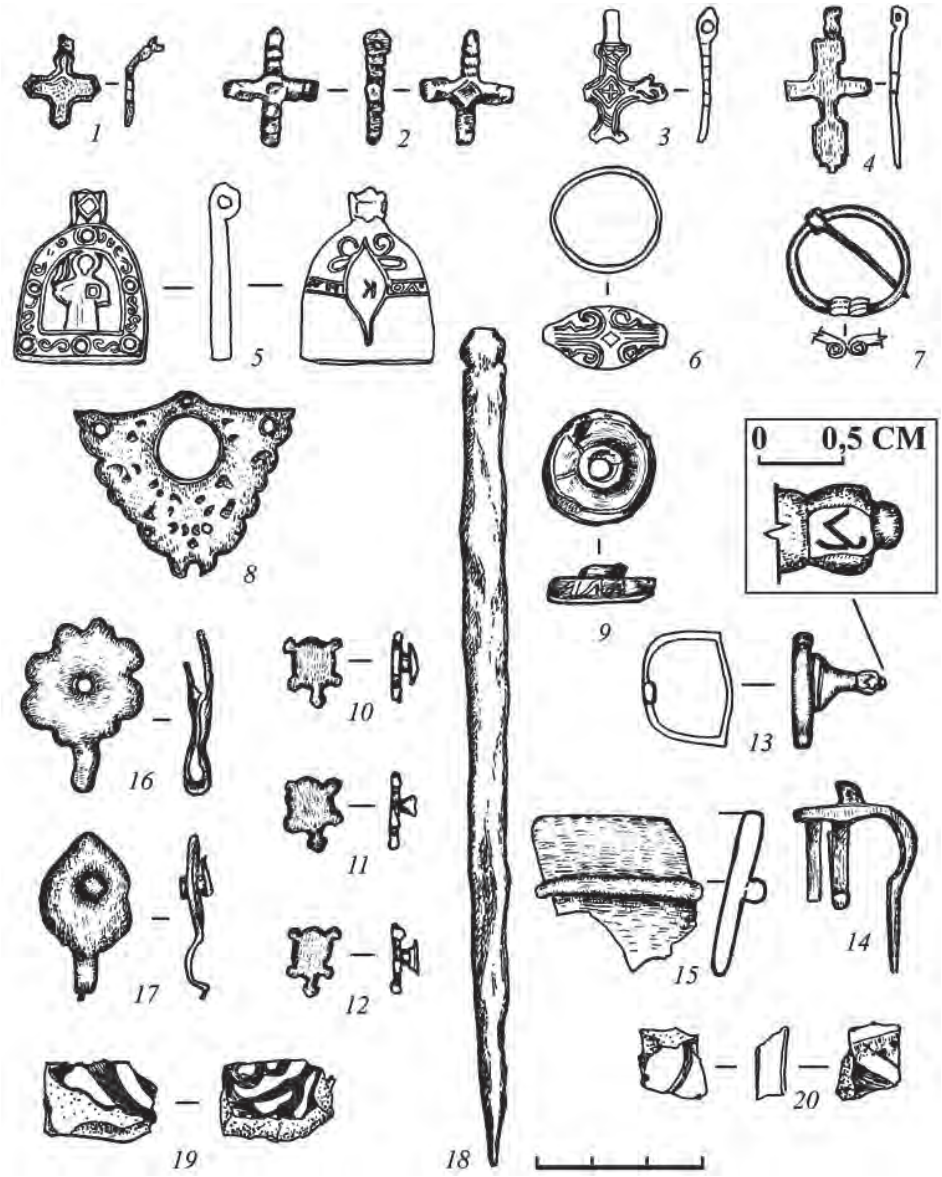


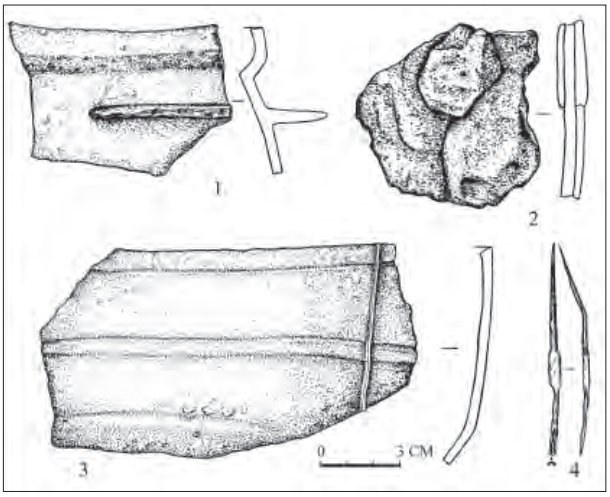
Рис. 5. Поселение Курмыш-4. Находки: 1–4 – нательные кресты; 5 – иконка-привеска; 6 – перстень; 7 – кольцевая застёжка (сюльгама); 8, 10–12, 16, 17 – накладки; 9 – грузик; 13 – муфта; 14 – дужка от зооморфного замка; 15 – венчик от сосуда; 18 – писало (стиль). 19, 20 – фрагменты сосудов. 1–8, 10–14 – бронза; 16–18 – железо; 9 – свинец; 15 – стекло; 19, 20 – кашин

XIV в. пленными, выкупленными в Орде, сообщает особая редакция Типографской летописи (Насонов, 1958, с. 247). Крупный поселенческий центр на Суре, вероятно, был разорён и прекратил своё существование во время нашествия Едигея зимой 1408–1409 гг. (ПСРЛ, т. 15, стб. 484). Оставшиеся от него археологические памятники фиксируют начальную стадию урбанизационного процесса в Нижнем Посурье, трагически прерванного в силу исторических обстоятельств в самом начале XV века.

Последующее упоминание г. Курмыша в русских летописях относится только к 1445 г., когда после захвата Старого Нижнего Новгорода и битвы под Суздалем Улу Мухаммед привозит сюда пленённого великого московского князя Василия Васильевича (ПСРЛ, т. 25, с. 263). Именно в Курмыше проходили переговоры об условиях его освобождения. События, происходившие здесь ранней осенью 1445 г., очевидно, имели непосредственную связь с основанием Казанского и Касимовского ханств. Р. Фахретдин рассматривает г. Курмыш как одно из возможных мест захоронения Улу Мухаммеда (Фахретдин, 1986, с. 118). Однако культурные напластования середины – второй половины XV в. в г. Курмыше и на памятниках его ближайшей округи пока не обнаружены.

* * *

Проведённый обзор позволяет сделать ряд обобщений. Освоение территории Окско-Сурского междуречья русским населением началось с правобережья Нижней Оки во время сложе-



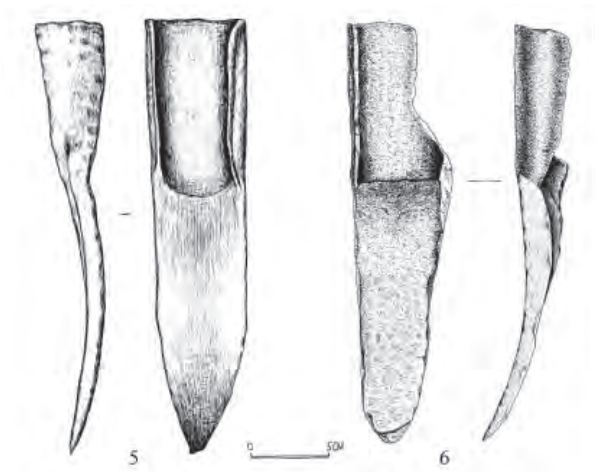


Рис. 6. Поселение Курмыш-4. Находки из железа: 1–3 – фрагменты чугунных котлов; 4 – лучевое сверло; 5, 6 – сошники.

ния сельской округи г. Мурома, вероятно, уже во второй половине X – XI вв. Непосредственными предшественниками русских колонистов в этом районе были представители летописной муромы. Второй этап русского освоения означенной территории географически тяготеет к району устья р. Оки. Его активная фаза началась после основания здесь в 1221 г. Нижнего Новгорода. Земли Нижегородской округи до прихода сюда первых выходцев из староосвоенных областей Древней Руси долгое время (по крайней мере с середины VIII в.) оставались пустующими или слабо заселёнными. В XIII–XIV вв., за пределами района русского расселения, культурный комплекс местной мордвы оставался традиционным и не испытывал сколько-нибудь заметного влияния со стороны насельников ближайшей Нижегородской округи. Погребальные комплексы эпохи Золотой Орды ближайшего к Нижнему Новгороду мордовского Сарлейского могильника не содержат изделий русских ремесленников, а меридиональная ориентировка погребённых вкупе с наличием и характером погребального инвентаря не оставляют сомнений в бытовании здесь языческого погребального обряда. Таким образом, ещё в XIV в. значительная часть мордвы, проживавшая в 50–60 км к югу от г. Нижнего Новгорода, сохраняла свою традиционную культуру и, очевидно, свои традиционные общественные институты.

Прирост освоенной русскими территории районами, заселёнными мордвой, за пределами Нижегородской округи – к юго-востоку от долины р. Кудьмы – происходит не ранее середины XIV в. по инициативе нижегородских торговых людей и князей. Русское заселение здесь, скорее всего, имело характер отдельных анклавов. В посурских владениях нижегородских князей состав населения в целом имел сложный смешанный характер. В местной материальной культуре отчётливо проявлены как русские традиции, так и бытовые предпочтения рядового населения городов Золотой Орды. Среди местных насельников, вероятно, преобладали выходцы из поволжских земель, выкупленные ордынские пленники, представители местных финноязычных народов. Определяющие эти области поселения, скорее всего, выполняли роль крупных местных ремесленных и торговых центров, основанных по инициативе нижегородских князей на пересечении сухопутных и водного путей в Орду. Они обнаруживают ряд городских черт, к которым можно отнести большую площадь, полиэтничный характер населения, следы разнообразной производственной деятельности, торговли.

В целом районы, освоенные русским населением в эпоху развитого Средневековья, занимают северную, северо-западную и северо-восточную периферии Окско-Сурского междуречья, географически тяготея к долинам трёх наиболее крупных рек – Оки, Волги и Суры. Удаление соответствующих памятников от указанных водных магистралей, как правило, не превышает 20–25 км.

После нашествия Едигея (1408–1409 гг.) нижегородские земли приходят в разорение и упадок, который продолжался около столетия. Это фиксируемое археологически опустошение края было вызвано не сколько масштабом этой военной акции, сколько запустением крупнейших поволжских золотоордынских городов – факторий. Именно на них держалась транзитная торговля, из-за которой берега Волги вблизи устья р. Оки были привлекательны для поселения.

В настоящее время наиболее представительные материалы середины – второй половины

XV в. происходят только из одного известного памятника – городища Городок. Предположительно именно это предместное поселение в указанный промежуток времени выполняло функцию административного центра Нижнего Новгорода. Функционирование подавляющего большинства русских сельских поселений в Нижегородской округе завершается в начале – первой половине XV в.

ВЕТЛУЖСКО-ВЯТСКЕ МЕЖДУРЕЧЬЕ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Территория Марийского Поволжья занимала пограничное положение между русскими землями и Болгарским улусом Золотой Орды. С конца 20-х (начиная с похода Субедея в 1223/24 г.) до начала 40-х гг. XIII в. в Среднее Поволжье было совершено несколько походов чингизидов. Однако данных о походах на земли, заселенные марийцами, пока не выявлено. Даже поход на северные части мордовских земель (земли Пургаса), завершившийся взятием Мурома, Гороховца и разорением Поочья доходил только до Нижнего Новгорода. Сведения о марийцах в составе Улуса Джучи и об их участии в военных столкновениях в период XIII–XV вв. пока неизвестны (Зеленеев, 2013, с. 237–240).

Памятники на правобережье Волги и прилегающих участках левобережья представлены 5 городищами, 33 селищами и 7 могильниками, 4 из которых прекратили свое существование в начале XIII в. (рис. 1). Начало изучения памятников указанного периода в пределах Марийского Поволжья связано с именами А.Х. Халикова, Т.А. Хлебниковой, Г.А. Архипова. Основная источниковая база была создана в 90-е годы прошлого столетия (Никитина, 2002; Никитина, Михеева, 2006; Михеева, 2006). Исследования селищ этого периода успешно продолжаются в настоящее время. Среди городищ наиболее изученным является Важнангерское (Мало-Сундырское) городище «Аламнер», расположенное в устье р. Малый Сундырь, правобережного притока р. Волги, в Горномарийском районе Республики Марий Эл (рис. 2). Горношумецкое городище на левом берегу р. Волги в Юринском районе Республики Марий Эл и Успенское городище в низовьях реки Ветлуги, левобережного притока р. Волги в Воскресенском районе Нижегородской области отнесены к рассматриваемому периоду по находкам, но не изучались широкой площадью. К этому кругу памятников с определенной долей условности можно отнести Барковское городище, расположенное также на правобережье Волги, выше по течению реки, на границе Горномарийского района Республики Марий Эл и Воротынского района Нижегородской области. Городище не имеет материала, но по характеру оборонительных сооружений исследователь памятника предполагает его датировку не ранее конца XI в., допуская возможность омоложения вплоть до середины II тыс. н. э. (Михеев, 2012, с. 102–113).

Впервые произведенные широкой площадью раскопки вала и рва на Важнангерском городище «Аламнер» позволили выявить интересную информацию о системе его обороны (рис. 4). В настоящее время на Важнангерском городище с напольной стороны заметен вал дугообразной формы и ров. Наибольшая высота земляной насыпи в северной части у края берега р. Волги достигает 120 см, вал понижается на 50 см в южную сторону. Высота вала от уровня древней поверхности составляет 190 см. Почти по центру вала имеется проезд. В южной оконечности вала слабо выражен еще один проем шириной 10–12 м, имеющий размытые стенки. Ров выраженных следов проездов не имеет, но в районе центрального проезда на площадку городища его глубина несколько меньше, чем в остальной части.

В результате раскопок установлено, что перед началом строительных работ была проведена чистка поверхности, выжигание дернового слоя и подсыпка мелкого камня и песчаника. Аналогичная традиция подготовки поверхности для основания вала была местным населением сохранена с предшествующего периода (Никитина, 2002, с. 42). На подготовленную площадку установлены деревянные срубные сооружения из положенных горизонтально бревен диаметром до 15 см и поперечных жердей диаметром 8–10 см. Срубы имели прямоугольную форму с размерами сторон по основанию 390×305 см. Высота каркасов варьировала в пределах 80–95 см. Изнутри срубы заполнялись плотно утрамбованной глиной. Тонкие горизонтальные светло-серого или пепельного цвета прослойки между слоями глины позволяют предполагать, что заполнение срубов грунтом происходило послойно. Каждый слой хорошо утрамбовывался, возможно, проливался водой, а затем просушивался, только потом накладывался очередной слой. Не исключено использование речного ила в качестве связующего раствора. Анализы, произведенные почвоведом К.К. Захаровым на кафедре экологии и природопользования МарГТУ, подтвердили наличие в этих слоях повышенного содержания ила. Использование такого

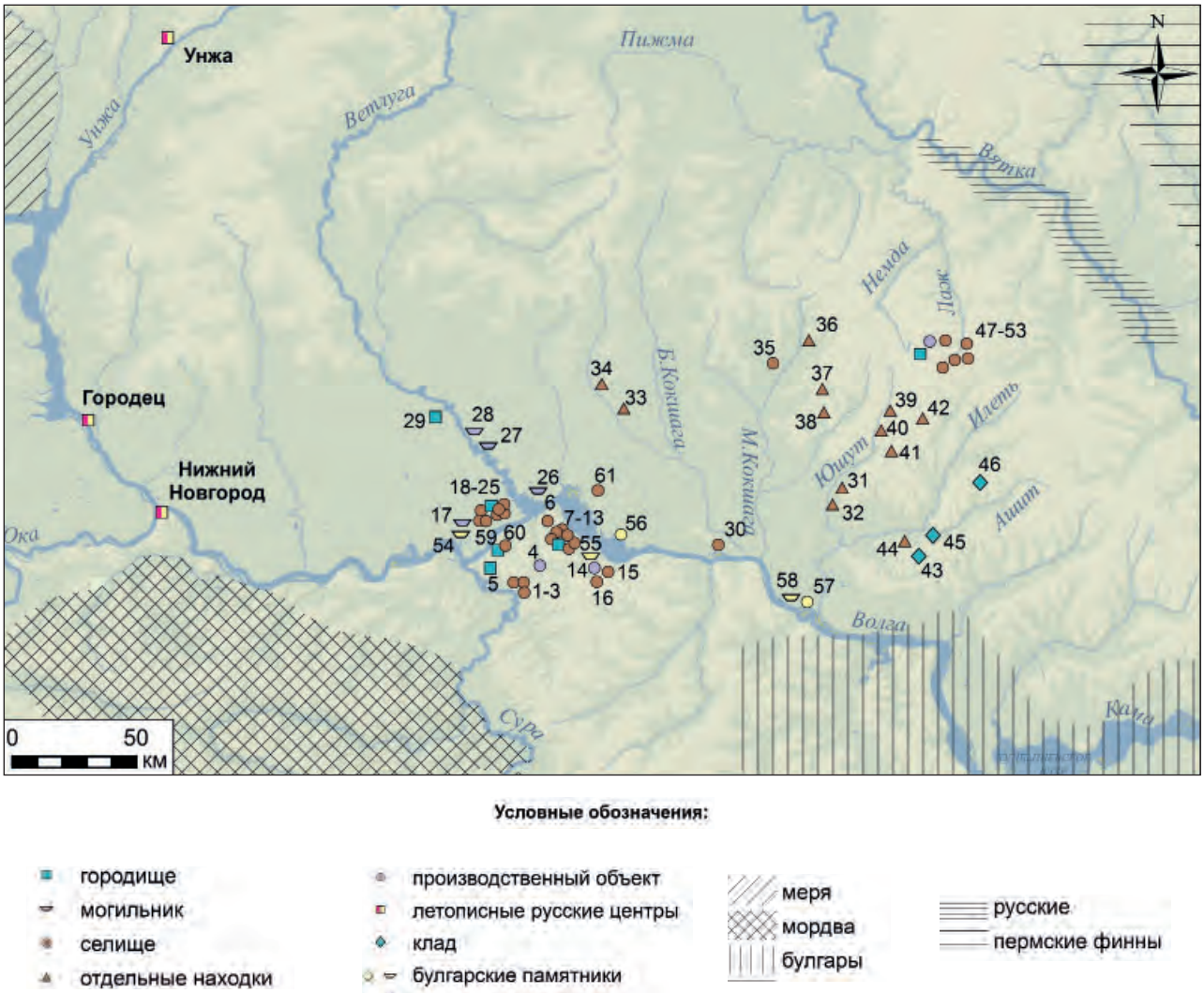


Рис. 1. Карта археологических памятников мари в XIII–XV вв. (по: Никитина, 2002)
1 – Красноселищенское II селище; 2 – Красноселищенское III селище; 3 – Красноселищенское IV селище; 4 – Сиухинская кузница; 5 – Васильсурское V городище; 6 – селище I–III Нижние Шелаболки; 7 – Новсельское II селище; 8 – Носельское III селище; 9 – Важнангерское (Мало-Сундырское) городище; 10 – Важнангерское селище; 11 – Шартнейское селище; 12 – Яндушевское селище; 13 – Ключевское селище; 14 – Юльяльская кузница; 15 – Юльяльское селище; 16 – Сауткинское селище; 17 – Починковский могильник; 18 – Починковское селище; 19 – Горношумецкое городище; 20 – Починковское II селище; 21 – Удельно-Шумецкое II селище; 22 – селище Галанкина гора II; 23 – Полянское селище; 24 – Сутырское I, II, V, XIV селища; 25 – Волоконное селище; 26 – Руткинский могильник; 27 – Выжумский II могильник; 28 – Выжумский III могильник; 29 – Успенское городище; 30 – Уржумкинское II селище; 31 – Николаевские находки; 32 – Шелангерские находки; 33 – Юванурские находки; 34 – Килемарские находки; 35 – Великопольское селище; 36 – Солонерские находки; 37 – находки у д. Чумбари; 38 – находки у д. Чкарино; 39 – Салтаковские находки; 40 – Чевернурские находки; 41 – Шиньшедурские находки; 42 – Кокремские находки; 43 – Сосновский клад; 44 – Шари-Боксадские находки; 45 – Светинский клад; 46 – Р.Уртемский клад; 47 – Русколяждурское селище; 48 – Олминское селище; 49 – Бадьинское селище; 50 – Бадьинская кузница; 51 – Староюледурское селище; 52 – Шорсолинское городище; 53 – Большеляждурское селище; 54 – Горношумецкой могильник; 55 – Юльяльский могильник; 56 – Отарское селище; 57 – Мари-Луговское селище; 58 – Мари-Луговской могильник; 59 – Барковское городище; 60 – Барковское селище; 61 – Ардинское селище.

приема значительно повышало прочность забутовки. Аналогичные конструкции сооружались по длине всего вала.

Судя по тому, что боковые стенки забутовок не выходят на горизонт дневного уровня древней поверхности, можно сделать заключение, что конструкции являлись внутривальными сооружениями и не переходили в надвальные.

Близкие сооружения выявлены А.В. Михеевым при раскопках Барковского городища (Михеев, 2012, с. 111–112).

Выявленные конструкции внутри вала близки укреплениям городища Большая Тояба золотоордынской эпохи в Чувашии с той разницей, что на последнем внутривальные конструкции выходят на уровень современной дневной по-

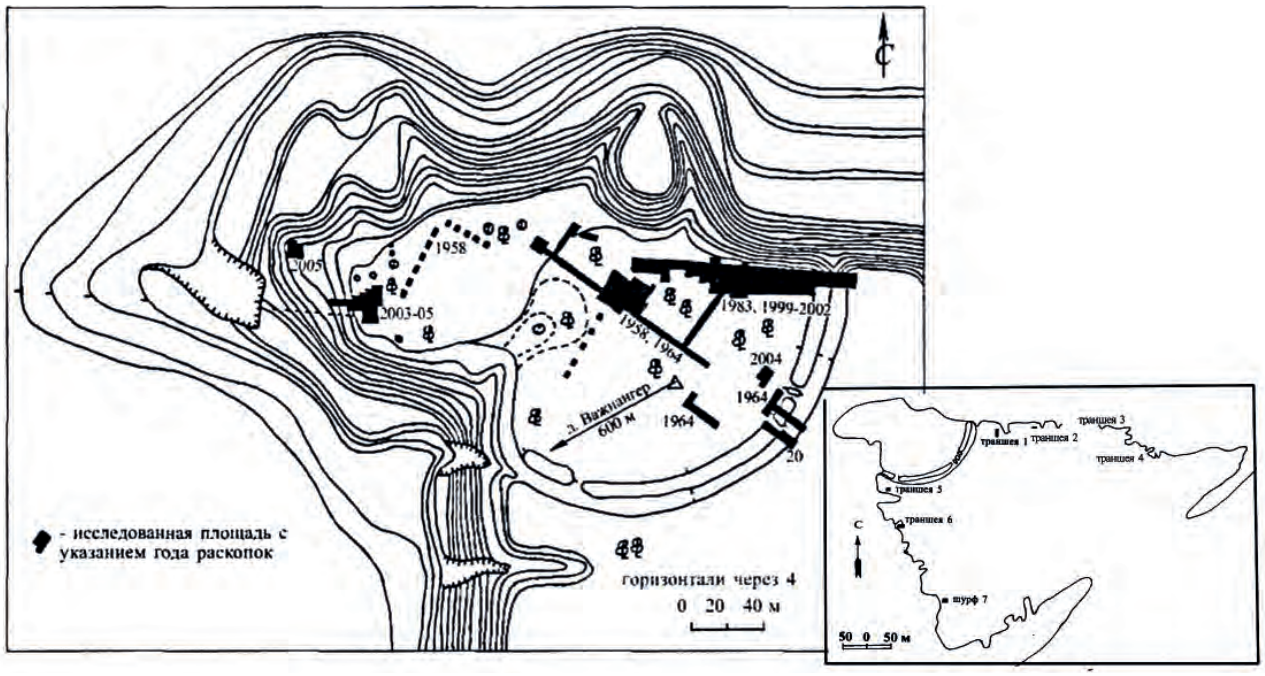


Рис. 2. Важнангерское (Мало-Сундырское) городище «Аламнер» (по: Никитина, Михеева, 2006)

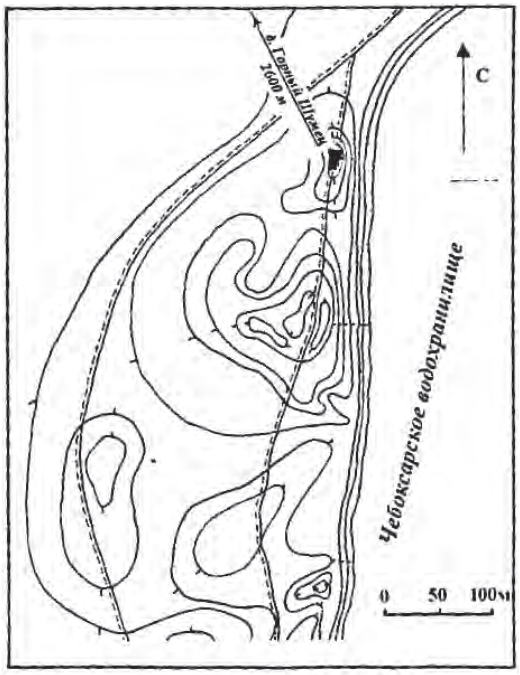


Рис. 3. Горношумецкой могильник (по: Михеев, 2000)

верхности (Смирнов, 1950, с. 131–153). Сооружения внутри вала на Важнангерском городище, не имеющие продолжения на внешней поверхности валов, в большей степени близки укреплениям Северо-Восточной Руси (Раппопорт, 1956, с. 121–122).

Конструкции на валу выявить достаточно трудно по той причине, что верхняя часть насыпи вала, состоящая из рыхлой супеси, сильно разрушена и деформирована. Но на Важнангерском городище удалось зафиксировать, что скат насыпи вала со стороны проезда обмазан глиной с кремнеземом. Этот глиняный слой перед рвом закреплен по бокам небольшими кольями диаметром 8–10 см. Наружные склоны валов обмазывали глиной для усиления их неприступности, так как в мокром состоянии глина представляла собой скользкую и труднопреодолимую поверхность (Косточкин, 1969, с. 454).

На северной оконечности вала со стороны Волги обнаружены следы от сторожевой башни (Никитина, 2004; Никитина, Михеева, 2004), выдвинутой за пределы верхушки вала во внешнюю сторону (рис. 5: 3). Строение имело форму восьмиугольника, размеры по периметру 260 см, длина каждой грани 150 см. Расположение башни в северо-восточной части городища на краю площадки неслучайно: отсюда легче всего вести наблюдение за прилегающими окрестностями. Кроме того, вынос крепостных башен за пределы основной линии укреплений стен позволял вести фланкирующий обстрел подступающего противника (Губайдуллин, 2002, с. 85). Башня конструктивно была связана с деревянной стеной, остатки которой обнаружены на склоне вала к востоку от башни. Судя по сохранившимся фрагментам обугленного дерева, пролет стены составлял 290 см, длина опорных столбов была не менее 260 см. Пространство между опорными столбами зашито досками.

В центре вала существовал древний проезд шириной не более 4 м, от которого сохранились остатки опорных столбов, связанных с конструкцией (возможно, воротами или надворотной башней – ?) древнего проезда (рис. 5: 2).

Отмеченный в южной оконечности вала проем имеет ширину 10–12 м, более расплывчатые очертания, выходит в ров и на склон береговой линии речки Малый Сундырь, т. е. он фактически спрятан от нападающего чаще всего со стороны Волги неприятеля. К сожалению, пока в этом месте не проводилось стационарных изысканий, но, скорее всего, это остатки разрушенного потайного лаза. Аналогично в русских крепостях (Гдов, Изборск и т. д.) устраивали хорошо замаскированные потайные ворота, выходившие обычно во рвы (Косточкин, 1969, с. 457). Подобные тайники использовались также для выхода к воде. Береговой склон р. Сундырки даже в настоящее время богат родниками.

Ров имел ширину 730 см, глубину по центру 445 см от нулевой отметки, находящейся на гребне вала и 195 см от уровня современной дневной поверхности. Дно рва составляет плотный коричневый суглинок, под которым известняковые камни образовали сплошную корку (рис. 4). В районе проезда фиксировались остатки материковой перемычки. На подьеме из рва к валу на дне обозначились контуры кольев. Вероятно, был использован прием, получивший в русской военно-оборонительной технике название «частика» или «щепей» (Косточкин, 1969, с. 454).

Не менее интересные сооружения обнаружены на мысу городища. В настоящее время фиксируется лишь небольшая ложбинка шириной до 2 м и глубиной 30–40 см, перерезающая мыс с севера на юг. Раскопки позволили выявить здесь остатки вала, основание которого составляет 500 см, сохранившаяся до настоящего времени высота вала 70 см. Так же, как и при строительстве основного вала, перед началом работ поверхность была освобождена от растительности путем выжигания, от которого в профиле заметна углистая прослойка. От дополнительных внутривальных конструкций сохранились углистые полосы и плашки обожженного дерева. Судя по форме заполнения и расположению древесных остатков, укрепления вала на мысу сооружались по тем же принципам, что и внутри основного вала, но имели меньшую мощность. В качестве каркаса внутривальных сооружений использовались не толстые, иногда нетесаные, сучковатые жерди. Заполнение каркасов также более слабое: серая супесь, а не плотная глиняная забутовка, как внутри основного вала. На вершине вала выявлена яма № 1 диаметром 20 см, глубиной 40 см с углисто-гумированным заполнением от опорного столба оборонительной стены.

Первоначальная ширина рва в этой части городища 440 см, глубина в центральной части 350 см от сохранившейся верхушки вала. Дно рва с западной стороны укреплено крупными камнями. Во рву в слое темно-серой, почти черной супеси с углистыми включениями зафиксирована серия столбовых ямок диаметром от 12 до 18 см, заглубленных от 42 см до 72 см. Выявленные столбы можно интерпретировать как остатки однорядной деревянной стены (типа частокола?) на склоне контр-эскарпа. Необходимость дополнительных укреплений объясняется тем, что глубина и крутизна рва к этому периоду была незначительна.

За пределами основной площадки городища, огражденной валом и рвом, на поле вдоль склонов береговых линий р. Волги и р. Малый Сундырь обнаружены остатки опорных столбов от ограды прилегающей к городищу территории и небольшой культурный слой. В данном случае трудно определить характер поселения за валом городища. Сооружение тыновой ограды вокруг посадов, примыкавших к русским крепостям, общеизвестный факт (Косточкин, 1969, с. 458).

По ряду признаков: обмазке ската и внешней грани стены, наличию материковой перемычки в районе проезда, устройству надворотных конструкций и башни и т. д. – оборонительные сооружения Важнангерского городища имеют параллели с русскими и болгарскими строительными традициям (Смирнов, 1950; Никольская, 1987; Федоров-Давыдов, 1962; Раппопорт, 1961, с. 144). А.Г. Губайдуллин считает, что в создании фортификационных сооружений городища принимали участие болгарские инженеры, а местное население лишь служило в качестве рабочей силы. Вывод базируется на убеждении, что фортификация как наука присуща только государственным образованиям, а территория Марийского Поволжья относилась сначала к Волжской Болгарии, а затем к Болгарскому улусу (Губайдуллин, 2019, с. 116). Не оспаривая тезис о заимствовании системы обороны в целом, все же вывод о болгарском влиянии нельзя считать окончательным. Заключение о направлении и характере культурного воздействия возможно сделать только по результатам анализа всего комплекса материальной культуры, в котором также очень значительное место занимают древнерусские традиции.

Селища этого периода изучены в разной степени. На селищах правобережья Волги: Красное селище II–IV; Сиухинское, Барковское, Шелаболки I–III (рис. 6), Носельское II и III (рис. 7), Ключевское, Важнангерское; Шартнейское; Юльяльское, Сауткинское и на верхнем слое Васильсурского V городища «Репище» – вскрыты значительные площади, что позволило выявить жилища, особенности материальной культуры и хозяйственной деятельности. Селища левобережья немногочисленны (Сутырское II, V, XIV селища и слой за

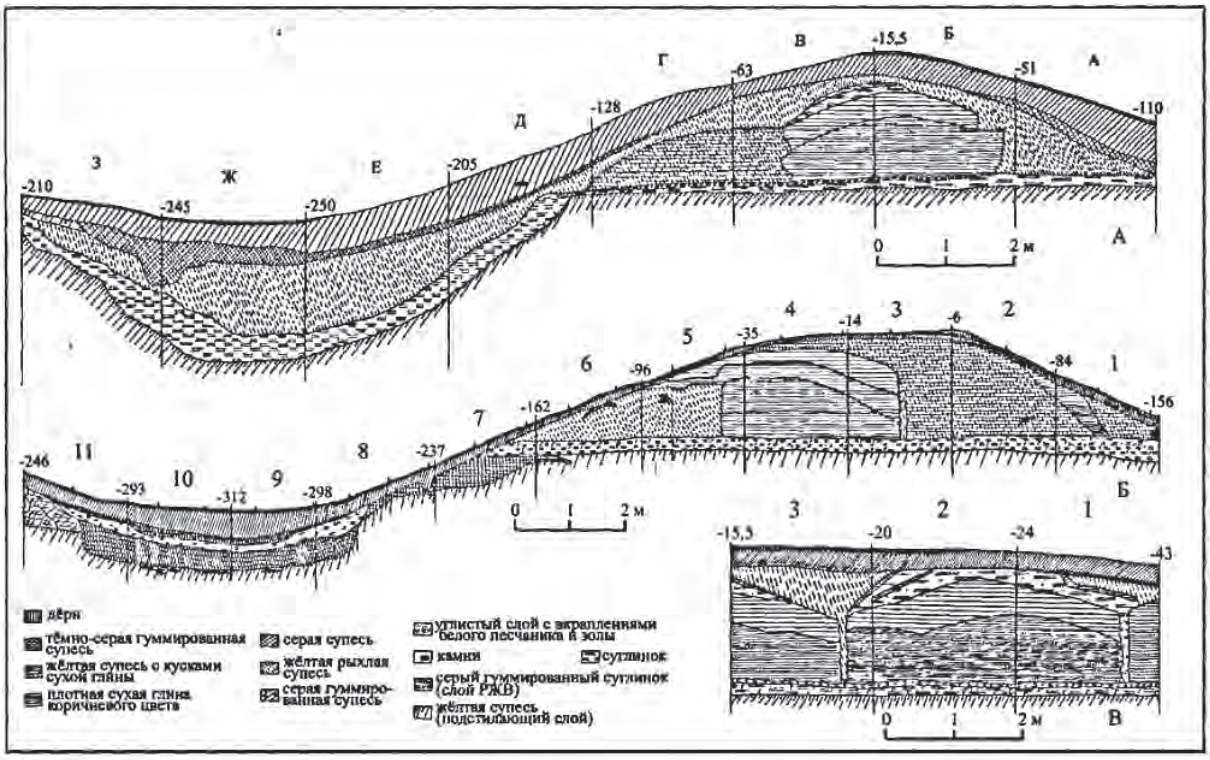


Рис. 4. Важнангерское (Мало-Сундырское) городище «Аламнер». Стратиграфия вала с напольной стороны (по: Никитина, Михеева, 2006)

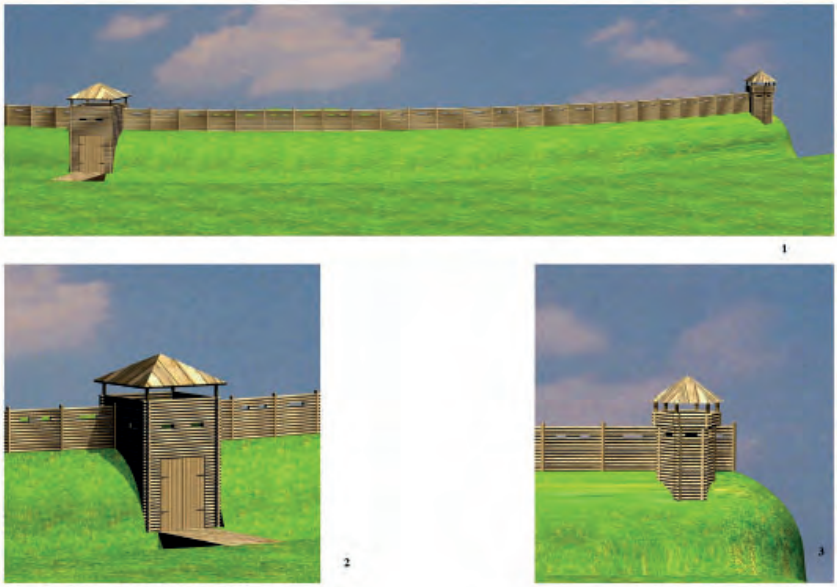


Рис. 5. Графическая реконструкция вала Важнангерского (Мало-Сундырского) городища (по: Никитина, Михеева, 2006): 1 – общий вид; 2 – надворотная башня; 3 – сторожевая башня

пределами и на верхушке вала Ардинского городища), выявлены в процессе разведочных работ и отнесены к указанным древностям по керамическому комплексу, особенно по находкам так называемой «славяноидной» посуды.

Два могильника (Юльяльский, Нижние Шелаболки) располагаются на правобережье Волги в относительной близости друг от друга и имеют значительное сходство между собой. Горношумецкой могильник занимает дюну левобережной поймы р. Волги (рис. 3).

Жилища представлены наземными срубными постройками подквадратной формы площадью от 20 до 30 кв. м. (рис. 8–10). Стены ориентированы по сторонам горизонта и заглублены нижним венцом в грунт. Выход в большинстве случаев прорубался в одной из стен и не был выражен в плане. Диаметр бревен, судя по отдельным обу-

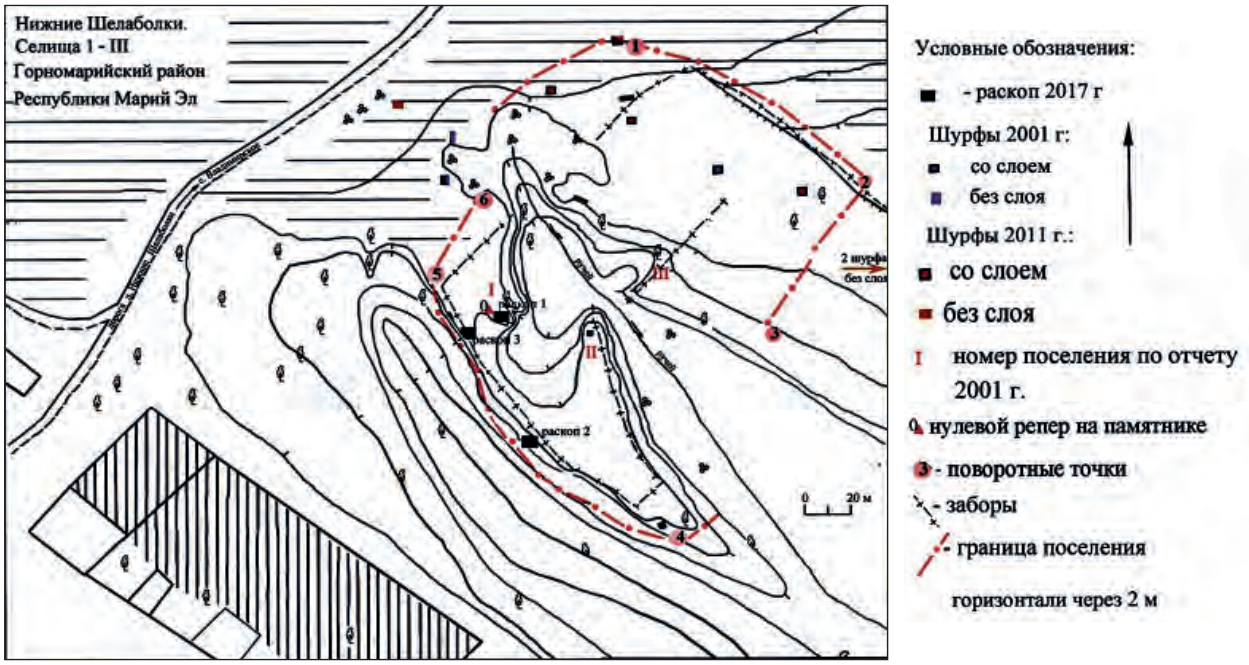


Рис. 6. Нижнешелаболкинское I селище

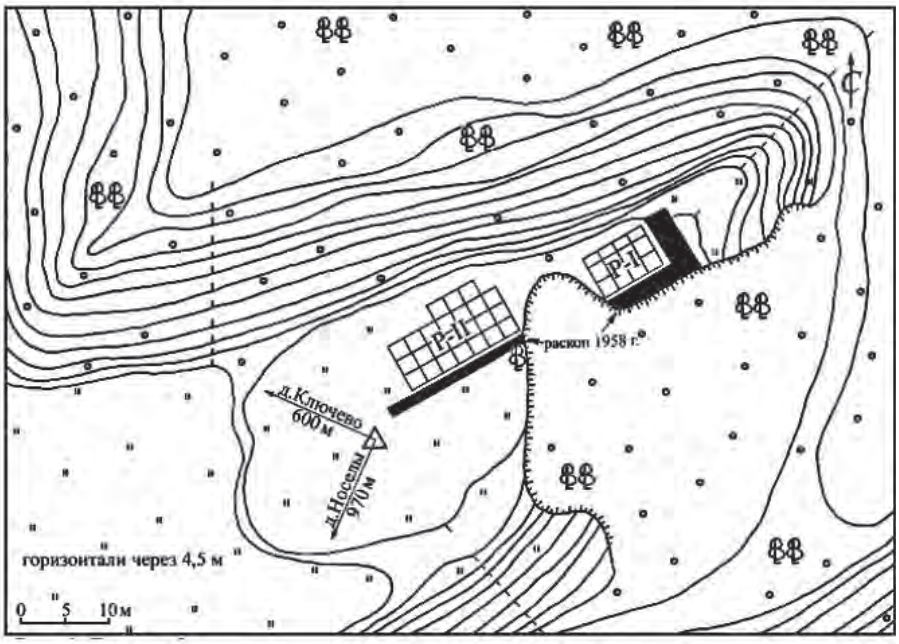


Рис. 7. Новосельское III селище (по: Михеев, Михеева, 2016)

гленным фрагментам, составлял не менее 20 см. Нижние венцы сруба с внешней стороны обмазаны глиной. Следов соединения бревенчатых стен не обнаружено. Но судя по тому, что не прослежено выступов боковых стен за внешние контуры постройки, а также с учетом этнографических свидетельств (Марийские постройки домов, надворные постройки. Оп. 1, д. № 289, № 6, 15) можно предположить, что дома рублены в угол. Никаких столбов для дополнительного укрепления кровли не обнаружено, вероятно, она опиралась на стропила, уложенные на боковые стены сруба. Отопление осуществлялось с помощью печей, которые устанавливались преимущественно на дощатый или столбовой опечек (Красное селище II, Важнангерское (Мало-Сундырское) городище, Юльяльское селище). Наибольшее сходство выявленные печи обнаруживают с печами на дощатом опечке, хорошо реконструированными по находкам в землях вятичей и других славянских племен X–XIII вв. (Никольская, 1981, с. 185, 187, 203; Рабинович, 1975, с. 166), в строениях XIV в. г. Чебоксары (Краснов, Каховский, 1978, с. 41).

Среди хозяйственных построек по функциональному назначению и структурным особенностям можно различить двухъярусные постройки (клети, амбары), погреба, кухни-«*кудо*» и сараи-навесы.

Клети-амбары состояли из наземного помещения для хранения домашнего скарба, одежды, а также продуктов питания, представляющего собой прямоугольный сруб площадью 12–16 кв. м, и подполья глубиной до 1 м, которое устраивалось обычно в северной стороне. Стены подполья в отдельных случаях дополнительно укреплены. На Сауткинском и Нижнешелаболкинском селищах стены и пол заглубленной части выложены досками, на Важнангерском городище пол подпола выстлан древесной корой (Хлебникова, 1967а, с. 155). Наземная часть отделялась от подполья перекрытием из деревянных досок или жердей, в большинстве случаев с верхней стороны обмазанных глиной.

В наиболее ранних этнографических описаниях клетей приводятся данные о том, что клети-амбары были на столбах (Фукс, 1840, с. 293). К.И. Козлова считает, что из клетей на столбах путем застройки свободного пространства между столбами и возникли двухэтажные клети (Козлова, 1958, с. 117).

Погреба, предназначенные для сохранения портящихся продуктов, выявлены на всех селищах, изученных стационарными раскопками, и представляли собой яму округленных очертаний с диаметром в пределах от 2,5 до 4 м, заглубленную в материк не менее чем на 1 м. Вероятно, существовало наземное перекрытие в виде шалаша, жердевого остова, плетня и других форм. На Важнангерском городище сохранились остатки погребов с традиционной для марийцев напогребицей из жердевого остова, зафиксированной по этнографическим материалам (Сепеев, 2000, с. 221).

В этнографических материалах в качестве особенностей марийской усадьбы отмечено строение «*кудо*», которое использовалось в качестве кухни, летнего жилья и места проведения семейных жертвоприношений (Сепеев, 2005, с. 97). С точки зрения археологии хорошо уловимыми признаками *кудо* является только открытый очаг. Вокруг таких очагов фиксируется наибольшее скопление керамики (часто развалы сосудов) и индивидуальных находок (Важнагерское городище, Красноселищенское, Нижнешелаболкинское, Носельское селища).

Керамический материал памятников этой эпохи отличается большим своеобразием. Для этого периода характерно сохранение лепной посуды (10,28–14,71%) (Михеева, 2006, с. 15) и преобладание гончарной.

В состав гончарной посуды входит древнерусская посуда (XIV ЭКГ по Хлебниковой), которая представлена горшками со сложным оформлением венчика, изготовленным из пластинчатой ожелезненной глины с примесью дресвы и составляет 12,05–33,12% (Михеева, 2006, с. 15).

Процент болгарской посуды незначителен (0,32–8,7%) (Михеева, 2006, с. 15; Никитина, Михеева, 2006, с. 169).

Лепная керамика сохраняет традиции предшествующего периода. Абсолютное большинство лепной посуды изготовлено из глины с примесью шамота или шамота с дресвой/песком, зафиксированы также примеси дресвы, раковины с шамотом и раковины. Реконструированные сосуды представлены плоскодонными горшками двух типов: усеченно-конической формы с плавным переходом к выраженному плечику и наибольшим расширением тулова в верхней трети сосуда и сосудами со слабовыпуклыми плечиками и наибольшим расширением ближе к середине сосуда. Для лепной посуды характерны цилиндрическая или раструбовидная горловина, простое типологически достаточно однообразное оформление края венчика.

Традиции лепной посуды наследует примитивно круговая посуда, составляющая в общем керамическом комплексе 32,19–49,40% (Михеева, 2006, с. 15).

По материалам памятников Марийско-Чувашского Поволжья XIII–XV вв., была выделена так называемая «славяноидная» керамика (рис. 11: 1–12). В комплексах поселений она составляет от 18,67 до 36,98% (Михеева, 2006, с. 15). Этот термин был введен в научный оборот в 1965 г. Т.А. Хлебниковой на конференции, посвященной «Происхождению марийского народа». Название «славяноидная» предполагало смешанный характер посуды: гончарная «...посуда местной фактуры (с толченой раковиной, с шамотом), но не местной формы. Она несет на себе характерные черты поздней славянской керамики XIII–XIV вв. северо-восточных районов Руси в общих пропорциях сосуда, в крутом изгибе горловины, форме венчика, выступающего плечика» (Хлебникова, 1967, с. 89–90). Нужно признать, что термин «славяноидная» керамика с логической точки зрения достаточно понятен, но с исторической позиции не совсем точен, так как к этому периоду уже сформировалась развитая древнерусская культура, и в отношении памятников, оставленных русским населением, термин «славянские» не используется.

Позднее при обобщении керамических материалов Волжской Болгарии Т.А. Хлебникова посуду такого типа включила в XVI этнокультурную группу (ЭКГ) (Хлебникова, 1984, с. 200–201). После выхода монографии Т.А. Хлебниковой назва-

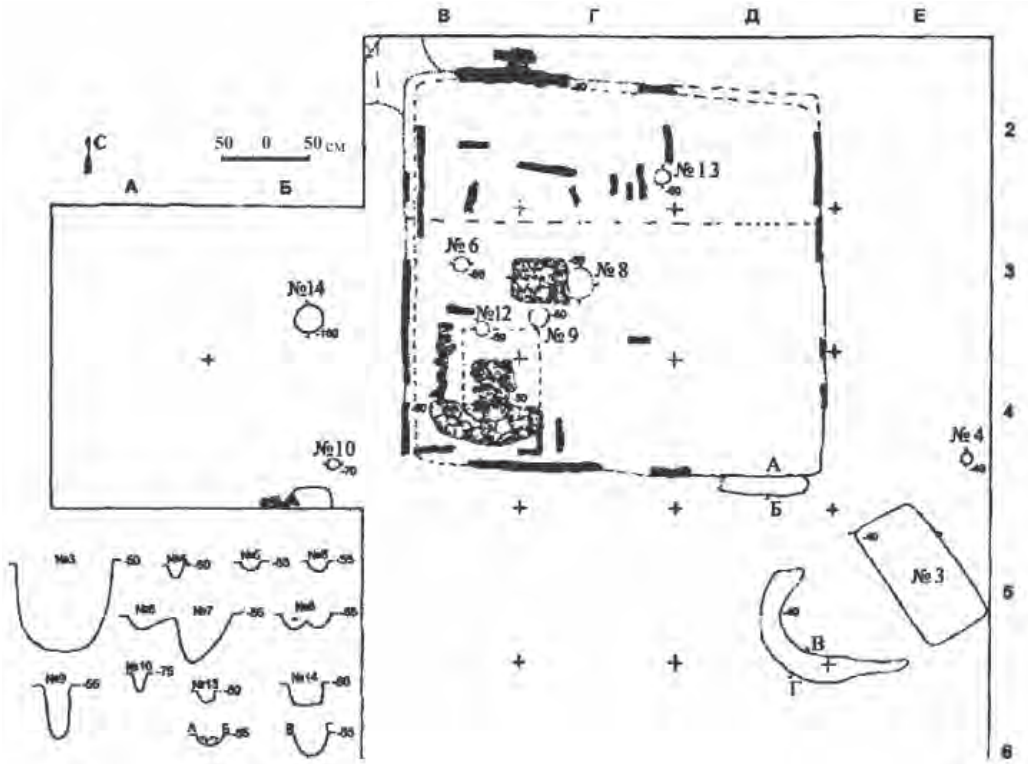


Рис. 8. Важнангерское (Мало-Сундырское) городище «Аламнер». Фрагмент плана раскопа I с жилищем (2004 г.)

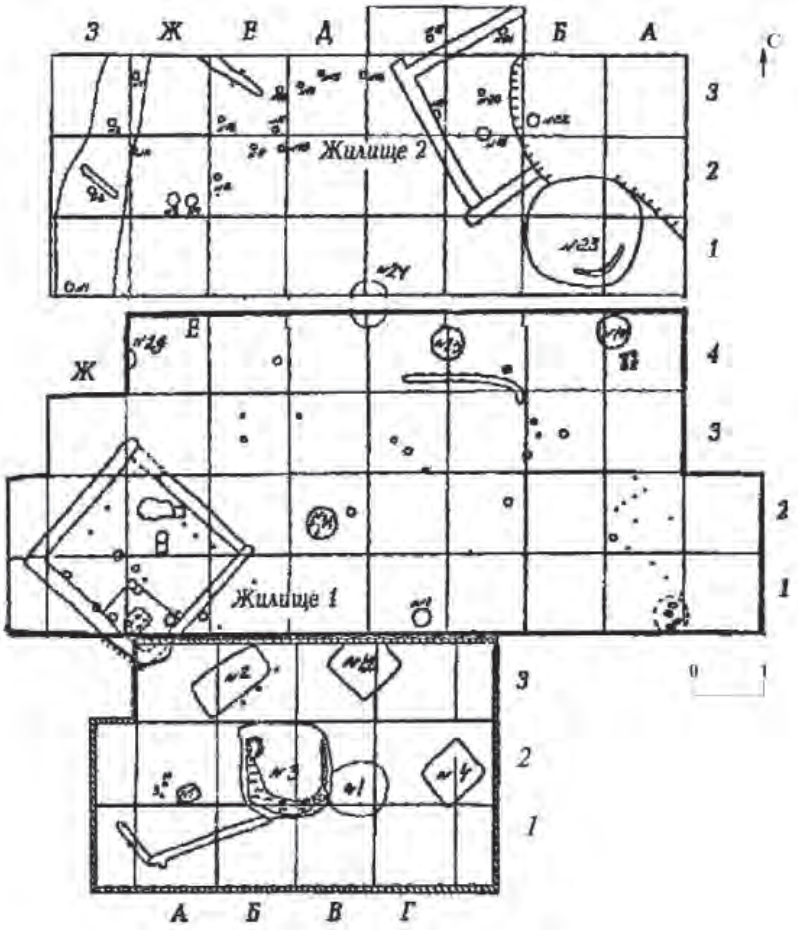


Рис. 9. Красноселищенское II селище . Сводный план раскопов 1995, 1996 гг.

Рис. 10. Реконструкция жилища по материалам Важнангерского (Мало-Сундырского) городища «Аламнер»

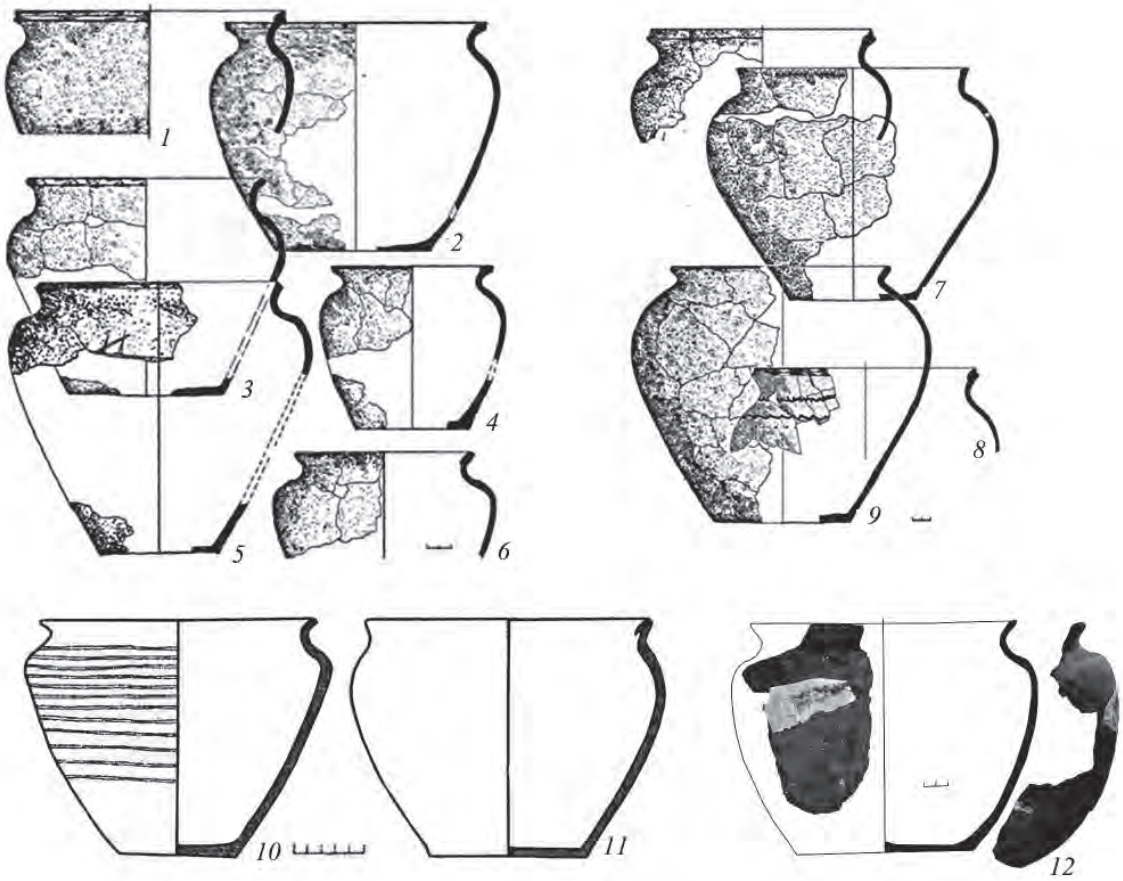


Рис. 11. Керамика: 1–8 – Важнангерское (Мало-Сундырское) городище; 10, 11 – Красноселищенское II селище; 12 – Нижнешелаболкинское I селище

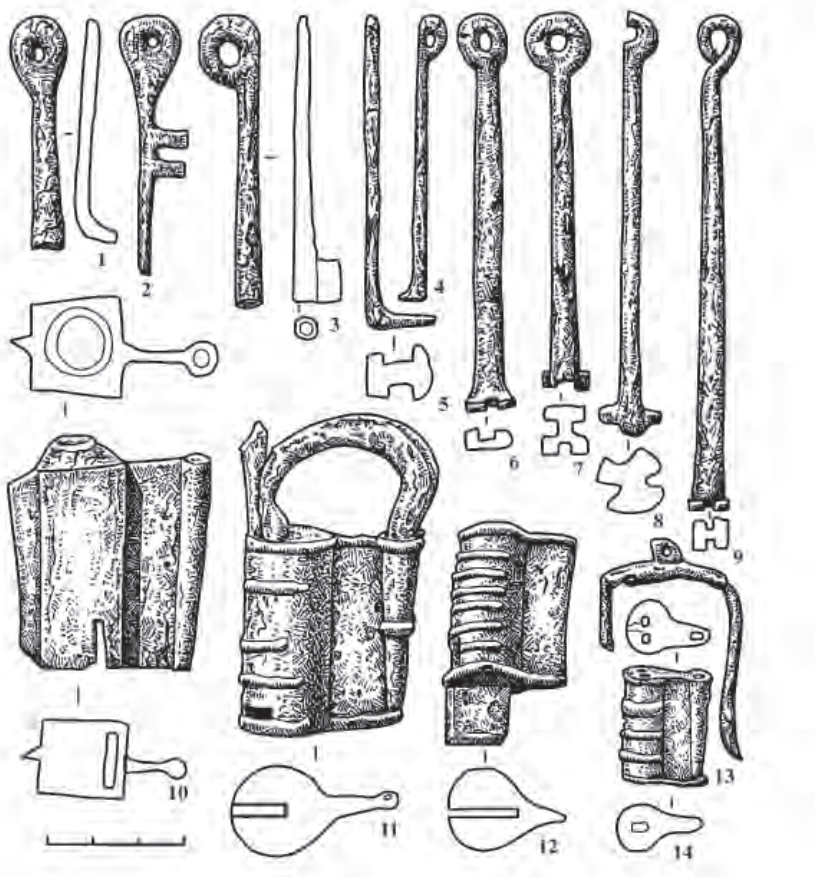


Рис. 12. Ключи и детали замков Важнангерского (Мало-Сундырского) городища (по: Никитина, Михеева, 2006). Железо

ние «керамика XVI ЭКГ» входит в оборот, но и термин «славяноидная» посуда, особенно при рассмотрении пограничных с болгарами памятников и территорий, продолжает оставаться в активном использовании вплоть до сегодняшнего дня.

При характеристике посуды XVI ЭКГ Волжской Болгарии Т.А. Хлебникова различает два этапа. Единичные экземпляры (две целые формы и фрагменты) отнесены к периоду XII–XIII вв.: «посуда гончарной выделки из теста с примесью толченой раковины, а изредка шамота, серая, бурая и желтоватого цвета горшковидная по форме. Не только по форме тулова (высокое расположение наибольшего расширения его), но и в профилировке венчика, и в оформлении края горшки XVI группы несут характерные черты XIV группы» (Хлебникова, 1984, с. 200). Для золотоордынского периода формулировка остается близкой, но упоминается только примесь толченой раковины, шамот уже не отмечен в качестве формовочной массы (Хлебникова, 1984, с. 232). Такая же характеристика этой посуды закреплена при описании неполивной керамики города Болгара (Хлебникова, 1988, с. 33).

Более детальное описание и дробная типология керамики этой группы по материалам болгарских памятников предложена Н.А. Кокориной. Поддерживая в целом позицию Т.А. Хлебниковой относительно этнокультурной принадлежности населения, производившего посуду XVI группы, она выделяет два типа керамики для памятников раннего периода и четыре типа для золотоордынского периода (Кокорина, 1994, с. 191–192; Кокорина, 2002, с. 30, 95–96) и отмечает в составе формовочной массы, кроме указанных примесей, добавление известняковой галечной дресвы, особенно в золотоордынский период (Кокорина, 2002, с. 95).

В памятниках Волжской Болгарии славяноидная керамика занимала небольшой процент: от 1% в Болгаре до 11,6% на Чакме и Сюкеевском городище (Кокорина, 1994, с. 191; Кокорина, 1999, с. 91; Кокорина, 2004, с. 70–71). Только на Балынгузском (Торецком) III поселении ее находки составили 22–30% (Валиулина, 2004, с. 158). Стратиграфия залегания этой посуды прослежена только на городище Джукетау: от 0,07 до 3% в пригороде, и лишь 0,13% в цитадели (Полубояринова, 1993, с. 83).

В 90-е гг. XX в. значительные коллекции «славяноидной» посуды были получены при изучении памятников Вятской земли. Л.Д. Макаров и Д.А Салангин в «славяноидную» группу посуды

включили гончарные сосуды со славянскими венчиками, изготовленными из теста с добавлением примеси раковины (в качестве единственной примеси или в сочетании с шамотом и дресвой). Другие примеси в чистом виде в этой группе посуды ими не рассматривались или не обнаружены (?) на этих памятниках (Салангин, 1995, с. 9–10; Макаров, Салангин, 1997, с. 205–206; Салангин, 1998, с. 110–112; Макаров, 2004; Салангин, 1999). «Славяноидная» керамика в большей степени встречается на памятниках по правобережью Вятки в округе г. Котельнича, наибольший процент ее на Ковровском городище – 43,7% (Салангин, 1999, с. 154). В памятниках городков Никульчина и Хлынова процент этой керамики небольшой (не более 10%). К сожалению, в этом огромном массиве материала с памятников Вятской земли нет реконструированных целых форм, а по фрагментам (даже если это венчики) невозможно составить полное представление, на основании которого возможно провести объективный сопоставительный анализ с посудой соседних территорий.

Важным этапом в изучении проблемы явилось открытие и последующее изучение памятников с такой посудой в Пильнинском и Сеченовском районах Нижегородской области, изучение которых дает новые возможности для характеристики культурно-исторических процессов в пограничных между Русью и Волжской Болгарией областях. Н.Н. Грибов отмечает массовое распространение гончарной посуды с дробленой раковиной в низовьях р. Суры, в районе устья небольшого левобережного притока р. Курмышки. В небольшом подъемном материале, собранном на самом городище Курмыш, доля гончарной посуды с примесью раковины достигает 22%, на селище Кекино-3, расположенном в 10 км к северу от него, – 12%, на поселении Курмыш-4 – 50,5%. В 60 км от г. Курмыша вверх по течению р. Суры, на поселении Мурзицы-1, доля гончарной посуды с примесью раковины составляет уже не более 4%. В незначительном количестве осколки гончарных сосудов с раковинной примесью отмечены им в низовьях р. Сундовик в сборах с городища Оленья Гора и на одном из ближайших селищ Кириково-1, а также среди русской средневековой керамики селища Красные Мары-1 в бассейне левобережного притока Суры р. Урги (Грибов, 2019, с. 115–116).

Особой вехой в изучении «славяноидной» керамики являются исследования Важнангерского (Мало-Сундырского) городища «Аламнер» и памятников развитого Средневековья на правобережье Волги в пределах Марийского Поволжья, начатые в 90-е гг. XX в. и продолжающиеся до настоящего времени. Исследователями с учетом разработок Т.А. Хлебниковой и Н.А. Кокориной предложена своя классификация керамического материала. В памятниках Марийско-Чувашского Поволжья «славяноидная» керамика составляет от 30 до 40% (Михеева, 2004, с. 143; Никитина, 1991, с. 26), обнаружена преимущественно на поселениях правобережья.

Большинство исследователей пыталось произвести этнокультурную интерпретацию памятников и выяснить истоки формирования населения, создавшего этот феномен. В настоящее время существует несколько точек зрения. Т.А. Хлебникова отнесла «славяноидную» керамику ко второй группе местной посуды, очертив круг ее распространения Марийско-Чувашским, частично Нижегородским (отдельные памятники) Поволжьем, связав происхождение этой керамики с местным населением указанных территорий. Появление подобной посуды в Волго-Камье объяснила «проникновением на восток в конце домонгольского периода западных поволжских соседей болгар» (Хлебникова, 1984, с. 232). В последующих работах ее высказывания более конкретны. «XVI группа керамики марийско-чувашского происхождения принадлежит марийскому населению Болгара…» (Хлебникова, 1988, с. 33).

Н.А. Кокорина, отмечая сложность гончарных традиций, связанных с влиянием славянского гончарства в керамике XVI группы, поддержала точку зрения Т.А. Хлебниковой о местном финно-угорском этносе ее носителей. По материалам Камаевского городища Н.А. Кокорина разделила XVI ЭКГ на подгруппы. Керамику XVI–1 она называет «славяноидной», а керамику XVI–2 марийской, принадлежащей этнографической группе луговых мари (Кокорина, 2004, с. 70).

Значительный интерес представляет вывод Н.А. Кокориной о том, что керамика XVI группы связана с финно-угорским населением Северо-Восточной Руси, продвинувшимся вследствие колонизации в XII–XIII вв. в Марийско-Чувашское Поволжье, на Вятку и Нижнее Прикамье (Кокорина, 1994, с. 192, 197). Последняя позиция пока никем не проанализирована и не получила соответствующего освещения в литературе, вероятно, по той причине, что все считают Н.А. Кокорину сторонником точки зрения Хлебниковой.

К позиции Хлебниковой Т.А. близка точка зрения марийских археологов (Никитиной Т.Б., Михеевой А.И.), высказанная в 90-е гг. XX в. Признавая, что «данная группа керамики формировалась при сильном воздействии древнерусской гончарной традиции, которая проявилась в оформлении края венчика…», исследователи считают, что форма сосуда примеси, наследуют местные традиции

(Никитина, 2005, Никитина, Михеева, 2006; Михеева, 2006, с. 22).

Второе направление представлено сторонниками финно-пермско-русского происхождения этой посуды. В связи с накоплением значительных материалов XII–XIV вв. на Средней Вятке Л.Д. Макаровым была выдвинута гипотеза «о производстве посуды XVI группы на смешанных славяно-финно-пермских памятниках, но уже на стадии обрусения финно-пермского компонента» (Макаров, 1985 с. 50; Макаров, 2001, с. 11). Он считал, что группа памятников с такой керамикой имеет отношение к арской группе удмуртов (Макаров, 1984, с. 112), в Марийско-Чувашском Поволжье и Поветлужье такая керамика появилась с выходцами из древнерусских земель, в частности из славяно-пермской Вятки (Макаров, 2004, с. 122). Эта точка зрения впоследствии более подробно разработана Д.А. Салангиным (Салангин, 1999, 2000).

Достаточно близок к последней точке зрения К.А. Руденко, который первоначально предполагал верхнекамские истоки этой посуды (Руденко, 1992, с. 46). Впоследствии истоки XVI группы керамики он находит «в характерных формах прикамской посуды, появившейся в конце XIII в., а может быть и чуть раньше по Вятке в нижнем течении Камы», а также на Средней Вятке (Руденко, 2004, с. 148). По его мнению, в Волжскую Болгарию «форма керамики могла прийти с Вятки, вместе с русскими пленными и переселенцами». В последующих работах он уже воздерживается от этнокультурной интерпретации данной керамики. Для Волжской Болгарии он считает данную керамику явлением хронологическим, связанным с XIV–XV вв. (Руденко, 2007, с. 354).

Существуют также другие, как правило, тезисные высказывания относительно того, что «славяноидная» керамика имеет разнокультурное происхождение и разнородна в разных ареалах распространения.

Следующей не менее дискуссионной проблемой является оценка хронологических позиций этого явления, которая является слабой стороной всех концепций. Не вызывает сомнения верхняя дата XIV–XV вв., а по поводу ранней границы существуют серьезные разночтения.

При первом упоминании «славяноидной» керамики Т.А. Хлебниковой в Марийско-Чувашском Поволжье памятники датированы XII–XV вв. Датировка строилась в основном на вещевых комплексах Сиухинского II поселения и Носельского селища. Но, к сожалению, на Сиухинском поселении нет керамики, которую однозначно можно назвать «славяноидной». На Носельском селище не выделены вещи с датой XII в., а большинство исследователей вполне доказательно датирует селище концом XIII – началом XIV в. (Михеев, Михеева, 2016, с. 179).

Т.А. Хлебникова и Н.А. Кокорина отмечают появление такой посуды в XII–XIII вв. на болгарских памятниках, в частности на Джукетау, Рождественском и Кайбельском селищах, признавая наибольшее распространение в золотоордынское время (Хлебникова, 1984, с. 200–201; Кокорина, 1994, с. 191; Кокорина, 2002, с. 30–31, 95–96). К сожалению, приводятся в системе доказательств только два целых сосуда, подробных указаний, в каких слоях на этих памятниках они обнаружены, не удалось найти. К.А. Руденко на болгарских селищах отмечает ее появление не ранее середины XIV в. (Руденко, 1998, с. 22; Руденко, 2004, с. 147). На р. Вятке такая посуда обнаружена на памятниках XII–XV вв., среди которых преобладают обьекты XIV–XV вв. (Салангин, 1999, с. 154; Макаров, 1985). К сожалению, ранняя датировка базируется в основном на аналогиях «славяноидной» посуды с керамическими древнерусскими традициями. Вещевой комплекс не содержит изделий, которые верхней датой имели бы XIII в. (за исключением одного фрагмента от бусины в слоях Кирова). Все комплексы имеют обобщенные даты XII–XIV или XIII–XV вв.

Большие возможности для исследования «славяноидной» посуды заложены в изучении технологии производства.

Технологический анализ керамики XVI группы Болгарского городища, произведенный И.Н. Васильевой, показал по составу глин в домонгольский период три смешанные традиции: 1) глина + песок + навоз, 2) глина + дробл. раковина + навоз, 3) глина + шамот + дробл. раковина + навоз; в золотоордынский: шамот + навоз, шамот + навоз + дробл. раковина, дресва; дресва + навоз (Васильева, 1988, с. 122, 123). Расширение источниковой базы (коллекции Болгара, Иски-Казани, поселений на Усе и Барбашинского) позволило ей выявить более сложный состав формовочных масс, выраженный в следующих статистических показателях: навоз – 4,8%, дробленная раковина – 6,3%, навоз + дробленная раковина – 15,9%, навоз + шамот – 19%, дробленная раковина + шамот – 1,6%, навоз + песок – 17,5%, навоз + дресва – 4,8%, дресва + шамот – 1,6%, шамот + дробленная раковина +навоз – 3,2%, шамот + песок + навоз – 19%, шамот + дресва + навоз – 1,6%, песок + дресва + навоз – 1,6%, песок + дробленная раковина + навоз – 3,2% (Васильева, 1993, с. 119, 120, табл. 88).

По материалам поселений правобережья Волги в пределах Марийского Поволжья аналогичные исследования были проведены А.И. Михеевой также при консультации и помощи И.Н. Васильевой.

Рис. 13. Предметы импорта: 1–4, 7, 8–10 – Нижнешелаболкинское I селище; 5 – Красноселищенское II селище; 6 – Важнангерское (Мало-Сундырское) городище. 1 – фрагмент сосуда с росписью «минаи» (Иран); 2 – фрагмент чаши с рельефным полихромным подглазурным орнаментом (Нижняя Волга); 3, 8–10 – фрагменты общеболгарской гончарной посуды (Волжская Болгария); 4 – фрагмент красноглиняного поливного сосуда; 5, 6 – зооморфные замки; 7 – игрушка 1, 2 – кашин, глазурь; 3, 7, 8–10 – керамика; 4 – керамика, глазурь; 5, 6 – цветной металл

Отмечая первый положительный опыт использования технологического анализа, следует признать, что необходимо провести исследования посуды с разных территорий по единой программе. В большинстве исследований уделяется внимание определению состава формовочной массы. Но очень важную информацию дают и другие показатели. В качестве примера используем такой показатель, как конструирование полого тела. И.Н. Васильевой для керамики XVI группы Волжской Болгарии отмечено два способа: спиральный налеп из жгутов и спиралевидный лоскутный налеп (Васильева, 1993, с. 119). Для сосудов марийских селищ А.И. Михеевой выявлен только спиральный налеп из жгутов, в том числе и для посуды с примесью раковины. Для прикамских сосудов в большей степени характерен спиралевидный лоскутный налеп. Вероятно, что в марийские памятники раковина попала раньше и к моменту зарождения «славяноидной» керамики она уже в переработанном виде стала местным явлением, поэтому неслучайно фиксируется и в лепной посуде. Возможно, что существовали локальные особенности «славяноидной» посуды. Но, к сожалению, весь массив не обработан и мы не имеем данных по керамике Вятской земли и Нижегородскому Засурью.

И самое главное, хочется обратить внимание на следующий факт: отнесение керамики по совокупности только двух признаков (гончарная и примесь толченой раковины) к славяноидной не совсем корректно. Для этого нужно брать совокупность признаков: форма, технологические особенности, примесь, особенности венчиков и т. д. Формальный подход по двум признакам, мне кажется, привел к незаслуженному расширению территории. Не надо забывать, что эти два призна-

ка присутствуют не только в XVI группе посуды, но также в XX и в XXII группах керамики, обозначенных Н.А. Кокориной, но они не связаны со «славяноидной» посудой.

На разных территориях, особенно в полиэтничных и поликультурных регионах, проходили сходные процессы, в которых принимали участие часто представители одних и тех же этносов и культур. Но процессы проходили по-разному и количество участников этих процессов различно, поэтому мы часто фиксирует сходные, но не идентичные признаки в материальной культуре.

К XIV в. складывается система расселения и социального устройства населения Марийско-Чувашского Поволжья. Количество городищ резко сокращается, но изменяется их функциональное назначение; из простых убежищ они превращаются в военные и административные региональные центры, вокруг которых формируются кусты поселений, состоящие, как правило, из несколько селищ («понеже у них села при великих крепостях ставлены») (Курбский, 1833, с. 18), места производственной деятельности, погребений и молений.

Примером такого расселения являются Важнангерское (Мало-Сундырское) городище «Аламнер» и его округа в устьевой части рек Малый и Большой Сундырь, группа памятников в устье р. Суры, на левом берегу р. Волги в междуречье Ветлуги и Дорогучи, в междуречье рек Немды и Лаж, правобережных притоков р. Вятки вокруг Шорсолинского городища.

В археологическом отношении наиболее изученной является Важнангерская округа, представленная большим количеством памятников различного назначения (селища, культовые места, торговый поселок и т. д.), объединяющая Носельские II и III, Важнангерское, Шартнейское, Яндушевское, Ключевское, Сауткинское селища, Юльяльское селище, выполняющее роль торговой фактории и кузницы, Важнангерский жертвенник. Около Юльяльского селища располагается могильник, предварительно датированный в пределах XIV–XV вв. (Никитин, 1992, с. 160). На могильнике изучено 7 безынвентарных погребений; датировка определена в основном по подъемному материалу, собранному в осыпях под могильником на берегу Волги. Связь его с округой Аламнера пока не доказана.

Округа составляла единый демографический регион и социальную единицу с развитой экономикой, основанной на комплексном хозяйстве с преобладающей ролью пашенного земледелия и животноводства. Центром притяжения и ядром микрорегиона является Важнангерское (Мало-Сундырское) городище «Аламнер». Городище имеет большую площадь и выделяется среди всех известных марийских поселений. Необычные для марийских памятников размеры городища (более 56700 кв. м) и его расположение в центре марийских поселений свидетельствуют об особом социальном статусе. Достаточно мощные деревянно-земляные оборонительные сооружения городища отражают военно-оборонительные функции данного объекта.

Для строительства такой системы обороны требовались большие человеческие затраты. В то же время культурный слой памятника характеризуется небольшой мощностью и слабой насыщенностью вещественными остатками, поэтому невозможно представить, чтобы на его территории одновременно проживало большое количество населения. Вероятно, для создания таких сложных укреплений кроме обитателей городища привлекались жители близлежащей округи, возможно, в виде каких-то повинностей. Соответственно, логичным будет предположение о существовании здесь определенных механизмов административного управления, функционирование которых становится возможным, если городище является административным центром.

Нерядовое назначение данного городища подтверждает и планировочная структура памятника. За валом и рвом с напольной стороны обнаружены землянка, культурный слой и остатки укреплений вдоль волжского склона. По культурному слою и распространению подъемного материала, соответствующего находкам на городище, площадь за валом составила приблизительно 82 400 кв. м. Расположенное на мысу святилище подтверждает, что памятник являлся также и религиозным центром округи.

Система расположения поселений в окрестностях Важнангерской округи вполне соответствует размерам гнезд, состоящих из патронимий (по Б.А. Тимощуку) (Тимощук, 1990, с. 79), или кустов, состоящих из гнезд (по Н.А. Макарову) (Макаров и др., 2001, с. 125), характерных для населения лесной полосы Восточной Европы. Селища расположены таким образом, что каждое из них имеет активную ресурсную зону не менее одного 1 км, что соответствует переходу от подсечно-переложной системы к паровой системе земледелия. На каждом поселении проживала одна патриархальная семья. Разбросанные на многие километры патриархальные семьи одной и той же общины в условиях того времени не могли вести совместное хозяйство. Лишь для выполнения трудоемких работ (например, строительства оборонительных сооружений) эти семьи могли объединять свои усилия.

Примером патронимии или гнезда внутри куста в составе Важнангерской округи могут яв-

ляться: 1 – селища Носельское II, Носельское III и Ключевское селище; 2 – Шартнейское I и Шартнейское II селища; 3 – также Юльяльские памятники и Сауткинское селище, между которыми родственные связи были достаточно сильными, и они, по-видимому, имели общие пахотные угодья.

К сожалению, в нашем распоряжении нет карт ландшафтных территорий прошлых столетий, которые помогли бы нам вычленить естественные границы (лесные массивы), отделявшие различные группы марийского населения в Средневековье, но картографирование археологических материалов позволяет наметить эти границы. Следующая группа памятников этого периода фиксируется в районе п. Васильсурск – д. Красное Селище. Расстояние до этой группы составляет 30 км. Каждая из групп привязана к крупной реке (Важнангерская (Мало-Сундырская) к Волге, Красноселищенская к Суре). Группа памятников в районе д. Красное Селище с востока отделена мощным лесным массивом. Эти две группы разделяет наиболее крупная для этой территории р. Большая Юнга. О существовании в былые времена больших лесов в районе р. Юнги подтверждают народные предания (Айплатов, 1967, с. 90). В описаниях горной стороны Марийского края содержатся упоминания о дубовом лесе, называемым Басурманским, в районе с. Владимирского у Басурмановой горы. Этот лес ограничивает территорию Важнангерской (Мало-Сундырской) округи с западной стороны. С восточной стороны за Торговицкой Ватагой также в XVIII в. упоминаются дубовые рощи. На местности, где построена Козьмодемьянская крепость, в конце XVI в. также был пустой дикий лес (Михайлов, 1972, с. 221, 224, 239).

Располагаясь между русскими землями и Болгарским улусом Золотой Орды, население Марийского Поволжья испытывало определенное воздействие с обеих сторон, что отразилось на различных сторонах материальной культуры.

Письменные источники для второй половины XIV – начала XV вв. указывают четыре области, заселенные русскими и входившие во владения нижегородских князей. Две из них (Курмыш и Кишь) локализованы по археологическим материалам (Грибов, Ахметгаллин, 2013). Раскопки поселения Курмыш-4 дали материал, очень близкий с поселениями, изученными в Горномарийском районе, особенно с Важнангерским городищем «Аламнер», что свидетельствует о тесных контактах марийского населения с русскими, проживающими в левобережье р. Суры. На марийских поселениях неоднократно встречались русские вещи: замки, ключи от замков (рис. 12: 1–14), предметы вооружения и т. д. Среди керамического комплекса древнерусская посуда составляет значительный процент. Русская гончарная традиция оказала существенное влияние на производство посуды «славяноидного типа», о чем уже шла речь выше. В строительстве оборонительных сооружений также прослежено значительное сходство со строительством русских крепостей. Все эти факты свидетельствуют о глубоких взаимоотношениях между русским населением и марийцами и, возможно, о первых переселенцах с русских земель.

На сегодняшний день не ясно, кем являлись первые русские на территории Марийского края и степень заселения ими региона. Вероятно, появление отдельных вещей, керамики и даже отдельных поселенцев не является свидетельством широкого освоения края славяно-русским населением. Проникновение вещей не всегда обусловлено непосредственным миграционным движением. Древнерусская посуда не является доминирующей в общем керамическом комплексе памятников Марийского Поволжья. Более того, эта посуда в Среднем Поволжье, как отмечала М.Д. Полубояринова по материалам Волжской Болгарии, обладала архаичностью и имела свои особенности (Полубояринова, 1993, с. 52). Отличия эти настолько очевидны, что М.Д. Полубояринова поставила под сомнение русское происхождение изготовителей.

Видимо, все же русское население было немногочисленным и состояло из торговых людей, ремесленников или отдельных беглых вольных поселенцев. Следов системного освоения русскими этого края вплоть до XVI в. не выявлено.

Значительную роль в контакте местного населения с русскими имела торговля. По многочисленным источникам известно, что Волжский торговый путь ожил в XIV в. О постоянных путешествиях русских купцов в Орду, в основном по Волге, свидетельствуют авторы XIII–XV вв.: ибн Абд-аз-Захер, ал-Омари, Иосафат Барбаро (Полубояринова, 1978, с. 43, 45).

Изделия болгарского производства на Важнангерском городище в основном представлены предметами из бронзы (Никитина, Михеева, 2006, рис. 52: 24, 25): литая накладка подпрямоугольной формы с фигурными концами с изображением ромба в центре и косыми насечками по краям, накладка подпрямоугольной формы с шаровидными окончаниями. Болгарские аналогии имеют также железная накладка, крестовидная бляха с петлей для прикрепления боковых ремней.

Болгарская посуда на поселениях Марийского Поволжья составила от 0,32 до 7,23%. Наибольший ее процент (8,7%) зафиксирован на Юльяльском селище, которое являлось торговой факторией. Существование Юльяльского селища в качестве торговой фактории подтверждает

существование поблизости военного и политического центра, каким являлось Важнангерское городище. По определению Й. Германна, прибрежные «торговые фактории возникли не как посад (Suburbien), но как самостоятельные единицы поселений: топографически они не зависели от военно-политического центра, но находились в его округе» (Германн, 1987, с. 39). О существовании на месте Юльяльского селища ярмарки «торгоцы» свидетельствуют письменные источники XVII–XVIII вв. и народные предания (Иванов,1994, с. 214–221).

Через Волжскую Болгарию осуществлялись связи с населением золотоордынских городов Среднего Поволжья, которые в первую очередь имели торговый характер. Обнаружены монеты ханов Узбека и Дженибека (монеты обрезаны), а также подражания монете Гюлистана (Никитина, Михеева, 2006, с. 135). Замочки в виде стилизованного изображения животных (лошадки, собачки) (рис. 13: 5, 6) с Красноселищенского селища и Важнангерского городища имеют многочисленные аналогии в Болгаре (Великий Болгар, 2013, с. 137), поселении золотоордынской эпохи Дамба II (Руденко, 1999, с. 67, рис. 6: 22), Царевском городище (Время и пространство, 2012, с. 440) и в других золотоордынских городах (Федоров-Давыдов, 1994, с. 194, 198). Фрагмент зеркала из слоя Важнангерского (Мало-Сундырского) городища (Никитина, Михеева, 2006, рис. 52: 28) имеет аналогии в Болгаре, Увеке, Новом Сарае (Федоров-Давыдов, 1966, с. 82, 116, рис. 14: 3). Фрагмент кашинной керамики с полихромной подглазурной росписью (рис. 13: 2) с Нижнешелаболкинского селища относится к посуде из памятников золотоордынского времени (XIV в.) широкой территории Восточной Европы (Руденко, 2017, рис. 8: 3; Недашковский, Шигапов, 2017, рис. 3: 3; Лавыш, 2017, рис. 8: 3). Стилистика трехлепесткового цветка с точкой в центре повторяет изображения на золотоордынских поливных чашах этого же времени (Федоров-Давыдов, 1976).

Судя по антропологическим особенностям черепов, обнаруженных на Мари-Луговском могильнике, какая-то группа поселенцев, близких кочевникам золотоордынских степей, некоторое время проживала на левом берегу Волги в пределах Марийского Поволжья (Алексеев, 1962, с. 258).

Для периода средневековой истории обозначить четкие границы расселения марийцев достаточно сложно. В силу особенностей хозяйственного и социального развития, а также ландшафтно-географических условий проживания такие границы будут условными. Например, на многих памятниках Предкамья XIII–XIV вв. (Сюкеевском V, Рождественском и Кайбельском селищах, городище Джукетау, г. Болгар и т.д.) обнаружены следы присутствия марийского населения (Хлебникова, 1984, с. 200–201; Полубояринова, 1993, с. 35–52; Кокорина, 2002, с. 30–31, 95, 96). Не исключено, что марийские поселенцы проживали в составе русского поселкаения Курмыш-4 и именно этим объясняется значительная близость русского поселка с селищами горной стороны Марийского края.

К середине II тысячелетия в хозяйственной деятельности марийского населения значительно повышается роль животноводства, и оно становится одной из основных отраслей хозяйства, о чем свидетельствуют остатки костей животных на Важнангерском городище, Красноселищенском и Юльяльском селищах. Анализ остеологического материала с селища XIII – середины XV вв. у д. Красное Селище, произведенный с.н.с. НЦАИ Института истории АН РТ к.в.н. Г.Ш. Асылгараевой, показал, что кости домашних животных составляют преимущественное большинство (около 90%), среди них преобладают свиные (50% от костей домашних животных), крупный рогатый скот (13,2%), мелкий рогатый скот (31,6%), лошадь (5,3%). Кроме того, найдено небольшое количество костей домашней птицы (куры).

Сохраняется роль рыболовства. Находки рыболовных крючков, блесен и грузил от сетей, костей рыб различных видов и размеров (сом, линь, осетр) на городищах и селищах, рыбья чешуя в хозяйственных ямах Красноселищенского II, Нижнешелаболкинского селищ и Важнангерского (Мало-Сундырского) городища II тысячелетия являются прямыми доказательствами этого вида деятельности на протяжении всей эпохи Средневековья.

Значительно увеличивается доля земледелия. Ярким свидетельством развития земледелия являются находки жерновов на Васильсурском V городище (Репище) XI–XIII вв. (использовался в качестве пода печи), Важнангерском (Мало-Сундырском) городище, Носельском II, Красноселищенском II, Нижнешелаболкинских селищах XII–XIII вв. Для уборки урожая использовались серпы с зубчатым лезвием и косы.

Начиная с XIII в. известны кузницы: Сиухинская, Юльяльская. На Сиухинском археологическом комплексе в слое XII–XIII вв. обнаружены обломки глиняных тиглей, куски глиняной обмазки, шлаки и 197 железных предметов.

Сохраняется роль охоты, продолжают развиваться традиционные виды хозяйственной деятельности, обработка кожи, кости, ткачество и т. д.

БАССЕЙН ВЯТКИ

История изучения и источники.

Вятская земля по данным письменных источников. Русские летописи освещают историю региона чрезвычайно кратко и на относительно позднем, с конца XIV в., отрезке времени, уделяя основное внимание политической ее стороне. Ценные сведения приводят договорные и духовные грамоты великих и удельных князей XV – начала XVI в., которые касаются юридической принадлежности Вятской земли. Независимость действий вятского руководства, социальная структура общества и состояние духовной жизни вятчан описываются в посланиях русских митрополитов второй половины XV в. Более поздние актовые источники, переписные и писцовые книги, описания и карты иностранцев также содержат некоторые полезные сведения (Мусихин, 2019).

Одним из интереснейших источников является «Повесть о стране Вятской» – произведение позднее, написанное в начале XVIII в. Вместе с тем в нем есть чрезвычайно важные данные, позволяющие использовать их при рассмотрении древнейшего периода в истории Вятской земли. Источниковедческий анализ этого памятника, проведенный в последние годы в работах ряда историков (Низов 2014; Мусихин, 2019), ставит новые акценты в определении степени достоверности его сведений.

История археологического изучения региона разделяется на четыре этапа.

I этап (конец XVIII – начало XX в.) характеризуется появлением в печати сведений об археологических памятниках (И.И. Лепехин, Е.Ф. Зябловский, местная периодика), накоплением материалов и первыми наблюдениями археологов (П.В. Алабин, П.И. Лерх, М.В. Малахов, Н.Г. Первухин, А.А. Спицын). Итогом его явилось исследование А.А. Спицына «Приуральский край» (1893 г.) и очерк Н.Г. Первухина «Опыт археологического исследования Глазовского уезда Вятской губернии» (1896).

II этап (1917 – середина 1950-х гг.). Археологические наблюдения проводились сотрудниками местных краеведческих учреждений (Вятский НИИ краеведения, музей) и археологами центральных и уральских организаций (Н.А. Прокошев, М.В. Талицкий, А.П. Смирнов). Результаты исследований нашли отражение в работе И.А. Талицкой «Материалы к археологической карте бассейна р. Камы» (1952).

III этап ознаменовался проведением широких археологических раскопок экспедициями под руководством Л.П. Гуссаковского (Никулицын, Хлынов, Вятка, Орлов), а затем Л.Д. Макаровым (Никулицын, Ковровское, Шабалинское, Котельнич, Искра, Хлынов, Слободской, Покста, Подчуршино). Силами Камско-Вятской экспедиции, созданной в 1973 г., проведено широкое разведочное обследование региона. Так, в последние годы выявлено еще несколько древнерусских памятников южнее устья р. Пижмы (Ботыли IV, Лебяжское, Мысы IV, Уржумское).

IV этап современный, характеризуется проведением археологических спасательных работ на территории Хлыновского кремля в 2013 и 2015 гг., Ковровского городища в 2013 и публикацией ранее изученного материала.

Поселения. Территория региона до появления русских поселенцев была освоена удмуртскими и марийскими племенами (Лещинская, 1995). Многие из их поселений были использованы русскими колонистами. В результате памятники местного населения оказались большей частью разрушенными, а культурные напластования перемешаны с более поздними слоями, поэтому представление об их материальной культуре недостаточно. Зато заметный пласт древнерусского импорта осел в местных могильниках X–XII вв.: украшения, бытовые предметы, монеты, орудия труда.

В числе памятников древнерусского населения региона 45 объектов разных категорий, относящихся к XII–XV вв., но продолжавших существовать иногда и в более поздний период времени (Макаров, 2001) (рис. 1).

Селища являются преобладающей категорией памятников. Л.П. Гуссаковский в 1959 г. выявил следы первого на Вятке догородского сельского поселения конца XII – начала XIII в. на территории будущего Хлынова. Всего во время исследований 1959 г. Л.П. Гуссаковский заложил на памятнике 15 разведочных шурфов общей площадью 66,5 кв. м. Раскопки показали, что в результате различных земляных работ культурный слой селища оказался почти полностью уничтожен. В верхней части большинства шурфов были обнаружены следы сооружений XVII–XVIII вв. и слоя XV–XVII вв. Лишь в шести шурфах, располагавшихся около восточного края площадки, были зафиксированы остатки древнейшего культурного слоя мощностью от 5 до 15 см. Именно в нем можно выделить дорусские напласто-

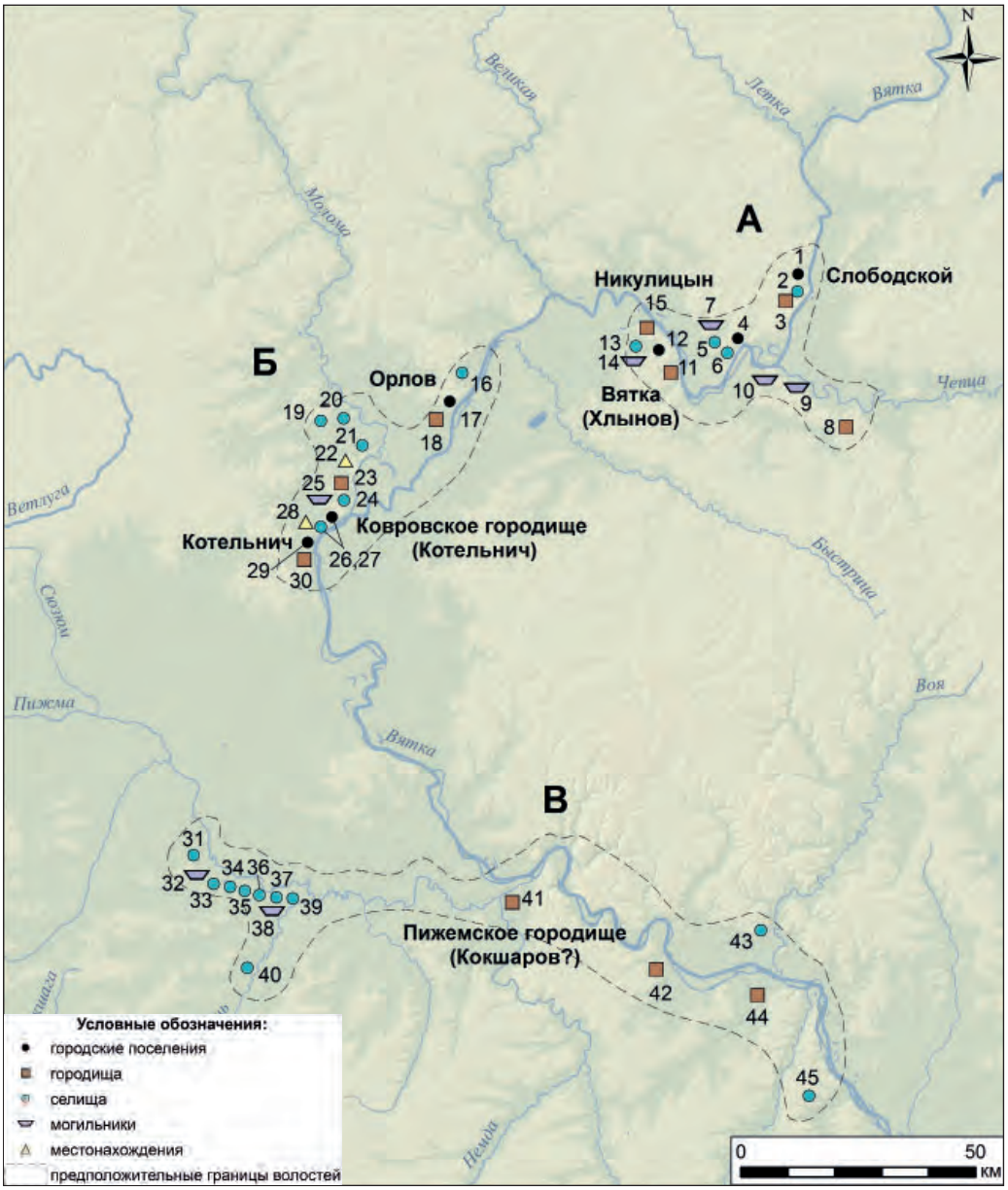


Рис.1. Карта археологических памятников Вятской земли (по: Макаров, 2001)
1 – предположительные границы волостей; 2 – городские поселения; 3 – городища; 4 – селища; 5 – могильники; 6 – местонахождения. А – Никулицынская волость; Б – Котельническая волость; В – Пижемская волость.
1 – Слободской; 2 – Родионовское; 3 – Подчуршинское; 4 – Никулицын; 5, 6 – Никульчинские II и IV; 7 – Никульчинский; 8 – Кривоборское; 9 – Северюхинская; 10 – Усть-Чепецкий; 11 – Чижевское; 12 – Хлынов; 13 – Хлыновское; 14 – Хлыновский I; 15 – Вятское; 16 – Большеждановское; 17 – Орлов; 18 – Тороповское; 19 – Вязовское; 20 – Барзичи II; 21 – Спасское; 22 – Нижнекордаковское; 23–25 – Шабалинские; 26 – Ковровское; 27 – Искра; 28 – Искровское; 29 и- Котельнич; 30 – Скорняковское; 31 – Еманаевское I; 32 – Еманаевский; 33, 34 – Еманаевские II и IV; 35–37 – Покста I – III; 38 – Покста; 39 – Худяковское; 40 – Грековское; 41 – Пижемское; 42 – Лебяжское; 43 – Ботыли IV; 44 – Мысы IV; 45 – Уржумское

вания XI–XV вв., оставленные, с точки зрения Л.П. Гуссаковского, древнеудмуртским населением (Егоров, 2018).

Силами КВАЭ развернулись значительные работы по исследованию памятников региона, в том числе древнерусских селищ XII–XV вв. Л.Д. Макаровым раскопано поселение Искра, значительная часть поселения Покста II, проведены рекогносцировочные исследования на Никульчинском II, Родионовском и Шабалинском поселениях. В.В. Ванчиковым исследовалось поселение Мысы IV.

Топография поселений имеет свои закономерности в зависимости от микрорегионов: в Никулицынском селища расположены на высоких берегах, в Котельничском – на невысоких выступах или останцах коренных террас, пижемские и лебяжско-уржумские – на надпойменных террасах.

Размеры поселений редко превосходят площадь в 1500 кв. м. Судя по памятникам, раскопан-

Рис. 2. Городища Вятской земли. Современные фото. 1 – Никульчинское городище; 2 – Скорняковское городище; 3 – Котельничское городище; 4 – Подчуршинское городище; 5 – Чижевское городище; 6 – Хлыновское городище. Вид на СВ

ным достаточно полно, они имели прибрежную рядовую планировку.

Жилища – наземные срубные постройки квадратной или прямоугольной формы (4×4; 3,5×4,5 м) с печами в углу или в центре, с большими подпольными ямами, облицованными досками. Выявлены производственные и хозяйственные помещения: на Искре – кузница с горном, две хозяйственные ямы, следы изгороди и дренажа. На Вятском поселении зафиксированы следы изгородей, построек и хозяйственных ям.

Городища. Известно 15 древнерусских укрепленных поселений: мысовые, усложненно-мысовые и овальные (рис. 2). Мысовые (14 памятников) защищены одним-двумя валами, рвом с напольной стороны и срубными клетями вдоль обрывов. Малые по размерам памятники (до 6 тыс. кв. м) существовали с дорусского времени. Более крупные городища (6–40 тыс. кв. м) превращались в детинцы городских поселений (Вятка, Орлов, Котельнич, Никулицын, Слободской) (рис. 3). Усложненно-мысовые городища – это посады тех же городов, возникших в конце XV–XVII вв. и имевших прямоугольную или многоугольную конфигурацию, большую площадь и усовершенствованную систему укреплений. Овальную площадку имеет Подчуршинское городище, расположенное на высоком холме. Крепостные сооружения исключительно дерево-земляные (прорезка произведена на Хлыновском, Слободском и Ковровском городищах). Следы укреплений в виде срубных клетей выявлены также по периме-

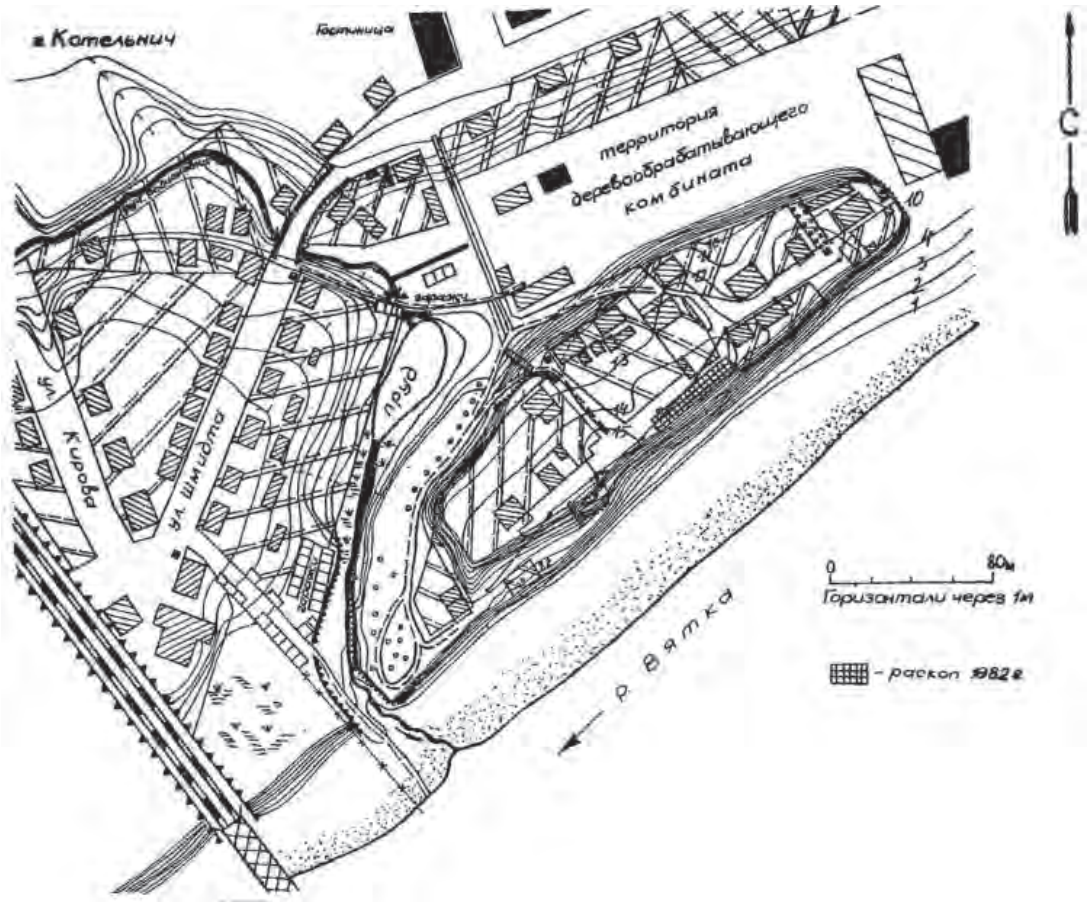


Рис. 3. План Котельничского городища

тру площадок крепостей (Подчуршинское, Ковровское, Никульчинское, Шабалинское городища) (рис. 4). На Ковровском городище в результате работ 1979, 1981 и 2014 гг. выявлено существование по крайней мере двух этапов развития оборонительных укреплений. На первом этапе, который датируется XIII – началом XIV в., городище было укреплено частоколом, который опоясывал памятник со всех сторон. В середине XIV – середине XV в. крепость с севера и востока защищала срубная деревянная стена, которая с запада и юга дополнялась валом и рвом. При этом на валу, вероятнее всего, также размещалась деревянная стена (Кряжевских, 2016).

Первые археологические наблюдения на территории Хлыновского кремля проведены в 1935 г. М.П. Грязновым. В 1956–1958 гг. Л.П. Гуссаковский заложил здесь два раскопа и шесть шурфов (рис. 5). В 1981–1983 гг. Л.Д. Макаровым заложен ряд разведочных шурфов, прослежен разрез вала и слоя Хлыновского городища на протяжении 207 м (по ул. Московской), исследован раскоп к югу от бывших архиерейских палат. В течение последнего десятилетия на территории кремля проведен ряд спасательных археологических раскопок: в 2012 г. А.Л. Кряжевских на ул. Спасской, 9; в 2013 г. С.Е. Перевощиковым; в 2015 г. Р.В. Матвеевым на краю склона к оврагу Засора обнаружены внутривальные конструкции. (Кайсин, Борисова, Глазырина, 2019). В полном объеме результаты ни одних работ опубликованы не были. С.Д. Захаров, критично относясь к результатам работ Л.П. Гуссаковского и Л.Д. Макарова, пишет о том, что слоёв ранее XVII в. в раскопах и шурфах обнаружено не было (Захаров, 1999). Анализ находок из кожи с работ Л.П. Гуссаковского с помощью естественно-научных методов и сравнением с рядом широких аналогий тоже говорит о находках не ранее XV–XVI вв. (Жилина, 2018). А работы 2013 и 2015 гг. выявили конструкции не ранее XVI–XVII вв. (Кряжевских, Перевощиков, 2014). Но само городище в период XIV–XV вв. наверняка существовало, ибо первые упоминания о городе содержатся в общерусских летописях за 1374 г. (Низов, 1997, 2014).

Планировка и застройка. На поселениях, раскопанных широкими площадями (Никульчино, Хлынов, Котельнич, Орлов), оказалось возможным установить планировку и застройку. Особенно устойчивой была планировка Хлынова, что обусловлено замощением улиц бревенчатыми мостовыми, а также строительством жилищ и хозяйственных сооружений преимущественно на одном и том же месте на протяжении длительного вре-

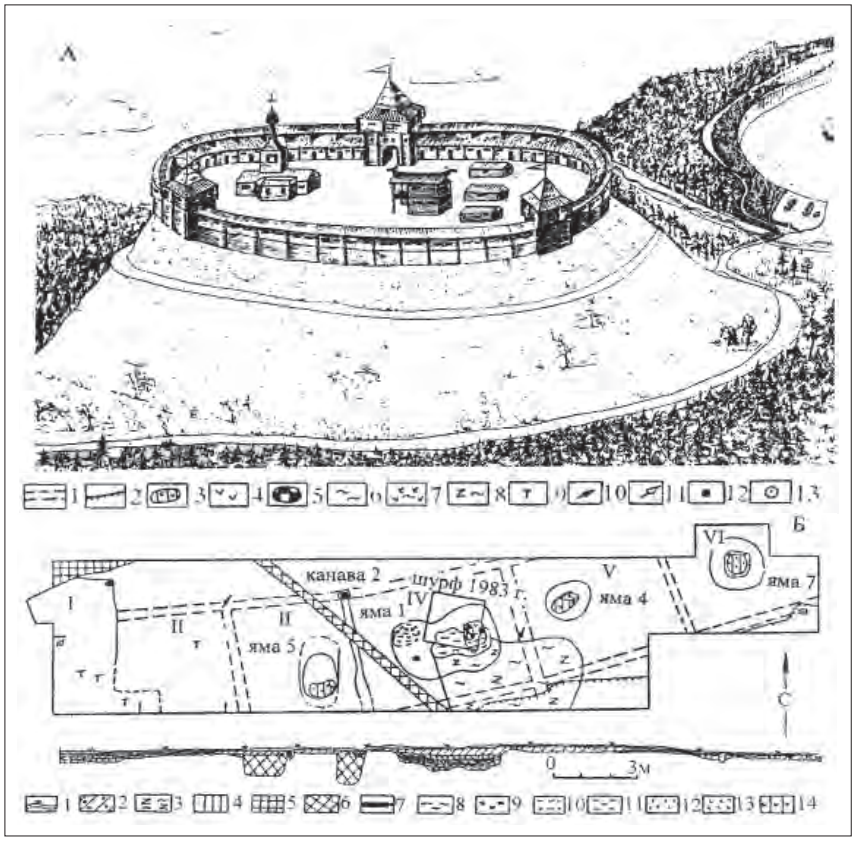


Рис. 4. Подчуршинское городище (по: Макаров, 2001)
А – реконструкция крепости XIII–XIV вв.: Б – план и профиль раскопа. Обозначения к плану: I – предполагаемые очертания; 2 – край искусственного эскарпа; 3 – прокал; 4 – углистое пятно; 5 – обугленное дерево; 6 – зола; 7 – скопление золы, шлака и угля; 8 – золистый слой с известкой; 9 – железные гвозди; 10 – железные наконечники стрел; 11 – костяной наконечник стрелы; 12 – обломок панцирной пластины; 13 – бронзовый умбон от щита. *Обозначения к профилю:* 1 – дерн и пахота; 2 – темно-коричневый суглинок – слой XVII–XIX вв. со скоплением кирпичного лома; 3 – золистый слой с известкой; 4 – темно-серый суглинок – древнерусский культурный слой XIII–XIV вв.; 5 – заполнение современных траншей; 6 – коричневый пестрый суглинок – заполнение поздних могил; 7 – уголь; 8 – золотистый слой; 9 – слой прокола; 10 – глина с включением угля;11 – стерильная глина; 12 – глина, перемешанная с культурным слоем; 13 – выброс из современных траншей;14 – черный суглинок с углем

Рис. 5. Рабочий момент археологических раскопок на территории Хлыновского кремля под руководством Л.П. Гуссаковского в 1957 г.(по: Кряжевских, 2018)

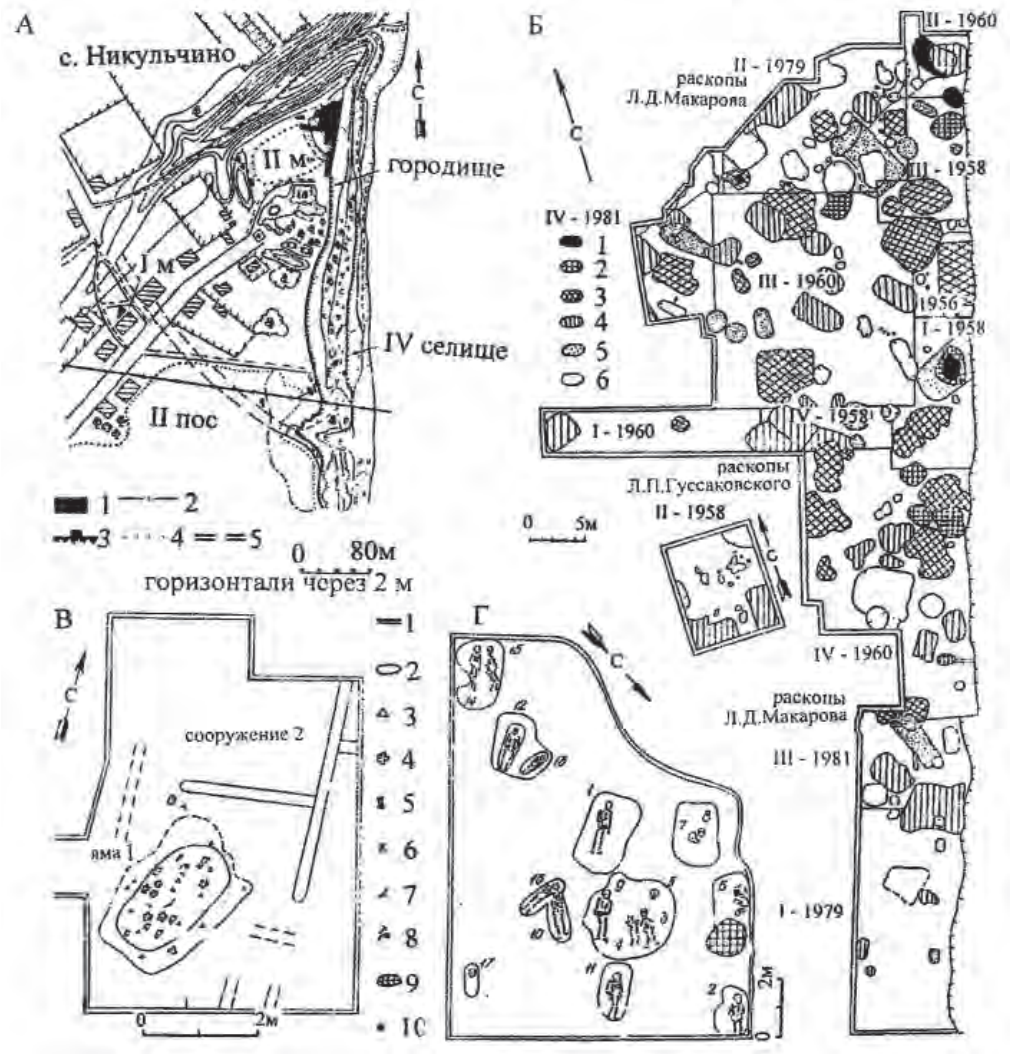


Рис. 6. Археологический комплекс у с. Никуличино (по: Макаров, 2001)
А – топографический план (1 – раскопы; 2 – границы поселений: 3 – зачистка обрыва; 4 – границы пашни; 5 – предполагаемые укрепления посада; Б – план раскопанной части (1 – дорусские ямы; 2 – XII–XIII вв.; 3 – XIII – начало XIV в.; 4 – XIV – начало XV в.; 5 – XV–XVII вв.; 6 – недатированные; В – планы раскопов на Никульчинском II поселении и Г – на Никульчинском I могильнике. I – границы раскопов; 2 – очертания ям и канав; 3 – керамика; 4 – шлак; 5 – кость; 6 – кремень; 7 – нож; 8 – гвозди; 9 – поздний перекоп; 10 – уголь в погребении 6

мени. Уличная планировка характерна также для Котельнича, Орлова и Никулицына (рис. 6).

Жилища, хозяйственные и производственные постройки. На укрепленных поселениях Вятской земли к настоящему времени выявлены остатки 74 жилищ – землянка, полуземляночные и наземные. Землянка конца XIII – начала XIV в. подквадратной формы размером 4×4 м, углубленная на 1,8–2,0 м, имела бревенчатые стены, двускатное перекрытие, дощатый пол и следы печи у середины стены. Полуземлянки (20 сооружений XIII – начала XIV в.) делятся на две группы. Одна объединяет четыре постройки квадратных очертаний со стороной 4–6 м, углубленных на 0,3–0,6 м, внутри которых зафиксированы подпольные ямы и следы глинобитных печей у середины стены. Вторая разновидность полуземлянок (16 построек) состоит из двух частей: жилой камеры (1,7–2,5 м в поперечнике), углубленной на 0,4–0,7 м, и тамбура аналогичных размеров, вход из которого в жилой отсек шел по земляным ступенькам. В жилой камере обнаружены следы глинобитных печей и каменок, располагавшихся чаще (глинобитные) в дальнем от входа углу, иногда на останце или (каменки) справа от входа у середины стены (рис. 7). Зафиксированы как столбовая, так и срубная конструкции полуземлянок.

Из числа хозяйственных построек представлены срубные или столбовые сооружения – сараи, помещения для скота, погреба, хозяйственные ямы. Обнаружено некоторое количество построек производственного назначения: остатки двух сыродутных горнов, девяти кузниц, медеплавильной

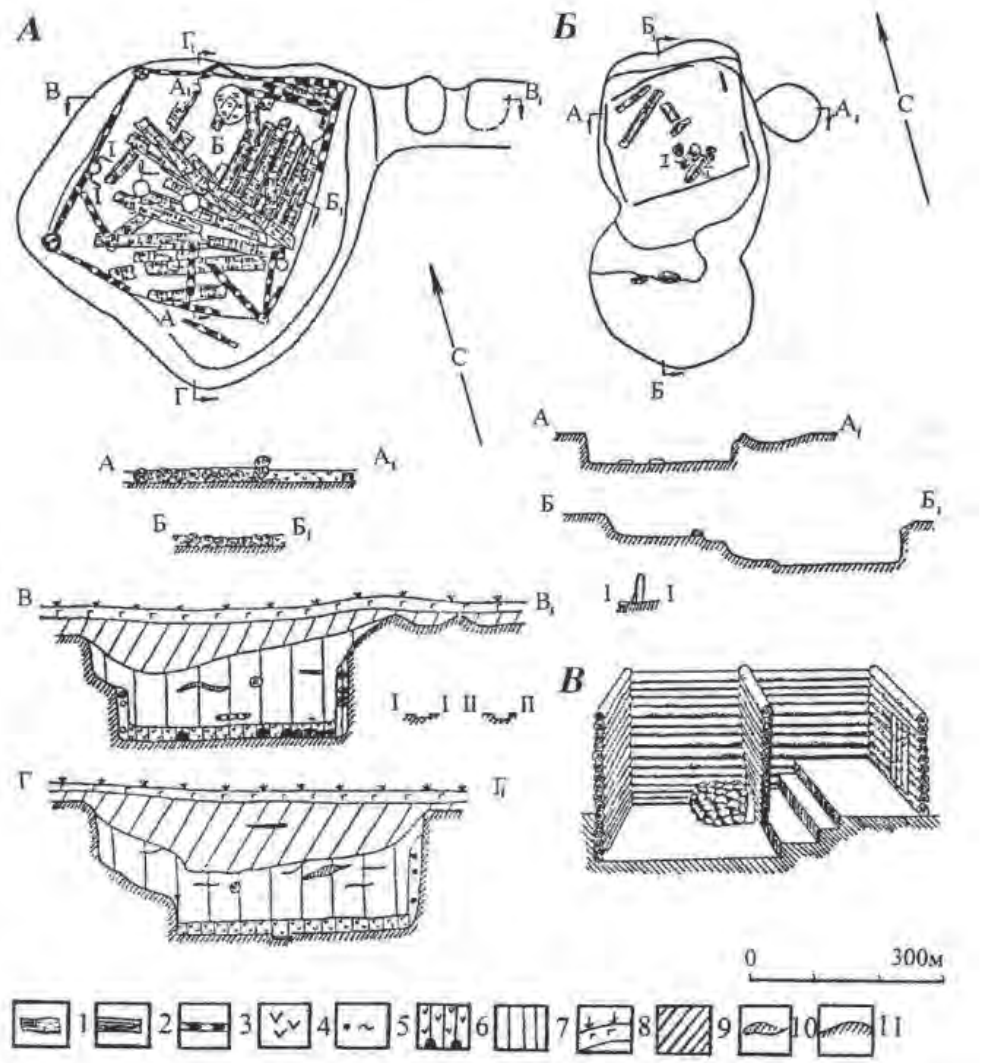


Рис.7. Жилища по материалам Никульчинского городища (по: Макаров, 2001)
А – землянка, Б – двухкамерная полуземлянка, В - реконструкция (1 – бревна; 2 – плахи; 3 – жерди; 4 – уголь; 5 – угольные линзы; 6 – слой угля с остатками сгоревших бревен; 7 – слой глины с мелкими вкраплениями угля; 8 – дерн; 9 – темный слой; 10 – белая глина; 11 – материк)

мастерской, трех гончарных комплексов (Макаров, 2001).

Могильники. Сведения о древнерусских некрополях бассейна Вятки накапливались еще с конца XIX в., когда А.А. Спицын писал о Шабалинском могильнике (1881, 1893). В 1929 г. единичные погребения вскрыл на Еманаевском (два) и Покстинском (одно) могильниках М.В. Талицкий. Первые крупные раскопки произвел Л.П. Гуссаковский, открывший 18 могил на Никульчинском I могильнике. Широкие исследования проведены отрядами КВАЭ на Шабалинском (80 погребений), Еманаевском (71) и Покста (85) могильниках (работы Л.Д. Макарова и Н.А. Лещинской). Экспедиция Кировского музея (Л.А. Сенникова) раскапывала Усть-Чепецкий могильник (22 погребения). В 1989–1991 гг. на территории Успенского монастыря проводились масштабные реставрационные работы, в ходе которых сотрудники сектора археологии Кировского областного краеведческого музея (Л.А. Сенникова, А.Ю. Хлюпин) исследовали Хлыновский I могильник (рис. 8). Могильник находился здесь до основания монастыря в 1587 г. Особенностью выявленных захоронений являются повсеместные взаимные нарушения могильных ям, которые были изучены лишь частично в разрезах коммуникационных траншей. По размерам можно выделить несколько групп погребений. Основную группу составляют погребения глубиной 25–45 см. Четыре ямы имеют глубину 65–85 см. Длина могильных ям, где удалось ее зафиксировать, укладывается в пределы 110–150 см, три могильные ямы имеют длину 195–230 см. По ширине могильные ямы разделяются на две примерно равные группы: шириной 40–55 и 65–70 см. Также выявлены два вида ориентации захоронений (запад – восток и север – юг), которые, вероятно, связаны с погребением различных этнических групп

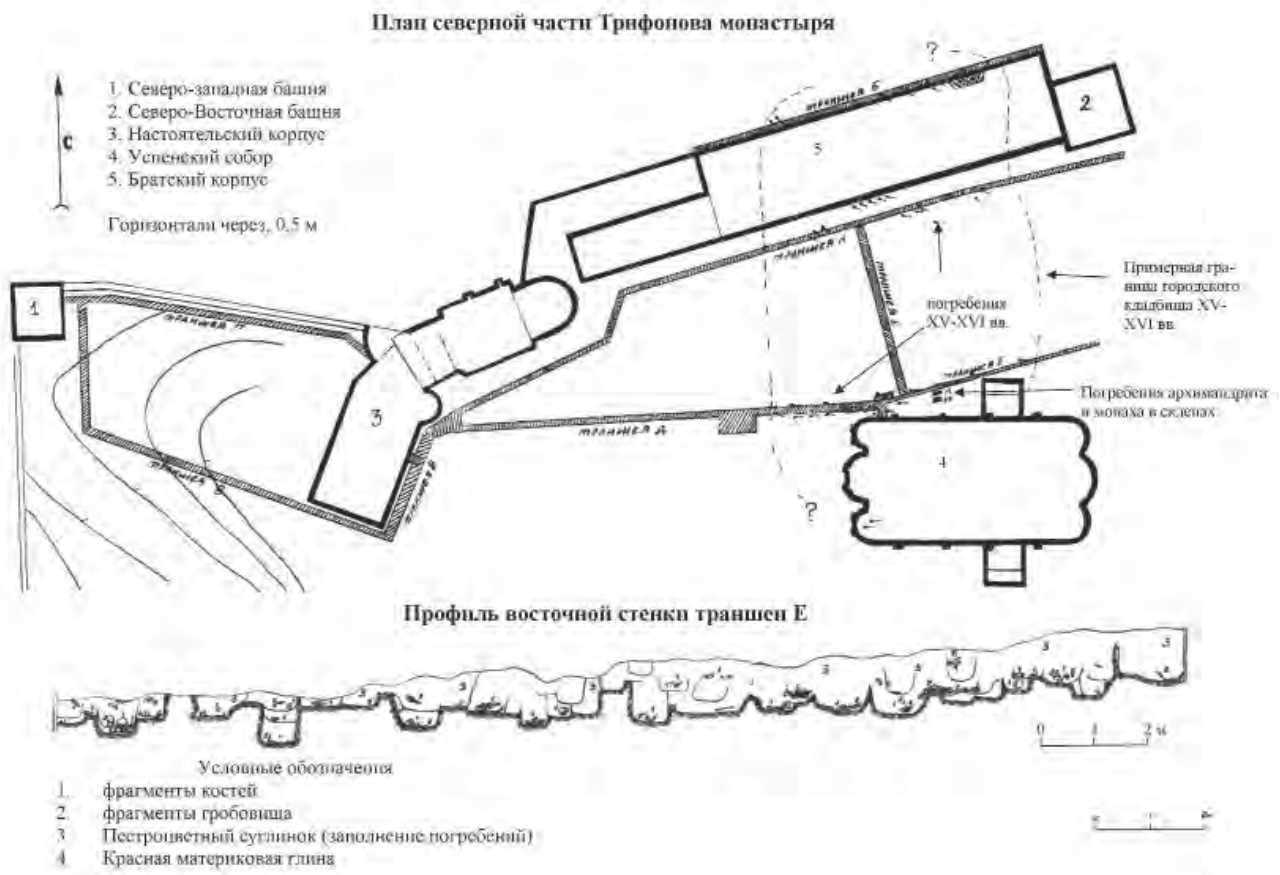


Рис. 8. Хлыновский I могильник

(русского и финно-угорского населения), которые одновременно обитали в городе (Сенникова и др., 2018).

В 1993 году сотрудники сектора археологии Кировского объединенного музея проводили археологические наблюдения за земляными работами. Траншея пролегала по территории Слободского кремля и Слободского II могильника. В разрезе траншеи могильника были обнаружены остатки захоронений (гробы и человеческие кости). В профиль траншеи уходят стенки гробовищ достаточно хорошей сохранности. На основании некоторых особенностей погребения и его расположения можно поделить могильник на две временные группы. Первая группа захоронений – северная, более ранняя. Вторая разделена на две подгруппы, более поздняя, вероятно, начала свое существование с момента постройки Преображенской церкви (1699 г.). В захоронениях не обнаружено ни сопровождающего инвентаря, ни нательных крестиков. Северную группу захоронений можно отнести к финно-угорскому населению, проживавшему до появления города в XIV–XV вв. (Сенникова, 2009).

Имеются сведения о любительских раскопках 1938 и 1961 гг. братской могилы у д. Северюхи, предварительно датированной концом XIV или серединой XVI в. (Макаров, 1995).

Таким образом, имеются точные данные для 280 погребений XII – середины XVI в. Для погребений характерна практически полная безынвентарность, небольшая глубина захоронения (20–110 см), прозападная ориентировка умерших, расположение рук в области таза или грудной клетки в различных сочетаниях. Наряду с бесспорными признаками православной обрядности замечено наличие отдельных языческих элементов. Особенно архаичным выглядит обряд на Еманаевском могильнике, где древнейшие могилы расходятся веером от овальной площадки с ямой в центре, меняя свою ориентацию аналогично тому, как это имеет место на нескольких грунтовых могильниках Новгородской земли X–XIII вв. (Конецкий, 1984). На некрополе выявлено 7 могил с кремацией, 4 – с неполной кремацией, 2 кенотафа, единственное парное захоронение с останками людей, убитых стрелами с наконечниками X–XIV вв., два погребения умерших со слегка подогнутыми ногами (возможно, могилы волхвов) и два отдельных черепа. В межмогильном пространстве найдены обломки древнерусской керамики XII–XIV вв. – вероятные следы языческого

обычая битья посуды. Предполагается существование здесь языческого храма. На могильнике Покста зафиксированы следы православного храма и изгородей кладбища.

Период перехода обрядности от язычества к православию отражают материалы и других некрополей: Шабалинского, Никульчинского I, Усть-Чепецкого, Покста, Хлыновского I могильников. Обнаружение славяно-финно-пермской посуды, коры и бересты в могилах Усть-Чепецкого, Слободского I могильников свидетельствует об этнически смешанном (возможно, русско-удмуртском) составе умерших (Сенникова, 1996, 2009). Этому выводу не противоречит и краниологический анализ нескольких черепов (Рясик и др., 1996).

Производственный, хозяйственный и промысловый инвентарь. Коллекция предметов данной группы достаточно представительна. Производственный инструментарий характеризуется принадлежностями кузнечного (напильники, бородки, пробойники, гвоздильня), ювелирного (тигли, льячки, наковальня, клещи, зубило, пинцеты, пуансоны), деревообрабатывающего (топоры, тесла, пилы, долота, стамеска, сверла, скобели, струг) ремесел. Обнаружены инструменты для косторезного (различные резцы) и портняжного дела (ножницы, иглы), а также для плетения (кочедыки) и прядения (булавки для ручных прялок, пряслица). Часты находки универсальных инструментов (ножей, шильев, проколок, точил). Встречаются сельскохозяйственные орудия (сошники, чересла, серпы, косы, жернова), рыболовные снасти (крючки, блесны, остроги, грузила и поплавки от сетей) и охотничье вооружение (наконечники стрел), принадлежности настольных игр (шахматные и шашечные фигуры) и письма (писала). Уникальны предметы атрибутов власти – печать-матрица с зеркальной надписью «Печать Григориева» и свинцовые буллы.

Весь набор представленного на памятниках Вятской земли инструментария характерен для русских поселений развитого и позднего Средневековья.

Представленные вещевые комплексы Вятской земли составлены преимущественно по работам Л.Д. Макарова и по аналогиям с материалами Новгорода. Это работы Б.А. Колчина, А.Ф. Медведева, М.В. Седовой, Ю.Л. Щаповой, М.Д. Полубояриновой и других авторов, скорректированные в более поздних публикациях Е.А. Рябинина, М.В. Лесмана, Б.Б. Овчинниковой, В.И. Завьялова, Л.С. Розановой, Н.Н. Тереховой, А.А. Кудрявцева и некоторых других исследователей.

Топоры хозяйственные с симметричным лезвием (3 экз.) – тип II по Б.А. Колчину, были датированы им XIII – концом XIV в. (Колчин, 1959, с. 26), но позднее дата была несколько пересмотрена в пользу омоложения: середина XIII – рубеж XIV–XV вв. (Колчин, 1982, с. 164, рис. 4).

Ножницы шарнирные (3 экз.). Один предмет выявлен на Никульчинском городище (конец XII – первая половина XIII в.), имеет загнутые округлые ручки, не соединенные со стержнями, что по аналогии с Новгородом позволяет отнести его к XIII в. (Колчин Б.А., 1959, с. 60, рис. 47, 1–5). Второй, во многом аналогичный первому, инструмент обнаружен во время разведки в бассейне р. Пижмы у с. Безводное Пижанского района Кировской области (Перевощиков, 2002).

Пряслице шиферное малинового цвета обнаружено на Никульчинском городище на дне ямы «Ж» XII–XIII вв. В Новгороде шиферные пряслица практически к концу XIII в. выходят из употребления, хотя изредка и встречаются в более поздних ярусах (Колчин, 1982, с. 174, рис. 9).

Железные ножи – один из наиболее массовых видов орудий труда, на вятских поселениях обнаружено около 100 целых экземпляров и более 120 фрагментов. По внешнему виду ножи XVI–XVII вв. почти не отличаются от домонгольских (Никитин, 1971, с. 41), поэтому их хронология без металлографического анализа затруднительна. Основа коллекции – изделия с Никульчинского, Ковровского и Котельничского городищ.

Сошник обнаружен на Никульчинском городище, его длина 23 см, ширина верхней части лезвия 8 см длина округлой в сечении трубицы около 10 см. Аналогичные изделия XI–XII вв. найдены в Новгородской земле (Кирьянов, 1959, с. 320, рис. 2, 6, 7; Колчин, 1959, рис. 56, 2, 4).

Замки и ключи представлены железными навесными замками (16 целых, 27 фрагментов) и ключами к ним (27 целых, 20 фрагментов), включая два от внутренних замков, одним бронзовым замком и пружиной от механизма такого же предмета. При рассмотрении железных изделий общепринятой остается классификация Б.А. Колчина. Последняя корректировка их хронологии предложена А.А. Кудрявцевым (Кудрявцев, 2014).

Деталь сумки железная обнаружена на Ковровском городище в жилище XIII в., аналогична находкам в земле вятичей XII–XIV вв. (Никольская, 1981, рис. 30, 5).

Вооружение, снаряжение всадника и коня. Постоянное участие вятчан в боевых действиях требовало уделять особое внимание предметам вооружения. Эта категория материальной культуры представлена наконечниками стрел и копий, обрывками кольчуг и панцирей, кистенями, топорами, а также снаряжением всадника и верхового коня (удилами, стременами, шпорами, элемен-

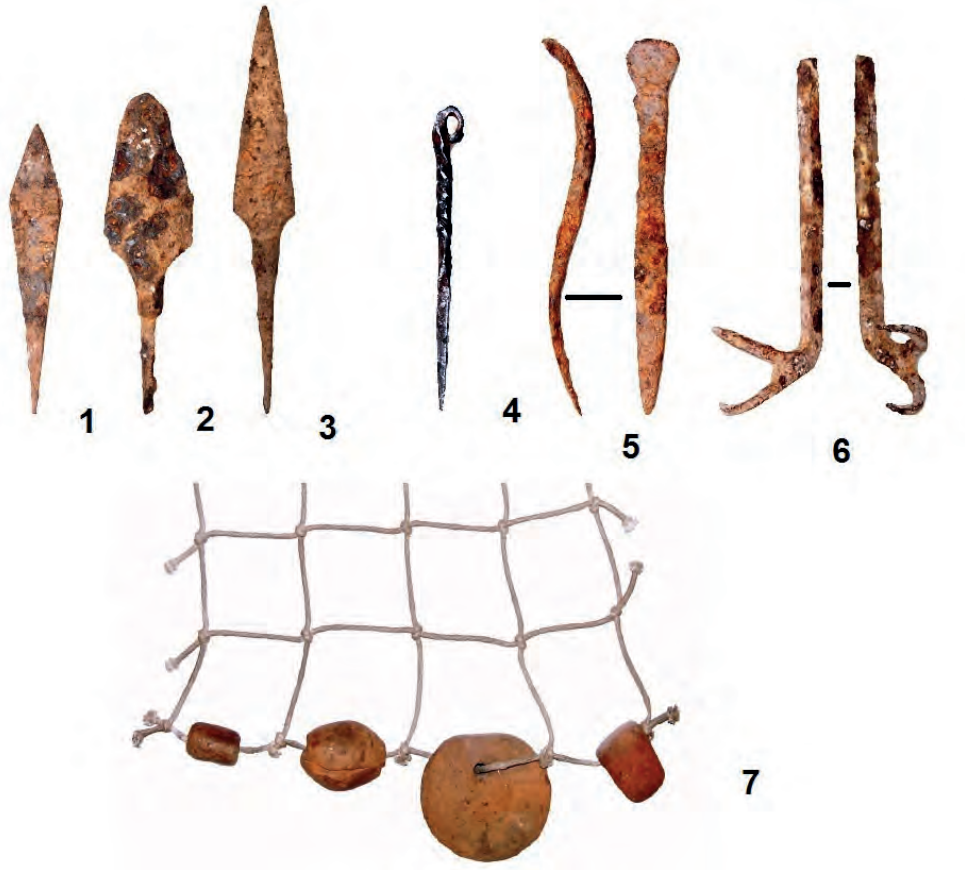


Рис. 9. Материалы с Никульчинского городища из раскопок Л. Д. Макарова. Музей древней и средневековой истории Камско-Вятского междуречья УдГУ. 1–3 – наконечники стрел; 4 – булавка-спица для ручной прялки; 5 – кочедык; 6 – плотницкий инструмент; 7 – грузила рыболовные от волоковой снасти и реконструкция фрагмента сети. 1–6 – железо; 7 – глина

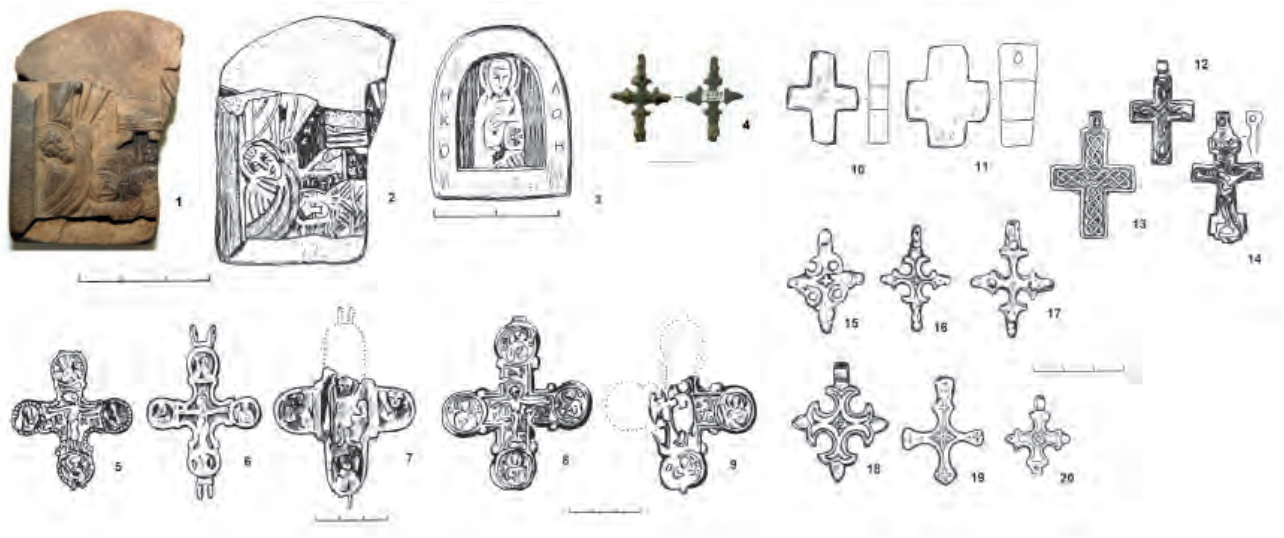


Рис. 10. Предметы личного благочестия. 1 – икона «Преображение Господне», находка 1957 г. (по Л.П. Гуссаковскому – вторая половина XIII в.), Кировский областной краеведческий музей; 2 – прорисовка иконы «Преображение Господне»; 3 - иконка с погрудным изображением святого и надписью «ИКОЛАИ»; 4 – крест нательный криноконечный, находка 1960 г., Слободской краеведческий музей; 5–9 – створки энколпионов,; 10–20 – кресты нательные. 1 – Хлыновский кремль; 4–7, 10, 12, 13, 15, 16 – Никульчинское городище; 8, 9 – Подчуршинское городище; 11, 17–20 – Ковровское городище; 14 – Орловское городище. 1 – серый сланец; 3 – серый шифер; 4, 5–9, 12–20 – медный сплав; 10 – горный хрусталь; 11 – янтарь

Рис. 11. Материалы с Никульчинского городища (разведка В.В. Ванчикова). НИ Археологическая лаборатория ВятГУ. 1 – наконечник сулицы; 2 – кинжал; 3 – боевой топорик. Все – железо

тами конской сбруи). Подавляющее количество предметов вооружения обнаружено на Никульчинском городище. Основная их часть датируется XII–XIV вв.

Метательное вооружение. Наконечники стрел. В основе типологии – свод А.Ф. Медведева (1966) с замечаниями Л.Д. Макарова (2012). Для хронологии взято 4 группы из 10 типов, бытовавших в конкретные временные интервалы (рис. 12: 1–10).

Три типа наконечников стрел бытовали в XI–XIII вв.: тип 4 – двушипный с короткими шипами без упора; тип 8 – остролистные с длинным узким пером без упора (2 экз.); тип 14 – клиновидные с длинной шейкой и упором (3 экз.) (рис. 12: 1–3).

Типы, известные в XII – первой половине XIII в.: тип 13 – килевидный с длинной шейкой; тип 17 – ромбовидные с расширением в середине длины пера и пропорциями 1:3 (2 экз.); тип 25 – шиловидный плоско-ромбического сечения с простым упором и скошенными углами основания боевой головки; тип 26 – шиловидный квадратно-ромбического сечения с простым упором; тип 20 – бронебойные в виде кинжальчиков ромбического сечения (рис. 12: 4–8).

Два типа бытовали в XII–XIII вв.: тип 21 – остролистный двухлопастной с перехватом; тип 24 – пирамидальный ромбического сечения с перехватом в виде валика (рис. 12: 9, 10).

Оружие ближнего боя. Представлено копьем (рис. 12: 11), втоками (рис. 12: 12), боевыми топорами (рис. 12: 13, 14) и кистенями (рис. 12: 15).

Наконечник копья (тип IA) с пером удлиненно-треугольной формы, наибольшим. Обнаружен в яме «К» (сооружение 2) Никульчинского городища. Аналогичный найден в слое XIII в. в Новгороде (Медведев, 1959, с. 130, рис. 3.1).

Втоки (3 экз.), выявленные на Никульчинском городище, датируются XI–XV вв.

Боевые топоры. Топор-клевец с секторовидным лезвием, острым обухом ромбического сечения и треугольными щековицами (рис. 12: 13) обнаружен при земляных работах в г. Кирово-Чепецке (Атлас..., с. 7, рис. 10, 1). За исключением острого обуха остальные части топора аналогичны древнерусским чеканам XII–XIII вв. (Кирпичников, 1966, с. 33, рис. 6 – тип I, табл. XI–9,10).

Топор-секира с трапециевидным лезвием и овально-прямоугольным в сечении, расположенным к лезвию почти под прямым углом (рис. 12: 14), был обнаружен наряду с другим вооружением (сабля, вток, копье) и тремя круглыми пластинами в заполнении братской могилы в д. Северюхины Кирово-Чепецкого района Кировской области (Атлас..., 1995, с. 8–9, рис. 10, 2).

Кистени (1 целый, 3 фрагмента, 1 крюк) – все из Никульчинского городища. Костяная точёная гиря бочонковидной формы с круговым линейным орнаментом, высотой 58 мм, диаметром 47 мм, весом (без свинцовой шайбы) 93 г, обнаружена в жилище XIII–XIV вв. на Никульчинском городище (рис. 12: 15).

Защитное вооружение представлено на памятниках Вятской земли остатками пластинчатых доспехов. Кольчуги известны по находкам отдельных колец, самые ранние из которых имели круглое сечение и диаметр 12–13 мм, они были обнаружены на Никульчинском городище в полуземлянке XIII – начала XIV в.

Детали панцирей обнаружены на Никульчинском городище (часть доспеха из четырех пла-

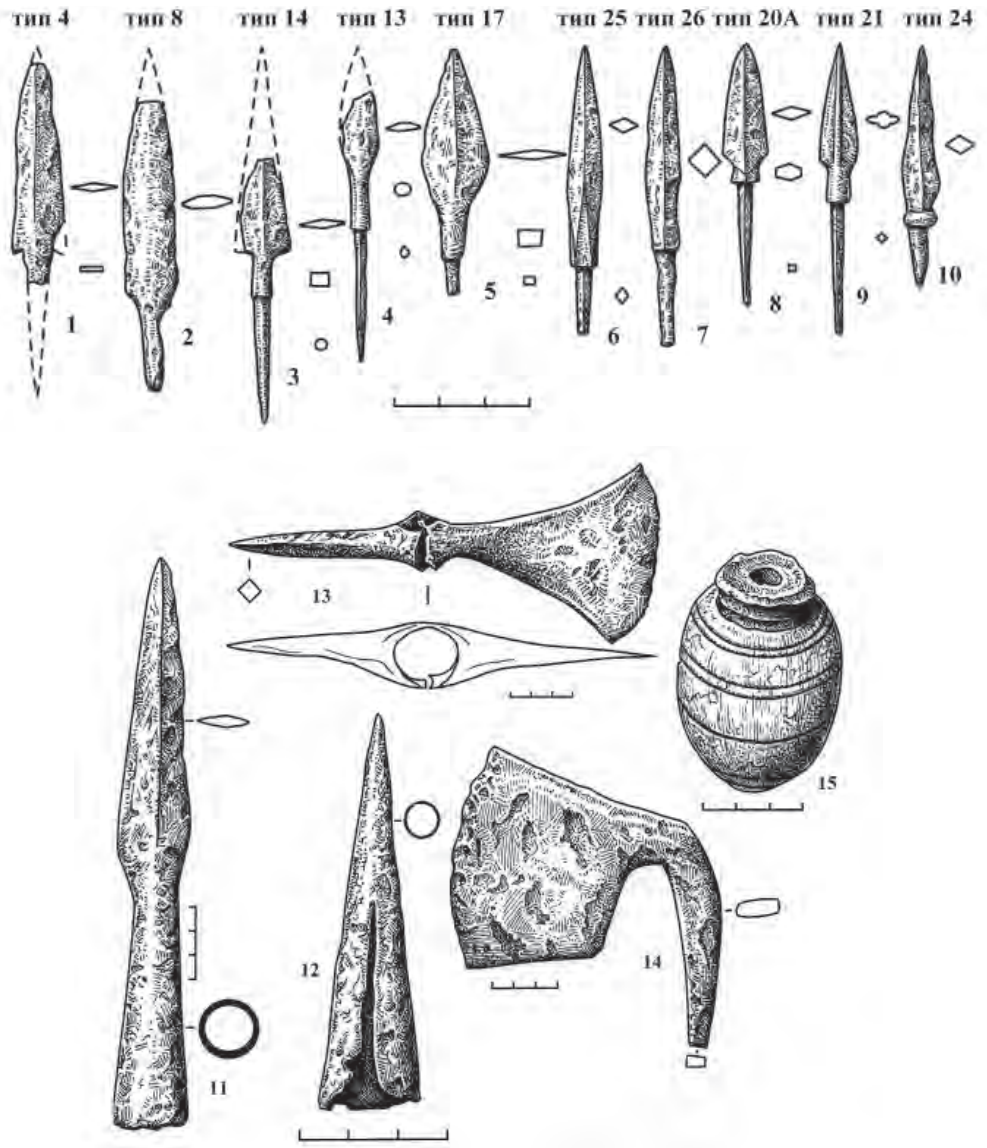


Рис. 12. Предметы вооружения. 1 – 10 – наконечники стрел; 11 – наконечник копья; 12 – вток; 13 – топор-клевец с секторовидным лезвием; 14 – топор-секира; 15 – гирька от кистеня. 11, 12, 15 – Никульчинское городище; 13 – г. Кирово-Чепецк; 14 – в заполнении братской могилы в д. Северюхины Кирово-Чепецкого района Кировской области. 1–14 – железо; 15 – кость

стин, 11 целых пластин и 10 фрагментов) и в Подчуршино (две пластины) (Макаров, 2012, с. 501).

Украшения. Подвеска-бубенчик с Ковровского городища является украшением финно-угров, но иногда используется и славянами в VIII–XII вв. (Голдина, 1970, с. 84, табл. 50, 17, 18, 20; Генинг, Голдина, 1970, с. 40, 53, табл. 27, 5; Ляпушкин, 1958, с. 30, рис. 17, 2).

Плоская подвеска-уточка, обнаруженная на Ковровском городище, датируется XII–XIII вв. (Голубева, 1979, с. 23, табл. 7.13, 15; Рябинин, 1981, с. 18, 19, табл. VI.3, 5–7, рис. 3, 4).

Полая двухголовая коньковая подвеска обнаружена на Грековском селище, разрушенном одноименным марийским могильником (Шапран, 1984, табл. 7–9). Подавляющее число подобных подвесок происходит из Новгорода и северо-запада Новгородской земли, отдельные экземпляры найдены в Нижегородской и Владимирской областях, в Татарстане (Голубева, 1979, с. 41, табл. 15.6; Рябинин, 1981, с. 42–43, рис. 12; с. 83–84).

Подтреугольная подвеска найдена в Никульчино вместе с монетой ордынского хана Улу Мухаммеда 1419–1436 гг. По исследованию Л.А. Голубевой такие шумящие подвески бытуют у восточных финнов в VII–XII вв.

Круглая подвеска из свинцово-оловянистого сплава, украшенная в технике ложной зерни, обнаружена в Котельниче. Б.А. Рыбаков датировал использование форм для отливки аналогичных изделий XII – первой половиной XIII в. (Рыбаков, 1948, с. 270–278), а М.В. Седова уточняет рамки имитационного литья по Новгороду XII – началом XIV в. (Седова, 1978а).

Монетовидная подвеска (фрагмент), украшенная по краю прерывистым бордюром, а вдоль него – круглыми углублениями, выявлена на Еманаевском IV селище. Датируется XII – началом XIII в., являясь стилизацией более ранних (X–XI вв.) подвесок (Седова, 1981, с. 37, 41, рис. 12.1: 14.10, 15).

Трапециевидная привеска имеет достаточно много аналогий в славянских древностях Северной, Западной и Южной Руси. Появившись еще в середине I тыс. н. э., в том числе в длинных курганах кривичей, доживает до конца XIII в. (Седова, 1981, с. 35, рис. 10, 7; Лесман, 1990, с. 62, рис. 6, 4.4).

Фрагмент подковообразной спиралеконечной фибулы круглого сечения обнаружен в Котельниче. Датировка фибул этого типа корректируется: X–XIII вв. (Мальм,1967, с. 152, рис. 22,1); середина X – начало XIII в. (Колчина, 1982, рис. 8); X – середина XIII в. (Седова, 1981, с. 86).

Кольцевидные пластинчатые, состоящие из двух колец, соединенных четырьмя перемычками, украшенные (не все) насечками (4 экз.). Обнаружены на Никульчинском городище.

Поясная гарнитура. В данной категории рассматриваются металлические детали поясов: пряжки, накладки, наконечники.

Пряжки (8 экз.) делятся по материалу на железные и бронзовые. Железные пряжки (3 экз.) представлены 2 типами.

Волнообразные. Более крупные изделия аналогичного типа, связываемые с конской подпругой, появившись в X–XI вв., доживают на Руси до второй половины XIII–XIV в. (Кирпичников, 1973, с. 77, рис. 43, 3; Колчин, 1959, с. 108, рис. 96.14, 16; Малевская, 1965, с. 90, рис. 33–11). Очевидно, в это же время бытовали поясные пряжки.

В отличие от предыдущей вещи другая пряжка в передней части орнаментирована поперечными насечками, что позволяет определить временные рамки бытования таких предметов периодом 1076–1382 гг. (Лесман, 2012, с. 154, № 54). Трапециевидная со щитком выявлена в яме XIII–XIV вв. Никульчинского городища. Подобные пряжки в целом не характерны для древнерусского поясного набора, хотя изредка и встречаются в новгородских слоях XII–XV вв., причем автор допускает их привозное происхождение (Седова, 1981, с. 147, рис. 56.12).

Бронзовые пряжки (5 экз.) разного типа. Восьмерковидная с шестью выступами и покрытая двумя десятками поперечных насечек обнаружена Л.П. Гуссаковским на Вятском городище в слое, перекрывшем дорусские остатки. Он датирует ее X–XIII вв. по аналогии с пряжками из славянских курганов (Гуссаковский, 1999, с. 33). Восьмерковидная проволочная (фрагмент) найдена в Котельниче в переотложенном состоянии с остатками XV–XVI вв. Близка новгородской пряжке из слоя XIII в. (Седова, 1959, с. 258, рис. 7, 9).

Рамчатая выпуклобокая обнаружена в слое XIII–XIV вв. Ковровского городища. Прямоугольная, найдена там же. Являясь пряжкой простой и одночастной, датируется концом XII – началом (концом) XIV в. (1177–1313/1382 гг.) (Лесман, 2012, с. 154, № 55). Трапециевидная с выемкой (выступом) для иглы (язычка) типологически напоминает двухчастную пряжку XII–XIII вв. из Ярополча (Седова, 1978, с. 84, табл. 7, 16). По мнению Ю.М. Лесмана, пряжки с выступом для язычка бытовали в Новгороде до 1299 г. (Макаров, 2012).

Накладки (6 экз.), изготовленные из железа и бронзы. Накладки железные (2 экз.) типологически близки между собой наличием подвесного кольца к основе. Круглая с подвижным кольцом обнаружена на Еманаевском II селище конца XII–XIII в. вместе с древнерусской керамикой этого времени. Сердцевидная с подвижным кольцом (оно утрачено в древности) найдена в Никульчино.

Накладки бронзовые (2 экз.). Фигурная с пятью выступами и шпеньком на обороте обнаружена на поселении Искра в слое XIII–XIV вв. (Макаров, 1984, с. 104, рис. 6, 18; 7, 2). Аналогична находкам из ордынского Укека и поселений Волжской Болгарии XII–XIV вв. (Недашковский, 2000, с. 34, рис. 6.11).

Треугольная с растительным орнаментом найдена на Подчуршинском городище, стилистически близка новгородским накладкам рубежа XIII–XIV вв. (Седова, 1981, рис. 58, 17).

Различные детали костюма. К числу таких деталей относятся различные бляшки, булавки.

1. Бляшки бронзовые круглые (5 экз.) использовались для украшения одежды и головных уборов в XI–XIV вв. (Седова, 1981, с. 153–155).

2. Скорлупка диаметром 12 мм аналогична обнаруженным в Новгороде в слоях последней четверти XI – второй половины XIII в. (Седова, 1981, с. 153).

3. Железная булавка «пус йеппи» обнаружена в 1990 г. в Хлынове, похожа на бронзовые аналоги, известные в русских городах XIV–XV вв. (Макаров, 2012, с. 510; Седова, 1981, с. 158, рис. 61, 17, 20). У народов Поволжья использовалдась вплоть до XVII в. (Краснов, Каховский, 1978, с. 142, рис. 74, 4).

Принадлежности письма, настольных игр, торговли, атрибуты власти.

1. Писала – принадлежности письма. Бронзовое круглого сечения с треугольной лопаточкой и

валиком найдено А.А. Спицыным на Ковровском городище (Спицын, 1893, с. 171). Аналогичное изделие обнаружено на золотоордынском Водянском городище (Макаров, 2012, с. 510). Близость прослеживается и при сравнении его с писалами типов 10 (первая половина XIII – середина XIV в.) и 13 (XII–XIV вв.) (Медведев, 1960, с. 78–79, рис. 3, 8–9; 4, 4), что дает право датировать предмет XIII – первой половиной XIV в.

Бронзовое круглого сечения с фигурной лопаточкой и валиком. Обнаружено Л.Д. Макаровым в раскопках Ковровского городища. Похожие, но с приостренной лопаточкой, бытовали в домонгольское время (Медведев, 1960, с. 76, рис. 1.10; 5.1).

Железное четырехгранное с округлой головкой найдено Л.П. Гуссаковским на Никульчинском городище. Датируется по Новгороду (Медведев, 1960, с. 79, табл 2, 66, тип 15) и Москве (Беленькая, 1975, с. 47, рис. 1–2) XIV–XV вв. Однако отдельные аналогичные писала обнаружены в более ранних комплексах, например, в том же Новгороде в слое середины XII в. (Медынцева. 1997, с. 151) и в Устюжне в слое XI–XII вв. (Никитин, 1967, рис. 41, 11).

2. Принадлежности настольных игр. Шахматный конь обнаружен в Никульчино, датируется XIV – началом XV в. Там же и на Орловском городище найдено по одной пешке, относящейся к XIII–XIV вв. (Макаров, 2012, с. 510).

3. Принадлежности торговли. О развитии торговли свидетельствуют находки привозных импортных изделий (об этом говорит и обнаружение товарной пломбы), а также монет и торгового инструментария – весов и гирек.

Гирька весовая свинцовая весом 1,683 г (определение А.Г. Мухамадиева), имеющая округлый верх и плоское основание, найдена на Ковровском городище (Макаров, 2012, с. 510). Похожие гирьки известны в домонгольское время как у славян (Горюнова, 1974, с. 80, рис. 25,7), так и у болгар (Культура Биляра, 1985, с. 106, табл. XI.6).

Пломба товарная свинцовая западноевропейская, согнутая из двух пластин, имеет трубчатое ушко, диаметр 25 мм. Найдена на Шабалинском городище. На лицевой стороне изображение архангела, на оборотной стороне плохо различимые фигуры. Первоначально отнесена к числу актовых печатей (Макаров, 2001, с. 19, рис. 58, 14).

Монеты (11 экз.). Значимость нумизматических материалов для датирования археологических памятников бесспорна. На русских памятниках Вятской земли монеты появляются во второй половине XIV в. В числе 11 номиналов 8 – золотоордынские, 3 – русские. Обнаружены на Никульчинском (5 экз.), Ковровском (5 экз.) и Котельничском (1 экз.) городищах.

Дирхем хана Золотой Орды Джанибека обнаружен в 1960 г. Л.П. Гуссаковским на Никульчинском городище (Макаров, 2012, с. 511) (рис. 13: 1).

Обрезанные монеты хана Джанибека (5 экз.) обнаружены в 1981 г. во время раскопок Л.Д. Макаровым Ковровского городища (рис. 13: 2–6) (Макаров, 2005, с. 35). По определению А.Г. Мухамадиева, такие монеты имели хождение в 70-е гг. XIV в. (Мухамадиев, 1983, с. 105–112). Обращает на себя внимание достаточно большой вес части этих монет, что, возможно, свидетельствует о наиболее раннем периоде их подрезания. Таким образом, на Вятку эти монеты могли поступить, по-видимому, в самом конце 1360-х – начале 1370-х гг.

Монета с едва различимым изображением на аверсе и реверсе была обнаружена Л.П. Гуссаковским в 1960 г. на Никульчинском городище (рис. 13: 7). В начале 2007 г. научный сотрудник Кировского областного краеведческого музея, специалист по нумизматике Е.Ю. Мокерова определила, что монета оказалась чеканки времён Московского великого князя Василия I Дмитриевича (1389–1425) (Макаров, 2012, с. 511).

Монета-чешуйка обнаружена в 1979 г. на Никульчинском городище в мусорной яме 18 (рис. 13: 8). По определению М.Б. Северовой, была чеканена в г. Болгаре от имени Улу-Мухаммеда в 1419–1436 г. (Мухамадиев, 1983, с. 126–135, табл. 8; 9).

На этом же памятнике учительницей истории средней школы пос. Первомайский Г.С. Смолевой была найдена серебряная монета, на оборотной стороне которой изображение в виде лиры (рис. 13: 9). Лицевая сторона монеты была приклеена к планшету на стенде школьного музея (Макаров, 2012, с. 511). Похожими оказались монеты болгаро-татарской чеканки с изображением на реверсе лировидной тамги, обозначавшей казанский монетный двор. Это номиналы казанского хана Гияс-ад-Дина (1422–1445) и золотоордынского претендента на казанский престол Улу-Мухаммеда (очевидно, 1419/1422–1445) (Мухамадиев, 1983, с. 125–135, табл. 8; 9; XX, 2–5; XXI, 5, 7, 8).

Медное пуло Пскова середины XV в. (определение А.С. Коваленко) выявлено из сооружения на Котельничском городище (рис. 13: 10). Судя по имеющимся данным, в Пскове чеканились наиболее легкие пулы. Рассматриваемое пуло относится скорее к середине XV в., о чем свидетельствует его малый вес (Спасский, 1962, с. 85–86).

Копейка Ивана III (1462–1505 гг.) (рис. 13: 11) найдена Л.П. Гуссаковским в одной из ям Никульчинского городища. Монета стала известна

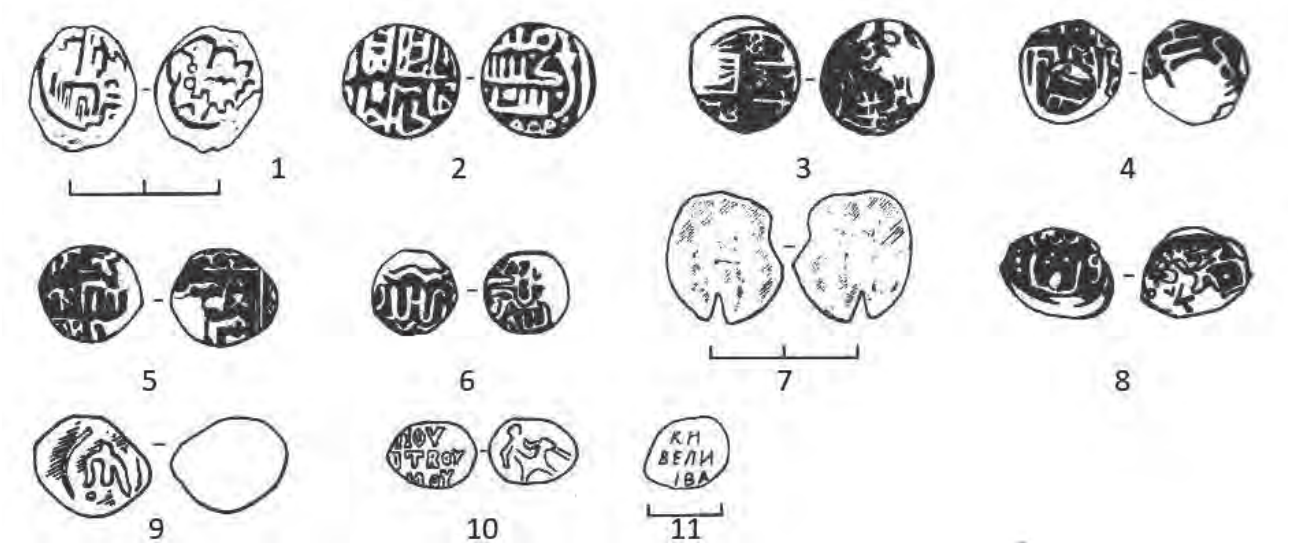


Рис. 13. Монеты. Вторая половина XIV – начало XVI в. 1 – дирхем Джанибека; 2–6 – дирхемы Джанибека обрезанные 70-е гг. XIV в.; 7 – монета Василия I Дмитриевича (1389–1425); 8 – монета Улу-Мухаммеда 1419–1436 гг., чекан Болгар; 9 – монета с лировидной тамгой 20–40 гг. XV в.; 10 – пуло, чекан Пскова, середина XV в.; 11 – копейка Ивана III (1462–1505 гг.);1, 7–9, 11 – Никульчинское городище, 2–6 – Ковровское городище, 10 – Котельничское городище.
1–9, 11 – серебро; 10 – медь

Л.Д. Макарову по рисунку из коллекционной описи (Макаров, 2012, с. 512).

4. Атрибуты власти. Артефакты, связанные с властными структурами, всегда остаются желанной находкой для исследователей. На Вятке все три предмета удалось обнаружить на одном памятнике – Ковровском городище, что является одним из самых сильнейших аргументов в пользу соотнесения этой крепости с древнейшим Котельничем (Макаров, 2008).

Матрица серебряная с зеркальной гравированной надписью «Печать Григориева», предназначенная для нанесения оттисков на восковастичные печати, на обороте – литое изображение архангела, покрытое позолотой. Аналогичные по оформлению изделия с изображением архангела обнаружены в Новгородской земле, одно из них – в слое XII в. (Колчин и др., 1985, с. 56, № 70), а также в Смоленске и Пскове и отнесены к домонгольской поре (Федюшев, 1994, с. 240–241, рис. 2). Палеографические особенности надписи позволили отнести вятскую находку ко второй половине XIII – началу XIV в. По мнению крупного знатока древнерусской письменности, профессора И.Э. Еселевич, также опиравшейся на буквы серединной линии, надпись вполне может датироваться XIII в.

Печати вислые свинцовые (2 экз.). Обломок печати (2×13 см) с фрагментами надписей на обеих сторонах аналогичен, по заключению В.Л. Янина, тиунским буллам XIV в. из Новгорода Великого (Янин, 1970, № 441).

Атрибуты религиозных культов: язычества и христианства. Среди них – височные кольца и серьги, подвески и пронизки, фибулы, браслеты и перстни, детали поясных наборов и принадлежностей костюма, бусы и языческие амулеты. Определенную эстетическую нагрузку несли и предметы христианского культа – кресты-тельники, энколпионы, иконки и образки. Отдельные типы подвесок, браслетов, перстней, бубенчиков, бус, языческих и христианских предметов бытовали на раннем этапе колонизации – на протяжении XII – рубежа XIII–XIV вв.

1. Языческие подвески, представляющие атрибуты славянского язычества.

Подвеска-идол была обнаружена «в Вятке... на глубине аршина» (Спицын, 1893, с. 187; Алешковский, 1980, рис. 4) (рис. 14: 2). Совершенно аналогичная фигурка найдена в начале XX в. на Кинтусовском могильнике в Среднем Приобье (X–XIII в.) (Чернецов, 1957, с. 224, табл. XLII.7). Подвески, отличающиеся от этих двух положением правой руки (она упирается в бок), обнаружены: две в Пермской губернии (Чердынь, Редикор); одна в 1975 г. в Новгороде в слое середины XII в. (Алешковский, 1980, с. 284); сразу семь в 1985–1987 гг. на двух святилищах о. Вайгач среди комплекса находок XI–XIII вв. (Хлобыстин, 1993; Овсянников, 1997, с. 28, табл. VI.8). Анализ всех известных находок проводился Л.Д. Макаровым (Макаров, 2012, с. 513).

Привеска-ложка круглой формы обнаружена в слое второй половины XII – первой половины XIII

в. Вятского городища (рис. 14: 1). Такие предметы считаются символами сытости, благосостояния и довольства, обнаруживаются в женских захоронениях древнерусских курганов X–XII вв. (Успенская, 1967, с. 94–95, рис. 14.1, 10), в Новгороде найдены в слоях конца X – середины XII в. (Седова, 1981, с. 26, рис. 7.10–12).

Привеска в виде лезвия топорика найдена на Никульчинском городище. Топор ассоциировался в славянском язычестве с Перуном (Рыбаков, 1951, с. 399–404; Седов, 1982, с. 267), а привески-топорики являлись знаками принадлежности к воинскому сословию и вручались в XI–XII вв. сыновьям дружинников при их постриге (Мака ров, 1992).

Предметы христианского культа включают в себя кресты-тельники, энколпионы, иконки и образки, писанки, церковные и вспомогательные принадлежности (хоросы, свечи и подсвечники, лампадки, кацеи, светцы). Рассмотрим лишь те категории, которые дают нам достаточно определенные хронологические рамки их бытования.

2. Кресты-тельники (20 экз.). Кресты с прямыми углами средокрестия (5 экз.). Хрустальный крестик обнаружен в яме конца XII–XIII в. Никульчинского городища, аналогичен каменным крестам Новгорода XII–XIV вв., численно преобладая в XII в. (Колчин, 1958, с. 111, рис. 8). Янтарный крест с Ковровского городища подобен бытовавшим в древнерусских землях тельникам XIII–XIV вв. (Розенфельдт, 1978, с. 204, рис. 1, 34–36), при этом известным вплоть до конца XV в. (Колчин, 1982, с. 171–174, рис. 7).

Бронзовые кресты. Крест со жгутообразным орнаментом (плетенка) обнаружен на Никульчинском городище, аналогичен находкам первой половины XV в. из Новгорода (Седова, 1981, с. 55, рис. 16–21). Крестик с плетенкой из змеиных тел подобран Г.С. Смолевой на Никульчинском городище и похож на предыдущий, однако аналогов ему пока не выявлено, предположительная дата XIII–XV вв. (Макаров, 2012, с. 514).

Тельник с парными выступами по вертикали и изображением фигуры распятого Христа обнаружен Л.Д. Макаровым на Орловском городище (рис. 10: 14). Иконографический тип подобных распятий характерен для пластики XV в. (Николаева, 1983, с. 41), а к концу XV – началу XVI в. они приобретают удлиненные пропорции и активный изгиб тела (Рындина, 1978, с. 96–97, ил. 84).

Кресты бронзовые с дугами средокрестия (15 экз.). Выделяются криновидные, криноконечные и сечкообразные.

Криновидный с окружностями (Никульчинское городище) (рис. 10: 15). Похожие кресты обнаружены во Владимирских курганах XI–XIII вв. (Спицын, 1905, рис. 218, 225). Криновидный с полукружиями найден Г.С. Смолевой на Никульчинском городище, близок предыдущему, но, судя по более «стройной» форме, бытовал несколько позже, очевидно, в XII–XIII вв. (рис. 10: 16). Криновидный с выпуклостями в центре каждого крина обнаружен в подпольной яме XIV в. на Никульчинском городище (рис. 10: 17). Данный тельник являет собой дальнейшую эволюцию криновидных крестиков в XIII–XIV вв. Второй такой крестик найден в 1960 г. на этом же городище сотрудниками Слободского краеведческого музея после просмотра отвалов раскопов Л.П. Гуссаковского (Глушкова, 2014, с. 339).

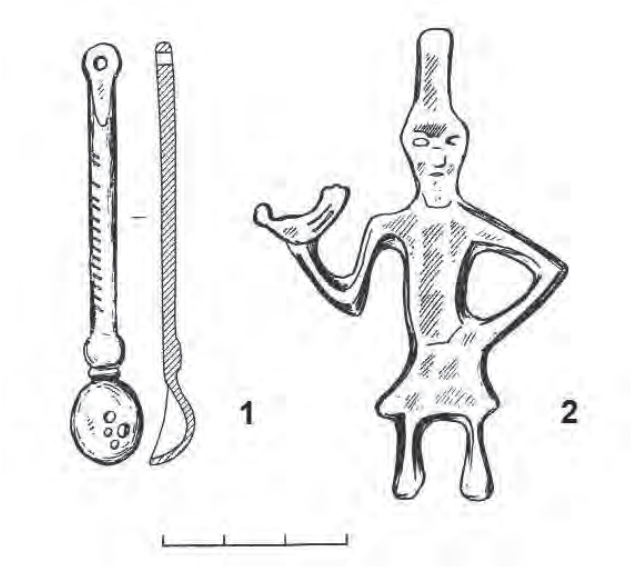


Рис. 14. Привески. 1 – привеска-ложка, Вятское городище, слой второй половины XII – первой половины XIII в.; 2 – подвеска-идол – обнаружена «в Вятке...на глубине аршина»

Криноконечные малые (малоформатные) крестики (5 экз.), все с Ковровского городища (рис. 10: 18, 20). Один из тельников найден в жилище XIII в., а судя по самому маленькому экземпляру с остатком заусенца от литника на конце ветви (Макаров, 2001, рис. 59, 7), крестики этого типа могли отливаться и на самом поселении. Подобные крестики обнаружены в Новгороде в слоях конца XIII–XIV в. (Седова, 1959, с. 236, рис. 4–8), на золотоордынском Водянском городище этого же времени (Полубояринова, 1978, с. 81, рис. 17, 4, 6), на поселениях Волжской Болгарии (9 экз.) (Макаров, 2001, рис. 9–13).

Тельник с сечкообразными концами выявлен в жилище XIII в. Ковровского городища (рис. 10: 19). Близок по форме крестику первой трети XIII в. из Старой Рязани (Даркевич, Пуцко, 1981, с. 225, рис. 2, 7), а по исполнению орнамен-

та – тельнику XIII–XIV вв. из Саратовского музея (Спицын, 1914, с. 100, рис. 27).

3. Энколпионы бронзовые, выделяются по формам средокрестия: с прямыми и округлыми углами и с квадрифолиями (рис. 10: 5–9).

Две створки, по всей вероятности, одного энколпиона с прямыми углами средокрестий и медальонами на концах осей, деформированные в результате воздействия огня, обнаружены в подпольной яме хозяйственной клети срубной оборонительной стены Подчуршинского городища XIII–XIV вв. (рис. 10: 8, 9) (Корзухина, Пескова, 2003, с. 202, № 94, табл. 130). Считается, что подобные энколпионы отливались в Киеве и бытовали во второй половине XII – первой половине XIII в. в Поднепровье и во многих городах Древней Руси (Ханенко, 1899, табл. И – 39–41; Гуревич, 1981, с. 115, рис. 91, 9; Загорульский, 1982, табл. XVIII, 16; Даркевич, Пуцко, 1981, с. 226, рис. 2.16). Б.А. Рыбакову удалось установить, что энколпионы этого вида с зеркальной надписью «Святая Богородица, помогай» были отлиты в каменной форме, найденной в Киеве близ Десятинной церкви в комплексах XIII в., связанных с разрушением города Батыем в 1240 г, что позволяло датировать их 1230-ми гг. (Рыбаков, 1948, с. 455).

Оборотная створка энколпиона с округлыми углами средокрестия, с обломанными петлями, округлыми медальонами с предстоящими в боковых и архангелами в верхнем и нижнем медальонах и распятием в центре, при этом все разграничительные линии покрыты насечками (рис. 10: 5). Отнесена к группе VIII.4.1 (Корзухина, Пескова, 2003, с. 195, 219, № 14, табл. 147). Аналогичный крест из Белоруссии датирован XIII в. (Алексеев, 1974, с. 214–215, рис. 2, 4–5). Обнаружен на Никульчинском городище в старом отвале из раскопа III Л.П. Гуссаковского 1960 г.

Оборотная створка энколпиона с округлыми углами средокрестия, с гладкими ободками по краям створки и медальонов; рельефы нечеткие; тело распятого Христа изображено строго вертикально с прямыми руками и слабым наклоном головы к правому плечу; без надписей (рис. 10: 6). Обнаружена на Ковровском городище в подпольной яме жилой клети в системе оборонительных стен Л.Д. Макаровым. Отнесена к группе VII.4.1 (Корзухина, Пескова, 2003, с. 218–219, № 6, табл. 147). Практически аналогичный крест из Владимирской губ. хранится во Владимиро-Суздальском музее-заповеднике, датирован XII–XIII вв.

4. Иконки. Иконка из серого шифера с погрудным изображением святого и слабопроцарапанной надписью «ИКОЛАИ» (рис. 10: 3). Аналогичные изделия датируются XIII–XIV вв. (Николаева, 1983, с. 19, 26, табл. 2.2; 13.3; 54.6; Рындина, 1978, с. 45, ил. 21). Культ святителя Николая как покровителя городов и защитника Руси от врагов возникает в XIII в. и широко распространяется на русских землях, в т. ч. и на Вятке (Макаров, 1996, с. 42–43, рис. 3.11).

Фрагмент иконки из серого сланца с композицией «Преображение Господне» из шести фигур – Христа, Ильи, Моисея, Петра, Иакова, Иоанна (Григорьев, 1884, с. 134) (рис. 10: 1, 2). Иконка была обнаружена на месте будущего раскопа 1957 г. в Хлыновском кремле на глубине 2 м. Л.П. Гуссаковский относит ее ко второй половине XIII в. (Гуссаковский, 1999, с. 35). Эта дата впоследствии переходила из работы в работу (Макаров, 1994, с. 174, рис. 1.20; 4.20; Сенникова, Крупина, 2006).

Бронзовая привеска-образок с погрудным изображением святого в киотце найдена на Никульчинском городище в подполье наземного дома Л.Д. Макаровым, аналогична новгородской находке конца XIV – рубежа XIV/XV вв. (Седова, 1981, с. 64, рис. 20,7).

Бронзовая привеска-иконка с погрудным изображением святого без киотца найдена в раскопках поселения Покста II XIII – первой половины XIV в. (Макаров, 1994б, с. 164, рис. 7, 8).

5. Бронзовая кацея-кадильница в виде 8-лепестковой чашечки без обломанной ручки обнаружена в углу наземного жилища поселения Искра XIII–XIV вв. (Макаров, 19846, с. 104–106, рис. 6: 7–5). Аналогичные находки выявлены: в слое первой половины XIV в. в древней Кареле (Кирпичников, 1979, с. 62, рис. 4–7); в Болгаре (Полубояринова, 1993, с. 33, рис. 8.5) в золотоордынском Укеке (Недашковский, 2000, с. 111, рис. 30.23).

Керамика представлена значительным числом сосудов (более 2 тыс.). Основные коллекции получены в Котельниче, Ковровском городище, Никульчинском городище (около 500 в каждом из них), в Подчуршинском городище, Шабалино (городище и селище), Слободском, Покste II, Искре (от 37 до 150 сосудов). Почти вся посуда круговая (лепной насчитывается около 2%), но изготовлена на ранних стадиях использования гончарного круга, что свидетельствует о преимущественно домашнем характере производства (Бобринский, 1978, с. 23–64). Признаки гончарного ремесла прослеживаются в основном к концу рассматриваемого периода. Преобладающей категорией посуды являются горшки (около 95%), количество иных форм (чашевидных, кувшинообразных, крышек) невелико. По оформлению верхней части горшков выделено значительное количество типов и более дробных делений данной группы изделий. Керамика орнаментирована слабо, наиболее популярными были линейно-волнистые узоры, но

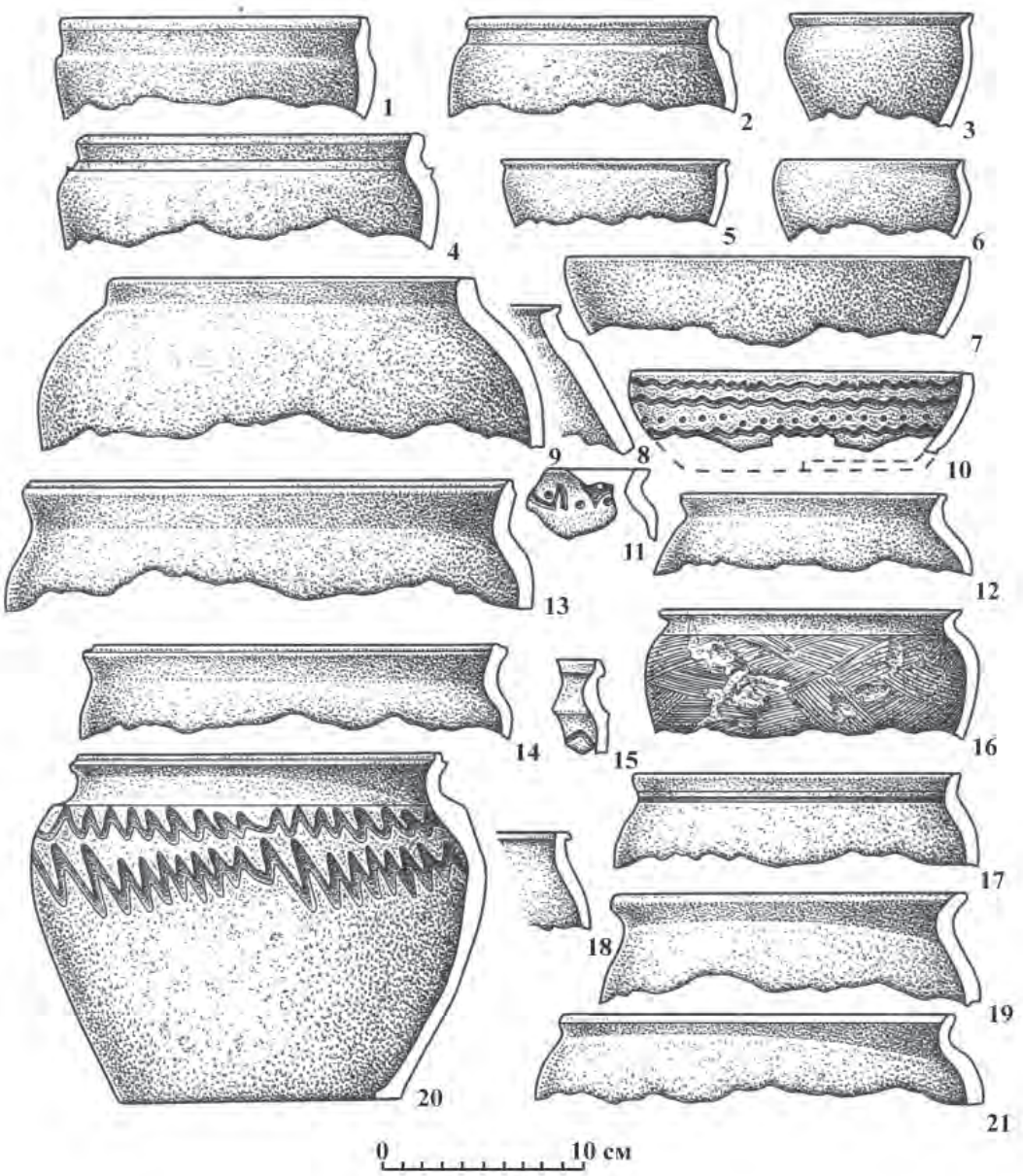


Рис. 15. Керамическая посуда из древних горизонтов культурного слоя Хлынова. 1–9, 11–14, 16–19, 21 – лепная; 15, 20 – правленная при вращении на круге; 10 – круговая

встречаются также оттиски штампа, наколы, ямки, ногтевые насечки. На днищах некоторых сосудов (их около 50) сохранились гончарные клейма трех групп изображений (Макаров, Салангин, 1994). В отличие от керамики большинства древнерусских земель посуда Вятского края имела, наряду с традиционно славянскими примесями (песок и дресва), также толченую раковину, шамот, навоз, сухую глину, известняк и слюду в разных сочетаниях. На ряде поселений их имели от 20 до 50% сосудов. В течение XV–XVI вв. эти примеси постепенно исчезают. Данную группу посуды можно рассматривать как результат славяно-финно-пермского взаимодействия.

Итак, из всей совокупности вещевого материала памятников Вятской земли выделяются древности, позволяющие считать началом русского освоения бассейна Средней Вятки конец XII – начало XIII в. (Макаров, 1995). Заметную группу представляют также предметы импорта, особенно из Волжской Болгарии и Нижнего Поволжья, как в домонгольское, так и золотоордынское время – монеты, бытовые вещи, керамика.

ВЕРХНЕЕ ПРИКАМЬЕ

Археологические данные XIII–XV вв. отражают наличие на территории Пермского Предуралья критической ситуации, вызвавшей резкое сокращение численности населения. Особенно наглядно это прослеживается в результатах картографического анализа распространения памятников археологии. Существенное сокращение произошло уже в XIII в. Судя по данным официальных сводов археологических объектов, в это время на территории Пермского Предуралья существовал 101 памятник, по сравнению с предыдущим столетием прекратили существование 41, а вновь появилось только два новых памятника (рис. 1). В XIV в. произошло еще более резкое сокращение количества памятников – по имеющимся данным, их осталось лишь 49, а к XV в. – всего 19 (Вострокнутов, 2011; 2016, с. 29).

Если для периода XII–XIII вв. в пределах родановской археологической культуры возможным было выделение территориальных групп (Оборин, 1999, с. 260–262), имевших свою специфику, обусловленную природно-географическими факторами и направлением культурно-исторических контактов (на северных территориях – с вымским населением, на восточных – с зауральским и западносибирским, на южных – с болгарским, на юго-западных – с чепецким), то оставшиеся в XIV–XV вв. поселения и могильники уже сложно объединять в единое целое и применять к ним понятие территориальных групп.

Причины такого резкого сокращения населения пока не вполне ясны. Одной из причин могло являться ухудшение экологической ситуации. По письменным европейским источникам и анализу ледовых отложений в Гренландии и Скандинавии прослеживается, что вслед за малым климатическим оптимумом, конец которого пришелся на 1300–1310 гг., климат стал холоднее, неустойчивее. В русских летописях отмечается множество неблагоприятных природных явлений (засухи, похолодания, бури), происходивших в это время. В целом для Европы 1271–1291 и 1300–1309 гг. были необычайно сухими, 1312–1322 гг. – чрезмерно влажными, период 1270–1350 гг. характеризуется увеличением внутрисезонной изменчивости климата (Борисенков, Пасецкий, 1988, с. 65, 185). Очевидно, подобные изменения коснулись и Прикамья, анализ пыльцы из района устья Камы дал показатели увеличения доли сосны и уменьшения пыльцы широколиственных деревьев – явный признак похолодания (Кренке и др., 1995, с. 163–164). Соответственно, сократился вегетационный период растений, снизилось количество собираемого урожая, следствием этого могли быть голод и болезни. Среди одного из факторов сокращения населения могла быть эпидемия чумы 1346–1350-х гг., но достоверных доказательств этого нет.

Определенную роль могли сыграть и монгольские походы, о чем свидетельствуют находки наконечников стрел тех типов, которые, по мнению специалистов, были занесены в Европу во время монгольского нашествия. Это срезни в виде узкой вытянутой лопаточки с упором (тип 67 по А.Ф. Медведеву), обнаруженные на Кудымкарском, Анюшкар, Рождественском и Редикорском городищах, могильниках Телячий Брод и Плотниковском, Покчинском селище. Известны и срезни в виде широкой короткой лопаточки с упором (тип 68 по А.Ф. Медведеву (Медведев, 1966)). На Рождественском и Редикорском городищах такие наконечники стрел найдены не только на площадке, но и на валу. М.Г. Иванова, описывая состав стрел Иднакара, также замечает, что на валу, во рву и между валами собраны бронебойные шиловидные и долотовидные наконечники и монгольские срезни в виде узкой лопаточки. По её мнению, их концентрация здесь свидетельствует о боевых столкновениях (Иванова, 1995, с. 18), возможно, с каким-либо монгольским отрядом.

Исследованных памятников, содержащих материалы второй половины XIII – начала XV в., очень мало. Известно, что в XIV в. продолжала существовать часть городищ (Кудымкарское, Редикорское, Харинское, Чердынское-Троицкое, Рождественское, Шудьякар, Анюшкар, Ором), селище Телячий Брод. Но эти памятники длительное время подвергались распашке, и верхняя часть культурного слоя сильно перемешана, поэтому изучение слоев XIII–XIV вв. на них практически невозможно, имеются только разрозненные находки этого времени, не связанные с какими-либо объектами. Более ценную информацию содержат могильники, в которых материалы представлены в комплексах, что позволяет проследить характерные особенности материальной культуры данного периода. Их изучено всего три – Аверинский I, Плотниковский и, отчасти, Телячий Брод, отдельные погребения которого принадлежат к рассматриваемому периоду.

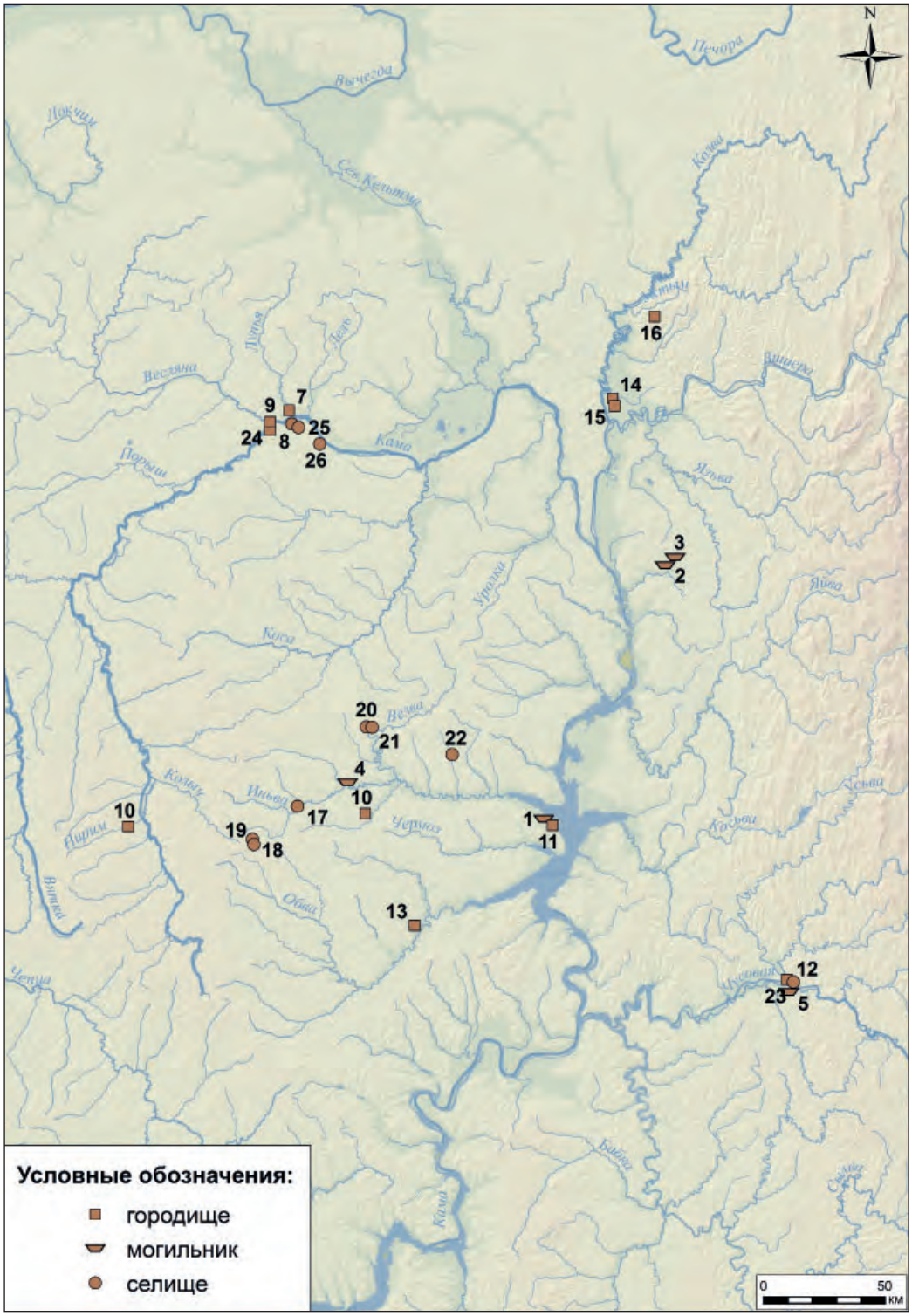


Рис. 1. Археологические памятники Верхнего Прикамья во второй половине XIII – начале XV вв. (по А.М. Белавину и Н.Б. Крыласовой)
1 – Терикановский могильник XII–XIII–XIV вв.; 2 – Верх-Боровской I могильник XII–XIII–XIV–XV вв.; 3 – Верх-Боровской II (Сердуг) могильник XII–XIII–XV вв.; 4 – Плотниковский могильник XIII–XIV вв.; 5 – Телячий Брод, могильник XII–XIV вв.; 6 – Рачево, городище XIV в.; 7 – Гайны, городище XII–XIV вв.; 8 – Весское городище IX–XIV вв.; 9 – Пономарево городище X–XIV вв.; 10 – Шудья-Кар, городище XII–XIV вв.; 11 – Городище Анюшкар X–XV вв.; 12 – Саламатовское I городище IX–XIV вв.; 13 – Рождественское городище VIII–XV вв.; 14 – Троицкое городище XII–XV вв.; 15 – Вятское I, городище IX–XIV вв.; 16 – Искорское городище IX–XV вв.; 17 – Васево, селище XV–XVI вв.; 18 – Визяй I, селище XIV–XVI вв.; 19 – Визяй II, селище XIV–XVI вв.; 20 – Ошиб I, селище XIV–XV вв.; 21 – Ошиб II, селище XIV–XV вв.; 22 – Мартыновское селище X–XIV вв.; 23 – Телячий брод, селище VII–XIV вв.; 24. Гайнашор I, селище IX–XIV вв.; 25 – Пыштайн II, селище X–XIV вв.; 26 – Исаево I, селище X–XIV вв.

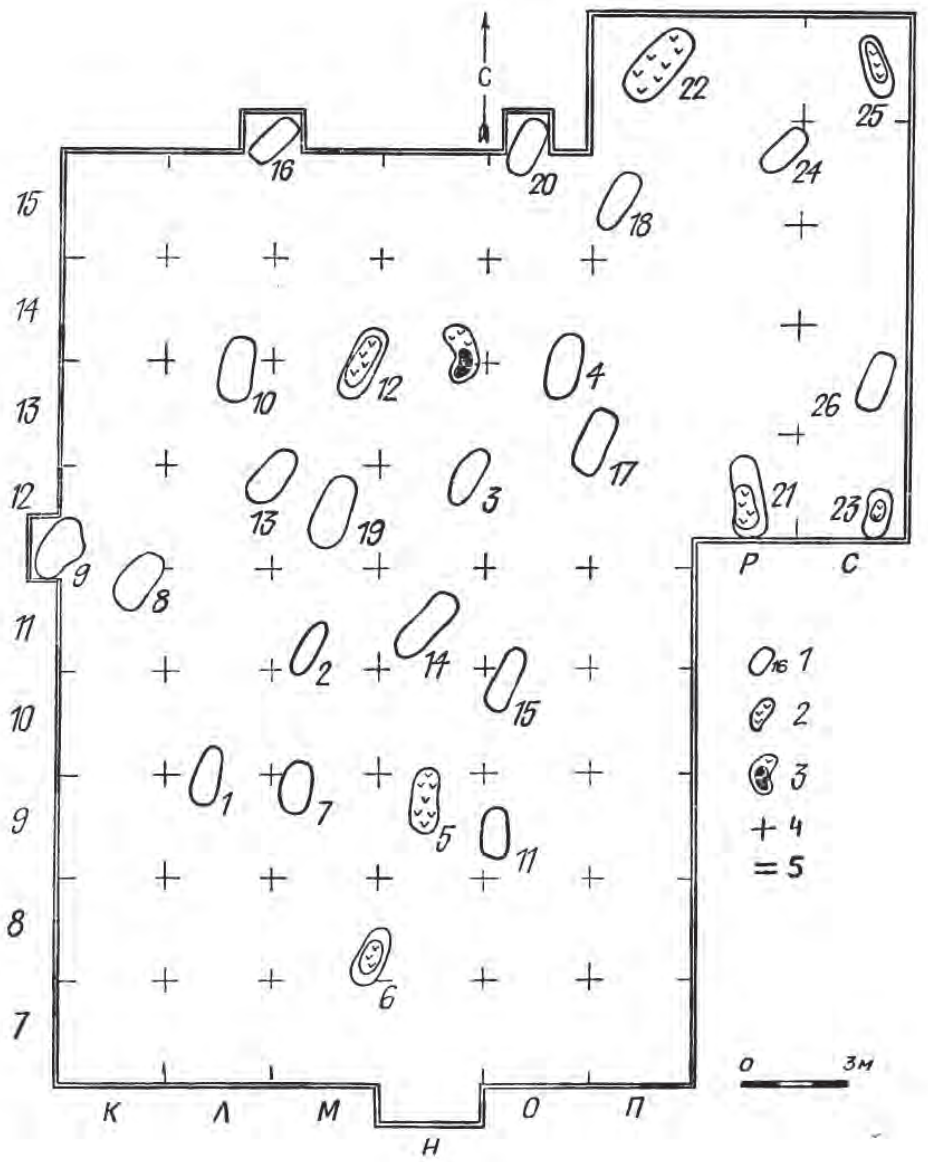


Рис. 2. Аверинский I могильник. План раскопа (по: Голдина, Кананин, 1989)
1 – могилы, 2 – углистые пятна, 3 – яма, заполненная остатками жертвенного костра, 4 – границы участков, 5 – границы раскопа

Аверинский I могильник XII–XIV вв. в верховьях Камы открыт в 1973 г. В.А. Кананиным, исследовался Р.Д. Голдиной, Е.М. Черных, вскрыто 26 погребений (рис. 2) Могильные ямы прямоугольной формы вытянуты по линии С–Ю с отклонением к северо-востоку, погребенные уложены вытянуто на спине головой на север. В большинстве погребений нарушен анатомический порядок костей (особенно верхней части туловища) (рис. 3). Погребальный инвентарь представлен украшениями, орудиями труда, предметами быта, реже – керамикой. В сравнении с более ранними могильниками верховьев Камы на Аверинском I отмечаются в среднем более короткие могильные ямы, более устойчивая ориентировка, отсутствие кремации, малое количество или полное отсутствие украшений, меньшее количество сосудов (рис. 4), отсутствие оружия и деталей конского снаряжения (Голдина, Кананин, 1989, с. 37–41).

Плотниковский могильник расположен на левом берегу р. Сервы, левого притока р. Иньвы, на склоне крутого холма. Памятник известен с XIX в. В 1938 г. на нем побывал М.В. Талицкий, который датировал памятник X–XIII вв. В 1968 г. одно погребение вскрыл В.Ю. Лещенко, датировавший могильник IX–XIII вв. В 1989, 2007, 2009 гг. раскопки проводила Н.Б. Крыласова, в 2010–2017 гг. – Н.Г. Брюхова. В итоге здесь вскрыто 1184 кв. м, изучено 145 погребений. На основании особенностей вещевого инвентаря и радиоуглеродных дат могильник датирован XII – началом XV в. (рис. 5).

Погребения наблюдаются в виде отчетливых «западин» – 13 рядов, протянувшихся по направлению запад – восток, параллельно склону холма.

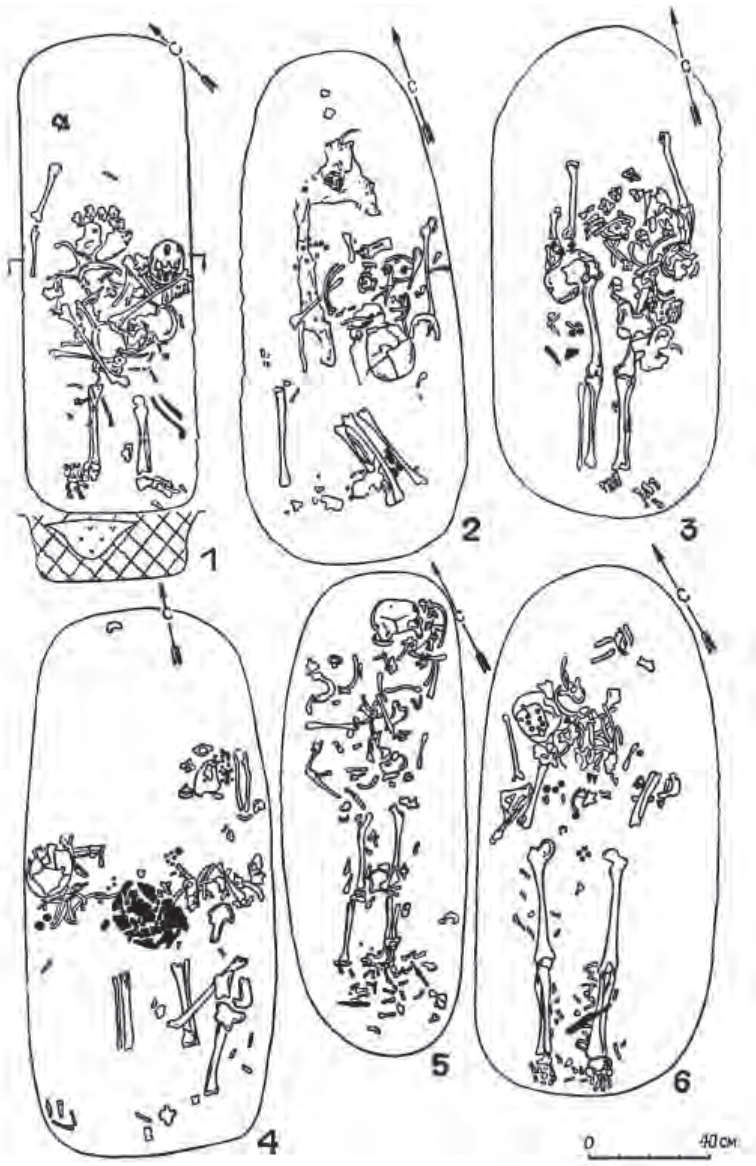


Рис. 3. Аверинский I могильник. Планы погребений (по: Голдина, Кананин, 1989)
1 – могила 14; 2 – могила 1; 3 – могила 4; 4 – могила 10; 5 – могила 3; 6 – могила 13

К северу от них прослеживается канава, которая, возможно, имеет древнее происхождение и предназначена для ограничения площадки могильника. За исключением одного случая кремации, господствовала ингумация, погребенные были уложены вытянуто на спине головой на север (рис. 6). Костяки имеют относительно хорошую сохранность, но их положение нарушено грабительскими вкопами. В структуре холма, сложенного из глины, присутствовала тонкая прослойка розового известняка, люди, совершавшие захоронения, выкапывали могильные ямы таким образом, чтобы известняк покрывал дно, иногда выкладывали кусками известняка и стенки ямы. Во многих погребениях сохранились остатки деревянных конструкций в виде прямоугольной рамы. Погребальный инвентарь включал керамические сосуды (рис. 7), обычно помещавшиеся в ногах; немногочисленные украшения – свинцово-оловянистые медальоны (рис. 8) и лунницы, преобладавшие в мужских и детских погребениях, серебряные перстни, железные детали поясной гарнитуры, амулеты; хозяйственные орудия – наконечники стрел и рыболовные крючки; деревообрабатывающие орудия – топоры, наструги, стамески, резцы; в женских погребениях – пряслица и швейные иглы. Характерные для родановской культуры бронзовые украшения – арочные шумящие подвески, шумящие пронизки, пронизки-колокольчики – представлены единичными экземплярами. Наиболее массовыми являются свинцово-оловянистые нашивки – в женских погребениях в виде колечек, которые использовались вместе с бусами и раковинами каури для украшения воротников-

ожерелков, головных уборов, обуви, в мужских погребениях – в виде лапок, которыми расшивали нагрудные и поясные украшения.

Если в целом характеризовать погребальные комплексы XIII–XIV вв., можно отметить в них явные признаки ордынского и древнерусского влияния при одновременном стирании традиционных черт местной финно-угорской культуры. Так, к XIV в. полностью вышли из употребления бронзовые шумящие украшения, которые на протяжении семи веков являлись наиболее выразительным элементом женского костюма. К XIII–XIV вв. принадлежат только пронизки-петушки с волнистым орнаментом на тулове, имеющие древнерусское происхождение. Находки таких пронизок концентрируются на локальной территории на севере рассматриваемого ареала (Гаинско-Косинская территориальная группа). Очевидно, это связано с географической близостью вымской культуры, носители которой раньше жителей Пермского Предуралья попали под древнерусское влияние и где подобные пронизки не редкость (Вострокнутов, 2016, с. 132).

Даже погребальная керамика из комплексов, датируемых XIV в., полностью утрачивает орнаментацию, которая обычно рассматривается как важный этнокультурный признак. Для этого периода наиболее характерны приземистые сосуды, слегка расширяющиеся к плоскому дну, с прямыми стенками, обычно без выраженной шейки, с одной петельчатой ручкой. На Плотниковском могильнике два таких сосуда имеют резкий переход от стенки ко дну (рис. 7: 1, 2). М.Г. Иванова на основании изучения керамической посуды могильников соседней чепецкой культуры также пришла к выводу о тенденции к сокращению или даже полному исчезновению орнаментации и о появлении в XII–XIII вв. сосудов с ручками, что она объясняет влиянием болгарских традиций формообразования (Иванова, 1992, с. 70–71).

Когда Волжская Болгария была покорена монголами и постепенно интегрирована в Орду, возобновились ее широкие торговые операции в Предуралье и Зауралье. Об этом в первую очередь свидетельствуют находки золотоордынских монет, в том числе чеканенных ханом Бату в первой столице своего государства – Болгаре. Так, в 1851 г. на Рождественском городище найдена монета Бату, чеканенная в Болгаре, такая же обнаружена на Вакинском селище. Из прочих находок монет Орды и ордынского времени следует отметить находку в 1992 г. монеты хана Узбека 1323 г. на Рождественском городище, здесь же в разное время найдены монеты халифа ан-Насира XIII в., хана Мунке, эмира Насра II (1301–1320) и еще две неопределенные монеты, видимо, XIII–XIV вв.

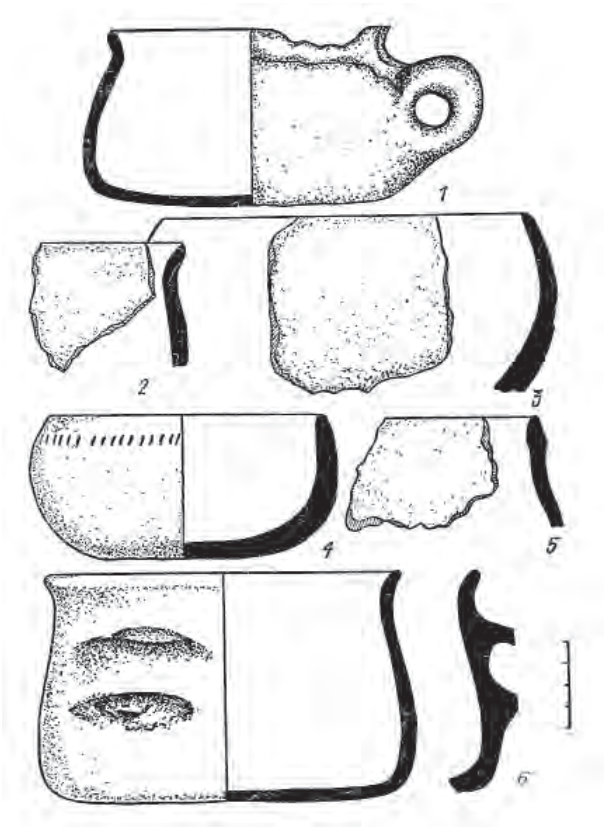


Рис. 4. Аверинский I могильник. Глиняная посуда (по: Голдина, Кананин, 1989)

В 1851 г. в Чердынском уезде найдено несколько десятков монет Абу-Саид-хана (1328–1332) и Хызр-хана (1373) (Теплоухов, 1894, с. 272). Три ордынские монеты (Абу-Саид-Хан) обнаружены в 1851 г. в Чердыни, хорезмийская монета XIV в. найдена В.А. Обориным при раскопках Анюшкара. С селища Телячий Брод происходит находка серебряной джучидской монеты Джанибека I (1342–1357), чеканенная в г. Сарай ал-Джедид в 748 г. х.

К числу распространенных находок ордынского типа принадлежат детали железной поясной гарнитуры, наиболее выразительная коллекция которых представлена в материалах Плотниковского могильника. Здесь элементы поясной гарнитуры встречены в 30 погребениях (20,6% от числа изученных), преимущественно мужских, а поясные наборы, состоящие из пряжек, накладок и прочих элементов, – только в 4 погребениях. Пряжки преобладают рамчатые – прямоугольные и в особенности кольцевидные. В одном экземпляре представлена шарнирная пряжка со щитком в виде неорнаментированной прямоугольной пластины. Среди накладок выделяются фигурные с колечком и без него – в виде трилистника, четырехлепестковой и многолепестковой розетки. К.А. Руденко отмечает, что при значительном сокращении разнообразия железных накладок в золотоордынский

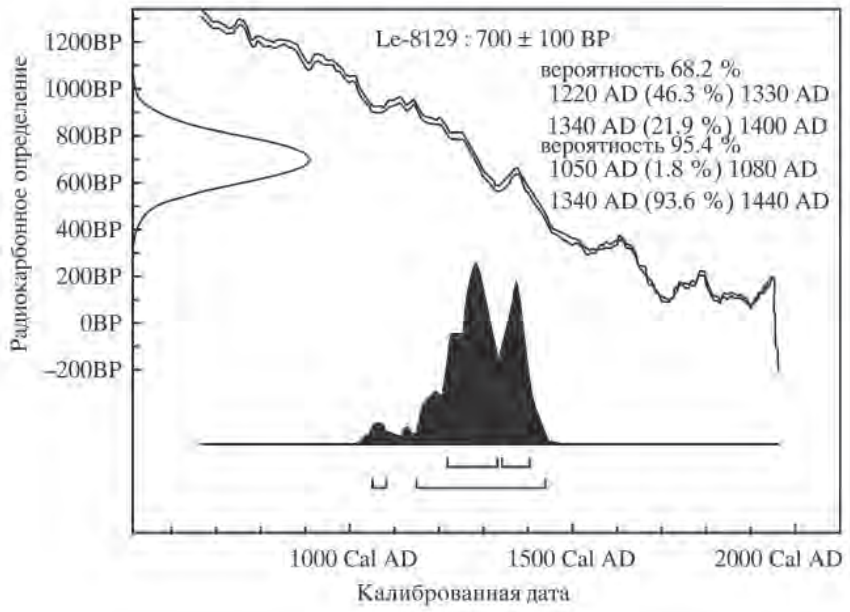


Рис. 5. Результат радиоуглеродного анализа костей из погребения 7 Плотниковского могильника (по: Крыласова и др., 2012)

период, фигурные накладки в виде розетки становятся наиболее характерными (Руденко, 2000, с. 50). Из накладок иных форм встречены щитовидная – тип Е1 по К.А. Руденко, сердцевидная – тип Д18 по К.А. Руденко (Руденко, 2001, с. 41), круглые с четырьмя отверстиями, расположенными крестообразно – тип А1а по К.А. Руденко (Руденко, 2001, с. 37), прямоугольные в виде простых пластин и в виде пластин с треугольными выемками у торцевых сторон, в которых помещено по паре декоративных «лепестков». Последние различаются по особенностям декора – с накладной розеткой в центре, с прямоугольным отверстием, пересеченным вдоль накладной декоративной планкой с насечками, с ажурным решетчатым орнаментом, образованным ромбическим и овальными отверстиями. В единственном экземпляре представлен наконечник ремня – продолговатый, заостренный с одной стороны, а с противоположной оформленный, как прямоугольные накладки, треугольной выемкой с парой декоративных «лепестков».

В целом поясная гарнитура Плотниковского могильника находит аналогии в ордынских древностях XIII–XIV вв., значительное количество подобных накладок, датируемых XIV в., обнаружено на памятниках в районе Куликова поля (Гоняный, 2005). Отдельные накладки схожих типов встречены в могильниках соседних культур – вымской (Савельева, 1987), чепецкой (Иванова, 1992), в Кишертском могильнике чияликской культуры (Пастушенко, 2005–2006). Единичные накладки в виде трилистника, многолепестковой розетки представлены и в синхронных памятниках Пермского Предуралья – Аверинском I могильнике (Голдина, Кананин, 1989, рис. 65/16), Рождественском городище. На могильнике Телячий Брод, где прослеживается наиболее долгое сохранение поясной гарнитуры из цветных металлов, известны бронзовые накладки в виде многолепестковой розетки, копирующие железные образцы.

К наиболее распространенным элементам поясной гарнитуры можно отнести железные кольца, которые встречены в 24 погребениях Плотниковского могильника (13,7% от числа изученных) в количестве от одного до трех экземпляров, причем зачастую без каких-либо иных элементов поясной гарнитуры. Частое присутствие железных поясных колец в составе погребального инвентаря прослеживается и в синхронных могильниках соседних культур – вымской, чепецкой, чияликской, и может рассматриваться как хронологическая особенность.

Одновременно с железными поясными наборами существовали накладки из цветного металла, выполненные в ювелирной технике – в виде квадратной или круглой пластины с петлей на обороте, с проволочным декором на лицевой стороне, дополненным крупной зернью и иногда – вставкой в квадратном касте (рис. 9). Такие накладки известны на Рождественском городище, могильнике Телячий Брод. В погребении № 5 могильника Телячий Брод, инвентарь которого включал медный котел, серебряный медальон с «сокольничим», перстень, нож, несколько наконечников стрел, в том числе срезень ордынского типа в виде узкой вытянутой лопаточки с упором, а основным датирующим элементом служили серьги в виде знака вопроса ордынского типа, найден полный поясной

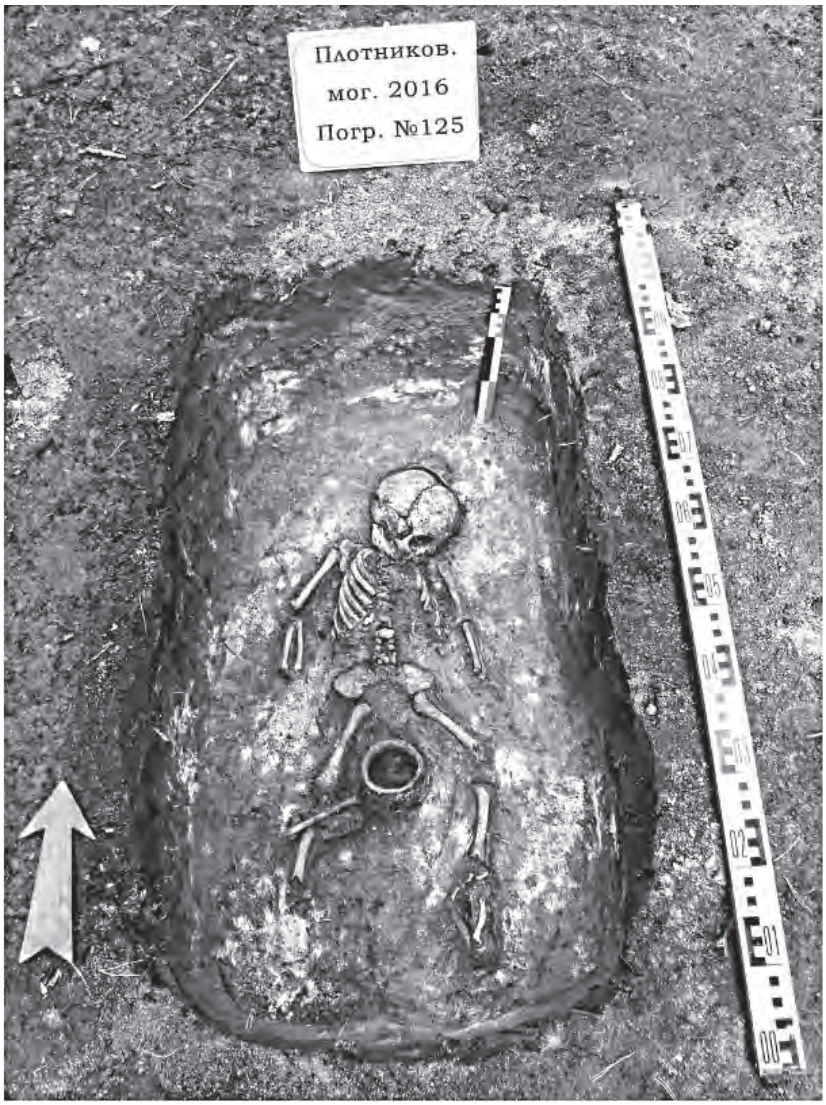


Рис. 6. Плотниковский могильник. Погребение 125 (по: Брюхова, 2016)

набор из круглых накладок подобного типа, в который входили также квадратная рамчатая пряжка и три железных кольца. Судя по составу инвентаря этого погребения, можно предполагать, что ювелирные поясные накладки имели статусное значение.

Серьги в виде знака вопроса на территории Пермского Предуралья найдены в количестве чуть больше десятка (рис. 10: 3, 15). В частности, они присутствуют в двух погребениях Плотниковского, в одном погребении Аверинского I могильника (Голдина, Кананин, 1989, рис. 64/1). Все они датируются XIII–XIV вв., на территорию Пермского Предуралья, очевидно, попадают из золотоордынской Волжской Болгарии (Подосенова, 2009, с. 118).

Наряду с серьгами в виде знака вопроса продолжали использоваться бусинные височные кольца (рис. 10: 9). Такие украшения в период X–XIV вв. были характерны для Волжской Болгарии и Древней Руси, в Предуралье долгое время считались исключительно болгарским импортом. Ю.А. Подосенова на основании технологического анализа доказала, что наиболее распространенные в Пермском Предуралье в период XI–XIII вв. кольца с трехсоставными бусинами и обмоткой из сканной проволочки вдоль дужки имеют существенные отличия от болгарских, у которых бусины двухчастные, не встречается сканная рамочка, практически отсутствует позолота. Украшения, аналогичные распространенным в Пермском Предуралье, в немалом количестве встречаются на территориях Удмуртского и Северного Предуралья, Зауралья и Западной Сибири, что может свидетельствовать об их производстве в каком-то уральском центре. Но среди наиболее поздних бусинных колец выделяются изделия, принадлежащие к так называемому такталучукскому типу бусинных височных украшений, датируемых XII–XIV вв. Этот тип отличает более крупный диаметр кольца и очень

Рис. 7. Плотниковский могильник.
1 – керамический сосуд из погребения 7 (по: Крыласова и др., 2012);
2 – сосуд из погребения 40. фото и прорисовка (по: Брюхова, 2016)

скромный декор (Подосенова, 2009, с. 118–134). Такие височные украшения обнаружены на могильнике Телячий Брод и в погребении № 13 Аверинского I могильника (Голдина, Кананин, 1989, рис. 64/5).

Преимущественно для комплексов XIII–XIV вв. характерны щитковосрединные перстни из серебра с чернью, иногда с золочением. Долгое время подобные перстни считались изделиями, вышедшими из мастерских Волжской Болгарии, в связи с чем получили наименование «перстни болгарского типа». В Пермском Предуралье они найдены на Саламатовском, Рождественском городищах, Антыбарском, Телячий Брод, Плотниковском могильниках, Калинском селище и других памятниках. Встречаются и подражания подобным перстням, отлитые из свинцово-оловянистого сплава. Аналогичные перстни, найденные в Татарстане, в Республике Коми, в Зауралье и Западной Сибири, датируются достаточно широко – XI–XIV вв. Э.А. Савельева считает, что такие перстни получили распространение с XII в. (Савельева, 1987, с. 170). В настоящее время вопрос о происхождении данного круга изделий остается нерешенным – в современных археологических работах отражены разные точки зрения на вопрос о центрах(-е) их производства (Адамов, 2014, с. 44–49; Белавин, 2000; Брюхова и др., 2010, с. 4–7; Руденко, 2010, с. 357–360; Савельева, 2010, с. 89–97). А.А. Адамов доказывает, что перстни, распространенные в Предуралье, имеют ряд признаков, отличающих их от болгарских изделий, и предполагает, что они изготавливались по болгарским образцам в местных мастерских (Адамов, 2014).

Привезенные с Востока и имеющие аналогии в материалах Волжской Болгарии ордынского времени предметы второй половины XIII–XIV в. найдены также в Рагозинском могильнике – две медные рукояти вилок в коллекции Теплоухова (датировка М.В. Талицкого); на Кудымкарском, Рождественском городищах, Вакинском селище и в Чердыни – бронзовые и железные замочки в виде лошадок и собачек (Крыласова, 2007, рис. 53); в Верх-Язьве – медный браслет с львиноголовыми окончаниями. Интересны находки деталей хоросов – подвесных светильников в виде металлических обручей в 1–3 яруса, предназначенных для установки свечей. Эта категория вещей представлена двумя предметами – деталью хороса из Рождественского городища и фрагментом, хранящимся в коллекции Теплоуховых (ПОКМ, № 19187/83) (Крыласова, 2007, рис. 87). Деталь хороса из Рождественского городища представляет собой уплощенный симметричный предмет, верхние концы которого оформлены в виде расцветающего бутона, в центре – сквозное отверстие. Аналогичный предмет из Увека (Полубояринова, 1978, с. 100–101, рис. 31), возможно, отлит с рождественским в одной форме. Фрагменты хоросов известны также на Камаевском городище в Волжской Болгарии (Фахрутдинов, 1984, рис. 24) и на Руси. В Волжской Болгарии хоросы с такими деталями использовались как осветительный прибор в мечетях.

Среди бус, находимых на предуральских памятниках, выделяются бусы из кашинной массы с поливой ярко-бирюзового цвета. Центром их производства считаются золотоордынские города Поволжья (Лесман, 1994). Такие бусы в Предуралье найдены на селище и могильнике Телячий Брод, Плотниковском, Антыбарском могильниках, Рождественском городище.

На проживание в XIII–XIV вв. в предуральских поселениях болгар и других представителей Орды указывают достаточно многочисленные находки керамической посуды ордынского времени на ряде памятников Пермского Предуралья (Рождественское, Кудымкарское, Анюшкар городища). Среди гончарной посуды Рождественского городища имеются фрагменты поливной керамики, характерной для Волжской Болгарии как домонгольского, так и золотоордынского времени (Макарова, Халиков, 1986, с. 53–60) На Анюшкаре найдено несколько фрагментов от сосудов типа альбарелло из теста красно-коричневого цвета, украшенных вертикальными канавками и покрытых поливой темно-зеленого цвета. Подобные сосуды имеют аналогии в материалах второй половины XIII–XIV вв. из Ургенча, Царевского городища, Азака, Укека и других памятников Золотой Орды (Недашковский, 2000, с. 105). Известны находки на Анюшкаре и Кудымкарском городище фрагментов кашинной керамики из гончарной массы сероватого цвета, покрытой бирюзовой или белой поливой с росписями коричневого и бурого цвета. Аналогии таким кашинным поливным сосудам известны в городах Орды в Среднем и Нижнем Поволжье.

Относительно небольшое количество восточных материалов ордынского времени в Предуралье свидетельствует как о значительной переориентации Волжской Болгарии на торговлю с другими территориями (в частности с Зауральем), так и о постепенном вытеснении болгарских товаров древнерусским и западно-прибалтийско-финским импортом.

Предметы древнерусского происхождения или изготовленные в подражание им становятся неотъемлемым элементом местной культуры XIII – начала XV вв. Прежде всего среди них выделяются украшения костюма. Достаточно широко встречаются спиральновитые перстни из бронзы и латуни, которые представлены, в частности, в погребальных комплексах Плотниковского и Телячий Брод могильников. В Новгороде такие перстни обнаружены в слоях XI–XIII вв. (Седова, 1981, с. 122, рис. 45/2–4). Подобные перстни были распространены и в синхронных памятниках соседних вымской, чепецкой, чияликской археологических культур (напр., Иванова, 1992, рис. 11/5–6; Савельева, 2010, с. 143, рис. 10/5; Пастушенко, 2005–2006, с. 49).

Реже встречаются перстни иных форм, в основном щитковосрединные, имеющие древнерусское происхождение или произведенные по их образцам. Например, на Плотниковском могильнике обнаружены: перстень с квадрифолийным щитком с четырехлепестковой розеткой в центре, который может быть соотнесен с группой перстней с квадрифолийной печаткой, распространенных в Новгороде и других древнерусских землях с середины XIII до середины XV в. (Седова, 1981, с. 137–139, рис. 49/26–27; 50/12, 15–16; 52/1, 3); а также фрагмент перстня с шестиугольным щитком, в центре которого – нечеткое изображение животного, подражающий древнерусским черненым перстням с шестиугольным щитком с изображением зверя, похожего на гепарда, представленным в кладах XII–XIII вв. (Макарова, 1986, с. 45, рис.16/86–87; 1997, табл. 43/35). На селище Телячий Брод найдено несколько фрагментов бронзовых овально-щитковых перстней с изображением волюты, свастики и прочими орнаментами, аналогичных новгородским конца XII – середины XV в. (Седова, 1981, с. 135).

В материалах могильников XIII–XIV вв. распространенным видом украшений являлись медальоны и лунницы. На Плотниковском могильнике их обнаружено 34 экземпляра в 25 погребениях, преимущественно мужских и детских, в количестве от одного до пяти предметов. Все они изготовлены из олова или свинцово-оловянистого сплава. К медальонам принято относить круглые подвески большого диаметра. При характеристике древнерусских украшений их нередко именуют «медальоны барм». Бармы – это широкие матерчатые оплечья с нашитыми на них металлическими медальонами, которые относились к мужским украшениям, женские украшения подобного рода именовались «монисто» (Макарова, 1986, с. 100). Подвески небольшого диаметра прийто называть «монетовидными». Среди медальонов выделяется пять экземпляров с орнитоморфным сюжетом, выполненным выпуклыми точками в подражание зерни – в центре изображена птица, повернутая вправо, с длинным клювом, поднятыми вверх крыльями, широким хвостом, мощными когтистыми лапами. Такие медальоны принадлежат к числу довольно редких предметов. Два из них, выполненные из низкокачественного серебра, обнаружены в Новгороде в слое XIV в. (Седова, 1981, с. 45) (рис. 8: 1, 2). Еще один предмет из Пермской губернии содержится в дореволюционной коллекции М.Н. Зеликмана (рис. 8: 3) (Крыласова и др., 2012); фрагмент аналогичного медальона найден в погребении № 281 Жигановского могильника на

территории Республики Коми (Савельева, 2010, с. 409. рис. 281/2). Еще одну представительную группу образуют шесть медальонов и монетовидных подвесок с изображением процветшего креста. К этой группе по своему назначению, характеру крепления и орнаменту в виде процветшего креста тяготеют выпуклые подвески каплевидной формы. Примерные аналогии наиболее декоративному изображению процветшего креста одного из экземпляров можно найти среди серебряных медальонов с черневым орнаментом из Старой Рязани, Чернигова, Владимира, Великих Болгар, опубликованных Т.И. Макаровой (Макарова, 1986, рис. 53 – № 287, 297–298; 54 – № 289–291, 303–305); подобные медальоны, датируемые второй половиной XII – началом XIII в. известны в материалах Кишертского могильника в бассейне р. Сылвы (Пастушенко, 2005–2006, с. 49, рис. 14/17), Золотаревского поселения в верховьях р. Суры (Белорыбкин, 2001, с. 59). Вариант процветшего креста, представленный на четырех подвесках, имеет прямые аналогии в монетовидной подвеске из Новгорода начала XIII – начала XIV в. (Седова, 1981, с. 41, рис. 14/6) и монетовидной подвеске из Белоозера, найденной в горизонте второй половины XIII в. (Голубева, 1973, с. 139, рис. 15/17). Кроме этих подвесок представлена широкая серия медальонов и монетовидных подвесок с орнаментом в виде выпуклин или концентрических кружков. В одном экземпляре представлена монетовидная подвеска с прорезным изображением в виде косого креста из четырех колец в центре; немного похожие на нее крестовключенные прорезные подвески известны в материалах Чиргинского могильника XII–XIII вв. в Удмуртии (Иванова, 1992, с. 42, рис. 32/8–9), в Белоозере в горизонте первой половины XIII в. (Голубева, 1973, с. 139, рис. 49/10), в могильнике Нефедьево первой половины XI – начала XIII в. (Макаров, 1997, с. 117, табл. 153/2). И в единственном экземпляре на Плотниковском могильнике представлен фрагмент монетовидной подвески с изображением розетки, в то время как в целом на территории Пермского Предуралья монетовидные подвески с этим орнаментом являются наиболее характерными для материалов XII–XIV вв., в особенности для памятников Почусовья (Антыбарский, Телячий Брод могильники, селище Телячий Брод, Саламатовское городище), на селище Телячий Брод обнаружена каменная формочка для отливки подобных украшений (Вострокнутов, Крыласова, 2013, рис. 2/6–11, 3/17). В Новгороде аналогичные подвески встречены в слоях XIII в. (Седова, 1981, с. 41, рис. 14/9, 12).

Достаточно широкой серией на территории Пермского Предуралья представлены древнерусские косорешетчатые подвески, одна из которых обнаружена в погребении Аверинского I могильника (рис. 10: 10) (Голдина, Кананин, 1989).

Достаточно многочисленную группу плоских подвесок, представленных на Плотниковском могильнике, составляют замкнутые лунницы. Они имеют разный диаметр и достаточно стандартный орнамент, аналогичный новгородским лунницам из слоев XIII в. (Седова, 1997, табл. 54/25–26). На территории Пермского Предуралья подобные замкнутые лунницы обнаружены на селище Телячий Брод (Крыласова, Вострокнутов, 2012, с. 107).

Судя по аналогиям, медальоны, монетовидные подвески и лунницы, распространенные в Пермском Предуралье в XIII–XIV вв., имеют в своей основе древнерусские прототипы. Однако наличие литейных форм, некоторые технологические и стилистические особенности свидетельствуют об их местном производстве, возможно, переселенцами, которые привнесли сюда традицию изготовления украшений из легкоплавких металлов.

Вероятнее всего, продукцией местных ювелиров являлись и серебряные медальоны с изображением «сокольничего», датируемые XIII–XIV вв. В частности, два таких изделия происходят из могильника Телячий Брод; медальон из погребения № 5 хорошо датируется по присутствующим в комплексе этого погребения серьгам в виде знака вопроса, в основном ордынским временем датируются и находки подробных блях на памятниках Приобья.

М.Г. Иванова в качестве одной из особенностей чепецких могильников XI–XIII вв. отметила большое разнообразие круглых нагрудных подвесок в мужских захоронениях, что сочла характерным исключительно для удмуртов (Иванова, 1992, с. 69–70). Однако присутствие их на Плотниковском могильнике преимущественно в мужских и детских погребениях позволяет предполагать, что подобные подвески в составе мужского костюма являются хронологической особенностью.

К числу изделий древнерусского производства принадлежит большинство бус, представленных в женских погребениях. Наряду с бусами в составе ожерелий использовались раковины каури. Динамика появления этих раковин в составе дальнего импорта пока не изучена. Судя по имеющимся данным, они периодически появлялись в Прикамье в ананьинское, в гляденовское время (Иванов, 1998, с. 44), представлены в ряде погребений IX в. ломоватовской и неволинской культур. В XIII–XIV вв. наблюдается массовое использование раковин каури, которые в значительном количестве обнаружены в погребениях Аверинского I могильника (рис. 10: 14) (Голдина, Кананин, 1989,

Рис. 8. Медальоны с изображением птиц с раздвоенным хвостом. 1, 2 – Новгород (по: Седова, 1981), 3 – Пермский край, коллекция М.Н. Зеликмана, 4 – погребение 7 Плотниковского могильника (по: Крыласова и др., 2012)

Рис. 9. Накладка в виде квадратной с проволочным декором на лицевой стороне, дополненным крупной зернью и вставкой в квадратном касте

рис. 64/18), а на Плотниковском могильнике встречены в 26 женских и детских погребениях (17,9% от числа изученных).

По материалам соседней чепецкой культуры прослеживается усиление связей с Русью, возрастание в XIII в. роли древнерусского рынка и влияния традиций древнерусских мастеров на местную культуру. Это проявляется в увеличении количества импортов, в том, что весь ассортимент орудий труда и предметов быта не отличается от форм, выработанных кузнецами Восточной Европы, наиболее массовые и выразительные коллекции которых получены в древнерусских городах (Иванова, 1992, с. 72–74). Аналогичная ситуация прослеживается и в родановской культуре.

В частности, в это время появляются топоры, которые принадлежат к типу проушных лопастных с массивным плоским обухом, от которого со стороны рукояти отходит к лезвию пара скошенных щековиц, не выступающих за плоскость обуха, с треугольным проухом (рис. 10: 30). Обух настолько массивный, что его ширина нередко превышает ширину лезвия, за счет чего создается впечатление массивности и некоторой непропорциональности орудия. На территории Пермского Предуралья подобные топоры известны в материалах Плотниковского, Аверинского I и Телячий Брод могильников. Такие же топоры представлены на синхронных могильниках в Удмуртии (Иванова, 1992, с. 27, рис. 25/9), где они сохранялись

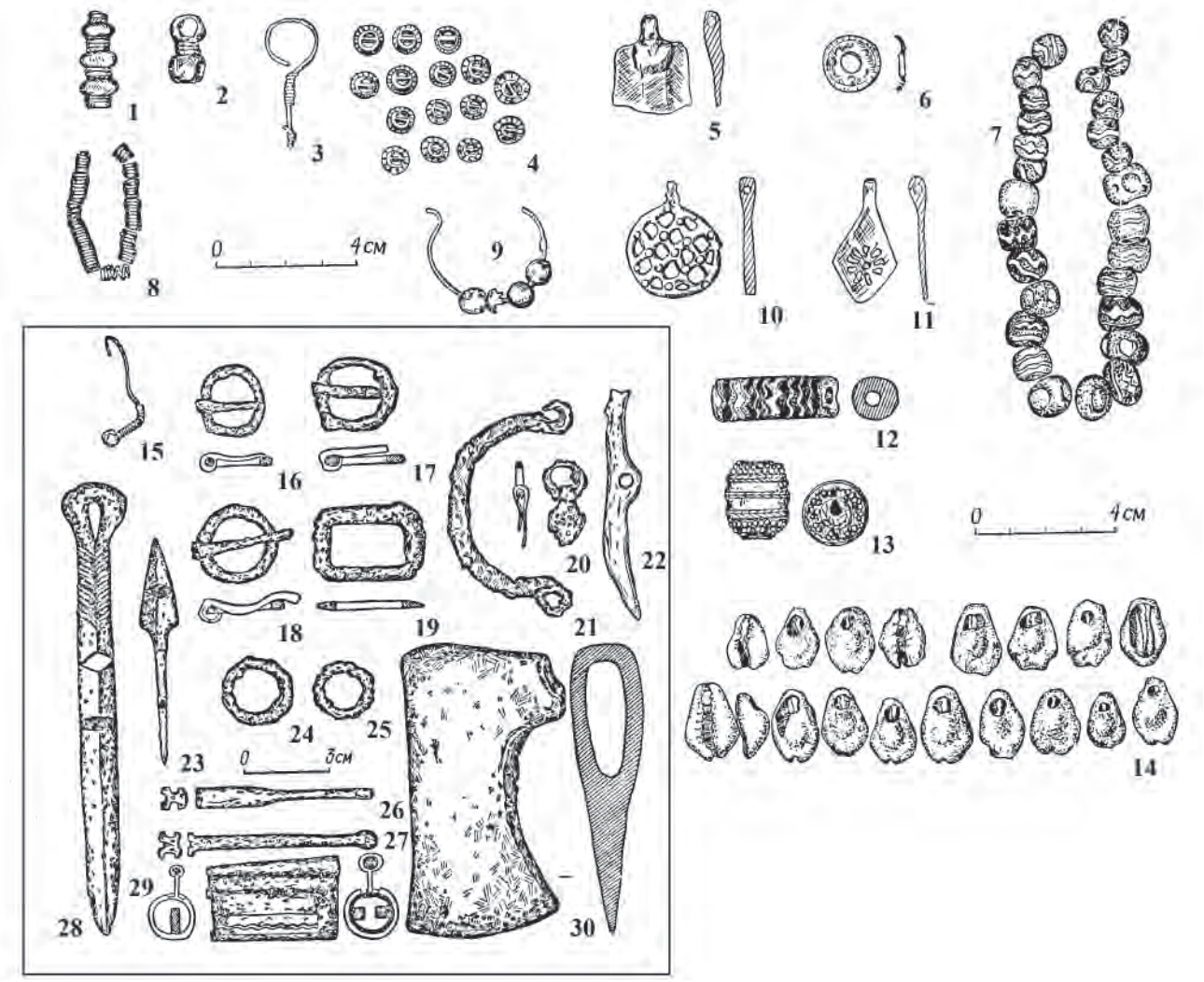


Рис. 10. Вещи XIII – XIV вв. (по: Голдина, Кананин, 1989, рис. 64, 73)

и в более позднее время – в XVI–XVIII вв. (Иванова, 1991, рис. 10/5), как и в ряде древнемарийских могильников XVI–XVII вв. (Шапран, 1984, с. 93). Аналогичные топоры имели в XII–XVII вв. распространение на Руси и в Западной Сибири, в частности они характерны для Мангазеи (Визгалов, Пархимович, 2007, с. 100, рис. 18/1–2), встречены в культурном слое эпохи позднего Средневековья XV–XVI вв. на Староладожском «Земляном городище» (Кирпичников, Сорокин, 2002, с. 156, рис. 10). Таким образом, можно считать, что топоры новых пропорций, связанные с древнерусским влиянием, появившись в XIII–XIV вв., стали определяющим типом для последующего времени.

Для могильников XIII–XIV вв. становится характерным наличие специальных железных скоб для крепления топоров к поясу (рис. 10: 21). В этот же период топорни распространяются в соседней чепецкой (Иванова, 1992, с. 31, рис. 18/18, 21, 22; 38/ 10; 42/ 16) и вымской культурах (Савельева, 1987, с. 64). Как и топоры новой формы, они продолжают сохраняться и в могильниках XVI–XVIII вв. (Иванова, 1991, рис. 8/2, 8). Топорни встречены в городке Эмдер XI–XVI вв. в Западной Сибири; комментируя эти находки, авторы приводят сведения о том, что коренные жители вплоть до начала XX в. носили топоры в специальной железной дужке или кожаной петле, закрепленной сзади на поясном ремне (Зыков, Кокшаров, 2001, с. 93).

В это время получают широкое распространение прямоугольные и овально-прямоугольные двулезвийные кресала, которые имеют многочисленные аналогии в соседних вымской и чепецкой культурах, на памятниках Северной и Южной Руси, в Белоруссии, у балтов, карелов и пр. Датируются они с XII по XIV вв., а периодом их наибольшего распространения считается XIII–XIV вв. (Крыласова, 2007, с. 142).

К числу инноваций, связанных с влиянием древнерусской культуры, можно отнести появление железных светцов-лучинодержателей. Судя по новгородским материалам, они появились в жилищах с XII–XIII вв. (Голубева, 1973, с. 126,

рис. 44/5, 7). В Пермском Предуралье однолучинные вилообразные светцы с завитками на концах планок обнаружены на селище Телячий Брод, Редикорском, Рождественском, Искор, Эсперовом городищах, в Нижних Чусовских городках (Крыласова, 2007, с. 196–197). Светцы такого типа датируются преимущественно XIII в. (Розенфельдт, 1997, с. 12), однако в Мангазее они известны и в середине XVI в., в Пермском Предуралье датируются XIII–XV вв. В XV в. наряду с однолучинными появились и светцы с тремя пружинами для двух лучин (Крыласова, 2007, с. 197).

Еще более широкое распространение получили замки и ключи, причем особенностью данного периода является включение их в состав погребального инвентаря (могильники Аверинский I, Телячий Брод) (рис. 10: 26, 27, 29), как и в синхронных могильниках вымской культуры (Савельева, 1997, рис. 17/10–12).

Особенностью периода XIII–XIV вв. является сокращение предметов из кости и рога. Все основные домашние орудия, такие как лощила, шилья, кочедыки, стали изготавливать только из железа, а другие – спицы, гребни для расчесывания волокон, игольники, блоки ремизок ткацкого станка – вытачивались из дерева (Ленц, 2002, с. 240). Это также могло произойти под влиянием древнерусской культуры.

Для железных изделий этого периода характерно использование приема торсирования – скручивания металлического прутка вокруг своей оси, который применялся в оформлении кочедыков (рис. 10: 28), ножниц, дужек котлов, топорней и других предметов.

Таким образом, в период XIII–XIV вв. наблюдается постепенное стирание элементов культуры, характерных для коренного финно-угорского населения и распространение предметов ордынского и древнерусского облика. Последние явно преобладали, кроме перечисленных категорий вещей встречены и другие, в том числе и керамика, подробно охарактеризованные А.М. Белавиным (Белавин, 2000, с. 68–70, 137–143). Наличие древнерусской керамики является бесспорным свидетельством начала процесса т. н. «русской колонизации» Прикамья. Сохранение ряда вещей, появившихся здесь в XIII–XIV вв., в быту и хозяйстве крестьян XVI–XVII вв., а иногда и до начала XX в., может служить подтверждением того, что эти вещи были привнесены переселенцами.

О том, что события, связанные с проникновением в Пермское Предуралье древнерусских переселенцев, не всегда носили исключительно мирный характер, может свидетельствовать факт обнаружения на Плотниковском могильнике погребения двухлетнего ребенка со следами сквозного огнестрельного ранения в голову. Выстрел был произведен с близкого расстояния ручным огнестрельным оружием картечью из сплава на основе меди. На основе датирующего материала и радиокарбонной даты погребение датировано XIV в. (Крыласова и др., 2012).

СЕВЕРНОЕ ПРЕДУРАЛЬЕ

Одним из важнейших событий в средневековой истории коми-зырян являлось включение их в социально-политическую структуру древнерусского, а позднее русского централизованного государства. По своим последствиям оно оказало самое глубокое воздействие на социально-экономическую, политическую и этническую историю народа коми.

Отдельные аспекты этой проблемы нашли отражение в ряде обобщающих монографий (Насонов, 1951; Очерки по истории Коми АССР, 1955; Оборин, 1990; Жеребцов, 1982; Макаров, 1997 и др.). Предметом специального исследования о присоединении Коми края к Московскому княжеству является работа В.Н. Давыдова (Давыдов, 1972). Древнерусская колонизация Европейского Северо-Востока (далее – ЕСВ) на основе археологических источников рассматривалась Э.А. Савельевой и М.В. Кленовым (Савельева, 1993, с.128–140; Савельева, Кленов, 1997, с. 651–691).

По мнению большинства исследователей, предки коми-зырян («пермь» русских летописей) в XI–XII вв. являлись данниками Новгорода Великого. А.Н. Насонов отмечает, что уже в начале XII в. новгородцы собирают дань в Печоре и Перми, в последней трети XII в. – в Югре (Насонов, 1951, с. 115). А.Н. Насонов включал в Новгородскую пермь «течение Выми, верхнее течение Вычегды и, может быть, близлежащие места по рекам» (Насонов, 1951, с. 111). К новгородским владениям относил Пермь и А.В. Куза (Куза, 1975, с. 193). Известно, что в XI–XII вв. Новгород являлся крупнейшим центром международной торговли, одной из важных статей дохода которого являлась торговля мехами.

Исследователи, относившие пермь к новгородским владениям, опирались на договоры Великого Новгорода с князьями. В первой же грамоте, заключенной Новгородом с тверским князем Ярославом Ярославовичем от 1264 г., пермь называ-

ется в числе новгородских волостей (ГВН и П., 1949, с. 258–260). В «Вычегодско-Вымской летописи» в записи от 1333 г. сообщается, что новгородцы «дали князю Ивану на черный бор Вычегду и Печору и с тех времен князь московский начал взимать дани с пермские люди» (Доронин, 1958, с. 257).

По мнению В.Н. Давыдова пермяне, жившие по верхней Двине, Югу, Лузе, средней и нижней Вычегде, Выми и Сысоле, попали под власть ростово-суздальских князей с основания Гледеня (1178 г.) (Давыдов, 1977, с. 23). Со времени правления Дмитрия Донского Коми край был включен в состав московских владений. Христианизация вычегодских пермян в 80-х годах XIV в. была проведена, когда Коми край находился в составе московских владений.

Л.П. Лашук, С.В. Бахрушин и А.А. Зимин (Очерки по истории Коми АССР, 1955, с. 44–45) выделили два этапа в колонизации Европейского Севера и ЕСВ. Ранний этап характеризовался открытием северных земель новгородскими дружинниками и купцами и установлением торгово-меновых отношений с местным населением, второй – созданием административных структур, центров сборщиков дани, которая взималась регулярно с учетом количества населения и его промыслов. Археологические источники подтверждают предложенную этими исследователями концепцию.

Славянские привозные изделия на средневековых памятниках ЕСВ выделили А.С. Сидоров и А.П. Смирнов. По мнению А.С. Сидорова, они свидетельствовали о культурных связях местного населения с восточными славянами (Сидоров, 1954, с. 82). А.П. Смирнов на основании находок славянской керамики на городище Карыбйыв и древнерусских украшений на могильниках считал, что они документируют проникновение славян на север с XII в. (Смирнов, 1952, с. 208). Материалы дальнейших исследований памятников вымской культуры перми вычегодской, а также изученных в последние десятилетия древнерусских поселений позволяют конкретизировать эти выводы.

На большинстве памятников вымской культуры обнаружены древнерусские изделия, которые составляют более 50% всего импорта. Среди них преобладают украшения, но встречаются и предметы быта, в том числе славянская круговая керамика, а также боевое оружие. Наиболее ранние древнерусские изделия появляются на рубеже XI–XII вв. вместе с западноевропейскими денариями второй половины X–XI вв., что является одним из свидетельств их проникновения на ЕСВ из Новгорода. Западноевропейские монеты (германские, чешские, голландские, датские) обнаружены на Вотчинском, Чежтыягском, Кедвавомском, Ыджыдъельском, Кичилькосьском I могильниках. Наибольшее количество (более 80 экз.) – на Кичилькосьском I, расположенном в верховьях Выми. Среди привозных изделий преобладают ювелирные изделия городских ремесленников, изготовленные из бронзы и серебра, в том числе предметы, имеющие высокую материальную и социальную значимость (Савельева, 1987, с. 168–172). Находки на памятниках вымской культуры наряду с украшениями, предметами быта древнерусских круговых гончарных сосудов подтверждают вывод А.П. Смирнова о том, что коми-русские контакты не ограничивались эпизодическим взиманием дани и торговлей, что нашло подтверждение в материалах Жигановского поселения вымской культуры. Наряду со значительным количеством древнерусских привозных изделий (предметов быта, украшений, боевого оружия) в керамической коллекции поселения значительную часть составляют гончарные круговые сосуды древнерусского производства, что служит убедительным свидетельством не только торгово-меновых связей между местными жителями и русскими пришельцами, но и об оседании пришлого русского населения в землях вычегодских пермян (Савельева и др., 1993; Кленов, 2015, с. 110–122). Прямые свидетельства освоения этой территории русскими колонистами были получены с исследованием древнерусских поселений.

История археологического изучения древнерусских памятников. Древнерусские памятники в бассейне р. Вычегды были открыты в 20-е гг. прошлого столетия в процессе разведочных работ А.С. Сидорова и А.Н. Грена, а также рекогносцировочных раскопок экспедиции Главнауки.

Первым из них было Карыбйывское городище, расположенное на правом берегу р. Вычегды, в 100–150 м южнее с. Карыбйыв Усть-Вымского района Республики Коми. Оно было открыто и частично обследовано в 1924 г. А.Н. Греном (Грен, 1924, с. 9–11). В 1925 г. раскопки на городище произвела экспедиция Главнауки (Раскопки…, 1928, с. 5–28). На городище было заложено три траншеи, в которых обнаружены 10 очагов, три ямы, остатки построек, а также разнообразный вещевой инвентарь. Городище было датировано XII–XIV вв. и отнесено к памятникам местного населения (Раскопки…, 1928, с. 13). В обобщающей монографии А.П. Смирнов ограничил время функционирования городища X–XI вв., возможно, XII в. (Смирнов, 1952, с. 207).

А.С. Сидоровым на р. Вымь было открыто шесть городищ, среди которых богатый культурный слой выявлен на Турьинском (Пожегском). Исследователем зафиксирована сложная система укреплений в виде валов и рвов, а также куч кам-

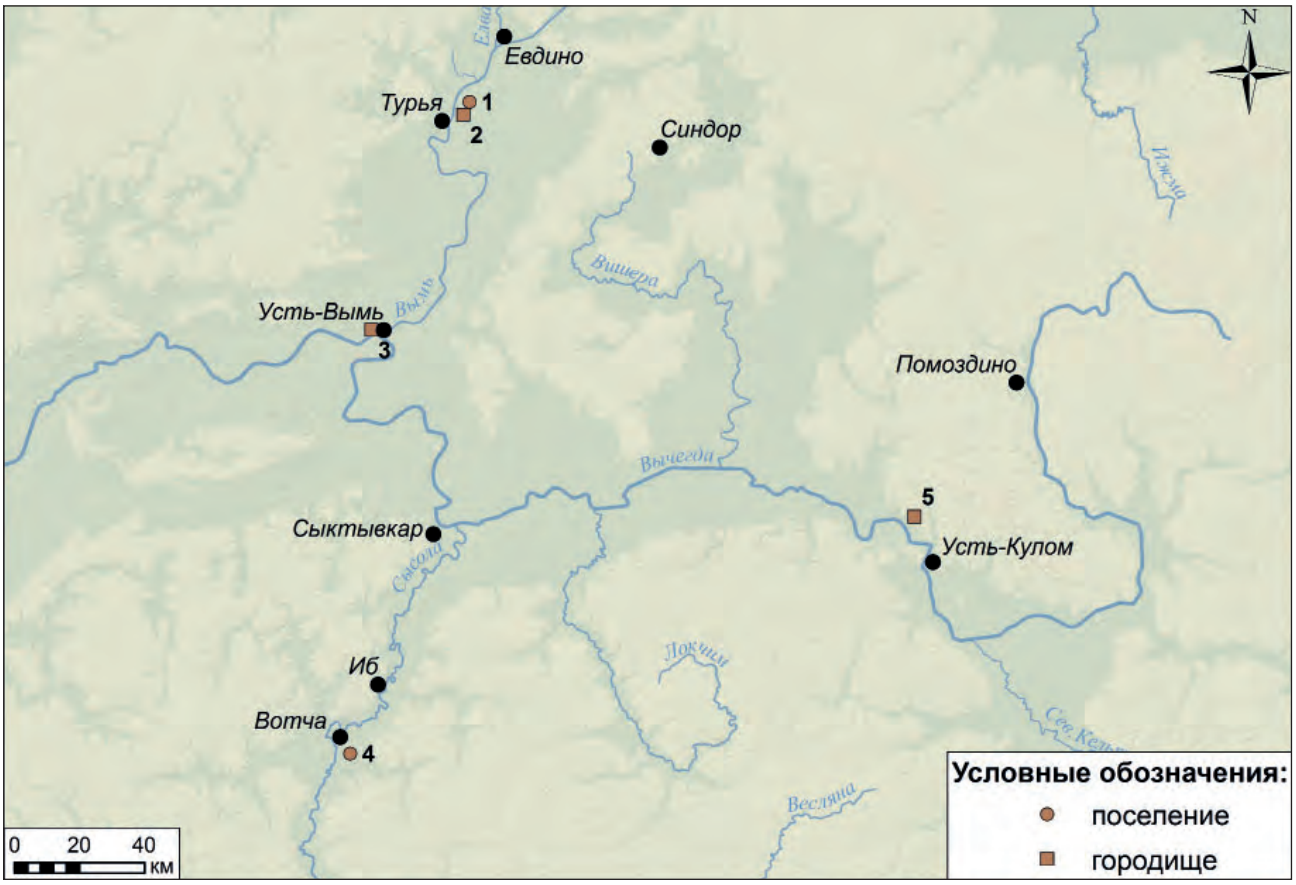


Рис. 1. Древнерусские поселения XII–XIV вв. на Европейском Северо-Востоке (по Э.А. Савельевой).
1 – Ыджыдъельское поселение; 2 – Пожегское городище; 3 – Карыбйыв, городище; 4 – Гуль-Чунь, поселение; 5 – Новик, городище

ней по краю городища. В центре городища был обнаружен открытый очаг из камней на глинистой прослойке. Найдены фрагменты местных лепных, а также славянских сосудов, разнообразный вещевой инвентарь**.** А.С. Сидоров датировал памятник XIV в. и высказал предположение, что жилище в центре городища принадлежит одному из вымских князей (Сидоров, 1937, с. 50). В 1939 г. экспедиция Коми Республиканского краеведческого музея (ныне Национальный музей Республики Коми) под руководством П.Д. Степанова обследовала городища на р. Сысоле: «Городище» в с. Грива Койгородского района, Кар-Йыл и Гуль-Чунь в с. Вотча Сысольского района, Кармыльк в с. Ыб и Чудь-Гора в с. Шошка Сыктывдинского района. П.Д.Степанов датировал их XI–XIV вв., более вероятно XIV–XV вв. (Степанов, 1939). В 1970 г. Э.А. Савельевой были проведены рекогносцировочные раскопки на Вотчинском городище (Кар-Йыл), которое по монете Ивана III было датировано XV в. В 1988 г. раскопки на городище были продолжены М.В. Кленовым, который наиболее вероятной датой функционирования городища склонен считать XVI в., о чем свидетельствуют письменные источники (Игушев и др., 2000, с. 11–17). В 1976 г. Э.А. Савельевой на р. Выми открыто и частично исследовано Ыджыдъельское поселение, раскопки на котором были продолжены М.В. Кленовым в 1988, 1989 гг. (Кленов, 1995, с. 82–91). С 1984 г. Северодвинской археологической экспедицией СГУ, с 1985 г. – Вымским археологическим отрядом ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН под руководством Э.А. Савельевой проводились раскопки Пожегского городища на р. Выми, датированного XII–XIV вв. (Савельева, Кленов, 1992). В 1999 г. А.Р. Игушевым, в 2002–2003 гг. М.В. Кленовым были проведены раскопки поселения Гуль-Чунь на р. Сысоле (Кленов, Игушев, 2005, с. 78–103). На средней Вычегде К.С. Королевым в 1999 г. было открыто и в 2002–2003 гг. раскопано городище Новик, датируемое XII–XIII вв. (Королев, 2003; 2013, с. 27–30). В целом в настоящее время на территории Республики Коми насчитывается 5 древнерусских памятников – неукрепленные поселения Гуль-Чунь на Сысоле и Ыджыдъельское на Выми, городища Пожегское на Выми, Карыбйывское и Новик на средней Вычегде (рис. 1).

Карыбйывское городище. Расположено на правом берегу р. Вычегды, в 100–150 м южнее

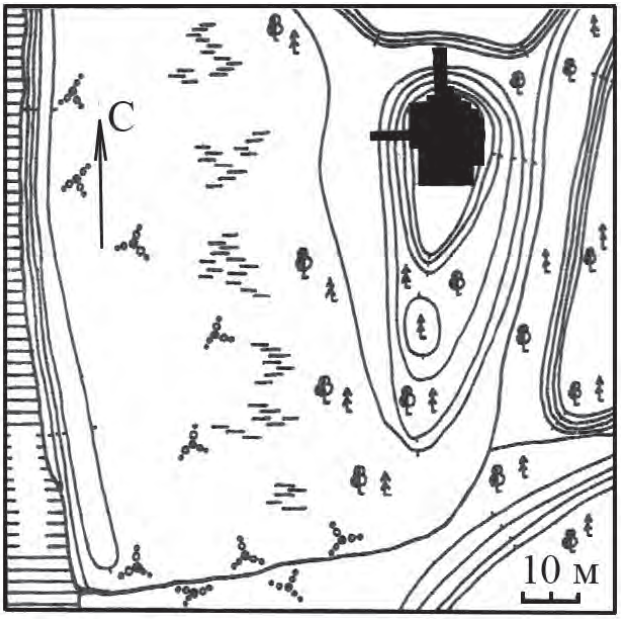


Рис. 2. Пожегское городище. Ситуационный план

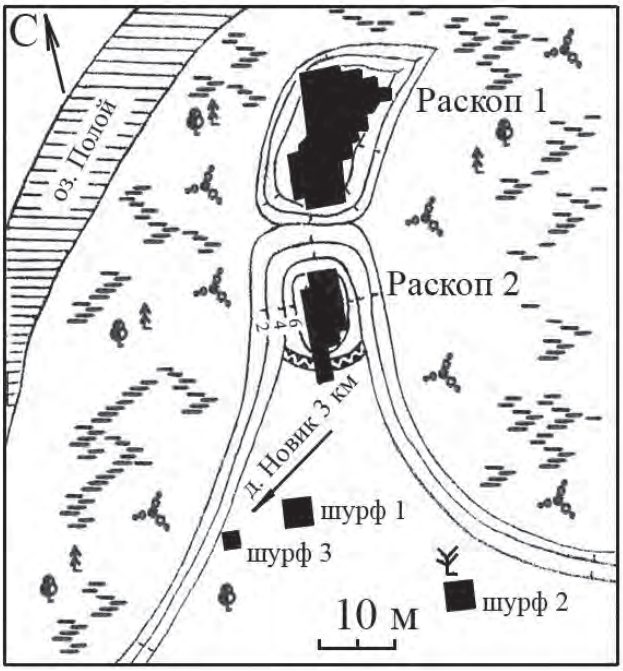


Рис. 4. Городище Новик. Ситуационный план

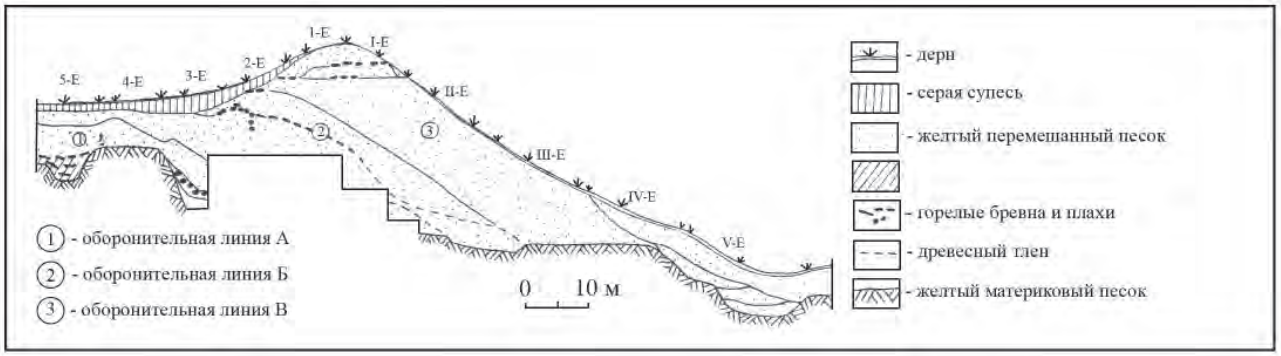


Рис. 3. Разрез оборонительных сооружений в северной части Пожегского городища

д. Карыбйыв Усть-Вымского района Республики Коми. А.Н. Греном в процессе разведочных работ было заложено несколько шурфов, в одном из которых найдены следы железоделательного производства, «железные и бронзовые предметы, черепки, наконечники копий, пружина от фибулы и великое множество костей животных» (Грен, 1924, с. 10). Экспедицией Главнауки на городище было заложено три траншеи, в которых обнаружены 10 очагов, три ямы. Под двумя очагами на глубине более 1 м выявлены срубы из обожженных деревянных плах. В очагах и за их пределами обнаружено значительное количество предметов материальной культуры: железный лемех (рис. 5: 24), острога (рис. 5: 23), ножи (рис. 5: 13, 15, 22), наконечники стрел (рис. 5: 1, 2, 4), ножницы (рис. 5: 14), ложкарник, конские удила (рис. 5: 11), пробойник (рис. 5: 9), рыболовные крючки (рис. 5: 10), шило с костяной рукояткой (рис. 5: 12), а также изделия из кости: наконечники стрел (рис. 5: 6), рукоятка ножа, проколка, обломок иглы. Украшения представлены бронзовым бубенчиком (рис. 5: 3), стеклянной битрапецоидной бусиной, обломком медного височного кольца, медной спиралевидной и бронзовой трубчатой пронизками. Из других находок представляют интерес бронзовое поясное кольцо с растительным орнаментом (рис. 5: 5), просверленный медвежий клык, глиняное пряслице, обломок глиняной льячки. Значительную часть вещевого инвентаря составляют фрагменты глиняных сосудов, среди которых представлены как местные лепные орнаментированные (рис. 6: 1–10), так и гончарные славянские (рис. 6: 11, 12). Материалы городища с иллюстрациями в 1962 г. были опубликованы Э.А. Савельевой, которая датировала городище

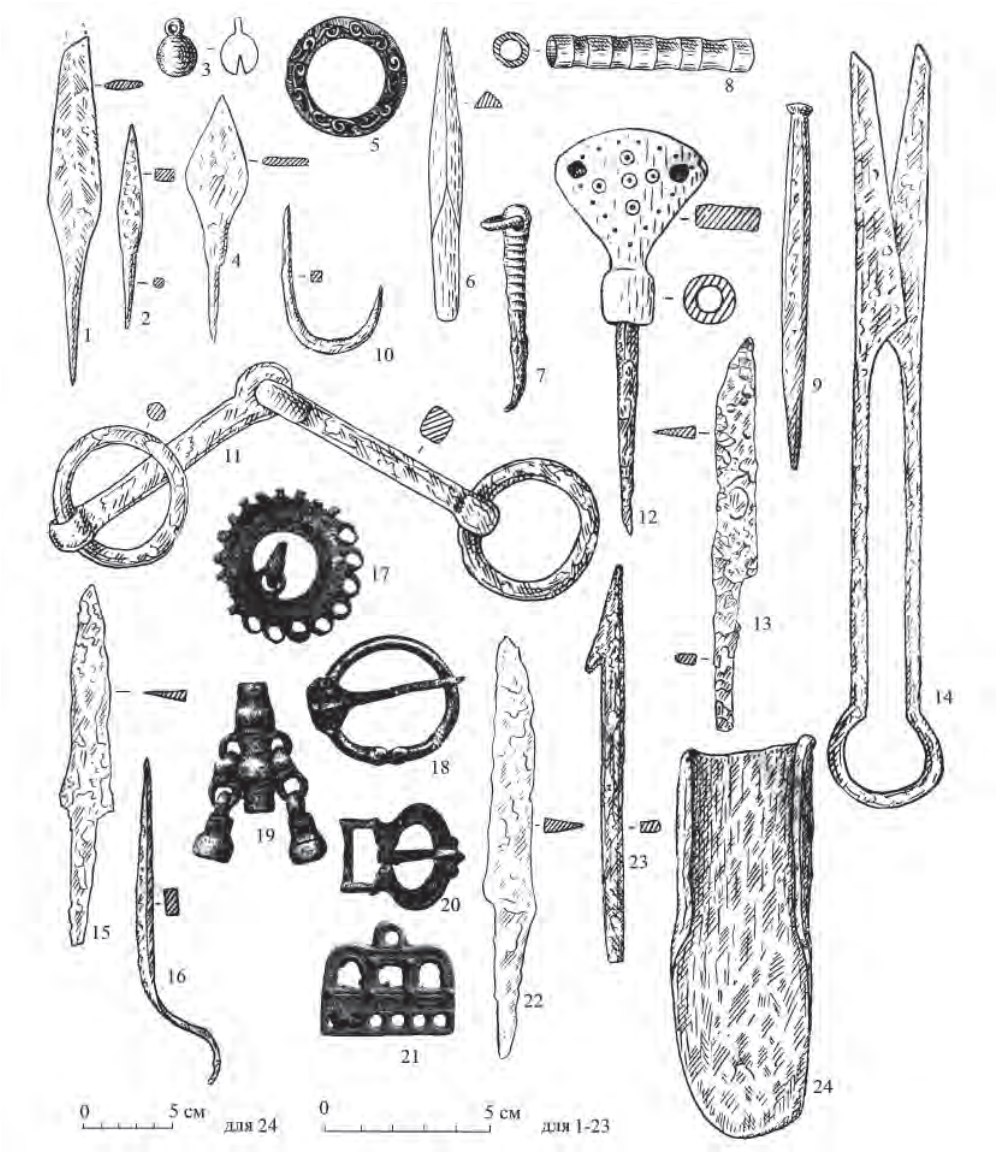


Рис. 5. Металлические и костяные изделия, ножи. Городище Карыбйыв.
1, 2, 4, 7, 9–11, 13–16, 22–24 – железо; 3, 5, 8, 17–21 – бронза; 12 – кость, железо

XII–XIV вв. По мере накопления материалов было высказано предположение о его древнерусской принадлежности и биэтничном составе населения (Савельева, 1962, с. 156–160, табл. I–V; 1993, с. 132–133).

Исследование городища было продолжено М.В. Кленовым в 1998, 2004, 2007 гг. (Кленов, 2007, с. 146–147). Общая площадь городища определяется 1200 м^2. С северной стороны на склоне обнаружена траншея вдоль подошвы склона, которая рассматривается как элемент оборонительных конструкций городища. Выраженные следы жилых и хозяйственных построек не выявлены, хотя не вызывает сомнений наличие и тех, и других. Жилые постройки, предположительно, были наземными, выявлены остатки каменных печей, подпечные ямы, остатки производственного сооружения. Коллекция вещевого инвентаря включает железные ножи, наконечники стрел, калачевидное кресало, ключ типа А (по Б.А. Колчину), шиферное пряслице, бронзовые изделия: лировидную пряжку (рис. 5: 20), ажурную фибулу (рис. 5: 17), подковообразную фибулу (рис. 5: 18), лапчатую привеску, трубчатую пронизку с двумя вздутиями с двумя ушками, к которым прикреплены два бубенчика (рис. 5: 19), стилизованную биконьковую подвеску (рис. 5: 21), фрагмент костяного гребня, сердоликовую призматическую бусину, фрагменты гончарных круговых (рис. 6: 11, 12) и лепных сосудов (рис. 6: 1–10), шлаки, а также кости животных. Городище датировано второй половиной XII в. (Кленов, 2007, с. 147).

Пожегское городище расположено в урочище Кар-Яг (в переводе с коми «Городищенский бор») на левом берегу р. Выми, правого притока р. Вы-

Рис. 6. Керамика. Городище Карыбйыв

чегды, в 2 км выше д. Жигановка Княжпогостского района Республики Коми напротив устья р. Пожег, на мысу I надпойменной террасы подтреугольной формы высотой около 20 м, в 110 м от берега реки (рис. 2). Площадь городища составляет около 1800 м^2. С восточной стороны мыс ограничен глубоким оврагом, по дну которого течет ручей Кар-Шор (в переводе с коми «Городищенский ручей»). В северной части городища визуально фиксируются три оборонительные линии: 1) внешний вал; 2) ров; 3) внутренний вал. Высота внешнего вала 2,5 м, ширина (в основании) 13 м, длина 22 м. Ров глубиной 3,25 м, шириной 3 м (в нижней части) и 17 м (в верхней части) перерезает террасу. Внутренний вал в северной части площадки имеет высоту около 3 м, ширину до 15 м, длину 22 м. С юга площадка городища отсечена от оконечности мыса в его понижающейся части рвом шириной около 6 м, глубиной около 7 м от верхушки вала. Земля, вынутая из рва, использовалась для подсыпки вала рядом со рвом, высота которого от современной дневной поверхности составляет примерно 42 м. С западной стороны городища, на склоне 10-метровой террасы прослеживается еще один ров шириной около 2,4 м, глубиной около 0,5 м.

Вскрытая на городище площадь составляет 850 м2. В ходе раскопок зафиксированы следы многочисленных перестроек оборонительных сооружений. В северной части площадки городища сохранились следы не менее трех разновременных оборонительных сооружений (А, Б, В), относящихся к XII, XIII, XIV вв. (рис. 3). Самые ранние были выявлены в северной части мыса, где обнаружены ров, вдоль края которого была возведена бревенчатая стена, остатки которой сохранились во рву. Стена могла состоять или из четырехстенных срубов, или из бревен, положенных горизонтально и укрепленных опорными столбами. Вторая оборонительная линия, сдвинутая к северу, состояла изо рва (уничтожен при поздних перестройках), вала шириной в основании около 8 м, внутри которого сохранились остатки стены из сосновых бревен, делившейся поперечными стенками на отдельные

Рис. 7. Вещевой инвентарь и ножи. Пожегское городище. 1–4, 6–22 – железо; 5 – медь

секции, которая выходила на поверхность вала. Предположительно, подобная фортификационная система шла по всему периметру городища. Сторожевые башни могли располагаться с южной и восточной стороны городища. Наиболее мощные оборонительные сооружения относятся к заключительному, третьему этапу функционирования городища. Северный вал достигает максимальных размеров. Даже в оплывшем виде его высота над уровнем террасы составляет 3–3,7 м, ширина в основании 15 м. На вершине вала, предположительно, располагалась деревянная стена, состоящая из срубов, засыпанных песком. Был выкопан новый ров севернее первоначальных укреплений глубиной около 4,5 м от уровня террасы, шириной около 17 м в верхней части и 3 м в нижней. Наиболее хорошей сохранностью отличалась линия Б, датируемая первой половиной – серединой XIII в., где были обнаружены остатки стены из сосновых бревен, соединенных между собой в обло. Оборонительная стена делилась поперечными стенками на отдельные трехстенные секции длиной 4–4,8 м, шириной до 1,8 м. Углы, образовавшиеся в местах стыков отдельных участков стены, были укреплены глиняной обмазкой и каменной забутовкой. Внутреннее пространство стен не забутовывалось. Эти укрепления служили каркасом для валовой насыпи и выходили на поверхность вала. Вдоль края террасы стена, вероятно, состояла из четырехстенных срубов. Сторожевые башни могли располагаться в южной части площадки городища (ширина наиболее узкого места 2–3 м) и с восточной стороны, где наблюдается явно выраженный уступ, начинающийся от уровня дна рва и постепенно поднимающийся на площадку. Подобная система оборонительных сооружений является традиционной для древнерусских городов эпохи Средневековья. Обгоревшие остатки дере-

вянных конструкций, относящихся ко всем периодам существования укреплений, свидетельствуют о том, что причиной их разрушения и перестроек являлись пожары.

На площадке городища выявлены остатки жилых и хозяйственных построек. К первому, раннему горизонту относятся остатки котлованов четырех построек типа полуземлянок и семи хозяйственных ям, ко второму – наземные срубные постройки и свыше 20 ям. В одной из полуземлянок длиной 3,8 м, шириной до 2,4 м, глубиной 0,3–0,5 м сохранились фрагменты горелых плах облицовки стен и пола. В южной части постройки располагалась ниша с печкой-каменкой на деревянном помосте. На дне ниши, под углистым слоем, найдены фрагменты венчиков гончарного и лепного сосудов, обломок шаровидной бусины из непрозрачного стекла, железный гвоздь. При разборке печи обнаружены фрагменты сосудов, обломки двух стеклянных шаровидных бусин, бронзовая кольцевидная бусина, обломки железных изделий, медные пластинки, ушко от медного котла, обломки конического тигля (рис. 8: 2), три льячки, кости животных. Судя по набору вещей, данная постройка являлась мастерской ювелира. Другая полуземлянка отличается от предыдущей наличием в ней подпольной ямы и разнообразным инвентарем. В ней найдены обломки стеклянной пятнистой бусины, крупные желтые шаровидные, обломок янтарной и бронзовые кольцевидные бусы, грушевидные, шаровидные и конусовидные бубенчики, привески-амулеты, костяная застежка, медная спиралевидная пронизка, каменный крест с серебряными накладками, украшенными сканью и зернью, бронзовая привеска в виде утиной лапки, обломок костяной ложки с рукояткой, украшенной изображением морды хищного животного, железная скоба, медный гвоздь, ключ от замка типа А (по Б.А. Колчину), железная игла, железные наконечники стрел, в том числе бронебойный, а также фрагменты лепных и гончарных сосудов и кости животных.

Выявлены контуры 12 наземных построек различного назначения: жилые и хозяйственные клети, дома, погреба. Жилые клети могли входить в состав оборонительных стен или примыкать к ним вплотную. Постройки имели прямоугольную форму размерами 3–3,5×4–4,5 м. Большинство наземных построек, исследованных на жилой площадке городища, срубные, из сосновых бревен, рубленых на углах, как правило, «в обло» – однокамерные и многокамерные. В качестве подпорок-фундаментов под срубами использовались камни и плахи. Выявлены остатки наземных построек с примыкающими к ним большими ямами округлой формы длиной около 3 м, шириной около 2 м, глубиной 0,6–0,8 м. В них, как правило, содержалось большое количество костей, фрагменты керамики и различные бытовые предметы. Четко прослеживаются остатки обрушившихся в ямы печей.

Коллекция вещевого инвентаря включает орудия труда, предметы вооружения, производственный инвентарь, предметы быта, украшения, фрагменты глиняных сосудов. Среди орудий труда наиболее многочисленны ножи (61 экз.) (рис. 7: 8–10, 14–17, 21, 22). Найдены топор (рис. 8: 22), тесла (рис. 8: 16), долота (рис. 8: 11, 12, 14), сверла (рис. 8: 7, 8, 19, 20), скобели (рис. 8: 15), резцы (рис. 5: 13), острога, рыболовные крючки (рис. 5: 1).

Среди предметов вооружения самой многочисленной является коллекция наконечников стрел (32 экз.). Преобладают плоские черешковые наконечники: ромбовидные новгородского типа, ромбические (рис. 9: 2), двурогие срезни без упора, веслообразные удлиненные, ланцетовидные. Найдены также двушипные наконечники (рис. 9: 12) и двурогий срезень с упором. Встречаются бронебойные граненые – шиловидный квадратного сечения с перехватом (рис. 9: 7), пирамидальные – квадратного сечения с короткой массивной головкой (рис. 9: 8), и с удлиненной головкой (рис. 9: 4) кинжаловидные ромбического сечения (рис.9: 3, 5). К оружию ближнего боя относится железный наконечник копья с клиновидным узким четырехгранным пером (рис. 9: 1). Найдены два втока: железный и костяной (рис. 9: 10), а также обломки железной обкладки кинжала (рис. 9: 11) и фрагмент кольчуги (рис. 9: 9) Наряду с железными сохранились костяные наконечники: короткий с двушипным шестигранным пером и пирамидальные трехгранные с плоским черешком (рис. 9: 6). Предметы снаряжения коня и всадника представлены удилами (7: 7) и конскими ледоходными шипами (рис. 7: 4). Особого внимания заслуживает гирька бочонковидной формы весом около 31 г (рис. 12: 2) и небольшое бронзовое изделие в виде стержня с плоским ушком на одном конце и шаровидным утолщением на другом, которое, вероятно, являлось деталью весов (рис. 12: 5).

Богата коллекция бытовых предметов. Представлены кресала (5 экз.): двулезвийные удлиненно-овальные с заостренными концами и овальные (рис. 7: 1–3, 11), пять железных цилиндрических замков (рис. 7: 12, 18–20) и 13 ключей (рис. 7: 5, 6), обломки медных и бронзовых котлов, железные иглы (рис. 8: 21), пряслица из кости (рис. 12: 11), камня, керамики, железный светец (рис. 7: 13) гвозди.

Значительную коллекцию составляют украшения. Найдены височные кольца – браслетообраз-

Рис. 8. Вещевой инвентарь. Пожегское городище. 1, 3, 7, 8–22 – железо; 2, 4 – глина; 5 – камень; 6 – дерево

ные, пластинчатые, тонкопроволочные, бусинные (рис. 12: 27, 30, 31, 37, 38) трубчатые и спиралевидные пронизки (рис. 12: 36), подковообразная фибула (рис. 12: 9), шумящие подвески (рис. 12: 40, 42, 44, 45, 47, 49), узкорогая лунница. Выделяются монетовидные подвески – крестовключенные прорезные, гладкие, косорешетчатые (рис. 12: 29, 41). Среди них особый научный интерес представляет круглая подвеска с имитацией зерни по краю, со стеклянной вставкой на одной стороне, пластины с изображением святого на другой (рис. 12: 25). Перстни замкнутые круглодротовые, рубчатые, спиральные, плетеные, пластинчатые, щитковосрединные (рис. 12: 20, 23, 33, 34). Найдено пять браслетов: ложновитой с заходящими расплющенными концами, обломки двух пластинчатых, ложновитого дротового и стеклянного витого (рис. 12: 17, 22). Предметы поясного набора представлены пряжками, накладками, разделительными кольцами (рис. 12: 7, 12, 13, 15, 16, 26). Найдены три нательных креста: каменный с концами, оправленными серебром, украшенными сканью и зернью (рис. 12: 39), бронзовый, близкий по форме к крестам с трехлепестковыми концами, бронзовый с прямоугольными концами, орнаментированный плетенкой (рис. 12: 46) Многочисленна коллекция бус, среди них стеклянные шаровидные, зонные, винтообразные, битрапецоидные, цилиндрические с золоченой фольгой, эллипсоидные, рыбовидные, гладкие со спирально-волнистой орнаментацией, цилиндрические ребристые, бугристые бочонковидные со стянутыми краями «кашинные», а также шаровидные из горного хрусталя, сердоликовые призматические,

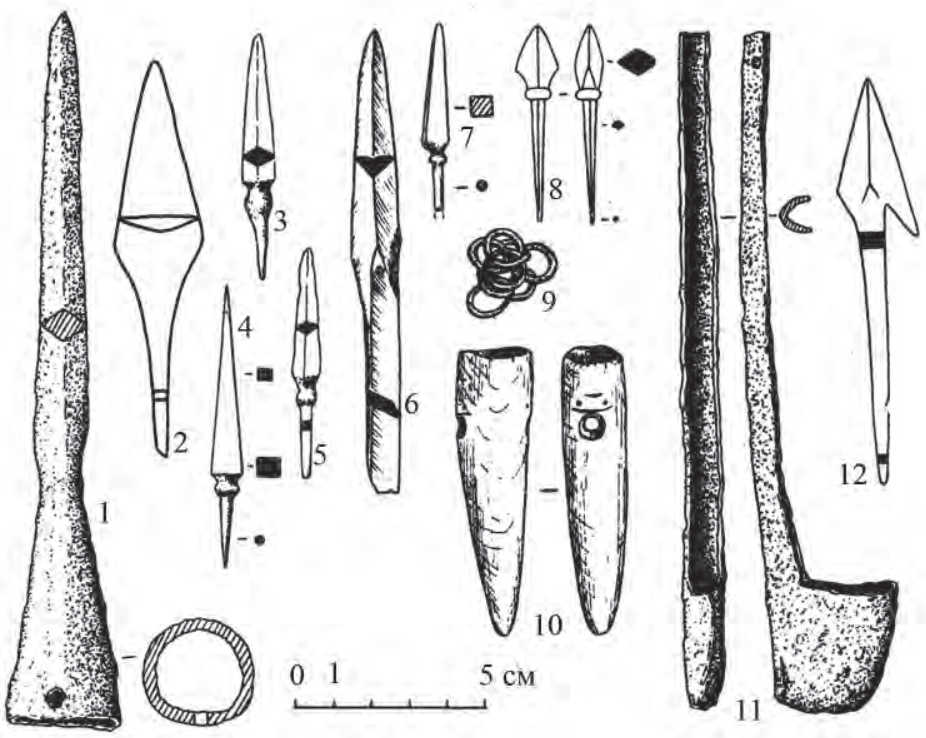


Рис. 9. Предметы вооружения. Пожегское городище. 6, 10 – кость; 1–5, 7–9, 11, 12 – железо

бронзовые кольцевидные, керамические зонные (рис. 10: 1–29).

Керамическая коллекция представлена фрагментами древнерусских гончарных (80%) и местных лепных (20%) сосудов. Древнерусские сосуды горшковидной формы, орнаментированные линейно-волнистыми узорами, а также оттисками ногтевидного, зубчатого, тычкового, рамчатого штампов (рис. 11: 2, 4, 5, 7). Лепные – чашевидной, горшковидной и баночной формы, орнаментированные преимущественно оттисками зубчатого штампа, а также насечками, кружковыми вдавлениями, налепами (рис. 11: 1, 3, 6, 8).

На городище зафиксированы многочисленные следы разнообразных ремесел: металлургического, кузнечного, ювелирного, косторезного и др. О развитии кузнечного производства свидетельствуют находки криц, железных шлаков и железных пластин. Серия металлографических анализов позволила установить применение семи технологических схем: 1) изготовление предметов целиком из железа, 2) из сырцовой стали, 3) высокоуглеродистой стали, 4) использование трехслойного пакета, 5) технология варки, 6) технология торцовой наварки, 7) технология косой наварки. Меднолитейное производство представлено находками целых производственных комплексов, а также сплесками меди, обрезками медных пластин, шлаками, литейными формами (рис. 8: 5), тиглями (рис. 8: 2), льячками, ювелирными инструментами и бракованными изделиями (рис. 12: 36). Из ювелирных инструментов найдены зубило, пинцет (рис. 8: 3), наковальня-бородок (рис. 8: 9). Свидетельством развитого деревообрабатывающего производства являются топоры, тесла, скобели, долота, сверла, ножи, а также сохранившиеся деревянные изделия: лопаточки (рис. 8: 6), имитация бронебойного наконечника стрелы, орнаментированные втулки. Было развито и косторезное производство, на что указывают сверла, перовидные и лучковидные (рис. 8: 11, 17, 19, 20), а также изделия из кости: ложки (рис. 12: 4), вертлюг (рис. 12: 1), гребни (рис. 12: 8), копоушки (рис. 12: 3), пряслица (рис. 12: 11), застежки, накладки, игла (рис. 12: 28), амулеты, наконечники стрел и другие предметы.

Материалы раскопок свидетельствуют о занятиях населения земледелием и животноводством. Сохранились многочисленные кости свиньи, лошади, крупного рогатого и мелкого рогатого скота[1]. Были развиты различные промыслы, прежде всего охота и рыбная ловля. Найдены многочисленные предметы охотничьего вооружения (наконечники стрел, копий, дротиков), кости диких животных: лося, северного оленя, зайцев, бобра, белки, рыси, лисицы, железные крючки для ловли рыбы (рис. 8: 1), грузила для сетей (рис. 8: 4), крупная двузубая острога.

[1] Анализы остеологического материала проведены к.б.н. П.А. Косинцевым, зав. Отделом Института экологии растений и животных УрО РАН

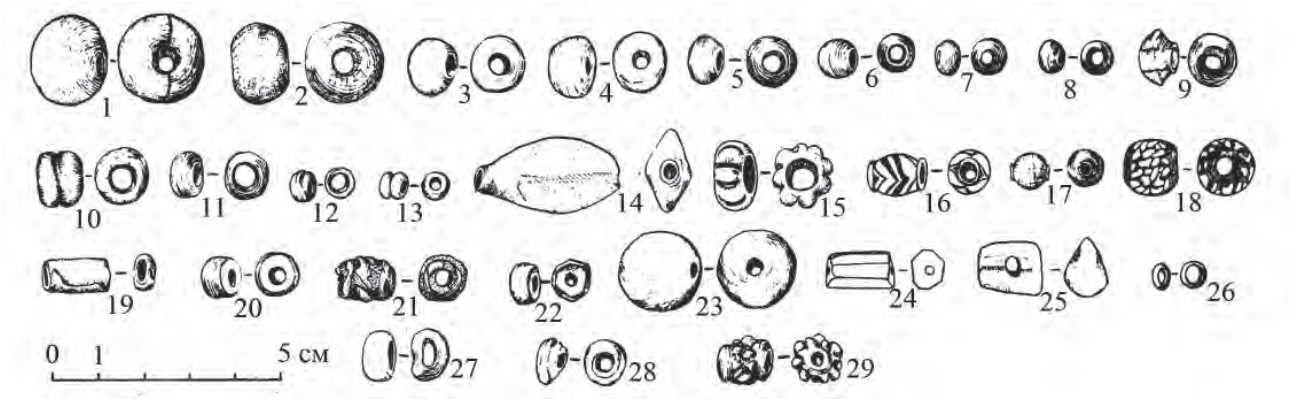


Рис. 10. Бусы. Пожегское городище. 1 – 16, 18 – 21, 27, 28 – стекло; 17 – серебро; 29 – фаянс; 22 – глина; 23, 24 – камень; 25 – янтарь; 26 – бронза

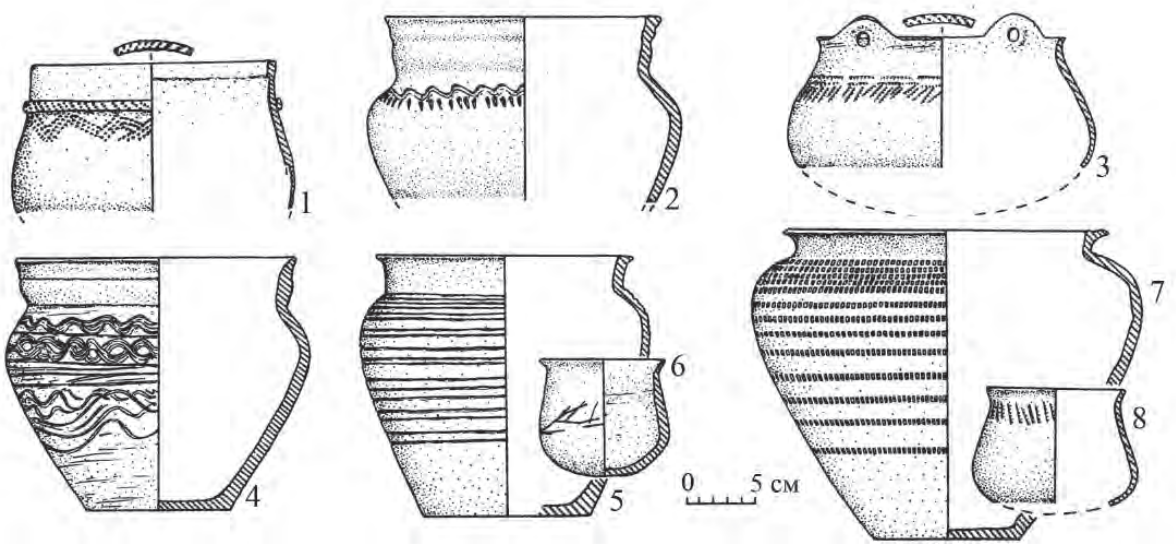


Рис. 11. Керамика. Пожегское городище. 1, 3, 6, 8 – лепная; 2, 4, 5, 7 – гончарная

Пожегское городище по топографии, планировке оборонительных сооружений относится к типичным древнерусским. Оно было основано в XII в. новгородцами. Первоначально, вероятно, городище служило становищем дружинников, сборщиков дани, которые и возвели первые оборонительные сооружения. К этому этапу, вероятно, относятся полуземлянки, в которых представлен смешанный материал – древнерусский и местный пермский при преобладании древнерусского, что позволяет предполагать биэтничность населения городища. Постепенно оно превращается в важный торгово-ремесленный и, возможно, военно-административный центр русских колонистов. Усиливаются укрепления городища. Вторая оборонительная линия, значительно более мощная, чем первая, появляется в XIII в. Возможно, это связано с возникшими в 30–40-е гг. XIII в. столкновениями новгородцев с ростово-суздальцами за северные дани. Наиболее мощные укрепления (третья оборонительная линия) возводятся в XIV в., в период подъема Московского княжества.

Городище Новик. Расположено на средней Вычегде, в 3 км к северо-востоку от дер. Новик (Корткеросский район Республики Коми) на возвышенном мысовом участке террасы площадью около 300 м^2 (рис. 4). Поселение располагалось на оконечности северной части мыса. С южной напольной стороны оно было защищено валом высотой, предположительно, 2–2,5 м, шириной 5–6 м и поперечным оврагом глубиной около 3 м и шириной до 6 м, разделяющим мыс на две части, и рвом шириной около 2,5 м, глубиной 0,7 м (рис. 1: 3). В северной части мыса расчищены остатки наземной постройки с очагом-каменкой, хозяйственные ямы. Найдены фрагменты местной лепной и русской круговой посуды (рис. 13: 1–3, 4, 14), боевой топор (рис.13: 6), нож (рис. 13: 10), стержень-заготовка, стеклянная и бронзовая бусины (рис. 13: 7), оплавленные фрагменты тонкостенного тигля, бронзовые обкладки ножен (рис 13: 8), же-

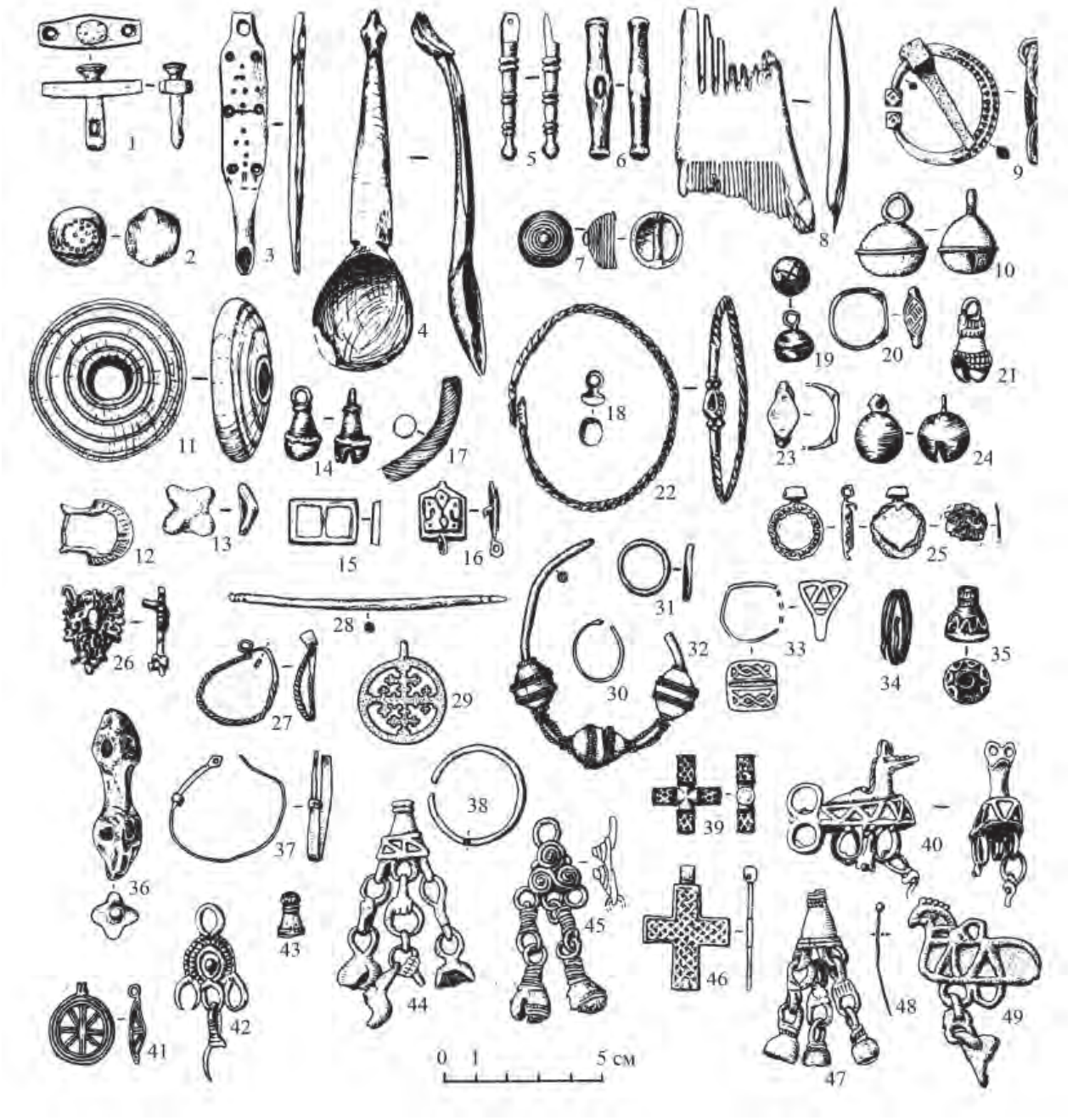


Рис. 12. Вещевой инвентарь и украшения. Пожегское городище. 1–4, 6, 8, 11 – кость; 5, 7, 10, 12–16, 18–24, 26–32, 34–36, 38, 40–49 – бронза; 9 – бронза, железо; 17 – стекло; 25 – бронза, стекло, серебро; 33, 37 – серебро; 39 – камень, серебро

лезные скобы (рис. 13: 5, 9), каменная точильная плитка, глиняные грузила (рис. 13: 11–13), а также кости животных: лошади, свиньи, лося, зайца, птицы, рыб.[2] Судя по вещевым и остеологическим материалам, население занималось земледелием, животноводством, охотой, рыболовством, медно-литейным производством. Городище датируется XII–XIII вв. По мнению исследователя, оно являлось временным убежищем или своеобразной сторожевой заставой русских дружинников на восточных рубежах перми вычегодской (Королев, 2003, с. 15; 2013, с. 26–30).

Поселение Гуль-Чунь. Расположено на правом берегу р. Сысолы, в 250 м ниже д. Ягдор (с. Вотча, Сысольский район Республики Коми) на мысу коренной террасы высотой до 8 м. Мыс имеет подовальную форму, с южной и северной сторон ограничен глубокими оврагами. Памятник датируется второй половиной XII – началом XIII в. и представляет собой небольшое мысовое

[2] Анализы остеологического материала проведены к.б.н. П.А. Косинцевым, зав. Отделом Института экологии растений и животных УрО РАН

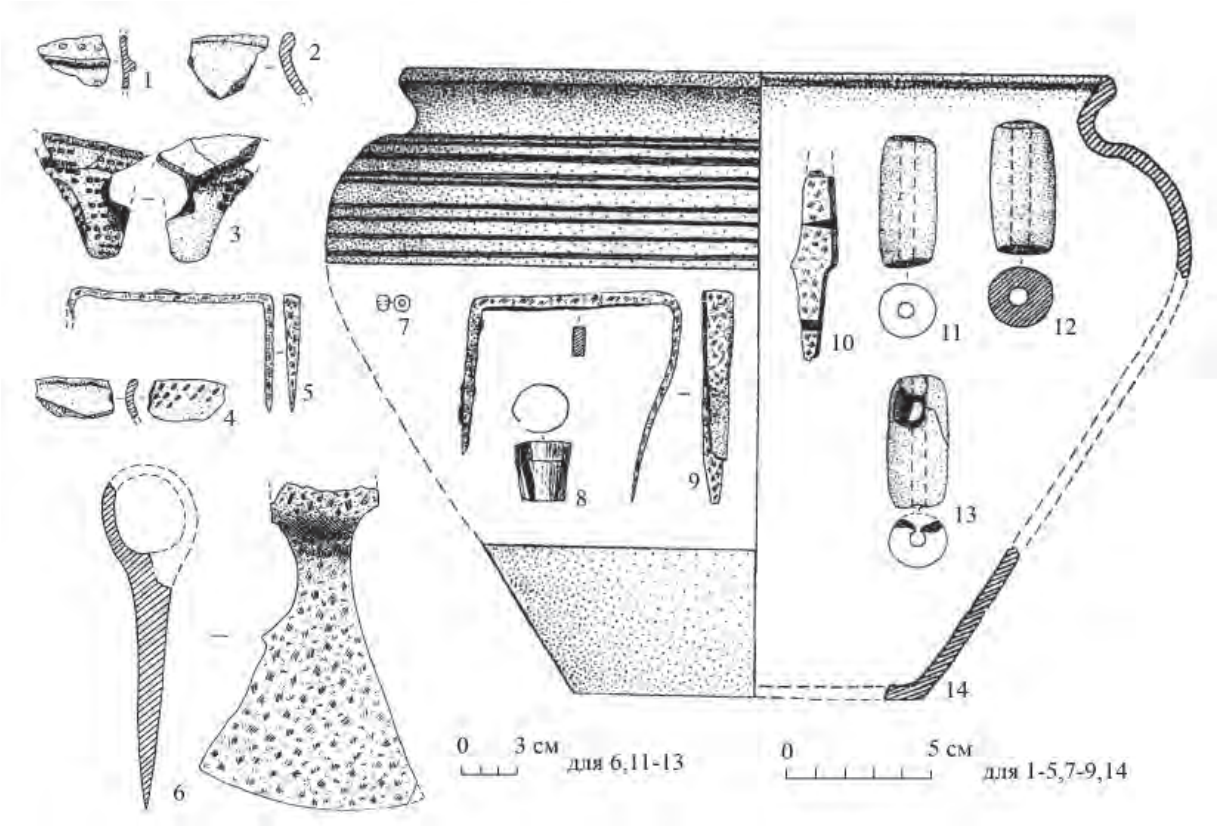


Рис. 13. Вещевой инвентарь. Городище Новик. 1–4, 11–14 – глина; 5, 6, 9, 10 – железо; 7 – стекло; 8 – бронза

поселение площадью 800–900 м^2 (Кленов, Игушев, 2005, с. 78–90). Следы оборонительных сооружений не выявлены. Культурный слой разрушен, следы построек выявлены только на уровне материка. Обнаружено 14 ям, которые, предположительно, относятся к остаткам двух-трех наземных жилых построек и нескольких хозяйственных ям.

Вещевой инвентарь включает обломок топора, пружинные ножницы, рыболовные крючки (2 экз.), обломки жернова, ножи (16 экз.), замки висячие цилиндрические (2 экз.), железные клинья, железные скобы, обломок железной иглы, обломки железных гвоздей, фрагменты оселков, а также глиняной и металлической посуды. Украшения представлены бронзовыми шаровидными бубенчиками (5 экз., рис. 14: 8), конусовидной привеской (рис. 14: 9), полой подвеской-птицей (рис 14: 1), плоской биконьковой (рис. 14: 6), умбоновидной, арочной (рис. 14: 3) и конусовидной (рис. 14: 2) шумящими подвесками, монетовидной неорнаментированной, обломком кольца подковообразной фибулы, обломком плетеного перстня, пуговицами (10 экз., рис. 14: 14–16), наконечником ремня, ременным разделителем (рис. 14: 7), поясными накладками (5 экз., рис. 14: 10–12), бусами стеклянными (20 экз.) и сердоликовыми (2 экз.). Особый интерес представляет бронзовое рамчатое изделие (рис. 14: 13), которое определено как элемент застежки книжного переплета (Кленов, Игушев, 2005, с. 81).

Вещевой инвентарь поселения находит широкие аналогии на русских средневековых памятниках. Для определения этнокультурной принадлежности памятника особый интерес представляет керамика. По технологии изготовления выделяются лепные и круговые сосуды при преобладании последних. Выделено 20 круговых, что составляет 77% от общего количества сосудов, и шесть лепных, характерных для вымской культуры перми вычегодской. Эти данные подтверждают вывод о древнерусской принадлежности поселения Гуль-Чунь, с одной стороны, с другой – об активных контактах пришлого русского населения с местным.

Ыджыдъельское поселение. Расположено на левом берегу р. Выми, примерно в 1,5 км ниже дер. Кони, на небольшом мысу II надпойменной террасы, в 2 км выше Пожегского городища. Поселение разрушено оползнями, остатки построек не сохранились. Культурный слой насыщен железными шлаками. Коллекция вещевого инвентаря небольшая: черешковый бронебойный наконечник стрелы (рис. 15: 7), обломки скобеля (рис. 15: 15), ножей (рис. 15: 4), гвоздей (рис. 15: 5), железные клинья (рис. 15: 3, 8), обломок медного котелка (рис. 15: 17), а также бусы – три стеклянные крупные шарообразные, бирюзо-

Рис. 14. Вещевой инвентарь. Поселение Гуль-Чунь. 1 – 3, 6 – 19 – бронза; 4, 5 - глина

вая зонная полупрозрачная (рис. 15: 9–11) и бронзовая шаровидная привеска с длинной шейкой (рис. 15: 6). Керамика представлена фрагментами круговых и лепных сосудов. Выделено 20 гончарных круговых сосудов с линейно-волнистым орнаментом (рис. 15: 18–21, 22–29) и 10 лепных местных, украшенных узорами, характерными для вымской культуры (рис. 15: 31–42). На основе преобладания круговых гончарных сосудов поселение идентифицировано как древнерусское. Судя по обилию железных шлаков на поселении, значительному количеству железных заклепок (рис. 15: 1, 14, 15), обломков железных пластин (рис. 15: 2, 12), правомерным представляется предположение о том, что памятник является поселком кузнецов-металлургов (Кленов, 1995, с. 82–91).

Итак, в бассейне Вычегды исследовано пять древнерусских поселений, в том числе два на Вычегде, два на Выми, одно – на Сысоле. Два из них бесспорно укрепленные (Пожегское и Новик), на Карыбйывском и Гуль-Чунь оборонительные сооружения не выявлены, хотя в литературе они известны как городища, на Ыджыдъельском поселении они отсутствуют. Все перечисленные памятники появились во второй половине XII в., возможно, на рубеже XII–XIII вв. В настоящее время их можно отнести к трем типам.

К первому относятся небольшие слабо укрепленные поселения с бедным культурным слоем: городище Новик (Королев, 2003, с. 11–16; 2013, с. 26–30) и, возможно, Карыбйывское (Раскопки..., 1928, с. 5–28; Савельева, 1962, с. 155–160; 1993, с. 128–140; Кленов, 2007, с. 146); ко второму – небольшие мысовые неукрепленные поселения: Гуль-Чунь (Кленов, Игушев, 2005, с. 84; Кленов, 2007, с. 145–146) и Ыджыдъельское (Кленов, 1995, с. 82–91); к третьему – Пожегское городище с мощными дерево-земляными укреплениями, богатым культурным слоем, содержащим богатый и разнообразный вещевой инвентарь (Савельева, 1987, с. 219–220; Савельева, Кленов, 1992; Савельева, 1993, с. 128–140).

Не вызывает сомнений древнерусская принадлежность описанных поселений. Свидетельством этого является преобладание в материале древнерусских вещей, прежде всего гончарной керамики, других предметов быта древнерусского происхождения, древнерусских украшений, боевого оружия, фрагментов оборонительных доспехов (кольчуг). На Карыбйывском городище найден железный лемех, тогда как на памятниках местного населения железные почвообрабатывающие орудия не встречаются. Обращает на себя внимание своеобразный состав фауны, в которой среди костей домашних животных преобладают кости свиньи, что является косвенным свидетельством развития земледелия. Металлографический анализ кузнечных изделий также является свидетельством древнерусской принадлежности этих памятников. Исследованы кузнечные изделия из двух памятников – Пожегского городища и городища Гуль-Чунь (Бирюков и др., 2006, с. 30–34). Зафиксировано восемь технологических схем: торцевая и косая наварка, вварка, трехслойный пакет, сварка из двух полос, цементация, ковка из железа, стали и металлолома. Изделия, выполненные по схеме торцевой наварки, составляют наиболее многочисленную группу предметов, изготовленных по сложным технологиям (33,3%). Большинство из них прошли дополнительную термообработку. Изделия, изготовленные по схеме косой наварки, составляют 10,44% от числа исследованных пред-

Рис. 15. Вещевой инвентарь и керамика. Ыджыдъельское поселение.
1–5, 7, 8, 12–15, 17 – железо; 6 – бронза; 9 – 11 – стекло; 16 – медь; 18–42 – глина

метов. Для пермских памятников, в том числе вымских, данные технологии не были характерны (Завьялов, 2006, с. 44). Представлены изделия, изготовленные по технологии трехслойного пакета (14,9%), 10,44% изделий имеют вварные лезвия. По мнению В.И. Завьялова, в целом кузнечное производство русских мастеров на территории перми вычегодской отличается от местного более широким распространением технологии торцевой и косой наварки при изготовлении ножей, значительным процентом термообработанных ножей, более редким применением технологии вварки и трехслойного пакета. Сохранение технологии трехслойного пакета и вварки на древнерусских памятниках исследователь связывает с возможной консервацией этих традиций в районах, удаленных от древнерусских ремесленных центров. Как отмечает В.И. Завьялов, кузнецы на древнерусских памятниках работали в общерусских традициях (Завьялов, 2006, с. 44). Судя по тиглям, льячкам, бракованным изделиям, сплескам меди, литейным формам, на древнерусских поселениях было развито и бронзолитейное производство.

Представляет несомненный интерес тот факт, что на всех древнерусских поселениях наряду с преобладающей круговой представлена местная лепная глиняная посуда. Это свидетельство не только тесных контактов, но и, возможно, биэтничного состава жителей этих поселений, что объясняется тесными культурными связями разноэтничных групп населения, в том числе брачными.

Древнерусское культурное воздействие прослеживается в материалах всех вымско-выче-

годских памятников вымской культуры, но особенно выразительно – расположенных рядом с древнерусскими. В частности, на Жигановском поселении, находящемся рядом с Пожегским городищем, обнаружены многочисленные древнерусские изделия. Это и бронебойные наконечники стрел, кольчужные кольца, замки и ключи, светец, бронзовая гирька и даже нательная иконка. Древнерусская посуда составляет более 40% керамической коллекции поселения (Савельева и др., 1993, с. 141–157).

Вероятно, древнерусская колонизация явилась одним из определяющих факторов в формировании вымского территориально-племенного объединения перми вычегодской. Судя по материалам могильников, численность населения на Выми увеличивается с XII в. С этого же времени резко возрастает приток древнерусских изделий, обмениваемых на меха. Взимаемая дань также выплачивалась мехами. Спрос на меха, высоко ценившиеся на международных рынках, стимулировал развитие пушного промысла, который приобретает товарный характер и способствует обогащению местного населения. Важным источником существования местного коми населения было и обслуживание важнейшей водной магистрали при продвижении русских дружинников и купцов в Зауралье. Вымские коми, которым были известны кратчайшие пути за Урал, уже в это время выступали в роли проводников русских дружинников в Зауралье. Все это способствовало увеличению естественного прироста населения, а также, возможно, его притоку из более глухих районов.

Итогом интенсивных коми-русских историко-культурных контактов стали кардинальные изменения в вымской культуре перми вычегодской. Судя по данным археологии и лингвистики, под влиянием древнерусской культуры у коми совершенствуется система земледелия, появляются железные орудия обработки почвы и, соответственно, их названия в коми языке. Прослеживаются заимствования и в области животноводства, кузнечного производства, также нашедшие отражение в коми языке.

Древнерусское культурное влияние проникает и в духовную культуру древних коми. На могильниках и поселениях, начиная с XII в., встречаются предметы христианского культа (Петкойский могильник, Жигановское поселение). В конце XIV в. в процессе миссионерской деятельности Стефана Пермского древние коми-зыряне были обращены в христианскую веру. Успех миссионерской деятельности первого епископа Пермской земли Стефана Пермского был в значительной мере подготовлен в течение двух предыдущих столетий активных коми-русских контактов. Проведенная христианизация по существу маркирует финал языческой культуры перми вычегодской. В истории коми-зырян начинается новый этап в составе Русского государства.

ГЛАВА 6

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА НАСЕЛЕНИЯ ВОЛГО-УРАЛЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII – НАЧАЛА XV В.

§ 1

Черная металлургия и кузнечное дело. Чугунолитейное производство

§ 2

Цветная металлургия Болгарской области Золотой Орды

§ 3

Гончарное производство и керамика

§ 4

Стекло Болгара золотоордынского периода

§ 5

Кожевенное дело

§ 6

Косторезное дело

§ 7

Архитектура

§ 8

Особенности объектов военного зодчества в Среднем Поволжье

§ 9

Костюм населения Поволжья в период Улуса Джучи (Золотой Орды)

§ 10

Система обеспечения городского населения Улуса Джучи продуктами питания

ГЛАВА 6

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА НАСЕЛЕНИЯ ВОЛГО-УРАЛЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII – НАЧАЛА XV В.

ЧЕРНАЯ МЕТАЛЛУРГИЯ И КУЗНЕЧНОЕ ДЕЛО. ЧУГУНОЛИТЕЙНОЕ ПРОИЗВОДСТВО

В настоящем очерке кратко характеризуется черная металлургия Среднего Поволжья в золотоордынский период. Следует отметить, что в последние десятилетия были опубликованы отдельные обобщающие работы, дающие представление о становлении и развитии черной металлургии и железообработки Волжской Болгарии в домонгольский и золотоордынский периоды истории региона (Семыкин, 1996; Семыкин, 2006; Семыкин, 2015). Но обращение к истории развития металлургии железа в Среднем Поволжье остается актуальным в связи с новейшими открытиями месторождений сырьевых источников металлургии железа – железных руд, выявленных на территории Среднего Поволжья.

Поступательное развитие металлургического производства железа и кузнечного ремесла Волжской Болгарии, которое достигло высоких результатов еще в конце IX–XII вв., в 1236 г. было прервано монгольским нашествием. Сведения о возможной монгольской агрессии стали поступать в Волжскую Болгарию еще в 20-е гг. XIII в. со среднеазиатскими беженцами, уходившими в Среднее Поволжье после разгрома монголами Самарканда, Хорезма, Хивы.

Первые военные столкновения болгарских дружин с монгольскими туменами Джеббе и Субудая, случившиеся на территории Среднего Поволжья вскоре после битвы на Калке в 1223 г., показали, что перед болгарами сильный и хорошо вооруженный противник (Халиков, 1994).

Несомненно, что перед нависшей угрозой монгольской агрессии на государственном уровне принимались срочные меры по укреплению обороноспособности Волжской Болгарии, что отразилось в укреплении фортификационных сооружений. В создавшейся ситуации особая роль должна была отводиться интенсификации производства железа и кузнечному производству. Можно предполагать, что в 20-е – начале 30-х гг. XIII в. металлургические и кузнечные мастерские Волжской Болгарии работали в интенсивном режиме, выполняя государственные и частные заказы по изготовлению различных видов вооружения, защитных доспехов и всего необходимого для укрепления обороноспособности государства. К таким видам продукции относились не только предметы вооружения, но и всевозможные плотницкие, лесорубные и землеройные инструменты, необходимые для строительства дополнительных крепостных стен, валов и рвов, засечных черт.

Но, несмотря на принятые меры и упорное сопротивление волжских болгар, государство пало. Пострадали и были разрушены многие ремесленные мастерские, в том числе металлургические и кузнечные. Многие мастера-ремесленники, металлурги и кузнецы либо погибли от рук завоевателей, либо оказались в неволе.

С начала 40-х годов XIII в. Среднее Поволжье вошло в состав новообразованного государства Золотая Орда. Практически вся территория бывшей Волжской Болгарии целиком вошла в её состав на правах даруги (Халиков, 1994). Ордынская администрация была заинтересована в возрождении экономики и хозяйства Волжской Болгарии. Известно, что монголы стремились использовать производственный опыт квалифицированных ремесленников, которых принуждали трудиться в государственных и частных мастерских. Таких мастеров, металлургов и кузнецов, как, впрочем, и ремесленников других специальностей, монголы могли переправлять и в другие города.

Основой экономики Волжской Болгарии в золотоордынский период, как и прежде, оставалось сельское хозяйство, в первую очередь зерновое земледелие и скотоводство, требующие использования изделий из черного металла. Значительное развитие получают также различные ремесла и промыслы. Возрождаются города и поселения. В золотоордынский период идет дальнейшее развитие внутренней и внешней, а также международной торговли Волжской Болгарии. Археологические данные убедительно свидетельствуют о том, что экономика и хозяйство Волжской Болгарии в составе Золотой Орды во второй половине XIII – XIV вв. стремительно возрождались.

Потребности экономики и хозяйства Волжской Болгарии в золотоордынский период в орудиях производства и в различных изделиях из черных металлов оказывали стимулирующее воздействие на возрождение и развитие металлургического и железообрабатывающего ремесел, заметно пострадавших в период монгольского нашествия. Однако, судя по признакам конструктивной преемственности металлургических горнов, в составе населения Волжской Болгарии сохранились и некоторые старые мастера-металлурги, знавшие особенности строительства и эксплуатации металлургических горнов, а также месторождения железных руд Среднего Поволжья. Есть также основания говорить о том, что в золотоордынский период в состав населения Волжской Болгарии стали включаться мастера-металлурги, пришедшие в Среднее Поволжье вместе с монгольскими завоевателями. Предположительно именно пришлые мастера принесли с собой в Восточную Европу ранее не известную здесь технологию чугунолитейного производства (Терехова, 1974).

В золотоордынский период отчетливо наблюдается количественное увеличение производства земледельческих орудий – лемехов, плужных ножей, жатвенных орудий – серпов и кос-горбуш.

Как известно, Волжская Болгария еще в домонгольский период превратилась в житницу Восточной Европы, снабжавшую хлебом население соседних регионов, в том числе Северо-Восточную Русь. В золотоордынский период население ордынских городов нуждалось в хлебе, поставки которого были налажены за счет восстановления зернового земледелия в Среднем Поволжье. Возрождение экономики края требовало развития базовых отраслей производства – черной металлургии и кузнечного производства. Археологические источники свидетельствуют о бурном росте металлургического и железообрабатывающего производств Волжской Болгарии в золотоордынский период истории. Это заметно по модернизации конструкций объектов металлургического производства черного металла, а также по значительно возросшей массе кузнечной продукции, встречающейся в культурных слоях золотоордынского времени Среднего Поволжья. В этом отношении показательны многочисленные находки крупных деталей от тяжелых плугов типа сабан, встречаемых на многих памятниках Среднего Поволжья – лемехов, плужных ножей, а также орудий уборки урожая (Марданшина, 2008).

Сырьевые источники металлургии железа. Основными видами сырья, рудами для черной металлургии в золотоордынский период оставались те же самые болотные, луговые и сидеритовые руды, известные на территории Среднего Поволжья еще с раннеболгарского периода. Болгарские металлурги в эпоху Золотой Орды вряд ли могли пройти мимо месторождений сидеритовых руд правобережья Волги, давно выявленных в Ундоровской курортной зоне в междуречье Волги и Свияги. Болотные руды, выявленные в урочище «Орлово болото» на левобережье Волги и расположенные всего в 20 км к югу от города Болгара, также могли использоваться металлургами столичного города Волжской Болгарии и в золотоордынский период.

Металлурги Волжской Болгарии могли также использовать и привозные руды с сопредельных территорий, например, с Южного Урала, где известны многочисленные мелкие, но вполне пригодные для древней и средневековой металлургии месторождения железных руд (Рязанов, 2011; Минеральные…, 1937).

С.В. Рязанов, исследовавший металлургию железа золотоордынского периода Южного Урала, отмечает, что железные руды, бурые железняки Южного Урала не имели преимуществ по составу перед рудами Поволжья (Рязанов, 2011). И вряд ли было рентабельно поставлять рудное сырье в значительном количестве на дальнее расстояние, в то время когда месторождения качественных болотных, луговых и сидеритовых железных руд в достатке имелись в Среднем Поволжье. Масштабы металлургического производства железа Болгарского городища были столь велики, что трудно представить возможность обеспечения их сырьевых потребностей за счет поставок импортной руды. Т.А. Хлебникова на основании химического анализа кузнечной продукции с волжско-болгарского Кайбельского селища в Ульяновской области высказывала предположение о поставках никелевой руды в Волжскую Болгарию с Урала для получения легированной стали (Королев, Хлебникова, 1961). Но повышенное содержание никеля в кузнечном изделии с Кайбельского селища может также объясняться использованием метеоритного железа. Открытие способов получения металлургического легирования стали произошло только в середине XVIII в.

Что же касается других сырьевых компонентов черной металлургии: топлива, флюсов, строительных материалов, то металлурги Среднего Поволжья дефицита в них не испытывали.

Итак, можно уверенно говорить о том, что в золотоордынский период истории черная металлургия Волжской Болгарии развивалась на местной средневолжской сырьевой базе.

Металлургические горны. Анализ археологических материалов, связанных

с металлургическим производством железа Среднего Поволжья в эпоху Средневековья, позволяет говорить о том, что у населения, входившего в состав Волжской Болгарии в XIII–XIV вв., продолжалось активное развитие металлургии железа и налаживалось производство чугуна и чугунолитейное дело.

От эпохи Золотой Орды в Волго-Уралье наиболее полно изучены остатки металлургического производства на Болгарском городище в 1948 и в 1953 г. (Ефимова, 1958). С некоторой долей осторожности для изучения конструкций металлургических горнов Среднего Поволжья в золотоордынский период можно привлечь результаты исследований металлургических сооружений на Сухореченском селище в Самарской области, на Донауровском селище в окрестностях города Джукетау, а также металлургического горна в урочище Кирметь в Республике Татарстан.

Для удовлетворения все возрастающих потребностей хозяйства Волжской Болгарии в изделиях из черного металла в крупных городах и на сельских памятниках в эпоху Золотой Орды шло строительство металлургических мастерских. Мастера-металлурги пытались добиться повышения производительности металлургических мастерских, экспериментируя с конструкциями сыродутных горнов, размерами печей и материалами для их изготовления.

Анализ конструкций металлургических горнов золотоордынского периода, исследованных на Болгарском городище, свидетельствует о том, что они имеют некоторые черты преемственности от металлургических сооружений домонгольского периода, горнов X–XI и XII – первой половины XIII вв. Остатки горнов конца XIII – первой половины XIV вв. Болгара свидетельствуют о том, что в XIII веке в Волжской Болгарии шло дальнейшее развитие наземных горнов с куполообразным верхом. А.М. Ефимова, исследовавшая эти сооружения, выделила среди них тип невысокого сводчатого горна, сохранившего в своем устройстве известную близость с ранними полушаровидными горнами, изготовленными из сырцовой глины (Ефимова, 1958; Семыкин, 2006). Размеры этих горнов были таковы: реконструируемая высота около 1 метра; диаметр колошника равен 40 см; внутренний диаметр горнов был равен 60–80 см. Нагнетание воздуха производилось внизу горна, в его груди.

Со второй половины XIII в. наблюдается тенденция к увеличению рабочего объема горнов за счет возрастания их вертикальных и горизонтальных габаритов. Эта тенденция явилась, очевидно, отражением возрастающих потребностей хозяйства в черном металле и попыток увеличения производительности продукции металлургических горнов. Нововведения и модернизация коснулись и самого технологического процесса восстановления железа. Металлурги, изменяя форму лещади (дна) горнов, переходили к металлургическому процессу с режимом выпуска шлака самотеком.

В золотоордынский период на Болгарском городище металлурги использовали несколько отличающихся друг от друга типов горнов, имевших различные размеры, форму лещади и строительные материалы.

Следует оговориться, что фрагментарная сохранность исследованных на Болгарском городище металлургических горнов (рис. 1) не позволяет полностью и достоверно их реконструировать. Поэтому предложенные нами реконструкции носят все же гипотетический характер. Достоверно установлено, что эти горны были наземного типа. Также установлены размеры нижних сохранившихся частей горнов, их строительный материал, форма лещадей, наличие искусственного воздушного дутья.

Исследованный в раскопе I 1948 г металлургический горн № 8 (рис. 2) с шахтой наземного типа имел куполообразное колошниковое перекрытие. Горн был сложен из сырцового кирпича на глиняном растворе и оштукатурен огнеупорным глиняным раствором снаружи и изнутри. Размеры горна таковы: внутренний диаметр пода горна – 84 см. Внешний диаметр горна составлял 130 см. высота горна составляла чуть больше 100 см. Лещадь (дно) горна имела легкий наклон в сторону проема в груди, где устанавливалось керамическое сопло для нагнетания воздуха. Наклонная лещадь (дно) горна позволяет предполагать, что он работал с выпуском жидкого шлака в интенсивном режиме в течение неоднократных циклов и по мере необходимости подвергался ремонтам. Продукцией этого горна могла быть горновая крица, которая требовала дальнейшей проковки (рис 11).

Близкую конструкцию имел металлургический горн № 9, исследованный в раскопе I 1948 г. (рис. 3). Этот горн имел заметное сходство с горном № 9. Разница между ними состояла в форме лещади (дна) горна 9, которая не имела наклона. Горн 9 имел округлую в плане форму со слегка куполообразным колошником. Он полностью был сложен из сырцового кирпича на глиняном растворе с песком. Размеры горна 9 таковы. Высота горна составляла около 105 см. Внутренний диаметр лещади составлял 85 см Диаметр колошника – 40 см. Толщина кирпичных стенок – до 20 см. Горн также работал в интенсивном режиме с искусственным воздушным дутьем. Его продукцией также была горновая крица.

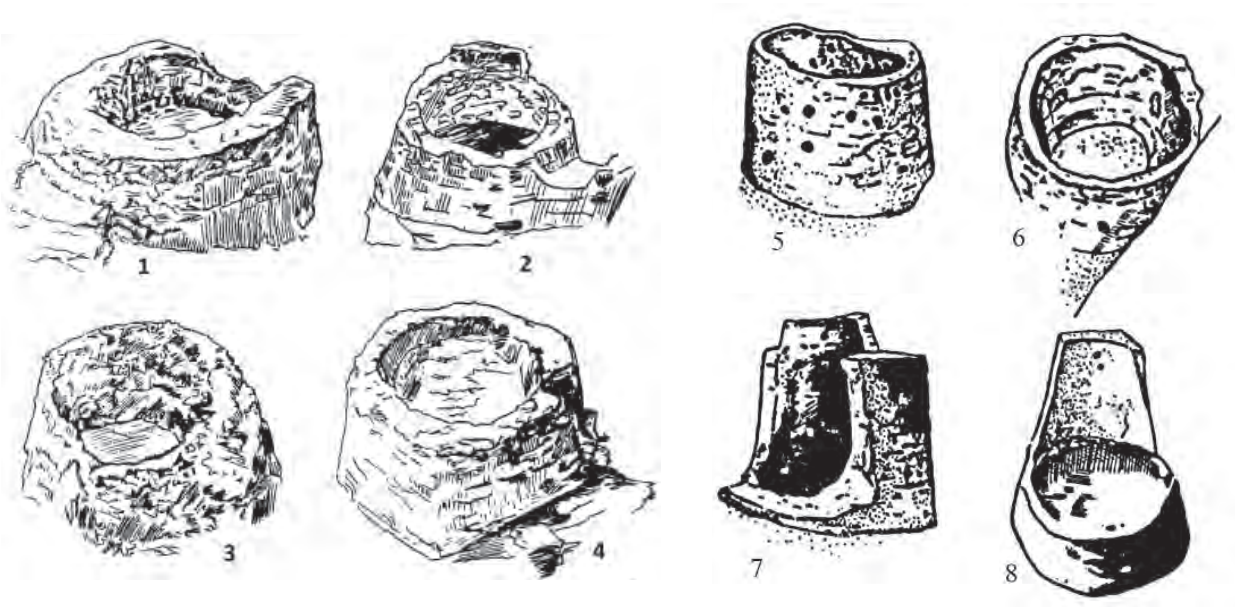


Рис. 1. Металлургические горны Болгара из раскопа I 1948 г. по рисункам Д.И. Архангельского. 1 – горн 14; 2 – горн 13; 3 – горн 3; 4 – горн 8; 5 – горн из раскопа I 1949 г. (р. 15); 6 – горн из раскопа I 1948 г. (р. 19); 7 – 8 разрез горна 5 из раскопа I 1948 г. (по: Семыкин, 1996, с. 139–140, рис. 52, 53)

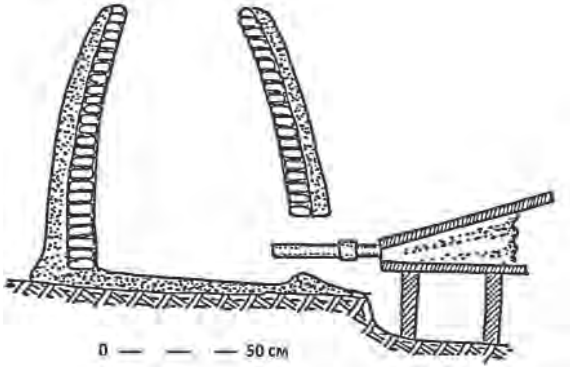


Рис. 2. Графическая реконструкция металлургического горна наземной конструкции Болгарского городища XIII – первой половины. XIV в. в разрезе (по остаткам горна N 8 из раскопа I 1948 г.)

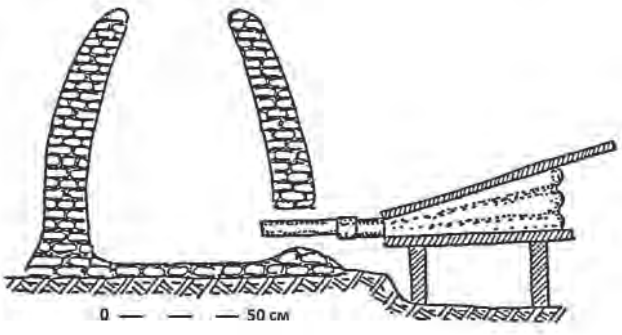


Рис. 3. Графическая реконструкция металлургического горна Болгарского городища XIII – первой половины XIV в. в разрезе (по остаткам горна N 9 из раскопа I 1948 г.)

Остатки горна № 4 из раскопа I 1948 г. сохранились лишь в нижней части сооружения (рис. 4). От этого горна, сложенного из сырцового кирпича, сохранились вертикальные стенки толщиной 35 см на высоту до 95 см. У горна имелось наклонная лещадь диаметром 95 см в сторону груди, где было вмуровано керамическое сопло для подачи воздуха из мехов. Горн работал в интенсивном режиме с выпуском жидкого шлака в предгорновую яму. Продукцией этого горна могла быть горновая крица.

Интересную конструкцию горна золотоордынского периода прослежена по остаткам горна № 2 раскопа I 1948 г. (рис. 5). От этого горна, изготовленного из глины с примесью песка, сохранилась нижняя часть корпуса с вертикальными стенками, включая лещадь с чашевидным углублением в центральной части. Форма горна в плане округлая. Диаметр лещади горна – 100 см. Толщина стенок – 20 см. Верхняя колошниковая часть горна реконструируется как куполообразная, имеющая сходство с горнами домонгольского периода чашевидной формы. Однако восстановить реальную высоту этого горна не представляется возможным. Несомненно, что горн № 2 работал в интенсивном режиме, а его продукцией была горновая крица.

Оригинальную конструкцию имел металлургический горн, датируемый второй половиной XIII – началом XIV в. и исследованный в раскопе 1954 г. (рис. 6). Этот горн был сложен из сырцового кирпича на глиняном растворе. Форма горна в плане овальная, с внешним диаметром 95 см. Шахта горна имела вертикальные стенки

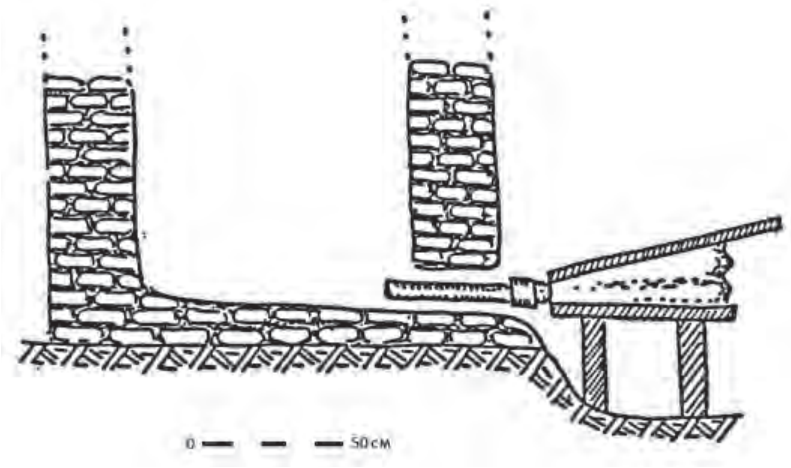


Рис. 4. Графическая реконструкция нижнего уровня металлургического горна наземной конструкции Болгарского городища XIII – первой пол. XIV в. в разрезе (по остаткам горна N 4 из раскопа I 1948 г.)

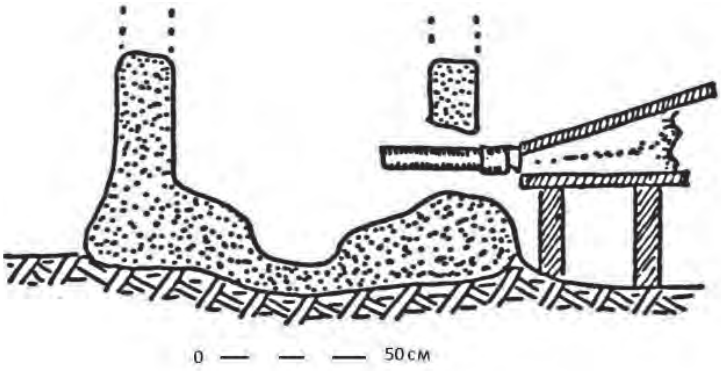


Рис. 5. Реконструкция нижнего уровня сыродутного металлургического горна наземной конструкции конца XIII – первой половины XIV в. в разрезе (по остаткам горна N 2 из раскопа I 1948 г.)

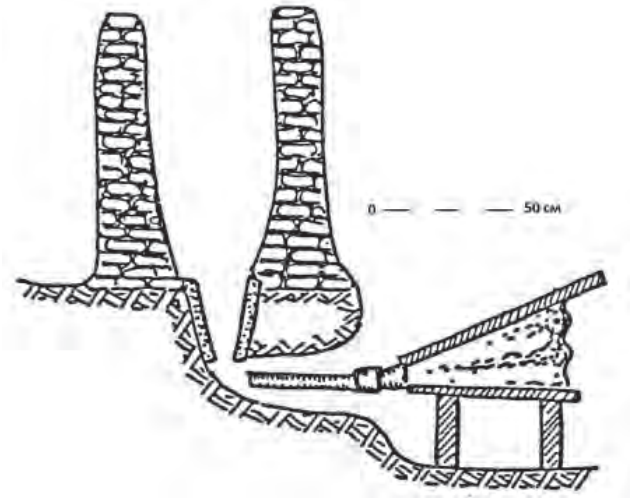


Рис. 6. Графическая реконструкция наземного сыродутного металлургического горна второй половины XIII – начала XIV в. в разрезе из раскопа 1954 г.

при толщине до 20 см. Диаметр колошника 50 см. В нижней части шахта горна конусовидно суживалась. Здесь в лещадь горна был вмурован керамический сосуд без дна, который соединялся с воздуховодным каналом, выходящим в предгорновую яму. Предположительно, этот горн носил экспериментальный характер.

Д.Ю. Бадеев и В.Ю. Коваль, рассматривая остатки металлургического производства железа в Болгаре в раскопе CXCII в 2017 г., пришли к важному выводу о том, что металлургическое производство железа сохранялось на одном и том же месте с X по XII в. В первой половине XIV в. производство железа на рассматриваемой территории возобновляется к югу от места расположения горнов XII в. (Бадеев, Коваль, 2018, с. 278). Авторы высказывают вполне обоснованное предположение, что расположение здесь района черной металлургии могло быть связано с кратковременным существованием городских укреплений начала XIII в., от которых сохранился «замошный вал». Из соображений пожарной безопасности огненное производство могло быть вынесено за границу городских укреплений. То есть прослежено, что после монгольского погрома Болгара в 1236 г. производственные комплексы вновь возвратились на прежнюю территорию, где они располагались в XII в. Но не исключается и

непрерывное существование металлургического производства черного металла в разных усадебных мастерских этого района с XII по XIV в. (Бадеев, Коваль, 2018).

К золотоордынскому периоду Волжской Болгарии предположительно относятся остатки плохо сохранившегося металлургического горна ямной конструкции, исследованные М.Д. Мец в урочище Кирметь в Мамадышском районе республики Татарстан (рис. 7). От горна сохранилось скопление металлургических железных шлаков, сконцентрированное в яме, где обнаружена глиняная прослойка (стенка горна?). Рядом с горновой ямой располагалась предгорновая яма. В заполнении глиняной прослойки между ямами встречены два фрагмента керамического воздуходувного сопла. Автор упоминает о находке многочисленных криц и шлаков в заполнении горна, однако по иллюстрации к статье разобрать их местоположение не представляется возможным (Мец, 1962).

Можно предположить, что этот горн работал в интенсивном режиме с искусственным воздушным дутьем, а его продукцией были горновые крицы. М.Д. Мец упоминает также о находке кусков железной болотной руды. Автор раскопок датирует исследованный горн предположительно XIII–XIV вв., а также полагает, что в данном урочище могут находиться и другие металлургические горны, о чем свидетельствуют многочисленные скопления железных шлаков. Однако следует отметить, что горны ямной конструкции были характерны в основном для эпохи раннего железного века и раннего Средневековья.

Чугунолитейное производство. Установлено, что в золотоордынский период в Среднем Поволжье кроме кричного железа, необходимого для изготовления кузнечной продукции, появляется производство чугуна, которое обнаруживается в виде многочисленных фрагментов и целых форм чугунных котлов (рис. 8: 1, 2), а также развалов крупных горнов с большим количеством воздуходувных отверстий.

Предполагается, что металлургию чугуна в Восточную Европу завезли ремесленники, сопровождавшие монгольские войска в 40-е гг. XIII в. Но технология чугуна в Монгольской империи в конце XIII–XIV в. была основана на использовании каменного угля. По данным металлографических и спектральных анализов чугунные изделия Волжской Болгарии отличались от монгольского чугуна по химическому составу. Причина различия состояла в топливе. Болгарская черная металлургия использовала в качестве топлива древесный уголь, что позволяет говорить о том, что металлургия чугуна в Болгаре развивалась на местной технической основе и на опыте богатых традиций производства железа. Однако не исключена возможность заимствования самой идеи чугунного литья болгарскими металлургами у ремесленников, попавших в Среднее Поволжье из восточных районов Монгольской империи.

В пользу развития металлургии чугуна и чугунолитейного производства в Болгаре свидетельствуют исследованные еще в конце 40-х – начале 50-х годов XX в. остатки высоких горнов наземной конструкции типа Stűkofen Их особенностью являются многочисленные воздуходувные отверстия в корпусе шахты горна. Такой горн был исследован в раскопе I 1948 г., который датировался второй половиной XIII – началом XIV в. (рис. 9). Реконструируемая высота горна такого типа от 2 до 3 м. Форма горна в плане округлая. Лещадь горна диаметром 130 см, наклонная в направлении груди, где существовал шлаковыпускной желоб (летник), а также устанавливалось сопло для нагнетания воздуха. В стенках шахты горна были сделаны многочисленные фурмы (отверстия), служившие для подачи воздуха и для контроля температуры внутри печи.

Предположительно в процессе работы этого горна одновременно должны были работать несколько воздуходувных мехов, которые устанавливались на разных высотах, а также переносились с одного уровня на другой. Следовательно, вокруг таких горнов должны были устанавливаться деревянные конструкции для крепления мехов. А сами горны этого типа обслуживались целой бригадой металлургов – мастером с подмастерьями.

Продукцией чугунолитейных горнов был жидкий чугун, который сразу же, пока металл не застыл, должен был разливаться в предварительно подготовленную форму изделия. Основными видами изделий в металлургических мастерских Золотой Орды являлись котлы и ступицы для тележного транспорта, получившего распространение в Монгольской империи и в Золотой Орде (Терехова, 1977).

Технологию и оборудование чугунолитейных мастерских Золотой Орды специально исследовал С.В. Рязанов (Рязанов, 1997; Рязанов, 2011).

Металлургическое производство чугуна и чугунолитейное производство в 70-е годы XX в. было выявлено и исследовано на золотоордынском сельском памятнике Среднего Поволжья – Сухореченском селище в Куйбышевской (ныне – Самарской) области (Матвеева, 1977, с. 116). Остатки металлургического производства на этом поселении сохранились слишком фрагментарно, что не позволяет составить полноценное представление о конструкции металлургического горна. Здесь были обнаружены многочислен-

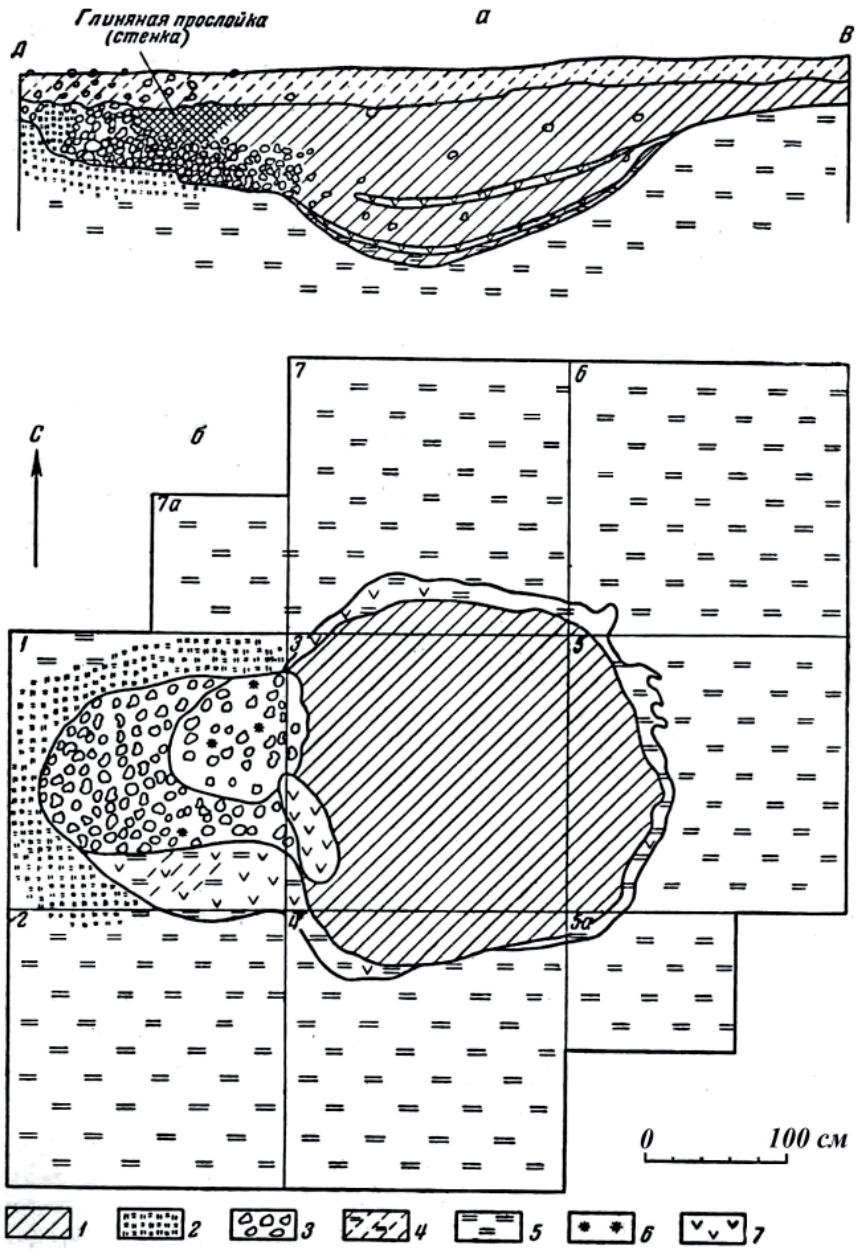


Рис. 7. Остатки металлургического горна в урочище Кирметь.
План и разрез плавильной и подсобной ямы (по Мец, 1962)
а – разрез по линии АВ, б – план третьего пласта раскопа I. 1 – черный грунт; 2 – обожженная глина; 3 – шлаки; 4 – глина с пятнами черной земли; 5 – материковая глина; 6 – сопло; 7 – уголь

ные шлаки, сильно ошлакованные керамические воздуходувные сопла (Матвеева, 1977, с. 120, рис. 14), а также фрагменты чугунных котлов. На этом основании мы предполагаем, что металлургическое производство Сухореченского поселения имело чугунолитейную направленность.

Остатки металлургического горна наземного типа также были исследованы на Донауровском селище в окрестностях городища Джукетау (рис. 10, 11). От этого горна, сложенного из камня и кусков плинфы, сохранилась нижняя часть шахты округлой в плане формы. Диаметр горна 100 см. Высота сохранившейся шахты – 68 см. В заполнении шахты встречены куски железных шлаков. Служил ли этот горн для восстановления железа или для выплавки чугуна, однозначно ответить в настоящее время не представляется возможным (Хузин, Набиуллин, 1999).

Металлургическое производство чугуна эпохи Золотой Орды и Казанского ханства зафиксировано на Чуру-Барышевском городище в Апастовском районе Республики Татарстан (Калинин, Халиков, 1954). Однако подробной информации о конструкциях металлургических горнов на этом памятнике получить пока не удалось.

Рис. 8. Чугунные котлы. Болгарское городище: 1 – раскоп LV, исследования М.Д. Полубояриновой, 1976 г.; 2 – раскоп CXXXII, исследования И.Р. Газимзянова, 1997 г. (по: Баранов и др., 2016, с. 171, №№ 22.1.42, 22.1.43

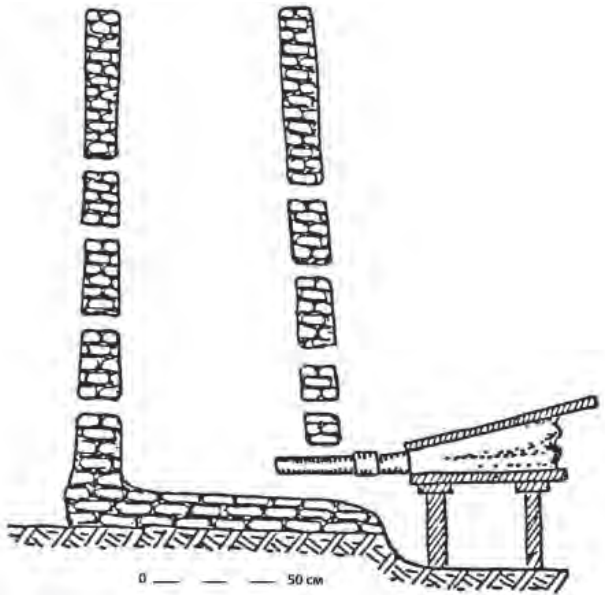


Рис. 9. Графическая реконструкция металлургического горна типа Stűkofen из раскопа I 1948 г. второй половины XIII – начала XIV в.

Технология кузнечного производства Среднего Поволжья. История древней и средневековой металлообработки железа на большей части территории Восточной Европы, в первую очередь у населения Древней Руси, к настоящему времени исследована достаточно подробно (Колчин, 1953; Терехова, Розанова и др., 1997). Этого нельзя сказать о железообработке Среднего Поволжья золотоордынского периода. Тем не менее, на сегодняшний день накоплены результаты металлографических анализов ряда коллекций кузнечной продукции, происходящих с памятников золотоордынского периода Среднего Поволжья, позволяющих составить достаточное представление о

Рис. 10. Донауровское селище. Раскоп IV. Фото металлургического горна. Исследования Ф.Ш. Хузина

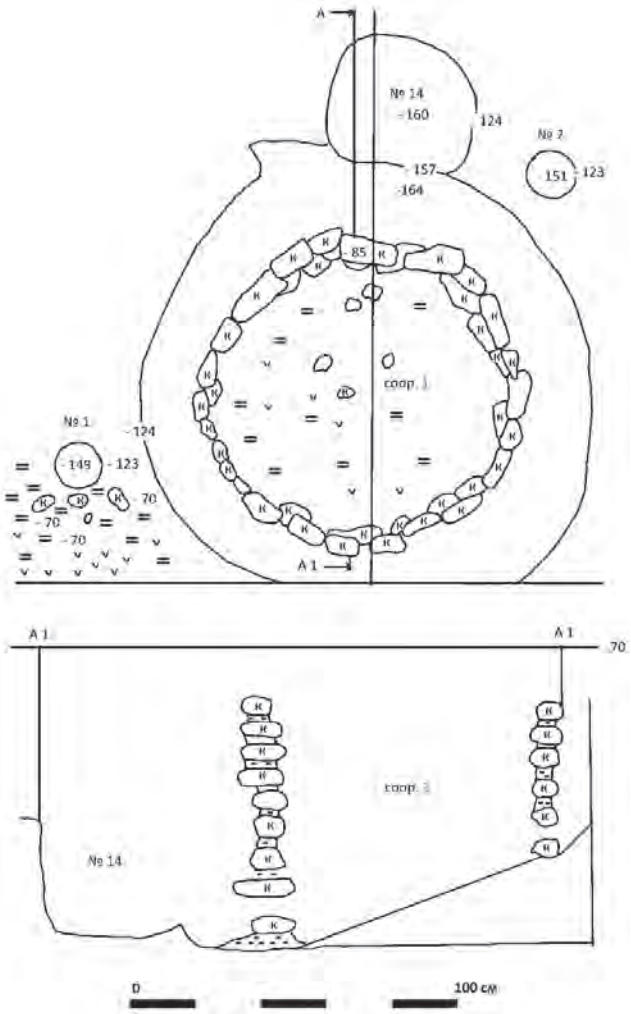


Рис. 11. План и разрез металлургического горна с Донауровского селища

становлении и развитии кузнечного производства региона в золотоордынский период. Наиболее значительной работой на 1996 г. в этом направлении стала публикация результатов металлографических анализов коллекции кузнечных изделий Болгарского городища (Семыкин, 1996). Кроме того, был опубликован ряд работ по результатам металлографических исследований кузнечных изделий сельских памятников золотоордынского периода Среднего Поволжья (Семыкин, 2008; Семыкин, 2012). Результаты этих работ и легли в основу настоящего очерка, в котором предпринята попытка представить в обобщенном виде картину развития кузнечного производства Среднего Поволжья в эпоху Золотой Орды.

В сравнительном плане для выявления особенностей железообработки эпохи Золотой Орды Среднего Поволжья привлекаются результаты опубликованных металлографических анализов ряда коллекций золотоордынского периода и Нижнего Поволжья (Недашковский, Семыкин, 2014).

Методика исследования технологии кузнечного производства древности и Средневековья опирается на метод археометаллографии, который был разработан и адаптирован в конце 40-х – начале 50-х годов XX в. Б.А. Колчиным (Колчин, 1953). Широкое применение этого метода в лабораториях нашей страны, а также за рубежом позволило реконструировать объективную картину становления и развития железообработки многих культур Восточной, Центральной и Западной Европы.

Наши металлографические исследования были выполнены в археологической лаборатории Ульяновского государственного педагогического университета на металлографическом оборудовании отечественного производства – микроскопе МИМ-7 и микротвердомере ПМТ-3.

Следует сказать, что важным показательным методическим достижением в исследовании проблем технологического развития кузнечного производства населения древности и Средневековья, разработанным и обоснованным коллективом сотрудников лаборатории металлографии ИА РАН (Завьялов и др., 2007), является распределение всей совокупности технологических кузнечных приемов на две группы. К первой группе отнесены простые технологии, не требующие применения специальных способов сварки железных и стальных заготовок, направленных на улучшение эксплуатационных качественных характеристик

Рис.12. Товарная железная крица со Старокуйбышевского селища (по Семыкин, 2015, рис. 28)

изделий. Ко второй группе отнесены изделия, несущие на себе следы целенаправленного применения приемов сварки железа со сталью и, соответственно, отличающиеся повышенными качественными характеристиками. Если изделия первой технологической группы в основном характерны для эпохи раннего железного века, то вторая технологическая группа стала формироваться уже в условиях цивилизации на стадии ремесленного производства.

Рассмотрим технологические особенности кузнечного производства на памятниках городского и сельского типов Среднего Поволжья золотоордынского периода.

Болгарское городище. Крупнейшим памятником городского типа золотоордынского периода Среднего Поволжья был город Болгар, археологические остатки которого представлены Болгарским городищем. За многие десятилетия археологических исследований Болгара были получены многие тысячи изделий из черного металла, которые представляют собой разнообразную и обширную источниковую базу для исследования технологии кузнечного производства Волжской Болгарии как золотоордынского, так и домонгольского периодов истории (Савченкова, 1996). В настоящем очерке мы привлекаем результаты металлографического анализа уже 178 предметов с Болгарского городища, распределенных по 38 категориям. Для удобства представления технологических особенностей железообработки Болгара рассмотрим их по функциональным группам.

Технология изготовления ножей. Наиболее значительную группу микроструктурно исследованных изделий Болгара составили ножи (73 экземпляра). При этом к I технологической группе отнесено 57,5% ножей. Ко II технологической группе – 42,5% ножей.

Рис. 13. Рисунок остатков металлургического горна (типа StUkofen) из раскопа I 1948 г. второй половины XIII – начала XIV в. Автор акварели Д.И. Архангельский (по Семыкин, 2015, рис. 27)

В технологии цементации лезвия изготовлено 12 экз., из кричного железа и сырцовой неравномерно науглероженной стали и с технологией пакетного металла в коллекции было изготовлено по 11 экз. А из цельностальных заготовок оказалось отковано 8 ножей.

С технологией косой боковой наварки стальной пластиночки на основу из кричного железа либо сырцовой неравномерно науглероженной стали выявлено 14 ножей.

Реже применялись технологии V-образной наварки стальных пластиночек на основу из мягкого металла: из кричного железа и сырцовой неравномерно науглероженной стали в двух вариантах. Эти варианты различались подготовкой V-образной стальной наварной пластинки. Первый вариант составляли гомогенные пластинки. Они отмечены на 6 ножах. Меньше встречено наварных пластиночек, состоящих из двух отдельных частей – 3 экз. Такие различия могут быть признаком продукции разных кузнечных мастерских либо отражать хронологическое развитие одной технической идеи.

Реже, по три экземпляра, встречены технологические схемы ковки ножей с торцовой наваркой стальных пластин и с трехслойным пакетом. Напомним, что технологическая схема трехслойного пакета является традиционной технологией

Северной Руси и датируется в пределах IX–XI вв. (Розанова 1994; Завьялов, Терехова, 2015).

Реже всего во II группе применялась технология вварки стальной лезы в основу из кричного железа и сырцовой неравномерно науглероженной стали (2 экз.). Это может свидетельствовать о том, что в золотоордынский период технологическая схема вварки стальной лезы уже являлась уходящей технологией.

Отмечено значительное количество термообработанных ножей – 63%. А если учесть количество ножей, изготовленных с применением стальных рабочих частей, то процент термообработки будет выше.

Технология изготовления деревообделочных инструментов. Достаточно представительную группу аналитически исследованных кузнечных изделий Болгара составляют деревообделочные инструменты – 35 экземпляров.

Топоры. Среди 14 аналитически исследованных топоров выявлено 6 технологических схем изготовления. Четыре топора были откованы из пакетных заготовок. Реже применялась ковка из простого кричного железа – 3 экз. По 1 экземпляру обнаружены топоры, откованные с применением цементации железного лезвия и из цельностальной заготовки.

На пяти топорах выявлены две технологические схемы ковки изделий. На трех топорах выявлена технологическая схема косой боковой наварки стальной пластиночки, а на двух топорах применена вварка стальной пластинки в основу из мягкого металла. Термообработка выявлена на 35,7% топоров.

Тесла. На четырех теслах Болгара выявлены четыре технологические схемы их изготовления. Ковка из цельностальной заготовки и ковка в технологии пакетного металла на топорах выявлены по одному случаю. Вварка стальной лезы в железную основу и ковка из двухполосной железностальной заготовки отмечены по одному случаю. На трех исследованных теслах выявлена термообработка.

Долота. На семи долотах из Болгара выявлены пять технологических схем изготовления. Три долота были откованы из простого кричного железа и мягкой сырцовой стали. Два тесла были окованы из заготовки пакетного металла. И одно долото отковано из цельностальной заготовки.

Одно долото было изготовлено в технологии торцовой наварки на основу из мягкого металла. На трех долотах из семи отмечены следы термообработки.

Скобели. На двух скобелях выявлены две технологические схемы. При этом на одном скобеле отмечена технологическая схема пакетного металла, а на другом – вварка стальной лезы в основу из кричного железа. Термообработка на скобелях не отмечена.

Струги. Струг из Болгара был откован из заготовки пакетного металла. Термообработка здесь не выявлена.

Сверла. Металлографически исследованы 7 сверел из Болгара. Из них три были изготовлены в технологии вварки стальной лезы в основу из мягкого металла (кричного железа, либо неравномерно науглероженной сырцовой стали). Одно сверло изготовлено в технологии боковой наварки стальной пластины на основу из мягкого металла. Термообработка выявлена на двух сверлах.

В целом на 37,14%, деревообделочных инструментов выявлена термообработка.

Технология изготовления сельскохозяйственных орудий Металлографически исследовано 16 экземпляров сельскохозяйственных орудий.

Лемехи. Два лемеха от плугов были откованы из простого кричного железа и неравномерно науглероженной сырцовой стали. Термообработка на них, соответственно, не выявлена.

Плужные ножи (чересла). Два плужных ножа были изготовлены в технологии цементации. Один был откован из цельностальной заготовки. На одном плужном ноже выявлена термообработка.

Серпы. Один серп был откован из неравномерно науглероженной сырцовой стали. Второй серп был откован из цельностальной заготовки. И третий серп был изготовлен в технологической схеме боковой наварки стальной пластины на основу из мягкого металла. На двух серпах отмечена термообработка.

Косы. Одна коса изготовлена из простого кричного железа. Вторая коса была откована из цельностальной заготовки. И третья коса была откована в технологической схеме боковой наварки стальной пластины на основу из мягкого металла. Две косы подверглись термообработке.

Мотыги. Одна мотыга была изготовлена из неравномерно науглероженной сырцовой стали. Другая мотыга откована из цельностальной заготовки. Третья мотыга изготовлена в технологии вварки стальной лезы в основу из мягкого металла. На четвертой мотыге выявлена технология боковой наварки стальной пластины на основу из мягкого металла. На трех мотыгах отмечены следы термообработки.

Рамки от плугов. Рамка от плуга была откована из простого кричного железа.

Статистика свидетельствует о том, 75% сельскохозяйственных орудий отнесено I технологической группе, и 25% изделий отнесено ко II технологической группе. Термообработка зафик-

сирована на 50% сельскохозяйственных орудий Болгара.

Технология изготовления предметов бытового назначения. Металлографически исследован 21 предмет бытового назначения с Болгарского городища.

Ножницы. На металлографически исследованных ножницах были выявлены технологические схемы: ковка из кричного железа – 1 экз., ковка из цельностальной заготовки – 1 экз., наварка стальной пластины на основу из сырцовой неравномерно науглероженной стали – 2 экз. Термообработка применена на трех ножницах, изготовленных с использованием высокоуглеродистой стали.

Кресала. Кресала были откованы с применением высокоуглеродистых стальных пластин, но по разным технологическим схемам. На двух кресалах отмечена технологическая схема ковки из цельностальных заготовок. А вот на шести других кресалах выявлена технология торцовой наварки стальной пластинки на основу из более мягкого металла – сырцовой неравномерно науглероженной стали. На семи кресалах выявлены следы закалки. Только одно кресало термообработку по какой-то причине не сохранило.

Ледоходные шипы. На ледоходных шипах выявлены следы двух технологических схем. Два ледоходных шипа откованы из простого кричного железа и сырцовой неравномерно науглероженной стали, а два других – из цельностальных заготовок. Термообработка на этих изделиях не применялась.

Крепежные изделия. Гвозди (1 экз.), и дверные пробои (1 экз.) с Болгарского городища ковались из простого кричного железа. (дверной пробой) и из кричного железа (гвоздь).

Замки и принадлежности к ним. Ключи от цилиндрических замков изготавливались из кричного железа и из сырцовой неравномерно науглероженной стали. А корпуса замков ковались из двухполосных железо-стальных заготовок. При этом отмечено, что соединение многочисленных деталей цилиндрических замков выполнялось пайкой твердым (медным) припоем.

Технология изготовления ремесленных и производственных инструментов. По результатам металлографических анализов на 13 ремесленных и производственных инструментах выявлены две основные технологические схемы их изготовления: 1) ковка из кричного железа и сырцовой неравномерно науглероженной стали; 2) ковка из цельностальных заготовок.

Из кричного железа были изготовлены: ланцет – 1 экз., резцы – 2 экз., гвоздодер – 1 экз., молоток – 1 экз.), орудие металлурга – 1 экз.). А из неравномерно науглероженной сырцовой стали откованы: секач –1 экз., матрица – 1 экз.), заготовка напильника – 1 экз.

Из цельностальных заготовок оказались откованными: скарпель, кувалда, пробойник, представленные по одному экземпляру.

При этом скарпель, пробойник и кувалда прошли операцию термообработки.

Предметы конской упряжи и ухода за конём. Предметы этого функционального назначения с Болгарского городища были изготовлены с применением следующих технологий: одно стремя и одно удило были откованы из кричного железа. Другое удило отковано из неравномерно науглероженной сырцовой стали. А конские путы были откованы из цельностальной заготовки.

Недавно на Болгарском городище зафиксирован интересный факт, свидетельствующий об узкой специализации в кузнечном производстве золотоордынского периода на массовом изготовлении конских стремян. На торговой площади было обнаружено скопление нескольких десятков однотипных конских стремян, которые остались на одном месте и по каким-то причинам не были реализованы (Бадеев, Коваль, 2018, с. 286).

Подведем итоги по результатам металлографических анализов кузнечной продукции города Болгара. основным сырьем для кузнечного производства Болгара в золотоордынский период, как и ранее – в раннеболгарский и домонгольский периоды, оставались кричное железо и сырцовая неравномерно науглероженная сталь, нередко сильно засоренные шлаковыми и неметаллическими включениями. Но для изготовления качественных изделий кузнецы Болгара применяли высокоуглеродистую сталь, приготовленную, предположительно, способом цементации. На многих кузнечных изделиях Болгара прослежено применение высокофосфористого железа.

Основная масса кузнечной продукции Болгара 64,6% изготовлена в технологических схемах I технологической группы – из цельностальных и пакетованных заготовок. Среди них 34,8% изделий были откованы из простого кричного железа и неравномерно науглероженной сырцовой стали. Это предметы простого назначения – гвозди, дверные пробои, стремена, конские удила. Но из железа и неравномерно науглероженной мягкой стали в Болгаре ковались и качественные изделия – ножи, топоры, лемехи, мотыга, коса, серп, долота, резцы, ножницы. Столь небрежный подбор кузнечного сырья в железообработке Болгара, вероятно, можно объяснить стремлением увеличить производительность труда за счет упрощения технологии производства в условиях повышенного спроса на продукцию ремесленного производства. Ко II технологической группе – со сварными же-

лезно-стальными конструкциями в коллекции из Болгара отнесено 35,4% изделий. Незначительное количество ножей с в коллекции Болгара – 3 экз. из 73 общего количества с технологической схемой трехслойного пакета можно рассматривать как продукцию кузнецов скандинавского мира и датировать не позднее XII в. (Розанова, 1994, Завьялов, Терехова, 2015).

Наиболее распространенными технологиями II технологической группы Болгара были: боковая наварка (14,4%), торцовая наварка (9,2%), V-образная наварка в двух вариантах (5,1%), %) и вварка стальной лезы в мягкую основу (5,7%). Реже всего применялась в Болгаре ковка из двухполосных заготовок (1,14%).

Кузнецы Болгара успешно владели основными приемами свободной горячей и холодной ковки, правильно подбирая температурный режим, а также широко применяя термообработку стали. Термическая обработка суммарно выявлена на 53 % кузнечных изделий Болгара. На качественных изделиях, таких как ножи, термообработка достигает 56%, Применялась как резкая, так и мягкая закалка. Операцию кузнечной сварки кузнецы Болгара выполняли вполне успешно.

Для получения более полной картины состояния уровня развития железообработки населения Урало-Поволжья в эпоху Золотой Орды необходимо сопоставление выявленных особенностей железообработки Болгара с технологическими приемами, обнаруженными на кузнечной продукции других территорий и археологических памятников региона. В этой связи рассмотрим результаты металлографических анализов кузнечных изделий Торецкого поселения, исследованного в окрестностях Билярского городища и датируемого С.И. Валиулиной позднезолотоордынским – раннеказанским временем (Валиулина, 2011).

Торецкое поселение. Металлографически исследованная коллекция кузнечных изделий Торецкого поселения состоит из 42 предметов. Коллекция включает три ножа, два топора, одно тесло, одно долото, два ложкаря, один скорняжный резец, четыре экз. ножниц, два молотка, одних кузнечные клещи, один плужный резак (чересло), одну косу, три серпа, один дверной пробой, один гвоздь, один крюк для подвешивания мяса, одну сковороду, одну котловую петлю, один ключ от цилиндрического замка, один светец, четыре пряжки пять наконечников стрел, два наконечника копий и пик, одно стремя, одно удил и одну заготовку. Технологические особенности этой коллекции рассмотрим по функциональным группам и категориям.

Ножи. Технология изготовления ножей прослежена на примере трех экземпляров: На ножах прослежены следы трех технологических схем: 1) боковая цементация лезвия, 2) ковка из заготовки пакетного металла, 3) косая боковая наварка стальной пластины на железную основу.

На ноже с технологической схемой цементации отмечены следы мягкой закалки. Два ножа принадлежат к I технологической группе, и один нож относится ко II технологической группе.

Технология изготовления деревообделочных инструментов прослежена на примере ложкарей (2 экз.), топоров (2 экз.), тесла и долота (по 1 экз.).

Ложкари. На двух ложкарях выявлены две разные технологические схемы изготовления. Один ложкарь был откован из двухполосной железостальной заготовки. Второй ложкарь изготовлен наваркой стальной пластиночки на основу из мягкой сырцовой стали. Этот инструмент подвергся операции резкой закалки.

Топоры. На двух топорах выявлена технологическая схема ковки из заготовок пакетного металла. В один блок пакетовались полосы кричного железа и неравномерно науглероженной сырцовой стали. На кончике лезвия одного топора отмечена сорбитовая микроструктура, что свидетельствует о применении мягкой закалки. Здесь использовалась сталь с более высоким содержанием углерода, способная принять закалку.

Тесла. Одно исследованное тесло было отковано из заготовки неравномерно науглероженной сырцовой стали.

Долота. Из заготовки простого кричного железа было отковано одно долото.

Технология изготовления ***бытовых предметов.*** К предметам бытового назначения с Торецкого поселения относятся: сковорода, гвоздь, дверной пробой, светец, крюк, и четыре пряжки.

Сковорода была откована из заготовки неравномерно науглероженной сырцовой стали.

Светец. Один металлографически исследованный светец был откован из неравномерно науглероженной сырцовой стали. Однако при охлаждении на изделии образовалась микроструктура сорбитообразного перлита.

Пряжки. Из неравномерно науглероженной сырцовой стали откованы две пряжки. Две другие пряжки изготовлены из цельностальных среднеуглеродистых заготовок. Из них одна пряжка сохранила следы мягкой закалки.

Дверной пробой был изготовлен из заготовки кричного железа.

Гвоздь откован из заготовки неравномерно науглероженной сырцовой стали.

Ключ. Фрагмент ключа от пружинного цилиндрического замка был изготовлен из заготовки кричного железа.

Крюк для подвешивания мяса был изготовлен из неравномерно науглероженной сырцовой стали.

Котловая петля откована из двухполосной заготовки, сваренной из неравномерно науглероженной сырцовой и цельностальной полос металла. Прослежены следы мягкой, вероятно, непреднамеренной закалки.

Таким образом, изделия бытового назначения Торецкого поселения, за небольшим исключением, ковались с применением технологических схем, относящихся к I технологической группе.

Технология изготовления предметов вооружения

Наконечник пики (1 экз.) был изготовлен из заготовки кричного железа.

Наконечник копья (1 экз.) был откован из заготовки пакетного металла, сваренной из полосок кричного железа и сырцовой неравномерно науглероженной стали. Наконечник подвергся термообработке, резкой закалке.

Наконечники стрел (5 экз.). Два наконечника стрел были откованы из заготовок неравномерно науглероженной сырцовой стали. На одном из них прослежено применение термообработки – мягкой закалки.

Один наконечник стрелы был изготовлен из цельностальной заготовки.

Другой наконечник стрелы был откован в технологии классического пакетного металла, приготовленной сваркой в блок полос неравномерно науглероженной сырцовой стали и кричного железа.

И еще на одном наконечнике выявлена технологическая схема косой боковой наварки стальной пластины на железную основу.

Таким образом, при изготовлении предметов вооружения Торецкого поселения по данным металлографических анализов в основном применялись технологические схемы, относящиеся к I технологической группе. Исключение составил один наконечник стрелы, принадлежащий ко II технологической группе.

Технология изготовления конской упряжи

Стремя отковано из заготовки кричного железа.

Конские удила изготовлены из заготовки неравномерно науглероженной сырцовой стали.

Таким образом, технология ковки конской упряжи проходила с применением технологических схем, принадлежащих к I технологической группе.

Технология изготовления сельскохозяйственных орудий

Плужный нож (чересло) отковано из заготовки, пакетованной из полос неравномерно науглероженной сырцовой стали. Лезвие плужного ножа подверглось мягкой локальной закалке.

Серпы. Один серп был откован из высокоуглеродистой стальной заготовки, сваренной из однородных стальных полос. Серп подвергся резкой локальной закалке. Другой серп был откован из заготовки пакетного металла, приготовленной сваркой полос неравномерно науглероженной сырцовой стали. Здесь применена мягкая локальная закалка. Третий металлографически исследованный серп изготовлен в технологии наварки высокоуглеродистой стальной полосы на основу из неравномерно науглероженной заготовки. Этот серп подвергся резкой закалке.

Косы-горбуши. Одна исследованная коса была изготовлена из заготовки пакетного металла сваркой полос неравномерно науглероженной сырцовой стали и кричного железа.

Технология изготовления инструментария

Молотки. Молоток двубойковый, по данным металлографических анализов, был изготовлен из заготовки пакетного металла – полос кричного железа и стали. Второй молоток откован из заготовки кричного железа.

Кузнечные клещи. На изготовление кузнечных клещей пошла заготовка неравномерно науглероженной сырцовой стали.

Резец скорняжный был изготовлен из цельностальной высокоуглеродистой заготовки. Лезвие резца подверглось мягкой закалке.

Ножницы по металлу откованы из кричного железа с дальнейшей локальной цементацией. В процессе охлаждения в стальной зоне образовался участок стальной закаленной микроструктуры. Ножницы подверглись мягкой закалке.

Ножницы бытовые шарнирные откованы из заготовки кричного железа.

Ножницы скорняжные были изготовлены в технологии двухполосной сварки – из высокоуглеродистой стальной пластинки и полосы кричного железа.

Ножницы пружинные «овечьи» были откованы в технологии косой боковой наварки специально приготовленной стальной пластины на основу из кричного железа. Конечной операцией была резкая закалка.

Заготовка для **поковки** состоит из неравномерно науглероженной сырцовой стали.

В итоге исследования кузнечной технологии изделий из черного металла Торецкого поселения можно сделать следующие выводы. Основная масса кузнечной продукции этого памятника (78,6%) была откована в технологиях I технологической группы. Только 21,4% кузнечной продукции изготовлены с применением технологических схем II технологической группы.

В самой простой технологии – из кричного железа и сырцовой неравномерно науглероженной стали – изготовлено 20 предметов (суммарно – на 46,7%). Такая технологическая схема отмечена как на простых изделиях: пряжках, дверных пробоях, крюках для подвешивания мяса, дверных ключах, стременах, так и на качественных изделиях: ножницах, долотах, наконечниках копий.

Технология цементации на двух ножах – предметах, к которым предъявлялись повышенные эксплуатационные требования. Это свидетельствует о целенаправленном применении технологии цементации.

Ковка из цельностальных заготовок отмечена на 5 изделиях ((11,9%). Среди них отмечены как изделия качественного назначения (серпы, наконечники стрел, резаки скорняжные – по 1 экземпляру), так и предметы, простого назначения, такие как пряжки (2 экземпляра). Это может свидетельствовать о достаточном количестве стального сырья у кузнецов Торецкого кузнечного центра. Самой распространенной технологической схемой в Торецкого кузнечной коллекции оказалась технология ковки из пакетного металла, выявленная на 8 изделиях (19,4%). Возможно, это свидетельствует о стремлении кузнецов максимально рационально использовать имеющиеся остатки металлического сырья.

Технологическая схема наварки стальной пластины на основу из кричного железа или неравномерно науглероженной сырцовой стали отмечена на 4 изделиях качественного назначения (9,5%) (ножах, ножницах, наконечниках стрел, серпах). Отметим, что такая технологическая схема в кузнечном ремесле волжских болгар была распространена в золотоордынский период.

Технологическая схема ковки из двухполосной заготовки в коллекции выявлена на трех изделиях, что составило 7,14%. Эта технология также была известна и применялась болгарскими кузнецами золотоордынского периода. Реже применялась технологическая схема торцовой наварки, выявленная на двух изделиях, что составило в коллекции 4,8%.

Совсем не встречена в Торецкой коллекции технологическая схема вварки стальной лезы в основу из мягкого металла, которая была распространена в кузнечном производстве волжских болгар в домонгольский период. Этот факт дополнительно свидетельствует о датировании Торецкого поселения золотоордынским периодом.

Достаточно велика доля термообработанных изделий в Торецкой кузнечной коллекции – 38,09%. А доля термообработанных изделий среди качественной продукции составила 48%, что является средним показателем для средневековой кузнечной продукции Волжской Болгарии. При этом кузнецы Торецкого ремесленного центра отдавали предпочтение мягкой закалке, что было оправдано, так как предотвращало кузнечную продукцию от излишней ломкости.

Что же касается качества кузнечного сырья, то можно сказать, что в распоряжении мастеров Торецкого кузнечно-ремесленного центра были кричное железо, неравномерно науглероженная сталь, а также высокоуглеродистая приготовленная цементацией, сталь. Кузнецы Торецкого кузнечного центра, вероятно, не придавали существенного значения необходимости тщательно проковывать металла, о чем свидетельствует сильная засоренность изделий шлаками и неметаллическими включениями.

На основании результатов металлографических анализов кузнечной продукции Торецкого поселения можно сделать вывод о том, что кузнецы, изготовившие исследованную продукцию, унаследовали и применяли технологические приемы, как мастеров домонгольской Волжской Болгарии, так и эпохи Золотой Орды.

В истории металлургического и кузнечного производств Восточной Европы недостаточно полно исследована технология кузнечного производства у отдельных этнических групп, находившихся под властью золотоордынских ханов. Одной из групп средневекового сельского населения Среднего Поволжья была мордва, которая расселялась золотоордынской администрацией в слабозаселенных районах региона. По данным археологии, мордва во второй половине XIII–XIV вв. проживала на территории левобережья Самарского Поволжья в пределах современной Самары. Археологически она представлена Барбашинским грунтовым могильником, исследованным в 1935 г. Б.А. Латыниным (Васильев, Матвеева, 1986, с. 227–228).

Другим археологическим памятником мордовского населения золотоордынского периода Среднего Поволжья был Муранский могильник, исследованный в конце XIX – начале XX вв. В.Н. Поливановым (Поливанов, 1893).

Барбашинский могильник. Всего металлографически был исследован 21 предмет, происходящий из погребений Барбашинского могильника. В металлографически исследованной коллекции могильника представлены следующие категории предметов: ножи – 7 экз.; топоры – 2 экз.; кресала – 4 экз.; кольца – 1 экз.; пряжки – 3 экз.; кочедык – 1 экз.; шилья – 1 экз.; ножницы – 1 экз.; наконечник стрелы – 1 экз.

Несмотря на небольшой размер коллекции в ней представлены изделия в основном качественного назначения. А на таких изделиях логично

было ожидать применение качественных технологических схем.

Результаты металлографических анализов также рассмотрим по отдельным категориям изделий.

Ножи. Металлографическими анализами на семи ножах было выявлено применение трех технологических схем. Три исследованных ножа оказались изготовленными из цельностальных заготовок.

На двух исследованных ножах была выявлена технологическая схема косой боковой наварки стальной пластины на основу, откованную, либо из неравномерно науглероженной стали, либо из пакетного металла. Конечной операцией при изготовлении одного из этих ножей была резкая, другого – мягкая закалка.

Два ножа были изготовлены по технологической схеме вварки стальной высокоуглеродистой лезы в основу, приготовленную, либо из неравномерно науглероженной сырцовой стали, либо из менее науглероженной стали. Оба этих ножа прошли операцию резкой закалки.

Топоры. На двух исследованных топорах выявлены две технологические схемы. Один топор был откован из цельностальной высокоуглеродистой заготовки. Второй топор был изготовлен в технологии классического пакетного металла, из заготовки, сваренной из полос высокоуглеродистой стали и кричного железа. Оба топора подверглись термообработке, мягкой и резкой закалке.

Кольца и пряжки. Установлено, что для изготовления колец и пряжек использовались разные виды сырья. Одно кольцо и одна пряжка были откованы из цельностальных заготовок. При этом на этих изделиях, вероятно, в результате охлаждения после окончания ковки образовались сорбитовые микроструктуры, что говорит о применении мягкой закалки.

А три пряжки были откованы из заготовок неравномерно науглероженной сырцовой стали.

Кресала. На трех кресалах выявлены две технологические схемы изготовления. Два кресала были откованы из высокоуглеродистых стальных заготовок. А на одном кресале выявлена технологическая схема торцовой наварки высокоуглеродистой стальной полоски на основу из неравномерно науглероженной сырцовой стали. На всех трех кресалах выявлены следы термообработки. Цельностальные кресала подверглись мягкой и резкой закалке, а кресало с торцовой наваркой прошло резкую закалку.

Предметы вооружения. Металлографически исследованный наконечник стрелы был откован из цельностальной заготовки. Конечной операцией при его изготовлении была мягкая закалка.

Инструменты. К числу металлографически исследованных инструментов из Барбашинского могильника относятся: кочедык, шило и ножницы. Кочедык был откован в технологии наварки высокоуглеродистой стальной пластинки на основу из кричного железа. При этом кочедык подвергся резкой закалке.

Шило было отковано из двухполосной заготовки, сваренной из средне- и высокоуглеродистых полосок стали. Конечной операцией при изготовлении шила также была резкая закалка, что придало изделию достаточную прочность.

Ножницы. Рабочая часть ножниц была изготовлена из цельностальной высокоуглеродистой заготовки. Конечной операцией при изготовлении ножниц была мягкая закалка.

По результатам металлографических анализов изделий из Барбашинского грунтового могильника можно сделать следующие выводы. Основным сырьем для кузнецов, производивших продукцию Барбашинского могильника, были простое кричное железо, неравномерно науглероженная сырцовая сталь, но также специально приготовленная высокоуглеродистая сталь. При этом качество проковки кузнечного сырья не всегда было высоким. Мастера имели в своем распоряжении, кроме кричного железа и сырцовой неравномерно науглероженной стали, очень высокоуглеродистую сталь, получаемую, вероятно, способом сквозной цементации. На кузнечной продукции из Барбашинского могильника было выявлено применение семи технологических схем. Технологические схемы I группы суммарно составили 66,7%. Технологические схемы II группы составили в Барбашинской коллекции 33,3%.

Наиболее широко распространенной в коллекции Барбашинского могильника была ковка из специально приготовленной высокоуглеродистой стали. Она составила 47,6%. Такая технологическая схема применялась как на высококачественной продукции, так и при изготовлении простой продукции (нескольких пряжек).

На втором месте в исследованной коллекции стоит ковка из неравномерно науглероженной сырцовой стали. Такая технологическая схема применялась при изготовлении простой продукции, требования к которой предъявлялись невысокие. Это ременные пряжки.

В совокупности с технологической схемой пакетного металла, встреченном на одном топоре, эти три технологические схемы отнесены к I технологической группе.

Среди технологических схем II группы косая боковая наварка и вварка стальной лезы встречены только на ножах – изделиях высококачествен-

ного назначения. Торцовая наварка отмечена как на качественных изделиях – на ноже, так и на простой продукции – на кочедыке.

Двухполосная сварка встречена в одном случае. Вварка стальной лезы и боковая наварка отмечены по два раза. И торцовая наварка встречена в одном случае.

Обращает на себя внимание очень высокий процент применения термической обработки – закалки (76,4%). При этом кузнецы, снабжавшие своей продукцией население Барбашинской группы, преимущественно применяли резкую закалку на мартенсит (на 9 из 14 термообработанных изделий). Реже кузнецы исследованной коллекции использовали мягкую закалку. При этом иногда она получалась на изделиях из стали не преднамеренно, а при охлаждении предмета после кузнечного нагрева.

К сожалению, в нашем распоряжении нет данных, отражающих уровень развития кузнечного производства у мордвы VIII–XIII вв. Есть только данные о состоянии кузнечной технологии у мордвы в V–VII вв. (Старостин, Хомутова, 1981, с. 216). Эти данные свидетельствуют о значительном прогрессе кузнечной технологии мордовского населения в эпоху развитого Средневековья в составе Золотой Орды по сравнению с эпохой раннего Средневековья. Тогда на мордовской кузнечной продукции сложные сварные конструктивные схемы, за исключением пакетного металла, не применялись. Редко применялась ковка из цельностальных заготовок и технология цементации. Основная масса продукции изготавливалась из простого кричного железа.

В целом результаты металлографических анализов показали, что кузнецы Барбашинской группы населения владели всеми основными приемами холодной и горячей ковки. Они умело использовали операции кузнечной сварки и термообработки. Уровень железообработки кузнецов, изготавливавших продукцию для Барбашинской группы, был весьма высоким и близок к уровню железообработки населения Волжской Болгарии, Древней Руси и Прикамья в золотоордынское время (Семыкин, 1996; Розанова, Завьялов, 1997).

Заключение. Завершая рассмотрение развития черной металлургии Среднего Поволжья в золотоордынский период, мы пришли к выводу о том, что, несмотря на значительные утраты объектов металлургического производства во время монгольского нашествия и сокращения кадрового состава квалифицированных мастеров металлургов, металлургическое производство Волжской Болгарии в составе Золотой Орды постепенно восстановилось. Этому способствовали общие хозяйственные и экономические потребности региона.

В металлургическом производстве волжских болгар золотоордынского периода отчетливо заметна конструктивная и технологическая преемственность от производства железа домонгольского периода. Во второй половине XIII–XIV в. развитие металлургии железа Волжской Болгарии шло на основе местных сырьевых ресурсов Среднего Поволжья. Металлурги, стремясь повысить производительность горнов, шли по пути увеличения их рабочего объема, изменения формы лещади, экспериментирования с направлением шлаковыпуска.

Возрастающие бытовые и хозяйственные потребности населения в разнообразной продукции из черного металла в золотоордынский период привели к появлению металлургии чугуна и чугунолитейного производства у волжских болгар. Технология производства чугуна, вероятно, распространялась в Волжской Болгарии металлургами, оказавшимися в Восточной Европе вместе с монголами. Но технология чугуна в Поволжье развивалась на собственной сырьевой базе и сырьевых ресурсах. Показательно, что металлургия чугуна была в Волжской Болгарии освоена даже сельскими мастерами. Но многие технологические особенности получения чугуна и чугунолитейного производства волжскими болгарами все еще остаются исследованными недостаточно полно.

Слабо исследованным этапом истории развития черной металлургии Среднего Поволжья остается период Казанского ханства. Можно предполагать, что достижения черной металлургии волжских болгар, полученные в эпоху домонгольского и золотоордынского периодов, продолжались и в эпоху Казанского ханства.

Уровень развития металлургии железа и чугуна Волжской Болгарии золотоордынского периода в конце XIII–XIV в. был исключительно высоким и достаточным для обеспечения экономических и хозяйственных потребностей населения региона.

Подводя итоги металлографического изучения технологии кузнечного производства у населения Среднего Поволжья в эпоху Золотой Орды целесообразно вначале сравнить распределение технологических схем по группам. В кузнечной продукции Среднего Поволжья суммарно к I технологической группе относятся 67,4% кузнечных изделий, а ко II – 32,6%.

Представляет интерес сравнение уровня развития кузнечного производства Среднего Поволжья в эпоху Золотой Орды с технологией железообработки этого же времени в древнерусских городах и на территории Золотой Орды Нижнего Поволжья. В связи с тем, что в количественном отношении металлографически исследованные категории

кузнечной продукции в памятниках Древней Руси и Среднего Поволжья неравнозначны, проведем сравнение по наиболее технологически насыщенной категории – по ножам. Известно, что именно ножи были наиболее подвержены технологическим модернизациям.

Металлографически были исследованы 592 ножа золотоордынского периода, происходящих с памятников городского типа Древней Руси: Новгорода, Твери и Пскова (Завьялов и др., 2009; с. 31, табл. 2, с. 38, табл. 3, с. 45, табл. 4).

Подсчеты показывают, что древнерусские ножи золотоордынского периода с технологическими схемами, относящимися к I технологической группе, составили 37,8%, а ко II технологической группе отнесено 62,2% ножей.

На памятниках Среднего Поволжья количественное содержание технологических групп другое. К I технологической группе отнесено 56%, ко II технологической группе отнесено 43,4%.

В нашем распоряжении имеются результаты 28 металлографических анализов ножей Нижнего Поволжья, происходящих с Хмелевского I и Богаевского селищ (Недашковский, Семыкин, 2014). Основная масса ножей с этих памятников, 24 экземпляра из 28 исследованных (85,7%), была изготовлена с применением технологий, относящихся к I технологической группе. Соответственно, ко II технологической группе отнесено только 4 ножа этой коллекции (14,3%). При этом ножи чаще всего ковались из цельностальных заготовок – 13 экземпляров (45,4%), Реже (по 4 экземпляра) ножи здесь ковались из неравномерно науглероженной сырцовой стали и в технологии пакетного металла (по 14,3%). В целом заметно, что, как в Среднем, так и в Нижнем Поволжье, доля цельностальных ножей в I технологической группе была достаточно велика. А в древнерусских городах ковка ножей из цельностальных заготовок занимает второе место после ковки из кричного железа и сырцовой неравномерно науглероженной стали.

На ножах памятников Среднего Поволжья ведущей технологией являлась цементация лезвия (15,7%), реже – ковка из пакетованных заготовок (14,5%), еще реже – ковка из цельностальных заготовок, ковка из кричного железа и сырцовой неравномерно науглероженной стали (по 13,3%).

Во II технологической группе ведущей технологической схемой была боковая наварка стальной пластины на основу из кричного железа, либо из сырцовой стали (20,5%). Реже ножи ковались в двух вариантах технологии V-образной наварки (10,8%). Технологическая схема вварки стальной лезы составила 4,8%. Технологические схемы трехслойного пакета и торцовой наварки составили по 3,6%.

Возможно, что со временем, когда количество металлографических анализов кузнечных изделий с памятников золотоордынского периода Среднего Поволжья будет сопоставимо с количеством исследованных древнерусских изделий, картина может измениться. Но в целом имеющиеся в нашем распоряжении аналитические данные позволяют сделать в настоящее время вывод, что технологический кузнечный арсенал Среднего Поволжья золотоордынского периода был более архаичен по сравнению с составом технологических кузнечных приемов древнерусских городов. Причина этого нам пока еще не ясна.

ЦВЕТНАЯ МЕТАЛЛУРГИЯ БОЛГАРСКОЙ ОБЛАСТИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Изучение изделий из цветного металла золотоордынского времени берет свое начало в любительских штудиях первой половины XIX в. и опытах научного описания средневековых артефактов в статьях казанских коллекционеров конца XIX – начала XX в. А.Ф. Лихачева и Н.Ф. Высоцкого (Лихачев, 1876, с. 1–50; Высоцкий, 1908, с. 340–351). Основным препятствием в исследованиях этого материала до середины XX столетия была слабая разработанность хронологии древностей золотоордынской эпохи и крайне общее представление о специфике материальной культуры этого времени.

С 1950-х гг. начались масштабные археологические раскопки нижневолжских золотоордынских городищ и кочевнических древностей этого периода; появились обобщающие исследования (например: Федоров-Давыдов, 1966), позволившие получить хронологические основания для дифференциации археологического материала из Волго-Камья, в том числе и изделий из цветного металла. Особенно важны были стационарные исследования Болгарского городища, начавшиеся в 1938 г. и возобновившиеся в 1945 г. Разработанная стратиграфия памятника, большая часть культурного слоя которого относилась к эпохе Золотой Орды, позволили обозначить предметный комплекс, связанный с этой эпохой. Кроме того, были обнаружены и следы собственного производства изделий из цветного металла в Болгаре: медеплавильные горны, шлаки, тигли и т. п. Материалы раскопок 1930–1940-х гг. на Болгарском городище были опубликованы А.П. Смирновым (Смирнов, 1951, с. 168–228).

В конце 1970-х – первой половине 1990-х гг. основные аналитические штудии по материальной культуре эпохи Золотой Орды в Среднем Поволжье по-прежнему были связаны с Болгарским городищем. Отметим исследование Г.Ф. Поляковой, где рассматривалось производство изделий из цветного металла в средневековом Болгаре, их систематизация и классификация (Полякова, 1996, с. 154–268). Расширялась и источниковая база исследований, ежегодно пополняясь в результате раскопок. Были и уникальные открытия, например, в 1991 г. В.С. Барановым на раскопе CXII Болгарского городища в слое второй половины XIV – начала XV в. был обнаружен клад медной посуды (Баранов, 2001, с. 87).

В последней четверти XX – начале XXI в. были введены в научный оборот материалы с болгарских золотоордынских поселений в Западном и Центральном Закамье и на Самарской Луке (Казаков, 1988, с. 71–82; Казаков, 1993, с. 117–129; Васильева, 2013, с. 187–235; Сташенков, Кочкина, 2013, с. 248–276). В этот же период увидели свет труды М.Г. Крамаровского по изделиям из драгоценных металлов с территории Золотой Орды и К.А. Руденко по серебряным и золотым украшениям, металлическим зеркалам и художественной посуде из Болгара и Болгарской области Золотой Орды (Крамаровский, 2001; Руденко, 2001, с. 104–132; 2004, с. 111–156; 2015; 2015б, с. 135–152; 2021, с. 520–546; 2017, с. 160–181; Руденко, Оборин, 2017а, с. 143–159).

Существенно дополнили представление о цветной металлургии золотоордынского времени Волго-Камья масштабные раскопки Болгарского городища 2010–2021 гг., когда были изучены усадьбы ювелиров, медников с большим количеством литейных форм, сырья, тиглей и т. п., а также различных предметов, обнаруженных в культурном слое, объектах и кладах. Часть этих материалов опубликована (Бадеев, 2021, с. 8–19; Бадеев, Коваль, 2018, с. 270–289; Руденко, Ёлкина, 2017, с. 258–274; Степанов, Бадеев, 2019, с. 277–282).

***

Вопрос о цветной металлургии Болгарской области Золотой Орды достаточно сложен. С одной стороны, нам известно об обширном производстве изделий из цветного металла в Волжской Болгарии до монгольского завоевания. При скудности собственной сырьевой базы волжские болгары тем не менее в достаточно большом количестве изготавливали разнообразные ювелирные украшения из драгоценных металлов, самыми распространенными из которых были серебряные черненые перстни и плетеные из проволоки браслеты (Руденко, 2015). Уникальными являются золотые филигранные височные украшения в виде трехбусинного кольца с привесками и в ряде случаев с фигуркой птицы, изготовленные в комбинированной технике (Руденко, 2011; 2018, с. 7–21, рис. 1). Болгарское производство такого рода артефактов подтверждает и имеющийся в коллекциях специализированный инструментарий ювелиров (Халиков и др., 1985, с. 84–103, табл. XXXIII–XXXVII). Было налажено изготовление украшений разного рода из меди и бронзы.

Если ювелирные изделия собственного производства, как правило, циркулировали в пределах болгарских земель, то за их пределы вывозилась медная бытовая посуда, в основном котлы, реже мерные емкости («кру́жки») и ковши (Руденко, 2000, с. 30–33, 77–80, рис. 17, 18, 21, 24: 3–7; Олейников, Руденко, 2013, с. 144–148; 2017, с. 168–171; 2017а, с. 326–341). В начале XIII в. на сопредельных территориях при участии болгарских мастеров, покинувших Волжскую Болгарию в период монгольских завоеваний, изготавливались эксклюзивные ювелирные изделия (Руденко, 2015а, с. 162–165).

Завоевание Волжской Болгарии монгольскими армиями и включение ее земель в состав Улуса Джучи кардинально изменило ситуацию. Разрушение инфраструктуры болгарского государства, экономических связей и городских ремесленных центров, как и огромные людские потери, привели к прекращению деятельности многих ювелирных центров домонгольского времени и сокращению выпусков серийных ремесленных изделий (Руденко, 2018а, с. 111–124). Профессиональные мастера-ювелиры и медники частью эмигрировали, частью погибли; кто-то был пленен монголами.

Экономика болгарских земель после монгольского нашествия стала строиться на основаниях, общих для территории Улуса Джучи, то есть включала как оседлый, так и кочевой компонент, что привело к довольно быстрому внедрению новых культурных кодов и соответствующих им предметов материальной культуры, в первую очередь предметов роскоши у проживавшего здесь населения. При этом бóльшая часть ремесленного потенциала, особенно профессиональных мастеровых, была сосредоточена в городе Болгаре, имевшем в 1240–1250-х гг. особый статус в связи с тем, что поблизости от него располагалась ставка монгольских ханов, а территория бывшей Волжской Болгарии вошла в Батыев юрт (Полубояринова, 2003, с. 105). Отметим, что именно в городе Болгаре во второй половине XIII в. чеканились первые золотоордынские монеты (Федоров-Давыдов, 1987, с. 163, 164). Не лишено оснований предположение, что чекан монет в этот период осуществлялся мастерами-литейщиками, поскольку именно в районе металлургических меднолитейных горнов

в постройке конца XIII в. (раскоп CXCII 2014 г.) был обнаружен нижний монетный штемпель (Бадеев, Коваль, 2018, с. 277, 280).

В сущности, на протяжении второй половины XIII – начала XV в. город Болгар являлся крупнейшим центром цветной металлургии Болгарской области Золотой Орды. Следы обработки цветных металлов встречены и на других поселениях этого времени, например, на Лаишевском селище или Сухореченском поселении (Васильева, 2013, с. 198), но в существенно меньших масштабах.

В отличие от домонгольского времени сырьевая база ювелиров и медников во второй половине XIII в., как и в последующее время, существенно расширилась. Особенно это касалось серебра, поскольку кроме слитков этого металла, использовавшихся в Болгарской области в качестве платежного средства, что хорошо известно по кладам и отдельным находкам на Болгарском городище (Федоров-Давыдов, 1987, с. 160; Полякова, 1996, с. 157; Баранов, 2001а, с. 144–146; Глазунова, Гайдуков, 2014, с. 252–263), со второй половины XIII в. серебро могло поступать в разном виде как дань с русских земель (Насонов, 2006, с. 222). До начала XIV в. этого металла хватало на чеканку в Болгаре собственной монеты, которая в основном имела хождение в Болгарской области, не выходя за ее границы. При этом в середине XIII в., как считал Г.А. Федоров-Давыдов, ощущался определенный дефицит меди для чеканки разменной монеты (Федоров-Давыдов, 1987, с. 164). В XIV в. для ювелиров источником как серебра, так и золота мог быть монетный металл, а также уральское серебро.

В XIV в. в Болгаре плавка металла из медесодержащих руд, по мнению О.С. Хованской, осуществлялась в небольших горнах. Г.Ф. Полякова предполагала, что медь плавили в местах добычи, а городские ремесленники ее только рафинировали. К сожалению, проверить эту версию сложно, поскольку пока не открыты места добычи медной руды в пределах Болгарской области Золотой Орды. Г.М. Залкинд предполагал, что разработки медной руды в Буинском, Тетюшском и Мамадышском районах Татарстана (сёла Бакырча, Бакырла), производившиеся в XVII–XIX вв. были открыты еще болгарами (Хованская, 2021, с. 50; Полякова, 1996, с. 154, 155; Руденко, 2000, с. 12, 13).

Часть медного сырья привозилась в Болгар в виде слитков или медных тонких листов прямоугольной формы шириной 15,5 см, последние при транспортировке сворачивались в рулон. Такие артефакты были найдены на раскопе LXXXIII (1982 г.) (Музей, 2016а, с. 174, кат. 22.2.1 и 22.2.2) (рис. 1: 1, 2). Помимо всего прочего осуществлялась и утилизация вышедшей из употребления медной посуды, о чем свидетельствуют обрезки стенок котлов и ковшей, а также обнаруживаемые скоплениями по несколько сотен, а то и тысяч кусочков небольших размеров медных пластинок, как, например, на раскопе XXXVI (1970 г.). Кроме них, в производственных районах, где жили и работали медники и ювелиры, встречаются медные ушки от котлов.

При отливке слитков-заготовок мастера брали довольно крупные медные пластинки, нарезавшиеся ножницами по металлу из небольших листов, и нарубленные кусочки медных ручек-ушек от котлов, которые помещались в тигли. При литье небольших изделий использовалась металлическая стружка, мелкие обрезки медных пластин, проволока, а в качестве лигатуры, скорее всего, выступали осколки металлических зеркал (Полякова, 1996, с. 158; Бадеев, Коваль, 2018, с. 279, рис. 5: 1). Можно предположить, что лом металлических зеркал специально собирали для этих целей.

Свинец доставляли в Болгар в виде конических слитков небольших размеров. Один из таких был найден в северо-западном секторе раскопа CXLIX, во II слое стратиграфической шкалы городища (рис. 1: 3). Диаметр основания слитка 3,4–4; высота 4,5–5 см (информация В.С. Баранова). Олово поступало в виде стержневидных слитков разной длины.

Технические устройства для плавки. Для плавки черновой меди использовались горны, сложенные из сырцовых и обожженных кирпичей, и ямные. Наиболее полную картину производственных площадок, связанных с обработкой меди, дает Болгарское городище. Здесь на раскопе XVIII (1949 г.) О.С. Хованской были изучены три горна. Они были датированы первой половиной – серединой XIV в. (Хованская, 2021, с. 50, 51). Рядом с ними зафиксированы шлаки, скопления угля и в большóм количестве обрезки меди, а также литейные формы. Аналогичная ситуация была отмечена на раскопе CLXXIX 2015 г., где были выявлены остатки медеплавильного комплекса конца XIII – первой трети XIV в. (Бадеев, Коваль, 2018, с. 277).

На Болгарском городище исследователи выделяют два ремесленных района, связанных с обработкой меди и сплавов цветного металла. Первый был расположен в центральной части города, к западу, юго-западу и югу от Соборной мечети. Здесь работало немало медников и ювелиров (Бадеев, 2021, с. 8–19). Второй ремесленный район находился в западный части города у Галанского озера. Здесь помимо кузнецов и медников работали еще и гончары. Оба этих района сформировались в конце XIII – начале XIV в. (Полякова, 1996, с. 158).

Рис. 1. Сырье и тигли. Болгарское городище. 1,2 – медные листы; 3 – тигель; 4 – свинцовый конус. Коллекция БГИАМЗ

Инструменты. Инструментарий, связанный с мастерами-ювелирами: мерные ложечки, зубильца или миниатюрные железные топорики для рубки проволоки, молоточки, клещи малых и средних размеров, в том числе и тигельные, слесарные ножницы. Стоит отметить еще использование железных волочильных досок для изготовления сканой проволоки. Такая волочильная доска для протягивания проволоки диаметром от 2–3 мм до 0,1 мм найдена на Лаишевском селище. Для чеканных и гравировальных работ были необходимы пунсоны, резцы и т. п. инструменты. Такой набор встречается, как правило, на городищах (Савченкова, 1996, с. 20–23, табл. I, рис. 6: 7–13; Бадеев, Коваль, 2018, с. 282, рис. 7). Отметим, что многие инструменты были аналогичны домонгольским (Халиков и др., 1985, с. 86).

Бронзовые наковаленки в виде граненого стержня с 12-гранным оголовником (рис. 2), которые можно причислить к оборудованию рабочего места ювелира, известны пока только с Болгарского городища. Аналогичные им встречены на нижневолжских золотоордынских городищах (Полякова, 1996, с. 166, 167, рис. 59:17; Музей, 2016а, с. 181, 182, кат. 22.2.36–22.2.41; Федоров-Давыдов, 1994, с. 186, 188, рис. 39: 6, 7).

Для изготовления штампованных изделий использовались матрицы (рис. 3). Их известно немного и встречаются они исключительно на городищах. Отметим одну из них из раскопа CXLIX 2010 г. на Болгарском городище, отлитую из бронзы. Она имеет диаметр 6,5 см; на ней – рельефный рисунок в виде цветочной розетки с растительным орнаментом (рис. 3: 1) (Музей, 2016а, с. 176, кат. 22.2.11). С помощью таких матриц делали золотые и серебряные украшения для головных уборов (Руденко, 2021, с. 535, рис. 7: 1, 2). Особый интерес представляют матрицы в виде протомы дракона для выделки ручек к парадным золотым чашам. Три таких матрицы найдены на Болгарском городище (Руденко, 2015, с. 287, ил. 402–404).

Вспомогательные инструменты. К ним относятся пинцеты (рис. 4: 2) и весы для мелких взвешиваний (рис. 4: 1). Известны два типа весов: первый – в виде равноплечего коромысла со стрелкой и с чашечками. На концах коромысла имеются сквозные отверстия, в которые продеты колечки (серьги). К последним на шнурках подвешивались медные чашечки. Некоторые из них были украшены гравировкой, как, например, чашечка из раскопа CIV 1989 г. (Музей, 2016, с. 261, кат. 12.10) (рис. 4: 1). Обычно такие весы ассоциируют с денежными операциями. Также широко были распространены в ордынских древностях складные шарнирные весы без подвесных чашечек. Чаще всего они изготавливались из рога или кости (Музей, 2016, с. 261, кат. 12.8; Федоров-Давыдов, 1994, с. 176, рис. 35: 1, 2). Из коллекции А.Ф. Лихачева в НМ РТ происходят бронзовые весы такого типа (Руденко, 2016, с. 131, рис. 6: 2).

В комплексе с весами нужно рассматривать металлические гирьки (рис. 4: 3–7). Представление о них дает коллекция таких артефактов, обнаруженная при раскопках в районе центрального городского базара Болгара (Музей, 2016, с. 262, 263, кат. 12.11–12.22). Использование весов рассматриваемых типов в ювелирном деле подтверждают материалы Царевского городища (Федоров-Давыдов, 1994, с. 188, 189).

Рис. 2. Наковальни бронзовые. Болгарское городище. Подъемный материал. Коллекция БГИАМЗ

Рис. 3. Матрицы бронзовые. Болгарское городище. Коллекция БГИАМЗ

Рис. 4. Вспомогательные инструменты и приспособления ювелиров. Весы (1), гирьки (3-7) и пинцет (2). Болгарское городище. Коллекция БГИАМЗ

Для изготовления черни, а также золочения изделий, то есть нанесения амальгамы на основе ртути, была необходима стеклянная химическая посуда, а также емкости для хранения реагентов. Для последнего, скорее всего, использовались глиняные сфероконические сосуды, которые изготавливались на Болгарском городище местными гончарами (Хлебникова, 1988, с. 92–94, рис. 70; 71: 1–10). Не исключено, что для определенных процедур были нужны металлические ступки (Руденко, 2016, с. 131, рис. 6: 1).

Специализированные приспособления. К ним можно отнести техническую керамику – тигли для литья. Для золотоордынского времени характерны тигли трех типов. Первый тип – изделия призматической формы без слива; второй тип – тигли конической формы с приострённым дном и словом; третий тип тиглей – цилиндрической формы с округлым дном, без слива (рис. 1:

3). Высота их в среднем 4, диаметр 3,2 см (Музей, 2016а, с. 184, кат. 22.2.47).

Особую категорию специализированных приспособлений представляют литейные формы. Наибóльшая коллекция таких артефактов происходит с Болгарского городища (рис. 5–7). На сегодняшний день она насчитывает около 180 экз. Из них 48% происходит из раскопа CXCII 2016, 2017 гг. – 86 экземпляров (Степанов, Бадеев, 2019, с. 277). Как отмечают исследователи, они, возможно, происходили из мастерской, которая функционировала в середине XIV в., точнее, в 1350–1360-е гг. В целом на Болгарском городище створки и целые литейные формы происходят из напластований и объектов конца XIII–XIV в., причем на раскопе CXCII иногда они располагались скоплениями до 7 экз. (Медынцева, Коваль, Бадеев, 2019, с. 106). Помимо этого, литейные формы обнаружены на раскопах LV 1976 г., LIX 1979 г., CXV 1992 г., CXVIII 1993 г. (Музей, 2016а, с. 184, 185, кат. 22.2.48; 22.2.51; 22.2.52; 22.2.55).

Литейные формы делали из известняка, сланцевых пород или же из обломков талькохлоритовых котлов из Средней Азии (Руденко, 2015, с. 251, 252, рис. 49–51). Среди них имеются двухстворчатые и четырехстворчатые формочки, соединявшиеся свинцовыми штифтами или же фиксировавшиеся иным способом. Створки некоторых литейных форм соединялись специальной бронзовой обоймой. Фрагмент такой обоймы происходит из раскопа LXV 1979 г. Болгарского городища (Полякова, 1996, с. 165, рис. 58: 12; Музей, 2016а, с. 186, кат. 22.2.59).

Судя по устройству литниковой системы, в Болгаре применялись имитационные литейные формы, с которыми связана технология литья «на выплеск», позволявшая получать отливки высокого качества, в том числе копии филигранных изделий. На ряде литейных форм производственные плоскости могли располагаться на разных гранях (Полякова, 1996, с. 163).

Ассортимент изделий, которые получали в этих формах, был достаточно разнообразен. Это щитковые перстни (с овальными и прямоугольными орнаментированными щитками), бусинные височные кольца (с тремя и более бусинами), серьги, пластинчатые браслеты, игольники, грузики грибовидной формы, пуговицы, бусы, ременные бляхи и пряжки, различные привески и медальоны, навершие головного убора, а также четырехконечные кресты и т. п. Интересны формы для отливки металлических зеркал, одна из которых сделана из глины (НМ РТ, инв. № 5363). Двусторонняя литейная форма с Муранского селища была предназначена для отливок женских головных украшений и деталей костюма (Сташенков, 2012, с. 116–119; Сташенков, Кочкина, 2013, с. 253, 270, 271, рис. 20; 21).

На литейные формы, обнаруженные на Болгарском городище, нередко наносились различные знаки, чаще всего процарапанные на поверхности формы (Кокорина, 2012, с. 149, рис. 1, 2). На одной из литейных форм была обнаружена надпись, по мнению исследователей, являвшаяся подписью мастера-камнереза, некого Ясеня. Причем она была выполнена кириллическими буквами на одном из тюркских наречий и носила благопожелательный характер: «живи в довольстве…….. коврючь Ясень, выточивший формочку» (Бадеев, Коваль, 2018, с. 280; Медынцева, Коваль, Бадеев, 2019, с. 107, 108, рис. 1).

Медная и бронзовая посуда

Бронзовая литая посуда на золотоордынских памятниках Волго-Камья встречается редко. Практически вся она привозная. Представлена несколькими видами изделий. Первый – *котлы* (2 экз.). Они небольших размеров, объемом около 3 л. У котлов раздутое тулово с 3 ножками-выступами, невысокая шейка и уплощенный венчик с двумя ушками и вставленной в них дужкой. Котелки найдены на Болгарском городище и д. Айбаш Спасского уезда Казанской губернии (Руденко, 2000, с. 36, тип Б-1; Даркевич, 1975, с. 240, 241, № 6, 7, рис. 3: 5; 4: 1–3). Изготовлены они были в Сирии или Египте в XIV в., часть из них, более высокого качества, украшена инкрустацией.

Второй вид изделий (3 экз.) – *чаши* с носиком сливом, полусферической формы (диаметр 13–17 см, высота 4–7 см) с гравированными рисунками и надписью (рис. 8: 5). Найдены в подъемном материале на Болгарском городище, а также в кладе 1889 г. (Полякова, 1996, с. 242, рис. 77: 1, 3, 4, 5). По аналогиям датируются второй половиной XIV – первой половиной XV в. Изготовлены в Иране (Музей, 2016а, с. 94, 95, кат. 17.13; Даркевич, 1975, с. 242, № 9, 10).

Третий вид (6 экз.) – *чаши* литые округлодонные. Представлены двумя типами. Первый (4 экз.) – небольшие чаши, украшенные нечитаемыми надписями, буквы в которых были инкрустацией серебром (рис. 8: 2). На двух чашах в надписях у букв «алиф» имеют антропоморфные завершения. Эти сосуды изготовлены в Мавераннахре и Иране. Обнаружены на Болгарском городище, причем одна – при раскопках общественной бани т. н. «Красной палаты» в 1938–1939 гг. Последняя чаша датируется XII – началом XIII в., первая – XIII в. Так же датируется еще одна чаша из Болгара с благопожелательной надписью (рис. 9: 1) (Руденко, 2001, с. 104, 105, 107, № 1, 2, 7, 8; 2015, с. 488, кат. 373). По археологическо-

Рис. 5. Каменные формы для отливки свинцовых грузиков. Болгарское городище. Коллекция БГИАМЗ

му контексту эти изделия бытовали в XIV в. Из Болгара также происходит фрагмент т. н. «магической чаши», или чаши для гадания (НМ РТ, инв. № 5363), которую можно отнести к этому типу (рис. 8: 3). Поверхность ее разделена на сектора с эпиграфическим декором. Аналогичная чаша, только из серебра, имеется в Симферопольском кладе. Датируется XIII – первой половиной XIV в. (Золотая, 2019, с. 412, 413, кат. 319).

Второй тип чаш (2 экз.) – округлодонные с раздутым туловом и невысокой вертикальной шейкой (рис. 8: 4). На внешней стороне имеются изображения всадников – игроков в поло; орнамент состоит из восьми декоративных полос, включающих благопожелательную арабскую надпись, рисунки на основе геометрических и растительных мотивов. На дне чаши с внутренней стороны имеется изображение рыб (рис. 9: 2). Чаша инкрустирована золотом и серебром. Найдены чаши на Болгарском городище. Они изготавливались в Иране или Сирии во второй половине XIII – первой половине XV в. Характерны для первой половине XIV в. (Даркевич, 1975, с. 232, 233, рис. 1; 1976, с. 48, 49, № 89, табл. 48; 49: 1–4).

Четвертый вид (2 экз.) – *кубки*: литые сосуды полусферической формы на коническом поддоне; украшенные гравированным растительным и анэпиграфным орнаментом; инкрустированные серебром и медью (рис. 9: 3, 4). Датируются второй половиной XIII в. и XIV в. Изготовлены в Иране. Один из них найден у с. Пролей-Каша Тетюшского района Татарстана (Руденко, 2001, с. 105, 106, № 3, 4, рис. 3, 4; 2015, с. 492, 493, кат. 379, 380).

Пятый вид – *блюда* (1 экз.). Представлен одним изделием, обнаруженным на Русско-Шуганском II поселении в Муслюмовском районе Татарстана. На бронзовую литую основу изделия была напаяна пластина, украшенная чеканным и гравированным эпиграфическим и геометрическим орнаментами. Сохранился фрагмент блюда. Е.П. Казаков, опубликовавший эту находку, предположил, что изделие имело диаметр около 40 см (Казаков, 1978, с. 40, 41, рис. 14, 15). Датируется XIV в.

Шестой вид (9 экз.) – *подсвечники и светильники*. Из Болгарского городища происходят основания подсвечников (4 экз.) и верхние втулки (4 экз.). Выделяется основание подсвечника, изготовленного в Иране в первой половине XIV в. (рис. 10: 4). Оно найдено у «Греческой палаты» на территории армянской колонии средневекового Болгара. Изделие усеченно-конической формы, высотой 12,3 см при диаметре основания 18 см. На тулове имеются гравированные изображения фантастических животных и человеческие фигур. Изделие инкрустировано (Даркевич, 1975, с. 237, 238, № 4, рис. 2; Руденко, 2015. с. 491, кат. 378). Остальные три основания подсвечников не имеют

Рис. 6. Каменные формы для отливки украшений. 1, 2 – сланец; 3–5 – известняк. Болгарское городище. Коллекция БГИАМЗ

декора (Руденко, 2015, с. 339, рис. 97: 1–3). Так же не орнаментированы верхние части подсвечников из коллекции НМ РТ (Руденко, 2015, с. 339, рис. 97: 4–7). Аналогию формам последних можно найти в подсвечнике мавзолея Ахмада Ясави конца XIV – начала XV в. (Художественная, 2012, с. 40, 73, илл. X). Светильник (фрагмент стенки с ручкой) зафиксирован на раскопе IV 1951 г. на Болгарском городище (уч. 13–18, яма 11). Скорее всего, деталью подвесного светильника является небольшое изделие высотой 11,4 см из раскопа LXI 1978 г. на Болгарском городище (рис. 10: 3). Аналогии ему датируются XI–XIII вв. (Каталог, 2016а, с. 183, кат. 22.2.42; Художественная, 2012, с. 38, 70, 138, 213, илл. IV; XXX). Также частью металлической части лампы может являться литая

Рис. 7. Каменные формы для отливки височных колец (1) и перстней (2). Болгарское городище. Коллекция БГИАМЗ

крышечка диаметром 8 см рельефным цветочным и растительным орнаментом (Музей, 2016а, с. 183, кат. 22.2.43).

Седьмой вид – *чернильницы* (4 экз.). Представлены двумя типами. Первый (3 экз.) – изделия цилиндрической формы с крышкой с фигурным навершием, как правило, имеют разнообразный декор. Целая литая чернильница без крышки найдена у с. Кульбаева Мараса. Крышки от чернильниц встречены в подъемном материале на Болгарском городище (рис. 11: 1) (Руденко, 2015, с. 489, кат. 374). Еще одна бронзовая чернильница этого типа была найдена на территории Башкирии (т. н. «баймакская чернильница»). (Даркевич, 1976, с. 49, № 90, табл. 49: 5; Музей, 2016а, с. 92, 93, кат. 17.12; Гарустович, Валиулина, 2008, с. 102, 106, рис. 2: 1). Все они изготовлены в Иране в XIII в. или в конце XII – первой половине XIII в. Баймакская чернильница, по мнению авторов публикации, была изготовлена в Иране в XIII – первой половине XIV в. Все эти изделия украшены гравировкой и инкрустацией серебром и медью. Такие изделия имели широкое хождение в Центральной Азии в XII–XIII вв. (Художественная, 2012, с. 265, илл. XXXVIII). Второй тип изделий (1 экз.) – восьмигранная поделка с низкой горловиной без изображений. Найдена на Брик-Алгинском местонахождении в Башкирии, датированном первой половиной XIV в. (Гарустович и др., 2005, с. 112, рис. 22: 6).

Восьмой вид – *ступки* (3 экз.). Все найдены на Билярском и Болгарском городищах. Представлены одним типом: массивные литые граненые изделия высотой 6,6 см с небольшой петелькой на одной из боковых граней. Посередине граней имеется ромбовидный выступ (рис. 11: 2). Фрагменты таких ступок обнаружены в культурном слое Болгарского городища, например, на раскопе LI 1975 г. (рис. 11: 3) (Музей, 2016, с. 225, кат. 11.2.31) и в подъемном материале (БГИАЗ, Б-64/26-453). Вероятное место изготовления – Малая Азия или Закавказье, XIII в. Например, аналогичная ступка происходит из Анаберда в Армении и датируется XIII в. (Руденко, 2000, с. 82, № 3, рис. 28; Аракелян, 2003, с. 444, табл. 158: 8). Такая же ступка найдена на Водянском городище в Волгоградской области (Fedorov-Davydov, 2001, p. 87, fig. 28).

Бытовая и парадная посуда из меди довольно разнообразна. Бытовали медные *котлы* типа М-10 и М-12 по К.А. Руденко. Первый из них, с раздутым в нижней части туловом (26×13–16 см), выпуклым дном, отогнутым венчиком; имеет емкость от четырех до 20 л. Конструкция четырех- или пятичастная; соединение частей сваркой в зубец. Ушки и дужка железные (Руденко, 2000, с. 35, 36). Такие котлы были широко распространены у мордвы (Сташенков, Кочкина, 2012, с. 149, СОИКМ, КП-15/433); фрагменты их встречены в Болгаре. Котел типа М-12 имеет колоколовидную форму копируя, видимо, литые котлы типа Б-1. Выполнен давлением. Ручки кольцевидные, вставленные в специальные держатели, припаянные к стенкам котла в верхней части. Найдены на Болгарском городище тулова (Руденко, 2000, с. 36; Полякова, 1996, с. 242, рис. 77: 1). Из Барбашинского могильника происходит медный котловидный сосуд (26×16 см), напоминающий глубокую миску с отогнутым венчиком. Его тулово состоит из двух усеченно-конических элементов; дно плоское. Ушки были, вероятно, цельнокованые, железные (?) (Сташенков, Кочкина, 2012, с. 150, СОИКМ, КП-19/98). Котлы типа М-4 (рис. 12: 1), широко распространенные в домонгольский период, в золотоордынское время бы-

Рис. 8. Парадная бронзовая (2–5) и медная (1) посуда. Болгарское городище. Коллекция БГИАМЗ (5), ГИМ (4) и НМ РТ (1–3)

товали пережиточно. В XIV в. они практически исчезли из употребления. Производство их прекратилось в XIII в.

Ковши (2 экз.) цилиндрической формы трёхчастной сборки фальцовкой и сваркой в зубец имели железную ручку (рис. 12: 2). Они практически не изменились с домонгольского времени.

Тазы, трех- или пятичастной сборки с соединением «в зубец», имеют, как правило, цилиндрическое или усеченно-коническое тулово с плоским дном; в верхней части крепятся массивные железные ушки. Емкость тазов от 24 до 50 л. Датируются XIV – первой половиной. XV в. Такие находки сделаны на Болгарском городище (клад 1950 г.), Нижнемарьянском и Юльяльском (Республика Марий Эл) селищах (Руденко, 2000, с. 76, 77; Полякова, 1996, с. 242, рис. 77: 2).

Кумганы и мерные емкости «кружки» (7 экз.) – усеченно-конической, вытянутой формы с носиком и без него (типы 1 и 2 по К.А. Руденко)

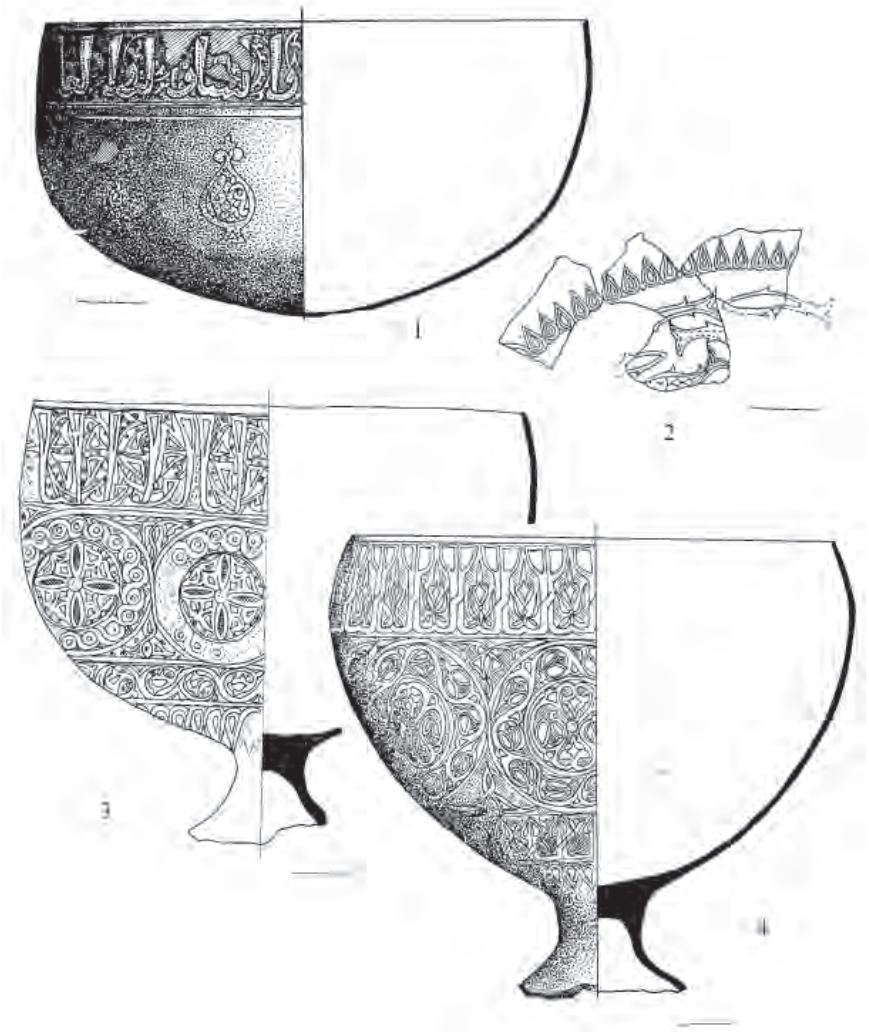


Рис. 9. Парадная бронзовая посуда. Болгарское городище (1), находка у с. Пролей Каша (Тетюшской район РТ) (4), место находки не известно (3). Коллекция НМ РТ (1, 3, 4) и Приволжского университета (2). Прорисовка К.А. Руденко

(рис. 13: 2). В отличие от домонгольского времени (Музей, 2016а, с. 187, кат. 22.2.60) большая часть этих изделий больших объемов – в среднем 4–5 л. (рис. 13: 1) (Руденко, 2000, с. 77, 78, рис. 19–21). Все эти изделия найдены на Болгарском городище. Особо выразительны сосуды типа 2 из клада 1991 г. на раскопе CXII, конца XIV – начала XV в. (Баранов, 2001, с. 79–87, № 3, 4, рис. 2, 3, 9, 11). На одном из них (№ 4) имеется многоярусный гравированный орнамент с орнаментальными поясками и медальонами (рис. 13: 3). У него был носик и ручка, которые не сохранились. Аналогичный сосуд, но без декора, найден на раскопе CLXXXV (Музей, 2016а, с. 144, 145, кат. 20.1; Археологические…, 2014, с. 13). Из Болгара происходит и кумган с носиком большого объема (рис. 13: 4). Вариантом типа 2 (1 экз.) является кумган с туловом, расширяющимся в верхней части, как у ведерка, с округлым плечиком, на котором установлен длинный наклонный носик; горловина его вытянутая, цилиндрическая, несколько сужающаяся в верхней части. Он был в кладе 1889 г. с Болгарского городища (Полякова, 1996, с. 242, рис. 77: 1).

Кумган типа 4 (2 экз.) характерной для мусульманских стран формы: с цилиндрическим туловом, высокой шейкой со сливом и вертикальной ручкой, собран из нескольких листов холодной сваркой в зубец (рис. 14: 1). Он также найден на раскопе CXII, в кладе 1991 г. (Баранов, 2001, с. 78, 100, № 2, рис. 8; Музей, 2016, с. 109, кат. 7.1.5). Второй кумган был обнаружен на Новохозятовском поселении золотоордынского времени в Башкирском Предуралье. Сохранилась только горловина сосуда, украшенная гравированным растительным орнаментом и в картушах – рельефным изображением сидящего льва (?). Авторы публикации датировали его XII–XIII вв., а попадание в землю – XIII в. (Воробьева, Гарустович, 2016, с. 128, 129, рис. 1д; 2в). Кумганы этого типа производились в Средней Азии и Иране в XII–XV вв. (Художественная, 2012, с. 79, илл. XX). Прототипы их, отличающиеся в деталях, изготавливались

Рис. 10. Светильники (*1, 2*), подсвечник (*4*) и детали от подсвечника (*3*). Болгарское городище. БГИАМЗ (*1–3)*; НМ РТ (*4*)

Мавераннахре в IX–X вв. (Даркевич, 1976, с. 49, №91а, табл. 45: 7).

Кувшины (2 экз.) представлены 2 типами. Первый (1 экз.) – с вытянутым колоколовидным туловом с высокой горловиной с ручкой (рис. 14: 2) Он украшен многоярусными гравированными рисунками на основе растительных и геометрических мотивов (рис. 14: 2а–2д). Кувшин найден на раскопе CXII, соор. 4д, слой IV п. (1991 г.), в составе клада медной посуды и датирован концом XIV – началом XV в. (Баранов, 2001, с. 75–78, № 1, рис. 4–7; Музей, 2016, с. 109, кат. 7.1.6). Второй тип – кувшин с грушевидным каннелированным туловом с усеченно-коническим поддоном. У него цилиндрическое горло, декорированное гравированной благопожелательной надписью, инкрустированной серебром. Найден в курганном захоронении золотоордынского времени в Башкирии. Атрибутирован как восточноиранское изделие конца XII – первой половины XIII в. (Даркевич, 1976, с. 15, № 16а, рис. 49: 6).

Чаша латунная (?) полусферической формы с орнаментом, имитирующим благопожелательную (?) надпись (рис. 8: 1). Изготовлена в Иране или Сирии во второй половине XIII – первой половине XV в. (Руденко, 2001, с. 106, 107, № 5, рис. 6). Найдена в Болгаре.

Светильник (2 экз.) призматической формы с плоским дном и с носиками для фитилей по углам (рис. 10: 1, 2). Найдены на Болгарском городище, один – на раскопе CXXIII 2005 г. (Музей, 2016, с. 62, кат. 4.14).

Украшения прически и тела

Серьги на памятниках золотоордынской эпохи встречаются нескольких видов. *Первый вид* – серьги в виде разомкнутого кольца, иногда с заходящими друг за друга концами. Изготовлены они, как правило, из проволоки, чаще всего серебряной или медной, редко – из золотой. Диаметр их в среднем 1,2–2 см. На одном экземпляре из Болгара, выполненном из золота, на одном из окончаний имеется миниатюрная филигранная бусина (рис. 15: 4), а на другом, также из золота, с ложным витьем, на окончании закреплена маленькая жемчужина (рис. 15: 10) (Музей, 2016а, с. 194, кат. 22.3.23; 22.3.24).

Второй вид серег представляют изделия в виде знака вопроса (рис. 15: 5–9; 16: 1–3). Это однотипные украшения, сделанные из проволоки или отлитые в литейной форме, верхняя часть которых согнута почти в кольцо, по форме напоминающее знак вопроса. Разнообразнее золотые серьги этого вида – в качестве дополнительного украшения в их конструкции использованы жемчужины, филигранные бусины, стеклянные привески и т. д. Встречены золотые серьги с двумя дополнительными привесками, украшенными в нижней части стеклянными бусинами и жемчугом (Руденко, 2015, с. 499, кат. 396). Аналогичные им изготавливались из меди и серебра. Этот тип серег распространен очень широко и территориально, и хронологически. Однако на территории Европы он приобрел массового потребителя в эпоху Золотой Орды. Очень похожие изделия встречаются в это время от Дуная и до Иртыша; известны они в северорусских землях и в Новгороде, где датированы XIV – серединой XV в. (Седова, 1981, с. 15, 16, рис. 3 – 1, 2, 9). Находки таких украшений известны практически на всех крупных болгарских городищах и селищах ордынского времени, кочевнических памятниках Предуралья, чияликских могильниках; особенно много их обнаружено на

Рис. 11. Крышка от чернильницы с инкрустацией (1) и ступки (2, 3). Бронза.
2 – коллекция НМ РТ. Болгарское городище. Коллекция БГИАМЗ.

поселениях в зоне Куйбышевского водохранилища. На Болгарском городище такие изделия из раскопок зафиксированы в слоях середины – второй половины XIV в. (Казаков, 1978, с. 64, 65, рис. 33: 1, 13; 34: 20; 1993, с. 128, рис. 6: 18,19; Иванов, Кригер, 1988, с. 38, рис. 14: 1, 4, 5, 10, 11; Музей, 2016, с. 195).

Классификацию серег в виде знака вопроса в первой пол. 1960-х гг. разработал Г.А. Федоров-Давыдов, объединив их в один тип (VI) с 7 вариантами (а–ж). Эта схема с небольшими дополнениями использовалась во второй половине XX в. в систематизациях украшений в кочевнических древностях и на поселениях эпохи Золотой Орды (Федоров-Давыдов, 1966, с. 38–41, рис. 6 – тип VI; Иванов, Кригер, 1988, с. 17, 18, рис. 4). Существуют и локальные систематизации сережек этой формы, сделанные по материалам отдельных памятников, в основном построенные на особенностях деталей или конструкции этих украшений (Казаков, 1978, с. 63–67).

Серьги в виде знака вопроса из Среднего Поволжья и Предуралья золотоордынского времени делятся на два раздела: I – проволочные с на-

Рис. 12. Медные котлы (1) и ковши (2). 1а – деталь. Болгарское (1, 3) и Билярское (2) городища. Коллекция БГИАМЗ.

вивкой из проволоки (рис. 15: 5–9), и II – литые с проволочной навивкой. Внутри разделов серьги группируются в отделы (А, Б, В…) по дополнительным элементам, которые могут быть цельнолитыми, напускными и подвижными. В отдел А, с навивкой тонкой проволоки, раздела I входят 7 экз., отдел Б, с напускными бусинами, жемчугом или декоративными элементами, – 7 экз. В раздел II, литых серег, входят 2 типа (14 экз.), отличающиеся нижним грузиком – в виде многогранника и шарика. В последнем случае выделяется подтип с напускной филигранной бусиной в виде шара или бутона цветка (рис. 16: 1–3) (Руденко, 2013, с. 333–339). Датируются артефакты этого вида XIV в. по стратиграфии Болгарского городища, а также по материалам Брик-Алгинского местонахождения, погребальным комплексам мордовских могильников золотоордынского времени, например, Барбашинского и Муранского (Гарустович и др., 2005, с. 110, рис. 20: 1–13; Сташенков, Кочкина, 2012, с. 135, СОИКМ Ф2-83; Алихова, 1954, с. 272, 273, рис. 17: 1).

Третий вид серег – с миндалевидным щитком со вставкой (рис. 16: 4, 5) – из погр. 40 могильника «Бабий бугор» на Болгарском городище, датирован Г.Ф. Поляковой золотоордынским временем (Полякова, 2000, с. 234, 235, рис. 3: а). Аналогичные серьги встречены в захоронениях монгольского времени в Центральной Азии, однако из Болгара происходит известняковая литейная форма для изготовления подобных украшений (Руденко, 2015, с. 233, рис. 31: 2, 2а). Описание изделий вышеуказанных видов, количественные показатели и дробная классификация приведены в специ-

Рис. 13. Ме́рные сосуды («кружки») (1, 2, 5) и кумганы (3, 4). Болгарское городище. Коллекция НМ РТ (1, 4) и БГИАМЗ (2, 3, 5)

альных публикациях (Руденко, 2015, с. 218–220, рис. 68–70; Полякова, 1996, с. 171–175).

Височные кольца из серебра и меди в виде кольца с одной или тремя напускными бусинами изготавливались либо литьем (известны литейные формы), либо из проволоки и фольги с использованием скани. Однобусинные серебряные височные подвески встречены в погребениях 45, 52, 140, 153, 209, 214 Такталачукского могильника второй половины XIV в. (Казаков, 1978, с. 66, 70, рис. 33: 9–11; 34: 1, 5, 17, 13; 35). Интересный вариант однобусинного височного кольца с филигранной золотой напускной бусиной и четырьмя цепочками-привесками, посередине которых вставлены филигранные бусы, представлен в Болгарском кладе 1888 г. (Полякова, 1996, с. 168, 169, рис. 60: 5). Серебряные трехбусинные кольца диаметром 7–9 см происходят из Бутаевского клада, скрытого во второй половине XIII в. (Руденко, 2015, с. 395–397, кат. 139–142). Одно трехбусинное кольцо (диаметр 2,5 см) с позолотой происходит с Болгарского городища (Руденко, 2015, с. 150, илл. 230).

Трехбусинное бронзовое височное кольцо найдено в Барбашинском могильнике XIV в. (Сташенков, Кочкина, 2012, с. 137, СОИКМ БаМ-60/12). Литые кольца этого типа могли изготавливаться в Болгаре, поскольку здесь встречены формы для отливки таких изделий (Полубояринова, 1993, с. 28, рис. 7: 1; Руденко, 2015, с. 233, рис. 31: 1, 1а). Крупные литые бронзовые трехбусинные височные кольца «прикамского типа» найдены на Болгарском городище (Полякова, 1996, с. 170, рис. 60: 10).

К **украшениям прически** можно отнести одну филигранную золотую булавку с навершием в

Рис. 14. Кумган (1) и кувшины (2, 3). Болгарское городище. Коллекция БГИАМЗ

виде птицы (Золотая, 2019, с. 152, кат. 67) и шесть серебряных булавок двух типов: 1) с полусферической головкой со сканой окантовкой и зернью (4 экз.) и 2) с завершением в виде птицы (2 экз.) (Руденко, 2015, с. 175, 496, 498, илл. 275, кат. 383–385; Руденко, Ёлкина, 2017, с. 262, 263, рис. 4: 1–3; Музей, 2016, с. 84, 85, кат. 6.1.10–6.1.12).

Шейно-нагрудные украшения представлены пронизками, подвесками и бусинами, которые носились в составе ожерелий, а также серебряными бармами (Руденко, 2015, с. 451, 454, кат. 257, 271; Полякова, 1996, с. 175, рис. 61: 7). Они изготавливались из цветных металлов, включая золото и серебро. Подвески малочисленны: две из золота – одна пластинчатая миндалевидной формы и вторая филигранная в виде орла; две литые подвески из серебра в виде лягушек, а также серебряные подвески в виде миниатюрных коробочек (рис. 15: 1, 2) (Руденко, 2015, с. 498, кат. 392, 392а; Руденко, Ёлкина, 2017, с. 263, 264, рис. 3; Музей, 2016, с. 85, кат. 6.1.13, 6.1.14; Музей, 2016а, с. 187, кат. 22.3.37, 22.3.36). Литые серебряные и бронзовые подвески прямоугольной формы, судя по находке литейной формы, могли изготавливаться в Болгаре (Степанов, Бадеев, 2019, с. 278, 279, рис. 1: 2).

Известны два филактерия. Один из них с гравированным рисунком, дополненным чернью. Второй – с рельефным изображение пары оленей и

Рис. 15. Украшения из серебра и золота (1–4) с жемчугом (5, 9, 10). Серьги (4–10), нашивки (3), подвески (1, 2). Болгарское городище. Коллекция БГИАМЗ

нечитаемой надписью (Руденко, 2015, с. 130, рис. 18: 1; 2021, с. 532, рис. 4:1; Крамаровский, 2001, с. 139, рис. 76). Серебряные бармы из клада 1888 г. считаются изделием владимиро-суздальских мастерских (Полубояринова, 1993, с. 24, 25, рис. 4). По их подобию в Болгаре изготавливались литые копии. Об этом свидетельствует литейная форма для изготовления подобных поделок, найденная в постройке 106 раскопа CLXXXV 2013 г. на Болгарском городище (Археологические..., 2014, с. 12, 13). Кроме того, встречаются литые бронзовые лунницы, монетовидные и фигурные подвески. Встречены литейные формы для их отливок (Степанов, Бадеев, 2019, с. 277, рис. 1).

Украшения рук: перстни объединяются в четыре группы – золотые, серебряные, бронзовые

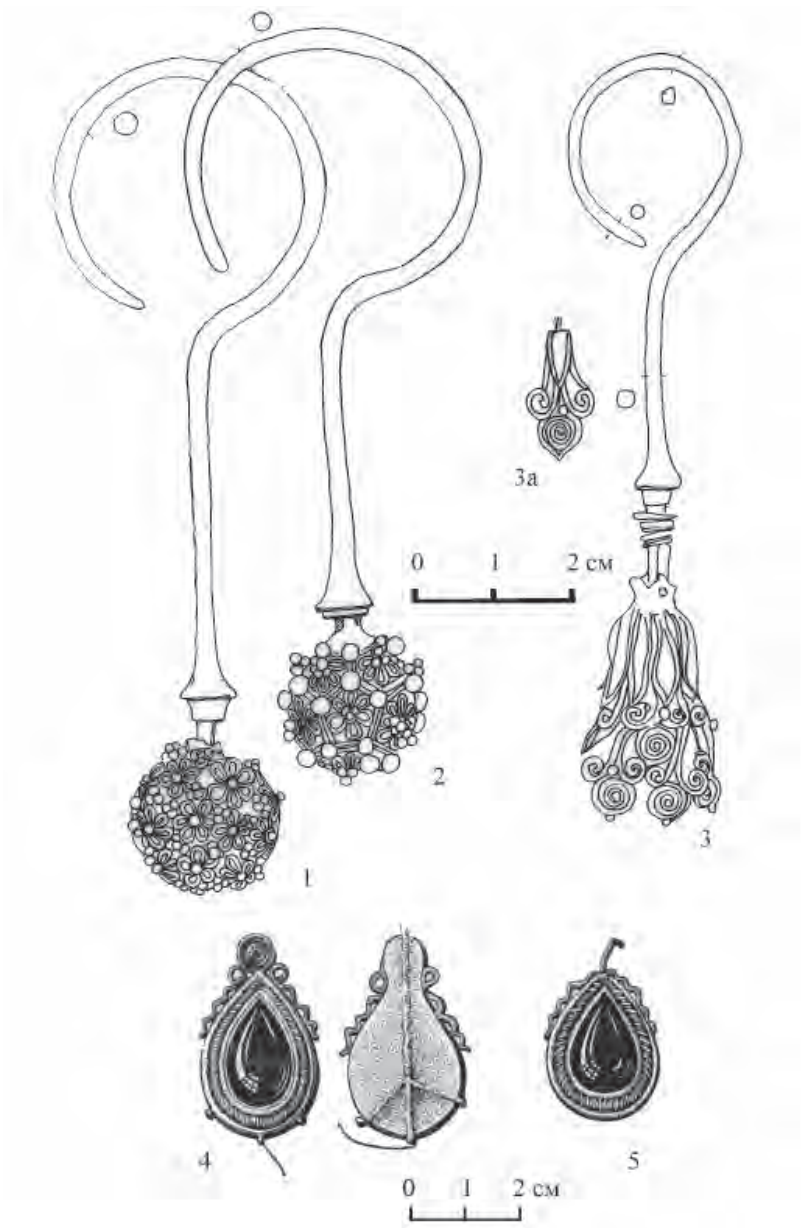


Рис. 16. Серебряные серьги с филигранью (1–3) и вставкой (4, 5). Болгарское городище (1–3) и могильник Бабий бугор (4, 5; по А.М. Ефимовой). Коллекция НМ РТ (1–3) и ГИМ (4, 5). Прорисовка (1–3) К.А. Руденко

и из свинцово-оловянистого сплава. Вид изделия выделяется по технике изготовления: литые и кованые. *Золотые (электровые) перстни* первого вида (кованых золотых перстней в коллекции не выявлено) представлены 3 отделами: 1) с читаемыми надписями, выложенными проволокой, – именные или с благопожелательными надписями; 2) с гравированными рисунками, где чаще всего присутствуют стилизованные растительные мотивы, реже зооморфные (рис. 17: 1, 2). Здесь в ряде случаев использовалась чернь; 3) со вставками; 4) с простыми щитками с профилированным контуром, с выраженными «плечиками». Практически все изделия найдены на Болгарском городище, где по стратиграфии и по аналогиям датируются XIV в., чаще второй – третьей четвертью этого столетия. Единственный перстень третьего отдела (с бирюзовой вставкой) найден на Семеновском V селище. Все эти поделки, как правило, привозные (Руденко, 2015, с. 306–308, 110, илл. 209; Руденко, Беговатов, 2016, с. 198, 199, фототабл. 3).

Перстни серебряные, первого вида, можно считать типовыми местными изделиями. Они представлены двумя отделами с тремя типами изделий в каждом. Первый отдел представлен изделиями с орнаментом или читаемой/нечитаемой надписью, выложенной из проволоки; щиток у перстня, как правило, прямоугольный или овальный (рис. 17: 3, 4). Встречены и печатки такого типа (рис. 17: 5). Второй отдел – перстни с гравированным рисунком на овальном щитке в виде стилизованного растительного побега S-видной формы (Руденко,

2015, с. 308, 309, рис. 41). У перстней этого отдела (тип 3) имеется характерный профилированный контур с высокими «плечиками» (рис. 17: 7). Известны литейные формы для изготовления подобных изделий. Встречены оригинальные перстни с полусферическим щитком, украшенным стилизованным рисунком (рис. 17: 8) и более простые варианты (рис. 17: 6).

Кованые серебряные перстни немногочисленны. Изготавливавшиеся болгарами в домонгольское время в бо́льших количествах черненые перстни уже не выпускались; правда, можно предполагать, что бытование некоторых типов имело место до середины XIII в. и позже (типы 2.1, 2.2, 2.3, 4.2, 4.3 по К.А. Руденко) (Руденко, 2015, с. 53, 57, 58, илл. 93, 94). В XIII–XIV вв. в Болгарской области Золотой Орды и в Пермском Прикамье получают распространение черненые пластинчатые перстни с геометрическим орнаментом, имевшие распространение у мордвы и у пермяков – Муранский, Барбашинский, Плотниковский могильники, а также некрополи на Выми (Руденко, 2015, с. 502, 503, кат. 403–405; Алихова, 1954, с. 266, рис. 8: 14, 17, 18, 19; Сташенков, Кочкина, 2012, с. 138–141). Изготавливались они, скорее всего, в Прикамье со второй половины XIII в. Отдельно стоит отметить серебряные перстни с плоским щитком, на который были напаяны объемные детали: в форме сио́на (паломнические перстни) или в форме храма с завершением в виде филигранной сферы (Руденко, 2015, с. 170–173, илл. 271, 273, 274).

Бронзовые перстни, в основном изготовленные литьем, представлены четырьмя типами, копирующими форму серебряных (Руденко, 2015, с. 309, 310). Возможно, что они и отливались в тех же формах. Один тип перстня с высоким объемным щитком заимствован у иранских прототипов XII–XIII вв. (Руденко, 2015, с. 310, илл. 471: 4, 4а). В XIV – начале XV в. на городищах и селищах Болгарского улуса были широко распространены литые бронзовые перстни с изображением раскрытой ладони и свастики. Пластинчатые бронзовые перстни похожи на пластинчатые серебряные, только без декора (Казаков, 1978, с. 65, рис. 34: 11).

Перстни из свинцово-оловянистого сплава, все, как правило, щитковые, часто встречаются как на городищах, так и на селищах. Большая коллекция этих поделок собрана на Лаишевском селище. По форме они в основном аналогичны бронзовым.

Кольца бронзовые, литые представлены двумя типами: 1) гладкие, без декора; 2) рубчатые, с утолщением на лицевой половине кольца, украшенным наклонными бороздками, имитирующими витьё. Последние, обычно датирующиеся домонгольским временем, бытовали в эпоху Золотой Орды, что подтверждают материалы Барбашинского могильника (Сташенков, Кочкина, 2012, с. 136, СОИКМ, инв. № БаМ-60/6,7,8). Внешний диаметр колец 2,4–3 см.

Браслеты, как и перстни, делятся на четыре группы – золотые, серебряные, бронзовые и медные. Выделяется два отдела: пластинчатых (I) и дротовых (II). Типы выделяются по особенностям конструкции и оформления; по характеру декора и композиции определяется подтип браслета и варианты подтипа (Руденко, 2019а, с. 246). В большинстве своем браслеты были пластинчатые, разомкнутые. Привозные браслеты, как правило, из золота, были замкнутыми, составными из нескольких частей, соединявшихся шарнирами (тип А-1.3 и А-2 по К.А. Руденко). Помимо этого, были литые золотые браслеты, дротовые и пластинчатые, последние аналогичны серебряным (рис. 18). Золотых и серебряных браслетов всего учтено 58 экз. (Руденко, 2019а, с. 239–262).

Серебряные браслеты (рис. 19) отливались в жесткой форме, затем с помощью ковки заготовка изделия подправлялась. После этого гравировался рисунок. Бронзовые пластинчатые браслеты изготавливались штамповкой с использованием матрицы, медные – ковкой. Наиболее распространенным орнаментальным мотивом на серебряных и многих медных браслетах было изображение на их окончаниях зооморфной маски – львиной морды или головы дракона, имевшей специфические детали (Руденко, 2015, с. 314, илл. 480). Середина браслетов иногда украшалась изображением цветка; имеются стилизованные рисунки (геометрический или растительный орнамент). Гравированные надписи (персидские и татарские), нанесённые после изготовления браслета в разное время, имеются только на одном изделии (Руденко, 2015, с. 467, кат. 331). Чаще надписи (читаемые и не читаемые) встречаются на бронзовых браслетах. Заготовка пластинчатых браслетов в среднем имела длину 16–18 см., ширину до 2 см и толщину 0,1–0,2 см. Вес колеблется в пределах от 20 до 41 г.

Браслеты группы А (6 экз.) (рис. 18) относятся к одному отделу – пластинчатых, и представлены двумя типами. *Первый*: браслеты пластинчатые, разомкнутые, причем разного дизайна. Так, на браслетах типа А-1.1 имеется изображение львиных масок на окончаниях (2 экз.), на браслетах типа А-1.2 – стилизованных растительных композиций с использованием черни (2 экз.), а на изделиях типа А-1.3 – изображения львов и драконов (1 экз.), причем браслет с шарнирным соединением. *Второй* тип – шарнирный с декором, включая

Рис. 17. Перстни золотые (1, 2) и серебряные (3–8). Болгарское городище. Коллекция БГИАМЗ

благопожелательную надпись, выложенным золотой проволокой. Типы А-1.3 и А-2 – это привозные изделия, произведенные в Крыму или Малой Азии во второй половине XIV – начале XV в. У остальных типов этой группы имеются дериваты из серебра, бронзы и меди.

Браслеты группы Б (серебряные) самые многочисленные (50 экз.), делятся на два отдела: пластинчатые и дротовые. Браслеты первого отдела по деталям декора группируются в 11 типов (рис. 19). Несколько типов браслетов являются привозными или сделанными под влиянием иноземных образцов. К таковым относятся: шарнирный браслет типа Б-1 с растительным орнаментом, близкий древнерусским браслетам, или же типы Б-2 и Б-11 (рис. 19: 2; 20: 1–13), которые оформлены в одном стиле на основе геометрических и стилизованных растительных мотивов, характер-

Рис. 18. Браслеты золотые. Болгарское городище (3–5), клад у г. Чистополя (Джукетаусский) (6), Крещеноелтанский клад (1, 2). Коллекция Государственного Эрмитажа (1,2,6) и НМ РТ (3–5). Составлено К.А. Руденко

ных для центральноазиатской художественной традиции.

Браслеты типов от Б-3 до Б-10 имеют общий декоративный мотив: окончания в виде зооморфных (львиных) масок. Большинство из них обнаружено на Болгарском городище и, скорее всего, изготовлены в Болгарской области. Ряд изделий с объемным обручем (типы Б-5 и Б-7.1) выполнены по иранским образцам или же привезены из Ирана. Самым распространённым (54% от общего числа этих изделий) является тип Б-9. Внешняя поверхность таких браслетов украшена несколькими желобками; маски-личины на окончаниях артефактов достаточно реалистичны, причем на ряде из них композиционно линия носа и усов образуют ромбовидные очертания. Судя по кладу 2012 г. (раскоп CLXXIV), в котором были такие браслеты, их изготавливали небольшими партиями в разных мастерских города Болгара во второй половине XIV в. (Руденко, Елкина, 2017, с. 268).

Серебряные браслеты отдела II (рис. 20: 14–16) сделаны из дрота сегментовидного сечения и относятся к двум типам: БII-1 с уплощенной средней частью и раскованными окончаниями, на которых выгравирован орнамент из стилизованных растительных побегов. Декорирован чернью. Второй тип браслетов этого отдела – БII-2 с уплощенными окончаниями, где изображена схематическая личина-маска. Скорее всего, является копией золотых браслетов (Золотая, 2019, с. 230, кат. 132).

Изучение браслетов групп А и Б, показало, что в Болгарской области Золотой Орды пластинчатые серебряные браслеты стали бытовать в конце XIII – первой четверти XIV в. Можно предполагать, что во второй половине XIV в. в Болгаре работала ювелирная мастерская, в которой изготавливались золотые и серебряные изделия с чернью. Помимо браслетов здесь выпускались и типовые золотые перстни, но с орнаментом в абстрактно-растительном стиле (Руденко, 2015, с. 452, кат. № 261, 262; 2019, с. 256).

Бронзовые и медные браслеты группы В относятся к двум отделам: пластинчатым и дротовым. Последние практически все литые. Пластинчатые браслеты, изготавливавшиеся в разных техниках, представлены восемью типами. Типы В-1, В-2 и В-6 – копии и подражания серебряным браслетам, в основном типу Б-9. Тип В-3 копирует, видимо, золотой браслет малоазийского или иранского производства. Браслет типа В-4 имеет аналогии в нижневолжских материалах на памятниках XIV в. Остальные браслеты с геометрическим рисунком широко использовались населением региона, причем выполнялись они как в серебре, так и в бронзе, например, в Муранском могильнике (Алихова, 1954, с. 277, рис. 18: 6, 7, 8, 9). Браслеты второго отдела имеют стандартную форму, в сечении – круглые и сегментовидные; поверхность гладкая без декора. По деталям выделяются три основных типа: 1) тупоконечные; 2) остроконечные; 3) с

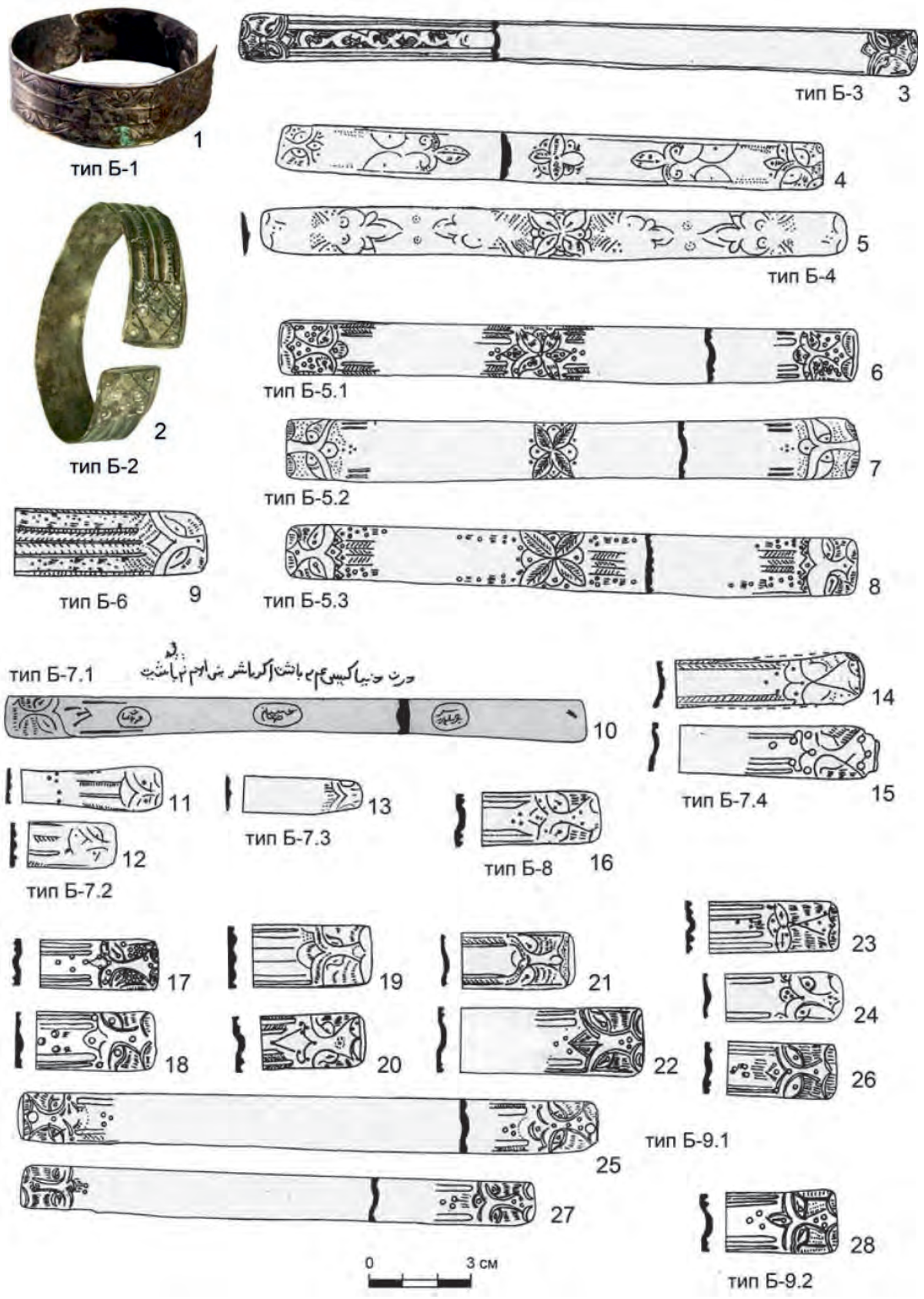


Рис. 19. Серебряные браслеты. 1, 2 – Барбашинский могильник (по Д.А. Сташенкову и А.Ф. Кочкиной); 3-28 – Болгарское городище. Коллекция СОИКМ (1,2) и НМ РТ (3-28). Прорисовано и составлено К.А. Руденко

Рис. 20. Серебряные браслеты с чернью. Карашамский клад. Коллекция НМ РТ. Прорисовка орнаментов К.А. Руденко

фигурными окончаниями. Эти типы известны из слоя IV Болгарского городища (Полякова, 1996, с. 186). Значительное их количество имеется в Барбашинском могильнике XIV в. (Сташенков, Кочкина, 2012, с. 133).

Украшения головного убора и одежды

Эти аксессуары изготавливались из золота, серебра и бронзы.

Нашивки на женский головной убор. В погребениях у «Греческой палаты» и на раскопах CLXXIV и CCXIV были обнаружены в первом случае серебряные, во втором – золотые проволочные колечки, нашивавшиеся на головной убор. У них завязанные концы и одна или две маленьких жемчужины. Они пришивались у висков по четыре с каждой стороны и одно колечко – на затылке (погребение 89) (Руденко, Ёлкина, 2017, с. 269, 271, 272, рис. 10; Руденко, 2015, с. 465, 467, кат. 324, 330). Серебряные колечки-нашивки в детских захоронениях были разомкнутыми тупоконечными, с замком (рис. 15: 3) или же с грузиком-многогранником и сканой навивкой (Руденко, 2015, с. 464, кат. 314–323). Возможно, филигранные золотые нашивки в виде розетки из Болгара (Руден-

ко, 2015, с. 455, кат. 272–276), также относятся к украшениям женского головного убора.

Навершия парадных головных уборов изготавливались из золота и бронзы. У них было плоское фигурное основание, чаще всего в виде розетки с полусферическим выступом посередине, на котором укреплена трубочка для плюмажа. У наверший женских головных уборов трубочку иногда заменяла филигранная бусина овоидной формы (Джукетаусский клад, 1924 г.). Навершия мужских головных уборов изготавливались чаще всего из бронзы; известны и каменные литейные формы дли отливки этих изделий (Полякова, 1990, с. 138, 139, рис. 1–7).

Застёжки-сюльгамы (рис. 21: 1–4) представлены двумя основными типами: 1) кольцевые (рис. 21: 4); 2) лопастные (узколопастные и широколопастные) (рис. 21: 1–3). Если первые встречаются очень широко на территории Золотой Орды и сопредельных территориях, то сюльгамы второго типа характерны для поволжского региона. Их связывают с мордвой, что подтверждается и материалами Болгарского городища: помимо культурного слоя они встречены в захоронениях Усть-Иерусалимского могильника XIV в., локализующегося на территории этого памятника, хотя они бытовали и в целом у населения города, да и во всей области. Также лопастные сюльгамы зафиксированы в погребениях Карташихинских I и II могильников XIV–XV вв., Барбашинском могильнике XIV в., а в Муранском могильнике некоторые сюльгамы украшены чернью (Алихова, 1954, с. 274, рис. 16: 1–5; Сташенков, Кочкина, 2012, с. 132). Серебряные сюльгамы из Карашамского клада имеют бипирамидальные привески на цепочках (Руденко, 2015, с. 495, кат. 382).

Пояса известны двух видов. Первый вид – парадный пояс с золотыми, серебряными или бронзовыми накладками, наконечником и пряжкой. По характеру поясного гарнитура можно выделить несколько типов. Первый тип – с серебряными накладками в виде розетки с чернью, а также наконечником ремня с тем же декором (Руденко, 2015, с. 384, 385, кат. 84, 89). Аналогия гарнитуру этого типа пояса встречена на Мангупском городище, где датирована второй половиной XIV в. (Золотая, 2019, с. 391, 392, 393, кат. 299). Второй тип пояса с золотой гарнитурой, от которой сохранился золотой наконечник, найденный в 1976 г. на раскопе LV Болгарского городища. Датирован второй половиной XIV – началом XV в. (Полякова, 1996, с. 205, рис. 66: 25; Крамаровский, 2001, с. 261, кат. 113). Третий тип – с бронзовыми фигурными накладками, в центре которых, как правило, изображен дракон (рис. 22: 7–10). Вероятно, к ним относится наконечник ремня с изображением фантастического существа (рис. 22: 15). Аналогии им встречены на Нижней Волге (Полякова, 1996, с. 212, рис. 68: 31; Золотая, 2019, с. 238, кат. 141).

Второй вид поясов – с бронзовым или медным гарнитуром, простого дизайна. Распространенных типов поясов этого вида три. Первый тип – пояс со штампованными накладками геометрической формы или в виде трилистника. Некоторые накладки были позолочены. Целые пояса первого типа известны из раскопок Барбашинского могильника XIV в. (Сташенков, Кочкина, 2012, с. 118, 119). Второй тип – с фигурно-прорезными накладками (рис. 22: 1). Накладки от поясов этого типа имеются в коллекции с Болгарского городища, Чакмы, Семеновского V селища, Муранского могильника (Алихова, 1954, с. 275, рис. 17: 36, 42, 44, 50, 51). В сочетании с ними использовались накладки с объемным декором, чаще всего в виде ромба (рис. 22: 2). Целые пояса второго типа имеются в вымских могильниках, в погребениях ордынского времени (Руденко, 2001а, с. 107, рис. 21) Не исключено, что в комплекте с ними были привески в виде коньков (рис. 21: 5).

Третий тип поясов этого вида (рис. 22: 3–6, 11–13) отличается наличием декоративных бронзовых обойм геометрической или геральдической формы (Полякова, 1996, с. 214, рис. 68: 34–36). Накладки геральдической формы надевались на ремень, круглые – крепились на нем шпеньками.

Предметы туалета

Зеркала встречаются на многих болгарских поселениях золотоордынского времени. Они постоянно привлекали внимание исследователей болгарских древностей. Можно назвать имена А.Ф. Лихачева, А.П. Смирнова, Т.А. Хлебниковой, занимавшихся этой темой. Специально изучала металлические зеркала Болгарского городища Г.Ф. Полякова; всего ей было учтено 879 экземпляров этих артефактов (Полякова, 1996, с. 223). Она же предложила формализированную схему систематизации этих изделий, взяв за основу форму бортика зеркала, в отличие от традиционной типологии по орнаментальным мотивам, разработанной С.А. Плетневой и Г.А. Федоровым-Давыдовым. Последняя была дополнена в 1980-х гг. В.А. Кригером и В.А. Ивановым, а в начале 2000-х гг. К.А. Руденко (Федоров-Давыдов, 1966, с. 78; Иванов, Кригер, 1988, с. 19; Руденко, 2004, с. 112).

Наибóльшие коллекции этих артефактов, чаще всего фрагментов, происходят с Болгарского городища (879 экз.), Семеновского V селища (28 экз.). В основном это подъемный материал. Из раскопок известны зеркала с городищ Болгарского, Джукетау, Казанский кремль, селища и могильника Песчаный остров, Балымерских курганов, могильника у восточного проезда на Болгарском городище

Рис. 21. Застёжки (сюльгамы) (1–4), зооморфная подвеска (5), нашивка (6). Бронза. Болгарское городище. Коллекция БГИАМЗ

и ряда других памятников (Полякова, 1996, с. 223; Руденко, 2004; Руденко, Беговатов, 2016, с. 189–197). Из подъемного материала происходят находки с селищ Чакма, Донауровского II, Полянского, Измерского I, Коминтерновского II, Нижнемарьянского, Дамба II, Семёновского II–V; городищ Билярского, Старо-Алейкинского, а также Старо-Куйбышевского комплекса, Брик-Алгинского местонахождения и др. Отдельные находки зеркал были сделаны у сел Шуран, Девлезери, Зубчаниновка (Самарск. обл.) (Руденко, 2004, с. 111–156; Гарустович и др., 2005, с. 111, рис. 21).

Известные формы для отливки зеркал немногочисленны, бóльшая часть этих предметов, вероятно, отливалась по оттиску в опóке или глине. Определенный процент составляли привозные зеркала. Они отличаются четкостью рисунка и проработанностью деталей. Диаметр зеркал в среднем 7–8 см. Наиболее распространённый стандарт – 7,5 и 8 см. Большая часть артефактов имеет диаметр 6–8 см и 8,5–14,5 см. Наименьший размер зеркала – 5 см, наибольший – 14–15 см. Зеркала изготавливались из оловянисто-свинцовых или многокомпонентных бронз (Cu–Sn–Pb–Zn) с разными концентрациями основных элементов (Ковалева, 2021, с. 21).

По орнаментальным мотивам зеркала группируются в 28 отделов, названных буквами алфавита (А–Я) (Руденко, 2004, с. 113–125). *Отдел А* (186 экз.) – зеркала без орнамента, диаметром 6–6,5

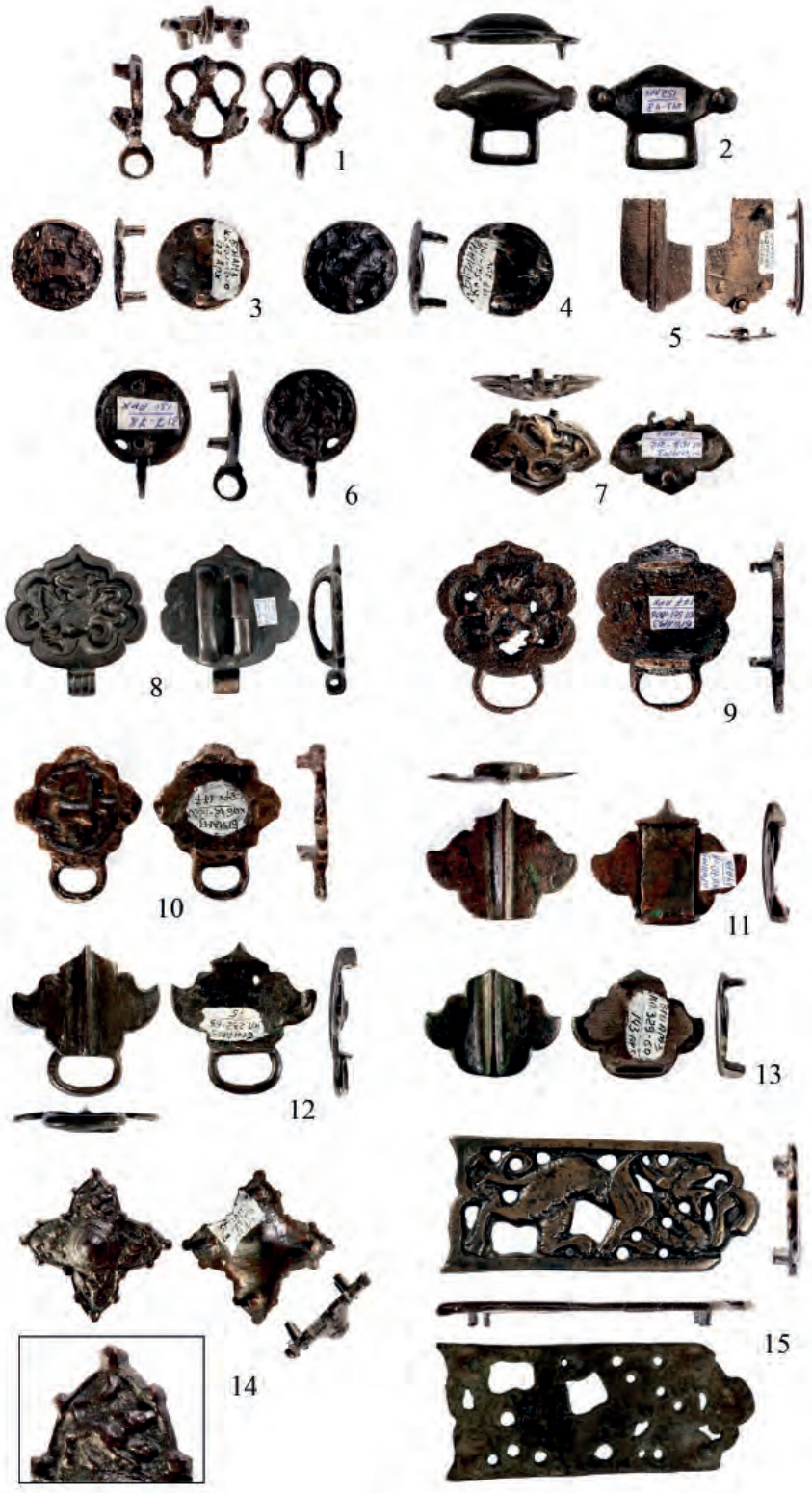


Рис. 22. Накладки (1–14), и наконечник ремня (15). Бронза. Болгарское городище. Коллекция БГИАМЗ

см. Встречаются практически на всех памятниках, где зафиксированы находки зеркал. Они бытовали с XII по XIV в. *Отдел Б* (43 экз.) – с орнаментом концентрическими кругами: с рисунком в виде окружностей разного диаметра, идущих по возрастающей от центра к периферии. *Отдел В* (8 экз.) – с концентрическими кругами и овалами в промежутке между кругами (рис. 23: 2). Прототипами этих зеркал могли быть аланские и салтовские изделия: два с центральной петелькой с солярно-звездной символикой рисунка (Руденко, 2004, рис. 10–12, тип В-I; 11-30, тип В-III). *Отдел Г* (12 экз.) – с орнаментом из дуг, повернутых выпуклостями к центру (рис. 23: 3). *Отдел Д* (14 экз.)

(рис. 25: 8) – с орнаментом в виде многолепестковой розетки. *Отдел Е* (24 экз.) – с крестовидным орнаментом. *Отдел Ж* (39 экз.) – с крестовидно-арочным орнаментом. *Отдел З* (1 экз.) – с крестовидно-арочным и зигзагообразным орнаментом. *Отдел И* (1 экз.) – с крестовидным усложненным орнаментом. В вышеперечисленных отделах встречается большое количество вариантов (рис. 23: 1, 4).

Следующие отделы зеркал – с изображениями, имеющими восточное происхождение, связанные с Империей Ляо, Цзинь, Сун, а также династией Юань средневекового Китая (рис. 24). *Отдел К* (62 экз.) – с изображением четырех животных, бегущих по кругу, или с изображением фигур божеств. Зеркала с этим сюжетом были очень популярны и встречаются как в захоронениях кочевников, так и на поселениях золотоордынского времени. Судя по местным репликам других зеркал китайских истоков, они появляются не ранее рубежа XIII–XIV в. *Отдел Л-1* (27 экз.) – с изображениями фантастических существ: драконов, ма́кара и фениксов (рис. 24: 5). Находки из Болгарской области Золотой Орды являются в большинстве случаев привозными отливками с оригиналов или первых копий зеркал, изготовленных в XIII – начале XIV в. по образцам эпохи Ляо и Сун. *Отдел Л-2* (4 экз.) – с триграммами и календарем (Олейников, Руденко, 2018, с. 141–152). *Отдел Л-3* (1 экз.) – чжурченьские зеркала или отливки с них. *Отдел М* (7 экз.) – с изображением младенцев, животных, цветов и иероглифов (рис. 24: 3, 7). Сюжеты: 1) лисицы и плоды; 2) цветы и травы; 3) младенцы и пионы; 4) птицы, цветы и иероглифы цзя-чан-гуй-фу; 5) четыре гуся/журавля на фоне стеблей и грибов лин-чжи. *Отдел Н* (54 экз.) – с изображением рыб (рис. 24: 4, 5).

С отдела О и до отдела С – зеркала с использованием мусульманской символики в декоре. *Отдел О* (2 экз.) – с изображением бегущих собак и зайцев. *Отдел П* (18 экз.) – с изображением четырех оленей или козлов. *Отдел Р* (1 экз.) – с куфической надписью вокруг центрального орнаментального поля. *Отдел С* (12 экз.) – с арабской надписью вокруг центрального орнаментального поля: «Слава, которая (есть) высшее счастье для могущественных начальников, (да будет) тебе благодеянием будущей жизни» (по Н.Ф. Катанову) (рис. 25: 3–6) (Руденко, 2004, с. 120).

Практически все следующие отделы зеркал имеют разные прототипы и типичны для Улуса Джучи. *Отдел Т* (34 экз.) – с четырьмя выпуклостями, расположенными крестообразно, в кольцевой полосе с рельефными S-образными фигурами между ними (рис. 24: 1, 2). Прототипом зеркал этого отдела являются китайские зеркала эпохи Хань, первых веков н. э. Мотив лозы встречается на зеркалах эпохи Сун, датированных второй половиной XIII в. *Отдел У* (31 экз.) – с орнаментом в виде ячеек на всём поле. *Отдел Ф* (6 экз.) – с орнаментом в виде многолепестковой розетки. *Отдел Х* (3 экз.) – с орнаментом в виде сетки из четырехлепестковых розеток (рис. 25: 7). Датируются зеркала этого отдела второй половиной XIV в.

Особенными являются отделы Ц–Э, некоторые из которых сформировались на территории Золотой Орды, другие – универсальные, основанные на т. н. «бродячих сюжетах», иногда, связанных в своих истоках с определенными территориями, например, Малой Азией (отдел Ш). *Отдел Ц* (49 экз.) – с орнаментом в виде тюльпанов (рис. 25: 1, 2), лотосов или гранатов. *Отдел Ч* (37 экз.) – с изображением «гона животных». *Отдел Ш* (43 экз.) – с благопожелательной надписью и изображением фантастических существ: 1) крылатых сфинксов и Дерева Жизни, 2) крылатых архаров и оленей у Дерева Жизни. Наиболее представительными в этом отделе являются зеркала с крылатыми сфинксами (70% – 30 экз.); датируются они XII–XIV вв. Зеркала со вторым сюжетом были распространены во второй половине XIV в. *Отдел Э* (13 экз.) – с орнаментом из пересекающихся линий.

Отделы Ю и Я – со стилизованными изображениями. *Отдел Ю* (11 экз.) – с орнаментом из ромбов псевдозерни (стилизованная пальметта), вероятно, иранского происхождения. *Отдел Я* (41 экз.) – с изображением растений, цветов (например, тюльпанов), стилизованных голов животных и человеческих масок (личин). Возможно, имеют ближневосточные (Египет, Сирия) или иранские прототипы (Руденко, 2004, с. 124, 140, рис. 5). По аналогиям датированы XIV – началом XV в.

Культовые предметы

Православные кресты-тельники, энколпионы и нагрудные бронзовые иконки встречаются на многих городищах и селищах Болгарской области Золотой Орды (Полубояринова, 1993, с. 14, 15). На Болгарском городище также встречаются серебряные наконечники каменных нагрудных крестов и детали хоросов (рис. 26: 2). Уникален процессионный крест со вставками из погребения 11 на раскопе CXLIX Болгарского городища (рис. 26: 1), датированный XIV в. (Баранов и др., 2019, с. 243). К мусульманским культовым предметам относятся серебряные коробочки-капторги (филактерии) и подвески-амулеты с арабскими надписями и изображениями (Полякова, 1996, с. 241, рис. 76: 2, 3). К языческой субкультуре кочевников Болгарской области Золотой Орды второй половины XIII – XIV в. можно отнести вырезанные из медной пластины онгоны – антропоморфные фигурки. Они найдены на могильнике у Малого

Рис. 23. Зеркала металлические с геометрическим орнаментом. Болгарское городище. Коллекция БГИАМЗ

минарета в Болгаре, а также на Самарской Луке (Полякова, 1996, с. 239, рис. 76: 1).

Бытовые изделия

Для второй половины XIII – XIV в. Болгарской области Золотой Орды характерны миниатюрные навесные замки к шкатулкам или ларцам в виде фигурки животного: лошади, реже быка, первые, как правило, украшены циркульным орнаментом. Встречены и ключи к ним (рис. 27: 1–6, 8). Они сделаны из двух спаянных половинок. Встречаются миниатюрные замочки цилиндрической формы (рис. 27: 7). Достаточно большую категорию находок составляют т. н. свинцовые литые грузики-пломбы, для отливки которых использовались формы, в том числе и обнаруженные на Болгарском городище (Полякова, 1996, с. 246, 248, рис. 76: 10, 12, 13; 78: 1–3, 6).

Помимо этого, из меди вырезались обоймы для деревянных рукоятей ножей, блесны, чашечки для весов и т. п. Из бронзы отливались складные весы, гирьки.

Конская упряжь

Детали и украшения сбруи: бронзовые кольца – распределители ремней уздечки, серебряные/бронзовые накладки на ремни и серебряные дисковидные и парные овальной формы с изображениями подвески к сбруе, а также серебряные нашивки на попону. Подвески и нашивки на попону характерны для середины – второй половины XIII в. (Руденко, 2015, с. 390–395, 402, кат. 105–138, 149). Нередко для украшения сбруи использовались штампованные медные или серебряные накладки, как и на поясах (Сташенков, Кочкина, 2012, с. 120, СОИКМ КП-15/406). Для золотоордынского времени типичны бронзовые литые рас-

Рис. 24. Зеркала металлические с сюжетными изображениями, фантастическими животными и птицами, зооморфными и растительными сюжетами. Болгарское городище. Коллекция БГИАМЗ

пределители ремней уздечки с конструктивными элементами крестовидной формы и четырехконечные накладки (рис. 22: 14) (Полякова, 1996, с. 212, рис. 68: 12).

***

В XIII – начале XV в. существенно разнообразился и преобразился ассортимент изделий из цветных металлов в Болгарской области Золотой Орды. Особенностью этого времени является большой процент привозных изделий и концентрация профессиональных ремесел практически в одном центре – городе Болгаре. Это касалось в значительной степени предметов роскоши, включая парадную посуду, ювелирные украшения из драгоценных металлов, статусные предметы, внедренные монгольской администрацией. Примечательно, что переход к новым традициям в повседневной материальной культуре был достаточно быстрым – всего несколько десятилетий после монгольского завоевания. Например, появились и быстро распространились уже к концу XIII в. как в городах, так и в сельской местности металлические зеркала, пластинчатые разомкнутые серебряные и медные браслеты с изображением львиных масок на окончаниях, серьги в виде знака вопроса. Их стали массово тиражировать, используя более дешевые материалы – медь и бронзу, а также простой дизайн. Это можно объяснить существенными изменениями в этническом составе населения во второй половине XIII в. и особой культурной

Рис. 25. Зеркала металлические. С цветочным орнаментом, благопожелательной надписью и розетками. Болгарское городище (1–6), Балымерские курганы (7), могильник Песчаный остров (8). Коллекция БГИАМЗ (1–6) и НМ РТ (7,8)

политикой монгольской администрации на завоеванных землях.

Сильнейшее влияние имперской культуры и массовый импорт из стран, входивших в Pax Mongolica, привели к тому, что во второй половине XIII – первой половине XIV в. собственный стиль украшений и бытовых предметов из цветного металла периферийной Болгарской области не сложился, а ремесленники чаще всего воспроизводили доступные и популярные образцы, а также статусные изделия. Разрушение монголами ремесленных центров и уничтожение местной элиты – основных заказчиков ювелирных изделий привело к достаточно быстрой смене комплекса украшений, характерного для домонгольского времени: серебряные плетеные браслеты и гривны, перстни с чернью, филигранные золотые и серебряные трехбусинные подвески, часть из которых с изображением птицы, – на новый (Руденко, 2018а, с. 111–124). Это металлические зеркала, серьги в виде знака вопроса, пластинчатые браслеты с изображением масок-личин на окончаниях и т. п. Эти предметы получили распространение и у кочевников Предуралья (Иванов, Кригер, 1988,

Рис. 26. Крест процессионный (1) и деталь хороса (2). Бронза. Болгарское городище. Коллекция БГИАМЗ

с. 16–20). В Болгарской области во второй половине XIII в. прекращается производство плетеных серебряных изделий. Деградирует и искусство черни.

Формирование нового комплекта украшений на Средней Волге и в Предуралье во второй половине XIII в. было связано, с одной стороны, с монгольской администрацией, которая строго следовала предписаниям имперской традиции в украшениях и одежде как самих чиновников, так и членов их семей, а с другой – традиционной культурой кочевников, как монголов, так и половцев, освоивших опустевшие болгарские территории; для них эти предметы были привычными и бытовали весьма широко. Часть эксклюзивных предметов (например, металлические чернильницы) связаны с новой субкультурой местных чиновников-администраторов, таких как писцы, сборщики налогов и т. п. Популярными становятся и украшения конской сбруи, характерные для кочевнической культуры восточноевропейских степей (Руденко, 2015, с. 390–393, кат. 105–112).

С конца XIII и в первой половине XIV в. наблюдается значительный импорт ювелирных изделий и предметов торевтики из Хулагуидского Ирана и Мавераннахра, в меньшей степени из Египта и Сирии (Руденко, 2018в., с. 472–488). В массовом производстве бронзовых украшений, бытовавших в болгарских землях, преобладали изделия, которые были характерны для западных территорий Улуса Джучи. Каких-либо особенных форм или дизайна ювелирных украшений и поясного гарнитура выявить не представляется возможным. Тем не менее к началу XIV в. у населения Среднего Поволжья обнаружились некоторые предпочтения, например, металлические зеркала определенных типов или литые серебряные серьги в виде знака вопроса (Руденко, 2019б, с. 112, 113).

Центром производства разнообразных изделий из цветного металла был Болгар, где в центре города располагались усадьбы и мастерские ювелиров, функционировавшие с конца XIII до первой трети XIV в. (Руденко, 2021, с. 540). Часть из них действовала до начала XV в. Здесь чаще всего тиражировались типовые формы изделий, рассчитанные на массовое потребление, и только с середины XIV в. начали проявляться местные особенности. Однако государственный коллапс начала 1360-х гг. и пандемия прервали этот процесс (Руденко, 2018б, с. 137). Более того, с 1360-х гг. отмечается новый приток торевтики из южных районов Золотой Орды, примером чему является Джукетаусский клад 1924 г. (Руденко, 2021, с. 523–525). Вероятно, в это время в Болгар приезжали мастера-ювелиры, работавшие здесь какое-то время.

Рис. 27. Бронзовые миниатюрные замки (1–7) и ключ к ним (8). Болгарское городище. Коллекция БГИАМЗ

Объем производства в золотоордынском Болгаре был относительно невелик, так что говорить о импорте ювелирных изделий и других предметов за пределы Болгарской области в Предуралье и Зауралье вряд ли имеет смысл (Руденко, 2007, с. 288–289). В Прикамье в ордынское время функционировали собственные центры производства ювелирных изделий (Руденко, 2012, с. 139–144; 2016а, с. 344–347), продукция которых вывозились за Урал. В числе этих предметов – бляхи с изображением всадника с птицей, т. н. «сокольничий», и щитки лучника с гравированными изображениями (Руденко, 2015, с. 88–96, 153). Наблюдается специфика и в прикамских серебряных черненых перстнях, технологически и типологически близких перстням, популярным у болгар в домонгольское время: эти в большей степени связаны уже с русской ювелирной традицией (Брюхова и др., 2010, с. 4–7).

Угасание города Болгара в конце XIV – начале XV в., формирование новых центров в Заказанье создали новую ситуацию в производстве изделий из цветного металла, которая проявилась в полной мере в казанско-ханский период.

ГОНЧАРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО И КЕРАМИКА

Фрагменты керамики абсолютно преобладают среди находок на золотоордынских памятниках. Если пытаться найти элементы материальной культуры, общие для всей территории Золотой Орды, именно керамический комплекс, с известными оговорками, должен быть поставлен на первое место (Maslovski, Bocharov, 2016).

Керамическое производство относится к числу наиболее изученных ремесел Золотой Орды. Гончарные мастерские исследовались в Болгаре, Мохши, Укеке, Хаджи-Тархане, на Селитренном, Водянском, Красноярском городищах и ряде сельских поселений (Сухая Речка, Большой Шихан, Русский Урмат и др.). Они существенно различаются по масштабам своего производства. На Селитренном городище был изучен комплекс из большого числа горнов, который был определен исследователями как мастерская типа «кархана» – мануфактурное предприятие с использованием подневольного труда (Фёдоров-Давыдов, Булатов, 1989). Наряду с мастерскими, производившими большой объем продукции, существовало большое количество мелких мастерских. Предложена классификация форм ремесленных мастерских (Фёдоров-Давыдов, 1973, с. 88).

Изучено более 100 горнов различных типов. Крупные горны построены из сырцовых блоков, небольшие – из обожженного кирпича. Горны, вырезанные в грунте, более характерны для сельских памятников. Наиболее разнообразны горны, исследованные на Селитренном городище. Для памятников с наибольшим числом исследованных комплексов (Болгар и Селитренное городище) разработаны свои классификации горнов.

Изучению гончарного производства и главным образом его продукции посвящены сотни публикаций А.Ю. Якубовского, Г.А. Федорова-Давыдова, Н.М. Булатова, С.Е. Михальченко, Т.А Хлебниковой, И.В. Волкова, С.А. Курочкиной, Е.М. Пигарева, Н.Ф. Лисовой, В.Н. Бахматовой, А.А. Куклиной и др. Изучена технология производства, начиная с отбора исходного сырья и заканчивая обжигом готовых изделий. Создан ряд морфологических классификаций сосудов, достаточно детально изучена их орнаментация.

Но все же для создания целостной картины керамического комплекса золотоордынских городов недостает информации. Существует ряд недочетов в уже выполненных исследованиях. Прежде всего, не выработана общая методология исследований и не создано единообразной терминологии.

Существующие для каждого региона классификации керамического комплекса построены на основе разных подходов и поэтому трудно сопоставимы. И.В. Волковым предложен принцип классификации на основании выделения групп керамики по принципу общности происхождения, то есть изготовления в одном центре или регионе мастерами, обладающими одинаковым набором специфических технологических приемов (Волков, 1992а). Аргументированных развернутых возражений эта методика не встретила. Однако и широкого распространения она тоже не получила. Хотя его выводы используются достаточно широко, среди исследователей, изучающих керамику Поволжья, её использует только С.А. Курочкина.

Между тем её использование позволит поставить классификацию сосудов на твердую основу, изучать вопросы стандартизации производства или её отсутствия, перемещения керамики в пространстве и влияния одних гончарных центров на другие и в итоге создать целостную классификацию керамики Поволжья, а в дальнейшем и всей Золотой Орды. Пока же приходится констатировать, что будущим исследователям при осуществлении подобной работы придётся обращаться к исходным коллекциям, поскольку имеющиеся публикации не предоставляют нужной информации, а иногда могут вводить в заблуждение.

В большинстве из них по умолчанию предполагается, что сосуды, найденные на том или ином памятнике, здесь же и произведены. Это сильно искажает наши представления о гончарном производстве, поскольку рождает ложное впечатление бесконечной вариабельности форм и технических приемов для каждого из памятников. Даже умозрительно трудно представить, что в Золотой Орде с её интенсивной торговлей и массовыми миграциями населения керамика не перемещалась подчас на значительные расстояния. А уж обмен гончарной продукцией между региональными центрами и их периферией должен был носить массовый характер.

Отсутствует единая система морфологической классификации сосудов. Их группировка исключительно по пропорциям, без учета функционального назначения, приводит к тому, что среди кувшинов оказываются афтобы, среди кухонных сосудов гульабданы, а среди мисок оказываются сосуды непищевого назначения. Сложность составляет и наличие среди ассортимента золотоор-

дынских гончаров значительного числа сосудов, которые нельзя отнести ни к кухонной, ни к столовой, ни к тарной посуде. Для них были предложены термины: керамика специального назначения (Михальченко, 1973, с. 122) и техническая керамика (Бахматова, Куклина, 2014, с. 236). Оба эти термина нельзя признать особо удачными. Например, почему к технической керамике следует относить копилки?

К недостаткам существующих работ следует отнести также то, что классификации поливной и неполивной керамики существуют параллельно. Неполивная керамика классифицируется по формам сосудов, поливная – по технике и стилистике орнаментации. Между тем это части единого целого. Зачастую эти сосуды выпускались в одних и тех же мастерских. Существует зависимость между распространенностью поливной керамики и широтой ассортимента неполивной посуды. Формы неполивных сосудов могли копировать поливную керамику.

Отсутствует также ясное представление о механизмах изменения в гончарном производстве. Общим местом в исследованиях являются фразы о влияниях и смешении традиций. Между тем сложно понять, как именно осуществлялись эти влияния и что конкретно подразумевали авторы. В некоторых случаях речь идет, возможно, о простом импорте. В других случаях мастер-переселенец своими сложившимися навыками приспосабливался к новому сырью и заимствовал какие-то приемы работы с местными глинами. Если в условиях крупного города гончар одной группы копировал изделия мастера другой группы, даже орнаменты, используя при этом только привычные для себя технологии, вправе ли мы говорить о смешении традиций?

К недостаткам следует также отнести неравномерную изученность разных регионов, что делает сложно сопоставимыми результаты исследований. Работу с публикациями затрудняет также малое число иллюстраций и их низкое качество.

При значительной степени стандартизации производства в конкретных центрах существуют очень значительные различия керамического комплекса в различных районах в пределах Волго-Уралья. Может заметно отличаться продукция даже отдельных мастеров в пределах одного города. В силу большого размаха торговли и миграций населения происходило перемещение значительных объемов керамики и мастеров подчас на очень большие расстояния. Тем не менее можно выделить ряд общих черт золотоордынского керамического производства.

Особенностью гончарства Золотой Орды было сосуществование на протяжении длительного периода времени в пределах одних и тех же поселений мастерских, имеющих различное происхождение и работавших на разном технологическом уровне (Волков, 1992). Первая группа гончаров работала в традициях, восходящих к северокавказскому гончарству эпохи Античности. За пределы этого региона она вышла в период существования салтово-маяцкой культуры. После её исчезновения образовалось несколько изолированных очагов, в которых дальнейшее развитие шло дивергентно. Поскольку последним «общим предком» для этих мастеров были гончары салтово-маяцкой культуры, логично называть эту гончарную традицию, существовавшую на территории Золотой Орды, «постсалтовской».

Общими чертами керамики первой группы является использование спирального ленточного налепа, частое использование полосчатого лощения, окислительный режим обжига, преобладание в ассортименте кувшинов. Большая часть сосудов изготовлена на этапе РФК-3, реже РФК-4 (Развитие Функций Круга – 3; Бобринский, 1978, с. 27, 49, 51). Исключением здесь является гончарство Болгара, где с домонгольского времени часть мастеров использовала вытягивание на круге. Не заглаженные до конца участки швов на внутренней поверхности сосудов встречаются даже на внутренней стороне горла. Со временем доля высокотехнологичных сосудов (не ниже РФК-5) в крупных городах растет. Но завершения эта тенденция не получила. Зафиксировано использование донных и донно-емкостных начинов. Использовалась подсыпка из просеянной золы. На придонной части сосудов часто фиксируются следы обстругивания деревянным ножом не только на крупных сосудах.

Для орнаментации использовалась гребенка. Чаше всего встречаются линейный орнамент, фестоны, многорядная волна, реже косые оттиски зубчатого штампа. К более редким вариантам орнаментов относятся оттиски овальной или округлой формы, оттиски расщепленной палочки, сочетания одиночной волнистой линии и прямых. Не использовались характерные для Северного Кавказа и Подонья налепные валики. В ряде центров продолжало использоваться нанесение красного ангоба.

Большая часть форм сосудов традиционна и находит аналогии в материалах салтово-маяцкой культуры. При достаточно разнообразном ассортименте его основу составляло всего 2–3 вида изделий. Наиболее многочисленны кувшины среднего размера (высотой до 30–35 см), которые составляли примерно 2/3 всех сосудов. Наиболее распространенной формой тулова была яйцевидная. Как отдельный вид изделий нужно выделить крупные тарные кувшины высотой до 0,6 м с од-

ной или двумя ручками. Двуручные кувшины часто относят к амфоровидным сосудам или просто амфорам. На втором месте находятся корчаги со скобковидными ручками на тулове, представленные двумя размерными видами. Первый – это сосуды для стационарного хранения высотой от 60 см до 1 м. Второй вид – переносные сосуды высотой 30–40 см. В ряде классификаций подобные сосуды называют хумчами, но данный термин целесообразно оставить только за сосудами среднеазиатского происхождения. Мастерами первой группы также изготавливались горшки с ручкой и без, чаши, тарелки, афтоба, тазы, трубы, светильники, дигирные сосуды, копилки, туваки, крышки. Ряд форм (дигири, трубы, копилки, тазы) осваиваются гончарами только в золотоордынский период. При всех вариациях форм сосудов ассортимент изделий первой группы примерно одинаков во всех крупных городских центрах и различается главным образом по количеству изделий того или иного вида. Отсутствие отдельных форм сосудов среди находок вполне возможно объясняется пока ещё недостаточной исследованностью памятника.

При этом в первой группе мастеров отчетливо выделяются сильно различающиеся локальные варианты. Уточнение границ распространения этих вариантов, возможно, позволит в дальнейшем выявить структуру и размеры административных округов, в которые объединялось оседлое население Золотой Орды. Во всех локальных центрах с разной скоростью шла эволюция, имевшая некоторые сходные черты. Со временем снижалась доля лощеной керамики, упрощалась и становилась более редкой орнаментация, происходила стандартизация форм. Для большинства центров также будет справедливо утверждение о постепенном переходе гончаров к более совершенным технологиям под влиянием мастеров второй группы.

К сожалению, большая часть собранной информации относится к производству региональных центров. Гончарство периферии изучено гораздо слабее. Исключением здесь до некоторой степени является Волжская Болгария и Укек. Тем не менее можно говорить, что мастера небольших городов и сельских поселений имели более низкий уровень квалификации и производили более традиционную и архаичную керамику.

Вторую группу мастеров составили гончары, попавшие в пределы Восточной Европы только в золотоордынский период. Они изготавливали сосуды вытягиванием из комка глины. Значительную часть их продукции составляли поливные сосуды. Их работа достоверно зафиксирована в городах Нижнего Поволжья (Царевском, Селитренном). Находки немногочисленных сипаев и фрагментов поливной керамики в Укеке и Болгаре показывают, что здесь также предпринимались попытки наладить производство поливной керамики, но по каким-то причинам дальше экспериментов дело, вероятно, не пошло. Нет никаких свидетельств работы мастеров второй группы в Мохши.

Отмечается взаимовлияние двух групп мастеров. Прежде всего оно проявлялось в постепенном переходе мастеров первой группы к вытягиванию сосудов из комка глины. Существовало определённое разделение труда между двумя группами гончаров. В частности, за редкими исключениями, мастера второй группы не изготавливали тарной керамики.

Особняком стоит мастерская, изготавливавшая хумы со следами выколотки на внутренней поверхности, на которых отмечены клейма с именем гончара Ананда, сына Саркиса (Крамаровский, 1978).

Также отдельно следует рассматривать производителей кашинной керамики и кашинного архитектурного декора. С уверенностью можно говорить о появлении местной кашинной керамики на Нижнем Поволжье не ранее середины правления хана Узбека.

Наряду с этими группами, продукция которых широко распространена на территории Золотой Орды и которые имели, несомненно, ремесленный характер, среди ряда этнокультурных групп населения в Волго-Уралье работали и другие группы гончаров, связанные с конкретными этносами. Они производили преимущественно кухонную посуду. Древнерусские гончары отмечены в Болгаре, Укеке и Водянском городище. Традиционное мордовское гончарство существовало в Мохши, на территории Волжской Болгарии, а также в Укеке и на менее крупных поселениях к северу от него и, возможно, на Водянском городище.

Наиболее пеструю картину мы видим на территории Волжской Болгарии. Здесь работало несколько обособленных групп мастеров. Некоторые из них бытовали ещё с домонгольского времени. В золотоордынский период в результате усложнения этнического состава появились группы керамики.

Характерной особенностью керамического комплекса городов Золотой Орды является многообразие форм сосудов, среди которых много специализированных изделий (шары, копилки, сопла, дигири).

Помимо собственно гончаров существовали ещё две ремесленные специальности, связанные с производством изделий из глины. Изготовление плинфы было налажено не только в крупных городах. Печи по обжигу кирпича сооружались даже в приуральских степях в местах строительства мавзолеев. Формат кирпичей является величиной достаточно стандартизированной и составлял

22×22,5; 20×20,5; 21,0×21,5 при толщине в 4,0×5,5 см. Некоторое распространение в Болгаре и Укеке получила черепица. Причем в Укеке черепицы плоские и полукруглые изготавливались в разных мастерских. Единичные фрагменты черепицы найдены и на Селитренном городище.

Отдельной специальностью были также изготовители тандыров. Последняя специализация на территории Золотой Орды, к сожалению, практически не изучалась.

Выделяются следующие регионы: Болгарский улус, улус Мохши, Укек, Нижнее Поволжье, Сарайчик, каждый из которых обладал своей спецификой.

Болгарский улус. Изучению керамики и гончарного производства этого региона посвящено большее число публикаций. Среди них несколько монографий (Хлебникова, 1984; Васильева 1993, Кокорина, 2002). В разное время исследования проводил целый ряд ученых. Можно говорить, что керамика Волжской Болгарии изучена значительно полнее и детальнее по сравнению с другими регионами Поволжья и Приуралья. За последние годы источниковая база существенно увеличилась, что привело к появлению целого ряда новых исследований (Бахматова, Куклина, 2014; Бахматова, 2016; Бахматова, Ситдиков, 2017; Бахматова и др., 2017; Бочаров, 2018; Куклина, 2015; Нуретдинова, 2011, и др.). В частности, проводятся объемные исследования с привлечением естественнонаучных анализов.

Достаточно подробно проанализирована технология изготовления керамики (Хованская, 1954, Васильева, 1988; 1993). Работа в этом направлении продолжается и в настоящее время (Куклина, 2015). По мнению О.С. Хованской, в золотоордынский период в Болгаре появляются крупные гончарные мастерские (Хованская, 1954, с. 349, 354). Выделяется два района, появившиеся в золотоордынский период в подгорной части и у Голланского озера. Единичные мастерские встречены также в других районах города. Всего исследовано более 20 горнов. Три новых гончарных мастерских выявлены за период 2012–2016 гг.

Все горны двухъярусные, округлой или прямоугольной формы. Один из горнов служил для обжига кирпича. Горны в подгорной части городища сложены из кирпича и продолжают домонгольскую традицию городов Волжской Болгарии. Традиционны также горны Иски-Казани. Крупные горны у Голланского озера сложены из сырцовых блоков, что является инновацией, распространившейся во второй четверти XIV в. Горны, вырезанные в грунте, характерны для сельского гончарства Волжской Болгарии и встречены в Болгаре только один раз. Эволюция горнов Волжской Болгарии подробно изучена И.Н. Васильевой (Васильева, 1993, с. 148–174).

В подгорном районе на берегу р. Меленки обнаружено три мастерских с пятью горнами. Прослеживается определённая специализация на отдельных видах продукции. Здесь же обнаружены матрицы для тиснения (Хованская, 1954, с. 353–354), что представляет собой загадку, поскольку вопреки высказанному мнению (Хлебникова, 1988, с. 93) местных сосудов со штампованным орнаментом в публикациях до сих пор не представлено. Более того, гончары, работавшие здесь, использовали ленточный налеп, между тем сосудов со штампованным орнаментом, изготовленных на этапах РФК-3 – РФК-4 не найдено нигде. Возможно, эти матрицы предназначались не для гончарного производства. У Голланского озера исследовано пять мастерских с тринадцатью горнами, в т. ч. три крупные. Продукция этого района отличалась высокой степенью стандартизации и заметно более высоким качеством. Здесь в основном производились крупные сосуды и трубы. Не меньший интерес представляют единичные мастерские из других районов города. В частности, зафиксирован факт обжига в гончарном горне сосудов XIII группы.

Помимо Болгара гончарные комплексы обнаружены в Иски-Казани (Кокорина, 1999), Чебоксарах, на поселении Сухая Речка и дюне Большой Шихан. В целом болгарские горны очень разнообразны по конструкции, хотя и относятся к одному типу двухъярусных горнов с восходящим движением газов и вынесенным топочным каналом. Встречены горны с уникальными конструктивными деталями, как, например, горн на Сухореченском поселении.

Почти 90% всей неполивной керамики Болгара составляют сосуды I группы. Оставаясь частью постсалтовской гончарной традиции, болгарское гончарство в своей эволюции зашло дальше всего как в плане изменения ассортимента и морфологии сосудов, так и в плане изменения технологий. Ещё в домонгольское время значительная часть городских гончаров перешла к частичному вытягиванию сосудов при сохранении полосчатого лощения. Произошел отказ от использования ангоба (Куклина, 2015, с. 226). Однако часть мастеров в небольших центрах продолжала работать с использованием более архаических приемов. Подобные различия в технологическом уровне внутри I группы гончаров продолжали сохраняться и в золотоордынский период. В Болгаре на протяжении всего золотоордынского периода сосуществовали гончары, использовавшие ленточный налеп и вытягивание на круге. Причем со временем доля архаической керамики не только не пада-

ла, но даже несколько возрастала (Куклина, 2015, с. 223–224). О.С. Хованская объясняла это потребностями городской бедноты в дешевой продукции (Хованская, 1954, с. 356). Однако переход к более совершенной технологии как раз позволял удешевить готовые изделия за счет повышения производительности. Более вероятным представляется предположение, что изначально снижение доли вытянутых сосудов в раннезолотоордынский период – следствие гибели значительной части гончаров во время монгольского завоевания. Их место во вновь восстанавливаемых городах заняли выходцы из сельских поселений, имевшие более низкую квалификацию. Сложнее понять, почему более совершенные технологии не возобладали в дальнейшем. В качестве ещё одного объяснения этого феномена предложено распространение крупных кувшинов и корчаг, изготовление которых путем вытягивания представляло сложность (Куклина, 2015, с. 223–224). Хотя это действительно требовало хорошей квалификации, вряд ли подобное объяснение может объяснить статистику. Во-первых, число действительно крупных сосудов не столь велико, во-вторых, их можно было вытягивать по частям, что и зафиксировано в материалах мастерских у Голланского озера (Васильева, 1988, с. 127).

Помимо различий в уровне применявшихся технологических приемов для гончарства Болгара также характерны значительные колебания уровня индивидуального мастерства между продукцией различных гончаров.

Керамический комплекс Болгара в раннезолотоордынский период слабо изменился по сравнению с домонгольским периодом. В позднезолотоордынский период сильно увеличивается доля керамики коричневого и кирпично-красного цвета. Как тенденция прослеживается уменьшение количества лощеной керамики. Тем не менее она превышает 40% (Хлебникова, 1988, с. 12), и это не сопоставимо с керамикой Нижнего Поволжья, где лощение исчезает полностью. Более того, по другим данным доля лощеной керамики в некоторых районах города к середине XIV в. даже повышается (Куклина, 2015, с. 226). Орнаментация большей части сосудов ограничена поясками линейного или волнистого орнамента, нанесенного гребнем. Более редки оттиски зубчатого штампа. Только здесь сохранились декоративные налепы на верхней части ручки – последний рудимент зооморфных ручек. К числу редких и архаичных вариантов орнаментации относятся вертикальные каннелюры.

Происходит укрупнение размеров изделий. У части сосудов верхний прилеп ручки стал располагаться на венчике. Появляются новые формы и новые варианты профилировки отдельных частей.

Неоднородность технологий вместе с очевидными различиями продукции различных мастерских, которая была ясна уже первым исследователям Болгара (Хованская, 1954), требует при классификации болгарской керамики разделения I группы на ряд подгрупп, в которые следует объединить продукцию отдельных центров и гончарных районов, а в перспективе продукцию отдельных мастерских.

Отмечены различные навыки составления формовочных масс. Гончары предпочитали использовать среднепластичные глины (Васильева, 1988, с. 124). Как тенденция отмечается предпочтение более пластичных глин для изготовления сосудов небольшого размера. При этом в пределах одной мастерской могли использовать разные глины. В формовочную массу добавлялась подсушенная дробленная более пластичная глина. В золотоордынский период эта традиция получила значительно большее распространение (Васильева, 1993, с. 107). Зафиксировано также хранение уже готовой смеси двух глин. Продолжала в небольшой концентрации применяться примесь органики. В основном в кухонных горшках, а также в сфероконусах отмечена примесь песка в концентрации 1:4, 1:5. Использовались донные и донно-ёмкостные спиральные жгутовые начины. Крупные сосуды конструировались по частям. Особняком стоят сфероконусы, которые изготавливались выдавливанием двух отдельных частей из комков глины с последующей их стыковкой. Крупные сфероконусы изготавливались при помощи спирально-жгутового налепа по частям. В литературе отмечено использование ангоба для внутренней поверхности сосудов (Васильева, 1988, с. 128). Однако неясно, не являются ли эти редкие образцы импортами. Если среди мастеров, работавших городе, фиксируются значительные различия в уровне используемых технологий, то гончары, работавшие на сельских поселениях, вовсе не использовали частичное вытягивание полого тела из комка глины (Васильева, 1993, с. 127).

В Болгаре представлен наиболее разнообразный ассортимент. В менее крупных городах и на сельских поселениях число форм заметно меньше. Если число видов изделий не изменилось, то число типов существенно возросло. Как и в других золотоордынских центрах, большую часть находок составляют кувшины, которые вместе с тем и наиболее многообразны типологически (рис. 1: 1–2; 2: 1–2; 6: 2–3). Появляются новые черты оформления кувшинов традиционных типов, такие как крепление ручки к венчику, покрытие рифлением верхней части горла при увеличе-

нии его высоты или одиночный рельефный валик на середине высоты горла. Появляются два новых типа кувшинов (13–14), отличающиеся высокими и узкими горлами. Тулово кувшинов 13 типа близко по форме к биконическому. У кувшинов 14 типа тулово удлиненно-яйцевидное. В целом кувшины со сливами на венчике являются нечастыми находками. Имеющиеся отдельные экземпляры кувшинов со сливом, вылепленным из отдельной порции глины, возможно, являются импортами из более южных регионов. Афтоба появляются только в золотоордынский период, но остаются редкой формой (рис. 1: 3).

Ещё более разнообразны по форме кружки (рис. 1: 4–5). Причем если выделять типы не только по пропорциям, но и с учетом особенностей профилировки, число типов намного превысит заявленные 14. В золотоордынский период сохраняются старые типы, и при этом появляется ряд новых форм. Все кружки и кринки Волжской Болгарии отличаются широкой цилиндрической горловиной. Они относятся к числу наиболее своеобразных особенностей керамики данного региона в сравнении их с другими районами Золотой Орды.

Многочисленны также горшки (рис. 1: 6–7; 2: 3). Только часть горшков имеет ручки. Выделено шесть их типов. К формам, появившимся только в золотоордынский период, относятся горшки 6 типа с туловом, близким к биконическому, и низкой шейкой. Тип 4 объединяет крупные сосуды (диаметр тулова 27–34 см), морфологически более похожие на миниатюрные корчаги. Более вероятно, что эти сосуды имели не кухонное назначение, а служили переносной тарой или для подачи общих блюд к столу. Представляется необходимым выделить его в отдельный вид изделий.

В золотоордынский период происходит значительное увеличение числа корчаг (рис. 3: 6, 4), что свидетельствует об изменениях в быту населения Волжской Болгарии. Эволюция корчаг происходила в направлении удлинения их пропорций. Распространилась профилировка шейки сосудов валиком, что характерно и для других регионов. На корчагах орнаментация не только не уменьшалась, но даже, кажется, становилась более пышной, покрывая иногда весь сосуд. Отмечены даже налепные валики.

Открытые формы столовой посуды весьма многообразны (рис. 4: 1–2) и представлены блюдами, чашами, крупными чашами для подачи к столу общих блюд, мисками разного размера и редкими плоскодонными кубками. Из черт, не характерных для домонгольского времени, отмечается остроребернность, появление кольцевых поддонов и орнаментация вертикальными каннелюрами некоторых сосудов. Не прослеживается никакого влияния на формы сосудов поливной керамики, за исключением, возможно, упомянутых выше поддонов.

Только в золотоордынский период, как и в других регионах, появляются тазообразные сосуды, которые функционально не относятся к числу столовой керамики (рис. 2: 5). Среди многочисленных светильников обычного облика (рис. 4: 3) появляются сосуды на высоком поддоне с высоким цилиндром-подставкой под свечу внутри (рис. 2: 6). Наряду с традиционным типом туваков (рис. 4: 4) появляются новые формы с укороченными пропорциями и выделенной шейкой и плечами (рис. 2: 4).

Также только в золотоордынский период в Волжской Болгарии появляются трубы, которые отличаются от подобных изделий других центров только достаточно частым использованием линейного врезного орнамента в виде узких поясков. Им посвящено специальное исследование (Баранов, 2003). Выделяется несколько размерных стандартов, а также трубы специального назначения.

Одну из самых своеобразных черт керамического комплекса Болгара представляют сфероконусы, выпуск которых начался ещё в домонгольский период. Им посвящен целый ряд публикаций (Нуретдинова, 2011; Беляев, Нуретдинова, 2015). Ни в одном другом центре сосудов этого вида гончары первой группы не выпускали, и ни в одном другом центре Золотой Орды они не были массовой продукцией. Также необычен тот факт, что в одном городе выпускались сфероконусы разной формы. Наряду со сфероконическими сосудами разных пропорций бытовали низкие конусовидные сфероконусы (рис. 4: 5). Почти половина сфероконусов покрыта лощением. Технология их изготовления также имела свои особенности. Главной загадкой является назначение болгарских сфероконусов, поскольку они не имели заметного сбыта за пределы региона и поэтому нет строгих доказательств, что они, как сфероконусы других групп, служили транспортировочной тарой. Большая их часть встречена в производственных комплексах, но это справедливо для большинства находок на территории Золотой Орды. Высказывались предположения об их использовании в производстве и связи сфероконусов с продуктами древесных смол. Но эти гипотезы не объясняют до конца их многочисленность в сочетании с локальностью их распространения.

Копилки не относятся к числу массовых находок. Находки из Болгара отличаются формой, скорее близкой к биконической (рис. 2: 7). Крышки представлены типичной для всех золотоордынских городов формой в виде сегментов или конусов с маленькой ручкой-выступом и горизон-

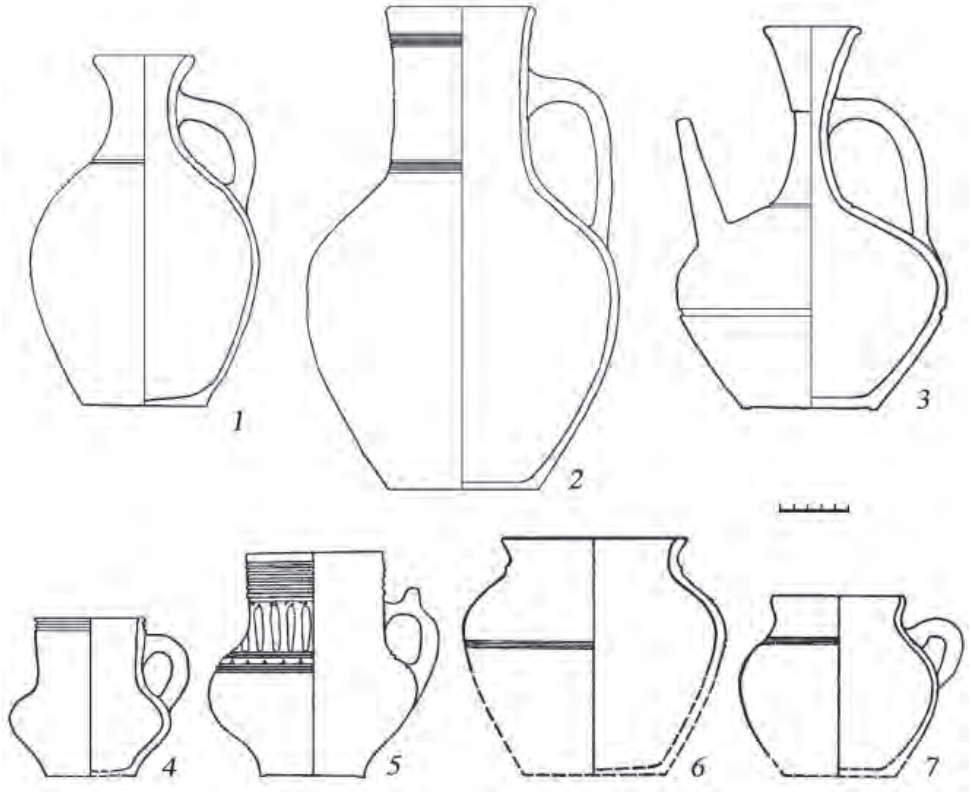


Рис. 1. Болгар. I группа керамики (по Т.А. Хлебниковой):
1-2 – кувшины; 3 – афтоба; 4-5 – кружки; 6-7 – горшки

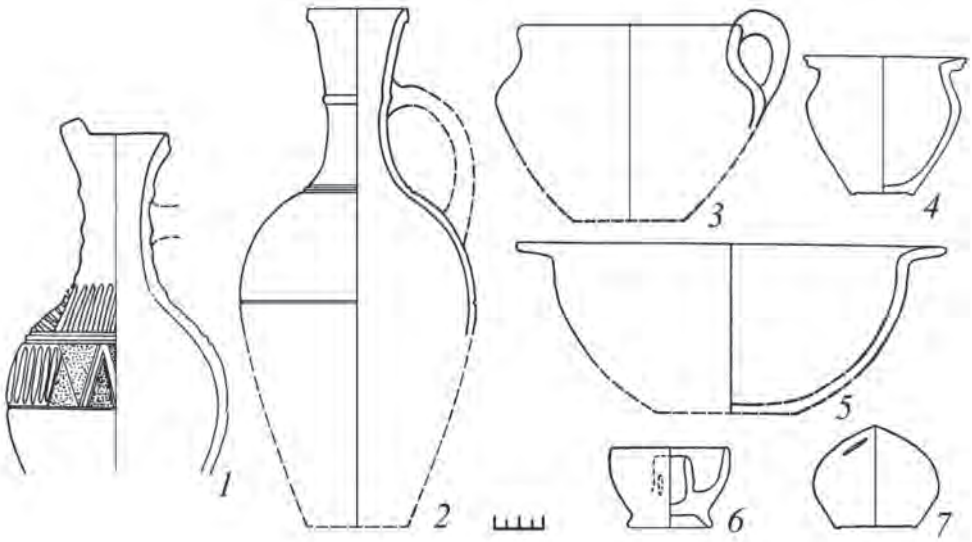


Рис. 2. Болгар. I группа керамики (по Т.А. Хлебниковой):
1-2 – кувшины; 3 – горшки; 4 – тувак; 5 – таз; 6 – светильник-подсвечник; 7 – копилка

тальным бортиком-ограничителем и характерны именно для золотоордынского периода. В числе редких форм следует также упомянуть сковороды, маслобойки и пряслица.

В золотоордынский период доля керамики традиционных производств существенно снизилась. В некоторых случаях речь всё же должна идти уже о ремесленном производстве с ограниченным ареалом распространения. Это результат не только развития гончарного ремесла, но и снижения обособленности отдельных этнических групп. Уверенно можно говорить о продолжении производства в этот период керамики VII, XIII, XIV, XVI, XVII групп. В их изготовлении сохранялись старые приемы. При этом происходили и определенные изменения. Возможно, далеко не все находки

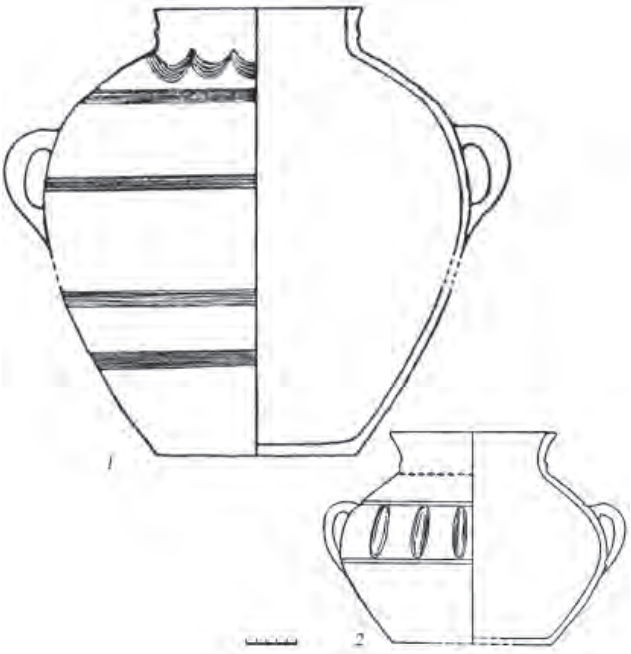


Рис. 3. Болгар. I группа керамики
(по Т.А. Хлебниковой): 1 – корчага; 2 – корчажка

подобной керамики в Болгаре являются местной продукцией. Часть из них могла попадать сюда в ходе миграций населения.

VII группа керамики (рис. 5: 1) встречена в небольших количествах, преимущественно на сельских памятниках. Использовалась пластичная глина с примесью дробленой раковины или дробленой раковины и навоза. Для её изготовления применялся спиралевидный налеп с использованием формы модели и выбиванием поверхности. Заглаживание поверхности иногда выполнялось на гончарном круге. Представлена округлодонными темноокрашенными сосудами с цилиндрической шейкой, орнаментированными оттисками веревочки и гребенки.

Керамика типа «джукетау» (рис. 5: 2) в золотоордынский период составляет в Болгаре до 0,5%, но по-прежнему занимает заметное место среди керамики Джукетау и его округи в Нижнем Прикамье. Для производства сосудов XIII группы (джукетау) использовались тонкие пластичные глины с мелким цветным песком в концентрации 1:3 и навозом. В золотоордынский период стали использоваться также среднепластичные и малопластичные глины с примесью навоза. При изготовлении использовался лоскутный налеп. На нижней части хорошо заметны горизонтальные следы подрезки ножом. В золотоордынский период появляются сосуды, верхние части которых изготавливались с помощью круга. Также круг мог использоваться и для профилирования. Наряду с преобладанием круглодонных форм появляются сосуды с плоским дном. Черепок имеет трехслойный обжиг. Цвет поверхности сильно варьирует, но преобладают сосуды с темной окраской. Для орнаментации использовалась многорядная волна или оттисками зубчатого штампа. Большую часть изделий составляли котлы и горшки. Встречены также чашевидные сосуды, миски, плошки и кружки. Часть сосудов имеет петлевидные ручки. Мастера XIII группы не производили, кажется, только тары. Можно предполагать, что в золотоордынский период это производство начинает приобретать ремесленный характер. Будучи очень примечательной частью керамического комплекса Волжской Болгарии, керамика типа «джукетау» породила большое число дискуссий (Бахматова, 2016).

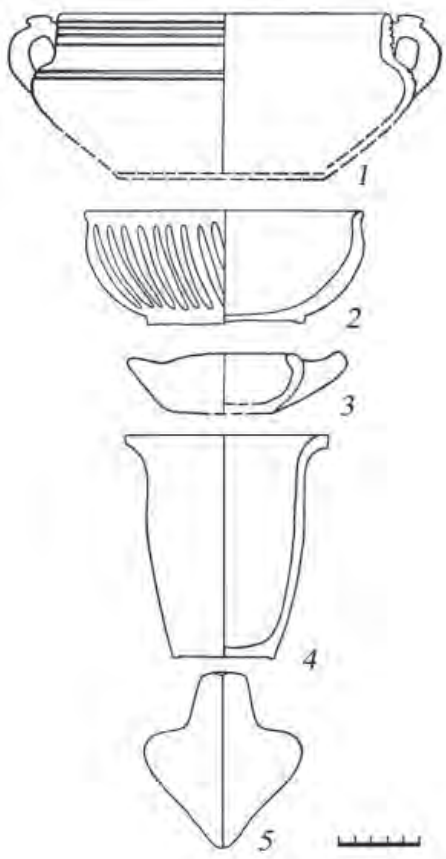


Рис. 4. Болгар. I группа керамики
(по Т.А. Хлебниковой): 1 – чаша с ручками; 2 – чаша; 3 – светильник; 4 – тувак; 5 – сфероконус

Древнерусская керамика (XIV группа) (рис. 5: 3) составляет от десятых долей до 1% керамического комплекса. Сложилось разделение керамики XIV (древнерусская) группы на две подгруппы. Первая – с примесью крупного песка или дресвы в значительной концентрации. Часто использовался в качестве дополнительной примеси навоз. Вторая – с мелким песком или без видимых примесей. В целом рецептура формовочных масс очень неоднородна, что указывает на значительное число мастерских, продукция которых встречена в Болгаре. Часть этой керамики ввозилась с

территории самой Руси, часть производилась на территории самого города. Также неоднородна эта керамика и по технологическому уровню. Встречены сосуды с признаками частичного профилирования и вытягивания (РФК-4–5).

XVI группу керамики, «славяноидную» (рис. 5: 4), связывают с марийским населением. В небольшом количестве (менее 1%) она представлена по всей площади Болгарского городища, а также в Иски-Казани и на сельских памятниках. По своим морфологическим характеристикам она мало отличается от древнерусской керамики. Наиболее существенными её отличиями являются примесь дробленной раковины и редкость использования орнаментации. По уровню развития технологий она достаточно неоднородна (РФК-1–4), что указывает на переход части мастеров к работе на рынок. Наряду со спирально-жгутовым налепом зафиксирован спиралевидный лоскутный налеп, что, несомненно, является архаическим признаком.

Сосуды XVII «суварской» группы (рис. 5: 5) изготовлены из средне- и малопластичной глины с примесью мелкого песка и добавлением жидкой органики. При их производстве использовался жгутовой налеп с последующим заглаживанием и профилировкой верхней части сосуда на круге (РФК-2–3). Следы от использования круга слабо заметны. Цветность сосудов неустойчива с преобладанием темных тонов. Часто окраска сосудов пятнистая. Орнаментация наносилась на шейку и плечико и ограничивалась узкими поясками из одиночной волнистой линии между прямых или многорядной волны. На единичных образцах орнамент нанесен в виде ряда оттисков торца узкой палочки. Группа представлена горшками, близкими к усеченно-шаровидной форме с высокой слабоотогнутой шейкой и непрофилированным краем венчика. В редких случаях сосуды имеют петлевидную ручку на плечах. Возможно, немалая часть этой керамики по-прежнему производилась в регионе Сувара.

Только в золотоордынский период распространяется керамика XVIII–XX групп.

XVIII «верхнекамскую» («родановскую») группу керамики (рис. 5: 6) составляют круглодонные сосуды с примесью дробленой раковины и песка. Окраска сосудов буро-серая. Часть сосудов имеет петлевидную ручку с характерной уплощенной площадкой подтреугольной формы сверху. Сосуды имеют короткую слабоотогнутую шейку со слабопрофилированным венчиком. Характерна орнаментация оттисками зубчатого штампа, расположенными в елочку на плечах. Ассортимент представлен котлами, горшками и чашами. Происхождение этой керамики связывают с финно-угорским населением Верхнего Прикамья (родановская культура). Было бы интересно проведение исследований с проведением естественно-научных анализов и сопоставлением находок из Болгара и Верхнего Прикамья.

На втором месте по числу находок после I группы находится XIX группа керамики (рис. 5: 7–9), появившаяся только в золотоордынский период. Для её производства использовались малопластичные слабоожелезненные глины с очень мелким песком. В качестве искусственной примеси вводилось небольшое количество навоза.

Сосуды изготавливались путем спиралевидного лоскутного налепа, в два приема – округлое дно и остальная часть сосуда. На это указывают следы спая на ребре, выделяющем место перехода, сочетающиеся с резким изменением толщины стенок. Отмечен и спирально-жгутовой налеп. Следы обстругивания деревянным ножом могут фиксироваться по всей поверхности, включая места прилепов ручек. На части сосудов венчик заглажен на круге. Группа очень неоднородна по технологическому уровню (от РФК-0 до РФК-4) и качеству изготовления сосудов. Наряду с очень грубыми изделиями встречены сосуды с равномерными по толщине стенками и хорошо заглаженной на круге поверхностью. Преобладающий цвет изделий темно-серый или бурый. Большая часть сосудов имеет трехслойный обжиг. Небольшая часть керамики обожжена в окислительной атмосфере. Черепки имеют характерный зубчатый излом.

Орнаментировались сосуды пальцевыми вдавлениями, оттисками зубчатого штампа и одиночными волнистыми линиями. Специфичны для этой группы керамики орнаменты, выполненные при помощи штампов-пунсонов в виде розеток, собранных в группы, или зооморфных фигур. Использовался также штамп-валик. Подобные орнаменты встречаются на сосудах, имеющих высокое качество изготовления.

Ассортимент группы достаточно разнообразен. В него входят котлы с трехпалыми ручками, горшки, блюда, кружки, светильники, ковши, крышки. Котлы весьма разнообразны по профилировке и часто имеют высокую сложно профилированную горловину. Некоторые из них достигают весьма значительных размеров (диаметр венчика до 37 см). Большая часть сосудов имеет ручки. Наиболее своеобразны ручки выступы с тремя, как правило, налепами. Реже встречаются маленькие петлевидные ручки с профилированной верхней частью. У ковшей чаще встречаются втульчатые ручки. Крышки имеют цилиндрическую ручку с фигурным завершением.

Помимо Болгара сосуды этой группы встречены в Укеке, городах Нижнего Поволжья, Сарайчи-

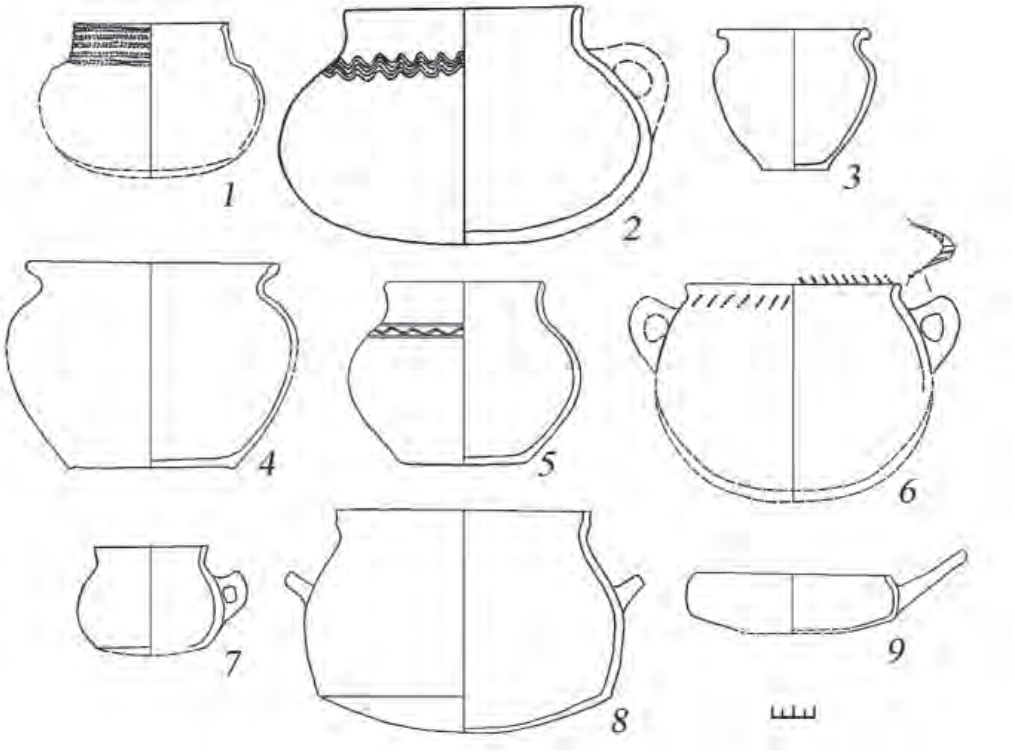


Рис. 5. Болгар. Керамика (по Т.А. Хлебниковой):1 – VII группа; 2 – XIII группа; 3 – XIV группа; 4 – XVI группа; 5 – XVII группа; 6 – XVIII группа; 7–9 – XIX группа.

ке, Азаке, но нигде они не представлены в таком количестве и не имеют такого разнообразия форм. Также нигде, кроме Болгара, не наблюдается таких различий в уровне их изготовления. За исключением Укека, XIX группа керамики за пределами Волжской Болгарии представлена исключительно сосудами уже ремесленной выделки со следами профилирования верхней части сосуда на гончарном круге.

Было высказано мнение о смешении данной группы с XIII группой (Васильева, 1988, с. 129, 132–133). Оно основано на находках котлов XIX группы из формовочных масс, характерных для XIII группы. По мнению Т.А. Хлебниковой, XIX группа сформировалась в результате перемещения в раннезолотордынское время группы ремесленников из Средней Азии, которые испытали в Болгаре значительное воздействие мастеров XIII и XVIII групп (Хлебникова, 1988, с. 46–49). Основанием для этого служили детали оформления форм сосудов и орнаментации.

Такое предположение представляется маловероятным на следующих основаниях. Во-первых, эта группа керамики распространена на территории Золотой Орды несравненно шире, чем XIII и XVIII группы с их ограниченным ареалом. На территории самого Болгара она куда многочисленнее их. Она имеет после I группы наиболее разнообразный и сложившийся ассортимент форм не только кухонной, но и столовой, и непищевой. Хотя часть керамики произведена ремесленниками, общий уровень её производства оставался низким. Поэтому широкое распространение её за пределы конкретных этнических групп маловероятно. То есть появление этой группы керамики связано с переселением не отдельных ремесленников, а целой этнокультурной общности, запросы которых и удовлетворяли мастера. И появилась она в Поволжье в сложившемся виде, что, конечно, не исключает её дальнейшей эволюции на новом месте.

Во-вторых, наиболее примечательные особенности технологии изготовления сосудов XIX группы, относящиеся к числу субстратных, как, например, изготовление сосудов из двух отдельных частей, никаких параллелей с сосудами XIII и XIX групп не обнаруживают. Имеющиеся параллели, например, в форме ручки или наличии орнаментов из оттисков зубчатого штампа не уникальны и могут быть объяснены просто конвергентным развитием в разных очагах гончарства.

В-третьих, не ясны причины и механизм влияния гончаров одной этнической группы на представителей другого этноса при сопоставимом уровне их развития и отсутствии между ними близкого родства. В условиях крупных городов можно было бы ожидать прежде всего влияния на традиционные производства более совершенного ремесла I группы мастеров. И, по-видимому, появление котлов, изготовленных спирально-жгуто-

вым налепом со стенками одинаковой толщины и следами профилировки на гончарном круге, и является воплощением такого влияния.

Развитие этой группы керамики можно реконструировать следующим образом. Вскоре после создания Золотой Орды в Болгар переселилась группа населения со своим сложившимся комплексом керамики. Здесь под воздействием главным образом знакомства с производством I группы часть мастеров перешла к более совершенным технологическим приемам. Уже отсюда произошло перемещение отдельных мастеров, вероятно, вместе со своими соплеменниками, в более южные районы. Но часть керамики могла и перевозиться. Определить в настоящее время место производства конкретных находок на различных памятниках южнее Болгара не представляется возможным.

В позднезолотоордынский период появляется ещё одна малочисленная группа керамики – XX. Она представлена горшками, изготовленными из глины с грубыми примесями, включая шамот, дресву и дробленый шлак. Орнаментацию составляют прямые и одиночные волнистые линии. Вопрос о происхождении данной группы керамики нельзя назвать решенным.

В небольшом количестве в южных районах Волжской Болгарии встречается мордовская керамика, представленная слабопрофилированными банками и горшками (рис. 6: 1). При её изготовлении использовались примеси шамота и навоза. Сосуды изготавливались при помощи лоскутного налепа. Появляются сосуды с признаками кругового заглаживания.

По мнению Н.А. Кокориной, в золотоордынский период также бытуют VI, VIII, XXI и XXII группы. Появление XXI группы керамики связывается автором с переселением кипчакского населения из Средней Азии (Кокорина, 2000). Однако само выделение XXI и XXII групп не является общепризнанным.

При изучении материалов Болгара нужно учитывать, что высокий уровень развития торговли и внутренних миграций на территории Золотой Орды делал практически неизбежным перемещение значительных масс керамики. Речь идет не только о качественной столовой или тарной керамике, но и об обычной бытовой керамике, включая сосуды домашней выделки. Особенно это касается такого важного экономического и административного центра, как Болгар. Мнение о том, что часть керамики Болгара, включая низкокачественную, привозилась в него из других районов, было высказано достаточно давно (Хованская, 1954, с. 341), и это подтверждается данными естественно-научных анализов (Бахматова и др., 2017, с. 137). Это обстоятельство нужно учитывать в ходе дальнейшего анализа. Вероятно, этим отчасти обусловлено фиксируемое многообразие технических навыков на всех этапах изготовления керамики (Васильева, 1993, с. 102–144).

Производство поливной керамики, существовавшее в домонгольское время в Биляре, погибло, и наладить его заново по каким-то причинам не удалось. Доля поливной керамики в керамическом комплексе Болгара невелика и составляет 1–2%. Это, наверное, самый низкий процент поливы для крупных городов Золотой Орды, за исключением Мохши. Она не стала популярной среди широких слоев городского населения. В первой половине XIV в. в ней преобладали сосуды крымского и византийского производства. Позднее они сменяются красноглиняной и кашинной керамикой. Заметное место среди поливной керамики также составляют изделия из Ирана, Средней Азии и Китая.

Мнение о производстве в Болгаре небольшого количество монохромной поливной керамики закрытых форм (Хованская, 1954, с. 365–366) дальнейшего подтверждения не нашло. Найденные немногочисленные сепаи указывают только на попытки производства чаш. Но ни одного полуфабриката, несмотря на широкий размах раскопок в Болгаре, до сих пор не найдено. Вероятная причина этого – указанная узость рынка сбыта. Найденные в мастерской Русского Урмата полуфабрикаты(?) (Кокорина, 1999, с. 85–86) не подвергались специальному анализу и, возможно, относятся к более позднему периоду.

Обобщая, следует сказать, что керамический комплекс Волжской Болгарии сохранил свою преемственность с домонгольским периодом. Произошел некоторый регресс в производстве I группы керамики, появились некоторые новые группы керамики, некоторые новые формы сосудов и орнаменты. Изменился и состав импортов. Процесс этот за исключением самого периода завоевания шел постепенно. Лишь в небольшой мере (как, например, появление XIX группы керамики) эти изменения могут быть объяснены усложнением этнического состава населения или переселением сюда ремесленников. Привлекает внимание и то, что развитое гончарство Волжской Болгарии оказало небольшое влияние на развитие керамического производства в других районах Волжско-Уральского региона.

Регион Укека. Поскольку раскопки на Укеке вплоть до недавнего времени проводились в ограниченном объеме, данных о местном гончарном производстве немного. В 1919 г. было исследовано два горна, служивших, очевидно, для обжига поливных кашинных изразцов (Баллод, 1923, с. 77–81). Ещё несколько горнов было зафиксировано в

ходе земляных работ в начале XX в. (Кубанкин, 2015, с. 156–157). Неоднократно были встречены сепаи разного вида (Недашковский, 2000, с. 102; Кубанкин, 2015, с. 157). К сожалению, археологический контекст этих находок установлен не был.

На настоящий момент работы, целиком посвященные изучению керамики Укека, отсутствуют. Существуют разделы в более общих исследованиях (Недашковский, 2000, с. 95–106) и статьи, посвященные отдельным группам преимущественно импортной керамики (Кубанкин, Масловский, 2013; Матюхина, Моржерин, 2005). Как правило, находки из Укека включаются в общий обзор керамики Нижнего Поволжья (Булатов, 1976, с. 74; Фёдоров-Давыдов, 2001, с. 5). Это нельзя считать оправданным. Хотя по современной географической номенклатуре этот район и является частью Нижнего Поволжья, в золотоордынский период многие черты его культуры, и в том числе местная керамика, заметно отличаются и от находящихся южнее городов Нижнего Поволжья, и от Волжской Болгарии и должны рассматриваться отдельно. Гончарство самого Укека и его округи сложилось, вероятно, в основном в результате переселения мастеров с территории Волжской Болгарии. При этом, вопреки высказанному предположению (Васильева, 1993, с. 107), большая часть гончаров переселенцев отнюдь не были носителями передовых технологий, а напротив, использовали архаические навыки ленточного налепа и выпускали обедненный ассортимент изделий, т. е., вероятно, происходили с территории сельских поселений. Несомненен и небольшой приток мастеров с более южных регионов, нашедший отражение в более широком использовании красного ангоба.

Пока невозможно разделить керамику производства самого Укека и окрестных поселений, за исключением Хмелевского поселения.

Использовались малопластичные глины со значительной примесью мелкого (доли миллиметра), реже среднезернистого песка и (иногда) включениями белого (бежевого или розового минерала) плитчатой формы, размером от долей миллиметра до 3–4 мм.

Из искусственных примесей заметна примесь органики (навозная жижа). В редких случаях заметна примесь глиняного концентрата размером до 2–3 мм. Возможно, это изделия мастеров из округи Укека. Преобладает светлая буро-коричневая окраска черепка. Реже встречается темно-коричневая, кирпично-коричневая и даже красная. Достаточно часто внешняя поверхность заметно светлее самого черепка. Этот высветленный слой может иметь толщину до 1 мм. Обжиг, как правило, сквозной, реже трехслойный с тонкой бурой или серой прослойкой. Прослойка эта составляет 1/4–1/3 толщины и имеет размытые границы. Гораздо реже встречается трехслойный обжиг с центральной прослойкой черно-серого цвета толщиной от 1/2 до 3/4 и четкими границами.

По способу обработки поверхности в группе можно выделить четыре отдела. 1. Без дополнительной обработки поверхности. 2. С лощением по черепку. 3. С красным ангобом. 4. С лощением по красному ангобу. Количественно абсолютно преобладает отдел 1. На втором месте керамика с красным ангобом. Наименьшее число находок керамики с лощением по черепку.

Ангоб, как правило, наносился тонким слоем и очень жидко разведенным и не скрывал полностью цвет самого черепка. Часто фиксируются следы нанесения его кистью. Встречаются дефекты в виде непокрытых ангобом участков. В зависимости от режима обжига ангоб мог приобретать окраску от ярко-красного до почти черного цвета.

Лощение наносилось небрежно. В некоторых случаях его сложно отличить от залощенности отдельных участков в процессе изготовления сосуда. Единичны сосуды со сплошным лощением поверхности. Это, вероятно, кружки и кубышки, а также чаши.

Зафиксировано использование донных и донно-емкостных начинов. Для многих крупных кувшинов фиксируется перерыв в работе на уровне верхней части плеча. Подавляющее большинство сосудов изготовлено на этапе РФК-3. Для единичных сосудов можно предполагать РФК-4. Для некоторых сосудов машинное заглаживание фиксируется с трудом даже на внешней поверхности. На внутренней поверхности небрежное машинное заглаживание встречается ещё чаще. Не до конца заглаженные места соединения глиняных жгутов встречаются даже на верхней части горла.

Очень небольшое число образцов носит следы частичного вытягивания глины (РФК-5) в виде волн на внутренней поверхности. Часть из них является, вероятно, импортами с территории Волжской Болгарии, но некоторое количество, несомненно, местного производства. В целом уровень индивидуального мастерства большинства гончаров Укека был невысок. Из-за чего сосуды выглядят более грубо, чем продукция других крупных городов Золотой Орды.

Для орнаментации широко использовался врезной линейный орнамент, наносившийся зубчатым штампом. Чаще всего тулово сосуда покрыто несколькими неширокими поясками, разделенными гладкой поверхностью. Чаще такую орнаментацию имели корчаги. Также пояс линейного орнамента наносился на место максимального диаметра, середину плеча и основание

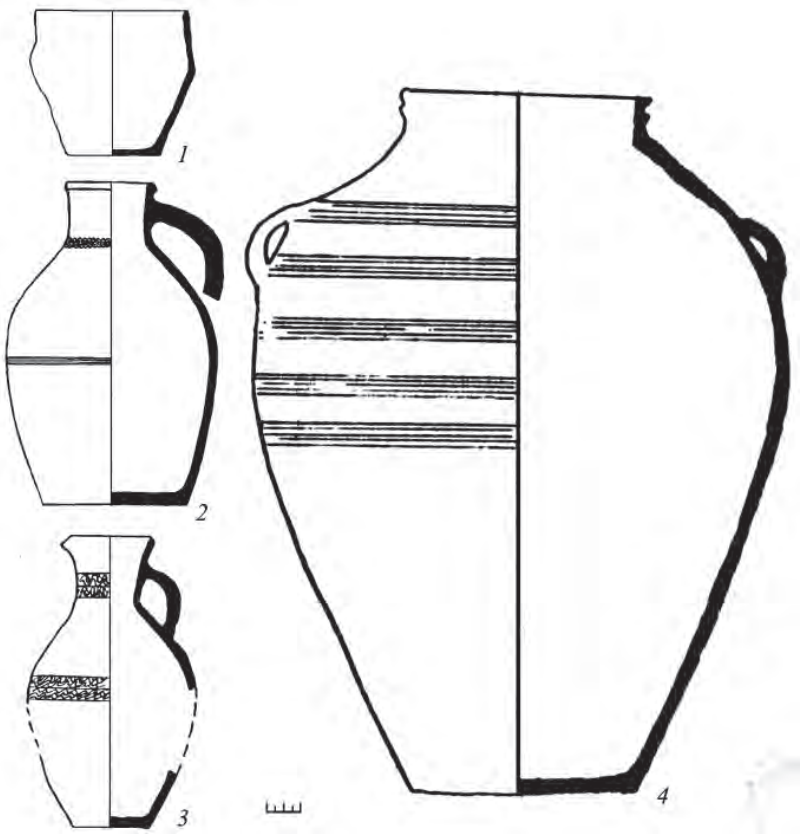


Рис. 6. Волжская Болгария. Сельское гончарство (по И.Н. Васильевой):
1 – мордовская керамика (Барбашинский могильник); 2 – Большой Шихан; 3–4 – Сухая Речка

горла кувшина. Характерно для керамики Укека также использование косых оттисков двух-трех зубцов штампа в виде одного ряда, реже в виде двух рядов «в ёлочку» или нескольких рядов в тех же местах. Существенно реже встречены оттиски овальной или округлой формы, сочетания одиночной волнистой линии и прямых. В единичных случаях зафиксированы налепы на ручках. Также к числу редко использовавшихся приемов орнаментации использовались одиночные широкие желобки примерно на месте максимального диаметра и крайне редко вертикальные удлиненные вдавления.

Основу ассортимента составляли корчаги разного размера, кувшины также разного размера (рис. 7: 1–4), афтобы. Также отмечены кубуры, кружки, горшки, туваки (рис. 7: 8), крышки (рис. 7: 7), кружки (кубышки?), копилки, чаши и круглодонные амфоры. Отметим сосуды баночной формы, которые, вероятно, появились под влиянием мордвы. Особняком стоит несколько фрагментов поливных горшков.

В целом видовой состав местной керамики 1 группы выглядит обедненным. Из-за малого числа склеенных сосудов подробно охарактеризовать морфологию сосудов затруднительно, но в целом она имеет общие черты с основными формами в других городах Золотой Орды.

Корчаги имеют невысокую слабо профилированную шейку с горизонтальной закраиной венчика. Среди кувшинов преобладают обычные для городов Золотой Орды формы широкогорлых кувшинов со сливом на венчике и яйцевидным туловом. Но встречены и узкогорлые формы. Чаши имеют различную профилировку, но большинство экземпляров имеют слабо выделенный низкий бортик с небольшим полуовальным венчиком. Выделяются копилки с туловом, близким к шаровидному, с необычно толстыми для данного вида изделий стенками. Туваки, напротив, выделяются среди других местных изделий своей тонкостенностью.

На настоящий момент в регионе выделено два очага гончарства, заметно отличающихся друг от друга. Помимо вышеописанного производства Укека вторым гончарным центром региона было Хмелевское поселение. Его продукция на территории самого Укека составляет до 10%. Несмотря на близкое соседство двух центров, хорошо заметны отличия в режиме обжига, использовании красного ангоба и даже особенностях профилировки. Для производства керамики Хмелевского поселения использовались среднепластичные глины. Примесь песка визуально почти не заметна, из-за этого поверхность черепка значительно более гладкая. Также малозаметна примесь органики.

Зато на многих образцах заметна примесь глиняного концентрата размером 1–2 мм. Поверхность ярко-коричневая. Большая часть черепков имеет четкий трехслойный обжиг. При этом внутренний слой имеет черно-серую окраску, четкие границы и занимает, как правило, более 1/2 толщины черепка. Эти отличия, вероятно, обусловлены присутствием на Хмелевском поселении большего числа гончаров – выходцев из более южных районов.

Не ясен вопрос с местом производства горшков древнерусской традиции (рис. 7: 5), которые составляют вторую по численности группу керамики. Они имеют достаточно стандартную профилировку венчиков. По составу формовочной же массы они делятся на несколько подгрупп. 1. С примесью мелкой кварцевой дресвы. 2. С примесью несортированного кварцевого песка. 3. С примесью мелко- и среднезернистого песка. 4. С естественной примесью охристых частиц и др.

Вероятно, к местному производству относятся горшки, для производства которых использовались глины со значительной примесью мелкого песка. Они имеют чаще бурую или серую окраску. Сосуды достаточно тонкостенные. Из орнаментации отмечены одиночные волнистые (на плечиках) или прямые линии (на всей поверхности). Венчики невысокие, отогнуты наружу и непрофилированы, с округленной закраиной.

Спецификой керамического комплекса Укека является группа керамики, представленная горшками со следами частичного вытягивания. Для их производства использовалась глина с большим содержанием мелко- и среднезернистого песка. При четко читаемых волнах вытягивания на внутренней поверхности на внешней стороне сосудов у дна видны следы срезания глины. Преобладающий цвет поверхности темно-бурый или серо-бурый. Встречается как сквозной, так и трехслойный обжиг с черно-серой сердцевиной. Профилировка венчиков достаточно стандартна. Шейка отогнута наружу под углом примерно 45°. Закраина слабо утолщенного венчика имеет угловатый подпрямоугольный контур. Горшки могли иметь ручки в виде уплощенных подовальных налепов.

Небольшой процент керамики Укека и его округи составляют мордовские лепные слабопрофилированные сосуды (рис. 7: 6) с примесью шамота, чаще с большим его количеством. Размер частиц достигает 4–5 мм. Отмечена также примесь навоза.

В небольшом количестве встречены фрагменты округлодонных котлов из среднепластичной глины с небольшой примесью мелкого песка и навоза, которые, очевидно, являются для Укека импортами с территории Волжской Болгарии.

Зафиксировано производство в Укеке кашинного архитектурного декора, и, судя по находкам сепаев и единичных фрагментов поливных сосудов, предпринимались попытки наладить производство местной поливной красноглиняной керамики. Возможно, местная полива просто не может в настоящее время быть отделена от нижневолжских импортов, однако поливная керамика в целом составляет очень небольшой процент керамического комплекса. Поэтому вряд ли можно ожидать сколь-нибудь заметного местного производства поливы, тем более что в комплексе отсутствуют также и неполивные сосуды второй группы мастеров.

Улус Мохши. На территории городища изучено две мастерских с тремя гончарными печами. Горны относятся к числу обычных округлых с опорным столбом в топочной камере и без него (Алихова, 1969; Зеленеев, 2011). Ещё один производственный комплекс с двумя более крупными прямоугольными печами, вероятно, использовался для обжига кирпича. Керамический комплекс города изучен слабо в силу небольшого объема имеющихся коллекций. Сделана его краткая классификация (Курочкина, 2011). Отличительные признаки керамики 1 группы данного центра не выделены. Отмечена значительная примесь мелкого песка в глине. Ассортимент изделий в силу небольшого числа образцов известен нам далеко не полностью, но, вероятно, не отличался заметно от других центров и состоял в основном из различных кувшинов, корчаг, горшков, афтоба, труб и т. д. Сомнение вызывает существование здесь второй группы гончаров, поскольку количество неполивной керамики с её признаками невелико, а поливные сосуды и вовсе отсутствуют. Более вероятным представляется их импорт с территории Нижнего Поволжья.

Особенностью Мохши является наличие здесь значительного количества лепной керамики, традиционной для мордовских земель. Она изготавливалась из глины с примесью шамота, дресвы или песка. Сосуды представлены горшками и остроребернымиными мисками. Подобная керамика могла как изготавливаться горожанами, так и привозиться из сельских поселений округи Мохши.

Ещё одной особенностью керамического комплекса Мохши можно считать наличие гибридных сосудов, появившихся как результат влияния городских гончаров на традиционное керамическое производство мордвы. Они лепные и изготовлены из обычной для мордовской керамики формовочной массы, но при этом покрыты красным ангобом и лощением. Встречены невысокие горшки, чаши и острореберныминые миски.

Рис. 7. Увек (по Л.Ф. Недашковскому и Д.А. Кубанкину).
1–4, 7–8 – 1 группа; 5 – русская; 6 – мордовская.
1-4 – кувшины; 5-6 – горшки; 7 –крышка; 8 – тувак

В целом керамический комплекс данного центра нельзя назвать удовлетворительно изученным. С уверенностью можно говорить только о самом факте существования здесь первой группы гончаров, которая для данного региона является пришлой. При этом ответ на вопрос, из какого конкретно региона переселились в Мохши гончары этой группы, не представляется очевидным, а требует специального изучения.

Нижнее Поволжье (Царевское, Селитренное, Шареный бугор, Водянское). Самым развитым на территории Золотой Орды являлось, безусловно, гончарное производство в нижневолжских столичных городах.

Наиболее полно изучено гончарное производство на Селитренном городище, где расчищено 50 гончарных горнов девяти различных типов (Пигарёв, 2008, с. 12–13). Большая их часть сосредоточена в двух районах: на берегу Ахтубы между Красным и Больничным бугром и на «Черепяном поле». Исследованы специализированные горны по обжигу поливной керамики (Булатов, 1976а).

На городище выделяются мастерские, очень различающиеся по масштабу производства. Наряду с небольшими индивидуальными мастерскими здесь исследованы мастерские иногда с десятками горнов, в том числе большого объема, выпускающие самый широкий ассортимент гончарной продукции (Федоров-Давыдов, Булатов, 1989; Егоров, Пигарёв, 2017). Последние представляли собой предприятия мануфактурного типа, вероятно, использовавшие подневольный труд. Здесь одновременно работали гончарные горны разной конструкции.

На Царевском городище зафиксировано несколько мастерских по производству почти всех видов керамики, включая штампованную, кашинные плитки для мозаики и игрушки в северной, центральной части городища и в восточном пригороде (Федоров-Давыдов, 1974, с. 106–108, 111, 118, 120; Зеленеев, Курочкина, 2009, с. 89). Горн для обжига неполивной керамики обнаружен в 1973 г. на Водянском городище.

Пути и время появления производства 1 группы керамики в нижневолжских городах являются загадкой. Уже первые исследователи констатировали её сходство с посудой поселений Северного Кавказа и Нижнего Дона (Якубовский, 1931, с. 48). Но на территории Нижнего Поволжья отсутствуют домонгольские памятники с подобными материалами. В домонгольских слоях Самосдельского городища преобладает керамика постсалтовской гончарной традиции – лощеная с признаками вытягивания. Она совершенно очевидно связана с гончарством домонгольской Волжской Болгарии. Однако позднее этот центр прекращает своё су-

ществование и на памятниках XIV в. такая посуда отсутствует.

Г.А. Федоров-Давыдов отмечал влияние на нижневолжскую неполивную керамику традиций Хорезма, Волжской Болгарии, северокавказских алан (Фёдоров-Давыдов, 1964, с. 264), отмечая при этом несходство основной массы нижневолжской керамики и продукции Волжской Болгарии (Федоров-Давыдов, 2001, с. 202). Находки, связанные с влиянием Хорезма и Волжской Болгарии, составляют несколько процентов и являются, вероятнее, просто импортами с этих территорий. По мнению автора, основная масса неполивной керамики не имеет аналогий в сопредельных регионах и, возможно, связана с местными, ещё неизвестными традициями, восходящими к салтовской культуре (Фёдоров-Давыдов, 1964, с. 267). Отмечались аналогии отдельным типам сосудов из самых различных регионов, но в целом констатировалась невозможность определить истоки керамического комплекса золотоордынских городов Нижнего Поволжья в целом (Федоров-Давыдов, 2001, с. 201–202).

По мнению С.Е. Михальченко, нижневолжская керамика вообще синкретична и её нельзя связывать с конкретной культурой, а можно только говорить о самых различных влияниях (Михальченко, 1973, с. 131). Здесь не учитывается наличие двух групп мастеров, различия между которыми достаточно отчетливые. Сложно представить, как на практике на мастера, продолжавшего использовать архаический ленточный налеп, повлияло высокоразвитое гончарство Средней Азии или Закавказья, если речь не идет о простом воспроизведении формы увиденного сосуда.

И.В. Волков допускает три возможных варианта происхождения гончарства в городах Нижнего Поволжья (Волков, 1992, с. 102): 1) развитие неизвестных домонгольских степных традиций; 2) заимствование с более отдаленных территорий; 3) сложение заново при смешении разных традиций.

В осторожной форме высказано предположение о перемещении сюда гончаров из Волжской Болгарии, причем обладающих наиболее совершенными технологиями (Васильева, 1993, с. 107, 178). Однако выявленное сходство субстратных навыков (Васильева, 1993, с. 131–132) может объясняться принадлежностью к одной традиции, восходящей ещё к эпохе раннего Средневековья. Признаков, являющихся особенностью исключительно гончаров Волжской Болгарии, не выявлено. Поэтому это предположение представляется маловероятным, слишком велико различие по формам сосудов, орнаментации, включая отсутствие лощения в Нижнем Поволжье. К тому же неясно, почему переселение сюда мастеров, владевших совершенными технологиями, не смогло создать аналогичного по уровню местного производства. По-видимому, южнее региона Укека гончары Волжской Болгарии в заметном количестве не переселялись.

Картина возникновения производства 1 группы керамики в городах Нижнего Поволжья может быть реконструирована следующим образом. В раннезолотордынский период на Нижнем Поволжье заново возникает производство в рамках традиционных для Северного Кавказа архаических технологий с воспроизводством традиционных же форм. К сожалению, наиболее ранние материалы, относящиеся ко второй половине XIII – началу XIV в., практически не изучены. Только отчасти эта фаза гончарного производства может быть проиллюстрирована находками нижневолжских сосудов в датированных комплексах сопредельных регионов. Достаточно часто мастера использовали полосчатое лощение, а также орнаментацию оттисками зубчатого штампа. Но уже в этот период не применялся ангоб. Существуют и другие серьёзные отличия местной керамики от изделий Северного Кавказа и Нижнего Дона. Именно поэтому вопрос о конкретных путях сложения местного керамического производства 1 группы керамики остается без ответа.

Вместе с тем местные гончары первой группы испытали наиболее сильное влияние инородных для Восточной Европы гончарных традиций, а также условий работы в большом городе с емким рынком, что привело к полному исчезновению полосчатого лощения уже ко второй трети XIV в., обеднению орнаментации, распространению новых форм сосудов. Но главное, значительная часть керамики стала также вытягиваться на круге, но этот процесс затянулся на длительный период.

Для производства использовались глины с большим количеством (около 20%) мелкого песка (до 0,2 мм) и естественной примесью мелкой угловатой крошки известняка, которая при обжиге часто выгорала. Для Селитренного и Царевского городищ отмечена как характерная примесь органики (Васильева, 1993, с. 129; Зеленеев, Курочкина, 2009, с. 99). Черепок в изломе имеет кирпично-красный цвет. Поверхность имеет характерную шероховатость, достаточно часто покрыта белесым налетом. Излом сосудов в XIV в. всегда однослойный. Основная масса сосудов XIV в. производилась спирально-жгутовым налепом с профилировкой на круге только венчика или верхней части сосуда (РФК-3–4). Как уже было сказано, использовалось очень небольшое число орнаментальных элементов. Они ограничиваются поясками прямых, одиночными волнистыми линиями, многорядными фестонами, косыми оттисками зубчатого штампа, оттисками палочки с

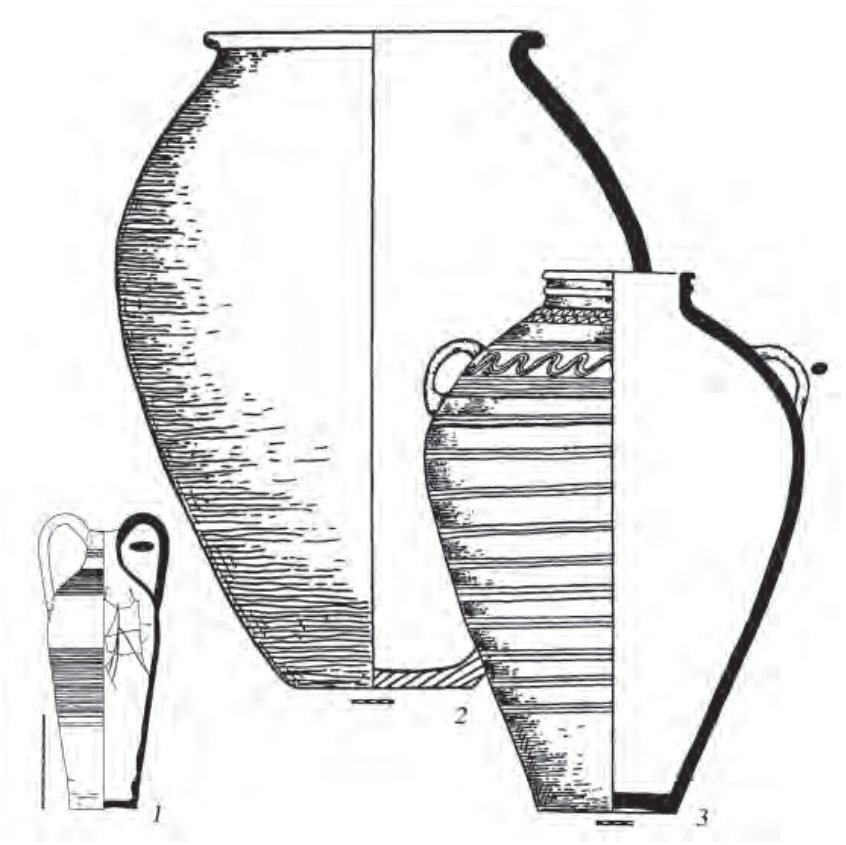


Рис. 8. Нижнее Поволжье. (по Г.А. Фёдорову-Давыдову и И.В. Волкову).
1 – двуручный (амфорный кувшин); 2 – хум; 3 – хумча (корчага)

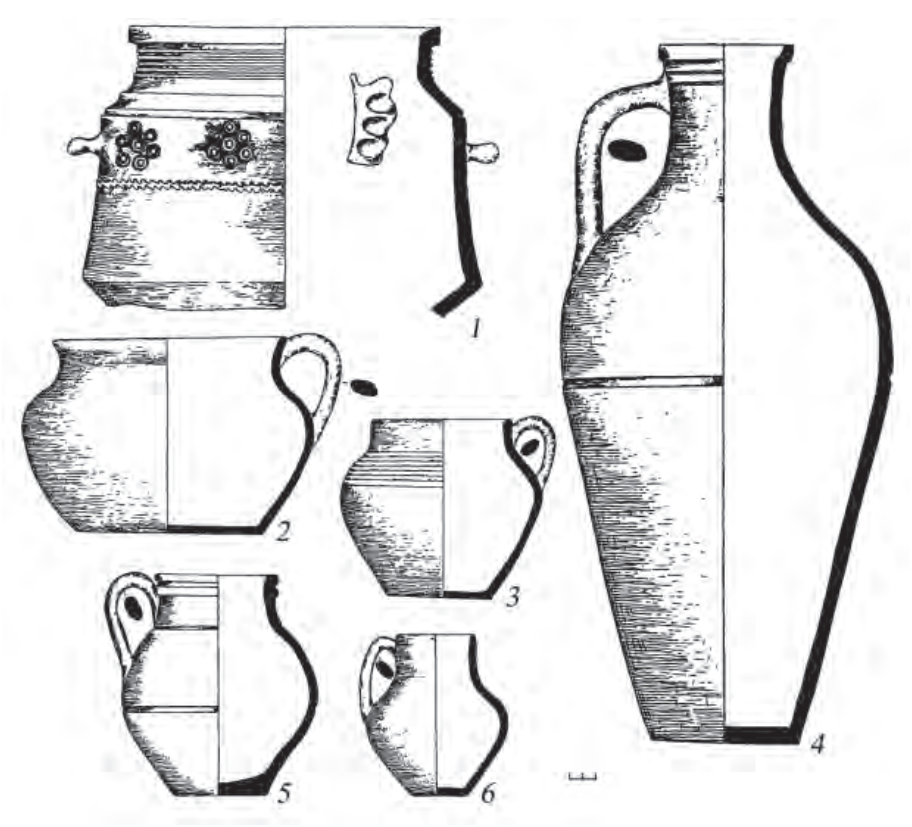


Рис. 9. Нижнее Поволжье (по Г.А. Федорову-Давыдову). 1 – котел; 2, 3 – горшки;
4 – крупный кувшин; 5, 6 – кувшины среднего и малого размера

овальным или расщепленным торцом, редко налепными валиками.

Классификации форм сосудов посвящен ряд крупных работы (Михальченко, 1973, Федоров-Давыдов, 2001, с. 4–202; Курочкина, 2002; Зеленеев, Курочкина, 2009, с. 86–206). Первая развернутая классификация неполивной керамики по морфологическим признакам предложена С.Е. Михальченко (Михальченко, 1973). В ней же дан краткий технологический анализ. В классификации форм есть ряд неудачных моментов. В частности, не соблюден заявленный функциональный принцип классификации. К кухонной керамике отнесены гульабданы, а к столовой – афтоба и тазообразные сосуды. В сосуды специального назначения отнесены тарные, производственные, непищевые сосуды различного назначения и крышки, которые следовало бы отнести к одной из двух предыдущих категорий.

В работе Г.А. Федорова-Давыдова дается классификация суммарно продукции 1 и 2 групп керамики, что затрудняет использование данной работы. Следует также учитывать, что в классификацию вошли изделия нескольких нижневолжских городов, а также, вероятно, из сопредельных регионов. Выделяется очень большое число видов и типов изделий. В реальности ассортимент гончаров каждого конкретного центра не был столь пёстр. К тому же далеко не все эти типы бытовали одновременно. До тех пор, как для каждого из центров не будет создана своя морфологическая классификация и хронология, нельзя будет однозначно решить вопрос о степени стандартизации производства. Наиболее удачна классификация, предложенная С.А. Курочкиной. К сожалению, она сделана только для одного памятника.

Тарная керамика представлена двуручными (амфоры) (рис. 8: 1) и крупными (высота 28–75 см) одноручными кувшинами (рис. 9: 4). Двуручные кувшины Нижнего Поволжья выделяются удлиненными пропорциями и, как правило, покрыты рифлением. К числу тарных сосудов относятся также хумы (рис. 8: 2) и хумчи (корчаги) (рис. 8: 3). Хумы сильно различаются не только по своим размерам (высота от 70 до 180 см), но и по технике своего изготовления. Хумчи – ещё более разнообразный вид изделий, и, учитывая, что происхождение разных образцов может быть связано не только с традициями гончарства Средней Азии, но и с местными восточноевропейскими традициями, само обобщающее использование термина хумча спорно.

Выделяются также кувшины среднего (высота 13–24 см) (рис. 9: 5) и малого размера (высота 7–12 см) (рис. 9: 6). Это наиболее вариабельный по профилировке вид изделий, и потому затруднительно дать их обобщенное описание. Преобладают сосуды яйцевидной и удлиненно-яйцевидной формы. Достаточно характерен изгиб ручки над верхним прилепом. Для афтоб (рис. 10: 4) достаточно характерны сферическое расширение в средней части горла и форма тулова, близкая к шаровидной. Их высота редко превышает 30 см.

Встречены горшки с четырьмя, двумя и одной ручкой, а также сосуды без ручек. Они очень вариабельны по профилировке (рис. 9: 2–3). Вероятно, не все из них имели кухонное назначение. Часть из них могли служить мисками. В категорию мисок Г.А. Фёдоровым-Давыдовым были отнесены разнообразные сосуды (Фёдоров-Давыдов, 2001, с. 113). Большая их часть, однако, не относилась к числу столовых сосудов. Поэтому в классификации С.А. Курочкиной они названы тагора (Курочкина, 2002, с. 92). Но среднеазиатские тагора крупнее размером. При значительной вариабельности профилировки бортика эти сосуды имеют высоту, равную примерно 1/2 диаметра венчика, который составляет в большинстве случаев 30–40 см. Большинство сосудов имеет широкий бортик и узкие плечики (рис. 10: 3). Их происхождение связывают с Монголией. Только в Нижнем Поволжье заметное распространение получили крупные сосуды хозяйственного назначения – ямы (рис. 10: 1).

Столовые неполивные сосуды открытых форм (чаши, миски, тарелки) (рис. 10: 2) малочисленны, разнообразны по профилировке и не копируют поливных сосудов (это не касается изделий второй группы местных мастеров). Ряд других форм сосудов (копилки (рис. 11: 1), туваки (рис. 11: 2), крышки (рис. 10: 5), дигири (рис. 11: 3), трубы (рис. 11: 4), комбинированные сосуды лампы-подсвечники (рис. 10: 6)) не имеет заметных отличий в сравнении с изделиями из других регионов. Особенно показательны в этом плане дигири (Пигарев, 1998), которые при этом отличаются и очень низким уровнем качества изготовления. Несколько большее распространение здесь получили разнообразные по форме игрушки (рис. 10: 7).

Особняком стоят котлы, имеющие аналогии среди XIX группы Болгара (рис. 9: 1). Нижневолжские котлы изготовлены на примерно одном технологическом уровне путем ленточного налепа с последующей профилировкой на круге. Отмечены как горизонтальные «пальчатые» ручки, так и маленькие петлевидные ручки. Котлы, в большинстве своём, имеют орнаментацию из оттисков штампа в виде округлых розеток, реже оттисков зубчатого штампа или врезных волнистых линий. Отсутствуют другие виды изделий, характерных для XIX группы.

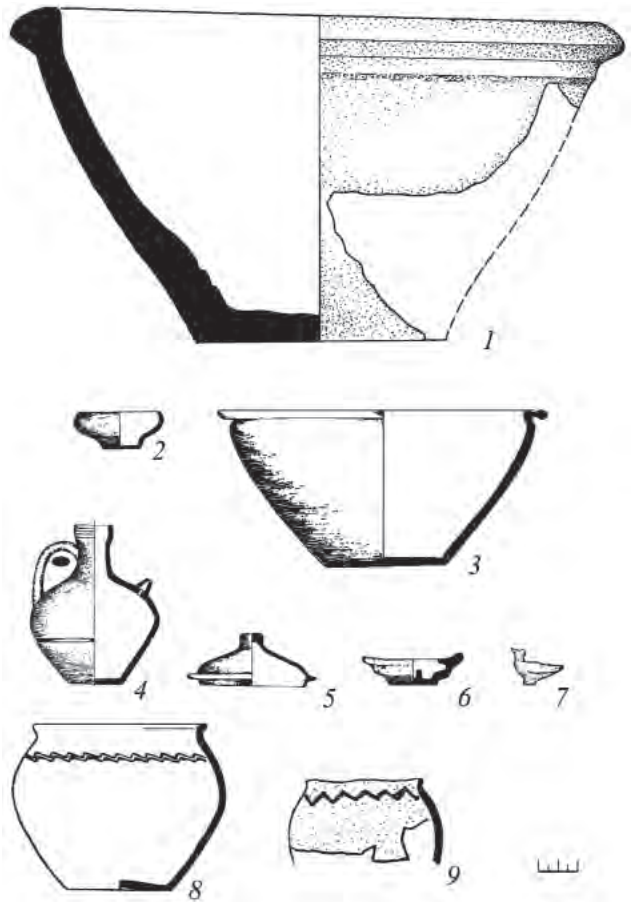


Рис. 10. Нижнее Поволжье (по Г.А. Федорову-Давыдову и Е.П. Мыськову). 1 – ям; 2 – чаша; 3 – таз; 4 – афтоба; 5 – крышка; 6 – подсвечник-подсвечник; 7 – игрушка; 8 – русский горшок; 9 – мордовский горшок

За исключением работы С.А. Курочкиной, 2 группа керамики в классификациях как единое целое не отражена. В неполивной части ассортимента группы присутствуют не только небольшие сосуды типа кувшинчиков, чаш, тарелок, копилок, туваков, небольших тазов, копилок, крышек, светильников, но и сосуды среднего размера типа корчаг (Зеленеев, Курочкина, 2009, с. 147).

Нижнее Поволжье было основным местом производства поливной керамики Волжско-Уральского региона. Большая часть существующих её классификаций построена на основании различий характера керамической массы, состава и цвета глазури, анализа техники и стилистики орнаментации (Булатов, 1968, 1976; Фёдоров-Давыдов, Булатов, 1989, Федоров-Давыдов, 1994). Анализу декора поливной керамики в целом и отдельных её разновидностей с территории Нижнего Поволжья посвящено большое число специальных работ, включая монографии, и разделов в более общих исследованиях (Булатов, 1974, 2002; Воскресенский, 1967; Носкова, 1976; Шляхова, 1980; Скоробогатова, 1983; Фёдоров-Давыдов, 1994, с. 78–140, 154–159; Коваль, 2005; Лисова, 2012). В ещё большем числе публикаций приводятся подборки или отдельные поливные орнаментированные сосуды. Во многих случаях авторы публикаций не разделяют керамику по месту её производства, по умолчанию предполагая, что вся она местного производства. Между тем находки импортов могут быть встречены даже в заполнении гончарных горнов, вперемешку с отходами местного гончарного производства. Морфологических описаний типов сосудов значительно меньше.

Ассортимент красноглиняных поливных сосудов представлен следующими формами: чаши (рис. 12: 1–3), тарелки, кубки, кувшины, аптечные амфоры (сосуды с петельчатыми ручками) (рис. 12: 7), афтобы, альбарелло (рис. 12: 10), светильники, гульабданы. Альбарелло нижневолжских центров, в отличие от изделий Юго-Восточного Крыма, имеют плоское дно (Курочкина, 2012).

Наиболее многочисленны чаши с туловом полусферической формы с прямым или отогнутым наружу краем и сегментовидные чаши с прямым бортиком с диаметром венчика 17–19 см. Среди кувшинов наиболее многочисленны небольшие (до 10 см высотой) сосуды с шаровидным туловом и выделенной подцилиндрической придонной частью.

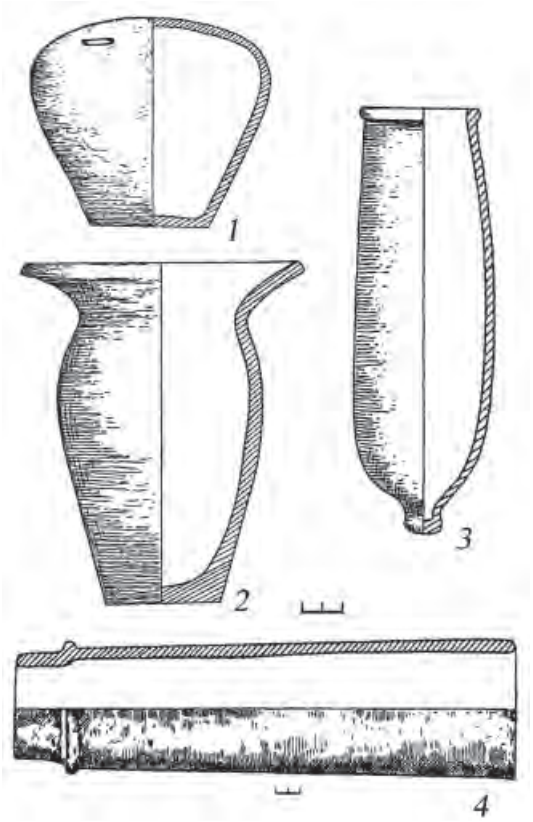


Рис. 11. Нижнее Поволжье (по Г.А. Федорову-Давыдову). 1 – копилка; 2 – тувак; 3 – дигирный сосуд; 4 – труба

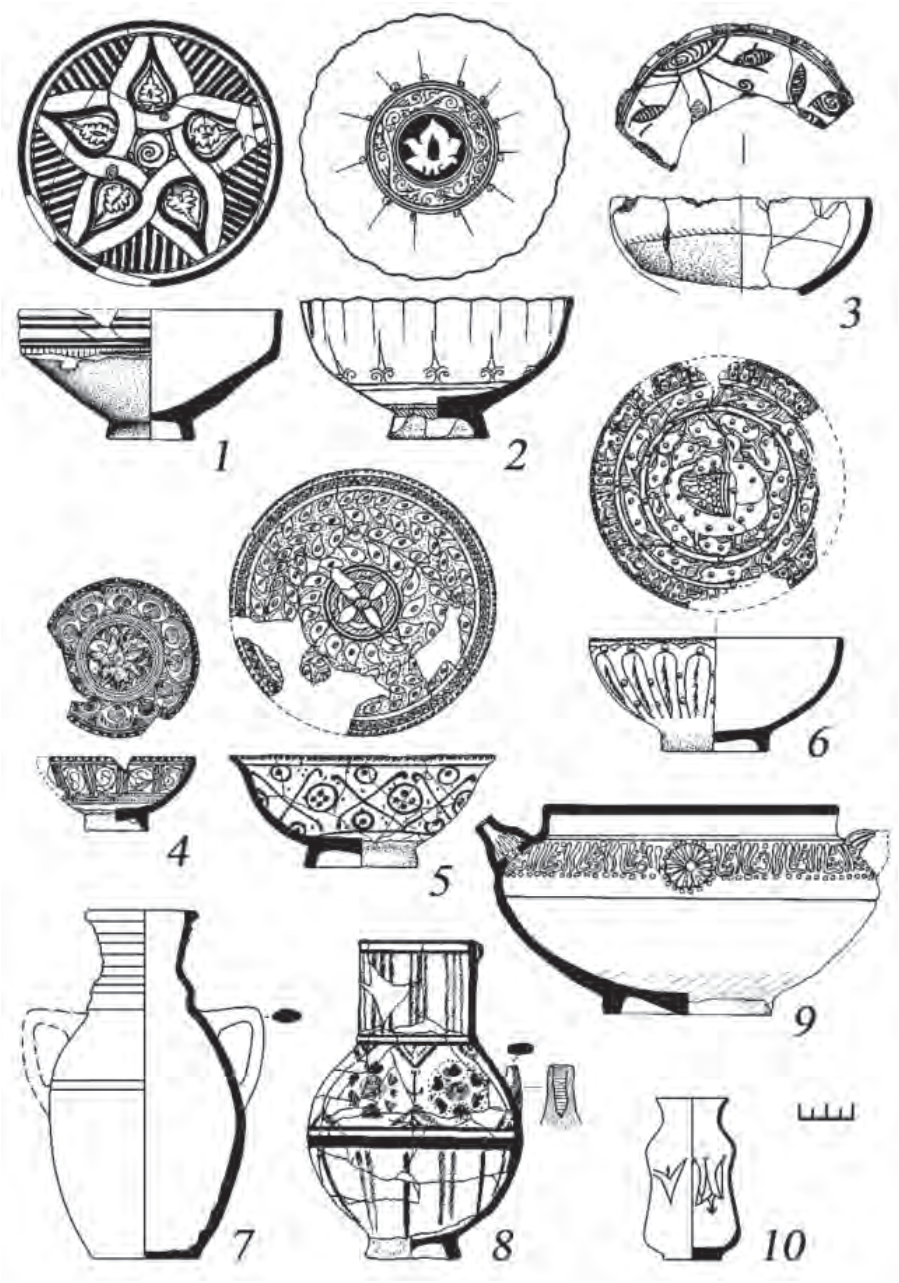


Рис. 12. Нижнее Поволжье. Поливная керамика (по А.Н. Масловскому и С.А. Курочкиной).
1-3 – красноглиняные чаши; 4 – кашинная чашечка; 5-6 – кашинные чаши; 7 – аптечная амфора;
8 – кашинный кувшин; 9 – кашинный гульабдан; 10 – красноглиняное альбарелло.

В орнаментации красноглиняной поливной керамики использовались техника сграффито (рис. 13) и роспись ангобом (рис. 14). За единичными исключениями не применялась полихромная роспись и расцветка гравированного орнамента. При кажущемся многообразии декора можно выделить всего несколько десятков орнаментальных композиций. Большинство этих композиций с точностью до деталей присутствует на продукции других золотоордынских центров: Солхата, Азака, Маджара. Орнаментированы преимущественно сосуды открытых форм. Закрытые формы декорированы значительно реже, за исключением альбарелло, большая часть которых, однако, является продукцией городов Юго-Восточного Крыма.

Более разнообразны орнаменты сграффито (рис. 13). Зооморфные сюжеты редки и ограничиваются единичными изображениями барса (рис. 13: 1), оленя, птиц. Наиболее многочисленны серии с изображением разнообразных розеток, как правило, без выделенной сердцевины, занимающих всё поле (рис. 13: 2–5). Их фон заполнен спиралевидными завитками или заштрихован. Иногда розетки как бы наслаиваются друг на друга. В розетках с выделенной сердцевиной (рис. 13: 7–8) лепестки могут быть образованы сочетанием нескольких более мелких лепестков. На втором

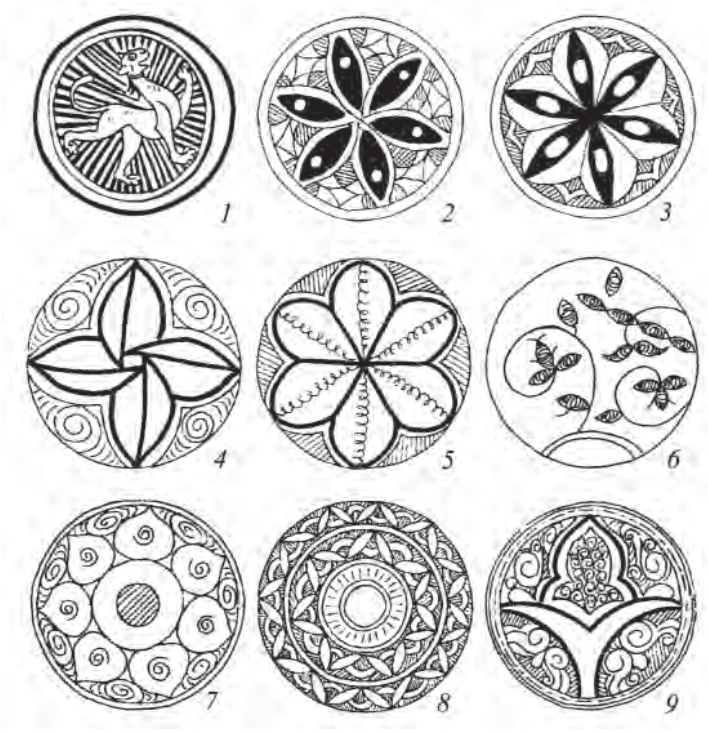


Рис. 13. Нижнее Поволжье. Орнаментика красноглиняных чаш с орнаментом в технике сграффито (по Г.А. Федорову-Давыдову и Н.М. Булатову)

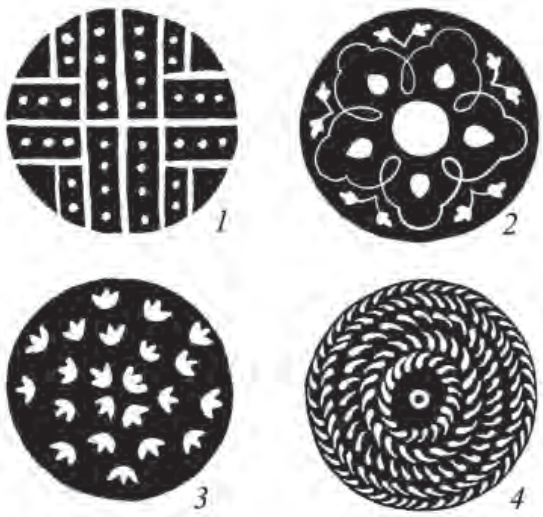


Рис. 14. Нижнее Поволжье. Орнаментика красноглиняных чаш с орнаментом росписью ангобом (по Г.А. Федорову-Давыдову и Н.М. Булатову)

месте стоят композиции, образованные переплетением лент, часто представляющие собой цветочную розетку различной степени стилизации. Реже встречаются чаши с крупным бутоном в центре (рис. 13: 9) или несколькими более мелкими бутонами. Остальные схемы встречаются на порядок реже.

Чаши с росписью ангобом представлены значительно меньшим числом орнаментальных серий (рис. 14). Наиболее многочисленны сосуды с вихревыми розетками (рис. 14: 4), образованными рядами мазков в виде изогнутых каплеобразных фигур, которые представляют собой стилизованные изображения ныряющих рыбок (Коваль, 2005, с. 82–84). Реже встречается эпиграфический орнамент, иногда сочетающийся с «рыбками», или вертикальные сходящиеся в центре линии. Представлены также композиции со сложными розетками, точками, лентами и др. Особняком по стилистике орнаментов стоят чаши с росписью ангобом под бирюзовой глазурью, которые не повторяют композиции чаш с поливой других цветов.

Кашинная керамика является своеобразной визитной карточкой золотоордынских гончаров. На некоторых участках она составляет абсолютное большинство всей поливной керамики (Пигарев, 2017, с. 713). Производство кашинной керамики в городах Нижнего Поволжья (Селитренное и Царевское городище) неплохо изучено (Булатов, 1972; Егоров, Пигарев, 2017). Обнаружен специфический припас и калыпы. В настоящее время экспериментальным путем воспроизводится технология его производства (Кубанкин, 2018). Отсюда она поступала в другие регионы Золотой Орды, включая такие удаленные, как Поднепровье и Приднестровье, включая и архитектурный декор. Но только в Поволжско-Уральском регионе в середине – второй половине XIV в. она составила значительный процент поливной керамики. Поскольку производство кашинной керамики в Золотой Орде было налажено переселенцами из стран Ближнего и Среднего Востока, определить происхождение каждого конкретного фрагмента не всегда возможно. В целом для золотоордынских изделий характерен рыхлый мягкий кашин красного, розового, серого оттенка или чисто белый.

Наиболее многочисленны чаши, которые в большинстве повторяют наиболее многочисленные формы красноглиняных сосудов с диаметром венчика 18,5–19,5 см (рис. 12: 5–6). На втором месте по числу находок гульабданы (рис. 12: 9), среди которых выделяется не менее пять размерных стандартов. Кувшины имеют тулово, близкое к шаровидной форме, и цилиндрическое горло (рис. 12: 8). Остальные формы сосудов (чашечки (рис. 12: 4), блюда, блюдца, тарелки, альбарелло, бутыли, широкогорлые вазы, чернильницы) встречаются значительно реже.

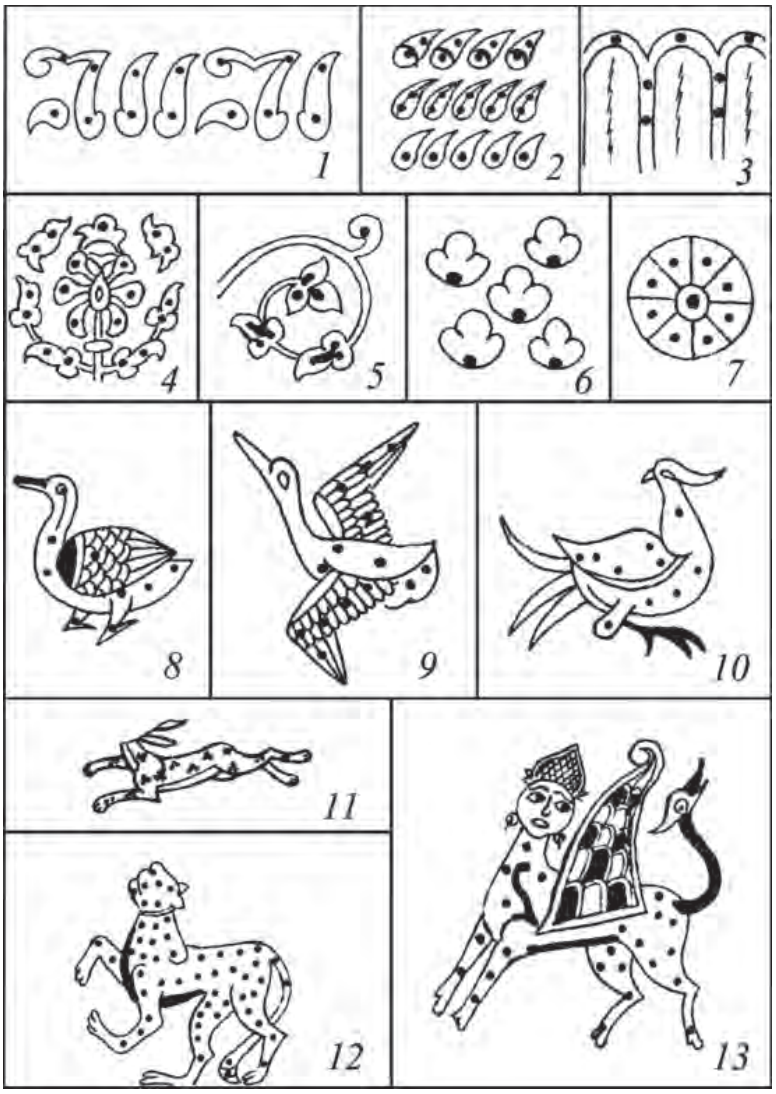


Рис. 15. Нижнее Поволжье. Орнаменты кашинных сосудов с полихромной росписью и рельефом (по Н.Ф. Лисовой)

Кашинная керамика украшалась подглазурной полихромной росписью с рельефом, который достигался при помощи росписи ангобом, полихромной подглазурной росписью без рельефа, монохромной (ультрамарин или зеленый) росписью под бирюзовой глазурью, подглазурной кобальтовой росписью под бесцветной глазурью, рельефным орнаментом. Дискуссионным вопросом остается наличие среди изделий золотоордынских гончаров сосудов с надглазурной росписью эмалями (минаи) (Коваль, 2011). Но даже если подобная керамика в небольшом количестве и производилась в Нижнем Поволжье на протяжении короткого отрезка времени, то говорить о существовании здесь особого стиля не приходится. Это утверждение будет справедливо и для кашинной керамики Золотой Орды в целом.

Поскольку производство кашинной керамики в нижневолжских городах было налажено переселившимися сюда из Ирана мастерами и существовало не очень продолжительный период, вряд ли можно говорить об особом золотоордынском стиле орнаментации. Речь должна идти о локальной модификации уже сложившегося стиля с постепенной его трансформацией, которая просто не успела завершиться.

Каждая техника орнаментации имела свою стилистику декора и свой набор орнаментальных элементов. В отличие от красноглиняной керамики число вариантов построения декора очень велико, при том что число элементов не столь уж значительно. Многообразие порождается их различными комбинациями. Нередкая находка – чаши с неверно использованной глазурью, когда поверх полихромной росписи и рельефа нанесена бирюзовая полива. Но интересно, что иные варианты (бесцветная глазурь на монохромной росписи, бирюзовая глазурь на полихромной росписи без рельефа) не отмечены.

Наиболее вариабельна керамика с полихром-

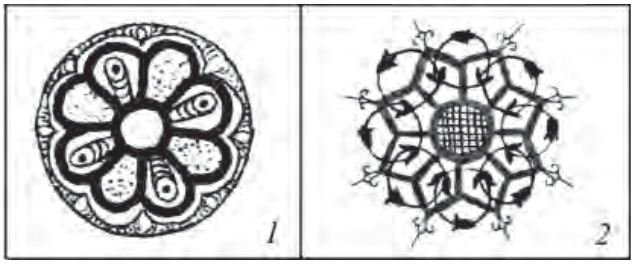


Рис. 16. Нижнее Поволжье. Орнаменты кашинных сосудов с полихромной росписью (по Н.Ф. Лисовой)

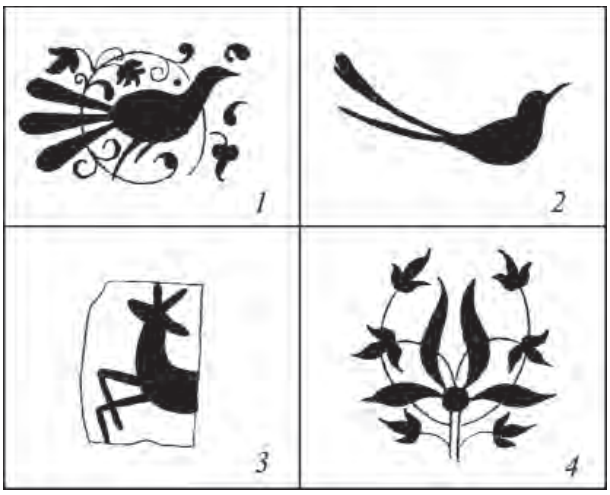


Рис. 17. Нижнее Поволжье. Орнаменты кашинных сосудов с монохромной росписью под бирюзовой глазурью (по Н.Ф. Лисовой)

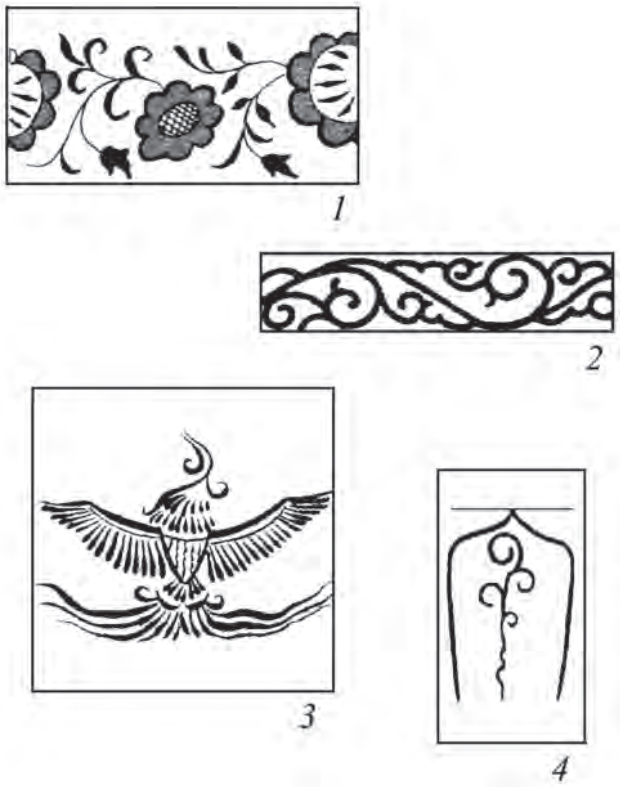


Рис. 18. Нижнее Поволжье. Орнаменты кашинных сосудов с росписью кобальтом под бесцветной глазурью (по Н.Ф. Лисовой)

ной росписью и рельефом (рис. 15). Фон росписи окрашен серой краской. Контуры рельефной росписи и заполнение фона выполнены серо-зеленым цветом. Орнамент расцвечен точками или небольшими пятнами ультрамаринового и более редкими бирюзового цвета. Основу композиций составляют, как правило, зооморфные изображения или крупные цветки, реже звезды или другие элементы. Единичны изображения Персея и Бурака (рис. 15: 13). Зооморфные мотивы представлены изображениями птиц, преимущественно водоплавающих (рис. 15: 8–9), но отмечены попугай (рис. 15: 10), павлин, феникс. Встречены также леопарды в геральдической позе (рис. 15: 12) и заяц (рис. 15: 11). К зооморфным мотивам также следует отнести схематичные изображения ныряющих рыбок (рис. 15: 2). Среди растительных элементов – розетки с различным числом лепестков (рис. 15: 7), бутоны, цветки лотоса (рис. 15: 4), побеги с мясистыми листьями, часто закручивающиеся в спираль (рис. 15: 5) или отдельные мясистые листья. Астральные символы представлены изображениями пяти-, шести- и восьмиконечных звезд. Эпиграфический орнамент ограничен одним словом – «икбаль» (рис. 15: 1). Геометрические элементы используются как вспомогательные в качестве разделителей. К ним относятся синяя косая сетка на бортике, широкие ленты, расходящиеся из центра, заполненные мелкими зигзагами и расцвеченные полосами ультрамаринового или бирюзового цвета, мелкие медальоны и др. Куда единообразнее оформление внешней стороны чаш. Большая их часть оформлена стилизованными узкими лепестками лотоса (рис. 15: 3).

Среди сосудов с полихромной росписью без рельефа также преобладает изображение розеток, пальметт и цветков лотоса (рис. 16). Изделия золотоордынского производства отличаются более крупным и несколько небрежным рисунком. Некоторые элементы настолько схематизированы, что уже не воспринимаются как растительные элементы. Сосуды с изображением цветков на тонких стеблях, по-видимому, все относятся к числу импортов. Значительно чаще использовался геометрический орнамент, который местами составлял основу декора. Он представлен разнообразными переплетениями лент, сетками, зигзагами. Более разнообразен эпиграфический орнамент, правда, здесь также значительную часть изделий следует отнести к импортам. Зооморфные орнаменты,

напротив, редки и представлены исключительно длинношеими и длинноногими птицами.

Керамика с монохромной (ультрамариновой, зеленой) росписью под бирюзовой глазурью имеет упрощенную роспись (рис. 17). Растительные элементы в основном представлены тонкими побегами с разнообразными по форме листьями и небольшими розетками и цветками лотоса, которые здесь занимают более скромное место (рис. 17: 4). Астральные символы представлены характерными только для этого отдела керамики мелкими звездочками-крестиками. Из зооморфных элементов встречаются ныряющие рыбки, единичные изображения козерога, оленя (рис. 17: 3), зайца и несколько видов птиц (рис. 17: 1–2), идентификация которых представляет некоторое затруднение из-за большей схематизации изображений. По мнению Н.М. Булатова, один из видов изображенных птиц – райские мухоловки, частые обитатели парков и садов. Геометрические орнаменты играют вспомогательную роль и представлены сетками, плетением лент, зигзагами.

Сосуды с росписью кобальтом и бесцветной глазурью отличаются тонкостью и аккуратностью рисунка и по трактовке изображений отличаются от других отделов кашинной керамики (рис. 18). Очевидно влияние на их декор фарфора с синей росписью. Растительные элементы представлены тонкими стеблями с листьями и небольшими розетками (рис. 18: 1), собранными в букеты. Есть также и сильно схематизированные побеги (рис. 18: 2). К растительным элементам следует отнести и широкие лепестки с фигурным верхним краем на внешней стороне чаш (рис. 18: 4). Зооморфные элементы сюжета представлены птицами разных видов: фениксы (рис. 18: 3), цапли, орел, фазан. Геометрические мотивы ограничиваются группами точек и сетками из треугольников или квадратов.

Керамика с рельефным орнаментом под ультрамариновой глазурью на внешней поверхности и бирюзовой глазурью на внутренней поверхности представлена одним видом изделий – гульабданами. Они также однородны по используемому декору с эпиграфическим орнаментом на плечиках. Другие отделы кашины малочисленны.

Наряду с вышеописанной керамикой ремесленного производства, предназначенной для всех горожан, на территории Нижнего Поволжья производилась посуда, распространение которой ограничивалось определенными этническими группами. Это прежде всего относится к русской (рис. 10: 8) и, вероятно, мордовской (рис. 10: 9) керамике, в заметном количестве происходящей с Водянского городища (Полубояринова, 1972; Мыськов, 2005). Возможно, это относится к уже упоминавшимся котлам с горизонтальными ручками и другим малочисленным группам керамики.

Сарайчик. Самым восточным городским центром Волго-Уралья был Сарайчик. Одновременно он стал крайней точкой распространения керамики постсалтовской традиции и наиболее близким к среднеазиатским гончарным центрам. На его примере можно было бы проследить взаимовлияние различных гончарных традиций, что является задачей будущих исследований.

Здесь изучены гончарные горны неуточненной конструкции, рядом с которыми найдены фрагменты бракованных кувшинов, дигиров, туваков (Самашев и др., 2008, с. 15). Был также исследован горн для обжига кирпича (Пацевич, 1957). Описанию керамики из раскопок посвящена отдельная монография (Самашев и др., 2008). Авторы констатируют, что часть керамики являлась привозной (Самашев и др., 2008, с. 11). Но, к сожалению, не оговаривается происхождение конкретных представленных находок.

Используемые глины имели примесь мелкодисперсного известняка. Отмечено использование для подготовки формовочных масс толченого шамота, гранитной дресвы и рогоза. Использовались также глины без примесей и создание формовочной массы из смеси двух глин. Широко использовалось ангобирование. Определить, использовалось ли в местном гончарстве полосчатое лощение и насколько широко, на настоящий момент нельзя. Возможно, представленные в работе образцы являются привозными.

Как и в других районах Золотой Орды, наиболее многочисленны кувшины. Они разделяются на тарные сосуды с туловом яйцевидной формы, имеющими одну или две ручки (рис. 19: 1). Последние относят часто к амфоровидным сосудам, хотя функционально оба вида кувшинов близки. Кувшины среднего размера более вариабельные по форме (рис. 19: 4, 5). Кувшины малых размеров чаще всего имеют шаровидное тулово. Как и в других золотоордынских центрах, широко распространены афтоба, достаточно стандартные по форме (рис. 19: 3). Отмечено три типа горшков. 1. Без ручки с цилиндрической шейкой и усечено-сфероконическим туловом. 2. С ручкой и отогнутой наружу шейкой. 3. Двуручные сосуды, диаметр которых превышает высоту. Последнюю форму более оправданно называть мисками. Столовая неполивная керамика представлена чашами на поддонах (рис. 19: 7), солонками, тарелками. Деталями профилировки венчиков различаются тазообразные сосуды (рис. 19: 6), которые в предложенной классификации обозначены как миски.

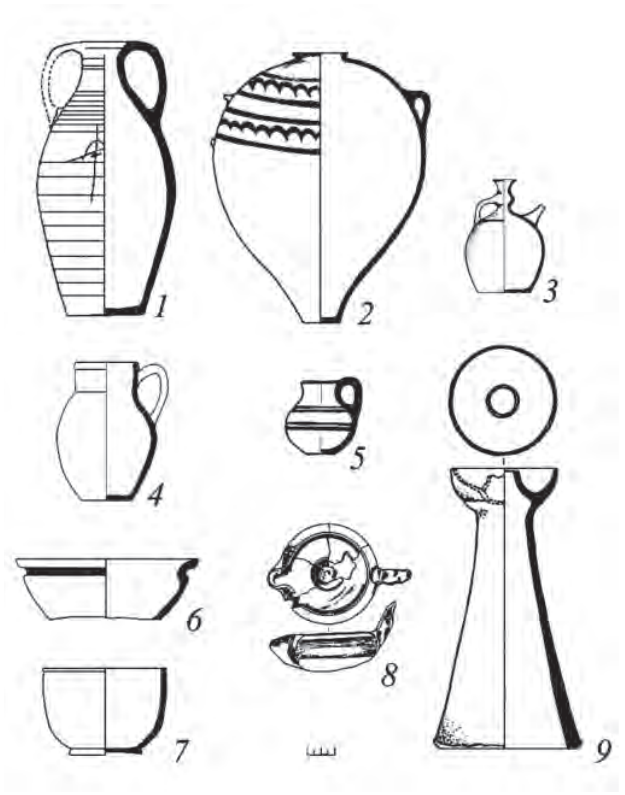


Рис. 19. Сарайчик. (по З.С Самашеву, О.В Кузнецовой, В.В. Плахову). 1 – двуручный кувшин; 2 – хум; 3 – афтоба; 4, 5 – кувшины; 6 – таз; 7 – чаша; 8, 9 – светильники-подсвечники

Тарные сосуды для стационарного хранения или переноски получили обозначения хумы и хумчи (рис. 19: 2). Между тем в один таксон оказались объединены как изделия, имеющие среднеазиатское происхождение, так и те двуручные сосуды, входившие в ассортимент гончаров Юго-Восточной Европы ещё с эпохи раннего Средневековья, которые в части публикаций получили несколько условное обозначение «корчаги». Представлены, как и в других золотоордынских центрах, туваки, крышки, светильники, подсвечники и комбинированные сосуды – лампы-подсвечники (рис. 19: 8–9), копилки, чигирные сосуды, трубы и некоторые другие единичные формы сосудов. Встречены также котлы, идентичные сосудам XIX группы Болгара.

Хотя поливной керамики Сарайчика посвящены отдельные исследования (Кузнецова, 2015), остается неясным, какую именно поливную керамику производили здесь и имеются ли материалы, подтверждающие её местное производство. Поэтому в настоящее время ничего определенного о поливной керамике производства Сарайчика сказать нельзя. Во всяком случае, она не могла заметно отличаться от керамики поволжских центров.

Г.А. Федоровым-Давыдовым было высказано предположение о сосуществовании в городах Нижнего Поволжья трех форм организации ремесла (Федоров-Давыдов, 1973, с. 88). 1) Профессиональные объединения полусвободных ремесленников. На их существование указывает концентрация гончарных горнов на отдельных участках. При этом зафиксированы факты использования одного горна несколькими мастерами (Васильева, 1993, с. 179). 2) Усадебные мастера, зависимые от хозяина. Относительно этого следует сделать уточнение. Учитывая специализацию мастерских и значительный объем продукции, возможности усадебных мастерских во много раз превышали потребности обитателей усадеб и поэтому они должны были работать главным образом на рынок. 3) Мануфактуры с использованием подневольного труда. Одна из таких мастерских изучена достаточно полно. Но число подобных предприятий было, очевидно, невелико.

При всей логичности таких предположений неясным остаётся ряд вопросов. Например, существование ремесленных объединений должно было, очевидно, инициироваться и контролироваться властью. В таком случае имело ли это объединение в числе своих задач какую-либо регламентацию самого производства? Являлась ли следствием существования подобных объединений наблюдаемая стандартизация продукции в пределах крупных городских центров?

На настоящий момент анализ керамики золотоордынских памятников Волго-Уралья позволяет сделать следующие обобщения.

1. Во всех регионах основу керамического комплекса составляли сосуды, изготовленные мастерами, чьи навыки связаны с раннесредневековыми гончарными традициями юга Восточной Европы. Основная часть их продукции создавалась путем спирального-жгутового налепа на уровне РФК-3–4. Поэтому распространенное утверждение о высокой степени развития гончарного дела в Золотой Орде не точно. Эта отрасль имела самый низкий, из вообще возможных для ремесленного производства керамики, уровень используемых технологий. Поэтому возможности для увеличения производительности мастерских были минимальны (упрощение орнаментации, постепенный отказ от лощения, узкая специализация мастерских). Развитие золотоордынского гончарства шло в основном экстенсивным путем. Увеличивалось число производственных центров и число мастеров. Переход на более совершенные технологии прослеживается только в столичных нижневолжских центрах, но и здесь он оказался не завершён.

2. При этом наблюдается определенная стандартизация производства. Это фиксируется в общей близости выпускаемого в крупных городах ассортимента. В него входили: крупные одно- и

1

3

2

Рис. 20. 1 – Кружка и кувшинчик. XIII–XIV вв.; 2 – тарелка с фестончатым краем. XIV в.; 3 – афтоба. XIV в. Все: керамика, Болгарское городище. Собрание БГИАМЗ

двуручные кувшины, кувшины среднего размера, небольшие кувшины-кружки, корчаги, горшки, афтоба, светильники, туваки, копилки, трубы, тазы, шары. Отличия сводятся скорее к количественным показателям. А некоторые качественные отличия хорошо объяснимы, как, например, отсутствие дигирей в Волжской Болгарии. Ряд форм являются для первой группы керамики инновациями (тазы, копилки, дигири, афтоба, комбинированные лампы-подсвечники). При этом они появляются даже там, где пришлые для Восточной Европы гончары не сумели наладить своё производство.

Появляются некоторые общие для всех центров черты в морфологии сосудов (крепление ручки к венчику, рифление верхней части горла кувшинов, широкое распространение сосудов яйцевидных форм и др.). Стандартизация отразилась и в выпуске большого числа сосудов одного типа и ограничении ассортимента отдельных мастерских. Широкое распространение крупных корчаг и кувшинов вряд ли свидетельствует о повышении благосостояния, а скорее указывает на некие общие для всей Золотой Орды изменения в быте горожан.

3. В крупных городах Золотой Орды также существовали мастерские, созданные гончарами, пришедшими из-за пределов Восточной Европы, вероятнее всего, с территории Закавказья. Они производили как поливную, так и неполивную керамику, самую разнообразную по ассортименту. При намного большей их производительности, а следовательно, потенциально более низкой стоимости продукции, они тем не менее не смогли потеснить мастеров первой группы, за исключением, вероятно, столичных городов. Этого не смогли изменить даже существовавшие в столичных городах мануфактурные предприятия, основу которых и составляли мастера второй группы. Более того, попытки наладить производство такой керамики в Укеке и Волжской Болгарии оказались неудачными. Их влияние на гончаров первой группы оказалось неожиданно слабым.

4. Керамический комплекс в пределах большинства городов Золотой Орды был в целом един

для различных этнокультурных групп. Некоторым исключением были Мохши и отчасти Болгар. Большее влияние на состав керамического комплекса оказывал имущественный достаток жителей того или иного района. Для сельских поселений ситуация менее определенная, но отчасти это следствие их меньшей изученности.

5. Вместе с тем существовал ряд групп гончаров, производивших традиционную керамику, свойственную конкретным этническим группам, и использовавших ещё более примитивные технологии, вплоть до лепки. Экономическая форма этих производств занимала в большинстве своем промежуточное положение между домашним производством и работой на ограниченный рынок.

6. Всё это указывает на ограниченное воздействие рынка на гончарство Золотой Орды.

СТЕКЛО БОЛГАРА ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ПЕРИОДА

Наиболее полно представляет стекло золотоордынского времени памятников Волжской Болгарии коллекция Болгара. Но чтобы наиболее полно оценить и собрание стекла Болгара, и роль этого города как торгового и культурного агента и посредника в распространении восточного импорта стеклянных изделий и как производственного центра украшений из стекла, необходимо рассматривать материалы Болгара в широком контексте материалов памятников Восточной Европы. Такой подход позволит представить пути поступления восточного импорта и место Болгара в системе средневекового стеклоделия (Valiulina, 2018).

После монголо-татарского разорения стремительно возвышается город Болгар – с 40-х гг. XIII в. по XV в. он становится центром болгарских земель в составе Золотой Орды. В это время в регионе меняется вектор развития городской культуры, что выражается в ее «варваризации» – среди стеклянных изделий на первое место выходят украшения, в десятки раз превосходя находки посуды и оконного стекла. В 20–40-х гг. XIV в. в Болгаре возникает собственное производство стеклянных бус и перстней (рис. 1: 1–10) (Полубояринова, 2006, с. 152–158). Химический состав этой продукции позволяет заключить, что мастерская работала на полуфабрикатах, поставляемых из нижневолжских центров стеклоделия Золотой Орды или из Средней Азии.

Еще одной особенностью коллекции стекла Болгара является минимальное количество повседневной посуды на фоне малого числа посуды в целом. Эта черта отличает Болгар от нижневолжских столиц Золотой Орды, где посуды много и где большинство составляют простые обыденные сосуды (Бусятская, 1976, с. 50–54). В Болгаре из всех емкостных стеклянных изделий преобладают импортная парадная посуда. По данным М.Д. Полубояриновой простая повседневная посуда (I группа) представлена в три раза меньшим количеством, чем сирийские и египетские изделия (II группа) – лампы и сосуды, украшенные золотом и эмалевой росписью. Эти находки происходят из сооружений и объектов второй половины XIII – начала XV в. (Полубояринова, 1988, с. 208, 211, рис. 91–94; 1993, с. 178–181, рис. 1; 2008, с. 45–46, рис. 2, 1–4).

В золотоордынское время в связи с активным каменным строительством в Болгаре становится востребованным оконное стекло. Осколки стеклянных дисков и рамы из известково-песчаного раствора были обнаружены при раскопках Черной палаты – сооружения XIV в. (рис. 2: 4). В такую раму вставлялись стекла диаметром 18–19 см. Оконное стекло зелено-голубоватое (рис. 2: 1–2) и окрашенное в чистые яркие цвета – изумрудно-зеленое и пурпурно-красное (рис. 2: 3) – происходит из золотоордынского слоя и некоторых других объектов монументальной архитектуры в центре города. Такие оконные стекла известны и в нижневолжских городах, где, как и в Болгаре, они были привозными, возможно, из Средней Азии.

Дорогие престижные стеклянные изделия вместе с другими импортами – поливной керамикой и мозаичными плитками, а также комплексом монументальной архитектуры – были призваны высоко поднять статус Болгара среди болгарских городов.

Показательно, что в других болгарских золотоордынских и постордынских городах стеклянные изделия представлены только украшениями – бусами и подвесками. Кроме Болгара отдельные фрагменты посудного стекла – бесцветного, цветного и с росписью золотом и эмалью – обнаружены на Билярском III селище (Биляр золотоордынский) (Валиулина, 2000, с. 284; Валиулина, 2019), на Торецком городском поселении XV в., в их числе венчик сосуда, возможно, лампы, с протравленным орнаментом (Валиулина, 2013, с. 26, рис. 1, 35), один фрагмент стекла с эмалевой росписью найден на Старо-Куйбышевском городище (БГИАМЗ, 642–1217/177; Валиулина, 2015).

Заметны в золотоордынском слое Болгара сосуды из прозрачного марганцево-лилового или сине-кобальтового стекла с орнаментом, выполненным горизонтальными белыми нитями опакового, глухого стекла по всей поверхности. Часто

Рис. 1. Стеклянные изделия из раскопок стеклоделательной мастерской в Болгаре
1–7 – бусы; 8–10 – перстни

Рис. 2. Образцы оконных стекол (1–3) и фрагмент оконной рамы, найденной во время археологического изучения Черной палаты (4) Болгарское городище
1–3 – стекло; 4 – известково-алебастровая смесь

нити «расчесаны» специальным инструментом, образуя рисунок каннелюрами или фигурными скобками, напоминающими оперенье птиц (рис. 3: 1–7). Средневековые сосуды с подобной орнаментацией – миниатюрные флакончики производства Сирии или Египта – известны с VII–VIII вв. (Carboni, 2001a, p. 316, cat. 3.63 a–c), позднее, в IX–XII вв., так украшали декоративные фигурки птиц (Carboni, 2001a, p. 302–303, cat. 79; Carboni, 2001d, p. 106, fig. 95), в XII–XIII вв. – шахматы (Jenkins, 1986, № 62; Carboni, 2001a, p. 306–307, cat. 81), редко – чаши и другие сосуды открытых форм (Carboni, 2001a, p. 308–309, cat. 82 a–c; Khalili, 2008, p. 104). Наиболее многочисленны с VII по XIII в. сосуды закрытых форм – небольшие изящные и причудливые туалетные флаконы для душистых масел и лекарств (Lamm, 1929–1930. s. 292. taf. g. 2; 1941, p. 61; Margais, Poinssot, 1952, p. 404. pl. LXII, 4; Kühn, 2010, s. 154–155, kat. nr. 46; Carboni, 2001a, p. 310–311, cat. 83 a–c; Carboni, 2001d, p. 106, fig. 94). Ранним в Восточной Европе является сирийский туалетный сосуд фигурной формы на четырех коротких ножках с крышкой высотой 11,5 см и диаметром венчика 5,1 см. Этот флакон XI–XII вв. из собрания ГИМ происходит из Змейского катакомбного могильника в Северной Осетии (Журавлев, 2012, с. 155, № 390). Часто парфюмерные сосуды с декором из белых накладных нитей имели узкое цилиндрическое или коническое округлое или граненое тулово и малую площадь дна. Значительное число подобных предметов датируются XIII–XIV вв. и считаются, наряду с сосудами с эмалевой росписью, типичными для мамлюкского периода (Whitcomb, 1983, p. 103, fig. 2, b, cc–ee, mm–pp). Таковы, например, материалы из раскопок Фустата (Shindo, Kawatoko, 2010, p. 8, col. pl. 9–12). В Болгаре из объекта XIV в. происходят два тонкостенных фла-

Рис. 3. Стеклянные изделия с «перистым» рисунком. Болгарское городище. XIII–XIV вв.

кона (рис. 3: 5, 7) марганцевого цвета с белым «перистым» рисунком (Полубояринова, 1988, с. 211, рис. 94, 1–3). Сосуды имеют надежные ближневосточные аналогии (Carboni, 2001a, p. 312–313, cat. 84). В настоящее время в Болгаре, кроме этих двух археологически целых флаконов, известно и более 30 фрагментов сосудов с подобным декором – тонкостенных и толстостенных (2–3 мм). Толстые стенки и тяжелое дно обычно имели более миниатюрные изделия, такие как граненый флакончик с подквадратным дном из болгарского Остолоповского селища (Валиулина, 2015). Находка обеспечена широким кругом аналогий в произведениях исламского стеклоделия, в связи с чем византийская атрибуция сосуда, предложенная Е.К. Столяровой (Столярова, 2008, с. 272, рис. 1), не может быть поддержана. Сохранившийся фрагментарно сосуд, должно быть, имел форму сирийских или египетских флакончиков XII–XIII вв. из Кувейтского национального музея (Carboni, 2001a, p. 304–305, cat. 80 a–c; 2002, p. 107, fig. 94). Подобные флакончики обнаружены раскопками в Двине, при этом авторы отмечают, что аналогии им были найдены на всех археологических объектах Переднего Востока (Джанполадян, Калантарян, 1988, с. 22–23, табл. XXIX, 3, 4). Перистым орнаментом был украшен и сфероконус из верхнего, предмонгольского горизонта культурного слоя Биляра (Валиулина, 2005, с. 48, рис. 21, 3). Флакончики с малой плоскостью дна вставлялись в глиняные или каменные подставки, например, такие как стеатитовая база с куфической надписью по краю для парфюмерного египетского сосудика VIII–IX вв. из Музея Бенаки в Афинах («Benaki Museum…», 2006, p. 83, № 81). Большое число осколков сосудов с перистым декором найдено на Царевском и Селитренном городищах, причем с основой не только лилового или синего, но и горчичного цвета. В древнерусских городах иногда встречаются мелкие, но узнаваемые осколки подобных сосудов – в Белоозере (Захаров, 2004, с. 157, рис. 332, 12), Новогрудке (Гуревич и др., 1968, табл. XII, 20), Владимире (Родина, 2004, рис. 44). На Новгородском или Рюриковом городище в числе осколков других сосудов определены фрагменты крышки от небольшого сосуда округлой формы из синего стекла с белым «перистым» рисунком (Носов, Плохов, 2005, с. 60–61, табл. IV, 11, 12; Носов и др., 2012, с. 132, 137). Такой целый образец хранится в собрании Музея Метрополитен (Jenkins, 1986, № 45), но фрагменты могли принадлежать и флакону (плечикам), подобному найденным в Болгаре (рис. 3: 5, 7). Даниель Фоа такие сосуды на ближневосточных памятниках датирует XII–XIII вв. (Fya, 2015). В восточноевропейских памятниках сосуды с «перистым» рисунком чаще происходят из слоев и объектов золотоордынского времени и сопровождаются изделиями, расписанными золотом и эмалями. Эти типы сосудов определяют последний этап в исто-

рии исламского стеклоделия – с середины XIII по XV в. К поздним изделиям в Болгаре относится фрагмент стенки сосуда из бесцветного стекла с плотным ковровым эмалевым орнаментом из рядов фигур-гексагонов, составленных овалами белой опаковой эмали в золотом и в темно-красном контуре. Внутри шестиконечные фигуры заполнены непрозрачной светло-голубой или прозрачной ярко-зеленой эмалью, в центре каждой «посажена» капля темно-красной эмали на золотом фоне, ряды голубых и зеленых звезд чередуются (рис. 4: 4). Сосуд происходит из позднезолотоордынского слоя раскопа CLXXIX 2012 г. (рук. В.Ю. Коваль)[1]. Методом сканирующей электронной микроскопии установлены химические элементы и их сочетания, отвечающие за каждый цвет в орнаменте – Cu, Fe, Sn, Co, Au. Эти результаты соответствуют опубликованным ранее данным химического состава эмалей (Newby, 1998, p. 36, tab. I; Suzuki, Kato, Nakai, 2010, p. 44–46, tab. 2. 1, pl. 1, 2). Фрагмент стекла толщиной 2,5 мм с одного конца имел изгиб к плечику или дну и остальную почти плоскую поверхность, что позволяет предполагать его принадлежность уплощенной фляге или изделию большого диаметра, например, подсвечнику. По химическому составу и характеру орнамента очевидно сходство болгарского сосуда с изделиями из синего стекла – парфюмерным флаконом из Музея Средневековой цивилизации и искусства в Болонье, стаканами производства Сирии из Музея Виктории и Альберта и Музея стекла в Корнинге (Newby, 1998, p. 38, fig. 10.5; 10.6; 10.7c; 10.7e; 10.8–10.10), а также с фрагментом сосуда из Сирии или Египта середины – конца XIII в. (Carboni, 2001a, p. 348, cat. 94 e). В определенной степени орнамент болгарского сосуда схож с декором подсвечника из бесцветного стекла (максимальный диаметр 20,6 см), возможно, египетского производства 1340–1365 гг. из Музея стекла в Корнинге (Carboni, 2001f, p. 270–272, № 134).

В Болгаре найдена целая серия стаканов цилиндрической формы с эмалевой росписью (рис. 5: 2–5). Такие сосуды с широко отогнутым венчиком были выдуты из бесцветного стекла высокого качества и имели легкий, чуть розоватый и одновременно желтоватый оттенок – свидетельство присутствия в составе стекла марганца в качестве обесцвечивателя. Лучшей сохранностью обычно отличаются донца диаметром от 4 до 5,5 см, округло-вогнутые, с узким кольцевым поддоном. Фрагментарно сохранившиеся стенки имеют роспись – эпиграфическую, цветочную, зооморфную (изображения рыбок), геометрическую (сочетание горизонтальных линий и точек-капелек густой эмали).

В этой связи важным хронологическим моментом является тот факт, что ни домонгольский Болгар, ни Биляр, разрушенный в 1236 г. и не восстановленный впоследствии, при всем обилии восточных изделий, в том числе высокохудожественных, поступавших в город в последней четверти XII – первой трети XIII в., не содержат ни одной находки подобных предметов.

Эта тенденция отмечена во всех домонгольских болгарских городах, которые, как и Биляр, являются после монгольского нашествия своеобразными «закрытыми комплексами». Очень показательно присутствие единичных фрагментов сосудов с золотой и эмалевой росписью в золотоордынском Биляре середины XIII – начала XIV в. – одном из ранних монгольских административно-фискальных центров на территории Среднего Поволжья. Город расположен в полутора километрах от руин домонгольского Биляра, является однослойным памятником и представляет раннезолотоордынскую городскую культуру (Валиулина, 2000; 2019).

В домонгольском Биляре найден только один сосуд – тарелка, украшенная лиловой эмалевой каймой. Точно такая же, датирующаяся не ранее середины XII в., известна в Новогрудке (Гуревич, 1981, с. 96, рис. 74, 1). Оба сосуда по всему комплексу признаков являются византийской продукцией и, возможно, происходят из одной мастерской (Валиулина, 2005, с. 40–41, рис. 13). Эти факты важны для понимания проблемы происхождения исламского стекла с эмалевой росписью, в формировании которого кроме восточных истоков, очевидно, участвовала и византийская художественная традиция (Gudenrath, 2006, p. 47).

Впервые исламское художественное стекло, расписанное эмалями и золотом, было описано, качественно проиллюстрировано и издано Г. Шморанцем в самом конце XIX в. В 1920–1930-е гг. К.Й. Ламм создал типо-хронологическую систему, или стилистическую хронологию, всего восточного стекла (Lamm, 1929–1930; 1935; 1941), которая вот уже почти столетие служит фундаментом последующих исследований в этой области. Часто основанная на научной интуиции ученого, скрупулезном анализе материала с использованием минимальной серии данных о химическом составе стекла, эта система до настоящего времени не претерпела серьезных изменений, новые данные в течение многих десятилетий лишь подтверждали и конкретизировали ее. Однако к середине 90-х гг. прошлого века стала очевидной необходимость «ревизии» одного раз-

[1] Благодарю В.Ю. Коваля за предоставленную возможность работать с материалами раскопок.

Рис. 4. Фрагменты стеклянных изделий с эмалевым орнаментом. Болгарское городище. Середина XIII–XV вв.

дела в трудах К.Й. Ламма – о стеклянных сосудах с золотой и эмалевой росписью (Scanlon, 1998, p. 27; Whitehouse, 2002, p. 11; Carboni, 2001, p. 204). Широкие экспедиционные исследования, прежде всего в городах Сирии и Египта, изменили хронологию этой группы художественного стекла, омолодив ее примерно на сто лет. Кроме того, материалы раскопок выявили неоправданность идентификации стиля стеклянных изделий, расписанных эмалью и золотом, с конкретными городами – центрами производства, такими как «*Ракка*», «*Фустат*», «*Дамаск*» и др. (Irvin, 1998, p. 24–26). В 1995 г. в Лондоне обсуждению проблем исследования стекла с эмалевой росписью была посвящена специальная конференция, на которой 30 ведущих историков стекла приняли решение датировать эмалевые изделия с середины XIII до XV вв. и рекомендовали приостановить использование в качестве таксономических единиц названия конкретных городов. При этом было отмечено, что отдельные более ранние образцы, украшенные золотой и эмалевой росписью, не меняют общей хронологии этой группы изделий.

В последующем появилось несколько вариантов классификаций, наибольшее признание в отечественной науке получила типо-хронологическая классификация стаканов, украшенных золотом и эмалевой росписью, С. Кенессона. Однако нужно согласиться с авторитетным мнением С. Карбони, что на сегодняшний день, как и почти 25 лет назад, ни одна из существующих классификаций стекла с эмалевой росписью не может быть принята (Carboni, 2001a, p. 328).

Великолепные стеклянные лампы из бесцветного стекла с росписью золотом и эмалями – сосуды с округлым туловом на поддоне или без него, с высокой и широкой горловиной-раструбом и обычно шестью петельками- ручками для подвешивания, высотой 35–38 см, диаметром 20–26 см, с толщиной стенок 2–3 см – поступали в Болгар и другие города Золотой Орды из стран мусульманского Востока (Полубояринова, 1993, с. 178) (рис. 6). На других памятниках в Восточной Европе такие находки неизвестны.

В Армении произведения исламского искусства Сирии и Египта – стаканы, чаши, лампы, украшенные эмалями и золотом с надписями коранического характера, – выявлены раскопками не только в дворцовых комплексах цитаделей Ани, Гарни, но и в православных храмах (Джанполадян, Калантарян, 1988, с. 24–25, № 64–76, табл. XLIV, 1–9). Такие примеры известны и на ближневосточных христианских объектах.

Интересно, что на исламском Востоке в XIII–XV вв. использовали два типа масляных подвесных ламп: характерные исламские массивные и объемные и лампады, уходящие корнями в ранневизантийскую традицию, в виде небольших чашечек с центральным стержнем-ножкой или с узкой полой ножкой. Иллюстрациями являются изображения ламп-лампад на книжных миниатюрах (The Pierport Morgan Library, 638, fol. 21). В их числе иракская миниатюра 1222/3 г. с изображением интерьера ассамблеи Аль-Харири, где между двух исламских ламп висит светильник с тремя лампадами (Rice, 1993, p. 108, № 106; 1001 Inventions..., 2007, p. 59), или тимуридская миниатюра XV в. (Bacci, 2013, с. 436). Такие лампы-лампады, вставленные в бронзовые светильники, известны в Египте с IV в., присутствуют в материалах Фустата IX–X вв. (Wilson, Scanlon, 1973, p. 22, fig. 18, 19), на корабле в бухте Серче (Bass, Lledo, Matthews, 2009, pl. 29), найдены в домонгольском Биляре (Валиулина, 2005, с. 50–51, рис. 22, 5, 6) и в последнее время обнаружены в Болгаре (БГИАМЗ, 689–487/259; 1361–259/412).

Стеклянные лампы, кроме утилитарной и эстетической функции осветительных приборов, призваны были выполнять функцию символическую.

На многих исламских лампах с росписью эмалями и золотом можно увидеть имя и герб дарителя и надпись в виде цитаты из Корана: 35-й аят из 24-й суры, где свет Аллаха сравнивается с нишей со светильником в стекле («The Ashmolean Museum», 2000, p. 74; Khalili, 2008, p. 108; Kühn, 2010, s. 20; Müller, 2010, s. 164, kat. 51). Неслучайно на мусульманском Востоке изображение лампы в нише является частым сюжетом на изразцах, коврах, текстиле, в резьбе по камню и дереву. Одно из наиболее ранних изображений на михрабных поливных изразцах в собрании Лувра датируется XIII в. (Peltre, 2006, p. 92–93).

В памятниках Восточной Европы за пределами Золотой Орды, в аристократических усадьбах русских городов отмечены находки только светских сосудов – стаканов, флаконов, чаш.

В этой связи М.Б. Пиотровский отмечает, что особого внимания, как и ранее, заслуживают культурные контакты и близость культуры высших классов христианского и мусульманского мира. По его мнению, «эта проблема культурного единства, стоящего выше конфессиональных, национальных и политических различий, сегодня актуальна и в научном, и в общественном смысле» (Пиотровский, 2000, с. 40).

Установлено, что светские сосуды с росписью эмалью и золотом массово производились в мастерских Сирии и Египта и для европейского рынка (Ward, 1998, p. 34). С. Кенессон предполагает, в частности, что партия стаканов могла быть специально выполнена для караимской общины в Крыму (Kenesson, 1998, p. 47–48). Однако заключение С. Кенессона, что в Крым, на Кавказ и в южнорусские степи поступали стаканы только одного, наиболее простого типа E, полностью опровергают материалы археологических раскопок памятников на этих территориях.

Ранними свидетельствами более широкого и богатого ассортимента ближневосточных сосудов, поступавших в XIII–XIV вв. в Крым и на Северный Кавказ, являются стаканы из собрания Музея исламского искусства в Берлине. Материалы были приобретены в конце XIX – в самом начале XX в. и вывезены в Германию в канун событий 1905 г. управляющим царскими виноградниками в Крыму и на Кавказе (A.M. de Massonneau). В 1908 г. коллекция была куплена Музеем исламского искусства в Берлине. Первой презентацией собрания в музее явилась выставка погребального инвентаря из так называемых черкесских погребений Северо-Восточного Причерноморья, где среди предметов вооружения и доспехов были выставлены и стеклянные сосуды – стаканы двух типов по С. Кенессону и флакон с шаровидным туловом и высоким цилиндрическим горлом (Helmeke, 2010, s. 58, abb. 6; Helmecke, Kröger, 2010, s. 158–163, № 48–50).

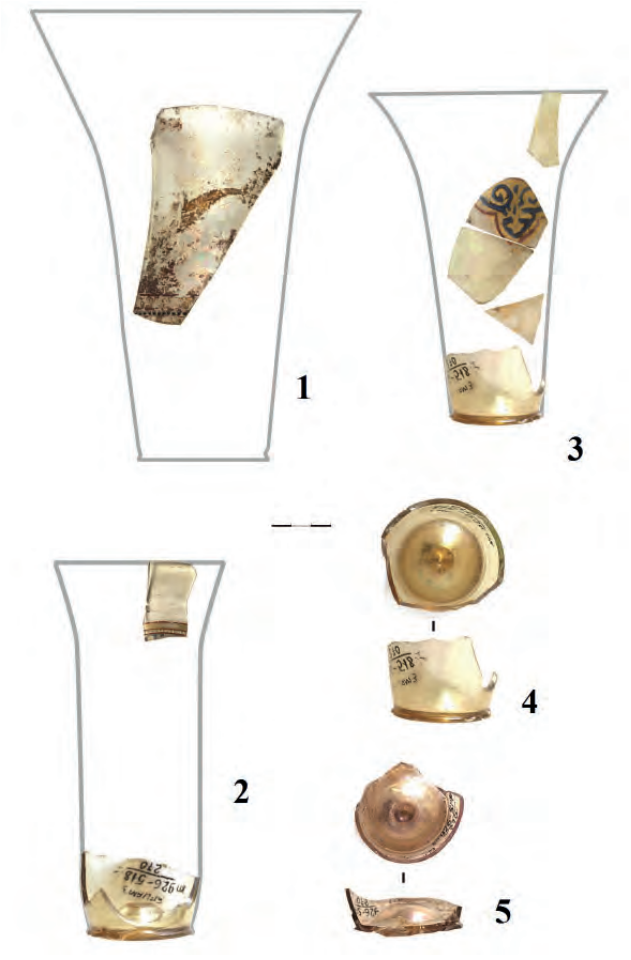


Рис. 5. Фрагменты стаканов цилиндрической формы с эмалевой росписью. Болгарское городище. Середина XIII–XV вв.

В курганных могильниках Северо-Восточного Причерноморья сосуды с эмалевой и золотой росписью с рыбками и арабскими надписями были распространены на черноморском побережье от Анапы до Абхазии. По мнению авторов раскопок, ввиду традиционного наличия в ящичных погребениях северной части побережья сосуды играют роль «визитной карточки» памятников, особенно в XIV – начале XV в. (Армарчук, Дмитриев, 2003, с. 223, табл. 102, 6, 7). В материалах могильника Носовцева Поляна I XIV–XV вв. в долине реки Мзыста (г. Сочи) присутствуют высокие цилиндрические стаканы и флакон-графин (Василиненко, 2007, с. 247, 252, рис. 5, 6, 7; с. 257, рис. 13, 6, 7; с. 260, рис. 16, 6, 7). Такие высокие стройные сосуды – графины или флаконы из бесцветного стекла с узким цилиндрическим горлом, слегка расширяющимся сверху и снизу, с горизонтальным ободком-бортиком в верхней его части и с широким и низким туловом на высоком поддоне,

Рис. 6. Фрагменты стеклянных ламп из бесцветного стекла с росписью золотом и эмалями. Середина XIII–XV вв.

украшенные горизонтальным растительным орнаментом, выполненным тонкой золотой нитью, в сочетании с круглыми медальонами на синем эмалевом фоне – в литературе атрибутируются как сирийские изделия середины – третьей четверти XIII в. (O'Kane, 2006, p. 115; Ward, 1998, p. 30, fig. 9.1) или середины XIV в. (Rosser-Owen, 2010, p. 61, № 50). На еще более позднюю дату сосуда из погребения в Носовцевой Поляне указывает серо-зеленый цвет стекла, в отличие от более ранних бесцветных аналогов.

Целые стеклянные стаканы найдены в трех погребениях Кабардинского могильника под Геленджиком, основная часть каменных гробниц которого датируется XIV в., а поздние могут быть отнесены к XV в. (Носкова, 2010, с. 181). Это стаканы типа D (по Кенессону) высотой 15 см и диаметром венчика 7 см (Носкова, 2010, с. 175, рис. 12, 24) и типа E высотой 9,8 см и диаметром 6,7 см (Носкова, 2010, с. 175, рис. 14, 30) со следами золотой росписи (Kenesson, 1998, p. 46, tab. I). Кроме того, на этих же памятниках встречаются характерные массивные стаканы (Армарчук, Дмитриев, 2003, табл. 102, 8) из зеленого или голубого стекла с рельефными налепами на основном объеме (Носкова, 2010, с. 175, рис. 5, 23) западноевропейского – германского – производства, получившие название «*Krautstrunk*» – капустная кочерыжка. Подобный присутствует в погребении могильника на р. Пшиш (Носкова, 2005, с. 193, рис. 6, 1). Такие стаканы в Западной и Центральной Европе повсеместно появляются в конце XIV–начале XV в. и бытуют до XVI в. (Prohaska-Gross, 1992, abb. 97, 99, 100; Gyurky, 1991, 89, 3 kep., 35, 1 kep. 51, 6 kep; Bikic, 2006. P. 203–204. Fig. 3, 9. Fig. 5, 1, 4; Kos, Zvanut, 1994, t. 4, 35, 36, t. 5, 38). В XIV–XV вв. западноевропейская стеклянная продукция, вероятно, поступала в Крым, на Северный Кавказ и иногда на Среднюю Волгу благодаря генуэзским торговцам через итальянские фактории Крыма (Valiulina, 2015, с. 299). Этот путь западноевропейского стекла в Восточную Европу, конечно, был не единственным. Интересно, что первые западноевропейские стеклянные сосуды в Новгороде отмечены в слоях, отложившихся после монгольского нашествия (Носов, Плохов, 2005, с. 41).

Более сорока лет назад Н.Н. Бусятская подробно рассмотрела направление движения восточного художественного стекла в западнорусские земли через Крым и далее днепровским путем. Исходя из концентрации находок, особо была выделена та часть водного пути, которая соединяла между собой три основных торгово-ремесленных центра – Киев, Смоленск, Новгород (Бусятская, 1972, с. 88). Это направление в золотоордынское время С. Кенессон продолжает до Польши и Швеции (Kenesson, 1998, p. 47). Второй маршрут из Крыма шел на Северный Кавказ и до Волги. Одним из центров-посредников в торговле стеклянной

ближневосточной продукцией мог быть Херсонес, в материалах города присутствуют сосуды с эмалевой росписью конца XIII в. (Колесникова, 1973, с. 253–254). Среднеазиатский путь движения восточного импорта для сосудов с золотой и эмалевой росписью должен быть исключен, так как в памятниках самой Средней Азии таких изделий нет. Этот факт отражен как в материалах музейных фондов, так и в литературе (Байпаков, Дощанова, 2011, с. 32). В этой связи интересно, что обычно главной причиной исчезновения стеклянных изделий с золотой и эмалевой росписью исследователи считают захват и разорение Тимуром в 1401 г. Дамаска, откуда завоеватель переселил мастеров в свою столицу Самарканд, где их ремесло в конце концов угасло. Однако С. Карбони усматривает в этом объяснении по меньшей мере два уязвимых момента. Во-первых, появление стеклоделия на новом месте не отражено в письменных источниках (и как мы видим, в археологических), во-вторых, стекло, украшенное эмалью, в это время производилось главным образом в Каире, который не испытал разорения Тимура. По мнению С. Карбони, стекло с эмалевой росписью в течение XV в. постепенно исчезло в результате действия комплекса факторов – экономических, политических, художественных (Carboni, 2001f, p. 207).

В последние десятилетия экспедиционными исследованиями получены многочисленные материалы стеклянных изделий, расписанных эмалью и золотом, не только на памятниках Нижней и Средней Волги, но и в городах Северо-Восточной Руси и в Новгороде. Находки выразительно обозначили ведущую роль Волжского пути в движении восточного художественного импорта в XIII–XV вв. и ключевой центр на этом пути – Болгар.

Через Болгар и другие города Золотой Орды ближневосточная стеклянная художественная посуда поступала на Русь. Находки стеклянных стаканов, флаконов, ваз, украшенных эмалью и золотом, в последнее время все чаще обнаруживают при раскопках Нижнего Новгорода (Гусева, 2004, с. 63), Ярославля (Столярова, Энговатова, 2013, с. 91–100), Владимира (Родина, 2004, рис. 43, 1, 2, 4; Зеленцова, Кузина, 2007, с. 134–135, рис. 4, 1–3; Кабаев, Гальчук, 2007, с. 72, рис. 2; Кузина, 2011, с. 92–93, рис. 1, 3, 4), Рязани (Щапова, 1974, с. 90), Москвы (Столярова, 1997, с. 104; 2004, с. 347), Твери (Сафарова, 2013, с. 58–64), Городища под Новгородом (Носов и др., 2005, с. 59–62). Ранее такая посуда была известна в Новогрудке (Гуревич и др., 1968, с. 14, 15), Турове (Полубояринова, 1963, с. 235), Мстиславле (Алексеев, 2006, с. 218–219, рис. 83) и др. Показательно, что в Мстиславле стаканы с золотой и эмалевой росписью датируются XII – первой половиной XIII в. с опорой на археологический контекст, который не обладает такой узкой хронологической определенностью: светцы, замки и ключи типа «В», наконечники стрел, в том числе тип 38.3 по А.Ф. Медведеву (Медведев, бытовавший преимущественно в XIII–XIV вв. (Алексеев, 2006, с. 219; Медведев, 1966, с. 64).

В Новгороде осколки сосуда с фигурками людей найдены в 10–11 ярусах Неревского раскопа, относящихся к 1299–1340 г. (Щапова, 1962, с. 234). В Смоленске фрагменты с изображением человека обнаружены в слое середины XIII в. (Асташова, 1998, с. 163). В Переяславле Рязанском кубки с рыбками (Судаков и др., 1997, с. 379, рис. 2 а–е) датируются авторами концом XIII – первой половиной XIV в., в Новогрудке – XII – серединой XIII в. (Гуревич и др., 1968, с. 14, 15), в Твери они найдены в 1–9 горизонтах культурного слоя, что соответствует 1296–1443 гг. (Егорьков, 2001, с. 145; Сафарова, 2013, с. 62).

Фрагмент флакона из бесцветного (слегка желтоватого) стекла с изображением, вероятно, сцены игры в поло, охоты или воинства найден в кремле Нижнего Новгорода на усадьбе, «которая по особенностям застройки и вещевому материалу, насыщенному обломками дорогой импортной стеклянной и кашинной посуды, может претендовать на статус княжьего двора» (Гусева, 2004, с. 63). Стратиграфическая дата функционирования комплекса, по мнению автора раскопок, середина – вторая половина XIV в.[2] Изображения сцен игры в поло обычно украшали тулова флаконов с узким и высоким цилиндрическим горлом, иногда – лампы и стаканы. Серединой XIII в. датируется в собрании Лувра сирийский кубок с богатым декором, центральную часть которого занимает изображение сцены игры в поло («Les Arts de l'Islam...», 2012, p. 19). В числе аналогий можно назвать фрагмент из раскопок в Фустате (Shindo, Kawatoko, 2010, p. 8, pl. 9–11), флакон из I кургана Белореченского могильника («Отчет Императорской Археологической комиссии...», 1898, с. 19–20, рис. 98), флакон с изображением воинства или охоты (Porter, 1998, p. 199, fig. 21.6) и два сосуда из Музея исламского искусства в Берлине: один – производства Сирии (Дамаск) 1260–1270 гг. (Kröger, 1980, № 27, s. 66–67, 122), второй – сирийский или египетский (датируется около 1300 г.) – поступил в музей в 1913 г. из частной коллекции прусского дипломата в Санкт-Петербурге графа Ф. Пурталеса (Zick-Nissen, 1979, s. 137, № 515; Müller, 2010, s. 156, № 47).

Стеклянные ближневосточные сосуды Новгородского (Рюрикова) городища (около 40 фрагмен-

[2] Благодарю Т.В. Гусеву за предоставленную возможность познакомиться с материалами раскопок.

тов) происходят из культурного слоя и заполнения крупных строений древнерусского времени, входивших в комплекс построек княжеской резиденции (Носов, Плохов, 2005, с. 66). Находки имеют принципиальное значение ввиду своей стратифицированности, обеспеченности археологическим контекстом и массовости – заполнение только первой постройки содержало более 60 фрагментов стеклянных сосудов разного происхождения (Носов, Плохов, 2005, с. 36).

В трех постройках присутствовали изделия древнерусского, византийского, западноевропейского и исламского стеклоделия. В первом сооружении обнаружено девять фрагментов бесцветных сосудов с росписью золотом и эмалью производства Сирии или Египта (Носов, Плохов, 2005, с. 39). В слое рядом с постройкой найден целый стеклянный стакан без декора, возможно, сирийский. Исходя из формы сосуда, исследователи относят его к типу B (1225–1250 гг.) по типологии С. Кенессона (Носов, Плохов, 2005, с. 37). Время возникновения первой постройки относится ко второй половине XII – первой половине XIII в. Осколки стеклянных изделий обнаружены в песчанистом и черном углистом слоях верхней части заполнения, образовавшегося после разрушения сооружения (Носов, Плохов, 2005, с. 37, 47, табл. IV: 18–20, 21, 23, 26; V: 15, 21, 22).

В заполнении второй и третьей построек конца XIII–XV вв. также присутствовали мелкие осколки бесцветных сосудов с золотой и эмалевой росписью (Носов, Плохов, 2005, с. 41, 46, 47, табл. IV: 25; V: 1–3, 5, 6, 12, 13, 17–19). Исследователи отмечают, что такая большая концентрация стеклянной посуды и ее состав обусловлены тем, что раскоп располагался непосредственно в зоне княжеских построек Рюрикова городища (Носов, Плохов, 2005, с. 61).

В Ярославле в 2006 г. в сооружении второй половины XII – первой половины XIII в. раскопками обнаружено не менее трех кубков (Столярова, Энговатова, 2013, с. 93). Большое число фрагментов и богатая роспись позволили авторам представить реконструкцию изделий, найти надежные аналогии. В их числе находки из рассмотренной выше второй постройки Рюрикова городища и знаменитые произведения, имеющие полную сохранность.

В Болгаре изделия с росписью золотом и эмалью – стаканы, лампы, чаши, флаконы египетского и сирийского производства – появляются не раньше середины XIII в., такие как кубок Палмера в собрании Британского музея и кубок из коллекции Нассера Аль-Сабаха в Национальном музее Кувейта. Последнему сосуду была найдена точная аналогия в полевом сезоне 2012 г. на центральном раскопе Болгара (руководитель работ Р.Ф. Шарифуллин). Находка происходит из слоя третьей четверти XIII в.

Стеклянные изделия с эмалевой росписью, безусловно, являются ярким, интригующим и многообещающим источником. Чтобы «обещания» в полной мере состоялись, должны быть решены общие проблемы атрибуции этих изделий – происхождение и датировка. Для восточноевропейских материалов проблема хронологии стоит особенно остро. При датировке, конечно, определяющее значение имеют стратиграфические условия находки и археологический контекст, однако они не всегда позволяют сделать надежные выводы. В этой связи для датирования эмалевых сосудов древнерусских памятников, особенно городов Северо-Восточной Руси, важны материалы золотоордынских городов и прежде всего золотоордынского Болгара – главного поставщика-посредника продукции исламского стеклоделия на волжской магистрали. Не исключая возможности движения восточных товаров и западными путями, нужно признать, что Волга и в золотоордынский период оставалась основным связующим звеном Востока и Запада.

В домонгольских болгарских городах, где, особенно со второй половины XII в., концентрировались самые значительные в Восточной Европе объемы восточного импорта – поливной посуды, стеклянных изделий, произведений торевтики – нет ни одного стеклянного сосуда с росписью золотом и эмалью. А значит, такие сосуды в Поволжье должны датироваться не раньше середины XIII в. и их поступление могло продолжаться в течение XIV в., однако верхнюю временную границу поставок еще предстоит уточнить. Следовательно, и в русских городах сосуды с эмалевой росписью не могут быть датированы ранее середины XIII в., для этого времени они сами являются датирующим материалом. Эта датировка принята в зарубежной литературе.

XV в. завершает средневековую историю исламского стеклоделия и материалы восточноевропейских памятников подтверждают этот финал. Самые поздние находки стеклянных сосудов в Прикамье найдены на Торецком поселении (Валиулина 2013).

Заключение

За последние десятилетия в результате широких экспедиционных исследований на территории Болгарского городища накопилась богатая коллекция стеклянных изделий, анализ которых позволяет выделить основные направления и этапы поступления, обнаруживает их историческую обусловленность и закономерность.

Материалы показывают, что в раннее Средневековье и домонгольское время ведущим являлся Волжский путь поступления восточного импорта.

На Волгу иранское, сирийское и египетское стекло попадало в основном через Закавказье и Северный Кавказ, дополняясь продукцией закавказских мастерских. Стеклянные изделия северокавказских памятников представляют всю историю средневекового исламского стекла.

Одним из опорных пунктов восточной торговли в начале Волжского пути выступает Самосдельское городище, обладающее одной из самых многочисленных и выразительных восточноевропейских коллекций ближневосточного и среднеазиатского стекла XI–XII вв. (Валиулина, Зиливинская, 2011).

После монгольского нашествия, с середины XIII в., практически полностью меняется номенклатура, количество и география находок ближневосточного стекла в памятниках Восточной Европы. Изменения являются следствием монгольского разорения и отражением общих тенденций в истории исламского стеклоделия. Примерами этих процессов выступают прекращение билярского производства стеклянных изделий, исчезновение химических сосудов – аламбиков.

В золотоордынское время появляются и становятся индикаторами эпохи сирийские и египетские сосуды, расписанные золотом и эмалями, сходит на нет иранский импорт. На Нижней Волге и в Болгаре стеклянные бусы, подвески, перстни в десятки раз превосходят посуду и другие изделия. В золотоордынских городах открыто производство украшений, но не посуды. В нижневолжских городах, кроме ближневосточных парадных изделий – ламп и сосудов, большим числом представлена обыденная простая посуда среднеазиатского производства. На Средней Волге посуда присутствует в виде единичных фрагментов в золотоордынском Биляре (Билярское III селище), на Торецком поселении, на Старо-Куйбышевском городище, а массово – только в Болгаре, при этом расписных эмалевых сосудов большинство.

КОЖЕВЕННОЕ ДЕЛО

Территория Золотой Орды включала обширные степи с кочевым скотоводством и оседлые районы с развитым земледелием, ремеслом и городской культурой. Продукция скотоводства кочевым населением сбывалась в городах, в первую очередь как пища, а также использовалась в качестве сырья, в частности для кожевенного производства. Археологическим подтверждением специализированного массового забоя скота для получения шкур в золотоордынских городах являются отдельные скопления голов и нижних отделов конечностей домашнего скота, выявленные в Азаке, Болгаре и Маджаре. Скопления данных костей обнаружены в центральной части памятников, на территории ремесленных или торгово-ремесленных кварталов (Яворская, 2018; 2019а). В частности, на Болгарском городище место забоя домашнего рогатого скота, следовательно, последующее снятие шкур и их первичная заготовка для дальнейшей обработки или продажи, было связано с юго-западной периферией торгово-ремесленного района. На данном участке городища, исследованного раскопом CXCVI, фиксируется высокая плотность наполнения костными остатками культурного слоя раннезолотоордынского периода (вторая половина XIII – начало XIV вв.) и специальный отбор лишь конкретной анатомической части – бараньей лопатки, что может свидетельствовать о формировании сырьевого материала для нужд косторезных мастерских (Яворская, 2019б, с. 561–564).

На Маджарском городище установлено обустройство мест забоя скота, одно из которых представляет собой узкую глубокую траншею-ванну с прилегающей к ней площадкой, вымощенной битым кирпичом. Прослеженная длина траншеи составила 5,20 м, ширина – 0,90 м, глубина от 0,89 до 1,22 м. Длина открытой и исследованной части кирпичной вымостки достигала 4,60 м, ширина доходила до 5,8 м (рис. 1). На противоположной от вымостки стороне траншеи на одном квадрате раскопа зафиксировано скопление метаподиев и других трубчатых костей крупного и мелкого рогатого скота, некоторые из которых по одной стороне имеют «залощенность» и грубые отверстия на концах (эпифизе). Здесь же находились фрагменты в основном массивных плоских ручек амфор. Данный комплекс датируется 10–40 гг. XIV в. (Бочаров, Яворская, 2019). По мнению исследователей, трубчатые кости использовали при изготовлении ременной упряжи и «залощенность» образовалась в результате протягивания сыромятных ремней через специальное приспособление со вставленными в него трубчатыми костями, а ручки амфор могли применять для снятия мездры со шкуры или при других операциях при первичной обработке шкур (Бочаров, Яворская, 2019, с. 194–196).

Аналогичные «залощенные», в основном конские метаподии, с одним или двумя отверстиями и без отверстий, часто обозначаемые среди находок как «коньки», не редкость в золотоордынских памятниках. Особенно много их на Селитренном городище (Валиев и др., 2019, рис. 60: 2–3; 275: 3–5; Зеленеев, Пигарев, 2021, рис. 45: 1, 3; 46: 7–9; 48: 16; 50: 15–16; 52: 4, 13; 53: 17–18, 24–25; 54: 22; 58: 14–18, 20–22, 24; 60: 1; 63: 1–4; 66: 1–2; 67: 7,

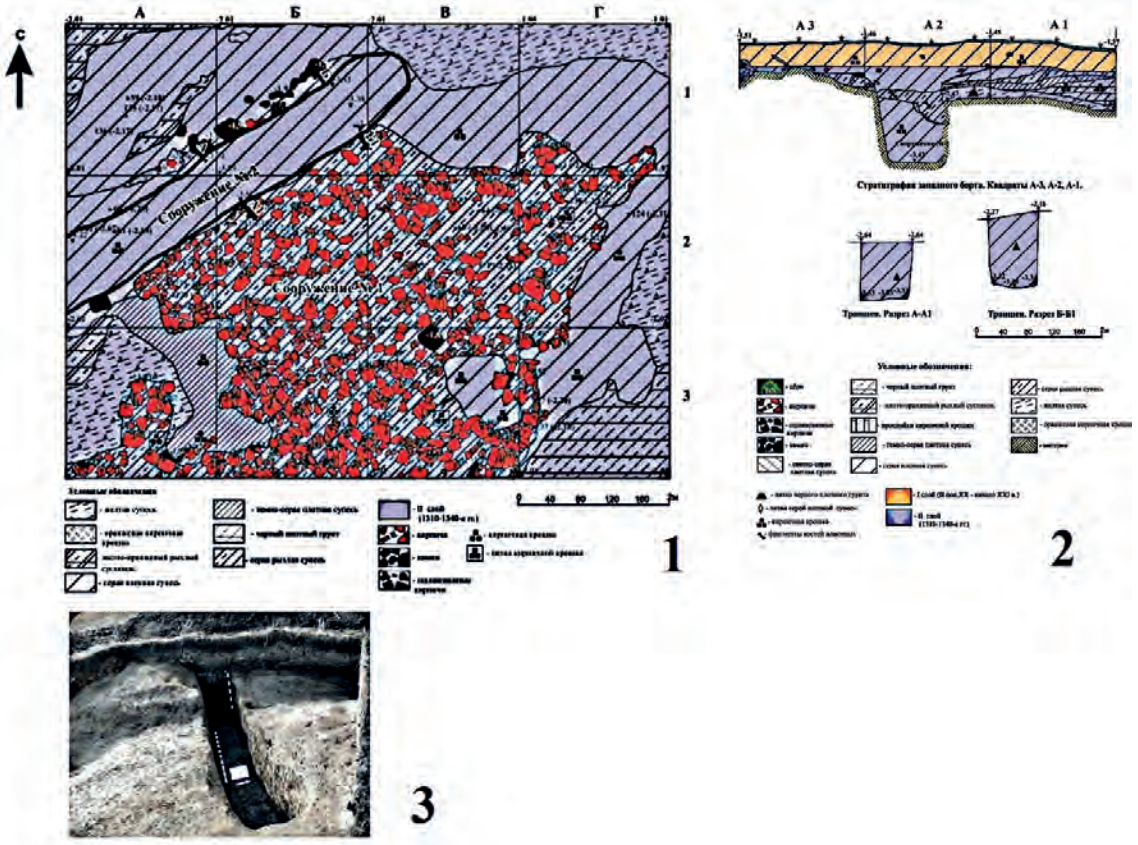


Рис. 1. Маджарское городище. Раскоп XIII 2017 г., сооружение 2, интерпретируемое как яма для забоя скота (по: Бочаров, Яворская, 2019). 1– план на уровне пятого пласта с отметками глубины сооружения 2; 2 – стратиграфия западного борта, разрезы сооружения 2; 3 – вид сооружения 2 и западного борта раскопа с востока.

11; 68: 12). Применение в кожевенном деле в качестве гладилок подобных «коньков» без отверстий отмечено с бронзового века (Демиденко, 1994, с. 140–143; Рогудеев, 1998, с. 60).

Из ямы XIV в. в юго-западной части Болгарского городища (раскоп LXII) происходит обломок конского метаподия, на плантарную сторону диафиза которого нанесены частые глубокие пересекающиеся бороздки. Они образуют сетчатый рисунок, формируя орудие наподобие полукруглого рашпиля. Поверхность кости со стороны бороздок «залощена» (рис. 2: 1). Скорее всего, данное изделие не является орудием для тиснения кожи, как считалось ранее (Закирова, 1988, с. 226, рис. 98: 10), а использовалось для разминания. Подобные предметы известны из русского слоя Саркела (Артамонов, 1958, с. 71, рис. 49; Флерова, 2001, с. 84–87, рис. 39: 6–8; 40: 1–4; 41: 1–5), и, по мнению В.Е. Флеровой, более вероятным является их использование для разминания кожи (Флерова, 2001, с. 86–87). Одно подобное орудие встречено в погребении 6а средневекового грунтового могильника Медный Борок в Западной Сибири (Матвеева и др., с. 119–120, рис. 8: 5).

На большинстве костей животных с вышеупомянутого комплекса для забоя скота на Маджарском городище замечен «ржавый» налет, который исследователями связывается с воздействием химического вещества, используемого при обработке шкур (Бочаров, Яворская, 2019, с. 194) или для обеззараживания животных остатков (Яворская, 2018, с. 70). Подобный «ржавый» налет также зафиксирован на «производственных» скоплениях костей животных из золотоордынского Азака, где в заполнениях ям они перемежались с прослойками золы, глины и органического тлена (Яворская, 2019а, с. 112).

При раскопках средневекового Азака обнаружено несколько ям со следами деревянной обшивки и коричневым твердым налетом на стенках. По мнению исследователей, они могли быть связаны с выделкой кожи и служили чанами для волососгонки или дубления (Бочаров, Масловский, 2015, с. 9). Основываясь на заключении реставратора ГИМа А.Д. Чиварзина, исследовавшего кожаные детали изделий и обрезки раскроя из золотоордынского периода Болгарского городища, О.С. Хованская сообщает, что сгонка шерсти осуществлялась обработкой хлебным тестом, а не известкованием; в качестве дубителя применялось ивовое корье (Хованская, 1951, с. 124). По сообщениям Г. Рубрука, в 1253–1255 гг. через Поволжье совершившего путешествие в Каракорум и оставившего заметки о своих наблюдениях, «кожи приготовляют

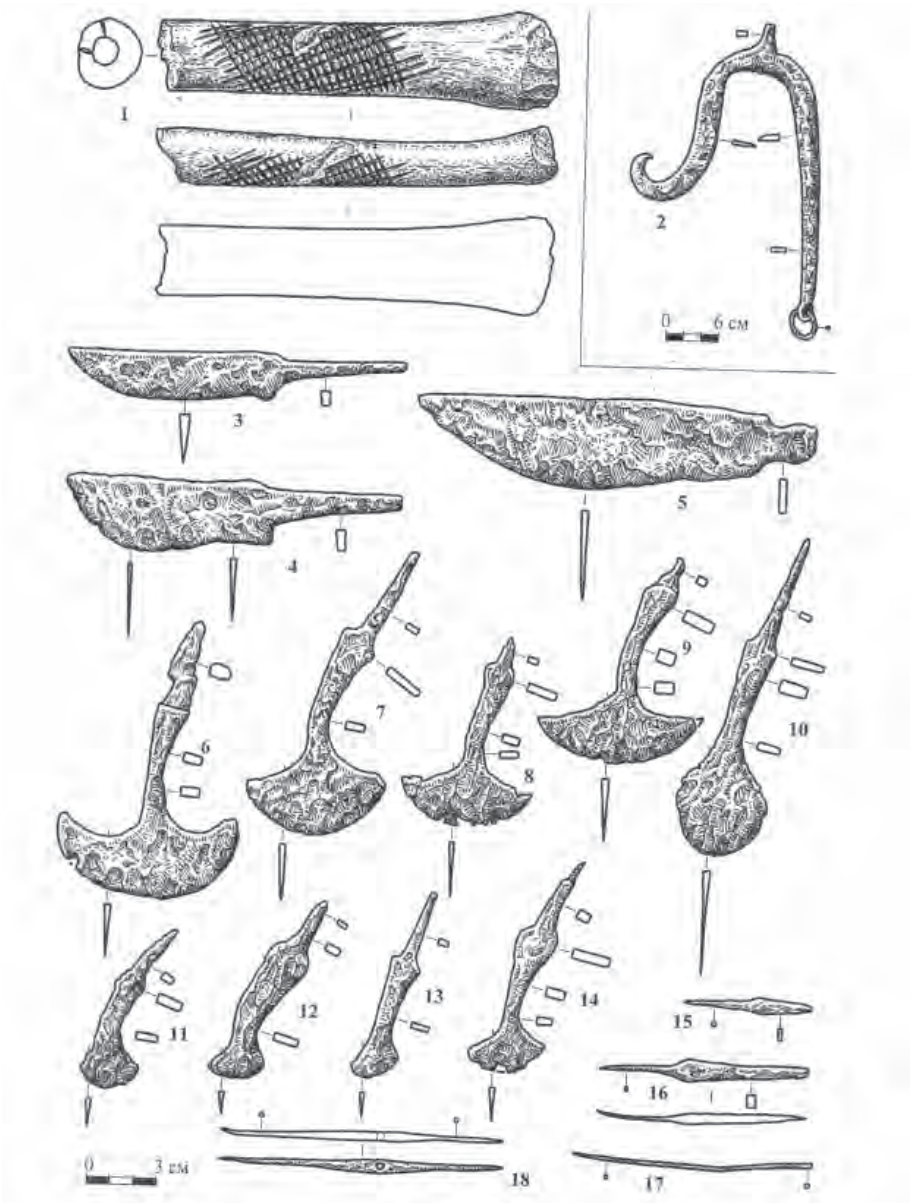


Рис. 2. Инструменты кожевенного производства (1 – кость, 6 – железо, дерево, 17 – медь, остальное – железо): 1 – орудие для разминания кожи, 2 – орудие для разминания овчины, 3–14 – раскроечные ножи, 15–16 – шилья, 17–18 – иглы

они при помощи кислого, сгустившегося и соленого овечьего молока» (Путешествие в восточные страны…, 1993, с. 87).

Из золотоордынского Укека происходит редкая находка, использовавшаяся при выделке овечьих и козьих шкур, – железный инструмент для разминания овчины (Волков, 2005, с. 179; Рогудеев, 1998, с. 61–62), хотя изначально он был определен как навершие древка знамени или бунчука. Инструмент имеет вид плоского двузубца, завершающегося завитками на концах, на одно (выступающее) из которых вставлено кольцо. Общие размеры предмета: длина 49 см, ширина 19,5 см, ручка длиной 12 см (Измайлов, Недашковский, 1993, с. 78, рис. 3: 5; Недашковский, 2000, с. 79, рис. 14: 5). Подобные орудия для разминания кожи, т. н. «крюки», известны с домонгольского времени и найдены при раскопках Серенска (Никольская, 1981, с. 243–244, рис. 92: 13), Мурома (Тухтина, 1980, с. 132, рис. 1: 4), Пскова. Две кожемялки, хранящиеся в фондах Пензенского краеведческого музея, происходят с Золоторевского археологического комплекса – городища с прилегающими селищами на юго-западной периферии Волжской Болгарии. Длина предметов составляет 47,5 см и 33,7 см, ширина – 19,2 см и 21,7 см соответственно. Ширина рабочей части от 5 см у основания до 10,5 см в наиболее широком участке. Их рабочая часть, т. е. внутренняя сторона изгиба, несколько заострена, имеет зазубрины, выполненные двусторонней просечкой (рис. 2: 2). Подобные и схожие инструменты, в том числе полно-

стью выполненные из дерева или деревянные с железной пластиной-скребком, еще в XIX – начале XX вв. использовались кустарями России для разминания овчин (Поварнин, 1912, с. 108–109, рис. 36: а; Патачаков, 1958, с. 37, рис. 20; Кунижева, 1972, с. 187–197; Иллюстрированная история Красноярья, 2012, с. 175).

О других операциях и инструментах по выделке кожи можно судить по тюркским (болгаро-татарским) заимствованиям кожевенного производства в русском языке. Проникновение таких терминов, как бахтарма, башка, булгара, лабаз, мусат, сафьян, тузлук, шадрик, шакша, юфть и т. д., по мнению специалистов, в основном произошло в XIV–XV вв. (Курбатов, 2017, с. 98; Осипов, 2006, с. 86–87; Поварнин, 1902, с. 218–236, табл. XIV).

Других археологических следов выделки кожи на золотоордынских памятниках не обнаружено, хотя письменные источники сообщают, что только генуэзцами и венецианцами из Азака и городов Крыма вывозилось огромное количество кожи, в основном невыделанной. Это привело к введению ханами Золотой Орды в XIV в. протекционистских мер (Бочаров, Масловский, 2015, с. 7–8; Еманаев, 1995, с. 31).

Археологические находки и объекты, находимые при раскопках золотоордынских поселений, в основном относятся к кожевенно-пошивочному производству или ремеслам, использующим в работе кожу. Одной из категорий находок этого ремесла являются раскроечные ножи. В Средневековье на территории Поволжья, в том числе и Золотой Орды, использовались специальные ножи. На материалах золотоордынского Болгара выделяются ножи двух типов, которые имеют несколько вариантов. Первый тип отнесен к сапожным по аналогии с новгородскими ножами (Колчин, 1959, с. 54, рис. 43: Б). Они имеют клинок, по всей ширине опущенный ниже оси лезвия и плавно закругляющийся (рис. 2: 3–5) (Савченкова, 1996, с. 28–30, рис. 10: 3). Подобные ножи являются нечастыми находками и обнаружены на различных участках городища, в том числе на территории кожевенно-пошивочной мастерской второй половины XIII – начала XIV вв. (раскоп CLXXIX) в торгово-ремесленном районе золотоордынского Болгара.

У второго типа ножей от лезвия перпендикулярно отходит нерабочая часть, или «тело», переходящее в рукоять. Лезвие трех вариантов, различающихся по форме рабочей части: сегментовидная (или дуговидное с оттянутыми концами), секировидная и закругленная. Нерабочая часть, или «тело», отходящее от лезвия, длиной 4,5–5,3 см, в разрезе прямоугольной формы, имеет «горбатую» спинку. Оно с ярко выраженным двусторонним уступчиком переходит в черенок длиной 1,3–5 см, на который насаживалась деревянная рукоять (рис. 2: 6–14). Такая конструкция лезвия и рукояти ножа позволяет мастеру раскраивать детали в несколько слоев кожи, срезать края кожи, предназначенной для изготовления книжного переплета или других изделий, а также подрезать и стачивать (уменьшать) толщину кожаного листа. На Болгарском городище ножи данного типа происходят со сборов подъемного материала без указания конкретного места (1 экз.), обнаружены при раскопках «дома с башнями» (1 экз.), остальные (6 экз.) концентрируется к юго-западу и западу от центрального архитектурного комплекса – в торгово-ремесленном районе, иногда наряду с остатками косторезного производства.

Аналогичные ножи были широко распространены в золотоордынских городах. Они известны с Водянского городища (Егоров, Федоров-Давыдов, 1976, с. 139, табл. II: 11; VI: 7) и Азака (Бочаров, Масловский, 2015, с. 9, рис. 1: А–Е). В Азаке они имеют широкую топографию распространения и в некоторых случаях найдены совместно с отходами косторезного производства, по мнению исследователей, указывающими на производство седел. При этом в Азаке и крымских городах другие типы ножей практически не представлены (Бочаров, Масловский, 2015, с. 9). Подобные ножи широко использовались в древнем мире с эпохи бронзы и Античности. В Западной Европе они применялись до начала XX в. (Поварнин, 1902, с. 94, рис. 23: u, x; Трубникова, 1947), а на территории России повторно получили распространение в XVIII в. под влиянием западноевропейского кожевенного производства (Конструирование изделий из кожи, 1982, с. 11; Осипов, 2006, с. 63). В средневековых городах Золотой Орды появление данного типа ножей связано с влиянием европейского, или «западного», кожевенного производства.

Для скрепления и сшивания отдельных кожаных деталей использовались шилья и иглы. В золотоордынских слоях Болгара имеются железные шилья, как правило прямые, иногда с чуть загнутой рабочей частью. Последняя в сечении имеет округлую (диаметром 2–3,5 мм), квадратную (3×3 мм), прямоугольную (4,3×5,5 мм) или ромбовидную (размером 2–3,2×2,8–4 мм) форму. Черешок прямоугольного (1–3×4–8 мм), реже квадратного сечения (3×3; 4×4 мм) (рис. 2: 15–16). Иглы медные и железные, представляют собой стержни диаметром 1,5–2 мм с уплощением в районе ушка (рис. 2: 17–18).

В качестве вспомогательных предметов при сшивании использовались наперстки медного

сплава усеченно-конической формы. Для плетеных изделий из кожи, например кнутов, плетей, кистеней и т. д., могли применяться костяные и железные кочедыки.

По наблюдениям Т.А. Хлебниковой, на Болгарском городище по наличию обрезков кожи, фрагментов изделий или находкам орудий труда, локализуется около пяти участков кожевенно-пошивочных мастерских. Их следы выявлены на раскопах в центральной части (раскопы 18, XXXVI, LXVII), к юго-востоку от него (раскоп LXX), а также в подгорном и заречном районах (раскопы 29, 31) города (Хлебникова, 1988, с. 250–251). Одно из них располагалось в торгово-ремесленном квартале близ исторического центра, где изучены остатки сооружения конца XIII–начала XIV в., служившего жилищем и мастерской для ремесленника, занимающегося пошивом кожаных изделий. Здесь кроме инструментария (раскроечные ножи, медная игла, железное четырехгранное шило и обломок точильного камня) обнаружены до 800 кожаных предметов, включающих как обрезки раскроя и кожаные листы (40×30 см), так и детали готовых изделий. Разнообразная кожевенная продукция содержала отдельные детали взрослой и детской обуви и заготовки для нее, ремни, вместилища и т. д. (Хлебникова, 1988, с. 245–250; Хованская, 1951, с. 124). Необходимо отметить, что на удовлетворительную сохранность находок из кожи на данном участке городища с сухим слоем (раскоп 18) в значительной степени повлияло соседство с меднолитейным производством, которое выступило в качестве консерванта кожи.

Благодаря исследованиям последних лет на раскопах CLXXIX и CXCII (к северо-западу и западу от раскопа 18) по набору характерного ремесленного инструментария, а также фрагментам кожаных изделий и заготовок на территории некоторых усадеб второй половины XIII–XIV вв. допускается существование кожевенно-пошивочных мастерских. Инструментарий мастерских представлен раскроечными ножами, шильями, иглами (в том числе единым массивом игл, содержащим более 90 шт.), наперстками и прочими сопутствующими находками.

К сожалению, к настоящему времени по коллекциям археологической кожи из раскопок Болгара трудно выделить типы высокой и низкой обуви и технологию ее сборки. Находки «археологической кожи» в основном представлены первичными обрезками от раскроя кожаного листа, обрезками раскроя деталей от изношенных изделий и фрагментами (обрывками) неопределяемых изделий. Если первичные обрезки выделяются отсутствием следов от шва и не имеют потертостей, то вторичные обрезки, наоборот, определяются наличием пошивочных швов, некоторой степенью изношенности и ровным краем от повторного раскроя, среди которых фиксируются обрезки от головок и голенищ сапогов с характерными следами от тиснения и швов. Обрывки имеют следы от швов и неровные края от разрыва изделий.

На имеющихся материалах можно утверждать, что в Болгаре изготавливали сложносоставную кожаную обувь, которая сшивалась из нескольких деталей. Детали обуви представлены головками и поднарядами к ним, голенищами, задниками с карманами, подошвами и каблуками. Судя по ним, а также по следам выворотных и сквозных швов по всему периметру некоторых подошв, в ходу были жесткие и мягкие сапоги, полусапожки и туфли. Вследствие плохой сохранности кожаных находок из Болгара Т.А. Хлебниковой удалось реконструировать лишь мягкие туфли (Хлебникова, 1988, с. 248, рис. 106; 109).

Однако археологически цельные или реконструируемые формы высокой обуви обнаружены в золотоордынских погребальных памятниках. Мягкие сапоги типа ичетыг обнаружены в 1913 г. во время раскопок членами СУАК руин мавзолея на Увекском городище. Внутри двухкамерного мавзолея, сложенного из красных квадратных кирпичей, расчищены семь погребений. На ногах костяка из п. 2 были «кожаные сапоги, прекрасно сохранившиеся и лишь распавшиеся по шву» (Кротков, 1915, с. 122). Сапоги высотой около 40 см, в настоящее время хранящиеся в фондах СОМК (Кубанкин, 2006, с. 197, рис. 4: 4; https://vk.com/club30558971?w=wall-30558971_613%2Fall (дата обращения: 23.09.2022)), до сих пор не потеряли цвет – они вишневого (темно-красного) цвета, и состоят из головки, голенищ и подошвы. Голенища двусоставные с дополнительными деталями (общей высотой 31–32 см), передняя половина расширяется кверху, задняя выкроена цельной с задником. Верх передней половины фигурно срезан от центра, задней – к центру. Верх голенищ обшит кожаной полоской – штафиркой. Детали верха соединены между собой тачным швом, а с подошвой головка крепилась выворотным швом, в геленочной части переходящей в сквозной, задник – сквозным. Пяточная часть подошвы усилена кожаной прокладкой – фликом (рис. 3: 3). По комплексу находок, в том числе двух серебряных монет 1315–1317 гг., обнаруженных в шелковом кошельке, погребение датируется начальным этапом правления хана Узбека, т. е. 10–20-ми гг. XIV в. (Кротков, 1915, с. 122, 130).

Реконструируемые фрагменты кожаных сапог происходят с грунтового могильника «Маяч-

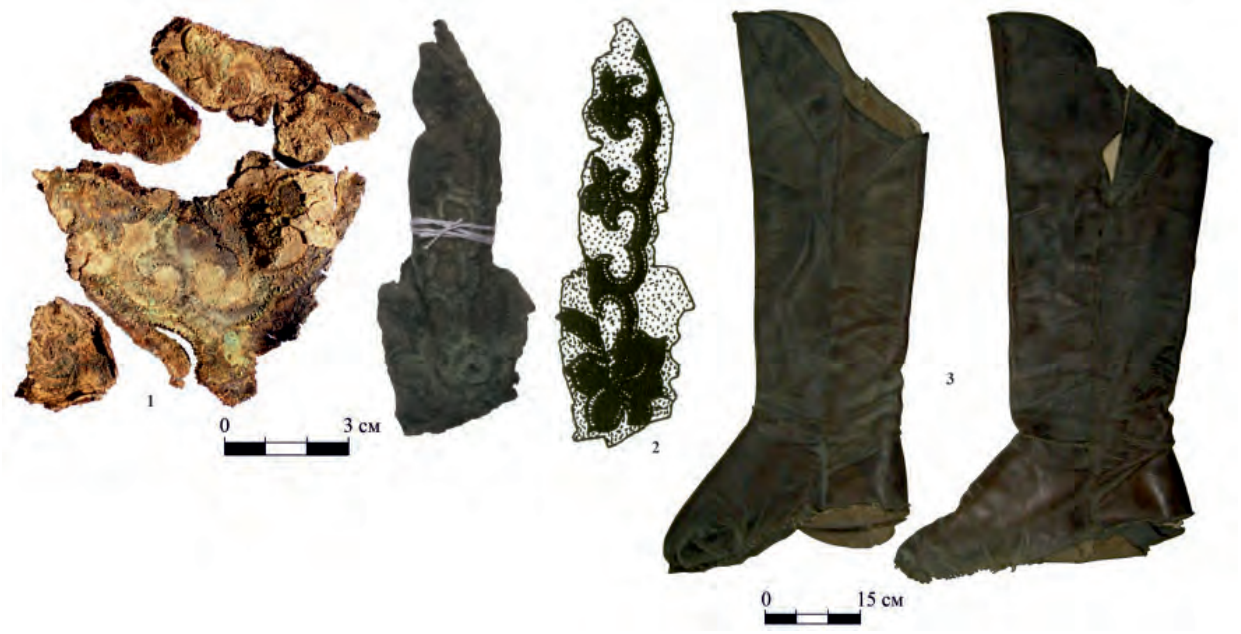


Рис. 3. Детали обуви с аппликацией и сапоги: 1–3 кожа (1 – по: Бадеев, Коваль, 2016, Т. III, №938; 2 – по И.Р. Газимзянову; 3 – по: Кубанкин, 2006, с. 197, рис. 4: 4).

ный-1», расположенного к северу от Красноярского городища в Астраханской области. Данный памятник, с окружавшими его с севера, северо-востока и востока могильниками, являлся одним из административно-политических и экономических центров Золотой Орды и отождествляется с городом Кизилом (Пигарев, 2016). На могильнике, сильно пострадавшем в результате хозяйственной деятельности в XX – начале XXI в., астраханскими археологами в 1989–1996 и 2001 гг. в общей сложности изучено около 600 погребений (Пигарев, 2016, с. 168). В некоторых погребениях среди погребального инвентаря, кроме прочего, обнаружены изделия из кожи, которые представлены деталями обуви, ремнем, сумочкой, «амулетником» и пр.

Обувь представляет собой мягкие и жесткие сапоги, от которых сохранились высокие перекрывающие колени голенища, фрагменты головок, кармана задника и подошвы. Голенища состоят из передней (расширяющейся кверху) и задней (выкроенной цельной с задником) половины, выкроенные как из цельного листа кожи, так и наборные из нескольких деталей. Верх передней половины фигурно или округло срезан от центра, верх задней части прямой или округло срезан к центру. Для создания объемности в области колен верх переднего голенища имеет продольный треугольный надрез, торцы которого скреплены выворотным швом. Верх голенищ загнут вовнутрь и скреплен перемоточно-потайным швом или обшит штафиркой. На нижней части задних голенищ с внутренней стороны имеются следы потайного шва, куда крепился карман – фрагмент кожи пятиугольный формы для усиления области пяток. Высота голенищ 30–47,7 см, лицевой стороной (мереей) обращены наружу, реже вовнутрь. Подошвы одно- или двуслойные, по периметру имеют следы сквозного или тачного шва (Котеньков, 1991, с. 87–88, рис. 408–409, 412, 414; 1994, с. 19, 22, 30, рис. 48, 53, 62, 66, 88, 91–93; 1997, с. 20, рис. 128, 131–138; Четвериков, 1992, с. 14–15, рис. 41, 45–47, 108, 111–112; и др.). На голенищах одного сапога имеется тиснение в виде ромбиков и зигзагов (Котеньков, 1996, с. 21, рис. 57–59).

Сапоги с оформлением верха голенищ подобно находкам из мавзолея на Увекском городище и могильника «Маячный-1» в Астраханской области изображены во многих половецких изваяниях XI–XIII вв. (Плетнева, 1974, с. 37, табл. 3: 15; 6: 23; 8: 37; 12: 45; 16: 56; 20: 134; 25: 154; 27: 272; 33: 291; 44: 683; 50: 900; 52: 911; 62: 1129; 63:1143; 64: 1148–1149, 1151, 1153; 65: 1156, 1163; 68: 1181; 77: 1283–1284; 79: 1288; 80: 1290, 1298; 82: 1302–1303; 83: 1313).

При декорировании сапог кожевенники Болгара использовали аппликации с растительным орнаментом. Фрагменты богато расшитых деталей обуви, скорее всего головок сапог, обнаружены в центральной (раскоп CXCII) и северо-восточной (раскоп CXXXII) части городища (Бадеев, Коваль, 2016, т. III, № 938; Газимзянов, 2003, с. 5–6, 35, № 11). Фрагменты кожи с раскопа CXXXII происходила из нижней части заполнения подвала, датированного ранним золотоордынским периодом (вторая половина XIII – начало XIV вв.). Находка с раскопа CXXXII обнаружена при расчистке золотоордынской землянки (сооружение 21), по ком-

плексу находок датируемого в пределах второй половины XIII – середины XIV вв. На фрагментах отчетливо фиксируется сочетание двух цветов: на основу (толщина 2 мм) коричневого (в настоящий момент) или вишневого цвета металлической нитью или проволокой, изготовленной из медного сплава, пришита аппликация зеленого цвета толщиной до 0,5 мм. Узор оформлен в виде тюльпанов и отходящих от них растительных побегов (рис. 3: 1–2). Подобный орнамент встречается на различных изделиях, в частности имеется на кошельке из ткани с вышивкой шелковыми нитями, хранящемся в Государственном Эрмитаже (https://vk.com/proekt_ukek?w=wall-30558971_773%2Fall (дата обращения: 23.09.2022)), и является характерным узором волжских болгар золотоордынского периода (Валеева, 2003, с. 66),

У обуви с жестким задником с карманом и подошвой с наборным каблуком в целях предотвращения износа пяточная часть подошвы могла набиваться гвоздиками или подковками. Подковки, повторяющие форму пятки – узкие дугообразные, изготовлены из железной пластины шириной 4,6–7,5 мм и толщиной 2,6–3,5 мм. Концы расплющены до 1–2 мм, образуя овальные выступы-загибы вовнутрь. На концах и на вершине дуги имеются шипы высотой в основном 12–14 мм. На Болгарском городище они встречаются довольно часто (Савченкова, 1996, с. 63–66, рис. 29: 1–8). Подобные врезные узкие подковки обнаружены и на других поселениях Золотой Орды (Волков, 2005, с. 178–179, рис. 2: 5–7; Егоров, Полубояринова, 1974, с. 54, табл. I: 22; Недашковский, 2000, с. 77, 79, рис. 16: 1–3; Недашковский, Шигапов, 2018, с. 162, рис. 2: 1).

Кроме обуви, в Золотой Орде из кожи изготовлялось множество различных изделий одежды, быта, культа, вооружения, снаряжения и т. д. Некоторые изделия и приемы их производства нашли отражение в записках современников, однако не все они фиксируются археологически. Среди коллекции археологической кожи с Болгарского городища имеются детали, обрезки и обрывки изделий со следами швов, атрибуция которых затруднительна вследствие их фрагментарности.

Из кочевнических захоронений XIII–XV вв. на территории Золотой Орды известны кожаные сумки и футляры или вместилища. Они характерны для мужского и женского костюма и чаще подвешивались к поясу. В них содержались, как отдельно, так и в различных сочетаниях: зеркала, гребни, белила, иглы в игольниках, ножи, ножницы, шило, кресала, кремень, монеты и прочее. Сумки прямоугольной и трапециевидной с закругленными углами формы закрывались клапаном с застежкой. Некоторые разделены на отделы кожаной прокладкой, на поверхности имеют вышитый растительный орнамент (Каримова, 2013, с. 76–77, рис. 35: 4; 36; Котеньков, 1992, с. 74, рис. 333, 465, 480, 483–485).

Таким образом, кожевенное производство Золотой Орды имело мощную сырьевую базу, которое было основано прежде всего на кочевом скотоводстве. Взаимовлияние объединенных под властью золотоордынских ханов народов, с разным укладом жизни, различным уровнем развития и достижениями ремесел, привело к появлению новых инструментов, приемов выделки изделий из кожи, а также распространению этих изделий в самых разных этнических и социальных средах. Именно с золотоордынским периодом связано появление в городах Поволжья специальных раскроечных ножей «западного» образца – ножей, от лезвия которых перпендикулярно отходит нерабочая часть, переходящая в рукоять. Кожевенниками Золотой Орды изготавливались разнообразные изделия из кожи, среди которых обувь и сумки представлены археологически наиболее полно и репрезентативно.

КОСТОРЕЗНОЕ ДЕЛО

Резная кость периода Золотой орды, как и для предыдущих периодов, будучи одной из производственных составляющих, является важным историческим источником. Изучение костяных изделий с золотоордынских памятников позволяет очертить сферы жизни населения, где применялись кость и рог. Предположение В.Е. Флеровой для домонгольского времени о том, что специалистов-косторезов было немного, чаще резьба по кости была одним из источников дохода, наряду с деревообработкой или токарным делом ею занимались резчики, пуговщики, гребенщики и ремесленники многих других специальностей (Флерова, 2001, с. 23), можно распространить на ордынский период.

Некоторые костяные изделия могут служить дополнительным источником по изучению и реконструкции организации ремесла, а также по социальной стратификации населения.

Косторезное производство непосредственно связано со скотоводством и охотой. Изготовление изделий из кости и рога – один из этапов рационального и экономного использования всех составных частей животного. Наряду с обработкой костного материала производили обработку шкур и кож. Инструменты для обработки кости

Рис. 1. Изделия с изображением дракона, прорезная техника. 1 – поясная обойма, Билярское селище III (по Валиулина, 2002); 2 – накладка, Болгар (по Сивицкий и др., 2015); 3 – накладка, Маджар (Обухов, Бочаров, 2018)

и рога почти не отличаются от деревообрабатывающих инструментов. Поскольку деревянные вещи сохраняются чаще всего значительно хуже, чем костяные, при изучении костяных изделий можно пополнить сведения о технике резьбы в целом. Таким образом, кость может служить дополнительным источником для изучения других видов деятельности: скотоводства, охоты, кожевенного и деревообрабатывающего производств.

Костяные изделия нередко несут на себе отпечаток окружающей мастера фауны. Дорогое импортное сырье, такое как бивни моржа и мамонта, помимо того, что предоставляют дополнительную информацию о художественных вкусах населения, отражают торговые связи.

Характеризуя косторезное дело Волжской Болгарии и Болгарского улуса Золотой Орды, А.П. Смирнов указывал на стандартизацию продукции косторезов, ее высокое качество, а также дал описание вероятных приемов обработки кости и предположил наличие косторезных мастерских у болгар (Смирнов, 1951, с. 126–129).

Материалы Болгара, пережившего монгольское нашествие, позволяют наиболее выверенно сравнить коллекции костяных изделий домонгольского и золотоордынского периодов, обозначить изменения в номенклатуре и облике костяных изделий после монгольского нашествия, связанные с возникновением и утверждением новой культуры. При этом, в силу консервативного характера косторезного производства, есть возможность проследить традиции, которые продолжались в Золотой Орде.

Первой обобщающей работой по косторезному производству Болгара стала публикация И.А. Закировой (Закирова, 1988, с. 220–243). Автор обобщила накопленный материал, классифицировала его по морфологическому и функциональному принципам, охарактеризовала инструментарий костореза, проанализировала уровень развития косторезного производства. И.А. Закирова пришла к выводу о развитии косторезного производства от домашнего промысла до узкоспециализированного ремесла, а также указала на рынки сбыта косторезной продукции и традиционный характер косторезного ремесла Болгарского городища (Закирова, 1988, с. 239–240).

Важным в понимании косторезного ремесла стало диссертационное исследование Д.У. Пальцевой, в котором охарактеризованы коллекции костяных изделий болгарских памятников с выделением хронологических особенностей домонгольского и золотоордынского времени (Пальцева, 2020).

Костяные находки болгарских памятников двух эпох опубликованы в рамках анализа музейных коллекций (Руденко, 2005). Примечательны

Рис.2. 1 – муфта рукояти ножа; 2–4 – затыльники рукоятей ножей;
5–9 – рукояти ножей (по Баранов и др., 2016б)

публикации материалов городов, существовавших только в золотоордынское время (Федоров-Давыдов, 1994, с. 174–179; Масловский, 2007; Недашковский, Моржерин, 2020).

Значимые результаты дало археозоологические исследование Л.В. Яворской, в котором впервые было атрибутировано сырье ряда костяных находок Болгара, сделаны выводы об импорте сырья и наличии косторезных мастерских в золотоордынском Болгаре (Яворская, 2018а), установлены основные виды сырья косторезов Маджара (Яворская, 2018б).

В последние годы появился ряд публикаций, посвященных анализу некоторых изделий из кости и рога Болгара. Две из них представляют результаты трасологического анализа инструментально обработанных лопаток и их интерпретации (Антипина и др., 2015; Антипина, Яворская, 2017). Указанные публикации дают важную информацию о технологических приемах обработки кости, последовательности операций, инструментах, а также подтверждают версию об использовании рассматриваемых предметов как «табличек» для письма.

Новый критерий выявления косторезных мастерских дан в публикации Л.В. Яворской и Д.Ю. Бадеева (Яворская, Бадеев, 2019), где также определены два периода функционирования косторезных мастерских в золотоордынское время.

Широту ассортимента изделий из кости и рога золотоордынского времени иллюстрируют материалы каталогов экспозиции Музея болгарской цивилизации: № 2.12, 2.46, 2.69–70, 2.91–92, 4.1–

Рис. 3. 1 – кочедык; 2 – блок ремизки ткацкого станка; 3 – игла (по: Баранов и др., 2016 а); 4 – инструмент для тиснения кожи; 5 – шило с костяной рукоятью; 7 – рукоять шила (по Баранов и др., 2016 б); 8 – игольник (Сивицкий и др.,2015)

2, 4.35–75, 7.2.35–38, 7.2.172–173, 7.3.34, 7.3.38, 7.3.43–47, 7.3.49–50, 7.3.57, 7.3.59–66, 9.3–9, 12.8 (Баранов и др., 2016а) и № 17.8, 22.6.1–10, 22.6.14–17, 22.6.18–22, 22.6.25–30, 22.6.35–36, 22.6.39, 22.7.10–12, 22.7.15 (Баранов и др., 2016б).

Необходимо отметить публикации отдельных оригинальных и зачастую уникальных находок из кости и рога. Например, костяным печатям (Полубояринова, 1986; 1983; Полубояринова, 2008; Бадеев, Яворская, 2017) и шахматам (Бадеев, 2017; Бадеев, 2019) из Болгара. В свете анализа статусных изделий из золотоордынского Биляра (Билярское селище III) (Валиулина, 2002, с. 242, рис. 7) и Болгара (Сивицкий и др., 2015, с. 21) важна публикация прорезной костяной накладки с изображением дракона (Обухов, Бочаров, 2018) из Маджара (рис. 1). Эти работы представляют собой образец морфологического, технологического и семантического комплексного анализа уникальных изделий. В них приведены аналогии, сделан вывод о датировке этих не только функциональных, статусных, но и художественных изделий, а также выдвинуто предположение о местном производстве данных предметов.

Отдельной аналитической публикации требуют детали ширмы – «мушараб», имеющие вид фигурного стержня со штырем на конце со сквозными боковыми отверстиями для крепления с другими деталями (Баранов и др., 2016а, № 4.35–75).

Изделия из кости и рога в Золотой Орде применялись практически во всех областях жизни населения. Среди бытовых предметов по числен-

Рис. 4. 1 – пенал для калама (по: Баранов и др., 2016 б); 2–3 – костяные печати-матрицы шахматовидной формы (по: Бадеев, Яворская, 2017)

Рис. 5. 1–2 – втульчатые наконечники стрел; 3–4 – черешковые наконечники стрел; 5–6 – кольца для стрельбы из лука; 7 – щиток для защиты запястья при стрельбе из лука (по Баранов и др., 2016 а)

Рис. 6. 1 (А–Д) – седельные канты (накладки) (по: Яворская, Бадеев, 2019); 2 – рукоять плети; 3 – удила; 4–5 – обоймы с петлей; 6 – застежка недоуздка (по: Баранов и др., 2016 а); 7 – застежка для недоуздка; 8 – накладка поясная, 9 – наконечник ремня (по: Баранов и др., 2016б)

ности превалируют рукояти и их детали (рис. 2). Из кости и рога изготавливался широкий ассортимент кожевенных и ткацких орудий труда (рис. 3), письменные принадлежности (рис. 4: 1), а также такие статусные вещи, как печати (рис. 4: 2–3). На охоте и в военном деле кость и рог использовались в основном для оснащения лучников (рис. 5); в снаряжении лошади – как детали креплений и реже в качестве украшений; для облачения всадника из кости изготавливались элементы поясной гарнитуры (рис. 6). В культовой и досуговой сферах этот материал применялся в первую очередь для изготовления игральных костей и амулетов, реже шахмат и шашек (рис. 7–8).

В коллекции Болгара из золотоордынских слоев городища происходит ряд категорий, не встречающихся на остальных памятниках. Можно ут-

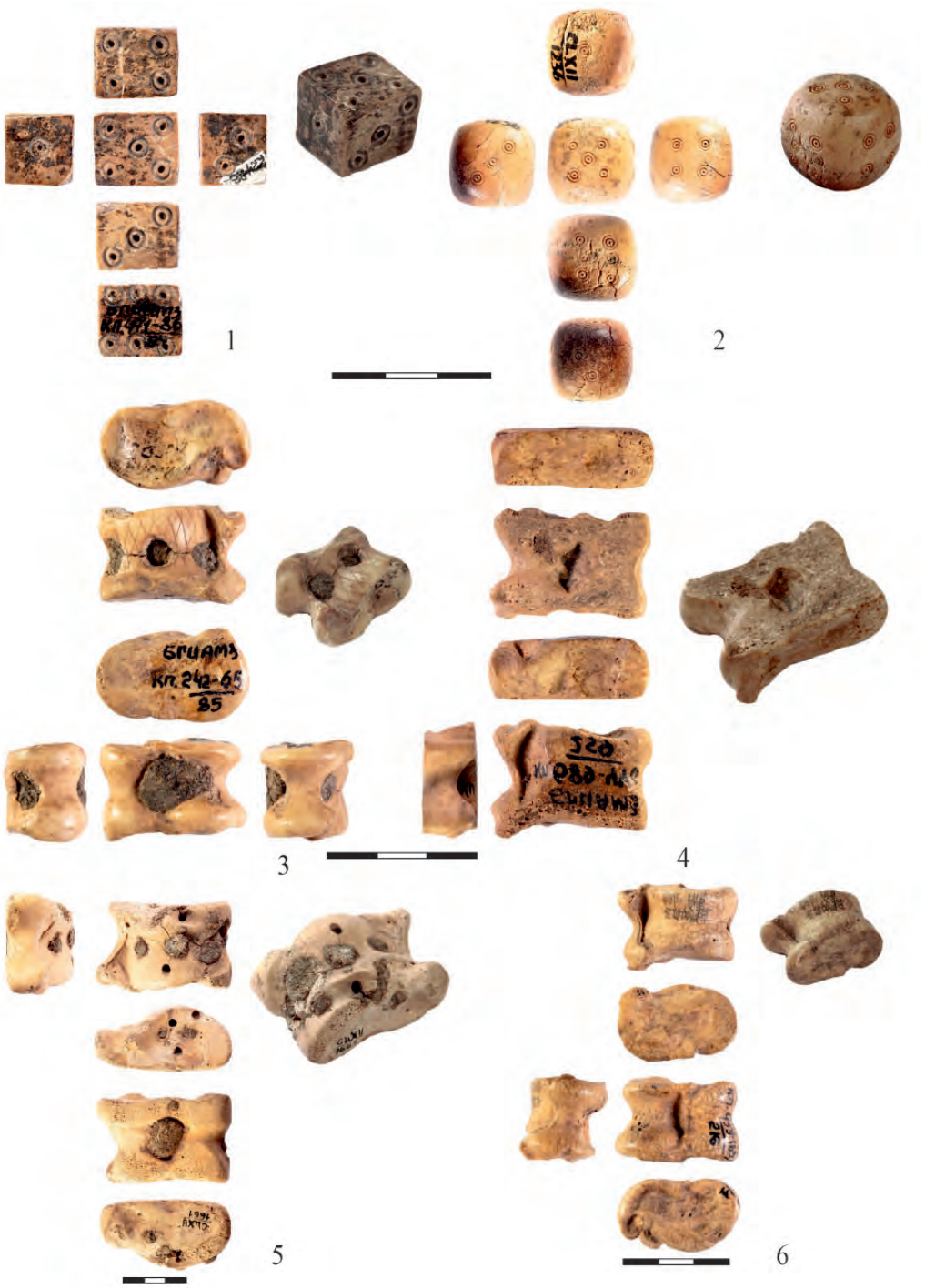


Рис. 7. 1–2 – кости для игры и гадания; 3–5 – битки для игры в «бабки»; 6 – альчик для игры в «бабки» (по: Баранов и др., 2016а)

верждать, что большинство ножей Болгара имели детали костяных рукоятей, чаще всего это были обоймы и затыльники (рис. 2: 1–5). Наиболее популярный мотив орнамента – линейный, что особенно заметно на рукоятях и пуговицах. Имеются сложные растительные мотивы резного декора. В большом количестве представлены изделия, обработанные на токарном станке, при этом следы токарного станка есть и на заготовках и отходах косторезного производства. Из кости в Болгаре чаще, чем в домонгольских городах, изготавливали статусные дорогие высокохудожественные вещи. Использовалось импортное сырье. В золотоордынское время в Болгаре уже существовал ряд косторезных мастерских, где косторезное производство, вероятно, сочеталось с другими городскими ремеслами.

Определяется круг предметов, нехарактерных для домонгольского времени, в большинстве случаев это статусные вещи: перстни, ор-

Рис. 8. 1 – шахматная фигура – пешка, 2–3 – шахматные фигуры – ладья, 4–6 – шахматные фигуры – пешка; 7 – шашка (по: Баранов и др., 2016 а)

наментированные обоймы от ремней, поясные накладки, печати. К предметам вооружения, типичным именно для золотоордынского периода, относятся также кольца лучников, концевые вкладыши на лук и орнаментированные накладки на колчан.

Стабильно большое количество костяных предметов среди находок городов говорит о высоком уровне представленности косторезного производства среди других ремесел и о востребованности этих предметов. Наряду с находками из других материалов это свидетельствует о значительном уровне развития городского ремесла и городской культуры, что особенно хорошо прослеживается на примере материалов Болгара.

АРХИТЕКТУРА

Золотая Орда (Улус Джучи) традиционно рассматривалась как кочевое государство, так как изначально она являлась частью мировой империи, возникшей в результате завоеваний кочевников-монголов. Государство включало как районы традиционной оседлости (Южный Казахстан, левобережный Хорезм, Северный Кавказ, Крым, Волжская Болгария), так и бескрайние просторы степей и лесостепи Западной Сибири, Западного Казахстана, Волго-Уральского междуречья, Поволжья, Подонья, Приднепровья, населенные кочевниками – кипчаками и половцами. Именно степное Поволжье становится ядром Улуса Джучи и уже в 40-е гг. XIII в. здесь строится столица – город Сарай. В первой половине XIV в. в результате активной градостроительной деятельности в правление Узбека и Джанибека Золотая Орда становится «страной городов», а Нижнее Поволжье – зоной сплошной оседлости. И несмотря на то, что большая часть населения государства продолжает жить в степи и вести полукочевое хозяйство, именно города, ставшие центрами ремесла, торговли и культуры, наиболее ярко отражают уровень развития Улуса Джучи на каждом этапе его существования.

Первоначально для возведения своих городов кочевники-монголы использовали подневольный труд завоеванных народов, имевших многовековые строительные навыки. В период расцвета государства строители, ремесленники и торговцы переселялись в Золотую Орду добровольно. Так формировалось полиэтничное население ее городов в отличие от более однородного населения степей. Именно поэтому мультикультурность золотоордынского общества наиболее явно прослеживается в культуре городов.

Выразительным воплощением городской культуры являются монументальные постройки. В различных районах Золотой Орды они отличались друг от друга. В степной зоне строительство велось из сырцового и обожженного кирпича, подобного среднеазиатскому. В качестве декора широко применялись поливные изразцовые кирпичи, глазурованные майолики и мозаики, резные фигурные кирпичики, терракота. В Поднестровье, Крыму и Волжской Болгарии монументальные постройки возводились из камня с добавлением кирпича. Архитектурный декор здесь представлен в основном резьбой по камню. Смешанная техника строительства применялась на Северном Кавказе. В целом же города Золотой Орды, при всем их своеобразии, имели ярко выраженный восточный облик. Во многом это определялось доминированием ислама в среде городского населения. Поэтому основными и наиболее впечатляющими зданиями здесь были мечети, медресе, мавзолеи, восточные бани. Именно эти монументальные постройки, характерные прежде всего для мусульманских стран, и определяли внешний вид городов.

Культовые и мемориальные постройки. Наиболее значимыми культовыми постройками во всех странах, связанных с мусульманской религией, являются мечети. Минареты, встроенные в здания мечетей или стоящие рядом с ними, также являются важнейшим градообразующим элементом мусульманских городов, определяющим их неповторимый силуэт. Ко времени появления в городах Золотой Орды эти виды зданий имели многовековую историю, и в разных частях мусульманского мира существовали различные типы мечетей и минаретов (Hillenbrand, 1994, p. 31–173).

В Золотой Орде, государстве, расположенном на самом краю мусульманского мира, первые мечети, вероятно, начали строиться при Берке, который был мусульманином и способствовал городскому строительству. Но массовое возведение их, несомненно, относится ко времени Узбека, с именем которого связаны принятие мусульманства как государственной религии и расцвет городов. Именно в эти годы магрибский путешественник Ибн Баттута упоминает «тринадцать мечетей для соборной службы и… чрезвычайно много других мечетей» только в Сарае (Тизенгаузен, 1884, с. 306). Хотя число мечетей, исследованных на территории всей Золотой Орды, немногим больше упоминаемого Ибн Баттутой, имеющийся материал дает представление о планировке этих зданий (Зиливинская, 2009; 2011, с. 9–36; 2014, с. 13–42).

Самым известным памятником мусульманского культового зодчества в Золотой Орде является мечеть города Болгара, столицы Волжской Болгарии, известная под названием «Четырехугольник». Здание, построенное в 60-е гг. XIII века, за период своего существования (до 30-х гг. XIV вв.) претерпело несколько перестроек (Айдаров, 1970, с. 54). В первом периоде (рис. 1: 1) здание имело форму прямоугольника с небольшим расширением к югу (32,6×28,2–29,6 м). Стены толщиной 1,2–1,3 м были сложены из кусков необработанного известняка на известковом растворе и были укреплены прямоугольными контрфорсами. Входной проем в северной стене был обрамлен порталом, к западу от которого находился прямоугольный цоколь

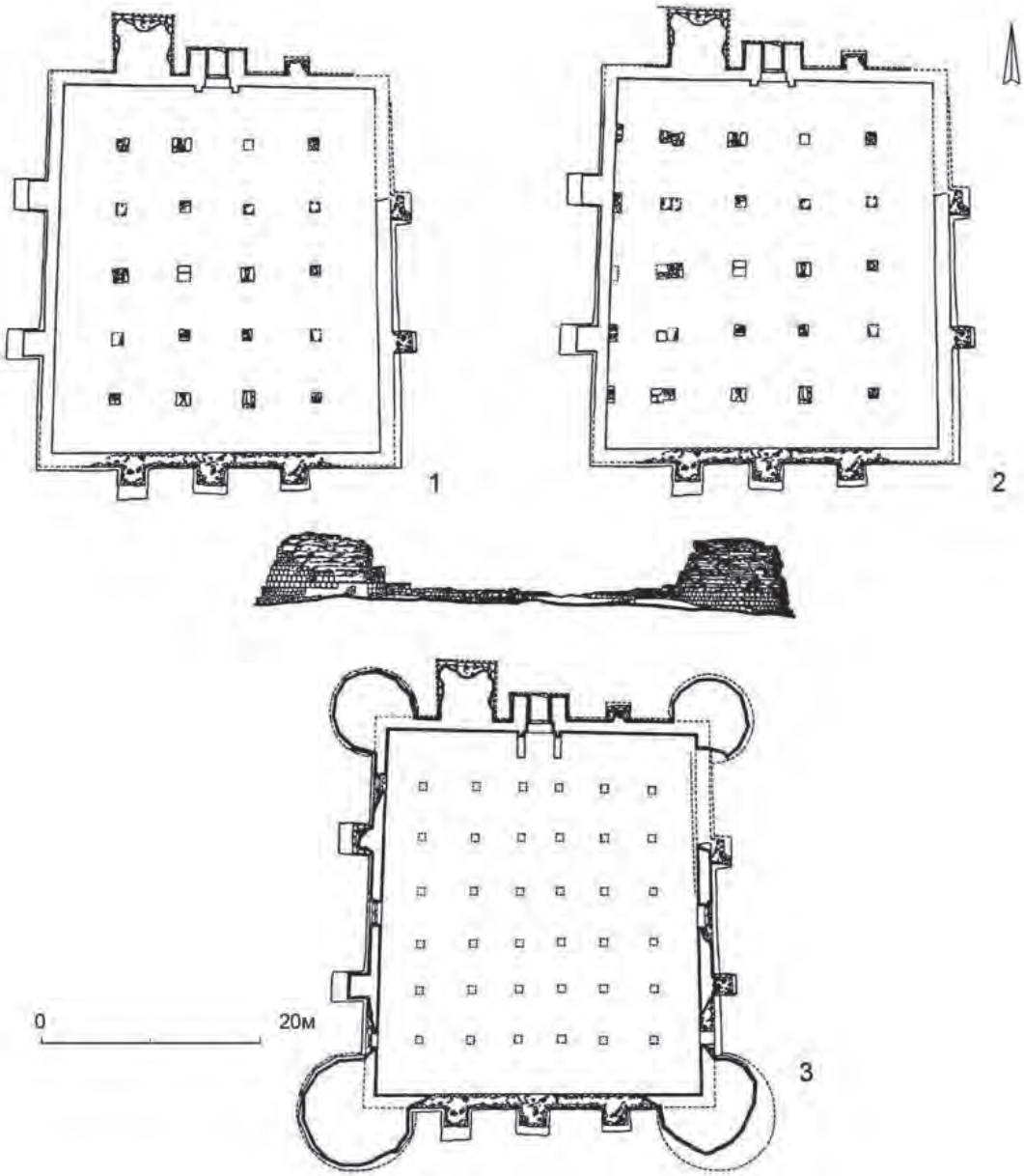


Рис. 1. Четырехугольник в Болгаре: 1 – I период; 2 – I период с перестройкой; 3 – II период (по С.С. Айдарову).

минарета. Внутри пространство мечети разделено на пять нефов четырьмя рядами колонн по пять в каждом ряду. Стены мечети оштукатурены внутри и снаружи белой известью. Полы имели деревянный настил.

В начале XIV века мечеть была кардинально перестроена (рис. 1: 3, 2). Внешний облик ее изменили многогранные башни, пристроенные к углам. Диаметр двух северных башен составлял около 8 м, а южных – 10 м. Подобное оформление углов не известно ни в одной мечети. В Средней Азии в раннем Средневековье строились укрепленные замки подобного плана, в более позднее время башнеобразные выступы по углам были характерны для крепостей, караван-сараев, ханака. Массивные круглые башни укрепляли стены феодальных замков в Азербайджане (Бретаницкий, 1966, с. 74–78). Небольшие декоративные башенки мечети Калян в Хиве, вероятно, имеют те же истоки, но значительно редуцированы по сравнению с угловыми контрфорсами Четырехугольника.

В последнем периоде болгарская мечеть была перестроена изнутри. В восточной и западной стенах пробили дверные проемы, а по бокам от них – оконные. С внутренней стороны ко всем трем входам пристроили легкие тамбуры. Заменена была и колоннада мечети: восьмигранные каменные колонны на квадратных базах были поставлены шестью рядами. Базы и капители колонн были украшены резьбой в виде стилизованных пальметок, характерных для азербайджанского архитектурного декора (Бретаницкий, 1966, с. 378). По мнению большинства исследователей, перекрытие Четырехугольника было плоским и

опиралось на аркады. Крыша мечети могла быть скатной, что наиболее соответствует климатическим условиям.

К комплексу Четырехугольника относился и Большой минарет (рис. 3: 1), который был известен по рисункам и в настоящее время восстановлен. Кубический цоколь минарета переходил в восьмигранник, на котором стоял ствол в виде сужающегося кверху цилиндра. Наверху была площадка для муэдзина. С двух сторон ствола минарета располагалось по три окна, середину ствола опоясывала арабская надпись. Высота большого минарета достигала 24 м.

Сходное строение имеет Малый минарет, который на 5 м ниже Большого (рис. 3: 2). Малый минарет также состоит из кубического цоколя со скошенными углами, переходящего в восьмерик и конического ствола. Ствол заканчивается площадкой, на которой стоит надстройка со скатной крышей. Вход в минарет расположен с северной стороны. Верх дверного проема, арка в стволе минарета и скосы кубического цоколя украшены резьбой по камню.

В центральной части Золотой Орды, в Нижнем Поволжье, в настоящее время исследованы две соборные мечети. Одна из них была раскопана на Водянском городище в Волгоградской области (Егоров, Федоров-Давыдов, 1976). Мечеть представляла собой прямоугольник 26×35 м, вытянутый с севера на юг (рис. 4). Стены постройки имели толщину 1,2–1,3 м и были сложены из рваного камня на глиняном растворе. Изнутри и снаружи они были оштукатурены белым известковым раствором. Вход в мечеть в северной стене был смещен к востоку относительно центральной оси здания и обрамлен порталом.

Южная стена по центру снаружи имела прямоугольный выступ, в толще которого была сделана михрабная ниша. Михраб полукруглой формы оштукатурен белым раствором и обрамлен профилированными пилонами. Его украшала прямоугольная доска со штампованной надписью на арабском языке. Доска имела красный бордюр, синий фон и белую выпуклую надпись.

Перед михрабом находилась прямоугольная площадка (8,14×8,40 м), которая была ограничена стенками из обломков кирпичей высотой в три слоя. В толще всех трех стенок находились грубо обтесанные в форме квадратов плоские камни, которые служили базами для деревянных колонн. Эти колонны поддерживали крышу над площадкой. В центре площадки была вкопана часть круглой мраморной колонны с каннелюрами, которая служила подставкой для ляуха с кораном (рис. 5). Колонна была поставлена расширяющимся концом вверх, а в качестве упора под нее на дне ямы, в которую был вкопан ее нижний конец, была положена мраморная ранневизантийская капитель. Капитель и колонна были привезены, скорее всего, из Крыма.

Остальное пространство мечети было разделено пятью рядами колонн на шесть нефов шириной по 4 м. Базы колонн из серого гранита имели размеры 30×30 см и высоту 20 см. Углы их скошены для перехода к восьмиугольнику, а на поверхности многих баз имелась насечка для установки деревянных колонн. Пол мечети, по-видимому, был выстлан досками.

У северо-восточного угла мечети располагался минарет. Каменный цоколь минарета, прямоугольный в плане (5,0×4,2 м), вплотную примыкал к восточной стене мечети. Ствол минарета, найденный в виде развала, был сложен из обожженных кирпичей полукруглой формы и украшен кирпичами с бирюзовой поливой и ганчевыми вставками с куфическими арабскими надписями.

Еще одна соборная мечеть исследована в аристократическом районе Сарая (Селитренное городище) (Зиливинская, 2009, с. 354–358; 2011, с. 17–19; 2014, с. 24–26). Стены ее сложены из обожженного кирпича на глиняном растворе. Мечеть состояла из двух помещений: большого молитвенного зала и пристройки, примыкавшей к его северо-западной части (рис. 6).

Молитвенный зал был квадратным в плане размерами 35,5×36,0–36,5 м. Главный вход в мечеть сделан посредине северной стены и оформлен массивным порталом, пилоны которого имели длину около 5 м. Такой же портал, но значительно меньших размеров был сделан посредине восточной стены. Скорее всего, входной проем с порталом имелся и в западной стене.

Внутреннее пространство молитвенного зала было разделено на девять нефов восемью рядами колонн. Во всех рядах, кроме двух средних, было по восемь колонн. В средних рядах вторые и третьи колонны, считая с севера, отсутствовали, так как на их месте находился внутренний дворик размерами 9,0×9,3 м. По периметру его сделан бордюр из поставленных на ребро обожженных кирпичей, скрепленных известковым раствором. Остальная площадь двора выложена обожженными кирпичами, положенными плашмя. В центре двора находился водоем в виде круглой в плане цистерны, стенки которой обложены кирпичом. От колонн, поддерживающих крышу мечети, сохранились только кирпичные фундаменты, заглубленные в материк (рис. 7). На них ставились квадратные в сечении деревянные колонны, отпечатки которых были прослежены на известковой обмазке. Колонны, расположенные перед михрабом, отличались от остальных. Они были поставлены на фундамен-

Рис. 2. Центральная часть Болгара: Джума мечеть, Большой минарет, Северный и Восточный мавзолеи.

Рис. 3. Минареты Болгара: 1 – Большой; 2 – Малый.

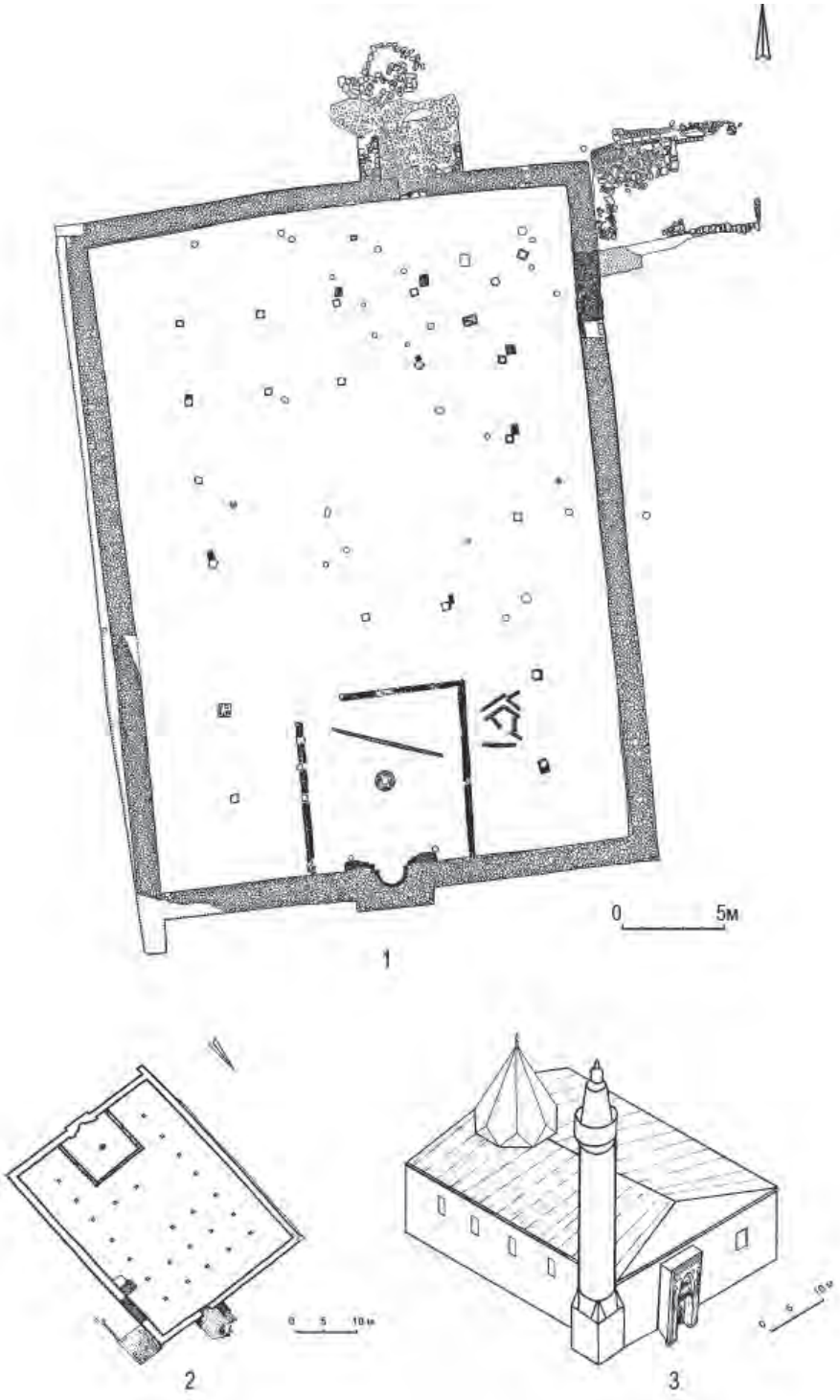


Рис. 4. Мечеть Водянского городища: 1 – общий план; 2 – схема плана (по В.Л. Егорову и Г.А. Федорову-Давыдову); 3 – вариант реконструкции (по Э.Д. Зиливинской).

ты с деревянными конструкциями и были, скорее всего, каменными. Пространство перед михрабом было огорожено ганчевой решеткой.

Селитренская мечеть имела плоское, а именно балочное перекрытие, так как опиралось оно на деревянные столбы. Внутреннее оформление ее было просто: пол был земляным, а стены и колонны оштукатурены белым известковым раствором. Снаружи стены также были оштукатурены, порталы декорированы поливными монохромными изразцами и резными кирпичиками.

С севера к западному отрезку северной стены молитвенного зала было пристроено небольшое (11,9×8,2 м) помещение. Внутреннее убранство комнаты было довольно богатым. Пол выложен жженым кирпичом, а стены украшены мозаиками с надглазурной росписью и позолотой. Вдоль западной стены сооружена широкая прямоуголь-

1

2

Рис. 5. Мечеть Водянского городища: 1 – михраб и колонна; 2 – площадка перед михрабом.

ная суфа. Потолок поддерживали два столба, от которых остались базы из серого песчаника. Это помещение, скорее всего, служило не культовым, а общественным целям, возможно, здесь находилось какое-то учреждение при мечети.

Минарет при этой мечети найден не был, однако на другом раскопе, примерно в 450 м к юго-востоку от нее, были найдены остатки минарета, принадлежавшего еще одной мечети (Зиливинская, 2008б). От постройки сохранилась нижняя часть цоколя, сложенного из обожженного кирпича. Прямоугольный в плане цоколь имел размеры 4,2×2,8 м (рис. 8: 1). Под кирпичной кладкой находился фундамент глубиной 2,3 м, который был сложен из крупных меловых камней и битого кирпича, залитых известковым раствором.

Рядом с этим фундаментом был обнаружен блок рухнувшей стены, в котором сохранилась внешняя облицовка, декорированная синими и бирюзовыми поливными кирпичами, образовывавшими на плоскости стены ромбические фигуры (рис. 8: 2). Также был найден блок стены круглой башни диаметром 2,8–3,0 м (рис. 8: 3). Таким образом, минарет имел прямоугольный в плане цоколь, украшенный изразцами, который переходил в цилиндрический ствол. Что касается мечети, к которой относился данный минарет, то она была полностью разрушена при обвале обрывистого склона холма, на котором располагалась.

К комплексу Джума мечети Сарая относилось большое многокомнатное здание, расположенное в 6 м к востоку от нее (Зиливинская, 2011б, с. 142–145; 2013, с. 116–120; 2014, с. 64–65). Здание было раскопано частично. Исследованная часть состояла из двух крыльев, которые были направлены перпендикулярно друг к другу (рис. 9). Западная стена здания была параллельна восточной стене мечети. Стены постройки сложены из сырцового кирпича, а внешний юго-западный угол укреплен круглой в плане башней-контрфорсом из обожженного кирпича. По линии С–Ю исследованная длина здания составляла около 20 м, по линии З–В – 15,1 м. Ширина обеих крыльев – 5,25 м. Все помещения, кроме одного, пристроенного позднее, располагались в ряд по двум перпендикулярным осям. Скорее всего, постройка имела прямоугольную форму с большим открытым двором, по периметру которого находились помещения.

Северо-западное крыло здания занимали пять помещений, четыре из которых (1, 2, 3, 5) представляли собой жилые комнаты почти одинако-

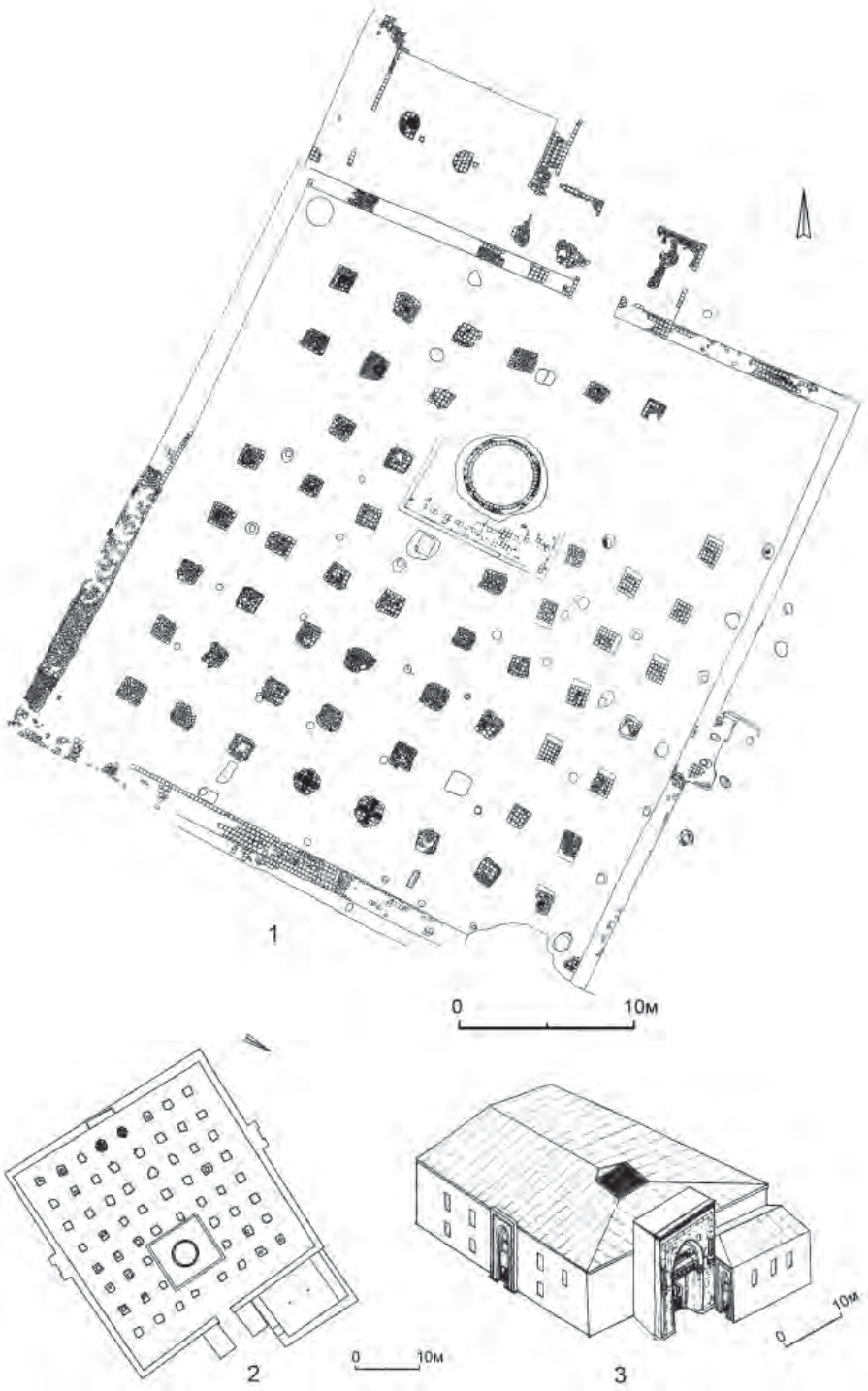


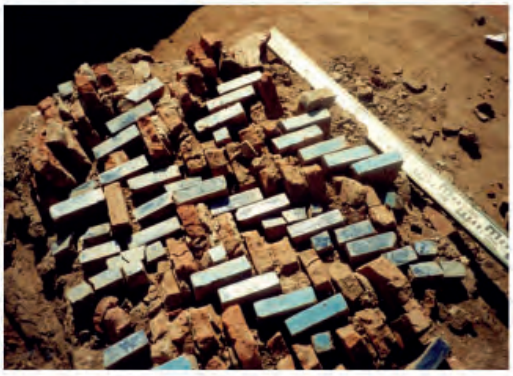
Рис. 6. Джума мечеть Сарая: 1 – общий план (по Г.А. Федорову-Давыдову); 2 – схема плана; 3 – вариант реконструкции (по Э.Д. Зиливинской).

вого размера и сходной планировки, а пятое (4) являлось небольшой кладовкой. Интерьер жилых помещений составляли очаги с горизонтальными дымоходами (канами) и глинобитные лежанки (суфы). В полу были сделаны умывальники (тошнау). Незначительное количество следов хозяйственной деятельности и бытовых предметов, а также полное отсутствие внутренних перепланировок, столь характерных для золотоордынских жилых домов, позволяет предположить, что у этих комнат не было постоянных владельцев.

В центре юго-восточного крыла здания располагалось квадратное в плане помещение 6, несколько больших размеров, чем остальные. Оно было лишено каких-либо внутренних конструкций. В южной стене его, точно против входа была сделана прямоугольная ниша. Направление ниши совпадает с ориентировкой михраба большой ме-

Рис. 7. Джума мечеть Сарая, общий вид молельного зала.

1



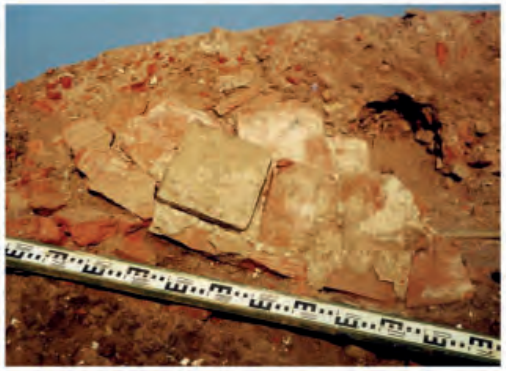


Рис. 8. Остатки минарета в Сарае: 1 – нижние слои кладки; 2 – облицовка цоколя; 3 – ствол.

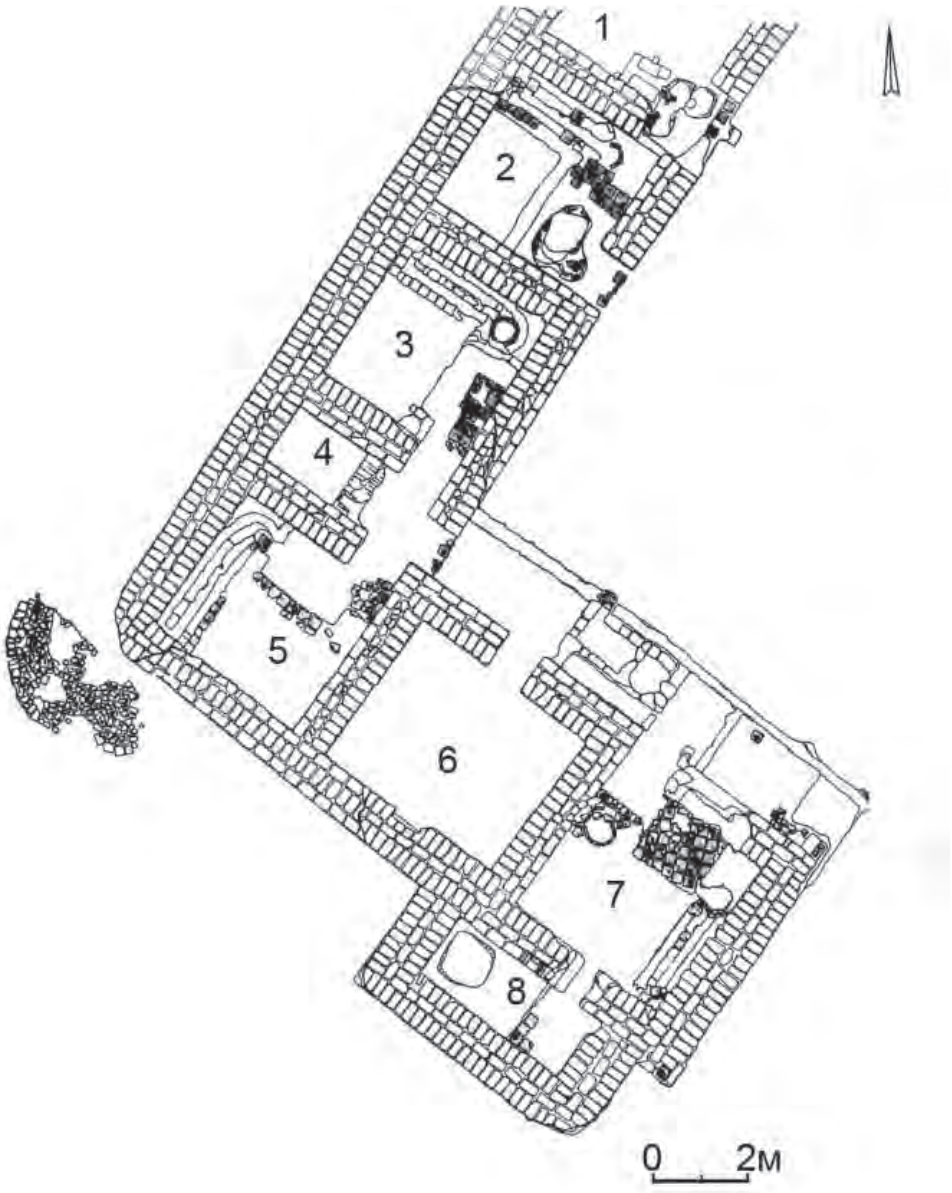


Рис. 9. Медресе (?) Сарая, план.

чети, поэтому данная комната, скорее всего, являлась домовой мечетью. К востоку от молельной комнаты было еще одно жилое помещение (7). Планировка его почти не отличается от остальных жилых комнат, однако здесь заметны следы большего благоустройства: пол выложен кирпичом, сооружены дополнительные очаги, а с юга пристроена еще одна комната, для чего в капитальной стене был прорублен проход. Здесь было обнаружено много золы, костей, а также различная хозяйственная утварь. Вероятно, хозяин этого помещения, один или с семьей, жил здесь длительное время.

По всей видимости, это здание является учреждением, связанным с мусульманской религией. Г.А. Федоров-Давыдов считал, что здесь находилась ханака (Федоров-Давыдов, 1994, с. 69), однако особенности планировки свидетельствуют о том, что это, скорее, было медресе (Зиливинская, 2014, с. 65). В одном крыле его находились стандартные комнаты для студентов, а в другом – домовая мечеть и жилище духовного наставника.

Таким образом, мечети городов Поволжья относятся к одному типу – это квадратные или прямоугольные в плане здания, внутреннее пространство которых разделено рядами колонн, поддерживающих плоское перекрытие в виде балок или аркад. Главный вход в здание расположен в северной стене, напротив михраба, и обрамлен порталом. При значительной площади здания имеют дополнительные боковые входы как, например, в Болгаре и Сарае. Мечеть Сарая имеет небольшой внутренний дворик, в центре которого находится водоем. В мечети Водянского городища пространство перед михрабом отгорожено, и крыша в этом месте, вероятно, была выше.

Этот тип мечетей в Золотой Орде сложился под влиянием Малой Азии. Малоазийские мечети сельджукского периода представляли собой базилики, то есть прямоугольные залы, разделенные на нефы рядами столбов или колонн, соединенных балками или аркадами. Характернейшей чертой сельджукских мечетей является наличие в крыше светового люка, под которым находится сильно редуцированный внутренний дворик с фонтаном. Над предмихрабной частью мог быть возведен небольшой купол. Так, одна из простейших построек сельджукско-анатолийского периода, мечеть Махмуд-бея близ Кастамону, представляет собой трехнефный зал с двумя рядами деревянных колонн, балочным перекрытием и двускатной крышей. Улу-Джами в Шивазе и Афьоне – это большие многонефные залы с трансептом, ведущим к михрабу, и плоским перекрытием на аркадах (Benset, 1973, p. 16–17; L'Art, 1981, p. 100–102; Hillenbrand, 1994, p. 92–100).

С мечетями связаны минареты, образующие с ними единый архитектурный ансамбль. Золотоордынские минареты имеют кубический или призматический цоколь, который при помощи внешних скосов переходит в восьмигранную призму или непосредственно в цилиндрический, слегка сужающийся кверху ствол. Минареты Болгара полностью построены из камня, минарет мечети Водянского городища имел каменный цоколь и ствол из кирпича. На Селитренном городище постройка полностью сложена из кирпича, причем в облицовке цоколя применены поливные кирпичи. Каменные здания были декорированы резьбой. Кирпичные стволы минаретов украшены орнаментальными поясами из резной терракоты, обточенных кирпичиков, ганчевых вставок и поливных изразцов, под балкончиком для муэдзина находится сталактитовый пояс. Покрытие минаретов – шатровое. Подобные архитектурные формы характерны только для Малой Азии и стран, находящихся в сфере ее культурного влияния, таких как Азербайджан, Крым, частично Северный Иран (рис. 10). Они возникают там в сельджукское время и, несколько видоизменяясь, существуют в дальнейшем. Таковы, например, минарет Алаеддин Джами в Нигде постройки 1223 г., Ивли Минар в Анталье 1220 г., минареты Большой мечети и Гёк-медресе в Сивасе 1271 г., Зеленой мечети Изника 1378 г. (Hillenbrand, 1994, p. 161; Stierlin, 1998, p. 26, 43). Сходное с малоазийскими трехчастное деление имеют и минареты Азербайджана (Бретаницкий, 1966, с. 88–96, 156–160).

Здание в Сарае, которое предположительно можно считать медресе, по технике кладки стен, строительным материалам, размерам и формату сырцов и кирпичей относится к среднеазиатской строительной традиции. Определенное сходство постройки Сарая можно наблюдать со зданием медресе, исследованным на городище Сауран в Южном Казахстане (Байпаков, Смагулов, 2005, с. 84–90).

Широчайшее распространение в мусульманских странах получил такой тип зданий, как мавзолеи, которые имели большое социальное и религиозное значение. В Золотой Орде, как и в других странах этого времени, где мусульманская религия играла существенную роль, мавзолеи строились повсеместно. Этому способствовал и тот факт, что в золотоордынских городах наибольшим влиянием пользовались проповедники суфизма, которому присущ культ «святых могил». Среди раскопанных археологами объектов монументальной архитектуры мавзолеи составляют наибольшее количество. Обзор мемориальных сооружений Золотой Орды показывает, что среди них прослеживается широкий спектр архитектурных форм и планировочных решений (Зиливинская, 2014, с. 93–165). В пределах Золотой Орды можно выделить два направления зодчества: строительство из камня и строительство из кирпича (обожженного и сырцового). Существует также смешанная техника, когда отдельные части здания строятся из различных материалов.

Отдельные постройки сохранились до наших дней, некоторые известны по рисункам и описаниям исследователей и путешественников предыдущих веков. Здесь прежде всего необходимо остановиться на памятниках Болгара, среди которых сохранилось несколько крупных мавзолеев.

Настоящей жемчужиной болгарского зодчества является мавзолей, носящий название Черная палата (рис. 11, 12). Это квадратное в плане купольное здание, общая высота которого в настоящее время достигает 12 м. По вертикали здание разделено на четыре яруса. Нижний, цокольный ярус имеет форму усеченной пирамиды. В северной стене цоколя сделан вход со стрельчатым верхом, который ведет в нижнее, полуподземное помещение. Вокруг цокольной части со всех сторон были пристроены небольшие камеры, остатки которых хорошо видны на изображениях, сделанных в XVIII–XIX вв. (Чернецовы, 1970, с. 98; 2, рис. 65а, 66в, г), и впоследствии были выявлены археологически (Воскресенский и др., 1967).

Второй ярус квадратный в плане (10×10 м). По центру всех его сторон сделаны дверные проемы стрельчатого очертания, на южной стене по сторонам от двери находятся два окна стрельчатой формы. Третий ярус также квадратный в плане, но несколько меньших размеров. В третьем ярусе каждая стена снабжена небольшим стрельчатым

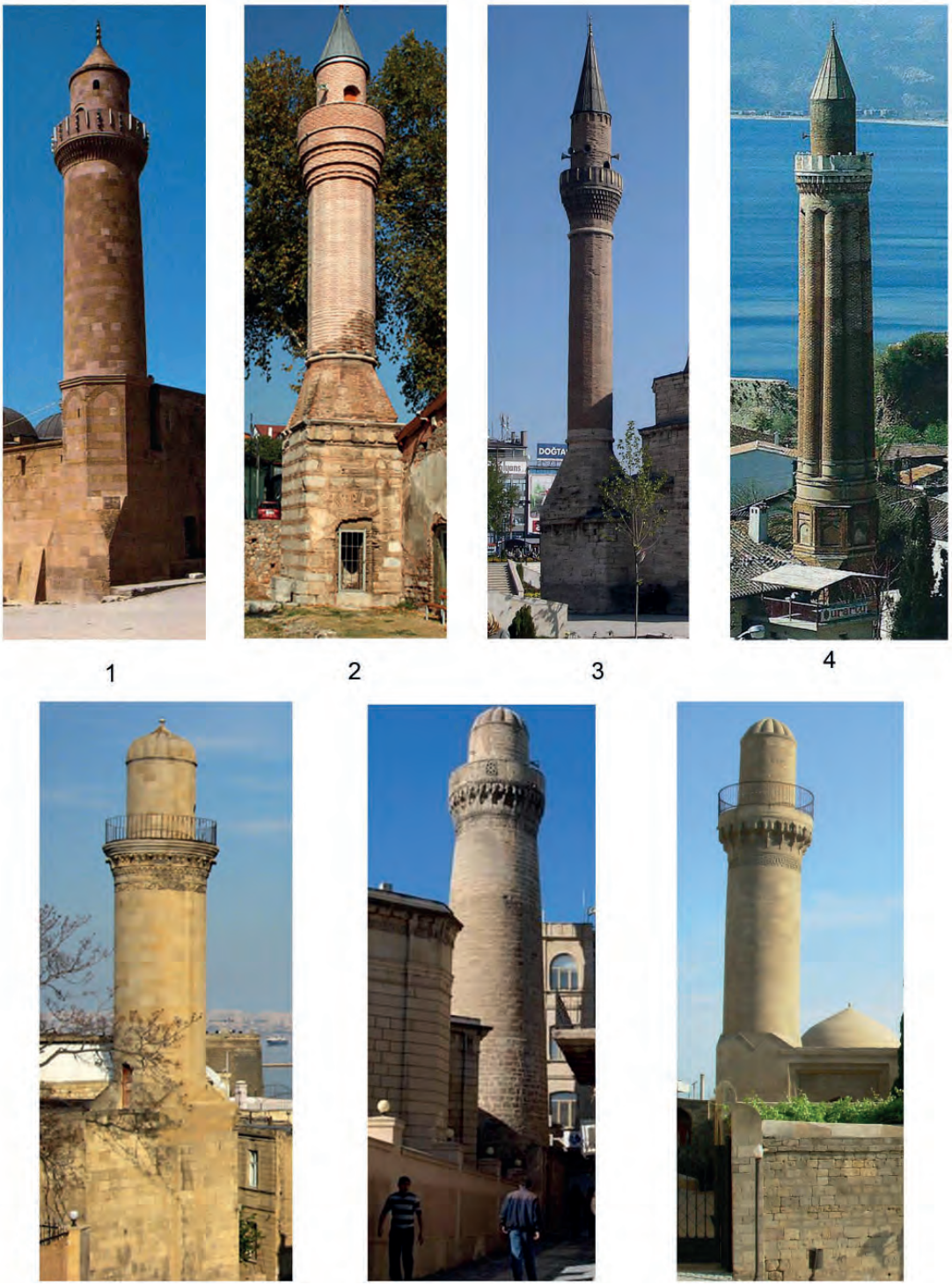


Рис. 10. Минареты Малой Азии и Азербайджана XII-XIV вв.: 1 – мечеть Алаеддин Джами в Нигде; 2 – мечеть в Изнике; 3 – Джами мечеть в Сивасе; 4 – Ивли-минар в Анталье; 5 – мечеть Мухаммеда; 6 – минарет Джума-мечети в Баку XV в.; 7 – дворцовая мечеть в Баку XV в.

окошком. Четвертый ярус постройки представлен восьмигранной призмой, все восемь граней которой имеют по одному окну, причем вокруг каждого сделано стрельчатое, а затем прямоугольное обрамление. Восьмигранник перекрыт несколько уплощенным куполом. Форма купола и незначительная толщина его кладки позволяет предположить, что он имел наружное покрытие, скорее всего, конической формы (Егерев, 1957, с. 369).

Внутри мавзолей имел над цокольной частью балочное перекрытие и был разделен на два помещения. Стены нижнего полуподземного помещения были гладко оштукатурены, интерьер верхнего, расположенного выше уровня земли, более разнообразен (рис. 13). В верхних ярусах

стены отделаны пилястрами и трехчетвертными колоннами, окна третьего и четвертого ярусов выделены стрельчатыми архивольтами. Переход к восьмерику осуществлен при помощи полусферических тромпов, декорированных сталактитами, а тимпаны арок украшены лепными розетками и шестиконечными звездами. Окна были забраны ганчевыми решетками «панджара» с вставленными в них круглыми оконными стеклами.

Здание построено из камня в типичной для Волжской Болгарии технике. Цокольный этаж и четверик второго яруса сложены панцирной кладкой, причем внешняя облицовка составлена из тщательно отесанных блоков, а внутренняя из грубо сколотых камней на растворе. Восьмигранный ярус и купол выполнены бутовой кладкой без облицовки на растворе большой прочности. Большинство исследователей считает, что кладка, примененная при строительстве Черной палаты, происходит из Закавказья (Смирнов, 1951, с. 144; Егерев, 1957, с. 367).

По своей планировке, размерам и количеству помещений Черная палата значительно отличается от остальных болгарских мавзолеев. Поэтому различные исследователи атрибутировали это здание по-разному. Так, А.П. Смирнов в разные годы описывал это здание как мечеть (Смирнов, 1951, с. 208), мавзолей (Булгары…, 1951, с. 7), ханака (Воскресенский и др., 1951, с. 284). В.В. Егерев считал его центрально-купольным мавзолеем (Егерев, 1957, с. 366). Ф.Х. Валеев придерживается мнения, что здание использовалось как ханака и по своей структуре близко к ханака в Евпатории (Валеев, 1975, с. 140). С.С. Айдаров, основываясь на бытующих в этих местах легендах, приписывает Черной палате функции судного места с тюрьмой в цокольной части (Айдаров, 1970, с. 142; 1979, с. 64–65).

Черная палата, в том виде, в котором она дошла до наших дней, без сомнения, представляет собой типичный пример центрического мавзолея, имеющего четыре входа и одинаковые фасады со всех сторон. Самой известной и одной из наиболее ранних построек этого типа является мавзолей Исмаила Самани X в. в Бухаре, которому посвящена огромная литература. Центрические мавзолеи были широко распространены на Среднем Востоке в домонгольское время (Хмельницкий, 1992, с. 122–156; 1996, с. 153–161). Наиболее близки Черной палате по объемно-пространственной композиции центрические мавзолеи Даваздах имама в Йезде (XI в.) и мавзолей султана Санджара в Мерве (XII в.), а также закрытые фасадные мавзолеи Фахраддина Рази (XII в.) в Куня Ургенче, и Гунбаде Сурх в Мараге (Якубовский, 1930, с. 39–48; Пугаченкова, 1958, с. 315–328; Хмельницкий, 1996, с. 174–179; Hillenbrand, 1994, p. 291; Уссейнов и др., 1963, с. 81–83). Все они состоят из одного или нескольких квадратных в плане ярусов, которые переходят в восьмигранную призму, увенчанную куполом или шатром. Такую структуру зданий исследователи связывают с сельджукской традицией (Воронина, 1977, с. 125; Хмельницкий, 1996, с. 176–177; Hillenbrand, 1994, p. 294). В дальнейшем эта традиция получила развитие в османское время. По своему внешнему облику Черная палата более всего напоминает простейшие турецкие мечети раннеосманского периода и мавзолеи этого периода (Hillenbrand, 1994, p. 495; Stierlin, 1998, p. 82, 90–95). Определенное сходство с турецкими мавзолеями наблюдается и в интерьере Черной палаты. Все это позволяет отнести Черную палату к памятникам, возникшим под влиянием закавказско-сельджукской школы. Несмотря на отсутствие точных аналогий, как отдельные черты ее, так и весь облик в целом более всего напоминает малоазийские постройки XIV–XV вв.

Что касается дополнительных помещений вокруг цоколя, то, исходя из общей планировки Черной палаты, можно принять точку зрения В.В. Егерева о том, что опоясывающие здание помещения были возведены позднее (Егерев, 1958, с. 366). Археологические раскопки также показали, что не все стены пристройки одновременны (Воскресенский и др., 1967, с. 284).

Прочие мавзолеи Болгара меньше по размерам и проще по архитектуре. Они построены в характерной для Волжской Болгарии строительной технике из рваного известняка и известкового туфа с применением блоков грубой отески на известковом растворе.

Лучше всего сохранился Восточный мавзолей, расположенный недалеко от мечети. Мавзолей состоит из двух ярусов, завершающихся куполом (рис. 14). Нижний ярус квадратный в плане размерами 11×11 м. С западной стороны находился дверной проем, а во всех остальных стенах – стрельчато-арочные окна. Археологические исследования 1965–1966 гг. показали, что первоначально вход находился с южной стороны. Он был оформлен порталом шириной около 5 м, пилоны которого имели длину 2,5 м (Айдаров, 2001, с. 35, 36). На высоте около 2 м при помощи срезки углов наклонными поверхностями четверик переходит в восьмигранник, который, в свою очередь, перекрывается куполом. Внутри переход к восьмиграннику осуществляется при помощи пирамидальных тромпов. На каждой стороне восьмигранника, кроме южной, снаружи имеется декор в виде уступчатых прямоугольных ниш, в которые вписаны нишки стрельчатого очертания, подобные окнам в восьмерике Черной палаты.

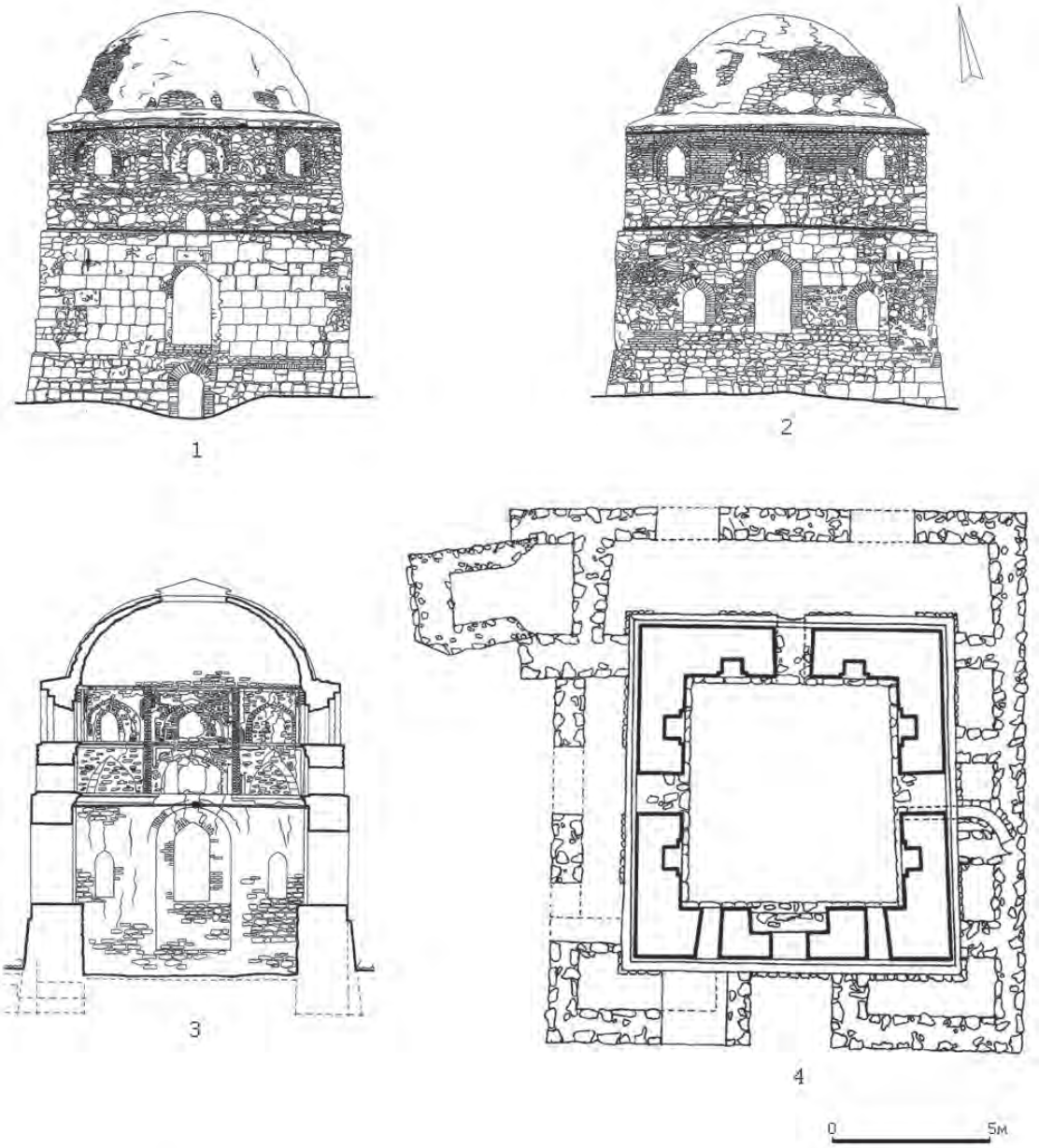


Рис. 11. Черная палата: 1 – южный фасад; 2 – северный фасад; 3 – разрез; 4 – план нижнего яруса (обмеры 50-х гг., по С.С. Айдарову)

Как показало архитектурное обследование, внутренний уплощенный полусферический купол мавзолея был перекрыт каменным шатровым покрытием. Внутри стены мавзолея были оштукатурены, в углах помещения обнаружены голосники в виде узкогорлых сосудов, утопленных в кладку. Возведение мавзолея исследователи связывают с рубежом XIII–XIV вв. (Хлебникова, 1970, с. 62).

Недалеко от мечети расположен Северный мавзолей. По своей структуре этот мавзолей сходен с Восточным (рис. 15). Нижний ярус его, квадратный в плане, несколько больших размеров – 13×13 м. Архитектурные обследования подтвердили наличие над ним восьмигранного яруса (Айдаров, 2001, с. 39–40). Восьмигранник перекрывал полусферический купол, который, вероятно, был покрыт шатром. В южной стене сделана дверь стрельчатого очертания, в остальных стенах находились окна сходного абриса. Вход оформлен порталом. В интерьере здания прослежены остатки штукатурки на стенах и голосники в углах. Северный мавзолей датируется началом XIV в. (Воскресенский и др., 1967, с. 278).

Комплекс из четырех мемориальных зданий исследован возле Малого минарета (Аксенова, 2001, с. 200–205). Здания, пристроенные друг к другу в разное время, вытянуты в одну линию по оси запад – восток (рис. 16). Наилучшую сохранность имеет мавзолей, носящий название «Ханская усыпальница» (рис. 17). Это здание, так же как и мавзолеи у мечети, квадратное в плане, но меньших размеров (8,5×8,5 м). Стены его сложе-

Рис. 12. Черная палата.

Рис. 13. Черная палата, интерьер.

Рис. 14. Восточный мавзолей:
1 – общий вид; 2 – интерьер.

ны панцирной кладкой и снаружи облицованы хорошо отесанными известняковыми блоками. До настоящего времени здание дошло в виде кубического объема, перекрытого полусферой внутреннего купола. Отсутствие четко выраженного восьмигранника с наружной стороны позволило С.С. Айдарову предположить, что здание состояло из куба, переходившего непосредственно в купол (Айдаров, 2001, с. 46). Однако, скорее всего, Ханская усыпальница имела структуру, близкую Восточному и Северному мавзолеям. Возможно, снаружи восьмигранник был очень незначительной высоты и переход к нему осуществлялся при помощи наружных двускатных тромпов или треугольных скосов. Покрытие мавзолея также, скорее всего, было шатровым. Внутри мавзолея переход от нижнего объема к куполу осуществлен при помощи сплошной полосы треугольных тромпов, которые образуют самостоятельный ярус, подчеркнутый снизу и сверху двумя линиями бордюра.

Вход в здание первоначально находился с северной стороны, но потом был заложен, и пробит новый проход по центру южной стены. Окна в этой постройке небольшие, расположенные в верхней

Рис. 15. Северный мавзолей: 1 – общий вид; 2 – интерьер.

части стен. Внутри здание было оштукатурено и украшено лепными розетками. В завале строительного мусора возле здания найдены изразцы с растительным и геометрическим орнаментом и орнаментированные ганчевые плитки. Согласно описаниям памятника XVIII–XIX вв., изразцы окаймляли оконные проемы, а резной ганч украшал стены. Дверной проем в северной стене был обрамлен полосой резного камня.

С востока и запада к Ханской усыпальнице были пристроены еще три здания мавзолеев. Комплекс датируется серединой XIV – началом XV в. (Смирнов, 1951, с. 209; Аксенова, 2001, с. 205).

Сохранившиеся здания несколько различаются по пространственной структуре. Самые ранние мавзолеи Восточный и Северный имеют призматическое основание, углы которого довольно резко срезаны для перехода к восьмиграннику. Мемориальные постройки такого облика не встречаются ни в одной из стран Среднего Востока, зато определенное сходство они имеют с мавзолеями Малой Азии сельджукского периода. Малоазийские мавзолеи представляют собой круглые или многогранные башни, перекрытые шатрами. Некоторые из них стоят на квадратном в плане цоколе, который посредством скоса углов переходит к следующему ярусу (рис. 18). В нижнем ярусе находится полуподземный склеп, а в верхнем – помещение для поминальных ритуалов. Таковы Улу Кюмбет в Ахлате, Дёнер Кюмбет в Кайсери, мавзолей Мелика Гази в Киршехире (Stierlin, 1998, p. 50; Hillenbrand, 1994, p. 306–309, 541). В возведении каменных мавзолеев Анатолии, по мнению большинства исследователей, активное участие

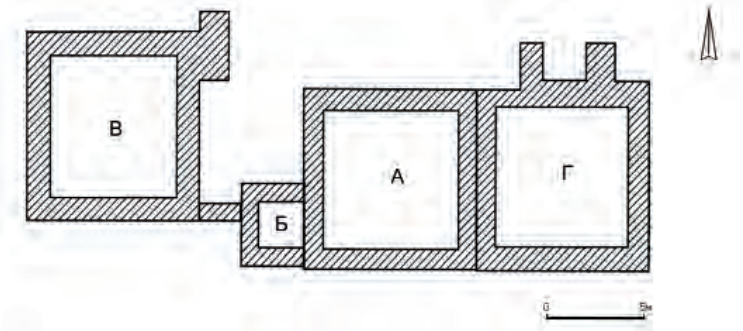


Рис. 16. Комплекс мавзолеев Ханской усыпальницы: 1 – план комплекса (А – Ханская усыпальница; Б – Малый западный мавзолей; В – Большой западный мавзолей; Г – Восточный мавзолей (по Н.Д. Аксеновой).

Рис. 17. Ханская усыпальница: 1 – вид с севера; 2 – интерьер

принимали армянские мастера (Hillenbrand, 1994, p. 307–310). В целом сходны с малоазийскими и башенные мавзолеи Азербайджана (Бретаницкий, 1966, с. 124–127). Треугольные скосы квадратного основания настолько прочно ассоциируются с малоазийским зодчеством, что получили в литературе название «турецкий треугольник» (Райс, 2004, с. 145). Также типичны для сельджукской архитектуры и пирамидальные тромпы, служащие для перехода к восьмиграннику внутри помещения (Stierlin, 1998, p. 33). Такие же тромпы, но несколько упрощенные и грубо выполненные, мы видим в мавзолеях Болгара.

Несмотря на явное сходство, Восточный и Северный мавзолеи имеют свои особенности. У них та же объемная структура, но несколько иные пропорции: нижний ярус выше, и скосы начинаются на большей высоте, а верхний, восьмигранный ярус не превышает по высоте нижний. Болгарские мавзолеи однокамерные, а вход в них оформлен выступающим порталом. В Ханской усыпальнице основной объем кубический, скосы для перехода

к восьмиграннику находятся в верхней его части, а восьмигранный ярус выражен слабо. Мавзолеи подобного вида распространены по всему мусульманскому миру, тем не менее аналогии Ханской усыпальнице нужно искать также в Анатолии. На это указывает применение такого приема, как пояс из пирамидальных тромпов для перехода к куполу. Эта конструкция типична только для малоазийских построек сельджукского и постсельджукского периода.

Остальные мавзолеи Болгара имеют более простую планировку. Все они (кроме мавзолея № 5) однокамерные, квадратные в плане. Отличаются однокамерные мавзолеи только наличием или отсутствием портала (Аксенова, 2001, с. 200–217; Баранов, Кавеев, 2001, с. 195–198). Предположительно, по своему строению они были схожи либо с Восточным и Северным мавзолеями, либо с Ханской усыпальницей.

Этот тип мавзолеев, возникший в Волжской Болгарии как результат трансформации малоазийских башенных мавзолеев, распространился и на сопредельные территории (рис. 19). Сходный облик имеют каменные мавзолеи Приуралья XIV в., такие как мавзолей Хуссейн-бека и Турахана (рис. 20, 21).

В остальных регионах Поволжья и Приуралья мемориальные постройки сохранились только в виде объектов археологии, поэтому типология их строится в основном на планиграфии. В основу типологии положено количество помещений, форма здания, форма плана, наличие и форма портала, форма покрытия (Зиливинская, 2014, с. 146–168).

Рассмотрим типы мавзолеев, исследованные в Волго-Уралье.

I. Группа однокамерных мавзолеев

IA1. Отдел башенные, подотдел круглые в плане.

Круглым в плане башенным мавзолеем без портала (IБ1aS) можно условно считать сырцовый мавзолей (рис. 22: 1) в могильнике Жайыка (Зиливинская и др., 2016).

IA2. Отдел башенные, подотдел многогранные.

Известно два типа таких мавзолеев: 1) фасадные и 2) портальные. К фасадным мавзолеям относятся мавзолеи на окраине Царевского городища, № 1 в Солодовке, у хутора Веселый, и у с. Изобильное в Оренбургской области (рис. 22: 2–5). Перекрытие этих мавзолеев, скорее всего, было шатровым.

Как уже упоминалось, широчайшее распространение получили башенные мавзолеи в Малой Азии в сельджукское время. В качестве примера можно привести Денер Кюмбет в Кайсери (XIII в.), мавзолей Караманоглу Алаеддин бея в Карамане (XIII в.), Худавент Хатун тюрбе в Нигде (XIV в.), Юч Кюмбетлер и другие мавзолеи в Эрзеруме (XII–XIV вв.), Чифте Кюмбет в Ахлате (XIII в.) и др. (23: 4–7) (Hillenbrand, 1994, с. 306–311, 540–542; Stierlin, 1998, с. 50–53). Башенные мавзолеи круглого плана и многогранные с высокими цоколями и без них являются преобладающим типом мемориальных построек в Азербайджане в XII–XIV вв. Это мавзолей Юсуфа ибн Кусейра в Нахичевани, Момине-хатун (XII в.), мавзолей в с. Ханега, мавзолей Гюлистан в с. Джуга (XII–XIII в.), мавзолей в с. Дермичлер (XIV в.), Хачин-Дорбатлы (XIV в.), Мир Али (XIV в.), мавзолей в Барде (XIV в.) и др. (рис. 23: 1–4) (Бретаницкий, 1966, с. 96–199; Уссейнов и др., 1963, с. 80–104, 127–162). На территории Казахстана также имеются башенные мемориальные постройки достаточно архаического облика. Это башни X–XI вв. Сараман-коса и Бегим-ана (Бегим-мунара) и Узынтам в низовьях Сырдарьи (рис. 24).

IБ. Отдел пирамидальные мавзолеи.

Он разделяется на два подотдела по форме плана. К пирамидальным фасадным (IБ2aS) относятся два мавзолея, раскопанных в Черноярском районе Астраханской области (рис. 25). Пирамидальные и конические мавзолеи представляют собой довольно редкий, архаичный тип надгробных сооружений, которые были распространены в Фергане, Семиречье, Центральном, Юго-Западном и Западном Казахстане (рис. 26). Они датируются различными исследователями в широком временном диапазоне – от раннего Средневековья до начала XX в. (Пугаченкова, 1949, с. 61–67; Ажигали, 2002, с. 222–223; Кожа, 2011, с. 260). Г.А. Пугаченкова высказывала предположение, что форма пирамидальных мавзолеев, возникших у кочевых и полукочевых тюрок, восходит к курганам и древним курганообразным надмогильным сооружениям (Пугаченкова, 1949, с. 57–77). Одним из видов таких сооружений могли быть известные по описаниям Рубрука пирамидки, водружаемые на курганах половцами (Рубрук, 1997, с. 101).

IВ. Отдел мавзолеи с кубическим (призматическим) помещением усыпальницы.

Основной объем мавзолеев этого отдела имеет в основании плана квадрат (или близкий к квадрату прямоугольник). Но если мавзолей имеет портал в виде пештака или стены портала являются продолжением стен усыпальницы, то все здание вместе с порталом приобретает в плане форму прямоугольника. Данный отдел самый многочисленный и разнообразный. В нем выделяются два типа: а) фасадные и б) портальные. Портальные мавзолеи в свою очередь разделяются на три подтипа по форме портала.

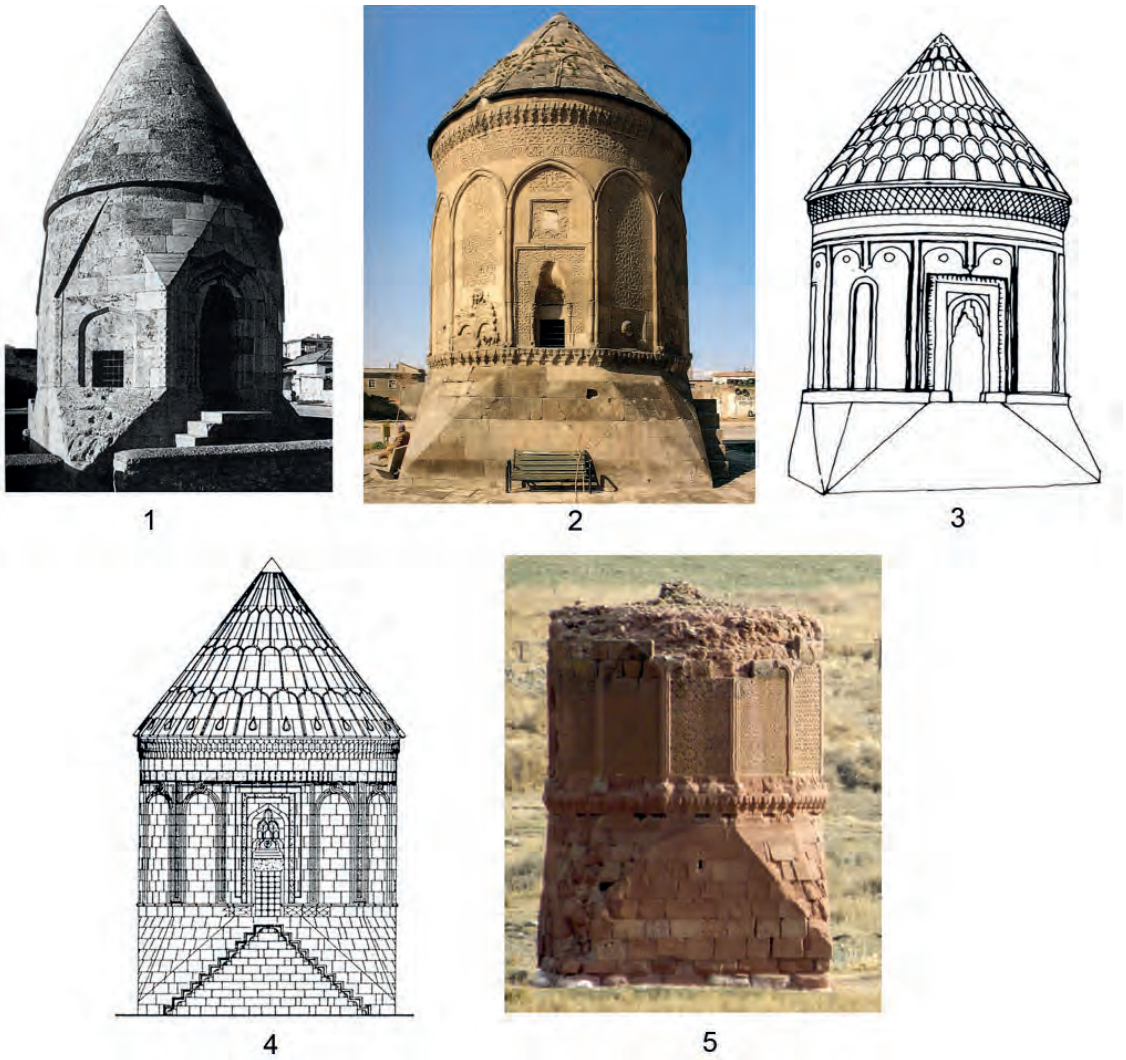


Рис. 18. Мавзолеи Малой Азии и Азербайджана с квадратным цоколем XII-XIII вв.: 1 – Мелик Гази в Акшехире; 2 – Дёнер Кюмбет в Кайсери; 3 – Улу Кюмбет в Ахлате; 4 – в Гуроймаке; 5 – Гюлистан у с. Джуга (по Р. Хиллен-бранду и Л.С. Бретаницкому)

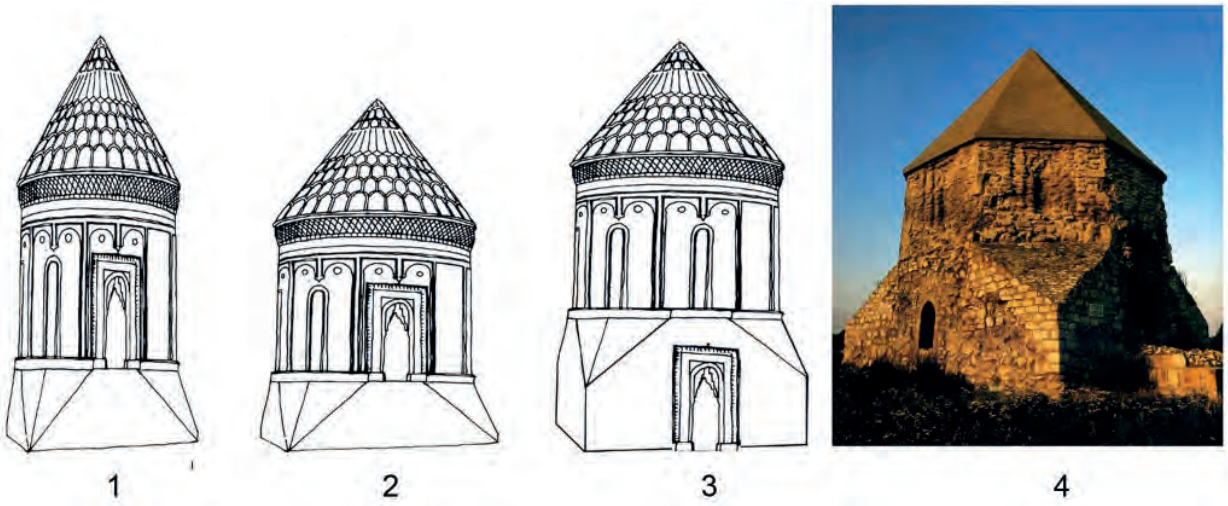


Рис. 19.Схема трансформации малоазийского башенного мавзолея в болгарский: 1 – малоазийский башенный мавзолей; 2,3 – изменение пропорций; 4 – Восточный мавзолей Болгара (по Э.Д. Зиливинской)

Рис. 20. Мавзолей Хусейн-бека, современный вид

Рис. 21. Мавзолей Тура-хана, современный вид: 1 – фасад; 2 – вид сбоку

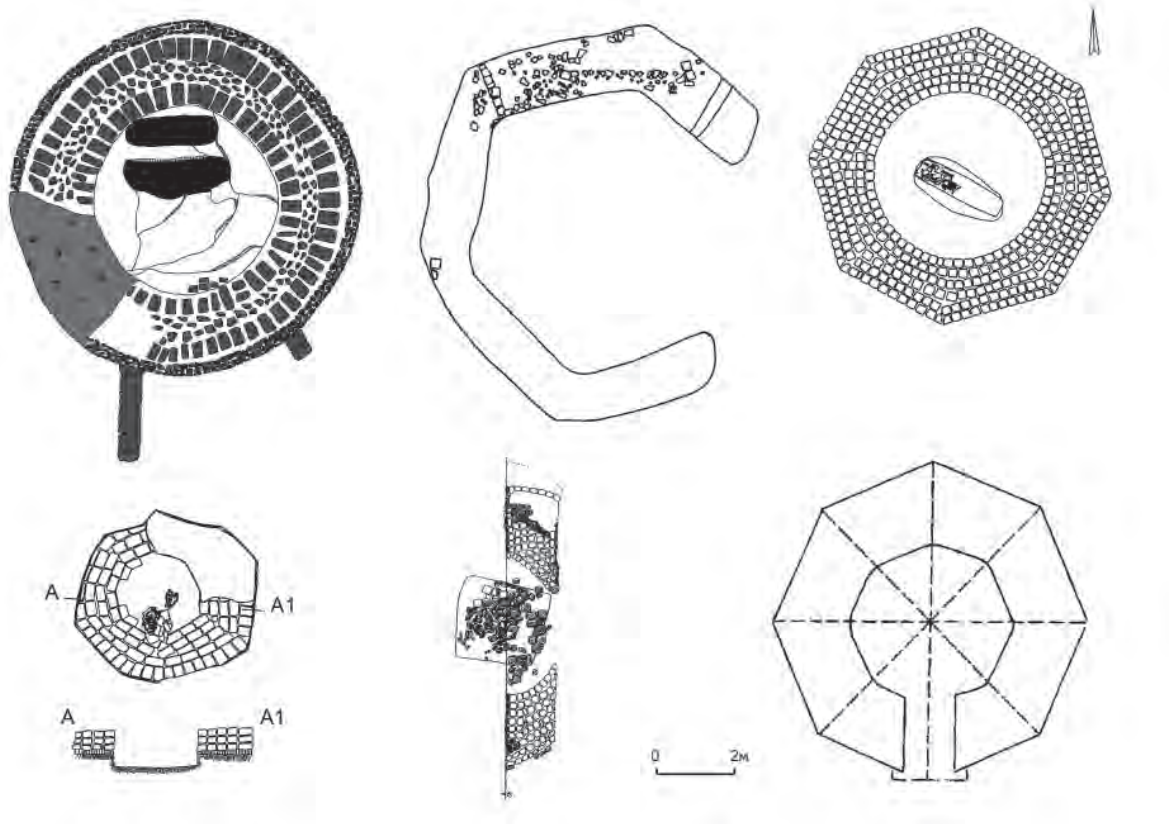


Рис. 22. Башенные фасадные мавзолеи: 1 – некрополь Жайыка; 2 – на окраине Царевского городища; 3 – № 1 в Солодовке; 4 – у хутора Веселый; 5 – у с. Изобильное в Оренбургской области

IВ3а. Тип фасадные мавзолеи. К этому типу относятся Ханская усыпальница (рис. 17, 18), Восточные мавзолеи комплекса Ханской усыпальницы и № 4, 6 в Болгаре; мавзолей на Мечетном городище, мавзолеи № 1, 2 на Водянском городище, № 1, 2 на Селитренном городище, № 2 могильника Солодовка в Поволжье, мавзолей Хусейнбека и Малый кешене на Урале, мавзолей Саралжин в Актюбинской области (рис. 27). Перекрытие большинства мавзолеев не сохранилось, однако на основании аналогий можно достаточно уверенно утверждать, что у построек Болгара, Северного Кавказа, Крыма и Южного Урала оно было шатровым.

Фасадные мавзолеи квадратного плана широко распространены в Средней Азии. К этому типу относятся мавзолей дочери Исхак-ата в Фудине под Карши (XI в.), Мир Сеид Бахром в Кермине (Маньковская, 1971, с. 40–41; Нильсен, 1956, с. 38–40), Ярты-гумбез возле городища Серахс (XIII в.), Худай-Назар-овлия возле Байрам Али (X–XII вв.) (Пугаченкова, 1958, с. 286, 310–313), Халифа Ерехен в Миздархане (IX–X вв.), мавзолей Фахраддина Рази в Куня Ургенче, Средний мавзолей в Узгенте (Якубовский, 1930, с. 45, Засыпкин, 1948, с. 45). Почти все эти мавзолеи перекрыты одинарными куполами, только мавзолей Фахраддина Рази имеет шатровое покрытие.

IВ3б*. Тип портальные мавзолеи с узким выступающим порталом.

Подобных мавзолеев в Золотой Орде довольно много. К ним относятся Восточный и Северный мавзолеи Болгара, Западный мавзолей комплекса Ханской усыпальницы, мавзолеи № 1–3 в Болгаре, мавзолей № 3 в Мохше; в Бахтияровке, мавзолей № 3 Селитренного городища, мавзолей Турахана в Башкирии (рис. 28). Большая часть зданий этого типа имела шатровое покрытие.

Мемориальные постройки с выступающим порталом также характерны для зодчества Средней Азии. Такую планировку имеют мавзолеи Исхак-Ата в Фудине (X в.) (Маньковская, 1971, с. 41), Астана-баба, Серахс-баба, Абу-Саида, Парау-ата, Чугундор-баба (все XI–XII вв.), мавзолей № 3 на урочище Гек-Гумбез (XIV в.) (Пугаченкова, 1958, с. 275–276, 278–286, 299–303, 375), мавзолей Рухабад в Самарканде (XIV в.). Среднеазиатские мавзолеи этого типа отличаются от золотоордынских. Во-первых, у них обычно портал лишь слегка выступает за пределы фасадной стены, во-вторых, в подавляющем большинстве они имеют только один полусферический купол.

IВ3б**. Тип портальные мавзолеи с массивным порталом, вписанным в контур здания (пеш-

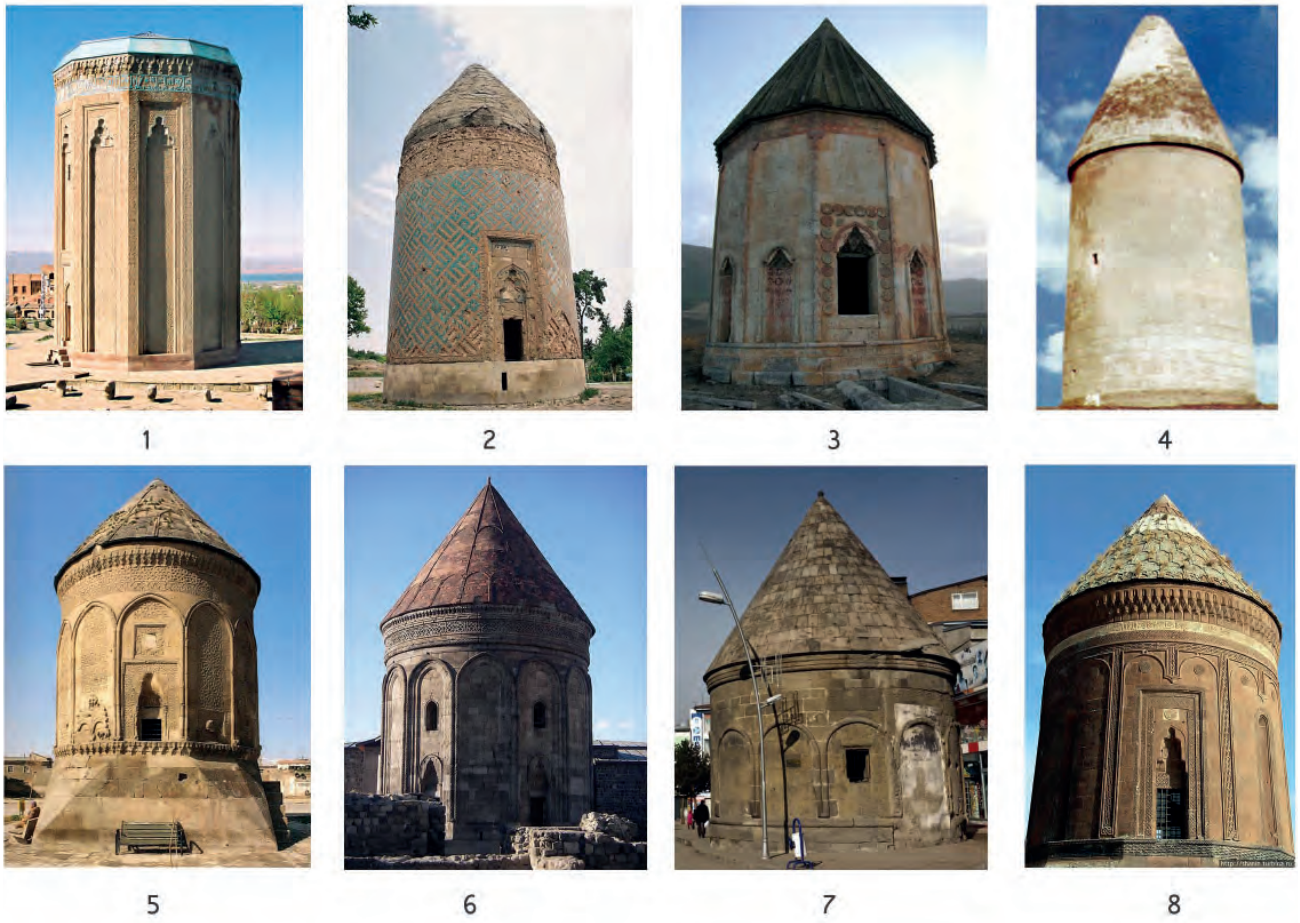


Рис. 23. Башенные мавзолеи Азербайджана и Малой Азии: 1 – Момине Хатун (XII в.); 2 – мавзолей в Барде (XIV в.); 3 – Хачин-Дорбатлы (XIV в.); 4 – Мирали (XIV в.); 5 – Дённер Кюмбет (XIII в.); 6 – в некрополе Юч Кюмбетлер (XIV в.); 7 – в Эрзеруме (XIII- XIV в.); 8 – Чифте Кюмбет в Ахлате (XIII в.)

Рис. 24. Башенные мавзолеи Казахстана: 1 – Сараман-коса; 2 – Бегим-ана (Бегим-мунара); 3 – Узынтам (1–3 в Низовьях Сырдарьи)

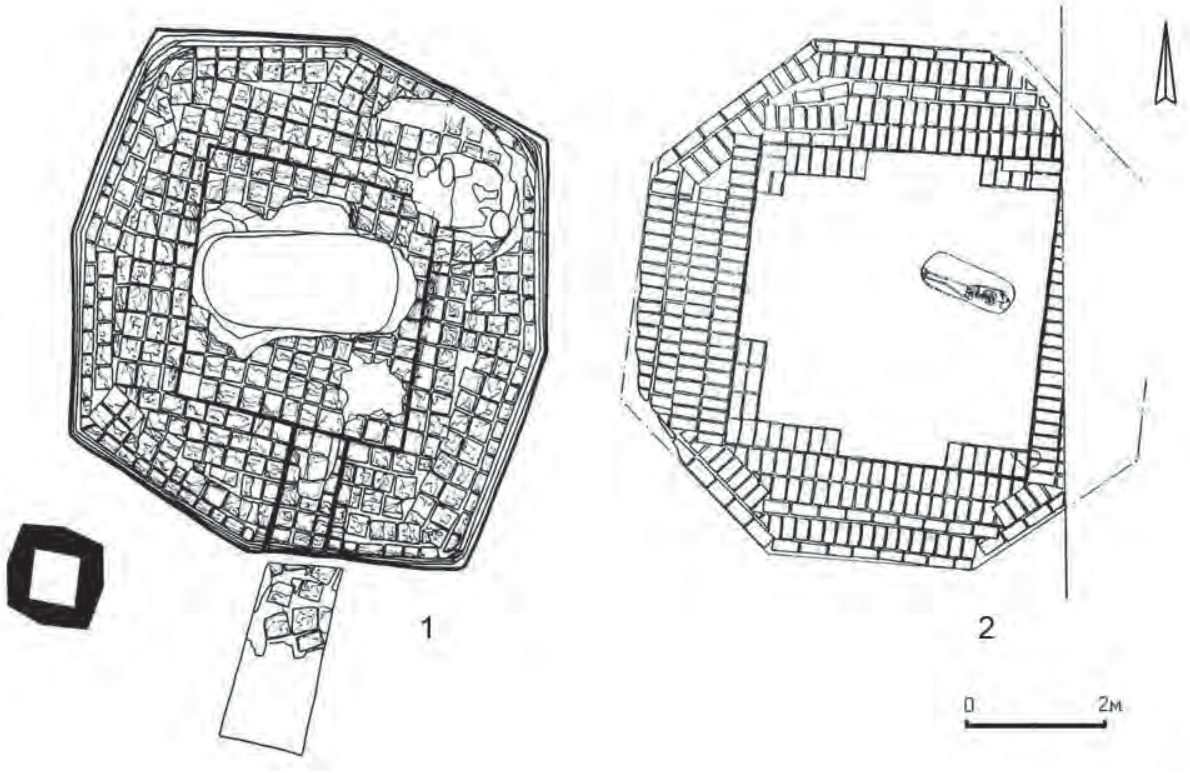


Рис. 25. Пирамидальные мавзолеи из могильника Кривая Лука в Черноярском районе Астраханской области (1–2)

Рис. 26. Пирамидальные мавзолеи Западного и Центрального Казапхстана (1–5)

таком). Пилоны портала в зданиях этого типа значительно толще стен. В Нижнем Поволжье к нему относятся мавзолеи № 4, 5, 6 на Селитренном городище, мавзолей № 1 у пос. Комсомольский (рис. 29: 1–4). В Приуралье это мавзолеи Кесене, Бэндэбикэ (рис. 29: 5–6), вероятно, башня Болгасын. Портальные мавзолеи с пештаком могут иметь как шатровое покрытие, так и купольное. Достоверно известно, что шатрами были перекрыты большинство мавзолеев Башкирии. Башня Болгасын имела гофрированный купол, выложенный бирюзовыми изразцами, но, возможно, этот памятник относится к более позднему времени.

Портал в виде пештака является своеобразной «визитной карточкой» архитектуры Среднего Востока, в Закавказье и Малой Азии постройки с пештаками не встречаются. Кубические фасадные и портальные мавзолеи известны в Хорезме и Южном Казахстане (рис. 30).

IВ3в. Центрические мавзолеи.

Центрические мавзолеи состоят из кубического объема, открытого на все четыре стороны и увенчанного куполом. Этот тип мавзолеев возникает в IX в. и происходит от доисламских построек, для XIII–XIV вв. эта форма не характерна. Единственным мавзолеем центрического плана в Золотой Орде можно считать Черную палату в Болгаре (рис. 11, 12).

II. Группа многокамерные мавзолеи

IIГ4. Отдел призматические продольно-осевые.

Многокамерные продольно-осевые мавзолеи обычно состоят из двух помещений. Это основное помещение, где совершаются захоронения (гурхана) и комната для оплакивания (зиорат-хана). В этом отделе выделяется два типа мавзолеев: а) фасадные и б) портальные.

IIГ4а. Тип фасадные мавзолеи.

К фасадным постройкам относятся мавзолеи № 4, 5 в Мохше; мавзолей у с. Царевщина; № 2 у пос. Комсомольский, мавзолей могильника «301 км» в Астраханской области; мавзолеи № 2, 3 у поселка Тептяри в Оренбургской области, Малый мавзолей на городище Жайык в Западном Казахстане (рис. 31). Мавзолей у «301 км» имел по углам трехчетвертные колонны.

IIГ4б*. Тип портальные мавзолеи с выступающим порталом.

В настоящее время известен только один продольно-осевой мавзолей с выступающим порталом – мавзолей № 5 на Болгарском городище (рис. 32).

IIГ4б**. Тип портальные мавзолеи с порталом типа пештака.

К продольно-осевым мавзолеям с пештаком относятся мавзолей № 3 на Водянском городище, № 1 у поселка Тептяри в Оренбургской области, Большой мавзолей на городище Жайык в Западном Казахстане (рис. 33). К этому же типу условно относится мавзолей в Укеке, но у него было два портала в форме пештаков, расположенных с противоположных сторон здания.

IIД4. Отдел призматические поперечноосевые.

К ним относится один единственный мавзолей № 2 в Мохше. Он имеет небольшой выступающий портал, который смещен относительно одной из сторон.

Большая часть продольно-осевых мавзолеев Золотой Орды состоит из двух помещений – прямоугольного в плане тамбурного, следующего за входом, и квадратной в плане усыпальницы. По-видимому, прямоугольное помещение возникает в результате возведения сплошной стены между пилонами портала и «закрывания» входного айвана. Как верно отмечал В.Л. Егоров, такой тип планировки неизвестен в Средней Азии и Иране и, скорее всего, является местной, золотоордынской модификацией двухкамерных мавзолеев (Егоров, 1980, с. 88).

IIE. Отдел многокамерные мавзолеи сложного строения. Он имеет два подотдела, которые отражают композицию здания.

IIE5. Здания Т-образного плана. Помещения их располагаются по двум взаимно перпендикулярным осям. К этому отделу относятся мавзолей № 1 в Мохше (рис. 34: 1). На продольной оси его расположен мощный портал, тамбурное помещение и гурхана. К тамбуру с двух сторон примыкают два купольных помещения. Интересно, что практически такую же планировку имеет мавзолей Наджмеддина Кубра в Ургенче (рис. 34: 2–3).

IIE6. Здания сложного плана, в том числе конгломераты, состоящие из различных пристроенных друг к другу разновеликих частей без четкой структуры. Возможно, таким конгломератом являлся комплекс Ханской усыпальницы в Болгаре.

Таким образом, в Золотой Орде существовала довольно развитая архитектура мемориальных построек. В сложении золотоордынского мемориального зодчества прослеживается несколько направлений: армяно-малоазийское влияние, которое отчетливо присутствует в памятниках, выполненных в технике каменного строительства; азербайджанское, выраженное в строительстве из камня и смешанной каменно-кирпичной кладке; влияние среднеазиатской школы, связанной со строительством из обожженного и сырцового кирпича. В архитектурных формах встречаются пережитки кочевнических (кипчакских) традиций. В настоящее время можно выделить несколько областей, где превалировала та или иная школа. Волжская Болгария являлась зоной армяно-мало-

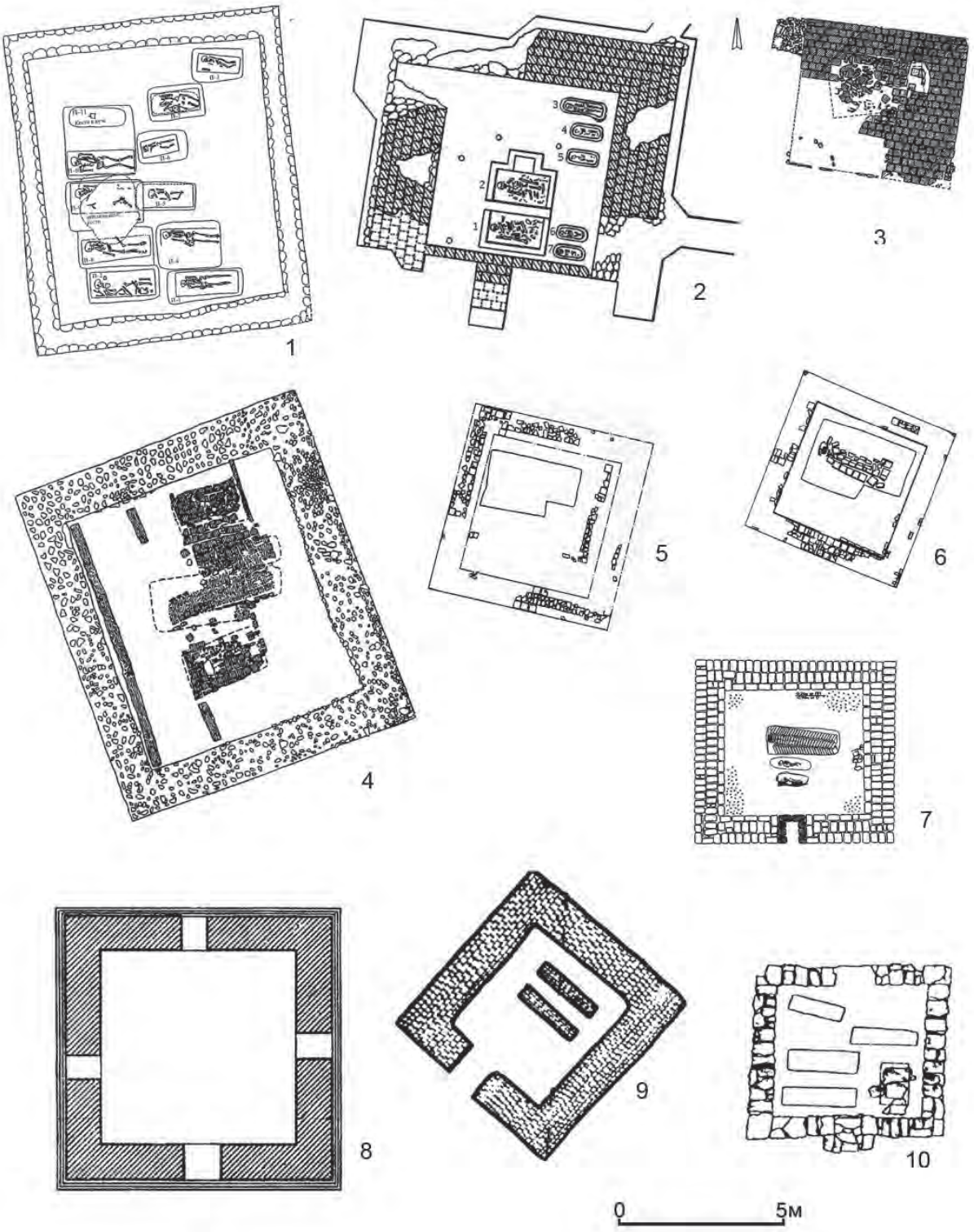


Рис. 27. Кубические фасадные мавзолеи: 1 – № 4 в Болгаре; 2 – мавзолей на Мечетном городище; 3–4 – мавзолеи №№ 1, 2 на Водянском городище; 5–6 – №№ 1, 2 на Селитренном городище; 7 – № 2 могильника Солодовка в Поволжье; 8 – мавзолей Хусейнбека; 9 – Малый кешене на Урале; 10 – мавзолей Саралжин в Актюбинской области.

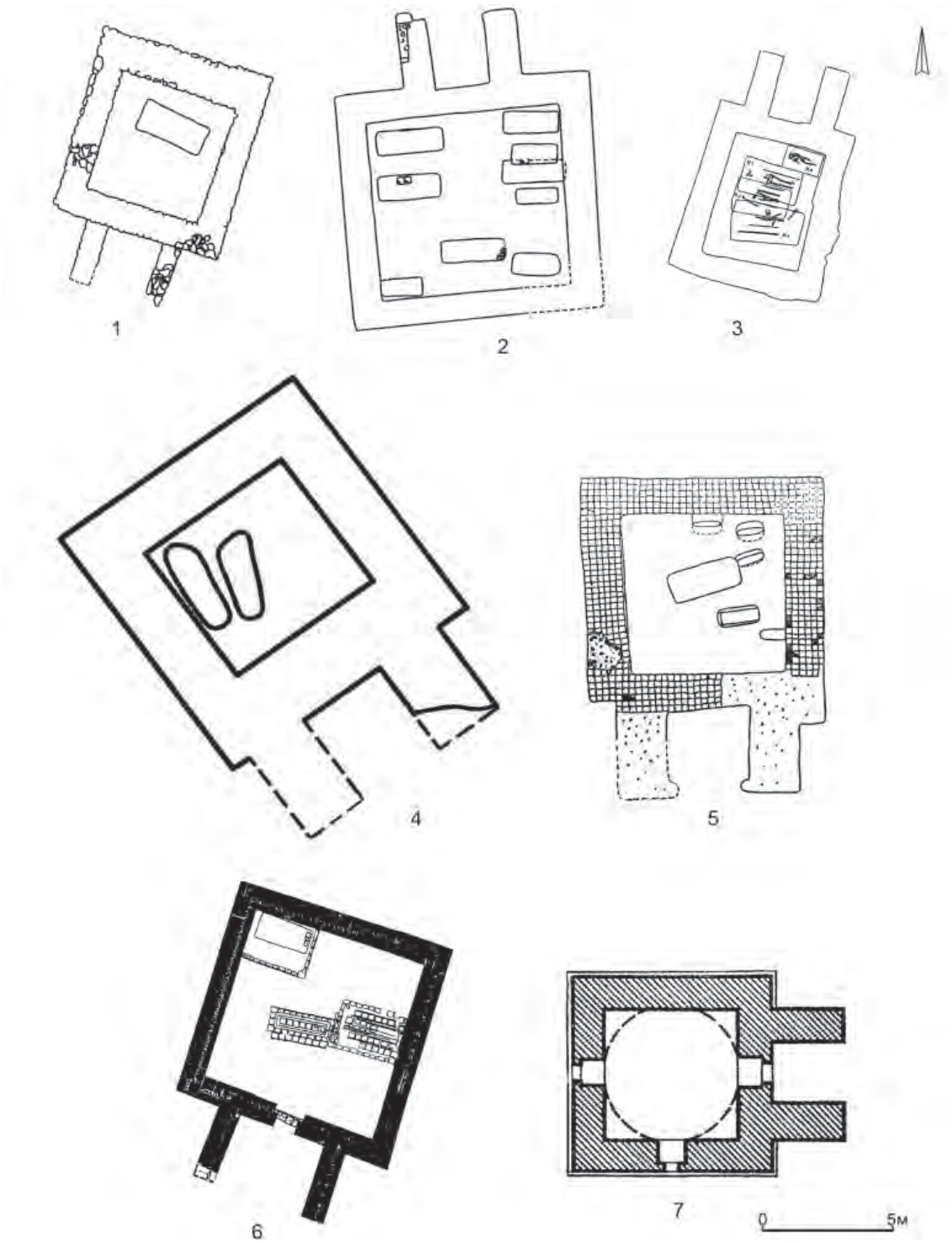


Рис. 28. Кубические мавзолеи с выступающим порталом: 1–3 – мавзолеи №№ 1–3 в Болгаре; 4 – мавзолей № 3 в Мохше; 5 – в Бахтияровке; 6 – № 3 Селитренного городища; 7 – мавзолей Турахана в Башкирии.

азийского влияния, а Нижнее Поволжье – среднеазиатского. В то же время в некоторых частях Нижнего Поволжья (Водянское городище) отчетливо прослеживаются традиции азербайджанского зодчества, представленного нахичеванской школой, для которой характерно сочетание камня и кирпича, активное применение в качестве декора изразцов. В Волжской Болгарии также фиксируется присутствие азербайджанского элемента, а именно ширвано-апшеронской школы. В Приуралье, наряду с мавзолеями среднеазиатского облика, строятся здания, почти идентичные болгарским мавзолеям.

Гражданские общественные постройки. Гражданских зданий общественного характера в золотоордынских городах известно немного. Это вполне естественно, так как сознание средневекового человека было исключительно религиозным,

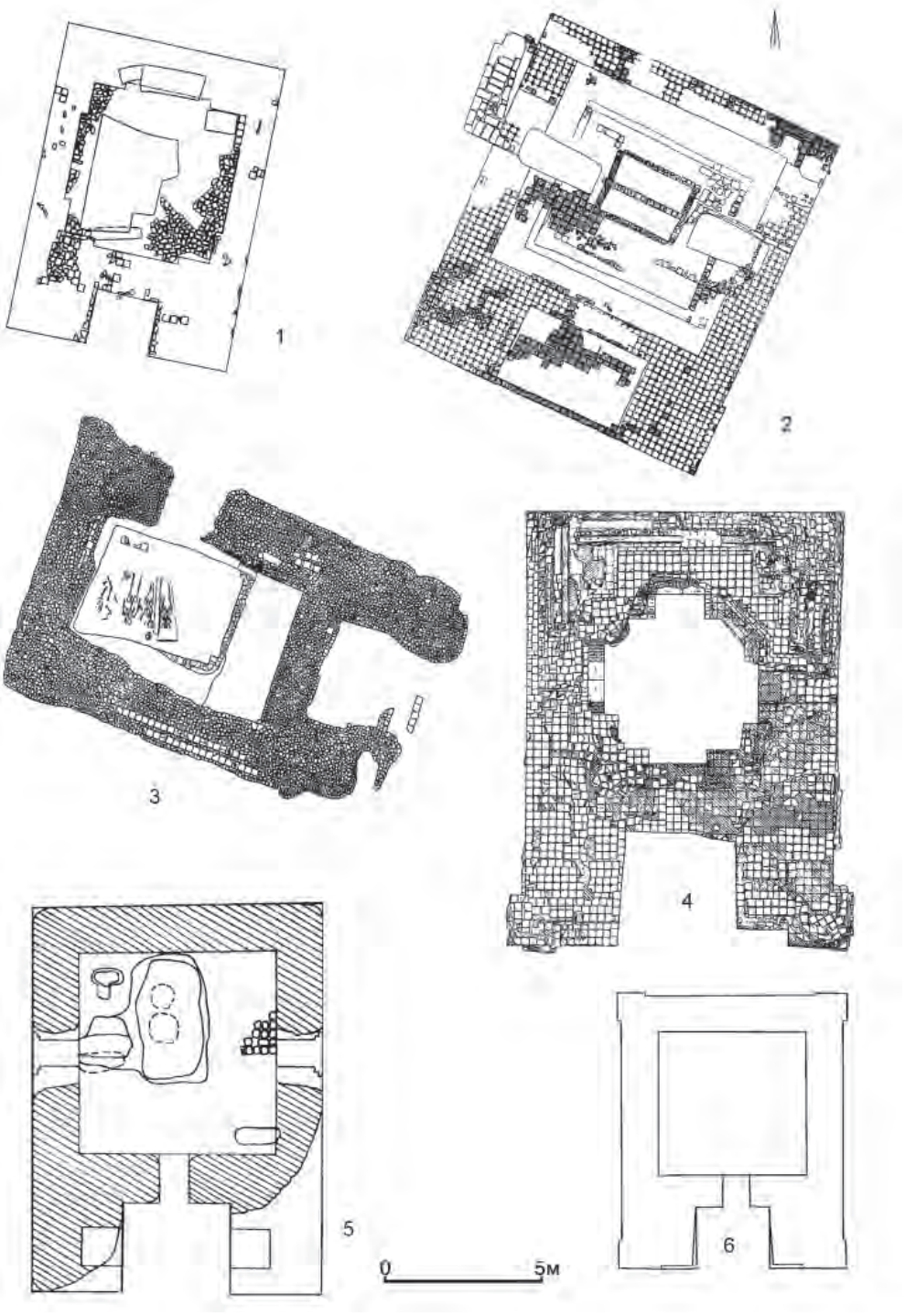
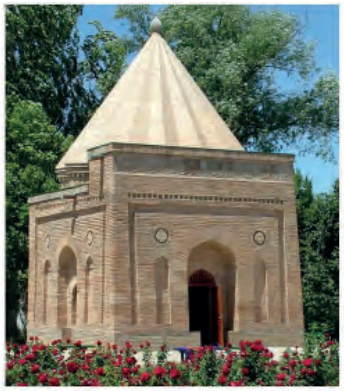


Рис. 29. Кубические мавзолеи с пештаком: 1–3 – мавзолеи №№ 4, 5, 6 на Селитренном городище; 4 – мавзолей № 1 у пос. Комсомольский; 5 – Кесене; 6 – Бэндэбикэ (в Приуралье).

и наиболее значимые объекты архитектуры были связаны именно с религией. Тем не менее нам известны некоторые категории гражданских зданий, получивших распространение в странах Востока.

Прежде всего, это сооружения, связанные с торговлей. Страны Среднего Востока и Передней Азии всегда находились на пересечении торговых путей, и в каждом городе непременно были торговые точки. Купля-продажа велась в городских постоялых дворах (караван-сараях, фундуках, ханах), но большинство исследователей считает, что в них совершались в основном оптовые сделки, а для розничной торговли использовались другие заведения. Арабские авторы называли их сук (рынок); по-персидски они назывались базар. Золотоордынские города, хотя и имели свою специфику, были типично восточными городами. Естественно, в них имелись и такие важные общественные

1



2

3

4

5

Рис. 30. Шатровые мавзолеи Средней Азии: 1 – Айша-биби (XI–XII вв.); 2 – Бабаджа-хатун (XI в.); 3 – Фахраддина Рази (XII в.); 4 – султана Текеша (XI–XII вв.); 5 – Гумбез Манаса (XIV в.).

места, как базары, которые непременно упоминаются авторами в письменных источниках. «Он, то есть Сарай, город великий, заключающий в себе рынки, бани и заведения благочестия, место, куда направляются товары», – писал ал-Омари о столице Улуса Джучи (Тизенгаузен, 1884, с. 241). Ибн Баттута также отмечает наличие базаров в Сарае: «Город Сарай [один] из красивейших городов, достигший чрезвычайной величины, на ровной земле, переполненный людьми, красивыми базарами и широкими улицами… (Тизенгаузен, 1884, с. 306).

Тем не менее до недавнего времени ни постоялые дворы, ни базары в золотоордынских городах почти не известны. Единственным торговым зданием, назначение которого не вызывает сомнений, является рынок г. Болгара (Баранов и др., 2012; Коваль, Бадеев, 2015). Здание расположено в центральной части города в 150 м к юго-западу от Соборной мечети. Оно было построено в 1350-х гг. и погибло в 1360–1370-х гг. от пожара (Коваль, Бадеев, 2015, с. 189).

Постройка имела форму прямоугольника размерами 37×34 м (рис. 35). Внешние стены ее, сложенные из обожженного кирпича, стояли на ленточном фундаменте из белого камня, залитого известковым раствором. Вовнутрь здания вели четыре входных проема, располо-

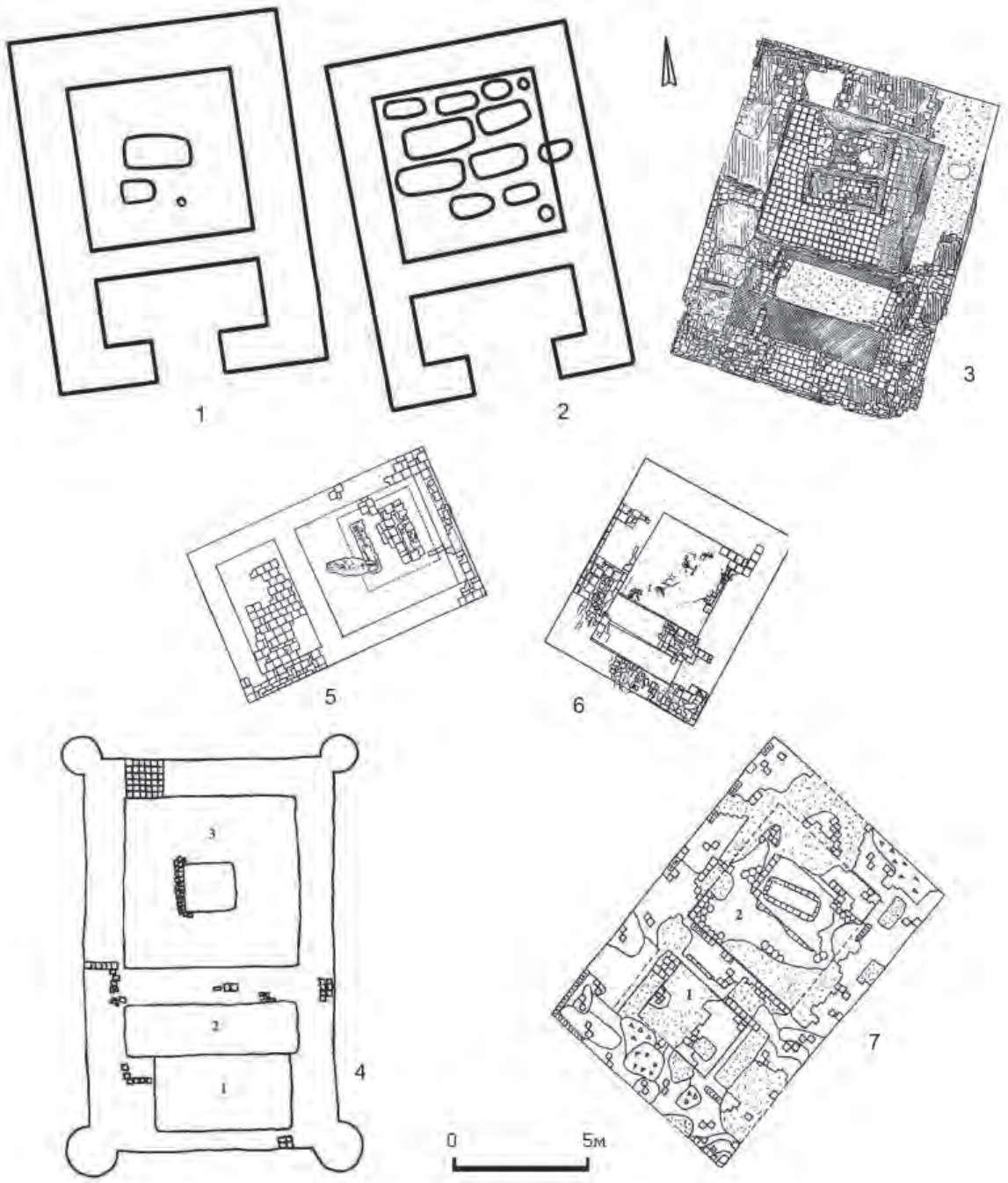


Рис. 31. Многокамерные продольноосевые фасадные мавзолеи: 1–2 – №№ 4, 5 в Мохше; 3 – № 2 у пос. Комсомольский; 4 – в могильнике «301 км» в Астраханской области; 5–6 – мавзолеи №№ 2, 3 у поселка Тептяри в Оренбургской области; 7 – Малый мавзолей на городище Жайык в Западном Казахстане

женные по центру стен и имевшие ширину около 4 м. Внутри, на расстоянии 2,4 м от внешних стен, находилась ленточная кладка из сырцовых кирпичей, уложенных на ребро под углом, т. е. «в елочку». Эти кладки являлись остатками цоколей внутренних стен, которые были деревянными или фахверковыми. Перегородки отгораживали ряды лавок, идущих вдоль внешних стен здания. При ширине помещений лавок около 2 м по периметру здания могло быть расположено около 50 таких лавок. Внутри помещений были обнаружены остатки деревянных полов. Лавки, по-видимому, закрывались деревянными дверьми, которые запирались на железные засовы и цилиндрические замки, большое количество которых (46 шт.) было найдено в местах предположительного расположения дверей (Коваль, 2013, с. 29).

Кроме лавок, расположенных вдоль стен, внутри здания базара были сооружены четыре пави-

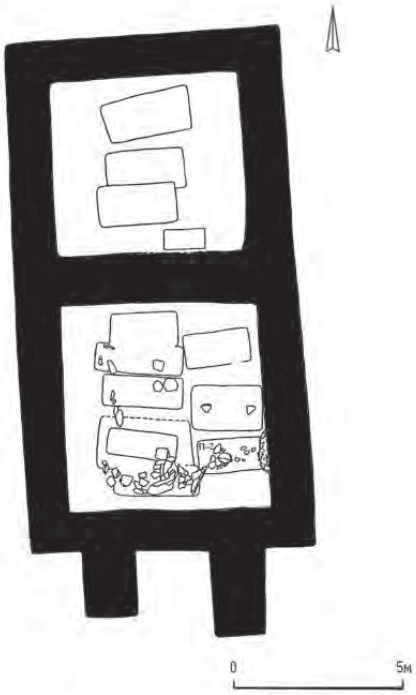


Рис. 32. Многокамерный продольноосевой мавзолей с выступающим порталом – мавзолей № 5 на Болгарском городище

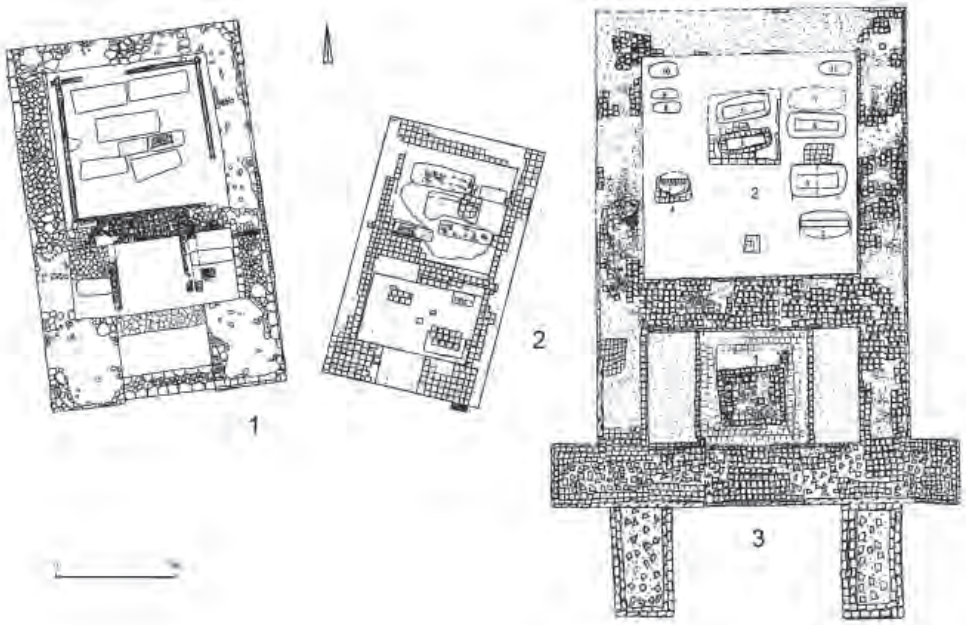


Рис. 33. Многокамерные продольноосевые мавзолеи с пештаком: 1 – № 3 на Водянском городище; 2 – № 1 у поселка Тептяри в Оренбургской области; 3 – Большой мавзолей на городище Жайык в Западном Казахстане

льона размерами 10,6×9 м, стены которых также стояли на ленточных цоколях из сырцового кирпича. В них также, вероятно, находились торговые секции. Внутри каждого павильона были сделаны небольшие прямоугольные (4×3 м) помещения, служившие, вероятно, для складирования товаров. Между пристенными лавками и павильонами шла обводная галерея шириной 3,2 м.

Точных данных о перекрытии здания базара в Болгаре не выявлено, но, учитывая то, что внутренние стены, скорее всего, были деревянными, перекрытие могло быть только плоским, балочным. Освещение здания осуществлялось через зарешеченные окна, сделанные, скорее всего, в

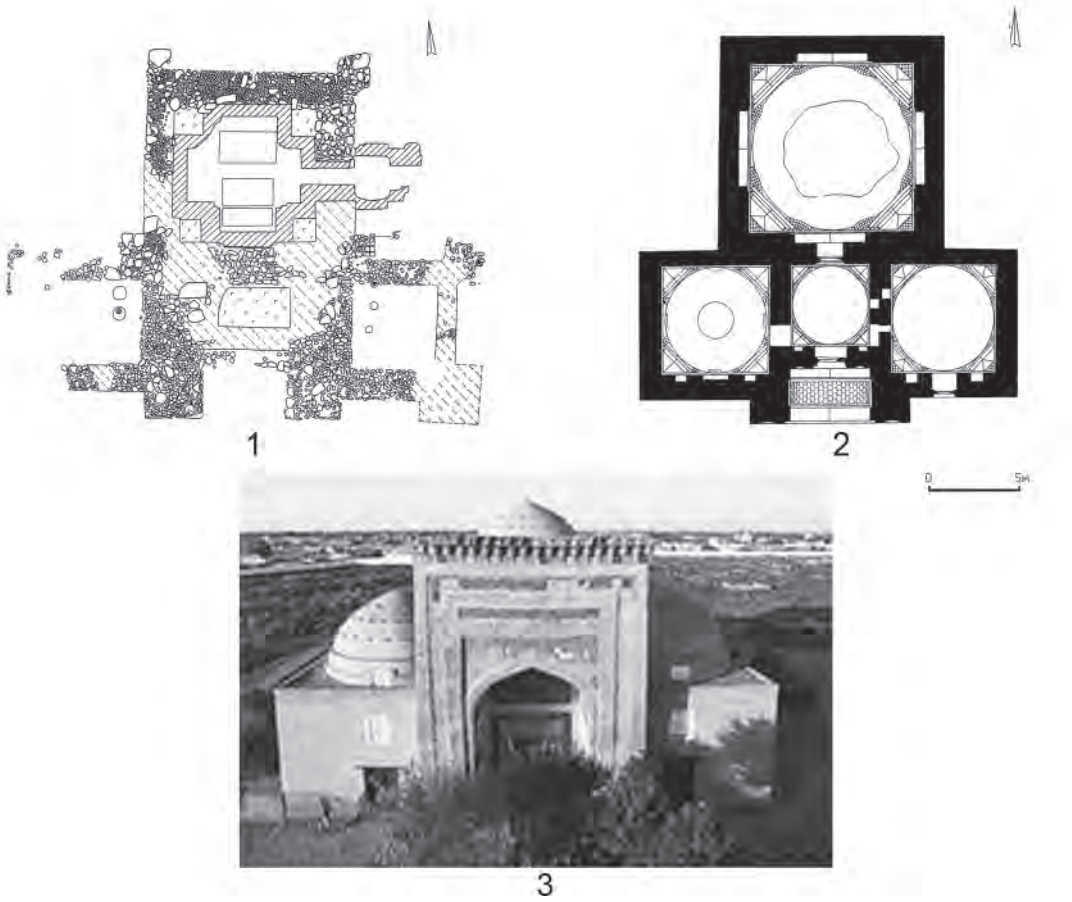


Рис. 34. Многокамерные Т-образные мавзолеи: 1 – № 1 в Мохше; 2 – 3 – Наджмеддина Кубра в Ургенче

крыше. Железные решетки от окон были найдены в разных частях галереи.

Таким образом, архитектура центрального рынка города Болгара была простой и предельно функциональной. Здание представляло собой слегка вытянутый призматический объем с глухими кирпичными стенами, расчлененными посредине широкими входами. Перекрытие было плоским со световыми отверстиями. По планировке более всего болгарский базар напоминает среднеазиатские тимы линейной планировки и турецкие бедестаны, которые представляют собой прямоугольные, сильно вытянутые здания, перекрытые сводами или несколькими рядами куполов и застроенные по обеим сторонам лавками. Своеобразие его плану придает наличие внутренних павильонов.

Среди гражданских общественных построек в городах Золотой Орды довольно значительный процент составляли бани (Зиливинская, 2001; 2011, с. 59–91). Широкое распространение банных заведений в Золотой Орде является еще одним подтверждением того, что золотоордынские города строились по восточным образцам. С распространением мусульманства, обряды которого предписывали обязательные ритуальные омовения, общественные бани-хаммам, стали непременным атрибутом любого восточного города. Такая популярность общественных бань объясняется еще и тем, что в Средние века они являлись своеобразными клубами, где посетители проводили много времени.

Восточные бани, как и античные термы, имели систему отопления, при которой горячий воздух, идущий из топки, обогревает всю поверхность пола. Тем не менее существовали и серьезные отличия, одним из которых являлась общая планировка здания. Планировка восточных бань отражает восточную «идеологию» банного процесса, в котором важнейшим элементом был массаж, приводящий к полному расслаблению организма. Непременной чертой хаммам является наличие центрального зала в виде креста, многоугольника, звезды, представляющего композиционный центр здания и служащего в качестве массажного отделения.

Бани Золотой Орды также имели систему подпольного отопления, что свидетельствует об их генетической связи с восточными хаммам и банями античной традиции. Планировка золотоордынских бань разнообразна, образцы банных построек известны в большинстве регионов Золотой Орды.

Насколько популярны были общественные бани в Золотой Орде, можно видеть на примере Болгара, в котором в настоящее время исследовано шесть бань (Хованская, 1954; Шарифуллин, 2001; Зиливинская, 2011а, с. 64–69). Баня № 1 представляла собой прямоугольное (14,0×9,0 м) здание простой планировки (рис. 38: 7). Она состояла из предбанника, мыльни и топочного отделения. Остальные бани имели более развитую планировку (рис. 36: 1–5). Они состояли из прямоугольного или квадратного в плане предбанника, центрального зала крестообразной формы с четырьмя квадратными мыльнями по углам и топочного отделения в виде массивной печи с цистернами над ней. Стены болгарских бань были сложены из известняка панцирной кладкой. Фундаменты стен опущены в котлован, на дне которого поставлены массивные устои также из известняковых плит. На эти устои укладывались плиты пола. Горячий воздух из топки по каналам поступал в подпольное пространство и обогревал всю поверхность пола центрального зала и угловых мылен. Предбанники отапливались частично или вообще не имели системы подпольного отопления. В этом случае в них могли быть сделаны теплые суфы с канами.

Над топочным отделением находились цистерны для воды. Таких цистерн было несколько, и самая горячая вода была в той, которая располагалась непосредственно над топкой. Внутри бани вода разводилась по трубопроводу, проложенному в специальных нишах вдоль внешних стен здания. Разводка осуществлялась при помощи керамических тройников, а в качестве кранов использовались короткие керамические или медные трубки. Вода поступала в специальные резервуары. В Красной палате в центре крестообразного зала находилась каменная двенадцатилепестковая чаша фонтана, а в угловых мыльнях и лоджиях зала было найдено 15 каменных раковин различной формы и размера. Сточные воды удалялись по открытому водостоку в полу или керамическим трубам, проложенным под полом.

Общественные бани Болгара представляли собой довольно крупные постройки. Самая большая из них – Восточная палата имела длину 39 м и ширину от 14 до 19 м в разных частях. О внешнем виде болгарских бань можно судить по многочисленным рисункам Белой палаты, стены и перекрытия которой сохранялись до первой половины XIX в. Как видно на рисунках братьев Чернецовых (Чернецовы Г. и Н., 1970), предбанник и тамбур здания были покрыты двухскатной кровлей. Из тамбура дверной проем вел в крестообразный зал, который стрельчатыми арками соединялся с горячими и теплыми мыльнями (рис. 37). Центральный зал и угловые помещения перекрывались куполами со световыми отверстиями в зените, у основания большого купола были сделаны еще четыре окна. Стены и внутренние поверхности куполов были оштукатурены, а плиты пола покрыты слоем известкового раствора. В Красной палате штукатурка стен покрашена красной краской, а в бане № 2 стены были покрыты росписью синего, желтого и красного цветов.

Бани с крестообразным залом известны в Мохше и Укеке. Общественная в Мохше (Алихова, 1976) состояла из крестообразного центрального зала (11,0×10,5 м) с угловыми мыльнями (2,4×2,6 м) и массивной печи, примыкавшей с северной стороны (рис. 36: 6). Кирпичные стены здания стояли на фундаменте из бутового камня. Полы бани опирались на столбики из обожженных кирпичей в один кирпич, которые имели высоту 10 слоев кладки. В южной части центрального зала один рукав креста был отделен от подпольного отопления стенкой, и здесь был сделан бассейн или резервуар. В середине центрального зала находился круглый в плане фонтан, который был установлен на мощном фундаменте. В северной части бани находилось топочное отделение. Предбанник, вероятно, был каркасным и не сохранился.

Здание с подпольным отоплением на Увекском городище, исследованное в 90-х гг. XIX в., было ошибочно атрибутировано как мавзолей. По сохранившемуся чертежу видно, что здание площадью 228 кв. м состояло из предбанника, крестообразного массажного отделения с угловыми мыльнями и топочной части. Следовательно, оно являлось общественной баней (Кубанкин, 2007).

Баня аристократического района Сарая (Селитренное городище) также имела крестообразный зал, но планировка ее несколько сложнее (рис. 36: 7). Здание имело вытянутую форму и размеры 26×13,3–15,8 м. Стены его сложены из обожженного кирпича. Баня состояла из девяти помещений, шесть из которых имели подпольное отопление. Вход в здание, обрамленный порталом, вел в небольшой тамбур, из которого по коридору посетители попадали в обширный прямоугольный предбанник, расположенный в южной части здания. Эти комнаты не отапливались. Вдоль трех стен предбанника сооружена суфа, которая обогревалась дымоходами кана. В середине пола находился фонтан. В одной из стен предбанника имелось окно, закрытое ажурной алебастровой решеткой (панджара) с цветными стеклами.

Все остальные помещения бани имели подпольное отопление. Полы в них опирались на столбики, сложенные в один или полтора кирпича. К северо-востоку от предбанника находились

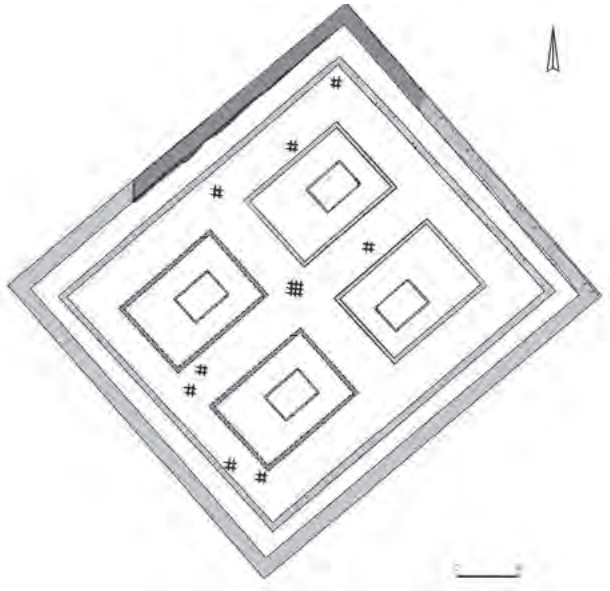


Рис. 35. Здание городского базара в Болгаре (по В.Ю. Ковалю и Д.Ю. Бадееву)

два узких вытянутых прямоугольных помещения, скорее всего, раздевальни. Стены их были покрыты мозаичными панно из кашинных изразцов белого, желтого бирюзового и синего цветов, а полы вымощены шестиугольными кирпичами, чередующимися с треугольными изразцами бирюзового цвета. К северу от этих комнат находился крестообразный зал с четырьмя купальнями. Вода в мыльное отделение подавалась по керамическим трубам, а выводилась при помощи прямоугольного в разрезе водостока, участок которого найден в коридоре и входном тамбуре. Топочное отделение селитренской бани расположено не вдоль длинной оси здания, а сбоку, что объясняется наличием с этой стороны хауса. Нет никаких данных о перекрытиях этой бани, однако по аналогии можно предположить, что середина зала и квадратные купальни были перекрыты куполами. Прямоугольная мыльня и раздевальни могли иметь сводчатые покрытия, а предбанник и тамбур – плоские.

Существовали в Золотой Орде и бани более простой планировки, состоящие из одного или нескольких рядов прямоугольных помещений. Небольшие усадебные баньки, состоящие всего из одного горячего помещения с подпольным отоплением и, вероятно, каркасного предбанника (рис. 38: 1–6), найдены в Мохше (Алихова, 1976). Площадь их от 8 до 20 кв. м. Подобная баня с одним отапливаемым помещением (2,2×2,4 м) найдена на Селитренном городище (Зиливинская, 2011, с. 73). Баня на городище Большая Тояба, прямоугольная в плане (10,7×3,4 м с северной стороны и 1,9 м с южной), состояла из двух комнат (рис. 38: 8), имевших подпольное отопление, и прямоугольной в плане топки, которая соединялась с осевым дымоходом, идущим вдоль всего здания (Федоров-Давыдов, 1960). Усадебная баня в дворцовом комплексе Сарая имела три помещения: холодный предбанник, горячую мыльню и массивное топочное отделение с печью и цистерной над ней (рис. 38: 9–10, 39). Во II периоде в предбаннике был сделан бассейн (Зиливинская, 2011, с. 72–73).

Общественная баня на Водянском городище (Зиливинская, 2011, с. 70–71) имела более сложную планировку. Она состояла из прямоугольных в плане помещений, расположенных в несколько рядов. Большая часть из них имела систему подпольного отопления (рис. 40).

В Приуралье исследована одна баня золотоордынского времени на городище Жайык (Байпаков и др., 2005, с. 87–89; Калменов, 2014, с. 65–68). Здание сильно разрушено, поэтому сказать что-либо о его планировке затруднительно. Баня была сложена из кирпича, имела систему подпольного отопления с полами на столбиках и развитую водопроводную систему. Судя по ее размерам и положению в центральной части городища, она была общественной.

Золотоордынские бани Волго-Уралья относятся к трем типам. Тип I представлен зданиями с прямоугольными в плане помещениями, расположенными в один ряд. Тип имеет два варианта: А) здания, состоящие из одного капитального помещения; Б) здания из нескольких помещений с капитальными стенами. К типу IА относятся усадебные бани Мохши и банька на Селитренном городище. К типу IБ относятся баня № 1 в Болгаре, баня на городище Большая Тояба и дворцовая баня на Селитренном городище.

Ко II типу относятся здания с прямоугольными в плане помещениями, расположенными в несколько рядов. Такова общественная баня на Водянском городище. Большинство общественных бань золотоордынского времени относятся к III типу. Это здания с одним крестообразным центральным залом, то есть состоящие из одного отделения. Такую планировку имеют бани № 2, 3, 6, Красная палата и Белая палата в Болгаре, общественные бани на Селитренном городище, в Увеке, Мохше.

Бани I и II типов относятся к античной строительной традиции. Бани III типа являются классическими хаммам восточной традиции с массажным отделением в виде крестообразного центрального зала. Бани античной традиции существовали на территории Золотой Орды еще в домонгольское время – в Крыму, Волжской Болгарии, на азиатских территориях. Планировка бань III типа была заимствована, скорее всего, в Малой Азии или Азербайджане, так как в Армении бани такого типа почти неизвестны, а в Средней Азии

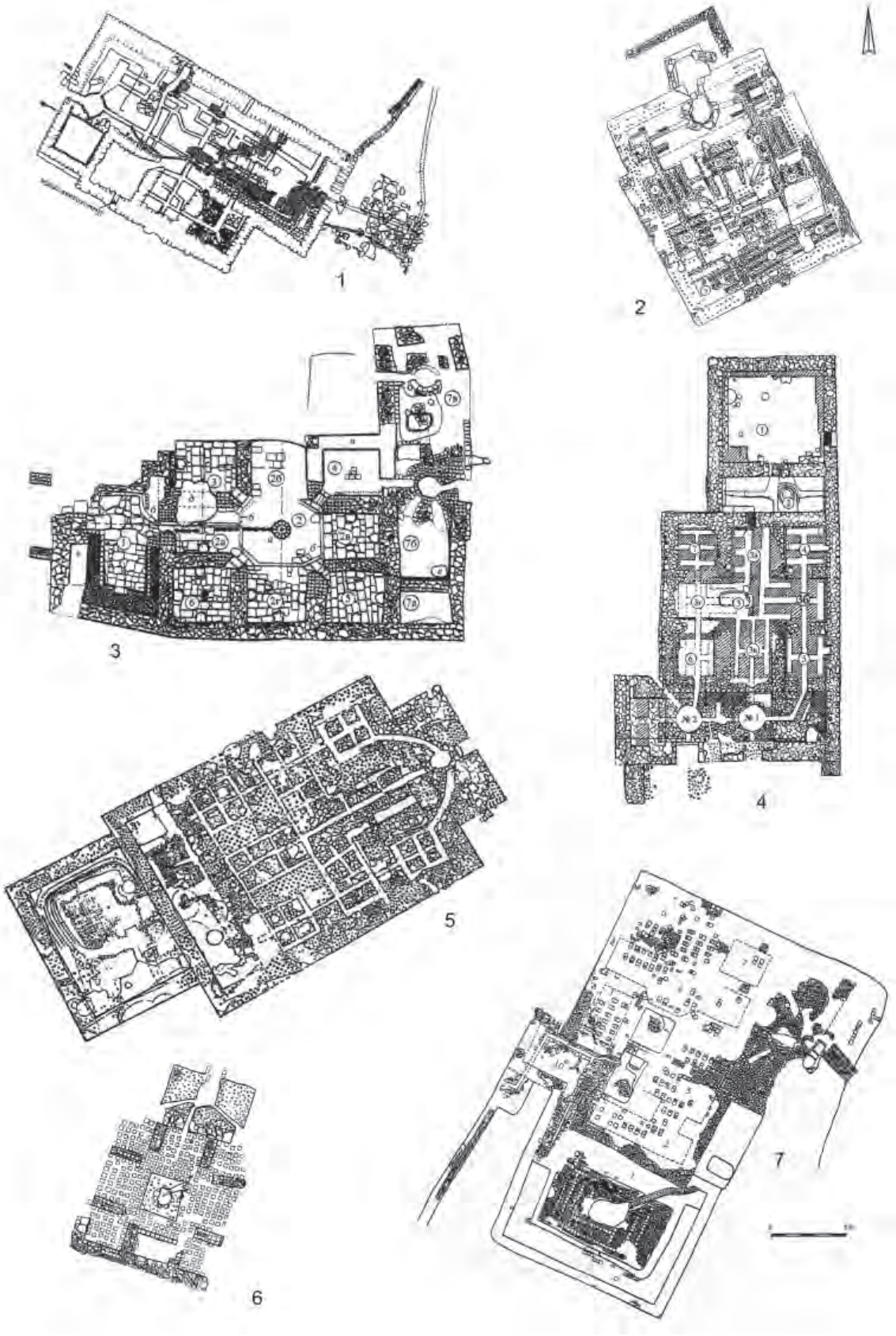


Рис. 36. Бани с крестообразным залом: 1–2 – бани 2, 3 в Болгаре; 3 – Красная палата; 4 – Белая палата; 5 – № 6 в Болгаре; 6 – в Мохше; 7 – общественная баня на Селитренном городище

Рис. 37. Белая палата, интерьер
(рис. Г. и Н. Чернецовых)

настоящие хаммам получают распространение не ранее монгольского времени и имеют несколько иную планировку. То есть бани этого типа являют собой еще один пример сельджукского влияния на архитектуру Золотой Орды.

Жилая архитектура. Основу застройки любого города составляют жилые дома, поэтому нельзя не остановиться на архитектуре жилища в Золотой Орде. Если архитектуру общественных зданий в различных частях государства отличает единство планировки, то типы жилищ рядового населения более разнообразны. Это вполне естественно, так как монументальные общественные здания в городах возводились по указам правителей и формы их были во многом регламентированы. Жилые дома люди строили сами для себя, а так как население городов было полиэтничным, то и формы жилищ в различных городах и регионах могли различаться. К сожалению, на данный момент нет исследования, в котором рассматривались бы типы жилищ на всей территории Золотой Орды, но для отдельных памятников такие работы существуют.

В Болгаре изучено три вида жилищ: полуземлянки, наземные деревянные дома и жилища монгольского типа (Полубояринова, 2016, с. 5–191). Полуземлянки имели квадратную и прямоугольную форму, площадь их составляла от 5 до 22 кв. м. Земляные стены их были укреплены частоколами из жердей, деревянными срубами или вертикально поставленными досками. Полы имели дощатый настил. Отапливались полуземлянки печами из глины или из глины, камней и битого кирпича. Большинство жилищ средневекового Болгара составляли наземные деревянные дома с подпольями. Это были однокамерные срубы из бревен. Площадь их колеблется от 9 до 16 кв. м. Полы были сделаны из досок, отапливались жилища глинобитными сводчатыми печами. Дома монгольского типа были построены из сырца. Их отличает наличие подпольного отопления в виде жаропроводящих каналов, идущих от печи[1]. Печи круглые в плане со стенками из сырцовых кирпичей. М.Д. Полубояринова отмечает, что полуземлянки и наземные срубные дома были характерны для домостроительства болгар еще в домонгольский период и не изменились в более позднее время (Полубояринова, 2016, с. 182). Дома с подпольным отоплением появляются в золотоордынский период.

В городах Нижнего Поволжья можно выделить следующие виды жилищ: юрты, землянки (и полуземлянки), однокомнатные дома, частично заглубленные в землю, наземные однокомнатные дома и многокомнатные здания (Егоров, 1970; Федоров-Давыдов, 1994, с. 45–59). Землянки зафиксированы двух типов большие (11–32 кв. м) с суфами, но без отопления и небольшие с Г- или П-образной суфой, обогревавшейся каном, идущим от печи или тандыра. Первые предназначались для содержания рабов, вторые представляли собой жилища индивидуальных семей полусвободного или беднейшего свободного населения (Федоров-Давыдов, 1994, с. 45–46). На Селитренном городище была найдена двухкамерная землянка с суфой и каном.

Однокомнатные наземные дома могли иметь деревянные стены, деревянные стены на сырцовом цоколе и полностью сырцовые стены. Обычно они квадратные или близкие к квадрату в плане (так называемый «монгольский дом»), размеры их составляют от 9 до 20 кв. м. «Монгольский» дом возникает в результате трансформации юрты в стационарное жилище при переходе кочевников к оседлой жизни. Процесс этот хорошо известен и неоднократно описан в этнографических исследованиях. Первоначально стационарные жилища сохраняют привычную круглую в плане форму, но применение твердых строительных материалов приводит к тому, что круг постепенно превращался в правильный многоугольник и затем – в

[1] Не следует смешивать подпольное отопление в домах и банях. В банных сооружениях полы лежат на столбиках и устоях, между которыми циркулирует горячий воздух, обогревающий всю поверхность пола. В домах мы имеем фактически каналы кана, проходящие не в толще суфы, а под полом.

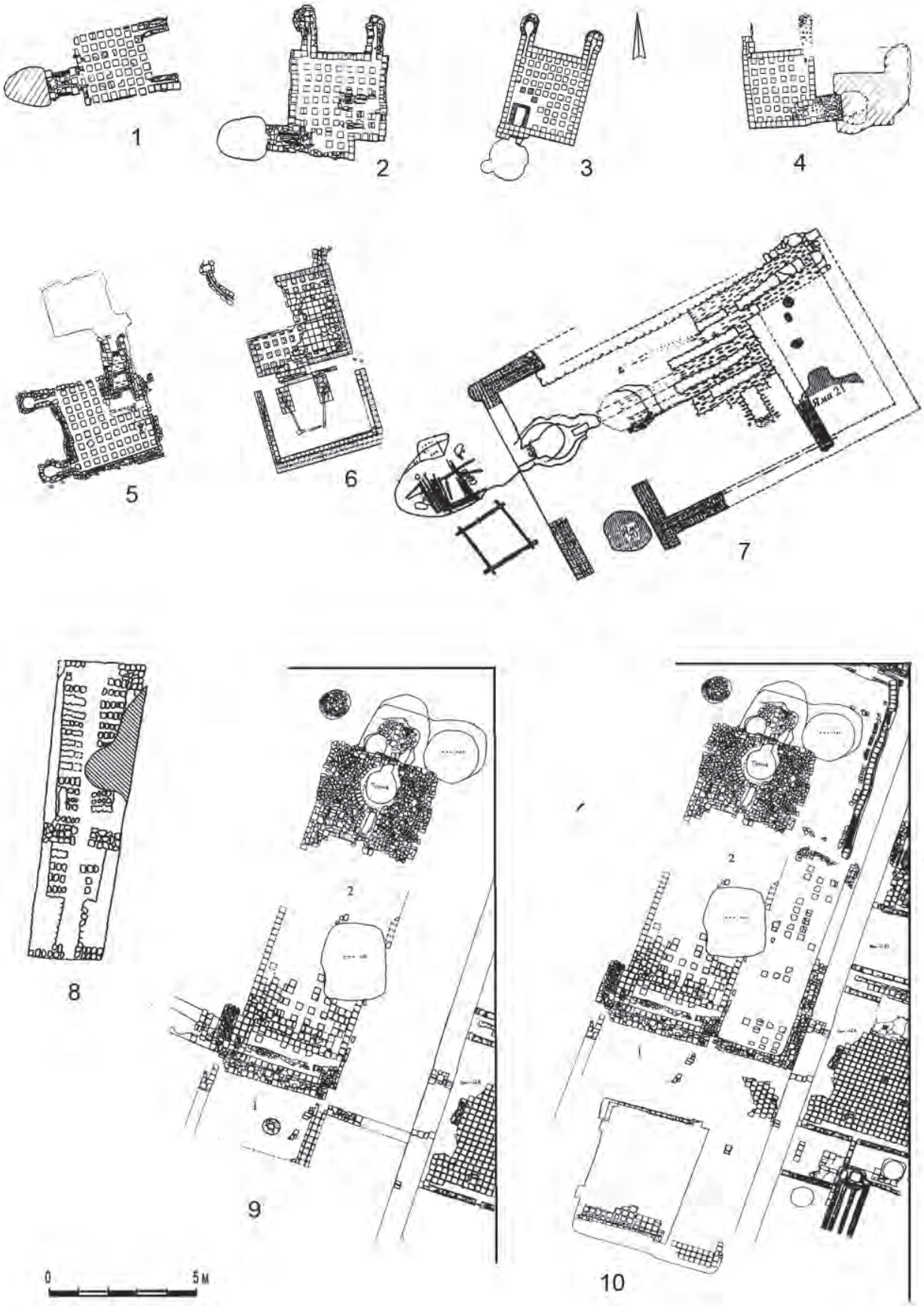


Рис. 38. Бани с прямоугольными в плане помещениями, расположенными в один ряд: 1–6 – усадебные баньки в Мохше; 7 – № 1 в Болгаре; 8 – в Большой Тоябе; 9–10 – дворцовая в Сарае (I и II строительные периоды)

Рис. 39. Дворцовая баня в Сарае

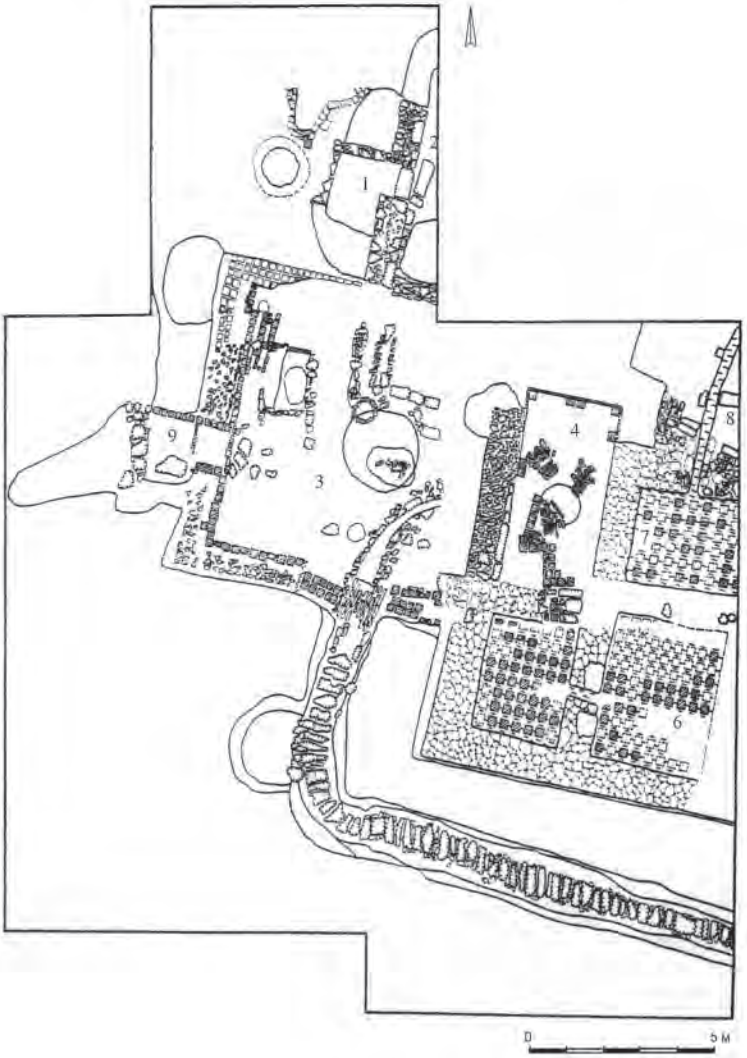


Рис. 40. Здание с прямоугольными в плане помещениями, расположенными в несколько рядов – общественная баня на Водянском городище

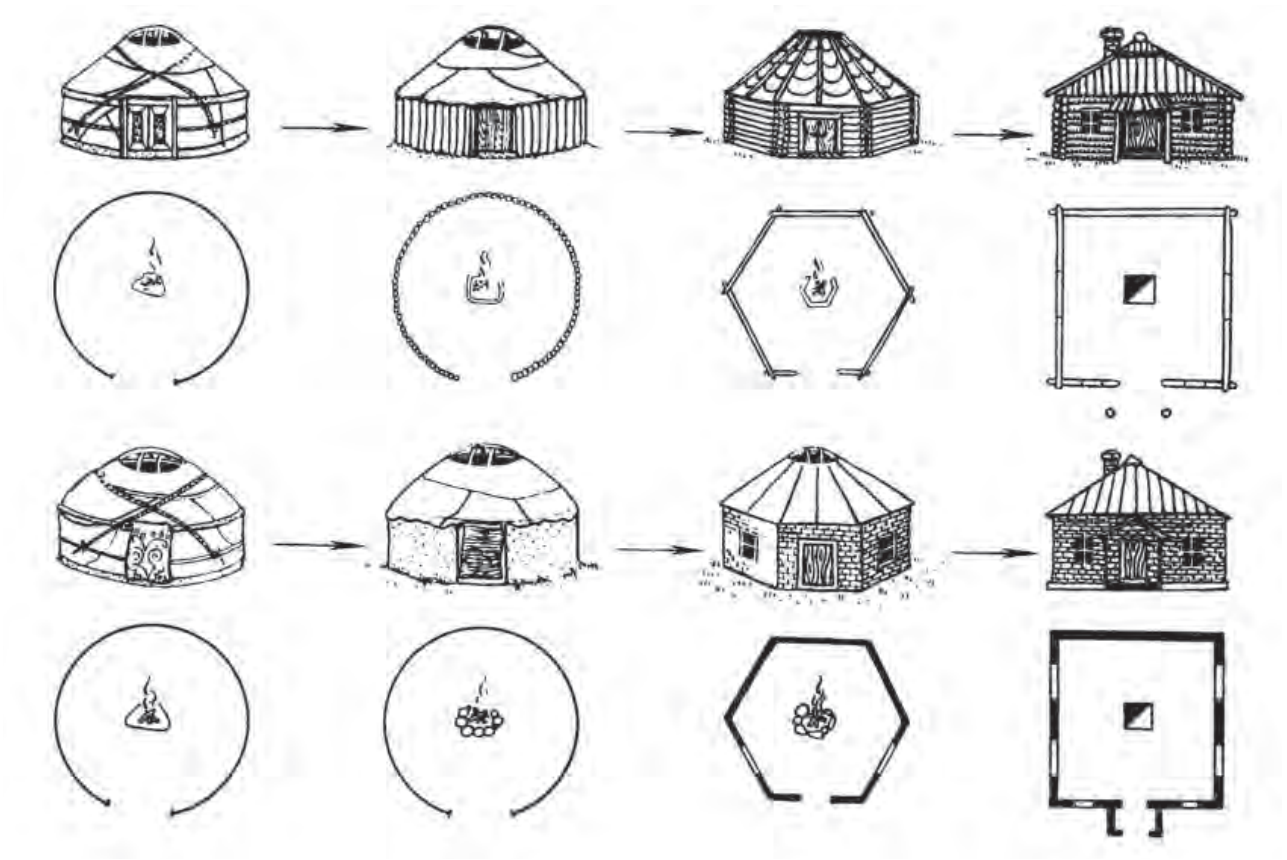


Рис. 41. Трансформация юрты в стационарное жилище (по Д. Майдару)

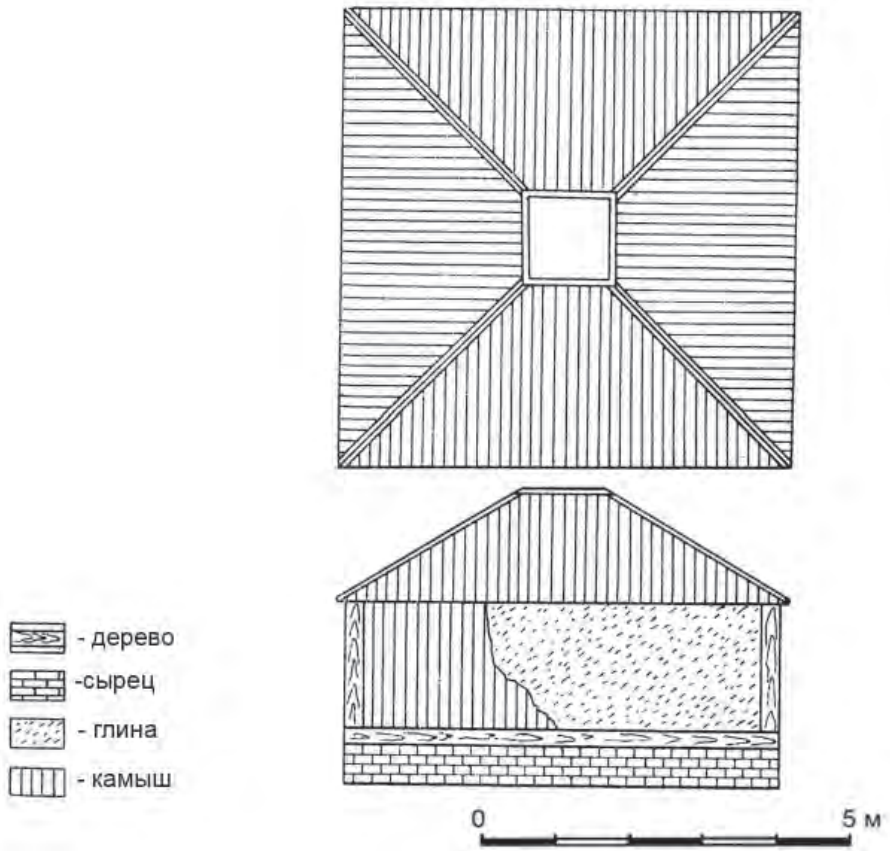


Рис. 42. Золотоордынский однокомнатный дом: 1 – бревно; 2 – кирпич; 3 – глина; 4 – доски (по В.Л. Егорову)

Рис. 43. Дома I группы: 1 – из цепочки помещений; 2 – беспорядочно пристроенные; 3 – с айваном; 4 – с внутренним двором (на Царевском городище).

квадрат (рис. 41). Вариант реконструкции такого «дома монгольского типа» в золотоордынских городах был предложен В.Л. Егоровым (рис. 42) (Егоров, 1970, 182–183). Интерьер «монгольского» дома, как, впрочем, и жилых помещений зданий других типов, состоял из Г-образной или П-образной суфы с очагом (тандыром) и каном, проходящим в толще одного из «крыльев» суфы вдоль стены или полукругом в ее толще. Соединение тандыра, кана и П-образной суфы в единый комплекс становится главным и почти обязательным атрибутом «монгольского» дома и вообще большинства жилых помещений в Золотой Орде. Суфа в таких домах занимает значительную часть площади. В небольшом по площади глинобитном или вымощенным жженым кирпичом полу может быть сделано водосливное устройство – тошнау.

Наиболее подробно были проанализированы многокомнатные усадебные дома (Зиливинская, 2008а; 2010; 2011, с. 91–132). Все усадебные постройки делятся на три группы по строительной технике. Это здания, состоящие из механически соединенных ячеек, каждая из которых представляет собой однокомнатный монгольский дом, многокомнатные монументальные здания, по-

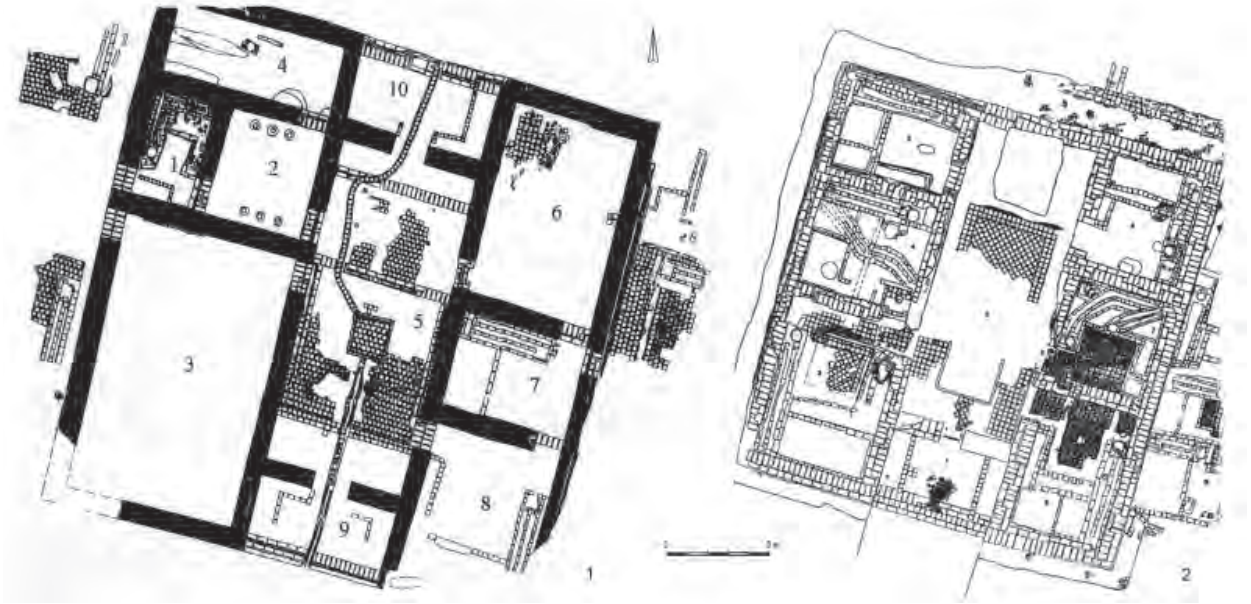


Рис. 44. Дома II группы с центральным залом: 1–2 – усадьбы №№ 1 и 2 на Селитренном городище

Рис. 45. Дворцовое здание (усадьба № 3) на Селитренном городище

строенные по единому плану, и многокомнатные монументальные здания – конгломераты, состоящие из нескольких пристроенных друг к другу частей.

Простейшим типом усадебного здания является однокомнатный «монгольский» дом. Он же представляет собой элементарную ячейку всех остальных типов зданий, относящихся к I группе (рис. 43). Дома I группы различаются взаимным расположением ячеек. Дома, состоящие из цепочки помещений (рис. 43: 1), каждое из которых является отдельным квадратным домом, и здания, состоящие из беспорядочно пристроенных друг к другу «монгольских» домов (рис. 43: 2), также характерны для бывших кочевников. В композиции из двух зеркально симметричных домов, возможно, прослеживается влияние Китая. Дома, соединенные айваном (рис. 43: 3) и сгруппированные вокруг внутреннего двора (рис. 43: 4), характерны для большинства стран Востока, и в частности для Средней Азии.

Дома II группы представляют собой достаточно монументальные здания, построенные из сырца или обожженного кирпича, с четкой регулярной планировкой. Наиболее развитую планировку имели здания, в которых выделено репрезентантное ядро, состоящее из парадного зала и соединенных с ним помещений. Можно предположить, что хозяевами их были представители высших слоев населения Золотой Орды. Кроме того, большое количество и сложная дифференциация помещений, их богатое оформление позволяют считать некоторые усадебные дома настоящими дворцами. Такие дома изучены в городах Нижнего Поволжья.

Два усадебных дома на Селитренном городище имели сходную планировку (рис. 44: 1–2). Это были квадратные в плане здания, разделенные меридиональными стенами на три ряда помещений.

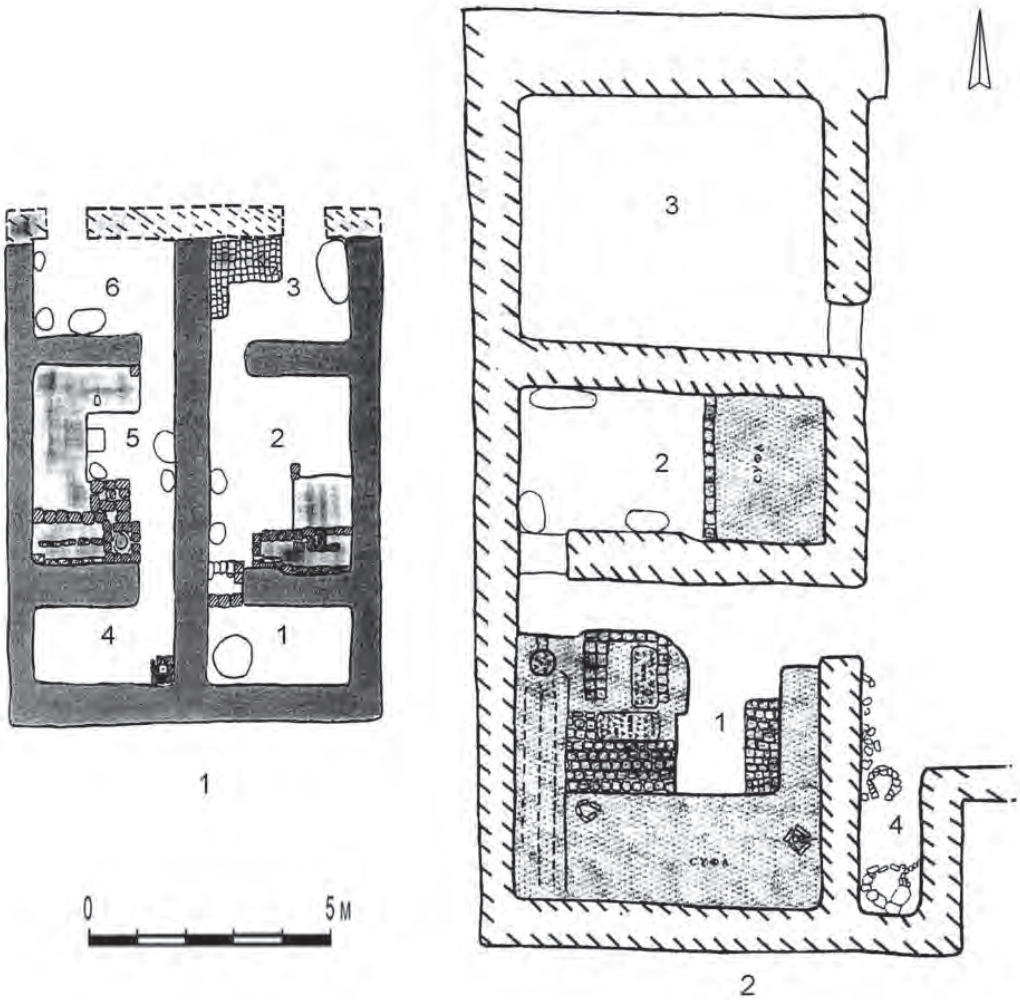


Рис. 46. Дома II группы линейной планировки: 1 – Малая усадьба; 2 – Большая усадьба (на городище Жайык)

Центральный ряд состоит из входного тамбура, расположенного с южной стороны, и зала, который является композиционным центром здания. Полы в этих залах были вымощены обожженным кирпичом на известковом растворе, а в северной части находился подиум, на котором во время торжественных мероприятий стояла тахта хозяина дома. В одном из зданий в подиуме были обнаружены деревянные столбики, поддерживавшие балдахин над тахтой. В центре пола был сделан бассейн, в который вода поступала по каналу, идущему со двора через южный тамбур под вымосткой пола. Такой же канал, протянутый на север, отводил излишки воды из бассейна. С двух сторон от центрального ряда помещений находились жилые и хозяйственные комнаты.

На Селитренном городище было раскопано дворцовое здание, которое является самой крупной усадебной постройкой, известной Золотой Орде (рис. 45). Оно представляло собой многокомнатный дом, внешние стены которого были сложены из обожженного кирпича. Внутренние стены были фахверковыми. Здание было частично разрушено, поэтому его размеры можно определить лишь приблизительно, длина его составляла 32,5 м, ширина должна превышать 40 м. Центральное положение занимала анфилада парадных покоев, которая начиналась обширным подъездом со ступенями. Дверной проем вел в помещение вестибюля с Г-образными суфами. Далее следовал распределительный тамбур, соединенный двумя проходами с центральным залом.

Помещение зала было прямоугольным в плане, вытянутым по оси С–Ю, и имело размеры 15,8×9,4 м. В его южной части находилось возвышение, выложенное кирпичом на известковом растворе. В средней части зала вдоль стен находились узкие суфы. На севере сделано еще одно возвышение большей площади, чем южное. С востока и запада от него находились проходы, ведущие в северные комнаты. Суфы с четырех сторон окружали фигурно выложенный пол, в центре которого находилась большая тошна. Пол вымощен плитами двух видов: из крупногабаритных квадратных плит выложен бордюр по краю пола, квадрат, окаймляющий тошну в центре, и дорожки,

Рис. 47. Малая усадьба на городище Жайык

Рис. 48. Дом III группы (конгломерат) – усадьба № 4 на Селитренном городище

идущие от углов квадрата и образующие крестовидную фигуру. Пространство между дорожками заполнено шестиугольной кирпичной плиткой, пространство вокруг тошны заложено обычными кирпичами. Стены зала украшали большие мозаичные панно, состоящие из фигурных полихромных элементов с позолотой. К северу от зала располагались еще два помещения, вероятно, как и с южной стороны, – тамбур и айван.

С западной и восточной сторон к парадной части дворца примыкали комнаты, расположенные рядами по оси север – юг. Всего было исследовано около 35 помещений, имевших жилое и хозяйственное назначение. Кроме обычных комнат с суфой и каном здесь была домашняя пекарня с несколькими тандырами, кладовая с жерновами для перемалывания зерна, ванная комната и детская – комната, на оштукатуренных стенах которой было нацарапано много детских рисунков. Комнаты соединялись между собой при помощи коридоров и распределительных тамбуров.

Дворцовые здания сходной планировки с парадными залами в центре исследованы на Ахтубинском городище (Плахов, 2008).

Трудно предположить, что развитая планировка этих зданий возникла самостоятельно в городах, основанных бывшими кочевниками. Истоки ее нужно искать у народов, обладавших к XIV в. достаточно высокой строительной культурой, причем в качестве возможных аналогов нужно рассматривать не народное жилище, а дворцы, замки и богатые усадебные дома. Сравнение с дворцами Монголии, построенными по китайским образцам, показывает отсутствие какого-либо сходства как в строительной технике, так и в планировке. Тем не менее описания приемов в монгольских дворцах, сделанные Рубруком и Марко Поло, возможно, проливают свет на характер церемоний, происхо-

дивших в главном зале золотоордынских усадебных домов. И в монгольских, и в золотоордынских дворцах вход находится с южной стороны, а возвышение, на котором восседал владелец дома, – в северной части. По сторонам располагаются места для гостей и домочадцев. То есть организация пространства парадного зала в усадебных домах Золотой Орды соответствует таковой во дворцах Монголии. Такая организация пространства характерна для любого монгольского жилища. Монгольские юрты и поныне ставят дверью на юг, а северная их часть считается наиболее почетной, в то время как юрты тюрков ориентированы входом на юго-восток (Жуковская, 1988, с. 16).

Что касается планировки как таковой, то здания с центральным залом широко представлены в архитектуре всего Среднего Востока. Образцы зданий дворово-айванной и зально-айванной планировки известны и в архитектуре Средней Азии. Истоки усадебных домов с прямоугольными в плане залами можно видеть в зодчестве Хорезма.

На городище Жайык исследованы усадебные здания линейной планировки, построенные по единому плану, состоящие из помещений различного назначения (Байпаков и др., 2005, с. 72–87). Здания могут иметь один вход, тогда все комнаты соединены между собой по принципу анфилады. Или же часть помещений имеет свои отдельные выходы. Помещения вытянуты в одну линию (собственно линейная планировка) (рис. 46: 1). Или же здание состоит из двух линий помещений, которые зеркально симметричны. То есть получается удвоенная линейная планировка (рис. 46: 2; 47). По мнению Е.А. Смагулова, такой принцип организации жилища характерен для бывших кочевников и является оседлой трансформацией кибитки (Смагулов, 2010, с. 88–90).

III группа представлена домами-конгломератами, которые не имеют четкой планировочной структуры. Такую планировку имел дом усадьбы 3 на Селитренном городище (рис. 48). В этих капитальных, богато украшенных многокомнатных постройках, явно принадлежащих городским верхам, прослеживается тот же примитивизм архитектурных решений, что и в планировке домов небогатых ремесленников.

Таким образом, в планировке усадебных зданий Золотой Орды так же, как и во всей культуре, прослеживается синтез различных компонентов. В основе домов первой группы лежит так называемый «дом монгольского типа», хотя строение его типично для жилищ бывших кочевников различных регионов. Такие дома могли возникнуть в Золотой Орде самостоятельно и представляют «кочевническую» традицию домостроительства в архитектуре этого государства.

С кочевнической традицией, возможно, связаны и линейно-анфиладные дома II группы, известные в Приуралье.

Типы домов с айваном и внутренним двором, распространенные на всем Востоке, были принесены, скорее всего, из Средней Азии. Усадебные здания с парадным залом, принадлежавшие социальным верхам золотоордынского общества, имеют наиболее сложную и разработанную планировку, которая также возникла под влиянием Средней Азии и Хорезма. Тем не менее, несмотря на столь сильное среднеазиатское влияние, здесь нельзя видеть прямое заимствование. Дома с внутренним двором и центральным залом имеют выраженную ось симметрии, направленную по линии север – юг. В случае наличия репрезентантного ядра вход в него расположен с южной стороны, а почетное место хозяина – с северной. То есть взяв за основу здания типично среднеазиатской планировки, жители золотоордынских городов применили к ним свои принципы организации пространства, принесенные из Монголии и, возможно, из Китая. В результате возникли постройки, которые можно считать оригинальным вариантом хорошо известных на Среднем Востоке планировочных схем.

ОСОБЕННОСТИ ОБЪЕКТОВ ВОЕННОГО ЗОДЧЕСТВА В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ

На сегодняшний день оборонительные сооружения исследованы у 12 болгарских городищ, датированных золотоордынским временем. Довольно небольшое их количество связано не столько с малой изученностью памятников, сколько с тем, что в это время вообще существовало мало укрепленных поселений. Происходит резкое сокращение их количества по сравнению с домонгольским периодом. От общего числа в 198 известных городищ только 42 функционировали в качестве укрепленных пунктов в это время, причем из них 22 памятника возникли именно в середине – второй половине XIII в. (рис. 1). Несмотря на это, все же мы имеем представление о типах достаточно широкого спектра оборонительных построек.

Одним из показателей развития болгарского военного зодчества золотоордынского времени являются оборонительные сооружения **Болгарского городища**. В золотоордынский период площадь памятника увеличивается до 400 га. В это время

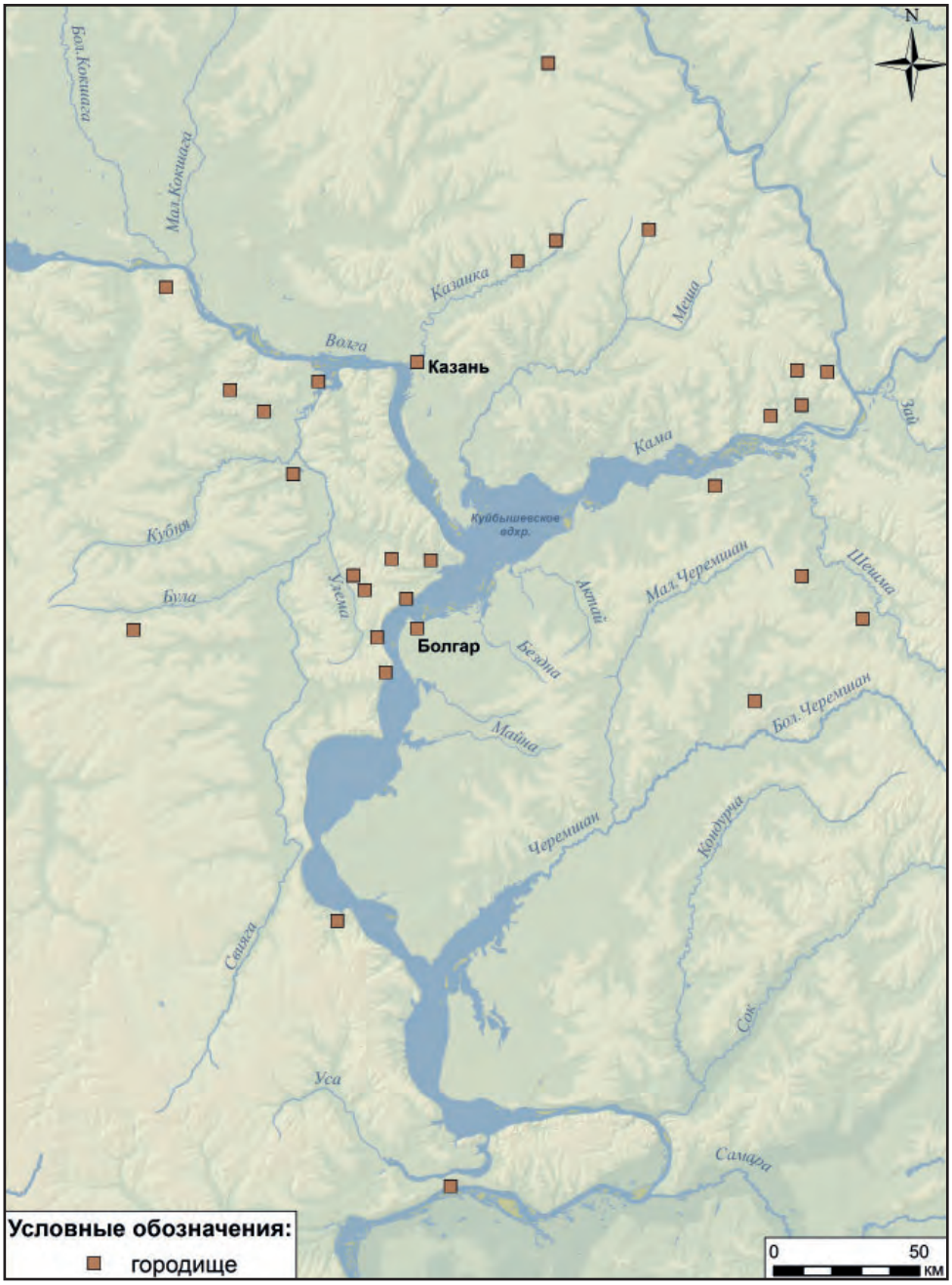


Рис. 1. Карта распространения городищ Волжской Болгарии золотоордынского периода (по: Губайдуллин, 2018)

он занимает край коренной волжской террасы высотой около 35–40 м (рис. 2). С запада, юга и востока городище окружается валом и рвом. Высота вала в южной и юго-восточной частях достигает 4 м, а ширина 12 м. Глубина рва около 2 м, ширина около 10 м. Размеры укреплений в западной и восточной частях несколько меньше. Здесь высота оборонительных насыпей около 2 м при ширине до 12 м. Глубина рва до 2 м, а ширина 8–10 м.

Такие различия не случайны, т. к. с восточной и западной сторон еще до недавнего времени существовали небольшие озера и заболоченные территории. С других же направлений, кроме северного, природных преград не было, и поэтому болгарские строители вынуждены были возводить там более солидные укрепления.

В южной части поселения появляется дополнительное укрепление – «Малый городок», а в северо-восточной т. н. «окоп Савенкова». Кроме того, можно предположить и наличие какой-то ограды у «армянской колонии», располагавшейся в это время у северо-западной окраины Болгарского городища. Таким образом, значительно расширив свою территорию, городище принимает подтреугольную форму. Его расположение на местности видоизменяется – поселение становится неподчиненным рельефу. В оборонительном плане данный факт накладывает на него свой отпечаток. Вся

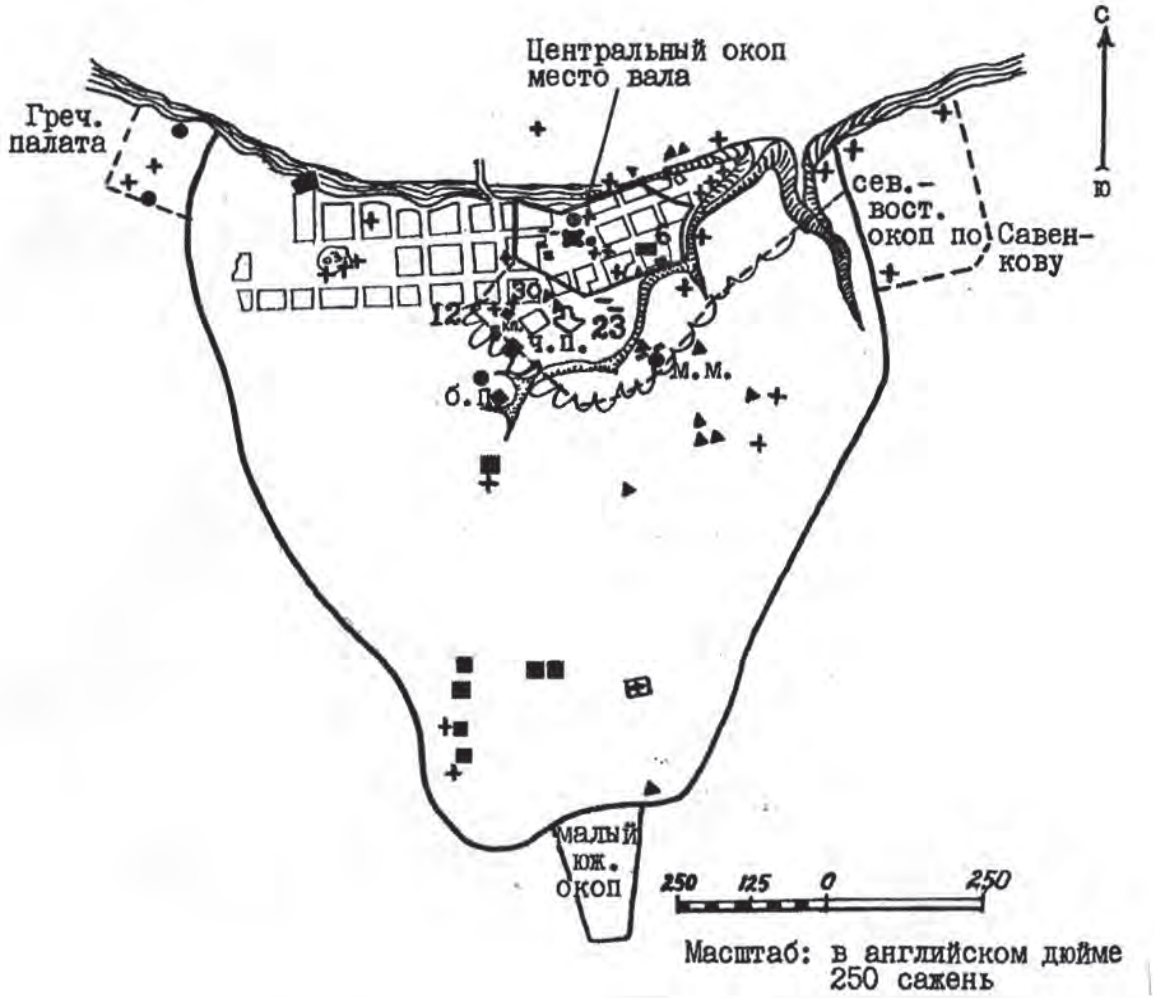


Рис. 2. План Болгарского городища с указанием положения Армянской колонии, северо-восточного окопа Савенкова и Малого городка («южный окоп») (по: «План развалин и укреплений бывшей столицы Волжской Болгарии,находящейся при с. Успенское-Болгары» по планам Шмита, Штрауса, Савенкова, Ф.Сурина и исследованиям по 1892 г.)

линия укреплений принимает ломаную форму и начинает состоять из целого комплекса входящих и исходящих углов.

Исследования обороны городища проходили в разное время и на разных ее участках. Так, изучение западной части линии дерево-земляных сооружений в 50-х гг. XX в. выявило структуру вала. В верхней части он состоял из слоя почвы русского времени до 0,1 м с находками фрагментов керамики XVII–XX вв., затем шел насыпной суглинок серовато-красного цвета. Ниже его залегало основное тулово вала куполообразной формы мощностью до 1 м из серой супеси и песка, взятых при рытье рва, под которым проходил слой погребенной почвы (Хованская, 1958, с. 320).

На гребне вала были выявлены остатки дубовых столбов диаметром 0,1–0,5 м, заглубленных на 0,5–0,75 м. Они были забиты в тех местах, где предполагалось укладывать бревна, и на основании этого ширина крепостной стены, установленной на вершине оборонительной насыпи, определяется 1,6 м. Также автор раскопок отмечала различие в расположении столбов западного и восточного отрезков вала: в первом случае они находились группами на расстоянии около 3 м, в другом – по прямой линии. О.С. Хованская совершенно справедливо объясняла данное несоответствие различными приемами возведения отдельных участков крепостного вала, а также частичным ремонтом разрушенных стен (Хованская, 1958, с. 325).

В свою очередь, при расчистке рва, имевшего глубину 2,2 м, были обнаружены следы от 28 ямок, являвшихся остатками кольев-столбов, забитых в его дно. Вскрыты сходные же столбы диаметром от 8 до 20 см и на контрэскарпе. Они представляли собой надолбы, которые служили дополнительным препятствием для противника. Таким образом, были реконструированы элементы обороны в

виде деревянной стены, шедшей по гребню вала; ров, заполненный водой, с выступающими сваями и сплошную систему надолбов с внешней стороны рва (Хованская, 1956, с. 130; Хованская, 1958, с. 320).

В процессе работ, возможно, были выявлены и следы от крепостных башен 8- или 12-угольной формы, что довольно редко встречается при археологических работах. Размеры первых составляли 4,5×7 м, а вторых – 7,2×7,2 м (Хованская, 1956, с. 133).

По мнению О.С. Хованской, крепостные стены Болгарского городища представляли собой прототип тарас, заполненных землей и камнями. Они состояли из двух параллельных деревянных стен, связанных на определенном расстоянии перевязями, по верху которых укладывался настил боевого хода, в то время как передняя стенка возводилась выше и в ней прорубались бойницы (Хованская, 1956, с. 132–133).

По мнению исследователя, в восточной части городища также находилась крепостная стена, которая опускалась с террасы в низину с разницей высот до 25,6 м и имела протяженность 85 м (Хованская, 1956, с. 130). В этом месте была выявлена искусственная подсыпка для создания ровной площадки при сооружении крепостной стены, остатки которой прослеживались в виде округлых пятен с включением угля и древесины, а строительство датируется началом XIV в. (Хованская, 1956, с. 131). Здесь стена заканчивалась многогранной башней и затем под прямым углом шла на запад, причем безо рва, т. к. с внешней стороны находились непроходимые болота. Таким образом, она прикрывала устье Большого Иерусалимского оврага. Как считала О.С. Хованская, крепостная стена стояла и на верхней террасе вдоль бровки крутого обрыва и соединялась на западе с основными укреплениями города (Хованская, 1958, с. 326, 327).

Позже Ю.А. Красновым во время исследований западной части вала, в месте северного проезда на территорию памятника, были получены дополнительные сведения по фортификации этого участка обороны и установлена следующая стратиграфия: под дерновым слоем и культурными слоями русской деревни и золотоордынского времени находилась насыпь из желтой и серой гуммированной супеси. Во внешней юго-западной части вала зафиксирован слой древней почвы, вынутой изо рва. Здесь по верху насыпи были прослежены и остатки деревянных конструкций. Они состояли из горизонтальных и вертикальных бревен диаметром около 20 см, причем первые лежали вдоль оси вала по одной линии. Такого же типа следы отмечены и при раскопках объекта значительно южнее, примерно в 400 м. На этом участке также были обнаружены остатки деревянных конструкций в виде темных гумусированных пятен и полос. Пятна от вертикальных столбов имели диаметр от 20 до 40 см и располагались поперек вала. Гумусированные полосы шли и параллельно оси оборонительной насыпи (Краснов, 1968, с. 29–31).

Следующий раскоп, заложенный Ю.А. Красновым в южной части городища в районе древнего проезда, выявил конструктивные особенности вала и места, где находилась предполагаемая фланкирующая башня. Оборонительная насыпь состояла из двух слоев – желтой и плотной темной гуммированной супеси. Также в ней были встречены остатки связующего вещества – извести, пущенной в глинистую массу. Здесь же прослежены и три группы столбов, по три столба в каждой группе, диаметром 0,12–0,25 м, которые служили для уплотнения насыпи. Помимо этого, были выявлены и остатки столбов, расположенных по периметру предполагаемой башни, диаметром 0,2–0,45 м. По их расположению Ю.А. Краснов предположил существование в этом месте многогранной конструкции, имевшей 6–8 граней и размеры 8×8 м. Кроме этого, вне пределов башни обнаружены и следы других столбов, находившихся в 1,5–2 м друг от друга и образующих два ряда на расстоянии 1,8–1,9 м. В центре насыпи также была сделана интересная находка – череп лошади, что, возможно, являлось оберегом этого объекта (Краснов, 1968, с. 31–34).

В то время остатки насыпи вала изучались и с восточной стороны городища, но они не выявили каких-либо конструктивных ее качеств ввиду значительного оплыва объекта. Только в юго-западной части памятника исследования еще одного полукруглого расширения с внутренней стороны вала позволили определить его специфику. Под слоем дерна здесь шел углистый слой мощностью до 10–15 см, далее находилась насыпь из желтой супеси и глины, служивших основанием башни. По мнению Ю.А. Краснова, ее остатками могли быть отпечатки круглых вертикально стоявших столбов диаметром 0,25–0,5 м, которые образовывали несколько неправильный многоугольник периметра башни. От современной поверхности они имели глубину 0,45–0,7 м, и их насчитывалось 8–9 штук. Таким образом, это позволило исследователю говорить о шестигранной башне, или по аналогии с предыдущей, имевшей семь или восемь граней, с размерами 6×8 или 7×8 м (Краснов, 1968, с. 36).

Автор раскопок указывал и на отпечатки столбов меньшего диаметра, расположенных внутри периметра башни параллельными рядами, которые могли быть опорами настила боевой

площадки, а также на следы дополнительных свай – уплотнителей грунта. Кроме того, были прослежены и остатки крепостной стены, примыкавшей к башне, в виде крупных столбов диаметром 0,27–0,3 м. Они образовывали два параллельных ряда на расстоянии 1,3 м, установленных в 2,2 м друг от друга вдоль внешнего склона вала. От горизонтально уложенных между столбами бревен сохранились лишь слабые гумусные полосы шириной до 0,2 м (Краснов, 1968, с. 37).

Ю.А. Краснов реконструировал основу стен из вертикальных столбов, пространство между которыми забиралось горизонтальными бревнами. Сами валы сооружались из почвы, супеси и чистого песка, в основании которых иногда прослеживается слой супеси или суглинка куполообразной формы, взятый изо рва или ближайшей площадки поселения (Краснов, 1968, с. 38–39). Кроме того, он полагал наличие здесь крепостных башен, возведенных в основном на расстоянии около 120 м друг от друга. При этом он выдвинул предположение о возможной неодновременности строительства их со стенами. В южной же части городища пространство между башнями было еще меньше и составляло 55 м, и в одном случае 75 м. Там, где они находились, направление стен было прямым, с других же сторон их заменяла извилистая линия (Краснов, 1968, с. 37–38).

Разница в размерах валов и рвов на различных участках обороны Болгарского городища далеко не случайна. По мнению О.С. Хованской, усиление юго-восточной части городища более мощными оборонительными сооружениями было сделано со стратегической целью (Хованская, 1958, с. 323). И действительно, если с восточной и западной сторон города ранее располагались болотистые озерца и другие водоемы, что входит в т. н. «естественную фортификацию», чьи остатки и следы фиксировались до недавнего времени, то с других направлений ничего подобного не было. Поэтому строители вынуждены были возводить там наиболее солидные укрепления, чего не требовалось с запада или востока, тем более в такой мере.

В 60-х гг. XX в. Н.Д. Аксеновой в центральной части западной линии укреплений удалось зафиксировать остатки сильно нарушенного оборонительного вала. Он сохранился в виде слоя желтого суглинка, толщиной до 35 см, лежавшего на однородном коричневатом гуммированном суглинке без каких-либо находок, который автор работ связывала с культурным слоем поселения золотоордынского времени. Толщина его 40–45 см (Аксенова, 1970, с. 48).

Более же полные сведения были получены при исследовании рва, который сохранился гораздо лучше. Его дневной уровень был перекрыт вышеотмеченным слоем мощностью в 22 см. Он имел ширину 6,8 м, а глубину – около 2 м от современной поверхности и перерезал поочередно слой материковой глины, а затем слой материкового песка и глины. Профиль рва сохранился хорошо. Его эскарп спускался двумя пологими ступенями, а контрэскарп двумя более крутыми. Высота их была одинакова: верхних – 85 см, а нижних – 105 см. На профиле внутренней отлогости, на границе вала и рва, прослеживались следы двух вертикальных столбов в виде черных сильно гуммированных пятен супеси. Их размеры составляли: глубина 1,2 и 1,1 м, а диаметр 40 и 26 см (Аксенова, 1970, с. 48–49).

Довольно интересным объектом является т. н. «Восточный проезд», расположенный в восточной части Болгарского городища, который имел примечательную систему въезда на территорию памятника. В этом месте укрепления городища, идущие с северо-запада, представляли собой два излома и поворачивали на юго-запад, где и завершались проездом. В охранно-спасательных целях в 90-х гг. XX в. А.М. Губайдуллиным были проведены исследования остатков вала в северной части данного проезда (рис. 3).

Современная высота крепостного вала в этом месте составляла 1,8 м от прилегающей поверхности земли. Его исследования выявили следующую стратиграфию: непосредственно под дерном шел слой светло-серой супеси, частично наплывавший на вал с внутренней стороны и, по-видимому, являвшийся слоем запустения. Ниже него следовал слой желтой рыхлой супеси толщиной до 75 см, который составлял верхнюю часть насыпи. Основное тулово вала состояло из утрамбованной светло-желтой супеси с суглинком и серой плотной супеси общей мощностью до 135 см. Его подстилал культурный слой около 40 см с редкими находками болгарской керамики золотоордынского облика и костями животных. Далее залегала погребенная почва, а затем следовала кровля материкового суглинка. Насыпь вала состояла из трех чередующихся слоев. Верхняя часть слоя из желтой рыхлой супеси несколько была уплощена и вместе с внутренней отлогостью имела вид трапеции, что характерно для первоначального облика многих оборонительных насыпей. У гребня ее внутреннего склона была зафиксирована ямка от столба диаметром около 25 см и глубиной до 60 см. Вторая подобная ямка выявлена ближе к внешней отлогости вала и имела диаметр 30 см и глубину ок. 80 см. Расстояние между ними составляло 1,5 м. По-видимому, это следы от каких-то надвальных конструкций, частично заглубленных в насыпь. Исходя из характера этих остатков, не

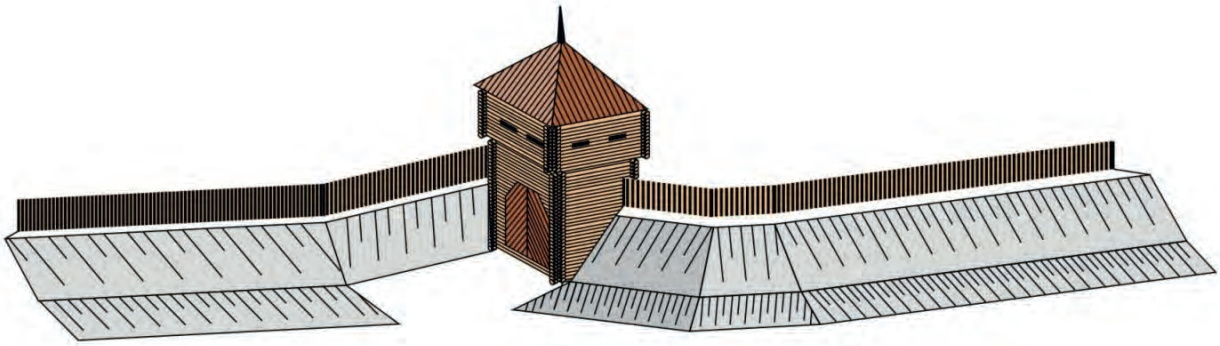


Рис. 3. Реконструкция Восточного проезда Болгарского городища (по: Губайдуллин, 2002)

исключено, что они представляли собой тыновую ограду с внутренним помостом для боевого хода или вариант столбовой конструкции.

Существование в этом месте подобной стены было достаточно и оправдано. С этой стороны город вряд ли нуждался в более мощной крепостной ограде, т. к. прилегающая обширная территория была в древности значительно заболочена, а также покрыта небольшими озерками, от которых до сих пор остались следы. В качестве примеров можно привести озеро Подорлово и т. н. «Копцево болото» и «Тигулево болото».

В начале 2000-х гг., во время проведения охранно-спасательных работ в юго-западной части памятника, А.М. Губайдуллиным двумя раскопами исследовались крепостной ров и напольная сторона – эспланада. На первом объекте была прослежена довольно простая стратиграфическая картина – слой дерна толщиной 8–10 см и слой серой гумусированной супеси мощностью от 30–40 см до 1 м. Сам оборонительный ров XIV в. имел треугольную форму. Судя по его типу и характеру грунта, он никогда не заполнялся водой и был в древности сухим. Это еще раз подтверждает мысль о том, что ров Болгарского городища XIV в. представлял собой «классическое» оборонительное препятствие, при создании которого учитывались прилегающая местность и характер грунта. Следов каких-либо деревянных конструкций обнаружено не было. Подобное же отсутствие остатков деревянных оборонительных сооружений определено и с напольной стороны. Это явилось следствием строительства в советское время насыпи дороги, проходящей рядом.

Изучение валов и рвов в 2015 г., проведенное А.М. Губайдуллиным в западной и восточной частях памятника, позволило вновь актуализировать вопрос о времени и способах строительства укреплений городища в золотоордынский период, а также выявить их сходство и различие в общем контексте накопленных ранее сведений.

По результатам исследований раскопа CCVII (площадь 176 кв. м), располагавшегося на западной стороне крепостных сооружений города, определены стадии возведения данного объекта фортификации. Впервые в процессе работ были выявлены следы от трассировки будущей линии обороны. Она шла непосредственно под насыпью и вдоль нее, представляя собой полосу шириной до 50 см и глубиной около 15 см, проведенную, возможно, при помощи лемеха. Затем перед созданием вала поверхность земли подверглась выравниванию боронением. Не исключено, что это осуществлялось при помощи сучковатого бревна, о чем свидетельствовали следы от полос глубиной до 5–7 см, шедших немного наискосок по отношению к оси укреплений, которые не являлись свидетельством ранней распашки, т. к. были выявлены только под валом. Из перекрытой насыпью почвы происходили находки фрагментов красноглиняной керамической посуды XIII–XIV вв., свидетельствующие о существовании в этом месте раннего поселка с культурным слоем около 40 см.

Оборонительная насыпь возводилась из грунта, взятого при рытье рва. Таким образом при этом сохранялся обратный порядок залегания земли. Основанием вала служила первоначальная насыпь, сложенная из темно-серой гумусированной супеси мощностью до 50 см. Далее к ней были присыпаны с внутренней стороны еще две небольшие насыпи из коричневого и желтого суглинков, после чего они были перекрыты серо-желтым плотным суглинком. Завершающим этапом стало возведение сверху и с внешней стороны еще двух более мощных слоев, состоящих из желтой супеси с суглинистыми включениями и желтого песка, толщиной до 90 и 60 см соответственно. Окончательная ширина насыпи, таким образом, достигла 10,5 м (рис. 4). Вдоль внешней отлогости вала была также устроена берма[1] шириной около 60 см, которая с течением длительного времени оказалась перекрыта оплывшей верхней насыпью.

[1] Берма – узкий уступ между валом и рвом, предохранявший оборонительную насыпь от осыпания в ров.

Не смотря на существенный оплыв вала, в верхней его части под слоем дерна были выявлены остатки от наземных конструкций. Они представляли собой следы от нескольких вертикальных столбов диаметром 15–20 см и глубиной от 7 до 40 см, установленных в два ряда, и, как минимум, одного горизонтального бревна толщиной также 15–20 см, расположенного между ними.

С внешней стороны вала, сразу за бермой, находился ров треугольной формы с первоначальной глубиной около 2,5 м от дневного уровня и шириной более 9 м. Непосредственно за ним, судя по характеру современной поверхности и выявленным напластованиям, ранее могла существовать отлогая к полю гласисообразная насыпь, ныне значительно оплывшая. Сохранившаяся высота объекта от древнего уровня земли составляла около 60 см. При ее вскрытии были выявлены следы от двух рядов вертикальных столбов, представлявших собой надолбы, установленные в шахматном (?) порядке. Их диаметр составлял 25–30 см, глубина – 20–30 см от уровня выявления. Не исключено, что в древности ряды надолбов шли полосой шириной не менее чем в 15–20 м, т. к. они предназначались для затруднения доступа противнику и непосредственного штурма основных укреплений, иначе смысл в их установке теряется.

Следующим раскопом CCXV (площадь 132 кв. м) А.М. Губайдуллиным изучались укрепления в восточной части городища. Здесь также были определены стадии возведения этого отрезка линии обороны. В свою очередь и на данном участке были выявлены следы от трассировки, которая шла непосредственно под насыпью, вдоль нее и представляла собой полосу шириной до 50 см и глубиной 12–15 см, проведенную, возможно, при помощи лемеха. Затем перед созданием вала поверхность земли подверглась выравниванию боронением при помощи сучковатого бревна, о чем свидетельствовали следы от полос глубиной до 5–7 см, но шедших уже вдоль оси укреплений, что также не являлось свидетельством ранней распашки, т. к. было выявлены только под валом. Перекрытая почва представляла собой культурный слой раннего поселка с редкими находками фрагментов красноглиняной керамической посуды XIII–XIV вв.

Насыпь вала возводилась из грунта, взятого при рытье рва, поэтому сохранялся обратный порядок залегания земли. Основанием вала служила первоначальная насыпь, сложенная из светло-серой супеси (дерн?) мощностью около 40 см. В отличие от раскопа CCVII, где подобный объект располагался примерно в центральной части, здесь возведение вала началось с внутреннего края, а последующие насыпи, частично перекрывая друг друга, присыпались во внешнюю сторону. Они сложены из темно-серой гумусированной супеси, далее – серо-желтого и желтого суглинков. Лишь только потом все они были полностью перекрыты слоем желтого песка мощностью до 60 см. Общая ширина насыпи, таким образом, достигла 8,5 м (рис. 5). Вдоль внешней отлогости вала была устроена берма шириной около 60 см, которая также с течением длительного времени оказалась перекрыта оплывшей верхней насыпью.

Как и в предыдущем случае, в верхней части вала под слоем дерна были выявлены остатки от наземных конструкций. Они представляли собой следы от нескольких вертикальных столбов диаметром 15–20 см и глубиной от 5 до 20 см, установленных в два ряда. Между ними выявлен и след от одного горизонтального бревна толщиной 15–20 см.

С внешней стороны вала находился ров треугольной формы с первоначальной глубиной около 2,5 м от дневного уровня и шириной около 7,5–8 м. Его размеры, форма, заполнение и грунт (супесь и суглинок), в котором он был выкопан, также свидетельствуют о том, что объект изначально не предназначался для заполнения водой. Данный факт характерен для всего Болгарского городища за все время его существования как укрепленного поселения. Непосредственно за рвом с напольной стороны следов каких-либо конструкций-надолбов выявлено не было.

Первоначально возведение крепостных сооружений Болгара относилось исследователями к первой четверти XIV в. Однако по результатам исследований впервые удалось определить время строительства основной линии обороны городища, которая довольно точно датируется 40-ми гг. XIV в. Этот вывод был сделан благодаря находкам медных монет в нижней части тулова вала как на раскопе CCVII, так и на раскопе CCXV.

Наиболее ранняя монета, найденная на раскопе CCVII, анонимная, с так называемой «решеткой» на реверсе, чеканенная в Болгаре в начале XIV в. Остальные принадлежали Джанибек-хану, с двуглавым орлом на реверсе, и имели хорошую сохранность, т. е. практически мало использовались. Кроме того, во время исследований восточной части раскопа CCXV, сразу за рвом с напольной стороны, были изучены остатки сооружения – «полуземлянки», во время вскрытия которой найдены две медные монеты Узбек-хана со львом на реверсе, датирующиеся первой четвертью XIV в. Данная постройка перестала функционировать и была засыпана непосредственно перед строительством укреплений, причем ее край был частично срезан контрэскарпом рва. Таким образом, результаты новых исследований позволяют выдвинуть наи-

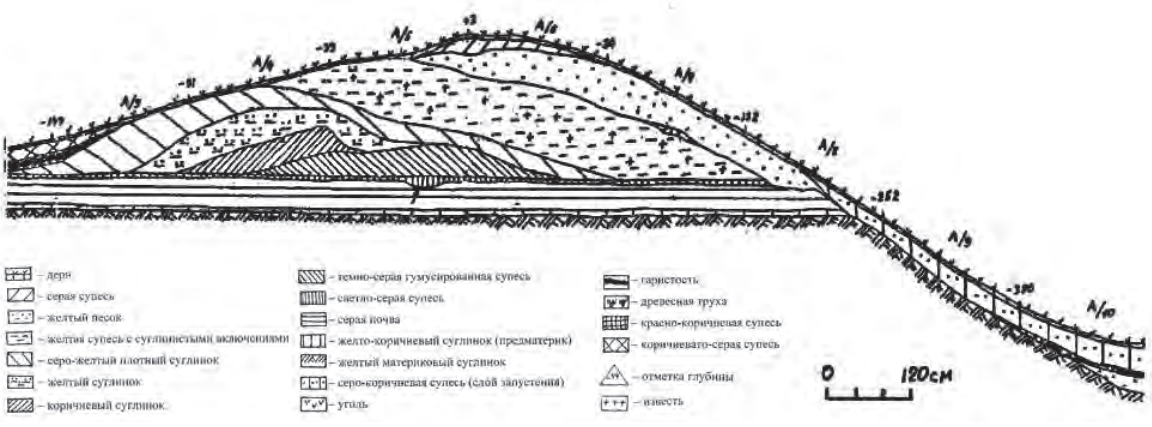


Рис. 4. Болгарское городище. Профиль вала. Раскоп CCVII 2015 г. (по: Губайдуллин, 2018)

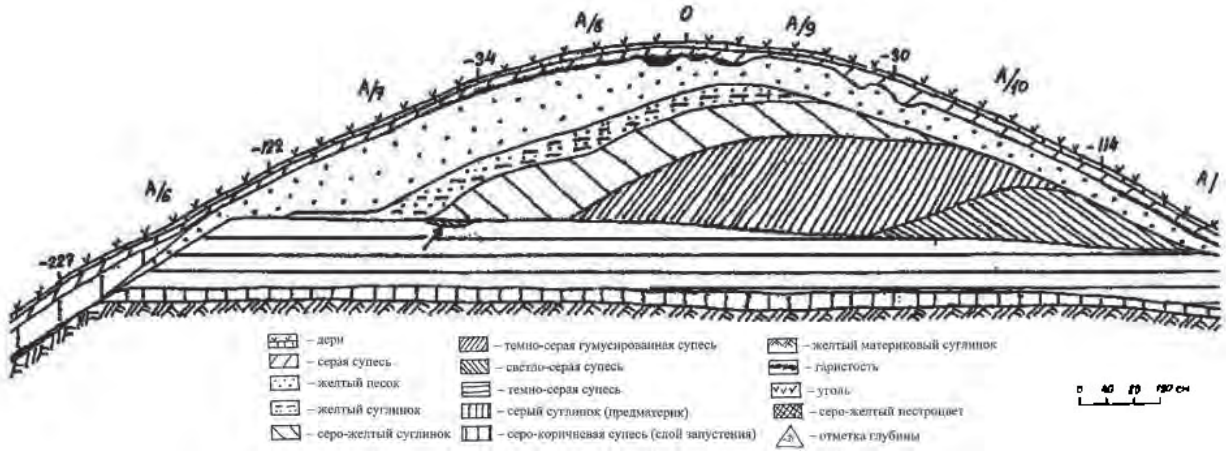


Рис. 5. Болгарское городище. Профиль вала. Раскоп CCXV 2015 г. (по: Губайдуллин, 2018)

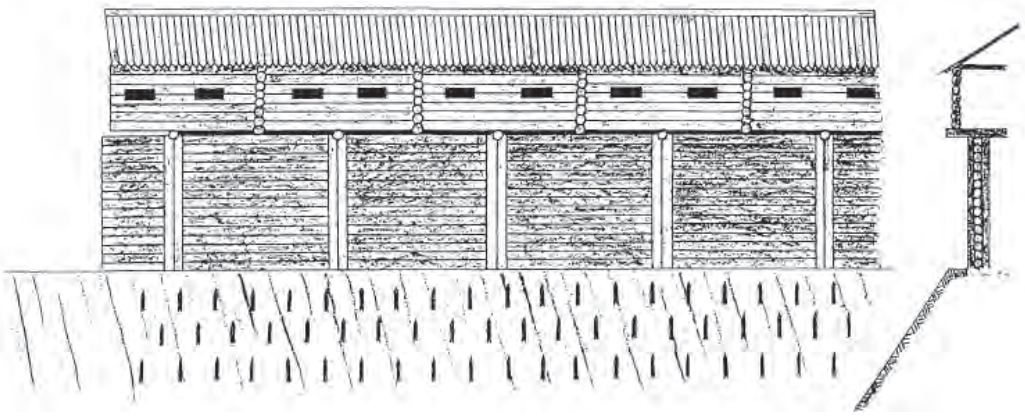


Рис. 6. Реконструкция оборонительных сооружений города Болгара золотоордынского времени (по: Губайдуллин, 2002)

более обоснованную на сегодняшний день точку зрения на датировку этого памятника фортификации.

Базируясь на полученных сведениях, мы можем констатировать некоторые различия в ходе сооружения данных оборонительных насыпей, что, возможно, говорит об участии в их возведении двух групп строителей, а точнее двух «школ» специалистов-фортификаторов. Учитывая же данные предыдущих археологических исследований, несколько отличающихся от наших, то можно говорить минимум о трех таких группах. Как бы там ни было, окончательный результат в строительстве был достигнут одинаковый, включая

одинаковые типы валов и наземных конструкций. Последние лишь частично заглублялись в грунт и поэтому, вследствие оплывания, остались только их следы. Также, опираясь на характер стратиграфии оборонительных насыпей, можно сказать и о временном периоде их возведения, который, скорее всего, велся без перерыва в течение нескольких месяцев. Об этом, например, может говорить отсутствие каких-либо прослоек между насыпями, которые свидетельствовали бы о длительных паузах во время их создания.

В целом картина военно-инженерных конструкций Болгарского городища XIV в. очень интересна. Комплекс оборонительных сооружений этого времени по сравнению с домонгольским гораздо более сложен (Губайдуллин, 1998, с. 197–198). Он состоял из целой системы взаимодополняющих и заменяющих друг друга типов фортификационных построек. Это надолбы с напольной стороны и во рву, ломаная линия обороны, крепостные башни (?) (установленные, по-видимому, с наиболее угрожающих сторон) и стены в виде столбовых конструкций, тарас, а также сложная система проездов на территорию городища (рис. 6).

Прослеживаются и отдельные технологические приемы в создании оборонительных конструкций, берущие свое начало еще в домонгольское время. Например, это тип стен в виде столбовых конструкций, но только более усложненная их модель в XIV в. Также наблюдается и некоторая асимметрия заложения склонов рва, где в золотоордынское время контрэскарп имел большую крутизну, чем эскарп, что мы видим и в типе рвов предыдущего исторического периода (Краснов, 1987, с. 118).

Кроме Болгара нужно отметить и линии обороны таких памятников, как Кашан I, Кирменского и Ашиязского городищ. Несомненно, в это число входят также Казань и Чаллынское городище, но нам достоверно неизвестно, как выглядели их крепостные сооружения в XIII–XIV вв. Вполне возможно, что они продолжали ограждаться укреплениями, возведенными еще в предыдущий домонгольский период, и лишь иногда подвергались ремонту.

Городище Кашан I (город Кашан). Городище находится на правом берегу р. Камы. Оно занимает относительно ровную площадку, которая имеет пологий наклон, идущий в сторону реки. Поселение ограждено с трех сторон речным обрывом и двумя оврагами Гремячим и Рыжным (рис. 7). Занимаемая памятником площадь – 108 га. Кашан I ограждается валом и рвом с напольной стороны, перекрывая свободный отрезок между двух оврагов, а также защищен дополнительными укреплениями со стороны р. Камы. Он датируется двумя периодами болгарской истории – домонгольским и золотоордынским. Городище возникло в XII в. и существовало до второй половины – конца XIV в.

А.М. Губайдуллиным в 80-х гг. XX в. исследовался оборонительный вал, расположенный с напольной стороны памятника. Высота его 2,5–3 м, ширина – около 12 м, глубина рва – 2,5–3 м. На сегодняшний день большая часть линии обороны уничтожена при прокладке газопровода.

Во время археологических работ была выявлена следующая стратиграфическая картина: сверху везде шел слой дерна мощностью 7–8 см, затем слой желто-коричневого суглинка при наибольшей мощности в 70 см. Эта небольшая насыпь представляла собой отвал, образовавшийся во время прокладки газопровода. Этого же типа небольшие насыпи были зафиксированы у внутренней и внешней подошв вала. Далее под ним следовал слой темно-серого суглинка, который ранее, видимо, являлся дерном, покрывавшим насыпь, его толщина достигала 8–10 см. Со стороны внутреннего склона вала он был срезан и прослеживался лишь по верху и фасу вала. Непосредственно под ним выделялись две линзы светло-серого гумусированного суглинка размерами 15×55 см и 12×55 см. Расстояние между ними составляло около 1 м.

Основная насыпь, выявленная в центральной части тулова, состояла из коричневого суглинка, имевшего мощность до 110 см. Во внешней ее части были прослежены две линзы, состоявшие из прокала и углей толщиной до 8 см. Внутри этой насыпи находилось своеобразное ядро, имевшее подтрапециевидную форму и сложенное из тяжелого темно-коричневого суглинка мощностью более 100 см. Оно не является первоначальным валом, так как между двумя насыпями отсутствовали какие-либо прослойки, что может свидетельствовать об одновременности всего сооружения. Также, во внешней части этого ядра, на глубине 170–180 см, выявлены и следы от обугленного частокола, представлявшего собой крепиду этой внутренней насыпи, которая должна была препятствовать ее разрушению.

Впоследствии основной вал изучался также К.А. Руденко. Исследователем также были выявлены некоторые его конструктивные особенности. Здесь ближе к внешнему склону оборонительной насыпи зафиксированы остатки вертикальных бревен высотой около 2,5 м и диаметром около 20 см. Они были вкопаны в специально вырытую траншею при расстоянии между ними не более 10 см. Для их устойчивости использовались также небольшие бревна высотой до 120 см, установленные в основании стены, которая в свою очередь была обмазана глиной. По мнению К.А. Руденко,

Рис. 7. Городище Кашан I (по: Руденко, 1999)

эти бревна первоначально возвышались над уровнем дневной поверхности на высоту 1,6–1,7 м, а на верхней части вала стояли деревянные укрепления в виде уложенных горизонтально бревен, крепившихся вертикальными столбами (Руденко, 1999, с. 116; Руденко, 2007, с. 41).

К.А. Руденко были исследованы и дополнительные укрепления, расположенные вдоль речного берега, а также технологические приемы, использованные при возведении этой оборонительной линии. Перед их строительством сначала был сведен росший здесь лес, затем склон террасы был укреплен при помощи положенных вдоль него бревен диаметром 16 см, соединенными в обло с опорными вертикальными столбами. Выше них одновременно возводились деревянные конструкции в виде опалубки из толстых плах размером 360×200 см, заполненные затем пестроцветом и обмазанные снаружи глиной. После чего, по мнению автора раскопок, склон террасы был выровнен и была произведена общая отсыпка насыпи вала суглинистым и супесчаным грунтом. Образованный при этом с внешней стороны ров имел ширину около 6 м, глубину до 1,5 м и крутизну склонов до 45–50° (Руденко, 1999, с. 114).

Последние на сегодняшний день исследования вала с напольной стороны были проведены М.Б. Шигаповым, во время которых выявлены четыре мощных слоя, составлявших насыпь. Также были прослежены и упоминавшиеся выше конструктивные особенности этого оборонительного вала (Шигапов, 2013, с. 302–305).

Крепостные сооружения городища Кашан I с напольной стороны, судя по имеющимся данным, можно реконструировать следующим образом: здесь на верху оборонительной насыпи, которая имела уплощенную поверхность, находилась стена из горизонтально положенных бревен. Об этом могут свидетельствовать выявленные линзы светло-серого гумусированного суглинка. Данная стенка, по-видимому, связывалась через определенные промежутки при помощи клетей, которые заглублялись в оборонительную насыпь. Этот тип сооружений можно реконструировать как городни в наземной части, а укрепляющую роль срубных конструкций и их замену внутри вала представляло ядро темно-коричневого суглинка подтрапециевидной формы с деревянным частоколом.

Вдоль рва с внешней стороны вала проходила берма в виде горизонтальной площадки, имевшей ширину 120 см, которая предохраняла оборонительную насыпь от осыпания в крепостной ров. Также по подошве внешней отлогости вала и по его фасу были установлены два ряда ограды в виде частокола (рис. 8). Дополнительные же укрепления, располагавшиеся со стороны берега р. Камы, не были достаточно сложными. Их функции и незначительная мощность позволяет нам реконструировать данные объекты как более легкие конструкции в виде частокола или тына. Это дает нам право судить о хорошо продуманном комплексе военно-инженерных сооружений, которые соответствовали своему предназначению в том или ином месте.

Кирменское городище. Городище находится на мысу, имеющем форму неправильного четырехугольника, образованного оврагом «Сухая река» и левым берегом р. Кирменки, левого притока р. Омарки. Площадка памятника ровная, полого опускающаяся к юго-юго-востоку. Занимаемая площадь – 10,08 га. С северной напольной стороны поселение ограждено двумя рвами, расположенными на расстоянии 40–60 м друг от друга (Казаков и др., 1987, № 360).

Археологические исследования А.З. Нигамаева на городище выявили только один ров протяженностью 60 м, имевший ширину 5 м и глубину около 2 м от древней поверхности. Заполнением его верхней части служила темно-серая гумусированная супесь, в которой были встречены фрагменты керамики, кости животных, древесный уголь и

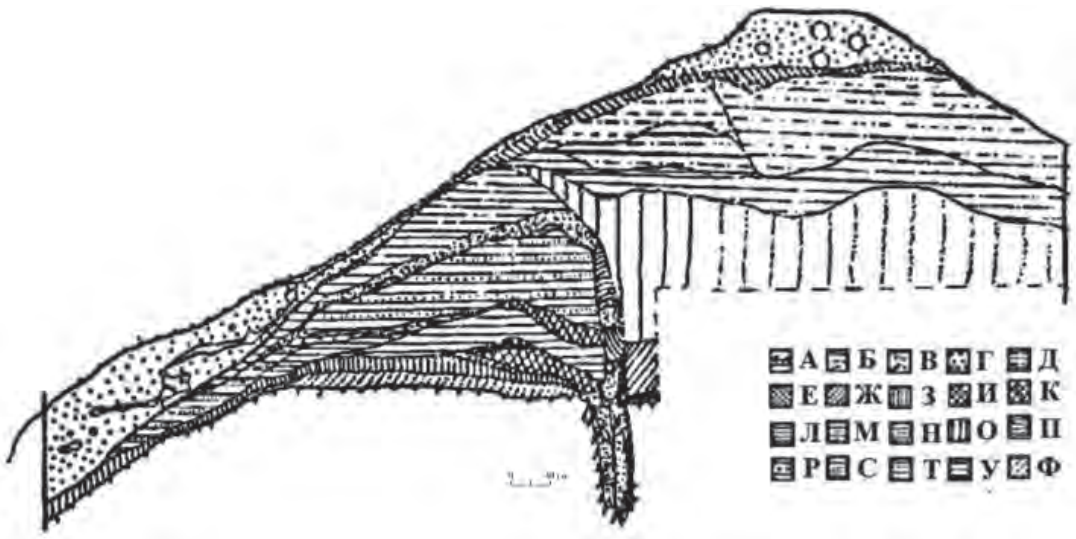


Рис. 8. Городище Кашан I. Профиль вала (по: Руденко, 1999):
Условные обозначения. А – дерн; Б – зола; В – уголь; Г – охристый рыхлый суглинок; Д – обожженная глина; Е – темно-серая супесь; Ж – серая рыхлая супесь; З – светло-серая супесь; И – пестроцвет; К – коричневый пестроцвет; Л – коричневы й суглинок; М – рыхлый коричневый суглинок; Н – светло-коричневы й суглинок; О – желто-коричневый плотный суглинок; П – рыхлая, коричневая супесь; Р – рыхлая коричневая супесь с известняковыми вклю чениями; С – светло-коричневый плотный суглинок; Т – светло-коричневы й рыхлый суглинок; У – темнокоричневы й плотный суглинок; Ф – темный, гуммированый, плотный суглинок (предматерик).

куски обгоревшего дерева. Нижняя часть рва оказалась заполнена буро-коричневым суглинком и кусками известняка (Нигамаев, 2005, с. 44). Таким образом, для обороны городища использовался сухой, треугольный в профиле ров, труднопреодолимый для противника в случае неожиданного нападения (рис. 9).

Памятник, возникнув еще в домонгольский период, существовал и в золотоордынское время как укрепленное поселение, что не противоречит имеющимся историческим сведениям (Воскресенская летопись, т. 3, 1998, с. 104).

Ашиязское городище. Городище расположено на подтреугольном мысу высокого правого берега р. Ашит, левого притока р. Илети. Площадь памятника незначительная и составляет 0,5 га. Поселение с северной напольной стороны защищено двумя линиями валов и рвов, устроенных в два пояса (рис. 10). Внешний вал имеет ширину 4–5 м и высоту до 1 м, ров – ширину до 4 м и глубину до 1 м. Внутренняя линия плохой сохранности и отстоит от внешней на 44 м. По-видимому, она более ранняя и время ее возведения относится к азелинской культуре (Археологическая карта Татарской АССР. Предкамье, 1981, № 11; Казаков и др., 1987, № 172).

Археологической экспедицией Н.Ф. Калинина на месте одного из «проездов» исследовался внешний, наиболее сохранившийся вал. Его насыпь состояла из нескольких чередующихся слоев. Под дерном залегал слой коричневого суглинка, полностью перекрывавшего всю насыпь. Затем следовало основное тулово вала, сложенное из желтой супеси мощностью до 120 см и шириной около 480 см. В ней выявлены остатки какой-то деревянной конструкции в виде бревен толщиной около 20 см и длиной более 2 м. Здесь же вдоль внешнего склона был найден камень-песчаник. Эта насыпь находилась на своеобразной подушке, сложенной из суглинка. Ниже шел слой погребенной почвы, а затем кровля материка (Халиков, 1958, с. 87).

Наличие бревен, лежащих поперек линии вала, возможно, свидетельствует о существовавших здесь внутривальных срубных клетях. Также камень-песчаник, скорее всего, служил для укрепления внешней отлогости вала. Однако следов от каких-либо надвальных конструкций прослежено не было. По-видимому, это произошло из-за сильного оплыва оборонительной насыпи. Принимая во внимание размеры оборонительного вала, мы можем лишь высказать предположение об их облике. Не исключено, что они принадлежали к относительно «легкому» типу стен и имели вид тыновой ограды.

Ашиязское городище было отнесено Н.Ф. Калининым к болгарским памятникам (Калинин, Халиков, 1954, с. 69). Однако значительно позже его датировали более ранним временем, серединой I тыс. н. э., и отнесли к азелинской культуре (Казаков и др., 1987, № 172). Возможно, что какое-то раннее поселение существовало на этом месте, но сам тип данного городища и конфигурация его оборонительных линий совершенно отличается от возводимых в предыдущие века. Здесь мы видим подпрямоугольную площадку, образованную ва-

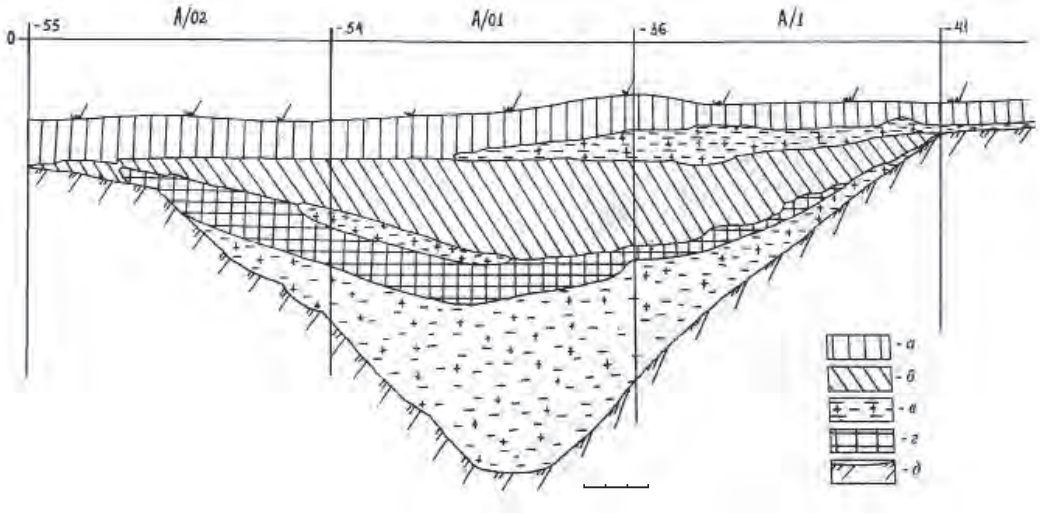


Рис. 9. Стратиграфия оборонительного рва Кирменского городища (по: Нигамаев, 2005, рис. 81)
а – пахотный слой; б – темно-серая гумированная супесь; в – суглинок с включениями известняка; г – серая супесь; д – материк

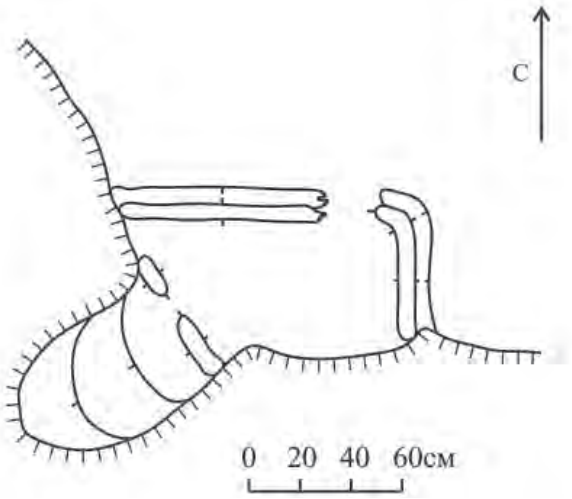


Рис. 10. Ашиязское городище (по Н.Ф. Калинину)

лами и рвами, что относит укрепленное поселение к частично подчиненным рельефу местности. Таким образом, этот памятник можно отнести к средневековым, имеющим аналогии среди других болгарских городищ.

Чаллынское городище. Укрепленное поселение расположено в левобережье р. Шумбут, правого притока р. Камы, на высоком коренном мысу, возвышающемся над поймой на высоту около 25 м, и занимает, таким образом, господствующее положение над всей округой. В эпоху Казанского ханства с напольной стороны городище ограждалось тремя валами и двумя рвами между ними. Занимаемая площадь – 1,2 га. Памятник возник в XII в. и существовал до середины XVI столетия.

В эпоху Казанского ханства укрепления города перестраиваются (Губайдуллин, 2000, с. 203–215). Третий вал становится более мощным и представляет собой наиболее значительную насыпь, возведенную с внешней стороны домонгольского сооружения. В результате этого он достигает ширины в основании 11,5 м и высоты 1,8 м. Здесь необходимо учесть, что насыпь за длительное время оплыла, поэтому ее первоначальная высота была более значительной. Одновременно был выкопан и третий ров, грунт из которого, по-видимому, использовали и для возведения четвертого вала.

Таким образом, третий строительный период представлен мощной подушкой толщиной до 50 см. Она была сложена из красно-коричневого суглинка, взятого изо рва и перекрывавшего ранний культурный слой, отмеченный нами ранее. Она послужила основой для насыпи из мергеля шириной до 6 м и мощностью до 90 см. Для предохранения вала от оползания его вершина и внешняя отлогость были покрыты слоем коричневого суглинка до 30 см толщиной. Непосредственно под слоем дерна вдоль фаса оборонительной

насыпи прослеживается также слой темно-серого сильно гумусированного суглинка мощностью до 20 см и шириной около 2 м. По-видимому, он являлся остатками разрушенных деревянных конструкций, шедших по вершине вала. Они представляли собой желобки около 20 см шириной, заполненные темно-серым сильно гумусированным суглинком. Не исключено, что это следы каких-то срубных конструкций, шедших по вершине и заглублявшихся через определенное расстояние при помощи перевязок-клетей.

Внешний четвертый вал был возведен параллельно предыдущему. Он находится в оплывшем состоянии и сохранился довольно плохо. Его высота в наиболее сохранившемся месте около 1–1,5 м, ширина – около 8 м. Его тулово состояло из чередующихся слоев суглинка и мергеля. Ниже их залегала тонкая прослойка мергеля, а затем следовала кровля материкового суглинка. Судя по стратиграфии, оборонительная насыпь возводились начиная с внутренней стороны. Внутри вала была выявлена, в свою очередь, и его крепида в виде известняковых камней. Она шла вдоль насыпи и являлась как бы ядром. Внутри вала были прослежены следы от возможной стены в виде столбовой ямки диаметром около 20 см. Данная насыпь относится к дополнительным крепостным сооружениям, возведенным уже в последний период существования городища. По-видимому, ее строительство было одновременным или несколько более поздним по отношению к предыдущему валу третьего строительного периода.

Культурные напластования в центральной части городища достигают 30 см вне сооружений. Во время исследований А.М. Губайдуллина в 1997 г. здесь были выявлены семь сооружений хозяйственного назначения, а также подполья надземных домов. Выявленный археологический материал представлен индивидуальными находками, а также многочисленными фрагментами гончарной и лепной керамики.

Чаллынское городище, основанное болгарами еще в домонгольский период истории Волжской Болгарии, просуществовало довольно длительный промежуток времени. За это время его линии обороны претерпели целый ряд изменений. Каждый тип укреплений, соответствовавший строительным периодам, отвечал уровню развития фортификации, социальному статусу, предназначению поселения и политической обстановке. Поэтому в эпоху Казанского ханства оборонительная мощь городища увеличивается. Крепостные сооружения охватывают несколько большую территорию, а также изменяется сама система обороны. В это время основная крепостная стена занимает центральное положение по отношению к двум другим линиям валов, которые несут функции дополнительных укреплений с ее внешней и внутренней сторон. Это, по-видимому, соответствовало взглядам на оборону того времени. Причем нужно отметить – довольно передовым взглядам, касающимся дерево-земляных конструкций. Таким образом, Чаллынское городище прошло в своем развитии от небольшого городка до одного из наиболее значимых политико-административных городских центров на территории Казанского ханства вплоть до захвата его русскими войсками в 1556 г.

Камаевское городище (рис. 11). Памятник находится на правом берегу старицы р. Казанки, на высоком подтреугольном мысу коренной террасы, возвышающемся на 50 м над уровнем поймы. С западной стороны городище ограждено оврагом, с восточной – краем террасы, а с северной напольной поселение защищено двумя валами и рвом между ними. Современная высота внутреннего вала 2,5–3 м, ширина 10–14 м; высота внешнего вала достигает 1–1,5 м, а ширина 6 м. Ров между ними имеет ширину 12–14 м и глубину около 3 м. Занимаемая памятником площадь равняется 6,12 га. Городище датируется второй половиной – концом XIV – серединой XVI вв. (1552 г.).

В 1957 г. археологической экспедицией под руководством Н.Ф. Калинина был исследован дополнительный южный вал городища, который перегораживает мысовую стрелку (рис. 12). Его современная высота 1–1,5 м, ширина 8–10 м. В процессе работ выявлена сложная стратиграфическая картина оборонительной насыпи. Сверху везде шел слой дерна, под ним залегали чередующиеся слои и линзы из суглинка, извести и угля общей мощностью около 1 м, затем следовала кровля материка. Во внешней южной отлогости вала, на глубине 180 см от нулевой отметки, исследователем было зафиксировано скопление известняковых камней. Они расположены на несколько покатом выступе оборонительной насыпи шириной около 1 м, представлявшей собой остатки бермы. Также Н.Ф. Калининым были зафиксированы и два ряда параллельных деревянных столбов диаметром 15–20 см, установленных вдоль отлогости эскарпа. Во время исследований какие-либо конструкции в самом валу выявлены не были. Видимо, их следами являются скопления углей в центральной части насыпи на глубине около 60 см (Калинин, 1957).

Позже экспедицией под руководством А.М. Губайдуллина был исследован внешний вал основной линии обороны в северо-восточной части памятника (Губайдуллин, 1995). Произведенная глубокая зачистка в месте, где насыпь перерезала поздняя яма, выявила довольно про-

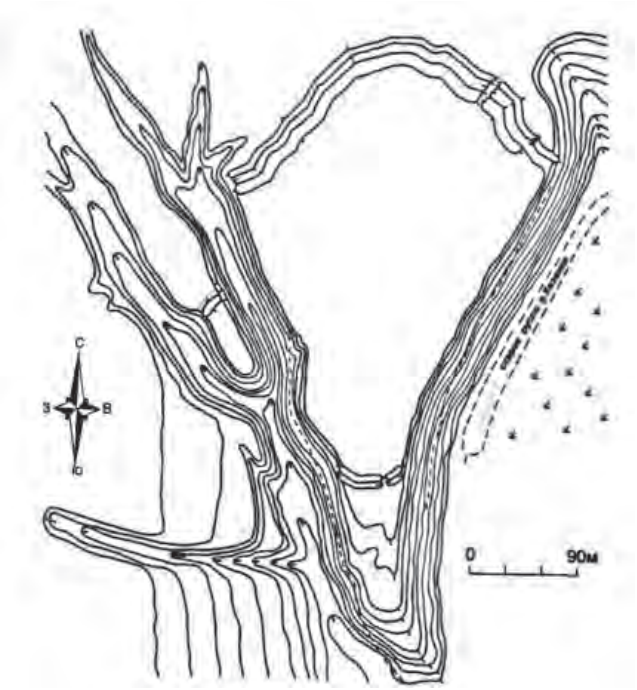


Рис. 11. Камаевское городище (по: Губайдуллин, 2018)

стую стратиграфию. Сверху везде шел слой дерна толщиной около 10 см. Затем следовал слой мергеля – около 15 см. Он в свою очередь подстилался по вершине и фасу вала слоем темно-коричневого суглинка толщиной 5–15 см. Непосредственно под ним залегали еще три мергелистых слоя, составлявших непосредственно насыпь вала, имевшую общую мощность до 60 см. Далее на глубине 70 см следовал слой материковой глины. На глубине 20–25 см во внешней части оборонительной насыпи под слоем темно-коричневого суглинка, была выявлена яма шириной около 1 м и глубиной около 30 см, утрамбованная мергелем. В ней хорошо прослеживались следы от деревянного сооружения в виде вертикально стоящего столба диаметром около 25 см.

Предположительно, оборонительные конструкции внешнего вала имели облик тына, а слой темно-коричневого суглинка являлся следами обмазки фаса вала и его поверхности. Исходя из характера стратиграфии и отсутствию находок эта насыпь вряд ли была построена ранее XV в.

В последующем основная линия обороны городища исследовалась А.А. Бурхановым и И.Л. Измайловым раскопом, прорезавшим всю ширину укреплений и часть площадки поселения. Раскопки позволили установить, что укрепления памятника были возведены в начальный период его освоения. Они выявили деревянные конструкции, служившие для укрепления оборонительной насыпи. Они состояли из горизонтальных бревен, уложенных друг на друга и шедших вдоль внешнего склона вала, а также вертикально установленных столбов с внутренней стороны, что создавало крепиду насыпи. Пространство между ними было забутовано материковой глиной, камнем и щебнем, а сверху, по мнению исследователей, располагалась боевая площадка с парапетом. Таким образом, общая ширина крепостной стены достигала 3 м.

В ходе исследований было определено, что основная линия обороны возводилась дважды. Во второй раз после значительного ее разрушения. В это время внутристенное пространство было также забутовано камнями и щебнем. Сам ров имел небольшие уступы. Его эскарп был создан более крутым чем контрэскарп, а склоны специально покрыты слоем плотно утрамбованной глины. Его первоначальная глубина достигала 4,3–4,8 м (Бурханов, 1997/98, с. 141; Бурханов, Измайлов, 1999, с. 135–136).

Рис. 12. Профиль южного вала Камаевского городища (по Н.Ф. Калинину)

Оборонительные сооружения городища были разрушены в результате военной катастрофы, о чем могут свидетельствовать остатки сожженных надвальных конструкций, прослойки прокала и рассыпанная забутовка межстенного пространства (Бурханов, Измайлов, 1999, с. 137–138).

Утернясьское городище. Находится на правобережье р. Малой Меши, на высоком подтреугольном мысу, образованном речкой Кала-Тау-Елгасы и оврагом. С напольной стороны поселение ограждено двумя валами и рвом между ними. Занимаемая площадь – 1 га. Памятник датируется XIV–XVI вв. (Казаков и др., 1987, № 447).

Материалы исследований укреплений городища А.А. Бурхановым свидетельствуют, что система обороны создавалась в два этапа. В основании валы были сооружены из камней, уложенных рядами. Сверху они утрамбовывались землей, а выше шел еще один ряд камней. В верхней части внутренней насыпи были также выявлены остатки деревянной стены в виде канавки, заполненной сгоревшим деревом (Бурханов, 2002, с. 254–255).

Выявленные остатки конструкций, возможно, могут свидетельствовать о существовании здесь в древности стены, в чью конструкцию входили горизонтально уложенные бревна. Не исключено, что они имели вид столбовой конструкции или, учитывая применение камней в насыпи вала, более мощной стены по типу городней.

Арское городище (город Арск). Расположено на подтреугольном мысу коренной террасы правого берега р. Казанки высотой около 20 м. С юго-западной и юго-восточной сторон поселение ограничено крутыми склонами, а с северной напольной стороны ограждалось валом и рвом. Высота вала достигала 4 м, ширина – до 16 м. Глубина рва – до 2 м, ширина около 10 м. Площадь, занимаемая памятником, – 2,4 га. (Казаков и др., 1987, № 171; Шутова, 2010, с. 16). Городище датируется XIII – серединой XVI в.

В ходе проведения археологических исследований было определено, что насыпь вала является однослойной и возведена из материкового суглинка, взятого изо рва. Остатков каких-либо деревянных конструкций выявлено не было. Одним из предметов, датирующих строительство и функционирование вала, может являться железный килевидный наконечник стрелы, линзовидный в сечении, характерный для XV–XVI вв., который был найден в верхнем слое разрушения оборонительной насыпи.

Во время более ранних исследований здесь также фиксировалась подсыпка из известняковых камней, которая подстилалась углистой прослойкой (Шутова, 2010, с. 17). По-видимому, она являлась следами от крепления поверхности насыпи вала или его тулова.

В отсутствие археологических свидетельств, указывающих на первоначальный облик оборонительных деревоземляных построек памятника, но основываясь на сведениях летописания, имеется некоторое представление о крепостных сооружениях Арского городища. Их облик в «Истории о Казанском царстве» предстает перед нами как «…острог стары, Ареск зовом, зделан аки град тверд, и з башнями, и з бойницы …» (ПСРЛ, т. XIX, 1903, стлб. 126–127).

Таким образом, можно предположить, что Арское городище с напольной стороны ограждалось деревянной стеной, устроенной в виде тыновой ограды, установленной на высоком валу. Оборона города была также усилена крепостными башнями, имевшими также и обламы для ближнего боя, т. е. род машикулей.

В регионе Предволжья укрепления исследовались у пяти памятников, датирующихся как двумя периодами болгарской истории, так и только золотоордынским. Они представлены городищами Луковским (Япанчино), существовавшим в XII–XIV вв., Большетоябинским, датирующимся XIII–XIV вв., Сюкеевским – XIII–XIV вв., Исаковским – XIII–XIV вв., и Тавлинским – XIII–XV вв.

Луковское (Япанчино) городище (рис. 13). В раннезолотоордынское время после сильного пожара внутренний вал городища был перестроен. Для увеличения ширины оборонительной насыпи с внешней ее стороны была произведена подсыпка, состоявшая из темного суглинка мощностью до 60 см. Затем вся эта «подушка» была перекрыта мощным пластом материкового суглинка. Таким образом она увеличила высоту вала до 2–2,5 м, а ширину до 11–12 м. В ходе исследований, однако, каких-либо остатков крепостных стен выявить не удалось. Возможно, что найденные камни в верхней части вала имели какое-то отношение к их конструкциям.

Судя по всему, эта насыпь относится к XIII в. Об этом можно говорить, принимая во внимание культурный слой городища, который частично ее перекрывает. В нем найдены фрагменты гончарной бллгарской керамики золотоордынского времени (Измайлов, 1991, с. 14–16).

Не только оплывание вала стало причиной отсутствия каких-либо деревянных конструкций. Возможно, они также заглублялись через некоторые промежутки путем вкапывания срубов-связок, которые не попали в раскоп. Также не исключено, что конструкции представляли собой и укрепления типа тарас, появляющиеся в золотоордынское время. Об этом могут говорить многочисленные

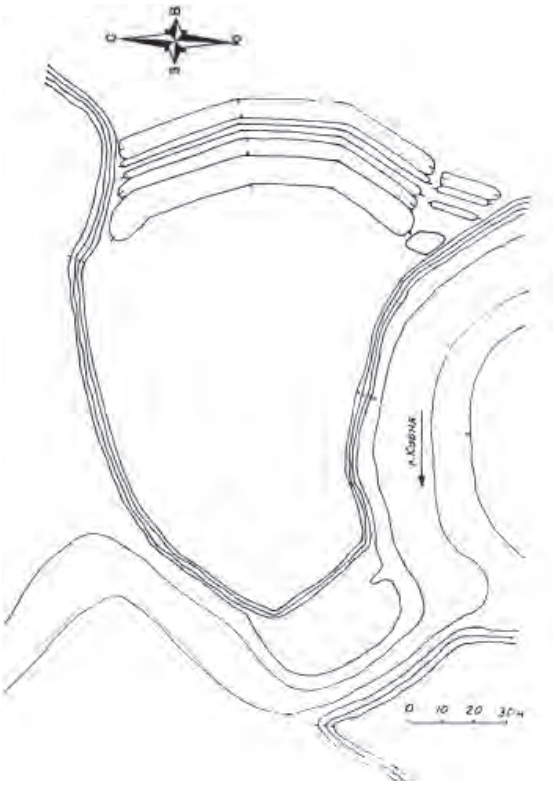


Рис. 13. Луковское (Япанчино) городище (по: Губайдуллин, 2019)

находки камней, которые могли служить забутовкой внутренностей деревянных камер.

Для ломаной формы укреплений, представленной на городище, наиболее оптимальным было бы применение одного из данных типов конструкций. Принимая это во внимание, можно с долей вероятности утверждать, что крепостные стены внутреннего вала должны были представлять собой более сложную систему, чем частокол или тын, о чем свидетельствует значительная мощность насыпи.

Дополнительную оборону, кроме этого, составляло наличие с внешней стороны двух невысоких валов, что позволяло защитникам городища выдвигаться вперед для обстрела прилегающей территории-эспланады и таким образом держать противника на удалении от основной крепостной стены. Все вместе это составляло довольно серьезную оборону, труднопреодолимую для осаждающих.

Большетоябинское городище (рис. 14). Памятник расположен на ровной возвышенности в виде плато, которое омывается р. Тоябинкой, левым притоком р. Малой Булы. Занимаемая укрепленным поселением площадь – 27,5 га. Поселение ограждено двумя валами и рвами.

Первоначально исследование линий обороны городища проводилось А.П. Смирновым. В ходе археологических работ было определено, что нижний горизонт памятника относился к открытому поселению, а верхний горизонт к укрепленному поселку (Смирнов, 1950, с. 133). Основываясь на своих наблюдениях, исследователь затем реконструировал вокруг городища крепостную стену, составленную из срубов. Исходя из этого, им был сделан вывод, основанный на выявлении глиняной обмазки поверхности валов, что эта деталь характерна только для древнерусских городов. Таким образом, автор работ видел в строителях укреплений Большетоябинского городища русских мастеров (Смирнов, 1950, с. 138).

Несколько позже Большетоябинское городище было исследовано археологической экспедицией Г.А. Федорова-Давыдова. Во время археологических работ вскрыто наиболее раннее сооружение, которое представляло собой глубокий ров шириной 2,5–3 м. С внешней его стороны исследователь отметил и следы деревянной стенки, врытой перед рвом. Возможно, как он считал, это остатки тына, служившего дополнительным препятствием для форсирования рва. Сами же укрепления могли служить оборонительной оградой небольшого феодального замка, кольцевидного в плане (Федоров-Давыдов, 1960, с. 84).

По поводу укреплений же, которые визуально фиксируются и в наше время, Г.А. Федоровым-Давыдовым было установлено, что вал, опоясывающий подквадратное в плане городище, отделялся от раннего рва прослойкой культурного слоя. В итоге исследователь поддержал точку зрения А.П. Смирнова, касающуюся оборонительных конструкций памятника, а по составу керамики, найденной на городище, отнес сооружение валов к XIII в.: «...ко второй его половине» (Федоров-Давыдов, 1960, с. 87).

Оборонительные линии Большетоябинского городища золотоордынского времени довольно стандартны, несмотря на их сложность. Срубные конструкции, остатки которых выявлены в ходе раскопок, были широко распространены, особенно в предмонгольское время.

Сюкеевское городище. Укрепленное поселение находится на правом берегу р. Волги между двух глубоких оврагов, выходящих к реке, и занимает площадку подтрапециевидной формы. Высота ее над урезом Куйбышевского водохранилища достигает 25 м. Занимаемая памятником площадь – 12,5 га. Основные оборонительные сооружения, располагавшиеся с напольной стороны, сейчас уже полностью распаханы. До разрушения они представляли собой два вала со рвом между ними (Шпилевский, 1877, с. 320).

В наше время в северо-восточной части памятника сохранились только дополнительные укрепления в виде двух невысоких валов и неболь-

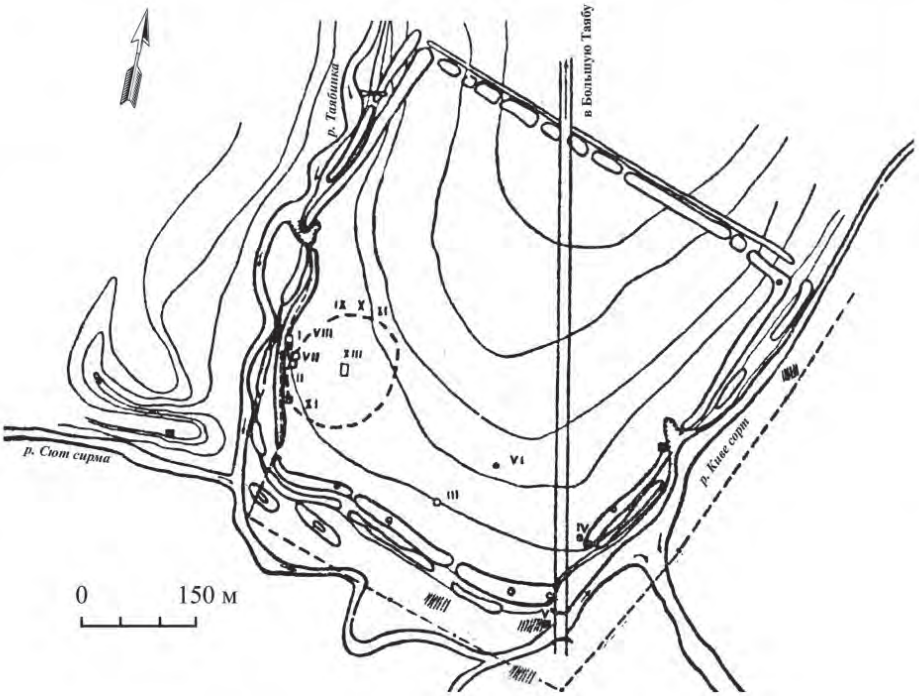


Рис. 14. План Большетоябинского городища (по: Федоров-Давыдов, 1957)

шого ровика между ними. Их устройство должно было препятствовать нападению противника со стороны оврага «Чачлы-кул», выходящего к р. Волге и ограничивающего площадку городища с северо-восточной стороны. Здесь на протяжении нескольких десятков метров овраг имеет наиболее пологий склон в отличие от юго-западной, более крутой стороны.

Проведенные А.М. Губайдуллиным археологические исследования этих укреплений позволили определить, что ширина возвышений валов около 3 м (Губайдуллин, 1993). Их современная относительная высота над общей линией склона составляет около 29 см. Ширина ровика между ними достигает 1,5 м, а относительная глубина лишь около 15 см. В ходе исследований было выявлено два периода строительства этих укреплений. Первый период характеризовался остатками насыпи, имевшей ширину около 3 м и мощность до 30 см, которая располагалась в восточной части под внешним валом. Эта насыпь была сложена из гумусированного суглинка и возведена непосредственно на слое погребенной почвы, которую подстилал снизу желто-коричневый суглинок. Предположительно, она датируется временем возникновения городища, т. е. серединой XIII в.

Следующий выявленный строительный период представлял собой уже две насыпи. Каждая из них имела ширину около 3 м, а также неглубокий ровик между ними. Насыпи были сложены из серо-коричневого суглинка мощностью до 55 см. Об их датировке может говорить грунт, использованный для возведения этих укреплений. Он был взят из культурного слоя памятника. К сожалению, никаких следов деревянных конструкций ни в первом, ни во втором периодах строительства выявлено не было. Принимая во внимание небольшую мощность насыпей, можно предположить, что существовавшие здесь ранее деревянные укрепления представляли собой, скорее всего, небольшой частокол или плетень. Само же отсутствие подобных надвальных сооружений было бы странным, так как не имело бы смысла в этом случае возводить довольно продолжительные по длине земляные насыпи.

Исаковское городище. Памятник расположен в левобережье р. Свияги в самом нижнем ее течении. Он занимает мыс надлуговой террасы, имеющий вид вытянутого с юга на север треугольника. Занимаемая поселением площадь – около 0,3 га. С северной стороны его площадка перегораживается укреплениями в виде двух валов и рвом между ними. Ширина этой системы – около 20 м, а длина составляет около 40 м. Современная высота валов доходит до 1,5 м от дна рва, а их ширина достигает 7–8 м. Глубина рва около 1 м, ширина 4–5 м.

Археологическое исследование оборонительных линий было проведено И.Л. Измайловым и А.М. Губайдуллиным в западной части укреплений. В процессе работ выявлена следующая стратиграфия: сверху везде шел слой дерна мощностью 10–15 см. Далее залегал культурный слой городища, состоявший из светло-серого суглинка толщиной 15–25 см. Затем следовали тулова двух насыпей валов, сложенных из светло-коричнево-

го суглинка, взятого из рва. Современная высота внешней насыпи доходила до 30 см, а ширина – 6,5 м. Современная высота внутренней насыпи составляла 40 см, ширина 3,5 м. Оба объекта прорезали вертикальные ямки из темно-серой супеси, являвшиеся, вероятно, следами от конструкций, имевших вид частокола и тыновой ограды. Во внешней насыпи они имели диаметр 20–25 см и глубину 20 см. В верхней части внутренней насыпи были выявлены две ямки. Диаметр первой 15 см, глубина 36 см, а диаметр второй 22 см и глубина 13 см. Затем шел слой погребенной почвы, состоявшей из темно-коричневого суглинка мощностью до 4–5 см, а ниже его залегала кровля светло-коричневого материкового суглинка.

Глубина рва от современной поверхности составляла 95 см, при ширине 470 см. Его заполнением являлся светло-серый суглинок, имевший мощность до 77 см. В профиле он имел треугольную форму с довольно пологими склонами, что было сделано для увеличения расстояния между оборонительными насыпями.

Крепостные сооружения Исаковского городища представляли собой следующую картину: на внешнем валу, ближе к его фасу[2], был установлен частокол. В связи с тем, что он располагался не около рва и имел за собой площадку в виде поверхности насыпи, можно предположить, что данный частокол нес не только функцию искусственного препятствия, но и служил укрытием для обороняющихся. Таким образом, его удаленность от рва и основных оборонительных сооружений позволяла обстреливать противника, приближавшегося с напольной стороны.

На внутреннем валу, по-видимому, также имелась деревянная стена, но уже в виде тына с боевой площадкой позади. Об этом может говорить выявленная столбовая ямка, располагавшаяся с внутренней стороны, которая, возможно, являлась следом от вертикальных деревянных конструкций подпиравших боевую площадку – валганг[3]. Несмотря на относительную простоту укреплений, обороняющиеся могли вести обстрел нападающих с двух линий и двух уровней высоты за счет комбинирования всех сооружений, что позволяло наиболее эффективно защищаться.

Тавлинское городище (рис. 15). Памятник находится в левобережье безымянной речки, левого притока р. Аря, левого притока р. Свияги в нижнем ее течении. Он занимает подтреугольный мыс коренной террасы высотой 25–30 м и владеет господствующим положением в округе. Площадка городища вытянута с юга на север и состоит

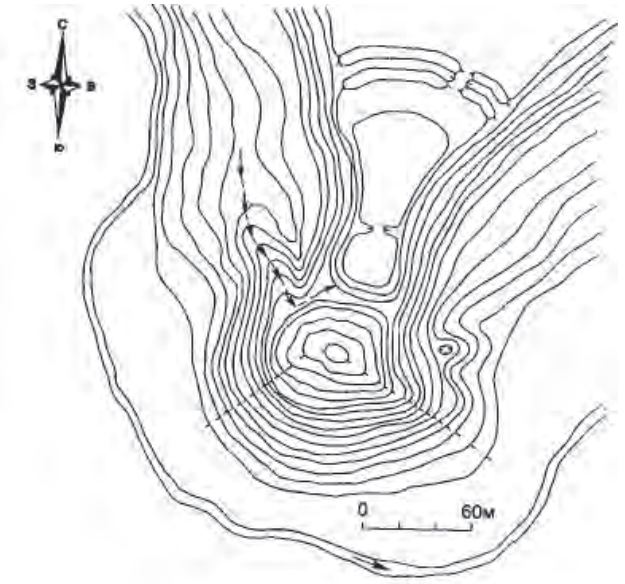


Рис. 15. Тавлинское городище (по: Губайдуллин, 2018)

из трех частей. Первая, южная, так называемая «шишка», имеет площадь 1400 кв. м. Вторая, центральная, занимает площадь 800 кв. м, а третья, северная и самая большая, охватывает территорию в 4600 кв. м. Таким образом, общая площадь памятника достигает 0,68 га.

Площадка городища с севера ограничена двумя валами и рвом между ними. Длина линий укреплений составляет около 100 м, которые представляют собой ломаную линию. Современная высота внешнего вала 0,5–1 м, ширина 6–7 м. Высота внутреннего вала 1 м, ширина 8 м. Глубина рва 1,5 м, а ширина 7–8 м.

Археологические исследования памятника, проведенные И.Л. Измайловым, позволили выявить однородный слой мощностью 20–25 см с находками болгарского материала золотоордынского периода. Лишь в южной части городища были найдены фрагменты именьковской посуды из переработанного слоя. С опорой на археологические находки и характерный тип оборонительных линий время возникновения этого болгарского укрепленного поселения можно отнести ко второй половине XIII в. Каковы же конструктивные особенности его оборонительных линий, определить не удалось.

Таким образом, благодаря всему комплексу сведений, полученных в ходе исследований болгарских городищ золотоордынского периода, можно констатировать факт продолжавшегося возведения крепостных сооружений в это время. Фортификация как наука развивалась на территории Болгарского улуса практически без перерыва. Об этом можно судить не только исходя из датировки оборонительных линий, но и принимая во внимание прослеживающуюся эволюцию в раз-

[2] Фас – внешняя сторона любого укрепления.

[3] Валганг – боевой ход на стене; также часть крепостного вала позади бруствера.

витии укреплений. В свою очередь, об этом свидетельствует и сохранение всего комплекса традиций строительства защитных деревоземляных конструкций и технологических приемов, применявшихся при их сооружении.

Также на некоторых городищах в XIII–XIV вв. могли использоваться и построенные ранее укрепления, для функционирования которых, по-видимому, достаточно было просто проведения ремонтных работ. Например, в ходе исследований фортификационных сооружений Казани, возведенных в домонгольское время, не было зафиксировано каких-либо их изменений и перестроек в золотоордынский период. Напротив, они продолжали использоваться и сохранялись в тех же размерах (Ситдиков, 2013).

На болгарских памятниках этого хронологического периода прослеживается большинство известных, а также использовавшихся с домонгольского времени типов крепостных стен: это тыновая ограда, столбовая конструкция (каркасно-столбовая) и городни.

КОСТЮМ НАСЕЛЕНИЯ ПОВОЛЖЬЯ В ПЕРИОД УЛУСА ДЖУЧИ (ЗОЛОТОЙ ОРДЫ)

Средневековый костюм – это по большей части стандартная, унифицированная одежда, подчиненная определенным социальным и религиозным статусам, правилам и стилю. С одной стороны, костюм – это в широком смысле одежда, но систематизированная в виде полного комплекта предметов и украшений, обуви, аксессуаров и др. С другой – это понятие, которое отражает социальную и этническую принадлежность человека, а также в определенных условиях его пол, возраст, занятие, профессию и т. д. То есть костюм, как и одежда, является не только внешним покровом человека, но и служит внешним образом человека, демонстрирующим его социальный, возрастной статус и отражающим его этнокультурную и религиозную характеристику (Измайлов, 2019, с. 199–200).

В понятие «костюм» обычно входит одежда, обувь, прическа, головной убор и различные аксессуары. В любой точке цивилизованного мира костюм того или иного человека в обществе будет сложен, многослоен, подчеркивать и идентифицировать социальный статус, отвечать определенной климатической зоне, эстетике и в какой-то степени религии, создавая, таким образом, узнаваемый облик с его практическими и символическими свойствами. Костюм различных кругов и социальных страт общества в Улусе Джучи (Золотой Орде), как и во всей Монгольской империи, вполне соответствовал этим критериям и в значимых элементах регулировался законодательством и традиционными представлениями.

Как и всякая империя, держава Чингиз-хана и его наследников, носила многонациональный характер, однако определяющую роль и основу сословно-статусной системы составляла тюрко-монгольская аристократия, из которой формировалась правящая элита этих государств. Именно бытовавшие в этой элите традиции и нормы ношения костюма и его аксессуаров стали основой для формирования «имперской» моды. Во второй половине XIII в., судя по исследованиям М.Г. Крамаровского (Kramarovsky, 1989, p. 255–290; Крамаровский, 2001, с. 363), в Улусе Джучи происходило формирование нового статусного образа, который имел общемонгольский имперский характер, но с начала XIV в. в костюме элиты Улуса Джучи наблюдаются определенные трансформации.

Говоря об одежде и аксессуарах, а также о распространении «имперской» моды нельзя не упомянуть и о «институте дарения», широко распространенном на всей территории империи. «Практика одаривания… применялась как визуализация наделения властными полномочиями и продвижения по служебной лестнице военных и гражданских чинов» (Доде, 2014, с. 7). Суть данного обстоятельства, распространенного в государствах Чингизидов, заключается в том, что «имперская мода» распространялась не путем торговли статусными деталями костюма и самой одеждой, а путем систематического одаривания ханом своих приближенных изделиями, произведенными в особых мастерских (или специально закупавшимся импортом). А приближенные в свою очередь одаривали свой ближний круг вещами и аксессуарами, сделанными по этим образцам. Тем самым элитные изделия костюма и быта распространялись в обществе, вызывая волну подражаний и копий. Таким образом, именно социально престижные надэтничные детали костюма и его элементы служили основой для формирования моды на всей территории Улуса Джучи. Фундаментом для многих подобных культурных импульсов являлась одежда и быт степного населения. И среди номадов степи основой для воспроизводства и распространения служат престижные элементы кочевой культуры. Именно этим объясняется значительное сходство костюма и его аксессуаров, а также прически, украшений и т. д. в разных частях этой евразийской империи. По мнению целого ряда археологов, можно выделить ряд особенностей данного культурного феномена:

«широкий ареал распространения, высокая социальная значимость артефактов, частичное использование в оседлой ойкумене элементов культуры кочевников (костюм, его аксессуары, прически и т. д.)» (Каримова, 2013, с. 4).

Относительно деталей законодательной практики можно подчеркнуть, что в распоряжении исследователей есть множество письменных источников, описывающих костюм, порядок его ношения и набор украшений, что доказывает строгую регламентацию, которая формировала в державе Чингиз-хана и его наследников единый «имперский стиль». Мужчины и женщины в Монгольской империи, от Чингизидов до местной аристократии, включенной в структуру военно-административного управления, вплоть до приезжих в империю послов, торговцев или иных просителей, – все обязаны были следовать определенным строгим правилам и порядкам. Ярким примером подобного рода можно назвать переодевание послов и других официальных лиц при встрече с ханом, о чем свидетельствовали Гильом де Рубрук, Марко Поло и другие современники.

Принуждая их носить монгольскую одежду, власти страны формировали новую имперскую идеологию, заставляя включаться в клановую структуру и следовать единому церемониалу. Традиции подобного растворения пришлой элиты в единой системе являются характерной чертой китайской имперской традиции еще с эпохи Цинь, а у монголов она получила распространение в эпоху династии Ляо (X–XII вв.).

«Возведение Ши Цзин-тана на престо сопровождалось для Китая не только уступкой территории и предоставлением ежегодной дани, но и унизительным признанием господствующего положения киданей. Как более сильный, Дэ-гуан диктовал свои условия. Прежде всего, китайский император официально признавал себя сыном киданьского императора. Затем, он вступил на престол, одетый в киданьскую одежду, а это издавна рассматривалось в Китае как признание своей зависимости. Ещё Конфуций, говоря о нападении шаньжунов на Китай в 662 г. до н. э., отметил, что, если бы не Гуань Чжун, советник Хуаньгуна, правителя царств Ци, китайцам пришлось бы ходить с неуложенными волосами и запахивать полы одежды на левую сторону. По мнению Конфуция, Китаю угрожало иноплеменное господство и связанный с ним отказ от национальной одежды как символа независимости» (Е Лун-ли, 1979, с. 72).

Существует множество запретов и установок, регулирующих определенные шаги или периоды жизни самих кочевников. К примеру, в монгольском историко-правовом памятнике XIII–XVI вв. «Чаган тэукэ», рассказывающем о становлении и развитии правовых норм и законодательства в политической организации общества кочевников Центральной Азии, есть закрепленные на законодательном уровне некоторые аспекты декорирования головных уборов: «Управляющему девятью знаменами, безошибочно умеющему охранять великое государство, прикалывать перья филина» (Чаган тэукэ, 2001, с. 79). Один из указов, установленный Угэдэем на курултае 1234 г. и описанный в «Юань-ши» говорит не только о том, какую одежду и когда следует носить замужней женщине, но и какое наказание будет законно за несоблюдение этого предписания. В «Основных записях», под 6-м годом царствования Тай-цзуна[1], в «Юань-ши» сказано: «Летом, в пятой луне... был большой сбор всех князей и всех подданных, были доведены... распоряжения, в которых было сказано так: «... Признаются виновными все те женщины, которые носят парадную и домашнюю одежду не соответствующую законам; а также те, которые ревнивые – их провозить верхом на неоседланных коровах по всему их обоку после чего сразу же взимать [с них] приданное для [отдачи] в новое замужество» (Золотая Орда, 2009, с. 75).

На пути реконструкции конкретного исторического костюма различных эпох стоят различные сложности методического и методологического планов. С одной стороны, это отрывочность и дискретность источников, которые в археологии усугубляются проблемами сохранности костюма и его деталей. Например, если металлические аксессуары от костюма доходят до наших дней в удовлетворительном состоянии, то вся органика с течением времени сильно деградирует и в подавляющем количестве случаев практически не сохраняется. С другой – усложняется и субъективируется процесс реконструкции костюма, происходят вольные или невольные искажения и ошибочные интерпретации его элементов, что ведет к формированию искаженного образа исторического костюма. Исследователи часто произвольно интерпретируют или смешивают понятия «археологический костюм» и «исторический костюм», допуская их интерпретации как «этнографического» или даже «национального», тогда как это явно более сложное семантическое явление, в котором ведущую роль играют не этнокультурные, а социально-статусные, возрастные и религиозные признаки (Измайлов, 2019, с. 199–216).

Характеристика костюма населения Улуса Джучи является сложной и многоплановой темой, которая может быть рассмотрена путем комплексного анализа археологических, письменных

[1] Тай-цзун – китайское посмертное имя третьего сына и преемника Чингисхана Угэдэй-хана (Мункуев, 1965, с. 92, прим. 7).

и изобразительных источников. Основной массив исследованного археологического материала датируется второй половиной XIII – началом XV вв. География находок костюмных комплексов составляет в первую очередь территорию Поволжья и Северного Кавказа. Учитывая высокое единообразие сословно-клановой системы, правовой культуры и единообразие церемониала, что нашло отражение в археологических и изобразительных источниках на всей протяжённости Монгольской империи, мы можем с большой вероятностью реконструировать золотоордынский костюм, используя некоторые элементы костюма и его деталей, лучше сохранившихся в материалах других государств Чингизидов.

Комплекс мужского монгольского (имперского) костюма. Несмотря на то, что археологического материала по плечевой и поясной одежде мужчин меньше, чем у женщин, можно воссоздать цельный образ кочевника. Основной одеждой у монголов был халат, как описывал Дж. де Плано Карпини: «Сверху до низу они разрезаны и на груди запахиваются; с левого же боку они застегиваются одной, а на правом тремя пряжками, и на левом также боку разрезаны до рукава» (Путешествие…, 1957, с. 27). Такой халат мы встречаем во всех источниках – осевой, с правосторонним запахом, в основном длиннорукавный (но встречаются халаты и с коротким рукавом), с зауженной талией, варьирующейся длиной, пришивным воротником и манжетами, с завязками у боковых швов (для холодного времени года халат мог быть утеплен мехом, хлопковой или шелковой ватой). Часто монголы носили по два халата одновременно. Важные сведения о ношении нижнего белья и поясной одежды сообщает Гильом де Рубрук: «Она (госпожа Котота) дала нам обоим, мне и моему товарищу, по рубашке и штанам из серого аксамита (samico), подбитым шелковыми охлопками» (Путешествие, 1957, с. 156).

Археологического материала по мужскому нижнему белью почти нет, или он очень плохой сохранности и восстановить крой невозможно, можно только приводить аналогии с нижней одеждой династии Юань и с предметами, хранящимися в частных коллекциях и музеях. Если брать за основу одежду из погребения мальчика на горе Окошки, то нижняя одежда мужчин состояла из рубашки и штанов. Штаны из данного погребения свободные, со складками, на прямом широком поясе имеются 4 шлевки. Крой простой, состоящий из двух штанин, плавно зауженных к низу, со штрипками (рис. 1). Аналогия, взятая из погребения династии Юань, похожа по конструкции со штанами с погребения на горе Окошки, только без встречных складок (рис. 2). Детская рубашка сохранилась фрагментарно, выполненная исследователями версия кроя предполагает широкое прямое, возможно, с перекидным плечом и частично цельнокроеным рукавом изделие, с разрезами по бокам (рис. 3).

Основная плечевая одежда – это халаты. Халат из погребения 1 кургана 1 у хутора Тормосин сохранился фрагментарно, в разное время исследователями было предложено пять вариантов реконструкции данного изделия, и на сегодняшний день это типичный неотрезной по талии халат с правосторонним запахом, «бантовыми» складками в боковых швах, откидными рукавами и завязками. Выполнен он был из трех видов шелковой ткани: шелк с крупным растительным узором, тонкая ткань полотняного переплетения с вытканными полосами и простой тонкий шелк полотняного переплетения. Ткань с вытканными полосами размещалась на нижней части подола спинки; шелк без узора – на подоле правой полы (перекрываемой запахом) и на дополнительной детали, подшитой в разрез на левом бедре (рис. 4) (Шашунова, 2019, с. 223–224). Аналогичный халат встречается в погребении могильника Маячный Бугор, сохранность фрагментарная, тем не менее после реставрации специалистами реконструирован крой. Это неотрезной по линии талии, распашной, с левым запахом (такой запах считается классическим для монгольского костюма), с завязками с боков и на спине (для фиксации рукавов), длинным рукавом с прорезями, воротником и манжетами, так как низ халата не сохранился, то специалистами выдвинута гипотеза, что по бокам имелись складки, как и в халате из Тормосина. Халат пошит из зеленой узорчатой парчи, с полосой надписи на плечах, подкладка выполнена из ткани полотняного переплетения. Как считает Т.В. Сидорова, такой халат является классическим примером основного элемента костюма воина-лучника (рис. 5) (Сидорова, 2011, с. 260–262). Еще один мужской халат частичной сохранности найден на Нижнем Дону в погребении 1 кургана 5 могильника Вербовый Лог VIII. От халата осталась только мелкоскладчатая юбка из парчи и тафты, сшитая полосами, реконструированная исследователем как отдельное изделие (рис. 6) (Доде, 2007, с. 291–293).

Помимо халатов с длинными рукавами монголы носили и короткорукавные, типа «кафтана». Такой шелковый кафтан был найден на Увекском городище (ныне хранится в Эрмитаже), который представлял собой осевое изделие с перекидным плечом, длиной до колен, с «бантовыми» складками и разрезами с боков, застегивающийся на пять пар матерчатых пуговиц, с вшивным воротником и широким кантом по низу изделия (рис. 7).

Рис. 1. Штаны из погребения мальчика на горе Окошки (по: Баяр, 2000)

Рис. 2. Штаны из погребения династии Юань (по: Style friom the steppes, 2004)

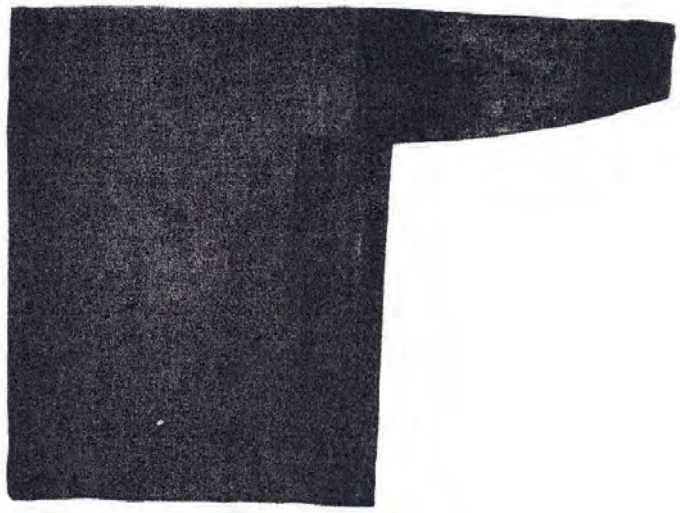


Рис. 3. Детская рубашка из погребения мальчика на горе Окошки

У «кафтана» из погребения могильника Джухта II имелись длинные рукава, предположительно откидные. Это осевой, широкий длинный «кафтан» сшитый из множества фрагментов, с вшитым стоячим воротником, с застежкой на пуговицы спереди и на разрезах рукавов, выполненный из узорчатого красного шелка, на подкладке и подбое шелковой ватой (рис. 8) (Доде, 2007, с. 246–247).

Головные уборы у мужчин весьма разнообразны, от легких тканевых до шапок жесткой конструкции. Вначале XIII в. мужские головные уборы разнообразием особо не отличались, но интерес привлекает шапка, наиболее часто встречающаяся на изобразительных источниках. Этот головной убор носили как мужчины, так и девушки. Предположительно он называется «ху мао», т. е. «северная шапка» (название, употребляемое в официальных китайских источниках) (Макласова, 2019, с. 153). Самое подробное описание головного убора можно встретить у Винсента из Бове в «Историческом зерцале», который ссылался на донесение французского дипломата Симона де Сент-Квентина: «Вот каков их внешний вид, у всех и у каждого: все они носят шапки невысокие, но подобны митрам прислужников, лежащим плоско на голове. Сзади у этих шапок имеется свисающий хвост длиною и шириною в одну ладонь, к тому же немного расширяющийся на конце. Края

Рис. 4. Халат из погребения 1 кургана 1 у хутора Тормосин (по: Шашунова, 2019)

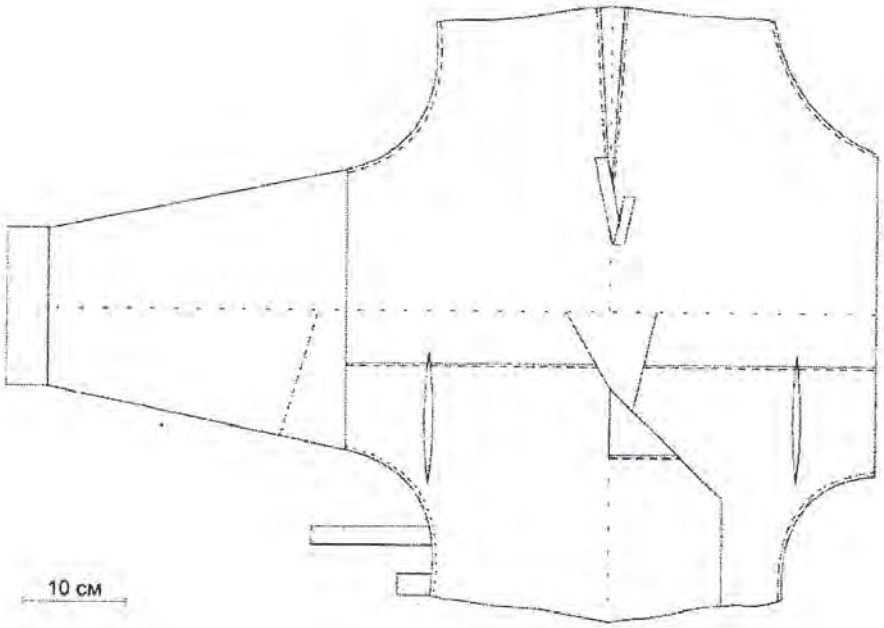


Рис. 5. Раскрой костюма воина-лучника (по: Сидорова, 2011)

их шапок спереди и по бокам, но не сзади, загибаются на величину пальца, и две каких-то завязочки пришиты по этим краям прямо над ушами, так что они, завязываясь под подбородком, удерживают шапку крепко и прочно, чтобы она не сорвалась от ветра или чего другого. И над этими завязочками болтаются для украшения или, вернее, для устрашения два маленьких язычка. Вот так выглядят шапки у татар и тех, кто живет с ними» (Винсент из Бове, 2006, с. 97–98). Изобразительными источниками с этим головным убором являются портрет Чингиз-хана (рис. 9), хранящийся в Национальном дворцовом музее Тайбэя, и различные персонажи с миниатюр из труда Рашида ад-Дина «Джами ат-таварих» из альбома Deiz (рис. 10). Впоследствии этот головной убор модернизировала императрица Чаби: «Что касается северной шапки (hu-mao), раньше у нее не было козырька (ch'ien-yen). Во время стрельбы солнце начало слепить императору глаза. Он сказал об этом

Рис. 6. Юбка из парчи и тафты от мужского халата, найденного в погребении 1 кургана 5 могильника Вербовый Лог VIII. Реконструкция (по: Доде, 2007)

Рис. 7. Шелковый кафтан из Увекского городища (по: Горелик, 2010)

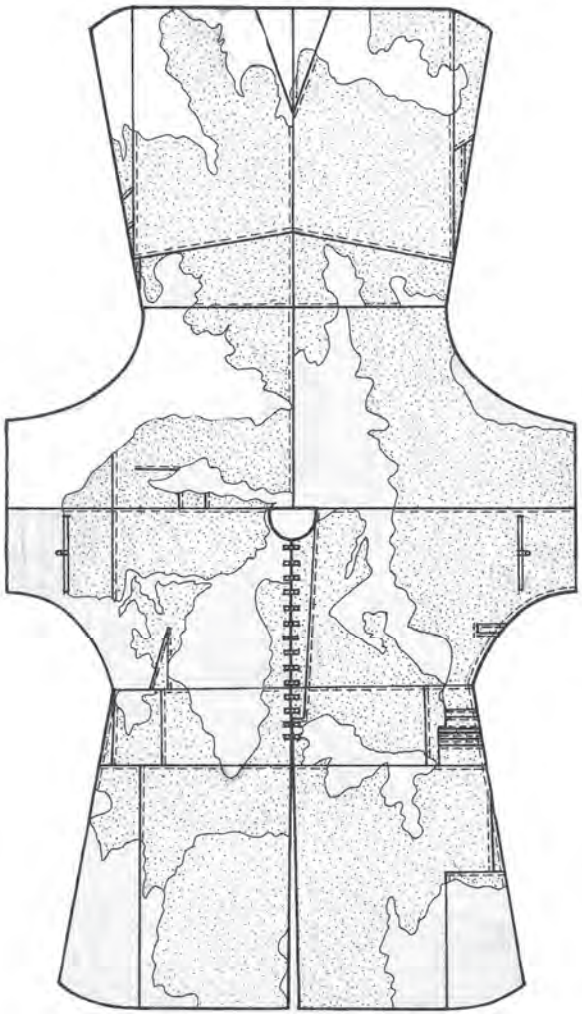


Рис. 8. «Кафтан» из погребения могильника Джухта 2 (по: Доде, 2007)

императрице (hou). Императрица (hou) тотчас добавила козырек (ch'ien-yen). Император остался очень доволен и в результате приказал, чтобы такой вариант стал образцом» (Cleaves, 1980, с. 145). Еще одна шапка жесткой конструкции похожа на шляпу с широкими полями, сплетенными из бамбуковой щепы и полукруглой тульей, обтянутой шелком, найдена в гробнице семьи Вань провинции Ганьсу КНР (рис. 11) (Горелик, 2010, с. 64).

Такие головные уборы украшались кисточками, лентами, навершиями под перьевую систему (и без неё). В группе археологических источников навершия представлены находками с Болгарского городища (Полякова, 1996, с. 155) (рис. 12в), из кургана у станицы Белореченской (Веселовский, 1898, с. 1–65), из Карашамского (Калинин, 1954, с. 126) и Симферопольского кладов (Мальм, 1987, с. 28) (рис. 12б), находкой на Северном Кавказе, хранящейся в Эрмитаже (Юрченко, 2012, с. 432), а также литейными формами для изготовления наверший из г. Болгара и Маджара (рис. 12а) (Макласова, 2018, с. 280).

Легкие тканевые шапки типа «башлыка» или капора достаточно распространены, в зависимости от времени года могли быть теплыми, с подбоем мехом. В мужском погребении могильника Джухта II находился мягкий бархатный головной убор с шелковой аппликацией и вышивкой золотыми нитями. Крой его довольно любопытен и состоит из четырех сходных деталей, в двух из которых в лицевой части вырезаны прямоугольники по диагонали, которые сшивали по длинной стороне образовавшихся треугольников, полученный клин вшивали между затылочными и лицевыми деталями. Такая конструкция придавала головному убору из Джухты шлемообразную форму (рис. 13) (Доде, 2007, с. 252). Головной убор в виде «тюбетейки» найден в кургане у ст. Белореченск (хранится в Эрмитаже), довольно простой формы в виде четырехклиновой шапочки с широкой полосой снизу (рис. 14).

Сапоги представители элиты Улуса Джучи носили мягкой конструкции на тонкой и толстой подошве, выкроенные из кожи, с узорчатой отделкой и без. Состоящие из двух частей голенища, носка, задника и подошвы, доходящие до колена сапоги могли крепить лентами к поясу (чтобы не сползали) (рис. 15). Один из примеров сапог найден в могильнике Джухта II: на мужчине были мягкие высокие кожаные сапоги в хорошей сохранности без каблука и подметки (Доде, 2007, с. 246). Верх сапога мог украшаться шелковой отделкой разной ширины и степени декорирования.

Одним из самых важных элементов элитарного мужского костюма в государствах Чингизидов, включая и Улус Джучи, являлся пояс с металлической гарнитурой. Пояс для евразийской аристократии еще с эпохи Тюркского каганата от Византии до Танского Китая служил символом воинской доблести, показателем высокого социального и военно-административного ранга и статуса в клановой иерархии. По мнению М.Г. Крамаровского, «поясные гарнитуры… значимый компонент культуры с точки зрения традиционного этикета и с позиций маркировки публичных иерархических структур» (Крамаровский, 2001, с. 57). Ими награждали, их отбирали, дарили. В «Сокровенном сказании» описывается сцена пленения Хасара Чингиз-ханом, в которой выделяется особое отношение к поясу. «Проехав всю ночь без остановки, на восходе солнца доехала она до места и захватила Чингис-хана в тот самый момент, как он, завязав у Хасара рукава и отобрав у него шапку и пояс, подвергал его допросу. Будучи так накрыт матерью, Чингис-хан смутился. А мать, пылая гневом, вышла из возка и подходит к ним. Развязала она у Хасара рукава, отдала ему шапку с поясом» (Козин, 1941, с. 176). Система пожалования поясов сохранялась во всех государствах Чингизидов. Примером этого служит свидетельство Марко Поло о том, что юаньский император Хубилай (1260–1294) тринадцать раз в году выдавал двенадцати тысячам своих гвардейцев-кешектенов дорогие одежды, шитые серебром сапоги из верблюжьей кожи и «по дорогому, красивому золотому поясу» (Книга…, 1956, с. 114). Подобных примеров из источников можно привести достаточно много, чтобы признать единообразие подобной практики.

Важнейшим элементом этой системы являлось то, что распределение статусных поясов шло вниз по лестнице власти, на каждой ступени которой происходило их копирование и распространение среди своих вассалов. Поэтому на высшей страте элита получала пожалование высокохудожественными золотыми поясами, произведенными в императорских мастерских, а далее происходило их копирование и тиражирование вплоть до местных ремесленных центров, где изготавливались костяные изделия, выполненные тем не менее в единообразной стилистике (например, пояса с мотивами драконов, «оленей в терниях», борющихся тигров и т. д.). Именно эти престижные изделия позднее тиражировались и на бытовых предметах (керамика, зеркала, костяные накладки и т. д.), которые подчеркивали принадлежность их владельцев к кругу социальной элиты.

Судя по археологическим данным из различных регионов Поволжья, от дельты Волги до Болгарского улуса, пояса имели единообразный вид и различались металлом, репертуаром и ха-

Рис. 9. Портрет Чингиз-хана, хранящийся в Национальном дворцовом музее Тайбэя (Тайвань)

Рис. 10. Детали миниатюр из труда Рашид ад-Дина «Джами ат-Таварих» из альбома Diez

Рис. 11. Шапка жесткой конструкции из гробницы семьи Вань Шисянь (КНР) (по: Горелик, 2010)

Рис. 12. Металлические детали украшения головных уборов
а – литейная форма для изготовления наверший (Маджар) (по: Макласова, 2018);
б – навершие (Симферопольский клад) (по: Мальм, 1987); в – навершие (по: Полякова, 1996)

Рис. 13. Головной убор шлемообразной формы из Джухты (по: Доде, 2010)

Рис. 14. Головной убор в виде «тюбетейки» из кургана у ст. Белореченск (Эрмитаж)

рактером художественного оформления гарнитуры. Они могли быть дорогими парадными – выполненными из драгоценных металлов, кости, камня, инкрустированы камнями, эмалями и пр., со множеством накладок и подвесных систем, и самыми простыми – с одной пряжкой с хвостовиком (иногда без) (Крамаровский, 2001, с. 35–60). Поясной набор включал клинковый и саадачный пояса. Первый, как правило, с богатой гарнитурой служил для ношения сабли, а второй, часто с минимумом гарнитуры, использовался для подвеса саадака – колчана и налучья (Горелик, 2010, с. 27).

За отсутствием карманов в одежде кочевников, для хранения денег, кресала, огнива и других нужных мелких вещей предназначались кожаные сумочки. Например, в могильнике Джухта II находились две кожаных сумочки: украшенная растительным орнаментом и квадратная, с бронзовым замочком (Доде, 2007, с. 242). Как правило, в раскопках поволжских поселений находят мелкие бронзовые и костяные детали замков и обкладок подобных сумочек.

Еще одним важным аксессуаром, сопровождавшим мужчину, была поясная чаша, которая могла подвешиваться к поясу либо прятаться в сумку. Чаши изготавливались из различных металлов, керамики, разнообразно украшались и служили не только для утоления жажды, но и атрибутом «представителя местной элиты, то есть того общественного слоя и той общественной силы, благополучие которой зависело от сохране-

Рис. 15. Пример крепления сапог лентами к поясу на средневековой миниатюре

ния политического наследия ранних чингисидов» (Крамаровский, 2001, с. 83). Судя по историко-археологическим данным, подобные чаши также были драгоценным даром, который вручался владетелем и главой клана своим знатным родичам и распределялся по лестничной системе клановой аристократии.

Другими разнообразными аксессуарами являются серьги, перстни, подвески-амулеты. В мужских погребениях нередко можно встретить серьгу (как правило, непарную) в виде кольца или знака вопроса, изготовленную из проволоки различного диаметра. В.А. Иванов утверждает, что такие серьги являются социальным знаком и символом мужчины-воина (Иванов, 2001, с. 203). Материал изготовления – чаще золото, серебро, бронза, с прикрепленными бусинами и жемчугом. Мужчины украшали руки кольцами и перстнями, изготовленными из различных металлов, стекла, кости, камня, Перстни могли быть простой формы, с прямоугольным или овальным щитком, украшенным геометрическим, точечным или растительным орнаментом, надписями на арабском языке, вставками из стекла или камней. Часто эти изделия наделяли сверхъестественными свойствами, они выступали как обереги (Каримова, 2013, с. 40). Многообразны и уникальны подвески-амулеты в виде коробочек, пластин, цилиндров, из различных металлов, стекла, дерева, кости. Они украшались орнаментом, камнями с различными вариантами крепления. Такие амулеты, часто пришиваемые к головным уборам, можно увидеть на иранских миниатюрах. Возможно, они подвешивались на шею или пришивались к одежде (Каримова, 2013, с. 53).

Таким образом, характеризуя основные черты мужского костюма, можно сделать следующие выводы. Если судить по изобразительным источникам, самой распространенной одеждой у представителей элиты Улуса Джучи был приталенный осевой халат с отрезной складчатой юбкой. Ткани, использующиеся при их производстве, были дорогими, узорчатыми, парчовыми, дополнительно могли быть украшены вышивками, аппликациями. Простые монголы носили халаты схожего кроя, но из тканей попроще и без обилия декора. То же самое касается и остальных аксессуаров, сапог, шапок и пр.

Элитарный костюм в целом сформировался в определенных условиях климата, хозяйственной деятельности, экономики, социальной стратификации, что привело его к унификации и стандартизации внешнего вида представителей золотоордынской клановой аристократии.

Комплекс женского монгольского (имперского) костюма. Костюм знатной женщины Монгольской империи, а позднее Улуса Джучи был также строго регламентирован и строго ранжирован по возрасту и социальному статусу самой женщины, ее мужа или отца. Впервые европейский мир знакомится с женским монгольским костюмом в XIII в. по записям путешественников, миссионеров, послов и пр. Так, францисканский посол римского папы Дж. де Плано Карпини писал: «Замужние же женщины носят один кафтан очень широкий и разрезанный спереди до земли» (Путешествие…, 1957, с. 27). Французский посол Гильом де Рубрук также сообщал: «Но на следующий день после свадьбы она бреет себе череп с середины головы в направлении ко лбу; она носит рубашку такой ширины, как куколь монахини, но в общем более широкую и длинную, и спереди разрезанную, которую они завязывают на правом боку» (Путешествие…, 1957, с. 100). Женская одежда кочевников в Улусе Джучи также имела,

очевидно, значительное сходство с монгольскими костюмами. Она была закрыта, многослойна, соответствовала бытовым, климатическим условиям, отражала возрастной и социальный статус и состояла из нижнего белья, халатов различного кроя, кафтанов, сапог, головных уборов и дополнялась разнообразными аксессуарами.

Самыми знаковыми памятниками, материалы которых могут быть использованы для данного исследования, с сохранностью предметов женского костюма, позволяющей восстановить крой, можно назвать могильники Маячный Бугор, Вербовый Лог, Увек, Рябичевский, Новопавловский и Тингутинский. Комплексы одежд из погребения 93 могильника Маячный Бугор I и погребения 1 Увекского мавзолея кургана 1 могильника Вербовый Лог VIII дают представление о нижней и верхней женской одежде разной степени сохранности.

Большие «парадные» халаты представлены образцами из погребения 10 Новопавловского склепового могильника и погребения 1 Тингутинского могильника. Это классические халаты, распространенные на всей территории Монгольской империи. Халаты из различных памятников Поволжья и Северного Кавказа показывают разнообразие конструктивных подходов к изготовлению женской плечевой одежды.

В могильнике Маячный Бугор I зафиксирован комплект нижнего белья, в который входят штаны и короткая длиннорукавная рубашка из тонкого красного шелка полотняного переплетения. Покрой штанов достаточно прост, они состоят из сшитых прямоугольных полотнищ, с ромбической ластовицей и широким поясом (рис. 16). Ширина изделия регулировалась на бедрах завязками, длина штанин доходила чуть ниже колен. От рубашки сохранились часть полы и рукава. О.В. Орфинской и О.Б. Лантратовой реконструированы ее форма и крой – изделие прямого кроя, без проймы, осевой разрез спереди, трапециевидные зауженные к запястью рукава, длина изделия доходила до талии (рис. 17) (Орфинская, Лантратова, 2011, с. 21–23).

Нижнее бельё из могильника Вербовый Лог VIII конструктивно отличается от белья из Маячного Бугра I. В работе 2006 г. исследователями представлены длинные нижние штаны, короткие верхние штаны (своеобразные «шальвары») и рубашка. Рубашка сохранилась фрагментарно, и представляла собой осевое изделие длинной до бедер, на подкладке, с перекидным плечом и запахом на правую сторону, с длинными рукавами, завязками, вшивным воротником и манжетами. На рукавах, посередине плечевого сустава находились разрезы для свободы движения руками при работе. Изготовлена рубашка из красного шелка

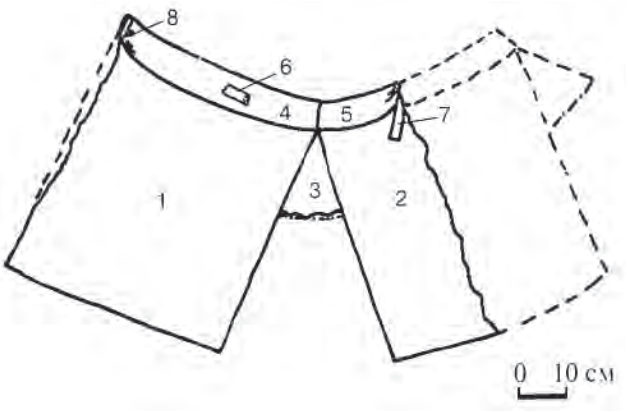


Рис. 16. Покрой штанов из могильника Маячный Бугор I (по: Орфинская, Лантратова, 2011)

полотняного переплетения, воротник и манжеты из шелка с золотым орнаментом, ткань подкладки не сохранилась. Нижние штаны представляют собой несшитые между собой длинные штанины с подромбовидным клином на внешней стороне бедра, с широкой декоративной каймой по низу. Штанины крепились с помощью шнура на талии и были выполнены из красного шелка полотняного переплетения, нижняя кайма из двухцветного шелка с мережкой. От верхних штанин сохранились две фигурные детали из парчи с отделкой кантом и фрагмент ткани с мережкой. Точную реконструкцию, из-за сохранности, произвести невозможно, но с помощью аналогий исследователи попытались воссоздать короткие (до колена) «шальвары», крепившиеся на талии с помощью завязок. Данные штаны надевали поверх длинных штанин (Власкин и др., 2006, с. 95, рис. 3).

Фигурные элементы от «шальвар» (и проблематику реконструкции археологического текстиля в целом) в одной из своих работ рассмотрела О.В. Орфинская, указавшая на их неверную интерпретацию (Орфинская, 2015, с. 18). По ее мнению, с которым можно согласиться, представленные в погребении фигурные детали археологического текстиля не что иное, как тканевые декоративные элементы сапог. Об этом свидетельствует их расположение в погребении (в районе коленей) и многочисленные археологические аналогии. Абсолютно аналогичная картина зафиксирована Е.В. Цуцкиным в Калмыкии (Власкин и др., 2006, с. 82). По нашему мнению атрибуция нижних штанов и «шальвар» носит спорный характер, и данный материал требует дополнительных исследований.

Поверх нижнего белья женщины надевали халаты. В золотоордынских памятниках Поволжья встречаются халаты с различным конструированием деталей кроя: большие широкие, приталенные осевые, со встречными и «бантовыми» складками

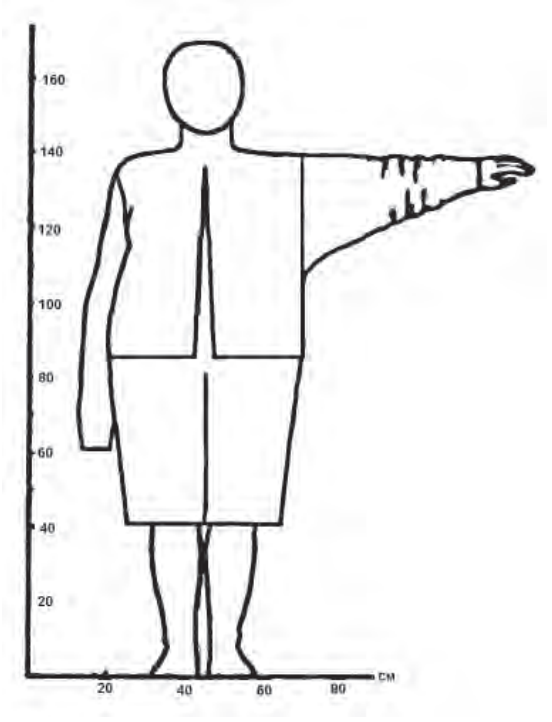


Рис. 17. Реконструкция формы и кроя комплекта нижнего белья из могильника Маячный Бугор I. Измерения в сантиметрах (по: Орфинская, Лантратова, 2011)

на юбке, с длинными и короткими рукавами. В погребении 93 могильника Маячный Бугор I находилось три халата, надетые один поверх другого. Нижний – на подкладке, с утеплителем, распашной на правую сторону, со встречными складками на юбке, отрезной по линии талии, с длинными рукавами и боковым разрезом с левой стороны, со вшитым воротником и пришивными манжетами, в качестве застежки выступали завязки. Халат был выполнен из красной шелковой парчовой ткани с узором, воротник и манжеты из коричневой парчи, подкладка шелковая полотняного переплетения. Утеплителем послужила хлопковая ткань, расположенная на торсе (рис. 18). Второй халат был большой «парадный», распашной на правую сторону, цельнокроеный, с длинными рукавами, с широкими ажурными завязками, шалевым воротником и манжетами (сшитыми из двух полос), длинной в пол. Халат пошит из коричневой шелковой парчи с орнаментом, воротник и манжеты из красно-коричневой парчи, завязки из шелка фиолетового цвета (рис. 19). Третий, осевой кафтан, был плохой сохранности и для установления кроя О.В. Орфинская и О.Б. Лантратова выполнили реконструкцию из отдельных фрагментов. Халат короткий, цельнокроеный, с короткими рукавами, застегивался «встык» на мягкие пуговки, с вшитым воротником и «ложными» манжетами, с «бантовыми» складками и разрезами по бокам, на хлопковой подкладке и утеплителе. Халат и воротник выполнены из коричневой парчовой шелковой ткани с орнаментом (рис. 20) (Орфинская, Лантратова, 2011, с. 21–25). Аналог такому кафтану находился в могильнике Маячный бугор II, погребение 51. «Парадный» халат из Вербового Лога VIII, кургана 1, погребения 1, сохранился в виде фрагментов нескольких видов тканей различной величины и конфигурации. Крой халата был выполнен на основе прямого стана с широкими рукавами, правым глухим запахом, пришивным «шалевым» воротником, переходящим в стойку, с завязками (внутренними и внешними). Изготовлен был из желтого шелка с золотым штампованным орнаментом, на спинке имелась большая прямоугольная вставка из ткани другого вида. Воротник был сшит из трех полос разного орнаментированного шелка (Власкин и др., 2006, с. 9, рис. 6). Впоследствии некоторые конструктивные моменты в халате были пересмотрены О.В. Орфинской, которая посчитала безосновательными ряд утверждений: о крое прямого стана, о разнице длины и ширины изделия и пр. (Орфинская, 2015, с. 18–19). Еще один «парадный» халат находился в могильнике у с. Царева, в погребении 1 кургана 64. Халат сохранился во фрагментах. Его графическая реконструкция, сделанная Е.П. Мыськовым, предлагала вариант без рукавов, впоследствии другие исследователи выявили их наличие. Халат каноничен, представляет собой прямой широкий силуэт, с правосторонним запахом, широкими рукавами, с «шалевым» воротником и манжетами, на завязках. Пошит из узорчатого золототканого шелка, от манжеты сохранилась только одна шелковая полоса, но предположительно их было три (одна широкая и две узкие) (Шашунова, 2019, с. 193, рис. 1). На Северном Кавказе в погребении 10 Новопавловского могильника был найден похожий фрагментарно сохранившийся халат на подкладке. Выполненный из красного узорчатого шелка с золотым орнаментом, окантованный вышивкой, на рукаве имелись золотые нашивки в виде диска и полумесяца (Охонько, 2010, с. 93). Солярная символика соответствовала высокой роли женщины в системе управления империей. Такого рода знаки служили визуализацией полномочий власти (Доде, 2012, с. 265). Крой халата в полной мере восстановить невозможно, но очевидно, что это был «парадный» халат. Еще один пример «парадного» халата происходит из могильника Тингутинский I. По крою и конструкции он похож на халат из погребения 93 могильника Маячный Бугор I, широкий, с правосторонним запахом, с зауженными к запястью рукавами, «шалевым» воротником, манжетами, на завязках. Халат был выполнен из шелковой ткани красного цвета, декорирован узорной полосой на подоле и

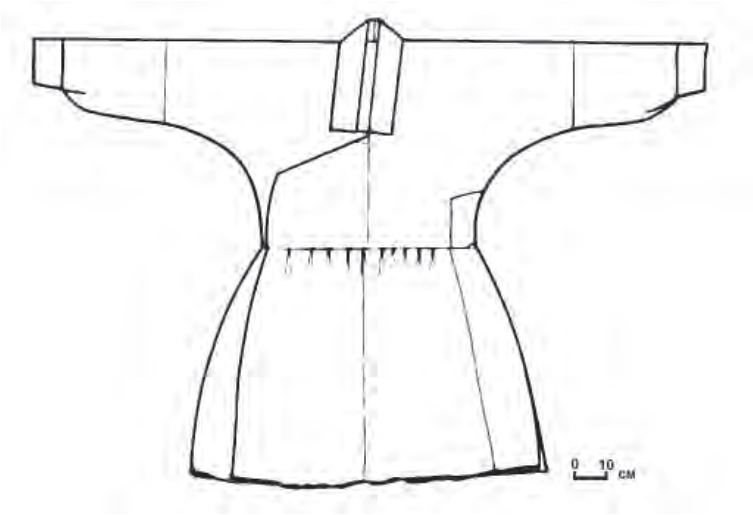


Рис. 18. Нижний халат из погребения 93 могильника Маячный Бугор I (по: Орфинская, Лантратова, 2011)

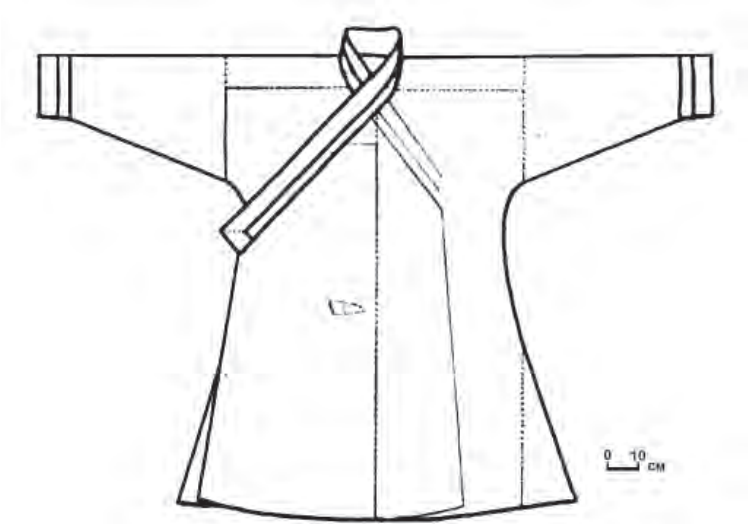


Рис. 19. Большой «парадный» халат из погребения 93 могильника Маячный Бугор I (по: Орфинская, Лантратова, 2011)

так называемым облачным воротником на полочках, спинке и рукавах (Доде, 2018, с. 338, рис. 10).

Монгольский головной убор боктаг был знаковой частью костюма замужней женщины и содержал в себе множество элементов. Если описывать его кратко, то «это дорогой, высокий, обращающий на себя внимание убор. Основой его служит сложная конструкция из бересты, усиленная каркасом из прутиков, которая сшивалась сухожильными или шелковыми нитками. Выполненный в форме «ствола» с «капителью», обтянутый шелком, дополненный тканевыми шапочками, различными ювелирными украшениями и перьями (Макласова, 2018, с. 121). Впервые терминологию из архитектуры к головным уборам применил Гильом де Рубрук, он же дал наиболее подробное описание боктаг: «Они носят украшение на голове, именуемое бока, устраиваемое из древесной коры или другого материала, который они могут найти, как более легкий, и это украшение круглое и большое, насколько можно охватить его руками; длинною оно в локоть и более, а вверху четырехугольное, как капитель колонны. Эту боку они покрывают драгоценной шелковой тканью; внутри бока пустая, а в середине, над капителью, или над упомянутым четырехугольником, они ставят прутик из стебельков, перьев или тонких тростинок длиною также в локоть и более. И этот прутик они украшают сверху павлиньими перьями и вдоль перышками из хвоста селезня, а также драгоценными камнями. Богатые госпожи полагают это украшение поверх головы, крепко стягивая его меховой шапкой, имеющей в верхушке приспособленное для этого отверстие. Сюда они прячут волосы свои, которые собирают сзади кверху головы как бы в один узел и полагают в упомянутую боку, которую потом крепко завязывают под подбородком» (Путешествия…, 1957, с. 100). На территории Улуса

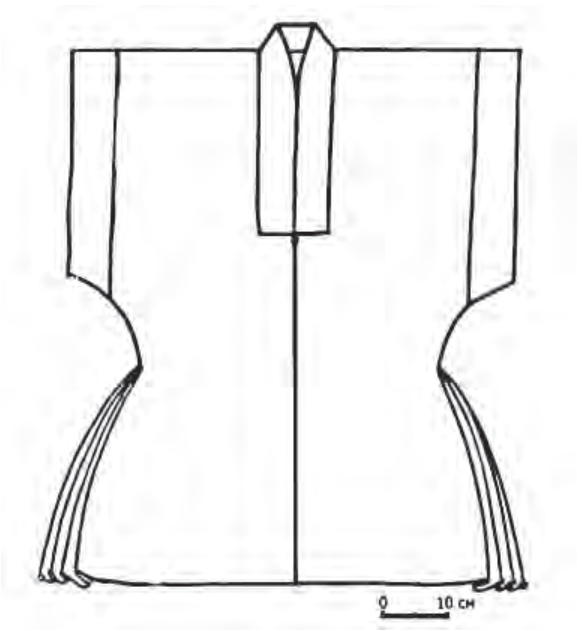


Рис. 20. Верхний халат из погребения 93 могильника Маячный Бугор I (по: Орфинская, Лантратова, 2011)

Джучи в женских погребениях встречаются данные головные уборы с вариативностью размеров и разной степенью сохранности. Приведем примеры с памятников Нижнего Поволжья: Маячный Бугор I, II, Солодовка I, II, Царев, Увек, Усть Курдюм, Молчановка и Маляевка VI. Данные боктаг визуально схожи, единственное отличие между берестяными каркасами – это формирование на «стволе» задней части «капители» и диаметр самого «ствола». Берестяной каркас – это основной элемент головного убора, задающий его узнаваемый облик. Сам же каркас состоит из цилиндрического «ствола» разной высоты и диаметра и расширяющейся «капители». Детали каркаса могли состоять из одной или нескольких частей, причины такого разделения неясны – предположительно это было вызвано экономией бересты или разностью подходов к производству. Еще один основной элемент – это система украшений боктаг, т. к. она показатель статуса. Эти украшения весьма разнообразны: жемчуг, стеклянный бисер, нашивки, амулетницы, каури, навершия под перьевую систему с различными вариантами исполнения, перья. Египетский путешественник Ибн Баттута, побывавший в Сарае и участвовавший в церемониях ханского двора при хане Узбеке, подробно описывал боктаг: «На голове хатуни – бугтак, т. е. нечто вроде маленькой короны, украшенной драгоценными камнями, с павлиньими перьями наверху» (Золотая орда, 2003, с. 134).

Наиболее сохранные и выразительные находки боктаг Поволжья найдены на Увекском городище, в погребении 1 кургана 61 Царевского могильника и в погребении 60 могильника Маячный Бугор II. За счет разности форм конструкции берестяных каркасов показано разнообразие подходов к их изготовлению.

Мавзолей городища Увек был раскопан в 1913 г. П.Н. Шишкиным. В погребении 1 находилось женское захоронение с множеством различных предметов, в том числе боктаг удовлетворительной сохранности, описанный А.А. Кротковым как «тростниковый круглый полый стержень с «придатком», напоминающим букву Г» с диаметром «ствола» 4 см и высотой 21 см (Кротков, 1915, с. 119). Впоследствии береста «ствола» боктаг начала крошиться и была наклеена на бумажную основу с целью сохранения разрушающегося каркаса. При работе с фрагментами с помощью графической развертки, аналогий и экспериментально-практического метода удалось уточнить размеры головного убора. Это утонченная конструкция, по своей форме действительно напоминающая букву «Г», соответствует по параметрам боктаг из памятников Маячный Бугор I, погребение 224 (Котеньков, 1996, НВ 14967), и Солодовка I, погребение 8 (Глухов, 2003, с. 32–35).

Уточненный диаметр «ствола» составил 3,3–3,5 см, высота около 20 см. Сохранившийся фрагмент крышки «капители» имел ширину 3,5 см. Для установления предположительной длины подходят аналоги, упомянутые выше, с полностью сохранившимися крышками: в Солодовке I – размер 17,5×3,5 см, в Маячном Бугре I – размер 17×3,3 см (Макласова, 2021, с. 304–305). Следовательно, крышка «капители», помимо известной ширины, имела предположительную длину 17–17,5 см (рис. 5: 2).

Увекский головной убор был украшен «листочками из проволоки, обмотанной зеленым шелком, и зёрнами мелкого жемчуга» (Кротков, 1915, с. 120), и помимо этого подвеской с чеканным растительным узором и вставкой в центре, золотой бусиной битрапециевидной формы с рельефными выступами по центральному кругу, нашивкой каплевидной формы с растительным узором и серебряной с позолотой бляшкой, сохранившейся в одном фрагменте (Кубанкин, 2006, с. 194–195).

Головные уборы с памятников Царев 61 и Маячный Бугор II более крупной конструкции, с большим диаметром «ствола» и, соответственно, площадью крышки «капители».

Могильник Царев расположен недалеко от с. Царев Ленинского района Волгоградской области и исследован в 1989 г. Е.П. Мысковым. Боктаг в погребении 1 кургана 61 находился на туловище с левой стороны. От убора сохранился каркас (с «армированием» внутри деревянными прутиками), вставленный в матерчатую верхнюю шапочку

с наушниками, и фрагменты шелковой обтяжки. Из украшений и дополнительных элементов боктаг сохранились деревянное навершие под перьевую систему, серебряный цилиндрический полый амулет, берестяная ромбическая нашивка с лент нижней шапочки и фрагменты тканей на черепе погребенной (Мыськов, 2015, с. 311). Берестяной каркас состоял из «ствола», передней и задней детали «капители», крышки и представлял собой остроносый «сапожок» Г-образной формы с высотой «ствола» 17 см, диаметром 6 см и крышкой «капители» 21,5×5,7 см (Макласова, 2021, с. 303–304). В отличие от головного убора из Увека данная конструкция более массивна, если по высотам идет совпадение, то по диаметру, ширине и длине идет увеличение некоторых деталей приблизительно в два раза.

Памятник Маячный Бугор II располагался в Красноярском районе Астраханской области и был исследован в 1996 г. С.А. Котеньковым. В отчете говорится о берестяном футляре длиной 15,6 см, расположенном в районе левого предплечья, выполненном из целого куска бересты и сшитом по длине кожаными шнурами (Котеньков, 1996, с. 3), тканей обтяжки и украшений не сохранилось. Боктаг из погребения 60 Маячного Бугра II по размерам больше вышеописанного убора из Царева, высота сохранившейся части «ствола» 15 см, диаметр 6,8–7 см, деталь крышки «капители» состоит из двух частей и имеет общий размер 28×6,8 см (скорее всего, это не индивидуальный подход мастера к раскрою, а экономия и рациональное использование материала).

Выделяются своим силуэтом и конструктивными решениями головные уборы с памятников Южного Урала: Башкир-Беркутовские курганы с территории республики Башкортостан и Линёвские в Оренбургской области. Конструктивными особенностями этих головных уборов, за исключением небольших расхождений в диаметре ствола, является: меньшее количество деталей берестяного каркаса (2–3), иной метод сшивания капители со стволом – под тупым углом (за счет чего высота берестяной конструкции увеличивается на 5–6 см) и, соответственно, высота боктаг (превышающая многие головные уборы с методом сшивания под прямым углом). Яркий пример подобного боктаг был найден Н.А. Мажитовым в 1968 г. в кургане 2. У левого виска погребенной лежала берестяная трубочка с фрагментами ткани, кожи и украшений. После тщательного анализа всех берестяных фрагментов выяснилось, что боктаг состоит из трех деталей, ствол был свернут из листа бересты размером 25×15 см, с учетом перехлестов бересты его расчетный диаметр 3,7–3,8 см. Стоит отметить минимализм в деталях при изготовлении берестяного каркаса и заострить внимание на непривычном совмещении ствола с капителью под тупым углом, за счет которого некоторые детали капители в боктаг упразднились, и мы получили новое конструктивное решение – несколько измененный силуэт с задранным вверх «носиком» капители под углом 130° (рис. 21: г) (Макласова, 2021, с. 258–259).

Обязательным сопутствующим атрибутом к боктаг шли нижняя и верхняя мягкие шапочки. Поскольку находки боктаг хорошей сохранности доходят до нас редко и представляют собой в основном фрагменты, требующие реставрации (иногда лишь нашивные украшения), то только обобщенный анализ может позволить понять, какую конструкцию имела та или иная находка. Отличие между верхней и нижней шапочкой в том, что верхнюю можно носить отдельно, а нижняя надевалась только под боктаг и служила своеобразным «смягчителем» давления нижнего края берестяного каркаса на темечко. Если нижняя шапочка была пришита к боктаг, это была дополнительная, плотная фиксация головного убора на голове (помимо лент, пришитых к самому боктаг). Пример такой шапочки можно встретить в могильнике Тингутинский I (Мыськов, 2015, с. 99; Доде, 2018, с. 341, рис. 15). В свою очередь верхние шапочки между собой также имели некоторые отличия, в зависимости от конструкции берестяного каркаса конфигурация передних боковых «наушников» (в некоторых случаях «крыльев», из-за сходства с силуэтом узких крыльев ласточки или стрижа) могла варьироваться: чем меньше диаметр ствола, тем более утонченные и фигурные боковые и задние части шапочки, чем больше диаметр ствола, тем массивнее/крупнее/шире боковые «наушники» (фигурный край не так сильно выделяется, либо отсутствует полностью).

Верхние шапочки Е.П. Мыськов называет шапками-колпаками и считает, что все они близки по форме и системе кроя, хотя отличаются друг от друга размерами и некоторыми конструктивными деталями, изготовлены из золототканой парчи с геометрическим, растительным, растительно-геометрическим или растительно-зооморфным орнаментом и, как правило, снабжены подкладкой из тонкой шелковой ткани. Форма стандартная – верхняя часть шапки, прикрывающая лоб, темя и затылок, боковины оформлялись в виде длинных наушников, закрывающих щеки, скулы и ниспадающих на грудь, а задняя часть – в виде короткого башлыка, закрывающего плечи и часть спины, она могла сшиваться или завязываться завязками. В холодное время года наушники стягивались под подбородком при помощи специальных завязок из тесьмы, а летом подворачивались и крепились

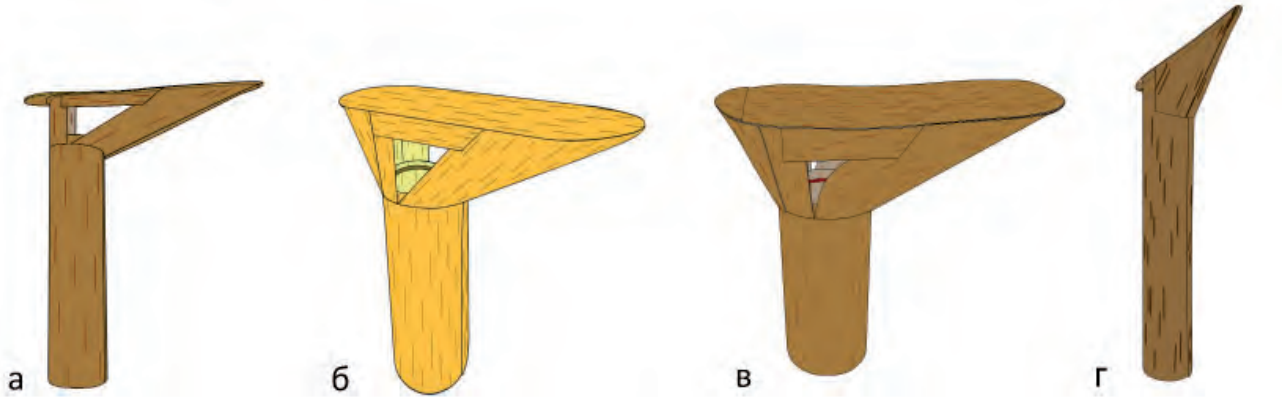


Рис. 21. Варианты конструкции «стволов» боктаг:
а – Маячный Бугор I погребение 224, Солодовка I погребение 8; б – могильник Царев погребение 1 кургана 61;
в – Маячный Бугор II погребение 60; г – курган 2 могильник Башкир-Беркутово.

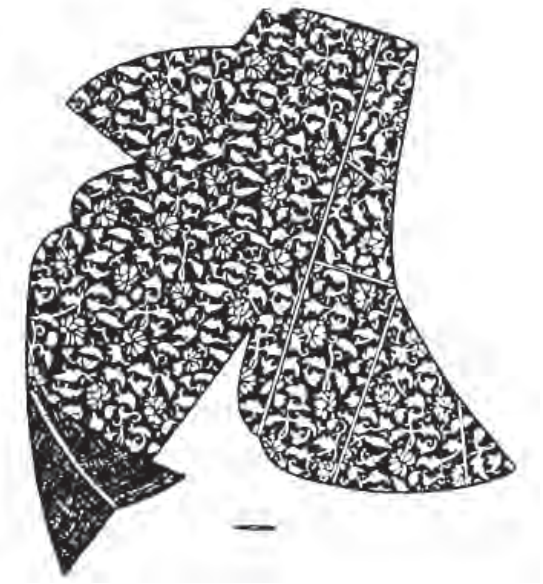


Рис. 22. Головной убор из погребения 1 кургана 61 могильника Царев (по: Мыськов, 1995)

Рис. 23. Реконструкция головного убора из погребения 93 могильника Маячный бугор I (по: Орфинская, 2013)

за спиной этими же завязками. Все шапки сшиты одинаково. Передняя часть изготовлена из двух симметричных половин, а задняя набрана из мелких лоскутков различных размеров и конфигурации (Мыськов, 1995, с. 40–42). Примером таких шапок может служить головной убор из погребения 1 кургана 61 могильника Царев (рис. 22).

Еще одним видом головных уборов являются мягкие шапки типа «башлыка», которые могли носить как мужчины, так и женщины. Один из подобных головных уборов был найден в погребении 93 могильника Маячный бугор I. Это частично сохранившееся тканевое изделие на подкладке, простого кроя, с пуговкой и декоративными лентами. Группа исследователей установила вид ткани, отреставрировала сохранившийся фрагмент и произвела свою реконструкцию (рис. 23). Шапка была пошита из двух видов ткани: основной ажурной черного цвета и подкладки полотняного переплетения черного или коричневого цвета, тканевая пуговица с несохранившейся петелькой, вероятно, служила для фиксации на затылке передних краев полотнищ головного убора, изделие, помимо головы, закрывало шею, плечи и часть спины (Орфинская, 2013, с. 159–162). Головные уборы типа «башлыка» в зависимости от сезона могли утепляться подбоем из шелка, хлопка или меха.

И последним видом головных уборов, носимых замужней женщиной, можно назвать шапки жесткой конструкции, которые также носили и

Рис. 24.Фрагмент картины Лю Гуаньдао «Охота Хубилай-хана» (1280 г.), Музей императорского дворца (Тайбэй, Тайвань)

мужчины. Прекрасной иллюстрацией этому факту является знаменитая картина художника Лю Гуаньдао «Охота Хубилай-хана» (1280 г.), которая сегодня хранится в Музее императорского дворца (Тайбэй, Тайвань), где изображены Хубилай и его жена именно в таком головном уборе (рис. 24). Несмотря на то, что эта картина относится к эпохе Юань, императорская мода была единой во всех государствах Чингизидов, что подтверждено находками деталей подобных головных уборов на территории Улуса Джучи – наверший под перьевую систему, которыми украшались данные шапки, так и литейных форм для их отливки (Полякова, 1996, с. 155).

Обувь женщины носили такую же, как и мужчины, т. е. сапоги и полусапожки на мягкой и толстой подошве, выкроенные из кожи, с узорчатой отделкой и без. Отличительной особенностью обуви был одинаковый крой подошвы для левой и правой ноги. В погребении 10 могильника у г. Новопавловск на ногах погребенной сохранились остатки мягких кожаных сапог. Крой классический, голенище шилось из двух половин, переднее выше заднего, верхний край сапога имел три маленькие вставки, носок, задник не сохранился (рис. 25) (Охонько, 2010, с. 95). Сапоги из погребения 2 склепового могильника Увекского городища небольшие, без каблуков, с прямыми носами и мягкой кожаной подошвой (Кубанкин, 2006, с. 197). На верхней кромке голенища остались следы пришивания кожаного канта, сама подошва узкая и имеет дополнительный слой кожи на пятке. Сапоги из погребения 51 могильника Маячный Бугор II, как и описанные выше, имели в своем крое голенище, носок, узкую подошву и задник, а также отделку, декорированную парными шну-

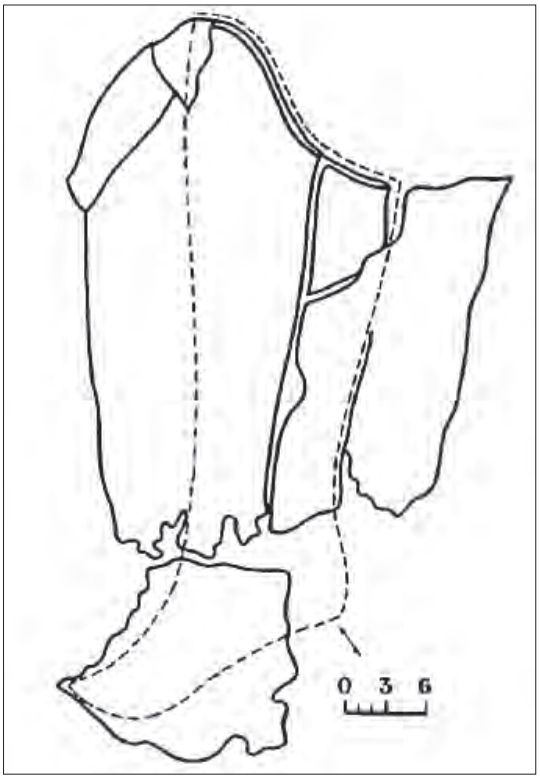


Рис. 25. Раскрой сапога из погребения 10 могильника у г. Новопавловск (по: Охонько, 2010)

рами. Аналогичное украшение, выполненное из узорного шелка, по краям декорированное шелковой лентой полотняного переплетения и четырьмя рядами парных шнуров, можно встретить в кургане 123 курганного могильника Бахтияровка III (Шашунова, 2019, с. 237).

Необходимыми спутниками любого костюма являются всевозможные аксессуары – серьги, кольца, перстни, браслеты, бусы, подвески, амулеты, пояса, сумочки и пр. Наиболее распространенные женские украшения – это серьги в виде знака вопроса и бусы. Материал, из которого изготавливались украшения, – бронза, серебро, реже медь, золото, часто с жемчужинами или бусинами. Серьги изготавливались из металлической проволоки различного диаметра. Как правило, в каждом погребении находилось по одному экземпляру, реже по два и более (Каримова, 2013, с. 28). В погребениях кочевников встречаются бусы, изготовленные из поделочного камня, материалов органического происхождения, стекла и металла, полихромные и монохромные, большие и маленькие (Каримова, 2013, с. 42–43). Бусины могли носиться по одной, как подвеска, либо как короткое ожерелье из трех – пяти бусин и полноценные низки бус из одного материала или различных комбинаций (Каримова, 2013, с. 35). Кольца и перстни встречаются в погребениях уже реже, нежели серьги и бусы. Они могли быть выполнены из простых и драгоценных металлов, со вставками и орнаментом. Простые,

пластинчатые, с плоским прямоугольным или овальным щитком, иногда украшенным точечным, геометрическим или растительным орнаментом. В основном встречались серебряные, бронзовые, золотые перстни, редко – костяные, железные, медные, оловянные, сердоликовые и стеклянные. Предпочитали их носить в одном экземпляре на левой или правой руке, хотя в некоторых погребениях они были обнаружены в двух экземплярах (Каримова, 2013, с. 40–42). Браслеты встречаются в погребениях довольно редко. Они отличаются по форме (проволочные круглые и полукруглые, из узкой пластины с несомкнутыми концами), орнаменту (простой геометрический, растительный, зооморфный), материалу (металл, стекло). Могли носиться на левой и правой руке, по одному или два браслета (Каримова, 2013, с. 38, 40). Амулеты-подвески так же редки, в погребениях их находят в одном экземпляре (нередко как украшение с головного убора, но может быть и частью ожерелья), они имели статусное или сакральное значение. Часто выполнены из драгоценных металлов (или в комбинации с деревом, костью), с орнаментом, вставками, различных форм и методов крепления.

Интересный предмет женского туалета – шпильки для волос, китайская стеклянная с разрезанным плодом граната, найденная на Увекском городище (Кубанкин, 2006, с. 190–213), и золотая из погребения 93 Маячного Бугра I. Такое украшение определенно предназначалось для поддерживания и украшения прически.

Использование поясов в женской одежде обусловлено не только практичностью (подвешивалось много предметов женского туалета – зеркала, гребни, игольники и пр.), но и удобством, т. к. для выполнения домашних и хозяйственных работ широкую и длинную одежду лучше подпоясывать или подбирать, чтобы не мешала. Еще в «Сокровенном сказании» сказано о том, что замужние женщины использовали пояса: «В упорных трудах его, с подтянутой всегда подпругой, страдала с ним заодно и мать же ваша: плотно-наплотно косы стягивала, туго-натуго подпоясывалась, крепко-накрепко косы стягивала, сильно-насильно подпоясывалась и вот так растила вас...»; «коротко поясом платье подбирала, бегала по Онон-реке и вниз и вверх, по зернышку собирала с диких яблонь и с черемухи, день и ночь кормила» (Козин, 1941, с. 136). Пояса могли быть как кожаные, так и тканевые. З.В. Доде считает, что монголки подпоясываются только в зимнее время, когда работают или ездят на лошади (Доде, 2001, с. 117). В женском погребении у г. Новопавловска была найдена пряжка и хвостовик, изготовленные из серебра, кожи или ткани от самого пояса не сохранилось. Не исключено, что ношение пояса определенного

Рис. 26. Ремешок для ношения в руках или через плечо на иранских миниатюрах ильханидского периода (нач. XIV в.)

типа и у женщин служило подтверждением высокого социального статуса и как-то было связано с иерархическим положением ее отца или мужа.

Важную роль в костюме женщин играли разнообразные кисеты и сумочки (которые могли быть прикреплены к поясу или имели ремешок для ношения в руках или через плечо) (рис. 26), в которых хранились нужные хозяйке вещи – зеркало, маникюрные приборы, благовония и т. д. Формы, конструкции, украшения, крепления могли быть от самых простых до сложных и богатых. Для изготовления использовали ткань и кожу, украшали вышивкой, аппликацией и пр. К примеру, кошелек-кисет из погребения 2 мавзолея Увекского городища был связан крючком из шелковых нитей, имел три декоративные кисточки и стягивался

Рис. 27. Костюм на иранских миниатюрах ильханидского периода («АльбомеДица, Государственная библиотека, г. Берлин)

витым шелковым шнуром, в погребении 10 Новопавловского могильника лежали девять кожаных и один шелковый амулет простого кроя с узкими ремешками для подвешивания, украшенные бусами.

Таким образом, можно отметить, что костюм элитарной замужней дамы из Улуса Джучи XIII–XIV вв. был типичен для всей территории Поволжья и носил общеимперский характер, что подчеркивает сходство многих деталей гардероба и их украшений. Крой халатов сохраняет традиции «имперской моды» как у осевых, отрезных по линии талии, так и у больших «парадных» халатов. Головные уборы показывают небольшое различие форм, размеров и разнообразие внутренних конструктивных решений. Обувь, напротив, однообразна и может выигрывать только за счет декоративной отделки. Остальные аксессуары показывают широкий ассортимент и географию распространения, подчеркивая их надрегиональный и надэтнический уровень.

Девичий и детский костюм от мужского практически не отличался. Так как археологического материала в погребениях находится мало, при изучении этого вопроса на помощь приходят письменные и крайне малочисленные изобразительные источники. В основном можно с достоверностью реконструировать девичий костюм, т. к. практически все письменные источники упоминают только его. Папский посол в Монголию Дж. де Плано Карпини писал: «Девушек же и молодых женщин с большим трудом можно отличить от мужчин, так как они одеваются во всем так, как мужчины. Шапочки у них иные, чем у других народов; описать, понятно, их вид мы бессильны» (Путешествие…, 1957, с. 27). Гильом де Рубрук в «Путешествии в восточные страны» писал: «Платье девушек не отличается от платья мужчин, за исключением длины» (Путешествие…, 1957, с. 99). Ибн Баттута в главе «О хатунях и порядке их» пишет о головных уборах девушек «У каждой из «дочерей» на голове шапочка, похожая на колпак, с золотым венчиком поверху, который украшен драгоценными камнями, и с павлиньими перьями над ним» (Золотая Орда, 2003, с. 134). Иллюстрации этим сведениям современников можно наглядно видеть на иранских миниатюрах ильханидского периода (например, в «Альбоме Дица», хранящемся в Государственной библиотеке г. Берлина) (рис. 27).

Выразительный археологический материал по детской одежде представлен находками в погребении мальчика на горе Окошки, включающем в себя помимо сопроводительного инвентаря комплекс плечевой и поясной одежды. Курганный могильник расположен в 2 км от Хирхиринского городища Забайкальского края Приаргунского района, в 1959 г. были произведены раскопки С.В. Киселевым. В погребении 4, которое уцелело полностью, находились седло, стремена, узда, лук, колчан со стрелами, серебряная чаша, пояс с серебряными накладками и парчовым кошелечком, в котором лежали кресало и трут, кожаные сумочки, но главное – шапка, рубашка, штаны, халат, шуба, «юбка» и сапоги. После проведенной реставрации группой специалистов ГИМа были выявлены силуэт, крой и ткани (Киселев, 1961, с. 127).

Нижняя одежда представлена рубашкой и штанами. Штаны простого кроя со складками спереди и сзади и небольшим заужением книзу, с широким поясом и двумя длинными штрипками, пришитыми к низу штанин (рис. 1). От рубашки сохранилась часть спинки и часть рукава, крой полностью восстановить не удалось, но конструктивными особенностями можно назвать маленький цель-

Рис. 29. Халат (по: Баяр, 2000)

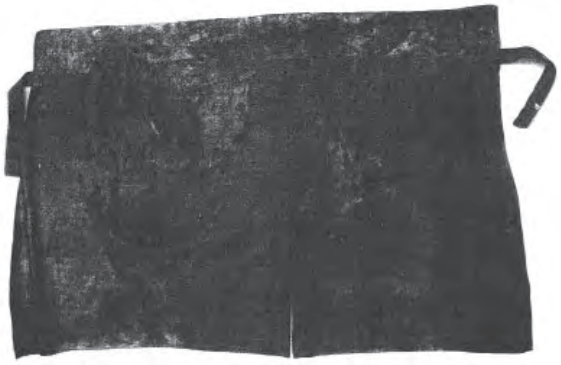


Рис. 28. «Юбка» (по: Баяр, 2000)

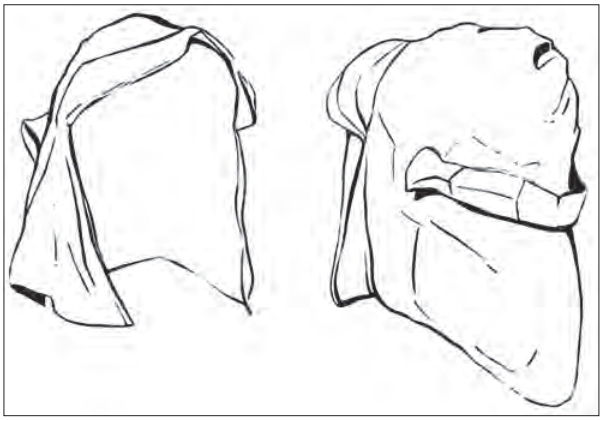


Рис. 30. Мягкий головной убор (по: Никитина, 1962)

нокроеный рукав и боковой разрез со встречной складкой (рис. 3). «Юбка» находилась поверх рубашки и представляла собой подтрапецевидный кусок ткани с широким поясом, тонкими завязками и снизу разрезом со складкой (рис. 28). Все три предмета были выполнены из тонкой шелковой ткани полотняного переплетения.

Верхняя одежда состояла из халата и шубы. Халат был свернут и положен под голову мальчика, при пошиве использовалась тонкая шелковая ткань. Крой классический, встречающийся в мужских халатах, отрезной по талии, с зауженным рукавом и цельнокроеной манжетой, с боковой переходящей назад складчатостью, имеет сзади разрез, шалевый воротник-стойку и левостороннюю застежку (рис. 29). Шуба имеет аналогичный крой с небольшим отличием – припуск на складки начинается под рукавом и имеется правосторонняя застежка, в остальном все типично – по бокам встречные складки, шалевый воротник-стойка, слева в шве две завязки. Изделие пошито из плотной шелковой ткани с меховой подкладкой (мех не определен).

Кожаные сапоги сохранились фрагментарно, но выявленная форма классическая, встречающаяся не только на территории Золотой Орды. Сапоги выполнены из трех частей – подошвы, передней части голенища, объединенной с носком и задней части голенища, объединенной с задником. Аналогом могут послужить сапоги из захоронения Джухта II (Апанасенковский район Ставропольского края).

Мягкий головной убор сшит из шелковой узорчатой ткани с золотом, раскраивался из двух деталей и имел пару завязок. Отличительная особенность конструкции – отгибающийся наверх цельнокроеный «козырёк» (рис. 30) (Никитина, 1962, с. 189–192).

Украшения и аксессуары в детских и девичьих погребениях встречаются довольно часто, ассортимент по большей части такой же, как и у взрослых, т. е. это браслеты, кольца, бусы, серьги, пояса, подвески и пр., только меньшего размера.

Обобщая этот небольшой материал по детской и девичьей одежде, можно сказать, что все источники правы – костюм похож на взрослый: крой, ткани, аксессуары. Отметим тот факт, что, скорее всего, одежда у детей была сильно ношеная (если судить по состоянию халата и шубы в погребении на горе Окошки) и передавалась от старшего ребенка младшему.

Основными материалами, использованными портными при пошиве элитарной одежды в Улусе Джучи, являлись шелк и хлопок (реже сукно, шерсть для утепления или придания жесткой формы), для аксессуаров и обуви использовали кожу

и войлок, утепленная одежда могла быть подбита ватой (хлопок/шелк) или мехом. Применение других материалов для изготовления одежды ставится под вопрос, т. к. новых источников пока не найдено. При изучении костюма кочевников надо учитывать и социальную стратификацию, далеко не все могли себе позволить золототканый шелк, драгоценные наборные пояса и пр., но у рядового монгола могла быть какая-нибудь ценная вещь, возможно, не одна («институт дарения»). Но в целом ситуация за прошедшие столетья сильно не поменялась, различие в костюме между ханом и простым кочевником отражается в тканях, аксессуарах, перьевой системе и пр.

В отличие от других признаков социального положения в обществе, одежда – самая выразительная и видимая система, которая постоянно связана с человеком и отражает его статус и социальную принадлежность. Как считает А.Г. Юрченко, отличительные черты во внешнем облике представителей любого сообщества выполняют функцию культурного знака, в котором материализована невидимая для наблюдателя система социальных связей (Юрченко, 2003, с. 63). Еще в Средневековье путешественники отмечали необычность и непохожесть привычному им образу костюма кочевых тюрко-монгольских народов. Изучая весь комплекс историко-археологических и изобразительных материалов, современные исследователи пытаются анализировать и реконструировать как систему костюма в целом, так и отдельные элементы одежды, их становление и развитие в конкретном регионе. Как известно, вся клановая татарская аристократия Улуса Джучи была обязана носить одежду, которая имела истоки в Монголии, как символ их высокого социального статуса и места в системе власти и подчинения, что было важнейшим элементом упорядочения имперского социума. Все изученные материалы, позволяющие реконструировать костюм в Улусе Джучи, подчинялись определенной системе и даже по отдельным ее деталям показывают их единство и довольно высокую степень единообразия, вызванного как единой имперской нормой, так и единообразным изменением моды уже в среде золотоордынского общества (например, боктаг у женщин), но в целом сохраняется основной «имперский» обычай (женские широкополые халаты, мужская плечевая одежда). Можно сказать, что золотоордынский костюм единообразен и имеет сходство основных элементов по всей территории Улуса Джучи на период XIII–XIV вв., что особенно выразительно заметно по парадному (церемониальному) костюму аристократии Поволжья.

СИСТЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ УЛУСА ДЖУЧИ ПРОДУКТАМИ ПИТАНИЯ

Средневековый город был неразделимо связан с окружающим пространством. Более высокая плотность и концентрация населения в рамках городской застройки требовали постоянного притока разнообразного сырья и продуктов. В первую очередь, несомненно, продуктов питания. Города везде и во все века нуждались и потребляли многократно больше продуктов, чем могли производить его жители. В основном объеме необходимые продукты питания и различные полуфабрикаты производила сельская округа этих городов. Однако на настоящий момент исследования функции сельских округ по обеспечению городов Золотой Орды только начинаются.

Судя по имеющимся у нас сведениям письменных источников и данным, полученным археоботаниками на селищах округи золотоордынского города Укек, основной культурой, которая выращивалась в Поволжье в эпоху Улуса Джучи было просо, оно традиционно занимает половину археоботанического спектра (Лебедева, Сергеев, 2017, с. 296), его упоминают все письменные источники, сообщающие о пище. Для Багаевского селища округи Укека в сходных пропорциях около 20% представлены мягкая голозерная пшеница и рожь. Овес и ячмень, как оказалось, не занимали существенного места среди находок на селище – около 3%. В небольшом объеме, менее 1%, представлены бобовые культуры, такие как горох и чечевица (Лебедева, Сергеев, 2017 с. 295–296). Производились и другие продукты, как зерновые, так и овощные и бахчевые, но их роль в снабжении городского населения продуктами питания была, по-видимому, совсем незначительной. На селище обнаружены также отходы обмолота культурных злаков. В христианском квартале Укека, в подвале сгоревшей пристройки к христианскому храму обнаружено хранилище различных товаров, среди которых уникальные, даже экзотические для данного места плоды и семена нута, инжира, кориандра, барбариса, винограда, скорлупки грецких орехов, а также остатки блюда из вареного риса (Лебедева, Кубанкин, 2014, с. 339). То есть для Золотой Орды была вполне характерна доставка экзотических продуктов и специй из далеких стран. Прослеживается определенная закономерность – чем крупнее город, тем больше по площади и населенности его округа, а также дальше простира-

ются пути, по которым в него доставляли необходимые продукты.

Обеспечение городов, особенно таких крупных, как нижневолжские мегаполисы, складывалось, явно не стихийно. Вначале, определенно, были специальные разнарядки по поставкам продуктов питания, прежде всего хлеба. Нет никаких сомнений, что вся налоговая система, как в земледельческих, так и в скотоводческих регионах, была направлена на обеспечение регулярных поставок продовольствия в ставки ханов. Первоначально это был Болгар, который довольно быстро и бурно начал развиваться именно во второй половине XIII в., а позднее Укек и другие нижневолжские города.

Но в дальнейшем, по мере роста городской инфраструктуры и становления системы местных и региональных рынков, подобная система стала действовать более самостоятельно, в определенной мере подчиняясь стихии рынка. По-видимому, по ближневосточной (мусульманской) традиции в городе существовала должность особого чиновника (мухтасиб), отвечающего за обеспечение города продуктами питания, главным образом пшеницы (Большаков, 1984, с. 273–277).

Примерный объем таких поставок может быть рассчитан. На Ближнем Востоке воины в среднем получали хлебный паек в 25 кг в месяц (см.: Большаков, 1984, с. 135, прим. 48). При населении города в 10 тыс. человек, исходя из этой нормы, получаем, что для его снабжения в год требовалось не менее 3 тыс. тонн зерна. Учитывая, что население нижневолжских мегаполисов достигало 50–75 тыс. человек, то для снабжения их зерном требовалось не менее 50–70 тыс. тонн зерна, и это должно было быть весьма сложным и трудоемким делом.

В системе поставок продуктов питания в поволжские города важную и во многом определяющую роль играло животноводство. В городах Поволжья мясная пища была, очевидно, регулярной для практически всего населения. Некоторые различия носили в определенной мере региональный и социальный характер. Не исключено, что они были связаны с традиционными предпочтениями или особенностями кухни тех или иных групп населения.

К сожалению, определить объем и динамику поставок продуктов питания в поволжские города, как в целом, так и в динамике, пока затруднительно. В настоящее время это одна из важнейших задач современной археологии и всего комплекса естественно-научных методов, изучающих древности, включая палеоклиматологию, палинологию, археоботанику, археозоологию и др. Изучение динамики поставок зерна в силу специфики археологического материала весьма затруднительно, но поставки продукции скотоводства могут быть определены и выявлена их специфика, которая в определенной степени может являться моделью для выявления общей динамики снабжения продуктами сельского хозяйства города из его сельской округи. Эти материалы еще весьма недостаточно изучены для сельских поселений Улуса Джучи, потому основным объектом исследований являются обширные коллекции из городов, в данном случае выборки костей животных из культурных напластований крупных золотоордынских городов – Болгара (Болгарское городище) и Укека (Увекское городище).

Коллекции костных остатков из городов Золотой Орды обрабатывались по единой методической схеме, разработанной в лаборатории естественнонаучных методов в археологии ИА РАН (Антипина, 2004; 2016). Особенности этой методической схемы неоднократно обсуждались на примере Болгара (Яворская, 2012; 2013; 2015). Фиксируется общее количество костей на раскопе, а не только определимых, анализируется заполнение слоев и объектов костями животных по культурно-хронологическим горизонтам, что позволяет судить об изменениях в интенсивности жизнедеятельности на конкретных участках, а также динамика остеологических спектров домашних копытных в различные хронологические периоды.

Болгар. Основную часть костей животных, содержащихся в культурном слое городов, традиционно относят к категории «кухонных остатков» (Цалкин, 1956), которые являются основой для изучения мясной диеты жителей. Оценка роли каждого мясного продукта в белковой диете горожан позволяет выстроить гипотезы о возможностях поставок различных видов мяса из ближней и дальней сельскохозяйственной округи города.

В данном исследовании на основе коллекций костных останков животных, собранных при археологических исследованиях Болгара в 2012–2016 гг., анализируется мясное потребление жителей различных районов в разные периоды средневековой истории, что позволит понять специфику поставок мясных продуктов в город и роль степных кочевников в них.

Стратиграфическая шкала Болгарского городища включает в себя семь культурно-хронологических горизонтов, называемых здесь слоями. Обсуждаются накопления костей животных, полученные при археологических исследованиях из VI раннеболгарского слоя (конец X в.), V предмонгольского слоя (XI – первая треть XIII вв.) и из двух горизонтов IV золотоордынского слоя – IV раннего (вторая треть XIII – начало XIV вв.)

и IV позднего (XIV– начало XV вв.). На раскопе CLXXIX исследователями выявлены еще три субгоризонта в составе IV позднего (Коваль, Бадеев, 2015, с. 193).

Раскоп CLXXIX располагался в центральной части городища примерно в 120–150 м к юго-западу от Соборной мечети средневекового Болгара. На раскопе представлены все слои стратиграфической шкалы городища эпохи Средневековья от домонгольских слоев V и VI до верхних субгоризонтов IV позднеордынского слоя (Коваль, Бадеев, 2015, с. 193). Наиболее полно исследовалась коллекция костных остатков из раскопов 2012–2013 гг., объем которой составил свыше 80 тыс. фрагментов (Яворская, 2015, с. 240). История накопления культурных напластований на данном участке городища очень яркая. В домонгольском VI слое здесь зафиксированы остатки железоделательного производства, а сам участок был городской окраиной и оставался таковым далее, в период расцвета домонгольского города в конце XI – начале XIII в. После разгрома города монгольскими войсками и пожара здесь восстанавливается жизнь, и в период Золотой Орды этот район становится центральным в городе, здесь строится Соборная мечеть и, позднее, городской базар. Параллельно с функционированием жилой застройки, в конце XIII в. здесь вновь начинают активно развиваться разнообразные ремесленные производства, которые продолжают функционировать почти до конца XIV в. Таким образом, на протяжении веков данный участок города имел специфичное функциональное назначение жилой застройки, сопровождающей ремесленные производства.

На соседнем с этим участке, в центре золотоордынского Болгара, в 270 м к юго-востоку от Соборной мечети на раскопе CXCVI также зафиксированы остатки жилых сооружений и нескольких ремесленных производств – керамического, металлургического, косторезного и кожевенного, датирующихся ранним и поздним горизонтами золотоордынского IV слоя. Коллекция из средневековых напластований составила 46,5 тысяч костных фрагментов (Антипина и др., 2015, с. 402).

В северо-западной части городища в 230 м к востоку от урочища Бабий бугор в 2013 г. был исследован раскоп CLXXXIX. На площади свыше 800 кв. м были выявлены культурные напластования и сооружения обоих крупных горизонтов золотоордынского времени: зафиксирована усадебная застройка со следами кузнечного ремесла в одном из позднеордынских жилищ (Ситдиков, Бочаров, 2014). Коллекция из средневековых напластований составила свыше 30 тыс. костных фрагментов.

В 2014–2015 гг. в северо-восточной части памятника, вблизи Иерусалимского оврага, был исследован раскоп CXCIX площадью 2,5 тыс. кв. м. Здесь были обнаружены напластования и сооружения всех периодов в истории городища и следы почти всех известных для Средневековья ремесленных производств Болгара (Ситдиков и др., 2016). Численность коллекции костных остатков из средневековых культурных напластований с этого раскопа составила свыше 100 тыс. фрагментов.

В 2016 г. на западной окраине городища раскопом CCXVI изучались остатки средневековой гончарной мастерской, датирующейся позднеордынским периодом (Ситдиков и др., 2017). Кости животных, полученные при раскопках этого объекта, принадлежали к категории «кухонных остатков», это означает, что где-то вблизи располагалось жилье. Коллекция составила свыше 2,5 тысяч костных фрагментов, и ее можно считать представительной.

В том же 2016 г. были заложены небольшие раскопы в юго-восточной части памятника недалеко от комплекса Ханской усыпальницы и Малого минарета. На всех раскопах были выявлены остатки жилых сооружений IV позднеордынского периода, датирующихся примерно серединой XIV в. Однако в третьей четверти века на этой территории образовался могильник и жилая застройка прекратила существовать (Ситдиков, Бочаров, 2017). Костные остатки отложились во время функционирования жилья, представляют собой отбросы кухни. С двух раскопов коллекции оказались представительны: на раскопе CCXXI она составила 591 фрагмент, а на раскопе CCXXIII – 2013 фрагментов.

Таким образом, исследованием по единой методической схеме удалось охватить почти все значимые районы золотоордынского города и некоторые участки домонгольского. Все коллекции представляют собой преимущественно «кухонные» останки, и на большинстве раскопов фиксируется жилая застройка с сопровождающими ее ремесленными производствами.

Во всех коллекциях свыше 80% от общей численности составляют определимые до вида кости домашних копытных – крупного и мелкого рогатого скота, лошади, свиньи, верблюда и осла. Встречаясь почти в каждом раскопе, кости свиньи, как правило, единичны и занимают в коллекциях долю менее 1%. Останки транспортных животных – осла и верблюда – фиксируются еще реже и не на каждом раскопе. Таким образом, для средневековой эпохи анализ заполнения культурных напластований костями животных проводится преимущественно на количественных соотношениях

останков трех наиболее многочисленных видов «мясных» домашних копытных: крупного и мелкого рогатого скота, а также лошади.

Представительные выборки костных останков из домонгольских слоев фиксируются на двух раскопах – в центральной и северо-восточной частях городища. Следует отметить, что для этого периода оба исследованных района являлись городскими окраинами: ров, опоясывающий домонгольский город с южной стороны, проходил вблизи территории раскопа CLXXIX и обнаружен в пределах раскопа CXCIX. Оказалось, что на жилых окраинных участках города домонгольского периода остеологические спектры сходны: доля костей мелкого рогатого скота составляет чуть более 50% от всех остатков домашних копытных, затем следуют доли КРС и лошади (табл. 1). Некоторые различия между участками города фиксируются лишь для долей крупных копытных: в восточной части доля «кухонных» остатков лошади несколько выше, чем в центре: 12% против 7%. Доля КРС здесь соответственно ниже: 36% против 41% (табл. 1) (Яворская, 2018, с. 310).

Напластования раннеордынского периода выявлены на четырех из изученных раскопов. Для северо-восточной части города в этот период остеологические спектры по всем видам остатков животных остались неизменными. В остальных районах – в центре и на северо-западе городища наблюдается некоторое снижение в спектре долей крупных копытных и повышение доли мелкого рогатого скота примерно на 15% по отношению к домонгольскому периоду (табл. 1) (Яворская, 2018, с. 310).

Позднеордынское время зафиксировано на всех семи изучаемых раскопах. Существенных различий с раннеордынским периодом в остеологическом спектре домашних копытных не выявлено – почти во всех частях города оказалась та же иерархия и средние показатели по видам: доля МРС несколько выше 60%, КРС – свыше 30%, лошади – около 10% (табл. 1). Немного отличаются от средних показатели из раскопа на северо-востоке городища. Наиболее заметные отличия в остеологическом спектре демонстрируют показатели из раскопа CLXXIX в центре города – здесь наиболее низкая доля остатков КРС – ниже 20% и очень высокая, около 80%, доля костей мелкого рогатого скота (табл. 1). Отметим, что соседний раскоп CXCVI, расположенный в непосредственной близости (60–100 м) от раскопа CLXXIX, таких необычных показателей не дает (Яворская, 2018, с. 310).

При анализе остеологических спектров выявлена тенденция неуклонного роста останков мелкого рогатого скота и параллельное снижение доли крупных копытных – коровы и лошади – в культурных напластованиях Болгара в золотоордынское время. Эта тенденция проявилась на раннеордынском этапе развития города, но продолжилась и в позднеордынский период, наиболее контрастные показатели демонстрируют в позднеордынское время остеологические спектры раскопа CLXXIX (Яворская, 2018, с. 311).

На раскопе CXCVI, при схожих с другими раскопами остеологических спектрах, был зафиксирован необычный анатомический набор останков мелкого рогатого скота. Исследование материалов данного раскопа убедительно показало, что на данном участке в центре города в слоях и сооружениях раннеордынского периода производилась заготовка сырья для косторезного производства. Наиболее заметной и необычной чертой здесь стал специфичный анатомический набор мелкого рогатого скота, где доля лопаточных костей достигла 40% (Антипина и др., 2015). Не исключено, что здесь же заготавливались пригодные для косторезного производства различные кости других животных, однако достоверно это установить не удалось. На костях животных из раскопа CXCVI в изобилии отмечены следы «кухонного» дробления, которые маркируют «кухонные останки». Однако, поскольку при исследовании этих материалов был установлен факт целенаправленного отбора конкретных костей под нужды производства, остеологический спектр оказался измененным, соответственно, нет смысла высчитывать на его основе мясную диету жителей.

Доля останков каждого вида в общем количестве костей домашних «мясных» копытных – остеологический спектр, служит основой для выяснения относительных объемов потребления мясной пищи горожанами.

Процедура вычисления мясного потребления на основе остеологических спектров неоднократно обсуждалась и описана в работах сотрудников лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН (Антипина, 2016; Яворская, 2015). Обычно при наличии следов «кухонной» разделки на костях, характерном для «мясного потребления» анатомическом наборе останков в подсчеты вводят коэффициенты кратности веса мясных туш для данной конкретной популяции домашних копытных и на основе остеологических спектров вычисляют спектры мясного потребления для всех исследуемых объектов.

Наиболее заметная черта в мясном потреблении горожан Болгара такова: во все периоды в диете жителей превалирует говядина. За единственным исключением, ее доля в мясном рационе всех районов не опускается ниже 60%, в большинстве же случаев – близка к 70% (табл. 2). Остальные

30–40% совокупной доли двух других мясных продуктов – конины и баранины, оказываются поразному распределены в различных районах города. Почти во всех районах города и во все периоды мясо лошадей не занимает важного места в диете, его доля – 6–12% (табл. 2). Единственное исключение – северо-восточный район города, где доля конины выше доли баранины на 1–4%. Баранина становится вторым мясным ресурсом после говядины преимущественно в золотоордынский период: за исключением северо-восточного района это мясо составляет не менее 20% белкового рациона жителей (табл. 2). Для центральной части города в пределах раскопа CLXXIX характерны особенно высокие показатели по баранине, которые обратно коррелируют с показателями по говядине – самыми низкими в городе в ранне- и позднеордынский периоды (Яворская, 2018, с. 312). Эти специфические показатели требуют отдельного обсуждения.

Исследование коллекций костей животных на данном участке города по нескольким дополнительным стратиграфическим и культурно-хронологическим горизонтам, выделенным раскопщиками (Коваль, Бадеев, 2015, с. 193), позволило оценить динамику накопления в напластованиях костных остатков трех основных видов домашних копытных. По крупным периодам в истории данного участка города годовое накопление костных останков от домонгольского периода к раннеордынскому увеличивается в пять раз, а от раннеордынского к позднеордынскому времени возрастает еще впятеро (Яворская, 2015, с. 242, табл. 2). Динамика остеологических спектров на данном участке города характеризует быстрый рост в напластованиях останков мелкого рогатого от домонгольского периода к ранне- и позднеордынским и параллельно с этим снижение доли костей крупных копытных – рогатого скота и лошади (Яворская, 2015, с. 145, табл. 5). Спектры мясного потребления, полученные на основе остеологических спектров, выявили существенные изменения в мясной диете горожан этого участка от домонгольского периода к золотоордынскому (Яворская, 2013, с. 97; 2015, с. 248, рис. 2). В домонгольское время доля говядины превышала доли как конины, так и баранины примерно в пять раз. На протяжении всего золотоордынского периода, уже с раннеордынских напластований и в трех позднеордынских горизонтах, фиксируется резкий рост доли баранины и одновременно снижение долей мяса крупных домашних копытных. Во второй трети XIV в. (слой IV поздний, субгоризонт 2), в период наивысшего расцвета золотоордынского Болгара, наблюдаются и наиболее высокие значения баранины в спектрах мясного потребления – они лишь на 11% ниже значений для говядины (Яворская, 2013, с. 97, диаграмма 2). Таким образом, изменения как в остеологических спектрах, так и спектрах мясного потребления, а также в интенсивности накопления костей в культурных напластованиях золотоордынского времени следует связать преимущественно с значительным увеличением роли мелкого рогатого скота в быту горожан в этой части города. Если данные по мясному потреблению в этой части города распространить на весь город, то наиболее простое и понятное объяснение было бы следующим: с появлением золотоордынского государства новое население страны – степные кочевники активно поставляют в быстро растущий город свою скотоводческую продукцию – баранину (Яворская, 2013, с. 97). Такое предположение находит косвенное подтверждение в исследованиях коллег-остеологов коллекций костей животных из раскопок предшествующих лет в Болгаре. Они также фиксировали существенно большие накопления костных остатков мелкого рогатого скота по сравнению с количеством костей коров и лошадей (Петренко, Асылгараева, 2007, с. 312). Однако распределение этих специфичных накоплений по хронологическим горизонтам и районам города ими не отслеживалось.

По результатам данного исследования можно признать, что в золотоордынский период во всех исследуемых районах города фиксируется несколько более высокое потребление баранины, чем в домонгольский период: оно повышается с 15% до 21–25% (табл. 2) (Яворская, 2018, с. 314). Однако очень высокие показатели, доходящие до 28% в раннеордынский и до 37% в позднеордынский периоды, демонстрирует только центральный участок города (табл. 2). Следы на костях, а также анализ анатомического набора костных остатков МРС не оставляет сомнений в том, что эти кости являются кухонными останками, а их накопление связано с мясным потреблением. Этот резкий всплеск объясняется особой ролью центрального ремесленного района города – в нем активно функционировали ремесленные производства из животного сырья, забивался скот, выделывались шкуры (Яворская, 2019, с. 562)

Эти производства сохранились в центре города и в позднеордынский период, а накопление костей мелкого рогатого скота в культурных напластованиях неуклонно нарастало год от года, немного снизившись лишь в период строительства, функционирования и руинизации здесь центрального городского базара (Яворская, 2015, с. 248).

Механизм распределения мясных продуктов, полученных как «побочные» от специализированных производств, пока не очень ясен. Возможно, куски приготовленной баранины становились

для торговцев и ремесленников, проживающих и работающих в данном квартале, повседневной пищей лишь в определенные сезоны, когда забой животных активизировался. Важно, что эти остатки составили мощные накопления в культурном слое центра Болгара и существенно изменили здесь как остеологические спектры, так и спектры мясного потребления по отношению к обычным (Яворская, 2019, с. 561).

Основным мясным продуктом во все периоды городской истории была говядина. В золотоордынский период по всем районам вместе с активизацией в городе производства продукции из животного сырья несколько вырастает потребление баранины по отношению к домонгольскому периоду, однако мощные накопления «кухонных» и «ремесленных» остатков МРС фиксируются локально в центральной части города непосредственно в ремесленном квартале.

Структура поставок мясных продуктов в город может быть реконструирована следующим образом. Наиболее важным источником поступления основного мясного продукта должны были быть сельские поселения городской округи, где еще в домонгольский период и позднее содержался и разводился крупный рогатый скот. Там же и с теми же целями, но в значительно меньшем количестве разводили овец, коз и лошадей. В золотоордынское время количество таких поселений, очевидно, должно было увеличиться, чтобы обеспечить мясными продуктами быстро разрастающийся густонаселенный город. Мелкий рогатый скот степных кочевников начинает поставляться в Болгар только в золотоордынское время, начиная с раннеордынского времени и именно в связи с появлением в городе ремесленных производств по обработке шкур. «Побочные» продукты этих производств – мясные части туш, в свою очередь, несколько повышают долю баранины в мясной диете в разных районах города в этот период и позднее.

Таким образом, структура мясного потребления Болгара во все периоды его истории обычна для городов Средневековья: основным мясным продуктом в ней является говядина, а баранина и конина дополняют белковый рацион. Обеспечение продуктами как небольшого домонгольского города, так и огромного золотоордынского осуществлялось в первую очередь из его сельскохозяйственной округи. В золотоордынское время появились поставки рогатого скота в Болгар для нужд ремесла, производившего продукцию из шкур животных. Эти «производственные» поставки несколько увеличили долю баранины в пищевом рационе горожан.

Укек. На настоящий момент коллекция костных останков из разных раскопов Укека составляет около 15 тыс. фрагментов. Однако наиболее информативны дающие четкое представление о мясной пище жителей, о тех животных, которые обитали в городе, бывали в нем, добывались в округе, крупные по количеству фрагментов коллекции раскопов № 3 и № 4, расположенных на территории условно выделяемого «христианского квартала» Укека. Существование этого, возможно, специфичного квартала среди полиэтничного населения города датируется в пределах второй половины XIII – 60-х гг. XIV в. Однако в нашем распоряжении материалы из раскопок Д.А. Кубанкина, где культурные напластования датируются преимущественно 1270–1310 гг.

Из исследования археозоологических коллекций данного квартала (Яворская, 2013) уже известно, что таксономический состав видов животных, чьи кости определены на памятнике, обычен для городов золотоордынского периода Нижнего Поволжья.

Остатки птиц и рыб не вошли в данную таблицу. Доля костей птиц в остеологическом спектре данного участка города не превышает 1%, из чего ясно, что важной роли в хозяйстве жителей птицы не играли. Доля остатков рыб составляет 3,4%, неожиданно мало как для христианского, преимущественно древнерусского населения, так и для обитателей берегов Волги.

В коллекции решительно преобладают кости домашних мясных животных (97,5%). Дикие животные – потенциальные объекты охоты, представлены тремя костными фрагментами лишь одного вида – зайца (0,05%). От животных-комменсалов – грызунов – обнаружено 7 костей (0,1%) (табл. 3). Единичными экземплярами представлены остатки домашних животных, которые не являются мясными: собак, кошек и транспортного животного – осла. Крайне редки находки костей верблюда, из чего следует, что этот вид животных в Укеке выполнял скорее транспортную функцию, чем разводился для мяса.

Среди домашних мясных млекопитающих доли в остеологическом спектре распределились следующим образом: первое место со значительным преимуществом занимает мелкий рогатый скот – 81,2%, затем – крупный рогатый скот (17,7%), далее – лошадь (0,9%), а последнее место занимает свинья (0,2%) (табл. 4). Следы «кухонного» воздействия на костях этих животных не оставляют сомнений в том, что это остатки мясной пищи, что в свою очередь позволяет разобраться в особенностях мясного потребления жителей русской общины Укека.

Остеологические спектры отличаются от спектров мясного потребления, поскольку разные виды домашних мясных животных имеют разные

размеры и вес мясных туш. Для русской общины Укека спектры мясного потребления уже вычислялись и сравнивались со спектрами, характерными для древнерусского и золотоордынского города (Яворская, 2013).

Основную роль в мясном потреблении христианского квартала золотоордынского Укека играла говядина – 55,3%. По величине к ней приближена доля баранины – 42,1%. Доля конины очень небольшая – 2,5%, а доля свинины ничтожна и не достигает даже 1% (табл. 4).

Сравнительный анализ показывает, что мясное потребление обитателей христианской общины Укека более сходно с городским золотоордынским, чем с древнерусским. Решающее отличие от древнерусского – высокая доля баранины (42,1%), превышающая в этом квартале даже обычную для золотоордынского города Нижней Волги (23,6%). Кроме того, жители исследуемого квартала очень мало употребляли конину и свинину (2,5% и 0,1% соответственно), что также необычно для горожан средневековой Руси.

Предположений о причинах выявленной специфики может быть несколько. Возможно предположить, что жители христианского квартала были очень избирательны в мясной пище. Однако не следует исключать особенности поставок скотоводческой продукции в Укек. По последней версии, необходимо проанализировать археозоологические материалы с сельских поселений округи Укека.

Коллекция селища Багаевское сформировалась на основе многолетних археологических исследований Л.Ф. Недашковского (экспедиция КФУ).

Селище Багаевское расположено в Саратовском районе Саратовской области на левом берегу р. Петровки (Недашковский, 2013, с. 7). Археозоологические материалы с селища происходят из нижнего горизонта памятника: из культурного слоя и ям, датирующихся синхронно основному периоду функционирования Увекского городища – последней третью XIII – 60-ми гг. XIV в. Общий объем этой коллекции составляет 12218 фрагментов (табл. 3).

На памятнике преобладают остатки млекопитающих. Совокупная доля остатков других классов животных составляет 7,5%.

По-видимому, жители селища не практиковали специализированную пушную охоту (0,6%), добывая пушных животных лишь для собственных нужд. Доля останков домашних не мясных млекопитающих – собак и кошек на селище несколько выше, чем в городе (1,3% на селище, 0,3% в городе). Останков транспортных животных не встречено. Основное место в остеологической коллекции занимают останки мясных домашних млекопитающих (97,7%). Внутри остеологического спектра доли останков этих видов существенно отличаются от спектра города, сохранив лишь общую иерархию. Доля крупного рогатого скота в остеологических останках селища составляет 46,6%, а в городе – около 18%, доля мелкого рогатого скота на селище – 45,5%, а в городе – 81%. «Кухонные» останки лошади на селище составляют 3,8%, а городе не достигают даже 1%, так же как и доля костей свиньи, ничтожная в городе (0,2%), на селище вырастает до 1,8% (табл. 6).

Остеологические спектры показывают доли не тех животных, которых разводили на поселении, а тех, которых съели на нем. Однако, если речь идет о сельском поселении, приоритет в «кухонных» остатках традиционно принадлежит тем видам, которых разводили на данном памятнике. Исходя из этого, основным животным, которое разводили жители Багаевского селища, является крупный рогатый скот. Мелкий рогатый скот и лошадь жители могли как разводить на самом сельском поселении, так и получать таких животных из кочевой степи, включая их мясо в свой пищевой рацион. Поэтому вопрос об их специализированном разведении на памятнике остается открытым. Содержание свиньи более продуктивно в условиях оседлого быта. Поскольку доля остатков этого вида на христианском (преимущественно русском) квартале Укека в десять раз ниже, чем в материалах анализируемого памятника, жители селища разводили свинью не для поставок в город, а скорее для собственных нужд.

Помимо остатков скотоводческой продукции на памятнике обнаружены следы земледельческих занятий жителей. Кроме зерен культурных растений в образцах, полученных в результате флотации культурного слоя, археоботаником Е.Ю. Лебедевой выявлены находки фрагментов колоса, которые маркируют остатки обмолота зерновых. Обмолот обычно проводят вблизи мест сбора зерна (Недашковский, 2013, с. 18). В археоботанических спектрах решительно доминируют два культурных вида – просо и мягкая пшеница. Именно эти два вида доминируют и в образцах флотации культурного слоя христианского квартала Укека (Лебедева, Сергеев, 2017, с. 296). Таким образом, жители Багаевского селища потенциально могли поставлять в Укек из скотоводческой продукции крупный рогатый скот на мясо, а из земледельческой – пшеницу и просо.

В распоряжении археологов и археозоологов на настоящий момент имеется несколько небольших коллекций с сельских поселений золотоордынского времени из округи лишь одного города Укека. Потому данное «пилотное» исследование позволяет уловить самые общие контуры возможностей

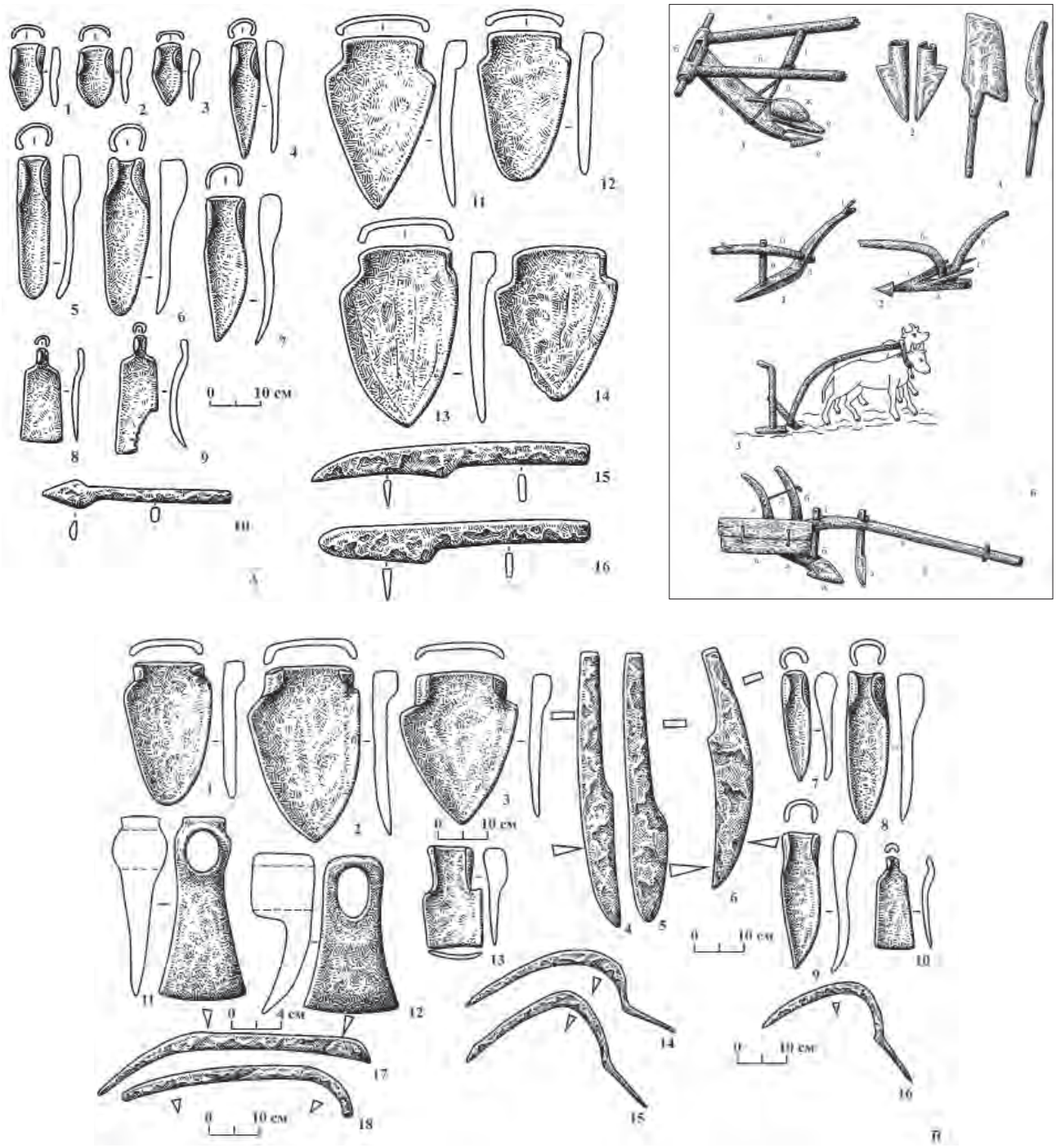
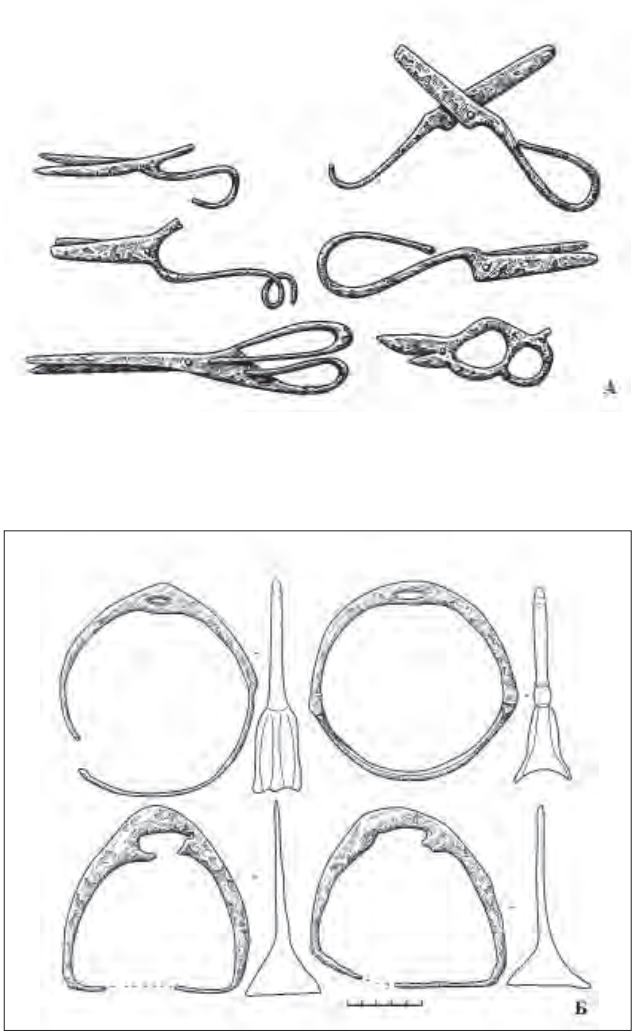


Рис. 1. Земледельческие сельскохозяйственные орудия. А – наральники (1–3, 10), сошники (4–7), сошные полицы (8, 9), плужные лемехи (11–14) и чересла (15, 16). С территории Волжской Болгарии. Б – этнографические и иконографические параллели пахотным орудиям из Волжской Болгарии: 1–3 – рало, 4 – сабан. 1 – Киевская обл.; 2 – Болгария; 3 – по миниатюре из византийской рукописи XI в.; 4 – Среднее Поволжье, начало XIX в. В – лемехи (1–3), чересла (4–6), сошники (7–9), сошная полица (10), мотыги (11–13), серпы (14–16), косы (17, 18). Болгарское городище, XII–XIV вв. А, Б (по: Краснов, 1987, рис. 34, 36); В (по: Савченкова, 1996, рис. 1)

поставок сельскохозяйственной продукции жителями селищ в крупные города Улуса Джучи.

Нижнее Поволжье. За последние 20 лет произошел существенный прорыв в сведениях, которые имели ученые об урбанизации Нижнего Поволжья в домонгольскую и золотоордынскую эпохи. На настоящий момент известна серия населенных пунктов в дельте Волги, которые имеют слои, предшествующие появлению монгольского государства. Археологические исследования проводились на двух из них – Самосдельском городище (Камызякский район Астраханской области) и на городище Мошаик (окраина города Астрахани). Для Самосдельского городища хорошо выделен



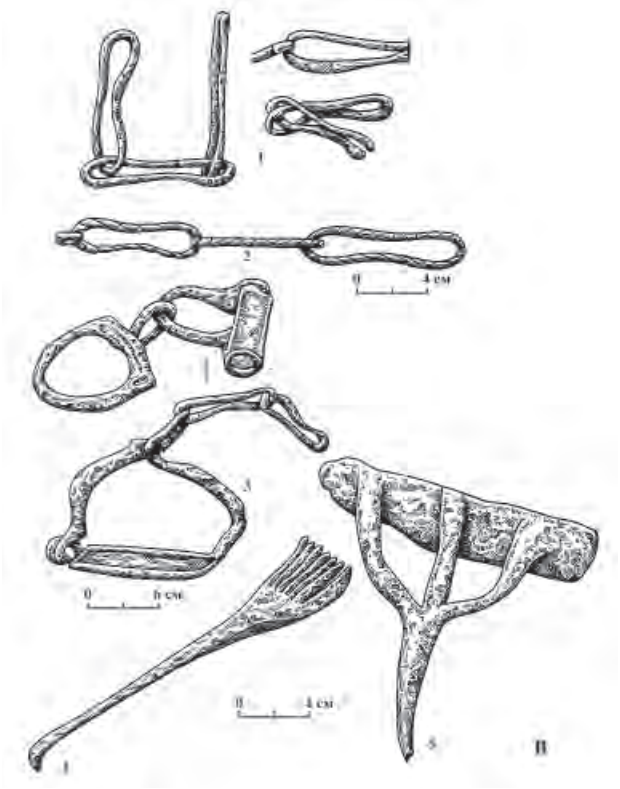


Рис. 2. Инструменты и приспособления, применяемые в животноводстве. А. Ножницы шарнирные. Болгарское городище. XIII–XIV вв. Б. Стремена. Укек. Вторая половина XIII–XIV в. В. Предметы скотоводства. 1–3 – конские путы (фрагменты цепей, замки); 4–5 – скребницы. Болгарское городище. XII–XIV вв. А, В (по: Савченкова, 1996, с. 18, рис. 3; с. 37, рис. 11); Б (по: Недашковский, 2000, с. 75, рис. 15)

Рис. 3. Предметы боевого и охотничьего снаряжения из раскопок Болгарского городища (по: Закирова, 1988, рис. 100). Все кость и рог.

1–2 – колчанные петли; 3 – налучная накладка; 4, 5 – застежки для недоуздка; 6 – подпружная пряжка; 7 – концевая налучная накладка; 8 – роговой топорик; 9–11 – рукояти плети

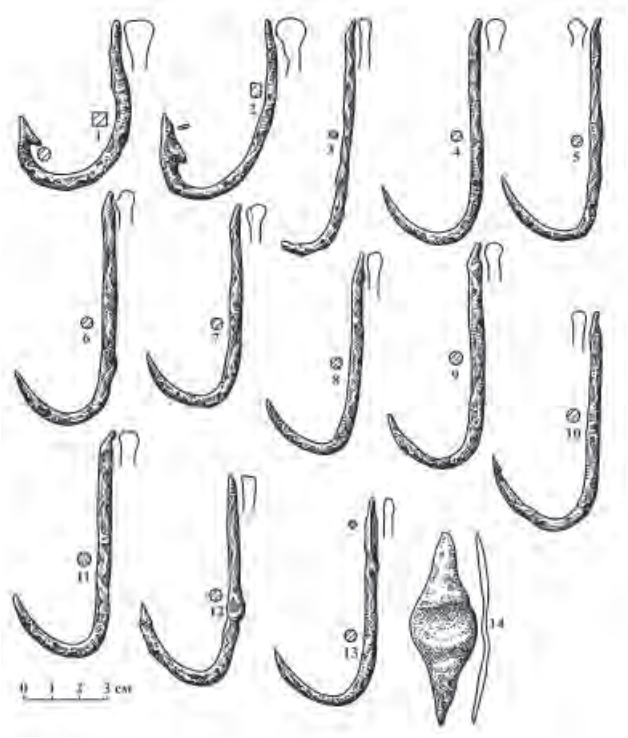


Рис. 4. Предметы, связанные с рыболовством (по: Недашковский, 2002). Железные рыболовные крючки(1–13) и лодочная скоба (14). 1 – селище Подгорное; 2–14 – Увекское городище. 1 – Энгельсский краеведческий музей. № 7737; 2–3 – ГОМРТ. № 5365-70, ст. № 12723; 4–14 – СОМК №/№ СМК53339/А-2422 (АО 309), АО 309, НВСП 29904 (АО 316/5)

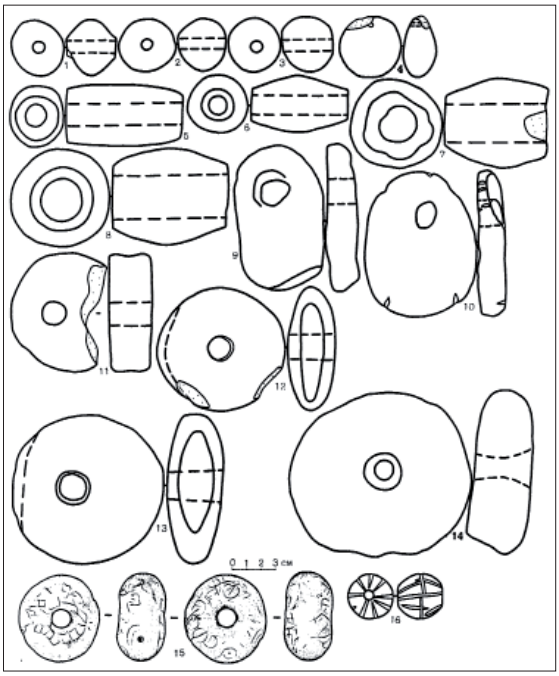


Рис. 5. Керамические (1–13) и каменные (14–15) рыболовные грузила (по: Недашковский, 2002а): 1–14 – Увекское городище; 15 – Хмелевское I селише; 1–3, 5–13, 15 – СОМК №/№ НВСП 18121 (СУАК 170), АО 307, СМК 38575/А-68 (АО 305), 53337/ А-2420 (АО 304),53338/А-2421 (АО 308), НВСП 31471 (СУАК 2042/5, АО 910), АО 303, СМК 53336/А-2419 (АО 302), разведки автора 1998 г.; 4, 14 – ГОМРТ №/№ ст. № 12807, 5365-34

период Саксина (XI – начало XIII в.), а для городища Мошаик выделен домонгольский горизонт в слоях V и IV (Яворская, 2015а, с. 196).

Ордынских городов с культурным слоем XIII в. в Нижнем Поволжье, кроме Укека, не зафиксировано. Но со второго десятилетия XIV в. наблюдается мощный всплеск градостроительства на территории ханского домена в Нижнем Поволжье. Возникли крупные мегаполисы, остатками которых являются Царевское и Селитренное городища, серия малых городов на Водянском городище, на Шареном бугре и им подобных. В 1360–1370-х гг. наступает политическая дестабилизация и упадок городской жизни, конфронтация на время утихает в 1380-е гг., но разгром Тамерланом поволжских городов в 1395 г. приводит к почти полному уничтожению городской культуры в Нижнем Поволжье и единственный островок жизни в XV веке – отдельные районы Селитренного городища.

Новые археологические и археозоологические исследования позволяют выстроить более детальную картину развития урбанизации Нижнего Поволжья в средневековый период и выяснить как связаны развитие городской культуры с экономическими изменениями, выраженными, в частности, в мясном потреблении горожан. Особенности потребления мяса домашних животных горожанами могут быть выяснены через анализ коллекций костных остатков, полученных при археологических раскопках. Имея в арсенале археозоологические коллекции из культурных напластований одних и тех же городов, но в разные хронологические периоды, есть возможность установить наличие или отсутствие изменений в мясной диете горожан, предположить факторы, на неё влиявшие.

По методической схеме, которая разработана в Институте археологии РАН (Антипина, 2004; Антипина, 2016), проводились археозоологические исследования коллекций костных остатков с пяти памятников городской культуры эпохи Средневековья южной части Нижнего Поволжья: Самосдельского, Мошаик, Царевского, Селитренного, Водянского.

Городище Самосдельское (Камызякский район Астраханской области) расположено в дельте реки Волги. В домонгольский период это был крупный торговый город, после разгрома монгольскими завоевателями на рубеже 1230–1240-х гг., то есть в золотоордынский период, он представлял собой небольшой город, регулярно подтопляемый поднявшимися водами дельтовых речных проток. Раскопы 1 и 2 были заложены в центре городища и общий объем коллекции из двух больших пери-

одов – домонгольского (XI – первая треть XIII в.) и двух золотоордынских (первая треть XIII – первая половина XIV в.) составила 29 647 фрагментов (Яворская, 2015а, с. 196).

Городище Мошаик (Приволжский район Астраханской области) расположено на вершине Волжской дельты и является остатками города, который функционировал как в домонгольское время (слои IV и V – конец XI – начало XIII в.), так и в золотоордынское (слой III – раннеордынский – 30-е годы XIII – первая четверть XIV в; слой II – позднеордынский – до начала XV в.). Объем коллекции с раскопа № 1 2011–2012 гг. составил 16 271 фрагмент (Яворская, 2015а, с.195–196).

Водянское городище возникло в начале XIV в. как поселок русского населения, которое, по-видимому, первоначально осуществляло переправу через р. Волгу в ее узком месте. В 30-е гг. XIV в. на этом месте разросся шумный город с основным населением, переселенным, возможно, из городов Среднего Поволжья и Средней Азии, но русские люди продолжали жить в нем собственным кварталом, коллекция из раскопок 2005 года составляет 5347 фрагментов (Яворская, 2015а, с. 195).

Городища Царевское и Селитренное являются руинами степных мегаполисов – огромных, густонаселенных городов Средневековья, появившихся в XIV в. при градостроительном буме в Золотой Орде, связанном с деятельностью и реформами ханов Узбека и Джанибека. Царевское городище (Ленинский район Волгоградской области) расположено на левом берегу р. Ахтубы почти у вершины отделения этой реки от русла Волги. Оно построено, по-видимому, в 40-е гг. XIV в., уже во времена правления хана Джанибека. В нем обнаружены крупные аристократические усадьбы с небольшими мастерскими при них, а также крупные мастерские. Все раскопы городища 2005–2010 гг. расположены вблизи центральной части города, принадлежат к одному небольшому хронологическому диапазону и на всех обнаружены остатки городской жилой застройки 40-х – конца 50-х гг. XIV в., потому костные остатки из этих исследований можно рассматривать как единую коллекцию общей численностью в 14 429 фрагментов (Яворская, 2015а, с. 195).

Городище Селитренное (Харабалинский район Астраханской области) расположено на левом берегу реки Ахтубы, является остатками столицы государства от времен хана Узбека, когда оно строилось в 1320-е гг., до середины XV в. Город появился, скорее всего, на незаселенном прежде месте – до сих пор в нем не найдены отчетливые слои XIII в. или рубежа XIII–XIV вв. Население столичного центра было этнически и социально разнородным. Раскоп № 40 был расположен на береговой линии, в районе, где в середине XIV в. функционировали ремесленные мастерские. Общий объем коллекции костных остатков 5846 фрагментов (Яворская, 2015а, с. 195).

Видовой набор животных оказался практически одинаков на всех городищах. Решительно преобладают останки домашних мясных млекопитающих: крупного и мелкого рогатого скота, а также лошади (71–96%). Кроме этих многочисленных останков, практически на всех памятниках присутствуют единичные кости свиньи и верблюда. Во всех городах обнаружены остатки собак и кошек, единичны кости осла, однако для городов средневекового Поволжья эти виды мясными не являются. Их доля в городах колеблется от 0,17 до 4%. Для исследуемых коллекций характерна очень невысокая доля останков диких животных, не достигающая совокупно даже 1%, то есть их вклад в мясное потребление ничтожен. Доля останков птиц в слоях городов составляет 1,3%. Доля рыбы в общем остеологическом спектре сильно колеблется на различных памятниках от 1 до 40%. Наивысшие значения доля рыбы принимает на городищах Самосдельское – 20%, Водянское – 28%, Мошаик – 12–40% в слоях разного времени, наименьшие – на Царевском городище (1%), хотя все памятники расположены недалеко от больших водных массивов (Волга, Ахтуба) (Яворская, 2015а, с. 196).

Основу кухонных останков на всех памятниках составляют кости трех видов домашних копытных – крупного и мелкого рогатого скота, а также лошади, их доли по-разному распределяются в остеологическом спектре разных городов и разных культурно-хронологических горизонтов одного и того же города. Наиболее верным будет исследовать динамику мясного потребления не по остеологическим спектрам, а сразу по спектрам мясного потребления, то есть по вкладу каждого из трех видов домашних мясных копытных в совокупный спектр, условно принимаемый за 100%.

Остеологические спектры городов, чьи культурные слои формировались с домонгольского времени, позволяют проследить динамику мясного потребления в рамках одного города, но в разные эпохи его функционирования (табл. 7).

Для городов Волжской дельты – городищ Самосдельского и Мошаик – ситуация выглядит почти одинаково по трем периодам. В городах решительно «лидирует» говядина, а вторым мясным ресурсом традиционно выступает баранина, конина всегда на третьем месте, однако следует указать, что в отдельные периоды ее доля приближается к доле баранины. Рост доли говядины от ранних периодов к поздним невелик, хотя не-

которое явное повышение можно зафиксировать на Самосдельском при переходе от домонгольского (Саксинского) периода к раннеордынскому. Параллельно с этим и в раннеордынский период резко падает доля баранины – почти на 20%. Эта ситуация имеет два объяснения. На рубеже этих периодов город постигла внешняя катастрофа с пожаром и следами военного разгрома. Исследователи связывают эту ситуацию с взятием города монголами в 30–40-х гг. XIII в. Это могло пресечь обычные пути поставок продукции степного скотоводства – баранов, и увеличить долю животных стойлового содержания, то есть коров, в мясном потреблении горожан. Та же ситуация могла сложиться по другой причине – в середине XIII в. началось резкое подтопление территории городища, что также могло снизить возможности поставок продукции из степи. На Мошаике поднятие вод Волжской дельты не имело столь катастрофических последствий в XIII–XIV вв., и подобные изменения между домонгольским и раннеордынским периодом не столь заметны (Яворская, 2015а, с. 198).

Во втором десятилетии XIV в. в Нижнем Поволжье вырастает серия очень крупных и средних по размерам новых городов. Все расположены в степной зоне на реках.

Лидирующая роль говядины в городском мясном потреблении очевидна в раннеордынский период, ее значения на памятниках дельты в XIII в. довольно близки – 50–56% (табл. 8). Доли конины и баранины близки и стабильны, в совокупности составляя свыше 40% на каждом из памятников.

В позднеордынский период спектры мясного потребления городов Нижнего Поволжья существенно сблизились (табл. 8). Центральным мясным продуктом везде оставалась говядина (56–63%), вторым ресурсом – баранина (22–33 %), у конины – стабильное третье место (9–18%). Разброс значений доли каждого вида по памятникам весьма невелик. Некоторую особенность – более высокую долю баранины и меньшую конины, чем в синхронных слоях других городов, можно отметить для Мошаика. Несмотря на эту особенность, в целом по памятникам складывается убеждение в том, что уже в 40-х гг. XIV в. вокруг крупных городов окончательно сложилась сельская оседлая округа, которая поставляла такой важный мясной ресурс, как говядина. Из степи были отлажены стабильные поставки баранины и конины. Выравнивание «показателей» по видам в отдаленных городах золотоордынского Поволжья в XIV в. демонстрирует, что даже домонгольские города со своими традициями мясной диеты и отлаженными поставками мяса из собственной округи приобретают единообразный облик с новыми городами. А новые города в XIV в., по-видимому, сразу планировались уже с той округой, которая должна их снабжать основным мясным продуктом – говядиной, а также, очевидно, и продукцией земледельческой.

Таблица 1. Остеологические спектры домашних копытных из раскопов Болгарского городища 2012–2016 гг. (%)

Районы города	№ раскопа	КРС	Лошадь	МРС	Всего (число)
домонгольский					
Центр	CLXXIX	41,1	7,4	51,6	4582
	CXCVI				
Северо-Запад	CLXXXIX				
Запад	CCXVI				
Северо-Восток	CXCIX	36,2	11,9	51,9	615
Юго-Восток	CCXXI				
	CCXXIII				
раннеордынский					
Центр	CLXXIX	25,3	4,9	69,8	21808
	CXCVI	31,4	1,9	66,7	28643
Северо-Запад	CLXXXIX	30,1	3,0	66,5	10001
Запад	CCXVI				
Северо-Восток	CXCIX	36,1	10,3	53,6	4185
Юго-Восток	CCXXI				
	CCXXIII				
позднеордынский					
Центр	CLXXIX	19,4	2,5	78,1	31257
	CXCVI	33,3	2,2	64,5	11183
Северо-Запад	CLXXXIX	32,5	3,8	63,7	16893
Запад	CCXVI	33,3	4,9	61,8	1239
Северо-Восток	CXCIX	39,5	11,2	49,3	30692
Юго-Восток	CCXXI	25,7	4,9	67,5	399
	CCXXIII	33,3	3,1	63,6	1187

Таблица 2. Спектры мясного потребления различных районов города Болгар по материалам раскопок 2012–2016 гг.

Район городища	Говядина	Конина	Баранина
Домонгольский период			
Центр	72,8	12,0	15,2
Северо-Восток	64,9	19,6	15,5
Раннеордынский			
Центр	61,1	10,8	28,1
Северо-Запад	68,5	6,3	25,2
Северо-Восток	66,3	17,3	16,4
Позднеордынский			
Центр	57,0	6,0	37,0
Северо-Запад	69,3	7,6	23,1
Запад	69,2	9,4	21,4
Северо-Восток	68,0	17,0	15,0
Юго-Восток	71,2	6,1	22,7

Таблица 3. Таксономически состав костных остатков млекопитающих из культурных напластований 1270 – 1290-х гг. городища Увекское из раскопов №3 и №4 (2010–2012 гг.)

Объекты	домашние								дикие		Всего
	мясные				немясные				пушные	не охотничьи	
	КРС	Лошадь	МРС	Свинья	Верблюд	Осел	Собака	Кошка	Заяц	Грызуны	
Всего	1054	53	4825	10	1	1	19	122	3	7	6095
%	97,5				0,3				0,05	0,1	100

Таблица 4. Остеологические спектры и спектры мясного потребления средневековых городов Восточной Европы (%)

	КРС	Лошадь	МРС	Свинья
Остеологический спектр				
Укек. «Христианский квартал»	17,7	0,9	81,2	0,2
Золотоордынский город Нижнего Поволжья XIV века. Сводный спектр*	27,3	8,1	64,3	0,11
Древнерусский город. Сводный спектр**	64	5,7	8,3	22
Спектр мясного потребления				
Укек. «Христианский квартал»	55,3	2,5	42,1	0,1
Золотоордынский город Нижнего Поволжья XIV в. Сводный спектр*	60,1	16,3	23,6	0,05
Древнерусский город. Сводный спектр**	84,6	7,6	1,6	6,2

*Сводный спектр взят из работы Яворской Л.В. 2012.
**Сводный спектр взят из работы Антипиной Е.Е. 2005.

Таблица 5. Основные параметры археозоологической коллекции селища Багаевское (раскоп 1, 2008–2016 гг.)

Объекты	Млекопитающих			Другие классы			ВСЕГО
	Определимых	неопределимых		птиц	рыб	Моллюсков	
		Крупных	Средних				
Культурный слой	2209	1779	1876	81	131	11	6087
Ямы	3401	1337	1369	271	463	8	6849
ВСЕГО	5610	3116	3245	352	594	19	12936
% по классам	92,5			2,7	4,6	0,2	100

Таблица 6. Видовой состав остатков млекопитающих Багаевского селища (раскоп I, 2008 – 2012 и 2014 гг.)

Объекты	домашние						дикие			Всего
	«мясные»				«помощники»		пушные		не охотничьи	
	КРС	Лошадь	МРС	Свинья	Собака	Кошка	Лисица	Заяц	Грызуны	
Культурный слой	1025	59	1075	27	10	3		8	2	2209
яма 4	7		6	1						14
яма 5	1		3							4
яма 7	11		4	1						16
яма 8	11		15							26
яма 9	982	124	574	61	15		1	4	11	1772
яма 11	1		2							3
яма 12	27		71	8						106
яма 13	6		22							28
яма 14			1							1
яма 16	3		3							6
яма 17	6	1	2							9
яма 20	2		1							3
яма 21	1		1							2
яма 22	10	1	8							19
яма 28	4		1							5
яма 29	52		20		1					73
яма 30	7		11							18
яма 31	158	10	187	3	29			5	2	394
яма 32	35	1	16		1					53
яма 33	12		7		1					20
яма 35	6		17							23
яма 36	38	4	66		7		12		5	132
яма 37	36	1	107	2				1		147
яма 38	15	1	19							35
яма 39	18	1	106	1	2			1		129
яма 40	14		61						1	76
яма 41	9		7							16
яма 42	118	8	138					6	1	271
ВСЕГО	2615	211	2551	104	66	3	13	25	22	5610
%	46,6	3,8	45,5	1,8	1,2	0,1	0,2	0,4	0,4	100,0
% по группам	97,7				1,3		0,6		0,4	100,0

Таблица 7. Спектры мясного потребления многослойных средневековых городов Волжской дельты (%).

Культурно-хронологические горизонты	Говядина	Конина	Баранина
Самосдельское позднеордынский горизонт	61,5	14,2	24,3
Самосдельское раннеордынский горизонт	56,9	20,1	23,0
Самосдельское домонгольский горизонт	44,2	14,5	41,3
Мошаик позднеордынский горизонт	57,4	9,2	33,4
Мошаик раннеордынский горизонт	50,5	22,8	26,8
Мошаик домонгольский горизонт	55,6	18,4	26,0

Таблица 8. Спектры мясного потребления городов золотоордынского времени в Нижнем Поволжье (середина XIII – конец XIV в.).

Городища	Говядина	Конина	Баранина
Раннеордынский период			
Самосдельское	56,9	20,1	23,0
Мошаик	50,5	22,8	26,8
Позднеордынский период			
Самосдельское	61,5	14,2	24,3
Мошаик	57,4	9,2	33,4
Селитренное	56,4	18,2	25,0
Царевское	59,3	18,2	22,4
Водянское	63,7	12,8	22,8

ГЛАВА 7

ТОРГОВЛЯ И ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ В ВОЛГО-УРАЛЬЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIII – НАЧАЛО XV В.)

§ 1
Региональная торговля

§ 2
Международные торговые пути и импорт

§ 3
Клады и единичные находки джучидских монет в Болгарском регионе в XIII – первой половине XV вв.

ГЛАВА 7
ТОРГОВЛЯ И ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ В ВОЛГО-УРАЛЬЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIII – НАЧАЛО XV В.)

РЕГИОНАЛЬНАЯ ТОРГОВЛЯ

Торговля регионов Золотой Орды друг с другом является самым ярким индикатором степени экономического развития этого государства, поскольку она обслуживала потребности значительно большего числа потребителей, чем международная торговля предметами роскоши. В ней участвовали товары с меньшей стоимостью и, следовательно, их оборот приносил значительно меньший процент прибыли, но это могло компенсироваться большим объемом перемещаемых товаров и меньшими издержками по их транспортировке. В силу этого межрегиональная торговля нашла куда более слабое отражение в письменных источниках. Поскольку находки, свидетельствующие о такой торговле, не относятся к числу ярких диковин, эта сфера торговли также слабо изучена археологами. Но потенциал археологических материалов очень велик, поскольку перемещение масс товара, по объему в разы превышающих предметы роскоши, не могло не оставить следов.

В основе внутренней торговли поволжских областей джучидского государства лежали тесные связи крупных городов с малыми городами и сельскими поселениями их округи, торговые связи с другими регионами Золотой Орды, а также контакты оседлого и кочевого населения, обменивавшегося продукцией ремесла и земледелия, с одной стороны, и скотоводства – с другой. Внутренняя торговля была основана на высокоразвитом денежном обращении, отвечающем потребностям и крупной торговли, и мелкого розничного торга.

Огромные размеры крупнейших золотоордынских городищ Нижнего Поволжья (площадь каждого из них составляет несколько квадратных километров) позволяют говорить о том, что их население не могло полностью обеспечиваться только продуктами питания, поступающими из соседних сел и деревень, гораздо меньших по суммарной площади. Следовательно, золотоордынские города Нижнего Поволжья не могли обойтись без притока скота и молочных продуктов из кочевой степи, а главное – без своих собственных, городских, земледелия, скотоводства и промыслов. Нельзя исключать и доставки сельскохозяйственной продукции из других областей Золотой Орды в Нижнее Поволжье как средства обеспечения его городов пищевыми ресурсами.

Прежде всего речь идет о продовольственных товарах массового потребления. Например, только для снабжения Сарая при численности населения более 75 000 человек требовалось перемещение сюда из других регионов более 10 000 тонн зерновых ежегодно, при допущении, что часть необходимого хлеба всё же производилась в его округе. Для всего же столичного Нижневолжского региона требовалось в несколько раз больше зерна. Возможности его производства кочевниками несколько переоцениваются, поскольку базируются на единственном сообщении И. Барбаро (Барбаро, 1971, с. 150), которое относится к периоду хозяйственно-экономического кризиса в государстве; основную массу зерна кочевники, безусловно, получали от оседлого населения. В XIII–XIV вв. хлеб мог поступать на Нижнюю Волгу с территории региона Укека и Средней Волги, а также с территории Подонья и Предкавказья. Навстречу потоку зерна, из степей в Болгарский улус, перегонялся скот, преимущественно овцы (Яворская и др., 2015, с. 61). В снабжении мясопродуктами городов Нижнего Поволжья кочевники также принимали активное участие (Яворская, 2015, с. 204–205), хотя их роль была всё-таки вспомогательной (Яворская, 2017, с. 317). Ещё одним значимым элементом питания, причем как для оседлого, так и для кочевого населения, выступала соль (Барбаро, 1971, с. 142), которая добывалась на Каспии, в соляных озерах на Нижней Волге (Барбаро, 1971, с. 157, 219, 240), в Крыму и на Урале. Значение других продуктов питания (сало, мед, рыбопродукты), фигурирующих в письменных источниках как предметы вывоза, для внутренней торговли оценить сложно.

Не менее важной была торговля металлом и изделиями из него. Исходя из имеющихся данных, можно предполагать, что железо и изделия из него вывозились в Нижнее Поволжье с территории Волжской Болгарии, где черная металлургия была обеспечена сырьём и хорошо документирована находками производственных комплексов (Семыкин, 1996). Этот регион также, вероятно, обе-

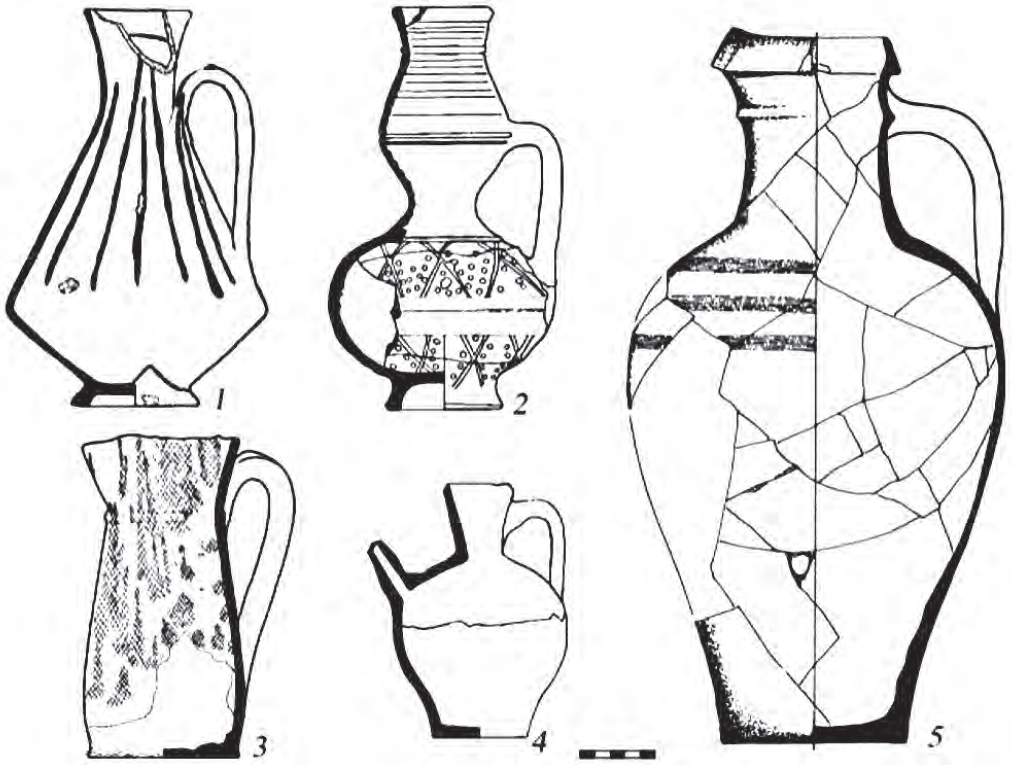


Рис. 1. Керамика городов Юго-Восточного Крыма. 1–4 – поливная столовая посуда; 5 – тарный сосуд (Солхат)

спечивал частично потребности ремесла Золотой Орды в меди (Полякова, 1996, с. 154–155). Производство изделий из металла одной из главных своих задач имело обеспечение ими кочевого и сельского населения. Изучением данного вопроса ещё только предстоит заняться, но уже сейчас отдельные комплексы можно связывать с этой сферой торговли (Гарустович и др., 2005, с. 34). О ней также свидетельствует существенное увеличение числа качественных изделий из металла в погребениях кочевников в золотоордынский период.

Несомненно, велась также торговля лесом между Средним и Нижним Поволжьем, без чего сложно представить строительство в полупустынных регионах низовьев Волги.

В обмен на продукцию земледелия и промыслов, доставляемую в города из сельских поселений, городские центры поставляли в село продукцию высокотехнологичных ремесел (поливную керамику, стеклянные изделия, чугун, многие виды изделий из цветных металлов), существование которых на мелких городских и сельских поселениях не зафиксировано. Примитивные формы обработки цветных металлов, несомненно, существовали и в малых городах, и на селе, это можно подтвердить находками всплесков и обрезков металла на селищах Багаевское, Колотов Буерак, Советское и Хмелевское I в округе Увекского городища, а также на Водянском городище, где зафиксированы и литейные формы (это единственный случай их находки за пределами крупнейших по площади городищ).

Наиболее доступным для изучения, но пока недооцененным источником являются керамические находки, которые в заметном количестве встречаются на большинстве памятников. Вплоть до настоящего времени большая их часть по умолчанию считается местной продукций, что ограничивает на настоящий момент наши возможности анализа. Работы по выявлению особенностей, которые бы позволяли выявлять продукцию отдельных регионов, были начаты И.В. Волковым. Не всегда керамические сосуды перемещались в результате торговли. Часть из них попадала в другие регионы в результате миграций населения. Так, например, в результате переселения могла попадать в поволжские города часть русской керамики вместе с предметами православного культа. Тем не менее, такие находки дают возможность отслеживать направление и интенсивность связей между отдельными регионами.

В конце XIII – первой половине XIV в. наиболее интенсивной была торговля Поволжья с Крымом. Прежде всего перевозилась столовая поливная керамика из городов Юго-Восточного Крыма (рис. 1: 1–4; 2: 3–6) и сосуды (аптечные амфоры и альбарелло) (рис. 2: 1–2), которые выступали как транспортировочная тара для продуктов, которые мы можем условно определить как лекарственные снадобья. Они достигали Сарайчика (Самашев и др., 2008, с. 176–177). Вместе со своим содер-

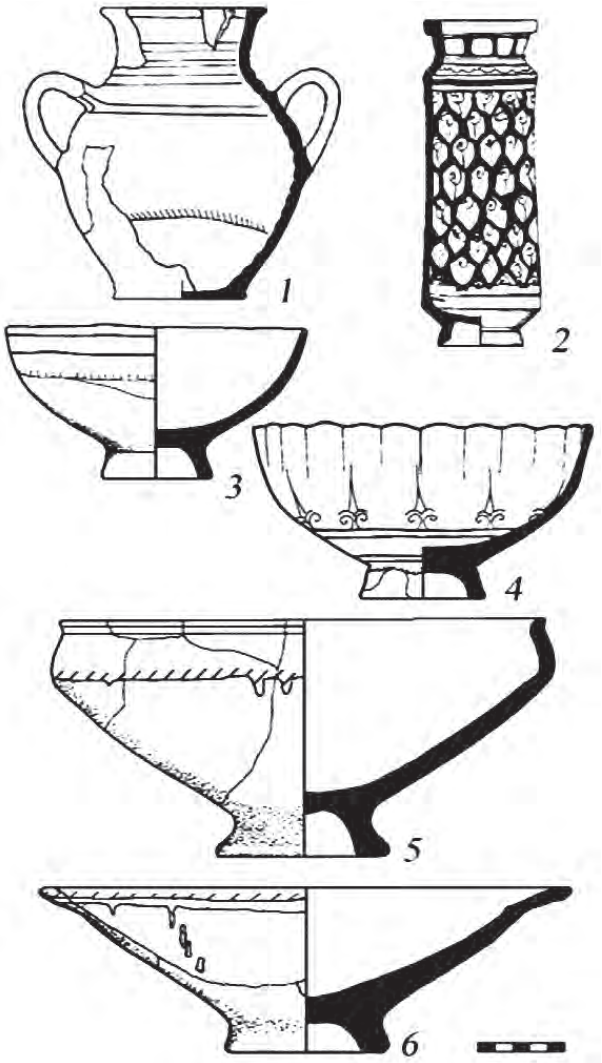


Рис. 2. Поливная керамика городов Юго-Восточного Крыма. 1 – аптечная амфора; 2 – альбарелло; 3–6 – чашевидные столовые сосуды

жимым ввозились тарные кувшины из Солхата (рис. 1: 5). В небольшом количестве поступали сосуды из Юго-Западного Крыма (двуручные кувшины и горшки) (рис. 3: 1–2). Часть из них, в т. ч. горшки, также могли выступать в качестве тары.

С середины XIV в. эта торговля резко сокращается. Преобладающим становится ввоз красноглиняной и кашинной (рис. 4) поливной керамики из Нижнего Поволжья на север в регион Укека, Среднее Поволжье и далее в русские земли. Поступление керамики из Хорезма (рис. 5), преимущественно одноручных тарных кувшинов, а также двух видов фляг и кувшинов со штампованным декором и лощеных чаш было более стабильным. Но её доля, вероятно, никогда не превышала 1%. Кашинная керамика вывозилась также в западные регионы Золотой Орды, но в заметном количестве она представлена только в Маджаре и Азаке.

Перемещение простой неполивной керамики между регионами Поволжья было значительно более скромным. Керамика Нижнего Поволжья достигала Волго-Камья в ничтожном количестве. Она поступала также в Хорезм (Федоров-Давыдов, 1998, с. 45). Обмен керамикой региона Укека и Волго-Камья также был невелик и шел в основном в направлении с севера на юг. В Нижнее Поволжье поступала керамика с территории Предкавказья (рис. 3: 3) и Подонья. Нельзя не отметить, что количество простой керамики, перемещавшейся внутри Волжско-Уральского региона, на порядок уступало подобному обмену между Подоньем и Предкавказьем. Однако это небольшое количество во многих случаях свидетельствует не столько о торговле, сколько о миграции населения и не обязательно купцов.

Значительный интерес представляло бы изучение перемещения керамики в пределах конкретных регионов как показатель внутрирегиональных экономических связей. Пока в этом направлении сделано ничтожно мало, поскольку не идентифицирована продукция отдельных гончарных центров. Единственным исключением является керамика Укека и Хмелевского I поселения. В данном случае на территории Увекского городища доля сосудов производства Хмелевского I поселения составляет до 10%.

Подобную ситуацию можно предполагать для Болгара. Сложно представить, что в центр улуса не ввозилась по различным причинам керамика из его округи. На территории Волго-Камья существовал целый ряд крупных центров, в которых имелись свои гончарные производства, и их продукция должна была поступать в Болгар. Сюда также должны были попадать сосуды, привезённые из разных, сопредельных с Волго-Камьем регионов.

Специфической категорией импортов являлись талькохлоритовые котлы из Хорезма, поступавшие во все крупные города Поволжья (Федоров-Давыдов, 1998, с. 45). Их количество очень невелико и даже с учетом их практичности и долговечности маловероятен их целенаправленный ввоз. Скорее всего, они попадали в Поволжье вместе с другим скарбом купцов. В качестве товара, участвовавшего в межрегиональной торговле, следует также упомянуть стеклянные бусы (Полубояринова, 2008, с. 44). Важным свидетельством межрегиональных торговых связей являются монетные находки.

Красноглиняная поливная и кашинная керамика найдена на памятниках округи Увекского (поселения Багаевское, Зауморье, Квасниковка, Колотов Буерак, Константиновское, Подстепное, Улица Лермонтова, Хмелевское I, Чардымское II, Широкий Буерак), Царевского (Водянское и Мечетное городища, поселения Грачи, Дмитриевка, Коло-

Рис. 3. Тарная и кухонная посуда. 1, 2 – Юго-Западный Крым; 3 – Маджар

бовка, могильник Мечетное I, мавзолей у Бахтияровки), Селитренного (поселения Каменный Бугор, Комсомольский, Лапас, местонахождения Бурля I-II, Верхнелебяжье, Вольное I, Досанг III, XVIII-XX, Комсомольский I, Чорники, могильник Баста) городищ и Шареного Бугра (поселения Барановка I-II, Ильинка, Красный Яр, Маячное I, III-IV, Мошаик, Самосделка, Татарская Башмаковка, Чертово городище, местонахождения Караозек II, Начало IX, Николаевка, Новые Булгары I, Семибугры, Татарская Башмаковка II, могильники Барановка, Вакуровский Бугор I, Маячный Бугор III, Мечетный Бугор I-II, Самосделка). Изделия из стекла происходят из округи Увекского (поселения Алексеевское, Багаевское, Колотов Буерак, Подгорное, Подстепное, Хмелевское I, могильники Болдыревский, Нижняя Студенка-I, Хмелевский I, Чардымский), Царевского (Водянское и Мечетное городища, поселения Колобовка, Пологое Займище, могильники Водянский II, Царев II, мавзолей у Бахтияровки), Селитренного (селище у поселка Комсомольский, местонахождение Досанг X, могильник Комсомольский IV) городищ и Шареного Бугра (поселения Красный Яр, Самосделка, Татарская Башмаковка, Чертово городище, могильники Маячный Бугор I-II, Татарская Башмаковка). Кашинные бусы и пуговицы зафиксированы на Багаевском селище, местонахождении Улеши (в округе Увекского городища), на поселении Самосделка, могильниках Барановка, Маячный Бугор I–II и Татарская Башмаковка (в дельте Волги). Чугунные сосуды известны с сельских поселений округи Увекского и Царевского городищ.

Поступала из городов в сельскую местность и обычная золотоордынская неполивная гончарная керамика, хотя в селах, вероятно, также работали гончары: остатки горна (?) зафиксированы только разведками на селище Пристанное в округе Увекского городища, так что однозначно утверждать наличие гончарства в сельских поселениях Нижнего Поволжья в золотоордынское время пока нельзя. Тем не менее керамики на периферии было недостаточно, в деревнях ее вынуждены были даже в домашних условиях изготавливать кустари, что было зафиксировано Л.Ф. Недашковским при раскопках Константиновского селища в Саратовском Поволжье. Сравним имеющиеся данные статистики неполивной гончарной керамики золотоордынской эпохи с поселений различного размера (помимо исследований Т.А. Хлебниковой на Алексеевском городище в 1971 г., все имеющиеся данные получены в ходе раскопок Л.Ф. Недашковского 1999–2016 гг.). На мелких поселениях (Константиновское селище) зафиксировано 19,4% лощеной керамики и 59,1% посуды хорошего обжига, по цветам керамика распределяется следующим образом: коричневый – 87,2%, красный – 12%, серый – 0,8%. На средних по размеру (сельских) поселениях (Алексеевское, Багаевское, Колотов Буерак, Широкий Буерак) лощеная посуда составляет 12,1–40,3% керамических материалов, хорошо обожженная – 36,2–78%; коричневой керамики 27,6–91,3%, красной –

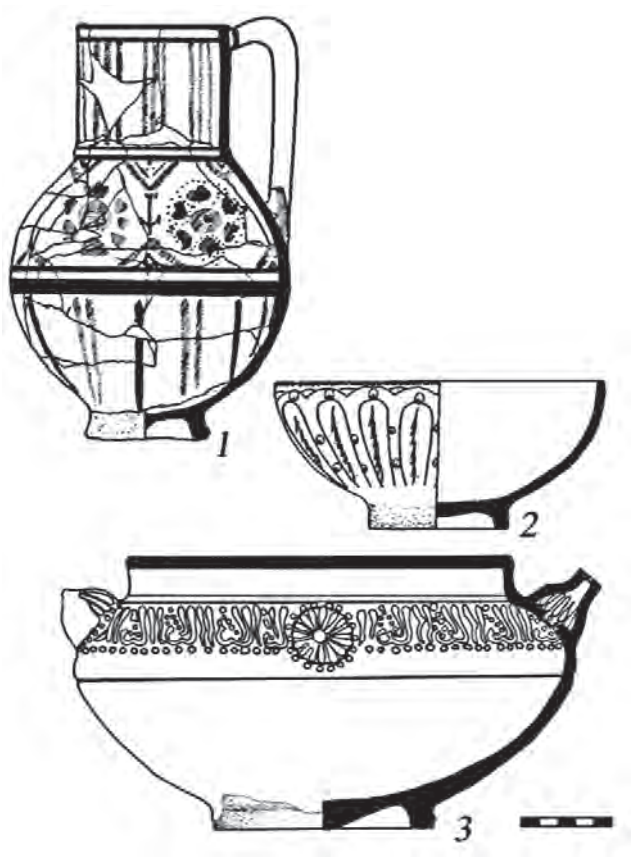


Рис. 4. Поливная красноглиняная и кашинная посуда Нижнего Поволжья.
1 – кувшин; 2, 3 – чаша и гульабдан

7,3–36,2%, серой – 0,6–32,8%, бурой – 0,4–3,4%, а желтой – не более 0,8%. На крупных поселениях городского типа (разные раскопы Хмелевского I селища) отмечено 5,7–22,3% лощеной и 53,3–63,5% хорошо обожженной посуды; коричневой керамики 44,3–85,3%, красной – 7,1–33,7%, серой – 1–7,6%, бурой – 0,5–19,6%, желтой – не более 0,7%. На наш взгляд, приведенные данные по различным категориям памятников принципиально друг от друга не отличаются, что позволяет считать единым источник поступления массовой неполивной гончарной керамики на все рассмотренные поселения – им, несомненно, было гончарное ремесло крупных и мелких золотоордынских городов Нижнего Поволжья.

Основную часть кузнечных изделий с сельских памятников мы также должны признать продукцией городского ремесла, так как из всех селищ Нижнего Поволжья кузнечный горн отмечен только в урочище Мартышкино в округе Увекского городища, а остатки неопределенного сооружения, связанного с обработкой железа, – на селище Широкий Буерак в том же регионе.

На Увекском городище была найдена литейная форма для перстней с подпрямоугольным щитком и двумя боковыми выступами, аналогичный перстень был найден и на сельском Болдыревском могильнике в округе городища (Недашковский, 2000, с. 43; 2001, с. 355, 364, рис. 5, *4*; Nedashkovsky, 2004, p. 24, 48, 228, fig. 62, *4*). На Увекском городище зафиксировано литье православных культовых предметов (крестов-энколпионов и иконок), также распространенных в округе памятника (Недашковский, 2000, с. 109; Полубояринова, 1972, с. 186; Nedashkovsky, 2004, p. 49, 61–62), причем с Увекского городища происходит незаконченная половинка каменной литейной формочки для 14-гранных бронзовых ушек энколпионов, одно из которых было найдено на Хмелевском I селище в округе Укека (Недашковский, 2000, с. 107, 109, рис. 30, *25*; Nedashkovsky, 2004, p. 49, 69, 205, 245, fig. 36, *10*, 82, *B*, *25*). Производство бронзовых зеркал в золотоордынских городах Нижней Волги полностью обеспечивало этими изделиями как сами города, так и весь регион в целом, так как даже типологически идентичные изделия из других районов имеют уже совершенно иной химический состав (Недашковский, 2002, с. 336; Nedashkovsky, 2004, p. 49, 53).

Именно через города как крупные центры международной торговли (с памятников городского характера происходят все отдельные находки иностранных монет на Нижней Волге, основная часть импортов и изделий, привезенных из других регионов, например, хорезмской неполивной керамики) в село поступали импортные товары: вино в амфорах, парчовые и шелковые ткани, иногда даже люстровая керамика и стеклянные сосуды с полихромной росписью. Находки фрагментов трапезундских амфор известны с памятников округи Увекского (селища Багаевское, Колотов Буерак, Хмелевское I, Широкий Буерак) и Селитренного (местонахождение Комсомольский I) городищ, фрагменты триллийских амфор известны из раскопок Багаевского селища в округе Укека. Парчовые и шелковые одежды происходят с памятников округи Увекского (Болдыревский и Чардымский могильники), Царевского (могильники Водянский I, Мечетный I) городищ и Шареного Бугра (могильники Маячный Бугор I–II). Фрагменты люстровых и расписного стеклянного сосудов встречены при раскопках Багаевского селища.

Кочевники, судя по письменным (Барбаро, 1971, с. 147) и археологическим данным (комплекс кузнечного инструментария в насыпи кургана 4 группы Маляевка VI в округе Царевского городища), занимались даже кузнечным ремеслом и ткачеством. Однако целый ряд ремесел (гончарство, стеклоделие, производство чугуна, развитые формы обработки цветных металлов) вообще не могли существовать в условиях кочевого быта, следовательно, всю их продукцию в погребаль-

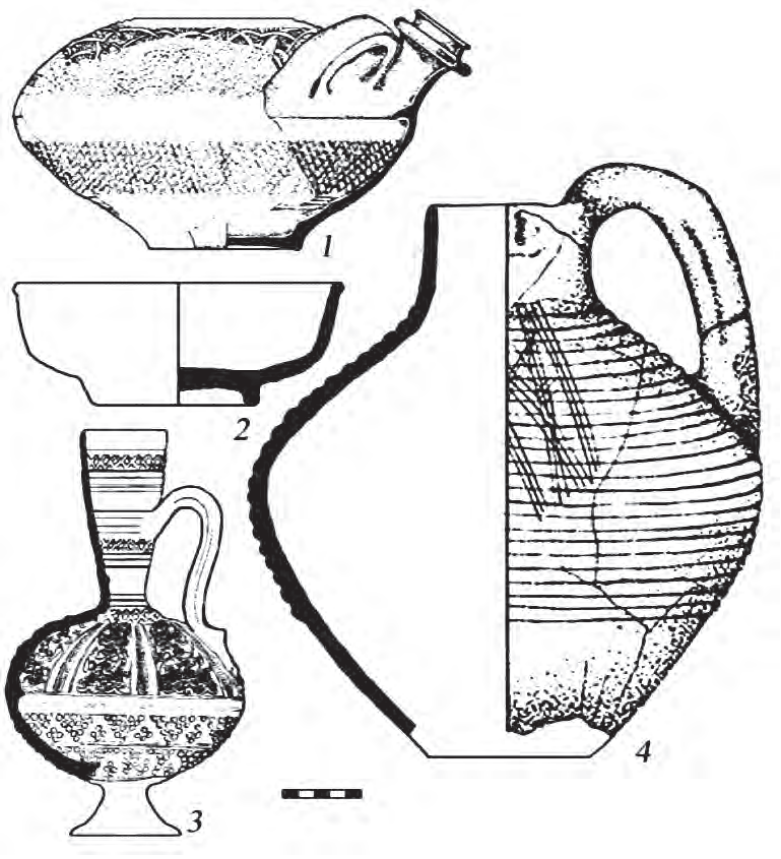


Рис. 5. Керамика из Хорезма.
1 – фляга; 2 –чаша с лощением; 3 – кувшин со штампованным декором; 4 – одноручный тарный кувшин

ных памятниках кочевников следует считать привозной, поступавшей из поселений Нижнего Поволжья. Получая скот и молочные продукты от кочевников, города поставляли им ремесленные изделия.

С Болгарского городища известны находки трех матриц (Руденко, 2006, с. 48–49, 89–90, 99, 113, рис. 2, илл. 5) для изготовления ручек (в виде протомы дракона) поясных ковшей из драгоценных металлов, характерных для раннеджучидской торевтики и составлявших один из атрибутов монгольской всаднической культуры (см. Крамаровский, 2001); там же известна заготовка костяной орнаментированной обкладки колчана (Полякова, 1992), аналогичной изделиям, бытовавшим у кочевников золотоордынской эпохи, что подтверждает мнение о производстве обкладок в поволжских городах Улуса Джучи, в которых известны и находки готовых изделий этой группы (Закирова, 1988, с. 227, 229, 239, 243, рис. 99, *14–16*; Малиновская, 1974, с. 155–156, 169, 171, табл. IX, *30*, X, *32–35*; Федоров-Давыдов, 1976, с. 187; 1994, с. 179). Стеклянные украшения и высококачественные бронзовые зеркала, которые можно было изготовить лишь в жестких каменных формах, известных на сегодняшний день только с Болгарского, Увекского и Селитренного городищ (Недашковский, 2001, с. 355, 364, рис. 5, *1–2*; Полякова, 1996, с. 160, 162, рис. 56, *5*, 58, *9*; Fyodorov-Davydov, 1984, p. 178, fig. 107, *2*; Nedashkovsky, 2004, p. 48, 228–229, fig. 62, *1–2*, 63), также изготавливались в крупнейших городах Улуса Джучи и поставлялись оттуда в степи. Примечательно, что на Увекском городище найдена форма для отливки зеркал, относящихся к типу, не встреченному в материалах этого памятника, но зафиксированному на окружающих поселениях и в близлежащих курганах кочевников (Недашковский, 2001, с. 355; Nedashkovsky, 2004, p. 48); данный факт свидетельствует не только о производстве зеркал в крупных городах для последующей продажи их жителям оседлой и кочевой округи, но и о специализации этого производства, учитывавшего вкусы и запросы кочевников, в области металлических зеркал заметно отличающиеся от предпочтений горожан (Недашковский, 2000, с. 65–66, табл. 3; Недашковский, 2001, с. 355; Nedashkovsky, 2004, p. 35, 48, tab. 3).

Золотоордынская неполивная керамика отмечена во многих курганных группах округи Увекского (Двоенка I–II, Зауморье, Квасниковка, Крутояровка, Новая Липовка, Паницкое, Рыбушка I–III, Скатовка I, Советское III, Усть-Курдюм I) и Царевского (Бахтияровка II–III, Зубовка, Кали-

новка, Колобовка IV, Ленинск I, Маляевка I, V, Царев) городищ; это находки в насыпях, в засыпи могильных ям и в составе погребального инвентаря. Красноглиняная поливная керамика и кашинные изразцы зафиксированы в курганных группах Калиновка и Маляевка I в округе Царевского городища, в группе у Сеитовки в округе Шареного Бугра, а фрагмент кашинной керамики – в курганной группе Маляевка V у Царевского городища. Стеклянные и кашинные украшения встречены в курганах округи Увекского (Астраханский тракт, Большая Дмитриевка I, Покровск, Скатовка I-II, Советское III, Суслы) и Царевского (Бахтияровка I, Заяр, Калиновка, Колобовка II, Ленинск I, Маляевка I, Солодовка I-II, Царев) городищ. Фрагмент венчика чугунного котла происходит из курганной группы Маляевка VI в округе Царевского городища.

К кочевникам поступали и импортные изделия, в частности вино в амфорах, парча и шелк. Фрагмент триллийской амфоры был найден в насыпи кургана 15 группы Маляевка I. Парчовые и шелковые ткани найдены в курганных группах округи Увекского (Астраханский тракт, Покровск, Скатовка I, Советское I–II, Суслы, Усть-Курдюм I) и Царевского (Бахтияровка I–II, Верхнее Погромное, Заяр, Ленинск I, Маляевка V–VI, Солодовка II, Царев) городищ.

Экономические связи осуществлялись не только путем прямого обмена продовольствия и сырья на ремесленные изделия, но в большей степени посредством товарно-денежных отношений; это подтверждают многочисленные находки как серебряных, так и разменных медных золотоордынских монет на многих сельских памятниках и в курганах кочевников.

Рассмотренные материалы позволяют понять специфику экономического взаимодействия золотоордынского города с его округой, основанного на обмене продукцией ремесла, земледелия, скотоводства, промыслов и товарами, получаемыми путем дальней международной торговли.

Сельская округа золотоордынских городов Нижнего Поволжья обладала развитыми сельским хозяйством и промыслами, способными частично обеспечивать города продуктами питания и ремесленным сырьем. Село снабжалось через города ремесленной продукцией (поливной и неполивной керамикой, стеклянными и чугунными изделиями, предметами из черного и цветного металла) и дорогими привозными товарами (вино, парча, шелк).

Кочевники в обмен на продукцию скотоводства получали большой ассортимент ремесленных изделий, многие из которых (сосуды, костяные орнаментированные обкладки колчанов, некоторые виды зеркал) в городах производились специально, с учетом художественных вкусов и традиций номадов (Недашковский, 2014, с. 59–60). Поступали к кочевникам и импорты, достигавшие также сельских поселений.

Представляется, что золотоордынские города Нижнего Поволжья были тесно связаны внутренними торговыми контактами (основанными на товарно-денежных отношениях) с оседлой и кочевой округой.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТОРГОВЫЕ ПУТИ И ИМПОРТ

Международные торговые связи Золотой Орды и в т. ч. её центрального Волго-Уралья – тема, изученная достаточно детально, поскольку сохранилось значительное число письменных свидетельств, а необычные археологические находки из дальних стран одними из первых привлекают внимание исследователей. Поэтому существует ряд публикаций, посвященных различным её аспектам, и несколько обобщающих работ (Еманов, 1995; Федоров-Давыдов, 1998; Недашковский, 2008; Полубояринова, 2008; Недашковский, 2009).

Международная торговля удовлетворяла прежде всего потребности господствующего класса, позволяя ему превращать прибавочный продукт в престижные товары. Выгоду из этой торговли извлекали и средние городские слои. Масштабы развития международной торговли Золотой Орды делали доступными отдельные категории импортных товаров даже для городских бедняков и рядовых кочевников.

Через Волго-Уралье проходил ряд важных торговых путей. Наиболее известным был «Великий шелковый путь», в действительности представлявший собой сложную систему разветвленных маршрутов. Источники фиксируют два его основных отрезка. Оба они начинались в Азаке и шли на Сарайчик. Южный – шел через степи к Хаджи-Тархану, далее по Волге до Сарая. Северный – проходил по Дону до Переволоки и далее вниз по Волге к Сараю. Далее от Сарайчика маршрут шел на Ургенч, а затем на Отрар, Алмалык и в Китай. Вероятно, об этом отрезке «шелкового пути» власти проявляли наибольшую заботу. Известно о существовании моста из судов через р. Урал (Тизенгаузен, 1884, с. 307). На Устюрте исследована цепочка благоустроенных караван-сараев (Манылов, Юсупов, 1982). Но можно было ехать на вос-

ток и без заезда в Ургенч, в обход Аральского моря через степь, прямо на Отрар. Помимо отмеченных Ф.Б. Пеголотти отрезков шелкового пути, начинавшихся в Тане и ведущих в Нижнее Поволжье, существовал ещё один маршрут от Хаджи-Тархана к Маджару и далее по Куме и Кубани в порты Северо-Восточного Причерноморья (Копу, Мапу, Матрегу).

Менее известны широтные маршруты, проходившие через Волжско-Уральский регион севернее. На местах переправ через реки по воле властей, согласно сообщению Г. Рубрука (Джиованни, 1957, с. 109–110, 118), возникали населенные пункты. Так, вероятно, на месте переправы возникает Укек, к которому выходила дорога, шедшая через Северный Казахстан и юг Западной Сибири, засвидетельствованная по крайней мере для XIII в. Из Поволжья дорога шла через степи вплоть до Львова. Однако точная локализация этих сухопутных маршрутов остается дискуссионной темой.

Второй, и не менее важной, была система торговых путей с севера Восточной Европы по Волге и её притокам на юг и далее по Каспию в Персию или по Дону к Азаку и степями в Крым, к Каффе и Судаку. Этот путь, появившийся задолго до возникновения Золотой Орды, можно назвать дорогой мехов. Ответвлением этого пути был маршрут по Каме и Чусовой через Уральский хребет к центрам Сибирского улуса. Часть мехов поступала ещё более кружным путем, из Западной Сибири через Ургенч и далее уже по «шелковому пути». Волжский путь использовался также для транзита товаров с территории Северной Европы, Руси и обратно не только в Прикаспий, но и в Константинополь.

Отдельно следует выделить торговый путь в Индию, по которому перегонялись лошади, вывозились меха (соболя, горностая), мечи, лен и льняное полотно в обмен на золото и другие товары. Один маршрут шел с Нижней Волги на Маджар, Дербент и далее через Иран в Индию. Вторая дорога ответвлялась от Ургенча к Герату и далее на юг.

Эта система, судя по сообщению Г. Рубрука, начала складываться уже в первые десятилетия существования Золотой Орды, ещё как части Монгольской империи (Джиованни, 1957, с. 98). В чем сходятся все средневековые авторы, так это в безопасности передвижения купеческих караванов по территории Золотой Орды в период её расцвета. Торговые пути исправно функционировали вплоть до 1395 г., когда Тимуром были разрушены нижневолжские города и по ним, незадолго до этих событий, перевозились значительные по объему партии товаров (Карпов, 1991, с. 194–195). Но и после этого они сохраняли определенное значение в течение достаточно длительного отрезка времени.

Необходимо разделять транзитную торговлю и торговлю товарами, производившимися или потреблявшимися на территории Золотой Орды. В первом случае Золотая Орда участвовала только в обеспечении исправного функционирования безопасного торгового пути, получая за это свой процент. Такая торговля сама по себе не могла стать причиной бурного развития крупных городов, поскольку для своего функционирования не требовала большого числа рабочих рук. Иное дело – вторая отрасль торговли. Производство экспортных товаров, даже если речь идет о продовольствии и сырье, способствовало росту экономики и развитию городов. А возможность регулярного получения ценных импортных товаров была важна для правящего слоя.

Разумеется, провести однозначную границу между ними, двумя этими сферами, затруднительно, поскольку некоторое количество товаров, проходивших транзитом, в итоге оседало на территории Золотой Орды.

Наибольшее число упоминаний импортных товаров относится к текстилю, представленному многими десятками наименований. Он упоминался уже у Г. Рубрука (Джиованни, 1957, с. 98) и оставался наиболее важным предметом торговли в XV в. (Заходер, 1955). Прежде всего речь идет о шелковых и хлопчатобумажных тканях, поступавших в Волго-Уралье с юга и востока. Упоминается множество сортов шелка из Китая, Ближнего Востока, Средней Азии, Ирана. По-прежнему на территорию Восточной Европы ввозились византийские шелка. Образцы разнообразных шелковых тканей обнаруживаются в ходе раскопок погребений кочевников (Доде, 2006), на могильнике Маячный бугор I (Орфинская, 2013), в городских некрополях Селитренного, Царевского, Водянского, Мечетного городищ (Фёдоров-Давыдов, 1998, с. 48), Укека (Кубанкин, 2006, с. 193–206, рис. 3–4), Болгара (Полубояринова, 2008, с. 57). С юга и юго-востока из различных областей Ирана, Средней Азии, Индии и Китая поступали различные хлопчатобумажные ткани.

Из Европы также поступало большое количество тканей. Среди них преобладали разнообразные сукна из Фландрии, Франции, Италии. Ценились сукна Ипра, Поперинга, Шампани, Шалона и Милана. Помимо них, упоминается ещё целый ряд производственных центров. Общую стоимость ежегодно ввозимых на территорию Золотой Орды сукон, судя по имеющимся фрагментарным данным (Еманов, 1995, с. 48, 49), в период расцвета, можно оценить в несколько миллионов дирхемов. Наряду с хорошо извест-

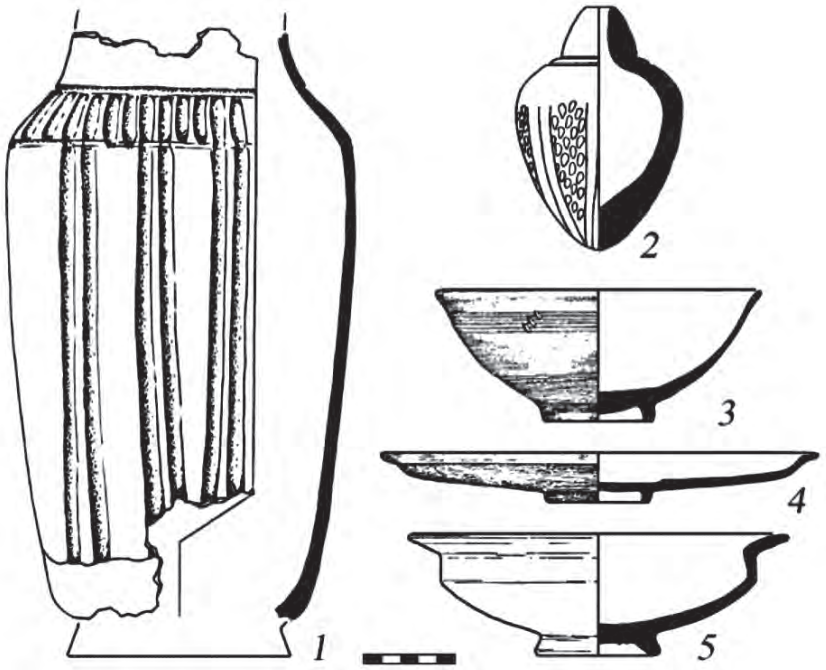


Рис. 1. Импортная посуда. 1 – посуда из не локализованных производственных центров; 2 – сфероконус; 3–4 – селадон (Китай); 5 – поливная чаша (Ширван)

ным южным направлением ввоза, несомненно, существовал и северный путь через ганзейские города и Новгород (Коваль, 2015, с. 219). Для многих сортов ткани, произведенных в конкретных центрах, в Codex Cumanicus, существуют отдельные термины. Ввозились также полотна из Шампани, Венеции, холст, саржа из Генуи, велюр и другие ткани из различных западноевропейских центров. В XV в. некоторое распространение получают и шелковые ткани итальянского происхождения.

Хорошей иллюстрацией торговли европейскими сукнами служат находки свинцовых товарных пломб в нижневолжских городах и Болгаре (Лаере, Тростьянский, 2012; Коваль, 2015). Причем торговля эта имела высокую степень интенсивности (Коваль, 2015, с. 217). Судя по сообщениям Ф.Б. Пеголотти и «Тосканского анонима», льняные ткани и сукна из Западной Европы шли через Поволжье транзитом в Ургенч, а самые легкие из них можно было везти до Китая.

Отдельно следует выделить юго-западное направление – Левант и Ирак. Отсюда происходят шитые золотом мосульские ткани, кипрский камлот, букаран, камка, насик из Багдада, грубые сукна из Киликии.

С территории Руси ввозились льняные полотна, торговля которыми продолжала оставаться высоко прибыльной даже в XV в. (Заходер, 1955). Они перепродавались в Индию и Иран. В обмен на это в русские земли поступал шелк, а также хлопчатобумажные ткани из Средней Азии.

В качестве предметов ввоза фигурируют и готовые изделия – шатры, ковры, шелковые коврики, готовая одежда и платки.

Не меньшее значение имела торговля текстильным сырьем. Больше всего ввозилось шелка-сырца и окрашенной шелковой пряжи. Их объем в лучшие годы составлял десятки тонн, а стоимость – многие миллионы дирхемов. Основная часть шелка-сырца в дальнейшем вывозилась в Венецию и Геную. При этом часть этого сырца производилась на территории самой Золотой Орды – в Хорезме (Еманов, 1995, с. 75). Упоминаются хлопок в клоках и хлопковая пряжа из Средней Азии и Сирии. Маловероятно, что это сырьё хоть в какой-то мере использовалось местными ткачами. Во всяком случае, письменных данных об этом для собственно золотоордынских городов нет.

В целом ассортимент упоминаемых текстильных товаров составляет десятки наименований. Большая их часть проходила через территорию Волго-Уралья транзитом, тем не менее, судя по данным археологических раскопок, одежда из импортных тканей была распространена весьма широко. Это не могло не оказать негативного влияния на развитие собственного ткацкого ремесла. Собственно, в письменных источниках есть единичные упоминания мастеров по выделке шерстяных тканей (Барбаро, 1971, с. 147).

О том, что импортные ткани служили для выражения социального престижа, ярко свидетельствует Ибн Баттута, который упоминает шатры из

полотна и разноцветного шелка, а также полотняную ограду вокруг них, приготовленные эмиром и кади Азака для встречи эмира Хорезма Кутлуг-Тимура, который, прибыв, ступал по разостланным кускам шелковой материи; арабский путешественник сообщает также о парчовых накидках на лошадях, везших арбы знатных монголок, одетых, как и сопровождающие их лица, в шелка, усыпанные драгоценными камнями и шитые золотом (Тизенгаузен, 1884, с. 285, 292).

Очень большое значение в торговле имел ввоз металлов, прежде всего золота и серебра, которые поступали в виде монет, слитков, пластин и готовых изделий через южное направление из Европы, Ирана и Индии. Наиболее многочисленны золотые монеты делийских султанов. Торговые сделки с золотом и серебром были в числе немногих, не облагаемых торговым налогом (Григорьев А.П., Григорьев В.П., 2002, с. 27, 73, 120). Серебро в слитках ввозилось также с территории Руси (Тизенгаузен, 1884, с. 303; Хорошкевич, 1961, с. 107–108), куда поступало из Европы (Хорошкевич, 1961, с. 104–114). Известны серебряные слитки, которые доходили даже с территории Китая (Фёдоров-Давыдов, 1998, с. 49).

Медь поступала из Италии, Кипра, Синопа и Кастамону, олово с Хиоса и с Алтая. Свинец из разных источников, хотя и в небольшом количестве, ввозился через Каффу и Тану и достигал Сарая. Из Европы на территорию Золотой Орды ввозилось железо. Привозились и готовые изделия, в частности оружие. Известно о получении в качестве дипломатических даров оружия из Египта (Тизенгаузен, 1884, с. 60, 152, 155). Отдельно следует сказать об импорте ртути, поскольку именно её поступление может быть подтверждено археологическими находками – сфероконусами (рис. 1: 2). Хотя не все они использовались именно для транспортировки ртути, наиболее многочисленные их группы происходят, вероятно, из Испании, откуда и поступала в Причерноморье ртуть. В целом металл, в качестве сырья преобладал над готовыми изделиями. Это указывает на то, что импорт металлов был призван обеспечить потребности золотоордынского ремесла.

Среди категорий товаров, перевозившихся по шелковому пути, на втором по значимости месте находились пряности. В их числе упоминаются перец, гвоздика, имбирь, корица, мускатный орех, кардамон. Сообщению И. Барбаро о том, что торговля пряностями и шелком в Астрахани прекратилась после нашествия Тамерлана (Барбаро, 1971, с. 157), противоречит случайно дошедшее до нас свидетельство о поездке в Сарай ширазского купца. Из него следует, что и во второй четверти XV в. в Сарае торговля обеими категориями товаров велась в достаточно широких масштабах (Заходер, 1955, с. 14–15).

Вместе с пряностями перемещались по Золотой Орде и другие товары, объединяемые в итальянских источниках под названием специй (spezierie). Немалая их часть относилась к сырью, использовавшемуся в текстильном производстве. Это красители: сандал, бразильское дерево и индиго из Индии, кермес с территории Руси, маренна, чернильные орешки, кошениль, а также квасцы. Последние, помимо красильного, использовались также в кожевенном, ювелирном и других ремеслах, а также в медицине.

В число специй попадали и товары, связанные с парфюмерией и средневековой медициной: иранский ладан, амбра, хиосская мастика, сандал, кубеба, кассия, камфора, мускус, каперс.

В числе значимых категорий следует упомянуть драгоценные камни и жемчуг, которые имели большое значение для выражения социального престижа правящего класса Золотой Орды. Неслучайно драгоценные камни и жемчуг, наряду с золотом, не облагались торговым налогом (Григорьев А.П., Григорьев В.П., 2002, с. 27). Они приносили максимум прибыли в силу компактности товара, не требующего крупных затрат на свою перевозку. Жемчуг поступал главным образом из Ормуза. Различные виды камней привозились из Индии, Ормуза, Восточного Ирана, Бадахшана, Китая. Торговля ими продолжалась и в XV в., о чем известно благодаря И. Барбаро. К этой категории примыкали полудрагоценные и поделочные камни, доступные более широким слоям населения: лазурит, агаты, сердолик, а также янтарь с Балтики, раковины каури с берегов Индийского океана и кораллы.

Среди ввозимых промышленных товаров наибольшее значение для археологии имела керамика и стекло. О тарной керамике ниже. Среди керамики предметом специального ввоза выступали следующие группы керамики. Наиболее яркой и необычной является керамика из Китая: селадоны (рис. 1: 3–4), фарфор с сине-белой росписью, а также керамика типа «цы чжоу». Являясь предметом роскоши, она встречена в заметном количестве на всех крупных золотоордынских городищах Поволжья. Селадоны вызвали местные подражания на кашинном черепке. Остальные группы китайской керамики представлены единичными образцами.

С территории Византии в конце XIII – первой половине XIV в. поступала недорогая столовая поливная красноглиняная керамика (рис. 2: 3), кувшины (рис. 2: 4) и в небольшом количестве поливные кухонные горшки (рис. 2: 5). Преимуще-

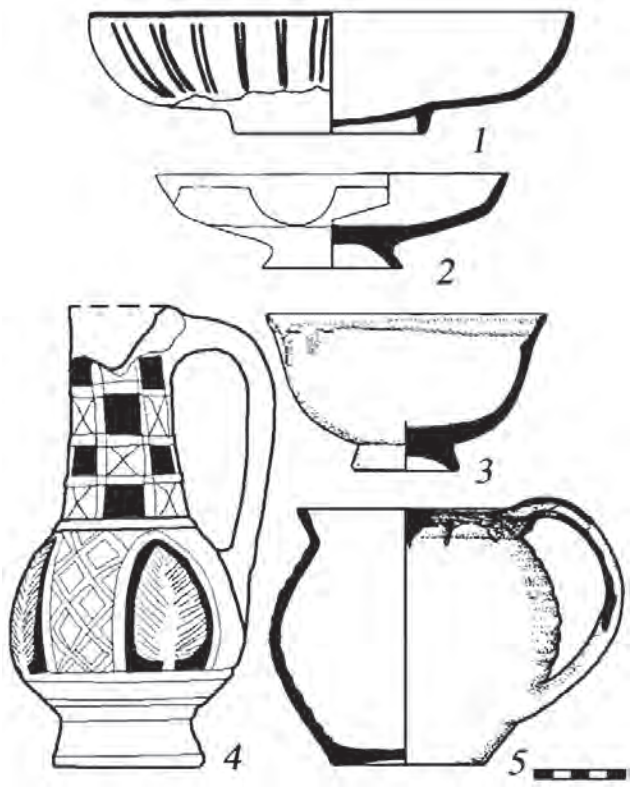


Рис. 2. Импортная поливная посуда. 1–2 – кашинная керамика; 3 – красноглиняная чаша; 4 – красноглиняный кувшин; 5 – кухонный горшок.
1, 2 – Сирия, Египет, Иран; 3–5 – Византия

ственно в этот же период ввозилась кашинная керамика из Сирии, Египта, Ирана (рис. 2: 1–2), в т. ч. дорогостоящая керамика с росписью люстром и эмалями. Примерно с середины XIV в. эти импорты были вытеснены из массового употребления местной продукцией. В меньшем объеме встречаются поливные чаши, произведенные в Ширване (Волков, 2001, с. 47) (рис. 1: 5) и Средней Азии (Полубояринова, 2008, с. 67–70). Также известны находки из целого ряда ещё не локализованных производственных центров (рис. 1: 1). Единичные находки керамики, произведённой на территории Италии, вряд ли выступали как самостоятельная статья импорта. Скорее они маркируют перемещения итальянских купцов по территории региона.

Наряду с поливной керамикой и тарой поступало и очень небольшое количество кухонной керамики, возможно, в составе имущества путешественников. Стекло на территорию Золотой Орды ввозилось из Италии и Ближнего Востока, часть его вывозилась далее на восток. Наиболее часто встречаются фрагменты сосудов с росписью эмалями, позолотой и накладными стеклянными нитями из Египта и Сирии (Фёдоров-Давыдов, 1998, с. 42–43; Полубояринова, 2008, с. 46). К импортам, вероятно, относятся оконные стекла (Полубояринова, 2008, с. 45).

Для золотоордынской элиты большое значение имел ввоз предметов торевтики. К сожалению, эта сфера торговли известна нам по крайне отрывочным упоминаниям письменных источников и единичным находкам изделий из Европы и Ближнего Востока (Федоров-Давыдов, 1998, с. 43). Наибольшее число находок бронзовых сосудов с инкрустациями происходит из Болгара (Полубояринова, 2008, с. 37–38). Единичными находками представлены изделия из мрамора (Федоров-Давыдов, 1998, с. 42; Волков и др., 2013, с. 329, рис. 2, *1*). Также на территорию Золотой Орды поступали зеркала из Китая и Ирана, хотя они известны преимущественно по местным репликам с них. Некоторые разновидности украшений поступали с территории Руси (Полубояринова, 2008, с. 39–40).

В числе других важных промышленных товаров нужно назвать бумагу и мыло.

Среди продуктов питания, ввозившихся на территорию Золотой Орды, самым распространенным было вино. Информация об этой отрасли торговли неполна, поскольку в нашем распоряжении только фрагменты амфор. Между тем часть вин должна была поступать в деревянных бочках. Наиболее распространенными были амфоры из Трапезунда (рис. 3: 1). Их доля в отдельных комплексах может достигать нескольких процентов. Они встречены не только на многих поселениях Поволжья, но достигали даже Сарайчика (Самашев и др., 2008, с. 114). Все другие группы винной керамической тары в разы уступают им по численности. Отмечены амфоры триллийской группы (рис. 3: 4), амфоры группы клейма SSS (рис. 3: 5), пифосы Крита (рис. 3: 3), желтоглиняные амфоры с ручками, имеющими верхний прилеп на средней части горла (рис. 3: 6), светлоглиняные широкогорлые амфоры с петлевидными ручками на плечах (рис. 3: 2). Письменные источники указывают в качестве центров-экспортеров Марсель, Неаполь, Крит, Триллию, Трапезундскую империю и ряд более мелких центров.

Помимо вина ввозилось также оливковое масло, фрукты, орехи, экзотический сахар. В небольшом объеме поступал рис, который был скорее деликатесом.

Движение товаров не было односторонним. Иноземные купцы были в не меньшей степени заинтересованы в вывозе различных товаров с территории Золотой Орды.

Наиболее ценными среди экспортируемых с территории Золотой Орды товаров выступали меха. В большинстве случаев сложно установить точное место их добычи. Большая часть мехов добывалась в лесных и таежных районах Восточной Европы, но, судя по находкам костяных томаров,

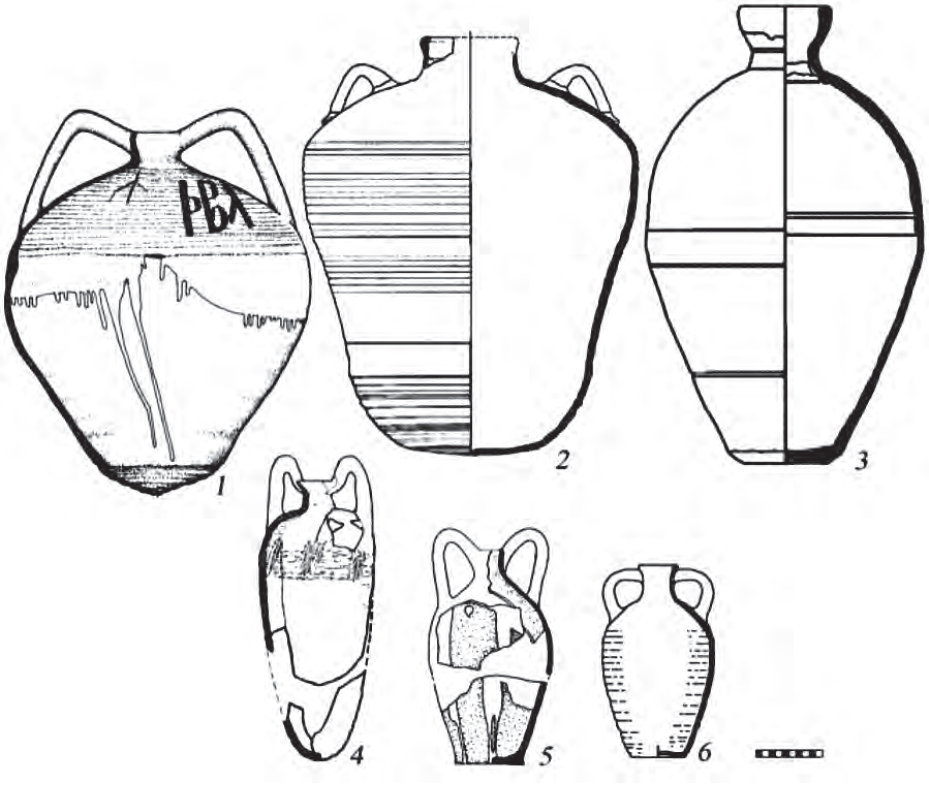


Рис. 3. Амфоры. 1 – Трапезунд; 2 – светлоглиняная широкогорлая амфора с петлевидными ручками; 3 – пифос, Крит; 4 – амфора триллийской группы; 5 – амфора группы клейма SSS; 6 – желтоглиняные амфора с ручками, имеющими верхний прилеп на средней части горла

часть мехов добывалась на территории Среднего Поволжья. Ценились прежде всего меха соболя, песца, горностая с Двины, Печоры, Севера Западной Сибири. Большой масштаб приобрел вывоз беличьих шкурок, счет которых шел на тысячи (Еманов, 1995, с. 24–25). Часть из них вывозилась конкретно с территории Средней Волги. Упоминаются также меха куницы, бобра, выдры, лисы, рыси, зайца и даже такие экзотические, как шкуры белого медведя. В числе товаров, поступавших в северные регионы, были изделия золотоордынского ремесла.

Ещё одним предметом роскоши, поступавшим с севера для ближневосточной и европейской знати, служили ловчие птицы (кречеты и соколы). Из числа экзотических товаров следует упомянуть и моржовый бивень.

Широко известен вывоз коней из восточноевропейских степей в Индию (Тизенгаузен, 1884, с. 286–287). Некоторое количество лошадей из Европы в Индию и Китай проходило через территорию Золотой Орды транзитом.

Более дешевой категорией товаров, которая при этом намного превосходит по объему производства и вывоза предметы роскоши, является выделанная кожа. При этом масштабы её вывоза служат показателем развития экономики Золотой Орды. Кожи также являются единственным товаром, упомянутым в письменных источниках, относительно вывоза которого власти Золотой Орды пытались проводить протекционистские меры (Бочаров, Масловский, 2015, с. 8, 10). Упоминается вывоз каракуля, произведенного в Нижнем Поволжье. В качестве предмета для экспорта значилась также шерсть. В западном направлении вывозились также весьма значительные партии воска и меда.

По понятным причинам вывоз продовольствия из центрального региона Золотой Орды за границы государства был маловероятен. Хотя исследователи не исключают возможности вывоза поволжского зерна через Тану (Еманов, 1995, с. 110). По сообщению Ф.Б. Пеголотти, из Таны вывозились поволжские осетровые балыки. Экспортировались также мед и воск.

Отдельной сферой торговли была работорговля. Рабов вывозили в Европу и на Ближний Восток. Для периода расцвета Золотой Орды, по сообщению аль-Омари, главным источником рабства была продажа родителями своих детей (Тизенгаузен, 1884, с. 231, 235). В числе рабов, продаваемых в Каффе, упоминаются невольники из Болгара и Руси (Еманов, 1995, с. 130). Численность продаваемых ежегодно рабов шла на тысячи, а оборот составлял миллионы дирхемов.

Монеты с территории Западной Европы немногочисленны. Единичными находками представлены золотые монеты Египта, Венеции, Флоренции (Фёдоров-Давыдов, 1998, с. 44; Недашковский, 2008, с. 44). Встречены также серебряные и медные монеты из Трапезунда, Византийской империи, Галицкой (Червонной) Руси, Мейсена (Фёдоров-Давыдов, 1998, с. 44; Недашковский, 2008, с. 44). Значительно больше встречено монет из Хулагуидского Ирана, отмечены находки монет Джелаиридов, Музаффаридов, Чагатаидов, Тимуридов, Османидов, Исфендиаров. В качестве экзотики на территорию Золотой Орды попадали китайские монеты (Федоров-Давыдов, 1998, с. 50).

КЛАДЫ И ЕДИНИЧНЫЕ НАХОДКИ ДЖУЧИДСКИХ МОНЕТ В БОЛГАРСКОМ РЕГИОНЕ В XIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XV ВВ.

Памятники нумизматики являются одним из основных источников изучения истории Золотой Орды. Именно опубликованные материалы кладов и комплексов одиночных находок позволяют реконструировать политическую и экономическую жизнь этого средневекового государства. Опираясь на данные нумизматики, учёные смогли установить процессы возникновения, развития и затухания денежного обращения и монетного дела как всей Золотой Орды, так и отдельных историко-географических областей.

Монетный материал в виде кладов и комплексов монет постоянно встречается на территории крупнейших золотоордынских городищ: Селитренном, Царевском, Маджарском, Азакском, Болгарском и многих других. Клады, сложившиеся в определенный отрезок времени и с точной датой изъятия из обращения, дают возможность установить основные этапы развития денежного обращения и проследить в динамике особенности состава монетной массы на рынках для исторически сложившихся экономическо-географических зон (Фёдоров-Давыдов, 1960, с. 95).

Изучение монетного материала отдельных золотоордынских памятников началось с работ В.В. Григорьева (1850) и В.К. Савельева (1858). В дальнейшем были опубликованы материалы с Наровчатского и Селитренного городищ (Кротков, 1930), Болгарского городища (Янина, 1954–1962), Маджара (Ртвеладзе, 1971), Старого Крыма (Северова, 1990), Азова (Фомичев, 1998), Сарайчука (Аитова, Самашев, 1998), Городца (Лебедев, 1997), Селитренного (Клоков, Лебедев, 2000) и др.

В середине XX в. первую сводку находок кладов в Татарии составил известный казанский археолог Н.Ф. Калинин (1888–1959). В приложении к своей диссертации на соискание учёной степени доктора исторических наук он привёл список из 42 кладов XIII–XV вв., найденных в Татарстане, а также в соседних регионах – Марийской и Удмуртской республиках и в Ульяновской области.

Основную работу по составлению обобщающей сводки находок кладов и отдельных монет на территории Советского Союза выполнил Г.А. Фёдоров-Давыдов (1960, 1963, 1974, 2003). В XXI веке эту работу продолжил А.В. Пачкалов (2002, 2004).

Кроме публикации кладов, историки и нумизматы обращались к материалам сборов с различных археологических памятников. Нумизматический материал из Татарстана постоянно упоминается в археологических отчётах и статьях А.П. Смирнова (Болгарское городище), Е.П. Казакова (Семёновский остров), Т.А. Хлебниковой (Джукетау – Чистополь), Е.А. Беговатова (памятники с берегов Волги), Р.Г. Фахрутдинова (Иски-Казань), К.А. Руденко (Мурзихинское селище, Чакма) и Д.Г. Мухаметшина (округа Болгара).

Научному изучению джучидских монет конкретно с Болгарского городища были посвящены статьи С.А. Яниной (1954, 1958, 1960, 1962). Значительный фактический материал, выявленный в Болгаре и на других археологических памятниках Татарстана, издан в работах Д.Г. Мухаметшина (Болгарское городище – назовём работы 1999, 2006, 2016 гг., статьи 2009 г. про Джукетау, 2011 г. про Торецкое поселение и 2012 г. про клады Тетюшской округи). На территории Болгарского городища и в пригородах до 2012 г. было выявлено 18 кладов XIV в. (Мухаметшин, 2012, с. 197). На одном только CLXXIX раскопе, по подсчётам Джамиля Габдрахимовича, в результате работ 2012–2016 гг. было выявлено пять кладов (Мухаметшин, 2018). Большое количество монетных комплексов опубликовано стараниями нижегородского нумизмата В.П. Лебедева, который исследовал и издал не только нижневолжские археологические памятники (Селитренное, 2000; Водянское, 2000; Сарай, 2001; Бельджамен, 2002; Никольское, 2004; Потодеевское, 2004; Терновка, 2004; Маджар, 2005 и 2008), но и находящиеся на территории Средней Волги (Шиловка, 2013; Джукетау, 2008).

Находкам джучидских монет в виде кладов и комплесов из Татарстана, в основном XIII в. и XV в., посвящены статьи А.И. Бугарчева (Лебедев и др., 2008; Бугарчев, Степанов, 2011; Трушин, Бугарчев, 2013; Бугарчев, Руденко, 2013; Степа-

Рис. 1. Булгарские монеты 1230-х – 1260-х гг. Серебро: 1 – С именем ан-Насира, о.с. – «Жизнь есть час. Употребляй её на дела благочестия»; 2 – Как №1, особый почерк; 3 – С именем ан-Насира, о.с. «Динар. Чекан казны Болгарской»; 4 – Л.с. «Жизнь есть час…», о.с. «Динар. Чекан казны Болгарской»; 5 – С именем ан-Насира, о.с. «Динар, чекан Булгара»; 6 – Как №5, другой почерк. Изображения монет взяты из фотоархива авторов.

нов, Бугарчев, 2014; Лебедев, Бугарчев, 2015; Руденко, Бугарчев, 2015; Бугарчев, 2016; Бугарчев, 2017; Бугарчев, Емельянов, 2018; Бугарчев, Пахомова, 2018; Бугарчев, 2019; Бугарчев и др., 2020; Бугарчев, Купцов, 2021; и др.).

О монетном обращении и денежной системе XV в. была написана обзорная статья Р.М. Валеева (Валеев, 2014, с. 431–439).

Новосибирский нумизмат Р.Ю. Рева на основе нумизматических и письменных источников разобрал непростые генеалогические связи джучидских ханов, как правивших, так и претендовавших на правление государством в первой половине XV в. (Рева, 2011; 2013; 2016; и др.). На его работы мы опирались, публикуя болгарские монеты второй половины XIII в. и первой трети XV в.

На основе обобщающих работ А.Г. Мухамадиева (1983), Г.А. Фёдорова-Давыдова (1987, 2003) и А.З. Сингатуллиной (2009) была предложена периодизация джучидского денежного обращения, которая выполнена П.Н. Петровым (2016). Схемы последнего мы будем придерживаться в данной работе.

Топография находок кладов очень важна и позволяет нам увидеть географический центр концентрации сокровищ в Средневолжском регионе. Однако не менее важным является изучение находок единичных, некладовых монет. В наиболее полном виде топография находок джучидских монет была собрана в работе Г.А. Фёдорова-Давыдова (1963). Эта тема была им продолжена в статьях 1974 г. и 1987 г. (Фёдоров-Давыдов, 1974; 1987).

Единичные находки джучидских монет на территории Волжской Болгарии стал фиксировать казанский коллекционер, археолог и нумизмат А.Ф. Лихачёв. В его рукописном каталоге[1] при описании монет личной коллекции иногда встречаются ремарки: «Найдено в Болгаре», «Привезёно из Билярска» и т. п. (Лихачёв). В книге академика Н.П. Лихачёва при анализе некоторых болгарских дирхамов также есть указания на то, что они были найдены в Болгаре (Лихачёв Н., 2014, с. 124, 127). Известным казанским коллекционером был профессор Казанского университета Н.Ф. Катанов. К 1920 г. в его коллекции насчитывалось 954 серебряных и 317 медных монет. Коллекция «состояла преимущественно из золотоордынских монет из Болгарского городища» (Руденко, 2014, с. 350).

Со второй половины XX в. в Татарстане стали проводится систематические археологические работы, в результате которых появилось много информации о некладовых монетных находках. В XXI в. издано большое количество работ по топографии находок джучидских некладовых монет с различных археологических памятников Среднего Поволжья.

В данной статье весь нумизматический фонд будет рассмотрен отдельно по кладам и по единичным находкам серебряных и медных монет.

Рассмотрим нумизматический материал согласно схеме П.Н. Петрова (Петров, 2016, с. 619–631).

Первый этап – монетное дело и денежное обращение в Улусе Джучидов в составе Великой Монгольской империи (начало XIII в. – 1266/1267 г).

[1] Хранится в Отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского университета, № 183.

Рис. 2. Болгарские монеты 1230-х – 1260-х гг. Серебро (1–2) и медь (3–5): 1 – Каан Мунке, Болгар; 2 – Каан Арыг-Буга, Болгар; 3 – Медный динар с именем ан-Насира, «архаичный» вариант; 4 – Медный динар с именем ан-Насира; 5– Медный динар ан-Насира, перечеканенный штемпелем с именем Мунке. Изображения монет взяты из фотоархива авторов.

Второй этап – Болгарский регион Золотой Орды в 1266/1267 – 20-е гг. XIV в.

Третий этап – период расцвета – 20-е гг. XIV в. до второй половины 1360-х гг.

Четвёртый этап – со второй половины 1360-х гг. до начала правления Токтамыша (781/1379–1380).

Пятый этап – с начала правления Токтамыша, с 782/1380–1381 г. до начала XV в.

Шестой этап – с начала XV в., с реформы Шадибека, до 40-х гг. XV в.

Первый этап – начало XIII в. – 1266/1267 г. (665 г. х.).

После завоевания монголами в 1236 г. территория Волжской Болгарии вошла в состав Монгольской империи. В Болгаре начали чеканиться серебряные и медные динары от имени покойного багдадского халифа ан-Насир ли-дин Аллаха (умер в 1225 г.) и монеты с именами монгольских каанов Мунке (Менгу) и Арыг-Буги. Болгар становится одним из центров золотоордынской монетной чеканки. Судя по легендам на монетах, название монетного двора Болгар употреблялось до 40-х гг. XIV в.

Впервые клад, состоявший из болгарских монет XIII в., был издан в 1889 г. известным казанским нумизматом А.Ф. Лихачёвым (Лихачёв, 1889). Клад был найден в 1887 г. и содержал серебряные динары с именем халифа ан-Насира. В последующие годы было издано ещё несколько кладов: клад из 14 серебряных слитков и 1000 монет (Лихачёв, 1891), через сто лет этот клад был заново опубликован А.З. Сингатуллиной (Сингатуллина, 1987); изданные в 1972 г. два клада из Болгара получили названия I и II Болгарские (Федоров-Давыдов, 1972). Позднее были опубликованы Альменевский, III Болгарский и Бурундуковский клады (Сингатуллина, 1985; Федоров-Давыдов, 1986; он же, 1991). На сегодняшний день известно о 143 кладах монет XIII – первой трети XV в.

В первой половине XIII в., после более чем двухвекового перерыва, на территории Среднего Поволжья возобновилась монетная чеканка. Новые монеты не несли имени эмитента и дату выпуска – на них было проставлено теофорное имя багдадского халифа ан-Насир ли-дин Аллаха, умершего в 1225 г., и указание монетного двора – Болгар. Данные монеты начали выпускаться, по нашим представлениям, с конца 1230-х гг. В это время в регионе чеканились серебряные динары трёх разных типов:

– с легендой оборотной стороны «Жизнь есть час. Употребляй её на дела благочестия»;

– с легендой оборотной стороны «Динар. Бито казной Болгарской»;

– с легендой оборотной стороны «Динар чекан Булгара». На лицевой стороне у всех типов бол-

гарских динаров помещалась следующая легенда – «ан-Насир ли-дин Аллах повелитель правоверных». На медных динарах 1230–1240-х гг. встречаются легенды первого и последнего типов серебряных монет.

Чеканка монет с именем ан-Насира продолжалась как минимум до 1251 г., когда в Монгольской империи к власти пришёл каан Мунке, сын Тулуя, внук Чингизхана. С этого времени на монетном дворе Болгар стали выпускаться серебряные монеты с именем нового каана и его тамгой. Медные монеты Мунке – это перечеканенные динары ан-Насира. «Серебро» и «медь» с именем Мунке чеканились примерно до 1259 г. – года смерти каана.

Приведём список кладов первого этапа с монетами ан-Насира, Мунке и Арыг-Буги[2].

1) (1) Казанская губерния, 1862 г. Состоял из монет с именем ан-Насира. Сокрыт в конце 1240-х – начале 1250-х гг.;

2) (2) Болгар, 1887 г. 104 монеты с именем ан-Насира. Сокрыт в конце 1240-х – начале 1250-х гг. (Фёдоров-Давыдов, 1960, № 7).

3) (3) Болгар, 1878 г. 23 монеты Мунке. Сокрыто во второй половине 1250-х гг. (Фёдоров-Давыдов, 1960, № 5).

4) (4) Алексеевский р-н РТ, окрестности с. Степная Шентала, 2012 г. Всего около 660 монеты с именами ан-Насира, Мунке и Арыг-Буги. Сокрыто в начале 1260-х гг.;

5) (5) Бурундуки, Кайбицкий р-н РТ, 1987 г. 906 монет с именами ан-Насира, Мунке и Арыг-Буги. Сокрыто в первой половине 1260-х гг.;

6) (8) Болгар, 1874 г. 98 монет Мунке и Арыг-Буги. Сокрыто в первой половине 1260-х гг. (Фёдоров-Давыдов, 1960, № 3).

7) Болгар (г. Болгар, ул. Назаровых), 1993 г. Клад из 15 монет – три с именем Мунке и 12 с именем Арыг-Буги. Сокрыт в середине 1260-х гг.

8) (10) Сюкеево, Камско-Устьинский р-н РТ, 2011 г. Около 700 монет Мунке и Арыг-Буги. Сокрыто не ранее 1266 г.;

9) Гурьевка, Алексеевский р-н РТ, 2015 г. 10 монет Мунке и Арыг-Буги. Сокрыто в середине 1260-х гг.

Половина из кладов имперского времени с именными монетами как халифа ан-Насир ли-дин Аллаха, так и каанов Мунке и Арыг-Буги найдены в Болгаре или в ближайшей окрестности. Это клады № 2, 3, 6 и 7. На другом берегу Волги, почти напротив Болгара, был обнаружен клад № 8. Два клада найдены восточнее Болгара, на территории Алексеевского района РТ – № 4 и № 9; северо-западнее, на территории Кайбицкого района РТ – № 5.

Можно сделать вывод о небольшой территории распространения кладов второй трети XIII в. Они концентрируются в юго-западной части современного Татарстана, где однозначно фиксируется экономический центр региона того времени – город Болгар.

Гораздо меньше информации о кладах «меди». Известна находка клада крупных медных монет XIII в. (устный доклад сотрудника Института Востоковедения Е.Ю. Гончарова на III Золотоордынском Форуме 2013 г. в Казани). Клад был найден в начале 2000-х гг. в Спасском районе между сёлами Вожи и Измери и состоял примерно из 200 экземпляров, в том числе большого количества динаров «архаичного» типа. Доклад остался неизданным. Кроме этого, в публикации материалов из окрестностей села Старые Салманы (Алькеевский район) упоминаются два «столбика» слипшихся медных монет – из 6 и 5 экземпляров соответственно. При разделении оказалось, что они состояли из 9 динаров ан-Насира и двух монет Мунке. В статье делается вывод, что здесь можно говорить о кладе (Степанов и др., 2016, с. 36).

Единичные находки *серебряных динаров* с именем ан-Насира известны со значительно большей территории: *Ага-Базар* – 7 динаров; *Семёновские селища* (Спасский район РТ) – 1 динар; *городище Джукетау* (Чистопольский район РТ) – 2 динара; *Малополянское городище* (Чистопольский район РТ) – 7 динаров; *селище Чакма* (Лаишевский район РТ) – 1 динар; *д. Емельяново* (Лаишевский район РТ) – 1 динар; *с. Дубъязы* (Высокогорский район РТ) – 2 динара; *Иски-Казанский комплекс* (Высокогорский район РТ) – 4 динара; *комплекс «Кокрять – дер. Айбаши – озеро Вшивое»* (Ульяновская обл.) – 12 динаров (Бугарчев, 2019). Всего учтено 10 памятников (включая Болгарское городище).

Таким образом, география находок динаров ан-Насира распространяется с севера на юг от села Дубъязы до Болгарской округи (комплекс «Кокрять – озеро Вшивое»). Наблюдается довольно ограниченная область распространения серебряных монет первой половины XIII в. Это свидетельствует о том, что в начальный период, во время нахождения Болгарского региона в составе Монгольской империи, денежное обращение «серебра» концентрировалось в центральной части области.

Касаясь топографии находок монет с именами каанов Мунке и Арыг-Буги, можно отметить, что территория их находок простирается с севера от с. Дубъязы (Высокогорский р-н РТ) до Муранского селища Самарской области на юге. Перечислим места находок каанских дирхамов: *Танкеевка, Семёновский комплекс, Коминтерновское II селище, д. Бугровка, Мурзихинское, Тенишевское,*

[2] В скобках указаны номера кладов по: Бугарчев, Петров, 2018, с. 61–62.

Рис. 3. Монеты Менгу-Тимура 665–672 гг.х. (1266–1267 – 1273–1274 гг.): 1 – С/11, анонимная. Болгар; 2 – С/40, анонимная; 3 – С/43, анонимная. Болгар; 4 – С/47, анонимная. Болгар; 5 – С/49, анонимная; 6 – С/50, анонимная. Изображения монет С/11, С/47 и С/49 взяты из базы данных ZENO, С/40 – из статьи А.Н. Нисифорова (2016), остальные – из фотоархива авторов.

Тиган-Булякское и Гурьевские селища, Джукетау, Горкинский комплекс, Малополянское городище, урочище Чакма, Рождественский комплекс, Аксубаевское городище, Новомокшинский комплекс, с. Дубъязы, Иски-Казанский комплекс, Казанский Кремль, Старонохратский комплекс, Нижне-Качеевские селища, Кокрять – оз. Вшивое, округа г. Сенгилей, с. Шигоны. Здесь перечислены 23 археологических памятника Болгарского региона, не считая самого Болгарского городища. Данный перечень свидетельствует о широком распространении серебряного денежного обращения после 1251 г.

По материалам кладов были установлены весовые границы имперских серебряных монет. Динары с именем ан-Насира начали выпускаться со средним весом 1,92 г (по типологии А.З. Сингатуллиной[3] – это С/3–С/4). Их сменили монеты С/1, чеканившиеся со средним весом 1,85 г. Затем выпускались динары С/5, средний вес 1,56 г (Бугарчев, Петров, 2018, с. 120).

После 1251 г. и до 1266 г., когда в регионе стали чеканиться монеты с именами монгольских каанов Мунке и Арыг-Буги, вес «серебра» понизился с 1,20 до 0,44–0,42 г (Бугарчев, Петров, 2018, с. 122–123).

В отличие от серебряных монет, которые являлись полноценными деньгами, у медных монет был принудительный характер обращения. Поэтому они не принимались в уплату налогов и пошлин, не обменивались на «серебро». Имея низкую покупательную способность, «медяки» применялись для обслуживания сферы мелкорозничной торговли, для купли-продажи повседневных товаров (Петров, 2016, с. 618).

По материалам из фондов Болгарского музея-заповедника (далее – БГИАМЗ) известно о 684 медных монетах ан-Насира и Мунке (456 и 228 соответственно), найденных в раскопах и как подъёмный материал с Болгарского городища. Эти монеты поступили в музей в период с 1970 до 2011 г. (Бугарчев, Фёдорова, 2015, с. 66–77). Однако нумизматические находки в Болгаре начали фиксироваться гораздо раньше, с начала работы Куйбышевской археологической экспедиции в 1946 г. В работах С.А. Яниной указано общее количество найденных на городище медных монет ан-Насира и Мунке – 98 экземпляров (с именем ан-Насира – 65, Мунке – 33). Сейчас они хранятся в ГИМе (Москва). Другой комплекс из 226 динаров с именем ан-Насира и 137 монет Мунке хра-

[3] Типология болгарских серебряных монет приводится по: Сингатуллина, 2003, с. 70–121, 132–151.

нится в Институте археологии им. А.Х. Халикова АН РТ[4].

Топография находок *медных динаров* с именами ан-Насира и Мунке свидетельствует том, что данные монеты происходят прежде всего с памятников Болгарской округи: *Ага-Базар* – 31 медный динар ан-Насира, 10 монет Мунке (Бугарчев, Пахомова, 2018, с. 277–279); *Трощаное селище* – 8 динаров ан-Насира, 2 монеты Мунке (Мухаметшин И., 2008, с. 25); *Танкеевский комплекс* – 6 динаров ан-Насира (фонды БГИАМЗ; находка одного экземпляра ан-Насира учтена в отчёте А.Е. Кожевина; Кожевин, 2003); *Малиновское селище* – 1 динар (Беговатов, Пачкалов, 2013); *Балымерский комплекс* – 5 медных динаров (Валиев, Степанов, 2021, с. 38); *Маклашеевский комплекс* – 4 монеты имперского периода.

На *Старокуйбышевском IV селище* было обнаружено 47 медных монет ан-Насира и Мунке. Кроме этого, Е.П. Казаков отмечал здесь находки динаров ан-Насира. Большое количество монет XIII – начала XIV в. найдено на *Семёновском острове*, в том числе имперского периода, – 101 экземпляр. Известно, что и ранее на *Семёновском I могильнике* находили динары с именем ан-Насира.

В непосредственной близости от Семёновских селищ расположено *Коминтерновские городище и селище*. Отсюда происходят 8 медных монет ан-Насира и Мунке. Кроме этого, в литературе упоминаются золотоордынские монеты (без типологизации), обнаруженные на городище II, селищах I, II и III (Свод, 2007, № 2845, 2846, 2847, 2848).

Севернее и восточнее от Болгара, в Алькеевском и Алексеевском районах РТ, монеты Насира и Мунке обнаружены на *Гурьевском селище* (28 шт.; Бугарчев, 2020, с. 256–257), *Сахаровском селище* (7 шт.), *Горкинском комплексе* (15 шт.), *Старо-Салмановском комплексе (35 шт.)*, в окрестностях *д. Старый Нохрат* (149 шт.), на *Базарно-Матакском селище* (9 шт.), из *пос. Николаевка* (10 шт.), в *Нижнем Биктимирово* (3 шт., хранятся в краеведческом музее села Базарные Матаки).

Одним из крупнейших центров Улуса Джучидов в XIII–XIV вв. было *городище Джукетау*. Нумизматический материал с этого памятника неоднократно публиковался. Суммарно находки монет выглядят так: имперский период: «серебро» – 7 экземпляров, «медь» – 72 динара. Можно привести цитату из статьи Г.А. Фёдорова-Давыдова: «Дж. Банзаров купил 300 медных болгарских монет (очевидно, джучидских), собранных секретарем местного земского суда» (Фёдоров-Давыдов, 1963, с. 202, № 466). Данный сбор не сохранился для науки, однако можно допустить, что среди указанного числа могли быть и эмиссии середины XIII в. При посещении *дер. Донауровки* в 1889 г. П.А. Пономарев собрал 11 монет, в том числе одну с именем Мунке (1251–1259, металл не указан) (Пономарев, 1892, с. 479).

В непосредственной близости от Джукетау находятся *деревня Змеево* (в окрестностях которой было найдено около 20 экземпляров «меди» ан-Насира и Мунке) и *деревня Малая Полянка*, где найдено 30 монет имперского времени.

К западу от Джукетау находится *Мурзихинское I селище*. На нём было найдено 19 имперских монет – 2 серебряных и 17 медных (археологические работы К.А. Руденко). Ранее на этом памятнике уже фиксировался нумизматический материал (Казаков и др., 1993, с. 64; Беговатов, Пачкалов, 2007, с. 82).

Крупными региональными центрами в раннезолотоордынский период были *урочище Чакма и Лаишевские селища*. Опубликованы находки монет с этих памятников: имперского времени – 88 экземпляров (из них 10 серебряных и 78 медных) (Бугарчев, Руденко, 2013). Недалеко от современного г. Лаишево расположен *Рождественский комплекс*, где обнаружено 2 серебряные и 2 медные монеты (по одному динару Насира и Мунке; Шигапов, 2006, с. 199). Рядом с Рождествено, в *деревне Дятлово* обнаружены медный динар ан-Насира и серебряная болгарская фракция XIII – начала XIV в. (Бугарчев, Павлов, 2022, с. 65).

В Аксубаевском районе, около *дер. Новое Мокшино* в 2002 г. были найдены две серебряные монеты с именем ан-Насира монетного двора «Учкенд» (Рева, 2021, с. 62).

Самым северным археологическим объектом с монетами XIII – начала XIV в. является *Иски-Казанский археологический комплекс*. Здесь обнаружено 13 серебряных и 95 медных монет имперского времени (Бугарчев, Степанов, 2021, с. 13–16; Бугарчев и др., 2021, с. 59–63). В «Материалах археологических раскопок…» Н.Ф. Калинин приводит прорисовку медного динара ан-Насира из Урматского селища (Калинин, 1956; 1957).

В *селе Дубъязы* (Высокогорский р-н РТ) найдено 60 медных динаров, в *селе Венета (Арский район)* – 4 экземпляра.

В Сабинском районе, на территории *Сатышского поселения, Тумша-Сабинского селища и Утернясьского городища* зафиксированы медные монеты имперского времени (7 экземпляров) и раннезолотоордынского периодов – 2 пула (всего 9 монет), а также 2 пула XIV в. (731 и 762 гг. х.) (Бурханов, 2022, с. 39; Бурханов, Измайлов, 1999, с. 135–138).

[4] Монеты собраны в 2010 г., очищены, атрибутированы и систематизированы в 2016 г. Д.Г. Мухаметшиным.

Рис. 4. Монеты Менгу-Тимура 665-672 гг. х. (1266–1267 – 1273–1274 гг.): 1 – С/64, с титулом «ан-Насир лидин». Болгар; 2 – С/74, анэпиграфная; 3 – С/205, анонимная; 4 – С/215, анонимная. Керман; 5 – С/216, анонимная. Биляр; 6 – С/218, анонимная. Биляр. Изображения монет взяты из фотоархива авторов.

Находки болгарских монет зафиксированы в районах, расположенных южнее Болгара – рядом с *Кокрятским городищем*, *у озера Вшивое и дер. Айбаши* (Старомайнский район Ульяновской обл.): с именем ан-Насира – 3 экз., Мунке – 1 экз.

На других памятниках Ульяновской области обнаружены следующие находки: в округе *с. Старая Майна* 25 медных динара ан-Насира и Мунке; с *Шиловки* – 7 медных динаров (Лебедев, 2013; Трушин, Бугарчев, 2013).

На *Увекском городище* в Саратовской обл. были найдены 1 серебряная и 3 медные монеты Мунке.

Самыми южными точками, где были обнаружены болгарские монеты, являются *Муранское селище* в Самарской области, *Юловское городище* в Пензенской области и Царевское городище в Волгоградской области. С Муранского селища известно о находках 14 медных динаров, на Юловском городище найдено 3 экземпляра ан-Насира (Лебедев, Васин, 2009). На Царевском поднято два динара ан-Насира (Археологический музей Казанского университета, Ц 61, № 24; Янина, 1970, с. 197). Единичные монеты найдены в Удмуртии (динар ан-Насира с *Куреговского I селища*; сообщение в личном письме от 22.01.2022 к.и.н. А.Г. Иванова, Ижевск) и в Пермском крае, с *Рождественского комплекса* (медный ан-Насира и серебряный Мунке; Вильданов, 2008).

Болгарское медное обращение имело свою специфику. А.Г. Мухамадиев считал, что крупные медные монеты с именем ан-Насира являлись первыми эмиссиями монетного двора Болгар, осуществлёнными ещё при жизни халифа, т. е. в 1180–1225 гг. (Мухамадиев, 1983, с. 35).

Аргументированно говорить, существовала ли болгарская чеканка до монгольского нашествия невозможно, так как на болгарских монетах первой половины XIII в., как серебряных, так и медных, нет года выпуска. Можно говорить только о времени прекращении чеканки монет с именем ан-Насира – это произошло после 1251 г. (648 г. х.), когда кааном был провозглашён Мунке.

Таким образом, 1251 г. – это точка отсчёта, когда прекратилась чеканка (но не обращение) серебряных и медных динаров с именем ан-Насира. Считая 1251 г. своеобразным репером как в выпуске монет ан-Насира, так и в чеканке монет Мунке, можно проследить за сменой весовых стандартов и типов медных монет.

Первые медные динары так называемого «архаичного» типа выпускались с конца 1230 х гг. с весом от 3,22 до 9,36 г (средний вес 6,0 г). На сегодняшний день нами зафиксировано 84 экземпляра (Бугарчев, 2021, с. 155–157).

Позднее, скорее всего в 1240-х гг., в Болгарском регионе произошла смена весового стандарта «меди» ан-Насира. В большом количестве стали выпускаться монеты с весом 3,1–3,3 г (хотя встречаются единичные экземпляры весом 5 г и более). По мнению А.Г. Мухамадиева, новые монеты весили вдвое легче, чем предыдущие, основная масса их весила от 2 до 3,88 г, и чеканились они

Рис. 5. Монеты Менгу-Тимура 672–681 гг.х. (1273–1274 – 1282–1283 гг.): 1 – С/13, Менгу-Тимур, Болгар, 673 г.х. (1274-1275 г.); 2 – С/17, анонимная, Болгар, 673 г.х.; 3 – С/19, Менгу-Тимур, Болгар, 678 г.х. (1279-1280 г.); 4 – С 21, Менгу-Тимур, Болгар, 677 г.х. (1278-1279 г.); 5 – С/23, Менгу-Тимур, без МД, 671 г.х. (1272-1273 г.); 6 – С/29, Менгу-Тимур, Болгар. Изображение монеты С/23 взято из базы данных ZENO, остальные из фотоархива авторов

«средним весом 3,55 г, т. е. по стопе 120 монет на фунт весом 426 г» (Мухамадиев, 1983, с. 35). А.З. Сингатуллина приводит другую цифру: «Большинство медных монет имеет вес около 2,0–2,5 г» (Сингатуллина, 1985, с. 10[5]). Легенды лицевой и оборотной сторон не изменились, но изменилось оформление поля монеты – исчез орнамент с лицевой стороны и изменился почерк легенд.

Все болгарские медные монеты с именем ан-Насира были отчеканены за сравнительно небольшой промежуток времени – примерно с конца 1230-х гг. до 1251 г. В подавляющем большинстве монеты Мунке являются перечеканенными ан-насировскими динарами. Можно констатировать, что в середине XIII в. они были востребованы среди населения, на местных рынках, что свидетельствует о высоком уровне товарно-денежных отношений в Среднем Поволжье.

Второй этап – 1266/1267–1330 г.

После смерти каана Мунке в 1259 г. в борьбе за престол сошлись два брата – Хубилай и Арыг-Буга.

Победив Арыг-Бугу в ряде сражений, «Хубилай, сохранив брату жизнь, около двух лет позволял ему пользоваться прежними правами и привилегиями, хотя и держал его под особым надзором» (Далай, 1983, с. 37). Арыг-Буга умер в 664 г. х. (13 октября 1265 г. – 1 октября 1266 г). Скорее всего, болгарский чекан от имени Арыг-Буги не закончился с его пленением, а продолжался до его смерти – до 1266 г. В 665 г. х. (1266–1267) умер правитель Улуса Джучидов Берке. Менгу-Тимур объявил себя правителем независимого Улуса, который мы сейчас называем Золотой Ордой. В Хорезме и Крыму он выпустил монеты со своей тамгой и с датой 665. В Болгарском регионе с 665 г. х. также начали чеканиться серебряные и медные монеты с «двуногой» тамгой нового хана. В период 665–670/1266–1267 – 1272 гг. все эмиссии выпускались без имени хана. Первые датированные дирхамы с именем Менгу-Тимура появились в Среднем Поволжье после 1269 г., после проведения Таласского курултая, который узаконил фактический распад Монгольской империи (Валеев Р.М., 2011, с. 51).

Клады второго этапа – 1266/1267–1330 гг.

1. (6) Ржавец, Спасский район РТ, 2004 (?) г. Около 610 монет с именами ан-Насира, Мунке, Арыг-Буги, и анонимные времени Менгу-Тимура. Сокрыт не ранее 1266 г.

2. (7) Никитино, Карсунский уезд (ныне Сурский район Ульяновской обл.), 1850 г. Найдено полтора фунта (около 600 г) серебряных монет,

[5] Нами было установлено четыре понижения расчётного веса болгарской «меди»: 3,1 – 2,7 – 2,2 – 1,6 г (Бугарчев, 2021, с. 127).

сохранилось 6 экземпляров Мунке и Арыг-Буги. В кладе была также одна монета с именем и тамгой Менгу-Тимура. Сокрыт в середине 1260-х гг. (Фёдоров-Давыдов, 1960, № 2).

3. (11) Болгар, 1876 г. Около 1000 монет Мунке и Арыг-Буги, три монеты Менгу-Тимура и 14 серебряных слитков. Сокрыт в середине 1260-х гг. (Фёдоров-Давыдов, 1960, № 4).

4. (12) Болгар (Болгарское городище, раскоп XXXVIII), 1971 г. 11 монет с именем ан-Насира и тамгой Менгу-Тимура. Сокрыт во второй половине 1260-х гг.

5. (13) Болгар, 1880 г. Клад серебряных монет, сохранилось 3 анонимных экземпляра. Сокрыт во второй половине 1260-х гг. (Фёдоров-Давыдов, 1960, № 6).

6. (14) Лаишевский район РТ. Год находки – 2014 г., 313 монет с именем ан-Насира, Мунке и Арыг-Буги, анонимные монеты времени Менгу-Тимура. Сокрыт до 1273 г.

7. Кайбицкий район, около 2010 г. 815 монет с именами ан-Насира, Мунке, Арыг-Буги и монеты с тамгой Менгу-Тимура. Сокрыт в конце 1260 – начале 1270-х гг.

8. Лаишевский район РТ, 2015 г. 6 анонимных монет с тамгой Менгу-Тимура. Сокрыт до 1273 г.

9. (15) Балымеры, Спасский район РТ, начало 1990-х гг. 45 анонимных и анэпиграфных монет времени Менгу-Тимура. Сокрыт до 1274 г.

10. (16) Альменево, Козловский район Чувашии, 1938 г. 216 монет Менгу-Тимура и анонимных с его тамгой. Сокрыт в 1274 г. (Фёдоров-Давыдов, 1960, № 9).

11. (17) Спасский район РТ, 2009 г. 124 монеты Менгу-Тимура и анонимных. Сокрыт в 1277 г.

12. (18) Пос. Приволжский, Болгар, 1967 г. («I Болгарский»), 40 анонимных и анэпиграфных монет, сохранилось 27 экземпляров. Сокрыт не позднее 1282 г.

13. (19) Северная часть Ульяновской области, около 2010 г. 9 анонимных монет времени Менгу-Тимура. Сокрыт до 1273 г.

14. (20) Республика Татарстан, 2006 г. Около 290 монет: с именем Менгу-Тимура, анонимные и анэпиграфные. Сокрыт в 1270-е гг.

15. (21) Южные районы РТ, 2010 г. Примерно 160 монет, в основном Менгу-Тимура. Сокрыт в конце 1270-х гг.

16. (22) Болгар, 1980 г. («III Болгарский»; Болгарское городище, раскоп LXXIII). 121 монета Менгу-Тимура, а также анонимные и анэпиграфные. Сокрыт в 1281–1282 гг.

17. Пос. Приволжский. Спасский район, 2010-е гг. Клад из 16 дирхамов Туда-Менгу. Сокрыт во второй половине 1280-х гг. (Бугарчев, Степанов, 2022, с. 288).

18. (23) Кокрять, Старомайнский район, Ульяновская область, 2011 г. 281 монета Менгу-Тимура, Туда-Менгу, а также анонимные и анэпиграфные. Сокрыт после 1289 и до 1291 г.

19. (24) Республика Татарстан, место находки неизвестно, 2015 г. 29 монет, из них 28 анонимных и одна анэпиграфная. Сокрыт в начале 1290-х гг.

20. (25) Республика Татарстан, 2009 г. (с. Балымеры). Примерно 2000 серебряных монет с именами Менгу-Тимура, Туда-Менгу, анонимных и анэпиграфных. Сокрыт не ранее 1293 г.

21. (26) Свияжский уезд, Казанская губерния (ныне Зеленодольский район РТ), 1889 г. От клада сохранилось 15 монет Туда-Менгу и анонимных. Сокрыт не ранее 1287 г. (Фёдоров-Давыдов, 1960, № 8).

22. (27) Север Ульяновской области, 1999–2000 гг. 17 анонимных монет. Сокрыт в середине 1290-х гг.

23. (28) Болгар (Болгарское городище, раскоп CLXXIX), 2013 г. 47 монет – одна анонимная и 46 анэпиграфных. Сокрыт в конце XIII в.

24. (22 А) Салманы, Алькеевский район РТ, 2017 г. 15 дирхамов периода 673–685 гг. х. с именами Менгу-Тимура и Туда-Менгу. Сокрыт в середине 1280-х гг.

25. (29) Болгар, 1967 г. («II Болгарский»). 108 анонимных и анэпиграфных монет. Сокрыт в начале XIV в.

26. (30) Дятлово, Лаишевский район РТ, до 2010 г. 7 анэпиграфных монет. Сокрыт в первой четверти XIV в.

27. (31) Окрестности Болгара, 1999 г. Около 50 анэпиграфных монет. Сокрыт в первой половине правления Узбека, в интервале 1313–1327 гг.

28. (32) Окрестности Болгара, 2014 г. Около 60 анонимных и анэпиграфных монет. Сокрыт в начале 1320-х гг.

29. (33) Д. Шмелёвка, Старомайнский район, Ульяновская область, 2013 г. 21 анэпиграфная монета. Сокрыт в первой четверти XIV в.

30. (34) Болгар (Болгарское городище, раскоп CCIII), 2015 г. 98 анонимных и анэпиграфных дирхамов и фракций. Сокрыт в первой четверти XIV в.

31. (28 А) Болгар (Болгарское городище, раскоп CXCII), 2013–2016 гг. 10 анонимных дирхамов из квадрата 75. Сокрыт в конце 1320-х гг. (в печати).

32. (35) Барскоенорускинское городище, Аксубаевский район РТ, 2001 г. 16 монет Узбека, анонимных и анэпиграфных. Сокрыт в 1330–1331 г.

33. (29 А) Северная часть Ульяновской области, 2019 г. Около 70 анонимных и анэпиграфных дирхамов периода с 1290-х до 1320-х гг. Сокрыт в конце 1320-х гг.

Очевидно, что на втором этапе монеты имперского периода были изъяты из обращения.

Рис. 6. Монеты Менгу-Тимура 672–681 гг.х. (1273–1274 – 1282–1283 гг.): 1 – С/36, Менгу-Тимур, символ веры; 2 – С/37, Менгу-Тимур, без МД и года; 3 – С/75, анонимная (две рыбы); 4 – С/79, анонимная (лебедь); 5 – С/152, анонимная, легенды не прочитаны; 6 – С/214, анонимная?, легенды не прочитаны.
Изображения монет взяты из фотоархива авторов.

Топографические особенности распределения кладов для второго этапа фактически сохраняются: фиксируется тезаврация основной массы кладов в Болгаре и ближайшей округе. Несколько южнее, уже в Ульяновской обл., были найдены клады № 2, 13, 18, 22, 28. К северу от Болгара в Лаишевском районе РТ обнаружены клады № 6, 8 и 25. В северо-западном направлении – тоже два клада: № 21 (Свияжский уезд) и № 10 (Козловский район Чувашии). К югу от Болгара, в Аксубаевском р-не РТ, обнаружен клад № 30. Не установлены точные места находки у семи кладов, но известно, что все они были обнаружены или на территории Татарстана, или на севере Ульяновской области. Таким образом, основная часть кладов была обнаружена на территории южного Татарстана, соприкасающейся с северо-восточной частью Ульяновской области. Центр тезаврации кладов I и II этапов – это город Болгар и округа.

Подавляющее большинство мест единичных находок болгарских монет расположено на левобережье Волги. Прежде всего, необходимо назвать *Болгарское городище*. Здесь в XIII–XIV вв. находился монетный двор, который обеспечивал потребности рынка серебряной и медной продукцией.

В работах С.А. Яниной указано, что в 1946–1958 гг. на Болгарском городище было найдено 44 золотоордынских дирхама исследуемого периода. В археологических отчётах 1966–1969 гг. написано, что за это время было найдено 3 серебряных и 28 медных монет, а также 26 монет без указания металла (Бугарчев, 2018, с. 116–123). Из инвентарных книг № 1–11 БГИАМЗ следует, что на городище за 1970–2011 гг. было найдено 76 раннезолотоордынских дирхамов.

Среди археологических объектов Болгарской округи можно назвать следующие памятники:

Ага-Базар: золотоордынский период – 8 дирхамов и 7 пулов «тамга в треугольнике» (1320-х гг.), а также 2 серебряные монеты Укека;

Трощаное селище – 10 серебряных анонимных монет и 6 пулов «тамга в треугольнике»;

Танкеевский комплекс – 3 дирхама и 5 пулов;

Маклашеевский комплекс – 10 пулов;

село Красная Слобода – было обнаружено 7 дирхамов и фракций: одна монета с именем Мунке (1251–1259), 5 экземпляров периода правления Менгу-Тимура (1266–1282) и два дирхама Узбека, чеканенных в начале 1330-х гг. (Емельянов, 2020, с. 76–79).

На *Большеатрясском селище* найдено более 9 дирхамов и 4 пулов раннезолотоордынского времени, а также одна серебряная монета Укека. На *Старокуйбышевском IV селище* было обнаружено 6 дирхамов и 3 пула. На противоположном берегу Волги, в окрестностях *села Сюкеево*, найдены серебряные и медные монеты, в том числе с именем Мунке (без указания металла), а также «Берки-ха-

на, Менгу-Тимура-хана» и одна серебряная гривна весом 46 золотников (Соловьев, 1892, с. 451).

Большое количество монет XIII – начала XIV в. зафиксировано на *Семёновском острове*: 27 дирхамов, один медный экземпляр с именем ан-Насира и тамгой Менгу-Тимура (тип С/65), а также пулы «тамга в треугольнике» – 25 штук. В статье К.А. Руденко и Е.А. Беговатова упоминаются дирхамы Мунке (1251–1259), анонимный С/205, анэпиграфный С/195 (оба – второй половины XIII в.) и данг Бирдибека 1357–1358 г. (Руденко, Беговатов, 2016, с. 189–191).

В Алексеевском и Алькеевском районах РТ дирхамы раннезолотоордынского времени были обнаружены на *Сахаровском, Базарно-Матакском селищах и Горкинском, Старо-Салмановском комплексах и окрестностях дер. Старый Нохрат и пос. Николаевка*. В Алькеевском районе в разные годы были найдены следующие монеты: МД Болгар – С/17, С/64, С/69, С/73; МД Биляр – С/217, С/218 – 3 экз., С/219 – 2 экз., один ранее не изданный экземпляр, а также 30 анонимных и анэпиграфных дирхамов 1266–1320-х гг. (Нисифоров, 2015, с. 134; Нисифоров, 2016, с. 39–44). В окрестностях *дер. Старые Салманы* подняты следующие серебряные монеты: с именем ан-Насира, две фракции С/64, С/43, легковесная фракция С/52 с именем Туда-Менгу и дирхам Укека 707 г. х./1307–1308 г. (Емельянов, 2021, с. 69–70).

Значительный монетный материал обнаружен в *Джукетау* – 50 дирхамов и 57 пулов. Укажем на материал из округи Джукетау: *в деревне Змеево* – 21 пул «тамга в треугольнике», в *Малой Полянке* – 2 дирхама и пул 1330-х гг.

С *Гурьевского селища* известны находки 10 дирхамов и 3 пулов «тамга в треугольнике» (Бугарчев, 2020, с. 256–257). Шесть дирхамов и один пул «тамга в звезде» (1330-х гг.) обнаружены на *Мурзихинском I селище*, 56 монет Золотой Орды – 45 дирхамов и 11 пулов – в *урочище Чакма и на Лаишевском селище*. Три анонимные монеты найдены на *городище Биляр* (Фёдоров-Давыдов, 1963, с. 198).

В северной части Татарстана найдены: *в Иски-Казанском археологическом комплексе* – 23 дирхама и 9 болгарских и сарайских пулов, в окрестности *села Дубъязы* – 4 дирхама (Бугарчев, Степанов, 2021, с. 13–14, с. 21; Бугарчев и др., 2021, с. 59–60).

В статье Р.Г. Насырова перечислены следующие находки: *Татмайновское городище* – обломок саманидского дирхама 980-х гг., семь медных монет с именем ан-Насира, восемь медных монет Мунке, один дирхам Арыг-Буги и один дирхам 1287–1291 гг.; *Горкинское V селище* – саманидский дирхам 978 г., по одной монете ан-Насира, Мунке и Арыг-Буги, две монеты Менгу-Тимура (одна датирована 1275 г.) и одна монета Токты (металл не указан) (Насыров, 2016, с. 78–79).

В Ульяновской области на территории комплекса *«озеро Вшивое – д. Айбаши – Кокрятское городище»* было найдено 28 дирхамов. В *Шиловке* – 9 серебряных монет, в *Жедяевке* (раннезолотоордынский период) – 63 дирхама, чеканенных в период 1273–1313 гг. (Бугарчев, Купцов, 2020, с. 158–167). Возможно, здесь нужно говорить о кладе, а не о сборе единичных находок. На *Кременкинском поселении* обнаружено 8 дирхамов, на *Старорождественском городище и в Дурасовке* – по 2 монеты. В окрестностях *села Шигоны* (Самарская обл.) найдены: монета Арыг-Буги, анонимный дирхам С/123, анэпиграфный дирхам С/160 (Петров, Бугарчев, 2012, с. 155).

Увекское городище. В конце XIX в. П.А. Пономарев в два приёма приобрёл на Увеке 108 серебряных и 388 медных монет XIII–XIV вв., среди которых находились монеты Болгара (без указания года и количества). Монеты без указания металла найдены в 1885 г.: Болгар (с тамгой) – 1, Болгар – 5. Здесь же упомянута медная монета Мунке, Болгар – 1 (Фёдоров-Давыдов, 1963, с. 194–195). Серебро. Время Менгу-Тимура (Болгар, 673 г. х., тип?) – 2 экз.; время Узбека – 3 (Болгар ал-Махруса, «723», 732, 733 гг.). Медные: Мунке – 2, Болгар, анонимная, тип не указан – 1, «Тамга в звезде» – 28 (дословно написано так: «Булгар 734 г. х. – 4; город? 734 г. х. – 1, б. г. – 23»). Округа Укека – поселение Советское: Арыг-Буга – 1 (Недашковский, 2000). Медь, «тамга в звезде» – 1 (Пырсов, 2002, № 79). Серебро, С/174 (0,22) (Петров, Кубанкин, 2018, с. 87).

На *Муранском селище* (Самарская обл.) обнаружено 5 дирхамов и 8 пулов, в том числе 6 экземпляров «тамга в звезде» (1330-х гг.) (Фёдоров-Давыдов, 1963, с. 196).

Сенсационной можно считать находку в раскопе CLXXIX Болгарского городища анонимного пула с тамгой Менгу-Тимура. На участке «О», слой IV поздний, квадрат 158, на глубине 143 см была обнаружена медная монета по типу «Сингатуллина № 43–46». На лицевой стороне монеты помещена тамга, на оборотной стороне – легенда «чекан Булгара» и орнаменты. Серебряные монеты такого типа известны и хранятся в фондах ГИМ, НМ РТ, Болгарского заповедника. Медный аналог С/43 встречен впервые. Монета датируется начальным периодом правления Менгу-Тимура, т. е. второй половиной 1260-х гг.

В том же раскопе CLXXIX (участок «Г», квадрат 42, яма 20, глубина 277 см) был обнаружен железный предмет, определенный как монетный штемпель. Рисунок штемпеля представляет собой линейный и точечный картуш. Внутри картуша в

Рис. 7. Монеты 682–690 гг.х. (1283–1284 – 1291 гг.): 1 – С/31, Туда-Менгу, Болгар; 2 – С/32, Туда-Менгу, Болгар; 3 – С/51, Туда-Менгу, Болгар; 4 – С/54, Туда-Менгу, Болгар; 5 – С/55, Туда-Менгу, Болгар; 6 – С/56, анонимная, Болгар, 686 г.х. (1287–1288 г.). Изображения монет взяты из фотоархива авторов

линейном кругу квадрат из точек (?). Внутри квадрата, вероятно, был рисунок тамги Менгу-Тимура. В средине рисунок попорчен, вероятно, специально. По аналогиям можно говорить, что это штемпель был предназначен для чеканки серебряных анэпиграфных монет конца XIII в.

В раскопе ССХXXII Болгарского городища найдена монета с именем ан-Насира и с указанием места чекана Болгар (С/65 по монографии А.З. Сингатуллиной). Это первая медная монета собственно золотоордынского чекана Болгара. А.И. Бугарчев и П.Н. Петров, в отличие от Г.А. Федорова-Давыдова, А.Г. Мухамадиева и А.З. Сингатуллиной, датирующих монету этого типа 1290-ми годами, отмечают, что «есть основание датировать выпуск типа I серебряной и медной монеты временем начала правления Менгу-Тимура (примерно 665–671/1265–1272 гг.)». Основанием для такой датировки они считают своеобразное «архаичное» написание слова «Булгар» и типологическую аналогию в серебре (Бугарчев, Петров 2013, с. 224). Соглашаясь с этим мнением, нужно отметить близость в оформлении и стиле письма с монетами ан-Насир ли-дин Аллаха с указанием места чекана. Штемпеля этих монет вырезали одни и те же мастера. На монетах из Болгарского городища обнаружены три штемпельных разновидности этого типа монет, не связанные между собой.

Первый и второй этапы обращения золотоордынских монет топографически совпадают. Можно утверждать, что монеты болгарской чеканки не выходили за пределы определённой географической зоны Среднего Поволжья, которая может быть обозначена как региональная зона болгарского монетного обращения. Серебряные и медные монеты, чеканенные на монетных дворах Болгарского региона, обслуживали только местные рынки. Это явление известно как локальность денежного обращения, которая осуществлялась через повышенную переоценку стоимости серебряных монет и через определённую налоговую политику. И наоборот, обнаруженные в составе кладов и как отдельные находки монеты других монетных дворов (Крыма, Мохши, Сарая, Укека, Орду ал-Азам) мизерны в количественном отношении, что позволяют говорить о невыгодности их ввоза для обращения в регионе в указанное время (Петров, Бугарчев, 2012).

В конце 20-х гг. XIV в. в регионе стали выпускаться серебряные монеты новых типов. Если в последнее десятилетие XIII в. – первую четверть XIV в. на болгарских монетах не ставились ни имя эмитента, ни даты, то новые дирхамы несли имя правителя Золотой Орды – Узбек-хан, название монетного двора – Болгар, а позднее – Болгар ал-Махруса («Богоспасаемый, Богохранимый») с датами 728, 731, 732 и 733 гг. х. (1327–1328, 1330–

1331, 1331–1332 и 1332–1333 г. соответственно). Последний раз указание на монетный двор Болгар было помещено на монете в 740/1339–1340 г. После этого в течение 60 лет название монетного двора Болгар не появлялось.

В указанный период на монетных дворах Золотой Орды существовала практика свободной чеканки монеты: любой человек мог принести серебро в слитках или в ломе и заказать себе необходимое количество монеты нужного (нужных) номинала. Частные лица «получали с некоторого количества сданного металла строго определённое число монет установленных неизменных веса и пробы с удержанием какого-то определённого числа монет в пользу монетного двора как платы за работу и как взноса в казну...» (Федоров-Давыдов, 1987, с. 181).

Кто же определял легенды и изображения для другой, оборотной стороны этих монет? Подбор изображений был случайным явлением или процесс как-то регламентировался? Обилие изображений подсказывает, что заказчик работы, принесший на монетный двор драгоценный металл, мог влиять на работу резчика штемпелей в зависимости от своих вкусов и пристрастий, то есть мог заказывать монеты с нужным ему изображением. К такой мысли приводят исследования продукции болгарских монетных дворов.

Рассмотрев оформление болгарских монет, мы разделили их на отдельные блоки:

А) легенды на тюркском, арабском и персидском языках в арабской и уйгурской графике: 1) с инвокациями и сентенциями; 2) с благопожеланиями;

Б) с изображениями животных, птиц и рыб;

В) с изображением человека;

Г) с различными видами орнаментов и, возможно, цветов.

Рассмотрим блоки по отдельности.

Блок А. Дирхамы с легендами арабской графикой были исследованы в монографии А.З. Сингатуллиной (Сингатуллина, 2003, с. 43–44). Кратко можно повторить, что в болгарской чеканке на монетах присутствуют благопожелания «На счастье» и «Благословен будь». Есть нравоучительные сентенции «Жизнь есть час…» (динары с именем ан-Насира), «Честь, слава, благородство», «Истинность и отвага», «Умеренность заменяет богатство», «Благосклонность, успех, могущество», инвокации «Уповай на Аллаха», «Слава Аллаху», «Власть Аллаху», «Нет Бога кроме Аллаха, нет у Него сотоварища», отдельно – «Единого нет товарища Ему», «Он живой», «Аллах велик», «Слава вечная».

Блок Б. Монеты с изображениями животных, птиц и рыб.

Образам животных придавалось магическое и культовое значение. Использовались такие зооморфные образы, как зверино-астральные символы (зайцы, рыбы, собаки) и животные местной фауны (утка, гусь, журавль), которые могли связываться с представлениями о происхождении мира. Одним из самых распространённых образов, используемых на средневековых монетах, было изображение льва (Бугарчев, 2021, с. 145–159).

Блок Г. Очень популярными были различные орнаменты. Среди них можно выделить цветы: «роза» С/73, «астра» С/178, «ромашка» С/253, а также «лотос» С/164 – его изображение может быть связано с богиней Анахитой (Валеева-Сулейманова, 2006, с. 596).

Образы огня «трактуются в виде многолучевых знаков типа колеса, четырёх лучевых в форме креста, системы завитков, мотивов ромба и круга с точкой посередине» (Валеева-Сулейманова, 2006, с. 596). Всё это присутствует на анэпиграфных болгарских дирхамах.

В конце 1320-х гг. в регионе возобновилась чеканка пулов. Это были медные монеты «тамга в треугольнике». Несмотря на отсутствие места выпуска, все нумизматы, ранее изучавшие золотоордынскую «медь», относили этот пул к чеканке МД Болгар (Янина, 1960; Сингатуллина, 2003; Клоков, Лебедев, 2004; Бурковский, 2009). В то же время А.Г. Мухамадиев и Г.А. Федоров-Давыдов не обратили внимания на существование данного типа медной монеты и в своих трудах никак не зафиксировали появление нового типа. О датировки пулов «тамга в треугольнике» высказывались две точки зрения. С.А. Янина пришла к выводу, что эти монеты чеканились при Токте после реформы, т. е. в 710–712 г. х. (1310–1313) (Янина, 1960, с. 211). Так же считали В.Б. Клоков и В.П. Лебедев (Клоков, Лебедев, 2004, с. 113). В то же время А.И. Бугарчев и П.Н. Петров относят их к 1320-м гг. (Бугарчев, Петров, 2018, с. 224).

Монеты «тамга в треугольнике» чеканились с благопожеланием «кутлуг болсун». На медных монетах других регионов подобное благопожелание также встречается, но только один тип сарайского пула имеет дату – 726 г. х./1325–1326. Другие пулы с подобной надписью не имеют чёткой датировки, однако нумизматы относят их также ко времени Узбека (Гончаров, 2003, с. 242; Клоков, Лебедев, 2004, с. 113, № 11).

В конце 1320-х гг., чтобы покрыть потребность в медной монете, было выпущено большое количество пулов. Они имели несколько вариантов оформления лицевой и оборотной сторон. В чеканке «тамги в треугольнике» можно говорить о

Рис. 8. Монеты 682–690 гг.х. (1283–1284 – 1291 гг.): 1 – С/60, анонимная, Болгар, 690 г.х. (1291 г.); 2 – С/84, анонимная; 3 – С/89, анонимная, 688 г.х. (1289-1290 г.); 4 – С/95, анэпиграфная; 5 – С/110, анэпиграфная; 6 – С/113, анэпиграфная. Изображение монеты С/95 взято из базы данных ZENO, остальные из фотоархива авторов.

шести вариантах данного типа (Бугарчев, Петров, 2013, с. 217–218).

По материалам раскопа CLXXIX Болгарского городища, где обнаружено 317 экземпляров «тамги в треугольнике», были выведены цифры, характеризующие метрологию пулов: мода гистограммы 1,0±0,1 г, средний вес 0,98 г.

В 732 г. х./1331–1332 в Болгаре были выпущены два варианта нового пула «тамга в звезде»: с легендой оборотной стороны «Булгар/Пули»; с легендой оборотной стороны «Пулу/Булгар». Метрология пулов «тамга в звезде по материалам раскопа CLXXIX – мода гистограммы 1,4±0,1 г, средний вес 1,43 г (учтено 239 экземпляров). Известны пулы с датами 732, 734 и 736 г. х. (1331–1332, 1333–1334 и 1335–1336 соответственно).

Пул Болгара 734 г. х./1333–1334 обнаружен около *с. Березовка* (расположено южнее Болгара, в урочище Исава, на левом берегу р. Усы) (Алихова, 1960, с. 195–209).

Судя по нумизматическому материалу, полученному с различных археологических объектов Татарстана, пулы «тамга в треугольнике» и «тамга в звезде» обращались вместе в соотношении 3 к 2.

В конце обсуждения второго этапа необходимо сказать несколько слов о монетных дворах Биляр и Керман.

Керман. По поводу местонахождения Кермана высказывались две разные точки зрения: А.Г. Мухамадиев считал, что он находился на территории средневековой Казани, А.З. Сингатуллина написала, что Керман находится на месте находки Альменевского клада в Козловском районе Чувашии (Сингатуллина, 2003, с. 48). Однако археологическими материалами оба мнения не подтверждаются.

В статье 2015 г. были собраны все сведения о единичных находках дирхамов Кермана и была высказана мысль, что указанный монетный двор мог находиться на одном из трёх Старонохратских селищ. На данный момент эта точка зрения остаётся главной (Лебедев, Бугарчев, 2015, с. 30). Приведём топографию находок монет Кермана (табл. 1).

Биляр. Казалось бы, с местоположением данного МД не должно быть проблем – это современный Билярск, находящийся в Алексеевском районе РТ. Как пишет К.А. Руденко, «какое-то время Биляр имел право монетной регалии, он чеканил серебряную монету с обозначением места чеканки – Биляр» (Руденко, 2011, с. 155).

Однако данные топографии не подтверждают такой вывод. На карте 6 обозначены места находок ранних типов МД Биляр, С/216–217–218, чеканенных в 1266–1272 гг. Зона распространения – от Иски-Казанского археологического комплекса на севере до деревни Новое Мокшино на юго-востоке. Ни одной монеты чеканки Биляра на Билярском городище не найдено.

Рассмотрим известные материалы находок билярских монет по Болгарскому городищу:

– статья С.А. Яниной, 1962, – один экз.;
– материалы раскопок 1966 г. – один экз.;
– фонды Болгарского музея – два экз.;

Рис. 9. Монеты Токты. 690–712 гг.х.(1291 – 1312–1313 гг.): 1 – С/63, с именем ан-Насира, Болгар, 696 г.х.(1296-1297 г.); 2 – С/69, анонимная, Болгар (птица); 3 – С/70, анонимная, Болгар (3 птицы); 4 – С/219, анонимная, Биляр; 5 – С/135, анонимная; 6 – С/136, анонимная, с титулом «султан правосудный». Изображения монет взяты из фотоархива авторов

– статья Д.Г. Мухаметшина и Е.А. Фёдоровой, 2016, – один экз.

Всего 5 монет. Это слишком мало для Болгарского городища, где ведутся работы на протяжении уже 80 лет.

В то же время в округе с. Старые Салманы найдено три экземпляра, на Семёновских селищах – два экземпляра, но, в отличие от Болгарского городища, на перечисленных объектах не проводились масштабные раскопки. На остальных памятниках найдено по одной монете.

Мы видим, что нигде нет скопления находок, а это необходимое условие для локализации средневекового монетного двора. Таким образом, казалось бы решёный вопрос о нахождении МД Биляр сейчас остаётся открытым.

В 710 г. х./1310–1311 в Нижнем Поволжье произошла денежная реформа. В других областях Золотой Орды реформирование денежного обращения прошло ещё раньше: в Хорезме в 706 г. х./1306–1307, в Крыму – в 707 г. х./1307–1308. В Болгарском регионе реформа была проведена позже всех – в 730 г. х./1329–1330. В результате из обращения были выведены все предыдущие выпуски «серебра» и начеканены новые монеты с указанием эмитента (Мухаммад Узбек), монетного двора (Болгар ал-Махруса) и дат чеканки.

Клады **третьего этапа** состоят из дирхамов (дангов), в подавляющем большинстве чеканенных на монетных дворах Сарай ал-Джадид и Гулистан.

1. Болгар, 1965 г. Клад из 233 экз. Состав: от Токты до Джанибека. Старшая монета клада – 710 г. х./1310–1311, младшая – 747 г. х./1346–1347 (Фёдоров-Давыдов, 1974, № 52 б).

2. Болгар, 1966 г. Городище, раскоп XV. Клад из 22 экз. Состав: от Токты до Джанибека. Старшая – 710 г. х., младшая – 756 г. х. Также к кладу отнесен пул Хызра, Сарай ал-Джадида, 762 г. х. (Фёдоров-Давыдов, 1974, № 52 в).

3. Болгар, 1900 г. Клад из 45 экз. Атрибутировано 15 монет: от Токты до Бирдибека, 711–760 гг. х. (Фёдоров-Давыдов, 1960, № 48). В ОИАК написано: «близ села Болгар Спасского уезда», 15 экз. – монеты Узбека, Джанибека и Бирдибека (ОИАК, 1902, с. 113).

4. Болгар, 1961 г. Клад из 379 экз. Состав: от Токты до Хызра. Старшая – Сарай ал-Махруса 710 г. х., младшая – Гулистан 760 г. х. В кладе находилось 86 дирхамов Узбека, чеканенных в Болгаре. Пять монет клада поступили в Ульяновский краеведческий музей (Фёдоров-Давыдов, 1963, № 52 а; Гисматуллин, 2020, с. 91).

5. Болгар (урочище «Подорлово»), 1966 г. Клад из 382 экз. Состав: от Токты до Хызра. Старшая – 710 г. х., младшая – 761 г. х. (Федоров-Давыдов, 1974, № 52 г).

6. Болгар, 1903 г. Клад из примерно 800 экз. Атрибутированы 773 монеты: от Токты до Киль-

дибека, монеты периода 705–762 гг. х. (Фёдоров-Давыдов, 1960, № 49).

7. Болгар, 1870-е – начало 1880-х гг. Сохранившаяся часть клада – 38 экз. Состав: от Токты до Мурида. Старшая – 710 г. х., младшая – 763 г. х. (Фёдоров-Давыдов, 1960, № 47).

8. Болгар, 2001 г., городище, раскоп CXXXII. Клад из 11 экз. Состав: от Узбека 717 г. х. до Мурида 763 г. х. МД: Сарай, Азак, Сарай ал-Джадид, Гулистан (Мухаметшин, Газимзянов, 2017, с. 76). В статье 2015 г. говорится о 12 монетах (Мухаметшин, 2015, с. 196, № 140).

9. Болгар, 1947 г. Клад из 54 экз. Состав: от Узбека до Пулад-Ходжи. Старшая – 734 г. х., младшая – 766 г. х. (Фёдоров-Давыдов, 1960, № 51, в тексте указана цифра 52 экз.). По сообщению Н.Д. Мец, состав следующий: Узбек – 1 экз., Джанибек – 20, Бирдибек – 6, Навруз – 4, Кульна – 3, Хызр и Орду-Мелик – по 1, Мурид – 4, Хайр-Пулад – 2, Пулад-Ходжа – 1. Всего 50 монет. Хранится в ГИМ, № 82292 (Мец, 1953, № 49).

10. Болгар, 1874 г. Сохранившаяся часть клада – 24 экз. Состав: от Узбека до Мурида. Старшая монета – 721 г. х., младшая – 764 г. х. (Фёдоров-Давыдов, 1960, № 45).

11. Болгар, 1947 г. Клад из 15 экз. Состав: от Джанибека до Мурида. Старшая – 74х г. х., младшая – 764 г. х. (Фёдоров-Давыдов, 1960, № 52).

12. Болгар (?), 1975 г. Клад из 106 экз. Состав: от Токты до Хайр-Пулада. Старшая – 710 г. х., младшая – 764 г. х. (Фёдоров-Давыдов, 2003, № 52 д, в тексте указана цифра 113 экз.).

13. Болгар (?), 1997 г. (?). Клад примерно из 60 экз. Атрибутировано 25 экз. Состав: от Токты до Мурида. Старшая – 707 г. х., младшая – 764 г. х. (Лебедев, Тростьянский, 2000).

14. Болгар, 2013 г. Городище, раскоп CLXXXV. Клад из 37 экз. Состав: от Токты до Мурида. Старшая – 710 г. х., младшая – 764 г. х. (Бугарчев, Сивицкий, 2016).

15. Болгар, 1876 г. Клад из 2289 экз. Состав: от Токты до Абдаллаха. Старшая – 710 г. х./1310–1311, младшая – 765 г. х./1363–1364. Также присутствовали монета с тамгой Гуюка и данг Хулагуида Сулеймана 743 (?) г. х. В состав входили 4 дирхама Узбека, МД Болгар ал-Махруса 732 г. х. – 1, «723» – 2, год не вышел – 1 (Бугарчев, 2008, с. 26–38). Клад упомянут в сводке Г.А. Фёдорова-Давыдова: сохранившаяся часть клада – 1360 экз. Состав: от Токты до Абдаллаха. Старшая – 710 г. х., младшая – 764 г. х. (Фёдоров-Давыдов, 1960, № 46). Клад также упомянут под № 279 – Болгары, 1876 г. – клад из 3000 экз. (Фёдоров-Давыдов, 1960, № 279).

16. Болгар, 1907 г. Клад из 669 экз. Состав: от Токты до Азиз-Шейха. Старшая – 710 г. х., младшая – 767 г. х. (Фёдоров-Давыдов, 1960, № 50). В Отчётах ИАК уточняется место находки – в 2 верстах от с. Болгары (ОИАК, 1910, с. 119).

17. Болгар, 2015. Городище, раскоп CXCII. Клад из 14 монет: Узбек – Сарай (1 экз.), Джанибек – Сарай ал-Джадид (8 экз.), Джанибек – Гулистан (1 экз.), Хызр – Гулистан (2 экз.), Навруз – Гулистан (2 экз.). Младшая монета выпущена в 761 г. х./1359–1360. Не издан.

18. Куйбышевский Затон, Куйбышевский район (ныне Камско-Устьинский район РТ), 1954 г. Клад из 105 экз. Состав: от Узбека до Абдаллаха. Старшая – 715 г. х., младшая – 764 г. х. (Фёдоров-Давыдов, 1960, № 65).

19. Горки, Гусихинская волость, Спасский уезд 1887 г. Клад из 185 экз. Состав: от Узбека до Мурида. Период: 710–764 гг. х. (Фёдоров-Давыдов, 1960, № 54).

20. Болховка, Спасский уезд, 1901 г. Клад из 24 экз. Состав: от Узбека до Мурида (Фёдоров-Давыдов, 1960, № 53). Ныне с. Болховка находится в Алькеевском районе.

21. Горки, Спасский уезд, 1907 г. Клад из 115 экз. Состав: от Токты до Мурида (Фёдоров-Давыдов, 1960, № 55).

22. Комарово, Куйбышевский район, 1961 г. Клад из 286 экз. Состав: от Узбека до Мурида (указан также один экземпляр «Бирдибек II 789 (?) г. х. – 1). Старшая – 722 г. х., младшая – 764 г. х. (или 789 г. х.) (Фёдоров-Давыдов, 1963, № 53 а).

23. Пичкасы, Куйбышевский район, 1964 г. Сохранилась часть клада из 91 экз. Состав: от Узбека до Мурида. Старшая – 731 г. х., младшая – 764 г. х. (Фёдоров-Давыдов, 2003, № 52 ж).

24. Совхоз КИМ Куйбышевский район, 1955 г. Сохранившаяся часть клада 106 экз. Состав: от Узбека до Абдаллаха. Старшая – 722 г. х., младшая – 76 (4~5) г. х. (Фёдоров-Давыдов, 1960, № 63).

25. С. Старый Кокрять, Спасский уезд (ныне Ульяновская обл.), 1912 г. Клад из 697 экз. Состав: от Токты до Хайр-Пулада. Старшая – 710 г. х., младшая – 764 г. х., в том числе 58 монет Узбека МД Болгар ал-Махруса (Фёдоров-Давыдов, 1960, № 67). В рукописи Н.Ф. Калинина указано другое количество – 652 экз. (Калинин, 1959, № 28).

26. Тяжбердино, Спасский уезд (ныне Алькеевский район РТ), 1913 г. Клад около 500 экз. Атрибутировано 20 монет: от Узбека, Сарай 732 г. х. до Хайр-Пулада, Сарай ал-Джадида 764 г. х. (Федоров-Давыдов, 1960, № 68).

27. Донауровка, Чистопольский уезд, 1908 г. Клад из двух частей общим числом 575 экз. Со-

Рис. 10. Монеты Токты. 690–712 гг. х. (1291 – 1312–1313 гг.): 1 – С/158, анонимная; 2 – С/163, анэпиграфная; 3 – С/169, анэпиграфная (птица); 4 – С/170, анэпиграфная (птица); 5 – С/186, анэпиграфная (животное); 6 – С/188, анэпиграфная (двуглавая птица). Изображение монеты С/158 взято из базы данных ZENO, остальные из фотоархива авторов.

став: от Токты до Тимур-Ходжи и Хызра, в том числе 11 монет Узбека МД Болгар ал-Махруса. Старшая – 710 г. х., младшая – 762 г. х. (Фёдоров-Давыдов, 1960, № 57–58).

28. Донауровка, Чистопольский уезд, 1909 г. Сохранившаяся часть клада – 71 экз. Состав: от Токты до Кильдибека. Старшая – 710 г. х., младшая – 763 г. х. (Фёдоров-Давыдов, 1963, № 58 а) (возможно, это часть клада, найденного в 1908 г.).

29. Крещёная Елтань, Чистопольский уезд, 1900 г. Клад из 80 экз. Состав: от Узбека до Мурида периода 712–762 гг. х., а также серебряные изделия. «Найден в поле деревни Крещеной Елтани Чистопольского уезда около так называемого «Ханского поля» (ОИАК, 1902, с. 114; Федоров-Давыдов, 1960, № 64) (Если в кладе были данги Мурида, то младшая монета клада должна быть 763–764 г. х.).

30. Елантово, Чистопольский уезд (ныне Нижнекамский район РТ), 1873 г. Клад из 236 экз. Отобрано 118 экз: от Узбека до Мурида (Фёдоров-Давыдов, 1960, № 192). У Г.А. Фёдорова-Давыдова указаны 8 экз. Дервиша (1416–1419), однако в ОАК 1873 г. о монетах Дервиша ничего не написано (с. XXXIII). Хранится в Эрмитаже.

31. Билярское III селище, Алексеевский район РТ, 1971 г. Клад из 45 экз., сохранилось 34 экз. Состав: от Токты до Мурида. Старшая – 710 г. х., младшая – 763 г. х. (Фёдоров-Давыдов, 2003, № 280 а). В статье С.И. Валиулиной перечислено 33 экз. с указанием веса и атрибуцией, в т. ч. одна монета Узбека. Болгар ал-Махруса (Валиулина, 2002, с. 234).

32. Сабакайка, Лаишевский уезд (ныне Алексеевский район), 1896 г. Клад из 11 экз. Кроме монет, в кладе находились 4 серебряных браслета и 3 серебряных кольца. Состав: от Узбека до Бирдибека. Клад передан в ГИМ (ОИАК за 1896 год; Федоров-Давыдов, 1960, № 66).

33. Арбузов-Баран Казанской губернии (ныне Алексеевский район), 1870 г. Клад из 729 экз. 1310–1362 гг. (Фёдоров-Давыдов, 1960, № 71 а).

34. Иски-Казань, 1830 г. Найден клад весом 5 фунтов (то есть около 2 кг, или около 800 экз.). Атрибутированы 19 монет – 711–761 гг. х., чеканены в Сарае ал-Джадид и Гулистане (Фёдоров-Давыдов, 1960, № 62).

35. Ибря, Дубъязский район (ныне Высокогорский район РТ), 1944 и 1946 гг., клад найден в два приёма. Сохранившаяся часть – 15 экз. Состав: от Токты до Мурида. Старшая – 710 г. х., младшая – данг Мурида (763–764 г. х.) (Фёдоров-Давыдов, 1960, № 60). По информации Н.Ф. Калинина, в 1943 г. у с. Ибря, ближе к *с. Альдербыш* (так – АИБ, ДГМ) в поле недалеко от кладбища в глиняном кувшине был найден клад весом до трёх кг. В 1945/1946 г. недалеко от места находки предыдущего клада, также в поле, найден клад меньшего размера (Калинин, 1951, с. 20). Очевидно, что речь идёт об одном и том же комплексе.

36. Семёновка, Куйбышевский район, 1962 г. Клад – более 200 экз. Атрибутировано 10 дангов

от Узбека до Хызра (Фёдоров-Давыдов, 2003, № 52 е). По сведениям Е.П. Казакова, в 1964 г. последняя треть указанного клада из 99 монет была передана жителем пос. Коминтерн Котовым (Казаков, 1964). Таким образом, в Семёновском кладе находилось более чем из 300 экземпляров.

37. Гурьевка, Спасский уезд (ныне Алексеевский район РТ), 1900 г. Клад весом 2,5 фунта[6] (то есть около 1000 г, следовательно – более 400 экз.). Атрибутировано 5 монет Джанибека 748–756 гг. х. (ОИАК, 1902; Фёдоров-Давыдов, 1960, № 56).

38. Елантово, Чистопольский уезд (ныне Нижнекамский район РТ), 1883 г. Клад из 240 экз. Атрибутировано 3 монеты: Джанибек, Сарай ал-Джадида, Мурид, Гулистан, 764, подражание, 762 (Фёдоров-Давыдов, 1960, № 59).

39. Ржавец, Спасский район, 2019 (?). На площади 20×10 м было собрано 104 серебряных монеты, в том числе три монеты Узбека, Болгар ал-Махруса. Старшая – Токта, Сарай ал-Махруса, 710 г. х./1310–1311, младшая – Мурид, Гулистан, 764 г. х./1362–1363. По мнению авторов, здесь можно говорить о кладе (Бугарчев и др., 2020, с. 27–30).

40. Чистополь, 1968 г. 596 монет с именами эмитентов от Токты (Сарай ал-Махруса, 710 г. х.) до Абдаллаха (Сарай ал-Джадид, 764 г. х.) (Мухаметшин, 2009, с. 66–68).

41. Никольское, Кузнецкий уезд (совр. Пензенская обл.), 1914 г. Клад, атрибутировано 1136 монет. Старшая – Токта, 710 г. х., младшая – Мурид, Гулистан, 763 г. х. Также в составе выявлены 30 дирхамов Болгара: 721 г. х. – 1, 722 г. х. – 29 экз. (Фёдоров-Давыдов, 1960, № 85). По информации к.и.н. В.А. Винничека, клад хранился в Саратовском музее краеведения, в середине XX в. монеты клада были переплавлены (личное письмо от 14 июня 2022 г.).

У А.Ф. Лихачева упоминается клад, найденный в 1886 г. и состоявший из 113 дангов. Один из них относится к Узбеку, МД Мохши, 726 (?) г. х. (Бугарчев, 2010, с. 50). В перечень кладов третьего этапа не включён.

Как видно из приведённой описи, Болгар сохраняет своё значение как торговый и экономический центр – здесь насчитывается 17 кладов, из них один клад сокрыт в 747 г. х./1346–1347 (по младшей монете), 14 кладов – до 764 г. х./1362–1363 включительно, и два клада – в 766–767 г. х./1364–1366[7].

С начала XIV в. до конца 1340-х гг. с территории Болгара и региона в целом не известно ни одной кладовой находки. Все региональные клады, за исключением Болгарского 1965 г. (№ 1), сокрыты в конце 50-х гг. – в первой половине 60-х гг. XIV в. Пик тезаврации кладов приходится на 764 г. х. (1362–1363 г.), последний обнаруженный клад относится к 767 г. х./1365–1366. Это связано с создавшейся социально-политической обстановкой в Болгарском улусе после захвата города Булат-Тимуром. Ни в одном из кладов не отмечено наличие обрезанных монет. Возможно, именно в 764 г. х. было начато реформирование, приведшее к массовому обрезанию монет. В данном случае сокрытие последних кладов с датой младшей монеты 767 г. х. могут отражать завершение первого этапа реформирования с нормой обрезания серебра в 1,10 г.

По своему составу практически все клады из средневекового Болгара состоят из монет первой половины XIV в. с именами от Токты (Сарай ал-Махруса, 710 г. х.) до Мурида (764 г. х.). В двух кладах присутствуют по одной монете XIII в. Встречается относительно редкие монеты с именами Орду-Мелика, Хайр-Пулада, Тимур-Ходжи, Пулад-Ходжи. В кладах почти отсутствуют неджучидские монеты. Всего в двух комплексах обнаружены монеты Хулагуидов (№ 15, Болгар, 1876 г.; № 39, Чистополь, 1968).

После реформы 1330 г. новые дирхамы, чеканенные на МД Болгар ал-Махруса, стали распространяться на всей территории Золотой Орды, о чём свидетельствуют составы кладов, найденных вне Татарстана.

Находки дирхамов Болгара ал-Махруса вне Татарстана зафиксированы в следующих точках:

– *с. Кузькино* Шигонского района Самарской обл. – дирхам хана Узбека, Болгар 1320-х гг. (Сташенков, 2016, с. 202);

– *Попаснянский район* Луганской обл. Украины – «722» г. х. – 1 экз. (Санжаров, Хромов, 2015, с. 78–80);

– *дер. Лекаревка* Пильненского района Нижегородской обл. – дирхам Болгара ал-Махруса (Лебедев, Орлов, 2015, с. 77);

– *Никольское селище*, Кузнецкий район, Пензенская обл. – дирхам Узбека, Болгар ал-Махруса, 731 (?) г. х., здесь же обнаружен пул типа «Болгар 734 г. х.» (Винничек, Недашковский, 2004, с. 22);

– Мордовия, на *Старобадиковском I могильнике* в погребении 3 обнаружен дирхам Болгара ал-Махруса «730 г. х.» (Пачкалов, 2004, с. 162);

[6] В составе клада находилась серебряная гривна. Не исключено, что в общий вес серебра включена и гривна.

[7] Н.Ф. Калинин в «Отчёте… 1948 г.» написал, что на Кашанском городище «лет 40–45 назад» был найден клад серебряных монет и серебряных вещей. Клад нашёл Василий Сюкрин (81 год), который часть клада отдал помещику Дембромскому (из Шурана) и Молоткову (в Сорочьих Горах). Здесь же упоминается находка клада «восточных серебряных монет в медном конусном сосуде лет 20 назад» у с. Стрюково Корноуховского района (Калинин, 1948, с. 40, 46).

Рис. 11. Монеты Узбека, 1320-е – 1330-е гг.: 1 – С/59, анонимная, Болгар, 728 г.х. (1327–1328 г.); 2 – Узбек, без МД и года; 3 – С/202, анонимная, «Султан правосудный», без МД и года; 4 – Узбек, Болгар ал-Махруса, 731 г.х. (1330–1331 гг.); 5 – Узбек, Болгар ал-Махруса, «723» г.х. (732 ~ 733 г.х. / 1331–1333 гг.). Изображения монет взяты из фотоархива авторов.

– *Сасовский район* Рязанской обл., между сёлами Бастаново и Демушкино – монета 732 г. х. весом 1,53 г (Гомзин, 2021, с. 72).

Золотые средневековые монеты. Рассмотрим находки золотых танга в Татарстане. На территории Болгарского городища найдены:

– в 1850-х гг. – динар чекана Дели 744 г. х. /1343–1344 (Лихачев А.Ф., 1887, с. 70);

– в 1860 г. – динар султана Индии Мухаммеда II Туглукида (на одной стороне имя «Эль-Хакем Беамри-ллях», на другой – Абдул-Аббас-Ахмед) (Лихачев А.Ф., 1887, с. 70; Сингатуллина, 2009, с. 428). Халиф ал-Хаким правил в 741–753 гг. х. /1340–1353;

– в 1944 г. – динар Мухаммада II с именем халифа ал-Хакима (Сингатуллина, 2009, с. 430);

– в 1944 г. («в конце мая») – 5 монет патанских султанов Индии с именем халифа ал-Хакима. Похищены из музея в 1957 г. (Сингатуллина, 2009, с. 430).

В составе клада из Николаевки Чистопольского уезда был обнаружен один динар Фируз шаха (752–790 гг. х./1352–1388). Две монеты находились в составе Малоатрясинского клада 1954 г. (Сингатуллина, 2009, с. 433).

Около дер. Тенишево в конце мая 1884 г. найдено семь золотых индийских монет, чеканенных в конце XIII – первой половине XIV в. (Лихачев А.Ф., 1887).

Кроме перечисленных сведений, известно о золотом динаре четырёхугольной формы (чекан Дели 718 г. х.) из села Петропавловское (Кузнечиха) Спасского уезда, найденном в 1863 г., и о четырёх динарах с именем Мухаммада II ибн Туглука, найденных «на лугах села Тенишево в 1893 г.» (Сингатуллина, с. 428, с. 433; Лихачев, 1887, с. 68–69).

В другой статье дополняются сведения о золотых динарах:

– в 1863 г. – на Болгарском городище – итальянский золотой флорин 1329 г. (Сингатуллина, 2009 б, с. 79);

– в 1884 г. – 11 монет патанских султанов Индии (Сингатуллина, 2009 б, с. 82–87).

Информация о находках в XXI веке опубликована в тезисах XV ВНК:

– окрестности дер. Верхние Матаки, Спасский район, селище при Староматакском городище, найден осенью 2008 г. динар Нуха б. Мансура, Герат 373 г. х., халиф ат-Таи (Лебедев, Кожевин, 2009, с. 63–64);

– пос. Старая Майна Ульяновской области, селище Старая Майна I, в ноябре 2008 г. найден динар Исмаила б. Ахмада, Самарканд 289 г. х., халиф ал-Муктафи, обломок менее половины экземпляра (Лебедев, Кожевин, 2009, с. 63–64).

Внекладовые серебряные монеты других монетных дворов в большом количестве найдены на

Болгарском городище (Фёдоров-Давыдов, 1963, с. 198–200), а также на следующих памятниках: *Билярское* и *Муранское* поселения, *Кашан, Иски-Казань, Джукетау, Чакма, Большие Атряси, Старые Салманы, Сахарово, Шапши, Дубъязы, Маклашеевка* (Фёдоров-Давыдов, 1963; Лебедев и др., 2008; Бугарчев, Руденко, 2013; Руденко, Бугарчев, 2015; Степанов и др., 2016; Степанов, 2018; Бугарчев, 2018; Степанов, Бугарчев, 2017; Степанов, Бугарчев, 2019). Золотоордынские дирхамы обнаружены на *Кимовском II селище, на Комаровском, Старорытвинском, Подгорном и Тенишевском селищах* Спасского района, в окрестностях *д. Ржавец* (Мухаметшин И., 2008, с. 25; Мухаметшин Д., 2015, с. 166, с. 187–188; Бугарчев и др., 2020, с. 27–30).

В фондах Государственного Исторического музея (Москва) хранятся материалы, происходящие из *Ага-Базара* – 28 дирхамов 722–764 гг. х./1322–1363 и 10 пулов 1320-х – 1361 гг. (Бугарчев, Пахомова, 2018, с. 277–279).

Небольшой нумизматический комплекс собран на *Сюкеевском городище*. До 1892 г. в окрестностях села найдены серебряные и медные монеты, в том числе с именем Мунке (без указания металла), а также «Берки-хана, Менгу-Тимура-хана», и одна серебряная гривна весом 46 золотников (Соловьев, 1892, с. 451). Далее – найден дирхам Узбека 737 г. х., чекан Сарая (Губайдуллин, 1993). В статье М.Ш. Галимовой и А.М. Губайдуллина приводятся следующие сведения: с. 194 – в яме № 1 найдены 6 медных и 1 обрезанная серебряная монеты, с. 197 – «на сегодняшний день (на 2003 г.) имеется 11 серебряных и медных монет, с 80-х гг. XIII в.[8] по 50-е гг. XIV в.» (Галимова, Губайдуллин, 2003, с. 191–204). В г. *Тетюши* на северном конце ул. Урицкого в 1949 г. была найдена бронзовая монета Узбек-хана (Калинин, Халиков, 1954, с. 67).

С *Коминтерновского I селища* и с *Коминтерновского II городища* происходят золотоордынские монеты (без указания металла и количества) (Археологическая карта…, 1986, с. 83, № 543–544). На *Коминтерновском II селище* подняты: анонимная монета 1279–1280 г. (металл не указан), болгарский пул «тамга в звезде», а также дирхамы Узбека и Джанибека (Казаков, 1993, с. 121). На *Коминтерновском III селище* обнаружено 5 золотоордынских монет (металл не указан) (Археологическая карта…, 1986, с. 68, № 421).

Массовые находки пулов XIV в. зафиксированы на памятниках в *Спасском районе* РТ: Подъиваново – 40 пулов, Измери – 15 пулов, Маклашеевка – 80 пулов, Малиновка – 100 пулов, Ржавец – 100 пулов (данные материалы без точной атрибуции собраны Д.Г. Мухаметшиным до 2010 г.). 19 пулов из дер. Ржавец изданы в статье А.И. Бугарчева, О.В. Степанова, В.П. Емельянова (2020). По имеющейся у авторов информации, в окрестностях Гурьевки (Алексеевский район) было найдено около 20 дирхамов и примерно 15 пулов, чеканенных в 1330–1360-х гг. (Бугарчев, 2020). О находке монеты золотоордынского времени на отмели *Малиновского I селища* сообщает Е.П. Казаков (Казаков, 1967, с. 10). Он же упоминает *Татарско-Измерское II селище*, где была найдена «одна бронзовая монета золотоордынского времени» и *Семёновское I селище* – «обнаружен серебряный дирхем»[9] (Казаков, 1975, с. 4–5).

Во время археологических работ А.М. Губайдуллина 2009 г. в Спасском районе было обнаружено 11 пулов следующих типов: двуглавый орёл, тамга в треугольнике, лев и солнце, болгарская решётка, Хызр – Гулистан (3 экз.), Хызр – Сарай ал-Джадид, Гулистан 764, пул неордынского чекана, неатрибутированный пул (хранятся в МА РТ).

В *дер. Донауровка* собраны 11 джучидских монет: пул Болгара 734 г. х., тип «двуглавый орёл», тип «розетка» 752 г. х., 3 пула с именем Хызр-хана, а также монета Мунке XIII в. (металл не указан) (Пономарев, 1892, с. 473, с. 479). В данной статье также указано, что у К.И. Невоструева хранятся три монеты с *Жукотинского городища* – серебряная Узбека и медные Хызра (Пономарев, 1892, с. 478).

В Ульяновской области, на *Кременкинском поселении*, были подняты две серебряные монеты (Джанибек, 747 г. х., Сарай ал-Джадид; монета времени Джанибека, Сарай ал-Джадид) и пул (737 г. х., Сарай) (Васильева, 1993, с. 233–235). На *Старомайнском археологическом комплексе* найдено четыре обрезанных дирхама: Токта – Сарай ал-Махруса, Джанибек – Сарай ал-Джадид, Бердибек – Сарай ал-Джадид, Навруз – Гулистан. Возможно, это был клад (Кожевин, 2008, с. 24, – ссылка на работу Г.М. Бурова 1977 г.).

Из статьи Р.Г. Насырова известно о том, что в 200 м к западу – северо-западу от *Старомайнского городища* в устье реки Майны на поселении найдено три пула: времени Узбека, Джанибека и стёртая монета (Насыров, 2016, с. 81).

В фондах БГИАМЗ хранятся пулы, обнаруженные на *Танкеевском городище*: «тамга в треугольнике» – 2 экз., «тамга в звезде» – 2 экз., болгарская решётка – 1 экз., «лев и солнце» – 7 экз., «двуглавый» орёл – 5 экз., «розетка» – 1 экз., с именем Хызр-хана – 6 экз., а также пул Азака (Фёдорова, 2021, с. 80–81). Всего 25 монет периода 720–760-х

[8] Возможно, речь идёт о пулах «тамга в треугольнике», чеканившихся в 1320–1330-е гг.

[9] Не исключено, что здесь говорится о куфической монете X в.

Рис. 12. Монеты Узбека, 1320-е – 1330-е гг.: 1 – Пул анонимный «Тамга в треугольнике», легенда оборотной стороны в три строки, без МД и года; 2 – Пул анонимный «Тамга в треугольнике», легенда оборотной стороны зеркально, без МД и года; 3 – Пул анонимный «Тамга в звезде», Болгар, 734 г.х. (1333-1334 г.); 4 – Пул анонимный «Тамга в звезде», Болгар, без года; 5 – Пул анонимный «Решётка», без МД и года. Изображения монет взяты из фотоархива авторов.

гг. (1320–1360-х). Медные монеты XIV в. из фондов БГИАМЗ в количестве 70 экземпляров, найденные на *Старорытвинском (Торецком) селище*, перечислены в статье И.Д. Мухаметшина (Мухаметшин И., 2008).

На *Старонохратском городище* найден пул «розетка» 1350-х гг. (в тексте на с. 65 дана ошибочная атрибуция – пул Хызр-хана 1361/1362 г. (Бурханов, 2006, с. 65, с. 94)).

В посёлке *Лаишево (урочище «Чакма»)* в 1958 г. подняты шесть медных и одна серебряная золотоордынская монеты XIV в. (Археологическая карта…, 1981, с. 111). На *Кашанском городище* фиксировались находки джучидских монет XIV в. (там же, с. 120). В дер. *Омарский Починок* («урочище Киреметь») в XIX в. находили джучидские монеты (Археологическая карта…, 1981, с. 142). *Село Рождествено* – найдены дирхамы Узбека (МД Сарай, 1310–1320-е, вес 1,51 г) и Джанибека (1346–1347 г., вес 0,49 г, обрезанный) (Бугарчев, Шайхутдинова, 2022, с. 170).

Можно указать на *«Селище у дамбы»* в Алексеевском районе, где были найдены одна серебряная (Джанибек, Гулистан, 757 г. х.) и 9 медных монет (болгарская решётка – 2, розетка – 1, 3 пула 1330–1340-х гг., 2 пула Хызра САД и один пул Хызра, Гулистан) (Руденко, 1994, с. 129).

В Тюлячинском районе на селище около *села Большие Нырсы* в 2001 г. поднята «джучидская серебряная монета» (Бурханов, 2022, с. 41).

Находкам в *Новошешминском районе* была посвящена заметка А.И. Бугарчева и О.В. Степанова: серебряная фракция начала XIV в. (С/202), дирхамы Узбека (Сарай), Бирдибека (Азак) и Навруза (Гулистан) без указания точного места находки и пул Тимур-Ходжи из *д. Чувашская Чебоксарка*. В *с. Ленино* были обнаружены два обломка куфических дирхамов и куфический фельс (Бугарчев, Степанов, 2020, с. 107). В окрестностях *Тубулгатауского городища* были найдены монеты XIV в. (Фахрутдинов, 1975, с. 52). Без указания металла упоминаются джучидские монеты XIV в. с *Барскоенорускинского городища*, найденные до 1971 г. (Фахрутдинов, 1990, с. 79). На *Урматском селище* поднят золотоордынский пул 1360-х гг. (Бурханов, 1996, с. 21), на *Чаллынском городище* – пул «лев-солнце», то есть 1330-х гг. (Гарипов, 2003). В Актанышском районе на *Такталачукском могильнике*, расположенном у дер. Уразаево было найдено три серебряные монеты XIV в. – в могильнике дирхамы Узбека и Джанибека, на участке раскопа дирхам Джанибека (Казаков, 1977, с. 99).

Из находок в *Укеке* известно об одном дирхаме Болгара 733 г. х., о медной монете Мунке (1251–1259) (Фёдоров-Давыдов, 1963, с. 194–195).

На территории *Самарской Луки* (селище Малая Рязань II, селище Брусянское, Муранское селище, Правобережье Самарской области) обнаружены болгарские пулы «тамга в треугольнике», «тамга в звезде» и «решётка», датируемые 1320–1330-ми гг. Общее число – 36 экземпляров. Кроме меди, на «Муранке найден дирхам Узбека, Болгар ал-Махруса, 732 г. х. (Петров, Бугарчев, 2012, с. 156, 159).

В *Москве*, в районе церкви Владимира, было найдено большое количество медных монет, среди которых выявлены болгарские пулы «решётка», 3 экз. (рубеж 1330–1340-х гг.), и два пула «тамга в звезде» (1330-е гг.) (Пачкалов, 2002, с. 189).

Медные монеты, выпущенные на монетном дворе Болгар, почти не выходили за пределы Волжской Болгарии. Об этом свидетельствует топография находок болгарских пулов.

Во второй половине XIV в. на Болгарском монетном дворе производили оригинальные монеты, так называемые пулы «Шонгата», которые были изучены Г.А. Федоровым-Давыдовым и опубликованы одним из авторов (Мухаметшин, 2006, рис. 6–5). В дальнейшем С.В. Гумаюнов и И.В. Евстратов издали монеты такого типа, найденные на Большеатрясском селище. Несмотря на расхождения в чтении надписи («Гулистан», «Шонгат», «Исан»), исследователи данного типа монет согласны тем, что они являются продукцией Болгарского монетного двора и относятся к 60-м годам XIV в. Кроме *Большеатрясского селища* пулы «Шонгата» были обнаружены в *Иски-Казани* (Степанов, Бугарчев, 2018, с. 83–84). Средний вес известных авторам 16 экземпляров равен 1,8 г.

Отдельно приведём информацию о медных монетах МД Мохши, обнаруженных в Татарстане. Всего, по нашим подсчётам, можно говорить про комплекс из 100 экземпляров, чеканенных в период 724 г. х./1323–1324 – 763 г. х./1361–1362. Они были найдены в *Джукетау, Иски-Казани, в Атрясях, на Чакме (Лаишево) и дер. Дятлово* (Лаишевский район). И, безусловно, на *Болгарском городище* (Бугарчев и др., 2022, с. 323–325). В то же время в Мохшанском улусе болгарская «медь» не обнаружена. Причины такого одностороннего движения разменной монеты ещё предстоит изучить.

Четвёртый этап – со второй половины 1360-х гг. до начала правления Токтамыша (781 г. х./1379–1380). Здесь можно указать только на один клад, найденный в июле 1848 г. между селами Верхне-Ахтубинское и Средне-Погромное (дорога от г. Царева к Саратову). Старшая монета – Токта, 710 г. х./1310–1311, младшая – Азиз-Шейха, 768 г. х./1366–1367 и «Джанибека II». В составе обнаружен один экземпляр Узбека, МД Болгар а-Махруса, «723» г. х. (Григорьев, 1850, с. 6).

Пятый этап золотоордынского денежного обращения длился с начала правления Токтамыша, с 781 г. х./1380, до начала XV в. (800-е гг. х.). К этому периоду относятся всего 16 кладов.

1. Спасский уезд, Казанская губерния. 1867 г. Состоял из монет и слитков. Часть клада из 219 экз. и 7 слитков продана В.К. Савельеву. Состав: от Токты до Бирдибека II. Младшая – 710 г. х., старшая – 789 г. х./1387–1388. К 789 г. х. относится всего 1 экз., предпоследняя младшая монета – 764 г. х./1362–1363. Монетные дворы: Сарай, Сарай ал-Махруса, Сарай ал-Джадид, Гулистан, Азак (Фёдоров-Давыдов, 1960, № 152 б).

2. Болгар, 1871 г. Клад из 131 экз., атрибутировано 96 монет. Один экз. с именем Тула-Буги, Сарай 687 г. х./1288–1289. Остальные дирхамы – от Узбека 722/1322–1323 до Токтамыша 782 г х./1380–1381 (основная масса монет чеканена в 722–767 гг. х./1322–1366). К более позднему периоду относятся два данга: Токтамыш, Сарай ал-Джадид, 782 г. х., и Бирдибек II, без года, по типу 789 г. х. (Лихачев, 1877; Фёдоров-Давыдов, 1960, № 146).

3. Спасский уезд, Казанская губерния, 1867 г. Клад монет 1310–1387 гг. (Фёдоров-Давыдов, 1960, № 152 а).

4. Балахчино, Лаишевский уезд, Казанская губерния (ныне Алексеевский р-н РТ), 1887 г. Клад из 350 экз., общим весом 1 фунт 26 золотников 90 долей (560 г). Состав: от Узбека до Токтамыша. (Фёдоров-Давыдов, 2003, № 152 в, здесь написано, что клад был найден в 1900 г.) (ЦГАРТ, ф. 1. Оп. 3, д. 7100, л. 1–31).

5. Малый Толкиш, Чистопольский уезд, Казанская губерния, найден 20 июля 1881 г. Клад из 4803 экз. (по: «Археологическая карта…, 1986» – 4805 штук). Состав: от Токты до Токтамыша, а также монеты Джелаиридов, Чагатаидов и русские подражания. Старшая – Токта, 707 г. х./1307–1308, Хорезм, младшая – Токтамыш, 791 г. х./1388–1389. В кладе находились 6 дирхамов Узбека МД Болгар ал-Махруса: 731 г. х. – 3, 732 г. х. – 2, 733 г. х. – 1, 749 г. х. – 1 (Фёдоров-Давыдов, 1960, № 151; Археологическая карта…, 1986).

6. Николаевка, Чистопольский уезд, Казанская губерния, 1892 г. Клад из 5689 серебряных и одной золотой монеты. Состав: от Токты до Токтамыша, в том числе 621 дирхам Узбека. 25 монет переданы в Эрмитаж (Фёдоров-Давыдов, 1960, № 152). В рукописи Н.Ф. Калинина приводится общий вес клада – 19 фунтов, 81 золотник, 90 долей, что соответствует 8132 граммам серебра (Калинин, 1959, № 14). В кладе находился один золотой динар Фируз Шаха, Дели.

Рис. 13. Медные монеты второй половины XIV – начала XV в.: 1 – Пул МД «Шонгат»; 2 – Пул «Али Дервиш»; 3 – Надчекан «Азиз-хан»; 4 – Надчекан «Хан»; 5 – Надчекан «Дробь».
Изображения монет взяты из фотоархива авторов.

7. Малые Атряси, Тетюшский уезд, Казанская губерния, 1856 г. Более 10 тыс. монет, атрибутировано 2297 экз. Старшая – 681 г. х./1281, младшая – 797 или 798 г. х./1394–1396 (Фёдоров-Давыдов, 1960, № 149). Кроме золотоордынских, присутствовали монеты Хулагуидские, Джелаиридов, Чагатаев и Шейбанидские (?) (Савельев, 1858).

8. Малые Атряси, Тетюшский р-н РТ, 1954 г. Клад около 20 тыс. серебряных и 20 золотых монет. Состав: от Токты 710 г. х./1310–1311 до Бек-Пулада 793 г. х. и Токтамыша 797 г. х./1394–1395. В кладе находилось 12 дирхамов Болгара ал-Махруса, то есть 1330-х гг. (Фёдоров-Давыдов, 1960, № 150; Мухамадиев, 1983, с. 148–153). На момент публикации клад хранился в Казанском филиале Академии Наук СССР (Федоров-Давыдов, 1960, с. 159).

9. Каратун (точнее в 2,5 км к северо-востоку от станции Каратун), Апастовский р-н РТ, 1986 г. Клад из 24103 экз. В Национальном музее РТ хранится 14750 экз. Старшая – монеты XIII в., младшая – 796 г. х./1393–1394. Эмитенты: Токта, Узбек, Джанибек, Бирдибек, Кульна, Науруз, Хызр, Орду-Мелик, Тимур-Ходжа, Кильдибек, Мурид, Хайр-Пулад, Ульджай-Тимур, «Джанибек II», Пулад-Тимур, Азиз-Шейх, Араб-шах, Абдаллах, Урус, Каганбек, Мухаммед-Буляк, Бик-Пулад, Токтамыш, Мубарек-Ходжа, а также ханы династий Джелаиридов и Чагатаидов и денги русских княжеств (Фёдоров-Давыдов, 2003, №152 г; Фёдоров-Давыдов, Мухаметшин, 2018).

10. Даниловка, Больше-Тарханский р-н (ныне Тетюшский р-н РТ), 1959 г. Клад из 2100 экз. Состав: от Токты до Бик-Пулада. Старшая – 710 г. х., младшая – 793 г. х. (Фёдоров-Давыдов, 2003, №152 д; Пачкалов, 2004, № 33, здесь указано другое количество – 2145 экз.). Видимо, про этот комплекс написано в каталоге А.М. Ефимовой: «Долиновский (!) клад найден в осыпи правого берега Волги, в устье Гусиного оврага, в 3,5–4 км к югу от с. *Долиновка* Тетюшского района ТАССР… Находка жителей с. Урюм Тетюшского района ТАССР весной 1959 года» (Ефимова, 1980, с. 169, № 828). Поступил в Государственный музей ТАССР, № 13565, 2100 серебряных золотоордынских монет и слиток серебра.

11. Карашам, Нурлатский р-н РТ, 1950 г. Найден на левом берегу Свияги, в 2 км восточнее с. Карашам. Клад из золотых и серебряных украшений и 109 дирхамов. Состав: от Токты 710 г. х. до Токтамыша 793 (?) г. х. (Фёдоров-Давыдов, 1960, № 148; Мухаметшин, 2011, 102 монеты). Н.Ф. Калинин отмечает, что общее количество составляло 102 экз., из них 70% обрезаны (Калинин, 1959, № 33). Клад хранится в ГМТ, № 11418–11470, 11792 (Ефимова, 1980, № 829).

12. Тукаевский р-н РТ, до 1991 г. Клад из 56 экз., атрибутировано 26 монет. Состав: от Узбека до Токтамыша. Старшая – данг Узбека, чекан Сарая, младшая – Токтамыш 792 г. х./1389–1390. 10 дирхамов обрезаны – от 0,64 до 1,19 г (Питинов, 2005, с. 34).

13. Уньба, Высокогорский р-н РТ, начало XXI в. Клад из 151 обрезанной монеты, вес от 0,29 до 1,10 г. Состав: от Токты до Токтамыша, монетные дворы: Сарай, Сарай ал-Махруса, Сарай ал-

Джадид, Азак, Гулистан, Орду, Хорезм, а также Самарканд (с именем Тимура) и Ильханская (Сулейман?) (Бугарчев, 2018, с. 124–136).

14. Измери, Спасский уезд, Казанская губерния, 1873 г. Клад из 7271 экз. (в рукописи Н.Ф. Калинина указано 7245 экз.). Атрибутировано 2 монеты: Джанибек, Сарай ал-Джадида и Суюргатмыш-Тимур (Фёдоров-Давыдов, 1960, № 147). Хранятся в ГМТ. Четыре дирхама из данного клада попали в коллекцию А.Ф. Лихачёва, одна из них – это монета с именем Тимур-Кутлуга (799–802 г. х./1396–1400), вес 24 доли (1,07 г) ([Лихачев], лист 372-2, № 259).

15. Дер. Тюбяк, Казанский уезд, 1896 г. (деревня Тюбяк-Чекурча, расположена в 3 км к юго-востоку от Арска). Денежно-вещевой клад, в состав которого входили 4 серебряных браслета, кольца и 11 дирхамов XIV в. (Фёдоров-Давыдов, 1960, № 285).

16. Рождествено, 2000-е гг. Около 300 обрезанных монет, сохранились два экземпляра – весом 0,35 и 0,50 г (Узбека и Джанибека) (Бугарчев, Шайхутдинова, 2022, с. 172).

Во время правления Токтамыша, с 781 г. х./1379–1380 до 798 г. х./1395–1396, было тезаврировано 14 кладов (клады № 15 и 16 здесь не учитываются, так как неизвестен их типовой состав). При анализе кладов данного периода необходимо учитывать следующий момент: точный год младшей монеты клада известен только для 6 комплексов из 14. У остальных 10 кладов младшая монета определяется только периодом правления хана, то есть указывается, что младшая монета чеканилась в правление Токтамыша. Однако можно уверенно говорить, что большая часть кладов была сокрыта в связи с военными поражениями данного золотоордынского правителя в 793 г. х./1391 или 797 г. х./1395.

Обращает на себя внимание тот факт, что половина кладов пятого этапа состоят из большого количества монет – от 2100 и до 24 тысяч экземпляров.

Обрезанные монеты встречаются во многих кладах Болгарской земли, отдельные клады состоят только из обрезанных монет. К примеру, Малоатрясинский (№ 8) или Уньбинский (№ 13).

В Болгаре не обнаружены клады, тезаврированные в 70-е гг. XIV в. Клад № 2 с младшей монетой Токтамыша 782 г. х./1380–1381 датируется началом 1380-х гг. По своему составу и статистическим характеристикам он не отличается от кладов 1360-х гг. Только наличие монет Бердибека II (789 г. х.) и Токтамыша (по одному экземпляру) выделяет его из вышеназванных кладов. Точно такой же клад был обнаружен в 1867 г. в Спасском уезде (№ 1). О метрологии монет этих кладов сведений нет. Тезаврация этих кладов, вероятно, связана с дестабилизацией обстановки в Болгарском улусе перед восшествием на трон Токтамыша и денежной реформой 782 г. х./1380. Возможно, в связи с реформой в Болгаре произошло дальнейшее снижение нормы обрезывания серебряных монет. А.Г. Мухамадиев полагает, что «новочеканенные монеты Токтамыша, попадая в Среднее Поволжье, обрезывались под вес 0,78 г» (Мухамадиев, 1983, с. 111).

Клады, выявленные в Болгарском улусе, такие как: «Карашам», «Малые Атрясы» 1856, 1954, «Малый Толкиш», «Николаевка», из Спасского уезда и «Каратун», по составу очень велики. Часть из них включает золотые монеты, слитки серебра, золотые и серебряные украшения. Их тезаврация связана с поражениями Токтамыша в 1391 г. на Кондурче и в 1395 г. на Тереке. От кладов других регионов болгарские клады отличаются наличием большого количества обрезанных монет. Данные клады показывают концентрацию в руках отдельных людей огромного состояния и изменение характера товарно-денежных отношений в регионе. Обращение серебра на внутреннем рынке сохраняется, однако оно концентрируется в руках купцов, обслуживающих транзитную торговлю. Судя по топографии находок кладов, эти купцы проживали не в самом Болгаре, а в провинции.

На территории современного Татарстана обнаружено более 60 местонахождений с монетами середины XIV в., в то время как местонахождений кладов с монетами 1370–1390-х гг. известно всего десять. В Болгаре найдены единичные серебряные экземпляры монетного двора Орда 1370-х гг. и монеты Токтамыша 1380-х и 1390-х гг. Практически всё поступавшее в Болгар «серебро» уходило в клады. В обращении осталась токтамышевская «медь», надчеканенные медные монеты и обрезанное серебро, но и их доля среди общего числа монетных находок на городище не превышала 3%.

Номинально власть Токтамыша сохранилась вплоть до 1398 г. На русских монетах имя Токтамыша исчезает после сражения на реке Ворскле в 1399 г. (Фёдоров-Давыдов, 1981, с. 15) и чеканится нечитаемое имя хана (Фёдоров-Давыдов, 1981, с. 66).

Реформа Токтамыша, как и реформа Токты 1310 г., предполагала изъятие из обращения всех монет предыдущих выпусков. Поэтому в первые годы реформы было отчеканено большое количество новых монет. В Каратунском кладе из 18 506 монет Токтамыша 3727 экземпляров или 20,1% чеканены в начале правления хана. Известно, что Токтамыш пришел к власти в конце 781 г. х. (закончился 6 апреля 1380 г.). В кладе имеется только одна монета, чеканенная в 781 г. х. в Сарае

Рис. 14. Медные монеты второй половины XIV – начала XV в.: 1 – Надчекан «Зафар» (Победа); 2– Надчекан «Лира» («Лук со стрелой»); 3 – Надчекан «Лира» («Лук со стрелой»). Вариант штемпеля; 4 – Пул Шадибека, Болгар, 807 г.х. (1404-1405 гг.). Изображения монет взяты из фотоархива авторов.

ал-Джадид, хотя имеются токтамышевские монеты того же года Хорезма и Сыгнака. Массовая чеканка монет Токтамыша происходила в 782 г. х. Если бы монет было выпушено меньше, то, несмотря на запрещение, на рынке удерживалась бы часть монет предыдущих выпусков. Несмотря на обильную чеканку первых лет, фактически так и происходило. В Каратунском кладе пореформенные монеты составляют 17% от состава клада. Подавляющее большинство монет Каратунского клада выпущено с именем Токтамыша (77,12%). Они чеканились практически во всех городах Золотой Орды, а также в Закавказье и Кок-Орде в 781–797 гг. х./1380–1395.

Состав Каратунского клада свидетельствует о том, что после реформы Токтамыша весовая норма чеканки серебряной продукции на монетных дворах Сарай, Сарай ал-Джадид, Орда, Крым, Азак и Азак ал-Махруса в какое-то время была равнозначной и соответствовала величине несколько большей, чем 1,41 г.

Надчеканеные монеты в культурном слое Болгарского городища встречается в значительном количестве. Более ранние материалы XIV – первой половины XV в., найденные также на территории Болгарского городища, хранятся в Национальном музее РТ. Монеты с надчеканками активно участвовали в денежном обращении. Об этом показывает широкая территория их распространения. Они найдены в культурном слое Джукетау и Казани, обнаружены на многочисленных поселениях Волги и Камы от Ульяновска до Чистополя. Известны их находки в бассейнах рек Казанки, Свияги, Актая и Майны. Надчеканки «Адель» и «Хан» получили распространение и за пределами Болгарского улуса. Остальные известны только по материалам Болгарского городища.

Из комплексов единичных находок укажем на *городище Биляр*, где были собраны 18 дирхамов с именами от Джанибека до Токтамыша (Фёдоров-Давыдов, 1963, с. 198). Можно упомянуть про две серебряные джучидские монеты, происходящие из *села Атабаево* (Лаишевский район РТ) (Археологическая карта…, 1981, с. 81). В *селе Мачкара* (Кукморский район) обнаружено 3 джучидские монеты (без указания типов и металла) (Бурханов, 2002, с. 260).

В фондах ГИМ (Москва) хранится обрезанный дирхам Токтамыша, МД Азак, найденный в *Ага-Базаре* (Бугарчев, Пахомова, 2018, с. 277–279). В статье К.А. Смирнова упоминаются три монеты из раскопок на *Ага-Базаре*: яма 1 – дирхам 742 г. х./1341, МД Сарай ал-Джадид, яма 3 – пул примерно 740 г. х./1340, также Нового Сарая, яма 5 – монета без указания металла (медь?) 790 г. х./1388, МД Ак-Сарай, надчекан первой четверти XV в. (Смирнов, 1958, с. 453).

Теперь обратимся к медной чеканке.

Приведём сводную информацию кладов медных монет с территории Болгарского городища и окрестностей (табл. 4).

С территории города Болгара и его пригорода Ага-Базара происходят 13 комплексов медных монет. Про клад 1886 г., кроме того, что он был найден в районе Ага-Базара, нам ничего не известно. Остальные клады зафиксированы и некоторые из них опубликованы. Как следует из таблицы 3,

клады состоят из однородных (№ 8, 9, 10–12) или близких по времени чеканки (№ 7, 8, 5, 13) типов монет. Группа монет из шурфа (№ 3) включает монеты типа «Янина, № 12 – булгарская решётка», «Янина, № 40 – лев и солнце», «Ян, № 89 – с именем Хызр хана» (Янина, 1954). Пулы разновременные, и вряд ли они составляли единый комплекс. Малое их количество (4 экземпляра) не позволяет сделать окончательный вывод по этой находке.

В кладе № 2, найденном в 200 м от полевых ворот по Слободской дороге, к юго-востоку от Малого Минарета, находился 221 пул с двуглавым орлом, МД Сарай ал-Джадид, по 2 экземпляра «булгарской решётки» и «лев-солнце», по одному экземпляру с легендой «ун алты данг» и пул Мохши 752 (?) г. х., а также 15 полностью стёртых монет (Васильев, 1929, с. 41–45). Находка монет «булгарская решётка» в комплексе монет XIV в. наводит на мысль, что его датировка, предложенная С.А. Яниной – XIII в., является ошибочной. Г.А. Федоров-Давыдов исключал монету этого типа из списка монет, чеканенных в XIII в. (Федоров-Давыдов, 1987). В 2002 г. в Болгаре была обнаружена перечеканенная монета такого типа. Исходным материалом перечеканки явился сарайский пул с датой 737 г. х. (тип со львом, 1336–1337). В комплексах № 4, 6, 7 в значительном количестве представлены надчеканки. В кладе № 4, выявленном в сооружении 81 раскопа XCV, – две монеты с надчеканкой «лировидная тамга» и 10 неопределенных. В кладе № 6, происходящем из траншеи 2002 г., из 14 экземпляров – 8 монет с лировидной тамгой. В кладе № 7, обнаруженном к западу от Ага-Базара, из 16 монет – 8 надчеканенных. Этот клад состоит полностью из монет Хызр-хана. Клад № 6 выявлен на траншее по ул. Бр. Назаровых у выставочного зала заповедника. Нахождение монет с лировидной тамгой в центре городища в комплексе монет XIV в., а также исключительная редкость монет XV в. на городище позволяет нам отнести надчеканку «лировидная тамга» к концу XIV в. К тому же самая младшая монета, надчеканенная лировидной тамгой и обнаруженная в Болгаре, относится к чекану Сарая 795 г. х./1392–1393. По младшей монете все клады пулов относятся к XIV в.: к 40-м гг. XIV в. – 3 клада (№ 2, 3, 9); к 60-м гг. XIV в. – 5 кладов (№ 5, 8, 11, 12, 13); и к 90-м гг. XIV в. – 4 клада (№ 4, 6, 7, 10).

Токтамышевская «медь» южной чеканки в значительном количестве поступала в Среднее Поволжье, здесь часть надчеканивалась. На медных монетах времени Токтамыша отмечено три вида надчеканок: «хан», «хакан», «лировидная тамга». Самая поздняя надчеканенная монета датирована 791 г. х./1388–1389 (не учитывая анэпиграфных монет, которые точно не атрибутированы).

Что касается надчеканок вообще, то их появление в обращении нумизматы связывают со второй половиной 60-х гг. XIV в. (Фёдоров-Давыдов, 2003, с. 50), верхней датой по встречаемости их в комплексах XIV века можно считать 1400 г. Монет XV в. с собственно золотоордынскими надчеканками нет (Фёдоров-Давыдов, 2003, с. 50). Отдельные монеты 50-х гг. XIV в. (тип с розеткой) подверглись надчеканиванию. Возможно, эти монеты во второй половине 60-х гг. XIV в. ещё находились в обращении. Массовой надчеканке подвергались пулы Хызр-хана чекана Сарая ал-Джадид и Гулистана. В Болгаре на монетах Хызра обнаружено 12 видов надчеканок.

В период «замятни», т. е. 1360–1380 гг., топоним «Болгар» на монетах отсутствует. Болгарский монетный двор в это время продолжал свою работу и производил массовую надчеканку медных монет. На сегодня выявлен 21 вид надчеканок, из них только две не относятся к Болгарскому монетному двору.

По разнообразию типов медных монет особняком стоит раскоп CXCIX на Болгарском городище (руководители А.Г. Ситдиков и С.Г. Бочаров), где обнаружено 66 монет времени Токтамыша. Это составляет 11,4% всех монет раскопа, что является редким явлением не только для Болгара, но и для других памятников Золотой Орды. Например, на Селитренном городище монеты времени Токтамыша составляют 7,5% (Клоков, Лебедев 2002, с. 145, таблица 5), в Бельджамене – 2,9% (Клоков, Лебедев 2000, с. 88, таблица 5). В Болгаре среди нумизматического материала Поволжской археологической экспедиции монет Токтамыша всего 12 штук, в материалах 1974–1983 гг. – 11 штук. Таким образом, немаркированные (чистые) монеты Токтамыша, выявленные в раскопе CXCIX в большом количестве, представляют нетипичное явление. Среди них обнаружена продукция монетных дворов Сарай, Сарай ал-Джадид, Орду, Орду-Базари, Орду ал-Муаззам, а также анэпиграфные монеты и монеты без указания места и года чекана, всего 34 типа. Можно сделать вывод, что монеты, чеканенные в период правления Токтамыша, регулярно и длительное время поступали в Болгар и концентрировались в определенном месте для маркирования «лировидной тамгой».

Своеобразие раскопа CXCIX отражается наличием в нём большого количества монет «Али-Дервиша» (43 шт. – 7,4% от всех обнаруженных в раскопе пулов) и экземпляров с надчеканками (130 шт. – 22,3%). Из ранее выявленных 12 штемпельных разновидностей «Али-Дервиша» здесь присутствует восемь. Также обнаружен клад, со-

Рис. 15. Ханы XV в. (1402–1419 гг.): 1 – Шадибек, Болгар, 805 г.х. (1402–1403 гг.); 2 – Шадибек, Болгар, 806 г.х. (1403–1404 гг.); 3 – Пулад, «Раджан», [810] г.х. (1407–1408 гг.).; 4 – Пулад, Болгар, 812 г.х. (1409–1410 гг.); 5 – Махмуд, Болгар, 812 г.х. (1409–1410 гг.). Привдятся фотографии экземпляров из Измериевского клада (Национальный музей РТ №34410).

стоящих из 10 пулов «Али-Дервиша» (таблица 3, № 10). Одна монета из клада чеканена на стенке медной посуды.

По известному материалу выделяются 10 разновидностей штемпелей лицевой и 12 разновидностей штемпелей оборотной стороны пулов «Али Дервиша». Кроме одного варианта, все разновидности между собой связаны.

Легенду на типе «Али Дервиш» С.А. Янина предположительно читала как «чекан Сарая?» (Янина, 1958, с. 412). В.П. Лебедев считает, что чтение «Дервиш» сомнению не подлежит (Клоков, Лебедев, 2002, с. 114). На экземплярах из Болгарского музея легенда монет читается четко как «Али Дервиш». Нам другое чтение не представляется возможным.

Местом чекана монет «Али Дервиша», бесспорно, является город Болгар. Сегодня известно сотни экземпляров, найденных на городище. Находки за пределами Болгара и его округи малочисленны. Например, в Иски-Казани – 7 пулов, на Джукетау – 2 экземпляра.

О принадлежности монет «Али Дервиша» к чекану Али – сына Пулада (1407–1412) писала С.А. Янина (Янина, 1958, с. 401). По мнению Г.А. Федорова-Давыдова, данный тип монет также относится к чекану Али-Дервиша, но отцом Али-Дервиша назван Ильбак (Фёдоров-Давыдов, 1987, с. 177).

Поскольку две монеты «Али-Дервиша» надчеканены «лировидной тамгой», то можно с уверенностью сказать, что они чеканены до времени обращения монет с надчеканкой «лировидная тамга» или одновременно с ними.

Имеющийся материал в какой-то мере позволяет определить датировку части надчеканок и место их маркирования. Однако десятки надчеканок из-за их малочисленности пока нельзя увязывать с каким-либо определенным археологическим центром.

Примерная датировка и последовательность проставления надчеканок на пулах из Болгарского региона установлена в работе Д.Г. Мухаметшина (Мухаметшин, 2016, с. 18–32).

Кроме Болгарского городища и его округи, большое количество пулов XIV в. было обнаружено и на других археологических памятниках Татарстана.

Ага-Базар, Иски-Казань, Татарско-Айшинское селище, Джукетау и др.

О находках джучидских монет на *Ага-Базаре* сообщает Е.П. Казаков: «собраны серебряные и медные монеты. Дата монет ещё не определялась», «Исаевым В.Н. – жителем г. Куйбышев … переданы нам найденные им на Ага-Базаре 3 брон-

зовые и одна серебряная монета» (Казаков, 1967, с. 4–5). В ГИМе хранятся 10 пулов конца XIV в., надчеканенные «медяки» – 14 экземпляров (надчеканы «лира» и «лапа»), а также 9 стёртых монет (Бугарчев, Пахомова, 2018, с. 277–279).

На территории *Иски-Казанского археологического комплекса* зафиксировано 345 пулов XIV в., из них 111 экземпляров надчеканены (Бугарчев, Степанов, 2021, с. 21–23). В состав ненадчеканенных монет входят выпуски от 721 до начала 800-х гг. х. (1321–1390). Наибольшее число пулов относится к 1340–1360-м гг. – 67% от всего ненадчеканенного медного комплекса. Это типы «двуглавый орёл», «лев и солнце», розетка и с именем Хызра.

«Медь» с надчеканками составляет треть от всех пулов Иски-Казани. Чаще всего использовались надчеканки «хан» (43%), «Азиз-хан» (19%) и «лировидная тамга» (9%). По мнению авторов статьи, надчеканка «хан» могла производиться в Иски-Казани (Бугарчев, Степанов, 2021, с. 24).

На *Татарско-Айшинском селище* как подъёмный материал обнаружен дирхам 770-х гг. х., чекан Орду, вес 0,75 г (обрезан) (Шигапов, 2008, с. 7). Два дирхама найдено в *с. Венета* (Арский район) – с именем Кильдибека, Сарай ал-Джадид (1,56 г) и с именем Токтамыша, Сарайчук (?).

Одним из крупнейших памятников XIII–XIV вв. было городище *Джукетау*. Всего было найдено 290 медных монет: 277 джучидских, 3 иноземных и 10 стёртых экземпляров. Находки монет XIII в. были рассмотрены выше. К периоду 1320–1390-х гг. относятся 253 пула. Как и в Иски-Казани, типы «двуглавый орёл», «лев и солнце», розетка и с именем Хызра составляют большинство – 137 монет (54,2% от всех джучидских пулов XIV в.). Остальные монеты – это болгарские типы «тамга в треугольнике», «тамга в звезде», болгарская решётка и единичные экземпляры южных монетных дворов 763–791 гг. х. Причём перечисленные выше болгарские пулы составляют 31,2% (79 экз.). В отличие от Болгарского и Иски-Казанского городищ, на Джукетау обнаружено всего 11 надчеканенных монет с использованием надчеканок «Азиз хан», «хан», «зафар», и «лировидная тамга».

Около 50 пулов XIV в. выявлено в окрестностях села *Старые Салманы* Алькеевского района РТ. Они чеканились с 1320-х до 1363 г. (764 г. х.) (Степанов и др., 2016, с. 34–35).

С *Большеатрясского селища* происходит 62 пула, чеканенных с 726 г. х./1326 до 785 г. х./1384, в том числе болгарские «тамга в треугольнике», «тамга в звезде» и «решётка», сарайские и т. д. Необходимо отметить 9 экземпляров монетного двора «Шонгат» и всего один пул с надчеканкой («лировидная тамга») (Руденко, Бугарчев, 2015, с. 168–170).

На *селище Чакма* (Лаишевское) обнаружено более 50 пулов, выпущенных в период 1320–1370-х гг. Это продукция монетных дворов Болгар, Сарай, Сарай ал-Джадид, Гулистан и Мохши (Бугарчев, Руденко, 2013, с. 69–70). Надчеканенных экземпляров не обнаружено, что может свидетельствовать о прекращении денежного обращения к 1360-м гг. В окрестностях *дер. Сахаровка* (Алексеевский район) было найдено большое количество пулов 763 г. х./1361–1362 – 28 экземпляров, которые, скорее всего, составляли клад медных монет. Кроме этого, здесь обнаружены пулы «тамга в звезде» (3 экз.), «двуглавый орёл» (3 экз.), пулы с именем Хызр-хана (7 экз.), с цветком (5 экз.) и по одной монете Мохши и с изображением барса влево (Степанов, Бугарчев, 2017, с. 29–30).

На *Япанчинском городище* найдены две джучидские монеты XIV в. (серебряная и медная), на *Тавлинском* – также две (серебряная и бронзовая XIV в.) (Хамзин, Замалтдинов, 2003, с. 80–82; Бурханов, 2004, с. 8, с. 39). О находке джучидской монеты XIV в. на Тавлинском городище упоминается в статье 1991 г. (Губайдуллин, Измайлов, 1991). В *Рождествено* обнаружено 8 пулов XIV в. (Сарай, 726 г. х.; Болгар, 734 г. х.; Хызр, Сарай ал-Джадид (далее – САД), 762 г. х.; Хызр, САД и надчекан «хан»; Хызр САД и надчекан; Хызр, Гулистан, 762 г. х.; САД, 753 г. х. и надчекан «адил»; Хызр, Гулистан, 762 г. х.) (Шигапов, 2006). Можно упомянуть находку пула времени Токтамыша, МД Сарай с болгарской надчеканкой (Гисматуллин, Крылов, 2018, с. 391).

Недалеко от Рождествено, в *дер. Дятлово* в 2018 г. был найден комплекс ордынской «меди», из которых атрибутировано 439 пулов. Это типы с именем ан-Насира (2 экз.), «тамга в треугольнике» (29 экз.), «тамга в звезде» (17 экз.), сарайские пулы 731–732 гг. х. /1330–1332 (4 экз.), «лев-солнце» (28 экз.), «булгарская решётка» (10 экз.), «двуглавый орёл» (101 экз.), «розетка» (140 экз.), пулы Базджина (4 экз.), с именем Хызр-хана (64 экз.), «барс» Гулистана 764 г. х./1362–1363 (19 экз.), «двуглавый орёл» Гулистана 766 г. х./1364–1365 (11 экз.), единичные экземпляры Крыма, Мохши и Хорезма (Алексеев, Степанов, 2020, с. 122–123). Монеты чеканились с середины XIII до конца XIV в. По мнению авторов статьи, здесь можно говорить не о кладовом, а о религиозном характере данного сбора.

По информации В.К. Савельева, в *дер. Караса* (Аксубаевский район, 15 км к ЮЗ от пос. Аксубаево) находили джучидские монеты (Арх. памятники, 1990, № 148).

Рис. 16. Ханы XV в. (1402–1419 гг.): 1 – Тимур, Болгар, [813] г.х. (1410–1411 гг.); 2 – Кибак, Болгар, [814] г.х. (1411–1412 гг.). «Изящный» почерк; 3 – Кибак, Болгар, [814] г.х. «Грубый» почерк; 4 – Джалал ад-Дин, Болгар, [816] г.х. (1413–1414 гг.). Приводятся фотографии экземпляров из Измериевского клада (Национальный музей РТ №34410)

Один обрезанный дирхам весом 0,66 г с именем Токты (1291–1312) был обнаружен в *Юльяльском могильнике* на территории Марий Эл (Никитин, 1992, с. 160).

Метрология ордынских пулов 1320–1380-х гг. была рассмотрена в статье А.И. Бугарчева (Бугарчев, 2020, с. 98–112). В результате изучения сборов с таких памятников, как Водянское, Селитренное, Зубовское, Царевское, Чертово городище и Колобовка были получены следующие результаты: пулы Сарая 721–731 гг. х./1321–1331 чеканились в границах 1,2–1,4±0,1 г, так же как и пулы 737–750 гг. х./1336–1350 («Лев и солнце», «Двуглавый орёл»). Монеты 751–760 гг. х./1350–1359, «розетка», выпускались с весом 2,0–2,2±0,1 г, пулы с именем Хызр-хана 762 г. х./1360–1361 чеканились в границах 2,9–3,1±0,1 г (по нашему мнению, пулы Хызра чеканились с «замороженной» датой, как минимум до 766 г. х.). Позднее были проведены эмиссии более тяжёлых монет: «Гулистан 764 г. х.» с показателем 4,4–4,6±0,1 г, «зверь влево или вправо», Сарай ал-Джадид 768 г. х. – 5,6±0,1 г. И в это же время продолжали чеканиться монеты с весом 2,2–2,3±0,1 г (пулы Кильдибека 763 г. х. и Азиз-Шейха 767 г. х.) и с весом 2,5–2,6±0,1 г (пулы Хайр-Пулада 764 г. х. и Тулунбек-ханум 773 г. х.). Данные цифры свидетельствуют о том, что в середине XIV в. в денежном обращении Золотой Орды сложилась чёткая система номиналов медных монет.

Для сравнения приведём показания метрологии этих же типов «меди» по материалам раскопа CLXXIX Болгарского городища (табл. 5).

В таблице 5 приводится метрология пулов, количество которых достаточно для установления объективных показателей. Остальные типы из раскопа CLXXIX (179) представлены единичными экземплярами – от 1 до 6 штук. Это монеты 764–790-х гг. х./1360–1390-е.

Выявляются сопоставимые по значению цифры гистограмм различных типов пулов, найденных на территории южных городищ, и с Болгара. Всё это свидетельствует о том, что в Болгарском регионе, как и в южных районах Золотой Орды, сложилась и функционировала многономинальная монетная система, в состав которой органично вошли болгарские монеты: «тамга в треугольнике», «тамга в звезде» и «решётка». По своим показателям болгарские пулы «тамга в треугольнике» и «решётка» соответствовали сарайским монетам «лев-солнце» и «двуглавый орёл».

Новый, **шестой** этап денежного обращения на Средней Волге начинается с реформы Шадибека. На монетном дворе Болгар в 805 г. х./1402–1403 началась чеканка серебряных монет нового типа. Также изменился вес пореформенных монет – они

стали чеканиться с указным весом 0,78 г. После эмиссий с именем Шадибека в Болгарском вилайате выпускались дирхамы с именами следующих ханов: Пулад, Махмуд, Тимур, Джалал ад-дин, Кибак, Чекре, Дервиш, Кадыр-Бирди. Такая смена эмитентов проходила в течение короткого времени – до 822 г. х./1420, то есть за 18 лет сменилось 9 правителей. В составе Измерского клада были выявлены два непрочитанных эмитента, которые хронологически относятся ко второй декаде XV в. Кроме перечисленных ханов, на южных монетных дворах в этот период чеканились монеты с именами Керим-Бирди, Джаббар-Бирди, Гийас ад-Дина (Первого) и Саид-Ахмада (Первого).

Клады XV в. различаются по своему составу. Клады Казани и Предкамья состоят только из монет XV в. (Фёдоров-Давыдов, 1960, № 189, 194, 195, 199; 2003, № 202 д), а в составе кладов Закамья и Предволжья имеется значительная доля монет XIV в. (Фёдоров-Давыдов, 1960, № 190, 192, 198, 200; 2003, № 202 е, 202 ж). Это является показателем формирования нового рынка на севере Болгарского улуса в связи с возвышением Иски-Казани и оттоком населения из закамских и предволжских земель. Обнаружение второго клада с монетами Мухаммада и единичные монеты из случайных находок свидетельствуют о том, что в Болгаре в 20–30-е гг. XV в. денежное обращение, хотя и слабое, существовало. О продолжении жизни в Закамье можно судить по кладам XV в., найденным в этой зоне, тезаврация которых связана с прекращением товарно-денежных отношений в Болгаре и в Закамье в целом в 30-е гг. XV в.

Необходимо отметить, что в первой трети XV в. указание на монетный двор Болгар означало только то, что денежное производство находилось в Болгарском регионе, в разное время в разных местах.

Список кладов с болгарскими монетами, чеканенными до 822 г. х./1419, а также клады, найденные на территории Татарстана.

1. Москва, 1939 г. Всего 71 экз. XV в., в том числе 1 – Шадибек, Болгар (то есть 805–809 гг. х.). (Федоров-Давыдов, 2003, с. 107, № 214 б).

2. Курская обл., верхнее течение реки Псёл. 2005 г. Клад из 135 монет от Узбека до Пулада (1407–1410), дирхам Пулада – МД «Раджан» 810 г. х./1407–1408, вес 0,89 г (№ 124). (Сагдеева, 2015, с. 116–123).

3. Тетюши (в 2–3 км к северу от города), 1907 г. Всего 1515 экз., старшая – Узбека (1312–1341), младшая – Шадибека и Пулада (1407–1410). МД не указаны. В том числе две русские – Борис Константинович Городецкий и рязанская. МД не указаны (Федоров-Давыдов, 1960, № 198). В книге А.А. Ильина указано, что всего было 1476 монет, из них 1263 экз. с именем Токтамыша. (Ильин, 1924, № 27). 198 монет поступили в Эрмитаж.

4. Светино Моркинского р-на, август 1936 г. Найден у ключа «Светина» в 2 км от деревни Русский Уртем Моркинского р-на на правом притоке р. Ашим. По Н.Ф. Калинину – 9810 экз. Старшая – Токты 710 г. х., младшая – Шадибека и Пулада (1402–1409). В том числе 1192 экз. русских княжеств. (Фёдоров-Давыдов, 1960, № 201). Шадибек, Болгар – 2942 экз., Пулад, Болгар и Болгар ал-Джадид – 4418 экз. Хранится в ГМРТ, № 32987–32991 (Сингатуллина, 2006, – всего было 9890 единиц, однако к концу 1970-х гг. сохранилось 6085 монет).

5. Починок Ташьялудский Нижнеуканской волости Глазовского уезда Вятской губернии, левый берег р. Лекмы (левый приток р. Чепцы), 1888 г. Найден крестьянином Григорием Веретенниковым и его братом Федором. Всего 242 экз., из которых 152 монеты «находились в баночке, сделанной из воска». Атрибутирован 81 экз. Эмитенты: Шадибек, Пулад и Мухаммад. Старшая – Шадибек, Болгар, 805 г. х./1402–1403, младшая – с именем Мухаммада (1419 и позднее). Поступили в Эрмитаж (Мокерова, 1995, № 18; Фёдоров-Давыдов, 1960, № 202 – клад указан как найденный в Починок Татьяльский. На стр. 183 под № 290 этот же клад учтён второй раз как найденный в 1888 г, в п. Ташьялудский). 81 экз. поступил в Эрмитаж[10].

6. Стижок, Шумский район, Тернопольская область, Украина, весна 2011 г. Всего найдено до 2500 серебряных монет, среди них один экземпляр чеканки «Раджана», Пулад, вес 0,65 г, надчекан «колонна Гедиминовичей» (Дергачева, Петров А.Н., 2017, с. 322–346).

7. Христофоровка (в трёх верстах от дер. Измери), Спасский уезд Казанской губернии, 1873. Более 300 экз. Старшая – Узбека, младшая Пулада и Тимура (1410–1411). В том числе три монеты Болгара от имени Шадибека, а также три русских (Федоров-Давыдов, 1960, № 200). 300 монет поступили в Эрмитаж, остальные на сплав. В ОАК 1873 указано, что экземпляры от Узбека до Хайр-Пулада обрезаны, от Токтамыша и далее – не обрезаны. Видимо, клад состоял из двух блоков – монеты Узбека – Хайр-Пулада и дирхамы Токтамыша – Тимура.

8. Пильненский р-н, Нижегородская область, 2001 г. Клад из 10 монет: от Шадибека 805 г. х./1404–1405, Пулада, Тимура (?) до Джалал ад-Дина (1413–1414) (Петров, 2017, с. 277).

9. Чулла (Чюла), Тетюшский р-н РТ, 1956 г. Найден у левого притока р. Улемы. Было до 700 экз., чеканенные в основном в Болгаре и Болга-

[10] Авторы благодарят А.В. Егорова за помощь в уточнении публикации данного клада.

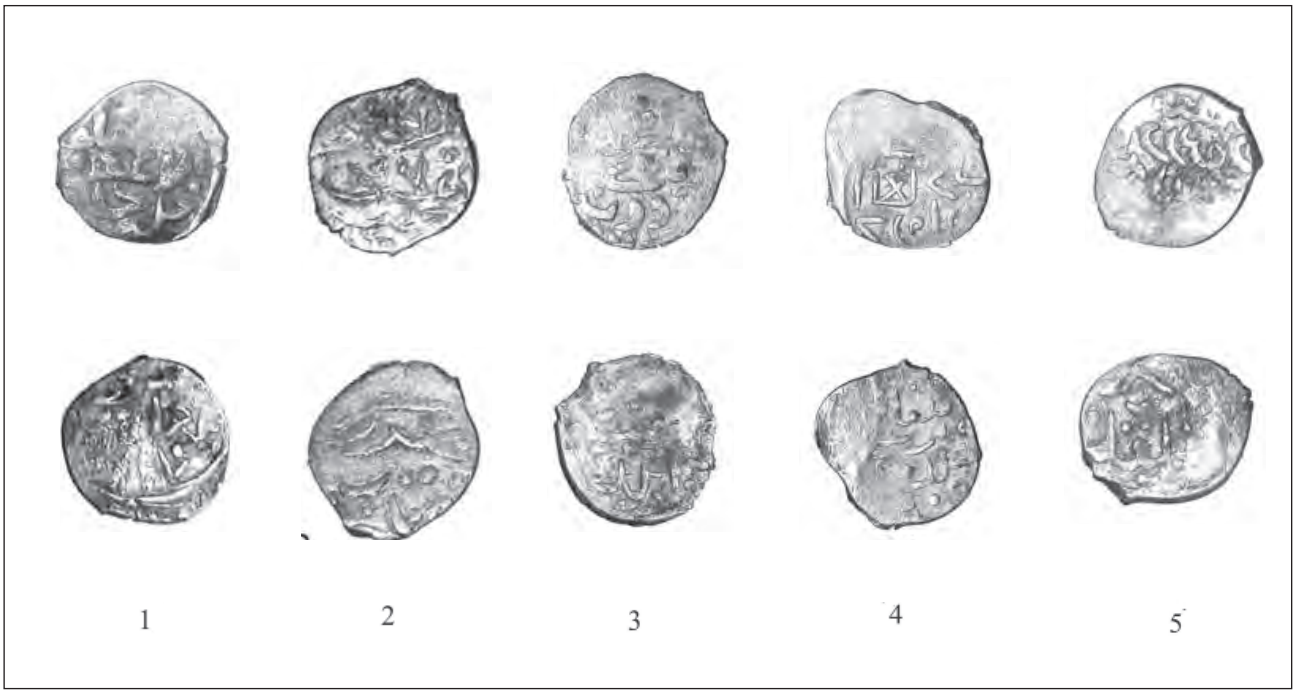


Рис. 17. Ханы XV в. (1402–1419 гг.): 1 – Чекре, Болгар, [816–818] г.х. (1413–1416 гг.); 2 – Чекре, Болгар, [816-818] г.х. (1413–1416 гг.); 3 – Дервиш, Болгар, [818-822] г.х. (1415–1419 гг.); 4 – Дервиш, Болгар, [818–822] г.х. Лицевая сторона написана зеркально; 5 – Кадыр-Бирди, Болгар, [822] г.х. (1419–1420 гг.). Лицевая сторона написана зеркально. Приводятся фотографии экземпляров из Измериевского клада (Национальный музей РТ №34410).

ре ал-Джадид (данный МД работал в 812–813 гг. х./1409–1411) в начале XV в. Русские – Дмитрий Донской, Даниил Борисович Суздальский (Фёдоров-Давыдов, 1960, № 202 а).

10. Сосновка, Казанский уезд, 1911 г. Найден у деревни Сосновка на глубине пол-аршина (36 см). Всего 925 экз., дирхамы XIV в. от Токты 710 г. х./1310, до Токтамыша (1390-е); XV в.[11]: Шадибек, Пулад, Тимур, Чекре, Махмуд, Джалал ад-Дин, Кибак, МД Болгар, Болгар ал-Джадид, Раджан, Сарай 806 г. х. В том числе три русские – Даниил Борисович Суздальско-Нижегородский, Василий II, стёртая (Фёдоров-Давыдов, 1960, № 197). По информации О.В. Тростьянского, младшая монета клада относится к Чекре (до 1415) (Тростьянский, 2009, с. 153). Большинство монет чекана Болгара, Хаджи-Тархан – 1 экз. В книге А.А. Ильина написано, что было 907 монет, «клад находится в Эрмитаже» (Ильин, 1924, № 20).

11. Хайриби (Кирби?), Лаишевский р-н РТ, 1929 г. Найден на правом берегу р. Мёши. Из 5 экз. два с именем Шадибека, МД Болгар, 806 и 807 гг. х./1403–1405, два с именем Пулада (один чеканен в Сарае болгарском, другой в Болгаре ал-Джадид) и один, возможно, с именем Тимура (1411–1412) (Васильев, 1930; Фёдоров-Давыдов, 1960, № 199).

12. Большая Атня, Атнинский р-н РТ, на р. Ашит, 2017 г. Клад из 14 монет: Токтамыш, Орду Муазам – 1, Шадибек, Болгар – 6, Пулад, Болгар ал-Джадид – 1, Пулад, Болгар – 1, Тимур, Болгар – 3, Джалал ад-Дин, Болгар – 2 (Бугарчев, Степанов, 2020, с. 127).

13. Кошар, Атнинский р-н РТ, 2012. Клад из 23 болгарских монет. Старшая – Шадибек, 805 г. х./1402–1403, младшая – Кадыр-Бирди, 822 г. х./1419–1420 (Бугарчев, Степанов, 2020, с. 124–126).

14. Шангут, Апастовский р-н РТ, 1963 г. Сохранился 41 экз., старшая – Хызр, 762 г. х./1360–1361, младшая – Керим-Бирди, 810-е гг. х./1410-е, МД – Хаджи-Тархан и московская деньга с именем Токтамыша – 1. Клад поступил в ГМ РТ, инв. № 34417 (Фёдоров-Давыдов, 2003, № 202 е).

15. Тетеево, Лаишевский р-н РТ, 2012 г. Клад состоял из двух частей: обрезанные монеты XIV в. – 68 экз. (эмитенты – от Токты до Токтамыша, 1310–1380-е), болгарские монеты начала XV в. – 87 экз., от Шадибек до Чекре (1402–1415) (Бугарчев, Степанов, 2014, с. 39–47).

16. Спасский р-н РТ, 2005 г. Более 110 экз. Старшая – Шадибек, младшая – Чекре и Кадыр-Бирди. Более 108 – болгарской чеканки. А также две русские – Даниил Борисович, Нижегородское княжество (Тростьянский, 2009, с. 153, № 6).

17. «Второй Досаевский» клад, до 2013 г. Все-

[11] Приводится перечисление по МД и количеству.

го 265 монет, из них 54 экземпляра – джучидские. Остальные относятся к монетам русских княжеств. Известно о четрыех дирхамах болгарской чеканки: с именами Шадибека, Пулада, Дервиша и один стёртый (Волков, 2013, с. 29–33)[12].

18. Большие Атряси, окрестности, Тетюшский р-н РТ, 2012 г. 177 экз., эмитенты: от Шадибека до Мухаммада (2 экз.) (1400-е – 1419), МД: Болгар, Болгар ал-Джадид и неуказанный (Степанов, Бугарчев, 2018, с. 83–91).

19. Большие Атряси, до 2020 г., 57 дирхамов, старший – Шадибек, 805 г. х./1402–1403, младший – с именем Кадыр-Бирди, 822 г. х./1419–1420. Все монеты болгарской чеканки. Хранится в Болгарском ГИАМЗ (Мухаметшин И.Д., Мухаметшин Д.Г., 2021, с. 91–93).

20. Дятлово, Лаишевский р-н, 2014 г. Всего 73 акче, удалось атрибутировать 19 монет с именами ханов от Шадибека до Дервиша (1402–1419). Все экземпляры болгарской чеканки, метрология сохранилась только для 8 монет (Бугарчев, Павлов, 2022, с. 64–65).

21. Лаишевский р-н, сентябрь 2008 г. Всего 283 экз. Известно, что в составе клада были: дирхам Токтамыша, акче Шадибека (Болгар, 805 г. х.), акче Шадибека (Болгар), монета с именем «Гази» (Гийас?) (Бугарчев, Степанов, 2014, с. 41).

С 822 г. х./1419 в Болгарском вилайате стали чеканиться монеты с именем Мухаммада на лицевой стороне и с «трёхногой» тамгой или легендой «Чекан Булгара» на оборотной. Полностью исчезло указание даты чеканки. Понизился указный вес и качество монетного металла.

Клады данного периода:

22. Большие Атряси, Тетюшский р-н РТ, 2000-е гг., от Джанибека (1 экз.) и Шадибека до Мухаммада (2 монеты начала 820-х гг. х.), всего 31 экз. (Степанов, Бугарчев, 2018, с. 88–91).

23. Тетюши (окрестности города), начало XXI в. Всего 311 монет, от Шадибека до Мухаммада (3 экз.) (1400–1410-е). МД Болгар, Болгар ал-Джадид и Сарай (Бугарчев, Купцов, 2017, с. 117–125).

24. Троицкий Урай, Рыбнослободский р-н РТ, апрель 2003 г. Более 6000 экз. (МД: Болгар, Хаджи-Тархан, Сарай, Сарай ал-Джадида, Бик Базари, Иль-Уй Муазам, Хорезм, Азак, Сарайчук, Крым, Каффа, Орда, Орда Муазам). С именем Дервиша найдено 167 акче. Другие эмитенты: Мурид, Гулистан 764 г. х./1362–1363, обрезанная. Основная масса – от Токтамыша до Мухаммада и Давлет-Бирди (1380–1410-е). Присутствовали и русские монеты: 55 экз. Великое Княжество Нижегородское (1410–1423), одна – Великое Княжество Московское (?) и 6 подражаний золотоордынским монетам (Тростьянский, 2005, с. 157–158; Рева, 2005, с. 159–164; Тростьянский, 2009, с. 153, № 9).

25. Измери, Куйбышевский р-н РТ, 1962 г. Всего 2358 экз. От Шадибека до анонимных и Мухаммада (75 экз.), то есть с 805 г. х./1402–1403 до периода 822–826 г. х./1420-е. Почти все – болгарской чеканки. Среди монет две русские (Даниил Суздальско-Нижегородский и неопределимая) (Фёдоров-Давыдов, 1963, № 201 а). По информации О.В. Тростьянского, в кладе находилось 2358 экз., в т. ч. две русские – Даниила Борисовича (Тростьянский, 2009, с. 153). А.Г. Мухамадиев также пишет, что в кладе было 2358 монет (Мухамадиев, 1983, с. 154). Хранятся в Национальном музее РТ № 34410.

26. Войкино, Алексеевский р-н РТ, найден до 1960 г. – времени написания работы Г.А. Фёдоровым-Давыдовым[13]. Сохранилось 32 экз., из них 18 – с тамгой Улу-Мухаммада («трёхногая» тамга – 1420-е), и 4 – с именем Мухаммада (МД Болгар). Хранится в ГМТ, № 30421, 30430–32 (Фёдоров-Давыдов, 1960, № 191).

27. Иски-Казань, Казанский уезд, 1856 г. Атрибутировано 60 монет, старшая – Шадибека (1400-е), младшая – Мухаммада и Ахмада (1420-е?), чекана Хаджи-Тархана. МД – Болгар и южные (Фёдоров-Давыдов, 1960, № 194).

28. Русский Урмат, урочище Чекмасы (в 3 км к юго-востоку от деревни). 1830-е гг. Крестьянин Егор Григорьев Воронин нашёл клад в кувшине, который состоял из мелких серебряных татарских монет (Малов, 1853; ЗАО, 1856, с. 5; Фахрутдинов, 1975, № 1428). Возможно, что данный клад у Г.А. Фёдорова-Давыдова учтён дважды – как № 62 и как № 288.

29. Нимич-Касы, Красноармейский р-н Чувашии, 1957 г. Найден в поле «Мачка», в 1,5 км к западу от деревни. Всего 542 экз. (по подсчёту перечня). Старшая – Шадибека, младшая – Мухаммада б. Тимура, в основном болгарской чеканки. В том числе две русские – Василий Дмитриевич Московский и Даниил Суздальско-Нижегородский (Фёдоров-Давыдов, 1960, № 202 б; Тростьянский, 2009, с. 153). Состав клада: Шадибек, Болгар – 102 экз., Шадибек, Каффа ал-Джадид – 1, Пулад, Болгар – 234 (из них МД «Раджан» – 33), Пулад, Болгар ал-Джадид – 17, Пулад, Сарай ал-Джадид – 1, Тимур, Болгар – 42, Джалал ад-Дин, Болгар – 15, Кибак, Болгар – 1, Чекре, Болгар – 2, Дервиш, Болгар – 10, Кадыр-Бирди, Болгар – 9 (на стр. 121 написано, что к Кадыр-Бирди относятся 5, к Керим-Берди – 4), «Улу-Мухаммад», Болгар – 11, «Мухаммад бен Тимур» (!) – 115, две русские –

[12] Полностью текст статьи нам недоступен.

[13] Более точную датировку обнаружения можно определить по инвентарным номерам ГМТ.

Рис. 18. Монеты Болгарского вилайата 1420-х – 1430-х гг.: 1 – Мухаммад, тамга в квадрате; 2 – Мухаммад Барак, Болгар; 3 – Мухаммад Барак (зеркально), Болгар. Изображения монет взяты из фотоархива авторов.

Василий Дмитриевич Московский и Даниил Суздальско-Нижегородский (Каховский, 1960). Всего 562 монеты, из них 558 болгарских, 2 южных МД, 2 русских МД. Атрибуция Г.А. Фёдорова-Давыдова. Основная часть клада, 509 экз., хранится в ГИМе, остальные – 10 экз. в Краеведческом музее ЧАССР, 39 – в НИИ при Совмине ЧАССР (Каховский В.Ф., 1960). В 2004 г. на этом же месте найдена ещё 21 джучидская монета (Арх. карта Чувашской республики, 2013).

30. Место находки неизвестно (до 1960 г.). Сохранилось 833 экз. Улу-Мухаммада (1420-е), МД не указан (болгарские? южные?). Хранится в ГИМ, № 61980 (Фёдоров-Давыдов, 1960, № 249).

31. Лебяжье, Мелекесский р-н Ульяновской обл., июль 1973 г. Всего более 400 экз. Часть клада в 210 монет, с именами ханов от Шадибека (805 г. х.) до Мухаммада (822–826? г. х.), монетные дворы Болгар, Болгар ал-Джадид, «Раджан», «Сарай», хранится в Ульяновском ОКМ. Вторая часть (состав неизвестен) передана в Димитровградский музей (Лебедев и др., 2011, с. 89–93).

32. Исеть, р. в Зауралье. Общее количество неизвестно, несколько монет чеканено в Болгаре, в т. ч. от имени Барака (Рева, 2015, с. 87) (1420-е).

33. Место находки неизвестно. Клад найден в конце XIX или в начале XX в. Всего 445 монет болгарской чеканки XV в. (Мухаммад и Гийас ад-Дин) (1420-е). Хранится в Ивановском музее искусства и промышленности (инв. № 20059–20503) (Пачкалов, 2010). Клад куплен основателем Ивановского музея Бурылиным где-то в Среднем Поволжье.

34. Торецкое поселение, Алексеевский р-н РТ. Раскоп XII, яма 18, 2007 г. Клад из 161 экз., от Шадибека до Мухаммада и Гийас ад-Дина, МД Болгар, Орда, ас-Сарай, а также с тамгой «особый знак» («солярный знак») (Мухаметшин, 2011, с. 76–79) (1400–1420-е).

35. Торецкое поселение, Алексеевский р-н РТ. Раскоп VII, 2004 г. Клад из 7 монет, в том числе одна с «особым знаком» и 5 экз. Болгара (Мухаметшин, 2011, с. 75) (первая треть XV в.).

36. Билярск, Алексеевский р-н РТ, 2012 г. Клад из 41 монет Мухаммада, МД Болгар (с «трёхногой» тамгой нет) (1420-е) (Бугарчев, Степанов, 2013, с. 92–97).

37. Окрестности Казани, сер. 1990-х гг. Клад более чем из 18 экз., известны 14 акче болгарской чеканки конца 820-х – начала 830-х гг. х./1420-е и 1 экз. Давлет-Бирди, Хаджи-Тархан, 831 г. х./1427–1428. Русские – Юрий Дмитриевич, Нижний Новгород – 3 экз. (Тростьянский, 2009, с. 157, № 1).

38. Шиловка, Сенгилейский р-н Ульяновской обл. Клад из 75 монет, от Шадибека 805/1402–1403 г. до Мухаммада 822 г. х./1419–1420 (1 экз.)

и Давлет-Бирди (1 экз.). МД Болгар, Сарай, «Раджан», Болгар ал-Джадид. (Лебедев, 2013, с. 20) (1400–1420-е).

39. Караульная Гора, Октябрьский (ныне Нурлатский) р-н РТ, 1957 г. Левый берег р. Б. Черемшан, в огороде О.С. Бикенеевой. Всего 2859 экз., старшая – Шадибека, младшие – с именами Мухаммада и Гийас ад-Дина. В основном болгарской чеканки. Присутствуют 16 русских (15 экз. – Даниил Борисович Суздальско-Нижегородский, 1 – Василий Тёмный) (Фёдоров-Давыдов, 1974, № 202 в; Мухамадиев, 1983, с. 155). Хранится в Национальном музее РТ (№ 33485) ((1400–1420-е).

40. Шама, Алексеевский р-н РТ, 36 экз., монеты с именами Мухаммада, Мухаммада Барака и с неопределяемым эмитентом, с трёхногой тамгой и МД Болгар (1420-е) (Степанов, 2016).

41. Округа Камаевского городища, 2004 г. Клад из 7 монет XV в. (чеканены после 822 г. х./после 1419) и одной серебряной накладки (Тростьянский, 2014, с. 148–152).

42. Камаево, 2002 г. Более 1000 серебряных и несколько медных экземпляров. Сохранилась информация о следующих монетах: Джалал ад-Дин, Болгар; Мухаммад, Хаджи-Тархан; Мухаммад, «Болгар ал-Джадид» – 2; Мухаммад, Болгар – 3; Гийас ад-Дин, Болгар – 2; пул «Болгар ал-Джадид». А также три русские монеты: Юрий (1389–1434), Галицкое княжество – 1 экз., Даниил (ок. 1400 – ок. 1425), Нижегородское княжество – 2 экз. (Пачкалов, 2004, с. 165; Шигапов, 2012, с. 306).

43. Ульяновская область, 2010-е гг. 238 монет от Шадибека до Мухаммада Барака и Мухаммада (1400–1420-е). МД Болгар, Болгар ал-Джадид, «Раджан», Сарай, неустановленный южный МД, с трёхногой тамгой (Купцов, Бугарчев, 2018, с. 92–104).

44. Алексеевский район Татарстана, близ с. Билярск, до 2018 г. Более 90 экз., атрибутировано 70 монет (59 – болгарской чеканки и 11 – нижневолжской). Старшая – Дервиш (до 1419), младшие – с именем Мухаммада чекана Болгара и с трёхногой тамгой (1420-е) (Бугарчев, Степанов, 2021, с. 208–214).

45. Казань, 1893 г. (около Кизической дамбы за рекой Казанской[14]). Всего 595 экз. (по другим сведениям – 597), старшая – Шадибека (Болгар, 805 г. х./1402–1403), младшая – Мухаммада б. Сейид-Ахмада. Включал эмиссии Давлет-Бирди, Кичи-Мухаммада (Мухаммад ибн Тимур), Мухаммада (Улу-Мухаммад), Махмуда ибн Кичи-Мухаммада, Махмуда, Мустафы, Ахмад хана, Сейид Ахмада, Мухаммада ибн Сейид Ахмадад и Хаджи-Гирея (чеканил с 845 г. х./1441 по 871 г.х./1466–1467). МД Болгар – 6 монет, остальные – Хаджи-Тархан, Орду-Базар, Бек-Базар, Крым и Кирк-Йер. «Монеты поступили в Азиатский музей АН и Казанский университет» (Фёдоров-Давыдов, 1960, № 195). Опись состава по копии из Архива ИИМК АН СССР, ф. 1, 1893, д. 170 (копия хранится в фондах БГИАМЗ).

46. Борисково, начало 2010-х гг. Всего 119 монет, из них 112 – болгарской чеканки (в том числе один экземпляр МД Орду), 7 – южных МД. Старшая – с именем Мухаммада и «трёхногой» тамгой с буквами на о. с., младшие – с именем Мухаммада и МД Болгар (1420-е) (Бугарчев, Степанов, в печати).

47. Болгар, 2003 г. Клад из четырёх экземпляров, найден в 50 м к северо-западу от Малого Минарета (две монеты с тамгой Улу-Мухаммада, и еще две – совершенно стертые (Федоров-Давыдов, Мухаметшин, 2020, с. 17) (1420-е).

48. Место и год находки неизвестен. 151 монета XV в. и обрубленный кусочек металла (серебро?) весом 14,46 г. Выявлен один обрезанный дирхам XIV в., акче Дервиша и несколько экземпляров Гиреев Крыма, то есть середины XV в. (Музей археологии МАРТ).

У Г.А. Фёдорова-Давыдова под № 221 указан клад из Курска начала 1900-х гг. Эмитенты от Узбека (37 экз.) до Джалал ад-Дина и Мухаммада. Среди монетных дворов указаны Болгары, однако из текста не ясно, к какому веку он относится – к XIV или XV (Фёдоров, Давыдов, 1960, № 221).

Кроме кладов с болгарскими монетами, в регионе зафиксированы находки кладов с неместной продукцией.

49. Большой Шикши-Олуяз, Мамадышский уезд Казанской губернии, 1895 г. Всего 326 экз. и 3 обломка, старшая – Давлет-Бирди, 831 г. х./1427–1428, младшая – Саид-Ахмад. Судя по описанию, в кладе не было монет болгарского чекана. «Монеты поступили в Казанский университет» (Фёдоров-Давыдов, 1960, № 189). В Известиях ОАИЭ указано, что в кладе находилось 325 монет: Давлет-Бирди, МД Хаджи-Тархан, 831 г. х., Мухаммад б. Тимур, Мухаммад-хан, Махмуд, Мустафа и Сейид-Ахмад, МД Хаджи-Тархан и Орду-Базар. Также назван МД Укек, эмитент Махмуд. «Монеты эти относятся к 831–884 г. х.» (1427–1489) (Катанов, 1895, с. 239).

50. Верхнее Алькеево, Спасский уезд Казанской губернии, 1895 г. Всего 430 экз., старшая – Узбек (1312–1341), младшая – Мустафа (середина XV в.). В составе клада лакуна – после монет Мухаммад-Буляка следуют монеты Мухаммада б. Тимура (2 экз.), Мустафы (3 экз.) и крымско-генуэзская – 1 экз. Монетные дворы не указаны.

[14] Очевидно, речка Казанка.

Рис. 19. Монеты Болгарского вилайата 1420-х – 1430-х гг.: 1 – Мухаммад, МД Орда (Болгарский МД); 2 – Мухаммад, о.с. «Чекан / Монета / Болгара»; 3 – Гийас ад-Дин, Сарай; 4 – Эмитент? Тамга «солярный знак». Изображения монет взяты из фотоархива авторов.

«Монеты поступили в Казанский университет» (Фёдоров-Давыдов, 1960, № 190).

51. Юган, Октябрьский (ныне Нурлатский) р-н, 1956 г. Около села найдено примерно 3 кг серебряных монет, находившихся в деревянном ящике. Атрибутировано 6 экз., относящихся к чеканке Улу-Мухаммада. Хранятся в ГИМ (Федоров-Давыдов, 1960, № 190 а).

52. Шангут, Апастовский р-н. 1970 г. Сохранилось 84 экз. конца XIV – XV в. Старшая – с именем Токтамыша, младшие – с именем Мухаммада (типы после 822 г. х./1419). МД Болгар, Орда, Хаджи-Тархан, Крым, Каффа, Сарай и др. (Фёдоров-Давыдов, 2003, № 202 ж). Государственный музей ТР, № 34613 (назван Улемским кладом).

53. Именьково, Лаишевский р-н РТ, до 1994 г. 4 монеты: Давлет-Бирди, Хаджи-Тархан, тип 831 г. х.; Сайид-Ахмад (?) (1434–1437), Орду-Базар; генуэзский аспр г. Кафы, по Ретовскому – 1436–1442 гг.; акче Крымского ханства, Хаджи-Гирей, МД аль-Крым, тип 867 г. х./1462–1463 (Лебедев, Мухаметшин, 1994).

54. Кузькино, Лаишевский уезд, 1912. Монеты XIV–XV вв. «Монеты поступили в Историко-археологический музей при Казанской духовной академии» (Федоров-Давыдов, 1960, № 196). Информация о составе клада могла сохраниться в архиве казанского востоковеда Н.Ф. Катанова (после 1912 г.).

55. Урахча, Рыбнослободский р-н РТ, 2014 г. Общее количество – 32 акче. Атрибутировано 19 монет: Мухаммад бен Тимур, Махмуд бен Мухаммад бен Тимур, Мустафа, Саид Ахмад, Мухаммад. Монетные дворы Хаджи-Тирхан, Орду-Базар (Бугарчев, 2021).

Кроме перечисленных, можно назвать ещё два клада: 1) из с. Шареный Бугор 1867 г., более чем 4009 монет. Среди атрибутированных 469 экземпляров (старшая – Токтамыш 782 г. х., младшая – Мухаммада 822 г. х./1419–1420) находился один дирхам Шадибека, Болгар 806 г. х./1403–1404 (Федоров-Давыдов, 1960, № 188). Второй – из д. Петровка Лукяновского уезда 1913 г. (всего 108 экз. от Токтамыша до Дервиша, в том числе 1 дирхам Шадибека МД Болгар) (Федоров-Давыдов, 1960, № 206).

С территории *Торецкого поселения*, кроме описанных кладов (см. № 28–29) происходят две так называемые «комплексный находки»: 1. В раскопе XII, яма 7, обнаружено 3 серебряных и 3 медных монеты; 2. В раскопе I, яма 8, – 27 серебряных акче с именами Дервиша, Мухаммада и с тамгой, то есть 1420-х гг. Сейчас трудно говорить, что это – клады или сборы. В целом на территории данного археологического памятника собрана 401 монета (вместе с кладовыми). Старшая относится к хану Токте 710 г. х./1310–1311 г., а младшие – это эмиссии с именем Мухаммада (Улу-Мухаммада?) и московского князя Василия II Тёмного, чеканенные в 1425–1446 гг. (Мухаметшин, 2011, с. 65–69).

В статье Г.А. Фёдорова-Давыдова указаны следующие места находок единичных монет XV в. (без указания эмитентов и мест чеканки): *городище Биляр* (хранятся в Национальном музее РТ), *в селе Кузькино* Лаишевского уезда («найдено несколько джучидских монет XIV–XV вв.»), в Иски-Казани (Фёдоров-Давыдов, 1963, с. 198, 201).

Находки в Биляре указаны довольно подробно: Джалал ад-Дин, Орду-Базар – 1, Хаджи-Тархан – 1, Давлет-Бирди, Сарай – 1, Сарайчук – 1, Улу-Мухаммад, Орда – 2, Орда (?) – 1, Хаджи-Тархан – 2, Хаджи-Гирей (Крым) – 1 экз. (Фёдоров-Давыдов, 1963, с. 198, № 445).

В рукописи А.Ф. Лихачёва указаны пять серебряных монет начала XV в., найденных в разные годы Билярске: Джалал ад-Дин, МД Хаджи-Тархан и Орду, Кибак, МД Хаджи-Тархан, Дервиш, МД Сарайчук, Мухаммад, МД Орду (Лихачев, лл. 386–391). Не исключено, что отдельные монеты продублированы в работе Г.А. Фёдорова-Давыдова.

Алексеевский район. На *селище Дамба II* найдены монеты II половины XIV – начала XV в. (Руденко, 2001, с. 38).

Единичные находки болгарских монет XV в. зафиксированы на территории *Иски-Казани* – 261 акче (Бугарчев, Степанов, 2021), *дер. Кожаевка* – 73 акче (Бугарчев, Степанов, 2011, с. 87), *на селище Шиловка* (Ульяновская обл.) – 13 акче (Лебедев, 2013, с. 19), *на Западно-Войкинском II селище* – 2 акче (Мухаметшин, 2015, с. 137). На *Старо-Войкинском городище* найден акче Шадибека (Болгар) (Федан и др., 2020, с. 222). В с. *Венета* (Арский район) найдено четыре болгарских акче: Пулада – 3 экз. и Джалал ад-Дина.

Среди «Иски-Казанских» находок можно выделить экземпляры с надчеканами. На восьми монетах проставлены два типа надчеканов: на двух экземплярах с именем Мухаммада, на четырёх – с именем Гийас ад-Дина, на двух – имя не определяется. Один надчекан читается легко – «Адил», второй пока остаётся неатрибутированным. Каждый из надчеканов помещён в маленький квадратный картуш размером 38 мм. На монетах болгарского чекана, найденных в Иски-Казани, такие надчеканы не ставились. Поскольку до сих пор не обнаружены монеты с подобными надчеканами на других археологических объектах, то логично предположить, что данные надчеканы ставились только на монетах южного чекана и только на территории Иски-Казани. Время проставления обоих надчеканов – конец 820-х – начало 830-х гг. х. /1420-е. Средний вес 6 экземпляров с надчеканами – 0,68 г.

Богатый фактический материал приводится в статье Е.А. Беговатова и А.В Пачкалова: *Алексеевское IV селище* – 9 серебряных и медных монет XIV–XV вв.; *Именьковское селище* – 8 пулов XIII–XIV вв.; *Малиновское селище* – 46 серебряных и медных монет XIII–XIV вв.; *Мурзихинское селище* – 22 серебряные и медные монеты XIII–XIV вв.; *Огородное селище* – 10 монет XIII–XV вв.; *Усть-Вихлянское селище* – 6 пулов XIV в., *Измери* – 1 акче (Беговатов, Пачкалов, 2013, с. 187–196).

В этой же статье Е.А. Беговатова и А.В. Пачкалова упоминаются восемь монет XIII–XIV вв. с *Тенишевского могильника*: «серебро» и «медь» Мунке 1250-х гг., дирхамы Узбека (2), Джанибека (3) и Мурида (1) (Беговатов, Пачкалов, 2013, с. 196). Комплекс из четырех монет XV в. (по другим данным – 5 экз.) был обнаружен в километре к северу от Болгара в *урочище Тенишево* в 1999 г. и включал в себя монеты Шадибека, чекана Болгар (Фёдоров-Давыдов, Мухаметшин, 2020, с. 17). Один экземпляр с именем Дервиша болгарской чеканки из Тенишево хранится в Музее археологии МАРТ (коллекция Р.Р. Шайхутдинова).

В *с. Рождествено* обнаружено 10 акче первой половины XV в.: Шадибек, Пулад, Тимур, Дервиш – по 1 экземпляру, Мухаммад – 2 экземпляра, стёртые – 3 экз. Ещё один дирхам относится к чеканке Хаджи-Тархана (с именем Давлет-Бирди, 831/1427–1428 г.) (Бугарчев, Шайхутдинова, 2022, с. 170).

Р.Г. Насыров пишет, что в *селище «Иске аул»* найдено 24 монеты: с именем Булат-хана 1359–1360 г., МД Хорезм, одна сарайская периода Токтамыша, остальные экземпляры относятся к первой трети XV в. (Насыров, 2016, с. 83).

В фондах ГИМ (Москва) хранятся 3 акче болгарской чеканки Шадибека (2) и Чекре (1), найденные в *Ага-Базаре* (Бугарчев, Пахомова, 2018, с. 277–279).

В бывшем с. *Новое Мордово* (Спасский район) найдены два акче Пулада и акче Шадибека (все – МД Болгар) (Федан и др., 2020, с. 223).

С *Базарно-Матакских селищ* известны ордынские монеты XV в., обнаруженные на берегу водохранилища с окраины села (Зарипов, 2016, с. 73).

На поселении *Мачкара* (Маскара, Кукморский район) обнаружены три джучидских монеты. Металл и время чеканки не указаны (Бурханов, 2003, с. 243).

На *Утерняском городище* (Мешинский городок) найдены пять стёртых джучидских и две русские монеты Ивана IV (Бурханов, Замалтдинов, 2003, с. 258).

В Вятской земле на *Никульчинском городище* в раскопе II поднята болгарская монета с именем Мухаммада, вес 0,69 г (Макаров, 2005, с. 36).

Три монеты XV в., в том числе одна болгарская, найдены в кургане № 21, бывшее *с. Калиновка*, Сталинградская обл. (Недашковский, 2010, с. 53).

Топография находок серебряных монет с так называемым «солярным знаком», чеканенных в Болгарском вилайате в 1420-е гг., приводится в

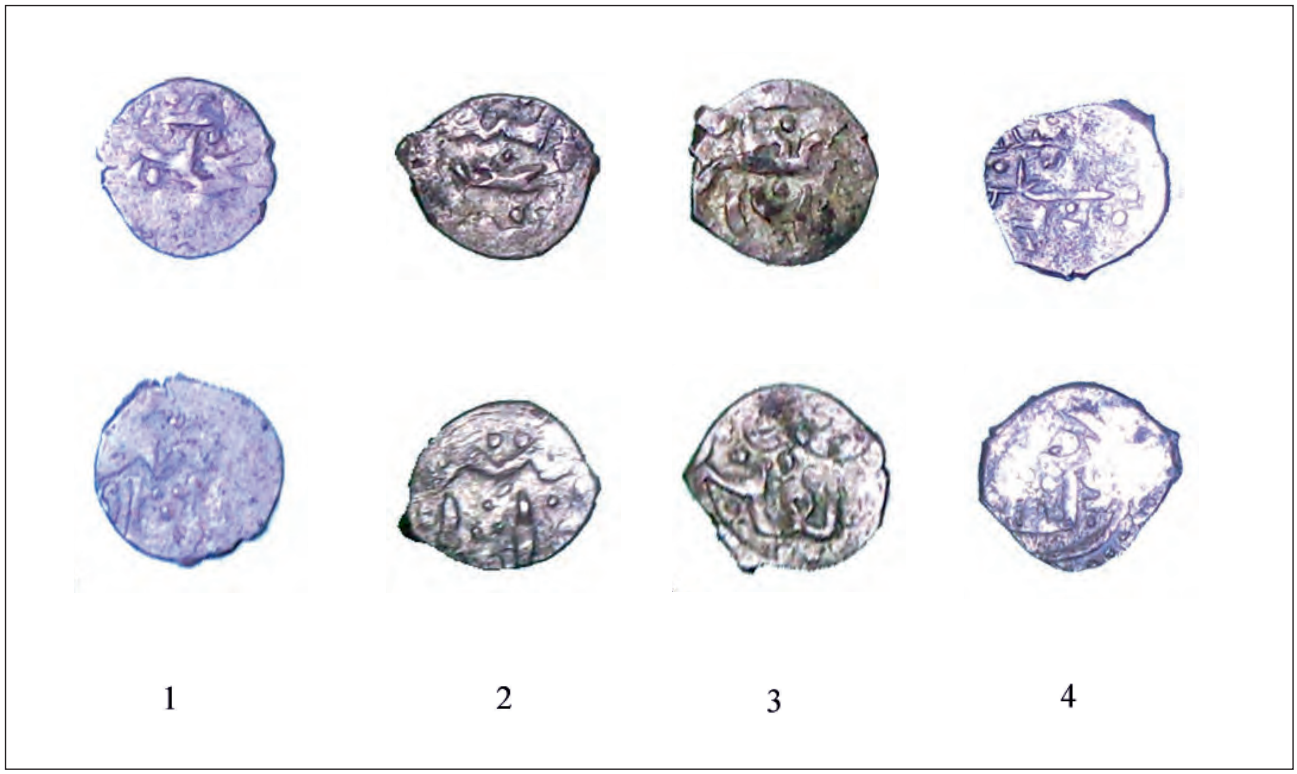


Рис. 20. Мухаммад из клада Караульная Гора, Билярский тип: 1 – Мухаммад / Болгар (12/12); 2 – Мухаммад / Болгар (12/42). «Угловой» вариант; 3 – Мухаммад / Болгар (13/28); 4 – Мухаммад / Болгар (13/55). «Изящный» вариант. Монеты из клада «Караульная Гора» (НМ РТ, №33845). В скобках приведены кладовые шифры.

статье В.П. Емельянова. Данный тип акче обнаружен в *Иски-Казани* (не менее 17 экземпляров), на *Войкинском комплексе* (7 монет), на *Торецком поселении* и в *округе Биляра* (12 экземпляров), на *I Семёновском селище и в с. Измери* (по две монеты) и на некоторых других памятниках (по одному экземпляру) (Емельянов, 2018, с. 128). Логично предположить, что один из монетных дворов XV в. находился в Иски-Казани (менее вероятно – в округе Билярска).

Монеты с именем Гийас ад-Дина II найдены в окрестностях *с. Салманы*. Общее количество – 6 экземпляров, из них 5 акче чеканено в Сарае, и один акче – в Хаджи-Тархане. Время чеканки – около 829 г. х./1425–1426 (Бугарчев, Купцов, 2021, с. 94). Известно об одном экземпляре акче Гийас ад-Дина, происходящем из *Матвеевки* (Ульяновская обл.) (Федан и др., 2020, с. 223).

Наибольшее количество болгарских монетных дворов работало при хане Пуладе (810–812 гг. х. /1406–1410). Это собственно «Болгар», «Болгар ал-Джадид», «Раджан» и «Сарай». Нам пока неизвестна их локация, но в любом случае – это не современный Болгар и не Казань.

В начале XV в. была проведена чеканка медных монет. Медные монеты Шадибека, чеканенные по типу серебряных монет, несут дату 807 г. х. /1404–1405. Штемпельные варианты приводятся в статье Д.Г. Мухаметшина (Мухаметшин, 2006, с. 372, рис. 6). Зафиксированы следующие места находок (табл. 6).

Пять пулов без места находки.

Десять монет, найденных в Рождествено и в Дятлово, позволяют предположить, что данные пулы могли чеканиться в Лаишевском районе. Такие монеты известны по материалам ГИМ, два экземпляра находятся в фондах БГИАМЗ (Мухаметшин, 2006). Средний вес известных авторам 24 экземпляров равняется 0,92 г.

К указанному периоду можно отнести комплекс медных монет, собранный в 4 км южнее *с. Ундоры* Ульяновской области. Общее количество – 31 экземпляр: 24 нижегородских пула рубежа XIV–XV вв. (Гайдуков, 1993, № 399); пулы с изображениями животных или человека – 5 экз.; два золотоордынских пула Сарая ал-Джадид (Ефимов, 2014, с. 370–371).

Находки на восточной окраине *села Рождествено* (Лаишевский район) перечислены в статье М.Б. Шигапова: пулы XIV в. Сарая 726 г. х., Болгара 734 г. х., 2 пула Хызра Гулистана 762 г. х. и 2 пула Хызра Сарая ал-Джадид (один с надчеканом «хан», второй с неясным надчеканом), акче с име-

нами Шадибека (один – Хаджи-Тархан), Пулада и с непрочитанным эмитентом XV в., а также два медных динара XIII в. ан-Насира и Мунке (Шигапов, 2006, с. 198–199). Здесь также были выявлены монеты Хаджи-Тархана, Сарая и Сарая ал-Джадида – всего 7 акче (Гончаров, Тростьянский, 2004).

Отдельная статья была посвящена находкам джучидских монет XV в. из окрестностей *деревни Кожаевка* (Спасский район). Общее количество находок составляет около 100 экземпляров, из них атрибутировано 80 монет. Это продукция ханов Шадибека, Пулада, Джалал ад-Дина, Чекре, Дервиша, Гийас ад-Дина, Мухаммада, Давлет-Бирди, чеканенная в Болгаре, Болгаре ал-Джадид, «Раджане», Орду, Сарае и Хаджи-Тархане (1420-е). Один экземпляр относится к городецкому типу «меди» (Бугарчев, Степанов, 2011, с. 85–86).

В Ульяновской области в селе *Каранино* (Сенгилеевский район) были найдены среди прочих дирхамов XIV–XV вв. четыре экземпляра болгарской чеканки Гийас ад-Дина, к западу от *Новослободского городища* – 11 монет XV в., в том числе 9 акче с «трёхногой» тамгой (клад?) (Гисматулин, Крылов, 2018, с. 392–393).

Находки единичных экземпляров нижневолжских, южных и крымских монетных дворов были опубликованы в статьях, описывающих *Торецкое поселение*, – 6 серебряных XIV и XV вв. (Мухаметшин, 2011, с. 79–80), *Иски-Казанский археологический комплекс* (Бугарчёв, Степанов, 2016), материал из окрестностей *с. Войкино* – 9 акче (Бугарчев, Емельянов, 2018, с. 77–79), из с. *Кожаевка* – 7 акче (Бугарчев, Степанов, 2011, с. 87).

К вышеперечисленным археологическим памятникам можно добавить находки у *с. Карташиха* (Лаишевский район РТ). Карташихинский комплекс сравнительно небольшой – 6 монет, однако он расширяет топографию находок монет южной и нижневолжской чеканки в Болгарском вилайате (Бугарчев, 2018). Возможно, монеты происходят из *Богишевского селища*, находящегося к юго-юго-востоку от села Карташиха (Свод, 2007, № 1856). В *с. Венета* поднят хаджи-тарханский дирхам (вес 0,63 г) с именем Ахмада (?).

Большое количество монет нижневолжской и южной чеканки выявлено в таком кладе, как Рыбнослободский, состоявшем из более чем 6000 экземпляров. В кладе находилось около 2000 дирхамов, выпущенных в XIV–XV вв. на монетных дворах Хаджи-Тархан, Сарай, Сарай ал-Джадид, Иль-Уй Муазам, Хорезм, Азак, Сарайчук, Крым, Каффа ал-Джадид, Орда и Орда Муазам (Тростьянский, 2005). В два раза больше насчитывалось болгарских монет, около 4000 штук. В другом крупном кладе, из села Караульная Гора, обнаружена продукция монетных дворов Хаджи-Тархан, Иль-Уй Муазам, Сарай и Сарай ал-Джадид (Мухамадиев, 1983), хотя основная часть клада – это дирхамы чекана Болгара и с «трёхногой» тамгой. Ещё один, «Казанский» клад 1893 г., в основном состоял из монет южной чеканки – из 595 монет к болгарской продукции относилось всего 6 экземпляров (Фёдоров-Давыдов, 1960, № 195).

Об участии серебряных монет неболгарской чеканки в денежном обращении Среднего Поволжья писал Г.А. Фёдоров-Давыдов: «Продукция денежного двора в Хаджи-Тархане уходила в те районы, где денежное обращение было сохранено... Так, большое количество монет южной весовой нормы обнаружено в кладах второй половины XV в. на территории Казанского ханства» (Фёдоров-Давыдов, 2003). В то же время болгарские монеты XV в. не выходят за территорию Болгарского вилайата. Самой южной точкой обнаружения клада болгарских дирхамов является поселение у с. Шиловка Ульяновской обл., где были обнаружены клад (из 75 монет), и единичные находки (не менее 23 штук) продукции монетных дворов Болгар и Болгар ал-Джадид (Лебедев, Клоков, 2001). Из более отдалённых местностей можно отметить Селитренное городище в Астраханской области, где обнаружены два серебряных болгарских акче XV в. – одна монета Шадибека 807 г. х. (Клоков, Лебедев, 2002, с. 80, № 108) и одна с нечитаемой л. с. и легендой «Чекан Булгара» на о. с. (Валиев и др., 2019, с. 31, № 74).

Приведём находки монет Гийас ад-Дина II (829 г. х./1425–1426) чеканки Сарая, Хаджи-Тархана, Орду-Базари на археологических памятниках Татарстана:

– *Иски-Казань* – 42 монеты МД Сарай, Хаджи-Тархан, Орду-Базари, несохранившийся МД (Бугарчев, Степанов, 2021, с. 37–39).

– *Д. Кожаевка*, МД Сарай – 1 экз. (Бугарчев, Степанов, 2011, с. 85–86).

– *Торецкое поселение* – 4 экз., в том числе 3 монеты сарайской чеканки в составе клада 2007 г. (Мухаметшин, 2011, с. 79).

– *Войкино* – 3 экз., чекан Сарая (Бугарчев, Емельянов, 2018).

– *Рождествено* – 5 экз., из них 4 монеты Сарая и одна – Хаджи-Тархана (Гончаров, Тростьянский, 2004, с. 94–95; фотоархив авторов).

– *Билярское городище* – 1 экз. (Евстратов, 2003).

– *Окрестности Билярска* (клад) – 1 экз. (Бугарчев, Степанов, 2019).

– *Мурзиха* – 1 экз. чекан Сарая, из фондов Музея археологии АН РТ.

– *Салмановский комплекс* – 5 экз. МД Сарай и Хаджи-Тархан (Бугарчев, Купцов, 2021, с. 94–96).

Рис. 21. Мухаммад из клада Караульная Гора, Билярский тип: 1 – Мухаммад / цветок (20/1); 2 – Мухаммад / трёхногая тамга (21/37); 3 – Мухаммад / Орда (10/15); 4 – Мухаммад? / Болгар. «Билярский» тип. Монеты из клада «Караульная Гора» (НМ РТ, №33845). В скобках приведены кладовые шифры.

Данные монеты чеканены из меди и покрыты тонким слоем серебра.

По материалам 42 экземпляров сарайской чеканки с сохранившейся метрологией была построена гистограмма, где выявилась мода 0,78±0,02 г.

Безусловно, все перечисленные объекты уступают по количеству находок Иски-Казанскому комплексу. Этот факт свидетельствует о значении Иски-Казани как о важном торгово-экономическом центре первой половины – середины XV в.

Совместное обращение местных и привозных дирхамов XV в. является особенностью болгарского регионального денежного обращения. Здесь необходимо сказать о весовом соотношении между данными блоками монет. При правлении хана Шадибека (802–810 гг. х./1399–1407 гг.) болгарские монеты чеканились с указным весом 0,78 г (Фёдоров-Давыдов, 2003), по материалам изучения Измеревского клада было получено значение 0,76±0,02 г (Бугарчев и др. 2019). В это же время монеты южных монетных дворов выпускали продукцию по другому стандарту – 1,10–1,15 г (Фёдоров-Давыдов, 2003). Два дирхама южной чеканки приравнивались к трём дирхамам болгарской чеканки. По мере снижения веса монет одного блока пропорционально снижался вес монет другого блока. Такая ситуация прослеживается на протяжении 1400–1430-х гг.

К 1440-х гг. монетные дворы Болгарского вилайата перестали функционировать. Чеканка нового государства, Казанского ханства, до сих пор неизвестна. В денежном обращении использовались монеты русских княжеств, в первую очередь Московского княжества (Бугарчев, Степанов, 2018, с. 72–75). Судя по нумизматическому материалу, в этот период монеты южных монетных дворов также обращались на рынках Казанского ханства. Это видно по составам кладов, найденных в регионе.

Таким образом, можно констатировать, что в первой половине XV в. в денежном обращении Болгарского вилайата участвовали серебряные монеты как минимум двух номиналов, соотносившихся друг с другом как 2 к 3. На протяжении двух третей XV в. монеты, чеканенные на монетных дворах Нижней Волги и Крыма, участвовали в денежном обращении Волжско-Камского региона (на сегодняшний день зафиксированы находки данных монет на шести археологических памятниках).

Обзор кладов джучидских монет с первого по шестой этапы.

Всего по материалам шести этапов нами учтено 149 кладов[15] с серебряными болгарскими монетами, происходящими из Татарстана и соседних областей, или с монетами, чеканенными в других областях, но найденные на территории современного Татарстана.

Рассмотрим клады серебряных монет по этапам денежного обращения.

Материалы I и II этапов денежного обращения Улуса Джучидов необходимо изучить в комплексе, так как между ними не наблюдается хронологической лакуны. Разница прослеживается в составе монетной массы. На I этапе – это «серебро» с именами ан-Насира, Мунке и Арыг-Буги, на II этапе – дирхамы и их фракции с «двуногой» тамгой Менгу-Тимура. В отдельных поздних кладах I этапа уже присутствуют (хоть и в минимальном количестве) монеты с тамгой Менгу-Тимура (то есть II этапа).

Всего для времени 1230-х – 1330 гг. зафиксировано 42 клада. Тезаврация первого комплекса относится к 1240-м гг. Далее все клады I–II этапов связываются в единую цепочку через соприсутствие различных типов «серебра» в предыдущем и последующем кладе. Например, в кладах № 1–2 находились только динары ан-Насира, в кладах № 8–10 – дирхамы Мунке и Арыг-Буги, в кладах № 6, 11 и 14 выявлены как динары ан-Насира, каанские дирхамы 1250-х – первой половины 1260-х гг., так и фракции Менгу-Тимура (Бугарчев, Петров, 2018, с. 118, таблица 39).

После 665 г. х./1266–1267 цепочка продолжается через клады № 14, 15, 23, 24 и 26. Спустя 5 лет клады второй линии составляют новую цепочку через № 29, 32, 31, 34 и 35, до 1330 г. Пауза в тезаврации кладов между II и III этапами составляет около 15 лет. Затем, на III этапе протяжении менее чем 20 лет был сокрыт 41 клад. Последние клады III этапа содержат младшие данги 767 г. х./1365–1366.

Далее следует ещё одна продолжительная пауза, которая приходится на весь IV этап и длится также около 15 лет.

Клады V этапа, число которых равняется 14 номерам (без учёта кладов из дер. Тюбяк и Рождествено, у которых не известны младшие монеты), начинают откладываться в начале правления хана Токтамыша, в первой половине 1380-х гг. В девяти кладах из 13 старшие монеты чеканены при Токте в 710 г. х./1310–1311 (клад № 14 во внимание не принимается из-за минимального атрибутированного материала), в трёх кладах старшие монеты относятся к XIII в. и в двух – ко времени Узбека (1312–1341). Что касается младших монет, то в 12 кладах они относятся к Токтамышу, а в одном – к Бек-Пуладу (797 г. х./1394–1395). Основная масса монет всех кладов V этапа состоит из эмиссий Узбека и Джанибека 1340–1350-х гг., что свидетельствует о долговременном обращении дангов указанных эмитентов.

К VI этапу относятся, по нашим подсчётам, 54 клада, однако из этого числа для дальнейшего анализа необходимо исключить клады № 1, 2, 28, 30 и 32. Они включены в нашу сводку по формальным признакам, так как они найдены не на территории Среднего Поволжья (или место находки вовсе неизвестно – например, клад № 30).

Первые клады VI этапа в качестве старшей монеты комплекса содержат экземпляры с именем Пулада (Булата) (809–812 гг. х./1407–1410). Таким образом, лакуна в тезаврации кладов между V и VI этапами длилась около 10 лет.

Все последующие клады образуют единую линию тезаврации, которая продолжалась более 30 лет.

О качестве монетного металла. В средние века ценность серебряной монеты определялась не только её весом, но и количеством благородного металла. В последнее время появилась возможность использовать современное оборудование для определения химического состава джучидских монет. В Институте археологии им. А.Х. Халикова АН РТ в 2016 г. были проведены работы по определению химического состава шести болгарских монет имперского периода: по два экземпляра с именами ан-Насира, Мунке и Арыг-Буги. Монеты происходили из Бурундуковского клада (первый этап, клад № 5). Метод исследования – рентгенофлуоресцентный анализ (РФА).

В результате проведённой работы были получены следующие результаты (Проценты количества металлов округлены до десятых долей):

1. Динар ан-Насира: серебро 96,0%, медь 2,9%, свинец 0,4%, золото 0,6%.
2. Динар ан-Насира: серебро 92,1%, медь 3,1%, свинец 0,6%, золото 0,8%.
3. Монета Мунке: серебро 93,9%, медь 5,0%, свинец 0,5%, золото 0,5%.
4. Монета Мунке: серебро 93,7%, медь 5,0%, свинец 0,5%, золото 0,5%.
5. Монета Арыг-Буги: серебро 91,6%, медь 4,9%, свинец 0,8%, золото 0,5%.
6. Монета Арыг-Буги: серебро 93,6%, медь 5,2%, свинец 0,7%, золото 0,6%.

Таким образом, можно сделать вывод, что болгарские монеты 1240–1260-х гг. были высокопробными серебряными денежными знаками. Серебро в монетах составляло от 91 до 96 процентов. Можно отметить небольшое – на 1–2% – повышение количества меди в монетах 1250–1260-х

[15] В приложении к диссертации А.В. Пачкалов перечисляет 104 клада (Пачкалов, 2005).

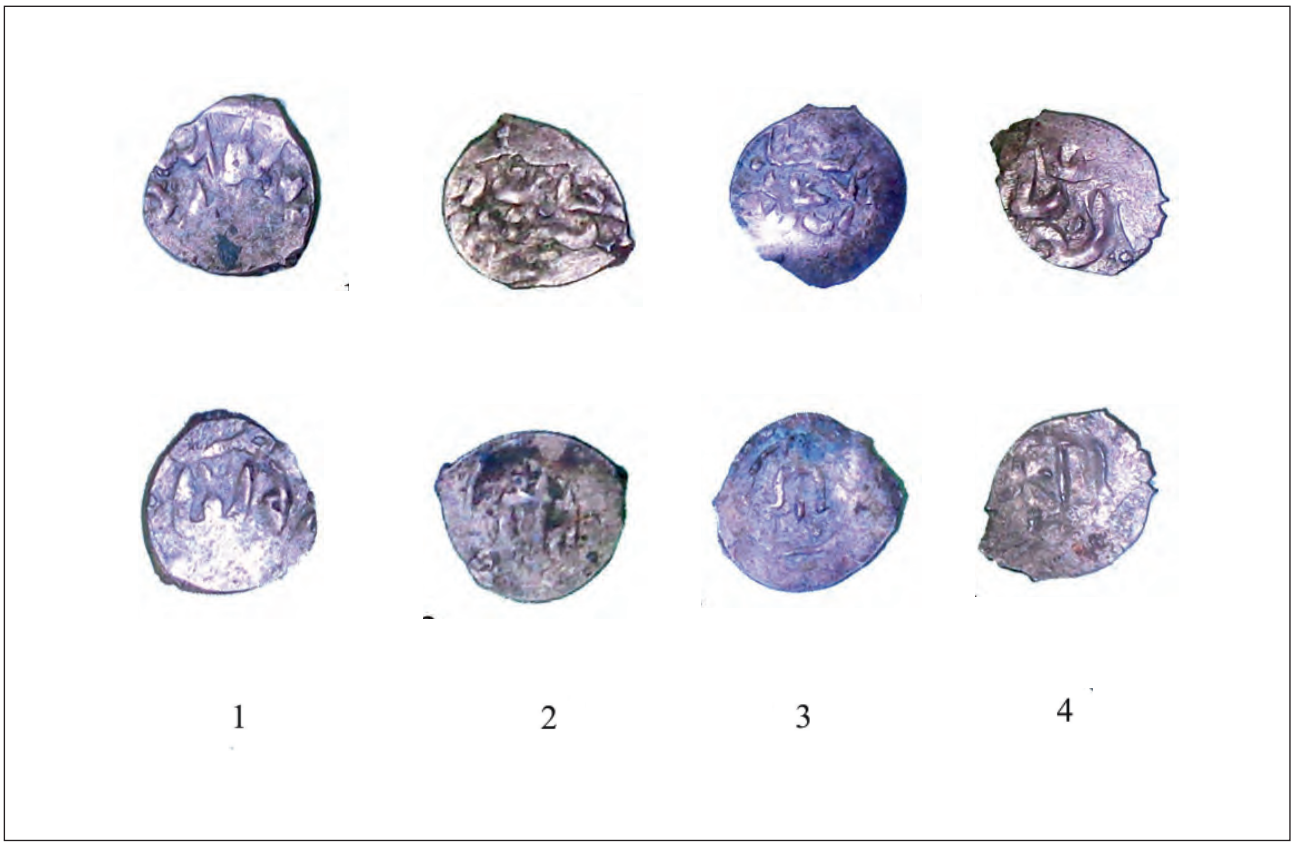


Рис. 22. Гийас ад-Дин из клада Караульная Гора, Билярский тип: 1 – Гийас ад-Дин / Болгар (3/113); 2– Гийас ад-Дин / трёхногая тамга (1/187); 3 – Гийас ад-Дин / трёхногая тамга (2/61); 4 – Гийас ад-Дин / трёхногая тамга (4/10). Монеты из клада «Караульная Гора» (НМ РТ, №33845). В скобках приведены кладовые шифры.

Рис. 23. Медные джучидские монеты. Собрание БГИАМЗ

Рис. 24. Серебряные монеты Золотой Орды. Собрание БГИАМЗ

гг. по сравнению с эмиссиями 1240-х гг. Остальные примеси суммарно оставались на одном уровне – в районе 1%.

Изучение методом РФА позволило выявить технологические особенности в чеканке болгарских монет:

– все исследованные монеты состоят из серебра высокой пробы;

– основные примеси в серебре – это медь, свинец и золото;

– заготовки изготавливались обработкой давлением;

– для динаров ан-Насира заготовки имели круглую форму;

– для монет Мунке и Арыг-Буги заготовки изготовлялись из проволоки.

Для самой чеканки применялись две технологии – заготовки для динаров ан-Насира прессовались между двумя поверхностями с последующим или одновременным чеканом, в то время как монеты Мунке и Арыг-Буги чеканились в один этап ударом молота с одновременным нанесением изображения.

Большое количество серебряных монет было обнаружено в раскопе CLXXIX Болгарского городища. Из них 22 экземпляра болгарской чеканки последней четверти XIII – первой четверти XIV в. прошли экспертизу. Выявилось высокое качество монетного металла – 960–980 пробы (Валеев, Бугарчев, 2022, с. 141).

В 2018 г. работа по изучению элементного состава монетного металла болгарских монет продолжилась, только теперь исследованию подверглись акче XV в. (Шайхутдинова и др., 2018, с. 104–110). Было отобрано по пять экземпляров с различным оформлением. Исследование проводилось с помощью прибора M1 Mistral (Brucker, Германия) неразрушающим методом, для чего был проведён анализ поверхностного слоя монет. Результаты приводятся в таблице 7.

По итогам работ все образцы были расставлены по мере уменьшения количества серебра.

Основными элементами, использовавшимися в производстве ордынских дирхамов, были серебро и медь. Монеты, чеканенные от имени ханов Шадибека, Пулада и Дервиша, то есть в 805–822 гг. х./1402–1419 в поверхностном слое имеют высокое содержание серебра – от 82 до 97%. Доля меди составляет от 1,8 до 16,5%. В средневековом монетном деле медь являлась основным лигатурным металлом. После 822/1419 г. количество серебра постепенно уменьшается и доходит в отдельных экземплярах до 28,8%. В 2020 г. была опубликована статья, в которой исследовался химический состав ордынских монет второй половины XIV – начала XV вв. (Федан и др., 2020, с. 214–226). Однако для исследования были взяты по одному экземпляру каждого типа, что не может дать объективных результатов.

Какое-то время, в 1430–1440-е гг., в денежном обращении Среднего Поволжья используются низкопробные местные акче, высокопробные дирхамы южных монетных дворов и высокопробные денги и копейки русских княжеств.

Таблица 1. Топография находок дирхамов Кермана

№ п/п	Место находки	Вес, г	Публикация
1	Кокрятское гор., Ульяновская обл.	1,61	Трушин, Лебедев, 2010
2	Острова около Болгара	1,36	Бугарчев, Степанов, 2012
3	Раскоп CLXVIII, Болгарское гор.	1,08 (три обломка)	Бугарчев, Беляев, 2014
4	Новомокшанское гор., Аксубаевский р-н РТ	1,49	Лебедев, Бугарчев, 2015
5	Река Цивиль, 15 км от р. Волга, Чувашия	1,52	Лебедев, Бугарчев, 2015
6	Балымеры, Спасский р-н РТ	1,53	Рева, Тростьянский, 2013
7	Самарская обл.	1,52	Лебедев, Бугарчев, 2015
8-9-10-11	Старонохратское сел., Алькеевский р-н РТ	1,39; 1,40; 1,48; 1,49	Лебедев, Бугарчев, 2015
12	Дер. Средний Юрткуль (?), Спасский р-н РТ	Не известен	Лебедев, Бугарчев, 2015
13	Дер. Тат. Майна, Аксубаевский р-н РТ	Не известен	Лебедев, Бугарчев, 2015
14	Дер. Грибовка, Ульяновская обл.	Не известен	Лебедев, Бугарчев, 2015
15-16	Зеленодольский р-н РТ	1,48; 1,19 (обломана)	Не изданы

Таблица 2. Опись кладов золотоордынских монет, найденных вне Татарстана и содержащих серебряные монеты Болгара первой трети XIV века

№ п/п	Название клада	Кол-во монет	Младшая монета, г.х.	Кол-во монет Болгара	Источник
1	Пришиб (Царевский у.), 1864	113	764 (Мурид)	Б. ал-М. «723» - 1	Ф-Д. I, с. 133, №18
2	Воскресенка (Саратовская губ.), 1884	3427	749	«Болгар 740 г» - 1	Ф-Д. I, с. 136, №31 а
3	Ключевка (Оренбургская губ..), 1848	1543, сохранилось 68	762 (Хызр)	Болгар 723 - 1	Ф-Д. I, с. 142, №74
4	Никольское (Саратовская губ.), 1914	1136	763 (Мурид)	Болгар 721 - 1	Кротков, 1915, с. 166*
5	Покровское (Наровчатовский у.), 1902	2644	763 (Мурид)	«Сарай, Мохша, Болгар 717, 722, 723, 726-728, 731, 734, 737» (без указания кол-ва)	Ф-Д. I, с. 145, №87
6	Щигры (Курская губ.)	9, сохранилось 5	747	«Узбек, Болгары, год?» - 1	Ф-Д. I, с. 149, №102
7	Маджар, около 1910 г.	499	737	Токта и Узбек, даты 710-737 гг.х. «Сарай, Хорезм, Болгар и др.» (без указания кол-ва)	Ф-Д. I, с. 150, №112; Пахомов, II, №462**
8	Селитренное, 1878	1153	791	Б. ал-М. 723 - 1	Ф-Д. I, с. 155, №137
9	Драплях[1] (Одоевский у.), 1912	538	808	«Узбек, Болгар, год?» - 1	Ф-Д. I, с. 173, №218
10	Болдаревка (Саратовская обл.), 1983	74	761 (Хызр)	Б. ал-М. 734 - 1	Ф-Д. IV, с. 83, №36 б
11	Досаево (Чувашия), 1974	598	787	Б. ал-М. 731 - 1	Ф-Д. IV, с. 95, №151 а
12	Харьковская обл., до 2001 г.	46	762 (Хызр)	Б. ал-М. «730 - 2, 731 – 1, 732 или 737 – 1»	Пачкалов, 2004, с. 168, №53
13	Г. Старый Крым, Крым	1001	752	Б. ал-М. 723 - 1	Пиперидиди, 2008, с. 70, №1/4
14	С. Кутуково, Владимирская обл.	Около 60	761 (Навруз)	Б. ал-М. «72» (2?), в. 1,36 г.	Зайцев, Колызин, 2005, с. 54
15	Царев - Саратов	Нет сведений	768	«Болгар Богохранимый, 723» - 1	Григорьев, 1850. ФД?
16	Пгт Васищево, Харьковский р-н, Украина	2500	Абдаллах	Болгар	Цит. по «Ш-З, 2017, №5***

* У Г.А. Фёдорова-Давыдова написано, что в кладе находились 29 экземпляров чеканки Болгара «722» г.х. (ФД, 1960, с. 145, №85). В статье А. Кроткова указан только один экземпляр Болгара «721» г.х.

**«поступили в Музей Сев. Кавказа в г. Ворошиловске».

*** Шапошник, Зайончковский, 2017, с. 151: «хранится в Харьковском историческом музее».

[1] В кладе из с. Драплях, кроме дирхама Узбека, были обнаружены два акче Шадибека, Болгар, 807 / 1404-1405 г. (Федоров-Давыдов, 1960, №218).

Таблица 3. Золотоордынские пулы Болгарской чеканки, найденные за пределами Татарстана и Ульяновской области

Тип пула	*Кол-во и вес в г*	*Место находки*	*Источник*
S22	1 экз., в=1,62 г	Терновское сел., Волгоградская обл.	Клоков, Лебедев, 2004, с.113, №2
S22	2 экз.	Старый Орхей, Молдавия	Абызова и др., 1981, с.82
S23	2 экз.	Увекское гор., Саратовская обл.	Пырсов, 2002, №79; Петров, Кубанкин, 2018, с. 55
S23	2 экз., в=1,64 и в=2,43 г	Зубовское гор., Волгоградская обл.	Клоков, Лебедев, 2004, с.84, №26
S23	2 экз., в=0,94 г, в=1,14 г	Никольское сел., Пензенская обл.	Винничек, Лебедев, 2004, с.133, №8
S23	1 экз.	Малая Рязань, Самарская обл.	Фонды Самарского областного историко-краеведческого музея (СОИКМ)
S23	4 экз.	Брусянское сел., Самарская обл.	Фонды СОИКМ
S23	5 экз.*	Правобережье Самарской области	Фонды СОИКМ
S23	1 экз.	Селитренное гор., Астраханская обл.	ЗИАО, 1851, с.46, №5
S23 S25	1 экз., в=1,49 1 экз.	Старый замок, г. Гродно, Белоруссия Хмелевское I сел., Саратовская обл.	Фомин, Синчук, 2015, с. 74-75 Гумаюнов, 2002, с.62, №47
S25	2 экз.	Селитренное гор., Астраханская обл.	Клоков, Лебедев, 2002, с.112, №116/2; ЗИАО, 1851, №31
S23, S25	3 экз. «булгарская решётка», 2 экз. «тамга в звезде»	Москва, около церкви Владимира	Пачкалов, 2002, с.189
S25	1 экз., в=0,6 г	Сарайчик, Казахстан	Самашев и др., 2006, №175
Всего 56 экз., с учётом 36 пулов из Самарской области.			

*Возможно, про эти монеты пишет Г.А. Фёдоров-Давыдов: Болгар 734 г.х. – 6 экз. (Федоров-Давыдов, 1963, с. 196, №423, с. Муранка)

Обозначения типов: S22 – «тамга в треугольнике»; S23 – «тамга в звезде»; S25 – «булгарская решётка».

Таблица 4. Клады медных монет с Болгарского городища и его округи

№	Год находки	Происхождение	Кол-во	Младшая монета	Публикация
1	1886	Ага-Базар	Не сохранилось	Не сохранилось	ФД, 1960, №331
2	1928	К Ю-В от Малого минарета	252	«двуглавый орёл», 1340-е	Васильев, 1929; ФД, 1960, №333
3	1959	Шурф к западу от вала	41	«Решётка», «двуглавый» орёл, 1340-е	ФД, 2003, №333
4	1988	Раскоп XCV, соор. 81	12	С лировидной н/ч, 1380-е	ФД, 2003, №333 б
5	1984	Остров у с. Подываново	65	Гулистан, 1362	ФД, 2003, №333 а
6	2002	Траншея газопровода	8	Н/ч лира, 1380-е	Мухаметшин, 2008, №6
7	2003	К Ю-В от Малого минарета	7	1360-е	Мухаметшин, 2008, №7
8	2003	К Ю-В от Малого минарета	4	1350-е	Мухаметшин, 2008, №8

Таблица 5. Количество и метрология джучидских пулов XIV в. из раскопа CLXXIX Болгарского городища

Артибуция	МД	Время чеканки	Кол-во, экз.	Мода, ±0,1 г	Средний вес, г	Примечание
Тамга в треугольнике	Не указан (Болгар)	(1320-е)	317	1,0	0,98	
Тамга в звезде	Болгар	732–736 (1331–1336)	239	1,4	1,43	
Лев и солнце	Сарай	737~743 (1336–1343)	245	1,2	1,18	
Решётка	Болгар	(1339–1340)	119	1,1	1,17	
Двуглавый орёл	Сарай ал-Джадид	743~750 (1343–1350)	406	1,2	1,13	
Розетка	Сарай ал-Джадид	752–761 (1351–1360)	76	1,7	1,70	
Хызр	Гулистан	762 (1360–1361)	153	3,1	2,75	В том числе 4 экз. – «722» и один экз. – «766».
Хызр	Сарай ал-Джадид	762 (1360–1361)	86	2,6	2,73	

Таблица 6. Топография находок болгарских пулов 807 г.х.

№	Место находки	Вес, г	Примечание
1–6	С. Рождествено	0,69 обл., 0,84, 0,88, 1,08–2, 1,11	6 экз. Гончаров, Тростьянский, 2004, с. 94
7–9	С. Рождествено	0,59; 0,68; 1,38	3 экз.
10–11	Д. Сахарово	0,64; 0,55	2 экз.
12–13	Сел. Чакма	0,77; 0,66	2 экз.
14	Д. Дятлово	0,80	1 экз. Бугарчев, Павлов, 2022.
15	Сел. Старонохратское	1,00	1 экз. Лебедев, Бугарчев, 2015, с. 31
16	Раскоп ССXXXVI, Болгарское гор.		1 экз. 2018 г.
17	Болгарское гор., раскоп XXXVI	0,97	Фонды ГИМ (Москва)
18–20	Болгар	1,16–2; 1,24	[Лихачев], лист 379-1
21	Войкино	0,68	1 экз.
22	Лаишевский р-н		1 экз.

Таблица 7. Химический состав исследованных монет XV в.

№	Эмитент, место чеканки	Время чеканки, г.х.	Ar, %	Cu, %	Au,%	Примечание
1	Шадибек, Болгар	(805–810)	87,8–91,1	1,8–11,3	0,5–0,7	Остальные элементы (железо, свинец и т.д.) менее 0,5%
2	Пулад, Болгар	(810–813)	87,8–95,9	3,0–11,1	0,5–0,6	Остальные элементы менее 0,5%
3	Пулад, Болгар («Раджан»)	810	88,7–93,7	4,8–10,5	0,5–1,4	Остальные элементы менее 0,5%
4	Пулад, Болгар ал-Джадида	(810–813)	82,1–93,7	5,3–16,5	0,5–0,7	Остальные элементы менее 0,4%
5	Дервиш*, Болгар	(818–822)**	89,0–93,9	4,4–9,6	0,6–0,7	Остальные элементы менее 1,6%
6	Дервиш, Болгар	(818–822)	85,3–93,5	4,9–13,1	0,6–0,7	Остальные элементы менее 1%
7	Болгар, тамга и надпись	(822–826)	94,2–95,5	2,5–3,9	0,6–0,8	Остальные элементы менее 2,8%
8	Мухаммад, тамга	(после 822)	79,2–94,6	2,6–15,4	0,4–0,8	Остальные элементы менее 0,5%
9	Барак, Болгар	(826–828)?	62,5–87,0	9,5–34,1	0,6–0,9	Остальные элементы менее 3,4%
10	Мухаммад, Болгар	(после 828)	28,8–67,5	23,8–68,0	0,4–0,8	Остальные элементы менее 11,9%

*В статье на этой позиции указано «эмитент не установлен» (Шайхутдинова и др., 2018, с. 104–110).
**В статье указан период 817-819 гг.х. (Шайхутдинова и др., 2018, с. 104–110).

ГЛАВА 8

ПИСЬМЕННАЯ КУЛЬТУРА: ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ И НАДПИСИ

§ 1

Эпиграфические памятники Волжской Болгарии XIII–XIV вв.: истоки и региональные школы

§ 2

Социально-историческая терминология волжских болгар по эпиграфическим текстам

§ 3

Надписи на ремесленных изделиях

ГЛАВА 8

ПИСЬМЕННАЯ КУЛЬТУРА: ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ И НАДПИСИ

ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ВОЛЖСКОЙ БОЛГАРИИ XIII–XIV ВВ.: ИСТОКИ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ШКОЛЫ

Эпиграфические памятники Волжской Болгарии XIII–XIV вв. представляют собой уникальный исторический источник по истории болгарского и татарского народов. Они воплотили в себе ряд преимуществ письменных и вещественных источников. Как вещественные (археологические) – они оригинальны и не имеют в себе позднейших наслоений, как письменные – дают разностороннюю информацию исторического, социально-политического, этнического и культурного характера, что в археологических памятниках отражается весьма слабо.

Эпиграфические памятники связаны с конкретным историческим населенным пунктом и являются составной частью историко-культурного комплекса. В этом плане интересные результаты может дать комплексное изучение болгарских памятников в связи с археологическими объектами – городищами и селищами, а также с административными единицами и крупными населенными пунктами в более поздний период. Концентрация эпиграфических памятников явно указывает на значимость данного населенного пункта.

Возникновение традиции установления камней в Среднем Поволжье и Приуралье связано с социально-политическими и этнокультурными изменениями, произошедшими в середине XIII в. в Среднем Поволжье. Бывшая Волжская Болгария, как и другие оседлые области, такие как Хорезм, Крым, наряду с Дешт-и-Кипчаком вошли в состав вновь образованной империи Золотая Орда. Город Болгар, где в 40-х гг. XIII в., располагалась ставка хана Бату, фактически превратился в первую столицу Золотой Орды. Переселение значительного количества тюркских племен, официальное принятие ислама ханом Берке, дальнейшее укрепление связи с Туркестаном (Хорезм) явились катализатором в возникновении традиции установления камней. Самобытность памятников, их форма, орнаментика, язык позволяют говорить о нескольких корнях возникновения этой традиции. Чувствуются генетическая связь между орхоно-енисейскими надписями и татарскими эпитафиями.

На эпиграфических памятниках зафиксированы названия намогильных камней в формах *кабр, зиярат, балук, лауха, битик, галямат*, что отражает различные корни традиции установки татарских намогильных памятников: тюркский (алтайско-сибирский), общемусульманский, языческий. Таким образом, руками мастеров-камнерезов и писцов отмечены этнокультурные особенности регионов. Они ярче проявляются в периферийных районах, нивелируются в Болгаре и других крупных городах.

У современного татарского народа для обозначения намогильных камней общепринятым термином является название «кабр-таш» – намогильный камень. «Кабр-таш» – собирательный термин. На самих памятниках данный термин повсеместно зафиксирован в форме «это могила», как на памятниках XIII–XIV вв., так и на эпитафиях XVII–XIX вв. Традиционно данный термин сохраняется и в XX в.

По мусульманским канонам установление определенного знака на могиле не поощрялось. Поэтому на эпитафиях, написанных на арабском, иногда и на татарском языках, сам термин завуалирован в понятиях «марказ» – гробница для погребенных мужского пола и «сад» – для женских эпитафий. Данный термин характерен и для других регионов, где проживают тюркоязычные народы. В Самарканде и его окрестностях намогильная плита называется «кабр-таш» (Поляков, Черемных, 1975, с. 264). Крымские татары вертикально стоящие намогильные камни называют «кабр-таш» (Червонная, 1997, с. 10). В татарском разговорном языке сохранились названия «ташбилге» – каменный знак, «тораташ» – каменное изваяние, «сынташ» – каменная баба, диалектное обозначение «таш башбата» (Материалы, 1978, с. 83, 180). В диалекте нохратских татар сохранилось обозначение «тегермен башбата» (Материалы, 1978, № 181). Возможно, это название памятника округлой формы с круговым расположением строк надписи. Таковые известны (рис. 1: 1). Примечательно, что при посещении Тат. Бурнаевского и

1 2

Рис. 1. Болгарские эпиграфические памятники (по Д.Г. Мухаметшину)
1 – камень-жернов. Надпись с упоминанием о разрушении города Болгара; 2 – намогильный камень с термином «галямат» – знак в тексте. Болгар. Конец XIII в.

Иски-Казанского кладбищ автору доводилось видеть рядом с намогильными камнями фрагменты болгарских жерновов.

На многих болгарских эпиграфических памятниках название памятника отмечено термином «зиарат» – место погребения. В современном татарском языке «зиярат» – кладбище.

На эпитафиях XIII–XIV вв. широко распространен термин «балука» – надмогильный знак, памятник. Данное слово можно сопоставить с протоболгарским словом «белюх» (Мухаметшин, Хакимзянов, 1987, с. 15). Термин «балук» возрождается на эпитафиях XVII–XVIII вв. в форме «балук» (Нижняя Ура, Чишма), «билге» (Максабаш), «билик» (Тура).

На памятнике из Болгара (№ 115[1]) зафиксирован оригинальный термин «галямат» – знак. Памятник написан полностью на арабском языке, дата отсутствует. По своему оформлению и палеографии надписи памятник датируется концом XIII в. (рис. 1: 2).

На одной из эпитафий из Болгара (Юсупов, 1960, табл. 38) отмечен термин «алп битик» – большая надпись. Данный памятник отличается своим вертикальным расположением строк. На штампе оборотной стороны памятников 30–40-х гг. XVI в. самоназвание памятника выражено термином «лауха», который продолжает бытовать в XVII–XVIII вв.

Установление намогильных памятников для мусульман не входит в число обязательных элементов похоронно-поминального комплекса, который включает обмывание, обряжение умершего, рытье могилы, отдельные требования к поведению живых в данной ситуации. Все остальные обряды похоронно-поминального комплекса, в том числе установление намогильного памятника, связаны с этнической историей народа и в целом воспринимаются как мусульманские. Об этом пишут С.П. Поляков и А.И. Черемных: «Ортодоксальный ислам с осуждением относится к сооружению над могилой какого-либо надгробия. Тем не менее население долины Заравшана в течение веков существования здесь ислама продолжало сооружать надгробные памятники. Это закономерность, свойственная всему исламскому миру. Возникший в глубокой древности обычай отмечать каким-либо образом могилу родственника или соплеменника сохранился до наших дней» (Поляков, Черемных, 1975, с. 277).

С.М. Червонная происхождение эпиграфических камней-надгробий определенного архитектурного типа (вертикально поставленная каменная стела с остроконечным, стесанным в форме арки или обретающим стилизованную фигурную форму завершением) связывает не столько с исламским культом, сколько с художественными

[1] Здесь и далее номера намогильных памятников соответствуют нумерации Книги поступлений БГИАМЗ.

традициями тюркского мира, особенно интенсивно распространявшимися в Восточной Европе в период монгольских завоеваний (Червонная, 1997, с. 111).

Крупный татарский археограф и эпиграфист М.И. Ахметзянов происхождение традиции установления эпиграфических памятников у татар связывает с древними тюрками. Традиция установления надгробных камней у болгар «идет от древних тюрков, через более поздних караханидских татар. Эти татары, пришедшие с войсками Бату хана, распространяли данный обычай на Волге, Кавказе, в Крыму, где и ныне частично сохранились эпиграфические памятники» (Ахметзянов 1998, с. 118).

Возникновение традиции установления камней в Среднем Поволжье и Приуралье исследователи единодушно связывают с проникновением и распространением мусульманской религии. Многочисленные факты материалов Аравии, Кавказа, Средней Азии, где имеются эпитафии более раннего периода, позволяют говорить в пользу такого мнения.

Ислам начал распространяться среди болгарского населения задолго до его официального принятия ханом Алмушем в 922 г. Известные востоковеды Х.М. Френ и Б. Мункачи считали, что мусульманство распространилось среди болгар начиная с VIII в. Не исключено, что некоторые из болгарских племен были знакомы с исламом еще во время северных арабских походов. По мнению выдающегося востоковеда В.В. Бартольда, болгары приняли ислам в IX в., такого же мнения был известный татарский ученый Ш. Марджани (Марджани, 1989, с. 112). Наличие мечетей и училищ у болгар отмечает Ибн Русте, написавший свое сочинение около 903–913 гг. У Ибн Фадлана имеются намеки, что болгары были знакомы с мусульманством до официального принятия ислама, что было правильно подмечено А.П. Ковалевским, С.А. Яниной и др.

В XI–XII вв. новая религия широко распространяется и среди сельского населения. Это подтверждается археологическими материалами. Болгарские могильники XI – начала XIII в.: Танкеевский, Тетюшский, Старокуйбышевский I, Измерский, Билярские II и III и др. выявили очень выдержанный «ортодоксальный» мусульманский обряд. Е.А. Халикова отмечает полное отсутствие в могилах какого бы то ни было реликтового инвентаря.

В мусульманизации края особенно большую роль играла Центральная Азия. Это отмечают И.Н. Березин, А.Ю. Якубовский, С.А. Янина и другие авторы.

Как было указано выше, распространение ислама является одним из факторов возникновения традиций установления намогильных камней, однако между этими двумя явлениями нет прямой связи. Массовая установка эпиграфических памятников возникает намного позднее принятия ислама, ибо ортодоксальный ислам с осуждением относится к сооружению над могилой мусульманина какого-либо памятника. Материалы Северного Кавказа показывают, что между проникновением ислама и появлением мусульманских эпиграфических памятников существует хронологический разрыв, доходящий до 200–300 лет. Не наблюдаются эпиграфические памятники и в Волжской Болгарии домонгольского периода. Е.А. Халикова, исследовавшая мусульманские памятники XI–XII вв., отмечает, что «попрежнему на могилах отсутствуют выраженные следы надгробий» (Халикова, 1986, с. 124).

Эпиграфические памятники с изящным каллиграфическим письмом, своеобразной орнаментацией – не только последняя дань умершему человеку. Эпитафии в первую очередь служили живым людям. «Божественная воля, проявлением которой является власть кагана, верность кагану беков и народа, подчинение народа бекам – таков лейтмотив идей в рунических надгробиях», – пишет С.Г. Кляшторный, исследуя рунические надгробия (Кляшторный, 1964, с. 62). Только так можно объяснить живучесть возникшего где-то в древности обычая отметить каким-либо знаком могилу соплеменника. Намогильные памятники, пусть это будет пышно оформленное надгробие, небольшой памятник с именем покойного могли ставить только состоятельные люди – правящая верхушка, военная и торговая аристократия, служители культа. Эпитафии являлись выражением привилегированного положения верхушки феодального общества, демонстрацией ее значимости. Недаром в некоторых болгарских эпитафиях перечисляются предки до девятого поколения, а начиная с 20-х гг. XVI в. на обороте всех надгробий стали вырезать имя человека, поставившего, т. е. заказавшего, эпитафию. Это делается, несмотря на то, что в эпитафиях разрешалось приводить только цитату из Корана, благочестивые изречения и имя погребенного. «Памятники эти с их непонятными для широких масс народа арабизмами, – пишет Г.В. Юсупов, – были для них своего рода символами, обожествляющими личность представителей правящей феодальной верхушки» (Юсупов, 1961, с. 48).

Социально-политический смысл проявляется в устройстве самих кладбищ. Многие из них огорожены небольшим валом и рвом, а Большеатрясское кладбище имеет четыре площадки разной высоты, огороженные земляным валом. Их можно рассматривать как фамильные места захоронения

феодалов. Подобные явления, по-видимому, имели место в эпоху Казанского ханства и в более поздние времена. Имеются исторические сведения, указывающие на захоронение некоторых казанских ханов в особо почитаемых мусульманами местах – Болгарах и Билярске.

В возникновении и распространении традиции установления намогильных арабографических эпиграфических памятников нельзя исключать и этнические факторы. Принадлежность эпиграфических памятников на территории Среднего Поволжья и Приуралья болгарскому, позднее татарскому народу – установленный факт. Однако среди болгарских племен современники, кроме собственно болгар, отмечают сувар, нохрат, берсула, эсэгель, темтюзи, сабакуля, баранджар и других. В то же время в сложении народности волжских болгар, а позднее казанских татар определенную роль сыграли местные финно-угорские племена, кипчаки и другие тюркоязычные племена, в том числе караханидские татары. Даже при одинаковом мусульманском обряде захоронения и трафаретном тексте эпитафий весь этот сложный процесс в какой-то мере должен был отражаться на болгарских эпиграфических памятниках. Г.В. Юсупов возникновение двух стилей и двуязычие болгарских надгробий связывал с двумя главными компонентами Болгарского государства болгар и тюрок.

Среди племен и народностей региона обычай устанавливать на могилах своих соплеменников намогильные памятники-стелы и каменные изваяния имели кипчаки и население, относящееся к ананьинской культурно-исторической области (АКИО) в эпоху раннего железного века. Стелы ананьинских вождей обнаружены в 10 км к северу от Болгар на Новомордовском могильнике. Памятники с полукруглым верхом с изображениями секиры и кинжала в верхней части показывают высокое мастерство ананьинских мастеров резьбы по камню. Почитаемые местными племенами, эти памятники, видимо, вызывали уважение и у пришлых людей. Показательно то, что рядом с огромным городом, где возводилось множество белокаменных зданий, эти давно забытые камни не были использованы как строительный материал и сохранились до наших дней.

Если ананьинские стелы для болгар были свидетелями давно прошедших времен, то многочисленные половецкие каменные изваяния украшали бескрайние степи южнее болгарских границ в период расцвета Болгарии в XI–XII вв. Известны балбалы и на болгарских землях, с территории современной Самарской и Ульяновской областей. Одна такая находка была сделана в Болгаре, далеко на севере от территории проживания половцев. Во время изучения мавзолея в южной части городища в кладке мавзолея была обнаружена голова каменного изваяния (Аксенова, Смирнов, 1973, с. 245–249). Кроме того, известны кочевнические кипчакские погребения на территории Ульяновской области и в Татарстане, то есть непосредственно в болгарских землях. Включение части кипчакского населения в состав Волжской Болгарии у исследователей не вызывает сомнений. Об этом свидетельствует и обнаруженное в Болгарах кипчакское погребение, датируемое XIV в. (Газимзянов, Дремов, 2020, с. 171).

Если идти вглубь веков, то можно определить, что намогильные памятники с надписями, где упоминались имя человека, дата смерти и изречения из священной книги мусульман – Корана – впервые появляются в Аравии в VII–VIII вв. Это были небольшие грубые камни с арабографической надписью. Через два столетия подобные камни появляются в Средней Азии, чуть позже на Кавказе – в Дербенте. Среднеазиатские намогильные камни – кайраки мало похожи на болгарские. Круглые и овальные по форме, без орнамента, эти памятники уже в эпоху мусульманского ренессанса выглядели анахронизмами.

На возникновение и развитие эпиграфики в Волжской Болгарии не чувствуется воздействия Средней Азии, Крыма и Кавказа. Близость орнаментации и стиля болгарских эпитафий к орнаментам восточных архитектурных памятников следует рассматривать как общее влияние культурных центров мусульманского Востока на периферийные районы, каким являлся Болгар в XIII–XIV вв. Более ранние мусульманские намогильные памятники Средней Азии, Кавказа и Кухистана по типу и композиции текста не могут служить предметом подражания для болгарских эпитафий. С памятниками Дагестана их связывает палеографическое сходство отдельных букв при написании простым куфическим почерком. Вероятнее всего, общим примером для тех и других были эпиграфические памятники Аравийского полуострова.

Картографирование эпиграфических памятников XIII–XIV вв. показывает, что они в основном сосредоточены на территории Республики Татарстан, хотя часть памятников выходит далеко за пределы этой территории. Самым северным пунктом расположения эпитафий является пос. Гурья-Кала Балезинского р-на Удмуртии, самым южным – пос. Правая Волга Сызраньского р-на Самарской области. Самая восточная находка обнаружена в с. Байрамгулово Башкортостана. На западе болгарские эпитафии известны в восточных районах Чувашии (рис. 2, 3).

В 92 пунктах выявлено около 400 намогильных камней XIII–XIV вв. В количественном отно-

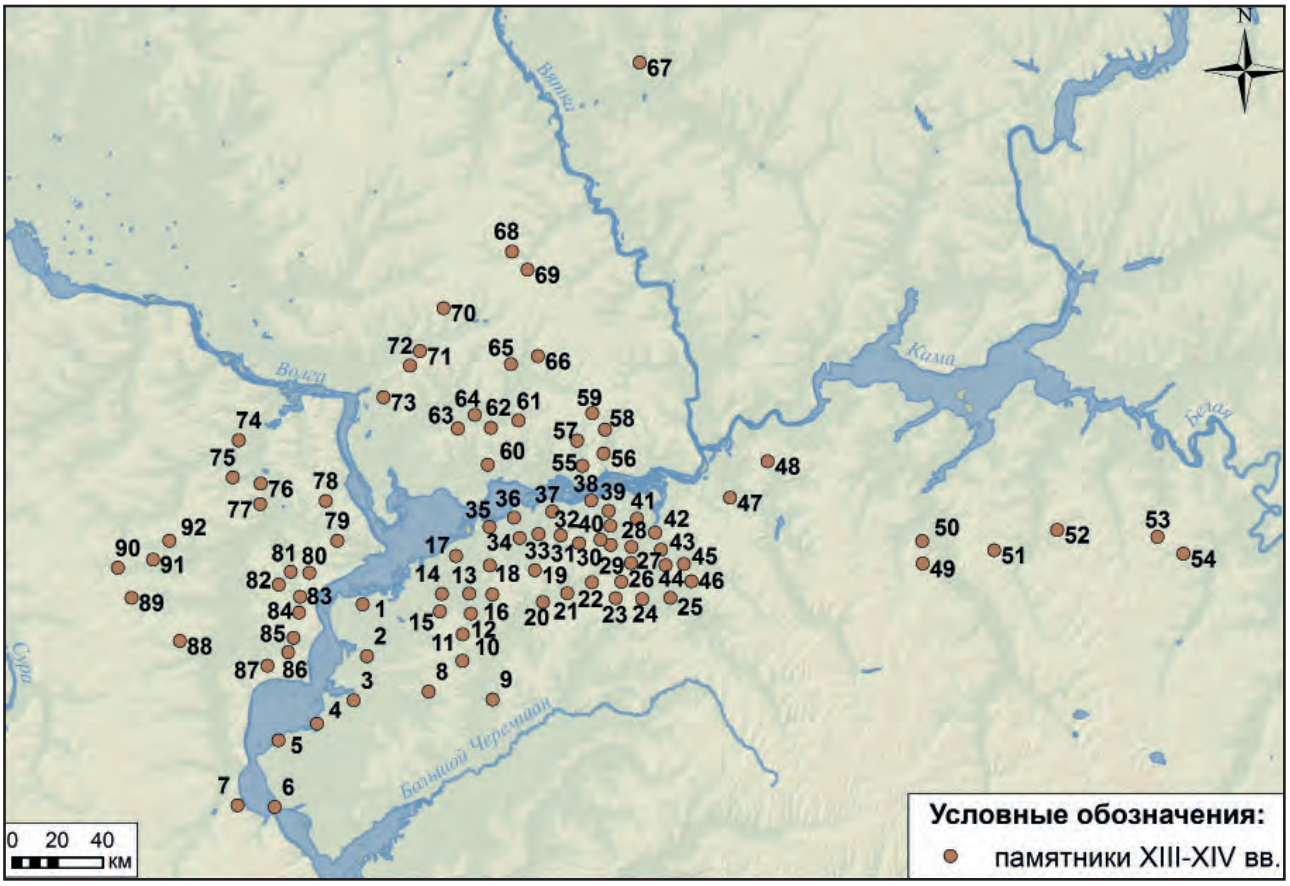


Рис. 2. Распространение болгарских эпиграфических памятников в XIII–XIV вв.
(по: Мухаметшин, 2008, карта 1)

1 – Болгарское городище – 160*; 2 – Матвеевское кладбище– 2; 3 – Староуреньское кладбище – 2; 4 – Тат. Калмаюрское кладбище – 7; 5 – Архангельское кладбище – 1; 6 – Батраки (Самарская обл.) – 1; 7 – Муранский могильник (Самарская обл.) – 1; 8 – Иске-Рязабское кладбище – 5; 9 – Нижне-Альмузинское кладбище – 1; 10 - Тат. Бурнаевское кладбище – 1; 11 – Тат. Шапкинское кладбище – 1; 12 – Тяжбердинское I кладбище – 2, Тяжбердинское II кладбище – 7; 13 – Старо-Баллыкульское кладбище – 6; 14 – Ямбухтинское I кладбище – 6, Ямбухтинское II кладбище – 1 (Спасский р-н, РТ); 15 – Старо-Салмановское кладбище – 1; 16 – Старо-Челнинское кладбище – 1; 17 – Сухокурналинское кладбище – 5; 18 – Ошнякское кладбище – 4; 19 – Подлесно-Шенталинское кладбище – 2; 20 – Балынгузское кладбище – 4; 21 – Новочувадамское кладбище – 1; 22 – Новотатадамское кладбище – 1; 23 – Новодемкинское кладбище – 7; 24 – Барско-Енаруcкинское кладбище – 4; 25 – Староибрайкинское кладбище – 1; 26 – Старотаткереметьевское кладбище – 1; 27 – Савгачевское кладбище – 1; 28 – Старосаврушинское кладбище – 4; 29 – Урмандеевское кладбище – 1; 30 – Чувелтанское кладбище – 3; 31 – Ишалькинское кладбище – 1; 32 – Татарскотолкишское I кладбище – 1, Татарскотолкишское II кладбище – 1; 33 – Ильдеряковское кладбище – 4; 34 – Кубасское кладбище – 1; 35 – Донауровское кладбище – 2; 36 – Змеевское кладбище – 1; 37 – Русскосарсазское кладбище – 1; 38 – Староромашкинское кладбище – 15; 39 – Исляйкинское кладбище – 4; 40 – Жукотинское кладбище – 1; 40а – Чистопольское кладбище – 1; 41 – Кармалинское кладбище – 1; 42 – Тубылгытаузское кладбище (Верхненикитинское кладбище «Изгэлер») – 1; 43 – Елховское кладбище – 1; 44– Утяшкинское кладбище – 1; 45 – Нижненикитинское (Ленино) кладбище?; 46 – Каенлинское кладбище «Изгэлер зираты»?; 47 – Среднечелнинское кладбище – 2; 48 – Клятлинское – 8; 49 – Урсаевское – 3; 50 – Старошакуровское – 1; 51 – Мавлютовское – 1; 52 – Старокалмашовское – 1; 53 – Чишминское – 1; 54 – Красноключинское – 2; 55 – Тат.Кирменьское – 14; 56 – Уразбахтинское – 1; 57 – Дигитлинское – 1; 58 – Нижнеякинское – 6; 59 – Таутерменьское – 1; 60 – Большеошнякское I – 1; 61 – Большеошнякское II – 1; 62 – Русскосердинское – 1; 63 – Читинское – 1; 64 – Кибя-Козинское – 2; 65 – Измянское – 1; 66 – Мингерское надгробие?; 67 – Гординское (Удмуртия) – 1; 68 – Староашитское – 2; 69 – Старокишитское – 1; 70 – Иски-Казанское – 2; 71 – Ямашурминское – 1; 72 – Сидорово- Пустышное – 1; 73 – Казанское (Кабанское) – 4; 74 – Татазелеевское – 1; 75 – Малокайбицкое – 1; 76 – Шам-Булыхчинское – 1; 77 – Кульганское – 5; 78 – Староказеевское – 2; 79 – Салтыгановское – 2; 80 – Большеатрясское – 17; 81 – Монастырское – 1; 82 – Ямбухтинское (Тетюшский район РТ) – 2; 83 – Большешемякинское – 1; 84 – Тетюшское – 1; 85 – Урюмское – 5; 86 – Мантовское – 1; 87 – Большетарханское – 1; 88 – Старошаймурзинское – 1; 89 – Байглычевское (Чувашия) – 1; 90 – Байтеряковское – 5; 91 – Полевобикшишское – 1; 92 – Большеяльчиковское – 1; 93 – Курманаевское – 1.

* Количество намогильных памятников

шении в Закамье учтено 285 памятников, из них 16 с территории Восточного Закамья. Из районов Предволжья и Предкамья происходят соответственно 48 и 50 эпитафий.

По своему оформлению, технике исполнения и структуре текста и по другим особенностям среди болгарских эпиграфических памятников XIII–XIV вв. выделяются четыре региональные группы, которые компактно расположены на определенной территории, где проживало болгарское население. Для каждой из них характерно своеобразное общее оформление памятника и определенный канонический текст.

Болгарский территориальный округ занимает всю западную часть Болгарского улуса золотоордынской Болгарии, где выявлено 47 болгарских кладбищ с более чем 285 намогильными камнями.

Намогильные камни I группы по структуре текста и языку разделяются на три типа: 1 тип – эпитафии с надписью, выполненной полностью на арабском языке; 2 тип – эпитафии на литературном языке с поэтическими эпитетами, 3 тип – памятники на арабском языке и «поволжском тюрки».

Намогильные камни II группы по оформлению и структуре текста разделяется на 4 типа: 1 тип – памятники с коранической формулой в тимпане; 2 тип – памятники с розеткой в тимпане и коранической формулой «Суд Аллаха великого, всевышнего» на первой строке текста; 3 тип – памятники с различным оформлением заглавной формулы и основного текста; и 4 тип – камни с полукруглым верхом, без арки и даты, с коранической формулой «Каждая душа вкусит смерть, после вы к нам вернетесь» в первой строке. Памятники 1 типа в свою очередь разделяются на 2 подтипа: подтип А – эпитафии с формулой «Он живой, который не умирает» в тимпане; подтип Б – эпитафии с формулой «суд Аллаха, великого, всевышнего» в тимпане. Среди надгробий 2 типа выделяются камни большого размера (1 вид) и маломерные памятники с сокращенным вариантом текста (2 вид). Вместе с тем в отношении структуры текста эпитафий II группы близки друг другу.

Вторым из наиболее крупных региональных округов распространения болгарских эпиграфических памятников XIII–XIV вв. является **Кирменско-Джукетауский,** который занимает северо-восточную часть территории Болгарского улуса. В Закамье его территория охватывает земли между р. Малый Черемшан и р. Зай, в Предкамье – к востоку от линии р. Ошняк, бассейн среднего течения р. Меши до р. Вятки. На этой территории выявлено 37 кладбищ с более чем 90 эпитафиями.

Характерными чертами надгробий этого округа являются следующие особенности: в оформлении отсутствие арки и бордюрного украшения, закругленность верхней части, врезанный простой шрифт, в структуре текста отсутствие коранической формулы «Он живой, который не умирает», столь характерной для памятников Болгарского округа. Отмечается некоторое увеличение толщины и ширины памятников при одновременном сокращении их длины.

В Кирменско-Джукетауском округе выделяются две группы памятников. В первую группу входят памятники с надписью на арабском и на «поволжском тюрки» языках, но они немногочисленны. Вторая группа характеризуется надгробиями, надписи которых выполнены куфическим или простым шрифтом. Вместе с тем для эпитафий второй группы свойственно разнообразие орнамента и типологических элементов.

Среди надгробий второй группы выделяются 3 типа: 1) эпитафии с трехчастной композицией в тимпане и формулой «Суд Аллаха, великого, всевышнего» на первой строке; 2) эпитафии без арки и с многолепестковой розеткой на верхней части; 3) эпитафии без орнаментации и даты.

Третий – **Восточный** региональный округ болгарских эпиграфических памятников – располагается в бассейнах среднего течения рек Ик и Белой, занимает большую, но малонаселенную территорию, где выявлено 7 кладбищ с 12 надгробиями.

Среди эпитафий округа по своему оформлению и языку мы выделяем 3 группы: 1) памятники, надписи которых выполнены шрифтом «рельефный сульс» на арабском языке; 2) эпитафии с надписями, выполненными шрифтом «куфи» на бунтарском языке; 3) памятники, надписи которых выполнены простым врезанным шрифтом на «поволжском тюрки». Первые две группы происходят из центра округа – пос. Чишма, где сохранились мавзолеи болгарского типа, и эти группы эпитафий полностью идентичны с эпитафиями города Болгара. Третья группа памятников, характеризующаяся своеобразной геометрической орнаментацией с большим количеством коранических формул в тексте, является особенностью этого региона. Одновременно отмечается значительное увеличение размера памятников этой группы, особенно ширины и длины.

Четвертый региональный округ – **Северный** – выделяется на территории современной Удмуртской Республики. Здесь известен только один памятник, обнаруженный у пос. Гурья-Кала Балезинского района. Памятник остроконечной формы со стрельчатой аркой и своеобразной формулой в тимпане, что значительно отличает его от эпитафии других округов.

Самым ранним из сохранившихся эпиграфических памятников округа является надгробие с

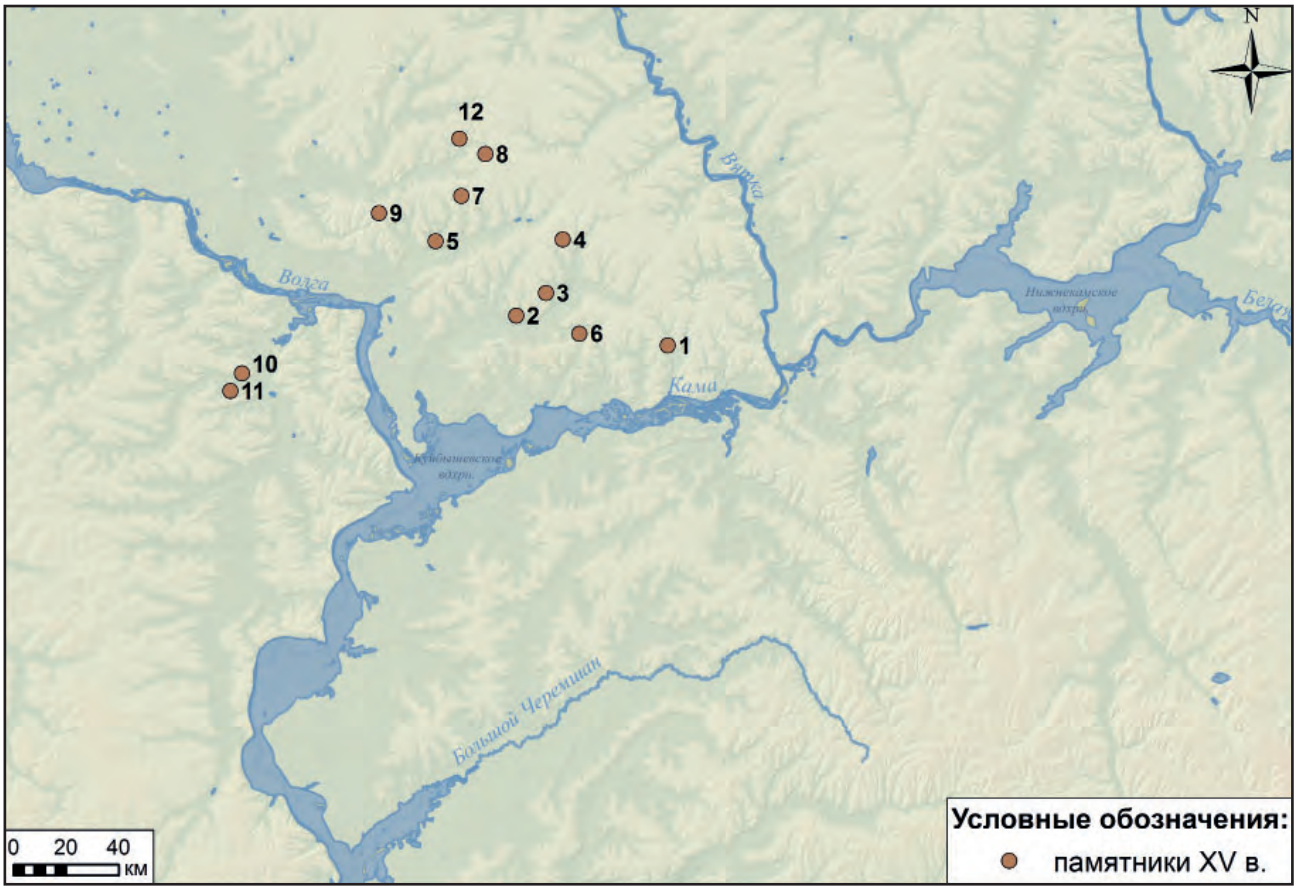


Рис. 3. Распространение болгарских эпиграфических памятников в XV в. (по: Мухаметшин, 2008, карта 2)
1 – Большеякинское кладбище (Мамадышский район) – 1; 2 – Татходяшевское (Пестречинский район) – 4; 3 – Урывкинское кладбище (Пестречинский район) – 2; 4 – Старомиченьское (Сабинский район) – 1; 5 – Иски-Казанское кладбище (Высокогорский район) – 1; 6 – Большенырсинское кладбище (Тюлячинский район) – 3; 7 – Среднеатинское кладбище (Арский район) – 4; 8 – Нижнее-Верескинское кладбище (Атнинский район) – 1; 9 – Чиршинское кладбище (Атнинский район) – 1; 10 – Татазелеевское кладбище (Зеленодольский район) – 1; Таттанаевское кладбище (Зеленодольский район) – 1; Нижне-Уринское кладбище (Атнинский район) – 1.

датой 671 г. х. (1270/71) из Болгара, хотя в литературе известны и более ранние памятники. Так, например, Н.П. Рычков сообщает о памятнике 1167 г. из окрестностей Билярска (Рычков, 1770, с. 15). Дату памятника по просьбе Н.П. Рычкова прочитал мулла одного из окрестных сел. О подробностях находки не сообщается. Однако, судя по тому, что язык памятников II группы был расшифрован Х. Фаизхановым значительно позже, можно предполагать, что данная эпитафия была на арабском языке или на «поволжском тюрки». Более подробно сообщается о другом памятнике 642 г. х., обнаруженном Г. Ахмаровым на пороге церкви в с. Ямбухтино Тетюшского уезда. Он имел красивую рельефную надпись шрифтом «сульс». Уцелевшие последние две строки гласили: «Из мира 84 году (жизни) ушел. По летоисчислению в шестьсот сорок втором, 642», то есть 1244 г. (Ахмаров, 1907, с. 25). На этом памятнике обращает на себя внимание двойное написание даты: словами и цифрами. Нужно отметить, что проставление даты цифрами характерно именно для ранних эпиграфических памятников.

В Болгаре сохранилась эпитафия 670 г. х. (1271/1272). Начиная с 80-х годов XIII в. установка эпиграфических памятников становится обычным явлением. Подавляющее большинство надгробий конца XIII в. происходит из Болгарского городища (15 ед.). К концу XIII в. относятся памятники из Иски Казани, Архиерейской дачи близ Казани (рис. 4), из с. Ямбухтино Спасского р-на РТ.

Большим разнообразием отличаются эпитафии конца XIII в. из Болгарского городища, разделяющиеся на 2 группы: I – памятники, надписи которых выполнены рельефным шрифтом «сульс» на арабском языке (рис. 5), II – памятники с надписями в шрифте «куфи» на болгарском языке (рис. 6).

Размеры памятников I группы таковы: толщина 18–20 см, ширина 45–62 см, длина 158–190 см. Выделяется своей величиной камень, поставленный на могиле Сабар-илчи, дочери Бураш-бека (18×70×285 см).

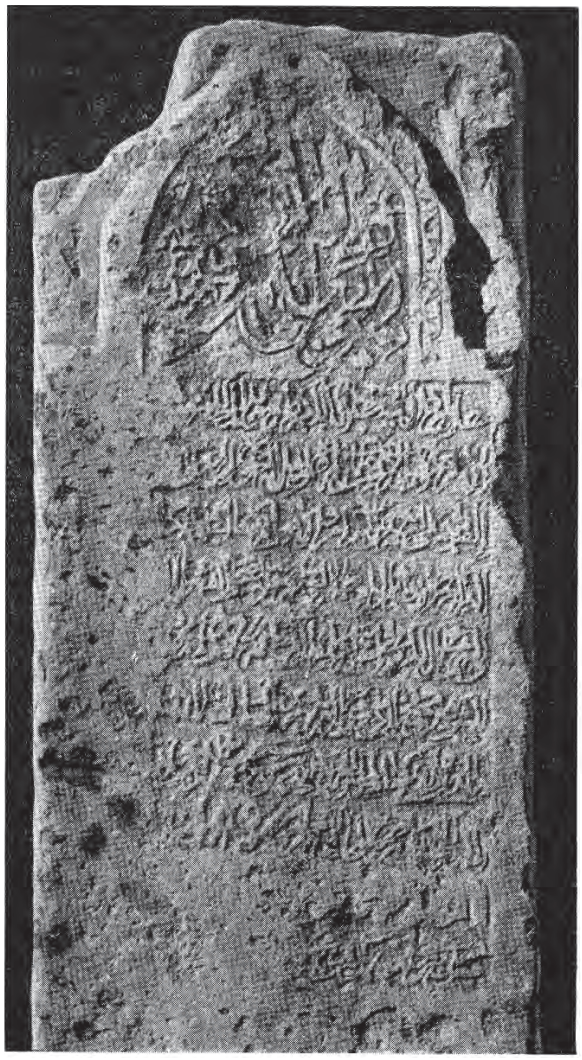


Рис. 4. Намогильный памятник конца XIII в., найденный на территории Архиерейской дачи близ Казани (по Д.Г. Мухаметшину)

Рис. 5. Намогильный памятник конца XIII в. I группы. Известняк. Дата: 684 г.х. (1285/1286 г.) Болгарское городище. БГИАМЗ. Обнаружен во время ремонта церкви Успения.

У четырех надгробий верхняя часть имеет прямоугольную форму со стрельчатой или килевидной аркой с плечиками. В тимпане расположена кораническая формула «Он живой, который не умирает, все живущее умрет» (рис. 7). В двух случаях формула дана в сокращенном варианте «Он живой, который не умирает». Два памятника имеют полукруглое завершение с плечиками, но в тимпане содержат вышеотмеченную формулу.

Три камня имеют своеобразный бордюрный орнамент, состоящий из двух параллельно идущих линий, пересекающихся через определенные равные промежутки; у остальных бордюр представляет рельефную полосу шириной 3–5 см.

Среди памятников I группы выявляется три типа бордюрного орнамента: а) врезанная прямая одинарная или двойная линии, б) рельефная или углубленная полоса, в) параллельно идущие рельефные полосы, пересекающиеся через равные промежутки (рис. 8). Последний тип бордюрного орнамента очень оригинален и имеет датирующее значение. Такой орнамент можно увидеть в михрабе праздничной мечети XII в. Бухары, на арке мавзолея Гулистан XII–XIII вв. в Азербайджане, на бордюре бронзовой чаши второй половины XIII в. из Болгара. Близки к этому орнаменту картуши болгарских дирхемов конца XIII в. Таким образом, этот вид орнамента бытовал в пределах XII–XIII вв.

Отдельные надгробия имеют орнаментальную полосу в виде растительного побега между основным текстом и заглавной формулой, который широко распространен на Востоке и известен под названием «византийской ветки» или «ислими» (рис. 9). Наиболее ранние мотивы этого орнамента мы находим в византийских изделиях XI–XII вв., но наиболее широкое распространение

Рис. 6. Намогильный памятник конца XIII – первой половины XIVв. Болгарское городище. БГИАМЗ. Обнаружен при раскопках Белой палаты в июле 1981г.

Рис. 7. Тимпан намогильного памятника с кораническо формулой, отделенной от основного текста орнаментальным мотивом виноградной лозы. Белый известняк. 711 г.х. – 1311/1312 г. Болгарское городище. БГИАМЗ

он получает на мусульманских памятниках Средней Азии и Золотой Орды.

Надписи всех эпитафий I группы врезаны рельефным шрифтом «сульс», хотя между ними имеются определенные различия. Так, шрифт надписи надгробия № 51 (рис. 5) простой, каждая буква вырезана четко, без завитков, которыми так богат сульс. Буквы ее крупные, но не очень правильные. Выделяются своим изяществом шрифты надписей памятников № 47, 72, 145, несомненно, выполненные одним и тем же мастером. К шрифту этих надгробий палеографически очень близок шрифт памятника из Архиерейской дачи, датированной Ш. Марджани концом XIII в. Чтение и датировка этого памятника, данные Ш. Марджани, были приняты всеми учеными, занимающимися историей Волжской Болгарии и Казанского ханства, в том числе и Г.В. Юсуповым.

Язык надписей памятников I группы – арабский, тексты их почти не отличаются друг от друга. Обращают на себя внимание даты памятников № 47, 51, проставленные цифрами, так же как и на надгробии из села Ямбухтино Тетюшского уезда.

Тексты памятников I группы можно подразделить на семь последовательных частей-компонентов.

1. Как обязательный элемент, приводится кораническая формула: «Он живой, который не умирает, все живущее умрет».

2. Слова, связанные с обрядом захоронения. «Это гробница» для лиц мужского пола и «этот сад» – для женских памятников.

3. Эпитеты «скромная», «целомудренная», «благочестивая», «постница» и другие, характерные для надписей на надгробиях лиц женского пола. Надписи мужских эпитафий сопровождаются эпитетами «благородный», «великодушный», «славнейший», «благодетельный» и др. Для особо чтимых людей подбирали более изысканные эпитеты типа «источник милости», «венец женщин в обоих мирах» и т. п.

4. Имена, титулы, родословия покойного: Абу-Бекр, сын Мамука, сын Беркая; Ильчи Имел, дочь Исмагила, сына Махмуда, сына Мансура ал-Болгари и др.

5. Благожелательная формула. Чаще всего встречается изречение «Да будет милость Аллаха, милостью обширною» (№ 93), реже – изречения индивидуального характера: «Да оросит всевышний Аллах его могилу, да дарует ему жилище в раю, да помилует его оставлением грехов и прощением и да вселит его в селенья райские». В тексте надгробия № 124 соединены оба изречения.

6. Слова и словосочетания, обозначающие понятие смерти: «отдалась милости Аллаха всевышнего», «отошла к Аллаху» (№ 51).

7. Дата памятника, как правило, выражается словами (№ 37, 70, 124), хотя есть и цифровые обозначения (№ 47, 51).

Эпитафии II группы можно подразделить на два типа.

К первому типу мы относим памятники № 24, 48, 147, 148. Их них № 48 относится к подтипу

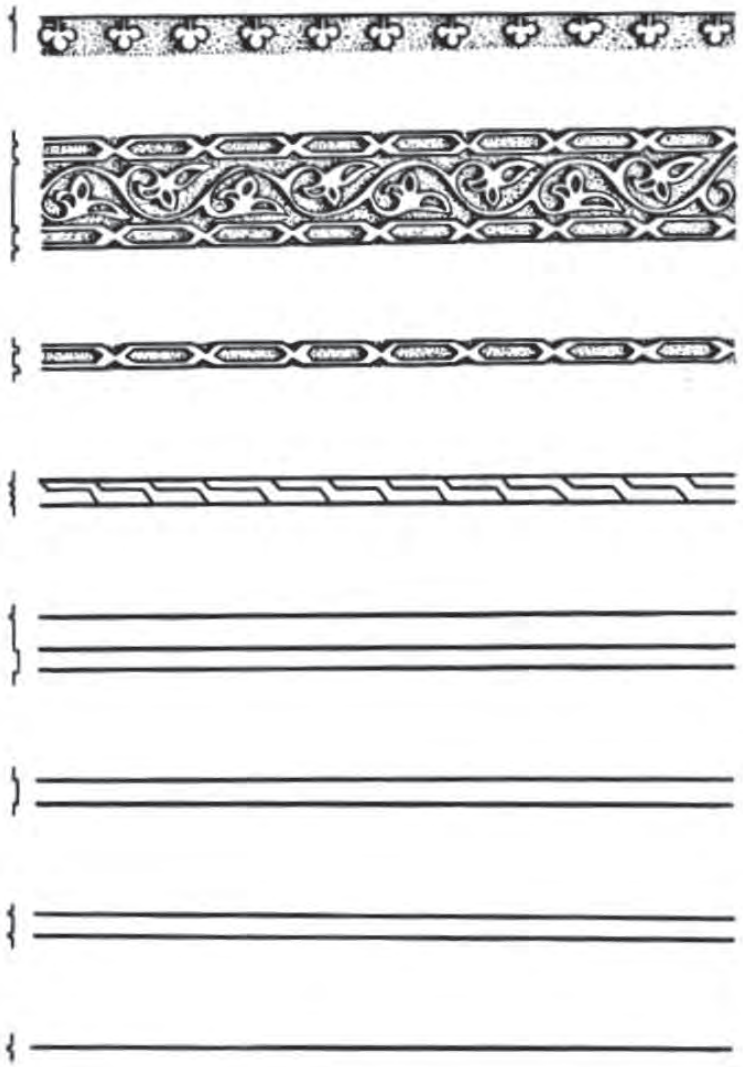


Рис. 8. Орнаментация бордюров болгарских эпитафий. Болгарский округ (по: Мухаметшин, 2008, рис. 7)

большемерных эпитафий (рис. 10). Его размеры 20×55×183 см, форма прямоугольная с килевидной аркой. Бордюр представляет собой рельефную полосу, а в тимпане кораническая формула «Он живой, который не умирает». Шрифт – рельефный куфи. Подтип – маломерные эпитафии № 24, 147, 148 с врезанным шрифтом «куфи» имеют толщину 12–17 см и ширину 28–42 см. В связи с дефектом о длине надгробий судить трудно, однако они не были слишком большими. Маломерные эпитафии имеют простой бордюр в виде врезанных линий. На нижней части надгробия № 148 стилизованное изображение птицы.

Второй тип представлен надгробием № 4. Прямоугольная по форме плита размером 22×60×117 см имеет килевидную арку и бордюрный орнамент третьего типа. В тимпане трехлепестковая розетка с узкими лепестками без разделения на дольки и мотивов свастики между лепестками. Во внутреннем кружочке розетки меньшая восьмилепестковая розетка. Надпись вырезана рельефным шрифтом «куфи», который отличается от традиционного куфи большинства эпитафий, написание букв «ж», «р», «з» и других сближает шрифт памятника со шрифтом куфических дирхемов IX–X вв. Орнамент и надпись выполнены в технике стесывания пространства вне орнамента и надписи.

Структура текста памятников обоих типов II группы близка друг к другу и состоит из семи последовательных частей-компонентов:

Кораническая формула «Он живой, который не умирает» в первом типе открывает основной текст, а во втором типе – расположена в тимпане. О формуле маломерных эпитафий второго типа судить невозможно: все они дефектные.

2. Имена, титулы, эпитеты, родословия погребенного.

3. Слова, связанные с обрядом захоронения. Первому типу соответствует слово «балук» – памятник, второму типу «зиярат» – место погребения.

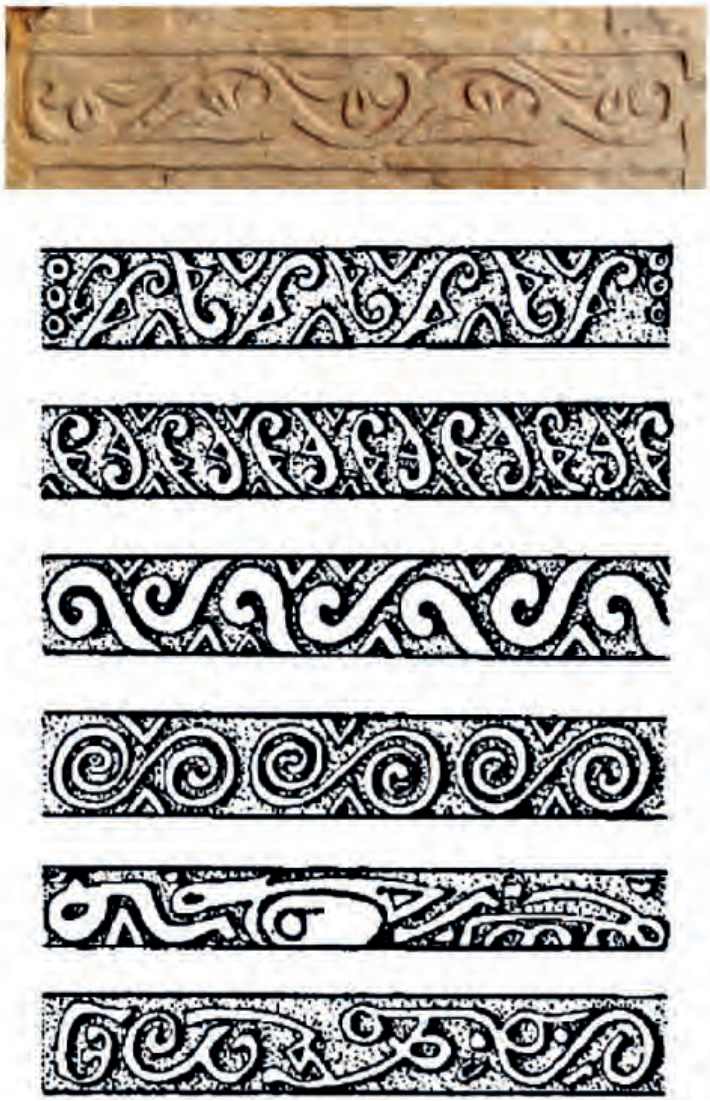


Рис. 9. Разновидности орнаментальных полос, отделяющих основной текст эпитафии от тимпана. На фото вверху: вьющаяся ветвь «ислими» (виноградная лоза) (по: Мухаметшин, 2008, рис. 9)

4. Благожелательная формула для обоих типов: «Да будет милость Аллаха, милостью обширною».

5. Слова или словосочетания, обозначающие понятие смерти. Для первого типа характерно словосочетание «Из мира (тленного) в мир вечности утонул (ушел)», а для второго типа – «Из мира тленного в мир вечности переселился», завершающиеся словом «хиджра». Для маломерных эпитафий второго типа характерно то же самое словосочетание, только на памятнике № 24 данная группа выделяется выражением «умер» без слова «хиджра».

6. Слова, связанные с календарем. Год, месяц и дни месяца, редко дни недели обозначаются словами.

7. Благочестивое изречение. Встречается в надписи немногих памятников. На памятнике № 48 врезано изречение: «Смерть – врата и все люди войдут в них», восходящее к арабскому поэту Абу ал Атахии (родился 748 г. х., умер 825–827 гг. х.). На памятнике № 148 имеется более простое изречение в форме «Да помилует Аллах».

Надгробия конца XIII в. составляют последовательное целое с памятниками первой половины XIV в., однако у первых проявляется больше индивидуальных черт, которые в дальнейшем или развиваются, или исчезают. К ним можно отнести бордюрный орнамент 3-го типа, для которого характерны полукруглое завершение верхней части со сквозными плечиками, проставление даты цифрами, а также наличие в тексте слова «хиджра». Эпитафические надписи XIII в. позволяют сделать еще одно интересное наблюдение: более половины всех эпитафий относятся к первой группе и написаны на арабском языке.

В XIV в. традиция установки надгробий в Болгарском улусе продолжается. По-прежнему крупнейшим центром их сооружения остается город Болгар. Отсюда нам известно 32 целых датированных эпиграфических памятника XIV в. Са-

мый ранний из них относится к 700 г. х. (1300), позднейший датируется 749 г. х. (1350/51). Из Болгара также происходит значительное количество фрагментарно сохранившихся эпитафий, стилистически и типологически датируемых первой половиной XIV в. Надгробия, оформленные в традициях болгарской школы, получают широкое распространение и в других районах Болгарского улуса, особенно на волжском правобережье.

Показательно, что надгробия первой половины XIV в. сохраняют полную преемственность с надгробиями XIII в. как типологически, так и структурно. Выделяются практически те же группы.

Надгробия I группы, число которых достигает 32, по размерам не отличаются от памятников XIII в.: толщина 18–20 см, ширина 50–62 см, длина 210–271 см. Среди эпитафий этой группы встречаются маломерные (№ 1, 145) и достигающие значительных размеров, толщиной 24–30 см, шириной 68–78 см (№ 64, 67, 74). Однако из-за неполной сохранности длину таких памятников установить трудно, пропорционально предыдущим размерам она должна достигать трех метров и более.

Форма верхней части надгробий прямоугольная, реже скошенная (№ 9), со стрельчатыми или килевидными арками, с плечиками, образовавшимися стесыванием пространства вне арки. Три памятника (№ 1, 37, 115) имеют полукруглый верх со сквозными плечиками без арок. Надгробия этого типа редки.

Для памятников I группы характерна простота оформления. Из их орнаментации нужно отметить виноградную лозу, отделяющую основной текст от заглавной формулы (№ 14, 46, 92, 96). На памятнике № 74 она заменена широкой рельефной полосой.

Бордюр большинства камней представляет собой рельефную полосу. Памятник № 37 имеет бордюрный орнамент 3-го типа. Интересен памятник № 71, в котором сочетается растительный побег с орнаментом 3-го типа. Подобное оформление бордюра получает широкое распространение только с XVI в. Боковые части у надгробия № 56, 71 украшены геометрическим орнаментом, состоящим из ряда ромбиков, пересеченных параллельными линиями, которые разделяют их на более мелкие треугольники. Внутренняя часть треугольников выбрана.

Текст памятников I группы вырезан рельефным почерком «сульс». У большинства из них шрифт ясно читаемый, буквы четкие, раздельные, и только у некоторых (№ 56, 57, 72), отличающихся своей величиной и монументальностью, шрифт переходит в изящную арабскую вязь. Из этой

Рис. 10. Намогильный памятник с эпитафией II группы. Болгарское городище. БГИАМЗ. Дата: 708 г.х – 1308/1309 г.

среды только камень № 1 выделяется своим врезанным куфическим шрифтом. Небольшая закругленность углов, наличие диакритических знаков сближает его с надгробиями II группы.

К надгробиям, выполненным в традиции болгарской школы, относятся памятники из Ямбухтино, Матвеевки, Больших Тархан, Больших Атряс и др.

По оформлению и каллиграфии они тождественны памятникам Болгара. Из локальных особенностей можно указать на врезанный куфический шрифт надписи памятника из Больших Тархан и орнаментацию пространства вне арки эпитафии из Национального Музея РТ.

По структуре текста и языку памятники I группы подразделяются на три типа;

1 тип – надгробия с надписями, выполненными полностью на арабском языке: из Болгара по «Петровскому списку», а также памятники из Матвеевки, Ямбухтина и один камень из НМ РТ. Этот тип по структуре текста продолжает традиции XIII в. Незначительные различия появляются

в шестом компоненте текста, где употребляется слово «умер», но нередко эта часть вообще отсутствует. В XIV в. появляется восьмой компонент текста – слова с благочестивым изречением.

2 тип – надгробия с надписями на тюркском литературном языке с поэтическими эпитетами. Всего известно пять памятников этого типа: из Болгара (№ 103, 117, 124), а также из Чистополя и Б. Тархан (№ 1). Последняя эпитафия выделяется своим куфическим шрифтом.

В структуре текста первый компонент эпитафий 2 типа такой же, как у памятников 1 типа. Вторая часть отсутствует. Отличительной чертой памятника 2 типа является употребление в надписях своеобразных поэтических эпитетов: «краса молодцов», «сердце сердец», «почитатель ученых», «сирот, вдов, бедных кормилец» (№ 103). Тексты других эпитафий по смыслу повторяют это. Четвертая часть текста завершается словами, связанными с местом захоронения («зияраты торур»), соответствующим второй части надписи 1 типа. Пятый компонент представлен известной формулой «Да благословить Аллах». Шестая часть на памятнике № 103 отсутствует, а у эпитафии № 117 она перекликается с текстом памятников II группы: «мир (бренный) покинув, во дворец вечности перешел». Дата памятников 2 типа, как и в 1 типе, без указания дней месяца и дней недели. Коранические благочестивые изречения на арабском языке отмечены лишь в надписи у памятника № 124.

К 3 типу относятся памятники из Болгара, с. Б. Атряси и др. 3 тип объединяет в надписях характерные черты обоих первых типов: первый, второй, третий компоненты в структуре текста, как у памятников 1 типа, пятая, шестая, седьмая части совпадают с надписями памятников 2 типа, восьмой компонент текста в 3 типе отсутствует. Некоторые памятники первой группы имеют рельефную надпись на боковых сторонах. Это обычно известное двустишие на арабском и тюркском языках: «Вижу мир развалиной по существу, не останется он продолжительно в покое».

Надгробия II группы в первой половине XIV в. сохраняются и продолжают развиваться в трех типах, оформленных еще в XIII в.

Среди надгробий 1 типа мы выделяем два подтипа: подтип «А» – памятники с формулой «Он живой, который не умирает» и подтип «Б» – памятники с формулой «Суд Аллаха великого, всевышнего» и «Всякая душа вкусит смерть, после вы к нам вернетесь» в тимпане.

Некоторые памятники этого типа имеют орнаментальную полосу между заглавной формулой и основным текстом. Нужно особо отметить орнаментальную полосу болгарского камня № 75, которая частично близка к бордюрному орнаменту 3 типа и является его упрощенным вариантом, хотя он встречается и самостоятельно.

Бордюр орнаментальной арки надгробий оформлен рельефной полосой. Орнамент между основным текстом и тимпаном представляет собой виноградную лозу более или менее реалистичной формы, у камня № 58 из Болгара он имеет форму широкой рельефной полосы.

Надгробие № 6 из Болгара оформлено с оборотной стороны в виде круга, в который вписаны четыре полукруглые полосы, пересекающиеся в центре. Между кругом и полосой имеются треугольники.

Многие Болгарские надгробия 1 типа имеют надписи на боковых частях. Текст надписи представляет собой заплетенные в рамки формулы: «Смерть тебя известит о сроке, а могила есть предел деяний» и «Самый терпеливый к опасностям здешней жизни не умирает без ранее определенного срока». Надпись расположена во всю длину камня в одной строке или в двух строках по центру боковой части.

У камня № 58 из Болгара боковая надпись представляет собой дату – «семьсот сорок девятый год... мухаррам...» Надпись на лицевой стороне полностью не сохранилась, но можно с уверенностью сказать, что боковая надпись является продолжением основного текста. По расположению текста видно; что боковые надписи состоят из даты, а для имени покойного места на камне совершенно не остается.

К подтипу «А» относится ряд болгарских эпитафий с коранической формулой «Он живой, который не умирает», а также надгробия из сел Б. Атряси, Архангельское, Тяжбердино, Б. Шемякино, Ст. Ромашкино.

Наиболее полное сходство с памятниками г. Болгара имеют эпитафии из сел Архангельское Ульяновской обл. и Тяжбердино Алькеевского р-на РТ, для надписей которых характерно своеобразное соединение лигатуры с палками «алифа», которые Г.В. Юсуповым были приняты за пальметту (Юсупов, 1960, с. 63).

К подтипу «Б» относятся надгробия № 17, 85, 104 из Болгара, Байтерякова, Ошняка, Байглычева и др., которые по оформлению очень близки к подтипу «А», но бордюр этих надгробий имеет форму рельефной или врезанной полосы. У надгробия 703 г. х. (1303/1304 гг.) из с. Б. Атряси мы видим орнамент 3-го типа.

2-й тип – памятники с розеткой в тимпане. Тексты этого типа начинаются с формулы «Суд Аллаха великого, всевышнего». К этому типу относятся надгробия из Болгара № 10, 49, 50, 54, 86, 113

и др. Надгробие № 50 на обратной стороне имеет орнамент, как у памятника № 6, и трудночитаемую надпись, выполненную шрифтом «врезанной куфи».

На двух камнях 2-го типа основной текст начинается с формулы «Каждая душа вкусит смерть, после вы к нам вернетесь». Розетки надгробий этого типа в основном восьмилепестковые. Широкие лепестки разделены на две дольки; во внутреннем кружочке изображение розетки или изображение креста. Во внутреннем кружочке розетки памятника № 22 видна шестилепестковая розетка, по исполнению не отличающаяся наружной.

Особняком стоят два надгробия с розеткой на обеих сторонах. Первое (№ 13) имеет остроконечный верх и полукруглую арку, что для болгарских эпиграфических памятников явление редкое. Внутреннее поле розеток составляет восьмилепестковая розетка с точками на лепестках (рис. 11).

Второй памятник (№ 42) с остроконечным верхом имеет бордюрный орнамент 3 типа. Розетка рельефная, с узкими лепестками, разделенными на две дольки рельефной полосой. Между лепестками и в центральном кружочке расположен орнамент, представляющий собой разновидность свастики. Подобная розетка и на оборотной стороне памятника.

Несколько отличается изображение розетки на надгробиях из Кармалы, Б. Нырсы, Ст. Кишита, в которых появляются черты многолепестковой розетки-солнца. Памятник из с. Б. Атряси имеет подобную орнаментацию и на обратной стороне, что сближает его с надгробиями из Болгара.

Второй тип среди памятников II группы Болгарского округа получает широкое распространение. К этому типу, кроме обозначенных выше болгарских камней, относятся эпитафии из Ст. Казеево, М. Кайбиц, Кульгун, Б. Атряс, Ст. Челнов, Сухих Курналей, Чув. Елтани, Ямбухтино, Ст. Баллыкуля, Тат. Бурнаево, Б. Тархан, Тетюш, Урюма, сел Шамбулахчи, Салтыганово, Тяжбердино.

Форма верхней части этих надгробий прямоугольная, но у некоторых – небольшая закругленность углов, зарегистрирована одна ломаная арка. Кроме двух эпитафий из Ямбухтино и Салтыганово надписи выполнены врезанным шрифтом.

В XIV в. появляется новый тип эпитафий с различным оформлением заглавной формулы и основного текста (Болгар, № 3, 57, 106). Заглавная формула № 3,106 оформлена рельефным шрифтом «сульс», а основной текст – рельефным «куфи», у памятника № 57 – соответственно рельефным «куфи» и врезанным «куфи».

К третьему типу относятся еще два надгробия – из Тат. Калмаюра (№ 2) и Ст.Баллыкуля (№ 5), оформленные рельефным «куфи» (заглавная формула) и врезанным «куфи» (основной текст). Первый памятник выделяется своеобразным орнаментом, состоящим из четырех розеток, расположенных по четырем углам арки. Основной текст от нижней части камня отделяется врезанной полосой с тремя треугольниками. Наиболее близкими их аналогами можно считать надгробия из М. Кайбиц и Ст. Ромашкино, однако на последнем розетки расположены в нижней части надписи.

Немногочисленны памятники 4 типа с полукруглым верхом, без арки и без даты (Болгар, № 29, 32, Ст. Баллыкуль, Правая Волга). Эти памятники плохой обработки, не орнаментированы, тексты начинаются с формулы «Каждая душа вкусит смерть, после вы к нам вернетесь».

Тексты памятников II группы более или менее близки друг к другу. В XIV в. сохраняются те же самые компоненты текста, что и в XIII в.

1. Кораническая формула в большинстве случаев (Болгар, № 17, 48, 76 и др.) расположена в тимпане, а на эпитафиях 2 типа открывает основной текст. Если заглавная формула берется без сокращений или употребляется несколько формул (Болгар, № 3, 6, 55), то в тимпане размещается только первая часть формулы или одна из формул. Вероятно, здесь учитывалось и то, что заглавная формула носила еще и декоративную функцию.

2. Имена, титулы, термины родства. Данный компонент может быть небольшим (Болгар, № 56) или за счет перечисления родословий до девятого поколения может достигать значительных размеров. Арабские слова здесь не употребляются, как исключение можно указать на надгробие из Болгара, где к имени покойного прибавлены два эпитета на арабском языке «гафифатун, захидатун», принятые Г.В. Юсуповым за сложное имя (Юсупов, 1967, с. 10–11).

3. Слова, связанные с обрядом захоронения. В третьей части употребляются оба термина – «памятник» и «место захоронения». Точной дифференциации по типам не отмечено, установлено лишь то, что первый из них применяется значительно реже. На памятнике из Болгара № 29 четвертого типа эта группа обозначена словом «битик» – надпись. Этот памятник выделяется среди остальных вертикальным расположением строк.

4. Благожелательная формула «Да будет милость Аллаха милостью обширною» употребляется во всех памятниках, кроме нескольких маломерных (Болгар, № 32).

5. В пятой части употребляются выражения «умер», «из мира тленного в мир вечности переселился», «из мира переселился». Имеются эпитафии без этих надписей (Болгар, № 17, 149,150).

6. Дата. Компонент, как у памятников XIII в.

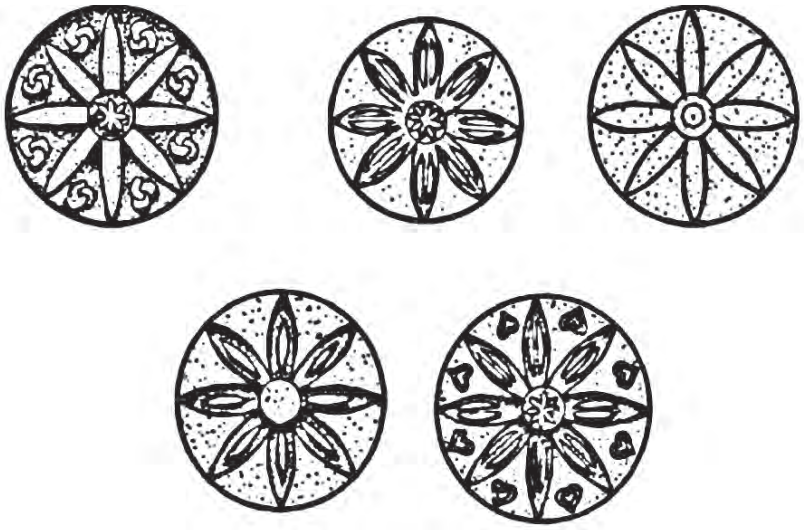


Рис. 11. Разновидности розеток на болгарских эпиграфических памятниках. Болгарский округ (по: Мухаметшин, 2008, рис. 2)

7. Благочестивое изречение. Здесь встречается формула «Смерть есть врата и все люди войдут в них» (Болгар, № 48, 56).

Разбор текстов памятников II группы показывает, что существовал определенный трафаретный текст, который употреблялся мастером-резчиком. Структурные компоненты текста расположены в определенном порядке, нарушение их порядка не замечено. Так, 1-я, 2-я и 3-я части отмечены у всех типов, 4-я часть, за редким исключением, употребляется у всех типов. Редко употребляется 7-я часть.

Значительный интерес представляют памятники с надписью на оборотной стороне из Болгара (№ 6, 11, 12, 50, 60, 84, 106, 114, 117).

К сожалению, вышеуказанные эпитафии с дефектами, и полная дешифровка их надписей не представляется возможным. Из них № 114, 117 являются повторением эпитафии лицевой стороны. На памятнике № 114 на лицевой стороне удается прочитать отдельные слова.

На памятнике № 117 на лицевой стороне сохранилась в первой строке кораническая формула «Он живой, который не умирает, все живущее умрет». Во второй строке начало эпитета «Краса молодцов, сердце сердец...», далее отдельные слова «сын…, хум… место погребения».

Таким образом, в обоих текстах есть все компоненты, характерные для эпитафий: заглавная формула, имя, титулы погребенного человека, благожелательная формула, дата и другие. Упоминание имени Юнуса Болгари на обеих сторонах камня № 114 и наличие всех компонентов эпитафии говорит о том, что эта эпитафия – повторение арабского текста лицевой стороны на языке «поволжский тюрки» (№ 117) и на болгарском (№ 114). Аналогичный памятник с полностью сохранившимся текстом происходит из Тат. Шапкино.

В тексте памятников второй группы существенных различий нет. Среди них преобладают 1 и 2 типы, 3 и 4 типы в Болгарском округе не получили широкого распространения. Характерной чертой памятников Болгарского округа является наличие стрельчатой или килевидной арок с плечиками. Арки преимущественно крутые, стрела подъема равняется 3:4, 1:4, 3:5. По одному случаю зарегистрированы полукруглая (№ 14) и восьмигранная (№ 12) арки. Только пять памятников 4 типа не имеют арки. Форма верхней части подавляющего большинства памятников прямоугольная. Лишь у одного памятника второй группы (№ 29) имеется полукруглое завершение. Как исключение среди памятников второй группы встречаются памятники с остроконечным (№ 42), скошенным (№13) и шестигранным (№ 3) верхами.

Другим характерным признаком эпитафий Болгарского округа является наличие заглавных коранических формул: «Он живой, который не умирает» и «Суд Аллаха великого, всевышнего». В надписях 155 памятников удалось восстановить заглавную формулу. Из них первая формула встречается в 95 случаях, вторая – в 51 случаях. В 9 случаях встречается формула «Каждая душа вкусит смерть, после вы к нам вернетесь». Среди памятников города Болгара доля первой формулы очень высока – в 68 случаях. Интересно отметить, что все памятники I группы начинаются с этой формулы.

Наличие в Болгаре особой школы или традиций по изготовлению эпитафий было отмечено еще А.Т. Тагирджановым. Однако трудно представить, что все надгробия по обоим берегам Волги и даже некоторые памятники из Кирменского клад-

бища являются работой одной школы г. Болгара, может быть, даже одного или двух мастеров – отца и сына (Тагирджанов, 1970, с. 55). Наиболее ранние научно описанные эпиграфические памятники Болгарского округа, датировка которых не вызывает сомнения, относятся к 642, 670, 681 гг. х. (соответственно 1244, 1271, 1282). Самая поздняя эпитафия Болгарского округа относится к 749 и 757 г. х. (1348 и 1356). Таким образом, общий хронологический диапазон традиции установки камней составляет более 115 лет. 70% выявленных надгробий хронологически относятся к 20–30 годам XIV в.

В настоящее время зарегистрировано около 400 болгарских эпиграфических памятников, около 300 из которых обнаружено в Болгарском округе. Все это не позволяет говорить только о двух мастерах – отце и сыне. Вероятно, существовало несколько школ по изготовлению эпитафий, и не только в Болгарах. Следует говорить о наличии в Болгарах специальной мастерской по изготовлению надгробий в XIII–XIV вв. Наличие такой мастерской подтверждают сохранившиеся заготовки, по которым можно судить о процессе их изготовления. Камень для памятников, очевидно, добывали на правой стороне Волги. Бесспорно то, что архитектурные памятники Болгара построены из этого же камня. В карьере вырезали камни в форме плоского параллелепипеда и доставляли в Болгар к мастеру-резчику. На нижней части двух заготовок (Болгар, № 3) имеется тамга в виде трезубца, вероятно, знак мастера. Подобный знак известен и на керамическом материале Болгара. Тамга могла наноситься мастером и по просьбе заказчика. В мастерской камень проходил вторичную обработку, намечались и вырезались арки, подготавливалась площадь для письма и нижняя часть для установки памятника. Далее поверхность камня, предназначенного для письма и орнамента, шлифовали и острым предметом вырезали орнамент и буквы, а затем промежутки между буквами выбирались. Часть памятников изготовлена иным способом: буквы и орнамент вырезались на ровной поверхности, то есть имели углубленный характер.

Наряду с красивым каллиграфическим шрифтом «сульс» или «куфи» даже в Болгаре имеются довольно небрежно изготовленные памятники с некаллиграфическим, врезанным шрифтом (№ 33). Подобный шрифт получает широкое распространение на всей территории обнаружения эпиграфических памятников, но особенно в Джукетауском округе.

Разнообразная орнаментация и каллиграфия, большая трудоемкая работа по изготовлению эпитафий говорят о существовании в Болгаре специальных мастерских по изготовлению эпитафий с цеховым разделением труда. Первичную обработку камня, высечку арки с плечиками, шлифовку плиты и другие работы, не требующие специальных знаний и большого мастерства, выполняли подмастерья. Работа мастера, по нашему мнению, начиналась с вычерчивания строк и букв, следы которых четко прослеживаются на многих памятниках. Можно полагать, что резчики эпитафий занимались не только изготовлением памятников, но и принимали деятельное участие в архитектурной резьбе по камню. Использование одинаковой меры длины – локтя, равной 40 см, стрельчатой арки, наличие надписи на архитектурных памятниках являются косвенными свидетельствами того, что высококачественная резьба по камню и в архитектуре, и на эпитафиях – произведение одних и тех же мастерских. Это подтверждается наличием брака. Камень при высечке плечиков дал трещину и был использован при изготовлении небольших архитектурных деталей в форме розеток (Болгар, № 139, 140). Об этом же свидетельствует нахождение обработанной плиты под размер эпитафий при вскрытии основания Большого минарета (№ 168).

Наличие больших мастерских ни в коем случае не говорит о том, что все эпитафии изготовлялись только в этих мастерских. Некоторые небрежно изготовленные надгробия, например, из Болгара (№ 33), свидетельствуют о том, что кроме мастеров-резчиков имелись люди, знающие грамоту и камнерезное дело, возможно, последние в домашней обстановке и за небольшую цену вырезали эпитафии. Такие эпитафии можно рассматривать как работу подмастерьев для себя, подобно гончарам, которые для домашнего пользования изготовляли лепную керамику даже в XII–XIII вв., когда в производство прочно вошел ножной круг. Поэтому не было необходимости заказывать эпитафии в Болгарах, такие люди вполне могли быть на местах. Например, в селах северного Предволжья, где отмечается некоторое своеобразие памятников, хотя они по всем признакам, несомненно, являются памятниками болгарской школы. То же самое можно сказать о памятниках из с. Батраки, Сызранского района Самарской обл. и Муранского могильника, расположенных на значительном отдалении от Болгара.

Болгарские эпитафии на севере Заказанья, некоторые надгробия из Тат. Калмаюра, Иске Рязяпа, Ямбухтина и другие, относящиеся к Болгарской школе, несомненно, выполнены мастерами на местах. Эти мастера, получившие навыки резьбы по камню в Болгарах, продолжали эти традиции на периферии. С этой точки зрения интересно наличие эпитафий Болгарской школы в

Чишминском районе Башкортостана. Если в первом случае мы видим работу местных мастеров, то в последнем – работу мастера из Болгар. Наличие архитектурных памятников – мавзолеев и отсутствие других эпитафий подобного типа в округе являются тому доказательством.

Кирменско-Джукетауский округ охватывает земли в Закамье междуречья Малого Черемшана и Зая в Предкамье, к востоку по линии рек Ошняк, среднего течения Меши до реки Вятки. Наибольшая концентрация памятников отмечается в районах крупных болгарских городов Джукетау и Кирменчук, Тубулгатау и у села Старое Ромашкино. На этой территории выявлено 37 кладбищ с более чем 90 эпитафиями.

Некоторое своеобразие в орнаментации и оформлении эпиграфических памятников этого региона было отмечено еще Г.В. Юсуповым (Юсупов, 1960, с. 62) и Ф.Х. Валеевым (Валеев, 1975, с. 157). Ф.Х. Валеев выделял их как второй тип и связывал с периферийными по отношению к Болгару районами Волжско-Камской Болгарии. Однако в его работе нет характеристики памятников и выделения своеобразия эпитафий этого района от общей массы болгаро-татарских эпиграфических памятников.

Надгробные камни XIV в. Кирменско-Джукетауского округа имеют форму плоского параллелепипеда с чуть закругленными верхними углами, как правило, богато орнаментированы. Многие эпитафии этого района без арки. А у имеющих ее арка приземистая, крутизна подъема равняется 2:1. Почерк надписей эпитафии с элементами «куфи» и «насх». Некоторые надписи А.Б. Булатов считал возможным отнести к стилю «шикасте» (Булатов, 1967, с. 210). Язык подавляющего большинства надписей – болгарский.

По своему оформлению, языку и структуре текста памятники Кирменско-Джукетауского округа разделяются на две группы:

Первая группа – эпитафии с надписями на арабском и на «поволжском тюрки» языках. Вторая группа – эпитафии с богатой и разнообразной орнаментацией и с надписью на болгарском языке.

Наиболее широкое распространение, во всем многообразии типов, в округе имеют памятники второй группы (около 95% всех памятников). К тому же многие памятники первой группы по своему оформлению и почерку очень близки памятникам второй группы. Поэтому для лучшего понимания эпитафий этого региона описание памятников считаем нужным начать со второй группы.

Среди эпиграфических памятников второй группы выделяются три типа:

1 тип – эпитафии с трехчастной композицией в тимпане и формулой «Суд Аллаха великого, всевышнего» на первой строке;

2 тип – памятники без арки, с многолепестковой розеткой в верхней части;

3 тип – памятники без орнаментации и без даты.

Первый тип включает памятники из Ст. Ромашкино, Ст. Сауруши, Новое Демкино, Барское Енарускино. Формы верхней части их прямоугольные, арки приземистые. По сравнению с Болгарским округом отмечается некоторое увеличение толщины (до 31 см) и ширины (до 72 см) памятников.

Орнаментация верхней части памятников первого типа состоит из двух маленьких и одной большой розеток: центральной, состоящей из нескольких кругов и ломаной линии между кругами, и двух боковых, состоящих из радиальных линий. Орнамент памятников из Старого Ромашкино, кроме одного, представляет собой многолепестковую розетку в двойном круге. Возможно, здесь отражается многолепестковая полевая ромашка, которая характерна для византийско-восточного орнамента XI–XIV вв. Изображение подобных розеток имеется на ковше из Византии (Византийское искусство, 1966, рис. 69), на золотоордынской поливной керамике и на многочисленных бронзовых и золотых изделиях из Болгара. На одном памятнике изображен вышеупомянутый орнамент, а две маленькие розетки расположены на нижней части надписи. Подобные розетки украшают также нижнюю часть надгробий из Н. Демкино, Ст. Ромашкино, Болгара.

Некоторые памятники этого типа, из Старого Ромашкино, Н. Демкино, Ильдеряково, отмечены орнаментальной полосой между основным текстом и тимпаном. В отличие от памятников Болгарского округа, где орнаментальная полоса, состоящая из растительного побега, во всех случаях одинакова, здесь нет определенного выработанного рисунка, хотя все эти полосы состоят из мотива завитков и треугольников. Бордюр памятников представляет собой рельефную полосу. Кроме памятников из Н. Демкино, надписи всех эпитафий вырезаны простым рельефным шрифтом, отдаленно напоминающим «насх». Пространство вне арки, кроме одного случая, где оно представляет волнистую линию, не орнаментировано. По характеру надписи, наличию приземистой арки и орнаментальной полосы к этому типу нужно отнести и эпитафию из Ново-Чувашского Адама, хотя по заполнению арки она отличается от первых.

Ко второму типу относятся памятники из Ошняка, Ст. Ромашкино, Тат. Кирмени, Н. Яки, Сухих Курналей и др. Орнамент верхней части эпитафий

из Ст. Баллыкуля, Ст. Ромашкино, Н. Яки напоминают ромашку. Своеобразен орнамент, представляющий собой две розетки с ромбовидными лепестками, наложенными друг на друга в двойном кругу. Подобная розетка встречается в орнаментации среднеазиатских изделий, в частности на серебряной чаше из Афрасиаба (Даркевич, 1978, табл. 16). Интересен орнамент памятников из окрестностей Кирменского городища: многолепестковая розетка в двойном кругу. В большинстве случаев пространство между двумя кругами не орнаментировано.

Орнамент «солнце» без внутреннего кружочка встречается на поливной керамике золотоордынского времени, например, на фрагменте чаши из Сарая-Бату (Селитренного) (Юсупов, 1960, с. 66).

Розетки памятников Тат. Кирмени, Сухие Курнали очень примитивного исполнения. Эпитафии второго типа без традиционной арки не имеют бордюрных и других орнаментов. Лишь надгробие из окрестностей Кирменского городища имеет примитивную арку и бордюрное украшение, что сближает его с надгробиями третьего типа Болгарского округа. Г.В. Юсупов описывает этот орнамент как «цепочку маленьких параллелограммов, вписанных в бордюрную ленту, отделенных друг от друга наклонными черточками», и отмечает как наиболее близкие аналоги бордюры надгробий села Моштаги Азербайджанской ССР, не упоминая третьего типа камней Болгарского округа (Юсупов, 1960, с. 66).

Надгробия третьего типа с полукруглым или остроконечным верхом без орнаментации соответствуют четвертому типу эпитафий Болгарского округа. К третьему типу относятся надгробия из сел Ст. Ромашкино, Тат. Кирмени, Нижние Яки, Клятли, Подлесная Шентала, Старое Ибрайкино, Верхние Кибя-Кози. Они небольшого размера: толщина 17–18 см, ширина 31–46 см, длина 75–90 см. У некоторых памятников этого типа (Ст. Ибрайкино) толщина достигает 27 см.

Шрифт эпитафий – врезанный, некаллиграфический, переходящий в скоропись, резко отличается от шрифтов памятников Болгарского округа.

По структуре текста и языку памятники Кирменско-Джукетауского округа имеют существенные различия, хотя в тексте памятников мы находим те же лексические части. Характерной чертой памятников этого региона является отсутствие заглавной формулы в тимпане, поэтому коранические формулы открывают основной текст эпитафий. Чаще всего встречается формула «Суд Аллаха великого, всевышнего» (29 памятников). В надписях, кроме вышеназванной формулы, встречаются и такие формулы: «Каждая душа вкусит смерть, после вы к нам вернетесь» (на 8 памятниках) и «Смерть есть врата и все люди войдут в них» (Ошняк; Ст. Ромашкино).

Формула «Он живой, который не умирает» встречается только в семи случаях. Эти надгробия имеют вверху приземистую арку. Они (Ново-Чувашский Адам, Таутермен, Измя и некоторые другие) топографически расположены на границе двух округов. В силу этого в них сочетаются характерные черты Болгарского и Кирменско-Джукетауского округов. В некоторых случаях (Урмандеево, Новое Демкино, Ишалкино) на таких камнях встречается и перефразировка вышеуказанной формулы.

Большинство памятников Кирменско-Джукетауского округа имеет по 2–3 коранические формулы, часто на втором месте стоят формулы «Каждая душа вкусит смерть» (на 7 памятниках) и «Именем бога милостивого, милосердного» (на 6 памятниках).

Второй компонент текста занимает небольшое место, особенно во 2 и 3 типах. Например, Муса сын Бахши (Старое Ромашкино), Белах сын Хасана (Нижние Яки) и другие. Родословная и титулы погребенного, в отличие от эпитафий Болгара, где родословная перечисляется до 9 колена, приводятся редко.

Третья текстологическая часть в 1 и 2 типах представлена обоими терминами «зиярат» – место погребения или «балук» – памятник, а в 3 типе употребляется только последний термин.

Четвертый компонент, как и в Болгарском округе, представляет благожелательную формулу «Да будет милость Аллаха, милостью обширною», однако в ее написании имеются разночтения: Кирмени, Ниж. Яки, Ст. Ромашкино. Обычно этой четвертой частью завершаются эпитафии 3 типа.

В силу этого пятый компонент в 3 типе отсутствует. Отсутствует он и в надписи большинства памятников 1–2 типов. Этот компонент имеется лишь в надписях наиболее пышно оформленных и массивных надгробий в виде термина «умер».

Шестая часть текста памятников Кирменско-Джукетауского округа отличается подробностью, где кроме года и месяца нередко указываются число, месяц, дни недели и другие подробности даты. Например, на памятнике из села Старое Ромашкино дата приведена так: «по летоисчислению в 733 году было, месяца раджаб, 23 дня было, в день празднования джийн было».

Седьмой компонент отмечен только у двух памятников. В надписи надгробия из Ильдеряково он представляет собой известную по болгарским памятникам формулу «Смерть есть врата и все люди войдут в них». В другом случае приведена оригинальная формула «Смерть есть чаша, и все

люди выпьют из нее». В камнях из с. Старое Ромашкино употребляется болгаризированная форма арабской формулы «Да будет милость Аллаха, милостью обширною» – «Алла рахмат итынтыма», которая встречается и в Болгарском округе (Батраки, Болгар) с разными вариациями и дополнениями.

По языку памятники этого региона отличаются заменой фонемы «Т» фонемой «Ж» (Юсупов, 1960, с. 66), т. е. они относятся к «Ж»-диалекту. Ф. Хакимзянов указывает, что «носители отраженного в них диалекта в основном жили вблизи устья реки Шешмы и несколько севернее ее, то есть в бывшем Жукотинском округе» (Хакимзянов, 1978, с. 20).

Немногочисленные надгробия I группы известны с Балынгузского, Барско-Енарускинского, Ново-Демкинского и Тат. Шапкинского кладбищ. Но на них нет ярко выраженных типологических особенностей данной группы, как в Болгарском округе. По своему оформлению и шрифту они близки к соответствующим типам II группы: к 2 типу (Балынгуз, № 2), к 1 типу (Ново-Демкино, № 1; Барское Енарускино, № 1). Однако по некоторым чертам все же их необходимо выделить среди эпитафий 2-й группы. Это, например, употребление углубленного и рельефного шрифтов в надписи одного и того же надгробия (Балынгуз, № 2), отсутствие бордюрного орнамента, более каллиграфический почерк.

Надписи эпитафий из Балынгуза (№ 2), Барского Енарускина (№ 3, 4) выполнены на арабском языке и их можно было бы сопоставить с 1 типом первой группы памятников Болгарского округа. Однако употребление коранических формул «Суд Аллаха великого, всевышнего» и «Именем Аллаха милостивого, милосердного», не характерных для данного типа I группы, и отсутствие второго, третьего и шестого структурных компонентов текста I группы не позволяет нам делать это. Скорее всего, это самобытные памятники, хотя и в их изготовлении наблюдается значительное влияние Болгарской школы. В этом отношении наиболее выразительны эпитафии из сел Новое Демкино и Тат. Шапкино. Текст памятника из с. Новое Демкино, судя по сохранившимся частям, относится к 3 типу I группы Болгарского округа. Дату этого памятника Г.В. Юсупов читал так: «тарих джите йуз илли сигизда» («в семьсот пятьдесят восьмом»), то есть на «поволжском тюрки». В почерке надписи этой эпитафии ощущаются элементы сульса.

Наиболее четко влияние Болгарской школы заметно в камне из Тат. Шапкино. Это отражается в оформлении эпитафии: близкой к срезанной пирамиде верхней части, восьмигранной арке с плечиками, рельефном шрифте «сульс», заполнении тимпана, а также характерной для Болгарского округа формуле «Он живой, который не умирает». Наличие надписи на боковых и оборотной сторонах также говорит о том, что это памятник Болгарской школы. С другой стороны, тяжеловесность памятника, не совсем правильная каллиграфия, тяготеющая к простому шрифту Старо-Ромашкинских надгробий, своеобразная орнаментальная полоса говорят, скорее всего, только о влиянии Болгарской школы. Тат. Шапкинский камень уникален еще тем, что он является наиболее полно сохранившимся надгробием с двуязычной надписью (Хакимзянов, 1978, с. 158–161). Арабский текст надписи лицевой стороны эпитафии повторяется, правда, не в полном объеме, в надписи на обратной стороне, но уже на болгарском языке. Однако оба текста посвящены одной и той же Шекер-Элчи, поэтому вопрос, поставленный Г.В. Юсуповым (Юсупов, 1960, с. 66) о наличии под одним камнем двух погребенных, остается открытым.

Памятники Кирменско-Джукетауского округа хронологически относятся к более позднему периоду, чем эпитафия Болгарского округа, и, очевидно, возникли под влиянием болгарской школы. Однако очень скоро в Кирменах, Старом Ромашкино и Тубулгутау возникают свои школы резьбы по камню. Наиболее ярко это влияние, очевидно, отразилось на надгробиях из Джукетау, но, к сожалению, они почти не сохранились, кроме надгробия, находящегося в экспозиции ГИМ в Москве, и памятника, хранящегося в Национальном музее РТ, проявляющих в себе характерные черты болгарской школы.

Известно, что три памятника из Джукетау в конце прошлого столетия были привезены в Казань, их тексты были прочитаны И.Ф. Готвальдом. Текст одного из них и текст надгробия, находящегося в экспозиции ГИМ, совпадают, кроме одного слова: числительное «шестнадцать» было ошибочно прочитано И.Ф. Готвальдом как «шестьдесят». Есть все основания считать их одним и тем же памятником. У камня, находящегося в Национальном музее РТ, с текстом другого камня, прочитанного И.Ф. Готвальдом, совпадают заглавная формула и имя погребенного, возможно, и этот камень также происходит из Джукетау.

Восточный, или Чишминский, округ охватывает земли между средними течениями рек Ик и Белой. На этой значительной территории расположено 7 кладбищ с 17 надгробиями. Центром этого региона является пос. Чишмы в Башкирии, где обнаружены остатки болгарской фактории с мавзолеями и эпиграфическими памятниками, проявляющими близость к надгробиям Болгарской школы.

Размеры памятников Восточного округа – от 15×48×85 см до 27×67×150 см; последние, то есть большие, размеры характерны для эпитафий из мавзолея Хусейн-бека из пос. Чишмы. Эти памятники вырезаны из простого серого известняка, тогда как для остальных памятников региона использован песчаник или песчаниковый известняк.

Немногочисленные памятники Восточного (Чишминского) округа разделяются на три группы: I – эпитафии, оформленные шрифтом «рельефный сульс» на арабском языке (1 памятник); II – эпитафии, оформленные шрифтом «куфи» на болгарском языке (2 памятника), и III – эпитафии, оформленные простым врезанным шрифтом на «тюрки».

Первые две группы эпитафий полностью идентичны соответствующим типам памятников из Болгарского округа. Мы их считаем если не привезенными из Болгара, то по крайней мере изготовленными мастерами из Болгара.

В III группе памятников выделяется 2 типа: 1 тип – эпитафии с прямоугольной верхней частью с трехчастной композицией и текстом надписи, выполненным некаллиграфическим углубленным почерком; 2 тип – эпитафии с полукруглой верхней частью без орнаментации.

1 тип эпитафии (Урсаево, Ст. Шаршады) представляют большой интерес своей орнаментацией. В верхней части этих памятников вырезан орнамент, состоящий из трехчастной композиции. На центральном, большом круге надпись. Маленькие боковые кружочки разделены на две части: в верхней – орнамент в виде исходящих лучей солнца, а в нижней – надпись. Из-за фрагментарности трудно представить содержание надписей, вероятно, это коранические формулы.

Трехчастная композиция, состоящая из розеток и радиальных линий, имеется и среди памятников Кирменско-Джукетауского округа (1 тип), однако эпитафии Восточного округа отличаются заполнением розеток, а также наличием бордюрного орнамента в виде ломаной линии с точками. Три розетки, как отмечает Ф.Х. Валеев, вероятно, символизировали три мира: небесный, земной и подземный, где отбывают три души покойника (Валеев, 1975, с. 156). Каждый отдельно взятый круг близок картушам болгарских серебряных дирхемов XIII в.

Памятники 2 типа (Урсаево, Ст. Шаршады, Мавлютово, Ст. Калмашево) выделяются своей небольшой толщиной (10–15 см) при сравнительно большой длине (до 170 см). Отличительной чертой этого типа является наличие на памятнике наряду с надписью различных знаков. Так, на надгробии из Ст. Калмашево их более двухсот. По Г.В. Юсупову, мнение которого мы поддерживаем, знаки нанесены на поверхности камня намного позднее – во время посещения могилы паломниками. Мы не отрицаем нанесение отдельных знаков одновременно с текстом (Ст. Шаршады, Урсаево; Болгар, № 33), однако в данном случае они нацарапаны позднее основной надписи, о чем говорит занятие ими лишь свободного от основного текста пространства без нарушения последнего, и другой почерк. Время их нанесения следует отнести к рубежу XVII–XVIII вв., когда возрождается традиция установления надгробий с надписями в этом регионе. На одной из эпитафий из Мавлютова рядом с тамгой отмечена надпись «дуванайского рода тамга парная» и обозначена тамга.

Тексты памятников третьей группы Чишминского округа характеризуются наличием большого количества коранических формул, которые, как правило, занимают от трех до семи строк текста. Открывает текст обычно формула «Именем Аллаха милостивого, милосердного», на втором месте в обязательном порядке идет формула «Каждая душа вкусит смерть, после вы к нам вернетесь». Встречаются и другие формулы (Мавлютово). Показательно, что кораническая формула «Именем Аллаха милостивого, милосердного» в Закамье встречается только на трех памятниках Кирменско-Джукетауского округа (Ст. Ромашкино, Барское Енарускино, Клятли), хотя в предкамской части данного округа их предостаточно.

Второй компонент текста на чишминских камнях может быть кратким (Урсаево, Старое Калмашево), но за счет включения родословной покойного может быть и значительным (Мавлютово).

Третий компонент характеризуется обоими терминами – «памятник» и «место погребения». Интересно употребление в тексте Старо-Калмашевского памятника, относящегося по языку к 1 стилю по классификации Н.Ф. Калинина и Г.В. Юсупова, слова «балук» – памятник, что более типично для текста эпитафий 2 группы. Это лишний раз доказывает, что деление на два стиля, разработанное в основном на базе памятников Болгарского городища, не может быть распространено на всю территорию Болгарского улуса.

Четвертый компонент, состоящий из благожелательной формулы «Да будет милость Аллаха, милостью обширною», имеется в текстах памятников Ст. Шаршады, Урсаева. В тексте Старо-Калмашевского камня употреблена другая формула.

Пятый компонент так же, как на памятниках предыдущего округа, отсутствует. По крайней мере на вышеуказанных надгробиях из Ст. Калмашево и Мавлютово, у которых сохранилась дата, он не отмечен. Однако дефектность надписи не позволяет нам утверждать это окончательно.

Шестой компонент текста на памятнике из Мавлютово стоит на второй позиции между кораническими формулами, подобное отмечено лишь на одном памятнике из Кирменско-Джукетауского округа (Нижние Яки).

Одной из характерных черт текста надгробий данного округа является наличие в них тюркских имен. Хотя они и отличаются от языческих имен надгробий других округов. Таковы имена Кунджи, Баиш, Фаяджа, Джабак, Кармак, Таваккаль-Буга, Куклар и другие.

В отрыве от основной территории болгарских эпитафий стоит памятник из села Гордино (Гурья-Кала) Балезинского района Республики Удмуртия. Памятник остроконечной формы, со стрельчатой примитивной аркой и формулой в тимпане, что сближает его с памятниками Кирменско-Джукетауского округа. Почерк эпитафии – врезанный, простой, бордюр – одна врезанная линия. Между заглавной формулой и основным текстом имеется полоса, состоящая из орнамента, близкого к тройному плетению и похожего на орнамент надгробия из Ст. Ромашкино.

Текст памятника отличается своей заглавной формулой, расположенной в тимпане и представляющей символ веры «Нет бога, кроме Аллаха, Мухаммад пророк Аллаха». Подобная формула не встречена ни на одном эпиграфическом памятнике Болгарского улуса. Основной текст надписи открывает формула «Смерть есть врата, и все люди войдут в них», которая на памятниках Болгарского округа стоит на седьмой позиции. Дата эпитафии 723 г. х. (1323). Палеография надписи близка к шрифту памятников из Ст. Ромашкино, Кирмеей, особенно в написании букв «м», «ж», «х» и других. Таким образом, включая характерные черты Болгарского и Кирменско-Джукетауского округов, этот памятник остается оригинальным произведением болгарского народа, проживающего в отрыве от основной территории Болгарского улуса, но связанного с ней генетическими узами.

Из памятников второй половины XIV в. нам известно всего два надгробия – Большенырсинское и Ямашурминское, выявленные в северной части Кирменско-Джукетауского округа.

Первый из них (Большенырсинский) – прямоугольной формы, без тимпана и орнаментации, близок к эпитафиям третьего типа Кирменско-Джукетауского округа, но по шрифту текста он напоминает эпитафии Восточного округа. Интересно наличие свободного пространства перед началом текста, там, где на более ранних надгробиях обычно располагается арка с орнаментом или заглавная формула. Нечто подобное наблюдалось и в надгробиях Восточного округа.

Текст памятника начинается с формулы «Именем Аллаха милостивого, милосердного», затем перечисляются еще две коранические формулы, что характерно для текста надгробий Кирменско-Джукетауского округа.

Несколько отличается своим оформлением памятник из Ямашурмы с примитивной аркой, врезанной линией и шестиконечной звездой на верхней части и врезанными линиями между строками. Шестиконечная звезда – знак Соломона – не встречена на болгарских эпитафиях. Правда, А.Б. Булатов отмечал шестиконечную звезду на пяти памятниках из Ильдеряково (Булатов, 1967), однако при внимательном осмотре на памятнике № 4 мы видим восьмилепестковую розетку, на эпитафиях № 5, 6, 7, 9 – орнамент, состоящий из трехчастной композиции. Шестиконечная звезда в сочетании розеткой встречается на оборотной стороне камня из Болгара (№ 106). Шестиконечная звезда – распространенный орнамент на поливной керамике XIII–XIV вв. (БГИАЗ № 35-114), на золотоордынских монетах (Сингатуллина, 2003, № 142, 143), в оформлении интерьера архитектурного памятника XIV в. Черной палаты. Ее изображение чаще встречается на надгробиях XV в. из с. Б. Нырсы, относящихся к 847 г. х. (1443/1444) и 877 г. х. (1472/1473). Г.В. Юсупов рассматривает их как пережиток многолепестковых розеток болгар (Юсупов, 1960, с. 139).

В структуре текста эпитафий второй половины XIV в. мы обнаруживаем следующие компоненты: 1 (коранические формула), 2 (дата), 3 (имя, титулы покойного), 4 (словосочетания, обозначающие понятие смерти), 5 (благожелательная формула). Характерно, что дата (6 компонент в структуре текста эпитафий XIII – первой половины XIV в.) занимает вторую позицию.

Выше мы упомянули о двух памятниках из Кирменско-Джукетауского (Нижние Яки) и Восточного (Мавлютово) округов, где дата также занимала вторую позицию. Выдвижение даты на вторую позицию текста мы рассматриваем как важный шаг к формированию нового типа эпитафий – эпитафий Казанского ханства.

В третьем компоненте текста наблюдается отсутствие родословной покойного, столь характерной для Болгарского округа, но изредка встречающейся и в других округах.

Четвертый компонент Ямашурминского памятника, состоящий из возраста покойного с указанием причины смерти, соединяется с вышестоящим компонентом с частицей, а в Болшенырсинском – выражение «из мира тленного в мир вечности переселился» с указанием возраста покойного. Вышеназванное выражение часто встречается на эпитафиях Болгарского округа.

Пятый компонент – благожелательная формула – как у надгробий XIII – первой половины XIV в.

Таким образом, эпиграфические памятники второй половины XIV в. сохранили в себе отпечаток болгарских эпитафий. В то же время в них появляются новые черты, которые, развиваясь, становятся главной особенностью эпитафий Казанского ханства.

Региональное деление болгарских эпиграфических памятников на четыре округа в определенной степени можно связать с процессом феодального раздробления территории бывшей Волжско-Камской Болгарии в XIV в. Этот процесс нашел отражение в русских летописях, где под 1359 и 1409 гг. упоминаются болгарские и жукотинские князья. Хотя нет никаких исторических данных о существовании самостоятельных княжеств на востоке территории Болгарского улуса, вероятно, и здесь шел процесс формирования феодального владения с центром в районе п. Чишма.

Существование самостоятельных, или вассальных, княжеств на территории бывшей Волжской Болгарии в XIII–XIV вв. прежде всего связано с вопросом их территории. С.М. Шпилевский в состав Жукотинского княжества включал, кроме Камского левобережья, и правый берег Камы до рек Кирмень (Кирмянка) и Шумбут включительно (Шпилевский, 1877, с. 409–423). По мнению же П.А. Пономарева, к Жукотину относились только примыкавшие к нему города по левому берегу Камы (Пономарев, 1892, с. 486).

А.П. Смирнов, поддерживая мнение С.М. Шпилевского, к Жукотинскому княжеству отнес всю восточную часть, а к Болгарскому – западную, южную и северную части бывшего Болгарского государства (Смирнов, 1951, с. 61).

При определении границ между Жукотинским и Болгарским княжествами, по нашему мнению, важным моментом является нахождение на одних и тех же кладбищах памятников, характерных и для Болгарского, и для Кирменско-Джукетауского округов. К ним относятся такие пункты, как Тат. Калмаюр, Иски Рязап, Ст. Ромашкино, Ново-Чув. Адам в Закамье, Измя, Таутермен в Заказанье. Вся западная территория от этой линии была во владении Болгарского княжества, внутри которого находилось несколько крупных центров феодальных владений, такие как Большие Тарханы, Большие Атряси, Хулаш, Бол. Тояба в Предволжье, Казань, Иски Казань, Ст. Ашит в Заказанье.

Южная и северная границы Жукотинского княжества совпадали с границами бывшего Болгарского государства, а восточная доходила до р. Зай. Жукотинское княжество явилось одним из густонаселенных районов Волжской Болгарии. Эпиграфические памятники указывают на ряд феодальных центров этого княжества: Ст. Ромашкино, Тубулгатау, Балынгуз, Кирменчук и некоторые другие.

Разделение эпиграфических памятников на региональные округа связано, очевидно, не только с выделением отдельных мастерских по изготовлению надгробий, но и с образованием крупных самостоятельных административных единиц типа Болгарского, Джукетауского, Каринского. Однако мы должны отметить, что здесь отразились и некоторые этнокультурные черты, выраженные через руки писцов и мастеров-резчиков. Наличие в Болгарах сильно развитой школы мастеров, направляемой со стороны светской и духовной власти строго по канонам ислама, создало классическую схему болгарских надгробий. Этого нельзя сказать о Джукетауском округе. Как было сказано выше, на многих памятниках этого округа заметно влияние Болгарской школы. Однако памятники из Кирмени, Ст. Ромашкино и Тубулгатау отличаются своеобразием, что можно рассматривать как признаки самостоятельных школ со своими особенностями и традициями.

Еще выразительнее эти черты отражаются в Восточном округе. Поскольку на данной территории имеются болгарская фактория в районе пос. Чишмы и зафиксированы эпитафии Болгарской школы (памятники из пос. Чишмы и Красный ключ), все остальные памятники должны были бы относиться именно к Болгарской школе. Несмотря на это, памятники из Ст. Калмаша, Мавлютово, Урсаево и др. имеют свой облик и близкие аналоги в лице памятников из Тат. Калмаюра и Иски Рязапа, что ставит их на промежуточное место между памятниками Болгарского и Джукетауского округов.

Специфические особенности отдельных регионов на болгарских эпитафиях выражаются через работы отдельных писцов, резчиков эпитафий или через определенные школы. Такие выразительные черты мы находим в оформлении и орнаментации, в шрифте и структуре текста намогильных памятников. Они также выражаются в диалектных особенностях языка эпитафий, отмеченных Г. Юсуповым и Ф. Хакимзяновым, что уже позволяет говорить и об особенностях этнического порядка.

Таким образом, исследование болгарских эпитафий дает возможность выделить несколько школ по изготовлению памятников: Болгарскую, Кирменскую, Старо-Ромашкинскую, Тубулгатаускую, Восточную со своими характерными чертами. Кроме того, можно предполагать наличие и отдельных мастеров-писцов, которые работали под влиянием той или иной школы резьбы по камню.

Болгарские эпиграфические памятники стали итогом творческого развития мусульманской арабографической письменности и малой архитектуры. Их оригинальность показывает еще и то, что в XIII–XIV вв. Среднее Поволжье являлось единственной территорией в Восточной Европе, где возникла и развивалась тюркоязычная эпиграфика.

СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ ВОЛЖСКИХ БОЛГАР ПО ЭПИТАФИЧЕСКИМ ТЕКСТАМ

Эпиграфические памятники дают богатый материал по социально-исторической терминологии волжских болгар. На самой верхней ступени социальной лестницы болгарского общества стоял эмир. Этот титул употребляется лишь в тексте двух памятников: из Казани и Болгар (№ 111). К сожалению, оба памятника с дефектами и трудно читаемы.

На памятнике из Болгара титул и имя погребенного написаны следующим образом: «эта гробница эмира великого, величайшего, весьма возвеличившегося, весьма почетного, знатнейшего, славнейшего, благороднейшего, воспитателя ученых, подпоры слабых Ахмед хаджи, (его) сын Мумин Куяк, (его) сын Мир-Хусейн Базан ал-Булгари». На казанском памятнике конца XIII в. титульная группа передана в несколько иной форме: «эта гробница султана великого, знатнейшего, помощника султанов, эмира чтимого... победоносного... почтенных и великих..., к победоносному... двух почестей... гордости рода и веры, тени господа мира Хасан-бек сын Мир-Махмуда».

Таким образом, во втором случае титул «эмир» употреблен ниже титула «султан». Титул «султан великий», помещенный в первой позиции, отмечен еще в тексте одного памятника из Болгара (№ 47) 697 г. х. (1297/1298), который палеографический идентичен казанскому памятнику.

Слово «эмир» у доисламских арабов обозначало предводителя племени, позднее, с принятием ислама – наместника халифа и вообще более или менее крупного начальника (Гафуров, 1971, с. 44). В связи с тем, что халифат считался единым государством, даже правители независимых государств могли титуловаться только эмирами. Например, султаны Газны именовались просто Эмир Махмуд, Эмир Масгут и т. д. Звание «эмир» носил в XIV в. Тамерлан. Это слово входило в титулатуру халифов в виде «амир-ул-мумнин».

Титул «эмир» имел хождение в Волжской Болгарии домонгольского периода. Например, «Тарих-и-Бейхак» – источник XI в. – сообщает, что болгарский эмир Абу-Исхак Ибрагим ибн Мухаммад ибн Балтавар в XI в. послал деньги на строительство двух мечетей в Хорасане (Заходер, 1967, с. 46). Об эмире – правителе болгарской колонии в городе Саксине в низовьях Волги пишет Ал-Гарнати (Большаков, Монгайт, 1971, с. 47). На основании этого Р.Г. Фахрутдинов, подробно исследовавший титул правителя Волжской Болгарии, пишет, что в X в. правитель Болгарского государства носил титул «йылтывар», а с XI в. этот титул заменяется на «эмир» (князь). Эмирами (князьями) назывались и правители болгарских городов и земель в составе Золотой Орды (Фахрутдинов, 1979, с. 70). Термин «эмир» встречается также на золотоордынских монетах болгарского чекана, относящихся к середине XIII в. (Янина, 1962, с. 187). Оба эмира на эпитафиях имеют еще дополнительные титулы хаджи (Болгар) и бек (Казань) и приставки к имени – «мир» от эмира, что показывает знатность, родовитость его имени. Данный компонент (приставка к имени – мир) встречается еще на эпитафиях из Болгара и Больших Тархан.

Титул «султан великий», кроме текста казанского надгробия, встречается еще на одном памятнике из Болгара (№ 70). Не вдаваясь в подробности происхождения этого титула, надо отметить, что в XIII–XIV вв. титул «султан» широко распространяется на Востоке, особенно среди тюркских князей. В XIV в. этот титул как почетный появляется на монетах золотоордынских ханов. Наличие этого титула на эпитафиях конца XIII в. показывает, что он имел хождение и среди болгар. Титул «султан» в составе сложного имени упоминают русские летописи под 1376 г., когда они называют имена болгарских князей Асана и Махмат-султана (ПСРЛ, VIII, с. 25).

Нужно отметить, что имеется еще один термин, соответствующий титулу князь – «бек», читаемый на текстах надгробий из Болгара, Казани, Чишмы и Тат. Калмаюра. Каково же различие между князем-эмиром и князем-беком? Несомненно одно: титул «князь-эмир» выше, чем титул «князь-бек», на что указывает и более широкое распространение второго титула. Беками назывались правители определенной области, подвластных Болгару земель. Очень тонко эта зависимость прослеживается на эпитафии из Казани, поставленной на могиле Мира Махмуда сына Хасан бека, султана великого, помощника султанов. Он был эмиром, теперь поставлен беком в Казани. Поэтому, по нашему мнению, титул «эмир» больше соответствует титулу «Великий князь» русских летописей.

Титул «бек» представлен в текстах пяти памятников из Болгара, с Архиерейской дачи, двух памятников из Чишмы, из Тат. Калмаюра.

Из памятников рунической и древнеуйгурской письменности известно, что титул «бек» носили предводители многих тюркских родов и племен. Титул «бек» в отношении хазар упоминается у Ибн Фадлана. «Что касается царя хазар, титул которого хакан..., а его заместителя «хакан-бек» (Ковалевский, 1956, с. 146). Позднее у тюркоязычных народов «беками» назывались предводители отдельных полков и дружин, находящихся на службе у хана. В среднеазиатском тефсире из г. Карши этот термин применяется как «правитель определенного города или области» (Боровков, 1963, с. 94). Данный титул, как видно на примере памятника из Чишмы, переходил по наследству. Очевидно, титул «бек» у болгар XIII–XIV вв. означал титул правителя области или города и соответствовал «князю» русских летописей. Бика (Болгар, № XXV), соответственно, жена князя, княжна.

На болгарских эпитафиях встречается еще одно слово, очевидно, соответствующее титулу князь – «бу» (Алтун-бу, Арт-бу, Хаджи-бу). Однако мы его рассматриваем в составе сложного имени. Малый размер эпитафий, плохое оформление не дает возможности рассматривать памятники, на которых встречено данное слово, как княжеские.

Следует заметить, что в надписях болгарских эпитафий XIII–XIV вв. ряд терминов титулатурного характера употребляется как компонент сложных имен. Например, термин «малика» (Болгар, № 71, 74, I и XII). Такими пышными именами называли принцесс Сельджукидов – Малика хатун, и Гуридов, правивших в XIII–XIV вв., – Маликаи Джихан и Маликаи Хурасан (Гафуров, 1971, с. 102–103). В лице Сафара Малика и Сувар Малика (Болгар, № 74) мы видим людей, приехавших, как известно из тахаллусов их отцов, из Шамахи и Африкента.

Титул «шах» (Болгар, № X) употребляется в составе сложного имени: Мубарак-шах Хорасани, сын Махмуда шайха ал-Кердари.

Немногочисленность эпитафий с терминами «малика» и «шах», а также их тахаллусы среднеазиатского и кавказского происхождения говорят о том, что погребенные с этими титулами были люди приезжие, и эти титулы среди Болгарского населения распространения не имели.

Ряд титулов, встречающихся на болгарских эпитафиях, были широко распространены на Востоке. Это титулы «ага», «инал», «ходжа», «хатун» и др.

«Ага» (Болгар, № 74). Этот титул носили полководцы и высшее духовенство в Иране времени династии Каджаров. Джафар-ага, как видно из тахаллуса, родом из Африкента, области, бывшей в составе Бухарского ханства. Вероятно, этот титул не имел хождения среди болгар. Памятник принадлежит не самому Джафар-ага, а его дочери Сафар-Мелик, вероятно, выданной замуж за правителя Болгара.

«Инал» (Б. Тарханы). Г.В. Юсупов, опираясь на Рашид ад-дина, отмечает: «не исключена возможность, что на болгарской земле этот титул носили подчиненные эмиру цари – князья племен, о которых в X в. упоминает Ибн Фадлан, ими же титуловался предводитель огузов в пределах Болгарского государства» (Юсупов, 1960, с. 102–103). Ф. Хакимзянов также видит в нем титул вроде «доверенного» – главы небольшого княжества, которое впоследствии потеряло свою самостоятельность» (Хакимзянов, 1978, с. 9). Погребенный имеет приставку к имени – мир Ибрагим (от эмира), показывающую также знатность его рода.

Титул «ходжа» прибавлялся к именам тех лиц, кто совершил паломничество в Мекку, как мужского, так и женского пола. Данный титул не был потомственным. Например, на памятнике из Болгара некто Ахмед сам носил титул «ходжи», хотя ни у отца, ни у сына этого титула нет. Титул «ходжа» мог употребляться и в качестве имени собственного. «Ходжа» – хозяин, господин, учитель. Он является одним из широко распространенных титулов. В Волжской Болгарии данный титул, по-видимому, носили феодалы вообще. Отмечено, что носители этого титула не имели других титулов и не были связаны с высшими слоями общества. Этот титул передавался из поколения в поколение: например, на памятнике из Болгара № 104. У Г.В. Юсупова титулы «хаджи» и «ходжа» равнозначны и дается значение титула «хаджи». Подлинное значение титула «ходжа» как «хозяин, господин» вскрыто в работе Ф.С. Хакимзянова (Хакимзянов, 1978, с. 92).

Титул «хатун» обнаружен на двух памятниках из Болгара и на одной из эпитафий камня, хранящегося в фондах Национального музея РТ (вероятно, тоже из Болгара). Он обозначает любимую жену, супругу. У древних тюркских народов слово «хатун» означало только первую жену кагана, т. е. императрицу. Представляет большой интерес написание данного термина в эпитафии на армянском языке: «Сара хатун».

У Махмуда Кашгари «хатун» – принцесса, в куманском языке – жена у знати и дворян, в орхонском – жена хана, и только в современном языке это слово приобретает значение просто жены (Менгес, 1979, с. 177). В Волжской Болгарии этот титул носили, видимо, жены князей-эмиров.

Ряд титулов, встреченных в эпитафиях, характерен только для болгарского феодального общества. К ним относятся титулы «йувари» и «илчи». Титул «йувари» представлен на эпитафиях из Ямбухтино, Балынгуза, Тат. Калмаюра, Дюма и на девяти памятниках из Болгара. По толкованию Х. Фаизханова, слово состоит из «йау» – войн и «ари» – мужчина. Некоторые читали его как нисбу «Билярский» (Ашмарин, 1902, с. 74), «Суварский» (Юсупов, 1960, с. 103) или «Каварский», что подвергнуто справедливой критике со стороны Г.В. Юсупова (Юсупов, 1960, с. 104) и Ф.С. Хакимзянова (Хакимзянов, 1978, с. 81, 82). В титуле «йувари» нужно видеть не столько дружинника, сколько предводителя дружины, военного отряда. О наличии дружин у болгар говорится у Ибн Фадлана (Ковалевский, 1956, с. 136).

М.И. Ахметзянов предложил новое толкование термина «йувари». Несмотря на многочисленные языковые экскурсы, чтение и транскрипция надписей не являются окончательной. Дифтонг «вау» М.И. Ахметзянов читает как «й», слово целиком как «йори» – «ходит». На этом основании под «йувари» он видит не воинов-дружинников, а купцов, которые ходили – торговали с народами Севера (Ахметзянов, 1990, с. 113–117).

«Илчи (алти)» (Болгар, № 51, 108, 145; Ст. Ромашкино, Тат. Шапкино, Кармалы). Впервые на это слово обратил внимание Н.Ф. Катанов, который его рассматривал в составе сложного имени и перевел как «Сабар-Ильчжи» и «Фатима-Эльхей» (Юсупов, 1960, с. 105). Г.В. Юсупов ставил этот титул в один ряд с титулами «бика», «хатун», хотя семантику его не раскрыл. Значение этого титула наиболее полно раскрыто в работе Ф.С. Хакимзянова как «госпожа, барыня» (Хакимзянов, 1978, с. 91, 92).

Титулы служителей культа не отличаются обилием и разнообразием. Их удельный вес относительно мал. Среди них выделяется титул «шейх великий» (Болгар, № 19, 47, 102, XI), «шейх» (Старое Байрамгулово), «шейх эль-имам» (Болгар, № 101) (рис. 1). Звание «шейх» применялось относительно к ученым, визирям, даже правителям, а в арабских странах – к главам рода в племени. В данном случае под этим титулом подразумевается глава мусульманской религиозной общины.

Титул «муфти» – эпитафия с Болгарского городища, простой рельефный шрифт. Сохранившийся не полностью арабский текст состоит из 22 строк.

Титул «имам» – глава религиозной общины или настоятель мечети, обнаружен только в надписи одного памятника из Балынгуза.

Широкое распространение на территории Волжской Болгарии получает титул «хаджи».

Рис. 1. Намогильный памятник с термином «шейх эль-имам» в тексте. Без даты, конец XIII – начало XIV в. Болгарское городище. БГИАМЗ

Данный титул прибавлялся к именам тех лиц, которые совершили паломничество в Мекку, а также к именам купцов, побывавших там. Он не был потомственным. Подобно другим титулам «хаджи» также может употребляться в качестве имени собственного.

На болгарских эпитафиях встречается ряд терминов, обозначающих род занятий: «тамгачи» (Б. Тарханы, Болгар № 76), «алтунчи» (Болгар /№ 124), «темирчи» (Н. Яки).

Термин «тамгачи» И.Н. Березин переводит как сборщик податей, таможенник. Под термином «алтунчи» и «темирчи» подразумевали, очевидно, не непосредственных исполнителей, а владельцев мастерских. На это указывают и эпитеты «алтунчи» – «почитатель ученых, сирот, вдов, бедных кормилец» (рис. 2). Эпитафия «кузнеца» более худшего оформления, однако установка любой эпитафии была под силу только состоятельным людям.

Большое распространение на территории Болгарского улуса получил социальный термин

1 2

Рис. 2. Намогильный памятник, поставленный над захоронением золотых дел мастера Шахидуллы и прорисовка эпиграфической надписи. Дата: 717 г.х. – 1317/1318 г. Болгарское городище. БГИАМЗ

«хум». Этот термин исследователи рассматривали в составе сложного слова «хирхум» и переводили как девушка-наложница (Юсупов, 1960, с. 78). Ф.С. Хакимзянов впервые отметил, что оба термина являются отдельными самостоятельными лексическими единицами. Он выдвигает тезис: «не являются ли Болгарские «хумы» потомками тех, которые родились от хозяина и невольницы», и переводит слово «хум» как потомок бывшего раба (Хакимзянов, 1978, с. 93, 94). Видеть в «хумах» рабынь не соответствует действительности. Трудно представить, чтобы рабыням ставили такие хорошо оформленные надгробия. Плюс к тому на памятниках из Болгара (№ 117) и Салтыганово этот термин стоит после слова «сын», поэтому правильнее будет «хум» рассматривать как обозначение потомка бывшего раба. Некоторые «хумы» имели довольно высокое общественное положение. Одни из них являются дочерями предводителя дружины или иноземного купца, другие носили титул «хаджи».

Среди социальных терминов многочисленную группу составляют фамилии-тахаллусы. Встречаемые в эпитафиях фамилии-тахаллусы можно разделить на две группы: тахаллусы-этнонимы и тахаллусы-топонимы.

К первой группе относятся тахаллусы «булгари», «сувари» (Б. Тарханы, Болгар) и тахаллусы-этнонимы «туркмен», «урюм», «мухши» (Болгар), «татар» (Б. Атряси). В. Юсупов приводит еще ряд этнонимов – ашлы, ар, буляр, балимар, куюк, алак, кердар (Юсупов, 1960, с. 222), однако этот вопрос еще требует дальнейшего изучения и осмысления, во многих случаях текстологического подтверждения.

Во вторую группу входят тахаллусы-топонимы, в основном образованные от названия центральноазиатских, закавказских и других восточных городов и областей: Ширвани, Африкенти, Дженди, Самарканду Шамахи, Курасани, Кердари, Туркестани. Кроме последнего случая, все они происходят из города Болгара. Эти псевдонимы-тахаллусы, образованные от топонимов, принадлежали людям неболгарского происхождения, приезжим служителям религиозного культа, купцам и др.

Нужно отдельно остановиться на терминах «мухши», «биляр», «сувар», поскольку они в данном контексте не являются тахаллусами, и это явление в литературе получило различное толкование. Термин «мухши» на памятнике из Болгара (№ 75) (рис. 3) идет в связке со словом мусульманин. Мухши – мусульманин, человек мордовского происхождения, принявший ислам. В XII–XIV вв. это явление, вероятно, было характерно для Болгара. Исследования И.Р. Газимзянова выявили погребения мордвы в северо-восточ-

Рис. 3. Термин «мухши» на намогильном памятнике из Болгара. Дата: I пол. XIV в. Памятник обнаружен во время ремонта церкви Успения

ной части г. Болгара, где сохранились некоторые языческие элементы (Газимзянов, 1998, с. 31). Нельзя исключить в данном случае и превращение этнонима в имя собственное. Отсутствие имени в тексте: «... Ахмад, (его сын) Мухши мусульманин, (его дочь) Джаулат, (ее) место погребения», вероятно, указывает на это.

Термины «сувар», «биляр-буляр» известны по памятникам из Б. Тархан и Болгара (№ 50, 57, 76). На Большетарханском памятнике чтение надписи как «... ходжа тамгачы ас-сувари» не вызывает сомнения. На одном из памятников из Болгара Г.В. Юсуповым на основании эстампажа И.Н. Березина данный термин был прочитан как «суюргал» (Юсупов, 1960, с. 17). Текст эпитафии № 76 из Болгара звучит так: «почитатель ученых, строивший мечети, совершавший подаяния, благодетельный Сувар иле тамгачи Али ходжа, (его) сын Атряч ходжа, (его) сын Абу-Бекр ходжа, (его) памятник». Если на первой эпитафии термин Сувар можно рассмотреть как тахаллус, то во втором случае термин «Сувар иле» указывает на определенную область или территорию. Слово «ил» читается на памятнике из Болгара № 57 в связке со словом «буляр». В 1942 г. комиссией по эпиграфике это словосочетание было прочитано как имя собственное «Бикбалтай». В настоящее время памятник восстановлен из восьми частей. Слово «иле» читается ясно. Диактрические точки под буквами «б» и «р», огласовки дают возможность читать следующие слова как «Биляр». Словосочетание «биляр иле» прочитывается еще на одном памятнике из Болгара (№ 50). Ф.С. Хакимзянов данное словосочетание переводит как «из рода Биляр». В этимологии названий болгарских племен «барсил», «эсегель» он считает возможным разделить на две части «барс + ил», «иски + ил», где вторая часть слова означает род, племя. Однако в ряде источников этот термин означает определенную территорию, область. В надписи Культегина «илиг» – государство; у Саиф Сараи – «ил» – родина; у Шариф Хаджитархани валият (производное от «ил») – область, государство; в Центральной Азии (Монголия) кочевой ил (аил), семейно-хозяйственная единица. В «Хосрау и Ширин» – улус – ил (Наджип, 1989, с. 135). В словосочетании «Биляр иле тамгачы» термин «ил», по нашему мнению, означает определенную административно-территориальную единицу. Чеканка монет в Биляре в конце XIII в., которые в значительном количестве обнаружены в Болгаре, также говорит о восстановлении Биляра как административного центра.

На памятнике из Тяжбердино сохранился единственный географический термин – гидроним «Черемшан».

Картографирование титулов на эпитафиях показывает, что большинство титулов и имен титулатурного характера происходит из Болгара. К ним относятся «муфти», «шейх», «аш-шейх ал-имам», «аш-шейх ал кабир», «челеби», «ага», «малика», «шах». Эти титулы, вероятно, не имевшие распространения среди высшего сословия болгарского феодального общества, скорее, связаны с людьми приезжими. Многие из них носят фамилии-тахаллусы ал-Африкенти, аш-Ширвани и др. К ним можно присоединить титулы «имам», «инал», «хатун», «султан», происходящие из Болгара и крупных феодальных центров Болгарского улуса – Балынгуза и Б. Тархан. Значительное распространение получают титулы «алти-илчи», «хаджи», «ходжа», «йувари», «бек» и термин социального характера «хум». Они встречаются на памятниках из многих населенных пунктов, хотя основная масса эпитафий с титулами сосредоточена в Болгаре.

Наличие погребений знатных людей говорит о значимости данного населенного пункта. Кроме вышеуказанных трех центров титулы знатных лю-

дей отмечены также в надписях надгробий из Тат. Калмаюра, Ст. Ромашкино, Б. Атряс, Чишмы, Тат. Шапкино, Ямбухтино, Казани и Н. Демкино. Эти пункты, кроме последнего, также следует считать центрами феодальных владений болгар в XIII–XIV вв.

Таким образом, известные науке около 400 эпиграфических памятников Болгарского улуса территориально, типологически и по структуре текста разделяются на четыре региональных округа.

Болгарская региональная группа характеризуется наличием в верхней части стрельчатой арки с плечиками и текстом, выполненным почерком стройного, каллиграфического куфи или изящного рельефного сульса. Все памятники имеют бордюрное украшение из линейного или геометрического мотивов. Камни отличаются тщательностью отделки, наличием ярко выраженных боковых и оборотного аспектов, где, как правило, фигурируют коранические формулы или орнамент.

Особенностью Кирменско-Джукетауского округа являются в оформлении: отсутствие арки, бордюрного украшения, закругленность верхней части, врезанный простой шрифт; в структуре текста: отсутствие коранической формулы «Он (Аллах) живой, который не умирает», столь характерной для Болгарской группы памятников.

Граница между Болгарским и Кирменско-Джукетауским округами проходила в Закамье западнее р. Малый Черемшан, в Предкамье по линии реки Ошняк, среднему течению Меши до р. Вятки.

Восточная группа эпитафий компактно расположена на пограничных районах Башкортостана и Республики Татарстан. Эти памятники с геометрическим орнаментом, состоящим из трех частей, и большим количеством коранических формул в тексте отличаются еще своими большими размерами и более грубой обработкой. Далеко на севере, в отрыве от основной территории распространения болгарских эпитафий, стоит памятник из с. Гордино Балезинского р-на Удмуртии со своеобразным оформлением и текстом, что позволяет его выделить в отдельную группу.

Особенности памятников, выявленные на каждой территории, указывают на наличие региональных школ резьбы по камню. Наиболее значительной из них является Болгарская школа резьбы по камню, которая имела существенное влияние на возникновение и развитие других школ.

При картографировании эпиграфических памятников намечается тяготение кладбищ с надгробными камнями к отдельным городищам – Болгарскому, Джукетау, Кирменскому, Кабанскому, Ст. Ромашкинскому и др., которые в XIII–XIV вв. могли быть административно-территориальными центрами, т. е. центрами отдельных княжеств. Это подтверждается и тем, что из этих мест происходят эпиграфические камни с титулами верхушки правящего класса.

НАДПИСИ НА РЕМЕСЛЕННЫХ ИЗДЕЛИЯХ

Многолетнее систематическое изучение Волжской Болгарии целыми поколениями исследователей обогатило нас прекрасными произведениями прикладного искусства. Среди них металлические изделия с надписями по своему художественному оформлению и информативности занимают особое место. К сожалению, на них обращали мало внимания, и поэтому, кроме нескольких заметок о единичных находках, нет специальных работ (Малов, 1927; Катанов, 1908; Катанов 1898 и др.). Видимо, это следует объяснить редкой встречаемостью художественного металла с надписями, а также неразработанностью вопроса. За годы исследования Болгарского городища были собраны обширные коллекции различных металлических изделий, среди которых есть как более или менее целые вещи, так и фрагменты различной величины и качества. Это же целиком относится и к сохранности надписей на них, выполненных в различной технике: припаиванием букв, углубленным или рельефным прочерчиванием, оттиском с матрицы. Не все надписи, особенно фрагментарные, поддаются расшифровке из-за искаженности текста или стертости букв.

В последние годы фонды Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника обогатились рядом металлических изделий с надписями, которые можно было бы рассматривать в качестве изготовленных местными болгарскими мастерами или привезенных из восточных стран. Однако на данном этапе исследования мы не ставим перед собой цель определения места изготовления, а попытаемся сконцентрировать внимание лишь на надписях.

Следует отметить и то, что не все начертания, кажущиеся на первый взгляд надписями, обладают смысловыми функциями. Здесь мы хотели бы выделить два случая:

1) писец (резчик), не владея языком оригинала, принятого в качестве образца, подходит к нему лишь как к некоей графической субстанции и из его действий в дальнейшем исключается вторая, эквивалентная фоническая субстанция. В результате появляется нечто новое, базирующееся на

ошибочном применении графики, не учитывающей правила интерпретации единиц в различных физических субстанциях;

2) совершенно может исключаться взаимосвязь между звуковым и письменным языками (здесь осознанность или неосознанность не имеет значения), когда графика (буква) отрывается от своей смысловой трансформационной сущности. Тогда графика приобретает способность саморазвертываться и переходит на новый функциональный уровень, чаще всего на орнаментальный.

Ниже предлагается анализ надписей на различных археологических предметах: зеркалах, браслетах, чашах, крышке от кувшина и др.

Крышка от кувшина с полукруглой шишечкой-ручкой в центре (Руденко, 2022, рис. 11: 1), диаметр 77 мм (БГИАМЗ. Инв. 143, № 62). Бронза. Гравировка, инкрустация красной медью и серебром. Высота крышки, включая шишечку, 45 мм, высота гурта 15 мм. По гурту приклепаны три пластинчатые петли из красной меди, одна из которых сломана. Между петлями по гурту симметрично расположены по три зверя. Изображение группы из трех зверей (льва и двух львиц) отмечено и на бронзовой чаше из Болгара. Однако между этими двумя предметами есть и различие: на чаше эти группы разделены между собой каплеобразными медальонами, а на крышке от кувшина – пластинчатыми ручками. Оформление центра крышки с шестью сердцевидными медальонами и шишкой-ручкой известно в Малой Азии.

Рельефная надпись на арабском языке идет по кругу и разделена на три равные части тремя медальонами с изображением утки. Поле для надписи орнаментировано спирально-вьющимися стеблями. Такое построение благожелательной надписи с рисунком водоплавающей птицы, да и сам рисунок не встречается на возможных аналогиях художественного металла из Малой Азии и Восточного Ирана. Перевод текста надписи: «Слава и успех, и владычество, и счастье, и здравие, и милосердие Аллаха, и долголетие всегда владельцу сего».

Таким образом, здесь налицо чисто благожелательное речение, которое, кстати, часто встречается в мусульманских произведениях прикладного искусства. Правда, формула благопожелания может и варьироваться. В некоторых изделиях художественного ремесла отдельные компоненты приведенного речения отсутствуют, а в некоторых набор слов расширен.

Надпись на крышке от кувшина в технике рельефной припайки идет по кругу и разделена на три равные части тремя медальонами с водоплавающей птицей. Она выполнена почерком «насх» без диакритических знаков. Однако простота относительна: за счет удлинения буквенных стволов и помещения «уау» на строке письма, чем она стала похожей на буквы «фа», «каф», и акцента на их дугообразности мастер-художник создал симметричный радиальный узор, притом вертикали параллельны и не имеют каких-либо завершений.

Стиль почерка не имеет близких аналогов с известными нам надписями на предметах прикладного искусства. Необычно написание низких букв, их зубчики лишь слегка обозначены и закруглены, а у «сйн», например, напоминает волнистую горизонталь. Особенности в написании лигатуры «лам-алиф» позволяют утверждать, что каллиграф не всегда старался придерживаться стиля написания одинаковых букв. Очевидно, он не был традиционалистом и владел различными почерками и типами письма, в слове «ал-акбалу», например, после круглой петли стволы расходятся под углом в разные стороны и достигают валика, в слове же стволы внизу соединены под острым углом (У-образно) без петли и расходящиеся стволы имеют горизонтальные изгибы, не достигая валика.

Определяющим территориальным индикатором изделия могло бы являться написание конечного «та марбуты», ствол которой поднят до середины вертикали «алифа и лама». Однако этот каллиграфический прием был весьма распространен и не имеет географических границ (Даркевич, 1976, табл. 32, 37 и др.). Следует отметить, что надпись не лишена и элементов скорописи, сравним, например, написания «мйм и сад».

Таким образом, палеографические особенности надписи показывают употребление различных манер письма, однако на нынешней стадии изучения восточных надписей на металлических изделиях Болгара невозможно сделать выводы относительно их локализации.

В очерке Г.Ф. Поляковой «Изделия из цветных и драгоценных металлов» проанализированы все типы зеркал, найденные во время раскопок на территории Волжской Болгарии (Полякова, 1996). Здесь мы остановимся лишь на находках с территории Болгарского городища.

Фрагмент зеркала с изображением голов двух сфинксов. Диаметр 85 мм (БГИАМЗ. Инв. 17, № 438). Бронза. Сохранилась часть арабской благожелательной надписи, которая занимала наружное поле зеркала и была выполнена почерком «куфи». По классификации Г.Ф. Поляковой зеркало следует отнести к подтипу В-П-16а типа В-П-164. Такие зеркала импортировались, а также делались на месте болгарскими ремесленниками. По этому поводу А.П. Смирнов отмечал, что местные мастера, часто не понимая смысла надписей, просто копировали буквы (Смирнов, 1951, с. 116). Целый

Рис. 1. Фрагмент зеркала с надписью в наружном поле на фоне растительных побегов. Иран или Средняя Азия. XI–XIV вв. Болгарское городище. БГИАМЗ. Инв. 176 № 284

экземпляр аналогичного зеркала был исследован рядом ученых (П.С. Савельев, Н.Ф. Катанов, Г.А. Федоров-Давыдов) и текст надписи гласил: «Слава и долговечность, счастье и величие, возвышение и хвала, благополучие и честь, власть и процветание, могущество и милость Аллаха владельцу сего навеки».

Подобные зеркала не знали территориального ограничения. Становясь утилитарными предметами, а также своеобразными амулетами, возможно, из-за украшения благопожелательными текстами, они были популярными предметами купли-продажи. Аналогичные зеркала известны не только в Волжской Болгарии, но и в Средней Азии и на Алтае. Они в XII–XIV вв. в многочисленных копиях распространялись по всему мусульманскому миру (Лубо-Лесниченко, 1975, с. 105, рис. 100).

Во фрагменте анализируемого зеркала сохранилось начало этой надписи, которую можно сравнить с полной надписью в палеографическом плане. Обе надписи выполнены куфическим почерком, однако они имеют и стилевые различия. Почерк полной надписи вернее было бы назвать процветшим куфи с характерным подъемом кверху нижней части таких конечных букв, как «ра, за»; также декоративно загнута верхняя часть буквы «ха» и соединены между собой несоединимые буквы. Буква «уау» же лежит на строке письма и напоминает «фа» почерка «насх». Во фрагменте же куфический почерк более прост, хотя и сделана попытка поднять окончание буквы «за», но сделано это простыми линиями. Прижата в строку буква «айн», не имеют соединительной дуги буквы «алиф и лам» (как было в полной надписи).

Зеркало (рис. 1). Диаметр 130 мм (БГИАМЗ. Инв. 176, № 284). Высота бортика 8 мм. Бронза. Оно было орнаментировано пояском с выпуклинами четырехугольной формы. Надпись выполнена процветшим куфи и занимает наружное поле, которое заполнено растительными побегами. В этом фрагменте зеркала сохранилась часть благожелательной формулы «...здравие и...». Возможно, с буквы «айн» начиналось слово «наслаждение», входящее в состав формулы с благими пожеланиями (Даркевич, 1976, табл. 31, 33, 34, 35). Главной особенностью этой надписи в палеографическом отношении является стилевое своеобразие почерка. Начертания букв весьма схожи с почерком каллиграфа, написавшего текст на сосуде XI в., который был определен иранским или среднеазиатским (Даркевич, 1976, табл. 33). В них окончание буквы «уау» приподнято до уровня вершины стволов высоких букв и закруглено в левую сторону. Однако закругление в надписи на фрагменте зеркала сделано вплоть до образования круга.

Тот же прием «подъем вверх» применен в обеих надписях в начертании «та марбуты», ствол которой вытянут до высоты верха «алифа». Все вышесказанное, да и округленность «мима» в обеих надписях, т. е. их поразительное палеографическое сходство, позволяют говорить о принадлежности почерка этих надписей к одной каллиграфической школе.

Фрагмент зеркала (рис. 2). Диаметр 65 мм (БГИАМЗ. Инв. 218, № 9). Бронза. Высота бортика 2 мм. По краю зеркала имеется орнамент в виде ломаных линий. Надпись была сделана почерком «насх», притом начертания букв не претендуют на каллиграфичность. Сохранилась лишь малая часть надписи «…кала ва…».

Фрагмент крышки от сосуда (рис. 3). Диаметр 140 мм. Бронза. Поле зеркала круга разделено на четыре части, и каждая часть поля разделена рельефным бортиком высотой 2 мм. Средняя часть, где, вероятно, была ручка, не сохранилась. Внутреннее поле орнаментировано растительным орнаментом типа «ислими», а наружное – толстыми ломаными линиями с заполнением образовавшегося треугольного пространства кругами.

Рис. 2. Фрагмент зеркала. Бронза. XIV в. Собрание БГИАМЗ. Инв. 218 № 9

Надпись выполнена почерком «сульс», буквы толстые, монументального характера. В распоряжении надписи есть одна примечательная деталь: она разделена на четыре части при помощи восьмилепестковых розеток. Аналогов такой декорировки и построения надписей на зеркалах мы не знаем. Правда, мотив восьмилепестковой розетки встречается и в орнаментации зеркал, но центральной части (Полякова, 1996, рис. 71).

Что касается самой надписи, то она сохранилась плохо и может быть прочитана в таком виде: «…благоденствие и успех...», хотя и не исключено, что первое слово – благочестие.

В очерке Г.Ф. Поляковой «Изделия из цветных и драгоценных металлов» представлены еще три зеркала с надписями (Полякова, 1996, рис. 73, 5, 6, 8). Среди них своими стилистическими особенностями выделяется зеркало под пятым номером. На нем у декоративного почерка «насх» вертикали высоких букв кверху расширяются, и вершины завершаются типичным стрельчатым оформлением. Низкие буквы приподняты до половины высоких, и густое употребление растительных побегов над ними заполняет пустоту и уравновешивает надпись. На другом зеркале (8) наблюдается иной стиль почерка «насх»: параллельные стволы вертикалей создают своеобразный орнамент, однако орнаментация подчинила себе содержательность надписи. Надпись третьего зеркала (6) выполнена куфическим почерком с некоторыми закруглениями в соединениях по линии письма. Здесь также применен прием «поднятие кверху» ствола конечной «та марбуты».

Таким образом, в надписях зеркал наблюдается употребление относительно большого стилевого богатства почерков, однако на данном этапе изучения материала пока невозможно выделить их принадлежность к определенным школам. Несколько выделяется надпись (Даркевич, 1976, рис. 72,3) на фрагменте зеркала, где видно несколько букв, в том числе «сйн» с тремя точками внизу. Как известно, такое написание данной буквы считается характерным волжско-болгарским приемом письма, которое нашло широкое применение в эпиграфических памятниках Волжской Болгарии (Хакимзянов, 1978, с. 27).

Наряду со всевозможными декоративными украшениями на пластинчатые браслеты наносились и арабографичные надписи. Их характер мог быть различным.

Браслет (БГИАМЗ. Инв. 56, № 65). Представляет собой бронзовую пластину длиной 92 мм и шириной 12 мм. На одном конце браслета схематическое изображение морды льва, посередине – грубый циркульный орнамент. В центральной части браслета имеется штампованная надпись. Здесь налицо дата изготовления браслета – 614 год по хиджре, который по современному летосчислению соответствует 1217 г. Неясен смысл слова при дате. Исходя из соединения цифр 6 и 1 между собой, можно предположить, что все цифры «посажены» на какое-то слово. Таким словом мог бы быть «год» (однако арабское начертание не соответствует тому, что есть на пластинке) или имя мастера, вроде «Албал». Один из авторов этого раздела предлагает рассмотреть как сокращенную форму от «мир, свет», т. е. как бы синонимом слова «год». Это же самое слово, возможно, начертано в волжско-болгарской эпитафии 1244 г. из с. Ямбухтино ТАССР, зафиксированного Г. Ахмаровым как «ад-дунья».

Браслет (БГИАМЗ. Инв. 145, № 3). В виде изогнутой пластины из латуни длиной 17,5 мм, шириной 12–14 мм и толщиной 2 мм. На лицевой стороне надпись: «Султан справедливый, 782, Ал-Джадид» (рис. 4).

Указанная дата по нынешнему летосчислению соответствует 1380/81 г. Сама надпись помещена в круг диаметром 20 мм и с ошибками: в слове «султан» отсутствует конечный «нун», а втором слове – серединный алиф.

Характер надписи и ее оформление позволяют прийти к выводу, что данная пластина является монетным чеканом Тохтамыш-хана. Медные монеты с его именем редки, и все монеты времени правления Тохтамыша чеканились с изображением животных, птиц или орнамента на обратной стороне. Рассматриваемая пластина, очевидно, служила материалом для пробного чекана с ошибочно написанным штемпелем. На оборотной стороне можно предположить наличие начертания имени Тохтамыш-хана, но оно сильно искажено.

Рис. 3. Фрагмент зеркала. Бронза, литье. Болгарское городище. БГИАМЗ

Часть браслета (пластины) длиной 30 мм, шириной 9 мм (БГИАМЗ. Инв. 177, № 308). Бронза. Фрагмент надписи занимает все поле пластины, и, возможно, надпись была разделена розеткой на несколько частей. Надпись почти стерлась, различаются лишь отдельные буквы: толстые стволы вертикальных букв «йа» с двоеточием, «уау» или «фа (каф)» подняты до середины вертикалей.

Браслет (БГИАМЗ. Инв. 24, № 758). Длина 150 мм, ширина 9 мм. Бронза. На концах браслета – схематические львиные морды, корпус покрыт орнаментом в виде узла счастья. В центре браслета имеется сильно стилизованная надпись: «Именем Аллаха». Даже в этой мелкомасштабной надписи сделана попытка орнаментации самих букв: верх «лама», например, украшен растительным побегом, а ствол конечного «ха» приподнят до верха высоких букв и несколько загнут налево.

Браслет с арабской надписью по корпусу приведен в вышеупомянутом очерке Г.Ф. Поляковой. К сожалению, надпись полностью прочитать не удалось, но последнее слово, без всякого сомнения, «успех».

Большой интерес представляет найденный на Болгарском городище серебряный браслет с надписью на татарском языке (на внешней стороне на трех отдельных картушах) и фарси (на внутренней стороне браслета) (Руденко 2015, с. 467, № 331). Размеры: 6,7×4,8×1,15 см. Толщина обруча 0,3–0,6 см. Типологически браслет датируется XIV в. На трех отдельных картушах – надпись: «бу беләзек Зийа Хөсәен һәр заман». Перевод: «Этот браслет всегда Зийа Хусейна» (чтение А. Арслановой). На внутренней стороне браслета персидская надпись: «В этом мире ремесло (?) да не будет печалью (или огорчением, (но) если будет, (то оно) будет (недостойно) людей» (чтение А.А. Иванова). По мнению А.А. Иванова, автор надписи был тюрком, вследствие чего и образовались некоторые ошибки в написании отдельных персидских слов.

Нельзя не упомянуть и о золотом браслете с персидской надписью из Джукетауского клада (Смолин, 1925, с. 24). Браслет состоит из звеньев, имеет две продолговатые и две квадратные пластины, одна из которых с выдвижной иглой. Верхняя колонка исполнена техникой гравировки, а нижняя – растительным узором. Звериные морды на колонках проработаны до отдельных деталей, и изображение головы льва напоминает аналогичные рисунки на болгарских серебряных и медных браслетах. Браслет был датирован XIV в. Надпись на браслете: «Да будет творец мира покровителем Владельца сего предмета, где бы он ни находился» (Мальм, 1978, с. 248). Надпись является вариантом текста на крышке сосуда.

При исследовании городища Великие Болгары были найдены золотые, серебряные и медные перстни с надписями, которые не отличались ориги-

Рис. 4. Браслет пластинчатый с надписью «ад-дунья 614» – 1217/1218 г. Чекан. Собрание БГИАМЗ

Рис. 5. Перстни с благожелательной надписью. Серебро, литье, пайка. XIII–XIV вв. Болгарское городище. БГИАМЗ

нальными текстами (рис. 5: 1, 2). В большинстве случаев надписи скопированы с какого-то оригинала, однако «проволочное» выполнение надписи (т. е. припайка) не позволяло точно скопировать буквы, и в результате получались как бы инварианты текста. В связи с этим уместно будет сравнить перстни из находки 1966 г. (Смирнов, Янина, 1967, с. 303–306, рис. 1, 2) и перстень из фонда БГИАМЗ (кп. 329-56/143 5 су). Надписи на этих перстнях графически несколько отличаются, однако тексты на них идентичны.

А.П. Смирнов и С.А. Янина предлагали такое чтение: «Да продлит Аллах здоровье (благоденствие)». На наш взгляд, на определенной группе перстней имеется именно такая благожелательная надпись. Нельзя согласиться лишь в чтении надписи на золотом перстне: «Да будет вечен Алий» (т. е. как изречение шиитского толка). Вероятно, здесь следует видеть изречение «Да продлит Аллах здоровье (благоденствие)», потому что, несмотря на сильную стилизацию (точнее, искаженность начертания букв), эта надпись имеет графическую аналогию с некоторыми другими надписями. Правда, здесь присутствует композиционное отличие: начальное слово помещено в средней части щитка.

В работе А.П. Смирнова и С.А. Яниной приведен и снимок электрового перстня, найденного в 1964 г. в Болгарах и находящегося в ГИМ (Инв. 98695) (Смирнов, Янина, 1967, рис. 1, 2; 2, 2). Его внешний диаметр 19,5 мм, внутренний – 16 мм, вес 4,52 г. Обруч имеет ромбовидные украшения: два покрупнее (заполнены растительным орнаментом) и одно меньшего размера (заполнено кружочками). Припаянные на щитке буквы, по мнению авторов, составляли слово «Беркай», имя первого джучидского хана, принявшего мусульманство. И такой перстень с его именем должен был служить владелице залогом удачи и знаком благочестия.

По нашему мнению, правильнее было бы прочитать эту надпись как «благословение», так как ханское имя Беркай, тем более на женском перстне, вряд ли могло служить каким-либо символом. Да, при Беркай (Берке)-хане Золотая Орда сложилась как крупное самостоятельное государство. С одной стороны, с его именем связаны расширение торговли с другими регионами и строительство городской жизни, а с другой стороны – жестокая война с династией Хулагуидов. Он начал исламизацию государства, однако она захватила лишь верхние слои господствующего класса, т. е. ислам играл определенную роль в руках хана-политика. К тому времени Волжская Болгария уже была относительно развитым мусульманским государством. Поэтому мы не видим веских причин выбора имени Беркай-хана как символа ни в политическом, ни в культурном плане.

Слово же «благословение» является одним из главных компонентов в широко распространенной мусульманской благожелательной формуле, на его основе появилось и название монеты, которую носили на счастье.

В фондах БГИАМЗ (Инв. 226, № 104) хранится еще один серебряный перстень с характерными тремя налепами в виде ромбов с орнаментацией и с надписью на прямоугольном щитке с бортиками (рис. 5: 2). Размеры щитка 130×60 мм. На

Рис. 6. Фрагмент поливного сосуда. Люстр. XIV в. Болгарское городище. БГИАМЗ

Рис. 7. Сердоликовая вставка с арабографической надписью из раскопок 2016 г. Болгарское городище. БГИАМЗ

щитках припаяны буквы из серебряных полос, составляющие слово. По всей видимости, это слово «баракат», означающее «охранять, защищать, предохранять». Выходит, и данный перстень имеет защитительную надпись.

В очерке Г.Ф. Поляковой «Изделия из цветных и драгоценных металлов» приведены фотографии еще нескольких видов перстней (Полякова, 1996, рис. 61). Там же образцы под номерами 13, 25, 29 указаны как подражания и буквенные орнаменты. По всей вероятности, тексты этих перстней идентичны, и их следует читать как «победитель», тем самым перстню придается магическое свойство.

Из Болгарского городища происходит перстень литой бронзовый с надписью подражательного характера (Руденко, с. 377, № 67).

На раскопе CXII Болгара в 1991 г. был обнаружен медный кувшин высотою 30,3 см, диаметром тулова 17,0 см (Баранов, и др., 2016, с. 109). Кувшин имеет многоярусную орнаментацию: пояса геометрической плетенки, растительный орнамент из переплетенных ветвей «ислими», плетенки и растительные мотивы в медальонах, сцена звериного гона. Надпись по тулову кувшина на арабском языке «Победа и успех, и благоденствие, и величие (владельцу его)».

Ковш с надписью был обнаружен на территории города Болгара (хранится в НКЦ).

В фондах БГИАМЗ хранятся и другие вещи, как, например, фрагменты чаш, накладки, кресало (Баранов, и др., 2016а, с. 96). Однако надписи на них почти не читаются или стерты. Исследовате-

Рис. 8. Красноглиняный кувшин с надписью по тулову на персидском языке: «Гамәле бәндә Салма Күлбай» – («Работа раба (Божия) Салма Кульбая») Раскоп CLXXIX 2014 г. Болгарское городище. БГИАМЗ (по: Коваль, Бадеев, 2015)

Рис. 9. Изделия с личными именами из собрания БГИАМЗ. Сплав медный. 1 – пряжка с надписью: «Гамәле Мухаммад бин Махмуд»; 2 – замок на язычке для привода в действие пружины с надписью «Али»

лями давно было установлено, что в мусульманском искусстве предметы прикладного характера имели надписи различного характера. Как показывают рассмотренные материалы, большинство из них имеет арабские благопожелательные надписи.

Надписи на поливных чашах, изразцах (Абдуллин, и др., 2016, с. 122), на стекле, в основном сирийского происхождения, часто находят в культурном слое Болгарского городища (рис. 6). Все они фрагментарны и содержат благожелательные надписи. Представляют интерес надписи на камне и керамике, сохранившиеся полностью.

На раскопе CXCII 2016 г. была найдена сердоликовая вставка с арабографической надписью (рис. 7). На камне целиком вырезана 112 сура Корана «Ихлас» «Во имя Аллаха милостивого (милосердного)! Аллах, вечный; не родил и не был рожден, и не был Ему равным ни один!» (Арх. иссл. 2016, с. 10).

На раскопе CLXXIX 2014 г. был найден красноглиняный кувшин с надписью по тулову на персидском языке: «Гамәле бәндә Салма Күлбай» («Работа раба (Божия) Салма Кульбая») (Арх. иссл. 2014, с. 12) (рис. 8).

Таким образом, металлические изделия с надписями, кроме своих художественных, эстетических функций, имели и словесно-информационную функцию. Как показывают рассмотренные выше надписи, в большинстве случаев они предназначались для психологического воздействия на человека, некоторые служили своеобразными амулетами. Отдельные изделия дают материал для рассмотрения их как образцов искусства каллиграфии.

На изделиях редко встречается имя мастера. Известно имя Абу-Бекра на замке из Билярска (Малов, 1927). В Спасском районе РТ была найдена пряжка от ремня с надписью: «Гамәле Мухаммад бин Махмуд» (рис. 9: 1).

Замок на язычке для привода в действие пружины с надписью «Али» (рис. 9: 2) был найден в пригороде Суварского городища (Кузнечихинское селище) и был определен как подвеска (Садриева и др.). Второй экз. язычка с деталью пружины был обнаружен в Старомайнском районе Ульяновской области.

ГЛАВА 9

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАСЕЛЕНИЯ ВОЛГО-УРАЛЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII – НАЧАЛЕ XV В.

§ 1
Антропология населения лесной зоны Волго-Уралья

§ 2
Антропология населения лесостепной зоны Волго-Уралья в XIII–XV вв.

§ 3
Антропология городского и сельского населения степной зоны Волго-Уралья в XIII–XV вв.

§ 4
Антропология кочевников Нижнего Поволжья золотоордынского времени

§ 5
Монголы в составе Золотой Орды

§ 6
Межгрупповой анализ краниологических материалов и реконструкция этногенетических процессов на территории Волго-Уралья в золотоордынское время

ГЛАВА 9

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАСЕЛЕНИЯ В ВОЛГО-УРАЛЬЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII – НАЧАЛЕ XV В.

Время образования империи Улуса Джучи (Золотой Орды), его развития и упадка является одним из ключевых этапов в истории Волго-Уралья, который непосредственно входил в состав этого государства и более 200 лет являлся ареной политических, экономических и этнических изменений внутри него, итогом чего стало формирование новых политических объединений и народов. Справедливо считается, что Золотая Орда послужила «этнической колыбелью» для многих современных тюркских народов, проживающих сегодня на просторах евразийского континента, в том числе и Урало-Поволжья, где проходило сложение этнических основ татарского и башкирского народов. В этом контексте актуальным является рассмотрение этногенетических процессов на территории края в золотоордынский период через призму антропологических материалов, которые, как известно, в совокупности с данными археологии и письменных свидетельств выступают в качестве исторического источника (Алексеев, 1979; 1986).

История изучения палеоантропологических материалов, характеризующих физический облик населения Золотой Орды, насчитывает более ста лет, и результаты этих исследований хорошо представлены в работах Н.М. Малиева (1881), Г.Ф. Дебеца (1948), Т.А. Трофимовой (1949, 1956), В.П. Алексеева (1967, 1971), М.С. Великановой (1975, 1993), Л.Т. Яблонского (1987), Т.К. Ходжайова (1987), О.И. Исмагулова (1970, 2017), И.Р. Газимзянова (2001), М.А. Балабановой (1999, 2011, 2013), Л.В. Литвиновой (2007) и др. Однако следует отметить, что результаты этих исследований носят в основном региональный характер и описывают антропологический состав золотоордынского населения лишь по отдельным его территориальным группам, что несколько затрудняет не только представить общую картину антропологической структуры ордынского общества, но и выявить общие моменты её формирования. Единственная работа, которая в какой-то мере претендует на обобщение, является монография Л.Т. Яблонского, посвященная антропологии городского населения Золотой Орды. Но и здесь главным объектом исследования стали краниологические материалы из городских могильников Нижнего Поволжья (Яблонский, 1987). Серии же из других городских центров Улуса Джучи были привлечены им лишь в качестве сравнительных данных, что несколько снижает уровень выявления общих закономерностей в сложении физического облика не только всего золотоордынского населения, но и городского в целом. Так как известно, что средние краниометрические показатели не всегда отражают степень морфологической однородности группы и ее многокомпонентный антропологический состав.

Таким образом, при реконструкции этногенетических процессов на территории Золотой Орды необходимо привлечение не только максимально полного свода палеоантропологических данных, но и его анализ на всех статистических уровнях. Предлагаемый обзор по антропологии населения Волго-Уралья золотоордынского времени является первой попыткой проведения такого рода исследования, результаты которого в какой-то мере можно экстраполировать и на другие территориальные и социальные группы населения Золотой Орды, потому что этот регион можно считать ее уменьшенной моделью. И это действительно так! В силу своего географического положения Поволжско-Уральский регион исторически являлся и является связующим звеном между Востоком и Западом, что особенно проявилось после монгольского нашествия и создания джучидской империи с политическим, экономическим и культурным центром в Нижнем Поволжье. В силу этих обстоятельств территория Урало-Поволжья стала местом тесного взаимодействия между группами, имеющими не только разные этногенетические истоки, но и разные культурные традиции, которые проявлялись как в языке и религиозных воззрениях, так и в способах хозяйствования и т. д. В этой связи обзор палеоантропологических источников логично вести по природно-климатическим (географическим) зонам: лесная зона Волго-Уралья, Среднее Поволжье (лесостепная зона), Нижнее Поволжье (степная зона). При характеристике

антропологического состава населения региона использовались только краниометрические данные как наиболее информативный источник по реконструкции этногенетических процессов. Основные краниометрические параметры даны только по мужским сериям и сведены в отдельные таблицы (табл. 1–4). Выяснение характера межгрупповой изменчивости и этногенетических связей велось методом канонического анализа с использованием пакета прикладных программ, разработанных Б.А. Козинцевым.

АНТРОПОЛОГИЯ НАСЕЛЕНИЯ ЛЕСНОЙ ЗОНЫ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

Золотоордынский период является важным историческим этапом в формировании этнических основ современных восточно-финских народов: марийцев, удмуртов и коми (Никитина, 2002; Иванова, 1999; Голдина, 1999; Оборин, 1999; Савельева и др., 1999). Несмотря на то, что большая часть территории обитания предков поволжско-камских финнов административно не входила в состав Улуса Джучи, тем не менее влияние последнего на ход этногенетических процессов в исследуемом регионе – прямое или косвенное – несомненно, было. Однако оценка степени этого влияния осложняется небольшим количеством выявленных и исследованных археологических памятников, которые можно отнести к золотоордынскому периоду.

К сожалению, палеоантропологических материалов, характеризующих физический облик населения лесной полосы Волго-Уралья в эпоху Средневековья не так много. В полной мере этот тезис справедлив и для золотоордынского времени. Во многом это связано как с плохой сохранностью человеческих костей в местных почвах, так и с тем, что памятники этого времени археологически изучены очень слабо. Тем не менее имеющиеся в нашем распоряжении небольшие по численности антропологические материалы позволяют в общих чертах как обрисовать расовый состав местного населения, так и по возможности определить его этногенетические связи (табл. 1).

Антропологический тип верхнекамского населения родановской культуры представляют три небольшие по численности серии, две из которых датируются переходным времени от домонгольского к золотоордынскому (Редикарский, XII–XIV вв. и Кудымкарский, XII–XIV вв.), а одна (Плотниковский, XIII–XV вв.) собственно относится к ордынскому периоду. По археологическим данным, предполагается, что родановское население продолжило традиции предшествующей ей ломоватовской культуры и приняло непосредственное участие в этногенезе коми-пермян (Голдина, 1999). По данным С.Г. Ефимовой, серии переходного времени морфологически близки между собой (Ефимова, 1999). В среднем они относятся к высокоголовым суббрахикранным группам с относительно широким и относительно высоким лицом, которое умеренно профилировано в горизонтальной проекции и имеет достаточно хорошо выступающие носовые кости (Ефимова, 1999, с. 138). Несколько иным краниокомплексом характеризуются черепа из Плотниковского могильника. При всех общих чертах в строении лицевого скелета они выглядели более длинноголовыми и более низколицыми (Брюхова, 2010, с. 271–274). Однако, учитывая небольшое количество наблюдений, все серии можно отнести к одному в целом типу, который характеризуется европеоидными признаками и имеет небольшую монголоидную примесь.

По многим краниометрическим параметрам черепа из погребений родановской культуры близки к черепам более раннего Деменковского могильника (VI–VIII вв.), что может, в какой-то мере, говорить об их возможной генетической взаимосвязи. Вероятно, формирование физических особенностей верхнекамского средневекового населения (ломоватовского и родановского) шло на общей в целом европеоидной основе, которая была характерна для местного поволжско-приуральского населения с рубежа эр. В генезисе морфологического облика этих групп также отмечается участие широколицых европеоидных популяций, происхождение которых пока не совсем ясно.

Подчеркивая преемственность отдельных популяций Верхнего Прикамья домонгольского и золотоордынского времени, нельзя не отметить, что после образования Золотой Орды и включения Волжской Болгарии в ее состав на северо-западной периферии Болгарского улуса появляются, судя по антропологическим данным, новые группы населения, которые не имеют местных генетических корней. Речь идет о группе, оставившей на левом берегу Волги в устье р. Илети мусульманский некрополь у с. Мари-Луговое (Халиков, 1962).

По данным В.П. Алексеева, мужские мари-луговские черепа золотоордынского времени в целом имели крупную и низкую черепную коробку округлой формы, а также широкое и плоское лицо при среднем выступании носовых костей, что позволило ему соотнести данный, несомненно, монголоидный морфокомплекс с одной из пришлых групп, имеющих, вероятно, восточные (сибир-

ские) истоки (Алексеев, 1962; 1967). По его мнению, «население, оставившее золотоордынский некрополь у современного села Мари-Луговое, являлось жителями военного форпоста на северо-западной границе Золотой Орды и бывшей Волжской Булгарии» (Алексеев, 1967, с. 164, 166).

Практически иным морфотипом характеризуется небольшая серия черепов из Горношумецкого языческого могильника, синхронного поздним захоронениям Мари-Луговского некрополя (Михеев, 2000). Серия, изученная И.Р. Газимзяновым, состояла из четырех мужских и трех женских черепов разной степени сохранности (Газимзянов, 2004). Мужские черепа грацильного типа характеризуются как брахикранные, обладающие очень узким с ослабленной горизонтальной профилировкой на верхнем уровне лицом. При этом угол выступания носа достаточно сильный. Женские черепа, в отличие от мужских, выглядели более длинноголовыми, более плосколицыми и имели менее выступающий нос, что позволяет говорить об их более монголоидном антропологическом облике и генетической связи с местным поволжско-приуральским населением предшествующего времени. Отмечаемые нами морфологические различия между мужской и женской частью горно-шумецкой популяции не выходят за пределы вариаций, характерных для субуральского антропологического типа.

Чертами в основном субуральского морфотипа также характеризуется краниологическая серия, собранная во второй половине XIX в. Э.Д. Пельцамом в окрестностях Казани (Ефимова, 1991). Несмотря на ее сборный характер с неясной этнокультурной принадлежностью и широкой датировкой в пределах XIV–XVII вв., в ней превалируют грацильные и мезобрахикранные черепа. По комплексу признаков они сближаются с группами местного населения поволжско-приуральского генезиса, «которые сыграли значительную роль в сложении антропологического состава Волжской Болгарии домонгольского и более позднего времени» (Ефимова, 1991, с. 45).

Таким образом, краткий обзор имеющихся в нашем распоряжении палеоантропологических материалов, в основном золотоордынского времени, показал, что население лесной зоны Волго-Уралья сохранило в основных чертах антропологическую структуру предшествующего времени. В составе верхнекамских племен родановской культуры превалировали группы населения европеоидного в целом облика. Формирование их физических особенностей произошло задолго до монгольского нашествия при взаимодействии местного поволжско-приуральского компонента с пришлыми европеоидными группами – носителями более широколицых форм. В Волго-Вятском регионе (южная часть лесной зоны), наоборот, доминировали в основном группы субуральского антропологического типа (более длинноголовые и более узколицые), генетически связанные с более древним волжско-камским населением пьяноборско-азелинского круга (Акимова, 1968; Ефимова, 1991). Приграничная военизированная группа, оставившая поздние погребения Мари-Луговского могильника и имеющая в своем составе ярко выраженный монголоидный южно-сибирский компонент, скорее всего, не оказала какого-либо существенного этногенетического воздействия на местное поволжско-финское население. В силу обособленного положения этой группы ее контакты и брачные связи с окружающим населением либо вовсе отсутствовали, либо были минимальными, так как никаких «антропологических следов» средневековых кочевников Евразии в физическом облике современного марийского народа не обнаружено (Алексеев, 1968, с. 157). При этом нельзя не отметить, что в золотоордынское время, вполне возможно, продолжались тесные этногенетические взаимосвязи между местными тюркскими группами, в основном потомками волжско-камских болгар, и представителями финно-угорских племен. Об этом в какой-то мере может свидетельствовать довольно существенная доля субуральского компонента (сублапоноидного – по Т.А. Трофимовой) в антропологическом составе поволжских и особенно казанских татар (Алексеев, 1971; Трофимова, 1949). Вероятно, после монгольского нашествия часть болгарского населения переселяется в районы Заказанья и Предкамья и в процессе освоения края ассимилирует отдельные местные группы финно-угорского происхождения. Вполне возможно, что этот процесс не был односторонним.

АНТРОПОЛОГИЯ НАСЕЛЕНИЯ ЛЕСОСТЕПНОЙ ЗОНЫ ВОЛГО-УРАЛЬЯ В XIII–XV ВВ.

После монгольского нашествия территория лесостепной зоны Волго-Уралья в XIII–XV вв. в основном входила в состав Золотой Орды и географически являлась ее северной периферией. Созданный ордынской администрацией Болгарский улус включал в себя бывшие земли Волжской Болгарии и прилегающих к ней областей (История татар. Т. 3, 2009).

Лесостепное Приуралье и Зауралье контролировалось кочевыми и полукочевыми племенами тюркского или угорского происхождения, которые находились, вероятно, в вассальной зависимости от Улуса Джучи (Казаков, 2007; Иванов, 2015). Население указанных областей золотоордынского периода относительно хорошо изучено в антропологическом отношении. Благодаря работам Г.Ф. Дебеца, Т.А. Трофимовой, Т.И. Алексеевой, Н.М. Рудь (Постниковой), С.Г. Ефимовой, И.Р. Газимзянова и других исследователей мы имеем серийные данные по краниологии, характеризующие физический облик разных этнокультурных и социальных групп населения лесостепной зоны. Все это в совокупности с археологическими материалами и сведениями письменных источников позволяет более объективно реконструировать этногенетические процессы.

Антропология городского населения. Антропологический состав городского населения Среднего Поволжья золотоордынского времени характеризуется главным образом палеоантропологическими материалами средневекового Болгара – одного из крупнейших городских центров Улуса Джучи.

На сегодняшний день население Болгара представлено в антропологическом плане гораздо шире как хронологически, так и в количественном отношении, чем другие города Золотой Орды. Во многом это связано с многолетними археологическими раскопками на Болгарском городище, которые начались еще во второй половине XIX в. (Шарифуллин, 2014). Параллельно с накоплением археологических данных по истории Болгара шел процесс активного сбора и изучения антропологических материалов, полученных в ходе раскопок или случайных сборов. В настоящее время антропологическая коллекция (в нашем случае – краниологическая), характеризующая физический облик населения средневекового Болгара, насчитывает более 500 черепов, которые по месту расположения городских некрополей и отдельных археологических объектов (например, каменные мавзолеи или случайные одиночные захоронения в центре городища) группируются по 14 серийным выборкам (табл. 2).

В разные годы эти материалы изучались А.П. Богдановым (1879), Н.М. Малиевым (1881), Г.Ф. Дебецом (1948), Т.А. Трофимовой (1956), Н.М. Рудь (Постниковой) (1987) и И.Р. Газимзяновым (2015) и др. В качестве сравнительного материала они также использовались в обобщающих работах по антропологии населения Волжской Болгарии и отдельных регионов Золотой Орды (Ефимова, 1991; Яблонский, 1987; Балабанова и др., 2011; Балабанова, Перерва, 2013; Комаров, 2013). Главным выводом этих исследований стал тезис о неоднородном и многокомпонентном антропологическом составе населения Болгара и, что его формирование шло при этногенетическом взаимодействии разных групп населения, имеющих разные генетические истоки, чему не противоречат и археологические материалы, которые позволяют проследить в материальной культуре города местные и иноэтничные элементы (Город Болгар, 1987; Измайлов, Кавеев, 2009, с. 194–200).

В антропологическом составе городского населения средневекового Болгара выделяется несколько краниокомплексов, которые различаются в основном по форме черепа и степени выраженности европеоидных или монголоидных особенностей. При этом наблюдается некая приуроченность отдельных городских групп к определенному краниотипу (рис. 1–6). Так, серия черепов, характеризующая физический облик жителей армянской колонии Болгара («Греческая палата»), демонстрирует не только ярко выраженные европеоидные черты (относительно узкое и хорошо профилированное лицо с большим углом выступания носовых костей), но и крайне выраженную брахикранию, что позволяет наметить прямую генетическую связь между средневековыми и современными армянами (Трофимова, 1956).

Долихо-мезокранный европеоидный компонент превалирует в составе краниологической серии из некрополя «Бабий бугор (рядовой)», который, по мнению некоторых исследователей, оставлен выходцами с юга-запада Восточной Европы (Трофимова, 1956; Халикова, 1986; Ефимова, 1991). Несколько неожиданно с морфологической и исторической точки зрения выглядит группа черепов, полученная при исследовании каменных мавзолеев на территории Болгарского городища. Если женские черепа по комплексу признаков тяготеют в основном к монголоидным формам, то мужские в среднем проявляют хорошо выраженные европеоидные черты: узкое и высокое лицо сопровождается высоким переносьем и сильным выступанием носа (Газимзянов, 2016). Неожиданность заключается в том, что погребенные в мавзолеях, несомненно, являлись представителями привилегированной группы горожан средневекового Болгара и в антропологическом плане должны были быть близки к другой синхронной, также привилегированной группе, которая оставила мусульманское кладбище в районе «Ханской усыпальницы». Однако краниологическая серия из «Ханской усыпальницы», наоборот, морфологически выглядит наиболее монголоидной среди всех городских групп Болгара. Она характеризуется в целом округлой формой головы, относитель-

Рис. 1. Скульптурная реконструкция по черепу мужчины из некрополя армянской колонии «Греческая палата» (Болгар, XIII – XIV вв.). Автор работы: М.М. Герасимов.

Рис. 2. Скульптурная реконструкция по черепу мужчины из некрополя «Бабий бугор» (Болгар, XIII – XIV вв.). Автор работы: М.М. Герасимов

Рис. 3. Скульптурная реконструкция по мужскому черепу из христианского захоронения (Болгар, XIV в., раскоп CXLIX, погребение 11). Автор работы: Н.Р. Рахматуллин

Рис. 4. Скульптурная реконструкция по черепу мужчины из некрополя в южной части Болгара (XIV – XV вв.). Автор работы: Н.Р. Рахматуллин

но широким и высоким несколько уплощенным лицом. При этом отмечается высокое переносье и сильное выступание носовых костей, что придает этому морфокомплексу некоторое своеобразие – сочетание европеоидных и монголоидных элементов (Рудь (Постникова), 1987). По мнению Л.Т. Яблонского, подобная «специфическая» комбинация краниологических признаков была характерна прежде всего для представителей кочевых групп Южнорусских степей половецко-кыпчакского круга (Яблонский, 1987, с. 219). Поэтому вполне возможно, что выходцы из этого круга племен в золотоордынское время пополняли верхний социальный слой болгарского городского общества. Генетические истоки людей с европеоидной внешностью, захороненных в мавзолеях Болгара, пока не совсем ясны.

В антропологическом составе населения средневекового Болгара исследователи также выделяют два морфологических компонента, генезис которых может быть связан с местными (в широком плане) группами. Первый компонент – уме-

Рис. 5. Скульптурная реконструкция по черепу мужчины из некрополя в южной части Болгара (XIV-XV вв.). Спасский район, Республика Татарстан. Автор работы: Н.Р. Рахматуллин

ренно брахикранный со средними параметрами лицевого скелета и с небольшой монголоидной примесью – был широко представлен у волжских болгар домонгольского времени (так называемый зливкинский антропологический тип). Второй компонент – более длинноголовый с нерезко выраженными европеоидными чертами – превалировал в составе населения Волго-Камья еще с рубежа эр (так называемый субуральский антропологический тип). При этом прослеживается некая взаимосвязь между антропологическим типом отдельных групп населения Болгара и топографией расположения средневековых некрополей. Так, в мужских краниологических сериях из некрополей, локализуемых в северной части городища (исторический центр Болгара), доминирует в целом брахикранный компонент: «Четырехугольник», «Памятный знак», «Раскоп № 191», сборная серия «Культурный слой». В то же время в сериях из мусульманских некрополей южной половины Болгарского городища доминирует более длинноголовый морфологический комплекс: «Черная палата», «Могильник в районе аэродрома», «Раскоп № 174» (Газимзянов, 2015). Вместе с тем, отмечая антропологическую неоднородность населения средневекового Болгара на уровне отдельных его социальных и этнокультурных групп, нельзя не отметить, что и сами эти группы по физическому типу также были крайне неоднородны. Вероятно, данный факт отражает процесс смешения между разными слоями городского общества. При этом вектор их генетических связей и степень их тесноты на разных этапах исторического развития Болгара был различным. Если в раннезолотоордынское время формирование населения Болгара прежде всего шло в русле механического симбиоза «местных» и «пришлых» этнических групп, то в последующие периоды (в результате широких брачных связей) этот процесс интеграции перерастает в целом в стадию биологической метисации между ними (Газимзянов, 2001). Не последнюю роль в данном процессе сыграло принятие ислама в Золотой Орде в качестве государственной религии.

Таким образом, антропологические материалы в совокупности с археологическими данными свидетельствуют о том, что население Болгара золотоордынского времени этнически и морфологически (особенно на ранних этапах) было неоднородным. Будучи политико-административным центром северо-западной периферии Золотой Орды, Болгар являлся в этот период крупным, по масштабам Средневековья, торгово-ремесленным и культурным центром, поэтому трудно было бы ожидать во всех отношениях его однородность. Антропологические материалы – дополнительное тому подтверждение.

Антропология населения сельской округи. Отмечая во всех отношениях неоднородный состав населения средневекового Болгара, который формировался при активном взаимодействии «местных» и «пришлых» групп, нельзя не отметить, что схожие процессы, но в разной степени интенсивности и направленности, проходили и во внегородской жизни лесостепной зоны Волго-Уралья.

В антропологическом плане сельское население Болгарского улуса и прилегающих областей

Золотой Орды относительно хорошо представлено материалами в основном из центральных районов Западного Закамья (бывшие земли Волжской Болгарии), Приуралья и Самарской Луки (табл. 3). В разные годы в изучении этих материалов принимали участие Г.Ф. Дебец (1948), Н.С. Сысак (1952), Т.И. Алексеева (1958, 1959, 1973), М.С. Акимова (1968), Н.М. Рудь (Постникова) (1987), С.Г. Ефимова (1991), И.Р. Газимзянов (2000, 2001) и др.

Главным выводом этих исследований являлся тезис о неоднородной и сложной антропологической структуре населения Среднего Поволжья и Приуралья, которая сложилась в регионе после его включения в состав Улуса Джучи. На межгрупповом уровне можно выделить несколько краниокомплексов, различающихся главным образом по форме черепной коробки и степени выраженности монголоидных или европеоидных особенностей в строении лицевого отдела. При этом прослеживается взаимосвязь определенного комплекса признаков с отдельными сельскими группами средневолжского населения, имеющими, вероятно, не только разные генетические истоки, но и разное этническое происхождение, чему не противоречат и данные археологии (Фахрутдинов, 1975; Матвеева, Васильев, 1986; Казаков, 1978; 2007).

Географическая локализация краниологических серий золотоордынского времени на территории Среднего Поволжья позволяет видеть в местном населении те группы, которые в домонгольское время проживали в центральной части бывшей Волжской Болгарии (Западное Закамье): Кожаевский, Старокуйбышевский I, Большетиганский II некрополи. В морфологическом отношении для них характерна в основном мезо-брахикранная форма черепа и мезоморфное строение лицевого скелета. Отмечая европеоидный в целом физический облик этих групп, нельзя не отметить в их составе небольшую монголоидную примесь, которая фиксировалась, как правило, по отдельным признакам и редко в комплексе. Чаще всего она выражалась в некоторой уплощенности лица на уровне орбит и в ослабленном выступании носовых костей. Несомненно, прослеживается родственная генетическая связь между этими группами с волжскими болгарами домонгольского времени (Рудь, 1987; Газимзянов, 2000). Это тот самый морфологический компонент зливкинского типа, который хорошо представлен в составе горожан золотоордынского Болгара. Вероятно, после монгольского нашествия и образования Болгарского улуса уцелевшее местное население продолжало в основном проживать на исконных местах обитания. Антропологические данные также свидетельствуют о том, что формирование и

Рис. 6. Скульптурная реконструкция по черепу женщины из Усть-Иерусалимского некрополя (Болгар, XIV – XV вв.). Автор работы: А.И. Нечвалода

пополнение населения городов, в том числе и Болгара, шло за счет выходцев из местной болгарской среды (Газимзянов, 2015).

Восточную периферию зоны расселения волжских болгар домонгольского периода в XIII–XIV вв. осваивали полуоседлые, вероятно, угроязычные племена чиаликской культуры (Казаков, 1978; 2007; Антонов, 2021). Не противоречат этому выводу в какой-то мере и краниологические серии, полученные при раскопках Такталачукского, Дербешкинского и Азметьевского I могильников. Несмотря на некоторые морфологические различия между ними, все чиаликские серии можно рассматривать как части единой антропологической совокупности, которая характеризуется комплексом признаков одного из вариантов (довольно архаичного) уральской расы: крупная черепная коробка мезо-брахикранной формы с широким и покатым лбом сочетается с относительно широким и относительно низким лицом, имеющим некоторую уплощенность и прогнатизм в его нижней части, угол выступания носа при этом, как правило, имеет пониженные значения (Газимзянов, 2000). Наглядно этот тип хорошо представлен на пластической реконструкции, выполненной Н.Р. Рахматуллиным по методу М.М. Герасимова (рис. 7).

Несколько иным, более монголоидным краниотипом характеризуются кочевые группы лесостепной зоны Приуралье и Зауралье золотоордынского времени, которые в антропологическом плане представлены двумя краниологическими сериями

Рис. 7. Скульптурная реконструкция по черепу мужчины из Усть-Мензелинского некрополя чиаликской культуры (XIII – XV вв.). Автор работы: Н.Р. Рахматуллин

из Сынтыштамакского и Замараевского курганных могильников. Судя по краниометрическим параметрам, они выглядели более широколицыми и более плосколицыми, что позволяет соотнести их в целом с носителями южносибирского морфотипа, а их генезис связывать с кыпчакскими или этнически близкими к ним тюркоязычными племенами (Дебец, 1948; Акимова, 1968; Алексеев, 1971; Ефимова, 1991).

Археологические и палеоантропологические материалы золотоордынского периода с территории Самарского Поволжья (в домонгольское время – южная периферия Волжской Болгарии) наиболее наглядно демонстрируют этническую «пестроту» населения Улуса Джучи и его морфологическую неоднородность на примере отдельно взятого региона. Здесь, на Самарской Луке и прилегающих к ней районах, на сегодняшний день выявлено более 120 археологических памятников XIII–XIV вв. (Сташенков, Кочкина, 2021). Они оставлены вперемежку, судя по данным археологии, разными этническими группами: Муранское селище и могильник – мордва-мокша, Барбашинский могильник и селище – мордва-эрзя, Сухореченское поселение – болгары, Березовское селище – древнерусское население и т. д. (Васильев, Матвеева, 1986; Сташенков, Кочкина, 2021). На межгрупповом уровне они также были разнородны и по расовому составу. Среди них выявляются как группы резко европеоидного облика (серия черепов из Березовского и Малорязанского могильников), так и группы (серия черепов средневековых кочевников Среднего Поволжья) монголоидного морфотипа южно-сибирского или центрально-азиатского генезиса (Алексеева, 1958; 1959; 1973; Газимзянов, 2001; Газимзянов, Хохлов, 2018).

Однако основу населения региона в золотоордынское время составляли группы смешанного физического типа, у которых, при наличии отдельных монголоидных элементов, преобладал европеоидный морфологический компонент, связанный своим происхождением (в широком плане) с местной поволжско-приуральской этнической средой. Так, средневековая мордва, независимо от этнокультурной принадлежности (мордва-мокша или мордва-эрзя), характеризуется в антропологическом плане долихокранной формой черепа, узким лицом и ослабленным выступанием носа, а серия из некрополя «Жигули-I» – брахикранная мезоморфного типа – маркирует присутствие в крае мусульманской общины, вероятно, болгарских истоков, и т. д. (Алексеева, 1959; Газимзянов, 2010; Газимзянов, Хохлов, 2022). При этом, фиксируя неоднородность этнического и расового состава населения Самарского Поволжья в джучидский период (особенно на ранних его этапах), нельзя не отметить, что между его группами проходили разного рода межэтнические контакты, которые шли как на хозяйственно-бытовом уровне, так и на этнокультурном, а впоследствии и на генетическом. В этом плане показательны материалы Усинского II грунтового могильника, где на относительно небольшой площади изучено 18 погребений, совершенных как в мусульманских, так и языческих традициях. Среди последних по погребальному обряду и инвентарю выделяются мордовские захоронения мокши и эрзи, а также захоронения кочевников (половцы?) (Васильева,

1993). Нахождение одновременно мусульманских и языческих могил на одном кладбище – явление само по себе неординарное из-за запрета хоронить рядом с мусульманином «неверного» язычника (Халикова, 1986). Вероятно, данная ситуация отражает начальный этап этнических интеграционных процессов, который, судя по всему, сопровождался распространением мусульманских традиций в Золотой Орде (Васильев, 2007; 2009). Принятие ислама в качестве государственной религии во время правления Узбек-хана, видимо, способствовало переходу части населения края от языческих воззрений к идеологии единобожия и в какой-то мере расширяло круг брачных связей независимо от их этнического происхождения.

Таким образом, население сельской округи (куда мы включаем кочевые и полуоседлые группы) лесостепной зоны Волго-Уралья в золотоордынское время, как и городское, этнически и морфологически было неоднородным. В его составе выделяются как группы местного поволжско-приуральского этногенетического происхождения, так и группы, явно не имеющие местных генетических корней. На этапе государственного становления Золотой Орды взаимодействие между этими группами, в том числе и на генетическом уровне, было минимальным. Однако по мере развития Улуса Джучи, особенно в конце XIII и в первой половине XIV в., ассимиляционные процессы между этими популяциями значительно расширяются и углубляются в сторону их, вероятно, тюркизации и мусульманизации. Судя по антропологическим данным, этот процесс наиболее активно проходил в городских условиях и на окраинных территориях бывшей Волжской Болгарии.

АНТРОПОЛОГИЯ ГОРОДСКОГО И СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СТЕПНОЙ ЗОНЫ ВОЛГО-УРАЛЬЯ В XIII–XV ВВ.

Антропология городского населения. В историографии традиционно считается, что Золотая Орда является своеобразным симбиозом двух разных культурных традиций: городской и кочевой. Этот симбиоз наиболее полно и ярко проявился в нижневолжских степях, где со второй половины XIII в. по инициативе ханов Золотой Орды появляются в массовом порядке городские поселения. Вначале они возникают как административные и военные «форпосты джучидской власти в завоеванных землях», а затем, по мере развития золотоордынского государства, построенные города на Нижней Волге становятся не только политико-административными центрами Улуса Джучи, но и центрами ремесла, торговли, духовной и культурной жизни обширной империи (Федоров-Давыдов, 1966; 1994).

Первыми строителями и жителями «степных городов» являлись представители покоренных народов и земель, вошедших в состав Золотой Орды. Они, по воле ордынских властей, вынуждены были переселяться на берега Волги и стать «творцами» одного из феноменов золотоордынской цивилизации – возникновения городов восточного облика на фоне степных ландшафтов. Поэтому население нижневолжских городов изначально было во всех отношениях неоднородным, как в социальном плане, так и в этническом. Наиболее образно об этом факте выразился арабский путешественник Ибн-Баттута, который в 1333–1334 гг. побывал в Золотой Орде, в том числе и ее городах: «В нем (Сарае) живут разные народы, как-то: монголы – это настоящие жители страны и владыки ее; некоторые из них мусульмане; асы, которые мусульмане; кыпчаки, черкесы, русские и византийцы, которые христиане. Каждый народ живет в своем участке отдельно; там же и базары их» (Тизенгаузен, 1884, с. 306). Не противоречат этому сообщению средневекового автора – об «этнической пестроте» населения золотоордынских городов – и археологические источники, полученные в ходе многолетних раскопок поволжских городских поселений (Смирнов, 1951; Федоров-Давыдов, 1994; Недашковский, 2000; 2010; Мыськов, 2015). Имеющиеся в нашем распоряжении довольно обширные палеоантропологические материалы, характеризующие физический облик населения нижневолжских городов золотоордынского времени, также свидетельствуют об их многокомпонентном расовом составе.

В разное время эти материалы изучались Г.Ф. Дебецом (1948), Т.А. Трофимовой (1949), Н.Г. Залкинд (1972), А.В. Шевченко (1980), Л.Т. Яблонским (1987), М.А. Балабановой (1999, 2011, 2013), А.А. Евтеевым (2013) и др. В работах этих авторов характеризуется антропологический состав населения не только столичных центров и крупных городов Улуса Джучи (Сарая-Бату (Селитренное городище), Сарая-Берке (Царевское городище), Бельджамена (Водянское городище)), но и его отдельных региональных (улусных) центров и небольших поселений городского типа (Укека (Увекское городище), Хаджи-Тархана («Шаринный бугор»), городища Хан-Тюбе и др.).

Все исследователи отмечают тот факт, что физический облик горожан Золотой Орды сформи-

ровался на основе смешения представителей двух больших рас – монголоидной и европеоидной. При этом практически во всех городских краниологических выборках преобладают черепа как европеоидного облика, так и черепа со смешанными европеоидно-монголоидными чертами. Черепа монголоидного краниокомплекса, в основном южно-сибирского или центрально-азиатского типа, в городских сериях немногочисленны, что может косвенно указывать на небольшую долю «монгольского этнического компонента» в составе городского населения Нижнего Поволжья (Яблонский, 1986). Также отмечается, что характерной особенностью населения нижневолжских городов является их относительная морфологическая однородность на межгрупповом уровне (Яблонский, 1987; Балабанова, 1999). Однако фиксируемая типологическая близость между золотоордынскими городскими популяциями, основанная на оценке средних краниометрических показателей, не всегда реально отражает вектор их генетических связей и общий процесс формирования их антропологических особенностей. Действительно при внутригрупповом анализе городских краниологических серий выясняется не только их неоднородный и многокомпонентный расовый состав, но и то, что соотношение этих компонентов в разных городских группах было неодинаковым.

В полной мере это относится к палеоантропологическим материалам, характеризующим физический облик жителей нижневолжских крупных городских и столичных центров Улуса Джучи: Сарая-Бату (Селитренное городище), Сарая-Берке (Царевское городище), Бельджамена (Водянское городище) и др. Так, в достаточно представительной краниологической серии (103 мужских черепа и 86 женских) из мусульманских захоронений Селитренного городища, изученных Л.Т. Яблонским, при преобладании переходных (смешанного типа) вариантов выделяются черепа европеоидного и монголоидного облика (Яблонский, 1987, с. 191). При этом отмечается некоторая статистическая взаимосвязь между способом захоронения и морфологическим типом погребенного. Люди монголоидного облика (рис. 8), как правило, были погребены рядом с мавзолеем в кирпичных склепах с надгробием (тип I по классификации Л.Т. Яблонского). По мнению автора исследования, здесь, вероятно, была похоронена городская «аристократия», состоящая преимущественно из выходцев с востока, пришедшая с завоевателями (Яблонский, 1987, с. 212). Со среднеазиатским «этническим» компонентом он связывал могилы с подбоем (типа «ляхет») без надгробия (тип II), в которых были захоронены преимущественно люди европеоидного облика (рис. 9), прежде всего с брахикранной формой головы. Захоронения же с деревянным перекрытием могильной ямы или без (типы III–IV), которые составляют на некрополе большинство, оставлены, скорее всего, представителями «местных» кочевых племен, перешедших к оседлости и имеющих в физическом типе существенную долю монголоидной примеси южно-сибирского происхождения (Яблонский, 1987, с. 183–186, 211–212).

Несколько иная картина взаимосвязи между способом погребения и антропологическим типом наблюдается в материалах Водянского городища, которое предположительно связывают с городом Бельджамен (Егоров, 1985, с. 109–110). Здесь также выявляется монголоидный компонент, но он прежде всего отмечается в серии черепов из погребений с подбоем, а не из кирпичных склепов, как на Селитренном городище. По мнению Л.Т. Яблонского, этот элемент на Водянском некрополе не связан с мусульманской практикой устройства боковой ниши (типа «ляхет»), а характерен для погребального обряда: как для монголов, так «и для кочевников, пришедших с ними из степных просторов Азии» (Яблонский, 1987, с. 177, 180–181).

Население второй столицы золотоордынского государства – Сарая-ал-Джедид (Царевское городище, Новый Сарай, Сарай-Берке) – в антропологическом плане представлено серией, которая состоит из 21 мужского и 13 женских черепов. Часть из них происходит из мусульманского некрополя города, а другая, большая ее часть, из случайных захоронений, являющихся местом погребения жертв погрома города в 1395 г. войсками Тимура. Несмотря на сборный характер серии, она также демонстрирует, что жители Нового Сарая в морфологическом отношении были неоднородны. В его составе выделяют два основных морфокомплекса: брахикранный европеоидный среднеазиатских истоков (рис. 10) и монголоидный южносибирского генезиса (Залкинд, 1972; Яблонский, 1987).

Значительные краниологические материалы были получены в ходе последних 30 лет раскопок на территории Красноярского городища: некрополи Маячный и Вакуровский на бэровских буграх в райцентре Красный Яр (Астраханская обл.) (Пигарев, 2016). Они были изучены и введены в научный оборот Т.К. Ходжаевым и М.А. Балабановой. По мнению авторов исследования, несмотря на средние краниометрические данные по сериям, характеризующие вполне европеоидный облик населения золотоордынского города, оно по антропологическому составу было крайне полиморфным. В его составе выделяется несколько антропологических компонентов, имеющих, вероятно, и разные генетические истоки (Ход-

Рис. 8. Графическая реконструкция по черепу мужчины из мусульманского некрополя Селитренного городища (XIII – XV вв.). Автор работы: Л.Т. Яблонский (по: История татар, Т. 3, с. 373, монголоидный тип)

Рис. 9. Графическая реконструкция по черепу мужчины из мусульманского некрополя Селитренного городища (XIII – XV вв.). Автор работы: Л.Т. Яблонский (по: История татар, Т. 3, с. 369, европеоидный тип)

жайов, 2005; Балабанова и др., 2011; Балабанова, Перерва, 2013). Так, европеоидный компонент представлен двумя вариантами: долихокранным и узколицым, скорее всего, южного происхождения и мезобрахикранным, который широко встречается у городских жителей Золотой Орды. Весомую долю в разнополых группах составляют черепа со смешанными монголоидно-европеоидными чертами, что тоже характеризует городское золотоордынское население. Кроме этого, в сериях имеются черепа монголоидного центральноазиатского и, возможно, южно-азиатского типов (Балабанова и др., 2011 с. 170). Следует также отметить, что в обеих краниологических выборках Красноярского городища выявляется достаточно большое количество черепов с преднамеренной и непреднамеренной деформацией головы различных типов: теменно-затылочная, лобно-затылочная, кольцевая, бешиковая и др. По мнению ученых, это связано с культурными традициями среднеазиатского населения (Ходжайов, 2005, с. 77; Балабанова и др., 2011, с. 41–43, 49, 170).

Из дореволюционных раскопок строительных развалин на месте Шаринного бугра и Стрелецкой слободы, которые, судя по письменным источникам и данным средневековой картографии, являются остатками золотоордынского города Хаджи-Тархан (севернее современной Астрахани), происходят 24 мужских черепа, измеренных Т.А. Трофимовой (Егоров, 1985, с. 119; Трофимова, 1936; 1949). По более широкой измерительной программе эти черепа были дополнительно изучены С.Г. Комаровым (Комаров, 2015). В серии при наличии небольшого количества черепов явно европеоидного и монголоидного облика превалирует брахикранный компонент мезоморфного типа с небольшой монголоидной примесью, который, по мнению исследователей, связан с представителями (по Т.А. Трофимовой) памиро-ферганской расы или (по С.Г. Комарову) расы Среднеазиатского междуречья (Трофимова, 1949, с. 20; Комаров, 2015, с. 114).

Краниологическая серия из мусульманского некрополя небольшого городка Хан-Тюбе (Астраханская обл.), состоящая из 45 мужских и 38 женских черепов, опубликована А.В. Шевченко. Черепа в среднем брахикранные со сводом средней высоты; лицо относительно широкое и высокое с ослабленной горизонтальной профилировкой на уровне орбит и скул; переносье при этом высокое и хорошо выступающее (Шевченко, 1980). В этой серии прослеживается тот самый «своеобразный» краниокомплекс (сочетание крупного и плоского лица с большим углом выступания носа), который свойственен некоторым кочевым и городским группам первой половины II тыс. н. э. и, возможно, генетически связан с племенами половецко-кыпчакского круга (Яблонский, 1987, Газимзянов, 2015). Вероятно, состав жителей небольшого города формировался и пополнялся прежде всего из представителей этих племен, переходивших на оседлый образ жизни.

Рис. 10. Графическая реконструкция по черепу мужчины из мусульманского некрополя Царевского городища (XIII – XV вв.). Автор работы: Л.Т. Яблонский (по: История татар, Т. 3, с. 373, европеоидный тип)

Небольшая сборная серия черепов из «элитарных» захоронений, раскопанных в начале XX века на территории Увекского городища (Кротков, 1915), была изучена Г.Ф. Дебецом (1932) и Т.А. Трофимовой (1936). Исследователи отмечали, что черепа в целом относятся к европеоидному брахикранному типу (по Т.А. Трофимовой – к памиро-ферганскому). Только два черепа из семи характеризуются иным краниотипом: один – смешанным (европеоидно-монголоидным), второй – хорошо выраженным монголоидным южно-сибирского генезиса. Несколько другими морфологическими чертами отличаются немногочисленные черепа из раскопок «рядового» мусульманского некрополя в северо-западной части Увекского городища (Евтеев и др., 2013). Они в среднем имели мезокранную черепную коробку, узкое и невысокое, резко профилированное по горизонтали лицо и ослабленное выступание носовых костей. По комплексу признаков серия типологически, а возможно, и генетически близка к «местным» поволжско-приуральским группам субуральского антропологического типа (Евтеев и др., 2013, с. 91, 100). Три мужских черепа, измеренных нами, происходят из погребений Хмелевских II, III мусульманских некрополей. Эти кладбища, по мнению Л.Д. Недашковского, оставлены жителями небольшого городка, входившего в округу средневекового Укека (Недашковский, 2000; 2010). Черепа также в целом мезокранные, но более крупные, и имели более профилированные и выступающие носы (Gazimzyanov, 2004, p. 178–179).

Таким образом, завершая краткий обзор краниологических материалов, характеризующих антропологический состав населения нижневолжских городов эпохи Золотой Орды, отметим, что оно было морфологически неоднородным и многокомпонентным. В его составе явно превалировали представители европеоидных и смешанных форм. Монголоидный компонент южно-сибирского и центрально-азиатского генезиса присутствует, но оценивается как незначительный.

Антропология населения сельской округи. До завоевательных походов монголо-татар и образования Золотой Орды степи Нижнего Поволжья и Южного Урала были местом обитания кочевых племен, в основном половецко-кыпчакского круга. Оседлое население как таковое здесь практически отсутствовало (Федоров-Давыдов, 1994, с. 10). Первые сельские поселения, как и городские центры, стали массовым явлением в нижневолжских степях в основном только к концу XIII в., когда в Улусе Джучи во время правления ханов Тохты и Узбека наступает политическая и экономическая стабильность (Мыськов, 2013). Если на первых порах сельские поселения были привязаны (экономически и административно) к возникшим в степях городам и составляли их сельскую округу, то со временем их функции, прежде всего экономические, несколько расширились: от поставок, как правило, продуктов питания на местный рынок к товарному производству и экспорту своей продукции за пределы региона.

Возникнув, как и нижневолжские золотоордынские города на «пустом» месте, сельские поселения в этническом плане также были неоднородными. Судя по данным археологии, они были основаны выходцами из разных регионов Золотой Орды, которые вошли в ее состав: Кавказ, Средняя Азия (Хорезм), Волжская Болгария, русские княжества и т. д. (Недашковский, 2010). К сожалению, антропологических материалов, которые характеризуют физический облик сельского населения Нижнего Поволжья золотоордынского времени, не так много и происходят они с территории современного Саратова и его окрестностей, в исторической ретроспективе – сельской округи средневекового города Укека (Недашковский, 2000). Тем не менее этот материал также указывает, что антропологический состав сельчан того времени был многокомпонентным и формировался из разных по происхождению этнокультурных групп. Так, небольшая серия черепов из Аткарского могильника по комплексу признаков (долихокранная черепная коробка, узкое и средневысокое лицо с ослабленным выступанием носовых

костей), по мнению Г.Ф. Дебеца, морфологически близка к черепам из средневековых мордовских могильников Самарского Поволжья: Муранского и Барбашинского (Дебец, 1932; 1948). По наблюдениям А.А. Евтеева, группа сельского населения (брахикранная мезоморфного типа), оставившая Болдыревский мусульманский некрополь, генетически, возможно, связана с волжскими болгарами (Евтеев и др., 2016). В краниологической серии из грунтового могильника «Нижняя Студенка – I», наоборот численно превалируют долихо-мезокранные черепа европеоидного типа, которые, по мнению А.А. Евтеева, могут маркировать присутствие в крае групп древнерусского населения (Евтеев, 2009). В этом отношении примечательны материалы раскопок средневекового некрополя на территории Алексеевского городища, краниологические материалы которого изучены нами (материалы не опубликованы). Авторы археологического исследования памятника считают, что некрополь, судя по элементам его погребального обряда (безынвентарные погребения с западной ориентировкой), является христианским и использовался в золотоордынское время жителями русской общины (Юдин, Балановский, 2001). Не соглашаясь с ними в определении конфессиональной принадлежности памятника, все же отметим, что в серии выделяется два морфологических компонента, имеющих, вероятно, разный генезис. Если первый, мезокранный с узким лицом и средневыступающим переносьем, характерен в общем для восточнославянских средневековых этнических групп (Алексеева, 1973), то второй компонент, также мезокранный и узколицый, но с ослабленной профилировкой переносья и несильным выступанием носовых костей, был широко представлен в составе местного поволжско-приуральского населения с рубежа эр и типичен для носителей субуральского антропологического типа (Акимова, 1968; Ефимова, 1991). При этом следует заметить, что европеоидный компонент фиксируется больше всего в мужской части серии, а субуральский – в женской. Вероятно, материалы Алексеевского некрополя отражают определенный этап смешения между пришлыми и местными (в широком плане) этнокультурными группами.

Таким образом, сельское население Нижнего Поволжья, которое в результате монгольского нашествия и образования Золотой Орды оказалось на берегах Волги, в антропологическом отношении было неоднородным и формировалось из групп разного этногенетического происхождения. В его составе выделяются группы как европеоидного облика (различающиеся в основном по форме головы), так и группы европеоидного в целом типа, но с небольшой долей монголоидной примеси, которая была характерна для средневекового населения поволжско-приуральского генезиса. Возможно, на начальном этапе становления нижневолжских сельских общин контакты между ее жителями были минимальными и ограничивались лишь совместным проживанием и совместным исполнением каких-то общих профессиональных обязанностей (например, обслуживанием речных переправ, караван-сараев и т. д.). Но по мере их дальнейшего сосуществования и инкорпорирования в золотоордынское общество, а также распространения среди них исламского вероучения процесс взаимодействия между ними стал более широким и более тесным, в том числе и на генетическом уровне. В результате этих контактов шло нивелирование их исходных расовых особенностей и формирование, вероятно, смешанного (мезоморфного) антропологического типа. Однако с распадом Золотой Орды и исчезновением оседлых поселений в нижневолжских степях этот процесс остался незавершенным.

АНТРОПОЛОГИЯ КОЧЕВНИКОВ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ВРЕМЕНИ

Если массовое появление оседлых поселений в золотоордынское время в нижневолжских степях, с исторической точки зрения, явление достаточно уникальное, то для древних кочевников степь – родная стихия и на протяжении многих поколений привычное место обитания для жизни в движении.

Изучение памятников средневековых кочевников евразийских степей, представленных в основном подкурганными захоронениями, имеет длительную историю, которая начинается со второй половины XIX в. (Мыськов, 2015). Однако, несмотря на то, что на сегодняшний день в Нижнем Поволжье и Южном Урале раскопками изучено достаточно большое количество курганных захоронений первой половины II тыс. н. э. (по некоторым оценкам – больше 1500), свод палеоантропологических материалов, характеризующий физический облик кочевников данного региона золотоордынского времени, по объему намного уступает археологическому. Поэтому антропологи вынуждены при анализе расового состава средневековых кочевников использовать, как правило, сборные краниологические серии, которые

составлены из черепов с достаточно большой территории и к тому же без четкой хронологической и этнической привязки (например, «Кочевники (курганы) Нижнего Поволжья XII–XIV вв.»), что, несомненно, снижает их информационный потенциал как исторического источника. При этом хорошо известно, что без привлечения антропологических данных объективно трудно реконструировать этногенетические процессы, проходившие в Золотой Орде, в том числе аргументировано ответить на следующие вопросы: о роли половецких племен домонгольского времени в этногенезе и расогенезе населения Улуса Джучи; о характере этногенетического взаимодействия между кочевниками и оседлым населением Нижнего Поволжья; о месте и значении монгольского этнического компонента в истории Золотой Орды и т. д.

Первые обобщающие сведения по краниологии средневековых кочевников Нижнего Поволжья приведены в работах Г.Ф. Дебеца, который обработал две группы черепов из курганов, в основном Саратовского Поволжья и Букеевской степи (Дебец, 1932; 1948). Если в первой серии преобладают черепа с явно монголоидными признаками южно-сибирского типа (туранского – по Г.Ф. Дебецу), то во второй – черепа брахикранного типа с хорошо выраженными европеоидными чертами. По мнению исследователя, монголоидный компонент в антропологическом составе нижневолжских кочевников связан с пришлым населением из Азии, а европеоидный, возможно, с более древними местными сарматскими группами (Дебец, 1948, с. 271–272). В последующем эти серии были дополнены новыми материалами и заново изучены Л.Т. Яблонским и С.Г. Комаровым, которые в целом подтвердили выводы Г.Ф. Дебеца (Яблонский, 1987; Комаров, 2012).

В.В. Гинзбургом опубликована небольшая серия черепов из Калиновского курганного могильника XIV–XV вв. (Волгоградская обл.) (Гинзбург, 1959). Серия морфологически в среднем характеризуется им как брахикранная с преимущественно европеоидным компонентом, близким к типу среднеазиатского междуречья (Гинзбург, 1959, с. 583). При этом в группе отмечается несколько индивидов с монголоидными чертами южно-сибир ского краниокомплекса (Гинзбург, 1959, с. 583).

А.И. Нечвалодой также введена в научный оборот небольшая серия черепов ордынского времени из двух курганных могильников Оренбуржья: Урта-Буртя и Урал (Нечвалода, 2019). По его заключению, черепа резко брахикранного типа имели в целом черты большой монголоидной расы, вероятно, в южно-сибирском его варианте: сочетание высокого и сильно уплощенного лица сопровождается средним выступанием носовых костей (Нечвалода, 2019, с. 118). При этом череп из кургана № 15 могильника Урта-Буртя по своим морфологическим особенностям отнесен к представителям европеоидного средиземноморского типа (Нечвалода, 2019, с. 110).

Для реконструкции этногенетических процессов на Нижней Волге особый интерес представляют материалы из курганной группы XIII–XIV вв. в окрестностях Царевского городища (могильник Царев), которые фиксируют процесс мусульманизации степного населения на примере одной кочевой группы (Недашковский, 2010, с. 69–70; Мыськов, 2015, с. 295–324). Черепа из этого могильника (19 мужских и 23 женских) изучены М.А. Балабановой, которая типологически и статистически выделила среди них два основных расовых компонента: европеоидный и монголоидный (Балабанова, 1999). Если европеоидный компонент – мезоморфный брахикранного типа – автор исследования связывает с населением среднеазиатских истоков, то монголоидный, характеризующийся крупными чертами лица и небольшим углом выступания носа, с носителями в целом южно-сибирского антропологического типа. При этом отмечается, что европеоидные черты проявляются в большой мере у мужчин, а монголоидные – у женщин (Балабанова, 1999, с. 209, 211).

Таким образом, резюмируя вышеизложенное по расовому облику кочевников Нижнего Поволжья и Южного Урала эпохи Золотой Орды, отметим, что оно в антропологическом отношении было неоднородным. В его смешанном составе выделяются два основных морфологических компонента: европеоидный, главным образом брахикранного типа, и монголоидный, в основном южно-сибирского и центрально-азиатского генезиса. Если первый компонент исследователи обычно связывают либо с группами среднеазиатских истоков, либо с более древним степным европеоидным населением края (например, сарматским), то второй, по их мнению, генетически был связан, скорее всего, с кочевыми племенами половецко-кыпчакского круга, физический облик которых определяется преимущественно монголоидными особенностями (рис. 11). В связи с последним тезисом, в палеоантропологии средневекового населения степей Евразии существенное место занимает проблема определения физического облика половецко-кыпчакских групп, которые в первой половине II тыс. н. э., судя по историческим и археологическим сведениям, являлись одним из основных этнокультурных компонентов в нижневолжских степях (Федоров-Давыдов, 1966; Яблонский, 1986; Балабанова, 1999; Мыськов, 2015; Иванов, 2015).

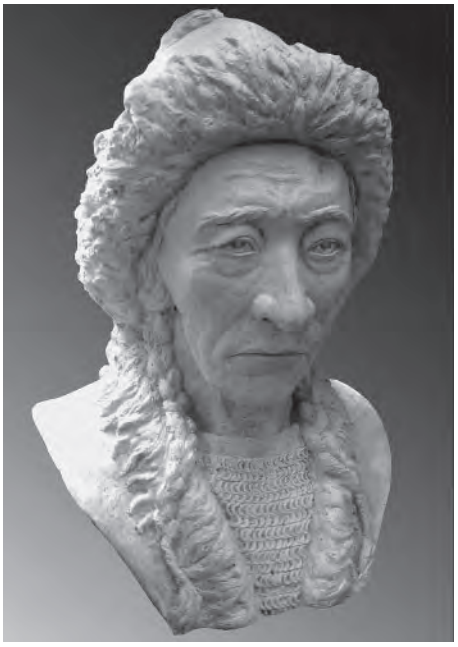


Рис. 11. Скульптурная реконструкция по черепу мужчины из Линевского курганного могильника в Южном Предуралье (XIII – XV вв). Автор работы: А.И. Нечвалода

В литературе существуют два мнения об их морфологическом статусе: более европеоидном и более монголоидном (см. обзор: Трофимова, 1949; Великанова, 1975; Яблонский, 1987). Сторонники европеоидного облика кыпчаков находят этому подтверждения в сообщениях китайских и арабских источников, которые описывают их рыжеволосыми и голубоглазыми, имеющими выступающие носы и густые бороды (Трофимова, 1949, с. 33). Грузинские летописи XI–XIV вв. также свидетельствуют в пользу отнесения половцев (кыпчаков) Северного Кавказа к представителям европеоидного типа (Анчабадзе, 1960, с. 120). Вместе с тем В.П. Алексеев считал, что половецкие племена, наоборот, характеризуются монголоидными чертами (Алексеев, 1963). Этим он, в частности, объяснял, что наличие монголоидной примеси у средневекового населения Черкессии связано с переселением на Северный Кавказ половцев после монгольского нашествия (Алексеев, 1964; 1984).

На наш взгляд, вполне возможно, что отдельные представители или часть половецко-кыпчакских племен вполне могли иметь европеоидную внешность, особенно в домонгольское время, но совокупность всех данных, имеющихся на сегодняшний день, по палеоантропологии средневековых кочевников Евразии, в том числе и нижневолжских степей, говорит об обратном. Действительно, при внутригрупповом анализе кочевнических краниологических серий X–XV вв. выявляются черепа с европеоидными чертами, но, как правило, в сериях численно превалируют индивиды с монголоидным краниокомплексом или преобладанием монголоидных элементов южносибирского или центрально-азиатского генезиса (Гинзбург, 1959; Шевченко, 1980; Яблонский, 1987; Нечвалода, 2019). Следует также отметить, что серии кочевников, где отмечаются преимущественно черепа европеоидного облика, обычно небольшие по численности (Калининский курганный могильник, «Букеевская степь») и не могут в полной мере объективно отражать их реальный расовый состав. Серия же из курганов окрестностей Царевского городища более многочисленна, но и она, на наш взгляд, из-за близости к городу фиксирует лишь результат тесного этногенетического взаимодействия между кочевниками и горожанами. Поэтому данная группа также не может объективно охарактеризовать физический тип кочевников Дешт-и-Кипчак, чьи генетические контакты с городским населением – из-за определенного образа жизни – были либо минимальными, либо совсем отсутствовали. Давно подмечено, что наиболее «чистые» (в нашем случае – монголоидные) физические особенности лучше сохраняются в «сельской глубинке» (в данном случае – степи Нижнего Поволжья и Южного Урала). Консервации расовых особенностей способствуют определенная замкнутость кочевых групп и отсутствие постоянных контактов с окружающим внешним миром, что во многом связано с их образом жизни и определенным типом хозяйствования. Поэтому неудивительно, что краниологические материалы из курганных могильников, удаленных от городских центров и сельских поселений, демонстрируют, как правило, более монголоидные черты: «Кочевники (курганы) Нижнего Поволжья XII–XIV вв.», «Урта-Буртя» и «Урал», сборная серия «Кочевники Среднего Поволжья» и др.

При этом следует сказать, что Л.Т. Яблонский отмечал в расовом составе как кочевников, так и горожан, недавно перешедших на оседлый образ жизни, морфологический компонент со своеобразным комплексом признаков, сочетающий широкое и высокое уплощенное лицо с высоким переносьем и выступающим носом (Яблонский, 1987, с. 219). Данный компонент также фиксируется в сериях, которые характеризуют физический облик половцев калмыцких степей домонгольского времени и привилегированной городской группы золотоордынского Болгара, оставившей мусульманский некрополь в районе Ханской усыпальницы (Шевченко, 1980; Рудь, 1987). Генетические истоки этого морфокомплекса не совсем ясны. Л.Т. Яблонский не исключал его смешанное происхождение (Яблонский, 1987, с. 219). Таким образом, в вопросе об антропологическом соста-

ве кочевников половецко-кыпчакского круга мы поддерживаем позицию тех исследователей, которые считают, что они являлись в основном носителями элементов большой монголоидной расы южно-сибирского или центрально-азиатского типов.

Определяя монголоидный в целом расовый облик средневековых кочевников нижневолжских степей, нельзя обойти важный вопрос о роли и степени участия в его формировании монгольских и тюркских племен, пришедших в Восточную Европу в качестве завоевателей и основателей Монгольской империи, в том числе и Золотой Орды. Понимая всю сложность и дискуссионность данной проблемы, которая в силу разных обстоятельств далека от своего разрешения, мы сознательно ограничиваемся только некоторыми ее аспектами, связанными прежде всего с определением (вернее, возможностями) их антропологического статуса.

МОНГОЛЫ В СОСТАВЕ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Из средневековых письменных источников, как западных, так и восточных, нам известно, какой физической внешностью обладали монголы – жители Центральной Азии, «покорители мира». Так, францисканский монах Плано Карпини, посетив Каракорум в составе дипломатический миссии, пишет, что «…внешний вид лиц (монголов) отличается от всех других людей. Именно между глазами и между щеками они шире, чем у других людей, щеки же очень выдаются от скул, нос у них плоский и небольшой, глаза маленькие и ресницы приподняты до бровей… Борода у всех почти вырастает маленькая, все же у некоторых на верхней губе и на бороде есть небольшие волосы, которые они отнюдь не стригут» (Плано Карпини, 1997, с. 33). Наблюдения европейского путешественника перекликаются с сообщением китайского дипломата Чжао Хуну: «Татары в большинстве случаев не очень высоки ростом. Самые высокие не превышают пяти чи и двух-трех цуней (менее 170 см). [Среди них] нет также полных и толстых. Лица у них широкие и скулы большие. Глаза без верхних ресниц. Борода весьма редкая» (Мэн-да бэй-лу, 1975, с. 48). Судя по сообщениям средневековых очевидцев, монголы являлись носителями большой монголоидной расы, в основном в центрально-азиатском его варианте. Для него характерно: относительно низкий рост и слабое развитие третичного волосяного покрова, крупная голова округлой формы, широкое и высокое сильно уплощенное лицо, а также низкое переносье и слабо выступающий нос и т. д. (рис. 12). Не противоречат этому факту и данные по антропологии современных монгол и этнически близких к ним групп: калмыки, якуты, буряты и т. д. (Алексеев, Трубникова, 1984, с. 17–22; Хрисанфова, Перевозчиков, 1999, с. 281). Конечно, не во всех случаях можно ставить знак равенства между монголоидным морфокомплексом, выявляемым в палеоантропологических материалах Золотой Орды и этнонимом «монгол». Во-первых, монголоидный антропологический тип фиксируется в составе нижневолжского населения еще раньше, до прихода и завоевания края монголо-татарами. Вероятно, массовое появление носителей монголоидного краниокомплекса в нижневолжских степях связано с гуннским нашествием и событиями «Эпохи великого переселения народов». Переселение сопровождалось последующей тюркизацией края и усилением доли монголоидного компонента в антропологическом составе кочевых племен Нижнего Поволжья и Южного Урала (Балабанова, 2005; 2010). Во-вторых, археологически трудно выделить среди кочевнических захоронений золотоордынского времени погребения, которые уверенно можно связывать с той или иной этнокультурной группировкой, в том числе и «этническими» монголами. Хотя попытки соотнести те или иные элементы погребального обряда: северная ориентировка, могилы с подбоем, головной убор типа «бока», железные конусы и т. д. – с монгольскими средневековыми захоронениями предпринимались и будут предприниматься неоднократно (см. обзоры: Иванов, 2019; Дремов, Круглов, 2021). Тем не менее палеоантропологические материалы первой половины II тыс. н. э. прямо свидетельствуют об увеличении монголоидного компонента в составе нижневолжского степного населения после вхождения региона в состав Улуса Джучи (Яблонский, 1986; Балабанова, 1999; Комаров, 2013). Как мы отмечали выше, часть населения городских центров Золотой Орды также характеризуется монголоидными особенностями, которые можно соотнести с представителями племен, пришедших на Волгу в составе завоевателей и объединенных под этнонимом «монголы» (Яблонский, 1987, с. 234–236; Балабанова и др., 2011, с. 52, 56, 170; Балабанова, Перерва, 2013, с. 92). Учитывая, что земли Нижнего Поволжья входили в состав ханского домена и являлись политическим и административным центром Золотой Орды, можно предположить, что «монгольский этнический элемент» здесь по сравнению с другими областями Улуса Джучи (особенно земле-

Рис. 12. Хубилай – великий хан Монгольской империи (1260–1271), основатель династии Юань. Прижизненный портрет из собрания Национального дворца-музея в Тайбэе

Рис. 13. Графическая реконструкция по черепу мужчины из курганного могильника «Светлое поле III» (Среднее Поволжье, XIV в.). Автор работы: А.И. Нечвалода.

дельческими) был выражен более отчетливо. При этом, судя по антропологическим данным, проживающие в нижневолжских городах монголы, в силу разных обстоятельств, достаточно активно и широко взаимодействовали с окружающим их немонгольским населением, что в конечном итоге вело к нивелированию их культурных и расовых особенностей. В то же время монголы и близкие к ним в этническом и культурном плане группы, которые продолжали вести свой традиционный кочевой образ жизни, по этой причине смогли в той или иной степени не только сохранить присущий только им культурный код, но и свои расовые черты монголоидного типа, особенно в среде кочевой золотоордынской аристократии (рис. 13). Наглядный тому пример – недавно раскопанный курган золотоордынского времени у села Светлое Поле Самарской области и некоторые наблюдения археологов (Сташенков и др., 2021; Дремов, Круглов, 2021, с. 157, 159).

Таким образом, оседлое сельское и кочевое население Нижнего Поволжья и Южного Урала золотоордынского времени в антропологическом отношении было неоднородным. В его составе выделяются группы как европеоидного и монголоидного физического облика, так и группы смешанных морфологических форм, что может свидетельствовать о формировании населения региона на многокомпонентной этнокультурной и этногенетической основе, чему не противоречат данные археологии и сведения письменных источников. При этом можем отметить, что жители сельской округи отличались от кочевого населения более выраженной европеоидной внешностью. Среди последних превалировал монголоидный компонент центрально-азиатских или южно-сибирских генетических истоков, который можно связать как с монголами, так и с другими этническими группами, которые пришли на Нижнюю Волгу вместе с ними в составе завоевателей. Конечно, нельзя отрицать и участие в формировании антропологического облика нижневолжского населения Золотой Орды местных степных групп домонгольского времени, которые можно отнести в основном к половецко-кыпчакскому кругу племен.

МЕЖГРУППОВОЙ АНАЛИЗ КРАНИОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ И РЕКОНСТРУКЦИЯ ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ НА ТЕРРИТОРИИ ВОЛГО-УРАЛЬЯ В ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ВРЕМЯ

Обзор палеоантропологических материалов, характеризующих расовый состав населения Волго-Уралья золотоордынского времени, еще раз показал, что оно было морфологически неоднородным и формировалось на многокомпонентной основе из представителей двух больших рас – европеоидной и монголоидной. Этот вывод также подтвердился и результатами межгруппового канонического анализа, для которого было привлечено 47 мужских краниологических серий. Они происходят с территории Поволжско-Уральского региона и датируются в основном временем су-

ществования Улуса Джучи (некоторые серии из-за малочисленности или отсутствия данных по некоторым признакам не были включены в анализ).

Судя по максимальным нагрузкам первых трех канонических векторов, основу морфологической неоднородности составили группы, различающиеся в основном по форме черепной коробки, а также по ширине и высоте лицевого скелета. Первый канонический вектор (более 60% всей изменчивости) выявляет прямую зависимость между шириной черепной коробки и наименьшей шириной лба (с увеличением поперечного диаметра головы уменьшается ширина лба) и выделяет в какой-то мере группы с монголоидными или европеоидными краниологическими особенностями. Второй вектор (описывающий более 20% всей межгрупповой дисперсии), скорее всего, фиксирует в исследуемой выборке серии смешанного антропологического типа. На это указывает нарушение коррелятивной связи между высотой носа и тотальными размерами лицевого отдела: с увеличением высоты носа уменьшается высота и ширина лица. Третий канонический вектор (более 17% в общей доле всей изменчивости) дополняет предыдущий и также описывает в исследуемой нами выборке группы смешанного физического облика, что еще раз подтверждает тезис о том, что процесс формирования населения Золотой Орды проходил на основе широкого этногенетического взаимодействия между различными его этнокультурными объединениями. В этническом плане это вело к определенной консолидации ордынского общества, а в физическом – к образованию метисного антропологического типа.

Наглядно этот процесс представлен на графике, построенном в пространстве первых двух канонических векторов, отражающих в сумме более 82% от всей межгрупповой изменчивости (рис. 14). На этом графике по горизонтали (первый канонический вектор) расположились серии, различающие по черепному указателю. Так, крайние левые позиции корреляционного поля заняли долихо-мезокранные группы в основном европеоидного облика, имеющие разные этногенетические истоки. В некоторых краниологических сериях отмечается небольшая монголоидная примесь, которая проявлялась, как правило, в ослабленном выступании носовых костей и некоторой прогнатности лицевого отдела. Эти элементы краниотипа характерны были прежде всего для «местных» групп поволжско-приуральского генезиса и в какой-то мере маркируют его широкое участие в расогенезе, а судя по археологическим данным, и в этногенезе населения Золотой Орды. Противоположный полюс первого канонического вектора занимают брахикранные группы с комплексом признаков южно-сибирского или центрально-азиатского антропологического типа. При этом следует отметить, что комплекс признаков с монголоидными элементами был характерен прежде всего для кочевого населения Улуса Джучи. Также отметим, что выходцы из этой среды, судя по археологическим и антропологическим данным, как правило, представляли в составе городского населения военно-административную власть Орды, как в центре, так и на местах (Болгары, могильник «Ханская усыпальница»), или в качестве военных поселенцев несли службу на приграничных ее территориях (Мари-Луговской могильник).

Центральное место на графике занимают группы в основном смешанного антропологического типа, которые характеризуются мезо-брахикранией и мезоморфным строением лицевого скелета. В некоторых из них фиксируется монголоидная примесь разной степени выраженности, которая в большинстве случаев проявлялась только по отдельным признакам и реже в комплексе. Эти группы мезоморфного типа в какой-то мере отражают ситуацию формирования неких общих черт физического облика ордынского общества на основе широкого этногенетического взаимодействия между разными ее этническими, социальными, культурными, территориальными и т. д. компонентами. Основываясь на данных внутригруппового и межгруппового анализа краниологических серий, можно предположить, что данный процесс только начался, и наши материалы отражают, скорее всего, стадию перехода от механической фазы такого смешения к ее биологической составляющей. Об этом могут свидетельствовать как крайне высокая степень морфологической неоднородности внутри отдельных групп, так и наличие в них большого количества промежуточных форм, связанных главным образом со строением лицевого скелета.

Еще одним показателем начала генетического взаимодействия между различными этническими группами населения Золотой Орды является высокий уровень вариабельности показателей полового диморфизма, который выражается в резких морфологических отличиях мужчин и женщин в рамках одной выборки. По мнению А.А. Евтеева, такие отличия трудно объяснить причинами биологического характера и тем, что они могут быть связаны с различными этногенетическими истоками мужчин и женщин данной «популяции» (Евтеев, 2008). Действительно, наличие, например, в краниологической серии из христианского кладбища армянской колонии средневекового Болгара черепов уральского антропологического типа, которые количественно преобладали в женской части выборки, может говорить лишь о том, что

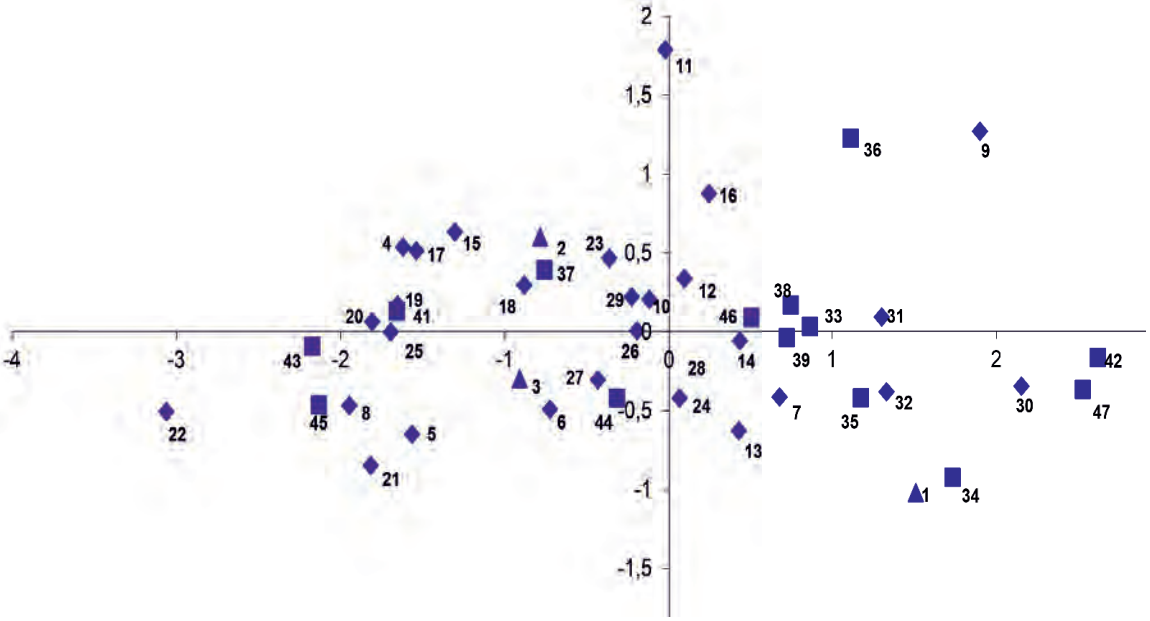


Рис. 14. Расположение мужских краниологических серий Волго-Уралья золотоордынского времени в пространстве первых двух канонических векторов.

▲ – лесная зона Волго-Уралья: 1 – Мари-Луговской могильник, XIII–XIV вв.; 2 – Редикарский и Кудымкарский могильники (объединенная серия), XII–XIV вв.; 3 – сборная серия «Окрестности Казани», XV в.

♦ – лесостепная зона Волго-Уралья: 4 – могильник «Бабий бугор» (Болгар, рядовой), XIII–XV вв.; 5 – могильник «Бабий бугор» (Болгар, братская могила), XIII–XV вв.; 6 – Усть-Иерусалимский могильник (Болгар), XIV–XV вв.; 7 – могильник «Четырехугольник» (Болгар), XIII–XIV вв.; 8 – могильник «Черная Палата» (Болгар), XIII–XIV вв.; 9 – могильник «Ханская усыпальница» (Болгар), XIV–XV вв.; 10 – могильник «Малый минарет» (Болгар), XIV – XV вв.; 11 – сборная серия «Мавзолеи Болгара», XIII–XV вв.; 12 – могильник «Греческая палата» (Болгар), XIII – XIV вв.; 13 – сборная серия «Культурный слой» (Болгар), XIII–XV вв.; 14 – могильник «Памятный знак» (Болгар), XIV–XV вв.; 15 – могильник «Раскоп 174» (Болгар), XIV–XV вв.; 16 – могильник «Раскоп 191» (Болгар), XIV–XV вв.; 17 – могильник «Аэродром» (Болгар), XIV–XV вв.; могильник «Манеж» (Казань), XV–XVI вв.; 19 – Березовский могильник, XIII – XIV вв.; 20 – Малорязанский могильник, XIII–XIV вв.; 21 – Муранский могильник, XIII–XIV вв ; 22 – могильник «Барбашина поляна», XIII–XIV вв.; 23 – могильник «Ташкермень», XIV–XVI вв.; 24 – Кожаевский могильник, XIII в.; 25 – Старокуйбышевский, XIII–XIV вв.; 26 – Большетиганский могильник, XIII – XIV вв.; 27 – Такталачукский могильник, XIII–XV вв.; 28 – Азметьевский могильник, XIII–XV вв.; 29 – Дербешкинский могильник, XIII–XV вв.; 30 – сборная серия «Кочевники Среднего Поволжья», XIII–XV вв.; 31 – Сынтыштамакский могильник, XIII–XV вв.; 32 – Замараевский могильник, XII–XIV вв.

■ – степная зона Волго-Уралья: 33 – некрополь Водянского городища, XIV–XV вв.; 34 – некрополь Царевского городища, XIV вв.; 35 – курганный могильник у Царевского городища, XIV–XV вв.; 36 – некрополь Селитренного городища, XIII–XV вв.; 37 – могильник «Маячный бугор» (Красноярское городище), XIII–XIV вв.; 38 – могильник «Вакуровский бугор» (Красноярское городище), XIII–XV вв.; 39 – могильник «Шареный бугор» («Хаджи-Тархан»), XIII–XV вв.; 40 – могильник «Хан-Тюбе», XIII–XV вв.; 41 – могильник «Северо-Западный» (Увекское городище), XIII – XV вв.; 42 – сборная серия «Кочевники Нижнего Поволжья», XII–XIV вв.; 43 – Алексеевский могильник, XIII – XV вв.; 44 – Болдыревский могильник, XIV в.; 45 – могильник «Нижняя Студенка I», XIV в.; 46 – Калиновский могильник, XIII–XIV вв.; 47 – сборная серия «Кочевники Оренбуржья», XIII–XIV вв.

армяне-мужчины – яркие представители брахикранного европеоидного типа – в силу разных обстоятельств вынуждены были брать себе в жены местных женщин, имеющих иной физический облик (рис. 15). В этом отношении интересны антропологические материалы, полученные в ходе археологических раскопок каменных мавзолеев на территории Болгарского городища, которые являлись семейными усыпальницами городской или местной улусной золотоордынской аристократии (Газимзянов, 2016). Как мы уже отмечали выше, европеоидный в целом краниотип мужчин, захороненных в мавзолеях, довольно существенно отличается от внешнего облика женщин, погребенных вместе с ними (рис. 16). Последние в среднем обладали монголоидными особенностями, которые выражались в ослабленной горизонтальной профилировке лица и в небольшом выступании носовых костей (Газимзянов, 2016, с. 84). Что может означать данный факт, фиксируемый нами: мужчины – представители европеоидного типа, а женщины – монголоидного или с монголоидными чертами? В этом отношении интересны наблюдения М.Г. Крамаровского, который нашел «археологическое подтверждение» в существовании института *гургенства*, известного по историче-

Рис. 15. Скульптурная реконструкция по черепу женщины из некрополя армянской колонии «Греческая палата» (Болгар, XIII–XIV вв.). Автор работы: М.М. Герасимов

ским свидетельствам, когда «высокий и почетный статус мужчины в высшем обществе» достигался и определялся его браком с женщиной более знатного происхождения (Крамаровский, 2017, с. 106–119). Конечно, мы не претендуем на мысль о том, что женщины монголоидной внешности, погребенные в мавзолеях Болгара, являлись потомками «дома Бату» и претендовали на титул представительниц правящего рода – *фуджин* (принцесса). К тому же для такого вывода пока нет прямых доказательств, как археологических, так и генетических. Однако мы не можем исключить, что эти женщины своим происхождением были связаны с кочевой аристократией Золотой Орды – или выходцами из нее – и были выданы замуж за носителей иных этнокультурных традиций, имевших иные этногенетические истоки. Вероятно, подобная тактика «брачной стратегии» приводила к более тесному в широком плане взаимодействию между «местной» знатью и «пришлой» ордынской кочевой элитой, что впоследствии могло привести их к определенной этнической консолидации.

Еще одним антропологическим свидетельством присутствия иноэтничных элементов в составе той или иной группы золотоордынского сообщества является нахождение среди них отдельных субъектов с комплексом физических признаков, явно выделяющих их среди окружающих людей и не имевших с ними общих генетических истоков. Так, в сборной краниологической серии ордынского времени из подкурганных захоронений Оренбуржья выявлен один мужской череп, который по своим морфологическим особенностям отнесен к представителям европеоидного средиземноморского типа, при этом остальные черепа в группе демонстрируют хорошо выраженные монголоидные черты, прежде всего южно-сибирского облика, что вообще было присуще средневековым номадам Евразии (Нечвалода, 2019). На этом фоне более «экзотичными» выглядят два черепа с «экваториальными» чертами, которые были обнаружены при раскопках Царевского городища и курганного могильника в его окрестностях (Залкинд, 1972; с. 165; Балабанова, 1999, с. 214). Несмотря на то что, приведенные выше примеры пока единичны, они наглядно демонстрируют широкий спектр генетических связей населения Золотой Орды: как внутренних, так и внешних. Характер и степень этих связей, судя по антропологическим данным, в золотоордынских группах был неодинаков.

Таким образом, анализ палеоантропологических данных золотоордынского времени с территории Волго-Уралья (и не только) позволяет нам наметить несколько общих векторов этногенетических связей населения Улуса Джучи.

Первый и, несомненно, самый важный – взаимодействие между «пришлыми» и «местными» группами населения. При этом если под термином «пришлые» мы понимаем в основном конгломерат кочевых племен центрально-азиатского и южно-сибирского происхождения, которые в составе завоевателей пришли с Востока на Запад, то под термином «местные» – оседлое и кочевое население, которое в результате монголо-татарского нашествия было покорено и впоследствии было включено в состав Золотой Орды. Наиболее тесные разного рода отношения между этими группами, в том числе и генетические, фиксируются в основном в Нижнем Поволжье и особенно в нижневолжских городах.

Второй вектор генетических связей определяют контакты между кочевыми группами различного генезиса: местного аборигенного домонгольского времени и пришлого восточносибирского. Результат таких связей хорошо и несколько «поэтично» отражен в широко цитируемом отрывке из рукописи арабского историка ал-Омари: «В древности это государство было страной кыпчаков, но когда ими завладели татары, то кыпчаки сделались их подданными, потом они (татары) смешались с ними (кыпчаками), и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их (татар), и все они стали точно кыпчаками, как будто они одного (с ними) рода, оттого что монголы (и татары) поселились на землю кыпчаков, всту-

пили в брак с ними и остались жить на земле их (кыпчаков)» (Тизенгаузен, 1884, с. 234). В данной цитате современника описываемых событий нам важен не сам итог межкочевнических отношений, а сам процесс – механизм биологического взаимодействия, основанный на межэтнических брачных связях, что вело к нивелированию у них как физических, так и культурных особенностей. Этот процесс наиболее ярко проявился в степной и в какой-то мере и лесостепной зоне Волго-Уралья и был обусловлен несколькими обстоятельствами: общим типом хозяйствования, основанного на кочевых традициях; определенной близостью языка и культурных особенностей, связанных с общими моментами в их этногенетической истории и т. д.

Третий вектор описывает широкий круг генетических связей, которые проходили повсеместно внутри оседлых групп населения Золотой Орды. Наиболее интенсивно они шли в городской среде и особенно в городах, построенных на Нижней Волге, ставших политическими, экономическими и культурными центрами Джучидской империи. На первых порах жители этих городов и их сельской округи являлись выходцами из покоренных земель, главным образом из регионов с земледельческими, ремесленными и градостроительными традициями, и представляли собой механическую смесь из разнородных этнических элементов. В дальнейшем, по мере их совместного проживания и экономического взаимодействия, начались интеграционные процессы, которые усилились в первой половине XIV в., когда в Улусе Джучи укрепилась центральная ханская власть и наступила политическая стабильность, а государство в своем историческом развитии достигло наивысшего могущества. Определенным толчком к ускорению ассимиляционных процессов в городской и сельской среде послужило принятие ордынскими ханами ислама в качестве государственной религии. Судя по письменным источникам и археологическим данным, это вероучение получило широкое распространение среди разных слоев этнически неоднородного населения Золотой Орды, что в свою очередь способствовало не только устранению идеологических преград в более тесных взаимоотношениях, но и вело к определенной консолидации общества (Яблонский, 1987; Васильев, 2007; 2009).

Отмечая выше три основных вектора генетических связей золотоордынского населения, нельзя не отметить и те связи, которые шли внутри отдельных территориальных групп, и эти связи явно превалировали над внешними, что в итоге позволяло им сохранить в своем морфологическом облике комплекс признаков, характерный для предшествующего времени. По антропологическим

Рис. 16. Скульптурная реконструкция по черепу мужчины из каменного мавзолея на территории «Малого городка» (Болгар, XIV–XV вв.) Автор работы: Н.Р. Рахматуллин

данным на сегодняшний день можно выделить три такие территориальные группы золотоордынского времени в составе Волго-Уралья. Это финно-угорское население лесной зоны Волго-Камья, жители центральных районов Болгарского улуса (болгары Западного Закамья) и кочевники нижневолжских и южноуральских степей. Линию расогенеза этих групп мы подробно рассматривали ранее. Здесь лишь отметим, что включение тех или иных земель в состав Золотой Орды и наблюдаемые нами изменения в языке или в культурных устоях аборигенного населения не всегда обязательно сопровождалось его сменой. Преемственность населения Волжской Болгарии и Болгарского улуса империи Джучи, которая прослеживается на генетическом уровне, яркий тому пример.

Таким образом, сложная и неоднородная антропологическая структура населения Волго-Уралья в составе Золотой Орды формировалась при активном взаимодействии местного домонгольского населения с группами, пришедшими в составе монголо-татарских орд, состоявшими преимущественно из кочевых племен южно-сибирского и центрально-азиатского происхождения. Исходя из данных антропологии, археологии и письменных источников, этот процесс этногенетического взаимодействия можно разделить на несколько этапов, каждый из которых не только связан с историей Золотой Орды (ее становления, развития и распада), но и отражает направление и степень генетических связей, которые в разные периоды существования государства Джучидов были раз-

личными. Кратко охарактеризуем каждый из этих этапов.

Раннезолотоордынский этап – от монгольского нашествия и включения поволжско-уральских земель в состав Золотой Орды до конца XIII в. или начала XIV в.

Этот этап в истории Волго-Уралья насыщен событиями, связанными с военной экспансией монголо-татар, разгромом местных кочевых племен половецко-кыпчакского круга, завоеванием Волжско-Камской Болгарии и включением ее территорий сначала в состав Монгольской империи, а затем и Золотой Орды. Последствием этих событий явилось резкое сокращение местного домонгольского оседлого и степного населения, большая часть из которого погибла в результате военных действий, а оставшиеся в живых либо были уведены в плен и попали в рабство, либо были включены в племенную структуру завоевателей. С образованием Золотой Орды нижневолжские земли вошли в личный «домен» ордынских ханов и, соответственно, стали политическим центром новообразованного государства – Улуса Джучи. Поэтому здесь в этногенетическом плане и фиксируются наибольшие изменения, которые в какой-то мере можно проследить по антропологическим данным. Так, в составе золотоордынских кочевников нижневолжских и южноуральских степей по сравнению с предшествующим населением отмечается усиление монголоидного компонента, который возможно связывать с тюрко- и монголоязычными кочевниками Сибири и степной полосы (Яблонский, 1987, с. 234). При этом часть кочевого населения Нижнего Поволжья ордынского времени по своему физическому облику можно соотнести с местными половецко-кыпчакскими племенами домонгольского времени (серия черепов из курганов Букеевской степи, Калининский курганный могильник и др.). Вероятно, это либо остатки уцелевшего населения, которое было включено в состав завоевателей, либо, по мнению ряда исследователей, степные группы, переселенные сюда из западных областей империи (Шпулер, 2016; Федоров-Давыдов, 1966, с. 133; 1973, с. 35–43; Плетнева, 1990, с. 184; Иванов и др., 2014, с. 233). Несомненно, свою лепту в «антропологическую пестроту» населения степей вносили люди из покоренных монголами народов и стран, которые из «законной добычи» становились пленниками-рабами и обслуживали различные интересы кочевой (и не только) аристократии. Со временем их социальный статус мог измениться, и они становились полноправными членами ордынского общества (вспомним физический облик мужчин с «средиземноморскими» и «экваториальными» чертами из курганных захоронений).

Несколько иная этногенетическая ситуация в этот период сложилась в лесостепной и лесной зоне Волго-Уралья. В этногенезе и расогенезе населения Верхнего Прикамья и Волго-Вятского междуречья отмечается, скорее всего, этнокультурная и генетическая преемственность между местными группами домонгольского и золотоордынского времени. Часть населения Волжской Болгарии, уцелевшая после монгольского нашествия, остается на прежних местах обитания (Западное Закамье), а другая часть в поисках более безопасных территорий перемещается на север и активно осваивает земли Заказанья и Предкамья, где вступает в тесный контакт с местными племенами финно-угорского генезиса.

Золотоордынский этап – конец XIII – 60-е гг. XIV в.

В этот период Золотая Орда достигла вершины политического могущества и экономического расцвета. В годы правления Тохты, Узбека и их ближайших преемников укрепляется центральная власть Орды, проводятся административные и экономические реформы, способствующие развитию и росту сельскохозяйственного и ремесленного производства, что в свою очередь привело к расширению внутренней и международной торговли. Строятся новые и возрождаются старые города, ставшие не только центрами административной власти на местах, но и центрами ремесла, торговли и культурной жизни. Среди широких слоев населения Орды распространяется вероучение ислама, который стал государственной религией и нивелировал в какой-то мере идеологические различия между разными этнокультурными группами, что в конечном итоге вело к их определенной этнической консолидации на мусульманской основе. Все эти изменения во внутриполитической и экономической жизни Золотой Орды в полной мере повлияли на характер и содержание этногенетических процессов в Волго-Уралье.

Судя по антропологическим данным, в этот период фиксируется широкая биологическая метисация между различными этническими компонентами и социальными группами ордынского общества. В расовом отношении они являлись представителями европеоидных, монголоидных и смешанных антропологических типов. Наиболее активно интеграционные процессы проходили в городской и сельской среде, но особенно интенсивно они шли в региональных и столичных городских центрах Золотой Орды. Здесь на первоначальных этапах формирования городского населения превалировал механический симбиоз различных этнических и морфологических групп. Среди них, судя по антропологическим данным, преобладали европеоидный (в различных его ва-

риантах) и смешанный (европеоидный с небольшой монголоидной примесью) компоненты при незначительном участии групп с выраженными монголоидными особенностями. По мере развития городов и более тесного межэтнического взаимодействия его жителей механический уровень их смешения перерастал в биологическую его фазу. В результате этого вырабатывались не только общекультурные ордынские традиции горожан, но и сглаживались их физические различия. Эти этногенетические тенденции наиболее заметны в мусульманских группах населения золотоордынских городов.

Схожие процессы, но с меньшей степенью интенсивности и с меньшим масштабом действия (в силу более замкнутого образа жизни) проходили среди жителей сельских поселений, особенно тех, которые входили в округу близлежащих городов или которые располагались на торговых путях и обеспечивали их бесперебойное функционирование. Эту ситуацию хорошо иллюстрируют археологические и палеоантропологические материалы золотоордынского времени с Самарской Луки и прилегающих к ней районов. Вместе с тем отмечаемые нами изменения в формировании культурного и прежде всего физического облика населения Золотой Орды первой половины XIV в. мало коснулись некоторых кочевых групп нижневолжских и уральских степей, а также сельских жителей из центральных областей бывшей Волжской Болгарии. Эти группы, в силу разных обстоятельств, сумели сохранить в какой-то мере свои традиционные устои и, соответственно, антропологические черты, характерные для предшествующего времени.

Позднезолотоордынский этап – начало 60-х гг. XIV в. – первая половина XV в.

Данный период характеризуется постепенным распадом империи Джучи и образованием на его территории новых политических объединений: Казанского, Крымского, Астраханского, Сибирского и других ханств, возглавляемых потомками Чингизхана.

Первые признаки упадка Золотой Орды проявились еще в конце правления Узбек-хана и его сына Джанибека, а после смерти Бердибека в 1359 г. они усилились, и империя Джучидов вступила в полосу политического, экономического, экологического и демографического кризисов, в результате которых единая Орда ко второй половине XV в. перестала существовать. В этот период отмечается резкое и повсеместное сокращение населения Золотой Орды, особенно в Нижнем Поволжье. Во многом это было связано с последствиями эпидемии бубонной чумы («черная смерть»), несколькими волнами прокатившейся по ордынским землям, и с непрекращающимися военными действиями, вызванными борьбой за центральную власть в Орде и ее столичный престол. Все это не могло не сказаться на характере и содержании этногенетических процессов в Волго-Уралье на позднезолотоордынском этапе их развития.

Судя по данным археологии и письменных источников, жизнь в поволжских городах и сельских поселениях в течение второй половины XIV в. «медленно угасает» и к началу XV в. практически прекращается (Егоров, 1985; Федоров-Давыдов, 1994; Недашковский, 2010). Часть городского и сельского населения, относительно недавно перешедшая к оседлому образу жизни, возвращается в «родные» степи и пополняет состав кочевых племен. Другая часть населения переселяется из зоны «боевых действий» в более безопасные места. Массовый отток населения не был одномоментным актом и протекал, вероятно, в несколько этапов и в нескольких направлениях. По материалам диссертационного исследования И.Р. Газимзянова, один из аспектов работы которого посвящен реконструкции этногенетических процессов на Средней Волге в золотоордынское время, этот процесс протекал в два основных этапа и в направлении юг – север (Газимзянов, 2001). Первоначально поток беженцев, начиная с начала 60-х гг. XIV в., переселяется в основном в Западное Закамье (центральные районы бывшей Волжской Болгарии). Затем, когда эти земли становятся ареной военных столкновений, связанных с противостоянием Тохтамыша и Тимура (и не только), перемещается главным образом в сторону Предволжья и Предкамья (Фахрутдинов, 1975, с. 69–78). В общий поток массового исхода были вовлечены представители разных этнокультурных групп населения Золотой Орды: болгары, кыпчаки, мордва, русские, армяне и др. Во многом это были уже антропологически смешанные и, вероятно, мусульманизированные и тюркизированные группы, которые при этом могли сохранить отдельные черты этнического и морфологического своеобразия.

Таким образом, с распадом Золотой Орды этногенетические процессы, которые вели к интеграции золотоордынского общества, были прерваны и остались незавершенными. Они продолжились уже в других политических реалиях, на новых территориях и в других условиях исторического развития.

Тем не менее отметим, что в истории ряда народов, проживающих сегодня в Волго-Уралье: татар, чувашей, башкир и др., золотоордынский этап сыграл большую и важную роль, став значительной вехой в их этногенезе и расогенезе. Обзор палеоантропологических материалов, характе-

ризующих физический облик населения Золотой Орды, показал, что на его территории проходили сложные и разнонаправленные этногенетические процессы, в которых в той или иной степени участвовали практически все этнические и социальные группы населения Улуса Джучи. Если на первоначальном этапе становления ордынской империи они представляли собой конгломерат разнородных этнических и морфологических компонентов, то в дальнейшем, с установлением политической и экономической стабильности в Орде и широким распространением ислама в качестве государственной религии, запускаются закономерные этногенетические процессы, ведущие к культурной интеграции и биологической метисации. При этом следует отметить, что процесс этнокультурной ассимиляции, как правило, опережает процесс биологического смешения, поэтому наблюдаемым нами изменениям в культурной сфере не всегда можно найти подтверждение в палеоантропологических материалах, особенно тех, которые датируются узким хронологическим периодом (в нашем случае – не больше 50 лет, то есть примерно 2 поколения). Тем не менее, исходя из внутригруппового и межгруппового анализа краниологических серий ордынского времени, мы приходим к выводу, что первоначальная фаза биологического смешения уже началась. Особенно это заметно в антропологических материалах, которые характеризуют физический облик жителей городских и сельских поселений и в меньшей степени кочевников. Однако дальнейшему расширению и углублению этого процесса помешали разного рода причины, приведшие к упадку, а затем и к распаду Золотой Орды.

К этому следует только добавить, что при характеристике антропологического облика современных народов, проживающих сегодня в Волго-Уралье: татар, башкир, чувашей, мордвы, марийцев и др., многие специалисты отмечают общие для этих народов морфологические черты (и не обязательно только монголоидные), которые, по их мнению, возможно увязать с историческим и генетическим наследием Золотой Орды (Дебец, 1948; Трофимова, 1949; Алексеев, 1969, 1971; Яблонский, 1987; Юсупов, 1989; Ефимова, 1991; Алексеева, 2004; Аксянова, Газимзянов, 2017).

Таблица 1. Средние параметры по мужским краниологическим сериям лесной зоны Волго-Уралья, XIII–XV вв.

Признак	1	2	3	4	5	6
1.	180.6 (14)	169.5 (2)	178.2 (15)	184.5 (2)	182.0 (4)	181.2 (6)
8.	151.9 (14)	139.5 (2)	143.5 (15)	139.5 (2)	146.0 (4)	147.3 (5)
8:1.	84.2 (14)	82.3 (2)	80.7 (15)	75.7 (2)	80.3 (4)	81.4 (6)
17.	130.2 (13)	132.0 (2)	133.8 (14)	143.5 (2)	140.0 (3)	139.7 (6)
9.	99.2 (15)	96.5 (2)	95.4 (14)	97.0 (2)	100.8 (4)	97.6 (7)
45.	140.2 (14)	126.0 (1)	130.1 (13)	134.0 (2)	134.3 (3)	136.2 (6)
48.	71.5 (14)	70.0 (1)	67.4 (10)	70.0 (2)	74.0 (4)	72.7 (6)
48:45.	51.2 (12)	55.6 (1)	51.8 (10)	51.9 (2)	55.1 (3)	53.4 (6)
54.	25.6 (15)	23.5 (1)	23.9 (13)	24.3 (2)	27.2 (3)	26.2 (6)
55.	52.3 (15)	48.0 (1)	49.6 (13)	53.5 (2)	53.8 (4)	54.0 (6)
54:55.	49.0 (15)	48.9 (1)	48.2 (13)	45.4 (2)	50.6 (3)	48.5 (6)
51.	43.1 (14)	40.0 (1)	40.5 (13)	39.5 (2)	41.9 (3)	43.0 (6)
52.	31.9 (14)	29.0 (1)	32.1 (13)	32.5 (2)	33.8 (3)	31.6 (5)
52:51.	74.5 (14)	72.5 (1)	79.1 (13)	82.3 (2)	80.7 (3)	73.5 (5)
77.	141.9 (15)	146.8 (1)	139.5 (13)	143.5 (2)	141.3 (4)	139.4 (5)
Zm.	133.1 (14)	-	131.4 (9)	122.5 (2)	122.7 (3)	128.8 (5)
SS:SC.	57.6 (15)	56.5 (1)	43.6 (13)	52.5 (2)	42.7 (3)	55.6 (5)
DS:DC.	60.2 (14)	-	52.8 (11)	65.3 (2)	69.9 (1)	56.6 (4)
FC.	5.8 (12)	-	-	5.0 (2)	-	-
32.	85.0 (10)	82.0 (1)	84.4 (11)	85.0 (2)	86.0 (3)	83.8 (5)
72.	89.1 (12)	84.0 (1)	84.6 (9)	81.5 (2)	86.0 (3)	85.8 (4)
74.	86.1 (7)	-	-	-	-	-
75(1).	27.1 (12)	29.0 (1)	27.3 (11)	28.8 (2)	25.0 (3)	30.0 (4)

1 – Мари-Луговской могильник, XIV-XV вв. (Алексеев, 1962, 1967); 2 – Горношумецкой могильник, XIV – XV вв. (Газимзянов, 2004 (а)); 3 – сборная серия «Окрестности Казани», XIV – XVII вв. (Ефимова, 1991); 4 – Плотниковский могильник, XIII – XV вв. (Брюхова, 2010); 5 – Редикарский могильник, XII – XIV вв. (Ефимова, 1999); 6 – Кудымкарский могильник, XII – XIV вв. (Ефимова, 1999).

Таблица 2. Средние краниометрические параметры по мужским сериям средневекового Болгара.

Признак	1	2	3	4	5	6	7	8
1.	184.3 (13)	180.5 (21)	179.7 (54)	179.2 (12)	181.0 (15)	177.4 (21)	181.5 (25)	177.4 (10)
8.	141.4 (16)	139.2 (21)	142.9 (52)	146.5 (12)	139.0 (15)	150.8 (22)	147.7 (25)	147.8 (9)
8:1.	77.4 (12)	77.2 (21)	79.6 (52)	81.9 (12)	77.0 (15)	84.0 (21)	81.6 (25)	83.3 (9)
17.	137.1 (14)	134.5 (20)	134.4 (53)	132.6 (10)	136.1 (10)	134.3 (21)	135.5 (19)	136.9 (8)
9.	96.6 (18)	95.6 (20)	96.8 (55)	94.9 (12)	97.6 (14)	96.2 (21)	97.8 (24)	98.0 (12)
45.	134.4 (5)	130.9 (12)	133.4 (52)	135.7 (11)	132.8 (12)	137.1 (22)	136.3 (20)	131.4 (8)
48.	70.1 (17)	68.0 (21)	70.9 (53)	72.2 (11)	68.2 (13)	75.2 (19)	72.8 (24)	73.9 (13)
48:45.	52.7 (5)	52.8 (12)	52.9 (49)	53.1 (11)	51.9 (11)	54.9 (19)	53.6 (19)	55.9 (8)
54.	25.3 (16)	24.7 (21)	25.0 (56)	26.0 (11)	25.3 (12)	24.4 (21)	24.9 (24)	24.2 (13)
55.	52.6 (16)	50.0 (21)	51.3 (56)	52.8 (11)	50.3 (13)	56.1 (20)	53.6 (25)	54.9 (13)
54:55.	48.2 (16)	49.8 (21)	48.7 (53)	49.0 (11)	50.4 (12)	44.4 (21)	46.6 (23)	44.8 (12)
51.	41.2 (15)	40.5 (23)	41.6 (55)	42.5 (11)	40.8 (13)	43.8 (21)	40.9 (22)	43.8 (12)
52.	31.9 (16)	31.7 (21)	32.1 (55)	33.0 (11)	31.9 (14)	36.5 (20)	34.0 (25)	34.6 (15)
52:51.	78.0 (15)	78.3 (23)	77.2 (55)	76.8 (11)	78.6 (13)	83.4 (20)	79.9 (25)	78.8 (11)
77.	140.6 (17)	138.8 (19)	139.9 (52)	138.5 (11)	139.0 (10)	143.5 (17)	141.8 (22)	140.8 (12)
Zm.	126.5 (11)	129.3 (19)	128.4 (50)	128.2 (11)	126.3 (10)	132.7 (16)	128.3 (20)	124.8 (8)
SS:SC.	50.9 (16)	51.4 (19)	49.9 (54)	53.4 (11)	45.6 (13)	53.1 (16)	48.1 (21)	57.2 (13)
DS:DC.	56.1 (15)	55.6 (18)	54.1 (50)	52.3 (11)	52.0 (9)	51.3 (13)	54.2 (17)	54.7 (7)
FC.	4.4 (18)	5.1 (20)	4.6 (54)	4.9 (11)	4.7 (13)	4.3 (17)	5.2 (24)	5.3 (10)
32.	86.2 (11)	85.7 (21)	83.5 (50)	82.3 (10)	83.8 (11)	80.5 (18)	83.7 (23)	81.6 (9)
72.	84.2 (9)	85.8 (21)	85.2 (49)	84.8 (10)	84.4 (11)	85.6 (14)	85.4 (22)	83.4 (8)
74.	-	-	74.1 (49)	78.1 (10)	72.3 (9)	75.2 (12)	72.6 (21)	78.3 (7)
75(1).	31.6 (7)	26.8 (18)	27.2 (52)	26.1 (10)	26.0 (10)	29.1 (15)	28.7 (23)	31.1 (11)

1 – могильник «Бабий бугор» (рядовой), XIII–XIV вв. (Трофимова, 1956); 2 – могильник «Бабий бугор» (братская могила), XIII–XIV вв. (Трофимова, 1956); 3 – Усть-Иерусалимский могильник, XIV–XV вв. (Газимзянов, 2004); 4 – могильник «Четырехугольник», XIII–XIV вв. (Рудь (Постникова), 1987); 5 – могильник «Черная палата», XIII–XIV вв. (Газимзянов, неопубликованные материалы); 6 – могильник «Ханская усыпальница», XIV–XV вв. (Рудь (Постникова), 1987); 7 – могильник «Малый минарет», XIII–XV вв. (Рудь (Постникова), 1987; Газимзянов, 2000); 8 – мавзолеи г. Болгар, XIII–XV вв. (Газимзянов, 2016).

Таблица 2 (продолжение).

Признак	9	10	11	12	13	14
1.	175.3 (23)	179.0 (28)	179.6 (14)	181.9 (17)	180.0 (6)	181.7 (24)
8.	148.8 (23)	145.5 (28)	149.1 (14)	141.8 (14)	150.2 (6)	141.7 (24)
8:1.	85.1 (22)	81.3 (28)	83.1 (14)	77.4 (14)	83.4 (6)	78.1 (24)
17.	135.1 (20)	131.9 (25)	135.5 (10)	135.3 (13)	136.8 (5)	138.9 (19)
9.	99.1 (23)	95.5 (25)	98.2 (12)	96.4 (17)	97.7 (7)	98.3 (25)
45.	133.8 (15)	136.2 (20)	136.6 (11)	128.1 (7)	137.2 (5)	132.9 (21)
48.	71.0 (21)	70.6 (24)	73.7 (12)	69.9 (18)	73.3 (6)	71.7 (23)
48:45.	53.1 (14)	52.6 (20)	54.2 (10)	54.5 (7)	53.8 (5)	54.1 (18)
54.	25.8 (20)	25.8 (24)	24.9 (12)	24.6 (16)	25.4 (7)	25.4 (24)
55.	52.1 (21)	51.9 (25)	53.3 (12)	51.7 (17)	54.8 (6)	52.7 (24)
54:55.	49.2 (19)	50.1 (24)	46.9 (12)	48.2 (16)	46.3 (6)	76.8 (24)
51.	42.1 (21)	41.7 (17)	42.9 (12)	42.8 (17)	42.2 (6)	42.5 (24)
52.	34.6 (21)	32.5 (26)	33.0 (12)	32.6 (19)	34.5 (6)	32.7 (24)
52:51.	82.0 (21)	77.1 (17)	77.2 (12)	76.2 (17)	82.1 (6)	76.8 (24)
77.	142.4 (17)	140.9 (23)	140.1 (11)	137.4 (14)	138.5 (7)	138.9 (24)
Zm.	127.4 (14)	128.3 (21)	127.8 (10)	126.5 (10)	126.2 (5)	124.4 (18)
SS:SC.	53.8 (21)	47.6 (23)	52.9 (11)	44.9 (17)	59.5 (6)	45.8 (23)
DS:DC.	57.7 (17)	50.2 (20)	59.3 (10)	49.1 (14)	58.3 (6)	53.7 (20)
FC.	4.9 (20)	4.3 (15)	5.2 (12)	4.9 (14)	4.9 (6)	5.2 (24)
32.	84.6 (18)	82.8 (24)	81.6 (11)	82.3 (11)	83.5 (6)	81.7 (20)
72.	87.9 (17)	84.0 (23)	84.6 (11)	84.6 (10)	86.8 (6)	83.8 (19)
75(1).	29.3 (15)	25.0 (20)	27.4 (11)	25.3 (15)	32.7 (6)	26.1 (21)

9 – могильник «Греческая палата» (объединенная серия), XIII–XV вв. (Трофимова, 1956; Газимзянов, неопубликованные материалы); 10 – сборная серия «Культурный слой», XIII–XV вв. (Трофимова, 1956; Газимзянов, 2000); 11 – могильник «Памятный знак», XIII–XV вв. (Газимзянов, 2015); 12 – могильник «Раскоп № 174», XIV–XV вв. (Газимзянов, 2015); 13 – могильник «Раскоп № 191», XIV–XV вв. (Газимзянов, 2015); 14 – могильник в районе аэродрома, XIV–XV вв. (Газимзянов, 2015).

Таблица 3. Средние краниометрические параметры по мужским сериям сельской округи Болгарского улуса.

Признак	1	2	3	4	5	6	7	8
1.	174.4 (5)	183.1 (47)	186.3 (15)	184.1 (14)	180.5 (10)	179.4 (30)	179.9 (12)	177.2 (11)
8.	134.2 (5)	139.5 (47)	137.6 (14)	133.9 (14)	142.3 (10)	145.9 (29)	141.2 (13)	145.4 (11)
8:1.	76.9 (5)	76.3 (47)	74.2 (14)	72.6 (14)	78.9 (10)	81.6 (29)	78.5 (12)	82.1 (11)
17.	130.6 (5)	137.6 (47)	133.3 (13)	136.1 (14)	135.0 (9)	135.1 (28)	140.1 (12)	136.1 (7)
9.	94.0 (6)	96.5 (46)	97.1 (15)	97.1 (14)	96.6 (11)	96.0 (31)	97.3 (14)	94.7 (12)
45.	126.8 (5)	132.9 (46)	132.6 (9)	129.1 (14)	132.5 (10)	133.3 (23)	134.2 (11)	133.2 (12)
48.	70.8 (6)	70.4 (46)	69.7 (11)	69.3 (13)	72.2 (9)	72.4 (29)	70.1 (12)	71.8 (9)
48:45.	55.9 (5)	52.9 (44)	51.8 (9)	53.6 (13)	54.2 (9)	54.8 (22)	51.9 (11)	53.2 (9)
54.	24.3 (6)	25.3 (45)	25.5 (11)	24.9 (13)	23.6 (9)	24.5 (30)	25.3 (12)	24.6 (9)
55.	51.2 (6)	51.6 (43)	50.5 (11)	49.9 (13)	53.3 (9)	51.9 (31)	50.5 (12)	52.1 (9)
54:55.	47.7 (6)	48.9 (43)	50.7 (11)	49.9 (13)	44.2 (9)	47.3 (29)	50.6 (11)	46.5 (8)
51.	42.3 (6)	41.8 (43)	41.6 (10)	41.2 (13)	42.3 (10)	42.0 (31)	42.1 (12)	41.0 (11)
52.	34.6 (6)	31.8 (43)	32.5 (11)	31.5 (13)	32.6 (10)	32.9 (32)	31.9 (12)	33.6 (10)
52:51.	81.7 (6)	76.0 (43)	78.1 (10)	76.4 (13)	76.9 (10)	78.7 (31)	75.6 (12)	81.5 (9)
77.	136.1 (6)	138.1 (47)	137.1 (10)	137.5 (14)	142.0 (10)	141.7 (27)	141.7 (13)	140.5 (10)
Zm.	126.1 (6)	128.7 (44)	131.2 (5)	123.3 (11)	133.9 (9)	127.9 (25)	125.8 (11)	128.7 (7)
SS:SC.	57.4 (6)	46.8 (42)	41.0 (9)	46.6 (13)	43.8 (11)	50.1 (28)	43.9 (12)	54.7 (9)
DS:DC.	64.1 (6)	52.3 (32)	52.3 (9)	55.5 (12)	50.8 (8)	51.3 (22)	53.9 (11)	54.3 (7)
FC.	5.4 (6)	4.9 (44)	5.2 (9)	4.9 (12)	-	3.9 (29)	4.6 (13)	4.3 (10)
32.	82.2 (5)	85.9 (41)	83.6 (8)	83.0 (13)	80.1 (10)	84.0 (27)	84.9 (9)	83.2 (10)
72.	89.0 (5)	87.0 (40)	84.8 (9)	84.0 (12)	85.7 (9)	86.7 (26)	83.7 (9)	84.0 (8)
74.	82.2 (5)	79.0 (38)	77.4 (9)	80.3 (12)	-	77.1 (21)	78.4 (9)	78.5 (8)
75(1).	32.4 (5)	29.3 (37)	26.0 (9)	26.3 (12)	26.2 (6)	24.4 (26)	28.5 (12)	30.1 (8)

1 – Березовский могильник, XIII–XIV вв. (Алексеева, 1958); 2 – Малорязанский могильник, XIII–XIV вв. (Газимзянов, Хохлов, 2018); 3 – Муранский могильник, XIII–XIV вв. (Алексеева, 1959, 1973); 4 – могильник «Барбашина поляна», XIII–XIV вв. (Газимзянов, 2010); 5 – могильник «Ташкермень», XIII–XIV вв. (Сысак, 1952; Алексеева, 1958); 6 – Кожаевский могильник, XIII–XIV вв. (Газимзянов, 2000); 7 – Старокуйбышевский I могильник, XIII–XIV вв. (Рудь (Постникова), 1987; Газимзянов, 2000); 8 – Большетиганский II могильник, XIII–XIV вв. (Газимзянов, 2000).

Таблица 3 (продолжение).

Признак	9	10	11	12	13	14	15
1.	187.7 (21)	180.7 (9)	181.3 (22)	178.9 (10)	183.4 (7)	183.2 (13)	179.6 (25)
8.	145.1 (20)	143.4 (9)	140.1 (21)	150.4 (10)	147.0 (7)	143.9 (13)	145.2 (24)
8:1.	78.9 (20)	79.5 (9)	77.3 (21)	84.1 (10)	80.3 (7)	78.5 (13)	82.2 (24)
17.	135.1 (17)	133.2 (9)	132.2 (21)	132.5 (10)	131.5 (5)	132.3 (11)	136.6 (24)
9.	100.9 (19)	95.9 (9)	96.6 (20)	97.1 (13)	98.1 (7)	93.3 (13)	95.8 (25)
45.	140.2 (18)	134.7 (9)	136.1 (16)	143.3 (9)	141.6 (7)	139.1 (9)	134.9 (23)
48.	70.4 (18)	70.1 (8)	67.3 (20)	75.5 (11)	72.1 (7)	72.3 (9)	71.9 (25)
48:45.	50.0 (17)	51.7 (8)	50.9 (16)	52.5 (9)	51.0 (7)	52.0 (9)	53.5 (23)
54.	26.1 (18)	24.4 (8)	24.7 (21)	25.7 (11)	26.6 (7)	25.7 (6)	25.1 (25)
55.	52.4 (18)	51.0 (8)	52.6 (19)	55.4 (11)	54.3 (7)	52.4 (8)	52.9 (25)
54:55.	49.5 (17)	47.9 (8)	47.5 (18)	47.1 (11)	49.1 (7)	50.2 (6)	47.5 (25)
51.	43.9 (16)	43.2 (8)	43.1 (20)	42.8 (11)	44.9 (7)	44.4 (8)	43.0 (25)
52.	34.1 (18)	32.9 (9)	33.2 (18)	34.6 (11)	33.3 (7)	33.3 (8)	33.6 (25)
52:51.	77.7 (17)	76.3 (8)	76.7 (19)	80.8 (11)	74.2 (7)	75.5 (8)	78.4 (25)
77.	140.1 (17)	142.1 (8)	140.9 (17)	145.0 (12)	143.1 (7)	146.7 (9)	141.0 (25)
Zm.	130.2 (17)	131.1 (7)	124.3 (6)	131.8 (11)	132.4 (7)	136.9 (9)	124.4 (25)
SS:SC.	46.7 (16)	48.4 (7)	48.1 (19)	54.9 (12)	50.0 (7)	44.0 (11)	49.9 (22)
DS:DC.	49.3 (11)	59.8 (7)	53.8 (12)	48.4 (9)	54.2 (7)	50.2 (9)	56.7 (22)
FC.	5.1 (17)	4.9 (5)	4.7 (10)	4.5 (11)	-	6.7 (8)	4.2 (25)
32.	81.9 (15)	83.8 (6)	81.3 (15)	76.1 (7)	82.1 (7)	80.1 (8)	81.5 (24)
72.	85.8 (15)	86.8 (6)	86.3 (15)	86.0 (7)	88.2 (7)	86.0 (8)	82.7 (24)
74.	76.0 (11)	78.3 (4)	73.8 (5)	78.0 (7)	-	80.6 (9)	71.9 (24)
75(1).	25.8 (15)	25.8 (6)	20.1 (12)	26.8 (11)	26.6 (7)	26.8 (9)	26.6 (22)

9 – Такталачукский могильник, XIII–XIV вв. (Газимзянов, 2000); 10 – Азметьевский I могильник, XIII–XIV вв. (Газимзянов, 2000); 11 – Дербешкинский могильник, XIII–XIV вв. (Газимзянов, 2000); 12 – сборная серия «Средневековые кочевники Среднего Поволжья», X–XV вв. (Газимзянов, 2001); 13 – Сынтыштамакский могильник, XIII–XV вв. (Ефимова, 1991); 14 – Замараевский могильник, XIII–XIV вв. (Дебец, 1948; Акимова, 1968, Алексеев, 1971); 15 – могильник «Жигули-I», XIII–XIV вв. (Газимзянов, Хохлов, 2022).

Таблица 4. Краниологические серии из нижневолжских городов и сельской округи эпохи Золотой Орды. Мужчины.

Признак	1	2	3	4	5	6	7	8
1.	177.7 (30)	179.4 (21)	176.4 (19)	178.8 (102)	181.8 (68)	182.8 (18)	175.4 (21)	177.8 (36)
8.	145.4 (28)	148.3 (21)	144.1 (19)	145.2 (99)	144.7 (62)	145.1 (14)	144.5 (19)	148.0 (36)
8:1.	82.3 (28)	83.0 (21)	81.7 (19)	81.4 (99)	79.9 (62)	79.5 (14)	82.5 (19)	83.5 (36)
17.	132.8 (27)	130.8 (18)	132.2 (16)	132.3 (94)	138.9 (62)	134.5 (15)	133.5 (18)	132.4 (33)
9.	96.4 (30)	94.5 (21)	95.9 (19)	94.9 (102)	97.1 (64)	97.2 (17)	94.6 (20)	94.6 (42)
45.	136.9 (25)	142.0 (20)	136.7 (19)	137.1 (97)	133.4 (58)	138.2 (19)	134.6 (18)	138.9 (34)
48.	73.4 (31)	73.3 (21)	73.3 (19)	73.4 (98)	71.8 (64)	73.5 (23)	70.5 (18)	74.2 (45)
48:45.	53.1 (23)	53.3 (20)	53.6 (19)	53.5 (95)	51.5 (59)	52.7 (19)	52.5 (16)	53.4 (34)
54.	25.2 (32)	24.1 (21)	26.3 (19)	25.2 (103)	25.5 (66)	25.9 (23)	25.5 (21)	-
55.	54.1 (32)	53.2 (21)	53.9 (19)	56.3 (92)	52.4 (63)	54.5 (22)	51.8 (21)	-
54:55.	46.8 (32)	45.3 (21)	48.8 (19)	55.1 (103)	48.8 (62)	47.7 (22)	49.2 (21)	-
51.	43.2 (32)	42.6 (21)	43.7 (19)	43.3 (102)	43.1 (59)	43.5 (22)	43.7 (21)	43.4 (43)
52.	34.2 (31)	33.8 (21)	33.7 (19)	33.8 (99)	33.8 (59)	34.0 (22)	32.7 (21)	33.4 (42)
52:51.	79.2 (31)	77.5 (21)	77.1 (19)	78.8 (99)	78.6 (59)	78.4 (22)	75.0 (21)	76.9 (42)
77.	139.1 (28)	139.8 (20)	140.7 (19)	141.8 (102)	140.0 (62)	143.6 (19)	141.7 (21)	141.2 (41)
Zm.	130.3 (28)	131.1 (21)	129.3 (19)	129.3 (98)	127.7 (60)	133.5 (21)	128.9 (19)	132.7 (39)
SS:SC.	50.2 (30)	52.8 (17)	60.5 (18)	51.7 (102)	59.0 (59)	43.2 (20)	48.1 (21)	52.4 (45)
DS:DC.	51.4 (24)	55.5 (18)	61.3 (17)	53.9 (96)	63.0 (57)	50.6 (18)	-	55.8 (43)
FC.	4.7 (32)	2.6 (21)	3.7 (19)	4.6 (101)	5.0 (57)	-	4.1 (21)	4.2 (42)
32.	81.9 (25)	80.4 (20)	82.7 (18)	83.6 (97)	86.0 (52)	83.5 (15)	83.4 (18)	-
72.	87.6 (25)	84.4 (21)	87.2 (18)	88.2 (96)	88.0 (51)	86.9 (15)	84.3 (18)	-
74.	61.6 (25)	83.8 (18)	76.2 (18)	75.1 (94)	81.0 (47)	77.6 (13)	72.6 (16)	-
75(1).	25.9 (25)	28.1 (21)	23.4 (18)	28.2 (100)	29.5 (54)	23.4 (18)	24.5 (15)	27.3 (42)

1 – Водянское городище (Бельджамен), XIV–XV вв. (Яблонский, 1987); 2 – Царевское городище (Сарай Берке), XIV в. (Залкинд, 1972; Яблонский, 1987); 3 – Царевский курганный могильник, XIV–XV вв. (Балабанова, 1999); 4 – Селитренное городище (Сарай Бату), XIII–XV вв. (Яблонский, 1987); 5 – Красноярское городище (Маячный бугор), XIII–XIV вв. (Балабанова и др., 2011); 6 – Красноярское городище («Вакуровский бугор»), XIII–XV вв. (Балабанова и др., 2011); 7 – городище «Шареный бугор» (Хаджи-Тархан), XIII–XV вв. (Трофимова, 1949; Комаров, 2015); 8 – могильник «Хан-Тюбе», XIII–XV вв. (Шевченко, 1980).

Табл. 4. (продолжение).

Признак	9	10	11	12	13	14	15	16
1.	177.0 (5)	179.8 (5)	179.8 (39)	180.8 (12)	181.7 (12)	183.0 (22)	181.0 (5)	174.0 (5)
8.	151.6 (5)	138.4 (5)	152.0 (39)	138.8 (12)	147.8 (11)	138.0 (21)	149.0 (5)	147.0 (5)
8:1.	85.7 (5)	77.2 (5)	84.6 (39)	76.9 (12)	82.6 (10)	75.8 (21)	82.4 (5)	84.7 (5)
17.	130.8 (5)	134.4 (5)	129.8 (34)	136.4 (9)	135.0 (11)	137.7 (20)	132.2 (5)	127.0 (5)
9.	96.0 (5)	93.5 (7)	95.3 (41)	99.3 (12)	98.2 (10)	98.0 (23)	100.0 (5)	-
45.	135.6 (4)	128.7 (3)	140.6 (37)	130.1 (10)	136.7 (10)	132.5 (21)	134.6 (6)	135.8 (5)
48.	74.0 (5)	70.1 (7)	75.6 (40)	71.2 (11)	72.2 (13)	69.7 (23)	72.8 (5)	75.3 (6)
48:45.	56.4 (4)	54.4 (3)	53.9 (38)	55.1 (9)	52.2 (10)	52.5 (21)	54.2 (5)	55.0 (5)
54.	-	24.9 (6)	25.8 (41)	25.5 (11)	24.7 (13)	25.6 (23)	26.2 (5)	26.4 (6)
55.	-	52.0 (7)	55.6 (40)	51.7 (11)	52.5 (13)	50.6 (23)	52.6 (5)	53.9 (6)
54:55.	47.8 (5)	48.1 (6)	46.4 (40)	49.0 (11)	47.1 (13)	50.8 (23)	49.8 (5)	49.0 (6)
51.	-	39.7 (8)	42.0 (40)	41.4 (10)	41.1 (13)	41.8 (23)	43.2 (5)	44.2 (6)
52.	-	31.2 (8)	34.3 (40)	31.4 (10)	32.3 (13)	31.7 (23)	34.4 (5)	34.3 (6)
52:51.	87.3 (5)	78.7 (8)	81.7 (40)	75.6 (10)	78.7 (13)	75.8 (23)	79.8 (5)	86.4 (6)
77.	-	138.3 (6)	146.6 (27)	138.1 (10)	139.2 (12)	139.2 (21)	143.1 (5)	145.6 (6)
Zm.	-	124.0 (6)	135.6 (24)	127.2 (9)	128.9 (12)	128.5 (22)	135.4 (4)	134.7 (6)
SS:SC.	-	43.6 (8)	47.6 (23)	46.9 (11)	55.4 (13)	49.6 (23)	40.3 (4)	45.1 (6)
DS:DC.	-	-	51.4 (22)	48.3 (10)	-	-	49.9 (4)	50.9 (6)
FC.	-	5.1 (6)	4.3 (16)	3.9 (10)	-	4.5 (23)	-	-
32.	82.8 (5)	-	80.4 (35)	85.0 (11)	-	-	81.0 (4)	-
72.	86.8 (5)	-	87.7 (35)	85.1 (11)	-	-	84.5 (4)	-
74.	-	-	-	-	-	-	77.0 (3)	-
75(1).	26.3 (6)	25.4 (6)	26.4 (35)	26.6 (11)	30.6 (11)	27.0 (20)	28.0 (3)	24.0 (6)

9 – Увекское городище (мавзолеи Укека), XIII–XV вв. (Дебец, 1932); 10 – Увекское городище (Северо-Западный некрополь), XIII–XV вв. (Евтеев и др., 2013); 11 – кочевники Нижнего Поволжья (сборная серия), XII–XIV вв. (Яблонский, 1987); 12 – Алексеевский могильник, XIII–XV вв. (Газимзянов, неопубликованные материалы); 13 – Болдыревский могильник, XIV в. (Евтеев, 2016); 14 – могильник «Нижняя Студенка I» (Евтеев, 2007); 15 – Калиновский могильник, XIII–XIV вв. (Гинзбург, 1959); 16 – курганные могильники Оренбургской области: Урта-Буртя, «Урал», XIII–XIV вв. (Нечвалода, 2019).

ЛИТЕРАТУРА

Абдуллин Х.М. Город Болгар на картах и планах XVIII-XIX вв. // Великий Болгар / Науч. ред. А.Г. Ситдиков. Москва-Казань: Феория, 2013. С. 78–85.

Абдуллин Х.М., Баранов В.С., Бугров Д.Г., Ситдиков А.Г. Музей болгарской цивилизации. Т. 3. Открытие древнего Болгара. Казань: Главдизайн, 2016. 254 с.

Абдуразаков А.А., Безбородов М.А., Заднепровский Ю.А. Стеклоделие Средней Азии в древности и средневековье. Ташкент: АН УзССР, 1963. 242 с.

Абрамова А.А. Элементы обряда вызывания дождя тарских татар // Интеграция археологических и этнографических исследований / Под ред. А.Г. Селезнева, С.С. Тихонова, Н.А. Томилова. Нальчик; Омск: ОмГПУ, 2001. С. 189–194.

Абу Хамид ал-Гарнати. Сочинения. М.: Директ-Медиа, 2010. 184 с.

Абызова Е.Н. Кашинный сосуд из Старого Орхея // СА. 1981. № 2. С. 296–298.

Агапов П.В., Кадырбаев М.К. Сокровища древнего Казахстана. Памятники материальной культуры. Алма-Ата: Жалын, 1979. 250 с.

Агеев Б.Б., Мажитов Н.А. Раскопки в Южной Башкирии // АО – 1969 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1970. С. 170.

Агеева Е.И., Сенигова Т.Н., Пацевич Г.И. Отчет об археологических работах в Сарайчике за 1950–1952 гг. Алматы, 1953 // Архив Института археологии имени А.Х. Маргулана.

Адамов А.А. Серебряные перстни с чернением булгарского типа из Предуралья // Труды КАЭЭ. Вып. 9 / Отв. ред. А.М. Белавин. Пермь: ПГГПУ. 2014. С. 44–49.

Ажигали С.Е. Архитектура кочевников. Феномен истории и культуры Евразии (памятники Арало-Каспийского региона). Алматы: НИЦ Ғылым, 2002. 652 с.

Аитова С.М, Самашев З. Джучидские монеты с городища Сарайчук // Известия АН Республики Казахстан. Серия общественных наук. 1998. №4. С. 35–41.

Айдаров С.С. Архитектурное исследование руин соборной мечети в Болгарах // Поволжье в средние века / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Наука, 1970. С. 39–56.

Айдаров С.С. Исследование и реставрация памятников монументального зодчества Болгара // Город Болгар. Монументальное строительство, архитектура, благоустройство / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 2001. С. 5–149.

Айплатов Г.Н. Навеки с тобой, Россия: о присоединении Марийского края к Русскому государству. Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1967. 130 с.

Акимова М.С. Антропология древнего населения Приуралья. М.: Наука, 1968. 118 с.

Акишев А.К., Байпаков К.М. Медальон с изображением борьбы с драконом из Отрара // СА. 1981. № 4. С. 229–238.

Аксенова Н.Д. Отчет о работах на Болгарском городище в 1969 г., раскопы XXIX, XXXI, XXXIII // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 3821

Аксенова Н.Д. Отчет о работах на Болгарском городище в 1969 году. Казань, 1970 // Архив ИА РАН. Р–1. № 3921. 53 с.

Аксенова Н.Д. Жилые дома в Болгаре в районе Ханской усыпальницы и Малого минарета (по материалам раскопок 1967–1971 гг.) // СА.1973. № 4. С. 218–226.

Аксенова Н.Д. К итогам археологических работ 1970-72 гг. в юго-восточной части городища Великие Болгары // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы / Отв. ред. В.И. Козенкова, Ю.А. Краснов, И.Г. Розенфельдт. М.: Наука, 1978. С. 211–215.

Аксенова Н.Д. Археологическое изучение мавзолеев юго-восточной и южной частей города Болгара // Город Болгар. Монументальное строительство, архитектура, благоустройство / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 2001. С. 200–216.

Аксенова Н.Д., Полубояринова М.Д. Исследование ремесленного района в юго-западной части Болгарского городища // Древности Поволжья: эпоха средневековья (исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды) / Отв. ред. К.А. Руденко. Казань: Школа, 2005. С. 133–156.

Агеев Б.Б., Мажитов Н.А. Раскопки в Южной Башкирии // АО – 1969 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1970. С. 170.

Аксенова Т.В., Зеленеев Ю.А., Шакиров А.Г. Поселение Шаверки 4 // Новые источники по этнической и социальной истории финно-угров Поволжья. I тыс. до н. э. - I тыс. н. э. / Отв. ред. Ю.А. Зеленеев. Йошкар-Ола: МарГУ, 1990. С. 147–165.

Аксянова Г.А., Газимзянов И.Р. Антропологические особенности татар // Татары / Народы и культуры / Отв. ред. Г.Ф. Габдрахманова, В.В. Трепавлов, Р.К. Уразманова. М.: Наука, 2017. С. 52–69.

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. 3. М.: АН СССР, 1964. 687 с. (321 с.)

Акчурина З.А., Воскресенская Л.Н., Смирнов А.П. Работы на городище Великие Болгары в 1957 г. // Поволжье в средние века / МИА. № 164 / Отв. ред.

А.П. Смирнов. М.: Наука, 1970. С. 5–23.

Алабин П.В. Древности, найденные в Самарской губернии и хранящиеся в Самарском Публичном музее. Самара: Губ. тип., 1895.19 с.

Алексеев А.Е. О развалинах татарского города Сараиль-Джадита // Уральские войсковые ведомости. 1867. № 30. С. 2–7.

Алексеев В.П. Палеоантропологический материал из Мари-Луговского могильника // Железный век Марийского края / Труды МАЭ. Т. II / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1962. С. 241–258.

Алексеев В.П. Рец. На кн.: Кузнецов А.В. Аланские племена Северного Кавказа. МИА. № 106. М., 1962 // СЭ. 1963. № 4. С. 196–198.

Алексеев В.П. Краниологические типы средневекового населения Северного Кавказа // Современная антропология / Труды МОИП. Т. 14 / Отв. ред. М. Ф. Нестурх. М: МГУ, 1964. С. 208–218.

Алексеев В.П. Золотоордынский форпост на марийской земле // Вопросы антропологии. 1967. Вып. 26. С. 158–166.

Алексеев В.П. Происхождение народов Восточной Европы. М.: Наука, 1969. 324 с.

Алексеев В.П. Очерк происхождения тюркских народов Восточной Европы в свете данных антропологии // Археология и этнография Татарии. Вып. 1 / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ АН СССР, 1971. С. 232–271.

Алексеев В.П. Историческая антропология. М.: Высшая школа, 1979. 216 с.

Алексеев В.П. Этногенез. М.: Высшая школа, 1986. 176 с.

Алексеев В.П., Трубникова О.Б. Некоторые проблемы таксономии и генеалогии азиатских монголоидов: (краниометрия). Новосибирск: Наука, 1984. 129 с.

Алексеев Г.А. Каховский В.Ф. Опыт изучения болезней людей по остеологическому материалу могильника Палаху // Городище Хулаш и памятники средневековья Чувашского Поволжья / Отв. ред. В.А. Прохорова. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ СМ ЧАССР,1972. С. 218–239.

Алексеев И.Е., Степанов О.В. Клад медных джучидских монет из окрестностей деревни Дятлово в Татарстане // Нумизматические чтения Государственного Исторического музея 2020 года / Отв. ред. Е.В. Захаров. М.: ГИМ, 2020. С. 119–124.

Алексеев Л.В. Мелкое художественное литье из некоторых западно-белорусских земель (кресты и иконки Белоруссии) // СА. 1974. № 3. С. 204–219.

Алексеев Л.В. Смоленская земля в IX–XIII вв. Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М.: Наука, 1980. 262 с.

Алексеев Л.В. Западные земли домонгольской Руси. Очерки истории, археологии, культуры. Кн. 1. М.: Наука, 2006. 294 с.

Алексеева Т.И. Черепа из Березовского могильника // Советская антропология. 1958. № 3. С. 85–89.

Алексеева Т.И. Черепа из Муранского могильника // Советская антропология. 1959. № 1. С. 67–79.

Алексеева Т.И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М.: МГУ, 1973. 332 с.

Алексеева Т.И. Очерк этнической антропологии чувашей // Чуваши: актуальные аспекты антропологии / под общ. ред. Т. И. Алексеевой. Чебоксары: Изд-во Чуваш. госуд. инст. гуман. наук, 2004. С. 50–58.

Алёхин Ю.Л. Мировые религии и мировоззрение народов Южной Сибири в VIII-X вв. (по материалам Рудного Алтая) // Сибирь в панораме тысячелетий. В 2 т. Т. 1 / Отв. ред. В.И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998. С. 12–21.

Алешинская А.С., Кочанова М.Д., Спиридонова Е.А. Результаты палинологиеских исследований оборонительного вала Болгарского городища (раскоп CCV, 2014 г.) // Коваль В.Ю., Русаков П.Е. Исследования фортификации города Болгара в 2014–2015 годах / Материалы и исследования по археологии Великого Болгара. Т. II. М.-Казань, 2018. С. 87–97. DOI: 10.25681/IARAS.2018.978-5-7659-1046-7.87-97

Алешинская А.С., Спиридонова Е.А., Кочанова М.Д. Природная среда окрестностей Болгарского городища (по материалам палинологических исследований культурного слоя раскопа CLXXIX) // Археология Евразийских степей. 2018. № 5. С. 74–80.

Алешковский П.М. Языческий амулет-подвеска из Новгорода // СА. 1980. №4. С. 284–287.

Алихова А.Е. Старосотенский могильник // Археологический сборник. Вып. 1. Саранск, 1948. С. 212 – 258.

Алихова А.Е. Муранский могильник и селище // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. I / МИА. № 42 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1954. С. 259–301.

Алихова А.Е. Некоторые хронологические и племенные отличия в культуре мордвы конца I и начала II тыс. н. э. // СА. 1958. № 2. С. 66–77.

Алихова А.Е. Русский поселок XIII-XIV вв. у села Березовка // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. III / МИА. № 80 / Отв. ред. А. П. Смирнов. М.: АН СССР, 1960. С. 195–209.

Алихова А.Е. Расселение мордовского народа по данным археологии // Этногенез мордовского народа / Под общ.ред. Б.А. Рыбакова. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1966а. С. 142–143.

Алихова А.Е. Распад первобытных отношений и становление феодальных отношений у мордвы // Этногенез мордовского народа. Саранск, 1966б. С. 62–68.

Алихова А.Е. Гончарные горны города Мохши-Наручадь // КСИА. Вып. 120. / Отв. ред. Т.С. Пассек. М: Наука, 1969. С. 78–80.

Алихова А.Е. Мавзолеи города Мохши-Наровчата // СА. 1973. № 2. С. 226–236.

Алихова А.Е. Постройки древнего города Мохши // СА. 1976. № 4. С. 166–178.

Алихова А.Е., Жиганов М.Ф., Степанов П.Д. Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск, Морд. кн. изд-во, 1959. 208 с.

Амбарнова Л.Ю. Отчет об археологических разведках в Икрянинском районе Астраханской области в 2007 году. Астрахань, 2007 / Архив АГОИАМЗ.

Аникин И.С. Древнерусский сельский грунтовый могильник в бассейне р. Кудьма // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Сборник научных и методических материалов. Вып. 9 / Отв. ред. Е.А. Молев. Нижний Новгород: изд-во Нижегородского университета, 2005. С. 13–26.

Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах в Восточной Европе // Исторический архив. Т. III / Отв. ред. Б. Д. Греков. М.-Л.: АН СССР, 1940. С. 71–112.

Антипина Е.Е. Археозоологические материалы (глава 7) // Каргалы. Т. III / Ред и сост. Е.Н. Черных. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 182–248.

Антипина Е.Е. Мясные продукты в средневековом городе - производство или потребление? // Археология и естественнонаучные методы / Ред. и сост. Е.Н. Черных, В.И. Завьялов. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 181–190.

Антипина Е.Е. Современная археозоология: задачи и методы исследования // Междисциплинарная интеграция в археологии (по материалам лекций для аспирантов и молодых сотрудников) / Отв. ред. Е.Н. Черных, Т.Н. Мишина. М.: ИА РАН, 2016. С. 96–117.

Антипина Е.Е., Лебедева Е.Ю. Опыт комплексных археобиологических исследований земледелия и скотоводства: модели взаимодействия // РА. 2005. № 4. С. 70–78.

Антипина Е.Е., Моралес А. Археозоологический подход к изучению устройства общества: кости животных из двух поселений горняков и металлургов восточной и западной окраин Европы // Археология, этнология и антропология Евразии. 2006. №3 (27). С. 67–81.

Антипина Е.Е., Яворская Л.В. Трасологический анализ и интерпретация инструментально обработанных бараньих лопаток из городов Золотой Орды // КСИА. 2017. Вып. 248. С. 12–19.

Антипина Е.Е., Яворская Л.В., Ситдиков А.Г. Необычные изделия из бараньих лопаток из ремесленного квартала Болгарского городища (раскопки 2013-2015 гг.) // КСИА. 2015. № 241. С. 402–408.

Антонов И.В. Этнокультурная история Волго-Уральского региона в XIII – начале XV вв. Дис. … канд. истор. наук. Уфа, 2000. 283 с.

Антонов И.В. Этническая история Волго-Уральского региона в XIII – начале XV вв. (историко-археологическое исследование). Уфа: Информреклама, 2006. 238 с.

Антонов И.В. Чияликская культура и Золотая Орда // Genesis: исторические исследования. 2021. № 11. С. 82–94.

Ануфриева И.В., Четвертаков Е.В. Новые археологические материалы по топографии укреплений нижегородского детинца // Культурный слой / Отв. ред. Е. А. Молев. Нижний Новгород: НГУ им Н.И. Лобачевского, 2012. С. 11–18.

Анучин С.Б., Черников В.Ф., Археологические памятники открытые Б.А. Сафоновым // Археология Верхнего Поволжья: материалы к Своду памятников истории и культуры РСФСР. Вып. 1 / Отв. ред. Ф.В. Васильев. Нижний Новгород: Этнос, 1991. С. 153–159.

Анчабадзе З.В. Кипчаки Северного Кавказа по данным грузинских летописей XI-XIV веков // О происхождении балкарцев и карачаевцев / Отв. ред. И.В. Тресков. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжн. изд-во, 1960. С. 113–126.

Аракелян Б.Н. Армения в IX – XIII вв. // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века / Археология / Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М.: Наука, 2003. С. 335–350.

Арзютов Н.К. Финский могильник XIII-XV вв. вв. близ г. Аткарска // Труды Нижневолжского краевого музея. Вып. 1. Саратов, 1929. С. 4–30.

Арзютов Н.К. Погребение поздних кочевников Калмыцкой области // Известия Нижневолжского института ураеведения. Т. VII. Саратов, 1936. С. 103–114.

Армарчук Е.А., Дмитриев А.В. Памятники Северо-Восточного Причерноморья X–XIII веков. Курганные могильники // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века / Археология / Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М.: Наука, 2003. С. 216–224.

Армарчук Е.А., Малышев А.А. Средневековый могильник в Цемесской долине // Историко-археологический альманах. Вып. 3 / Отв. ред. Р.М. Мунчаев. М.; Армавир: Армавирский музей, 1997. С. 92–114.

Артамонов М.И. Саркел – Белая Вежа // МИА. № 62 / Отв. ред. М.И. Артамонов. М.-Л.: АН СССР, 1958. С. 7–84.

Артамонов М.И. История хазар. СПб.: Лань, 2001. 688 с.

Артемьев С.Б. Отчет о научно-исследовательских археологических разведках на территории Красноярского района Астраханской области в 1995 году. Астрахань, 1996.

Артюзов Н. Отчет о раскопках на месте развалин золотоордынского города Сарайчик в 1937 г. Алматы, 1937 // Архив Института археологии имени А.Х. Маргулана.

Археологическая карта Башкирии / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: Наука, 1976. 263 с.

Археологическая карта Республики Калмыкия. Часть 1 / Под ред. П.М. Кольцова. Элиста: НПП Джангар, 2016. 300 с.

Археологическая карта России. Рязанская область. М.: ИА РАН, 1995. Ч. 2. 221 с.

Археологическая карта России: Нижегородская область. М.: Институт археологии РАН, 2004. Ч.1. 384 с.

Археологическая карта Татарской АССР. Западное Закамье. Ч. I / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1986. 112 с.

Археологическая карта Татарской АССР: Предволжье / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. 116 с.

Археологическая карта Татарской АССР. Предкамье / Отв. ред. А.Х. Халиков. М.: Наука, 1981. 212 с.

Археологическая карта Чувашской Республики. / Отв. ред. Е.П. Михайлов, Н.С. Березина. Чебоксары: Чувашское книжное изд-во, 2013.

Археологические исследования 2010 г.: Болгар и Свияжск / авт.-сост.: Р.Р. Валиев, А.Г Ситдиков., З.Г. Шакиров. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011. 40 с.

Археологические исследования 2011 г.: Болгар и Свияжск / авт.-сост. Р.Р. Валиев, А.Г. Ситдиков, А.С. Старков. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2012. 36 с.

Археологические исследования 2012 г.: Болгар и Свияжск / авт.-сост. Р.Р. Валиев, А.Г. Ситдиков, А.С. Старков. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2013. 34 с.

Археологические исследования 2013 г.: Болгар и Свияжск / авт.-сост.: А.Г. Ситдиков, Р.Р. Валиев, А.С. Старков. Казань: ИИ АН РТ, 2014. 32 с.

Археологические исследования 2014 г.: Болгар и Свияжск / авторы-составители: Ситдиков А.Г., Валиев Р.Р., Старков А.С. Казань: ЗАО «Издательский дом «Казанская недвижимость», 2015. 37 с.

Археологические исследования 2015 г.: Болгар и Свияжск / авт.-сост.: Ситдиков А.Г., Валиев Р.Р., Старков А.С. Казань: Казанская недвижимость, 2016. 36 с.

Археологические исследования 2016 г.: Болгар и Свияжск / авт.-сост.: Ситдиков А.Г., Валеев Р.Р., Старков А.С. Казань: ЗАО «Издательский дом «Казанская надвижимость», 2017. 40 с.

Археологические исследования на территории города Самары. Раскопки В.Н. Глазова и В.А. Миллера на Барбашинском могильнике / составители Д.А. Сташенков, А.Ф. Кочкина. Самара, 2011.

Археологические памятники бассейна р. Черемшан / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1990. 112 с.

Археологические памятники Восточного Закамья / Отв. ред. Е.П. Казаков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1989. 100 с.

Археологические памятники Центрального Закамья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1988. 98 с.

Археологический атлас /сост. А.Ф. Лихачев. Казань, 1923.

Археологический материал с раскопа LXVIII (68) в 1979 г. на Болгарском городище. Рук. работ – Хлебникова Т.А. Начальник ПАЭ – Федоров-Давыдов Г.А. // БГИАМЗ, Док. фонд, Коллекционная опись №89, кп 246 , 1980. Кол-во 369 ед.

Архив ИИМК. Ф. 1. 1864 г. Д. 15.

Архив ИИМК. Ф. 1. 1891 г. Д. 30. Л. 8-11.

Архив ИИМК. Ф. 1. 1893 г. Д. 107. Л. 107об.-110.

Архив ИИМК. Ф. 1. 1895 г. Д. 122. Л. 6-17, 18 об.-23 об., 25-25 об.

Асташева Н.И. Торговые связи средневекового Смоленска // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 4. Общество, экономика, культура и искусство славян. М.: Эдиториал УРСС, 1998. С. 161–167.

Асташова Н.И. Костяные изделия средневекового Смоленска // Средневековые древности Восточной Европы / Труды ГИМ. Вып. 82 / Отв. ред. Н.Г. Недошивина. М.: ГИМ, 1993. С. 69–78.

Асылгараева Г.Ш. Результаты исследований остеологических материалов из раскопок селищ северо-западной округи Билярского городища // Поволжье в средние века: Тезисы докладов Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова / Отв. ред. Т.В. Гусева. Нижний Новгород: НГПИ, 2001. С. 79–83.

Асылгараева Г.Ш., Бахматова В.Н., Газимзянов И.Р., Мельников Л.В., Мухаметшин Д.Г., Набиуллин Н.Г., Семыкин Ю.А., Храмченкова Р.Х. Итоги и перспективы исследований Джукетау // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т.III / Ред. А.Г. Ситдиков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 444–446.

Атавин А.Г. Некоторые особенности захоронения чучел коней в кочевнических погребениях X–XIV вв. // СА. 1984. № 1. С. 134–135.

Атавин А.Г. Погребения VII-начала VIII вв. из Восточного Приазовья // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, 1996. С. 208–264.

Атлас археологических памятников Кирово-Чепецкого района Кировской области / Автор-сост. Л.А. Сенникова. Кирово-Чепецк: Кирово-Чепец. тип., 1995. 37 с., 24 ил.

Атлас СССР / Ред. В. В. Точёнов и др.. М. : ГУГК, 1986. 259 с.

Афанасьев В.Г. Опись подъемного материала с городища Сарайчик 1976 г. Алматы, 1977 // Архив Института археологии имени А.Х. Маргулана.

Афанасьев В.Г. Отчет о работе Гурьевского отряда на раскопках золотоордынского поселения Актобе-Лаэти. Алматы, 1991 // Архив Института археологии имени А.Х. Маргулана.

Афанасьев В.Г. Отчет о работе Гурьевского археологического отряда на раскопках поселения Актобе-Лаэти в 1993 г. Алматы, 1993 // Архив Института археологии имени А.Х. Маргулана.

Афанасьев В.К., Бисенов С.Б., Галкин Л.Л. Исследование Золотоордынского города Лаэти // АО – 1977 /

Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1978. С. 511.

Афоньков Н.Н., Кубанкина О.А. Литейные формы с Увекского городища из коллекции Саратовского областного музея краеведения // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 10 Материалы IV Нижневолжской международной археологической конференции / Отв. ред. В.А. Лопатин. Саратов: Типография ИП Беглакова Е.С., 2013. С. 312 –321.

Ахинжанов С.М. Из истории движения кочевых племен евразийских степей // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1980. С. 46–53.

Ахинжанов С.М., Ерзакович Л.Б. К вопросу о происхождении канов на Сырдарье // Известия АН КазССР. Серия: Общественная. 1972. №2. С. 64–69.

Ахмаров Г. Экскурсия на место древнего Сувара // ИОАИЭ. Т. XI. Вып. 5. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1893. С. 478–481.

Ахмаров Г. Городище Япанчино на реке Кубне // ИОАИЭ. Т. XII. Вып. 2. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1894.

Ахмеров Г. Отчет о поездках с археологической целью 1909 г. в Свияжский и Тетюшский уезды Казанской губернии // ИОАИЭ. Т. XXVI. Вып. 4. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1910–1911. С. 398–408.

Ашмарин И.Н. Болгары и Чуваши // ИОАИЭ. Т. 18. Вып. 1–3. Казань, 1902. С. 1–132.

Багриков Г.И., Сенигова Т.Н. Открытие гробниц в Западном Казахстане // Известия АН КазССР. Серия: Общественная. 1968. № 2. С. 71–89.

Бадеев Д.Ю. Городская планировка Болгара к юго-западу от Соборной мечети в 30–70 гг. XIV в. // КСИА. 2015. Вып. 237. С. 200–210.

Бадеев Д.Ю. Появление и распространение шахмат на территории Руси и Волжской Болгарии (по археологическим данным) // III Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей «Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй» / Отв. ред. Н.Н. Крадин, А.Г. Ситдиков. Владивосток: Дальнаука, 2017. С. 27–30.

Бадеев Д.Ю. Улицы средневекового Болгара // Поволжская археология. 2017. № 4 (22). С. 24–35;

Бадеев Д.Ю. Планировка средневекового Болгара (X–XV вв.). Дисс. .....канд. истор. наук. М., 2019. 267 с.

Бадеев Д.Ю. Шахматные фигуры с территории усадеб центральной части золотоордынского Болгара // Звучат лишь Письмена. К юбилею А.А. Медынцевой / Отв. ред. В.Ю. Коваль. М.: ИА РАН, 2019. С. 64–75.

Бадеев Д.Ю. Планировка средневекового Болгара (X – XV вв.). Автореф. … Дисс. канд. истор. наук. М., 2020. 25 с.

Бадеев Д.Ю. Ремесленная специализация усадеб в центральной части золотоордынского Болгара // Археология Евразийских степей. 2021. № 6. С. 8–19 DOI: http://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.6.8.19.

Бадеев Д.Ю., Коваль В.Ю. Отчет об археологических раскопках на Болгарском городище (раскопы CLXXIX, CXCII, CCVI) в 2015 году // Архив ИА РАН. Р-1. №47571–47575.

Бадеев Д.Ю., Коваль В.Ю. Отчет об археологических раскопках на Болгарском городище (раскопы CLXXIX, CXCII, CCVI) в 2015 году. Т. III. М., 2015 // Архив ИА РАН. Р–1. № 47573.

Бадеев Д.Ю., Коваль В.Ю. Исследования ремесленно-торгового района средневекового Болгара // Поволжская археология. 2018. № 2 (24). С. 270–289. DOI: http://doi.org/10.24852/pa2018.2.24.270.289

Бадеев Д.Ю., Яворская Л.В. Две находки печатей-матриц из раскопок в центральной части золотоордынского Болгара // КСИА. 2017. Вып. 249. Ч. II. С. 288–298.

Байпаков К.М. Отчет Уральской археологической экспедиции в 2001 году. Археологические работы в Западно-Казахстанской области. Уральск, 2001 // Архив Западно-Казахстанского центра археологии и истории.

Байпаков К.М. Отчет Уральской археологической экспедиции в 2002 году. Алматы, 2003 // Архив Института археологии имени А.Х. Маргулана.

Байпаков К.М. Отчет Уральской археологической экспедиции в 2003 году. Археологические работы в Западно-Казахстанской области. Алматы, 2004 // Архив Института археологии имени А.Х. Маргулана.

Байпаков К.М. Отчет о работах на некрополе Кыркоба и городище Жаик Западно-Казахстанской области 2004 года. Алматы, 2005 // Архив Института археологии имени А.Х. Маргулана.

Байпаков К.М. Отчет по теме: «Культурное наследие Западно-Казахстанской области: городище Жайык» 2005 года. Алматы, 2006 // Архив Института археологии имени А.Х. Маргулана.

Байпаков К., Дощанова Т. Казахстан // Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана IX–XV вв. Т. 2. Стекло / Отв. ред. К. Байпаков. Самарканд; Ташкент: МИЦАИ, 2011. С. 12–64.

Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ахатов Г.А. Средневековое городище Жайык. Алматы: Credo, 2005. 221 с.

Байпақов К.М., Смағұлов Е.А. Ортағасырлық Сауран шаһары. Средневековый город Сауран. The medieval town Sauran. Алматы: Credo, 2005. 202 с.

Балабанова М.А. Антропологический состав и происхождение населения Царевского городища // Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье. Вып. 3 / Отв. ред. Б.Ф. Железчиков. Волгоград: ВолГУ, 1999. С. 199–228.

Балабанова М.А. Антропология населения Нижнего Поволжья (кон.V – 1-я пол. IXв.) // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 4. Хазарское время / Отв. ред. А.В. Евглевский. Донецк: Изд-во Донецкого нац. ун-та, 2005. С. 55–72

Балабанова М.А. К вопросу о происхождении раннесредневекового населения юга Восточной Европы и

участие в его этногенезе сарматских групп // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2010. № 2 (18). С. 5–16.

Балабанова М.А., Перерва Е.В. Маячный бугор – могильник Красноярского городища золотоордынского времени (антропология). Волгоград: Изд-во ФГБОУ ВПО РАНХаГС, 2013. 198 с.

Балабанова М.А., Перерва Е.В., Зубарева Е.Г. Антропология Красноярского городища золотоордынского времени. Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС, 2011. 180 с.

Баллод Ф.В. Отчет о раскопках на Увеке летом 1919 года. Саратов, 1919. 40 с.

Баллод Ф.В. Приволжские Помпеи (опыт художественно-археологического обследования части правобережной Саратовско-Царицынской приволжской полосы). М.; Пг.: Гос. Мосполиграф, 1923. 132 с.

Баллод Ф.В. Старый и Новый Сарай, две столицы Золотой Орды и современные им селения Нижнего Поволжья // Новый Восток. 1923б. Кн. 3. С. 372–377.

Баллод Ф.В. Старый и Новый Сарай, столицы Золотой Орды. Результаты археологических работ летом 1922 года. Казань: Комбинат Издательства и Печати, 1923в. 63 с.

Баранов В.С., Бадеев Д.Ю., Коваль В.Ю. Исследования остатков монументальной постройки к юго-западу от Соборной мечети в Болгаре // Поволжская археология. 2012. № 1. С. 158–171.

Баранов В.С., Беляев А.В., Газимзянов И.Р. Исследования мусульманского некрополя в южной части Болгара в 2010 – 2011 гг.// Материалы конгресса исламской археологии России и стран СНГ / Отв. ред. Х.М. Абдуллин, А.Г. Ситдиков. Казань: ИА АН РТ, 2016. С. 11–15.

Баранов В.С. Вопросы благоустройства города Болгара и их археологическое изучение // Город Болгар: Монументальное строительство, архитектура, благоустройство / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 2001. С. 311–353.

Баранов В.С. Клад медной посуды из Болгар // ТА. 2001. №1–2. С. 75–103.

Баранов В.С. О находке серебряного слитка на юго-восточной окраине Болгарского городища // Диалог культур Евразии: вопросы средневековой истории и археологии. Изучение и сохранение историко-культурного наследия / Ред. А.А. Бурханов. Казань: ТГГИ, 2001. С. 144–146.

Баранов В.С. Керамические трубы Болгарского городища // Из археологии Поволжья и Приуралья / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: Институт истории АН РТ, 2003. С. 211–232.

Баранов В.С. Роль благоустройства в формировании городской культурысредневекового Болгара // Город Болгар: культура, искусство, торговля / Отв. ред. П.Н. Старостин. М.: Наука, 2008. С. 108–124.

Баранов В.С. Объекты жилой застройки одного из районов юго-восточной периферии города Болгара // Город Болгар. Жилища и жилая застройка / Отв. ред. А.Г. Ситдиков. М.: Наука, 2016. С. 192–241.

Баранов В.С., Беляев А.В., Газимзянов И.Р. Исследования мусульманского некрополя в южной части Болгара в 2010 – 2011 гг.// Материалы конгресса исламской археологии России и стран СНГ / Отв. ред. Х.М. Абдуллин, А.Г. Ситдиков. Казань: Институт археологии АН РТ, 2016. С. 11–15.

Баранов В.С., Беляев А.В., Ситдиков А.Г. К вопросу локализации одного из городских некрополей в южной части Болгарского городища // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т.III / Ред. А.Г. Ситдиков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 447–450.

Баранов В.С., Бугров Д.Г., Ситдиков А.Г. Музей Болгарской цивилизации. Т. 1. Древний Болгар: жизнь города. Казань: Главдизайн, 2016. 254 с.

Баранов В.С., Бугров Д.Г., Ситдиков А.Г. Музей Болгарской цивилизации. Т. 2. История тюрко-болгарской цивилизации Казань: Главдизайн, 2016а. 254 с.

Баранов В.С., Бугров Д.Г., Ситдиков А.Г. Каталог экспозиции Музея болгарской цивилизации. Т.2. История тюрко-болгарской цивилизации. Казань: Главдизайн, 2016б. 254 с.

Баранов В.С., Газимзянов И.Р., Жолобов А.И., Рахматуллин Н.Р. Детектив эпохи Средневековья: комплексный историко-антропологический анализ материалов погребения 11 раскопа CXLIX на Болгарском городище // Азак и мир вокруг него: Материалы Международной научной конференции / Донские Древности. Вып. 12 / Отв. ред. Е. Е. Мамичев. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2019. С. 240–245.

Баранов В.С., Кавеев М.М. Археологическое исследование мавзолеев центральной части Болгарского городища // Город Болгар. Монументальное строительство, архитектура, благоустройство / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 2001. С. 176–199.

Барбаро И. Барбаро и Контарини о России: к истории итал.-рус. связей в XV в. Л.: Наука, 1971. 273 с.

Баринов Д.Г. Золотоордынское поселение около поселка Шумейка // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Вып. 2 / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов: Орион, 1997. С. 241–253.

Баринов Д.Г. Отчет об археологических работах в бассейне р. Волги с притоками в пределах Энгельсского района в 1986 г. Саратов, 1987 // АрхивИА РАН. Р-1. Д. 11798.

Баринов Д.Г. Отчет об археологических работах в Энгельсском и Вольском районах Саратовской области в 1990 г. Саратов, 1991 // Архив ИА РАН. Р-1. № 16643

Бартольд В.В. О погребении Тимура // Бартольд В.В. Сочинения. Т. II. Ч. 2. М.: Наука, 1964. С. 442–454.

Бартольд В.В. К вопросу о погребальных обрядах тур-

ков и монголов // Бартольд В.В. Сочинения. Т. IV. М.: Наука, 1966. С. 377–396.

Бартольд В.В. Сочинения. T.V. М.: Наука, 1968. 757 с.

Басилов В.Н. Культ святых в исламе. М.: Мысль, 1970. 144 с.

Бахматова В.Н. К проблеме изучения керамики «джукетау» (историографический обзор) // Поволжская археология. 2016. №4 (18). С. 125–143.

Бахматова В.Н. Керамика «джукетау» в гончарстве населения Среднего Поволжья X – XV вв. Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2021. 257 с.

Бахматова В.Н., Куклина А.А. О связи технологии изготовления общеболгарских керамических сосудов с их функциональным предназначением: характеристика формовочных масс (по материалам исследований Болгарского городища 2011–2012 гг.) // Поволжская археология. 2014. № 2 (8). С. 230–255.

Бахматова В.Н., Набиуллин Н.Г. Источниковые возможности неполивной глиняной «традиционной» посуды (на примере керамического комплекса города Джукетау X–XIV вв. // Филология и культура. 2013. № 3 (33). С. 232–235.

Бахматова В.Н., Ситдиков А.Г. Районы и места отбора исходного сырья в гончарном производстве Болгара: источники и проблемы идентификации (по материалам аналитических исследований) // Поволжская археология. 2017. № 2 (20). С. 255–281.

Бахматова В.Н., Храмченкова Р.Х., Ситдиков А.Г. Исследования керамики и источников глинистого сырья в керамическом производстве Среднего Поволжья XIII-XIV вв. // Поволжская археология. 2017. №4 (22). С. 126–146.

Баяр Д. Алтан ургийн язгуартны нэтэн булшийг судалсан нь. Улаанбаатор: хот, 2000, 33-р тал. 31 зураг.

Беговатов Е.А. Ремесленный комплекс Билярского II селища // Древние ремесленники Приуралья: Материалы Всероссийской научной конференции (Ижевск, 21-23 ноября 2000 г.) / Отв. ред. В.И. Завьялов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001С. 148–159.

Беговатов Е.А. Билярский клад куфических монет и Волжский торговый путь в конце X – начале XI вв. // Поволжье в средние века. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Германа Алексеевича Федорова-Давыдова (1931-2000) / Отв. ред. Т.В. Гусева. Нижний Новгород: НГПУ, 2001. С. 111–112.

Беговатов Е.А., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.М. Балынгузское IV селище // Биляр и Волжская Булгария: изучение и охрана археологических памятников. Тезисы научной конференции / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Фест, 1997. С. 14–16.

Беговатов Е.А., Пачкалов А.В. Новые находки восточных монет золотоордынского времени на Мурзихинском и Старокуйбышевском IV селищах в Татарстане // XIV ВНК. Тез. док. и сообщ. / Отв. ред. В.А. Калинин. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2007. С. 81–83.

Беговатов Е.А., Пачкалов А.В. Новые находки джучидских монет в Республике Татарстан // Город и степь в контактной евро-азиатской зоне. Материалы III международной конференции, посвящённой 75-летию со дня рождения профессора Г.А. Федорова-Давыдова (1931-2000) / Труды ГИМ. Вып. 184 / Отв. ред. В.Г. Рудаков. М.: ГИМ, 2013.С. 183–196.

Беговатов Е.А., Полубояринова М.Д. Восточные стеклянные лампы из Поволжья // РА. 2014. № 1. С. 158–162.

Бездудный В.Г., Пигарев Е.М. Геофизические исследования на Селитренном городище // Астраханские краеведческие чтения. Вып. II / Отв. ред. А.А. Курапов. Астрахань: Сорокин Роман Васильевич, 2010. С. 100–105.

Безухова Е.А. Отчет об археологической разведке 2 отряда Горьковской экспедиции 1959 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1928.

Бейлекчи В.С. Отчет «Проведение археологических разведок в рамках выполнения историко-культурной экспертизы в Арзамасском, Ардатовском, Балахнинском, Большемурашкинском, Борском, Вадском, Ветлужском, Воротынском, Дальнеконстантиновском, Дивеевском Кулебакском, Лысковском, Павловском, Пильнинском, Перевозском и Первомайском районах Нижегородской области в 2007 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 29080.

Белавин А.М. Камский торговый путь. Средневековое Приуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь: ПГПУ, 2000. 200 с.

Беленькая Д.А. О грамотности московских горожан в XIV–XVII веках // Средневековые древности Восточной Европы / КСИА. Вып. 144 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1975. С .47–53.

Беленькая Д.А. Медная пластика городов Московской Руси // Средневековая археология Восточной Европы / КСИА. Вып. 208 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1993. С. 11–19.

Белецкий В.Д. Отчет о работах Нижневолжской разведывательной археологический экспедиции Государственного Эрмитажа за 1957 год // Архив ИА РАН. Р-1. № 2536.

Белецкий В.Д. Археологические разведки на Нижней Волге // СГЭ. Вып. XXIII. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. С. 61-64.

Белорыбкин Г.Н. Золотаревское поселение. СПб., Пенза: ПГПУ, 2001. 197 с.

Белорыбкин Г.Н. Западное Поволжье в средние века. Пенза: ПГПУ, 2003. 199 с.

Белорыбкин Г.Н., Поляков В.А., Гусев Л.П., Мельниченко О.В., Ставицкий В.В. Очерки Наровчатской истории. Пенза, 1999. 148 с.

Белоусов С.В. Монетный двор города Мохши // Страницы истории Волго-Донья. Вып. 2 / Отв. ред. А.С. Касимов. Пенза: ПГПУ, 1995. С. 114–119.

ЛИТЕРАТУРА

Беляев А.А., Нуретдинова А.Р. Сфероконические сосуды раскопа CLXV Болгарского городища // Поволжская археология. 2015. № 4 (14). С. 301–310.

Беляев Л.А. Малый городок как памятник архитектуры и строительного ис-кусства Великого Болгара XIV века // Город Болгар. Монументальное строительство, архитектура, благоустройство / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 2001. С. 261–294.

Беляев Л.А., Елкина И.И., Лазукин А.В. Малый городок Великого Болгара: исследования 1981–1983 и 2011–2015 годов / Материалы и исследования по археологии Великого Болгара. Т. I. Москва-Казань: ИА РАН, ИА АН РТ, 2018. 136 с.

Березин И.Н. Булгар на Волге. Казань: тип. Ун-та, 1853. 91 с.

Березина Н.С., Березин А.Ю., Газимзянов И.Р., Михайлов Е.П., Мясников Н.С., Хамзин Р.Н. Изучение средневекового Большетаябинского могильника в 2018 г. // Археология Евразийских степей. 2021. № 3. С. 201–217.

Бируни Абу Рейхан Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия) / Пер. А.М. Беленицкого. Л.: АН СССР, 1963. 519 с.

Бирюков А.В., Завьялов В.И., Савельева Э.А. Технология кузнечного производства эпохи средневековья на Европейском Северо-Востоке (бассейн рек Вычегда и Луза) / Научные доклады Коми НЦ УрО РАН. Вып. 484. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2006. 78 с.

Бисембаев А.А. Кочевники средневековья Западного Казахстана. Актобе: ИП Жанадилов С.Т., 2010. 248 с.

Блохин В.Г. Золотоордынское поселение у с. Колобовка // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 2 / Отв. ред. А.С. Скрипкин.. Волгоград: ВолГУ, 1999. С. 171–173.

Блохин В.Г. Планировочная структура золотоордынского города // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 1999. С. 271–299.

Блохин В.Г. Исследование мемориального комплекса на юго-западной окраине Царевского городища // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 9 / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 2008. С. 227–238.

Блохин В.Г., Яворская Л.В. Археология золотоордынских городов Нижнего Поволжья. Волгоград: ВолГУ, 2006. 225 с.

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы: источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 275 с.

Богданов А.П. Жители древних Болгар по краниологическим признакам // Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. III. Ч. 1 / Ред. А.П. Богданов. М., 1879. С. 1–15.

Болдырева Е.М. Влияние городов Северного Кавказа на Нижнее Поволжье в домонгольский период (по материалам раскопок городища Самосделка) // Северокавказский город в региональном историческом процессе. Материалы Международной научной конференции (Каспийск, 18-19 сентября 2012 г.) / сост. А. С. Халилова. Махачкала: ALEPH, 2012. С. 75–77.

Болдырева Е.М. Поливная керамика Нижнего Поволжья в X – 1-й пол. XIV вв. (по материалам Самосдельского городища). Дисс. … канд. ист. Наук. М., 2016. 250 с.

Большаков О.Г. Средневековый город Ближнего Востока (VII – середина XIII в.). М.: Наука, 1984. 344 с.

Большаков О.Г., Монгайт А.Л. Путешествие Абу-Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131 – 1153). М.: Наука, 1971. 134 с.

Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М.: Мысль, 1988. 522 с.

Борисов А.В., Демкина Т.С., Демкин В.А. Палеопочвы и климат Ергеней в эпоху бронзы (IV–II тыс. до н.э.). М.: Наука, 2006. 210 с.

Борисов А.В., Ельцов М.В., Шишлина Н.И., Демкина Т.С., Демкин В.А. Палеопочвенные исследования курганов катакомбной культуры (вторая половина III тыс. до н.э.) в Калмыкии // Почвоведение. 2005. № 2. С. 140–148.

Борисов В.Л. Описание развалин города Булгара подполковником Свечиным в 1765 г. // ИОАИЭ. Т. XIV. Вып. 5. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1898. С. 572–576.

Боталов С.Г. Поздняя древность и средневековье // Древняя история Южного Зауралья. Ранний железный век и средневековье. Т. 2 / Этногенез уральских народов. Челябинск: ЮурГУ, 2000. С. 207–430.

Боталов С.Г., Бабенков К.Н. Комплексы Агаповских гор и низовий реки Кирса // Археология Южного Урала. Степь (проблема культурогенеза). Серия «Этногенез уральских народов» / Ред. С.Г. Боталов и др. Челябинск: Рифей, 2006. С. 414–435.

Бочаров С.Г. Археологические исследования гончарных горнов на Болгарском городище в 2016 году (раскоп XXXVI) // Поволжская археология. 2018. № 2 (24). С. 253–269.

Бочаров С.Г., Масловский А.Н. Солхатская война и её отражение в генуэзской фортификации ВосточногоКрыма // Крым в войнах России. Материалы Всероссийской научной конференции (Ростов-на-Дону, 19-21 октября 2015 г.) / Отв. ред. Г.Г. Матишов. Ростов-на-Дону:ЮНЦ РАН, 2015. С. 38–45.

Бочаров С.Г., Масловский А.Н. Письменные источники об итальянской торговле кожей в Северном Причерноморье и данные археологии // Уч. зап. Казанского университета. Гуманитарные науки. 2015. Т. 157, кн. 3. С. 7–11.

Бочаров С.Г., Яворская Л.В. К вопросу о кожевенном производстве в Золотой Орде: результаты археологического и археозоологического исследования на городище Маджары в 2017 году // Поволжская археология. 2019. №4 (30). С. 184–199.

Бочкарева Е.Е. Историческая топография золотоордынского города Мохши // Средневековый город Мохши и Наручатская земля. Пенза. 2010.

Бретаницкий Л.С. Зодчество Азербайджана XII-XV вв. и его место в архитектуре Переднего востока. М.: Наука, 1966. 558 с.

Бронникова М.А, Зазовская Э.П., Аржанцева И.А. Городище «Самосделка»: предварительные результаты и перспективы комплексных почвенно-ландшафтных исследований. // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий: Материалы всероссийской научно-практической конференции / Ред. Е.В.Шнайдштейн, Т.Ю. Гречкина, Д.В. Кутуков. Астрахань: АГПУ, 2001 С. 43–47.

Брюхова Н.Г. Антропологический материал Плотниковского могильника // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология: Материалы XVIII Уральского археологического совещания / Науч. ред. Г.Т. Обыденнова и др.. Уфа: БГПУ, 2010. С. 271–274.

Брюхова Н.Г., Лычагина Е.Л., Руденко К.А. Перстни из раскопок Плотниковского могильника (коллекция из раскопок 2010 г.) // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. Вып. 3 / Отв. ред. А.М. Белавин. Пермь: ПГПУ, 2010. С. 4–7.

Бугарчев А.И. Неопубликованный клад золотоордынских монет из архива А.Ф. Лихачёва // Труды IV МНК. Москва, 2008. С. 26-38.

Бугарчев А.И. Монеты Мохши из собрания казанского коллекционера А.Ф. Лихачёва // Средневековый город Мохши и Наручатская земля: итоги 95-летнего изучения. 23 – 24 сентября 2010 года / Под общей ред. Г.Н. Белорыбкина. Пенза, 2010. С. 49 – 55.

Бугарчев А.И. О первых булгарских серебряных динарах XIII в. // Поволжская археология. 2017. №4 (22). С. 165–174.

Бугарчев А.И. Монеты XV в. из окрестностей села Карташиха Лаишевского района Татарстана (к вопросу о монетном обращении на Средней Волге в середине-второй половине XV в.) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. №8. Т.2. Казань, 2018. С. 76-81, илл.

Бугарчев А.И. Топография находок булгарских серебряных динаров с именем халифа ан-Насир ли-дин Аллаха // Урал-Алтай: через века в будущее. Мат-лы VIII Всероссийской тюркологической конференции (с международным участием) «Урал-Алтай: через века в будущее», посвященной 100-летию со дня рождения народного поэта Башкортостана Мустая Карима. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2019. С. 168-171.

Бугарчев А.И. Находки джучидских монет XIII–XIV вв. из окрестностей деревни Гурьевка Алексеевского района Татарстана // Оазисы шелкового пути: исторические истоки интеграционных процессов в Евразии**:** мат-лы VI Международного Золотоордынского Форума «Pax Tatarica: генезис и наследие государственности Золотой Орды» / Сост. и отв. ред. И.М. Миргалеев. М.-Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ; Издательский дом «Исламская книга», 2020. С. 256–261.

Бугарчев А.И. О кладе булгарских монет начала XIV в. // Нумизматические чтения Государственного Исторического музея 2020 года / Отв. ред. Е.В. Захаров. М.: ГИМ, 2020. С. 79–85.

Бугарчев А.И. О метрологии медных монет Сарая, Сарая ал-Джадида и Гулистана в XIV в. // Археология Казахстана. 2020. №1 (7). С. 98–114.

Бугарчев А.И. Изображения зверей, птиц и рыб на серебряных монетах булгарского региона в XIII-XIV вв. // Археология Казахстана. 2021. №1 (11). С. 145–159.

Бугарчев А.И. Клад джучидских монет середины XV века из Рыбнослободского района Татарстана // Татары и чуваши – ветви одного древа: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Чебоксары, Казань, 7-8 октября 2021 г.) / сост. и отв. ред. Г.А. Николаев, Р.Р. Исхаков; Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ; ЧГИГН. – Казань – Чебоксары: Новое время, 2021. С. 149-153.

Бугарчев А.И. О метрологии медных булгарских монет середины XIII в. // РА. 2021. № 2. С. 123–130.

Бугарчев А.И., Беляев А.В. Нумизматические материалы из раскопа CLXVIII Болгарского городища // Поволжская археология. 2014. №2 (8). С. 165–175.

Бугарчев А.И., Беляев А.В. Нумизматические материалы из раскопа CLXVIII Болгарского городища // Поволжская археология. 2014. №2 (8). С. 165–175.

Бугарчев А.И., Купцов А.Е. Клад монет начала XV в. из окрестностей г. Тетюши (Татарстан) // Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2017 года. Материалы докладов и сообщений. Москва, 23 и 24 ноября 2017 г. М.: РИА Внешторгиздат, 2017. С. 117-127.

Бугарчев А.И., Купцов А.Е. Второй клад джучидских монет XIII в. из Кайбицкого района РТ // Золотоордынское наследие: Материалы VI Международного Золотоордынского Форума «Pax Tatarica: генезис и наследие государственности Золотой Орды», Казань, 26-28 июня 2019 г. Вып. 3. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 99–107.

Бугарчев А.И., Купцов А.Е. Комплекс булгарских монет конца XIII – начала XIV в. из Старомайнского района Ульяновской области // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 8 / Отв. ред. В.В. Зайцев. СПб.: ООО Контраст, 2020. С. 158–167.

Бугарчев А.И., Купцов А.Е. О находках монет Гийас ад-Дина II в Татарстане // Двадцать первая Всероссийская нумизматическая конференция. Тверь 24-29 мая 2021 г. Тезисы докладов и сообщений. Тверь, 2021. С. 94–96.

Бугарчев А.И., Мухаметшин И.Д., Степанов О.В., Файзрахманов П.Х. О двух группах ордынских пу-

лов XIV в. // Пензенский археологический сборник. Международный сборник научных трудов / Под общей ред. Г.Н. Белорыбкина. Выпуск 5. Пенза, 2022. С. 321-328.

Бугарчев А.И., Павлов А.А. Клад ордынских монет начала XV в. из Дятлово (Лаишевский район РТ) // «Человек и природа в бассейне реки Меша и Пестречинском Заказанье в историческом развитии. («Вторые Пестречинские научно-краеведческие чтения»). Мат-лы Всероссийской научно практической, историко-краеведческой конференции. // Серия «Восток – Запад: диалог культур и цивилизаций Евразии». Вып. 22. / Под ред. А.А. Бурханова. Казань: Отечество, 2022. С. 65–65.

Бугарчев А.И., Пахомова С.Г. Нумизматический материал из Ага-Базара // XXI Уральское археологическое совещание, посвящённое 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Самара: СГСПУ, 2018. С. 277–279.

Бугарчев А.И., Петров П.Н. Монетные клады Булгарского вилайата XIII – первой трети XIV вв. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 336 с.

Бугарчев А.И., Петров П.Н., Сингатуллина А.З., Шайхутдинова Е.Ф. Монеты хана Тимура из Измериевского клада // История и культура Великой степи. Материалы Международной научно-практической конференции / Под ред. М.Х. Абусеитовой. Алматы, 2020. С. 142–145.

Бугарчев А.И., Руденко К.А. Нумизматические находки с селища Чакма (р.п. Лаишево, Республика Татарстан) // Поволжская археология. 2013. № 4 (6). С. 64–78.

Бугарчев А.И., Сивицкий М.В. Археологические и нумизматические находки из раскопа CLXXXV Болгарского городища // Поволжская археология. 2016. № 4 (18). С. 202–225.

Бугарчев А.И., Степанов О.В. Находка клада джучидских монет XIV – начала XV в. из Лаишевского района Республики Татарстан // Нумизматика Золотой Орды. Вып. 4. / Гл. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. С. 39–47.

Бугарчев А.И., Степанов О.В. Обзор пулов Мохши, найденных на территории Болгарского городища // Языки культуры в контексте исторического наследия: к 100-летию со дня рождения Э.Р Тенишева: сб.ст. конф. Пенза / под ред. Ж.З. Туктаровой, В.Ф. Мухамеджановой, Г.Х. Самочкиной. Пенза: Изд-во ПГУ, 2021. С. 287-290.

Бугарчев А.И., Степанов О.В. Комплекс монет из деревни Кожаевка (Татарстан) // Нумизматика Золотой Орды. 2011. Вып. 1 / Гл. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Фолиант; Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, С. 85–88.

Бугарчев А.И., Степанов О.В. Редкие джучидские монеты XIII в. // Нумизматика Золотой Орды. Вып. 2 / Ред. И.М. Миргалеев. Казань: Яз; Ин-т истории АН РТ, 2012. С. 60–65.

Бугарчев А.И., Степанов О.В. Клад серебряных монет первой половины XV века из окрестностей г. Билярска (Татарстан) // Нумизматика Золотой Орды. Вып. 3 / Гл. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2013. С. 92–97.

Бугарчев А.И., Степанов О.В. Надчеканенные пулы XIV в. из Иске-Казани // Археология Евразийских степей. 2017. № 6. С. 79–83.

Бугарчев А.И., Степанов О.В. Находки монет русских княжеств из Иске-Казанского археологического комплекса // Сборник материалов III-IV Региональной научно-практической конференции «Болгарский музей-заповедник – хранитель культурного наследия». Казань: ООО «Издательство «Корпорация технологий продвижения», 2018. С. 72-75.

Бугарчев А.И., Степанов О.В. Находки джучидских серебряных монет XV в. на территории Иски-Казанского археологического комплекса // Золотоордынское наследие: Материалы VI Международного Золотоордынского Форума «Pax Tatarica: генезис и наследие государственности Золотой Орды», Казань. Вып. 3. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 211-216.

Бугарчев А.И., Степанов О.В. Археологические и нумизматические находки из Алькеевского района РТ // Родной край: краеведческий журнал. 1. 2020 / Гл. ред. Д.М. Исхаков. Казань, 2020. С. 77-81.

Бугарчев А.И., Степанов О.В. Два клада булгарских монет начала XV в. из Атнинского района Татарстана // Родной край. Краеведческий журнал. 3-4. 2020 / Гл. ред. Д.М. Исхаков. Казань, 2020. С. 124-127.

Бугарчев А.И., Степанов О.В. Монетные находки из Новошешминского района РТ // Родной край. Краеведческий журнал. 2. 2020 / Гл. ред. Д.М. Исхаков. Казань, 2020. С. 107-108.

Бугарчев А.И., Степанов О.В. Клад джучидских монет первой трети XV в. из Алексеевского района (Республика Татарстан) // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 9 / Отв. ред. В.В. Зайцев. М., 2021. С. 208-214.

Бугарчев А.И., Степанов О.В. Монетные находки на территории Иски-Казанского археологического комплекса. Материалы X-XV вв. Казань: Отечество, 2021. 95 с.

Бугарчев А.И., Степанов О.В. Клад булгарских монет 1280-х гг. из пос. Приволжский Спасского района Татарстана // Пензенский археологический сборник. Международный сборник научных трудов / Под общей ред. Г.Н. Белорыбкина. Выпуск 5. Пенза, 2022. С. 288–292.

Бугарчев А.И., Степанов О.В., Емельянов В.П. Монеты XIV в. из окрестностей деревни Ржавец (Спасский

район Республики Татарстан) // Человек и природа в бассейне реки Ик в историческом развитии. Материалы Всероссийской конференции. Вып. 21 / Под ред. А.А. Бурханова. Казань: Отечество, 2020. С. 27–30.

Бугарчев А.И., Файзрахманов П.Х., Степанов О.В. Новые находки джучидских монет из Иски-Казани // Туган Жир – Родной Край. 2021. № 4. С. 59–63.

Бугарчев А.И., Шайхутдинова Е.Ф. Нумизматический комплекс из с. Рождествено (Татарстан) по материалам Музея археологии АН РТ // Археология Евразийских степей. 2022. № 3. С. 169–174. DOI: https://doi.org/10.24852/2587-6112.3.169.174.

Бузланов С.А. Материалы к археологической карте Екатериновского района Саратовской области (бассейн р. Сердоба) // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 году. Вып. 5 / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов: Научная книга, 2003. С. 220–228.

Булатов А.Б. Эпиграфические памятники Закамья // Ученые записки НИИЯИИЭ. Чебоксары, 1967. С. 198–215.

Булатов Н.М. Классификация кашинной поливной керамики золотоордынских городов // СА. 1968. №4. С. 95–109.

Булатов Н.М. Алебастровые формы из керамической мастерской Селитренного городища // СА. 1972. №1. С. 271–274.

Булатов Н.М. Кобальт в керамике Золотой Орды // СА. 1974. №4. С. 135–141.

Булатов Н.М. О трех гончарных печах Селитренного городища // СА. 1976а. № 1. С. 247–254.

Булатов Н.М. Классификация красноглиняной поливной керамики золотордынских городов // Средневековые памятники Поволжья / Отв. ред. А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1976б. С. 73–107.

Булатов Н.М. Антропоморфные и зооморфные сюжеты в керамике Золотой Орды // Поволжье и сопредельные территории в средние века / Труды ГИМ. Вып. 135 / Отв. ред. В.Л. Егоров, Ю.А. Зеленеев. М.: Тиссо-Полиграф, 2002. С. 37–49.

Булгары. Черная палата: памятник татарского зодчества / Ред. А.П. Смирнов, В.В. Егерев, Р.М. Муртазина, П.М. Дульский. Казань: Татар. отд-ние Союза совет. архитекторов СССР и Архфонда, 1951. 30 с.

Буров Г.М. Археологические памятники Верхней Свияги. Ульяновск: Приволж. Кн. изд-во., 1972. 56 с.

Буров Г.М. Археологическая карта Ульяновской области. Симферополь, 1977. (рукопись).

Бурханов А.А. Отчет об итогах археологических исследований в охранной зоне Иске-Казанского государственного музея-заповедника (ИКГМЗ) в 1995 году. Казань, 1996. Архив ИА АН РТ, ф. 105, оп. 3, дело 18.

Бурханов А.А. Новые археологические исследования в Заказанье и Казани (предварительное сообщение) // Tatarica. 1997/98. No 1. С. 137–144.

Бурханов Альберт. Археология Казанского ханства // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. Мат-лы научного семинара «Казанское ханство: актуальные проблемы исследования». 5 февраля 2002 г. / Отв. ред. И.К. Загидуллин. Казань: Фэн, 2002. С. 246–267.

Бурханов А.А. Древности Предволжья: история исследований, итоги и перспективы изучения историко-археологических памятников / Материалы и исследования по археологии Золотой Орды и Казанского ханства. Вып. 3. Казань: ТГГИ, 2003. 85 с.

Бурханов А.А. Археологическое изучение памятников эпохи Улуса Джучи и Казанского ханства // Археологические исследования и музейно-краеведческая работа в Волго-Уральском регионе. Древности, издаваемые Российским археологическим обществом. Выпуск 36. Под ред. Б.Я Ставиского и А.А. Бурханова. Москва-Казань: Gumanitaria (Изд-во ТГГИ), 2003. С. 242-252.

Бурханов А.А. Отчет об основных итогах историко-археологических исследований в районах Предволжья в 2003 г. (Зеленодольский и Тетющский р-ны РТ). Ч.1. Казань, 2004.

Бурханов А.А. Золотоордынские памятники Поволжья / Материалы и исследования по археологии Золотой Орды и Казанского ханства. Вып. 4. Стамбул; Казань, 2005. 62 с.

Бурханов А.А. Отчет об историко-археологических исследованиях в Атнинском и Алькеевском районах Республики Татарстан в 2005 году. Часть 2. Археологическое изучение Ашиязского поселения в Атнинском районе и Старонохратского городища в Алькеевском районе Республики Татарстан в 2005 г. Казань, 2006.

Бурханов А.А. Золотоордынские памятники Поволжья: итоги и перспективы изучения, сохранения и использования (по материалам исследований поселений XIII–XVI вв. в Среднем и Нижнем Поволжье в 1995–2004 гг.) // История и современность. 2007. № 1. С. 85–108.

Бурханов А.А. Краткий очерк истории развития поселений бассейна реки Мёша в пределах Сабинско-Тюлячинского заказанья в период средневековья // «Человек и природа в бассейне реки Меша и Пестречинском Заказанье в историческом развитии». («Вторые Пестречинские научно-краеведческие чтения»). Мат-лы Всероссийской научно практической, историко-краеведческой конференции. // Восток – Запад: диалог культур и цивилизаций Евразии. Вып. 22. / Ред. А.А. Бурханов. Казань: Отечество, 2022. С. 35–44.

Бурханов А.А., Замалтдинов Р.Р. Изучение средневековых памятников в Заказанье в 2001 году // Археологические исследования и музейно-краеведческая работа в Волго-Уральском регионе. Древности, издаваемые Российским археологическим обществом. Выпуск 36. Под ред. Б.Я Ставиского и А.А. Бурхано-

ва. Москва-Казань: Gumanitaria (Изд-во ТГГИ), 2003. С. 256–261.

Бурханов А.А., Измайлов И.Л. Новые данные по фортификации Казанского ханства (по итогам раскопок памятников Заказанья) // Научное наследие А.П. Смирнова и современныепроблемы археологии Волго-Камья. / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: Изд-во ГИМ, 1999. С. 135–138.

Бусятская Н.Н. Художественное стекло стран Ближнего Востока на территории Восточной Европы (X–XIV вв.) // Вестник Московского университета. Серия 9. История. 1972. № 2. С. 83–90.

Бусятская Н.Н. Стеклянные изделия городов Поволжья (XIII–XIV вв.) // Средневековые памятники Поволжья / Отв. ред. А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1976. С. 38–72.

Буяновский М.С., Доскач А.Г., Фридланд В.М. Природа и сельское хозяйство Волго-Уральского междуречья. М.: АН СССР, 1956. 230 с.

Валеев Р.М. Основные закономерности и особенности монетного обращения Среднего Поволжья и Приуралья в золотоордынский период // НЗО, выпуск 1. Казань: ООО «Фолиант», Институт истории им. Ш Марджани АН РТ, 2011. С. 50–64.

Валеев Рафаэль. Монетное обращение и денежно-весовая система // История татар с древнейших времен. В семи томах. Том IV. Татарские государства XV–XVIII вв. / Гл. ред. Р. Хакимов. Казань, 2014. С. 431–439.

Валеев Р.М., Бугарчев А.И. Серебряные монеты XIII – начала XIV в. из раскопа CLXXIX Болгарского городища // Поволжская археология. 2022. № 2 (40). С. 135–144.

Валеев Р.М., Ситдиков А.Г., Персова С.Г. Болгарское городище в сведениях исследователей XIX в. // Вестник КГУКИ. 2015. Вып. 4-1. С. 16–20.

Валеев Ф.Х. Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1975. 216 с.

Валеева Д.К. Искусство волжских булгар периода Золотой Орды (XIII–XV вв.). Казань: Фикер, 2003. 239 с.

Валеева-Сулейманова Г.Ф. Булгарское искусство // История татар с древнейших времен. Том II Волжская Булгария и Великая степь / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: РухИЛ, 2006. С. 592–614.

Валиев Р.Р. Отчет об археологических охранно-спасательных исследованиях Сюкеевского I селища «Мазарки» в Камско-Устьинском районе Республики Татарстан в 2009 году. Казань, 2010 // НФ МА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д.280. 101 л.

Валиев Р.Р. Отчет об археологической разведке в буферной зоне и прилегающих территориях Болгарского историко-археологического комплекса в Спасском районе Республики Татарстан в 2019 г., в 3-х томах. Том III (иллюстрации, приложения). Казань, 2021. 228 с. // НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф.4. Оп.1. Д.474.

Валиев Р.Р. Отчет об археологической разведке в буферной зоне и прилегающих территориях Болгарского историко-археологического комплекса в Спасском районе Республики Татарстан в 2019 г., в 3-х томах. Том II (иллюстрации). Казань, 2021. 118 с. // НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 473.

Валиев Р.Р. Отчет об археологической разведке в буферной зоне и прилегающих территориях Болгарского историко-археологического комплекса в Спасском районе Республики Татарстан в 2019 г., в 3-х томах. Том I (текст). Казань, 2021. 163 с. // НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф.4. Оп. 1. Д. 472.

Валиев Р.Р., Зеленеев Ю.А., Пигарев Е.М., Ситдиков А.Г. Селитренное городище: материалы исследований 2006, 2007, 2009 годов (берег р. Ахтубы) / Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 12. Йошкар-Ола: МарГУ, 2019. 424 с.

Валиев Р.Р., Ситдиков А.Г. Археологическое изучение Болгара в 2010–2015годах // Город Болгар: История изучения и сохранения / Отв. ред. А.Г. Ситдиков. М.: Наука, 2021. С. 73–88.

Валиев Р.Р., Степанов Р.А. Балымерское селище V: итоги исследований 2019 г. // Археология Евразийских степей. 2021. № 3. С. 24–42.

Валиулина С.И. Билярское III селище (к вопросу о Биляре золотоордынского периода) // Биляр и Волжская Булгария: изучение и охрана археологических памятников. Тезисы научной конференции / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Фест, 1997. С. 21–24.

Валиулина С.И. Бытовая керамика золотоордынского Биляра // Проблемы межэтнических взаимодействий в сопредельных национальных и административных образованиях (на примере региона Среднего Прикамья). Сарапул: СИКМ, 1997. С. 76–78.

Валиулина С.И. «Минаи» Билярского городища // Аспекты гуманитарных исследований. Казань: ТГГИ, 1998. С. 190–194.

Валиулина С.И. Исследования золотоордынского Биляра // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья / Труды ГИМ. Вып. 122 / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: ТГИМ, 2000. С. 273–285.

Валиулина С.И. Золотоордынский Биляр: начало исследований // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золтой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556 / Отв. ред. М. А. Усманов. Казань: Мастер Лайн, 2002. С. 216–243.

Валиулина С.И. Балынгузское (Торецкое) III селище и проблема преемственности городской культуры в округе Билярского городища в золотоордынский период // ТА. 2004а. № 1–2 (12–13). С. 157–191.

Валиулина С.И. Исследования Балынгузского (Торецкого) III селища // АО – 2003 / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 2004. С. 304–306.

Валиулина С.И. Стекло Волжской Булгарии (по материалам Билярского городища). Казань: КГУ, 2005, 280 с.

Валиулина С.И. Стекло Сувара // Город и степь в кон-

тактной евро-азиатской зоне. Тезисы докладов III Международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова (1931–2000) / Отв. ред. В.В. Мурашева. М.: Нумизматическая литература, 2006. С. 96–97.

Валиулина С.И. Иранская чаша XII в. Из Биляра // РА. 2007. № 1. С. 176–181.

Валиулина С.И. Стеклянные бусы Семеновского I и Измерского I селищ // Сельская Русь в IX–XVI веках / Отв. ред. Н.А. Макаров, С.З. Чернов. М.: Наука, 2008. С. 288–298.

Валиулина С.И. Миграционные процессы в лесостепной зоне Западного Закамья в XIII-XV вв. (на примере памятников округи Билярского городища) // Форум «Идель-Алтай». Материалы научно-практической конференции «Идель – Алтай: истоки евразийской цивилизации», I Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей. (Казань, 7-11 декабря 2009 г.). Тезисы докладов. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 58–60.

Валиулина С.И. Стеклянная лампада из V кургана Тураевского могильника // Древняя и средневековая археология Волго-Камья: сб. ст. к 70-летию П.Н. Старостина / Археология евразийских степей. Вып. 10 / Отв. ред. Д.Г. Бугров. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 134–138.

Валиулина С.И. Международные связи раннего Казанского ханства по материалам Торецкого поселения // Русь и Восток в IX–XVI веках: новые археологические исследования / Отв. ред. Н.А. Макаров, В.Ю. Коваль. М.: Наука, 2010. С. 183–191.

Валиулина С.И. Образец аббасидского люстра в собрании Билярского музея-заповедника // Наследие ислама в музеях России: изучение, атрибуция, интерпретация. Материалы научно-практической конференции (3–4 декабря 2009 г.) / Отв. ред. Г.Р. Назипова. Казань: МоиН РТ, 2010. С. 45–52.

Валиулина С.И. Материальная культура раннего Казанского ханства по результатам исследований Торецкого поселения // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. IV / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2011. С. 118–123.

Валиулина С.И. Художественные изделия из цветного металла Торецкого поселения XV в. // РА. 2011. № 4. С. 119–129.

Валиулина С.И. Стеклянные изделия Торецкого поселения // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. Т. 155. Кн. 3. Ч. 1. Казань: КГУ, 2013. С. 20–29.

Валиулина С.И. Средневековое исламское стекло в Восточной Европе // Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века / Отв. ред. П.Г. Гайдуков. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 236–261.

Валиулина С.И. Торецкое городское поселение // Россия как археологическое пространство / Ред Н.А. Макаров. М.: Наука, 2016. С. 148–149.

Валиулина С.И. Ближневосточная поливная керамика рубежа X–XI и XI вв. в памятниках Среднего Поволжья // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья в X–XVIII вв. Т. 2. / Ред. С.Г. Бочаров, В. Франсуа, А.Г. Ситдиков. Казань, Кишинев: Stratum plus, 2017а. С. 625–638.

Валиулина С.И. Клад 2017 года металлической посуды и хозяйственно-бытовых предметов Торецкого городского поселения // Памятники средневековой археологии Восточной Европы. К юбилею М.Д. Полубояриновой / Отв. ред. А.В. Чернецов. М.: Наука, 2017б. С. 235–246.

Валиулина Светлана. Русские в татарском городе XV века и ногаи у его стен: проблема межкультурного взаимодействия по материалам раскопок города Торецкое // Rus´ and the World of the Nomads (the second half of 9th–16th centuries). Publication from the 7th International Scientific Conference, Plzeň, November 23th–26th, 2016, Colloquia Russica. Series I, vol. 7. Krakow, 2017в. P. 351–368.

Валиулина С.И. Золотоордынский Биляр // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2 / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Казань, Кишинев: Stratum plus, 2019. С. 379–412.

Валиулина С.И. Стекло ремесленного района // Центральный базар Болгара и его окружение (междисциплинарные исследования по материалам раскопок 2011–2019 гг.) / Материалы и исследования по археологии Болгарского историко-архитектурного комплекса. Т. IV / Отв. ред. В.Ю. Коваль. М.; СПб: Нестор-История, 2022. С. 87–127.

Валиулина С.И., Беговатов Е.А. Исследование Билярского городища и памятников в его округе // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья / Труды ГИМ. Вып. 122 / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: ТГИМ, 2000. С. 107–109.

Валиулина С.И., Галкина А.А., Нуретдинова А.Р. Гончарные горны Горкинского VIII селища // Актуальные вопросы археологии Поволжья. К 65-летию студенческого научного археологического кружка Казанского университета / Отв. ред. С.И. Валиулина. Казань: ЯЗ, 2012. С. 122–138.

Валиулина С.И., Зайцева И.Е. К вопросу о цветной металлообработке Торецкого поселения XV в. // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве: Материалы V Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова (Астрахань, 2–6 октября 2011 г.) / Ред. Д.В. Васильев, Ю.А. Зеленеев, А.Г. Ситдиков. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 281–287.

Валиулина С.И., Зиливинская Э.Д. Стеклянные изделия Самосдельского городища // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. Т. 152. Кн. 3. Ч. 1. Казань: КГУ, 2010. С. 63–76.

ЛИТЕРАТУРА

Валиулина С.И., Кочкина А.Ф., Беговатов Е.А., Сташенков Д.А. Охранные раскопки в Биляре и его округе // Древности. Вып.36. Археологические исследования и музейно-краеведческая работа в Волго-Уральском регионе / Отв. ред. А.А. Бурханов. М.; Казань: Gumanitarya, 2003. С. 199–203.

Валиулина С.И., Недашковский Л.Ф. Стеклянные изделия Укека и его округи // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 7 / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 2005. С. 257–280.

Варваровский Ю.Е. К вопросу о «теориях двух Сараев» и локализации города Гюлистана // Археологические вести. № 7. 2000. С. 251–263.

Варваровский Ю.Е. Улус Джучи в 60-70-е годы XIV века. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2008. 128 с.

Варваровский Ю.Е., Евстратов И.В. О тождественности передачи Ф.Ф. Чекалиным карты Фра Мауро 1459 г. // Древности Волго-Донских степей. Вып. 6 / Ред. В.И. Мамонтов. Волгоград: ВолГУ, 1998. С. 174–181.

Варфоломеева Т.С. Металлические детали кожаных футляров XI-XV вв. из раскопок в Новгороде // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 8 / Отв. ред. Т.М. Воронина. Новгород: Новгородский музей-заповедник, 1994. С. 166–182.

Василиненко Д.Э. Средневековый курганный могильник Носовцева Поляна 1 в долине р. Мзыста (Сочи) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VII: Археология, палеоантропология, краеведение, музееведение / Отв. ред. А.Б. Белинский. М.: Памятники исторической мысли, 2007. С. 245–274.

Васильев А.В. Последние находки восточных монет в Болгарах // Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР. Третий выпуск. Казань, 1929. С. 41–45.

Васильев А.В. Новые находки золотоордынских монет в ТР // Труды Общества изучения Татарстана. Том I. Казань, 1930. С. 173–175.

Васильев В.Д. Отчет об археологических исследованиях в Приволжском, Камызякском, Икрянинском, Лиманском районах в 1991 г. (Астраханская область). Астрахань, 1991 // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №16601.

Васильев В.Д. Отчет об археологических разведках в Красноярском, Приволжском и Наримановском районах Астраханской области в 1992 г. Астрахань, 1992 // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №16988.

Васильев Д.В. Женское захоронение в сырцовом мавзолее золотоордынского времени // Древности Волго-Донских степей. Вып. 6 / Ред. В.И. Мамонтов. Волгоград: ВолГУ, 1998. С. 101–112.

Васильев Д.В. Городище Ак-Сарай // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий: Материалы всероссийской научно-практической конференции / Ред. Е.В.Шнайдштейн, Т.Ю. Гречкина, Д.В. Кутуков. Астрахань: АГПУ, 2001. С. 68–71.

Васильев Д.В. Новые исследования на городище Мошаик // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий: Материалы всероссийской научно-практической конференции / Ред. Е.В.Шнайдштейн, Т.Ю. Гречкина, Д.В. Кутуков. Астрахань: АГПУ, 2001. С. 48–54.

Васильев Д.В. Городище Ак-Сарай // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий: Материалы всероссийской научно-практической конференции / Ред. Е.В.Шнайдштейн, Т.Ю. Гречкина, Д.В. Кутуков. Астрахань: АГПУ, 2001а. С. 68–71.

Васильев Д.В. О трансформации социальной роли ислама в Золотой Орде // Астраханский край на рубеже веков: история и современность / Гл. ред. Н.М. Ушаков. Астрахань: АГПУ, 2001б. С. 4–5.

Васильев Д.В. Отчет об археологических разведках в Камызякском районе Астраханской области в 2002 г. Астрахань, 2002 // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №26818.

Васильев Д.В. Ислам в Золотой Орде. Историко-археологическое исследование. Астрахань: Астраханский университет, 2007. 192 с.

Васильев Д.В. Ритуальные захоронения баранов на мусульманских некрополях Золотой Орды // Перекрестки истории. Актуальные проблемы исторической науки. Материалы Всероссийской научной конференции 11 апреля 2007 г. / Ред. Д.В. Васильев, А.М. Липчанский, А.В. Сызранов. Астрахань: АГУ, 2007а. С. 103–107.

Васильев Д.В. Исламизация и погребальные обряды в Золотой Орде (археолого-статистическое исследование. Астрахань: Астраханский университет, 2009. 179 с.

Васильев Д.В. Исламизация и погребальные обряды в Золотой Орде (археолого-статистическое исследование. Астрахань: Астраханский университет, 2009а. 179 с.

Васильев Д.В. К вопросу о местонахождении первой столицы Золотой Орды // Золотоордынское наследие. Вып. 1 / Отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Фэн, 2009б. С. 436–445.

Васильев Д.В. Могильники Хан-Тюбе и Тумак-Тюбе // Перекрестки истории. Актуальные проблемы исторической науки. Материалы Всероссийской научной конференции 27 апреля 2009 г. Астрахань: АГУ, 2009в. С. 85–92.

Васильев Д.В. Некоторые результаты исследований на раскопе № 2 // Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации. / Ред. Д.В. Васильев. Астрахань: Сорокин Роман Васильевич, 2011. С. 36–47.

Васильев Д.В. О пути Гильома Рубрука через дельту Волги и о населенных пунктах, которые он посетил // Золотоордынское наследие: материалы второй международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвященной памяти М.А. Усманова. Вып. 2 / Отв. ред. Миргалеев И.М. Казань: Фолиант, 2011. С. 64–

72.

Васильев Д.В. Новые археологические материалы периода исламизации Золотой Орды // Золотоордынская цивилизация. 2013. № 6. С. 10–21.

Васильев Д.В. Город и область Саксин в свете новых данных археологии // Поволжская археология. 2015. № 2 (12). С. 189–267.

Васильев Д.В. Христианские захоронения золотоордынского времени на Нижней Волге // Проблемы истории, филологии и культуры (ПИФК). 2015. № 3 (49). С. 264–274.

Васильев Д.В. Новые сведения о христианстве в дельте Волги в предмонгольское время // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Т. 158. № 3. С. 666–672.

Васильев Д.В. Ещё раз о мавзолеях у посёлка Лапас // Астраханские краеведческие чтения. Вып. IX / Ред. А.А. Курапова, Е.И Герасимиди, М.С. Буроковская. Астрахань: Сорокин Роман Васильевич, 2017. С. 67–78.

Васильев Д.В., Зиливинская Э.Д. К вопросу об интерпретации Самосдельского городища на разных этапах его существования // Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации. / Ред. Д.В. Васильев. Астрахань: Сорокин Роман Васильевич, 2011. С. 158–167.

Васильев Д.В., Сьянова О.А. Свинцовые изделия из материалов Самосдельского городища // Астраханские краеведческие чтения. Вып. IV / Отв. ред. А.А. Курапов. Астрахань: Сорокин Роман Васильевич, 2012. С. 36–42.

Васильев И.Б., Матвеева Г.И. У истоков истории Самарского Поволжья. Куйбышев: Куйбышевское книжное изд-во, 1986. 232 с.

Васильева И.Н. Гончарный горн XIV века на дюне «Большой Шихан» // Средневолжская археологическая экспедиция / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Куйбышев: КГУ, 1977. С. 122–133.

Васильева И.Н. Погребения средневековых кочевников на территории Куйбышевского Поволжья // Древняя история Поволжья / Отв. ред. С.Г. Басин. Куйбышев: КГПИ, 1979. С. 202–240.

Васильева И.Н. Раскопки Сухореченского поселения // АО – 1981 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1983. С. 139–140.

Васильева И.Н. Новые погребения средневековых кочевников в Куйбышевской области // Древности Среднего Поволжья / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Куйбышев, КГУ, 1985. С. 173–178.

Васильева И.Н. О технологии производства неполивной керамики Болгарского городища // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 103–150

Васильева И.Н. II Усинский грунтовый могильник XIII-XIV вв. на Самарской Луке // Новое в средневековой археологии Евразии / Отв. ред. В.Б. Ковалевская. Самара: Историко-культурная ассоциация «Артефакт», 1993. С. 58–76.

Васильева И.Н. Гончарство Волжской Болгарии в X–XIV вв. Екатеринбург: Наука, 1993. 246 с.

Васильева И.Н. Кременкинское поселение // Археологические исследования в Поволжье / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Самара: СамГУ, 1993. С. 230–253.

Васильева И.Н. Болгарский керамический комплекс Междуреченского городища // Краеведческие записки. Вып. VII / Ред. П.С. Кабытов. Самара: СОИКМ, 1995. С. 226–255.

Васильева И.Н. Золотоордынский период истории Самарского Поволжья // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный веки средневековье / Ред. И.Н. Васильева, Г.И. Матвеева. М.: Наука, 2000. С. 293–346.

Васильева И.Н. Археологические исследования на Сухореченском поселении в 1979 и 1981 гг. // Средневековье. Великое переселение народов (по материалам археологических памятников Самарской области) / Отв. ред. А.В. Богачев. Самара: САО, 2013. С. 187–235.

Васюткин С.М. Периодизация этнической истории средневековых кочевников Северо-Западного Прикаспия // XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа, (Махачкала, 19-22 апр. 1988 г.). Махачкала: Даг. фил. АН СССР, 1988. С. 73–74.

Васюткин С.М. Проблемы типологии и периодизации средневековых погребений Калмыкии // Материалы и исследования по археологии Калмыкии / Отв. ред. В.И. Марковин. Элиста: КалмГУ, 1995. С. 53–73.

Васюткин С.М., Кардонов В.Т., Кольцов П.М. Средневековые погребения Восточных Ергеней // Материалы и исследования по археологии Калмыкии / Отв. ред. В.И. Марковин. Элиста: КалмГУ, 1995. С. 90–106.

Васюткин С.М., Кольцов П.М. Средневековые погребения зоны Калмыцкого магистрального канала // Материалы и исследования по археологии Калмыкии / Отв. ред. В.И. Марковин. Элиста: КалмГУ, 1995. С. 107–160.

Великанова М.С. Антропология средневекового населения Молдавии (по материалам памятника Старый Орхей) / Народы и культуры. Вып. X. Кн. 3. М.: ИЭА РАН, 1993. 260 с.

Великанова М.С. Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья. М.: Наука, 1975. 284 с.

Великий Болгар / Науч. ред. А.Г. Ситдиков. Москва-Казань: Феория, 2013. 404 с.

Вернадский Г.В. Монголы и Русь. Тверь: ЛЕАН; М.: АГРАФ, 2001. 480 с.

Веселовский Н.И. Раскопки группы курганов у станицы Белореченской // Отчет ИАК за 1898 год. СПб.: Типография Главного Управления уделов, 1898. С. 1 – 65.

Веселовский Н.И. О местоположении Гюлистана при Сарайского. Киев.: Тип. 1 Киев. Артели печ. Дела, 1907. 10 с.

Веселовский Н.И. Загадочный Гюлистан Золотой Орды // Записки Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества. Том двадцать первый. 1911—1912. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1913. С. 53–64.

Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазея – первый русский город в Сибирском Заполярье (по материалам раскопок 2001–2004 гг.). Нефтеюганск-Екатеринбург: Баско, 2007. 320 с.

Викторова Л.Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М.: Наука, 1980. 223 с.

Вильданов Р.Ф. Монеты из сборов и раскопок на Рождественском археологическом комплексе в Карагайском районе Пермского края // Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск – Пермь, 2008. – С. 540.

Винничек В.А., Недашковский Л.Ф. Монеты с Никольского селища // Труды МНК. / Под ред. П.Н. Петрова. М.: Нумизматическая Литература, 2004. С. 21-29.

Виноградов В.Б. Два зеркала золотоордынской эпохи из Чечено- Ингушетии // СА. 1987. № 1. С. 267–269.

Винсент из Бове. Зерцало истории // Книга странствий / Пер. с лат. И ст.-фр., статьи и ком. Н. Горелова. СПб.: Азбука-классика, 2006. С. 84−116.

Вихляев В.И. Отчет об археологических исследованиях 1999 г. Кельгининского могильника в Зубово-Полянском районе Республики Мордовия // Архив ИА РАН. Р-1. № 22568.

Вихляев В.И. Отчет об охранных археологических исследованиях Кельгининского могильника Зубово-Полянского района Республики Мордовия в 2001 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 22474.

Вихляев В.И., Беговаткин А.А., Зеленцова О.В., Шитов В.Н. Хронология могильников населения I–XIV вв. западной части Среднего Поволжья. Саранск: МордГУ, 2008. 352 с.

Вишневская Н.Ю. Ремесленные изделия Джигербента (IV в. До н. э. – начало XIII в. Н. э.). М.: Восточная литература, 2001. 176 с.

Власкин М.В., Гармашов А.И., Доде З.В., Науменко С.А. Погребение знати золотоордынского времени в междуречье Дона и Сала / Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VI. М.: Памятники исторической мысли, 2006. 232 с.

Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Материалы Круглого стола, проведенного в рамках Международного Золотоордынского Форума (Казань, 30 марта 2011 г.) / Отв. ред. и сост. И.М. Миргалеев. Казань: Фолиант, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011. 220 с.

Волков В.А., Малышев А.Б., Тугушев П.Е. Характеристика хозяйственных занятий жителей золотоордынского поселения «Шумейка» // Археология восточно-европейской степи. Вып.10. / Ред. В.А. Лопатина. Саратов: Саратовский ГУ, 2013. С.327-337

Волков И.В. Керамика Азова XIV–XVIII вв. Классификация и датировка. Автореф. Дисс. … канд. истор. наук. М., 1992а. 26 с.

Волков И.В. О происхождении гончарства и распределении керамики в Золотой Орде // Вопросы этнической истории Волго-Донья. Материалы научной конференции / Отв. ред. А.З. Винников. Пенза: Поволжье, 1992б. С. 101–102.

Волков И.В. Столицы Золотой Орды во внешних источниках // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья / Труды ГИМ. Вып. 122 / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: ТГИМ, 2000. С. 324–339.

Волков И.В. Ширванский керамический импорт в золотоордынских городах // Средняя Азия. Археология, история, культура. Материалы международной конференции, посвященной 50-летию научной деятельности Г.В. Шишкиной / Ред. Т.Г. Алпаткина, С.Б. Болелов, О.Н. Иневаткина, Т.К. Мкртычев. М.: Государственный музей Востока, 2000. С. 45–50.

Волков И.В. Ширванский керамический импорт в золотоордынских городах // Средняя Азия. Археология. История. Культура. / Ред. Т.Г. Алпаткина и др. М.: Пересвет, 2001. С. 45–50.

Волков И.В. Неопределенные предметы в золотоордынских городах // Древности Поволжья: эпоха средневековья (исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды) / Отв. ред. К.А. Руденко. Казань: Школа, 2005. С. 175–194.

Волков И.В. Путешествия по Волге Амброджио Контарини в 1476 году и епископа Дионисия в 1379 году (историко-географический очерк) // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 8. Золотоордынское время. / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: Изд-во Донецкого нац. Ун-та, 2010. С. 9–56.

Волков И.В. Неизданные монеты из Второго Досаевского клада // Нумизматический альманах. №1 (45). 2013. С. 29-33.

Волков И.В., Лопан О.В. О времени освоения и возможных причинах запустения южной части Болгарского городища // Археология Евразийских степей. 2018. № 5. С. 198–204.

Волков И.В., Лопан О.В., Ситдиков А.Г. Исследования мавзолеев на юго-западной окраине Болгарского городища в 2015 г. (раскопы CCI, CCII, CCIII) // Археологические исследования 2015 г. Болгар и Свияжск / авт.-сост. А.Г. Ситдиков, Р.Р, Валиев, А.С. Старков. Казань: ЗАО «Казанская недвижимость», 2016. С. 16–18.

Воробьев Н.И. Историко-этнографическая поездка в Мамадышский кантон ТССР // ВНОТ. 1926. № 4. С. 93–94.

Воробьев Н.И. О болгаро-татарских надгробных камнях Мамадышского кантона ТССР // Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР. Т. III. Казань:полиграф. Школа им. А. В. Луначарского, 1929. С. 11–14.

ЛИТЕРАТУРА

Воробьёва С.Л., Гарустович Г.Н. Новая находка восточной торевтики эпохи средневековья на Южном Урале // Нижневолжский археологический вестник. 2016. Т. 15. № 1. С. 126–136 DOI: http://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2016.1.8

Воронина В.Л. Конструкции и художественный образ в архитектуре Востока М.: Стройиздат, 1977. 160 с.

Воронина В.Л. Средневековый город арабских стран. М. : ВНИИ теории архитектуры и градостроительства, 1991. 99 с.

Воронина Р.Ф. Анне Епифановне Алиховой 100 лет // РА. 2003. № 3. С. 166–168.

Воронцов И.А. Отчет о проведении охранных археологических работ на территории Зубовского поселения в Ленинском муниципальном районе Волгоградской области // Архив ИА РАН. № 40229, 2010.

Воскресенский А.С. Полихромная майолика золотоордынского Поволжья // СА. 1967. №2. С. 79– 90.

Воскресенский А.С., Смирнов А.П., Хлебникова Т.А. Новые данные об архитектуре волжских булгар // СА. 1967. № 4. С. 274–285.

Вострокнутов А.В. Археологические памятники бассейна Верхней Камы XI-XV вв. – опыт картографического исследования с применением климатических данных // Казанская наука. 2011. № 8. С. 15–19.

Вострокнутов А.В. Шумящие украшения Пермского Предуралья конца XI – XIV вв. н.э.: культурно-хронологическая и технологическая идентификация. Дисс. … канд. истор. наук. Пермь, 2016. 211 с.

Вострокнутов А.В., Крыласова Н.Б. Украшения XII–XIV вв. из легкоплавких металлов на территории Пермского Предуралья // Вестник Пермского университета. История.2012. Вып. 1 (18). С. 105–113.

Время и пространство Болгарской цивилизации. Атлас /Гл.ред. Н.С.Хакимов. Москва-Казань: Феория, 2012. 472 с.

Второв Н.И. Памятники древностей в Казанской губернии // ЖМВД. 1840. Ч. 38. № 8.

Высоцкий Н.Ф. “Немецкая куртина” – древнеарянское кладбище в Казани // ИОАИЭ. 1889. Т. VII.

Высоцкий Н.Ф. Следы древнейшего армянского кладбища в Казани // ИОАИЭ. 1900. Т. VI. Вып. 1.

Высоцкий Н.Ф. Несколько слов о древностях Волжской Болгарии // ИОАИЭ. Т. XXIV. Вып. 4. Казань: Топография Императорского ун-та, 1908. С. 340–351.

Вычегодско-Вымская летопись // Документы по истории /ИФС. Вып. 4. Сыктывкар, 1958. С. 257–271.

Вязов Л.А., Мясников Н.С., Петрова Д.А., Михайлов Е.П., Мясникова А.Б., Макарова Е.М., Салова Ю.А., Силанов Р.А. Исследования археологических памятников Среднего Посурья эпохи римских влияний и Великого переселения народов (работы 2018 года) // Вестник Чувашского университета. 2018. № 4. С. 46–55.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 144 с.

Гаджиев М.П. Сущность смерти и похоронный обряд. По мазхабу имама аш-Шафи‘и. Махачкала: Отдел научных исследований и методических разработок СКУЦИОН, 2009. 396 с.

Газимзянов И.Р. Хохлов А.А. Краниологическая характеристика антропологических материалов из погребений грунтового могильника Самарской Луки «Жигули – I» (Самарская область, Ставропольский район) // Археология Евразийских степей. 2022. № 3. С. 190–195.

Газимзянов И.Р. Антропологические материалы из средневолжских мордовских могильников эпохи средневековья // Узловые проблемы современного финно-угроведения. Материалы I Всерос. Науч. конф. Финно-угроведов: Йошкар-Ола , 14-18 нояб. 1994г. / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: Изд-во Науч. центра финно-угроведения, 1995. С. 21.

Газимзянов И.Р. Исследования Усть-Иерусалимского могильника на территории Болгарского городища (предварительные итоги) // Болгар и проблемы исторического развития Западного Закамья. 60 лет археологического изучения. Итоги и перспективы. Тезисы научной конференции / Отв. ред. П.Н. Старостин. Болгар: БГИАМЗ, 1998. С. 30–31.

Газимзянов И.Р. Золотая Орда и этногенетические процессы на Средней Волге // Народы России: от прошлого к настоящему. Ч. 2. Антропология. / Отв. ред. Т.И. Алексеева. М.: Старый сад, 2000. С. 189–216.

Газимзянов И.Р. Исследования Чаллынского I некрополя // Борынгы Чаллы. Древние Чаллы / Отв. ред. Ф.Ш.Хузин. Казань: Мастер-Лайн, 2000. С. 216–237.

Газимзянов И.Р. Население Среднего Поволжья в составе Золотой Орды по данным краниологии (реконструкция этногенетических процессов). Автореф. Дисс… канд. ист. Наук. М., 2001. 33 с.

Газимзянов И.Р. Усть-Иерусалимский могильник (к вопросу о мордовском компоненте в составе городского населения средневекового Болгара) // Поволжские финны и их соседи в эпоху раннего средневековья (проблемы хронологии и этнической истории) / Отв. ред. В.В. Гришаков. Саранск: Мордовский государственный педагогический институт, 2003. С. 45–47.

Газимзянов И.Р. Краниология Усть-Иерусалимского могильника // Древность и средневековья Волго-Камья. Материалы Третьих Халиковских Чтений (Болгар, 27-30 мая 2004 г.) / Отв. ред. А.Г. Ситдиков. Казань: ИИ АН РТ, 2004. С. 46–49.

Газимзянов И.Р. Палеоантропологический материал из Горно-Шумецкого могильника // Взаимодействие культур в Среднем Поволжье в древности и средневековье / АЭМК. Вып. 27 / Отв. ред. Т.Б. Никитина, Б.С. Соловьев. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2004 (а). С. 129–133.

Газимзянов И.Р. Антропология средневекового Барбашинского могильника // Краеведческие записки. Вып. XIV / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Гла-

гол, 2010. С. 149–172.

Газимзянов И.Р. Население средневекового Болгара по данным краниологии. Предварительные результаты по материалам раскопок 2010–2013 гг. // Поволжская археология. 2015. № 3 (13). С. 112–124.

Газимзянов И.Р. Мавзолеи города Болгара: антропологический аспект // Материалы Конгресса исламской археологии России и стран СНГ / Отв. ред. Х.М. Абдуллин, А.Г. Ситдиков. Казань: ИА АН РТ, 2016. С. 77–88.

Газимзянов И.Р., Губайдуллин А.М., Кавеев М.М., Шарифуллин Р.Ф. Работы Болгарской археологической экспедиции // Археологические открытия в Татарстане в 2001 г. / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Школа, 2002. С. 70–74.

Газимзянов И.Р., Дремов И.И. Погребение с северной ориентировкой на мусульманском могильнике в Болгаре и проблема интерпретации железных конусов // Поволжская археология. 2020. № 4 (34). С. 170–184 DOI: https://doi.org/10.24852/pa2020.4.34.170.184

Газимзянов И.Р., Хохлов А.А. Антропология средневекового населения Самарского Поволжья по материалам Малорязанского некрополя // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвееевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 8–11 октября 2018 г. / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: СГСПУ, ООО «Порто-Принт», 2018.С. 282–283.

Газимзянов И.Р., Хохлов А.А. Краниологическая характеристика антропологических материалов из погребений грунтового могильника Самарской Луки «Жигули – I» (Самарская область, Ставропольский район) // Археология Евразийских степей. 2022. № 3. С. 190–195.

Галимова М.Ш. Об охранных раскопках комплекса археологических памятников Сюкеевский взвоз в 1992 г. Казань. 1993.

Галимова М.Ш., Губайдуллин А.М. Краткие итоги исследования Сюкеевского городища // Из археологии Поволжья и Приуралья / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИИ АН РТ, 2003. С. 192–205.

Галимова М.Ш., Губайдуллин А.М. Краткие итоги исследования Сюкеевского городища // Из археологии Поволжья и Приуралья / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: Институт истории АН РТ, 2003. С. 191–204.

Галкин Л.Л. Отчет о работах в Гурьевской, Мангышлакской областях Казахской ССР в 1978 г. Алматы, 1978 // Архив Института археологии имени А.Х. Маргулана

Галкин Л.Л. Отчет о полевых исследованиях в Гурьевской области в 1974 г. Алматы, 1974 // Архив Института археологии имени А.Х. Маргулана.

Галкин Л.Л. Отчет о работах в Саратовском Заволжье в 1975 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 6469.

Галкин Л.Л. Отчет о полевых исследованиях в Гурьевской области в 1977 г. Алматы, 1977 // Архив Института археологии имени А.Х. Маргулана,

Галкин Л.Л. Отчет об археологических работах Волго-Уральского археологической экспедиции АН СССР в 1979 г. Алматы, 1979 //Архив Института археологии имени А.Х. Маргулана.

Галкин Л.Л. Отчет о работе Волго-Уральской экспедиции ИА АН СССР в северо-восточном Прикаспии в 1981 г. Алматы, 1981. // Архив Института археологии имени А.Х. Маргулана.

Галкин Л.Л. Отчет о работах Волго-Уральской археологической экспедиции за 1983 год. Алматы, 1983 // Архив Института археологии имени А.Х. Маргулана.

Галкин Л.Л. Стеклодельная мастерская на городище Селитренное // СА. 1984. № 2. С. 213–221.

Галкин Л.Л. Коробейники Золотой Орды // Техника молодежи. 2003. Февраль, № 2. С. 52–56.

Гарипов Н.Г. Отчет об археологических исследованиях в округе Чаллынского городища в 2002 г. Казань, 2003 // НФ МА РТ. Ф. 4. Оп. 1. № 171.

Гарипова Ф.Г. Исследования по гидронимии Татарстана. М.: Наука, 1991. 293 с.

Гариф Н.Г., Исмагилов Н.Ф., Набиуллин Н.Г. Итоги археологических работ в окрестностях Джукетау (по материалам полученным в ходе археологических изысканий, проведенных летом 2007 года в городе Чистополе) // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». 17 марта 2009 г. Вып. 1 / Отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Фэн, 2009. С. 346–357.

Гарустович Г.Н. «Стражи пустыни». Каменные изваяния и жертвенно-поминальные комплексы Волго-Уральского региона. Уфа, (Рукопись). 346 с., 74 табл.;илл.

Гарустович Г.Н. Погребения в каменных мавзолеях Башкирского Приуралья // Наследие веков. Охрана и изучение памятников археологии в Башкортостане / Отв. ред. Уфа: НМ РБ, 1995. С. 166–185.

Гарустович Г.Н. Население Волго-Уральской лесостепи в первой половине II тыс. н.э. Автореф. Дисс…. канд.ист.наук. Уфа. 1998. 27 с.

Гарустович Г.Н., Валиуллин Г.Ф. К вопросу о культурных связях населения Южного Урала с Ираном в эпоху средневековья // УАВ. 2008. №8. С. 102–113.

Гарустович Г.Н., Иванов В.А. Материалы по археологии средневековых кочевников Южного Урала (IX – XV вв. н.э). Уфа: БГПУ, 2014. 328 с.

Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф. Средневековые кочевники Поволжья (конца IX – начала XV века). Уфа: Гилем, 1998. 336 с.

Гарустович Г.Н. Рязанов С.В., Яминов А.Ф. Брик-Алгинское местонахождение XIV века в Башкортостане. Уфа: Тау, 2005. 152 с.

Гарустович Г.Н. «Стражи пустыни». Каменные изваяния и жертвенно-поминальные комплексы Волго-

Уральского региона. Уфа, рукопись. 346 с., 74 табл., илл.

Гарустович Г.Н., Рязанов С.В., Яминов А.Ф. Брик-Алгинское местонахождение XIV века в Башкирском Приуралье. / Отв. ред. Ф.А. Сунгатов. Уфа: Тау, 2005. 152 с.

Гафуров А.Г. Лев и кипарис. О восточных именах. М.: Наука, 1971. 240 с.

Генинг В.Ф. Стоянов В.Е., Хлебникова Т.А., Вайнер И.С., Казаков Е.П., Валеев Р.К. Археологические памятники у с. Рождествено. Казань: КГУ, 1962. 126 с.

Генинг В.Ф., Бунятян Е.П., Пустовалов С.Ж., Рычков Н.А. Формализованно-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников). Киев: Наукова думка, 1990. 304 с.

Генинг В.Ф., Голдина Р.Д. Позднеломоватовские могильники в Коми-Пермяцком округе // Памятники ломоватовской культуры / ВАУ. Вып. 9 / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск: УрГУ, 1970. С. 30–56.

Генинг В.Ф., Стоянов В.Е., Хлебникова Т.А., Вайнер В.С., Казаков Е.П., Валеев Р.К. Археологические памятники у села Рождествено. Казань: КГУ, 1962. 126 с.

Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Т. 2. СПб.: Изд-во Имп. Академии наук, 1799. 178 с.

Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский Л.Т. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М.: Наука, 1987. 254 с.

Германн И. Роль прибрежных торговых факторий VIII–X вв. в развитии племенного общества, формировании государства и городов // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Т. 1. / Гл. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1987. С. 32–46.

Гинзбург В.В. Этногенетические связи древнего населения Сталинградского Заволжья (По материалам Калиновского могильника) // Древности Нижнего Поволжья. Т. 1 / МИА. № 60 / Отв. ред. Е.И. Крупнов. М.: АН СССР, 1959. С. 524–594.

Гисматуллин М.Р. Болгарские коллекции в собрании Ульяновского областного краеведческого музея // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции «Великий Болгар – цивилизация на Волге». Болгар: ООО «Изд-во «Корпорация технологий продвижения», 2020. С. 87-94.

Гисматуллин М.Р., Крылов Ю.В. Новые находки джучидских монет на территории Сенгилеевского района Ульяновской области // Краеведческие записки. Сборник научных трудов. Вып. 16. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2018. С. 386–394.

Глазунова Е.В., Гайдуков П.Г. Новый клад волжско-камских слитков («лепешек») из Болгара // КСИА. 2014. Вып. 236. С. 252–263.

Глухов А.А. Отчет о работе археологического отряда «Гюлистан» Волжского гуманитарного института Волгоградского государственного университета на территории Волгоградской области в 2003 году. // Архив ГУК ОНПЦ, б/н.

Глухов А.А. Исследование курганного могильника Солодовка I в 2001-2003 годах (предварительное сообщение) // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 2 / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 2004. С. 214–218.

Глухов А.А. Отчет о работе археологического отряда «Гюлистан» Волжского гуманитарного института Волгоградского государственного университета на территории Ленинского района Волгоградской области в 2005 г. // Архив ИА РАН. Р-1 № 25967.

Глухов А.А. Археологические исследования отряда «Гюлистан» в округе Царевского городища в 2011 году // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград. 2011. Вып. 12. С. 224 – 226.

Глухов А.А. Колобовское поселение: новые данные и интерпретация памятника // Золотоордынская цивилизация. №4. Казань: Институт истории имени Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 245–249.

Глухов А.А. Золотоордынские комплексы, исследованные на территории с. Царев в 2011 году (к вопросу о границах Царевского городища) // Археология Восточно-Европейской степи: Межвуз. Сб. науч. тр. / Под ред. В.А. Лопатина. Саратов. 2013. Вып. 10. С. 338–347.

Глухов А.А. Безродное городище на реке Ахтубе // Золотоордынская цивилизация. 2014. № 7. С. 161–172 .

Глухов А.А. Археологические исследования на Царевском городище в 2005 – 2010 гг. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2014. 103 с.

Глухов А.А. Историческая топография Царевского городища// Поволжская археология. 2014. № 2 (8). С. 92–111.

Глухов А.А. Безродное городище на реке Ахтубе // Золотоордынская цивилизация. 2014а. № 7. С. 161–172.

Глухов А.А. Царевское городище: история изучения, историческая топография, хронология. Волгоград: Волгоград. науч. изд-во, 2015. 101 с.

Глушкова А.В. Кресты-тельники из собрания Слободского краеведческого музея Кировской области // Актуальные проблемы этноэкологии на западе и востоке славянского мира: сборник материалов Международного научного семинара по проекту РФФИ №1 14-06-20204/14 / научн. Ред. И.Ю. Трушкова. Киров: Аверс, 2014. С. 336–340.

Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования трех царств природы. Ч. II. СПб. 1777. 404 с.

Гмыря Л. Тюркские народы Северного Кавказа // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. II. Волжская Булгария и Великая степь / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: РухИЛ, 2006. С. 60–88.

Голдина Р.Д. Могильники VII–IX вв. на Верхней Каме // Памятники ломоватовской культуры / ВАУ. Вып. 9 / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск: УрГУ, 1970.

С. 57–113.

Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: УдГУ, 1999. 472 с.

Голдина Р.Д., Кананин В.А. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск: УрГУ, 1989. 216 с.

Головкинский Н.А. Древние остатки человека в Казанской губернии // Труды I съезда русских естествоиспытателей. Отделение минералогии и геологии. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1868. С. 31–41.

Голубев О.В. Клад джучидских монет, найденных в с. Наровчат в 1986 году // Археология Поволжья / Отв. ред. Г.Н. Белорыбкин Пенза: Пензенский гос. Пед. Ин-т, 2001. С. 147–151.

Голубева Л.А. Весь и славяне на Белом озере. X–XIII вв. М.: Наука, 1973. 216 с.

Голубева Л.А. Зооморфные украшения финно-угров / САИ. Вып. Е1-59. М.: Наука, 1979. 112 с.

Голубева Л.А. Мордва // Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Археология СССР. Т. 17 / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1987. С. 97–107.

Голубовский П.В. Печенеги, торки и половцы. Русь и Степь до нашествия татар. М.: Вече, 2011. 288 с.

Голубченко И.В. Урало-Поволжье: Место в районировании и территориальной организации России // Вестник Московского Университета. Сер. 5. География. 2008. № 5. С. 48–53.

Голышенков А.П., Мачинский А.П., Шеянов Е.Я., Душин И.А., Сарычев И.И. О состоянии скотоводства, охоты, рыбной ловли у жителей Итяковского городища // Исследования по археологии и этнографии Мордовской АССР / Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 39 / Ред. П.Д. Степанов. Саранск: Мордовск. Книж. изд-во, 1970. С. 183–201.

Гольева А.А. Погребенные почвы под валом Болгарского городища // Коваль В.Ю., Русаков П.Е. Исследования фортификации города Болгара в 2014–2015 годах / Материалы и исследования по археологии Великого Болгара. Т. II. М. Казань: ИА РАН, ИА АН РТ, 2018. С. 77–85.

Гольева А.А., Коваль В.Ю. Некоторые вопросы стратиграфии Болгарского городища // РА. №1. 2021. С. 122–132.

Гомзин А.А. Небольшой денежный комплекс из Рязанской области // Двадцать первая ВНК. Тверь, 24–29 мая 2021 г. Тезисы докладов и сообщений. Тверь, 2021. С. 72-74.

Гончаров Е.Ю. Старый и Новый Сарай – столица Золотой Орды (новый взгляд на известные источники) // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 1 / Под ред. А.В. Евглевского. Донецк: ДонНУ, 2000. С. 345–351.

Гончаров Е.Ю. Очерк истории города Гюлистан (вновь о «двух столицах» в Золотой Орде) // Поволжье в Средние века: Тезисы докладов Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Германа Алексеевича Федорова-Давыдова (1931-2000). Н. Новгород: НГПУ, 2001. С. 66–67.

Гончаров Е.Ю. Анализ монетного материала с двух золотоордынских городищ // Археологические исследования и музейно-краеведческая работа в Волго-Уральском регионе. Древности, издаваемые Российским археологическим обществом. Выпуск 36. Под ред. Б.Я Ставиского и А.А. Бурханова. Москва-Казань: Gumanitaria (Изд-во ТГГИ), 2003. С. 239-242.

Гончаров Е.Ю. Очерк нумизматики Самосдельского городища. // Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации. / Ред. Д.В. Васильев. Астрахань: Сорокин Роман Васильевич, 2011. С. 146–150.

Гончаров Е.Ю., Тростьянский О.В. Монетный комплекс XV в. из села Рождествено // Двенадцатая ВНК. М., 2004 С. 94-95.

Гоняный М.И. Археологические памятники района Куликова Поля (конец XII – третья четверть XIV в.) // Куликово Поле и Донское побоище 1380 года / Труды ГИМ. Вып. 150 / Отв. ред. А.К. Зайцев. М.: ГИМ, 2005. С. 95–162.

Гоняный М.И., Кокорина Н.А., Свирина А.Б. Гончарный комплекс первой половины XIII в. На поселении Монастырщина 5 // Средневековые древности Восточной Европы / Труды ГИМ. Вып. 82 / Отв. ред. Н.Г. Недошивина. М.: ГИМ, 1993. С. 143–160.

Горелик М.В. Золотоордынские латники Восточного Приазовья (по материалам В.Н. Чхаидзе и И.А.Дружининой) // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. 2010. № 1. С. 137−145.

Горелик М.В. Монгольская латная конница и её судьба в исторической перспективе // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Материалы Круглого стола, проведенного в рамках Международного Золотоордынского Форума (Казань, 30 марта 2011 г.) / Отв. ред. и сост. И.М. Миргалеев. Казань: Фолиант, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011. С. 47–58.

Горелик М.В. Парадные монгольские шлемы XIII-XIV вв. // Военное дело Улуса Джучи и его наследников / Отв. ред. А.К. Кушкумбаев. Астана: Фолиант, 2012. С. 84−108.

Горелик М.В., Измайлов И.Л. Военное дело Улуса Джучи. Вооружение // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. / Ред. М.А. Усманов. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 396−405.

Город Болгар. Очерки истории и культуры / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1987. 232 с.

Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. 280 с.

Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АНТ, 1996. 300 с.

Город Болгар. Монументальное строительство, архитектура, благоустройство / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука,2001. 365 с.

ЛИТЕРАТУРА

Город Болгар: культура, искусство, торговля /Отв. ред. П.Н. Старостин. М.: Наука, 2008. 276 с.

Город Болгар. Жилища и жилая застройка / Отв. ред. А.Г. Ситдиков. М.: Наука, 2016. 272 с.

Город Болгар: История изучения и сохранения / Отв. ред. А.Г. Ситдиков. М.: Наука, 2021. 271 с.

Горюнова В.М. Новое в исследованиях «Городка» на Ловати // Славяно-русская археология / КСИА. Вып. 139 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1974. С. 74–80.

Готье Ю.В. Замосковный край в XVII веке: Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси М.: Соцэкгиз, 1937. 411 с.

Гражданкина Н.С., Ртвеладзе Э.В. Влияние Хорезма на керамическое производство золотоордынского города Маджара // СА. 1971. № 1. С. 127–129.

Граков Б.Н. Отчет о работах // Археологические работы Академии на новостройках в 1932 – 33 гг. Т. II / ИГАИМК. Вып. 110. / Отв. ред. Ф. В. Кипарисов. М.-Л.,: Гос. соц. экон. изд-во, 1935. С. 91–119.

Грамоты Великого Новгорода и Пскова/ Ред. С.Н. Валк. М.; Л.: АН СССР, 1949. 408 с.

Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и её падение. М.; Л.: АН СССР, 1950. 505 с.

Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и её падение. М.: Богородский печатник, 1998. 368 с.

Грен А.Н. Отчет археологической экспедиции 1924 г. в селах Вожем, Гам и Усть-Вымь. Сыктывкар, 1924 // НА НМРК. Д. 2337. 37 л.

Гречкина Т.Ю. Отчет о раскопках Селитренного городища в 2011 г. // Архив ИЭА РАН. Р-1. № 46833.

Грибов Н.Н. Раскопки в Нижегородской области // АО 1997 г. М.: Едиториал УРСС, 1999. С. 84.

Грибов Н.Н. Структура русского расселения в Нижегородском Поволжье на рубеже XIV–XV вв. // Нижегородские исследования по краеведению и археологии / Отв. ред. Е.А. Молев. Нижний Новгород: изд-во Нижегородского университета, 2000а. С. 41–73

Грибов Н.Н. Мордва в контексте колонизации Нижегородской округи в XIII–XIV вв. (по археологическим материалам) // Поволжские финны и их соседи в эпоху средневековья (проблемы хронологии и этнической истории). Тезисы докладов Всерос. научн. конф. (2–3 февраля 2000 г., Саранск) Саранск: Морд. гос. пед. ин-т, 2000б. С. 63–67.

Грибов Н.Н. История славяно-русского расселения в Нижегородском Поволжье в период XII–XIV вв. Дисс. … канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2000в. 298 с.

Грибов Н.Н. Сельская округа средневекового Мурома на правобережье р. Оки // Уваровские чтения-V / Отв. ред. Т.Б. Купряшина, Ю.М. Смирнов. Муром: Стерх, 2003. С. 18–22.

Грибов Н.Н. Мордва в контексте освоения русским населением Нижегородского Поволжья в XIII–XIV вв. // Краеведческие записки / Ред. П. Н. Тултаев. Саранск: Красный октябрь, 2006а. С. 22–27.

Грибов Н.Н. Хронология керамических комплексов русских поселений эпохи Золотой Орды (по материалам памятников района устья р. Оки) // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Вып. 10 / Отв. ред. Е.А. Молев. Нижний Новгород: изд-во Нижегородского университета, 2006б. С. 62–91.

Грибов Н.Н. Нижегородская округа: итоги и перспективы изучения // КСИА. 2007а. Вып. 221. С. 112–121.

Грибов Н.Н. Предварительные итоги исследования русского селища второй половины XIII–XIV в. на окраине Нижнего Новгорода // Археология Владимиро-Суздальской земли. Вып. 1 / Сост. С.В. Шполянский. М.: ИА РАН, 2007б. С. 58–67.

Грибов Н.Н. Русское владельческое село удельного периода (по материалам раскопок селища Ближнее Константиново-1) // Сельская Русь в IX–XVI веках / Отв. ред. Н.А. Макаров, С.З. Чернов. М.: Наука, 2008. С. 253–264.

Грибов Н.Н. Русско-болгарское пограничье в эпоху Золотой Орды (по материалам поселения Курмыш-4) // Болгарский форум I. Материалы Международного Болгарского Форума (19–21 июня 2010 г., г. Болгар). / Археология евразийских степей. Вып. 12 / Отв. ред Ф.Ш. Хузин. Казань: Фолиант, 2011. С. 85–92.

Грибов Н.Н. Новые данные по истории освоения Нижней Оки в эпоху раннего средневековья (по материалам Подвязьевского могильника) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т.II / Ред. А.Г. Ситдиков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 317–319.

Грибов Н.Н. Сопредельные земли Гороховецкой волости на правобережье Оки: основные вехи средневекового освоения // Гороховец и земли Окско-Клязьминского междуречья в XII–XVII вв.: история и археология / сост. С.И. Милованов. М.: ИА РАН, 2017. С. 63–74.

Грибов Н.Н. Нижний Новгород в XV веке: поиски утраченного города / Материалы спасательных археологических исследований. Т. 24. М.: ИА РАН, 2018. 592 с.

Грибов Н.Н. Большое неукреплённое поселение в посурских владениях Бориса Константиновича Городецкого // Археология Владимиро-Суздальской земли. Вып. 8 / Отв. ред. Н.А. Макаров; сост. С.В. Шполянский. М.: ИА РАН, 2018б. С. 99–111.

Грибов Н.Н. Средневековая гончарная посуда с примесью раковины из Нижегородского Поволжья // Поволжская археология. 2019. № 2 (28). С. 114–129.

Грибов Н.Н., Ахметгалин Ф.А. Русско-болгарское пограничье на Волге в эпоху Золотой Орды (по материалам поселения Курмыш-4) // Научный Татарстан. 2010. № 4. С. 26–36.

Грибов Н.Н., Ахметгалин Ф.А. Западное порубежье Болгарского улуса Золотой Орды (по материалам левобережных памятников Нижнего Посурья) // Поволжская археология. 2013. № 4 (6). С. 79–95.

Грибов Н.Н., Цепкин Е.А. Рыболовный промысел в окрестностях Нижнего Новгорода в Средние века // Нижегородские исследования по краеведению и археологии / Отв. ред. Е.А. Молев. Нижний Новгород: изд-во Нижегородского университета, 2004. С. 71–95.

Григорьев А.П., Григорьев В.П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции. СПб. СПБГУ, 2002. 220 с.

Григорьев В.В. О местоположении Сарая, столицы Золотой Орды / ЖМВД. Ч. 10. СПб.: Типография МВД, 1845. 102 с.

Григорьев В.В. Четырехлетние археологические поиски в развалинах Сарая / ЖМВД. Книга IX. СПб., 1847. 27 с.

Григорьев В.В. Описание клада из золотоордынских монет, найденного близ развалин Сарая // Записки АНО. Т. II. Вып. 1.1850. С 1-63; 4 табл. ил.

Гришаков В.В. Мордва и Золотая Орда // Мордва. Очерки по истории, этнографии, культуре мордовского народа / Гл. ред. Н.П. Макаркин; сост. С.С. Маркова. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 2004. С. 56–66.

Гришаков В.В., Дворниченко В.В. Отчет о работе Хошеутовского отряда на могильнике у села Хошеутово Харабалинского района Астраханской области в 1991 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 15973.

Губайдуллин А.М. Отчет Археологическая разведка на территории Зеленодольского и Рыбнослободского районов Татарской ССР в 1990 г. Казань, 1991 // НФ МА РТ. Ф. 4 Оп.1 Д. 42.

Губайдуллин А.М. Отчет. Археологические работы в зоне Куйбышевского водохранилища в пределах Республики Татарстан. Казань, 1993 // НФ МА РТ. Ф. 4. Оп. 1. № 47, 51. 10 л.

Губайдуллин А.М. Фортификационные сооружения Болгарского городища // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. Материалы международной конференции / Отв. ред. В.М. Массон. СПб.: Государственный Эрмитаж, 1998. С. 197–198.

Губайдуллин А.М. О классификации городищ Волжской Булгарии // Археологическое изучение булгарских городов / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер Лайн, 1999. С. 72–76.

Губайдуллин А.М. Некоторые итоги исследований Чаллынского городища и его укреплений в 1995–1997 годах // Древние Чалы. Борынгы Чалы / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань:Мастер Лайн, 2002. С. 203–215.

Губайдуллин А.М. Фортификация в Среднем Поволжье в X – первой половине XVI в. / Археология Евразийских степей. 2019. №3. 323 с.

Губайдуллин А.М., Измайлов И.Л. Исследования булгарских городищ в Предволжье // Археологические открытия Урала и Поволжья / Отв. ред. Л.А. Наговицын. Ижевск: УдмИИЯЛ, 1991. С. 107–109.

Губайдуллин А.М. Городища Волжской Булгарии в Предкамье // Заказанье: проблемы истории и культуры. Материалы конференции. Вып. 1 / Отв. ред. А.А. Бурханов. Казань: Заман,1995. С. 24–27.

Гумаюнов С.В. Клад серебряных джучидских монет с Барскоенорускинского городища // Десятая ВНК. Тезисы докладов и сообщений. М., 2002. С. 81-82.

Гумаюнов С.В., Евстратов И.В. Шонгат – неизвестный монетный двор Золотой Орды // Одиннадцатая ВНК. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2003. С. 79-81.

Гумилев Л.Н. Отчет по Астраханской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа 1962 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2575.

Гумилев Л.Н. Отчет по Астраханской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа 1963 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2784-2784а.

Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии (историко-географический этюд). М.: Наука, 1966. 192 с.

Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: Мысль, 1989. 764 с.

Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. М.: Искусство, 1981. 359 с.

Гуревич Ф.Д. Древний Новогрудок. М.: Наука, 1981. 160 с.

Гуревич Ф.Д., Джанполадян Р.М., Малевская М.В. Восточное стекло в Древней Руси. Л.: Наука, 1968. 26 с.

Гусева Т.В. История изучения Нового Сарая // Вестник МГУ. 1975. № 6. С. 73–88.

Гусева Т.В. Нижний Новгород по результатам раскопок 2002–2004 гг. // Древность и средневековье Волго-Камья. Материалы Третьих Халиковских чтений / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: ИИ АН РТ, 2004. С. 61–63.

Гуссаковский Л.П. Из истории русской Вятки // Европейский Север в культурно-историческом процессе: (К 625-летию города Кирова). Материалы Международной конференции / Отв. ред. В.В.Низов Киров: Киров. обл. краевед. музей. Швед. культур. центр, 1999. С. 32–40.

Гюзальян Л.Т. Эпиграфический материал из раскопок Орен-Кале // Средневековые памятники Азербайджана // Труды Азербайджанской (Орен-Калийской) археологической экспедиции Т. III / МИА. № 133 / Отв. ред. А.А. Иессен, К.Х. Кушнарева М.-Л.: Наука, 1965. С. 56–89.

Давыдов В.Н. Присоединение Коми края к Московскому государству / Научные доклады Коми филиал АН СССР. Вып. 33. Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1977. 38 с.

Далай Ч. Монголия в XIII-XIV веках. М.: Наука, 1983. 232 с.

Даркевич В.П. Медные и бронзовые изделия из Волжской Болгарии (XIII – XIV вв.) // СА. 1975. №2. С. 232–243.

Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII – XIII вв. Произведения восточной торевтики на тер-

ритории европейской части СССР и Зауралья. М.: Наука, 1976. 200 с.

Даркевич В.П., Пуцко В.Г. Произведения средневековой металлопластики из находок в Старой Рязани (1970–1978 гг.) // СА. 1981. № 3. С. 218–232.

Дворниченко В.В. Отчет о раскопках участков городища XIII-XV веков, расположенного у поселка Комсомольский Красноярского района Астраханской области в 1992 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 17094.

Дворниченко В.В. Отчет о работе Хошеутовского отряда на могильнике у села Хошеутово Харабалинского района Астраханской области в 1993 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 18118.

Дворниченко В.В. Отчет о раскопках поселения и курганного могильника Колобовка-IV у с. Колобовка Ленинского района Волгоградской области в 2000 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 23682.

Дворниченко В.В., Зиливинская Э.Д. Средневековые погребальные сооружения из могильника Кривая Лука в Астраханской области // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 7 / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 2005.С. 281–303.

Дворниченко В.В., Плахов В.В. Отчет о раскопках участка городища XIII-XIV веков, расположенного на территории пос. Комсомольский Красноярского района Астраханской области в 1992-1993 гг. // Архив ИА РАН. Р-1. № 17959.

Дебец Г.Ф. Турко-финские взаимоотношения в Поволжье по данным палеоантропологии // Антропологический журнал. 1932. № 1. С. 54–73.

Дебец Г.Ф. Материалы по палеоантропологии СССР. Нижнее Поволжье // Антропологический журнал. 1936. № 1. С. 65–80.

Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР / Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. IV. М.: Изд-во АН СССР, 1948. 391 с.

Демкин В.А., Якимов А.С., Алексеев А.О., Каширская Н.Н., Ельцов М.В. Палеопочвы и припродные условия степей Нижнего Поволжья в Золотоордынское время (XIII-XIV вв. н.э.) // Почвоведение. 2006. № 2. С. 133–144.

Демкин В.А., Гольева А.А., Сергацков И.В., Демкина Т.С., Райхль С. Курганный могильник «Колобовка-3» в Волгоградском Заволжье (опыт комплексного археологического и естественно-научного изучения) // ДА. 2001. № 1–2. С. 14–25.

Демкин В.А., Дворниченко В.В., Дьяченко А.Н., Железчиков Б.Ф., Сергацков И.В. Почвы и природные условия окрестностей столицы Золотой Орды г. Сарай-ал-Джедид в эпохи бронзы, раннего железа и средневековья (по материалам палеопочвенного изучения курганного могильника Маляевка V) // Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье. Вып. 3 / Отв. ред. Б.Ф. Железчиков. Волгоград: ВолГУ, 1999. С. 156–198.

Демкин В.А., Демкина Т.С., Борисов А.В., Якимов А.С., Сергацков И.В. Изменение почв иприроднных условий полупустынного Заволжья запоследние 4000 лет // Почвоведение. 2004. № 3. С. 271–283.

Демкин В.А., Ельцов М.В., Алексеев А.О., Алексеева Т.В., Демкина Т.С., Борисов А.В. Развитие почв Нижнего Поволжья за историческое время // Почвоведение. 2004. № 12. С. 1486–1497.

Дергачева Л.В., Петров А.Н. Надчеканка монеты в Молдавии и Литве в первой половине XV в. по данным клада из украинского села Стижок // Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики. Вып. 4. М.:РИА Внешторгиздат, 2017. С. 322–346.

Державин Г.Р. Записки из известных всем происшествиев и подлинных дел, заключающие в себе жизнь Гаврилы Романовича Державина // Державин Г.Р. Сочинения. М.: Правда, 1985. С. 361–468.

Детинкина Н.И. Сухореченское селище – центр микрорайона восточного региона Самарского Заволжья в золотоордынское время // XLIII научная конференция студентов. 4-9 апреля 2012 г. Самара, Россия. Тезисы докладов. Часть 1. Самара, 2012. С. 238–240.

Джанполадян Р.М. Резное стекло из Двина // СА. 1968. № 1. С. 268–274.

Джанполадян Р.М. Средневековое стекло Двина (IX–XIII вв.) / Археологические памятники Армении. Т. 7. Средневековые памятники. Вып. 2. Ереван: АН АрмССР, 1974. 78 с.

Джанполадян Р.М., Калантарян А.А. Торговые связи средневековой Армении в VI–XIII вв. (по данным стеклоделия) / Археологические памятники Армении. Т. 14. Средневековые памятники. Вып. 6. Ереван: АН АрмССР, 1988. 48 с.

Джиованни дель Плано Карпини. История Монгалов; Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны / Под. ред. Н.Р. Шастиной. М.: Государственное издательство географической литературы, 1957.. 271 с.

Джованни дель Плано Карпини. История монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Книга Марка Поло / Вступ. ст., коммент. М.Б. Горнунга. М.: Мысль, 1997. 460 с.

Димиденко Л.А. Костяные изделия первых веков нашей эры из Танаиса // Вестник Танаиса. Вып. 1 / Ред. Л.М. Казакова. Ростов-на-Дону: Гефест, 1994. С. 140–175.

Дневные записки путешествия доктора и Академии Наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 году. СПб.: Тип. имп. АН, 1771. 538 с.

Доде З.В. Костюмы кочевников Золотой Орды из могильника Дхухта–2 // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып II / Гл. ред. А. Б. Белинский. М.: Памятники исторической мысли, 2001. С. 117–127.

Доде З.В. Одежда и шелка из могильника Вербовый Лог // Погребения знати золотоордынского времени в междуречье Дона и Сала: Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа.

Вып. VI. М.: Памятники исторической мысли, 2006. С. 77–184.

Доде З.В. Костюм населения Северного Кавказа VII-XVII веков: реконструкция этносоциальной истории. Дисс… докт. истор. наук. М., 2007. 1096 с. // РГБ ОД, 71 10-7/44

Доде З.В. Эмблемы с изображением луны, солнца и драконов в костюме монгольской кочевой элиты XIII-XIV веков // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 11. Золотоордынское время. / Гл. ред. А.В. Евглевский.. Донецк: ДНУ, 2012. С. 251−278.

Доде З.В. Куюычинские рельефы: Новый взгляд на древние камни. М.: Таус, 2010. 248 с.

Доде З.В. «Халат власти» и «пояс покорности» – почётная одежда в монгольской имперской культуре: Опыт семантической реконструкции // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 13 / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2014. С. 7–74.

Доде З.В. Предметы женского костюма из золотоордынского захоронения могильника Тингутинский I. Консервация и предварительные выводы // Tyragetia 331, s.n., vol. XII [XXVII], nr. 1, 2018. С. 331–346.

Документы и материалы по истории Мордовской АССР / Отв. ред. Б. Д. Греков и В.И. Лебедев. Саранск: Морд. н.-и. ин-т языка, лит. и истории при СНК МАССР, 1940. Т. 1. 432 с.

Доронин П. Документы по истории коми: Вычегодско–Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Вып. 4. Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1958. С. 257–271.

Доскач А.Г. Природное районирование Прикаспийской полупустыни. М.: Наука, 1979. 142 с.

Доскач А.Г., Никитин С.А., Ралль Ю.М., Баранов А.И. Нижнее Поволжье. Физико-географическое описание. М.; Л.: АН СССР, 1948. 136 с.

Достиев Т. Азербайджан // Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана IX-XV вв. Т. I. Керамика / Отв. ред. К. Байпаков. Самарканд-Ташкент: МИЦАИ, SMI-ASIA, 2011. С. 221–248.

Древности киргизской степи и Оренбургского края / Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. 22 / сост. И.А. Кастатье. Оренбург: Типо-лит. Губ. правления, 1910. 332 с.

Древности Нижнего Поволжья. Т. 1 / МИА. № 60 / Отв. ред. Е.И. Крупнов. М.: АН СССР, 1959. 597 с.

Древняя Казань глазами современников и историков / Сост. и авт. коммент. Ф.Ш. Хузин и А.Г. Ситдиков. Казань: Фест, 1996. 446 с.

Древняя Русь. Быт и культура / Археология / Отв. ред. Б.А. Колчин, Т.А. Макарова. М.: Наука, 1997. 368 с.

Дремов И.И. Раскопки поселения Вишневое в г. Саратов // АО –1983 / Отв. ред. В.П. Шилов. М.: Наука, 1985. С. 145.

Дремов И.И. Охранные раскопки в окрестностях Саратова и Энгельса // АО – 1985 / Отв. ред. В.П. Шилов. М.: Наука, 1987. С. 176–177.

Дремов И.И. Материалы из курганов у с. Березовка Энгельсского района и некоторые вопросы социокультурных реконструкций эпохи поздней бронзы // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Вып. 2 / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов: Орион. С. 146–165.

Дрёмов И.И., Круглов Е.В. Железные конусы в погребениях Улуса Джучи: аспекты этнокультурной принадлежности // Нижневолжский археологический вестник. 2021. Т. 20. № 2. С. 149–168.

Дроздова Г.И. О позднесредневековых «черемисских» кладбищах на территории Арского района // Арск и арская земля:актуальные проблемы изучения историко-культурного наследия / Отв. ред. А.Г. Ситдиков, Ф.Ш. Хузин. Казань: ИИ АН РТ, 2010.. С. 93–96.

Дурасов А.М. Почвы Казахстана. Алма-Ата: Кайнар, 1981. 152 с.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI веков / Отв. ред. С. В. Бахрушин. М.; Л.: АН СССР, 1950. 585 с.

Дьяченко А.Н. Отчет о проведении охранных археологических раскопок разрушающихся участков Царевского городища в Ленинском районе Волгоградской области в 2000 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 23420.

Дьяченко А.Н. Результаты археологических исследований в Подонье и Заволжье // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 5 / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 2002. С. 400–401.

Дьяченко А.Н., Блохин В.Г. Раскопки в Волгоградском Задонье и окрестностях Царевского городища // АО – 2001 / Отв. ред. В.В. Седов, Н.В. Лопатин. М.: Наука, 2002. С. 265–267.

Е Лун-ли. Цидань го чжи (История государства киданей). М.: Наука, 1979. 607 с.

Евгеньев А.А. К истории изучения средневековых кочевников Оренбургского Предуралья // Археология Евразийских степей. 2017. № 1. 2017. С. 104–116.

Евстратов И.В. О золотоордынских городах, находившихся на местах Селитренного и Царевского городищ: (Опыт использования монетного материала для локализации средневековых городов Поволжья) // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Саратов., 1997. С. 88–118.

Евтеев А.А. Антропологические материалы из могильника Студенка I // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 5 / Отв. ред. В.А. Лопатин. Саратов: Научная книга, 2007. С. 221–237.

Евтеев А.А. Проблема полового диморфизма в краниологии. Автореф. дисс… канд. ист. наук. М., 2008. 30 с.

Евтеев А.А., Кубанкин Д.А., Куфтерин В.В., Рассказова А.В. Антропологические исследования Северо-Западного некрополя Увекского городища // Вестник Московского университета. Сер. XXIII. Антрополо-

гия. 2013. № 1. С. 88–103.

Евтеев А.А., Куфтерин В.В., Кубанкин Д.А., Четвериков С.И. Палеоантропологические материалы из Болдыревского грунтового могильника золотоордынского времени (г. Саратов) // Вестник Московского университета. Сер. XXIII. Антропология. 2016. № 1. С. 4–19.

Егерев В.В. Архитектура города Болгара // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. II / МИА. № 61 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1958. С. 360–392.

Егоров В.Л. Жилища Нового Сарая (по материалам исследований 1959 - 1962 гг.) // Поволжье в средние века / МИА. № 164 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Наука, 1970. С. 172–193.

Егоров В.Л. О времени возникновения Казани // СА. 1975. № 4. С. 80–87.

Егоров В.Л. География городов Золотой Орды // СА. 1977. № 1. С. 114–125.

Егоров В.Л. Мавзолеи Водянского городища // СА. 1980. № 1. С. 74–89.

Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. М.: Наука, 1985. 246 с.

Егоров В.Л. Города Руси и Золотой Орды в XIII–XIV вв. – общее и особенное // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья / Труды ГИМ. Вып. 122 / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: ГИМ, 2000. С. 263–272.

Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. М.: КРАСАНД, 2010. 245 с.

Егоров В.Л., Жуковская Н.Л. Жилища населения Монгольской народной республики // Типы традиционного народного жилища народов Юго-восточной, Восточной и Центральной Азии / Отв. ред. Н.Н. Чебоксаров. М.: Наука, 1979. С. 198–216.

Егоров В.Л., Пигарев Е.М. Производство псевдоселадона в столице Золотой Орды – Сарае // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. / Отв ред. С.Г. Бочаров, В. Франсуа, А.Г. Ситдиков. Т. 2. Казань, Кишинёв: Stratum plus, 2017. С. 717–724.

Егоров В.Л., Полубояринова М.Д. Археологические исследования Водянского городища в 1967–1971 гг. // Города Поволжья в средние века / Отв. ред. А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1974. С. 39–79.

Егоров В.Л., Федоров-Давыдов Г.А. Исследование мечети на Водянском городище // Средневековые памятники Поволжья / Отв. ред. А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1976. С. 108–167.

Егоров В.Л., Юхт А.И. В.Н. Татищев о городах Золотой Орды в Нижнем Поволжье // СА. 1986. № 1. С. 232–239.

Егорьков А.Н. Химический состав тверского посудного стекла монгольского времени // Тверской кремль: комплексное археологическое источниковедение. По материалам раскопа Тверской кремль-11, 1993-1997 гг. / Ред. В.А. Лапшин. СПб: Европейский дом, 2001. С. 138–148.

Елкина И.И. Мавзолей XIV в. в южной части Болгарского городища (раскоп CLXXIV) // Поволжская археология. 2014. № 2 (8). С. 131–144.

Елкина И.И., Лазукин А.В. Раскоп CCXIV // Археологические исследования 2015 г.: Болгар и Свияжск / авт.-сост. А.Г. Ситдиков, Р.Р. Валиев, А.С. Старков. Казань: ИА АН РТ; ЗАО ИД «Казанская недвижимость», 2016. С. 26–27.

Еманаев А.Г. Север и Юг в истории коммерции: на материалах Кафы XIII–XIV вв. Тюмень: РУТРА, 1995. 225 с.

Емельянов В.П. О топографии находок монет XV в. с «солярным» знаком // Нумизматические чтения Государственного Исторического музея 2017 года. Материалы докладов и сообщений. М.: РИА Внешторгиздат, 2017. С. 128–129.

Емельянов В.П. Монеты второй половины XIII – XIV в. из села Красная Слобода // Нумизматические чтения Государственного Исторического музея 2020 года / Отв. ред. Е.В. Захаров. М.: ГИМ, 2020. С. 76–79.

Емельянов В.П. О двух редких фракциях булгарской чеканки конца XIII в. // Двадцать первая Всероссийская нумизматическая конференция (Тверь, 24–29 мая 2021 г.)Тезисы докладов и сообщений. Тверь, 2021. С. 69–71.

Ермаков В.В., Набиуллин Н.Г., Газизов Д.Г., Салахатдинова Г.Т. К вопросу о локализации исторически известных объектов нового времени (на примере «Чалнинского городка» // Поволжская археология. 2017. № 4 (22). С. 99–111.

Ефимов В.В. О нахождении комплекса медных монет Нижегородского Великого княжества на севере Ульяновского Правобережья // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Том III. Казань: Отечество, 2014. С. 370-372.

Ефимова А.М. Металлургические горны в городе Болгаре // КСИИМК. Вып. 38 / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.; Л.: АН СССР, 1951. С. 128–135.

Ефимова А.М. Гидротехнические сооружения древнего Болгара // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. I / МИА. № 42 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1954. С. 369–391.

Ефимова А.М. Черная металлургия города Болгара // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. II / МИА. № 61 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1958. С. 292–315.

Ефимова А.М. Могильник на Бабьем бугре городища Болгары // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. III / МИА. № 80 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1960. С. 169–194.

Ефимова А.М. Кладбище у «Ханской усыпальницы» на Болгарском городище // Древности Восточной Европы / МИА. № 169 / Отв. ред. Л.А. Евтюхова. М.: Наука, 1969. С. 64–74.

Ефимова А.М. Кладбище на окраине посада города Болгара // Города Поволжья в средние века / Отв. ред. А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1974. С. 24–29.

Ефимова А.М. Каталог археологических коллекций Государственного музея ТАССР. Вып. II. Казань, 1980.

Ефимова С.Г. Палеоантропология Поволжья и Приуралья. М.: МГУ, 1991. 95 с.

Ефимова С.Г. Краниология финно-угорских народов Поволжья и Приуралья: территориальная изменчивость и ретроспективный анализ // Вопросы антропологии. М., 1999. Вып. 90. С. 127–140.

Железчиков Б.Ф. Отчет об археологических раскопках могильника у села Маляевка Ленинского района Волгоградской области в 1987 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №/№ 13489-13490.

Железчиков Б.Ф., Кригер В.А. Раскопки в окрестностях с. Лебедевка // АО – 1979 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1980. С. 432–433.

Железчиков Б.Ф., Кутуков Д.В. Раскопки у села Маляевка // Древности Волго-Донских степей. Вып. 6 / Ред. В.И. Мамонтов. Волгоград: ВолГУ, 1998. С. 124–140.

Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения с соседними народами. М.: Наука, 1982, 224 с.

Жилина М.В., Сенникова Л.А., Мокерова Е.Ю. Комплексный анализ типов обуви XV–XVI вв. (по материалам раскопок Л.П. Гуссаковского 1956-1958 гг. в Хлыновском Кремле) // L Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых (УПАСК, 1–4 февраля 2018 г. Самара): Материалы Всероссийской (с международным участием) конференции / Отв. ред. С.Э. Зубов. Самара: Самарский университет, 2018. С. 304–308.

Жиромский Б.Б. Ага-Базар // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. I / МИА. № 42 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1954. С. 325–339.

Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры. М.: Наука, 1988. 194 с.

Журавлев Д.В. Блеск империи // Меч и златник: к 1150-летию зарождения древнерусского государства / Ред. Д. В. Журавлев, В. В. Мурашева. М.: Кучково поле мастерская Зарубина, 2012. С. 138–171.

Завьялов В.И. История кузнечного ремесла пермских народов (эпоха средневековья). Автореф. дисс… докт. ист. наук. М., 2006. 54 с.

Завьялов В.И., Терехова Н.Н. Феномен “трехслойной технологии”(высокие технологии в средневековье) // Исторический формат. 2015. № 4. С. 21–32.

Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н. Русское кузнечное ремесло в золотоордынский период и эпоху Московского государства. М.: Знак, 2007. 280 с.

Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н. История кузнечного ремесла финно-угорских народов Поволжья и Предуралья: к проблеме этнокультурных взаимодействий. М.: Знак, 2009. 262 с.

Загайнова Л.П. Отчет о научно-исследовательских работах (разведка) в бассейне р.Табола Камызякского района Астраханской области в 2006 г. Астрахань, 2007 // Архив АГОИАМЗ.

Загайнова Л.П., Зеленеев Ю.А., Зеленцова О.В. Новые данные о проникновении культуры волжских болгар в мордовские земли (поселения X-XIV вв. в лесостепном Посурье по работам 2005 г.) // Средневековая археология Евразийских степей / Отв. ред. И.Л. Кызласов. М.; Йошкар-Ола, 2006. С. 158–200.

Загорульский Э.М. Возникновение Минска. Минск: БГУ, 1982. 358 с.

Загоскин Н.П. Селитренный городок Астраханской губернии Енотаевского уезда // Труды IV Археологического съезда. Т. 1. Казань, 1884. С. 186–201.

Загоскин Н.П. Спутник по Казани. Иллюстрированный указатель достопримечательностей и справочная книга города. Казань: Типо-литография Императорского Университета. 1895. 691 с.

Заитов М.Б. О Чаллынском городище // ИОАИЭ. Казань,1884. Т. III. С. 277–280.

Зайцев В.В., Колызин А.М. Два клада золотоордынских монет // XIII ВНК, М.: Альфа-Принт, 2005. С. 53–55.

Закирова И.А. Отчет о раскопках золотоордынского мавзолея в с. Бахтияровка Ленинского района Волгоградской области в 1984 и 1985 гг. // Архив ИА РАН. Р-1. №/№ 11229-11229а.

Закирова И.А. Раскопки мавзолея на Бахтияровском могильнике // АО – 1985 / Отв. ред. В.П. Шилов. М.: Наука, 1987. С. 178.

Закирова И.А. Косторезное дело Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 220–243.

Залкинд Н.Т. Краниологические материалы из Нового Сарая (Сарай Берке) // Человек: эволюция и внутривидовая дифференциация. Труды Московского общества испытателей природы. Т. 43 / Отв. ред. В.П. Якимов. М.: Наука, 1972. С. 162–166.

Записки академика Фалька / Полное собрание ученых путешествий по России. Т. VI. СПб.: Тип. имп. АН, 1824. 446 с.

Зарипов Ю.З. О ходе исследования исторических памятников Алькеевского района // Материалы II Региональной научно-практической конференции «Болгарский музей-заповедник – хранитель культурного наследия». Болгар, 2016. С. 69-75.

Засыпкин Б.Н. Архитектура Средней Азии. М.: Академия архитектуры СССР, 1948. 160 с.

Захаров С.Д. Раскопы Л.П.Гуссаковского в Хлыновском кремле // Европейский Север в культурно-историческом процессе: (К 625-летию города Кирова) / Отв. ред. В. В. Низов. Киров, КОГУП Кировская областная ти пография,1999. С. 41–48.

Захаров С.Д. Древнерусский город Белоозеро. М.: Индрик, 2004. 368 с.

Заходер Б.Н. Ширазский купец на Поволжье в 1438 г.

(К вопросу о русских экономических связях с Сибирью, Средней Азией и Передним Востоком) // Краткие сообщения Института востоковедения. Т.XIV. М, 1955. С.14-19

Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. В 2 т. Т. I. Горган и Поволжье в IX—X вв. М: Наука, 1962. 281 с.

Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. В 2 т. Т. II. М: Наука, 1967. 213 с.

Зеленеев Ю.А. Отчет о работе 2-го отряда совместной археологической экспедиции Мордовского государственного университета и Мордовского республиканского краеведческого музея за 1982 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9500.

Зеленеев Ю.А. Отчет о раскопках Шаверского 1-го поселения за 1983 год // Архив ИА РАН. Р-1. № 10113.

Зеленеев Ю.А. Новые исследования Ефаевского могильника XII-XIV вв. // Археология и этнография Марийского края. Вып. 13: Древности Среднего Поволжья. Йошкар-Ола: Марийский НИИ яз., лит. и истории им. В. М. Васильева, 1987. С. 148 - 153.

Зеленеев Ю.А. Отчет об археологических раскопках в Наровчатском районе Пензенской области в 1989 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 13631.

Зеленеев Ю.А. Отчет о раскопках на Наровчатском городище (г. Мохши) в 1990 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 16508.

Зеленеев Ю.А. Отчет о раскопках на 19 раскопе Селитренного городища (Сарай - Бату) в 1993 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 18385.

Зеленеев Ю.А. Отчет о раскопках Царевского городища (Ленинский р-н Волгоградской обл.) в 1994 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 18607.

Зеленеев Ю.А. Разведка в Мордовии // Археологические открытия Урала и Поволжья / Отв. ред. В.В. Никитин. Йошкар-Ола: МарГУ, 1994. С. 44–45.

Зеленеев Ю.А. Отчет о раскопках Царевского городища в Ленинском районе Волгоградской области за 1995 год // Архив ИА РАН. Р-1. № 19213.

Зеленеев Ю.А. Отчет об исследованиях Царевского городища в 1996 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 20117.

Зеленеев Ю.А. Исследования Царевского городища // АО –1995 / Отв. ред. В.В. Седов, Н.В. Лопатин. М.: Фонд археологии, 1996а. С. 217–218.

Зеленеев Ю.А. Царевское городище // АО – 1996 / Отв. ред. В.В. Седов, Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 1997. С. 246–248.

Зеленеев Ю.А. Отчет о раскопках Царевского городища в 1998 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 21966.

Зеленеев Ю.А. Павел Дмитриевич Степанов об этнокультурных процессах в Поволжье в XIII-XV вв. // Исследования П.Д. Степанова и этнокультурные процессы древности и современности: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию П.Д. Степанова, окт. 1998 г.. Саранск:Типография "Красный Октябрь", 1998. С. 123–124.

Зеленеев Ю.А. Расселение финно-угров Волго-Камья в XIII-XV вв. // Финноугроведение. 1999. № 2–3. С. 23–24.

Зеленеев Ю.А. Этнокультурная история Поволжья XIII-XV вв. в работах А.П. Смирнова // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья / Труды ГИМ. Вып. 122 / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: ГИМ, 2000. С. 27–29.

Зеленеев Ю.А. Мордва в составе Улуса Джучи // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. № 6. М., 2000а. С. 19 - 25.

Зеленеев Ю.А. Мордовское население города Мохши и его округи // Финно-угорский мир: история и современность. Исторические и педагогические науки. Саранск, 2000б. С. 69-72.

Зеленеев Ю.А. Исследования Поволжской археологической экспедиции на золотоордынских городищах в 90-х годах XX века // Studie z dejn banictva a banskeho podnikania. Bratislava, 2001.

Зеленеев Ю.А. Город Мохши и другие золотоордынские города: особенное и общее // История в культуре, культура в истории. Саранск: Тип. "Красный Октябрь", 2001а.С. 156–158.

Зеленеев Ю.А. Источники по этнической истории Улуса Джучи // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золтой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556 / Отв. ред. М. А. Усманов. Казань: Мастер Лайн, 2002. С. 207–215.

Зеленеев Ю.А. Отчет об археологических раскопках Порецкого поселения в Порецком районе Чувашской Республики в 2003 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 24275.

Зеленеев Ю.А. А.Е. Алихова об этнокультурной истории Поволжья в средние века // Археология восточноевропейской лесостепи. Пенза, 2003а. С. 13-19.

Зеленеев Ю.А. Отчет об археологических раскопках на Селитренном городище Харабалинского района Астраханской области в 2005 году (раскоп №XXX-VII) // Архив АГОИАМЗ.

Зеленеев Ю.А. Отчет об археологических раскопках на Селитренном городище Харабалинского района Астраханской области в 2005 году (раскоп № XXX-VIII) // Архив АГОИАМЗ.

Зеленеев Ю.А. Золотоордынские города Поволжья: возникновение, время существования и этнокультурная характеристика // История и современность. 2010. № 1. С. 113–122.

Зеленеев Ю.А. Очерки этнокультурной истории Поволжья XIII – XV вв. Йошкар-Ола: МарГУ, 2013. 327 с.

Зеленеев Ю.А., Архипов С.А. Исследования Царевского городища // АО – 1997 / Отв. ред. В.В. Седов, Н.В. Лопатин. М.: Едиториал УРСС, 1999. С. 169–171.

Зеленеев Ю.А., Курочкина С.А. Золотоордынский город Сарай ал-Джедид (результаты археологических исследований на Царевском городище в 1994-2000 гг.).

Йошкар-Ола: МарГУ, 2009. 264 с.

Зеленеев Ю.А., Курочкина С.А., Федулов М.И. Средневековое поселение «Баратаевка-2» // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 6. Йошкар-Ола: Институт археологии РАН, 2012. С.130-146.

Зеленеев Ю.А., Никитина Т.Б. Обзор исследований конца 80-х - 90-х годов XX века по средневековой археологии финно-угров Поволжья и Приуралья. Ч. 2 // РА. 2000. № 3.С. 170–179.

Зеленеев Ю.А., Пигарев Е.М. Селитренное городище: археологические исследования на Больничном бугре в 2014–2016 годах / Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 12. Йошкар-Ола: МарГУ, 2021. 156 с.

Зеленеев Ю.А., Румянцев Г.Г. Исследования Наровчатского городища // Археологические открытия Урала и Поволжья / Отв. ред. В.В. Никитин. Йошкар-Ола: МарГУ, С. 45–46.

Зеленеев Ю.А., Филиппова Е.Е. Гончарный горн города Мохша (по результатам исследований 1989-1990 гг.) // Вестник Чувашского университета. 2011. №4. С. 44–52.

Зиливинская Э.Д. Очерки культового и гражданского зодчества Золотой Орды. Астрахань: Астраханский ун-т, 2011. 253 с.

Зиливинская Э.Д. Средневековые бани Нижнего Поволжья // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья / Отв. ред. К. А. Смирнов. М.: Наука, 1989. С. 249–280.

Зиливинская Э.Д. Еще раз о банях города Мохши //Из истории области. Очерки краеведов. Пенза: Пенз. гос. объед. краевед. музей, 1990. Вып. 2. С. 129 – 138.

Зиливинская Э.Д. Бани Золотой Орды // Практика и теория археологических исследований / Отв. ред. А.С. Смирнов, ред. Н.В. Малиновская. М.: ИА РАН, 2001. С. 174–226.

Зиливинская Э.Д. Усадьбы золотоордынских городов. Астрахань: Астраханский ун-тет, 2008. 172 с.

Зиливинская Э.Д. Раскопки усадьбы на Красном бугре Селитренного городища // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 6. Золотоордынское время / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2008а. С. 17–93.

Зиливинская Э.Д. Раскопки башни на Селитренном городище // Древности Юга России: памяти А.Г. Атавина / Отв. ред. Г.Е. Афанасьев. М.: ТАУС, 2008в. С. 513–525.

Зиливинская Э.Д. Золотая Орда как архитектурная провинция ислама: мечети Среднего и Нижнего Поволжья, Северного Кавказа и Крыма // Archaeologia Abrahamica: исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама / Ред.-сост. Л.А. Беляев. М.: Индрик, 2009. С. 349–385.

Зиливинская Э.Д. Усадебные и дворцовые здания Золотоордынских городов Нижнего Поволжья. Планировка, традиции, инновации // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 8. Золотоордынское время / Гл. ред А.В. Евглевский Донецк: ДонНУ, 2010. С. 97–164.

Зиливинская Э.Д. Медресе и ханака в Золотой Орде (по письменным источникам и археологическим данным). // Проблемы истории, филологии и культуры (ПИФК). 2011. № 2. С. 129–151.

Зиливинская Э.Д. Раскоп №1 // Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации. / Ред. Д.В. Васильев. Астрахань: Сорокин Роман Васильевич, 2011. С. 13–35.

Зиливинская Э.Д. Очерки культового и гражданского зодчества Золотой Орды. Астрахань: Астраханский университет, 2011. 252 с.

Зиливинская Э.Д. Медресе и ханака в Золотой Орде (по письменным источникам и археологическим данным). // Проблемы истории, филологии и культуры (ПИФК). 2011. № 2. С. 129–151.

Зиливинская Э.Д. Культовые постройки времени Узбека в Золотой Орде // Золотоордынская цивилизация. 2013. № 6. С. 82–98.

Зиливинская Э.Д. Мавзолеи Болгара: проблемы генезиса и типологии // Средневековая Евразия: симбиоз городов и степи. Материалы II Международного Болгарского форума / Археология евразийских степей. Вып. 17 / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Отечество, 2013. С. 66–75.

Зиливинская Э.Д. Архитектура Золотой Орды. Часть I. Культовое зодчество. Москва-Казань: Отечество, 2014. 448 с.

Зиливинская Э.Д. Мавзолеи Золотой Орды // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 13 / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2014а. С. 283–427.

Зиливинская Э.Д. Культовая архитектура Золотой Орды: происхождение и традиции // Поволжская археология. 2016. № 3 (17). С. 44–67.

Зиливинская Э.Д. Архитектура Золотой Орды. Часть II. Гражданское зодчество. Казань: АН РТ, 2019. 353 с.

Зиливинская Э.Д. Новые исследованияна золотоордынских поселениях Западного Казахстана // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2 / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Казань, Кишинев: Stratum plus, 2019. С. 263–288.

Зиливинская Э.Д. Архитектура // Средние века (вторая треть XIII – вторая половина XV вв.). Эпоха Золотой Орды (улус Джучи) / Археология Волго-Уралья. Т. 6 / под общ. ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. В.С. Баранов. Казань: АН РТ, 2022. С. 628–629.

Зиливинская Э.Д., Алексейчук С.Н. Усадебное здание на XV раскопе Селитренного городища // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 3. Половецко-золотоордынское время / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2003. С. 295–345.

Зиливинская Э.Д., Васильев Д.В. Раскопки на городище Самосделка в Камызякском районе Астраханской области // АО –2005 / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: Наука, 2007. С. 313–315.

ЛИТЕРАТУРА

Зиливинская Э.Д., Васильев Д.В. О вероятной локализации города Итиля на Самосдельском городище в дельте Волги // Труды II (XVIII) Всероссийского Археологического съезда в Суздале. Т.II / / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров. М: ИА РАН, 2008. С. 224–226.

Зиливинская Э.Д., Васильев Д.В. Города Золотой Орды // Золотая Орда в мировой истории/ Отв. ред. И.М. Миргалеев, Р. Хаутала. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2016. С. 633–665.

Зиливинская Э.Д., Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю. Раскопки на городище Самосделка в Астраханской области в 2000-2004 гг. // РА. № 4. 2006. С. 24–35.

Зиливинская Э.Д., Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю., Рудаков В.Г. Раскопки на средневековых городищах в Астраханской области // АО – 2004 / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: Наука, 2005. С. 290–292.

Зиливинская Э.Д., Васильев Д.В., Рудаков В.Г. Полуподземные погребальные сооружения в Золотой Орде // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 1 (30). С. 14–22.

Зиливинская Э.Д., Смирнов А.С. Первые раскопки в селении Селитренном Астраханской губернии. // Проблемы истории, филологии и культуры (ПИФК). 2014. № 2. С. 203–211.

Зиливинская Э.Д., Чеченов И.М. Подземный склеп на городище Нижний Джулат // Проблемы древней истории и культуры Северного Кавказа / Ред. Р. М. Мунчаев, С. Н. Кореневский. М. : ИА РАН ; ИПП «Гриф и К», 2004. С. 138–159.

Злыгостев В.А. Тохтамыш. Уфа: ДизайнПресс, 2012. 472 с.

Золотая Орда в источниках. Т. 3. Китайские и монгольские источники / Пер. Р.П. Храпачевского. М.: Наука, 2009. 336 с.

Золотая Орда и Причерноморье. Уроки Чингисидской империи: каталог выставки / сост. М.Г. Крамаровский. М.: Фонд Марджани, 2019. 504 с.

Зоря Р.С., Ситдиков А.Г. Н.Ф. Калинин: изучение и сохранение историко-археологического наследия Болгарского городища // Археология Евразийских степей. 2021. № 2. С. 346–360.

Зубов С.Э. Матвеева Г.И., Приказчиков С.И. Междуреченское городище // Краеведческие записки. Вып. VII / Ред. П.С. Кабытов. Самара: СОИКМ, 1995. С. 208–225.

Зыбин Ю.П., Ключникова В.М,, Кочеткова Т.С., Фукин В.А. Конструирование изделий из кожи: Учебник для стедентов вузов, обучающихся по специальн. «Конструров. изд. из кожи», «Техн. изд. из кожи». М.: Легкая и пищевая промышленость, 1982. 264 с.

Зыков А.А., Кокшаров С.Ф. Древний Эмдер. Екатеринбург: Волот, 2001. 320 с.

Зяблин Л.П. О «татарских» курганах // СА. 1955. Вып. XXII. С. 93–94.

Иванов А.Г. «Торгоца» – страница средневековой ярмарочной торговли Марийского Поволжья // Проблемы средневековой археологии волжских финнов / АЭМК. Вып. 23 / Отв. ред. Г.А. Архипов, Т.Б. Никитина. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1994. С. 214–221.

Иванов А.Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья (конец V – первая половина XIII вв.). Ижевск: УдмИИЯЛ УрО РАН, 1998. 309 с.

Иванов В.А. Погребения кыпчаков в бассейне р. Урал // Памятники кочевников Южного Урала / Отв. ред. В.А. Иванов. Уфа: БФАН СССР, 1984. С. 75–97.

Иванов В.А. Научный отчет о результатах археологических исследований в 1984 г. в БАССР и Оренбургской области. Уфа, 1985 // НА УНЦ РАН. Ф.1. Оп. 6. Ед. хр. 120.

Иванов В.А. Этнические процессы в степной и лесостепной полосе Южного Урала и Приуралья в VII–XIV вв. н. э. Автореф. Дисс. … докт. истор. наук. М.: ИА РАН, 1990. 45 с.

Иванов В.А. Убранство костюма кочевников Золотой Оды // Самарский край в истории России: материалы юбилейной научной конференции. Самара, 2001. С. 200–207.

Иванов В.А. Социальный мир Золотой Орды и его отражение в археологических материалах // Золотоордынское наследие. Вып. 1 / Отв. ред. И. М. Миргалеев. Казань: Фэн, 2009. С. 15–23.

Иванов В.А. «Кипчакизация» Урало-Поволжья по данным археологии // Тюркские кочевники Евразии (кимаки, кипчаки, половцы…) / Тюркские племена и государства Евразии в древности и в средние века. Вып. 2. Казань: Ихлас; Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2013. С. 77–100.

Иванов В.А. Кочевники Золотой Орды. Уфа: БГПУ, 2015. 208 с.

Иванов В.А. Монголы в составе кочевников Улуса Джучи (Золотой Орды): по данным археологии // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7. № 4. С. 636–651.

Иванов В.А. Археология комплексов вооружения кочевников Улуса Джучи (Золотой Орды) // Археология Евразийских степей. 2020. №6. С. 253–278.

Иванов В.А., Гарустович Г.Н., Пилипчук Я.В. Средневековые кочевники на границе Европы и Азии. Уфа: БГПУ, 2014. 396 с.

Иванов В.А., Горбунов В.С. Раскопки в Оренбуржье и в Южной Башкирии // АО – 1983 / Отв. ред. В.П. Шилов. М.: Наука, 1985. С. 148–149.

Иванов В.А., Исмагилов Р.Б. Исследования в междуречье Урала и Сакмары // АО – 1980 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1981, С. 133.

Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М.: Наука, 1988. 96 с.

Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Взаимодействие леса и степи Урало-Поволжья в эпоху средневековья (по материалам костюма). Пермь: ПГПУ, 2006. 162 с.

ЛИТЕРАТУРА

Иванов В.А., Обыденнова Г.Т. Раскопки курганов в Южном Зауралье // АО – 1984 / Отв. ред. В.П. Шилов. М.: Наука, 1986. С. 129–130.

Иванов И.В., Васильев И.Б. Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене: К 30-му Междунар. геол. конгр. (Пекин, Китай, 1996 г.) М. : Интеллект, 1995. 258 с.

Иванова М.Г. Погребальные памятники северных удмуртов XI-XIII вв. Ижевск: УдИИЯЛ УрО РАН, 1992. 184 с.

Иванова М.Г. Городище Иднакар IX–XIII вв.: материалы исследований территории между валами (1989–1992 гг.) // Материалы исследований городища Иднакар IX–XIII вв. / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: УИИЯЛ, 1995. С. 4–56.

Иванова М.Г. Удмурты // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. С. 207–254.

Игнатов В.Н., Клепиков В.И., Мамонтов В.И. Работы Приволжского отряда // АО – 1977 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1978. С. 177–178.

Игушев А.Р., Клёнов М.В., Савельева Э.А. Осадные городки XV–XVII вв. на территории Коми края. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2000. 27 с.

Известия ОАИЭ, т. XXIX. Казань, 1915.

Извлечение из отчета о раскопках в Казанской губернии // Отчет ИАК за 1893 г. СПб.: Типография главного управления уделов, Мохова, № 40, 1895. С. 95–101.

Измайлов И.Л. Отчет о полевых работах на Богдашкинском городище и могильнике (Тетюшский район ТССР) и памятниках разрушающихся в Куйбышевском районе ТССР взоне Куйбышевского водохранилища (Старокуйбышевский (Спасский) комплекс памятников) в 1990 году. Казань, 1991 // Архив ИЯЛИ АНТ. Л. 2–5.

Измайлов И.Л. Отчет о полевых работах на Богдашкинском городище и могильнике (Тетюшский район ТАССР) и памятниках разрушающихся в Куйбышевском районе ТАССР в зоне Куйбышевского водохранилища (Старокуйбышевский) (Спасский) комплекс памятников) в 1991 году. Казань, 1991 // Архив ИЯЛИ АНТ.

Измайлов И.Л. История изучения Улуса Джучи в отечественной и зарубежной науке // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. / Ред. М.А. Усманов. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 19–33.

Измайлов И.Л. Улус Джучи и Золотая Орда: официальное название страны и историческая традиция // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. / Ред. М.А. Усманов. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 16–19.

Измайлов И.Л. «Великая замятня» // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. / Ред. М.А. Усманов. Казань: ИИ АН РТ, 2009а. С. 695–712.

Измайлов И.Л. Идегей и его время // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. / Ред. М.А. Усманов. Казань: ИИ АН РТ, 2009б. С. 712–723.

Измайлов И.Л. История сложносоставного лука населения Среднего Поволжья (середина VIII–XIV вв.) // Форум «Идель-Алтай». Материалы научно-практической конференции «Идель-Алтай: истоки евразийской цивилизации» I Международного конгресса (Казань, 7-11 декабря 2009 г.) / Археология евразийских степей. Вып. 13 / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: ИИ АН РТ, 2011. С. 56−72.

Измайлов И.Л. Комплекс вооружения Улуса Джучи: от стрелы до пушек // Военное дело ЗолотойОрды. Проблемы и перспективы изучения / Отв. ред. И. М. Миргалеев. Казань: ИИ им. Ш.Марджани АН РТ, 2011. С. 200−203.

Измайлов И.Л. Погребально-поминальная обрядность и комплекс вооружения древнего и средневекового населения (к постановке проблемы) // Поволжская археология. 2012. № 2. С. 66−85.

Измайлов И.Л. Военное искусство Улуса Джучи во второй половине XIV - начало XV в. // От Ононак Темзе. Чингисиды и их соседи. К 70-летию Марка Григорьевича Крамаровского. / Ред.-сост. В.П.Степаненко, А.Г. Юрченко. М.: Издательский дом Марджани, 2013. С. 253−272.

Измайлов И.Л. Военная археология народов Евразии: к вопросу о содержании понятия // Археология Евразийских степей. 2017. № 5. С. 16−22.

Измайлов И.Л. Вооружение Улуса Джучи (Золотой Орды) XIII-XIV вв. в контексте истории оружия Евразии: проблемы изучения // Труды III Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей «Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй» / Ред. Н.Н.Крадин, А.Г. Ситдиков. Владивосток: Дальнаука, 2017. С. 141−145.

Измайлов И.Л. Традиционная одежда и археологический костюм: соотношение этнических и сословно-статусных элементов // Археология Евразийских степей. 2019. №1. С. 199–216.

Измайлов И.Л. Комплекс вооружения Улуса Джучи (Золотой Орды): теория и практика военной археологии // Археология Евразийских степей. 2020. №6. С. 279–300.

Измайлов И.Л., Губайдуллин А.М. Укрепления Старокуйбышевского (Кураловского) городища // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада / Отв. ред. П. Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ, 1992. С. 79–89.

Измайлов И.Л., Кавеев М.М. Болгар в XIII-XV вв. // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. / Ред. М.А. Усманов. Казань: ИИ АН РТ, 2009.

С. 194–200.

Измайлов И.Л., Недашковский Л.Ф. Находки предметов вооружения с территории золотоордынского города Укека из музеев Казани и Саратова // Из истории Золотой Орды. Казань, 1993. С. 72–86.

Износков И.А. Заметки о городах, курганах и древних жилищах, находящихся в Казанской губернии и о встречающихся в них находках // ИОАИЭ. Казань, 1878. Т. 1. С. 110–114.

Износков И.А. Заметки о городках, курганах и древних жилищах, находящихся в Казанской губернии и о встречающихся в них находках // ИОАИЭ. Казань, 1880. Т. II.

Износков И.А. Список населенных мест Казанской губернии с кратким описанием их. Лаишевский уезд. Казань: Типография Губернского управления, 1895. 80 с.

Иконников Д.С. Результаты раскопок последних лет в г. Мохши (1997-2001 г.) //VII Лебедевские чтения. Пенза: ПГПУ, 2006. С. 269-271.

Ильин А.А. Топография кладов древних русских монет X-XI вв. и монет удельного периода (Труды Нумизматической комиссии РАИМК. V). Л., 1924. 58 с., 2 карты.

Ильина А., Шишкин П. Материалы к археологической карте Сталинградского, Хоперского и некоторой части Астраханского и Камышинского округов Нижневолжского края. Сталинград: Тип. школы глухонемых, 1929. 50 с.

Ильинский Л.К., Худяков М.Г., Покровский С.П., Крелленберг В.Е. Отчет о раскопках в Болгарах в июле 1914 г. // ИОАИЭ. Казань, 1916. Т. XXIX. Вып. 5/6. С. 197–230.

Ильясова С.Р., Ильясов Дж. Я., Имамбердыев Р.А., Исхакова Е.А. «Нет блага в богатстве…» Глазурованная керамика Ташкентского оазиса IX–XII веков. М.: Фонд Марджани, 2016. 595 с.

Исмагулов О. Население Казахстана от эпохи бронзы до современности (палеоантропологическое исследование). Алма-Ата: Наука, 1970. 240 с.

Исмагулов О., Исмагулова А. Происхождение казахского народа (по данным физической антропологии). Алматы: Алматы, 2017. 191 с.

История Казани. Книга 1. Казань: Татар. кн. изд-во, 1988. 349 с.

История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. / Ред. М.А. Усманов. Казань: ИИ АН РТ, 2009. 1056 с.

Кабинет Петра I // РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 93. Л. 362.

Кавеев М.М. Некоторые итоги исследования Кожаевского IV селища // Историко-археологическое изучение Поволжья / Отв. ред. Ю.А. Зеленеев. Йошкар-Ола: МарГУ, 1994. С. 94–99.

Кавеев М.М. Город Болгар // Древние народы и города Поволжья / Отв. ред Г.Н. Белорыбкин. Пенза: ПГПУ, 1995. С. 93–103.

Кавеев М.М., Баранов В.С. Отчет об исследовании CVII в 1990 году. Казань, 1991. // Док. фонд БГИАМЗ инв. №556-1/94

Кавеев М.М., Полубояринова М.Д., Старостин П.Н., Хлебникова Т.А., Шарифуллин Р.Ф. Отражение монгольского нашествия в напластованиях Болгара // Волжская Булгария и монгольское нашествие / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1988. С. 58–71; 177–181.

Казаков Е.П. Дневник обследования зоны Куйбышевского моря в 1964 г. 35 л // НФ МАРТ ИА АН РТ. Ф. 5. Д. 118.

Казаков Е.П. Отчет о работах 1-го разведывательного отряда ТАЭ в 1964 г. Казань, 1967 // НФ МАРТ Н РТ. Ф. 5. Оп. 2. Д.231.

Казаков Е.П. Отчет о разведочно-охранных работах в зоне Куйбышевского водохранилища в пределах ТАССР в 1974 г. Казань, 1975 // НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф. 5. Оп. 2. Д 427.

Казаков Е.П. О памятниках болгарского времени в восточных районах Татарии // Древности Волго-Камья / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: КФ АН СССР, 1977. С. 92-102.

Казаков Е.П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М.: Наука, 1978. 132 с.

Казаков Е.П. Булгарские памятники Приустьевой части Закамья и монгольское нашествие // Волжская Булгария и монгольское нашествие / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1988. С. 71–82.

Казаков Е.П. Коминтерновское II селище // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1993. С. 117–129.

Казаков Е.П. Взаимодействие волжских болгар с уграми и финнами. Культурнохронологическая специфика этапов // Узловые проблемы финно-угроведения. Йошкар-Ола: Науч. центр финно-угроведения, 1995. С. 35-37.

Казаков Е.П. Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи тюркских каганатов // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии) / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В.Алабина, 1998. С. 97–150.

Казаков Е.П. О взаимодействии волжских булгар с финно-уграми // История татар с древнейших времен. Волжская Булгария и Великая степь. Т. II. Казань: РухИЛ, 2006. 956 с.

Казаков Е.П. Волжские булгары, Угры и финны: проблемы взаимодействия. Казань: ИИ АН РТ, 2007. 208 с.

Казаков Е., Набиуллин Н. Яр Чаллы – Набережные Челны // Достояние поколений. 2010. № 2 (10). С. 26–31.

Казаков Е.П., Набиуллин Н.Г., Хуснутдинов Э.А. Новые материалы по исследованиям в исторической части г. Набережные Челны // Камский торговый путь. Мате-

риалы III Всероссийской научно-практической конференции. Набережные Челны, 2021. С. 143–156.

Казаков Е.П., Руденко К.А., Беговатов Е.А. Мурзихинское селище // Древние памятники приустьевого Закамья. Материалы Новостроечной экспедиции Министерства Культуры Республики Татарстан. Выпуск 1. Изд-во Казанского университета, 1993. С. 42-66.

Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х. Археологические памятники Татарской АССР. Казань: Татарское кн. изд-во, 1987. 240 с.

Казаков П.В., Пигарев Е.М. Материалы исследований Красноярского городища Астраханской области (1989-90 гг.) // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып.1 / ред. Ю.А. Зеленеев, Г.А. Федоров-Давыдов. Йошкар-Ола: МарГУ, 1998. С. 72–83.

Казанская губерния / сост. А.Ф. Риттих. Казань, 1870. 2 т. (Материалы для этнографии России; №14). Ч. 1: 1870. – [2], X, II, 109 с., 6 л. илл., к. – Прил.: Племенная карта, стат. табл., план Болгар и виды болгарских развалин.

Казанская история. Подготовка текста, вступительная статья и примечания Г.Н. Моисеевой / Под ред. В .П. Адриановой-Перетц. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 194 с.

Казаринов В.А. Развалины древних зданий при селе «Болгарах» Спасского уезда Казанской губернии // ИОАИЭ, Т. VI. Вып. 2. Казань, 1888. С. 17–36.

Казвини З. Зайл-и тарих-и гузида : (Доп. к "Избранной истории") / Зайн ад-Дин ибн Хамдаллах Казвини; Пер. с перс., предисл., примеч. и указ. М. Д. Кязимова, В. З. Пириева; АН АзССР, Ин-т востоковедения. Баку: Элм, 1990. 211 с.

Кайсин А.О., Борисова А.М., Глазырина М.К. Некоторые итоги археологического изучения исторической части города Кирова в XX – начале XXI века // Новые материалы и методы археологического исследования: от критики источника к обобщению и интерпретации данных Материалы V Международной конференции молодых ученых (Москва, 19–21 марта 2019 г.) / Ред. В.Е. Родинкова. М.: ИА РАН. 2019. С. 152–154.

Калинин Н.Ф. Отчет о командировке в районы Татарии по поручению сектора науки Татнаркомпроса с 4 по 16 августа 1932 г. по вопросу состояния и сохранности исторических памятников и работы музеев // Архив ИЯЛИ АНТ. Ф. 8. Оп. 2. ед. хр. 40. л. 7.

Калинин Н.Ф. Отчет об археологической экспедиции 1948 г. по районам Татарской АССР. Казань, 1948 // Архив ИА РАН. Ф. Р-I. Ед. хр. № 202. 92 л.

Калинин Н.Ф. Отчет об археологической экспедиции 1948 г. по районам Татарии. Архив Казанского ИЯЛИ, ф. 8, оп. 1, ед. хр. 177. 55 листов.

Калинин Н.Ф. Полевой дневник №4 Н.Ф. Калинина археологической экспедиции 1951 г. Археологические экскурсии в с. Русский Урмат и др. Казань, 1951 // Архив КФ АН СССР. Ф. 8. Оп. 1. ед.хр. 56.

Калинин Н.Ф. Экспедиция по западным районам Татарской АССР (Из материалов Куйбышевской экспедиции 1945-1950 гг.) // КСИИМК, вып. XLIV. М., 1952. С. 52–66.

Калинин Н.Ф. Казань: Исторический очерк. Казань: Таткнигоиздат, 1955. 415 с.

Калинин Н.Ф. К итогам археологической экспедиции КФАН СССР 1955 года // Известия КФАН СССР. Серия гуманитарных наук. Вып. 2. Казань, 1957. С. 201–204.

Калинин Н.Ф. Материалы археологических раскопок Урматского селища (профили, рисунки, фотографии). На 22 листах. 1956. Казань, 1957 // Архив КФ АН СССР. Ф. 8. Оп. 1, ед. хр. 51.

Калинин Н.Ф. История Казани с древнейших времен до XVII века. Дисс. на соискание ученой степени док. ист. наук. Казань, 1957. Машинопись // Архив ИЯЛИ. Ф. 8. Оп. I. Ед.хр. 202, 203. 433 с.

Калинин Н.Ф. История Казани с древнейших времён до XVII в. I-V главы. Диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук. Машинопись с авторской правкой и подписью. На 433 листах (1959).

Калинин Н.Ф. Альбом булгаро-татарской эпиграфики в 3 частях. Казань, 1960.

Калинин Н.Ф., Тамбовцев Л.М. На поиски болгарских городов // Записки Тетюшского музея. № 3. Казань: Полиграфшкола им. А.В. Луначарского, 1928.

Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Итоги археологических работ за 1945-1952 гг. Казань, Татар. кн. изд-во, 1954. 126 с.

Калменов М.Д. Отчет об археологических исследованиях средневекового городища Жайык 2012 г. Алматы, 2013 // Архив Института археологии имени А.Х. Маргулана.

Калменов М.Д. Исследования городища Жайык в 2012-2014 гг. // Средневековые города бассейна реки Урал / Ред. Сдыков М. Н. Уральск: Полиграфсервис, 2014. С. 64–91.

Калменов М.Д. Отчет о научно-исследовательской работе: Археологические исследования объектов историко-культурное наследия по теме «Городище Жайык» 2014 года. Алматы, 2015 // Архив Института археологии имени А.Х. Маргулана.

Калменов М.Д., Бижанова А.Е. Топография и хронология средневековых поселений западных регионов Казахстана // Генуэзская Газария и Золотая Орда / Под ред. С. Г. Бочарова, А.Г. Ситдикова. Кишинев: Stratum Plus; Казань, 2019. С. 247 - 262.

Калуцкова Н.Н., Горячко М.Д., Кузьминых С.В. , Чагин Г.Н. , Прокинова А.Н., Павлинов П.С., Фраёнова О.В. ПЕРМСКИЙ КРАЙ // БРЭ. Т. 25 / Ред. Ю. С. Осипов и др. М.: Большая российская энциклопедия, 2014. С. 712–723.

Кантемиров Э.С., Дзаттиаты З.Г. Тарский катакомбный могильник VII–IX вв. н. э. // Аланы: история и культура. Вып. 3 / Отв. ред. В.Х. Тменов. Владикав-

каз: Северо-осетинский институт гуманитарных исследований, 1994. С. 259–314.

Каримова Р.Р. Элементы убранства и аксессуары костюма кочевников Золотой Орды (типология и социокультурная интерпетация) / Археология евразийских степей. Вып. 16. Казань: Ин-т истории им.Ш.Марджани АН РТ, 2013. 212 с.

Карпини П. История монгалов // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Ред. Н.В. Шастина. М.: ГИГЛ, 1957. С. 21-83,195-221

Карпов С.П. Документы по истории венецианской фактории Тана во второй половине XIV в. // Причерноморье в Средние века. Вып.1. / Ред. С.П. Карпов. М, 1991. С.191-216

Касанкин Г.И. Отчет о раскопках грунтового могильника в зоне строительства пионерского лагеря “Ударник” у села Болдыревка Саратовского района Саратовской области в 1990 г. Саратов, 1990 // Архив ИА РАН. Р-1. № 14800.

Касанкин Г.И. Золотоордынское поселение у села Подгорное // Материалы научно-практической конференции по проблемам сохранения археологического наследия / Отв. ред. В.А. Соснин. Саратов: Орион, 1994. С. 94–101.

Касенов М.С. Средневековое городище Актобе-Лаэти // Вестник Прикаспия. Археология, История, Этнология. №3. Элиста, 2012. С. 42-54.

Катанов Н.Ф. Новые приобретения музея Общества Арх., Ист. и Этн. в 1895 году // ИОАИЭ, т. XIII, вып. 3. Казань. 1895.

Катанов Н.Ф. Описание одного металлического зеркала с арабской надписью, принадлежащего ОАИЭ / ИОАИЭ. Т. 14. Вып. 6. Казань: Типо-лит. Имп. Казан. ун-та, 1898, 5 с.

Катанов Н.Ф. Бронзовое зеркало с арабской надписью // Отчет Исторического музея за 1907 г. М.: Синодальная типография, 1908. С. 93.

Кафаров Палладий. Старинное монгольское сказание о Чингисхане / Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. Т. IV СПб.: Типография В. Безбородова и К°, 1866. С. 3–260.

Кафтанников Н.Н. Болгары и развалины столицы сего народа // Заволжский муравей.Казань, 1832. Ч. 2, № 11, 16. С. 601–613; Ч. 3, № 19. С. 881–887.

Каховский В.Ф. Клад джучидских монет близ деревни Нимич-касы Красноармейского района Чувашской АССР // Ученые записки НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР. Вып. XIX. Вопросы археологии и истории Чувашии. Чебоксары. 1960. С. 96-125.

Каховский В.Ф., Смирнов А.П. Болгарский город «Хулаш» // Тезисы докладов на заседаниях, посвящённых итогам полевых исследований 1965 г. М., 1966.

Каховский В.Ф. Смирнов А.П. Памятники средневековья Чувашского Поволжья // Городище Хулаш и памятники средневековья Чувашского Поволжья / Отв. ред. В.А. Прохорова. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ СМ ЧАССР, 1972. С. 115–166.

Керимов Г.М. Шариат и его социальная сущность. М.: Наука, 1978. 223 с.

Ким И.А. Золотоордынский мавзолей у д. Бахтияровка Волгоградской области // Межрегиональная конференция «Средневековые кочевники и городская культура Золотой Орды» (тезисы докладов) / Отв. ред. А.В. Материкин. Волгоград: Перемена, 1992. С. 34–35.

Ким И.А. Золотоордынский мавзолей у д. Бахтияровка // Древности Волго-Донских степей. Вып. 3. / Отв. ред. В.И. Мамонтов. Волгоград: Перемена, 1993. С. 172–183.

Кириллов И.И. Ундугунская культура железного века в Восточном Забайкалье // По следам древних культур Забайкалья / Отв. ред. П. Б. Коновалов. Новосибирск: Наука, 1983. С. 123–138.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. / САИ. Вып. Е 1–36. Табл.I–XXXIV Л.: Наука, 1966. 147 с.

Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX-XIII вв. // САИ. Вып. Е 1–36. Л.: Наука, 1973. 140 с.

Кирпичников А.Н. Историко-археологические исследования древней Корелы («Корельский город XIV в.») // Финно-угры и славяне / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. Л.: Наука, 1979. С. 52–73.

Кирпичников А.Н., Сорокин П.Е. Исследования Староладожского «Земляного городища» в 2000 г. // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб.: ИИМК РАН, 2002. С. 151–158.

Кирьянов А.В. История земледелия Новгородской земли X-XV веков (по археологическим материалам) // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II / МИА. № 65 / Под ред. А.В. Арциховского, Б.А. Колчина. М.: АН СССР, 1959. С. 306–362.

Кирьянов И.А. Старинные крепости Нижегородского Поволжья. Горький: Горьковское книжное изд-во, 1961. 107 с.

Киселев С.В. Город монгольского Исункэ на р. Хирхира в Забайкалье // СА. 1961. № 4. С. 103–127.

Кленов М.В. Ыджыдъельское поселение // Этнокультурные контакты в эпоху камня, бронзы, раннего железного века и средневековья в Северном Приуралье / МАЕСВ. Вып. 13 / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 1995. С. 82–91.

Кленов М.В. Средневековые поселения Европейского Северо-Востока (новые материалы раскопок) // Пермские финны: археологические культуры и этносы / Отв. ред. Э.А.Савельева. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2007. С. 134–152.

Кленов М.В. Жигановское поселение (материалы раскопок 2001, 2009 гг.) // Первобытные и средневековые древности Европейского Северо–Востока / МА-

ЕСВ. Вып. 19 / Отв. ред. А.В.Волокитин. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2015. С. 110–122.

Кленов М.В., Игушев А.Р. Поселение Гуль-Чунь // Памятники эпохи камня, раннего металла и средневековья европейского Северо-Востока / МАЕСВ. Вып. 17 / Отв. ред. Э.А.Савельева. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2005. С. 78–90.

Клоков В.Б, Лебедев В.П. Денежное обращение золотоордынского города Бельджамен // Древности Поволжья и других регионов. Выпуск III, т. 2 / Гл.ред. П.Н. Петров. Нижний Новгород, 2000, С. 56–147.

Клоков В.Б, Лебедев В.П. Монетный комплекс с Селитренного городища (Золотая Орда, г. Сарай) // Древности Поволжья и других регионов. Выпуск IV, т. 3. / Гл. ред. П.Н. Петров. Нижний Новгород, 2002. С. 73–165.

Клоков В.Б., Лебедев В.П. Монетные комплексы трёх небольших золотоордынских поселений Нижнего Поволжья // Древности Поволжья и других регионов. Вып. V. Нумизматический сборник. Том 4 / Гл. ред. П.Н. Петров. –М.: Нумизматическая литература, 2004. С. 76–118.

Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М.: Типография Грачева и К, у Пречистенских ворот, д. Шиловой, 1871. 465 с.

Кляшторный С.Г. Храм, изваяние и стела в древнетюркских текстах // Тюркологический сборник. 1974 / Отв. ред. А. Н. Кононов. М.: Наука, 1978. С. 238–255.

Книга Марко Поло / пер. со старофр. И.П. Минаева. М.: Географгиз, 1956. 376 с.

Ковалева К.С. Химический состав металла средневековых зеркал из раскопок памятников золотоордынского времени // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26. № 5. С. 17–29 DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.2

Ковалевская В.Б. Кавказ – скифы, сарматы, аланы I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. М.: ОНТИ ПНЦ РАН, 2005. 397 с.

Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн Фадлана и о его путешествии на Волгу в 921 – 922 гг. Харьков: ХГУ, 1956. 348 с.

Коваль В.Ю., Бадеев Д.Ю. Исследования центрального базара Болгарав 2012–2013 гг. // КСИА. Вып. 237. 2015. С. 188–199, 329, 330.

Коваль В.Ю. Кашинная керамика в Золотой Орде // РА. 2005. № 2. С. 75–86

Коваль В.Ю. Восточная поливная керамика из раскопок Казани. В: Хузин Ф. Ш., Загидуллин И. К. (отв. ред.). Казань в средние века и раннее новое время. Материалы Всероссийской научной конференции. Казань: Институт истории АН РТ, 2006. С. 23 - 48.

Коваль В.Ю. Керамика Востока на Руси IX–XVII века. М.: Наука, 2010. 269 с.

Коваль В.Ю. Полихромия в золотоордынской керамике и иранские фаянсы «минаи» // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве: Материалы V Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова (Астрахань, 2–6 октября 2011 г.) / Ред. Д.В. Васильев, Ю.А. Зеленеев, А.Г. Ситдиков. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 194–199.

Коваль В.Ю. Торговый инвентарь из раскопок базара середины XIV века в Болгаре // Поволжская археология. 2013. № 4 (6). С. 9–33.

Коваль В.Ю. Фламандские текстильные пломбы из раскопок средневекового базара в Болгаре и некоторые аналогии с территории Руси // КСИА. 2015. № 237. С. 211–221.

Коваль В.Ю. Центральный базар Болгара // Центральный базар Болгара и его окружение (междисциплинарные исследования по материалам раскопок 2011–2019 гг.) / Материалы и исследования по археологии Болгарского историко-архитектурного комплекса. Т. IV / Отв. ред. В.Ю. Коваль. М.; СПб: Нестор-История, 2022.С. 40–65.

Коваль В.Ю., Бадеев Д.Ю. Исследования центрального базара Болгара в 2012-2013 гг. // КСИА. 2015. Вып. 237. С. 188–199.

Бадеев Д.Ю., Коваль В.Ю. Исследования ремесленно-торгового района средневекового Болгара // Поволжская археология. 2018. № 2 (24). С. 270–289.

Коваль В.Ю., Бадеев Д.Ю., Гольева А.А. Стратиграфия района исследований // Центральный базар Болгара и его окружение (междисциплинарные исследования по материалам раскопок 2011–2019 гг.) / Материалы и исследования по археологии Болгарского историко-архитектурного комплекса. Т. IV / Отв. ред. В.Ю. Коваль. М.; СПб.: Нестор-История, 2022. С. 14–24.

Коваль В.Ю., Русаков П.Е. Исследования фортификации города Болгара в 2014–2015 годах / Материалы и исследования по археологии Великого Болгара. Т. II. М.; Казань: ИА РАН, ИА АН РТ, 2018. 160 с.

Кожа М. Монументальные древнетюркские сооружения Казахстана // Арало-Каспийский регион в истории и культуре Евразии / Отв. ред. С.Е Ажигали. Алматы-Актобе: Арыс, 2011. С. 259–264.

Кожевин А.Е. Отчет об археологических разведках в Спасском районе РТ в 2003 г. (зона Куйбышевского вдхр.). Ульяновск, 2003 // НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф. 4. Оп. 1, № 181.

Кожевин А.Е. Об археологических исследованиях на территории поселения Старая Майна (Богоявленское) // Краеведческие записки: Сборник научных трудов областной научной конференции "История и современность Симбирского-Ульяновского края. Ульяновск - 2007". Вып. 14. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2008. С. 21-31.

Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием Mongrol-un Niruca tobciyan. Юань Чао Би Ши / Перевод, тексты, глоссарии. М.; Л.: АН СССР, 1941. 620 с.

Козлова К.И. Восточные марийцы // История, археоло-

гия, этнография / Труды МарНИИ. Вып. 11/ Отв. ред. А. В. Хлебников. Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1958. С. 110–123.

Кокорина Н.А, Кузьминых С.В. Работы на Чаллынском городище // АО – 1983 / Отв. ред. В.П. Шилов. М.: Наука, 1985. С. 152.

Кокорина Н.А, Кузьминых С.В. Исследование оборонительных сооружений Чаллынского городища в 1983 г. // Борынгы Чаллы. Древние Чаллы / Отв. ред. Ф.Ш.Хузин. Казань: Мастер-Лайн, 2000. С. 66–75.

Кокорина Н.А, Останина Т.И. Исследование Чаллынского городка (раскопки 1983, 1989 гг.) // Борынгы Чаллы. Древние Чаллы / Отв. ред. Ф.Ш.Хузин. Казань: Мастер-Лайн, 2000. С. 76–175.

Кокорина Н.А. Раскоп на III Билярском селище // Отчет об археологическом исследовании Билярского городища в 1981 году. Т. 2. Казань, 1982. // ААМ КГУ. Ф. 3. № 31. Л. 16–50.

Кокорина Н.А. Раскоп на III Билярском селище // Отчет о полевых работах на Билярском городище летом 1981 г. Т. II. 1982. С. 16–50. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8569.

Кокорина Н.А. Отчет об археологическом исследовании Билярского городища и его окрестностей в 1982 г. Казань, 1983.

Кокорина Н.А. Работы в окрестностях Биляра // АО – 1982 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1984. С. 152.

Кокорина Н.А. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV вв. (к проблеме преемственности булгарской и булгаро-татарской культур. Автореф. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1991. 24 с.

Кокорина Н.А. О финно-угорском компоненте в булгарской и булгаро-татарской культурах (по материалам керамики) // Проблемы средневековой археологии волжских финнов / АЭМК. Вып. 23 / Отв. ред. Г.А. Архипов, Т.Б. Никитина. Йошкар-Ола: Изд-во МарНИИЯЛИ, 1994.С. 185–213.

Кокорина Н.А. Керамика усадьбы гончара из Иски-Казани // ТА. 1999. №1–2 (4–5). С. 77–102.

Кокорина Н.А. Керамика в кипчакских традициях с Камаевского городища // ТА. 2000. №1–2 (6–7). С. 177–191.

Кокорина Н.А. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI - начала XV в. (проблеме преемственности булгарской и булгаро-татарской культур). Казань: ИИ АН РТ, 2002. 383 с.

Кокорина Н.А. Знаки ремесленников на булгарских литейных формах // Поволжская археология. 2012. №1. С. 148–163.

Кокорина Н.А., Фахрутдинов Р.Г. Гончарный комплекс золотоордынского периода из Иски-Казани // ТА. 1999. №1–2 (4–5). С. 103–134.

Колесникова Л.Г. Восточное стекло из собраний Херсонесского музея // ВВ. 1973. Т. 34. С. 249–256.

Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (Домонгольский период) / МИА. № 32. М.: АН СССР, 1953. 260 с.

Колчин Б.А. Хронология Новгородских древностей // СА. 1958. № 2. С. 92–111.

Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода / Под общ. ред. Б.А. Колчина, В.Л. Янина. М.: Наука, 1982. С. 156–177.

Кольцов П.М., Борликов Г.М., Кольцова К.П. Погребальный обряд калмыков XVII-XX вв. (по данным археологических и письменных источников) // Научная мысль Кавказа. 2017. № 4. С. 115–121.

Кольцов П.М., Дремов И.И. Исследование курганов и старокалмыцких поселений Калмыкии (по материалам раскопок 2002–2009 гг.). Элиста: КалмГУ, 2012. 189 с.

Кольцов П.М., Кольцова К.П. Северо-Западный Прикаспий в золотоордынский период (вторая треть XIII – конец XV вв.) // Вестник Калмыцкого университета. 2016. Вып. 3 (31). С. 28–34.

Кольцов П.М., Кольцова К.П., Верещагин В.В. Родовые могильники кочевников Золотой Орды на территории Калмыкии // Археология Евразийских степей. 2018. № 4. С. 73–88.

Комаров С.Г. Население Букеевской степи в эпоху Золотой Орды по данным краниологии // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 4. С. 45–57.

Комаров С.Г. Население степей Восточной Европы II тысячелетия по данным краниологии. Автореф. дисс… канд. ист. наук. М., 2013. 26 с.

Комаров С.Г. Население золотоордынского города Хаджи-Тархана по данным краниологии // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 3. С. 104–114.

Конецкий В.Я. Некоторые итоги исследования древнерусских грунтовых могильников в центральных районах Новгородской земли // Археологические исследования Новгородской земли / Ред. Г.С. Лебедев. Л.: ЛГУ, 1984. С. 154–172.

Конкин В.Н., Лукашов А.В., Мамонтов В.И. Раскопки курганов в Волгоградской области // АО – 1973 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1974. С. 159–161.

Королев А.В., Хлебникова Т.А. К вопросу о черной металлургии у волжских болгар// Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. III / МИА. № 80 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1960. С. 159–168.

Королев К.С. Городище Новик на средней Вычегде // Научные доклады Коми НЦ УрО РАН. Вып. 459. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2003. 26 с.

Королев К.С. Предки коми-зырян на Средней Вычегде (XI–XIV вв.). Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2013. 89 с.

Косточкин В.В. Военно-оборонительные сооружения // Очерки русской культуры XIII–XV веков. Часть первая. Материальная культура / Гл. ред. А. В. Арцихов-

ский. М.: МГУ, 1969. С. 416–464.

Костюков В.П. Буддизм в культуре Золотой Орды // Тюркологический сборник 2007–2008: История и культура тюркоязычных народов России и сопредельных стран / Отв. ред. С.Г. Кляшторный. М.: Вост. лит-ра. 2009. С. 189–236.

Котеньков С.А. Отчет об исследованиях грунтового могильника «Маячный бугор–I» Красноярского района в 1991 г. Астрахань, 1992 // Архив ИА РАН. № 16787, 16788, 16789.

Котеньков С.А. Отчет об археологических исследованиях на грунтовом могильнике «Маячный бугор–I» в Красноярском районе Астраханской области в 1993 г. Астрахань, 1994 // Архив ИА РАН. № 18395.

Котеньков С.А. Отчет об археологических исследованиях на бэровских буграх «Маячный-I» и «Маячный-II» Красноярского района Астраханской области в 1996 г. // Астраханский музей-заповедник. Коллекция «Археология». Фонд НВ. 14967.

Котеньков С.А. Отчет об археологических исследованиях на бэровских буграх «Маячный-I» и «Маячный-II» Красноярского района Астраханской области в 1996 г.// Астраханский музей-заповедник. Коллекция «Археология». Фонд НВ. 14967

Котеньков С.А. Отчет об археологических исследованиях на бэровских буграх «Маячный–I» и «Маячный –II» Красноярского района Астраханской области в 1996 г. Астрахань, 1997 // Архив ИА РАН. № 20630, 20631.

Котеньков С.А. К вопросу об этнической принадлежности головного убора – бокки // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве: Материалы V Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова (Астрахань, 2–6 октября 2011 г.) / Ред. Д.В. Васильев, Ю.А. Зеленеев, А.Г. Ситдиков. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 200–204.

Котеньков С.А., Котенькова О.Ю. Раскопки на поселении Тумак-Тюбе в Астраханской области // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. II Международная Нижневолжская археологическая конференйия (г. Волгоград, 12–15 ноября, 2007 г.). Тезисы докладов / Отв. ред. А. В. Кияшко, А. С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 2007. С. 155–158.

Кочерженко О.В., Слонов В.Н. Раскопки на Алексеевском городище // Археологические открытия Урала и Поволжья / Отв. ред. В.В. Никитин. Йошкар-Ола: МарГУ, 1994. С. 72–73.

Кочкина А.Ф. Муромский городок - региональный центр Волжской Болгарии домонгольского периода на Самарской Луке // Вопросы археологии Урала и Поволжья. К 30-летию Средневолжской археологической экспедиции. Самара, изд. «Самарский университет», 1999. С.165-173.

Кочкина А.Ф. Новые материалы золотоордынского времени в Самарском Поволжье //Археология Восточноевропейской лесостепи. Пенза. 2003. С.494-507.

Кочкина А.Ф. Малорязанское II селище – русский поселок золотоордынского времени на Самарской Луке // Среднее Поволжье в контексте средневековой российской истории: на перекрестке культур (конец XIII–XIV в.) / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Офорт, 2012. С. 107–128.

Кочкина А.Ф. Находки поливной керамики на средневековых памятникахСамарского Поволжья // Средневековье. Великое переселение народов (по материалам археологических памятников Самарской области) / Отв. ред. А.В. Богачев. Самара, 2013. С. 236–247.

Кочкина А.Ф. К характеристике пространственной организации системы расселения в правобережье Самарского Поволжья в золотоордынский период // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Материалы Седьмой Международной конференции, посвящённой памяти Г.А. Федорова-Давыдова. Под редакцией С. Г. Бочарова и А. Г. Ситдикова. Кишинев, Изд-во: Периодическое издание «Stratum plus», 2016. С. 166-169.

Кочкина А.Ф., Левыкина Т.А. Погребальные калиги из Малорязанского могильника золотоордынского времени на Самарской Луке: проблемы реставрации и атрибуции // Поволжская археология. 2015. № 4 (14). С. 311–323.

Кочкина А.Ф. Пачкалов А.В. Монеты XIV в. с поселения Лбище // Краеведческие записки. Вып. XII / Гл. ред. П.С. Кабытов. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2005. С. 99–106.

Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А. Материалы к характеристике системы расселения в Самарском Поволжье в золотоордынский период // Поволжская археология. 2021. № 2 (36). С. 178–193.

Кравченко А.А. Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII – XIV вв.). Киев: Наукова Думка, 1986. 124 с.

Крамарев А.И. Новые погребения средневековых кочевников Самарского Заволжья // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара, 1993. С. 133–136.

Крамаровский М.Г. Гончар-армянин из Сарая ал-Джежид // Культура и искусство народов Востока. 8. / Труды ГЭ. Т. XIX / Ред. В. Г. Луконин. Л. : Аврора, 1978. С. 102–105.

Крамаровский М.Г. Сокровища Золотой Орды. СПб.: Славия, 2000. 346.

Крамаровский М.Г. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб.: Славия, 2001. 363 с.

Крамаровский М.Г. Новые материалы по истории культуры ранних Джучидов: воинские пояса конца XII – первой половины XIII вв. (источниковедческие аспекты) // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золтой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556 / Отв. ред. М. А. Усманов. Казань: Мастер Лайн, 2002. С. 43–75.

Крамаровский М.Г. Человек средневековой улицы. Золотая Орда. Византия. Италия. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2017. 494 с.

Краснов Ю.А. Отчет о работе на раскопе XXVI в 1968 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 3647.

Краснов Ю.А. Исследования на западной части большого вала. Раскоп XVIII – 1967 // БГИАМЗ. Док. фонд. № 5–1. Казань, 1968. 39 с.

Краснов Ю.А. Оборонительные сооружения города Болгара // Город Болгар: Очерки истории и культуры / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1987, С. 99–123.

Краснов Ю.А., Каховский В.Ф. Средневековые Чебоксары: Материалы Чебоксарской экспедиции 1969-1973 гг. М.: Наука, 1978. 192 с.

Крелленберг Б.Е. Раскопки Четырехугольника в Болгарах в 1915 г. // ИОАИЭ. Т. XXX. Вып. 1. Казань, 1919. С. 85–95.

Кренке А.Н., Чернавская М.М., Браздил Р.И. Изменчивость климата Европы в историческом прошлом. М.: Наука, 1995. 224 с.

Кривцова-Гракова О.А. Погребения поздних кочевников из раскопок в Оренбургском уезде летом 1927 г. // ТСА РАНИОН. 1928. Т. IV. С. 288–299.

Кригер В.А. Отчет об археологических исследованиях на территории Волгоградской области в 1982 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №/№ 9241-9241а.

Кригер В.А. Средневековые захоронения Ново-Кумакского могильника (Оренбургскаяобласть) // СА. 1983. № 3. С. 171–187.

Кригер В.А. Отчет о раскопках Бахтияровского могильника в Ленинском районе Волгоградской области в 1983 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №/№ 10342-10342а.

Кригер В.А. Отчет об археологических исследованиях Бахтияровского могильника в Ленинском районе Волгоградской области в 1984 году // Архив ИА РАН. Р-1. №/№ 10555-10555а.

Кригер В.А. Раскопки Бахтияровского I могильника // АО – 1982 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1984б. С. 154–155.

Кригер В.А. Кочевники Южного Приуралья и Заволжья в средние века (XII–XIV вв.) Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1985. 26 с.

Кригер В.А. Отчет о раскопках в 1985 году в Среднеахтубинском (п. Рахинка) и Ленинском (Бахтияровка III) районах Волгоградской области // Архив ИА РАН. Р-1. №/№ 10773-10773а.

Кригер В.А. Кочевники Западного Казахстана и сопредельных территорий в средние века (X–XIV вв.). Уральск: Евразийский союз учёных, 2012. 200 с.

Кротков А. Никольский и Керенский клады джучидских монет // Труды Саратовской уездной архивной комиссии. Вып. 32. Саратов, 1915. С. 164–168.

Кротков А.А. Раскопки в Увеке в 1913 году // Труды СУАК. Вып. 32. Саратов: Союз Печатного Дела, 1915. С. 111–133.

Кротков А.А. В поисках Мохши // Труды Об-ва ИАЭ при Саратовском ун-те. Вып.34. Ч.1. Саратов, 1923. С. 27–31.

Кротков А.А. К вопросу о северных улусах Золотоордынского ханства // Известия О-ва обследования и изучения Азербайджана. №5. Баку, 1928. С. 71–78.

Кротков А.А. Собрание джучидских монет с Наровчатского городища. 1929. // Рукописный архив Наровчатского краеведческого музея. Папка № 325.

Кротков А.А. Два собрания джучидских монет // Труды нижневолжского общества краеведения. Вып. 37. Саратов, 1930. С. 3–42.

Кротков А.А. Норовчат и его окрестности в историко-археологическом отношении. 1938 // Рукописный архив Наровчатского краеведческого музея. Папка 21.

Кротков А.А. Наровчат и его окрестности в историко-археологическом отношении. Рукопись. 1939 // Рукописный фонд Марийского государственного университета.

Кротков А.А., Шишкин П.Н. Сообщение о поездке в село Чардым Саратовского уезда // Труды СУАК. 1910. Вып. 26. С. 83–90.

Кротков А.А., Щеглов С.А. Вторая поездка в с. Чардым Саратовского уезда, 14 - 16 мая 1910 года // Труды СУАК. 1911. Вып. 28. С. 43–49.

Кротов П.И. О поездке в Болгары и о проведенных там раскопках // ИОАИЭ. Т. XXIX. Вып. 1–3. Приложение. Казань, 1916. С. 31–33.

Круглов Е.В. О подкурганных захоронениях Калмыцко-Астраханских степей хазарского времени // Вопросы археологии Юга Восточной Европы / Отв. ред. В.И. Морковин Элиста: КалмГУ, 1990. С. 159–171.

Круглов Е.В., Клепиков В.М. Средневековые памятники из Фроловского района Волгоградской области // Древности Волго-Донских степей / Ред. В.И. Мамонтов, А.В. Кияшко, Е.П. Мыськов. Волгоград: Перемена, 1993. С. 138–151.

Крыласова Н.Б. Археология повседневности. Материальная культура средневекового Предуралья. Пермь: ПГПУ, 2007. 352 с.

Крыласова Н.Б., Брюхова Н.Г., Белавин А.М. Погребение 7 позднесредневекового Плотниковского могильника // РА. 2012. № 2. С. 127–133.

Кряжевских А.Л. Оборонительные укрепления Ковровского городища // Средневековая археология Волго-Уралья: сб. науч. трудов к 65-летнему юбилею д.и.н., проф., член-корр. АН РТ Ф.Ш. Хузина / Отв. ред. А.Г. Ситдиков. Казань: ИА им. А.Х. Халикова АН РТ, 2016. С. 104–108.

Кряжевских А.Л., Перевощиков С.Е. Итоги археологических исследований Хлыновского Кремля XIV–XVIII веков // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. III / Ред. А.Г. Ситдиков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 628–630.

Кубанкин Д.А. Неопубликованная рукопись А.А. Крот-

кова «Увек-Саратовский по данным истории и археологии» // Поволжский край. Вып. 12 / Отв. ред. В.Н. Данилов. Саратов: Саратовский ун-тет, 2005. С. 200–212.

Кубанкин Д.А. Изучение Увекского городища Саратовской ученой архивной комиссией // Краеведение и архивное дело в провинции: исторический опыт и перспективы развития. Материалы межрегиональной научной конференции к 120-летию Саратовской губернской ученой комиссии (Саратов, 5-6 декабря 2006 г.) / Отв. ред. Н.М. Малов. Саратов: Локатор, 2006а. С. 286–292.

Кубанкин Д.А. Погребальные памятники Увекского городища // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 4 / Отв. ред. В.А. Лопатин. Саратов: Научная книга, 2006б. С. 190–213.

Кубанкин Д.А. Археологические раскопки на Увекском городище в конце XIX в. // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 5 / Отв. ред. В.А. Лопатин. Саратов: Научная книга, 2007. С. 200–217.

Кубанкин Д.А. Золотоордынская баня на Увекском городище // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. II Международная Нижневолжская археологическая конференйия (г. Волгоград, 12–15 ноября, 2007 г.). Тезисы докладов / Отв. ред. А.В. Кияшко, А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 2007. С. 183–186.

Кубанкин Д.А. Археологические раскопки на Увекском городище в 2008-2009 гг. // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 11 / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов: Научная книга, 2013. С. 179–191.

Кубанкин Д.А. Христианский квартал золотоордынского города Укек по материалам раскопок 2010-2013 гг. // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т.III / Ред. А.Г. Ситдиков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 388–392.

Кубанкин Д.А. Изучение археологических объектов на территории Увекского городища в 2014 г. (предварительное сообщение) // Поволжская археология. 2015. № 4 (14). С. 150–171.

Кубанкин Д.А. Историческая топография Увекского городища // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 1. / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Кишинев: Stratum Plus, 2015. С. 243–254.

Кубанкин Д.А. К вопросу о хронологии Укека и памятников его округи // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Материалы Седьмой Международной конференции посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова (Ялта, 8–12 ноября 2016 г.) / Ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Казань, Ялта, Кишинев: Stratum plus, 2016. С. 170–173.

Кубанкин Д.А. Фортификационные сооружения Увекского городища // V (XXI) Всероссийский археологический съезд / Отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул: АлтГУ, 2017. С. 563–564.

Кубанкин Д.А., Кашникова А.Л., Локис А.В., Шелепов Д.А. К вопросу о технологии производства кашинной посуды в Золотой Орде // Археология Евразийских степей. 2018. № 4. С. 93–97.

Кубанкин Д.А., Масловский А.Н. Предметы импорта с Увекского городища (случайные находки из фондов Саратовского областного музея краеведения) // Поволжская археология. 2013. № 4 (6). С. 130–154.

Кубанкин Д.А., Масловский А.Н. Юго-западный вектор в керамическом импорте города Укека (последняя треть XIII в. – первая половина XIV в.) // Историко-археологические памятники Золотой Орды на территории Саратовского Поволжья. Укек: прошлое, настоящее, будущее. Международной научно-практической конференции (Саратов, 4–6 июня 2015 г.). / Ред. К.А. Аблязов, Э.С. Кульпин-Губайдуллин, Ф.А. Рашитов. Саратов: Научная кинга, 2016. С. 106–107.

Кубанкин Д.А., Петров П.Н. Джучидские монеты из материалов раскопок на Укекском городище в 2010-2012 гг. в контексте археологических находок // Нумизматика Золотой Орды. Вып. 3 / Гл. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2013. С. 55–60.

Кудрявцев А.А. Феодальный Дербент. М.: Наука, 1993. 320 с.

Кудрявцев А.А., Кудрявцев Е.А. Роль северокавказских городов в средневековой торговле мусульманского Востока с Восточной Европой (по материалам Дербента VIII–XIII вв.) // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время / Отв. ред. В. П. Копылов. Ростов-на-Дону: Научно-методический центр археологии РПИ, 2009. С. 215–224.

Куза А.В. Новгородская земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. / Отв. ред. Л.Г. Бескровный М.: Наука, 1975. С. 144–201.

Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа М.: Наука, 1974. 569 с.

Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: этногенетический взгляд на историю. М.: Наука, 1992. 344 с.

Кузина И.Н. Стеклянные сосуды из раскопок во Владимире (новые находки) // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. IV / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2011. С. 91–93.

Кузнецов В.А. Змейский катакомбный могильник (по раскопкам 1957 года) // Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии / Ред. Е. И. Крупнов. Орджоникидзе: Све.-Осет. кн. изд-во, 1961. С. 62–135.

Кузнецова О.В. Поливная керамика Сарайчика // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 1. / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Кишинев: Stratum Plus, 2015. С. 167–179.

Кузьминых С.В. «Хорошо, что из тысячи судеб ты смог-

ла отыскать лишь свою»: К юбилею Н.А. Кокориной // Поволжская археология. 2017. № 2 (20). С. 349–361.

Куклина А.А. Гончарная керамика Болгарского городища: новые керамологические исследования // КСИА. 2015. Вып. 237. С. 222–231.

Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X – XIII вв. / Отв. ред. А.Х. Халиков. М.: Наука, 1985. 216 с.

Кунижева Л.З. Кожевенное дело абазин // Кавказский этнографический сборник. Вып. V / Отв. ред. Л.И. Лавров. М.: АН СССР, 1972. С. 187–197.

Куприянов Н.В., Веретенников С.С., Шишов В.В. Леса и лесное хозяйство Нижегородской области. Нижний Новгород: Волго-Вятск. кн. изд-во, 1995. 348

Купцов А.Е. О кладе булгарских дирхамов XIII в. из села Салманы // Нумизматические чтения Государственного Исторического музея 2020 года / Отв. ред. Е.В. Захаров. М.: ГИМ, 2020. С. 73–76.

Купцов А.Е., Бугарчев А.И. Клад джучидских монет XV в. из Ульяновской области // Нумизматические чтения Государственного Исторического музея 2018 года. Мат-лы докладов и сообщений. М., 2018. С. 92–104.

Курбатов А.В. Влияние культур Среднего Поволжья (Булгария и Золотая Орда) на кожевенное дело средневековой Руси // Труды КАЭЭ. Вып. XII / Отв. ред. А.М. Белавин. Пермь: ПГГПУ, 2017. С. 90–113.

Курбский А.М. Сказания князя Курбского. Часть 1. История Иоанна Грозного. СПб, 1833. 316 с.

Курочкина С.А. Классификация керамики Сарай ал-Джедида // Поволжье и сопредельные территории в средние века / Труды ГИМ. Вып. 135 / Отв. ред. В.Л. Егоров, Ю.А. Зеленеев. М.: Тиссо-Полиграф, 2002. С. 90–96.

Курочкина С.А. Керамика золотоордынского города Мохши // Средневековый город Мохши и Наручатская земля. Пенза. 2010.

Курочкина С.А. Отчет об археологической разведке в окрестностях села Селитренное Харабалинского района Астраханской области в 2010 г. Йошкар-Ола, 2011. // Архив ИА РАН Ф-1. Р-1. № 39678. 95 л.

Курочкина С.А. Керамика города Мохши (своеобразие керамического производства) // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т.II. / Отв. ред. Н.А. Макаров, Е.Н. Носов. СПб-М-Великий Новгород, 2011. С. 159–160.

Курочкина С.А. Альбарелло нижневолжских столиц Улуса Джучи // Поволжская археология. 2012. № 1. С. 78–93.

Кутуков Д.В. Отчет об археологических разведках в Приволжском, Камызякском и Икрянинском районах Астраханской области в 2003 г. // Архив АГОИАМЗ.

Кутуков Д.В. Отчет об археологических разведках на территории Приволжского, Володарского, Икрянинского, Камызякского и Лиманского районов Астраханской области в 2005 г. // Архив АГОИАМЗ.

Кутуков Д.В. Отчет об археологических разведках на территории Икрянинского, Камызякского, Наримановского и Енотаевского районов Астраханской области в 2006 году. // Архив АГОИАМЗ.

Кучкин В.Л. Ханы Мамаевой Орды // Мамай. Опыт историографической антологии / ред.-сост. В.В. Трепавлов, И. М. Миргалеев. Казань: Фэн, 2010. С. 119–128.

Кушаев Г.А. Этюды древней истории степного Приуралья. Уральск: Диалог, 1993.175 с.

Кушаев Г.А., Железчиков Б.Ф. Раскопки могильников Барбастау в 1973–1974 гг. // Архив Института археологии им. А. Маргулана НАН РК. Оп. 2. Д. 1340.

Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири. X-XIV вв. / САИ Е3-18. М.: Наука, 1983. 128 с.

Кызласов И.Л. Пратюркские жилища. Обследование саяно-алтайских древностей. М.; Самара: ИА РАН; Офорт, 2005. 94 с.

Кызласов И.Л. Материалы к ранней истории тюрок. Древнетюркские обиталища // Природное окружение и материальная культура пратюркских народов / Отв. ред. А.В. Дыбо. М.: Восточная литература, 2008. С. 273–341.

Лавыш К.А. Восточная и Средиземноморская керамика в средневековых городах Беларуси // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X-XVIII вв. / Отв ред. С.Г. Бочаров, В. Франсуа, А.Г. Ситдиков. Т. 2. Казань, Кишинёв: Stratum plus, 2017. С. 603–624.

Лаере Р. Ван, Тростьянский О.В. Западноевропейские товарные пломбы XIV-XV вв. с территории Золотой Орды // Нумизматика Золотой Орды. Вып.2 / Ред. И.М. Миргалеев. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012

Лапшин А.С., Мыськов Е.П. Исследования на Водянском городище в 2009–2010 гг. Волгоград: Царицынская полиграфическая компания, 2011. 172 с.

Лапшин А.С., Мыськов Е.П. Исследования на Водянском городище в 2011–2012 гг. Волгоград; М.: Перо, 2013. 214 с.

Ларичев В.Е. Краткий очерк истории чжурчжэней до образования Золотой империи // История Золотой империи / Пер. Г.М. Розова, коммент. А.Г.Малявкина. Новосибирск, 1998. С. 34–87.

Лебедев В.И. Загадочный город Мохши. Пенза: Кн. изд-во, 1958. 48 с.

Лебедев В.П. Монетный комплекс XI-XV вв. со средневекового поселения у села Шиловка Ульяновской области // Нумизматика Золотой Орды. 2013. № 3. С. 16–26.

Лебедев В.П., Бугарчев А.И. Топография находок дирхамов монетного двора Керман // Нумизматика Золотой Орды. 2015. № 5. С. 28–32.

Лебедев В.П., Бугарчев А.И., Гумаюнов С.В. Монетное обращение Джукетау по нумизматическим данным // Труды Международных нумизматических конференций. Монеты и денежное обращение в монгольских

государствах XIII-XV веков. Болгар 2005, Волгоград 2006 / Под редакцией П.Н. Петрова. М.: Нумизматическая литература, 2008. С. 39–49.

Лебедев В.П., Васин А.Г. Пфенниги Австрии XIII в. на домонгольском городище древней Мордовии // XV ВНК. Тез. док. и сообщ. / Отв. ред. И.В. Ширяков. М.: Нумизматическая литература, 2009. С. 94–96.

Лебедев В.П., Гумаюнов С.В. Обзор чекана золотоордынского монетного двора Мохши // Stratum plus. №6, 2011. 24 с.

Лебедев В.П., Кожевин А.Е. О находках золотых динаров династии Саманидов на памятниках Волжской Булгарии // XV ВНК, Тез. док. и сообщ. / Отв. ред. И.В. Ширяков. М.: Нумизматическая литература, 2009. С. 63–64.

Лебедев В.П., Мухаметшин Д.Г. Монетный комплекс середины XV века с Именьковского городища // Город Болгар и его округа. Тезисы докладов научной конференции, посвященной 25-летию БГИАЗ / Отв. ред. Д.Г. Мухаметшин. Болгар, 1994. С. 60–61.

Лебедев В.П., Орлов А.С. Комплекс джучидских монет XIV в. с мордовского поселения в Нижегородской области // Восемнадцатая ВНК. Тезисы докладов и сообщений / Отв. ред. И.В. Ширяков. М., 2015. С. 75–77.

Лебедев В.П., Рева Р.Ю., Воробьёв Б.С. Клад джучидских монет первой четверти XV в. из села Лебяжье Ульяновской обл. // НЗО, вып. 1. Казань: ООО «Фолиант», Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 89–93.

Лебедев В.П., Тростьянский О.В. Клад дирхемов Золотой Орды первой половины XIV в. из Татарстана // Древности Поволжья и других регионов. Выпуск III, т. 2 / Гл. ред. П.Н. Петров. Нижний Новгород, 2000. С. 46–49.

Лебедева Е.Ю., Кубанкин Д.А. Уникальные находки редких растений в золотоордынском городе Укеке // КСИА. 2014. Вып. 236. С. 339–344.

Лебедева Е.Ю., Сергеев А.Ю. Археоботаническая коллекция из Багаевского селища золотоордынского времени // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 4 / Отв. ред. В.И. Завьялов, С.В. Кузьминых. М.: ИА РАН, 2017. С. 291–331.

Левиатов В.Н. Керамика Старой Ганджи. Баку: АзФАН, 1940. 44 с.

Ленц Г.Т. Косторезное производство в Верхнем Прикамье // Очерки археологии Пермского Предуралья / Отв. ред. А.М. Белавин. Пермь: ПГПУ, 2002. С. 217–242.

Леопольдов А.Ф. Ахтубинские развалины // ЖМВД. 1837. Ч. 24 № 4. С. 123–133.

Лесман Ю.М. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода. 1988. / Отв. ред. В.Л. Янин, П.Г. Гайдуков. М.: Новгородская археологическая экспедиция, 1990. С. 29–98.

Лесман Ю.М. Кашинные бусы в Новгородской земле: материалы к изучению русско-ордынских связей // Новгородские археологические чтения. Материалы научной конференции, посвященной 60-летию археологического изучения Новгорода и 90-летию со дня рождения основателя Новгородской археологической экспедиции А.В. Арциховского. Новгород, 28 сентября – 2 октября 1992 г. / Отв. ред. В.Л. Янин, П.Г. Гайдуков. Новгород, 1994. С. 187–193.

Лесман Ю.М. Хронология корельских могильников: взгляд из Новгорода // Stratum plus. 2012. № 5. С. 149–157.

Лестер Р.Ч. Буддизм. Путь к нирване // Религиозные традиции мира: В 2 т. Т. 2. / Ред. Г. Байрон Иерхарт. М.: Крон-пресс, 1996. С. 263–394.

Лещинская Н.А. Вятский бассейн в I – начале II тысячелетий н. э.: (По археологическим источникам). Автореф. дисс… канд. ист. наук. Ижевск, 1995. 21 с.

Лисицын И.П. Отчет о работе археологического отряда в Ленинском районе Волгоградской области. Волгоград, 1967. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3800.

Лисицын И.П. Раскопки могильника у с. Бахтияровка // АО – 1967 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1968. С. 135–137.

Лисова Н.Ф. Орнамент глазурованной посуды золотоордынских городов Нижнего Поволжья / Археология евразийских степей. Вып. 15. Казань: Институт истории АН РТ, 2012. 184 с.

Литвинова Л.В. Население Нижнего Поднепровья XII – начала XV вв. по антропологическим данным. Автореф. дисс… канд. ист. наук. Киев, 2007. 21 с.

Лифанов Н.А. Отчет о проведении научно-исследовательских археологических раскопок на территории выявленного объекта археологического наследия «Курганный могильник Брусяны II» в Ставропольском районе Самарской области по Открытому листу №624 от 31 мая 2018 г. Самара, 2020.

Лихачев А.Ф. Бытовые памятники Великой Булгарии // Труды II Археологического съезда в Санкт-Петербурге. Т. I. СПб.: Изд-во Имп. Академии наук, 1876. С. 1–50.

Лихачев А.Ф. Новый клад из джучидских монет // Известия Русского археологического общества. Т. VIII, в. 1. СПб, 1877. Столбец 37–43.

Лихачев А.Ф. Золотой клад из динаров Патанских Султанов Индии / Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Том первый, 1886. СПб., 1887.

Лихачёв А.Ф. Новый Болгарский клад 1887 года // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т.III. СПб., 1889. С. 168-183: илл.

Лихачёв А.Ф. Драгоценный клад, найденный в Казанской губернии в 1882 г. // Труды Седьмого археологического съезда в Ярославле 1887 г. Т.II. М., 1891.

С. 169–197.

Лихачёв А.Ф. Каталог коллекции джучидских монет, принадлежащих А.Ф. Лихачёву. Рукопись. Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки КГУ, №183.

Лихачёв Н.П. Избранные труды. Том I. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики М.: «ЯСК». 2014. 496 с.

Ломейко П.В., Скарбовенко В.А., Гасилин В.В. Поселение золотоордынской эпохи Губино I (по материалам раскопок 2007-2008 годов) // Средневековье. Великое переселение народов (по материалам археологических памятников Самарской области) / Отв. ред. А.В. Богачев. Самара: САО, 2013. С. 277–298.

Ломейко П.В., Скарбовенко В.А., Гасилин В.В. Поселение золотоордынской эпохи Губино I (по материалам раскопок 2007-2008 гг.) // Средневековье. Великое переселение народов (по материалам археологических памятников Самарской области) / Отв. ред. А.В. Богачев. Самара: Мин. культуры Самарской обл.; Самарское археологическое общество, 2013. С. 277–298.

Ломейко П.В., Скарбовенко В.А., Гасилин В.В. Поселение золотоордынской эпохи Губино I (по материалам раскопок 2007–2008 годов) // Средневековье. Великое переселение народов (по материалам археологических памятников Самарской области) / Отв. ред. А.В. Богачев. Самара: САО, 2013. С. 277–298.

Лопатин В.А. Охранные раскопки поселения в урочище Мартышкино // Материалы научно-практической конференции по проблемам сохранения археологического наследия / Отв. ред. В.А. Соснин. Саратов: Орион, 1994. С. 82–84.

Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины. К вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири. М.: Наука, 1975. 170 с.

Лунина С.Б. О культурных связях средневекового Мерва // Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура) / Ред. Б.Г. Гафуров, Б.А. Литвинский. М.: Наука, 1977. С. 126–132.

Лыганов А.В. Отчет об археологических раскопках на территории Исаковского селища в Зеленодольском р-не Республики Татарстан по Открытому листу №1268 в 2017 г. Казань, 2019. 112 с. // НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 470.

Любавский М.К. Историческая география России в связи с колонизацией. СПб.: Лань, 2000. 304 с.

Любомиров П.Г. Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. Петроград: Тип. Я. Башмаков и К°, 1917. 303 с.

Ляпушкин И.И. Городище Новотроицкое: О культуре вост. славян в период сложения Киевского государства / МИА. № 74. М.; Л.: АН СССР, 1958. 328 с.

Ляхов С.В. Новые золотоордынские погребения Саратовского Заволжья // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 3 / Отв. ред. Н.М. Малов. Саратов: СГУ, 1992. С. 158–184.

Ляхов С.В. Исследования Аткарского грунтового мордовского могильника XII–XIV вв. в 1996 году // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Вып. 2 / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов: Орион, 1997. С. 79–97.

Ляхов С.В., Якубовский Г.Л. Зауморский курганный могильник золотоордынского времени // Археологические вести. Вып. 1. Саратов: СГУ, 1993. С. 175–185.

Мавлютов Р.Р. Ислам. М.: Политиздат, 1974. 168 с.

Мажитов Н.А. Отчет о результатах археологических исследований за 1968 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 3704.

Мажитов Н.А. Отчет об археологических исследованиях на территории БашкирскойАССР в 1969 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 3878.

Мажитов Н.А. Южный Урал в VII–XIV вв. М.: Наука, 1977. 240 с.

Макаров Л.Д. Поселение Искра – новый памятник в бассейне Средней Вятки // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Вып. 2. / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Ижевск: УдГУ, 1984. С. 94–119.

Макаров Л.Д. История археологических исследований древнерусских памятников бассейна р. Вятки // Новые источники по древней истории Приуралья / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Устинов: УдГУ, 1985. С. 45–54.

Макаров Л.Д. Об особенностях славяно-финских контактов в XI-XVI вв. на территории Вятского края // Историческое познание: традиции и новации. Тезисы международной конференции. Ижевск: УдмГУ, 1993. С. 32.

Макаров Л.Д. Типология и хронология древностей Хлынова // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1994а. С. 166–189.

Макаров Л.Д. Древнерусские памятники среднего течения р.Пижмы // Проблемы средневековой археологии волжских финнов / АЭМК. Вып. 23 / Отв. ред. Г.А. Архипов, Т.Б. Никитина. Йошкар-Ола: Изд-во МарНИИЯЛИ, 1994б. С. 155–184.

Макаров Л.Д. Окрестности поселка Первомайского в древности // Серкин С. Баллада о Чуршинском городище. Макаров Л. Окрестности п. Первомайского в древности. Слободской, 1995. С. 28–68.

Макаров Л.Д. Язычество и христианство в духовной жизни населения Камско-Вятского междуречья в период развитого и позднего средневековья // Финно-угроведение. 1996. №2. С. 23–49.

Макаров Л.Д. Древнерусское население Прикамья в X–XV вв. Ижевск: УдГУ, 2001. 141 с.

Макаров Л.Д. Взаимодействие древнерусского населения с финно-угорскими народами Прикамья // Формирование, историческое взаимодействие и культурные связи финно-угорских народов: материалы III Междунар. ист. конгр. финноугроведов / Отв. ред. А.С. Казимов. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2004. С. 137–142.

Макаров Л.Д. Золотоордынские материалы Вятской земли // Труды Международных нумизматических конференций: Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII – XV веков / Отв. ред. П.Н. Петров. М.: Нумизматическая литература. 2005. С. 35–40.

Макаров Л.Д. Золотоордынские материалы Вятской земли // Труды МНК. М.: Нумизматическая литература, 2005. С. 35-40.

Макаров Л.Д. Языческие амулеты – «перунчики» Русского Севера: ареал и этнокультурная атрибуция // Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст. Материалы тематической научной конференции (Санкт-Петербург, 16-19 декабря 2008 г.) / Ред. Д.Г.Савинов, В.Н.Седых, В.И.Беляева, Н.А.Лазаревская. СПб.: СПбГУ, 2008. С. 225–229.

Макаров Л.Д. Хронология древностей Вятской земли XII–XV вв. // Девности прикамья эпохи железа (VI в. до н. э. – XV в. н.э.):хронологическая атрибутация / МИКВАЭ. Т. 25 / Ред. Ред. Л.И. Липина, Н.Ф. Широбокова. Ижевск: УдмГУ, 2012. С. 494–542.

Макаров Л.Д., Салангин Д.А. Об этнической принадлежности "славяноидной" керамики // Научный и информационный бюллетень № 2, ч. 2 / Отв. за вып. Ю.С. Перевощиков, Е.А. Баженова. Ижевск: Персей, 1997. С. 205–206.

Макаров Н.А. Древнерусские амулеты-топорики // РА. 1992. № 2. С. 41–56.

Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI-XIII вв. По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М.: Скрипторий, 1997. 386 с.

Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П. Средневековое расселение на Белом озере. М.: Языки русской культуры, 2001. 496 с.

Макарова Е.М., Ситдиков А.Г., Бочаров С.Г. Морфология посткраниального скелета населения Болгара (по материалам CXCI раскопа) // Поволжская археология. 2016. № 2 (16). С. 249–259.

Макарова Т.И. Поливная посуда. Из истории керамического импорта и производства Древней Руси / САИ. Вып. Е-38.М.: Наука, 1967. 77 с.

Макарова Т.И. Черневое дело Древней Руси. М.: Наука, 1986. 156 с.

Макарова Т.И. Украшения с чернью // Древняя Русь. Быт и культура / Археология / Отв. ред.: Б.А. Колчин, Т.А. Макарова. М.: Наука, 1997. С. 60–63.

Макласова Л.Э. Конструкция монгольского головного убора "ГУ-ГУ" в династии Юань // Археология Евразийских степей. 2018. № 4. С. 120–126.

Макласова Л.Э. Преобразование одного головного убора Монгольской империи // Азак и мир вокруг него: материалы Международной научной конференции (14–18 октября 2019 года, г. Азов) / Отв. ред. Е.Е Мамичев. Азов: Азовский музей-заповедник, 2019. С. 153–157.

Макласова Л.Э. Анализ женского головного убора из погребения № 10 Новопавловского могильника // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Т. III. / Ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. Самара: СГСПУ, 2020. С. 26–28.

Макласова Л.Э. Разновидности берестяных каркасов «боктаг» (предварительный анализ) // Документ в социокультурном пространстве региона: теория, история и современность: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. (1–2 июня 2021 года) / науч. ред. Л.Е. Савич, А.Р. Абдулхакова; сост. Г.М. Кормишина, Г.В. Матвеева. Казань: КазГИК, 2021. С. 299–305.

Макласова Л.Э., Макласов В.Ю., Камалеев Э.В. «Боктаг» из двух погребений Башкир-Беркутовского курганного могильника (предварительный анализ) // Археология Евразийских степей. 2021. № 5. С. 257–265.

Макласова Л.Э., Обухов Ю.Д. Навершия монгольских головных уборов - неотъемлемая часть костюма XIII-XIV вв. // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа. Материалы международной научной конференции. (Карачаевск, 22–29 апреля 2018 г.) / Отв. ред. У.Ю. Кочкаров. Карачаевск: КЧГУ им. У.Д. Алиева, 2018. С. 472–474.

Малевская М.В. О датировке нижнего горизонта Новогрудка // Средневековые памятники Восточной Европы / КСИА. Вып. 104 / Отв. ред. Т.С. Пассек. М.: Наука, 1965. С. 85–92.

Малиев Н.М. О болгарских черепах // Труды ОАИЭ. Т. X. Вып. 4. Казань,1881. С. 1–16.

Малиновская Н.В. Колчаны XIII – XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории евразийских степей // Города Поволжья в средние века / Отв. ред. А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1974. С. 132 – 175.

Малиновская Н.В. Колчаны XIII – XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории евразийских степей // Города Поволжья в средние века. М.: Наука, 1974. С. 132 – 175.

Малов Н.М. Отчет об археологических раскопках и разведках, произведенных Поволжской археологической экспедицией в 1981 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 8502

Малов Н.М. Отчет об археологических исследованиях в Калмыцкой АССР, Саратовской и Волгоградской областях за 1989 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 13669.

Малов Н.М., Малышев А.Б., Ракушин А.И. Религия в Золотой Орде. Саратов: Сарат. ун-т, 1998. 128 с.

Малов Н.М., Пилипенко С.А., Сергеева О.В. Погребение золотоордынского писца с берестяной книжечкой около сел Подгорное - Терновка // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 10 Материалы IV Нижневолжской международной археологической

конференции / Отв. ред. В.А. Лопатин. Саратов: Типография И.П. Беглакова Е.С., 2013. С. 382–397.

Малов П. Городище Старая Казань и город Арск // Записки Императорского Археологического общества. Том пятый. СПб, 1853. С.116-123.

Малов С.Е. Замок из Билярска с арабской надписью // Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. Т. II. Л.: АН СССР, 1927. С. 155–162.

Мальм В.А. Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. / Труды ГИМ. Вып. 43 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Советская Россия, 1967. С. 149–190.

Мальм В.А. Золотой браслет с персидской надписью // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы / Отв. ред. В.И. Козенкова, Ю.А. Краснов, И.Г. Розенфельдт. М.: Наука, 1978. С. 247–249.

Мальм В.А. Симферопольский клад. М.: Внешторгиздат, 1987. 28 с.

Мамонтов В.И. Отчет о работе археологического отряда Волгоградского Областного краеведческого музея (ВОКМ) под руководством археолога музея Мамонтова В.И. в Средне-Ахтубинском, Нехаевском, Октябрьском и Калачевском районах за сезон 1964 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №/№ 2843-2843а.

Мамонтов В.И. Отчет о работе археологического отряда Волгоградского Областного краеведческого музея под руководством археолога Мамонтова В.И. на территории Волгоградской области за сезон 1965 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №/№ 3012-3012а.

Мамонтов В.И. Отчет о работе археологического отряда Волгоградского областного краеведческого музея. Сезон 1966 года // Архив ИА РАН. Р-1. №/№ 3233-3233а.

Мамонтов В.И. Исследования в Волгоградской обл. // АО – 1966 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1967. С. 89–91.

Мамонтов В.И. Отчет о работе Приволжского отряда Волго-Донской экспедиции ЛОИА АН СССР в Кулмыженском, Ленинском и Средне-Ахтубинском районах Волгоградской области. Сезон 1971 г. // Архив ИИМК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 73-74.

Мамонтов В.И. Исследования в Волгоградской области // АО – 1971 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1972. С. 214–215.

Мамонтов В.И. Отчет о работе Приволжского отряда Волго-Донской экспедиции ЛОИА АН СССР в Ленинском, Калачевском районах Волгоградской области за сезон 1973 г. // Архив ИИМК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 77–79.

Мамонтов В.И. Археологические памятники на реке Ахтубе и Волго-Донском междуречье // АО – 1973 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1974. С. 163–164.

Мамонтов В.И. Отчет о работе Приволжского отряда Волго-Донской экспедиции ЛОИА АН СССР и Волгоградского областного отделения ВООПИК в 1976 г. // Архив ИИМК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 105–106.

Мамонтов В.И. Отчет о работе Приволжского отряда Волго-Донской экспедиции ЛОИА АН СССР и Волгоградского областного отделения ВООПИК в 1977 г. // Архив ИИМК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 87–89.

Мамонтов В.И. Отчет о работе Приволжского отряда ЛОИА АН СССР, Обл. управления культуры, Обл. отделения ВООПИК, Донской экспедиции ВГПИ за 1981 год. // Архив ИИМК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 108-109.

Мамонтов В.И. Работы Приволжского отряда // АО – 1981 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1983. С. 159–160.

Мамонтов В.И. Отчет о работе Приволжского отряда ЛОИА АН СССР и Донской экспедиции ВГПИ за 1989 год. // Архив ИИМК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 78–79.

Мамонтов В.И. Курганный могильник Зубовка // Древности Волго-Донских степей. Вып. 2 / Отв. ред. В.И. Мамонтов. Волгоград: Перемена, 1992. С. 16–49.

Мамонтов В.И. Отчет о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской обл. в 1993 г. // Архив ИИМК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 26–27.

Мамонтов В.И. Погребения поздних кочевников из курганного могильника Солодовка II // Древности Волго-Донских степей. Вып. 3 / Отв. ред. В.И. Мамонтов. Волгоград: Перемена, 1993б. С. 151–172.

Мамонтов В.И. Охранные раскопки Донской экспедиции Волгоградского педагогического университета // АО – 1993 / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1994. С. 141.

Мамонтов В.И. Раскопки курганов в Волгоградском Заволжье // Древности Волго-Донских степей. Вып. 6 / Ред. В.И. Мамонтов. Волгоград: ВолГУ, 1998. С. 141–149.

Мамонтов В.И., Ситников А.В. Средневековые погребения Царевского курганного могильника // Древности Волго-Донских степей. Вып. 3 / Отв. ред. В.И. Мамонтов. Волгоград: Перемена, 1993. С. 183–208.

Мандельштам А.М. Отчет о пробных раскопках на городище у с. Селитренное // Архив ИИМК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 3.

Манылов Ю.П., Юсупов Н.Ю. Караван-сараи Центрального Устьюрта (в пределах Каракалпакской АССР) // СА. 1982. № 1. С. 170–182.

Маньковская Л.Ю. Архитектурные памятники Кашкадарьи. Ташкент: Узбекистан, 1971. 56 с.

Маргулан А.Х. Тезисы доклада «Раскопки Сарайчика» на Всесоюзном археологическом совещании 1951 года // Архив Института археологии имени А.Х. Маргулана

Маргулан А.Х. Третий сезон археологической работы в Центральном Казахстане (отчет экспедиции 1948 года) // Известия АН КазССР. Серия археологическая. 1951. № 108. Вып. 3. С. 129–135.

Марданшина Е.М. Сельскохозяйственные орудия Балынгузского (Торецкого) III селища // 125 лет Обще-

ству археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Проблемы историко-культурного развития Волго-Уральского региона. Археологические исследования. Часть I / Ред. Р. К. Валеев и др. Казань: КГУ, 2004. С. 122–132.

Марданшина Е.М. Земледельческие орудия волжских булгар X-XIV вв. Автореф. Дисс. ... канд. истор. наук. Казань, 2008. 25 с.

Марийские постройки домов, надворные постройки Планировки усадьбы, печи // Архив НРФ МарНИИЯЛИ. Оп. 1, Д. № 289, №№ 6, 15

Мартьянов В.И. Вопросы древней этнической истории мордвы-эрзи // Узловые проблемы финно-угроведения. Йошкар-Ола: Науч. центр финно-угроведения, 1995.

Мартьянов В.Н. Арзамасская мордва в I – начале II тысячелетия. Арзамас: АГПИ, 2001. 322 с.

Мартьянов В.Н. Древняя история Арзамасского края. Арзамас: АГПИ, 2004. 443 с.

Марыксин Д.В. Могильник эпохи Золотой Орды Мокринский I (по материалам работ 2008 года) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2009. № 1. С. 246–272.

Марыксин Д.В. Отчет о раскопках городища Жалпактал, поселения Бауржан-Аяк и курганных комплексов Кошкар и Карозен в 2012 г. Алматы, 2013 // Архив Института Институт археологии имени А.Х. Маргулана.

Марыксин Д.В. Отчет о раскопках курганного комплекса Лебедевка VIII, Мокринский I, Караозен и городища Жалпактал в 2011 году. Алматы, 2012 // Архив Института Институт археологии имени А.Х. Маргулана.

Марыксин Д.В. Городище Жалпактал и его округа (предварительные результаты работ) // Средневековые города бассейна реки Урал / Ред. Сдыков М. Н. Уральск: Полиграфсервис, 2014. С. 91–127.

Марыксин Д.В. Отчет о раскопках курганных комплексов Райым I, Алебастрово I, Сегизсай (Лебедевка) VIII и городища Жалпактал в 2014 г. Алматы, 2015 // Архив Института Институт археологии имени А.Х. Маргулана

Марыксин Д.В. Отчет о раскопках городища Жалпактал в Казталовском районе Западно-Казахстанской области в 2015 году. Алматы, 2016 // Западно-Казахстански областной центр истории и археологии.

Масловский А.Н. Косторезное производство Азака. Общая характеристика // Средневековая археология евразийских степей Т. 1 / Отв. ред. Ф. Ш. Хузин. Казань: Институт истории АН Республики Татарстан им. Ш. Марджани, 2007. С. 190–193.

Масловский А.Н. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. Вып. 21 / Отв. ред. В.Я. Кияшко Азов: Азовский музей-заповедник, 2006. С. 308–473.

Матвеева В.И. Горн для обжига посуды на поселении у с.Каменное // Славяно-русская археология / КСИА. Вып. 171 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.:Наука, 1982. С. 99–103.

Матвеева Г.И. Работы Муромского отряда // АО –1976 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1977. С. 162

Матвеева Г.И. Сухореченское селище // Средневолжская археологическая экспедиция / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Куйбышев: КГУ, 1977. С. 98–121.

Матвеева Г.И., Иванов В.А., Васильев И.В., Рутто Н.Г., Скарбоеенко В.А., Юнусов Р.М., Вуяк В.А., Пятых Г.Г., Пенин Г.Г. Работы в Куйбышевской области // АО – 1971 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1972. С. 192–196

Материалы по татарской диалектологии. Вып. 4 / Отв. ред. Ф. С. Баязитова. Казань: ИИЯЛИ, 1978. 131 с.

Матюхин А.Д. Исследование курганов у с. Большая Дмитриевка // Древности Волго-Донских степей. 2 / Отв. ред. В.И. Мамонтов. Волгоград: Перемена, 1992. С. 49–52.

Матюхин А.Д. Отчет об археологических раскопках грунтового могильника на территории совхоза «Комбайн» в Волжском районе г. Саратова (район Алексеевского городища). Саратов, 1994 // Архив УНАЛ СГУ

Матюхина Ю.А., Моржерин К.Ю. Золотоордынская поливная кашинная керамика из Укека // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. / Ред. С.Г. Бочаров, В.Л. Мыц. Киев: Издательский дом «Стилос», 2005. С. 110–121.

Матюшко И.В. Погребальный обряд кочевников Степного Приуралья IX-XIV вв. Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2015. 211 с.

Медведев А.В. Ручное метательное оружие / САИ. Вып. Е1-36. М.: Наука, 1966. 184 с.

Медведев А.Ф. Оружие Новгорода Великого / Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II // МИА. № 65 / Под ред. А.В. Арциховского, Б.А. Колчина. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 121–191.

Медведев А.Ф. Древнерусские писала X–XV вв. // СА. №2. 1960. С. 63–88.

Медведев В.Е. Средневековые памятники острова Уссурийского. Новосибирск: Наука, 1982. 217 с.

Медокс К.П. Новейшие находки близ Увека // ИОАИЭ. Т. X. Вып. 6. Казань, 1892. С. 643–646.

Медынцева А.А. Эпиграфика, писала (стили) и церы // Древняя Русь. Город, замок, село // Археология СССР / Отв. ред. Б.А. Колчин, Т.И. Макарова. М.: Наука, 1997. С. 298–363.

Медынцева А.А., Коваль В.Ю., Бадеев Д.Ю. Кириллические тюркоязычные надписи мастеров-камнерезов Восточной Европы XIV–XV веков // Археология, этнография и антропология Евразии. 2019. Т. 47. № 4. С. 105–111. DOI: https://doi.org/10.17746/1563-0102.2019.47.4.105-111.

Менгес К.Г. Восточные элементы в «Слово о полку Игорове». Л.: Наука, 1979. 266 с.

Менделеев Д.И. Введение // Фабрично-заводская промышленность и торговля в России / Ред. Д.И. Менделеев. СПб.: Типографии В.С. Балашова и К^0 и В.Ф. Демакова, 1893. С. 1–59.

Менделеев Д.И. Обзор фабрично-заводской промышленности и торговли России // Фабрично-заводская промышленность и торговля России. СПб.: Типография В.С. Балашова и В.Ф. Демакова, 1893. С. 1–59.

Мец М.Д. Железоплавильная печь в урочище Кирметь // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. IV / МИА. № 111 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1962. С. 217–220.

Мец Н.Д. Клады монет (зарегестрированные Государственным Историческим музеем за 1945-1952 годы) // КСИИМК, №52. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953. С. 113–120.

Мәржәни Ш. Мөстафадел-ахбар фи әхвали Казан вә Болгар (Казан һәм Болгар хәлләре турында файдаланылган хәбәрләр). Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1989. 414 б.

Мәүла Колый. Хикмәтләр. (*Мавля Колый.* Мудрые изречения). Казан: Иман, 2001. 136 б.

Миллер Б.В. Об армянских надписях в Болгаре и Казани // Известия РАИМК. Т. IV / Ред. Б. Фармаковский. Л.: Академическая типография, 1925. С. 65–80.

Мильков Ф.Н. Среднее Поволжье: физико-географическое описание. М.: АН СССР, 1953. 263 с.

Минеральные ресурсы СССР. Железные руды. Вып. III / Ред. И.М. Губкин. М.; Л.: ОНТИ. Глав. ред. геол.-развед. и геодезич. лит-ры, 1937. 171 с.

Миргалеев И.М. Войны Токтамыш-хана с Аксак Тимуром. Казань: Институт истории АН РТ, 2003. 88 с.

Миргалеев И.М. Материалы по истории войн Золотой Орды с империей Тимура. Казань: Институт истории АН РТ, 2007. 108 с.

Миргалеев И.М. Правление Токтамыш-хана // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. / Ред. М.А. Усманов. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 706–712.

Мирзаахмедов Д. Узбекистан // Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана IX–XV вв. Т. 2. Стекло / Отв. ред. К. Байпаков.. Самарканд; Ташкент: МИЦАИ, 2011. С. 96–112.

Миронов В.Г. Очерк истории исследований городецких поселений в Саратовском Поволжье в 1918–1977 годы (Материалы к археологической карте Нижнего Поволжья) // Археология восточно-европейской степи. Вып. 1 / Отв. ред. В.Г. Миронов. Саратов: Сарат. ун-т, 1989. С. 106–122.

Михайлов С.М. Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов. Чебоксары: Науч.-исслед. ин-т при Совете Министров Чуваш. АССР, 1972. 423 с.

Михальченко С.Е. Систематизация массовой неполивной керамики золотоордынских городов Поволжья // СА. 1973. № 3. С. 118–132.

Михеев А.В. Горношумецкой могильник (предварительное сообщение) // Новые археологические открытия в Среднем Поволжье. / Отв. ред.С.В. Большов. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2000. С. 47–48.

Михеев А.В. Барковское городище по результатам исследований 2010 года // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 6 / Отв. ред. Ю.А. Зеленеев, Т.Б. Никитина. Йошкар-Ола: МарГУ; МарНИИЯЛИ, 2012. С. 102–113.

Михеев А.В., Михеева А.И. Носельское III селище по результатам исследований 2008 г. // Поволжская археология. 2016. № 1 (15). С. 169–181.

Михеева А.И. Характеристика керамического материала Юльяльского селища (по результатам исследований 2003 г.) // Формирование, историческое взаимодействие и культурные связи финно-угорских народов: материалы III Междунар. ист. конгр. финноугроведов / Отв. ред. А.С. Казимов. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2004. С. 143–148.

Михеева А.И. Поселения Марийского Поволжья в эпоху средневековья (XIII – XV вв.). Автореф. дисс. … канд. истор. наук. Ижевск, 2006. 24 с.

Мокерова Е.Ю. Клады и находки монет VIII-XVII вв.на территории Вятского края (хронология и топография) // Международный нумизматический альманах «Монета» / Отв. ред. А.В. Быков. Вологда: Ардвисура, 1995. С. 34-63.

Мокшин Н.Ф. Мордва глазами зарубежных и российских путешественников. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1993. 239 с.

Моржерин К.Ю. Раскопки грунтового могильника XIV в. в урочище Мартышкино // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Вып. 1. Саратов: Дирекция охраны, реставрации и использования памятников истории и культуры, 1996. С. 62– 63.

Моржерин К.Ю. Комаровский грунтовой могильник XIII-XIV вв. на р. Сердобе // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Вып. 2 / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов: Орион, 1997. С. 97-98.

Моржерин К.Ю. Комаровский могильник // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 11 / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов: Научная книга, 2013. С. 140–178.

Морозов В.Ю. Топография кладов и случайных находок монет на территории Самарской области // Краеведческие записки. Вып. VII. Самара, 1995. С.319-326.

Морозов В.Ю. Пути проникновения сасанидских монет и художественных изделий в Поволжье и Прикамье // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, 1996. С. 148–164.

Морозов Ю.А. Средневековые захоронения II Тавлыкаевского могильника // Проблемы средневековой архе-

ологии Урала и Поволжья / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: БФАН СССР. 1986 [на обл. 1987]. С. 134–137.

Морозов Ю.А. Научный отчет о результатах археологических исследований за 1983 г. Уфа, 1984 // НА УНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Ед. хр. 115. Л.11-12.

Мошкова М.Г. Ново-Кумакский курганный могильник близ г.Орска // Памятники скифо-сарматской культуры / МИА. № 115 / Отв.ред. К.Ф. Смирнов. М.-Л.: АН СССР, 1962. С. 204–239.

Мошкова М.Г., Железчиков Б.Ф., Кригер В.А. Работы Западноказахстанской экспедиции // АО – 1978 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1979. С. 538–539.

Мункуев Н.Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах. Надгробная надпись на могиле Елюй Чу-Цая (перевод и исследования). М.: Наука, 1965. 224 с.

Мурадалиева Э. Золотой век городов Азербайджана // Кавказ и глобализация. 2010. Т. 4. Вып. 1–2. С. 217–230.

Мусихин А.Л. Вятка: символы и смыслы: в 2 т. Т. 1, 2. Н. Новгород: Кварц, 2019. 800 с.

Мухамадиев А. Древние монеты Казани. Казань: Татарское кн. изд-во, 2005. 198 с.

Мухамадиев А.Г. Булгаро-татарская монетная система XII – XV веков. М.: Наука, 1983. 192 с.

Мухамадиев А.Г. Отчет о работах Водянской археологической экспедиции в 1988 г. // Архив ИА РАН. 1988. Р-1. № 13537.

Мухамадиев А.Г. Город Биляр по нумизматическим данным // Биляр и Волжская Булгария: изучение и охрана археологических памятников. Тезисы научной конференции / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Фест, 1997. С. 56–59.

Мухамадиев А.Г. О времени возникновения города Казани // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII веков. Материалы Международного симпозиума (Казань, 8–10 сентября 1998 г.) / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер Лайн, 1999. С. 248–257.

Мухамадиев А.Г., Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки богатой усадьбы в Новом Сарае // СА. № 3. 1970. С. 149–161.

Мухамадиев А.Г., Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки усадьбы на Царевском городище // Вестник МГУ. История. 1978. № 3. С. 88–102.

Мухаметов Ф.Ф. Социально-политическая борьба в монгольском обществе и на Руси (конец XII-XIV вв.). Челябинск: МРТ, 2000. 346 с.

Мухаметшин Д.Г Социальная терминология булгарских эпитафий XIII-XIV вв. // Историко-археологическое изучение Поволжья. Йошкар-Ола, 1994. С. 100 - 106.

Мухаметшин Д.Г. Топонимы Биляр и Сувар на материалах нумизматики и эпиграфики // Биляр и Волжская Булгария: изучение и охрана археологических памятников. Тезисы научной конференции / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Фест, 1997. С. 59–61.

Мухаметшин Д.Г. Булгарский монетный двор во второй половине XIV – в начале XV в. // Седьмая ВНК. Тезисы докл. и сообщ. М., 1999. С. 67-69.

Мухаметшин Д.Г. Нумизматические находки из домонгольского слоя Казанского кремля // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья в IX-XII вв. Казань, 1999. С. 235–237.

Мухаметшин Д.Г. Каратунский клад // Десятая ВНК. Тезисы докл. и сообщ. М., 2002. С. 84–85.

Мухаметшин Д.Г. Волжская Булгария на рубеже XIV – XV вв. // Тринадцатая ВНК. Тезисы докл. и сообщ. М., 2005. С. 63–64.

Мухаметшин Д.Г. Нумизматические материалы второй половины XIV – начала XVI века. К вопросу о казанской чеканке // Историко-археологические исследования Поволжья и Урала. Мат-лы III Халиковских чтений / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: РИЦ Школа, 2006. С. 359–375.

Мухаметшин Д.Г. Татарские эпиграфические памятники. Региональные особенности и этнокультурные варианты / Археология евразийских степей. Вып. 6. Казань: ИИ АН РТ, 2008. 132 с.

Мухаметшин И.Д. Нумизматические находки из Старорытвинского (Трощаного) селища в фондах Булгарского музея-заповедника // Труды МНК. Под ред. П.Н. Петрова. М.: Нумизматическая Литература, 2008. С. 23-25.

Мухаметшин Д.Г. Монетные клады золотоордынского времени с Болгарского городища // Труды МНК. / Под ред. П.Н. Петрова. М.: Нумизматическая литература, 2008. С. 14–19.

Мухаметшин Д.Г. Нумизматический материал как источник по изучению денежного обращения Джукетау // Изучение и сохранение историко-культурного наследия Чистопольского муниципального района Республики Татарстан. Вып. 2. / Отв. ред. Н.Г. Набиуллин. Чистополь: Новая типография, 2009. С. 21–27.

Мухаметшин Д.Г. Чистопольский клад золотоордынских монет // Пятнадцатая ВНК. Тезисы докладов и сообщений. Ростов-на-Дону, 20-25 апреля 2009. Москва, 2009. С. 66–68.

Мухаметшин Д.Г. Монеты с Торецкого поселения. К вопросу о денежном обращении в Булгарском Улусе конца XIV – начала XV вв. // Нумизматика Золотой Орды. Вып. 1 / Ред. И.М. Миргалеев. Казань: ООО Фолиант, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011 С. 65–81.

Мухаметшин Д.Г. Клады Тетюшской округи // Исследования по средневековой археологии Евразии / Отв. ред. К.А. Руденко. Казань: Школа, 2012. С. 197–217.

Мухаметшин Д.Г. Место и роль эпиграфических памятников Предволжья в развитии татарской эпиграфической науки // Исследования по средневековой археологии Евразии / Отв. ред. К.А. Руденко. Казань:

Школа, 2012а. С. 218–225.

Мухаметшин Д.Г. Монеты с «Рыночной площади» города Болгар // Семнадцатая ВНК. Москва-Пущино. Тезисы докл. и сообщ. М.: «Триумф принт», 2013. С.48-49.

Мухаметшин Д.Г. Новые археологические памятники Западного Закамья // Мат-лы научно-практического семинара «Болгарский музей-заповедник – хранитель культурного наследия», посвященного пятилетию создания Республиканского Фонда возрождения памятников истории и культуры Республики Татарстан / Ред. колл. Фасхутдинов А.Н., Мухаметшин Д.Г., Бирюкова Г.М. Болгар, 2015. С. 126-197.

Мухаметшин Д.Г. Медные монеты Болгара и других золотоордынских городов XIII-XIV вв. Каталог монет из фондов Института археологии АН РТ и Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника. Издание Болгарского музея-заповедника. Болгар, 2016. 282 с.

Мухаметшин Д.Г. Общий обзор коллекции монет раскопа CLXXIX с Болгарского городища Республики Татарстан // Археология Евразийских степей. 2018. № 5. С. 223–230.

Мухаметшин Д.Г. Денежное обращение Булгарского улуса во второй половине XIV в. // Золотоордынское обозрение. 2021. Т. 9. № 2. С. 296–313.

Мухаметшин Д.Г., Газимзянов И.Р. Нумизматический материал из раскопа CXXXII // Археология Евразийских степей. 2017. № 6. С. 69–78.

Мухаметшин Д.Г., Лебедев В.П. Небольшой монетный комплекс с Именьковского городища в Татарстане // Древности Нижегородского Поволжья. Вып. II. Нижний Новгород: Изд. фирма «Конвек», 1997. С. 75–77.

Мухаметшин Д.Г., Мухаметшин И.Д. Находки русских монет конца XIV – начала XV в. из Болгара его округи // Девятнадцатая ВНК. Тезисы докладов и сообщений. М., 2017. С. 151–152.

Мухаметшин Д.Г., Федорова Е.А. Нумизматический материал из Болгар по итогам раскопок 2014 г. // НЗО, №6. Казань. С. 18-32.

Мухаметшин Д.Г., Хакимзянов Ф.С. Эпиграфические памятники города Булгара. Казань: Татарское кн. изд-во, 1987. 128 с.

Мухаметшин Д.Г., Хакимзянов Ф.С. Надписи на металлических изделиях // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АНТ, 1996. С. 293–305.

Мухаметшин И.Д., Мухаметшин Д.Г. Клад булгарских монет XV в. из Больших Атрясей (из фондов БГИАМЗ) (предварительное сообщение) // Двадцать первая Всероссийская нумизматическая конференция. Тверь 24-29 мая 2021 г. Тезисы докладов и сообщений. Тверь, 2021. С. 91–93.

Мыськов Е.П. Отчет о работе Волго-Ахтубинского отряда археологической экспедиции ВГПИ в 1986 году // Архив ИИМК. Ф. 35. 1986 г. Оп. 1. Д. 14-15.

Мыськов Е.П. Отчет о работе Волго-Ахтубинского отряда археологической экспедиции ВГПИ в Котельническом и Ленинском районах Волгоградской области. Волгоград, 1988а. // Архив ИА РАН. Р-1. №/№ 12538-12538а.

Мыськов Е.П. Работы Волго-Ахтубинского отряда // АО – 1986 / Отв. ред. В.П. Шилов. М.: Наука, 1988б. С. 189.

Мыськов Е.П. Курганный могильник у Царевского городища // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца. Тезисы докладов областной научно-практической конференции (Луганск, ноябрь 1990 г.) Луганск: Луганская правда, 1990а. С. 149–150.

Мыськов Е.П. Отчет о раскопках могильника Царев, проведенных Волго-Ахтубинским отрядом археологической экспедиции Волгоградского пединститута в 1990 году. Волгоград, 1990б // Архив ИА РАН. Р-1. №/№ 15669-15671.

Мыськов Е.П. Отчет о работе Волго-Ахтубинского отряда археологической экспедиции Волгоградского пединститута в 1991 году. Волгоград, 1991 // Архив ИА РАН. Р-1. №/№ 16726-16728.

Мыськов Е.П. Отчет о раскопках Водянского городища, проведенных Волго-Ахтубинским отрядом археологической экспедиции Волгоградского педагогического института в 1992 году. Волгоград, 1992б // Архив ИА РАН. Р-1. №/№ 17587-17588.

Мыськов Е.П. О периодизации золотоордынских памятников Нижнего Поволжья // Межрегиональная конференция «Средневековые кочевники и городская культура Золотой Орды» (тезисы докладов) / Отв. ред. А.В. Материкин. Волгоград: Перемена, 1992а. С. 18–20.

Мыськов Е.П. Отчет о работе Волго-Ахтубинской археологической экспедиции Волгоградского государственного педагогического университета в 1993 году. Волгоград, 1993а // Архив ИА РАН. Р-1. №/№ 18276-18278.

Мыськов Е.П. Погребения кочевников IX–XI вв. на Ахтубе // Древности Волго-Донских степей. Вып. 3. / Отв. ред. В.И. Мамонтов. Волгоград: Перемена, 1993б. С. 69–83.

Мыськов Е.П. Отчет о работе Волго-Ахтубинской археологической экспедиции Волгоградского государственного педагогического университета в 1994 г. Волгоград, 1994 // Архив ИА РАН. Р-1. №/№ 18961-18963.

Мыськов Е.П. О некоторых типах головных уборов населения Золотой Орды // РА. 1995. № 2. С. 36–43.

Мыськов Е.П. Отчет о работе Волго-Ахтубинской археологической экспедиции Волгоградского государственного педагогического университета в 1995 году // Архив ИА РАН. 1995. Р-1. № 19689.

Мыськов Е.П. Общие итоги исследований Водянского

городища в 1992, 1997 годах // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы (тезисы докладов VII Донской археологической конференции) / Ред. В.Я. Киящко, В.А. Ларенок, В.В. Потапов. Ростов-на-Дону: Открытое общество, 1998а. С. 131–132.

Мыськов Е.П. Отчет о работе Волго-Ахтубинской археологической экспедиции Волгоградского государственного педагогического университета в 1998 году // Архив ИА РАН. 1998б. Р-1. № 22132.

Мыськов Е.П. Отчет о работе Волго-Ахтубинской археологической экспедиции Волгоградского государственного педагогического университета в 1999 году // Архив ИА РАН. 1999. Р-1. № 23533.

Мыськов Е.П. Отчет об археологических исследованиях, проведенных Волго-Ахтубинской археологической экспедицией Волгоградского государственного педагогического университета на Водянском городище и могильнике Маляевка VI в 2000 году // Архив ИА РАН. 2000. Р-1. № 23741.

Мыськов Е.П. Русское кладбище Водянского городища// Нижневолжский археологический вестник. Вып. 4 / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 2001. С. 123–135.

Мыськов Е.П. Отчет об исследованиях, проведенных Волго-Ахтубинской археологической экспедицией Волгоградского государственного педагогического университета на Водянском городище, Северо-западном и Северо-восточном пригородах Царевского городища в 2001 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 22251.

Мыськов Е.П. Русский поселок и русский квартал Водянского городища // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 1 / Отв. ред. И.В. Сергацков. Волгоград: ВолГУ, 2001а. С. 260–267.

Мыськов Е.П. Раскопки общественного здания с эпиграфическими находками на Водянском городище // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 4 / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 2001б. С. 260–261.

Мыськов Е.П. Северо-западный пригород Царевского городища // Поволжье и сопредельные территории в средние века / Труды ГИМ. Вып. 135 / Отв. ред. В.Л. Егоров, Ю.А. Зеленеев. М.: Тиссо-Полиграф, 2002. С. 115–122.

Мыськов Е.П. Керамические комплексы русского поселка и русского квартала Водянского городища // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 5 / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 2002. С. 126–147.

Мыськов Е.П. Отчет об исследованиях, проведенных Волго-Ахтубинской археологической экспедицией Волгоградского государственного педагогического университета на Водянском городище в 2002 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 23675.

Мыськов Е.П. Работы Волго-Ахтубинской экспедиции в Волгоградской области // АО – 2001 / Отв. ред. В.В. Седов, Н.В. Лопатин. М.: Наука, 2002в. С. 295–297.

Мыськов Е.П. Погребальные сооружения с кирпичными оградами могильника Маляевка VI у северо-западного пригорода Царёвского городища // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 6 / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 2003. С. 216–235.

Мыськов Е.П. Отчет об археологических исследованиях, проведенных Волго-Ахтубинской археологической экспедицией Волгоградского государственного педагогического университета на Водянском городище, могильниках Жирновск III, Недоступов и кургане у села Линево в Дубовском и Жирновском районах Волгоградской области в 2003 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 23798. 2003а.

Мыськов Е.П. Раскопки Водянского городища в Волгоградской области // АО – 2002 / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 2003в. С. 259–260.

Мыськов Е.П. Основные итоги исследований Водянского городища // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. I Международная Нижневолжская археологическая конференция (г. Волгоград, 1-5 ноября 2004 г.) Тезисы докладов / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 2004. С. 296–298.

Мыськов Е.П. Золотая Орда // Археологическое наследие Волгоградской области / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: Издатель, 2013. С. 165–202.

Мыськов Е.П. Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. Волгоград: Волгогр. фил. ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2015. 484 с.

Мэн-да бэй-лу (Полное описание монголо-татар) / пер. Н. Ц. Мункуева. М.: Наука, 1975. 288 с.

Набиуллин Н.Г. Оборонительные сооружения Джукетау // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. Материалы международной конференции / Отв. ред. В.М. Массон. СПб.: ГЭ, 1998. С. 219–223.

Набиуллин Н.Г. Раскопки в ремесленном районе Джукетау (по материалам раскопа V 1994 г.) // Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИИ АН РТ, 1999. С. 101–126.

Набиуллин Н.Г. Город Джукетау по итогам новых исследований // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья / Труды ГИМ. Вып. 122 / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: ГИМ, 2000. С. 286–293.

Набиуллин Н.Г. Город Джукетау в XIII – XIV вв. (к проблеме перехода домонгольского города в золотоордынский) // ТА. 2001. № 1–2. С. 47–63.

Набиуллин Н.Г. Могильники Джукетау (Часть I. Крутогорский могильник) // Краеведческие чтения и среды. Вып. 3: Материалы заседаний, прошедших в Национальном музее Республики Татарстан в 2002–2003 гг. Казань: РИЦ «Школа», 2003. С. 44–61.

Набиуллин Н.Г. Комментарий и примечания [к ст. В.Ф. Смолина «Клад восточных золотых предметов из

болгарского города Джуке-Тау»] // ТА. 2006. №№ 1–2 (16–17). С. 31–36.

Набиуллин Н.Г. Город Джукетау и его округа // ТА. 2007а. № 3–4 (18–19). С. 138–155.

Набиуллин Н.Г. Некоторые вопросы изучения округи города Джукетау // Средневековая археология евразийских степей. Материалы учредительного съезда Международного конгресса. Казань, 14–16 февраля 2007 г. Т. II / Археология евразийских степей. Вып. 2 / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин, А.Г. Ситдиков Казань: Институт истории АН РТ, 2007б. С. 103–114.

Набиуллин Н.Г. Джукетау – город булгар на Каме. Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. 143 с.

Набиуллин Н.Г. Новые исследования Староромашкинского комплекса археологических памятников // Средневековая Евразия: симбиоз городов и степи. Материалы II Международного Болгарского форума / Археология Евразийских степей. Вып. 17 / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Отечество, 2013.С. 144–148.

Набиуллин Н.Г. Памятники археологии г. Чистополь: проблемы изучения и сохранения // Поволжская археология. 2019. № 1 (27). С. 194–207.

Набиуллин Н.Г. Город Джукетау // Средние века (VIII – начало XIII вв.). Волжская Болгария. Финно-угорский мир. Кочевники Восточной Европы / Археология Волго-Уралья. Т. 5 / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. Ф.Ш. Хузин, Т.Б. Никитина. Казань: ИА АН РТ, 2022. С. 293–304.

Набиуллин Н.Г., Беляев А.В., Храмченкова Р.Х., Шайхутдинова Е.Ф., Янбаев Р.М. Чугунная посуда Джукетау: результаты междисциплинарных исследований // Поволжская археология. 2017. № 2 (20). С. 42–58.

Набиуллин Н.Г., Газизов Д.Г., Салахатдинова Г.Т. Поселенческая структура прибрежного Восточного Закамья в контексте Камской коммуникации» // Камский торговый путь. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции / Ред. Корнилова И. В. и др Набережные Челны: НГПУ, 2018. С. 56–65.

Набиуллин Н.Г., Измайлов И.Л. Предметы вооружения из булгаро-татарского города Джукетау // Археология Евразийских степей. 2021. № 3. С. 80–89.

Набиуллин Н.Г., Салахатдинова Г.Т. Из истории исследований археологических памятников средневекового и Нового времени г. Набережные Челны // Археология Евразийских степей. 2022. № 5. С. 217–226.

Набиуллин Н.Г., Храмченкова Р.Х. Стеклянные украшения Джукетау: морфология и химический состав // Филология и культура. 2013. № 3 (33). С. 240–244.

Набиуллин Н.Г., Храмченкова Р.Х. Междисциплинарные исследования булгаро-татарского города Джукетау // Геоархеология и археологическая минералогия–2021 / Отв. ред. А.М. Юминов, Н.Н. Анкушева. Миасс; Челябинск: ЮУрГГПУ, 2021. С. 168–172.

Надгробные сооружения киргизских степей / Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. 26 / сост. И.А. Кастатье. Оренбург: Типо-лит. Губ. правления, 1911. 102 с.

Надырова Х.Г., Троепольская Н.Е. Пространственно-планировочная структура города Булгара середины XIV века: опыт графической реконструкции // Известия КГАСУ. 2013. № 4. С. 32–45.

Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М.: АН СССР, 1951. 261 с.

Насонов А.Н. Материалы и исследования по истории русского летописания // Проблемы источниковедения. Вып. VI. / Отв. ред. А. А. Новосельский. М.: АН СССР, 1958. С. 235–276.

Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства: историко-географическое исследование. Монголы и Русь: история татарской политики на Руси. 2-е изд. СПб.: Наука, 2006. 416 с.

Насыров Р.Г. Из опыта привлечения нумизматического материала в изучении местной истории (на примере археологических памятников майнской округи) // Материалы II Региональной научно-практической конференции «Болгарский музей-заповедник – хранитель культурного наследия». Болгар, 2016. С. 76–87.

Невоструев К.И. О городищах древнего Волжско-Болгарского и Казанского царств в нынешних губерниях Казанской, Симбирской, Самарской и Вятской // Труды I Археологического съезда в Москве. 1869. Т. 2. М.: Синодальная тип., 1871. С. 523–594.

Недашковский Л.Ф. Некоторые древнерусские материалы из Увека и его округи // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 3. Этногенез и этнокультурные контакты славян / Отв. ред. В. В. Седов. М.: Фонд археологии, 1997. С. 227–241.

Недашковский Л.Ф. Отчет о раскопках Хмелевского 1 селища в 1999 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 22979.

Недашковский Л.Ф. Исследования золотоордынских памятников в Саратовском районе // АО – 1997 / Отв. ред. В.В. Седов, Н.В. Лопатин. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 221–222.

Недашковский Л.Ф. Отчет об исследованиях Хмелевского 1 селища в 2000 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 23146.

Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М.: Восточная литература, 2000а. 224 с.

Недашковский Л.Ф. Округа золотоордынского города Укека // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья / Труды ГИМ. Вып. 122 / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: ГИМ, 2000б. С. 294–304.

Недашковский Л.Ф. Разведочные исследования в Саратовском районе // АО – 1998 / Отв. ред. В.В. Седов, Н.В. Лопатин. М.: Эдиториал УРСС, 2000в. С. 247–248.

Недашковский Л.Ф. Металлические изделия и литейные формы с Увекского городища // Древние ремесленники Приуралья: Материалы Всероссийской на-

учной конференции (Ижевск, 21-23 ноября 2000 г.) / Отв. ред. В.И. Завьялов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. С. 349–364.

Недашковский Л.Ф. Отчет о работах на золотоордынских памятниках Саратовского района в 2002 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 22745.

Недашковский Л.Ф. Химический состав изделий из цветных металлов с золотоордынских поселений центральной части Саратовской области // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 5 / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 2002. С. 335–347.

Недашковский Л.Ф. Рыболовный инвентарь из Укека и его округи // Поволжье и сопредельные территории в средние века / Труды ГИМ. Вып. 135 / Отв. ред. В.Л.Егоров,Ю.А.Зеленеев.М.:Тиссо-Полиграф,2002. С. 122–128.

Недашковский Л.Ф. Христиан Мартин Френ (1782–1851): К 225-летию со дня рождения // РА. 2008. № 1. С. 117–222.

Недашковский Л.Ф. К вопросу о торговых связях Западной Европы: кожи, войлок и ткани в Золотой Орде // Средние века. Вып. 69 (3). / Отв. ред. П.Ю. Уваров. М.: Наука, 2008. С. 108–120.

Недашковский Л. Международная и внутренняя торговля // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. / Ред. М.А. Усманов. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 277–287.

Недашковский Л.Ф. Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа. М.: Восточная литература, 2010. 351 с.

Недашковский Л.Ф. Исследования Багаевского селища // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2013. Т. 155, Кн. 3, Ч. 1. С. 7–19.

Недашковский Л.Ф. Структура и внутренние связи округи золотоордынских городов Нижнего Поволжья // РА. 2014. № 2. С. 48–61.

Недашковский Л.Ф. Интенсивность экономического развития Нижнего Поволжья золотоордынской эпохи (по материалам округи крупнейших городов) // Stratum Plus. 2016. № 6 С. 151–162.

Недашковский Л.Ф. Монетные находки с Увекского городища по архивным данным // Археология Евразийских степей. 2017. № 6. С. 84–97.

Недашковский Л.Ф., Моржерин К.Ю. Костяные изделия из Укека // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8. № 3. С. 472–503.

Недашковский Л.Ф., Ракушин А.И. Средневековые металлические зеркала с Увекского городища // ТА. 1998. № 1 (2). С. 32–51.

Недашковский Л.Ф., Ракушин А.И. Бронзовые зеркала второй половины X-XIV в. из музеев Саратовской области // ТА. 1998а. № 2 (3). С. 87–108.

Недашковский Л.Ф., Семыкин Ю.А. Результаты металлографического анализа изделий из черного металла с золотоордынских памятников Нижнего Поволжья (по материалам Хмелевского I и Багаевского селищ) // Уч. зап. Казанского университета. 2014. Т. 156, кн. 3. Гуманитарные науки. С. 31–43.

Недашковский Л.Ф., Шигапов М.Б. Поливная керамика с золотоордынских селищ округи Укека // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X-XVIII вв. / Отв ред. С.Г. Бочаров, В. Франсуа, А.Г. Ситдиков. Т. 2. Казань, Кишинёв: Stratum plus, 2017. С. 701–712.

Недашковский Л.Ф., Шигапов М.Б. Металлические изделия и керамика с Хмелевского I селищ // НАВ. 2018. Т. 17. №1. С. 160–176.

Неизвестные и малоизвестные страницы отечественного районирования / Отв. ред. В.Л. Бабурин. М.: ЛЕНАНД, 2006. 400 с.

Немеров В.Ф. Воинское снаряжение и оружие монгольского воина XIII–XIV вв. // СА. 1987. № 2. С. 212–227.

Нестеренко И.М., Ситдиков А.Г. История изучения и сохранения города Болгара // Город Болгар: История изучения и сохранения / Отв. ред. А.Г. Ситдиков. М.: Наука, 2021. С. 35–59.

Нестеров С.П. Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья / Новосибирск: Наука, 1990. 143 с.

Нефедов Ф.Д. Археологические исследования в Южном Приуралье (1887–1888 год) и в Прикамье (1893–1894 год) / МАВГР. Т. 3. М.: Типография Э. Лисснера и Ю. Романа,1899. 74 с.

Нечвалода А.И. Краниологическая характеристика материалов из некрополей степного Предуралья эпохи Золотой Орды // УАВ. 2019. Вып. 19. С. 105–121.

Нигамаев А.З. Раскопки Кирменского городища в 1995 – 1996 гг. // Биляр и Волжская Булгария: изучение и охрана археологических памятников. Тезисы научной конференции / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Фест,, 1997. С. 67–70.

Нигамаев А.З. Болгарские города Предкамья: Алабуга, Кирьмень, Чаллы. Своеобразие материальной культуры населения. Казань: КГУ, 2005. 228 с.

Низов В.В. Биармия и вятская чудь // Шведы и Русский Север: историко-культурные связи: Материалы междунар. науч. симп.: (К 210-летию А.Л. Витберга) / Отв. ред. В.В. Низов. Киров: Киров. гос. объед. ист.-архитектур. и лит. музей, 1997. С. 160–190.

Низов В.В. День рождения города Кирова // Вятская земля в пространстве исторической памяти: (к 110-летию открытия ВУАК) : материалы Всероссийской научно-практической конференции, Киров, 11 ноября 2014 г. / Науч. ред. М. С. Судовиков. Киров: Герценка, 2014. С. 4–9.

Никитин А.В. Городище в г. Устюжне // Славяно-русские древности / КСИА. Вып. 110. М.: Наука, 1967. С. 114–118.

Никитин А.В. Русское кузнечное ремесло XVI–XVII вв. // САИ. Вып. Е1-34. М.: Наука, 1971. 84 с.

Никитин В.В. Юльяльский могильник XIV – начала

XV веков // Средневековые древности Волго-Камья / АЭМК. Вып. 21 / Научн. ред. Г.А. Архипов, В.В. Никитин. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1992. С. 156–164.

Никитина Т.Б. Юльяльское селище (к вопросу о марийско-русских связях в эпоху средневековья) // Межэтнические связи населения Марийского края / АЭМК. Вып. 20 / Отв. ред. Г.А. Сепеев. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1991. С. 22–35.

Никитина Т.Б. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). Йошкар-Ола: МарНИИ, 2002. 430 с.

Никитина Т.Б. Оборонительная система Важнагерского (Мало-Сундырского городища по результатам раскопок 2004 года // Древность и средневековье Волго-Камья. Материалы Третьих Халиковских чтений / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Институт истории АН РТ, 2004. С. 142–145.

Никитина Т.Б. К вопросу о культурной принадлежности «славяноидной» керамики Марийско-Чувашского Поволжья // Finno-Ugrica. 2006. № 9. С. 114–130.

Никитина Т.Б., Михеева А.И. Оборонительные сооружения Важнангерского (Мало-Сундырского городища (предварительные наблюдения) // Взаимодействие культур в Среднем Поволжье в древности и средневековье / АЭМК. Вып. 27. / Отв. ред. Т.Б. Никитина, Б.С. Соловьев. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2004. С. 89–95.

Никитина Т.Б., Михеева А.И. Аламнер: миф и реальность. Важнангерское (Мало-Сундырское) городище и его округа. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2006. 196 с.

Никитина Т.Н. Реставрация и консервация одежд и обуви из монгольского погребения // Ежегодник Государственного исторического музея. 1960 год / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Советская Россия, 1962. С. 189–192.

Николаева Т.В. Древнерусская мелкая пластика из камня XI – XV вв. / САИ. Вып. Е l–60. М.: Наука, 1983. 161 с.

Николаенко Т.Д. Археологическая карта России. Нижегородская область. Часть 1. М.: ИА РАН, 2004. 388 с.

Николаенко Т.Д. Археологическая карта России. Нижегородская область. Часть 2. М.: ИА РАН, 2008. 464 с.

Николаенко Т.Д. Археологическая карта России. Нижегородская область. Часть 3. М.: ИА РАН, 2013. 405 с.

Николаенко Т.Д. Археологическая карта России. Нижегородская область. Часть 4. Дополнения к частям 1-3. М.: ИА РАН, 2015. 478 с.

Никольская Т.Н. Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. М.: Наука, 1981. 296 с.

Никольская Т.Н. Городище Слободка XII–XIII вв. К истории древнерусского градостроительства в Земле вятичей. М.: Наука, 1987. 187 с.

Никонов В.А. Отчет об исследованиях на буграх «Мечетный-I» и«Вакуровский-I» в Красноярском районе Астраханской области и на бугре «Долгий» вТрусовском районе г. Астрахани в 1990 г. Астрахань, 1991а // Архив ИА РАН. № 16978,16979.

Никонов В.А. Отчет об археологических исследованиях на грунтовом могильнике «Маячный бугор-I» в Красноярском районе Астраханской области в 1990 г. Астрахань, 1991 // Архив ИА РАН. № 16976, 16977.

Никонов В.А. Раскопки средневекового могильника в дельте Волги // Древности Волго-Донских степей. Вып. 1 / Отв. ред. В.И, Мамонтов. Волгоград: ВГПИ им. А.М. Серафимовича, Волгоградские областное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, 1990. С. 40–41.

Нильсен В.А. Монументальная архитектура Бухарского оазиса XI - XII вв. К вопросу о возникновении средневековой архитектуры в Средней Азии. Ташкент: АН Уз.ССР, 1956. 157 с.

Нисифоров А.Н. Новые находки монет Биляра XIII в. // Нумизматика Золотой Орды. № 5 / Гл. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2015. С. 134–135.

Нисифоров А.Н. О новых находках монет XIII века из Алькеевского района Татарстана // Нумизматика Золотой Орды. 2016. № 6. С. 38–45.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Отв. ред. А. Н. Насонов. М.; Л.: АН СССР, 1950. 640 с.

Носкова Л.М. Мозаики и майолики из средневековых городов Поволжья // Средневековые памятники Поволжья / Отв. ред. А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1976. С. 7–37.

Носкова Л.М. Строительная керамика из Болгара // Город Болгар. Монументальное строительство, архитектура, благоустройство / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 2001. С. 295–310.

Носкова Л.М. Средневековые погребения могильника на р. Пшиш в Адыгее. По раскопкам 1986 и 1988 гг. // Материальная культура Востока. Вып. 4 / Ред. Л.М. Носкова. М.: Государственный музей Востока (ГМИНВ), 2005. С. 186–202.

Носкова Л.М. Средневековый могильник в поселке Кабардинка близ Геленджика (по материалам раскопок 1990 г.) // Материальная культура Востока. Вып. 5 / Ред. Л.М. Носкова М.: Государственный музей Востока, 2010. С. 167–200.

Носов Е.Н., Плохов А.В. Исследования центральной части Городища в 1984–1989 гг. // Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья (новые материалы и исследования). СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 33–66.

Носов Е.Н., Хвощинская Н.В., Медведева М.В. Новгородская Русь: Рождение державы. Свидетельства из глубины столетий. СПб.: Лик, 2012. 224 с.

Нунан Т.С. Торговля Волжской Булгарии с саманидской Средней Азией в X в. // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы / Ред.

А.Н. Кирпичников, В. Н. Седых. СПб.: СПбГУ, 2004. С. 256–313.

Нуретдинова А.Р. Типология сфероконических сосудов Волжской Булгарии // Урало-Поволжье в древности и средневековье. Материалы Международной научной конференции V Халиковские чтения «Урало-Поволжье в древности и средневековье», посвященной 80-летию со дня рождения А.Х. Халикова (27–30 мая 2009 г., Казань) / Археология евразийских степей. Вып. 11 / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Фолиант, 2011. С. 150–160.

ОАК за 1892 год. СПб., 1894.

Оборин В.А. Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVII в. Иркутск: Иркутский ун-тет, 1990. 166 с.

Оборин В.А. Коми-пермяки // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. С. 255–298 .

Образование Золотой Орды. Улус Джучи Великой Монгольской империи, (1207–1266). Источники по истории Золотой Орды: от выделения удела Джучи до начала правления первого суверенного хана / авт.-сост. М.С. Гатин, Л.Ф. Абзалов, А.Г. Юрченко. Казань: Татарское кн. изд-во, 2008. 479 с.

Обухов Ю.Д., Бочаров С.Г. Новая находка костяной накладки с изображением дракона на Маджарском городище // Поволжская археология. 2018. № 2 (24). С. 125–133.

Овсянников О.В. Русский Север: культуры и традиции северной тайги и тундры в позднем железном веке // Шведы и Русский Север: историко-культурные связи: (К 210-летию А.Л. Витберга). Материалы Межд. науч. симпозиума / Отв. ред. В. В. Низов. Киров: Киров. гос. объед. ист.-архитектур. и лит. музей, 1997. С. 23–39.

Олеарий А. Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах. М.: А.С. Суворин, 1906. 566 с.

Олейников О.М., Руденко К.А. Находки медных ковшей XII века в Великом Новгороде (к вопросу об источниках и составе сырья на новгородском рынке цветных металлов) // КСИА. 2017а. Вып. 247. С. 326–341.

Олейников О. М., Руденко К.А. Медный кумган XIII в. из Великого Новгорода // РА. 2013. № 2. С. 144–148.

Олейников О.М., Руденко К.А. Медная кружка XIII в. из Новгорода // РА. 2017. № 2 С. 168–171.

Олейников О. М., Руденко К.А. Металлическое зеркало китайского типа из Великого Новгорода // РА. 2018. № 3. С. 141–152 DOI: https://doi.org/10.31857/S086960630001655-9

ОПИ ГИМ. Ф. 104. Оп. 2. Д. 44. Л. 1–17, 64.

Орешников А.В. Русские монеты до 1547 года. М.: Товарищество типографии И.А. Мамонтова, 1896. 272 с.

Оруджов Э.И. Отчет об археологических разведках в буферной зоне и на прилегающих территориях Болгарского историко-археологического комплекса в Спасском, Тетюшском и Камско-Устьинском районах Республики Татарстан в 2020 г. (в VI томах). Том I (Текст). Казань, 2022. 248 с. // НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф.4. Оп.1. Д. 476.

Оруджов Э.И. Отчет об археологических разведках в буферной зоне и на прилегающих территориях Болгарского историко-археологического комплекса в Спасском, Тетюшском и Камско-Устьинском районах Республики Татарстан в 2020 г. (в VI томах). Том II (Текст, иллюстрации). Казань, 2022. 239 с. // НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф.4. Оп.1. Д. 477.

Оруджов Э.И. Отчет об археологических разведках в буферной зоне и на прилегающих территориях Болгарского историко-археологического комплекса в Спасском, Тетюшском и Камско-Устьинском районах Республики Татарстан в 2020 г. (в VI томах). Том III (Иллюстрации). Казань, 2022. 179 с. // НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф. 4. Оп.1. Д. 478.

Оруджов Э.И. Отчет об археологических разведках в буферной зоне и на прилегающих территориях Болгарского историко-археологического комплекса в Спасском, Тетюшском и Камско-Устьинском районах Республики Татарстан в 2020 г. (в VI томах). Том VI (Иллюстрации, приложения). Казань, 2022. 243 с. // НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 481.

Оруджов Э.И. Отчет об археологических разведках в буферной зоне и на прилегающих территориях Болгарского историко-археологического комплекса в Спасском, Тетюшском и Камско-Устьинском районах Республики Татарстан в 2020 г. (в VI томах). Том V (Иллюстрации). Казань, 2022. 235 с. // НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф.4. Оп. 1. Д. 480.

Оруджов Э.И. Отчет об археологических разведках в буферной зоне и на прилегающих территориях Болгарского историко-археологического комплекса в Спасском, Тетюшском и Камско-Устьинском районах Республики Татарстан в 2020 г. (в VI томах). Том IV (Иллюстрации). Казань, 2022. 229 с. // НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 479.

Орфинская О.В. Проблемы реконструкции одежды на основе результатов исследования археологического текстиля // Поволжская археология. 2015. № 3 (13). С. 17–30.

Орфинская О.В., Голиков В.П., Лантратова О.Б., Рудаков В.Г. Текстиль из Захоронения Золотоордынского Периода на Могильнике Маячный Бугор-1 // Город и степь в контактной евро-азиатской зоне. Материалы III международной конференции, посвящённой 75-летию со дня рождения профессора Г.А. Федорова-Давыдова (1931-2000) / Труды ГИМ. Вып. 184 / Отв. ред. В.Г. Рудаков. М.: ГИМ, 2013. С. 151–162.

Орфинская О.В., Голиков В.П., Сташенков Д.А. Шелковая ткань XII–XIV вв. из фондов СОИКМ им. П.В.Алабина // Самарский край в истории России: мат-лы юбилейной науч. конф. Самара, 2001. С. 207–213.

Орфинская О.В., Лантратова О.Б. Женский костюм золотоордынского времени из погребения №93 могильника Маячный бугор I (Астраханская обл.) // Проблемы атрибуции памятников декоративно-прикладного искусства (Материалы I научно-практической конференции 13–16 октября 2009 г. Часть I). Посвящается памяти Т.С. Алешиной / сост. О.Б. Лантратова, Е.Г. Перова, Н.В. Углева. М.: ГИМ, 2011. С. 20–40.

Осипов Д.О. Обувь Московской земли XII–XVIII вв. / Материалы охранных археологических исследований. Т. 7. М.: ИА РАН, 2006. 202 с.

Останина Т.И. Исследования Удмуртского республиканского краеведческого музея в Нижнем и Среднем Прикамье // Археологические открытия Урала и Поволжья / Отв. ред. Л.А. Наговицын. Ижевск: УдмИИЯЛ, 1991.С. 66–67.

Отчет Императорской Археологической комиссии за 1900 год. СПб., 1902. С. 113-114.

Отчёт ИАК за 1907 г. СПб., 1910.

Отчет Императорской Археологической комиссии за 1896 год. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1898. 198 с.

Отчет о деятельности СУАК в 1890/91 году // Труды СУАК. 1893. Т. IV. Вып. 1. С. 148–162.

Отчет об археологических раскопках князя Андрея Александровича Ширинского-Шихматова // Труды СУАК. 1915. Вып. 32. 46 с.

Охонько Н.А. Могильник монгольского времени у г. Новопавловска Ставропольского края // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. 2010. № 1. С. 88–96.

Очеретин И.А., Средневековая крепость Курмыш (по итогам исследований 1991 года) // Уваровские чтения-II (Муром, 21–23 апреля 1993) / Отв. ред. Т. Б. Купряшина. Муром: ИВФ Антал, 1994. С. 198–202.

Очерки по истории Коми АССР. Т. I / Ред. К. В. Сивков и др. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1955. 352 с.

Павленко Ю.А. К вопросу о распространении суфизма в Нижнем Поволжье // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий: Материалы всероссийской научно-практической конференции / Ред. Е.В.Шнайдштейн, Т.Ю. Гречкина, Д.В. Кутуков. Астрахань: АГПУ, 2001. С. 74–77.

Пакалина Л.Ю. К вопросу о христианстве в Золотой Орде // XXV Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция : тезисы докладов / Отв. ред. А.А. Семашкин. Самара: СамГПУ, 1994. С. 50–52.

Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. I. СПб.: Импер. Акад. наук, 1773. 786 с.

Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч.3, половина 2. СПб.: Импер. Акад. наук, 1788. 481 с.

Паллас П.С. Заметки о путешествии в южные наместничества Российской империи в 1793 и 1794 годах. Том первый (избранное). Астрахань: Волга, 2008. 303 с.

Пальцев Е.А. Отчет об археологических разведках в Камызякском районе Астраханской области в 2006 г. // Архив АГОИАМЗ.

Пальцева Д.У. Костяные изделия городов Волжской Булгарии и Болгарского улуса Золотой Орды X–XIV вв. Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2020. 194 с.

Панова Т.Д. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI-XVI веков. М.: Радуница, 2004. 195 с.

Пантелеев С.А., Юрьев А.Д. Отчет об археологических исследованиях на территории Икрянинского района Астраханской области в 1995 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №21657.

Пастушенко И.Ю. Кишертский могильник в бассейне р. Сылвы // Finno-Ugrika. 2005–2006. № 9. С. 40–71.

Пацевич Г.И. Раскопки развалин древнего города Сарайчика (по материалам ЗКАЭ 1950 г.), 1950. // Архив Института археологии имени А.Х. Маргулана.

Пацевич Г.И. Печь для обжига кирпича в древнем городе Сарайчике // КСИИМК. Вып. 69 / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.: АН СССР, 1957. С. 111–114.

Пачкалов А.В. О местоположении Сарая (первой столицы Золотой Орды) // Археологія та Єтнологія Східної Європи. Т. 3.: матеріали і дослідження. (Міжнародний конгрес. Крок молоді у XXI століття. 24–27 квітня 2002 р.).Одесса : Друк, 2002. С. 177.

Пачкалов А.В. Новые клады монет Золотой Орды.// Древности Поволжья и других регионов. Выпуск 4. Нумизматический сборник. Т. 3. / Гл. ред. П.Н. Петров. М.: Информэлектро: Информэлектро, 2002. С. 178–210.

Пачкалов А.В. Монетные дворы Золотой Орды и их локализация // Archivum Eurasiae Medii Aevi. Vol. XIII. Wiesbaden, 2004. С. 42–134.

Пачкалов А.В. Новые находки кладов золотоордынских монет // Древности Поволжья и других регионов. Вып. V. Нумизматический сборник. Том 4. / Гл. ред. П.Н. Петров. М.: Нумизматическая Литература, 2004. С. 158–171.

Пачкалов А.В. Монетное обращение на территории Волжско-Камской Болгарии в XIII-XV вв. (в пределах современной Республики Татарстан). Дисс. … канд. истор. наук. М., 2005. 288 с.

Пачкалов А.В. Новые находки восточных монет на территории древнерусских княжеств // Русь и Восток в IX-XVI веках. Новые археологические исследования. Отв. ред. Н.А. Макаров, В.Ю. Коваль. М.: Наука, 2010. С. 111.

Пачкалов А.В. Город XIV в. на Самарской Луке по данным нумизматики // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6. № 4. С. 707–718.

Первушкин В.И. Чернозерский могильник (по материалам раскопок Н.И. Спрыгиной в 1928 г.) // Новые страницы истории Отечества. Пенза, 1992. С. 13–18.

Перевощиков С.Е. Железообрабатывающее производство населения Камско-Вятского междуречья в эпоху

средневековья (технологический аспект) / МИКВАЭ. Т. 2. Ижевск: Ижевский полиграфический комбинат, 2002. 175 с.

Пескова А.А., Корзухина Г.В. Древнерусские энколпионы: нагрудные кресты-реликварии XI–XIII вв. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 432 с.

Петербургский И.М., Аксенова Т.В., Гришаков В.В., Первушкин В.И. Стародевиченский могильник // Средневековые памятники Окско-Сурского междуречья / Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 99. Саранск: Морд. книжное издательство, 1990. С. 64–99.

Петербургский И.М., Первушкин В.И. Стародевиченский могильник (раскопки 1989-1990) // Археологические исследования в Окско-Сурском междуречье. Саранск, 1992. С. 69–104.

Петренко А.Г., Асылгараева Г.Ш. Особенности остеологических комплексов из раскопок Казанского Кремля // Проблемы хронологии волжских болгар. Тезисы науч. конф. Казань: ИИ АН РТ, 1998. С. 18–19.

Петренко А.Г, Асылгараева Г.Ш. Археозоологические материалы из раскопок Казанского кремля. Казань: Институт истории им. Ш. Марждани АН РТ, 2003. 320 с.

Петренко А.Г., Асылгараева Г.Ш., Набиуллин Н.Г. Хозяйственная деятельность населения города Джукетау по данным археозоологических материалов // Филология и культура. 2012. № 2 (28). С. 274–281.

Петров П.Н. Деньги и денежная политика Джучидов в XIII – XV вв. // Золотая Орда в мировой истории. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2016. С. 616–633.

Петров П.Н. Клады джучидских монет на территории Нижегородской области // Археология Евразийских степей. 2017. № 1. С. 275–282.

Петров П.Н., Бугарчев А.И. Анализ нумизматических находок джучидских монет с территории Самарской Луки из коллекции Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина // Среднее Поволжье в контексте средневековой российской истории: на перекрестке культур (конец XIII–XIV в.) / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Офорт, 2012. С. 153–159.

Петров П.Н., Бугарчев А.И. Особенности денежного обращения в Булгарском вилайате в последней трети XIII – первой трети XIV вв. // Вестник КГУКИ. 2012. № 3. Ч. 1. С. 117–123.

Петров П.Н., Кубанкин Д.А. Раскопки на Увекском городище в 2013 г. Нумизматический аспект // Нумизматика Золотой Орды. № 5 / Гл. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2015. С. 61–66, 151–152.

Петров П.Н., Кубанкин Д.А. Нумизматический материал из раскопов VII и VIII на Увекском городище за сезоны 2015-2017 гг. // Археология Евразийских степей. 2018. № 5. С. 54–59.

Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 383 с.

Петрушина М.Н., Замятина Н.Ю., Очир-Горяева М.А., Цюрюмов А.В., Прокинова А.Н., Бадмаев А.В., Стратанович Г.Г., Трошин И.И./2008/. Петрушина М.Н., Замятина Н.Ю., Михайлов М.М., Очир-Горяева М.А., Цюрюмов А.В., Прокинова А.Н., Селевёрстов В.В., Бадмаев А.В., Стратанович Г.Г., Трошин И.И. /2018/. Актуализация: редакция БРЭ /2020/. КАЛМЫКИЯ // БРЭ. Электронная версия (2020); https://old.bigenc.ru/geography/text/5652333 Дата обращения: 11.12.2022; 05.03.2023

Пигарев Е.М. Дигири из фондов Астраханского музея-заповедника // Древности Волго-Донских степей. Вып. 6 / Науч. ред. В.И. Мамонтов. Волгоград: ВолГУ, 1998. С. 192–195.

Пигарев Е.М. Монеты в погребениях Золотой Орды // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 1 / Под ред. А.В. Евглевского. Донецк: ДонНУ, 2000. С. 283–301.

Пигарев Е.М. Отчет об археологических разведках в Харабалинском районе Астраханской области в 2002 году. Астрахань, 2003 // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 27637.

Пигарев Е.М. Отчет об археологических раскопках на территории села Селитренное Харабалинского района Астраханской области в 2003 году // Архив ИА РАН. Ф. 1 Р. 1. № 24265.

Пигарев Е.М. Отчет об археологических раскопках на территории села Селитренное Харабалинского района Астраханской области в 2004 году по договору с ОАО ЮТК «Астраханьсвязьинформ» (исследование трассы для реконструкции СТС). Т. 1. // Архив АГОИАМЗ.

Пигарев Е.М. Отчет об археологических раскопках на территории села Селитренное Харабалинского района Астраханской области в 2004 году (раскоп № XXX). Т. 3. // Архив АГОИАМЗ

Пигарев Е.М. Отчет об археологических исследованиях на бугре Хуторской у с. Семибугры Камызякского района Астраханской области в 2004 г. // Архив АГОИАМЗ.

Пигарев Е.М. Отчет об археологических раскопках на территории села Селитренное Харабалинского района Астраханской области в 2004 году (раскоп № XXXIII). Т. 2. // Архив АГОИАМЗ.

Пигарев Е.М. Отчет об археологических раскопках на Селитренном городище Харабалинского района Астраханской области в 2005 году // Архив АГОИАМЗ.

Пигарев Е.М. Гончарное производство золотоордынского города Сарай (Селитренное городище). Автореф. дисс. … канд. истор. наук. Казань, 2008. 22 с.

Пигарев Е.М. Погребения в склепах гурхана Селитренного городища (по материалам раскопок 2004-2005 гг.) // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II / Отв. ред. А.П. Деревян-

ко, Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2008. С. 503–505.

Пигарев Е.М. Нижнее Поволжье на постордынском пространстве (постановка проблемы) // Форум «Идель-Алтай». Материалы научно-практической конференции «Идель – Алтай: истоки евразийской цивилизации», I Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей. (Казань, 7-11 декабря 2009 г.). Тезисы докладов. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 202–207.

Пигарев Е.М. Золотоордынский город и его округа на Нижней Волге // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия. Материалы III Международной Нижневолжской археологической конференции (Астрахань, 18–21 октября 2010 г.) / Ред. Д.В. Васильев. Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2010. С. 346–351.

Пигарев Е.М. Археологическое исследование Каменного бугра в 2014 году // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. №2. С. 14–18.

Пигарев Е.М. Памятники золотоордынской эпохи на территории Астраханской области // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 1. / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Кишинев: Stratum Plus, 2015. С.181–196.

Пигарев Е.М. Гончарное производство золотоордынского города Сарай (Селитренное городище) / Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 7. Йошкар-Ола: МарГУ, 2015а, 208 с.

Пигарев Е.М. Золотоордынские монеты из сборов археологической экспедиции на Селитренном городище в 2010-2011 гг (к общей статистике находок) // Астраханские краеведческие чтения. Вып. VII / Ред. А.А. Курапов, Е.И.Герасимиди, Р.А. Таркова. Астрахань: Сорокин Роман Васильевич, 2015б. С. 94–101.

Пигарев Е.М. Красноярский комплекс: городище и могильники (история, этапы развития, название) // НИИГН при Правительстве Республики Мордовия. 2016. № 2 (38). С. 88–99.

Пигарев Е.М. Красноярское городище и его округа // Поволжская археология. 2016. № 2 (16). С. 164–180.

Пигарев Е.М. Поливная керамика Красноярского городища // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X-XVIII вв. / Отв ред. С.Г. Бочаров, В. Франсуа, А.Г. Ситдиков. Т. 2. Казань, Кишинёв: Stratum plus, 2017. С. 713–716.

Пигарев Е.М. Формирование городских центров ханского домена Улуса Джучи (городище Мошаик) // Археология Евразийских степей. 2017. № 1 .С. 283–290.

Пигарев Е.М. К вопросу о существовании поселка Сартака (причины отсутствия памятников Золотой Орды на правобережье Волги в Астраханской области // Вопросы интеграции археологических и исторических исследований Материалы Всероссийской (с международным участием) археологической конференции (Астрахань, 29 сентября – 01 октября 2017 г.) / Отв. ред. Д.В. ВасильевАстрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2017а. С. 44–49.

Пигарев Е.М. Отчет об археологических исследованиях на Селитренном городище Харабалинского района Астраханской области в 2017 году (стеклоделательная мастерская, раскоп №III). Йошкар-Ола, 2018 // Архив ИА РАН.

Пигарев Е.М. Городище «Шареный бугор» (город Хаджи-Тархан) и его округа // Поволжская археология. 2018. №3. С. 134–149.

Пигарев Е.М. Селитренное городище: история исследований / Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 11. Йошкар-Ола: МарГУ, 2019. 244 с.

Пигарев Е.М. Результаты геофизических исследований ханских мавзолеев у села Лапас Астраханской области // Улус Джучи и Сарайшык – у истоков казахской государственности. Материалы Международной научно-практической конференции (10 октября, 2019 г.) / Отв. ред. А.К. Муктар, О. Канай. Алматы, 2019а. С. 212–219.

Пименов В.В. Урало-Поволжская историко-этнографическая область (к проблеме изучения) // Проблемы типологии в этнографии / Отв.ред. Ю.В. Бромлей.М.: Наука, 1979. С. 39–48.

Пиперидн К.Л. Средневековые клады Старого Крыма и его округи // Труды МНК. М.:, 2008. С. 70-72.

Питинов В.Д. Ещё один джучидский клад из Татарстана // Труды МНК. М.: Нумизматическая литература, 2004. С. 34.

Плано Карпини. История могалов // Джованни дель Плано Карпини. История монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Книга Марка Поло / Вступ. ст., коммент. М.Б. Горнунга. М.: Мысль, 1997. С. 29–85.

Плахов В.В. Отчет по предварительным работам на мавзолее у пос. Комсомольский Красноярского района Астраханской области в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11614.

Плахов В.В. Отчет о раскопках мавзолея XIV в. и могильника у пос. Комсомольский Красноярского р-на Астраханской области в 1987 году // Архив ИА РАН. Р-1, № 12519, 12519а.

Плахов В.В. Отчет о раскопках мавзолея XIV в. и могильника у пос. Комсомольский Красноярского р-на Астраханской области в 1987 году // Архив ИА РАН. Р-1. №/№ 12519-12519а.

Плахов В.В. Отчет о раскопках могильника у пос. Комсомольский Красноярского района Астраханской области в 1988 году // Архив ИА РАН. Р-1. №/№ 14329-14330.

Плахов В.В. Отчет о раскопках культового комплекса XIII века у пос. Комсомольский Красноярского района Астраханской области в 1989 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 14194.

Плахов В.В. Отчет о раскопках участка городища XIII-XV веков, расположенного у поселка Комсомольский Красноярского района Астраханской области в 1990 г. Части I-II. // Архив ИА РАН. Р-1. №/№

15762-15763.

Плахов В.В. Отчет о раскопках участка городища XIII-XV веков, расположенного у поселка Комсомольский Красноярского района Астраханской области в 1991 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 16333.

Плахов В.В. Отчет о раскопках участка городища XIII-XIV веков, расположенного на территории пос. Комсомольский Красноярского района Астраханской области и доследовании могильника на территории городища XIV века Хаджи-Тархан (Старая Астрахань) в 1993 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 17885.

Плахов В.В. Отчет о раскопках участков городища XIII-XIV веков на территории поселка Комсомольский Красноярского района Астраханской области в 1994 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №/№ 18688-18689.

Плахов В.В. Работы в поселке Комсомольский Астраханской области // АО – 1994 / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Фонд археологии, 1995. С. 233–234.

Плахов В.В. Предварительные результаты исследования остатков административного здания конца XIV в. у пос. Комсомольский в Астраханской области // Средневековая археология евразийских степей. Материалы учредительного съезда Международного конгресса. Казань, 14–16 февраля 2007 г. Т.II / Археология евразийских степей. Вып. 2 / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин, А.Г. Ситдиков Казань: Институт истории АН РТ, 2007. С. 132–136.

Плахов В.В. Дворцовые здания конца XIV в. у пос. Комсомольский в Астраханской области // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 6. Золотоордынское время / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2008. С. 125–140.

Плахов В. Хаджи-Тархан и его округа в XIII–XVI вв. // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV вв. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. С. 225–230.

Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА. № 62 / Отв. ред. М.И. Артамонов. М.-Л.: АН СССР, 1958. С. 151–226 с.

Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния / САИ. Вып. Е4-2. М.: Наука, 1974. 200 с.

Плетнева С.А. Половцы. М.: Наука, 1990. 208 с.

Плохов А.В. Средневековая стеклянная посуда Новгородского (Рюрикова) городища // У истоков русской государственности: Историко-археологический сборник: Материалы международной научной конференции (4–7 октября 2005 г.) / Отв. ред. Е.Н. Носов. и др.. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 166–175.

Поварнин Г.Г. Очерки мелкого кожевенного производства в России. СПб.: ип. В.Ф. Киршбаума, 1912. 329 с.

Поволжье // БРЭ. Т. 26 / Ред. Ю. С. Осипов и др. М.: БРЭ, 2014, с. 502.

Подосенова Ю.А. Височные украшения населения Пермского Предуралья в эпоху средневековья. Дисс. … канд. истор. наук. Казань: ИА РТ, 2009. 272 с.

Позднеев А.М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. Элиста: Калмыц. кн. изд-во, 1993. 512 с.

Покровский С.И., Худяков М.Г., Крелленберг Б.Е. Отчет о раскопках в Болгарах в июле 1914 г. // ИОАИЭ. Казань, 1915. Т. XXIX. Вып. 5/6. С. 197–230.

Полесских М.Р. Археологические памятники Пензенской области. Путеводитель. Саратов: Приволж. кн. изд-во. Пенз. отд-ние, 1970. 158 с.

Полесских М.Р. Исследование памятников типа Золотаревского городища // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья / Археология и этнография Татарии. Вып. 1 / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ АН СССР, 1971. С. 202–216.

Полесских М.Р. Древнее население Верхнего Посурья и Примокшанья. Пенза: Приволж. кн. изд-во. Пенз. отд-ние, 1977. 88 с.

Поливанов В.Н. Муранский могильник: Археол. очерк . Казань : Типо-лит. Ун-та, 1893. 14 с.

Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою Академией Наук, по предложению ее президента. Том третий. Записки Путешествия Академика Лепехин. СПб.: Императорская Академия Наук, 1821. 554 с.

Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою Академией Наук, по предложению ее президента. Т.6: Записки путешествия академика И.П. Фалька. СПб.: Императорская Академия Наук, 1824. 560 с.

Поло М. Книга / Пер. старо-фр. текста И.П. Минаева; Ред. и вступ. статья И.П. Магидовича. М.: Географгиз, 1955. 376 с.

Полубояринова М.Д. Стеклянная посуда древнего Турова // СА. 1963. № 4. С. 233–238.

Полубояринова М.Д. Русская керамика с Водянского городища // Средневековые древности Восточной Европы / КСИА. Вып. 129 / Отв. ред.И.Т. Кругликова. М.: Наук, 1972. С. 90–95.

Полубояринова М.Д. Русские вещи на территории Золотой Орды // СА. 1972. № 3. С. 164–187.

Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде. М.: Наука, 1978. 132 с.

Полубояринова М.Д. Костяные детали снаряжения средневекового всадника и лучника из Болгара // СА. 1986. № 2. С. 254–260.

Полубояринова М.Д. Стеклянные изделия Болгарского городища // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 151–219.

Полубояринова М.Д. Русь и Волжская Болгария в X–XV вв. М.: Наука, 1993. 128 с.

Полубояринова М.Д. Стеклянные лампы из Болгара // Новое в средневековой археологии Евразии / Отв. ред. В.Б. Ковалевская. Самара: Артефакт, 1993. С. 178–183.

Полубояринова М.Д. Город Болгар в XIII веке // Русь в XIII веке. Древности темного времени / Отв. ред. Н.А. Макаров, А.В. Чернецов. М.: Наука, 2003. С. 103–107.

Полубояринова М.Д. Стеклодельная мастерская XIV в. в городе Болгаре // РА. 2006. № 4. С. 152–158.

Полубояринова М.Д. Торговля Болгара // Город Болгар: культура, искусство, торговля /Отв. ред. П.Н. Старостин. М.: Наука, 2008. С. 27–107.

Полубояринова М.Д. Жилища Болгара // Город Болгар. Жилища и жилая застройка / Отв. ред. А.Г. Ситдиков. М.: Наука, 2016. С. 5–192.

Поляков С.П., Черемных А.И. Погребальные сооружения населения долины Заревшана // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии / Отв. ред. Г.П. Снесарев, В.Н. Басилов. М.: Наука, 1975. С. 261–280.

Полякова Г.Ф. К вопросу о систематизации зеркал Волжской Болгарии // Древности Волго-Камья / Ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: КФ АН СССР, 1977. С. 78–82.

Полякова Г.Ф. Бляхи-навершия головных уборов из Болгар // Проблемы археологии Евразии. К 100-летию со дня рождения А.Я. Брюсова. / Тр.ГИМ. Вып. 74. / Отв. ред. С.В. Студзицкая. М.: ГИМ, 1990. С. 138–141.

Полякова Г.Ф. Заготовка обкладки колчана из Болгар // СА. 1992. № 1. С. 243–244.

Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АНТ, 1996. С. 154–257.

Полякова Г.Ф. О датировке некоторых типов ювелирных изделий из Волжской Болгарии // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья / Труды ГИМ. Вып. 122 / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: ГИМ, 2000. С. 232–236.

Полякова Г.Ф. Археологическое исследование Соборной мечети // Город Болгар: Монументальное строительство, архитектура, благоустройство / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 2001. С. 150–175.

Пономарев А.Л. Деньги Золотой Орды и Трапезундской империи: Квантитативная нумизматика и процессы средневековой экономики. М.: Едиориал УРСС, 2002. 320 с.

Пономарев П.А. На развалинах города Укека близ Саратова (Из путевых заметок) // Древняя и Новая Россия. 1879. Т. I. С. 321–335.

Пономарев П.А. Данные о городах Камско-Волжской Булгарии. Ошель и его следы // ИОАИЭ. Т10, вып.3. Казань, 1892.

Пономарев П.А. Данные о городах Камско-Волжской Булгарии. Владения липовогорских князей // ИОАИЭ. Т. X. Вып. 5. Казань, 1892. С. 467–486.

Пономарев П.А. Данные о городах Камско-Волжской Булгарии: Булгарский город Кашан // ИОАИЭ. Т. XI. Вып. 2. Казань, 1893. С. 111–138.

Попов П.В. Отчет об археологических разведках в Приволжском и Наримановском районах Астраханской области в 2006 году. Астрахань, 2006 // Архив АГОИАМЗ.

Попов П.В. К вопросу о датировке городища Мошаик // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 9 / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 2008. С. 206–226.

Попов П.В. К вопросу о распространении буддизма в Золотой Орде по данным археологических источников // Вопросы истории и археологии средневековых кочевников и Золотой Орды / Отв. ред. и сост.: Д. В. Марыксин, Д. В. Васильев. Астрахань: Астраханский университет, 2011. С. 130–144.

Посуда Биляра / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1986. 147 с.

Потоцкий И. Путешествие графа Ивана Потоцкого в Астрахань и окрестные страны в 1797 году // Северный архив. 1828. Ч. 3.

Почекаев Р.Ю. Батый. Хан, который не был ханом. М.: АСТ: АСТ МОСКВА; СПб.: Евразия, 2006. 350 с.

Предуралье // БРЭ. Т. 27. / Ред. Ю. С. Осипов и др. М.: БРЭ, с. 420.

Преображенский Ю.В. Районирование Урало-Поволжья для целей пространственного планирования // Известия Саратовского университета. Серия «Науки о Земле». 2019. Т. 19. Вып. 2. С. 97–103.

Приселков М.Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста / Под ред. и с предисл. К.Н. Сербиной. М.; Л.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1950. 514 с.

Производство археологических раскопок. Саратовская губерния // ОАК за 1893 год. СПб., 1895. С. 26–29.

Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: ЛГУ, 1986. 364 с.

Протокол III-го общего собрания гг. членов ОАИЭ 4 сентября 1878 года // ИОАИЭ. Т. I. Казань, 1878. С. 42–56.

Протоколы ОАИЭ за 1880–1881 гг. // ИОАИЭ. Т. IV. Казань, 1885. С. 45, 46.

Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). ПСРЛ. Псковские и Софийские летописи. Спб., 1851. Т. V.

Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. VI. Софийская летопись. СПб.: Тип. Эдуарда Праца , 1853. 374 с.

Полное собрание русских летописей (ПСРЛ.) Т. VIII. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1859. 317 с.

Полное собрание русских летописей. (ПСРЛ). Т. XV. Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. СПб. : Издание Археографической коммис., 1863. 263 с.

Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 10. Патриаршая или Никоновская летопись. СПб.: тип. Ми-

нистерства внутренних дел, 1885. 244 с.
Полное собрание русских летописей (ПСРЛ) Т. XI. Летописный сборник, именуемый Патриаршею, или Никоновскою летописью. СПб., 1897.
Полное собрание русских летописей (ПСРЛ.) Т. XIX. История о Казанском царстве (Казанский летописец). СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1903. 546 с.
Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. XXI. Первая половина. Книга степенная царского родословия. Часть 1. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1908. 349 с.
Полное собрание русских летописей. (ПСРЛ). Т. XVIII. Симеоновская летопись. СПб.: Типография М.А. Александровского, 1913. 321 с.
Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. XX. Вторая половина. Львовская летопись. Ч. II. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1914. 274 с.
Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. XXIV. Летопись по типографскому списку. Петроград: 2-я Государственная типография, 1921. 272 с.
Полное собрание русских летописей. (ПСРЛ). Т. XV. Вып. 1. Рогожский летописец. Петроград, 1927.
Полное собрание русских летописей. (ПСРЛ). Т. I. Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1962. 578 с.
Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. XXVII. Никанорская летопись. М.; Л.: АН СССР, 1962. 413 с.
Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. XXVIII. Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись). М.; Л.: АН СССР, 1962. 413 с.
ПСРЛ. Т.I. Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. М, 1962. 580 с.
ПСРЛ. Т.П. Ипатьевская летопись. М., 1962. 938 с.
ПСРЛ. М., 1962. Т. VIII
ПСРЛ. Т. XV. Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. М., 1965.
Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 11–12. Патриаршая или Никоновская летопись. М.: Наука, 1965. 254 с.
Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. XIII. Патриаршая или Никоновская летопись. М., 1965.
Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 34. Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. М.: Наука, 1978. 306 с.
Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 1. Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1997. 496 с.
Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 15. Вып. 1. Рогожский летописец. Тверской сборник. М.: Языки русской культуры, 2000. 432 с.
Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. XXV. Московский летописный свод конца XV века. М.: Языки русской культуры, 2004. 488 с.
Пугаченкова Г.А. К проблеме возникновения шатровых мавзолеев Хорасана // Труды ЮТАКЭ. Вып. 1 / Ред. М.Е. Массон. Ашхабад: Туркмен. филиала АН СССР, 1949. С. 57–77.
Пугаченкова Г.А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладенияи феодализма / Труды ЮТАКЭ. Вып. 6. М.: АН СССР, 1958. 492 с.
Пугаченкова Г.А. Орнаментированный сосуд из Куня-Ургенча // Археология Средней Азии Т. V / Труды ТашГУ. Новая серия. №172 / Отв. ред. В. Е. Массон. Ташкент: САГУ, 1960. С. 197–200.
Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.) / Публ. и комент. О.Г. Большакова, А.Л. Монгайта. М.: Наука, 1971. 134 с.
Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Ред. Н.П. Шастина. М.: Географгиз, 1957. 272 с.
Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука. Алматы: Гылым, 1993. 248 с.
Пшеничнюк А.Х. Курганы средневековых кочевников на Южном Урале // Памятники кочевников Южного Урала / Отв. ред. В.А. Иванов. Уфа: БФАН СССР, 1984. С. 60–74.
Пьянков А.В., Раев Б.А. Металлические зеркала из коллекции Донского музея (Новочеркасск) // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 2 / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 2004. С. 202–225.
Рабинович М.Г. Русское жилище в XIII-XVII вв. // Древнее жилище народов Восточной Европы / Отв. ред. М.Г. Рабинович. М.: Наука, 1975. С. 156–244.
Равдина Т.В. О датировке вятичских курганов // СА. 1965. № 1. С. 122–129.
Радищев М., Орехов В., Щеглов С. Черемшанский могильник (раскопки 1913 г.) // Труды СУАК. 1914. Вып. 31. С. 149–155.
Райс. Т.Т. Сельджуки. Кочевники – завоеватели Малой Азии. М. : Центрполиграф, 2004. 129 с.
Ракушин А.И. Подкурганные кирпичные сооружения золотоордынского времени в Нижнем Поволжье (предварительные выводы) // Археологические вести. Вып. 1. Саратов: СГУ, 1993. С. 170–175.
Рамишвили Р.М. Грузия в эпоху раннего средневековья (IV-VIII вв.) // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV-XIII века / Археология / Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М.: Наука, 2003. С. 270–296.
Раппопорт П.А. Очерки по истории русского военного зодчества (X–XIII вв). Т. V / МИА. № 52. М.; Л.: АН СССР, 1956. 184 с.
Раппопорт П.А. Очерки по истории военного зодчества Северо-восточной и Северо-западной Руси X–XVвв. / МИА. № 105. М.-Л.: АН СССР, 1961. 242 с.
Раскопки археологической экспедиции Коми края 1925 г. (М.Е. Арсакова, Е.М. Витвицкая, А.В. Дмитриевская, Е.Н. Липерова, В.П. Левашова, П.А. Дмитриев, А.П. Смирнов Коми края) // ЗОИКК. Вып. I. Усть-Сысольск, 1928. С. 5–28.

Раскопки в Саратовской губернии // ОАК за 1891 год. СПб., 1893. С. 99–100.

Рахим А. Татарские эпиграфические памятники XVI века // Труды О-ва изучения Татарстана. Т. 2. Казань: Татполиграф,1930. С. 145–172.

Рашид ад-дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1 / Отв. ред С. П. Толстов. М.; Л.: АН СССР, 1952. 214 с.

Рашид ад-дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2 / Отв. ред А. А. Семенов. М.; Л.: АН СССР, 1952. 320 с.

Рашид ад-дин. Сборник летописей. Т. 2. / Отв. ред. И. А. Орбели. М.; Л.: АН СССР, 1960. 248 с.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. III. М., 2002. 340 с.

Рева Р.Ю. Монеты хана Дервиша // Труды Международных нумизматических конференций. Монеты и денежной обращение в монгольских государствах XIII-XV веков. М.: Нумизматическая литература, 2005. С. 159-164.

Рева Р.Ю. Улус Джучи в 686-690 гг.х. // Шестнадцатая ВНК. Тез. док. и сообщ. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2011. С. 65–67.

Рева Р.Ю. Мухаммад-Барак и его время // Нумизматика Золотой Орды. 2015. № 5. С. 80–104.

Рева Р.Ю. Борьба за власть в первой половине XV в. // Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 704-729.

Рева Р.Ю. Монеты «Учкенда». О ранней чеканке Улуса Джучи // Двадцать первая Всероссийская нумизматическая конференция. Тверь 24-29 мая 2021 г. Тезисы докладов и сообщений. Тверь, 2021. С. 62-66.

Рева Р.Ю., Тростьянский О.В. Балымерский клад джучидских монет XIII в. // Нумизматика Золотой Орды. Вып. 3 / Гл. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2013. С. 8–15.

Рогудеев В.В. Об одном типе костяных орудий кожевенного производства // ДА. 1998. № 1. С. 60–63.

Родина М.Е. Международные связи Северо-Восточной Руси в X – XIV вв. (по материалам Ростова, Суздаля, Владимира и их округи). Владимир: Аркаим, 2004. 208 с.

Розанова Л.С. К вопросу о технологических приёмах изготовления железных изделий из Старой Ладоги в докняжеский период // Новгородские археологические чтения. Материалы науч. конф. посвящ. 90-летию со ддня рождения основателя Новгородской археологической экспедиции А.В. Арциховского (Новгород, 28 сентября - 2 октября 1992 г.). Новгород, 1994. С. 175–179.

Розенфельдт Р.Л. Янтарь на Руси (X–ХШ вв.) // Проблемы советской археологии / Ред. В.В. Кропоткин, Г.Н. Матюшин, Б.Г. Петерс. М.: Наука, 1978. С. 197–208.

Романов В.А. Почвы // Природа Горьковской области / Науч. ред. Н.В. Кузнецов. Горький: Волго-Вятское книжное изд-во, 1974. С. 76–105.

Россия. Большой лингвострановедческий словарь/ Под общ. ред. Ю.Е. Прохорова. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007. 736 с.

Ртвеладзе Э.В. Новые данные о монетном чекане г. Маджар // Материалы к нумизматическому каталогу ГИМ. Ч. 4, в. 3. М., 1971. С. 77-85.

Рубрук, Гильом де. Путешествие в Восточные страны Вильгельма де Рубрук в лето Благости 1253. // Джиованни дель Плано Карпини. История Монгалов; Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны / Под. ред. Н.Р. Шастиной. М.: Государственное издательство географической литературы, 1957. С. 85–194.

Рудаков В.Г. Вопрос о существовании двух Сараев и проблема локализации Гюлистана // Ученые записки Татарского государственного гуманитарного института. Вып. 7 / Отв. ред. Ф.С. Хакимзянов. Казань: ТГГУ, 1999. С. 92–120

Рудаков В.Г. К вопросу о двух столицах в Золотой Орде и местоположении города Гюлистана // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья / Труды ГИМ. Вып. 122 / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: ТГИМ, 2000. С. 305–323.

Рудаков В.Г. История изучения Селитренного городища // РА. 2000а. № 2. С. 180–191.

Рудаков В.Г. О границах Селитренного городища (по итогам археологических разведок 2002 и 2003 гг.) // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. (I Международная Нижневолжская археологическая конференция (1–5 ноября 2004 г.). Тезисы докладов). Волгоград: ВолГУ, 2004. С. 289–295.

Рудаков В.Г. Селитренное городище: хронология и топография. Автореф. дисс… канд. ист. наук. М., 2007. 25 с.

Рудаков В.Г., Гончаров Е.Ю. Некрополи Селитренного городища и его округи (предварительные итоги исследований) // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. (I Международная Нижневолжская археологическая конференция (1–5 ноября 2004 г.). Тезисы докладов). Волгоград: ВолГУ, 2004. С. 285–289.

Рудаков В.Г., Мазур Л.Д. Полуподземный купольный склеп под жилым домом в селе Селитренном // От палеолита до средневековья. Сборник научных трудов памяти Г.А. Федорова-Давыдова / Отв. ред. М.Д. Полубояринова, Е.А. Попова. М.: МГУ, 2011. С. 140–148.

Руденко К. Могильник на о. Песчаный // ТА. 1999. № 1–2 (4–5). С. 61–76.

Руденко К.А. Тюркский мир и Волго-Камье в XI-XIV вв. Изделия аскизского круга в Среднем Поволжье. Исследование и каталог. Казань: Заман, 2001. 256 с.

Руденко К.А. Новые данные о связях населения Вятского края и Среднего Поволжья в XII–XIV вв. (по материалам Лаишевского селища) // Вятская земля в прошлом и настоящем: (К 125-летию со дня рождения П.Н. Луппова). Тезисы докладов II научной

конференции. Т. 1 / Отв. ред.: Кирюхина Е.И. Киров: Кировский ГПИ, 1992. С. 45–46.

Руденко К.А. Алексеевское селище и могильник («у дамбы) в Татарии // Проблемы средневековой археологии волжских финнов / АЭМК. Вып. 23 / Отв. ред. Г.А. Архипов, Т.Б. Никитина. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1994. С. 121–139.

Руденко К.А. Отчет об археологических работах в Татарстане в 1996 г. Казань, 1996. Т. 2.

Руденко К.А. Проект отвода земель историко-культурного назначения (территория и зоны охраны памятников археологии). Атнинский район. Казань, 1996а // Архив Главного управления по охране и использованию памятников истории и культуры министерства культуры РТ. 56 л.

Руденко К.А. Проект отвода земель историко-культурного назначения (территория и зоны охраны памятников археологии): Пестречинский район. Казань, 1996б // Архив Главного управления по охране и использованию памятников истории и культуры министерства культуры РТ. 49 л.

Руденко К.А. Проект отвода земель историко-культурного назначения (территория и зоны охраны памятников археологии): Тюлячинский район. Казань, 1996в // Архив Главного управления по охране и использованию памятников истории и культуры министерства культуры РТ. 59 л.

Руденко К.А. Проект отвода земель историко-культурного назначения (территория и зоны охраны памятников археологии): Сабинский район. Казань, 1996г // Архив Главного управления по охране и использованию памятников истории и культуры министерства культуры РТ. 64 л.

Руденко К.А. Отчет об археологических разведывательных работах в Татарстане в 1997 г. Том I – V. Т. III. Разведки археологических памятников в Атнинском районе Татарстана; т. IV. Разведки археологических памятников в Высокогорском районе Татарстана Казань, 1998 // Архив ИА РАН.

Руденко К.А. Отчет об археологических разведывательных работах в Татарстане в 1997 г. Том I – V. Т. IV. Разведки археологических памятников в Высокогорском районе Татарстана Казань, 1998 // Архив ИА РАН.

Руденко К.А. Исследования селища и могильника Песчаный остров (Алексеевского у дамбы) в Татарии в 1993–94 гг. // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып.1 / ред. Ю.А. Зеленеев, Г.А. Федоров-Давыдов. Йошкар-Ола: МарГУ, 1998. С. 60–71.

Руденко К.А. Итоги исследования городища Кашан I в Татарстане: к вопросу оформировании булгарских городов и протогородов // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья. Материалы Международного полевого симпозиума / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск-Глазов: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. С. 111–134.

Руденко К.А. К вопросу об удмуртских элементах в материальной культуре Волжской Булгарии XI–XIV вв. (на примере Лаишевского селища) // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья. Материалы Международного полевого симпозиума / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск-Глазов: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. С. 73–102.

Руденко К.А. Могильник на острове «Песчаный» // ТА. 1999. № 1–2 (4–5). С. 61–76.

Руденко К.А. К вопросу об удмуртских элементах в материальной культуре Волжской Булгарии XI–XIV вв. (на примере Лаишевского селища) // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья. Материалы Международного полевого симпозиума / Отв. ред. М. Г. Иванова. Ижевск-Глазов: УИИЯЛ УрО РАН, 1999а. С. 73–102.

Руденко К.А. Датировка находок «аскизского круга» из Волжской Булгарии // Аскизские древности в средневековой истории Евразии / Отв. ред. К.А. Руденко. Казань: ГОМ РТ, 2000. С. 48–127.

Руденко К.А. Металлическая посуда Поволжья и Приуралья в VIII – XIV вв. Казань: Репер, 2000. 155 с.

Руденко К.А. Бронзовые чаши с серебряной инкрустацией из собрания Национального музея РТ (к вопросу о булгарской торевтике эпохи Золотой Орды) // ТА. 2001. №1–2 (8–9). С. 104–132.

Руденко К.А. Материальная культура булгарских селищ низовий Камы XI–XIV вв. Казань: Школа, 2001. 220 с.

Руденко К.А. Тюркский мир и Волго-Камье в XI-XV вв. Изделия аскизского круга в Среднем Поволжье. Исследование и каталог. Казань: Заман, 2001. 256 с.

Руденко К.А. Железные наконечники стрел VIII–XV вв. из Волжской Булгарии. Исследование и каталог. Казань: Заман, 2003. 512 с.

Руденко К.А. Металлические зеркала золотоордынского времени из собрания Национального музея Республики Татарстан // ТА. 2004. №1–2 (12–13). С. 111–156.

Руденко К.А. Материалы к археологической карте Казанского ханства (по итогам работ в Западном Предкамье в 1995–1997 гг.) // ТА. 2004. № 1–2 (10–11). С. 100–136.

Руденко К.А. Процессы этнокультурного взаимодействия в Волго-Камье в конце X–XIV вв. по археологическим материалам. Дисс…. докт. истор. наук. Казань, 2004а. 483 с.

Руденко К.А. Булгарские изделия из кости и рога // Древности Поволжья: эпоха средневековья (исследоваия культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды): мат-лы II Всероссийской конференции «Поволжье в средние века» (Казань-Ялчик, 25–28 сентября 2003 г.). Казань: Школа, 2005. С. 67–97.

Руденко К.А. Работы в Татарстане // АО – 2004 / Ота. Ред. Н.В. Лопатин. М.: Наука, 2005. С. 362–364.

Руденко К.А. Булгарский улус Золотой Орды (особенности материальной культуры) // ТА. 2006. № 3–4

(18–19). С. 28–137.

Руденко К.А. Славяноидная керамика селищ низовий Камы XIV-XV вв. // Влияние природной среды на развитие древних сообществ (IV Халиковские чтения). Материалы научной конференции, посвященной 50-летию Марийской археологической экспедиции (Юрино 5-10 августа 2006 года)) / Отв. ред. В. В. Никитин. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2007. С. 349–355.

Руденко К.А. Ювелирные изделия Приуралья и Зауралья: к вопросу о булгарском импорте XI-XIV вв. // XVII Уральское археологическое совещание. Материалы научной конференции (Екатеринбург, 19-22 ноября 2007 г.) / Отв. ред. А.Я. Труфанов. Екатеринбург-Сургут: Магеллан, 2007. С. 288–289.

Руденко К.А. Волжская Булгария в XI–XIII в.: поселения и материальная культура. Казань: Школа, 2007. 244 с.

Руденко К.А. Балымерский курганный могильник эпохи Золотой Орды: вопросы датировки // Золотоордынское наследие. Вып. 1 / Отв. ред. И. М. Миргалеев. Казань: Фэн, 2009. С. 282–294.

Руденко К.А. Микрорегионы и поселенческие агломерации Среднего Поволжья X – XIV вв.: проблемы выделения, структура, изучение // Археологические микрорегионы Северной Евразии: материалы научной конференции / Ред. С.С. Тихонов. Омск: Апельсин, 2009. С. 95–99.

Руденко К.А. Отчет об археологических исследованиях Тетюшского II городища в Тетюшском районе Татарстана в 2008 г. Казань, 2009.

Руденко К.А. Булгарское черневое искусство: перстни. Казань: КГУКиИ, 2010. 44 с.

Руденко К.А. Булгарское золото: филигранные височные подвески. Древности Биляра. Т. I. Казань: Заман, 2011. 256 с.

Руденко К.А. Города и села Булгарского Улуса Золотой Орды (особенности материальной культуры) // ТА. 2011. №1–2 (20–21). С. 32–151.

Руденко К.А. Развитие городской культуры булгарской области Золотой Орды XIII – XIV вв. (по данным археологии) // Золотоордынское наследие, Вып. 2. Материалы Второй международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды» / Отв. ред. И.М. Миргалиев. Казань: ООО «Фолиант», Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 333–340.

Руденко К.А. Булгарский улус Золотой Орды: к постановке проблемы // Вопросы истории и археологии средневековых кочевников и Золотой Орды / Отв. ред. и сост.: Д. В. Марыксин, Д. В. Васильев. Астрахань: Астраханский университет, 2011. С. 155–163.

Руденко К.А. Средневековые ювелирные украшения Поволжья и Зауралья: некоторые итоги и перспективы исследования // Уральский исторический вестник. 2012. № 3 (36). С. 139–144.

Руденко К.А. Кочевники в Булгарском Улусе Золотой Орды (по данным археологии) // Поволжская археология. 2013. № 2 (4). С. 189–211.

Руденко К.А. Две серебряные серьги золотоордынского времени из Татарстана: вопросы атрибуции и датировки // От Онона к Темзе. Чингисиды и их западные соседи. К 70-летию М. Г. Крамаровского / Ред., сост. В. П. Степаненко, А. Г. Юрченко. М.: Изд. дом Марджани, 2013. С. 333–339.

Руденко К.А. Кочевники в Булгарском Улусе Золотой Орды (по данным археологии) // Поволжская археология. 2013. № 2 (4). С. 189–211.

Руденко К.А. История археологического изучения Волжской Булгарии (X - начало XIII в.). Казань РИЦ «Школа», 2014. 768 с.

Руденко К.А. Булгарское серебро. Древности Биляра. Том II. Казань: Заман, 2015. 528 с.: ил.

Руденко К.А. Памятники эпохи Золотой Орды на Средней Волге (Булгарский улус Золотой Орды) // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 1. / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Кишинев: Stratum Plus, 2015. С. 255–364.

Руденко К.А. Атрибуция средневековых серебряных пластинчатых браслетов с шатонами из Предуралья и Зауралья (к вопросу о булгарском импорте) // Человек и Север: Антропология, археология, экология: Материалы всероссийской конференции. Вып. 3 / Отв. ред. А.Н. Багашев. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2015а. С. 162–165.

Руденко К.А. Трансформация китайских и чжурчженьских изобразительных сюжетов на металлических зеркалах Поволжья эпохи Золотой Орды // Средневековые древности Приморья / Отв. ред. Н. Г. Артемьева. Владивосток: Дальнаука, 2015б. С. 135–152.

Руденко К.А. Булгарский улус Золотой Орды во второй половине XIII – начале XV века: историко-археологический очерк // Pax Mongolica и евразийские потрясения XIII - XIV веков / Отв. ред. Н.Д. Руссев. СПб., Кишинев, Одесса, Бухарест: Stratum plus, 2016. С. 107–149.

Руденко К.А. Центры изготовления и пути распространения ювелирных изделий в XIII – XVI вв. в Предуралье и Зауралье // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское совещание): материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции / Отв. ред. Е.М. Черных. Ижевск: Ин-т компьютерных исследований, 2016а. С. 344–347.

Руденко К.А. Происхождение некоторых булгарских металлических зеркал (к характеристике культурных связей Поволжья со Средней Азией, Сибирью и Дальним Востоком в эпоху Средневековья) // Древности Сибири и Центральной Азии. 2017. № 8 (20). С. 160–181.

Руденко К.А. Средневековая керамика из фондов Национального музея Татарстана (предварительное сообщение) // Поливная керамика Средиземноморья и

Причерноморья X-XVIII вв. / Отв ред. С.Г. Бочаров, В. Франсуа, А.Г. Ситдиков. Т. 2. Казань, Кишинёв: Stratum plus, 2017. С. 675–700.

Руденко К.А. Булгарские золотые филигранные подвески с фигурками птиц: к вопросу о происхождении // Народы и религии Евразии. 2018. № 3 (16). С. 7–21. DOI: https://doi.org/ 10.14258/nreur (2018) 3-01

Руденко К.А. «Черная смерть» и судьба Булгарского улуса Золотой Орды (археологические свидетельства) // Эпидемии и природные катаклизмы в Золотой Орде и на сопредельных территориях (XIII–XVI вв.) / История и культура Золотой Орды и татарских ханств. Вып. 24 / Ред. Р. Хаутала, И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. С. 126–139.

Руденко К.А. Золотые украшения Волжской Булгарии и Булгарского улуса Золотой Орды: опыт сравнительного анализа // Поволжская археология. 2018а. № 2 (24). С. 111–124. DOI: https://doi.org/10.24852/pa2018.2.24.111.124

Руденко К.А. Материальная культура кочевников Булгарской области Золотой Орды // Археология Евразийских степей. 2018а. № 4. С. 172–175.

Руденко К.А. О связях Волжской Булгарии и Булгарского улуса Золотой Орды с Ираном в X–XIV вв. (по археологическим материалам) // Золотоордынское обозрение. 2018в. Т. 6. № 3. С. 472–488 DOI: https://doi.org/10.22378/2313-6197.2018-6-3.472-488

Руденко К.А. Этногеография Булгарской области Золотой Орды (по археологическим материалам) // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2 / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Казань, Кишинев: Stratum plus, 2019. С. 325–378.

Руденко К.А. Золотые и серебряные браслеты XIII–XIV вв. из Булгарской области Золотой Орды: систематизация, атрибуция и датировка // В поисках сущности. Сборник статей в честь 60-летия Н. Д. Руссева / ред. М. Е. Ткачук, Г. Г. Атанасов. Кишинёв: Stratum+, 2019а. С. 239–262.

Руденко К.А. Культурно-хронологический аспект бытования славяноидной керамики в XIII–XIV вв. в Булгарской области Золотой Орды (по материалам Лаишевского селища) // Поволжская археология. 2019а. № 2 (29). С. 96–113 DOI: https://doi.org/10.24852/pa2019.2.28.96.113

Руденко К.А. Формирование региональных особенностей золотоордынской культуры во 2 пол XIII – XIV вв.: универсальное и локальное в контексте торговых контактов на Великом Шелковом пути (на примере Булгарского улуса) // Золотоордынское наследие. Вып. 3 / Отв. ред. Э.Г. Сайфетдинова. Казань: ИИ АН РТ, 2019б. С. 108–116.

Руденко К.А. Датировка археологических памятников XIV – начала XV в. низовий Камы // Археология Евразийских степей. 2020. № 5. С. 198–213. DOI: https://doi.org/10.24411/2587-6112-2020-10058

Руденко К.А. Элитные клады из Булгарского Улуса Золотой Орды // Золотоордынское обозрение. 2021. Т. 9. № 3. С. 520–546. DOI: https://doi.org/10.22378/2313-6197.2021-9-3.520-546.

Руденко К.А. Пойменные поселения Западного Закамья в XI – начале XV в. и кочевники // Археология Евразийских степей. 2022. № 3. С. 175–180. DOI: https://doi.org/10.24852/2587-6112.3.175.180.

Руденко К.А. Цветная металлургия Болгарской области Золотой Орды // Средние века (вторая треть XIII – вторая половина XV вв.). Эпоха Золотой Орды (Улус Джучи) / Археология Волго-Уралья. Т. 6 / под общ. ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. В.С. Баранов. Казань: АН РТ, 2022. С. 549.

Руденко К.А., Беговатов Е.А. Редкие археологические находки с Семеновского острова // Культурное наследие Евразии (с древности до наших дней) / Отв. ред. Б. А. Байтанаев. Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулиана, 2016. С. 186–201.

Руденко К.А., Бугарчев А.И. Археологические и нумизматические находки из окрестностей села Большие Атряси (Тетюшский район РТ) // Поволжская археология. 2015. №3. С. 156–175.

Руденко К.А., Ёлкина И.И. Ювелирные украшения из захоронений в южной части Болгарского городища (раскопы CLXXIV и CCXIV. Раскопки 2012 и 2015 гг.) // Поволжская археология. 2017. №4 (22). С. 258–274. DOI: https://doi.org/10.24852/pa2017.4.22.258.274.

Руденко К.А., Оборин Ю.В. Зеркала с фантастическими животными из Булгара и их аналогии // Древности Сибири и Центральной Азии. 2017а. № 8 (20). С. 143–159.

Руденко К.А. , Шутова Н.И. Арское городище в Татарстане: индивидуальные находки из раскопок 1983–1984 гг. // Ежегодник финно-угорских исследований. Вып. 3. 2013. С. 68 - 77.

Руденко К.А., Шутова Н.И. История археологического изучения Арского района Республики Татарстан // Вестник Пермского университета. Серия. История. 2013. Вып. 1. С. 116–120.

Руденко К.А., Шутова Н.И. Керамика Арского городища // УАВ. 2014. № 1. С. 123–132.

Рудь (Постникова) Н.М. Антропологические данные к вопросу об этнических взаимоотношениях на Средней Волге в X-XIV вв. // Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский Л.Т. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы / Отв. ред. М.С. Великанова. М.: Наука, 1987. С. 83–141.

Румянцев Г.Г Отчет об археологической разведке в Наровчатском районе в 1991 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 16347.

Русаков П.Е., Коваль В.Ю. Раскоп CCVI // Археологические исследования 2015 г. Болгар и Свияжск / сост. А.Г. Ситдиков, Р.Р, Валиев, А.С. Старков. Казань: ЗАО «Казанская недвижимость», 2016. С. 19–20.

Русланов Е.В. Горновский археологический комплекс

золотоордынского врремени в Предуралье: к 60-летию научного изучения // Археология Евррразийских степей. 2022. № 6. С. 253–267.

Русские летописи. Т. 10. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Рязань: Александрия, 2001. 639 с.

Русские летописи. Т. 3. Воскресенская летопись (продолжение). Рязань : РИНФО, 1998. 615 с.

Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М.: АН СССР, 1948. 792 с.

Рыбаков Б.А. Прикладное искусство и скульптура // История культуры Древней Руси. Т. II. Общественный строй и духовная культура / Ред. ред. Н. Н. Воронин, М. К. Каргер. М., Л.: АН СССР, 1951. С. 396–464.

Рыков П.С. Археологические раскопки и разведки в Нижнем Поволжье и Уральском крае летом 1925 г. Саратов: Краевед. ин-т Изучения Южно-Волжск. обл., 1926. 48 с.

Рыков П.С. Археологические раскопки и разведки в Нижнем Поволжье и Уральском крае летом 1925 г. // Известия Краеведческого института по изучению Южно-Волжской области при Саратовском университете. Т. I. Саратов, 1926.

Рыков П.С. Археологические разведки и раскопки в Нижне-Волжском Крае, произведенные в1928 году // Известия Нижне-Волжского института краеведения. Т. III. Саратов: Нижне-Волжское общество краеведения, 1929. С. 132–156.

Рыков П.С. Музейные материалы по изучению феодального города // Советский музей. 1932. № 4. С. 105–110.

Рыков П.С. Краткие сведения о раскопках в Калмыкии летом 1935 г. // Известия Нижне-Волжского института краеведения. Вып. VII. Саратов: Краевед. ин-т Изучения Южно-Волжск. обл., 1936.

Рындина А.В. Древнерусская мелкая пластика. Новгород и Центральная Русь XIV–XV веков. М.: Наука, 1978. 192 с.

Рысков Я.Г., Демкин В.А. Развитие почв и природной среды степей Южного. Урала в голоцене (опыт реконструкции с использованием методов геохимии стабильных изотопов). Пущино: ОНТИ ПНЦ РАН, 1997. 167 с.

Рычков Н.П. Журнал и дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства, 1769 и 1770 году, СПб, 1770. 190 с.

Рычков П.В. Опыт Казанской истории древних и средних времен. СПб.: Императорская Академия наук, 1767. 233 с.

Рябинин Е.А. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. / САИ. Е1–60. Л.: Наука, 1981. 123 с.

Рябичкин Д.В. Отчет об археологических исследованиях поселения «Пойменная - I» в Наримановском районе Астраханской области в 2002 г. // Архив АГОИАМЗ.

Рязанов С.В. Чугунолитейное ремесло в городах Золотой Орды: итоги предварительные исследования. Уфа: УНЦ РАН, 1997. 68 с.

Рязанов С.В. Металлургия железа на Южном Урале в XIII–XIV вв. Уфа: ИЭИ УНЦ РАН, 2011, 125 с.

Рясик И.О., Узлов А.Р., Никольский К.А., Баженова А.А., Медова Е.В., Сукова Е.В. Краниологическая характеристика черепов из средневекового Усть-Чепецкого могильника // Религия и церковь в культурно-историческом развитии Русского Севера: К 450-летию Преподобного Трифона Вятского Чудотворца: материалы Международной научной конференции. Т. 1 / Отв. ред. В.В. Низов. Киров: Кировская областная типография, 1996. С. 159–162.

Рясик И.О., Узлов А.Р., Никольский К.А., Баженова А.А., Медова Е.В., Сукова Е.В. Усть-Чепецкий могильник XIII–XV вв., 1996.

Саблуков Г. Монеты Золотой Орды. Казань, 1896. 9 с.

Савельев Н.И. «Корона Джанибека» в отечественной и зарубежной историографии // РА. 2013. № 2. С. 67–76.

Савельев Н.И. “План сарайских развалин...”// Золотоордынская цивилизация. 2013. № 6. С. 35–48.

Савельев П.С. Монеты джучидских, джагатайских, джалаиридских и других, обращающихся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыша // Труды Восточного отделения Русского археологического общества. Вып.3, СПб, 1858.

Савельев П.С. Монеты джучидские, джагатаидские, джелаиридские и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыша. СПб.: тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1858. 354 с.

Савельев П.С. Монеты джучидские, джагатайские, джелаиридские и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыша // ЗВОИАО. 1858. Т. XII. Вып. 2. С.181–342 . Ил. Табл. VI - IX (Тетюшский клад).

Савельева Э.А. Некоторые материалы по археологии Вычегодского края // МАЕСВ. Вып. 1 / Отв. ред В.И. Канивец. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1962. С. 155–175.

Савельева Э.А. Вымские могильники XI – XIV вв. Л.: ЛГУ, 1987. 200 с.

Савельева Э.А. Начальный этап древнерусской колонизации Европейского Северо-Востока // Взаимодействие культур Северного Приуралья в древности и средневековье / МАЕСВ. Вып. 12 / Отв. ред. Э.А.Савельева. Сыктывкар: Коми НЦ РАН, 1993. С. 128–140.

Савельева Э.А. Жигановский могильник. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2010. 454 с.

Савельева Э.А. Этнокультурные связи населения Европейского Северо-Востока в древности и средневековье // Культурные связи населения европейского северо-востока в древности и в средневековье / МАЕСВ. Вып. 18 / Отв. ред. О. И. Васкул. Сыктывкар: ИЯЛиИ Коми НЦ УрО РАН, 2013. С. 8–20.

Савельева Э.А., Кленов М.В. Пожегское городище // Науч. доклады Коми НЦ УрО РАН. Вып. 278. Сыктывкар, 1992. 36 с.

Савельева Э.А., Кленов М.В. Древнерусская колони-

зация Европейского Северо-Востока (XI–XIV вв.) // Археология Республики Коми / Отв. ред. Э.А. Савельева. М.:ДиК, 1997. С. 651–691.

Савельева Э.А., Кленов М.В., Зеленский В.С. Жигановское поселение // Взаимодействие культур Северного Приуралья в древности и средневековье / МАЕСВ. Вып. 12 / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: Коми НЦ РАН, 1993. С. 141–157.

Савельева Э.В., Истомина Т.В., Королев К.С. Пермь вычегодская // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. С. 299–349.

Савенков Н., Крапивин И. План Болгара 1732 г. // РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Д. 4-1.

Савченкова Л.Л. Черный металл Болгара. Типология // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АНТ, 1996. С. 5–88.

Сагдеева Р.З. Клад джучидских монет из Курской области // Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2015 года. Материалы докладов и сообщений. М., 2015. С. 116-123.

Садыкова М.Х. Отчет о результатах археологической экспедиции в Башкирии в 1963 г. // Архив ИА РАН.Ф-1. Р-1. № 3544

Салангин Д.А. К вопросу о проблеме происхождения славяноидной керамики (по материалам городища Иднакар) // Материальная и духовная культура народов Поволжья и Урала: история и современность. Тез. докладов. Глазов, 1995. С. 9–10.

Салангин Д.А. Керамика Вятской Земли. Итоги и перспективы изучения // Урал в прошлом и настоящем. Часть I / Гл. ред. В.В. Алексеев. Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 1998. С. 110–111.

Салангин Д.А. Круговая неполивная керамика Вятского края в XII–XVIII вв. (по археологическим источникам). Дисс. … канд. ист. наук. Ижевск,1999. 256 с.

Салангин Д.А. Круговая неполивная посуда Вятского края в XII–XVIII вв.: По археологическим источникам. Автореф. Дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, Ин-т истории и культуры народов Приуралья, 1999. 17 с.

Салангин Д.А. Некоторые вопросы этнической истории Вятской земли // Этнический фактор и политика: история и современность. Тезисы докладов. Тезисы докладов Российской научно-практическо конференций 3 - 4 марта 2000 г. / Отв. ред. М.Ю.Малышев. Ижевск: Удмуртский университет, 2000. С. 22–30.

Самашев З. Отчет Западно-Казахстанской археологической экспедиции 1989–1991 гг. Алматы, 1991 // Архив ИА КН МОН РК. № 2335.

Самашев З., Кузнецова О., Плахов В. Керамика Сарайчика (на казахском, русском и английском языках). Алматы: ZUR advertising, 2008. 264 с.

Самашев З.С. Отчет о работах Западно-Казахстанской экспедиции в Атырауской и Мангыстауской областях в 1996 году. Алматы, 1997 // Архив Института археологии имени А.Х. Маргулана

Самашев З.С. Отчет о работах Западно-Казахстанской археологической экспедиции ИА МН-АН РК на городище Сарайчик в 1998 году по договору с Атырауской областным Управлением культуры. Алматы, 1998 // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана.

Самашев З.С. Исследование золотоордынского города Сарайчик // Проблемы изучения и сохранения исторического наследия / Отв. ред. А.Т. Толеубаев. Алматы, 1998. С. 137–162.

Самашев З.С. Отчет о работах Западно-Казахтанской археологической экспедиции ИА МОН РК на территории Атырауской области РК в 1999 году. Алматы, 1999 // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана.

Самашев З.С. Отчет о работах Западно-Казахстанской археологической экспедиции ИА МОН РК на городище Сарайчик в 2000 году. Алматы, 2001 // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана.

Самашев З.С. Отчет об аварийно-спасательных археологических работах на городище Сарайчик в 2003 году. Алматы, 2004 // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана.

Самашев З.С. Отчет о работах Западно-Казахстанской археологической экспедиции ИА МОН РК по программе «Научно-прикладные исследования в области археологии – Культурное наследие. Раздел Городище Сарайчик» в 2004 году. Алматы, 2005 // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана.

Самашев З.С. Отчет о работах Западно-Казахстанской археологической экспедиции ИА МОН РК по программе «Научно-прикладные исследования в области археологии – Культурное наследие. Раздел Городище Сарайчик» в 2005 году. Алматы, 2006 // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана.

Самашев З.С. Отчет о работах Западно-Казахстанской археологической экспедиции ИА МОН РК по программе «Научно-прикладные исследования в области археологии – Культурное наследие. Раздел Городище Сарайчик» в 2006 году. Алматы, 2007 // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана.

Самашев З.С. Отчет о работах Западно-Казахстанской археологической экспедиции ИА МОН РК по программе «Научно-прикладные исследования в области археологии – Культурное наследие. Раздел «Городище Сарайчик» в 2007 году. Алматы, 2008 // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана.

Самашев З.С. Отчет о работах Западно-Казахстанской археологической экспедиции ИА МОН РК по программе «Научно-прикладные исследования в области археологии – Культурное наследие. Раздел «Городище Сарайчик» в 2008 году. Алматы, 2009 // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана.

Самашев З.С. Отчет о научно-исследовательской работе в 2009. Алматы, 2010 //Архив Института археоло-

гии им. А.Х. Маргулана.

Самашев З.С., Кожаков Д.А., Талеев Д. Сарайчик: проблемы исследования великого города // Проблемы изучения и сохранения исторического наследия / Отв. ред. А.Т. Толеубаев. Алматы, 1998. С. 240–245.

Санжаров С.Н., Хромов К.К. Краткий обзор нумизматического комплекса времён Улуса Джучи, найденного в Луганской области // Восемнадцатая ВНК. М., 2015. С. 78-80.

Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1960. 276 с.

Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций (из опыта образований и распада империй X-XVI вв.). М.: ИНСАН, 1996. С. 280-764.

Сафарова И.А. Находки стеклянной посуды XII–XV вв. из раскопок в Твери // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 7 / Отв. ред. А.Н. Хохлов. Тверь: Старый город, 2014. С. 52–75.

Свиньин П.П. Картины России и быт разноплеменных ее народов из путешествий П.П. Свиньина. Ч. 1. СПб.: тип. Н. Греча, 1839. 388 с.

Свод памятников археологии Республики Татарстан. Т. 3 / Отв. ред. А.Г. Ситдиков, Ф.Ш. Хузин. Казань, 2007. 528 с.

Святкин С.В. Отчет о разведке в Атюрьевском районе Республики Мордовия в 1997 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 19771.

Северова М.Б. Пополнение фонда джучидских монет Эрмитажа. // СГЭ. Т. LIV. Л., 1990. С. 43-46.

Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. / Археология СССР. М.: Наука, 1982. 328 с.

Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.) // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II / МИА. № 65 / Под ред. А.В. Арциховского, Б.А. Колчина. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 223–261.

Седова М.В. Ярополк Залесский. М.: Наука, 1978. 160 с.

Седова М.В. «Имитационные» украшения древнего Новгорода // Древняя Русь и славяне. / Отв. ред. Т.В. Николаева. М.: Наука, 1978а. С. 149–159.

Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X-XV вв.). М.: Наука, 1981. 296 с.

Седова М.В. Украшения из меди и сплавов // Древняя Русь. Быт и культура / Археология / Отв. ред.: Б.А. Колчин, Т.А. Макарова. М.: Наука, 1997. С. 63–78.

Семыкин Ю.А. Черная металлургия и металлообработка на Болгарском городище // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. / Ред. Г.А. Федоров-Давыдов и др. Казань, ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН Татарстана, 1996. С. 89–153.

Семыкин Ю.А. Черная металлургия и кузнечное дело // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. II. Волжская Булгария и Великая степь / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: РухИЛ, 2006. С. 246–258.

Семыкин Ю.А. Технология кузнечного производства мордовского населения Среднего Поволжья золотоордынский период (по данным металлографических исследований кузнечной продукции Барбашинского могильника) // Сташенков Д.А., Кочкина А.Ф. Борис Александрович Латынин. Самарский период жизни. Саратов: Новый ветер, 2008. С. 174−191.

Семыкин Ю.А. Технология кузнечного производства населения раннего Казанского ханства (по результатам металлографических исследований изделий из черного металла Торецкого поселения // Актуальные вопросы археологии Поволжья. К 65-летию студенческого научного археологического кружка Казанского университета / Отв. ред. С.И. Валиулина. Казань: ЯЗ, 2012. С. 139–161.

Семыкин Ю.А. Черная металлургия и кузнечное производство Волжской Булгарии в VIII − началеXIII вв. / Археология евразийских степей. Вып. 21. Казань: Отечество, 2015. 228 с.

Семыкин Ю.А., Набиуллин Н.Г. Технология изготовления кузнечной продукции с городища Джукетау по данным металлографических анализов // Краеведческие записки. Вып. 13 / Ред. Ю.К. Володина. Ульяновск, 2007. С. 100–109.

Сенигова Т.Н. Отчет о работе Западно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 года // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Т. 1. / Отв. ред. В.Ф. Шахматов. Алма-Ата: АН КазССР, 1956. С. 140–156.

Сенникова Л.А. Захоронения позднего Средневековья на Вятской земле // Музеи – хранители культурного наследия: материалы межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. 185-летию П. В. Алабина / Отв. ред. С.В. Ельшин. Киров: О-Краткое, 2009. С. 145–154.

Сенникова Л.А., Кайсин А.О., Онуфриенко Ю.А., Жилина М.В., Борисова А.М. Археологические работы на территории Успенского Трифонова монастыря // Вестник гуманитарного образования. 2018. № 1. С. 64–75.

Сенникова Л.А., Крупина О.В. Каменная иконка «Преображение Господне» из Хлыновского кремля (в собрании Кировского областного краеведческого музея) // Музей на рубеже веков: история, состояние, перспективы. Материалы международной научной конференции, посвященной 140-летию Кировского областного краеведческого музея / Отв. ред. С.В. Ельшин. Киров: Кировский областной краеведческий музей, 2006. С. 25–28.

Сепеев Г.А. Поселение и жилище // Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты / Отв.ред. Н.Ф. Мокшин, Т.П. Федянович, Л., С. Христолюбова. М.: Наука, 2000. С. 216–234.

Сепеев Г.А. Поселения и жилище // Марийцы. Историко-этнографические очерки / Отв. ред. Н.С. Попов.

Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2005.

Сергацков И.В. Отчет об археологических исследованиях у села Колобовка Ленинского района Волгоградской области // Архив ИА РАН. 1999. Р-1. №/№ 22391-22392.

Сергацков И.В., Дворниченко В.В., Демкин В.А. Курганный могильник Маляевка V // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 1 / Отв. ред. И.В. Сергацков. Волгоград: ВолГУ, 2001. С. 13–63.

Сергацков И.В., Дворниченко В.В., Дьяченко А.Н. Раскопки курганов близ Царевского городища // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 2. / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 1999. С. 168–170.

Сергацков И.В., Дворниченко В.В., Клепиков В.М. Исследования курганов у села Царев // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 3. / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 2000. С. 309–312.

Сергеева О.В. Археологические исследования на селище Белозерки IV в Волжском районе Самарской области // Археологические открытия в Самарской области 2019 года / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2020. С. 39.

Сивицкий М.В. Отчет о разведках археологических памятников в Дрожжановском, Буинском районах Республики Татарстан в 2008 г. Казань, 2009 // НФ МА РТ. Ф. 4 Оп. 1. Д. 270.

Сивицкий М.В., Губайдуллин Т.Р., Худяков А.В. Предварительные итоги работ на раскопе СС на Болгарском городище // Археологические исследования 2014 г.: Болгар и Свияжск / авторы-составители: Ситдиков А.Г., Валиев Р.Р., Старков А.С. Казань: ЗАО «Издательский дом «Казанская недвижимость», 2015. С. 19–21.

Сидоров А.С. Археологические памятники Вымского района Коми АССР (по материалам обследования 1928 г.). Санкт–Петербург, 1937 // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 2. Д. 9. 32 л.

Сидоров А.С. Археологические памятники Коми АССР // Известия Коми филиала ВГО. 1954. Вып. 2. С. 69–82.

Сидорова Т.В. Мужской золотоордынский костюм по материалам текстильного комплекса из могильника Маячный Бугор // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве: Материалы V Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова (Астрахань, 2–6 октября 2011 г.) / Ред. Д.В. Васильев, Ю.А. Зеленеев, А.Г. Ситдиков. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 260–266.

Сингатулин Р.А. Охранно-спасательные работы на территории Увекского городища в 2005 г. // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 8 / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов: Научная книга, 2008. С. 139–155.

Сингатуллина А.З. Альменевский клад золотоордынских монет XIII века // Вестник МГУ. Серия 8. История. №3. М., 1985. С. 79–89.

Сингатуллина А.З. О булгарских монетах именами великих каанов // Из истории культуры и общественной мысли народов СССР / Отв. ред. С.С. Дмитриева. М.: МГУ, 1987. С. 16–27.

Сингатуллина А.З. Джучидские монеты поволжских городов в XIII в. (Материалы из каталога) // ТА. 1998. № 1 (2). С. 52–87.

Сингатуллина А.З. Джучидские монеты поволжских городов XIII века. Казань: Заман, 2003.192 с.

Сингатуллина А.З. Сводный указатель опубликованных кладов // Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. М.: Палеограф, 2003б. С. 139–160.

Сингатуллина А.З. Денежное обращение и финансовая система // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. / Ред. М.А. Усманов. Казань: ИИ АН РТ,, 2009. С. 295–309.

Сингатуллина А.З. Золотые индийские монеты из собрания Национального музея Республики Татарстан // Золотоордынское наследие. Мат-лы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII-XV вв.)». Вып. 1. Казань: Фэн, 2009. С. 425–435.

Сингатуллина А.З. О некоторых золотых монетах из собрания Национального музея, найденных на территории Республики Татарстан // Средневековая археология Поволжья: Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 4. Йошкар-Ола, 2009б.

Синицын И.В. Древние памятники Приморского района Калмобласти // Известия Нижне-Волжского института краеведения. Т. 6 / Отв. ред. П.С. Рыков. Саратов: Нижне-Волжское общество краеведения, 1933. С. 89–102.

Синицын И.В. Археологические исследования в Саратовской области иЗападном Казахстане // КСИИМК. Вып. 45. / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.: АН СССР, 1952. С. 62–73.

Синицын И.В. Археологические исследования в Западном Казахстане (1948-1950) // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Т. 1. / Отв. ред. В.Ф. Шахматов. Алма-Ата: АНКазССР, 1956. С. 87–139.

Синицын И.В. Археологические исследования Заволжского отряда (1951–1953 гг.) // Древности Нижнего Поволжья. Т. 1 / МИА. № 60 / Отв. ред. Е.И. Крупнов. М.: АН СССР, 1959. С. 39–205.

Синицын И.В. Древние памятники Восточного Маныча. Ч. 1. Саратов: СГУ, 1978. 130 с.

Синицын И.В. Древние памятники Восточного Маныча. Ч. 2. Саратов: СГУ, 1978. 117 с.

Синицын И.В., Эрдниев У.Э. Археологические раскопки в Калмыцкой АССР в 1961 г. Вып. 1. Элиста: Калмиздат, 1963. 60 с.

Синицын И.В., Эрдниев У.Э. Новые археологические

памятники на территории Калмыцкой АССР (по раскопкам 1962-1963 гг.). Вып. 2. Элиста: Калмиздат, 1966. 184 с.

Синицын И.В., Эрдниев У.Э. Элистинский курганный могильник (по раскопкам 1964 г.). / Труды Калм. науч.-исслед. ин-т языка, литературы и истории и Респ. краевед. музей. Вып. 3. Элиста, 1971. 138 с.

Синицын И.В., Эрдниев У.Э. Древности Восточного Маныча // Археологические памятники Калмыкии эпохи бронзы и средневековья / Отв. ред. У.Э. Эрдниев. Элиста: КНИИИФЭ, 1981. С. 29–66.

Ситдиков А.Г. Отчет об археологических исследованиях на территории Казанского Кремля. Р. Х. Казань, 1998 // НФ МА РТ. Ф.2. Оп.1. Д. 44

Ситдиков А.Г. Н.Ф. Калинин – исследователь средневековой Казани // Археологическое изучение булгарских городов / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер Лайн, 1999. С. 41–62.

Ситдиков А.Г. Оборонительные укрепления древней Казани // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы Международной научной конференции. Казань, 1–3 июня 1999 года / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер Лайн, 2000. С. 22–40.

Ситдиков А.Г. Казанский Кремль: историко-археологическое исследование. Казань: Фолиантъ, 2006. 288 с.

Ситдиков А.Г. Казанский кремль: изучение и сохранение крепостных стен и башен // Казанская наука. 2013. № 7. С. 34–41.

Ситдиков А.Г. Казань в эпоху Золотой Орды // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 1. / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Кишинев: Stratum Plus, 2015. С. 365–376.

Ситдиков А.Г. Отчет об археологических раскопках в Спасском районе, г. Болгар, на Болгарском городище (Раскоп CCXVI) в 2016 г. Т. I. Казань, 2017 // НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф. 4. Оп. 1. 202 л.

Ситдиков А.Г., Бочаров С.Г. Раскоп CLXXXIX // Археологические исследования 2013 г.: Болгар и Свияжск. / авт.-сост. А.Г. Ситдиков, Р.Р. Валиев, А.С. Старков. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2014. С. 15–16.

Ситдиков А.Г., Бочаров С.Г. Раскоп CXCI // Археологические исследования 2013 г.: Болгар и Свияжск / авт.-сост. А.Г. Ситдиков, Р.Р. Валиев, А.С. Старков. Казань: ЗАО «Издательский дом «Казанская недвижимость», 2014. С. 18–19.

Ситдиков А.Г., Бочаров С.Г. Раскопы CCXXI, CCXXII и CCXXIII // Археологические исследования 2016 г.: Болгар и Свияжск / авт.-сост. А.Г. Ситдиков, Р.Р. Валиев, А.С. Старков. Казань: ИД «Казанская недвижимость», 2017. С. 18–19.

Ситдиков А.Г., Бочаров С.Г., Иожица Д.В., Куклина А.А., Яворская Л.В. Раскоп CCXVI // Археологические исследования 2016 г.: Болгар и Свияжск / авт.-сост. А.Г. Ситдиков, Р.Р. Валиев, А.С. Старков. Казань: ИД «Казанская недвижимость», 2017. С. 13–15.

Ситдиков А.Г., Бочаров С.Г., Масюта Д.А., Иожица Д.В., Куликов А.В., Лесная Е.С., Яворская Л.В. Раскоп CXCIX // Археологические исследования 2014 г.: Болгар и Свияжск / авт.-сост. А.Г. Ситдиков, Р.Р. Валиев, А.С. Старков. Казань: Казанская недвижимость, 2015. С. 16−18.

Ситдиков А.Г., Бочаров С.Г., Масюта Д.А., Иожица Д.В., Лесная Е.С., Яворская Л.В., Данильченко А.И. Раскоп CXCIX // Археологические исследования 2015 г.: Болгар и Свияжск / авт.-сост.: А.Г. Ситдиков, Р.Р. Валиев, А.С. Старков. Казань: Казанская недвижимость, 2016. С. 13–15.

Ситдиков А.Г., Волков И.В. Лопан О.В. Раскопки на юго-западной окраине Болгарского городища (раскопы CCI, CCII, CCIII) // Археологические исследования 2014 г.: Болгар и Свияжск / авт.-сост. А.Г. Ситдиков, Р.Р. Валиев, А.С. Старков. Казань: ИА АН РТ, 2015. С. 22–24.

Ситдиков А.Г., Сивицкий М.В. Раскопы CLXXXIII, CLXXXV, CLXXXVII, CLXXXVIII // Археологические исследования 2013 г.: Болгар и Свияжск / авт.-сост. А.Г. Ситдиков, Р.Р. Валиев, А.С. Старков. Казань: ЗАО «Издательский дом «Казанская недвижимость», 2014. С. 14–25.

Ситдиков А.Г., Старостин П.Н. Николай Филиппович Калинин. 1888–1959. Казань: КГУ, 2002. 24 с.

Ситдиков А.Г., Хузин Ф.Ш. Исследования белокаменной стены древней Казани по восточному склону Кремлевского холма // Археологические открытия Татарстана / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: ИИ АН РТ, 2001. С. 12–18.

Ситников А.В. Отчет Волго-Донской археологической экспедиции за 1998 год о раскопках курганного могильника «Ленинск-I» в Ленинском районе Волгоградской области // Архив ИА РАН. Р-1. №/№ 21953-21954.

Ситников А.В., Яворская Л.В. Бахтияровка // Археологическая энциклопедия Волгоградской области / Ред. М.А. Балбанова, А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 2009. С. 29.

Скарбовенко В.А., Ломейко П.В. Курганный могильник золотоордынской эпохи Канадей I в Ульяновском Поволжье // Самарский край в истории России. Выпуск 6. Материалы Межрегиональной научной конференции, посвященной 165-летию со дня основания Самарской губернии и 130-летию со дня основания СОИКМ им. П.В. Алабина / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2017. С. 211–230.

Скисов С.Ю. Золотоордынские памятники в северной части дельты Волги. Новые материалы. // Астраханские краеведческие чтения. Вып. VI / Ред. А.А. Курапов. Астрахань: Сорокин Роман Васильевич, 2014. С. 69–75.

Скоробогатова Т.В. Одна из групп золотоордынской художественной керамики XIV в. // СА. 1983. № 2. С. 92–108.

Слепцов А.М., Клименко В.В. Обобщение палеоклиматических данных и реконструкция климата Восточной Европы за последние 2000 лет // История и современность. 2005. № 1. С. 118−135.

Слово о погибели Русской земли / Пер., статья и примеч. И. П. Еремина // Художественная проза Киевской Руси XI–XIII веков / Сост., пер. и примеч. И. П. Еремина и Д. С. Лихачева. М.: Гослитиздат, 1957. XII, с. 251–254, 351–354.

Смагулов Е.А. К истории происхождения и развития «жилища отрарского типа» // Известия НАН РК. Серия общественных наук. 2010. № 1. С. 70–90.

Смирнов А.П. Очерк древней истории мордвы // Сборник статей по археологии СССР / Труды ГИМ. Вып. 11 / Ред. Д. Н. Эдинг. М.: ГИМ, 1940. С. 141–147

Смирнов А.П. Сувар // Работы археологических экспедиций / Труды ГИМ. Вып. 16 / Под. ред. Д.Н. Эдинга. М.: ГИМ, 1941. С. 135–170.

Смирнов А.П. Исследование городища и могильника золотоордынской эпохи у села Б.Тояба Чувашской АССР // Уч. зап. ЧувНИИЯЛИЭ. Вып. IV. Чебоксары: ЧувНИИЯЛИЭ, 1950. С. 82–95, 131–153.

Смирнов А.П. Волжские булгары / Труды ГИМ. Вып. XIX. М.: ГИМ, 1951. 295 с.

Смирнов А.П. Очерки по древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья / МИА. № 28. М.: АН СССР, 1952. 276 с.

Смирнов А.П. Основные этапы города Болгара и его историческая топография // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. I / МИА. № 42 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1954. С. 303–324.

Смирнов А.П. Древняя и средняя история Ульяновского края в свете новых археологических исследований. Ульяновск: Ульян. обл. краевед. музей,1955. 28 с.

Смирнов А.П. Железный век Башкирии // Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири / МИА. № 58 / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. М.: АН СССР, 1957. С. 5–113.

Смирнов А.П. Армянская колония города Болгара // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. II / МИА. № 61 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1958. С. 330–359.

Смирнов А.П. Археологическая экспедиция Ульяновского музея 1960 года. Ульяновск: Ульян. обл. упр. культуры,1961. 47 с.

Смирнов А.П. Об этническом составе Волжской Болгари // Новое в археологии / Отв. ред. В. Л. Янин. М.: МГУ, 1972. С. 302–307.

Смирнов А.П. Новые данные об исторической и социальной топографии города Великие Болгары // Города Поволжья в средние века / Отв. ред. А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1974. С. 4–13.

Смирнов А.П., Тихомирова В. Археологические памятники левобережья Волги (Ульяновск-Майна) // Историко-археологический сборник / Ред. А.П. Смирнов. М.: Красный печатник, 1948. С. 187–198.

Смирнов А.П., Федоров-Давыдов Г.А. Задачи археологического изучения Золотой Орды // СА. 1959. № 4. С. 128–134.

Смирнов А.П., Янина С.А. Находка редких золотых перстней в Болгарах // СА. 1967. № 3. С. 303–306.

Смирнов К.А. Святилище в урочище Ага-Базар // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. II / МИА. № 61 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1958 С. 451–458.

Смирнов К.Ф. Отчет о работе Чкаловской археологической экспедиции ИИМКАН СССР, ГИМ и Оренбургского областного краеведческого музея. 1957 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1686

Смирнов К.Ф. Курганы у сёл Иловатка и Политотдельское Сталинградской области // Древности Нижнего Поволжья. Т. 1 / МИА. № 60 / Отв. ред. Е.И. Крупнов. М.: АН СССР, 1959. С. 206–322.

Смирнов К.Ф. Отчет о работе Оренбургской экспедиции Института археологии АН СССР и Оренбургского краеведческого музея в 1971 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 4510

Смирнов. О надгробных памятниках близ селения Калмаюр // Заволжский муравей. 1833. Ч.1. №.4.

Смолин В.Ф. Отчет об археологических раскопках в Болгарах в июне 1915 г. // ИОАИЭ. Т. XXX. Вып. 1. Казань, 1919. С. 67–73.

Смолин В.Ф. Краткий отчет о раскопках в Болгарах летом 1916 г. // ИОАИЭТ. XXX. Вып. 1. Казань, 1919. С. 113–116.

Смолин В.Ф. Клад восточных золотых предметов из Болгарского городища Джукетау // ВНОТ. 1925. № 3. С. 16–28.

Соколов Н.С. Археологическая экскурсия // Труды СУАК. 1888. Т. I. Вып. III. С. 253–263.

Сокровища Золотой Орды. Каталог выставки / Авторы: Елихина Ю.И., Крамаровский М.Г., Полякова Г.Ф. СПб.: Славия, 2000. 346 с.

Соловьев Е. Памятники татарской старины в даче села Сюкеево Тетюшского уезда // ИОАИЭ, Т. X. Казань, 1892. С. 448–451.

Соловьев Е.Т. О Зеленовском, Льяшевском, Фроловском и Степановском городищах // ИОАИЭ. Т. V. Казань, 1884. С. 13–16.

Соловьев Е.Т. Топография древнего города около с. Русских Кирменей (Мамадышского у., Каз. губ.) // Труды Четвертого Археологического съезда в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 года. Т. 2 / Ред. Н. Булич. Казань: Типография императорского университета, 1891. С. 248–251.

Сорогин Е.И. К вопросу о генеалогии ханов Золотой Орды в период «Великой Замятни». Доступно по: http://refdb.ru/look/2910991-pall.html (дата обращения: 29.04. 2022).

Сородичи по языку / Гл. ред. Дёрдь Нановски. Будапешт: Фонд им. Л. Телеки, 2000. 601 с.

Спасский И.Г. Русская монетная система. Л.: ГЭ, 1962.

222 с.

Спицын А.А. Приуральский край. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии // МАВГР. Вып. I. М.: Типография Э. Лисснера и Ю. Романа, 1893. 192 с.

Спицын А.А. Отчет о поездке члена Археологической Комиссии А.А. Спицына летом 1893 года на Жареный бугор и на некоторые приволжские золотоордынские города // ОАК за 1893 год. СПб., 1895. С. 77–94.

Спицын А.А. Владимирские курганы // Известия ИАК. Вып. 15. СПб., 1905. С. 84–172.

Спицын А.А. Раскопки близ слоб. Гусевки Царицынского уезда // ЗОРСА. Т. VII. Вып. 2. СПб.: Типография М.А. Александрова (Надеждинская, 43), 1907. С. 226–231.

Спицын А.А. Несколько статуэток // Известия ИАК. Вып. 53. Пг. 1914. С. 124–134.

Средневековые города бассейна реки Урал / под ред. М.Н. Сдыкова. Уральск: Полиграфсервис, 2014. 187 с.

Средневековые города Казахстана / Под ред. К.М.Байпакова. Алматы: Онер ТОО, 2006. 199 с.

Старостин П.Н. Отчет 5 отряда Горьковской археологической экспедиции 1959 г. по археологической разведке в Работкинском, Лысковском и Кстовском районах Горьковской области. Казань, 1959 // Архив ИА РАН. Р-1. № 1928.

Старостин П.Н. Остатки древнего Болгара у Малого Иерусалимского оврага // Средневековая археология евразийских степей. Материалы учредительного съезда Международного конгресса. Казань, 14–16 февраля 2007 г. Т. II / Археология евразийских степей. Вып. 2 / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин, А.Г. Ситдиков Казань: Институт истории АН РТ, 2007. С. 140–144.

Старостин П.Н. Рождественский V могильник / археология евразийских степей. Вып. 9. Казань: ИИ АН РТ, 2009. 144 с.

Старостин П.Н., Хомутова Л.С. Железообработка у племен именьковской культуры // СА. 1981. № 3. С. 208–216.

Сташенков Д.А. Белозерское погребение // Вопросы археологии Урала и Поволжья. К 30-летию Средневолжской археологической экспедиции / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Самарский университет, 1999. С. 174–186.

Сташенков Д.А. Литейная форма с Муранского селища на реке Усе // Поволжская археология. 2012. № 1. С. 116–119.

Сташенков Д.А. Новые археологические исследования на территории города Самары. Самара: Ас Гард, 2012. 136 с.

Сташенков Д.А. Барбашинский могильник на территории города Самары: некоторые итоги изучения и перспективы исследования // Известия СНЦ РАН. 2014. Т. 16. № 3. С. 326–329.

Сташенков Д.А. Кузькинский мордовский могильник конца XIII – XIV в.: новые материалы о населении Самарского Поволжья в эпоху Золотой Орды // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Материалы Седьмой Международной конференции посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова (Ялта, 8–12 ноября 2016 г.) / Ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Казань, Ялта, Кишинев: Stratum plus, 2016. С. 201–203.

Сташенков Д.А. Кузькинский мордовский могильник конца XIII–XIV в.: к истории населения правобережья Самарского Поволжья в эпоху Золотой Орды // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2 / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Казань, Кишинев: Stratum plus, 2019. С. 413–432.

Сташенков Д.А., Кочкина А.Ф. Археологические памятники Самары. Самара: СОИКМ, 2012. 160 с.

Сташенков Д.А., Кочкина А.Ф. Муранское селище – памятник золотоордынского времени на реке Усе (к истории изучения и новые материалы) // Средневековье. Великое переселение народов (по материалам археологических памятников Самарской области) / Отв. ред. А.В. Богачев. Самара: САО, 2013. С. 248–276.

Сташенков Д.А., Кочкина А.Ф. Материалы к характеристике системы расселения в Самарском Поволжье в золотоордынский период // Поволжская археология. 2021. № 2 (36). С. 178–192.

Сташенков Д. А., Кочкина А. Ф., Турецкий М. А., Газимзянов И. Р., Гасилин В. В., Хохлов А. А. Элитное погребение золотоордынской эпохи в Самарском Поволжье: человек, лошади и культовый комплекс // Stratum plus. 2021. №5. С. 309–333.

Степанов О.В. Клад джучидских монет второй четверти XV в. из Алексеевского района Татарстана. К вопросу о монетных дворах Булгарского улуса в XV в. // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Материалы Седьмой Международной конференции посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова (Ялта, 8–12 ноября 2016 г.) / Ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Казань, Ялта, Кишинев: Stratum plus, 2016. С. 141–144.

Степанов О.В. Находки золотоордынских монет из окрестностей села Шапши Высокогорского района Республики Татарстан // Родной край. 2018. № 2. С. 68–70.

Степанов О.В., Бугарчев А.И. Находки джучидских монет из окрестностей деревни Сахаровка Алексеевского района РТ // Проблемы истории и культуры Волго-Уральского региона и Евразии. Выпуск 6. Проблемы региональной истории и музейно-краеведческая работа / Под ред. А.А. Бурханова. Казань: Изд-во «Яз», 2017. С. 29-32.

Степанов О.В., Бугарчев А.И. Новый клад из окрестностей села Большие Атряси (Тетюшский район РТ) // Родной край. 2018. №1. С. 88–91.

Степанов О.В., Бугарчев А.И. О монетах с топонимом «Шонгат» // Родной край. 2018. № 4. С. 83–85.

Степанов О.В., Бугарчев О.В. Восьмой клад джучидских монет XV в. с Правобережья Волги // Нумизматические чтения Государственного Исторического музея 2018 года. Мат-лы докладов и сообщений. М., 2018. С. 83–91.

Степанов О.В., Иванов А.А. Клад пулов XIV в. из Болгара // Двадцать первая Всероссийская нумизматическая конференция. Тверь 24-29 мая 2021 г. Тезисы докладов и сообщений. Тверь, 2021. С. 77–79.

Степанов О.В., Купцов А.Е., Нисифоров А.Н. Находки джучидских монет из окрестностей села Старые Салманы Алькеевского района Татарстана // НЗО, №6. Казань, 2016. С. 33–37.

Степанов П.Д. Отчет об археологических работах по р. Сысоле Коми АССР. Сыктывкар, 1939 / Документальный фонд НМРК. Ф. 7 КП. 9816/2. 60 л.

Степанов П.Д. Археологические работы в Мордовской АССР в 1940-1941 гг. // Записки Научно-исследовательского института при Совете министров Мордовской АССР. Вып. 6. История и археология. Саранск: Мордовское гос. изд-во, 1946. С. 64–93.

Степанов П.Д. Итяковское городище // Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 24. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1963. С. 116–130.

Степанов Р.А., Бадеев Д.Ю. Створка литейной формы из раскопа CXCII Болгарского городища // Археология Евразийских степей. 2019. № 6. С. 277–282. DOI: https://doi.org/10.24411/2587-6112-2019-00093.

Степи Евразии в эпоху средневековья / Археология СССР / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1981. 302 с.

Столярова Е.К. Происхождение и хронология стеклянных изделий Москвы XII–XIV вв. // РА. 1997. № 4. С. 93–106.

Столярова Е.К. Стеклянные сосуды XII–XIV веков из Москвы и Дмитрова // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 1 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2004. С. 343–349.

Столярова Е.К. Стеклянный сосуд из раскопок Остоловского селища // Материалы Лихачевских чтений. 3–5 апреля 2008 г. / Отв. ред. С.Ю. Измайлова. Казань: Экспресс-формат, 2008. С. 272–277.

Столярова Е.К., Энговатова А.В. Ближневосточные расписные стеклянные сосуды из Ярославля // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 9 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2013. С. 91–100.

Судаков В.В., Челяпов В.П., Буланкин В.П. Переяславль Рязанский (итоги археологических исследований 1979–1995 гг.) // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 2. Славянский средневековый город / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Фонд археологии, 1997. С. 371–394.

Сунгатов Ф. Волго-Уральский регион в эпоху тюркских каганатов // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. I. Народы степной Евразии в древности / Отв. ред. С.Г. Кляшторный. Казань: РухИЛ, 2002. С. 268–276.

Сызранов А.В. Культ мусульманских «святых мест» – «аулья» в Астраханском крае // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий: Материалы всероссийской научно-практической конференции / Ред. Е.В. Шнайдштейн, Т.Ю. Гречкина, Д.В. Кутуков. Астрахань: АГПУ, 2001. С. 110–113.

Сысак Н.С. Антропологическая характеристика населения так называемой буртасской культуры // КСИЭ. Вып. 4. / Отв. ред. М.Г. Левин. М., Л.: АН СССР, 1952. С. 91–95.

Тагирджанов А.Т. Влияние поэмы Фирдоуси «Юсуф и Зулейха» на «Киссаи Юсуф» Али и «Юсуф и Зулейха» Шаййад Хамзы // Палестинский сборник. Вып. 21(84). Л.: Наука, 1970. С. 54–58.

Тасмагамбетов И., Самашев З. Сарайчик. Алматы: Берел, 2001. 320 с.

Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен. Кн. 1. Ч. 1. М.: :Императорский Московский Университет, 1768. 262 с.

Татищев В.Н. История Российская. Т. III. М.; Л.: Наука, 1964. 340 с.

Тентюков М.Л., Горячко М.Д., Гавритухин И.О., Кузьминых С.В., Котов П.П., Прокинова А.Н., Бирюкова О.И., Павлинов П.С. /2009/. Тентюков М.Л., Горячко М.Д., Коряков Ю.Б., Гавритухин И.О., Кузьминых С.В., Котов П.П., Прокинова А.Н., Селевёрстов В.В., Бирюкова О.И., Павлинов П.С. /2018/. Актуализация: редакция БРЭ /2020/. Коми // Большая российская энциклопедия. Электронная версия (2020); https://bigenc.ru/geography/text/5670612 (дата обращения: 09.12.2022).

Теплоухов Ф.А. Древности Пермской чуди из серебра и золота и её торговые пути // Пермский край. Т. III. Пермь: Типография Н-кого П.Ф. Каменского, 1894. 247–290.

Терехин В.М. Археологические раскопки и розыскания в уездах Краснослободском и Наровчатском // Пензенские Губернские ведомости. №4.1893.

Терехин В.М. Город Наровчат в археологическом отношении // Пензенские губернские ведомости. №142, №143. 1901.

Терехова Н.Н. Технология чугунолитейного производства у древних монголов // СА. 1974. № 1. С. 69–78.

Терехова Н.Н., Розанова Л.С. , Завьялов В.И., Толмачева М.М. Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М. Металлургия, 1997. 315 с.

Терехова Н.Н., Розанова Л.С. К истории трехслойного (самозатачивающегося) лезвия режущих изделий // Металлург. 1993. № 8. С. 35–38.

Терещенко А. Исследование местности Сарая // Материалы для истории Саратовской епархии. Вып. III. Саратов: Типография Союза Печатного Дела, 1909. С. 14–44.

Терещенко А.В. Дневник разрытия курганов в окрестностях города Царева в Саратовской губернии, в течение мая, июня и июля месяцев // ЖМВД. 1843. Ч. 4. С. 112–130.

Терещенко А.В. Продолжение разрытия Царевских курганов // ЖМВД. Кн. VII. СПб.1844. С. 290–295.

Тизенгаузен В.Г. Древности, найденные близ г. Спасска Казанской губернии // Древности: Труды Московского археологического общества. Т. III / Ред. К.К. Герц, В.Е. Румянцев. М.: Синодальная типография, 1873.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Тип. имп. АН, 1884. 564 с.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А.Ромаскевичем и С.Л.Волиным. М.-Л.: АН СССР, 1941. 308 с.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г.Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. М.: Наука, 2003.

Тимощук Б.А. Восточнославянская община VI–X вв. М.: Наука, 1990. 184 с.

Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М.: Госполитиздат, 1956. 477 с.

Тихонов В.В., Волков В.В., Глазков А.Н., Павленко Ю.А. Исследование кургана Клин 1 в Ульяновской области // АО – 2017 / Отв. ред. Н.В, Лопатин. М.: ИА РАН, 2019. С. 327–329.

Токарев С.А. Ранние формы религии. М.: Политиздат, 1990. 622 с.

Толмачев Н.А. Об остатках древности в пределах Казанской губернии // Труды Четвертого Археологического съезда в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 года. Т. 1 / Ред. Н. Булич. Казань: Типография императорского университета, 1884. С. 61–109.

Трепавлов В.В. Образование и политическая история Улуса Джучи до 1266 г. // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. / Ред. М.А. Усманов. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 170–176.

Трепавлов В.В. Золотая Орда в XIV столетии. М.: Квадрига, 2010. 72 с.

Трепавлов В.В. Большая Орда – Тахт эли. Очерк истории. Тула: «Гриф и К», 2010а. 112 с.

Тростьянский О.В. Клад золотоордынских монет XV в. с территории Татарстана // Труды Международных нумизматических конференций. Монеты и денежной обращение в монгольских государствах XIII-XV веков. М.: Нумизматическая литература, 2005. С. 157-158.

Тростьянский О.В. Монеты Великого княжества Нижегородско-Суздальского 1410-1431 гг. М.: Нумизматическая литература, 2009. 180 с.: илл.

Тростьянский О.В. Монеты Казанского ханства. Монетный комплекс XV в. из округи Камаевского городища // НЗО, №4. Казань, 2014. С. 148–152.

Трофимова Т.А. Краниологический очерк татар Золотой Орды // Антропологический журнал. 1936. № 2. С. 166–192.

Трофимова Т.А. Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии / Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Т. VII. М.-Л.: АН СССР, 1949. 264 с.

Трофимова Т.А. Антропологический состав населения г. Болгары в X–XV вв. // Антропологический сборник. Т. 1 / Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Т. 33 / Отв. ред. Г.Ф. Дебец, М.Г. Левин. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 73–115.

Трубникова Н.В. К вопросу о назначении «кобанских сечек» // КСИИМК. Вып. XVIII / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.: АН СССР, 1947. С. 49–53.

Труды Четвертого Археологического съезда в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 года: Т. 1 / Ред. Н. Булич. Казань: Типография императорского университета, 1884. 652 с.

Трутовский В.К. Гюлистан Золотой Орды // Труды Восточной комиссии Императорского Московского археологического общества. Т. I. М., 1889. С. 73–82.

Трушин И.Д., Бугарчев А.И. Находки Булгарских монет в Ульяновской области // XVII ВНК / Отв. ред. И.В. Ширяков. М.: «Триумф принт», 2013. С. 46–48.

Трушин И.Д., Лебедев В.П. Первая отдельная находка джучидского дирхама «К рман» // Нумизматика. №3 (26). М., 2010. С. 6-7.

Турецкий М.А. Памятник поздних кочевников «Фокин курган» у с. Большая Глушица в Самарском Заволжье // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Вып. 2 / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Самарский университет, 2004. С. 238–246.

Турецкий М.А., Китов Е.П., Гальцов К.Д., Ковалевский В.Н. Раскопки селища Малячкино III в Шигонском районе Самарской области // Археологические открытия в Самарской области в 2021 году / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2022. С. 20–21.

Турецкий М.А., Козмирчук И.А., Красильникова Л.И. Раскопки селища Малячкино IV в Шигонском районе Самарской области // Археологические открытия в Самарской области в 2021 году. / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2022. С. 22–24.

Турецкий М.А., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А. Раскопки одиночного кургана Светлое Поле III // Археологические открытия в Самарской области 2020 года / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2021. С. 21–22.

Турикешев Г.Т.-Г., Данукалова Г.А., Кутушев Ш.-И.Б. Южное Предуралье: география, геология, тектоника и геоморфология. М.: ИНФРА-М, 2016. 260 с.

Тухтина Н.В. Археологические исследования в г. Муроме // История и культура Евразии по археологическим данным / Труды ГИМ. Вып. 51 / Ред. Т. Б. Попова и др. М.: ГИМ, 1980. С. 131–133.

Усманов М.А. Состояние и перспективы источниковедения истории Улуса Джучи // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золтой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556 / Отв. ред. М. А. Усманов. Казань: Мастер Лайн, 2002 С. 3–14.

Успенская А.В. Нагрудные и поясные привески Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. / Труды ГИМ. Вып. 43 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Советская Россия, 1967. С.88–132.

Уссейнов М.А., Бретаницкий Л.С., Саламзаде А. История архитектуры Азербайджана.М.: Госстройиздат, 1963. 396 с.

Фахретдин Р. Ханы Золотой Орды. Казань: Тат. кн. изд-во, 1986. 126 с.

Фахретдинов А.И. Отчет об археологических охранных работах на Кульчигинском селище в зоне строительства автодороги «Каратун-Черемшан-Новое Подберезье-Чиреево» в Апастовском районе РТ в 2018 году. Казань, 2018.

Фахрутдинов Р.Г. Отчет о работе 3-го разведочного отряда Татарской археологической экспедиции КФАН СССР за 1961 г. // НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 18. Л. 1–38.

Фахрутдинов Р.Г. Территория Волжско-Камской Булгарии домонгольского и золотоордынского периодов: по археологическим и письменным источникам. Дисс. … канд. истор.наук. Казань, 1968. 356 с.

Фахрутдинов Р.Г. О степени заселенности булгарами территории современной Чувашской АССР // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья / Археология и этнография Татарии. Вып. 1 / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ АН СССР, 1971. С. 175–201.

Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань: Татарское книжное изд-во, 1975. 220 с.

Фахрутдинов Р.Г. Отчет о разведочных работах, проведенных в 1967 г. в Предволжье Татарии. Казань, 1975 // НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф. 17 Оп. 1 Ед.хр. 16. 80 л.

Фахрутдинов Р.Г. Об имени и титуле правителя Волжской Булгарии // Советская тюркология. 1979. № 2. С. 63–71.

Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. М.: Наука, 1984. 216 с.

Фахрутдинов Р.Г. Болгар в письменных источниках // Город Болгар: Очерки истории и культуры / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1987. С. 8–31.

Фахрутдинов Р.Г. Классификация и топография булгарских городищ // СА. 1990. № 4. С. 68–84.

Фахрутдинов, Р.Г. Задачи археологического изучения Казанского ханства // СА. 1973. № 4. С. 113–122.

Федан П.В., Мухаметшин Д.Г., Храмченкова Р.Х., Ситдиков А.Г. Химический состав серебряных монет второй половины XIV – первой трети XV вв., имевших хождение в Болгарском Улусе // Археология Евразийских степей. 2020. № 5. С. 214–226.

Федорова Е.А. Пулы Нуриджана из раскопа CLXXIX Болгарского городища // Нумизматические чтения Государственного Исторического музея 2020 года / Отв. ред. Е.В. Захаров. М.: ГИМ, 2020. С. 111–114.

Федорова Е.А. Джучидские медные монеты из села Танкеевка, хранящиеся в фондах БГИАМЗ // Двадцать первая Всероссийская нумизматическая конференция. (Тверь 24–29 мая 2021 г.). Тезисы докладов и сообщений. / Ред. П.Г. Гайдуков. Тверь: Тверская фабрика печати, 2021. С. 80–82.

Федорова-Давыдова Э.А. Погребение знатной кочевницы в Оренбургской области // Древности Восточной Европы / МИА. № 169 / Отв. ред. Л.А. Евтюхова. М.: Наука, 1969. С. 262–266.

Федоров-Давыдов Г.А. Научный отчет о раскопках на Царёвском городище (Сарае Берке) в 1960 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 2123. 40 л.

Федоров-Давыдов Г.А. Находки джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. I / Под ред. Д.Б. Шелова. М.: АН СССР, 1960. С. 165–221.

Федоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет (основные периоды денежного обращения в Золотой Орде) // Нумизматика и эпиграфика. Т. I / Под ред. Д.Б. Шелова. М.: АН СССР, 1960. С. 94–192.

Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки городища у села Большая Тояба Чувашской АССР в 1957 году // Уч. зап. ЧувНИИЯЛИЭ. Вып. 19. Вопросы археологии и истории Чувашии / Ред. М. Я. Сироткин, В. Д. Димитриев Чебоксары: ЧувНИИЯЛИЭ, 1960. С. 82–95.

Федоров-Давыдов Г.А. Научный отчет о раскопках в 1961 г. на Царёвском городище (Сарай-Берке) Ленинского р-на Волгоградской области // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 2331. 130 л.

Федоров-Давыдов Г.А. Научный отчет о раскопках 1962 г. на городище Сарай-Берке – столицы Золотой Орды // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 2540. 119 л.

Федоров-Давыдов Г.А. Тигашевское городище (археологические раскопки 1956, 1958 и 1959 гг.) // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. IV / МИА. № 111 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1962. С. 49–89.

Федоров-Давыдов Г.А. Находки джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. IV / Отв. ред. Д.Б. Шелов. М.: АН СССР, 1963. С. 165–221.

Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки Нового Сарая в 1959-1962 гг. // СА. 1964. № 1. С. 248–271.

Федоров-Давыдов Г.А. Нумизматика Хорезма золотоордынского периода // Нумизматика и эпиграфика. Т. V / Отв. ред. Д.Б. Шелов. М.: АН СССР, 1965. С. 179–224; ил., карта

Федоров-Давыдов Г.А. О датировке типов вещей по погребальным комплексам // СА. 1965. № 3. С. 50–66.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов: Археологические памятники. М.: МГУ, 1966. 276 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Отчет о раскопках золотоордынских городищ на реке Ахтубе за 1967 год // Архив ИА РАН. Р-1. № 3533.

Федоров-Давыдов Г.А. Город и область Саксин в XII-XIV вв. // Древности Восточной Европы / МИА. № 169 / Отв. ред. Л.А. Евтюхова. М.: Наука, 1969. С. 253–261.

Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М.: Изд-во МГУ, 1973. 180 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Находки кладов золотоордынских монет // Города Поволжья в средние века / Отв. ред. А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1974. С. 176–182.

Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов. М.: Искусство, 1976. 228 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Досаевский клад золотоордынских монет // Труды Чувашского Института языка, литературы, истории и этнографии. Выпуск 80: Исследование по археологии Чувашии. Чебоксары, 1978. С. 30-56: ил.

Федоров-Давыдов Г.А. Клад серебряных джучидских монет с Селитренного городища // НЭ. Т. XIII. 1980. С 58-76, 4 табл.

Федоров-Давыдов Г.А. Монеты Московской Руси: Москва в борьбе за независимость и централизованное государство. М.: МГУ, 1981. 224 с.

Федоров-Давыдов Г.А. В древней дельте Волги (из работ Поволжской археологической экспедиции) // Путешествия в древность. / Под. ред. В.Л. Янина. М.: МГУ, 1983. С. 50–76.

Федоров-Давыдов Г.А. Царевский клад серебряных монет XIV в. // Краеведческие записки. Вып. 1 / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1987. С. 107–157.

Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело и денежное обращение Болгара // Город Болгар. Очерки истории и культуры / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1987. С. 158–204.

Федоров-Давыдов Г.А. Клад монет XIII в. из Волжской Болгарии // Проблемы археологии Евразии / Отв. ред. В.А. Могильников. М.: Наука, 1991. С. 181–192.

Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М.: МГУ, 1994. 232 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Торговля нижневолжских городов Золотой Орды // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 1 / Ред. Ю.А. Зеленеев, Г.А. Федоров-Давыдов. Йошкар-Ола: МарГУ, 1998. С. 38–59.

Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья: керамика, торговля, быт. М.: МГУ, 2001. 254 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. М.: Палеограф, 2003. 351 с.

Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М. Керамическая мастерская Селитренного городища // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья / Отв. ред. К.А. Смирнов. М.: Наука, 1989. С. 133–248.

Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Гусева Т.В. Исследования трех усадеб в восточном пригороде Нового Сарая (Царевского городища) // Города Поволжья в средние века / Отв. ред. А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1974. С. 89–131.

Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Мухамадиев А.Г. Археологические исследования Царевского городища (Новый Сарай) в 1959-1966 гг. // Поволжье в средние века / МИА. № 164 / Отв. ред. А.П. Смирнов. АН СССР, 1970. С. 68–171.

Федоров-Давыдов Г.А., Галкин Л. Л., Усманов М.А. Отчет о раскопках и разведках золооордынских городищ в Волгоградской и Астраханской областях в 1966 г. // Архив ИА РАН Ф-1. Р-1. № 3289.

Федоров-Давыдов Г.А., Мухаметшин Д.Г. Каратунский клад джучидских монет XIV века Т. 1. Казань: КФУ; М.: Палеограф, 2018. 384 с.

Федоров-Давыдов Г.А., Мухаметшин Д.Г. Каратунский клад джучидских монет XIV века. Том II. Казань: Фэн, 2020. 487 с.

Федулов М.И. Средневековое городище у д. Козловки Ядринского района (к вопросу о русско-ордынском пограничье в Нижнем Присурье) // Актуальные вопросы археологии, этнографии, истории (к 100-летию со дня рождения В.Ф. Каховского и 60-летию Чувашской археологической экспедиции): статьи Всерос. науч.–практ. конф. (Чебоксары, 20 декабря 2016 г.) / Отв. ред. О.Н. Широков. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2017. С. 185–187.

Федюнина Д.Ю. Географическая среда и развитие общества // Наука. Инновации. Технологии. 2013. №2. С. 63–74.

Федюшев К.В. Новые находки древнерусских печатей-матриц // Памятники средневековой культуры. Открытия и версии / Отв. ред. А.Н. Кирпичников, О.В. Овсянников. СПб.: АРТ-СОНТАСТ, 1994. С. 239–242.

Фиельструп Ф.А. Из обрядовой жизни киргизов начала XX века. М.: Наука, 2002. 300 с.

Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. 387 с.

Флерова В.Е. Резная кость Юго-Востока Европы IX–XII вв.: искусство и ремесло. По материалам Саркела–Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа. СПб.: Алетейя, 2001. 352 с.

Фомичев Н.М. Новые клады серебряных монет XIV в. из Азова // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1995–1997 гг. Вып. 15 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Азовский краеведческий музей, С. 267–268.

Френ Х.Д. Монгольский гор. Укек на реке Волге Став-

рополь: тип. Губ. правл., 1911. 16 с.

Френ Х.М. Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды. СПб.: тип. Акад. наук, 1832. 80 с.

Фукс А. Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань: Тип. Казанского ун-та, 1840. 329 с.

Хайдаров Т.Ф. Эпидемия чумы в XIII – XIV веках и её последствия // Эпидемии и природные катаклизмы в Золотой Орде и на со- предельных территориях (XIII – XVI вв.) / Отв. ред. Р. Хаутала. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. С. 47–62.

Хайдаров Т.Ф., Долбин Д.А. Вторая пандемия чумы в Золотой Орде и ее последствия // Золотоордынское обозрение. 2014. № 4. С. 96–109.

Хайнрих А. Раннесредневековые катакомбные могильники у селений Чми и Кобан (по материалам Венского Естественно-исторического музея) // Аланы: история и культура. Вып. 3 / Отв. ред. В.Х. Тменов. Владикавказ: Северо-осетинский институт гуманитарных исследований, 1995. С. 184–258.

Хакимзянов Ф.С. Язык эпитафий волжских булгар. М.: Наука, 1978. 205 с.

Хакимзянов Ф.С. О языке межэтнического общения о Волжской Булгарии // К формированию языка татар Поволжья и Приуралья / Отв. ред. Ф. С. Хакимзянов. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. С. 76–87.

Хакимзянов Ф.С. Эпиграфические памятники Волжской Булгарии и их язык. М.: Наука, 1987. 191 с.

Халиков А.Х. Отчет о полевых исследованиях Марийской экспедиции за 1958 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1874.

Халиков А.Х. Марийская археологическая экспедиция 1956 г. // История, археология, этнография / Труды МарНИИ. Вып. 11 / Отв. ред. А.В. Хлебников. Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1958. С. 73–89.

Халиков А.Х. Археологические исследования Института языка, литературы и истории КФАН СССР в 1957-1960 гг. в ТАССР // Вопросы истории Татарии / Ред. Н. И. Воробьева и др. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1960. С. 251–269.

Халиков А.Х. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // Железный век Марийского края / Труды МарАЭ. Т. 2 / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: Марийск. книж изд-во, 1962. С. 7–187.

Халиков А.Х. История изучения Билярского городища и его историческая топография // Исследования Великого города / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1976. С. 5–56.

Халиков А.Х. Монгольское нашествие и судьба Великого города // Археологические памятники Нижнего Прикамья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1984. С. 82–98.

Халиков А.Х. Укрепления древнейшей Казани // Военно-оборонительное дело домонгольской Булгарии / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. С. 90–111.

Халиков А.Х. 500 русских фамилий булгаро-татарского происхождения. Казань: Казань, 1992. 192 с.

Халиков А.Х. Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария. Казань: Фэн, 1994. 164 с.

Халиков А.Х., Валиулина С.И. Проблемы изучения археологии Среднего Поволжья и Приуралья в Казанском университете// Страницы истории Поволжья и Приуралья / Отв. ред. И.Р. Тагиров И.Р. Казань: КГУ, 1991. 162–182.

Халиков А.Х., Шавохин Л.С. Древнейшая Казань // Древняя Казань глазами современников и историков / Сост. и авт. коммент. Ф.Ш. Хузин и А.Г. Ситдиков. Казань: Фест, 1996. С. 298–350.

Халиков А.Х., Шарифуллин Р.Ф., Кузьминых С.В., Валиев Р.М., Хузин Ф.Ш. Инструментарий ремесленников // Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X – XIII вв. / Отв. ред. А.Х. Халиков. М.: Наука, 1985. С. 36–129.

Халикова Е.А. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – начала XIII вв. Казань: КГУ, 1986. 160 с.

Халикова Е.А., Халиков А.Х. Раскопки в Билярске караван-сарая и Тетюшского могильника // АО – 1970 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М. Наука, 1971. С. 143.

Хамзин Р.Н. Отчет о разведках археологических памятников в Камско-Устьинском и Верхнеуслонском районах Республики Татарстан в 2006 г. Казань, 2007 // НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф. 4 Оп. 1. Д. 482.

Хамзин Р.Н. Отчет о разведках археологических памятников в Апастовском и Кайбицком районах Республики Татарстан в 2008 г. Казань, 2009 // НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф.4. Оп. 1. Д. 276, 277.

Хамзин Р.Н., Замалтдинов Р.Р. Исследование средневековых городищ в Северном Предволжье в 2002 г. // XXXV Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых (УПАСК, 5-8 февраля 2003 г.) Археология Урала и Поволжья: итоги и перспективы участия молодых исследователей в решении фундаментальных проблем ранней истории народов региона: материалы, посвященной 450-летию вхождения марийского края в состав России / Отв. ред. В.С. Патрушев. Йошкар-Ола: МарГУ, 2003. С. 80–82.

Хан Хан (Ло Юань Юань) Древнее китайское стекло (на китайском языке). Тайбей: Искусство, 1999. 159 с.

Ханенко Б.И., Ханенко В.Н. Древности русские. Кресты и образки. Вып. 2. Киев: фототипия и тип. С.В. Кульженко, 1899. 71 с.

Ханенко Б.И., Ханенко В.Н. Древности русские. Кресты и образки. Собрание энколпионов, крестиков и образков Б.И. и В.Н. Ханенко. Киев: Фототипия и типография С.В. Кульженко, 1900. 51 с.

Харитонычев А.Т. Природа Нижегородского Поволжья. Горький: Волго-Вятское книжное изд-во, 1978. 175 с.

Харузин А.Н. Киргизы Букеевской Орды (Антрополого-этнографический очерк). Вып. 1, ч. 1// Известия общества любителей естествознания антропологии и этнографии при Московском Университете. Т. II.

1891.

Хафизов Д. Казань на географических картах XIV- начала XVII в. Краткий обзор // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы Международной научной конференции (Казань, 1–3 июня 1999 г.) / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер-Лайн, 2000, С. 151–172 .

Хинц В. Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему. // Хинц В. Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему. Давидович Е.А. Материалы по метрологии средневековой Средней Азии. М.: Наука, 1970. С. 9−78, 132−143.

Хлебникова Т.А. Древнерусское поселение в Болгарах // КСИИМК. Вып. 62 / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.: АН СССР, 1956. С. 141–147.

Хлебникова Т.А. Археологические памятники XIII–XV вв. в Горномарийском районе Марийской АССР // Происхождение марийского народа / Отв. ред. Г.А.Архипов, Д.Е. Казанцев. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1967. С. 85–92.

Хлебникова Т.А. Результаты исследований Мало-Сундырского городища в 1958 и 1964 гг. // История, археология, этнография мари / Труды МарНИИ. Вып. XXII / Отв. ред. А.В. Хлебников. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1967а. С. 148–169.

Хлебникова Т.А. Археологические исследования мавзолеев города «Великие Болгары» в 1966 г. // Поволжье в средние века / МИА. № 164 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Наука, 1970. С. 57–67.

Хлебникова Т.А. Отчет о работах на Алексеевском городище у г. Саратова 1971 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 4397

Хлебникова Т.А. К истории Жукотина (Джукетау) домонгольской поры (по работам 1970-1972 гг.) // СА. 1975. № 1. С. 234–251.

Хлебникова Т.А. Работы на городище Сувар // АО – 1974 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1975. С. 179–180.

Хлебникова Т.А. Городище Сувар // АО – 1975 / Отв. ред. Б.А, Рыбаков. М.: Наука, 1976. С. 204–205.

Хлебникова Т.А. Отчет о работе на Болгарском городище на раскопе № 67–68. 1979 г. // БГИАЗ. Док. фонд. Инв. 60–2. КП-296,. 159 с.

Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М.: Наука, 1984. 241 с.

Хлебникова Т.А. История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия, топография // Город Болгар. Очерки истории и культуры / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1987. С. 32–129.

Хлебникова Т.А. Кожевенное дело // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 244–254.

Хлебникова Т.А. Неполивная керамика Болгара // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 7–102.

Хлебникова Т.А. Анализы Болгарского цветного металла // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АНТ, 1996.С. 269–292.

Хлобыстин Л.П. Святилища Вайгача // AD POLUS / Археологические изыскания. Вып. 10 / Отв.ред. Г.Н. Грачёва. СПб.: Фарн, 1993. С. 15–18

Хмельницкий С. Между арабами и тюрками: Раннеисламская архитектура Средней Азии. Берлин-Рига: Continent Ltd, 1992. 344 с.

Хмельницкий С. Между Саманидами и монголами: Архитектура Средней Азии XI – начала XIII вв. Часть I. Берлин-Рига: Gamajun, 1996. 333 с.

Хованская О.С. Новые данные о городе Болгаре // КСИИМК. Вып. XXXVIII / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.: АН СССР, 1951. С. 120–127.

Хованская О.С. Гончарное дело города Болгара // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. I / МИА. № 42 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Н СССР, 1954. С. 340–368.

Хованская О.С. Бани города Болгара // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. I / МИА. № 42 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1954а. С. 392–423.

Хованская О.С. Новые данные о крепостных сооружениях г. Болгара // КСИИМК. Вып. 62 / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.; Л.: АН СССР, 1956. С. 129–134.

Хованская О.С. Оборонительная система города Болгара // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. II / МИА. № 61 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1958. С. 316–329.

Хованская О.С. Нагрудное украшение из булгарского города Джукетау // СА. 1958. № 1. С. 239–243.

Хованская О.С. Труды по археологии. Казань: Школа, 2021. 276 с.

Ходжайов Т.К. Этнические процессы в Средней Азии в эпоху средневековья (Антропологические исследования). Ташкент: ФАН, 1987. 210 с.

Ходжайов Т.К. Средневековые краниологические материалы из Астраханской области // Вестник антропологии. 2005. Вып. 12. С. 76–97.

Хомяков М.М. Отчет о раскопках в Болгарах летом 1913 г. // ИОАИЭ. Т. XXIX. Вып. 4.Приложение. Казань, 1916. С. 31–33.

Хорев Б.С. Волго-Вятский район. Экономико-географический очерк. М.: Просвещение, 1964. 112 с.

Хорошкевич А.Л. Из истории ганзейской торговли (Ввоз в Новгород благородных металлов в XIV-XV вв.) // Средние века. Вып.XX. / Отв. ред. С.Д. Сказкин. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С.98-120

Храмченкова Р.Х., Шайхутдинова Е.Ф., Бугарчев А.И., Петров П.Н., Ситдиков А.Г. Сравнительный анализ химического состава и структуры пореформенных серебряных монет Джучидов (по материалам раскопа CLXXIX Болгарского городища) // Нумизматические чтения Государственного Исторического музея 2017

года. Материалы докладов и сообщений. М.: РИА Внешторгиздат, 2017. С. 97–104.

Храпачевский Р.П. Военная держава Чингисхана. М: АСТ; ВЗОИ, 2004. 557 с.

Хрипунов Н.В. Монгольская одежда знати Золотой Орды в 1266–1312 гг. // Золотоордынская цивилизация. Вып. 6. / Отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. С. 233–272.

Хрисанфова Е.Н., Перевозчиков И.В. Антропология. М.: МГУ, 1999. 400 с.

Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана IX – XV веков. Т. III. Торевтика / ред. К. Байпаков, Ш. Пидаев, А. Хакимов. Самарканд-Ташкент: МИЦАИ, 2012. 297 с.

Худяков А.В., Шакиров З.Г., Шорохов М.В. Археологические раскопкина территории Билярского археологического комплекса // АО – 2019 / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2021. С. 345–347.

Худяков М. Очерки по истории Казанского ханства. Казань: Фонд ТЯК, 1990. 308 с.

Хузин Ф.Ш. Лепная керамика // Посуда Биляра / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1986. С. 4–23.

Хузин Ф.Ш. Великий город и монгольское нашествие // Волжская Булгария и монгольское нашествие / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1988. С. 43–58.

Хузин Ф.Ш. О верхней дате существования Билярского городища // Проблемы археологии Среднего Поволжья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: КГУ, 1991. С. 40–58.

Хузин Ф.Ш. Итоги и перспективы изучения булгарского домонгольского города // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: ИЯЛИ АНТ, 1993. С. 5–32.

Хузин Ф.Ш. Новые исследования на Джукетау // Археологические открытия Урала и Поволжья / Отв. ред. В.В. Никитин. Йошкар-Ола: МарГУ, 1994. С. 139–142.

Хузин Ф.Ш. О столице Волжской Булгарии домонгольского периода // Великий город на Черемшане. Стратиграфия, хронология. Проблемы Биляра – Булгара. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 1995. С. 6–42.

Хузин Ф.Ш. Великий город на Черемшане. Стратиграфия, хронология. Проблемы Биляра – Булгара. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 1995. 224 с.

Хузин Ф.Ш. Древний Биляр и его окрестности. Казань: Школа, 2004. 76 с.

Хузин Ф.Ш., Газимзянов И.Р.,Губайдуллин А.М., Гариф Н.Г. Чаллынское городище: проблемы сохранения,исследования и музеефикации // Биляр и Волжская Булгария: изучение и охрана археологических памятников. Тезисы научной конференции. Казань, 1997. С. 81–84

Хузин Ф.Ш., Набиуллин Н.Г. Булгарский город Джукетау на Каме (по материалам раскопа III 1991, 1993 гг.) // Археологическое изучение булгарских городов / Ред. Ф.Ш. Хузин и др. Казань: Мастер Лайн, 1999. С. 90–113.

Хузин Ф.Ш., Нигамаев А.З. Археологические исследования Чаллынского городища // Борынгы Чаллы. Древние Чаллы / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер-Лайн, 2000. С. 175–202.

Хузин Ф.Ш., Ситдиков А.Г. Древняя Казань. Казань: Яналиф, 2005. 152 с.

Хузин Ф.Ш., Шарифуллин Р.Ф. Город Сувар: некоторые итоги и задачи археологического исследования // Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИИ АН РТ, 1999. С. 85–100.

Цалкин В.И. Материалы для истории скотоводства и охоты в Древней Руси / МИА. № 51. М.: Наука, 1956. 184 с.

Центральный базар Болгара и его окружение (междисциплинарные исследования по материалам раскопок 2011–2019 гг.) / Материалы и исследования по археологии Болгарского историко-архитектурного комплекса. Т. IV / Отв. ред. В.Ю. Коваль. М.; СПб: Нестор-История, 2022. 288 с.

Цибин В.А., Попов А.С., Каравашкина Е.А. Охранно-спасательные археологические раскопки грунтового могильника Жигули I в Ставропольском районе Самарской области // Археологические открытия в Самарской области в 2021 году / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2022. С. 32–33.

Циркин А.В. Нижнеборковский клад // СА. 1971. № 1. С. 276–281.

Цуцкин Е.В. Отчет о работе археологической экспедиции Калмыцкого научно-исследовательского института / Научный архив КИГИ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 29.

Чагантеуке (Čaγan teüke) «Белая история», монгольский историко-правовой памятник XIII–XVI вв. / Ред. П.Б. Балданжапова, Ц.П. Ванчикова. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2001. 200 с.

Червонная С.М. Мусульманская эпиграфика (резные надгробные камни) в Крыму // ТА. 1997. № 1. С. 107–128.

Черепнин Л.В. Монголо-татары на Руси (ХШ в.) // Татаро-монголы в Азии и Европе / Отв. ред. С.Л. Тихвинский. М.: Наука, 1970. С. 179–203.

Чернецовы Г. и Н. Путешествие по Волге. М.: Мысль, 1970. 191 с.

Черников В.Ф. Отчет третьего разведотряда Горьковской экспедиции за 1959 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1990.

Черников В.Ф. Крепость “Оленья гора” близ г. Лысково на Волге // Славяно-русские древности / КСИА. Вып. 110. М.: Наука, 1967. С. 86–91.

Черников В.Ф. Отчет о раскопках поселения Шава II и селищ Шава Iа и Iб в 1969 г. М., 1970 // Архив ИА

РАН. Ф. Р-1. Д. 4871, 4871А

Черников В.Ф. Могильник в Н.Новгороде близ больницы имени Н.А. Семашко // Записки краеведов / сост. Н.И. Куприянова. Нижний Новгород: Волго-Вятское книжное изд-во, 1991. С. 218–221.

Черников В.Ф. Славянское селище Большая Тарка // Памятники истории и культуры Европейской России: Материалы научных конференций «Проблемы исследования памятников истории и культуры Верхнего Поволжья» / Отв. ред. Ф.В. Васильев. Нижний Новгород: НИП «Этнос», 1995. С. 117–128.

Чернышёв Е.И. Селения Казанского ханства (по писцовым книгам) // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов среднего Поволжья / Археология и этнография Татарии. Т. 1 / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1971. С. 272–292.

Четвериков С.И. Отчет об охранных раскопках грунтового могильника «Маячный-II» Красноярского района в 1991 г. Саратов, 1992 // Архив ИА РАН. № 16750.

Чеченков П.В. Нижегородский край в конце XIV – третьей четверти XVI в.: внутреннее устройство и система управления. Нижний Новгород: Комитет по делам архивов Нижегородской области, 2004. 137 с.

Чингисиана: свод свидетельств современников / Пер., сост. и коммент. А.Мелехина. М.: Эксмо, 2009. 728 с.

Мәржәни Ш. Мөстафадел-ахбар фи әхвали Казан вә Болгар (Казан һәм Болгар хәлләре турында файдаланылган хәбәрләр). Казан, Татарстан китап нәшрияты, 1989. 414 б.

Шавкунов Э.В. Культура чжурчженей-удиге XII–XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М.: Наука, 1990. 282 с.

Шайдакова М.Я. Нижегородские летописные памятники XVII в. Нижний Новгород: Нижегородский ун-тет, 2006. 281 с.

Шайхутдинова Е.Ф., Бугарчев А.И., Петров П.Н. О химическом составе поверхностного слоя булгарских монет XV в. // Нумизматические чтения Государственного Исторического музея 2018 года. Мат-лы докладов и сообщений. М., 2018. С. 104–110.

Шакиров З.Г. Новые исследования на Балынгузском IV селище // Археологические исследования в Татарстане в 2001 году / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Школа, 2002. С. 110–111.

Шакиров З.Г. О современном состоянии памятников булгаро-татарского времени округи Биляра // Урало-Поволжье в древности и средневековье. Материалы Международной научной конференции V Халиковские чтения «Урало-Поволжье в древности и средневековье», посвященной 80-летию со дня рождения А.Х. Халикова (27–30 мая 2009 г., Казань) / Археология евразийских степей. Вып. 11 / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Фолиант, 2011. С. 276–283.

Шакиров З.Г. Округа Биляра в X–XV вв. (поселенческая структура, ресурсный потенциал) .Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Казань, 2012. 27 с.

Шакиров З.Г. История изучения археологических памятников в округе Билярского городища // Труды КАЭЭ. Вып. VIII / Отв. ред. А.М. Белавин. Пермь: ПГГПУ, 2012. С. 276–283.

Шакиров З.Г. Округа Биляра в X–XV вв. (поселенческая структура, ресурсный потенциал) Автореф. дис. … канд. ист. наук. Казань, 2012а. 27 с.

Шакиров З.Г. К вопросу о поселенческой структуре и ресурсном потенциале округи Биляра X – XV вв. // История и культура средневековых народов степной Евразии: материалы II Междунар. конгресса средневекой археологии Евразийских степей / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: АлтГУ, 2012б. С. 183–184.

Шакиров З.Г. Средневековая округа Биляра: к методике исследования поселенческой структуры и ресурсного потенциала // Поволжская археология. 2014. № 2 (8). С. 37–48.

Шакиров З.Г., Матвеев Р.В. Изучение комплекса Балынгузских мавзолеев // Средневековая археология Волго-Уралья: сб. науч. трудов к 65-летнему юбилею д.и.н., проф., член-корр. АН РТ Ф.Ш. Хузина / Отв. ред. А.Г. Ситдиков. Казань: ИА им. А.Х. Халикова АН РТ, 2016. С. 97–100.

Шакиров З.Г., Мирсияпов И.Ю., Шигапов М.Б., Фахрутдинов И.Р. Разведочные работы археологической экспедиции института истории АН РТ на территории Арского района РТ (2006–2009 гг.) // Арская земля: актуальные проблемы изучения историко-культурного наследия / Отв. ред. А.Г. Ситдиков, Ф.Ш. Хузин. Казань: ИИ АН РТ, 2010. С. 31–37.

Шакиров З.Г., Хузин Ф.Ш., Ситдиков А.Г. Некоторые итоги археологических исследований на территории Арского городища в 2006–2008 гг. // Арск и арская земля: актуальные проблемы изучения историко-культурного наследия / Отв. ред. А.Г. Ситдиков, Ф.Ш. Хузин. Казань: ИИ АН РТ, 2010а. С. 24–30.

Шакиров З.Г., Шорохов М.В. Историко-археологические изучения погребальных памятников на горе Балынгуз // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции «Великий Болгар – цивилизация на Волге» / Ред. коллегия Бирюкова Г.М., Мухаметшин Д.Г., Фасхутдинов А.Н. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2020. С. 260–276.

Шалобудов В.Н., Кудрявцева И.В. Кочевнические погребения Среднего Приорелья // Курганы Степного Поднепровья: сборник научных трудов / Отв. ред. И.Ф. Ковалева. Днепропетровск: ДГУ, 1980. С. 90–97.

Шапошник В.Г., Зайончковский Ю.В. К истории харьковского Поудья в золотоордынское время // Поволжская археология. 2017. № 4 (22). С. 147–164.

Шапран И.Г. Предварительные итоги исследования Грековского могильника на Средней Вятке // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья / Отв. ред. Б.Г. Плющевский. Ижевск, 1984. С. 88–109.

Шарифуллин Р.Ф. Бани Болгара и их изучение // Город

Болгар. Монументальное строительство, архитектура, благоустройство / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 2001. С. 217–260.

Шарифуллин Р.Ф. Исследование крупной кирпично-каменной постройки в Болгаре в 1994–2011 гг. (предварительные результаты). // История и культура средневековых народов степной Евразии: материалы II Междунар. конгресса средневекой археологии Евразийских степей / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: АлтГУ, 2012. С. 184–185.

Шарифуллин Р.Ф. К истории археологического изучения Болгара // Поволжская археология. 2014. № 3 (9). С. 56–74.

Шарифуллин Р.Ф. Археология Болгара в 1981–2009 годах // Город Болгар. Жилища и жилая застройка / Отв. ред. А.Г. Ситдиков. М.: Наука, 2016. С. 246–264.

Шашунова С.М. Золотоордынские женские большие халаты XIII-XIV вв. в коллекции Волгоградского областного краеведческого музея // Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований. IV Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей, посвященный 100-летию российской академической археологии (Улан-Удэ, 16–21 сентября 2019 г.). Кн. 1 / Отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2019. С. 193–195.

Шашунова С.М. Золотоордынский текстиль в коллекции Волгоградского областного краеведческого музея // Искусство древнего текстиля. Методы изучения, сохранность, реконструкция / Под. ред. И.И. Елкиной, М. Вагнер, П.Е. Тарасова. М.; Оппенхайм-на-Рейне: ИА РАН; Nünnerich-Asmus Verlag & Media GmbH, 2019. С. 223–239.

Шевченко А.В. Антропологическая характеристика населения низовьев Волги (по краниологическим материалам могильника Хан-Тюбе) // Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР / Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР. XXXVI / Отв. ред. И.И. Гохман. Л.: Наука, 1980. С. 139–168.

Шевченко А.В. Антропологическая характеристика средневекового населения низовьев Волги (по краниологическим материалам из могильника Хан-Тюбе) // Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР / Отв. ред. И.И. Гохман. Л.: Наука, 1980. С. 139–168.

Шеньян И. О составе мозаичных арабесок у татар Золотой орды // Записки Императорского археологического общества. Т. 4. СПб., 1852. С. 119–121.

Шигапов М.Б. Комплекс материалов золотоордынского времени у села Рождествено в низовьях Камы // Город и степь в контактной евро-азиатской зоне. Тезисы докладов III Международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова (1931–2000) / Отв. ред. В.В. Мурашева. М.: Нумизматическая литература, 2006. С. 198–199.

Шигапов М.Б. Отчет о разведках в Высокогорском районе в 2007 г. Казань, 2008 // НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф. 4. Оп. 1. № 253.

Шигапов М.Б. Исследования городища Кашан I в 2012 году // Поволжская археология. 2013. № 2 (4). С. 299–306.

Шилов В.П. Отчет о раскопках Калиновского отряда Сталинградской археологической экспедиции ИИМК АН СССР в 1954 году // Архив ИА РАН. Р-1. №/№ 1300-1300а.

Шилов В.П. Раскопки Калиновского курганного могильника // КСИИМК. № 59 / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.: АН СССР, 1955. С. 118–128.

Шилов В.П. Отчет о раскопках Астраханской экспедиции в 1956 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1314. 1956а

Шилов В.П. Чертежи курганного могильника близ села Ленинское Ленинского района Сталинградской области за 1956 г. // Архив ИИМК. Ф.35. Оп. 1. Д. 15. 1956б.

Шилов В.П. Археологические исследования Астраханской экспедиции в 1957 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №/№ 1563–1564.

Шилов В.П. Отчет о раскопках Астраханской экспедиции в 1958 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №/№ 1850-1850а.

Шилов В.П. Калиновский курганный могильник // Древности Нижнего Поволжья. Т. 1 / МИА. № 60 / Отв. ред. Е.И. Крупнов. М.: АН СССР, 1959. С. 323–523.

Шилов В.П. Отчет о раскопках Астраханской археологической экспедиции ЛОИА за 1963 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №/№ 2750-2750а.

Шилов В.П. Исследование Волго-Донской археологической экспедиции в 1981 г. // Архив ИА РАН. Р-1 10968.

Шилов В.П. Проблемы освоения открытых степей Калмыкии от эпохи бронзы до средневековья // Памятники Калмыкии каменного и бронзового веков / Отв. ред. У.Э. Эрдниев. Элиста: КНИИИФЭ, 1982. С. 24–53.

Шитов В.Н. Расселение древней мордвы // Финно-угорский мир: история и современность. Материалы II Всерос. науч. конф. финно-угроведов. Саранск: Тип. "Крас. Окт.", 2000. С. 52–60.

Шитова Т.Б. Ближневосточная керамика IX в. из Старой Ладоги // СА. 1980. № 2. С. 238–239.

Шляхова В.И. Керамика с кобальтовой росписью в Золотой Орде (по материалам Селитренного и Царевского городищ) // СА. 1980. №4. С. 75–86.

Шмит А. Архитектурные чертежи развалин древних Болгар. Сняты с натуры в 1827 г. Казань, 1827.

Шнайдштейн Е.В. Раскопки средневековых памятников в дельте Волги // АО – 1969 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1970. С. 175–176.

Шнайдштейн Е.В. Позднекочевнические погребения на территории Калмыцкой АССР // Этнографические вести. Вып. 3 / Ред. Н. Ш. Ташнинов. Элиста: КНИИЯЛИ, 1973. С. 212–229.

Шнайдштейн Е.В. Отчет об археологических исследованиях в Астраханской области в 1978 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №/№ 7255-7255а.

Шнайдштейн Е.В. Раскопки курганов в урочище «Гува» // Археологические памятники Калмыцкой степи / Отв. ред. У.Э. Эрдниев. Элиста: КалмНИИ истории, философии и экономики, 1979. С. 55–68.

Шнайдштейн Е.В. Исследования в Астраханской области // АО–1978 / Отв.ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1979а. С. 203–204.

Шнайдштейн Е.В. Новые средневековые памятники в дельте Волги // Древняя история Поволжья / Отв. ред. С.Г. Басин Куйбышев: КГПИ, 1979б. С. 191–202.

Шнайдштейн Е.В. Отчет об археологических разведках в Наримановском районе Астраханской области в 1979 г. Астрахань, 1979в // Архив ИА РАН. Р-1. № 7549.

Шнайдштейн Е.В. Археологические памятники Астраханской области. Путеводитель по памятникам археологии Ахтубинского района. Астрахань: АГПИ, 1990. 64 с.

Шнайдштейн Е.В. Отчет об археологических разведках в Красном Яру Астраханской области в 1990 г. Астрахань, 1991 // Архив ИА РАН. № 18977, 18978.

Шнайдштейн Е.В. Средневековый Мошаик. // Материалы четвертой краеведческой конференции. Ч. II / Ред. Г.С. Маколов. Астрахань: АГПИ, 1992. С. 3–11.

Шокуров А.П. Отчет об археологической работе летом 1956 года 3 отряда Башкирской археологической экспедиции // Архив ИА РАН. Р-1. № 1245а

Шпилевский С. М. Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань: Тип. Казан. Имп. ун-та, 1877. 611 с.

Шпулер Б. Золотая Орда. Монголы в России. 1223–1502 гг. Казань: ИИ АН РТ, 2016. 500 с.

Штукенберг А.А. Последние раскопки в Болгарах // ИОАИЭ. Т. X. Вып. 1. Казань, 1892. С. 108–110.

Шутова Н.И. Отчет об исследованиях Удмуртской археологической экспедиции в Сабинском и Арскомрайонах ТАССР в 1982 году // Архив ИА РАН. Р-1, № 9504.

Шутова Н.И. Отчет об исследованиях четвертого отряда УАЭ в 1983 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10111

Шутова Н.И. Отчет об исследованиях четвертого отряда УАЭ в 1984 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10491.

Шутова Н.И. Отчет об исследованиях четвертого отряда УАЭ в 1985 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10417.

Шутова Н.И. Удмурты XVI – первой половины XIX в.: по данным могильников. Ижевск : УИИЯЛ, 1992. 262 с.

Шутова Н.И. Краткие сведения о рекогносцировочных исследованиях Арского городища (1983-1984 гг.) // Арск и арская земля: актуальные проблемы изучения историко-культурного наследия / Отв. ред. А.Г. Ситдиков, Ф.Ш. Хузин. Казань: ИИ АН РТ, 2010. С. 16–23.

Щапова Ю.Л. Два сирийских сосуда из Новгорода // Историко-археологический сборник / Отв. ред. Д.А. Авдусин, В.Л. Янин. М.: МГУ, 1962. С. 232–236.

Щапова Ю.Л. Стеклянные изделия из Старой Рязани (по материалам раскопок 1966–1968 гг.) // Археология Рязанской земли / Отв. ред. А.Л. Монгайт. М.: Наука, 1974. С. 76–92.

Щеглов С.А. Раскопки на Водянском городище // Труды СУАК. 1915. Вып. 32. С. 145–152.

Эвлия Челеби. Книга Путешествия // Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века / Перевод и комментарии. Вып.2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья / Отв. ред. А.Д. Желтяков. М.: Наука, 1979. 288 с.

Экспедиции, раскопки и случайные находки, имевшие место в России в 1891 г. // ИОАИЭ. Т. X. Вып. 2. Казань, 1892. С. 225–227.

Эрдман Ф. История булгаров (и города Булгара) // Сын Отечества. 1821.Вып. 6.

Юдин А.И. Алексеевское городище в Саратове: итоги и перспективы исследования // Поволжский край. Вып. 11: Проблемы истории и археологии Саратовского Поволжья / Отв. ред. В.Н. Данилов. Саратов: СГУ, 2000. С. 71–83.

Юдин А.И., Балановский А.В. Позднесредневековые русские памятники лесостепного правобережья Нижней Волги // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий: Материалы всероссийской научно-практической конференции / Ред. Е.В.Шнайдштейн, Т.Ю. Гречкина, Д.В. Кутуков. Астрахань: АГПУ, 2001 С. 98–101.

Юнусова-Ключникова Р.М. Максимовский клад // Средневолжская археологическая экспедиция / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Куйбышев: КГУ, 1977. С. 93–97.

Юрченко А.Г. Монгольская мужская прическа XIII века // Mongolia—VI / Отв. ред. С.Г. Кляшторный. СПб.: Петебургское востоковедение, 2003. С. 63–68.

Юрченко А.Г. Элита Монгольской империи: время праздников, время казней. СПб.: Евразия, 2012. 432 с.

Юсупов Г.В. Эпиграфические памятники Болгарского городища / НА ИА РАН Ф. Р–2, ед. хр. 2015.

Юсупов Г.В. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 166 с.

Юсупов Г.В. Эпиграфические памятники Болгарского городища // НОА ИА РАН. Ф. Р-2. ед. хр. 2015.

Юсупов Р.М. Краниология башкир. Л.: Наука, 1989. 198 с.

Юсупов Р.М. Глава 3. Антропологический состав башкир и его формирование // Башкиры: этническая история и традиционная куль тура / Под общ. ред. Р.М. Юсупова. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2002. С. 21–44.

Яблонский Л.Т. Некоторые результаты исследований средневекового мусульманского некрополя Селитренного городища в 1976–1977 гг. // Полевые исследования Института этнографии 1977 года / Отв. ред.

С.И. Вайнштейн. М.: Наука, 1977. С. 196–204.

Яблонский Л.Т. Типы погребального обряда на мусульманском некрополе Селитренного городища // Полевые исследования Института этнографии. 1978 года / Отв. ред. С.И. Вайнштейн. М.: Наука, 1980а. С. 211–219.

Яблонский Л.Т. Монголы в городах Золотой Орды (по материалам мусульманских некрополей) // Проблемы антропологии древнего и современного населения советской Азии / Отв. ред. В.П. Алексеев. Новосибирск: Наука, 1986. С. 6–27.

Яблонский Л.Т. Некрополи Болгара // Город Болгар. Очерки истории и культуры / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1987. С. 124–142.

Яблонский Л.Т. Социально-этническая структура золотоордынского города по данным археологии и антропологии // Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы / Отв. ред. М.С. Великанова. М.: Наука, 1987. С. 142–236.

Яворская Л.В. Могильники золотоордынского времени в окрестностях Царёвского городища. Дисс. … канд. ист. наук. Воронеж, 1999а. 252 с.

Яворская Л.В. Особенности погребального обряда в некрополях окрестностей Царевского городища (опыт статистической обработки) // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 1999б. С. 242–270.

Яворская Л.В. Основные результаты археозоологических исследований городища Самосделка (2005–2010 гг.) // Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации / Ред. Д.В. Васильев. Астрахань: Сорокин Роман Васильевич, 2011. С. 151–154.

Яворская Л.В. Костные останки животных из раскопа CLXII города Болгара: некоторые новые методы обработки и оценки археозоологических материалов // Поволжская археология. 2012. № 1. С. 216–237.

Яворская Л.В. Традиции оседлого населения золотоордынского Нижнего Поволжья в мясной диете (по археозоологическим материалам) // Кадырбаевские чтения – 2012. Материалы III Международной научной конференции / Отв. ред. А.А. Бисембаев. Актобе: Актюбинский областной центр истории, этнографии и археологии, 2012. С. 376–385.

Яворская Л.В. Особенности заполнения культурных напластований золотоордынского города Укек по археозоологическим материалам из раскопок 2008-2012 гг. // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 10 Материалы IV Нижневолжской международной археологической конференции / Отв. ред. В.А. Лопатин. Саратов: Типография ИП Беглакова Е.С., 2013. С. 569–579.

Яворская Л.В. Специфика заполнения культурных слоев и динамика мясного потребления в городе Болгар (по археозоологическим материалам раскопа CLXXIX). // Поволжская археология. 2013. №3 (5). С. 91–102.

Яворская Л.В. Динамика заполнения костями животных центральной части Болгарского городища как показатель интенсивности жизнедеятельности его обитателей // КСИА. 2015. Вып. 237. С. 239–251.

Яворская Л.В. Процессы урбанизации и динамика мясного потребления в средневековых городах Поволжья (по археозоологическим материалам) // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 1. / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Кишинев: Stratum Plus, 2015а. С. 197–206.

Яворская Л.В. Археозоологические материалы Укека и его округи: к проблематике поставок сельскохозяйственной продукции в города Золотой Орды // Историко-археологические памятники Золотой Орды на территории Саратовского Поволжья. Укек: прошлое, настоящее, будущее. Международной научно-практической конференции (Саратов, 4–6 июня 2015 г.). / Ред. К.А. Аблязов, Э.С. Кульпин-Губайдуллин, Ф.А. Рашитов. Саратов: Научная кинга, 2016. С. 140–147.

Яворская Л.В. Домашние животные в быту и экономической системе Золотой Орды: Письменные свидетельства и археолозоологические реалии // Труды III Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей «Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй» / Ред. Н.Н. Крадин, А.Г. Ситдиков. Владивосток: Дальнаука, 2017. С. 313–318.

Яворская Л.В. К вопросу об обеспечении мясными продуктами средневекового города Болгар // Поволжская археология. 2018. № 2 (24). С. 307–318.

Яворская Л.В. Экзотическое сырье костяных артефактов из раскопок золотоордынских городов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2018а. Т. 23, № 3. С. 206–217.

Яворская Л.В. Продукция скотоводства в золотоордынском Маджаре: мясные продукты и ремесленные производства // Археология Евразийских степей. 2018б. № 5. С. 68–73.

Яворская Л.В. Косторезные мастерские в торгово-ремесленном районе средневекового Болгара: критерии выявления // Поволжская археология. 2019. № 4 (30). С. 210–225.

Яворская Л.В. Скопления костей животных в городах Золотой Орды: основные находки, видовой состав, анатомический набор // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2 / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Казань, Кишинев: Stratum plus, 2019. С. 553–568

Яворская Л.В. Скопления костей животных в городах как источник по экономической истории Золотой Орды // // Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований. IV Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей, посвященный 100-летию российской академической археологии (Улан-Удэ, 16–21 сентября 2019 г.). В 2 кн. Кн. 2 / Отв. ред. Б.В.

Базаров, Н.Н. Крадин. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2019. С. 111–115.

Яворская Л.В., Антипина Е.Е., Энговатова А.В., Зайцева Г.И. Стабильные изотопы углерода и азота в костях домашних животных из трёх городов европейской части России: первые результаты и интерпретации // Вестник Волгоградского ГУ. Серия. 4. 2015. №1 (31). С. 54–64.

Яворская Л.В., Бадеев Д.Ю. Косторезные мастерские в торгово-ремесленном районе средневекового Болгара: критерии выявления // Поволжская археология. 2019. № 4 (30). С. 210–225.

Яворская Л.В., Бадеев Д.Ю. Косторезные мастерские и проблема методики их выявления // Центральный базар Болгара и его окружение (междисциплинарные исследования по материалам раскопок 2011–2019 гг.) / Материалы и исследования по археологии Болгарского историко-архитектурного комплекса. Т. IV / Отв. ред. В.Ю. Коваль. М.; СПб: Нестор-История, 2022.С. 77–83.

Якобсон А.Л. Художественная керамика Байлакана (Орен-Кала) // Труды Азербайджанской (Орен-Калинской) археологической экспедиции. Т. I / МИА. № 67 / Отв. ред. А.А. Иессен. М-Л.: АН СССР, 1959. С. 228–302.

Якубовский А.Ю. Развалины Ургенча / ИГАИМК. Т. 6. Вып. 2. Л.: ГАИМК, 1930. 60 с.

Якубовский А.Ю. К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая Берке / ИГАИМК. Т.8. Вып. 2–3. Л.: ГАИМК, 1931. 48 с.

Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. 2. М.: Наука, 1970. 367 с.

Янина С.А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1946 - 1954 гг. // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. I / МИА. № 42 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1954. С. 424–484.

Янина С.А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1953-1954 гг. // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. II / МИА. № 61 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1958. С. 392–423.

Янина С.А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1957 году // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. III / МИА. № 80 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1960.С. 210-224.

Янина С.А. Общий обзор джучидских монет из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах (1946-1958 гг.) // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. IV / МИА. № 111 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1962. С. 153–178.

Янина С.А. Монеты Золотой Орды из раскопок и сборов Поволжской археологической экспедиции на Царевском городище в 1959-1962 гг. // Поволжье в Средние века / МИА. № 164 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Наука, 1970. С. 194–218.

1001 Inventions Muslim Heritage in Our World / Ed. by Salim T.S. Al-Hassani. Manchester: Foundation for Science, Technology and Civilisation, 2006. 376 p.

Bacci M. “Mixed” Shrines in the Late Byzantine Period // Archeologia Abrahamica: Исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама / сост. Л.А. Беляев. М.: Индрик, 2009. С. 433–447.

Bass G.F., Lledo B., Matthews S. Serçe Limani. Vol. 1. Texas: Tehas A&M University Press, 2009. 544 p.

Benaki Museum: a Guide to the Museum of Islamic Art / Eb. Anna Ballian. Athens: Benaki Museum, 2006. 199 p.

Benset U. Turkish Islamik Architecture. Seldjuk to Ottoman. NewYork, 1973.

Bently H.A. Cross-Cultural Interaction and Periodization in World History // American Historical Review. 1996. June.1 996. P. 749–770.

Bikic V. Venetian influences in the Eastern Adriatic hinterland // The heritage of the Serenissima. Piran: Univerza na Primorskem, 2006. P. 201–210.

Brill R.H. Some Thoughts on the Chemistry and Technology of Islamic Glass // Carboni S., Whitehouse D. Glass of the Sultans. N.Y.: Metropolitan Museum of Art, 2002. P. 25–45.

Brill R.H. Scientific Investigations of the Jalame Glass and Related Finds // Excavations at Jalame. Site of a Glass Factory in Late Roman Palestine / Ed. by G. Davidson-Weinberg. Columbia: University of Missouri, 1988. P. 257–294.

Carboni S. Glass from Islamic Lands. L.: Thames & Hudson, 2001. 416 p.

Carboni S. Glass Production in the Islamic World: A Historical Overview // Carboni S., Whitehouse D. Glass of the Sultans. N.Y.: Metropolitan Museum of Art, 2002a. P. 3–7.

Carboni S. Archaeological excavations of Islamic Glass // Carboni S., Whitehouse D. Glass of the Sultans. N.Y.: Metropolitan Museum of Art, 2002b. P. 14–24.

Carboni S. Painted Glass // Carboni S., Whitehouse D. Glass of the Sultans. N.Y.: Metropolitan Museum of Art, 2002c. P. 199–273.

Čaγan teüke («Чаган тэук") – «Белая история», монгольский историко-правовой памятник XIII–XVI вв. / Сост. крит. текста и пер. П.Б. Балданжапова**.** Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2001. 200 с.

Cleaves W.F. The Biography of the Empress Cabi in the Yuan shih // Harvard Ukrainian Studies. 1979–1980. Vol. III/IV. pp. 138–150.

Curatola G. Persian Ceramics from the 9th to the 14thcentury. Milan: Skira, 2006. 183 p.

Dostiyev T. Orta Əsr Şəmkir şəhər yeri. Səmkir arxeoloji ekspedisiyasinin tədqiqatlari. Baki, 2010. 268 səhifə.

Erdmann F.I. Die Ruinen Bulgars, beschreiben und mit historischen Anmerkungen begleitetvom. Erdmann zu Kasan. Kasan, 1820.

Erdmann J.F. Beiträge zur Kenntniss des Innern von Russland. T. II, h. 1. Leipzig: Paul Gotthelf Kummer, 1825. 366 p.

Fedorov-Davydov G.A. The Silk Road and the cities of the Golden Horde. Berkeley, Califoria, 2001. 190 p.

Fehervari G. Ceramics of the Islamic World in the Tareq Ragab Museum. London. New York. 2000, 399 p.

Feherwari G. Ceramics of the Islamic World inthe Tareg Rajab Museum. London; New York: B.Tauris, 2000. 399 p.

Freestone I.C., Leslie K.A., Thirlwall M., Gorin-Rosen Y. Strontium isotopes in the investigation of early glass production: Byzantine and early Islamic glass from the Near East // Archaeometry. 2003. Vol. 45. P. 19–32.

Fyodorov-Davydov G.A. The Culture of the Golden Horde Cities. Translated from the Russian by H.Bartlett Wells / BAR. International Series, 198. Oxford, 1984. 278 p.

Gazimzyanov I.R. Craniological characteristics of skulls from the Hmelevsky II and III burial grounds // Nedashkovsky L.F. Ukek: The Golden Horde city and its periphery / BAR. International Series, 1222. Oxford: Archaeopress, 2004. P. 178–179.

Gydenrath W. Enameled Glass Vessels, 1425 B.C.E. – 1800: The Decorating Process // JGS. 2006. Vol. 48. P. 23–70.

Gyurky H. Üvegeg a közepkóri Magyarorszagon. Budapest: Budapesti Törteneti Muzeum, 1991. 151 p.

Hadad S. Glass vessels with stamps from the Byzantine through Abbasid periods at Bet Shean, Israel // JGS. 2002. Vol. 44. P. 35–48.

Helmecke G. Vom Sammeln des Glases: Emaillierte Glasbecher und die Sammlung de Massonneau // Vorsicht Glas! Zerbrechliche Kunst 700–2010. Ausstellungskatalog. Berlin: Edition Minerva, 2010. S. 54–60.

Helmecke G., Kröger J. Stangenglas. // Vorsicht Glas! Zerbrechliche Kunst 700–2010. Ausstellungskatalog. Berlin: Edition Minerva, 2010. S. 158–163.

Henderson J., McLoughlin S.D., McPhail D.S. Radikal changes in Islamic glass technology: evidence for conservatism and experimentation with new glass recipes from early and middle Islamic Ragga, Syria // Archaeometry. University of Oxford. 2004. Vol. 46. No 3. P. 439–468.

Hillenbrand R. Islamic Architecture. New-York, 1994

Irwin R. A note on textual sources for the history of glass // Gilded and enameled glass from the Middle East / Ed. R. Ward. L.: British Museum, 1998. P. 24–26.

Israeli Y. Antike Glaskunstim Israel Museum. Jerusalem: Israel Museum, 1998. 64 p.

Jenkins M. Islamic Glass. A Brief History. N.Y.: Metropolitan Museum of Art, 1986. 57 p. (The Metropolitan Museum of Art. Bulletin. Vol. 44. № 2).

Kalantaryan A., Karakhanyan G., Melkonyan H., Petrosyan H., Hakobyan N., Babayan F., Zhamkochan A., Nawasardyan K., Hayrapetyan A. Armenia in the cultural context of East and West. Yerevan: GITUTYUN, 2009. 191 p.

Kenesson S.S. Islamic enameled beakers: a new chronolology // Gilded a enameled glass from the Middle East / Ed. R. Ward. L.: British Museum, 1998. P. 45–49.

Khalili N.D. Visions of splendour in Islamic World Art and Culture. London: Worth press, 2008. 186 p.

Kos M., Zvanut M. Ljubljanske steklarne v 16. Stoletju in njihoviizdelki. Ljubljana: Narodni muzej, 1994. 84 p.

Kramarovsky M.G. The Culture of the Golden Horde and the Problem of the «Mongol legacy» // Rulers from the Steppe. State Formation on the Eurasian Periphery. Vol.2. Los Angeles. 1989. pp. 255-290.

Kröger J. Poloreiterflasche // Belser Kunstbibliothek. Die Meisterwerke aus dem Museum fur Islamische Kunst Berlin Staatliche Museen Preusischer Kulturbesitz. Stuttgart und Zurich: Druckhaus Tempelhof, 1980. S. 66 – 67.

Kröger J. Nishapur Glass of the Early Islamic Period. N.Y.: Metropolitan Museum of Art, 1995. 256 p.

Kühn M. Von der Begeisterung für Glas // Vorsicht Glas! Zerbrechliche Kunst 700–2010. Ausstellungskatalog. Edition Minerva. Berlin: Museum für Islamische Kunst, 2011. S. 15–24.

L'Art en Turguie. Friborg, 1981

Lamm C.J. Das Glas von Samarra // Ausgrabungen von Samarra / Forschungen zur islamischen Kunst. Bd. 4. Ed. F. Sarre. Berlin: Dietrich Reimer, 1928.

Lamm C.J. Glass from Iran in the National Museum, Stockholm. L.: Kegan Paul, 1935. 21 p.

Lamm C.J. Oriental Glass of Mediaeval Date Found in Sweden and the Early History of Lustre-Painting. Stockholm: Wahlstrom and Widstrand, 1941. 114 p.

Lamm K.J. Mittelalterliche Glaser und Steinschnittarbeiten aus dem Nahen Osten. Bd. 1, 2. / Forschungen zur islamischen Kunst. Bd. 5. Ed. F. Sarre. Berlin: Dietrich Reimer, 1929–1930. 566 s.

Les Arts de l'Islam au Musee du Louvre. Paris: Hazan, 2012. 49 p.

Marçais G., Poinssot L. Objets Kairouanais IX au XIII siècle. Reliures, verreries, cuivres et bronzes, bijoux. Notes & documents. Fasc. 2. Tunis: Tournier; Paris, Vuibert, 1952. 586 p.

Maslovski A., Bocharov S., Iudin N. Ceramic pottery as the integration factor for the culture of the Golden Horde // In & around ceramiche e comunita. Secondo convegno tematico dell AIECM3 / A cura di M. Ferri, C. Moine, L. Sabbionesi. Firenze: All Insegna del Giglio, 2016. P. 228–232.

Miroudot D. Ewer with dragons // Makariou S. Islamic Art at the Musee du Louvre. Paris: Louvre editions, 2012. P. 198–200.

Muller K. Moscheeampeln // Vorsicht Glas! Zerbrechliche Kunst 700–2010. Ausstellungskatalog. Berlin: Edition Minerva, 2010. S. 164–165.

Muller K. Poloreiterflasche // Vorsicht Glas! Zerbrechliche Kunst 700–2010. Ausstellungskatalog. Berlin: Edition Minerva, 2010. S. 156–157.

Nabiullin N., Khramchenkova R. The Interdisciplinary

Research of the Bulgar-Tatar Town of Juketaw / Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy – 2021. Proceedings of 8th Geoarchaeological Conference, Miass, Russia, 20–23 September 2021 / Ankushev M., Ankusheva N., Ankusheva P., Chechushkov I., Epimakhov A. (eds.). Springer Nature. Switzerland AG. 2022. P. 3–9.

Museum für Islamische Kunst Staatliche Museen zu Berlin. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zaber, 2001. 196 s.

Nedashkovsky L.F. Ukek: The Golden Horde city and its periphery / BAR. International Series, 1222. Oxford: Archaeopress, 2004. 253 p.

Newby M.S. The Cavour Vase and gilt and enameled Mamluk coloured glass // Gilded and enameled glass from the Middle East / Ed. R. Ward. L.: British Museum, 1998. P. 35–40.

Newby M.S. Glass of four millennia. Oxford: Ashmolean Museum, 2000. 80 p.

O'Kane B. The Ayyubids and Early Mamluks (1171–1382) // The Treasures of Islamic Art. Cairo: Museum of Cairo, 2006. P. 92–161.

Pancaroglu O. Perpetual Glory. Medieval Islamic ceramics from the Harvey B. Plotnick Collection. Chicago: Art Institute of Chicago; New Haven, Conn. London: Yale University Press, 2007. 153 p.

Pasquier J. Histoire du verre: les chefs-d'oeuvre de l'Islam. Paris: Massin, 2007. 157 p.

Peltre C. Les arts de l'Islam Itineraire d'une redecouverte. Paris: Decolouvertes Gallimard Arts, 2006. 128 p.

Pinder-Wilson R.H., Scanlon G.T. Glass finds from Fustat: 1964–71 // JGS. 1973. Vol. 15. P. 12–30.

Porter V. Enamelled glass made for the Rasulid sultans of the Yemen // Gilded and enameled glass from the Middle East / Ed. R. Ward. L.: British Museum, 1998. P. 91–95.

Porter Y. Les ceramiques de Le Orient musulman medieval (VII e –XV e siècle) // Anne-Claire Schumaher [com.] Terres De Islam. Les Collections de Ceramique Moven-Orientale du Musee Ariana A Geneve. Geneve , 2014. P. 21–97.

Prohaska-Gross Ch. Der Heidelberger Glasfund // Vor dem grossen Brand: Archäologie zu Füssen des Heidelberger Schlosses. Stutgart: Landesdenkmalamt Baden-Württemberg, 1992. S. 82–97.

Recent Important Acguisitions // JGS. 1966. Vol. 8. P. 126–140.

Rice D.T. Islamic Art. Singapore: World Scientific Publishing Co, 1993. 288p.

Rosser-Owen M. Islamic Arts from Spain. L.: V&A, 2010. 160 p.

Saldern A. von. Ancient Glass in the Museum of Fine Arts Boston. Boston: Museum of Fine Arts, 1968. 94 p.

Savage-Smith E. A medical, pharmaceutical or perfumery utensil // Science, Tools & Magic. The Nasser D. Khalili collection of islamic art. Vol. 12. Part 2. Oxford: Oxford University, 1997a. P. 42–47.

Savage-Smith E. Sphero-conical vessels: a typology of forms and functions // Science, Tools & Magic. The Nasser D. Khalili collection of islamic art. Vol. 12. Part 2. Oxford: Oxford University, 1997b. P. 324–337.

Sesgin F., Neubauer E. Wissenschaft und Technikim Islam. Vol. 5. Frankfurt am Main: Institute for the History Arabic-Islamic Science at the Johann Wolfgang Goethe University, 2003. 234 s.

Shaykhutdinova E., Khramchenkova R., Nabiullin N., Belyaev A., Yanbaev R., Sitdikov A. Interdisciplinary research of iron casting technologies in the town of Juketaw during the Golden Horde period // Acta IMEKO. 2017. Vol. 6, Is. 3. P. 87–93.

Shindo Y., Kawatoko M. Artifacts Excavated in al-Fustat by the Japanese Islamic Arhaeological Mission // Artifacts of the Medieval Islamic Period Excavated in al-Fustat. Egypt: Waseda University, 2010. P. 5–10.

Spyrou A.M., Tukhbatova R.I. et al. Historical Y. pestis Genomes Reveal the European Black Death as the Source of Ancient and Modern Plague Pandemics // Cell Host & Microbe. 2016. Vol. 19. P. 874–881.

Stierlin H. Turkey from the Selçuks to the Ottomans. Köln, 1998.

Suzuki. S., Kato N., Nakai I. Chemical Analysis of Enamelled Glass Excavated in al-Fustat Using X-ray Fluorescence and Micro-Raman Spectroscopic Analyses // Artifacts of the Medieval Islamic Period Excavated in al-Fustat. Egypt: Waseda University, 2010. P. 43–49.

The Ashmolean Museum. Munich; L.; N.Y.: University of Oxford, 2000. 95 p.

The Pierport Morgan Library. N.Y.: M&M. 638, fol.21

Vagelli G., Cossio R., Lovera V., Mirti P. Islamic Glass Weights from Egipt: A Non-Destructive Study by m-XRF // 39th International Symposium on Archaeometry "50 years of ISA". 2012. Programme & abstract book. Leuven: KU Leuven., 2012. P. 423.

Valiulina S. Iranian Glazed Ceramics of the 12th- Beginning of the 13th Centuries in the Volga Bulgaria // Heritage. Switzerland. 2021, Volume 4, Issue 4 (December 2021). 2021, P. 3712–3730.

Valiulina S. Technological Features of Glazed Ceramics from the Golden Horde Bilyar. // 41st International symposium on Archaeometry. ISA may 15-21. Kalamata, Greece, 2016. / Nikos Zacharias (Ed.). P. 440.

Valiulina S. Geobiochemical Features of Source Materials in Glass of Volga Bulgaria // Proceedings of the 39th International Symposium for Archaeometry. Leuven, 2012. Leuven: KU Leuven, 2014. P. 280–284.

Valiulina S. Comprehensive Investigation of a Pottery Workshop Used for Production of Glazed Ceramics in Bilyar City Excavation // Proceedings of the 39th International Symposium for Archaeometry, Leuven (2012). Leven, 2014. P. 285–290.

Valiulina S. Copper Incense Burner and Bronze Mirrors of the Toretsky Urban Settlement (Bolumer) in Tayarstan// Proceedings of the 5th International Conference "Archaeometallurgy in Europe" 19-21 June 2019, Miskolc, Hungary. Béla Török, Alessandra Giumlia-Main (eds.). Monographies Instrumentum, 73. Dremil-

Lafage (France), 2021. P. 369–390.

Valiulina S.I. Complex analysis of Near East glazed ceramics from Bilyar// 38 th International Symposium on Archaeometry. May 10-14, 2010. Programm and Abstracts. University of South Florida Tampa, Florida, USA, 2010. P. 99–100.

Valiulina S.I. Middle Eastern Glazed Ceramics of the 11th Century in Bilyar, the Capital of Volga Bulgaria// Geoarchaeology and Archaeologigical Mineralogy. Ankucheva N. (ed.) Proceedings of 7th Geoarchaeological Conference, Miass, Russia, 19-23 October 2020.Springer Nature. Switzerland AG, 2022. P. 209-222.

Valiulina Svetlana. Traditions of nonferrous metalworking in the Middle Volga region in the 13th-15th cc. (based on materials from the Bilyarsk monocentric agglomeration) // Archeometrie 40. XXI eme colloque du GMPCA 18-21 avril 2017 – Rennes. Renn, France, 2017. P. 94.

Valiulina Svetlana. Glazed Ceramics from a Pottery Workshop in the Center of Bilyar // Sylwia Siemianowska, Krystian Chrzan, Paweł Rzeźnik (eds.). “Ostrakon”: Ceramics and Glass in interdisciplinary research. The 3rd International Symposium on Pottery and Glass. Wroclaw, 27-29 September 2017. Wroclaw, 2020. P. 173–193.

Ward R. Glass and brass: parallels and puzzles// Gilded and enameled glass from the Middle East / Ed. R. Ward. L.: British Museum, 1998. P. 30–34.

Watson O. Persian Lustre Ware. London, 1985.

Watson O. Pottery and glass: lustre and enamel // Gilded and enameled glass from the Middle East / Ed. R. Ward. L.: British Museum, 1998. P. 15–19.

Watson O. Ceramics from Islamic Lands. Kuwait National Museum the al -Sabah Collection. London: Thames & Hudson, 2004. 512 p.

Wenkuan M. Islamic Glass Unearthed in China // Pure Brightness Shines Everywhere: The Glass of China. Hants: Ashgate, 2003. P. 29–38.

Whitcomb D.S. Islamic Glass from al-Qadim, Egypt // JGS. 1983. Vol. 25. P. 101–108.

Whitehouse D. The Growth of Interest in Islamic Glass // Carboni S., Whitehouse D. Glass of the Sultans. N.Y.: Metropolitan Museum of Art, 2002. P. 8–14.

Whitehouse D. Islamic Glass in the Corning Museum of Glass. Vol. 1. Corning: Corning Museum of Glass; Manchester: in association with Hudson Hills Press, 2010. 430 p.

Whitehouse D. Early Islamic Stained Glass: A Preliminary Study // 19th Congress of the International Assotiation for the History of Glass. 17–21 September 2012. Piran, Slovenia. Programme and Abstract Book / Ed. Irena Lazar. Piran: Univerza na Primorskem, 2012. P. 101.

Zick-Nissen J. Stangenglas // Museum für Islamische Kunst. Berlin: Museum für Islamische Kunst, 1979. S. 137–138.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААМ КГУ – Архив Археологического музея Казанского государственного университета. Казань.
АГОИАМЗ – Астраханский государственный объединенный историко-архитектурный музей-заповедник
АГПИ – Астраханский государственный педагогический институт. Астрахань
АГПУ – Армавирский государственный педагогический университет
АГУ – Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева
АзФАН – Азербайджанский филиал АН СССР
АКИО – Анананьинская культурно-историческая область
АКУ – Археологический кабинет Казанского государственного университитета
АлтГУ – Алтайский государственный университет
АН АзССР – Академия наук Азербайджанской советской социалистической республики
АН АрмССР – Академия наук Армянской советской социалистической республики
АН КазССР – Академия наук Казахской советской социалистической республики
АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
АН СССР – Академия наук Союза советских социалистических республик
АН УзССР – Академия наук Узбекской советской социалистической республики
АО – Археологические открытия
АСЭИ – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в.
АЭМК – Археология и этнография Марийского края
БГИАЗ – Болгарский государственный историко-архитектурный заповедник
БГИАМЗ – Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник
БГПУ - Башкирский государственный педагогический университет. Уфа
БГУ – Белорусский государственный университет
БНЦ СО РАН – Бурятский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук
БРЭ – Большая российская энциклопедия
БФАН СССР – Башкирский филиал АН СССР
ВААЭ – Волго-Ахтубинская археологическая экспедиция
ВАУ – Вопросы археологии Урала
ВВ – Византийский временник
ВГО – Всесоюзное географическое общество
ВГПИ – Волгоградский государственный педагогический институт
ВНОТ – Вестник научного общества татароведения.
ВОКМ – Волгоградский Областной краеведческий музей
ВолГУ – Волгоградский государственный университет
ВООПИК – Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
ВУАК – Вятская ученая архивная комиссия
ВятГУ – Вятский государственный университет
ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры
ГВН и П – Грамоты Великого Новгорода и Пскова
ГГУ – Горьковский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
ГИМ – Государственный исторический музей
ГМИНВ – Государственный музей искусства народов Востока
ГНПУ «Наследие» – Государственное научно-производственное учреждение «Наследие». Астрахань
ГОМ РТ – Государственный объединенный музей Республики Татарстан
ГУГК – Главное управление геодезии и картографии
ГУК ОНПЦ – Государственное учреждение культуры "Областной научно-производственный центр по охране памятников истории и культуры". Волгоград
ГЭ – Государственный Эрмитаж. Л./ СПб.
ДА – Донская археология.
ДонНУ/ДНУ – Донецкий национальный университет. Донецк
ЕГПУ – Елабужский государственный педагогический университет
ЕСВ – Европейский Северо-Восток
ЖМВД – Журнал Министерства внутренних дел
ЖПК – жертвенно-поминальный комплекс
ЗОИКК – Записки Общества изучения Коми края
ЗОРСА – Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского русского археологического общества.
ИА АН РТ – Институт археологии АН РТ
ИА АН СССР – Институт археологии АН СССР
ИА РАН – Институт археологии РАН
ИАК – Императорская археологическая комиссия
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
ИГАИМК – Известия Государственной Академии материальной культуры
ИИ АН РТ – Институт истории им. Марждани
ИИАУрО РАН – Институт истории и археологии Уро РАН
ИИМК – Институт истории материальной культуры
ИИМК АН СССР – Институт истории материальной культуры Академии наук СССР
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
ИИЯЛ – Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук. Уфа
ИИЯЛИ – Известия Института истории, языка и литературы

ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории, этнографии при Казанском университете
ИПОС СО РАН – Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения Российской академии наук
ИЭА РАН – Институт этнологии и антропологии РАН
ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АНТ – Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова АН РТ
ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН/ИЯЛиИ Коми НЦ УрО РАН – Институт языка, литературы и историиКоминаучного центра Уро РАН
ИЯЛИ КФАН СССР/ИЯЛИ КФАН /ИЯЛИ /ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР – Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова, КФАН СССР. Казань
КазГИК – Казанский государственный институт культуры
КалмГУ – Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова
КалмНИИ – КалмНИИ истории, философии и экономики
КАЭ – Куйбышевская археологическая экспедиция
КАЭЭ – Камская археолого-этнографическая экспедиция Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Пермь
КВАЭ – Камско-Вятская археологическая экспедиция
КГПИ – Куйбышевский государственный педагогический институт им. В. В. Куйбышева.
КГУ – Казанский государственный университет
КГУ – Куйбышевский государственный университет. Куйбышев
КГУКИ – Казанский государственный университет культуры и искусства
КИГИ РАН – Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН
КМК – Куйбышевский областной музей краеведения. Самара
КН МОН РК – Комитет науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан
КНИИИФЭ – Калмыцкий научно-исследовательский институт истории, филологии и экономики
КНИИЯЛИ – Калмыцкий научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
КОГУП – Кировское областное государственное унитарное предприятие
Коми НЦ УрО РАН – Коми научный центр Уро РАН
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследований Института истории материальной культуры
КСИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИЭ – Краткие сообщения Института этнографии
КФАН СССР – Казанский филиал Академии наук СССР
КЧГУ им. У.Д. Алиева – Карачаево-черкесский государственный университет имени У.Д. АЛИЕВА. Карачаевск
ЛГУ – Ленинградский государственный университет
ЛОИА АН СССР– Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАВГР – Материалы по археологии восточных губерний России
МАЕСВ – Материалы по археологии европейского Северо-Востока
МАО – Московское археологическое общество
МарГУ – Марийский государственный университет
МарНИИЯЛИ/МарНИИ – Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева при Правительстве Республики Марий
МАЭ – Марийская археологическая экспедиция
МВД – Министерство внутренних дел
МГУ – Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
МД – монетный двор
МИА – Материалы и исследования по археологии
МИКВАЭ – Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции
МИЦАИ – Международный Институт Центральноазиатских исследований
МНИИЯЛИЭ – Мордовский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и этнографии
МОиН РТ – Министерство образования и науки Республики Татарстан
МОИП – Московское общество испытателей природы
МРТ – Межрайонная типография. Челябинск
НА ИА РАН – Научный архив Института археологии РАН
НА НМРК – Научный архив Национального музея Республики Коми
НА УНЦ РАН – Научный архив Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра РАН
НА УНЦ РАН – Научный архив Уфимского научного центра РАН
НАН РК – Национальная Академия наук Республики Казахстан
НГПИ – Набережночелнинский государственный педагогический институт
НГУ – Нижегородский государственный университет им Н.И. Лобачевского
НИАЦ «Регион» – Нижегородский историко-археологический центр “Регион”
НИИГН - Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия
НИП – Научно-исследовательское предприятие
НИС ВГПУ – Научно-исследовательский сектор Волгоградского государственного педагогического университета
НКЦ – Национальный культурный центр «Казань»
НМ РБ – Национальный музей Республики Башкортостан
НМ РТ – Национальный музей Республики Татарстан
НПЛ – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов
НРФ МарНИИЯЛИ – Научный рукописный фонд Ма-

рийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева
НЦАИ АН РТ – Национальный центр археологических исследований Института истории им. Ш. Марджани
ОАИЭ – Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань.
ОАК – Отчет Императорской Археологический комиссии. Санкт-Петербург.
ОИАК – Общество изучения Амурского края
ОНТИ ПНЦ РАН – Пущинский научный центр РАН
ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музея.
ОУАК – Оренбургской ученой архивной комиссии
ПАЭ ИА РАН – Поволжская археологическая экспедиция Института археологии Российской академии наук
ПАЭ МарГУ – Поволжская археологическая экспедиция Марийского государственного университета.
ПГГПУ – Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
ПГПУ – Пензенский государственный педагогический институт
ПИФК – Проблемы истории, филологии и культуры
ПОКМ – Пермский областной краеведческий музей
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
РА – Российская археология
РАН – Российская Академия наук
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГБ ОД – Российская государственная библиотека.
РЖВ – ранний железный век
РПИ – Ростовский педагогический институт
РФК – развитие функций круга
РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований
СА – Советская археология
САГУ – Среднеазиатский государственный университет
САД – Сарай ал-Джедид
САИ – Свод археологических источников. М.; Л.
СамГПУ – Самарский государственный социально-педагогический университет
СамГУ – Самарский государственный университет
САО – Самарское археологическое общество
СГСПУ – Самарский государственный социально-педагогический университет
СГУ – Саратовский государственный университет. Саратов
СГУ – Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина. Сыктывкар
СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа
СИКМ – Сарапульский историко-краеведческий музей
СМК – Саратовский областной музей краеведения
СОИКМ – Самарский областной историко-краеведческий музей. Самара.
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
СУАК – Саратовская ученая архивная комиссия
СЭ – Советская этнография
СЭМ – сканирующая электронная микроскопия
ТА – Татарская археология, Казань
ТашГУ – Ташкентский государственный университет.
ТГГИ – Татарский государственный гуманитарный институт. Казань
Труды ГИМ/Тр.ГИМ/ ТГИМ – Труды Государственного исторического музея
Труды ГЭ – Труды Государственного Эрмитажа
Труды МОИП – Труды Московского общества испытателей природы. Отд. биол. Секция антропологии
Труды ЮТАКЭ – Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции
ТСА РАНИОН – Труды Секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
УАВ – Уфимский археологический вестник
УГПИ – Уфимский государственный педагогический институт
УдГУ/ УдмГУ– Удмуртский государственный университет
УдмИИЯЛ – Удмуртский институт истории, языка и литературы
УдмИИЯЛ УрО РАН/УдИИЯЛ УрО РАН/УИИЯЛ УрО РАН – Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук
УНАЛ СГУ – Учебно-научная археологическая лаборатория Саратовского государственного университета им Н.Г. Чернышевского
УНАЭЦ – Учебно-научный археолого-этнологический центр
УПАСК – Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых
УрГУ – Уральский государственный университет. Екатеринбург
УрО РАН – Уральское отделение РАН
ФГБОУ ВО РАНХиГС – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации
ФГОУ ВПО ВАГС – Федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Волгоградская Академия Государственной Служб
ХГУ – Харьковский государственный университет
ЦНС – Центр научного сотрудничества «Интерактив-плюс». Чебоксары
ЧувНИИ/ ЧНИИЯЛИЭ СМ ЧАССР – Чувашский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете МинистровЧувашской АССР.
ЭКГ – этнокультурная группа
ЮУрГУ – Южно-Уральский государственный университет
JGS – Journal of Glass Studies

Указатели

Именной указатель

Аали-эфенди 93
Абдаллах 736
Абдуллах 96, 391, 406
Абрамова Т.А. 23
Абу Дулаф 34
Абу-л-Фида 92
Абу-Саид 84, 482, 626
Авраам 129
Агеева Е.И. 100
Адамов А.А. 485
Адлер Б.Ф. 247
Азиз- шейх 390, 729, 734 736, 742
Айдаров С.С. 267, 319
Акимова М.С. 802
Акимовский С.Ю. 48
Аксенова Н.Д. 222, 224, 247, 255, 260, 267, 273, 622, 652
Акчурина З.А. 247, 250
Алабин П.В. 165, 460
ал-Айни 186
Ал-Гарнати 34, 38, 117
ал-Гарнати, Абу Хамид 33
Александр Невский 167
Алексеев А.Е. 100, 101, 104
Алексеев В.П. 810
Алексеева Т.И. 802
Али Дервиш 280, 739, 740
Алихова А.Е. 8, 152, 153, 155, 157, 162, 168, 170, 197 199, 213
Ал-Калкашанди 93
ал-Муктафи 732
ал-Омари 92, 458, 633, 815
Алтын-Берте 322
ал-Хаким 731
Амбарнова Л.Ю. 48
Амирханов Р.М. 306
Андроник II 84, 86
Аникин И.С. 426, 428
Ан-Насир ли-д-Дин Аллах- 243, 253, 482, 715 722, 724 726, 741, 751, 753, 755
ан-Нувайри 186
Ануфриева И.В. 426
Апраксины 164
Араб-шах 736
Арзютов Н.К. 370, 395, 409
Ариг-Буга 715
Арсланова А. 791
Артемьев А.И. 345
Артюзов Н.К. 100, 102, 104
Архангельский Д.И. 517
Архипов Г.А. 444
Арыг-Буга 716 718, 721, 722, 724, 753 755
Асылгараева Г.Ш. 247, 459
Атавин А.Г. 411, 412
ат-Таи 732
Афанасьев В.К. 101, 104-106
Ахатов Г.А. 107
Ахмаров Г. 352, 766, 790
Ахметзянов М.И. 306, 762, 784
Багриков Г.И. 99
Бадеев Д.Ю. 249, 255, 271, 512, 601, 638
Байпаков К.М. 107, 108
Бакулин Е.И. 427
Балабанова М.А. 72, 73, 726, 804, 805, 809
Баллод Ф.В. 47, 56, 58, 61, 69, 70, 76, 85, 88, 90, 137, 370
Балуева Т.С. 237, 240
Баранов В.С. 9, 228, 247, 526, 527
Барбаро И. 702, 711
Барбаро Иосафат 458
Бартольд В.В. 136, 141, 186, 387, 408, 762
Басилов В.Н. 129
Бату 37, 59, 141, 144, 162, 186, 187, 206 208, 253, 386, 390, 405, 482, 760, 762, 815
Батый 63, 162, 213, 251, 303, 476, 526
Батюкова В.А. 427
Бахматова В.Н. 558
Бахрушин С.В. 491
Башкиров А.С.- 165, 247
Беговатов Е.А. 212, 714, 724, 749
Безухова Е.А. 428
Бейбарс 141
Белавин А.М. 11, 479, 490
Белорыбкин Г.Н. 7, 152, 162
Белоусов С.В. 162
Беляев А.В. 228, 249
Беляев Л.А. 247, 249, 274
Бердибек 141, 168, 189, 390, 400, 406, 733, 737, 818
Березин И.Н. 246, 762, 784
Берке 39, 141, 205, 253, 409, 607, 721, 760, 792, 804, 805, 822
Бик-Пулад 736
Бисембаев А.А. 100
Блохин В.Г. 7, 75, 101
Богданов А.П. 799
Боталов С.Г. 374
Бочаров С.Г. 249, 271, 739
Бочкарева Е.Е. 153
Брун Ф.К. 58
Брюхова Н.Г. 480
Бугарчев А.И. 15, 725, 726
Бужилова А.П. 231, 242
Булатов А.Б. 776
Булатов Н.М. 48, 558, 578, 581
Буров Г.М. 165, 189, 733
Бурханов А.А. 48, 356, 358, 661, 662
Бурханэддин Ибрахим 129
Бурылин 746
Бусятская Н.Н. 590
Валеев Р.М. 715
Валеев Ф.Х. 618, 776, 779
Валиев Р.Р. 13, 48, 249, 272, 274, 358
Валиулина С.И. 9, 13, 212, 245, 520, 730
Ванчиков В.В. 461, 470
Варваровский Ю.Е. 59
Василий Дмитриевич 209, 745
Васильев Д.В. 6, 7, 125 128, 134 136
Васильев И.Б. 165
Васильева И.Н. 165, 172- 174, 176, 181, 182, 184, 189, 213, 455, 456, 562, 570
Васюткин С.М. 412
Ватсон Оливер 290
Великанова М.С. 796
Веселовский Н. 64
Винничек В.А. 731
Винсент из Бове 669
Вихляев В.И. 208
Волков И.В. 13, 36, 59, 94, 249, 272, 558, 573, 574, 703
Воробьев Н.И. 346
Воронина В.Л. 258
Воронин, Егор Григорьев 745
Воронин Н.Н. 426
Воронцов И.А. 75
Воскресенский А.С. 255
Второв Н.И. 246
Высоцкий Н.Ф. 525
Габяшев Р.С. 326, 355
Газимзянов И.Р. 15, 179, 221, 231, 235, 241, 247, 350, 515, 598, 785, 796, 798, 799, 802, 818
Галимова М.Ш. 212, 355, 733
Галкин Л.Л. 25, 102, 105, 106
Гарустович Г.Н. 374, 376
Гасилин В.В. 179
Гаффари 93

Гвоздев Б.Н. 152
Генинг В.Ф. 241, 334, 335, 360
Гераклитов А.А. 152
Герасимов М.М. 800, 802, 815
Германн Й. 459
Гийас ад-Дин 743, 746, 747, 749, 751
Гимадеев Ф.Ш. 367
Гинзбург В.В. 809
Глазов В.Н. 165, 370
Глухов А.А. 62, 73
Гмелин С.Г. 58, 59
Голдина Р.Д. 480
Голицын Л.Л. 95
Голицыны 164
Головкинский Н.А. 352
Голубева Л.А. 471
Голубовский П.В. 387
Гольева А.А. 249
Гольмстен В.В. 165
Гончаров Е.Ю. 38, 59, 63, 94. 142, 717
Готвальд И.Ф. 778
Граков Б.Н. 371
Греков Б.Д. 387
Грен А.Н. 491, 493
Гречкина Т.Ю. 48
Грибов Н.Н. 11, 204, 426, 428, 434, 454
Григорьев В.В. 58, 714
Грязнов М.П. 99, 463
Губайдуллин А.М. 14, 247, 273, 349, 355, 447, 652 654, 656, 660, 664, 733
Губайдуллин Т.Р. 249, 274
Губин А.С. 241
Гумаюнов С.В. 735
Гусева Т.В. 73, 426, 591
Гуссаковский Л.П. 460, 463, 466, 472, 473, 476
Гуцалов С.Ю. 372
Давыдов В.Н. 490, 491
Данилов П.С. 48, 426
Дворниченко В.В. 48, 142
Дембромский 731
Дервиш 743
Джаббар-Бирди 743
Джанибек 40, 56, 59, 61, 84, 96, 141, 168, 189, 360, 362, 385, 400, 406, 414 416, 473, 474, 482, 607, 654, 696, 728 731, 733 738, 745, 749, 753, 818
Джелаириды 714, 735, 736
Дебец Г.Ф. 802
Дервиш 730 , 743, 745, 747, 749, 751, 752, 755, 758
Державин Г.Р. 246
Джалал ад-дин 743 745, 747, 749, 751
Дмитриевский С.М. 426
Дмитрий Алесандрович 167
Дмитрий Донской 491
Дмитрий Суздальско-Нижегородский 745
Доде З.В. 683
Дремов И.И. 234
Дружкин П.Д. 197
Евстратов И.В. 59, 63, 66, 735
Егерев В.В. 219, 618
Егоров В.Л. 5, 39, 41, 48, 62, 73, 76, 77, 101, 141, 165, 255, 261, 611, 629, 643, 644
Елкина И.И. 249
Емельянов В.П. 733, 750
Ерёмин И.О. 426, 427
Еселевич И.Э. 474
Ефимова А.М. 218, 219, 247, 510
Ефимова С.Г. 797, 799, 802
Железчиков Б.Ф. 99, 372
Жиганов М.Ф. 168
Жилин М.Г. 439
Жиромский Б.Б. 247
Жуков Б.С. 152
Завьялов В.И. 468, 504
Загоскин Н.П. 47
Зайковский Б.В. 76, 85, 370
Закирова И.А. 600
Залкинд Г.М. 527
Залкинд Н.Г. 71, 72, 85, 804
Замятин С.Н. 371
Захаров К.К. 444
Захаров С.Д. 463
Зеленеев Ю.А. 7, 8, 37, 48, 62, 101, 152, 153, 162, 198
Зеликман М.Н. 486, 488
Зиливинская Э.Д. 7, 14, 48, 101, 110, 136, 138, 143, 157, 162, 255, 258, 261, 267, 611, 613, 624
Зимин А.А. 491
Золотницкий Н.И. 346
Зубов С.Э. 172
Зяблин Л.П. 142
Зябловский Е.Ф. 460
ибн Абд-аз-Захер 458
Ибн Арабшах 63
Ибн Баттута 54, 92, 607, 679, 684, 710, 804
Ибн Русте 760
Ибн Фадлан 371, 762, 783, 784
Ибрагим 129
Иванов А.А. 791
Иванов А.Г. 720
Иванов В.А. 10, 121, 142, 185, 372, 378, 404, 411, 549, 675
Иванова М.Г. 478, 482, 487
Иванова Н.В. 428
Игушев А.Р. 492
Измайлов И.Л. 8, 14, 355, 388, 661, 664, 665
Износков И.А. 255
Ильин А.А. 743, 744
Ильминский Н.И. 346
Исмаил б. Ахмад 732
Исмагилов Н.Ф. 306
Исмаил 129
Истомин К.Э. 355
Исфендиары 714
Исхаков Д.М. 388
Кавеев М.М. 247
Каганбек 84, 390, 736
Кадыр-Бирди 743
Казаков Е.П. 10, 212, 213, 226 228, 231, 241, 326, 334, 367, 532, 714, 719, 730, 733, 740
Казаринов В.А. 247
Кайсин А.О. 11, 12
Калинин Н.Ф. 212, 247, 250, 325, 326, 334, 341, 346, 347, 349, 350, 352, 354, 658 661, 714, 719, 729, 730, 735, 737, 743, 779
Калменов М.Д. 107, 108
Кананин В.А. 480
Карамзин Н.М. 58
Карбони С. 588, 591
Каримова Р.Р. 381, 383 385
Карпини Плано 141, 408, 675, 684, 811
Карымсаков С. 104
Кастанье И.А. 99, 370
Катанов Н.Ф. 789
Кафаров Палладий 408
Кафтанников Н.Н. 246
Кашгари Махмуд 783
Кенессон С. 588 590, 592
Кибак 743 -745, 749
Кикеев А.Н. 427
Кильдибек 65, 162, 390, 728, 729, 734, 735, 741, 742
Кирпичников А.Н. 288, 319
Кирьянов И.А. 439
Киселев С.В. 684
Кищенко В.Г. 421
Кленов М.В. 490, 492, 494
Клоков В.Б. 726
Кляшторный С.Г. 762
Ковалевский А.П. 762
Коваль В.Ю. 175, 249, 271, 273, 274, 276, 512, 587, 638
Кожевин А.Е. 719
Козинцев Б.А. 797
Козлова К.И. 450
Кокорина Н.А. 208. 212, 247, 271, 281, 303, 349, 350, 453 455, 457, 568
Колчин Б.А. 306, 468, 494, 497, 516
Кольцов Л.В. 429
Кольцов П.М. 11
Комаров С.Г. 806, 809

Комарова М.В. 99
Константин Багрянородный 371
Королев К.С. 492
Косинцев П.А. 499
Косменко М.Г. 326, 338, 355
Костюков В.П. 146, 148, 387, 390
Котеньков С.А. 403, 404
Кочкина А.Ф. 8, 212, 213, 281, 547
Крамаровский М.Г. 247, 286, 526, 666, 672, 814
Крапивин И. 246
Краснов Ю.А. 247, 273, 651, 652
Краснодубровский С.С. 95
Крелленберг Б.Е. 247, 255
Кривцова-Гракова О.А. 371
Кригер В.А. 74, 99, 120, 121, 142, 185, 372, 380, 382, 385, 386, 395, 404, 549
Кротков А.А. 47, 58, 76, 85, 152, 153, 162, 198, 199, 370, 679
Кротов П.И. 247
Круглов Е.В. 234, 411
Крыласова Н.Б. 11, 12, 479, 480
Кряжевских А.Л. 463
Кубанкин Д.А. 7, 85, 87, 89, 92, 93, 137, 572, 691
Кудрявцев А.А. 468
Куза А.В. 490
Кузнецова О.В. 582
Кузьмина О.В. 171
Кузьминых С.В. 326, 349
Куклина А.А. 558
Кульна 168, 174, 728, 732, 736
Курочкина С.А. 161, 558, 575 577
Кутуков Д.В. 48
Кушаев Г.А. 99, 108, 372
Кызласов Л.Р. 261
Лазукин А.В. 249
Ламм К.Й. 587
Лантратова О.Б. 677
Лапшин А.С. 76, 370
Лапшин В.А.- 426
Латынин Б.А. 165, 522
Лашук Л.П. 491
Лебедев В.И. 162
Лебедев В.П. 714, 726, 740
Лебедева Е.Э. 426
Лебедева Е.Ю. 692
Леопольдов А.Ф. 47, 58, 59, 73, 75
Лепехин И.И. 172, 271, 370, 460
Лерх П.И. 460
Лесман М.В. 468
Лесман Ю.М. 472
Лещенко В.Ю. 480
Лещинская Н.А. 466
Лисицын И.П. 74, 395
Лисова Н.Ф. 558, 579, 580
Литвинова Л.В. 796
Лихачев А.Ф. 286, 367, 525, 528, 549, 715, 716, 731, 737, 749
Лихачёв Н.П. 715
Лопан О.В. 249, 272
Лоскутов 100, 102, 104
Лыганов А.В. 358
Любавский М.К. 387
Мавли Колый 246
Мажитов Н.А. 372, 680
Майнов В.Н. 426
Макаров Л.Д. 453, 460, 461, 463, 466, 468, 470, 473 476
Макаров Н.А. 457
Макарова Т.И. 487
Макласова Л.Э. 14
Малахов М.В. 460
Малиев Н.М. 796, 799
Малиновский К.Н. 47
Мамай, темник 96, 391, 433
Мамай, мулла 246
Мамонтов В.И. 70, 395
Мандельштам А.М. 119
Маргулан А.Х. 100, 101, 104
Марджани Ш. 247, 248, 329, 428, 762, 768
Марко Поло 91, 253, 647, 667, 672
Марков В.Н. 355
Мартьянов В.Н. 204, 208, 429
Марыксин Д.В. 107
Мас´уди 371
Масловский А.Н. 13, 15, 90, 91, 577
Матвеев Р.В. 463
Матвеева Г.И. 165, 172, 176, 181, 212
Матюшко И.В. 385
Махмуд, Пахлаван Бахадур Хорезми 82
Медведев А.Ф. 305. 468, 470, 478, 591
Менгу 83, 253, 289, 324, 408, 715, 716
Менгу-Тимур 39, 96, 406, 716, 718, 720 725, 733, 753
Менделеев Д.И. 17, 22
Мерщиев М.С. 105
Мессершмидт Д.Г. 246
Мец Н.Д. 513
Миллер В.А. 165
Мильков Ф.Н. 18
Миронов В.Г. 85
Михаил IX Палеолог 84, 86
Михальченко С.Е. 558, 573
Михеев А.В. 445
Михеева А.И. 455, 456
Мищенко Ф.Г. 255
Мокерова Е.Ю. 473
Молотков 731
Морозов В.Ю. 165
Морозова С.В. 255
Мошкова М.Г. 371
Мошкова М.С. 99
Момине-хатун 623
Мункачи Б. 762
Мунке 83, 482, 716 724, 733, 734, 749, 751, 753, 755
Мустафа 209
Мухамадиев А.Г. 5, 15, 48, 62, 64, 76, 288, 306, 473, 715, 720, 721, 725 727, 737, 745
Мухамедшин Д.Г. 15, 189, 222, 245, 249, 281, 306, 313, 334, 358, 714, 719, 727, 733, 740, 750, 761, 767
Мухаметшин И.Д. 733
Мыськов Е.П. 7, 10, 62, 70, 76, 123 125, 133, 142 145, 372, 383 385, 395, 576, 677, 680
Мубарек-Ходжа 736
Музаффариды 714
Мухаммед-Буляк 736
Мухаммед II Туглукид 731
Мюрид 65, 168, 390, 400, 406, 734
Набиуллин Н.Г. 9
Наговицин Л.А. 326
Назаров П.С. 370
Насонов А.Н. 490
Настич В.Н. 94
Насыров Р.Г. 724, 733, 749
Науруз 275, 400, 406, 732, 736
Невоструев К.И. 187, 246, 271, 352, 733
Недашковский Л.Ф. 7, 15, 85, 101, 382, 572, 692, 705, 807
Немеров В.Ф. 420
Нестеров С.П. 389
Нефедов Ф.Д. 370
Нечвалода А.И. 802, 810, 812
Нигамаев А.З. 10, 357
Низам-ад-дин Шами
Никитина Т.Б. 8, 11- 92
Никон Савенков 246, 649, 650
Ногай 86
Носкова Л.М. 427
Нух б. Мансур 732
Оборин В.А. 482
Овчинникова Б.Б. 468
Олеарий А. 189, 194
Орду-Мелик 65, 728, 731, 736
Оруджов Э.И. 358
Орфинская О.В. 676, 677
Осипова Т.В. 152
Османиды 714
Осмоловский И. 58
Останина Т.И. 349, 350
Очеретин И.А. 427, 439
Очеретина С.В. 426
Павленко Ю.А. 141
Паллас П.С. 47, 59, 101, 370

Пальцева Д.У. 14, 601
Панова Т.Д. 145
Пацевич Г.И. 100, 102, 104
Пачкалов А.В. 168, 173, 714, 749
Пеголотти Ф.Б. 709, 710, 713
Пельцам Э.Д. 798
Первухин Н.Г. 460
Перевощиков С.Е. 463,
Петербургский И.М. 203
Петр I 246
Петренко А.Г. 247
Петров П.Н. 726
Пигарев Е.М. 6, 7, 48, 58, 146, 385, 426, 558
Пиотровский М.Б. 589
Письмаркина Н.А. 426
Пицигани 39, 92, 141, 190
Плано Карпини 141, 408, 675, 684, 811
Плахов В.В. 43, 140, 582
Плетнева С.А. 549
Подосенова Ю.А. 484
Покровский С.И. 247, 255
Полесских М.Р. 162, 212
Поливанов В.Н. 165, 168, 522
Полубояринова М.Д. 76, 77, 144. 247, 251, 260, 262, 268, 271, 458, 468, 515, 584, 640
Поляков С.П. 761
Полякова Г.Ф. 175, 219, 247, 271, 288, 526, 527, 539, 549, 788, 790, 791, 793
Пономарев П.А. 85, 247, 314, 352, 719, 724, 781
Попов А.В. 370
Попов П.В. 150
Попов С.А.- 371
Потоцкий И. 47
Преображенский Ю.В. 17
Приказчиков С.И. 172
Прокошев Н.А. 460
Пугаченкова Г.А. 623
Пулад 408, 735, 740, 743 745, 749 751, 753, 755, 758
Пулад-Тимур 162, 164, 736
Пурталес Ф. 591
Равдина Т.В. 431
Радлов В.В. 346
Ракушин А.И. 382
Рау П.Д. 370
Рахматуллин Н.Р. 800 803, 816
Рашид-ад-Дин 253, 408, 673, 783
Рева Р.Ю. 715
Риттих А.Ф. 246, 247
Рихтер Д.И. 21
Розанова Л.С. 468
Рубрук 37, 38, 207, 623, 647
Рубрук, Вильгельм де 37, 91
Рубрук Г. 359, 594, 709
Рубрук, Гильом де 31, 144, 207, 667, 668, 675, 678, 684
Рудаков В.Г. 48, 59
Руденко К.А. 8, 9, 213. 219, 224, 225, 233, 237, 238, 241, 326, 334, 336 341, 344, 358, 382, 455, 482, 483, 526, 534 536, 543, 544, 546 549, 656, 657, 714, 719, 724, 727
Руденко С.А. 378
Рудь (Постникова) Н.М. 799, 802
Румянцев Г.Г. 153, 199
Русаков П.Е. 273
Рыбаков Б.А. 471
Рыбушкин М.С. 47
Рыков П.С. 47, 58, 99, 142, 370, 395, 409
Рычков Н.П. 766
Рычков П.И. 58, 59, 101
Рябинин Е.А. 468
Рязанов С.В. 513
Саблуков Г.С. 85
Савельев В.К. 714, 735, 741
Савельев П.С. 352, 789
Савельева Э.А. 11, 12, 485, 490, 492, 493
Савенков Н. 246
Савченкова Л.Л. 247
Сагидуллаев Д.З. 7
Салангин Д.А. 453
Самашев З.С. 101, 102, 104, 105, 582
Сафаргалиев М.Г. 205
Сафонов Б.А. 427
Свечин А.М. 246
Свиньин П.П. 246
Северова М.Б. 473
Седова М.В. 471
Семен 209
Семенов В.А. 326
Семенова А.П. 171
Семыкин Ю.А. 8, 12, 13, 188, 189, 194
Сенигова Т.Н. 100
Сенникова Л.А. 466
Сергина Т.В. 427
Сивицкий М.В. 249, 357
Сидоров А.С. 491
Сидорова Т.В. 668
Симон де Сент-Квентин 669
Сингатулин Р.А. 85, 89
Сингатуллина А.З. 15, 246, 289, 298, 346, 715, 716, 718, 725 727
Синицын И.В. 99, 370, 371, 395, 409 411
Ситдиков А.Г. 8, 9, 37, 48, 248, 249, 271, 739
Скрипкин А.С. 395
Смагулов Е.А. 107, 648
Смирнов А.П. 5, 8, 47, 187, 197, 212, 219, 247, 250, 255, 272, 315, 346, 351, 460, 491, 525, 549, 600, 618, 663, 714, 781, 788, 792
Смирнов И.Н. 255
Смирнов К.А. 738
Смирнов К.Ф. 371
Смирнов 187
Смолева Г.С. 473, 475
Смолин В.Ф. 247, 255, 268, 272
Соколов Н.С. 76
Соловьев Е.Т. 346, 352
Спицын А.А. 47, 59, 61, 197, 370, 460, 466, 473
Спрыгина Н.И. 152, 197
Старостин П.Н. 247, 326, 334, 342, 428
Сташенков Д.А. 8, 213, 281, 547
Степанов П.Д. 8, 197, 202, 203, 206, 492
Столярова Е.К. 586
Сурин Ф. 650
Сысак Н.С. 802
Тагай-бек 162, 164
Тагирджанов А.Т. 774
Талицкая И.А. 460
Талицкий М.В. 460, 466, 480, 485
Тамерлан 7, 83, 92, 96, 164, 189, 695, 711, 782
Тамбовцев А.М. 352
Татищев В.Н. 47, 59, 246, 303
Татищевы 164
Терехин В.М. 152
Терехова Н.Н. 468
Терещенко А.В. 58, 60, 61, 69, 70, 75
Тетерников Н.К. 59
Тизенгаузен В.Г. 246
Тимощук Б.А. 457
Тимур 11, 66, 80, 92, 93, 136, 178, 392, 408, 432, 591, 709, 736, 743 745, 805, 818
Тимуриды 714
Тимур-Кутлуг 737
Тимур-Ходжа 65, 390, 729, 731, 732, 734, 736
Толмачев Н.А. 349
Головин Д.С. 249
Токта 39, 40, 84, 66, 96. 162, 163, 189, 190, 406, 716, 718, 720, 721, 723, 724, 726, 728 731, 733, 735 737, 741, 743, 744, 748, 753, 756
Тохтамыш 56, 66, 164, 178, 276, 280, 392, 736, 738, 790, 818
Трепавлов В.В. 253
Тростьянский О.В. 744
Трофимова Т.А. 796, 798, 799, 804, 806, 807
Трубникова Н.В. 255

Трутовский В.К. 58
Туда-Менгу 96, 716, 718, 720 724
Тула-Буга 716, 718, 720, 721, 725
Турманина В.И. 23
Турецкий М.А. 185
Угедей 186, 253, 408
Узбек 7, 40, 42, 56, 59, 63, 77. 84, 96, 117, 141, 142, 162, 163, 168, 179, 198, 288, 360, 362, 385, 400, 406, 416, 459, 482, 560, 597, 607, 654, 679, 696, 722 726, 728 731, 733 737, 743, 747, 749, 753, 756, 804, 807, 817, 818
Ульджай-Тимур-736
Урус 391, 736
Фаизханов Х. 766, 784
Фальк И.П. 47, 58, 370
Фахретдин Р. 442
Фахретдинов А.И. 358
Фахрутдинов Р.Г. 5, 165, 188, 212, 213, 280, 325, 326, 330, 332, 334, 346, 351, 354, 714, 782
Федор Алексеевич 246
Федор Иоаннович 46
Федорова-Давыдова Э.А. 371
Федоров-Давыдов Г.А. 5, 15, 30, 59, 61, 69, 76, 142, 233, 290, 380, 383 385, 411 413, 416, 416, 424, 558, 575, 663, 715, 719, 725, 730, 740, 745 747, 749, 756
Фируз шах 732, 735
Фишер К.А. 370
Флерова В.Е. 14, 594, 599
Фоа Даниель 586
Фра Мауро 63, 92, 141
Френ Х.М. 85, 152, 762
Хазиев А.И. 249
Хайр-Пулад 65, 728, 729, 731, 734, 736, 742, 743
Хакимзянов Ф.С. 15, 306, 313, 783 786
Халиков А.Х. 62. 85, 212, 248, 281, 315, 316, 318, 321, 334, 342, 345, 354, 428
Халикова Е.А. 125, 213, 236, 241, 335, 354, 762
Хамзин Р.Н. 10, 357
Харузин А.Н. 99, 370
Хасан-бек 322
Хитровы 164
Хлебникова Т.А. 217, 241, 247, 250, 251, 255, 260, 262, 265, 266, 268, 294 296, 305, 309, 320, 341, 351, 444, 450, 453 455, 509, 549, 564, 565, 567, 597, 705, 714
Хлюпин А.Ю. 466
Хованская О.С. 247, 250, 266, 273, 527, 561, 562, 594, 650 652
Ходжайов Т.К. 796, 805
Хомяков М.М. 247
Хохлов А.А. 185
Худяков А.В. 249
Худяков М.Г. 247, 255
Хулагуиды 91, 731, 735, 792
Хузин Ф.Ш. 9, 306, 307, 320, 349, 350, 516
Хызр 89, 168, 406, 482, 728 730, 732, 733, 735, 738, 739, 741, 742, 744, 750, 756, 757
Цвик 59
Цуцкин Е.В. 676
Чагатаиды 714, 735, 736
Чаки 86
Чекалин Ф.Ф. 58
Чекре 743 745, 749, 751
Червонная С.М. 761
Черемных А.И. 761
Чернецовы Г. и Н. 59, 616, 637, 640
Черников В.Ф. 426 428
Черных Е.М. 480
Четвертаков Е.В. 426, 427
Чжао Хуну 811
Чиварзин А.Д. 594
Чижевский А.А. 355
Чингизхан 186, 717, 818
Шавохин Л.С. 321
Шадибек 716, 742 752, 755, 756, 758
Шайхутдинова Р.Р. 749
Шакиров З.Г. 9, 14, 212, 332, 426
Шакулова Л.Д. 426
Шамс ад-Дин Мухаммад 56
Шарифуллин Р.Ф. 247, 249, 252, 256 260, 269, 592
Шахматов В.А. 370
Шевченко А.В. 804
Шеньян И. 47
Шереф-ад-дин Йезди 92
Шигапов М.Б. 657, 751
Шилов В.П. 371, 395
Шитов В.Н. 201
Шишкин П.Н. 85, 88, 89, 94, 679
Шмит А. 247, 248, 271
Шморанц Г. 587
Шнайдштейн Е.В. 37, 141, 411
Шокуров А.П. 360
Шпилевский С.М. 246, 247, 315, 345, 352, 781
Штраус 650
Штукенберг А.А. 247, 255
Шумахер И.Д. 59
Шутова Н.И. 326
Щапова Ю.Л. 468
Щеглов С.А. 76, 370
Эвлия Челеби 57
Эласади 62
Эльмелик-Эннасыр Мухаммед 62
Эрдман Ф. 241, 352
Эрдман Ф.Х. 246
Эрдниев У.Э. 409, 410
Юлиан 206
Юрченко А.Г. 686
Юсупов Г.В. 189, 245, 313, 325, 334, 346, 366, 762, 763, 768, 772, 773, 776 780, 783, 784, 786
Юсуф 36
Юсуф ибн Кусейр 623
Яблонский Л.Т. 144, 806, 807, 810
Яворская Л.В. 7, 14, 38, 101, 118, 121, 122, 142, 249, 601
Якобсон А.Л. 36
Якубовский А.Ю. 58, 62, 387, 762
Янин В.Л. 474
Янина С.А. 62, 64, 726, 740, 762, 792
Яранцева Н.С. 358
Ярослав Ярославович 490

Указатель археологических памятников

«301 км, курганный могильник 32, 39, 126, 141, 629, 634
«Аксак», святилище – жертвенно-поминальный комплекс 378
«Алаучук», поселение 32, 41
«Артельный», поселение и грунтовый могильник 32, 42
«Асусь-тобе», грунтовый могильник 33, 44
«Бактюбе», комплекс усадеб 32, 40
«Бараний», грунтовый могильник 32, 42
«Баратаевка-2а», поселение 192, 193, 194, 196
«Барбашина Поляна» могильник 208, 814, 821
«Барский», поселение 32, 41
«Баста», грунтовый могильник 32, 39, 705
«Бердин», поселение 32, 40
«Болдинский», поселение 32, 42
«Большое Маячное», поселение 33, 45
«Большой Джулер», поселение 32, 40
«Большой Долгий», грунтовый могильник 33, 44
«Большой Морской», грунтовый могильник 33, 43
«Большой Таболинский», грунтовый могильник 33, 46
«Большой Толчин, поселение 33, 42
«Большой Хаджи», грунтовый могильник 33, 42
«Большой Чека», поселение 32, 42
«Большой Черный, грунтовый могильник 32, 42
«Бос-Тобе», грунтовый могильник 33, 44
«Бузан», поселение 39
«Бутырки», курганный могильник 32, 39
«Бутырки», поселение 32, 39
«Вишневый сад» городище 167, 184
«Водяной», комплекс усадеб 32, 40
«Второй Досаевский» клад 744
«Габбас тюбе», грунтовый могильник и мавзолей 33, 43
«Городок», комплекс усадеб 32, 40
«Греческая палата», могильник 548, 799, 800, 814, 815, 820
«Джанак-Куль», комплекс усадеб 32, 40
«Джидале», грунтовый могильник 33, 44
«Долгий», комплекс усадеб 32, 40
«Долгий», поселение 33, 43
«Ежевичная стрелка», городище 355
«Еланский ручей», селище 97
«Енотаевское» городище 32, 39
«Жулан-Тобе», грунтовый могильник 33, 44
«Иван», селище 98
«Ильинка», поселение 33, 42, 705
«Ильку-Тюбе», комплекс усадеб 32, 40
«Ильмень», поселение 32, 40
«Камынкуль», поселение 32, 40
«Камышин», поселение 32, 42
«Кан-тюбе», грунтовый могильник 32, 41
«Караколь», грунтовый могильник 33, 45
«Карантинный», комплекс усадеб 32, 40
«Кара-Тобе», грунтовый могильник 33, 44
«Кара-Тобе», комплекс усадеб 32, 40
«Карачук», грунтовый могильник 33, 46
«Касыпак-Тобе», грунтовый могильник 32, 42
«Касыпак-Тобе», грунтовый могильник 33, 44
«Кизелькуль», комплекс усадеб 32, 40
«Кисинский», грунтовый могильник 33, 45
«Кокрять – дер. Айбаши – озеро Вшивое» комплекс 717
«Кокрять – оз. Вшивое» комплек 717, 718
«Коц-Тобе», грунтовый могильник 33, 44
«Кочкаринский», поселение и грунтовый могильник 33, 44
«Красный», поселение 32, 44
«Кременки-1», селище 189, 190, 191
«Куга, комплекс усадеб 32, 40
«Кузнецовский», грунтовый могильник 33, 44
«Кузнецовский», поселение 33, 44
«Лебединый», грунтовый могильник 32, 41
«Мавзолей» 32, 41
«Малый Долгий», грунтовый могильник 33, 46
«Малый Маячный», грунтовый могильник 33, 45
«Малый Толчин», поселение 33, 45
«Малый Фролкин», грунтовый могильник 33, 46
«Малый Хаджи», поселение 33, 42
«Малый Чека», поселение 32, 42
«Малый Черный», грунтовый могильник 32, 42
«Малый», комплекс усадеб 32, 40
«Манчинский», грунтовый могильник 33, 46
«Мартышкино», могильник недалеко от поселения в урочище 98
«Мартышкино», селище в урочище 97, 706
«Мартышкино», урочище 97, 706
«Маячный–1», могильник 705
«Мыс» (местонахождение) 98
«Началовский-I», поселение и грунтовый могильник 32, 42
«Началовский-II», грунтовый могильник 32, 42
«Николаевка» (клад) 737
«Николаевка», поселение 32, 40
«Новорычанское», городище 32, 41
«Орлиное гнездо», поселение 39
«Петухов», грунтовый могильник 33, 42
«Пойменная 1, поселение 33, 44
«Попова поляна» селище 155
«Попок», грунтовый могильник и поселение 33, 43
«Пороховой», грунтовый могильник 33, 46
«Постовой», грунтовый могильник 33, 44
«Промысловый», грунтовый могильник 33, 44
«Раскоп № 174», могильник 801, 820
«Раскоп № 191», могильник 801, 820
«Рассвет», поселение 32, 40
«Селище у дамбы» 734
«Стекольный», поселение 33, 46
«Сундук», городище 108
«Сюкеевский взвоз» комплекс 354
«Сюкеевский взвоз» стоянка 212
«Тимошкин», поселение 32, 42
«Тинаки», поселение 32
«Тумак-Тюбе», городище 33, 44, 134
«Тумак-Тюбе», могильник на бугре 118, 119
«Усадебный», комплекс усадеб 32, 40
«Успенка», курганный могильник 32, 39
2-я верста от Илецкой Защиты, курган 374, 381, 389
301-й километр, поселение 118, 119, 138
34-й км, поселение 32, 41
Абашевский, курган 374
Абганерово I, II, III, IV, курганы 374, 396
Абганерово II 389

Августовка, курган 374, 380
Аверинский I могильник 12, 478, 480, 481, 482, 483, 485, 487, 488, 490
Аверьяновское, каменное изваяние 378
Ага-Базар 246, 272, 280, 313, 717, 719, 723, 733, 738, 739, 740, 741, 749,757
Агаповские горы, курган 374
Агаповский, курган 374
Адрык могильник 414
Ажанай, грунтовый могильник 33, 44
Азак 84, 194, 205, 206, 406,486, 486, 567, 577, 593, 594, 596, 704, 708, 709, 711, 728, 733, 734, 736, 738, 745, 751, 711
Азакское городище 714
Азметьевский I могильник 359, 360, 802, 821
Азметьевский могильник 228, 234, 235, 814
Азов 714
Айбаш, местонахождение у д. 531
Айбаши, местонахождение 717, 720, 724
Акбулак, святилище – жертвенно-поминальный комплекс 378
Акимбетовский, святилище – жертвенно-поминальный комплекс 377, 378
Акимовщина, могильник 164
Ак-Сарай (Лапас), городище 32, 39, 41, 738
Аксубаевское городище 718
Актобе-Лаэти городище 7, 25, 99, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 115
Акъярский, святилище – жертвенно-поминальный комплекс 378
Алабайтал, курганы 372, 374
Алайское поселение 39
Алебастровая гора могильник 370
Алебастрово II, курганный могильник 373
Алебастрово, курганный могильник 150, 374
Александровский курганный могильник 167, 185, 374, 375
Александровский, святилище – жертвенно-поминальный комплекс 378
Александровское городище 166, 171
Александровское местонахождение 98
Александровское селище 155
Александровское, каменное изваяние 378
Алексеевка, курган 374
Алексеевка, курган у моста 241
Алексеевские курганы 229
Алексеевский могильник 241, 808, 814, 822
Алексеевское IV селище 749
Алексеевское городище 97, 98, 705, 808
Алексеевское захоронение 231, 241
Алексеевское поселение 705
Алмазовка, селище (Алмазовское селище) 166, 177, 181
Алцынхута I, могильник 414, 415
Альменево, клад монет (Альменевский клад) 346, 716, 722, 727,
Альменевское городище 346
Альметьевское селище 360, 366
Анаберда, местонахождение 534
Андреевский, курганный могильник (курганы) 374, 376, 389
Ани, цитадель 588
Анненское, святилище и каменное изваяние 378
Анновское селище 166
Антыбарский могильник 485, 486, 487
Анюшкар городище 12, 478, 479, 482, 486
Арап, город 34
Арбузов-Баран, клад монет 730
Арбухим город или крепость 194
Арга 1 поселение 200
Ардинское городище 448
Ардинское селище 445
Арняшский могильник 326, 334
Арск, город 9, 11, 325, 326, 329, 332
Арское городище 10, 217, 241, 326, 327, 328, 329, 334, 662
Архангельское, кладбище с надгробием 187, 189, 764, 772
Архара II могильник 409, 410
Архиерейская дача 322, 766, 767, 768, 783
Астраханский тракт, курганная группа 98, 708
Астрахань 46, 57, 58
Атабаево , местонахождение 738
Аткарск, могильник 383, 388
Аткарский могильник 88, 197, 198, 201, 208, 209, 370, 374, 807
Атрясское кладбище 354
Аулие-Тас 376
Афьон 616
Ахлат 621, 622, 624, 627
Ахмат, монетный клад 98
Ахматское I (местонахождение) 98
Ахматское II (местонахождение) 98
Ахматское городище 97
Ахтубинский могильник 396
Ахтубинское городище 32, 41, 647
Ашиязское городище 656, 658, 659
Баба-ата, городище 290
Бабий бугор могильник 217, 219, 226, 229, 231, 236, 241, 242, 246, 264, 539, 543, 688, 799, 800, 814, 820
Багаевское селище 89, 97, 209, 686, 692, 698, 699, 703, 704, 705, 706
Багишевское селище 366
Бадьинская кузница 445
Бадьинское селище 445
Базарно-Матакские селища 749
Базарно-Матакское селище 719, 724, 749
Базар-Тобе, курган 374
Байглычево 772
Байглычевское кладбище (Чувашия) 764
Бай-Джигит могильник 371
Байрак-Тамакский могильник 10, 367
Байрам Али 626
Байряки-Тамакский могильник 226, 231, 241, 360, 367
Байтеряково 772
Байтеряковское, кладбище 764
Байчугинское I селище 338
Бакрчинские II находки 353
Баку 35, 36, 617
Балахчино, монетный клад 735
Бала-Четырман 378
Балкин хутор, могильник 412
Балымерские курганы 226, 229, 231, 234, 240, 241, 242, 374, 549, 555
Балымерский комплекс 719
Балымерский курганный могильник 228, 236, 883
Балымерский могильник 226, 231, 233, 234, 239,
Балынгуз, местонахождение намогильных памятников 778, 781, 784, 786
Балынгузские мавзолеи 300
Балынгузское (Торецкое) III селище 453
Балынгузское IV селище 212, 245
Балынгузское городище 212, 302
Балынгузское кладбище 300, 764, 778
Барановка I-II, поселения 705
Барановка, могильник 150, 374, 705
Барбашинский грунтовый могильник 178, 522, 523
Барбашинский могильник 165, 167, 201, 226, 455, 522, 523, 534, 539, 540, 544, 547, 548, 549, 570, 803, 808
Барбашинское поселение 455
Барбашинское селище 167
Барда 623, 627
Барджин 84
Барзичи II 461
Барковское городище 444, 445, 447
Барковское селище 445, 447
Барское Енарускино, кладбище с надгробием 776, 778, 779
Барско-Енарускинское кладбище

764
Баскульское VI селище 10, 362
Баста, урочище 46
Батаевка Южная, могильник 396
Батраки, кладбище с надгробием 764, 775, 778
Бахтияровка I курганная группа 708
Бахтияровка II курганная группа 707, 708
Бахтияровка II могильник 74
Бахтияровка III курганный могильник 707
Бахтияровка III могильник 74, 682
Бахтияровка, могильник/некрополь 74, 379, 381, 396, 398
Бахтияровка-I, могильник/некрополь 118, 119
Бахтияровка-II, могильник / некрополь 74, 118, 119, 707, 708
Бахтияровка-III, могильник/некрополь 74, 118, 119, 682, 707
Бахтияровский курганный могильник 372, 373, 374
Башкир-Беркутово, могильник 381, 681
Башкир-Беркутовский могильник 381, 680
Башкирское стойло, могильник 371
Беднодемьяновский могильник 155, 164, 201
Безродное, городище 73
Бектурган-Сай, каменное изваяние 378
Белозерки IV селище 167, 180
Белозерки грунтовое захоронение 177
Белозерки селище 167, 180
Белозерский курган 374
Белокаменка, могильник 396
Белоключинское, местонахождение 166
Белоозерское селище 360
Белопахотное селище 360
Белореченский могильник 591
Бельджамен (Бездеж), город 76, 77, 119, 272, 714, 739
Бельджамен (Водянское городище) 804, 805
Бердинское, каменное изваяние 378
Бережновка I, могильник 121, 374
Бережновка II, могильник 120, 374
Бережновка, курганный могильник 119
Бережновский I, II, могильник 396
Бережновский могильник 371, 379, 389
Березовка, могильник 98, 396
Березовка, монетный клад 98, 727
Березовка, село Энгельсского района (курган) 98
Березовский V, курганный могильник 374, 378
Березовский могильник грунтовый 166, 814, 821
Березовское I селище 166
Березовское II селище 166
Березовское селище 165, 168, 170, 172, 174, 217, 803
Берсеневская случайная находка монет 166
Бикбуловский могильник 360
Бикбуловское I селище 360
Бикбуловское II селище 360
Бикбуловское селище 10, 362, 365, 366
Бикеевское I – II селище 353
Бикеевское кладбище 353
Биляр золотоордынский, поселение городского типа 9, 243, 245, 246, 281, 282, 283, 289292, 294, 296, 297, 298, 584, 593, 602
Биляр, город 9, 211, 243, 244, 245, 246, 249, 251, 254, 258, 280, 290, 294, 296, 297, 345, 568, 586, 587, 588
Билярский II могильник 762
Билярский III могильник 762
Билярское II селище 243, 245, 280, 281, 282, 762
Билярское III селище 243, 245, 280, 281, 282, 283, 284, 285, 286, 289, 290, 292-297, 584, 593, 600, 602, 730, 762
Билярское городище 9, 212, 243, 245, 280, 281, 282, 285, 292, 294, 295, 297, 303, 520, 534, 539, 550
бирюлинские находки вещей 216
Бискульское VI селище 360
Ближнее Константиново – 1 селище 428, 434, 435, 436, 437
Блюменфельд А, Б, могильники 396
Блюменфельд, могильник 374, 396
Боаро, могильник 374, 396
Бобровка I, курганный могильник 167
Богаевское селище 525
Богдашкинское городище 355, 356
Богишевское селище 217, 751
Болгар 9, 13, 84, 152, 157, 176, 213, 216, 217, 220, 221,224, 226, 229, 236, 243, 246, 247, 248, 249, 251, 253, 254, 260, 261, 262, 263, 264, 266, 268, 269, 272, 273, 274, 275, 276, 280, 288, 289, 290, 292, 294, 295, 296, 305, 313, 355, 356, 358, 359, 406, 437, 453, 454, 455, 509, 510, 511, 513, 517, 518, 519, 520, 528, 537, 539, 559, 561, 562, 563, 566, 567, 568, 575, 582, 584, 592, 596, 597, 598, 600, 601, 602, 604, 605, 606, 607, 616, 618, 622, 623, 624, 626, 633, 636, 637, 640, 646, 654, 655, 656, 672, 687, 688, 689, 690, 691, 704, 709, 712, 713, 714, 715, 716, 717, 718, 719, 720, 721, 722, 723, 724, 725, 727, 731, 738, 739, 740, 742, 743, 749, 751, 752, 756, 758, 761, 763, 765, 766, 767, 771, 772, 773, 774, 776, 777, 779, 780, 781, 782, 783, 784, 785, 786, 788, 792, 793, 799, 800, 801, 802, 810, 811, 814, 815, 820
Болгар ал-Джадид город 345, 747, 758
Болгарские I клады 716, 722, 731
Болгарские II клад 716, 722
Болгарский III клад 716
Болгарское городище 9, 13, 14, 20, 64, 129, 212, 213, 217, 218, 221, 222, 224, 226, 227, 229, 230, 231, 234, 238, 239, 240, 241, 246, 247, 248, 249, 250, 251, 252, 255, 256, 262, 263, 264, 266, 272, 275, 280, 324, 382, 455, 509, 510, 511, 512, 515, 516, 517, 519, 525, 526, 527, 528, 529, 530, 531, 532, 533, 534, 535, 536, 537, 538, 539, 540, 541, 542, 543, 546, 547, 548, 549, 550, 551, 552, 553, 554, 555, 556, 557, 566, 583, 585, 586, 588, 589, 592, 593, 594, 596, 597, 600, 629, 635, 648, 649, 650, 651, 652, 653, 654, 655, 656, 672, 684, 687, 693, 694, 697, 707, 714, 715, 717, 718, 722, 723, 724, 725, 726, 727, 731, 732, 735, 738, 739, 740, 741, 742, 755, 756, 757, 758, 764, 766, 767, 768, 771, 779, 784, 785, 787, 788, 789, 791, 792, 793, 794, 799, 801, 814
Болдыревка (клад) 98
Болдыревский могильник 705, 706, 814, 822
Болдыревский мусульманский некрополь 808
Болдыревское селище 97
Болшешинарское селище 340
Большая Глушица, каменное изваяние 376, 378
Большая Дмитриевка I, курган 88, 98, 708
Большая Дмитриевка II, курган 98
Большая Дмитровка, могильник 396
Большая Тарка – 1 селище 431
Большая Тарка – 3 могильник 430, 431
Большая Тарка селище и курганный могильник 428, 431
Большая Тояба городище 445, 638, 641, 781
Большеатрясский комплекс памятников 356
Большеатрясское I селище 353
Большеатрясское II селище 352, 353
Большеатрясское кладбище 217,

352, 353, 357, 762, 764
Большеатрясское селище 723, 735, 741
Большевик II, курган 373, 381
Большееланьское селище 339
Большеждановское селище 461
Большеигнатовский (могильник/некрополь) 201
Большекляринское кладбище 352
Больше-Кляринское городище 352, 354
Большекокузинское I селище 353
Большеляждурское селище 445
Большенарсинские селища 337
Большенырсинский комплекс 336, 341
Большенырсинское I селище 336, 338
Большенырсинское II селище 335, 336, 343
Большенырсинское III селище 334
Большенырсинское кладбище 345, 764, 766
Большенырсинское надгробие 780
Большеошнякское I 764
Большеошнякское II 764
Большетарханский I могильник 354
Большетарханский памятник 786
Большетарханское кладбище 352, 353, 764
Большетиганский II могильник 802, 821
Большетиганский могильник 814
Большетоябинское городище 662, 663, 664
Большетюлязинское селище 339
Большефроловское кладбище 353
Большефроловское селище 353
Большешемякинское кладбище 353, 764
Больше-Шемякинское кладбище 352
Большеякинское кладбище 766
Большеяльчиковское 764
Большие Атряси 732, 745
Большие Нырсы селище у с. 734
Большой Шикши-Олуяз 747
Большой Шихан поселение 177, 182, 558, 561, 570
Большой Шихан, курган 167, 182, 374
Большой Шихан», селище 167
Борнуковские (могильник/некрополь) 201
Ботыли IV селище 460, 461
Брик-Алгинское местонахождение 534, 539, 550
Брусянское селище 171, 734
Брусяны II, селище 166
Брусяны III селище 165, 166, 172, 173
Бугурусланский, курган 374
Бужинское I селище 330, 331
Бужинское II селище 331, 332
Бужинксе селище 216
Буранчи, курган 374
Бурибай, святилище –жертвенно-поминальный комплекс 378
Буркин Буерак 98
Бурля I-II, местонахождения 705
Бурундуковский клад 716, 753
Бурцевское селище 353
Бутаевский клад 540
Бутак-3 курган, жертвенно-поминальный комплекс 375, 378
Бухара 618, 767
Быково I, могильник 120
Быково III, могильник 120, 196, 398
Быково IV, могильник 396
Быково-I-III, курганные могильники 119
в 700 м к западу от бывшей д. Рокотовка (ныне в черте Саратова), поселение 97
Важнангерский жертвенник 457
Важнангерское (Мало-Сундырское) городище 445, 448,449, 453, 456, 459
Важнангерское (Мало-Сундырское) городище Аламнер» 446, 448, 451, 452,454, 457
Важнангерское городище 444, 446, 447, 450,458, 459
Важнангерское селище 445, 447
Вакинское селище 482, 485
Вакуровский Бугор II, могильник 118, 119
Вакуровский бугор» (Красноярское городище) могильник 814, 822
Вакуровский бугор-I могильник 118, 119, 705
Вакуровский могильник 805
Вакуровский-I, грунтовый могильник 32, 41
Вакуровский-II, грунтовый могильник 32, 41
Валуевская, могильник 396
Васево, селище 396
Василевский (могильник/некрополь) 201
Васильское V городище Репище» 447, 459
Васильсурское V городище 445, 447
Великие Болгары городище 239, 791
Великопольское селище 445
Венгеловка, могильник 396
Вербовый Лог VIII могильник 668, 676, 677, 671
Вербовый лог, могильник 676
Веретяевка, селище 167
Вертелимский (могильник/некрополь) 201
Верх-Боровской I могильник 479
Верх-Боровской II (Сердуг) могильник 479
Верхнеатынские надгробные камни 334
Верхнее Погромное, курганная группа (Верхне-Погромное) 374, 396, 708
Верхнеказылинское селище 339, 341
Верхнелебяжье, местонахождения 705
Верхненикитинское кладбище 316
Верхнехрящевское селище 166, 177
Верхний Джулат, городище 258
Верх-Язьва, местонахождение 485
Веселый, мавзолей у хутора 623, 626
Весское городище 479
Ветлянка, курган 374
Визенмиллер I, III, могильники 396
Визяй I, селище 479
Визяй II, селище 479
Виловатовский могильник на дюне 167
Виловатовский, курган 374
Винновский клад 166
Висловка II поселение 97
Вишневое, кочевническое захоронение 96
Вишневое, курган 98
Владимир 487, 586, 591
Водянский I могильник 706, 805, 814
Водянский II могильник 705, 805, 814
Водянское городище 7, 66, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 119, 124, 126, 129, 130, 131, 137, 138, 144, 145,150, 150, 473, 475, 516, 534, 558, 560, 572, 581, 596, 609, 611, 612, 615, 616, 626, 629, 630, 631, 635, 638, 642, 695, 696, 699, 703, 704, 705, 709, 714, 742, 805
Водянское городище (Бельджамен) 77, 804, 805, 822
Войкинский комплекс 750
Волгапинский (могильник/некрополь) 201
Волоконное селище 445
Вольное I местонахождения 705
Воскресенка, село Энгельсского района (находки монет) 98, 756
Воскресенское (каменные изваания) 378
Воскресенское I селище 166
Воскресенское II селище 166
Воскресенское селище 171, 172
Восточный Маныч, II группа мо-

гильника 412
Вотчинский могильник 491
Вотяковское кладбище 313
Выжумский II могильник 445
Выжумский III могильник 445
Высокая гора, могильник 150
Вязовское селище 461
Вятское I, городище 479
Вятское городище 461, 472, 475
Вятское поселение 462
Гагинский (могильник/некрополь) 201
Гайнашор I, селище 497
Гайны, городище 497
Галанкина гора II, селище 445
Гарни 588
Гаррус, город 36
Гвардейский курганный могильник 167, 182
Гвардейцы, курган 374
Гдов 447
Гек-Гумбез урочище 626
Гледень 491
Голодяевка, случайная находка зеркала 166
Гординское (Удмуртия) 764
Горкинский комплекс 289, 303, 718, 719, 724
Горкинское V селище 724
Горкинское VIII селище 280, 289, 302, 303
Горно-Пролейский 2 могильник 396
Горношумецкое городище 444, 445
Горношумецкой могильник 445, 446, 448, 798, 819
Городец 294, 432, 714
Городище под Новгородом 591
городище у с. Круглоозерное 108
Городище, городище 438
городище у пос. Комсомольский (Ак-Сарай) 119
Городищенское (Кала-Елгинское) 353
Городищенское городище 352
Городищи-1 селище 430
Городок, городище 427,428, 430, 433, 444
Городцовка, погребение 167
Гороховец 444
Грачи поселение 704
Грековское селище 461, 471
грунтовый могильник (без названия) 32, 41
грунтовый могильник на восточной окраине Нижнего Новгорода (у больницы им. Семашко) 428, 430
грунтовый могильник на селище Белозерки IV 167
Губино I селище 166, 168
Губино поселение 168, 170
Губино, клад монет и вещей 166
Губинский I клад 166
Губинский II клад 166
Гува 1 396
Гува, могильник 413 ,414
Гуль-Чунь, поселение 492, 501, 502, 503
Гундоровский одиночный курган 167, 177, 181
Гурьевские селища 718, 179, 724
Гусевка, курган 374
Давыдовка II и III курганы 374
Дамба I поселение 215
Дамба II поселение 459
Дамба II селище 550, 749
Дамба I–III, селище 240
Дарьинское городище 108
Дача Корольковой поселение 97
Двин 284, 293, 586
Двоенка I, курган 98, 707
Двоенка II, курган 98, 707
Девичья гора (Сюкеевский взвоз) городище 352
Дедуровка, каменное изваяние 378
Деменковский могильник 797
Дербешкинский могильник 10, 360, 802, 814, 821
Дермичлер мавзолей у с. 623
Деушевское городище 352
Джангала (Кара-Оба), курган 374, 384
Джангала (Новая Казанка) 374, 389
Джангала (Сарайдин), курган 371, 374
Джангар, могильник 396, 412
Джасай, святилище – жертвенно-поминальный комплекс 378
Джигит-Хаджи, урочище 47
Джуга мавзолей у с. 623
Джукетау 9, 212, 213, 304, 306, 309, 313, 314, 315, 316, 352, 776
Джукетау, городище 213, 243, 303, 304, 306, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 514, 565,717, 718, 719, 724, 738, 740, 741, 778
Джукетауский клад 312, 719
Джухта II могильник 669, 671, 672, 674, 685
Дигитлинское 764
Дмитриевка поселение 704
Дмитриевка, курган 374
Долгополянское I селище 358
Долгополянское II селище 358
Долгополянское III селище 353, 358
Долгоруковский могильник 155, 201
Домбаровское, каменное изваяние 378
Донауровский II могильник 306
Донауровское II селище 215, 303, 305, 306, 550
Донауровское селище 510, 514, 516
Донауровское III селище 215
Донауровское кладбище 764
Досанг (стоянка II), местонахождение у ст. 32, 41
Досанг III, XVIII-XX, местонахождения 705
Досанг X, местонахождение 705
Доскино-10 поселение 423
Дубитель I селище 155, 163
Дубитель II селище 155
Дубовогривская II стоянка 360
Дубровский (могильник/некрополь) 201
Дюкер, могильник 412
Дюсюмское местонахождение 325
Единичная находка монет у д. Емельяново 717
Екатериновский IV грунтовый могильник 167
Екатериновский курган 374
Елабужское городище 351
Еланка, каменное изванияе 378
Елатьма 207
Елховское (Сюкеевское) городище 358
Елховское кладбище 316, 764
Елшанка, каменное изваяние 374
Елышевское I селище 339
Елышевское II селище 339
Еманаевский могильник 461, 466, 467
Еманаевское I селище 461
Еманаевское II селище 461, 472
Еманаевское IV селище 461, 472
Ершовка, каменное изваяние 378
Есиповка (находки монет) 98
Ефаевский (могильник/некрополь) 155, 161, 200, 201, 204
Жайык, городище 7, 99, 107, 110, 111, 112, 113, 114, 629, 634, 635, 638, 646, 647, 648
Жайык, могильник 623, 629
Жаксы-Каргала 374, 389
Жалпактал I могильник 111
Жалпактал городище 7, 99, 111, 113, 114, 115,116
Жаман-Каргала, курган 374
Жанаталап I 372
Жанаталап II 372, 374
Жанаталап, курган 374
Жарсуат, курган 374
Жедяевка(клад) 724
Жемковский клад серебряных ювелирных изделий 166
Жигановский могильник 786
Жигановское поселение 491, 505
Жигули I (Жигули-I) грунтовый могильник 167, 174, 803, 821
Жидова гора, селище 189
Жукотинское городище 733

Жукотинское кладбище 764
Заволжье II селище 167
Заволжье II, грунтовый могильник 167
Заволжье III, грунтовый могильник 167
Замараевский курганный могильник 803
Замараевский могильник 814, 821
Заплавное-I, могильник 118, 119
Заплавное-II, могильник 118, 119
Заречное-2 могильник 430
Зауморье, курган 374, 707
Зауморье, могильник 98, 396
Зауморье, поселение 704
Зауморье, село Энгельсского района (поселение) 97
Заяр курганная группа 708
Заяр-I, могильник 118, 119
Заяры, курган 374, 389, 396
Зеельман, могильник 396
Зеленовские курганы 226, 241
Зеленовское городище 352, 353, 354
Змеевское I городище 313
Змеевское кладбище 764
Змейский катакомбный могильник 585
Золотаревское поселение 487
Золотое, каменное изваяние 378
Золоторевский археологический комплекс 595
Золотушинская Северная 396
Зубовка курганная группа 707
Зубовка, могильник 118, 119, 396
Зубовское городище 75, 742, 757
Зубчаниновка разрушенные курганы 180
Зубчаниновка, случайная находка зеркала (разрушенное погребение) 167, 155
Ивановка IV курган 388
Ивановское городище 189
Игимское I селище 360
Игимское селище 217
Иджил, могильник 413, 414, 415, 417
Иднакар городище 478
Изборск 447
Измерский клад 743
Измерский могильник 762
Измерское I селище 550
Изметьевский I могильник 10, 360
Измянское 764
Измянское селище 338
Изобильное, мавзолей у с. 623, 626
Илекская, каменное изваяние 378
Ильдеряковское кладбище 764
Ильчибаевское городище 360
Имангулово, курган 374
Именьковское селище 749
Исаево I, селище 479
Исаковское городище 355, 662, 664, 665
Исаковское селище 353, 355, 358
Исакчи 84, 86
Иске аул, селище 749
Иске-Рязабское кладбище 746
Иски-Казанский археологический комплекс 717, 718, 719, 724, 727, 741, 751, 752
Иски-Казанский клад монет 216, 749
Иски-Казанское городище 741
Иски-Казанское кладбище 216, 761, 764, 766
Иски-Казань 216, 455, 451, 561, 566, 714, 730, 732, 734, 740, 741, 743, 745, 749, 750, 751, 752
Искор городище 490
Искорское городище 479
Искра поселение 460, 461, 462, 472, 476
Искровское местонахождение 461
Исляйкинское (Ташбилге») кладбище 313
Исляйкинское кладбище 764
Исмаил тюбе, поселение 33, 43
Итиль (Атиль, Атель) город 30, 31, 33
Итяковское городище 155, 197, 200, 202, 203
Ичалковский (могильник/некрополь) 201
Ишалькинское кладбище 764
Ишимовское кладбище 353
Ишкуловский II курган 374, 376
Ишмухаметово, каменное изваяние 378
Кабанское городище 322, 787
Кабардинский могильник 590
Кадряковское кладбище 334
Кадышевский могильник 353
Каенлинское кладбище Изгэлер зираты»? 764
Казакларское селище 338, 341
Казанский кремль, городище 239, 240, 316, 318, 322, 323, 324, 351, 549
Казанское (Кабанское) 764
Казань 9, 66, 316, 317, 318, 319, 320, 324, 325, 345,349, 351, 656
Казбек могильник 155, 164, 197, 201
Казенная мельница, курган 374
Казлар-Тобе, поселение и грунтовый могильник 32, 42
Казылинские надгробные камни 334
Казылинское (Красноярское) селище 339
Каинсай, святилище – жертвенно-поминальный комплекс 378
Каин-Сай, каменное изваяние 378
Кайбельское селище 455, 459, 509
Калашный Затон» селище 155
Калининский курганный могильник 810, 817
Калиновка курганная группа 707, 708
Калиновка, курганный могильник 119, 121, 750
Калиновский курганный могильник 201,371, 374, 396, 809
Калиновский могильник 814, 822
Калинское селище 485
Калмыцкий бугор, могильник 118, 119
Калмыцкий, грунтовый могильник 32, 41
Камаевское (Иски-Казанское) городище 216
Камаевское городище 212, 213, 214, 215, 239, 454, 485, 660, 661, 747
Камаевское местонахождение 216
Камаевское селище 216
каменное изваяние в г. Камышин 378
каменное изваяние в г. Царицын 378
каменное изваяние в г.Балашов 378
Каменное изваяние, г. Камышин 378
Каменно-Озерный 381
Каменноозерный, курган 374
Каменный Амбар-5 388
Каменный Амбар, святилище и каменное изваяние 378
Каменный Амбар-2 377
Каменный Бугор, поселение 46, 57, 705
Камышин, курган 374
Канадей I курганный могильник 166, 174
Канадейское (Канадей) городище 166, 174
Кануевский грунтовый могильник 167
Кануевское селище 167, 177, 182, 184
Карагайлы-12, курган 378
Карагач 372
Карадулинское I селище 339
Караозек II местонахождение 705
Каратугайская волость, курган 374
Каратун (Каратунский клад) 736, 737, 738
Карашамский (клад «Карашам») клад 548,549, 672, 736, 737
Карел 476
Кар-Йыл, городище 492
Кармалейский могильник 155, 201
Кармалейское селище 155
Кармалинское кладбище 764
Кармыльк городище 492

Карташихинский I могильник 201, 236, 549
Карташихинский II могильник 201, 236, 549
Карташихинский III могильники 236
Карыбйывское (Карыбйыв) городище 491, 492, 494, 495, 503
Каффа 709, 711, 713,745, 748, 751
Качелинское местонахождение 216, 333
Кашан I, городище 290, 345, 656,657, 658, 732
Кашанское городище 351, 731, 734
Квасниковка курганная группа 707
Квасниковка, курган 98
Квасниковка, поселение 704
Квасниковка, село Энгельсского района 98
КВЧ, могильник 414
Кедвавомский могильник 491
Кекино-3 селище 454
Кельгининский могильник 200, 201, 202, 204, 208
Кендянский (могильник/некрополь) 201
Кеппенталь, курган 374
Керман 725, 727, 756
Керменчук 10, 345, 346, 348, 351
Кермин 626
Кесене, Бэндэбикэ мавзолей 626, 629
Кибя-Козинское 764
Килемарские находки 445
Киляковка курганный могильник 372, 396
Кимовское II селище 732
Кинельское (Коммуна) селище 167
Кинтусовский могильник 474
Кирельское городище 352
Кирельское городище I («Сокол») 352
Кирельское городище II («Сокол») 352
Киржеманский (могильник/некрополь) 201
Кириково-1 селище 454
Кирилловское селище 216
Кирменский археологический комплекс 345
Кирменское I селище 345
Кирменское II селище 345, 348
Кирменское III селище 345, 348
Кирменское городище 346, 347, 348, 351, 656, 657, 659, 777, 787
Кирменское кладбище 774
Кирменчук 776, 781
Кирметь урочище 510, 513, 514
Кировский III курган 374
Кирпичный-II, поселение 32, 42
Киршехир 621
Кичилькосьский I могильник 491
Кишертский могильник 483, 487
Кишметьевское надгробие 334
клад Вяземки 205
клад из Матвеевки 750
клад на поселении около поселка Шумейка (№ 52) 98
клад у г. Москва (в районе церкви Владимира) 734, 743, 757
клад у г. Чистополя (Джукетаусский) 546, 549, 556
клад у д. Донауровка 719, 729, 733
клад у д. Дятлово 719, 722, 735, 741, 745, 750, 758
клад у д. Змеево 719, 724
клад у д. Сосновка 744
клад у Дурасовки 724
клад у Именьково 748
клад у н.п. Кошар 744
клад у н/п Елантово 730, 731
клад у с. Болховка 729
клад у с. Бугровка 718
клад у с. Венета 720, 721, 749, 751
клад у с. Вожи 717
клад у с. Даниловка 736
клад у с. Дубъязы 717, 718, 720, 724 ,732
клад у с. Ибря 730
клад у с. Караульная Гора 747, 751
клад у с. Кузькино 731, 748, 749
кладбище с мусульманскими надгробиями у села Клятл 10, 366
кладбище у Греческой палаты 217, 220, 222
Клин I курганный могильник 166, 174
Ключевское селище 445, 447, 457, 458
Клятлинское кладбище 316, 374
Клятлинское надгробие 366
Князевка (находки монет) 98
Ковровское городище 454, 460, 461, 462, 463, 468, 469, 471, 472, 473, 474, 475, 476
Кожаевский могильник 231, 802, 814, 821
Кожаевское селище 238
Козицкое, могильник 396
Козловский могильник 354
Козьмодемьянская крепость 458
Кокремские находки 445
Кокрятское городище 720, 724, 756
Кокрятьское городище 187, 188, 189
Кокуй селище 155, 163
Колобовка II 396, 708
Колобовка IV курганная группа 396, 708
Колобовка VI 396
Колобовка, курган 374
Колобовка, поселение 704, 705, 742
Колобовка-I, могильник 118, 119
Колобовка-II, могильник 118, 119
Колобовское поселение 75
Колобовское селище 75
Колотов Буерак поселение 97, 704, 705
Колотов Буерак селище 209, 703, 706
Колотов Буерак, местонахождение 98
Колпакский могильник 385
Колпакский, курган 374
Колунецкое городище 352, 353
Колунецкое селище 353
Комаровский (могильник/некрополь) 201
Комаровское I селище 166, 171
Комаровское II селище 166
Комаровское селище 732, 733
Коминтерновские селища 238
Коминтерновское I селище 719, 733
Коминтерновское II городище 733
Коминтерновское II селище 215, 550, 718, 733
Коминтерновское III селище 215, 733
Коминтерновское городище 719
Комплекс археологических памятников у с. Большие Нырсы 337
Комсомольск IV, курган 374
Комсомольский I местонахождение 705, 706
Комсомольский IV могильник 379, 705
Комсомольский VI могильник 374, 390
Комсомольский мавзолей у пос. 134, 140, 141, 150, 629, 632, 634
Комсомольский, городище у пос. 118, 129, 138, 144
Комсомольский, грунтовый могильник у пос. 32, 41, 134
Комсомольский, поселение 705
Кондаково I 97
Кондаково II 97
Кондаково III 97
Кондаково IV 97
Константиновское селище 97, 705
Константиновское, поселение 704
Копнино-1 поселение 428
Копнино-2 поселение 428
Копнино-3 поселение 428
Коринский (могильник/некрополь) 201
Корниловский могильник 430
Коробковское селище 430
Костычи, городище 166, 171
Котельнич поселение 460, 461, 462, 463, 464, 465, 474, 476
Котельничское городище 461, 462, 463, 468, 473, 474
Кочетное, могильник 396

Кочкари VI, селище 166
Кошкар могильник 111
Красная Деревня (могильник) 396
Красная Котлубань 396
Красная Поляна I, селище 189
Красная Слобода село (местонахождение) 723
Красное 1 могильник 209
Красное селище II 447, 449
Красное селище II–IV 449
Красноключинское 764
Красно-Полянское надгробие 353
Красноселищенское II селище 445, 451, 452,456, 459
Красноселищенское III селище 445
Красноселищенское IV селище 445
Красноселищенское селище 450, 459
Красносундюковское городище 41, 188
Красноярское (Монгольское) городище 32, 41
Красноярское городище 118, 126, 129, 134, 558, 598, 805, 806
Красноярское городище (Вакуровский бугор) 822
Красноярское городище (Маячный бугор) 119, 822
Красноярское городище (Старый Сарай) 119
Красные Мары-1 селище 454
Красные Пески, селище 167
Красный Восток» селище 155
Красный Яр, поселение 705
Кременки, селище 189
Кременкинское селище 215, 733
Крещеноелтанский клад (клад у с. Крещёная Елтань) 546, 729
Кривая Лука III 396
Кривая Лука XVI 150, 179
Кривая Лука XVII 139
Кривая Лука XXIV 139
Кривоборское городище 461
Кременкинское поселение 724
Криушское I и II городища 188
Крутогорское (Донауровское I) селище 304, 305
Крутогорское поселение «Гладкое» 207
Крутодол, каменное изваяние 378
Кряж I, селище 167
Ксе-Тасты-Аша, каменное изваяние 378
Кубасское кладбище 764
Кудымкарский могильник 797, 814, 819
Кудымкарское городище 12, 485, 486, 487
Кузнечихинское селище 794
Кузькинский грунтовой могильник 166, 168
Кузькинский клад 166
Куйбышевский Затон (клад) 729
Кулганское кладбище 352, 353
Кульганское 764
Кульчигинское селище 358
Куня Ургенч 290
Купцын Толга, могильник 150, 396
курган в г. Орск (у Обелиска Славы) 374
Курган к югу от г. Энгельса 98
курган у пос. Бережновки 120
курган у с. Большая Дмитриевка 88
курган у с. Долгий Буерак 98
курган у ст. Белореченск 672, 674
курганная группа у с. Зауморье 88, 707
курганная группа у с. Крутояровка 98, 707
Курганные могильники на Кривой Луке 119
курганный могильник (без названия) 33, 44
курганы Рамзайские 155
курганы у с. Большая Дмитриевка 88
курганы у с. Калиновка 751
курганы у с. Штрасбург 396
курганы у станций № 5 и 9 409
курганы у Царева 814
Куреговское I селище 720
Куркачинское местонахождение 216
Курманаевское 764
Курмыш городище 427,440, 441, 454, 458
Курмыш-2 селище 439, 440, 441
Курмыш-4 поселение 428, 439,440, 441, 442, 443, 454, 458, 459
Курнаевка, курган 374, 389, 396
Курналинские курганы 226, 241
Курналинский археологический микрорегион 221
Кусеевский, святилище – жертвенно-поминальный комплекс 378
Кутр-Тас, святилище – жертвенно-поминальный комплекс 378
Кучугурское городище 157
Кучукбай, святилище – жертвенно-поминальный комплекс 378
Куштовское кладбище 353
Кушулевский могильник 362
Кшкарское местонахождение 333
Кызыл-Тобе, грунтовый могильник 33, 44
Кюзене, грунтовый могильник 33, 44
Лаишевские селища 719
Лаишевский II могильник 221, 229, 231, 272
Лаишевское селище 214, 219, 220, 366, 527, 528, 544, 724
Лаишевское селище (Чакма) и могильник 741
Лапас, городище у пос. 119, 141
Лапас, поселение 119, 705
Лбище (Ман-Тепе), грунтовый могильник 166
Лбище I, селище 166
Лбище II селище 166, 172, 173, 176
Лбище III (Новый Путь) селище 167, 171
Лбище III, селище 166, 171, 173
Лебедевка II могильник 379, 381
Лебедевка IV и VIII курганы 374
Лебедевка VI 376
Лебедевка VIII 379, 381, 388
Лебедевка курганный могильник 99
Лебединское погребение 236, 241
Лебяжское, городище 460, 461
Лебяжье (клад) 746
Лекаревка (находка дирхема) 731
Ленинск 396
Ленинск I курганная группа 708
Ленинск-I, могильник 118, 119
Ленинск-II, могильник 118, 119, 396
Ленинский курганный массив 123
Ленинское, курган 374
Лепешка, селище на горе 166, 174
Линево, могильник 396
Линевский III одиночный курган 375, 381, 384, 385
Линевский могильник 372, 374, 810
Липовецкое-2 селище 430
Липовка, могильник 396
Лола I, могильник 409, 410
Лола II, могильник 409, 410, 412, 413
Луковское (Япанчино) городище 662, 663
Луковское (Япанчинское) городище 352, 356, 357
Луковское селище 353
Лысые Горы, могильник 396
Льяшевское городище 352, 353, 354
Любимовское I селище 353
м/н Висловка, могильник 167
м/н Трухмянка 166
м/н Трухмянка II 166
мавзолеи у пос. Тептяри 629, 634, 635
мавзолей у с. Бахтияровка 129, 138, 143, 150, 626, 631, 705
Мавлютовское 764
Маджарское (Маджар) городище 84, 91, 577, 593, 594, 600, 601, 602, 672, 674, 704, 705, 709,714
Майле-Куль, комплекс усадеб 32, 40
Макан, святилище – жертвенно-поминальный комплекс 378
Маклашеевский комплекс 719, 723
Максабаш 761
Максимовка грунтовое захоронение 177, 182

Максимовка, курган 374
Максимовский грунтовый могильник 167
Максимовский клад 167, 182
Максимовский, могильник на дюне 167
Максимовское селище 167, 182
Малая Полянка 719, 724
Малая Рязань I, селище 166
Малая Рязань II селище 166, 734
Малая Рязань, грунтовый могильник 166, 803, 814, 821
Малиновское I селище 733
Малиновское селище 719, 749
Малоатрясинский (Малые Атряси) клад 732, 737
Малоболгоярское селище 353
Малобуртасское селище 353
Малокайбицкое 764
Малокайбицкое надгробие 353
Мало-Кайбицкое кладбище 352
Малокляринское кладбище 353
Малококузинское селище 353
Малополянское городище 717, 718
Малорязанский могильник 237, 803, 814, 821
Малорязанское II селище 165, 167, 171, 172, 173, 175, 217, 237
Малорязанское селище 166
Мало-Сундырское (Важнангерское) городище 217, 444
Малоширданское кладбище 353
Малые Дербеты I, могильник 413, 417, 419, 420, 421, 422
Малые Дербеты II, могильник 413
Малый городок 224, 232, 233, 255, 272, 274, 277, 278,649, 650, 816
Маляевка I (Маляевка-I) могильник 71, 118, 119
Маляевка I курганная группа 708
Маляевка V (Маляевка-V) 150, 396
Маляевка V курганная группа 708
Маляевка VI курганная группа 706, 708
Маляевка VI могильник 71, 396, 679
Маляевка курганный могильник 126, 372, 373, 396
Маляевский курганный массив 123
Маляевский могильник 75, 126
Малячкино III селище 167, 168
Малячкино IV селище 167, 168
Мамалаевское селище 339
Мамбеталы, курган 374
Мамбетбай, курган 374
Мамбетовские 5 и 6 (святилище – жертвенно-поминальный комплекс) 378, 388
Манадышский (могильник/некрополь) 201
Мангупское городище 549
Мантовское надгробие 353, 796
Мантовское селище 353
Мариенталь, могильник 396
Мари-Луговское селище 445
Мари-Луговской могильник 445, 459,798, 813, 814, 819
Мартыновское селище 339, 479
Марьевка, курган 374
Матвеевское кладбище 189, 764
Матьян, селище 167
Мачкара (Маскара) поселение 749
Машевский могильник 370
Маянга, каменное изваяние 378
Маячное I, III-IV 705
Маячный Бугор I могильник 41, 676, 677, 678, 679, 679, 681, 683, 705, 706, 709
Маячный Бугор II могильник 679, 680, 681, 682, 705, 706
Маячный Бугор III могильник 705
Маячный Бугор могильник 118, 126, 129, 131, 132, 133, 134, 145, 147,148, 148, 149, 668, 676
Маячный могильник 374
Маячный-I, могильник грунтовый 32, 41, 598
Маячный-II, могильник грунтовый 32, 41
Медный Борок могильник 594
Междуреченское городище 166, 171, 172, 173, 174, 184, 215
Междуреченское городище (Переволоки) 171, 172
Меллятамакский-I комплекс памятников (II, III селища I стоянка, II могильник) 224
Меллятамакское I селище 10, 360, 362, 366
Меллятамакское III селище 360, 366
Меллятамакское VI селище 217, 360
Мелькенский клад 360
Мертвецовский могильник курган 370, 374
местонахождение на Биксентаевской VI стоянке 360
местонахождение на селище эпохи бронзы Белая Вода» 98
местонахождение на Суюндюковской I стоянка 360
местонахождение Пудовкино 98
местонахождение у д. Русский Шуган 360
местонахождение у с. Шумейка, село Энгельсского района 98
Мечетное I могильник 705, 706
Мечетное городище 73, 119, 133, 137, 370, 626, 630, 704, 705, 709
Мечетный I (Мечетный-I) могильник 32, 41
Мечетный Бугор I (Мечетный бугор-I) могильник 118, 119, 705
Мечетный Бугор II (Мечетный бугор-II), могильник 118, 119, 705
Мечетный-II, грунтовый могильник 32, 41
Мизгить урочище 199
Мизгить, могильник 154
Мингерское II селище 334, 338, 341
Мингерское надгробие 764
Минняровское I поселение 360
Минняровское II поселение 360
Мирный, могильник 396
Младший Кужендеевский (могильник/некрополь) 201
могила Булата, святилище – жертвенно-поминальный комплекс 378
могильник «Ташкермень» 814, 821
могильник «Черная Палата» 814, 820
могильник «Четырехугольник» 801, 814, 820
могильник в 400 м к югу от с. Терновка 98, 714
могильник в 70 м к северо-востоку от Болдыревского селища 98
могильник в восточной части поселения Широкий Буерак (№30) 98
Могильник в западной части у с. Пристанное (№9) 98
могильник в районе аэродрома 801, 820
могильник Малый минарет»
могильник Манеж» (Казань) 814
могильник на дюне Большой Шихан» 167, 182
могильник на оз. Ащикулак 370
могильник на оконечности мыса Алексеевского городища (№15) 98
могильник на поселении в урочище Подстепное» (№ 52) 98
могильник рядом с селищем у с. Подгорное (№44) 98
могильник Северо-Западный» (Увекское городище) 814
могильник у г. Новопавловск 682, 683
могильник у пос. Заря 202
могильник у с. Царев 398, 677
могильники у Малого минарета 217, 552, 553
могильники у Ханской усыпальницы 217
Могильники у Черной палаты 217
могильники у Четырехугольника 217
Могута, могильник 396
Мокринский I могильник 111
Мокринский III могильник 111
Мокринский курган 374
Молчановка 679
Молчановка I могильник 119, 121, 396

Молчановка II могильник 119, 121, 396
Молчановка III могильник 119, 120, 150
Монастырское 764
Монастырщина 5 поселение 303
Монгол, святилище – жертвенно-поминальный комплекс 378
Мордово I (клад) 98
Мордово II (клад) 98
Мордово, курган 374
Мордовско-Паркинский (могильник/некрополь) 201
Москва 209, 392, 473, 591
Мохши 8,152, 154, 156, 157, 160, 161, 162, 164, 198, 199, 200, 205, 207, 406, 558, 560, 571, 584, 638, 728, 735, 739, 741
Мошаик («Мошаик»), городище 6, 15, 32, 37, 39, 41, 693, 695, 697, 699, 705
Мстиславль 591
Мурадымово, каменное изваяние 378
Муранский (мокшанский) могильник 208
Муранский (мордовский) грунтовый могильник 166, 808
Муранский (мусульманский) грунтовый могильник 166
Муранский могильник 165, 168, 197, 198, 201,226, 522, 539, 546, 549, 764, 775, 814, 821
Муранское I селище 166
Муранское поселение 732
Муранское селище 165, 166, 167, 168, 169, 174, 531, 718, 720, 724, 734, 803
Мурзихинское I селище 719, 724
Мурзихинское селище 714, 718, 749
Мурзицы-1 поселение 428, 430, 438, 454
Муром 429, 430, 431, 443, 444, 595
Муромский городок, городище 214, 243, 345
Мустаево V, курган 374
Мыльников, поселение 32, 41
Мысы IV поселение 461
Мысы IV, городище 460, 461
Набережная Космонавтов в Волжском районе г. Саратова (находки монет) 98
надгробия у с. Измя 344
надгробный памятник Алтын-Берте 322
Нарат-Елгинское кладбище 313
Нароватовский (могильник/некрополь) 154, 155
Наровчатское городище (г. Мохши) 7, 152, 153, 154, 157, 158, 160, 161, 163, 198, 199, 200,714, 714
находки у д. Чкарино 445
находки у д. Чумбари 445
Начало IX, местонахождение 705
Неревский раскоп 591
Нефедьево могильник 487
Нигда 616, 617, 623
Нижегородский кремль 426, 427, 431, 433
Нижне-Альмузинское кладбище 764
Нижне-Атынский могильник 326
Нижнебарышевское I селище 353
Нижневерейский могильник 430
Нижнее-Верескинское кладбище 766
Нижне-Качеевские селища 718
Нижнекордаковское 461
Нижнемарьянский могильник 226
Нижнемарьянское селище 353,550
Нижне-Марьянское II селище 226
Нижненикитинское (Ленино) кладбище? 764
Нижнеувельское, каменное изваяние 378
Нижне-Уринское кладбище 764
Нижнешелаболкинское I селище 449, 452, 456
Нижнешелаболкинское селище 450, 459
Нижнеякинское 764
Нижние Шелаболки I–III, селища 445
Нижние Шелаболки могильник 448
Нижний Джулат, городище 258
Нижний Новгород 427, 428,429, 430, 431, 432, 433, 437, 439, 442, 444, 468, 470
Нижняя Добринка, могильник 396
Нижняя Орлянка II, селище 167
Нижняя Студенка-I могильник 98, 705, 808, 814, 822
Никитино (клад) 722
Николаевск (местонахождение) 705
Николаевские находки 445
Николаевский уезд, каменное изваяние в 378
Никольское (клад) 731
Никольское I могильник 396
Никольское селище 155, 731
Никольское, курган 374
Никулицын 460, 461, 465
Никулицын поселение 461, 462
Никульчин городок 454
Никульчинские II и IV 461
Никульчинский 461
Никульчинский I могильник 465, 466, 468
Никульчинское II поселение 461, 465
Никульчинское городище 462,463, 466, 468, 469, 470, 471, 472, 473, 474, 475, 476, 749
Нимич-Касы (клад) 745
Новая База, курган 374
Новая Казанка 383
Новая Липовка курганная группа 98, 707
Новая Молчановка могильник 119, 120, 150
Новгородское (Рюриково) городище 586, 591
Новик, городище 492, 493, 500, 502, 503
Новогрудок 288, 586, 587, 591
Ново-Демкинское (Новодемкинское) кладбище 764, 778
Ново-Липовка, курган 374
Новомокшинский комплекс 718
Новомордовский могильник 763
Новоникольский курган 374
Новоникольский-II 150
Новоникольское II 389
Новоорский, курган 374
Новопавловский (курган 7) курганный могильник 167
Новопавловский могильник 185, 676, 677, 682, 683, 684
Ново-Петровка, каменное изваяние 378
Ново-Подкряж могильник у с. 179
Новопривольное, пункт 36, могильник 36
Новосельское III селище 449
Новосергиевский, каменное изваяние 378
Ново-Серёжкинское захоронение 226, 234, 241
Новослободское городище 751
Новотатадамское кладбище 764
Новоурусовка, поселение 39
Новохозятовское поселение 536
Новохуторское I селище 10, 360, 362
Новохуторское II селище 360, 362
Новочеркасский VII, курган 373, 374, 389
Новочувадамское кладбище 764
Ново-Чувашский Адам 776, 777
Новошешминский комплекс 718
Новсельское II селище 445
Новые Булгары I 705
Новый Буравль 150
Новый Кумак (Новокумакский, Ново-Кумакский) могильник 371, 373, 374, 380, 381, 383, 385, 388
Новый Сарай (Селитренное городище) 46, 59, 119
Носельское II селище 445, 447, 457, 458, 459
Носельское III селище 445, 447, 457, 458

Носельское селище 450 455
Носовцева Поляна I могильник 589, 590
о. Песчаный, курган 374
Озерновский III, курган 374, 379, 381
Окошки погребение на горе 668, 669, 684, 685
Оленья Гора городище 454
Оленья Гора крепость 427, 430
Олминское селище 445
Олотау, святилище – жертвенно-поминальный комплекс 378
Орен-Кала, городище 36
Орл-Оба, святилище – жертвенно-поминальный комплекс 378
Орлов, поселение 460, 461, 463, 465, 492
Орловское городище 469, 473, 475
Ормуз 711
Орнач город 272
Ором городище 12, 478
Осиновка, село Энгельсского района (находки монет) 98
Остолоповское селище 586
Отарские Выселки селище 428
Отарское селище 445
Отрар 708, 709
Ошель 345
Ошиб I, селище 479
Ошиб II, селище 479
Ошнякское кладбище 764
Павлово-2 поселение 428
Памятный знак», могильник 801, 814, 820
Паницкое курганная группа 707
Паницкое, село Красноармейского района (курган) 98
Паньжинский могильник 155, 197, 201
Папулевский (могильник/некрополь) 201
Паракинский клад 206
Первомайское селище 240
Переволоки местонахождение 172, 173, 174
Переволоки, случайная находка железных предметов 166
Переяславль Рязанский 591
Пермиловский могильник 430
Песковка II, могильник 396
Песчаноостровной могильник 231, 239
Песчаный остров могильник 188, 189, 226, 229, 231, 234, 237, 238, 240, 241, 242, 555
Песчаный остров, селище 213, 214, 221,222
Песчаный остров, селище и могильник 549
Петкойский могильник 505
Петровск, курган 374
Петровский, грунтовый могильник 33, 44
Петровское селище 428
Петропавловка, грунтовый могильник 32, 40
Петропавловка, местонахождение 98
Петропавловка, поселение 32, 40
Петропавловское, каменное изваяние 377, 378
Печерские Выселки могильник 171
Печерские Выселки поселение 172
Печерские Выселки селище 165, 166
Печерский грунтовый могильник 166, 171
Печерское местонахождение 173, 174
Печерское, случайная находка железных предметов 166
Пижемское городище 461
Пичпандинский (Пичпанда) могильник, некрополь 155, 197, 201
Платоновское селище 332, 339
Плотниковский могильник 12, 12,479, 480, 482, 483, 484, 485, 486, 487, 488, 490, 544, 797, 819
Побединская курганная группа 352
погребение у с. Подгорное 396
погребений у совхоза Комбайн» 98
Подгорное поселение 705
Подгорное селище 733, 695
Подгорное, курган 98
Подгорное, могильник 396
Подгорский клад монет 166
Подгоры IV (Гора Пещерка), селище 166
Подлесно-Шенталинское кладбище 764
Подольское, святилище – жертвенно-поминальный комплекс 373
Подстепное поселение 704, 705
Подчуршинское городище 461, 462, 463, 464, 469, 472, 476
Пожегское городище 491,492, 493, 494, 496, 498, 499, 500, 501, 502, 503, 505
Покровск курган 98, 708
Покровск, могильник 374, 396
Покровская бухта (находки монет) 98
Покровская слобода 377
Покровская слобода (находки монет) 98
Покровский (могильник/некрополь) 201, 372
Покровский IV могильник 374, 379, 380, 392
Покровский курганный могильник 167, 182
Покровское 1902 (клад) 756
Покста I – III, селища 461
Покста II поселение 461, 476
Покстинский могильник (Покста) 460, 461, 466, 468
Покчинское селище 478
Полевобикшишское 764
Поливноовражное городище 188
Политотдельское 396
Пологое Займище, городище 705
Пологое Займище, курганный могильник без названия у 33, 44
Полчаниновка, село Татищевского района (клад) 98
Полянки (Паньжа) селище 159
Полянки, селище 155, 163
Полянское селище 445, 550
Пономарево городище 479
Поперинг 709
Порецкое поселение 202, 209
пос. Нагорный, каменное изваяние 378
поселение в устье р. Саратовки 98
поселение Плотина» на левом берегу р. Саратовки 98
Поселение у г. Уральска 108
поселение у д. Кутюк 326
поселение у с. Курдюм Татищевского района 97
поселение у села Каменное 303
поселение у хутора Шалово на дюне Прапорский бугор» 98
поселок Октябрьский городок Татищевского района, поселение у 97
Посольский, грунтовый могильник 33, 44
Постников овраг, поселение 178
Постников Овраг, селище 167
Потемкино, могильник 396
Потемкинский курган 374
Потодеевское 714
Похоронный, грунтовый могильник 33, 45
Починковский могильник 445
Починковское II селище 445
Починковское селище 445
Починок Ташьялудский (клад) 743
Правая Волга, случайная находка надгробия из камня с арабской надписью 166, 773
Прибрежный I (местонахождение) 98
Прибрежный II (местонахождение) 98
Приволжский, грунтовый могильник и поселение 32, 40
Приволжье (Вишневый сад») поселение 184
Приволжье (городище Вишневый сад»), селище 167
Приволжье I поселение 184

Приволжье I, грунтовый могильник 167
Приволжье I, селище 167
Привольненская случайная находка монет 167
Привольное, село Ровенского района (находки монет) 98
Пристанное селище 97, 705
Пролей-Кашинское кладбище 353
Псков 473, 474, 525, 595
Пугачев, курган 374
Пусто-Морквашинский I могильник 354
Пчельник могильник 370, 380, 381, 383, 389
Пчельник, курган 374
Пчельник, святилище – жертвенно-поминальный комплекс 378
Пшиш, могильник на р. 590
Пыштайн II, селище 479
Р.Уртемский клад 445
Рагозинский могильник 485
разрушенное погребение в пос. Зубчаниновка, г. Самара 178
разрушенное погребение могильника у ст. Кинель 167
Раим, курган 374
Расловка, курган 98
Рачево, городище 479
Редикарский могильник 797, 814, 819
Редикор 474
Редикорское городище 12, 478, 490
Ржавец (клад) 722, 731, 733
Рис-Биике-Сай, святилище – жертвенно-поминальный комплекс 378
Ровное, курган 374
Ровное, могильник 396
Родионовка, курган 374
Родионовское поселение 461
Родионовское селище 461
Родники могильник 372
Рождественский IV могильник 217, 226, 233, 240,342
Рождественский V могильник 217, 342, 343, 344
Рождественский VI могильник 236
Рождественский археологический комплекс 341, 718, 719, 720
Рождественский комплекс памятников эпохи средневековья 225
Рождественский могильник 231. 237. 242
Рождественское I селище 334, 335
Рождественское III селище 335
Рождественское V селище 335
Рождественское VI селище 335, 336, 342
Рождественское городище 12, 335, 345, 478, 479, 482, 483, 485, 486, 490
Рождественское захоронение № 18 231
Рождественское селище 166, 455
Россыпино 372
Россыпное, курган 374
Рубленое озеро, селище 166
Рудня, могильник 396
Рунгинский II могильник 353
Русский Урмат, поселение 558, 745
Руссколяждурское селище 445
Русскосарсазское кладбище 313, 764
Русскосердинское 764
Русско-Урматское (1) селище 216
Русско-Урматское II селище 216
Русско-Урматское кладбище 216
Русско-Урматское селище 212, 213, 214, 215
Русско-Шуганское II поселение 532
Руткинский могильник 445
Рыбинка, могильник 396
Рыбушка (клад) 98
Рыбушка I, курган 98
Рыбушка II, курган 98
Рыбушка III, курган 98
Рыбушка I–III курганная группа 707
Рябичевский могильник 676
Сабакайка (клад) 730
Савгачевское кладбище 764
Садовый, грунтовый могильник 32, 42
Сайхин, курган 374, 396
Саксин городище 695
Саксин, город 6, 30, 31, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 43, 117, 782
Саламатовское I городище 479
Саламатовское городище 485, 487
Салмановский археологический комплекс 752
Салтак, курган 374
Салтаковские находки 445
Салтыгановское кладбище 352, 353, 764
Салтыгановское селище 353
Самарканд 289, 508, 591, 626, 732, 736, 760, 785
Самосделка поселение 705
Самосделка, могильник 705
Самосдельское (Самосделка) городище 6, 33, 35, 37, 38, 43, 593, 119, 695, 696, 699
Сара-5 селище 430, 438
Сарай 31, 39, 46, 54, 56, 57, 58, 59, 62, 209,272, 391, 607, 633, 711, 714, 728, 729, 733, 734, 735, 736, 738, 739, 741, 744, 745, 746, 747, 748, 749, 750, 751, 752, 756, 757
Сарай (Сарай ал-Махруса) город 39
Сарай ал-Джедид 39, 47, 59, 62, 63, 64, 65, 189, 416, 482, 728, 729, 730, 731, 732, 733, 735, 736, 737,738, 739, 741, 742, 749, 751, 757
Сарай ал-Махруса 84,189,728, 730, 731, 733, 735, 736
Сарай Бату 822
Сарайдин 371
Сарайчик городище 25, 36, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106,115, 285, 561, 581, 582, 708, 712, 757
Сарайчук городище 714, 741, 745, 749, 751
Саратов, 1847 г. (клад) 98
Саратов, 1900 г. (клад) 98
Саратов, курган 374
Саратов, могильник 396
Саратовка, река в Энгельсском районе (находки монет) 98
Саргуль, комплекс усадеб 32, 40
Сарепта, каменное изваяние 378
Саркел 594
Сарлейский (могильник/некрополь) 197, 201, 443
Саровское городище 206, 430
Сатышское поселение 720
Сауран город 391
Сауран городище 616
Сауткинское селище 445, 447, 450, 457, 458
Сахаровское селище 719, 724
Сачково Озеро, селище 167, 184
Светинский клад 325, 445, 743
Светлое Поле III, одиночный курган 167, 177, 179, 180, 181, 227, 812
Светлое Поле, курган золотоордынского времени у села 812
Свинуха, могильник 396
Свияжские находки 353
святилища озера Вайгач 474
Северюхинская, могильник 461
Седой, поселение 32, 42
Сеитовка, курганная группа 708
Селенташ, могильник 377
Селитренное городище 7, 31, 32, 39, 46, 47, 48, 49, 50, 53, 55, 56, 57, 58, 59, 62, 63, 66, 88, 118, 124, 126, 129, 132, 133, 134, 138,138, 139, 143, 157, 209, 273, 290, 460, 558, 560, 561, 572, 573, 578, 586, 593, 616, 626, 629, 630, 631, 632, 637, 638, 639, 640, 645, 646, 647, 648, 669, 695, 696, 699, 705, 706, 707, 709, 714, 739, 742, 751, 757, 805, 806, 814
Селитренное городище (г. Сарай) 209, 609, 637
Селитренное городище (Сарай Бату) 777, 804, 805, 822
селища на Семеновском острове 233
селище в 2,7 км к западо-юго-западу от с. Пристанное в устье р. Гуселки 97
селище в урочище Подстепное» 98
селище в черте г. Саратова у быв-

шего с. Поливановка 97
селище у п. Коммуна 181, 183
селище у с. Заволжье 184
селище у с. Караульная Гора 341
селище у с. Подгорное Энгельсского района 97
Селищи курганы у д. 197
село Большая Дмитриевка Лысогорского района, поселение у 97
село Кувыка Татищевского района (местонахождение) 98
село Эстонцы Татищевского района (местонахождение) 98
Сельхозтехника I 98
Сельхозтехника II 98
Сельхозтехника IV 98
Семейкино, селище 166
Семёновские II–V селища 550
Семёновские селища 717, 727
Семёновский I могильник 719
Семёновский комплекс 718
Семёновский остров (Семёновский клад) 714, 719, 724, 720
Семеновское V селище 215, 543, 549
Семеновское селище 238
Семёновское I селище 733, 750
Семибугры, поселение 705
Семибугры-1, поселение 33, 46
Семибугры-2, поселение 33, 46
Семиостровское I селище 10, 362
Сенгилейское городище 188
Серахс городище 626
Сергиевское селище 167
Серноводское II селище 167
Сивас 616, 617
Сидорово- Пустышное кладбище с надгробиями 216
Сидорово-Пустышьное селище 216
Симбирский I курган 377
Симбирский, святилище и каменное изваяние 378
Симостровское (Старосемиостровское) I селище 360
Сим-Тас, каменные изваяния 376, 378
Симферопольский клад 532, 672, 674
Сиухинская кузница 445, 459
Сиухинский археологический комплекс 459
Сиухинское II поселение 455
Сиухинское селище 447
Скановское селище 155
Скатовка I курганная группа 98, 707, 708
Скатовка II, курган 98
Скатовка I-II 708
Скатовка, могильник (курган) 371, 374, 396
Скатовка, поселение 97
Скорняковское городище 461, 462
Слободское городище 467
Слободской 460, 461, 462
Слободской I могильник 468
Слободской II могильник 467
Слободской, поселение 461
Смоленск 286, 474, 590, 591
Советское (Зимник», Лисья Балка»), поселение 98
Советское (Мариенталь) I, курган 98
Советское (Мариенталь) II, курган 98
Советское I курганная группа 708
Советское II курганная группа 708
Советское III курганная группа 98, 707, 708
Советское селище 94, 703
совхоз Луначарского, курган (погребение) 166, 177, 374
Соколовая гора в Волжском районе г. Саратова 97
Солодовка I курган 139, 375, 679
Солодовка II 384, 396
Солодовка II 679, 708
Солодовка I-II 708
Солодовка курганный могильник 372, 374, 384, 396, 626, 630
Солодовка-I некрополь 118
Солодовка-I, могильник 119
Солодовка-II некрополь 118
Солодовка-II, могильник 119
Солодовка-III некрополь 118
Солодовка-III, могильник 119
Солодовский массив могильники 71
Солонерские находки 445
Солончанка, святилище – жертвенно-поминальный комплекс 378
Солхат 93, 273, 577, 703, 704
Сосновка 3, селище 98
Сосновка, курган 98
Сосновкинское селище 216
Сосновский клад 445
Спасское селище 461
Среднеатинское кладбище 766
Среднесердинское селище 316, 332
Среднечелнинское кладбище 316, 366, 764
Средние Челны, кладбище с мусульманскими надгробиями у села 10, 366
Средний, комплекс усадеб 32, 40
Ст. Яблонка, каменное изваяние 378
Становский, поселение 32, 40
Станция Карамыш, местонахождение 98
Старая Гянджа 36
Старая Рязань 432, 475, 487
Старица, каменное изваяние 378
Старица, могильник 396
Староалейкинское городище 188
Старо-Алейкинское городище 550
Староашитское II селище 332, 333
Староашитское кладбище йорт Осте» 334, 764
Староашитское местонахождение 333
Старобадиковский I (могильник/некрополь) 201, 731
Старобадиковский могильник 155
Старо-Баллыкульское кладбище 764
Староваряжский I могильник 360
Староваряжский II могильник 360
Стародевиченский (могильник/некрополь) 201, 204, 205
Стародуб Вочский город 431
Старое Мусино, комплекс 371
Староибрайкинское кладбище 764
Староказеевское 764
Староказеевское кладбище (Старо-Казеевское кладбище) 352, 353
Старокалмашовское 764
Старокишитское 764
Старокостычевский клад 166
Старокуйбышевский I могильник 762, 802, 814, 821
Старо-Куйбышевский комплекс 550
Старокуйбышевское IV селище 719, 723
Старокуйбышевское селище 517
Старо-Куйбышевское городище 290, 584, 593
Староладожское «Земляное городище» 489
Старомайнский археологический комплекс 733
Старомайнское городище 188, 733
Староматакское городище 732
Старомиченьское кладбище 766
Старонохратские селища 727, 756, 758
Старонохратский комплекс 718
Старонохратское городище 733
Старорождественское городище 724
Старо-Ромашкинский некрополь 313
Старо-Ромашкинское городище 313
Старо-Ромашкинское кладбище 240, 315
Старорытвинское (Торецкое) селище 733
Старосаврушинское кладбище 764
Старо-Салмановский комплекс 719, 724
Старо-Салмановское кладбище 764
Старосотенский, могильник/некрополь («Старосотенский» могильник) 152, 154, 155, 161, 163, 198, 199, 200, 201

Старотаткереметьевское кладбище 764
Староуреньское кладбище 189, 764
Старо-Челнинское кладбище 764
Старошаймурзинское надгробие 353, 764
Старошакуровское 764
Староюледурское селище 445
Старый Ашит 781
Старый Крым 714, 756
Старый Нохрат, клад у д. 719, 724
Степная Шентала, клад у с. 717
Степной I, могильник 396
Стижок (клад) 743
Столяровское, каменное изваяние 378
Стрелецкая слобода 806
Студеновское, селище 167
Студеный Овраг, клады сельскохозяйственных орудий и снаряжения коня 167
Сувар (Суварское городище) 30, 243, 280, 345, 566, 783, 786, 794
Судак 709
Суздаль 294, 432, 442
Сукраково, святилище – жертвенно-поминальный комплекс 378
Сулла-Кулаз, каменное изваяние 378
Суммеркент, город 6, 31, 37, 38
Суслы, курган 374, 708
Суслы, могильник 98, 396
Сутырское I, II, V, XIV селища 445, 447
Сухая Саратовка, река в Энгесском районе (курган) 98
Сухокурналинское кладбище 764
Сухореченское городище 145
Сухореченское поселение 177, 181, 514, 527, 561, 803
Сухореченское селище 167, 181, 182, 183, 215, 510, 513
Сыгнак город 391, 737
Сызрань III, селище 166
Сынтыштамакский могильник 803, 814, 821
Сюкеевское I селище 353
Сюкеевское I селище Мазарки» 358
Сюкеевское II селище 353
Сюкеевское V селище 459
Сюкеевское городище 352, 353, 355, 453, 662, 663, 733
Сюкеевское кладбище 353
Сядемский могильник 155
Тавлинское II селище 355
Тавлинское городище 352, 353, 355, 356, 662, 665, 741
Тавлинское кладбище 353
Тавлыкаевский, курганный могильник 374
Такталачукский могильник 10, 228, 235, 359, 360, 361, 362, 363, 364, 365, 540, 734, 802, 814, 821
Тамар-Уткуль 379
Тамар-Уткуль, курган 374, 380
Тамар-Уткуль, могильник 391
Танаевское городище 98
Танай-Тураевское городище 352, 353
Танкеевский комплекс 718, 719, 723
Танкеевский могильник 762
Танкеевское городище 733
Таптулино, каменное изваяние 378
Тараз 289
Тарлыковка, село Ровенского района (клад) 98
Тасмола IV 380
Тат. Бурнаевское кладбище 760, 764
Тат. Калмаюрское кладбище 764
Тат. Шапкинское кладбище 764, 778
Тат.Кирменьское кладбище 764
Тат-Агайбашское I селище 339
Татазелеевское кладбище 764, 766
Татарская Башмаковка – I, поселение 32, 42, 705
Татарская Башмаковка – II, поселение 32, 42, 705
Татарская Башмаковка, могильник 705
Татарский, грунтовый могильник 32, 41
Татарско-Азелейское кладбище 353
Татарско-Айшинское селище 216, 740, 741
Татарско-Измерское II селище 733
Татарскокалмаюрское кладбище 187, 189
Татарскотолкишское I кладбище 313, 764
Татарскотолкишское II кладбище 313, 764
Татарско-Урматское кладбище 216
Татарско-Ямалинское селище 360, 362
Татмайновское городище 724
Таттанаевское кладбище 766
Татходяшевское кладбище 766
Татходяшевское селище 339
Таутерменьское кладбище 764
Ташкирменьское I городище 341
Ташкирменьское II городище 344
Ташкирменьское IV селище 341
Ташкирменьское городище 237
Таш-Уба 388
Тверь 525, 591
Тебриз 84, 406
Телячий Брод, могильник 12, 478, 479, 483, 485, 486, 487, 488, 490
Телячий Брод, селище 12, 478, 479, 482, 486, 487, 490
Тендык поселение у с. 101
Тенишевский могильник 749
Тенишевское селище 718, 733
Терикановский могильник 479
Терновское I селище 97
Терновское II селище 97
Терновское селище 757
Тетеево клад у 744
Тетюши-1 городище 356
Тетюшский могильник 762
Тетюшское I городище 353
Тетюшское I селище 353
Тетюшское II городище 353, 358
Тетюшское кладбище 764
Тиган-Булякское селище 718
Тинаки, комплекс усадеб 40
Тинаки-1, поселение 32, 39
Тингутинский I могильник 677, 680
Тингутинский могильник 676
Тлявгуловский могильник, курган 373, 374, 380, 381, 385, 388, 389
Толкай, селище 167
Торецкое городское поселение 245, 280, 282, 288, 295, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 584
Торецкое поселение 243, 246, 520, 521, 522, 592,593, 714, 746, 748, 750, 751
Тормосин погребения у хутора 668, 670
Тороповское городище 461
Трапезунд 87, 91, 712, 713, 714
Три Брата, II группа могильника 409, 413
Три брата, могильник 412, 413
Три брата», урочище 409
Триллия 711
Троицкий Урай 745
Троицкий, грунтовый могильник 33, 44
Троицкое городище 478
Трощаное селище 719, 723
Тубулгатау 776, 781
Тубулгатауское городище 734
Тубулгутау 778
Тубылгытаузское кладбище (Верхненикитинское кладбище Изгэлер») 764
Тузуклей-1, поселение 33, 46
Тукмаклинское (Изге урын») кладбище 313
Тумша-Сабинское селище 720
Турахан, мавзолей в (Тура-хан) 623, 631
Турганши, комплекс усадеб 32, 40
Тындыкское городище 290
Тюбяк-Чекурчинское местонахождение 333
Тяжбердино 729, 772, 773, 786
Тяжбердинское I кладбище 764
Тяжбердинское II кладбище 764
Тямтинское селище 336, 338, 339, 341

Тятеш город 352
У Восточного проезда» могильник 221, 226, 229, 231, 234, 235, 240, 241, 242, 279, 549
у пос. Большевик, курган 373, 374
у пос. Урал, курган 373, 381, 388, 389
Увек I (клад) 98
Увек II (клад) 98
Увек III (клад) 98
Увек IV (клад) 98
Увек IX (клад) 98
Увек V (клад) 98
Увек VI (клад) 98
Увек VII (клад) 98
Увек VIII (клад) 98
Увек X (клад) 98
Увек XI (клад) 98
Увек, городище 382, 572, 679
Увекский I могильник 98
Увекский II могильник 98
Увекское I селище 97
Увекское II селище 97
Увекское III селище 97
Увекское городище 7, 83, 84,85, 85, 86, 88, 89, 90, 91, 93, 94, 96, 97, 597, 598, 637, 668, 671, 679, 682, 683, 692, 695, 698, 703, 704, 705, 706, 707, 708, 720, 724, 757, 807, 814, 822
Удельно-Шумецкое II селище 445
Удрякбаш, курган 374
Узгент 626
Узморье (находки монет) 98
Узморье, курган 98
Узморье, село Энгельсского района (местонахождение) 98
Узморье, село Энгельсского района (поселение) 97
Укек 7, 13, 15, 29, 83, 84, 85, 86, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 96, 98, 119, 137, 138, 143, 162, 163,176, 176, 187, 209, 290, 406, 472, 476, 486, 506, 558, 560, 561, 567, 568, 569, 570, 571, 595, 629, 686, 687, 691, 692, 694, 695, 698, 702, 704, 706, 709, 723, 725, 727, 734, 747, 807, 822
Укек (Увекское городище) 83, 691, 804
Укек I могильник 119
Укек II могильник 119
Укек городище 97, 136, 209
Укек, могильник 396
ул. Лермонтова в Волжском районе г. Саратова 97
ул.Чернышевского, в Октябрьском районе г. Саратова 98
Улановское селище 353
Улан-Эрге, могильник 412
Улемский клад 748
Улеши местонахождение 98, 705
Улеши могильник 98
Улица Лермонтова, поселение 704
Ульке 377
Ульке-2 378
Уньбинский клад 737
Уньбинское селище 216
Уразаевский 378
Уразбахтинское кладбище 764
Уразлинское городище 352, 353
Урал, курганный могильник 810, 822
Уральский могильник 385
Урахча 748
Урбах 376, 378
Ургенч 486, 618, 626, 629, 636, 708, 709, 710
Уржумкинское II селище 445
Уржумское 460, 461
Уркина гора, селище 166
Урмандеево 777
Урмандеевское кладбище 764
Урматское городище 351
Урматское селище 719, 734
урочище Королев Угол» (Ерзовка), случайная находка зеркала 167
Урсаевское 764
Урта-Буртя, курганный могильник 373, 809, 810, 822
Урывкинское кладбище 766
Урюмское кладбище 352, 353, 764
Усаевское I селище 360
Усаевское II селище 360
Усинский 2 (могильник/некрополь) 201, 208
Усинский II грунтовой могильник 166, 173, 803
Усинский грунтовый могильник 174
Усинское I селище 166
Усинское II селище 166
Услада, м/н 166
Усовка поселение 97
Усольское II селище 166
Усольское IV (Данилово оз.) селище 166
Успенский могильник 126
Успенское городище 444, 445
Усть Курдюм 679
Усть-Вихлянское селище 749
Усть-Иерусалимский могильник/некрополь 221, 236, 272, 279, 549, 802, 814, 820
Усть-Курдюм I курган 98
Усть-Курдюм I курганная группа 707, 708
Усть-Курдюм II курган 98
Усть-Курдюм, курган 374
Усть-Курдюм, могильник 374, 396
Усть-Курдюмское городище 97
Усть-Мензелинский некрополь 803
Усть-Чепецкий могильник 461, 466, 468
Устюжня 473
Утекское, святилище – жертвенно-поминальный комплекс 378
Утерняское городище (Мешинский городок) 749
Утернясьское городище 337, 340, 662, 720
Утяшкино, кладбище с мусульманскими надгробиями у села 10, 366
Утяшкинское кладбище
Учхоз I, поселение 98
Учхоз, селище 166
Федоровский, грунтовый могильник 33, 43
Федоровский, курган 374
Федоровское селище 167, 183, 185
Фокин курган», одиночный курганный могильник 167, 185
Фриденберг II, могильник 396
Фриденберг, курган 374
Фролкин, поселение 33, 46
Фудин, город 626
Фустат 585, 588, 591
Хабарный I могильник 380, 389
Хабарный, курган 374, 376, 384
Хабарный-I могильник 385
Хаджитархан (Хаджи-Тархан, городище Шареный бугор») 33, 39, 40, 41, 44, 119,272, 708, 709, 734, 738, 744, 745, 746, 747, 748, 750, 751, 752, 804, 806, 822
Хаджи-Тархан, могильник (Шареный бугор, могильник) 43
Хайриби (Кирби?) 744
Ханега мавзолей у с. 623
Ханнар зираты некрополь 313, 315, 345
Ханская могила могильник 370
Ханская усыпальница, комплекс мавзолеев 223, 226, 236, 241, 252, 267, 270, 277, 619, 620, 621, 622, 623, 626, 629, 688, 810
Ханская усыпальница, могильник 221, 813, 814, 820
Хан-Тюбе городище 804, 806
Хан-Тюбе могильник на бугре 118, 119, 814, 822
Хан-Тюбе поселение 134
Харинское городище 12, 478
Харьковка I 389
Харьковка Б, I 396
Харьковка, курган 374
Херсонес 590
Хива 508, 608
Хирхиринское городище 684
Хлебновка Татищевского района (местонахождение) 98
Хлебный, поселение 32, 42
Хлынов 460, 472, 477
Хлынов, городок 454, 460, 461, 463
Хлыновский I могильник 461, 466,

467, 468
Хлыновский кремль 460, 463, 464, 469, 476
Хлыновское городище 462, 463
Хлыновское селище 461
Хмелевинский-I, грунтовый могильник 33, 43
Хмелевинский-II, грунтовый могильник 33, 43
Хмелевка I селище 94
Хмелевские II и III мусульманские некрополи 807
Хмелевский I могильник 98, 705
Хмелевский II могильник 98
Хмелевский III могильник 98
Хмелевское I поселение 209, 704, 705
Хмелевское I селище 97, 525, 695, 703, 704, 706, 757
Хмелевское II селище 97
Хмелевское поселение 569, 570, 571
Хмелевское селище 97
Хошеутовский грунтовый могильник 32, 39
Христофоровка, клад 734
Худай-Берген могильник 371, 374, 379
Худяковское, селище 461
Хулаш, городище 354, 781
Хутор Моховой у с. Клещевка Саратовского района, поселение 97
Хутор Студенский (находки монет) 98
Хуторской, грунтовый могильник 33, 46
Царев 121, 373, 398, 679, 708
Царев II могильник 705
Царёв I могильник 120
Царев-I, могильник 118, 119, 120
Царевский курганный могильник (Царевский, курган, Царев могильник) 70, 72, 372, 374, 379, 384, 396, 677, 679, 681, 809, 814, 822
Царёвский курганный массив (курганная группа) 119, 123
Царевское городище (Сарай Берке) 804, 805, 822
Царевское городище (Царёвское городище) 7, 46, 47, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 66, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 88, 118, 119, 121, 122, 123, 124, 126, 134, 138, 139, 199, 273, 290, 459, 486, 528, 560, 572, 573, 578, 586, 623, 626, 644, 695, 696, 699, 704, 705, 706, 707, 708, 709, 714, 720, 742, 804, 805, 807, 809, 810, 814, 815
Царевщина мавзолей у с. 629
Царевщина, курган 374
Цацинский, поселение 33, 44
Целинный курган 374
Целинный, святилище 378
Чабки-Сабинское селище 338, 341
Чаган развалины сооружений в пойме р. 108
Чакма селище 453, 549, 714, 717, 732, 735, 741, 758
Чакма урочище 718, 719, 724, 733
Чаллы 10, 345, 349, 351
Чаллынский (Чалымский) городок 348, 349
Чаллынский I некрополь 350
Чаллынский комплекс 10, 351
Чаллынское I селище 350
Чаллынское II селище 350
Чаллынское городище 212, 349, 351, 656, 659, 660, 734
Чапаево (Фрейзенгейм), поселение 97
Чардым (находки монет) 98
Чардымский могильник 98, 705, 706
Чардымское I городище 97
Чардымское II , поселение 704
Чардымское II городище 97
Чардымское IV городище 97
Чебоксары 449, 561
Чевернурские находки 445
Чежтыягский могильник 491
Чекалинское II селище 167
Чекма селище 272
Чекмасинские находки вещей и монет 216
Чекмасинский клад монет 216
Челкар IV и V курганы 374
Человечья голова грунтовое захоронение (могильник на дюне Человечья голова») 167, 177, 182
Чемерцинское селище 341
Чемерцынское селище 216
Чердынское-Троицкое городище 12, 478
Чердынь, местонахождение 474, 485
Черемисский (могильник/некрополь) 201
Черемшанская случайная находка монет 167, 177
Черемшанский (могильник/некрополь) 197, 201
Черемшанский мордовский могильник 197
Черемышевское селище 339, 341
Чернигов 487
Черновка 180
Черновка (Куйбышевское) селище 167, 178
Чернозерский (могильник/некрополь) 155, 201
Черный, поселение 32, 42
Чернышевка-1 поселение 97
Чертов городок, городище 189
Чертово городище («Чертово») 32, 42, 705, 742
Чесноковское селище 167, 177
Чиганак, каменное изваяние 378
Чижевское городище 461, 462
Чийли, святилище – жертвенно-поминальный комплек 388
Чилимный, грунтовый могильник 33, 44
Чингизовский, святилище – жертвенно-поминальный комплек 378
Чинчуринское селище. 353
Чиргинский могильник 487
Чиршинское кладбище 766
Чистопольское кладбище 764
Читинское I селище 339
Читинское II селище 334, 336, 340, 342
Читинское кладбище 342, 764
Читинское селище 341
Чишминское кладбище 764
Чиялекское селище 360
Чорники, местонахождения 705
Чув. Елтань 773
Чувашская Чебоксарка, местонахождение 734
Чувашско-Безднинское городище 354
Чувелтанское кладбище 764
Чудь-Гора городище 492
Чулковский могильник 430
Чулпанский, грунтовый могильник и поселение 33, 43
Чурилинское селище 216, 333
Чуру-Барышевское городище 352, 353, 356, 514
Чуру-Барышевское селище 352
Шабалинский могильник 461, 466, 468
Шабалинское городище 461, 463, 473, 480
Шабалинское поселение, селище 461
Шава-1Б селище 428
Шаверское 1 поселение 200
Шаверское 3 поселение 209
Шаверское 4 поселение 202
Шалкар V курган 375
Шама, клад монетный 747
Шам-Булыхчинское кладбище 352, 764
Шамкир, городище 35
Шангут, клад 744, 748
Шантемир, поселение 33, 42
Шапши, находка монеты 216, 732
Шаред, могильник 412
Шареный Бугор городище 88, 119, 572
Шареный Бугор могильник 814
Шареный бугор» (Хаджи-Тархан), городище 44, 882
Шареный бугор» городище 31, 33,

45
Шари-Боксадские находки 445
Шаринный бугор 804, 806
Шартнейское I селище 458
Шартнейское II селище 458
Шартнейское селище 445, 447, 457
Шах-Тау 371
Шелаболки I–III 447
Шелангерские находки 445
Шиваз 616
Шигонское I селище 166, 168, 171
Шигонское II селище 166, 168, 171
Шигонское III селище 166
Шиз, город 34
Шиловка 714, 720, 724, 746, 749
Шинарское селище 338
Шиньшедурские находки 445
Шипово, курган 374
Широкий Буерак селище 89, 209, 706
Широкий Буерак, поселение 704, 705
Шмелёвка 722
Шонгутское I селище 353
Шонгутское II селище 353
Шонгутское городище 352, 353
Шорсолинское городище 445, 457
Шпаки II, курган 374
Шудьякар городище 12, 478
Шудья-Кар, городище 479
Шумейка селище 94
Шумейка, село Энгельсского района (местонахождение) 98
Ыджыдъельский могильник 491
Ыджыдъельское поселение 492, 502, 503, 504
Элистинский курганный могильник 150, 412, 413
Эмдер 489
Эрзерум 623, 627
Эсперовое городище 490
Юванурские находки 445
Южный, поселение 33, 44
Юловское городище 720
Юльяльская кузница 459, 445
Юльяльский могильник 448, 445, 742
Юльяльское городище 217
Юльяльское селище 445,447, 449, 457, 458, 459, 535
Яблоневый овраг, клад 166
Яблоново поселение 303
Яицкий городок 108
Ялан-Тобе, грунтовый могильник 33, 44
Ямаши-Тау 378
Ямашурминское кладбище 216, 764
Ямашурминское надгробие 780
Ямбухтино(Спасский район РТ), кладбище 784, 787
Ямбухтино(Тетюшский район РТ), кладбище 768, 771
Ямбухтинское (Тетюшский район РТ) , кладбище 764
Ямбухтинское I (Спасский район РТ), кладбище 764
Ямбухтинское II (Спасский район РТ), кладбище 764
Яндушевское селище 457
Янтиковское (Кирельское) городище 352
Яңауральское (Изгеләр Өсте») кладбище 313
Япанчинское (Луковское) селище 353
Япанчинское городище 741
Ярополч Залесский 288, 472
Ярославль 591
Яшевское селище 353
Яшкуль IX, могильник 414, 415

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Баранов Вячеслав Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Музея археологии РТ, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Казань, Россия

Белавин Андрей Михайлович, доктор исторических наук, профессор, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет; заведующий Отделом истории, археологии, этнографии ПФИЦ УрО РАН. Пермь, Россия.

Белорыбкин Геннадий Николаевич, доктор исторических наук, профессор, ректор, Институт регионального развития Пензенской области. Пенза, Россия.

Блохин Василий Геннадьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и зарубежной истории, Волгоградский государственный университет

Бугарчев Алексей Игоревич, лаборант-исследователь отдела средневековой археологии, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Казань, Россия

Валиев Ренат Рафаилович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела средневековой археологии, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Казань, Россия

Валиулина Светлана Игоревна, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и всеобщей истории Института международных отношений, Казанский (Приволжский) федеральный университет. Казань, Россия

Васильев Дмитрий Викторович, кандидат исторических наук, руководитель Школы «Археология Нижнего Поволжья», Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия.

Газимзянов Ильгизар Равильевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Казанский (Приволжский) федеральный университет. Казань, Россия

Грибов Николай Николаевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела охраны, Институт археологии РАН. Москва, Россия

Губайдуллин Айрат Маратович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела средневековой археологии, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Казань, Россия.

Зеленеев Юрий Анатольевич, доктор исторических наук, Марийский государственный университет. Йошкар-Ола, Россия

Зиливинская Эмма Давидовна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела физической антропологии, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. Москва, Россия.

Иванов Владимир Александрович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-образовательной лаборатории патриотического воспитания молодежи и истории казачества Башкирского государственного педагогического университета им.М.Акмуллы. Уфа, Россия

Измайлов Искандер Лерунович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. Казань, Россия.

Кайсин Алексей Олегович, заведующий научно-исследовательской археологической лабораторией, Вятский государственный университет. Киров, Россия

Казаков Евгений Петрович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела средневековой археологии, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Казань, Россия.

Кольцов Петр Михайлович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Гуманитарного факультета, ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова». Элиста, Россия

Кочкина Анна Федоровна, заведующая отделом археологии, Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина (СОИКМ им. П.В.Алабина). Самара, Россия

Крыласова Наталья Борисовна, доктор исторических наук, Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук; Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

Кубанкин Дмитрий Александрович, директор ГАУК СО «Исторический парк «Моя история»; Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского. Саратов, Россия; Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Казань, Россия

Макласова Людмила Эдуардовна, научный сотрудник Музея археологии РТ, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Казань, Россия

Масловский Андрей Николаевич, кандидат исторических наук, заведующий отделом обеспечения сохранности объектов культурного наследия. Азовский историко-археологический музей-заповедник. Азов Россия.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мухаметшин Джамиль Габдрахимович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, отдела средневековой археологии, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Казань, Россия

Мыськов Евгений Павлович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, ВООО «Волго-Донское археологическое общество». Волгоград, Россия

Набиуллин Наиль Гатиатуллович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела средневековой археологии, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Казань, Россия

Недашковский Леонард Федорович, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и всеобщей истории Института международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета. Казань, Россия

Нигамаев Альберт Зуфарович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории Елабужского института КФУ; доцент кафедры истории и методики ее преподавания Набережночелнинского государственного педагогического университета, руководитель Елабужской археологической экспедиции. Елабуга, Россия.

Никитина Татьяна Багишевна, доктор исторических наук, Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева. Йошкар-Ола, Россия

Пальцева Динара Умметзяновна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры философии, билетики биоэтики, истории и социологии ФГБОУ ВО Астраханского государственного медицинского университета Министерства здравоохранения РФ. Астрахань, Россия

Пигарев Евгений Михайлович, кандидат исторических наук, начальник Учебно-научного археолого-этнологического центра (УНАЭЦ), Марийский государственный университет. Йошкар-Ола, Россия.

Руденко Константин Александрович, доктор исторических наук, профессор, Казанский государственный институт культуры и искусств. Казань, Россия.

Савельева Элеонора Анатольевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми научный центр УрО РАН. Сыктывкар, Россия

Сагидуллаев Дарын Зайнуллаевич, преподаватель кафедры Истории Республики Казахстана. Западно-Казахстанский университет им. М. Утемисова. Уральск, Казахстан.

Семыкин Юрий Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, ведущий специалист, Институт истории и культуры АНО ЦСИ Ульяновской области. Ульяновск, Россия.

Ситдиков Айрат Габитович, член-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук, профессор, декан, Казанский (Приволжский) федеральный университет; директор, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Казань, Россия

Сташенков Дмитрий Александрович Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина (СОИКМ им. П.В.Алабина). Самара, Россия

Хакимзянов Фарид Сабирзянович, доктор филологических наук, профессор, языковед-тюрколог, заслуженный деятель науки Республики Татарстан.Казань, Россия

Хамзин Радион Наилевич, научный сотрудник отдела охранных исследований, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Казань, Россия

Хузин Фаяз Шарипович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела средневековой археологии, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Казань, Россия

Шакиров Зуфар Гумарович, кандидат исторических наук, ГБУК РТ «Билярский государственный историко-археологический и природный музей-заповедник». Билярск, Россия

Яворская Лилия Вячеславовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии РАН. Москва, Россия.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение
(От редакции) 5

Природно-географическая характеристика Волго-Уралья XIII–XV вв. 16

Глава 1.
Нижнее Поволжье и территория Северного Прикаспия в составе Улуса Джучи (вторая половина XIII – начало XV вв.) **29**

Памятники Дельты Волги
(Васильев Д.В., Пигарев Е.М.) 30

Селитренное городище
(Зиливинская Э.Д., Зеленеев Ю.А., Пигарев Е.М.) 46

Царевское городище
(Яворская Л.В., Блохин В.Г.) 59

Водянское городище
(Мыськов Е.П.) 76

Увекское городище
(Недашковский Л.Ф., Кубанкин Д.А.) 83

Памятники междуречья Волги и Урала. Сарайчик
(Сагидуллаев Д.З.) 98

Погребальные памятники Нижнего Поволжья
(Васильев Д.В.) 116

Глава 2.
Западное Предволжье во второй половине XIII –начале XV вв. **151**

Наровчатское городище и Улус Мухши
(Белорыбкин Г.Н.) 152

Археологические памятники севера Нижнего Поволжья и Самарской Луки
(Сташенков Д.А., Кочкина А.Ф.) 164

Юг Среднего Поволжья в золотоордынскую эпоху
(Измайлов И.Л., Ситдиков А.Г., Семыкин Ю.А.) 186

Посурье, Примокшанье и сопредельные юго-восточные территории
(Зеленеев Ю.А.) 197

Глава 3.
Археологические памятники Болгарского улуса второй половины XIII – начала XV вв. **211**

Историческая география Болгарского улуса
(Руденко К.А.) 212

Памятники Центрального Закамья в золотоордынское время
(Хузин Ф.Ш., Шакиров З.Г.) 243

Золотоордынский Болгар
(Ситдиков А.Г., Баранов В.С.) 246

Биляр и его округа
(Валиулина С.И.) 280

Джукетау и прилегающие территории
(Набиуллин Н.Г.) 303

Казань в XIII–XV вв.
(Ситдиков А.Г., Хузин Ф.Ш.) 316

Предкамье в золотоордынскую эпоху 325

Арск и Арская земля
(Ситдиков А.Г., Хузин Ф.Ш., Шакиров З.Г.) 325

Археологические памятники золотоордынского времени бассейна р. Меша
(Руденко К.А.) 334

Керменчук и Чаллы – города Западного Предкамья
(Нигамаев А.З.) 345

Археологические памятники эпохи Улуса Джучи (Золотой Орды) в Предволжье
(Хамзин Р.Н.) 352

Памятники Икско-Бельского междуречья
(Казаков Е.П.) 359

Глава 4.
Степи Поволжья и Южного Урала в составе Улуса Джучи (вторая половина XIII – начала XV в.) **369**

Памятники Южного Урала и Заволжья
(Иванов В.А.) 370

Памятники кочевников Нижнего Поволжья
(Мыськов Е.П.) 395

Памятники золотоордынского времени на территории Северо-Западного Прикаспия
(Кольцов П.М.) 408

Глава 5.
Лесная зона Волго-Уралья во второй половине XIII – начале XV вв. **425**

Окско-Сурское междуречье
(Грибов Н.Н.) 426

Ветлужско-Вятское междуречье Среднего Поволжья *(Никитина Т.Б.)* 444

Бассейн Вятки *(Кайсин А.О.)* 460

Верхнее Прикамье *(Белавин А.М., Крыласова Н.Б.)* 478

Северное Предуралье *(Савельева Э.А.)* 490

Глава 6. Материальная культура населения Волго-Уралья во второй половине XIII – начала XV в. 507

Черная металлургия и кузнечное дело. Чугунолитейное производство *(Семыкин Ю.А.)* 508

Цветная металлургия Болгарской области Золотой Орды *(Руденко К.А.)* 525

Гончарное производство и керамика *(Масловский А.Н.)* 558

Стекло Болгара золотоордынского периода *(Валиулина С.И.)* 584

Кожевенное дело *(Валиев Р.Р.)* 593

Косторезное дело *(Пальцева Д.У., Шакиров З.Г.)* 599

Архитектура *(Зиливинская Э.Д.)* 607

Особенности объектов военного зодчества в Среднем Поволжье *(Измайлов И.Л., Губайдуллин А.М.)* 648

Костюм населения Поволжья в период Улуса Джучи (Золотой Орды) *(Макласова Л.Э., Измайлов И.Л.)* 666

Система обеспечения городского населения Улуса Джучи продуктами питания *(Яворская Л.В.)* 686

Глава 7. Торговля и денежное обращение в Волго-Уралье (вторая половина XIII – начало XV в.) **701**

Региональная торговля *(Недашковский Л.Ф., Масловский А.Н.)* 702

Международные торговые пути и импорт *(Масловский А.Н., Недашковский Л.Ф.)* 708

Клады и единичные находки джучидских монет в Болгарском регионе в XIII – первой половине XV вв. *(Мухаметшин Д.Г., Бугарчев А.И.)* 714

Глава 8. Письменная культура: эпиграфические памятники и надписи *(Мухаметшин Д.Г., Хакимзянов Ф.С.)* **759**

Эпиграфические памятники Волжской Болгарии XIII–XIV вв.: истоки и региональные школы 760

Социально-историческая терминология волжских болгар по эпиграфическим текстам 782

Надписи на ремесленных изделиях 787

Глава 9. Антропологическая характеристика населения Волго-Уралья во второй половине XIII – начале XV в. *(Газимзянов И.Р.)* **795**

Антропология населения лесной зоны Волго-Уралья 797

Антропология населения лесостепной зоны Волго-Уралья в XIII–XV вв. 798

Антропология городского и сельского населения степной зоны Волго-Уралья в XIII–XV вв. 804

Антропология кочевников Нижнего Поволжья золотоордынского времени 808

Монголы в составе Золотой Орды 811

Межгрупповой анализ краниологических материалов и реконструкция этногенетических процессов на территории Волго-Уралья в золотоордынское время 812

Литература 823

Список сокращений 907

Именной указатель 910

Указатель археологических памятников 915

Информация об авторах 932

АРХЕОЛОГИЯ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

СРЕДНИЕ ВЕКА (ВТОРАЯ ТРЕТЬ XIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XV ВВ.)
ЭПОХА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ (УЛУС ДЖУЧИ)

Том VI

Утверждено к печати
Институтом археологии им. А.Х. Халикова
Академии наук РТ

Под общей редакцией
Ситдикова А.Г.
Картографы:
Сайфутдинова Г.М., Зарипова Г.Х.
Корректор
Першагина И.А.
Оригинал-макет
Беспалова А.С.

На 1 странице обложки:
Печать с именем хана Джанибека
сплав медный, литье, пайка,
1324–1357 гг.,
Болгарское городище, подъемный материал,
Болгарский музей-заповедник

Оригинал-макет подготовлен в Институте археологии АН РТ
420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30
Подписано в печать 27.12.2022 г.
Формат 60×84 1/8
Печать офсетная. Усл. печ. л. 108,81.
Общий тираж 800 экз. Заказ №
Отпечатано в типографии

16+